Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 15 ЯНВАРЯ 1

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 8

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

«ПРАВДА»

Главлит № А – 6018. Тираж 75.000.
Типография „Красный Маяк", изд-ва „Правда" и „Беднота". Москва, Тверская, 48.

С новыми силами.

Бывали в истории такие моменты, когда революционно-пролетарская партия, представляющая *исторические* интересы рабочего класса, приходила в своей борьбе в противоречие с настроениями, устремлениями и предрассудками рабочих масс, захлестываемых порою мелкобуржуазными влияниями. В такие исторические минуты пролетарская партия, вооруженная марксизмом, во имя социализма, во имя интересов рабочего класса, как могильщика капиталистического строя и творца социализма, вела с этими настроениями и предрассудками самую энергичную борьбу, хотя, изыскивая методы и формы этой борьбы, партия никогда не забывала, что она борется против чуждого классового влияния на массы *своего класса* и проводила различие между оппортунистами и обманутыми массами (вспомните, хотя бы, борьбу с «экономизмом» или «добросовестным оборончеством»).

Борьба с подобного рода предрассудками и настроениями, отражающими влияние мелкой буржуазии, ведется нашей партией и теперь, каждодневно и всюду, где существуют партийные организации и рабочие массы, где в среде последних еще имеются настроения и предрассудки мелкобуржуазного характера.

Но, учитывая живучесть некоторых инoклассовых предрассудков и настроений в пролетариате, наша партия никогда не забывала о том, что только в теснейшей связи со своим классом, только в расширении и укреплении связей с рабочими массами заключается гарантия успешного разрешения партией стоящих перед нею исторических задач. Партия превратилась бы в секту, если бы она не жила не только историческими интересами рабочего класса, но и его интересами на каждом данном этапе развития, которые, конечно, должны подчиняться его историческим интересам. Рабочий класс неразрывно снабжал партию лучшими представителями своей социальной «породы», лучшими и энергичнейшими бойцами за дело социализма. Рабочий класс питал и питает партию новыми проблемами, дает ей непрерывно материал для выработки новых форм борьбы и даже, в известном смысле, «контролирует» верность классовой линии партии, «проверяя» эту линию в практике своего движения.

Особенно верно это для эпохи диктатуры пролетариата, когда рабочий класс становится господствующим классом и когда создаются условия для культурно-политического роста рабочих масс. Руководя рабочим классом, непрерывно воздействуя на него, ленинская партия внимательнейшим образом

присматривается к тем процессам, которые происходят в рабочем классе, и к реакциям его на различные мероприятия, инициатором которых выступает партия. В этой области партия руководствуется теми указаниями, которые были даны Лениным, говорившим о необходимости «контроля» партии со стороны широких беспартийных рабочих масс. Только при таких условиях может крепнуть и крепнет влияние партии на пролетариат; только так можно успевать в области массовой работы среди пролетариата, только выполняя это, партия может рассчитывать на постоянные и значительные пополнения своих рядов за счет новых и новых отрядов рабочего класса. В организационном отчете ЦК на XV с'езде партии, было приведено несколько показательных данных, которые свидетельствуют об успешном выполнении партией этих условий.

За два последних года профсоюзы выросли на 30%, так что теперь общее количество членов профсоюзов доходит до 10 миллионов.

Повышается посещаемость общих рабочих собраний; растет внимание рабочих к производственным совещаниям и активность рабочих на этих совещаниях; число участников производственных совещаний, по свидетельству докладчика тов. Коссиора, выросло за 2 года среди московских металлистов на 40%, по 10 трестам Москвы—на 20%, по Ленинграду—на 35%, по Нижнему—на 64% и т. д.; увеличение процента осуществленных решений производственных совещаний имеет место в Ленинграде с 40 до 60%, в Москве—с 53 до 63% и т. д. Нет никакого сомнения в том, что оживление активности рабочих масс в советском строительстве имеет своей оборотной стороной повышение их политической сознательности и усиление тяги к партии.

Как ни вредила партии оппозиция в массовой работе, как ни пыталась она восстановить рабочие массы против партии,—она не смогла, в сколько-нибудь значительной мере, задержать рост симпатий пролетариата к партии.

Рабочие массы как бы ответили на фактический выход нескольких сот оппозиционеров из партии заявлениями более чем ста тысяч рабочих о приеме их в ряды ВКП(б). Значения этого факта нельзя недооценить. Он подводит известный баланс работе партии среди пролетарских масс.

Партийные организации должны отнестись к этому факту с исключительным вниманием.

Само собою разумеется, что партия не должна сейчас принять в свои ряды всех, подавших заявления, так как для того, чтобы быть членом партии мало одного заявления, даже когда речь идет о пролетарии. Партийные ячейки будут тщательно обсуждать каждую кандидатуру, ибо положение Ленина, выдвинутое им против меньшевиков еще на II с'езде партии: «всякий член партии ответствен за партию и партия ответственна за всякого члена»—остается целиком верным и для настоящего времени.

С другой стороны, после принятия этих новых отрядов рабочих в партию последняя примет все меры к тому, чтобы эти новые силы были целесообразно использованы.

Нет члена партии, не выполняющего партийной работы,—таков должен

быть лозунг каждой партийной ячейки. При этом речь идет, конечно, не о чисто-формальном выполнении этого вопроса, а о выполнении его по существу. Выполнение же его по существу предполагает оживление инициативы всей массы членов ячейки, активнейшим образом решающей вопросы распределения членов организации на различные виды партийной работы и контролирующей эту работу.

Партийные организации должны прививать новым членам партии стремление к устранению всех недостатков партийной работы, к систематической деловой самокритике.

Непосредственно перед с'ездом, и особенно на самом XV с'езде, этот призыв к усилению и культивированию самокритики в рядах партии звучал достаточно часто, веско и горячо. Надо добиться того, чтобы вся наша работа более решительно, чем до сих пор, пронизывалась самокритикой. Конечно, самокритика есть нечто принципиально отличное от фракционной «критики», образцы которой явили недавно оппозиционные дезертиры, отошедшие к меньшевизму. Наша партийная самокритика есть именно самокритика, т.-е. критика наших ошибок с точки зрения большевизма. Такая критика будет укреплять позиции диктатуры пролетариата и усиливать авторитет нашей партии, в противоположность фракционной «критике», об'ективный смысл которой заключается в расшатывании партийной дисциплины, в попытках дискредитирования партии и диктатуры пролетариата, а суб'ективная логика развития которой заключается в постепенном скатывании на рельсы чуждой большевизму меньшевистской «критики», «критики» со стороны, с враждебной пролетарской диктатуре стороны.

Новые члены партии должны возможно серьезнее и глубже осмыслить эту принципиальную разницу между большевистской самокритикой и неоменьшевистской «критикой»; партийные организации непременно постараются в ближайшее же время помочь новым партийцам ознакомиться с историей внутрипартийной борьбы вообще, в эпоху диктатуры пролетариата в особенности, с характером уклонистских идеологий и теми путями, которые приводят оппозиционных фракционеров к неоменьшевизму. Самокритика обязательно должна помножаться на большевистскую дисциплину. Продумать устав партии и обязательства, налагаемые вхождением в партию, воспитать в себе дисциплинированного члена партии—этому обязаны помочь, в первую очередь, новым партийцам наши организации.

С другой стороны, необходимо налечь на повышение культурно-политического уровня всей массы членов партии и новых членов партии, особенно нуждающихся в этом, в частности.

Рост партии за счет рабочих должен сопровождаться повышением культурно-политического уровня члена партии.

В резолюции XV с'езда по отчету ЦК дана на этот счет следующая директива:

«Констатируя количественный и качественный рост нашей партии со времени XIV с'езда, всецело одобряя политику Центрального Комитета по регулированию социального состава партии и отмечая успех «октябрьского призыва» рабочих в партию, в связи с десятилетием

советской власти, XV с'езд ВКП(б) заявляет, что направляющая роль ВКП(б), как основного рычага диктатуры, может быть сохранена, обеспечена и усилена лишь на основе ленинской сплоченности и пролетарской дисциплины рядов партии, при непрерывном повышении идейно-теоретического и культурного уровня ее членов, последовательном проведении внутрипартийной демократии и систематическом улучшении социального состава партии путем постоянной вербовки в партию рабочих и работниц с производства».

Партия растет и качественно и количественно, она пойдет вперед с новыми силами и, несомненно, преодолеет трудности, встающие на ее пути.

Б. Б—ин.

Международное экономическое положение.

1. Мировая хозяйственная кон'юнктура.

По всей видимости, 1927 г. открывает новую интереснейшую главу в послевоенном экономическом и политическом развитии капитализма. Мы отвлекаемся от такого «маленького» факта, как китайская революция, пока потерпевшая поражение, но по своим об'ективным конечным результатам несущая величайшую угрозу капитализму. Ее мы оставляем в стороне. Если взять только «нормальные» показатели кривой мировой экономической и политической кон'юнктуры, главным образом европейской кон'юнктуры, за 1927 г., то мы найдем сумму интереснейших, важнейших новых фактов, дающих нам возможность с гораздо большей рельефностью, чем до сих пор, представить перспективы на ближайшие годы эпохи так наз. послевоенной стабилизации капитализма. На основе признания этих фактов разворачиваются перспективы, но отнюдь не пессимистические и для коммунистического революционного движения в Европе. Наоборот, конкретная картина послевоенного под'ема кривой кон'юнктуры европейского хозяйства представляется в достаточной мере благоприятным фоном для развертывания классовых боев между пролетариатом и буржуазией. Коммунистические партии только должны не покладая рук работать над выработкой правильной революционной массовой тактики. Ибо величайшей ошибкой было бы думать, что даже при благоприятных условиях успехи коммунизма продолжительное время могут приходить «сами собой». Но зато при правильной тактике, противопоставляющей отчетливо и умно коммунизм социал-демократизму и ультра-левому сектантскому ренегатству, успехи безусловно обеспечены.

Дальнейший рост стабилизационных процессов в мировой экономике — это совершенно бесспорный факт.

Мировое производство и мировой товарооборот перешагнули уже довоенный уровень в 1925 г. Если довоенные размеры производства и внешней торговли в 1913 г. принять за 100, то рост в среднем всего производства и торговли к 1925 г. выразится в следующих цифрах:

Производство и внешняя торговля во всем мире в 1925 г.[1]).

Производство	118
Ввоз	105
Вывоз	104
Вся торговля	105

[1]) Данные за 1925 г. так же, как нижепомещенные данные за 1926 г., взяты из предстоящей к опубликованию работы Дрезденского банка (Dresdner Bank) «Die wirtschaftliche Kräfte der Welt», часть которой опубликована в «Berliner Börsen Zeitung» за 12/XI—27 г.

Таблица показывает, что производство и внешняя торговля в 1925 г. превысили по своим размерам данные 1913 г. С другой стороны, таблица бросает яркий свет на одну из основных «ненормальностей» в послевоенном экономическом развитии, заключающуюся в несоответствии между размерами производства и емкостью мирового рынка. В то время как мировое производство по сравнению с 1913 г. выросло на целых 18%, внешняя торговля показывает увеличение только на 5%. Нужно иметь в виду при этом, что это «несоответствие» в действительности еще больше, так как размеры производства, само собой разумеется, не совпадают с размерами производственного аппарата, который, как известно, в большей части, оставался к 1925 г., как и сейчас остается, неиспользованным. Но, конечно, основной вышесделанный вывод о росте производства и торговли в послевоенные годы и о превышении довоенного уровня, несмотря на это «несоответствие», остается в полной силе.

Картина роста стабилизационных процессов в мировой экономике в 1926 и 1927 гг. становится (несмотря на английскую стачку) еще более отчетливой. К сожалению, цифровой материал за 1926 г. еще недостаточно полон для такого же выведения средней производства, как в отношении 1925 года. Но данные по всем отдельным отраслям мирового производства показывают, что развитие идет по той же линии. Больше того, по ряду отраслей размеры довоенного производства оставлены в 1926 г. далеко позади. Если размеры производства в 1913 г. опять-таки принять за 100, то, напр., в нижеследующих отраслях производство в 1926 г. выразится:

Нефть	290
Электротехническое пр.	201
Автомобильн. (колич. имеющихся автомобилей)	1400
Алюминиевое производство	306
Производство меди	150
Производство искусственного шелка	852

Ниже довоенного уровня остались в 1926 г. только нижеследующие отрасли:

Производство угля	98
Судостроение	61
Производство чугуна	96
» шерсти	92

Кроме того, отдельные показатели сельскохозяйственного производства говорят об общем отставании сельского хозяйства от промышленности в «стабилизационном» процессе.

Рожь	96
Количество лошадей	95
» свиней	89
» овец	98

Не менее важным, пожалуй, еще более важным, чем рост производства, является продолжающийся рост размеров мирового товарооборота, размеров внешней торговли в течение 1926 и 1927 гг. Этот рост выражается в следующих цифрах:

Развитие внешней торговли главнейших 28 стран с 1/I—26 г. до 30/VI—27 г. [1]).

	1/I—1/VI 1926 г.	1/VII—1/XII 1926 г.	1/I—1/VI 1927 г.
В миллиардах марок	96,7	101,3	102,3
В миллиард. марок (в довоен. ценах)	66,2	69,4	73,3
В % к первой половине 1926 г. (в довоенных ценах)	100	105	111

[1]) Данные «Wirtschaft und Statistik» от 1/X—27 г.

Из таблицы видно, что рост мировой торговли по сравнению с первой половиной 1926 г. выразился в цифре в 11 проц. (если исходить из довоенных цен). В нынешних ценах он оказывается меньше и равен приблизительно только 5,8 проц. Такая разница в размерах прироста, получающаяся в зависимости от различия индексов цен — довоенного или нынешнего, — которые приняты в качестве измерителей, об'ясняется понижением цен на мировом рынке, происходившим за истекший период одновременно с ростом размеров торговли. Оптовый индекс Bureau of Labour показывает снижение на 5,2 проц. Что рост мировой торговли сопровождался таким явлением, как понижение цен, свидетельствует о трудностях, стоящих на пути развития мирового товарооборота в связи с обостреннейшей конкуренцией между отдельными странами. Но как ни велика конкуренция между странами, как ни сильна тенденция к «сбиванию» цен, рост мировой торговли, как видно из таблицы, неуклонно продолжался. Что означает подобный факт возрастания мирового товарооборота, само собой очевидно. Он означает усиление мировых хозяйственных связей, восстановление единства мирового хозяйства, движение вперед, хотя и ограниченное, по пути разрешения «проклятой» проблемы огромного несоответствия размеров мирового производства и емкости мирового рынка.

При оценке вышеприведенных цифр, важно, конечно, не только то, что из них явствует общая, суммарная тенденция к росту мирового производства и торговли. Особенно интересным представляется выяснить, какую роль играет в этой тенденции к росту всего мирового хозяйства европейская экономическая кон'юнктура. В этом отношении развитие последних двух лет тем и любопытно, что в цифрах, его выражающих, возрастающую роль играют европейские показатели. Это именно и является характерным в нынешнем процессе так назыв. стабилизации капитализма.

Нижеприведенная таблица [1]) иллюстрирует это улучшение «европейских дел». Она показывает, что прирост оборотов внешней торговли 21 европейской страны за 1926—27 г. значительно выше, нежели прирост 7 неевропейских.

Размеры торговли (ввоза и вывоза вместе).

	1/I—1/VI 1926 г.	1/VII—1/XII 1926 г.	1/I—1/VI 1927 г.
В миллиардах марок.			
Торговля 21 европейской страны	59,0	63,2	64,9
» 7 неевропейских стран	37,7	38,1	37,4
» 21 европейской страны	40,4	43,3	46,5
» 7 неевропейских стран	25,8	26,1	26,8
Прирост в % по сравнению с первой половиной 1926 г. (довоенные цены).			
Торговля 21 европейской страны	100	107	115
» 7 неевропейских стран	100	101	104

В то время как торговля неевропейских стран выросла за год только на 4 проц., европейская торговля поднялась на целых 15 проц. Конечно, немалую роль в этом улучшении «европейских дел» сыграло оживление в результате прекращения английской угольной стачки. Однако, не только оно. Если оживление английской кон'юнктуры было прямым последствием окончания английской стачки, то для таких стран, как Германия, Польша, самая английская стачка была только толчком к началу высокой промышленной кон'юнктуры, но не ее причиной. Наоборот, германская кон'юнктура пошла по настоящему «в гору» только в 1927 г.

Под'ем кривой промышленной кон'юнктуры в Германии требует особого к себе внимания.

[1]) Данные «Wirtschaft und Statistik» от 1/X—27 г.

Германия является страной, проигравшей империалистическую войну, страной, лишенной ряда своих территорий, колоний и основных источников сырья, платящей огромные репарации, страной, только недавно находившейся в состоянии острейшего экономического и политического кризиса. Она была и до сих пор является страной, судьба которой наиболее ярко, можно сказать «классически», выражает то «благодетельное» разрешение европейской проблемы Версалем, которое создало невыносимейшее экономическое и политическое положение в центральной Европе. Германский капитализм являлся и является своего рода «образцом» версальского политического «лекарства». И вот эта страна, послевоенная история которой к 1923 г. поставила ее перед угрозой пролетарской диктатуры, вступила теперь в полосу цветущей экономической кон'юнктуры, в полосу под'ема своего хозяйства.

Как могло это произойти? Не чудо ли это?

Нужно прямо сказать, что то, что произошло с германским хозяйством, для ряда товарищей оказалось совершенно неожиданным. Те товарищи, которые совершали пророчества насчет «абсолютной безвыходности» германской кон'юнктуры (это было еще не так давно), «абсолютной неосуществимости» плана Дауэса, — теперь это ясно, — ошибались. Германский капитализм оказался гораздо более жизнеспособным и эластичным, нежели это казалось. Та точка зрения, согласно которой попавший в отчаянное положение германский капитализм, как и весь мировой капитализм, должен «механически» «пойти на дно», опровергнута ходом развития германской кон'юнктуры, ходом стабилизации германского капитализма. Наоборот, этот же опыт германского капитализма подтвердил только ту единственно правильную точку зрения, что до тех пор, пока капитализм не сброшен пролетариатом в могилу, он не может не развивать имеющихся в нем сил самосохранения. Получив отсрочку в гибели от пролетариата, германский капитализм аккуратно проделывал все «обычные» и «необычные» для капитализма подготовительные мероприятия для выхода из кризиса. Так и смогла начаться «чудесная», в действительности совершенно лишенная всяких «чудес», высокая германская кон'юнктура.

Прелюдией к под'ему германского хозяйства послужила по всем правилам капиталистического и монополистического искусства проведенная рационализация. Та самая рационализация, которая была воспринята социал-демократическими апологетами капитализма как путь к общечеловеческому прогрессу и чуть ли не к «социалистическому блаженству», вокруг которой было поднято германской прессой всех оттенков столько шуму и трескотни,— в действительности была не чем иным, как «обыкновенным» капиталистическим рецептом выхода из кризиса, применявшимся капитализмом всегда и везде и отличавшимся только на этот раз действительно необыкновенною мучительностью этого «спасительного» средства для рабочих масс и не совсем обычной монополистической организованностью «суб'ектов» рационализационного процесса. На основе возросшей производительности и интенсивности труда рабочего, увеличенной его эксплоатации, решительного сокращения производства, на костях ряда обанкротившихся, не выдержавших экзамена рационализации предприятий, на основе технических и организационных улучшений в производстве, ставших возможными благодаря приливу кредитов из-за границы, и посредством великолепной организации германской тяжелой индустрии, возглавлявшей весь этот эксперимент,—таким отнюдь не чудесным путем выбралась германская буржуазия из хозяйственного кризиса, приспособилась к депрессионному состоянию мирового рынка, восстановила рентабельность своих предприятий и сделала возможным, на этой новой основе, расширение своего производства. Получилась оригинальная в своем роде «европейская картина»: побитая, порабощенная, дауэсированная Германия — в роли «ведущей» страны в развитии европейской экономической кон'юнктуры.

С осени прошлого года по настоящее время германское производство в среднем выросло не менее чем на 15 проц., сумма перевозок по железным дорогам увеличилась больше чем на 10 проц., количество безработных сократилось на 1½—2 миллиона. Эти цифры [1]) показывают, что мы имеем дело в Германии с типичной высокой кон'юнктурой.

Каковы виды на будущее этой германской кон'юнктуры?

Само собой разумеется, что всякие предсказания насчет срока кризиса уже потому нужно принимать с большой осторожностью, что, как опыт показывает, кризис всегда наступает более или менее неожиданно. Но это не лишает ни в какой мере большого значения, которое имеет все же выяснение главных тенденций и их силы, действующих на ближайшее будущее в направлении усиления или ослабления кон'юнктуры. С этой точки зрения огромный интерес имеет вопрос о судьбе германской кон'юнктуры.

С двумя главными трудностями имеет дело высокая германская кон'юнктура. Первая трудность заключается в недостатке капиталов.

Не лишним является в настоящее время вспомнить о том, что и до войны под'ем вверх кривой германской хозяйственной кон'юнктуры происходил в обстановке большой нужды в денежных капиталах и поэтому сопровождался относительным напряжением на денежном рынке и относительно высоким уровнем процента. Это и до войны было отличительной чертой высокой кон'юнктуры в Германии по сравнению с другими странами, в которых уже тогда наблюдался некоторый избыток денежно-ссудного капитала. Теперь эта диспропорция между потребностями и потенциями промышленного организма Германии, с одной стороны, и наличными денежными капиталами, с другой, выросла в неизмеримо большей степени. Проблема «нехватки капиталов» переплелась теснейшим образом с «экономическими» последствиями войны и инфляции для Германии, с репарационной проблемой и планом Дауэса и тем самым невероятно усложнилась. Практические затруднения, на которые натыкается течение германской кон'юнктуры в вопросе о капиталах, повышение учетного процента рейхсбанком, изолированные биржевые затруднения, — все это вызывает поэтому теперь огромное внимание, сейчас же увязывается в более общий вопрос о будущем германского хозяйства, плана Дауэса и пр. Так недавно повышение учетной ставки рейхсбанка до 8 проц. и обсуждение вопросов о государственном бюджете послужили достаточным поводом для того, чтобы в германских и иностранных газетах во всю ширину был снова поставлен вопрос о судьбе плана Дауэса и его кредиторов, о репарациях, и о германском хозяйстве вообще, и чтобы произошло вмешательство репарационного агента Гильберта. В связи с этим на некоторое время снова всплыл и вопрос об осуществимости плана Дауэса. Ряд экономистов — шведский экономист Густав Кассель в том числе — снова выступили с доказательствами невозможности проведения плана Дауэса в жизнь и с предложениями о его пересмотре. В связи с этим же находятся и некоторые пессимистические пророчества, касающиеся судьбы германской кон'юнктуры. Повышение учетного процента до 8 проц. было воспринято, напр., некоторыми экономистами даже как начало кризиса.

Мы здесь не хотим и не можем затрагивать всей проблемы недостатка капиталов и проблемы плана Дауэса. Это завело бы нас слишком далеко.

[1]) Цифры взяты из отчета Direction der Disconto—«Gesellschaft» от 15/XI—27 г.

Однако, на вопросе о том, насколько велика на ближайшее время опасность для германской кон'юнктуры, исходящая отсюда, остановиться является необходимым.

Нам представляется мало вероятным в ближайшее время, чтобы германская кон'юнктура отсюда именно получила «погибель свою». Как ни велика роль, которую играл прилив иностранных капиталов в под'еме германского хозяйства, не следует забывать, что под'ем германской кон'юнктуры базирован, конечно, не только на этом «волшебном» действии иностранных кредитов. Не в меньшей мере «оздоровление» хозяйства происходило на основе бешеной «внутренней», «домашней» рационализации. Под'ем германского хозяйства был бы действительно чудом или же... первым не менее чудесным историческим подтверждением буржуазных теорий, по которым «кредит создает кон'юнктуру», — если бы он произошел исключительно на дрожжах иностранных кредитов. Иностранные кредиты играли огромную вспомогательную роль. Это безусловно. Но под'ем германского хозяйства свидетельствует не только об этом, но об огромной жизнеспособности, крепости, высоком техническом уровне германского хозяйства. Ведь американский капитал потому и «полюбил» Германию больше всех других европейских стран, что, очевидно, германское хозяйство внушает гораздо больше доверия, нежели хозяйство других стран.

Цифры об иностранной задолженности германского хозяйства, которые эти дни снова фигурировали в газетных статьях и речах в Германии, также подтверждают вышесказанное. По данным des Statistschen Reichsamts, которые приводил германский министр хозяйства Curtius, Германия к концу октября 1927 г. имела долгосрочных иностранных кредитов на сумму в 3,95 мрд. марок, и краткосрочных кредитов на сумму в 3,6 мрд. марок. Если взять сумму долгосрочных кредитов, полученных только германским хозяйством, то мы будем иметь сумму только в 2 мрд. марок, что по сравнению с имуществом германской промышленности, оцененным в 34,2 мрд. м., вряд ли представляет цифру, непосредственно «угрожающую» дальнейшему ходу германской кон'юнктуры [1]). Еще менее «угрожающей» представляется цифра ежегодных платежей по краткосрочным кредитам, которая по тем же подсчетам Германского Статист. Управления равняется 460—470 млн. марок. «Frankfurter Zeitung» думает, что сумма ежегодных платежей процентов и погашений по кредитам представляет лишь около одной сотой доли всего народного дохода [2]).

Можно ли на основании всего этого считать, что зависимость германского хозяйства от иностранных кредитов и недостаток капиталов являются теми подводными камнями, которые непосредственно угрожают «началом конца» кон'юнктуры уже в ближайшем ее течении? Думается, что нет.

Конечно, резкое или внезапное прекращение притока иностранных кредитов могло бы вызвать ряд серьезных затруднений в германском хозяйстве, потому что оно одновременно ударило бы другим концом по германскому бюджету и германской валюте. Но этого можно ожидать только в двух случаях: во-первых, в случае непосредственной угрозы срыва всей системы дауэсовского плана, чего пока еще, несмотря на ряд тревог в связи с меморандумом Гильберта, нет (но что, по всей видимости, в свое время наступит, и это может произойти так же вследствие слабости, неспособности вынести тяжесть дауэсовского плана, как и в результате усиления, укрепления Германии), и, во-вторых, в случае появления явно кризисных моментов, больших затруднений, выросших из самого развития производственной и рыночной кон'юнктуры, чего пока еще тоже нет.

[1]) См. речь Curtius'a. «Berliner Börsen Zeitung» от 27/X—27 г., в вышедшей сейчас тетради Берл. Кон. Института капитал герм. пром. оценивается в 30 мрд. марок.
[2]) «Frankfurter Zeitung». № 307. Das Konjunkturbild.

Но вопрос о перспективах германской кон'юнктуры в связи с проблемой рынков требует, конечно, своего специального рассмотрения. Трудности для германского хозяйства, идущие с этой стороны, составляют вторую и наибольшую, основную опасность.

До настоящего времени высокая кон'юнктура в Германии зиждется в основном на внутреннем германском рынке. То обстоятельство, что начало под'ема и пока неприостанавливающееся его развитие основаны на росте внутреннего спроса, выросшего как в результате происходящих процессов технической реконструкции производства, так и вследствие увеличения общей покупательной силы населения, прежде всего в виду вовлечения в производство прежней безработной армии труда, само по себе это обстоятельство, конечно, не говорит против прочности и продолжительности под'ема. Сам по себе подобный рост внутреннего спроса говорит о безусловной «обоснованности» под'ема. Переоборудование основного капитала всегда было материальной основой начинающегося под'ема. Нужно думать, что это увеличение внутреннего рынка в стране еще не исчерпано и еще определенное время сможет служить основанием для хорошей кон'юнктуры.

Однако, одного только внутреннего спроса германской промышленности «хватит» только до поры до времени. Очевидно, что настоящего и большого взмаха вверх германская кон'юнктура проделать на базе только одного внутреннего спроса не сумеет. Проблема внешних рынков для Германии особенно остро стоит вследствие того, что в результате империалистической войны, версальского мира Германия оказалась «оттесненной» с внешних рынков своими конкурентами, действовавшими при этом и экономическими, и «силовыми» орудиями. Экспорт нужен Германии и для возможности совершения огромных репарационных платежей за границу.

Нельзя сказать, чтобы с вопросом об экспорте, с его перспективами дело Германии обстояло абсолютно безнадежно, чтобы не было никаких возможностей дальнейшего развития. Если раньше положение с экспортом было действительно катастрофично, то теперь так сказать уже нельзя. Нельзя отрицать некоторых успехов, которые Германия в этом направлении сделала, несмотря на то, что общие размеры экспорта все еще не менее чем на 25 проц. стоят ниже довоенных. Среднемесячный экспорт Германии в 1926 г. стоит уже выше, нежели в 1925 г. Экспорт в 1927 г., несмотря на то, что высокая кон'юнктура на внутреннем рынке и высокие цены не были моментами, благоприятствовавшими усилению вывоза товаров, все-таки имеет также тенденцию к росту, что особенно показывают последние месяцы. Нижеследующие цифры это иллюстрируют:

Среднемесячная величина герм. товарного экспорта.

В милл. марок.

В 1925 г.	744 м. м.
» 1926 г.	833 » »

Движение экспорта в 1927 г.[1]).

В милл. марок.

Янв.	Февр.	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сент.	Окт.
799	756	842	797	834	748	847	869	933	961

Движение экспорта фабрикатов в 1927 г.

563	541	600	597	622	559	634	629	693	718

Эти цифры не свидетельствуют о блестящем развитии германского экспорта, но они указывают на безусловную тенденцию к росту экспорта,

[1]) «Frankfurter Zeitung» от 29/X. Цифры за октябрь взяты из опубликованных в эти дни данных о внешней торговле Германии за октябрь.

и особенно экспорта готовых товаров. Цифры вывоза готовых товаров за сентябрь и октябрь являются рекордными цифрами вывоза за весь послевоенный период. И не без основания можно ожидать дальнейшего увеличения экспорта Германии в ближайшее время. Постепенно достижение пределов емкости внутреннего рынка будет побуждать германских капиталистов к большему экспорту своих товаров за границу, а происходящее вследствие роста производства понижение себестоимости продукта будет увеличивать конкурентоспособность Германии, и так не малую, на заграничных рынках.

Германия уже сейчас вывозит в некоторые страны, главным образом в заокеанские страны, больше, нежели до войны. Так, например, вывоз в следующие страны в 1926 и 1927 гг. значительно выше, чем в 1913 г.

Вывоз в миллионах марок

	1913 г.	1926 г.	I квартал 1927 г.
Британская Индия	150,7	245	65
Япония	124	237	44
Китай	130	157	31
Нидерландская Индия	98,7	138	36,2

Зато очень резко упал вывоз в европейские государства, особенно в такие страны, как Англия, Франция, Польша, Россия. И это падение, конечно, с избытком перевешивает вышеуказанный рост. Доля Европы вообще в торговле Германии упала с 75,1 проц. в 1913 г. до 70,5 проц. в 1926 г. Это и является главной «дырой» в торговом балансе Германии.

Сумеет ли Германия эту дыру ликвидировать? Сумеет ли она безболезненно найти для себя соответствующую требованиям, «справедливо» пред'являемым его хозяйством, «квоту» внешних рынков в мировом хозяйстве?

Вышеизложенное показывает, что абсолютно безнадежным положение Германии в этом отношении назвать нельзя. Германия имеет шансы, возможности к развитию в этом направлении. Поскольку вопрос касается непосредственно перспектив развития начавшейся высокой германской кон'юнктуры, нужно, конечно, также сказать, что ряд шансов для дальнейшего развития германская высокая кон'юнктура имеет. Этого отрицать нельзя. Поэтому мы считаем неправильным мнение, согласно которому германское хозяйство *обязательно* натолкнется на кризис в 1928 году. Это *может и не* произойти.

Выше мы остановились очень подробно на германской кон'юнктуре, потому что факт ее под'ема имеет безусловно огромное влияние на экономическое положение Европы вообще. В этом отношении роль Германии в настоящее время напоминает роль С.-А. С. Ш. в заокеанских странах или во всем мировом хозяйстве. Так же, как С.-А. С. Ш., Германия сейчас «тянет» за собой вверх, подталкивает на волну под'ема остальные европейские страны (и это, несмотря на то, что она экономически и политически закабалена!). Германская высокая кон'юнктура действует оживляюще на ряд других зависящих от нее стран. Германская кон'юнктура находится в безусловной связи с оживлением кон'юнктуры в Польше, Австрии, Чехо-Словакии, Швейцарии. В частности, в Польше мы имеем сейчас огромный взмах вверх ряда основных хозяйственных отраслей, что показывают следующие цифры:

Рост производства в 1000 т. [1]).

	1 половина 1926 г.	2 половина 1926 г.	1 половина 1927 г.
Каменный уголь	2327	3628	3088
Чугун	243	303	457
Сталь	506	819	1001
Цинк	99	107	120

[1]) Данные Главн. Статист. Управления Польши, опубликованные в «Глос Правды» № 173.

На связь, которая существует между оживлением кон'юнктуры в Германии и в других странах, указывают и те опасения, которые раздаются в ряде этих «зависящих» от германских дел стран в последнее время в виду затруднений на германском денежном рынке. Так, австрийский кон'юнктурный институт в последнем обзоре совершенно определенно ставит в зависимость шансы развития австрийского хозяйства от положения дел в Германии и весьма опасается по поводу голосов о неблагополучии в германской кон'юнктуре.

Но если, с одной стороны, хорошая германская кон'юнктура действует оживляюще на хозяйства некоторых других стран, то, с другой стороны, неблагоприятная экономическая кон'юнктура, которая сейчас имеется налицо в ряде крупных европейских стран (Англия, Франция, Италия, Бельгия), в свою очередь действует неблагоприятно на развитие германской кон'юнктуры. Депрессионное состояние рынка в этих странах, конечно, в высшей степени затрудняет рост экспорта из Германии. Насколько важное место занимают эти страны, как вообще Европа, в германском экспорте, выше было отмечено.

Депрессионное состояние хозяйства в ряде крупных европейских стран служит огромным препятствием на пути развития германской кон'юнктуры. Судьба последней в большой части зависит от того, как скоро эти страны сумеют преодолеть депрессию.

Таким образом, вопрос о германской кон'юнктуре, ее ближайших перспективах упирается в конечном счете в вопрос о возможности создания всеобщей европейской и мировой высокой кон'юнктуры. Германский капитализм, если подходить с точки зрения его собственных потенций, проявляет «готовность» вступить в такую всеобщую кон'юнктуру, готовность, базирующуюся на ряде технических и экономических успехов, в области рационализации в первую очередь. Он имеет шансы на некоторые успехи и в предстоящей конкурентной борьбе. Но «готовы» ли другие европейские страны в такой же мере, как Германия? И сумеют ли они в ближайшее время *все одновременно* добиться не только «санкции» со стороны мирового хозяйства имеющихся достижений их «национальных хозяйств», но и признания «справедливости» основных их тенденций к экспансии?

Здесь-то мы и подходим к центральной проблеме для современного капитализма и одновременно к вопросу о главных трудностях, которые капиталистическому мировому хозяйству нужно преодолеть для того, чтобы создать более или менее устойчивое равновесие, являющееся предпосылкой для действительно всеобщего экономического под'ема.

А. Леонтьев.

Хозяйственные перспективы СССР в кривом зеркале.

(Вопросы темпа; национальный доход и размеры накопления).

Перспективы хозяйственного развития СССР привлекают всеобщее внимание как друзей, так и недругов нашего социалистического строительства. Закончился восстановительный период. Залечены раны, нанесенные народному хозяйству Советского Союза годами империалистической и гражданской войны. Мы вступили в период реконструкции, перестройки всего хозяйственного организма на новых началах. Вполне понятно огромное принципиальное значение, которое будет иметь каждая удача или неудача на этом пути. Ведь в Советском Союзе протекает первый во всемирной истории опыт планомерного построения хозяйственной жизни на новых, социалистических началах.

Социализм приходится строить. А чтобы строить—нужен план постройки. Необходим план хозяйственного строительства на более или менее долгий срок. Разработка такого плана является поэтому одной из первых задач нового периода—периода реконструктивного строительства.

Как известно, в этой области имеются уже некоторые достижения. Две вехи имеют здесь особое значение. Весной этого года были опубликованы материалы к пятилетнему перспективному плану развития народного хозяйства, разработанные Госпланом. Далее, вопрос о пятилетке подвергся обсуждению на XV партс'езде, который в своей резолюции утвердил определенные директивы для дальнейшей работы над пятилетним планом развития народного хозяйства СССР.

Опубликованием материалов к пятилетке Госплан предполагал открыть широкое обсуждение проблем, связанных с перспективами нашего хозяйственного развития. «Проектом настоящей пятилетки,—писал в своей вводной статье тов. Г. М. Кржижановский,—мы лишь открываем дискуссию по важнейшим хозяйственным вопросам, и лишь в этом смысле должна трактоваться приложимость этой пятилетки и всего арсенала ее средств к действительной хозяйственной практике» (разряд. тов. Кржижановского). Приходится с сожалением констатировать, что дискуссия в печати по этим важнейшим вопросам развернулась далеко не достаточно [1]). Быть может, некоторая доля вины в этом отношении ложится на самих составителей пятилетки. Дело в том, что принципиальному освещению ряда важнейших вопросов в материалах по пятилетке сплошь и рядом

[1]) Из выступлений деловой партийной критики можно упомянуть коллективную статью т. П. Александрова и др. в одном из летних номеров «Большевика».

уделено значительно меньше места, чем следовало бы. Зато очень много места занято цифровыми расчетами. Между тем, совершенно справедливо подчеркивает тов. Кржижановский в своей вводной статье «всю относительную значимость наших цифровых иллюстраций». Нет сомнения, целый ряд принципиальных моментов разработан в пятилетке явно не достаточно. По этой линии могла бы развернуться чрезвычайно плодотворная дискуссия. Директивная резолюция, принятая XV с'ездом партии, представляет собой именно в этом отношении огромный шаг вперед по сравнению с материалами Госплана. Она дает отчетливую постановку главнейших проблем. Как известно, ЦК отказался от мысли предложить с'езду утвердить какой-либо точный количественный вариант пятилетки. Возможность проявления force majeure как вне страны—в виде новых международных осложнений, так и внутри—в виде неурожая,—вот причины, по которым было бы нецелесообразно включать в решения с'езда какое-либо точное количественное выражение пятилетнего плана. Но тем большее значение имеет в таком случае определение качественных линий экономической политики.

Опубликование пятилетки Госплана послужило зато поводом для выступления целого ряда экономистов, представляющих в различной степени и в различных оттенках идеологию враждебных нам групп и классов. Когда знакомишься с выступлениями этой плеяды специалистов, профессоров и ученых, лишний раз убеждаешься, насколько справедливы слова тов. Бухарина, сказанные им около 2 лет назад. «Мы должны видеть, как оформляются и как растут у нас различные буржуазные веяния. Мы знаем, что никогда никакая идеология не рождается готовой сверху донизу. «Идеологии» нарастают постепенно: кусочек тут подвернется, кусочек—там... Еще несколько кусочков—и стопроцентная буржуазная идеология готова... Постепенно, не сразу, а по кусочкам, все набираются, постепенно формулируются, складываются и получают закругленную формулировку враждебные нам идеологии». В дальнейшем мы увидим, как в полемике буржуазных экономистов-специалистов вокруг госплановской пятилетки «по кусочкам» набирается «стопроцентная буржуазная идеология». И совершенно прав тов. Бухарин, когда он указывает: «Тут нужно чуткое партийное ухо, которое бы все составные части этого процесса своевременно улавливало» [1]). К сожалению, далеко не всегда и не везде происходит это своевременное улавливание отдельных частичек формулирующейся буржуазной идеологии.

Полемика буржуазной профессуры вокруг госплановской пятилетки дает чрезвычайно пестрый и многосторонний подбор отдельных «кусочков», которые в своей совокупности представляют собою вполне завершенную буржуазную программу хозяйственного развития нашей страны. Трудность анализа и критики этой программы не исчерпывается тем, что различные авторы представляют лишь отдельные ее «кусочки». К этому обстоятельству присоединяется еще тот немаловажный факт, что свои произведения буржуазные экономисты вынуждены печатать в стране, где существует пролетарская диктатура. Более того: многие из этих произведений, по злой иронии судьбы, представляют собой работы, выполняемые нашими «специалистами» по заданиям того или иного ведомства, того или иного советского учреждения. Совершенно естественен поэтому полуэзоповский язык.

Стоит предварительно отметить еще одно обстоятельство. Многие из наших противников предпочитают свою критику основной линии проводимой советской властью экономической политики облечь в более безопасную для них форму арифметической критики цифровых расчетов и подсчетов пятилетки. Здесь раскрываются бесчисленные «ошибки», «противоречия», «не-

[1]) Из речи тов. Бухарина на 24-й ленинградской губпартконференции.

увязки и т. п. В виде общего правила, все эти «ошибки» и «неувязки» представляют собою плод некоторой ловкости рук критиков. Достаточно в изложении пятилетки опустить какое-либо условие, коим оговорено значение того или иного статистического коэффициента, достаточно подменить характеристику одной из бесчисленных цифр (например, взять червонные рубли вместо довоенных, цены производителей вместо розничных цен, пересчитать по тотальному индексу вместо частичного и т. д., и т. п.),—и в пятилетке Госплана открыта очередная «неувязка». Составителям пятилетки не составляет обычно никакого труда раскрыть истинное происхождение подобных «открытий»[1]). Поэтому мы с самого начала отказываемся от удовольствия разбирать большую часть статистических манипуляций наших противников. Причины этого отказа довольно ясны. Прежде всего, как раз в этой области ими не сказано ничего существенно нового по сравнению с упражнениями Кондратьева, разобранными тов. Струмилиным. Далее, уже сейчас, через несколько месяцев, огромная часть этой цифровой критики должна быть признана устаревшей. Как известно, работа над пятилетним планом не стоит на месте. В процессе дальнейшей разработки, уточнения и переделок значительная часть тех статистических величин, которые подверглись обстрелу критиков, оказались замененными другими величинами. Наконец, в настоящей статье мы преследуем вполне определенную цель: показать читателю, как складывается из отдельных элементов буржуазная программа экономической политики. С этой точки зрения не всякая статистическая критика представляет интерес. Следует в этом отношении различать три разнородных момента. Полемика вокруг абсолютных значений тех или иных статистических показателей наименее любопытна. В процессе дальнейшего уточнения и переработки абсолютные числа меняются и еще будут меняться не раз. Не больше интереса представляет собой критика моментов «балансовой увязки». Как общее правило, она построена на сплошных недоразумениях или нарочитых передержках. Наконец, мыслимо третье направление в критике цифровых данных пятилетки, а именно—критика основных линий связи и взаимоотношений между показателями, характеризующими отдельные процессы хозяйственного развития. Именно здесь, в этой последней области находят свое выражение основные линии той или иной системы экономической политики. Именно в этой области сталкиваются лбами система экономической политики пролетариата и программа чаяний буржуазных слоев и групп деревни и города.

Критики пятилетки обычно начинают свой обстрел основной линии экономической политики с вопросов темпа народнохозяйственного развития. Темп, намечаемый пятилетним планом, представляется им чуть ли не фантастическим, совершенно непосильным, преувеличенным, нереальным и невыполнимым. Единственным исключением в этом отношении из числа авторов, выступивших в печати, является профессор Каценеленбаум. По его мнению, пятилетний план «исходит из очень скромного под'ема народного хозяйства». Пятилетка Госплана, по его словам, «производит впечатление чрезвычайно осторожного, почти пессимистического документа» [2]). В дальнейшем мы подробнее остановимся на весьма любопытной точке зрения этого экономиста. Тогда мы откроем истинные корни этого, несколько неожиданного «сверхиндустриализма». В данном же месте достаточно отметить, что столь «оптимистическое» настроение проф. Каценеленбаума в отношении темпа хозяйственного развития СССР является единственным диссонансом в общем хоре критиков пятилетки.

[1]) См., например, статью тов. Струмилина: «Индустриализация и эпигоны народничества» в «Плановом Хозяйстве» №№ 7 и 8 за 1927 г., где достаточно красноречиво разоблачены довольно постыдные арифметические и статистические манипуляции проф. Кондратьева и других. Если таков уровень критических упражнений в этой области признанного лидера современной плеяды буржуазных экономистов СССР, то легко себе представить характер подобных же трудов рядовых членов этой плеяды.

[2]) Проф. З. С. Каценленбаум. «Индустриализация хозяйства и задачи кредита». «Соц. Хозяйство» № 2 за 1927 г., стр. 24.

Вот наиболее характерные для этого хора ноты. «Пятилетний народнохозяйственный и финансовый планы сильно преувеличены по темпу... Доводы в пользу принятых в плане темпов бьют почти всегда мимо цели. Необходим более осторожный и реальный вариант планов [1]). «Основным пороком пятилетки, — вещает другой критик, — является проектировка развития всех отраслей народного хозяйства слишком быстрым темпом... непосильным и нереальным» [2]).

В расходовании мрачных красок многочисленные авторы не соблюдают никакого режима экономии, когда они рисуют хозяйственные перспективы ближайшего пятилетия. Вот, неугодно ли, одна из подобных «веселых» перспектив: «Ряд неурожайных лет с общим ростом цен, который может быть умерен лишь некоторыми организационными мерами в производстве и торговле в смысле уменьшения всяких непроизводительных и накладных расходов. Рост сельскохозяйственных цен будет, конечно, повышать цены на сельскохозяйственное сырье для промышленности, а поэтому относительно и себестоимость изделий. Номинальный рост заработной платы служащих и рабочих будет ослабляться вздорожанием продуктов питания. Удельный вес расхода на них в бюджетах трудового населения возрастет, доля расходов на промтовары относительно уменьшится. В общем, замедлится темп роста потребления в городе и деревне, а следовательно, и процессы накопления. Затруднится и экспорт, а на ряду с ним и импорт» [3]). Есть от чего притти в уныние, неправда ли? И на фоне этаких «перспектив» некоторые чудаки твердят о каких-то преимуществах, которые свойственны советскому хозяйству по сравнению с хозяйством капиталистическим. Можно ли подобных отсталых людей принимать сколько-нибудь всерьез?

Однако, шутки в сторону. Здесь мы подходим к основному водоразделу между двумя концепциями советского хозяйства. Речь идет, естественно, не о «настроении» того или иного экономиста. Радужное или облачное настроение, оптимизм или пессимизм являются личным делом каждого. Но вся беда в том, что у наших противников мрачный пессимизм в отношении советского хозяйства роковым образом сочетается с весьма розовым оптимизмом, когда речь идет о хозяйстве капиталистическом. Это обстоятельство свидетельствует о том, что мы имеем дело не с настроением, а с классовой политической тенденцией.

Мыслимы два противоположных и друг друга исключающих понимания советской хозяйственной системы. Можно эту систему рассматривать, как переходную ступень к высшей, более совершенной по сравнению с капитализмом, общественной форме хозяйства. В таком случае выгоды более совершенной формы должны становиться все более и более заметными по мере нашего продвижения вперед. И можно рассматривать советское хозяйство, как «досадную опечатку», как некоторую аномалию в общем ходе развития капитализма. Известные исторические условия вызвали эту аномалию, но развитие должно привести к победе «здорового капитализма». С точки зрения этой концепции мы имеем, разумеется, одни лишь минусы по сравнению с капитализмом. Да это и так ясно: всякая аномалия должна

[1]) А. А. Никитский. «Перспективный план советских финансов». «Вестник Финансов» № 7 за 1927 г., стр. 55.

[2]) Альб. Вайнштейн. «К критике пятилетнего перспективного плана развертывания народного хозяйства СССР». «Экономическое Обозрение» № 7 за 1927 г., стр. 24.

[3]) А. А. Никитский. Цит. статья, стр. 44 45.

быть ниже нормального типа, болезненным извращением которого она является. Есть ли необходимость добавлять, что вторая концепция является поистине «стопроцентной буржуазной» концепцией, что она насквозь враждебна самому существованию советской хозяйственной системы?

Между этими двумя точками зрения надо выбирать. Водоразделом между ними, как отмечено было нами выше, является вопрос о том, имеем ли мы преимущества перед капитализмом в перспективе хозяйственного развития или мы имеем, напротив, одни лишь недостатки и недочеты. Можно, разумеется, оценивать наши преимущества перед капитализмом более или менее высоко. Можно по-разному оценивать не только силу этих преимуществ, но и по-разному определять тот момент, с которого действие этих преимуществ становится ощутительным и начинает расти. Достаточная осторожность в оценке наших преимуществ должна предохранить от действительно преувеличенных планов хозяйственного развертывания. Но принципиальное признание этих преимуществ необходимо для каждого, кто не хочет плестись в хвосте буржуазной концепции советского хозяйства.

Яркие образчики именно этой буржуазной концепции советской экономики мы находим у большинства критиков запроектированного Госпланом темпа хозяйственного развертывания. Как известно, составители пятилетки Госплана исходили из предположения, что советскому хозяйству присущ «целый ряд преимуществ по сравнению с капиталистическим». Именно наличие этих преимуществ делает возможным более быстрый темп развития по сравнению с темпом капиталистических стран, принятый Госпланом в пятилетке. По формулировке, данной во вступительной статье к пятилетке, преимущества нашей системы перед капитализмом сводятся к следующим моментам:

1) Советское хозяйство — плановое, а потому может избежать тех кризисов, которые весьма резко замедляют рост и развитие капиталистического хозяйства.

2) Мы не платим дани на содержание: а) своей и б) иностранной буржуазии.

3) Перестраивая почти все свое хозяйство заново, мы можем поднять его на более высокую техническую базу, чем капиталистические страны Запада с их огромным наследием обветшалого прошлого.

Наши буржуазные противники все без исключения исходят из молчаливого отрицания этих преимуществ (а также некоторых других, крайне существенных, но не отмеченных в данной статье пятилетки). Некоторые из критиков нарушают, однако, в этом вопросе вынужденный «обет молчания» и откровенно выбалтывают то, что у других на уме. В подобных случаях картина получается такая, что поистине, как говорится, «комментарии излишни». Вот, например, образец такой откровенной, «уничтожающей» критики наших преимуществ, по каждому пункту в отдельности:

1. По поводу преимуществ планового хозяйства над анархическим, подверженным кризисам, капитализмом делается следующее возражение: «Если сказать, что кризисы задерживают развитие капиталистического общества, то надо признать и обратное, что промышленные под'емы ускоряют это развитие. Этот довод (авторов пятилетки)... имел бы значение, если бы все буржуазные страны находились в состоянии постоянного кризиса, а Советская Россия — в состоянии ничем не прерываемого под'ема. Но это фактически не верно».

2. По поводу неплатежа дани отечественной буржуазии мы слышим следующее возражение: «Значение неплатежа дани отечественной буржуазии... не следует преувеличивать. Если бы она прежде потребляла непроизводительно всю ту часть прибавочной ценности, которую присваивала... то

здесь мы бы имели некий существенный плюс для ускорения темпа развития. Но когда мы уже сейчас имеем среднюю заработную плату с более высоким уровнем, чем в 1913 г., то это значит, что процессы накопления сейчас ниже по темпу, чем до 1913 г.».

Говорят еще о прекращении платежа дани иностранной буржуазии. Однако, значение этого соображения, по мнению наших ученых противников, «ослабляется ныне тем, что эти иностранные капиталы почти перестали притекать к нам, чем задерживается в первую голову индустриализация страны в ближайшее пятилетие».

3. Остается, наконец, последнее соображение насчет отсутствия у нас «наследия обветшалого прошлого». Однако, свирепая расправа не останавливается и перед этим аргументом. Оказывается, «наследия обветшалого прошлого у нас гораздо больше, чем не только в Америке и Австралии, но и в капиталистических странах Западной Европы». Оказывается, этот аргумент «лишен почти всякого значения не только для ближайшего, но в большей мере и для второго пятилетия... так как лишь в третьем пятилетии... можно ожидать заметного влияния на темпы нашего развития капитальных затрат нынешнего и следующего пятилетий» [1]).

Кажется, автор этих замечательных «возражений» когда-то считал себя социалистом и, возможно, причислял себя к марксистам. Трудно придумать, однако, более откровенную апологетику буржуазного строя и капиталистического хозяйства. В самом деле, вдумаемся на минутку в тот кладезь идей, который изложен в приведенных строках. Оказывается, злокозненные измышления марксистов насчет хищнического истребления производительных сил в моменты кризисов, присущих капитализму, не более, как пустая брехня. Все это имело бы смысл лишь в том случае, «если бы все буржуазные страны находились в состоянии постоянного кризиса»; но, к счастью, «это фактически не верно». В сущности, чем плох анархический хозяйственный порядок, свойственный капитализму? Ведь если «кризисы задерживают», то зато «под'емы ускоряют это развитие». Может ли быть придуман какой-либо более совершенный порядок, по сравнению с этим идиллическим капитализмом буржуазного апологета? Поистине, сам Бастиа может позавидовать остроумию своего запоздалого последователя: вряд ли старик договаривался до подобных геркулесовых столбов неприкрашенной апологетики.

Далее, оказывается, совершенно зря у нас экспроприировали паразитическую буржуазию. Ведь она «не потребляла непроизводительно» все свои барыши. Эта апологетическая идейка распространена довольно широко среди экономистов определенного направления. Вот, например, еще одна из ее многочисленных вариаций: «С интересующей нас точки зрения народнохозяйственного накопления «личное потребление» ответственного хозработника, вероятно, немногим меньше довоенного потребления руководителя крупного капиталистического предприятия, ибо последний, получая большее вознаграждение, значительную часть последнего, конечно, откладывал в виде вкладов в кредитных учреждениях или покупал процентные и дивидендные бумаги» [2]). На кой чорт понадобилось прогнать этих «руководителей круп-

[1]) Все эти перлы напечатаны черным по белому в цит. ст. А. А. Никитского. «Вестник Финансов» № 7 за 1927 г., стр. 48—49.

[2]) Альб. Вайнштейн. «О контрольных цифрах народного хозяйства СССР на 1926—27 г.». «Соц. Хозяйство» № 4 за 1926 г., стр. 10. А. Дезен в статье «Развитие промышленности и национальное накопление» также «намекает» на то, что уничтожение нетрудовых доходов не может оказать существенного влияния на темп накопления. См. «Эконом. Обозр.» № 5 за 1927 г., стр. 64—65. Там мы опять узнаем, что «высокий уровень дохода» капиталиста не свидетельствует о его личном высоком потреблении», ибо «крупные доходы, полученные от владения торгово-пром. предприятиями или ценными бумагами, в значительной мере затрачивались на дальнейшее расширение предприятий или покупку новых ценных

ных капиталистических предприятий (как автор иносказательно и чуть стыдливо называет класс капиталистов) и заменить их какими-то «ответственными хозработниками»? Пусть бы прежние «руководители» покупали себе «процентные и дивидендные бумаги», и все было бы в наилучшем порядке. Во всяком случае, «с интересующей нас точки зрения народнохозяйственного накопления» обстояло бы никак не хуже нынешнего. Вот краткий смысл подобных длинных речей. Впрочем, оказывается, что «процессы накопления сейчас ниже по темпу, чем до 1913 г.», ибо уж очень много с'едает прожорливый рабочий класс. Ему нехватает даже того, что раньше потребляла деликатная буржуазия. С этим аргументом от прожорливости пролетариата мы еще встретимся, когда подойдем к проблемам распределения национального дохода.

Не лучше дело обстоит с уничтожением иностранной задолженности. Мы перестали, правда, платить проценты. Зато в отместку иностранный капитал перестал притекать в советскую страну. Здесь мы сталкиваемся с весьма распространенной ошибкой, обладающей прочностью предрассудка. Многие экономисты склонны считать, что рост русской промышленности до войны происходил исключительно или в решающей степени за счет притока иностранных капиталов. Иными словами, факт усиления связи между русским империализмом и иностранным эти экономисты совершенно некритически и чрезвычайно вульгарно понимают в том смысле, что фабрики и заводы, шахты и рудники в России строились исключительно или в значительной части за счет ресурсов иностранного происхождения, строились, стало быть, на средства, накопленные за границей и ввезенные в Россию. При об'яснении довольно быстрого темпа хозяйственного развития в период 1908—1913 гг., ссылаются на то, что «в стране происходил крупный приток иностранного капитала» [1]). В таком случае темп нашего хозяйственного развития в советских условиях без этого якобы «крупного» прилива представлялся бы неизбежно в довольно мрачных красках.

Нет, однако, ничего ошибочнее этого вредного предрассудка. Факты, свидетельствующие о росте туземного накопления, как раз в пору предвоенного под'ема, вопиют к небу. Там, где действительно имело место усиление экономических позиций иностранного капитала (банковская система, тяжелая индустрия), этот процесс проходил: 1) в порядке организационно-экономических изменений (монополизация, фузии и т. д.) и 2) в результате инвестиции большей части средств, накопленных иностранным капиталом из фонда прибавочной ценности, присвоенной им в России же. Совершенно справедливо в этом отношении указание профессора Каценелeнбаума, что «в России на протяжении приблизительно 30 с лишним лет мы имели непрерывную активность торгового баланса» [2]). Если даже учесть влияние платежей заграницe по государственной задолженности, все же следует признать значение этого обстоятельства. Оно свидетельствует об отсутствии ввоза реального иностранного капитала, во всяком случае, в течение последнего периода, когда данные статистики внешнего товарооборота обладают достаточной надежностью.

Наконец, кто это говорит о преимуществе, заключающемся в том, что мы ликвидировали всякого рода обветшалые остатки старины, стесняющие движение вперед даже в наиболее мощных капиталистических странах?

бумаг и т. д.». Наконец, автор ставит вопрос: «В какой мере дороговизна нашего аппарата и системы управления промышленностью поглощает ту выгоду, которая получилась от уничтожения этого непроизводительного потребления»? Надо ли после этого удивляться тому, что автор утверждает: «Многие склонны преувеличивать значение этого фактора (т.-е. непроизводительного потребления капиталистов)»?

[1]) А. Дезен, цит. статья, стр. 57.

[2]) З. С. Каценеленбаум. Цит. ст., стр. 15.

Стоит лишь вспомнить, например, о технической и экономической отсталости английской к.-уг. промышленности. Наших критиков подобные мелочи не беспокоят. Значение этого фактора милостиво признается ими для третьего пятилетия.

Стоит обратить внимание, что ярко-апологетическая статья из которой мы почерпнули большую часть приведенных здесь красот, снабжена в виде эпиграфа ленинскими словами: «Лучше меньше, да лучше». Уж действительно, «ссылаться может чорт на доводы священного писания». Во всяком случае ясно, что авторам подобных произведений следует заявить достаточно вразумительно: руки прочь от Ленина!

Таким образом, наши критики из буржуазного лагеря начисто отрицают преимущества советского типа хозяйства перед капиталистическим в отношении темпа накопления и расширенного воспроизводства. В их устах наиболее «убийственным» доводом против запроектированного Госпланом темпа народнохозяйственного роста является ссылка на то, что этот темп превосходит наиболее быстрые темпы, известные в истории капиталистических стран. Проектируемый Госпланом рост национального дохода сопоставляется с имеющимися данными, характеризующими этот рост в ряде капиталистических стран: в Соединенных Штатах, в Англии, Пруссии и т. д. За сим делается уничтожающее заключение: «Запроектированный пятилеткой ежегодный темп прироста народного дохода является небывалым даже для высоко-капиталистических и быстро развивавшихся до войны стран. Этот коэффициент осуществлялся в редкие годы особо благоприятных обстоятельств (высокая кон'юнктура, урожай), но мы не встречаем величины такого порядка в качестве постоянного и устойчивого коэффициента. Это обстоятельство уже à priori заставляет предполагать преувеличенность расчетов Госплана» [1]). «Даже в период бурного экономического роста, какой, например, переживала Россия в 1908—1913 гг., рост физического об'ема продукции и рост национального дохода не достигали того темпа, который намечен по пятилетнему плану [2]),—заявляет другой экономист и делает отсюда вывод, что госплановский темп является сомнительным и подозрительным.

Ошибся бы, однако, тот, кто стал бы предполагать, что они готовы признать за советским хозяйством во всяком случае тот же темп развития, который свойственен капитализму. Ничуть не бывало. Отвергая наши преимущества, они с тем большим рвением набрасываются на наши недостатки. Здесь обычно появляется на сцену знаменитая нивелировка доходов. Послушаем одного из баянов на этот счет: «При пониженном уровне дохода размеры накопления снижаются не только абсолютно, но и относительно. В эту же сторону должно действовать и общее поравнение доходов в СССР. При одной и той же сумме национального дохода, часть, идущая на накопление, будет тем больше, чем большая дифференциация имеет место в стране. Поэтому статистически исчисленная... величина возможного накопления... могла оказаться непосильной для нашего народного хозяйства с пониженным уровнем и другим распределением (нивелировкой) его национального дохода» [3]).

Подобные рассуждения звучат иной раз внешне довольно убедительно. Стоит, однако, несколько в них вдуматься, и станет ясно, что зерно истины здесь окутано густой пеленой извращений. Верно, что при прочих равных условиях нивелировка доходов может влиять понижающе на уровень накопления. Но разве не ясна передержка, когда ставится знак равенства между другим распределением и нивелировкой? Разве

[1]) Альб. Вайнштейн, ст. в «Эконом. Обозрен.» № 7, за 1927 г., стр. 60.

[2]) А. Дезен. Ст. в «Эконом. Обозр.» № 5, стр. 56.

[3]) Альб. Вайнштейн. «Итоги и кон'юнктура 1925—26 гг. «Экономбюллетень Кон'юнктуного Института» № 11—12 за 1926 г.

«другое распределение» нац. дохода в результате революции исчерпывается одной лишь нивелировкой? Каждому добросовестному исследователю должно быть ясно, что «другое распределение» заключает в себе по меньшей мере, кроме нивелировки, еще два существеннейших момента или существеннейших стороны: 1) уничтожение доходов ряда непроизводительных классов (в первую голову помещиков и капиталистов) и 2) поднятие благосостояния широких масс рабочих и крестьян, т.-е. основных производительных классов общества. Поскольку нивелировка сопровождается этими обстоятельствами, ее влияние на темп народнохозяйственного развития оказывается существенно иным. В том-то и дело, что «прочие условия», характеризующие нашу нивелировку доходов от их дифференциации при капитализме, не являются равными. Эти условия могут дать могучий дополнительный импульс народнохозяйственному развитию. Этот добавочный импульс в состоянии с избытком покрыть замедление в темпе накопления, которое могло бы быть следствием нивелировки, взятой в изолированном виде. Именно поэтому нельзя брать пресловутую нивелировку доходов в изолированном виде, если не хотят скатиться к грубейшей апологетике капитализма. Ибо как иначе назвать замечательное утверждение, что темп накопления будет тем выше, «чем большая дифференциация имеет место в стране». Такое положение, которое могло бы сделать честь блаженной памяти попу Мальтусу, в такой грубой и неприкрыто-апологетической форме не отстаивается даже современными буржуазными экономистами Запада. Даже худшие апологеты не осмеливаются утверждать, что полнейшее обнищание и голодная смерть трудящихся масс (самая большая «дифференциация»!) является гарантией максимального темпа накопления. Велико должно быть чувство теоретической безнаказанности у буржуазного экономиста на советской службе, если он позволяет себе говорить таким языком, которого избегают даже его коллеги в странах капиталистического господства!

Проблема темпа хозяйственного развертывания не является каким-то побочным вопросом второстепенного значения. XIV с'езд нашей партии поставил перед страной задачу в ближайший исторический период догнать, а затем и перегнать передовые капиталистические страны. Выполнение этой задачи является необходимым условием победоносного социалистического строительства в нашей стране. Может ли быть эта задача выполнена, если темп нашего развития будет ниже или равен темпу капиталистических народных хозяйств? Каждому понятно, что в таком случае наша отсталость либо будет возрастать, либо останется стабильной. Наша колоссальная хозяйственная отсталость может быть ликвидирована только при темпе развития, превосходящем капиталистический темп. Преимущества советского типа хозяйства обусловливают этот темп, при помощи которого только и может быть ликвидирована наша отсталость. Отрицание этих преимуществ, отрицание более быстрого, чем при капитализме темпа развития является, таким образом, не более не менее, как принципиальным отрицанием возможности строительства социализма в нашей стране.

Преимущества советского типа хозяйства, обусловливающие более быстрый темп роста, прекрасно характеризованы в резолюции XV с'езда ВКП(б): «Диктатура пролетариата, пролетарская национализация средств производства, транспорта, кредита, внешней торговли, национализация земли,—все эти предпосылки обусловили развитие экономики СССР на принципиально иных, социалистических началах. Принципиально иным стало социально-классовое содержание командных экономических высот, определяющих развитие всего народного хозяйства в его целом. Принципиально иным стало соотношение между городом и деревней, ибо индустрия обратилась «лицом к деревне», ставши могучим фактором ее социалистического преобразования, и рост внутреннего рынка начал выражать собою, в отличие от капитализма, не процесс разорения деревни, а рост ее благосостояния. Принципиально иной стала организационная форма народного хозяйства, поскольку — на основе национализации крупной промышленности и других командных высот — стало возможным плановое хозяйственное руководство, все более вытесняющее анархию товарно-капиталистического рынка. Принципиально иным стало и распределение национального дохода, почти совершенно исключающее личное потребление прежде господствовавших классов и тем самым уничтожающее значительную долю непроизводительного потребления. Эти отличительные черты хозяйства СССР сделали возможным гораздо более быстрый, по сравнению со странами капитализма, темп восстановительного процесса, а также и гораздо более быстрый процесс хозяйственного роста вообще».

Некоторые простодушные люди могли бы считать большую часть приведенных нами возражений против убыстренного по сравнению с капитализмом темпа более или менее законным выражением определенных оттенков научной мысли. Нам такая оценка представляется по меньшей мере чрезвычайно наивной. Стать на подобную точку зрения означало бы сознательно закрыть глаза на одно чрезвычайно существенное обстоятельство. Вся эта критика по своему об'ективному значению и смыслу не может означать ничего другого, кроме атаки (пока-что в идеологической форме) буржуазных групп и классов на самые основы социалистического хозяйственного строительства.

М. Брудный.

О правой и левой опасности[1]).

I.

Ленин в «Детской болезни «левизны» в коммунизме» пишет:

«История вообще, история революций в частности, всегда богаче содержанием, разнообразнее, разностороннее, живее, «хитрее», чем воображают самые лучшие партии, самые сознательные авангарды наиболее передовых классов. Это и понятно, ибо самые лучшие авангарды выражают сознание, волю, страсть, фантазию десятков тысяч, а революцию осуществляют в моменты особого под'ема и напряжения всех человеческих способностей сознание, воля, страсть, фантазия десятков миллионов, подхлестываемых самой острой борьбой классов. Отсюда вытекают два очень важных практических вывода: первый, что революционный класс, для осуществления своей задачи, должен уметь овладеть в с е м и, без малейшего из'ятия, формами или сторонами общественной деятельности (доделывая после завоевания политической власти, иногда с большим риском и огромной опасностью, то, что он не доделал до этого завоевания); второй, что революционный класс должен быть готов к самой быстрой и неожиданной смене одной формы другою» [2]).

Смысл этих замечательных слов Владимира Ильича еще яснее выступает в следующих его рассуждениях:

«Полезным уроком могло бы (и должно было бы) быть то, что произошло с такими высокоучеными марксистами и преданными социализму вождями II Интернационала, как Каутский, Отто Бауэр и др. Они вполне сознавали необходимость гибкой тактики, они учились и других учили марксовой диалектике (и многое из того, что ими было в этом отношении сделано, останется навсегда ценным приобретением социалистической литературы), но они в п р и м е н е н и и этой диалектики сделали такую ошибку или оказались на практике такими н е диалектиками, оказались людьми до того несумевшими учесть быстрой перемены формы и быстрого наполнения старых форм новым содержанием, что судьба их немногим завиднее судьбы Гайндмана, Гэда и Плеханова. Основная причина их банкротства состояла в том, что они «загляделись» на одну определенную форму роста рабочего движения и социализма, забыли про ее односторонность, побоялись, увидеть ту крутую ломку, которая в силу об'ективных условий стала неизбежной, а продолжали твердить простые, заученные, на первый взгляд бесспорные истины: три больше двух. Но политика больше похожа на алгебру, чем на арифметику, и еще больше на высшую математику, чем на низшую. В действительности все старые формы социалистического движения наполнились новым содержанием, перед цифрами появился поэтому новый знак: «минус», а наши мудрецы упрямо продолжали (и продолжают) уверять себя и других, что «минус три» больше «минус двух».

1) В порядке постановки вопроса.

2) Ленин, т. XVII, стр. 181—182.

Надо постараться, чтобы с коммунистами не повторилась та же ошибка, только с другой стороны, или, вернее, — чтобы была поскорее исправлена и быстрее, безболезненнее для организма изжита т а ж е о ш и б к а, только с другой стороны делаемая «левыми» коммунистами. Левое доктринерство есть тоже ошибка, не только правое доктринерство. Конечно, ошибка левого доктринерства в коммунизме является в настоящий момент в тысячу раз менее опасной и менее значительной, чем ошибка правого доктринерства (т.-е. социал-шовинизма и каутскианства), но ведь это только потому так, что левый коммунизм — течение совсем молодое, только-только зарождающееся. Только поэтому болезнь, при известных условиях, может быть легко излечена, и необходимо приняться за ее излечение с максимальной энергией» [1]).

Мы позволили себе привести столь длинную выдержку потому, что в этих словах Ленина можно найти гениальный ответ на волнующие партийную массу вопросы. Каков общественный смысл правого и левого уклона? Что называть правым, что левым? Эти и другие вопросы задевают за живое читателя, иногда с недоумением посматривающего, как правые называют левых правыми, а левые называют правых левыми в кавычках; «правее правых» и «левее левых», «правее левых» и «левее правых»— воистину... где сторона?

Прежде всего, должно быть установлено, что никакого конкретного определения правого и левого уклона на все времена не может быть. Уклон предполагает то, о т ч е г о уклоняются, т.-е. правильную политику пролетариата, но последняя не может быть определена в своем конкретном содержании на веки-веков. Все зависит от обстановки, от учета д а н н о г о соотношения классовых сил. То, что было правильно вчера, может стать (и очень часто становится) неправильным сегодня. Таким образом, то, что было правильной политикой пролетариата вчера, может сегодня, если настаивать на той же политике, превратиться в неправильную политику. Бойкот Государственной Думы в 1905 году был правильной политикой пролетариата, тот же бойкот в 1907 году был ошибкой. Таким же путем то, что было вчера уклоном, может сегодня, при изменившемся соотношении классовых сил, стать правильной политикой пролетариата.

Но безусловно возможно и целесообразно дать общее определение правильной политики революционного класса в эпоху пролетарской революции и соответственно этому общее определение правого и левого уклона в н а ш е в р е м я.

Борьбу за социализм пролетариат ведет на почве капитализма. Антикапиталистический класс вынужден брать исходным пунктом своей политики те формы общественной жизни, которые порождает капитализм. Эти формы крайне многообразны и изменчивы. Развитие классовой борьбы наполняет старые формы новым содержанием. Парламентаризм, являвшийся «генеральной» формой общественной борьбы почти во всех европейских странах в довоенную эпоху, ныне все больше и больше теряет свое значение. Это видно не только на примере фашистской Италии, но и на развитии «демократической» Англии. С другой стороны, возникают такие новые формы классовой борьбы, как диктатура пролетариата в СССР и вооруженные восстания в странах господства капитализма.

1) Ленин, т. XVII, стр. 187—188.

Правильная политика революционного класса в наше время заключается, очевидно, в том, чтобы в борьбе за диктатуру пролетариата использовать все формы общественной жизни: и те, которые исторически на наших глазах изживают себя (парламентаризм), и те, которые исторически зарождаются (вооруженное восстание) с целью свержения империализма.

По существу, между парламентаризмом и вооруженным восстанием пролетариата лежит целая полоса исторического развития, заполненная, с одной стороны, «мирным» развитием капитализма, гигантским развитием производительных сил и превращением буржуазных производственных отношений из «форм развития в оковы производительных сил» и, с другой стороны, ростом сознательности и организованности пролетариата, подготовкой его к свержению буржуазного господства.

Если бы историческое развитие шло равномерно, гладко, без зигзагов, если бы мостовой исторического процесса была не бурная экономика и борьба классовых сил, а асфальт, то, «согласно схеме», власть в наше время благополучно перешла бы в руки пролетариата во всех странах, и, пожалуй, уклоны в партии имели бы не политическое содержание, а технико-производственное, в роде того, развитие какой отрасли промышленности может успешнее удовлетворить потребности, и др.

В действительности же, историческое развитие крайне неравномерно, и в наше время, вопреки всяким и всяческим схемам, мы имеем причудливое сочетание огромного охвостья парламентаризма и молодых ростков вооруженного восстания пролетариата. Схематически парламентаризм и вооруженное восстание пролетариата это—глубоко противоречащие друг другу формы общественной борьбы, представляющие различные типы, исходный пункт двух различных общественных систем. В реальной же жизни они густо переплетаются, и с точки зрения коммунизма парламентаризм используется для пропаганды вооруженного восстания пролетариата.

На ряду с нарастанием новых форм общественной жизни, происходит глубокое изменение содержания старых форм. Если компартии Запада комбинируют в своей практической политике подготовку вооруженных восстаний пролетариата с использованием парламентаризма, то это отнюдь не означает, что они рассматривают парламентаризм, как главнейшую форму общественной жизни, как это делала и делает социал-демократия. Было бы смешно не видеть, что буржуазия в одних странах открыто, а в других скрыто все более переходит от парламентаризма к фашизму. Таким образом, меняется «соотношение» различных общественных форм, потеря одними и приобретение другими первостепенной роли в борьбе классов.

Движение форм общественной жизни, их изменчивость и зачастую причудливое течение, — каналы, по которым течет социальная энергия различных классов общества; слияние, в зависимости от социально-исторического процесса, различных струй этой общественной энергии какого-нибудь класса в один мощный поток; или их резкое расхождение по разным направлениям, их под'ем по извилинам общественного развития или спад, — это — продукт экономического развития и борьбы классов и вместе с тем то реальное основание, на котором пролетариат строит свою политику, придерживаясь научно-диалектических воззрений.

Ленинизм обязывает:

Во-первых, использовать все формы общественной жизни в классовой борьбе пролетариата за свою диктатуру.

Во-вторых, учесть нарастание новых и изменение содержания старых форм классовой борьбы.

В-третьих, «революционный класс должен быть готов к самой быстрой и неожиданной смене одной формы другой».

Дать общее определение правому и левому уклону в наше время можно, только исходя из этих основ ленинской диалектики. Правый или левый уклон есть как раз отказ от использования всех форм общественной жизни для борьбы за диктатуру пролетариата, либо неправильная оценка соотношения между различными формами. При этом правый уклон всегда исходит из «пристрастия» к формам прошлого, а левый уклон — к формам будущего.

Нам думается, что с таким определением правого и левого уклона согласуются все известные примеры из истории рабочего движения.

Берем самый крупный правый «уклон», «правое доктринерство», переросшее в прямое предательство рабочего класса, — социал-демократию.

Ленин говорит: «Основная причина их банкротства (Каутского, Бауэра и пр. *Б.*) состояла в том, что они «загляделись» на одну определенную форму роста рабочего движения и социализма, забыли про ее односторонность, побоялись увидеть ту крутую ломку, которая в силу об'ективных условий стала неизбежной». Сращивание с одними формами общественной жизни, при этом с изживающими себя общественными формами, «пристрастие» к формам прошлого, — вот основная причина, обусловившая переход социал-демократии на сторону буржуазии и сделавшая ее контрреволюционной силой.

Но о социал-демократии нельзя, разумеется, говорить, как о правом «уклоне». Здесь мы имеем дело с прямыми «лейтенантами капитализма в рабочем движении». Но если взять правый уклон внутри Коммунистического Интернационала, то мы точно так же обнаружим сращенность с формами прошлого, неумение брать общественный процесс в движении (и тем самым изменении) его форм.

Пауль Леви, критикуя мартовское восстание 1921 г. в Германии, сбился на неверную позицию потому, что для него мартовское восстание было не столько недостаточно подготовленной попыткой пролетариата взять власть в свои руки, сколько вопиющим, резким контрастом с прошлыми формами классовой борьбы (парламентаризм), в плену которых он находился.

Берем крупный пример левого уклона — «левый коммунизм» 1918 года. Главная суть его программы была революционная война. Отвлекаясь от характеристики «левым коммунизмом» формального значения советской власти (раз она идет на крупные уступки империализму), мы видим его программную суть, именно, в требовании немедленной революционной войны.

Безусловно, революционная война является крупнейшей формой классовой борьбы в нынешнюю эпоху. В недавно опубликованной статье Ленина «Военная программа пролетарской революции» Ленин подробно развивает, почему революционные социалисты (коммунисты) не могут выставить лозунг «разоружения». Главнейшие мотивы сводятся к тому, что, во-первых, неизбежны и прогрессивны национальные войны угнетенных народов против угнетательских стран и, во-вторых, неизбежны революционные классовые войны против буржуазии.

Вот соответствующее место: «Победивший в одной стране социализм отнюдь не исключает разом вообще все войны. Наоборот, он их предполагает. Развитие капитализма совершается в высшей степени неравномерно в различных странах. Иначе и не может быть при товарном производстве. Отсюда непреложный вывод: социализм не может победить одновременно во всех странах. Он победит в одной или нескольких странах, а остальные в течение некоторого времени останутся буржуазными или добуржуазными. Это должно вызвать не только трения, но и прямое стремление буржуазии других стран к разгрому победносного пролетариата социалистического государства. В таких случаях война с нашей стороны была бы

законной и справедливой. Это была бы война за социализм, за освобождение других народов от буржуазии».

Эта статья Ленина написана в апреле 1917 года. Здесь четко формулировано, что, в силу закона неравномерности развития, пролетарская революция не может победить одновременно во всех странах и что поэтому неизбежна революционная оборонительная война социалистического государства против наступления буржуазных стран. В 1918 г. в полемике с «левыми коммунистами» Ленин также высказался принципиально за революционную войну. Вместе с тем Ленин выступал за «похабнейший» Брестский мир и против немедленного начала революционной войны: нужна была передышка.

Обстановка того времени общеизвестна, и поэтому не будем повторяться. Ясно, что в 1918 году революционная война была формой будущего, для которой еще не созрели необходимые предпосылки. «Левый коммунизм» выражал собой именно «пристрастие» к формам будущего, для которых в реальной действительности еще не было оснований.

Германские «левые», с которыми Ленин полемизировал в «Детской болезни», точно так же повторяли принципиальную ошибку «левого коммунизма», только с другой стороны. Если наши «левые» становились на почву форм будущего, для которых не созрели еще необходимые предпосылки, то германские «левые» сходили с почвы настоящего, в условиях которого еще не были **изжиты** подпиравшие его устои (бойкот парламента, выход из профсоюзов и проч.).

Такова крайне общая характеристика правого и левого уклона. Правильно ли поставить вопрос: какой уклон вреднее, с каким уклоном надо больше бороться? Нет, неправильно! Единственно правильный ответ может быть: «оба хуже».

При оценке степени вредности правого или левого уклона необходимо, очевидно, исходить из интересов дела революции. Стоит только так поставить вопрос, как все построения Зиновьева насчет того, что будто у Ленина была на все случаи заготовленная доза сладких пилюль для «левых» и горьких пилюль для правых, разлетится, как карточный домик.

Мог ли «левый коммунизм» в 1918 г. погубить революцию, если бы партия приняла его линию? Да или нет? Не найдется ни одного добросовестного большевика, который бы ответил на поставленный вопрос отрицательно.

Партия в каждый данный момент должна бороться больше всего с тем уклоном, который по своей силе или по степени «уклонизма» представляет наибольшую угрозу для дела пролетарской революции. В приведенной в начале статьи выдержке из Ленина прямо говорится, что левое доктринерство представляет в тысячу раз меньшую опасность, чем правое, «**только потому**», что левый коммунизм — течение молодое, и именно для того, чтобы не дать ему вырасти в такую же опасность, как правая, надо энергичнейшим образом его преодолеть.

Эта ленинская постановка вопроса о сугубой вредности обоих уклонов не имеет ничего общего с зиновьевской трактовкой вопроса, прикрашивающей левый уклон как раз тогда, когда под левыми фразами ведется самая ожесточенная борьба против оплота революции — СССР.

«Левый» уклон, если ему потакать, может так же «хорошо» погубить дело пролетарской революции, как и правый уклон. Сплошь и рядом при этом «левая» фраза является только прикрытием правой тенденции. Оба уклона в одинаковой мере противоречат научным основам ленинской диалектики, которая заключается в умелом использовании **всех** форм классовой борьбы для победного завершения освободительной борьбы угнетенных.

II.

В своей статье «21 условие Ленинского Коминтерна» Зиновьев приводит ряд выдержек из сочинений Владимира Ильича, в которых говорится, что главнейший, крупнейший враг большевизма, это — оппортунизм и что самую крупную опасность для международного рабочего движения представляет правая опасность. Эти утверждения Ленина абсолютно правильны точно так же, как абсолютно правильно будет сказать, что Зиновьев этих мыслей Ленина не понял или перестал понимать.

В самом деле. Для того, чтобы восторжествовала в Европе пролетарская революция, для того, чтобы европейский пролетариат победил буржуазию, ему необходимо перешагнуть через труп контрреволюционной социал-демократии. Поэтому социал-демократический оппортунизм — крупнейший враг рабочего класса. Правая опасность в международном рабочем движении, это—либо непосредственно социал-демократизм, либо отсвет социал-демократии. Современное международное рабочее движение делится на два лагеря: первый лагерь—это революционные пролетарии, руководимые коммунистической партией и мужественно готовящиеся к установлению диктатуры пролетариата, и второй—лагерь контрреволюционной социал-демократии, изменившей пролетариату в 1914 году и продолжающей предательскую политику по каждому крупному политическому вопросу. Социал-демократия имеет мощную организацию, прессу и влияние на огромные слои рабочих.

Может ли итти в сравнение с социал-демократической опасностью угроза кучки левых интеллигентских болтунов, не имеющих никакой почвы в рабочем движении и не связанных с ним никакими традициями? Разумеется, нет.

Поэтому Ленин совершенно справедливо повторяет много и много раз, что крупнейшую опасность для международного большевизма представляет именно социал-демократия и правая опасность.

Это—абсолютно правильная тактическая и, если угодно, программная установка Коминтерна на целый период лет, на весь период борьбы за пролетарскую диктатуру во всем мире.

Но чего Зиновьев не понял или перестал понимать, это, что одно дело тиктическая установка на целый период лет и другое дело — конкретная задача для какого-нибудь отрезка времени. Зиновьев эти два различных вопроса смешал, и поэтому он приписывает Ленину определенную на все случаи известную «пропорцию» мероприятий против «левого» и правого уклона.

Представим себе такое положение. В Германии очень сильна социал-демократия; ее влияние на рабочие массы крайне значительно. Что является крупнейшей опасностью для немецкого рабочего движения? Социал-демократия и правая опасность. Побороть социал-демократию, вырвать из-под ее влияния рабочие массы — самая крупная, самая важная задача немецких коммунистов. Для того, чтобы осуществить эту задачу, немецкие коммунисты разворачивают большую работу в профсоюзах и других массовых организациях.

В чем смысл всей этой работы немецкой компартии? Всякий непредубежденный человек видит, что исторический смысл всей этой работы немецкой компартии заключается в борьбе с правой опасностью, в преодолении контрреволюционной социал-демократии. Представим себе дальше, что выступает группа немецких коммунистов и всей этой практической работе немецкой компартии противопоставляет контрпрограмму: выход из профсоюзов, отказ от единого фронта и пр., подкрепляя свою программу архилевоблагородными аргументами: дескать, не хотим якшаться с социал-демократической сволочью и пр. Вообразим далее, что на почве огромных

трудностей массовой работы и затяжного характера процесса преодоления социал-демократии эта группа «левых» сверхреволюционеров приобретает кой-где влияние и, подбодренная первыми успехами, начинает разворачивать пропаганду «левых» идей.

Казалось бы, совершенно понятно, что немецкая компартия, вполне сознающая, что самая грозная опасность для рабочего движения на всем протяжении борьбы за пролетарскую диктатуру это — опасность справа, социал-демократическая опасность, и именно потому, что она стоит на почве этой тактической установки Коминтерна, должна на данном отрезке времени повести самую бешеную борьбу против «левых», должна открыть настоящий огонь по тем группам и группкам, которые, прикрываясь левыми фразами, дезорганизуют партийную работу, предлагая партии, попросту говоря, свернуть с ее пути борьбы за пролетарскую диктатуру единственно возможными средствами.

Казалось бы, что это неоспоримо... но Зиновьев спешит на выручку обиженным «левым» и говорит: «Не боритесь так упорно с левыми, соблюдайте «пропорцию»; два удара направо, один удар налево, три удара направо и полтора удара налево, не забывайте «пропорции».

Что бы сказал Ленин о человеке, который в момент острой борьбы с левым уклоном, уклонялся бы от этой борьбы или предлагал ее ослабить, исходя из того, что крупнейший враг рабочего движения на всем протяжении борьбы за пролетарскую диктатуру это — оппортунизм справа?

Обратимся к положению в нашей партии.

Самая серьезная опасность для нашей партии на всем протяжении изолированного социалистического строительства это—правая опасность.

Почему?

Потому, что русский пролетариат идет по максимально левому пути, т.-е. ведет единственно об'ективно возможную революционную политику. Более революционной политики, чем та, которую проводит советский пролетариат, не дано. Мы строим фундамент социалистического общества в стране, где преобладает количественно мелкое товарное производство. Экономическим своим прошлым самая отсталая страна, мы политически самая передовая «держава», закладывающая основы наиболее передового экономического строя. Дальше ехать некуда. Возможно и неизбежно наше развитие вперед, но невозможен и исключен скачок вперед. Если оставаться на почве марксизма, то надо признать, что вести более левую политику, чем вел Ленин, чем ведет ныне наша партия, нельзя: нет об'ективных возможностей.

Ну, а менее левую, правую политику вести—для этого есть об'ективные возможности?

Безусловно, да.

Теоретически рассуждая, если может существовать еще известное время буржуазная Германия, буржуазная Англия, где гораздо более созрели экономические предпосылки социализма, то почему не может существовать буржуазная Россия?

Разумеется, буржуазной России история поставила крест навсегда. Но до тех пор, пока не изжито мелкое товарное производство, которое «ежедневно, ежечасно, ежеминутно порождает капитализм», до тех пор об'ективная возможность для развития буржуазной России (абстрагируясь от такой «мелочи», как советская власть) не исключена.

И именно потому, что об'ективных возможностей для более быстрого скачка к социалистическому обществу нет, а об'ективные возможности для возврата назад к капитализму имеются, именно поэтому правая опасность

является самой серьезной опасностью для нашей партии на всем протяжении изолированного социалистического строительства.

Отсюда следует еще один важный вывод: так как отсутствуют об'ективные возможности для ведения более революционной политики, чем ведет советский пролетариат, то всякий левый уклон в своем развитии неизбежно переходит в правый и прямо или косвенно смыкается с правой опасностью.

Но если обязательный для марксиста учет об'ективных возможностей развития приводит нас к выводу, что самая серьезная опасность для нашей партии это—опасность справа, то это отнюдь не значит, что невозможен левый уклон вообще, что невозможно зарождение течения, которое бессознательно исходило бы из желания перепрыгнуть через об'ективные возможности и «сократить», «облегчить» длинный и мучительный путь к социализму. Зарождение такого течения тем более возможно, что путь наш действительно крайне труден и временами мучителен, ибо он связан в условиях изолированного социалистического строительства с значительными жертвами трудящихся масс.

Но как бы ни были ценны и убедительны чувства «левых» коммунистов, их программа,—если она об'единяет некоторую часть партии и если ими делаются серьезные попытки пропаганды своих идей,—представляет такую серьезную угрозу для дела пролетарской революции, что партия, если она хочет остаться революционной партией пролетариата, обязана открыть огонь по этому левому уклону, не щадя патронов.

Будет ли это противоречить общей тактической установке партии, что самой серьезной опасностью для нас на всем протяжении изолированного социалистического строительства является опасность справа?

Нет, не будет. Ибо одно дело тактическая установка партии на целую историческую полосу, исходящая из об'ективного экономического анализа на длительное время, и другое дело конкретные задачи партии на данном отрезке времени, определяемые экономическими и политическими фактами этого времени. Однако, марксист видит не только различие, но и взаимную связь явлений. Эта связь здесь заключается в том, что, преодолев левый уклон на первой стадии его развития, партия предотвращает опасность перерастания левого уклона в правый, смыкания его с правой опасностью. Ибо из тех же предпосылок, из которых мы заключаем, что самая серьезная для нас опасность это—опасность справа, из этих же предпосылок следует, что левый уклон в своем развитии неизбежно переходит в правый.

Эти мысли, элементарные для ленинца-диалектика, остались книгой за семью печатями для Зиновьева, ибо он противопоставляет абсолютно правильное утверждение Владимира Ильича, что самой серьезной опасностью для международного рабочего движения является правая опасность, также абсолютно правильной политике партии, ведущей ожесточенную борьбу с левым уклоном.

Именно история оппозиции блестяще подтверждает неизбежность перерастания левого уклона в правый, если на нем настаивать, если превратить его в целую программу.

Оппозиция хотела выступить как левое течение, когда она устами Зиновьева предостерегала партию от идеализации нэпа. Но так как на самом деле никто в партии не идеализирует нэпа, а оппозиция продолжала настаивать на своем, то неизбежно получился у нее правый уклон в форме отрицания социалистического характера наших госпредприятий.

Оппозиция хотела выступить как левое течение, когда она предлагала усилить обложение кулака. Но так как на деле партия идет по пути максимально-возможного обложения кулака, а оппозиция продолжала на-

стаивать на своем, то получился правый уклон в виде предложений, сводящихся к усилению нажима и на середняка.

Оппозиция хотела выступить как левое течение, когда она предлагала ускорить темп индустриализации. Но так как на деле партия проводит максимально-возможный темп индустриализации, а оппозиция продолжала настаивать на своем, то получился правый уклон в форме предложений из'ять наши средства из сферы обращения и ограбить крестьянство.

Оппозиция хотела выступить, как левое течение, когда она подчеркнула опасность перерождения государственного аппарата. Но так как на деле вся партия активно борется с этой опасностью, а оппозиция продолжала настаивать на своем, то получился правый уклон в форме утверждения, что термидор уже марширует у нас и что налицо зачатки двоевластия.

Так оппозиция решительно по всем вопросам перерождалась из суб'ективно - левого в об'ективно - правое течение в рядах нашей партии. В настоящее время главнейший программный пункт оппозиции—утверждение о термидоре—представляет собою гаденький перепев меньшевизма и воплощает правую опасность в ее обнаженном виде.

Почему это так произошло?

Потому, что левее Ленина, левее советского пролетариата, если не скатываться в болото анархизма, быть нельзя. С другой стороны, не лица и программы ищут себе классовой социально-экономической почвы, а социально-экономические процессы и классовые группировки ищут себе выразителей, формулируют программы. Оппозиция, настаивавшая на левом уклоне, неизбежно переродилась в правый, потому что социально-экономические группировки, заинтересованные в правой политике, есть, а об'ективных возможностей для более левой политики нет.

Резюмируем.

Научная основа ленинизма заключается в диалектическом приспособлении политики пролетариата ко всем формам общественной жизни. Беспочвенный ли скачок к формам будущего, для которых еще не созрели необходимые условия, или консервативное срастание с формами прошлого, предпосылки которых уже изжиты, соответственно левый и правый уклон одинаково вредны для пролетариата, одинаково способны погубить или затруднить освободительную борьбу угнетенных. Любой из этих уклонов требует самой ожесточенной борьбы с ним.

Но партия обязана поставить перед собой вопрос: какой уклон на данной исторической полосе имеет больше всего об'ективных возможностей для своего возникновения и соответственно правая или левая опасность представляет более реальную, постоянно воспроизводимую опасность?—Безусловно, правый уклон, правая опасность.

Делать отсюда вывод, что партия должна обезоружить себя в борьбе с «левыми»—значит обнаружить полное непонимание диалектики.

Именно потому, что правая опасность является наиболее реальной опасностью, имеющей в окружающей нас действительности значительные корни, питающейся остатками капитализма,—левый уклон, если на нем настаивать, неизбежно превращается в правый уклон, в дверь, через которую проходит в наилучших для нее условиях правая опасность.

Может быть, крупнейшим недостатком партии является то, что ей не удалось преодолеть левый уклон оппозиции до того, как она превратилась в своеобразную форму выражения правой опасности. Но это связано уже с другой темой—трудностями формирования партийного руководства после смерти Ленина.

П. Александров.

О работе в деревне.

(К итогам XV с'езда партии).

Решения XV с'езда партии о работе в деревне имеют огромнейшее как принципиальное, так и практическое значение для социалистического строительства. В общей своей части эти решения касаются основных вопросов нашей революции—вопроса о судьбах экономического и социального развития деревни в условиях диктатуры пролетариата и вопроса о соотношении пролетариата и крестьянства на предстоящий период. Эти решения выдвигают вместе с тем перед партией ряд огромной важности практических задач, разрешение которых должно иметь несравнимое значение для социалистического строительства и немыслимо без большой, рассчитанной на длительный срок работы.

В тезисах о работе в деревне, принятых XV с'ездом, мы находим, прежде всего, четкое определение тех принципиальных отличий, которые характеризуют социально-экономическое развитие деревни в стране диктатуры пролетариата в сравнении со странами капитализма. В условиях капитализма развитие производительных сил сельского хозяйства происходит на основе разорения и пролетаризации широких масс бедного и среднего крестьянства и нещадной эксплоатации их как со стороны растущей деревенской буржуазии, так и со стороны трестированного промышленного, банковского и торгового капитала.

В капиталистических странах промышленность, транспорт, банки, торговля, все средства экономической политики государства являются командными высотами капитала и потому служат орудием разорения и эксплоатации бедного и среднего крестьянства, форсируют рост капитализма в земледелии. В стране диктатуры пролетариата, где существует национализация земли, где крупная промышленность, транспорт, банки, торговля находятся в руках пролетарского государства, где существует и растет социалистическая кооперация, — сельское хозяйство развивается к социализму на основе кооперативного об'единения мелких производителей, в тесной смычке с растущей социалистической промышленностью. Здесь мы имеем принципиально иное по сравнению со странами капитализма отношение между городом и деревней благодаря иному классовому содержанию командных экономических высот, благодаря тому, что здесь промышленность, банки, торговля, кооперация, кредит, наконец, плановое руководство пролетарского государства и вся его экономическая политика призваны поддерживать бедняцкие и середняцкие слои деревни, ограничивать рост деревенской буржуазии, перестраивать сельское хозяйство на социалистический лад.

В вопросе о путях развития советской деревни, в этом основном, глубокой принципиальной важности вопросе, партия резко отмежевалась от об'единенной неоменьшевистской оппозиции. По мнению меньшевиствующих троцкистов, законы капиталистического развития целиком приложимы к современной советской деревне. Доказательством тому они выставили положение о капиталистическом характере происходящего в деревне расслоения крестьянства: о происходящем якобы «вымывании» середняка и росте крайних (пролетарско-бедняцких и кулацких) групп деревни. Капитулянтская позиция троцкистов была решительно отвергнута с'ездом. Отнюдь не отрицая наличия дифференциации, неизбежной в условиях нэпа, с'езд подчеркнул те особенности, которые отличают расслоение советской деревни от расслоения в капиталистических странах и которые обусловливаются всем хозяйственным и политическим строем пролетарской диктатуры и всей экономической политикой советского государства. Эти отличительные особенности заключаются в том, что мы имеем, на ряду с известным процессом роста кулачества и пролетаризации деревенской бедноты, сокращение бедняцких групп деревни за счет хозяйственного под'ема и перехода этой бедноты в середняцкие группы деревни, мы имеем рост и консолидацию середняцкой группы деревни. Наличие этих отличительных особенностей в процессе дифференциации деревни не раз подтверждалось на с'езде имеющимися в распоряжении партии и государства статистическими данными. Так, т. Молотов в своем докладе привел следующую таблицу «численности и распределения населения СССР по социально-экономическим группам в 24—25, 25—26 и 26—27 гг.», составленную по данным доклада комиссии СНК СССР.

Различные группы населения составляли в %% к итогам земледельческого населения:

	1924—25 г.	1925—26 г.	1926—27 г.
I. Земледельч. пролетариат	4,4	5,0	5,3
II. Не нанимающие сроковых рабочих	88,7	87,4	86,8
1. Бедняцкая группа	24,0	21,6	20,4
2. Середняцкая группа	64,7	65,8	66,4
III. Нанимающие сроковых рабочих	6,9	7,6	7,9

При росте земледельческого пролетариата (следует заметить, что лишь половина с.-х. рабочих занята в крестьянских индивидуальных хозяйствах, другая половина работает в совхозах и в государственных, кооперативных и общественных организациях) и при росте хозяйств, нанимающих сроковых рабочих, из которых большую часть следует отнести к кулацкой части деревни, мы имеем одновременно сокращение % бедняков и рост середняцкой группы деревни.

По вопросу о расслоении высказывались многие делегаты с'езда, подтверждавшие правильность партийных взглядов. О происходящих в деревне процессах перехода определенных групп хозяйства в низшие и высшие группы особенно ярко говорят цифры динамической переписи, приведенные на с'езде делегатом от Северного Кавказа тов. Ивановым. По сообщению тов. Иванова, на Северном Кавказе «хозяйств, насчитывающих от 1 до 2 дес. посева, перешло в низшие группы из общего количества 17%, в то время как в высшие группы перешло 67,5%... Если взять середняцкие хозяйства, насчитывающие от 8 до 10 десятин, то здесь мы имеем такую картину: перешли в низшие группы 18%, в высшие группы—66%. Уже совершенно иная картина получается в отношении кулацких хозяйств, где мы имеем переход в низшие группы до 50%. Очевидно, в условиях пролетарского государства, создается обстановка для кулацких хозяйств, которая ограничивает их рост до определенной стадии, дальше которой кулацкое хозяйство вынуждено, под давлением рычагов пролетарского государства, итти не вверх, а вниз».

Все имеющиеся материалы о социальной природе нашей деревни говорят о преобладающем значении середняка среди различных групп крестьянства. В дополнение к таблице комиссии СНК приведем здесь интересные данные, оглашенные на с'езде делегатом от Сибири т. Зиминым (Иркутск), о социальном составе крестьянства Сибири, одного из районов, где мы имеем более форсированный темп расслоения, во-первых, благодаря наплыву переселенцев, во-вторых, захватно-родовой форме землепользования (Восточная Сибирь), сохранившейся в виду того, что там не было уравнительного передела земли, и, в-третьих, потому, что «с.-х. буржуазия, вытесняемая из области торговли, направляет большую часть своих средств в область сел.-хоз. производства с применением наемной рабочей силы» (речь т. Зимина).

По Южной Сибири кулаки составляют 6,3%, середняки—54,8%, бедняки—38,9%. По Восточной Сибири мы имеем соответственно следующие цифры: 4½%, 59%, 36%. «Если мы возьмем,—говорит т. Зимин,—не только количественные соотношения этих групп, но распределение между ними средств производства..., то мы имеем такую картину по Южной Сибири: кулацкая верхушка, составляющая 1/16 часть всех дворов, имеет 1/6 часть всех средств производства в своих руках; беднота, составляющая 2/5, имеет одну 1/8 часть средств производства, и середняк, составляющий 55% всей деревни, имеет в своих руках 70% средств производства». Вопреки паническим крикам троцкистов о засилье кулака в деревне, о «вымывании» середняка, партия трезво, на основании большой подготовительной работы, учла соотношение классовых сил в деревне и подтвердила ленинское положение о середняке, как центральной фигуре земледелия. Это положение с точки зрения партии остается правильным на весь предстоящий период нашего развития, ибо укрепление и рост социалистических элементов хозяйства, усиление экономической мощи пролетарского государства, означает в будущем не только не ослабление, но и гигантское усиление всей системы экономического воздействия на деревню со стороны социалистического сектора страны, всей системы помощи и содействия под'ему бедняцких и середняцких групп деревни, всей системы ограничения роста кулачества и его эксплоататорских поползновений. XV с'езд партии констатировал: «Грубейшая ошибка оппозиции состоит в том, что она механически переносит закономерность развития крестьянского хозяйства при капитализме целиком и полностью на эпоху диктатуры пролетариата, плетясь, таким образом, в хвосте буржуазных идеологов. Оппозиция не видит того, что пути развития деревни определяются развитием города и что капиталистическим элементам в деревне противостоят в наших условиях не только батрак, бедняк и середняк, но и вся система диктатуры пролетариата с ее мощными экономическими командными высотами (в первую голову—социалистической индустрией), кооперацией и другими рычагами планового воздействия на сельское хозяйство. Тем самым оппозиция ревизует важнейшие теоретические положения марксизма и ленинизма о соотношении крупного и мелкого производства города и деревни, индустрии и сельского хозяйства и возвращается к буржуазно-ревизионистским теориям о «термидорианском» перерождении пролетарского государства и победе мелкого капиталиста—кулака и частного капитала над крупной и централизованной, как нигде, машинной индустрией социалистического пролетариата, ведущей за собой все народное хозяйство». (Тезисы о работе в деревне, принятые с'ездом). Если оппозиционная «теория», основанная на неверии в строительство социализма, ориентируется на капиталистический путь развития деревни, то партия берет курс на социалистическое развитие, на основе кооперативного плана Ленина, в тесном союзе с социалистической промышленностью, минуя котел капиталистической эксплоатации.

XV с'езд партии, намечая генеральный путь развития советской деревни, вопреки неоменьшевистским рассуждениям о термидоре и пр., определил настоящий период как новый этап, который отличается решительной перегруппировкой классовых сил в пользу социалистического сектора хозяйства, в пользу пролетариата и небывалым ростом средств и возможностей для социалистического преобразования сельского хозяйства.

Этот новый этап характеризуется ростом социалистической промышленности, перевалившей довоенный уровень развития и вступившей в полосу реконструкции, ростом и консолидацией промышленного пролетариата. На ряду с тем, в области торговли мы имеем к настоящему времени решающий перевес, а местами и безраздельное господство кооперативных и государственных форм, обеспечивающих за пролетарским государством в общем командное положение на рынке. В условиях концентрации экономической мощи в социалистическом секторе хозяйства государственная промышленность, кооперация, кредит, налоговая, финансовая политика и вообще вся экономическая политика государства превращаются в могучие приводные ремни, которые теперь более, чем когда-либо, в состоянии вертеть маховое колесо социалистического преобразования и хозяйственного под'ема деревни. В самом сельском хозяйстве в настоящее время явственно обозначились как основные противоречия, так и основные рычаги социалистического развития. На ряду с усилением планового начала во всем народном хозяйстве, на ряду с укреплением и ростом его социалистического сектора, в деревне все более обнаруживается процесс борьбы социалистических и капиталистических элементов, выражающийся, с одной стороны, в явлениях дифференциации деревни, а с другой—в росте и укреплении кооперации и различных форм кооперативных производственных об'единений: колхозов, товариществ, коммун и пр.

Борьба между капитализмом и социализмом в деревне идет в условиях быстрого роста социалистических элементов. Так, по данным «Материалов исследования НК РКИ СССР» [1]) за последние два года наблюдается сильный рост колхозов в деревне. Общее количество колхозов в 1926 году увеличилось на 34,4%, по сравнению с 1925 годом, и достигло 3.980 против 2.959 в 1925 году. При чем этот рост падает целиком на долю артелей, товариществ по общественной обработке земли и т. п. первичных об'единений. Количество коммун сократилось с 568 до 538 за те же годы, в виду исчерпания земельных и отчасти инвентарных фондов бывших помещичьих имений и ликвидации слабых и плохо организованных коммун, но вместе с тем сохранившиеся коммуны, несомненно, укрепились и пережили известный процесс хозяйственного оздоровления и усиления крестьянских элементов в своем составе, на ряду с падением % городских и пришлых в деревню элементов. Совхозы, переживавшие в первые годы нэпа кризисный период своего развития, к настоящему времени достаточно окрепли и перешли на начала самокоупаемости и рентабельности производства. Деревенская кооперация, потребительская и с.-х., об'единяет ныне несколько миллионов крестьянских дворов. Таким образом, настоящий период характеризуется тем, что мы имеем все основные условия и предпосылки для того, чтобы шире поставить перед собой задачи социалистического преобразования крестьянского хозяйства. Если непосредственно после введения нэпа основной задачей партии было, по мысли Ленина, оживить путем свободного торгового оборота мелкую промышленность и сельское хозяйство для того, чтобы перейти к восстановлению крупной промышленности, и «учиться торговать», чтобы

[1]) «К вопросу о социалистическом переустройстве сельского хозяйства». ГИЗ, 1928.

овладеть оборотом между промышленностью и сельским хозяйством, то в настоящий период, когда народное хозяйство СССР достигло довоенного уровня и переходит в фазу реконструкции, когда торговлей мы в основном овладели, основная задача партии в деревне заключается в том, чтобы об'единить и преобразовать мелкие индивидуальные крестьянские хозяйства в крупные коллективы.

Решение этой задачи тем более необходимо, что для основной массы бедного и среднего крестьянства нет выхода из состояния хозяйственного прозябания в условиях распыленного мелкого и мельчайшего хозяйства. С другой стороны, кулак сильнее бедняка и середняка потому, что его хозяйство крупнее, что он бьет бедняка и середняка экономически. Только на основе крупного коллективного хозяйства бедняцко-середняцкая деревня может выйти на дорогу прочного хозяйственного под'ема и обеспечить себе раз навсегда экономическую независимость от кулака.

Глупо было бы, конечно, предполагать, что решение этой задачи возможно в короткий срок, методами наскока и спешки. Только в меру роста материальных и организационных возможностей, только рядом с ростом грамотности и культурного строительства среди крестьянства возможно успешное разрешение этой задачи.

Основным путем для строительства крупного коллективного хозяйства в деревне остается кооперация. Если до последнего времени главное внимание кооперации было направлено на обобществление торгового оборота, то в настоящее время, когда более половины промтоварного снабжения деревни сосредоточено в руках кооперации, когда более $2/3$ с.-х. сбыта также проходит через кооперацию, она должна переходить к работе по обобществлению производства. Кооперация должна уделять все большее внимание кооперированию с.-х. производства в его простейших формах—артелей по общественной обработке земли, машинных и животноводческих товариществ и других форм колхозного движения. Важнейшую роль в деле развития кооперативного производства может и должна сыграть с.-х. индустрия по обработке и переработке с.-х. продуктов. Развитие и укрепление этой индустрии, как индустрии кооперативной, подводит вплотную к обобществлению процессов обработки с.-х. продукции, к индустриализации деревни, а также толкает к обобществлению собственно с.-х. производства.

Одним из важнейших средств воздействия на сельское хозяйство в сторону его кооперирования и под'ема, а также усиления в нем планового начала, является развивающаяся ныне контрактация крестьянской продукции, как форма добровольного об'единения крестьянства через кооперацию с промышленностью. Весьма важным моментом контракции является воздействие через кооперацию на с.-х. производство в смысле лучшей обработки земли, внедрения искусственных удобрений и т. п., что обусловливается обычно в договоре, заключенном между кооперированным производителем и промышленностью.

На ряду с кооперативными формами обобществления и под'ема с.-х., совхозы и широкие государственные мероприятия, как, например, мелиоративные сооружения, ирригационная система, агротехническая помощь, снабжение семенами и удобрениями, борьба с засухой, мероприятия по под'ему ЦЧО и др.,—также являются рычагами для регулирования производственного процесса и орудием поддержки маломощных и середняцких масс.

В своих тезисах и выступлениях троцкистская оппозиция стремилась противопоставить кооперативному плану Ленина план электрификации. Это противопоставление целиком об'ясняется неверием оппозиции в возможность вовлечения основной массы крестьянства в русло социалистического строительства через кооперацию и означает по существу, отказ от ленинского

кооперативного плана. Партия решительно отвергла точку зрения оппозиции. Электрификация страны, в том числе и электрификация сельского хозяйства, означает могучий фактор социалистического переустройства сельского хозяйства, она подводит под него новый и совершенный технический фундамент. Однако, план электрификации и кооперативный план являются неразрывными частями общего плана строительства социализма в нашей стране.

Кооперирование крестьянства и построение крупного коллективного хозяйства через кооперацию невозможно без широкого культурного под'ема крестьянских масс. Поэтому культурная работа в деревне во всех ее формах и проявлениях приобретает выдающееся значение. В деревне в настоящее время до 45% мужского населения безграмотны. Низкий уровень грамотности и культуры является одним из главных препятствий социалистического строительства среди крестьянства. Это положение станет для нас особенно понятным, если мы вспомним, что именно бедняцкие и середняцкие слои крестьянства, на которые мы должны и будем опираться в деле социалистического строительства, наиболее страдают от недостатка грамоты и культуры. Если кулак и зажиточный, благодаря своему лучшему материальному положению, в состоянии послать своего сына в школу, в состоянии купить книгу или выписать газету, то бедняк часто не в состоянии это сделать. Малая грамотность и культурность широких бедняцких и маломощных масс деревни ослабляет и обезоруживает эти слои в их борьбе с кулачеством, препятствует вовлечению бедноты в советы, в кооперацию, препятствует развитию социалистических и кооперативных форм хозяйства. Поэтому культурная работа среди бедняцко - середняцких масс деревни является важнейшей составной частью борьбы с кулацким влиянием в деревне, за новые формы хозяйства, за хозяйственный под'ем бедняцких и маломощных слоев крестьянства. Не останавливаясь на тех достижениях, которые мы имеем на культурном фронте деревни за последние годы, необходимо во много раз усилить эту работу, чтобы изменить существующее положение, охарактеризованное особенно ярко в выступлении на с'езде т. Н. К. Крупской. «Конечно,—говорила т. Крупская,—сейчас культурный уровень в деревне совершенно другой, чем был еще несколько лет назад. Тут сказывается целый ряд влияний: и через Красную армию, и через шефство, через множество других путей деревня становится культурной. Но вот в смысле овладения практическими знаниями, которые так нужны деревне,—в этом отношении дело обстоит еще очень плохо. Вот агитпроп ЦК произвел обследование нескольких волостей. Возьмем одну из них в Воронежской губернии. Сколько там селений? 144 селения. А учреждениями политпросвета сколько обслужено? Не обслужено 131,—значит только 13 селений обслужено учреждениями политпросвета—и какими? Не только избами-читальнями, но и красными уголками, т.-е. самой первоначальной формой политпросветучреждений. И такое положение дел не просто печальное исключение, это скорее правило».

Успешное выполнение задачи об'единения и преобразования индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективные хозяйства, этой основной задачи работы в деревне на предстоящий период, невозможно без того, чтобы все возможные средства и рычаги, имеющиеся в распоряжении государства: торговля, кредит, финансы и пр., были использованы для этой цели, а также, чтобы работа кооперации и всех государственных организаций, работающих в деревне, была поставлена на должную высоту и целиком проходила под этим основным лозунгом партии. XV с'езд особо остановился на состоянии и недостатках практической работы в деревне, мешающих достижению поставленных задач и извращающих партийную линию.

«При всей правильности общей политики, — гласит решение XV с'езда,—при все растущей мощности воздействия на сельское хозяйство со стороны пролетарского государства, его органов, кооперации, необходимо отметить ряд крупнейших недостатков, ошибок, искривлений, иногда и вопиющих нарушений политической линии партии». Партийный с'езд решительно, по-ленински вскрыл имеющиеся в работе советских органов и организаций недостатки и нарушения политической линии партии, невзирая на беспардонную демагогию оппозиции, пытавшейся ссылками на эти отдельные ошибки оправдать свой печально-знаменитый тезис о термидоре, о перерождении партии и советского государства. Указания на эти ошибки, беспощадное их разоблачение служат прочной гарантией того, что они будут исправлены и устранены в дальнейшей работе.

Особенно вредными нарушениями директив партии являются случаи недостаточного внимания советских органов и организаций к стоящим перед ними задачам проведения правильной пролетарской политики в деревне. Эти случаи имели место как в работе госорганов, так и кооперации. Земельные органы местами не давали должного отпора притязаниям кулачества, а местами и прямо потакали этим притязаниям при распределении с.-х. машин, с.-х. кредита, применении аренды, при проведении землеустройства. Точно так же органы Наркомфина не всегда достаточно учитывали все облагаемые доходы кулацких групп. Не всегда осуществляли достаточный налоговый нажим на кулацкую верхушку деревни.

В кооперации XV с'езд также отметил ряд нездоровых явлений, выражающихся в относительной слабости кооперированности бедноты и непропорционально высокой кооперированности зажиточного крестьянства, в недостаточном вовлечении бедноты в выборные органы кооперации и в допущении в эти органы кулаков.

Следует отметить, что оппозиция в своей борьбе против партии всячески пыталась изобразить деревенскую кооперацию, как кулацкую. Однако, материалы и данные, имевшиеся в распоряжении с'езда свидетельствуют обратное. Несмотря на меньший процент кооперированности бедноты и на больший процент кооперированности зажиточной группы крестьянства, социальный состав самой кооперации в основном бедняцко-середняцкий. Так, по данным цитированных выше «Материалов исследования НК РКИ СССР» за 1926 год, основанным на обследовании 35 товариществ, свыше 90% входящих в кооперацию хозяйств относится к маломощным и середняцким (стр. 188). Тем не менее, указание с'езда партии на необходимость усиления кооперирования низших групп крестьянства является совершенно своевременным, так как дальнейший рост кооперации упирается в проблему вовлечения бедноты и маломощных в кооперацию. В деле машиноснабжения и кредитования крестьянства у кооперации наблюдались те же недостатки, что и у госорганов. Партийный с'езд обратил также внимание кооперации на факт существования различных лжекооперативов, по существу прикрывающих своей вывеской кулацкие «товарищества», и на необходимость вовлечения в общую систему кооперации существующих «диких» кооперативов. Особо были отмечены случаи недоучета значения кооперации, как организации масс с целью обобществления с.-х. производства, со стороны государственных заготовительных организаций. По директиве с'езда, имеющиеся извращения классовой политики партии в работе государственных и кооперативных организаций, случаи пренебрежения задачами социалистического строительства в угоду узковедомственным соображениям и интересам, должны быть устранены и исправлены. Перед государственными и кооперативными организациями XV с'езд поставил задачу укреплять и повышать социалистическое качество их работы. Только на этом

пути наши организации смогут быть действительно рычагами социалистического преобразования деревни.

Успешная работа по строительству социализма в деревне возможна лишь методами убеждения и поощрения, но отнюдь не методами принуждения, лишь на основе добровольного и сознательного участия и заинтересованности в нем широких масс крестьянства. XY с'езд партии решительно предостерегает от малейших попыток принуждения и насилия в деле внедрения новых хозяйственных форм. Только умелая, терпеливая работа, только уважение и чуткость к повседневным нуждам и запросам крестьянства могут дать положительные результаты на пути осуществления наших задач.

Превращение мелкого и распыленного крестьянского хозяйства в крупное и коллективное невозможно без общего под'ема его производительных сил и роста благосостояния крестьянских масс. Отмечая восстановление основных отраслей с. х. до довоенного уровня (кроме зернового хозяйства, которое еще не достигло довоенных размеров), рост техники и культуры в сельском хозяйстве, XY с'езд партии одновременно констатировал сравнительно слабый темп и низкий уровень его развития. Последнее об'ясняется тем тяжелым наследием, которое получило наше с. х. от царско-помещичьего режима, и его чрезвычайной распыленностью. Низкий уровень урожайности, рабская зависимость от природных условий, малая товарность, недостаток с.-х. инвентаря и скота у маломощной части крестьянства, неустроенность значительной части земли, тяжелое бремя аграрного перенаселения—характеризуют современное состояние деревни. Поэтому широкая система мероприятий по повышению урожайности, по проведению землеустройства, снабжению с.-х. инвентарем маломощной части крестьянства, по интенсификации и индустриализации сельского хозяйства нашла свое выражение в решениях с'езда. Так, например, XY с'езд постановил «провести землеустройство бедняцких и маломощных слоев крестьянства за счет государства», увязав проведение землеустройства « с другими организационно-хозяйственными мероприятиями (агропомощь, кредит, мелиорация, машиноснабжение и т. д.)» и «сократить принятый по плану срок окончания землеустроительных работ по СССР».

Мероприятия по под'ему сельского хозяйства невозможно отделить от работы по его коллективизации. Социальная и техническая реконструкция сельского хозяйства являются двумя сторонами одного и того же процесса. Если без общего хозяйственного под'ема сельского хозяйства немыслимо его обобществление, то и прочный, длительный под'ем невозможен на базе мельчайших и распыленных хозяйств, к тому же находящихся в процессе дальнейшего дробления в связи с ростом крестьянского населения и низким уровнем развития производительных сил деревни.

К особенно болезненным явлениям современной деревни следует отнести аграрное перенаселение, т.-е. избыток рабочих рук, не находящих себе трудового применения в сельском хозяйстве. Это явление об'ясняется общей отсталостью страны и низким уровнем развития производительных сил деревни, установившимся за время господства царско-помещичьего строя. Аграрное перенаселение может быть изжито как путем усиленного развития промышленности и кустарных промыслов, так и путем интенсификации сельского хозяйства, т.-е. внедрения трудоемных культур и развития животноводческих его отраслей. Поскольку ликвидация аграрной перенаселенности деревни возможна лишь на базе под'ема благосостояния и производительных сил деревни, интенсификация сельского хозяйства может оказать свое благотворное влияние только на основе повышения производительности с.-х. труда, т.-е. внедрения лучших способов обработки земли, механизации этой обработки земли и индустриализации деревни. Таким образом, интенсификация сельского хозяйства, на ряду с введением современных способов производства, представляет собою одно из основных средств для борьбы с аграрным перенаселением деревни. Другим отрицательным явлением следует считать так называемые «ножницы», т.-е. расхождение цен на продукты промышленности и сельского хозяйства. XY с'езд партии подчеркнул еще раз необходимость сжатия «ножниц» для ускорения темпа развития сельского хозяйства.

В своих решениях XY с'езд особо отметил необходимость ликвидировать существующую неземлеустроенность деревни, ибо без правильного землеустройства невозможен переход от дедовского трехполья к многопольному севообороту и невозможна вообще рациональная организация крестьянского хозяйства.

Осуществление намеченной с'ездом широкой программы мероприятий по под'ему бедняцко-середняцкой деревни является одной из важнейших предпосылок для выполнения основной задачи работы в деревне—организации крупного коллективного земледелия.

На ряду с проблемами организации крупных коллективных хозяйств и общего под'ема производительных сил сельского хозяйства, XY с'езд рассмотрел также вопрос о соотношении рабочего класса и различных групп крестьянства. Как мы упоминали выше, советская деревня развивается, как середняцкая в основной массе крестьянства. Социальный результат Октябрьской революции, выразившийся в поравнении крестьянства в условиях советской экономики, остается и останется на предстоящий период решающим фактором социальной структуры деревни. Консолидация средних групп крестьянства, происходящая в деревне, говорит о том, что середняк является ее центральной фигурой. Поэтому, задача партии и рабочего класса состоит в том, чтобы укрепить союз с середняком, избегать всячески ошибок, которые могли бы этот союз поколебать в какой-либо степени.

В решениях XY с'езда особое внимание обращено на происходящий в деревне процесс дифференциации, выражающийся в пролетаризации части беднейшего крестьянства и в известном росте кулачества.

Развитие этого процесса неизбежно в условиях нэпа, в условиях мелкого частного хозяйства. Поэтому XY с'езд партии на предстоящий период во весь рост поставил задачу развивать и усилить наступление против кулачества, принять ряд новых мер, ограничивающих развитие капитализма в деревне, и усилить помощь бедняцким и маломощным слоям крестьянства. Такие мероприятия, как ограничение срока аренды до 6 лет, борьба с кабальными формами арендных отношений, борьба против попыток подрыва национализации земли, лишение кулачества избирательных прав в земельных обществах и др., несомненно, должны явиться сильнейшим оружием против капиталистической верхушки деревни. Решения с'езда о проведении землеустройства бедняцких и маломощных хозяйств за счет государства, об организации помощи этим хозяйствам в области агротехнических мероприятий, кредита, мелиорации, машиноснабжения, организации страхования маломощного крестьянства должны содействовать хозяйственному под'ему деревенской бедноты, высвобождению ее от пут кулацкой эксплоатации. Особые решения приняты с'ездом по организации и обеспечению интересов наемного труда в деревне.

Для проведения всех мероприятий по дальнейшему развертыванию борьбы с кулачеством партия и рабочий класс в настоящий период социалистического строительства имеют все необходимые для того условия и предпосылки. За последние два года после XIY с'езда и на основе его решений, на основе роста социалистической промышленности, сельского хозяйства мы имеем укрепление союза рабочего класса со средним крестьянством, оживление работы советов, усиление отхода середняков от кулачества. Партия достигла этих успехов после XIY с'езда только в условиях реши-

тельной борьбы против оппортунистического антисередняцкого уклона оппозиции. На основе достигнутых успехов, партия переходит к дальнейшему усиленному наступлению на кулачество.

Методы и формы этой борьбы с кулачеством не имеют, однако, ничего общего с оппозиционными предложениями о принудительном хлебном займе для 10% крестьянства и т. п. ибо эти предложения страдают тем «маленьким» недостатком, что они направлены, по существу, также и против середняцкой части деревни, что они тащат партию и рабочий класс назад, к методам военного коммунизма. Неверие оппозиции в возможность построения социализма в нашей стране и в кооперативный план Ленина толкает ее невольно на путь «героических» выступлений и «сверхреволюционных» жестов в отношении борьбы с кулачеством. Характерной чертой всех предложений оппозиции в этом вопросе является их авантюрность и поверхностность. В самом деле, такое предложение оппозиции, как принудительный хлебный заем, отнюдь не открывает какой-либо перспективы действительного искоренения кулачества в деревне или устранения почвы для появления и роста кулака, но может означать лишь экспроприацию известной доли средств у зажиточной и середняцкой части деревни. Эта мера, сверхгероическая по виду, вовсе не разрешает проблемы расслоения деревни, проблемы искоренения капиталистических элементов деревни. Наоборот, выдвинутая с'ездом партии задача социалистического преобразования крестьянского хозяйства является той программой, работа над осуществлением которой единственно может обеспечить социалистический путь развития деревни и, следовательно, сможет уничтожить всякую почву для произрастания кулака и капиталиста.

Выдвигая организацию крупных коллективных хозяйств, как основную задачу социалистического строительства в деревне, партия всемерно подчеркивает необходимость ограничивать рост кулацких элементов деревни, бороться против эксплоататорских тенденций кулачества, помогать под'ему бедняцких и маломощных хозяйств. Но в то время как оппозиция ничего не продложила, кроме «сверхреволюционных» наскоков на кулачество (и на середняка тоже), партия развернула на своем с'езде, на ряду с системой мер по проведению классовой политики в отношении разных групп крестьянства, широкую положительную программу социалистического переустройства сельского хозяйства на основе ленинского кооперативного плана. Имея в виду эту перспективу, партия решительно отвергла авантюристические методы и формы, предложенные паникерами от оппозиции якобы для борьбы с кулацкой опасностью. А для оппозиции, именно в виду полной утери ею перспективы социалистического развития, ничего не осталось, как только уцепиться за ликвидаторский, троцкистский тезис—«или военный коммунизм, или капитализм». Не поддаваясь оппортунистическим уклонам, не смущаясь меньшевистскими «теориями» о перерождении, термидоре и пр., партия взяла на XV с'езде твердый ленинский курс на социалистическое преобразование деревни, на усиление наступления против кулачества в тесном союзе с середняком, опираясь на бедняцкие и маломощные слои крестьянства.

Большое значение отведено XV с'ездом политической работе партии в деревне—и прежде всего работе по оживлению советов, «как центров политического воспитания крестьянства под руководством пролетариата».

Тов. Молотов в своем докладе весьма ярко охарактеризовал значение работы по оживлению советов. «... По отношению к крестьянству, по отношению к массе бедняков и середняков мы не можем подходить как к какому-то об'екту советского строительства, не можем допускать того барского, того буржуазного отношения к крестьянству, которым пропитана идеология троцкизма. Крестьянин бедняк и середняк—не об'ект нашего строительства. Трудящийся крестьянин наш союзник в строительстве социализма, он—

суб'ект строительства, он активный и все более сознательный участник строительства социализма...: Отсюда следует и неизбежный вывод о правильности лозунга оживления советов. Мы оживляем советы потому, что нам абсолютно необходимо вовлечение в дело активного социалистического строительства миллионов и миллионов бедняков, батраков и массы середняков, той массы, которая составляет основную часть, центральное звено нашей теперешней деревни».

XV с'езд обратил внимание партии на работу по организации беспартийного бедняцко-середняцкого актива вокруг советов, на вовлечение в этот актив крестьянок и батрачек и на выдвижение их на руководящую работу в советах. В предстоящей кампании по перевыборам советов необходимо вовлечение в кампанию широкой массы бедняцко-середняцких слоев и проведение со всей строгостью исключения из избирательных списков кулацких и других антипролетарских элементов в согласии с избирательной инструкцией. Партийный с'езд также дал директиву об обеспечении руководящей роли советов в деревне по отношению к земельным обществам и лишении права голоса в земельных обществах исключенных из списков избирателей советов. Умелое проведение всюду в жизнь последнего решения с'езда гигантски усилит роль советов в деревне, превратит их в руководителей всей политической и хозяйственной жизнью деревни и означает решительное наступление на кулацкие элементы деревни там, где они верховодят в земельных обществах.

Выполнение задач, намеченных XV с'ездом, требует особого внимания всей партии и всех советских организаций к деревенской работе. Принятые XV с'ездом партии организационные мероприятия по вовлечению в деревенские организации партии батрацкого и бедняцкого актива, по оформлению и укреплению существующих бедняцких групп при советах и кооперативах, по усилению новыми партийными силами кооперативных и советских органов для обеспечения партийной линии в их деревенской работе и пр.—должны помочь партийным и всем советским организациям стать лицом к работе по социалистическому преобразованию деревни.

Для того, чтобы прочно и быстро двинуться вперед в деле об'единения крестьянских хозяйств в крупные коллективы, надо бесповоротно и раз навсегда отказаться от невнимательного отношения к уже существующим и развивающимся часто стихийно социалистическим элементам нашей деревни. Коллективизация крестьянского хозяйства ныне не только общий лозунг, программное положение, но задача практической повседневной работы. Об этом гласят решения XV с'езда партии, этого требует советская деревня, ищущая путей к под'ему своего хозяйства.

Вся работа партии, советских и кооперативных организаций над разрешением задач, выдвинутых XV с'ездом, будет проходить, разумеется, не в безвоздушном пространстве, не всегда гладко и ровно, а в условиях противоречий и трудностей нашего развития. Ярким доказательством тому служат текущие хозяйственные затруднения, связанные с неудачами в области хлебозаготовок. Вполне понятно, что в моменты подобных затруднений львиная доля внимания и энергии партии, государства и кооперации должна быть направлена на устранение текущих неувязок нашей хозяйственной жизни. Однако, временные затруднения и неудачи не должны целиком заслонять собою задач, выдвинутых XV с'ездом партии. Преодолевая трудности на пути нашего хозяйственного развития, мы будем строить и построим новую, социалистическую деревню.

А. Слепков.

Орудие победы.

(К исторической роли чрезвычайных органов по борьбе с контрреволюцией).

Исполнилось десять лет существования Чрезвычайной Комиссии—ГПУ, сыгравших в истории пролетарской революции в России столь значительную и почетную роль.

Чрезвычайные органы по борьбе с контрреволюцией были и являются неот'емлемым и существеннейшим элементом пролетарской диктатуры.

Диктатура пролетариата есть, прежде всего, орган классового насилия над вековыми насильниками и эксплоататорами, и сама эта сущность диктатуры, естественно, предполагает специальные органы по борьбе с контрреволюцией, пытающейся сохранить эксплоататорский строй всеми средствами, в том числе и путем военного подавления.

Вполне естественно поэтому, что оппортунисты всех мастей и всех оттенков, пытающиеся доказать антиреволюционность чрезвычайных органов по борьбе с контрреволюцией, не могут подойти к разрешению этой своей задачи без попытки дискредитировать самоё диктатуру пролетариата в ее целом, сам принцип диктатуры пролетариата, обоснованный Марксом—Энгельсом и Лениным.

Оппортунисты противопоставляют диктатуре пролетариата буржуазную демократию. В последней они усматривают венец политического развития, последнюю они рассматривают, как политическую форму непосредственного движения к социализму.

Особенно отчетливо эта позиция социал-реформизма выявилась в самое последнее время.

На всегерманском с'езде социал-демократии в Киле (май 1927 г.) идеолог II Интернационала Р. Гильфердинг «доказывал», что вообще нельзя говорить о буржуазной демократии, что в природе вообще не существует буржуазной демократии, что формальная политическая демократия, осуществляемая в странах господства капитализма, является формой народовластия, формой господства рабочего класса и трудящихся масс вообще.

«Свободное» соревнование социально-политических сил буржуазного общества на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, на основе парламентской демократии, — по Каутскому и Гильфердингу, — может и должно привести —и уже, якобы, приводит — к государственному господству пролетариата и широких масс трудящихся.

Правда, Гильфердинг и Каутский не смогут теперь об'яснить нам, почему, например, буржуазные энциклопедисты еще в конце XVIII века считали идеологию формальной политической демократии своей идеологией, равно как и тот факт, что во Франции, Америке и др. странах всеобщее, прямое, равное и тайное голосование существует длинный ряд десятилетий, — а факт политического господства буржуазии в этих странах не подвергается сомнению даже со стороны социал-демократов. Хороша же «небуржуазная», «антибуржуазная» «демократия», которая в течение многих десятилетий является формой господства буржуазии — и только буржуазии. Ибо где же дана власть рабочих в условиях формальной политической демократии?

Но что чрезвычайно характерно, так это то, что, по сути дела, в современном капиталистическом обществе формальная политическая демократия все больше сходит на-нет. Дело не только в том, что формальная политическая демократия неизбежно является в условиях экономического господства капитала, формой буржуазного господства, но и в том, что сама буржуазия, в интересах подавления сил революции, все более решительно попирает принципы формальной буржуазной демократии, считая последнюю изжитой формой своего классового господства, формой, не отвечающей требованиям новой эпохи.

На это обстоятельство указывал Ленин еще в 1918 году в своей брошюре «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Он писал:

> «Ученый господин Каутский «забыл», вероятно, случайно забыл... «мелочь», именно: что охрану меньшинства господствующая партия буржуазной демократии дает только другой буржуазной партии, пролетариату же при всяком серьезном, глубоком, коренном вопросе вместо «охраны меньшинства» достаются военные положения или погромы.
>
> Чем больше развита демократия, тем ближе бывает при всяком глубоком политическом расхождении, опасном для буржуазии, к погрому или к гражданской войне.
>
> Этот «закон» буржуазной демократии ученый господин Каутский мог бы наблюдать на деле Дрейфуса в республиканской Франции, на линчевании негров и интернационалистов в демократической республике Америке, на примере Ирландии и Ульстера в демократической Англии, на травле большевиков и организации погромов против них в апреле [1]) 1917 г. в демократической республике российской».

Этот диалектический «закон буржуазной демократии», несомненно, еще более властно обнаружил себя в последующее после 1918 года время обостренной классовой борьбы.

Если дать себе отчет в том, что эпохе войн и революций, которую переживает современное человечество, имманентно свойственны «глубокие политические расхождения, опасные для буржуазии», — что неоднократно подчеркивал Ленин,—то нетрудно понять, что в эту эпоху формальная политическая демократия, политическое «фритредерство» все более часто уступают место в арсенале буржуазной политики — «погрому или гражданской войне».

История классовой борьбы за послевоенное время целиком и полностью оправдала это положение.

Вспомните, как «связывали» себя формальной политической демократией белогвардейцы всех формаций, пытавшиеся при поддержке мирового империализма задушить Советскую Россию! Или как «молились» Фемиде режима, основанного на «всеобщем, прямом, равном и тайном голосовании», контрреволюционные мясники в Венгрии, Финляндии, Германии, где уду-

[1]) По всей видимости, здесь у Ленина описка; надо читать: «в июле».

шение рабочей революции производилось путем массовых расстрелов пролетарских революционеров-большевиков без суда и следствия!

Шейдеманы и Носке могли бы достаточно убедительно рассказать, — и кое-что уже рассказали, — как мало они сами, в борьбе за сохранение режима буржуазной диктатуры, склонны связывать себя нормами формальной политической демократии!

А разве за последние годы исторического развития не выявляются в крупнейших странах контуры буржуазного диктаторского режима, «завершающего» буржуазную государственность и вносящего существенные «коррективы» в буржуазно-парламентарный режим?

Разве перевод компартий на нелегальное и полулегальное положение, равно как и разгром рабочих организаций в различных странах буржуазной демократии, не являются достаточно красноречивыми показателями того, что формальная политическая демократия увенчивается «погромами и гражданской войной».

Разве рост фашизма не следует рассматривать, как доказательство того же самого? Так обстоит дело в действительности, чтобы ни говорили социалистические мещане; так обстоит дело потому, что переживаемая нами эпоха характеризуется «глубокими политическими расхождениями, опасными для буржуазии», потому, что буржуазия, теряющая почву под ногами, пытается удержать власть в своих руках «железом и кровью».

В революционную эпоху в течение месяцев, недель, и дней совершаются такие события, которые затем пережевываются историей в течение долгого ряда десятилетий. «Революции, — говорил Маркс, — локомотивы истории». Перепластования классовых сил происходят в течение месяцев, в течение недель меняются политические кон'юнктуры, дни решают исход больших классовых сражений. Совершенно естественно, что в такой обстановке старые традиционные формы классовых организаций, приспособленные к «органической» полосе, не могут справиться с новыми задачами. Буржуазия создает чрезвычайные организации классового насилия, более гибкие и подвижные, концентрирующие ее классовую мощь, не связывающие себя в борьбе против пролетарской революции никакими нормами «обычного» буржуазно-парламентского строя.

Что касается пролетариата, то сама задача борьбы за власть требует от него, по мере успехов движения, создания диктаторских органов власти, принципиально отрицающих буржуазную демократию, ее конституцию и нормы, уничтожающих режим буржуазной демократии, подавляющих отчаянно борящуюся за сохранение власти контрреволюцию и обеспечивающих строительство социализма.

В системе этих органов диктатуры, особенно в первых этапах революции, первостепенное значение приобретают чрезвычайные органы по борьбе с контрреволюцией, подвижные и гибкие, быстро реагирующие на действия контрреволюционных сил и располагающие чрезвычайными правами во имя победы революции.

Подобные органы существовали в историческом прошлом всюду, где осуществлялась революционная диктатура, прежде всего, во Франции.

Мы останавливаемся на Франции не случайно. Недаром Энгельс писал в предисловии к марксову «18 Брюмера Луи Бонапарта».

> «Во Франции более, чем в какой-либо другой стране, историческая борьба классов каждый раз доводилась до решительного конца, и потому сменяющиеся политические формы, внутри которых развивается эта борьба, и в которых резюмируются ее результаты, всегда отливались в самые резкие очертания».

Обратимся, прежде всего, к Великой французской революции.

Решающий удар феодализму во Франции был нанесен, как известно, не властью крупной буржуазии, а мелкобуржуазной диктатурой якобинцев. Эта диктатура вынуждена была, разумеется, прибегать к революционному насилию над политическими врагами из лагеря реакции, отчаянно сопротивлявшимися перевороту и пытавшимися реставрировать старый режим. Стихийно возникавшие чрезвычайные органы по борьбе с контрреволюцией легализировались Конвентом. Так было, напр., с так наз. наблюдательными комитетами, которые, согласно декрету Конвента от 17 сентября 1793 г., получили наименование революционных комитетов (в Париже их так называли и до этого декрета). Революционные комитеты, которым была предоставлена вооруженная сила, «обязаны были составлять, каждый в своем округе, списки подозрительных лиц, издавать приказы об их аресте и налагать печать на их бумаги». (См. Олар. «Полит. ист. франц. револ.», Госиздат, 1918, стр. 240).

Чтобы читатель мог почувствовать роль этого типа организаций, мы приведем одну иллюстрацию. Перед нами сборник «Революционный Трибунал в эпоху Великой французской революции». (Воспоминания современников и документы. Редакция проф. Е. В. Тарле. Часть первая. Издательство «Былое», 1918).

Политическое лицо редактора этого сборника, высланного ГПУ из СССР за контрреволюционную деятельность, достаточно хорошо известно, чтобы о нем еще нужно было говорить. Вполне понятно, что подбор материалов в этом сборнике, изданном в 1918 г. с определенной политической установкой «доказать», как вредно «насилие» восставших масс над вековыми насильниками, — весьма тенденциозен и односторонен. Тем не менее, все же, даже в кривом зеркале реакционных мемуаристов можно увидеть, что массы, делавшие революцию, нащупывали весьма конкретные формы учета враждебных революции сил и предотвращения выступлений с их стороны. Вот, напр., характерная сценка, изображающая, как аббат Мореллэ (Morellet) хлопотал в революционном комитете в сентябре 1793 года о выдаче ему свидетельства о благонадежности (certificat de civisme), без которого трудно было пройти по улицам Парижа того времени.

> «Председатель, — по словам аббата Мореллэ, — спрашивал: «имеется ли кто-нибудь, кто бы знал гражданина и ручался за его благонадежность?». Если никто не отвечал, что случалось довольно часто, то председатель говорил: «Отложить». Если кто-нибудь из советников Коммуны говорил: «Я знаю гражданина и я ручаюсь за него», то председатель говорил: «Выдать».
>
> Вызвали меня. В тот момент, когда я поднимался на эстраду, председатель задал вышеприведенный вопрос и, не слыша, чтобы кто-либо ручался за меня, так как в это время среди членов совета не было никого из моей секции и сам он, хоть и принадлежал к ней, но не знал меня, снова взял слово и сказал собранию: «Я слышу, как мне шепчут на ухо, что благонадежность этого гражданина подозрительна...». Едва только председатель поднял вопрос о сомнении в моей благонадежности, как из среды Совета Коммуны поднялся человек и сказал: «Гражданин председатель, я высказываюсь против выдачи свидетельства о благонадежности гражданину Мореллэ, т. к., сколько я помню, лет пятнадцать или шестнадцать тому назад, он написал апологию деспотизма».
>
> При этом обвинении я попросил слова и, обращаясь к своему обвинителю, сказал ему, что не знаю даже заглавия труда, который он ставит мне в вину; что если и существует подобный труд, то нет оснований думать, что он написан мною: что я не только никогда не писал

в защиту деспотизма, но я провел всю свою жизнь, защищая дело народа и свободы, свободы промышленности и торговли, свободы слова и печати и свободы религиозных взглядов, а с приближением революции я защищал право третьего сословия на двойное представительство и пр. После некоторого обмена мнений между мною и моим обвинителем, взял слово председатель и произнес: «Отложить до той поры, пока комиссары не дадут отчета о трудах гражданина Мореллэ; а этими комиссарами будут граждане Виалар, Бернар и Парис». (См. указанный сборник, стр. 40—41).

Отвлекаясь от того, был ли виновен аббат Мореллэ в написании «апологии деспотизма», мы не можем не отметить, что отношение к лицам, внушающим подозрение с точки зрения политической безопасности якобинской диктатуры, было, судя по этому рассказу, весьма строгое; редактор сборника не без сарказма отмечает, что аббат Мореллэ так и не получил свидетельства о благонадежности.

Положительная роль революционных комитетов в борьбе с силами воинствующей реакции признается даже таким политически - умеренным буржуазным историком, как Олар.

«Надзор революционных комитетов, — пишет он, — окутал всю Францию как бы мелкой сетью, в которую попались и были прикреплены к месту жительства противники революции и заговорщики всякого рода. Неприсягнувшие священники, агенты эмигрантов и иностранных держав, жирондисты и федералисты были в высшей степени стеснены в своих предприятиях против республики или Горы этими бдительными группами, сторожевые посты которых преграждали днем и ночью все пути сообщения, проверяли паспорта и цивические сертификаты (свидетельства о благонадежности), при чем при малейшем подозрении бросали в тюрьмы местных жителей или проезжих. Если вандейскому восстанию не удалось слиться с чужеземным нашествием, если роялистский мятеж не мог распространиться настолько, чтобы оказать помощь австрийским, английским и испанским армиям, то этим Франция обязана отчасти революционным комитетам». (Олар, «Политическая история Французской революции», Петроград, 1918, стр. 241).

Олар вынужден признать, что революционные комитеты помешали об'единению внутренней и внешней контрреволюции; он вынужден отдать им должное в деле борьбы с силами реакции.

Особую роль в системе чрезвычайных органов якобинской диктатуры по борьбе с контрреволюцией играл Революционный Трибунал, просуществовавший около 15 месяцев (1793—1794 гг.) и вынесший за это время 2.596 смертных приговоров. (Олар, «Полит. ист. Франц. рев.», стр. 248).

Революционный Трибунал, решения которого, в общем, определялись якобински настроенными присяжными заседателями, не один раз выступал, как исторически важный фактор, о значительности которого говорили во всем мире: где с чувством трудно - скрываемого ужаса, а где с чувством растущей ненависти против эксплоататоров.

Этот Трибунал приговорил к смертной казни королеву Марию - Антуанетту. «Антуанетту, — заявил перед приговором председатель Трибунала Эрман, — обвиняет французский народ; все политические события последних лет свидетельствуют против нее». А один присяжный «простолюдин» Трибунала Трэншар так мотивировал казнь Марии - Антуанетты:

«Я уведомляю тебя, мой брат, что я был одним из присяжных, которые судили хищного зверя, который сожрал большую часть республики, ту, которую называли бывшей королевой».

Редактор используемого издания брезгливо морщится, когда приводит это письмо: он называет его «непередаваемым на русский язык по своей безграмотности».

В нем возбуждает возмущение грубость представителя восставших низов. В этой же связи он приводит заголовок из 229 № «Отца Дюшена», где вождь левого крыла якобинцев Гебер, пишет:

«Величайшая радость из радостей отца Дюшена после того, как он увидел собственными глазами голову самки veto, отделенную от ее... шеи потаскухи».

Конечно, мягкостью и салонной деликатностью этот стиль не отличается, но, ведь, речь идет о революции, в которой класс против класса встает с оружием в руках, о революции, творцом которой выступила улица, выступили народные низы, опрокидывающие режим загнившего абсолютизма. И именно потому, что в заседаниях Трибунала непрерывно стоял гул парижской улицы и чувствовалась воля народных низов, — именно поэтому его так ненавидели реакционеры.

Трибунал приговорил к смертной казни убийцу Марата Шарлотту Кордэ, которая на вопрос: «Неужели вы думаете, что убили всех Маратов?», ответила: «Раз умер этот, другим будет страшно».

Этот Трибунал казнил жирондистов,—кадетов эпохи Великой французской революции, — исключенных из Конвента за контрреволюционность и переданных на суд присяжных Трибунала. Когда процесс, в силу формальных задержек, грозил затянуться, левый якобинец Гебер внес в клубе якобинцев предложение, «отправить в Конвент депутацию с просьбой закончить суд над Бриссо и его соумышленниками в течение суток». Оратор Одуэн, защищавший в Конвенте это предложение, заявил:

«Граждане - представители, всякий раз, как общество друзей свободы и равенства испытывает тревогу, оно идет высказать ее на вашем лоне. Не удивляйтесь этому. С той поры, как враги не находятся больше в наших рядах, здесь, как и у якобинцев, мы пребываем среди друзей свободы и равенства. Вы создали революционный Трибунал, уполномоченный карать заговорщиков. Мы полагали, что увидим, как этот Трибунал, раскрывая преступления одной рукой, станет поражать его другой рукой, но он все еще порабощен формами, компрометирующими свободу. Когда арестован виновный, совершивший убийство, надо ли нам считать число ран, нанесенных им своей жертве, чтобы убедиться в его преступлении? Прекрасно! Но разве труднее судить преступления депутатов? Разве мы не видели скелет федерализма? Убитые граждане, разрушенные города, — вот их преступления! Чего ждут для гибели этих чудовищ? Не того ли, чтобы утонули в крови народа? Тот день, который осветит государственное преступление, не должен больше давать света заговорщикам. На вашей стороне максимум общественного мнения, разите же! Мы предлагаем вам:

1. Освободить революционный Трибунал от формальностей, которые глушат совесть и мешают убеждению.

2. Добавить один закон, который позволил бы присяжным заявлять, что они достаточно познакомились с делом; тогда, и только тогда, предатели будут поражены, а террор будет в порядке дня». Сборник документов «Революц. Трибунала в эпоху Вел. франц. рев.», под ред. Е. Тарле).

Декрет, изданный Конвентом по этой инициативе, дал возможность ускорить исход процесса, и через несколько дней жирондисты были казнены.

Но Трибунал карал не только заговорщиков и активных организаторов контрреволюции; он карал также и за агитацию против диктатуры, за контрреволюционные речи.

Вот, к примеру, несколько осужденных Трибуналом:

1. Конституционный священник Жан-Батист Франсуа Гишар, призывавший к восстановлению королевской власти, пытавшийся опорочить конституционные власти; «он призывал нож убийц на головы депутатов Конвента, голосовавших за смерть тирана; он отказывался читать во время проповеди послания конституционного епископа и декреты национального Конвента, в нарушение закона от 4 декабря 1792 года; он устроил крестный ход в честь Людовика XIII» и т. д., и т. п.

2. Иоахим Пишлен, гренадер 29 пехотного полка, и Ж.-Т. Никло, капрал того же полка, привлечены за то, что кричали в гостинице: «Да здравствует король! Да здравствует Антуанетта!», и когда расплачивались по счету, то, давая ассигнации, говорили: «Вот деньги твоей г.... республики». Один из них, похлопывая себя по голове, сказал: «Если бы таких голов было много, то Конвент улетел бы к чорту».

3. Мария Шаль, вдова Франсуа Фонтэн-Мэрве, б. дворянка, старая женщина, подозреваемая в связи с эмиграцией. У нее нашли в бумагах панегирик королю, написанный графиней Бофор: «Королю, носящему красный колпак».

«Людовик, этим колпаком, детищем кровожадной партии, нисколько не уничтожена наследственная корона, венчавшая твое благородное чело. О, смелый, чувствительный и гуманный король, весь мир, восхищаясь тобой, повторяет: «В твоей руке все становится скипетром, а на твоей голове все становится короной». Кроме того, у нее найдены письма, «не содержащие ничего, кроме фанатизма и ройялизма». (Там же).

Мы взяли все эти иллюстрации мелких дел из указанного выше сборника. Как ни незначительны эти дела по сравнению с большими процессами, но они, так сказать, пахнут временем, к которому они относятся. Трибунал тщательно следил за проявлениями контрреволюционности и пресекал их в зародыше. В этом смысле он сослужил революции большую службу.

Однако, мелкобуржуазная диктатура секла головы не только направо, но и налево. В этом заключались ее историческая трагедия и источник ее непрочности. Революционный Трибунал казнил не только ройялистов, но и гебертистов. В эпоху Великой французской революции не было дано организованного пролетариата и не было ни пролетарской диктатуры, ни ее зародыша; а левые элементы, тянущиеся своей идеологией к пролетариату, посылались Робеспьером на эшафот.

Парижская Коммуна, в известном смысле, была, по сравнению с Великой французской революцией, шагом вперед. Но и она не дала образцов выдержанной пролетарской политики, вообще, и в области борьбы с контрреволюцией в частности.

Если Парижская Коммуна в социально-экономическом отношении подвинулась по сравнению с Великой французской революцией вперед, к диктатуре пролетариата, то в отношении р е ш и т е л ь н о с т и политической борьбы с контрреволюцией типичная мелкобуржуазная диктатура Робеспьера стояла, несомненно, на более высоком уровне, чем Парижская Коммуна, поскольку речь идет именно о б о р ь б е с к о н т р р е в о л ю ц и е й. Чрезвычайные организации, созданные Парижской Коммуной для борьбы с контрреволюцией, создавались по типу соответствующих организаций эпохи Великой французской революции.

К о м и т е т О б щ е с т в е н н о г о С п а с е н и я вершил цензурные дела, при чем дело не обошлось без закрытия реакционных газет и предания военному суду контрреволюционных противников Коммуны.

К о м и с с и я б е з о п а с н о с т и за два месяца существования Парижской Коммуны арестовала 1.300—1.400 человек. Когда попавшиеся в плен версальцам национально-гвардейцы после вылазки 4—5 апреля были расстреляны без всякого суда, то Коммуна издала декрет о заложниках, в силу которого было арестовано 260 человек, в той или иной мере представлявших контрреволюционные круги (в их числе были: 4—5 видных лиц из духовенства, председатель кассационного суда, банкир, жандармы, пристава и т. д.).

Однако, Коммуна проявила в отношении этих заложников нерешительность; из их числа было расстреляно только 64 человека, да и то уже в последние дни, когда Коммуна уже была почти задушена контрреволюцией. (См. Н. Лукин—«Парижская Коммуна», Госиздат, 1922 г., глава V).

Энгельс, оценивая этот опыт Парижской Коммуны, писал:

«Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков, пушек, т.-е. средств чрезвычайно авторитетных. И победившая партия по необходимости бывает вынуждена удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие. Если бы Парижская Коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве бы она продержалась дольше одного дня? Н е в п р а в е л и м ы, н а о б о р о т, п о р и ц а т ь К о м м у н у з а т о, ч т о о н а с л и ш к о м м а л о п о л ь з о в а л а с ь э т и м а в т о р и т е т о м?»

Маркс писал об этом же с еще большей определенностью:

«Когда Тьер уже в самом начале войны дал силу гуманному обычаю расстреливания пленных коммунаров, К о м м у н е для спасения жизни этих пленных н е о с т а в а л о с ь н и ч е г о б о л е е, к а к п р и б е г н у т ь к п р у с с к о м у о б ы ч а ю б р а т ь з а л о ж н и к о в. К а к и м ж е о б р а з о м м о ж н о б ы л о е щ е д а л е е щ а д и т ь и х ж и з н ь п о с л е т о й к р о в а в о й б а н и, к о т о р о ю м а к - м а г о н о в с к и е п р е т о р и а н ц ы о т п р а з д н о в а л и с в о е в с т у п л е н и е в П а р и ж?»

Парижская Коммуна боролась с контрреволюцией, но боролась нерешительно, непоследовательно, с оглядкой, с заминками, с запаздываниями. Ее связанность в этой области, несомненно, обусловлена колебаниями мелкобуржуазного большинства Коммуны.

Только диктатура пролетариата, утвержденная на территории, где до этого столетиями горел очаг мировой реакции, сумела дать безупречно-революционное, пролетарски-выдержанное н а п р а в л е н и е деятельности чрезвычайных органов по борьбе с контрреволюцией. Только она сумела проявить надлежащую п о с л е д о в а т е л ь н о с т ь и р е ш и т е л ь н о с т ь в этой борьбе. Только она отчеканила максимально г и б к и е ф о р м ы этих организаций.

Понять историческое значение чрезвычайных органов по борьбе с контрреволюцией в нашу эпоху—это значит, прежде всего, понять самоё эпоху и генеральную расстановку классовых сил борьбы в м е ж д у н а р о д н о м масштабе. СССР—очаг мировой социалистической революции—есть п е р в о е пролетарское государство, окруженное смертельными врагами—империалистическими государствами.

Ленин писал в полемике против Каутского:

«Если эксплоататоры разбиты *только в одной стране*, а это, конечно, типичный случай, ибо одновременная революция в ряде стран есть редкое исключение,—то они остаются *все же сильнее* эксплоатируемых, ибо международные связи эксплоататоров громадны... Переход от капитализма к коммунизму есть целая историческая эпоха. Пока она не закончилась, у эксплоататоров неизбежно остается надежда на реставрацию, а эта *надежда* превращается *в попытки* реставрации...». (Собр. соч., т. XV, стр. 433—434).

Эпоха военного коммунизма была ярким доказательством этого положения: *внутренняя* контрреволюция, при непрерывной поддержке *международной* реакции, с оружием в руках пыталась опрокинуть пролетарскую диктатуру. Последняя не смогла бы укрепиться, если бы она не применяла чрезвычайных методов борьбы с контрреволюцией, отвечающих требованиям эпохи; она не смогла бы подавить военные контрреволюционные восстания без чрезвычайных органов борьбы с контрреволюцией.

Чека обнаруживала и поражала нервные центры контрреволюционных *заговоров*. Чека вырывала с корнем *измену* в советском лагере, особенно в кругах комсостава Красной армии. Чека боролась со *спекуляцией*, подтачивающей экономические основы военно-коммунистического режима [1]). Чека боролась с *саботажем* чиновников, пытавшихся парализовать механизм пролетарской диктатуры.

Чека запускала свой глаз всюду, где гнездилась контрреволюция, в каких бы формах она ни проявлялась. Такого *многообразия* форм и методов борьбы с контрреволюцией не знала и не могла знать еще ни одна из прежних революций.

Переход к новой экономической политике, наступивший после поражения цепи военных восстаний контрреволюции, ни в коей мере не «снял» проблемы борьбы с контрреволюцией, как не отменил и необходимости *чрезвычайных* организаций пролетарской диктатуры для этой борьбы.

Переименование Чека в ГПУ символизировало не принципиальный отказ от чрезвычайных методов борьбы с контрреволюцией, а лишь изменение ее форм, продиктованное изменением обстановки.

Строительный период побуждает ГПУ уделить особое внимание проблеме борьбы с *экономической контрреволюцией* и борьбы против использования последней советского аппарата.

Но положение *первой* в мире пролетарской диктатуры, строящей социализм в обстановке *империалистического окружения*, диктатуры, в борьбе против которой внутренняя контрреволюция непременно использует «громадные *международные* связи эксплоататоров»,—обусловливает необходимость мобилизации ГПУ и для энергичной борьбы против *непосредственно-политической* контрреволюции. «Порох должен быть сухим» и на этом фронте.

Пока будет существовать комплот империалистических государств против СССР, до тех пор внутренняя контрреволюция будет неизмеримо сильнее, чем это кажется с точки зрения оценки ее сил, когда абстрагируешься от мировой обстановки. Удар того или другого империалистического противника или группы их по СССР, обязательно вызывает некоторое нарастание сил и активизацию внутренней контрреволюции.

[1]) Зародыши функций экономической борьбы с буржуазией имелись еще у революционных комитетов эпохи Великой французской революции. «Террор,—пишет в предисловии редакция цитированного нами сборника «Революционный Трибунал в эпоху Великой французской революции»,—проводился... для того, чтобы осуществить так называемый «закон о максимуме»,—другими словами, чтобы *поддержать таксацию, наложенную на все предметы потребления 29 сентября 1793 года*».

Опыт последнего года, прошедшего под знаком усиленного нажима империалистического окружения на СССР, под знаком разрыва дипломатических отношений буржуазных государств с СССР и нарастания опасности военного нападения империализма на СССР—дает достаточно красноречивый материал для установления этой закономерности.

Перед лицом грядущего обострения классовых боев и неизбежной активизации сил не только международной, но и внутренней контрреволюции—мы будем руководствоваться лозунгом, который Ленин выдвинул в своем выступлении против меньшевиков на VII С'езде Советов: «Надо быть на-чеку и не забывать о Чека».

Пролетариат СССР учтет опыт прошлых революций в области борьбы с контрреволюцией, избежит их ошибок и выполнит свою миссию авангарда международной рабочей армии, которая на наших глазах становится могильщиком капитализма.

С. Садвокасов.

О национальностях и националах*).

XII партийный с'езд, где в последний раз обсуждался национальный вопрос, между прочим, постановил, что «для правильного проведения в жизнь национальной программы, выдвинутой Октябрьской революцией, необходимо еще преодолеть те препятствия, которые переданы нам в наследство пройденным периодом национального гнета и которые не могут быть преодолены в короткий срок одним ударом». Далее в постановлении XII с'езда говорится, что «это последнее состоит в фактическом, т.-е. хозяйственном и культурном неравенстве национальностей Союза Республик. Правовое национальное равенство, добытое Октябрьской революцией, является великим завоеванием народов, но оно не решает само по себе всего национального вопроса... Причины этого фактического неравенства кроются не только в истории этих народов, но и в политике царизма и русской буржуазии, стремившихся превратить окраины в и с к л ю ч и т е л ь н о с ы р ь е в ы е р а й о н ы[1]), эксплоатируемые промышленно-развитыми центральными районами. Преодолеть это неравенство в короткий срок, ликвидировать это наследство в один—два года невозможно... Но преодолеть его нужно о б я з а т е л ь н о».

Со времени XII с'езда нашей партии прошло уже четыре с половиной года. Это вполне достаточный срок для того, чтобы проверить процесс выполнения хотя бы основных решений XII партс'езда. Мы имеем в виду в первую очередь хозяйственные вопросы, от правильного разрешения которых зависит в конечном счете и проблема фактического равенства национальностей Союза. О хозяйственных вопросах национальных окраин особенно уместно говорить теперь, когда мы, перешагнув черту восстановительного периода, вступаем в полосу реконструкции всего народного хозяйства. Проблема индустриализации нашей страны должна означать не только высвобождение Советского Союза из-под капиталистической зависимости от Западной Европы и Америки, но она (проблема индустриализации) должна социалистически разрешить и межнациональные отношения внутри самого Союза.

Успехи индустриализации окажутся тем вернее, и союз национальностей станет тем прочнее, чем более к многомиллионному русскому пролетариату из года в год будут прибавляться новые кадры пролетариев окраин. Если судьба бедняка-крестьянина разрешится не только землей, но и фабрикой и заводом, то судьба бедняка окраин не составляет исключения. На ряду с нашей политикой по поднятию бедняцкого хозяйства на окраинах мы должны известную часть этой бедноты вливать в промышленность на окраинах.

Короче говоря, если империалистическая русская буржуазия только выкачивала из окраин сырье, насаждая фабрики и заводы у себя под рукой,

*) Статья дискуссионная.

[1]) Везде разрядка наша. *С. С.*

то социалистическая промышленность должна развиваться по принципу хозяйственной целесообразности; если восстановительный период поневоле имел на себе отпечаток «проклятого наследия» прошлого в виде фактического неравенства отдельных национальностей, то полоса реконструкции должна изжить это наследство, «обязательно преодолевая» (XII партс'езд) стоящие перед нами трудности. В этом заключается и весь смысл приобщения отсталых окраин к социалистическому строительству, в этом залог дальнейшего укрепления советской власти на окраинах.

Посмотрим теперь, как эта бесспорная установка партии понимается отдельными руководящими работниками на окраинах, деятельность которых (работников) по раз'яснению того же XII партс'езда «имеет громадную важность».

В своей статье «Генеральная линия» («Правда Востока» № 230, от 7/X с. г.) председатель средне-азиатского бюро ЦК ВКП(б) тов. Зеленский пишет:

«Основная задача экономической политики СССР—обеспечить возможность постепенного высвобождения советского хозяйства из-под зависимости от капиталистического мира... Задача республик Средней Азии должна заключаться в том, чтобы в первую очередь развивать те отрасли сырьевого хозяйства, которые уменьшают и ослабляют нашу зависимость от капиталистического мира».

Конечно, все это правильно. Советское хозяйство должно высвобождаться из-под зависимости от капиталистического мира; Средняя Азия должна развивать те отрасли сырьевого хозяйства, которые уменьшают нашу зависимость от буржуазного мира. Но все это—л и ш ь о д н а с т о р о н а м е д а л и.

Другая сторона медали должна выражать хозяйственное лицо уже самого Союза, в том числе и Средней Азии, т.-е. перед нами встает вопрос, где, что строить. Но тут-то т. Зеленский поворачивает на старую дорогу великодержавности. Как иначе назвать его рассуждения о том, что «тенденции строить республики хозяйственно, как замкнутые организмы, являются вредными и опасными с точки зрения развертывания социалистического хозяйства в целом» (там же)?

Во-первых, неверно утверждение т. Зеленского будто есть тенденция (читай—у националов) строить замкнутое хозяйство в каждой республике (смешно об этом говорить), а во-вторых, по какой теории вытекает, что вывозить хлопок из Средней Азии—это хорошо, а вывозить текстиль—это признак замкнутого хозяйства. Не выходит так, т. Зеленский! Как раз, с точки зрения хозяйственной целесообразности, необходимо приблизить промышленность к источникам сырья.

Тут нам могут возразить, что для создания промышленности в известном районе необходимы не только сырье, н о и н а л и ч и е р а б о ч и х р у к и т о п л и в а.

Ответ на это—многомиллионная беднота Казакстана, Узбекистана, Туркменистана, многомиллиардные запасы каменного угля и нефти в Казакстане.

Могут сказать еще, что все это хорошо, но нет в Средней Азии путей сообщения. На это можно ответить, что в наше время пути сообщения делаются человеческими же руками, а железнодорожное строительство составляет тоже часть вопроса индустриализации.

Таким образом, «хозяйственно» все говорит против т. Зеленского. Но т. Зеленский упорен в своей «Генеральной линии». Последний его аргумент:

«Тут приходится учитывать не только хозяйственные соображения, но и политические. С т о р о н н и к а м и и д е и з а м к н у т о г о х о-

зяйства являются элементы классово нам враждебные... Идеологом самостоятельного хозяйственного развития в Средней Азии является также известный панисламистский деятель Мустафа Чокаев». (Там же).

Тут приходится признать, что т. Зеленский переходит от метода убеждения к методу принуждения или, вернее, к методу острастки. Есть, мол, такой «контра», по имени Чокаев; осторожнее, ребята-националы, а то мы вас запишем к нему.

На это можно ответить, что коммунисту-националу не страшны ни Чокаевы, ни разговоры о Чокаевых. Пускай Чокаевы говорят и пишут, что угодно, а мы, коммунисты, будем делать свое советское дело.

И если сбросить с последнего утверждения т. Зеленского элементы не относящейся к обсуждаемому вопросу острастки, то остается его изречение «о соображениях хозяйственных и политических». О каких политических соображениях в деле индустриализации в отличие от хозяйственных говорит т. Зеленский? Никак не можем понять «генеральную линию» «политических соображений» т. Зеленского.

Не лучше обстоит дело с пониманием роли индустрии на окраине и у другого ответственного работника.

Секретарь казакского крайкома ВКП(б) т. Голощекин пишет: «В области промышленности (в Казакстане. *С. С.*) основное не столько в крупной, сколько в местной мелкой и средней (крупорушки, шерстомойки, маслобойки, ремонтные мастерские и т. д.), т.-е. во всем том, что связано [1]) с сельским хозяйством и делает его более рентабельным». (Журнал «За Партию» № 2, октябрь 1927 г.).

Повидимому, по т. Голощекину существует еще такая промышленность, которая вообще не связывается с сельским хозяйством, которая получает сырье и продовольствие для рабочих невесть откуда, а может быть, даже с Марса. Теоретическое состязание с секретарем крайкома для национала—дело безнадежное, но тем не менее невозможно не указать на явные нелепости.

Тов. Голощекин промышленность приставляет к хвосту сельского хозяйства, предопределяя таким образом вечно крестьянское существование Казакстана. Разве можно говорить о промышленности и предлагать только ремонтные мастерские? Еще со времени Адама люди чинили себе башмаки и лопаты, но никто до сих пор не называл это «промышленностью», а тем более «основным в области промышленности». Почему т. Голощекин не может или, вернее, не хочет итти дальше шерстомоек, тогда как сама собой напрашивается и организация суконных фабрик. Не легче ли и железным дорогам сразу вывозить из Казакстана готовое сукно, чем два раза таскаться то с вымытой шерстью, то обратно с «московским» сукном из этой шерсти?

Как будто хозяйственная целесообразность говорит за наш вывод, а т. Голощекин, следуя примеру своего соседа, т. Зеленского, не приминет назвать нас защитниками «замкнутого хозяйства в Казакстане», или еще хуже, по его (Голощекина) выражению, «сторонниками неприкосновенности социально-экономической структуры казакского аула» (речь его на III пленуме казкрайкома ВКП(б), декабрь 1926 г.).

«Блюститель» сельского хозяйства в Казакстане, т. Голощекин забыл, между прочим, о том, что отсутствие или слабое развитие промышленности задерживает рост и сельского хозяйства, что товарность в сельском хозяйстве стоит в прямой зависимости от темпа развития промышленности и что

[1]) Разрядка наша. *С. С.*

без развития товарности сельское хозяйство не может выйти на широкую дорогу интенсификации и коллективизации. И если уж говорить о действительных сторонниках неприкосновенности социально-экономической структуры аула, то да будет нам позволено таковыми назвать тех, кто не желает смотреть дальше ремонтных мастерских и шерстомоек.

Из всего сказанного вытекает, что директива XII партс'езда об изживании «политики царизма и русской буржуазии, стремившихся превратить окраины в исключительно сырьевые районы»,—эта директива проводится в жизнь на окраине, в данном случае в Средней Азии и Казакстане, не совсем достаточно или, правильнее, совсем недостаточно.

В чем тут причина? Виноваты ли только отдельные руководящие работники или причина заключается в чем-то большем? Не допускали ли центральные органы власти послаблений в деле правильной политики по национальному вопросу?

Надо прямо правду сказать в глаза. Да, центральные органы в своей работе недоучитывали значения национального вопроса. Пятилетка перспективного развития промышленности была составлена без учета нужд окраин. Об этом свидетельствует и сам т. Куйбышев:

«В отношении развития отдельных районов пятилетка не отличалась четкостью и ясностью. Какую физиономию будет иметь каждый отдельный район,—на этот вопрос пятилетка не давала точного ответа». («Правда» от 13/IX 1927 г.).

Тревожным сигналом для национальных окраин прозвучало и заключительное слово т. Рыкова на IV Всесоюзном С'езде Советов, когда он говорил:

«На этом С'езде так же, как и на целом ряде других с'ездов, наблюдается такая картина: на трибуну выходят представители губерний, областей, районов, республик [1]) и начинают доказывать, что у них в губернии, районе и т. д. нужно обязательно построить то-то... Мы можем наделать очень много и очень больших ошибок, если станем на ту точку зрения, что индустриализация означает развитие во что бы то ни стало индустрии в каждой административной единице. Эта точка зрения иногда приводит даже к тому, что в отдельных частях нашего Союза стремятся создать замкнутое хозяйство. Я должен подчеркнуть со всей решительностью, что вместе с осуществлением индустриализации хозяйственные связи, экономическое единство Союза и взаимная зависимость отдельных его частей будут возрастать все более и более». («Правда» от 27/IV—27 г.).

В общую номенклатуру административных единиц т. Рыков наваливает и автономные республики. Во-первых, и прошлое и настоящее этих отдельных губерний, областей, районов и республик не одинаковы, во-вторых, кто не знает, что некоторые губернии и области хотят еще большего усиления уже существующей у них промышленности, а республики или ничего не имеют, или имеют совсем мало. Эту разницу между губерниями и республиками т. Рыков должен был заметить. Наконец, т. Рыков неправильно называет стремлением к замкнутому хозяйству, когда национальные республики просят помочь им организовать имеющее у них базу то или иное предприятие. Нам кажется, что индустриально развитое хозяйство тем и отличается от первобытного, что оно никогда не станет замкнутым, и поже-

[1]) Разрядка наша. *С. С.*

лания т. Рыкова, чтобы единство Союза и взаимная зависимость отдельных его частей возрастали все более и более, осуществляется тем вернее, чем скорее национальные окраины перестанут быть только сырьевой базой.

Мы долгое время отождествляли национальный вопрос с вопросом крестьянским, считая, что первый есть часть второго. Это было абсолютно верно во времена старого режима, когда окраины служили колонией для русской буржуазии, это было верно с некоторой оговоркой в эпоху восстановительного периода нашего хозяйства, поскольку речь шла о преодолении «трудностей, переданных нам в наследство пройденным периодом национального гнета». Но отождествление национального вопроса с крестьянским в эпоху реконструкции хозяйства СССР уже является неверным, ибо национальный вопрос теперь, перерастая вопрос крестьянский, начинает включать в орбиту своей проблемы и вопросы индустриализации.

Директивы по составлению пятилетнего плана народного хозяйства, одобренные Политбюро ЦК ВКП(б), посвящают национальному вопросу всего несколько строк, ограничиваясь общими фразами «уделить особое внимание» и т. д. Нужно, чтобы партия конкретно указала руководящим советским органам на их прежние недочеты и на те конкретные меры, которые необходимо провести в жизнь в дальнейшем.

Второй вопрос, на котором мы хотели остановиться,—это вопрос развития сельского хозяйства на окраинах, в частности — земельный. Как известно, отличительной чертой русского империализма было и то, что окраины заселялись переселенцами «для разряжения» революционного настроения крестьянства центральной России. То, что делалось русским капиталом для захвата свободных рынков, дополнялось колонизационной политикой царской бюрократии. Еще Столыпин, этот всесильный бюрократ последнего периода царизма, говорил про Казахстан, что «нужно подумать не об устройстве киргиз, а киргизской степи, интересы целого важнее интересов частей». (Записки Столыпина и Кривошеина. «По ту сторону Урала». СПБ. 1911 г.).

Эта формула Столыпина находила свое выражение во всей работе печальной памяти переселенческого управления того времени. Земли «инородцев» об'являлись государственной собственностью, хотя во всем другом эти бюрократы были столь ревнивыми блюстителями «священной» частной собственности. И мы видим, как такие районы, как Казахстан, в наиболее удобных для земледелия частях постепенно превращались в переселенческие участки, а коренное население изгонялось в пески и пустыни. Казакская степь, о которой так попечительски думал Столыпин, напоминала легкие туберкулезного человека, находящегося в инкубационной стадии своей болезни.

Великий Октябрь одним ударом разрубил дьавольский узел царской колониальной политики. Свободно вздохнули бывшие инородцы, ставшие теперь хозяевами собственной жизни и нового строительства. Латифундии русских помещиков, ради ограждения которых строилась вся политика переселенческого управления, пошли в общий котел крестьянских достояний. Наступила новая полоса, полоса ликвидации «проклятого наследия прошлого».

К разрешению этого последнего вопроса автономные органы власти тех районов, кои прежде являлись об'ектом колонизации, в частности Казакстана, подошли следующим образом:

а) прекратить временно колонизацию извне; б) окончательно землеустроить коренное население, подразумевая под этим и переселенцев-старожилов; в) во вторую очередь землеустроить переселенцев-самовольцев, прибывших за время революции; г) заняться исследованием почвенно-ботанических условий Казакстана на предмет выявления удобных и неудобных земель, т.-е. возможных излишков.

Для всякого ясно, что при выявлении излишков после окончания внутреннего землеустройства эти излишки пойдут для удовлетворения земельных нужд «аграрно-перенаселенных» районов. Возражать против этого означало бы для национала уподобиться тому животному, которое лежит на сене, само не ест и другим не дает. Ни один благоразумный национал, а тем более коммунист, стоящий не на словах, а на деле на советской платформе и придерживающийся принципов компартии, не выкинет и не выкидывал лозунга «Казакстан для казаков». Кроме гибели советской власти, такой лозунг не принес бы решительно ничего.

Поэтому основное в земельной политике Казакстана было: окончательно землеустроить коренное население, временно прекратить колонизацию. Речь шла и идет теперь не о том, чтобы всякого русского мужика по шапке долой и изгнать его вон из Казакстана, нет, а речь—о том, чтобы зарубцевать старые раны больного организма, разодранного политикой позорного прошлого. Не виноват русский мужик, что он волею Столыпина «забрал» земли у казака (киргиза), «вытурив» его в пустыню, не виноват он, мужик, что по своей темноте слушался попов и миссионеров и обижал «поганое киргизье». Крест тому, что было. Виновные понесли заслуженную кару от руки победившего пролетариата.

Теперь перед нами стоит задача сплочения трудящихся масс всех национальностей на горе всем эксплоататорам этих же национальностей. Власть советов на окраинах должна, наконец, окончательно установить добрососедское сожительство народов, столь необходимое в деле социалистического строительства. Традиционная поговорка «семья не без урода» должна смениться новой формулой: «в советской семье народов нет уродов».

И если подойти к обсуждаемому вопросу именно с этой точки зрения, то приходится признать, что с изжитием старого наследия не все обстоит благополучно.

Переселенческие чиновники старого режима, а ныне спецы Наркомзема РСФСР снова начинают поднимать свои колонизаторские головы. Чермаки и Чиркины, Рудины и др. не прочь под видом «организации территории» смутить коммунистические сердца даже самих товарищей Смирнова и Калинина.

По правде говоря, в чем смысл теперешних разговоров о так называемом «аграрном перенаселении» русской деревни на ряду с развивающимися арендными отношениями в той же деревне? Что означают теории об «уже раскулаченном кулаке», когда члены ЦКК пишут статьи о межнациональных взаимоотношениях на окраине? (Митрофанов, «Большевик» № 13, 1926 г.)? Не является ли последнее нехорошим симптомом к подготовке общественного мнения партии «о культурной роли переселенца на окраине»?

Как нужно понимать, наконец, тезисы т. Рыкова к его докладу на XV с'езде партии, где (в тезисах) говорится, что «необходимо также усилить работу по переселению, которое, содействуя под'ему производительных сил сельского хозяйства и улучшая положение неимущих и малоимущих групп крестьянства, будет способствовать уменьшению «аграрного перенаселения».

Нет спора, что аграрное перенаселение есть беда современной русской деревни, нет сомнения также и в том, что наша промышленность в ближайшее время, при самом наимаксимальнейшем темпе своего развития, не в состоянии поглотить целиком многомиллионные массы «излишних» рабочих рук, выбрасываемых ныне деревней. Но это не говорит за то, что мы в деле «уменьшения» (все-таки не окончательного изжития) аграрного

перенаселения должны пойти по линии наименьшего сопротивления, не исчерпав нормальных путей к его преодолению.

Первый путь, по нашему мнению, лежит все-таки по линии еще большего возможного усиления индустриализации Советского Союза, а второй путь, не менее важный и надежный,—в рационализации основ самого сельского хозяйства.

Простой арифметический подход к территории, занимаемой отдельными группами населения, не дает еще оснований обращать взоры на величину цифры делимого. Ведь, например, «перенаселенность» бельгийского крестьянства в несколько раз гуще нашего. Поэтому «перенаселенность» центральной части Союза—вещь не абсолютная, а относительная. Да к тому же, факт развития арендных отношений в деревне как будто тоже никем не оспаривается.

Следовательно, земли у «излишних» рабочих рук деревни вполне достаточно или, во всяком случае, не вполне не достаточно, чтобы перед партией поставить задачу усиления переселения.

Конкретная задача на сегодняшний день в области земельной политики на национальных окраинах должна заключаться: 1) в окончательном землеустройстве коренного населения, включая сюда и переселенцев-старожилов, 2) в продвижении форсированным темпом работы по сплошному землеустройству (сюда входит и землеустройство самовольцев, установление земельного запаса на естественный прирост населения и т. д.), в результате чего выявятся и возможные земельные излишки.

Нечего говорить о том, что землеустройство коренного населения должно носить строго классовый характер, т.-е. оно (землеустройство) должно сопровождаться разрушением патриархально-родовых отношений, переделом сенокосных угодий, захваченных баями и т. д. Такая работа по переделу, кстати сказать, уже проводится земорганами Казакстана.

Вниманию партии необходимо представить в нескольких словах и о партийном руководстве на окраинах. Еще XII с'езд партии своим постановлением поручил ЦК «озаботиться об особо тщательном подборе» «ответственных работников» на окраине с тем, чтобы состав их полностью обеспечивал действительное проведение в жизнь решений партий по национальному вопросу.

Со времени XII с'езда мы имеем значительные достижения в деле выращивания новых коммунистических кадров из националов, но на ряду с этим факт и то, что в области проведения в жизнь решений партии по национальному вопросу имеются и значительные извращения.

Дело в том, что коммунист-национал, выросший на опыте практической работы, пред'являет соответственно этому требования большего к себе доверия не только как к работнику-националу вообще, но и как к руководящему работнику на окраине. Означает ли это, как толкуют иные, что националы стремятся захватить власть, затем «освободиться от руководства Союза», что они (националы) «за национально-замкнутое руководство государством», «против руководства российского пролетариата». (Нодель, «Правда Востока» № 215, 20/IX 1927 г.), что «это есть напор верхушки, заботящейся о самой себе», что это постановка «не партийная, а личная—группировочная—корыстная постановка». (Голощекин. Речь на III пленуме казкрайкома ВКП(б). Декабрь 1926 г.).

Ничуть не бывало,—ответим тт. Ноделю и Голощекину.—Коммунист-национал не настолько безнадежен, чтобы иметь о нем подобное представление. А если бы он был таков, как думают Нодель и Голощекин, то это означало бы лишь великую трагедию строящегося в СССР социализма, а отнюдь не правоту указанных товарищей. К счастью компартии и советской власти, партиец-национал тоже является коммунистом. Может

и должен родиться коммунист-национал. Этому порука — беспросветное прошлое национальных окраин, этому порука—национальная программа коммунистической партии. Мало того, коммунист-национал в своем росте уже переходит «только национальные интересы», и с него должно теперь взыскиваться не только просто за работу, но и за руководящую работу на окраине. Коммунист-национал, главным образом пришедший в партию на буксире национальной программы компартии, теперь уже опережает доныне таскавший его буксир, не за страх, а за совесть беря своим идеалом общечеловеческие принципы коммунизма. Честь и слава творцам Великого Октября — русскому рабочему классу и его авангарду—коммунистической партии! Доверие и равенство коммунисту-националу — законному детищу Великого Октября!

Если теперь в среде коммунистов-националов то и дело замечается недовольство против политики «ответственных работников» на окраине, то это вовсе не означает их (националов) стремления к отрыву от пролетарского руководства Союза. Речь идет о борьбе с уклонами, в данном случае—с уклоном в сторону великодержавности, «особый вред и особую опасность» которой так подчеркивал XII с'езд нашей партии.

Было бы, конечно, верхом местного шовинизма, если б коммунист-национал стал доказывать полную свою безгрешность. Зигзаги и болезни роста не чужды и ему, но как не возражать против того, когда на предложение национала о большей коренизации аппарата с привлечением лойяльной местной интеллигенции член ЦКК т. Митрофанов отвечает так:

«Практически осуществление этого требования при почти поголовной технической неграмотности коренного населения приведет к тому, что все бывшие царские чиновники (?) на 100% снова влезут в аппарат управления, и нелегальная ныне диктатура баев-манапов в аульных и волостных советах получит таким образом свою легализацию». («Большевик» № 13, 1926 г.).

Ни для кого не секрет, что в аппаратах национальных республик не все служащие европейцы-коммунисты, что там сидит изрядное количество европейцев-беспартийных и даже политических ссыльных. Так все же по т. Митрофанову выходит, что это куда лучше, чем посадить местного интеллигента, царского чиновника (?), (как будто при царе чиновники комплектовались исключительно из окраинной интеллигенции), потому-де, что диктатура баев-манапов получит свою легализацию.

Очень печально, что член ЦКК т. Митрофанов с пьедестала своего великодержавного высокомерия проглядел сущность партийной директивы о коренизации, но не менее печально, когда ответные статьи националов тов. Митрофанову уж больше года лежат в архиве редакции «Большевика».

Разве свидетельствует об обладании высоким тактом приличия со стороны тов. европейца, когда ответственный секретарь казакстанского крайкома ВКП(б) тов. Голощекин на предложение националов о большем привлечении местных работников в руководящие органы КК «изобличает нас» в «корыстной цели», будто мы только «заботимся о самих себе». Следует ли после этого обижаться тов. Голощекину, если националы его же (Голощекина) добром будут бить ему же челом?

Совершенно бесспорно, что бюрократические извращения аппарата на окраинах происходят не только по причинам того, что этот аппарат не говорит на национальном языке, но и благодаря тому, что вообще аппарат всего советского государства унаследовал тяжелый груз весьма солидной цифры бюрократов старого времени. Поэтому, если в центральной части Советского Союза перед партией стоит задача обновления и упрощения аппарата, то к этой задаче на окраине приплетается новая трудность в виде учета национального момента. Бюрократ на окраине—не только бюро-

крат в общепринятом смысле этого слова, но он—бюрократ немой, не умеющий даже об'ясняться с обслуживаемым населением на его родном языке.

Отсюда ясно, что вопрос о коренизации, являясь частью общего вопроса борьбы с бюрократизмом, в условиях национальных республик превращается одновременно в вопрос национальный.

Нельзя говорить о борьбе с бюрократизмом на окраине, недооценив значения коренизации. Наоборот, правильное понимание роли последней (коренизации) поможет на ряду с рационализацией аппарата привлечь широкие слои трудящихся коренного населения к непосредственному управлению.

Многие возражают против мнимых требований националов о так называемой 100% коренизации. Конечно, это абсурдно. Требование 100% коренизации в условиях многонациональных автономных республик, каковыми является большинство наших окраин, есть уже нечто большее, чем действительная коренизация. Это есть требование лишить национального аппарата нацменьшинства, в том числе и русских, составляющих, например, в Казакстане около 35% всего населения. Подлинное название «коренизации» за счет нацменьшинств есть худший вид местного национализма, с которым партия должна вести борьбу, если таковая тенденция могла бы обнаружиться где-либо.

Но мы говорим о действительных тормозах в деле действительной коренизации, мы говорим о недопустимости таких явлений, когда в таком архинациональном городе, как Чимкент (Казакстан), около 200 хорошо грамотных националов сидят на учете биржи труда (докл. инструкторов ВЦИК тт. Ружейникова и Галли. Март 1927 г.), а аппарат преспокойно продолжает работать и писать на инонациональном языке, не говоря уже об общеизвестных его (аппарата) бюрократических извращениях.

Мы говорим о том, что дело коренизации, особенно в восточных республиках, продвигается непростительно медленно, что дело тормозится не только в виду культурной отсталости этих республик, но и в виду сопротивления самого аппарата.

Что можно сказать об отсталом Казакстане, когда и в такой сравнительно культурной республике, как Украина, «следует отметить, что у нас (на Украине. *С. С.*) снова понемногу начали забывать об украинизации». (Из доклада т. Затонского на пленуме ЦК КП(б)У. Октябрь, 1927 г.).

Так говорит нарком РКИ Украины т. Затонский, который всего лишь семь месяцев назад признавал излишними «коренизационные» разговоры «неугомонного» т. Шумского.

К сожалению, по мнению казакстанского наркома РКИ, тов. Морозова, коренизация в Казакстане проводится «прекрасно», только вот немного мешают... местные «националисты». Конечно, «антипартийные националисты» будут призваны к ответу, хотя, впрочем, казакстанская краев. КК, несмотря на предостережения XII партс'езда, до сих пор не нашла в Казакстане ни одного колонизатора. Мы боимся, как бы очки у т. Морозова не оказались того же цвета, какой имеют многие извратители партийной политики на окраине.

Да, недочеты и упущения в области проведения национальной политики партии на окраине имеются, и крупные недочеты.

Необходимо их исправлять.

На ленинские позиции по национальному вопросу на практике!

Коста Таболов.

Против линии национальной демократии.

(Ответ тов. Садвокасову).

Национальная демократия или социалистическая индустриализация?

Статью т. Садвокасова нужно рассматривать, как попытку обоснования линии буржуазной демократии в национальном вопросе. Автор поставил три кардинальных вопроса: индустриализация национальных республик, продвижение национальной деревни к социализму и партийное руководство в нацорганизациях. Основной вопрос, таким образом, индустриализация. С него и начнем разбор взглядов автора.

Прежде всего, Садвокасов демонстрирует упорное молчание об имеющихся хозяйственных достижениях в национальных республиках и областях. А успехи национальной промышленности имеются огромные, благодаря восстановлению разрушенного, переброске ряда предприятий из центра и новому строительству. Приведем только самые суммарные цифры. В 1925—26 г. по пяти союзным республикам и двадцати автономным республикам и областям РСФСР в капитальное строительство вложено 315 млн. 28 т. р. (в том числе на строительство новых заводов 28 млн. 606 тыс. руб. [1]). В 1926—27 г. — 404 млн. 523 тыс. руб., — рост по отношению к предыдущему году на 28,4%, а по всему Союзу рост за тот же год — 24% [2]) (в том числе на строительство новых заводов 61 млн. 577 тыс. руб., рост по отношению к предыдущему году на 115% [3]). Предположено на 1927—28 г. 531 млн. 971 тыс. руб., рост по отношению к 1925—26 г. на 69%, а по всему Союзу за те же годы рост на 47% (в том числе на строительство новых заводов 89 млн. 740 тыс. руб., рост по отношению к 1925—26 г. на 215% [4]). Следовательно, по росту капитальных вложений нацреспублики обгоняют Союз, а новое строительство далеко превосходит темп капитальных вложений.

Если же взять отдельные республики, то процесс индустриализации окраин еще нагляднее. Так, в 1924—25 г. в промышленность Грузии вложено 1 млн. 392 тыс. руб., в 1926—27 г. — 8 млн. 402 тыс. руб. Далее, в 1924—25 г. размеры капитального строительства всей промышленности (союзного, краевого и местного значения) Казакстана достигли 1 млн. 169 тыс. руб., в 1925—26 г. — 8 млн. 708 тыс. руб. и в 1926—27 г. — 14 млн. 67 т. р. [5]). Мы нарочно взяли наиболее промышленно отсталые республики, а если

[1]) «Факты и цифры», стр. 104. Затраты на строительство новых заводов по двадцати республикам и областям РСФСР сюда не вошли.
[2]) «Контрольные цифры на 1927—28 г.», стр. 522.
[3]) «Факты и цифры».
[4]) Там же.
[5]) Стенографический отчет VI казакской крайконференции ВКП(б), стр. 97.

рассмотреть более индустриальные районы, как Украина и Азербайджан, то картина меняется в пользу роста национальной промышленности.

Только человек, ослепленный национализмом, может умалчивать эти цифры. Садвокасов не видит ни Днепростроя, ни Земо-Авчальской гидростанции, ни Семиреченской жел. дороги. А ведь на наших глазах все это буквально меняет социальное лицо ранее придавленных наций. Вековой патриархальный аул перестраивается на социалистический лад.

Далее т. Садвокасов приводит выдержки из резолюций XII с'езда о том, что царизм превращал «окраины в исключительно сырьевые районы», и порицает местных работников за искажение линии партс'езда на индустриализацию, за продолжение политики царизма. Выдвигается тяжкое обвинение по одному из серьезнейших вопросов строительства национальных республик и областей. Как же обстоит дело по существу?

Прежде всего нужно отметить, что сознательное превращение национальных окраин в сырьевые области при царизме и экономическое районирование страны в эпоху диктатуры пролетариата совершенно различные вещи. Искусственно задерживая рост фабрик и заводов на окраинах, русская буржуазия извлекала туземное сырье за бесценок, продавая свои товары, приготовленные из того же сырья втридорога. Устраивая отдельные предприятия на окраинах, капиталисты не принимали туда туземцев, модернизируя докапиталистические порядки среди отдельных национальностей. Если, паче чаяния, и приходилось принимать туземцев, то последние получали мизерную плату, жили в невыносимых жилищных условиях при максимальной продолжительности рабочего дня. Такими методами русская буржуазия грабила мелкие нации и держала их в состоянии колониального рабства. Дело, следовательно, не в том, что создавались сырьевые районы, а в той колониальной системе эксплоатации, которая превращала национальные окраины в сырьевые области. Вовсе не случайно, что национал-демократ Садвокасов заметил форму — сырьевые районы — и проглядел существо — систему колониальной эксплоатации.

Тов. Садвокасов отравлен ядом национализма, иначе бы он понимал, что самодержавие в интересах буржуазии сознательно превращало окраины в «исключительно» сырьевые районы, тогда как при диктатуре пролетариата уже нет, а впредь еще меньше возможно, существования исключительно сырьевых районов. Такую линию ни один серьезный политик не отстаивает. Тем более, не может быть места при советской власти тем методам эксплоатации, которые носят совокупное название колониальной политики самодержавия. Напротив, мы форсированным темпом развиваем промышленность на окраинах, искусственно улучшаем положение туземного пролетариата, сознательно облегчаем прием националов в промышленность, по мере возможности поднимаем цены на местное сырье и т. д.

Садвокасов козыряет решением XII партс'езда об установлении фактического национального равенства, через помощь отсталым нациям. При этом автор выдает себя головой своей манерой цитирования: тов. Садвокасов приводит те места, за которыми можно скрыть свой националистический душок. Он пропустил следующее место в резолюции: «Наконец, помощь эта должна итти, согласно резолюции X с'езда, параллельно с борьбой трудовых масс против усиливающихся в связи с нэпом местных и пришлых эксплоататорских верхов для укрепления своих социальных позиций. Поскольку эти республики являются по преимуществу сельскохозяйственными районами, внутренние социальные мероприятия должны, прежде всего, итти по пути наделения трудовых масс землей за счет свободного государственного фонда» [1]).

[1]) Стенограмма XII с'езда ВКП, стр. 647. Разр. наша. *К. Т.*

Итак, на основании этой выдержки мы устанавливаем два факта. Во-первых, автор не случайно умолчал то место резолюции партс'езда, которое призывает к борьбе с местными эксплоататорскими верхами. Во-вторых, партс'езд констатирует, что помощь окраинам должна итти «прежде всего» по линии поднятия сельского хозяйства.

Но Садвокасов с этим не согласен. Для него недостаточно того, что мы строим на окраинах. Ведь тт. Зеленский и Голощекин никогда не собирались сохранить Среднюю Азию и Казакстан, как исключительно сырьевую базу, хотя бы и Советского Союза. Даже то место, которое приводит Садвокасов из статьи Голощекина вовсе не отвергает задачи развития промышленности в Казакстане. Голощекин только утверждает, что в Казакстане «основное» — мелкая промышленность (но не сырье), а неосновное — крупная промышленность.

Почему тов. Голощекин стоит за культурное и экономическое «внимание» мелкому и среднему скотоводу, прежде всего, он поясняет в той же статье. Он пишет: «Идя по этому пути, мы, во-первых, охватываем основное хозяйство Казакстана и 70—75% казакских трудовых масс; во-вторых, связываем хозяйство Казакстана с хозяйством СССР в области сырья» [1]). Первое положение тов. Голощекина, по существу совершенно правильное, Садвокасов обходит молчанием, второе — он оспаривает.

Что касается полемики Садвокасова с т. Зеленским, то тут положение ташкентского критика исключительно курьезное. Садвокасов выхватывает отдельные места из статьи Зеленского, утверждает, что «все это правильно», затем несколькими строками ниже пишет, что это «лишь одна сторона медали», и, наконец, заключает, что «тов. Зеленский поворачивает на сторону великодержавности». И этакая галиматья умещается у Садвокасова на одной странице.

Однако, оставим беспросветную садвокасовскую путаницу и приведем некоторые места из статьи т. Зеленского: «Мы начали строить крупные предприятия как в области текстильной промышленности, так и в области машиностроения» [2]), — констатирует Зеленский. Оказывается, открытие машиностроительных заводов по Садвокасову называется политикой превращения Средней Азии в сырьевую базу!

Далее, в статье т. Зеленского мы читаем: «Наша зависимость от Запада идет не только по линии индустрии, но и по линии сырья. Задача республик Ср. Азии должна заключаться в том, чтобы в первую очередь развивать те отрасли сырьевого хозяйства, которые уменьшают и ослабляют нашу зависимость от капиталистического мира» [3]). Помилуйте, при чем тут Запад и зависимость от капитализма? Давайте лучше рассуждать о сырье и Ср. Азии, — так звучит аргументация Садвокасова.

Но тут нам придется немного отступить от прямой полемики с Садвокасовым вокруг Ср. Азии и затронуть общие проблемы союзного значения. Это необходимо для того, чтобы уяснить исторический смысл политики индустриализации. Ведь общая оценка развития капиталистической экономики, которая дается нашей партией, сводится к тому, что в эпоху финансового капитала создается мировое хозяйство, которое делает невозможным существование самодовлеющих национальных хозяйств. Наша генеральная установка на международную революцию вытекает из этой основной оценки зрелости и даже перезрелости капиталистической экономики.

Казалось бы, из общей оценки интернационализации современной экономики вытекает такая хозяйственная политика в нашей стране, которая

[1]) «За партию», № 2, стр. 11.
[2]) «Правда Востока», 7 окт. 1927 г.
[3]) Там же.

развивала бы те отрасли производства, которыми мы более богаты, и превращала бы нас в сырьевую базу мирового хозяйства. В противоположность Западной Европе мы оставались бы тогда аграрной страной по преимуществу, что, разумеется, не исключает индустриализации нашего сельского хозяйства. Вообще говоря, в первые годы революции такая установка на развитие хозяйственных связей между нами и Западом никем не была оспариваема. И это вовсе не потому, что мы в условиях гражданской войны не могли ставить хозяйственные проблемы. Подобная экономическая линия в основном вытекала из ставки на торжество пролетарской революции по крайней мере в одной—двух странах Европы. Нет сомнения, что победа советской революции в индустриальной Германии, напр., значительно изменила бы установку нашего хозяйственного развития. Лозунг индустриализации Советского Союза принял бы несколько иной характер. Сырьевое значение страны приобрело бы исторический и революционный смысл.

Характерно, что спад непосредственной революционной волны в Европе, частичная стабилизация капитализма, финансовый и экономический бойкот нас буржуазией, угроза новой интервенции и длительной борьбы между социализмом и капитализмом поставили перед нами во весь рост проблему индустриализации страны. Следовательно, лозунг индустриализации страны вытекал не только из об'ективных задач форсированного строительства социализма,—что социализм немыслим без крупной индустрии,—но и из факта капиталистического окружения. Ведь если мы считаем неизбежным столкновение между нами и капитализмом, то отсюда логически следует, что мы должны прежде всего подготовиться к нему экономически, развивая все необходимые отрасли производства и сводя к минимуму свою зависимость от врага.

Поэтому тысячу раз был прав т. Сталин, указывая на XIV партс'езде против тт. Сокольникова и Шанина, что их позиция грозит дауэсизацией нашей страны. Сталин говорил, что «мы должны приложить все силы к тому, чтобы сделать нашу страну, пока есть капиталистическое окружение, страной экономически самостоятельной, базирующейся на внутреннем рынке. Эта линия требует максимального развертывания нашей промышленности, однако, в меру и в соответствии тем ресурсам, которые у нас есть. Она решительно отрицает политику превращения нашей страны в придаток мировой системы капитализма. Это есть наша линия строительства, которой держится партия и которой будет она держаться и впредь. Эта линия обязательна, п о к а е с т ь к а п и т а л и с т и ч е с к о е о к р у ж е н и е [1]).

Следовательно, наличие капиталистического окружения делает актуальной и обязательной проблему индустриализации Советского Союза. Чем меньше связей с капитализмом, тем меньше зависимости от врага. Отсюда совершенно правильна линия на развитие тех отраслей производства, в том числе и сырья, по которым мы зависимы от иностранного капитала. Так обстоит дело с индустриализацией Союза.

Теперь вернемся к Садвокасову. Только-что сделанный экскурс поможет нам разобраться в тех экономических вопросах, которые стоят перед отдельными республиками внутри Союза и затронуты в статье Садвокасова. В самом деле, если политика индустриализации всей страны делается актуально-необходимой, в результате капиталистического окружения, то ведь отдельные части Союза не имеют буржуазного окружения в означенном смысле. Для Садвокасова это ничего не говорит, поэтому он лозунг индустриализации понимает так, что каждая республика должна развивать все отрасли производства, быть экономическим универсалом. Тов. Зеленский безусловно прав, когда он в своей статье пишет: «Каждая республика должна

[1]) И. Сталин. «Вопросы ленинизма», стр. 361. Разр. наша. *К. Т.*

развертывать те отрасли хозяйства, которые наиболее выгодны н е т о л ь к о с точки зрения интересов данной республики, но и хозяйства Союза в целом. У нас должен быть единый общесоюзный хозяйственный комплекс, при котором каждая отдельная республика, каждый хозяйственный район дополняют друг друга. Тенденции строить республики хозяйственно, как замкнутые организмы, являются вредными и опасными с точки зрения развертывания социалистического хозяйства в целом [1]).

Только националистические мещане, исходя из чуждых пролетариату соображений, могут выступать против общесоюзного социалистического плана. Само собой разумеется, что тот план не социалистический, который противоречит интересам трудящихся отдельных наций. Напротив, наше хозяйственное районирование исходит из необходимости улучшения положения рабочих и крестьян прежде всего. И это нас не обязывает ставить целью развитие в любой республике всех отраслей производства. Исходя из естественно-природных условий, некоторые районы по преимуществу, а не исключительно, будут поставщиками сырья для других районов. Но дело в том, что сама добыча сырья будет происходить не архаическим, а рационализированным способом, путем индустриализации. Индустриализировать мы будем не только город, но сельское хозяйство, добычу сырья.

Русская буржуазия, превращая окраины в сырьевую базу, наживала огромные барыши. Для диктатуры пролетариата такая политика гибельна и исключена. Если через иностранные товары ныне к нам просачивается буржуазное влияние, то ввоз продуктов социалистической промышленности из одной республики в другую в пределах Союза только укрепляет наши позиции. Промышленность зависит от сырья и сырье зависит от промышленности. Только ослепленный национализмом может называть эту политику великодержавной.

Совершенно прав был т. Рыков, когда в своей речи на IV С'езде Советов выступал против такого понимания индустриализации, что нужно каждую республику и автономную область превратить в замкнутый социалистический рай. Такое ложное толкование нашей хозяйственной политики имеет место среди определенного круга работников. Против этого нам нужно вести жестокую борьбу. Разумеется, эта борьба не должна заслонять задачи дальнейшей упорной работы над осуществлением фактического равенства национальностей нашей страны.

В противоположность Садвокасовым всех мастей нацорганизации ВКП правильно поняли свою задачу. Например, Заккрайком ВКП в самом начале своих тезисов по пятилетке отметал линию на замкнутое хозяйство. «Мы не можем выдвигать как господствующую цель х о з я й с т в е н н ы й у н и в е р с а л и з м. Наоборот, необходимо совершенно отчетливо наметить линию специализации района, опирающуюся на разделение труда во всем Союзе» [2]).

Аналогичную позицию в этом вопросе занял и ЦК компартии Туркменистана. А Садвокасовы, прикрыв цитатами свое националистическое лицо, отрицают наличие сторонников универсализма и замкнутого хозяйства. Но разве не ясно, что, борясь против совершенно правильных положений тт. Зеленского, Голощекина и Рыкова, Садвокасов отстаивает именно эту хозяйственную замкнутость Казакстана? Ведь свыше четырех лет назад известные грузинские уклонисты отстаивали и проводили в жизнь эту националистическую затею. Иначе, как линией на замкнутое хозяйство, нельзя назвать предложения грузинских уклонистов о частичной ликвидации монополии внешней торговли именно через Батум, устройство карантинов на границах

[1]) «Правда Востока» от 7 окт. 1927 года.
[2]) «Заря Востока», 13 ноября 1927 г. Разр. наша. *К. Т.*

Грузии, стремление к ликвидации Закфедерации и давление на национальные меньшинства. Факты, характеризующие наличие стремления к замкнутому хозяйству в недрах нацорганизации, можно было бы увеличить в десятки раз. Идеологи хозяйственного универсализма есть, и они выражают интересы прежде всего национальной мелкой буржуазии, которая хочет сохранить за собой национальный рынок. Садвокасов является «теоретиком» этой тенденции национальной буржуазной демократии внутри партии.

Когда т. Садвокасову указывают, что он развивает политические взгляды наших врагов, находящихся по ту сторону границы, он отвечает: «Пускай Чокаевы говорят и пишут что угодно»... Для идеолога национал-демократии все равно, что пишут о нем наши враги-эмигранты. Но печально для коммуниста, когда его выкрики здесь отдают громким одобрительным эхом по ту сторону баррикад. Тогда Садвокасовым следует приставить палец ко лбу и глубоко призадуматься.

Вместо этого, Садвокасов щеголяет «хозяйственной целесообразностью» и т. д. Но для каждого младенца понятно, что мы сейчас не можем ставить «хозяйственную целесообразность» в качестве критерия нашей экономической политики. Для нас пока-что существуют политические соображения и от этого выигрывают прежде всего национальные республики и области. Мы не можем упускать и стратегические соображения. Так как наши окраины не застрахованы от повторения событий 18 и 19 годов, т.-е. иностранной интервенции и возможного отрыва центра от окраин, то это не может также не влиять на нашу хозяйственную линию. Только идеолог национал-демократии может отстаивать точку зрения «хозяйственной целесообразности», когда это способствует задаче создания замкнутого национального хозяйства.

Итак, немедленная и универсальная индустриализация национальных республик, создание тем самым замкнутого национального хозяйства — такова линия Садвокасова, она же политика буржуазной демократии национальных окраин.

Социалистическая перестройка национальной деревни и национальная демократия.

Теоретическую путаницу т. Садвокасова мы относим за счет той безнадежной попытки—примирить национализм с коммунизмом, — которую взялся проделать автор. Личность Садвокасова тут менее всего повинна. Характерная особенность автора «О национальностях и националах» — теоретическое убожество, внутренняя противоречивость и передергивание цитат.

Вот не угодно ли послушать «теоретические» истины ташкентского мудреца по крестьянскому вопросу. «Мы долгое время отождествляли национальный вопрос с вопросом крестьянским, считая, что первый часть второго»,—так поучает Садвокасов.

Возникает вопрос: кто это такие «мы»? Если под этим автор подразумевает себя, да еще кое-кого из около алаш-ордынской интеллигенции, то можно охотно верить, что «мы» долго отождествляли национальный и крестьянский вопрос, считая первый частью второго. Но если под «мы» понимать большевистскую партию, то Садвокасов говорит сущую неправду.

Во-первых, национальный вопрос не тождественен крестьянскому вопросу. Национальный и крестьянский вопрос не тождественны потому, что в каждой нации, в той или иной степени имеются некрестьянские элементы. Прежде всего имелись и имеются мелкая буржуазия и городское мещанство, а в иных нациях пролетариат и буржуазия. Классовая дифференциация значительно задела многие национальности нашей страны, выбрасывая часть из деревни в город. Поэтому крестьянский вопрос уже давно не обнимает всей национальной проблемы. Но поскольку крестьянство остается основной массой всех национальностей Союза, постольку в значительной мере национальный и крестьянский вопрос совпадают.

Во-вторых, и, следовательно, неверно, будто национальный вопрос является частью крестьянского вопроса. Эта детски наивная точка зрения, которая исходит из простого количественного подсчета, что в стране такое-то количество крестьян, при чем меньшая половина националы, поэтому национальный вопрос есть часть крестьянского. Такой подход ничего общего с ленинизмом не имеет. Как раз напротив, для окраин крестьянский вопрос является частью национального вопроса. Национальная проблема куда глубже крестьянского вопроса. Достаточно указать, что национальный вопрос включает такие дополнительные элементы, как язык, национальная культура и очень часто иной переплет социальных сил. Если бы национальный вопрос был частью крестьянского, он был бы менее сложным и, весьма возможно, не путал бы головы некоторых ташкентских мудрецов.

Мы не знаем, откуда черпал свои знания т. Садвокасов. Когда - то Садвокасов искренне признавался, что случился грех, он находился под влиянием алаш-ордынской интеллигенции. Повидимому, старый грех бесследно не прошел для нашего автора. Ибо, если обратиться к знатоку национальной проблемы в ленинизме т. Сталину, то он утверждает нечто иное, чем Садвокасов. Как раз по существу разбираемого вопроса т. Сталин пишет: «Мы часто говорим, что национальный вопрос есть, в сущности, вопрос крестьянский. И это совершенно правильно. Но это еще не значит, что национальный вопрос покрывается крестьянским вопросом, что крестьянский вопрос равняется национальному вопросу по своему об'ему, что крестьянский вопрос тождественен с вопросом национальным. Не нужно доказывать, что национальный вопрос по об'ему шире и богаче вопроса крестьянского» [1]).

Возникает мысль, что «теория» тождества выдумана Садвокасовым с целью «доказать», что партия недооценивала в прошлом национальный вопрос, суживала его. А отсюда уже вытекает предложение Садвокасова большевизму искупить свой «грех» в будущем, приняв национал-демократическую установку на замкнутое хозяйство в каждой республике.

Следовательно, отпадает дальнейшее «но», «уже», «ибо» и пр.

Что же касается процессов, происходящих ныне в национальном вопросе, то они едва ли могут быть освещены в данной статье. Достаточно отметить, что, если ныне в связи с индустриализацией меняется физиономия нации, то ведь меняется и лицо крестьянства. Тут возникает еще ряд интересных вопросов, к которым мы еще вернемся в другой связи.

Следующий вопрос, по которому так много дуется тов. Садвокасов— это переселенческая политика. Если в других местах автор говорил от имени «угнетенных народов» вообще, то тут он спускается на грешную землю и атакует политику партии с точки зрения интересов крестьянства Казакстана. Да иначе и быть не могло, ибо огромное большинство национальных республик и областей заинтересовано не в том, чтобы приостановить переселение до «окончания внутреннего землеустройства», а решить его теперь же. Поэтому, когда ЦК в своих тезисах отмечает необходимость усиления переселенческой деятельности, то это не против, а за интересы всех национальных республик и областей в целом. А напоминания Садвокасова о Столыпине тут ни к селу, ни к городу.

Может быть, частично переселение будет и в Киргизстан. Но откуда видно, что мы из-за этого не должны переселять, напр., в Сибирь? Ведь ни откуда не вытекает, что из-за того, что одной национальной республике

[1]) И. Сталин. «Вопросы ленинизма», стр. 28.

надо потесниться за счет излишков полуфеодальной верхушки, мы должны приостановить регулирование аграрного перенаселения во всей стране. В этом предложении Садвокасов только лишний раз демонстрирует свой национализм.

Вместо того, чтобы изыскивать средства экспроприации пастбищных излишков и удовлетворять нужды казакского бедняка и постороннего переселенца, т. Садвокасов предлагает смотреть сквозь пальцы на земельный голод в некоторых районах Союза. А что бай по сие время имеет кое-какие земельные излишки, это отмечает в своей резолюции 3-й пленум казакского крайкома ВКП. Вот соответствующее место из этой резолюции. «Наибольшее накопление основного капитала полеводства и скотоводства в байских хозяйствах, возникших и выросших на основе частнокапиталистических товарных отношений, имело неизбежным своим последствием концентрацию в байских хозяйствах наиболее ценных земельных угодий, которая происходила примитивно - захватным путем» [1]).

Не случайно, что именно Садвокасов выпячивает вопрос колонизации. Мы уже отмечали искреннее признание Садвокасова о том, что он некогда находился под влиянием идеологии алаш-ордынцев. Теперь же, к сожалению, приходится констатировать, что Садвокасов и сейчас не свободен от такого влияния. Ведь никто так остро не ставил в свое время переселенческий вопрос, как именно партия Алаш-Орда. В § 10 программы Алаш-Орда мы читаем: «Надел переселенцев - крестьян, до окончания полного надела туземцев, не должен производиться. Все, ранее отобранные у киргиз переселенцами земли, должны быть возвращены обратно» [2]).

Как видит читатель, тов. Садвокасов точь в точь повторяет алаш-ордынцев; он требует подождать до «окончания внутреннего землеустройства», и они считали необходимым повременить «до окончания надела туземцев». Садвокасов даже пошел дальше. Он косвенно выступил («как нужно понимать»—так оригинально формулирует свою отрицательную позицию автор) против тезиса партии по переселенческому вопросу, исходя из интересов Казакстана. А ведь Алаш-Орда только требовала подождать до наделения туземцев. Не ясно ли теперь, что влияние национал-буржуазной алаш-ордынской идеологии на т. Садвокасова вовсе не исторически, а конкретно, существующий факт.

Грош цена после этого советам Садвокасова по поводу «еще большего возможного усиления индустриализации страны» и пр. Человек не желает экспроприировать «своего» бая, а подает сухие советы, в которых никто не нуждается. Разве только казакстанскому мыслителю неизвестно, что мы напрягаем все экономические нервы страны, чтобы усилить индустриализацию и принимаем все меры, дабы рационализировать сельское хозяйство. Партия вот уже два года бьется с оппозицией как раз по этому вопросу, ибо именно троцкисты выдвигали демагогическое требование форсированной индустриализации страны, ни разу членораздельно не указав источника, за счет которых можно все сие провести. История не знает другого примера, чтобы страна исключительно своими собственными средствами—ибо международная буржуазия нас бойкотирует, — поднимала свое хозяйство таким быстрым темпом, как это делаем мы. Ведь все это сказано тысячу раз, в том числе — к сведению Садвокасовых, которые ныне повторяют оппозиционные зады.

Еще один аргумент выдвигает Садвокасов против переселенческой политики партии. Кивая в сторону Бельгии, Дании и пр., автор утверждает, что аграрное перенаселение у нас относительное. Да, дорогой товарищ, на

[1]) «Резолюции 3-го пленума каз. крайкома ВКП(б), стр. 30. Разр. наша. *К. Т.*
[2]) А. Бочаров. «Алаш-Орда», стр. 48—49.

свете все относительно, в том числе и коммунистичность известного отныне Садвокасова. Все это верно и не ново. Но не в этом суть дела.

Когда у миллионного крестьянства мало средств, сельскохозяйственных машин и культурных навыков, которых сразу восстановить нельзя, то одними платоническими пожеланиями делу не поможешь. При этом глупо и невежественно противопоставлять политику индустриализации и переселенческую проблему. В условиях наследия многовекового царизма смехотворно представлять линию на индустриализацию без частичного переселения. И тут один плод фантазии Садвокасова нужно отметить. Автор полагает, что раз имеются в деревне арендные отношения и в лице безработных уходит часть крестьянства, то, следовательно, есть излишек земли. Само собой понятно, что если бы садвокасовская «теория» отображала истину при наличии дальнейшей дифференциации крестьянства, то вопрос о переселении, пожалуй, можно было бы и не ставить. Подождать, пока излишняя часть крестьянства уйдет в город, а тем временем индустриализировать и деревню.

Но маленький недостаток этой «теории» заключается в том, что она гнилая, нежизненная и в своей предпосылке оппортунистическая. Она исходит из наличия постоянной и все усиливающейся дифференциации крестьянства, в результате роста капиталистических отношений в деревне. Партия делает ставку на сужение дифференциации путем подтягивания низших групп деревни и нажима на верхушку крестьянства. Садвокасов же гнет в обратную сторону. И тут становится понятным, почему автор так упорно молчит об экспроприации земельных участков бая в пользу бедноты.

Следовательно, «философия» Садвокасова об относительном и абсолютном перенаселении, призывы подождать «окончания внутреннего землеустройства» есть «философия» буржуазной национал - демократической Алаш-Орды. А раз Садвокасов скатился до Алаш-Орды, то отсюда непосредственно вытекает иная оценка партийного руководства на окраинах. К разбору этой иной оценки мы и переходим.

Большевистское руководство или национал-демократия?

Из разобранной установки Садвокасова на вопросы развития социалистической индустрии и национального аула логически вытекает та позиция в вопросах партруководства в национальных республиках, которую занял автор. Надо иметь в виду социальный фон, на котором демонстрирует свое выступление Садвокасов.

Мы являемся свидетелями быстрого роста социалистических элементов хозяйства, политики и культуры на окраинах. Растет общественная промышленность и кооперация. Миллионные массы аула, пробуждаясь, тянутся к управлению социалистическим строительством через советы, кооперацию, союзы кошчи и пр. Сотни тысяч националов посещают различные с'езды и совещания, получают среднее и высшее образование. Но самая высшая школа для миллионов трудящихся—это классовая борьба, которая в той или иной степени происходит в республиках и областях.

Подлинная социалистическая революция во многих районах началась только каких-нибудь два—три года назад, и далеко еще не закончилась. Достаточно сказать, что мы еще не во всех республиках и областях ликвидировали остатки феодальных отношений. В сущности, классовая борьба в таких республиках разворачивается по линии того, можно ли миновать при поддержке советского пролетариата капиталистический этап развития отдельных окраин, или такая возможность исключена. Жизнь уже сегодня поставила в порядок дня ту важнейшую проблему, которую еще

на II конгрессе Ленин теоретически поставил перед Коминтерном [1]). Ныне бурный рост этих отсталых республик ставит со всей остротой вопрос, куда пойдет развитие: к буржуазной демократии или к социализму, под руководством национал-демократов или пролетарских революционеров, под воздействием иностранной буржуазии к реакции или под руководством советского пролетариата к социализму. На наших глазах, при наличии советской власти, происходит генеральное межевание классовых сил.

Если пойти дальше и проблему поставить в плоскость теории нации, то возникает вопрос: будет ли происходить ныне формирование нации из отдельных родов и племен так же, как раньше, под руководством буржуазии, или же историческая миссия формирования нации выпадет и на долю пролетариата? Насколько к лицу революционному пролетариату возглавлять процесс формирования нации, не противоречит ли это задачам интернационального социализма, к которому мы стремимся? Все эти вопросы важны не только с точки зрения теоретического интереса к ним. Нет, они сугубо практические проблемы для ряда национальных республик и областей.

Буржуазная демократия, начиная от алаш-ордынцев и кончая дашнаками, тянет отдельные нации по пути капиталистического развития. Это тот путь, по которому прошли все буржуазно-развитые нации Европы и Америки. Если в целом ряде республик Союза, где предпосылки классовой борьбы были налицо и где буржуазия потерпела поражение от союза национального пролетариата и крестьянства с русским рабочим классом, вопрос в основном уже решен в пользу социализма; то имеется целый ряд национальностей, где классовая борьба только-что разворачивается. В частности, в Казакстане алаш-ордынская интеллигенция до сих пор не теряла надежды, что ей следует возглавлять процесс окончательной консолидации казакской нации на буржуазных началах. И, естественно, что буржуазная демократия окраин, под ударами растущего социализма и революционных масс, часто попадает в об'ятия полуфеодальной реакции.

Отсюда ясно, что неправильно то утверждение, будто местный национализм есть результат наличия великодержавного шовинизма — и только. Верно то, что великодержавный шовинизм питает и активизирует местный национализм. XII с'езд был прав, когда основное внимание партии сосредоточил на борьбу с великодержавным шовинизмом. Но ошибаются те, кто полагает, что с изжитием великодержавного шовинизма, изживается и местный национализм, что между шовинизмом и национализмом существует полная и равная взаимозависимость. К сожалению, местный национализм имеет более глубокие корни в социально-экономических условиях национальностей нашей страны. Поэтому рост большевистских кадров в национальных организациях протекает в сложных, неблагоприятных условиях [2]).

[1]) В этой связи нельзя не отметить два ляпсуса проф. Кушнера как раз в связи с Казакстаном. Во-первых, Кушнер совершенно не прав, утверждая, что у казаков не было феодалов и нет классовой борьбы, а имеется только родовая организация. На ряду с родовыми пережитками у казаков выросли патриархально-феодальные элементы. Ну, а о наличии классовой борьбы и говорить нечего. Во-вторых, Кушнер полагает, что советская власть не совместима с родовым бытом. Отсюда и «теория» «капиталистического дозревания». Что у казаков родовой быт и натуральное хозяйство не господствуют, это уже отмечено. Но если бы даже Кушнер был прав в том, что в Казакстане господствует родовая организация и то по Ленину не только возможно существование советской власти, но и возможен переход к социализму. «Теория» проф. Кушнера не только противоречит ленинскому положению о возможности миновать капиталистический этап развития, но и питает идеологию национальной буржуазии. (Выдержки из речи проф. Кушнера. См. «Большевик» № 13, 1926 г., стр. 76 и 77).

[2]) Некоторые уступки национализму за последние годы можно отметить в компартии Армении. Уступки эти выражаются в слабости систематической идейной борьбы с дашнаками, в отсутствии достаточного отпора реакционной националистической интеллигенции и в отставании большевистской воспитательной работы в рядах молодежи. Некоторый поворот самого последнего времени по изжитию этих недостатков необходимо усилить. Национализм в партии надо выжигать, если не каленым, то, по крайней мере, горячим железом.

Но это отнюдь не значит, что нацорганизации не могут быть большевистскими. Сложность обстановки не значит, что мы должны от нее бежать. Напротив, коммунистические кадры националов, используя поддержку русского пролетариата и опираясь на национальную бедноту, должны возглавить национальное строительство республик и областей, направляя его в русло социализма. Своеобразие нашего развития заключается в том, что, по существу интернациональная, пролетарская диктатура способствует формированию нации. Диалектика борьбы выдвигает такое своеобразие, что чем скорее мы проделаем эту работу, тем ближе подвинемся к социализму, тем менее почвы для национальной демократии.

Само собой понятно, что противоречивость нашего развития находит свое отражение внутри нацорганизации. По мере углубления классовой борьбы в ауле, по мере роста социалистических элементов на окраинах среди коммунистов выделяются элементы, по существу являющиеся идеологами буржуазной демократии. Они попали в нашу партию тогда, когда еще не был поставлен вопрос о перенесении классовой борьбы в аул, когда еще стояли общенациональные демократические задачи. Часть этих элементов, пребывая внутри партии, день ото дня отходит и будет отходить от большевизма в лагерь наших противников.

Типичным представителем этого рода деятелей является Садвокасов. Если он во - время не остановится, то отойдет от нас очень далеко. Может быть, даже против суб'ективного желания. Такова логика классовой борьбы, которая побеждает личные симпатии и антипатии.

В самом деле, стоит внимательно прочесть статью Садвокасова, и станет ясно, чьи интересы он отражает. Прежде всего, бросается в глаза его двойственность и противоречивость. Он признает значительные достижения советской власти, поскольку его нация освободилась от экономического, политического и культурного рабства царизма. Но он видит извращения в том, что тот или иной русский пролетарий руководит в Казакстане, что классовая борьба вносится в аул. К алаш-ордынской буржуазной демократии, — вот куда тянет Садвокасов.

Не нужно забывать и того, что Садвокасовы являются признаком нашего роста. Они пришли к коммунизму в период наименьшей дифференциации в национальном ауле. То, что теперь они отходят от партии, показывает, что классовая борьба в ауле разрешается в пользу бедняка, что в самых отсталых районах социалистическое направление берет верх над буржуазно-демократическим. Садвокасов вот уже несколько лет открыто борется против внесения классовой борьбы в аул.

Так, на III партконференции Казакстана, когда впервые был поставлен вопрос о внедрении классовой борьбы в аул, Садвокасов совершенно в духе любого буржуазного национала истерически заявил: «В настоящее время страна ждет вовсе не потрясения, а творческой и мирной работы, и ее спасут не новые экспроприации, а труд и наука» [1]).

Садвокасов тогда всеми силами выступал против обследования аула, боясь «искусственного брожения в степи». Дальше на 2 пленуме крайкома ВКП(б) Садвокасов выступил с «теорией» равенства кулака и бая, на том основании, что будто у последнего нет инвентаря, боролся против общественного обложения бая, что вносило элемент обострения классовой борьбы в аул. Тот же Садвокасов выступил против передела луговых угодий

[1]) Отчет III казакстанской крайконференции ВКП, стр. 142.

в интересах бедноты и, выступая против экспроприации, отстаивал идею кооперирования. Но что значит кооперация при наличии всесильного бая, как не замазывание господства буржуазии и отстаивание антисоциалистического пути развития?

На 3 пленуме крайкома в 1927 году Садвокасов продолжал свою общую линию ориентации на национальную демократию, правда, на этот раз менее последовательно, но тут уж не вина Садвокасова, а тех низовых работников, которые шли до того с ним и теперь от него отвернулись: «вождю» оставалось только капитулировать временно и на словах. И на 3 пленуме Садвокасов сражался за «гражданский мир», защищая миролюбие бая по сравнению с русским кулаком, на том основании, что будто «хозяйство казакского бая не имеет средств производства» и поддерживал свой старый лозунг «ограничить границы Октября» [1]).

После всего этого кажется, что крайком не вел даже достаточно жесткую борьбу с буржуазно-национальной идеологией Садвокасова. Тот же 3-й пленум крайкома констатировал в своей резолюции, «что товарищи Мунбаев и Садвокасов не однажды выражали свое несогласие с направлением 2-го пленума в вопросе о революционных методах изменения социально-экономических отношений аула, считая возможным построить действительно совет трудящихся и перевести аул на рельсы социалистического строительства, не нарушая существующих дореволюционных социально-экономических отношений в ауле» [2]).

Правда, уступчивость и мягкость крайкома имеет свои плоды, но надо же иметь предел и поставить за борт партии идеологов буржуазного национализма.

Садвокасов, выступая за коммунистов - националов, полагает, что «беспросветное прошлое» и «национальная программа коммунистической партии» являются гарантией роста нацорганизации». «Коммунист-национал... пришедши в партию на буксире национальной программы компартии, теперь уже опережает доныне таскавший буксир»,—так пишет автор. И в довершение ко всему Садвокасов к десятилетию Октября выдвигает лозунг «Доверие и равенство коммунисту-националу».

Тут что ни положение—мещанская пошлость. В самом деле, ведь «беспросветное прошлое», кроме революционного фактора, служило и служит тормозящим фактором, консервируя атрибуты патриархально-феодального строя отдельных национальностей. Только чуждые коммунизму люди могут успокоиться на том, что существует хорошая национальная программа, на деле борясь против нее. Национальная программа революционного пролетариата в действии для Садвокасовых является «буксиром», от которого они теперь стараются освободиться хотя бы под тем предлогом, что они ее переросли. Для миллионных же масс тружеников Советского Востока это—социалистический якорь спасения. Только Садвокасовы, прикрывающие свое националистическое лицо, могут городить такую чепуху, будто нацорганизации обогнали национальную программу партии, и требовать, под видом равенства коммунистов,—равенства для идеологов буржуазного национализма. Этот номер не пройдет.

Далее, на двух страницах Садвокасов поднимает жалобный вой против бюрократа и ратует за коренизацию. Тут он только повторяет оппозиционные бредни средне-азиатских троцкистов—Тумаилова и Семенова. Не будем приводить больших цифр: они уже всем известны. Укажем коротко, что национализация аппарата на всех окраинах систематически проводится.

[1]) Внутрипарт. вопросы на 3-м пленуме каз. крайкома ВКП(б), стр. 33 и 45.
[2]) Там же, стр. 171.

В составе парторганизации и руководящих органов неуклонно растут националы. Растет туземный пролетариат. На Украине, при 85,2 проц. украинцев среди сельского населения, в сельсоветах 82,5 проц. украинцев. В Казакстане казаков среди сельского населения 59,1 проц., а в сельских советах—61,2 проц. Правда, всего этого еще далеко не достаточно. Но разве кто-нибудь в партии серьезно хочет этим ограничиться?

Все это ничто для Садвокасова. Он хочет немедленной, если не стопроцентной, то во всяком случае около стопроцентной коренизации. К этому сводятся его истерические требования, ибо коренизация в меру сил и возможностей проводится. Для Садвокасова тут никаких границ и опасностей не существует. На то он и идеолог национальной демократии. Он коренизацию понимает по - своему: если в сельсоветах сидят казаки это—не коренизация, а если в крайкоме сидят пара, другая интеллигентиков и разводят антикоммунистические сплетни против большевистского руководства—вот это коренизация в духе нашего автора.

Бюрократизм и недопустимое извращение линии партии со стороны «истинно русского держиморды», конечно, часто имеет место. Партийное руководство отнюдь также не безгрешно. Ошибки и извращения есть и будут. Но это не значит, что мы можем и должны от сегодня назавтра все коренизировать. Ведь самая национализация аппарата наталкивается на целый ряд об'ективных препятствий и в зависимости от республики принимает различные формы. В некоторых республиках и областях она встречает иногда такие препятствия, как невыработанность и слабая приспособленность языка, орфографические недостатки, частичное сопротивление руссифицированной части туземного населения и самое главное отсутствие местных людей. На ряду с этим в некоторых районах коренизацию надо понимать как задачу выдвижения не просто националов, а националов из рабочих и крестьян. Разумеется, все эти препятствия мы преодолеваем, но надо же с ними считаться и нужно же иметь чувство меры. Как бы Садвокасовы ни пыхтели и ни лезли из кожи вон в пользу коренизации, она в известных условиях может приводить не только к бюрократизму аппарата, но и к частичному национал-демократическому его перерождению.

Для Садвокасова все равно «пускай Чокаевы говорят и пишут, что угодно». Для партии пролетариата не все равно, что о ней думают и пишут враги. И знаменательно, что ныне меньшевики и эсэры свою ставку делают между прочим на перерождение нашего аппарата через национализацию. На ряду с Садвокасовым и меньшевики «за наиболее последовательную и далеко идущую национализацию советских республик,—и притом не путем прямой политической борьбы, конспирации, восстания и т. д., но путем использования возможностей национально-культурной и организационной работы, органического завоевания низового советского аппарата и т. д.» [1]).

Только тупые мещане могут выдвигать явно демагогические требования, не учитывая, что они часто играют на руку нашим врагам. Нет ничего более антимарксистского, чем точка зрения, не учитывающая огромного контраста между отдельными республиками и областями Советского Востока. Часто товарищи, рассуждая о национализации и о партруководстве, обходят эти различные и глубокие своеобразия.

Однако, если вдуматься в состояние Советского Востока, то должно быть ясно, что национальные окраины и их парторганизации никак нельзя стричь под одну гребенку. У нас есть народы, которые оформились в нации задолго до революции, развивались на капиталистических рельсах, имели национальную буржуазию и пролетариат. На ряду с этим целый ряд народ-

[1]) «Соц. Вестник» № 19. Октябрь 1927 г., стр. 12.

ностей только вступил на путь капиталистического развития, оформляясь в нацию и положив начало росту туземного пролетариата. Наконец, имеется ряд племен, застигнутых революцией в докапиталистической стадии развития, которые только теперь формируются в нации и создают национальный пролетариат. Если в странах первого и второго типа революция победила по преимуществу своими внутренними силами, то в странах третьего типа классовая борьба протекает в окружении советских порядков и при помощи общесоюзного пролетариата. В странах третьего типа национализация аппарата и большевизация парторганизации имеет ряд серьезных препятствий. Внутри парторганизации первого и второго типа неизбежны еще частично колебания. В странах третьего типа неизбежны еще частичные отходы и отколы. Выступление Садвокасова есть голос буржуазно-националистической тенденции более отсталой части Советского Востока. Оно является болезнью нашего роста и вместе с тем сигналом стоящих перед нами последних трудностей. В борьбе против национальной демократии Садвокасовых будет закаляться и расти поколение большевиков революционного Востока.

Не смешно ли, что Садвокасов свой путь к буржуазной демократии прикрывает лозунгом: «На ленинские позиции по национальному вопросу на практике».

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

В. И. ЛЕНИН. Сочинения. Издание второе под редакцией Н. И. Бухарина, В. М. Молотова, И. И. Скворцова-Степанова. Том IV. 1900—1902 гг. Редактирован Л. Б. Каменевым. Государственное издательство. 1927 г. Стр. 662. Подготовлен к печати В. Г. Сориным.

Настоящий том сочинений В. И. Ленина охватывает период 1900, 1901 и первой половины 1902 гг. и включает в себя первую половину эпохи, известной в истории нашей партии под именем эпохи «Искры». Этот том освещает политику Ленина в связи с самой организацией «Искры», его борьбу с экономизмом, бернштейнианством и Струве. Второй половине искровского периода, программным спорам, борьбе с эсэрами и либеральным «Освобождением», а также, тактическим вопросам, рабочего движения будет посвящен следующий, пятый том. Крупнейшее произведение этой эпохи: «Что делать?» вошло в рассматриваемый нами том.

Работа по подготовке издания «Искры» и вся искровская кампания протекали не только при ближайшем участии В. И. Ленина, но и под его непосредственным идейным и организационным руководством.

В январе 1900 г. кончился срок ссылки В. И. Ленина, и он тотчас же выехал из Сибири. Проездом он останавливается в Уфе, Москве и Петербурге и совещается с местными с.-д. по вопросам организационного воссоздания партии и издания общепартийного органа. Из этих совещаний выяснилось, что его план относительно создания газеты встретился с другим, с идеей немедленного созыва II партийного с'езда. Идея эта исходила от «Союза русских социал-демократов за границей», с которым в то время особенно резко обострились отношения у группы «Освобождение Труда» на почве идейных и организационных разногласий. И по этим соображениям, и по соображениям принципиального характера—слабость идейного укрепления и организационного сплочения местных соц.-дем. организаций—В. И. считал преждевременным созыв II с'езда. Однако, группой Ленина, в которую входили тогда Мартов и Потресов, решено было принять участие на с'езде, не останавливая в то же время работ, предпринятых по созданию газеты.

Попытка немедленного созыва с'езда не удалась из-за массовых арестов. Пришлось отказаться и от издания газеты в пределах России и перенести это дело за границу. Летом 1900 г. В. И. выехал за границу, где уже находился Потресов, подготовлявший техническую сторону издания «Искры». Еще находясь в Пскове, В. И. составил проект заявления редакции «Искры» и «Зари». Этим заявлением и начинается IV том сочинений Ленина. Настоящее заявление обсуждалось на так называемом «Псковском совещании», на котором, помимо будущих искровцев (Ленина, Потресова, Мартова и др.), приняли участие также представители «легального марксизма» Струве и Туган-Барановский. Характеристика «критиков» марксизма в «Заявлении» была такова, что Туган-Барановский высказал сомнение в возможности поддержать начинание. К Тугану присоединился и Струве. Оба они были обижены «несправедливым» к ним отношением. И, однако, несмотря на все «обиды» и «несправедливости», они все же решили поддержать новое начинание: стоявшие перед либеральной буржуазией задачи властно требовали ближайшего участия в делах руководящей группы революционной социал-демократии, которую предполагалось использовать для закрепления своего

влияния в массах. Ради этой большой идеи, Струве готов был снести обиды и даже поступиться «принципами». Впоследствии, в Швейцарии, когда из переговоров выяснилось, что Струве претендует на равноправие в руководстве рабочим движением—Ленин один «поднял восстание» против всей будущей редакции «Искры», которая шла на уступки.

«... Когда мы спросили Струве и Тугана, — рассказывает Мартов о псковском совещании в «записках социал-демократа», — каково же в конечном счете ваше отношение к нашему начинанию, я удивленно услышал твердое заявление Струве: мы считаем его необходимым... поддерживать..., после чего попросил принять от него ежемесячный взнос... в 5 р.», Туган внес также свою «посильную лепту» в 10 р.

«Если бы мы предвидели,—говорит Мартов,—как разойдутся наши пути, мы бы, вероятно, сохранили, как исторический памятник, полуимпериал, врученный будущим злейшим врагом социализма и революции...».

По приезде за границу В. И. и его группа немедленно вошли в сношения с группой «Освобождение Труда» по вопросу о совместном издании «Искры». Однако, уже в самом начале переговоров выяснились резкие разногласия между «молодыми» (Ленин, Потресов) и Плехановым, которого поддерживали Аксельрод и Засулич. Плеханов хотел властвовать в новом органе и настаивал на издании газеты в Женеве, «молодые» же полагали, что редакторами должны быть они как потому, что «старики» крайне нетерпимы, так и потому, что они (старики) не смогут вести аккуратно черную и тяжелую редакторскую работу, против идейного же руководства «стариков» ни Ленин, ни Потресов не возражали.

Абсолютную нетерпимость и неискренность проявил Плеханов и в вопросе об отношении к Струве.

В записи «Как чуть не потухла «Искра» (вошедшей в настоящий том) В. И. говорит: «... Наши заявления, что мы обязаны быть, елико возможно, снисходительны к Струве, ибо мы сами не без вины в его эволюции: мы сами, и Г. В. в том числе, не восстали тогда, когда надо было восстать (1895, 1897 гг). Г. В. абсолютно не хотел признать своей, хотя бы малейшей вины, отделываясь явно негодными аргументами, отстраняющими, а не раз'ясняющими вопрос... Зачем обманывать себя, говоря, что в 1895 г. ему, Г. В., будто бы было «приказано» (??) «не стрелять (в Струве), а он привык делать, что приказано (похоже на то!)...».

Как известно, это заявление Плеханова дало кое-кому повод утверждать, что Ленин еще в 1895 году защищал Струве против Плеханова; такое же предположение высказывал и Ваганян в IV книге «Воинствующего Материалиста», заявляя, что Ленин «мог советовать Плеханову «не стрелять» в Струве, ибо в то время начиналось уже сближение с легальными марксистами». О полной несостоятельности такого предположения Ваганяна, нам уже приходилось говорить на страницах «Большевика» (1925 г., № 19—20), тогда же путем сопоставления целого ряда фактов, нами была высказана уверенность, что советы «не стрелять» в Струве в 1895 г. могли исходить только от Петресова. В статье «Ленин 1900—1902 г.», напечатанной в рецензируемом томе, Л. Б. Каменев, цитируя только теперь ставшее известным письмо Плеханова к Мартову от 25 октября 1908 г. об отношении к Струве, говорит, что письмо это «раз навсегда решает вопрос о том, кто дал тогда Плеханову «приказ не стрелять» в Струве. Этот «приказ» был дан Петресовым».

С октября 1900 года началась подготовка к изданию первого номера «Искры». 24 декабря этот номер вышел в свет. «Искра», говорится в примечании на стр. 558 рецензируемого тома, возникла, как результат блока

двух групп: группы русских социал-демократов (Ленин, Мартов, Потресов) и заграничной группы «Освобождение Труда» (Плеханов, Аксельрод, Засулич). Это разделение на две группы, из которых «лидером» одной был Ленин и «лидером» другой—Плеханов, продолжало «неофициально» иметь место и внутри общей редакции, проявляясь в ряде программных, тактических и организационных разногласий между Лениным и Плехановым... Из разногласий, имевших место внутри «Искры»..., создававших иногда угрозу разрыва и раскола, можно отметить следующие: формулировка задач «Искры», отношение к статье Ленина «Гонители земства и Аннибалы либерализма», программа партии, отношение к статье Ленина «Аграрная программа русской социал-демократии, вопрос о существовании «Южного Рабочего» параллельно с «Искрой», вопрос о демонстрациях... и др.». При наличии этих разногласий, раскол на II с'езде Р. С. Д. Р. П. не явился неожиданным. Если разногласиям 1901—1902 годов предпослать различное отношение Ленина и Плеханова к либералам и крестьянству еще в первой половине 90-х годов, если припомнить разбор программы группы «Освобождение Труда», сделанный Лениным в 1899 г., то мы будем иметь вполне достаточный материал для установления «двух тактик», двух направлений мысли в русской социалдемократии—ленинской тактики (революционного марксизма) и тактики буржуазного извращения марксизма—меньшевизма.

Три статьи, появившиеся в первом номере «Искры», принадлежат перу В. И., они помещены в рассматриваемом томе. Первая из них — «Насущные задачи нашего движения»,—говорит о состоянии разброда в русской социал-демократии, о содействии политическому развитию и политической организации рабочего класса и о необходимости подготовки победоносной революции пролетариата. Организация крепкой партии—основная задача момента. Из других статей, одна касается китайской войны, которую затевало в то время царское правительство, другая—раскола в заграничном союзе русских социал-демократов.

Следующие два номера «Искры» и первый номер журнала «Заря» вышли также под непосредственной редакцией В. И. Статьи в этих номерах, напечатанные в настоящем томе, касаются, главным образом, политических событий того времени, в частности студенческих беспорядков. Одна из них, «Рабочая партия и крестьянство», напечатанная в № 3 «Искры», ставит вопрос о работе с.-д. партии среди крестьянства и о соответствующих программных требованиях. Статья эта вызвала большую полемическую литературу, в особенности со стороны организовавшейся в то время партии социалистов-революционеров. Да и в самой редакции «Искры» эта замечательная статья встречена была сдержанно. Плеханову и Аксельроду требование возвращения «отрезков» казалось утопическим. «Шокирует оно меня,—писал Аксельрод,—не радикализмом своим, а утопизмом, хотя требование возвращения «отрезков»—замечательный агитационный прием». Напомним кстати, что, выставляя требование возвращения «отрезков», Ленин имел в виду, с одной стороны, интересы агитации, с другой—интересы свободного развития производительных сил и классовой борьбы в деревне.

Из крупных произведений В. И. в IV томе помещены: «Гонители земства и Аннибалы либерализма», «Аграрный вопрос и критики Маркса» и «Что делать?».

В первом из этих сочинений В. И., кратко изложив историю борьбы царского правительства с земством, разбирает взгляды Струве на вопросы политического преобразования России. Эти взгляды изложены в предисловии к секретной записке Витте под названием: «Самодержавие и земство». Считая оформление буржуазного либерализма явлением прогрессивным, В. И., тем не менее, решительно критикует ограниченность оппози-

ционных лозунгов и борется с попыткой подмены идеологии пролетарского социализма идеологией либерализма. Рассматриваемая статья В. И. вызвала в свое время возражения со стороны остальных редакторов «Искры», в особенности Плеханова, возражавшего против резкой постановки вопроса об отношении с.-д. к либерализму и считавшего, что «гладить теперь либерализм против шерсти—большая ошибка». Возникшая по поводу этой статьи оживленная переписка между редакторами, обнаружила наличие двух точек зрения в среде искровцев по вопросу об отношении революционной социал-демократии к либералам.

В произведении «Аграрный вопрос» В. И. разбирает работы Герца, Чернова и Булгакова, обрушившихся с критикой на позицию «догматического марксизма» в области аграрных отношений и, в частности, на «Аграрный вопрос» Каутского. Первые главы этой работы были напечатаны в 1901 г., последние — в 1906 году. В настоящем издании эта работа Владимира Ильича впервые появляется в целом виде.

Однако, самым крупным и основным сочинением, вошедшим в IV том, как уже упоминалось выше, является «Что делать?». Книга эта по тому влиянию, которое она имела среди социал-демократов, и по той роли, которую она сыграла в борьбе со всеми видами оппортунизма и кустарничества в рабочем движении, должна быть причислена к сочинениям, делающим «эпоху». В ней затронуты вопросы о характере и содержании политической агитации с.-д. и создании боевой общерусской организации. Со всех сторон разбирается и критикуется модное в то время течение среди русских с.-д., известное под именем экономизма. Кустарничеству экономистов противопоставляется организация профессиональных революционеров. Трэд-юнионистскому уклону и защите «стихийности» В. И. решительно противополагает политику пролетарского социализма и сознательное руководство революционной социал-демократией. В этом произведении систематизировано и принципиально обосновано крэдо революционных с.-д. в противовес теориям мелкобуржуазного социализма и оформляющейся либеральной идеологии.

В предисловии к сборнику статей «За 12 лет», вышедшем в С.-Петербурге в 1908 г., Ленин писал: «Основная ошибка, которую делают люди, в настоящее время полемизирующие с «Что делать?», состоит в том, что это произведение совершенно вырывают из связи определенной исторической обстановки, определенного и теперь давно уже миновавшего периода в развитии нашей партии... «Что делать?—есть сводка искровской тактики, искровской организационной политики 1901 и 1902 гг. Именно: «сводка», не более и не менее [1]). Кто возьмет на себя труд ознакомиться с «Искрой» 1901 и 1902 годов, тот, несомненно, убедится в этом. А кто судит об этой сводке, не зная искровской борьбы с преобладавшим тогда экономизмом и не понимая этой борьбы, тот просто роняет слова на ветер. «Искра» боролась за создание организации профессиональных революционеров... поборола преобладавший тогда экономизм, создала эту организацию в 1903 г. окончательно, удержала эту организацию, несмотря на последующий раскол искровцев... удержала ее в течение всей русской революции, удержала и сохранила ее с 1901—1902 до 1907 года...».

Произведением «Что делать?» заканчивается «мюнхенский» период «Искры». Германская полиция выследила типографию «Искры» и местопребывание ее редакции. В апреле 1902 года издание было перенесено в Лондон.

Несколько слов о примечаниях. Они составлены с большим знанием предмета и вводят читателя в круг идей и настроений «искровской» эпохи.

[1]) Владимир Ильич явно преуменьшает значение своей работы. «Что делать?»—не только «сводка», она не только подводит итог искровской тактике и организации, но и указывает путь, по которому партия должны итти вперед в качестве вождя общенародной революции.

Примечание к статье Вл. Ильича «Гонители земства и Аннибалы либерализма» представляет собой исчерпывающий очерк обмена мнений между членами редакции «Искры» по весьма интересному вопросу об отношении социал-демократов к либеральной буржуазии.

Вводная статья (Ленин — 1900—1902 гг.) написана Л. Б. Каменевым.

Н. АНГАРСКИЙ.

ПАУЛЬ УФЕРМАН. «Германский стальной трест». («Der Deutsche Stahltrust». Изд. «Allgem. Deutscher Gewerkschaftsbund», Berlin, 1927 г.).

Образование Германского Стального Треста является крупнейшим событием в истории капиталистической концентрации и централизации истекшего «стабилизационного» четырехлетия. Хозяйственная мощь и политический вес этого треста настолько велики, что мимо него нельзя пройти, говоря о тенденциях развития современной Германии. Книга Уфермана, хорошо известного своими более ранними обстоятельными монографиями о Стиннесе и Всеобщей Электрической компании (A. E. G.), поэтому появилась как нельзя более кстати. Нужно пожелать ее скорейшего перевода и издания на русском языке.

Несмотря на свою социал-демократическую установку, факты Уферман излагает более или менее добросовестно и с большим знанием дела. Именно в этом заключается ценность его работы. Что касается политических выводов, которые он делает, то на них, разумеется, лежит яркая печать оппортунистической ограниченности. Но и этой слабой своей стороной Уферман тоже представляет собою известный интерес, ибо его идеологический уровень отражает идеологический уровень всей германской социал-демократии, всего II Интернационала.

Стальной Трест (точнее говоря, Акц. О-во Об'единенных Стальных заводов, Vereinigte Stahlwerke A. G.) является продуктом очень долгого процесса, развертывавшегося в германской тяжелой индустрии на протяжении десятилетий. Уферман дает очень хорошее, хотя и сжатое описание различных стадий этого процесса. Уферман отмечает п р е д в о е н н ы й п е р и о д, когда ведущая роль в концентрации промышленности принадлежала синдикатам, в рамках этих синдикатов, однако, вызревали основные производственные концерны, уже накануне войны монополизовавшие производство угля, железа и стали. Далее—п е р и о д в о й н ы и п е р в ы х и н ф л я ц и о н н ы х л е т п о с л е в о й н ы. Этот период характеризуется в первую очередь безудержной вертикальной концентрацией, концентрацией, не связанной ни с какими производственно-техническими соображениями, единственный экономический резон которой заключался в стремлении сбыть скорее с рук падающую марку и обменять ее на «вещественные ценности» (Sachwerte): будет ли то электрическая станция, или бумажная фабрика, или фешенебельный отель—все равно. Наиболее громким примером подобного рода образований был концерн Стиннеса. И, наконец, т р е т и й п е р и о д. Последний начался в 1924 году, после стабилизации валюты, дефляционного кризиса и дефляционной «чистки» германского хозяйства, одною из первых жертв которой, между прочим, пал концерн Стиннеса. На этом этапе концентрационные аппетиты по вертикальной линии несколько суживаются. Никто не стремится больше отапливать собственным углем собственные отели. Но тем основательнее разыгрываются эти аппетиты по горизонтальной линии в сфере собственно тяжелой индустрии, в производстве угля, железа, стали.

Стальной Трест на ряду с Химическим является величайшим концерном в Германии и одним из величайших в мире. В состав его вошли следующие

промышленные об'единения: 1) Рейнско-Эльбская группа, включающая в себя Гельзенкирхенское горнопромышленное общество, Германо-Люксембургское горнопром. о-во и Бохумский комбинат; 2) группа Тиссена; 3) группа «Феникс» и, наконец, группа заводов «Рейнская Сталь».

Все перечисленные предприятия располагают сотнями миллионов капитала, каждое мировой репутацией, колоссальным техническим опытом. Каждое из этих предприятий, вошедших в состав треста, само является продуктом долгого предшествующего развития, складывалось и развивалось десятилетиями, разоряя своих конкурентов, обрастая их заводами и шахтами, шаг за шагом развертывая сеть своих производственных, торговых, финансовых связей. Так, Гельзенкирхенское горнопромышленное общество возникло еще в 50-х годах прошлого столетия. В течение 70 и 80-х годов оно непрестанно расширяется, присоединяя к себе одни за другими шахты «Штейн», «Гарденберг», «Эрик», Вестфальский шахтный комбинат и т. д., и т. д. В середине 900-х годов Гельзенкирхен, бывший до того чисто-угольным предприятием, начинает присоединять к себе и металлургические предприятия,—Шалькский и Аахенский горнозаводские комбинаты, Люксембургское общество доменного производства, акц. о-во Этвейлер и т. д. Накануне войны Гельзенкирхенское общество располагало акционерным капиталом в 180 миллионов марок при 70 миллионах марок облигаций. Его годовое производство составляло 10,4 млн. тонн угля, 1,5 млн. тонн чугуна, 996 тыс. тонн стали, 773 тыс. тонн проката и т. д. Такого же типа историю имеют за собою и остальные части Стального треста, в особенности Тиссенская группа.

Указанные нами 4 группы это—только учредители треста. Экспансия последнего, разумеется, не ограничилась их предприятиями. Уже очень скоро по своем возникновении он присоединяет к себе концерн Штумма, Ромбахские металлургические заводы. За границей под его более или менее непосредственным контролем оказываются известное общество Alpine - Montan в Австрии, заводы «Бисмарк» в польской Силезии, многочисленные железорудные предприятия в Швеции и Испании.

Капитал Стального Треста составляет 925 миллионов марок. Его активы, согласно балансу на 30 сентября 1926 года, равнялись 1.852 миллионам марок. Годовая производительная способность его заводов составляет 9 миллионов тонн стали, 7,7 миллионов тонн чугуна, до 30 миллионов тонн каменного угля. Что касается фактического производства, удельного веса в действительной продукции Германии, то о нем лишь в очень слабой степени можно судить по квотам Треста в различных синдикатах. В Рейнско-Вестфальском каменноугольном синдикате она составляет 21,8 проц., в чугунном синдикате—43,1 проц., в стальном синдикате—41 проц. По поводу этих цифр Уферман, однако, замечает, что они нуждаются в очень серьезных коррективах. Учитывая те угольные шахты, которые фактически входя в стальной трест, формально имеют в синдикате свои особые квоты, мы получим действительную квоту треста, равную 31 проц., почти одной трети всей угольной добычи Рура. Что же касается участия в чугунном и стальном синдикатах, то относительно него Уферман пишет: «Надо принять во внимание, что стальной трест в большой степени сам является потребителем (своей продукции), и поэтому его величина, как производителя, не видна из цифр об его участии (в синдикатах). Так, например, лишь сравнительно небольшая часть его продукции чугуна и полуфабриката охвачена соответствующими синдикатами. Большие комбинированные предприятия в роде Стального Треста выступают здесь не только как крупные производители, но и как крупные потребители. Так, например, с 1 апреля по 30 сентября один только Стальной Трест произвел 72.273 тысячи тонн чугуна, в то время

как совокупная годовая сумма всех квот чугунного синдиката составляла только 2.268 тысяч тонн»[1]).

Стальной трест является одной из виднейших частей международного стального картеля. Глава, посвященная последнему, очень интересна, между прочим, и тем, что очень ярко вскрывает резко антирабочий характер подобного рода об'единений. Уферман пишет:

«Подозрительно раньше всего предусматриваемое § 7 договора возмещение. Его должны получать те предприятия, поставки которых отстают (от квоты). Так как в договоре ничего нельзя найти относительно того, что недопроизводство вследствие конфликтов с рабочими не вознаграждается, то, несомненно, что картель обязан такое возмещение предоставлять».

Надо сказать, что согласно уставу стального картеля, за каждую недопроизведенную до квоты тонну стали полагается из кассы картеля вознаграждение в 2 доллара. В особых случаях, однако, сумма возмещения может быть и повышена. Уферман совершенно резонно заключает: «Не подлежит сомнению, что в случае рабочих конфликтов стальной картель будет предоставлять возмещение большее чем 2 доллара (с тонны)». Международный стальной картель здесь выступает, т. о., как международная антистачечная организация капиталистов.

Международный стальной картель является самым крупным, но далеко не единственным международным капиталистическим об'единением. На ряду с ним существует международный рельсовый синдикат, международный проволочный синдикат, трубный картель и т. д.[2]).

Как ни существенен факт возникновения международных картелей, их значение, однако, отнюдь не следует преувеличивать. Уферман не случайно большую часть главы о международном картеле уделяет борьбе за квоты. Международный картель ни в коем случае ни в малейшей мере не устраняет противоречий внутри европейской тяжелой индустрии. Напротив, это об'единение—новая, специфическая и к тому же высококонцентрированная форма борьбы германской, французской, бельгийской тяжелой индустрии. И как бы ни расценивать прочность подобных международных об'единений, во всяком случае несомненно, что они являются производной от процессов концентрации и централизации внутри отдельных капиталистических стран.

Любопытна глава книги Уфермана, посвященная «командирам» Стального Треста. Она могла бы служить неплохим дополнением к известной книге Пиннера «Вожди германского хозяйства». Стальной трест имеет не мало, не много как 40 директоров и 12 заместителей к ним. Во главе его стоит Альберт Фоллер, для характеристики которого Уферман приводит две цитаты из его речей. «Мы находимся в начале новой эпохи, чекан которой дают наука и техника. Прогресс, однако, всегда осуществляют отдельные личности, и никогда не масса. Не массы, но руководящие личности приносят с собою прогресс». Приведя эти выдержки, Уферман от себя скромно добавляет: «Такие речи свидетельствуют об антидемократическом духе этого в остальном, несомненно, дельного человека».

Как повлияло образование треста на положение рабочих? В отчете правления треста за первое полугодие сказано следующее: «Улучшающаяся кон'юнктура и успехи наших мероприятий по рационализации в очень большой степени пошли на пользу работающим на наших предприятиях... Средний месячный доход одного рабочего повысился почти на 20 проц.». По поводу этой тирады Уферман замечает: «Так как за это время тарифная ставка не была повышена, то остается предположить, что увеличение заработка про-

[1]) Стр. 69.
[2]) В самое последнее время в американской и европейской прессе появились сообщения об организации международного химического синдиката.

изошло лишь за счет сверхурочных часов. Как бы там ни было, увеличение производительности было во всяком случае больше, чем доставшийся рабочим добавочный заработок... Пока-что успехов в области образования цен и повышения зарплат в связи с реорганизацией предприятий отмечать не приходится» (стр. 178).

Как известно, дальнейший ход событий полностью подтвердил эту точку зрения. Стальные и угольные бароны во главе с правлением Стального Треста ведут сейчас отчаянную борьбу за увеличение рабочего дня и соответственное относительное снижение зарплаты. Не подлежит сомнению, что в этом же направлении ими будет использован и надвигающийся на Германию кризис. Тем не менее, анализ Уфермана в этом пункте страдает некоторым упрощенчеством.

На предприятиях Стального Треста работает 186 тысяч рабочих. Это — меньше 2 процентов всех рабочих, занятых в германской промышленности. Стальной Трест, владея основными видами промышленного сырья, в известном смысле господствует над остальной промышленностью, и в первую очередь над металлообрабатывающей. Его командное положение позволит ему загребать на монопольных ценах огромные добавочные барыши. Вполне мыслимо, что на базе этих добавочных сверхбарышей магнаты треста попытаются создать на своих заводах некоторую прослойку «рабочей аристократии», «американизировать» отношения между предпринимателями и рабочими. Эту возможность тем более необходимо иметь в виду, что главари Стального Треста проявляют чрезвычайно большую заботливость о «душе» рабочего. Под прямым покровительством председателя правления треста Фоглера находится одна из желтейших организаций в Европе—Д и к т а (Германский Институт для технического образования рабочих), издающий в настоящее время 55 заводских газет и 8 еженедельников, основная задача которых—всеми возможными способами глушить классовое сознание рабочих, их волю к классовой борьбе.

Тяжелая промышленность является центральной командной высотой в хозяйстве любой страны. Тем более такой страны, как Германия. Эта командная высота в большой своей части захвачена теперь о д н о й организацией—Стальным Трестом. На ряду с тяжелой промышленностью первостепенное значение сейчас приобрела химическая промышленность. И здесь решающее значение принадлежит теперь о д н о й организации—химическому тресту. Оба гиганта уже сейчас связаны между собою через заводы «Рейнская сталь». Не только возможно, но и вероятно, что эта связь будет становиться с каждым годом прочнее и многостороннее.

Нет, конечно, ничего более легкого, как пройти м и м о Стального Треста, м и м о Химического треста, м и м о их намечающегося сближения под тем предлогом, что концентрация капитала штука давно известная, и о ней еще в шестидесятых годах прошлого столетия Маркс писал. Это свидетельствовало бы, однако, о непростительной близорукости, о полном непонимании того, что «количество» здесь именно после войны, именно теперь, начинает переходить в известное новое «качество». Это новое «качество» заключается в том, что в современных масштабах капиталистической концентрации все более и более явственно пробивается тенденция к г о с у д а р с т в е н н о м у к а п и т а л и з м у. Это госкапитализм, идущий не «сверху», а «снизу». Сращивание хозяйственного и политического аппаратов буржуазии здесь идет не таким образом, что государство в растущей степени прибирает к рукам фабрики, заводы, железные дороги, но, напротив, таким образом, что все более концентрирующаяся промышленность, все более концентрирующийся финансовый капитал в растущей степени прибирает к рукам государственный аппарат буржуазии Что тенденция к сращиванию хозяйственного и политического аппаратов буржуазии в современной Европе налицо—это чувствуют и буржуазные экономисты, хотя они и дают этому процессу совершенно извращенную формулировку. Так небезызвестный Джон Мейнард Кейнс в своей книге «Конец Laissez-Faire» пишет: «Еще интереснее, однако, развитие акционерных обществ, когда они достигают определенного возраста и величины. Они тогда приближаются больше к статусу публичных корпораций, нежели индивидуальных частных предприятий. Один из наименее отмеченных и интереснейших процессов последних десятилетий это—тенденция больших предприятий к тому, чтобы самих себя социализировать».

Мы привели эту тираду Кейнса не затем, чтобы в тысячу и первый раз посмеяться над своеобразной интерпретацией слова «социализация» почтенным кэмбриджским профессором. Для нас в этой цитате существенно то, что и кэмбриджский профессор чувствует, что предприятия в роде «Роял Детч» или Стального Треста не суть предприятия обычного, старого типа, что их роль в общественной жизни, их связь с самой концентрированной формой капиталистической общественной жизни, с капиталистическим государством—принципиально нового, иного типа. И если разорвать мистифицирующую оболочку слова «социализация», то рациональное зерно, которое за нею кроется, покажется не чем иным, как тенденцией к государственному капитализму.

На этой госкапиталистической тенденции современного капитализма пытается социал-демократия построить свою идеологию «хозяйственной демократии». Сторонником этой хозяйственной демократии выступает и Уферман. «Государственный контроль! Если народ не хочет быть раздавлен мельничными жерновами монополистических трестов, то он должен вступить на этот путь» (стр. 184).

Конечно, контроль капиталистического государства над капиталистическими трестами настолько элементарная и очевидная глупость, что даже таким «ползучим эмпирикам», как Уферман, опыт Соединенных Штатов Сев. Америки с их драконовским законодательством против трестов, должен был бы не позволить так развязно болтать о контроле над монополиями при помощи «ведомства монополии» (так буквально и сказано: Monopolamt!). Но существенно то, что под видом оппозиции трестифицированному капиталу, прикрываясь левыми фразами о «народе» и «мельничных жерновах монополий, социал-демократия стремится впрячь пролетариат в колесницу капиталистических монополий, навязать ему «сотрудничество» с индустриальными баронами, выбить у него при помощи этого «сотрудничества» из рук оружие классовой борьбы и таким образом не только материально, но и идейно поработить его капиталу.

Разоблачение социал-демократической тактики по этой линии сейчас является одной из важнейших задач Коминтерна. С этой точки зрения материал, собранный в книге Уфермана, будет очень полезен. Что же касается ее социал-демократических выводов, то это шелуха, которую легко отбросит любой мало-мальски грамотный читатель.

Г.

РАЗОБЛАЧЕНИЯ АДМИРАЛА КОНСЕТТА.

(W. Consett.—«The triumph of civil forces»).

Одной из небезынтересных сенсаций наших дней следует считать появление книги английского адмирала Консетта «Т о р ж е с т в о г р а ж д а н с к и х с и л», в которой он выступает с разоблачениями роли, сыгранной Англией во время империалистской войны. Обвинение адмирала, в главнейшем, сводится к тому, что А н г л и я в п р о д о л ж е н и е в с е й в о й н ы с л у ж и л а г л а в н ы м и с т о ч н и к о м с н а б ж е н и я Г е р м а н и и.

Без этой помощи, оказанной ей Англией, Германия ни в каком случае не могла бы продержаться четырех лет. Адмирал Консетт, цитируя в своей книге официальные документы, в том числе и собственные предостерегающие рапорты [1]), с которыми он, в силу своего служебного положения, неоднократно обращался к английскому правительству, обвиняет в прямой измене интересам союзников не только капиталистов и промышленников Англии, но и само правительство. Значительный интерес представляют также разоблачения Консетта, в которых адмирал доказывает, что в том же «предательстве» интересов союзников, на ряду с английским правительством, участвовало и правительство С.-А. С. Ш., при чем между обоими правительствами в этом отношении существовала явная конкуренция. Главными пособниками и проводниками английских товаров, направлявшихся в Германию, являлись скандинавские страны, руками которых Англия—вместо того, чтобы осуществлять блокаду Германии,—обеспечивала последней всяческое снабжение.

Отрывки из книги Консетта приведены в «лево-пацифистской» газете «Paris Matinal», снабдившей их комментариями, выражающими всю силу негодования «обманутых Англией союзников». Мы не станем приводить здесь этих комментариев. Что касается выводов, делаемых и самим адмиралом Консеттом и его парижскими комментаторами, то они для советского читателя не представляют ничего нового: «Миллионы людей, погибших на бесчисленных европейских фронтах, погибли во славу и ради прибылей промышленников и купцов». Мы можем только пожалеть о том, что недостаток места не позволит нам привести всех красноречивых фактов из обвинительного акта адмирала Консетта, иллюстрирующих это положение.

Вот как адмирал Консетт сам определяет цель своей книги: «В этой книге читатель найдет описание невидимой экономической войны. Ее история представляет собою главу мировой войны, до сих пор еще никем не рассказанную. По всей вероятности, большинство англичан до сих пор не подозревает об ее существовании».

Установив, что главными каналами, по которым необходимые товары прибывали в Германию, были скандинавские страны, Консетт заявляет:

«Грузы, прибывавшие морскими путями в Германию, отнюдь не были только нейтрального происхождения. Они происходили из других источников: Великобритании и некоторых союзных стран, как, например, Японии. Если бы мы были уверены, что наши грузы не проникают в Германию прямым путем или не оказывают ей косвенной помощи, мы, конечно, имели бы все основания расширять свою торговлю со скандинавскими странами. Но в том-то и дело, что с самого начала враждебных действий скандинавские страны стали поставлять товары в Германию, и в течение двух лет скандинавские страны получили из Англии и союзных с нею стран, такие количества, которые, будучи присоединены к их собственным запасам, даже превысили все, что нужно было для того, чтобы спасти, в буквальном смысле, от голода Германию». В самом начале своей книги автор цитирует слова Вагенгейма, сказанные им американскому послу в Константинополе в 1914 году: «Если мы через месяц не будем в Париже, мы будем побиты». «Это заявление,—говорит Консетт,—об'ясняется тем, что Германия хорошо сознавала повелительную необходимость для нее получать из-за границы сырье и предметы первой необходимости для снабжения ее армии и прокормления гражданского населения. И вот эту задачу за Германию выполнила Англия. Мы оправдывали нашу торговлю с скандинавскими странами тем, что нам гарантировали, будто Германия не воспользуется ею. Достаточно сказать, что ни этой гарантии, ни уверенности в ней ни у кого не было».

[1]) Консетт во время войны занимал пост великобританского военно-морского атташе в скандинавских странах.

Далее, Консетт рассказывает о том соревновании, которое возникло в самом начале войны между Англией и Америкой, едва не приведшем к войне между обоими государствами. Америка обвиняла Англию в том, что последняя, осуществляя контроль морской торговли, вела его исключительно во вред развитию американской торговли.

«Дело в том,—говорит Консетт,—что в то самое время, когда мы, опираясь на морское законодательство, отстаивали свое право вмешиваться в американскую торговлю, мы сами были прямыми конкурентами Америке в деле снабжения нейтральных стран и Германии».

Когда в Англии общественное мнение взволновалось первыми слухами о том, что в Германию проникают нужные ей грузы через нейтральные страны, английское правительство приложило все усилия к тому, чтобы, с одной стороны, успокоить общество, а с другой, обелить скандинавские страны. Сделано это было с большой затратой энергии и исключительного красноречия. Так, Консетт определенно обвиняет лорда Роберта Сесиля в том, что в своей речи в парламенте (26 января 1916 года) он дал понять английскому народу, что Германия никаких грузов через скандинавские страны не получает.

В то же самое время английское правительство на запрос американского отвечало совсем другое:

«Общеизвестно, что огромные количества пищевых продуктов были получены врагом через нейтральные порты. Эти порты на самом деле являлись как бы воротами, через которые товары совершенно открыто проникали к врагу».

Мало того, Консетт утверждает, что «правительство не обращало никакого внимания на все представления и совершенно официальные точные доклады о том, что огромные количества всякого сырья и фабрикатов проникали из скандинавских стран в Германию. Когда Германия была охвачена настоящим голодом и должна была вооруженной силой подавлять волнения, вызванные недостатком хлеба, она все же была избавлена от угрожавшего ей полного краха огромными поставками снабжения из скандинавских стран».

«3-го июня 1915 г. американский посланник в Лондоне обратился к правительству его величества с просьбой произвести сравнительный подсчет экспорта какао (в сыром и готовом виде) из Англии в Голландию, Швецию, Норвегию и Италию за первые четыре месяца текущего года».

Вот что показали цифры в отношении сырого какао:

	1913 г.	1914 г.
Январь	260.361 ф.	2.626.687 ф.
Февраль	116.868 »	1.628.173 »
Март	137.423 »	4.060.428 »
Апрель	415.815 »	3.903.633 »

«Телеграмма, содержавшая эти сведения, датирована 16 июля 1915 г. 22 июля английский посол в Вашингтоне телеграфировал лорду Грею: «Г-н Лансинг обращает серьезное внимание на рост английского экспорта в порты северной Европы с начала войны. Это обстоятельство вызвало неблагоприятные доклады со стороны генерального консула С.-А. С. Ш. в Лондоне. Здесь говорят, что Германия пользуется этим для того, чтобы вызвать недовольство, распространяя слухи о том, что Англия стремится помешать американской торговле с нейтральными странами для того, чтобы захватить ее в свои руки и что она экспортирует товары, которые задерживает у американцев.

«13 августа лорд Грей обращает внимание американского посла на то, что сравнительные статистические таблицы английского и американского экспорта ясно обозначают превышение американского вывоза за первые пять месяцев 1915 года. Но все это только публично доказало, что Германия снабжается через нейтральные страны, что официально установленные статистические данные о торговле Англии и Америки за 1915 год превосходят все прежние данные».

«В конце 1915 года член парламента Александр Гендерсон был послан в скандинавские страны и Голландию со специальной целью обследовать вопрос о снабжении этими странами Германии. Причиной этого обследования явилось укрепившееся в Англии убеждение в том, что наш флот не осуществляет своих контрольно-полицейских функций. Это впечатление нашло свое отражение не только в прессе и публичных собраниях, но и на заседаниях парламента. И, однако, никаких других результатов это обследование не имело, если не считать того, что Гендерсон... получил звание лорда Фарингдона. Между тем, доклады, представленные лордом, имевшие такое огромное значение для будущего, а в особенности для 1916 года, не содержали в себе ровно ни одного факта из тех, которые были мною сообщены ему или официально доложены мною министерству иностранных дел через английское посольство. Все эти данные были подтверждены официальной статистикой после войны и все они показывают, что германо-скандинавская торговля после поездки лорда Фарингдона возросла в неимоверной пропорции. Тем не менее, лорд Фарингдон, докладывая о своей поездке в палате лордов 23 февраля 1916 года, заявил, что он убежден в ничтожности германо-скандинавской контрабанды и в том, что нейтральные страны наилучшим образом выполняют свои обязательства по отношению к нам. (См. отчет о парламентских дебатах 23 февраля 1916 г.). Мало того, лорд Фарингдон находил, что нужно поздравить правительство с тем, как ему удалось преодолеть всяческие трудности на этом пути и что оно заслуживает всемерной поддержки и поощрения. Правительство его величества, очевидно, согласилось с этим мнением. Лорд Грей находил содержание всех докладов удовлетворительными, а лорд Роберт Сесиль, очевидно, был утешен сообщением лорда Фарингдона о том, что Германия получает продовольствие из нейтральных стран лишь в небольших размерах» (!).

Мы опускаем здесь подробное изложение той части разоблачений Консетта, которые касаются снабжения Германии рыбными продуктами из Норвегии и Дании. Все его разоблачения в этой области основаны исключительно на официальных документах, из которых явствует, что норвежские и датские рыболовные компании получали систематически все необходимое оборудование и сырье (включая и неограниченное количество керосина и проч.) от англичан и что весь улов уходил целиком в Германию. Дело доходило даже до того, что датские и норвежские рыбаки не могли оставить для себя необходимого количества рыбы. Все целиком отправлялось в Германию. Все и вся приносилось в жертву для ее снабжения.

Переходим к поставке других продуктов Германии.

«В течение двух лет только одна из наших колоний доставила врагу двадцать тысяч тонн жиров и еще семьдесят тысяч тонн всяких кормов для скота, экспортируемого в Германию.

«Каждому известно, что жиры во время войны — синоним взрывчатых веществ. Не нужно распространяться насчет того, что для боеспособности Германии эти поставки имели исключительное значение: без них Германия задохлась бы».

В главе о финансовых комбинациях Консетт останавливается на том факте, что финансисты нейтральных стран, находившиеся в наилучших и деятельнейших отношениях с врагами, пользовались в течение всей войны особым покровительством в Англии. Он приводит поразительные факты, свидетельствующие о том, что даже министры относились к таким дельцам с полной предупредительностью, устраивая для них в Лондоне официальные приемы и т. д. Но не только нейтральные финансисты вели дела с английскими банками, но и многие руководители лондонских банков были деловым образом связаны со скандинавскими банками. В минуты всяческих затруднений, столь частых во время войны, скандинавские финансисты пользовались полной поддержкой со стороны своих английских коллег. Особенно болезненный характер эти сношения приняли в 1918 году. В это время немцы делали величайшие усилия, чтобы получить большое количество английских и американских банковых билетов. Что касается официальных американских представителей в скандинавских странах, то они всячески мешали немцам осуществить их намерения. Поэтому вывоз американских банковых билетов, бывших в обращении, был строго воспрещен.

Здесь Консетт выступает с обвинением, разоблачающим доставку огромного количества английских банковых билетов в скандинавские страны дипломатической почтой министерства иностранных дел.

«Естественно,—рассказывает он,—американцы в скандинавских странах были удивлены этим огромным потоком английских банкнот. Продажа их Германии приносила тогда колоссальную прибыль, достигавшую 50%, и некоторые американские фирмы обращались к своему министерству торговли с неоднократными просьбами разрешить им аналогичные операции, но все эти просьбы категорически отвергались с соответствующим предупреждением».

Опуская подробное описание сделок на цемент с Голландией, которые имели огромное значение для Германии, мы приведем лишь одну цитату по этому поводу из разоблачений Консетта:

«Изготовление цемента в то время было для Германии делом непреодолимым. Для производства десяти тонн цемента нужно, по крайней мере, три тонны угля. В самый последний период войны пятьдесят тысяч человек должны были быть сняты с фронта для работы в копях. В конце концов, как признал Людендорф, недостаток рабочих рук и был прямой причиной окончательного поражения Германии». Но до самого последнего времени, — по словам Консетта,—английские промышленники и экспортеры, при полном попустительстве правительства, делали все возможное для того, чтобы помочь Германии в ее затруднениях.

Еще более поразительны данные об угольной контрабанде:

«Количество угля, полученное тремя скандинавскими государствами за последние четыре месяца 1914 года, превосходит все предыдущие. Особенно это верно в отношении Швеции, которая побила всякие рекорды. Уголь поставлялся без всяких ограничений; угольная торговля продолжалась так же, как и в мирное время; поэтому, как только была об'явлена война, скандинавские корабли, нагруженные до отказа углем, начали снабжать им Германию через нейтральные порты. В течение всей войны, в особенности первых двух лет, товарное сообщение с Германией в скандинавских странах достигло необычайных размеров. Все эти поезда отоплялись английским углем. Обмен грузов с Германией достиг такой интенсивности, что ему приносилось очень часто в жертву местное сообщение. Мы не только активно помогли германо-скандинавской торговле, но мы всемерно приходили на помощь ей в борьбе с транспортным кризисом, добывая для нее уголь

в наших копях и транспортируя его через Северное море. (Разр. авт.).

Не менее интересны данные, приводимые Консеттом, о снабжении Германии металлами. Из них видно, что в 1915 г. экспорт никеля из Англии в Швецию увеличился вдвое по сравнению со всеми прежними годами. Из этого количества значительная часть была переотправлена Швецией в Германию немедленно, другая же была употреблена на выполнение военных заказов Германии в Швеции. Поставка олова в Данию продолжалась Англией в прежних размерах, при чем английскому правительству было хорошо известно, что «Дания употребляла почти все запасы олова на изготовление коробок для консервов, имевших такое огромное значение для Германии».

В своей книге адмирал Консетт цитирует весьма любопытное письмо, адресованное им в декабре 1918 г. английскому посланнику в Стокгольме, сэру Говарду. Это письмо проливает яркий свет не только на роль Англии по отношению к союзникам во время войны, но и устанавливает факт соперничества в этом направлении между Англией и С.-А. С. Ш.

«Может быть, в официальных сферах это неизвестно, но остается неоспоримым тот факт, что поведение Англии вызвало крайне негодующее отношение со стороны многочисленных деловых людей Америки, убежденных в том, что как раз в период нашей кампании против американского экспорта в скандинавские страны и Голландию (1915, 1916 и 1917 гг.), мы сами вывозили такие же товары, которые прямо или косвенно попадали в Германию (разр. автр.). Так, например, они утверждают, что мы отказали Международной Компании Жатвенных Машин в разрешении доставить сельскохозяйственные машины в Данию в то самое время, как английские сельскохоз. машины не только отправлялись в Данию, но в некоторых случаях при выгрузке пароходов грузились прямо в германские поезда» (разр. авт.).

Далее Консетт указывает на то, что американцы равным образом обвиняют англичан в том, что они доставляли Германии целый ряд ценных колониальных продуктов, обеспечивая ее углем, нефтью и т. д. Американцы отмечают также, что, при поддержке англичан, датчане стали продавать немцам такие товары, которые раньше туда из Дании не шли (напр., масло). Норвежский представитель американской фирмы «Зингер и К°» жалуется, по словам адмирала, на то, что, благодаря целому ряду неопредолимых затруднений формального характера, этой фирме пришлось почти совершенно прекратить торговлю с скандинавскими странами, между тем как английские швейные машины доставляются в эти же страны в неограниченном количестве без всяких препятствий. Консетт выражает крайнее сожаление по поводу того, что Англия своим поведением сумела восстановить против себя две столь могущественные и наилучше организованные американские фирмы.

Любопытная переписка, которую адмирал Консетт вел по этому вопросу с английским посланником в Швеции Говардом, заканчивается следующим абзацем его письма, написанного уже в декабре 1918 года:

«Военные операции союзников против Германии не должны нас интересовать в исключительной степени, но задача проведения блокады целиком принадлежит нам. Вот почему для Англии чрезвычайно важно подавать хороший пример в этом направлении и сохранить чистые руки. К несчастью, все наши союзники и американцы в скандинавских странах очень хорошо знают, что мы сами вели дела с нейтральными странами, обеспечивая снабжение врага».

Нет надобности останавливаться на разоблачениях, касающихся поставки никеля, джута и проч. товаров из Англии или руками англичан немцам, испытывавшим в них громадную нужду в последнее время войны. Эти детали, в конце концов, излишни, ибо всего приведенного достаточно, чтобы понять, что война, которая, с одной стороны, разжигалась патриотической проповедью, при полной поддержке социал-оборонцев всех стран, на самом деле затягивалась капиталистами и промышленниками союзных стран, поддерживавших своими поставками боеспособность Германии. То, что разоблачает Консетт, лишь одно из звеньев того железного ошейника, в котором задыхался мировой пролетариат во время войны во славу капиталистических прибылей. Советским читателям все это уже давно известно, но услышать подтверждение этого из уст английского адмирала—и на основании официальных документов,—весьма любопытно. Значение этих разоблачений заключается еще и в том, что они окончательно делают смешными и бесполезными все разглагольствования насчет «ответственности за войну». Адмирал Консетт может утешиться мыслью, что, если, по его авторитетному свидетельству, у Англии, одной из главных вдохновительниц бойни, были нечистые руки, то было бы несправедливостью думать, что они не были такими же и у остальных участников мировой бойни.

Г. С.

ОПЕЧАТКИ.

В № 23—24 за 1927 г. имеются следующие опечатки в статье тов. Н. Сперанского „Оппозиция, социал-демократия, партийный режим".

			Напечатано:	Должно быть:
На стр. 65	в 1-ой стр.	сверху.	«Обостернпе»	«Обострение»
„ 71	„ 10 „	„	«социалистическому изучению»	«социологическому изучению»
„ 78	„ 8 „	снизу	«малообразованных»	«малообработанных»

Редакция: В. Астров. Н. Бухарин. В. Молотов. А. Слепков. Е. Ярославский.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 31 ЯНВАРЯ 2

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 8
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
„ПРАВДА"

PRINTED in U.S.S.R

Главлит № А—7031. Тираж 75.000.
Типография газеты „Правда". Москва, Тверская, 48.

Ленин и будни революции.

(К четвертой годовщине смерти Ленина).

«Бывают исторические моменты, когда для успеха революции всего важнее накопить побольше обломков, т.-е. взорвать побольше старых учреждений; бывают моменты, когда взорвано достаточно и на очередь становится «прозаическая» (для мелкобуржуазного революционера «скучная») работа расчистки почвы от обломков; бывают моменты, когда заботливый уход за зародышами нового, растущими из-под обломков на плохо еще очищенной от щебня почве, всего важнее» [1]).

Внутреннее положение нашей Советской Социалистической Республики именно тем и характеризуется сейчас, что у нас стоит на очереди «прозаическая» (для мелкобуржуазного революционера «скучная») работа медленного выращивания зародышей нового, социалистического строя, проводимая самыми лучшими, самыми передовыми слоями рабочего класса под руководством коммунистической партии.

В апреле 1918 года Ленин написал статью и сделал доклад на заседании ВЦИК об очередных задачах советской власти.

В своей статье Ленин писал:

«Попробуйте сопоставить с обычным, ходячим понятием «революционера» лозунги, вытекающие из особенностей переживаемой полосы: лавировать, отступать, выжидать, медленно строить, беспощадно подтягивать, сурово дисциплинировать, громить распущенность... Удивительно ли, что некоторых «революционеров», когда они слышат это, охватывает благородное негодование, и они начинают «громить» нас за забвение традиций Октябрьской революции, за соглашательство с буржуазными специалистами, за компромиссы с буржуазией, за мелкобуржуазность, за реформизм и прочее и тому подобное.

Беда этих горе-революционеров состоит в том, что даже у тех из них, кто руководится лучшими в мире побуждениями и отличается безусловной преданностью делу социализма, недостает понимания того особого и «особо неприятного» состояния, через которое неминуемо должна была пройти отсталая страна, истерзанная реакционной и несчастной войной, начавшая социалистическую революцию задолго раньше более передовых стран,—недостает выдержки в трудные минуты трудного перехода» [2]).

[1]) Ленин, т. XV, стр. 222—3.
[2]) Ленин, т. XV, стр. 224.

Ту полосу (1918 г.), когда Ленин написал свои лучшие работы против левых фразеров советского типа, можно характеризовать как полосу отступления. Связь левого фразерства с полосой отступления вполне закономерна.

С тех пор прошло почти десять лет. Срок большой, настолько большой, что по раннему представлению даже Ленина, им можно было измерять весь переходный период от капитализма к социализму. За эти десять лет мы победоносно завершили гражданскую войну с многочисленными цивилизованными бандами русской и международной буржуазии, провели «стратегическое отступление», перейдя к новой экономической политике, для развития наступления более могучими средствами на капиталистический мир, проделали переход от «штурма к осаде» и уже несколько лет в общем и целом ведем успешно осаду враждебного мира, развиваем наступление новыми силами. Мы заложили фундамент социалистического общества, и буржуазные дельцы и воротилы, приезжающие к нам «полюбопытствовать», вынуждены признать наши экономические успехи. Гигантская работа по реконструкции народного хозяйства, развитие электротехнической промышленности, подход вплотную к созданию коллективных форм в сельском хозяйстве, переход на 7-часовой рабочий день, уже начинающий осуществляться,—это все такие плоды «стратегического отступления», которые и слепому должны иллюстрировать перерастание отступления в наступление, перегруппировку сил, крайне благоприятную для строящегося социализма.

«Мы протащили социализм в повседневную жизнь», развили социалистическую крупную индустрию, помощью которой пролетариат может начать осуществлять самую трудную свою задачу—социальную реконструкцию сельского хозяйства.

В области международной политики мы на ряду с наступлением, развиваемым на ряде участков, несомненно, вынуждены на ряде участков о т с т у п а т ь. «Пока не вспыхнула международная, несколько стран охватывающая, социалистическая революция, настолько сильная, чтобы она могла победить м е ж д у н а р о д н ы й и м п е р и а л и з м,—писал Ленин,—до тех пор прямой долг социалистов, победивших в одной (особенно отсталой) стране н е принимать боя с гигантами империализма, стараться уклониться от боя, выжидать, пока схватка империалистов между собой е щ е б о л е е ослабит их, еще более приблизит революцию в других странах» [1]).

Советская республика и революционное движение пролетариата в европейских странах представляют собой единый фронт международной социалистической революции и, если смотреть на вещи трезво, то очевидно, что силы буржуазного фронта, на сторону которого перешла целиком и безоговорочно контрреволюционная социал-демократия, перевешивают силы социализма и поэтому обусловливают для нас в международных делах придерживаться преимущественно тактики лавирования, выжидания и отступления.

Отступление, это—не только бегство солдат, как и классовая война, это—не война в обычном смысле. Война имеет дело с относительно организованным, сравнительно легко учитываемым конгломератом сил. Классовая

[1]) Л е н и н, т. XV, стр. 256.

война имеет дело с относительно неорганизованным, сравнительно трудно учитываемым конгломератом сил. Современная классовая война на ряду со своей главнейшей особенностью—богатством и причудливым сочетанием форм и быстротой их смены—имеет еще ту отличительную черту (различающую ее от войны в обычном смысле), которую можно было бы назвать к р а й н е й ш и р о т о й фронта. Чем шире фронт, тем больше поле для комбинации полосы отступления не только с эпизодами наступления, но и с наступлением на больших участках фронта. Но широта фронта современной классовой войны не идет ни в какое сравнение с фронтом самой большой войны и даже мировой, ибо в самой большой войне там, где начинается «тыл», кончается «фронт», а в современной международной классовой войне «фронт» пронизывает весь «тыл». В обычной войне имеется более или менее широкая л и н и я фронта; в современной же международной классовой войне линия фронта обозначает лишь борьбу уже вступивших в схватку сил, в то время как за этой головной линией постепенно вырисовывается несметное количество других менее ярких линий неслыханно, необычно широкого фронта классовой борьбы. Поэтому в классовой войне, если брать ее в международном масштабе, мы в каждый данный отрезок времени имеем самые причудливые комбинации моментов отступления и наступления.

Именно нынешняя полоса развития блестяще это иллюстрирует. Одним из важнейших постановлений последнего партийного с'езда является директива нашей делегации в КИ об усилении наступления на социал-демократию, о развитии единого фронта снизу и проч. На какие реальные силы опирается это постановление XV с'езда? В последнюю пару лет происходит уже определенно выявивший себя процесс полевения рабочих масс и роста симпатий трудящихся Запада и Востока к Советскому Союзу. Укрепление капитализма с еще большей силой обнаруживает его вопиющие противоречия в империалистическую эпоху и служит основой не только для восстановления производства в довоенных пределах, но и для прояснения классового сознания рабочих, для преодоления ими социал-демократических предрассудков.

В этих условиях мы получаем возможность для более упорной, более систематической, а главное, более плодотворной осады социал-демократии и тем самым капитализма.

Но в политике едва ли не самое главное заключается в том, чтобы уметь различать первостепенное от второстепенного, созревшее от того, что только созревает, наступившее от того, что только наступает. Нужно видеть главную линию фронта, соотношение сил в решающей схватке и накинуть степень подготовленности резервных отрядов, вызревание подоспевающих фронтовых линий.

«Мы не забыли основного марксистского урока, который так наглядно подтвердила русская революция: надо учитывать силы в десятки миллионов, меньшие в политике не считаются, меньшие политика отбрасывает, как величину, не имеющую никакого значения» [1]).

Если с этой точки зрения взглянуть на нынешнее положение дела социалистической революции, то надо будет сказать: у нас нет никаких осно-

[1]) Л е н и н, т. XV, стр. 233.

ваний для пессимизма,—донесения с фронта, если продолжать сравнение с обычной войной, показывают рост наших сил на уже «действующих» участках и создание все новых линий фронта.

Октябрьская революция покончила навсегда с буржуазными революционерами, наговорившими так много красивых фраз о народе за десятки лет до революции и еще более в 8-месячный период—от Февраля до Октября.

Но Октябрьская революция не покончила и не могла покончить с типом мелкобуржуазного революционера, которому скучно в будни революции, который хотел бы, чтобы революция была сплошным триумфальным шествием, пылающим заревом пожаров, которым он, эстет, мог бы любоваться. Тип такого мелкобуржуазного революционера жив в нашей стране и не может не жить, пока сохранилось товарное производство.

«Социальный источник таких типов, это—мелкий хозяйчик, который взбесился от ужасов войны, от внезапного разорения, от неслыханных мучений голода и разрухи, который истерически мечется, ища выхода и спасения, колеблясь между доверием к пролетариату и поддержкой его, с одной стороны, приступами отчаяния—с другой» [1]).

Мелкое товарное производство, живучее и живущее в нашей стране, постоянно порождает не только капитализм, но и тип мелкобуржуазного революционера, который в «приступе отчаяния» видит один только рост капитализма.

Есть будни и будни.

Будни капитализма, это—монотонно и равномерно движущаяся машина, пожирающая кровь и мозг десятков миллионов трудящихся и эксплоатируемых.

Будни капитализма прокляты.

Будни социалистической революции, это—вращающееся колесо инициативы и творчества масс, неутомимой практической работой, постепенно высвобождающее угнетенные и эксплоатируемые массы от пут гнета и нужды.

Будни социалистической революции священны.

Пожалуй, самой выдающейся чертой Ленина является резкая ненависть к типу мелкобуржуазного революционера. Вместе с тем Ленин—подлинный герой революционных будней. Труднее всего пролетарской партии в полосу поражения, отступлений и будней. Ярче всего вырисовывается фигура Ленина, как подлинного вождя пролетариата, именно в тяжелые, порою мучительные полосы классовой борьбы рабочих. Резче всего в эти полосы Ленин борется с мелкобуржуазными революционерами, которые «чаще всего морщат пренебрежительно нос и говорят: «Я не из тех, кто поет гимны органической работе, практицизму и постепеновщине» [2]).

У нас непочатый край работы. Если продумать до конца одну только область нашей теперешней революционной работы, скажем, борьбу за переделку государственного аппарата, за подчинение его контролю рядовых рабочих, то можно представить себе, какое здесь необ'ятное поле для творчества, для будирования и самого смелого, самого решительного развязывания инициативы масс. Но здесь нет места для «прожектёрства», здесь нет и «красивых видов»—тут нужно засучить рукава и делать черную работу. Быть чернорабочим революции—какая «скучная», «прозаическая» работа!

[1]) Ленин, т. XV, стр. 225.
[2]) Ленин, т. XV, стр. 225.

Этих мелкобуржуазных революционеров историческое развитие отметает и отметет. У нас подрастает поколение рабочей молодежи, поднимаются к активности широкие слои рабочих и работниц,—они будут учиться у Ленина, у самого крупного вождя и чернорабочего революции.

Ленин—источник бодрости. Ибо у него целостное понимание революционного освободительного процесса. Когда он руководит наступлением пролетариата, то подготовляет и позиции для отступления. Когда он руководит отступлением,—собирает силы для наступления.

Триумфальное развитие разрушительного периода революции неизбежно влечет за собой будни каждодневного строительства. Эти будни подготовляют новые невиданные еще триумфы пролетариата.

Есть еще один «вариант» того же типа мелкобуржуазных революционеров, это—люди, которые хорохорятся, чванствуют, зазнаются. Их характерной особенностью является прикрашивание действительности, неумение смотреть правде в глаза, преувеличение достигнутых успехов и смазывание, непризнание поражений. В полосу будней революции этот тип мелкобуржуазных революционеров может нанести громаднейший вред, ибо преувеличением и прикрашиванием действительности они засоряют революционный смысл будничной полосы, прикрывают революционную перспективу.

В статье, озаглавленной «Главнейшие задачи наших дней»—статье, являющейся непередаваемым образцом революционной пролетарской бодрости, написанной после заключения Брестского мира, Ленин писал:

«Недостойно настоящего социалиста, если ему нанесено тяжелое поражение, ни хорохориться, ни впадать в отчаяние...

Мы принуждены были подписать «Тильзитский мир». Не надо самообманов. Надо иметь мужество глядеть прямо в лицо неприкрашенной горькой правде. Надо измерить целиком, до дна всю ту пропасть поражения, расчленения, порабощения, унижения, в которую нас теперь толкнули. Чем яснее мы поймем это, тем более твердой, закаленной, стальной сделается наша воля к освобождению, наше стремление подняться снова от порабощения к самостоятельности, наша непреклонная решимость добиться во что бы то ни стало того, чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной»...

Все революционные партии до сих пор,—говорил в другом месте Ленин,—погибали потому, что не умели смотреть правде в глаза. В этих нескольких словах весь философский смысл рабочего движения. Революционное движение пролетариата может победить только как движение постоянно творящих, всегда недовольных достигнутым, все время идущих вперед масс. Партия, руководящая массами и обманывающая их, превращается из орудия движения вперед в тормоз этого движения, и историческое развитие ее неизбежно опрокидывает. Остаться во главе пролетарского движения партия может, только постоянно критикуя себя и ни на йоту не прикрашивая действительности.

Самодовольные, влюбленные в себя мелкобуржуазные революционеры настолько уверены в своем полном совершенстве, что по самой природе своей они должны окостеневать на достигнутом, идеализировать будни для того, чтобы «обуднить» идеал и противиться всякому движению вперед. Эти люди в противоположность первому «варианту» мелкобуржуазных революционеров как раз в буднях, понимаемых ими по своему образу и подобию, находят свое настоящее призвание; они и составляют плоть и кровь обюрокраченных звеньев нашего государственного, профессионального, партийного аппарата.

Незачем прибавлять, что главнейшая задача нашей «будничной» работы пролетариев и коммунистов, это—вымести железной метлой этих политических мазуриков—нарциссов в советской одежде, засоряющих наше строительство.

Б. Б-ин.

Международное экономическое положение[1]).

2. Противоречия мирового хозяйства.

До сих пор послевоенное капиталистическое мировое хозяйство (за исключением периода высокой Scheinkonjunktur, последовавшего сейчас же за войной) не знало еще всеобщей высокой кон'юнктуры. В настоящее время мы также еще не имеем всеобщей высокой кон'юнктуры. В общем и целом, только две страны—С.-А. С. Ш. и Германия—находятся сейчас в полосе высокой кон'юнктуры. В других странах, в наибольшей части Европы господствует хозяйственная депрессия.

Что означает этот факт отсутствия одновременных и всеобщих под'емов в мировом хозяйстве, совершенно ясно. Он свидетельствует об отсутствии нормальной пульсации капиталистического организма, как единой мировой хозяйственной системы. Он свидетельствует об отсутствии более или менее нормального равновесия в мировой хозяйственной системе до настоящего момента. Мировое хозяйство, конечно, не стояло на одном месте во время войны и весь послевоенный период. Оно развивалось. Отдельные участки мирового хозяйственного целого переживали даже периоды больших, бурных под'емов. Отдельные «национальные хозяйства» успешно развивали свой производственный аппарат. То там, то сям совершались крупнейшие технические сдвиги. Укреплялся процесс стабилизации капиталистического хозяйства. Но все эти восстановительные и реконструктивные процессы по большей части происходили отнюдь не одновременно, отнюдь не сразу везде, наоборот, оживление и развитие хозяйства в данный момент на данном участке происходил именно потому, что на другом или других участках имелся хозяйственный застой, упадок. Ни один период в капиталистической истории не характеризовался в такой степени, как послевоенный, тем, что развитие одного государства, одной отрасли совершалось непосредственно за счет отставания, разорения других. Одновременного, всеобщего экономического под'ема не знало послевоенное хозяйство. Потерявшая со времени 1914 г. равновесие мировая капиталистическая система не смогла обрести его и по сие время.

«Оздоровление» европейского и мирового хозяйства, которое мы в настоящее время имеем, и которое свое наиболее яркое выражение нашло в высокой германской кон'юнктуре, тем характерно, тем «ново», что оно только теперь по настоящему, вплотную столкнулось с этой проблемой возможности в настоящих условиях «перерастания» германской кон'юнктуры так же, как и американской кон'юнктуры, во всеобщую, мировую кон'юнк-

[1]) Статья вторая. Первую статью см. в № 1 с. г.

туру. До настоящего времени можно было еще «восстанавливаться», развиваться, «наводить порядок», что называется, в национальных рамках. Но теперь уже «относительный порядок» «наведен». Производственный аппарат, «поднят на ноги». Валюта стабилизирована. Рабочий класс «усмирен». Внутренний рынок успокоен. Теперь осталось только одно—«включение» всех этих стабилизованных «национальных хозяйств» в единую мировую систему. Дальше итти некуда, как только в этом направлении. Hic Rhodus, hic salta!

Капиталистическое мировое хозяйство вступило в настоящее время в полосу усиленных «поисков» этого мирового «равновесия», поисков пути к всеобщей мировой кон'юнктуре. «Обрящет» ли оно «искомое», или испытает новый, оглушительной силы взрыв, наподобие империалистической войны 1914 г., прежде чем найдет его?

Мы не думаем, что наилучшей точкой зрения в этом вопросе будет ответ, согласно которому капитализм абсолютно не в состоянии сделать ни одного шага, в этом направлении по той простой причине, что нынешний капитализм вступил в «полосу войн и революций». Пока капитализм жив, не могут не действовать и живущие в нем,—даже в «капитализме эпохи войн и революций»!—силы самосохранения. Капитализм, конечно, и сейчас в состоянии двигаться вперед, будет двигаться вперед, совершать шаги в направлении отыскания нового равновесия. И суть дела заключается отнюдь не в этом. Ибо «чисто теоретически» совершенно ясно, что, если предположить, что капитализм еще будет существовать большое количество лет, то, само собой разумеется, что капитализм нашел бы это равновесие (так же точно, как «чисто-теоретически» он пришел бы к «единому мировому тресту») Суть дела заключается в определении **конкретного маршрута, пути, конкретных возможностей, перспектив, конкретных трудностей**, которые вырисовываются перед капитализмом в его «путешествии» к желанной цели.

В чем состоят конкретные трудности капитализма на пути к созданию мирового равновесия, этой предпосылки для всеобщей кон'юнктуры?

Если даже оставить в стороне такие трудности, как существование СССР, классовую борьбу рабочих в капиталистических странах и растущие колониальные революции, то следующие главные экономические противоречия должен преодолеть мировой капитализм.

Должно быть как-то разрешено противоречие между разбогатевшей Америкой и обедневшей, но пред'являющей требование на более «хорошую жизнь» Европой.

Чем дальше мы отходим от года, когда разразилась империалистическая война, и чем более «отрезвляется» Европа от военного угара 1914—1918 гг., тем все более очевидным, неоспоримым представляется факт колоссальной передвижки в соотношении экономических сил между Европой и Америкой, которая произошла за спиной борющихся государств. Реальность этого важнейшего исторического и неожиданного последствия войны тем болезненнее начинает ощущать Европа, чем теснее смыкаются «стабилизированные» европейские хозяйства с мировым рынком. Нащупано ли в отношениях между Америкой и Европой в послевоенные годы какое-нибудь «соответствие», удовлетворяющее обе стороны и могущее послужить основой для взаимного движения вперед? Утвердительно ответить на этот вопрос можно было бы только в том случае, если бы Европа, отодвинутая назад выдвинувшейся вперед Америкой, признала оставленную ей в мировом хозяйстве «долю» более или менее приемлемой. А этого-то и нет. Факты это решительно опровергают. Чем более стабилизируется Европа, тем все более недовольной становится Европа «квотой», предоставленной ей старушкой историей в результате войны. Производственный аппарат Европы значительно выше возможностей его использования, данных послевоенными условиями мирового

рынка. Абсолютно неизбежным поэтому является в ближайшее время ожесточеннейшая борьба европейского капитализма с американским за получение более удовлетворяющей Европу доли.

Выше мы уже приводили цифры [1]), показывающие развитие внешней торговли европейских и неевропейских стран в течение 1926 и 1927 гг.

Из цифр видна тенденция к возрастанию удельного (абсолютно и относительно) веса Европы в мировом товарообороте.

Есть ли основания думать, что европейские государства в ближайшем будущем прекратят эту борьбу с Америкой и удовлетворятся имеющимся? Конечно, нет. «Соответствия» в отношениях между Америкой и Европой, с точки зрения европейской прежде всего, конечно, нет. Но не только с европейской точки зрения. Даже со стороны С.-А. С. Ш. нельзя ожидать удовлетворения полученным. Ибо именно сейчас следует рассчитывать на значительный рост торговой и финансовой экспансии американского капитализма, в огромной степени развивавшегося до сих пор на основе своего национального рынка. Именно в связи с этим находятся участившиеся жалобы американских капиталистов на европейскую конкуренцию в производстве и сбыте железа, стали, химических продуктов и т. д. Так, американский журнал «Iron Age» в последнем номере пишет: «Развитие внешней торговли железом и сталью в последнем году показывает, что европейские предприятия неуклонно расширяли свои внешние рынки в то время, как американский экспорт систематически снижался. При мировом потреблении в 17.000.000 тонн американский вывоз стали составлял только 2.000.000 тонн. В то же время вывоз главного конкурента — Германии — повысился с 1.307.000 тонн в 1913 году до 3.000.000 тонн в 1925 и 4.887.000 тонн в 1926 г.» [2]).

Также характерен шум, поднятый в С.-А. С. Ш. по поводу попыток создания общеевропейского химического картеля, угрожающих позициям С.-А. С. Ш. на мировом химическом рынке. На этот счет председатель американской Chemical Foundation сделал, например, «любезное» замечание, которое сводится просто к обвинению Германии в том, что она пытается экономическим путем снова достигнуть «милитаристического господства Европы».

Таких примеров можно было бы привести, конечно, не мало.

Другое противоречие, «несоответствие», которое должно быть как-то ликвидировано для того, чтобы могла создаться возможность хотя бы более или менее всеобщего европейского экономического под'ема, это—противоречие между стабилизирующимися, подымающимися европейскими государствами и находящейся в состоянии глубокой экономической депрессии Англией. С точки зрения этих первых государств, с точки зрения такого государства, как Германия, Англия представляет собой тяжелый и лишний груз, который тащит кривую европейской кон'юнктуры вниз.

Экономическое состояние Англии до сих пор, несмотря на то, что прошло не менее 9-ти лет со времени версальского мира, принесшего «победу» английскому империализму, остается поистине трагическим. История вынесла основным отраслям производства этой страны-«победительницы» безжалостный приговор. Технически и организационно эти отрасли отстали на десятки лет. Они поражены почти безысходно.

Окончание стачки 1926 г. дало некоторый взмах оживления английской промышленности и торговли. Дела с экспортом тоже несколько поправились. Некоторые производства, как устанавливает недавний отчет Британской промышленной федерации—Federation of Britisch Industries—пошли даже хорошо вверх.

---

[1]) См. «Большевик» № 1, за 1928 г., стр. 8 и 9.

[2]) Цитирую по «Berliner Börsen Zeitung» от 22/XI—27 г.

Сюда можно отнести такие производства, как электрическое, химическое, автомобильное, производство искусственного шелка и т. д. Это дает повод составителям отчетов делать оптимистический прогноз и на будущее: «Заграничные заказы значительно выросли, и виды на будущее в общем улучшились» [1]). Но, увы!—этот оптимизм все-таки остается оптимизмом, безусловно мало обоснованным. Если верно, что виды на будущее и улучшились, то только не в основных отраслях, определяющих, так сказать, «погоду» в английском хозяйстве. В тяжелой, пока безысходной депрессии находятся «командные», «руководящие» отрасли производства—угольное, железное, текстильное, строительное.

На происходившем, например, в октябре общем собрании английского стального концерна United Steel Co это незавидное положение английской стальной индустрии как нельзя лучше обрисовал Мак Миллиан, который привел для характеристики только две—три показательных цифры. Оказывается, что в английской стальной индустрии «от 30 до 40 процентов предприятий настолько стары и негодны, что лучше всего было бы их совсем «сломать», а из остальных только от 10 до 20 проц. действительно окупят необходимую модернизацию. Но для этого нехватает нужного капитала, трудность приобретения которого об'ясняется тем, что стальная индустрия и так страдает от перекапитализации и задолженности» [2]). Поистине «веселенькая история»! От 30 до 40 процентов индустрии годится только «на слом», а 10—20 процентов можно было бы модернизировать, да и эти «в долгу, как в шелку»! И это в стальной индустрии Великобритании!

То развитие событий, которое мы имеем в настоящее время в английской угольной индустрии уже после поражения, понесенного горняками, является, однако, еще более ярким примером «громких успехов» Англии за 1926 и 1927 гг. Английские угольные капиталисты добились осуществления своих целей. Рабочий день горняков удлинен. Заработная плата уменьшена. Казалось бы, чего же более?! Увы! Только сейчас английская угольная промышленность идет навстречу острейшему кризису.

В то время, как большинство европейских государств подняли угольное производство в 1927 г. выше довоенного уровня, английское угольное производство находится все еще значительно ниже довоенного. В июле 1927 г. Германия производит 12,64 м. т. против 11,73 м. т. в 1913 г., Бельгия—2,24 м. т. против 1,90 м. т., Франция — 4,28 м. т. против 3,72 м. т. В то же самое время Англия производит 20,87 м. т. против среднемесячной продукции 1913 г. в 24,34 м. т. [3]). Несмотря на то, что экспорт английского угля очень быстро, после резкого падения в 1926 г., снова достиг уровня 1925 г., он также остается значительно ниже довоенного. Следующая таблица это показывает:

Вывоз английского угля [4]).

1913 г.	среднемесячный		6117 т.
1925 г.	»		4235 »
1926 г.	»		1716 »
1927 г.	Январь		4093 »
	Февраль		4172 »
	Март		4820 »
	Апрель		4118 »
	Май		4842 »
	Июнь		4345 »
	Июль		4176 »
	Август		4257 »
	Сентябрь		4120 »

1) Цитирую по «Berliner Börsen Zeitung».
2) Цитирую по «Frankfurter Zeitung».
3) «Frankfurter Zeitung» от 5/XI—27 г.
4) «Berliner Börsen Zeitung» от 16/X—27 г.

Вывоз английского угля все еще составляет в общем две трети довоенного вывоза.

Однако, положение с английским углем значительно плачевнее в действительности, чем это явствует из приведенных цифр. Ибо восстановление английского экспорта угля при одновременном более быстром росте производства угля в других странах привело на мировом рынке прямо к катастрофическому падению цены на уголь.

Вывозная цена английского угля [1]).

1913 г.	среднемесячная	. . .	13 ш.	12 п.
1925 г.	»	. . .	19 »	10 »
1926 г.	»	. . .	18 »	8 »
1927 г.	Январь		20 »	11½ п.
	Февраль		19 »	1 »
	Март		18 »	6 »
	Апрель		18 »	6 »
	Май		18 »	4 »
	Июнь		17 »	10 »
	Июль		17 »	8 »
	Август		16 »	1 »
	Сентябрь		16 »	

К ноябрю вывозная цена угля упала почти до 15 ш., уйдя, таким образом, не так далеко от довоенной цены в 13 ш. 12 п. Это при неизмеримо более высоком индексе цен на другие товары по сравнению с 1913 г.

Если, несмотря на такой низкий уровень цены производство и вывоз угля в Англии могли возрастать, то это могло происходить только потому, что английская угольная промышленность вместо прибылей, получает убытки. По официальным данным [2]) английская угольная промышленность имела во втором квартале 1927 г. убыток в сумме 2.855.875 ф. ст., в то время, как первый квартал этого года принес еще прибыль в размере 3.497.463 ф. ст. На тонну угля в среднем убыток равен 1 ш. ½ п., в то время как в первом квартале тонна угля давала в среднем 1 ш. ½ п. прибыли. Третий квартал, по всем данным, дает такую же неблагоприятную картину.

Таковы пока-что результаты попытки «под'ема» со стороны английского угольного производства. Совершенно очевидно, что английская угольная промышленность идет навстречу величайшему кризису.

Что при этом, несмотря на приближающуюся грозу, английские капиталисты не имеют никаких намерений прекратить бросовую конкуренцию на мировом рынке, абсолютно ясно. Железная необходимость гонит к ожесточеннейшей борьбе за отвоевание утерянных на мировом угольном рынке позиций. «В то время, как для Германии (или какой-нибудь другой страны. *Б. Б.*) вывоз угля дело второго порядка с точки зрения общественного хозяйственного благосостояния,—пишет английский журнал «South Wales Journal of Commerce»,—для нас (для Англии. *Б. Б.*) крупная и расширяющаяся торговля углем имеет фундаментальное значение в экономической жизни. Германия могла бы и без большой внешней торговли дальше цвести, но в Англии промышленное и хозяйственное благосостояние без нее невозможно, и потому мы боремся так жестоко не только для того, чтобы вернуть обратно потерянные рынки, но и для того, чтобы найти и использовать новые». Приводящая эту характерную цитату «Deutsche Allgemeine Zeitung» прибавляет не менее характерную фразу от себя. «Отчетливее не может быть выражена воля к борьбе, и для нас (Германии. *Б. Б.*) должно быть ясно, что мы принуждены, хотим или не хотим, эту борьбу продолжать» [3]).

1) «Berliner Börsen Zeitung» от 16/X—27 г.
2) Данные статистики английского угольного департамента.
3) «Deutsche Allgemeine Zeitung» от 22/X—27 г.

И борьба (в Европе прежде всего между Англией и Германией) продолжается с небывалой в истории угля ожесточенностью.

Отсюда величайшая дезорганизация мирового угольного рынка. Нынешнее состояние мирового угольного рынка служит действительно красочным примером того, как трудно, несмотря, или, может быть, благодаря годам послевоенной стабилизации, вообще «подняться» европейским государствам. «Berliner Börsen Zeitung» [1]) пишет: «Очень часто указывалось уже на неблагоприятное положение на международном угольном рынке, но теперь это болезненное состояние достигло такой ступени, которая требует особых мероприятий. Мировой угольный рынок показывает в настоящий момент такое расстройство, которое является совершенно исключительным, единственным в истории угольного производства».

Отнюдь не «великолепно» обстоят дела и на мировом железном рынке. И здесь передвижка в военное и послевоенное время привела к огромному перепроизводству железа и стали. В то время как цена большинства товаров на мировом рынке превышает довоенную на 40—50 проц., цена железа и стали стоит в настоящее время меньше чем на 20 проц. выше довоенной [2]). И здесь так же, как в отношении угля, текстильного производства, в наиболее тяжелом положении находится Англия.

Третье большое (мы перечисляем самые грубые основные «несоответствия» в мировом хозяйстве) «несоответствие» в современной Европе, не только неразрешенное Версальским миром, но все более обостряющееся, это—огромная диспропорция между экономическими потенциями Германии и тем «местом под солнцем», которое она получила в результате империалистической войны. Еще Ленин писал о том, что положение в Европе по окончании войны характеризуется тем, что Германия—«действительно самая передовая», «самая культурная» в Европе страна—экономически и политически закабалена победителями. Нельзя более ярко представить себе существо капиталистической «справедливости», нежели на примере исторической судьбы этой «действительно самой развитой», и культурно и экономически, страны. Капиталистический мир, вообще полный всяких «несоответствий», на этот раз демонстрирует классическую расправу над экономически и культурно наиболее сильным, прогрессивным.

Как и следовало ожидать, такое «разрешение» основной проблемы империалистического соревнования, породившего мировую войну, которое противоречило и противоречит действительному соотношению экономических сил Германии и «союзников» [3]), оказалось только видимым разрешением. В действительности борьба противников продолжается, хотя и на иной, для Германии несравненно более невыгодной основе. И что особенно интересно, так это то, что низвергнутая, ослабленная Германия показала уже чудовищную экономическую приспособляемость, развивается «ничуть не хуже» таких победителей, как Англия, выдвинулась на положение «ведущей» в Европе страны в экономической кон'юнктуре.

В высшей степени интересной в этом отношении является экономическая борьба, которая в настоящее время происходит между Германией и Англией на мировом рынке, особенно на угольном рынке. Побитая в войне, сведенная на положение провинции, Германия дает довольно основательные удары на экономическом фронте. Обе стороны терпят большие убытки. Германская угольная промышленность исчисляет свои потери в борьбе в 450.000 марок в день. Во сколько обходится английским углепромышленникам это «удовольствие» выше уже упоминалось. Но, что имеется на стороне Германии в качестве плюса, так это—великолепная организованность и высокий технический уровень ее индустрии. И этим оружием она и рассчитывает победить. «Berliner Börsen Zeitung» уже об'являет о победе. Она пишет: «Уже несколько месяцев продолжающаяся угольная война, о которой общественное мнение очень мало осведомлено, но которая, несмотря на это, ведется со всей свирепостью, в настоящее время решена уже в пользу Германии». Нам думается, что это несколько поспешно сказано, что борьба еще не закончена, но что Германия имеет очень много шансов здорово «помять бока» противнику, это—безусловный факт.

1) «Berliner Börsen Zeitung» от 17/XI—27 г.

2) «Berliner Börsen Zeitung» от 3/XI—27 г.

3) Вспомним, что решающую роль в столкновении европейских империализмов сыграла Америка.

Однако, совершенно ясно, что эти имеющиеся и обещающие расти экономические успехи Германии могут достигаться только с отчаянным трудом, путем преодоления огромного количества трудностей. Германская промышленность поставлена Версальским миром в невыгоднейшие условия. Она лишена богатейших запасов руды и части угля, ее и без того узкая сельскохозяйственная база уменьшилась также, она лишилась колоний, она очутилась под дополнительным прессом репарационных платежей. Не говоря уже о том, что она не имеет в своем распоряжении обычного для всякой империалистической державы «аксессуара» средств «военного давления» на противника.

Из этого следует, что в нынешней ситуации шансы экономического движения вперед для Германии не могут не быть ограниченными. И о германской кон'юнктуре дополнительно к вышесказанному следует отметить, что, хотя непосредственно угрожающего концом германской высокой кон'юнктуре пока еще нет, нельзя ожидать действительно длительного и нормального ее развития.

Таковы основные конкретные экономические трудности, стоящие на пути к достижению мировым капиталистическим хозяйством доподлинного нового равновесия (на манер довоенного) и подлинно всеобщей мировой кон'юнктуры.

Если исходить из этих трудностей, из факта безусловного отсутствия в настоящее время сколько-нибудь сносного равновесия в международном масштабе, то не может быть никакого сомнения в том, что нельзя ожидать уже сейчас перехода американской и германской кон'юнктуры в более или менее всеобщий мировой экономический под'ем. Это можно было бы предполагать только в том случае, если бы уже сейчас были сделаны решительные шаги в направлении ликвидации изображенных противоречий, чего пока еще нет.

На это могут возразить, и с внешней стороны довольно убедительно, ссылкой на то, что «капитализму всегда свойственны противоречия и что, несмотря на это, он «в старое доброе время» развивался довольно быстро. Далее могут сказать, что капитализм именно в полосу высокой кон'юнктуры полон всяких противоречий и не имеет равновесия, что самое развитие высокой кон'юнктуры представляет собой беспрерывное накопление противоречий и что равновесие, вообще, при капитализме явление довольно-таки редкое. Ведь говорил же Маркс, что равновесие для анархической капиталистической системы само представляет собой случайность и насильственно устанавливается только в момент кризиса и то на мгновенье и что, следовательно, всем этим нельзя аргументировать против возможности уже сейчас всеобщего экономического под'ема».

Но такого рода возражения были бы неправильны. Есть противоречия и противоречия. Те противоречия, которые накапливаются в период высокой кон'юнктуры, до поры до времени не мешают развитию кон'юнктуры больше того, даже предполагаются этим развитием. Но есть такие противоречия (уже накопленные прошлым развитием), без ликвидации которых вообще невозможно начало высокой кон'юнктуры. Такая ликвидация нако-

пленных противоречий обыкновенно проделывается кризисом, хотя бы на мгновение восстанавливающим потерянное в прежний период равновесие. Современное мировое экономическое положение тем именно и характерно, что ни в один из послевоенных годов, ни на мгновение, утерянное с момента войны равновесие мировым хозяйством, не было найдено. Война была своеобразной формой кризиса, но тем, между прочим, радикально отличалась от обыкновенного кризиса, что конец войны не только не разрешил старых противоречий, но создал ряд новых, еще более сильных противоречий.

Путь капитализма ко всеобщей кон'юнктуре на ближайший период будет поэтому связан с попытками разрешения этих основных противоречий. Они «разрешимы», «вообще говоря», но разрешимы только путем малых и больших кризисов, малых и больших военных столкновений. Ближайший период, очевидно, будет заполнен не просто «мирным шествием» вперед, «нормальным под'емом» вверх,—это будет период одновременного огромного обострения внутренних противоречий капитализма.

Конкретно говоря, это означает, что этот под'ем и будет сопровождаться на ряду с обычными стабилизационными процессами обостренной борьбой на мировом рынке, депрессионными состояниями на целых больших участках мирового хозяйства, хозяйственными катастрофами, жестокими рационализаторскими экспериментами (через которые неизбежно должны пройти такие страны, как Англия, Франция, Италия).

Вряд ли можно ожидать в ближайшее время решительного изменения в соотношении сил между Америкой и Европой, Англией и другими европейскими государствами, Германией и прежней Антантой в таком виде, чтобы обиженные государства легко возвратили обратно потерянные позиции, а нынешние, выдвинувшиеся вперед государства, легко уменьшили захваченную ими «квоту». Основные передвижки в мировом хозяйстве совершились настолько «основательно», что «вернуть колесо истории вспять» вряд ли осуществимо. В таком случае—и это наиболее вероятно—ряду государств придется пройти через процесс мучительнейшего приспособления к новой обстановке. Ясно, что это означает в смысле хозяйственной перспективы на ближайший период для этих стран. В истории бывали случаи, когда большие государства гибли, низводились до положения «второстепенных» держав, когда старые отрасли производства разорялись, уступая место другим. Но никогда еще это превращение не происходило безболезненно, без крупных потрясений, кризисов. Процесс приспособления и стабилизации Европы в целом. Англии, Германии, мелких европейских государств в отдельности, к новой обстановке сулит немало острейших осложнений всему мировому хозяйству.

Ф. Нотович.

Комедия разоружения и выступление СССР.

Две причины заставляют отнестись с особым вниманием рабочих и крестьян СССР и рабочих всего мира к «работам» четвертой сессии подготовительной комиссии к конференции по ограничению вооружений—таково ее официальное название,—заседавшей с 30 ноября по 4 декабря в Женеве. Первая из них это—участие советской делегации на конференции и внесенная ею программа действительного, немедленного и полного разоружения на суше, на море и в воздухе. Вторая это—тот организованный саботаж, которым были встречены предложения советской делегации со стороны президиума комиссии. Если кому-либо еще нужны были наглядные доказательства того, как Лига Наций препятствует всяким реальным начинаниям в области разоружения, то развернувшиеся дебаты на четвертой сессии вокруг советских предложений и поединок тов. Литвинова с г. Полем Бонкуром, как и «результаты» этой сессии, им их доставили в избытке.

На советскую и коммунистическую печать за границей выпадает важная и ответственная задача: раз'яснить широким трудящимся массам значение советских предложений и разоблачить все махинации, практикуемые капиталистическими «миротворцами» в союзе с социал-предателями всех стран, направленные против действительного разоружения.

Оценку деятельности четвертой сессии подготовительной комиссии по разоружению и деятельности советской делегации на ней, мы начнем с краткой характеристики главнейших этапов того миротворческого обмана, который носит громкое название «разоружение».

Проблема ограничения вооружений берет свое начало от версальского договора. Во вводной статье к V части этого договора, постановляющей полное разоружение Германии, говорится, что этот шаг является только подготовкой к общему ограничению вооружения всех наций. Таким образом, разоружая побежденную Германию, победители сами обязались впоследствии разоружить себя.

На это словесное обязательство для успокоения общественного мнения собственных стран союзники вынуждены были пойти под давлением целого ряда причин. Главными из этих причин были: революционное движение во многих странах, грозившее захлеснуть своими волнами капиталистическую Европу, громадное влияние на буржуазное общественное мнение мечтательного пацифиста, президента Вильсона, естественная реакция не только в рабочих, но и в широких кругах буржуазии против войны, необходимость ослабить финансовое напряжение.

Насколько эта мера тогда диктовалась необходимостью политического момента, показывает тот факт, что Верховный Совет союзников в Париже

обратился 8 марта 1920 г. к совету Лиги Наций с декларацией, в которой между прочим говорилось: «Для уменьшения экономических трудностей Европы желательно довести армии до состава мирного времени, ограничить вооружения до минимума, совместимого с национальной безопасностью, и пригласить Лигу Наций рассмотреть как можно скорее предложения по этому делу».

Финансовая и экономическая конференция союзников в Брюсселе вынесла также постановление, гласившее, что необходимо приступить к переговорам правительств с целью уменьшения вооружений, которые «отягчают бюджет обедневшего населения, поглощая его доходы и мешая восстановлению потерь и опустошений причиненных войной».

Что эти обязательства не были даны всерьез и являлись преднамеренным обманом, предназначенным только для успокоения общественного мнения—этому нас учит не только вся бесплодная разоруженческая деятельность Лиги Наций на протяжении 8 лет, об этом свидетельствует и сам устав этого почтенного учреждения. Так, например, первые два абзаца 8 статьи статута Лиги Наций гласят: «Члены Лиги признают, что сохранение мира требует ограничения национальных вооружений до минимума, совместимого с национальной безопасностью и с выполнением международных обязательств, налагаемых общим выступлением.

Совет, учитывая географическое положение и особые условия каждого государства, подготовляет планы этого ограничения в целях рассмотрения и вынесения решения различными правительствами».

Эти абзацы, ограничительно истолковывающие данные союзниками обязательства, стали впоследствии тем оружием, при помощи которого империалистам до сих пор удавалось удачно отражать всякие попытки, направленные к их разоружению. Но особенно удачно этим оружием пользовался на протяжении 8 лет французский империализм. Истолковывая вкривь и вкось «национальную безопасность», французские империалисты создали целую теорию, которая состоит из следующей триады: арбитраж—безопасность—разоружение.

Это означает, что к разоружению Франция может приступить только тогда, когда будут созданы условия ее полной безопасности, основанной на таких договорах, режиональных (местных) и общих, которые обеспечат разрешение любого междугосударственного конфликта посредством обязательного арбитража. Но так как интересы французской безопасности требуют такой же безопасности для ее союзников, то отсюда и вытекает, что Франция расширяет понятие безопасности в равной степени и на Польшу, Чехо-Словакию, Югославию и Румынию.

Такая особая любовь Франции, являющейся одной из руководящих империалистических держав и обладающей самой сильной армией на континенте Европы, к обязательному арбитражу вытекает из ее специфического послевоенного положения. И она сама и все ее союзники и вассалы вполне насыщены и «довольны» результатами войны и мирными договорами. Франция и ее союзники заинтересованы в сохранении статус-кво (нынешнее положение) предпочтительнее посредством мирных институтов, в роде обязательного арбитража, чем посредством войны. Новая война может лишить Францию и ее союзников всех выгод, приобретенных в результате предыдущей победоносной войны. Политические и экономические интересы французской буржуазии всецело покрываются формулой: обязательный арбитраж. Создание института обязательного арбитража, ограниченного хотя бы только значительной частью Европы и Азии и опирающегося на международную организацию с карательными функциями, означает для Франции и ее союзников увековечение теперешнего статус-кво. Другими словами, через арбитраж — безопасность — разоружение французская буржуазия стремится удержать в своих руках то, что она не в состоянии будет в дальнейшем удержать военными средствами.

Такое разрешение вопроса одновременно уменьшило бы и финансовые тяготы, связанные с военной опасностью. А насколько эти тяготы ощутительны, показывает только-что утвержденный французским парламентом бюджет на 1928 г. Из 42 миллиардов франков общих расходов 30 миллиардов франков поглощают расходы, связанные с ликвидацией обязательств военного времени.

А по свидетельству лорда Сесиля из каждых 20 шиллингов, уплачиваемых английским плательщиком налогов, 14 ш. затрачиваются на прошлую и будущие войны.

Концепцию, ставящую разоружение в зависимость от безопасности, Франция проводила с удивительным упорством вплоть до наших дней. Опираясь на статут Лиги, она истолковывает любое событие для подкрепления своей концепции.

* * *

Мы не будем останавливаться на 1-й и 2-й сессиях подготовительной комиссии (1926), как не представляющих большого интереса. Укажем только мимоходом, что этим сессиям приходилось каждый раз начинать работу с самого начала.

На 3-й сессии подготовительной комиссии были резко противопоставлены друг другу три точки зрения на проблему разоружения: французская, английская и германская.

Английский проект конвенции по разоружению лорда Сесиля предусматривал:

1) Ограничение сухопутных, морских и воздушных сил до известного предела, устанавливаемого на конференции.

2) Сообщение суммы военного бюджета совету Лиги Наций на будущий год и действительную сумму расходов в закончившемся году.

3) Ограничение касается не только кадровых частей, но и резервов.

4) Устанавливается предельный максимальный тоннаж для каждой категории судов отдельно: крейсеров, минных истребителей и подводных лодок. Этот максимальный тоннаж не может быть произвольно перераспределен по категориям каждой страной.

5) Вопрос о линейных судах (дредноутах) считается разрешенным вашингтонской конференцией 1922 года. (Вашингтонская конференция разрешила Великобритании, Сев.-Ам. Соед. Штатам, Японии, Франции и Италии строить линейные суда, не превышающие 35 тысяч тонн водоизмещения, по следующему ключу: 5:5:3:1,75:1,75).

6) Ограничивается количество военных воздушных аппаратов, прикрепленных к сухопутным базам.

Мы опускаем целый ряд мелочей, существенного значения не имеющих.

Французский проект был построен на совершенно противоположных началах. Практическая его часть сводится к следующему:

1) Ограничение распространяется только на сухопутные, морские и воздушные силы кадровых частей мирного времени. В эту категорию входят: полиция, жандармерия, пограничная охрана и лесная стража.

2) Каждая страна получает определенно зафиксированный общий морской тоннаж, который она распределяет по отдельным категориям судов по своему произволу.

3) В области воздушных вооружений ограничению подлежат общая сумма силы двигателей и об'ем дирижаблей, находящихся на действительной службе.

4) Ограничиваются военные бюджеты.

5) Постоянная комиссия при Лиге Наций имеет право контроля над вооружениями отдельных государств.

6) Ограничивается срок военной службы.

Французский проект, как и английский, предусматривает отмену всяких ограничений вооружения во время войны и восстания, кроме ограничений, установленных по статуту Лиги Наций.

Французский проект имеет определенную цель: он стремится предоставить отдельным государствам возможность строить большой подводный флот, большое количество мелких крейсеров и истребителей, которые можно лучше использовать, как боевую силу на морских фронтах, не отдаленных от своих баз.

Внимательное рассмотрение обоих проектов в связи с вооруженной системой Англии и Франции приводит нас к такому заключению: оба проекта стремятся закрепить собственную национальную систему вооружения на достигнутом уровне и в максимальной степени разоружить противника. Выставляя требования точно закрепить количество тоннажа за отдельными категориями судов, Англия этим добивалась того, чтобы Франция не могла строить большое количество опасных для нее подводных лодок и истребителей. Ей важно закрепить за Францией большое количество крейсеров, так как в области крейсеростроения она далеко ее превосходит. Другое дело—истребители, которые, принимая во внимание необходимость защиты длинных морских путей сообщения, в военное время могут оказаться недостаточными для эффективной защиты морского транспорта и подступов Англии. По свидетельству английского адмирала лорда Джелико для борьбы с одной подводной лодкой необходимо иметь 25 крейсеров. Лорд Сесиль, в свою очередь, утверждает, что если бы английскому флоту пришлось вести борьбу с 20 германскими подводными лодками в одном месте, то положение Великобритании во время войны было бы чрезвычайно трудным. Интересы Англии поэтому требуют, чтобы Франция строила крейсерский, но не минный и подводный флот.

Согласно новому французскому закону, вся тяжесть защиты страны падает не на малочисленный кадровый состав армии, а на вооруженный народ. Армия же мирного времени должна быть тем кадром, который организует во время войны миллионные резервы. И английский проект как раз и распространяет ограничение на резервы.

Сама же Англия имеет наемную армию и не располагает обученными резервами. Ее армия и флот и в мирное время достигают состава военного времени, и ограничение резервов ей не наносит ущерба. Англия не только боится французских подводных лодок, но и превосходства французских воздушных сил. Ее остроумный план ограничения воздушных аппаратов, прикрепленных к сухопутным базам, целиком направлен против Франции, но ни чем не ограничивает увеличение английских воздушных сил. Известно, что, помимо сухопутных воздушных баз, существуют еще морские пловучие воздушные базы, так называемые авионосцы или авиоматки. В настоящее время Англия располагает восемью гигантскими авионосцами с общим тоннажем в 115.000 тонн, на которых помещаются сотни аэропланов. Франция же не имеет ни одного авионосца.

Имея превосходящую военную технику, Англия противится ограничению военного бюджета. Многие дивизии английской армии уже механизированы, то-есть, приведены в такое состояние, когда бой ведется смертоносным оружием, находящимся вместе с управляющими им людьми в броневых машинах. Остальные будут механизированы в ближайшие годы. Механизация и технизация армии стоит громадных денег, и поэтому Англия противится ограничению военного бюджета, а Франция, наоборот, этого добивается.

Особняком стояла точка зрения Германии. Она одна требовала ограничения вооружения на основании 5-го отдела Версальского договора. Будучи сама уже разоруженной, она, естественно, добивается разоружения других. Тем не менее ее программа больше приближается к английской, так как она не заинтересована в воздушном разоружении и в ограничении людских резервов: по Версальскому договору Германии вовсе не разрешается иметь воздушный флот и вводить всеобщую воинскую повинность.

Из заявлений итальянского делегата можно было вывести заключение, что Италия скорее намерена увеличить свои вооружения до уравнения их с другими странами, чем уменьшить нынешние свои вооружения.

Таковы в общих чертах противоположные точки зрения главных европейских государств на проблему разоружения, столкнувшиеся с особой силой на 3-й сессии подготовительной комиссии. Мы не излагаем точки зрения Северн. Америки по той причине, что подготовительная комиссия, собственно говоря, обсуждает вопрос ограничения вооружения Европы и поэтому для нас более важны мнения главных европейских держав. Сев.-Амер. Соед. Штаты главным образом заинтересованы в морском разоружении, но последнее фактически из'ято из ведения Лиги.

Им занимались преимущественно конференции, созываемые Америкой: Вашингтонская конференция 1922 года и Женевская конференция 3 морских держав, происходившая в июле—августе 1927 г.

* * *

Таковы в общих чертах разработанные проекты «разоружения» главных империалистических держав, представленные ими на 3-ю сессию подготовительной комиссии. На основе этих проектов было приступлено к выработке согласованной конвенции по разоружению. Во время прений обнаружилось, что английская делегация намеревается ограничить дебаты обсуждением лишь вопросов, связанных с ограничением сухопутных вооружений, оставив незатронутыми морские и воздушные вооружения. После решительного отпора со стороны французского главного делегата Поля Бонкура лорд Сесиль отказался от своего намерения.

Французскую концепцию поддерживали государства Малой Антанты, Польша и Бельгия, английскую—Германия, Швеция, Голландия и Финляндия.

После месяца прений (26 марта—25 апреля 1927 г.) пришли к заключению, что, в виду коренных разногласий по основным вопросам разоружения, выработать общий проект конвенции представляется невозможным. После этого было решено просто внести в протокол мнение каждой делегации по тому вопросу, который не был согласован. Но даже так называемые согласованные вопросы имеют примечания отдельных делегаций, которые оговаривают свое право еще вернуться к этому вопросу при вторичном чтении конвенции.

На этом и закрылась третья сессия подготовительной комиссии, оставив пессимизм и разочарование даже в рядах неумеренных хвалителей Лиги Наций.

Эта сессия показала лишний раз, что Лига Наций и не думает о действительном разоружении.

Тем не менее, на основании работ подготовительной комиссии можно косвенным путем определить, как империалисты мыслят себе разоружение.

Из предложения Поля Бонкура исключить из конвенции страны, уже разоруженные по мирным договорам (Германия, Венгрия, Болгария и Австрия), вытекает, что «разоружение», каким его себе мыслят французские и иные империалисты, не должно достигнуть степени уже разоруженных стран.

Следует еще отметить, что Польша, Румыния и Финляндия потребовали, чтобы предписания конвенции их не касались до присоединения к ней СССР.

* * *

Только-что закончившаяся 4-я сессия была созвана по постановлению сентябрьской сессии Лиги Наций. В заранее определенной повестке дня значились два вопроса: избрание комитета безопасности и назначение срока созыва 5-й сессии подготовительной комиссии.

Знакомство хотя бы в общих чертах с той скучной и нудной канителью, которой одни занимались 8 лет, а другие ждали от результатов этих занятий избавления от чудовищных вооружений, делает нам понятным то замешательство, которое произвело на буржуазных «миротворцев» и их подручных социал-предателей решение советского правительства принять участие в работах подготовительной комиссии по разоружению. Замешательство вскоре сменилось озлоблением и подлыми инсинуациями, когда стало известно, что в состав советской делегации входят тт. Литвинов, Луначарский, Угаров и проч.

Для всех стало ясно, что СССР не стал бы посылать такую сильную делегацию только для того, чтобы произвести выборы комитета по безопасности. И не менее ясно было для всех, что советская делегация сорвет маску с тех, кто годами скрывал под грудами бумаг, юридических и технических формул, свое нежелание хотя бы что-нибудь сделать для действительного разоружения. Этим и об'ясняются вой и измышления буржуазных и социал-демократических газетных писак о том, что советская делегация отправляется в Женеву с исключительной целью коммунистической пропаганды. Абсурдность этого утверждения очевидна, чтобы ее еще надо было опровергать.

Что Лига Наций за все время своего существования ничего не сделала для того, чтобы продвинуть вопрос об ограничении вооружения, а деятельно саботировала всякое начинание, клонившееся хотя бы к частичному уменьшению вооружения, что так прекрасно вскрыла советская декларация, зачитанная тов. Литвиновым в Женеве—в этом согласны с нами—коммунистами—даже наши злейшие враги.

Вслед за фиаско третьей сессии подготовительной комиссии даже Амстердамский Интернационал дал уничтожающую оценку «трудов» Лиги. Такую же оценку дал им целый ряд пацифистских обществ друзей Лиги Наций. Столп и основатель Лиги, лорд Роберт Сесиль, с именем которого связано все ее существование, в августе покинул это почтенное учреждение, убедившись в никчемности его работы на пользу мира.

В виде протеста против деятельности Лиги и ее «перерождения» из инструмента малых и больших равноправных государств в орудие великих государств ушел из Лиги Наций и французский представитель Анри де Жувенель.

Каковы результаты «миротворческих» усилий империалистов и их помощников в лагере социал-реформистов, лучше всего показывают цифры военных расходов и вооружений главных империалистических держав. Так, например, военные бюджеты главных империалистических государств, как показывает следующая таблица, почти вдвое выросли в 1927 году по сравнению с 1913 годом:

Государства	1913 г.	1927 г.	Приходится на 1 душу населения руб. в 1927 г.
	(в миллионах рублей).		
Франция	698	600	15,0
Англия	860	1.155	26,3
Италия	162	406	10,5
Сев.-Амер. Соед. Штаты	505	1.369	12,0
Япония	120	484	8,2
	2.345	4.014	13,6
СССР	—	—	4,3

Численность сухопутных армий тех же государств, кроме Японии, за те же годы также неуклонно возрастает.

Численность сухопутных армий (в тыс.) и военная подготовка населения.

Государства	1913 г.	1923 г.	1927 г.	Всего приходится военных на 1000 челов. населен. в 1927 г.
Франция	546	732	729	18,0
Англия	441	329	372	8,5
Италия	400	248	527	15,5
Сев.-Амер. Соед. Штаты	226	372	429	3,8
Япония	275	236	205	3,5
	1.888	1.917	2.262	—

Рост морских вооружений ни в чем не отстает от сухопутных. Из нижепомещаемой таблицы исключены линейные суда (дредноуты), количество которых ограничено Вашингтонской конференцией.

Современные боев›е суда

Страны	Крейсеры		Лидеры и эскадренные торпедоносцы		Подводные лодки		Авионосцы	
	Число	Тоннаж (в тыс. тонн)	Число	Тоннаж (в тыс. тонн)	Число	Тоннаж (в тыс. тонн)	Число	Тоннаж (в тыс. тонн)
Англия								
1922 г.	48	275	192	237	85	64	6	77
1926 г.	47	270	189	235	49	47	8	115
1930 г.	63	420	216	275	73	80	9	140
С.-А. С. Шт.								
1922 г.	23	210	306	367	142	88	2	30
1926 г.	33	231	306	367	126	80	2	30
1930 г.	41	300	328	384	134	92	4	88

Страны	Крейсеры		Лидеры и эскадренные торпедоносцы		Подводные лодки		Авионосцы	
	Число	Тоннаж (в тыс. тонн)	Число	Тоннаж (в тыс. тонн)	Число	Тоннаж (в тыс. тонн)	Число	Тоннаж (в тыс. тонн)
Япония								
1922 г.	17	88	128	110	58	41	1	15
1926 г.	28	145	96	99	51	38	1	15
1930 г.	36	203	120	135	76	50	4	69
Франция								
1922 г.	11	110	59	51	51	35	—	—
1926 г.	15	134	74	89	54	39	—	—
1930 г.	26	210	130	170	112	125	2	29
Италия								
1922 г.	13	41	55	50	43	18	—	—
1926 г.	14	84	58	55	43	18	1	5
1930 г.	19	134	82	91	63	49	1	5

Мы ограничились приведением цифр, касающихся главных империалистических государств. Но малые государства в этом отношении ничуть не отстают от больших. По оценке Ллойд Джорджа, в одной Европе в настоящее время находится под ружьем 10 миллионов людей.

Таково было состояние умиротворенной Европы к моменту созыва подготовительной комиссии.

Франко-югославский договор, итало-албанский оборонительный союз, обострившие франко-итальянское соперничество, польско-литовский конфликт и угроза похода Пилсудского на Литву, что неминуемо вылилось бы в военный пожар в Восточной Европе,—все это происходило накануне и даже во время сессии подготовительной комиссии и крайне осложнило политическую обстановку. Казалось бы, что при таких грозных симптомах военной бури, подготовительная комиссия по ограничению вооружений при Лиге Наций, должна как раз заняться тем вопросом, который ее должен больше всего интересовать, т.-е. разоружением. Наличие советской делегации устраняло поводы для саботажа и выбивало у противников разоружения аргументы, которыми они до сих пор пользовались: СССР, мол, не хочет разоружить себя, а потому и мы не можем разоружиться. Эти условия, однако, не были использованы комиссией, так как она вовсе не намеревалась что-либо сделать в области разоружения.

* * *

«Война бродит вокруг нас»,—так определил политическое состояние Европы в момент открытия 4-й сессии подготовительной комиссии французский буржуазный публицист Жорж Понсо. Тем с большим, казалось бы, вниманием должна была бы отнестись комиссия к заявлению тов. Литвинова о готовности СССР к полному разоружению на суше, на море и в воздухе при одновременном разоружении и других государств. Ведь только 28 ноября Ллойд Джордж писал, что если СССР имеет искреннее намерение разоружиться, то тогда отпадает всякий предлог для преувеличенных вооружений его соседей, а следовательно, и Франции.

Излишне повторять всем известную декларацию советской делегации. Мы только хотим напомнить, что этот мирный акт нашего правительства не является первым по счету. На Генуэзской и Лозаннской конференциях

в 1922 году, на комиссии морских экспертов в Риме в 1924 году, на Московской конференции с лимитрофами в 1922 году, в многочисленной переписке с секретариатом Лиги Наций советское правительство в разных вариациях выражало свое искреннее и решительное желание способствовать делу разоружения и предлагало конкретную программу разоружения при условии разоружения и других государств.

Хотя, как мы выше видели, ни одно государство не уменьшило свои вооруженные силы, а их увеличило, СССР, тем не менее, сократил свою армию против 1913 года почти в три раза.

Декларацию тов. Литвинова отличает от прежних предложений ее конкретная и точная формулировка как об'ектов вооружения, подлежащих упразднению, так и тех средств, которые служат целям вооружения.

Впервые в стенах Лиги Наций раздались слова о разоружении, называлась точные даты его выполнения вместо того схоластического тумана, к которому так привыкли «миротворцы» из Лиги Наций. *Что эти конкретные предложения исходили от великого государства, это только усиливало их значение.* Но они, вместе с тем, внесли большое смущение в ряды тех, которые ничего слышать не хотят о разоружении, но зато дурачат мир в течение годов изысканием гуттаперчевых формул гарантий безопасности. Как будто бы разоружение само не есть первая и действительная гарантия безопасности. Недовольство буржуазных делегаций этими «неслыханными», детскими, «слишком простыми» предложениями, как их окрестила буржуазная пресса, увеличивалось еще тем, что делегации собрались для избрания комитета безопасности и определения срока заседаний следующей сессии подкомиссии, а их заставили не только выслушать предложения по разоружению, но и немедленно их обсудить.

Из словесной схватки, возникшей по этому поводу между т. Литвиновым и представителем буржуазной Франции Полем Бонкуром, заслуживают быть выделенными два момента. Этот, с позволения сказать, социалист понял лучше своих буржуазных коллег, дело которых он защищает, что отделаться от советских предложений так, как предлагали другие, то-есть ни принять, ни отвергнуть, не в интересах «ревнителей» мира из Лиги Наций. Надо было дать советской делегации бой на принципиальной почве, что и взял на себя сам господин Поль Бонкур. Но как жалка и убога была эта принципиальная защита излюбленных методов работы Лиги Наций!

«В статуте Лиги Наций,—пытался парировать убийственные аргументы советской декларации Поль Бонкур,—степень вооружения поставлена в зависимость от степени безопасности. Изменение метода опасно. Полное разоружение, как это сейчас Россия предлагает, поставит маленькие государства в зависимость от больших государств (! ! !), вот почему и необходим комитет безопасности».

Наконец, по мнению Бонкура, советские предложения уже потому непригодны, что они слишком просты.

Чего стоят такие «принципиальные» аргументы, лучше всего показывает нынешнее состояние вещей. И Поль Бонкур прекрасно понимает, что безопасность великого индустриального государства обеспечена в сотни раз лучше безопасности маленького и бедного государства. Следовательно, зависимость малых от великих государств не увеличится по сравнению с нынешним состоянием вещей, а безмерно уменьшится, когда разоружение будет повсеместно проведено. Этот трюк нужен был Бонкуру совсем для другой цели: ему нужно было настроить малые нации против неприемлемых для французского империализма слишком радикальных советских предложений.

В результате этих прений обсуждение советских предложений было перенесено на 5-ю сессию подготовительной комиссии.

Второй бой дала наша делегация по вопросу о времени созыва 5-й сессии подготовительной комиссии. Тов. Литвинов настаивал на 10 января. Остальные делегации стремились ее оттянуть елико возможно.

Тов. Литвинов аргументировал свое требование так. Опыт показал, что гарантии безопасности—это своего рода политическая квадратура круга, которую используют для осложнения и затемнения вопроса о разоружении. Так как подготовительная комиссия в своих работах ничем не связана с комитетом безопасности, то и не следует ставить в зависимость созыв пятой сессии от работ комитета безопасности.

Само собой понятно, что предложение тов. Литвинова было провалено. Постановлено созвать комитет безопасности 10 февраля, а подготовительную комиссию—15 марта.

Последующие события доказали всю правоту аргументации советской делегации и реальность ее требований не ставить вопрос о разоружении в зависимость от гарантий безопасности. Мы имеем в виду неудачные переговоры Франции с Сев.-Амер. Соед. Штатами по поводу заключения договора о «вечном» мире и меморандум английского правительства о гарантиях безопасности. Отказываясь признать выдвинутый Брианом принцип законности оборонительной войны против нарушителя мира и войны в защиту статута Лиги Наций, т.-е. послеверсальской Европы, С.-А. С. Ш. этим самым выразили свое отрицательное отношение не только к Лиге Наций, но и к принципу обязательного арбитража и гарантийных договоров, покоящихся на арбитраже. Английский меморандум по поводу работы комисии по безопасности, опубликованный 18 января, высказывается также весьма резко против принципа обязательного арбитража и таких гарантийных договоров, которые выдвигает на первый план французское правительство, как важнейший элемент в системе гарантий безопасности.

Франко-американские и франко-английские разногласия по вопросу о гарантиях обрекают заранее на неудачу работу комиссии по безопасности. Французы, как и их партнеры, знали это хорошо и раньше, но им всем нужно было провалить советское предложение о немедленном обсуждении вопросов разоружения для того, чтобы затянуть дело.

Для полноты следует еще указать на наше отношение к работам комитета безопасности. Советское правительство считает этот комитет ненужным, излишним и тормозящим дело разоружения. В его компетенцию входит рассмотрение ряда вопросов, помимо изучения состояния безопасности каждой страны и целых групп стран в отдельности, и пересмотр некоторых из статей статута Лиги Наций. Не желая брать на себя ответственность за затяжку работ комитета и принимать участие в изменении статей статута непризнанной им Лиги Наций, советское правительство отказалось официально участвовать в этом комитете. Но оно, однако, назначило туда своего наблюдателя, с информационной целью.

Последний шаг продиктован необходимостью быть в курсе всех вопросов и всей деятельности комитета безопасности. Тем более, что некоторые из этих вопросов, как, например, пересмотр 17-й статьи статута Лиги Наций с целью усиления санкций, долженствующих быть примененными к нечленам Лиги Наций, находящимся в войне с членами Лиги Наций, имеют также жизненный интерес и для нашей страны.

* * *

Подготовительная комиссия, верная традициям Лиги Наций, отодвинула на $3\frac{1}{2}$ месяца неприятное для империалистов обсуждение советских предложений. Но отложить—еще не значит похоронить. Мы не предаемся никаким иллюзиям насчет дальнейшей судьбы наших радикальных предложений. Мы знаем, что они неприемлемы для буржуазных государств. Неприемлемы уже потому, как говорил Бонкур, что они слишком просты. Язык этих предложений уже слишком понятен рабочим, крестьянам и даже пацифистски настроенной мелкой буржуазии, страдающим от ужасов войны и непосильного налогового бремени в мирное время, чтобы они могли быть приняты. Именно поэтому буржуазная пресса старается изобразить дело так, что советские предложения являются тормозом для дела разоружения,—тормозом в том отношении, что они не могут быть приняты благодаря своей радикальности и «непрактичности» и вместе с тем отвлекают внимание от раз избранного метода работы Лиги Наций.

Само собой понятно, что враждебное отношение империалистов к нашей программе разоружения коренится не в ней самой, а в природе капиталистического мира, который не хочет и не может разоружить себя. И покуда существует капиталистическая система, до тех пор немыслимо проведение в жизнь принципов разоружения или хотя бы значительное облегчение военных тягот.

Вполне учитывая это, советская программа разоружения не ограничивается одним предложением о полном разоружении, но выражает также готовность работать и содействовать разоружению в приемлемой для большинства государств мере. Это ничуть не мешает буржуазной прессе трубить на весь мир о том, что советская программа разоружения—чисто пропагандистский маневр и что большевики избрали трибуну Лиги Наций для своих пропагандистских целей. Кое в чем они правы: советские предложения являются, действительно, прекрасным агитационным материалом, так как они выражают желания и настроения миллионов трудящихся.

Этого не скрывал и тов. Литвинов в своей речи, говоря, что СССР пропагандирует идею разоружения. Это учуяла крупнокапиталистическая французская газета «Information», когда она задавала тревожный вопрос: «Как отразится речь г. Литвинова на французских, германских и английских массах накануне выборов?».

Насколько страх о влиянии женевской дискуссии на рабочие массы велик, видно из того, что, как правильно замечает коммунистическая «Rote Fahne», буржуазная печать прежде выставляла СССР козлом отпущения за то, что из-за неулаженного конфликта с Швейцарией он не мог участвовать в работах Лиги Наций по разоружению, а теперь он является тем же козлом отпущения именно потому, что участвует в этих работах.

Чтобы опорочить предложения СССР, прибегают к самым диким небылицам. Та же «Information» писала в начале декабря, что в то самое время, когда Литвинов произносит радикальные и пацифистские речи, советское правительство готовится к... 4-му разделу Польши. 4-м разделом Польши она называет миролюбивые шаги СССР в Варшаве и Ковно, в значительной степени способствовавшие временному разряжению польско-литовского конфликта. Другой сенсацией дня явилась апокрифическая статья т. Сталина о «завоевании небес» воздушным флотом СССР. Все эти выдумки имеют определенную цель: опорочить миролюбивые выступления СССР в Женеве, ослабить влияние этого выступления на трудящиеся массы, уличить советское правительство в неискренности, подсовывая ему действия и намерения, которых у него нет и никогда не было.

Еще более дикую ярость вызвало наше предложение поручить рабочим после полного разоружения контроль над производством химических предметов, могущих быть обращенными на военные цели.

Приемы, употребляемые буржуазной печатью для борьбы с влиянием, оказываемым нашей программой разоружения на трудящихся, являются лучшим доказательством того, что она попала в цель. Она затронула один

из важнейших вопросов современности и поставила его в центр внимания международного пролетариата.

И в этом состоит положительная сторона выступления советской делегации в Женеве. Ссылаться на угрозу миру со стороны СССР в оправдание саботажа вопроса о разоружении теперь будет гораздо труднее, чем до сих пор.

Если буржуазная печать в целом учла вполне опасность советских предложений для дальнейшего саботажа разоружения и приняла их в штыки, то совсем другую позицию по отношению к советским предложениям заняли социал-демократическая печать и ренегаты Урбанс, Маслов, Фишер в «Знамени Коммунизма». «Форвертс» в статье от 1 декабря, посвященной советскому выступлению в Женеве, писал, что «участие советской делегации на подготовительной комиссии по разоружению означает отказ большевизма от насилия, через посредство которого он пришел к власти и удерживает ее, подавляя всех своих противников». «Доведя последовательно мысль до конца, русская женевская программа означает окончательный отказ от диктатуры. Диктатура есть господство того, кто имеет власть в своих руках, кто располагает вооруженной силой. Отказаться от вооруженной власти, значит отказаться от диктатуры». Несколькими строчками дальше «Форвертс» спохватывается и говорит, что, конечно, «никто не ожидает, что большевики сделают последовательный вывод из их новой теории». Это, тем не менее, не мешает ему дальше писать: «До этого еще Россия не дошла. Но не подлежит никакому сомнению, что она хочет мира. Она хочет трудиться, восстанавливаться, вести с заграницей дела, получать займы и аккуратно платить проценты».

Центральный орган австрийской социал-демократической партии «Arbeiter Zeitung» 1 декабря в статье «Русские в Женеве» также писал в крайне лирических тонах, начиная каждый абзац одними и теми же словами заголовка: «Русские в Женеве». Мы не станем передавать этих глупейших истолкований значения участия советской делегации на подготовительной комиссии. О характере этих истолкований дает полное понятие следующая цитата из этой статьи: «Русские в Женеве: это значит, наконец, почти отказ от тех аргументов, которые коммунисты противопоставляли социал-демократам. Теперь большевики сами в Женеве, и все лозунги, которые они изобретут для прикрытия этого поворота, не скроют того, что они сейчас сами делают то, в чем годами упрекали других».

Настроение господ австрийских и германских социал-демократов слишком понятно, чтобы стоило вступать с ними в полемику. Оно определяется страхами перед полевением масс, полевением низов их собственной партии, что с достаточной ясностью выявилось в июльских выступлениях венских рабочих и на выборах в Гамбурге. В апреле предстоят выборы в германский рейхстаг, и германские социал-предатели озабочены удержанием в их рядах еще следующей за ними рабочей массы. Извращая смысл и значение участия СССР на подготовительной комиссии по разоружению, они этим самым хотят создать у рабочих впечатление, что коммунисты делают теперь то же самое, что всегда делали они, социал-демократы.

Гг. Урбанс, Маслов, Рут Фишер и другие исключенные из германской компартии, находящиеся идейно и организационно связанными с нашей бывшей оппозицией, в статье «Разоблаченный Лениным Сталин» пишут: «Если русские на Женевской международной экономической конференции выставили антимарксистское утверждение, что социализм и капитализм могут, как экономические системы, существовать друг возле друга, то обещание принять участие в конференции по разоружению явилось только следствием этого утверждения. Но из этого следует и второй шаг, что означает: вступление в Лигу Наций. Участие в экономической конференции, участие в конференции по разоружению и вступление в Лигу Наций,—это бесстыднейший политический обман международного пролетариата, проделываемый Сталиным» [1]).

Прежде всего следует обратить внимание на то, что социал-предатели из «Форвертса» и «Арбейтер Цейтунг» и ультра-левые ренегаты трогательно сходятся в оценке последствий выступления СССР.

Чувствуя шаткость своих клеветнических утверждений, они в номерах 39 и 40 «Знамени Коммунизма» пытаются подвести базу под свои позиции. Для этого они приводят длинные выдержки из блестящей статьи тов. Ленина «О лозунге «разоружения». В этой статье тов. Ленин точно и четко следующим образом определил отношения истинных социалистов к лозунгу разоружения [2]):

«Разоружение есть идеал социализма. В социалистическом обществе не будет войн, следовательно, осуществится разоружение. Но тот не социалист, кто ждет осуществления социализма помимо социальной революции и диктатуры пролетариата. Диктатура есть государственная власть, опирающаяся непосредственно на насилие. Насилие в эпоху XX века, — как и вообще в эпоху цивилизации,—это не кулак и не дубина, а войско. Поставить в программу «разоружение», значит сказать вообще: мы против применения оружия. В этом так же нет ни грана марксизма, как если бы мы сказали: мы против применения насилия».

Далее «Знамя Коммунизма» приводит также и то место из статьи тов. Ленина, в котором он определяет отношение социалистов к войне, гласящее:

«Социалисты не могут быть против всякой войны, не переставая быть социалистами. Нельзя давать себя ослеплять теперешней империалистской войной. Для империалистской эпохи типичны именно такие войны между «великими» державами, но вовсе не невозможны и демократические войны и восстания, например, угнетенных наций против угнетающих их за освобождение от гнета. Неизбежны гражданские войны пролетариата против буржуазии за социализм. Возможны войны победившего социализма в одной стране против других, буржуазных или реакционных стран».

После этих и многих других цитат из статьи тов. Ленина, обличители руководства нашей партии восклицают: «Эти истины ныне забыты!»

Присмотримся ближе к этим «забытым» истинам. Тов. Ленин писал свою знаменитую статью в начале 1916 г., тогда, когда весь мир истекал кровью и только небольшие нейтральные государства были избавлены от бича войны. Непосредственным поводом для выступления тов. Ленина послужили, как он сам пишет, следующие причины:

«В целом ряде стран, преимущественно маленьких и стоящих в стороне от теперешней войны, например, в Швеции, Норвегии, Голландии, Швейцарии, раздаются голоса в пользу замены старого пункта с.-д. программы-минимум: «милиция» или «вооружение народа» новым: «разоружение».

Какое практическое влияние могли иметь разговоры в этих маленьких странах на разоружение в тот период, говорить не приходится. Но тов. Ленину была дорога правильная установка в этом вопросе. И он эту установку точно очертил.

Изменила ли наша партия ленинскому пониманию разоружения? Не только не изменила, но кое-что, и немалое, выполнила из того, что Ленин считал предпосылкой победы рабочего класса над капитализмом.

В той же статье он выставляет такие требования рабочего класса: «права каждой, скажем, сотни жителей данной страны образовывать сво-

---

[1]) „Знамя Коммунизма“ № 37 от 25/XI—27 г.

[2]) Тов. Ленин говорит всюду социалист, т. к. коммунистической партии тогда еще не было.

бодные союзы для изучения всего военного дела, со свободным выбором инструкторов, с оплатой их труда на казенный счет и т. д. Только при таких условиях пролетариат мог бы изучать военное дело действительно для себя, а не для своих рабовладельцев, и такого изучения безусловно требуют интересы пролетариата». Осуществлено это в СССР или нет?

Этого не замечают ультра-левые ренегаты коммунизма и, конечно, этой неудобной для них цитаты не приводят.

Всем известно, как буржуазный мир использует наше резко отрицательное отношение к Лиге Наций. Но следует ли из этого, что надо отказываться от участия и какого бы то ни было контакта с Лигой Наций, не изменяя своего принципиального отношения к ней,—частности, в работе по разоружению, хотя мы знаем, что покуда существует капиталистический мир, разоружение невозможно? Ренегаты коммунизма утверждают, что нужно ради сохранения белизны коммунистических риз. Тов. Ленин несколько иначе смотрел на этот вопрос. Говоря об участии социалистов в «реформах», которые в данном случае равнозначащи «работам» Лиги Наций по разоружению, Владимир Ильич в той же статье пишет:

«Мы никоим образом не против борьбы за реформы. Мы не хотим игнорировать той печальной возможности, что человечество переживет—на худой конец—еще вторую империалистическую войну, если революция не вырастет из данной войны, несмотря на многочисленные взрывы массового брожения и массового недовольства и несмотря на наши усилия. Мы—сторонники такой программы реформ, которая тоже должна быть направлена против оппортунистов. Оппортунисты были бы только рады, если бы мы предоставили им одним борьбу за реформы, а сами удалились в заоблачные выси какого-нибудь «разоружения», спасаясь бегством из печальной действительности. «Разоружение» есть именно бегство из скверной действительности, а вовсе не борьба против нее».

Может ли СССР удаляться в «заоблачные выси», когда разоружение даже в нынешней форме поставлено в порядок дня? Стоит только поставить этот вопрос, чтобы дать на него отрицательный ответ.

Само собой понятно, что этого места из статьи тов. Ленина, направленной прямо против Урбанса и К°, не цитирует «Знамя Коммунизма». «Опираясь» на тов. Ленина в своей борьбе против руководства ВКП(б) и Коминтерна, они забыли «малость»—существование СССР. Вряд ли можно отмахнуться от этой «малости», как это делает «Знамя Коммунизма», ссылкой на враждебность тов. Ленина к «национальной ограниченности».

Вся несостоятельность и лживость утверждений Маслова, Урбанса и Рут Фишер очевидна для каждого честного пролетария. Какому классу такая «об'ективная» критика служит—не требует также особых доказательств.

Мы предоставляем также каждому коммунисту и беспартийному пролетарию подумать над теми сходными оценками, которые нашло выступление СССР в Женеве у социал-предателей и «истинных» хранителей заветов ленинизма, какими себя именуют ренегаты из «Знамени Коммунизма».

А. Леонтьев.

Хозяйственные перспективы СССР в кривом зеркале[1]).

2. Распределение национального дохода.

Мы уже видели выше, каким образом вопрос о темпе развития и темпе накопления упирается в проблемы, связанные с распределением национального дохода. Темп накопления низок, по мнению оппонентов, вследствие малой дифференциации доходов. Наши противники до чрезвычайности любят прикрываться интересами развития производительных сил. Надо ли после этого удивляться тому, что они выступают в защиту большей дифференцированности доходов. Ведь дифференциация доходов—это и есть предпосылка для повышенного темпа накопления, а стало быть, и для быстрейшего развития производительных сил. Дело заключается, таким образом, в логической последовательности. Правда, в советской стране иной раз неудобно,—как говорится, по независящим от редакции обстоятельствам, — открыто выступать в защиту пресловутой «дифференциации доходов». Поэтому подобные выступления так или иначе маскируются. Можно встретить все различные оттенки маскировки, начиная от густой завесы туманных рассуждений и кончая легкой кисеей весьма прозрачных намеков.

«Совершенно бесполезно давать в перспективе крупные цифры накопления и с ним вместе большие размеры капитальных вложений в народное хозяйство, если одновременно не обеспечить тех условий, в которых данное накопление может происходить», — так заканчивается одно из довольно ярких выступлений буржуазной критики госплановской пятилетки[2]). Условия, которые должны быть «обеспечены», касаются, как всякому понятно, прежде всего распределения народного дохода. Ряд авторов данного направления достаточно красноречиво дает понять, какие именно «условия» в этом смысле составляют предмет их чаяний.

Прежде всего оказывается, что при советском строе рабочий класс об'едает все остальные слои населения. Анализ итогов 1925—26 гг. обнаруживает, что «уровень потребления трудящихся масс города, выраженный в цифре выплаченной зарплаты, заметно (вероятно, на 25—30%) обогнал уровень национального дохода[3]). «За чей счет могло осуществляться повышенное потребление рабочего класса?»—вопрошает автор далее и дает следующий ответ.—Это могло иметь место «лишь в результате перераспределения той квоты национального дохода, которая идет в фонд потребления нации». Далее следует перечень источников этого «повышенного потребления» пролетариата. «Прежде всего, источником этого повышения уровня жизни... является значительное уменьшение потребления капиталистических слоев городского населения и высших служащих, другим источником могло явиться и отчасти явилось в действительности извлечение средств из сель-

---

[1]) Статья вторая. Первую статью см. в № 1 с. г.

[2]) Дезен. Цит. статья в «Экономическом Обозрении» № 5 за 1927 г., стр. 71.

[3]) Альб. Вайнштейн. Цит статья «Эконом. Бюллетень Кон'юнктурного Института» № 11—12 за 1926 г., стр. 2—3.

ского хозяйства и относительное понижение потребления крестьянства, по сравнению с довоенным временем, в части промышленных товаров (в отношении сельскохозяйственных товаров понижение потребления, вероятно, не имело места)» [1]).

Буквально на следующей же странице тот же автор вынужден признать, в вопиющем противоречии с концом приведенной фразы, что «внутрихозяйственное потребление и накопление запасов деревней ряда сельскохозяйственных продуктов не снизилось, а, наоборот, увеличилось и, вероятно, превысило даже довоенные нормы (хлеб, масло, яйца) [2]). Иными словами, если уменьшилось потребление крестьянством промтоваров, то это падение так или иначе компенсируется тем, что значительно большая доля сельскохозяйственной продукции остается в руках крестьянства. Худшие противники советской власти не осмеливаются сколько-нибудь серьезно утверждать, что общий уровень благосостояния крестьянства в СССР относительно ниже довоенного. Таким образом, рушится попытка доказать, что рабочий класс «об'едает» крестьянство. Попытка тем более отравленная, что она исходит из кругов беззастенчивых идеологов кулачества, сельской буржуазии, как мы достаточно ясно увидим дальше. Между тем, всякому понятно, что именно рост сельской буржуазии означал бы для огромных масс бедняцко-середняцкого большинства крестьянства разорение и голод, кабалу и беззастенчивую эксплоатацию.

Остается, стало быть, замечательное открытие, что рабочий класс об'едает буржуазию и «высших служащих». В этом пункте мы можем доставить нашему автору удовольствие и согласиться с ним целиком и полностью. Действительно, если человек считает, что при капитализме буржуазия не живет за счет пролетариата, то он должен притти к выводу, что при советском строе пролетариат живет за счет буржуазии. Здесь все дело, как говорится, в точке зрения. Выше мы уже встречали утверждение того же автора, что высшие служащие (или, как он мило выражается, «ответственные хозработники») должны, собственно, потреблять не меньше, чем буржуазия прежнего времени. Если же это не имеет место, то, стало быть, рабочий класс жиреет за счет этих самых «высших служащих». Повторяем, со всем этим мы весьма охотно соглашаемся.

С этим положением не хотят и не могут, однако, примириться экономисты разбираемого нами направления. Они в различных вариантах предлагают довольно стройную и продуманную систему мер. В своей совокупности эти меры должны привести к уничтожению тех вопиющих ненормальностей в распределении национального дохода СССР, которые отличают нашу страну от всякого «культурного» капиталистического государства. Так как мы имеем дело с эволюционистами по самой природе, по самому нутру, то надо ли удивляться, что предлагаемые ими реформы в распределении доходов отличаются достаточной постепенностью? Медленно, зато верно—таков девиз.

Предлагаемые реформы касаются, прежде всего, конечно, политики заработной платы. Вот достаточно откровенная программа по этому вопросу. «Для понижения промцен на 30% за пятилетие нужно говорить о выравнивании номинальной заработной платы отсталых групп и профессий не путем ее поднятия, а путем небольшого снижения номинальной зарплаты для некоторых выдавшихся профессий и групп» [3]). Яснее желать нельзя: проводите в течение ближайших пяти лет политику не поднятия, а снижения заработной платы—таково откровенное требование классовых врагов пролетариата. Запомним, речь идет не о коротком сроке, а о целом пятилетии. Немного испугавшись своей собственной храбрости, автор пытается снабдить свою программу некоторыми оговорками. Эти оговорки, однако, решительно ничего не меняют по существу. Все же приведем их для большей наглядности.

[1]) Там же, стр 3—4.
[2]) Там же, стр 6.
[3]) А Вайнштейн. Цит. ст. «Эк. Об.» № 7 за 1927 г., стр 42. Примечание. Курс. наш.

Прежде всего, в другом месте требование снижения зарплаты несколько завуалировано следующей формулировкой: «Такое понижение промцен может быть достигнуто при повышении номинальной зарплаты на 5—6% по сравнению с ее уровнем в 1925—26 гг.» [1]). Эта хитрость так наивна и неумна, что разгадать ее в состоянии даже ребенок. Статья появляется в IV квартале 1926—27 г. Речь идет о политике зарплаты на 5 лет: 1926/27—1930/31. В 1926—27 г. номинальная зарплата рабочих цензовой промышленности составляла уже 111,5% по сравнению с 1925—26 г. [2]). При таких условиях «повышение» зарплаты на 5—6% по сравнению с 1925—26 г. означает на деле понижение ее на 5,5—6,5% по сравнению с уже достигнутым уровнем. Всякий грамотный человек поймет это без труда. С таким же успехом можно было бы требование понижения зарплаты процентов на 50 замаскировать таким образом: мы предлагаем, мол, повысить зарплату на 30% по сравнению с 1920—21 г. Совершенно непонятно, на кого расчитан такой неловкий прием маскировки своих классовых чаяний.

Другая оговорка касается реального уровня зарплаты. «В конце-концов для населения важен не номинальный, а реальный заработок»,— замечает автор вслед за своим предложением понижения номинальной зарплаты. И автор милостиво обещает облагодетельствованным им рабочим повышение реального заработка в 1930—31 г. по сравнению с 1926—27 г. на 15—16%, заявляя при этом достаточно сурово, что «этот коэффициент—предельный» [3]). Нетрудно, однако, убедиться, что это обещание повышения реального заработка носит более чем проблематичный характер. Автор приходит к этому выводу при помощи примерно следующих расчетов. Индекс оптовых цен понижается на 22,5%, бюджетный индекс—на 17%; розничные цены падают вследствие рационализации торговли. В результате индекс стоимости жизни понижается на 20%. Такую «мелочь», как повышение квартирной платы, автор здесь упускает из виду. Между тем, именно на этом основании он считает, например, что при принятии запроектированного Госпланом снижения цен «общий индекс стоимости жизни навряд ли понизится к концу пятилетия более чем на 5%» [4]). Если даже, вследствие несколько большего снижения цен, запроектированного автором, индекс стоимости жизни понизится на 10%, то и тогда предлагаемая им политика зарплаты означает на деле стабилизацию реального заработка, примерно, на уровне, достигнутом в 1926—27 г. И это предлагается в отношении целого пятилетия, пятилетия, в течение которого должно быть достигнуто большое повышение производительности и интенсивности труда рабочего, значительный рост выработки.

Мы подробно остановились на наиболее откровенном и неприкрытом выражении чаяний классового врага в области политики зарплаты. Следует, однако, указать, что нападки на линию нашей партии в области политики заработной платы встречаются во всех почти без исключения выступлениях буржуазных экономистов по поводу пятилетних планов. При чем почти всегда эти нападки прикрываются следующими двумя благовидными предло-

[1]) Там же, стр 66—67.
[2]) См. «Контрольные цифры на 1927—28 г.», стр 540—541.
[3]) Цит. статья «Экон. Обозрение» № 7 за 1927 г., стр. 67.
[4]) Там же, стр. 44.

гами. В пятилетке Госплана открываются, изволите ли видеть, «неувязки»: 1) «между ростом заработной платы и проектируемым понижением цен» [1]; 2) «между ростом благосостояния города и ростом благосостояния деревни». Для «увязки» этих «неувязок» и берется под обстрел политика советской власти в области заработной платы.

Остановимся сначала на первой «неувязке»: между ростом зарплаты и снижением цен. Задача снижения промышленных цен действительно является одной из основных проблем ближайших лет. Необходимо во что бы то ни стало добиться снижения себестоимости продукции, чтобы при помощи снижения промцен достичь трех основных результатов: 1) уничтожения «ножниц» между ценами на промышленные и сельскохозяйственные товары; 2) смягчения разрыва между промценами СССР и мирового рынка и 3) поднятия покупательной способности советской валюты. Противники нащупывают, таким образом, действительно слабое место. Значит ли это, однако, что снижение цен может быть осуществлено любыми средствами, любым способом? Всякому понятно, что вообще говоря, снижение зарплаты, скажем, наполовину, дало бы немалый эффект в смысле снижения себестоимости и цен. Это явилось бы ярким образчиком капиталистических методов выполнения этой задачи. На этом пути была бы разрешена задача, скажем, в случае капиталистической реставрации в России. Иной путь, совершенно противоположный капиталистическому, свойственен экономической политике пролетарской диктатуры. Не снижение зарплаты, а ее неуклонный рост; еще более быстрый рост производительности труда; рационализация, улучшение методов работы, беспощадное изгнание всякого рода непроизводительных расходов—вот этот путь. Именно этот путь указан с полнейшей отчетливостью в директивах по составлению пятилетнего плана, предлагаемых ЦК XV партс'езду. Эти директивы исходят из необходимости «расширенного потребления рабочих и крестьянских масс», «роста благосостояния рабочего класса», «дальнейшего сокращения рабочего дня и роста заработной платы, особенно интенсивного в ее реальном выражении». Естественно, эти моменты берутся не в изолированном виде. Должно быть найдено оптимальное сочетание этих элементов с рядом других требований экономической политики, в первую очередь с необходимостью обеспечения определенного темпа накопления и хозяйственного роста страны и с необходимостью снижения цен. Но в том-то и дело, что с нашей точки зрения эти на первый взгляд противоположные и до известной степени действительно противодействующие тенденции могут быть согласованы между собой, а с точки зрения наших буржуазных противников между этими элементами—непроходимая пропасть. Используя преимущества переходного типа хозяйства над капиталистическим (преимущества, отрицаемые нашими противниками, но существующие в действительности), можно добиться снижения себестоимости, не приостанавливая дальнейшего роста зарплаты. Возможности рационализации, уничтожения непроизводительных расходов еще чрезвычайно велики; в этом отношении мы обладаем еще огромными резервами. Характерно, например, что работа по уточнению и более тщательной проверке, проводимая Госпланом над наметкой пятилетнего плана, уже к настоящему времени обнаружила возможность снижения промцен на 20—21% (вместо 17%, намеченных в первоначальном варианте) при том же, примерно, темпе роста зарплаты.

Перейдем ко второй «неувязке», якобы вытекающей из советской политики заработной платы: между ростом благосостояния города и деревни. Это один из излюбленных коньков буржуазной и мелкобуржуазной критики

[1]) А. Соколов. «К критике пятилетней гипотезы Госплана». «Вестник Финансов» № 7 за 1927 г., стр. 10.

наших хозяйственных перспектив. В этом крайне важном вопросе существует довольно основательная путаница. Достаточно привести, например, следующие диаметрально-противоположные утверждения, исходящие от двух представителей одной и той же «школы», притом довольно спаянной, выступающей даже с коллективными работами. Один из них пишет: «Максимальное форсирование роста промышленности, стягивание населения в города и рост благосостояния городов, превышающий рост благосостояния деревни—такова основная установка пятилетнего плана. Такая установка в общем правильна и соответствует принятому курсу экономической политики на индустриализацию страны» [1]). И автор ограничивается лишь меланхолическим указанием, что, мол, «план... вызывает возражения... со стороны его выполнимости и со стороны тех конкретных форм, в каких рисуется индустриализация». Вот что заявляет ближайший соратник того же автора по этому поводу: «Разрыв между благосостоянием городского и сельского населения, имеющий место в настоящее время, построение Госплана предполагает в ближайшее пятилетие еще углубить. В этом заключается коренная ошибка всего построения Госплана» [2]). Итак, два автора, выступающие в другом месте с коллективной работой по критике пятилетки [3]), радикальным образом расходятся в оценке одного и того же явления. Один говорит: в общем правильна; другой утверждает: коренная ошибка. Как же обстоит на самом деле? Совершенно ясную и четкую постановку этого вопроса мы находим в тезисах ЦК к XV с'езду. «Сближение уровня жизни города и деревни,—читаем мы там,—прокладывает пути к устранению созданного капитализмом разрыва между ними и укрепляет союз рабочего класса и крестьянства, вовлекая последнее на социалистический путь развития и приобщая к активному участию в социалистическом строительстве в целом». Но что такое «благосостояние деревни». Как известно, «есть мужик и мужик». Без характеристики классовой окраски деревенской политики понятие «благосостояние деревни»—пустой звук. Рост «благосостояния деревни», рисуемого средними цифрами душевого дохода, потребления и т. д., может означать на деле быстрый рост сельской буржуазии при пауперизации огромного большинства крестьянской массы. Это—один вариант «роста благосостояния». Другой, совершенно противоположный путь отчетливо указан в резолюции XV партс'езда: «Развитие сельского хозяйства путем его механизации и интенсификации, перевод его на более высокие технические и социальные формы хозяйствования, кооперирование крестьянского населения, направление государственной и кредитной помощи исключительно бедняцким и середняцким хозяйствам и правильная политика цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию,—все это, увеличивая доходы крестьянского хозяйства, обеспечивает постоянное повышение материального и культурного уровня жизни беднейшего и среднего крестьянства при решительном ограничении эксплоататорских тенденций кулака».

Теперь не трудно разобраться в предмете спора двух «милых друзей». Совершенно ясно, что Я. Герчук исходит из типично капиталистического представления об индустриализации. На капиталистической основе индустриализация возможна только при посредстве роста и углубления пропасти между городом и деревней. Рост противоречий между городом и деревней—совершенно неизбежный спутник именно капиталистической индустриализации. Да оно и понятно: при капитализме деревня противостоит

[1]) Я. Герчук. «Проблемы индустриализации СССР по перспективной пятилетке Госплана», «Финансы и Народное Хозяйство» № 25 от 19 июня 1927 г., стр. 3.

[2]) Альб. Вайнштейн. «Зарплата и уровень благосостояния». «Финансы и Народное Хозяйство» № 28 от 10 июля 1927 г., стр. 3.

[3]) См. «Эконом. Обозрение» № 7 за 1927 г., стр. 33, примеч.

городу в общем и целом, как мелкое товарное производство — крупнокапиталистическому типу хозяйства. Рост крупнокапиталистического производства неминуемо ведет к гибели мелких товаропроизводителей. Капиталистическая индустриализация означает, таким образом, гибель и разорение широчайших слоев крестьянского населения, усугубляемые ростом деревенской буржуазии—самого хищного и отвратительного типа эксплоататоров. Разумеется, целиком в плену этих привычных представлений пребывают те, которые считают рост противоположности между городом и деревней неизбежным и для советской индустриализации.

Уничтожение пропасти между городом и деревней было провозглашено одной из основных задач социалистического переустройства общества еще основоположниками научного коммунизма. Разумеется, выполнение этой задачи менее всего следует себе представлять в виде однократного и кратковременного акта. Наоборот, эта основная задача должна мыслиться скорее как общая линия хозяйственной политики для весьма продолжительной эпохи. И одним из существеннейших элементов этой линии является социалистическое кооперирование мелкого производства в деревне, уничтожение зародышей капиталистического развития сельского хозяйства. Капиталистическое развитие деревни вырыло бы в переходный период еще более глубокую пропасть между деревней и социалистическим городом, чем пропасть, имеющая место при капитализме. Поэтому перевод развития сельского хозяйства с капиталистических рельсов на товарищеско-социалистические — основное условие преодоления разрыва между городом и деревней. Такой ли путь имеют в виду наши противники, когда они лицемерно льют слезы по поводу разрыва между городом и деревней?

Здесь мы подходим к одному из важнейших вопросов, связанных с проблемой распределения национального дохода и с выбором основной линии хозяйственной политики вообще. Речь идет о классовой установке советской политики в области сельского хозяйства. Следует указать, что как раз эта часть буржуазной программы, развернутой за последнее время определенной школой экономистов, встретила уже достаточно решительный отпор в нашей экономической прессе [1]). Таким образом, этой части буржуазной критики более всего «повезло». Чтобы избежать повторений, мы специально на этом вопросе останавливаться не станем, отсылая читателя к указанным в сноске статьям. В этих статьях дается исчерпывающая антикритика наскоков буржуазной критики по этому поводу. Здесь мы ограничиваемся лишь краткой характеристикой позиции наших противников в этом существеннейшем и чрезвычайно важном вопросе. Такая характеристика совершенно необходима в целях сохранения связности изложения.

Как известно, определенная школа буржуазных экономистов выступает более или менее откровенно (поскольку это допускается советскими условиями) в качестве глашатаев и апологетов капиталистической эволюции советской деревни. Надо ли указывать, что классовые чаяния кулака, идеологическим отображением которых является эта серия выступлений, тщательно сервируются под весьма учеными соусами? Надо ли повторять, что вся неприглядность кулацких интересов здесь тщательно вуалируется плотной оболочкой логических хитросплетений? Разумеется, советская линия деревенской политики критикуется только под углом зрения такого бесклассового и надпартийного критерия, как развитие производительных сил. Наши противники ничего не имеют против социалистического строительства в деревне, против бедноты, они только заявляют, что 1) развитие производительных сил может происходить лишь при условии развязывания полной свободы капиталистических отношений в деревне и 2) развитие производительных сил должно являться высшим критерием при выборе той или иной линии; все остальные соображения должны быть подчинены этому критерию. Оба эти пункта, разумеется, лживы с начала до конца. Критерий развития производительных сил чрезвычайно сложный и тонкий критерий. Здесь нередко возможно столкновение интересов временных, местных и преходящих с интересами основными, общими и длительными. Основная линия заключается в том, что только социализм обеспечивает максимальное развитие производительных сил человеческого общества. Такова основная установка; это обстоятельство наши противники должны зарубить себе на носу. Если же на пути к достижению этой основной цели—социализма—встречаются участки, где социалистические цели вступают во временное противоречие с преходящими, местными и случайными в конечном счете интересами дня в области развития производительных сил, то единственно правильным является решительный выбор социалистического пути и пренебрежение этими случайными интересами того или иного дня, того или иного года, при чем такая линия должна быть оправдана именно с точки зрения правильно понимаемых интересов развития производительных сил. Ибо основной и общий интерес здесь ставится выше интереса временного и местного. Не менее ложным, однако, является утверждение, что только тип капиталистического фермерского хозяйства обеспечивает в наших условиях максимальное развитие производительных сил. Нет сомнений, с американским типом фермерского хозяйства на земле, радикально очищенной от крепостнических пережитков, связано известное убыстрение темпа развития сельского хозяйства. Но это убыстрение (если брать не перспективу одного года или пары лет, а достаточно длительный срок) с лихвой компенсировалось бы колоссальным злом, приносимым капиталистической эволюцией сельского хозяйства в наших условиях: разорением и гибелью основной бедняцко-середняцкой массы крестьянства. Мы уже не говорим о том, что капиталистическое развитие в деревне означало бы крах советского хозяйства, как системы переходной к социализму, и неминуемо повлекло бы за собою реставрацию капиталистических отношений во всем народном хозяйстве. Впрочем, последнее обстоятельство вряд ли окажется убедительным аргументом против капиталистической эволюции деревни для буржуазного экономиста: как совершенно понятно, необходимость и неизбежность капиталистической реставрации в СССР не подлежит для него никакому сомнению.

Апологетами капиталистической эволюции деревни являются те буржуазные экономисты, которые на словах протестуют против разрыва в благосостоянии города и деревни. На деле они проектируют вместо этого разрыва установить и все более расширять еще в тысячу раз худший разрыв в благосостоянии различных групп в самой деревне. Неприкрытым лицемерием в устах такого экономиста звучит фраза: «В случае сближения уровней благосостояния (города и деревни) был бы ослаблен приток безработных из деревни в город» [1]). В каком смысле экономисты данного направления понимают благосостояние деревни, видно из следующей цитаты (число подобных цитат могло бы быть сильно увеличено): «Препятствия к поднятию благосостояния наиболее крепких слоев крестьянства сами по себе служат задерживающим фактором в деле накопления» [2]). Итак, «поднятие благосостояния наиболее крепких слоев крестьянства» (что уже

---

[1]) См., например, статьи С. Струмилина «Индустриализация СССР и эпигоны народничества», «Плановое Хозяйство» №№ 7 и 8, М. Кубанина «Буржуазная программа в земельном вопросе (о проф. Кондратьеве, Макарове и Хауке)» в журнале «На Аграрном Фронте» и Н. Ковалевского «На новую ступень» в №№ 4 и 5 «План. Хозяйства».

[1]) Альб. Вайнштейн. «Зарплата и уровень благосостояния и т. д.» «Финансы и Народное Хозяйство» № 28 от 10 июля 1927 г., стр. 3.

[2]) А. Дезен, цит. статья «Экон. Обозрение» № 5 за 1927 г., стр. 66.

может быть «крепче» кулака?) — вот что необходимо в первую очередь. Но кто не понимает, что «поднятие благосостояния» деревенской капиталистической верхушки может последовать лишь в результате обнищания основной массы крестьянства, что такое «поднятие благосостояния» означает не ослабление притока безработных в города, а, наоборот, невиданно стремительную эмиграцию поуперизуемой массы крестьянства в города?

Для развития народного хозяйства необходимо накопление. Для обеспечения накопления необходимо уничтожение социалистической политики заработной платы. Для роста накопления необходима свобода капиталистической эксплоатации в деревне. Такова несложная философия распределения национального дохода буржуазных экономистов в основных чертах. Некоторые второстепенные штрихи лишь придают этой философии еще больше яркости.

Есть у нас, оказывается, «целый ряд факторов, которые подрывают в широких кругах населения стремление к индивидуальному сбережению — такова, в частности, система социального обеспечения, осуществляемая целиком за счет государства и его органов» [1]). Такие вещи обусловливают «потребительский уклон нашего хозяйства», который «теперь представляет значительную угрозу для дальнейшего роста». В другом месте мы, например, узнаем, что «принцип социализации воспроизводства рабочей силы... неприемлем, ибо противоречит в современных условиях развитию производительных сил страны». Оказывается, что «для увеличения производительности труда мы должны увеличивать как раз долю индивидуальной оплаты труда, сокращая часть зарплаты, идущую рабочему через начисление, в виде медицинских, социально-культурных и других услуг» [2]). Иными словами, недостаточно одного лишь понижения зарплаты. Помимо того, необходимо уничтожить социальное страхование, медицинскую помощь, социально-культурное обслуживание работы масс. Лишь тогда хозяйство утратит свой «потребительский уклон», лишь тогда появятся «стимулы к накоплению», лишь тогда возрастет производительность труда. Вместо социалистической политики в области труда—политика азиатской, дикой и некультурной эксплоатации,— таковы потаенные вожделения классового врага. Речь идет именно об азиатских методах, столь привычных истинно-русской буржуазии. Ибо ведь социальное страхование или медицинская помощь существует даже в капиталистических странах Европы.

Скверные у нас условия для плодотворной «научной» деятельности. По известным причинам нельзя, например, прямо выступить с предложением увеличить доходы частного капитала. По отношению к деревне дело обстоит куда свободнее. Там мы говорим о росте благосостояния «наиболее крепких слоев крестьянства». Словечко «крестьянство» служит, таким образом, прикрытием для понятия «деревенская буржуазия». А как быть с городской буржуазией? Нельзя же ее, в самом деле, так же величать «крестьянством»! Но ведь, если мы предлагаем согнуть в бараний рог рабочего, то должны же быть у нас какие-либо цели. Только дураки могут предполагать, что нас тревожит забота о росте накопления социалистического сектора. Мы думаем совсем о другом... Как ни стараешься удержаться от излишней болтливости в опасных местах, иной раз прорвется. Вот, не угодно ли? «Не менее резкое возражение вызывает проектирование Госпланом значительной дифференциации возрастания доходов различных групп населения в городе. При увеличении денежной зарплаты рабочих крупной промышленности на 33,3%, увеличение денежных доходов других отраслей наемного труда (строительство, торговля, гос. и общественные учреждения и проч.) проектируется в значительно меньших размерах... Рост доходов других слоев городского населения (ремесленников, кустарей, торговцев, лиц свободных профессий, пенсионеров, стипендиатов и т. п.) предполагается еще значительно меньший»... [1]).

Действительно, пятилетка Госплана составлялась закоренелыми преступниками. Они, например, имеют преступное намерение добиться проведения режима экономии в области «торговли, гос. и общественных учреждений». Они предполагают провести борьбу против бюрократизма, непроизводительных трат и накладных расходов в этих областях труда. В связи с этим, «доходы наемного труда» этих областей дают меньший рост, нежели доходы промышленного пролетариата. Но тут на защиту бюрократа, разгильдяя, паразитарных элементов, попадающих под сокращение, выступает буржуазный экономист и грозно заявляет Госплану: «Не смей трогать, я возражаю». Эта смехотворная картина может показаться даже несколько странной. Ведь тот же экономист достигает вершин красноречия, когда доказывает необходимость ограничения потребления пролетариата, невозможность повышения зарплаты рабочим из-за необходимости обеспечить темп накопления. А здесь он берет под свою защиту бюрократические излишества, поглощающие уйму средств непроизводительно. Противоречия, однако, мы тут не усматриваем: тут проводится лишь определенная классовая линия. Та же классовая установка еще ярче звучит в пункте, касающемся торговцев. Оказывается—о, ужас!—доход торговцев должен дать «еще значительно меньший» рост. Ну, как тут не протестовать! Правда, торговцы в этой фразе заботливо окружены с обеих сторон менее одиозными элементами, для каковой надобности пришлось мобилизовать даже пенсионеров и стипендиатов. Но кого, в конце-концов, в состоянии обмануть такие наивные приемы!

3. Направление хозяйственного развития.

На ряду с темпом хозяйственного развития, на ряду с принципами распределения народного дохода для судеб социалистического строительства колоссальное значение имеет то или иное направление в развитии народнохозяйственного организма. Вообще говоря, любое народнохозяйственное целое может развиваться не только различным темпом, но и в различных направлениях. Какое из направлений побеждает—зависит при капиталистическом и докапиталистическом строе от соотношения сталкивающихся в процессе стихийной борьбы сил и факторов. Поскольку мы в данной связи имеем в виду хозяйство строящегося социализма, необходимо отметить огромное влияние сознательного воздействия—в форме экономической политики пролетарского государства—на самое направление хозяйственного развития. Разумеется, этому сознательному воздействию поставлены определенные об'ективные границы и рамки; все же в пределах этих границ имеются значительные возможности.

Какова программа наших буржуазных оппонентов по вопросу о направлении хозяйственного развития? В самых общих чертах она сводится к тому, чтобы, признавая на словах необходимость индустриализации, бороться на деле против осуществления индустриализаторской программы, требуя ее замены программой аграризации страны.

---

[1]) А. Дезен, цит. статья, стр. 67.

[2]) Альб. Вайнштейн, цит. статья «Финансы и Народное Хозяйство» № 28, стр. 3—4.

[1]) Альб. Вайнштейн. «Зарплата и пр.». «Финансы и Народное Хозяйство» № 28, стр. 24.

В условиях Советского Союза индустриализация и строительство социализма—синонимы в том отношении, что вне индустриализации победа социалистического строительства немыслима. Индустриализация является совершенно необходимым условием социалистического строительства. Индустриализация является совершенно необходимой предпосылкой: 1) роста социалистических элементов внутри народнохозяйственного целого и 2) придания народнохозяйственному организму СССР большей внутренней устойчивости и максимальной независимости от мирового капиталистического хозяйства. Индустриализация страны должна выражаться как: 1) в росте индустрии более быстрым темпом, нежели рост сельского хозяйства, так и 2) в более быстром росте отраслей индустрии, производящих средства производства, по сравнению с отраслями, производящими средства потребления. После XIV партс'езда это положение сделалось как будто азбучной истиной.

Нас не должно, однако, особенно удивлять то обстоятельство, что буржуазные критики пятилетки берут это положение в штыки. Дымовой завесой здесь, как и в других пунктах, служат мнимые заботы о процветании сельского хозяйства. Ход мыслей здесь более или менее однороден: он сводится в общих чертах к следующему. Необходимо прежде всего обеспечить намеченный темп развития сельского хозяйства. Так как общий темп народнохозяйственного развития, по мнению критиков, чрезвычайно преувеличен, то гарантия осуществления принятого темпа развития сельского хозяйства возможна лишь в том случае, если будет значительно снижен проектируемый темп развития промышленности. Но снижение темпа промышленности может вызвать и обострить товарный голод. Поэтому необходимо иное распределение долей между производством средств производства и производством средств потребления. Вот достаточно показательная формулировка этого «кладезя идей». «Должны быть уменьшены капитальные затраты в других отраслях народного хозяйства (промышленность, электрификация, производство средств производства)» [1]). «В виду снижения общей суммы капитальных вложений и необходимости перераспределения последних в пользу сельского хозяйства, должны быть уменьшены капитальные затраты в других отраслях народного хозяйства, в первую очередь, на промышленность и электрификацию. Тем самым должен быть несколько снижен темп роста промышленного производства за пятилетие, при чем в большей мере за счет производства средств производства, чем за счет производства средств потребления, дабы можно было сбалансировать спрос и предложение товаров широкого потребления» [2]). Можно смело сказать, что за одним-двумя исключениями, этот ход рассуждений в тех или иных вариациях повторяется буквально во всех литературных выступлениях буржуазных экономистов по поводу пятилетних перспектив. Вот другая формулировка той же основной программы: «Необходимо обеспечить (намеченный) темп роста сельского хозяйства... Для этого нужно увеличить капитальные вложения в сельское хозяйство, доведя их, скажем, до двух миллиардов рублей... вместо 1.391 миллионов рублей, проектируемых Госпланом... Путем некоторого перераспределения... капитальных вложений внутри промышленности между отраслями, производящими средства производства и отраслями, производящими средства потребления, необходимо добиться увеличения общей массы промышленной продукции... Без этого нельзя будет добиться понижения цен» [3]).

Делаются даже попытки подкрепить такого рода предложения соображениями об... убыстрении темпа хозяйственного развития: «Не одно и то же,—пишет один из экономистов,—для темпа ближайшего пятилетия будет значить вложение 200 млн. рублей в Днепрострой, или в минеральные удобрения полей, купив их за границей... Во втором случае мы получим почти немедленный эффект, а в первом—лишь через 5—10 лет, притом совершенно неопределенный. Все вложения в быстро рентирующиеся предприятия будут ускорять темп развития в первом пятилетии, а в медленно рентирующиеся—замедлять его. И чем страна беднее, тем больше она должна считаться с этим» [1]).

[1]) Альб. Вайнштейн, цит. статья «Эконом. Обозрение» № 7, за 1927 г.
[2]) Та же статья, стр. 65.
[3]) А. Соколов, цит. статья «Вестник Финансов» № 7, за 1927 г., стр. 22.

Программа, таким образом, развернута достаточно яркая. Плюньте на Днепрострой, ввозите-ка лучше минеральные удобрения из-за границы. Оставьте всякие мечты о тяжелой индустрии—производите лишь побольше товаров широкого потребления. Наконец, урежьте до последних пределов промышленность, все средства вкладывайте в сельское хозяйство.

Совершенно ясно, что это—программа дезиндустриализации страны, или, точнее сказать, медленной индустриализации в индийском стиле. Так происходит индустриализация колониальных стран. Метрополия искусственно сохраняет аграрный характер своих колоний: она их ценит прежде всего, как источники дешевого сырья сел.-хоз. происхождения. Поскольку индустриализация происходит, она носит чрезвычайно однобокий характер. Развиваются отрасли, производящие средства потребления. В отношении средств производства колония сохраняет свою рабскую зависимость от метрополии: средства производства ввозятся оттуда, внутри же страны они не производятся. Какое дело, однако, экономистам определенного направления до всего этого? Путь, предлагаемый ими, ведет прежде всего к превращению советской страны в безвольную колонию, в беззащитный придаток мирового капитализма. Этот путь парализует обороноспособность страны в основном, хозяйственном отношении. Этот путь не усиливает нашу мощь по отношению к капиталистическому окружению, с которым мы рано или поздно неизбежно придем в столкновение. Напротив, этот путь выдает нас с головой империалистическим противникам вначале в области хозяйственной, а затем, стало быть, и в военнополитическом отношении. Нечего и говорить, что этот путь означает постепенное захирение социалистических командных высот пролетариата и более или менее скорый крах всего социалистического строительства.

Именно эта программа решительно осуждена резолюцией XV партс'езда. Вот, что мы там читаем по этому поводу:

«Равным образом должна быть отвергнута общая установка на «временное» форсированное кредитование сельского хозяйства и максимальное расширение хлебного экспорта за счет индустриальных вложений. Эта политика, которая, в пределах монополии внешней торговли, давала бы наибольшее расширение внешнеторговых операций, противоречила бы политике индустриализации страны, задерживала бы рост нашей индустрии и хозяйственно разоружала бы Союз перед лицом внешнего капиталистического врага». Отвергая эту установку, усиленно рекомендуемую буржуазными экономистами, резолюция XV партс'езда намечает совершенно противоположную линию с ясностью, не допускающей никаких кривотолков. «В соответствии с политикой индустриализации страны, в первую очередь должно быть усилено *производство средств производства* с тем, чтобы рост тяжелой и легкой индустрии, транспорта и сельского хозяйства, т.-е пред'являемый с их стороны производственный спрос, был в основном обеспечен внутренним производством промышленности СССР. Наиболее быстрый *темп развития* должен быть придан тем отраслям тяжелой

[1]) А. Никитский, цит. статья «Вестник Финансов» № 7 за 1927 г., стр. 54.

индустрии, которые подымают в кратчайший срок экономическую мощь и обороноспособность СССР, служат гарантией возможности развития в случае экономической блокады, ослабляют зависимость от капиталистического мира и содействуют преобразованию сельского хозяйства на базе более высокой техники и коллективизации хозяйства. Поэтому особое внимание должно быть обращено на скорейшее осуществление плана электрификации, развитие черной и цветной металлургии, дальнейшее развертывание добычи угля, нефти и торфа, общего и сельскохозяйственного машиностроения, электропромышленности и химических производств в особенности в части производства искусственных удобрений».

Так сталкиваются две основные линии в вопросе о направлении хозяйственного развития советской страны. Один путь ведет к индустриализации, другой—к сохранению аграрной отсталости. Одна линия ведет вперед, к социализму, другая—назад, к капитализму. Одна установка—пролетарская, другая—буржуазная.

4. Социалистическая или капиталистическая индустриализация?

В настоящую эпоху в Советском Союзе делается первая в истории попытка индустриализировать огромную страну на социалистических началах. Ряд стран проделал, как известно, свой путь индустриализации гораздо раньше нас. Но до сих пор историческая практика знала лишь капиталистические методы индустриализации. Надо ли удивляться, что представления и теоретические взгляды, связанные с капиталистическими способами индустриализации, оказываются весьма живучими? Между тем, наш опыт социалистической индустриализации еще довольно мал, совершенно не разработан и не систематизирован.

До сих пор мы встречались с авторами, которые, в сущности, являются противниками линии на индустриализацию; если они иной раз выступают под личиной «друзей» индустриализации, то это, право, такие «друзья», которые хуже прямых противников. Уже на этом основании мы не можем целиком согласиться с утверждением такого рода: «В современной группировке общественных сил мы, по существу, не имеем в СССР таких классов, которые были бы заинтересованы в том, чтобы поддерживать чисто аграрный строй Советского Союза» [1]). Напротив, именно в современной обстановке определенные группы—прежде всего капиталистические слои деревни—являются и не могут не являться коренными противниками индустриализации. Разумеется, не следует переоценивать удельный вес этих групп. Еще менее допустимо впадать в какой-либо степени в панику перед призраком якобы безудержного роста кулака. Но из этого вовсе не следует, будто можно успокоиться на таком идиллическом представлении, что все классы и группы заинтересованы в индустриализации и являются ее сторонниками и защитниками. Именно в современной обстановке индустриализация является для кулацкой, эксплоататорской прослойки деревни достаточно ненавистным лозунгом. Этим слоям индустриализация сулит укрепление пролетарской власти в стране, консолидацию и рост социалистического сектора народного хозяйства. С другой стороны, индустриализация является преградой на том пути смычки с иностранным капиталом, который не может не составлять предмета чаяний кулацких элементов. Нет сомнений, поэтому, что эти группы относились бы довольно враждебно к индустриализации даже в том случае, если бы она проводилась под капиталистическим знаком. Правда, значительная доля остроты в этой враждебности могла бы исчезнуть. Социальная противоположность интересов пролетариата и буржуазных прослоек сменилась бы в этом случае внутренней склокой между буржуазией сельскохозяйственной и индустриальной. Тем не менее, можно считать, что деревенская буржуазия и в этом случае была бы во всяком случае, например, против протекционистской политики, необходимой для ускоренного осуществления индустриализации в капиталистических условиях.

[1]) Профессор З. С. Каценеленбаум, цит. ст. в «Соц. Хоз.» № 2 за 1927 г., стр. 5.

Так обстоит дело в отношении капиталистических прослоек деревни. Совершенно иную картину должны представлять чаяния капиталистических элементов города и тех слоев, которые находятся под их влиянием, к ним тянутся или от них зависят. Для буржуазных слоев города рост промышленности, рост городов и городской жизни является необходимейшим условием существования. Как эти слои должны относиться к индустриализации? Все зависит от того, о *какой* индустриализации идет речь, с каким, так сказать, знаком она берется. Социалистическая индустриализация сулит этим слоям, пожалуй, столь же мало приятного, как и деревенской буржуазии. Зато в проведении капиталистической индустриализации эти слои были бы кровно заинтересованы. *Такая* индустриализация явилась бы залогом их роста и преуспеяния.

Среди этих слоев не может не зародиться мысль о том, нельзя ли индустриализацию страны «немножечко» повернуть с социалистических рельсов на капиталистические. Точно так же буржуазные прослойки деревни мечтают о том, как бы индустриализацию превратить в аграризацию страны, или, по крайней мере, как бы навязать стране индийский тип индустриализации (производство предметов потребления при помощи ввозимых из-за границы средств производства). Мы уже видели, как подобные чаяния деревенских капиталистических групп находят свое отражение в ученых произведениях экономистов. Чаяния капиталистических групп города также не остаются без влияния на литературную полемику экономистов вокруг пятилетних перспектив народнохозяйственного развития СССР.

Выше мы же отмечали, что во всем достаточно единодушном хоре экономистов, осуждающих госплановское детище за нескромное желание продвигаться вперед несбыточным и непосильным темпом, резким диссонансом звучит голос профессора З. С. Каценеленбаума. В полную противоположность *всем* без исключения своим ученым коллегам, профессор Каценеленбаум считает проектируемый Госпланом темп не только не форсированным, но, напротив, явно *недостаточным*. Профессор Каценеленбаум называет госплановскую пятилетку «пессимистическим документом». Он считает, что при проектируемом темпе мы через пять лет «будем у того же самого разбитого корыта, у которого мы стоим и сейчас» [1]). Сказано, как видите, довольно сильно. В чем же корень этой гибельной сверхосторожности? «Этот осторожный подход коренится в финансовой стороне плана» [2]). Оказывается, «пятилетка Госплана доводит до своего логического конца ту идею устранения кредитного источника из области финансирования индустриализации, которая... нашла до того свое отражение в ряде документов». Автор—решительный сторонник широчайшего использования кредитного источника,—или, как он предпочитает говорить, кредитного метода—в деле финансирования индустриализации. Именно широкое использование этого метода должно дать, по его мнению, значительное убыстрение темпа хозяйственного развития, убыстрение, которое нас, наконец, отдалит от современного «разбитого корыта».

Присмотримся несколько ближе к аргументации автора. Его основной, в сущности, тезис гласит: «Мы не должны подходить к аккумуляции нацио-

[1]) Профессор Каценеленбаум, цит. статья, стр. 24.
[2]) Там же.

нального накопления—чистого национального дохода трудового населения—такими методами, которые подрывают стимулы к труду...

Этим методам противостоит метод аккумуляции чистого национального дохода при помощи кредита»[1]).

Имеются ли у нас вообще какие-либо возможности накопления?—спрашивает автор. На этот вопрос он без колебаний дает утвердительный ответ. Такие возможности существуют: налицо имеется «чистый национальный доход», который должен служить и в действительности служит источником накопления, источником средств для индустриализации, стало быть. Но дело в том, что аккумулировать средства из этого фонда «чистого национального дохода» можно различными методами. Основными практикующимися у нас методами являются следующие три: 1) внутрипромышленное накопление, 2) бюджет и 3) кредит. Автор находит, что между двумя первыми способами в наших условиях, когда промышленность находится в руках государства, существует чрезвычайно близкое сходство. В одном случае доходы трудового населения перекачиваются в общую кассу государства и промышленности при помощи высоких цен, в другом случае —при помощи налогов. Обоим этим методам присущ колоссальный недостаток с народнохозяйственной точки зрения, именно: эти методы «подрывают стимулы к труду» среди широких слоев трудового населения. Поэтому надо «подойти к населению с правильными методами по направлению... национального дохода в сторону индустриализации»[2]). Таким правильным методом, как уже было сказано, является к р е д и т н ы й. В противоположность первым двум способам, этот метод не только не подрывает стимулов к труду, а, наоборот, развивает в населении бережливость и трудолюбие. Укрепляется стремление к сбережению, усиливается заинтересованность в труде и его результатах.

Некоторые полагают, что кредит должен явиться п о д с о б н ы м источником средств для индустриализации на ряду с использованием первых двух источников: внутрипромышленного накопления и бюджетных ресурсов. Роль кредитной аккумуляции мелких сбережений в этом смысле никто, в сущности, не отрицает Напротив, довольно общепризнанным является то положение, что при умелой постановке дела этот источник может, действительно, дать существенные д о б а в о ч н ы е суммы.

Можно, разумеется, спорить о том, достаточно ли предусмотрены эти кредитные ресурсы и источники в госплановской пятилетке. Можно считать, что пятилетка оценивает наши возможности в этом направлении чересчур пессимистически, что запроектированы чересчур низкие цифры. Э т о т л и вопрос подымает наш автор? В этом ли смысле считает он нужным внести поправку? Нетрудно убедиться, что весь вопрос о «кредитном методе» автор ставит в совершенно иную п р и н ц и п и а л ь н у ю плоскость.

Он рассматривает «бюджетный и кредитный источник, как взаимно друг друга исключающие». Оба эти рычага (к первому автором относятся, как мы помним, не только налоговые из'ятия, но и внутрипромышленное накопление) могут приводить в движение одну и ту же массу, а именно: чистый национальный доход, являющийся общим резервуаром, из которого черпаются средства для накопления. Если эти средства уже из'яты при помощи первого рычага—на долю второго метода ничего не остается. Эти оба метода не дополняют друг друга, не существуют мирно рядом друг с другом. Напротив, они друг другу в корне враждебны, друг друга исключают. И так как кредитный метод обладает таким колоссальным преимуществом, что

[1]) Профессор Каценеленбаум, цит. статья, стр. 29; у автора вся эта цитата выделена курсивом.
[2]) Там же, стр. 19; у автора подчеркнуто.

он усиливает стимулы к труду, между тем как бюджетный (вместе с внутрипромышленным накоплением) метод эти самые стимулы парализует, то можно ли сомневаться в выборе? Между двумя взаимно исключающими методами следует в ы б и р а т ь, и выбор может быть только один: в пользу «кредитного метода».

Разумеется, автор выступает в защиту п о с т е п е н н о г о перехода от одного «метода» к другому. «Это не значит, конечно, что мы уже с 1927—28 года можем сразу отказаться от внутрипромышленного и бюджетного накопления и сразу же поставить всю ставку на кредит. Предлагаемая перемена рычага аккумуляции должна произойти постепенно на протяжении предстоящих пяти лет»[1]).

Итак, речь идет о постепенной «перемене рычага аккумуляции». Не может быть сомнений в том, что принципиальная постановка проблемы у автора совершенно иная, чем у многочисленных практиков-хозяйственников и экономистов, выступающих часто в защиту более полного использования тех возможностей, которые у нас имеются в деле собирания мелких сбережений при помощи кредита. В чем заключается с в о е о б р а з и е выдвигаемой автором точки зрения?

Прежде всего, мы почти не находим здесь упоминания про такой фактор нашей экономики, каким является частный капитал. Лишь в одном месте автор как бы вскользь замечает, что, мол, «нетрудовое население играет... в настоящее время в нашем Союзе незначительную роль»[2]). Да еще в другом контексте мы встречаем следующее замечание, сделанное мимоходом: «Мы не хотим этим преуменьшать значение бюджета как аппарата п е р е р а с п р е д е л е н и я н а к о п л е н и й, образующихся внутри сектора государственного хозяйства, и как органа борьбы с социальным неравенством. Но эти роли бюджета ограничены определенными рамками»[3]). Все это до чрезвычайности характерно. Даже упоминая о роли бюджета в деле перераспределения накоплений, автор видит эту проблему лишь в отношении накоплений, «образующихся в н у т р и сектора г о с у д а р с т в е н н о г о хозяйства». Каждому понятно, что как раз эта сторона функций бюджета носит в сущности т е х н и ч е с к и й характер. Несравненно важнее, однако, с о ц и а л ь н а я задача, выполняемая бюджетом в деле п е р е р а с п р е д е л е н и я н а к о п л е н и й м е ж д у с е к т о р а м и народного хозяйства, в деле п е р е к а ч к и накоплений частнокапиталистического сектора в социалистический сектор. Обо всем этом—ни звука в статье, предлагающей з а м е н у бюджетного рычага кредитным. Остается лишь глухое, расплывчатое упоминание о «борьбе с социальным неравенством», каковая борьба, оказывается, «ограничена определенными рамками». Второе обстоятельство, не могущее не вызвать возражений, заключается в полной идентификации таких двух методов аккумуляции, как бюджет и внутрипромышленное накопление. Спору нет, в наших условиях, когда промышленность и бюджет в руках одного хозяина, между этими двумя методами существует много черт сходства. С другой стороны, нельзя, однако, забывать и про существеннейшие различия. Подробный анализ этой проблемы завел бы нас довольно далеко. В данной связи отметим лишь два коренных отличия. Во-первых, бюджетный метод аккумуляции в ряде случаев может действовать дифференцированно по отношению к разным классам и группам (прямое обложение и пр.). Во-вторых, внутрипромышленная аккумуляция при высоких ценах (как в настоящее время) лишь п о а н а л о г и и может быть рассматриваема, как из'ятие части дохода из хозяйства потребителя—покупателя promпродукции.

[1]) Там же, стр. 29.
[2]) Там же, стр. 5.
[3]) Там же, стр. 27.

При достаточном же снижении цен в соответствии со снижением себестоимости продукции отпадет, в сущности, даже повод к подобного рода аналогиям. Ибо, где это сказано, чтобы промышленность вообще ничего не реализовала из производимого в ней прибавочного продукта, если мелкое хозяйство свой прибавочный продукт в процессе обмена с промышленностью вовсе не отдает ей безвозмездно, а реализует за определенный эквивалент? Если автор считает естественным, что мелкое трудовое хозяйство имеет «чистый доход», могущий быть аккумулированным, то почему, в сущности, запрещается иметь подобный же «чистый доход» крупной обобществленной промышленности, где производительность труда несравненно выше? Почему, собственно, промышленность должна свой «чистый доход» безвозмездно отчуждать в пользу хозяйств, приобретающих промышленную продукцию? А ведь именно это означает отказ от внутрипромышленного накопления и реализация товаров по ценам, равным себестоимости.

Наконец, последнее обстоятельство, которое не может не броситься в глаза при внимательном чтении статьи профессора Каценеленбаума, заключается в следующем: бюджетный и кредитный методы накопления рассматриваются как взаимно исключающие. Анализируется различие между действием того и другого. На этом основании делается выбор в пользу кредитного «рычага». Формируется предложение насчет «перемены рычага аккумуляции». И при всем этом забывается одна мелочь, одно «небольшое» различие между бюджетным и кредитным «методами», а именно: проблема собственности. Ведь всякому совершенно ясно, что эта проблема у нас еще далеко не ликвидирована. Разбираемое нами предложение является достаточно ярким подтверждением этого обстоятельства. А собственность есть титул на доход.

Оба метода—бюджетный и кредитный—по-разному решают проблему собственности, проблему титула на доход. И об этом «забывает» наш автор.

Мы имеем, таким образом, довольно странную забывчивость насчет частного капитала и насчет отношений собственности. Мы имеем не менее странную идентификацию бюджетного из'ятия и внутрипромышленного накопления. Причина всех этих «странностей» перестает быть секретом, когда мы приглядываемся к классовому содержанию предложения профессора Каценеленбаума.

Предлагается «перемена рычага аккумуляции» на протяжении ближайшего пятилетия. Постепенно следует бюджетный рычаг заменить кредитным. К чему это должно привести? «Если исходить из того расчета, что за пять лет всего надо будет аккумулировать через государственный сектор хозяйства накоплений на 18 миллиардов рублей, то из них не два миллиарда, а, по крайней мере, 9 миллиардов надо стараться получить при помощи кредита, оставляя остальные 9 миллиардов на внутрипромышленное накопление и бюджет» [1]). Предвидя некоторые возражения, профессор Каценеленбаум считает необходимым «подчеркнуть, что эта проблема при правильной ее постановке не стоит ни в какой связи ни с проблемой частного капитала, ни с проблемой дифференциации деревни» [2]).

По мнению автора, дифференциация деревни может послужить даже препятствием для выполнения предлагаемого им плана: растущий кулак стал бы вкладывать свои накопления в свое собственное мелкокапиталистическое хозяйство, не прельщаясь теми выгодами, которые ему сулит городская индустриализация. «Совершенно в другом положении находится «середняцкое» хозяйство. Середняцкое хозяйство и в деревне и в городе, сбережения этого хозяйства,—это и есть как раз основа индустриализации, та база, на которой развилась промышленность и за границей и у нас, в дореволюционной России, и на которую нам нужно поставить ставку и сейчас» [1]).

Какие же меры необходимы для осуществления этого плана? Автор указывает три меры, из них одна носит, так сказать, моральный характер, другая—отрицательный и третья—положительный. Мероприятие в моральной области: перестать относиться с осуждением к сбережениям. Отрицательная мера: не изымать при помощи бюджета и цен то, что должно остаться в качестве источника кредитного накопления. Положительное требование: «иной подход к процентной проблеме» [2]).

Такова программа. Надо признаться, она носит довольно продуманный характер. И, несмотря на это, в ней сочетаются элементы мелкобуржуазной утопистики в области теоретических положений с буржуазно-капиталистическим содержанием практических требований. Образцом типичного мелкобуржуазного построения являются подчеркнутые нами рассуждения насчет того, как «середняцкое хозяйство в городе и в деревне» явилось «базой» и «основой» индустриализации во всем мире. В этой одной фразе содержатся, по меньшей мере, два открытия, вносящие полный переворот в экономическую науку. Прежде всего, середняк в городе,—что может быть удачнее этого термина! Поистине «trouvé le mot»! Выше мы уже видели, какие колоссальные неудобства испытывают некоторые экономисты из-за невозможности называть городскую буржуазию крестьянством. Наш автор нашел счастливый выход из затруднения. Даже не крестьянство, а прямо середняк! Разумеется, несмотря на наличие весьма солидных «социальных заказов» на термин подобного рода, отнюдь нельзя его признать сколько-нибудь приемлемым.

Второе открытие относится к «базе» и «основе» индустриализации «и за границей и у нас, в дореволюционной России». Оказывается, этой «основой» были «середняки города и деревни». Нет сомнений, что подобное открытие существенно изменяет ту картину истории капитализма, которая была нам до сих пор известна. В этой действительной панораме капиталистической истории «середняк города и деревни» играл роль такой «базы» и «основы», ценой гибели, разорения и уничтожения которой покупалась и осуществлялась капиталистическая индустриализация. Этот процесс в действительности весьма далек от мелкобуржуазной его идеализации.

Реальная программа, развернутая нашим автором, ничего общего не имеет с этими мелкобуржуазными послеобеденными теориями. Несмотря на прекрасные, повидимому, суб'ективные желания автора, его программа в своем об'ективном значении является программой буржуазных слоев городского населения, которые желали бы осуществлять индустриализацию по-своему. Недаром автор оговаривается насчет безнадежности деревенского кулака в отношении индустриализации. В этом отношении он прав целиком. Действительно, капиталистические прослойки деревни не пойдут на индустриализацию. Они мечтают лишь о том, как бы закончить с этой, ненавистной им, программой хозяйственного строительства и получить развязанные руки для необозримых подвигов на лоне эксплоатации деревни. Иное положение, понятно, у городской буржуазии. Она не против, пожалуй, помечтать о том, чтобы «перевести» индустриализацию, хотя бы «постепенно», с одного «рычага» на другой: с социалистического на капиталистический. И об'ективное значение программы профессора Каценеленбаума

[1]) Там же, стр. 29.
[2]) Там же, стр. 30.

[1]) Там же, стр. 30; курсив наш.
[2]) Там же, стр. 32; курсив автора.

в том, что она в ряде существенных пунктов идет навстречу этим чаяниям: снять налоги; снизить цены вплоть до уничтожения внутрипромышленного накопления; усвоить «иной подход к процентной проблеме», т.-е., попросту говоря, значительно повысить ставки,—на фоне всех этих мероприятий взять для вложения в социалистический сектор народного хозяйства 9 миллиардов рублей у «середняка города и деревни». Девять миллиардов,—это половина всей суммы капитальных вложений. Если из этой суммы исключить строительство, соответствующее износу основных фондов и осуществляемое при помощи амортизации, то девять миллиардов составят гораздо больше половины действительно новых вложений. *Какие* именно слои «середняков города и деревни» смогут дать за пять лет девятимиллиардную сумму, вряд ли вызовет у кого-либо малейшие сомнения. Независимо от желания автора подобное предложение может означать лишь программу «постепенной» *передачи права собственности на основные фонды обобществленного хозяйства в руки новой буржуазии*. «Иной подход к процентной проблеме», означающий высокую доходность этого титула собственности, должен еще более форсировать этот процесс денационализации в рассрочку, должен скорее привести к его полному завершению.

5. Заключение.

Мы рассмотрели ряд выступлений видных экономистов по основным проблемам, связанным с хозяйственными перспективами Советского Союза. Работая и выступая в специфических условиях пролетарской диктатуры, эти экономисты облекают свои выступления в соответствующую форму. *По форме* мы имеем работы высококвалифицированных специалистов, посвященные «деловой критике» опубликованных наметок перспективных планов. *По форме* речь идет даже не о критике прошлого или настоящего, а всего лишь неутвержденных пока проектов на будущее. *По форме* высококвалифицированные экономисты лишь выполняют свою задачу... Чрезвычайным дураком, однако, оказался бы тот, кто не смог бы за этой внешне-лойяльной и доброжелательной *формой* вскрыть истинное *классовое содержание* разобранной нами серии выступлений.

В своей речи на последней московской губпартконференции тов. Бухарин совершенно правильно отметил, что «есть в среде квалифицированной интеллигенции сменовеховская прослойка. Своими прогнозами и анализом, анализом того, что есть, и того, что должно быть, по их мнению, она, примерно, сходится с нашей оппозицией, потому что тоже думает, что мы перерождаемся и будем перерождаться, расценивая это с положительным знаком Они в общем и целом работают, иногда хорошо работают, но их политическая установка есть борьба за лучшие кадры интеллигенции, чтобы отвести их с настоящего, советского пути. Делают они это очень осторожно, очень умно по внешности, они очень лойяльны по отношению к советской власти, а иногда делают вид, что даже больше чем лойяльны. Но есть у них определенная линия, линия на сознательное сворачивание с нашего классового пути, линия действительного перерождения» [1]).

Эта характеристика определенного слоя квалифицированных специалистов и его нынешней политической тактики до чрезвычайности подходит к тем выступлениям, которые разобраны в настоящей статье [2]). «Есть у них определенная линия, линия на *сознательное сворачивание* с нашего *классового пути*, линия *действительного перерождения*». В области экономических дискуссий эта линия, действительно,

[1]) См. «Правда» № 269 от 24 ноября 1927 года.

[2]) Статья написана в конце ноября 1927 г., поэтому ряд *новейших* критических выступлений в ней не мог быть освещен.

проводится чаще всего «очень осторожно», «очень умно по внешности». Как это делается?

Прежде всего, берется спекуляция на наши *действительные* трудности в хозяйственной области. Надо отдать справедливость нашим противникам. В большинстве случаев они вскрывают достаточно глубоко действительные затруднения, встающие на пути социалистического хозяйственного строительства. Можно даже утверждать больше. Можно сказать, что эта часть их работы приносит известную пользу. Они фиксируют наше внимание на реальных трудностях; такого рода указания могут быть полезны, независимо от того, с какой целью они делаются. Многое из того, что подчеркивается нашими противниками, это—действительные трудности, действительные противоречия нашего хозяйственного роста. Известная коллизия между интересами потребления и накопления, трудности, связанные с форсированием тяжелой индустрии в обстановке неполного удовлетворения спроса на предметы широкого потребления, необходимость понижения цен и повышения зарплаты, усиления независимости СССР и расширения внешнеторговых сношений, коллективизации деревни и известного развязывания капиталистических отношений,—все эти и многие другие противоречия реально существуют в нашей действительности. Чтобы изживать эти трудности, чтобы преодолевать эти противоречия в процессе хозяйственного роста, чтобы уничтожать эти преграды,—надо, прежде всего, их *знать*, притом знать не только в самом общем виде, но и в совершенно конкретной их числовой характеристике. Повторяем, поскольку работы буржуазных экономистов могут способствовать более детальному выяснению этой стороны дела—они, до известной степени, могут оказаться небесполезными. Именно этими соображениями об'ясняется их печатание на страницах советской экономической прессы.

Но в этих выступлениях заключается еще другая сторона, и надо признаться, этой другой стороне уделяется зачастую недостаточно внимания. Мы в настоящей статье показали, как из отдельных «кусочков», рассыпанных по произведениям разных авторов, составляется довольно цельная «стопроцентная буржуазная» программа экономической политики. Все авторы исходят из анализа наших хозяйственных затруднений. Для устранения последних один автор предлагает одни меры, другой—еще несколько мероприятий, третий—еще что-либо. Из этих отдельных мероприятий составляется, однако, целая система, *целая программа*. И это есть *программа*, употребляя выражение тов. Бухарина, «*действительного перерождения*». Основные пункты этой программы мы уже характеризовали выше. Это, прежде всего, изменение распределения народного дохода в пользу «крепких» слоев города и деревни; сокращение заработной платы; свобода капиталистической эксплоатации, прежде всего, в деревне; отказ от принятого темпа развития народного хозяйства и, прежде всего, социалистической промышленности; иное распределение капитальных вложений, означающее фактический отказ от осуществления индустриализации. В качестве программы мер *первого порядка* этот ряд достаточно красноречив. А на втором плане стоят уже меры более кардинального значения: отмена национализации земли, отмена монополии внешней торговли, отказ от индустриализации или осуществление индустриализации на капиталистических началах. Надо ли добавлять, что эта, развернутая буржуазными экономистами, программа построена, действительно, в расчете на «сознательное сворачивание с нашего классового пути»? Надо ли добавлять, что это есть программа перевода нашего хозяйственного строительства на *другой* классовый путь, на путь буржуазных слоев и групп города и деревни?

Столь богатая серия программно-теоретических выступлений буржуазных экономистов в течение последних нескольких месяцев отнюдь не является

полнейшей случайностью. Это оживление—пока-что в идеологической форме — активности глашатаев экономических вожделений буржуазных слоев в нашей стране следует поставить в связь с общим оживлением активности тех групп, интересы которых наши экономисты—сознательно или бессознательно—представляют. Социализм есть уничтожение классов. Переходный период—период этого уничтожения. Но это отнюдь не исключает, что на определенных исторических участках этого переходного периода мы имеем моменты обострения классовой борьбы, моменты оживления враждебных нам классовых группировок. Один из таких исторических зигзагов [1]) мы переживаем в настоящее время. Возросшая активность в области идеологической—программного творчества буржуазных экономистов не должна рассматриваться изолированно. Напротив, ее необходимо поставить в связь с указанными особенностями настоящего периода. И эти особенности настоятельно требуют от нас удвоенного и удесятеренного внимания ко всем подобного рода выступлениям. К сожалению, далеко не всегда проявляется эта необходимая степень внимания. Далеко не всегда выступления наших противников на теоретически-программном поприще встречают должный отпор. Далеко не всегда отдельные элементы формирующейся буржуазной идеологии своевременно улавливаются «чутким партийным ухом». Опасность, возникающая отсюда, заключается в том, что наиболее успешно замаскированные элементы буржуазной идеологии могут быть некритически восприняты теми практиками-хозяйственниками, уловление которых составляет, в сущности, одну из важнейших задач, которые ставят перед собою буржуазные экономисты в своих выступлениях [2]). Внимательно следить за подобными выступлениями, давать им должный отпор на научной почве, брать их в штыки самым беспощадным образом—эта задача сейчас важнее, чем когда-либо.

---

[1]) Выражение тов. Бухарина; см. его цитир. речь «Правда» № 269.

[2]) В этом отношении чрезвычайно любопытна история предложения НКФ СССР насчет обложения буржуазии, рассказанная тов. Ю. Лариным в «Правде» от 11 янв. 1928 г., № 9 (3841). Как известно, это предложение встретило своевременный суровый отпор со стороны бюджетной комиссии ВЦИК.

Дм. Илимский.

Пути советского накопления.

Повидимому, главными причинами, тормозящими у нас развитие народного хозяйства до размеров полного раскрытия всех производительных способностей страны, являются, во-первых, недостаточное вложение капиталов в промышленность, во-вторых, затяжной недостаток сельскохозяйственного сырья внутреннего производства. Если же иметь в виду, что при обильном предложении товаров деревне последняя ответила бы увеличением производства сырья для промышленности и для экспорта, то придется говорить о проблеме вложения капиталов в промышленность, как об основной и центральной. А так как в то же время мы участвуем достаточно широко в международном товарообмене и весь промышленный мир сейчас переживает горячку больших технических и организационных нововведений, удешевляющих товар и усиливающих значение массового производства, то оказывается, что мы должны не только расширять промышленность, но и переоборудовать значительную часть существующих фабрик и заводов на новой технической основе. В противном случае разрыв между нами и внешним миром будет возрастать к явной политической невыгоде для нас.

Не останавливаясь здесь на обширном круге вопросов, касающихся программы расширения промышленности и связанных с этим организационных и экономических задач, я остановлюсь в этой статье на материальной предпосылке этого расширения, т.-е. на изучении источников вложения капиталов и особенностей той обстановки, в какой находится в этом вопросе социалистическое государство.

Потребность в обновлении и расширении промышленности остро ощущается после войны во всем капиталистическом мире. Но следует сказать, что не только основные промышленные страны, но и многие страны, переживающие переход от аграрного типа к смешанному аграрно-индустриальному, не испытывают сейчас недостатка в потребных для этого деньгах. Если исключить отдельные местные и кон'юнктурные заминки, то в общем деньги предлагаются, если не в изобилии, то во всяком случае в достаточном количестве. Страны, одержавшие экономическую победу в войне (это далеко не совпадает со списком стран, одержавших военную победу), а также страны, с выгодой для себя использовавшие нейтралитет во время войны, покрывают потребность своей промышленности в капиталовложении целиком или в большей части за счет внутреннего полнокровного денежного рынка. Таковы С.-А. С. Ш., Голландия, Швейцария, Швеция и Япония (последняя—до кредитного кризиса 1927 года). Остальные ввозят недостающие им сверх ресурсов внутреннего рынка капиталы от более богатых соседей, главным образом, конечно, от С.-А. С. Ш. Хотя Англия все еще продолжает экспорт капитала в колонии и за границу, но в последние годы ей удается делать это только за счет вкладов в ее банки из других стран, так что ее приходится отнести также к разряду стран, фактически ввозящих

капитал. Возможно, однако, считать, что потребности в новых капиталах для внутренней промышленности Англии покрываются внутренним же денежным рынком, и, таким образом, ввозимый капитал идет на усиление экспансии английского империализма.

Насколько велико значение этого ввоза капиталов, видно из следующей справки о чистом импорте капиталов некоторых крупнейших стран за время, истекшее после версальского мира:

Англия	140 млн. фунтов.
Германия . . .	4.580 млн. марок.
Франция . . .	7.200 млн. франков.
Италия	190 млн. долларов.

Лишь, примерно, пятая часть ввезенных капиталов (да и то, главным образом, в малых странах, как Польша, Румыния, Венгрия, Прибалтика) пошла на правительственные и военные нужды или в торговлю. Основная же масса влилась в промышленность, давая (вместе с внутренней эмиссией промышленных акций) возможность не только залечить раны, нанесенные войной, но и расширить производственную базу, одновременно обновив почти полностью оборудование старых предприятий.

Рядом с этими грандиозными цифрами весьма слабое впечатление производят 59 миллионов рублей концессионного капитала, ввезенного в СССР. Он занимает лишь 0,91% капитальной стоимости нашей промышленности. Если даже прибавить сюда нашу задолженность загранице, по долгосрочным кредитам на оборудование, превышающую сейчас 200 миллионов рублей, то все же получится ничтожная цифра по сравнению с другими крупными странами. Да и к тому же так называемая «долгосрочность» кредита равняется в среднем двум годам, т.-е. не может итти в сравнении с действительно долгосрочными займами капиталистических стран. Благодаря всему этому мы за восемь лет революционной внешней торговли могли ввезти к себе промышленного оборудования всего лишь на 320 миллионов рублей, что составляет 4% к стоимости основного фонда нашей промышленности и 33% ко всем нашим капитальным вложениям в оборудование промышленности за последние три года. Переоборудование сельского хозяйства почти целиком производилось за счет внутренних ресурсов.

В этой диспропорции между нами и европейскими странами по части использования иностранного капитала нет, однако, ничего удивительного. Борьба между СССР и капиталистическим миром должна была задержать приток капиталов к нам извне. Это—логическое последствие революции, и мы предвидели его еще в самом начале нашей концессионной политики.

Мы знаем, что все ценности создаются трудом рабочего и крестьянина и что в конечном счете всякое накопление происходит за их счет. В капиталистическом обществе лишь ничтожная часть капиталонакоплений складывается из сбережений трудящихся и из небольших прямых налогов, взимаемых с буржуазии. Для основной же массы накоплений действует закон экспроприации прибавочной стоимости владельческими классами, которые затем отлагают в виде накоплений непрожитую часть того, что они экспроприировали, а финансовый механизм капиталистического общества находит затем пути для вложения этих накоплений в новые предприятия, при чем попутно он захватывает в сферу своего влияния и прямые сбережения трудящихся, заставляя их служить, в конце-концов, интересам расширения производственной базы буржуазии.

В советских условиях вся эта пирамида переворачивается вверх ногами. Рабочее государство экспроприирует различными путями значительную часть прибыли буржуазных классов, обращая ее на нужды трудящихся. Сверх того сами трудящиеся своими сбережениями усиливают финансовые резервы государства и кооперации. Наконец, рабочий класс и крестьянство через посредство своего государства извлекают основную массу средств из своей же среды как путем налогов, так и при помощи системы займов.

Для более подробной характеристики нашего положения я сравню здесь процесс накопления в СССР с тем же процессом в дореволюционной России. Тогда, кстати, станет ясно, почему мы должны игнорировать жалобы тех мещан, которые пытаются некритически сравнивать Советский Союз с довоенной Россией.

Рассматривая данные по довоенной России за годы расцвета ее капитализма, т.-е. в промежуток между 1905 и 1914 годами, мы видим, что *главной составной частью накоплений* (а следовательно, и вложения капиталов в новые предприятия), *была экспроприация значительной части народного дохода владельческими классами.*

Если взять последние четыре года перед войной, то окажется, что средний ежегодный прирост денежных накоплений составлял 1290 миллионов рублей, при чем на самом деле, каждый год давал более высокую цифру, чем предыдущий. В этом подсчете накоплений я исключаю тезаврирование (накопление золота и драгоценностей в домах), как в силу того, что оно трудно поддается учету, так и потому, что в периоды политической и социальной стабильности и насыщенности рынка товарами тезаврирование играет в жизни страны небольшую роль. Кроме того, золото и драгоценности в домашнем обиходе и в сундуках являются мертвой величиной для производительной жизни страны.

Выявленные денежные накопления складывались из среднего годового прироста: по кредитным товариществам—80 м. р. в год, по сберегательным кассам—100 м. р., по банкам—258 м. р. и по эмиссии ценных бумаг — 852 млн. руб.

Если (условно) отнести все сбережения до 500 р. на вкладчика к разряду трудовых сбережений, то окажется, что прирост последних составляет в названном выше итоге лишь около 80 м. р. в год (40% по кредитным товариществам и 45% по сберегательным кассам). Можно вполне уверенно считать, что ни в пассивах акционерных банков, ни в эмиссии ценных бумаг трудовые классы непосредственно не участвовали (система мелких шер, ценою в полтинник и в десять рублей, широко применяемая в Англии и Америке, была совершенно неизвестна в России).

Надо, однако, иметь в виду, что в указанном выше подсчете скрываются двойные цифры. Так, сберегательные кассы вкладывали в среднем около 80 м. р. в год в ценные бумаги на основании закона о хранении свободной наличности. В меньших размерах то же делали кредитные товарищества, хранившие в процентных бумагах свои запасные капиталы. Наконец, акционерные банки, широко играя на бирже, также употребляли часть прироста вкладов на покупку промышленных и железнодорожных бумаг. Со всеми этими поправками можно с достаточной верностью сказать, что *накануне войны в России ежегодно откладывалось в среднем около миллиарда рублей*, представлявших собою базу как для правительственных внутренних займов, так и для эмиссии ценных бумаг, т.-е. для развития промышленности, торговли и транспорта. *В этом миллиарде трудовые сбережения составляли меньше одной десятой части*, вся же основная масса возникала из экспроприированного владельческими классами народного дохода.

Лишь ничтожная часть денежных накоплений оставалась неиспользованной, представляя собой кассовый резерв кредитных учреждений, или сбережения мелких держателей, не решавшихся пускать их на биржу ценностей. Свыше же четырех пятых уходило в эмиссию ценных бумаг, которых было выпущено на внутреннем рынке на 713 млн. р. в 1910 году, на 980 м. р.

в 1911 году и на 868 м. р. в 1912 году. Сверх этого в те же годы было привлечено на русский фондовый рынок 205, 256 и 448 м. р. из-за границы, так что общий размер вложений в ценные бумаги достиг 1316 м. р. в 1912 году против 899 м. р. в 1908 году.

Однако, далеко не все эти средства оплодотворяли народное хозяйство. Часть поглощалась государственными займами, которые хотя и падали в своем относительном значении (с 272 м. р. в 1908 году до 40 м. р. в 1912 году), но все же играли заметную роль на рынке. Огромная часть снималась ипотечными ценностями (в среднем за 5 лет по 466 м. р. в год), что в основном представляло собой скрытый процесс перехода земель из рук дворянства в руки новой буржуазии. И лишь примерно половина представляла собой то, что мы называем производительным вложением капиталов в народное хозяйство. Однако, доля и размеры этих вложений возрастали с каждым годом. Они составляли 349 м. р. (38% всех инвестиций) в 1908 году, 382 м. р. (41%) в 1910 году и 620 м. р. (47%) в 1912 году.

Для сравнения этих цифр с теперешними следует иметь в виду, что они не показывают всего размера вложений. Так, сюда не входят ассигнования правительства на переселенческое дело и мелиорацию, вводившие в хозяйственный оборот большое количество новых земель. Здесь нет организованных вложений сибирского и вологодского крестьянства через свои кооперативы в оборудование новых маслодельных заводов. Нет также вложений кредитной кооперации (самостоятельных и через сельскохозяйственную кооперацию) в прокатные пункты, ссыпные амбары, зерноочистительные пункты и т. д. Сюда не входит сооружение элеваторов Государственного банка и постройка казенных железных дорог, расширение их паровозного и вагонного парка. Наконец (что особенно важно), здесь не отражаются те новые промышленные предприятия и домостроительство, которые производились не в акционерной форме (прибегающей к услугам фондового рынка и потому поддающихся учету), а в порядке единоличного предпринимательства. Подсчет и анализ всех этих вложений недоступен отдельному исследователю, и было бы очень полезно, если бы им занялась какая-нибудь авторитетная организация, в роде Комакадемии, или научно-исследовательского института при Наркомфине. Пора уже нам иметь ясное и исчерпывающее представление об этой важной стороне жизни нашей страны до революции.

Откуда брались деньги, необходимые для этого накопления и для этих вложений?

Мы уже видели, что трудовые сбережения играли во всем этом незначительную роль, хотя их ежегодный прирост и кажется нам большим по сравнению с нашими нынешними масштабами. Для характеристики всех вообще мелких сбережений любопытны сведения о составе вкладчиков сберегательных касс и кредитных товариществ на 1-е января 1914 года. Он был таков:

Крестьяне	843	млн. руб.
Служащие	342	» »
Помещики, торговцы и духовенство	217	» »
Рабочие и прислуга	185	» »
Лица, занятые городскими промыслами	179	» »

Если принять во внимание, что в кредитной кооперации вклады выше 500 р. сотавляли 60% (что, кстати, подтверждает кулацкий характер довоенной крестьянской кооперации), что среди крестьянских вкладов в сберегательных кассах крупные (кулацкие) вклады составляли 50% и что из вкладов лиц, занятых городскими промыслами, надо, по крайней мере, половину отнести за счет содержателей обозов и трактиров, то окажется, что данная мною выше оценка соотношения трудовых и нетрудовых сбережений в приросте средств сберегательных касс и кредитных товариществ очень близка к действительности.

Прокопович в своем исчислении народного дохода Европейской России в 1913 году считает, что владельческие классы (землевладельцы, промышленники, торговцы и домовладельцы) экспроприировали в свою пользу 22,4% народного дохода, т.-е. 2646 миллионов рублей. Если ввести сюда поправку на эксплоататорский доход части лиц, занятых промыслами, а также на верхнюю группу служащих частных предприятий (принадлежавших по существу к буржуазии), то эту сумму можно будет округлить до 2800 миллионов. Как мы видим, она выше того, что, видимо, накоплялось владельческими классами. Разница должна быть отнесена на личное потребление буржуазии, на экспорт доходов за границу (вспомним, что значительная часть нашей промышленности принадлежала иностранцам), на отмеченные выше индивидуальные вложения в домостроительство, промышленность и торговлю, не проходящие через учет фондового рынка. В общем, однако, надо признать, что из экспроприируемой владельческими классами части народного дохода большая половина (если иметь в виду также и индивидуальные вложения) возвращалась в народное хозяйство в виде производительных капиталовложений.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что в довоенной России денежно-накопительная способность была сравнительно высока, что потребности хозяйства поглощали всю мобильную часть ежегодного прироста накопления, а недостаток покрывался ввозом иностранного капитала, что с каждым годом усиливалось значение фондовой биржи в размещении накоплений, что государство и дворянское землевладение оттягивало в свои руки заметную часть накоплений. Наконец (что для нас особенно важно), основным источником накопления (а следовательно, и вытекающих отсюда капитальных вложений) являлась экспроприация части народного дохода владельческими классами, т.-е. тот процесс, который в условиях капиталистического хозяйства является автоматическим и действующим как на всех стадиях товарных и производственных отношений, так и во всех хозяйствах, вовлеченных в рыночные отношения.

В каких же размерах определяется наше денежное накопление при советском строе?

Прежде всего остановимся на выявленных накоплениях частных лиц, т.-е. на том участке вопроса, с которым у нас обстоит хуже всего.

Если отбросить подписанную, но непокрытую часть государственных займов, а также вычесть ссуды под облигации займов, то видимое накопление частных лиц представится в следующем виде:

	1/X—25 г.	1/X—26 г.	1/IX—27 г.
По госуд. займам	85 м. р.	58 м. р.	144 м. р.
По сберегат. кассам	24 м. р.	66 м. р.	120 м. р.
По советским банкам и банкам взаимн. кредита	51 м. р.	61 м. р.	60 м. р.
По кредит. кооперации	2 м. р.	7 м. р.	10 м. р.
Всего	162 м. р.	192 м. р.	334 м. р.

что дает скачок прироста от 30 до 142 м. р. за год.

Делая поправку на обесценение рубля (принимая последний за 60% его довоенной стоимости) и отбрасывая от довоенной суммы 30% на отошедшие области бывшей Российской Империи, мы видим, что современный видимый годичный прирост денежного накопления физических лиц составляет всего 12% довоенного (беру темп 1926—27 г.). Между тем, темп расширения продуктивности народного хозяйства (рост валовой продукции в неизменных ценах) составляет у нас 25,7% в 1925—26 г., 7,6%—в 1926—27 г. и наме-

чен в 7,1% на 1927—28 г., тогда как до войны (1900—1913 г.г.) он составлял 2,9% в неизменных ценах и 5,7% в ежегодных ценах, т.-е. был значительно медленнее. Таким образом, очевидно, что потребности народного хозяйства в капитальных вложениях удовлетворяются не за счет видимых денежных накоплений населения, а за счет каких-то других источников накопления, заменяющих прежнюю автоматическую экспроприацию прибавочной стоимости владельческими классами. Мы находим эти источники, во-первых, в накоплении обобществленного сектора народного хозяйства, во-вторых, в доходах буржуазии, в-третьих, в бюджете.

По данным Госплана, чистый доход обобществленного сектора народного хозяйства составлял 1.213 миллионов рублей в 1924—25 году, 1.777 миллионов рублей—в 1925—26 году и 2.171 миллион рублей—в 1926—27 году. На текущий год спроектировано 2.499 миллионов рублей. В этом доходе (беру данные за 1926—27 год) промышленность составляет 38%, торговля (государственная и кооперативная)—18%, кредитные и страховые операции—12%, коммунальное дело—10%, эксплоатация недр, лесов и земель—13%, транспорт и связь—9%.

Конечно, далеко не весь этот чистый доход, выводимый бухгалтерским путем, представляет собою денежное накопление. Бесспорную денежность можно установить лишь по отношению к банкам, страховому делу, коммунальным предприятиям, транспорту и связи, что составляет 31%, или 673 миллиона рублей в истекшем году. Из чистого же дохода промышленности, торговли, лесов и совхозов надо еще вычислять долю денежного накопления, внимательно исследовав движение текущих счетов в банках (без вкладов НКФ) и касс в предприятиях и учреждениях. Однако, если даже принять денежное накопление в 60% чистого дохода названных четырех отраслей обобществленного сектора, то и в этом случае окажется, что в лице государственных предприятий и кооперации мы имеем мощный насос для концентрации денежного накопления в руках планового хозяйства, при чем именно нахождение этого насоса в обобществленном секторе народного хозяйства позволяет нам быть спокойными за судьбу планового хозяйства.

Госплан определяет доходы советской буржуазии в 861 миллион рублей для 1924—25 года, 1.091 миллион рублей—для 1925—26 года и 1.090 миллионов рублей—для 1926—27 года, что сотавляет 3,6%, 3,5% и 3,4% к валовой продукции народного хозяйства, т.-е. в относительном значении в 7 раз меньше, чем экспроприация народного дохода довоенной буржуазией. Исчисление это неполно, так как в него не входят несомненные цифры экспроприации прибавочной стоимости в деревне в отношениях между кулаком и остальными слоями крестьянства. Некоторым показателем этой экспроприации может служить тот факт, что расход деревни на наем рабочей силы, инвентаря и скота (могущий быть базой для экспроприации прибавочной стоимости) составляет от 503 миллионов рублей в 1924—25 году до 671 миллиона рублей в 1926—27 году.

Для определения размеров денежного накопления буржуазных классов мы имеем расчеты Наркомторга и расчеты тов. Ларина. Беря среднее между ними, можно определить накопление в частном торговом и промышленном секторе в 200 млн. руб. в 1924—25 году, 250 млн. руб.—в 1925—26 году и 250 млн. руб.—в 1926—27 году. Принимая во внимание, что основной точкой приложения сил советской буржуазии является торговля, мы можем признать эти цифры определяющими, быть-может, лишь с некоторым округлением.

Наконец, государство (по общему и местным бюджетам) накапливало в своих руках 1.565 млн. руб. в 1924—25 году, 2.112 млн. руб.—в 1925—26 году и 2.833 млн. руб.—в 1926—27 году. Здесь я беру только налоговые

доходы, так как все остальные источники бюджета уже фигурировали раньше в исчислениях чистого дохода обобществленного сектора и в займах.

Таким образом, все видимое денежное накопление в Советском Союзе, могущее служить источником как покрытия чисто государственных нужд, так и вложения капиталов в обобществленный и частный сектор народного хозяйства, представляется (со всеми, конечно, оговорками и приблизительно) в следующем виде:

	24—25 г.	25—26 г.	26—27 г.
Выявленное накопление отдельн. лиц .	.60 м. р.	30 м. р.	142 м. р.
Банки, страховое дело, коммунхоз, транспорт, связь	400 м. р.	535 м. р.	673 м. р.
Промышленность, госторговля, кооперация, леса, совхозы, недра (ориентировочно)	487 м. р.	745 м. р.	900 м. р.
Накопление буржуазии (ориентировочно, включая кулака)	250 м. р.	300 м. р.	300 м. р.
Прямые и косвенные налоги и сборы .	1.565 м. р.	2.112 м. р.	2.833 м. р.
Итого	2.762 м. р.	3.722 м. р.	4.848 м. р.

Если для 1926—27 года исключить 2.471 млн. руб. на чисто-государственные расходы (армия, просвещение, медицина, аппарат управления), то чистый остаток для капиталовложения в народное хозяйство определяется в 2.377 млн. руб.

По Госплану общий размер капитальных вложений за тот же год определяется (за вычетом предполагаемых крестьянских вложений в свое хозяйство и социально-культурных расходов, уже учтенных мною в бюджете) в сумме 2.936 млн. руб. Разница в 559 млн. руб. отчасти покрывается возрастанием нашей задолженности загранице по закупкам оборудования, отчасти—ввозом концессионного капитала, отчасти же—изменением баланса капитальной стоимости оборудования не за счет вложений, а за счет более точного учета, и, наконец, тут возможна слишком низкая оценка мною доли накопления промышленности и торговли. Кроме того, несомненно, некоторые суммы вложений (по промышленности и постройке домов в городах) оценены Госпланом слишком высоко. Наконец, в истекшем году были и вложения за счет накопления предыдущих лет и за счет эмиссии, что отразилось на росте денежной массы при одновременном упадке текущих счетов.

Прежде, чем приступить к политико-экономической характеристике всех этих цифр и к выводам, я считаю нужным оттенить одно весьма важное обстоятельство.

В то время как до войны во вкладах сберегательных касс и кредитной кооперации доля нетрудовых классов составляла 11%, а доля крестьянства (включая и кулаков)—44%, сейчас первая группа занимает 3,6% и вторая—около 10%. Главным современным держателем мелких сбережений является служащий (45%) и затем рабочий (15%). Факт этот требует изучения, и нельзя его об'яснить только недостатком агитационной работы по привлечению мелких сбережений.

Абсолютное и относительное понижение доли нетрудовых классов в мелких сбережениях (а также и в госзаймах, где на их долю приходится, по мнению НКФ, всего лишь 6%) в основном об'ясняется революцией, понизившей их участие в народном доходе с 22,4% до 5,3%. Кроме того, рентабельность современной частной торговли настолько велика, что почти все денежное накопление буржуазии уходит в торговлю. Для отвлечения этих средств в кредитный сектор государственного хозяйства нужны особые условия, о которых я буду говорить в выводах.

Что касается крестьянских сбережений, то здесь дело гораздо сложнее. Во-первых, следует иметь в виду, что в общей массе производимых в стране продуктов доля сельского хозяйства упала по сравнению с довоенным временем с 70 до 59%. Во-вторых, по исчислениям Наркомторга, переплаты деревни на высоких ценах промышленных изделий составляют около 1 миллиарда рублей, что вполне компенсирует тот факт, что доля денежной выручки крестьянства по сравнению с довоенным временем поднялась с 20 до 35%. В-третьих, именно в ближайшие к нам годы крестьянство приводило в порядок все положительные и отрицательные элементы, доставшиеся ему от революции, что вызвало у него огромные расходы на землеустройство, восстановление и постройку новых жилищ, оборудование выделившихся дворов, постройку мостов и дорог и т. д. Одни только ежегодные вложения крестьянства в строения, сооружения и оборудование хозяйства Госплан исчисляет в сумме около полутора миллиарда рублей. Здесь не учтено землеустройство и ряд других расходов. Наконец, деревня, наученная горьким опытом затяжного товарного голода, боится сберегать деньги в их советском выражении и стремится свои незначительные накопления тезаврировать. Этот факт отмечается целым рядом наблюдателей, и о нем же говорит то обстоятельство, что за последнее время, при активности внешне-торгового баланса, золотая десятка, золото в слитках и предметах и иностранная валюта резко поднялись в цене.

Таким образом, мы видим, что задача привлечения крестьянских сбережений в государственное и кооперативное русло связана с целым рядом крупнейших экономических вопросов.

Характеризуя все состояние дела денежного накопления в Советском Союзе, мы можем притти к следующим выводам:

1) Основной базой частного сектора накопления пока является город.

2) Налоговый механизм занимает пока решающее место в накоплении (58%), но значение его упало с 11 руб. 17 коп. на душу населения (в 1913 году) до 8 руб. 89 коп. (в 1926—27 году), что означает высвобождение части народного дохода из-под налогового пресса.

3) Рожденный революцией путь накопления через обобществленную промышленность, торговлю, банки и транспорт занимает второе по значению место (32%), при чем размеры его и абсолютно и относительно возрастают.

4) С о с р е д о т о ч е н и е   о с н о в н ы х   и с т о ч н и к о в   н а к о п л е н и я   в   р у к а х   о б о б щ е с т в л е н н о г о   с е к т о р а,   п р и д а е т   х о з я й с т в е н н о й   п о л и т и к е   с о в е т с к о г о   г о с у д а р с т в а   о г р о м н у ю   с и л у, ослабляя значение стихийных влияний на размер накоплений, позволяя с значительной уверенностью проектировать капитальные вложения, давая возможность путем комбинаций этих источников и усиления одних за счет других проводить классовую политику и быстро создавать нужные для данного момента резервы.

Теперь мы можем сделать и те практические выводы, которые напрашиваются сами собою при знакомстве с общим состоянием вопроса о накоплении. Я перечислю их в форме тезисов:

1) Х о т я   д о с т и г н у т ы е   р е з у л ь т а т ы   б о л ь ш е   т о г о,   ч е г о   м о ж н о   б ы л о   б ы   о ж и д а т ь за короткий промежуток планового хозяйства, при незаконченной еще реконструкции народного хозяйства, при продолжающемся процессе экономической революции и при всех наших трудностях и ошибках,—однако,на этих результатах нельзя останавливаться, а надо итти вперед, приковав общее внимание к этому участку хозяйства.

2) При решительной директиве на снижение промышленных цен и при нормировке наложений торгового аппарата, накопление по этому источнику может абсолютно и относительно нарастать л и ш ь   п р и   у с л о в и и   р а с ш и р е н и я   о б о б щ е с т в л е н н о г о   с е к т о р а   п р о и з в о д с т в а   и   т о р г о в л и за счет частного и расширения общего об'ема товарного обращения.

3) Накопление частного капитала должно быть уловлено в государственное русло путем улучшения техники обложения. Повидимому, нельзя рассчитывать на добровольный переход накоплений частного капитала в кредитный сектор государственного хозяйства. По мере усиления обобществленного сектора в торговле и кооперировании кустаря, высвобождающиеся оборотные средства частного капитала, не находя себе применения, частью нелегально эмигрируют за границу, частью же найдут себе тихое прибежище в сберегательных кассах и в большей мере в государственных выигрышных займах. Этот процесс в небольшой мере наблюдается уже и в нынешнем году.

4) Возрастание товарности крестьянского хозяйства, рост зарплаты, уменьшение расходов на обновление построек в деревне (поскольку самый бурный период уже прошел) и понижение цен на промтовары (одновременно с уменьшением стоимости кредита и обращения) заставляют нас думать, что в   б л и ж а й ш и е   г о д ы   д е н е ж н о е   н а к о п л е н и е   т р у д о в ы х   с л о е в   н а с е л е н и я   б у д е т   б ы с т р о   в о з р а с т а т ь, ища себе выхода в сберегательных кассах, выигрышных займах и кредитной кооперации. Этот рост может быть очень бурным, и к нему надо быть готовым, п р и   э т о м   ц е н т р   т я ж е с т и   н а к о п л е н и я   б у д е т   м е д л е н н о   п е р е м е щ а т ь с я   и з   г о р о д а   в   д е р е в н ю, что следует учесть при организационных мероприятиях. О д н а к о,   р е ш а ю щ е й   п р е д п о с ы л к о й   д л я   э т о г о   д о л ж н а   б ы т ь   л и к в и д а ц и я   т о в а р н о г о   г о л о д а, так как только насыщенность рынка товарами и бесперебойность снабжения создают у населения (и особенно у крестьян) доверие к деньгам и отсутствие страха за обесценение или нереализабельность своих сбережений, выраженных во вкладной книжке, сертификате или облигации.

5) А н а л и з   с у щ е с т в а   н а к о п л е н и й   в   С о в е т с к о м   С о ю з е   в е с ь м а   н а г л я д н о   п о к а з ы в а е т   р а з м е р ы   т о г о   п е р е в о р о т а   в   с о ц и а л ь н ы х   о т н о ш е н и я х,   к а к о й   п р и н е с л а   с   с о б о й   р е в о л ю ц и я. Если до революции доля дохода буржуазии в общем народном доходе России составляла 22,4%, то в денежном доходе населения она составляла 34,4%. После же революции экспроприация денежного дохода буржуазией составляет всего лишь 8,7%, а из всего народного дохода страны буржуазия извлекает 5,3%. Если произвести расчет по довоенным рублям, то это будет обозначать, что революция отняла у буржуазии ровно 2 миллиарда ежегодного дохода, вернув его трудящимся классам. Таким образом, не считая конфискованного основного капитала (земли, дома, фабрики, железные дороги), российская буржуазия потеряла, а трудовые классы сохранили за десять лет 20 миллиардов рублей.

6) Учитывая происхождение налогов, распределение товарооборота между городом и деревней и другие признаки, можно о р и е н т и р о в о ч н о считать, что в процессе выявленного денежного накопления город и деревня участвуют почти поровну, с небольшим перевесом на долю деревни. Но, так как численность деревенского населения в пять раз превышает численность городского населения, то это значит, что пролетариат (включая служащих) участвует в создании фондов финансирования народного хозяйства гораздо более энергично, чем крестьянство. В виду большой социально-политической важности этого факта его следовало бы подвергнуть особому изучению в авторитетных организациях. Н у ж н о,   о д н а к о,   о т м е т и т ь,   ч т о   в с е   ф и н а н с и р о в а н и е   с е л ь с к о г о   х о з я й с т в а   к а к   в   г о с у д а р с т в е н н о м,   т а к   и   в   ч а с т н о м   п о р я д к е,   п о л н о с т ь ю   п о к р ы в а е т с я   к р е с т ь я н с к и м и   н а к о п л е н и я м и.

Х. С. Гуревич.

Безработица и экономполитика.

В нашей стране, где носителем власти является пролетариат, проблема безработицы приобретает исключительно важное значение.

Борьба с безработицей органически связана с такими основными задачами совласти, как поднятие материального благосостояния и обеспеченности широких пролетарских и пролетаризирующихся масс, как укрепление смычки с крестьянством, как социалистическая индустриализация страны.

Наша экономика сложна и содержит в себе условия как положительные, так и отрицательные с точки зрения борьбы с безработицей.

К положительным относятся те, которые созданы Октябрьской революцией, к отрицательным—наследие старого.

Плановое руководство решающими отраслями народного хозяйства, особенно плановое управление госпромышленностью, политика на под'ем покупательной способности широких трудящихся масс не только уничтожают условия, порождающие кризисы перепроизводства в отношении нашей госпромышленности, но и способствуют предохранению от таких кризисов и частной промышленности в СССР.

Таким образом, основной фактор, обусловливающий существование резервной промышленной армии труда в капиталистическом мире, у нас подорван Октябрьской революцией. Но у нас осталось в наследство от старого режима огромное аграрное перенаселение.

Многомиллионные массы крестьянской бедноты, созданные старыми, варварскими феодальными и капиталистическими условиями существования деревни и страны, представляют собой колоссальный, через край переливающийся резервуар ищущей применения рабочей силы.

Важно с самого начала реконструкционного периода полностью учесть требования, пред'являемые к нашей экономполитике со стороны безработицы, чтобы использовать все доступные нам средства для преодоления этого социального зла.

Мероприятия по борьбе с безработицей зависят от всей совокупности народнохозяйственной обстановки и от положения с безработицей.

По данным бирж труда Наркомтруда, положение с безработицей представляется в следующем виде.

Остаток зарегистрированных на биржах труда.

	Тысяч	%%	%% к пред. периоду
1/X —25 г. . . .	920,4	100	—
1/I —26 „ . . .	951,1	103,3	103,3
1/IV —26 „ . . .	1.056,4	114,8	111,1
1/VII—26 „ . . .	1.065,5	115,8	100,9
1/X —26 „ . . .	1.070,7	116,3	100,5
1/I —27 „ . . .	1.310,4	142,4	122,8
1/IV —27 г. . . .	1.477,8	160,6	112,8
1/VII—27 „ . . .	1.216,9	132,2	82,3
1/X —27 „ . . .	1.041,2	113,1	85,6
1/XI —27 „ . . .	1.139,0	123,8	109,4
1/XII (совер. предв.)	1.238,9	134,6	108,8

А б с о л ю т н о е к о л и ч е с т в о б е з р а б о т н ы х н е п о д д а е т с я т о ч н о м у у ч е т у. Биржи труда не всюду имеются, и поэтому данные о численности безработных по учету бирж труда приходится считать преуменьшенными.

Но здесь надо учесть, что среди безработных имеется значительное количество фиктивных. По данным всесоюзной переписи 1926 г. [1]), в Москве количество безработных установлено в 129.168 чел., вместо зарегистрированных на бирже 185.185 чел., т.-е. на 56.017 чел., или на 30,2% менее. Правда, метод учета, применявшийся при переписи был иной, чем применявшийся на бирже труда, а именно: не учитывались лица, имевшие хотя какую-либо временную работу и не по своей специальности, а также не вошли лица, живущие в 25-верстном радиусе вокруг Москвы.

Но вернемся к приведенной табличке.

Из нее видно, что зарегистрированная безработица за последние 2 года с колебаниями, но все же проявляет тенденцию к росту и к декабрю 1927 года достигает цифры, примерно, в 1.200 тыс. человек. Правда, здесь сказывается окончание сезонных строительных работ.

По официальным данным [2]), в Германии количество ищущих работы составляло: в октябре 1926 года 1.920,0 тыс.; в ноябре—2.007,1 тыс., в октябре 1927 года—884,1 тыс., в ноябре 1927 года—1.250,9 тыс. чел.

Резкий под'ем в ноябре 1927 года об'ясняется большим ростом безработицы среди строительных рабочих, вследствие внезапно наступивших холодов.

По официальным данным [3]), в Англии состояло безработных на биржах труда: в ноябре 1926 года—1.545,0 тыс.; в октябре 1927 года—1.132,0 тыс.; в ноябре 1927 года—1.172,0 тыс.

Конечно, это сравнение может иметь только иллюстративно-ориентировочное значение, так как и методы учета, и характер безработицы, и категории безработных у нас и в капиталистических странах различны.

Из приведенных данных о нашей безработице видно, что в 1925—26 г. динамика безработицы не отличалась такими резкими колебаниями, как в 1926—27 году. За весь 1925—26 год безработица выросла на 150,3 тыс. челов., или на 16,3%, а за ½ года, с 1 октября 1926 г. по 1 апреля 1927 года—на 407,1 тыс. чел., или на 60,6% (сравнительно с численностью на 1 октября 1925 года), достигнув максимальной цифры—1.477,8 тыс. человек. Здесь, обычно указывают на то обстоятельство, что с ноября 1926 года профсоюзы стали требовать от своих безработных членов обязательной регистрации на бирже труда, что должно было искусственно увеличить численность безработных за счет членов профсоюзов.

Сопоставление данных о количестве зарегистрировавшихся на биржах труда показывает следующее:

---

[1]) «Стат. Обозрение» № 8, 1927 г. С. Успенский, «Безработные гор. Москвы по переписи 1926 г.».

[2]) «Reichsarbeitsblatt» № 36, 1927 г.

[3]) «The Ministry of Labour Gazett» № 12, 1927.

Было зарегистрировано:

	Всего в тыс.	% к пред.	Из них чл. профс. в тыс.	% к пред.
В I кв. 1925/26 г.	688,6	—	529,0	—
„ II „ 1925/26 „	667,2	96,9	303,4	57,4
„ III „ 1925/26 „	845,9	126,8	415,8	137,0
„ IV „ 1925/26 „	748,4	88,5	378,0	90,9
„ I „ 1926/27 „	876,5	117,1	519,1	137,3
„ II „ 1926/27 „	834,3	95,2	456,5	87,9
„ III „ 1926/27 „	986,9	118,3	614,9	134,7

Количество зарегистрировавшихся членов профсоюзов в 1 квартале 1926—27 года против IV квартала 1925—26 года, действительно, увеличилось с 378 тыс. до 519,1 тыс., т.-е. на 141 тыс. человек, или на 37,3%, в то время как общее количество зарегистрированных увеличилось лишь с 748,4 тыс. до 876,5 тыс., т.-е. на 128,1 тыс. чел., или на 17,1%, но мы видим, что в I кв. и 1925—26 года количество зарегистрированных членов профсоюзов составило 529 тыс. Таким образом, следует думать, что здесь в направлении увеличения безработных действовали факторы: сезонный, сокращения и организационный, а не только последний.

С апреля до октября 1927 года безработица резко падает, снизившись с 1.477,8 тыс. до 1.041,2 тыс., а затем вновь начинает подниматься.

Падение безработицы с апреля также об'ясняется двумя причинами: 1) благоприятными сезонными условиями—послано на работы:

	Всего	%%	Из них на врем. раб.	%%
За апрель 1927 г.	290,0	100	225,4	100
„ май 1927 „	429,8	148,2	320,0	142,0
„ июнь 1927 „	399,4	137,7	318,3	141,2

и 2) переменой порядка регистрации в смысле ограничения регистрации не работавших по найму. Этот организационный фактор необходимо учитывать и в дальнейшем.

Для нашей безработицы характерен большой удельный вес женщин в общем числе безработных.

Остаток безработных женщин на учете бирж труда составлял:

	В тыс.	%%	Доля в общем итоге безраб. в %%
1/X —25 г.	424,7	100	46,1
1/X —26 „	519,7	122,4	48,5
1/IV —27 „	647,2	152,4	43,8
1/VII—27 „	486,9	114,6	46,8

Таким образом, удельный вес женской безработицы в общем достигает чуть ли не 50%.

В Германии из общего числа 1.250,9 тыс. чел., ищущих работы, в ноябре 1927 года женщин было 254,8 тыс. человек, или 20,8%, т.-е. удельный вес женской безработицы в Германии меньше, чем у нас, в 2 с лишним раза.

Прибывшие из сельских местностей участвуют в безработице следующим образом:

	В тыс.	%%	Доля в общем итоге безраб. в %%
На 1/X —25 г.	100,6	100	10,9
„ 1/X —26 „	126,1	125,3	11,8
„ 1/IV —27 „	190,8	189,7	12,9
„ 1/VII—27 „	165,6	164,6	13,6
„ 1/X —27 „	110,2	109,5	10,6

К числу прибывших из сельских местностей относятся только прожившие по прибытии до момента регистрации не более 3 месяцев, прожившие больше считаются местными жителями.

Поэтому приведенные данные несколько преуменьшенно отражают роль прибывших из сельских местностей в безработице.

Они составляют более десятой части всего состава безработных, зарегистрированных на биржах труда. За 1925—26 год количество их увеличилось на 25%, а к 1 апреля 1927 года (по сравнению с 1 октября 1925 года) чуть ли не удвоилось, поднявшись с 100,6 тыс. чел. до 190,8 тыс. человек.

С апреля, и особенно с июля, 1927 года наблюдается резкое падение численности этих безработных: с 190,8 тыс. на 1 апреля 1927 г. до 110,2 тыс. на 1 октября 1927 года.

Подростки среди безработных занимают довольно видное место:

	В тыс.	%%	Доля в общем итоге в %%
На 1/X —25 г.	122,1	100	13,3
„ 1/X —26 „	144,0	117,9	13,4
„ 1/IV —27 „	163,3	133,7	11,1
„ 1/VII—27 „	160,3	131,3	13,2
„ 1/X —27 „	168,6	138,1	16,2

Обращает на себя внимание рост безработицы среди подростков. Удельный вес за 2 года увеличился с 13,3% до 16,2%. Абсолютная цифра повысилась с 122,1 тыс. до 168,6 тыс., т.-е. на 38,1%, в то время как общая безработица при сравнении данных на 1 октября 1925 года и на 1 октября 1927 года, дает повышение лишь на 13,1%.

Ограничение регистрации лиц, не работавших по найму, должно было особенно отразиться на подростках, и все же % прироста безработных среди них к 1 октября 1927 года чуть ли не в 3 раза превысил % прироста общей безработицы на эту дату.

Проблема использования труда подрастающего поколения выпирает этими цифрами особенно резко.

Безработные члены профсоюзов дали следующую динамику:

	В тыс.	%%	Доля в общей безработице в %%
1/X —25 г.	406,1	100	44,1
1/X —26 „	514,7	126,7	48,1
1/IV —27 „	795,2	195,8	53,8
1/VII—27 „	701,5	172,7	57,6
1/X —27 „	652,2	160,6	62,6

Количество безработных членов профсоюзов растет быстрее общей безработицы: удельный вес за 1925—26 год поднялся с 44,1% до 48,1%, к 1 октября 1927 года достиг 62,6%. Здесь оба организационных фактора действовали в смысле повышения удельного веса. С 1 октября 1925 года по 1 октября 1926 года видим рост на 26,7% против роста общей безработицы за этот период лишь на 16,3%. Общая численность безработицы членов профсоюзов к 1 октября 1927 года выросла на 60,6% против общего роста безработицы к этой дате на 13,1%.

Ниже приводятся данные о безработице с подразделением на группы— индустриальную и интеллигентного труда.

Даты	Индустриальная группа (квалиф., полуквал., неквал.)			Интеллигентного труда (старш., средн. и младш. перс.)		
	В тыс.	%%	Доля в общем итоге в %%	В тыс.	%%	Доля в общем итоге в %%
1/X —25 г.	170,1	100	18,5	205,4	100	22,3
1/X —26 „	230,9	135,7	21,6	210,5	102,5	19,7
1/IV —27 „	317,6	186,7	21,5	283,8	138,2	19,2
1/VII—27 „	273,9	161,0	—	260,5	126,8	21,4
1/X —27 „	221,8	130,4	21,3	261,7	127,4	25,1

За 1925—26 год безработица среди индустриальных рабочих (считая и неквалифицированных) выросла на 35,7%, в то время как общая безработица выросла лишь на 16,3%, а безработица среди лиц интеллигентного труда за этот период чуть ли не осталась стабильной, выросши лишь на 2,5%, или на 5,1 тыс. человек—с 205 тыс. до 210,5 тыс. Индустриальная группа за этот период выросла с 170,1 тыс. до 230,9 тыс., т.-е. на 60,8 тыс. человек.

За 1926—27 год индустриальная группа поднялась до 317,6 тыс. к 1 апреля и упала до 221,8 тыс. к 1 октября, снизившись против остатка на 1 октября 1926 года с 230,9 тыс. до 221,8 тыс. человек, т.-е. на 9,1 тыс. Удельный вес в течение 1926—27 года сохранился почти стабильным (21,6% на 1 октября 1926 года и 21,3% на 1 октября 1927 года).

В Англии из 1.209,6 тыс. безработных (полн. и частичн.), числившихся на учете в ноябре 1927 года в органах страхования, 767,7 тыс. индустриальных, т.-е. 63,5%, при чем неквалифицированных там должно быть на много меньше, чем у нас, кроме того, там прибывших из сельских местностей не имеется, и сравнение это, конечно, очень ориентировочное, но все же оно показывает, что в Англии среди безработных преобладающая масса—индустриальные, а у нас (считая и неквалифицированных) они составляют лишь пятую часть, а если взять без неквалифицированных, но с полуквалифицированными, то и, примерно,—лишь одну шестую часть.

Группа интеллигентного труда в 1926—27 году дала значительный рост, с 210,5 тыс. до 261,7 тыс. человек, т.-е. выросла на 51,2 тыс. человек, и увеличила свой удельный вес с 19,7% до 25,1%, заняв, таким образом, к 1 октября 1927 года четвертую часть всей зарегистрированной на биржах труда массы безработных.

В группе интеллигентного труда выделяются совторгслужащие. Их было зарегистрировано:

	В тыс.	%%	Доля в общем итоге в %%
На 1 октября 1925 г.	133,7	100	14,5
„ 1 „ 1926 „	144,7	108,2	13,5
„ 1 апреля 1927 „	202,8	151,7	13,7
„ 1 октября 1927 „	177,0	132,4	17,0

За 1925—26 год рост совершенно незначителен, с 133,7 т. до 144,7 т., т.-е на 11 тыс. человек; в течение же 1926—27 года наблюдается сильный рост, давший максимум к 1 апреля 1927 года 202,8 тыс. За 2-ю половину 1926—27 года удельный вес поднялся с 13,7% до 17,0%, несмотря на уменьшение абсолютной цифры с 202,8 тыс. до 177,0 тыс., что об'ясняется более медленным падением безработицы среди совторгслужащих, сравнительно с падением общей безработицы за этот период.

Таким образом, чуть ли не шестую часть зарегистрированных безработных составляют одни совторгслужащие.

Место квалифицированных и полуквалифицированных безработных в индустриальной группе видно из следующей таблицы:

Даты	Квалифицированные			Полуквалифицированные		
	В тыс.	%%	Доля в общем итоге в %%	В тыс.	%%	Доля в общем итоге в %%
1/X —25 г.	92,5	100	10,0	49,6	100	5,4
1/X —26 „	120,5	130,3	11,3	62,1	125,2	5,7
1/IV —27 „	158,7	171,6	10,7	81,5	164,3	5,6
1/VII—27 „	126,3	136,5	10,4	76,3	153,8	6,3
1/X —27 „	103,2	111,6	9,8	61,3	123,5	5,8

За 1925—26 год квалифиц. инд. безработные повысили свою численность к 1 октября 1926 года с 92,5 тыс. до 120,5 тыс., т.-е. на 28 тыс. человек, или на 30,3%, при повышении общей безработицы за год к этой дате на 16,3%. при чем удельный вес увеличился с 10 до 11,3%.

Полуквалифицированные безработные увеличили за год, к 1 октября 1926 года, свою численность с 49,6 тыс. до 62,1 тыс., т.-е. на 12,5 тыс., или 25,2%, при незначительном повышении удельного веса с 5,4% до 5,7%.

В течение 1926—27 года наблюдаем сначала резкий под'ем безработицы квалифицированных в первой половине года (на 1 апреля—158,7 тыс.), а затем еще более резкое падение (1 октября 1927 года—103 тыс. чел.), т.-е. на 17,3 тыс. меньше, чем было на 1 октября 1926 года, при чем и удельный вес упал до 9,8%.

В более смягченной форме то же явление мы наблюдаем и среди полуквалифицированных. Под'ем за первую половину года с 62,1 тыс. на 1 октября 1926 года до 81,5 тыс. на 1 апреля 1927 года, т.-е. на 19,4 тыс., и падение к 1 октября 1927 года до 61,3 тыс. против 62,1 тыс. на 1 октября 1926 года, при чем удельный вес к 1 октября 1927 года сравнительно с удельным весом на 1 июля 1927 года упал с 6,3% до 5,8%, но в общем за 2 года держится, примерно, на одном уровне—около 5½%.

Безработица среди квалифицированных рабочих по профессиям, выделяющимся безработицей, такова:

Даты	Строители		Металлисты		Пищевики		Швейники	
	В тыс.	%%	В тыс.	%%	В тыс.	%%	В тыс.	%%
1/X —25 г.	31,0	100	24,7	100	15,5	100	17,7	100
1/X —26 „	26,0	83,9	38,8	157,1	15,5	100	20,6	116,4
1/IV —27 „	85,4	276,5	47,8	193,5	22,7	146,5	24,6	139,0
1/VI —27 „	90,1	290,6	45,4	183,8	20,4	131,6	20,0	113,0
1/VII —27 „	63,3	204,2	40,9	165,6	16,1	103,9	19,5	110,2
1/X —27 „	32,7	105,5	32,6	132,0	12,0	80	16,9	95,5

За 1925—26 год, к 1 октября 1926 года, безработица среди квалифицированных повысилась у металлистов с 24,7 тыс. до 38,8 тыс., или на 57,1%,

у швейников—с 17,7 до 20,6 тыс., или на 16,4%, осталась стабильной у пищевиков и уменьшилась у строителей с 31 до 26 тыс., или на 16,1%. К 1 апреля 1927 года у всех—под'ем численности безработных, при чем первое место занимают строители, за ними следуют металлисты, затем пищевики и швейники. Под'ем зарегистрированной безработицы у строителей, повидимому, обусловлен началом сезонных работ, вызвавшим наплыв из деревни. У строителей под'ем достиг максимума к 1 июня 1927 года, что косвенно говорит о запаздывании с развертыванием строительных работ. К 1 октября 1927 года наблюдаем падение безработицы: у пищевиков (12,4 тыс. к 1 октября 1927 г., против 22,7 тыс. к 1 апреля 1927 года и 15,5 тыс. к 1 октября 1926 года, и 1 октября 1925 года), у швейников (16,9 тыс., против 24,6 тыс. к 1 апреля 1927 года и 17,7 тыс. к 1 октября 1925 года), у строителей (32,7 тыс., против 90,1 тыс. к 1 июня 1927 года, 26 тыс. к 1 октября 1926 года и 31 тыс. к 1 октября 1925 года), и у металлистов (32,6 тыс., против 47,8 тыс. к 1 апреля 1927 года, 38,8 тыс. к 1 октября 1926 года и 24,7 тыс. к 1 октября 1925 года). Сравнительно с численностью безработных на 1 октября 1925 года дали увеличение к 1 октября 1927 года: металлисты—на 32% (при уменьшении сравнительно с 1 октября 1926 года) и строители—на 5,5%. Обращает на себя внимание, что в разгар сезона к 1 октября 1927 года все же имелось 32,7 тыс. зарегистрированных квалифицированных безработных строителей, что, учитывая указания на нехватку квалифицированных строителей, говорит или о недостатках организации переброски строительных рабочих, или о недостатках в определении квалификации на биржах труда, а возможно, и о том и о другом.

Среди квалифицированных металлистов (без полуквалифицированных) выделяются безработицей (данные на 1 января 1927 года):

слесаря всех специальностей	18.910 чел.
токари	3.362 „
электромонтеры	3.242 „
кузнецы	2.405 „
машинисты всех специальностей	2.348 „
котельщики „ „	1.862 „

Между прочим, по данным ЦК ВСРМ, число работающих и число безработных членов союза равнялось (к концу квартала):

	Число работающих		Число безработных	
	В тыс.	%%	В тыс.	%%
I кв. 1925/26 г.	682,0	100	40,6	100
II „ 1925/26 „	713,6	104,6	48,2	118,7
III „ 1925/26 „	722,5	105,9	64,3	158,4
IV „ 1925/26 „	732,8	107,4	70,7	174,1
I „ 1926/27 „	743,1	109,0	79,3	195,3
II „ 1926/27 „	753,4	110,5	84,3	207,6
III „ 1926/27 „	763,3	111,9	86,3	212,6

Таким образом, мы видим непрерывный рост числа работающих членов профсоюза металлистов и в то же время рост безработных.

На рост безработных членов профсоюза металлистов, при одновременном росте числа работающих, влияет некоторое замещение их нечленами союза, чему способствует большой оборот рабочей силы при найме и помимо бирж труда до 30%, из которых большая половина нечлены союза.

В общем, среднее количество безработных за 1926—27 год в целом [1]), по данным бирж труда, равняется 1.258,0 тыс. человек, и составляет 121,7% по сравнению со средней за 1925—26 год. По индустриальной группе в среднем за 1926—27 год было (без неквалифицированных) 206,8 т., на 29,4% больше, чем в 1925—26 году. Строителей (без неквалифицированных)—70,4 тыс., увеличение против 1925—26 года на 24,6%.

[1]) «Стат. Обозрение» № 11, 1927 г.

Работников умственного труда—260,2 тыс., на 34,5% более 1925—26 г.; неквалифицированного труда—611,9 тыс., увеличение на 15,2%.

В Москве безработных было 182,5 тыс., в Ленинграде—162,2 тыс. Число посланных на работу за месяц в %% к остатку безработных (сведения по август включительно)—21,6%, что дает увеличение (улучшение) против прошлого года на 36,7%.

Выводы.

В общем, подводя итоги статистическим данным, можно сказать, что наша безработица характеризуется тем, что женщины составляют приблизительно 45% (на 1 октября 1927 года 46,8%).

Впервые ищущие работу по найму—свыше $1/4$ части.

Неквалифицированные—примерно, половину.

Подростки—примерно, $1/6$—$1/7$ часть (на 1 октября 1927 года—16,2%).

Прибывшие из сельских местностей—свыше $1/10$ части.

Лица интеллигентного труда—примерно $1/6$—$1/7$ часть (на 1 октября 1927 года 17%).

Индустриальная группа (без неквалифицированных)—примерно $1/6$ часть.

При росте в *среднем* безработицы за 1926—27 год численность рабочих в цензовой промышленности также увеличилась за 1926—27 год, в среднем, против 1925—26 года, на 6%.

Таким образом, можно сделать вывод, что наша безработица обусловливается не уменьшением численности занятых в производстве, а тем, что избыточная рабочая сила, выталкиваемая аграрным перенаселением, свободная женская рабочая сила и излишки служащих поглощаются ростом численности наемного труда еще недостаточно сравнительно с имеющимися ресурсами.

Если мы учтем возможность недорода в ближайшие годы, который может поднять волну отхода из деревни в города, если мы учтем, что по контрольным цифрам Госплана на 1927—28 год намечается увеличение численности лиц наемного труда СССР по цензовой промышленности (рабочих) на 3%, в строительном деле—на 13%, а всего, по всему Союзу,—на 1,8%, то станет ясным все значение проблемы безработицы при установлении линии экономполитики.

Борьба с безработицей должна вестись путем усиления, расширения социалистических секторов нашего хозяйства (на первом плане социалистическая индустриализация, коллективизация в деревне, обобществленная торговля) и путем ограничиваемого известными пределами использования частных и частнокапиталистических ресурсов.

Здесь, прежде всего, может помочь большее развитие кустарно-ремесленной промышленности. СНК СССР в своем постановлении по поводу кустарно-ремесленной промышленности (май 1927 года) *отмечает недооценку значения этой промышленности в народнохозяйственной жизни.*

Об этом же говорили делегаты на XV партс'езде.

И, действительно, в этом отношении необходимо еще добиваться перелома. Между прочим, следует согласиться с тов. Лариным, предлагающим в своей известной книге о частном капитале воздействовать на условия использования наемного труда в кустарно-ремесленной, мелкой и вообще частной промышленности, в смысле допущения большего количества наемного персонала.

Частный капитал в мелкой промышленности, по данным контрольных цифр Госплана, имел наемного персонала (в тыс.):

1924/25 г.		69,9
1925/26 „		74,1
1926/27 „		74,1

Таким образом, в течение истекших 2-х лет численность наемного персонала на службе у частного капитала в мелкой промышленности оставалась стабильной на уровне, который трудно назвать большим.

Следует также присоединиться к мнению тов. Ларина о том, что в ряде отраслей промышленности (производство кирпича, строительство) мы можем допустить рост или стабильность частного капитала, проводя дифференцированную политику и содействуя переходу частного капитала из области торговли в соответствующие области производства.

Миллиардные вложения, производимые нами в госпромышленность, ее техническая реконструкция, усиливающая ее социальную значимость, рост обобществленного сектора народного хозяйства,—все это говорит за то, что в целях использования подсобных средств в борьбе с безработицей, мы можем вести такую дифференцированную политику в отношении частного капитала.

Важно также дальнейшее усовершенствование налоговой системы в направлении увеличения из'ятий путем возможного повышения квот для зажиточных слоев деревни и некоторых высших категорий торговцев-частников. Увеличение накоплений в обобществленном секторе, увеличение из'ятий из частного сектора необходимы для возможно большего развития социалистической индустриализации, кредитования бедняцких масс, для содействия организации коллективных хозяйств и введению трудоемких культур в деревне—этом очаге безработицы.

Большее расширение легкой индустрии также поможет в смысле увеличения капиталонакоплений, увеличения численности работающих и в смысле увеличения сел.-хоз. экспорта, а отсюда и импорта сырья и оборудования.

Добавление для промышленности смен в связи с введением 7-часового рабочего дня должно, по предположениям, изложенным в последней 5-летней ориентировке Госплана, дать добавочный рост численности наемного персонала, в течение пятилетия, примерно, на 400—500 тыс. человек.

Но и введение дополнительных смен в известной части будет зависеть от добавочного финансирования, т.-е. от величины накоплений в обобществленном секторе и из'ятий из частного сектора.

Таким образом, разрешение проблемы безработицы связано с общим направлением нашей современной экономполитики, представляющей собой метод строительства социализма в условиях допущения и комбинированного использования и преодоления на соответствующих стадиях частного и частно-капиталистического хозяйства.

Павел Алисов.

Страна, которую 10 лет назад украли.

I. Бессарабский вопрос, как орудие вовлечения Румынии в антисоветский блок.

Рабочие и крестьяне Советского Союза не забыли да и не могли забыть, кто это 10 лет назад, крадучись, как шакал, похитил у них, воспользовавшись гражданской войной, целую область с 3-миллионным населением, и вот уже 10 лет, как шантажирует «великие» державы для оформления своего акта международного грабежа.

... Это было 26 (13) января 1918 г., а мародером была... ну, кто ее не знает?

Румыния не была в войне ни с Советским Союзом, ни со старым правительством; наоборот, она была союзником последнего. Следовательно, Бессарабия не могла перейти к Румынии в результате войны между спорящими сторонами. Мировая империалистическая война происходила не из-за Бессарабии. Россия ни царская, ни советская Бессарабии никому не дарила. Так почему же плодороднейшая область в 44 тыс. кв. километров попала в лапы боярско-буржуазной Румынии?

Путем подлой лжи, наглого шантажа и прямого грабежа и мародерства Румынии удавалось, при поддержке той или иной «великой» империалистической державы, утолять свой назойливый империалистический аппетит. Военный и послевоенный период наиболее ярко характеризует Румынию, как страну, способную ради своих «маленьких» империалистических целей переходить на содержание любого «сильного» империалистического государства и быть политической игрушкой в руках последнего. «Великие» же державы, борясь между собой из-за румынского об'екта своих империалистических вожделений, использовывают румынскую содержанку, кроме того, как об'ект противосоветского блока.

Румыния служит тем клубком, в котором скрещиваются как империалистические тенденции по отношению к ней, так и антисоветские стремления. Румыния служит одновременно и об'ектом эксплоатации и необходимым орудием противосоветской борьбы. Одним из лучших же средств вовлечения Румынии (как об'екта и суб'екта) в орбиту империалистической экспансии и в антисоветский блок является вопрос о Бессарабии.

Бессарабия, выходящая непосредственно к дельте Дуная, служит не только об'ектом империалистических стремлений великих держав, но является тем естественным плацдармом антисоветской политики, орудием проведения которой служит Румыния. Бессарабия представляет для Румынии богатейшую область с 3 млн. населения, ежегодный довоенный вывоз которой только по зерновому хлебу составлял 100 млн. пудов. Кроме того, владея Бессарабией, неизбежно можно владеть устьем Дуная, т.-е. входом и выходом водного пути—«Дунай—Майн—Рейн». Бессарабия служит также удобным

плацдармом для военно-стратегических целей, являясь мостом, соединяющим южно-русскую равнину с Балканами [1]).

Румыния к тому же готова продать себя любой державе за любую цену, дабы владеть Бессарабией, как своей колонией, осуществляя свой идеал «Romania Mare» («Великой Румынии»).

Во время империалистической войны румынский хищник долго торговался с воющими державами, высматривая, где бы урвать у своего соседа куш покрупнее, зная, что в предстоящем грабеже ей «поможет» та или другая воюющая сторона: румынская нефть служит для этого первой хорошей приманкой.

Румыния в начале войны была определенной сторонницей центральных держав. Когда Германия разгромила Румынию, последняя стала просить у первой и мира и Бессарабии. Германия Вильгельма дала ей и то и другое. Получив право на фактический грабеж у Германии, Румыния после поражения последней, санкции своего грабежа стала просить уже у Антанты, как платы за разгром Венгерской Советской Республики и за свою роль противобольшевистского жандарма.

Стремясь к захвату устья Дуная, как звена великого водного пути (по Дунаю) через Черное море к турецкой и персидской нефти, с одной стороны, и желая создать барьер и оплот против большевистской «заразы»—с другой, Антанта, конечно, санкционировала этот захват, подписавши так называемый «парижский протокол» о признании Бессарабии за Румынией (1920 г.). Протокол этот приобретает силу, по замыслу творцов, после ратификации его парламентами четырех держав (Англия, Франция, Италия, Япония) [2]).

В этом деле центральную роль играла «парижская бумажка», которая должна была быть ратифицирована «четырьмя парламентами». В погоне за этими подписями Румыния, отказываясь от предложения Советской России, сделанного ею в 1924 г. на Венской конференции о плебисците в Бессарабии, продолжает продавать себя и оптом и в розницу, а соответствующая «великая держава» за одну лишь свою подпись под ничего не стоящей бумажкой, не без борьбы с другими державами из-за влияния на Румынию, усиливает свои империалистические щупальцы в пределах Румынии и, «попутно» вовлекая ее в антисоветский блок, расширяет кольцо антисоветских государств.

Франко-румынский договор «о дружбе» 1926 года был не чем иным, как, с одной стороны, «новым подарком» от Франции—Пуанкаре Румынии—Авереску в виде гарантии ее нынешнего территориального статус-кво (Бессарабия), а с другой—закреплением влияния Франции на Румынию путем военных заказов последней на французских заводах.

Но как далее получить ратификацию парижского протокола третьей державой—Италией—при наличии итало-французских противоречий? «Ничтоже сумняшеся», Румыния на другой же день меняет свою ориентацию уже на Италию. В том же году появляется на свет итало-румынский договор тоже «о дружбе», в результате коего итальянский (а стало быть и английский) капитал еще более внедряются в экономику Румынии путем более широкого доступа к эксплоатации нефти и путем военных заказов. За это парламент Муссолини подарил Румынии парламентскую подпись на «парижском протоколе». Мы видим, что и Италия взялась в о о р у ж а т ь Р у м ы н и ю п р о т и в С о в е т с к о г о С о ю з а, пользуясь безграничным стремлением Румынии «закрепить» за собой Бессарабию. Известно, кто стоит за спиной Италии и почему итало-румынскому пакту предшествовало свидание Чемберлена—Муссолини в Ливорно.

[1]) См. речь Мих. Павловича (журн. «Красная Бессарабия» № 2, 1926 г.), произнесенную в 8-ю годовщину оккупации Бессарабии.

[2]) А также и парламентом Румынии.

Поскольку в деле судеб трехмиллионного населения оперируют не имеющей никакой силы «бумажкой», интересно напомнить боярской Румынии про другой документ, подписанный не третьими державами, а представителями самой настоящей современной грабительской Румынии, с одной стороны, и Советского государства—с другой. Документ этот представляет собой мирный договор, заключенный в Одессе 5 марта 1918 года, между генералом Авереску (от Румынии) и Х. Г. Раковским (от РСФСР), возглавлявшим иностранную коллегию «Румчерода», и сводится он по существу к обязательству Румынии о ч и с т и т ь Б е с с а р а б и ю в д в у х м е с я ч н ы й с р о к со дня подписания договора. Вот этот румынский вексель мы противопоставляем парижскому протоколу 1920 г. и требуем уплаты по нему. По существу же, конечно, дело не в этом. Бессарабский вопрос разрешится не дипломатическими разговорами, не подписанием тех или иных буржуазных документов, да еще без участия и за спиной Советского Союза. Бессарабский вопрос разрешится волею рабочих и крестьян Бессарабии через советы рабочих и крестьянских депутатов.

II. Экономическое состояние края.

Бессарабия до ее аннексии была экономически связана с Украиной и Центрально-Промышленной областью России и весьма мало — с Румынией. Как земледельческая страна, Бессарабия экспортировала продукты сельского хозяйства. Продукция зерновых хлебов до войны ежегодно составляла свыше 150 млн. пудов, из коих за границу вывозилось 100 млн. пудов, т.-е. около 10 проц. всего экспорта зерна из России. Юг Бессарабии (два уезда) экспортировал не менее 30 млн. пудов ежегодно.

Производство вина давало ежегодно до 100 млн. ведер, а на вывоз за границу уходило около 10 млн.

Фруктовое садоводство является в Бессарабии одной из важнейших отраслей хозяйства, и урожай его доходил ранее в год до размеров, иногда не поддающихся учету. Экспорт составлял в год свыше 200 тыс. пуд. свежих фруктов и свыше 300 тыс. сухих.

Помимо того, Бессарабия вывозила рыбу, шерсть, молочные продукты, табак, кожу. Главнейшей артерией для вывоза за границу был Одесский порт, куда товары свозились, главным образом, по Днестру.

Взамен экспортируемой продукции Бессарабия ввозила металлические изделия (Харьков, Екатеринослав), мануфактуру (Москва, Лодзь, Варшава), керосин (Баку), уголь (Донбасс), сельскохозяйственные орудия и проч.

С Румынией экономическая связь была весьма слабой. Вывоз в Румынию составлял не более 20 проц. всего экспорта из Бессарабии. Из Румынии (главным образом, транзитных промышленных товаров) ввозилось в Бессарабию едва 3 проц. всего импорта.

Чрезвычайная слабость экономических связей Бессарабии с Румынией вполне об'ясняется однородностью их хозяйственных укладов, как аграрных стран. Промышленность Румынии, очень слабо развитая, не могла ничего ввозить в Бессарабию, а из сельскохозяйственной продукции Бессарабия даже больше ввозила в Румынию, чем последняя—в Бессарабию.

Разорвав естественные экономические связи Бессарабии с Украиной и Россией, Румыния оказалась совершенно экономически неприспособленной и неспособной заменить прежние экономические связи новыми, прежние рынки сбыта и закупки какими-либо другими. Экспортируя, главным образом, по Днестру, в меньшей мере через гирло Дуная и морем к Одесскому порту, Бессарабия обладала дешевым транспортом, который обеспечивал ей вполне сбыт ее продукции благодаря незначительной себестоимости при незначительных транспортных расходах. Аннексировав Бессарабию, Румыния

не могла также дать иных транспортных средств для вывоза бессарабской продукции. Порты Дуная не обладают достаточной пропускной способностью (не сравниться же им с Одесским портом), а жел.-дор. транспортные средства даже по своей грузопод'емности не в состоянии вывезти уменьшившегося урожая Бессарабии. При нормальном урожае Бессарабии нужно не менее 200 тыс. вагонов грузов, из коих не менее 160 тыс. вагонов для зерна. Железнодорожная же администрация в состоянии предоставить не более 70 тыс. вагонов, т.-е. около 30 проц. необходимого количества.

Насколько иссякают ресурсы страны, видно из следующего сопоставления. Средняя урожайность, например, ячменя за 1885—1900 год колебалась по уездам от 6 до 8,6 квинт. с одного гектара, а в период оккупации с 1921 до 1925 г. составляла соответственно (в квинт. на гект.) по годам: 3,9; 11,7; 7,3; 2,9; 2,2.

Такое же сильное падение производительности и по другим хлебам. По основному предмету питания в Бессарабии, кукурузе, мы наблюдаем такую регрессию (по тем же годам в квинт. на гект.): 7,1; 8,8; 10,8; 8,3; 5,5.

Понижение производительности происходит при весьма слабом увеличении посевной площади. В 1914 году посевная площадь составляла 2.609 тыс. гектаров, а в 1925 году—2.878 тыс., увеличение на 11 проц.; зато площадь под зерновыми культурами дает несомненное уменьшение, так в 1926 г. она уменьшилась на 13,8 проц. (562 тыс. *га* против 670 тыс. *га* пр. года).

Такое постепенное ухудшение развития сельского хозяйства имеет место при проведении румынским парламентом так называемой аграрной реформы, которой румынская буржуазия очень гордится и считает наилучшим достижением сельскохозяйственной политики.

Между тем, аграрная реформа румынской олигархии не разрешила аграрного вопроса даже с точки зрения законов буржуазного развития. Реформа коренным образом проведена не была, ибо значительная часть земли осталась неэкспроприированной, а та, которая подлежала распределению, попадала, отчасти, чиновникам, духовенству, кулакам. На долю одного хозяйства пришлось вместо 7 гектаров, как возвещала реформа, всего лишь 3,8 гектара [1]). Всего было наделено 357.016 собственников земельной площадью в 1.089.045 гектаров [2]). Остались же неэкспроприированными площади помещичьей земли не менее чем по 100 гектаров на каждое владение. При юридическом дроблении владения (например, на каждого члена семьи) норма (100 *га*) рассчитывалась на каждое юридическое лицо. За помещиком, имеющим в семье члена с высшим сельскохозяйственным образованием, разрешалось оставлять еще одну «помещичью» норму. В общем за помещиками оставлена площадь около 700 тыс. гектаров, т.-е. еще 20 проц. всей удобной площади.

Реформа была об'явлена законченной в 1924 году, и правительство разрешило свободную продажу земель. Начался быстрый процесс земельной дифференциации в деревне, необыкновенно мучительный для беднейшего крестьянства.

Даже кулацкая газета «Бессарабское Слово» по этому поводу писала [3]):

«В июле пр. года было официально об'явлено, что проведение аграрной реформы в Бессарабии закончено. С того момента началась мобилизация земли, свободное отчуждение участков. Момент для крестьянства был самый неблагоприятный... Цены на землю стояли очень низкие... Отчуждаемые земли попадали в значительном числе случаев во владение сельского кулаческого элемента, иногда никакого отношения не имеющего к земледелию, а спекулирующего на земле и на горбе денежно-бедного малоземельного крестьянства. Нечего и говорить, насколько

[1]) См. подробнее об аграрном вопросе в Румынии в «Большевике» за 1927 г., № 1.

[2]) Вся площадь удобной земли в Бессарабии исчисляется в 3,5 млн. гектаров.

[3]) См. № от 20 августа 1925 г.

опасно такое положение. Оно создает в деревне новый слой малоземельных, а то безземельных пролетариев, которым решительно некуда деваться» [1]).

Земля снова стала попадать к помещикам и кулакам. Слой безземельных и малоземельных крестьян, составлявший до реформы около 23%, стал настолько быстро расти при одновременном росте нового помещичьего и кулацкого слоя, что правительство основательно затревожилось и об'явило распродажу земли запрещенной. Этим запретом процесс капиталистической дифференциации в бессарабской деревне, конечно, не приостановлен, хотя он стал несколько замедленным, ибо распродажа стала нелегальной. Но юридически нелегальная распродажа была фактически легальной, что весьма возможно при наличии в Румынии самой широкой системы взяток и подкупов. Все это способствует еще большему замиранию хозяйственного развития края.

Промышленность и торговля влачат жалкое существование. В Бессарабии имеются сейчас всего три акционерных компании с капиталом в 2.450 тыс. лей, т.-е. на наши деньги с 200 тыс. рублей. Банкротства растут и еще более дезорганизуют торговлю и промышленность. 6-процентный кредит Национального Банка, благодаря сети частных банков, доходит фактически до 24-х, 34-х и даже до 60% годовых. «Мы не ошибемся,— пишет «Бес. Слово» [2]),—если скажем, что в 99 случаях из 100 банкротства являлись результатом непомерного процента». Пошлины достигают 70 проц. стоимости импортного товара.

Имеющиеся около 260 предприятий с 5,2 тысячами рабочих, работают при необычайной эксплоатации и весьма нищенской зарплате, которая все больше и больше отстает от все растущей дороговизны. Зарплата трамвайных рабочих в прошлом году составляла 65 лей в день, т.-е. в месяц на наши деньги 20 руб. После забастовки зарплата была увеличена до 80 лей (менее 80 коп.) в день. Рабочие пекарен получают при сдельной оплате 30—35 лей «за печку», что в месяц составляет около 30 руб. Зарплата в других производствах тоже выражается в таких мизерных цифрах и не превышает в среднем 35 руб. в месяц. Неудивительно, что рабочие об'являют беспрерывно забастовки, невзирая на неимоверные гонения сигуранцы, и требуют увеличения зарплаты на 40—60 проц. Многие забастовки кончаются победой рабочих.

Неимоверно свирепствует и налоговый пресс в Бессарабии. Несмотря на то, что в 1927 году румынское правительство перевело на самоокупаемость почту, телеграф и железные дороги, в силу их убыточности, бюджет 1927 года был составлен в суме 33.380 млд. лей, что составляет увеличение против прошлого года на 5 млд. лей, т.-е. 15%. Поэтому, на душу населения налог был увеличен на 20% и доведен в среднем до 2.000 лей в год. Увеличились также и косвенные налоги на керосин, на сахар (4 леи с килограмма вместо 1 леи); втрое повышены налоги на недвижимости. Всякий раз вводятся новые налоги; введен новый налог в 20 лей с головы рогатого скота и 10 лей с гектара обрабатываемой земли [3]). Надо же кормить армию казнокрадов и взяточников румынского государственного аппарата. Даже «Adeverul» сообщает, что, «по данным министерства финансов, чиновники

[1]) Разрядка автора.

[2]) №№ от 19 и 27 декабря 1927 года.

[3]) «Бесс. Слово» в № 1055 от 7/XII 1927 г., в статье «Всесильный перчентор» (сборщик податей. *П. А.*) описывает новые ухищрения румынских властей по части выжимания налогов. Там, между прочим, написано: «Один из сельских банков установил триер (зерновая очистительная машина. *П. А.*), который стоил 18.000 лей. Выручка с него 2.000 лей, а перчентор обложил его в 1.800 лей... Одна пасека в 30 ульев была обложена в 4.000 лей... К разряду столь же нецелесообразных обложений относится обложение рядовых сеялок, виноградных прессов и т. д. Здесь речь идет не об отдельных случаях рвения перченторов: речь идет о системе»

раскрадывают, не считая взяток, ¼ всех доходов государства». За такие «вещи» в Румынии почти не преследуют, ибо весь аппарат снизу до верху нечист на руку. Экономическое разложение вызывает гнилость всего государственного аппарата.

III. Национальный вопрос и политический режим.

Национальности Бессарабии [1]) при царском правительстве находились под гнетом руссификаторской политики последнего. Особенно подвергались преследованиям евреи, молдаване и украинцы. Но румынское правительство своим национальным гнетом, преследованиями и погромами несравненно превзошло картинки проявлений националистического угара в дореволюционной России. Не говоря уже о еврейских погромах, которые черносотенцы-фашисты под предводительством «профессора» Кузы, беспрерывно практикуют во всех крупных городах Румынии и Бессарабии (Яссы, Кишинев, Бухарест и проч.), но даже по отношению к национальностям, которых румынская буржуазия считает своими и называет «румынами», по отношению даже к родственным национальностям проводятся такие же гонения. Молдаван румынская олигархия и ее шовинистические пособники считают «румынами» и, исчисляя, напр., численность румын в Бессарабии определяют ее в 68%, относя к румынам всех молдаван. Шовинисты-румыны называют последних «некультурными румынами», а первых—«культурными молдаванами». Хотя между румынами и молдаванами имеется общее далекое историческое прошлое,—языковые, бытовые и национальные различия настолько велики, что только оголтелый шовинизм может молдаван причислить к румынам, подобно тому, как «великодержавное руссификаторство» причисляло украинцев и белоруссов к русским. Между румынами и молдаванами не меньшее различие, чем между украинцами и великоруссами, хотя и последние имеют общий исторический корень происхождения. Между тем даже у нас, у советских публицистов по румынскому и бессарабскому вопросу, встречаешь смешение молдаван и румын в «одну нацию». Некоторые проводят между ними знак равенства по недоразумению, вернее, по неразумению, а иные (увы!) по убеждению, уподобляясь румынскому шовинизму. В речи, Х. Г. Раковского [2]), по случаю 7-летия захвата Бессарабии прямо проводится знак тождества между языковыми особенностями этих национальностей. Говоря о румынских притязаниях на Бессарабию, основанных на «этнографических и филологических факторах», Х. Г. Раковский (тогда член ВКП), между прочим, говорит, продолжая эту мысль: «Иначе говоря, исходя из таких аргументов (доказательств), нужно предполагать возможность, что так как молдаване говорят по-румынски, то они хотели об'единиться с румынами по ту сторону Прута». А В. Дембо (беспартийный), делая сноску, поправляет его: «Хотя на самом деле и язык бессарабских молдаван—молдавский—значительно отличается от румынского языка». Еще более определенно «разрешается» вопрос т. Бадулеску в брошюре «Румыния» [3]), где автор вскользь бросает реплику по адресу большевистской политики в конкретном национальном вопросе (молдавском). Иначе как именовать такой фортель тов. Бадулеску: «Румыны (так называмые молдаване) составляют в Бессарабии только 47% населения»? Вот так «так называемые»! Кем называемые, товарищ Бадулеску?

[1]) Их насчитывается свыше 14: молдаван — 47,6%, украинцев — 19,6%, евреев—11,8%, русских—8,0%, болгар—5,3%, гагаузов—2,9%, немцев—3,1%, поляков—0,5%, армян, греков, французов и проч.—каждой менее 0,5%.

[2]) См. Х Раковский и В. Дембо. Румынские притязания на Бессарабию. Изд. «Московский Рабочий». 1926 г. Москва. Стр. 24.

[3]) «Румыния». Изд. «Московский Рабочий». 1927 г. Стр. 30.

Ну, что нужно было бы сказать, если бы те же авторы по вопросу об Украине написали бы: «русские (так называемые украинцы) и пр.»? Каково было бы?!

Пора согласиться с национальной политикой АМССР [1]) в молдавском вопросе, против которой в особенности румынские олигархи направляют острие своих нападок. Самая широкая румынизация Бессарабии в виде принудительных обязательств говорить на румынском языке во всех правительственных и общественных местах, закрытие всех национальных школ, национальные преследования и гонения сигуранцы и ее агентов «кузовцев»-фашистов, перманентные еврейские погромы, насильственное, предвзятое административное деление Бессарабии на избирательные округа с абсолютным преобладанием молдавского (так называемого румынского) населения, и проч., и проч.,—все это лишь все более обостряет национальные противоречия и еще более усиливает национальную ненависть к оккупантам со стороны всех народностей Бессарабии. Негодование против оккупантов, как иноземцев, доходит до того, что многие рабочие и крестьянские семьи отказываются отдавать своих детей учиться в румынские школы, обучая их тайком на дому на родном языке, или предпочитая оставлять их пока без учебы в ожидании дней скорого освобождения от ига румынских пришельцев. Только твердое убеждение и уверенность в освобождении Бессарабии могут создать такой длительный бойкот румынских школ. Разнообразие национальных особенностей в Бессарабии настолько велико, что только правильная национальная политика в бессарабском вопросе может искоренить национальные противоречия в бессарабском вопросе; это может сделать только коммунистическая партия, изучающая и учитывающая весь опыт национальной политики ВКП(б).

Национальные преследования румынских захватчиков против рабочих и крестьян тесно переплетаются с политическими гонениями, перед которыми бледнеют даже методы гонений времен испанской инквизиции. Система пыток доведена в румынской охранке (сигуранца) до чрезвычайной утонченности, целью которых является причинение наибольших страданий своей жертве. Втыкание иголок под ногки пальцев рук; сжимание дверью рук до хрустения костей; вставление раскаленных яиц под мышки (рук); подвешивания; истязание по голым пяткам вплоть до получения «мясного тряпья»; хождение с истерзанными таким путем ногами по холодной, как лед, воде; капанье холодной воды на бритую голову; кормление кисло-соленым составом и лишение при этом по нескольку суток воды; обычные побои, вплоть до обморочного состояния; откачивание и снова побои и т. д., и т. п. Волосы становятся дыбом при одном воспоминании об этих ужасах пыток.

Помимо индивидуальных пыток и истязаний, румынская сигуранца и жандармерия применяют массовый террор, по одному лишь подозрению в большевизме разрушая целые деревни и села артиллерийским огнем, поджигая как отдельные хаты, так и целые кварталы, запирая жертвы в погреб и нагромождая живые тела до предела, а затем расстреливая и удушая жертвы пороховым дымом.

Все это лишь весьма и весьма бледные строки всех тех действительных ужасов, в которых находятся трудящиеся массы, благодаря насилию незванных, остервенелых пришельцев. История десятилетнего господства румынского боярства и буржуазии вкупе с бессарабскими помещиками и капиталистами, это—сплошная, непроглядная тьма, кромешный ад, из которого раздаются стоны рабочих и крестьян Бессарабии, взывающих о помощи к международному пролетариату. Неудивительно, что Бессарабия, это—пороховой погреб, в который достаточно бросить спичку, чтобы вспых-

[1]) Автономная Молдавская Советская Социалистическая Республика.

нуло восстание. История десятилетнего гнета румынской буржуазии над Бессарабией есть, вместе с тем, история беспрерывных восстаний против ига иноземцев, против помещиков и капиталистов, за восстановление власти Советов рабочих и крестьян; это—история восстаний, то внезапно вспыхивающих, то снова затихающих, чтобы собраться с силами и снова нанести удар в тыл румынского владычества. История Бессарабии за период оккупации ее Румынией насчитывает несколько десятков крестьянских восстаний и сотни экономических забастовок пролетариата. Наиболее грандиозными из них были Хотинское восстание 1919 года, Татарбунарское 1924 года и политическая жел.-дор. забастовка в 1921 году. В борьбе с режимом сигуранцы немало погибло лучших борцов за освобождение Бессарабии в тюрьмах, в ссылках, в застенках сигуранцы, на полях восстания, от пули из-за угла, под пытками и истязаниями.

Вся эта борьба рабочих и крестьян пока не имеет еще достаточно сил, чтобы окончательно сбросить иго оккупантов, но она свидетельствует о нарастании революционных сил, об усилении классовых и национальных противоречий, которые рано или поздно приведут снова к освобождению Бессарабии. Бессарабский вопрос может служить орудием вовлечения Румынии в антисоветский блок, но Бессарабия, накопляя опыт предшествующих революций, таким орудием служить не будет. Являясь одним из факторов, революционизирующих Румынию, эта оккупированная окраина первой пробьет брешь в кольце антисоветских блоков и союзов. Не за горами час создания Советской Бессарабии, об'единенной с Автономной Молдавской Советской Социалистической Республикой.

А. Сучков.

Как не надо рассматривать вопрос о формах землепользования.

(Ответ на статью тов. М. Устинова).

Помещенная мною в № 10 «С.-Х. Жизни» 1927 г. статья «Двор или община» дала повод тов. М. Устинову выступить в № 19—20 «Большевика», от 31 октября 1927 г. с статьей «К вопросу о формах землепользования», в которой он пытается доказать, что на страницах наших руководящих органов печати («С.-Х. Жизни») «культивируется» народническая община.

«Некоторые товарищи,—указывает автор,—говорящие и пишущие по этому вопросу, рассматривают формы землепользования не только и не столько со стороны пригодности их для целей развития производительности сельского хозяйства, а в первую очередь под углом зрения создания ими максимума условий для обобществления последнего».

А кто рассматривает формы землепользования со стороны создания ими условий для обобществления сельского хозяйства, кто считает, что формы землепользования обусловливают обобществление его, тот неминуемо будет путаться в противоречиях, из которых не будет выхода.

«Больше того,—продолжает тов. М. Устинов,—раз для широкого развития коллективных форм землепользования (коммун, артелей, товариществ и т. д.) нет налицо тяги самого крестьянства, а равно соответствующих в достаточном количестве средств у нашего государства для поощрения этих коллективных форм, то товарищи, считающие, что обобществление сельского хозяйства обусловливается формой землепользования, вынуждены итти вглубь прошлого, давно отжившего народнического понятия».

И, наконец, автор приводит цитаты из Маркса и Ленина в подтверждение того, что «не форма землепользования создает систему хозяйства, а система хозяйства, назревая, создает свою, ей лишь свойственную форму землепользования» и приходит к выводу о том, что «переход к социализму не будет зависеть от форм землепользования, а социализм, придя (разр. наша. *А. С.*), создает ту или иную форму землепользования». И все изложение тов. М. Устинов ведет в направлении рассмотрения форм землепользования только со стороны пригодности их для целей развития производительных сил сельского хозяйства, без всякого учета той целевой установки, согласно которой это развитие должно быть введено в общее русло нашего социалистического строительства. А между тем, в этом все дело. Но обратимся к существу вопроса и к соображениям по нему тов. М. Устинова.

Он нам рекомендует положиться на стихию, отказаться от планового регулирования сел.-хоз. строительства и предоставить развитие деревни в этом отношении самому себе, а она, «матушка-деревня», через капиталистический способ землепользования и хозяйства, эволюционным путем дой-

дет до социализма, и сама по себе создаст необходимые нам социалистические формы производства.

Сопоставим эти взгляды с напечатанными в том же номере «Большевика» выдержками из тезисов тов. Молотова к XV партс'езду.

«Ведущим началом всего народнохозяйственного развития,—говорится в тезисах, являются командные хозяйственные высоты, в первую очередь крупная промышленность. Но если в капиталистическом обществе ведущая роль этих командных высот определялась их капиталистическим содержанием, то национализированная промышленность, кредитные институты, транспорт, кооперация и госторговля пролетарского государства являются могущественнейшими рычагами социалистического преобразования деревни. Плановое руководство хозяйством, которое делается возможным благодаря громадной централизации средств производства и аппаратов, обслуживающих процесс обращения, в руках пролетарской власти, неизбежно создает гигантские возможности преобразующего воздействия на экономику деревни».

«Эти предпосылки создают возможность более широкого охвата кооперацией бедняцких и середняцких слоев деревни, дальнейшего усиления планового воздействия на крестьянское хозяйство и более решительного наступления на кулака на основе достигнутых успехов по закреплению союза пролетариата и деревенской бедноты с середняком».

«За последнее время нужно констатировать значительное усиление планово-регулирующей роли пролетарского государства в сельском хозяйстве и рост влияния социалистических элементов в самой деревне».

Из этих выдержек мы видим, что советское государство ведет экономику деревни через планово-регулирующий путь по столбовой дороге к социализму, отвергая в силу этого, эволюционно-стихийный путь, как путь буржуазно-капиталистический.

По частному же вопросу о формах землепользования в тезисах тов. Молотова, одобренных высшими органами партийного руководства, определенно говорится, что необходимо зажимать хуторские и отрубные формы там, где они способствуют росту и укреплению кулацких элементов, и всячески способствовать образованию форм, наиболее благоприятствующих кооперированию сел.-хоз. производства. Отсюда мы видим, какое громадное пространство отделяет равнодушно-эволюционную точку зрения тов. М. Устинова на формы землепользования от активной целеустремленности в этом вопросе тезисов ЦК ВКП(б) о работе в деревне.

«Община служит,—говорит тов. М. Устинов,—громадным тормозом в развитии производительных сил сельского хозяйства».

Этот аргумент не является новым: слышали его задолго до М. Устинова из уст как буржуазных экономистов, так и простых обывателей, которые доказывали и доказывают, что частное хозяйство работает лучше государственного и общественного; частное доходно, а государственное убыточно; отсюда требование буржуазного обывателя: дать простор и размах частному предпринимателю, который поставит свое хозяйство на должную высоту, и т. д.

Здесь, очевидно, речь идет об индивидуальном прогрессе на старых буржуазных основах. Но ради такого прогресса наше государство едва ли пойдет на ликвидацию общины.

Для нашего государства, превратившего прежние общественные отношения в их противоположность, ничто прогресс индивидуумов; для него все—это прогресс всего общества на социалистических основах, и на обязанности этого государства лежит массовый под'ем слабых и просвещение отсталых.

Острие мысли тов. М. Устинова всецело направлено против общины в защиту двора. Верно то, что прежняя община была препятствием для развития сельского хозяйства, что защитниками общины были народники, и, наконец, верно то, что Ленин народническую общину высмеивал. Все это так. Все это верно. Но в чем же дело, и из-за чего спорят товарищи в печати,—одни, беря под защиту общину, другие—двор? А дело в том, что здесь спор идет не столько о форме землепользования, сколько о сути хозяйствования.

Тот, кто отстаивает по этой линии подворную форму землепользования, катится к кулачеству. И если это устремление не получит должного освещения и отпора, то оно может проникнуть в массы и принести большой вред в работе земорганов в случае, если будет воспринято нашими, особенно низовыми, работниками строительства советской деревни.

Тов. М. Устинов, явно не учитывает того, что современная община (земельное общество) есть творение Октябрьской революции, оформленное в законодательстве Союза рабочих и крестьян. Современная община нисколько не похожа как на народническую общину, так и на столыпинские земельно-хозяйственные формы.

В XIX столетии Фридрих Энгельс писал: «Уцелело ли от русской общины столько, чтобы она и теперь, как еще мы надеялись с Марксом в 1892 г., смогла, при наступлении переворота в Западной Европе, стать исходным пунктом коммунистического развития,—судить не берусь. Но не подлежит сомнению вот что, для того, чтобы уцелело хоть что-нибудь от этой общины, необходимо, прежде всего, низвержение царского деспотизма, необходима революция в России. Русская революция не только уничтожит разобщенность деревень, в которых живет главная масса наций, крестьяне, и которые составляют их «мир», их вселенную, не только вырвет крестьян из этой обстановки и выведет их на широкую арену, где они узнают внешний мир, а вместе с тем и самих себя, узнают собственное свое положение и средства избавиться от теперешней нужды, но и даст новый толчок рабочему движению Запада, создаст для него лучшие условия борьбы и тем ускорит победу современного промышленного пролетариата, без которой внешняя Россия не может притти ни от общины, ни от капитализма к преобразованию общества на социалистических началах».

Из этого мы видим, что для Энгельса народническая община не являлась ключом к социальному перевороту: для него этим ключом была революция в России, которая сохранит остатки общины, преобразовав их в новую форму применительно к пути развития нового класса, который станет господствующим после революции.

А вот и выдержка из Маркса [1]): «Врожденный дуализм общины (общественное землевладение и индивидуальное пользование) допускает альтернативу: либо начало собственности одержит в ней верх над началом коллективным, либо последнее одержит верх над первым. Все зависит от исторической среды, в которой она находится.

«Отвлечемся на минуту от бедствий, которые давят русскую общину, и присмотримся только к ее возможной эволюции. Она занимает совершенно особое положение без прецедентов в истории. Она лишь одна в Европе является органической господствующей формой сельской жизни огромной империи. Общая собственность на землю предоставляет ей естественную базу коллективного присвоения, а ее историческая среда существования капиталистического производства—дает ей в готовом виде материальные усло-

[1]) Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Институт Маркса и Энгельса. Под ред. Д. Рязанова. Кн. 1, Госиздат. Москва 1924 г. В. Засулич и К. Маркс, III черновик, стр. 285.

вия кооперативного хозяйства, организованного в широком масштабе. Она может, следовательно, воспользоваться всеми положительными изобретениями, сделанными капиталистической системой, не проходя сквозь ее Кавдинские ущелья. Она может при помощи машин, для которых так удобна физическая конфигурация русской почвы, постепенно заместить парцеллярное хозяйство сложным хозяйством. Будучи предварительно приведена в ее теперешней форме, она может стать непосредственным отправным пунктом экономической системы, к которой стремится современное общество, и зажить новой жизнью, не прибегая для этого к самоубийству.

«Ну, а проклятие, которое поражает общину,—ее обособленность, отсутствие связи между жизнью одной общины и жизнью других общин, этот локализированный микроскоп, который лишал ее до настоящей поры всякой исторической инициативы. Он исчезнет посреди общего сотрясения русского общества».

То, что предвидели Маркс и Энгельс, мы имели: Февральскую революцию (низвержение царского деспотизма) и Октябрьскую революцию (низвержение буржуазии). Отсюда, как следствие, мы имеем нашу советскую общину (земельное общество), как земельную ячейку, являющуюся основой землепользования в деревне.

Основными завоеваниями Октябрьской революции в области земельных отношений являются: национализация земли и отмена навсегда частной собственности на землю Национализированная земля составляет собственность рабоче-крестьянского государства, которое, оставаясь собственником земли, предоставило в трудовое пользование огромную долю сельскохозяйственной площади республики (до 97 проц.) земельным обществам с тем, чтобы землепользователи обрабатывали землю личным трудом, и притом правильно и целесообразно использовали находящиеся в их пользовании угодия.

Тов. Суханов в журнале № 11—12 «На Аграрном Фронте» пишет об общине: «Освобожденная от сословных, полицейских и прочих пут, современная община юридически характеризуется следующими признаками: 1) она имеет фиксированную территорию (постоянную земельную площадь); 2) она имеет население, использующее эту территорию (землю) для хозяйственных целей; 3) она управляется либо общим собранием ее населения (сходом), либо выборными своими людьми; 4) сход или выборный орган располагает всей полнотой прав в области распоряжения землей; 5) права его ограничиваются лишь невозможностью отказа ее членам в равном с другими праве на землю без особых к тому оснований; 6) сход или заменяющий его орган обладает полнотой прав и в прочих хозяйственных делах, не связанных прямо с пользованием землей, поскольку эти дела касаются всего населения данной территории; 7) сход обладает правами юридического лица при сношениях с внешним миром; 8) все эти права сход осуществляет большинством голосов; 9) принадлежность к общине определяется рождением и является пожизненной; 10) выход из общины без земли определяется простой отлучкой ее члена; 11) вступление в общину со стороны возможно, согласно приговору схода; 12) выход из общины отдельных ее членов с причитающейся им долей земли возможен с согласия общины, т.-е. община имеет право самоуправления; 13) лица, живущие на территории общины, но не являющиеся ее членами (пришлые), не участвуют в управлении делами общины».

В настоящее время основным и главным землепользователем является исторически сложившееся, но преобразованное революцией земельное общество, это земельное общество образуется из дворов, а в некоторых случаях является коллективом, состоящим из отдельных землепользователей. И подобно тому, как государство подходит к отдельным дворам только через составляющиеся из них земельные общества, так само земельное общество подходит к отдельным землепользователям, своим членам, только через дворы, в которые они входят и вследствие принадлежности к которым они осуществляют свои права. Таким образом, мы получаем последовательность владельцев земельных прав: государство—земельное общество—двор—землепользователь, из которых первому принадлежит право собственности на земли, второму—право распоряжения землепользованием, третий же является об'единением непосредственных землепользователей и имеет право участия, соответственно своему составу, пользования землей, закрепленной за земельным обществом, на правах членства, согласно уставу общества или установленному его приговором порядку землепользования.

Земельному обществу, как указано выше, присвоены права так наз. юридического лица, т.-е. оно может от своего лица приобретать имущество, заключать договоры, искать и отвечать на суде, ходатайствовать в других учреждениях и т. п.

Таким образом, община, преобразованная в земельное общество, является низовой организацией, на основе которой происходит регулирование государством всего землепользования.

М. Устинов неправильно говорит, что община мешает хозяйству и держит в тисках передовых крестьян. Во-первых, мы через общину, несмотря на пережитое трудное время, не только достигли в сельском хозяйстве довоенного уровня, но и перешагнули его. Во-вторых, община может быть улучшаема, т.-е. из трехпольной, превращаться в многопольную, из страдающей много-мелко- и узкополосицей—в широкополосную, из переделяющейся чуть не каждый год—в редко переделяющуюся и т. д. В-третьих, земельный кодекс не держит крестьян в общине насильно, а дает им выход из нее как в коллективы, так и на улучшенные формы единоличного хозяйства (поселки, выселки и проч.).

Реорганизованная на советских началах община, в противоположность хуторскому и отрубному землепользованию, наиболее разобщающему землю и хозяйство, дает возможность на своих о б щ и х для всех хозяйств севооборотных полях применять крупные и сложные сел.-хоз. машины и орудия, т.-е. проводить п р о и з в о д с т в е н н о е к о о п е р и р о в а н и е и при помощи агрикультурного воздействия обеспечивает м а с с о в ы е сдвиги входящих в них хозяйств.

Отрицательные же стороны подворного землепользования, к которому так сочувственно относится тов. М. Устинов, выражаются в следующем:

1) Подворное землепользование не отвечает социально-политическим и экономическим требованиям современного строительства и, вместе с тем, способствует расслоению крестьянства, которое сейчас хотя не протекает в резкой форме, но с введением подворного землепользования может обостриться и толкнет крестьянство по так наз. фермерскому пути; таким образом, подворное землепользование явится предпосылкой для развития частнохозяйственных отношений в деревне.

2) Переход к формам подворного землепользования укрепляет в сознании крестьян собственнические стремления и, в силу консервативности единоличных земельно-хозяйственных форм, создает большие препятствия для перехода к крупным социалистическим формам сельского хозяйства на основе индустриализации.

3) Подворное землепользование не составляет той формы, при которой дается облегченная возможность развития крестьянского сельского хозяйства по пути его обобществления. Под'ем последнего возможен лишь на основании широкого развития сельскохозяйственной кооперации. Подворное же землепользование, хотя и повышает производительность отдельных дворо-хозяйств, но повышает его только на несколько лет; затем создается за-

стой, так как производственное кооперирование сельского хозяйства затрудняется здесь формами, размерами и существом подворного землепользования.

4) Переход к подворной форме землепользования осложнит государственное регулирование сел.-хоз. строительства и проведение земельной политики в деревне, так как общества тогда будут заменены 24 миллионами распыленных, одиночных дворов и не будет той организации, которая их об'единяет и через которую производится воздействие на землепользование, т.-е. такой организации, которая теперь устанавливает и изменяет порядок землепользования, определяет способы пользования общими угодиями, производит переделы, ходатайствует о землеустройстве и проч.

5) Наконец, подворное землепользование предполагает как бы собственность на землю, устраняет переделы земли, оставляет пролетариат и полупролетариат в деревне без земельного обеспечения, порождает в сельском хозяйстве беспорядок производства и имеет труднопреодолимые признаки столыпинской формы землепользования, являясь излюбленной кулацкой формой.

Из всего этого вытекает, что более выгодной и целесообразной в текущем переходном периоде следует считать усовершенствованную общинную форму землепользования, создающую удобную территориальную базу для перехода к общественной форме хозяйства, а не подворную форму и что поэтому, в противоположность либерализму тов. М. Устинова, на содействие образованию первой формы должны быть направлены меры экономической политики, как это и имеет место теперь в руководимом партией земельно-хозяйственном строительстве.

В заключение скажем, что у тов. М. Устинова, кроме его буржуазного взгляда на существующие вещи в нашей стране, не было данных для защиты выдвинутого им положения. Это видно из того, что М. Устинову понадобилась литературная подделка: приведенная им цитата из моей статьи—«Общинная форма землепользования отвечает всем запросам как кооперирования, так и вообще земельной политике в деревне»,—грубо подделана, так как подлинный абзац моей статьи нужно читать так: «Более выгодной и целесообразной надлежит считать общественную форму землепользования (земельное общество), но не подворную форму, так как первая отвечает всем запросам как кооперирования сельского хозяйства, так и вообще земельной политике в деревне». Этим фактом свидетельствуется вся несостоятельность положения, выдвинутого М. Устиновым.

В. Астров.

Ответы на некоторые вопросы читателей.

В редакцию «Большевика» поступил целый ряд вопросов, относящихся к выяснению существа социализма и коммунизма, т.-е. низшей и высшей стадии коммунистического общества, и взаимного отличия этих двух стадий. Вместе с тем товарищи спрашивают снова о характере наших государственных предприятий и о характере кооперации в советском строе. Подобные вопросы поступили от группы преподавателей-экономистов брянской губсовпартшколы (тт. Спивак, Петрищев, Орликова), от т. Федорова, т. Крупника и др.

Говорить о социалистическом типе предприятий в наших условиях можно, лишь уяснив себе основное в понятии «социализм». Поэтому мы и начнем с выяснения вопроса: что такое социализм? Для этого нам придется привести некоторые выдержки из сочинений Маркса и Ленина.

Под коммунизмом мы понимаем полное уничтожение частной собственности на средства производства, замену ее общественной собственностью и коммунизм в потреблении, основанный на принципе: с каждого—по способностям, каждому—по потребностям.

Этой коммунистической организации хозяйства соответствует полное отсутствие в коммунистическом обществе классов и государства. В области культурной, предпосылкой осуществления полного коммунизма является уничтожение противоположности между трудом умственным и физическим, возможное лишь на весьма высокой ступени развития производительных сил.

Маркс так характеризует эту высшую стадию коммунизма:

> «Лишь на высшей стадии коммунистического общества после того, как исчезнет порабощающее человека разделение труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидуумов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком,—лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: «каждый—по способностям, каждому—по потребностям». («Критика Готтской программы»).

Первая (низшая) ступень коммунизма, которую Маркс и Ленин называют социализмом, означает осуществление первого из названных нами выше экономических условий высшей коммунистической стадии: уничтожение частной собственности на средства производства и замена ее общественной собственностью. Что же касается сферы потребления и принципов организации труда, то в этой области экономики еще сохраняется, по выражению Маркса, «буржуазное право», ибо распределение труда и средств потребления регулируется принципом: каждому—по

его труду, что связано с индивидуальной собственностью на средства потребления. В соответствии с этой не вполне коммунистической экономикой остается не вполне коммунистическим и все социальное и культурное лицо социалистического общества, сохраняя на себе, по выражению Маркса, «родимые пятна» капитализма. Классы, как постоянные общественные группы, противостоящие друг другу в процессе производства, в основном уничтожены, так как не существует частной собственности на средства производства, но еще сохраняются остатки былого общественного неравенства, связанные с некоммунистическим распределением средств потребления и пр. Государство перестает быть органом классового угнетения, но оно сохраняется еще для охраны общественной собственности на средства производства и для регулирования социалистической системы распределения труда и средств потребления. Существует еще неравенство и противоположность между трудом умственным и физическим.

Маркс пишет о социализме, как о «товарищеском, основанном на общем владении средствами производства обществе»; в нем «ничто не может перейти в собственность индивидуума, кроме индивидуальных средств потребления. Но что касается распределения их между отдельными производителями,—продолжает Маркс,—то здесь господствует тот же самый принцип, что и при обмене товарных эквивалентов: известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой форме». («Критика Готтской программы»).

Ленин, разбирая в своей книге «Государство и революция» вопрос о фазах коммунистического общества и опираясь на Маркса, говорит о социализме, как о «низшей фазе коммунистического общества», следующее:

«Средства производства уже вышли из частной собственности отдельных лиц. Средства производства принадлежат всему обществу»... «Маркс показывает ход развития коммунистического общества, которое вынуждено сначала уничтожить только ту «несправедливость», что средства производства захвачены отдельными лицами, и которое не в состоянии сразу уничтожить и дальнейшую несправедливость, состоящую в распределении предметов потребления «по работе» (а не по потребностям)».

И далее:

«Таким образом, в первой фазе коммунистического общества (которую обычно зовут социализмом) «буржуазное право» отменяется не вполне, а лишь отчасти, а лишь в меру достигнутого экономического переворота, т.-е. лишь по отношению к средствам производства. «Буржуазное право» признает их частной собственностью отдельных лиц.

Социализм делает их общей собственностью. Постольку— и лишь постольку — «буржуазное право» отпадает.

Но оно остается в другой своей части, остается в качестве регулятора (определителя) распределения продуктов и распределения труда между членами общества. «Кто не работает, тот не должен есть»,—этот социалистический принцип уже осуществлен; «за равное количество труда равное количество продукта»—и этот социалистический принцип уже осуществлен. Однако, это еще не коммунизм, и это еще не устраняет «буржуазного права», которое неравным людям за неравное (фактически неравное) количество труда дает равное количество продуктов».

А других норм, кроме «буржуазного права», нет. И постольку остается еще необходимость в государстве, которое бы, сохраняя общую собственность на средства производства, охраняло равенство труда и равенство дележа продукта.

Государство отмирает, поскольку капиталистов уже нет, классов уже нет, подавлять поэтому какой бы то ни было класс нельзя.

Но государство еще не отмерло совсем, ибо остается охрана «буржуазного права», освящающего фактическое неравенство. Для полного отмирания государства нужен полный коммунизм». (Соч. Ленина, т. XIV, ч. 2, стр. 372—374).

После того, как мы из этих положений Маркса и Ленина уясним себе суть и отличие социализма от коммунизма, нам не трудно будет ответить на вопросы, которые ставят нам читатели «Большевика».

Первый вопрос. — Тов. Крупник спрашивает нас, не правы ли те товарищи, которые, видя отсутствие на наших государственных предприятиях коммунистического распределения продуктов и вполне коммунистической организации труда, склоняются к толкованию слов Ленина о «последовательно-социалистическом типе» госпредприятий в том смысле, что эти предприятия лишь в будущем «последуют» к социализму? Само собой понятно, что они кругом не правы! Они не продумали до конца точки зрения Ленина и нашей партии на характер госпредприятий, они не поняли до конца, в чем именно состояла оппортунистическая суть взглядов оппозиции на этот вопрос.

В чем состоит социалистический «тип» производственных отношений? Из вышеизложенного ясно, что он состоит в уничтожении частной собственности на средства производства, в общественной собственности на них. Что касается распределения продуктов и распределения труда, то, при социалистическом типе производственных отношений, в этой области еще сохраняется, по выражению Маркса, «буржуазное право», как «родимое пятно» капиталистического общества, из которого революционным путем рождается социализм. Таким «родимым пятном» сейчас является денежная зарплата, сдельщина, различие в ставках, продажа продуктов и пр. (не говоря уже о наличии тех или иных бюрократических извращений в управлении предприятиями). Все эти «родимые пятна» никоим образом не уничтожают того факта, что средства производства принадлежат обществу, что и делает госпредприятия социалистическими по типу производственных отношений.

Ленин говорит не о коммунистическом, в полном смысле этого слова, а о социалистическом типе советских госпредприятий, и он вполне прав, когда об'являет этот тип предприятий в полном смысле этого слова (именно это и означает сделанное им добавление «последовательно») социалистическим типом. «Социализм—не икона», социализм мы «протаскиваем в повседневную жизнь», часто повторял Ленин. Эти слова следует напоминать тем, кто сомневается в последовательно-социалистическом характере наших госпредприятий, внутри которых уничтожена частная собственность на средства производства и уничтожены классы.

Второй вопрос. — Группа тт. преподавателей брянской совпартшколы не удовлетворяется теми раз'яснениями по вопросу о социалистическом характере кооперации при диктатуре пролетариата, которые автор этих строк дал в своей прошлой статье (№ 19—20 «Большевика» за 1927 г.). Товарищи утверждают, что отказываясь признать сбытовую и потребительскую кооперацию в советских условиях за последовательно-социалистический тип предприятий, я недооценил значения диктатуры пролетариата и к тому же впал в противоречие со своей собственной позицией, занятой в споре с Преображенским (№ 21—22 «Большевика» за 1926 г.).

По существу вопрос становится ясным, если мы обратимся к вышеизложенным принципиальным взглядам на сущность социализма. Является ли сбытовая кооперация такой организацией, которая сама по себе уничтожает частную собственность на средства производства подобно тому, как это мы видим в госпредприятиях? Ясно, что нет. После этого, если для нас теория не есть собрание пустых догматических формул, а обобщение живой жизни, то мы обязаны провести известную теоретическую грань между определениями социально-экономического существа наших госпредприятий и сбытовой кооперации. Я и провел эту грань, отказавшись признать сбытовую кооперацию, которая, пользуясь выражением Энгельса, предоставляет мелкому крестьянину еще «долго подумать» о переходе к товарищескому хозяйству на своем «клочке земли» (в СССР—над «своими» орудиями производства), последовательно-социалистическим типом предприятия.

Вместе с тем, можно и должно говорить о социалистическом характере (точнее—о социалистической роли) такой кооперации, как сбытовая и потребительская, в условиях диктатуры пролетариата в том смысле, что эта кооперация ведет мелкое производство по пути к обобществлению, к уничтожению частной собственности и классов. Не являясь еще последовательно-социалистическим типом производственных отношений в наших условиях, эта кооперация является средством, путем, рычагом, руслом к преобразованию мелкого производства в производство последовательно-социалистического типа.

Удивляюсь, как товарищи могли меня упрекнуть в том, что я будто бы отступил от своей точки зрения, выраженной в полемике с Преображенским. В своем письме они, ведь, сами приводят цитату из моей статьи, гласящую:

> «С упорством, достойным безусловно лучшей участи, т. Преображенский пропагандирует идею о социалистическом характере одной лишь производственной кооперации... Ленин же имел в виду прежде всего кооперацию в сфере обращения, хотя и менее приближающуюся к социалистическому производству по своему типу, чем кооперация производственная но зато способную проще, легче и быстрее охватить основную массу, торгующую своими продуктами мелко-крестьянского населения, чтобы впоследствии подвести ее к коллективному производству».

Из этой цитаты видно, что я, отстаивая социалистический характер кооперации в советских условиях, и тогда, в 1926 г., делал то же самое различие между «обращенческой» и производственной кооперацией по их социально-экономическому типу, какое я сделал и в «Ответах на некоторые вопросы читателей».

Вообще кооперация, как таковая, есть известная организационная форма, наличие которой еще не предрешает характера охватываемых ею производственных отношений. Эта организационная форма в различных условиях наполняется различным социально-экономическим содержанием: при капитализме внутри кооперации развиваются капиталистические отношения, при диктатуре пролетариата—социалистические. Из последнего обстоятельства вытекает социалистическая роль нашей кооперации. Однако, внутри ее социалистические производственные отношения возникают и развиваются в процессе переделки мелкого частного производства, которое отнюдь не превращается в социалистическое сразу, в момент «записи в кооперацию» (если исключить построенные на основе полного обобществления средств производства колхозы). Социалистическая кооперативная форма «заполняется» социалистическим содержанием, т.-е. социалистическими производственными

отношениями, по мере развития социализма в СССР. На этом пути возможно частичное возрождение даже капиталистических отношений внутри кооперации, с чем нам приходится упорно бороться и что мы, в конце концов, преодолеем.

Вопрос третий. — Тов. Федоров спрашивает: «Имеется толкование, что данный (нынешний) период именуется социализмом, так как при социализме есть классы, между тем как Ленин и Маркс говорят, что при социализме классов не будет. Правильно ли такое толкование?»

Из вышеизложенного ясно, что толкование современного общественно-экономического строя СССР, в целом, как строя социалистического, не правильно и оно будет неправильным до тех пор, пока мы в основном не уничтожим классы в нашей стране, заменив частную собственность на средства производства общественной собственностью не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве.

Было бы никчемной схоластикой пытаться определить сроки или делать какие-либо цифровые выкладки на тему о том, с какого момента, с какого «процента» обобществления средств производства в стране («70%», «90%», и т. п.) мы сможем уже начать «летосчисление социализма» в СССР. Для нас должно лишь быть ясным, что социализм, как сложившийся общественный строй, ни в коем случае не упадет к нам «с неба», а явится продуктом развития социалистических элементов в нашей экономике, продуктом развития обобществленной промышленности и коллективного сельского хозяйства. Та эпоха, которую мы переживаем, эпоха строительства социализма при диктатуре пролетариата, при существовании в СССР классов и разнообразных экономических укладов, есть эпоха переходная от капитализма к социализму.

Однако, существеннейшее значение имеет та гегемония, то руководство, которое социалистические элементы экономики уже отвоевали себе в процессе хозяйственного развития страны (ведущая роль социалистического города в хозяйстве). Служа прочной (и растущей) экономической базой диктатуры пролетариата и обеспечивая нам возможность построения социализма, социалистическая промышленность уже сейчас позволяет нам называть СССР подлинно-социалистическим отечеством международного пролетариата, «страной социализма». Если дореволюционная Россия, имевшая крупнейшие остатки феодализма, большинство полунатуральных крестьянских хозяйств и пр., все же считалась в основном страной капиталистической, то удельный вес социалистических элементов, имеющих на своей стороне крупное преимущество классовой организации, в СССР уже сейчас не меньше, чем был удельный вес капиталистических элементов в царской России. Поскольку социалистические элементы у нас играют ведущую роль в хозяйстве, допустимо в этом смысле, а не в смысле сложившегося социалистического строя, называть нашу страну социалистической.

Вопрос четвертый. — Тот же тов. Федоров спрашивает: «Уживается ли диктатура пролетариата с социализмом (первая стадия коммунизма) и не есть ли это одна стадия общественной формации?»

Строго говоря, это есть две различных, следующих одна за другой стадии: при диктатуре пролетариата еще существуют классы и частная собственность, при социализме—нет; при социализме государство уже теряет характер органа классового угнетения, т.-е. существеннейшую черту диктатуры пролетариата. Однако, было бы неправильно проводить резкую грань или черту, воздвигать несуществующую «китайскую стену» между периодом диктатуры пролетариата и социализмом, ибо исторически эти два периода вырастают один из другого, постепенно сменяют друг друга, так сказать, «входят» один в другой. В конце периода диктатуры пролетариата на-

ступает момент, когда социалистические элементы начнут играть такую преобладающую роль в экономике страны, что, в сущности, уже начнется период социализма, хотя известное время диктатура пролетариата будет существовать и как орган классового угнетения и классового руководства по отношению к тем остаткам других классов (в особенности мелких производителей), которые еще на известный срок будут уживаться на ряду с преобладающим социалистическим сектором хозяйства. Период диктатуры пролетариата перерастает в социализм, как первую стадию коммунизма, являясь сам, как мы уже сказали, переходным периодом от капитализма к социализму.

Существенно важно для характеристики периода диктатуры пролетариата усвоить, что этот период по разному начинается и кончается: начинается он с пролетарской революции, с насильственного свержения власти буржуазии пролетариатом, с революционной ломки экономики и т. д., а кончается он эволюцией в социализм, безреволюционным перерастанием в следующую фазу исторического развития.

Из приведенных выше положений Маркса и Ленина мы видели, что, согласно их теории, в течение всей первой фазы коммунизма, т.-е. социалистической фазы, государство еще будет существовать, точнее «отмирать», пока оно совсем не отомрет с наступлением высшей фазы коммунизма. Продолжать ли называть это государство в эпоху социализма «диктатурой пролетариата», или называть «социалистическим государством», или как-либо иначе,—это вопрос второстепенный. Важно лишь понять, что тогда пролетариата, как особого класса, противостоящего другим классам и обществам, уже не будет, и государство будет лишено функции классового угнетения. Тем самым только одна традиция, а не существо дела, может сохранить за таким государством наименование «пролетарской (т.-е. классовой) диктатуры».

Что касается вопроса того же товарища: «исчезнет ли государство при коммунизме?»,—то ответ на него уже был дан выше: оно совершенно исчезнет. Опять-таки, если правильно, что нет «китайской стены» между переходным периодом от капитализма к социализму (период диктатуры) и социализмом, то это тем более правильно по отношению к низшей и высшей фазам коммунизма. Коммунистические принципы начинают осуществляться при социализме и окончательно осуществляются, в развернутом виде, при высшей фазе коммунизма.

* * *

Перейдем к другим вопросам. Некоторые товарищи спрашивают, является ли в советских условиях так называемая «рабочая аристократия» в какой бы то ни было мере базой для оппортунистических настроений? Тов. Файн в присланной нам статье «О неоднородности пролетариата» утверждает, что «верхний слой пролетариата в нашем государстве, хотя и оторван от рабочего-«середняка», отнюдь не является проводником буржуазного влияния, а, наоборот, служит опорой коммунистической партии и советской власти».

Вопрос этот требует более или менее пристального рассмотрения. Во-первых, очевидно, что у т. Файн речь идет не о всем слое квалифицированного пролетариата в широком смысле этого слова (ибо тогда нечего было бы говорить об оторванности этого слоя от рабочего-середняка), а о более узкой прослойке рабочих, получающих наиболее высокие ставки, об «унтер-офицерах» и «офицерах» в производстве: о мастерах, техниках, частью служащих, специалистах и т. д. Во-вторых, далее, вопрос ставится автором так, как будто бы этот слой, в силу того, что его выше других оплачивает не буржуазия, а советское государство, является наилучшей опорой советской власти (здесь обнаруживается некоторое внутреннее противоречие у автора, ибо выходит, что «оторванный» от рабочей основной массы слой якобы может быть основной опорой советской власти!).

Рассмотрим вопрос по существу. В империалистических странах рабочая аристократия оппортунистична потому, что ее, за счет колониальных сверхприбылей, подкупает буржуазия. Ясно, что этой экономической базы в наших советских предприятиях нет и быть не может. Поэтому вопрос об оппортунистических влияниях на лучше оплачиваемые слои пролетариата у нас стоит в корне иначе, по другому, чем в империалистических странах.

Но дает ли это бесспорное положение основания утверждать, что у нас данный слой пролетариата наиболее обеспечен и предохранен от оппортунистических влияний? Нам кажется, что это неверно.

Данный слой получает высокую зарплату, действительно, не от буржуазии, а от советской власти. Но ведь и в старое время этот слой получал более высокую заработную плату, чем остальные. Следовательно, он имеет меньше экономических причин ненавидеть капиталистический строй, сравнивая его с советским, чем другие рабочие. Это—первое.

Второе. При общем курсе на выравнивание зарплат мы подчас относительно уменьшаем зарплату «рабочей аристократии» по сравнению со старым временем (относительно других слоев рабочих). Это может вызывать некоторые затаенные симпатии по отношению к капитализму.

Третье. Некоторые представители «рабочей аристократии» кое-чего лишились в итоге Октябрьской революции, например, вкладов, сбережений и т. д.

Четвертое. Эти слои имели, частью имеют и сейчас, возможность приобретать ту или иную частную собственность вне производства, что способно заражать их мелкобуржуазной психологией. И т. д., и т. п.

Все это составляет некую особую (отличную от условий империализма) базу для оппортунистических влияний на нашу «верхушку» рабочего класса. Эта база, разумеется, несравненно уже империалистической базы, в особенности в нашей стране, где и империализм-то в старое время был слабее других империализмов. Но все же эти обстоятельства не дают возможности выделить верхушку рабочего класса из остальной его массы, как якобы особо крепкую базу советской власти и нашей партии. Наоборот, она принадлежит к слоям более подверженным оппортунизму, чем рабочие «середняки».

Вот что писал об этом Ленин:

> «Внутри советских инженеров, внутри советских учителей, внутри привилегированных, т.-е. наиболее квалифицированных и наилучше поставленных, рабочих на советских фабриках мы видим постоянное возрождение решительно всех тех отрицательных черт, которые свойственны буржуазному парламентаризму, и только повторной, неустанной, длительной, упорной борьбой пролетарской организованности и дисциплины мы побеждаем—постепенно—это зло». («Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Соч., т. XVII, стр. 197).

Но, конечно, в нашем пролетариате есть и другие слои, подверженные в сильной степени мелкобуржуазным влияниям, слои, которые существуют и в империалистических странах. Это—пролетарии, связанные с мелкой собственностью; на Западе очень часто—с ремеслом или домовладением, у нас большей частью—с крестьянским хозяйством. Этот слой у нас является наиболее массовым носителем различных, по преимуществу неустойчивых, оппортунистических настроений и колебаний. Степень его подверженности оппортунизму опять-таки никоим образом не может итти в сравнение

с оппортунистичностью рабочей аристократии в империалистских странах. При всем наличии базы для возникновения оппортунизма, корни оппортунизма при победившей диктатуре пролетариата, в общем, слабее, чем в буржуазных странах, ибо сила оппортунизма в стране теснейшим образом связана с силой в ней капитализма и империализма.

* * *

В заключение ответим на один из практических организационных вопросов, заданных нам, отложив ответ на остальные до другого раза. Тов. Б. пишет нам, что в Архангельской губернии (по его утверждению, и в других губерниях) практикуется такая форма работы с беспартийным активом, когда парторганы систематически созывают на совместные собрания весь беспартийный актив своего района, работающий в самых разнообразных организациях: советских, профессиональных, кооперативных и т. д. Правильна ли такая форма работы?—спрашивает т. Б., и высказывает мнение, что с его точки зрения эта форма неправильна.

К мнению т. Б. следует присоединиться. Как он правильно указывает, эта форма работы есть нечто в роде возрождения института и организации «сочувствующих». Такой институт в свое время был необходим, но сейчас, когда общественная активность, в условиях социалистического строительства, не может итти иначе, как по руслам той или иной практической работы, связанной с определенными организациями, такой «всеохватывающий» воспитательный институт был бы осужден на бесплодие, «болтологию». Он мог бы даже принести вред, в особенности в деревне, где при умелом «подталкивании» со стороны антисоветских элементов он может противопоставлять себя партийным ячейкам, что не поведет к улучшению условий работы и к воспитанию действительно советского беспартийного актива.

Сказанное не исключает возможности созывать отдельные, чисто-эпизодические совещания, устраиваемые, например, для обсуждения плана срочного выполнения хлебозаготовок или каких-либо исключительно важных и срочных общеполитических вопросов. Но как система, как «институт», такая форма работы для настоящих условий нам представляется непригодной.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

О ЧЕМ ОНИ ПРОРОЧИЛИ.

(Историческая справка о нэпе и идеологах русской буржуазии).

Не из-за любви к библиографии, к «раритету», к «унику му» рассматриваем мы в настоящем очерке давно забытые статьи давно забытого журнала. Мы считаем, что, несмотря на то, что со времени издания «Экономиста» прошло уже шесть лет, все же статьи его своей ценности не потеряли.

В них слышен голос наших врагов, врагов трезвых и сознательных. Это не эмигрантская литература, призывающая к насаждению монархии путем порки крестьян и отбирания у них конфискованной в 1917 году у помещиков земли. Авторы статей в «Экономисте» не эмигранты, и это чувствуется в их оценках, в их взглядах. Не на помещика у них ставится ставка, а на кулака. На того кулака, который, наливаясь кровью и богатея, должен был, по их мнению, стать у власти, на «хозяйственного мужика» ставилась ставка русской (неэмигрантской) буржуазии.

Внутрироссийская буржуазия встретила нэп, как переходную ступень обратно к капитализму. В этом была ее основная ошибка. Нэп является, конечно, переходной ступенью, но не к капитализму, а к социализму.

Наша линия, наша политика должна постоянно проверяться отзывами наших врагов. Скверно, когда враги наши начинают хвалить нас: это значит, что мы ошибаемся, что мы идем по неверному пути.

Экскурс в один из последних внутрироссийских буржуазных журналов, который мы делаем в настоящей статье, позволит нам проверить наш путь и убедит нас в его правильности.

Если нам позволит время, в одном из ближайших №№ «Большевика» мы опять вернемся к нашей теме и посвятим немного времени на обзор других буржуазных журналов времени 1921—1923 годов.

1.

Эпоха военного коммунизма, эпоха, когда деньги превратились в какой-то ненужный придаток к пайку, когда такие понятия, как «промышленник» и «торговец», стали понятиями отвлеченными, теоретическими построениями, когда торговка с Сухаревки олицетворяла собою частную торговлю, а кустарь, делающий зажигалки из краденого на заводе материала— частную промышленность, — была эпохой спячки для тех представителей буржуазии, которые не сумели своевременно перекочевать в более благоприятные для них жизненные условия, в какую-либо из соседних стран.

Все помыслы, все заботы их были посвящены тому, чтобы набить себе чем-нибудь желудок, чтобы достать дров для отопления замерзшей комнаты. Это было для них время духовной спячки, время полной прострации. Впрочем, нет — прострация была не полной. Из вышедших за границей воспоминаний некоего Д. Лутохина мы видим, что в это время в Петрограде существовал «XI Отдел Русского Технического Общества»,

руководителем которого являлся бывший член Государственного Совета от торгово-промышленников Е. Зубашев. Состав членов этого «XI Отдела» — занимавшегося экономикой—достаточно характерен. В списке членов его мы встречаем почти всех находившихся в Петрограде идеологов буржуазии: ее ученых, ее экономистов и ее политиков. Подробнее мы рассмотрим его позже при рассмотрении состава сотрудников органа того же «XI Отдела Р. Т. О.» журнала «Экономист», так как в нем участвовали те же лица, пока же установим, что заседания посвящались вопросам послевоенной экономики. «Доклады делались обстоятельно, возбуждали к себе большой интерес тем более, что обстановка заседаний допускала полную свободу суждений. Лиц, сколько-нибудь подозрительных, на заседаниях заметно не было», -- вспоминает Д. Лутохин и последней фразой выдает, что речь шла не только о «послевоенной экономике», но и политических выводах из нее.

Но все же и это общество, и эти доклады не исключали того состояния спячки, в которую была погружена старая буржуазия. Этими заседаниями она только пыталась сама себя уверить в своей жизнеспособности, в том, что ей суждена еще какая-то политическая роль.

А в это время понемногу, так, что это и не заметно было со стороны, вырабатывался новый тип буржуазии — буржуазии более ловкой, более наглой, не брезгающей подчас и уголовщиной, рвущей отовсюду, продающей и покупающей что угодно. Этот тип рекрутировался из мешочников, из торговцев валютой, из воров, служивших в продовольственных учреждениях. И пока старая буржуазия погибала в борьбе за существование и вся ее деятельность проходила в заседаниях, «на которых не было заметно сколько-нибудь подозрительных людей», новая буржуазия выделяла путем борьбы с ЧЕКА, с Ревтрибуналами, с продотрядами самых ловких, самых наглых, самых смелых, тех, которым суждено было стать родоначальниками так называемых «нэпманов».

2.

1921 год был годом радости и надежд для буржуазии. Ни на минуту она не верила, что Советам удастся сохранить власть в своих руках. На сохранение соввласти, на сохранение в руках государства промышленных предприятий буржуазия смотрела как на временное, как на переходное состояние. «Кто сказал А, тот должен сказать и Б» [1]), говорится в статье В. Штейна—«Нищета и роскошь». И эта фраза была лозунгом дня. Буржуазия, т.-е. старая буржуазия, ликовала. Правда, ликовала она с опаской, с оглядкой, с осторожностью, потому что сегодня-то еще существовали и ЧЕКА и Ревтрибуналы и проч. советские «зверства», но что завтра всего этого уже не будет, в этом для старой буржуазии не было уже сомнений. И пока новая буржуазия, буржуазия спекулятивного типа, с лихорадочной поспешностью пользовалась каждым днем свободной торговли, не рассчитывая на долговечность «нэпа» и стараясь урвать все, что можно, старая буржуазия выжидала окончания того процесса, который, по ее мнению, должен был неизбежно закончиться восстановлением довоенных экономических, а стало быть и политических отношений. И плодом такого настроения и явился журнал «Экономист».

3.

Время перехода с рельс военного коммунизма на рельсы «нэпа» было сумбурным, смешанным временем. То, что запрещалось вчера, разрешалось сегодня, и в этом порыве раскрытия ворот буржуазии делались и некоторые ошибки. Такой несомненной ошибкой являлось разрешение журнала «Экономист». Этого журнала вышло четыре книжки, которые дают картину тех надежд, стремлений и верований, которыми жила тогда старая буржуазия. Это должен был быть не только экономический журнал. Самый список его сотрудников, в котором, среди других, мы встречаем имена: Н. Бердяева, Б. Бруцкуса, С. Булгакова, Д. Зернова, А. Изгоева, М. Кулишера, А. Мануилова, И. Озерова, П. Пальчинского, А. Пешехонова, Т. Сорокина, Е. Тарле,— показывает, что журнал этот являлся об'единением буржуазии всех видов и оттенков для одной цели—для борьбы с большевиками.

В четырех книжках этого журнала мы находим ряд статей по поводу почти всех важнейших экономических, а подчас и политических вопросов. Попытаемся на основании этих статей охарактеризовать сущность политической линии руководителей журнала.

Вопрос о возвращении к старому буржуазному строю для них решен. «Мечты о великих социальных достижениях, которые мы (?!) пытались осуществить уже при жизни нынешних поколений, так и остались мечтами. Социальные достижения были лишь социальными запросами» [1]), философствует один из авторов и в другой своей статье он же говорит: «Принципам приходится на практике изменять, ибо страна оказывается слишком бедной и в материальном и в культурном отношении, не может позволить себе роскошь осуществления широко задуманного социального строительства» [2]). Расправившись столь решительно со всем социальным строительством, автор вздыхает о том, что «в настоящее время судьба заставляет нас мечтать даже о многом довоенном... о довоенных культурных достижениях» и т. д.

Задача экономического журнала, конечно, не только в том, чтобы отмечать и регистрировать явления, но и в том, чтобы ставить прогнозы о дальнейшем развитии. Эти прогнозы особенно любопытны, если их посмотреть через несколько лет. Правильностью или неправильностью их данных класс подтверждает свою «политическую грамотность», свое уменье разбираться в событиях и давать им надлежащую оценку.

В статье «Новая экономическая политика» Рафалович характеризует введение нэпа следующим образом: «В указанной политике ценны отнюдь не проводимые ею отдельные меры, недостаточные и «худосочные», а главным образом откровенное признание факта ошибочности (?) и вредности проводившейся в течение последних четырех лет экономической политики». И, исходя из этого, конечно, неверного взгляда, автор приходит к таким выводам: «Экономическая жизнь не может быть восстановлена суррогатами, нельзя действовать частично, нерешительно и несогласованно, необходима общая, коренная реформа всей экономической политики минувшего четырехлетия в совокупности». И автор указывает, в чем должна заключаться «реформа». «При существующих у нас условиях лишь предоставление самого широкого простора частной хозяйственной деятельности, обеспеченной в свою очередь необходимой правовой и моральной обстановкой, может еще спасти страну от дальнейшего разрушения и гибели» [3]).

И. Озеров поддерживает его: «Сила вещей приводит нас опять к капитализму... Теперешняя система народного хозяйства, сочетая элементы коммунистического строя и капиталистического, является ублюдком, об'единяющим лишь невыгодные для продуктивной работы черты того или другого порядка... Нужно быть решительными и здесь и взять все предпосылки капиталистического строя...».

Но, у экономистов из «Экономиста» мы видим не только общие рассуждения о прелестях капитализма, но и рассуждения по каждому отдельному вопросу нашей экономики.

---

[1]) «Экономист» № 2, стр. 22.

[1]) «Экономист» № 2, стр. 3, ст. Зверева—«Накануне Генуи».
[2]) «Экономист» № 3, стр. 4, ст. Зверева—«О путях нашего прогресса».
[3]) «Экономист» № 2, стр. 133—135

Особенно много места занимает обсуждение нашего финансового положения. Время, когда выходил этот журнал, было временем организации Госбанка, выпуска червонца и накопления золотого запаса. Это были те основные пути, которыми мы пришли к твердой валюте. Что же пишут об этих мерах идеологи безработной буржуазии.

«Необходимо... добавить, что и в области оздоровления денежной системы банку едва ли придется сыграть заметную роль—рассчитывать на приток частного капитала в банковские кассы нельзя, этот капитал неохотно пойдет туда, где и собственный «испаряется», кроме того, не восстановлено еще и то доверие между вкладчиками и кредитными учреждениями, которое было разрушено при национализации банков»,—пишет А. Рафалович (ст. «Новая экономическая политика»).

«... Теперь ни внутренних займов, ни, тем более, внешних, сделать нельзя—нет доверия», поддерживает его И. Озеров, в статье «О регулировании денежного обращения». И в той же статье он грозно пророчествует о червонцах: «Банкнотами в собственном смысле они сделаться не могут: в стране, где доверие подорвано, банкноты некоторое время могут быть неразменными, где же это доверие подорвано, там денежные знаки, чтобы быть банкнотами, должны быть разменны».

Но если И. Озеров предвещает нашу гибель от того, что мы не разменнваем наших банкнотов на золото, то мы можем утешиться тем, что в следующем номере этого же журнала Н. Шапошников пророчествует нам гибель уже от того, что мы готовимся к возможности размена банкнот.

«Нет основания,—пишет он в статье «О путях оздоровления денежной системы»,—расходовать столь скудные народные средства на накопление золотого запаса» [1]). Но в одном оба «Экономиста» согласны—гибель нашей финансовой системы неизбежна. Жизнь уже оценила эти теории по заслугам. Все то, что в приведенных нами выдержках «ученые» эконюмисты считали невозможным, то осуществилось. Это—лучшее доказательство их полной научной негодности.

Вопрос о монополии нашей внешней торговли также обсуждается самым страстным образом: «В настоящее время тем более пора отказаться от принципа национализации в области внешнего товарообмена, что, в связи с новой экономической политикой, внутри страны на ряду с государством могут существовать и самостоятельные производители и потребители» [2]),—пишет уже неоднократно цитировавшийся нами А. Рафалович.

«Необходимо допустить экспорт товаров частными лицами,—пишет И. Озеров,—...ввоз товаров из-за границы также должен быть денационализирован и предоставлен частным лицам» [3]).

И проф. Тарле заканчивает свою статью «Генуя»: «Во всяком случае нам надлежит не особенно надеяться на то, что Европа без нас обойтись не может: еще и год, и два, и три, и—боимся—больше она обойдется без нашего хлеба, без нашего леса, без нашего льна, без нашего убойного скота. Мы ей нужны, но вовсе не до такого уже крайнего нетерпения, как склонны у нас иногда утверждать некоторые торопящиеся оптимисты. Но Европа нам нужна действительно, время, к сожалению, работает в данном случае не на нас, но на Европу» [4]).

И. С. Зверев в статье «О путях нашего прогресса» подводит итог нашим внешним отношениям: «Платить придется много, и стоящий перед глазами пример Германии показывает, что с нашего государства, по крайней мере

[1]) «Экономист» № 4/5, стр. 54.
[2]) «Экономист» № 2, стр 131.
[3]) «Экономист» № 3, стр 84.
[4]) «Экономист» № 3, стр. 20.

при существующих общих условиях международной жизни, все, что причтется, взыщется «до копеечки»...[1]).

Такова печальная картина нашего финансового положения внешней торговли. Но, оказывается, не менее печальна картина нашей торговли и промышленности. «Не может дать сколько-нибудь значительного эффекта раскрепощенная на одну сотую часть торговля, сводящаяся к мелкой и нездоровой спекуляции и лишенная возможности проявить в полной мере своих полезных сторон, заключающихся в собирании из мелких количеств крупных запасов...» [2]).

«Не может равным образом и в области промышленности оказать особой пользы... перевод казенных предприятий на хозяйственный расчет» [3])—грозно пророчествуют наши «ученые».

4.

Краткий вывод, который можно сделать из всех цитированных выше статей, таков, что положение в Совреспублике безнадежное. Выхода из тупика нет, нет его, по крайней мере, при власти советов. В самом деле, там, где дается практический выход, он таков, что пользоваться им может любая другая власть, но не советская, рабоче-крестьянская.

На кого же надеются, на кого опираются идеологи буржуазии в своей борьбе с рабоче-крестьянским правительством? Очень любопытны оценки положения классов. Правда, идеологи связаны в своих суждениях о пролетариате, властителе и хозяине страны, о нем они говорить боятся, но зато их характеристика расслоения деревни представляет собою любопытнейший материал.

«...Нам не следует в такой уже степени наследовать прошлое, когда, блюдя высоту моральных принципов, в сознании своего высокого достоинства «носителей великой правды», мы брезгливо, пренебрежительно относились к разного рода «купцам», хозяйственным мужичкам и т. д. Нам нужно непрестанно помятовать о том, что ведь под их ответственным руководством создались те ценности, которыми мы жили» [4]),—пишет С. Зверев в статье «Накануне Генуи».

«Ставку надо ставить не на убогого, а на крепкого и сильного» [5]),—говорит о положении деревни П. Чубутский в статье «Предпосылки реальной экономической политики».

И с ненавистью и презрением смотрят они, эти представители старой буржуазии, ее идеологи, на нэпмана, на того, кто пришел им на смену.

«Никто и не помышляет о восстановлении полуразрушенных предприятий, о любовной и неусыпной заботе, об их расширении, которая так характерна для хорошего хозяина. Нужно мужественно (?!) признать, что, несмотря на новую экономическую политику, у нас еще нет или почти нет буржуазии. Те, что проводят ночи напролет в маскарадах и «балаганчиках», это — не буржуазия; не годятся они в строители обновленной русской промышленности...»,—пишет В. Штейн в статье «Нищета и роскошь» и делает вывод или, как теперь у нас говорят, «практическое предложение». «Для серьезной творческой работы нам нужно воспитать или выписать из-за границы буржуа другого душевного облика,—истинных промышленных орга-

[1]) «Экономист» № 3, стр. 5.
[2]) «Экономист» № 2, стр. 132.
[3]) «Экономист» № 2, стр. 133.
[4]) «Экономист» № 2, стр. 8—9.
[5]) «Экономист» № 3, стр. 50—51.

низаторов, живущих не дешевой мишурой ночного разгула, а неустанной созидательной работой»[1]).

5.

Класс, претендующий на руководство страной, должен уметь различать события, должен уметь и предсказывать их. Для руководства страной надо видеть не только то, что принес сегодняшний день, но и предвидеть, что принесет завтрашний. В 1922 году русская (неэмигрантская) буржуазия в последний раз держала экзамен на государственную зрелость, и она этого экзамена не выдержала.

Она лишний раз показала, что не видит дальше своего носа, что она бесполезна не только в качестве руководителя, но и в качестве рядового участника нашего социалистического строительства. Последыши русской буржуазии показали свое полное политическое, экономическое и научное банкротство.

И если сегодня, пять лет спустя, мы вспоминаем о них снова и стряхиваем пыль с застоявшихся на полках книжек журнала, то мы делаем это потому, что все эти пять лет были живым свидетелем в нашу пользу. Любая из контрольных цифр за прошлый или за этот год говорит, что пролетариат пошел более правильным путем, чем «ученая» буржуазия.

Русский «Экономист» показал свое банкротство. И наш рост показывает нам, что недалек тот день, когда буржуазные «Экономисты» всего мира, и в первую очередь лондонский «Экономист», будут таким же образом опровергнуты победившим пролетариатом.

Четыре книжки русского «Экономиста»—это свидетельство о бедности, которая выдала себе русская буржуазия. Если пять лет назад мы утверждали это, то сегодня с полным правом мы можем сказать, что мы это доказали.

К. Казимирский.

Е. Б. ПАШУКАНИС. «Империализм и колониальная политика». Часть первая. Экономика империализма. Изд-во Комакадемии. Москва, 1928, стр. 118, цена 1 р. 05 к.

Рецензируемая книга является лишь первой частью курса лекций, читанных тов. Пашуканисом в 1-м МГУ. Вся работа в целом охватит три части, при чем в дальнейших выпусках автор предполагает дать характеристику мировой колониальной проблемы и анализ основных вопросов империализма. Оценить, следовательно, всю работу в целом возможно будет лишь после выхода остальных частей. Однако, поскольку в первой части рассматривается самостоятельный вопрос теории финансового капитала, мы считаем целесообразным остановиться на разборе уже вышедшей части.

Как указывает сам автор, задачей книги является лишь дать комментарий к работе Ленина «Империализм как новейший этап капитализма». Таким образом, книга ставит себе не столько исследовательскую цель, сколько цель популяризации ленинской теории империализма.

Основные вопросы, которые получили свое освещение в рецензируемой книге, следующие: развитие монополистического капитализма, проблема взаимоотношений банков и промышленности, вывоз капитала, международные монополистические об'единения, борьба за источники сырья и экономическая теория империализма. Из этого перечня видно, что автором затронуты важнейшие проблемы экономики империализма. Поскольку автор, однако, посвящает специальный раздел вопросу о конкуренции за источники сырья,

[1]) «Экономист» № 2, стр. 19.

необходимо было затронуть также вопросы борьбы за рынки сбыта в эпоху империализма. Вопрос этот необходимо было тем более осветить, что проблема рынков приобретает важнейшее значение для современной фазы империализма.

В первой главе довольно подробно рассматриваются различные формы капиталистических об'единений. Непонятным является, почему автор совершенно не упоминает новейшую и самую распространенную форму об'единения—концерны. Для послевоенного капитализма характерным видом об'единения отдельных предприятий становится концерн. Юридическая природа концерна, в отличие от картеля, синдиката и треста, правда, недостаточно ясна. Но под концерном понимается такого рода об'единение отдельных предприятий, которые связаны между собой финансовым участием, обменом акций, взаимным делегированием директоров и т. д. Здесь уже речь не идет об об'единении предприятий одной отрасли промышленности, ни о комбинированном предприятии, охватывающем все виды производства—от сырья до выпуска готового продукта, ибо «концерн не знает границ в охвате предприятий или их об'единений, ни в количественном, ни в качественном отношении», как правильно указывает Цыперович в своей новейшей работе. Именно в концерне, где взаимные связи и переплетение интересов легче всего могут быть скрыты от глаз общества, нашла для себя подходящую форму новейшая неслыханная по своим размерам экспансия крупнейших национальных и интернациональных об'единений капитала. На этом вопросе необходимо было бы остановиться в новейшей работе по финансовому капиталу. Рассматривая развитие трестов в отдельных странах, автор дает краткое описание новейших об'единений в Соединенных Штатах, в Германии и Англии. Приходится удивляться тому, что автор около половины своего очерка о Германии посвятил Стиннесовскому концерну. Гигантское об'единение предприятий, которое было создано Стиннесом, не характерно для современной фазы капитализма, оно явилось лишь следствием инфляции и с окончанием инфляционного периода, в своей тогдашней форме должно было неизбежно погибнуть. Необходимо было бы зато более подробно остановиться на общем процессе современной концентрации в Германии (горизонтальная и вертикальная концентрация) и на отдельных новейших концернах. Известно, что, по официальным данным, 65% всех капиталов акционерных обществ Германии уже в конце 1926 г. принадлежали обществам, об'единенным в концерны. Интересно при этом отметить, что, в то время как номинальный акционерный капитал обществ, входящих в концерны, составляет 13 млрд. марок из 20 млрд. марок номинального капитала всех акционерных обществ, число акционерных компаний, входящих в об'единения, составляет всего 16% числа акционерных обществ. Следовательно, 16% крупнейших акционерных обществ, об'единенных могущественными концернами, контролируют 65% всех капиталов, вложенных в промышленность, транспорт и страховое дело. Эти цифры показывают, как далеко ушел вперед процесс концентрации в современном народном хозяйстве Германии. Переходя затем к картелям и трестам в Англии, автор правильно указывает, что причиной слабого развития монополистических организаций в Англии является то обстоятельство, «что Англия долгое время не имела конкурентов, как страна крупного машинного производства» (стр. 34). Необходимо было, однако, указать, что одной из важных причин отсутствия крупнокапиталистических об'единений в тяжелой промышленности является наличие по сравнению с другими странами малочисленных источников минерального сырья, которые в других странах создают предпосылки для естественных монополий (например, Рурский угольный бассейн, калийные месторождения и т. д.). В Англии же имеются лишь богатые залежи одного минерального сырья—каменного угля, который в то же время разбросан по всей

стране. В отношении же остальных видов сырья, в частности руды, английская промышленность работает главным образом на импортном сырье. Автор недостаточно подчеркивает начавшийся более усиленный процесс концентрации английской промышленности за последние годы. Большинство перечисленных автором об'единений английской промышленности образовалось задолго до войны и подробно приводится уже у тов. Бухарина («Мировое хозяйство и империализм»). В новейшей работе желательно было бы осветить в первую очередь послевоенные изменения организационных форм в народном хозяйстве Великобритании и познакомить читателя с последними крупнейшими об'единениями.

В главе о новой роли банков, автор дает свежий и интересный материал о развитии финансового капитала в отдельных странах. В центре этой главы стоит критика теории Фин-Енотаевского. В нашей печати уже был дан отпор этой попытке пересмотреть ленинскую теорию империализма. Несмотря на то, что теория Фин-Енотаевского является абсолютно антимарксистской и антиленинской, она соблазнила уже кое-кого из наших экономистов. Теория эта, безусловно, нуждается в решительной критике, и прав тов. Пашуканис, когда говорит, что хотя Фин-Енотаевский формально критикует теорию Гильфердинга, острие его критики направлено против Ленина, и «гвоздь» концепции Фин-Енотаевского лежит в выводе, что «нет основания для решительных утверждений, что капитализм не сможет раздвинуть в ближайшем будущем и своих производственных отношений так, что они дадут ему возможность использовать эти производительные силы в сфере производства и обмена. И сделав зигзаги, монополистический капитал достиг бы тогда на командующих мировых хозяйственных высотах высшего положения, чем до войны» (стран. 70). Тов. Пашуканис подвергает теорию Фин-Енотаевского уничтожающей критике. Нужно отметить, что события последних лет полностью опровергают основной аргумент Фин - Енотаевского, что банки (в частности, германские) теперь меньше заинтересованы в промышленности, чем до войны. Если это было верно для инфляционного периода, то за последнее время банки во всех странах чрезвычайно усилили свое господство над промышленностью. Например, по последним данным, отношение кредиторов к капиталу у акционерных обществ составляло в германской текстильной промышленности в 1913 году 22%, а в 1926 году 41%. У 10 машиностроительных обществ соответствующие цифры были 22% и 70% и т. д. (из статьи М. И. Спектатора № 11 «Плановое Хозяйство» за 1927 год). Усилилось и сращивание банковского капитала и промышленного в Соединенных Штатах, ярким показателем чего служит избрание недавно банкира Моргана председателем крупнейшего треста—Стальной корпорации. Кстати, автор ошибается когда пишет, что комиссия по денежным трестам в Соединенных Штатах работала в 1918 году (страница 52), комиссия закончила свою работу в 1913 году, и данные о могуществе финансового капитала в С.-А. С. Ш. относятся еще к довоенному периоду. В критике Фин-Енотаевского автором, однако, упущен один существенный момент: это указание на роль так называемых «регулярных» банковских операций в деле подчинения банками промышленности. Фин-Енотаевский на протяжении всей своей работы подчеркивает, что банки заинтересованы главным образом в выпуске ценных бумаг, биржевых операциях, «которые проделываются вне всякого отношения к сфере производства» (стр. 68). Между тем, эмиссия является лишь редким событием в жизни промышленного предприятия. Связь промышленного предприятия с банком проявляется в регулярных банковских операциях, в текущем счете, в вексельном кредите, в предоставлении авансов и т. д. Еще Ленин указал на огромное значение текущего счета для приобретения банком господства над промышленным предприятием. В настоящее время значение банковского кредита в деле подчинения промышленных предприятий еще больше возросло. В Англии, например, авансы, предоставляемые банками промышленности, ведут к тому, что банки, не участвуя непосредственно в промышленном предприятии, имеют возможность фактически его контролировать. И в Соединенных Штатах, крупнейшие промышленные концерны должны считаться с интересами банков, от которых они зависят в отношении получения постоянно возобновляющихся оборотных кредитов. В других разделах настоящей главы, как мы уже указали, автор приводит конкретные данные о развитии финансового капитала в отдельных странах. Автор дает всюду новейшие данные и приводит много интересных цифр. Правильно указывая, что взаимоотношения между банками и промышленностью в Англии развивались иначе, чем в Германии и Соединенных Штатах, автор недостаточно подчеркивает новейшие изменения в этих отношениях. Благодаря крупной задолженности промышленности банкам, носившей сперва форму получения краткосрочных ссуд, но фактически превратившейся в долгосрочное кредитование, банки вынуждены были принять более усиленное участие в делах промышленности. Это участие выражается в реорганизации отдельных промышленных концернов и делегировании директоров банков в правления промышленных предприятий. Если до войны это носило случайный характер, то теперь имеет место личная уния между крупнейшими банками и главнейшими промышленными об'единениями Англии.

С другой стороны, нельзя об'яснять вытеснение Англии с мировых рынков исключительно «отсталостью укоренившихся в Англии методов финансирования промышленности» (стр. 60), как это пишет автор. Падение роли Англии, как промышленного государства, об'ясняется более глубокими причинами, чем плохая организация финансирования промышленности, и скорее последняя явилась следствием своеобразных условий, в которых развивалась промышленность в Англии.

Хотя автор приводит в начале следующей главы, посвященной вывозу капитала известное положение Ленина, что «для старого капитализма с полным господством свободной конкуренции типичен был вывоз товаров; для новейшего капитализма с господством монополий типичен стал вывоз капиталов» (стр. 77), он уделяет этой важнейшей проблеме современного империализма чрезвычайно мало места. Весьма бегло он излагает известную концепцию экспорта капитала, не останавливаясь подробно ни на новейших изменениях в мировом рынке капиталов, ни на существеннейших вопросах, связанных с экспортом капитала. Говоря об относительном избытке капиталов, не находящих себе приложения в наиболее развитых в капиталистическом отношении странах, автор совершенно не упоминает о причинах появления этого «избытка» в эпоху монополистического капитализма (усиление накопления благодаря росту техники и ускорению оборотов капитала, с одной стороны, и организация монополистических об'единений, ставящая границу новому помещению капитала,—с другой, и т. д.). Говоря о формах экспорта капитала, автор совершенно не указывает на все возрастающее значение вывоза капитала в виде финансового капитала, как такового. Очень мало уделено внимания новейшей экспансии Соединенных Штатов в отношении экспорта капитала. Почти совершенно не затронуты проблемы последствий вывоза капитала как для вывозящих так и ввозящих стран.

Специальный раздел книги посвящен международным монополистическим об'единениям. Автор поступил совершенно правильно, что уделил большое внимание этой проблеме. В современном мировом хозяйстве международные об'единения играют значительную роль. В то же время создание международных об'единений вызвало иллюзию у буржуазных и социал-демократических экономистов, что таким образом смягчаются противоречия в современном мировом хозяйстве. Между тем, небольшой промежуток времени, протекший со времени начала этого процесса, показывает, как

и следовало ожидать, что международные об'единения ведут не к смягчению, а к обострению борьбы между капиталистическими группировками. Автор подробно излагает историю возникновения крупнейших международных об'единений. Теоретически этот вопрос у автора совершенно не разработан. В частности, необходимо было указать на две совершенно различные группы международных об'единений: образованные путем соглашения между национальными об'единениями (международные об'единения картельного и синдикатского типа) и созданные путем заграничной экспансии отдельных крупнейших национальных трестов.

Примером первого вида об'единения являются Международный Стальной Картель, Международный Калийный Картель и т. д. примером второго являются Шведский Спичечный Трест, Американский Банановый Трест, «Рояль Детч Шелл» и т. д. Роль этих двух видов международных об'единений совершенно различна так же, как различна их политика и последствия их образования для народного хозяйства отдельных стран. Поэтому автору необходимо было бы этот вопрос осветить, а не помещать в общую рубрику и Шведский Спичечный Трест и Международный Стальной Картель и т. д. Между прочим, автор делает грубую ошибку, когда пишет, что Международный Стальной Картель «устанавливает для каждой страны определенную квоту вывоза» (стран. 84) и далее указывает цифры распределения экспорта. В картельном соглашении речь идет не о квотах вывоза, а о квотах производства. Наконец, в последней главе дана краткая, но содержательная критика теории империализма Павловича и Розы Люксембург.

Вышесказанным мы ограничим разбор новейшей работы тов. Пашуканиса. Автор поставил невыполнимую задачу—изложить теорию финансового капитала—и притом на основе новейшего материала—на 118 страницах. Вследствие этого ему пришлось ограничить изложение важнейших проблем лишь беглыми замечаниями. Местами книга носит характер конспекта, отдельные тезисы недостаточно проработаны и не обоснованы. В таком виде книга не может полностью удовлетворить того читателя, для которого она предназначена. Ею будут пользоваться те, кто уже знаком с «Империализмом» Ленина и «Мировым хозяйством» Бухарина. Приступая к книге Пашуканиса, читатель будет искать более новых фактов, углубленный анализ новейших процессов в развитии империализма и исчерпывающую критику последних теорий апологетов империализма. Все это мог бы дать автор, если бы он не ограничил себя такими узкими рамками. Это обстоятельство автору необходимо учесть при подготовке к изданию дальнейших выпусков.

М. Иоэльсон.

Письмо в редакцию.

(По поводу отзыва тов. Ольминского о IV томе соч. Ленина).

Странное впечатление производит вылазка тов. Ольминского против IV тома сочинений Ленина, облеченная им в форму письма в редакцию «Пролетарской Революции» (№ 1, 1928 г.). Назвать заметку тов. Ольминского «критическим отзывом» о книге или «рецензией»—никак нельзя, ибо ни малейшего намерения дать серьезную и всестороннюю, об'ективную, учитывающую все плюсы и минусы оценку книги и ее научного аппарата, как-никак занимающего более 150 страниц (на 500 страниц ленинского текста) и представляющего собой результат весьма и весьма сложного и кропотливого труда,—у тов. Ольминского нет. Казалось бы, если тов. Ольминский хочет правильно ориентировать читателя насчет IV тома Ленина, почему бы ему не написать обстоятельной, деловой рецензии, как это обычно принято в литературе, как это регулярно делает, например, «Большевик», действительно штудирующий каждый новый том Ленина и своими критическими отзывами и замечаниями не только знакомящий читательские круги с идейным содержанием «очередного» тома, но и помогающий редакции Института в ее дальнейшей работе [1]). Конечно, чтобы дать серьезный и обстоятельный отзыв о книге Ленина нужно время и ряд других условий, но, право же, сочинения Ленина заслуживают несколько большего внимания, чем им уделил тов. Ольминский, который прямо говорит, не видя всей... неловкости своего заявления, что он занимался «изысканиями» (выражение тов. Ольминского) над IV томом в течение одного (!) часа, разыскал в нем несколько корректорских ошибок и несколько, если верить тов. Ольминскому, промахов в примечаниях (о «промахах» я еще буду говорить ниже) и нашел, что этого совершенно достаточно, чтобы об'явить второе издание сочинений Ленина, издаваемое Институтом, безграмотным и недостойным имени Ленина.

Нет, тов. Ольминский, импрессионистские методы «уничтожающей» критики, основанные на выхватывании мелких и мельчайших погрешностей и дефектов в громадной работе и игнорирующие серьезность, научную добросовестность и точность работы в целом, решительно устарели и могут сейчас вызывать трепет только у наивных простаков.

Называя почему-то только второстепенные имена, имеющие отношение к тому, тов. Ольминский создает тем самым представление у читателя об отсутствии авторитетного партийного руководства изданием сочинений Ленина. Опять странный прием у тов. Ольминского, опять неправильная ориентировка партии! Ведь всякий, держащий в руках IV том Ленина, знает, что на обложке тома указана главная редакция сочинений Ленина в составе Н. Бухарина, В. Молотова и И. Скворцова-Степанова. Почему тов. Ольминский, так тщательно перечисляющий всех лиц, прикосновенных к изданию Ленина, вплоть до корректора, ни слова не говорит о главной редакции? Каковы бы ни были мотивы «умолчания» тов. Ольминского, читатели во всяком случае знают, что за IV томом Ленина, как и за всяким другим, был обеспечен надлежащий партийный контроль.

Что касается обнаруженных тов. Ольминским корректорских ошибок, давших ему повод упрекать редакцию в неграмотности, то все корректорские ошибки, как те, которые уже найдены тов. Ольминским, так и те, которые когда-либо впредь будут им обнаружены при последующих «изысканиях», я охотно и великодушно, без всякого «боя», готов уступить тов. Ольминскому. Впрочем, об одной корректорской ошибке, введшей тов. Ольминского в забавное заблуждение, стоит сказать несколько слов. Тов. Ольминский цитирует следующее место из предисловия к IV тому (стр. XII): «Приходилось Владимиру Ильичу не только писать статьи, править корреспонденции, вести громадную переписку с сотрудниками, корреспондентами, русскими организациями, личными свиданиями и совещаниями с приезжими, поддерживать и развивать связи с Россией...». По поводу этого места тов. Ольминский восклицает: «Переписку с личными свиданиями и совещаниями—это уже не корректурная ошибка, а безграмотность». Все обвинение тов. Ольминского по адресу приведенной им из предисловия фразы явно построено на... запятой, самозванно расположившейся после слов «с приезжими». Всякому читателю, даже менее грамотному, чем тов. Ольминский, ясно с первого же взгляда, что запятая тут ни к чему: устраните, тов. Ольминский, эту случайную запятую, проникшую не на свое место по чьему-то недосмотру,—и обнаруженная вами «безграмотность» исчезает без следа. «Мне смертью запятая угрожала»,—

[1]) См., например, «Большевик» № 6, № 22 (за 1927 г.), № 1—1928 г. (о IV томе).

могла бы пошутить по этому поводу редакция IV тома, перефразируя известное выражение Плеханова.

Перейдем теперь к результатам проверки тов. Ольминским примечаний. Здесь я сделаю то, чего не сделал тов. Ольминский по отношению к IV тому: я займусь тов. Ольминским «вплотную» (употребляю выражение тов. Ольминского). Посмотрим, что получится.

1. О журнале «Образование» у меня сказано (примечание 92), что журнал начал выходить с 1892 г. и что в журнале принимали участие: В. Богучарский, В. Львов-Рогачевский, Тан, Н. Иорданский, С. Прокопович, П. Берлин, А. Луначарский, П. Маслов, В. Фриче, А. Яблоновский, Н. Рубакин и др. По поводу этого примечания тов. Ольминский пишет: «Журнал «Образование» с 1906 г. (когда в нем была напечатана статья Ленина) несколько изменил состав сотрудников: в журнал вошли главные тогдашние большевистские литературные силы: Орловский (Воровский), А. Богданов, П. Румянцев, И. Степанов и многие другие. А. Иорданский имел свой журнал «Современный Мир». Автор примечания, повидимому, спутал в одно эти два журнала».

Что названные мною лица в разное время сотрудничали в «Образовании», тов. Ольминский как будто не отрицает (да это и невозможно отрицать: исключение он делает только для Н. Иорданского). Если бы кто-нибудь сказал, что желательно список сотрудников составить подлиннее и поподробнее, я бы не возражал, но только никак не мог бы согласиться с тов. Ольминским, что, например, Богданов и Степанов начали сотрудничать в «Образовании» с 1906 года. Неверно, тов. Ольминский! Богданов начал сотрудничать в «Образовании» с 1901 г., а не с 1906 года, как пишет тов. Ольминский, точно так же тов. Степанов, вопреки утверждению тов. Ольминского, сотрудничал в «Образовании» уже в 1901—1903 гг. Даже с Воровским (Орловским) тов. Ольминскому не совсем повезло. Когда в «Образовании» пошла статья Ленина (в № 2), Воровский еще не был сотрудником «Образования»: в списке постоянных сотрудников «Образования», приведенном в № 2, Воровского еще нет, он начал принимать участие в «Образовании» несколько позже.

2. Тов. Ольминский утверждает, что Н. Иорданский (у Ольминского ошибочно сказано А. Иорданский) не имел отношения к «Образованию». Неверно, тов. Ольминский! Н. Иорданский сотрудничал в «Образовании» в 1903—1904 гг. (см. «Указатель журнальной литературы Н. и В. Ульяновых», 1913 г., вып. 2, стр. 54—55). Значит, никакой путаницы с «Современным Миром» у меня нет. Путаница у Вас.

3. «О группе народовольцев также напутано»,—пишет тов. Ольминский. Что напутано? В чем путаница? Тов. Ольминский молчит. Он просто изрекает: «путаница», не потрудившись привести в доказательство правильности своего изречения ни единого словечка. И это—критика? И это—серьезное отношение к делу?

4. Я не могу подробно останавливаться на таком, мало выясненном в литературе и имеющем отдаленный интерес для читателя IV тома, вопросе, как история техники «лахтинской» типографии, и просто отсылаю читателя к следующим книгам: П. Куделли «Народовольцы на перепутье», 1926 г., стр. 9—10; В. Невский «Очерки по истории РКП», 2-е издание, стр. 540; В. Акимов-Махновец «Очерк развития с.-д. в России», 1905 г. стр. 56. Приведенный на указанных здесь страницах материал показывает с полной ясностью п р е м с т в е н н у ю с в я з ь типографий 1894 и 1895—96 гг.

5. У меня сказано, что журнал «Былое» с 1908 г. выходил под названием «Минувшие Годы». Тов. Ольминский согласен с этим. Это видно из того, что свое возражение по поводу моего примечания о «Былом» он начинает следующей перефразировкой моих слов: «Журнал «Былое» изменил название в 1908 г. на «Минувшие Годы». Правильно! Дело обстояло именно

так, как сказано в примечании: сначала (т.-е. в 1906—1907 гг.) «Былое» выходило под своим названием, а в 1908 г. — под названием «Минувшие Годы» (если не считать вышедшего в конце 1907 г., взамен запрещенного «Былого»,— сборника «Наша страна»). Но т. Ольминский утверждает, будто у меня в этом примечании сказано, что «Былое» продолжает выходить в настоящее время под названием «М и н у в ш и е Г о д ы». Ей-ей, тов. Ольминский, у меня этого нет. Пусть любознательный читатель возьмет примечание 174-е к IV тому — и он убедится, что даже под микроскопом нельзя усмотреть в моем примечании этого утверждения. Ведь у меня ясно сказано, что «Былое» — такой-то журнал (исторический и пр.), а потом, в скобках, прибавлено: тогда-то, в старые годы, сей журнал «выходил» (выходил!!!, тов. Ольминский) под названием «Минувшие Годы». «Выходил» — не значит «выходит» сейчас под этим названием, а т. Ольминский «придирается» и уверяет, что я неправ. Скучная история, т. Ольминский!

6. Тов. Ольминский не знает, вышла ли книга Бельтова в конце 1894 г., как написано у меня, или в 1895 г., как напечатано на обложке книги. Да, тов. Ольминский, книга Бельтова вышла именно в конце 1894 г., еще точнее: 29 декабря 1894 г. (см. «Красная Летопись» № 2 (13), 1925 г., стр. 146). Тов. Ольминский, видимо, забыл, что если книга выходит в конце года, то издательства, в целях лучшего сбыта, датируют обыкновенно книгу будущим годом. А если бы тов. Ольминский посвятил своим «изысканиям» несколько больше времени, чем один час, то он увидел бы, что нами не забыт и 1895 г.: на стр. 515, в указателе литературных работ, упоминаемых Лениным и составляемых как раз по титулу книги «на обложке»—книга Бельтова так и «пропечатана» с датой 1895! Чего же тов. Ольминский еще хочет?

Таков краткий результат содержательных и плодотворных изысканий тов. Ольминского над IV томом.

Маленькое заключение, тов. Ольминский! Если бы даже Вы нашли в каждом томе Ленина в 10 раз больше погрешностей (не мнимых, а действительных), чем Вы, по Вашим словам, «изыскали» их в IV томе, то и тогда,—заметьте это, тов. Ольминский,—второе издание сочинений Ленина войдет в историю нашей партии, как крупнейшее научно-литературное предприятие, достойное и Ленина и партии, как издание, на котором будут воспитываться миллионы революционеров—русских и иностранных, как издание, которое будет лучшим памятником Ленину. Попробуйте оспорить это! Смешно и дико, конечно, было бы, с моей стороны, утверждать, что в таком поистине грандиозном предприятии, как 30-томное научное издание Ленина, не было бы каких-нибудь погрешностей, промашек, ошибок и т. д. Никто не понимает этого лучше, чем работники Института, которые признательны каждому дружескому указанию на ту или иную погрешность, допущенную в Сочинениях. Ну, а такие «изыскания», какими занимается тов. Ольминский, всегда, конечно, будут встречать с нашей стороны посильный отпор.

В. Сорин.

P. S. Пользуюсь случаем исправить ошибку т. Ольминского на стр. 204 «Пролетарской Революции». Тов. Ольминский пишет, что брошюра Ленина «Заявления и документы о разрыве центральных учреждений с партией» отсутствует в первом издании Сочинений. Это не верно: брошюра напечатана в V томе, стр. 513—520.

Вл. Сорин.

Редакция: В. Астров. Н. Бухарин. В. Молотов. А. Слепков. Е. Ярославский.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 29 ФЕВРАЛЯ 3—4

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 8

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

„ПРАВДА“

Главлит № А—8416. Тираж 75.000.

Типография газеты „Правда". Москва, Тверская, 48.

Хлебозаготовки и классы в деревне.

В борьбе за ликвидацию хлебозаготовительных затруднений, сказавшихся особенно остро в течение трех последних месяцев истекшего года, партия, работая над улучшением и усилением хлебозаготовительной и вообще хозяйственной работы, должна была обратить особое внимание своих организаций на классовую обстановку, которая сложилась в настоящее время в экономически окрепшей деревне, ибо эта обстановка в значительной мере нашла свое серьезное отражение в ходе хлебозаготовок. Работа партийного, советского и кооперативного аппарата в процессе хлебозаготовительной кампании подвергалась основательной проверке как со стороны его работоспособности, так и со стороны проведения им задач классовой пролетарской политики в деревне.

Иначе и не могло быть. Коммунистическая партия на каждом конкретном этапе развития СССР ставит своей задачей точный и ясный учет соотношения классовых сил и на основе этого учета намечает конкретные задачи практической политики и работы.

XV с'езд партии с достаточной четкостью определил расстановку классовых сил на текущий период развития и в своих решениях «о работе в деревне» особо остановился на характеристике социальной структуры современной деревни. Поставив в центре внимания партии борьбу за коллективные формы крестьянского хозяйства, XV с'езд сделал это, учтя экономический под'ем и происходящие процессы расслоения деревни, требующие усиления наступления на кулацкие элементы деревни, при твердой опоре на бедняка и укреплении союза с середняком.

Происходящий за последние годы хозяйственный рост деревни находит свое выражение как в укреплении и консолидации середняцких ее групп, в под'еме значительной части деревенской бедноты, так и в росте кулачества. Нет нужды доказывать снова то, что доказано в полной мере, а именно: что середняк является центральной фигурой земледелия, что роль этого слоя в деревне не только не ослабляется, а усиливается. С точки зрения хлебозаготовок это положение подтверждается тем обстоятельством, что главные массы хлеба находятся в руках среднего слоя деревни.

Однако, вырос и кулак, не мало использовавший три последних урожайных года. Роль и значение кулака при этом должны измеряться не только количеством хлеба, находящимся в его распоряжении, но и тем экономическим и прочим влиянием, которое от имеет еще среди крестьянства и которое он использует против сдачи хлеба пролетарскому государству.

Это свое влияние кулак проводит, используя те трудности и ошибки нашей хозяйственной работы, которые были характерны для первой половины хлебозаготовительной кампании и которые нашли свое выражение в недостаточном производстве и завозе промтоваров в деревню, в скрытых переплатах отдельных заготовителей при покупке хлеба у крестьянства. Необходимо учесть также следующее обстоятельство. Зажиточные слои деревни и особенно кулак в последние месяцы истекшего года получили возможность оборачиваться на сырьевых культурах, мясопродуктах и т. п. товарах, продаваемых по повышенным в этом году ценам, удерживая у себя хлебные продукты и пытаясь таким образом сорвать хлебные цены. Кулак шел при этом по линии установления контакта с частным скупщиком и спекулянтом, покупающим хлеб по повышенным ценам. Спекулятивный характер кулацкой хлебной торговли особенно подчеркивается рядом сообщений о несдаче кулаком хлеба, несмотря на наличие в деревенском кооперативе достаточного количества промтоваров. Подрывная работа кулака-спекулянта оказывалась наиболее успешной, разумеется, там, где было сильнее его влияние на середняцкую массу деревни.

Совершенно ясно, что спекулятивная деятельность и эксплоататорские стремления подросшего кулачества не могли остаться без должного ответа со стороны партии и пролетарского государства в виду необходимости оздоровления хлебного рынка и решительного усиления хлебозаготовок. На ряду со всемерной защитой политики прочного союза с середняком партия неизменно подчеркивала вторую задачу—задачу борьбы с кулаком. Последний с'езд партии особо подчеркнул необходимость «развивать дальше наступление на кулачество». Преодоление оппозиции, непонимавшей всей необходимости для пролетарской диктатуры надежного союза с середняком, лишь больше подчеркивает задачу усиления борьбы с кулацкой опасностью. Забывать об этом —значит сходить с ленинских позиций, т.-е. сходить с позиции классовой пролетарской политики.

На ряду с проведением необходимых мероприятий по завозу промтоваров в хлебные районы, по улучшению работы заготовительного аппарата, по очистке советских органов и кооперации от чуждых элементов, партия дает директиву—ударить по рукам кулака-спекулянта, срывающего хлебный рынок.

Основным условием для выполнения этой задачи является решительная борьба со всяческими попытками заготовительных организаций повышать хлебные цены (путем использования бонификаций, незаконных накидок и пр.). При этом необходимо решительно пресекать конкуренцию между кооперативными и государственными заготовителями, способствующую дезорганизаторской работе хлебных спекулянтов и кулаков.

По отношению к отдельным элементам кулачества, прячущим в целях вздувания цен многотысячные запасы хлеба, должны быть применены решительные законные меры вплоть до конфискации их спекулятивных хлебных фондов (в частности на основании ст. 107 Уголовного Кодекса РСФСР и соответствующей статьи Украинского Кодекса).

В борьбе против кулацкой спекуляции хлебом партийные организации должны зорко следить за тем, чтобы не были затронуты середняцкие слои деревни, чтобы мероприятия против спекулянтов не ослабили, а укрепили союз пролетариата со средним крестьянством.

Каждая мера против кулака должна быть основана на существующих революционных законах против спекуляции и должна проводиться в строго-законном порядке.

Опорой партии и советского государства в борьбе с кулацко-спекулятивной деятельностью являются бедняцкие слои деревни. Бедняк, не имеющий своего хлеба, часто попадает в кабальную зависимость от кулака, ссужающего его хлебом. Пролетарское государство поможет бедняку разными мерами. В частности, необходимо теперь помочь бедняку передачей на льготных условиях 25% хлеба, конфискованного у спекулянтов, выдавая этот хлеб в долгосрочную ссуду бедняку для удовлетворения его семенных, а в случае необходимости и потребительских нужд. Правильно проведенные мероприятия против кулацкой спекуляции хлебом, несомненно, укрепят влияние и авторитет партии и советской власти среди деревенской бедноты и среднего крестьянства, т.-е. основной массы деревни.

В ходе хлебозаготовительной кампании были выявлены существенные недостатки не только в работе заготовительных организаций, но и в работе партийных организаций.

Директивы партии, в частности директивы XV с'езда о работе в деревне, в части борьбы с эксплоататорскими поползновениями кулака в ряде случаев проводились неудовлетворительно, а иногда явно искривлялись на практике. Часто недостаточной была и работа партийных организаций по организации деревенской бедноты. Необходимо преодолеть состояние пассивности и неучастия, замечающееся в некоторых деревенских парторганизациях, наладить работу с беднотой, организовать отпор кулачеству.

Директивы партии о борьбе с кулацкой спекуляцией хлебом, на ряду с мероприятиями организационного, экономического порядка, как завоз промтоваров, работа по мобилизации свободных средств крестьянства в форме займов, самообложения, уже дали свои первые положительные результаты в виде решительного перелома в ходе хлебозаготовительной кампании. Партия ставит задачу в дальнейшем продолжать нажим на кулацкую верхушку деревни, осуществить все мероприятия, стимулирующие сдачу хлеба середняцкой частью деревни.

За время работы над проведением директив партии, необходимо отметить случаи искривлений и головотяпства со стороны ряда организаций, что выражалось как в переходе к непосредственному товарообмену, так и в применении методов продразверстки, практики «заградилок» и т. п. В дальнейшей работе необходимо целиком и решительно устранить эти перегибы, ведущие к нарушению товарооборота деревни и отрицательно действующие на середняцкие слои крестьянства. Глупостью или контрреволюционной болтовней следует считать всякие разговоры о том, что проводимая кампания по борьбе с кулаком-спекулянтом означает «отмену нэпа», восстановление «военного коммунизма» и т. п. Напротив, вся эта кампания проводится и

должна проводиться в рамках нэпа и на его основе, в строгом согласии с существующими законами советского государства. Недочеты же в местной практике и отдельные перегибы партия сумеет исправить.

Борьба с кулаком, отпор притязаниям кулачества были и остаются нашей важнейшей задачей. Эта борьба должна проходить красной нитью через работу деревенских как партийных, так и советских и всех общественных организаций. Все проводимые налоговые и прочие мероприятия должны строго соответствовать духу пролетарской политики в деревне. Опыт же хлебозаготовительной кампании, как одной из важнейших хозяйственных кампаний советского государства, к тому же проходившей за последние месяцы при сосредоточении на этой задаче огромного количества партийных сил, будет одним из крупных фактов не только во всем деле хлебозаготовок, но и в деле улучшения проведения политики партии в деревне в целом.

Решительный перелом в хлебозаготовках подтвердил правильность принятых партией практических мер, в частности мер в отношении кулачества. Опыт хлебозаготовительной кампании поможет заострить внимание местных партийных, советских и кооперативных органов на задачах борьбы с кулаком и тем самым на задачах преодоления капиталистических элементов в деревне, что и было поставлено в центре внимания работы в деревне XV партийным с'ездом.

В. Мотылев.

Проблема темпа в проектах пятилетнего плана.

(В порядке постановки вопроса).

> «В вопросе о темпе развития необходимо равным образом иметь в виду крайнюю сложность задачи. Здесь следует исходить не из максимума темпа накопления на ближайший год или несколько лет, а из такого соотношения элементов народного хозяйства, которое обеспечивало бы длительно наиболее быстрый темп развития». (Из резолюции XV партс'езда).
>
> «...По мере осуществления плана промышленного строительства открываются все новые и новые возможности для последующего увеличения темпа развития как промышленности, так и сельского хозяйства, открываются все большие перспективы по использованию всех внутренних ресурсов СССР». (Из резолюции XV партконференции).

В предыдущей статье [1]) мы стремились доказать, что преимущества переходной системы хозяйства над капиталистической создают возможность сверхамериканского темпа развития СССР. Эта возможность должна быть, однако, реализована системою экономических и технических мероприятий. Перспективные планы должны поэтому ставить в центре внимания развитие преимуществ нашей системы хозяйства и их реализацию. Лишь при этом условии они могут обеспечить подлинное и длительное ускорение темпа развития.

Переходя к рассмотрению с этой точки зрения последних проектов пятилетнего плана, мы считаем необходимым оговориться, что не преследуем задачи развернутой их критики. Такая критика была бы преждевременной и необоснованной, ибо проекты эти находятся еще в процессе разработки. Опубликованные наметки Госплана [2]) и ВСНХ [3]) носят предварительный, ориентировочный характер и, несомненно, подвергнутся в процессе разработки плана существенным изменениям, что специально оговаривается в опубликованных материалах. Так как они разрабатывались до партийного с'езда, то в них не нашли еще должного отражения директивы по составлению пятилетнего плана народного хозяйства. Однако, опубликованные материалы создают не только возможность, но и необходимость обсуждения основ-

---

[1]) См. «Проблема темпа развития СССР», «Большевик», 1927 г., № 23—24. Настоящая статья представляет продолжение первой и исходит из развитых в ней положений

[2]) См «Перспективная ориентировка на 1927/28—1931/32 гг.». Изд. «Плановое Хозяйство», 1928 г

[3]) См. «Контрольные цифры пятилетнего плана развития промышленности СССР (1927/28—1931/32 гг.)», Гостехиздат, 1927 г.

ных вопросов пятилетного плана на основе приводимых ими цифр. Обсуждение должно выяснить, в каких направлениях эти предварительные наметки нуждаются в пересмотре или уточнении при разработке пятилетнего плана. В настоящей статье мы преследуем именно эту задачу. Мы сосредоточим внимание на последних проектах комиссии Госплана и ВСНХ и коснемся первых проектов лишь попутно.

I. Соотношение отправного и оптимального вариантов.

Перспективное планирование сталкивается с трудностью предвидения и предварительного точного учета некоторых важных условий хозяйственного строительства ближайшего пятилетия. Сюда относятся вопросы о международной обстановке и связях с мировым хозяйством, о возможности неурожаев, об эффекте социалистической рационализации и т. п. Между тем, хозяйственный план представляет собою систему взаимно-обусловленных и внутренне-согласованных и увязанных мероприятий, заданий, контрольных цифр. Просчет в каком-либо существенном составном элементе плана или неожиданное его нарушение международной обстановкой, неурожаями и т. п. могли бы поэтому вызвать срыв плана в целом с вытекающими отсюда последствиями. С другой стороны, недоучет возможных благоприятных условий вызвал бы недостаточное их использование, т.-е. замедление темпа развития, вытекающее из недочетов планирования.

Чтобы избежать этих опасностей, необходимо разработать, по меньшей мере, два варианта хозяйственных планов. Задача этих вариантов правильно формулирована в «Перспективной ориентировке» Госплана. «Мы в настоящее время строим сразу два варианта. Один о т п р а в н о й, более осторожный, в расчете на менее благоприятные условия хозяйственного развития с тем, чтобы определить вполне обеспеченный масштаб накоплений и вложений. И другой о п т и м а л ь н ы й, который реально достижим при полном напряжении наших волевых усилий и материальных ресурсов в достаточно благоприятной внешней обстановке. Конечно, ни тот, ни другой варианты не рассчитаны на такие форсмажорные обстоятельства, как, скажем, новая мировая война и блокада. У с л о в и я м в о е н н о г о в р е м е н и д о л ж е н о т в е ч а т ь о с о б ы й в а р и а н т х о з я й с т в е н н о г о п л а н а» [1]).

Наличие оптимального варианта вынудит при выработке контрольных цифр на каждый год стремиться к максимальной реализации всех возможностей ускорения темпа хозяйственного развития. С другой стороны, наличие отправного варианта облегчит определение конкретных годичных темпов в тех случаях, когда условия будут носить менее благоприятный характер. Сопоставление конкретных условий предстоящего хозяйственного года с условиями, предположенными в отправном и оптимальном вариантах, позволит определить возможные годичные темпы. Значение обоих вариантов удачно формулировано Г. М. К р ж и ж а н о в с к и м.

«Минимальный пятилетний хозяйственный ряд наглядно обрисует перед нами те хозяйственные грани, выход за пределы которых немедленно повлечет за собой то или иное функциональное расстройство нашего хозяйственного организма. Фактическое приближение к цифрам—показателям этого минимального ряда—будет наглядным образом с и г н а л и з и р о в а т ь н а м о п р е д с т о я щ и х о п а с н о с т я х и предостерегать нас должным образом в нашем хозяйственном маневрировании. В этом свое громадное служебное значение этого минимального хозяйственного ряда.

«Максимальный пятилетний хозяйственный ряд должен быть смело рассчитан на ряд благоприятствующих хозяйственных факторов. Здесь, между

[1]) См. «Перспективная ориентировка», стр. 8

прочим, мы можем учесть и возможности заграничного кредита и такой коэффициент подроста всей нашей организационной установки, такой под'ем нашей суммарной советской культуры, которые естественным образом отброшены при учете средних возможностей. Эта проектная работа максимального хозяйственного пятилетнего плана имеет свои трудности: то напряжение, которое требуется для его осуществления, отнюдь не должно переходить в п е р е н а п р я ж е н и е, могущее повлечь, со своей стороны, болезненные явления в области хозяйства» [1]).

Отсюда следует, что разница между отправным и оптимальным вариантами не должна быть ничтожной. Если отправной вариант должен строиться с максимальной осторожностью, чтобы определить с о в е р ш е н н о о б е с п е ч е н н ы й темп развития и предупредить возможность просчетов и срывов, то при составлении оптимального варианта необходимо исходить из возможности благоприятных условий. К числу таких условий относятся не только международная обстановка, урожаи, эффект социалистической рационализации и т. п., но и эффект максимального напряжения волевых усилий, как это правильно отмечено в приведенной нами цитате из «Перспективной ориентировки» Госплана. Поскольку оптимальный вариант должен стимулировать максимальное напряжение волевых усилий и материальных ресурсов, максимальную реализацию всех возможностей, он должен строиться таким образом, чтобы все эти возможности были в нем учтены в полном их об'еме. Разница между отправным и оптимальным вариантами должна поэтому быть существенной.

Посмотрим, удовлетворяют ли этому условию варианты «Перспективной ориентировки» Госплана. Нижеследующая таблица характеризует их соотношение.

Темпы хозяйственного роста [2]).

(Прирост с 1926—27 г. по 1931—32 гг. в %%).

Показатели	Отправной вар.	Оптимальный вар.
1. Продукция промышленности:		
А) Госуд. цензовая	71,8	93,0
В том числе планируемая	77,9	103,0
В) Проч. цензовая (кооп. и част.)	32,9	30,9
Итого (А—В)	67,9	87,0
С) Мелкая	35,8	35,8
2. Продукция сельского хозяйства (с лесов., рыболовством и охотой)	24,0	31,4
3. Общее строительство (кроме сельского).	86,2	122,5
В том числе жилищное	164,8	16 ,8
4. Валовой товарооборот (по ценам реализации)	40,8	55,6
А) Экспорт	124,2	170,4
В) Импорт	92,0	115,6
5. Транспорт:		
А) Общая работа железных дорог	45,6	56,0
В) Общая работа госпароходства	88,5	110,8
С) Грузооборот морских портов	87,3	103,3
6. Электрификация (работа станций)	76,7	76,7
7. Бюджет:		
А) Доходная часть госбюджета	48,1	58,5
В) „ „ мест. бюджета	69,7	76,7
8. Народный доход в целом	46,0	56,4
„ „ на 1 душу насел.	30,9	40,2

[1]) Предисловие к «Перспективам развертывания народного хозяйства СССР на 1925 26—1930 31 гг.», «Плановое Хозяйство», 1927 г.

[2]) «Перспективная ориентировка», стр. 56—60 и 17—19.

Показатели	Отправной вар.	Оптимальный вар.
9. Индексы цен:		
A) Строительный—понижение на. . . .	30,0	Не указаны
B) Отпускных цен ВСНХ—пониж. на .	21,1	„
C) Розничных цен промтоваров пониж. на	24,5	„
„ „ с.-х. товаров—пониж. на	5,5	„
10. Реальная зарплата рабочих—повыш. на .	45,0	„

Сопоставление отправного и оптимального вариантов показывает, что разница между ними в общем незначительна. Если сопоставить абсолютные цифры обоих вариантов, то окажется, что оптимальный превышает отправной в среднем лишь на 7—8 проц. Валовая продукция фабрично-заводской промышленности по оптимальному варианту выше на 11 проц., продукция сельского хозяйства—на 6 проц. Лишь в области строительства разница значительнее: по новым постройкам и капитальному ремонту она составляет 19 проц.

В действительности, однако, разница эта еще менее значительна. Дело в том, что при составлении отправного варианта не учтено еще предстоящее увеличение в ряде отраслей числа смен в связи с переходом к семичасовому рабочему дню. С учетом этого фактора отправной вариант еще больше сблизится с оптимальным, как это отмечается и «Перспективной ориентировкой».

«Этот расчет (влияния увеличения смен. *В. М.)* еще не вполне закончен. Но уже теперь видно, что с учетом сменной работы отправной вариант существенно приближается к оптимальному. На самом деле, оптимальный вариант по планируемой ВСНХ промышленности предусматривает расширение продукции за пять лет на 103%. Отправной—на 77,5% без поправки на сменность и на 93% с поправкой на сменность. По всей цензовой госпромышленности это сближение еще больше. Оптимальный вариант дает 87% прироста, отправной без поправки—72% и с поправкой—84,5%, т.-е остается разница всего в 2,5%». (Стр. 28).

Так как переход к трем сменам и рост продукции связаны с расширением строительства, с ростом товарооборота, работы транспорта, народного дохода, бюджета и т. д., то произойдет сближение вариантов в целом.

Является ли, однако, такое соотношение вариантов целесообразным? Нам кажется очевидной нецелесообразность и необоснованность такого соотношения Отклонения на несколько процентов возможны и в пределах одного года даже в том случае, если условия этого года учтены правильно. Такие незначительные отклонения являются пока неизбежным результатом относительного и условного характера плановых предположений. Между тем, в пределах пятилетия трудности предвидения осложняются неопределенностью ряда основных условий хозяйственного строительства. Это придает пятилетнему плану еще более относительный характер, как это отмечено резолюцией XV партс'езда — «О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства».

«Зависимость от урожая и невозможность предварительного точного статистического его охвата; зависимость от рыночной стихии, которая все более взнуздывается плановым началом, но еще не укладывается целиком в его рамки; колебание кон'юнктуры мирового рынка и зависимость от этого последнего; наконец, внеэкономические факторы, связанные, в первую очередь, с враждебным капиталистическим окружением и отражающиеся как на экономических отношениях с заграницей, так и на экономических отношениях внутри страны,—все это обусловливает собою относительность значения плановых и цифровых предположений вообще».

Неопределенность этих условий, а также возможного эффекта социалистической рационализации и напряжения волевых усилий, требует такого соотношения между отправным и оптимальным вариантами, которое путем более значительной разницы между ними учитывает возможность значительных колебаний и изменений всех этих условий. Сближение вариантов в проекте Госплана является поэтому необоснованным и вредным.

Предполагаемое в связи со сменностью увеличение темпов отправного варианта должно производиться с сугубой осторожностью. Переход к трем сменам увеличивает потребность промышленности в сельскохозяйственном сырье и техническом оборудовании. Поэтому зависимость от урожаев и внешней торговли становится еще более тесной. Даже настоящий проект отправного варианта требует весьма значительного роста экспорта (на 124,2%) и импорта (на 92%). Переход к трем сменам потребует еще более значительного увеличения внешней торговли. Поэтому возможность неурожаев и международных трудностей должна быть учтена еще в большей степени. Это не значит, что темпы отправного варианта не могут быть вовсе усилены. Но такое усиление допустимо лишь в той мере, в какой оно не нарушает реальности этого варианта при предполагаемых им менее благоприятных условиях.

II. Темпы оптимального варианта.

Иначе обстоит дело с оптимальным вариантом. Этот вариант, несомненно, преуменьшен. Корни этого преуменьшения—в недоучете возможного эффекта социалистической рационализации в условиях благоприятных урожаев и благоприятной международной обстановки. Это становится совершенно очевидным при сопоставлении капитальных затрат с их эффектом. Оптимальный вариант проектирует капитальные затраты в сумме 22.192 млн. руб. против 18.514 млн. руб. (с учетом снижения цен) по отправному варианту. Таким образом, по оптимальному варианту капитальные затраты на 3.678 млн., или на 20% больше, чем по отправному. Между тем по росту валового оборота, продукции, народного дохода оптимальный вариант превышает отправной лишь на 7—8%, несмотря на то, что разница между ними должна определяться не только эффективностью добавочных вложений, но и большей эффективностью капитальных вложений в целом, вследствие больших успехов рационализации и т. п. Эффективность капитальных вложений по оптимальному варианту явно недостаточна. К сожалению, «Перспективная ориентировка» не указывает, какая часть капитального строительства переходит незаконченной на следующее пятилетие. Поэтому возникает вопрос, не затрачиваются ли добавочные вложения на такие предприятия, эффект которых скажется лишь во втором пятилетии. Нам кажется, однако, это маловероятным. Такое решение предполагает, что эти добавочные капитальные вложения производятся, главным образом, в последние годы пятилетия. Между тем оптимальный вариант должен предусмотреть возможность добавочных затрат на протяжении всего пятилетия. Однако, если бы даже большая часть добавочных капитальных вложений направлялась на предприятия, эффект которых скажется большей частью во втором пятилетии, то и в этом случае разница между вариантами не могла бы быть столь незначительной, принимая во внимание, что оптимальный вариант должен учесть возможность большей эффективности капитальных вложений в целом, а не только добавочных.

Недостаточная эффективность капитальных вложений становится еще более очевидной при сопоставлении оптимального варианта «Перспективной ориентировки» с «Контрольными цифрами пятилетнего плана развития про-

мышленности СССР», утвержденными 1 ноября 1927 года президиумом ВСНХ в качестве основы для составления пятилетнего плана промышленности. Эти цифры представляют собою третий проект ВСНХ, при составлении которого была учтена основная ошибка первых двух проектов, заключавшаяся в недоучете возможного эффекта социалистической рационализации, возможной эффективности капитальных вложений. Оптимальный вариант Госплана проектирует капитальные затраты по гос. промышленности в сумме 7.298 млн. р (с учетом снижения цен; без электрификации; включая 134 млн. рублей на индустриализацию сельского хозяйства) против 5.918 млн. руб. по отправному варианту, т.-е. рост капитальных затрат на 23%. Контрольные же цифры ВСНХ проектируют эти затраты с учетом снижения цен в сумме 7.088,2 млн. руб., т.-е. несколько меньше оптимального варианта Госплана. Сопоставим, однако, эффект капитальных вложений по обоим проектам.

Темпы роста продукции промышленности [1]).

(Прирост за пятилетие в %%)

Показатели	Оптим. вар. Госплана	Контр. циф. ВСНХ
1. Вся цензовая	87,0	102,2
В том числе:		
Гос. цензовая	93,0	105,1
В том числе:		
Гос. планируемая	103,0	108,0
.2 Кустарная и мелкая	38,5	53,8
Всего по промышленности	79,0	97,6

Приведенные в таблице цифры показывают с достаточной убедительностью, что проект ВСНХ при несколько меньших затратах проектирует более значительные достижения, чем оптимальный вариант Госплана [2]). Верно, следует принять во внимание, что вариант Госплана не учитывает увеличения смен, между тем как «Контрольные цифры» ВСНХ учли этот переход в хлопчатобумажной промышленности. Однако, в основном разница определяется не этим, а различным подходом к определению эффективности капитальных вложений.

Не являются ли, однако, намеченные ВСНХ темпы роста и достижения неосуществимыми, чрезмерными? Не преувеличивает ли проект ВСНХ возможного эффекта социалистической рационализации? Конечно, этот проект не является отправным, т.-е. вполне обеспеченным. Он предполагает такой рост продукции сельскохозяйственного сырья и внешней торговли, такой эффект социалистической рационализации, которые возможны лишь при благоприятных условиях. Он является, таким образом, оптимальным вариантом. Если же рассматривать его, как оптимальный, то намечаемые им темпы не только не являются преувеличенными, но должны рассматриваться как скромные.

В самом деле. Технико-производственные возможности ближайшего пятилетия при благоприятных условиях проектом не только не исчерпаны, но явно недоучтены. Возможности, вытекающие из стандартизации и специализации производства, из развития массового и серийного производства учтены, например, в явно недостаточной степени. Недостаточное внимание к задачам стандартизации и специализации, являющееся крупной ошибкой нашей промышленной политики последних лет, обнаружилось, к сожалению,

[1]) Цифры взяты из указанных выше, в примечаниях, материалов («Перспективная ориентировка», стр 57 и «Контрольные цифры», стр. 21).

[2]) Хотя Госплан не возражает против проекта ВСНХ, принимая его в качестве оптимального, мы считаем необходимым рассмотреть оптимальный вариант Госплана по промышленности, ибо недочеты этой части варианта Госплана типичны для оптимального варианта в целом.

и при разработке проекта ВСНХ. Авторы проекта вынуждены сами это отметить («Контрольные цифры», стр 31).

На ряду с этим, необходимо принять во внимание, что проект ВСНХ учел переход к трем сменам лишь в хлопчатобумажной промышленности. Между тем, эта мера может и должна быть применена в ряде других отраслей производства.

Все это доказывает, что технико-производственные возможности полностью не учтены. Это отмечают и авторы «Контрольных цифр».

«При этом нужно подчеркнуть, что мы стоим лишь в самом начале процесса рационализации производства, что мы фактически только приступаем к нему; поэтому мы не можем учесть то, что нам дадут в этом направлении ближайшие годы. При пересмотре выяснилось, что несколько месяцев, протекших со дня окончания работ по составлению первого варианта пятилетки (опубликованного) до пересмотра, уже дали возможность учесть из практики существующих предприятий такие достижения (напр., в льняной, бумажной и других отраслях), которые при составлении первого варианта намечались к достижению лишь к концу пятилетки.

«Поэтому мы имеем основание полагать, что задания к области технико-производственной, намеченные при составлении настоящего варианта, в большинстве своем не только не являются преувеличенными, но оставляют определенный резерв, который в настоящее время не может быть учтен сколько-нибудь точно. К этому нужно еще добавить, что несомненный и весьма значительный резерв производственной мощности мы имеем вследствие перехода на сокращенный рабочий день и связанное с этим увеличение числа смен. Переход на трехсменную работу учтен в нашем варианте только по хлопчатобумажной промышленности, при чем благодаря третьей смене производство по хлопчатобумажной промышленности даст увеличение выработки ткани на 81,6% против увеличения на 32,6% по предыдущей пятилетке. Увеличение числа смен в других отраслях промышленности даст нам также весьма существенный резерв производственной мощности». (Стр. 4).

Благодаря недоучету технико-производственных возможностей проект ВСНХ намечает слишком скромное снижение себестоимости и цен, а значит— и слишком скромное повышение реальной заработной платы. Здесь он намечает цифры, почти совпадающие с отправным вариантом Госплана. В нижеследующей таблице сопоставлены достижения по этим показателям, намечавшиеся различными проектами пятилетнего плана [1]).

Показатели	Отправ. вар. Госплана	Предыдущий проект Госплана	Контр. цифры ВСНХ	Предыдущий проект ВСНХ.
	В процентах			
1. Снижение строительного индекса	—30	—	—32	—20
2. Снижение себестоимости	—	—17,7	—24,2	—16,5
3. Снижение отпускных цен ВСНХ	—21	—17,5	—21,3	—17,5
4. Рост реальной заработ. платы	+45	+49	+46	+36,3

Таблица показывает, что в последних проектах по сравнению с предшествующими проектами намеченные достижения значительно усилены. Однако, совпадение цифр отправного варианта Госплана с цифрами последнего проекта ВСНХ, являющегося, как установлено было выше, оптимальным, дает основание полагать, что в проекте ВСНХ недоучтены возможности более значительных достижений в этих направлениях при наличии тех благоприятных условий, которые являются его предпосылками.

[1]) Цифры предыдущего проекта ВСНХ (второго) взяты из «Материалов к пятилетнему плану разв пром. СССР (1927/28—1931/32 гг.)», Гостехиздат, 1927 г. Цифры пред проекта Госплана (второго) —из «Перспектив разверт. народн. хозяйства СССР на 1926/27—1930/31 гг.», изд. «План. Хоз.», 1927 г.

Все это доказывает, что со стороны учета возможного эффекта социалистической рационализации проект ВСНХ не только не является чрезмерным, но даже—в некоторых показателях—преуменьшенным. Его усиление по этим показателям возможно, хотя при этом следует избежать опасности перенапряжения. Тем более преуменьшен оптимальный вариант Госплана. Отмечая, что с учетом сменности разница между вариантами в цензовой гос. промышленности составит лишь 2,5%, «Перспективная ориентировка» заявляет: «Но и с учетом сменности отправной вариант сохранит целый ряд весьма существенных отличий от оптимального. Главнейшее из них в том, что оптимальный вариант рассчитан на привлечение в промышленность довольно значительных средств со стороны. А отправной ориентируется на внутренние ресурсы промышленности». (Стр. 28). Нам кажется, прежде всего, что источник добавочных средств указан здесь односторонне, что недостаточно учтена возможность использования в качестве добавочных средств добавочного накопления в промышленности вследствие более значительных результатов социалистической рационализации при предполагаемых оптимальным вариантом благоприятных условиях. Вместе с тем, здесь важно подчеркнуть, что разница между вариантами должна заключаться не только в разнице сумм капитальных вложений, но и в соответственной разнице эффективности.

Столь же несомненно преуменьшение оптимальным вариантом возможного темпа роста сельского хозяйства. Если отправной вариант, учитывающий возможность неурожаев, намечает рост валовой продукции сельского хозяйства на 24% за пятилетие, то оптимальный вариант, предполагающий благоприятные условия развития сельского хозяйства, должен и может запроектировать более значительное достижение, чем намеченный рост на 31,4%. Недостаточность темпа развития сельского хозяйства была отмечена т. Сталиным в политотчете ЦК на XV партс'езде. Оптимальный вариант должен предусмотреть возможность более значительного под'ема сельского хозяйства, не останавливаясь перед некоторым увеличением капитальных вложений в него. Однако, главная задача заключается в обеспечении проектом надлежащего темпа кооперирования крестьянских хозяйств и во всестороннем учете возможного эффекта этого процесса, его возможного влияния на под'ем сельского хозяйства. Урожайность и удойность в коммунах, артелях и товариществах были уже в 1926—27 г. выше, чем в единоличных хозяйствах. Между тем, ускорение процесса кооперирования на протяжении пятилетия может предоставить значительной массе крестьянских хозяйств преимущества крупных хозяйств и, значит, ускорить процесс под'ема сельского хозяйства. Если усилить, на ряду с этим, внедрение минеральных удобрений и обработку сельскохозяйственных продуктов, то можно, несомненно, достигнуть гораздо более значительных темпов под'ема, чем намеченные оптимальным вариантом Госплана, избежав при этом опасности перенапряжения

III. Кривая капитальных затрат и их эффективности.

Определение капитальных вложений по годам и распределение их в пределах каждого года между отраслями народного хозяйства представляет одну из наиболее сложных и трудных задач пятилетнего плана. Задача индустриализации и обобществления страны требует таких вложений в промышленность, которые могут обеспечить быстрый темп индустриализации не только на протяжении пятилетия, но и за его пределами. Однако, такой темп индустриализации осуществим лишь при одновременном согласованном развитии остальных сфер хозяйства. В противном случае их отсталость может тормозить развитие промышленности и темп индустриализации в целом. В связи

со сложностью вопроса о принципах распределения вложений между сферами народного хозяйства «Контрольные цифры» ВСНХ выдвигают вопрос о системах построения пятилетнего плана:

«Возможны две системы построения пятилетнего плана по годам. Одна из них, нашедшая себе отражение в настоящей системе контрольных цифр, предполагает аккумуляцию значительных средств, вкладываемых в промышленность на протяжении ближайших лет с тем, чтобы полученный таким образом толчок в развитии промышленности обусловил в дальнейшем бесперебойное развитие всего народного хозяйства в целом, высвобождая в последующие годы средства для такого же усиленного и ударного развития отдельных отраслей, состояние которых делается определяющим минимумом для всего хозяйственного развития. Другая система может заключаться в одновременном, гармоническом движении всех отраслей народного хозяйства более медленным, но и более плавным темпом». (Стр. VIII).

Нам кажется, однако, что вопрос о системе построения пятилетнего плана не является столь неясным. В действительности в СССР ни одна из этих систем не может и не должна быть осуществлена в чистом виде. Задачи индустриализации столь актуальны, что пятилетний план должен, несомненно, обеспечить наиболее быстрый темп развития промышленности. Это не исключает, однако, возможности и необходимости одновременного согласованного развития всех остальных отраслей хозяйства более медленным, но плавным темпом. В предыдущей статье было установлено, что такой согласованный одновременный под'ем всех сфер народного хозяйства, их одновременная индустриализация сыграли существенную роль в ускорении темпа развития Соединенных Штатов. Необходимо и в СССР найти такое соотношение и сочетание темпов развития всех отраслей, которое обеспечивает длительно наиболее быстрый темп индустриализации в целом.

Крупнейшей ошибкой первого проекта ВСНХ (ОСВОК) была затухающая, т.-е. падающая по годам кривая капитальных вложений. Эта особенность проекта ОСВОК подверглась резкой критике. При разработке последующих проектов следовало, таким образом, избежать этой ошибки. Удалось ли, однако, последующим проектам обеспечить восходящую кривую капитальных затрат? Нижеследующая таблица дает ответ на этот вопрос:

Динамика капитальных вложений в госпромышленность по годам [1]).

Годы	По неизменным ценам										По понижающимся ценам			
	1-й проект ВСНХ (ОСВОК)		2-й проек ВСНХ		3-й проект ВСНХ		2-й проект Госплана		3-й проект Госплана (отпр.)		3-й проект ВСНХ		3-й проект Госплана (отпр.)	
	В млн. руб.	В % к пред. году	В млн. руб	В % к пред. году	В млн. руб	В % к пред. году	В млн. руб	В % к пред. году	В млн. руб	В % к пред. году	В млн. руб	В % к пред. году	В млн руб	В % к пред. году
1925—26 . . .	935	—	—	—	—	—	781	—	—	—	—	—	—	—
1926—27 . . .	1549	165,5	—	—	—	—	918	117,4	988	—	—	—	983	—
1927—28 . . .	1454	93,8	1179	117,3	1269	126,9	1142	124,4	1250	126,5	1192	119,3	1168	118,8
1928—29 . . .	1251	86,2	1318	112,0	1542	121,5	118[illegible]	103,6	1383	110,6	1401	117,0	1187	101,6
1929—30 . . .	959	76,5	13[illegible]1	104,8	1689	109,5	1206	101,9	1498	102,5	1488	106,0	1203	101,3
1930—31 . . .	—	—	1395	101,0	1798	106,5	1205	100,0	1588	112,7	1501	101,0	1184	98,4
1931—32 . . .	—	—	1452	104,0	1957	108,8	—	—	1671	105,2	1506	100,0	1176	99,3

[1]) Цифры второго и третьего проектов ВСНХ и Госплана взяты из указанных выше в примечаниях, материалов. Цифры 1-го проекта ВСНХ взяты из след. издания: «Материалы ОСВОК. Серия III. Перспективы развития промышленности», вып. V, «Промиздат», 1927 г.

Если сопоставить капитальные вложения в промышленность в неизменных ценах, то оказывается, что последующие проекты не только устранили затухающий характер кривой капитальных вложений, но даже придали ей слегка восходящий характер. Наиболее значительный рост вложений приходится, однако, на первые годы; в последующие годы сумма капитальных вложений возрастает незначительно, и темп прироста замедляется. Если же рассматривать капитальные вложения с учетом снижения цен, то кривая капитальных вложений в последнем проекте ВСНХ оказывается во второй половине пятилетия стабильной, а в последнем проекте Госплана даже слегка падающей, затухающей.

То обстоятельство, что, несмотря на повторные пересмотры пятилетнего плана, кривая капитальных вложений не носит равномерно-восходящего характера даже в неизменных ценах, а в понижающихся оказывается слегка затухающей,—выдвигает вопрос, не имеются ли какие-либо об'ективные условия, требующие особого роста капитальных вложений именно в первые годы пятилетки. Такие условия, несомненно, имеются. Нужды подготовки обороны страны и обеспечения ее экономической самостоятельности настоятельно требуют возможно больших вложений в промышленность в ближайшие же год—два. Однако, разница в темпе роста капитальных вложений по годам слишком значительна, чтобы эти условия могли ее оправдать целиком. В действительности существуют необходимость и возможность более систематического, хотя не обязательно равномерного, прироста капитальных вложений в промышленность на протяжении всего пятилетия. Нельзя представлять себе дело так, что в первые годы нужны усиленные вложения в промышленность для того, чтобы затем перейти к усиленным вложениям в другие сферы народного хозяйства. В действительности каждый новый этап будет выдвигать перед промышленностью новые задачи и требовать ее дальнейшего усиленного под'ема, согласованного, однако, постоянно с темпом под'ема остальных сфер народного хозяйства.

Восходящий характер кривой капитальных вложений может быть усилен, прежде всего, некоторым перераспределением капитальных затрат по годам. Авторы контрольных цифр ВСНХ правильно отмечают чрезмерно резкий рост намеченных капитальных затрат в 1928—29 г. и *необходимость перенесения части добавочных затрат этого года на следующие годы* с обеспечением, по возможности, окончания подавляющей части работ в текущем пятилетии. Но все же главной причиной замедления в проектах темпа роста капитальных вложений во второй половине пятилетия является, несомненно, отмеченный выше недоучет возможного эффекта вложений первых лет и эффекта социалистической рационализации. Возможное накопление, а значит, и возможный об'ем капитальных вложений, зависят от успехов социалистической рационализации. Поэтому недоучет ее возможных успехов должен вызвать преуменьшение возможных вложений в последующие годы пятилетки.

Что дело заключается именно в этом, доказывают не только данные и соображения, приведенные в первой части настоящей статьи, но и анализ кривой роста продукции промышленности, характеризуемой в нижеследующей таблице.

Прирост продукции промышленности планируемый ВСНХ.

(В %% к предыдущему году).

Годы	Отправ. вар. Госплана	Проект ВСНХ
1926—27	13,3	—
1927—28	16,5	18,1
1928—29	12,4	16,6
1929—30	10,9	17,6
1930—31	10,6	13,8
1931—32	10,0	12,8

Таблица показывает, что кривая прироста продукции носит в обоих проектах затухающий характер. Если сопоставить эту таблицу с таблицей капитальных вложений, то становится очевидным наличие противоречия, несоответствия между кривой капитальных вложений и кривой прироста продукции. Капитальные вложения возрастают особенно значительно в первые годы пятилетки. Так как эффект их должен сказаться в последние годы, то темп прироста продукции должен в эти годы, казалось бы, усилиться,—между тем, в действительности, он замедляется, ослабевает. Подобное соотношение не может быть признано нормальным и свидетельствует о недоучете эффективности капитальных вложений и возможных результатов социалистической рационализации. Затухающая кривая прироста продукции была закономерной при переходе от восстановительного периода к реконструктивному, так как с исчерпанием резерва восстановительных возможностей, с переходом к расширению технической базы, темп должен был, естественно, замедляться.

В первые годы пятилетия исчерпание последних резервов восстановительных возможностей может еще сопровождаться снижением темпа прироста продукции, но *в последние годы должна выявиться, наоборот, тенденция к нарастанию темпа прироста под влиянием нарастания преимуществ переходной системы хозяйства и степени их реализации.* Поскольку эта реализация может найти свое отражение в большей мере в оптимальном варианте, чем в отправном, постольку это замечание относится больше к проекту ВСНХ, чем к отправному варианту Госплана.

Если принять во внимание предстоящий в ряде отраслей переход к трем сменам, то необоснованность и недопустимость замедляющегося роста капитальных вложений станут еще яснее. Дело в том, что увеличение числа смен усилит снашиваемость технического оборудования и сократит срок его применения, в особенности на старых предприятиях. В интересах обеспечения во втором пятилетии возможности расширенного воспроизводства окажется поэтому необходимым расширить во второй половине текущего пятилетия постройку новых предприятий и увеличить соответственно капитальные вложения. Средства для этого доставит само увеличение числа смен. Увеличение продукции позволит ускорить амортизацию основного капитала в меру ускорения его снашивания. Таким образом, амортизационные исчисления будут расти, а это позволит увеличить капитальные вложения. С другой стороны, так как переход к трем сменам будет осуществлен в первую очередь, в виду рыночной кон'юнктуры, в отраслях, производящих предметы потребления, являющихся более рентабельными, то усилится и темп накопления за счет прибылей.

В результате перехода к трем сменам усилится и рост эффективности основного капитала, так как ускорится амортизация износившегося морально, т.-е. устаревшего по своей конструкции, технического оборудования, а значит, и замена его новым, более эффективным. Таким образом, учет перехода к трем сменам при разработке проектов пятилетнего плана должен придать кривой капитальных вложений и кривой роста продукции восходящий характер.

Вообще, слабым местом проектов пятилетнего плана является их явно недостаточная увязка с интересами второго пятилетия. В этом сказалось отсутствие генерального плана, лишившее составителей проектов пятилетнего плана возможности надлежащего учета в пределах данного пятилетия нужд следующего пятилетия. Таким образом, характеристика проблемы темпа в проектах пятилетнего плана подводит нас вплотную к вопросу о генеральном плане.

* * *

Подведем итоги. Основной недочет последних проектов пятилетки в том, что они не исходят из всесторонне разработанного плана социалистической рационализации народного хозяйства СССР. Социалистическая рационализация, в отличие от капиталистической, заключается не только в технических и организационных улучшениях, но и в реализации многообразных преимуществ переходной системы хозяйства. XV партконференция подчеркнула, что «реализация этих преимуществ в практическом строительстве составляет важнейшую задачу партии в период социалистического переустройства всего народного хозяйства». Недостаточную разработанность в проектах пятилетнего плана экономических и технических вопросов реконструкции народного хозяйства, их узко-статистический характер, отметил тов. Рыков на XV партс'езде.

Так как пока опубликованы лишь итоговые контрольные цифры проектов, то о недоучете технико-производственных возможностей, возможного эффекта социалистической рационализации, можно судить лишь по соотношению различных величин. Тем не менее, анализ этих соотношений обнаруживает с достаточной ясностью наличие в проектах ряда существенннных недочетов. Мы полагаем, что поставленные нами вопросы вытекают из опубликованных материалов, что при пересмотре и разработке проектов очерченные в статье недочеты могут и должны быть устранены [1]).

---

[1]) После сдачи наст. статьи в печать мы познакомились в вышедшем со значит. опозданием № 12 «План. Хозяйства» за 1927 г. с новым проектом отправного варианта с учетом семичасового раб. дня и увеличения числа смен. Отмечаем с удовлетворением, что исправленный отправной вариант ослабляет некоторые из отмеченных в статье недочетов. Это подтверждается нижеслед. таблицей:

Темп роста цензовой геспромышленности.

Годы.	Капит. вложения в неизмен. ценах.		Капит. вложения с учетом снижения цен.		Рост продукции.
	В млн. руб.	В % к 1926—27 г.	В млн. руб.	В % к 1926—27 г.	В % к пред.
1926—27	983	100	983	100	17,5
1927—28	1240	126	1158	117	15,6
1928—29	1420	145	1200	122	13,0
1929—30	1538	157	1230	125	13,3
1930—31	1675	171	1240	126	13,3
1931—32	1805	183	1253	128	11,4

Таблица показывает, что в новом проекте сумма капит. вложений повышена, при чем кривая капит. вложений приобрела слегка восходящий характер и в понижающихся ценах, а кривая прироста продукции не носит столь резко выраженного затухающего характера, как в «Персп. ориентировке». Тем не менее, и этот проект нуждается в дальнейшей разработке в целях более полного устранения недочетов и, в частности, обеспечения восходящего характера кривой роста продукции.

А. Слепков.

Как реагировала оппозиция на решения XV с'езда.

XV с'езд партии заявил, что принадлежность к троцкистской оппозиции несовместима с принадлежностью к ленинской партии, выводом из этого решения были: исключение с'ездом виднейших представителей оппозиционного блока из партии и исключение ячейками из партии тех оппозиционеров, которые отказались безоговорочно признать свои ошибки и правильность всех решений XV партийного с'езда.

Категоричность решения об'ясняется теми обстоятельствами, что 1) в своей критике идеологии и политики партии оппозиционеры не остановились перед ревизией программных положений большевизма и скатились в исходных пунктах своих политических построений к социал-демократизму; 2) в практике борьбы против партии оппозиционеры вступили на путь борьбы с режимом пролетарской диктатуры, пытаясь, по сути дела, проложить дорогу режиму буржуазной демократии.

Решения с'езда касательно оппозиции потребовали от каждого оппозиционера недвусмысленного ответа на вопрос: продолжать ли и углублять борьбу против партии, переходя в лагерь мелкобуржуазной контрреволюции, или безоговорочно отказаться от своих ошибочных взглядов и антипартийных действий и в процессе практической работы доказать свою готовность и способность бороться за коммунизм в рядах партии.

Виднейшие представители б. «ленинградской оппозиции», тт. Зиновьев и Каменев, выступили в печати с документом [1]), смысл которого заключается в их отказе от оппозиционной борьбы и от ряда существеннейших элементов оппозиционной идеологии.

Нет никакого сомнения в том, что в заявлении тт. Каменева и Зиновьева недостает необходимой отчеканенности и решительности в обобщениях и выводах, как недостает и более конкретных ответов на конкретные вопросы.

Конечно, нельзя относиться положительно к тому, что тт. Зиновьев и Каменев столь запоздали с этим заявлением; конечно, следует не забывать о том, что ошибки тт. Зиновьева и Каменева, поскольку ими обусловливалась напряженнейшая борьба оппозиции против партии, нанесли партии весьма существенный вред; конечно, отошедшим от оппозиции товарищам еще надо доказать на деле свой окончательный и всесторонний разрыв с идеологией и практикой оппозиции,—но нельзя не признать, как это признала редакция Ц. О., что представители б. «ленинградской» оппозиции «делают этим письмом решительный шаг, который облегчает возвращение в партию всех, стоящих на той же позиции».

---

[1]) См. их «Письмо в редакцию Ц. О.», «Правда», 27 января с. г.

* * *

Как и следовало ожидать, Троцкий со своим немногочисленным кругом сторонников не осмыслил антиреволюционности своей позиции и реагировал на решения XV с'езда так, как может реагировать только враг пролетарской диктатуры.

Свое отношение к решению XV с'езда он выразил в документе, который предназначен в качестве «путеводителя» для непримиримых троцкистов и носит название «На новом этапе». Троцкий, разумеется, «возмущен» «предательством» тт. Каменева и Зиновьева; он квалифицирует их поведение, как «факт совершенно небывалый в истории революционного движения, пожалуй, в истории политической борьбы вообще»; он утверждает, что это их поведение «содействует не сохранению единства партии, а ее деморализации»; он полагает, что отказ от оппозиционных взглядов означает «идеологическое оправдание» всех элементов «двурушничества, карьеризма, шкурничества» и т. д., и т. п.

Словом, блюститель «единства» партии и хранитель «ленинских заветов» обличает тех, которые отказались от поддержки его меньшевистского курса.

Курьезность картины становится еще более выразительной, если к этому добавить, что, в оценке Троцкого, «выступления немногочисленной оппозиции были последним историческим всплеском октябрьской волны» (!?).

До каких пределов слепоты может дойти «мессиански» настроенный «трагический одиночка», не понимающий, что он стал смешным!

Миллионы строителей социализма шагали в десятую годовщину Октябрьской революции, убежденные в правильности пути нашей партии, как никогда, а несколько сот человек, защищавших швабрами портреты экс-вождей, потонули в этом людском потоке, как нелепые пятнышки. Такова была картина. А Троцкий именно в этих нелепых пятнышках усмотрел «последний исторический всплеск октябрьской волны»!

Нет диктатуры рабочего класса, нет дисциплинированных масс пролетариата, нет партии, нет октябрьских завоеваний,—налицо только «последний исторический всплеск октябрьской волны», представленный сотней—другой оторвавшихся от масс и плененных меньшевистской идеологией одиночек.

Самое смешное заключается в том, что ведь все это говорится серьезным, прямо-таки мессианистским тоном, что этот, с позволения сказать, «анализ» прикрывается именем Ленина!

Когда знакомишься с этим документом Троцкого, то проникаешься глубочайшим убеждением в правильности тех предсказаний относительно троцкизма, которые имели место на последних партс'ездах и конференциях. При этом оправдались не только самые общие предсказания, но в очень короткий срок подтвердились все детали перспективы развития троцкистской оппозиции, детали, предсказанные представителями партии в целом.

На примере развития троцкистской оппозиции еще лишний раз блестяще подтвердилась правильность марксистского метода, которым пользуется партия при анализе политических явлений.

Когда на XV конференции партии троцкизм был охарактеризован, как антиленинский социал-демократический уклон, то это казалось кое кому из членов партии слишком сильно и, во всяком случае, слишком рано сказанным. Но один—два года развития троцкистской оппозиции доказали, что прогноз был абсолютно правилен, что слова были найдены верные

Это блестяще доказывается рассматриваемым документом Троцкого.

В самом деле. Какую идеологию выплеснул «последний исторический всплеск октябрьской волны»?

Троцкий «защищал» интернационалиста Ленина против «национально-ограниченного» партийного руководства, выступая в таком вопросе, как вопрос о построении социализма в нашей стране, по сути дела, с оценками, тяготеющими к социал-демократическим оценкам.

Но никогда он не выражал своих взглядов в этой области с такой четкостью, как в рассматриваемом документе.

«Конечно, — пишет он, — оппозиция не берется построить социализм в одной стране. Если исходить из того, что в течение ряда десятилетий империализм останется победоносным на Западе и Востоке, тогда чистейшим ребячеством было бы думать, что пролетариат в СССР мог бы удержать власть и построить социализм против победоносного мирового империализма».

Сравните это с тем, что писал Ленин в конспекте брошюры «О продналоге»:

«10—20 лет правильных соотношений с крестьянством и обеспеченная победа во всемирном масштабе (даже при затяжке пролетарских революций, кои растут)»...

Разве Троцкий не выступает тут против Ленина в решающем пункте? Разве он не выдвигает здесь концепцию «левых» социал-демократов (вреднейшей породы социал-реформистов) против большевистской оценки решающего порядка? Партия предупреждала Троцкого, что подобная ошибка в таком вопросе неминуемо обяжет его к социал-демократическому решению вопросов о классовой природе советской власти, о динамике классовых отношений в нашей стране, о роли нашей партии в классовой борьбе и т. д. и т. п

Разве основательность этого предупреждения не доказана ходом развития троцкистской оппозиции?

Троцкий бросил как-то в ходе фракционной борьбы фразу о «далеко непролетарском государстве». Эту фразу квалифицировали в партии как не случайную, это определение поставили в связь с другими троцкистскими оценками и установили, что при социал-демократическом решении вопроса о построении социализма в нашей стране такая квалификация вполне естественна.

Троцкий усердно налегал тогда на тот факт, что это определение взято из неправленной стенограмы, что ему «приписывают» мысль, которую он не хотел высказать. Что же мы имеем по этому поводу в последнем документе Троцкого?

«То, что происходит,—пишет он,—это — сосредоточение власти в руках бюрократических органов, опирающихся на рабочий класс, но все более сдвигающихся в сторону мелкобуржуазных верхов города и деревни и частично переплетающихся с ними».

Итак, пролетарской диктатуры уже нет. Налицо только «бюрократические органы, опирающиеся на рабочий класс, но все более сдвигающиеся в сторону мелкобуржуазных верхов», и т. д.

Но ведь стоя на такой оценке, не трудно притти к такому выводу, что, скажем, покойное «рабочее» правительство Макдональда с «пролетарской» точки зрения, ничем не хуже советской власти! Разве «рабочее» правительство Макдональда не было «опирающимся на рабочий класс»?

Троцкий очень решительно расчищает себе дорогу к «левым» реформистам. Право, Отто Бауэр без всякого риска подпишется под этим определением Троцкого! Подпишется и облобызает!

Партия говорит о развертывании советского строительства, об «оживлении советов»; она добивается все более широкого вовлечения рабочих масс в управление государством, она возглавляет работу пролетарских масс по улучшению и совершенствованию своего государства, по устранению из него явлений бюрократического порядка, а Троцкий пытается обосновать необходимость активизации пролетариата против партии и против пролетарского государства. Троцкий понимает политическую активность пролетариата точь в точь так, как меньшевики.

Участие в советском строительстве, участие в строительстве социализма — это не активность; активность была бы в том случае, если бы рабочие боролись против советской власти (якобы и по меньшевикам и по Троцкому—не пролетарской), против партии.

> «Сейчас, — клевещет Троцкий,— идет отбор служилых и покорных. «Беспокойные» элементы оттираются и преследуются. Это ослабляет партию и класс в целом, разбронировывает его перед лицом врага. Таким образом, возрастающее давление буржуазных сил на рабочее государство (откуда оно взялось у Троцкого? *А. С.*) происходило до последнего времени без активного сопротивления основной массы пролетариата. Такое положенинe не может длиться вечно. Есть основания думать, что значительный интерес, проявленный беспартийной рабочей массой к партийной дискуссии перед XV с'ездом, как и явления, связанные с колдоговорной кампанией (Троцкий имеет в виду единичные конфликты, имевшие место в нескольких пунктах. *А. С.*) означают начало пробуждения интереса широких рабочих масс к основным политическим проблемам наших дней и пробуждение в них тревоги за судьбы пролетарской диктатуры. По мере дальнейшего роста активности пролетариата будет расти и спрос на оппозицию в рабочей среде...
>
> Вся острота положения состоит в том, что партийный режим тормозит и парализует активность пролетариата одновременно с тем, как официальная партийная теория успокаивает и усыпляет его».

«Защитник» ленинизма Троцкий, как и меньшевики, усмотрел опасность термидора в компартии и советском государстве [1]), а «борьба против опасности термидора есть классовая борьба»,— декларирует он в цитируемом документе.

Задача оппозиции,—по Троцкому,—заключается в «устранении двоевластия». Укрепление термидорианских элементов узаконивает это двоевластие.

> «Термидор, по самому существу своему, есть переходный режим, своего рода керенщина наизнанку. Керенщина 1917 г. прикрывала двоевластие, барахталась в нем и против своей воли помогла пролетариату вырвать власть у буржуазии. Термидорианский режим означал бы новое узаконение двоевластия с перевесом буржуазии и, опять-таки против собственного желания, помог бы буржуазии вырвать власть из рук пролетариата».

Партия узаконивает «элементы двоевластия»; она подготовляет господство термидорианского режима, аналогичного режиму Керенского.

---

[1]) Мы оставляем здесь в стороне всю путанную игру Троцкого с понятием «термидор».

Керенщина — это, как известно, преддверие к перевороту. Троцкий, «констатировавший» процесс термидорианского перерождения партии и советского руководства, об'являет себя пророком переворота против советского государства. Сказано «деликатно», но достаточно понятно.

«Философия» не менее радикальная, чем у меньшевистской группы «Рабочая Правда».

«Философия»—весьма «не вредная» с точки зрения меньшевизма.

Проследите сравнительно логическую цепочку оценок и установок у меньшевика и троцкиста.

Меньшевик: Построение социализма в такой отсталой стране, как Россия, невозможно.

Троцкист: Согласен с утверждением меньшевика.

Меньшевик: Советская власть не является формой пролетарского господства; советская власть выражает форму господства партийно-бюрократической клики, опирающейся на обманываемый пролетариат и эксплоатирующей этот пролетариат.

Троцкист «продвигается» к той же оценке: Советы—это «бюрократические органы, опирающиеся на рабочий класс, но все более сдвигающиеся в сторону мелкобуржуазных верхов города и деревни», и т. д.

Меньшевик: Большевики стоят у руководства советским государством благодаря пассивности пролетариата.

Троцкист: Существующий в СССР и идущий к термидору режим утвердился благодаря пассивности пролетариата за последние годы.

Меньшевик: Рост политической активности и сознательности пролетариата встречает на своем пути препятствие в виде большевистской партии с ее дисциплиной, организованностью, «аппаратом» и пр.

Троцкист: «Острота положения заключается в том, что партийный режим тормозит и парализует активность пролетариата».

Меньшевик: Бороться за повышение политической сознательности рабочих масс—это значит втягивать рабочих в борьбу против партийного и советского режима.

Троцкист: Активность — это то, что направлено против теперешней компартии, а пассивность — в участии в советском строительстве, вхождении в партию и т. д.

Меньшевик: Обеспечить политический рост рабочего класса нельзя без создания своей политической партии, без легализации этой и других партий и борьбы за уничтожение коммунистического руководства (хотя бы и с сохранением «советов»).

Троцкист: Надо бороться за свержение руководства теперешней коммунистической партии, проявляя максимальную и организованную активность. По мере сил организовать свою партию, не страшась «пугала двух партий».

> «Вопрос об одной или двух партиях—в материально-классовом, а не словесно-агитаторском смысле—решается именно тем,—пишет Троцкий,—удастся ли и в какой мере пробудить и мобилизовать силы сопротивления внутри партии и внутри пролетариата. Оппозиция может этого достигнуть только в том случае, если сама она будет проникнута пониманием всей глубины развертывающихся классовых процессов, если она не даст себя застращивать пугалом двух партий и шарлатанством насчет «троцкизма».

Картина до-нельзя ясная. Троцкизм выступает разновидностью меньшевизма. Направление удара и у классического меньшевика и у троцкиста одно и то же.

У Троцкого остается только один псевдо-аргумент против квалификации его как меньшевика: меньшевики-де, борются в конечном счете за буржуазную демократию, а троцкисты—за чистопробную пролетарскую диктатуру.

Но, во-первых, рассматриваемая теоретически, троцкистская «диктатура» не имеет ничего общего с ленинской диктатурой пролетариата, принципом которой является руководство большевизма, принципиально исключающего троцкизм.

Во-вторых, фразой о диктатуре Троцкий прикрывает свой реальный курс на борьбу против режима исторически и единственно данной пролетарской диктатуры за режим, обеспечивающий легальную борьбу «различных социалистических течений».

Подобной «стратегии» не чужды и Бауэры всех стран. Они не чураются того, что даже в программу социал-реформистской партии вносят пункт о том, что в определенных исторических условиях они принципиально не против диктатуры, а на деле травят коммунистов, укрепляют буржуазную демократию и требуют «демократизации» советского режима, т.-е. ликвидации реально данной пролетарской диктатуры.

В-третьих, решающим является тот факт, что, прикрываясь радикальной фразеологией, Троцкий становится в один ряд с буржуазными и мелкобуржуазными врагами пролетарской диктатуры, выдвигая, как главнейшую задачу текущего исторического периода борьбу за ликвидацию монопольного руководства государством реально данной большевистской партии, партии Ленина.

В этом суть дела.

Когда в Кронштадте вспыхнуло восстание против режима пролетарской диктатуры, то враги коммунизма, начиная от анархистов, левых эсэров и кончая правыми эсэрами, меньшевиками и к.-д.,—стремились раздуть это восстание во всероссийскую Вандею, трогательно об'единившись под лозунгом: «Советы без коммунистов». При этом «социалисты» раз'ясняли, что в случае победы, они поведут политику, принципиально отличную от милюковской и прочее. А суть дела заключалась в том, что лозунг: «Советы без коммунистов» об'единил все антисоветские элементы, потому что ликвидация коммунистического руководства советами означала бы смерть пролетарской диктатуры.

> «Свыше полусотни заграничных белогвардейских газет,—отмечал в брошюре «О продналоге» Ленин [1],—развивают бешеную по энергии кампанию «За Кронштадт»... Умный вождь буржуазии и помещиков, кадет Милюков, терпеливо раз'ясняет дурачку Виктору Чернову прямо (а сидящим в Питерской тюрьме по их связи с Кронштадтом меньшевикам Дану и Рожкову косвенно), что не к чему торопиться с Учредилкой, что можно и должно высказаться за советскую власть—только без большевиков».

Троцкий «полевее» Черновых и ему подобных. Он, умевший сражаться против мелкобуржуазной контрреволюции в годы гражданской войны, в своей фразеологии сохранил тень «ненависти» к этой мелкобуржуазной контрреволюции. Но вместе с тем, по существу дела, он делает шаг за шагом в направлении к воинствующему против пролетарской диктатуры меньшевизму.

Он склоняется к лозунгу борьбы против монопольного руководства советами реально данной и единственно пролетарской компартии, он «за советскую систему», но... без теперешнего партийного руководства, линия которого есть линия всей партии, воля которого выражает волю более чем миллионной компартии, растущее доверие к которой было столь ярко демонстрировано во время, совпавшее с исключением оппозиции из партии, заявлением более чем ста тысяч рабочих о приеме их в ряды ВКП.

«Последним историческим всплеском октябрьской волны» Троцкий назвал то, что является мутными брызгами ликвидаторства и отступничества от пролетарской революции.

[1]) Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 229.

* * *

Но Троцкий напрасно кичится своей «левизной»: «левей» его стоит «громче всех крикун» Сапронов.

В своих последних выступлениях нелегального порядка, в своей последней «платформе»: «Рабочий путь к власти».—он прежде всего критикует троцкистов «слева».

«Неудачные дворцовые переворотчики», опирающиеся «на свои давнишние, но незначительные троцкистские кадры и на вузовскую, больше всего зеленую, не рабочую молодежь»,—так квалифицирует Сапронов троцкистов.

> «Троцкистская оппозиция и потом об'единенная оппозиция,—пишет он,—вела свою борьбу обособленно от рабочего класса и скрывала ее от него. Основной задачей этой борьбы она ставила захват руководства, власти. Вместе с тем троцкистско-зиновьевская оппозиция боялась рабочего класса и надеялась осуществить завоевание власти своими силами и только внутрипартийным путем».

Нет спору,—троцкистскую оппозицию нельзя упрекнуть в понимании рабочих масс и в близости к этим массам. Но ведь почитаешь Сапронова, так прямо диву даешься: говорит этот меньшевистский демагог самого низшего пошиба так, как-будто у него миллионы рабочих в кармане, а ведь сторонников-то у него всего полтора человека! Но к такому политическому типу, каким является Сапронов, еще труднее подходить с «обычными масштабами», чем к Троцкому: «громче всех крикун» не знает граней в своем ликвидаторском бесстыдстве. Он источает ругань, клевету [1]), оппортунистичнейшие лозунги и безграмотнейшие «афоризмы» с видом признанного вождя и идеолога рабочих масс, он «аргументирует» по преимуществу ложью и политической матершиной. Мы избавляем читателя от стилистических «красот» Сапронова и приводим только его важнейшие «тезисы» и «лозунги».

[1]) Автор настоящих строк в течение очень долгого времени находился и находится под клеветническим обстрелом ренегатских сплетников. Авторы оппозиционных листовок, Сапронов, «Социалистический Вестник», «Последние Новости», орган Маслова «Die Fahne des Kommunismus» и т. д. чудовищно клевещут на меня, полагая, что это в какой-нибудь мере помогает им разрешать задачу компрометации нашего партийного режима.

В анализируемой платформе Сапронов не забыл отдать дань этой клевете.

«Красный» профессор Слепков, — пишет он, — когда мы дрались на фронтах с белогвардейцами в 1918 г., он в это самое время раз'езжал по городам и организовывал белогвардейцев в кадетскую партию. Теперь он—правая рука Сталина и Бухарина, пишет в «Правде» и «Большевике» громкие статьи «за» ленинизм против оппозиции и так же раз'езжает и организует в пролетарских центрах сталинский аппарат для разгрома оппозиции и всех оппозиционных рабочих».

Во-первых, Слепков сидел в 1918 году в оккупированной белыми Латвии в тюрьме за пропаганду большевизма и организацию «преступного сообщества для свержения существующей власти», был под угрозой расстрела и избежал последнего только благодаря германской революции (был выпущен из тюрьмы немецким советом солдатских депутатов).

«Наша партия давно перестала быть пролетарской», «давно перестала отражать интересы рабочего класса»,—таков один «тезис» Сапронова, выдвигаемый им без тени какого бы то ни было доказательства

В Советском Союзе, оказывается, «вместо диктатуры класса есть только прикрытие временной диктатуры кучки лиц».

Это «определение» буквально совпадает с определением К. Каутского [1]), утверждающего, что «диктатура пролетариата» в России на деле является диктатурой лиц.

Солидаризируясь с Каутским, Сапронов решительно выступает против Ленина.

Он заявляет, что диктатура пролетариата «споткнулась», «когда на IX и X с'ездах партии в 1920—21 гг. управление рабочего класса государством и хозяйством, господство пролетариата—было заменено начальническим, бюрократическим управлением и в дальнейшем — господством бюрократии».

Но ведь каждому известно, что на этих с'ездах именно Ленин решительно выступал против Сапронова и представляемых им идей, что именно Ленин провел на X с'езде резолюцию об анархо-синдикализме, позиции которого Сапронов пытается теперь «защитить» с своей «платформе».

Выступая на X с'езде партии по поводу платформы Сапронова, Ленин заявил, что тезисы Сапронова «содержат чудовищные принципиальные неверности». Ленин указал далее, в чем заключается главная неверность.

> «Отношение класса к устройству государства, — говорит Ленин о тезисах Сапронова, — я считаю в корне неверным и тащащим нас назад».

Ленин подчеркивал тот факт, что сторонники точки зрения Сапронова «дают некоторое знамя, некоторое опарвдание худшим элементам» [2]).

Защищая свою позицию на X партийном с'езде, Сапронов прямо выступает с ревизией ленинизма в существеннейшем вопросе об отношении пролетариата к государству и защищает взгляды, которые, по определению Ленина, «содержат чудовищные принципиальные неверности»

Говорите после этого, что Сапронов не ленинец!

Сапронов не приемлет существующей у нас диктатуры пролетариата: он считает, что ее нет; он выбрасывает в СССР, в тесном согласии с меньшевиками, лозунг «борьбы рабочего класса за власть».

Ошибочно полагать, однако, что Сапронов, призывающий к свержению данной пролетарской диктатуры, хотя бы в теории стоял за какую-то иную пролетарскую диктатуру.

Сапронов теперь еще больше, чем когда бы то ни было, не понимает «отношения класса к устройству государства».

Во-вторых, Слепков никогда не раз'езжал по городам и не организовывал белогвардейцев, равным образом как никогда не был членом никакой партии, кроме большевистской.

Слепков виноват в том, что, имея 17 лет от роду, на школьной парте, живя в провинциальном городишке, не прочитав ни одной книги о марксизме, он высказывал в ученических кружках сомнения по поводу совместимости социализма и «свободы личности» и т. п. глупости.

Большевиком я не родился, глупости говорил, но думаю, что этот грех мне можно простить... Чудовищная клевета Сапронова, «Соцвестника», «Последних Новостей» и «ультра-левых» ренегатов унижает только авторов этой клеветы. Клевета гнусна по своей природе. Но нет ничего гнуснее, чем клевета ренегата.

[1]) См. «Уроки октябрьского эксперимента» в органе германской с.-д. «Die Gesellschaft», 1925 г., т. I, стр. 379.

[2]) Собрание сочинений, т. XVII, ст. 81.

Поскольку анархо-синдикалистские мотивы Сапронова получили в свое время отпор со стороны Ленина, Сапронов и теперь предвидит, что отпор ему будет даваться в первую очередь по той линии, по которой его критиковал Ленин.

> «Мы заранее предупреждаем читателя,—предусмотрительно замечает Сапронов,—что армия сталинско-бухаринских писак будет за все сказанное обвинять нас в анархо-синдикализме».

Эта предусмотрительность оказалась по силам даже Сапронову: можно ли это не предугадать, если еще на X с'езде Ленин вскрыл «чудовищную» ошибку Сапронова, повторяемую ныне в платформе меньшевиствующего «защитника» рабочих?

Нынешняя программа Сапронова заключает все его прежние ошибки, плюс ошибки Шляпникова и др. представителей «рабочей оппозиции».

Во-первых, Сапронов повторяет ошибку Мясникова, требуя свободы устной и печатной агитации для всех рабочих «от анархиста до монархиста», ибо как можно на одиннадцатом году советской власти понимать требование «осуществить» для всех рабочих «полное право свободно, устно и письменно, говорить, обсуждать, критиковать партийные, советские и профессиональные органы и организации»?

> «Свобода печати в РСФСР,—раз'яснял Ленин Мясникову [1]), — окруженной буржуазными врагами всего мира, есть свобода политической организации буржуазии и ее вернейших слуг — меньшевиков и эсэров».

Во-вторых, Сапронов защищает анархо-синдикалистскую позицию в вопросе об управлении производством помимо диктатуры рабочего класса.

Он защищает право

> «свободно самим по фабрикам и заводам организованно разрешать все свои нужды, самим через свои, тайным голосованием избираемые и переизбираемые рабочими, дирекции управлять фабриками, заводами, трестами, синдикатами».

Именно против подобного анархо-синдикалистского «плана» выступал Ленин в дискуссии о профсоцзах [2]):

> «Синдикализм передает массе беспартийных рабочих, разбитых по производствам,—говорил он,— управление отраслями промышленности («главки и центры»), уничтожая тем самым необходимость в партии, не ведя длительной работы ни по воспитанию масс, ни по сосредоточению на деле управления в их руках всем народным хозяйством».

Весь документ Сапронова есть крик «взбунтовавшегося мелкого буржуа» против режима пролетарской диктатуры, против партии, против ее дисциплины.

Партия не руководит «проглоченной» Сапроновым диктатурой, а фигурирует в рассматриваемой ренегатской «платформе» как об'единение с неизвестными функциями, если не считать единственной функции, на которую указывает Сапронов и которая заключается в выборах «тайным голосованием всех ее работников—от технического секретаря ячейки, пропагандиста и организатора до секретарей комитетов и их аппаратов и до ЦК партии со всем его аппаратом включительно».

Централизм исключается принципиально. Повторяя неоднократно критикуемую Лениным ошибку незрелых политиков, еще не понявших комму-

---

[1]) Собрание сочинений, т. XVIII, ч. 1, стр. 339.

[2]) Там же, ст. 34.

низма, Сапронов противопоставляет аппарат партии и даже выступает с принципиальным лозунгом: «Долой вождей!» Надо,—утверждает он, —«не создавать впредь вождей, а руководствоваться коллективной волей партии».

> «Люди,—писал Ленин в «Детской болезни «левизны» [1],—тщатся придумать нечто совсем особенное и в своем усердии мудрствования становятся смешными. Всем известно, что массы делятся на классы, что противополагать массы и классы можно, лишь противополагая громадное большинство вообще, не расчлененное по положению в общественном строе производства, что классами руководят обычно и в большинстве случаев, по крайней мере в современных цивилизованных странах, политические партии,—что политические партии в виде общего правила управляются более или менее устойчивыми группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных, выбираемых на самые ответственные должности лиц, называемых вождями... Договориться... до противоположения вообще диктатуры масс диктатуре вождей есть смехотворная нелепость и глупость. Особенно забавно, что на деле-то вместо старых вождей, которые держатся общечеловеческих взглядов на простые вещи, на деле выдвигают (под прикрытием лозунга: «Долой вождей!») новых вождей, которые говорят сверхестественную чепуху и путаницу».

Подытоживая критику оппозиционной путаницы, Ленин писал:

> «Отрицание партийности и партийной дисциплины,—вот что получилось у оппозиции. А это равносильно полному разоружению пролетариата в пользу буржуазии».

Мы привели ряд цитат Ленина для того, чтобы доказать, что оппозиционеры-«последыши» прямо и недвусмысленно выступают против Ленина.

Само собою разумеется, что мы ни в коей мере не хотим сказать, что с Сапроновым еще можно говорить так, как с представителями немецкой «левой» в 1920 году.

Сапронов—идеолог мелкобуржуазной контрреволюции, хотя и без армии; Сапронов—мелкобуржуазный повстанец против пролетарской диктатуры, руководимой партией Ленина.

Когда анархо-синдикалист выступает против буржуазного государства, он еще может играть относительно революционную роль.

Когда анархо-синдикалист, помноженный на меньшевика, выступает против пролетарской диктатуры, он—контрреволюционер.

Ленин указывал, что оппозиционные идеологи, выступая под прикрытием лозунга: «Долой вождей!», по сути дела, борются за выдвижение своих, новых вождей антимарксистского типа.

Борясь против пролетарской диктатуры, Сапроновы об'ективно становятся на путь борьбы за новую диктатуру антипролетарского типа. В этом—суть дела.

К счастью, Сапронов—одиночка.

Массы, на которые он опирается, существуют только в его сознании.

Да и как могло быть иначе, если в платформе Сапронова нет ни советской власти (нигде!), ни смычки рабочего класса с крестьянством, ни социализма! Таков «ленинизм» Сапронова.

---

[1] Собр. сочинений, т. XVII, стр. 133—135.

* *

И троцкисты и сапроновцы, бросившиеся в бой против партии с большими надеждами, оказались «у разбитого корыта». К массам они не приблизились, зато приблизились к меньшевизму.

Столь же плачевны, как нынешние «балансы», и перспективы троцкистов и сапроновцев в рабочем движении СССР.

Опасность со стороны новых ренегатов наиболее вероятна по линии международного рабочего движения.

XV с'езд партии констатировал процесс полевения рабочих масс в ряде капиталистических стран, не говоря уже о странах колониальных (напр., Китай).

Главным политическим «водоразделом» в процессе размежевания рабочих масс, главным вопросом, вокруг которого происходит и обостряется теперь борьба между коммунизмом и оппортунизмом, является вопрос об отношении к СССР.

Рост СССР, успехи политического строительства, улучшение материального положения трудящихся масс, и в первую очередь пролетариата, втягивание масс в советское строительство,—все это в значительной мере определяет успехи коммунизма в мировом рабочем движении. Борьба вокруг СССР стала стержнем борьбы политических партий.

И именно в силу того, что рост симпатий к СССР в рабочих массах капиталистических стран является несомненным фактом; именно в силу того, что этот рост симпатий является фактором революционизирования рабочих масс и высвобождения их из-под влияния реформизма; именно в силу того, что успехи СССР все больше рассматриваются международным пролетариатом, как практическое подтверждение правильности идей революционного марксизма и неправильности и предательского характера идеологии оппортунизма,—именно в силу этого переживаемая нами полоса характеризуется небывалой по своему напряжению и гнусности кампанией реформистов против СССР, против ВКП(б), против Коммунистического Интернационала, члены которого считают СССР своим «социалистическим отечеством».

Для того, чтобы завербовать рабочие массы под знамена «промышленного мира» и «хозяйственной демократии», для того, чтобы убедить массы в необходимости сотрудничества с капиталом и поддержки капиталистической рационализации, проводимой за счет рабочего класса, социал-реформисты должны «доказать» рабочим, что путь революционного преодоления экономической системы невозможен, что опыт СССР не говорит в пользу революционных методов борьбы с капитализмом.

В этом свете понятно, почему меньшевики всех стран пытаются столь упорно скомпрометировать наши социалистические методы хозяйствования, наши достижения в области социалистического строительства, пытаются «очернить» социалистический сектор хозяйства СССР. У нас - де, нет социализма ни в какой области, наши госпредприятия не являются предприятиями «последовательно-социалистического типа», наше промышленное строительство основано на эксплоатации пролетариата, капитал становится в СССР все более решающей силой и т. д. Таковы мотивы социал-реформизма в этой области.

С другой стороны, социал-реформисты в стремлении обеспечить со стороны пролетариата поддержку буржуазной демократии пытаются скомпрометировать режим пролетарской диктатуры, «доказать», что советская власть не является формой господства пролетариата, что в СССР господствует не рабочий класс, а привилегированная кучка партийных и советских бюрократов, все более решительно вступающих на путь эксплоататорской

политики, что советский режим, по сравнению с буржуазной демократией, является реакционным режимом, унаследовавшим худшие черты самодержавия, и т. д. и т. п.

Наконец, «характеризуя» внешнюю политику советского государства, реформисты тщатся изобразить эту политику не как интернационалистскую, а как политику, диктуемую «национальными» интересами правящих групп СССР, как своеобразное «продолжение» политики самодержавия. Сплошь и рядом социал-демократы подлейшим образом изображают дело так, что определяющим фактором военной опасности в текущий исторический период является не политика империалистических государств, а выдуманный ими «советский империализм».

Левеющий рабочий, освобождающийся от влияния реформизма, должен прежде всего преодолеть и отбросить в сторону эти клеветнические вымыслы социал-империалистов.

Только перешагнув через них, вернее, растоптав их, он может перейти на сторону коммунизма.

Необходимо отметить при этом, что идеология официальных, откровенно антисоветских социал-реформистов у левеющих рабочих пользуется все меньшим кредитом.

Грубая подтасовка откровенных дельцов оппортунизма, бравирующих своим явным социал-предательством, отнюдь не возбуждает у левеющих рабочих симпатий к реформизму и антипатий к коммунизму. Бо́льшее влияние на эти слои рабочих имеют «левые» фразеры реформистского лагеря, вуалирующие свою травлю против СССР, против коммунизма, против Коминтерна лицемерными разговорами об условной поддержке СССР и т. д.

Если учесть это обстоятельство, то нужно сказать прямо, что с точки зрения борьбы за левеющие массы рабочих (а эта борьба является центральной задачей Коминтерна в текущий период), «левые» социал-реформисты являются главнейшими и опаснейшими противниками коммунистов. «Левые» являются барьером, стоящим на пути левеющих рабочих масс к большевизму. В этом особенность положения, особенность, которую нельзя игнорировать ни в коем случае. А «левые» социал-реформисты в своей борьбе против коммунизма идейно опираются и еще больше будут опираться на оппозиционеров троцкистского толка, на ренегатов, так недавно еще бывших в рядах коммунистов, на ренегатов, еще вчера имевших в карманах билеты членов коммунистической партии, на ренегатов, чья клевета на СССР, ВКП(б) и Коминтерн может оказывать более вредное влияние, чем клевета старых, явных оппортунистов.

Контрреволюционная роль современных троцкистов, как и ренегатов типа Сапронова, заключается именно в том, что они находятся об'ективно в идейном согласии с «левыми» социал-демократами в оценках, играющих решающую роль в международном рабочем движении.

Троцкисты помогают «левым» реформистам обманывать рабочие массы утверждая, что СССР ведет не социалистическую политику, что наш строй основан на эксплоатации рабочего и т. д.

Троцкисты помогают «левым» реформистам обманывать рабочих, когда они (троцкисты) клевещут на СССР, утверждая, что наша советская власть—это не форма пролетарской диктатуры, а форма господства партийно-советской бюрократии, все более решительно вступающей на путь буржуазной политики. Троцкисты помогают реформизму, когда они пускают клевету о «национально-ограниченном» характере внешней политики СССР.

Троцкисты—по своей об'ективной роли—все больше становятся «левыми» социал-демократами, являющимися в нашей борьбе за левеющие рабочие массы опаснейшими врагами коммунизма.

Чрезвычайно характерно, что все оппозиционные организации, состоящие из ренегатов, ведущие борьбу с Коминтерном и поддерживавшие оппозиционный блок в ВКП(б),—перед лицом развала оппозиции решительно осуждают «измену» тт. Каменева и Зиновьева и признают гегемонию троцкизма.

Троцкизм вновь вступил на путь «обоснования» и создания антибольшевистского блока типа «августовского блока» в международном масштабе.

Коминтерн примет все меры к тому, чтобы идейно и практически дошибить троцкизм: этого требуют интересы пролетарской революции.

М. Анисимов.

Классовая политика партии в деревне и машиноснабжение.

В области машиноснабжения деревни в ряде районов были допущены значительные искривления классовой линии партии. Однако, здесь, на этом важнейшем участке хозяйственной смычки города с деревней, подсчитывая не только минусы (как это делает оппозиция), но и плюсы, мы, при подведении баланса, безусловно, получим огромные достижения. Значение достижений, имеющихся в данной области, становится особенно заметным, если вспомнить общеизвестную техническую отсталость нашего сельского хозяйства. Вот пара цифр из этой области: на 1 занятого в сельском хозяйстве работника приходится с.-х. инвентаря: в С. Америке на 345 руб., Германии —130 руб., а у нас—15 руб. [1]).

По данным ЦСУ за 1926 г., безынвентарных крестьянских хозяйств по РСФСР было 40,3%, с колебаниями по отдельным районам от 14% до 78% (Северный Кавказ—56,7%, Сибирь—33,4% и проч.).

Так как для каждого ясно, что на деревянной сохе социалистического земледелия не построишь,—приведенные цифры во весь рост ставят перед нами гигантскую задачу социалистической машинизации крестьянского хозяйства—подведения под него современной технической базы.

Подходя к оценке деревенской политики партии с этой важнейшей стороны, мы, прежде всего, должны отметить громаднейшие достижения в машиностроении. Достаточно сказать, что производство наших заводов с.-х. машин достигает в настоящее время 200% от рекордной довоенной цифры (53 млн. руб.) 1913 г. Если за 1 год десятилетия 1904—1914 гг. производилось с.-х. машин, в среднем, на 36 млн. руб., то за 1 год четырехлетия 1924—1927 гг. их производится на 54 млн. руб.

Не меньшие достижения имеются в качестве работы этих заводов: выработка на одного рабочего уже в 1924, 1925 гг. превышала довоенную норму (2.380 руб. вместо 2.125 р.); качество машин с каждым годом улучшается и по ряду заводов уже не уступает довоенному и импортному товару. Еще большие достижения есть в концентрации, а значит, в социалистической рационализации с.-х. машиностроения.

Годы	Количество заводов	Сумма производства в милл. руб.
1913	921	53
1927/28	45	больше 100

Приведенные цифры лучше десятка брошюр обосновывают реальность ведущей роли промышленности по отношению к сельскому хозяйству в интересующей нас области.

[1]) «Планов. Хоз.» № 8, стр. 37.

Эти крупные достижения с.-х. машиностроения создают реальную предпосылку для освобождения СССР от зависимости со стороны зарубежных капиталистов в части с.-х. машин, что подтверждается следующими цифрами:

Годы.	Внутрен. производ. с.-х. машин в тыс. руб.	Импорт	
		В тыс. руб.	В % к внутрен. производству
1910 год	41.000	42.075	102,6
1913 „	53.026	42.929	81,0
1925 „	39.899	22.745	57,2
1926 „	70.001	34.658	49,7
1927 „	89.068	2.200	24,6

Внимательное рассмотрение этой таблички приводит нас к следующим выводам:

1) Советское правительство, несмотря на тяжелое наследие империалистической и гражданской войны, начавши восстановление с.-х. машиностроения почти с нуля, уже в 1925 г. перегнало царскую Россию в количестве с.-х. машин, направляемых в деревню. Это говорит не только о строительной энергии победоносного рабочего класса СССР, восстанавливающего свое с.-х. машиностроение,—это говорит и о быстром в результате аграрной революции расширении рынка, о росте покупательной способности бедняцко-середняцких слоев крестьянства, как главной массы покупателей с.-х. машин.

2) До революции импорт составлял в несколько раз бо́льший удельный вес в планах машиноснабжения. Соотношение направленных в деревню с.-х. машин внутреннего производства и импортных в 1927 г. стало уже прямо противоположно: русская и заграничная машина как бы поменялись местами. И в этом нельзя не видеть отражения классовой политики советской власти, взявшей твердый курс на постепенное освобождение от кабальной зависимости со стороны западно-европейских и американских капиталистов.

Кстати подчеркнем, что, по имеющимся подсчетам, помещикам и архикулацкой верхушке деревни, составлявшей около 1% хозяйств, предназначалось в довоенное время, в среднем, 36—37% импорта с.-х. машин.

Переходя к снабжению деревни машиной, прежде всего, запомним, что в итоге прошлой работы в 1926—27 году деревня получила 130%, а в 1927—28 году получает около 146% с.-х. машин, по сравнению с 1913 г.

Простое сопоставление роста с.-х. машиноснабжения и посевных площадей к 1926—27 г. приводит нас к выводу, что рост посевной площади отстал от роста количества машин, купленных деревней.

Отмечая, кроме того, что рост затрат крестьянства на с.-х. инвентарь обогнал также довоенные нормы (до войны из расчета на 1 дес. крестьянство тратило на с.-х. инвентарь 1 р. 08 к., в 1926 г—1 р. 20 к.), мы, однако, должны сказать, что голод в деревне на с.-х. машины еще далек от удовлетворения; приблизительные подсчеты позволяют определить наличие инвентаря в современной деревне в 850—900 млн р. Так как довоенная его наличность в сельском хозяйстве определялась в 1 миллиард руб., то довоенной насыщенности с.-х инвентарем сельское хозяйство достигнет, примерно, в ближайшие два года. Убыль с.-х. инвентаря в сельском хозяйстве за годы

империалистической и гражданской войны была настолько велика, что даже беспримерный по темпу рост с.-х. машиноснабжения за последние годы не мог еще целиком восполнить его катастрофическую убыль к 1922—23 году.

Для полноты картины снабжения деревни машиной совершенно необходимо упомянуть еще о тракторах.

В довоенное время последние были редким явлением и в культурных помещичьих хозяйствах. Крестьянская же деревня трактора не знала. Теперь мы можем отметить, как достижение революции, более 28.000 тракторов, ввезенных за последние годы и давших сельскому хозяйству сотни тысяч лошадиных сил механической энергии. Если принять во внимание агротехническое значение, а также роль трактора в области производственного кооперирования крестьянства, то значение достигнутых успехов тракторизации повышается еще больше.

К решению грандиозной задачи машинизации и перестройки нашего сельского хозяйства мы должны подходить с точки зрения классовой оценки поставленной перед нами задачи — из интересов рабочего класса, его опоры—бедняка и руководимого им союзника—середняка. К о м у мы будем давать машину в кредит, ч е й труд и как мы будем облегчать, ч ь е, таким образом, хозяйство будем машинизировать и поднимать,—все это вопросы, без правильного решения которых нельзя правильно, в интересах социализма решить проблему. Так и т о л ь к о т а к ставили и ставят этот вопрос партия и советская власть.

О сравнительном снабжении классовых прослоек деревни дают представление следующие данные Льноцентра (обследование 4.789 хозяйств 1925 — 26 года): бедняцкая группа приобретает через т-ва на 39 руб. (19,5% всех своих закупок), середняцкая — на 50 руб. (25%) и зажиточная—на 80 руб. (24,1%). Следовательно, по этим неполным данным, около 75% закупок проходит мимо кредитных с.-х. т-в, и кооператив обслуживает относительно больше середняцкую и зажиточную группу населения. Это подтверждается теми же данными о продаже по кооперативу в целом: оказывается, что 73,9% своего оборота обследованные т-ва делают с середняком, 17,3%—с бедняком и 8,8%—с зажиточным.

Не имея массовых наблюдений за последние два года, по разрозненным сведениям инструкторского обследования можно утверждать о значительном здесь улучшении. Для характеристики направления машиноснабжения приведем следующую табличку (выборочных обследований):

Группы крестьянства.	Сибирь		Крым		Бур.-Монг.		Вятская г.		Вологодск. г. Каргопол. у.	
	Хоз. в группе к общ. числу хозяйств	Продан. груп. с.-х. маш. к общ. сумме продажи	Хоз. в группе к общ. числу хозяйств	Продан. груп. с.-х. маш. к общ. сумме продажи	Хоз. в группе к общ. числу хозяйств	Продан. груп. с.-х. маш. к общ. сумме продажи	Хоз. в группе к общ. числу хозяйств	Продан. груп. с.-х. маш. к общ. сумме продажи	Хоз. в группе к общ. числу хозяйств	Продан. груп. с.-х. маш. к общ. сумме продажи
	В процентах									
Бедняки	42,9	32,0	52,5	17,7	46,8	42,9	44,0	19,8	99,6	99,4
Середняки	48,3	58,0	34,7	40,2	43,7	48,5	49,8	58,1		
Зажиточные	8,8	10,0	12,8	42,1	9,5	8,6	6,2	22,1	0,4	0,6
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

На основании этих разрозненных материалов за 1925—26 год можно наметить следующие общие всем районам тенденции: середняцкая группа получила с.-х. инвентаря не меньше, а нередко и больше ее удельного веса в населении; бедняцкая группа, как правило, получает инвентаря значительно меньше, по сравнению с тем, на что она может рассчитывать, и зажиточная получила с.-х. инвентаря, за счет бедняка, значительно больше своего удельного веса в населении.

Данные о распределении по социальным группам отдельных видов машин говорят следующее: группе хозяйств, имеющих до 10 дес. посева, продано:

	Плугов	Сеялок	Убор. маш.	Молотилок
	В процентах			
По Сев. Кавказу	80,5	77,9	58,6	—
По Сибири	82,9	33,8	62,0	60,6

Следовательно, при своем удельном весе в населении в 16,2% (по Сибири меньше), верхушечная по посевности группа купила около 20% плугов и около 40% уборочных машин и молотилок, получая тем самым широкую возможность эксплоатировать окружающую ее безынвентарную бедноту.

Классовое содержание снабжения в значительной мере определяется направлением специальных кредитов. Имеющиеся в нашем распоряжении данные о распределении ссуд по классовым прослойкам деревни не могут нас удовлетворить. Вот эти цифры:

Районы.	Беднякам			Середнякам			Зажиточным		
	Получено ссуд в %%		Средний размер ссуд на с.-х. машины в руб.	Получено ссуд в %%		Средний размер ссуд на с.-х. машины в руб.	Получено ссуд в %%		Средний размер ссуды на с.-х. машины в руб.
	Всего	На покупку с.-х. машин		Всего	На покупку с.-х. машин		Всего	На покупку с.-х. машин	
Сибирь (237 т-в)	44,9	29,8	—	50,4	63,0	—	4,7	7,2	—
Урал (29 т-в)	66,0	44,9	57	32,6	53,3	96	1,4	1,8	127
Ниж. губ. (6 т-в)	51,5	26,6	22	44,5	60,8	33	4,0	12,6	63
Орлов. губ. (8 т-в)	23,6	15,7	—	57,1	66,0	—	19,3	18,3	—

Данные о распределении кредитов, таким образом, подтверждают уже сделанные выше выводы об удовлетворительном обслуживании середняка, как правило, непропорциональном обслуживании зажиточных и недостаточном обслуживании бедняка, даже по сравнению с обслуживанием ссудами вообще, а мы знаем, что и это обслуживание имеет из'яны.

О неправильном уклоне в кредитовании машиноснабжения свидетельствует и графа о среднем размере ссуды на с.-х. машины по группам: как правило, размер ссуды, полученной зажиточным, вдвое и втрое больше ссуды бедняку. Таким образом, при всем несовершенстве приводимого цифрового материала все же можно констатировать тенденцию лучшего обслуживания кредитом (1925—26 год) более состоятельных слоев.

Сбросивши с деревни столетний гнет феодальных пережитков, экспроприировав помещиков и кулаков, «раскулачивши» деревню, Октябрьская

революция тем самым произвела резкие изменения на рынке потребителей с.-х. машин, сделавши главным потребителем сельскохозяйственных машин середняка и бедняка.

Положение последних, почти монополистов на рынке с.-х. машин, обусловливается двумя фактами: а) бедняцко-середняцкая группа получила от революции за счет помещиков и кулацкой верхушки ок. 100 млн. гектаров земли и б) классовая политика советской власти в машиноснабжении сильно облегчает покупку машины бедняком и середняком (кредит) и затрудняет ее приобретение кулаком. Таким образом, почти монопольным потребителем с.-х. машин, не считая общественных и государственных организаций, стали широкие массы крестьянства, которые начали после введения нэпа вновь расслаиваться. Не отвлекаясь экскурсиями в дореволюционное прошлое, приведем лишь одну табличку, характеризующую происшедшую нивелировку потребителя с.-х. машин за последние годы [1]):

Группы хоз. по посеву.	Процент хозяйств		
	До войны	1922 г.	1926 г.
Без посева	12,6	4,1	4,5
С посевом до 4 дес.	—	81,1	66,8
" " от 4 до 8 дес.	72,5	13,2	22,7
" " " 8 " 13 "	11,2	1,4	5,2
" " свыше 13 "	3,7	0,2	0,8

Сопоставление довоенной группировки крестьянства (по посевности) с 1922 и 1926 г. обнаруживает резкое количественное уменьшение, по сравнению с довоенным,—обоих крайних групп и сильный рост средних: группа посевщиков до 8 десятин возросла с 72,5 до 89,5%. В применении к нашей теме это означает нивелировку в структуре снабженческого рынка путем значительного увеличения числа покупателей с.-х. машин, за счет бедняка и середняка.

Однако, при наличии бесспорной нивелировки покупателя машин, при большой поддержке государства бедняку, все же обеспеченность с.-х. инвентарем (особенно сложным) зажиточных слоев еще значительно выше бедняцких, о чем говорят хотя бы следующие цифры:

Группы по раб. скоту	% к общ. числу хозяйств	Распред. с.-х. инвентаря по группам		
		Плуги	Сеялки	Жатки
Без рабочего скота	23,2	6,7	—	4,0
С 1 головой	61,9	67,9	42,8	33,5
" 2 "	13,7	23,2	35,7	48,5
" 3 и больше	1,1	2,3	21,4	14,0

Говоря о структуре пореволюционного снабженческого рынка, мы должны указать на достаточно выросшего за последние годы нового,

[1]) Довоен. данные взяты из книги проф. Огановского, для 1922—26 гг.—данные ЦСУ.

коллективного покупателя машин — специальные машиноиспользующие кооперативы (машинные т-ва, т-ва по совместной обработке земли, коммуны и проч.), которые являются сравнительно крупным потребителем усовершенствованных средств производства.

По приблизительным подсчетам Колхозцентра потребность колхозов РСФСР в с.-х. машинах на 1927—28 год определяется цифрой в 10 млн. руб., а вместе с машинными т-вами и значительно больше.

Кроме колхозов, новым потребителем средств с.-х. производства являются совхозы, у которых прирост мертвого инвентаря (с.-х. машины, тракторы и проч.) за 1926 год достиг 2 миллионов руб. Удельный вес бедноты в покупке инвентаря от дореволюционного нуля (в результате помощи государственного кредита) поднялся до значительной высоты (15—45%), продолжая неуклонно возрастать.

Таким образом, при всех недочетах в социальном содержании работы по машиноснабжению, бедняцко-коллективный сектор покупателей с.-х. машин, по приведенным выше расчетам, занимает около 40% сбыта машин, а если сюда прибавить машины, купленные середняком (в среднем 45—60%), то получаем, что 80—90% *машиносбыта 1926 года попало в руки тех, кому машина и должна в первую очередь попасть в советском государстве.*

Необходимость всемерного усиления этого трудового,—а в первой части и полусоциалистического,—сектора рынка упирается в экономическую слабость составляющих его групп, т.-е. в большие об'ективные трудности.

Трудность первая: бедняцкие хозяйства экономически настолько слабы, что, даже при поддержке государственного кредита, часто не в состоянии купить усовершенствованную машину, не в силах оплатить минимального задатка, не говоря уже о дальнейших платежах.

Трудность вторая: земельные наделы у бедноты обычно меньше (небольшие семьи, сдача земли в аренду из-за отсутствия инвентаря) и крупная машина—сеялка, молотилка, трактор, экономящая труд, повышающая урожай—просто невыгодна в маленьком хозяйстве, так как будет использована всего на $^1/_{10}$ своей производительности и еще меньше.

Указанные трудности в сочетании с требованиями с.-х. машиностроения о возможно более быстрой продаже сделанной машины и создают об'ективные предпосылки для неправильного направления машиноснабжения, а затем и самого развития крестьянского хозяйства по капиталистическому пути, тенденции которого мы видим в таблицах классового распределения с.-х. машин.

При большой, но все же ограниченной, помощи госкредита дальнейший рост бедняцко-коллективного потребителя с.-х. машин будет тесно связан с успехами совместной покупки, а затем и коллективного использования купленной машины, ибо *коллективная покупка и использование с.-х. инвентаря для бедноты—единственный путь обеспечить себя усовершенствованным инвентарем,* повысить технику своего хозяйства, *освободиться от кабалы кулачества и стать твердо на путь перестройки своего хозяйства на социалистических началах.*

Подводя итоги сказанному, мы должны отметить следующее:

а) в с.-х. машиностроении мы имеем громадные количественные (200% от довоенного) и качественные (концентрация, поднятие производительности труда и проч.) достижения, ставящие эту отрасль промышленности на одно из первых мест социалистической промышленности СССР;

б) годовое количество с.-х. машин, направляемых в деревню, в 1927—1928 году достигает 146% по сравнению с рекордным довоенным годом;

в) политика ЦК ВКП(б) на уменьшение нашей зависимости от международного капитала имеет своим результатом быстрое из года в год снижение доли импортного с.-х. инвентаря (1913 г.—81 млн., 1927 год—24 млн.) при увеличивающейся ежегодно общей сумме машин для деревни;

г) имеющиеся в ряде мест извращения правильной линии партии в классовом распределении с.-х. машин все же не могут затушевать основного достижения — радикального изменения в структуре снабженческого рынка, его нивелировки и того большого удельного веса, который имеет бедняцко-коллективный сектор на снабженческом рынке уже теперь;

д) в законе об из'ятии трактора из свободного оборота и закреплении его исключительно за коллективами, как «лучшего кооператора», мы имеем ярко выраженный акт партии в ограничении кулацких вожделений по линии использования трактора, как орудия эксплоатации бедноты, акт наступления на кулака;

е) при усилившемся теперь внимании к качеству снабженческой работы, при конкретизации помощи бедноте уже в текущем году мы, безусловно, будем иметь много меньше случаев искривления классовой линии партии в отношении деревни.

Подчеркивание достижений вовсе не значит, что в данной области нет промахов и все благополучно. Это лишь значит, что мы умышленно выпячиваем большие достижения, о которых кое-кто упорно «забывает».

Не преуменьшая имеющихся в данной области достижений и об'ективно расценивая имевшие место в ряде районов случаи искривления классовой политики партии в машиноснабжении, мы не сможем найти здесь и признаков сознательного «кулацкого» уклона местных парторганов. Причиной этих ошибок, совершенно очевидно, был недостаток руководства, внимания и контроля парторганов над этой работой, т.-е. недочет, свойственный всякой большой работе на определенном этапе ее развития. И есть об'ективные основания считать, что при усилившемся всеобщем внимании к этому вопросу, особенно со стороны машиноснабжающих организаций, при укреплении систематического руководства и контроля за этой работой со стороны партии, мы будем иметь точное выполнение ясных директив последней о выдержанной классовой политике машиноснабжения деревни.

П. Шубин.

Банкиры об экономике Англии.

I.

Обостряющаяся борьба за рынки сбыта и источники сырья, быстрый, подстегиваемый надвигающимся экономическим кризисом рост активности северо-американского капитала на мировом рынке, стремительное усиление конкуренции со стороны трестифицированной германской промышленности,— все эти явления, характеризующие данный момент, заставляют английскую буржуазию попытаться приступить к разрешению жизненно важной для нее задачи: поднятия конкурентоспособности своей промышленности. В этом плане «реорганизации», о которой много трубят предприниматели и их челядь, единственной реальной частью до сих пор остаются поиски новой, более усовершенствованной системы наступления на рабочий класс. Подобно тому, как во время империалистической войны, «гражданский мир» был необходимой предпосылкой для развития военной мощи буржуазной Англии, так и сейчас «индустриальный мир» является той системой, при помощи которой отсталая, распыленная, в ряде решающих отраслей сильно помятая английская промышленность надеется устоять против ожесточенной конкуренции Северной Америки и Германии. Вопрос о том, в какой мере английской буржуазии удастся разрешить эту задачу, в конечном счете зависит как от силы сопротивляемости рабочего класса Англии и степени организованности движения в колониях и полуколониях, так и от наличия тех экономических и финансовых ресурсов, которыми еще располагает Великобритания в борьбе с опередившими ее мировыми конкурентами.

Прошедший 1927 год протекал в обстановке максимально благоприятной с точки зрения английской буржуазии для использования этих ресурсов и возможностей. Рабочее движение под ударами необычного для Англии полицейского и экономического террора, систематически предаваемое и саботируемое реформистским профессиональным и политическим аппаратом, вынуждено было в течение этого года перестроить свои ряды, найти новые пути и методы борьбы для преодоления новых, сверхкомплектных трудностей. Не пассивностью пролетариата об'ясняется отсутствие забастовочного движения в Англии на протяжении 1927 года, а тем, что прежний уровень активности уже недостаточен для прорыва буржуазного и реформистского барьера в новых условиях. В результате этого английская буржуазия сохранила на протяжении всего 1927 года полную маневренную свободу в деле осуществления намеченных ею «спасательных» реформ. Каковы же достигнутые ею успехи? Ответ на этот вопрос имеет тем большее значение, что он дает фактический материал для оценки тех перспектив, которые ждут капиталистическую Англию в ближайшем будущем. Английская буржуазная печать, с своей стороны, обнаруживает при подведении итогов 1927 года исключительную щедрость по части оптимистических прогнозов. Удивляться

этому, разумеется, нельзя: оптимизм является необходимой и притом наиболее легко реализуемой частью плана «рационализации»; он же должен служить приманкой, чтобы завлечь рабочих в капкан индустриального мира. И если товарищ министра финансов Самуэль выступает с речью, в которой «широко рисует перспективы возрождения английской промышленности», то ему сам бог велит делать это. К сожалению, такую оптимистическую, с точки зрения английской буржуазии, оценку можно встретить не только в буржуазной печати.

На чем же основан этот оптимизм? Приводим основные аргументы по упомянутой выше речи Самуэля: 1) развитие новых отраслей промышленности—электрической, автомобильной, химической и производство искусственного шелка; 2) расчетный баланс внешней торговли, бывший в 1926 году пассивным, дал в 1927 г. активное сальдо, приблизительно, в 73 млн фунт. стерл.; 3) благоприятное положение денежного рынка (высокий курс фунта по отношению к доллару). К этим пунктам Самуэля можно, наконец, прибавить 4) рост новых эмиссий, размещенных в Англии, «рост вложения капитала внутри страны»...

Нижеследующие строки не ставят себе целью рассмотрение всех этих доводов с исчерпывающей полнотой. Задача, поставленная здесь гораздо скромнее: показать, что даже директора 5 основных английских банков [1]) в своих торжественных годичных выступлениях перед акционерами вынуждены были признать ряд фактов, подрывающих весь оптимизм Самуэля. Эти выступления руководителей банковского английского мира подчеркивают, что английский капитализм может выбраться из трясины только в том случае, если он преодолеет раздирающие его внутренние противоречия, т.-е. если бы он мог перестать быть капитализмом. В этом, разумеется не формулированном, но обязательном выводе из банкирских речей больше фактической правды о состоянии английского хозяйства, чем в занесенном со стороны оптимизме некоторых экономистов.

* * *

Английская буржуазная печать, с большой почтительностью относящаяся к речам директоров банков, изображает их нелицеприятными экспертами. «Экономист» пишет о врачах, «неустанно держащих свою руку на пульсе общественности с тем, чтобы раз в год нарушить свое молчание», изречь свои глубокомысленные выводы перед достойнейшим собранием держателей акций. В действительности же банкирам надлежит щупать не только чужой, но и свой собственный пульс. Переплетение и сращение даже в Англии банковского и промышленного капиталов, об'единяемых личной унией, вынужден был признать, правда, с жеманным кокетством, мистер Теннент, директор Вестминстерского банка. Говоря о распаде угольного хозяйства Англии и о средствах исцеления, он игриво заключает: «Я чувствую известную трудность при обсуждении этого вопроса или при предложении каких-либо средств для улучшения несчастного положения горной промышленности: из всего мною читанного и слышанного явствует, что единственной группой лиц, которые совершенно ничего не понимают в этом вопросе, являются шахтовладельцы, а я случайно смиренно являюсь одним из них». Случайность, как нельзя более, понятная, и стесняться, разумеется, здесь не приходится! Ту же скромность, которую директор Вестминстерского банка обнаруживает по отношению к угольной промышленности, директор банка Мартин обнаруживает по отношению к хлопчатобумажной промышленности и по той же причине. Отсюда и то несоответствие между широкими планами рационализации, которые банкиры набрасывают словесной кистью, и той чрезвычайной скромностью, осторожностью и даже нежностью, которую они обнаруживают, когда дело доходит до прикосновения в целях реорганизации «родной» им отрасли промышленности.

[1]) Приводимые ниже цитаты взяты из речей директора «Вестминстерского банка»- Теннента; «Национального Провинциального»—Гошена, «Мартин банка» —Голланд-Мартина; «Мидленд банка»- Мак Кенна, «Барклай-банка—Гуднефа

Цитаты приведены по отчетам, напечатанным в одном из следующих изданий «The Economist»; «The Statist»; «The Times», «Trade Supplement»; «The Nation» все от 28 января 1928 г.

При пользовании директорскими речами необходимо, разумеется, сделать и вторую оговорку по самому характеру своему они имеют не менее, если не более, рекламный характер, чем предпринимательские отчеты Представителям той или иной отрасли промышленности может еще оказаться в известных случаях выгодным наклепать на свое хозяйство, прикинуться «казанской сиротой», чтобы получить «моральное» право дополнительно нажать на рабочего или урвать какой-нибудь добавочный кусок из казенного пирога, руководитель же банка, выступающий перед пайщиками, имеет все основания выступать только молодцом во всех отношениях. Все оценки, сделанные в таких рекламных речах, могут быть приняты в расчет, если внести в них соответствующую поправку на специфическое банковское лицемерие и одурачивание почтеннейшей публики.

II.

«Рост благосостояния». Общим для докладов всех директоров 5 крупнейших банков (см. примечание) является воспевание успехов новой индустрии Гошен («Национальный Провинциальный банк») прямо в стихах описывает то благосостояние, которое вызвано расцветом новых индустрий. У публики есть деньги, чтобы тратить, увеличивается число собственников автомобилей, театры, кино и другие места развлечений переполнены, общий уровень жизни поднялся и т. д. Гошен не склонен расширять поле своих наблюдений и перенестись с центральных улиц больших городов в угольные и текстильные районы, где свирепствует нужда, безработица и голод. Впрочем, легенду о росте благосостояния английского рабочего он отставляет в сторону, когда она подсказывает практические выводы, более или менее рискованные для банка Та же публика, которая имеет деньги для того, чтобы веселиться, накоплять и т. д., оказывается совсем ненадежной, не имеющей устойчивых видов на завтрашний день, когда дело доходит до оказания ей кредита при продажах в рассрочку.

Вот какие соображения банкиры приводят против излишнего доверия публике:

> «Было бы неосторожно, — говорит Тэннент, — безоговорочно утверждать, что система (продаж в рассрочку), которая оказалась благотворной в Соединенных Штатах, должна быть благотворной также и для Великобритании. В Америке расцвет промышленности продолжается и число занятых рук очень велико. Мы же, к несчастью, имеем еще миллион безработных, у нас существует несравненно больше риска потерять или временно лишиться работы, чем по ту сторону Атлантического океана. При таких условиях является безусловно опасным поощрять тех, кто живет на еженедельной заработной плате, к тому, чтобы они брали на себя долговые обязательства или закладывали свои будущие сбережения. Другое соображение, которое говорит за необходимость осторожного отношения, заключается в том, что эта система в широком масштабе еще не выдержала в Соед. Штатах серьезного испытания в периоды глубокой деловой депрессии».

Банкиры призывают других «верить» в «под'ем жизненного уровня масс»; сами же они не доверяют ему, оценивая это явление, как поверхностное и весьма ограниченное по масштабу. Тем менее оснований у нас считать улучшение положения ограниченных слоев населения на фоне хронической безработицы (по данным министерства, число зарегистрированных безработных к концу 1927 года доходило до 1.127.000) симптомом того, будто английское хозяйство преодолевает свой распад.

Новые индустрии. Но особенно важно, что все банковские ораторы считают необходимым предостеречь от переоценки того влияния, которое вообще может оказать под'ем новой индустрии на всю экономику страны. С наибольшей яркостью эта мысль выражена у Тэннента. «Было бы,—говорит он,—большой иллюзией предполагать, что процветание в этих новых индустриях компенсирует депрессию в старых. В горном деле, в сельском хозяйстве, в кораблестроении и в хлопчатобумажной промышленности занято около 3 миллионов рабочих. В трех новых индустриях, упомянутых мной, по грубому подсчету, занято всего 700 тыс. Общее число застрахованных рабочих в Великобритании и Ирландии больше 12 миллионов». Докладчик, разумеется, учитывает то влияние, которое оказывает под'ем в новых индустриях на всю экономику страны; с другой стороны, он меньше всего хотел бы обескураживать слушателей. Все же ему приходится признать, что «еще далеко то время, когда достижение благоденствия в стране будет возможно без того, чтобы старые отрасли промышленности—уголь, железо, сталь, кораблестроение, текстильная промышленность—не были в состоянии под'ема». Мы видим, таким образом, что банковские ораторы вынуждены отвергнуть выставленную в свое время ренегатом Ньюболдом, искавшим предлога для «обоснования» своего ухода из коммунистической партии, теорию о том, что капиталистическое хозяйство Англии выбивается из кризиса перемещением центра тяжести из старых индустрий в новые [1]).

Как же обстоит дело к началу 1928 г. в решающих отраслях английского хозяйства? На этот счет мы находим в докладах ряд очень ценных признаний. «Когда мы приходим к нашим основным отраслям промышленности, как сельское хозяйство, железо, сталь, уголь, текстиль, мы находим положение, которое, к несчастью, не так благоприятно и далеко от того, чтобы действовать ободряющим образом» (Гошен). «В важнейших отраслях хозяйства—в земледелии, в горном деле, в текстиле—упорно держится серьезная депрессия» (Тэннент). Та же оценка варьируется в остальных докладах.

По отдельным отраслям хозяйства мы находим следующие характеристики.

Сельское хозяйство. В докладах Гошена и Теннета звучат даже лирические ноты при изображении участи «страдающего существа британского фермера». Правда, у него есть надежда: «Плохое время и скверная погода не будут продолжаться вечно!» Правда, и со своей стороны банковские деятели обещают фермерам всяческую поддержку: «Мы будем приветствовать всякий правительственный план помощи фермерам, который является не только паллиативом в настоящем критическом положении, но и стремится поставить нашу основную отрасль хозяйства на прочный, здоровый экономический базис». Но в чем заключается этот план? Ни один оратор ни одним словом на этот счет не обмолвился. Между тем, не только у правительственных зубров, но и у рабочей партии нет даже на бумаге аграрной программы, хоть что-либо реальное обещающей английскому крестьянину.

[1]) См. очень интересную статью «Британский капитализм на ущербе» т. Ротштейна «The Communist», Лондон. Январь 1928 г.

Уголь. «Угольное хозяйство снова пережило злополучный период в 1927 г.» (Голланд-Мартин). В еще более резкой форме та же мысль формулирована Тэннентом, подчеркивающим, что депрессия в угольной промышленности имеет характер тяжелого рецидива после временного улучшения и что «конкуренция на заграничных рынках очень серьезна». Докладчик упоминает об уже проводимом в Иоркшире, Нотингемпшире и Дербишире плане рационализации, рассчитанном на то, что об'единенные предприятия этих трех районов будут производить вместе 75 млн. тонн в год. Но, будучи сам шахтовладельцем, докладчик отнюдь не в восторге от этого плана. «Я не уверен,—говорит он,— что этот план очень популярен у владельцев заинтересованных районов. До тех пор, однако, пока никто не мог представить лучшего плана, он сохраняет свою силу». Дальше мы услышим, что предприниматели умеют оказывать действительное сопротивление «непопулярным» планам рационализации.

Железо и сталь. «Железоделательная промышленность находится в состоянии жестокой депрессии, и проведенное значительное снижение цен оказалось недостаточным для борьбы против ожесточенной заграничной конкуренции. Число работающих доменных печей сократилось с 189 в апреле 1927 г. до 149—в декабре». (Тэннент). «Сомнительно, я думаю, чтобы железоделательная и сталелитейная промышленность, как изолированные отрасли промышленности могли при настоящих условиях работать с прибылью. К счастью, многие из железоделательных и сталелитейных заводов составляют часть комбинатов, включающих и дальнейшую обработку стали: доход от производства готовых изделий может сократить или даже уничтожить убыток от наших доменных печей» (Гошен). Все докладчики говорят об «ожесточенной конкуренции» на заграничных рынках, при чем специально подчеркивается серьезность конкуренции не только со стороны высокотрестированной металлургической индустрии Германии, но и со стороны чехо-словацких фирм. Что же касается С. Штатов, то «они своими пошлинами фактически запирают свой рынок от нас».

Кораблестроение. Оживление в заказах. «Но не подлежит сомнению, что с целью загрузки своих верфей владельцы принимали заказы по весьма низким ценам» (Гошен). Действительное оживление в кораблестроении Тэннент откладывает до того отнюдь не близкого будущего, когда «мировой избыток тоннажа исчезнет вследствие медленно действующих сил природы». Надо ли прибавлять, что во всех случаях, когда банкиры говорят об убыточности производства, о низких ценах, о самоотверженной готовности предпринимателей брать всякие заказы, лишь бы загрузить предприятие, уже готовятся аргументы для похода на заработную плату рабочих?

Отмечается некоторое улучшение в морском транспорте «несмотря на серьезную конкуренцию». Впрочем, в этой области представители банков оперируют уже с запоздалыми данными. В самое последнее время американское торговое мореходство отказалось от прежнего соглашения с английскими компаниями, регулировавшего фрахты между Америкой и Европой. На-днях Британская Торговая Палата Англии с тревогой отмечала, что благодаря искусственному понижению американцами фрахтов для портов европейского континента может создаться положение, «при котором грузам, идущим из Америки, выгоднее будет заходить в континентальные порты и уже оттуда переправляться в Англию».

Хлопчатобумажная промышленность. «В 1927 г. мы вывозили хлопчатобумажных тканей приблизительно 57% того, что было вывезено в 1913 году; что касается пряжи, то средний годовой экспорт в течение

1924—27 годов был на 18% ниже среднего годового экспорта за трехлетие 1910—13 гг. Не только значительно понизился спрос на хлопчатобумажные изделия, но наша доля в общей мировой торговле ниже нормы». (Тэннент). Чем это об'ясняется? Директор Вестминстерского банка приводит причины двух категорий.

Во-первых, «хаотическое состояние нашего главного рынка в Китае»,— с этой бедой, он надеется, справятся, если не промышленные, то политические деятели. Во-вторых, противоречия интересов между Англией, вывозящей хлопчатобумажные ткани, и ею же, снабжающей восточные рынки текстильными машинами: «Должен был наступить момент, когда сохранение наших рынков на Востоке для хлопчатобумажных изделий натолкнется на конкуренцию товаров, произведенных на машинах, которые мы сами вывозили». Голланд-Мартин не ограничивается, однако, указаниями на эти причины: он глубже влагает свои персты в раны текстильной промышленности.

«К моменту наступления войны мы уже постепенно теряли наши позиции на континенте и на Востоке быстро возникали фабрики. Во время войны фабрики Японии, Китая и Индии увеличили свое производство. Когда война кончилась, многие из наших старейших хлопчатобумажных фабрик в результате кратковременного и фальшивого промышленного бума были проданы различным группам спекулянтов, которые в свою очередь перепродали их публике по весьма вздутой цене. Ничего более печального не могло произойти с этой индустрией. Вздутые ценности послевоенного периода обнаружили свою мнимость; капитал, который следовало бы использовать, чтобы усовершенствовать машины, был использован для других целей; одна фабрика за другой, очутившись с обесцененными запасами, с машинами, которые необходимо было обновить, вынуждены были искать новых капиталов путем займов или новых акций. И это в то время, когда заграничная конкуренция была более ожесточенной, чем раньше, и два новых рынка—Китай и Россия—не пред'являют больше спроса».

В устах директора банка, занимающегося специально финансированием ланкаширской хлопчатобумажной промышленности, эта характеристика систематического жульничества английской промышленности, обычно кичащейся крепкими, здоровыми традициями, разумеется, недурна.

Но она, во-первых, слишком опоздала; во-вторых, скрывает главное: роль банков в этом жульничестве. Еще в 1920 г. т. Ленин указывал на происходившую тогда спекуляцию в ланкаширской промышленности.

«В Ланкашире дошло до того, что рост ценности акций определился в 400%. Доход банков составляет 40—50% минимум, при чем надо еще отметить, что при определении дохода банков все банковые деятели умеют львиную часть дохода проводить тайком, таким образом, что это не называется доходом, а прячется под видом наградных, тантьем и т. п.» (Том XVII, стр. 259).

Голлад-Мартин, таким образом, мог бы рассказать о ланкаширской спекуляции гораздо больше, чем он это сделал. Но даже заведомо фальсифицированная картина ланкаширской спекуляции, нарисованная дружеской банкирской рукой, могла бы иметь сейчас, когда хлопчатобумажные банкроты хотят подправить свои дела за счет беспощадной эксплоатации рабочих, некоторый интерес с точки зрения «воспитания общественного мнения», если бы оно в свою очередь не было уже давно продано по частям с публичного торга.

III.

Какие же планы спасения промышленности представили руководители банковского капитала своим «избирателям»-акционерам? В какой мере банковские дельцы вообще берут всерьез всю эту шумиху о рационализации по германскому образцу? Нет ли и тут большой доли спекуляции и жульничества, как в свое время в хлопчатобумажном буме? Желают ли банки вообще приложить руку к этому более чем сомнительному делу?

Нарисовав мрачную картину состояния хлопчатобумажной промышленности и необходимости ее реорганизации, Голланд-Мартин продолжает:

«Предлагают даже, чтобы банки взяли на себя контроль.. чтобы, вынуждая образование комбинатов, они способствовали установлению власти для контроля над индустрией. Такое направление противоречило бы совершенно всем традициям английских банков. Если дела отдельного предприятия идут не так хорошо, как банк желал бы, он может даже настаивать на установлении наблюдения для обеспечения данных взаймы денег. Но здесь его обязанности, как банка, кончаются. Обновление индустрии должно быть произведено ее собственными внутренними силами».

Приводя эту цитату «Экономист», несмотря на общее восторженное отношение к речам директоров, делает кисло-сладкое замечание: «Диагноз мистера Голланда-Мартина, может, и верен, но тревожным является тот факт, что к концу семи лет депрессии нет еще признаков каких-нибудь планомерных действий для того, чтобы наладить положение в Ланкашире».

Но Голланд-Мартин отнюдь не является единственным представителем банка, который заранее открещивается от всякого участия и ответственности за рационализацию промышленности. Ряд других банковских деятелей касаясь этого вопроса, спешат тоже умыть руки. Так, на заседании акционеров Барклайс-банка докладчик Гуднэф прячется в кусты английских традиций:

«Разумеется,—говорит он,—в функции банка не входит определять тот метод, который должен проводиться какой-нибудь отдельной отраслью промышленности; это должно быть предоставлено тем, кто работает в этой промышленности».

Ту же мысль повторяет на заседании акционеров того же банка председатель Герберт Хемблинг:

«Мне кажется, что в старых индустриях чего то нехватает. Многие считают, что дело плохо управляется, что его не следует поддерживать финансовыми подкрепляющими средствами, а что людям с мозгами и деньгами должна быть предоставлена возможность создать лучшую организацию на старом базисе. Делая это замечание, я, может быть, немного выхожу из банковской области, потому что обязанность банкира заключается в том, чтобы помочь индустрии так, чтобы она уже сама себе помогла. Банкир не является и не может явиться ответственным за систему руководства отдельных отраслей промышленности».

Это своеобразное толстовство банковских дельцов Англии ввергает журнал «Нэйшен» (№ от 28 января 1928 г. «Индустрия и Банки») прямо в отчаяние. Журнал рисует мрачными красками анархию в английской индустрии, указывает, что «иногда ничтожная группа раскольников срывает уже

налаженное дело образования комбината или картеля», вспоминая даже по этому поводу «вето», приведшее к гибели старой Польши. Либеральный журнал приходит к печальному выводу, что без давления здесь не обойтись. «Но если мы согласны с необходимостью реконструкции в наших старых индустриях с неизбежностью внешнего давления, чтобы добиться этой реконструкции,—в чем же заключается та сила, которая может осуществить это давление? Возможны две такие силы: одна из них государство. Слияние может быть продиктовано протестующее меньшинство может быть обойдено той властью, которую законодательство предоставит соответствующим органам. Нет ничего химерического в этом предположении».

Развивая дальше программу своеобразного «государственного капитализма», автор, однако, во-время спохватывается, что во главе-то государства стоит консервативное правительство Болдуина. Значит, не годится. «Средства государственного принуждения, разумеется, не могут быть использованы до тех пор, пока нынешнее правительство остается у власти». Остается только второй выход: банки должны взять на себя обязанность принуждения.

«Почему же наши банки считают, что плохо использовать свое влияние, чтобы осуществить реформы, которые они считают желательными? Как известно, отсутствие подобной щепетильности у германских банков явилось одной из важнейших причин, почему германская промышленность так широко реорганизовалась в последнее время, между тем как наша промышленность не могла этого сделать».

Пытаясь разгадать эту банковскую загадку, «Нейшен» наталкивается на ответ, который его самого приводит в некоторое смущение. Не об'ясняется ли уклончивое отношение банков к «реконструкции» опасением, что она может хлопнуть их самих? Журнал начинает догадываться, что с точки зрения банков «хуже всего, если этот аргумент о необходимости реконструкции промышленности может пойти дальше и превратиться в утверждение, что столь значительные функции (которые будут возложены на банки в случае их контроля над промышленностью) не могут быть предоставлены частным, стремящимся к доходности предприятиям и что требование национализации банков, которое уже сделано рабочей партией, может быть серьезно двинуто вперед».

Итак, при первой попытке более или менее серьезно хотя бы на бумаге поставить вопрос о реконструкции промышленности «Нейшен» делает два не лишенных интереса вывода: во-первых, что необходимым условием этого является свержение правительства Болдуина и государственное принуждение, и, во-вторых, что весьма естественной предпосылкой для этого была бы национализация банков. Но кто же будет проводить эту «национализацию»? Не Сноуден ли, будущий министр финансов, или, может быть, даже премьер рабочего правительства, последняя реакционная речь которого (о бессмысленности революции и о благах эволюции) встретила восторженный прием прежде всего со стороны подлежащих «изнасилованию» предпринимателей? Не рабочее ли правительство осуществит принуждение, необходимое, чтобы сломить сопротивление банды капиталистов и убедить ее в «целесообразности пожертвовать своими частными интересами во имя общего национального хозяйства»? Даже в обстановке кровопролитнейшей империалистической войны, когда во имя победы над «германским варварством» из миллионов рабочих выматывалась в буквальном смысле слова жизнь, английские предприниматели не отказывались от той наживы, которую давало им форменное предательство—доставка контрабанды в Германию. Какой же добрый гений подвинет сейчас английских капиталистов на акты «великого самопожертвования во имя прекрасного будущего»? Нет уж английские банкиры скорее

доверят свою судьбу испытанным средствам британского империализма, чем рискованным экспериментам, при которых та или иная часть собственников все же должна свернуть себе шею.

Характерно в этом отношении заявление, сделанное на заседании Барклайского банка одним из руководителей—Гуднэфом.

«Существует предположение,—сказал он,—что было бы выгоднее как для нас, так и для Европы, если бы можно было достигнуть образования таможенного союза или тарифного соглашения между главнейшими европейскими государствами, включая и Англию. Хотя такой план мог бы быть полезен Европе в целом, но больше всего выиграла бы при этой политике Германия, благодаря ее высоко развитой индустриальной организации. Нашим интересам, разумеется, больше соответствовало бы направить нашу энергию на дело развития империи. Процветание Великобритании и Британской империи в будущем зависит от развития внутри империи в результате развития междуимперских финансов и промышленности».

Разговор о принудительной реорганизации промышленности с целью обогнать трестифицированную Германию,—это для любителей. Про себя же банковские и промышленные дельцы знают, что сохранить, а тем более укрепить свое положение на мировом рынке в настоящих условиях при безнадежной отсталости английской техники можно лишь средствами хищнического растрачивания живой силы рабочего класса.

IV.

Положение денежного рынка Англии. Действительно ли сравнительно благополучное положение денежного рынка Англиии к началу 1928 года вызвано возрождением промышленности? Характерно, что ни один из выступавших директоров банков такого утверждения не делал. «Необходимо вспомнить, что осенний под'ем фунта стерлингов в известной степени вызван случайными причинами. Из них двумя важнейшими являются: перевод больших американских кредитов в Европу и значительный рост той части экспорта хлопка и пищевых продуктов из Америки, которая в этом году финансировалась Нью-Йорком вместо Лондона. В конечном счете мы, разумеется, должны будем платить за все купленное в Соединенных Штатах. Все же отсутствие внезапного напряжения на бирже имело благотворное влияние, хотя бы потому, что освободило деловой мир от угрозы дорогих денег». (Тэннент).

«Курс доллара не должен вводить нас в заблуждение, вызывая представление, будто наш баланс (включая платежи Америке по нашим займам) был в нашу пользу. Лондон является еще расчетной палатой, и крупные займы, общественные и частные, которые Америка предоставляет Европе, не могли остаться без влияния на наш вексельный курс тем более, что векселя в долларах с оплатой в Америке по финансированию хлопка, хотя в конечном счете должны будут быть покрыты с нашей стороны, все же освободили на определенный период нашу биржу от обычного напряжения». (Гошен).

Вот как теперь руководители банков об'ясняют высокий курс фунта по отношению к доллару и характерное для декабря 1927 г. движение золота из подвалов нью-йоркских банков в Лондон. В свое время «Манчестер Гардиан» писал, что «золотое очарование» вызывает естественный под'ем настроения у английской публики, и организаторы парламентских

выборов и гнуснейшего обмана, именуемого индустриальным миром, широко воспользовались этим очарованием. Теперь представители банков считают возможным немного приподнять завесу над финансовой тайной, по той простой причине, что банки Америки уже поворачивают золотой рычаг в обратную сторону: учетная ставка в чикагском и нью-иоркском резервных банках уже поднята с $3\frac{1}{2}\%$ до 4%; такое же поднятие остальными банками — дело ближайшего будущего. Нью-Йоркская биржа уже использовала пониженный в сравнении с английскими банками учетный процент для своих целей, нисколько не смущаясь тем, что у доверчивой публики это могло вызвать представление о превосходстве фунта стерлингов над долларом. Сторожевые псы американского золота не сомневались в том, что при первой необходимости они без всякого труда рассеют эту иллюзию.

В речах банковских ораторов мы встречаем также раскрытие секрета Полишинеля, почему именно американские банки в 1927 г. впервые взяли на себя такую самоотверженную задачу, как финансирование английских закупок хлопка на американском рынке.

> «Я не могу вспомнить время,—говорит Гошен,—когда соперничество между банками в Англии было более остро; эта конкуренция была не только между нами, но и иностранные, особенно американские, банки в настоящее время приняли в ней участие... Акцептные операции американских банков (прием к оплате переводных векселей) достигли в этом году суммы в миллиард долларов,—суммы, раньше совершенно неизвестной. Очевидно, американские банкирские учреждения напряженно стремились привлечь не только финансирование в Соединенных Штатах собственного экспорта и импорта, но и всех других прибыльных операций, которые прежде сосредоточивались в английских банках. Так, например, до войны все покупки хлопка в Соединенных Штатах финансировались векселями на Лондон или в небольшом числе на континентальные банки. В настоящее время, вследствие политики экспортеров хлопка, которые ставили условием оплату их товаров векселями в долларах на Нью-Йорк, с одной стороны, и вследствие готовности нью-йоркских банков итти навстречу этим требованиям установлением низкого процента учета, с другой, большая часть этих операций была отвлечена к банкам Соединенных Штатов».

Перед нами, таким образом, не только повесть о наличности скрытой войны между английскими и американскими банками, но и признание того, что английские банки тихо, мирно к концу 1927 г. оказались оттиснутыми от тех сделок, которые они до сих пор монопольно держали в своих руках. Характернее всего, что эта борьба разыгралась в самой идиллической обстановке: восторженные речи американских финансистов на тему о незыблемости англо-саксонской дружбы, приводящей к сотрудничеству банков, с одной стороны; веселая мина при дурной игре у английских банкиров, вынужденных поддерживать версию о благородной Америке, «справедливо распределяющей запасы золота между основными центрами мира»—с другой.

У директора Национального Провинциального банка находится, впрочем, несколько слов для утешения своих слушателей. «Возможно,—заканчивает он эту невеселую часть своей речи,—что когда деньги здесь, в Англии, станут дешевле, операции могут вернуться к тому направлению, которое мы считали бы «естественными каналами». Однако, пока-что наиболее ценные операции либо потеряны для нашей страны, либо, в лучшем случае, совершены нашими банками на совершенно несоответствующих условиях».

Дружеские визиты в Лондон директора резервных банков влетели-таки английским банкам в порядочную копеечку...

* * *

Соответственно этому выявившемуся росту зависимости английского денежного хозяйства от американского особое значение приобрела речь Мак-Кенна—директора Мидленд-банка. Мак-Кенна является неизменным противником той денежной политики, которая официально признана в Англии, как политика золотого стандарта. Он и раньше не раз указывал, что Англия имеет, по существу, не золотой стандарт, а доллар-стандарт. Но, кажется, еще никогда он не имел такой «хорошей прессы», как сейчас. Сущность речи Мак-Кенна заключается в той характеристике, которую он, правда, со всеми необходимыми оговорками и смягчениями, дает диктаторской роли Нью-Йорка на мировом денежном рынке.

> «Не цена золота в Америке определяет стоимость доллара, а, наоборот, стоимость доллара определяет цену золота... Хотя золото еще является номинальным базисом большинства валют, действительный, определяющий фактор общего движения мировых цен заключается в покупательной способности доллара. Вывод, который мы обязаны сделать, заключается в том, что мир в действительности имеет своим стандартом доллар».

Есть ли какие-нибудь основания рассчитывать, что это положение изменится? Может ли исчезнуть или хотя бы ослабеть золотая диктатура Соед. Штатов, и как долго может продолжаться это положение? Мак-Кенна смотрит на положение мрачно.

> «Америка достаточно богата как для того, чтобы терять золото, так и для того, чтобы приобретать его. Она держит половину общего золотого запаса мира. Больше того, положение кредитора превращает ее в постоянный магнит для золота,—ее должники должны платить ей, и если они не имеют других возможностей, они должны платить золотом».

Но, может быть, реализация иностранных займов, в особенности тот факт, что сумма заграничных инвестиций Соед. Штатов значительно превосходит излишки от ее платежного баланса, могут постепенно привести к распылению золотых запасов Нью-Йорка? Мак-Кенна не надеется и на это: ему кажется весьма мало правдоподобным, чтобы Америка настолько превысила свои возможности при реализации займов, чтобы «подкопать свой золотой запас». Отсюда вывод: «До тех пор, пока условия останутся такими, какими мы их знаем сейчас, Америка способна проводить свою кредитную политику, не считаясь с движением золота, и поддерживать контроль над мировым уровнем цен».

Надо позолотить горькую пилюлю, и Мак-Кенна делает это. Позолота заключается прежде всего в благородстве американцев, которые сами, мол, заинтересованы в правильном распределении золота, хотя в чем, собственно, этот интерес заключается, из речи Мак-Кенна не видно, так как он категорически указывает, что опасность «золотой инфляции», избытка золота, Соед. Штаты могут преодолеть без всяких затруднений. Второе утешение заключается в недостатке статистических данных, мешающих осветить вопрос всесторонне. К порокам статистики

английские экономисты (впрочем, не только английские) имеют обыкновение прибегать во всех трудных случаях жизни.

Благополучие английского денежного рынка, о котором говорят слишком доверчивые люди, оказывается, таким образом, построенным на песке или, еще хуже, на фундаменте чужом, который к тому же может стать враждебным. В свете этого основного и решающего факта и должен быть решен вопрос о значении роста эмиссии в Англии в течение 1927 г.

V.

«Вложение капиталов внутри страны». Как известно, новые эмиссии в Англии в 1927 году достигли крупной суммы в 355 млн. фунтов, из которых только около 40 млн приходится на заграничные эмиссии, — вся остальная сумма формально осталась в самой Великобритании. Этот рост вложений капитала может вызвать (и действительно вызвал) в печати неправильное представление о росте английской промышленности. Характерно, что ни один из директоров банков, перечисляя положительные симптомы роста хозяйства, не приводит в доказательство рост капитальных вложений. Самое большее, что можно встретить в одной, кажется, речи, это—указание на то, что рост новых эмиссий свидетельствует о росте накоплений в стране.

Чем об'ясняется более чем сдержанное отношение банкиров к этому, казалось бы, столь радостному факту? Ответ на этот вопрос дает таблица, показывающая распределение капитальных вложений и географически и по отдельным областям промышленности. С точки зрения географической, решающее значение имеет тот факт, что эмиссии на лондонском рынке, предназначенные *для доминионов, увеличились с 57 млн. до 98 млн.* Это значит, что если сумма эмиссий отражает развитие промышленности, то максимальная выгода в 1927 г. была извлечена *промышленностью доминионов.* Надо ли говорить, что с точки зрения отсталого хозяйства собственно Англии, задыхающегося от отсутствия рынка, индустриализация доминионов и колоний меньше всего является выходом из положения? Еще характернее распределение эмиссий собственно в Англии между отдельными отраслями промышленности. Общая сумма их возросла со 142 до 164 млн. Но *какие* отрасли промышленности выиграли при этом? Как раз *старая индустрия,* имеющая решающее значение и находящаяся в состоянии распада, *оказалась неспособной привлечь к себе капиталы,* хотя она больше всего в них нуждается. Так, *уголь, железо, сталь и машиностроение,* на долю которых в 1926 г. приходилось около *5 млн. новых* вложений, в 1927 г. получили *только 2,7 млн. Зато пивоваренная промышленность получила вместо ⅛ млн.* (в 1926 г.) больше 6 млн. (в 1927 г.)! Капиталистическая рационализация пока-что оставляет все по старинке: капитал «откровенно и честно» идет в те отрасли промышленности, где ему обещана более быстрая и более верная прибыль. Никакие ламентации о необходимости помочь основным отраслям промышленности не привлекли к ней ни одного шиллинга. Таблица распределения капитальных вложений в 1927 г. говорит не за возможность рационализации английского хозяйства, а о той «совершенно естественной» анархии, которая там попрежнему свирепствует.

Заграничные инвестиции. Выше отмечалось, что товарищ министра финансов Самуэль щегольнул активным сальдо платежного баланса

Англии в 1927 г. Это, однако, отнюдь не решает еще вопроса, чьи деньги Англия помещает за границей в долгосрочные займы и не может ли возникнуть положение, когда эти заграничные инвестиции станут для нее источником серьезных финансовых затруднений.

> «Улучшение нашего торгового баланса (по сравнению с 1926 г.) еще не может ликвидировать те опасения, которые существуют в некоторых кругах относительно того, *не дает ли Лондон загранице займы в размерах, превышающих реальный баланс его международных платежей.* Согласно официальным данным, тот избыток, которым Великобритания располагает для заграничных займов, в действительности *был значительно ниже общей суммы заграничных займов, реализованных в Лондоне.* Существует мнение, которое считает, что Лондон реализует слишком много иностранных займов, и которое склоняется к тому, чтобы *приостановить это в целях предупреждения серьезных финансовых последствий.* Другие не согласны с тем, что мы даем займы свыше наших средств, или, по крайней мере, *идут на этот риск по тем соображениям, что реализация иностранных займов безусловно способствует успехам британской промышленности.* Вопрос принадлежит к числу тех, которые имеют громадное практическое значение».

Тэннент переходит к подсчету того, чего, к счастью для него, подсчитать нельзя, т.-е. тех статей невидимого экспорта, относительно которых отсутствуют цифровые данные: роста заграничных капиталов, специально американских и французских, в Лондоне, покупки британских ценных бумаг заграничными странами и британскими доминионами и т. д. Более подробное исследование по этому вопросу было недавно произведено Кейнсом в специальной работе «Британский баланс торговли в 1925—27 гг.» [1]).

Вывод, к которому он приходит, формулирован следующим образом:

> «До тех пор, пока мы продолжаем давать займы загранице на суммы, большие, чем наш текущий избыток, и балансируем это привлечением иностранных капиталов, существует, понятно, положение, в котором заключаются *опасные элементы искусственности*».

То утешение, которое Кейнс, а вслед за ним и ораторы-банкиры, приводит, обычно заключается в том, что Соединенные Штаты также помещают за границей долгосрочные займы за счет краткосрочных вкладов, притекающих из-за границы в нью-йоркские банки. Если в этом, мол, заключается опасность, то она имеется не только у Англии, но и у Соединенных Штатов. Это сравнение, разумеется, не выдерживает критики. То же, да не то же! «Золотая диктатура» Соединенных Штатов на мировом рынке дает возможность нью-йоркским банкам выйти из затруднения, даже в случае самого бешеного истребования краткосрочных вкладов. Совсем не то же положение создалось бы в Англии. Скудный золотой запас Английского банка оказался бы тогда под сильным ударом, который может быть ему придется испытать уже на протяжении двух ближайших лет.

Подойдя к этому пункту, английские экономисты, несомненно, апеллируют к недостаткам статистики.

---

[1]) «The Economic Journal», декабрь 1927, стр. 563

VI.

«Абсолютно безвыходных положений не бывает. Буржуазия ведет себя как обнаглевший и потерявший голову хищник, она делает глупость за глупостью, обостряя положение, ускоряя свою гибель. Все это так. Но нельзя «доказать», что нет абсолютно никакой возможности, чтобы она не усыпила такое-то меньшинство эксплоатируемых такими-то уступочками, чтобы она не подавила такое-то движение или восстание такой-то части угнетенных и эксплоатируемых. Пытаться «доказывать» наперед «абсолютную» безвыходность было бы пустым педантством или игрой в понятия и словечки. Настоящим «доказательством» в этом и подобных вопросах может быть только практика. Буржуазный строй во всем мире переживает величайший революционный кризис. Надо «доказать» теперь практикой революционных партий, что у них достаточно сознательности, организованности, связи с эксплоатируемыми массами, решительности, уменья, чтобы использовать этот кризис для успешной, для победоносной революции». (Ленин. Том XVII, стр. 263—264).

Так говорил Ленин на II конгрессе Коминтерна. «Абсолютно безвыходного положения» у английской буржуазии нет, разумеется, и сейчас. Главным выходом из положения она считает не столько рационализацию своего хозяйства, сколько рационализацию форм обмана, угнетения и эксплоатации рабочего класса. Во всех выступлениях перед пайщиками банкиры заканчивали воспеванием «индустриального мира». Здесь источник их вдохновения и уверенности. Проявляя скромность и сдержанность, когда речь касалась «насильственных» мер над предпринимателями в целях рационализации, они дают полную волю своим мечтам, когда дело касается «мирных» средств нового, более усовершенствованного зажима рабочего класса. Конечно, только революционная практика может доказать английской буржуазии, что путь омоложения капиталистического хозяйства переливанием крови из жил рабочего класса закрыт. Конечно, только организация беспощадной, безоговорочной, сознательной борьбы против всех форм индустриального мира может предостеречь пролетариат Англии от новой западни.

Но необходимой предпосылкой такой правильной революционной тактики является прежде всего правильная оценка экономического положения капиталистической Англии. Такая оценка дана в тезисах Коминтерна и повторена в открытом письме, с которым ЦК КПА недавно обратился к членам партии. Нет, разумеется, никаких оснований менять ее.

Только страдая куриной слепотой, можно не видеть глубины того кризиса, который переживает сейчас хозяйство Англии.

К счастью, куриная слепота, как подтвердил за самое последнее время ряд клинических наблюдений, болезнь в громадном большинстве случаев вполне излечимая.

Е. Варга.

Политика британских империалистов в Индии.

«Средний доход жителя Индии хватает как раз на прокормление двух человек из каждых трех (или для двух трапез вместо необходимых трех трапез в день); но и это при условии, что все три готовы ходить нагишом, жить в течение всего года под открытым небом, отказываться от всякого рода отдыха и развлечений, ограничить свои потребности исключительно пропитанием, при чем самого худшего, грубого сорта, наименее питательным. Если же они желают удовлетворить и прочие свои потребности, иметь хоть какую-нибудь примитивную одежду, хоть какое-либо убогое пристанище, хоть какое-либо развлечение, будь то самого примитивного свойства, им приходится ограничиться вместо безусловно необходимых трех трапез в день одной, или же из каждых трех жителей Индии двое должны остаться без пропитания» [1]).

Индия — средоточие британской империи. Если отвлечься от Канады, лежащей в стороне и находящейся больше под влиянием С. Штатов, нежели Англии, то вся мировая британская империя группируется вокруг Индии, каждый уголок этой империи служит для защиты Индии: Гибралтар, Мальта, Суэц, Аден защищают путь в Индию через Средиземное море, Южная и Восточная Африка защищают путь в Индию через мыс Доброй Надежды, Сингапур охраняет доступ к Индии с востока, Австралия примыкает к этой цепи с юго-востока.

320 миллионов человек, одна шестая всего человечества, эксплоатируются Англией в Индии. Не более 100.000 англичан порабощают триста миллионов [2]). Один англичанин держит под своим сапогом 3.000 индусов! Это ничтожное меньшинство сумело превратить Индию, одну из древнейших культурнейших стран мира, в об'ект эксплоатации для британского капитализма, приспособить ее к потребностям английского капитала на различных стадиях, хотя бы ценой того, что «кости индийских ткачей покрыли равнины Индии».

---

[1]) K. T. Shah (проф. в Бомбейском университете) и K. I. Khambata (тоже), „Wealth and taxable capacity of India". London, 1924 г., стр. 253.

[2]) В „Statistical Abstrart of British India" вы напрасно будете искать ответа на вопрос: сколько англичан живет в Индии? Можно лишь косвенным путем притти к заключению, что в 1921 г. из 125.000 жителей европейской расы английский элемент состоял примерно из:

80.000 последователей англиканской церкви,
7.600 пресвитерианцев,
4.000 методистов,
5.000 протестантов („Statist. Abstract", стр. 17).

Способ эксплоатации Индии изменялся на разных стадиях развития английского капитализма. Когда преобладающей формой был торговый капитал, английские торговые компании покупали и грабили изделия высоко развитого индийского ремесла: муслины и тонкие ткани, драгоценности и произведения искусства, специальные продукты индийского сельского хозяйства, как-то: индиго и пряности. В мануфактурный период Англия навязывает Индии свои дешевые хлопчатобумажные ткани, Индия стала главным рынком сбыта для хлопчатобумажной промышленности Англии. В период промышленного капитализма английский капитал строит в Индии железные дороги и порты, поставляет паровозы и вагоны, проникает по линии железных дорог, всюду вытесняя туземное ремесло своими массовыми товарами, уничтожая это ремесло Наконец, в период финансового капитала английский капитал отчасти переносит производство в Индию, чтобы там, на местах эксплоатировать дешевую рабочую силу. Во всех этих стадиях английский капитал пользуется в Индии полной монополией. Он регулирует развитие производительных сил не сообразно потребностям массы индийского народа, а сообразно потребностям английского капитала. Английский капитал устроил в Индии хлопковые, джутовые и чайные плантации за счет производства предметов питания, обрекая таким образом население Индии на голод. В печальном положении индийского народа повинна единственно и исключительно английская буржуазия: она несет ответственность за то, что за один период от 1876 г. до 1890 г., по официальным данным, в Индии умерло от голода 26 миллионов человек[1]), во имя культурной миссии английской буржуазии в Индии. В качестве причины смертности населения чаще всего фигурирует в индийской статистике лихорадка, «благозвучное прикрытие недостаточного питания, плохой одежды и антисанитарных жилищных условий», как выражается один медицинский авторитет[2]).

Значение Индии для английской буржуазии.

Трудно установить хотя бы приблизительно весь об'ем тех выгод, которые английская буржуазия извлекает из эксплоатации Индии: слишком заботливо статистика скрывает за массой всяких цифр истину. Можно предположительно оценить некоторые статьи доходов английской буржуазии.

1. За так называемое хорошее правительство индийский народ ежегодно платит тем нескольким десяткам тысяч чиновников, которые представляют в Индии интересы английского капитала, много миллионов фунтов. Срок службы непродолжителен: по прошествии нескольких лет чиновники выходят в отставку с пожизненной пенсией. Какие суммы выжимаются для этого из Индии, нельзя точно установить. В «Statistical Abstract» мы находим под рубрикой Expenditure in England (расходы в Англии) следующие главные статьи за 1924/25 г.:

	В тыс. фун. ст.
Дипломатия, школа, искусство, наука и пр.	1624
Платежи по армии и флоту в Англии	3975
Пенсии по армии и флоту	3850
Гражданские пенсии и пр.	2998
Военные постройки	2215
Итого	14662

Что получают английские чиновники в самой Индии, из цифр не видно; надо полагать, что это — больше, чем те суммы, которые расходуются

¹) См. V. H. Rutherford. „Modern India". London, стр. 88.
²) Там же, стр. 90.

в Англии. Служба в Индии является обеспечением на всю жизнь для десятков тысяч молодых англичан[1]).

Итак, 30 миллионов фунтов за «хорошее правительство».

2. В 1925 г. Англия купила в Индии товаров на 80 миллионов фунтов ст., а продала в Индию — на 87 млн. ф. ст.[2]), из них английских товаров на 85 млн. Ни одна страна в мире не покупает столько английских товаров, как Индия. (Вторым по величине покупателем были в 1925 г. Соед. Штаты, купившие английских товаров на 54 млн. ф.). Эта торговля находится полностью в английских руках: английские товары привозятся в Индию английскими торговцами, индийские товары закупаются в Индии английскими купцами, так что вся торговая прибыль перепадает англичанам, это—по меньшей мере 10% с оборота, т.-е. 15 миллионов фунтов ст. в год.

Промышленную прибыль на товарах, сбываемых в Индию, можно считать, по меньшей мере, в 15%, т.-е. 12 млн. ф. ст. в год.

Английский капитал, вложенный в Индии, можно оценить примерно в один миллиард фунтов[3]), включая 341 млн. государственного долга и железнодорожных облигаций. Среди этого капитала имеется сравнительно много плантационного капитала, дающего очень высокую прибыль (чайные, джутовые, кофейные плантации); поэтому среднюю прибыль мы можем считать не меньше 10%, это даст в год 100 миллионов фунтов.

Нижеследующие цифры показывают, какая часть английского вывоза капитала направляется в Индию[4]):

Годы.	Вывоз капитала в Индию и Цейлон	Весь вывоз капитала из Великобритании	Вывоз в Индию в %
	В миллионах фунтов ст.		
1908	13,5	146	9,2
1909	15,9	182	8,7
1910	14,7	189	7,8
1920	3,5	53,2	6,6
1921	29,3	115,7	25,5
1922	36,1	135,2	26,8
1923	25,3	136,2	19,0
1924	2,6	134,2	1,9
1925	3,4	87,8	3,9
1926	2,0	122	1,6
1927	0,8	153	0,5

Как мы видим, в первые годы после войны, вывоз капитала из Англии в Индию был весьма незначителен, но очень быстро поднялся в результате тех колоссальных прибылей, которые получались в эти годы в индийской хлопчатобумажной и джутовой промышленности; в 1924—1927 гг. вывоз

¹) Английские железнодорожные чиновники получают в Индии такие оклады жалованья, о которых не могли бы мечтать в Англии.
²) Memorandum sur la balance de commerce 1911—1925 (Меморандум Лиги Наций), стр. 317.
³) Пейш оценивает этот капитал в 1909/10 г. в 365 млн. ф. ст., Г. Е. Говард для 1911 г.—в 450 млн. См. P. P. Pillai, „Economic Conditions of India", стр. 282.
Принимая во внимание сделанные с тех пор новые инвестиции, происшедшее с тех пор накопление капитала в Индии, увеличение уровня цен до 170, повлекшее за собой соответственно более высокую оценку вложенного в Индии промышленного капитала, можно смело остановиться на цифре в 1000 млн. ф. ст. Тов. Ратбон (Rathbone) в своей неопубликованной еще работе „Industrial India" оценивает помещенный в Индии капитал в 800 млн. ф. ст. Он не принимает, однако, во внимание повышение уровня цен.
⁴) Данные за 1908/10 гг. сообщены Мидленд-банком, цит. у Ратбона, данные за 1920/25 гг. взяты из Balance des Payments, Женева, 1926 г., данные за 1927 г. из „Statist" от 7/I 1928 г., цифра 1926 г. взята предположительно.

капитала из Англии в Индию упал до минимума, так как англичане пришли к заключению, что выросшая во время войны новая промышленность Индии не в состоянии выдержать конкуренцию на мировом рынке.

Почти весь морской транспорт Индии производится на английских кораблях, страхуется у английских страховых обществ и т. д. Цифра получаемой здесь прибыли трудно поддается оценке; мы берем ее круглым счетом в 10 млн фунт стерлингов.

Таким образом мы получаем общую цифру примерно в 160 млн ф ст.! На самом деле эта сумма, вероятно еще выше. Обладание Индией дает английскому капитализму также материальные выгоды, не поддающиеся оценке в цифрах, например, возможность распоряжаться индийским золотом, употреблять индийские войска в войнах Англии и т. д.

Для проверки приводим цифры вышецитированных индийских авторов Shah и Khambata:

	В милл. рупий
Расходы в Англии	500
Прибыль иностранного капитала в Индии	600
Фрахты иностранных парох. обществ	416
Комиссионные банков	150
Прибыль иностран. купцов в Индии	532
Итого	2.200 [1]

Экономические результаты английского господства в Индии можно свести к следующему:

индустриализация страны и аграризация населения.

Это кажется противоречием, но тем не менее соответствует действительности. Противоречие это разрешается следующим образом: введение машинного производства разоряет старое ремесленное производство с его миллионами рабочих, последние переходят к единственному возможному для них занятию, а именно в сельское хозяйство. Таким образом об'ясняется тот замечательный факт, что все больший процент народонаселения Индии живет сельскохозяйственным трудом, вернее, голодает...

Этот процент составлял в:

1891 г.	1901 г.	1911 г.	1921 г.
61	66	72	73

Сельское хозяйство.

В сельском хозяйстве Индии мы констатируем следующие моменты:

а) Нищета индийского населения проистекает не от недостатка земли сравнительно с цифрой народонаселения. Это явствует из нижеследующих цифр [2]):

	1915/6 г.	1918/9 г.	1924/5 г.
	(В миллионах акров)		
Вся площадь [3])	619	6.5	668
Леса	85	87	87
Негодная для возделывания площадь	144	147	151
Годная, но не возделываемая (не включая земли под паром)	114	114	153
Участки под паром	52	73	47
Возделанная площадь	222	201	227
В том числе орошаемая площадь	47	47	45

[1]) 2200 млн. рупий = 146,5 млн. ф. ст. (одна рупия равняется 1 шилл. 4 пенсам.)
[2]) „Statist. Abstract for British India", 915/16—1924/25, стр. 310.
[3]) Увеличение об'ясняется присоединением „независимых" прежде территорий.

Как мы видим, в 1924—25 г. возделывалось 227 млн. акров, а не возделывалось и находилось под паром 200 млн. Так как в самом сельском хозяйстве имеется громадная резервная армия рабочих, то ясно, что возделыванию этих земель препятствует монополия на землю. Сильное сокращение возделанной площади в 1918—1919 г., очевидно, явилось результатом царившего тогда голода и эпидемии инфлуэнцы.

б) Классовое расслоение сельского хозяйства в Индии (исключая скотоводство, лесное хозяйство и т. д.) представляет следующую картину [1]):

	Число самодеятельных	Число самод. с их семьями
	В миллионах	
Получатели земельной ренты	3,7	10
Крестьяне	74,7	173,1
Поденщики и батраки	21,7	37,9

Все эти категории делятся в классовом отношении на различные слои. Большинство получателей ренты — мелкий люд, имеющий очень незначительный доход. Зато небольшое число крупных феодальных землевладельцев получает громадные доходы. Так, например, «The Mysor Patriot» [2]) пишет:

«Из всего государственного дохода примерно в 338 тыс. фунт. частный доход его высочества магараджи Альвара составляет 203 тыс. фунт. На автомобили расходуется 38 тыс. фунт., на содержание гаража 28 т. фунт. На школы государство тратит мизерную сумму 7.500 фунт. Кухня его высочества обходится приблизительно в 11.250 фунт. Вся сумма, предусмотренная в бюджете для лесного отдела, расходуется на охотничьи экспедиции, устраиваемые магараджей для себя и своих гостей. В последнем году на прием гостей истрачено было свыше 52 тыс. фунт. Среди гостей много европейцев, приезжающих сюда, чтобы воспользоваться гостеприимством его высочества».

В сельском хозяйстве Индии происходит интесивный процесс дифференциации: быстрое увеличение деревенского пролетариата в собственном смысле слова, расщепление землевладения, рост числа безработных получателей ренты.

Численность сельскохозяйственного пролетариата (включая членов семьи) составляла (в миллионах) [3]):

1891 г.	1901 г.	1911 г.	1921 г.
18,7	33,5	41,2	37,9

Сокращение, происшедшее между 1911 и 1921 гг., отчасти об'ясняется эпидемией инфлуэнцы в 1918 г., которая, естественно, свирепствовала среди этого беднейшего класса населения, а отчасти методами подсчета: число «неспециализованных» рабочих поднялось за этот период на 12,5% [4]):

Общая статистика дифференциации сельского населения нам неизвестна. Для провинции Мадрас имеются следующие цифры [5]):

	На каждую тысячу человек с.-х. населения		
	1901 г.	1911 г.	1921 г.
Неработающие землевладельцы	19	23	49
Неработающие арендаторы	1	4	28
Работающие собственники	484	426	381
Работающие арендаторы	151	207	225
Рабочие и батраки	345	340	317

[1]) „Statist. Abstract" 1924/25 г., стр. 38.
[2]) Цит. в „Literary Digest", 3/XII 1927.
[3]) Pillai, стр. 113.
[4]) „Census of India", I, стр. 246.
[5]) Pillai, стр. 114.

Как мы видим, с одной стороны, увеличилось число получателей ренты, с другой стороны, увеличилось число арендаторов, при чем положение мелких арендаторов лишь немногим разнится от положения рабочих.

Так, например, в провинции Бомбей 48% всех хозяйств имеют меньше 5 акров земли, эта категория в общем обладает не более 2,4% всей площади [1]). Это—карликовые хозяйства, число их вследствие растущей расщепленности, повидимому, еще увеличивается. Положение крестьянства в высшей степени плачевно. Обстоятельное правительственное обследование типичной деревни в Восточной Бенгалии в 1917 и 1926 гг. дало следующие результаты [2]): население деревни делится на три группы: 1) на имеющих возможность жить со своей земли; 2) на дополняющих свой доход на достаточную высоту путем работы по найму; 3) на живущих с дефицитом.

Внутри этих групп население распределяется следующим образом:

	1917 год			1926 год		
	I	II	III	I	II	III
Число семейств	10	12	125	7	16	107
Число душ	43	25	664	44	55	556
Излишек или недостаток на семью	+232	+18	−137	+99	+170	−128

Итак 5/6 всего числа крестьян зарабатывают менее, чем потребляют.

в) *На ряду с новейшим плантационным хозяйством в сельском хозяйстве Индии сохранились сильные остатки феодализма* (см. цитаты в конце статьи).

Фабричная промышленность вытесняет рабочих в сельское хозяйство, и не удивительно, что положение сельскохозяйственных рабочих во время хорошей военной и послевоенной кон'юнктуры сельского хозяйства еще более ухудшилось. Приводим ставки заработной платы сельскохозяйственных рабочих в Бомбейской провинции [3]).

Индекс заработной платы в 1922 году
(Ставки 1914 года взяты за 100)

Полевые рабочие		Рядовые рабочие		Обученные рабочие	
в городе	в деревне	в городе	в деревне	в городе	в деревне
105	94	112	91	109	102

г) *Сборы урожая не растут.*

Индийское сельское хозяйство не прогрессирует в смысле увеличения общих цифр сбора урожая. Правда, официальная статистика показывает значительное увеличение, но она имеет большие из'яны. Например, по этой статистике средние годовые сборы риса в 1900—1913 гг. составляли 23,7 млн. тонн, а в 1914—1922 гг. поднялись до 31 млн.; однако, весьма тщательные исследования К. И. Хамбата [4]) показали, что в этой статистике не учтены сборы с целых территорий за прежние годы. Для правильного сравнения надо брать следующие цифры урожая [5]):

	1900—13 гг.	1914—22 гг.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
	В миллионах тонн				
Рис	32,5	33,3	35,7	30,2	33,0
Пшеница	8,4	9,3	9,9	9,8	9,0
Прочие злаки	21,8	23,1	—	—	22,3
	62,7	65,7	—	—	64,3

[1]) „Evidence of the Royal Commission of Agriculture", том II, часть 1, стр. 26.
[2]) Там же, стр. 16.
[3]) Pillai, стр. 110. Источник: „Report of an Inquiry into Agricultural Wages in the Bombay Presidency".
[4]) Цит. соч., стр. 88.
[5]) Три последние цифры вычислены нами: к официальным данным мы прибавили увеличение сборов за последние годы, вычисленное Хамбата.

Как видно из этих цифр, сельское хозяйство Индии находится в состоянии абсолютного застоя, производство пищевых средств не прогрессирует. Так как тем временем народонаселение увеличилось (вывоз риса, пшеницы и муки движется примерно в тех же сравнительно узких границах), то из этого следует, что *средняя норма питания индийского народа в настоящее время еще хуже, чем 20 лет назад.*

Несмотря на затрату большого количества труда, почва Индии дает небольшие урожаи, как видно из следующих цифр урожайности на гектар [1]):

	Пшеница		Рис	
	1925 г.	1926 г.	1925 г.	1926 г.
	(в двойных центнерах)			
Британская Индия	6,9	7,2	14,4	9,4
Япония	17,3	16,7	34,5	32,3
Аргентина	6,7	7,7	—	—
Германия	20,7	16,2	—	—

Урожайность пшеницы в Индии приблизительно вдвое ниже, чем в Японии, втрое ниже, чем в Германии, и равна урожайности в Аргентине. Тогда как в Индии на 1 кв. килом. приходится 68 жителей (и возделывается только треть всей площади), в Аргентине на один кв. километр приходится 3,36 жителя. Тогда как в Индии один сельскохозяйственный работник приходится на 2,7 акра возделанной земли, в Германии при вдвое больших сборах урожая с гектара (складываем здесь пшеницу и рис) одна рабочая сила приходится на 5,4 акра. Итак, *весьма низкие сборы при очень густом населении и колоссальной затрате труда на гектар земли*—вот основная черта сельского хозяйства в Индии и источник нищеты ее крестьянского населения.

На этой почве развиваются здесь все те виды эксплоатации, которые известны из истории других стран, но в еще бо́льшей степени: ростовщическая земельная рента, отнимающая у земледельца до половины его урожая; ростовщические проценты, доходящие до 20% и выше, при чем половина крестьянства сильно задолжена; ростовщические товарные операции, когда деревенский ростовщик отбирает у крестьян их продукты далеко ниже их рыночной цены [2]). Рента, проценты, ростовщичество на товарах, налоги отнимают у крестьян 80% их урожая. Материальное положение индийского крестьянина походит на положение французских крестьян накануне Великой французской революции, описанное Тэном в его «Старом режиме».

Таковы плоды английского господства в Индии: половина территории остается невозделанной, сборы урожая низки и по отношению к цифре населения падают, крестьяне и сельскохозяйственные рабочие находятся в состоянии ужаснейшей нищеты, только феодальные помещики и английские плантаторы обогащаются на их несчастьях.

Индустриализация Индии.

«В XIX столетии Индия была главным рынком сбыта для английских фабрикатов. В XX столетии Индия быстро индустриализируется под контролем английского капитала; этот капитал с помощью громадной и безответственной бюрократической машины и полурабского положения рабочих находит здесь более выгодные возможности приложения, чем у себя дома» [3]). «Индустриализация Индии под английским контролем—в настоящее

[1]) „Stat. Jahrbuch des Deutschen Reiches", 1927, стр. 28 и 32.
[2]) Pillai, стр. 125
[3]) R. Palme Dutt. „Modern India", стр. 9.

время Индия официально признана одной из восьми ведущих промышленных стран мира [1])—означает, что по мере ухудшения положения в Англии английский капитал пользуется своей властью над дешевой рабочей силой в Индии и основывает здесь предприятия, которые должны своей конкуренцией снизить заработную плату в Англии» [2]).

В главном этот взгляд разделяется всеми нашими товарищами, работающими на тему об Индии: Роем, Ратбоном, Лугани [3]). В нижеследующем мы делаем попытку проверить этот взгляд на основании важнейших фактов.

а) Темп индустриализации Индии.

Найти масштаб для суждения о ходе индустриализации такой страны, как Индия,—нелегкая задача. Здесь происходит следующий процесс: развивается новейшая фабричная промышленность и гибнут все еще весьма значительные остатки туземного ремесленного производства.

Важным показателем темпа индустриализации является распределение населения между городом и деревней. Процент городского населения в Индии составлял [4]):

1891 г.	1901 г.	1911 г.	1921 г.
9,5	9,9	9,5	10,2

Итак, здесь нет и речи о сильной тяге населения в города, которая обычно неразрывно связана с процессом индустриализации страны!

Другим общим показателем являются цифры потребления угля:

	Добыча угля	Ввоз угля	Вывоз угля	Потребление угля в стране
	(в тысячах тонн)			
1903—1913 (среднее)	13 509	434	795	13 148
1913	16 [illegible]08	654	881	15 971
1919	22 628	68	144	22 552
1926	19.968	483	229	20 221

За 15 лет потребление угля увеличилось в Индии круглым счетом на 50%.

Индийская статистика занятий населения—впрочем, сам индийский Census (перепись) называет ее крайне ненадежной—указывает, что за время от 1911 г. до 1921 г. число людей, живущих за счет промышленности, уменьшилось [5]).

Увеличение или уменьшение в различных областях народного хозяйства составляло:

Сельск. хозяйство.	Горное дело.	Промышленн.	Транспорт.	Торговля.
+ 1,8	+ 2,3	— 6,0	— 13,8	+ 2,0

Эти данные свидетельствуют, что в области промышленности произошло в общем уменьшение. Однако они не дают правильной картины, так как

[1]) В 1922 г. лорд Чельмсфорд от имени индийского правительства внес в Лигу Наций предложение зачислить Индию в число восьми ведущих промышленных государств мира, так как в ней насчитывается 20 миллионов промышленных рабочих. Предложение было принято, и соответственно этому увеличилось влияние английского капитала в Международном Бюро Труда, что и было целью всего этого маневра.

[2]) R. Palme-Dutt. „Modern India“, стр. 11.

[3]) Исключением является тов. Мукерджи, считающий, что за последние годы, когда в Англии у власти находятся консерваторы, английская политика снова вернулась в свое старое русло, враждебное индустриализации Индии. Работа тов. Мукерджи еще не опубликована.

[4]) „Census of India“. 1921, стр. 65.

[5]) „Census“, стр. 241. К сожалению, мы не нашли таблицы движения промышленного населения.

в промышленности происходит противоречивый процесс: с одной стороны, сокращаются кустарная промышленность и ремесло, с другой стороны, развивается современная крупная промышленность. Прогресс крупной промышленности характеризуется следующими цифрами [1]):

Рабсила в промышл. предприятиях с числом рабочих выше 20 (1911 – 21 гг.).
(в тысячах)

	Все пром. предпр.	Плантац.	Горнопр.	Текст.	Метал.	Химич.
Все занятые лица:						
1921 г.	2608	818	260	760	165	102
1911 г.	2106	810	224	558	71	49
Квалифиц. рабочие:						
1921 г.	701	16	67	329	74	24
1911 г.	555	18	72	251	34	12
Неквалифиц. рабочие:						
1921 г.	1794	788	184	403	80	69
1911 г.	1481	780	146	287	32	34

В смысле темпа прогресс весьма значителен: за десять лет число рабочих увеличилось на 25%, в текстильной промышленности — на 35%, в металлопромышленности — на 130%, в химической промышленности — на 100% [2]).

Но если сравнивать абсолютные цифры, если сравнивать положение в Индии с развитием промышленности в других заокеанских странах во время мировой войны, когда в Индии английская буржуазия искусственно насаждала индустриализацию, то прогресс оказывается на самом деле небольшим. Увеличение числа рабочих на 500.000 (ежегодно на 50.000), в том числе примерно 150.000 квалифицированных рабочих — это воистину маловато для страны с населением в 320 миллионов.

б) Степень индустриализации.

Несмотря на быстрый рост в процентах, достигнутая в Индии степень индустриализации (судя по числу рабочих) весьма низка. В 1921 г. 70,9% населения принадлежали к сельскому хозяйству, 10,7% к промышленности. Сравним с этим процент занятых в промышленности в других странах: он составлял в России в 1897 г. 17,4%, в Италии в 1910 г.—27,5%, даже в Испании, самой отсталой стране Европы в промышленном отношении, он составлял в 1910 г.—14,6%! Мы видим, что степень индустриализации, достигнутая в Индии, очень не высока.

Еще ярче сказывается это, если обратиться к рассмотрению цифр крупной промышленности. Число рабочих в собственно промышленных производствах было установлено в Индии в 1921 г. [3]). Перепись охватила все

[1]) „Census“ I, стр. 293,

[2]) Нижеследующая таблица свидетельствует о том же процессе:

Число рабочих в крупной промышленности (в тысяч)
(предприятия, подлежащие фабричному закону).

	Число заведений.	Рабочие.	Работницы.	Дети.	Итого.
1909 г.	2,2	619,0	114,5	52,4	705,9
1914 г.	2,9	746,8	144,2	60,0	951,0
1919 г.	3,5	927,6	177,4	66,5	1.171,5
1924 г.	6,4	1.147,7	235,3	72,5	1.455,5

[3]) Под промышленным производством понимается здесь всякое производство, в котором работают за плату десять или больше рабочих „над производством, починкой, орнаментировкой или всякого рода другой отделкой какого-либо товара или части товара“. Сюда не включены хозяйства, в которых в совместных интересах работают члены одной семьи и число наемных рабочих не достигает десяти, „Census“, стр 238.

производства, имеющие не менее 10 рабочих, в том числе также производства без механических двигателей. Итак, здесь понятие крупной промышленности взято шире, чем это обычно делается при промысловых переписях в Европе [1]). Приводим цифры этой индийской статистики:

Число предпр.	Число всех занят. лиц	Из них: Квалиф. раб.	Неквалифиц. раб. Взрослые	Дети
	в тысячах			
15,606	2681	724	1604	217

Итак, в Индии в 1921 г. было только около 2,5 миллионов промышленных рабочих. При этом не менее 821.000 из них были рабочие на плантациях («Growing of special products»). Если вычесть этих последних, как непромышленных рабочих, то остается только 1,7 миллиона рабочих в крупной промышленности при общей цифре народонаселения в 320 миллионов! Из всех предприятий «крупной» промышленности в Индии только 51% пользуются механическими двигателями [2]). Как видим, причисление Индии к восьми главнейшим промышленным странам мира является пусканием пыли в глаза. Спрашивается: будет ли процесс индустриализации Индии происходить и далее в том же темпе, что во время военной кон'юнктуры, или нет? Мы сомневаемся в этом.

в) Характер промышленности в Индии.

Вся промышленность Индии носит примитивный характер производства средств потребления. В этом отношении характерны следующие данные переписи 1921 г. [3]):

Число рабочих (в миллионах).

Во всей промышл.	В металлообраб. промышлен.	В строит. пром.	В текст. пром.	В керам. пром.	В конфекционной пром.
15,7	0,73	0,81	4,03	1,08	3,40

Из этих цифр видно, как незначительны в Индии именно металлообрабатывающая промышленность и строительная промышленность, столь характерные для новейшего капитализма отрасли, без которых не может обойтись современное накопление капитала. Эти отрасли составляют вместе взятые только 10% всей промышленности Индии. Около половины всех рабочих работает в производстве одежды и в текстильной промышленности. Число рабочих керамической промышленности (изготовление сосудов для домашней утвари) превышает число рабочих в строительной и металлопромышленности [4]).

Приведенная выше таблица индийской крупной промышленности показывает, что последняя—как, впрочем, во всех странах на первых стадиях их индустриализации—является индустрией средств потребления, «легкой» промышленностью. 165.000 рабочих-металлистов в крупных производствах—

---

[1]) „Census", стр. 292.
[2]) Там же, стр. 268.
[3]) „Statistical Abstract of British India 1915—1924/25", стр. 38.
[4]) Перепись 1921 г. резюмирует положение следующим образом: „Промышленность кормит 10 проц. всего населения, но главная масса занята в неорганизованных индустриях, производящих предметы домашней утвари и предметы индивидуального потребления. В организованной промышленности работает только один процент населения".

ничтожная цифра для такой громадной страны, как Индия [1]). В сущности в Индии существует только одно предприятие новейшего типа: металлургический завод в Тата. Попытки создать производство паровозов и машин имели весьма слабый успех; некоторые из новосозданных фабрик и заводов вынуждены были закрыться, так как железные дороги снова стали отдавать свои заказы английским заводам; их акции совершенно обесценены. Мукерджи приводит об этом многочисленные цитаты из органа индийской национальной буржуазии «Капитал».

Единственная индийская отрасль промышленности, действительно сильно развившаяся, это—текстильная промышленность (хлопчатобумажная и джутовая). Приводим сводку развития хлопчатобумажной промышленности Индии, составленную Ратбоном в его работе Industrial India, на основании данных Tariff Board Report 1927:

Год	Число работающих фабрик	Число веретен (в 1000)	Число ткацких станков (в 1000)	Продукция: пряжи (в млн. фун.)	Продукция: ткани (в млн. фун.)	Экспорт пряжи	Экс. в % продукции	Экспорт тканей в млн. ярдов
1899	167	4550	38	514	102	244	47,4	112
1908	218	566[illegible]	66	658	192	242	36,8	113
1913	236	6320	92	683	274	207	30,3	130
1918	249	6563	116	615	349	73	11,7	187
1921	245	6846	124	693	403	88	12,6	187
1924	274	7861	146	719	459	46	6,3	230

(В последних четырех столбцах данные относятся к индийскому хозяйственному году, кончающемуся 31 марта следующего года).

Прогресс во всех отношениях весьма значительный. Однако, он нисколько не выше тех успехов, которые сделали за это время два других больших государства Азии: Япония и Китай. Приводим для сравнения следующие цифры [2]):

	Число веретен (в тысячах) 1913 г.	1924 г.	1926 г.
Индия	6084	7928	8510
Япония	2300	4825	5573
Китай	1600 [3])	3300	3436

Итак перед нами не нечто характеризующее только развитие Индии, а общая тенденция перемещения текстильной промышленности к центрам потребления [4]).

---

[1]) Тяжелая индустрия развивается в очень быстром темпе, как видно из нижеследующих цифр:

	Производство чугуна.	Производство стали.
	В тысячах	тонн.
1913 г.	207	32
1920	316	159
1924	891	340
1925	894	456
1926	927	457

Однако, абсолютные цифры весьма низки, соответствуют примерно условиям Восточной Верхней Силезии или приблизительно равны четверти производства Люксембурга. См. Statistisches Jahrbuch für das deutsche Reich. Internationale Uebersichten.

[2]) Materialien zur Weltwirtschaftskonferenz C. E. I. 9. (Хлопчатобумажная промышленность). Цифры 1913 г. дают незначительное уклонение.

[3]) Для 1920 г.

[4]) То обстоятельство, что эта тенденция прежде всего проявляется в текстильной промышленности, легко об'яснимо. Машины для прядильных и ткацких фабрик можно получить из-за границы; для основания конкурирующего предприятия здесь требуется гораздо меньше капитала, чем в тяжелой индустрии или в химической промышленности; оборотный капитал имеет здесь короткие периоды оборота; рабсила может поставляться женским и детским трудом; кустарная промышленность может доставить рабочих с некоторой подготовкой; сырье находится там же, где рынок сбыта (в Индии) и т. д.

Мы можем подвести следующий итог. Развитие крупной промышленности в Индии происходило в последние десятилетия в быстром темпе, но не быстрее, чем в Японии или Китае. Оно происходило за счет старого туземного ремесла или кустарной промышленности, которые до сих пор продолжают оказывать сильное сопротивление [1]). Большие достижения констатируются только в хлопчатобумажной промышленности [2]); что касается металлопромышленности и химической промышленности, то они быстро развиваются, но до сих пор достигли пока только совсем невысокой степени развития. Индустриализация нисколько не изменила до сих пор основного характера Индии, как аграрной страны.

Экономическая политика английской буржуазии в Индии.

Если правилен наш взгляд, что индустриализация Индии по своему характеру и темпу не разнится существенно от индустриализации других заокеанских стран в XX столетии, то отсюда следует, что экономическая политика Англии не сыграла здесь решающей положительной роли [3]). В экономической политике английского капитала

[1]) Даже в текстильной промышленности продолжает существовать еще ручное ткачество (при величайшей нищете ткачей), а именно на двух противоположных полюсах с одной стороны, для тонких художественных тканей, которые трудно производить фабричным путем, с другой стороны - для дешевых тканей из хлопка плохого качества, недостаточно крепкого для механической обработки. Длинный рабочий день, помощь членосемейства, низкий уровень жизни ручных ткачей и т. д.—все это обусловило, что в 1905 гв стоимость ткацкой работы на ручных станках составляла 21, а на фабриках 14—17 пи (мелкая индийская монета). Пиллай, стр. 144—145.

[2]) Хлопчатобумажная промышленность в Индии удовлетворяет 60—70% туземного спроса, который, как явствует из нижеприводимой таблицы, уменьшается.

Производство хлопчатобумажных тканей в Индии и внешняя торговля ими.

(„Manchester Guardian Commercial" от 14 июля 1927 г.) (год кончается 31 марта).

	1913/14 г.	1926/27 г.
	(в миллионах	ярдов).
Производство в Индии	1.164,3	2.258,7
Ввоз	3.197,1	1.787,9
Итого	4.361,4	4.046,6
Экспорт		
из Индии	89,2	197,4
реэкспорт	61,1	29,1
Итого	150,3	226,5
Потребление в Индии	4.210,1	3.820,1
К этому продукция ручного ткачества (предположительная оценка)	1.130,0	1.343,4
Итого	5.340,1	5.163,5

[3]) Текстильная промышленность развивалась в Индии, как и во всех других странах, в значительной мере с помощью туземных капиталов.

Приблиз. цифры участия английского и индийского капитала в текстильной промышленности Индии.

(Вычислены Ратбоном на основе данных Tariff Board Report on the Textile Industry, Appendix, p. 258 t. I).

	Число фабрик.	Число веретен.	Число ткацких станков.	Капитал в рупиях.
9 обществ с англ. директорами (managing agents)	27	1.112.114	22.121	98.885.415
32 общества с индийскими директорами (managing agents)	56	2.360.528	51.580	97.704.595

в Индии в XX столетии мы можем явственно отличать два периода, а события последних лет, быть может, означают новое направление этой политики.

Первый период характеризуется стремлением английского капитала воспрепятствовать индустриализации Индии, сохранить эту страну, как своего рода монопольный рынок сбыта для английской промышленности. Для этой цели прибегали к всевозможным средствам: высоким пошлинам на машины, внутренним сборам с текстильных товаров и т. п. Этот период продолжался до первого года мировой войны и не завершился вполне успешно. Приведенные выше таблицы показывают, что индустриализация Индии происходила еще до начала мировой войны; в особенности это относится к хлопчатобумажной промышленности Индии, которая уже в 1913 г. насчитывала 6,3 млн. веретен. Впрочем, металлургический завод Тата тоже основан был еще до войны.

Начало второго периода мы можем считать с 1916 года. В этом году английское правительство разрешило ввести в Индии покровительственную пошлину на хлопчатобумажные товары в размере 3,5%. Обстоятельства, приведшие к такому изменению политики английской буржуазии, заключались в следующем:

а) В области внутренней политики. Война заставила Англию забрать свои войска из Индии, поэтому англичане уже не могли опираться в Индии исключительно на небольшой слой помещиков. Национально-революционное движение уже в 1905 г. пыталось выступить с общим бойкотом британских товаров, а в начале мировой войны оно проявилось в бунтах индийских полков и вооруженных восстаниях. Чтобы противодействовать этому движению, английская буржуазия должна была отколоть индийскую буржуазию от масс: с этой целью она отчасти удовлетворила классовые интересы индийской национальной буржуазии, отчасти сделала ей обещания на будущее.

б) В военном отношении. Вследствие недостатка тоннажа невозможно было снабжать азиатский театр войны военными материалами из Англии. Поэтому для английской буржуазии являлось целесообразным развивать промышленное производство в самой Индии (металлопромышленность, химическую промышленность) [1]).

в) В экономическом отношении. Вследствие недостатка товаров и тоннажа Англия и без того не могла снабжать индийский рынок товарами. Япония наводнила его своими товарами. Для английской буржуазии было меньшим злом содействовать индустриализации Индии, нежели предоставить этот рынок японской конкуренции.

г) В области внешней политики. Война велась во имя «свободы народов», «принципов гуманности» и т. д. Английской буржуазии было на руку сделать уступки «индийскому народу», сиречь индийской буржуазии, и торжественно протрубить об этом на весь мир. Внешнее свое проявление эта тенденция получила в билле Чельмсфорда, в обещании перевести Индию на положение доминиона; в оборот пущен был лозунг «деколонизации Индии».

В духе этой политики промышленность Индии получила покровительственные пошлины. Они составляли в среднем:

В 1914 г.	В конце войны	В 1921 г.	В 1922 г.
5%	7,5%	11%	15%

В настоящее время Индия имеет пошлины на все промышленные товары за исключением земледельческих машин. Высота пошлин варьирует:

[1]) Лорд Чельмсфорд указывал на большую пользу, которую завод в Тата принес англичанам в их военных действиях в Египте, Палестине и Вост. Африке.

на машины взимается пошлина в 2,5%, на железо и сталь—в 10%, на пряжи, бумагу и т. п.—15%, на автомобили, шелковые ткани—30%, на уголь [1], жесть, полуфабрикаты из железа и стали [2])—25% и т. д. На некоторые виды сырья: джут, кожи, рис (в неочищенном виде), чай существуют вывозные пошлины. Хотя пошлины не столь высоки, как в Соед. Штатах, они все же означали существенную защиту туземной промышленности.

В связи с этой новой политикой многие английские предприятия в Индии уже «индианизировались», т.-е. приняли форму индийских акционерных обществ. Одновременно вложено было в Индии очень много английского капитала: как во время войны, так в особенности в послевоенный период (об этом свидетельствует таблица, приведенная выше). Это был период громадных прибылей для индийской промышленности, период растущего накопления капитала в стране, роста курса рупии (до 10 за 1 ф. ст.); это было время сотрудничества английской и индийской буржуазии почти без всяких трений: обе они обогащались.

В последние годы повидимому, наметился если не перелом, то новый уклон в индийской политике английской буржуазии. Этот новый уклон покоится на следующем экономическом базисе:

а) Положение индийской промышленности ухудшилось: колоссальные прибыли прекратились, вывоз продуктов индийской промышленности на мировой рынок уменьшился, на цены индийских товаров давит конкуренция всех империалистических стран, промышленность которых опирается на монополию в собственной стране, индийской промышленности не могут помочь при этом ее пошлины, многие из новооснованных промышленных предприятий переживают тяжелое критическое положение.

б) Положение английской промышленности тоже ухудшилось. Опыт последних лет показал, что она не в состоянии «автоматически» восстановить свое положение на мировом рынке. Большие основные индустрии Англии: угольная, железная и стальная, хлопчатобумажная, машиностроительная промышленность находятся в течение последних семи лет в состоянии хронического кризиса. Отсюда уклон в сторону ограничения прежней политики содействия индустриализации Индии. Отсюда стремление сосредоточить все силы на реорганизации, рационализации и картелировании собственной промышленности, сделать все возможное для поднятия собственного экспорта. За последние два—три года это стремление выступает с все большей силой.

Какие факты подтверждают эту тенденцию?

1. За последние четыре года в Англии вообще не было выпущено ни одной значительной эмиссии для Индии. Конечно, это можно толковать в том смысле, что собственное накопление капитала в Индии оказывается достаточным для дальнейшего проведения индустриализации; но на самом деле это является результатом ухудшения рентабельности индийских предприятий.

2. Правительство Индии, находящееся всецело в руках англичан, снова отдает правительственные заказы—в особенности железнодорожные—английским заводам. Поэтому акции индийских паровозо- и вагоностроительных заводов и машиностроительных фабрик сильно упали; часть этих предприятий вынуждена была закрыться [3]). Дело в том, что, как во всякой молодой индустрии, государственные заказы играют здесь решающую роль.

[1]) „Manchester Guardian Commercial" от 24/III—1927 г.

[2]) „Statistical Abstract for Brit. India 1914/15, 1925/26 г." приводит весь таможенный тариф (стр. 656—665).

[3]) В индийском журнале „Капитал" можно найти многочисленные жалобы и протесты против этого.

3. Английская буржуазия провела в Индии дефляцию валюты, от которой сильно пострадала индийская промышленность.

Чтобы показать, как английская буржуазия обирала и обирает Индию на почве валюты, понадобилась бы специальная работа. За недостатком места мы вынуждены ограничиться здесь главнейшими моментами.

В довоенное время (начиная с 1893 г.) индийская валюта была «несвободной» серебряной валютой с хождением серебра и банкнотной циркуляцией. Валюта эта поддерживалась в определенном, официально зафиксированном ценностном отношении к фунту стерлингов. Несвободной она была в том смысле, что право свободной чеканки рупий не существовало; монеты - рупии имели гораздо более высокий курс, чем соответствовало их содержанию серебра. Паритет с фунтом был произвольно установлен в следующей пропорции: 15 рупий равняются 1 фунту ст. или обратно: 1 шиллинг 4 пенса равняются 1 рупии. Для поддержания этого паритета Индия держала запас золота в Англии. Когда курс рупий грозил упасть ниже установленного паритета, индийское правительство закупало в Лондоне за золото векселя в фунтах; в обратном случае оно предлагало в Лондоне векселя в рупиях [1]) (так называемые «council-bills», с оплатой в Индии в рупиях).

Английская буржуазия извлекала из этой системы следующие выгоды:

а) Английская валюта (фунт стерлингов) оказывалась действительной также в Индии.

б) Английская буржуазия распоряжалась золотым запасом Индии, последний служил опорой для английской валюты. Именно по этой причине различные английские комиссии всегда отклоняли введение в Индии действительной золотой валюты с золотом во внутреннем обращении.

Паритет между рупией и фунтом сохранялся в период 1898—1917 гг. за исключением критического 1908 г., когда английский капитал допустил падение рупии ниже паритета. Но во время мировой войны цена серебра на мировом рынке так поднялась, что стоимость рупии в серебре значительно превысила ее номинальную стоимость в 1 шиллинг 4 пенса. Поворот наступил в начале 1917 г. В конце декабря 1919 г. курс рупии поднялся до 2 шилл. 4 пенсов [2]).

Английский денежный капитал, заполучивший индийское золото в Англию, когда ему необходимо было это для поддержания паритета, теперь со своей стороны не принес никакой жертвы, чтобы держать курс фунта на паритете с рупией. 2 февраля 1920 г. было просто декретировано, что отныне рупия равняется 2 шилл., или 1 фунт ст. равняется 10 рупиям. Это значило, что Англия, изменив прежний паритет, исключала по отношению к Индии обесценение фунта в золоте. Другими словами, английские владельцы твердопроцентных индийских займов в рупиях получали отныне проценты на ⅓ высшие, чем прежде, а индийские купцы, заключавшие сделки в фунтах стерлингов, получали на ⅓ меньше рупий, чем фактически должны были получить.

Затем наступил мировой хозяйственный кризис 1920 г. Вместе с резким падением цены серебра (в феврале 1920 г. унция серебра стоила 89,5 пенса, а в феврале 1921 г. только 32 пенса) снова наступил полный развал индийской валюты. Индийское правительство выплатило Англии 55 млн. фунтов на попытку поддержать паритет рупии (1 рупия=2 шилл.), но безуспешно; старый паритет не поддерживали далее [3]), цены падали, возникло очень большое расхождение в ценах импортных и экспортных товаров, а именно в пользу английского капитала, который вывозит в Индию промышленные товары

[1]) См. G. F. Shirras. „Indian Finance and Banking", London, 1920; B. R. Ambedkar. „The Problem of the rupee". London. 1923; „Report of the Royal Commission on Indian Currency and Finance", т. I—VI, 1926, Big Narain, „Indian Economic. Problems", II.

[2]) Ambedkar, стр. 193.

[3]) „Monthly Bulletin of the National City Bank", New-York. 1926, September.

по высоким ценам и дешево закупает в Индии сырье. В этот период английский капитал устремляется в Индию, чтобы использовать эту выгодную ситуацию.

В 1923 г. курс рупии упал до 1 шилл. 4 пенс. и долгое время оставался на этом уровне. В 1925 г. была назначена новая комиссия с большинством из англичан для обследования проблемы индийской валюты. Комиссия предложила следующие меры [1]:

Учреждение центрального эмиссионного банка с исключительным правом выпуска банкнот и с обязательством покупать и продавать золото по установленной цене. Паритет устанавливается в 1 шилл. 6 пенсов. Все золото, в том числе также то, которое до сих пор держали в Лондоне, концентрируется в новом банке; последний должен иметь золотой запас, покрывающий до 50% банкнотной циркуляции.

Предложения комиссии были плохо встречены как в Англии, так в Индии. В Англии (как и во всем капиталистическом мире) опасались, что осуществление этого проекта повлечет за собой еще больший поток золота в Индию [2]) и подвергнет опасности европейские займы. Соед. Штаты опасались, что в случае перехода Индии к золотой валюте произойдет сильное падение цены серебра. Индийская буржуазия в первую голову протестовала против нового фиксирования курса рупии на уровне 1 шилл. 6 пенс.; она опасалась нового падения цен и плохой кон'юнктуры и требовала возвращения к прежнему паритету в 1 шилл. 4 пенса, затем введения действительной золотой валюты [3]) с свободной чеканкой золота и обменом банкнот на золото.

Требования индийской буржуазии потерпели полное фиаско. Курс рупии был зафиксирован в 1 шиллинг 6 пенсов, золотая валюта не была введена. Интересы индийского промышленного капитала были принесены в жертву интересам английского денежного капитала.

в) Вопрос о центральном банке еще не разрешен. Английская буржуазия желает учреждения частного центрального банка, который находился бы всецело в ее распоряжении. Индийская буржуазия, индийский «парламент» требовали учреждения государственного банка, в котором английская буржуазия не могла бы хозяйничать столь непринужденно, они требовали, чтобы директор или вицедиректор банка был индусом и т. д. Индийские феодалы и в этом вопросе шли заодно с английской буржуазией [4]). Укажем на редкое исключение: англичанин—министр финансов в индийском правительстве—сэр Блекетт стал в этом вопросе на сторону индийской буржуазии; а раз не было расхождения между индийским правительством и парламентом, то по закону лондонское правительство не имело права вмешиваться. Но английская буржуазия настояла на своих интересах: сэр Блекетт должен был выйти в отставку, вопрос о банке был отложен.

Это и другие факты экономической политики Англии показывают, что английская буржуазия далеко не преследует теперь прямолинейной политики содействия индустриализации Индии, как это было во время мировой войны

[1]) Report, т. I, стр. 221.

[2]) В 1925 г. частные отправки золота в Индию составили 200 млн. долл., т.-е. половину мировой годовой добычи золота (National City Bank).

[3]) См. письмо „Союза промышленников в Бомбее" (Millowner Assocation) к комиссии. В этом письме доказывалось, что курс рупии не следует фиксировать выше 1 шилл. 4 пенсов, так как нынешний курс выше, чем соответствует курсу доллара, „разве что правительство сможет доказать, что валюта Соед. Штатов обесценена". В письме говорилось, что фиксирование паритета в 1 шилл. 6 пенсов причинит большой вред сельскому хозяйству и текстильной промышленности. Аналогично высказались торговые палаты в Бенгалии и др.

[4]) „Frankfurter Zeitung", 15/XII—1927.

Упорная борьба за рынки сбыта, стремление к реорганизации английской промышленности, заставляют английскую буржуазию выступать против индустриализации Индии. Английское правительство и его индийская политика находятся попеременно под влиянием то денежного, то промышленного капитала, отсюда колебания этой политики. Возможен даже полный поворот в сторону старой политики, если после проведения реорганизации и рационализации английской промышленности окажется необходимым в еще большей мере прибрать к рукам индийский рынок сбыта.

Благодаря новой политике английской буржуазии отношения индийской буржуазии к английской в последнее время опять ухудшились. Бойкот конституционной комиссии, резкие решения, принятые в этом году национальным конгрессом,—все это является политическим выражением этого недовольства.

Результаты английского владычества для трудящихся в Индии.

Результатом господства английской буржуазии в Индии является самая страшная нищета, самое ужасное положение индийского народа. Приведем некоторые факты:

1. Народонаселение Индии увеличивается очень слабо, так как в каждом десятилетии 10 миллионов человек умирают от «лихорадки», т.-е. от голода. Опий и спиртные напитки—важные источники доходов правительства—тоже способствуют этому.

2. За последнее десятилетие в Индии ежегодно умирало 30 человек на 1.000, это—самая высокая смертность во всем мире. В Англии в 1926 г. умерло только 11,6 на 1.000 [1]).

3. В последние десять лет из тысячи новорожденных в Индии умирали до достижения возраста одного года 25, в Англии же только 7 (эти цифры мы берем из официальных статистических ежегодников). О смертности детей городского пролетариата говорят следующие цифры:

Из 1000 новорожденных умирало на первом году жизни [2]):

в Бомбее	556
в Калькутте	386
в Рангуне	303

4. Дети идут вместо школы на работу. Из 85 миллионов детей в возрасте от 6 до 15 лет только 9 миллионов посещали школу. В 1921 г. из 320 миллионов жителей только 18,6 миллионов были грамотны (умели читать и писать), из 155 миллионов женщин — только 2,8 миллиона, т.-е. полтора процента. Эксплоатация детского труда на фабриках возмутительна; мы читаем в прикрашенном официальном отчете [3]):

«В 1925 г. снова издан был декрет против работы детей в один и тот же день на двух фабриках; это запрещено законом, но трудно искоренить».

5. После двух столетий английской культуры в Индии все еще существуют остатки рабства.

[1]) В издаваемом английским правительством индийском ежегоднике под громким заглавием «Описание морального и материального прогресса Индии» мы читаем о 1925—26 г. (стр. 186): «Вне больших городов единственными врачами являются врачи в государственных больницах. Малярия — обычное явление в жизни миллионов индусов. Холера — постоянный гость во многих местностях Индии. 10 миллионов человек не знают элементарнейших начал гигиены».

[2]) Census, стр. 132.

[3]) Стр. 118.

«Особой категорией сельскохозяйственных рабочих в Индии являются так называемые хали. Они прикреплены к своим господам (masters) благодаря системе авансовых ссуд наличными; своим трудом они выплачивают проценты, но никогда не оплатят своего долга. *Это рабство носит наследственный характер, простирается, очевидно, на всех членов семьи и может быть ликвидировано только бегством»* [1]).

6. После двух столетий английского господства *феодализм* и крепостничество существуют еще в Индии на широких пространствах. «Перед нами всякого рода аренды инам, подаренды, участия и легион других собственников с различными титулами туземного права. В особенности следует отметить исконную борьбу между имандар и крестьянами: первый утверждает, что он является собственником земли и что он отдает ее в аренду, как свою частную собственность; крестьяне утверждают, что земля принадлежит им и что права имандара ограничиваются получением части урожая вместо правительства» [2]).

7. *Широкая масса крестьянства хронически голодает.* По уплате всех поборов, налогов и процентов она не в состоянии удовлетворить даже свои элементарные потребности, впадает в долги, теряет свою землю и становится арендаторами.

8. *Положение пролетариата соответствует периоду перехода к фабричной промышленности.* «Законный» рабочий день продолжается одиннадцать часов, 60 часов в неделю, в действительности же, по желанию предпринимателя, и больше. Жилищные условия невероятно примитивны. В Бомбее 70% населения живут в квартирах из *одной* комнаты, при чем на комнату приходится в среднем 4,03 человека. Аналогично положение в других промышленных городах. 73% всех детей рабочих родилось в квартирах, состоящих из одной комнаты!

9. *Национальный доход Индии* невероятно низок, как показывают следующие оценки:

	Доход на душу в год (в рупиях)
Дедебхей 1870 г.	20
Е. Беринг и Д. Бенбор 1882 г.	27
Лорд Керзон (комиссия по голоду) 1898 г.	30
Дигби 1898 г.	17
Ф. Ширрас 1911 г.	50
К. Т. Шах 1920 г.	46
К. Т. Шах и К. И. Хамбата 1900—1914 г.	36
1915—1921 г.	58,5
1900—1922 г.	44,5
1914—1922 г. (в довоенных ценах)	38,2

Итак, по самым тщательным подсчетам, доход на душу населения увеличился за период под'ема индийского хозяйства в военные и послевоенные годы только на 9%. А так как на этот период пришлись колоссальные прибыли капиталистов, то доход трудящихся масс остался, примерно, на довоенном уровне.

Из всего национального дохода одна треть приходится на пять процентов населения; 60% населения получают только 30% всего национального дохода [3]). Это означает, что *60% населения получают только половину среднего дохода, т.-е. круглым счетом 19 рупий или 14 рублей на душу в год!* Эта невероятно низкая цифра подтверждается многочисленными данными о заработной плате рабочих и заработках крестьян. В Мадрасе париа-лис зарабатывают 2,5 пенса или 8 копеек на каждого члена семьи, из них 2 пенса уходят на покупку риса, полпенса остается на удовлетворение всех прочих потребностей. (Предисловие к книге Пиллай).

[1]) Census, I, 246.
[2]) Там же, стр. 243.
[3]) Khambata, стр. 307.

10. *Политические итоги:* союз английского капитала с феодальными помещиками и крупной буржуазией, совместное угнетение ими крестьян, ремесленников и рабочих, часть интеллигенции подкуплена и деморализована своим положением на государственной службе, мусульмане и индусы натравливаются друг против друга.

Отношение индийской буржуазии к союзу с английским денежным капиталом не свободно от некоторых колебаний. В этих колебаниях отражаются колебания индийской политики английской буржуазии. Индийская буржуазия протестует, когда английские капиталисты ставят препятствия индустриализации Индии; но эта оппозиция не выходит из рамок британской империи, не посягает на последнюю. Индийская буржуазия борется за улучшение своего положения в рамках империи, это не революционная борьба против английского империализма. Только тогда, когда британская империя будет находиться уже в состоянии открытого распада, индийская буржуазия попытается снова стать во главе национального революционного движения, чтобы сохранить свое классовое господство в независимой Индии. Задача национальной революционной борьбы и в Индии выпадает уже на долю пролетариата. Только победоносная революция рабочих и крестьян может покончить здесь со всеми остатками докапиталистического периода: рабством, крепостничеством, народной нищетой, со всеми ужасами, созданными владычеством английского капитала.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

Дж. Мерфи.

Об изменении тактики английской коммунистической партии.

Целый ряд событий поставил перед нашей партией вопрос о необходимости коренного пересмотра ее политической линии. Президиум Коммунистического Интернационала подверг сомнению правильность резолюции, принятой на с'езде нашей партии по вопросу о ее парламентской и профсоюзной тактике. Как президиуму Коминтерна, так и нам самим приходится иметь дело со специфической аномалией нынешнего нашего положения, а именно: несмотря на постоянный рост влияния нашей партии, замечается упадок нашей организационной мощи. Мы фактически потеряли то значительное количество членов, которое мы завоевали во время стачки горнорабочих. Тираж нашей газеты уменьшился на несколько тысяч. Как в партии, так и в движении меньшинства, а также и в левом крыле, и в особенности в исключенных отделах рабочей партии, господствует чувство уныния. Эти факты, к которым можно легко добавить и другие, вызвали необходимость в пересмотре.

Президиум Коминтерна подверг критике нашу парламентскую тактику и просил нас обсудить вопрос о ее изменении. Но изменение парламентской тактики затрагивает другие важные стороны нашей партийной политики: взаимоотношения с рабочей партией, с левым крылом, с исключенными отделами рабочей партии, с профсоюзами и движением меньшинства. Всякое изменение должно поэтому сопровождаться предварительным изучением изменений, происшедших в экономических и политических условиях, породивших нынешнюю политику, рассмотрением положения классов и партий в их взаимоотношениях и изучением вопроса о том, изменилось ли это положение настолько, чтобы необходимо было требовать изменения политики.

Положение в 1920 г.

Нынешняя политика партии по вопросу о выборах в парламент, о рабочей партии и т. д. была формулирована после II конгресса Коминтерна и после основания партии при следующих условиях.

Английский капитализм приближался к концу периода искусственного под'ема в торговле и промышленности, который был создан для того, чтобы справиться с послевоенным кризисом, вызванным демобилизацией армий, реорганизацией промышленности применительно к условиям мирного времени, под'емом деятельности рабочих масс, находившихся под влиянием русской революции и создавших более могущественные организации, чем они когда-либо имели в своей истории. Коалиционное правительство периода войны, в которое входили представители консервативной, либеральной и рабочей партии, уступило место коалиции консерваторов и либералов с Ллойд-Джорджем во главе.

Профсоюзные лидеры и рабочая партия отказались от коалиции и встали во главе наступательного рабочего движения, которое в течение 1919—1920 гг. добивалось повышения заработной платы и уменьшения рабочего дня. Высшей точкой, достигнутой массовым пролетарским движением, был момент выступления советов действия, когда рабочая партия и трэд-юнионы угрожали всеобщей стачкой с целью предотвращения войны с Советской Россией. В течение этого периода миллионы рабочих пробудились к политической жизни. Трэд-юнионы достигли тогда высшей точки своего развития в смысле числа членов и активности. Рабочая партия быстро росла, но дифференциация между рабочей партией и трэд-юнионами не определилась еще с достаточной ясностью. Коммунистическая партия не была еще об'единенной партией, а представляла собою небольшую, слабо об'единенную группу партий, в которой имелись в значительной пропорции ультра-левые элементы, высказывавшиеся против участия в парламенте и в рабочей партии.

Тов. Ленин и Коминтерн эти факты оценивали как назревание сил социальной революции. Буржуазия, которой руководил Ллойд-Джордж, таким же образом оценивала положение и считала его сильно угрожающим. Именно по этой причине она громко призывала к укреплению тогдашней либерально-консервативной оппозиции в целях борьбы с рабочим движением.

При таких обстоятельствах тов. Ленин дал партии следующий совет: 1) вести борьбу с антипарламентаризмом; 2) уничтожить всякую «левизну»; 3) выявить роль партии, как массовой партии, ведущей рабочий класс к победе; 4) маневрировать так, чтобы партия, стоя во главе массового движения, одновременно вовлекала наиболее отсталых в движение, в котором они получали бы политический опыт; 5) показать ясно основные законы революции.

Тов Ленин («Детская болезнь «левизны» в коммунизме») установил, что 1) существовавшие тогда условия требовали создания коммунистической партии, партии революции; 2) необходимость парламентского действия; 3) необходимость поддержки во время выборов Гендерсонов и Макдональдов против консервативно-либеральной оппозиции в качестве средства, благодаря которому большинство рабочего класса получило бы политический опыт; 4) необходимость подготовки партии к нападению на рабочее правительство, которое раскрыло бы перед рабочим классом свою сущность и толкало бы его к переходу на сторону коммунизма; 5) необходимость подготовления большинства рабочих к революционному свержению капитализма. Здесь следует отметить, что тут нет ни слова относительно вопроса о том, какой тактики следует придерживаться в отношении распыленных масс в процессе подготовки нападения на будущее рабочее правительство. Здесь нет также никакого указания относительно того, должно ли это рабочее правительство иметь большинство над другими партиями, хотя тов. Ленин говорит, что реформисты предпочли бы «открытый союз с буржуазией, и предсказывал, что они полностью капитулируют перед буржуазией и разоблачат себя в глазах масс в качестве орудия буржуазии. Главные линии ясны: 1) что большинство рабочих должно потерять свои иллюзии; 2) что они должны не только стремиться покончить с капитализмом, но должны стремиться бороться и умереть за революцию. Затем, исходя из предпосылки о существовании коммунистической партии, ведущей борьбу с рабочей партией, он провозгласил политику единого фронта в форме избирательного блока нашей партии и рабочей партии против консервативно-либеральной коалиции. Условия были: «полнейшая свобода агитации, пропаганды и политической деятельности». Вполне верным будет сказать, что Ленин имел в виду предложение блока со стороны коммунистической партии, которая находилась не в рабочей партии, не боролась за вступление в нее, принимая в то же самое время участие в ее местных комитетах, в избирательных конференциях и т. д. Следует также обратить

внимание на ту тактическую линию, которую он предлагал на тот случай, если этот блок будет отвергнут. Ленин писал: «При отказе Гендерсонов и Сноуденов от блока с коммунистами коммунисты выиграли бы сразу в деле завоевания симпатий масс и дискредитирования Гендерсонов и Сноуденов, а если бы мы от этого потеряли несколько парламентских мест, так это нам совсем не важно. Мы выставили бы своих кандидатов только в самом ничтожном числе абсолютно надежных округов, т.-е., где выставление наших кандидатов не провело бы либерала против лабуриста (члена рабочей партии). Мы вели бы избирательную агитацию, распространяя листки в пользу коммунизма и предлагая во всех округах, где нет нашего кандидата, голосовать за лабуриста против буржуа»[1]).

Из этого вполне ясно, что, был ли бы заключен блок или не был бы заключен, коммунистическая партия не должна была бы рисковать ни одним местом в парламенте, которое могло достаться рабочей партии, ставя себе задачей, во-первых, свержение коалиционного правительства и установление рабочего правительства и, во-вторых, убеждение масс путем опыта в ренегатстве Сноуденов и Макдональдов. Коммунистическая партия должна была проводить эту политику посредством интенсивной пропаганды. Это был начальный пункт избирательной политики нашей партии, и он стал господствующим пунктом ее политики.

Но центр тяжести единого фронта находился не в предложении блока между коммунистической и рабочей партией, сделанном тов. Лениным, а он находился в вопросе о том, должна ли коммунистическая партия входить в рабочую партию, в вопросе, который не обсуждался Лениным до II конгресса Коминтерна. На этом конгрессе было решено заявить о желании компартии вступить в рабочую партию, которая тогда была составлена следующим образом: это была федеративная организация, в которую входили профсоюзы и примыкавшие к ней политические партии: независимая рабочая партия, которой принадлежала гегемония в партии, социал-демократическая федерация, фабианское общество и т. д. Она имела ежегодные с'езды, в которых участвовали делегаты примыкающих трэд-юнионов, партий и местных отделов рабочей партии, составленных таким же образом. В большинстве случаев часть профсоюзных делегатов избиралась посредством голосования в трэд-юнионах. Эти делегаты представляли профсоюзы вместе с некоторыми должностными лицами, которые не избирались, а назначались исполкомами трэд юнионов. Местные отделы рабочей партии избирали своих делегатов на специальных собраниях членов. Примыкавшие общенациональные партии избирали своих представителей или назначали их в пропорции к числу своих членов, вычисленному на основе вступительных взносов. Исполком рабочей партии избирался на общенациональном с'езде, при чем решающее значение имело голосование заранее сговорившихся трэд-юнионов.

Взаимоотношения между местными отделами рабочей партии и общенациональной рабочей партией и структура местных партий таковы: они образованы из трэд-юнионов, секций кооперативов, партийных организаций, одним словом, так же, как и общенациональные организации. В добавление к этому имеются отдельные мужские секции и женские секции. Делегаты секций и примыкающих организаций встречаются раз в месяц в административной комиссии. Эта комиссия избирает местный исполком. Кандидаты, которые могут быть выставлены каждой из примыкающих организаций, избираются на специальном собрании административной комиссии или на специально созванном для этой цели с'езде. Выборы должны быть произведены общенациональной рабочей партией.

[1]) «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», стр. 79, 80. Курсив во всех цитатах автора.

При существовавших тогда (1920 г.) обстоятельствах коммунистической партии было отказано в приеме в общенациональную партию, несмотря на то, что в некоторых случаях было разрешено вступление местных отделов компартии в местные отделы рабочей партии. Коммунисты были членами рабочей партии в силу того, что они состояли членами трэд-юнионов. Они могли быть избираемы в качестве профсоюзных делегатов как в местные отделы рабочей партии, так и в общенациональную рабочую партию. Коммунисты могли вступать в рабочую партию в качестве индивидуальных членов, не скрывая своих мнений и не смягчая своего критического отношения к политике и руководству рабочей партии. Организации были настолько слабыми в смысле дисциплины, что коммунисты, как, напр., Саклатвала, Поль, Геддес, Воган и Фергюсон, были утверждены в качестве парламентских кандидатов рабочей партии. Эта организационная рыхлость создавала для коммунистической партии широкую возможность пропаганды. В то же самое время следует признать, что в этот период трэд-юнионы еще не подпали в полной мере под господство исполкома рабочей партии. Факт тот, что до всеобщей стачки существовало соперничество между профсоюзными лидерами и исполкомом рабочей партии, в профсоюзах господствовали сильные синдикалистские и трэд-юнионистские тенденции Эти тенденции не раз звучали в речах Брамли, Хикса, Перселя, Бевина и других. При этих обстоятельствах наша партия прибегла к следующей тактике: она, во-первых, подала заявление о желании вступить в рабочую партию; во-вторых, члены ее вступали в рабочую партию в качестве индивидуальных членов; в-третьих, члены компартии избирались в качестве делегатов от своих трэд-юнионов; в-четвертых, члены компартии часто избирались на те или иные должности в местных организациях, в-пятых, члены компартии выставлялись в качестве делегатов в парламент; в-шестых, они выставлялись в качестве кандидатов в члены других выборных учреждений; в-седьмых, компартия на выборах выступала с независимой программой; в-восьмых, она стремилась путем публичного опроса и критики во время избирательных кампаний толкать кандидатов влево, а там где не было кандидатов, она распространяла свою литературу и вела пропаганду.

Таково было положение в 1920 году, когда наша партия приступила к проведению своей нынешней политики.

Изменения, происшедшие с 1920 года.

К концу 1920 г. период под'ема закончился, и английский капитализм вступил в полосу глубочайшего и наиболее широкого экономического кризиса. Кризис этот продолжается и до настоящего времени и не обнаруживает никаких признаков ослабления. Анализ положения английского капитализма показывает, что его падение продолжается и углубляется. В течение этого периода мы имели, во-первых, наступление капиталистов в 1921—1922 гг., во-вторых, затишье в 1923—1925 гг., в течение которого буржуазия сознательно предоставила власть рабочей партии, в-третьих, возобновление наступления в 1926 г. и, в-четвертых, подготовку дальнейшего наступления к концу 1927 г.

Эти разнообразные события сопровождались следующими изменениями: 1) срывом консервативно-либеральной коалиции и образованием правительства консервативной партии, представляющей интересы банков, помещиков и тяжелой индустрии; 2) добровольной сдачей власти консерваторами с целью добиться возвращения рабочей партии; 3) возвращением рабочей партии к власти с согласия консерваторов и либералов и добровольным выполнением рабочей партией всех основных пунктов программы империали-

стического капитализма и классового сотрудничества; 4) поражением рабочего правительства и подавляющей победой консервативной партии; 5) сосредоточением активности рабочего класса в трэд-юнионах, нашедшим выражение в великом передовом движении, достигшем своей высшей точки во всеобщей стачке и семимесячной борьбе горнорабочих; 6) поражением всеобщей стачки в результате предательства лидеров рабочей партии и профсоюзной бюрократии, отходом либералов от консервативной партии и ориентировкой их в сторону рабочей партии с намерением использовать недовольство средних классов и рабочих при выборах в парламент; 7) успехами рабочей партии и ростом непопулярности консервативных правительств как в международном, так и в национальном масштабе.

Каковы были результаты этого хода событий для рабочей партии? Из слабо связанной федерации партий и трэд-юнионов, полусоциалистической в своей политике, буржуазные тенденции которой были скрыты в результате стихийного движения организованных в трэд-юнионах масс, она превратилась в высокоцентрализованную партию, насквозь империалистическую, наступательную в своей политике классового сотрудничества, держащую в своих руках трэд-юнионы и подчиняющую рабочих своей воле. В течение того периода, когда она находилась у власти в качестве рабочего правительства, она быстро утратила характер оппозиционной в отношении капитализма партии и усвоила главные черты империалистическо - капиталистической политики.

Перейдя к роли оппозиции его величества, рабочая партия все более увлекалась мероприятиями, направленными к спасению капитализма. Она потеряла всякий престиж в глазах пролетарских масс, и последние повернули в сторону трэд-юнионов и массовой деятельности, достигшей апогея во всеобщей стачке 1926 г.

Этому укреплению политики рабочей партии, направленной против классовой борьбы и против всего, что напоминает массовое выступление, вполне соответствовал разрыв об'единенного комитета Генсовета с комитетом безработных, а также и ультиматум профсоветам, требовавший прекращения всяких сношений с движением меньшинства. Рабочая партия поставила себе целью ликвидировать всю коммунистическую оппозицию внутри рабочей партии. Она успешно исключила всех коммунистов, поступивших в партию в качестве индивидуальных членов. Она успешно заградила коммунистам путь к официальным должностям в рабочей партии даже в тех случаях, когда они избраны трэд-юнионами в качестве их делегатов.

Проводя эту политику, рабочая партия исключила более двадцати местных отделов рабочей партии. Борьба за централизацию контроля в руках Томасов и Макдональдов направлена теперь, кроме коммунистов, также и против независимой рабочей партии, которая сыграла руководящую роль в исключении коммунистов и которой теперь самой угрожают исключением, требуя ее ликвидации как ненужной партии. Независимой рабочей партии в течение ближайших месяцев придется выбирать между полной ликвидацией в качестве политической партии и превращением ее в нечто в роде общества социалистической пропаганды, имеющего дело лишь с абстрактным социализмом, с чем-то в роде религии.

Это укрепление реакционных сил, сопровождавшееся полной ликвидацией некогда «левых» элементов бюрократии—Хиксов, Ленсбери, Перселей и Уитли—сопровождалось консолидацией сил в парламенте, подготовкой всестороннего блока с буржуазными партиями и ориентировкой специально в сторону либеральной партии. Это стало особенно ясно со времени появления меморандума Самюэля. Самюэль—председатель либеральной партии. Он познакомил рабочую партию со своим меморандумом и обеспечил последнему ее поддержку. Ллойд-Джордж вместе с Макдональдом выступил против 8-часового рабочего дня. Блэкпульская конференция была свидетелем того, как социализм и национализация были отставлены на задний план и как было произведено приспособление программы горнорабочих к линии горнорабочей хартии либералов. Рабочая и либеральная партии заняли в отношении Советской России одну и ту же позицию, хотя надо отметить, что Макдональд, Сноуден и Томас стоят ближе к консерваторам. Консервативная, либеральная и рабочая партии выступают единым фронтом против Китая. Консервативная, либеральная и рабочая партии об'единены в комиссии по делам Индии, во главе которой также стоит либерал Саймон. Генеральный совет конгресса трэд юнионов, руководимый либеральной партией, выступает заодно с лидером консерваторов Мондом и со всеми либералами в вопросе о мире в промышленности.

Такова политическая линия ныне существующего политического блока консерваторов, либералов и рабочей партии. Говорить перед лицом этих политических фактов, что «если бы был налицо блок либеральной и рабочей партий, мы изменили бы свою политику»—это значит приводить наихудшего рода формальные доводы. Мы имеем здесь дело с политическим блоком трех буржуазных партий, фактически проявляющимся в каждом важном политическом вопросе.

Возрастающая активность в колониях, продолжающийся упадок в экономическом положении Англии доказывают неизбежность дальнейших массовых нападений на рабочих. Хлопчатобумажная и шерстопрядильная отрасли промышленности, машиностроение и горное дело переживают муки кризиса, что ведет к действующим провоцирующим образом урезываниям заработной платы и удлинению рабочего дня, и именно в результате создавшегося положения образовалась и развивается в более организованном, чем до сих пор, виде великая коалиция консерваторов, либералов, рабочей партии и профсоюзной бюрократии. Эта коалиция должна во что бы то ни стало раздавить в зародыше сопротивление масс. Она решилась на это. Было бы глубокой ошибкой с нашей стороны, если бы мы скрыли от рабочих это политическое положение под покровом обычных формул избирательных кампаний.

По мере развития этих событий, рабочая партия практически перестала быть рабочей партией и открыто стала третьей партией буржуазии, держащей в своих когтях аппарат рабочей партии и трэд-юнионов и не допускающей никакой защиты пролетарских интересов.

Рабочая партия сохраняет связь с рабочими лишь благодаря социальному составу трэд-юнионов и местных отделов рабочих партий.

Питать надежду, что мы можем добиться изменения положения путем обеспечения за собой голосов горнорабочих на ближайшем с'езде рабочей партии это значит предаваться иллюзиям. Идущее ныне подготовление раскола в союзе шотландских горнорабочих в результате успехов компартии в борьбе за руководство этими союзами является ясным доказательством того что рабочая партия готова исключить те союзы, которые будут голосовать в этом направлении, и создать новые союзы и сделать это столь же охотно, сколь охотно Ходжесы и Спенсеры готовы создать компанейские союзы Ясно, как день, что мы достигли той стадии развития, когда широкие пролетарские массы рабочих расходятся с нынешними руководителями рабочей партии и когда должны быть найдены новые каналы для выражения воли рабочего класса.

Дифференциация зашла столь далеко, что недостаточно уже одного давления на лидеров и формального изменения состава руководителей рабочей партии: если мы переменим вождей профсоюзов, то профсоюзы будут исключены или расколоты: трэд-юнионы уже подчинены в политическом отношении рабочей партии, и они уже не пользуются правом переменить состав ру-

ководителей рабочей партии в соответствии со всякой другой политической линией, которая может обозначиться в их рядах. Необходимо поэтому различать между политической принадлежностью союзов, которая требует подчинения определенной политической программе, и трэд-юнионом, выполняющим со дня на день свои экономические функции. Рабочая партия остается политической партией и в настоящее время является партией, управляющей трэд-юнионами, как экономическими организациями. Вопрос о верности трэд-юнионам и о верности рабочей партии должен быть рассматриваем раздельно.

Политика коммунистической партии.

Как же отвечала наша партия на этот ход событий? Постоянным выполнением изложенной нами программы. Мы требовали: 1) принадлежности к рабочей партии; 2) мы не выставляли кандидатов против кандидатов рабочей партии; 3) мы не сделали ничего такого, что можно было бы назвать неконституционным с точки зрения устава рабочей партии; 4) мы подвергали лидеров рабочей партии самой суровой критике и в то же самое время заставляли массы итти за этими лидерами; 5) мы помогали установлению рабочего правительства и в то же самое время выдвигали независимую программу и вели агитацию; 6) мы создали наши фракции в рабочей партии и организовали левое крыло; 7) мы подняли крик в пользу предоставления «всей власти Генеральному совету конгресса трэд-юнионов»; 8) мы толкали комитет безработных к союзу с Генсоветом; 9) мы критиковали Генсовет так же, как критиковали рабочую партию; 10) мы подняли профсоветы и внушали им мысль о необходимости заключения ими союза с Генсоветом; 11) мы создали движение меньшинства в профсоюзах и развивали нашу программу действий и т. д., и т. д. Но главной характерной чертой нашей программы было то, что мы толкали массы к тому, чтобы они шли за рабочей партией, мы стремились путем критики и пропаганды изменить отношение рабочих к рабочей партии и старались добиться формального изменения состава руководителей. Идеологическая борьба принимала все более острые формы. Партия стала определенным, признанным политическим фактором в жизни страны. Тактика единого фронта распространялась через посредство движения меньшинства и левого крыла. Нет ни малейшего сомнения в том, что линия, взятая нами во время всеобщей стачки, была правильна.

Но, правду сказать, мы никогда не излагали перед ними программы действий, посредством которых они могли бы превратиться в общенациональное движение, и старались удержать их при представлении о себе, как о неотделимой части рабочей партии, которая раньше или позже возвратится обратно в свою партию. Нами руководили две главные идеи: с одной стороны, хитрость с левым крылом, в состав которого вошли исключенные отделы и которое стало альтернативой по отношению к нашей партии и, с другой стороны, представление о рабочей партии как об организованном рабочем классе и о нас самих, как о левом крыле в рабочей партии. Нас вдохновляла та мысль, что политически отсталые рабочие организованы в рядах рабочей партии и должны вступить в политическую жизнь через посредство рабочей партии и что изменить старую тактику до того, как рабочие массы утратят свои иллюзии, при формальном вступлении рабочей партии в правительство, означало бы потерять связь с ними. Мы относились к рабочей партии, как к трэд-юниону, вместо того, чтобы относиться к ней, как к политической партии, все более подчиняющей трэд-юнионы своей политике. Мы думали больше о ее профсоюзном составе, чем о ее политических действиях и программах, доказывая, что те же мотивы, по которым мы

остаемся в профсоюзах, имеют силу и в отношении рабочей партии. Всем ясно, что эти же идеи господствуют в нашей партии и по сей день.

Приведем в подтверждение этого несколько примеров. Прочитайте отчет о конференции рабочей партии в Блэкпуле. Ни одной речи, произнесенной коммунистом на этой конференции, не возможно прочитать без того, чтобы не заметить, что она построена, как речь какого-либо радикального члена рабочей партии, а не как речь члена независимой коммунистической партии, оспаривающей у рабочей партии право руководить массами. Эти речи были хорошими радикальными речами, смелыми речами, но каждая из них могла бы быть произнесена выдержанным сторонником правого крыла. Но наши товарищи по партии, избранные в качестве открыто заявивших о своих взглядах коммунистов, должны были бы обвинять руководителей рабочей партии в полной неспособности осуществления организованной программы и заявить самым ясным образом, что такую программу может выставить лишь коммунистическая партия.

Но это еще не все. Познакомимся с несколькими статьями, недавно появившимися в нашей печати. В октябрьском выпуске «Коммуниста» тов. Арнот пишет о будущности рабочей партии следующее: «Какова в настоящее время позиция рабочей партии? Сильна она или слаба? Хороши ли ее перспективы? Может ли она успешно вести вперед рабочий класс? Получим ли мы большинство голосов рабочих на будущих общих выборах? Вот вопросы, возникающие в умах многих рабочих в настоящее время». Далее он доказывает, что рабочая партия находится в периоде упадка в результате ливерпульских решений. Он говорит по поводу происходящей в рабочей партии борьбы следующее: «Мы, заинтересованные в единстве рабочего класса, не можем равнодушно видеть эту борьбу». Оплакивая разлад, он указывает на «необходимость продолжения борьбы за единство, несмотря на все оскорбления и затруднения».

Здесь невозможно избежать впечатления о коммунисте, как о жестоко заблуждающемся индивидууме, хлопочущем перед убийцей о прекращении убийства. Но Арнот не один. В декабрьском выпуске «Коммуниста» помещена статья д-ра Дюнатана, в которой обсуждаются перспективы рабочей партии на выборах и в которой написано следующее: «Поймут ли рабочие положение до того, как уже будет поздно, требовать восстановления единства движения, возвращения к старой пролетарской классовой политике партии и избрания других лидеров, которые не будут лакеями господствующего класса, но поведут рабочих против капитализма». Здесь во всей статье нет ни слова о позиции коммунистической партии, и статья носит характер защитительной речи в пользу формального единства рабочей партии, которая должна, конечно, включить в себя и коммунистов с целью собрать возможно большее количество пролетарских голосов на ближайших общих выборах. Комментарии редактора столь же характерны. Приведя цифры, показывающие, что с 1927 г. консерваторы приобрели 120.000 новых голосов в некоторых районах, в то время, как рабочая партия потеряла, по крайней мере, 25.000, тов. Белл заявляет: «Эти цифры многозначительны и печальны. Они бросают яркий свет на серьезную опасность, угрожающую пролетарскому движению благодаря тактике классового сотрудничества—опасность потерять активную поддержку масс». За этими критическими замечаниями следует рекомендация статьи тов. Дюнатана. Но здесь нет никакого указания относительно того, как наша партия должна бороться с этими процессами, помимо этой словесной критики, а также нет указания относительно того, что наша партия должна принять активные меры для привлечения разочарованных масс рабочей партии в свои ряды. Недостаточно сказать, что позиция и программа нашей партии, как партии независимой, не ясна в этих статьях. Она должна быть ясно выражена так, чтобы рабочие могли ознакомиться с ней, когда

они читают статьи коммунистов. Эта отрицательная позиция и формальное приспособление к рабочей партии, как к организованному рабочему классу, иллюстрируются далее в статье тов. Кемпбеля в декабрьском номере «Лейбор Монтли», где он пишет: «Если нужно стремиться к об'единению рабочего движения в виду приближающихся общих выборов, то главной задачей является залечить раскол, который уже произошел в местном рабочем движении в результате проведения в жизнь ливерпульских постановлений... 1928 год будет годом отмены ливерпульских резолюций, и следует надеяться, что с'езд рабочей партии под влиянием рабочих будет вынужден сделать это. Для того, чтобы это было выполнено и чтобы рабочее движение было предохранено в 1928 году от дальнейшего вырождения по линии, обозначившейся в 1927 г., необходимо, чтобы все, кто стоят за прогрессивную политику рабочей партии, чтобы все, кто стоят за передовую программу в профсоюзном движении, пошли вместе с движением левого крыла и движением меньшинства, укрепляя эти организации в их борьбе против бюрократической реакции. Надежда на то, что 1928 год будет лучшим годом для рабочего движения, чем 1927 год, покоится главным образом на развитии инициативы в массах рядовых членов рабочей партии и усилении всех организаций, которые выражают мнение этих рядовых членов».

Приведем еще пример: «Уоркерс Лайф» в своем номере от 8 ноября, говоря о результатах муниципальных выборов, заявляет: «В программу коммунистической партии не входит соперничество с рабочей партией».

Общая черта всех этих цитат состоит в подходе ко всем вопросам с той точки зрения, согласно которой рабочая партия представляет собой организованный рабочий класс, разделенный и раздробленный махинациями правого крыла, в то время, как коммунисты и сторонники левого крыла описываются в качестве жертв, хлопочущих о восстановлении единства в партии в виду приближающихся выборов. Здесь налицо полное подчинение независимости партии выборным перспективам рабочей партии и совершенно формальный подход ко всему вопросу политической борьбы. Это проходит через всю деятельность нашей партии.

Результат этой формальной позиции виден также и в путанице, существующей по вопросу о том, какую позицию мы занимаем в отношении будущности организаций, боровшихся вместе с нами. Так, напр., мы боролись в рядах рабочей партии до тех пор, пока нам не удалось завоевать известное количество местных отделов, которые решились бороться вместе с нами, не останавливаясь перед исключением из партии. Затем на сцену выступило правительство с войной, об'явленной им системе политических взносов. Мы немедленно стали говорить рабочим, принадлежащим к исключенным отделам, о необходимости уплачивать политический взнос в их трэд-юнионах—кому? Партии, которая исключила их? Или же мы говорим: плати обеим? Как назвать такое политическое руководство? По моему мнению, это—не политическое руководство, а политическое акробатство. Мы снова доказываем, ссылаясь на опыт самих рабочих, что между правительством Макдональда и правительством Болдуина нет разницы, а затем переходим к защите макдональдовского правительства и отказываемся от выставления кандидатов против Макдональдов не в силу физической невозможности, но для того, чтобы преподнести рабочим еще одну дозу макдональдовщины. Полагать, что большинство рабочих еще не убеждено пережитым ими опытом и подчеркивать природу рабочей партии, как профсоюзной партии, это значит игнорировать большие перемены, имевшие место в рабочей партии, а также отказаться от мобилизации уже разочарованных масс в направлении к созданию революционного рабочего правительства против воли Макдональда. Это значит, предполагать, что единственная дверь, ведущая от политической отсталости к политическому просвещению, ведет через рабочую партию. Это значит предполагать, что раньше или позже может быть проведено формальное изменение в составе руководителей рабочей партии, вместо того, чтобы признать, что такая возможность не только стоит вне вопроса для нас, но что и большое число рабочих стремится к новому руководству и к новым средствам выражения своей воли.

Мы не можем ждать, пока пробудится большинство, и лишь тогда перейти от критики и разоблачений к организованному действию. Следовать такой тактике, это значит заставлять наиболее активных рабочих стать слепыми союзниками, которые должны будут выжидать чего-то для того, чтобы выступить. Мы должны ждать, пока мы будем иметь большинство для того, чтобы захватить власть, но мы никогда не будем иметь этого большинства, если мы не ускорим дела просвещения рабочих и не укрепим имеющиеся вокруг нас силы революции. Мы должны найти методы борьбы, которые проведут рабочих через стадии опыта, приводящие их в ряды нашей партии. Этого мы не делаем, несмотря на то, что опыт показывает, что там, где мы смело выступали, массы ответили на наш призыв. Достаточно лишь упомянуть о недавнем опыте похода горнорабочих, выполненного, несмотря на прекрасно организованный рабочей партией и Генеральным советом саботаж. В этом случае массы дали великолепный ответ на призыв нашего руководства, и смысл этого урока ясен. Для того, чтобы направить пробудившиеся массы против руководителей рабочей партии, необходимо действие. Массам необходимо вырваться из-под политического руководства рабочей партии, или все их выступления закончатся ничем. Неверно было бы утверждать, что левое крыло выполняет эту функцию. Оно лишь частично выполняет эту задачу. Если левое крыло будет выполнять свою работу, то это неизбежно поведет либо к исключению его из рабочей партии, частью которой оно является, либо же к расколу через конфликт с руководством. Между тем, мы ориентируем это движение в сторону избежания раскола и обратного вступления в рабочую партию, т.-е. в сторону возвращения к рабочей партии, управляемой Макдональдом, и мы это делаем, несмотря на тот факт, что мы все сознаем, что о формальной перемене состава руководителей рабочей партии—об избрании коммунистов вместо макдональдистов—не может быть речи. Мы должны вести вперед рабочих, а не тащиться в хвосте наиболее отсталых из них. Рабочие, находящиеся в рядах нынешнего движения левого крыла это—наиболее близко стоящие к нашей партии пролетарии, и они ждут, чтобы мы повели их.

Что мы должны делать?

Мы должны выставить лозунг революционного рабочего правительства против лозунга рабочего правительства, выставляемого рабочей партией, причем мы должны указать, что рабочая партия неспособна бороться за интересы рабочих. Мы должны:

1) выставлять наших собственных независимых кандидатов там, где нет кандидатов рабочей партии;

2) выставлять нашу собственную программу и повсюду вести беспощадную кампанию против рабочей партии;

3) выставить кандидатов против лидеров рабочей партии, либо независимо, либо же через посредство рабочего избирательного комитета, как это имело место в Бирмингаме, или же произвести раскол в местном отделе рабочей партии или исключенном отделе независимо от других кандидатов;

4) выставить партийных кандидатов в исключенных отделах и поддержать кандидатуры исключенных отделов;

5) там, где нет кандидатов, компартия должна поддержать рабочую партию во время голосования, одновременно ведя независимую агитационную кампанию, об'яснив рабочим, что вопрос о выставлении кандидатов против рабочей партии зависит исключительно от соотношения сил обеих партий.

Подобная политика немедленно поднимает вопрос о нашей позиции и тактике в отношении левого крыла и исключенных отделов рабочей партии. Невозможно об'явить наступление на рабочую партию и профсоюзную бюрократию и продолжать «залечивание раскола» в рабочем движении. Наступление, руководимое нашей партией, должно означать наступление через посредство левого крыла, борьба, носящая вышеуказанный характер, не может вестись под лозунгом обратного приема в рабочую партию. Эта тактика устанавливает, что исключенные отделы заменяют рабочую партию. Такова логика нашей собственной политики, т.-е. выставление кандидатов и поддержка кандидатов исключенных отделов. Еще более это будет иметь место, когда борьба из оборонительной будет превращаться в наступательную борьбу против рабочей партии.

Ясно также, что наступление левого крыла вызовет расколы и дальнейшие исключения. Исключение и раскол могут прекратиться лишь в том случае, если мы перестанем вести борьбу в рядах рабочей партии. От этой борьбы через посредство левого крыла, являющегося представителем профсоюзных секций, мы не можем отказаться. Наоборот, мы должны заострить ее.

Тов. Поллит предлагает, чтобы мы ликвидировали исключенные отделы путем устройства конференций для слияния их с коммунистической партией. Будучи готов принять всевозможные меры для того, чтобы слить группы рабочих с нашей партией, я скептически отношусь к результатам этого предложения. Оно, по моему мнению, игнорирует слишком много сторон этой проблемы. Во-первых, сомнительно, чтобы даже большинство индивидуальных членов немедленно перешло к нам. Во-вторых, это предложение игнорирует профсоюзную принадлежность. В-третьих, оно игнорирует вопрос о политическом взносе. Профсоюзные секции не могут слиться с партиями. Что можно тогда сделать с ними? Должны ли мы послать их обратно в рабочую партию или же мы должны сказать им, чтобы они отказались от политики, согласно закону о профсоюзах и посоветовать им перестать платить политический взнос? Если мы возьмем такую линию, то я думаю, что рабочие скажут, что мы обманываем их. Они также скажут нам: «Почему же вы продолжали с нами вместе борьбу в рядах рабочей партии до тех пор, пока нас не исключили, если вы в действительности не хотели, чтобы мы оставили рабочую партию?» Или же они скажут нам: «Почему вы выступили против законопроекта о профсоюзах, если вы хотели, чтобы профсоюзы отказались от своей коллективной политической принадлежности?» При таких обстоятельствах мы целиком передали бы их обратно в руки рабочей партии. Сказать, что исключенные отделы не имеют никакой силы, это значит слишком пессимистически оценивать положение, и я утверждаю, что значительная часть господствующей в их рядах депрессии всецело зависит от нашей оборонительной политики, которая действует на них сдерживающим образом, так как наша партия предпочитала роспуск левого крыла укреплению его в организационном отношении. Ибо было бы правильно сказать, как сказал тов. Поллит, что больше не будет исключенных отделов рабочей партии. Это зависит исключительно от деятельности и роста фракций левого крыла, которые не являются незначительными. Чем более они прогрессируют, тем более Макдональды будут отвечать расколом и исключением.

С этой точки зрения мы не можем игнорировать перспектив независимой рабочей партии на будущее. Угроза Гендерсона и Макдональда, отставка Сноудена,—все это показывает, что они не только хотят исключить местные отделы, подпадающие под влияние левых, но что они хотят исключить и независимую рабочую партию, если она не подчинится им. Подготовка к созданию новых трэд-юнионов и к расколу союза шотландских горнорабочих после того, как в нем были избраны на официальные должности коммунисты и лица, принадлежащие к движению меньшинства, является ясным доказательством того, что они также будут исключать профсоюзы, если последние подпадут под их влияние. В этом отношении их поощрит уменьшение профсоюзных взносов благодаря закону о профсоюзах, и они все в большей степени будут обращаться к буржуазии для того, чтобы получить от нее деньги, и все больше будут выступать против каждого более или менее революционного профсоюза. Таковы перспективы.

Но ближайшее будущее, предстоящее независимой рабочей партии, состоит либо в полном поглощении ее рабочей партией, либо в расколе партии, либо же в превращении НРП в своего рода религиозное социалистическое общество, не занимающееся вопросами текущей политики. Если произойдет поглощение или превращение НРП в религиозное социалистическое общество, тогда борьба против левого крыла примет еще более резкие формы, и расколы и исключения местных отделов рабочей партии станут неизбежными. Если же произойдет раскол в рядах НРП по вопросу об избирательной программе, тогда часть этой партии будет также изгнана из рабочей партии, а это означает, что она очутится рядом с нами и исключенными отделами рабочей партии. При этих обстоятельствах, если мы не станем во главе исключенных отделов и не укажем им положительную программу развития по линии независимости, то НРП, несомненно, сделает это, так как это вольет в нее новую жизнь. Все готово для раскола рабочей партии. Макдональды начали его и будут продолжать в том же духе, если мы не капитулируем. Мы не можем и не хотим капитулировать. В таком случае раскол должен становиться все шире, и число исключенных отделов должно возрасти. Мы не можем ликвидировать их, не дискредитируя самих себя в глазах массы рабочих и не передавая профсоюзные секции целиком в руки рабочей партии.

Нужно считаться с логикой этого движения в пользу раскола. Из всей этой политики исключения и раскола, которую ведет в последнее время общенациональная рабочая партия, вытекает неизбежно создание новой антикапиталистической федеративной рабочей партии. Это—единственная тактика, которую я считаю возможной в отношении этих массовых организаций, не являющихся еще коммунистическими, но предпочитающих бороться под коммунистическим руководством, так как это является причиной их исключения.

Это затрагивает непосредственно вопрос о политическом взносе. Вместо того, чтобы вести кампанию за передачу политических взносов рабочей партии, являющейся в настоящее время третьей партией буржуазии, борьба должна быть перенесена в трэд-юнионы и вестись по вопросу о характере политической принадлежности. Должна ли это быть антикапиталистическая принадлежность или капиталистическая принадлежность? Ответ будет тогда столь же ясен в отношении Макдональда, как он ясен в отношении Болдуина. Мы могли бы ответить то же самое в пользу присоединения профсоюзов в политическом отношении к отделам, исключенным из рабочей партии, организованным в национальном масштабе и действующим под руководством коммунистической партии.

Такое направление не означает ухода левого крыла из рабочей партии, но развитие ее наступательных действий. Это означало бы, подобно тому, как открытая борьба компартии против рабочей партии означает отказ от требования о приеме в рабочую партию, что исключенные отделы

рабочей партии перестанут требовать обратного приема. И в то же время левое крыло рабочей партии вместо того, чтобы поднимать вопрос об обратном приеме исключенных отделов, поднимет знамя независимости пролетариата от буржуазного контроля в политике и будет призывать к тому, чтобы местные отделы примкнули к антикапиталистической партии.

Товарищи заявляют, что это означало бы альтернативу для партии. То же самое, что было сказано о движении меньшинства, было сказано и о движении левого крыла. Но так не было на самом деле, несмотря на то, что, как я уже указал, обнаружились опасные тенденции. Но вопрос о нашем поглощении всецело зависит от того, как мы будем вести нашу тактику единого фронта. Когда мы в наших сношениях с силами левого крыла научимся в большей степени выдвигать нашу партию, как партию, тогда не будет вопроса о поглощении партии. Наоборот, партия поглотит лучшие элементы этого движения. Руководящая партия в такого рода движении всегда имеет наилучшие возможности, а это движение начинается с нами во главе. Сравнивать нашу позицию с позицией НРП было бы неправильным. Независимая рабочая партия была поглощена рабочей партией именно потому, что она не была дисциплинированной партией. Успехи членов НРП не были успехами НРП, как партии, но преуспеянием отдельных лиц с помощью партии. Наша партия не такая партия и не будет такой. Вместо того, чтобы быть поглощенными, мы можем сами стать поглотителями, если мы более решительно поведем массы к политической борьбе, освобожденной от контроля и господства Макдональдов. Это может быть партия единого фронта, состоящая из профсоюзных секций, социалистических партий, отделов рабочей партии и т. д., руководимая коммунистической партией с целью борьбы против партии буржуазии.

Будущность движения меньшинства.

Этому движению в политической области имеется параллель в экономической области в лице движения меньшинства. Общепризнано теперь, что мы сделали ошибку, давши совет профсоветам подписать выпущенный Генеральным советом документ, требовавший разрыва с движением меньшинства. Решено, что движение меньшинства должно снова начать борьбу за обратный прием местных профсоветов. Это—правильный путь, несмотря на то, что некоторые товарищи, согласные с этим, не могут видеть аномалии в согласии на исключение профсоветов из Генсовета конгресса трэд-юнионов, и в то же время в отказе согласиться с тем, чтобы местные отделы рабочей партии были исключены из общенациональной рабочей партии, которая является политическим стражем Генерального совета. Цель присоединения профсоветов к движениям меньшинства должна быть в том, чтобы избавить их от контроля Генерального совета и чтобы направить их энергию в движение меньшинства с целью концентрированного действия в пользу замены руководителей трэд-юнионов другими лицами. Ни под каким видом нельзя ни в малейшей степени поднимать престиж Генерального совета. Он самым сильным образом дискредитирован в глазах масс. Было бы поэтому ошибкой, которая теперь уже признана всеми, поощрять движение за восстановление Англо-русского комитета, если бы мы даже на ряду с этим выставили лозунг. «Перемените ваших руководителей». Это служило бы поддержкой той мысли, что при известном давлении этот Генеральный совет мог бы быть вынужден реформировать Англо-русский комитет, хотя бы были убеждены в том, что ничего хорошего не вышло бы из этого, пока не была бы проведена перемена лидеров.

Вопрос должен быть поставлен в гораздо более острой форме. Мы должны заявить, что вся эта банда за исключением Кука совершенно разложилась под влиянием капиталистов. Вон их! Не имейте ничего общего с по-

добными людьми! Установите сношения между английскими и русскими профсоюзами через посредство движения меньшинства. Вот вам другое руководство, которое организует вас. Произведите чистку трэд-юнионов от гнилых элементов. Тогда вы сможете иметь Генеральный совет, который будет генеральным штабом рабочей армии.

Я полагаю, что такая политическая линия сделает яснее нашу позицию в глазах масс. Рабочие поймут нас лучше, и наша партия пойдет вперед не только в качестве независимой революционной партии, но и в качестве вождя организованного массового движения. Это движение сможет тогда применять тактику единого фронта не как движение, которое подчиняет тактику коммунистов и революционных рабочих рабочей партии, но как революционное мероприятие для завоевания рабочих и организации их в рядах нашей партии и вокруг нее.

Б. Ломинадзе.

От редакции.

Отмечая, что защищаемые тов. Ломинадзе взгляды противоречат решениям Исполкома Коминтерна, редакция считает дискуссию по кругу затронутых вопросов, после помещения ответной статьи тов. Мифа, законченной.

Новый этап китайской революции и задачи китайских коммунистов.

I.

В работах открывающегося на-днях IX пленума ИККИ китайский вопрос займет, очевидно, если не центральное, то одно из самых главных мест. За девять месяцев, прошедших после VIII пленума ИККИ, в международной и внутренней обстановке Китая произошли такие глубокие изменения, китайская революция проделала такой крутой поворот, настолько изменились роли различных классов и их группировка, и, наконец, в бурном потоке событий раскрылись такие своеобразные черты и новые формы революционного процесса, что ряд основных проблем китайской революции приобретает теперь совершенно новое содержание и значение. Исполком Коминтерна не сможет ограничиться решением только частных «кон'юнктурных» вопросов китайской революции; ему придется заново поставить перед собой всю совокупность тех проблем, которые обсуждались уже и на VII и на VIII пленумах ИККИ. Дело идет не об отмене или «ревизии» (в общепринятом значении этого слова) основных оценок и решений коммунистического Интернационала по китайскому вопросу—их правильность подтверждена всем ходом китайской революции. Но жизнь в Китае не стоит на одном месте, а идет вперед исключительно быстрым, революционным темпом, и то, что было вполне правильным вчера, сегодня оказывается уже недостаточным. Коммунистический Интернационал в основном верно определил общие задачи, характер и тенденции развития китайской революции. Но даже и эти общие определения должны быть теперь видоизменены, настолько богатое новое содержание и неожиданное своеобразие форм борьбы и соотношения борющихся сил развернула новая историческая полоса, в которую Китай вступил после апрельских и июльских событий 1927 года. Революционная практика обогащает и толкает вперед революционную теорию. Ограничиваться теперь старыми общими формулами по китайскому вопросу, как бы они правильны ни были в свое время, значило бы превращать революционную теорию из руководства действием в мертвую догму. Новый этап китайской революции ставит по новому, иначе, чем раньше, не только тактические задачи, но и такие общие проблемы, как, напр., вопрос о характере и перспективах китайской революции. IX пленуму ИККИ придется самым внимательным образом остановиться на этих проблемах. То или иное их решение предопределяет всю стратегическую линию китайской коммунистической партии на долгий период. Уже одна эта задача сама по себе представляет довольно большую трудность. Но перед пленумом ИККИ стоит еще целый ряд «кон'юнктурных» вопросов, значительно усложняющих эту задачу. Что происходит сейчас в Китае? Продолжается непосредственно революционная ситуация или в развитии китайской революции наступил перерыв? Являются ли те стачки и восстания, о которых телеграф чуть не ежедневно приносит известия из Китая, арьергардными боями разбитых и отступающих революционных классов или они сигнализируют начало нового под'ема революционной борьбы? В частности, что представляло собою декабрьское восстание в Кантоне? Было ли оно «образцом путча на падающей волне революции» или оно было первой крупной брешью, которую пробило в лагере реакции растущее революционное движение масс? Укрепляется и усиливается ли в Китае помещичье-буржуазная реакция, а если нет, то чем об'яснить, что в продолжение почти целого года революция терпит одно за другим, одно тяжелее другого поражения? Эти вопросы, волнующие самые широкие круги коммунистов и передовых рабочих всего мира, ждут теперь ответа со стороны Коммунистического Интернационала. И ответ IX пленума ИККИ на эти вопросы будет иметь крупнейшее непосредственно-практическое значение для судеб революционного движения и всего хода событий в Китае. Этим ответом будет предопределена тактика китайской коммунистической партии на все ближайшее время. А одной из важнейших особенностей китайской революции является то, что коммунистическая партия, несмотря на ее нелегальное положение, несмотря на страшное поредение ее рядов под ударами белого террора играет гигантскую, монопольно-руководящую роль в революционном движении рабоче-крестьянских масс Китая. Китайская коммунистическая партия является не только единственной революционной партией трудящихся масс, но и важнейшей исторической силой в Китае. От того, в какую сторону направлено действие этой силы, зависит в значительной степени судьба всей революции в Китае. Это уже подтверждено полностью всем опытом прошлого. Одной из решающих причин поражения революции в апреле—июле 1927 года было то, что руководство китайской компартии в критический период проводило—в прямом противоречии с линией Коминтерна и его требованиями—глубоко оппортунистическую, полуменьшевистскую тактику, связывавшую революционную инициативу масс и дезорганизовавшую их ряды. После августовской конференции ККП, исправившей ошибки этого периода и сменившей партийное руководство, опасность сознательного уклонения китайской компартии от той линии, которую ей укажет Коминтерн, можно считать устраненной. Весь вопрос заключается теперь в том, какой будет эта тактическая линия. IX пленуму ИККИ предстоит принять, таким образом, ответственнейшие решения, которые самым непосредственным образом отзовутся на революционной борьбе китайского народа и в очень большой степени повлияют на исход этой борьбы. В силу этих причин и займет китайский вопрос одно из важнейших мест, если не самое главное место, в работах пленума ИККИ.

Всякий раз, когда перед Коммунистическим Интернационалом встает такая сложная и трудная задача, какую теперь представляет собою китайский вопрос, правильное ее решение достигается обычно в результате столкновения и борьбы различных взглядов, оценок и практических предложений. В процессе подготовки китайского вопроса к пленуму ИККИ, среди работников Коммунистического Интернационала обнаружились разногласия по ряду принципиальных теоретических и тактических вопросов. Дискуссия, развернувшаяся на совещаниях при ИККИ по китайскому вопросу, представляет, несомненно, значительный интерес для самых широких кругов нашей партии. Настоящая статья и ставит себе целью ознакомление читателей «Большевика» с основными спорными вопросами, которые должен будет решать IX пленум ИККИ. Но эта статья не претендует на равнодушно-беспристрастное изложение всех точек зрения, наметившихся в дискуссии по китайскому вопросу; в ней будет излагаться и защищаться, по возможности не в полемической, а позитивной форме, одна определенная линия в китайском вопросе.

II.

«Марксизм,—писал Ленин,—требует от нас самого точного, об'ективно проверимого учета соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента. Мы, большевики, всегда старались быть верными этому требованию, безусловно обязательному с точки зрения всякого научного обоснования политики». Ключ к пониманию характера всякой исторической полосы лежит *прежде всего* в соотношении классов. *С этим критерием* и надо подходить к изучению нового этапа китайской революции.

Общеизвестным является факт окончательного и полного перехода национальной буржуазии из лагеря революции в лагерь помещичье-милитаристской реакции и иностранного капитала. Но из этого общеизвестного факта делаются очень часто совершенно неверные, а еще чаще неполные, недостаточные выводы. Приведем примеры ошибочных выводов. В своей речи на XV с'езде, полемизируя против меня, тов. Миф говорил следующее:

«Нельзя снимать (китайскую) буржуазию с политической арены, потому что *именно* (!) *буржуазия может по каналам национализма повести еще за собой широкие массы люмпенпролетариата, городской мелкой буржуазии, городской бедноты и значительную прослойку китайского крестьянства*. Борьба за эти элементы, борьба за эти слои крестьянства, находящиеся еще под влиянием буржуазных элементов,—эта борьба *выдвигает перед коммунистами задачу самой беззаветной борьбы за гегемонию пролетариата*, за изоляцию этих буржуазно-помещичьих элементов от близких пролетариату социальных сил, выдвигает задачу завоевания широчайших масс на свою сторону».

Ничего не может быть ошибочнее этих утверждений тов. Мифа. Китайская буржуазия бесповоротно и окончательно *капитулировала* перед иностранным капиталом. Она самым циничным образом *предала* знамя национальной борьбы. Она совершенно откровенно вступает с империалистами в «сделки», направленные против революционного движения пролетариата и крестьянства, при чем в этих «сделках» империалисты и китайская национальная буржуазия противостоят друг другу не как два равных контрагента, а как полновластный хозяин и заискивающий слуга. В этом нет никакого преувеличения. Китайская буржуазия играет по отношению к иностранному капиталу унизительно - холопскую роль. Буржуазно - помещичьи «правительства» южного Китая пошли на разрыв с СССР по прямому *приказу* империалистов и в *ущерб* интересам китайской национальной промышленности и торговли. Что разрыв Южного Китая с Советским Союзом чрезвычайно ослабляет позиции китайского народа в борьбе за национальное освобождение, что этот акт служил *исключительно* интересам иностранного капитала, в этом вряд ли кто может сомневаться [1]. *Национализм* китайской буржуазии давно уже улетучился без остатка. Во всяком случае, *политика* китайской буржуазии носит ярко выраженный, откровенно *антинациональный* характер. В доказательство

[1]) Совсем на-днях мы читали в газетах сообщение, что в Ханькоу «по распоряжению китайских властей» закрыто отделение Центросоюза и высланы его сотрудники. Агентства Центросоюза, ведущего широкую торговлю с Китаем, были оставлены во всем Южном Китае уже после разрыва с СССР *по требованиям самих китайских торговцев*. Если они сейчас закрываются, то это об'ясняется чудовищным произволом милитаристской власти и домогательствами английского капитала, свободно хозяйничающего в царстве буржуазно-помещичьей реакции

этого положения можно было бы привести бесчисленное количество примеров и фактов. Мы ограничимся, однако, лишь двумя официальными заявлениями признанных вождей и представителей национальной буржуазии. Вот заявление Чан Кай-Ши, сделанное им 13 декабря иностранным корреспондентам.

«Мое теперешнее убеждение, что мы не должны ограничиться разрывом сношений с Советской Россией, но *должны также об'единиться с остальными державами* для борьбы против коммунистической партии».

А вот что говорил 1 декабря Ван Тин-Вей, пытавшийся—при всей его кровожадной ненависти к рабоче-крестьянскому движению — до самого последнего времени играть роль «левого», радикального «гоминдановца», оставшегося верным заветам Сун Ят-Сена [1]).

«Мы все еще придерживаемся наших взглядов о необходимости отмены неравных договоров, но политика наша в этом вопросе будет в дальнейшем *не так резка*, как в то время, когда наша партия находилась под влиянием коммунистических элементов. Раньше внешняя политика под влиянием коммунистических чувств была ярко выраженной антииностранной. Теперь, после того, как мы порвали с коммунистами, мы *будем применять новые методы*. Наше поведение зависит от поведения разных держав. *Впредь мы не будем пользоваться такими антииностранными лозунгами, как в прошлом, и способы борьбы будут изменены*».

В пространных комментариях эти заявления не нуждаются. Если таковы *слова* героев национальной буржуазии, то *дела* их иначе, как самой *низкой изменой* делу национального освобождения Китая назвать нельзя. Планы империалистов о колониальном делении Китая давно уже были бы осуществлены не только без всякого серьезного сопротивления со стороны китайской буржуазии, но и непосредственно ее руками, если бы проведению этих планов не противодействовали другие силы и другие обстоятельства, ничего общего с «национализмом» китайской буржуазии не имеющие. Тов. Миф безнадежно спутал две, совершенно разные вещи: буржуазно-демократический характер китайского националистического движения и национализм китайской буржуазии. Китайская буржуазия давно уже стала *антинациональным фактором*, ее политика является прямым предательством интересов национального движения, но само национальное движение носит буржуазно-демократический характер, поскольку главной его силой является *китайское крестьянство*. Однако, по мере перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую борьба за национальное освобождение Китая неизбежно должна принимать новый, социалистический характер.

Что могло дать повод тов. Мифу усмотреть опасность в том, будто китайская буржуазия может еще увлечь за собой «по каналам национализма» *широкие* (!) массы (!!) крестьянства (!!), городской бедноты (!!) и т. п.? Может быть, тов. Миф думает, что китайская буржуазия ведет и будет вести широкую националистическую пропаганду в целях обмана трудящихся масс? Но заявления Чан Кай-Ши, Ван Тин-Вея и вся кампания китайской прессы в последние месяцы совершенно опрокидывают это предположение. Если бы буржуазия даже хотела завоевать доверие масс националистической пропагандой, она уже не в состоянии ее развернуть сколько - нибудь широко, во первых, из опасений, как бы не рассердить своих империалистских покровителей, а, во-вторых, потому, что эта пропаганда неизбежно обер-

[1]) «Левым» фразам этого отвратительного фигляра удалось ввести в заблуждение некоторых коммунистов (не в Китае, а у нас, в СССР), продолжающих считать Ван Тин Вея выразителем интересов радикальной мелкой буржуазии и представителем «особого течения» в Гоминдане, с которым надо «серьезно считаться».

нулась бы целиком против нее самой. Достаточно указать хотя бы на кампании бойкота иностранных товаров — они проводятся все реже и слабее. Когда «левые» Ван Тин-Вей и Джан Фа-Гуй вздумали недавно в Кантоне начать кампанию бойкота иностранных товаров, они немедленно были «поставлены на место» Кантонской торговой палатой, протестовавшей против этой кампании под тем предлогом, что «Япония отозвала свои войска из Шаньдуня, и нет поэтому смысла бойкотировать японские товары». Тов. Миф настолько исказил в своей речи картину действительных отношений в Китае, что трудно подыскать какие-нибудь об'яснения этому искажению. Может быть, оно понадобилось тов. Мифу для совершенно ложного политического вывода, согласно которому важнейшая задача китайских коммунистов заключается в борьбе (т. Миф даже подчеркивает—«в беззаветной борьбе») за гегемонию пролетариата в революционном движении. Но это уже чудовищная, непростительная ошибка! Борьба за гегемонию пролетариата заполняла собою все содержание прошлой исторической полосы, закончившейся в апреле—июле 1927 года. Борьба эта закончилась полным переходом буржуазии на сторону контрреволюции; тем самым решился вопрос и о том, какому классу принадлежит руководство революционным движением. Рабочий класс Китая после июля 1927 года является единственным вождем и руководителем в революционном блоке угнетенных классов. Сегодня вопрос стоит не о борьбе за гегемонию пролетариата,—этот вопрос уже решен историей и решен окончательно!—а о расширении, усилении и организационном закреплении пролетарского руководства во всем революционном массовом движении, развертывающемся стихийно и крайне неравномерно. Борьба за гегемонию пролетариата была главной задачей китайских коммунистов тогда, когда буржуазия принимала еще участие в революционном движении и стремилась обеспечить себе в нем руководящую роль. Но это было на прошлом, уже изжитом этапе китайской революции. На новом этапе революции гегемония пролетариата уже осуществляется. Кто этого не понял, тот не понял ничего в развитии китайской революции.

Мы так подробно остановились на ошибках тов. Мифа, казалось бы элементарно ясных, потому, что эти ошибки не случайны и свойственны не одному товарищу Мифу. В несколько более завуалированной форме мы находим их и у такого видного политического деятеля, как тов. Лозовский. В своем докладе харьковскому партактиву 4-го октября 1927 г. [1]) т. Лозовский говорил следующее:

«Рядом с компрадорской буржуазией за последние годы вместе с ростом Китая выросла своя национальная буржуазия. Мне в Китае приходилось слышать целую теорию о том, что в Китае, дескать, отсутствует крупная буржуазия, что национальной буржуазии нет, что крупную буржуазию в Китае составляют одни иностранцы, китайскую же буржуазию необходимо-де считать мелкой. Эта теория безусловно неверна, она не соответствует действительности. В Китае имеется своя национальная буржуазия—торговая, промышленная, финансовая. Вы можете найти в Шанхае сотню национальных китайских банков, правда, менее крупных, чем шанхайско-гонконгский банк; громаднейшие торговые фирмы, фабрики и заводы находятся в руках китайского капитала. По всему Ян-Цзы, начиная от Шанхая и по всему побережью, т. е. на территории расположения крупной промышленности—вы всюду встретите национальную промышленность, эксплоатирующую многочисленные массы рабочих. Национальная буржуазия стремится избавиться от империализма для того, чтобы самой эксплоатировать рабочий класс. Она хочет

[1]) Доклад этот перепечатан в сборнике «О Китае», изданном в 1928 г., откуда мы и берем цитату.

добиться независимости Китая, таможенной автономии, твердой денежной системы, она хочет освободиться от разбойничьей военной системы в своих же кровных интересах. Она стремится к освобождению Китая от иностранных пушек, чтобы превратить страну в капиталистический рай для себя... Она играет большую роль, особенно в настоящее время, когда весь Китай захвачен контрреволюцией, во главе которой стоит национальная буржуазия».

Мы привели столь длинную цитату из речи т. Лозовского потому, что она представляет собою как бы сводку всех ошибок, которые у нас обычно делаются в оценке роли китайской национальной буржуазии. Остановимся хотя бы на самых главных из этих ошибок.

Мы не знаем, от кого пришлось т. Лозовскому слышать в Китае «теорию», отрицающую существование крупной национальной буржуазии в Китае. Нам известно, однако, что и в Китае и в СССР распространена довольно широко «теория» о том, что все командные высоты и в капиталистической индустрии, и в крупной торговле, и в области финансов и банковского дела находятся в руках иностранного капитала. В Китае нет ни одной сколько-нибудь значительной отрасли промышленности (за исключением шелковой), в которой иностранный капитал не занимал бы господствующего положения. Даже в текстильной промышленности (по данным японских газет за декабрь 1927 г., несомненно, преуменьшенным, т. к. они не учитывают иностранных вложений в предприятия, формально принадлежащие китайцам) доля иностранного капитала в общей сумме инвестиций равна 52,4%. Эта цифра не дает, однако, представления о доле иностранного капитала в производстве текстильных изделий. Китайские предприятия, как правило, оборудованы более дорогими машинами и работают со значительно меньшей нагрузкой, чем иностранные фабрики. Еще крупнее доля иностранного капитала в табачной промышленности, быстро развертывавшейся в последние годы. Значительная часть мельниц и маслобоен крупного капиталистического типа принадлежит также иностранному капиталу. Во всех же остальных отраслях индустрии, особенно в горной и металлургической, роль национального китайского капитала совершенно незначительна. Морское и речное судоходство современного типа почти полностью, а железнодорожный транспорт по крайней мере на 80% находится в руках иностранного капитала. Что же касается финансового и банковского дела, то один Гонконг-Шанхайский банк, принадлежащий англичанам, играет в хозяйственной жизни Китая неизмеримо большую роль, чем все китайские национальные банки вместе взятые. В этом банке сосредоточиваются доходы от соляной монополии и таможенных пошлин; он регулирует цены на серебро—основную китайскую валюту—и движение серебра на рынке; от него зависит судьба китайских финансов так же, как и существование сотен банковских и торговопромышленных китайских заведений. Вот всех этих обстоятельств и не учитывает тов. Лозовский в своем увлечении мощью китайской буржуазии. О китайских банках в Шанхае он находит нужным сказать лишь то, что они, «правда, менее крупны, чем Шанхайско-Гонконгский банк»! Но ведь это же не марксистский анализ, а поверхностнейшее впечатление туриста, побывавшего в Китае и увидевшего на улицах Шанхая многочисленные вывески китайских банков. А то, что т. Лозовский говорит о национальной китайской индустрии, недостойно даже самого легкомысленного туриста, потому что никакой турист, путешествовавший по Ян-Цзы, не мог «встретить» на ее пустынных берегах того, чего на них нет. По всему течению Ян-Цзы лишь в Шанхае (расположенном, кстати, на притоке Ян-Цзы) и Ханькоу [1]) можно «встретить» крупную капиталистическую промы-

[1]) Если не считать нескольких хлопкоочистительных предприятий в Нанкине и закрывшегося еще в 1922 г. Таепинского завода в Хубее.

шленность, и та в значительной доле принадлежит иностранному капиталу. Нет никакого сомнения, т. Лозовский чересчур увлекся и сильно переборщил в описании своих китайских впечатлений.

В Китае есть, конечно, крупная национальная буржуазия. Но нельзя ставить ее на одну доску с американской, английской или германской буржуазией *и к этому* (с добавлением, что китайская буржуазия притесняется иностранным капиталом) сводить весь анализ ее социально-экономической роли. А ведь как раз так и поступает тов. Лозовский. Тов. Лозовский говорит, например, о китайской *финансовой буржуазии* и в доказательство существования финансового капитала в Китае ссылается на ту самую сотню шанхайских банков, о которой речь уже была выше. Но сравнивать *китайский* банковский капитал с *современным финансовым капиталом*, являющимся продуктом эпохи империализма, все равно что сравнивать современного банкира с ростовщиком. А «между банкиром и ростовщиком (по Марксу) лежит различие двух общественных способов производства и соответствующих им форм общественного строя».

Китайский банковский капитал представляет собой лишь одну из форм, лишь разновидность *ростовщического капитала*. А ростовщический капитал возникает и функционирует, как известно, там, где преобладают докапиталистический способ производства и докапиталистические общественные отношения. Мы не имеем возможности останавливаться сколько-нибудь подробно в настоящей статье на вопросе о значении ростовщического капитала в экономике Китая [1]). Отметим лишь некоторые основные моменты, имеющие прямое отношение к вопросу о роли китайской национальной буржуазии. Во-первых, китайский ростовщический капитал самым тесным образом связан с иностранным капиталом и выполняет для него *компрадорские функции*. Китайские банки являются в своем большинстве *компрадорскими агентурами* финансового капитала империалистских стран. Связь иностранного капитала с китайским ростовщичеством вовсе еще не означает, что ростовщический капитал перерастает в современный финансовый капитал. Правильнее будет обратный вывод: иностранный финансовый капитал функционирует в Китае часто, как ростовщический капитал [2]). В этом обстоятельстве кроется одна из причин того, что империализм стремится сохранить докапиталистические отношения в Китае, что не мешает ему разрушать их против своей же воли.

Во-вторых, как в сельском хозяйстве, так и во всей китайской торговле и промышленности ростовщический капитал занимает господствующее, командующее положение. Свой оборотный капитал национальная промышленность Китая черпает из китайских банков, конечно, на условиях ростовщического процента. Исключительно высокий уровень процента придает ссудному капиталу в китайских условиях характер ростовщического капитала. Уже по этому обстоятельству можно судить о том, насколько неразвита еще национальная капиталистическая промышленность в Китае. Известно, что «высокий или низкий уровень процента в стране находится в обратном отношении к высоте промышленного развития» (Маркс). К этому надо добавить, что даже крупные китайские предприятия ведутся по принципам, свойственным ростовщическому капиталу, а не по принципам капиталистического расчета. Не останавливаясь подробнее на этом вопросе, заметим лишь, что это обстоятельство является одной из причин частой смены вла-

[1]) Этот вопрос с исчерпывающей полнотой разработан в прекрасной марксистской работе тов. Мадьяра, посвященной экономическим проблемам Китая. Этот замечательный труд в скором времени будет отпечатан. Из этого труда и заимствуем мы ряд выводов о ростовщическом капитале.

[2]) Преобладающая часть иностранного капитала функционирует в Китае, как торговый капитал.

дельцев китайских предприятий. Вообще, вследствие запоздалого развития капитализма в Китае еще не успел сложиться сколько-нибудь устойчивый класс предпринимателей. К тому же почти любой китайский капиталист самыми тесными узами связан еще с помещичьим землевладением. Китайская буржуазия не успела еще разорвать той пуповины, которая привязывает ее к докапиталистическим, полуфеодальным отношениям китайской деревни.

Мы видим, таким образом, что национальная китайская буржуазия выглядит совсем не на такой европейский лад, как ее изобразил тов. Лозовский. Она является самым незрелым и запоздалым классом китайского общества, не освободившимся еще из пеленок старого китайского общества. Революция застала китайскую буржуазию на такой ступени развития, когда она не успела еще фиксироваться, как самостоятельный класс китайского общества. Революция была направлена против гнета иностранного капитала и пережитков докапиталистических, полуфеодальных отношений в социально-экономическом укладе и политическом строе Китая, т. е. против тех преград, которые задерживают развитие капитализма в Китае, а следовательно, и дальнейшее развитие национальной буржуазии. Путь революционного разрешения задач буржуазно-демократического переворота был для национальной буржуазии единственным путем ее социального и политического самоопределения, как самостоятельного исторического класса китайского общества. Но история поставила китайскую национальную буржуазию между двумя жерновами. Национальная революция вызвала к жизни такие силы, которые не только грозят сломом старых порядков и уничтожением господства реакционных классов и иностранного капитала, но и неизбежно приходят в самое острое столкновение с национальной буржуазией. В лице молодого китайского пролетариата, являющегося продуктом развития не только национальной, но, в первую очередь, иностранной промышленности и торговли, национальная буржуазия встретилась со своим самым страшным, смертельным врагом. Потерять в революции *все* или ценой *капитуляции* перед силами реакции и иностранным капиталом сохранить хотя бы то, что у нее имеется—так вставал вопрос перед национальной буржуазией по мере роста и развития революционного массового движения с его коммунистическими лозунгами и классовыми требованиями. Буржуазия *вынуждена* была капитулировать перед старыми порядками, против которых она сама поднялась вначале на борьбу.

Переход национальной буржуазии в лагерь помещичье-милитаристской реакции и иностранного капитала был с ее стороны не маневром—маневрировать можно там, где имеется хотя бы известная свобода выбора,—а совершенно *неизбежной капитуляцией* перед старым порядком. На эту капитуляцию национальная буржуазия вынуждена была пойти прежде, чем революция успела разрешить хотя бы одну из задач буржуазно-демократического переворота. Капитуляция в *этих условиях* означала величайшее *историческое* банкротство национальной буржуазии, обрекающее ее на социально-политическое вырождение и загнивание. Победа буржуазно-помещичьей контрреволюции над рабоче-крестьянским массовым движением в апреле—июле 1927 г. была в то же время историческим поражением для самой национальной буржуазии, поражением, отрезывающим ей всякие пути дальнейшего развития. Вот этого обстоятельства и не понял тов. Лозовский. Его рассуждения о том, что «национальная буржуазия *стремится* избавиться от империализма.... *хочет* добиться независимости Китая,... *хочет* освободиться от разбойничьей военной системы в своих же кровных интересах» и т. п., носят обывательски-поверхностный характер. Мало ли кто чего хочет! В общественной борьбе имеет значение не этот вопрос, а другой: *какую политику вынужден проводить тот или иной класс*? А политика национальной буржуазии по отношению

к империализму, милитаристам, помещикам, компрадорскому торгово-ростовщическому капиталу, бюрократии и т. п. есть политика *полной капитуляции*. А отсюда ясно, что совершенно неправильным является и тот вывод, который делает т. Лозовский, будто национальная буржуазия играет в лагере реакции *главенствующую, руководящую роль*. Правильно как раз обратное. В блоке иностранного капитала и помещичье-милитаристской реакции национальная буржуазия сумела занять лишь *подчиненное* место. Роль ее, как самостоятельной политической силы, становится все меньше и в лагере реакции и во всей общественной жизни Китая. Лишь в одной области возрастает активность национальной буржуазии: в своей бешеной ненависти к движению угнетенных классов, в кровавых методах его подавления, в попытках подкупить, развратить и разложить кадры рабочего класса, в циничном проституировании лозунгов революции и учения Сун-Ят-Сена она превзошла всех своих союзников по реакционному лагерю. Но это единственная область, которую история отвела для «творческой» деятельности китайской буржуазии.

В революционные периоды, говорил Ленин, «проявляется с наибольшей силой роль различных классов в определении форм социальной жизни». Китайская буржуазия оказалась *совершенно неспособной* к историческому преобразованию общественного строя Китая. Она вынуждена под давлением революционного движения рабоче-крестьянских масс хвататься, как за якорь спасения, за самые отсталые и изжитые формы социальной и политической жизни Китая. Буржуазно-помещичья реакция стремится закрепить и сохранить во всем Китае старый *полуфеодальный* социально-экономический уклад и изживший себя политический строй. Но тем самым буржуазно-помещичья реакция усиливает и обостряет противоречия, вызвавшие китайскую революцию. Тем самым она делает *неизбежным дальнейшее продолжение и развитие китайской революции, какие бы поражения та ни испытывала*. Национальная буржуазия оказалась полным банкротом в деле определения новых форм социальной жизни Китая. Та роль, которую китайская буржуазия играет теперь в общественной жизни Китая, *совершенно исключает возможность реформистского разрешения исторических задач*, стоящих перед этой великой страной. Новые формы социальной жизни Китая могут определить лишь две силы, каждая, конечно, по своему: либо международный империализм, либо китайский пролетариат, опирающийся на крестьянство Китая и помощь всемирного рабочего класса.

III.

В декабре 1848 г., подводя баланс прусской революции, Маркс бичующими словами характеризовал историческую роль германской буржуазии:

«Без инициативы, без веры в себя, без веры в народ, без всемирно-исторического призвания, проклинаемый всеми старец, который видит себя осужденным на то, чтобы в интересах своей собственной дряхлости руководить юношескими стремлениями сильного народа и отводить их, старец, потерявший зрение, слух, зубы, потерявший все,—такою очутилась прусская буржуазия после мартовской революции у руля прусского государства».

«История прусской, как и вообще немецкой буржуазии, — писал Маркс,—доказывает, что в Германии чисто буржуазная революция и создание буржуазной власти в форме конституционной монархии невозможна, что возможна только либо феодально-абсолютистская контрреволюция, либо социально-республиканская революция».

Известно, что Маркс ошибался, отрицая возможность *компромиссного* развития для Германии середины XIX века. Свою ошибку и Маркс

и Энгельс признали сами, как только стало ясно, что Германия после революции 48 г. прочно вступила на путь буржуазного развития.

«Принимая во внимание обстоятельства того времени,—писал Энгельс о 48 годе,—для нас не могло оставаться места сомнениям на тот счет, что началась великая решительная борьба, которая составит один длинный и богатый переменами революционный период, но которая завершится лишь окончательной победой пролетариата». «Но история показала, — продолжает Энгельс,—что неправы были мы и что наш тогдашний взгляд был иллюзией... Она ясно показала, что тогдашний уровень экономического развития далеко еще недостаточен для того, чтоб устранить капиталистический способ производства». Уже в 1850 году, когда обозначился несомненный промышленный под'ем в Германии и вообще в Европе, Маркс писал, что при таком развитии производительных сил буржуазного общества «о действительной революции не может быть и речи». «Новая революция возможна только в сопровождении нового кризиса. Но наступление ее также несомненно, как и наступление кризиса». Германская буржуазия оказалась в этих исторических условиях способной провести постепенное, мучительно медленное преобразование всего общественного строя Германии на капиталистических началах. Тем самым германская буржуазия выполнила свое всемирно-историческое призвание, которое Маркс отрицал за нею в 1848 г. Но не надо забывать, что «прусский путь» развития капитализма оказался возможным лишь на основе экономической революции, охватившей после 1848 г. *всю Европу* вплоть до России.

Ссылка на взгляды Маркса и Энгельса в 1848 г. приведена нами не для того, чтобы построить аналогию между Германией середины XIX столетия и современным Китаем [1]). Не говоря о других различиях, подобная аналогия была бы неправильна уже в силу того, что Китай — *полуколониальная* страна, и китайские события разыгрываются в эпоху империалистских войн и всемирной пролетарской революции. Ссылка на Маркса и Энгельса нужна нам для того, чтобы установить *один из исходных пунктов* их взглядов на невозможность *компромиссного* разрешения общественных противоречий в определенные исторические периоды. Этот исходный пункт—отрицание исторического призвания и силы буржуазного класса — *вполне* применим к оценке современного положения Китая. Перефразируя слова Маркса, мы можем с полным правом сказать:

Вся история китайской буржуазии с апреля—июля 1927 г. по февраль 1928 г. доказывает, что в Китае чисто буржуазная революция невозможна, что всякий реформистский путь разрешения исторических задач, стоящих перед страной, исключен, что возможны только: либо полное превращение Китая в колониальную добычу империалистских стран, либо решительная победа революции, выходящей далеко за буржуазно-демократические рамки и знаменующей начало социалистического переворота.

В дискуссии на совещаниях при ИККИ эта точка зрения встретила одно, так сказать, *априорное* возражение. Нам возражали: нельзя считать реформистский, компромиссный путь развития исключенным для Китая: это—неправильная, неленинская постановка вопроса; надо ставить вопрос так: какой путь победит, реформистский или революционный, это решит

[1]) Если бы допустить такую аналогию, Марксову характеристику прусской буржуазии пришлось бы несколько изменить применительно к национальной буржуазии Китая после апрельско-июльских событий; в ней пришлось бы еще более выпятить все отрицательные моменты и зачеркнуть все, что Маркс говорил о революционности буржуазии по отношению к консерваторам. Ни тени революционности и самостоятельности у китайской буржуазии не осталось. Всю Марксову характеристику пришлось бы помножить еще на такой коэффициент: «Чем дальше на Восток, тем *подлее* буржуазия». Величина этого коэффициента вполне соответствовала бы отдаленному положению Китая на Востоке.

борьба; победу революционного пути можно считать наиболее вероятной, но это еще не значит, что реформистский путь совершенно исключен.

Нам кажется, что эта аргументация, при всей ее серьезности, бьет все же мимо цели. Ленин действительно так ставил вопрос: в революционные периоды сама «история ставит на разрешение борющихся сил вопрос о выборе прямого или зигзагообразного пути» (Ленин считал, что зигзагообразный путь истории есть путь компромиссов: «Всякий зигзагообразный поворот истории есть компромисс, компромисс между старым, уже недостаточно сильным для полного отрицания нового, и между новым, еще недостаточно сильным для полного свержения старого»). «Революционные периоды являются по преимуществу такими периодами истории, когда в сравнительно короткие промежутки времени столкновение борющихся общественных сил решает вопрос о выборе страной прямого или зигзагообразного пути развития на сравнительно очень продолжительное время». Но о возможности победы компромиссного пути Ленин поставил вопрос лишь тогда, когда этот путь обозначился уже в действительности. «Марксист,—писал Ленин в 1907 г.,—обязан бороться за прямой революционный путь развития, когда такая борьба предписывается об'ективным положением вещей, но это... не значит, что мы не должны были считаться с определившимся уже фактически зигзагообразным поворотом. С этой стороны ход русской революции определился уже вполне».

Весь ход событий в Китае, вся конкретная обстановка, сложившаяся после апреля—июля, все экономическое и политическое развитие страны с тех пор доказывают, что компромиссное решение исторических задач Китая невозможно. С этой стороны—говоря словами Ленина—ход китайской революции определился уже вполне. Таким образом, отводить выдвинутое нами положение априорными соображениями совершенно неправильно. А об'ективная действительность подтверждает его полностью.

Подвинулось ли со времени победы помещичье-буржуазной контрреволюции хоть на один шаг вперед разрешение хотя бы одной из тех исторических задач, которые стоят перед Китаем? Говоря об исторических задачах, мы имеем в виду—в данном контексте—задачи буржуазно-демократического переворота, т.-е. освобождение страны от всех видов угнетения со стороны империалистских хищников, ломку всех полуфеодальных, азиатских перегородок в социально-экономическом укладе, задерживающих всякое дальнейшее экономическое развитие Китая, полный слом старого бюрократического государственного аппарата и новой милитаристской разбойничьей системы власти, об'единение всего Китая в одно государственное целое и т. п. Буржуазно-помещичья реакция не только не подвинулась вперед в разрешении этих задач; за несколько месяцев ее господства Китай сделал значительные шаги по пути попятного развития. Мы уже говорили выше о том, насколько усилились политические позиции империализма в Китае после победы контрреволюции. Смело можно сказать, что так полновластно и беспрепятственно, как при господстве героев национальной буржуазии Чан Кай-Ши, Бай Чжун-Си и др., иностранный капитал никогда еще не хозяйничал в Китае. Но дело не ограничивается одним политическим укреплением позиций империализма в Китае. Япония, правильно учтя значение контрреволюционного поворота в политике национальной буржуазии, уже наложила лапу на Манчжурию и Монголию. Правда, те требования, которые Япония пред'явила Чжан Цзо-Лину [1]) (насчет обеспечения ее «прав» в Манчжурии и внутренней Монголии), еще формально не признаны правителем Северного Китая. Но это не мешает японцам осуществлять их явочным порядком и шаг за шагом превращать обе эти области Китая в свою фактическую колонию. О ближайших планах другого хищника – Великобритании—лучше всего может дать представление отчет комиссии для изучения перспектив английской торговли в долине Ян-Цзы, назначенной британским правительством. Эта комиссия состояла из виднейших английских купцов и была возглавлена коммерческим атташе пекинского посольства Брэтом. Отчет [1]) комиссии Брэта представляет большой интерес не только тем, что он раскрывает планы английских империалистов, но и тем, что он дает интересную картину состояния торговли в центральном Китае, решительно опрокидывающую рассуждения некоторых «марксистов», находящих в современной обстановке Китая тенденции экономической стабилизации и считающих торгово-промышленный кризис в Китае явлением скоропреходящим, за которым в ближайшее время должен наступить новый экономический под'ем. Вот выдержки из отчета комиссии Брэта:

> «Во всех важнейших открытых портых в долине Ян-Цзы торговля находится в состоянии депрессии. В Чин-Цзяне английская концессия все еще занята китайскими войсками, и не советуется иностранным купцам проживать в этом городе. По заявлениям иностранных купцов китайские купцы не платят своих долгов, и многие просто похитили предоставленные им иностранными купцами для заготовок фонды.
>
> В Нанкине вообще нет торговли. В Уху торговля очень ограниченная. То же самое в Цзю-Цзяне, где финансовые и валютные затруднения и тяжелое обложение мешают торговле. Банкноты Центрального банка потеряли 55% своей стоимости, но власти заставляют купцов принимать их по номинальному курсу. В Ханькоу неопределенность политического положения, невероятно высокие налоги и валютные затруднения свели торговлю почти на-нет. В Чанше валютное положение еще хуже, чем в Ханькоу. Бумажные деньги быстро обесцениваются. В Чанше у купцов имеется 2 миллиона кулей риса, но купцы не хотят продавать рис за бумажные деньги. В Ичане никакой торговли нет. В Чун-Цзине положение немножко улучшилось. Но судоходство все еще связано с большим риском в виду того, что Ян-Сен настаивает на своем праве реквизировать любой пароход для военных перевозок. Положительным моментом для Чун-Цзина является то, что там не выпущены новые бумажные деньги. Единственным положительным в долине Ян-Цзы с точки зрения торговли, является хороший урожай. Но реализация урожая чрезвычайно затрудняется недостатком серебряной монеты, валютными и финансовыми затруднениями, дезорганизацией прежнего торгового оборота, дезорганизацией заготовительного аппарата иностранных фирм, налогами, вмешательством военных властей в торговлю». (Цитировано по бюллетеням шанхайского консульства СССР).

После этого описания отчет переходит к вопросу о британских интересах:

> «Британские экспортеры потерпели огромные убытки, их запасы были конфискованы военщиной, их китайские контрагенты отказываются платить долги, и торговля, даже наличными, затрудняется невыносимыми налогами, валютными затруднениями и бесконечными препятствиями другого порядка. Судоходные кампании также должны побороть огромные затруднения. На верхнем течении реки Ян Цзы судо-

[1]) Эти требования перечислены в докладе тов. Бухарина на XV с'езде партии.

[1]) Он опубликован в конце ноября 1927 г, в английской прессе, выходящей в Китае.

ходство невозможно без конвоирования пароходов военными судами. В виду того, что в долине Ян-Цзы британские фирмы в большинстве случаев являются лишь отделениями Шанхайских фирм, можно с уверенностью сказать, что шанхайские фирмы также потерпели огромные убытки. Основная причина угнетенного состояния торговли заключается в политическом положении, и пока политическое положение не улучшится нельзя ожидать существенного улучшения торговли. Может быть, в Чанше, в Ичане и Чун-Цзине положение в ближайшее время немножко улучшится. Но в общем и целом те причины, которые привели к разорению торговли, продолжают действовать, и имеется только два пути к существенному улучшению положения.

Первый путь, это — интервенция в большом масштабе. Второй, это—выжидать, пока в долине Ян-Цзы постепенно создастся более или менее прочное правительство, при чем иностранное влияние или частичные жесткие выступления иностранных держав смогут ускорить создание такого правительства лишь в незначительной мере».

Не может быть никакого сомнения, что интервенция в большом масштабе, т.-е. окончательное колониальное порабощение и раздел Китая между империалистскими странами давно уже подготовляется и частично находится уже на пути к осуществлению. Разрыв южно-китайских правительств с Советским Союзом был крупнейшим успехом иностранного капитала. Задача интервенции этим разрывом была для империалистов в значительной степени облегчена. Правда, империализму для проведения плана интервенции в большом масштабе остается еще преодолеть такие препятствия, как революционное движение рабоче-крестьянских масс Китая, сопротивление международного пролетариата и противоречия в собственных рядах. Вопрос о том, насколько империализму удастся справиться с этими препятствиями, решится на арене всемирной социальной борьбы. Но несомненным остается то, что буржуазно-помещичья реакция Китая облегчает задачу интервенции империалистам и позволяет им осуществлять ее по частям (постепенный захват Манчжурии и Монголии Японией).

Таковы же итоги господства буржуазно-помещичьего блока и в социально-экономической области. Основной вопрос китайской революции — аграрный вопрос—не только не разрешен ни на иоту, но и стоит теперь гораздо острее, чем когда бы то ни было раньше. Единственная реформа в аграрном вопросе, которую национальная буржуазия возвещала самыми трескучими фразами,—снижение арендной платы на 25%,—провалилась окончательно и бесповоротно. Никто в Китае теперь об этой реформе даже не заикается. Буржуазия поддерживает класс помещиков и полуфеодальные, азиатские земельные отношения полностью и безоговорочно. То, что тов. Миф говорил на XV с'езде партии о возможности «столыпинского» пути разрешения аграрного вопроса в Китае, представляет из себя самую большую ошибку, какую вообще можно сделать в китайском вопросе. Тов. Мифу коротко, но правильно, ответил т. Бухарин: «Этот путь закрыт в Китае. Для него нет экономической базы на решающих территориях Китая». Но дело не только в отсутствии земельного фонда, которым можно было бы маневрировать, на что указывал т. Бухарин, и не только в отсутствии чисто-экономических предпосылок для столыпинской реформы в Китае. Дело в характере социальных отношений в китайской деревне, исключающих возможность всякого половинчатого разрешения аграрного вопроса. Дело также в соотношении политических сил в Китае, в частности, в роли китайской буржуазии, абсолютно неспособной взять на себя задачу переделки докапиталистических земельных отношений в современные буржуазные отношения.

На основе существующих социально-экономических отношений в китайской деревне растет и разворачивается глубокий, длительный кризис сельского хозяйства. Мы считаем в основном правильной ту характеристику, которую дал этому явлению ноябрьский пленум ЦК китайской коммунистической партии. В основном оценка ноябрьского пленума такова: продолжается и принимает все более катастрофический характер процесс упадка и разорения сельского хозяйства Китая. Относительно «хороший» урожай 1927 г. [1]) (при котором массовая голодовка органичится «только» двумя провинциями: Чжили и Шаньдунем, а в других областях Китая «только» теми районами, которые вконец разрушены войной и стихийными бедствиями) не ослабляет тенденции упадка сельского хозяйства. В результате «хорошего» урожая крестьянство вынуждено повысить дань помещикам, покрыть старую задолженность землевладельцу и ростовщику и сбывать скупщику сельскохозяйственные продукты по крайне сниженным ценам. В виду «хорошего» урожая налог, взимаемый милитаристами с крестьянства, увеличивается вдвойне и втройне. Эксплоатация китайского крестьянина помещиком, ростовщиком и купцом, ограбление его милитаристами, угнетение его бюрократией, джентри и т. п. приняли такие чудовищные формы и размеры, что нормальное воспроизводство условий труда становится для крестьянина совершенно невозможным. От 50% до 80% крестьян доведено эксплоатацией и грабежом имущих классов до такого уровня жизни, который стоит ниже голодного минимума. На ряду с чудовищной прямой эксплоатацией крестьянина помещиком, ростовщиком и купцом, на ряду с ограблением его хозяйства милитаристами, реквизирующими не только жизненные припасы и рабочий скот, но и рабочую силу крестьянина, быстрому упадку сельского хозяйства способствуют также все усиливающийся процесс парцелляции крестьянских хозяйств, разрушение оросительных и осушительных сооружений, бывших предметов забот государственной власти, а теперь покинутых на произвол судьбы, учащающиеся стихийные бедствия, финансовая анархия, дезорганизация торговли и рынка сбыта для сельскохозяйственной продукции, рост бандитизма и т. д. Единственным выходом из этого кризиса может быть только полная победа рабоче-крестьянской революции и радикальный аграрный переворот.

Кризис китайского сельского хозяйства сопровождается, однако, общим экономическим кризисом: торговым, промышленным и финансовым. Выше мы приводили выдержки из отчета комиссии Брэта, характеризующие состояние торговли в основной хозяйственной области Китая—в долине реки Ян-Цзы. Но таково же состояние торговли во всем Китае, за исключением Манчжурии и нескольких второстепенных открытых портов. Внешняя торговля Китая за 1927 год сократилась на 25%, а до двадцать седьмого года она все время развивалась по поднимающейся линии [2]). О состоянии железно-

---

[1]) Что значит «хороший» урожай в Китае, можно судить по размерам голодовки в 1927 г. Недавно «Таймс» сообщал, что размеры голода в Китае в 1927 г. преувеличены и что на голод обречено «не больше четырех миллионов (!!) человек». По позднейшим сведениям эту цифру надо увеличить до 9 (девяти) миллионов. А у нас еще находятся «умники», которые говорят, что называть кризис сельского хозяйства в Китае катастрофическим — значит «сильно преувеличивать»!

[2]) Между прочим, начиная с 1922 года падает ввоз машинного оборудования—с 41 миллиона америк. долларов до 7 и 8 миллионов в 1925 и 1926 гг. Зато из года в год повышается ввоз предметов питания (в 1913 г. ввезено было 5 миллионов пикулей риса, в 1922 г.—уже 22 млн.), что является несомненным показателем длительного процесса упадка сельского хозяйства.

дорожного транспорта в Китае дает представление следующая выдержка из отчета за 1926 год коммерческого секретаря английского консульства в Шанхае А. Джорджа:

«За исключением Манчжурии *вся железнодорожная сеть* за последние 12 месяцев вышла из коммерческой работы. Трудно описать состояние развала, в котором очутился подвижной состав железной дороги. Скоро останутся одни насыпи! По данным иностранного эксперта при министерстве путей сообщения, американца Беккера, жел.-дор. транспорт Северного Китая за срок с сентября 1924 года по декабрь 1925 года, т.-е. за 15 месяцев имел потери около 800 миллионов мексиканских долларов». За 1927 год состояние железнодорожного транспорта еще более ухудшилось. В настоящее время почти вся железнодорожная сеть Китая (за исключением Манчжурии) лежит в параличе. Значительно сократилось также коммерческое судоходство особенно по речным линиям. Что же касается китайской промышленности (не только национальной, но и принадлежащей иностранному капиталу, в особенности первой), то, начиная с 1924 года, она вступила в полосу *все усиливающейся депрессии*. В текстильной промышленности эта депрессия сказывается особенно заметно. В 1927 году не работало 33% всех веретен, имеющихся в текстильном машинном производстве. Ряд крупнейших текстильных предприятий в 1927 г. закрылся. Шелковая промышленность Китая поставлена под угрозу полного упадка благодаря усиливающейся конкуренции со стороны японской шелковой промышленности и в особенности благодаря ввозу искусственного шелка в Китай. Промышленный кризис в Китае носит не кон'юнктурный, а гораздо более глубокий, *органический* характер. Быстро выросшая за годы войны китайская промышленность не в состоянии теперь — в особенности при отсутствии таможенной независимости,—выдержать конкуренцию современной *рационализированной* европейской и американской промышленности. А с другой стороны, промышленность Китая подтачивается расстройством внутреннего товарооборота, крайним сужением рынка в результате бесчисленных войн, междоусобиц и разорения крестьянства, и финансовой анархией. Все это—причины такого порядка, устранить которые сможет лишь победоносная революция.

Буржуазно-помещичья реакция не смогла и не сможет ни устранить, ни ослабить ни одной из причин, вызывающих общий кризис и экономический упадок Китая [1]).

Посмотрим теперь, к каким *политическим* итогам пришла буржуазно-помещичья реакция за девять месяцев своего господства Нам кажется, что на этот вопрос *вполне правильный* ответ дан в докладе т Бухарина на XV с'езде ВКП. Так как мы вступаем сейчас в область *наиболее спорных* вопросов, мы предпочитаем ответить на поставленный вопрос словами т. Бухарина.

---

[1]) Товарищи, стремящиеся во что бы то ни стало обнаружить тенденции стабилизации буржуазно-помещичьей реакции, ссылаются на то, что в Северном Китае имеет место не кризис, а экономический под'ем. Но, во-первых, совершенно неправильно утверждать это относительно всего Северного Китая Экономический под'ем имеет место *только* в Манчжурии (в Манчжурии растут торговля внутренняя и внешняя, промышленность, железнодорожный транспорт и сельское хозяйство) Во-вторых, Манчжурия является областью колонизации с неисчерпанным еще плодородием земли и громадными лесными и горными богатствами. В третьих, и это особенно важно, Манчжурия уже на три четверти стала фактически *японской колонией* В-четвертых, бесконечные войны на севере Китая ведутся в значительной степени за счет Манчжурии. Это начинает уже отзываться на ее торговле и сказывается в резком падении манчжурских денег Но самое важное то, что хозяин в Манчжурии не китайская буржуазия, а японский империализм.

Разрешил ли империализм *китайскую проблему*?—спрашивал тов Бухарин. «Можно утверждать,—говорил он,—что империалистам общекитайской проблемы разрешить не удалось... Разрешила ли эту китайскую проблему прежде национально-революционная, а теперь национально-контрреволюционная буржуазия? Мне кажется, что она не разрешила этой проблемы, но что развитие об'ективных противоречий между буржуазией, с одной стороны, рабочим и крестьянским движением—с другой, не только *не позволило слабой туземной буржуазии по-своему* решить китайскую проблему, но на деле привело к тому, что китайская буржуазия, попавшая в зависимость от полуфеодального милитаристского аппарата, еще *более ослабела, разбилась на группы и не может выступать, как об'единенная классовая сила* [1]). Мы сейчас присутствуем при таком положении вещей, когда различные военные группировки, имеющие различных политических вождей, раздробились на мало самостоятельные генеральские клики, что дает основание говорить *об известном распаде сил национальной буржуазии*».

В другом месте своего доклада тов. Бухарин говорит, что «национальная буржуазия не только не движется по пути к решению этой проблемы своими методами, путем придушения рабочего класса, блока и компромисса с империалистами, но *она сама все больше дробится, как политическая сила*. Она теперь раздробила свои силы между теми генеральскими кликами, которые получили сейчас на поверхности общественных явлений решающее значение и которые ведут конкурентную борьбу за прямые и непосредственные источники своего собственного существования, потому что им нужно жить, нужно содержать свои армии... Все это требует больших средств, все это может сохраняться только путем величайшего нажима на население. За каждую более богатую провинцию, которая обладает запасами риса и известного количества денег, ведется борьба между кликами. И *таким образом совершается загнивание этих больших милитаристских групп вместе с их буржуазными вождями, запутавшимися в своих внутренних противоречиях*». Нельзя не согласиться полностью с этим анализом. Мы считаем нужным добавить к нему лишь несколько штрихов. Лучшим выражением политического разложения и загнивания буржуазно-помещичьей реакции является крушение и полный распад Гоминдана. Гоминдан был в первый период революции своеобразной политической организацией, осуществлявшей блок революционных классов. Он был и партией революционного блока и в то же время национально-революционным правительством. Буржуазно-помещичья контрреволюция нанесла смертельный удар Гомин-

---

[1]) Не приходится доказывать, что наш взгляд на роль китайской буржуазии совпадает с тем, что тов Бухарин говорил на XV с'езде партии по этому вопросу. В своем выступлении на XV с'езде я лишь повторил, может быть, в чересчур грубой формулировке, мысль, содержавшуюся в докладе тов Бухарина, о распаде и дроблении национальной буржуазии, как политической и классовой силы. Я говорил, что буржуазия не выступает в Китае, как единый класс Должен признать, что в речи на с'езде мой ответ на вопрос тов Сталина- «имеется ли в Китае все же буржуазия?»—«Есть отдельные буржуа, есть отдельные группы буржуазии»—является довольно-таки *неловкой формулировкой*, но этот ответ выражал по сути дела ту же мысль, какую защищал тов Бухарин в своем докладе. В настоящей статье я защищаю ту же самую точку зрения, что и в речи на с'езде.

В одном вопросе, однако, я иду несколько дальше, чем тов Бухарин в своем докладе на XV с'езде Я считаю, что китайская буржуазия вступила в революцию, не успев конституироваться, как самостоятельный класс китайского общества. Переход на сторону контрреволюции лишает китайскую буржуазию возможности сложиться в особый класс даже в перспективе, обрекая ее на ублюдочное состояние Но вопрос о том, является или нет китайская буржуазия «классом для себя», есть *добавочный* вопрос В основном же вопросе об оценке *ее роли* я целиком согласен с речью тов. Бухарина на с'езде.

дану. Буржуазия не сумела превратить его в свою к л а с с о в у ю п а р т и ю, потому что она сама не смогла сложиться в политически единый класс. В настоящее время в Южном Китае столько «гоминданов», сколько враждующих меж собою милитаристских группировок, а их число непрерывно возрастает и измеряется уже двузначными числами. Каждый из милитаристов самым бесцеремонным образом расправляется на своей территории с неугодным ему гоминдановским комитетом (при чем расстрелы и высылки являются обычными методами милитаристской «чистки» Гоминдана) и назначает его состав по своему усмотрению. Комитеты Гоминдана превратились в неумело состряпанные агитпропотделы при отдельных милитаристах и никакой руководящей политической роли не играют. Ни одно политическое движение не падало еще так стремительно, так низко, как пал Гоминдан после контрреволюционного переворота. Знамя Гоминдана давно уже стало символом кровавого террора, безграничной коррупции и милитаристского произвола.

Распад буржуазно-помещичьего лагеря на ряд враждующих между собою милитаристских группировок вызвал нескончаемый цикл междоусобных войн во всем Южном и Центральном Китае. Но и та война между Севером и Югом, которая носила вначале национально-революционный характер, выродилась теперь в обычную междоусобную драку милитаристов. Ведь с точки зрения социального содержания власти между Севером и Югом Китая нет уже никакой принципиальной разницы. Весь Китай, таким образом, является ареной грабительских, разбойничьих генеральских войн, выхода из которых в условиях помещичье-буржуазной реакции нет и не может быть.

Генеральские войны сопровождаются гигантским ростом военных расходов, становящихся совершенно непосильными для населения и подрывающих экономику страны. В 1907 году китайское правительство расходовало на армию 37 миллионов мексиканских долларов в год. Теперь одни военные расходы превышают ежегодно миллиард долларов; из них значительная доля идет в карман милитаристов, личные накопления которых достигают фантастических цифр (один Чжан-Цзо-Лин награбил не меньше 100 миллионов долларов!). Но к военным расходам надо прибавить такую же, по меньшей мере, сумму, идущую на содержание административного бюрократического аппарата буржуазно-помещичьей власти, и совершенно неподдающееся учету натуральное обложение, точнее, ограбление крестьянства войсками в тех районах, где они располагаются или проходят. А сейчас в Китае нет уголка, где бы, как грибы, не росли новые армии новых и старых милитаристов. В продолжение 15 лет провинция Шаньси, в виде единственного исключения во всем Китае, не знала войн. В 1927 г. дубань этой провинции Ень-Си-Шань вступил в борьбу с Чжан-Цзо-Лином, и теперь Шаньси наводнена стопятидесятитысячной армией и успешно разоряется обеими воюющими сторонами. То же самое, что в Шаньси, происходит даже в таких отдаленных провинциях, как Сычуань, Юнань и т. д.

Некоторые товарищи из наиболее увлекающихся теорией консолидации буржуазно-помещичьего режима в Китае выдвигают в подтверждение этой теории такого рода аргумент: современные войны в Китае носят большей частью, так сказать, п о к а з н о й, м н и м ы й характер; дело редко доходит до настоящих военных столкновений и кровопролитных сражений и чаще всего ограничивается бескровными маневрами армий; войны, таким образом, происходят на поверхности общественной жизни Китая, не затрагивая ее основ. «Таков уж этот азиатский деспотизм, что на его поверхности беспрерывно происходят громадные сдвиги (перевороты, путчи, военные кампании), но в низах, в деревне ничто не меняется. Такова уж природа азиатского деспотизма, что сдвиги на его поверхности не меняют его социального содержания и в глубинах крестьянства не преобразуют ни социального, ни политического положения». Сие «глубокомысленное» рассуждение

надлежит понимать, как доказательство наличия тенденций консолидации буржуазно-помещичьего режима.

Трудно представить себе что-нибудь более вздорное, чем это рассуждение. Если бы даже эта характеристика войн была правильна для современного Китая, она могла бы служить доказательством чего угодно, только не наличия «тенденций консолидации» в лагере буржуазно-помещичьей реакции. Междоусобная борьба, какой бы бескровный характер ни носили войны (на самом деле они носят очень и очень кровавый характер) между милитаристами, ослабляет и дезорганизует реакцию, а не усиливает и не консолидирует ее. Это же ясно, как дважды два четыре. Но дело-то в том, что оценка значения современных войн в приведенном выше рассуждении совершенно неправильна. Маркс, об'ясняя застойный характер а з и а т с к и х о б щ е с т в, действительно отмечал, что все, даже крупнейшие политические события в этих обществах совершаются на поверхности общественной жизни, не затрагивая основ их социально-экономического уклада. Но ведь Маркс говорил это про азиатские общества того времени, когда они жили еще изолированной жизнью, когда современный капитализм не проник еще в их поры с тем, чтобы взорвать их застойный уклад. В своих «Письмах об Индии» Маркс прямо говорит о с о ц и а л ь н о й р е в о л ю ц и и, которую вызвало в Индии проникновение английского капитализма. Как же можно законы д а в н о м и н у в ш е й э п о х и переносить на современный Китай, кипящий и бурлящий в котле великой социальной революции? От «азиатского способа производства» в Китае, конечно, остались пережитки, принявшие уродливую форму полуфеодальных отношений, но говорить о застойном характере китайского общества и об его неизменном социально-экономическом укладе, не затрагиваемом общественными бурями, значит— городить величайший вздор. В частности, войны между милитаристами являются в с о в р е м е н н о м К и т а е одним из главных источников гигантских социальных потрясений, революционного возмущения народных масс.

Пора подвести некоторые итоги.

Общие выводы, к которым приводит нас анализ китайской действительности (из этого анализа мы пока сознательно исключили вопрос о формах и силе революционного массового движения) таковы:

1) Ни о какой стабилизации так же, как ни о какой консолидации буржуазно-помещичьей контрреволюции, в Китае не может быть и речи. Этих явлений в Китае нет даже в тенденции. Переход национальной буржуазии в лагерь иностранного капитала и помещичье-милитаристской реакции не сплотил и не укрепил этого лагеря, а л и ш ь у с к о р и л процесс его разложения и распада [1]). В политике, не как в арифметике, простое сложение сил не всегда дает большую сумму, не всегда означает их приращение. С точки зрения арифметики силы реакции выросли после того, как на их сторону перешла буржуазия, а силы революционного лагеря соответственно убавились. С точки зрения марксистской диалектики дело обстоит иначе. Вспомним, как отвечал Ленин в 1905 году на вопрос: «Ослабеет ли размах демократической революции, если от нее отшатнется буржуазия»? Ленин говорит: «На самом деле только тогда начнется настоящий размах русской революции, т о л ь к о т о г д а э т о б у д е т д е й с т в и т е л ь н о н а и б о л ь ш и й р е в о л ю ц и о н н ы й р а з м а х, в о з м о ж н ы й в э п о х у

[1]) В р е м е н н о переход буржуазии на сторону контрреволюции усилил ее лагерь и дезорганизовал ряды массового движения. Но это в р е м е н н о е явление имело своей причиной не об'ективное соотношение классовых сил, а оппортунистические ошибки руководства китайской компартии. Главным образом благодаря этим ошибкам и вылился раскол национально-революционного фронта не в победу демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, а в торжество буржуазно-помещичьей реакции.

буржузно-демократического переворота, когда буржуазия отшатнется и активным революционером выступит масса крестьянства на ряду с пролетариатом». Оставляя пока в стороне общий вопрос о том, насколько можно сравнивать настоящий этап китайской революции с русской революцией 1905 года, нельзя, однако, оспаривать того, что пропасть между пролетариатом и буржуазией сегодня в Китае шире и глубже, политические противоречия между ними значительно острее, чем это было в русской революции 1905 года. Китайский пролетариат заключил революционный блок с национальной буржуазией, и это было совершенно правильно до тех пор, пока этот блок не стал препятствием для развертывания и организации сил массового рабоче-крестьянского движения. Но участие национальной буржуазии в революционном движении Китая, а тем более руководящее ее участие, уже с самого начала стало связывать действительные силы китайской революции и не давало им развернуться сколько-нибудь широко. Освободившись от непоследовательного, отстававшего на каждом шагу и тащившего все движение назад союзника, лагерь китайской революции стал сильнее, а не слабее, размах революции увеличился, а не уменьшился и революционная борьба перешла в более высокие и острые формы. Но усилился ли лагерь реакции после перехода в его ряды национальной буржуазии? Нет, не усилился, потому что переход национальной буржуазии увеличил в нем внутренние противоречия и внес в него элементы распада и разложения В этом вопросе мы целиком согласны с тем, что говорил тов. Бухарин на XV с'езде партии о дроблении, атомизации и загнивании буржуазно-помещичьего лагеря. Консолидация того или иного политического режима возможна лишь на базе сколько-нибудь устойчивых социально-экономических отношений. А мы видели, что никаких элементов стабилизации ни в экономике, ни в социальном укладе Китая нет и не может быть до тех пор, пока власть находится в руках помещиков и буржуазии.

2) В конкретной экономической и политической обстановке Китая, в соотношении сил борющихся классов нет никаких элементов для реформистского, компромиссного разрешения тех общественных противоречий, которые вызвали китайскую революцию. Анализ китайской действительности подтверждает полностью наше положение о том, что из настоящего кризиса Китай может выйти лишь по двум путям: или по пути окончательного и полного превращения в колонию иностранного капитала, или по пути победоносной рабоче-крестьянской революции. Первый путь есть, конечно, путь капиталистического развития Китая, но «развитие» это может быть куплено лишь ценой полного порабощения и разорения китайского народа и ценой дальнейшего упадка страны. Франц Меринг, а вслед за ним и Ленин, называли прусский путь развития капитализма отвратительной оргией. Но то, что готовит империализм Китаю есть в тысячу раз более отвратительная оргия, чем развитие Пруссии в начале и середине XIX столетия. Империализм не прямо и не сразу разрушает докапиталистические отношения в колониях, а мучительно медленно. Он опирается на них, он эксплоатирует их, он через них высасывает кровь и пот трудящегося народа, перегоняемые затем в золото.

Этот путь не исключен, он возможен, но он мало вероятен. Вопрос о нем может решиться борьбою не только в Китае, но и на всей мировой арене. Гораздо более вероятным является путь победоносной рабоче-крестьянской революции.

3) Коммунистический Интернационал всегда рассматривал китайскую революцию, как революцию буржуазно-демократическую с тенденцией перерастания в социалистическую революцию. Эта оценка была совершенно правильна для прошедшей исторической полосы. Теперь она уже недостаточна. Революция уже теперь не может разрешить ни одной из задач буржуазно-демократического переворота без того, чтобы не выйти далеко за его пределы. Основным содержанием революции и на настоящем, как и на прошлом этапе, остаются аграрный переворот и свержение гнета иностранного капитала. Сами по себе, если брать их, абстрагируясь от конкретных особенностей текущей исторической полосы, эти задачи еще не выводят революцию за ее буржуазно-демократические рамки. Но для того, чтобы разрешить эти задачи, пролетариат Китая должен, опираясь на крестьянство, раздавить силой не только сопротивление полуфеодальных докапиталистических эксплоататорских классов Китая, не только сопротивление иностранного капитала, но и сопротивление китайской национальной буржуазии. В этом одно из существенных отличий нового этапа китайской революции от русской буржуазно-демократической революции 1905 года. В «Двух тактиках» Ленин давал такую формулу, определяющую политическое содержание буржуазно-демократической революции:

«Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы силой раздавить сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии».

Задачу подавления силой сопротивления буржуазии Ленин относил к социалистическому перевороту. В Китае пролетариат уже не может ставить перед собой задачи «парализовать неустойчивость буржуазии». Он уже теперь вынужден «силой раздавить ее сопротивление».

Таким образом, по своему политическому содержанию китайская революция уже сегодня выходит за рамки буржуазно-демократического переворота и неизбежно делает первые шаги по пути социалистического переворота Революционно-демократическая диктатура пролетариата уже с первых шагов неизбежно должна перерастать в социалистическую диктатуру пролетариата. Ведь все политическое содержание последней заключается в свержении господства буржуазии и в подавлении ее сопротивления.

Единственной формой, в которой может совершиться это перерастание демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в социалистическую диктатуру пролетариата, является власть Советов. Именно поэтому и был несвоевременен лозунг Советов тогда, когда на очереди не стоял вопрос о непосредственном перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. Вспомним, как решил Коммунистический Интернационал вопрос о лозунге Советов. «При дальнейшем развитии,—говорится в резолюции VIII пленума ИККИ,—знаменующем собою начало перерастания демократической революции в революцию социалистическую необходимо будет создавать Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов».

Но китайская революция выходит за рамки буржуазно-демократического переворота не только по своему политическому содержанию, но и по своему социально-экономическому содержанию. Советская власть Китая с самого начала вынуждена будет экспроприировать всю крупную собственность не только иностранного капитала, но и национальной китайской буржуазии. Национализация всех фабрик и заводов, всего ведущегося на капиталистических началах речного и морского транспорта, всех банков, крупнейших торговых предприятий, крупных жилищ и т. п. будет совершенно неизбежно первым шагом советского правительства. Если бы даже это не входило в намерения революционной власти, она вынуждена будет на эти меры саботажем и китайской буржуазии и иностран-

ных капиталистов. Конечно, китайские коммунисты не могут задаваться целью «немедленно ввести социализм». Конечно, они не могут добиваться отмены всей частной собственности и всей частной торговли. Рамки для развития капиталистических отношений в Китае, несомненно, будут значительно шире даже при самом радикальном осуществлении экспроприации крупных капиталистов, чем у нас в СССР при нэпе. Конечно, переход к социализму будет для Советского Китая значительно труднее, а путь к нему гораздо более сложен и извилист, чем у нас в Советском Союзе. «Все нации придут к социализму,—писал Ленин еще в 1916 г.,—это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни. Нет ничего более убогого теоретически и более смешного практически, как «во имя исторического материализма» рисовать себе будущее в этом отношении одноцветной сероватой краской: это было бы суздальской мазней, не более того». Несомненно, путь Советского Китая к социализму будет отличаться особенным своеобразием, делающим его непохожим на путь передовых капиталистических стран. Все это—бесспорные истины. Суть вопроса заключается в том, что Китай не может не вступить на этот путь одновременно с первыми же победоносными шагами революции, сразу же после завоевания трудящимися власти Советов. Социально-экономический смысл революционного переворота, таким образом, уже сегодня заключается в том, что он расчистит общественную почву Китая от остатков азиатского средневековья но не для того, чтобы обеспечить свободное развитие капитализма в стране, а для того, чтобы перевести развитие страны на некапиталистический, социалистический путь.

Против этой точки зрения выдвигается ряд возражений. На некоторых из них мы считаем нужным коротко остановиться.

Первое возражение. Те меры, которые советская власть вынуждена будет провести с самого начала (национализация банков, промышленности, транспорта и т. п.), вовсе еще не означают начала социалистической революции; мыслима ведь и мелкобуржуазная национализация средств производства; решает вопрос не это, а политический характер революционной власти: будет ли то в Китае демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, или социалистическая диктатура пролетариата, в этом весь вопрос. Нам представляется, что это возражение не так уж сильно, как оно выглядит. Относительно политического содержания революционной диктатуры в Китае мы уже говорили выше. Что же касается вопроса о возможности «мелкобуржуазной национализации», то теоретически отрицать ее, конечно, нельзя. Но мы утверждаем, что, если национализацию капиталистической промышленности, транспорта, банков и т. д. осуществляет демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, она тем самым неизбежно перерастает в социалистическую диктатуру пролетариата.

Второе возражение. Ленин говорил, что перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую революцию определяется, помимо соответствующих об'ективных условий, мерой силы классовой сознательности и организованности пролетариата. Можно ли считать что китайский пролетариат уже сегодня настолько организован и сознателен, чтобы успешно руководить социалистическим переворотом?

На это мы отвечаем: во-первых, для того, чтобы победить, т.-е. увлечь за собой все крестьянство и раздавить сопротивление лагеря буржуазно-помещичьей реакции и иностранного капитала, для того, чтобы завоевать власть Советов, китайский пролетариат должен настолько поднять свою политическую сознательность, настолько усилить свою организованность, что этим уже решится вопрос относительно его сил для начала социалистической революции; во-вторых, ни победить, ни перевести страну на рельсы социалистического развития китайский пролетариат не сможет без самой энергичной и всесторонней поддержки со стороны всего международного рабочего класса, в частности, со стороны рабочих Советского Союза. Нельзя брать изолированно силы китайского пролетариата. Ленин не так ставил вопрос о возможности некапиталистического развития отсталых колониальных стран.

Третье возражение. Нельзя говорить о том, что революция в Китае не носит уже буржуазно-демократического характера; ведь это означало бы признание того, что буржуазно-демократическая революция уже закончена; а между тем ни одна из задач буржуазно-демократического переворота еще не разрешена. И это возражение, на наш взгляд, неправильно.

Ни одна из задач буржуазно-демократического переворота в Китае еще не разрешена. В этом смысле буржуазно-демократическая революция действительно «не закончена».

Но ни одна из этих задач не может быть разрешена, если революция не сделает решительных шагов по пути социалистического переворота. В этом смысле буржуазно-демократический этап китайской революции уже изжит, он принадлежит уже закончившейся исторической полосе. Настоящий этап китайской революции характеризуется тем, что буржуазно-демократическая революция непосредственно перерастает в социалистический переворот. Это перерастание происходит в оригинальной, до сих пор еще нигде не встречавшейся форме. Но разве марксизм зарекается от признания и изучения новых форм исторического процесса? Буржуазная революция, непосредственно перерастающая в социалистический переворот, тем самым теряет свой буржуазный характер. И по форме, и по содержанию, и по составу движущих своих сил она приобретает новое, социалистическое значение.

Тем, кто пытается втиснуть развитие китайской революции в шаблонные теоретические схемы, не мешало бы напомнить слова Гете, которые так любил повторять Ленин:

«Теория, друг мой, сера, но вечно зелено дерево жизни»!

———

П. Миф.

Спорные вопросы Китайской революции.

Быстрая смена обстановки при исключительном своеобразии китайской революции неизбежно порождает различные оценки переживаемой полосы китайской революции, различные взгляды на тактические задачи китайской коммунистической партии. Вот по поводу этих спорных вопросов нам и хотелось бы обменяться мнениями. При чем мы ни в какой мере не претендуем на дачу исчерпывающих ответов по всем этим вопросам. Мы ставим своей задачей лишь постановку главнейших из них, полагая, что уже обнаженная их постановка будет способствовать правильному разрешению этих вопросов происходящим пленумом Коминтерна.

Китайский вопрос подвергся широкому обсуждению перед пленумом ИККИ на специальных китайских совещаниях, материалы которых и послужат главным образом для настоящей статьи. Предварительно оговариваемся, что очень мало внимания мы уделим разбору той точки зрения, которая, переоценивая консолидацию сил реакции, недооценивая сохранение революционной ситуации, выдвигала задачей борьбу за легальные требования, за демократическое самоуправление и т. д., фактически скатываясь к снятию лозунга советов в Китае. Эта точка зрения, пропитанная в достаточной мере затхлым запахом оппортунизма, не нашла сторонников при предварительном обсуждении китайского вопроса в ИККИ. Поэтому мы преимущественно остановимся на разборе другой системы взглядов, получившей большее распространение, нашедшей значительное количество сторонников и защищаемой с большею настойчивостью. Тем более мы считаем необходимым это сделать, что представители этих взглядов переносят обсуждение спорных вопросов (правда, как позже увидим, в значительно видоизмененных формах) из узких залов ИККИ на страницы «Большевика».

Схематически эти взгляды, которые мы подробнее будем ниже разбирать, можно представить в следующем виде. Тт. исходят из экономического кризиса, переживаемого сейчас Китаем, и констатируют наличие непосредственной революционной ситуации. Поскольку же нет никаких признаков консолидации реакции и поскольку буржуазия никакой политической силы не представляет, то этим снимается возможность какого-либо компромиссного пути и облегчается борьба трудящихся масс. Поэтому товарищи считают, что в Китае мы стоим перед перманентной революцией и неизбежным немедленным восстанием пролетариата и крестьянства. Но так как пролетариату придется бороться против буржуазии, то революция приобретает сразу же социалистический характер.

В следующих строках мы укажем, что мы считаем верным, а что неправильным в этой постановке вопроса. Но мы не можем ограничиться только критическими или полемическими замечаниями. Нам хотелось бы, насколько это возможно, дать цельное представление о новом этапе китайской революции, хотя бы бегло подытожить весь богатейший опыт классовой борьбы и уже попутно останавливаться на спорных вопросах, частью выдвинутых и в статье тов. Л о м и н а д з е.

I. Империализм и китайская революция.

Разрешение всех тактических задач связано с оценкой общего положения, переживаемого Китаем. Так же бесспорно, что «ключ к пониманию характера всякой исторической полосы лежит прежде всего в соотношении классов». Для научного обоснования политики безусловно обязателен учет соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента. Но было бы абсолютно неверным замыкать наш анализ учетом соотношения классовых сил только китайского общества. Китайская революция—колониальная, антиимпериалистическая революция. Давая оценку теперешней ее полосе, мы не можем умолчать о силах мировой буржуазии, находящихся и вне Китая, а также действующих и внутри Китая.

Китайскую революцию мы рассматриваем как часть мировой пролетарской революции, штурмующей твердыни империализма. Какое же соотношение сил сложилось по этой линии в результате последних событий в Китае? Укрепились ли или ослабли позиции империализма в результате последнего года? Этот вопрос мы не можем обойти, так как для каждого ясно, что именно иностранный капитал является организующей силой всей китайской реакции.

«Относительно слабая китайская буржуазия,—говорится в резолюции VIII пленума ИККИ,—не могла бы создать крупной угрозы для китайских революционных масс, если бы она прямо и косвенно не поддерживалась иностранными интервенционистами. Эти последние концентрируют свою вооруженную силу, блокируют порты, изолируют центры революции, финансируют контрреволюционные армии, пытаются разлагать армию революции, оказывают непрестанное дипломатическое давление, поддерживают буржуазных заговорщиков на территории революционного правительства, организуют саботаж производства, торговли и кредитов со стороны иностранной и туземной буржуазии и т. д., и т. п. Особенно нужно отметить бешеные усилия империалистов, направленные на организацию разгрома рабочих и коммунистов, на подавление крестьянского движения и на изоляцию СССР».

Империализм является вдохновителем и организатором всей китайской реакции. Мы знаем, какие трудности приходится испытывать китайской революции, поскольку она выступает против чрезвычайно мощного, вооруженного до зубов мирового империализма, а силы последнего в Китае, его экономическую и политическую мощь мы скорее были склонны недоучитывать, чем переоценивать. Понятно поэтому, что наш анализ мы должны начать с оценки тех изменений, которые произошли в международных условиях китайской революции. Ведь китайская революция потерпела, хотя кратковременное, но серьезное поражение. Укрепило ли это положение империализма? Дало ли это такой перевес сил иностранного капитала, когда вопрос о непосредственно-революционной ситуации в Китае должен быть снят с порядка дня на ближайшее время.

Даже самый поверхностный анализ приводит нас к выводу, что, несмотря на наше поражение, империализм в целом очень немного выиграл, скорее свои позиции ослабил, еще больше углубил свои противоречия, нисколько не сняв с порядка дня революционной ситуации в Китае.

Обратимся к некоторым материалам. Известно, что внешняя торговля Китая за 1927 год сократилась, по сравнению с предыдущим годом, несколько больше чем на 25%. Опубликованные цифры о сборах морских таможен устанавливают, что в 1927 году таможней было взыскано 9.677.000 фунтов стерлингов против 12.165.000 ф. стерл. за 1926 год. Разница эта еще больше возрастет, если принять во внимание падение цен на серебро за год, примерно, на 10%. Далее, что еще более примечательно, экспорт товаров из Китая остался почти на прошлогоднем уровне; следовательно, снижение

общего оборота внешней торговли идет почти исключительно за счет импорта, за счет ввоза в Китай иностранных товаров, при чем ввоз оборудования несколько превысил прошлогодний, а снижение ввоза преимущественно падает на готовые хлопчатобумажные ткани и другие изделия. Итак, первый вывод, который мы можем сделать, сводится к тому, что, несмотря на претерпеваемые китайской революцией частичные поражения, нисколько не облегчилось положение империализма, нисколько не ослабла проблема рынков для мирового капитала. А проблема рынков, как всем известно, для мирового капитала является наиболее острой и одной из основных проблем в переживаемый нами момент.

Особенно катастрофически это отражается на Англии. Экономическое ее положение очень резко ухудшается. Сжатие китайского рынка для Англии сказывается особенно остро. Правда, частичные поражения революции дали ей возможность вернуть концессию в Ханькоу, принудить нац. прав. к разрыву отношений с СССР. Но это не должно создавать у нас иллюзии об упрочении позиций Англии в Китае. Указанные нами внешнеполитические завоевания покоятся на все более подгнивающей экономической базе. Этим и об'ясняется, что Англия в поисках выхода прибегает к крайним мерам, все громче и настойчивее выдвигая план широкой интервенции в Китае. Уже в самом этом плане следует усматривать не проявление силы, а проявление все большей слабости английского империализма.

Вот почему мы можем считать, что наш основной враг—империализм в целом (и особенно Англия, игравшая главенствующую роль в деле империалистического закабаления Китая), не только не усилил своих позиций в Китае, но еще больше их расшатал и ослабил. Мы можем считать, что международные условия, если брать их в целом, не дают пока основания констатировать усиления, укрепления, роста стабильности иностранного капитала в Китае, на долгие годы отсрочивающего китайскую революцию.

Но этот процесс не идет односторонне. Международные условия китайской революции также поставлены под законы диалектического, противоречивого развития. Если мы в праве считать, что силы империализма в целом (и особенно Англии) идут к упадку, то это не значит, что решительно все империалистические страны катятся в Китае по этой наклонной плоскости. Экономические материалы, и в первую очередь сведения о внешнем торговом обороте, дают нам рост и другой тенденции. Для настоящего года является чрезвычайно характерным, что Америка увеличила свою торговлю с Китаем (кстати сказать, это единственная крупная страна, давшая прирост в торговом обороте за 1927 год) и заняла **первое место** по удельному весу в общем обороте внешней торговли Китая. Если к этому прибавить возрастающее очень заметно вложение американского капитала в японские предприятия и банки, то мы сможем сделать следующие небезынтересные выводы: во-первых, противоречия между американским и японским капиталом, являвшиеся раньше основными на Тихом океане, начали ослабевать, и все настоятельнее сказываются противоречия между Америкой и Японией, с одной стороны, и Англией—с другой; во-вторых, мы стоим перед более активной и агрессивной политикой Америки в Китае, которая (что не исключено) будет и дальше выступать координированно с Японией. Нарастание этой, уже наметившейся тенденции, с одной стороны, свидетельствует о росте противоречий внутри империализма. Но, с другой стороны, нарастание этой тенденции, чем дальше, все больше, будет усложнять революционную борьбу в Китае, создавая вместо дряхлеющей Англии более сильных и полнокровных, более гибких врагов китайской революции.

Под углом зрения этих двух тенденций, нам кажется, и следует подходить к разрешению многих вопросов китайской революции. С одной стороны, мы наблюдаем ослабление империалистических сил, главным образом, сказывающееся на позиции Англии в Китае. Эта тенденция бесспорно облегчает нашу борьбу, усиливает неустойчивость позиции империализма и сохраняет революционную ситуацию. Но мы не должны закрывать глаза на тенденцию обратного порядка, на растущую активность американского капитала на Дальнем Востоке, в том числе и в Китае. В этом отношении поддержка Америкой Чан Кай-Ши является знаменательной. Согласие американского капитала на значительное увеличение таможенных пошлин нанкинским правительством, предоставление займа, предоставление нескольких миллионов долларов за прекращение забастовки на «**Бритиш Америкен Тобако Компани**»,—все эти факты говорят о первых более решительных шагах американского капитала на китайской политической арене. С другой стороны, необходимость для Японии уже сейчас связывать свою империалистическую политику в Китае с интересами Америки, привлечение американского капитала в совместное с Японией железнодорожное дело в Манчжурии, наконец, блок Чан Кай-Ши с Фын Юй-Сяном и пропуск японцами войск Фын Юй-Сяна в провинцию Шаньдун,—все это отражает еще окончательно не оформившуюся, но бесспорно наметившуюся американскую империалистическую тенденцию, выступающую не вопреки, а покачто в согласии с интересами японского капитала.

Политика американского капитала, понятно, будет несколько отличаться от методов английского закабаления Китая. Имея на своей стороне колоссальный экономический перевес, не заинтересованная в такой мере, как Англия, в полном сохранении всех привилегий империалистов, в полном порабощении Китая, Америка, не изменяя сущности империалистической политики, все же внешне сможет обставить свое господство несколько иначе, чем Англия, сможет пойти на некоторые уступочки китайской буржуазии, сможет открыть некоторые клапаны, маленькие отдушины, правда, для мучительно медленного, но все-таки развития капитализма в Китае. Американский капитал, взяв в известной мере на буксир национальную буржуазию (отведя ей, понятно, подчиненную роль), сомкнувшись с зажиточными, верхушечными слоями китайской деревни, может втянуть Китай на «компромиссный» путь, на путь капиталистического развития. Правда, этот путь возможен лишь в обстановке сколько-нибудь длительного поражения революции, но это—вопрос особый, говорящий о вероятности, а не о возможности этого пути. Эта тенденция превращения Китая в колонию американско-японского капитала при главенстве Америки не может означать прекращения капиталистического развития в Китае. Такая тенденция, наоборот, предполагает развитие капитализма в Китае, но мучительно медленное, ценой жесточайшего разорения и вымирания трудящихся масс, и в первую очередь деревенской бедноты и городских кустарей. С другой стороны, эта тенденция не означает сколько-нибудь радикального реформирования китайской экономики, решительной ломки средневековья, разрешения аграрной проблемы, смягчения противоречий, улучшения положения масс и притупления революционной борьбы. Нет. Этот путь будет усиливать, еще более резко обострять противоречия, подымать новые полчища трудящихся Китая на борьбу за советский путь—единственно способный радикально разрешить все противоречия китайского общества и единственно открывающий путь для прогресса и благосостояния масс.

Но тем не менее развитие империалистической тенденции (при главенстве Америки), этот единственно мыслимый для Китая «компромиссный» путь, не исключено. Подобно тов. **Ломинадзе** от него нельзя просто отмахиваться. «Нет никаких элементов для компромиссного пути в Китае»,—пишет тов **Ломинадзе**, хотя несколькими строками ниже поправляет себя, что

этот «путь не исключен, он возможен, но он мало вероятен». В этом вопросе не должно быть путаницы. Нельзя произвольно упрощать этот вопрос.

Тов. Ломинадзе, отрицая возможность компромиссного пути, мотивирует это двумя соображениями: во-первых, тем, что перед Китаем перспектива либо полного превращения в колониальную добычу, либо решительной победы революции. Но ведь превращение Китая в колонию, или укрепление империалистической тенденции, именно и означает единственно возможный компромиссный путь. Во-вторых, тов. Ломинадзе отрицает компромиссный путь ссылкой на Ленина. Ленин «о возможности победы компромиссного пути ставил вопрос лишь тогда, когда этот путь обозначался уже в действительности». Но ведь никто не утверждает возможность победы компромиссного пути в Китае; кроме того, нельзя полагать, что этот путь совершенно не обозначился в действительности. Первые шаги американской империалистической тенденции мы уже наблюдаем. Этих шагов достаточно, чтобы этот путь не исключать. Поэтому мы целиком присоединяемся к мнению тов. Бухарина, высказанному на китайском совещании, что нельзя считать компромиссный путь развития исключенным для Китая. Это неправильная, неленинская постановка вопроса. Надо ставить вопрос так: какой путь победит—компромиссный или революционный, решит лишь борьба. Победу революционного пути нужно считать наиболее вероятной, но это не значит, что компромиссный путь совершенно исключен.

В чем весь смысл спора по этому вопросу, какие политические выводы напрашиваются в результате всей этой постановки вопроса? Выводы следующие. Несмотря на то, что американская тенденция начала только обозначаться, наша борьба в Китае уже сейчас находится в более трудных и усложненных условиях. Несмотря на то, что империализм в целом не добился значительного упрочения своих позиций, мы уже сейчас не можем только со старыми силами вести против него борьбу. Перед нами задача: вовлечь огромнейшие массы, которые раньше пока еще стояли в стороне, мобилизовать значительно больше сил, чем те, которыми мы раньше располагали, готовить значительно большей мощности, чем раньше, натиск на империализм, и на те силы реакции, которые им вдохновляются.

Отрицание возможности компромиссного пути, это—упрощение обстановки; это—теория, как будто снимающая обостреннейшую и ожесточеннейшую борьбу с врагом исключительной силы и мощности. Мы вне конкуренции, враг наш слаб и немощен, победа лежит уже в нашем кармане,—вот к чему неизбежно приводит отрицание компромиссного пути. «Это—революционный фатализм, это—преуменьшение великих опасностей, стоящих в Китае перед партией и перед рабочим классом»,—говорил тов. Бухарин. И мы полагаем, что ближайший период в Китае будет заполнен неслыханно напряженной борьбой между советской и империалистической тенденциями, причем успехи американско-империалистического пути не приведут к окончательному торжеству капитализма, а лишь будут обострять борьбу в то время как советская тенденция может достигнуть полной победы. В конечном счете, разумеется, революция, советский путь победит. Но исход борьбы будет решать вопрос о сроках этой победы. Наша задача — победить как можно раньше, приблизить этот «конечный счет», а для этого было бы непростительным недооценивать врага, было бы непростительным отмахиваться от необходимости мобилизовать все силы революции, все силы не только китайских трудящихся масс, но и всего Коммунистического Интернационала для действительно решительного, действительно успешного и победоносного натиска на империализм.

2. Перегруппировка классов.

Что условия борьбы для нас значительно усложнились, что борьба трудящихся масс Китая затруднилась, что силы наших врагов в Китае возросли и что, следовательно, наша атака, наш штурм реакции может быть успешен лишь при условии, что мы выведем в бой бóльшие силы, чем располагали раньше,—в этом нас убеждает рассмотрение и внутреннего положения Китая, классовая перегруппировка и соотношение классовых сил, сложившиеся внутри китайского общества.

Последний год китайской революции характеризуется генеральной размежовкой всех классов китайского общества. И первое, что должно быть отмечено, это—перебежка национальной буржуазии в лагерь помещичье-милитаристской реакции. Перспективы освободительного движения могут быть нами осознаны лишь после анализа нового фактора китайской общественной жизни, учета буржуазно-помещичьего блока, созданного и направленного на разгром массового движения.

Еще VIII пленум ИККИ указывает, что перебежка буржуазии, ряд буржуазных контрреволюционных переворотов «знаменует собой частичное поражение китайской революции и определенный прирост сил контрреволюционного блока». Иначе на этот вопрос отвечает тов. Ломинадзе: «Ни о какой консолидации буржуазно-помещичьей контрреволюции в Китае не может быть и речи. Этих явлений в Китае нет даже в тенденции. Переход национальной буржуазии в лагерь иностранного капитала и помещичье-милитаристской реакции не сплотил и не укрепил этого лагеря, а лишь ускорил процесс его разложения и распада. В политике, не как в арифметике: простое сложение сил не всегда дает бóльшую сумму, не всегда означает их приращение. С точки зрения арифметики силы реакции выросли после того, как на их сторону перешла буржуазия, а силы революционного лагеря соответственно убавились. С точки зрения марксистской диалектики дело обстоит иначе». По-нашему, нельзя этот вопрос упрощать и своему революционному нетерпению подчинять марксистский анализ. В самом деле, раньше против империализма и помещичье-милитаристской реакции боролись пролетариат, крестьянство, городская мелкая буржуазия плюс национальная буржуазия. А после измены буржуазии, пролетариат и крестьянство ведут борьбу против об'единенных сил империализма, национальной буржуазии и помещичье-милитаристской реакции. Даже простая арифметика, которой марксисту вовсе нельзя пренебрегать, говорит о приросте сил реакции и об усложнении борьбы для рабочих и крестьян. Но дело не исчерпывается здесь только простой арифметикой. Ведь национальная буржуазия не просто отшатывалась, не просто перебегала в лагерь реакции. Она ведь при всяком своем переходе наносила серьезные удары рабочему и крестьянскому движению. Так, перебежка Чан Кай-ши и Ли Ти-сина в апреле 1927 г. сопровождалась разгромом центров рабоче-крестьянского движения, подавлением масс, дезорганизацией революционных сил, расстройством рядов коммунистической партии. Так было и в Шанхае, и в Кантоне, и в ряде провинций. Измена левого гоминдана вовсе не означала, что буржуазия и крупная, и средняя, и значительные слои городской мелкой буржуазии просто покинули лагерь революции, приговаривая: «Братцы, рабочие и крестьяне! Мы уходим от вас, а вы сами как-нибудь развивайте революцию. Мы же со стороны будем за вами наблюдать». Этот далеко не арифметический переход национальной буржуазии не позволяет нам играть словами, не позволяет недооценивать сил наших врагов и размеров нашего поражения. Только тщательно изучив опыт, использовав уроки поражения, мы можем подготовить успешное и победоносное выступление трудящихся масс.

Никто, конечно, не отрицает, что участие буржуазии в революции сдерживало ее размах, что в результате ее отхода мы имеем неизмеримо более революционный блок пролетариата и крестьянства. Никто, конечно, не отрицал, что помещичье-буржуазный блок обостряет еще больше борьбу, подымает новые массы трудящихся Китая и со своей стороны способствует сплочению сил революции. Никто, наконец, не утверждает, что лагерь реакции (включающий империалистов, буржуазию и помещиков) стал более монолитным. Понятно, не в этом спор. Товарищи, которые переносят этот вопрос в эту плоскость, только замазывают разногласия. Спорным вопросом является вопрос, имеем ли мы усиление лагеря реакции по сравнению с прошлым, труднее ли сейчас нам бороться против об'единенных сил реакции, чем раньше. Мы отвечаем на этот вопрос утвердительно.

Тов. Ломинадзе смущает, как же тогда можно говорить о дроблении буржуазно-помещичьего блока. Это как будто бы противоречит понятию консолидации и укрепления реакции. На самом деле в этом нет ничего удивительного. Перед лицом растущей рабоче-крестьянской революции, реакция выступает об'единенными силами, сообща она громит рабоче-крестьянское движение. Но реакция не монолитна. Перед лицом других задач сказываются классовые и милитаристические интересы отдельных разноречивых элементов реакции. Организующая сила реакции—империализм. Но ведь и империализм — не однородное тело. Разные империалистические страны сплачивают реакцию, когда им угрожает колониальная революция, но вместе с тем они стремятся сохранить свои особые позиции. Этим об'ясняется в частности военно-политическая обстановка, сложившаяся сейчас в Китае.

С одной стороны, на политической арене действует так называемая гуансийская группировка (Бай Сун-чи и Ли Ти-син), которая связана с английским капиталом и представляет преимущественно интересы крупной торговой, компрадорской буржуазии и китайских помещиков. С другой стороны, мы имеем блок Чан Кай-ши и Фын Юй-сяна, связанный с американским и японским капиталом и представляющий главным образом интересы промышленно-капиталистических кругов Китая. Не только не исключена, а, наоборот, вполне вероятна острая борьба между этими двумя группами за сферы влияния. И чем слабее будет сказываться и угрожать опасность революции, тем резче будут выступать наружу противоречия между этими милитаристическими группировками. Но чем сильнее будет развиваться революция, тем дальше (на второй план) будут отходить их противоречия, тем более об'единенно будут выступать силы реакции против революционных масс. Этого недоучитывать нельзя. Нельзя считать, что дорога революции в Китае усеяна розами, что у врагов китайской революции полный развал, загнивание и что китайский пролетариат шапками их может закидать.

А тов. Ломинадзе во всей своей статье именно и пытается доказать, что дело революции в Китае—очень простая, несложная вещь. На 20 страницах он вращается вокруг вопроса о китайской буржуазии, всячески ее разоружая и доказывая, что она никакой политической силы не представляет, что она еще не оформилась даже как класс.

Эта теория не нова. Напрасно тов. Ломинадзе иронизирует над тов. Лозовским, удивляясь, что тов. Лозовский только в Китае услышал эту теорию, когда фактически, мол, этой теории придерживался Коминтерн. Это неверно. Коминтерн никогда не отрицал наличия буржуазии в Китае, а констатировал ее относительную слабость, ее революционную непоследовательность, предсказывая неизбежный переход ее на сторону реакции. А вот в Китае существовала совершенно другая теория, о которой упоминал тов. Лозовский и которую полагалось бы знать и тов. Ломинадзе. Теория эта целиком отрицала существование китайской буржуазии и говорила о «естественной роли» гегемонии пролетариата. Буржуазии в Китае нет, бороться за гегемонию пролетариату не с кем. Пролетариат «естественно» будет гегемоном. Надо только выждать, когда история к этому нас подведет. Эта теория, принадлежащая тов. Чен Ду-сю и тов. Пын Шу-чжи, т.-е двум прежним фактическим руководителям китайской коммунистической партии и вдохновителям всей правой оппортунистической линии прежнего руководства, была не случайна. Она притупляла борьбу, затушевывала классовые противоречия внутри революционного лагеря и приводила к тому, что эта «несуществующая» буржуазия (которая была умнее уже тем, что знала, что она существует) главенствовала в революционном движении. Именно эта теория лежит в основе всех оппортунистических ошибок прежнего руководства киткомпартии. В Кантоне нет буржуазии—поэтому руководители компартии не готовили массы к борьбе, а бросали лозунг нейтрализации Ли Ти-сина. В Шанхае нет буржуазии—уж не потому ли руководители компартии не подымали масс на борьбу против наметившегося реакционного переворота Чан Кай-ши в полной уверенности, что Чан Кай-ши не выступит против масс и тем более не отнимет у них оружия. Эта недооценка как наличия буржуазии, так и ее сил, ее контрреволюционности приводила к бесчисленным поражениям революции даже там, где соотношение сил было далеко не в пользу реакции.

Своим выступлением на XV с'езде с той же теорией тов. Ломинадзе протянул руку бывшему оппортунистическому руководству. «Буржуазия в Китае,—говорил тов. Ломинадзе,—оказалась совершенно незрелым выкидышем истории. Достаточно было ей отойти от единого революционного фронта, достаточно было ей перейти в лагерь контрреволюционеров, как она сама распалась и не представляет единой политической силы ни в какой мере. Ее отдельные группы и группировки находятся под пятой, под командой отдельных милитаристов». И дальше на вопрос тов. Сталина — «А что осталось от буржуазии?», Ломинадзе отвечает: «От буржуазии остались отдельные буржуа».

Позже, в последующих документах и выступлениях тов. Ломинадзе, не отказываясь по существу от этой точки зрения, пытается лишь ее завуалировать звонкими, ничего не говорящими фразами. И в своем докладе, и в заключительном слове, как и в вышенапечатанной статье, тов. Ломинадзе кружится вокруг этого вопроса не решаясь обнажить, внести ясность в этот вопрос, а лишь замаскировывает свою точку зрения. Вместе с тем, этот вопрос имеет очень большое значение. Вся его статья пересыпана утверждениями, что «буржуазия вынуждена была капитулировать», что «она является самым незрелым и запоздалым классом китайского общества», что «она не успела еще фиксироваться как самостоятельный класс китайского общества», что «ее капитуляция означала величайшее историческое банкротство национальной буржуазии, обрекающее ее на социально-политическое вырождение и загнивание», что «победа буржуазно-помещичьей контрреволюции была в то же время историческим поражением для самой национальной буржуазии, поражением, отрезывающим ей всякие пути дальнейшего развития», наконец, что «роль ее, как самостоятельной политической силы, становится все меньше и в лагере реакции и во всей общественной жизни Китая», что «ни тени самостоятельности у китайской буржуазии не осталось».

Так за стеной всех этих определений тов. Ломинадзе пытается смягчить и подправить свою точку зрения по этому чрезвычайно важному вопросу, только в одном месте, да и то в примечании, как бы вскользь говорит, что по вопросу о буржуазии он «и в настоящей статье защищает

ту же самую точку зрения, что и в речи на с'езде». Это дает нам право подвергнуть разбору взгляд тов. Ломинадзе на китайскую буржуазию, как он выражен был им на XV с'езде.

«Революция застала китайскую буржуазию на такой ступени развития, когда она не успела еще фиксироваться как самостоятельный класс китайского общества». Нас несколько удивляет это бездоказательное утверждение. Тов. Ломинадзе, очевидно, не склонен отрицать участие национальной китайской буржуазии в революции. А это участие становится для нас непонятным, если отрицать ее наличие, как класса. Ведь в революцию буржуазия не была втянута бессознательно, на поводу других общественных сил. Ведь в революции она принимала не простое участие, а играла руководящую роль, не только не уступая гегемонии пролетариату, но отсекая пролетариат все время, как опасного конкурента. Вспомните реакционный переворот 20 марта 1926 года в Кантоне. Наконец, буржуазия, не потеряв свою классовую голову, непонятно почему пошла на блок с помещиками. Ведь у нас в России во время и после революции 1905 года буржуазия переметнулась под крылышко помещичьего самодержавия. Однако, Ленин не усматривал в этом политической смерти русской буржуазии. Ленин писал: «Либеральная буржуазия связана слишком тесными экономическими нитями с поместным землевладением, их интересы слишком переплетены взаимно так, что для первой безопасным и желательным представляется лишь реформирование последнего, отнюдь не уничтожение его. Лучше самое медленное, даже незаметно медленное реформирование чем уничтожение, — так рассуждает подавляющее большинство либеральных буржуа, — и при данном экономическом и политическом положении России этот класс рассуждать иначе не может». (Ленин, XI том, 2 ч., стр. 470).

В другом месте Ленин писал, что «либерал боится движения масс, тормозит его и сознательно защищает известные при том главнейшие, учреждения средневековья ради того, чтобы иметь опору против массы, в особенности против рабочих». (Леин, т. XII, ч. 1, стр 121)

Как видно из приведенных нами цитат, Ленин вовсе не усматривал, подобно тов. Ломинадзе, политическую смерть буржуазии из одного только факта перебежки ее в лагерь помещичьей контрреволюции. Наоборот, Ленин именно в этом видел проявление сознательной политики класса, который в интересах именно своего класса поступал подобным образом. И в Китае переход буржуазии на сторону контрреволюции лишь подтверждает ее классовую прозорливость. Будучи не в силах сама справиться с нарастающей революцией, буржуазия отдала защиту своих интересов и своих привилегий об'единенному блоку помещиков и милитаристов. Этим она облегчала задачу разгрома массового движения, представляющего для нее неизмеримо бо́льшую опасность, чем сохранение империалистической кабалы и средневековья в Китае.

Снимая с политических счетов китайскую буржуазию, тов. Ломинадзе совершает уже ту ошибку, что недооценивает всех трудностей предстоящей революционной борьбы в Китае. И если раньше такая теория приводила к скатыванию коммунистической партии в оппортунистическое болото, то теперь она может привести к маленьким наскокам с недостаточными силами, вместо мощного организованного натиска трудящихся на реакцию.

Упрощенство тов. Ломинадзе в этом вопросе не дает ему возможности поставить правильно и такой вопрос, как вопрос об использовании противоречий в лагере реакции. Не лишне вспомнить, что писал по поводу этой проблемы Ленин:

«Победить более могущественного противника можно только при величайшем напряжении сил и при обязательном, самом тщательном, самом заботливом, осторожном, умелом использовании как всякой, хотя бы малейшей, «трещины» между врагами, всякой противоположности интересов между буржуазией разных стран, между разными группами или видами буржуазии внутри отдельных стран, — так и всякой, хотя бы малейшей возможности получить себе массового союзника, пусть также временного, шаткого, непрочного, ненадежного, условного. Кто этого не понял, тот не понял ни грана в марксизме и в научном, современном, социализме вообще. Кто не доказал практически, на довольно значительном промежутке времени и в довольно разнообразных политических положениях, своего уменья применять эту истину на деле, тот не научился еще помогать революционному классу в его борьбе за освобождение всего трудящегося человечества от эксплоатации. И сказанное относится одинаково к периоду до и после завоевания политической власти пролетариатом» (Ленин, т. XVII, стр. 159).

Ленинская тактика требует от нас использования всяких противоречий в лагере реакции и в рядах буржуазии, требует от нас не только нестирания классовых граней в действующих об'единенных силах реакции, но, с другой стороны, требует величайшего, максимального напряжения наших сил для победы над более могущественным врагом. Этой задаче противоречит теория, отрицающая наличие буржуазии, отрицающая всякий ее политический вес, ее силы и ее известную, весьма относительную, самостоятельность. Тем более опасна эта теория для Китая, где мы сталкиваемся с серьезнейшим противником и где перед нами стоит задача поднять к борьбе новые многомиллионные массы трудящихся, стоящих пока в стороне, взрыхлить новые пласты революционной энергии, перетянуть на столбовую дорогу революции значительные кадры городской бедноты, люмпенпролетариата, крестьянства, еще в подавляющем большинстве сохраняющих нейтральное положение, либо частично находящихся под влиянием буржуазии. На XV с'езде нам приходилось уже выдвигать эту задачу, которая вызвала со стороны тов. Ломинадзе непростительное искажение и непонятную критику. Мы констатировали тогда, что еще широкие массы люмпенпролетариата, городской мелкой буржуазии, городской бедноты и значительные прослойки китайского крестьянства не втянуты в революцию, что они частью находятся под влиянием буржуазных элементов, и что наша задача—изолировать буржуазию от этих близких пролетариату социальных сил, что наша задача—завоевать на свою сторону, поднять под руководством пролетариата широчайшие массы трудящихся. Опыт революционного движения в Китае полностью подтверждает нашу мысль. Миллионы люмпенпролетариев находятся на службе у буржуазии и помещиков, составляют наемную армию, с помощью которой реакция громит наши силы. Буржуазии удается вести за собой еще очень значительные кадры городской мелкой буржуазии и городской бедноты. Больше того, даже в рядах пролетариата сказывается ее влияние. Лоянские рабочие на коленях выслушивают речь Фын Юй-сяна. Тысяча кантонских механиков с оружием в руках выступает против советского Кантона. Все это является далеко еще, к сожалению, не единичным подтверждением нашей мысли. Мы были свидетелями, как по указке китайской буржуазии началась и закончилась забастовка на английско-американской табачной компании. Да и все далеко еще не изжитые оппортунистические ошибки киткомпартии свидетельствуют о буржуазном влиянии даже на коммунистический авангард китайского пролетариата. Наконец, тот факт, что революционная коммунистическая армия во время своего похода из Нанчана в Сватоу, проделав тысячеверстный путь, во всех деревнях находила лишь заброшенные дома и больных стариков и старух, тот факт, что реакционным элементам

удалось представить китайскому крестьянству коммунистическую армию как некое чудовище, от которого крестьяне в ужасе разбегались, говорит нам, что перед нами еще непочатый край революционной работы: прояснения сознания трудящихся масс, отрыва социально близких нам элементов от влияния реакции, мобилизации действительно широчайших масс для революционных битв.

От этой задачи колоссальнейшей важности тов. Ломинадзе отмахивается с присущим ему опять-таки упрощенством. Тов. Ломинадзе приписывает мне тот взгляд, что будто бы я считаю, что еще продолжается борьба за гегемонию в революции между пролетариатом и буржуазией, и поучает меня, что буржуазия стала контрреволюционной, и что эта борьба за гегемонию характеризовала прежний этап китайской революции. Исказив мою мысль, он без особого труда доказывает мое искажение революционной действительности. На самом деле, у меня шла речь не о беззаветной борьбе с буржуазией за гегемонию пролетариата в революции, а о беззаветной борьбе за руководство пролетариатом широчайшими массами трудящихся, социально-близкими нам элементами, в значительной мере стоящими в стороне пока еще от революционной борьбы, либо частично находящимися под влиянием буржуазно-помещичьего блока.

И тот самый факт, что тов. Ломинадзе эту задачу замял, скомкал и отделался лишь ироническими замечаниями, а не выдвинул со всей кричащей настойчивостью, является чрезвычайно показательным. Коммунистическому Интернационалу совершенно понятно, что буржуазия в Китае стала антинациональным фактором, что она не только не способна продолжать борьбу за национальную независимость Китая, но что она полностью и целиком предала национальные интересы мировому империализму. Но если это понятно нам, то это далеко не значит, что широчайшие массы трудящихся Китая полностью осознают изменническую роль китайской буржуазии и ни в какой мере и ни в каких формах не поддаются влиянию буржуазии. Смешно было бы полагать, что буржуазия, отказываясь на деле, откажется на словах от националистической пропаганды, от использования этого канала своего влияния на массы. Достаточно указать, что борьба против СССР проводится под лозунгом «Борьбы против советского империализма». Достаточно указать, что все контрреволюционные перевороты и наскоки на компартию проводятся под лозунгами борьбы против изменников национальной революции, под лозунгами сунятсеновского национализма и гоминдановской программы независимости Китая. Понятно, что между жизнью и этими лозунгами — пропасть. Но это понятно нам, но далеко еще не понятно всем тем элементам, без участия которых революция не победит.

Тов. Ломинадзе приводят в замешательство слова Чан Кай-ши или другого контрреволюционного прохвоста, брошенные ими для внешнего обращения, о том, что нанкинские заправилы не будут продолжать старыми методами борьбы против господства иностранного капитала. В этом тов. Ломинадзе склонен усмотреть отказ китайской национальной буржуазии от политики воздействия на массы с помощью националистической пропаганды. Было бы детски наивным так упрощенно представлять себе положение. Китайская буржуазия вывеской демократизма обманывала и будет обманывать массы в целях борьбы с подлинно революционным освободительным движением. Наша задача—сделать это ясным для всех близких нам социальных элементов, разоблачать хитрое политиканство буржуазии, срывать с нее маску мнимого национализма, этим самым привлекая в лагерь революции новые толщи трудящихся масс.

На этом мы кончим по вопросу о буржуазии. Подведем итоги анализу соотношения классовых сил, сложившегося к настоящему времени в Китае. Совершенно бесспорно, что последний год революции поднял на борьбу, организовал и революционизировал огромные массы рабочих и крестьян. Также бесспорно, что эти массы получили блестящий урок революционной тактики и революционной борьбы. Но на ряду с этими достижениями, на ряду с огромнейшими завоеваниями трудящихся масс в результате истекших месяцев революции мы обязаны отметить и очень существенные прорехи, являющиеся в результате частичных поражений революции, обязаны отметить известный рост сил реакции, известную консолидацию контрреволюционного лагеря. Учитывая этот двусторонний процесс, мы не можем не притти к выводу о необходимости активнейшей работы коммунистического авангарда китайского пролетариата в деле умножения своих сил, подтягивания резервов, привлечения новых бойцов в ряды передовых шеренг, атакующих позиции китайской реакции.

3. О теории перманентной революции.

Мы переходим к одному из наиболее серьезных вопросов: к оценке современной ситуации в Китае. Экономический кризис буквально раздирает китайское сельское хозяйство. Жесточайшую депрессию переживает китайская промышленность. Финансовый паралич сказывается с каждым днем все сильнее. Транспорт и особенно железные дороги почти бездействуют. Гражданская борьба, как и милитаристические войны, еще больше обостряет кризис всей экономической жизни в Китае. Буржуазно-помещичий блок не вносит пока - что никакого оздоровления, а еще большее расстройство в экономику Китая. Пульс политической жизни продолжает напряженно биться. Классовая борьба рабочих и крестьян, несмотря на все поражения, не ослабевает, продолжая выливаться то в том, то в другом месте в открытые вооруженные столкновения. Борьба продолжается. Взрывы революционной борьбы продолжают все напряженней проявляться. Все это заставляет нас считать, что в ряде главнейших провинций Китая, в провинциях наибольшего размаха революционного движения, сохраняется непосредственно революционная ситуация. Поэтому вопрос о характере нарастающей революции в Китае имеет для нас далеко не академический характер, так как от решения этого вопроса зависит намечение задач революции, основных лозунгов, основной линии во всей нашей тактике.

Ноябрьский пленум Центрального Комитета китайской коммунистической партии констатирует неизбежность перманентной революции в Китае. Этот термин любовно подхватывает тов. Ломинадзе в своих выступлениях на китайских совещаниях при ИККИ. Понятно, что термин перманентной революции, выдвинутый еще Марксом, не имеет ничего общего с троцкистской интерпретацией этой теории. Но, с другой стороны, именно учение Ленина о перерастании буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую является единственно правильным развитием, единственно верной конкретизацией теории Маркса для тех стран, которые стоят перед необходимостью уничтожения средневековых пережитков и феодальных институтов в эпоху общего краха капитализма. Поэтому нас несколько поразило, когда товарищ Ломинадзе вопрос о перерастании революции применительно к Китаю заменяет более общей постановкой — теорией перманентной революции. Ленинское учение о перерастании буржуазно-демократической революции является более острым оружием в руках революционных тактиков. Оно дает ясное понимание характера и задач различных этапов революции, оно дает ключ к правильной классово - выдержанной политике. Выдвигая сейчас теорию перманентной революции, мы как бы делаем шаг назад в деле теоретического осмысливания китайской революции. Понятно, что наш выигрыш в данном случае не велик. А если

принять во внимание, что наша предыдущая борьба с троцкизмом в основном велась против троцкистской перманентной теории и что с этим термином связана долголетняя наша внутрипартийная борьба, то казалось бы, что без особой нужды не стоит щеголять этой терминологией. Но мы очень скоро получаем разгадку в вопросе о том, зачем товарищам понадобилось заменить ленинское учение о перерастании более общей постановкой о перманентной революции. Эта более общая постановка вопроса о революции дает товарищам бо́льшую свободу в их теоретических построениях. А эта «свобода» приводит их к выводу о том, что буржуазно-демократический этап в Китае завершен, что революция в Китае уже переросла буржуазно-демократический этап и что мы уже стоим в Китае перед революцией социалистического характера.

Об этом, как и по другим вопросам, в несколько замаскированном виде, пишет тов. Ломинадзе и в своей статье. «Таким образом, по своему политическому содержанию китайская революция уже сегодня выходит за рамки буржуазно-демократического переворота и неизбежно делает первые шаги по пути социалистического переворота». Более точно и более обнаженно эта точка зрения была высказана на китайских совещаниях ИККИ. Там говорилось, что китайская революция уже переросла буржуазно-демократический этап, что она уже сейчас приобрела социалистический характер. «Теперь, — говорилось там, — мы имеем дело с рабоче-крестьянской революцией, которую, если ставить вопрос о ее форме, о содержании и о классовых движущих силах, ни в коем случае нельзя назвать буржуазно-демократической». И дальше: «Революция в Китае сейчас уже не носит буржуазно-демократического характера». В этом вопросе погрешности против ленинизма сказываются особенно выпукло, и нам не трудно будет показать как неверность этой точки зрения, так и противоречия, в которые с неизбежностью впадают авторы этих взглядов.

Устанавливая отличие буржуазно-демократической от социалистической революции, Ленин писал, что «именно большевики строго учили различие буржуазно-демократической революции от социалистической: доведя до конца первую, они открывали дверь для перехода ко второй. Это — единственно революционная и единственно марксистская политика».

Бесчисленное количество раз Ленин устанавливал отличие одной от другой. «В союзе пролетариата с крестьянством вообще и обнаруживается буржуазный характер революции, ибо крестьянство вообще есть мелкие производители, стоящие на почве товарного производства. Далее, добавляли тогда же большевики, пролетариат присоединяет к себе весь полупролетариат (всех эксплоатируемых и трудящихся), нейтрализует среднее крестьянство, ниспровергает буржуазию: в этом состоит социалистическая революция в отличие от буржуазно-демократической». (Ленин, т. XV, стр. 504).

Мы видим, что Ленин решающее значение, при установлении отличительных признаков этих двух революций, придавал вопросу о крестьянстве. «Да, революция наша буржуазная, пока мы идем вместе с крестьянством, как целым». А как же на этот вопрос отвечает тов Ломинадзе, устанавливающий уже социалистический характер китайской революции? В одном из ответственных документов он пишет, что «капиталистическая прослойка крестьянства не проявляет себя еще, как активно контрреволюционная сила», что «крестьянское движение пока направлено в первую очередь против помещика, джентри, милитаристов и ростовщика», и что, «крестьянство выступает в революции еще, как политическое целое». Это несоответствие взглядов на крестьянство и на характер революции достаточно бьет против попыток пересмотреть прежние решения Коминтерна о характере и о задачах китайской революции, базирующиеся на ленинском учении о перерастании.

Тов. Ломинадзе попадает и в другое противоречие, когда в своей статье пишет, что «единственной формой, в которой может совершиться перерастание демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в социалистическую диктатуру пролетариата, является власть советов». Это совершенно верное утверждение, в корне противоречит утверждениям тов Ломинадзе о том, что революция уже переросла в Китае в социалистическую. В Китае нет еще власти советов, этой единственной формы, в которой может совершиться перерастание демократического этапа в социалистический. Как же можно соглашаться с тов. Ломинадзе, что это перерастание уже произошло? Ленин писал, что «Советы, между прочим, потому именно представляют из себя неизмеримо более высокую форму и тип демократизма, что, об'единяя и втягивая в политику массу рабочих и крестьян, они дают самый близкий к «народу», самый чуткий барометр развития и роста политической, классовой зрелости масс». (Ленин, т. XV, стр. 509). Вот почему только создание советов даст возможность практического осуществления перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. А между буржуазно-демократической и социалистической революцией нельзя поставить искусственную китайскую стену, учил нас Ленин,—«отделить их друг от друга чем-либо иным, кроме степени подготовки пролетариата и степени об'единения его с деревенской беднотой, есть величайшее извращение марксизма, опошление его, замена либерализмом». Именно потому, что советы в Китае втянут в политику массу рабочих и крестьян, мобилизуют все силы революции, они этим самым создадут предпосылки для успешного перерастания демократической и окончательного торжества социалистической революции.

Вся теория Ломинадзе построена на том, что нам нельзя ограничиться задачей только парализовать неустойчивость буржуазии и что мы вынуждены с первых же шагов подавлять ее сопротивление. Но вопрос заключается не в этом. Выдвигая перспективу некапиталистического развития Китая, Коминтерн не выдвигает перед китайской революцией на первый план с первых же шагов задачу ниспровергать капитализм в Китае. А если бы действительно буржуазно-демократический этап был в Китае уже завершен, то лозунги ниспровержения капитализма должны были бы быть выставлены и вокруг них нужно было бы об'единять колонны трудящихся масс, борющихся в рядах китайской революции.

Вот почему мы не видим никаких оснований для пересмотра прежних решений пленумов ИККИ, устанавливающих, что китайская революция носит на первом этапе буржуазно-демократический характер и имеет тенденцию перерастания в революцию социалистическую [1]).

---

[1]) Кстати сказать, тут же укажем на недопустимое кружение т. Ломинадзе в этом вопросе на первой же странице своей статьи. Начав с того, что «Коминтерн в основном верно определил общие задачи, характер и тенденции развития китайской революции», что правильность основных оценок и решений Коминтерна подтверждена всем ходом китайской революции, т. Ломинадзе несколькими строками ниже заявляет, что «новый этап китайской революции ставит по новому, иначе, чем раньше, не только тактические задачи, но и такие общие проблемы, как напр., вопрос о характере и перспективах китайской революции».

Именно поэтому мы считаем, что на ближайшем этапе основным содержанием революции, главнейшими ее лозунгами должно быть: уничтожение империалистической кабалы, конфискация земли и установление советской власти. Эти лозунги не означают отказа от борьбы на следующем этапе за ниспровержение капитализма. Конечно, нет. И только борьба, сегодняшняя и последующая, решит, насколько нам удастся продвинуться вперед к революции социалистической.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

А. Кармалитов.

К вопросу о методе анализа расслоения советской деревни.

(А. ГАЙСТЕР—«Расслоение советской деревни»).

I.

Вопрос о расслоении деревни есть вопрос о классовой ее сущности. Нигде, может быть, не требуется такого четкого применения правильных методологических приемов, как в анализе социального лица деревни. Все споры, которые происходили (происходят и теперь) по вопросу о характере развития сельского хозяйства, упираются в споры о методологических приемах анализа. Статистические данные, которыми пользуются противники и сторонники Маркса—Ленина, без правильного методологического подхода к ним ничего не дают. На основании одних и тех же данных, при неодинаковой комбинации, приходят к совершенно разным выводам. Поэтому вопрос расслоения деревни есть вопрос методологии анализа, есть вопрос о приемах, при помощи которых вскрываются процессы, происходящие в сельском хозяйстве.

В нашей литературе очень много уделяется внимания сельскому хозяйству. Но приемы, применяемые как в статистике, так и при анализе статистических данных, страдают очень большими дефектами. Неверные методологические приемы в анализе советской деревни приводят очень часто к неверным экономическим выводам, а на основе неверных выводов строится неверная политическая линия.

Несмотря на то огромнейшее значение, которое имеет правильный подход в анализе процессов, происходящих в сельском хозяйстве, вопросам анализа, вопросам методологических приемов, в нашей литературе уделяется незаслуженно малое внимание. Во всей полноте этот вопрос впервые был поставлен Крицманом, но широкого обсуждения, я уже не говорю о широком применении предлагаемых тов. Крицманом методов анализа, в нашей литературе не последовало. Блестящие образцы правильных приемов при анализе деревни даны Лениным. Но эта сторона ленинизма меньше всего как исследована, так и усвоена. Благодаря важности вопроса следует остановиться на тех приемах, которыми пользовался Ленин при анализе капиталистической деревни. Тем более следует на этом вопросе остановиться подробно потому, что данный вопрос широко не трактовался в нашей литературе, а с другой стороны, еще и потому, что мы не согласны с теми приемами анализа, которыми пользовался тов. Гайстер в разбираемой нами книге, книге в общем довольно ценной и довольно интересной.

II.

Благодаря целому ряду условий капитализм в земледелии прокладывает себе дорогу не так, как это наблюдается в промышленности. Если мы возьмем развитие капитализма в крупной городской промышленности, то в начале своего шествия этот капитализм застает главным образом мелкое

производство с низкими производительными силами. Концентрация производства и отделение работников от их средств производства происходят в предистории капитала, в период первоначального капиталистического накопления. Дальнейший процесс идет таким путем, что борьба между отдельными самостоятельными товаропроизводителями приводит к победе более сильных. Победа дает возможность укрупнять капитал в форме более могучих средств производства, которые одни и могут дать победу в конкурентной борьбе. Таким образом, промышленный капитал приводит к конкуренции и централизации орудий и средств производства в одних руках и гибели хозяйств с более низкими производительными силами. Такова общая тенденция промышленного капитала.

Если же взять условия развития капитализма в земледелии, то здесь в начале его исходного пункта этот капитал наталкивается на совершенно иные отношения, чем те, с которыми приходится сталкиваться промышленному капиталу. «Вспомните,—говорит Ленин,—«Капитал» Маркса. Вы найдете там указание на чрезвычайное разнообразие форм землевладения—феодальное, клановое, общинное (добавим, примитивно-захватное) государственное и проч., которые застает капитал при своем появлении на историческую сцену [1]).

Вот эти разные формы землевладения сельскохозяйственному капиталу приходится перестраивать по-своему. Одни из этих форм он охватывает при помощи дробления, как, например, крупные феодальные латифундии, другие формы землевладения он завоевывает при помощи разорения «трудовых производителей земли» и концентрации земли в одних руках, в форме ли простой скупки, в форме ли аренды—безразлично, третьи формы он просто дробит на ряд мелких самостоятельных товаропроизводителей, которых и можно только втянуть в орбиту торгового земледелия таким дроблением. «Процесс роста и победы капитализма во всех этих случаях однороден, но не одинаков по форме» (там же).

Земледельческому капиталу приходится завоевывать натуральное хозяйство, которое благодаря отсутствию общественного разделения труда развивалось разносторонне. Это приводило к тому, что в одном хозяйстве выполнялся целый ряд функций, которые могли бы полностью удовлетворить потребности производителей. Такая особенность натурального хозяйства имеет большое влияние на формы земледельческого капитала. Капитал в земледелии не просто завоевывает натуральное хозяйство, целиком перестраивая его на товарные рельсы, а завоевывает очень часто только одну сторону этого хозяйства, делает капиталистической только одну функцию, приспособливая остальные к ней, иногда даже в натуральной форме. «Земледелие,—говорит Ленин,—становится торговым не вдруг и не одинаково в различных хозяйствах и различных районах государства. Наоборот, рынок подчиняет в одной местности одну, в другой—другую сторону сложного земледельческого хозяйства, при чем остальные стороны не исчезают, а приспособляются к главной, т.-е. денежной стороне. Например, в одной местности складывается торговое зерновое хозяйство; главным продуктом, производимым на продажу, является зерно. Скотоводство играет подчиненную роль... В других местностях складывается по преимуществу торговое скотоводческое хозяйство, главными продуктами, производимыми на продажу, являются мясные или молочные продукты. Часто земледельческое хозяйство приспособляется к скотоводчеству» [2]). В другом месте: «Капитализм подчиняет себе одни из продуктов сельского хозяйства, и к этому главному продукту приноравливаются все остальные стороны хозяйства» [3]). Такой

[1]) Ленин, т. IX, стр. 222.
[2]) Ленин, т. IX, стр. 652.
[3]) Ленин, т. III, стр. 210.

процесс проникновения капитала в земледелие приводит к его специализации, от чего зависят как сами размеры этого хозяйства, так и способы его организации. Специализация же земледелия, возникающая на основе рыночных отношений становится условием интенсификации. Благодаря техническим особенностям земледелия при росте интенсификации происходит дробление крупных хозяйств на ряд мелких. Но само дробление, вызываемое интенсификацией, не означает превращение крупных хозяйств в хозяйства «трудовые». Наоборот, это показывает на процесс капитализации сельского хозяйства. «Как переход от простого хищнического производства,—говорит Каутский,—к планомерному хлебопашеству, рассчитанному на продолжительное сохранение плодородия почвы, так и вытеснение земледелием экстенсивного выгонного хозяйства развивает тенденцию к уменьшению средних размеров имений, при сохранении или даже возрастании величины предприятий» [1]).

Таким образом, развитие капитализма в земледелии характеризуется вытеснением более крупных имений более мелкими по площади земли, но более высокими по интенсификации.

Процесс капиталистического развития в промышленности приводит к разорению мелких товаропроизводителей, их экспроприации, отделению работника от средств производства. И чем дальше идет этот процесс, тем все меньше и меньше остается самостоятельных мелких товаропроизводителей, которые, разоряясь, пополняют кадры пролетариата. Границ такому разорению в промышленности, при господстве капиталистического способа производства, нет.

Если же взять условия развития капитализма в земледелии, то здесь картина другая. Крупные капиталистические хозяйства в земледелии, крупные не по площади земли, а по величине капитала, вытесняют мелкие и в земледелии. Но это вытеснение мелких имеет свои границы. Такими границами в земледелии выступает сел.-хоз. пролетариат. Разорение мелких земледельцев в деревне приводит к тому, что главная их масса движется в город, пополняя кадры промышленного пролетариата. На определенной ступени разорения мелких производителей в деревне крупные капиталистические хозяйства становятся перед фактом отсутствия рабочей силы. Для того, чтобы остановить процесс перелива рабочей силы из деревни в город, капитал, занятый в земледелии ищет путей прикрепления работников земли к месту жительства. Путями, удерживающими перелив, выступают мелкие земельные участки, так что иногда землевладельцы, земельные капиталисты, заинтересованы в насаждении мелкой собственности. Маленький участок земли, становящийся собственностью работника, но не могущий удовлетворить потребностей его самого и его семьи, служит для землевладельцев-капиталистов двум целям: с одной стороны, он прикрепляет работника к данной территории, с другой стороны, заставляет такого «собственника» продавать свою рабочую силу.

Так что в земледелии мы видим два как бы диаметрально противоположных процесса: с одной стороны, крупное производство вытесняет мелкое, с другой стороны, мелкое вытесняет крупное. Фактически оба эти процесса есть не что иное, как формы развития капитала в земледелии. «Но, как вытеснение мелкого производства крупным,—говорит Каутский,—так и обратный процесс ставят себе границы. По мере того, как растет число мелких сельских хозяйств рядом с крупными, повышается также и количество рабочей силы, которая оказывается в распоряжении крупного производства, а вместе с тем, растет и жизнеспособность последнего и его превосходства над мелким производством. Там, где рядом с крупным хозяйством

[1]) Каутский, «Аграрный вопрос», стр. 105.

возникает много мелких хозяйств, должна снова появиться тенденция к развитию крупного хозяйства, разумеется, поскольку не оказывают противодействия нарушающие моменты, например, перенесение в деревню крупной индустрии. При капиталистическом способе производства мы так же мало можем ожидать конца крупного сельского хозяйства, как и конца мелкого» [1]).

Из всего сказанного вытекает, что формы земледельческого капитала более разнообразны и более пестры, чем формы промышленного капитала. А это значит еще и то, что метод анализа развития капитализма в земледелии также должен быть настолько гибким, чтобы он мог охватить это разнообразие форм во всей их широте, должен быть построен таким путем, чтобы он мог учесть все своеобразие, всю сложность отношений в земледелии.

Статистико-экономический метод является единственным методом, который дает возможность вскрыть эволюцию капитализма в земледелии. Но пользоваться этим методом надо очень осторожно: на основе одних и тех же данных можно делать совершенно разные выводы, так что голая статистика еще не может служить верной гарантией за правильность делаемых на основе ее выводов. Ленин первый дал нам блестящие образцы, как пользоваться этим оружием. «В одной местности,—говорит Ленин,—капитализм концентрирует данную отрасль земледелия и выталкивает в пролетариат ряд мелких хозяйств. В другой местности рост торгового земледелия создает ряд новых мелких хозяйств (напр., молочное хозяйство в пригородных деревнях и в целых странах, поставляющих продукты за границу в роде Дании). В третьих местностях дробление средних хозяйств увеличивает число мелких. Огульная статистика прикрывает все эти процессы, для изучения которых необходимы детальные исследования» [2]).

Заслуга тов. Гайстера и состоит в том, что он не пользуется огульными данными. Зная цену статистическим данным,—количеству земли, количеству скота,—тов. Гайстер в своем исследовании цент тяжести переносит не на эти показатели, а на другие: доходность хозяйства, ценность скота и инвентаря, количество арендуемой земли и кто ее сдает, кто арендует, наем рабочей силы и какие группы крестьян этим наймом пользуются и т. д. В этом большой плюс разбираемой книги.

Вышеразобранный своеобразный характер развивающегося капитализма в земледелии и вытекающий отсюда подход для анализа сельского хозяйства очень многое говорит и о том, по какой линии должен итти анализ социального лица нашей советской деревни. Ко всему, что было сказано, надо прибавить то новое, что дала Октябрьская революция, то новое, что дает каждый день диктатуры пролетариата. Только учет своеобразного характера капиталистических форм в сельском хозяйстве, учет новых особенностей, которые получены завоеванием пролетариата и крестьянства, позволяет вскрыть процессы, происходящие в сельском хозяйстве.

Для того, чтобы судить о том, верно ли учтены как старые особенности капиталистической деревни, так и новые особенности, вытекающие из наличия диктатуры пролетариата, в разбираемой книге, попытаемся проследить общую линию анализа, применяемую автором в своем исследовании расслоения советской деревни.

---

[1]) Каутский. «Аграрный вопрос», стр. 114—115.
[2]) Ленин. Т. IX, стр. 156.

III.

Книга содержит восемь глав. Первая глава — вступление — трактует общеметодологические принципы, которые, по мнению автора, должны лечь в основу исследования расслоения деревни. На вопросах, поднимаемых автором, мы подробнее остановимся в другой связи. Вторая глава трактует вопрос о тех изменениях, которые произведены были Октябрьской революцией. Здесь указывается, прежде всего, на уничтожение старых латифундий и изменение форм землепользования, вытекающее из национализации земли пролетарским государством. С другой стороны, разобран и статистически доказан процесс раскулачивания. В общем выводы на основе данных, разбираемых во второй главе, можно формулировать следующим образом: пролетарская революция, национализировавшая землю, уничтожая помещичьи и крупнокапиталистические латифундии, разбила как производственные отношения феодального типа, так и отношения капиталистического типа, остатки же капиталистических отношений, уцелевшие на первом этапе революции в процессе гражданской войны, были почти уничтожены. Результатом аграрной революции явилось очень сильное уравнение земли на ряду с уравнением—хоть и не в такой степени, как земли,—живого и мертвого инвентаря.

Начиная с третьей главы—доход крестьянского хозяйства—автор приступает вплотную к анализу расслоения. Здесь же происходит основная установка в анализе. Все хозяйства, в которых имеются бюджетные данные, разбиваются на 5 групп. Вот какие группы и признаки групп кладутся в основу: «Для большей отчетливости,—говорит Гайстер,—нашего суждения о путях развития отдельных групп разобьем все хозяйства на пять основных групп: I—мельчайшие, II—мелкие, III—средние, IV—выше средних и V—крупные хозяйства. Величину хозяйства будем в дальнейшем измерять следующими ценностными измерителями: в I группу—мельчайших—входят хозяйства со стоимостью средств производства до 200 руб.; во II группу—от 201 до 500 руб., в III группу—от 501 до 800 руб., в IV группу—от 801 до 1.400 руб. и в V группу—свыше 1.400 руб.». (стр. 15).

В этой главе детальным образом рассматривается доход и расход каждой группы в отдельности, при чем как доход, так и расход берется не только в общей сумме, но получаемая сумма рассматривается в аспекте как отдельных источников поступления, так и статей расхода каждой группы. Анализ дохода и расхода в такой градации дает возможность заглянуть внутрь крестьянских хозяйств, дает возможность уже здесь нащупать те производственные отношения, которые складываются между отдельными группами. Тов. Гайстер говорит, что анализ таблиц расходов и доходов крестьянских групп свидетельствует «прежде всего о наличии в хозяйствах различной мощности социально-разнородных источников дохода. Доход крестьянских хозяйств разнится не только по своей величине, но и по социальным источникам его образующим» (стр. 24).

Четвертая глава трактует вопрос о социально - производственной структуре различных групп крестьянских хозяйств. Здесь каждая группа рассматривается по количеству скота, по стоимости средств производства, кто сдает и нанимает из этих групп скот и инвентарь, сколько дохода приносит одна корова в каждой группе, товарность каждой группы и характер этой товарности, которые из групп продают и которые нанимают рабочую силу и т. д. На основе всех приводимых данных можно судить о складывающихся внутригрупповых отношениях. Жаль только, что в конце главы нет сравнительных таблиц всех пяти групп вместе по основным показателям для того, чтобы судить о возникающих между ними противоречиях.

Пятая глава — аренда и сдача земли — решает вопрос: кто сдает в аренду землю и кто ее берет?

Оказывается, что в арендные отношения становятся в большей степени крайние группы, при чем из крайних групп,—мельчайших и мелких,—сдают больше те, кто меньше имеет земли. Сдают землю те хозяйства, в которых недостает средств производства для обработки своей земли, берут в аренду хозяйства более мощные по стоимости инвентаря.

Ясно, что отношения аренды показывают на зародыш капиталистических отношений.

Шестая и седьмая главы трактуют вопрос о сдаче и найме скота и инвентаря и купле - продаже рабочей силы.

На основе приводимого материала автор показывает, как верхушечные группы завязывают эксплоататорские связи с малоимущими группами при помощи сдачи внаем скота и инвентаря. Сдаваемый скот и инвентарь является одной из форм эксплоатации в нашей деревне.

Революция, наделившая малоимущих землей, не могла дать им с.-х. инвентаря. Раскулачивание в период военного коммунизма шло, главным образом, по линии доходов и земли капиталистической верхушки деревни. Инвентарь у этой группы был меньше всего затронут революцией. Новая экономическая политика развязала эти производительные силы верхушки деревни. Для освоения полученной земли малоимущие вынуждены брать инвентарь у зажиточных, залезая в кабалу.

Вот характерные данные о сравнении расходов на наем скота и инвентаря с валовой продукцией мелких и мельчайших хозяйств (стр. 79).

Губернии	В хоз. со стоим. ср. пр. до 200 р.					В хоз. со стоим. ср. пр. от 201—500 р.				
	Вал. прод. сел. хоз. на 1 хоз-во	Стоимость прод. полев. на 1 хоз.	Уплач. за наем скота и инвент.	%% упл. к стоим.		Валов. продукц. с. х. на 1 хоз.	Стоимость продук. полев. на 1 хоз.	Уплач. за наем скота и инвентаря	%%	
				Всей прод. с.-х.	Стоим. прод. полев				Всей прод. с. х.	Стоим. прод. полев.
Смоленская . . .	202,0	79,3	6,3	3,1	7,9	413,5	184,1	3,8	0,0	2,1
Тамбовская . . .	173,9	105,9	20,3	11,6	19,1	348,0	186,3	11,5	3,3	6,2
Укр. лесост. . . .	160,4	80,4	14,8	9,2	18,4	316,8	166,0	17,8	5,6	10,7
„ степь . . .	232,1	127,9	41,0	17,6	32,0	377,9	182,3	48,0	12,7	26,3
Новосиб. окр. .	218,2	93,4	17,6	8,1	18,8	372,3	150,7	29,6	7,9	19,6

Приводимая таблица показывает, что во всех губерниях мельчайшие хозяйства, как более малоимущие, тратят на наем скота и инвентаря большую часть своего валового дохода, чем более крепкие хозяйства, а значит и зависимост их от сдатчиков большая. Сдают же внаем скот и инвентарь высшие группы хозяйств. Общий итог, к которому приходит тов. Гайстер, следующий: «Как видим сдача и наем скота и инвентаря представляют широко распространившиеся явления в советской деревне. Значительность безлошадных и безынвентарных хозяйств создает возможность эксплоатации их со стороны хозяйств, владеющих в достатке средствами производства» (стр. 88).

Наем рабочей силы, по данным тов. Гайстера, идет за счет беспосевных и малопосевных. Вот данные РКИ о социально-имущественном положении нанимающихся.

Число батраков, о которых имеются сведения	% наемных рабочих				Итого
	Не имеющ. никакого имущества	Имеющие только жил. строение	Бедн. хоз.	Хоз., имеющ. раб. скот	
10.949	37,0	9,2	52,5	1,3	100

Мы видим, что 46,2% батраков не имеют своих средств производства, 52,5% батраков, имеющих бедняцкое хозяйство, и только 1,3% имеющих свой скот. Таков контингент наемной рабочей силы в деревне. Нанимает этих батраков тот, кто имеет средства производства, т.-е. кулак.

В последней, восьмой главе—соотношение классов и групп в деревне—тов. Гайстер дает характеристику классовым группам нашей деревни.

«Признаками отнесения хозяйств к группам являлись:

«А. Пролетарские и полупролетарские хозяйства:

«I — пролетарские хозяйства: продажа рабочей силы хозяйством свыше 50 дней.

«II — полупролетарские хозяйства (бедняцкие) продажа рабочей силы от 20 до 50 дней, или наем скота свыше 20 дней, или инвентаря свыше 10 дней.

«Б. Самостоятельные производители (середняки).

«III — середняцкие хозяйства, при наличии отпуска рабочих до 20 дней, найма или сдачи скота до 20 дней, инвентаря до 10 дней.

«IV — с элементами предпринимательства: при найме рабочей силы от 2 до 50 дней, или сдаче скота свыше 10 дней, аренде пашни свыше 2 дес., или сенокоса свыше 5 дес.

«В. Мелкокапиталистические хозяйства.

«V — мелкокапиталистические и полукапиталистические (кулацкие) при найме рабочих сыше 50 дней» (стр. 105—106).

Таковы главные признаки, положенные в основу характеристики социальных групп советской деревни. Автор, давший анализ на основе данных 1.242 бюджетов, разработал 1.021 хозяйство по социальным типам. На основе вышеприводимой социальной характеристики тов. Гайстер при помощи экстраполяции дает социальную характеристику главнейшим районам нашего Союза. Вот к каким выводам он приходит:

Распределение всего числа хозяйств по социальным типам (в %% стр. 110).

Типы по социальным признакам	Украина	Сев. Кавказ	Уральская область	Новосиб. округ
I	16,5	19,3	9,8	15,5
II	21,7	16,8	11,9	17,7
III	45,8	40,3	52,6	51,6
IV	10,3	18,3	15,4	7,5
V	5,7	5,3	9,3	7,7

Следует здесь же указать, что разбираемые районы тов. Гайстер характеризует как райны, где «... классовое расслоение деревни и происходило и происходит в наибольшем размере». Но, несмотря на специфичность районов, все же центральной фигурой является середняк: «По лесостепи и степи их (середняков) 56,1%, Сев. Кавказу 58,6%, Уральской области

68,0% и Новосибирскому округу 59,1%». Как видно, т. Гайстер «предпринимательскую» IV группу относит к середнякам, а не к кулакам, как сделала это оппозиция в своих контртезисах. Тщательный анализ этой «предпринимательской», как неудачно названной группы, показывает, что отнесить ее к эксплоататорской группе ни в коем случае нельзя. Вот несколько цифр, которые покажут, что представляют собой эти, с позволения сказать, «предпринимательские» хозяйства. Доход от сдачи скота и инвентаря на одно хозяйство IV группы в Смоленской губ.—9,2 руб., Тамбовской—35,1 руб., Лесостепь—31,5 руб., Степь—81,8 руб., Сев. Кавказ—14 руб., Новосибирский округ—40 руб. За исключением степной Украины (81,8 р.), во всех остальных районах хозяйства IV группы получают мизерный доход от сдачи инвентаря.

Доход в 26 руб. в год на одно хозяйство только в перепуганных глазах оппозиции делает крестьянское хозяйство кулацким. Вот данные, куда тратится доход этой группы хозяйств. По Смоленской губ. 82,1% всего дохода тратится на личное потребление и только 17,9% на хозяйственное потребление, по Тамбовской губ. 80,5%—на личное потребление и 19,5%—на потребление хоз., в Лесостепной Украине 76,2%—личное потребление, 23,6% хозяйственное, в Степной Украине 83,3%—личное, 16,7% хозяйственное, Сев. Кавказ на личное — 82,9%, хозяйственное — 17,1%, Новосибирский округ—60,8% личное и 39,2% производительное. В рублях на промышленное потребление на одно хозяйство падает: Смоленская губ.—30,2 руб., Тамбовская—22,5 руб., Лесостепь—30,5 руб., Степь—29,3 руб., Сев. Кавказ—32,6 руб., Новосибирский округ—48,2 руб. Присоединение IV социальной группы к кулакам было не чем иным, как сознательной фальсификацией, которая пусть останется на совести оппозиционных писак, пользовавшихся таким гнилым оружием в борьбе с партией.

Немного другую картину дает экстраполяция в отношении распределения стоимости с.-х. машин и орудий по социальным типам в % % (стр. 111).

Типы по социальным признакам	Украина	Сев. Кавказ	Уральская область	Новосиб. округ
I	5,3	1,7	1,7	2,8
II	6,9	6,0	1,8	3,3
III	47,0	34,0	38,3	51,6
IV	22,1	40,8	29,1	20,4
V	18,7	17,5	29,1	21,9

И здесь, по стоимости средств производства, средние группы сосредоточивают основную массу производительных сил в своих руках.

Выводы, к которым приходит автор на основе анализа расслоения советской деревни, таковы: «Аграрная революция, уничтожив помещичье хозяйство и ликвидировав полукрепостнический гнет в деревне, вместе с тем смела и крупнокапиталистические хозяйства. Развитие рынка, товарного производства возродило в деревне капиталистические формы связи отдельных хозяйств, расширив рынок для рабочей силы, толкая беднейшие хозяйства к пролетаризации, отрыву от своего хозяйства. Еще более интенсивно, чем развитие рынка труда шло за последние годы в деревне развитие найма — сдачи скота и инвентаря. Недостаток в средствах производства у бедняцких хозяйств вызывал в их среде наем скота и инвентаря, сдачу земли, продажу рабочей силы. Накопление средств производства в одних хозяйствах, лишение их в других, приводит к классовым изменениям хозяйств, развитию социально-антогонистических отношений между ними. Процесс расслоения советской деревни и выражает это классовое изменение мелких товарных производителей, переводя разницу в наличии средств производства у хозяйств в ряд общественных отношений, где собственники средств производства выступают в качестве эксплоатирующих, собственники рабочей силы—в качестве ее явных или скрытых продавцов. Развитие расслоения тем самым означает усиление противоречия между хозяйствами, усиление тенденции капиталистического пути развития сельского хозяйства» (стр. 116—117).

Таков результат исследования, таков и конец книги.

IV.

Мы подробно, шаг за шагом проследили на протяжении всей книги, как те вопросы, которые решаются автором, так и способы, при помощи которых они решаются, а также и выводы, к которым привел автора результат анализа. Такое подробное изложение книги необходимо для всестороннего ознакомления с методом, применяемым автором в его исследовании.

Выше мы останавливались на тех особенностях сельского хозяйства, которые необходимо учитывать при анализе социального лица капиталистической деревни.

Эти особенности суть следующие:

1) Наличие разных комплексов производственных отношений докапиталистического характера, с которыми развивающийся капитализм в земледелии, сталкиваясь, переделывает по разному. Учет этих комплексов необходим для того, чтобы видеть и уметь вскрыть те формы земледельческого капитала, которые принимает он, прокладывая себе дорогу в сельское хозяйство.

2) Отличие условий развития земледельческого капитала от условий развития промышленного капитала в области наемной рабочей силы. Учет данного фактора позволяет рассмотреть силу фундамента, на котором должно происходить развитие земледельческого капитала.

Октябрьская революция, национализацией земли пролетарским государством уничтожила старые формы землевладения. На место них были созданы, вернее, расширены другие отношения, отношения простого товарного хозяйства, при чем эти отношения существенно отличаются от отношений простого товарного хозяйства, существующих в капиталистическом обществе. Отличие идет по линии связи простого товарного хозяйства с советским государством через пользование землей. Тогда как при капитализме эта связь или отсутствует (связь с буржуазным государством) или существует как связь на капиталистических началах, при диктатуре пролетариата эта связь налицо, при чем в основе связи лежат не капиталистические принципы, а принципы другого порядка. Вот это отличие нашего простого товарного хозяйства от простого товарного хозяйства капиталистического типа должно быть со всей решительностью подчеркнуто.

Другая сторона дела,— развивающийся капитализм в земледелии требует наличия мелкого хозяйства, которое могло бы служить поставщиком рабочей силы. Благодаря революции такое мелкое и мельчайшее хозяйство было насаждено в достаточной степени, так что у нас для развития капитализма со стороны рабочей силы имеется хорошо вздобренная почва. Это является, пожалуй, главным фактором того, почему до настоящего времени в деревне кулацкая верхушка, хоть и медленно, а все же растет. Это второй факт, который должен был быть отмечен перед тем, как приступать к анализу расслоения советской деревни. Автор, такого положительного фактора для капитализма не отмечает. Так обстоит дело с теми двумя особенностями земледелия, которые мы отметили в начале статьи.

Теперь уже стало общим местом указание на ведущую роль промышленности по отношению к сельскому хозяйству. Эта ведущая роль про-

мышленности является фактом не только для капиталистического строя, но, пожалуй, даже в большей степени при диктатуре пролетариата в переходный период от капитализма к социализму.

Когда дается анализ сельскому хозяйству капиталистического общества, то можно абстрагироваться как от промышленности, так и от экономической политики буржуазного государства. Можно абстрагироваться (да и то не всегда) потому, что анализируется строй тех же отношений, которые господствуют в промышленности, тех же отношений, которые насаждаются в сельском хозяйстве экономической политикой буржуазии, так что они (экономическая политика и капиталистическая промышленность) являются толкачом, усилителем процессов, происходящих в сельском хозяйстве. Капиталистическое развитие сельского хозяйства стимулируется капиталистической промышленностью, влияние последней на с. х. результатом своим имеет производственные отношения капитализма или расслоение деревни. Так обстоит дело с эволюцией сельского хозяйства при господстве капиталистического способа производства.

Но не так обстоит дело при диктатуре пролетариата.

Производственные отношения нашей крупной промышленности являются отношениями социалистического типа. Ведущая роль социалистической промышленности в отношении сельского хозяйства толкает ведь последнее по другому пути развития, по пути коллективного, а не капиталистического характера. Вот здесь и выплывает основа основ метода анализа советского сельского хозяйства и вся трудность анализа. Благодаря наличию простого товарного хозяйства и новой экономической политики налицо имеются условия развития капиталистических отношений в нашей деревне. С другой стороны, благодаря наличию социалистической крупной промышленности, и вообще командных высот, в руках пролетариата перед сельским хозяйством становится реальным другой путь—путь социалистический, кооперативный. Оба эти пути, вернее, два диаметрально противоположных вида производственных отношений, имеют место в нашем сельском хозяйстве. Они сталкиваются друг с другом, ведут борьбу между собою, переплетаются во всей сети разнообразных производственных отношений самым причудливым образом. На стороне капиталистического пути развития стоит та организация простого товарного хозяйства, которая «ежечасно, ежеминутно рождает капитализм», на стороне социалистического пути развития стоит вся могучая крупная промышленность, вся банковская система пролетарского государства, все командные высоты пролетариата, вся экономическая политика пролетариата и вообще вся техника и вся наука. Спрашивается, влияет ли ежечасно, ежеминутно все, что толкает деревню по другому, некапиталистическому типу развития, на капиталистические формы развития или не влияет?

Да, влияет. А раз такое влияние есть, значит процесс расслоения, о котором идет речь в разбиремой книге, видоизменяется, принимает особые, своеобразные, только диктатуре пролетариата присущие формы. Вот эту особенность форм расслоения и надо было показать. Автор ее не показал, не только не показал, но даже этого вопроса и не поставил. «О каком процессе речь идет, когда мы говорим о расслоении советской деревни?»—задает себе вопрос автор. И отвечает: «Процесс расслоения деревни представляет нарастание противоречий внутри крестьянских хозяйств, идущих по линии сосредоточения средств производства в одних хозяйствах, использования ими, благодаря наличию в одних хозяйствах средств производства, рабочей силы других хозяйств, а с другой стороны, у других хозяйств—лишение средств производства и неизбежно связанная с этим для них либо продажа своей рабочей силы в чужое хозяйство, либо использование чужих средств производства, создающее видимость своего хозяйства» (стр. 2—3). Эту формулировку можно без изменения применить по отношению к процессу расслоения, происходящего при капитализме. Здесь ни одного звука, ни одного штриха о тех особенностях расслоения, которое происходит в условиях диктатуры пролетариата.

Если мы говорим об особенностях расслоения при диктатуре пролетариата, то спрашивается: можно ли абстрагироваться от экономической политики пролетариата, можно ли абстрагироваться от всех социалистических элементов нашей экономики, воздействующих на расслоение советской деревни, а значит, и видоизменяющих это расслоение, или нельзя? На этот вопрос т. Бухарин отвечает так:

«К сожалению, иногда даже коммунисты позабывают основное методологическое требование, необходимое при анализе отдельных больших хозяйственных сфер, например, сельского хозяйства. Люди думают, будто можно правильно наметить общие пути развития, не рассматривая деревни в связи с городом, сельского хозяйства в связи с индустрией, траспортом, кредитом. Рассматривают какую-то изолированную деревню, замкнутую в себе, знаменитого «сфинкса», подчиненного в своем развитии каким-то совсем особым законам, не находящимся в преступном сообществе с законами развития всего народного хозяйства в целом» [1]).

Все содержание книги тов. Гайстера доказывает обратное. Только вторая глава—итоги аграрной революции—рассматривает значение диктатуры пролетариата. Дальнейший же анализ имеет дело лишь с этим «сфинксом», изолированным сельским хозяйством. Верно, что расслоение показывает на капиталистические элементы развития деревни, верно, что здесь мы имеем дело с производственными отношениями не социалистического круга, а капиталистического. Все это верно. И тов. Гайстер это понимает очень хорошо. Он пишет: «Вся сумма отношений, существующих в советской деревне, шире вопроса о расслоении, ибо расслоение есть вопрос о путях капиталистического превращения. Лишь вскрыв всю сумму общественных отношений в советской деревне, мы сумеем уяснить пути развития деревни. Вопрос о расслоении есть лишь вопрос об одном из путей ее развития» (стр. 2). Но, ведь, оба эти круга—социалистический и капиталистический—развиваются не самостоятельно, независимо друг от друга, а влияют один на другой. Такое влияние видоизменяет формы расслоения. У тов. Гайстера такого влияния нет. У него есть признание лишь другого пути—и только. Отсутствие взаимодействия, приводит к механическому противопоставлению двух линий развития.

Во всем исследовании произведено абстрагирование от диктатуры пролетариата. По нашему мнению, такой методологический прием не верен.

Результат и завершение книги — восьмая глава, в которой тов. Гайстер производит экстраполяцию по отношению главнейших районов нашего сельского хозяйства. Бюджетные данные переносились на динамические показатели при помощи следующего метода. Средние показатели каждой социальной группы, полученные на основе бюджетных данных, принимаются за средние нормы. Средние показатели по бюджетам умножаются на число хозяйств в каждом типе динамики. Полученный результат по каждому социальному типу в отдельности суммируется и берется за 100. После чего устанавливается удельный вес каждого из пяти социальных типов. Таким путем устанавливается процент земли, находящейся в распоряжении каждой группы крестьян, % скота, % стоимости инвентаря, количества товарных излишков и т. д. Тов. Гайстер отмечает «условность» и «несовершенность» такого метода. По нашему мнению, такой метод перенесения результатов

[1]) Бухарин. «В защиту пролетарской диктатуры» (сборник), стр. 124

анализа бюджетных данных тысячи с чем-то хозяйств на целые районы Советского Союза совершенно не применим. Метод экстраполяции даже в условиях капитализма, где заведомо налицо лишь один процесс развития деревни, является условным. Что же касается советской деревни, где наряду с процессом расслоения происходит процесс обобществления, который видоизменяет как количественно, так и качественно процесс расслоения, применение метода экстраполяции предполагает, что других процессов развития деревни нет или же, в крайнем случае, другие процессы (обобществление) являются только противодействующими факторами, задерживающими процесс расслоения, который является основным в линии развития нашей советской деревни. Основной линией развития нашей деревни мы считаем процесс обобществления, который из года в год суживает капиталистические элементы, а значит, и экстраполяция капиталистической линии развития так, как она поставлена тов. Гайстером, ни в коем случае применена быть не может.

Когда мы изучаем развитие сельского хозяйства при капитализме, то, разобрав этот процесс в чистом виде, после привносим элементы, противодействующие капиталистическому процессу развития. Противодействующие факторы не уничтожают основного закона, его лишь либо видоизменяют (он прокладывает себе дорогу в других формах), либо замедляют. В советском сельском хозяйстве наметились две линии развития—социалистическая и частнокапиталистическая, которые ведут борьбу между собою. Которая из них является главной?

Тов. Гайстер отвечает: «Но, если на эти процессы капиталистического преобразования крестьянских хозяйств господство капитализма оказывает побудительное и помогающее действие, то диктатура пролетариата, рост социалистической индустрии, кооперации и государственного хозяйства в деревне оказывает процессам расслоения з н а ч и т е л ь н о е п р о т и в о д е й с т в и е» (стр. 117). Не пора ли поставить вопрос как раз наоборот.—Что не социалистические производственные отношения оказывают значительное противодействие капиталистическому пути развития нашей деревни, а капиталистические производственные отношения есть противодействующие факторы? Такой постановкой вопроса мы ставим его на принципиально другие рельсы. Ведь не случайным является тот факт, что наше сельское хозяйство достигло за годы нэпа довоенного уровня, тогда как капиталистические элементы далеко не достигли. Да, наконец, того удельного веса, который имел капитал в сельском хозяйстве до революции, он никогда и не достигнет. Можно было бы на основе фактического матариала показать и доказать, что главная линия деревни уже теперь есть линия по пути коллективного хозяйства, а не по пути капитализма. А это значит, что капиталистическое развитие сельского хозяйства есть задерживающий фактор развивающегося социализма. Таковы основные замечания по вопросу о методе анализа социального лица нашей деревни.

Богатейший материал, широко и умело использованный тов. Гайстером, делает его книгу одной из ценнейших монографий по сельскому хозяйству. Главнейшие показатели, положенные в основу данной работы, имеют большую ценность. Особенно ярко выделяется эта работа на фоне других работ по сельскому хозяйству, страдающих, главным образом, плохим фактическим материалом. Обстоятельная вступительная статья тов. Крицмана об анализе классовой структуры крестьянства, разбирающая вопрос о правильном применении статистических данных при анализе классов современной деревни, делает еще более ценной данную книгу. Но главный недостаток разбираемой книги лежит по линии абстрагирования от влияния социалистических элементов нашей экономики на характер расслоения советской деревни.

Письмо в редакцию.

(Ответ тов. Сорину).

У меня, как и в книге, сказано, что IV том вышел под редакцией Л. Каменева. Тов. Сорин напрасно прячет Каменева за спину тт. Бухарина, Скворцова и Молотова. Буду отвечать только по существу моего «Письма в редакцию».

В такой книге, как собрание сочинений Ленина, обязателен список опечаток. Его нет. В этом все дело. И вряд ли будут довольны читатели, что Сорин не только оспаривает необходимость принятия всех обычных мер против искажения текста, но и проповедует очень легкое отношение к этим искажениям.

Сорин острит над часовыми «изысканиями» Ольминского: он, очевидно, не способен понимать иронии.

Теперь о примечаниях.

П р и м е ч а н и е 92. Смысл моего указания в том, что тов. Ленин не полез в пеструю и отчасти сомнительную компанию литераторов прежнего «Образования», а печатался в журнале, в который уже вошли наиболее видные большевики. Тов. Сорин этого не понял. А для характеристики тов. Ленина это имеет значение. Относительно Н. Иорданского Сорин в форме возражения подтверждает мое указание, что в 1906 г. Иорданский не был в числе сотрудников «Образования».

П р и м е ч а н и е 109. Достаточно признания Сорина, что он не знал того, о чем печатал в примечании. В возражении он заметает следы, говоря только о преемственной связи двух типографий.

П р и м е ч а н и е 174. Сорин приписывает мне нелепую фразу; это—ошибка машинистки или Сорина—не знаю. Знаю только, что в № 1 «Пролетарской Революции» напечатано верно, и моя поправка к примечанию нужна.

П р и м е ч а н и е 199. В одном месте книги указан 1894, а в другом —1895 г. Во избежание возможных недоразумений тем более нужно было точно указать 1895 год.

М. Ольминский.

От редакции.

Помещая ответ тов. Ольминского на письмо в редакцию тов. Сорина (см. «Большевик» № 2 с. г.), редакция этим считает законченным обсуждение на страницах «Большевика» тех замечаний, которые были сделаны тов. Ольминским в журнале «Пролетарская Революция» (см. «Пролетарская Революция» № 1) по поводу последнего издания IV тома сочинений Ленина и которые, по мнению редакции, следовало бы учесть для внесения отдельных поправок в это издание.

Редакция: В. Астров. Н. Бухарин. В. Молотов. А. Слепков. Е. Ярославский.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 15 МАРТА 5

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 8
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
„П Р А В Д А"

Главлит № А—10008 Тираж 75.000.
Типография газеты „Правда". Москва, Тверская, 48.

Из итогов пленума ИККИ.

Февральский 1928 года пленум ИККИ обсуждал ряд вопросов крупнейшего политического значения. Наша партия должна внимательнейшим образом присмотреться к решениям ИККИ и подвергнуть их проработке в широких партийных массах.

Пленум ИККИ, прежде всего, обсудил вопросы, связанные с антисоветской деятельностью троцкистской оппозиции как в СССР, так и в международном масштабе. Выступления делегатов доказали, что вопрос о троцкистской оппозиции является сейчас вопросом, вокруг которого, между прочим, в последнее время шла борьба между коммунистами и социал-демократами.

Коммунисты подытожили свое отношение к троцкистской оппозиции, когда они сказали в резолюции пленума ИККИ:

> «Пленум ИККИ считает, что эволюция к социал-демократизму, проделанная троцкистской оппозицией, ее явно антисоветская позиция, насквозь враждебная диктатуре пролетариата, ее раскольнические методы в коммунистических партиях—привели к тому, что принадлежность к троцкистской оппозиции, солидаризация с ее взглядами не могут быть совместимы впредь с принадлежностью к Коммунистическому Интернационалу».

И в другой связи:

> «Пленум целиком и полностью солидаризируется с решениями ВКП(б) и мерами, проведенными ВКП(б) через советские органы для пресечения антисоветской деятельности оппозиции».

В этих решениях Исполкома нашло выражение весьма определенное и единодушное отношение коммунистов всех стран к троцкизму.

Иначе реагировала на антисоветскую деятельность троцкистов и мероприятия компартии и советского правительства в отношении оппозиции социал-демократия.

К моменту, совпавшему с началом работ пленума ИККИ, лидеры II Интернационала, бельгийский социалист Де-Брукер и германский социал-демократ Криспин, обратились к председателю ЦИК СССР тов. Калинину от имени комиссии по обследованию положения политических заключенных с протестом против высылки вождей троцкистской оппозиции в ВКП(б).

Эти два документа—резолюция пленума ИККИ по вопросу о троцкистской оппозиции и протест лидеров II Интернационала против высылки троцкистов—достаточно ярко характеризуют действительную роль троцкистов в процессе борьбы ленинизма с оппортунизмом.

Выступления делегатов на пленуме показали, что во всех странах социал-демократы выступили на защиту троцкистов против ВКП и СССР.

Австрийские социал-демократы, в лице Бауэра и Фрица Адлера, заявляют о недопустимости устранения с политической арены таких революционеров, как Троцкий и «иже с ним», и усматривают в этом устранении термидор; чехо-словацкие социал-демократы вторят «австрийцам»; английские реформисты из ренегатов, Постгейт и Предс, защищают право троцкистов на образование своей легальной оппозиционной партии; норвежский «австромарксист» Транмель рассматривает последние внутрипартийные события в ВКП, как показатель термидора, и требует «освобождения политических заключенных»; голландская реформистка Роланд-Гольст протестует против высылки Троцкого, который является, с ее точки зрения, «живым символом Октябрьской революции» (она «аргументирует» даже стихами); в японской социал-демократической газете «Лэйбор» Троцкий защищается, как «подлинный вождь марксизма и ленинизма»; целая стая реформистских и буржуазных газет осуждает ВКП и СССР за высылку троцкистов и берет их под свою защиту, как подлинных «марксистов» и «ленинцев».

Все делегаты констатировали тот факт, что документы троцкистской оппозиции, как-то: тезисы статьи Троцкого, письмо Иоффе, секретные партийные документы (завещание Ленина) и т. д. перепечатывались из ренегатских листков в социал-демократической и буржуазной прессе и пускались в широкое политическое обращение для борьбы против ВКП, СССР и Коминтерна.

Как известно, имел место даже случай, когда буржуазная газета купила за крупные деньги у заграничного сторонника Троцкого (Макса Истмена) секретный партийный документ, распространяемый троцкистами.

Но особенную радость по поводу обострения антипартийной и антисоветской борьбы троцкистской оппозицией и по поводу умножения и распространения оппозиционных антиреволюционных документов выразили, конечно, социал-демократы,—они перепечатывали в своих газетах все, что пускала в обращение троцкистская оппозиция.

«Аргументация» и клевета троцкистов льет воду на меньшевистскую мельницу—это меньшевики прекрасно понимают. Недаром лидер русских меньшевиков Ф. Дан пишет в своей статье по поводу последних документов Троцкого и Сапронова в органе австрийской соц.-дем. «Der Kampf»:

> «К критической части обеих программ русскому социал-демократу вряд ли нужно многое прибавить. Характеристика хозяйственного положения страны и положения рабочего класса, тенденций социального и политического развития в эпоху нэпа, укрепления капиталистических собственнических элементов и роста их влияния на политику диктатуры,—все это почти слово в слово повторение критики со стороны социал-демократии».

Почему же меньшевикам не перепечатывать документов Троцкого и Сапронова, если на эти клеветнические документы можно опереться в борьбе против коммунизма?

Чрезвычайно характерен факт, приведенный на пленуме польским коммунистом тов. Пурманом и уже отмеченный «Правдой» [1]. «В Петроковской тюрьме, где заключены многочисленные коммунисты, пепеэсовским агентам удалось, путем подсовывания «материалов» троцкистской оппозиции, убедить нескольких заключенных рабочих подписать заявление, направленное против СССР и Коминтерна. ППС договорилась после этого об освобождении этих лиц из тюрьмы и пользуется теперь их услугами. Эти люди раз'езжают, по поручению ППС, по районам, где сильно коммунистическое влияние, и ведут против коммунистической партии меньшевистско-троцкистскую агитацию».

Вредоносность троцкистских группочек разных стран определяется, как правильно отмечали все делегаты, выступавшие по докладу тов. Бухарина, не их собственной силой, а тем, что они усиливают социал-демократов, что они дают им новую идейную пищу, при чем эта пища исходит от людей, еще недавно бывших коммунистами.

Ренегатские троцкистские группы всюду вступили на путь об'единения, позабыв о своих былых разногласиях и выдвинувши своим знаменем троцкизм.

В Германии группа Маслова об'единяется в выборной кампании, вопреки прежним заявлениям о своем непримиримом отношении к каутскианцу Коршу, с коршистами. Во Франции правые Суварин и Паз подмяли под себя «левых» ренегатов Трэна и Сюзан-Жиро, при чем последние заговорили еще более гнусным языком, чем Суварин (так, напр., Сюзан-Жиро заявляет, что между царистской Россией и СССР нет разницы) и др. В Соединенных Штатах ренегатские ответвления были представлены Истменом, Лорэ, Залуцким, при чем Истмен был в предшествующей борьбе за исключение Залуцкого, Лорэ за исключение Истмэна, а Троцкий за исключение Лорэ. Теперь все эти ренегаты забыли свои разногласия, об'единившись под троцкистским знаменем борьбы против Коминтерна.

Примерно такая же картина наблюдается и в других странах.

Все эти группочки крайне малочисленны, никаких масс за собой не имеют и сами по себе никакой силы не представляют. Но они исключительно вредны потому, что они—вчерашние коммунисты—клевещут на коммунизм, Коминтерн, ВКП и СССР. Социал-демократы очень ценят эту идейную поддержку троцкистов, ибо этой поддержкой им удобно пользоваться в борьбе против роста левых настроений в рабочих массах.

> «Опасность троцкизма в международном рабочем движении,—читаем мы в резолюции пленума ИККИ о троцкистской оппозиции,—заключается в переживаемый нами период в том, что троцкисты ока-

[1]) Цитируем по «Правде», см. № 43 от 19 февраля, стр. 2.

зывают прямую поддержку идеологии и политике «левых» прислужников реформизма, что они усиливают «левых» вождей оппортунизма в их борьбе против коммунизма и СССР, что они увеличивают средства обмана и клеветы, которыми пользуются реформисты в борьбе против коммунизма, что троцкизм стал разновидностью бауэровщины и подобных ему агентур реформизма. Троцкистская оппозиция во всех основных вопросах целиком перешла на позиции «левых» прислужников оппортунизма, преобретая явно контрреволюционный характер. Клевеща, под прикрытием фраз о преданности революции и СССР, на Коммунистический Интернационал, ВКП(б) и пролетарскую диктатуру, внешнюю и внутреннюю политику которой они изображают так же лживо и извращенно, как и социал-демократы,—троцкисты вместе с международной социал-демократией ставят свою ставку на падение советской власти».

Троцкизм стал разновидностью «левых» прислужников оппортунизма, и потому троцкисты не могут быть терпимы в рядах Коминтерна—таков бесспорно правильный вывод, к которому пришел последний пленум ИККИ.

Опасность троцкизма есть по своей природе опасность оппортунизма. Поэтому всякие попытки изобразить дело так, что при отвлечении от троцкизма главная опасность оппортунистического характера—с точки зрения Коминтерна—заключается в правых отклонениях внутри компартии—являются недопустимыми, потому что они допускают отвлечение от того, от чего сейчас нельзя отвлекаться при анализе процессов, происходящих в международном рабочем движении.

Опасность троцкизма нельзя игнорировать: здесь заключается реальная опасность оппортунистического характера, которую необходимо иметь перед глазами в переживаемую полосу борьбы коммунистов за левеющие рабочие массы.

Пленум Исполкома Коминтерна должен был, далее, остановиться на оценке перспектив революционного движения и тактики компартий в ряде стран, прежде всего, в Китае.

В процессе предварительного обсуждения вопроса выяснилось, что ряд товарищей склонен ревизовать решения Коминтерна, в которых дана оценка характера китайской революции. Со стороны этих товарищей было выдвинуто утверждение, что китайская революция «имеет непрерывный (перманентный) характер». Взятое само по себе, это положение еще не заключает в себе конкретного уклонения от ленинской оценки характера китайской колониальной революции, ибо, как известно, о перманентной революции говорил и Маркс. Но против теории перманентной революции Маркса Троцкий выдвинул свою антиленинскую теорию «перманентной» революции. И пленум должен был отметить ошибочность «перманентного» тезиса товарищей, потому что их концепция имеет родство с троцкистской постановкой вопроса.

«Революция в Китае сейчас уже не носит буржуазно-демократического характера»; «теперь мы имеем дело с рабоче-крестьянской революцией, которую, если ставить вопрос о ее форме, о содержании и о классовых движущих силах, ни в коем случае нельзя назвать буржуазно-демократической»—таковы положения товарищей, которые придают их теории «перманентной» революции весьма конкретное оформление отнюдь не ленинского порядка. Для троцкистской теории «перманентной» революции как раз и являлось и является характерным перепрыгивание через буржуазно-демократический этап, неуменье понять, что социалистическая революция завершает буржуазно-демократическую, вырастает из последней.

Оценивая характер китайской революции в текущей полосе и характер ошибки товарищей, выдвинувших тезис о «перманентности» революции, пленум заявляет в пункте первом резолюции по китайскому вопросу:

«Текущий период китайской революции есть период буржуазно-демократической революции, которая не завершена ни с точки зрения экономической (аграрный переворот и уничтожение феодальных отношений), ни с точки зрения национальной борьбы против империализма (об'единение Китая и национальная независимость), ни с точки зрения классовой природы власти (диктатура пролетариата и крестьянства). Характеристика текущего этапа китайской революции, как революции, переросшей уже в революцию социалистическую, неправильна. Равным образом неправильна ее характеристика, как революции «перманентной» (позиция представителя ИККИ). Тенденция к перепрыгиванию через буржуазно-демократический этап революции при одновременной оценке революции как революции «перманентной» есть ошибка, аналогичная той, которую допускал Троцкий в 1905 году. Эта ошибка тем более вредна, что при такой постановке вопроса выключается и крупнейшая национальная особенность китайской революции, как революции полуколониальной».

Оценивая соотношение классовых сил в Китае в текущий период, пленум констатировал, что «первая волна широкого революционного движения рабочих и крестьян, шедшего в основном под лозунгами—и в значительной степени под руководством—коммунистической партии, прошла». Но, отмечая факт поражения революции в ряде центров революционного движения, пленум одновременно отмечает, что, если еще нет оснований говорить о новом мощном под'еме революционного движения масс в общенациональном масштабе, то «ряд симптомов указывает, что рабоче-крестьянская революция идет к такому именно под'ему», хотя нарастание движения и происходит весьма неравномерно.

Пленум подчеркнул, что в предстоящей борьбе необходимо максимально трезво оценивать силы противника и изменения в соотношении классовых сил. В процессе обсуждения проблемы китайской революции выяснилось, что сторонники «пермаментной» теории недоучитывают силы противников революции, что они подошли к этому вопросу легкомысленно. Это выразилось в том, что они отрицали процессы консолидации сил реакции против сил революции, процессы, происходящие, несмотря на внутреннюю борьбу различных групп контрреволюции, что с их стороны был выдвинут тезис о том, что «буржуазия еще не конституировалась, как класс для себя». И это говорится после того, как китайская контрреволюция в течение дол-

того времени борется против рабоче-крестьянской революции, меняя лозунги и искусно маневрируя! Пленум требует от китайских коммунистов серьезнейшего отношения к такой задаче, как подготовка и проведение вооруженного восстания.

На этот счет в резолюции пленума сказано:

> «Партия должна готовиться к широкому под'ему новой революционной волны. Этот под'ем обязательно поставит перед партией, как прямую практическую задачу, организацию и проведение массового вооруженного восстания, ибо только путем восстания и свержения теперешней власти могут быть решены задачи революции. Но именно для того и потому центр тяжести всей партийной работы в данный момент лежит в завоевании миллионных масс рабочих и крестьян, их политическом просвещении, в их организации вокруг партии и ее лозунгов (конфискация помещичьих земель, 8-часовой рабочий день, национальное об'единение Китая и освобождение от ига империализма, свержение существующей власти, диктатура пролетариата и крестьянства, организация советов). Величайшая опасность всей теперешней обстановки состоит в том, что авангард рабоче-крестьянского движения в результате неправильного учета нынешней обстановки и недооценки сил противника может оторваться от масс, забежать далеко вперед, распылить свои силы и дать себя разбить по частям. Компартия будет наверняка разбита и дезорганизована, если она не поймет всей необходимости завоевания масс и их организации, если она не будет бороться со всякими попытками отвлечь ее внимание от подготовки миллионных масс к новому широкому революционному под'ему, подготовки, представляющей центральную задачу дня».

Обращаясь к опыту кантонского восстания, пленум, характеризуя кантонское восстание, как героическую попытку создания советской власти, и отмечая крупную роль восстания в развитии рабоче-крестьянской революции, указывает вместе с тем на ряд ошибок руководства, а именно на:

> «недостаточную предварительную работу среди рабочих и крестьян, равно как и армии противника; неправильный подход к рабочим—членам желтых союзов; недостаточную подготовку к восстанию самой партийной организации и комсомола; полную неосведомленность общекитайского партийного центра о событиях в Кантоне; слабость политической мобилизации масс (отсутствие широких политических стачек, отсутствие *выборного* совета в Кантоне, как органа восстания), за что свою долю вины несут непосредственные руководители, политически ответственные перед КИ (тов. Н. и др.)».

Коммунистическая партия Китая должна укреплять свою боеспособность и свои силы для проведения победоносного восстания, давая систематический отпор как настроениям и тенденциям *оппортунистического* характера, так и тенденциям «*путчистского*» характера.

Только при этих условиях она сумеет придать организованность и обеспечить успешность рабоче-крестьянской революции.

Таковы основные линии решения пленума по китайскому вопросу.

Пленум обсуждал на своих заседаниях также *английский* вопрос.

Сдвиги и изменения, происшедшие в Англии в последние годы, выдвинули настоятельную необходимость подвергнуть тщательной критике тактику английской коммунистической партии в целом и в частности отношение коммунистической партии к рабочей партии и к лозунгу «рабочего правительства».

Вопрос о новой тактике вызвал резкую политическую борьбу в рядах самой английской коммунистической партии. Лидеры английской компартии сознавали, что *поворот* в тактике абсолютно необходим. Многие из них, однако, полагали, что можно и должно произвести этот поворот медленно, постепенно, сочетая старые тактические методы с новыми и дополняя старые лозунги новыми лозунгами. Другие, наоборот, полагали, что вся обстановка в целом требует крутого поворота, который находился бы в полном соответствии с потребностями новой политической ситуации.

Непосредственным толчком к широкой политической дискуссии послужила резолюция, принятая IX с'ездом английской коммунистической партии. В резолюции об основных задачах коммунистической партии Великобритании мы читаем:

> «Основные задачи нашей партии в нынешний период заключаются в мобилизации рабочих 1) для борьбы с опасностью войны; 2) для организации отпора возобновленному капиталистами наступлению на заработную плату... и 3) *для борьбы с правительством Болдуина за его смену правительством рабочей партии, находящимся под контролем рабочего класса*» (курсив ред.).

Борьба за рабочее правительство об'явлена, таким образом, одной из основных задач партии. В дальнейшем резолюция расшифровывает формулу «под контролем рабочего класса» следующими словами:

> «Осуществление контроля над будущим рабочим правительством производится исполкомом рабочей партии, действующим по инструкциям внеочередного конгресса и избирающим кабинет министров».

В этой формуле рабочий класс заменен его бюрократической верхушкой в лице бывших либералов и реакционных бюрократов профсоюзов, которые составляют большинство как исполкома, так и пресловутого рабочего правительства.

С'езд происходил в октябре. Резолюции октябрьского с'езда были предметом тщательного обсуждения на пленуме ЦК английской коммунистической партии (7, 8, 9 января с. г.). В тезисах большинства пленума мы читаем:

> «Хотя и было ошибочным такое выставление лозунга лэйбористского правительства, находящегося под контролем рабочего класса, который создавал впечатление, будто это—центральный лозунг в нашей политике на выборах, мы все же считаем, что, поскольку базой рабочей

партии являются профсоюзы, члены которых в отличие от вождей, левеют, в случае прихода к власти лэйбористского правительства, лозунг контроля рабочего движения над лэйбористским правительством будет еще иметь известную ценность, хотя форма контроля, которую мы должны отстаивать, это—контроль со стороны рабочих организаций, а не бюрократии».

В этих тезисах большинство ЦК, отказываясь от контроля исполкома рабочей партии над рабочим правительством, признает борьбу за «рабочее правительство» не основной задачей коммунистической партии, но вместе с тем признает самый лозунг рабочего правительства верным.

Это отношение к «рабочему правительству» вытекает в первую очередь из оценки рабочей партии. В тезисах январского пленума ЦК мы читаем: «Рабочая партия является федеративным органом профсоюзов и политических партий». Мы слово «орган» намеренно подчеркнули, так как в другой части тех же тезисов мы читаем: «Рабочая партия не является истинной политической партией рабочего класса, а знаменует собой только фазу развития масс британских рабочих на пути к созданию такой партии».

Большинству впоследствии пришлось внести некоторый корректив в свои суждения о рабочей партии. В тезисах, представленных Галахером, Кампбеллом и Ростом февральскому пленуму Коминтерна, мы читаем:

> «Невзирая на то, что по своей организационной структуре рабочая партия остается тем же, чем она была, когда Ленин писал о ней, а именно: федерацией реформистских политических партий и профсоюзов для парламентских действий, в которой профсоюзы имеют численный перевес, лидеры рабочей партии заметно преуспели в том, чтобы навязать социал-демократическую дисциплину рабочей партии, и сделали поэтому серьезные шаги по направлению к своей цели, сводящейся к тому, чтобы предупредить развитие рабочей партии в классовую организацию и превратить ее в буржуазную партию, в третью партию капиталистического класса».

Тезисы большинства центрального комитета встретили резкий отпор на упомянутом выше январском пленуме ЦК. Представители меньшинства совершенно справедливо указывали на то, что лик английского рабочего движения резко видоизменился и что всякая попытка уклониться от политического и тактического учета происшедших сдвигов повлечет за собой рост реформистской бюрократии и ослабление роли и значения коммунистической партии. Они настаивали на том, что партия должна выступить во всеоружии широким, развернутым наступлением против рабочей партии, разоблачая ее истинную сущность, как партии, не ограничивающейся отныне лакейской ролью в отношении господствующих классов, а активно стремящейся к тому, чтобы превратить все организации рабочего движения в непосредственную агентуру капитала.

Необходимо вместе с тем признать, что и в рядах меньшинства не было полного единства. Над центральным комитетом, как и над местными организациями, тяготел «страх перед опасностью изоляции в связи с бешеной кампанией об'единенной реакции». Этот страх чувствовался и в тезисах, представленных пленуму ЦК тов. Мерфи. Тов. Мерфи сделал правильный анализ развития рабочей парти и дифференциации внутри рабочего движения. Он, однако, полагал, что необходимо противопоставить рабочей партии не коммунистическую партию, как таковую, а новую революционную рабочую партию, которая об'единила бы в себе коммунистическую партию и здоровые левые элементы профсоюзов и рабочей партии.

Не было полного единства также и в рядах большинства пленума ЦК. Руководитель шотландских горняков, голосовавший на пленуме ЦК с большинством, в своей речи заявил: «Среди товарищей, с которыми я работаю, существует сильная уверенность, что необходимо действовать быстрее и острее, чем действовали до сих пор. Партия должна выступить открыто, и вместо того, чтобы покорно принимать удары и нападки, которым мы подвергались, мы должны на каждый удар ответить ударом». Тов. Ганиктон, руководитель движения безработных, также голосовавший с большинством, настаивал на том, что мы должны изменить всю нашу тактику и в частности нашу избирательную тактику, пояснив, что все наши предложения о едином фронте рабочей партии, которые заканчиваются тем, что мы им отдаем свои голоса, явно бесплодны.

В этой связи следует отметить особо такой документ, как открытое письмо ЦК английской коммунистической партии ко всем членам партии (от 26 января с. г.), где прямо сказано, что «неуспешность нашей партии итти вровень с классовой борьбой может выразиться в неспособности осознать, что лозунги, которые были правильны своевременно в 1924, 1925 гг. и в первые четыре месяца 1926 г.—до всеобщей забастовки—теперь несвоевременны и могут явиться задерживающим, а не прогрессивным фактором движения». В этом же открытом письме ЦК коммунистической партии совершенно правильно подводит итоги пройденным 14 месяцам после окончания забастовки горняков, устанавливая, что только в тех случаях, когда партия применяла новую тактическую линию, рассчитанную на мобилизацию масс против реформистских лидеров, ее кампании были вполне успешны.

Из этого краткого обзора явствует, что английская коммунистическая партия была подготовлена к тому, чтобы совместно со всем Коммунистическим Интернационалом положить конец хаосу и наметить четкую тактическую линию, которая находилась бы в полном соответствии с обстановкой классовой борьбы в Англии. Эту новую тактическую линию мы находим в резолюции, принятой единогласно сперва всей делегацией—большинством и меньшинством—английской компартии на пленуме, а затем и всем пленумом Исполкома Коминтерна. (Заседание от 18 февраля).

Самыми острыми вопросами в дискуссии на пленуме были вопросы о рабочем правительстве и о рабочей партии.

Большинство ЦК первоначально думало, что необходимо ограничиться только внесением ряда коррективов к лозунгу рабочего правительства, но что нет основания пересматривать совет Ленина о необходимости толкать рабочую партию к власти. Но уже поиски коррективов показали, что самый лозунг устарел, что он является в нынешней обстановке не лозунгом, мобили-

зующим массы, а лозунгом, мешающим развязыванию революционной энергии английского пролетариата. Основные изменения, происшедшие с 1920 г., когда Ленин дал свой совет по вопросу о рабочем правительстве, четко сформулированы во II пункте резолюции пленума, который мы поэтому воспроизводим полностью.

«Ни в коем случае нельзя смешивать положение, которое было в 1918 и 1920 гг., когда Ленин выдвигал тактику поддержки рабочей партии и подталкивания ее к власти, с теперешним положением. В 1918—20 гг. правительство рабочей партии могло сыграть роль правительства Керенского со всеми его колебаниями. Нельзя его сравнивать ни с положением в 1922—23 гг., когда рабочая партия включала в свою программу требования, встречавшие резкий отпор со стороны капиталистов (налог на капитал, безработица, СССР). Нельзя его сравнивать и с ситуацией в 1924 г., когда правительство Макдональда было вынуждено уйти в отставку по двум об'ективным революционным вопросам. Теперь так называемое рабочее правительство с самого начала будет явным орудием наступления на рабочих. Опыт правительства Макдональда, предательство всеобщей стачки и стачки горняков, изменившаяся позиция лэйбористской и трэд-юнионистской верхушки в вопросе о войне, об отношении к СССР, к Китаю, Индии и Египту, изменившаяся позиция в основных внутренних вопросах (рационализация, профсоюзный билль, «мир в промышленности» и пр.),—все это выдвигает перед коммунистической партией необходимость отчетливее и резче выступить в качестве независимой политической партии, изменить свою позицию по отношению к рабочей партии и «рабочему правительству» и, следовательно, заменить лозунг рабочего правительства лозунгом революционного рабочего правительства».

Мы приводили выше выдержку из первоначального наброска тезисов, представленных товарищами Кампбеллом, Галахером и Ростом. Из этих тезисов явствовало, что и представители большинства учитывают успехи буржуазно-либеральной бюрократии рабочей партии в деле превращения последней в «третью буржуазную партию». В других документах большинства мы можем найти более отчетливые характеристики этого процесса. Формулу пленума по вопросу о рабочей партии мы найдем в 4 пункте принятой резолюции, которая отмечает как своеобразную организационную структуру рабочей партии, так и основную политическую тенденцию ее развития. В этом пункте мы читаем:

«Эта консолидация капиталистической буржуазии и реформизма сопровождается развертыванием борьбы между правым крылом и революционными рабочими, вырастающей в сугубую атаку вождей РП и профсоюзов на левые элементы рабочего движения и, в первую очередь, на коммунистическую партию, единственную революционную партию пролетариата. Рабочая партия, все более и более превращающаяся из особой организации федеративного типа, построенной на базе профсоюзов, в ординарную социал-демократическую партию, со все большим ожесточением выбрасывает из своей среды даже тех коммунистов и левых рабочих, которые являются представителями трэд-юнионов; руководство этих последних переходит ко все более планомерной атаке на работников движения меньшинства и компартии, практикуя, в свою очередь, политику преследований и стремясь обрезать все связи коммунистов с массами пролетариата».

Из характеристики политической тенденции развития рабочей партии, с одной стороны, и сущности «рабочего правительства» — с другой, неминуемо и неизбежно вытекает, что коммунистическая партия не может и не должна ограничиваться борьбой против одного лагеря буржуазии—против правительства Болдуина, а должна у с и л и т ь борьбу против откровенной буржуазной реакции развернутым массовым наступлением против рабочей партии, все более превращающейся в третью буржуазную партию, на свой манер и своими способами пытающуюся спасти британский империализм от распада и разложения.

Частью общей тактической линии является также и избирательная тактика английской коммунистической партии. Сила английской коммунистической партии заключалась и заключается в том, что она тесно и неразрывно связана с массами. Именно поэтому некоторые ее кампании были столь успешны, вопреки тому, что партия не сумела теоретически и политически в достаточной мере ясно осмыслить все политические изменения, происшедшие в Англии после всеобщей забастовки. Но источник силы английской коммунистической партии подчас превращается в источник ее слабости. Английские коммунисты хорошо знают, что ненависть к правительству Болдуина, разгромившему всеобщую забастовку и забастовку горняков, проведшему ряд драконовских законов против английского рабочего движения, превращается в страстное стремление заменить это правительство другим правительством. Английские пролетарии, воспитанные в буржуазных традициях парламентаризма и буржуазной демократии, естественно, рассматривают рабочее правительство, как единственную возможную альтернативу правительству зубров. Именно поэтому большинство руководителей английской коммунистической партии сугубо осторожно подходило к вопросам избирательной тактики. Они опасались, что тактика, которая может быть истолкована в той или иной форме, как уменьшение голосов рабочей партии, будет не понята даже теми рабочими, которые уже сознают предательский характер лидерства рабочей партии, но которые еще питают надежду, что можно будет тем или иным путем линию рабочей партии исправить. Мы вряд ли ошибемся, если скажем, что именно эти соображения привели к тому, что линия, рассчитанная на критическую поддержку рабочей партии, собрала большинство на январском пленуме ЦК.

Пленум Исполкома Коминтерна подверг этот вопрос самому тщательному анализу. В процессе прений было установлено, что еще задолго до пленума центральный комитет английской коммунистической партии на основе учета результатов ряда избирательных кампаний (дополнительные выборы) последнего года пришел к выводу, что как раз в наиболее важных промышленных центрах рабочая партия теряет голоса и что только в тех случаях, когда знаменосцами рабочей партии выступают люди, идущие на единый

фронт с коммунистами и отвергающие линию Макдональда, рабочая партия пользуется успехом. Иными словами, даже непосредственная избирательная практика показывает, что коммунистическая партия должна выступить не только со своими лозунгами, но и со своими кандидатами для того, чтобы мобилизовать и об'единить тех рабочих, которые все более и более отворачиваются от буржуазного руководства, но не имеют возможности в избирательных кампаниях выразить свои стремления и чаяния. Именно поэтому коммунистическая партия еще до пленума поставила практически вопрос о проведении такой избирательной кампании, которая обеспечила бы создание самостоятельной коммунистической фракции в английском парламенте. Но большинство коммунистической партии полагало, что избирательная тактика коммунистической партии должна быть проведена таким образом, чтобы ни в коем случае не дробить рабочих голосов в тех избирательных округах, где в результате такого дробления старые буржуазные партии — консерваторы и либералы — могут оказаться победителями. Критический анализ этого принципа, однако, показал, что его применение по существу повлечет за собой отказ коммунистической партии от выставления своих кандидатов в важнейших промышленных центрах. Именно поэтому пленум Коминтерна в своей резолюции отчетливо подчеркнул, что «компартия будет стремиться к выдвижению *максимального* (курсив ред.) числа самостоятельных коммунистических кандидатур». И к этому прибавил, что «абсолютно необходимо выдвинуть кандидатов в противовес *лидерам* лэйбор-парти и Генерального совета».

Пленум, конечно, не ограничился этими общими указаниями, он наметил точную практическую схему избирательной тактики английской компартии. Нас, однако, в данном случае интересует основное положение резолюции, сводящееся к тому, что коммунистическая партия в своей избирательной борьбе расценивает рабочую партию не как богом данную единую представительницу организованного пролетариата в Англии, а как организованное предательство интересов английского рабочего класса.

Резолюция по английскому вопросу имеет огромнейшее политическое значение, выходящее за пределы самой Англии. По существу английская резолюция воплощает в себе общую установку Коммунистического Интернационала в вопросе о развернутом наступлении против социал-реформизма, который не только в Англии, но и во всех прочих капиталистических странах открыто выполняет функцию важнейшего аппарата господствующих классов в деле стабилизации капитализма за счет интересов пролетариев *при помощи организаций*, созданных рабочим классом. Ценность английской резолюции в том и заключается, что она сумела применить эту общую установку к крайне сложной и крайне запутанной конкретной обстановке классовой борьбы в современной Англии.

Решение пленума ИККИ по *французскому* вопросу имеет не меньшее значение, чем решение по английскому вопросу. Необходимость изменения курса французской компартии в течение последнего года в различных формах ставилась Коминтерном перед французской компартией. Большинство ошибок, которые французская компартия совершила за по-

следний год, нужно отнести именно за счет недостаточного понимания своеобразия той обстановки, которую мы имеем сейчас во Франции, и за счет отсутствия у партии правильной оценки тех политических сил, которые выступают в классовой борьбе.

До последнего времени французская компартия допускала, например, временные соглашения с демократическими слоями мелкой буржуазии. Она не занимала достаточно самостоятельной позиции в отношении социалистической партии, не вела достаточной разоблачительной работы по отношению к последней, неправильно учитывала роль «левого» крыла социалистической партии. Между тем, основной задачей нашей партии и в предстоящий период и в прошлом должно было бы быть большее выявление *самостоятельности* компартии, более четкое выявление той пропасти, которая лежит между компартией и социалистами. Большие ошибки были сделаны партией в ее профсоюзной тактике. Эти ошибки шли по линии неумения овладеть экономической борьбой рабочего класса, неумения углублять и расширять эту борьбу. Были отдельные случаи, когда партийное руководство тормозило стачечную борьбу, либо вместо выдвижения конкретных лозунгов, их пропаганды ограничивалось фразами о всеобщей стачке и т. д. Общая установка партии отчасти отразилась и на ее массовой работе. Несмотря на то, что партия проводила очень удачные массовые выступления, демонстрации и т. д., она все же чересчур считалась с буржуазной законностью, теряя из-за этого подчас возможность проводить широкую мобилизацию рабочих и трудящихся масс против буржуазного правительства, запаздывая иногда со своими выступлениями.

Понятно, что поворот, который наметил Коминтерн в связи с полевением рабочего класса, углублением классовой борьбы, поправением международной социал-демократии и т. д., в первую голову должен был коснуться французской компартии. Компартия Франции под влиянием критики Коминтерна сама сделала в этом направлении крупный шаг, обратившись еще в ноябре с «Открытым письмом» к членам партии, в котором дала анализ тех ошибок, которые партия совершила, призвала партию к тому, чтобы эти ошибки обсудить и признала необходимость изменения тактики партии как в смысле усиления ее связи с массами, более энергичного руководства классовой борьбой рабочего класса, так и в смысле обострения борьбы против всех слоев буржуазии, против социалистической партии и ее «левого» крыла в первую очередь.

Большое влияние на изменение тактики партии оказали низовые партийные организации, в особенности в парижской организации, которые резко критиковали ошибки партии и помогли ей в принятии того курса, который намечен «Открытым письмом». Что этот поворот будет представлять большие трудности для партии, что он недостаточно еще усвоен всей массой членов партии и его активом, показывает тот факт, что уже после принятия «Открытого письма» партия совершила ряд ошибок, которые идут вразрез с новой линией. Несомненно, что и в будущем предстоят некоторые внутренние трудности, так как в руководстве партии имеются элементы, которые до сих пор не понимают необходимости поворота в тактике партии. Однако,

партийная конференция, состоявшаяся в январе, единогласно приняла резолюцию, в которой подтверждается и конкретизируется линия, намеченная «Открытым письмом».

Партия должна будет ликвидировать те ошибки и слабости, которые имеются в ее массовой работе. Индустриальная база партии, ее повседневная связь с рабочими далеко не достаточны. Этим в первую голову об'ясняется неверная тактика во время тех стачек, которые недавно проходили во Франции, и в эту сторону должно быть в первую очередь направлено внимание французской компартии. Партия должна будет занять более самостоятельную позицию в политической борьбе, решительно покончив с тактикой соглашений с радикальным крылом мелкой буржуазии.

Партия должна будет также всемерно заострить свою борьбу против социалистической партии. Основную опасность для партии в ее борьбе за влияние на рабочие массы представляет «левая» верхушка социалистической партии, которая на деле ничем не отличается от правого крыла социалистов, но сохранила революционную фразеологию и своей видимой оппозицией к официальному курсу социалистической партии удерживает свое влияние на известные слои рабочего класса. Партия должна будет приложить все усилия для разоблачения этой «левой» верхушки.

Но предпосылкой этого является правильная оценка этого крыла социалистической партии как главного тормоза, главного барьера компартии на пути к массам. Это изменение тактики французской компартии найдет свое выражение во время предстоящих выборов, где партия и в первом и во втором выборном туре выставит своих кандидатов против кандидатов буржуазии и кандидатов правого и «левого» крыла социалистической партии. Резолюция национальной конференции французской компартии предвидит возможность о т д е л ь н ы х исключений, когда компартия будет голосовать за кандидатов «левого» крыла социалистов в том случае, если голосование против него будет означать победу реакционного депутата. Но эти исключения будут носить е д и н и ч н ы й характер.

Партия должна будет широко использовать против левой верхушки социалистической партии тактику единого фронта, применяя ее к конкретной обстановке в каждом отдельном избирательном округе.

Компартия Франции, которая сумела добиться очень больших успехов в своей борьбе против буржуазии, в своей борьбе против опасности войны, которая сумела удержать свои позиции, несмотря на громадные репрессии правительства Пуанкаре, которая сумела преодолеть ту опасность, которую пытались ей создать сторонники троцкистской оппозиции во Франции, которая на деле является единственной партией, отражающей подлинные интересы рабочих и крестьян, сделала большой сдвиг вперед по пути своей большевизации. Однако, главные трудности впереди. Широкое обсуждение нового партийного курса, открытая критика тех ошибок, которые партия сделала, оживление внутрипартийной жизни,—все это является залогом того, что партия сумеет новый курс осуществить на практике. На этом должны быть сконцентрированы все усилия. Предстоящая избирательная борьба будет одной из проверок способности партии мобилизовывать массы на революционное подполье на платформе борьбы против буржуазии и ее агентов в рабочем движении.

Рост э к о н о м и ч е с к о й б о р ь б ы р а б о ч е г о к л а с с а, выражающийся в громадных стачках, усиление позиции коммунистов и связанное с этим обострение борьбы реформистов против коммунистического влияния в п р о ф с о ю з а х (исключение коммунистов, раскол профсоюзов, находящихся под влиянием коммунистов и т. д.),—все эти вопросы, в связи с предстоящим конгрессом Профинтерна, также стояли в порядке дня пленума ИККИ.

Характерной чертой той стачечной волны, которая проходит сейчас в важнейших капиталистических странах, является то, что рабочему классу приходится вести борьбу против сильнейших капиталистических трестов и концернов, охватывающих сотни тысяч рабочих, обладающих мощным аппаратом, опирающихся на полную поддержку государственного аппарата буржуазии. С другой стороны, верхушка профессиональных организаций все больше подчиняет свою тактику лозунгу так называемого «промышленного мира», все больше сращивается с предпринимательскими и государственными организациями буржуазии. Все это придает экономической борьбе рабочего класса чрезвычайную остроту и выдвигает громадные трудности на пути этой борьбы. Стачки становятся ареной жестоких столкновений между рабочим классом и буржуазией, между коммунистами и реформизмом—с другой стороны. Одним из важнейших лозунгов, который выдвигается на очередь дня, является лозунг свободы стачечной борьбы, который на деле срывается их поддержкой, путем принудительного арбитража и других форм, дающих возможность предпринимателям при помощи государственного аппарата и при поддержке реформистов ломать сопротивление рабочего класса. Важнейшей задачей является увеличение активности широчайших масс рабочего класса, вовлекаемых в стачечную борьбу. Пленум ИККИ наметил основные пути для осуществления этой задачи:

> «Для широкой мобилизации масс более чем когда бы то ни было раньше необходимо быстрейшее проникновение на крупные концентрированные предприятия. Максимальное боевое е д и н с т в о рабочего класса, организация н е о р г а н и з о в а н н ы х, организация широчайших н е к в а л и ф и ц и р о в а н н ы х масс, п р е о д о л е н и е н и ч т о ж н о й о р г а н и з о в а н н о с т и р а б о ч и х к р у п н ы х п р е д п р и я т и й,—все это должно явиться ц е н т р а л ь н о й задачей коммунистического авангарда».

Важнейшим условием успешности стачечной борьбы является обеспечение революционного руководства ею. Между тем реформисты, имеющие в своих руках профсоюзный аппарат, используют его для того, чтобы на деле предавать интересы рабочего класса. Поэтому перед коммунистами, как одна из важнейших задач, стоит борьба за руководство стачками. Умение выдвигать такие лозунги, которые сумели бы собрать вокруг себя подавляющую массу рабочих, создание и овладение стачечными комитетами, умение учитывать конкретное соотношение сил, умение маневрировать в процессе стачечной борьбы,—всем этим должны овладеть коммунисты для того, чтобы отвоевать рабочих от реформистов. Успешность этой борьбы будет опреде-

ляться тем, насколько коммунисты сумеют усилить свое влияние в низовых профессиональных организациях, сумеют преодолеть тот взгляд среди рабочих масс, что коммунисты годятся только для открытых классовых боев, но не для повседневной борьбы за их экономические интересы. Эта же работа создаст предпосылки для борьбы против попыток реформистов изолировать коммунистов из профессиональных организаций. Тактика раскола профсоюзов, находящихся под влиянием коммунистов, и исключения коммунистов из профсоюзов должна быть обращена против самих реформистов. Успех этой борьбы зависит исключительно от того, насколько коммунисты сумеют обеспечить себе поддержку низовых масс членов профсоюзов.

Все это придает очень большое значение организационной работе коммунистов в профессиональных союзах. Решения пленума ИККИ по этому вопросу намечают ряд мер: максимальный охват профсоюзами рабочих, особенно на крупных предприятиях, завоевание фабзавкомов, борьба за демократизацию профессиональных организаций, борьба против попыток подчинения низовых профессиональных организаций курсу классового сотрудничества, который проводят реформисты, усиление работы фракций коммунистов в реформистских профессиональных организациях и т. д.

Особые задачи стоят перед коммунистами тех стран, где профдвижение расколото, где существуют самостоятельные красные профсоюзы. Работа здесь должна будет итти по пути укрепления красных профсоюзов, в первую очередь среди неорганизованных рабочих, проведения в красных профсоюзах всех тех условий, которые обеспечивают максимальную связь с низовыми профорганизациями и т. д. Особенно важная задача стоит сейчас перед коммунистами в тех странах, где не существует организованной профсоюзной оппозиции, где коммунисты работают через свои фракции. Особенно в Германии, где стачечная борьба приняла острейшие формы, укрепление коммунистического аппарата работы в профсоюзах является решающей предпосылкой успешного развития всей коммунистической партии Германии. Пленум ИККИ наметил для компартии Соединенных Штатов задачу организации профсоюзов в тех отраслях производства, где рабочие совершенно не организованы. Эта работа не должна итти за счет ослабления работы в реакционной федерации труда, но она приобретает сейчас громадное значение, когда усиливается наступление буржуазии на рабочий класс и когда основная масса рабочих в Соединенных Штатах стоит вне профсоюзов.

Именно потому, что полевение рабочего класса, усиление классовой борьбы, рост стачечной волны создают очень благоприятные условия для роста коммунистического влияния в рабочем классе, вопрос об укреплении коммунистического влияния в профсоюзах, создание в них крепкого аппарата, повседневная энергичная борьба против реформистского влияния в профсоюзах становятся насущной задачей компартии всех стран.

На эту сторону дела пленум ИККИ обратил особое внимание партии.

Решения ИККИ имеют большое политическое значение: они дают принципиальный ответ на существеннейшие проблемы мирового коммунистического движения. Наши партийные организации должны серьезнейшим образом ознакомиться с этими решениями.

И. Д. Левин.

Вожди в рабочем движении.

„Буржуазные" взгляды коммунистов и „марксистские" взгляды Отто Бауэра.

Вожди в рабочем движении вообще и в профессиональном в частности играли и играют огромнейшую роль. «Ни один класс в истории,— писал Ленин,—не достигал господства, если он не выдвигал своих политических вождей, своих передовых представителей, способных организовать движение и руководить им». (Ленин, том IV, стр. 14).

В настоящий момент мировое профдвижение, за исключением СССР, Китая и некоторых других стран, находится в руках от'явленных прислужников буржуазии, предателей - карьеристов и, как, например, в Соединенных Штатах, просто мошенников и бандитов, подсылающих наемных убийц для устранения со своего пути неугодных им оппозиционных рабочих. Эти вожди, по меткому выражению Де-Лиона, «рабочие ад'ютанты капитала», превращают профсоюзы из органов классовой борьбы в органы классового сотрудничества, подчиняя интересы рабочих интересам буржуазии. История мирового рабочего движения со времени империалистической войны представляет собой историю неслыханных предательств, совершенных реформистскими рабочими вождями по отношению к рабочему классу и отчаянной борьбы революционного меньшинства за классовую пролетарскую линию. Во время войны эти вожди стали на сторону своей отечественной буржуазии, втравливая рабочих в братоубийственную войну, разжигая шовинистические страсти и помогая буржуазии отнимать у рабочих все свободы, завоеванные ими в течение долгих лет неимоверно тяжелой борьбы. Во время войны произошло теснейшее сближение и сращивание между бюрократией рабочего движения и буржуазией. Некоторые вожди получили министерские портфели в военных кабинетах, другие стали членами бесчисленных правительственных военнопромышленных и других комитетов и комиссий. В послевоенный период революционной грозы и бури вожди принялись за спасение зашатавшегося капиталистического строя. В Германии руками немецких социал-демократов и профбюрократов была раздавлена пролетарская революция и расчищена дорога для прихода к власти блюстителя кайзеровского трона—Гинденбурга. Везде рабочие вожди усерднейшим образом помогали буржуазии справиться с вышедшей из берегов рабочей стихией, угрожавшей захлеснуть революционной волной старый буржуазный мир Они раздували перед рабочими значение Лиги Наций, этой хитрой выдумки империалистических держав, изображая ее, как воплощение идеала вечного мира и братства народов. Международное бюро труда, являющееся пристройкой к Лиге Наций, они изображали как орудие, при помощи которого рабочие, рука об руку с предпринимателями, могут добиться осуществления своих требований во всех странах мира без борьбы, без крови и слез. Внутри профсоюзов они вели беспощадную борьбу со всеми, кто осмеливался восставать против их бур-

жуазной политики. На требование проведения линии классовой борьбы они отвечают исключениями из профсоюзов. Они выбрасывают не только индивидуальных членов, но отсекают целые секции и целые союзы. Они навязали и навязывают профдвижению раскол.

Мы придаем огромное значение вождям. Борьба, которую коммунисты и приверженцы Красного Интернационала Профсоюзов ведут за классовую линию, сопровождается беспощадной критикой реформистских вождей и разоблачением их предательской деятельности. В ответ на это лжемарксисты бросают нам обвинение, что мы являемся приверженцами буржуазной теории о роли личности в истории и создаем культ героев. Это—серьезное обвинение, и на нем необходимо остановиться.

Обосновал это обвинение апостол австро-марксизма Отто Бауэр. В 1926 году, после срыва всеобщей стачки в Англии предательством Генерального совета трэд-юнионов, этот достопочтенный теоретик занялся разбором «уроков английской борьбы» на страницах центрального органа австрийской социал-демократии («Арбейтерцейтунг» 16 мая 1926 г).

«Почему,—спрашивает Отто Бауэр,—стачка не увенчалась успехом?». И замечает: «У коммунистов и их охвостья сразу готов ответ: вожди «предали» движение. Это обычная комболтовня после каждой великой борьбы: мир давно был бы раем, если бы рабочие «вожди» не были тряпками, трусами и предателями». Далее, Отто Бауэр поучает:

«Буржуазно-индивидуалистическое мировоззрение рассматривает историю, как творчество великих людей. Все великое в истории является делом какого-нибудь мудреца или героя. Во всяком же историческом несчастье виновником является либо глупец, либо предатель».

«Маркс поборол этот индивидуалистический взгляд на историю. Согласно учению Маркса ход истории определяется развитием экономических сил человечества, развитием классов, степенью зрелости этого развития и борьбой классов. Великие люди могут исполнить лишь то, что стало возможным благодаря экономическому развитию, развитию классов».

А затем Отто Бауэр продолжает наставительно:

«Тот, кто желает об'яснить судьбы рабочего класса добродетельными или преступными качествами вождей, тот по-уши завяз в буржуазно-индивидуалистическом взгляде на историю и ничего не понимает в азбуке марксизма».

Итак, мы, коммунисты, посрамлены. Отто Бауэр доказал, что мы погрязли в болоте буржуазных идей. Великие люди, оказывается, не влияют на ход истории. Поэтому нет и не может быть никакого предательства. Жуо, Томас, Клайнс, Грин, Льюис, Гуземан, Лейпарт и вся эта братия профсоюзных мерзавцев могут быть совершенно спокойны. Они получили из рук австро-марксистского папы, Отто Бауэра, индульгенцию, и отныне им отпускаются все их прошлые и будущие грехи. Если при следующей борьбе английских углекопов Гуземан из Германии, Станчик из Польши, Делятр из Бельгии и т. д. будут по примеру 1926 г. посылать штрейкбрехерский уголь, который взорвет забастовку в Англии—это будет не предательство, а лишь доказательство того, что экономические условия, а главное зрелость масс не достигли еще такой степени, чтобы позволить этим почтеннейшим джентльменам быть честными вождями.

Вожди английской рабочей партии совместно с вождями Генерального совета в начале этого года поддержали империалистическую политику Чемберлена в Китае, а теперь те же вожди поддерживают комиссию Болдуина о реформах в Индии, восстанавливая этим против английского пролетариата огромнейшие трудящиеся массы рабочих и крестьян Индии. Это по Отто

Бауэру не предательство интересов английского пролетариата, а «ход истории, который определяется развитием экономических сил человечества и т. д.».

Словом, виноваты все: история, экономические условия, незрелость масс, но не вожди. Вот до какой мерзости доходит вульгаризация и фальсификация Маркса, практикуемая Отто Бауэром.

Отто-бауэровское изложение материалистического понимания истории по Марксу совершенно неудовлетворительно. В самом деле, Отто Бауэр обусловливает ход истории не только развитием экономических сил человечества, но и «развитием классов, степенью зрелости этого развития, борьбой классов».

Заметим мимоходом, что не всякое человеческое общество разделено на классы. Первобытное общество не знало ни классов, ни классовой борьбы. Ход истории первобытного общества обусловливался поэтому господствовавшим в нем способом производства и только. Дальнейшая же история человеческого общества есть история борьбы классов. Следовательно, в отношении этого периода говорить о том, что ход истории, т.-е. ход классовой борьбы, помимо экономических условий, определяется еще и борьбой классов—значит заниматься болтовней. Классическое определение исторического материализма, данное самим Марксом, гласит: «Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процесс жизни вообще». Отсюда следует, что возникновение классов, их развитие и их борьба определяются материальными производительными силами данного общества, т.-е. производительные силы являются причиной, а классы и борьба классов—следствием. У Отто Бауэра же классы и классовая борьба из следствия превращаются в причину. Но не будем останавливаться на упражнениях Отто Бауэра в формулировке теории исторического материализма. Нас в данный момент интересует вопрос о вождях, о героях. Отто Бауэр говорит: «Великие люди могут исполнять лишь то, что стало возможным, благодаря экономическому развитию, развитию классов». Звучит научно, как будто по Марксу. Но стоит вдуматься в эту фразу, чтобы увидеть всю ее вульгарность. Прежде всего, отметим механическое сопоставление: с одной стороны—«великие люди», с другой—«экономическое развитие» и «развитие классов», при чем последние два понятия сваливаются в одну кучу. Выходит—великие люди сами по себе, а развитие классов—само по себе. Между ними нет никакого взаимодействия. У Отто Бауэра нет также никакого указания, к а к же великие люди исполняют то, что стало возможно благодаря экономическому развитию. И вообще, в чем же выражается «великость», если можно так выразиться, великих людей?

В той же статье Отто Бауэр показывает, какое практическое содержание он вкладывает в свои «теоретические» предпосылки. Автор занимается в статье анализом английской всеобщей стачки. В этой статье отто-бауэровский австро-марксистский дух врет за двух. Чтобы оправдать свою теорию и свои выпады против коммунистов, он не останавливается перед самой вопиющей фальсификацией истории английской забастовки. Он, наперекор всем фактам, заявляет, что стачка была сорвана самими рабочими. Они-де огромными массами становились на работу, так что несчастному Генеральному совету ничего не оставалось делать, как об'явить о прекращении стачки. До такого нахальства не дошел еще никто из самых от'явленных реформистов в самой Англии. Сам Генеральный совет и его орган «Бритиш Уоркер» в один голос заявляли, что рабочие вели себя превосходно, что Генеральный совет не только не испытывал никаких затруднений с забастовщиками в смысле удержания их от возвращения на работу, но, наоборот, ему стоило огромных усилий удерживать на работе рабочих тех отраслей промышленности, которым Генсовет не дал приказа бастовать. Штрейкбрехеров было

сравнительно незначительное число, и они главным образом состояли не из рабочих, а из членов полуфашистских союзов, из сынков буржуазии и интеллигенции. Сами виновники срыва забастовки совершенно откровенно изложили в своих речах в парламенте и в органах Генерального совета причины прекращения ими забастовки. Томас 13 мая заявил в парламенте: «Чего я боялся, так это того, как бы контроль забастовкой не ускользнул из рук тех, которые способны руководить движением: каждый здравомыслящий человек знает, что тогда бы произошло. Слава богу—этого не случилось». А орган Генсовета «Лейбор Пресс Сервис», от 20 мая 1926 г., писал, что «забастовка была прекращена потому, что Генсовет понял, что необходимо спасти правительство от последствий его собственной глупости, а именно— об'явления им всеобщей стачки атакой на конституционное правительство и отказа возобновить переговоры, пока не будет прекращена забастовка». Нигде ни слова о штрейкбрехерстве. Но с Отто Бауэра взятки—гладки. Если факты ему не подходят, тем хуже для фактов. Но опять-таки в данную минуту нас интересует не фальсификация Отто Бауэра, а его иллюстрация своей теории «вождей и масс».

Отто Бауэр ставит особое ударение на «зрелости» масс, «зрелости» классов. И правильно. Бытие определяет сознание, но сознание отстает от бытия. Требуется время, чтобы бытие переломилось в сознании людей, чтобы сложившиеся в обществе экономические отношения проникли в сознание созданных ими классов, чтобы эти классы осознали себя, как таковые. Зрелость классов, зрелость масс тем выше, чем меньше их сознание отстает от их бытия. В таких высокоразвитых капиталистических странах, как Англия и Германия, экономические условия созрели для социализма. Рабочий класс этих стран мог бы немедленно взять власть, если бы он этого захотел. Но его сознание отстало. Большинство рабочего класса этих стран находится еще в духовном плену у своей буржуазии и у ее лакеев и подголосков—социал-демократов и реформистов...

Каковы же выводы, которые можно отсюда сделать? Какова задача, которая встает перед вождями из неоспоримого факта отставания сознания руководимого ими пролетариата от его бытия? Ясно, что задача одна—привести его сознание как можно скорее в соответствие с бытием. Стоит только вспомнить, какое значение Энгельс придавал теории в рабочем движении. Он говорил о трех формах борьбы: политической, экономической и теоретической. Теоретическая борьба и есть борьба за освобождение сознания рабочих масс от буржуазного мусора, засоряющего их ум. Необходимо поднять рабочие массы до сознания великой исторической миссии, выдвинутой перед пролетариатом экономическим развитием буржуазного общества—освобождения всего угнетенного человечества от наемного рабства путем свержения капитализма и захвата власти. Вот огромное поле действия для вождей. Не так, однако, смотрит на дело Отто Бауэр. Для него «незрелость» масс—истинная находка. «Незрелостью» масс он оправдывает все подлости, плутни и предательства реформистских вождей. В цитированной нами выше статье он пишет:

«Говорят о правых и левых, об умеренных и крайних, о реформистах и революционерах в английском рабочем движении. Следует остерегаться ложного понимания этих противоположных терминов. Кук, вождь горнорабочих, был «крайним», потому что знал, что его горняки будут энергично бороться, ибо дело касалось их зарплаты. Кремп—от железнодорожников был «умеренным», потому что знал, что не так легко будет подвинуть железнодорожников на стачку, раз дело не касается их зарплаты... Мы имеем здесь дело не столько с противоположными взглядами вождей, сколько с различными условиями в отдельных отраслях».

Теперь становится ясным, что Отто Бауэр понимает, когда говорит, что великие люди могут исполнить лишь то, что стало возможным, благодаря экономическому развитию и развитию классов. Великие люди, или вожди, по Отто Бауэру, являются регистраторами того, что существует. Кук потому крайний, что его горняки крайние. Кремп же умеренный, потому что железнодорожники умеренные. В вождях нет больше того, что заложено в массах. Вожди лишь хорошие барометры настроений масс. Когда железнодорожники станут крайними, и Кремп станет крайним. Вот марксистское понимание роли личности в истории по Бауэру.

Здесь перед нами самый оголенный хвостизм, преклонение перед стихийностью масс. Вожди не должны вести массы, но, наоборот, следовать за ними, т.-е. быть вождями сзади. Они должны ориентироваться на самые отсталые слои масс. Ибо только тогда, когда и эти отсталые массы станут зрелыми, можно будет двинуться вперед.

Медленным шагом,
Робким зигзагом.
Тише вперед,
Рабочий народ!

Вся эта теория, как две капли воды, похожа на учение русских «экономистов», в начале текущего столетия говоривших, что никакие усилия идеологов не могут совлечь рабочего движения с пути, определяемого взаимодействием материальных элементов и материальной среды. Ленин вел неутомимую борьбу с «экономизмом» и в своей брошюре «Что делать?» (напечатанной в 1902 г.) доказал, что это «совершенно равносильно отказу от социализма», так как «история всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание трэд-юнионистское», что, между прочим, «вовсе не исключает политику», так как и трэд-юнионисты ведут политику, но политику не социалистическую, а трэд-юнионистскую. «Трэд-юнионизм,—писал Ленин,—означает идейное порабощение рабочих буржуазией». Точно так же писал и Каутский: «Социалистическое сознание есть нечто извне внесенное в классовую борьбу пролетариата, а не нечто стихийное из нее возникшее».

Мы, однако, видели, что вожди из Генерального совета совсем не были теми безобидными регистраторами настроений масс, какими их изображает Отто Бауэр и какими они должны были быть по его теории. Наоборот, они очень даже активно вмешиваются в ход событий, но не на стороне рабочих, а на стороне буржуазии. Они насилуют волю рабочих масс. Увы, действия самого Отто Бауэра не вяжутся с его теорией. Во время июльского восстания венских рабочих в 1927 г. Отто Бауэр и не думал быть исполнителем воли революционных венских рабочих, членов его же социал-демократической партии. Вместе со своими коллегами он блестяще маневрировал в интересах австрийской буржуазии, помогая последней справиться с движением. Об этом мы узнали от него самого из его выступления в парламенте 26 июля 1927 г., когда он требовал от австрийской буржуазии признательности за те огромные услуги, которые он вместе со своими соратниками из социал-демократии оказал правительству. В своей откровенности Бауэр не уступает англичанину Томасу. В своей речи он рассказывал, как австрийские социал-демократы вместе с ним, с целью потушить разгоревшийся революционный пожар и дать безопасный для буржуазии выход «дикой вспышке гнева» «взбесившейся толпы», рвавшейся в бой,—переключили движение на мирные рельсы, об'явив всеобщую забастовку. Это им нужно было для того, чтобы овладеть движением, а затем, когда настроение масс было разбито, всеобщая стачка была прекращена, и рабочие оказались во власти свирепой буржуазии. Его коллега Реннер поставил все точки над и. Он потребовал от австрийской

буржуазии, чтобы она увенчала своими лаврами головы профсоюзных вождей. Вот дословно его слова:

«Верхоглядством надо считать, что наша буржуазия возлагает лавровый венок на главу канцлера (за усмирение восстания. *И Л.*), который растерялся в решительную минуту, и полностью игнорирует выдержку и мудрость наших профсоюзных вождей, которые оказали обществу гораздо больше услуг».

Итак, по Бауэру, вожди только тогда являются настоящими вождями, когда они равняются по отсталым слоям рабочих масс, или же когда они третируют революционные массы en canaille («одичалые массы», «взбесившаяся толпа», «дикие вспышки гнева масс» и т. д.). Словом, вожди только тогда являются для Отто Бауэра вождями, когда они действуют в интересах буржуазии и против интересов пролетариата. А когда мы даем должную оценку предательству вождей, то мы, оказывается, погрязли в буржуазной идеологии культа вождей.

Спору нет—великие люди могут выполнять лишь то, что экономические условия, развитие производительных сил сделали возможным. Это значит, что роль вождей ограничена экономическими рамками Буржуазные идеологи-индивидуалисты не видят экономических условий. Для них герой—всемогущ. Он возвышается над экономикой, он творит историю. Отто Бауэр же, с другой стороны, принижает роль великих людей до того, что ограничивает ее не только экономическими условиями, но и степенью зрелости масс. Как будто степень зрелости является таким же основным фактором для данной эпохи—его же не прейдеши—как экономические условия. А между тем зрелость масс, т.-е. их сознание и есть та область, которая представляет широчайший простор для проявления великих людей. Возьмем пример из той же борьбы английских углекопов в 1926 г. В октябре 1926 г. штрейкбрехерство среди горняков приняло большие размеры. И вот вождь горнорабочих Кук, не пасуя перед оказавшейся низкой степенью зрелости горняцких масс, срывавших стачку, бросается в борьбу, об'езжает неблагополучные районы, и в результате, только после 4 дней агитации, около 18.000 человек, уже ставших на работу, снова примыкают к бастующим.

Спрашивается, мало ли места в экономических рамках для великих людей? Действительно ли так ничтожна роль вождей? Послушаем Каутского. В своей полемике, которую он вел с Бельфортом Баксом в «Нейе Цейт» в 1896 году, он писал:

«Без сомнения, каждая личность есть продукт условий. Особенностями своего развития она обязана среде, в которую попала. Гений, следовательно, ничего не может требовать за то, что он гений. Но это еще не служит достаточным основанием для того, чтобы первый попавшийся пивной филистер имел в моих глазах такое же значение и возбуждал к себе такой же интерес, как мыслитель, овладевший знанием своего века и бесконечно расширивший мой кругозор.

«Да, у нас есть вожди, и в значительной мере от качества наших вождей зависит, будет ли наш путь к победе длинным, или коротким, будет ли он покрыт шипами или удобен.

«Часто говорят: мы ведем борьбу не с лицами, а только с системой. Но ведь система существует лишь при посредстве лиц, и я не могу нападать на нее, не нападая на отдельных лиц.

«Нельзя уничтожить систему монархии, не свергнув монарха. Нельзя положить конец капиталистическому способу производства, не экспроприировав капиталистов. И если среди наших противников некоторые лица особенно выдаются по своим способностям, силе или враждебности, если они особенно вредят нам, то мы должны также особенно сильно бороться с этими именно лицами. И это отнюдь не противоречит нашему материалистическому пониманию истории. В настоящее время мы не только историки, но, прежде всего, борцы. Наш материализм приводит нас к тому, что мы понимаем наших противников, а не к тому, что мы перестаем с ними бороться. Материалистическая теория не фаталистична. Только в борьбе—в борьбе с враждебной природой, с враждебным народом, с враждебным классом, с враждебным мнением, с враждебной личностью—осуществляется развитие, которое лишь потому неудержимо идет вперед, что борьба неизбежна».

Развитие экономических сил определяет возникновение классов, борьбу классов—весь ход истории. Эти силы дают направление каждой данной эпохе, обусловливая ее многосложное социальное, политическое и духовное содержание В недрах каждой данной эпохи, как ребенок в чреве матери, лежит неродившийся еще зародыш нового строя, который идет на смену старому, раз'едаемому внутренними противоречиями, коренящимися в экономических условиях. В капиталистическом строе заложены основы социалистического строя Но социализм не падает на голову рабочего класса, как манна с небес. Если рождение ребенка наступает по истечении известного срока, поддающегося точному определению, то для рождения нового строя никаких сроков не дано, и никаких сроков установить нельзя. Каждый новый строй выходит в свет в результате долгой борьбы, длинного ряда конфликтов, битв и боев, которые носитель нового строя—угнетенный класс старого—ведет за свое освобождение Рабочий класс должен завоевать социализм в борьбе с буржуазией. Завоевать же социализм он сможет лишь тогда, когда его сознание будет достаточно развито, а его воля в достаточной степени закалена. Здесь роль вождей,—в смысле воздействия на рабочие массы, расширения и углубления их классового сознания, воспитывания в них железной воли к победе и к власти,—огромна. Но так же огромна может быть роль вождей в противоположном, отрицательном направлении. Власть буржуазии держится на умственном порабощении ею огромных масс рабочего класса. Однако, в духовном рабстве у буржуазии находятся не только отсталые массы, не только низы, но и верхи—многие кадры рабочих вождей. Через этих вождей она пытается увековечить свое господство и проводить свое влияние в рабочих массах. Многие вожди являются прямыми агентами, добровольными или платными, буржуазии, ее лакеями и ставленниками. Такие вожди или, точнее, лжевожди играют колоссальную роль, задерживая рост сознания масс, сея среди них иллюзии о возможности классового мира. Эти вожди не останавливаются и перед прямым предательством интересов рабочих масс. Они обезволивают пролетариат, вносят разложение и деморализацию в рабочее движение, делая рабочий класс неспособным не только к штурму крепостей буржуазии, но и к обороне. Конечно, все их усилия не смогут предотвратить конечного торжества социализма, но они могут затормозить, задержать развитие событий. Исход каждого этапа классовой борьбы, каждого сражения заранее неизвестен. Но от вождей, от их качеств, от их умелого или неумелого руководства, от их энергии и решимости в известной степени зависит, завершится ли данный этап борьбы, данное сражение победой или поражением для рабочих, приблизит ли или отдалит момент окончательной победы.

Торжество социализма неизбежно, но никто не может сказать, когда оно наступит.

На войне не всегда численное превосходство сил (войска и вооружения) ведет к победе. Гениальный полководец может творить чудеса В сложной военной обстановке он быстро схватывает и использует все благоприятные для себя условия, улавливая слабые стороны противника, и соответственно

строит план сражения, проявляет инициативу и энергию, и ему удается избежать верного, казалось, поражения, а порою наносить сокрушительный удар превосходящему его силами противнику. Конечно, если соотношение материальных и духовных сил не в пользу той страны, во главе которой стоит гениальный полководец, эта сторона, в конце-концов, будет побеждена, и гений полководца не поможет, как не помог гений Архимеда маленькому городу Сиракузам в его борьбе против римлян. Гениальный полководец, таким образом, может неизмеримо сократить кровавые «издержки» войны, ускорить или замедлить наступление неизбежных событий. Такова же роль вождей в рабочем движении. Без испытанных, преданных вождей, решительных, зорких и неустрашимых, которые могли бы составить генеральный штаб, ведущий рабочий класс через все сложные и трудные этапы борьбы к победе—свержение капитализма невозможно.

Хотя всякий старый строй беременен новым, это отнюдь не значит, что всякая беременность приносит свой плод. История знает случаи полного исчезновения огромных государств, когда исчезало старое вместе с новым, которое, несомненно, нарождалось в его недрах. И теперь мыслимо такое положение, когда какая-нибудь капиталистическая страна загнивает, вырождается и умирает бесследно, как в древности умерли Египет, Ассирия и Вавилония. Однако, хотя такое положение теоретически и мыслимо, в действительности же оно крайне невероятно. Полное вырождение и исчезновение с исторической сцены какой-нибудь гниющей капиталистической страны могло бы произойти лишь в том случае, если бы пролетариат данной страны оказался без революционного авангарда, без революционных вождей и поэтому находился бы в полном экономическом и духовном рабстве у своей буржуазии и был бы совершенно неспособен прорваться к жизни, развязав роды нового общества. Однако, такое положение, как мы уже говорили, крайне невероятно. Разница между древним миром и капиталистическим огромна. Древний мир был слабо связан, разобщен. Теперь же капиталистический способ производства теснейшим образом связал весь земной шар в одно экономическое целое. Правда, оно полно непримиримых противоречий, но все же представляет одно целое, а главное, был создан международный пролетариат с одинаковыми интересами, революционизирование которого неизбежно везде. Создание революционного авангарда и кадра революционных вождей во всех капиталистических странах поэтому обеспечено. Также обеспечена международная пролетарская помощь революционному авангарду и революционным вождям каждой страны. Мощь каждого международного отряда пролетариата от этого неимоверно вырастает. И если бы даже в одной или в целом ряде схваток пролетариату данной страны под руководством своих вождей не удалось свалить свою буржуазию, все же, в конце-концов, его победа неминуема.

Э. Гольденберг.

Германская проблема [1]).

Кон'юнктура 1927 года была рекордной в послевоенной истории германского капитализма. Рост производства, расширение сбыта, мощные процессы организационной и технической рационализации, многомиллиардные капитальные вложения, высокие дивиденды и еще более высокие фактические барыши—как будто все элементы полнокровного развития и хозяйственного процветания были налицо. Долгие годы инфляции и «очистительных» кризисов казались оставшимися позади. Правда, по стране прокатилась большая стачечная волна, и число потерянных вследствие забастовок рабочих дней возросло по сравнению с прошлогодним более чем втрое. Но и этот сам по себе чрезвычайно веский факт не в состоянии был изменить общую картину. Буржуазия чувствовала себя прочно «в седле», и ее голоса слились с голосами социал-демократии в согласном хоре, славословящем блага стабилизации. Но как раз в момент наивысшего под'ема, в октябре минувшего года, этот хор был неожиданно сорван выступлением генерального агента по репарациям, прозвучавшим одновременно, как предостережение и как угроза. Паркер Жильберт, «недреманное око» международного финансового капитала в Берлине, обычно ограничивавшийся до сих пор в своих докладах бесстрастной регистрацией поступающих германских платежей и более или менее безразличным воспроизведением основных статистических показателей, внезапно и с большим шумом покинул свою позицию наблюдающего сфинкса. О том, «как было дело», он рассказывает в своем декабрьском отчете следующим образом:

«За последние шесть месяцев опасные тенденции, сделавшиеся уже заметными в области государственных финансов и кредита, получили свое дальнейшее развитие. Растущие траты и займы публичных корпораций совпали с увеличивающимися признаками чрезмерного расширения и стимулирования деловой активности и растущими показателями напряжения всей хозяйственной жизни в целом. Поэтому 20 октября 1927 года генеральный агент по репарациям увидел себя поставленным в необходимость передать германскому правительству меморандум, чтобы обратить его внимание на тенденции, проявляющиеся в государственных финансах и кредитной политике, и указать ему на опасности, которые они в себе заключают как для германского хозяйства, так и для осуществления плана экспертов (Дауэса)».

Эти «опасные» тенденции, по мнению Жильберта, с наибольшей отчетливостью проявляются в росте заграничных займов и заграничной задолженности Германии.

«Поток иностранных кредитов, имевший место последние месяцы, своим об'емом и своей стремительностью заставляет поставить вопрос, служат ли еще эти кредиты... целям восстановления Германии... Для

[1]) Редакция считает некоторые положения автора дискуссионными.

прочности восстановления Германии существенно, чтобы поток иностранных кредитов был сведен к такому об'ему, который является предпосылкой прочности германской валюты» [1]).

Как и следовало ожидать, точка зрения Жильберта была полностью воспринята стопроцентно послушным ему президентом рейхсбанка Шахтом. Он провозгласил необходимость немедленного сжатия кредитов не только внешних, но и внутренних, и эту необходимость пытался обосновать в многочисленных и пространных докладах и статьях. В одной из последних статей он формулирует свою точку зрения следующим образом:

«Вопреки всему, я не могу взирать на будущее с полным спокойствием, потому что наше равновесие покоится не на избытках собственного производства, но стало возможным лишь благодаря иностранным кредитам... Наша заграничная задолженность уже сейчас превышает 10 миллиардов марок. Это означает, что наши ежегодные обязательства перед заграницей, включая оплату перевеса импорта над экспортом (приблизительно три миллиарда), составляют не менее 4 миллиардов марок, сумма, противовесом которой являются главным образом займы. *Все это безнадежно фальшиво и свидетельствует о малой дальновидности*» [2]).

Вокруг выступлений Жильберта и Шахта разгорелась ожесточенная полемика, не стихшая и по сегодняшний день. Многое в их аргументации было опрокинуто, в ряде вопросов логическая несостоятельность их точки зрения была доказана. В частности, можно считать, что «пессимизм» Жильберта и Шахта в расценке *текущей* кон'юнктуры сколько-нибудь серьезных оснований в действительном положении вещей не имеет. И тем не менее, несмотря на это, и *именно поэтому* перед нами встает вопрос об *об'ективном смысле* меморандума Жильберта. Меморандумы подобного рода нельзя рассматривать лишь, как более или менее удачные литературно-академические упражнения молодого американского банкира. Они являются очень серьезным политическим актом. Точно так же и вегетарьянская линия на добровольное сжатие заграничных кредитов не может быть сведена к «твердолобости президента рейхсбанка Шахта», как это делает Адольф Вебер в своей нашумевшей книжке против Шахта. Являются ли меморандум и декабрьский отчет генерального агента по репарациям выражением непосредственной опасности кризиса в Германии? И если этой опасности нет, то *что* они выражают?

I. Текущая кон'юнктура.

Мы сказали уже, что кон'юнктура 1927 года была рекордной. В ряде отраслей—в первую очередь в группе, производящей средства производства,—использование производственного аппарата достигло предельной точки. Под'ем был настолько силен, что он охватил все народное хозяйство, хотя основными его носителями были тяжелая промышленность и строительство.

Наиболее общим показателем германской кон'юнктуры является индекс промышленной продукции Берлинского кон'юнктурного института. За 100 в нем принят средний поквартальный об'ем продукции в 1924—26 гг. Развитие последних трех лет передается следующей таблицей:

	1927	1926	1925
I квартал	121,9	94 4	111,8
II „	122,5	91,4	107,1
III „	123 3	100,3	103,3
Октябрь	125,1	111,0	103,8

1) Bericht d. Generalagenten für Reparationzahlungen, 10 декабря 1927 г.

2) Neue Freie Presse, 28 января 1928 г. Курсив Шахта.

Промышленное производство, таким образом, все время держится на уровне, более чем на 20 проц. превышающем среднюю 1924—26 гг., и более чем на 25% превышающем среднюю 1926 года. В отдельных *ведущих* индустриях рост, однако, был еще стремительнее. Средняя месячная производства *стали* составляла:

В 1913 году (нынешняя территория)	981	тыс. тонн.
„ 1925 „	1.004	„ „
„ 1926 „	1,026	„ „
„ 1927 „	1.358	„ „

Довоенный уровень оставлен, таким образом, далеко позади, а по сравнению с прошлым 1926 годом продукция возросла почти на 35%.

Такую же, примерно, кривую развития дает и *чугунолитейная* промышленность. И здесь производство 1927 года, примерно, на 30% превысило об'ем 1926 года. Значительно более низкий темп роста показывает добыча *каменного угля*. Она составила в 1927 году 153,5 млн. тонн против 145,2 млн. тонн в 1926 году. При оценке этих цифр, однако, необходимо иметь в виду, что 1926 год для угольной промышленности Германии был исключительным годом, что он прошел для нее под знаком английской стачки. Правильный масштаб для оценки положения в германской угольной промышленности мы получим, если вспомним, что годовая добыча каменного угля до войны, в 1913 году составила 140,7 млн. тонн. В энергетических основах германского хозяйства с тех пор произошли огромные сдвиги Общеизвестен рост электрификации. Больше чем в полтора раза возросло производство бурого угля (с 87,2 млн. тонн до 150,8 млн. тонн). И тем не менее уровень добычи каменного угля в 1927 году оказался более чем на 10% выше, чем в 1913 году.

Однако, нигде, быть может, общий под'ем не сказался с такой силой, как в области *строительства*. Число разрешений на производство новых построек, составлявшее в первые три квартала 1926 года 16.404, возросло в течение первых трех кварталов 1927 г. до 24.596, т.-е. без малого в полтора раза. Так как установление *ведущей* роли строительства для нас будет иметь известное значение и в дальнейшем, то мы приведем таблицу, в которой она выступает со всею рельефностью. Из общей суммы капитальных вложений, произведенных в 1927 году, приходится на долю:

жилищного строительства	3,2 мрд. м.
общественных и производственных зданий	1,1 мрд. м.
путей сообщения и связи	1,9 мрд. м.
машин	1,0 мрд. м.
Электрических, водных, газовых и т. п. установок	2,2 мрд. м. [1])

Строительство здесь выступает как совершенно бесспорный «лидер» всего процесса.

Рост производства повлек за собой и соответственное улучшение на рынке труда. Число получающих пособие безработных, еще в феврале 1927 г. достигшее 2 миллионов, упало к октябрю до 453 тысяч. Что касается зарплаты (реальной, разумеется), то ее движение, согласно официальным данным, передает следующая таблица:

	Индекс денежн. зарплаты.	Индекс стоим. жизни.
1925	130 7	139,6
1926	140,2	141,1
1927 I квартал	141,6	145 0
II „	149,3	146,9
III „	150,2	147.9
на 1 ноября	151,4	150,6

1) Deutschlands Wirtshaftliche Lage.

Даже из этих данных вытекает, что сколько-нибудь заметного повышения жизненного уровня рабочих высокая кон'юнктура с собой не принесла. В лучшем случае не произошло ухудшения. Но это именно «в лучшем случае». Потому что даже буржуазные обозреватели признают, что «дать точный ответ на вопрос, поднялась ли заработная плата, на основе имеющегося материала невозможно» [1]).

Стабильность реальной зарплаты, однако, отнюдь не меняет наш общий вывод. Одна из характернейших особенностей послевоенного капитализма в том и заключается, что его рост возможен только за счет либо абсолютного ухудшения положения рабочего класса, либо стагнации его доходов на чрезвычайно низком уровне. В целом же приведенные данные позволяют судить об исключительном для послеверсальских времен масштабе и размахе кон'юнктурного под'ема.

Удержится ли эта кон'юнктура? Не стоит ли Германия уже сейчас на пороге нового кризиса?

II. Ближайшие перспективы.

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо проанализировать движущие силы под'ема 1927 года. Предварительно, однако, мы считаем нужным осветить некоторые факты, послужившие непосредственным поводом к самой постановке вопроса. В первую очередь сюда относится резкий рост безработицы, начавшийся в ноябре. Упав в октябре до 453 тысяч, число получающих пособие безработных возросло до 1 миллиона на 15 декабря 1927 года. Следующая таблица дает возможность сопоставить движение безработицы в 1927 году с положением в 1926 и 1925 годах.

Безработные члены профсоюзов (в %%).

	Конец октября	Ноября	Декабря.
1927	4,6	7,6	12,9
1926	14,2	14,2	16,7
1925	5,8	10,7	19,4

Процент безработных ниже, чем в прошлые годы, но все же сам по себе очень значителен. Переоценивать этот факт, однако, ни в коем случае нельзя, так как в преобладающей части здесь речь идет о безработице среди строительных рабочих, т.-е. безработице сезонного характера, связанной с наступлением холодов. Это видно из следующих сопоставлений: в то время, как число безработных членов союза строителей с 3,7% в начале октября возросло до 24,4% в конце ноября и до 32,8% в середине декабря, процент безработных металлистов поднялся только с 1,9 в октябре до 2,3 в ноябре, процент безработных текстильщиков—с 2,4 до 2,6, процент безработных горняков—с 1,1 до 1,6. Более значительный темп—с 6,5% в октябре, до 17,3% в ноябре—дают только плотники, т.-е. категория, теснейшим образом связанная со строительными работами. Если вспомнить, что строительных рабочих в Германии около полутора миллиона человек, то станет понятным, что резкий рост безработицы в их среде должен был очень значительно повлиять на общую картину.

Таким образом, рост безработицы последних трех месяцев сам по себе дает очень мало материала для кон'юнктурного прогноза. Конечно, сезонная безработица может перейти в длительную. Это будет зависеть от размаха работ в будущем строительном сезоне. Но из самого факта безработицы в настоящий момент эта возможность отнюдь не вытекает.

Что касается промышленности в узком смысле слова, то здесь пока говорить о сколько-нибудь значительном снижении кон'юнктуры не приходится. Продукция угля и стали в общем остается на уровне предыдущих месяцев. Портфель заказов в металлургической промышленности в декабре значительно возрос [1]). В машиностроительной промышленности наметившееся в октябре легкое снижение сбыта, в декабре приостановилось [2]). Положение текстильной промышленности продолжает оставаться благоприятным [3]). Известное снижение темпа, правда, тем не менее налицо. Целый ряд явлений на денежном рынке, к которым мы вернемся еще ниже, говорит о падении так наз. «предпринимательской активности». Возможно, что 1928 год начнется и будет протекать на несколько более низком уровне хозяйственной экспансии, нежели тот, которым закончился 1927 год. Но фактов, говорящих о близости кризиса, в настоящий момент в природе германской экономики не существует.

[1]) Wirtschaftskurve der Frankfurter Seitung. 1927, IV, стр. 376

Отсутствие этих фактов, впрочем, само по себе решающим аргументом служить не может. Ибо, как правильно замечает обозреватель «Frankfurter Zeitung», хозяйственный аппарат может некоторое время по инерции продолжать двигаться вперед и тогда, когда движущие силы уже давно изменили свое направление». Вопрос о направлении этих «движущих сил» и является для нас в данном случае решающим.

Речь идет о движущих силах кон'юнктурного под'ема германского хозяйства в 1927 г. Два момента здесь должны быть отмечены в первую очередь: рационализация и иностранные кредиты.

Сводных данных о ходе и итоге рационализационных процессов в германском хозяйстве пока еще не существует. Но и те отрывки, которыми мы уже сейчас располагаем, достаточно показательны.

В Рурской угольной промышленности: если производительность 1 рабочего в 1913 году принять за 100, то в 1924 году она составляла 90,9; в 1925 г.—100,3; в 1926 г.—118; в 1927 г.—121.

В стальном производстве: если производительность одного рабочего в 1925 году принять за 100, то в 1926 г. она составляла 120,8 и в ноябре 1927 г.—136,2.

В машиностроении: если производительность на одного рабочего в 1925 г. принять за 100, то в третьем квартале 1927 года она составила 145. И, наконец, на железных дорогах производительность с 1925 по 1927 г. возросла на 18,5% [3]).

Не подлежит сомнению, что рационализационные процессы, начавшиеся в 1925 г., в значительной мере подготовили под'ем 1927 г. При чем в самый год под'ема рационализационная работа продолжалась и углублялась, хотя темп нарастания ее эффекта и замедлился. В прямой связи с рационализацией (в широком смысле слова) стоит и та «чистка», которая была произведена кризисом 1925—26 годов, когда месячное число банкротств колебалось между 900 и 980.

Рационализация, однако, означает раньше всего сугубый спрос на капиталы. Без удовлетворения этого спроса поднятие производительности германской промышленности, расширение рынка и рассасывание безработицы были бы немыслимы. Внутреннее капиталонакопление Германии—как мы это сейчас увидим,—несмотря на его очень значительный рост за последние три года, было недостаточно. Тем более недостаточно, что миллиардные глыбы от него отсекаются репарационными платежами. Мощный поток иностранных кредитов—вот те дрожжи, на которых взошла кон'юнктура 1927 года [4]).

[1]) Wirtschaftsdienst, 20 января 1928 г.
[2]) Börsen—Kurier, 18 января 1928 г.
[3]) Deutschlands Wirtschftliche Lage an der Jahreswende 1927/28 г.
[4]) Паркер Жильберт в своем декабрьском отчете пишет: «То обстоятельство, что достигнутые (Германией) успехи были бы невозможны без иностранных кре-

Общая сумма новых капиталов, вложенных в германское хозяйство в 1927 году, расценивается в 12 миллиардов марок [1]). Из них 4,4 млрд., т.-е. свыше 36%, пришло из-за границы. Внутреннее накопление составило 7,6 миллиарда. В 1926 году оно составило 6,3 млрд. Рост, и очень значительный, здесь налицо, но удовлетворить потребность в капиталах и стимулировать высокую кон'юнктуру он ни в коем случае не мог. Это станет совершенно очевидным, если вспомнить, что в довоенной Германии в 1913 году внутреннее капиталонакопление в пересчете на современные цены составило 10,5 млрд. марок. Если присоединить еще сюда 1,4 млрд. доходов от «невидимого экспорта» (т.-е. раньше всего проценты по вложенным за границей капиталам), то получится сумма в 11,9 млрд. марок. В 1927 году, не говоря уже о том, что масштабы хозяйства отнюдь не меньше, чем в 1913 году, необходимость дорого стоящей технической реконструкции и заполнения «пустот» в оборотном капитале была гораздо настоятельнее, чем до войны. Ясно, что Германия не могла не развить огромный спрос на заграничные кредиты, без удовлетворения которого высокая кон'юнктура была бы немыслима [2]).

Главным источником этих кредитов была Америка. Участие Сев.-Ам. Соединенных Штатов в финансировании Германии выразилось в 69,1% общей суммы. На втором месте стоит Голландия (13,9%). На третьем—Англия (9,4%). И, наконец, все остальные страны вместе—7,6%.

Что сделало возможным многомиллиардный приток иностранных капиталов в Германию? При ответе на этот вопрос необходимо иметь в виду, что закон, согласно которому движение капиталов на международном рынке регулируется различиями в высоте н о р м ы п р и б ы л и, действителен лишь в последнем счете. «С точки зрения экспортирующей страны могут быть две формы экспорта капитала: капитал эмигрирует за границу или как капитал, приносящий проценты, или как капитал, приносящий прибыль» [3]). В первом из этих двух случаев непосредственным регулятором является не норма прибыли, а норма процента. Когда речь идет о капитале, эмигрирующем за границу как капитал, приносящий проценты, то «понижение нормы прибыли имеет, самое большее, то значение, что понижается теоретически возможный максимальный предел процента, именно вся прибыль; но так как эта максимальная граница вообще не может достигаться процентом на сколько-нибудь продолжительное время, то это «констатирование» не имеет никакого значения» [4]).

Дело не меняется от того, что возникновение финансового капитала означает собою сращивание денежного и промышленного капитала, т.-е. капитала, приносящего проценты, и капитала, приносящего прибыль. Ибо для собственников денежного капитала «он постоянно сохраняет денежную форму, затрачивается ими в форме денежного капитала, капитала, приносящего проценты, и во всякое время может быть возвращен им в денежной форме» [1]). Следовательно, и в эпоху финансового капитала непосредственным регулятором перемещений денежного капитала является норма процента.

Именно этим об'ясняется приток иностранных капиталов в Германию. Нет никаких оснований предполагать, что норма прибыли в германской промышленности выше, чем в промышленности Соединенных Штатов. Но не это решает. Решает норма процента, которая в Германии благодаря крайней недостаточности собственного капиталонакопления при огромном спросе на капиталы почти в два раза выше, чем в Соединенных Штатах. Как велик ножничный раствор между уровнем процента в Берлине и на биржах Нью-Йорка и Лондона, видно из следующей таблички:

	Берлин (кредиты на 1—3 мес.).	Нью-Иорк (банк. акц. на 3 мес.).	Лондон (частн. дисконт на 3 м.).
Октябрь 1927	8,05	3,28	4,31
Декабрь 1927	8,19	3,31	4,31

Это сопоставление делает без дальнейших комментариев понятным, почему (при политической стабилизации, как наличной предпосылке) мировой денежный рынок удовлетворяет германский спрос на капиталы [2]).

Есть ли рациональные основания предполагать, что поток иностранных кредитов в текущем году прекратится или сократится до такой степени, что кризис придет с э т о й стороны? Мы их не видим. Различие в уровне процента остается и, несмотря на отдельные колебания, в течение одного года не может быть ликвидировано. Думать, что иссякнут американские источники, тоже не приходится. Даже в том случае, если в кон'юнктуре Соединенных Штатов и наступит перелом, положение не изменится. Скорее напротив. Как известно, в периоды депрессии предложение капитала обильнее, чем в периоды под'ема. Так что в этом смысле Германия от депрессии за океаном может только выиграть.

Но может быть, если нельзя в этом году ожидать кризиса вследствие п р е к р а щ е н и я притока иностранных кредитов, то он придет благодаря тому, что этот поток будет продолжаться? Именно такова, как известно, точка зрения Жильберта и Шахта [3]). В своем декабрьском отчете Жильберт пишет, что «поскольку притекающие иностранные кредиты сообщили публичным корпорациям добавочную покупательную силу в такое время, когда деятельность промышленности уже и без того была оживленной, то они стимулировали дальнейшую экспансию и отрицательно повлияли на солидность германского восстановительного процесса». Точно так же и Шахт видит в иностранных кредитах непосредственную угрозу для кон'юнктуры, так как, по его мнению, они таят в себе прямую опасность инфляции. Ход его аргументации, примерно, таков: иностранные кредиты означают накопление иностранных девиз в Рейхсбанке. Под эти девизы должны выпускаться новые банкноты. Чрезмерное накопление девиз влечет за собою чрезмерный выпуск новых банкнот, т.-е. инфляцию. В своей бохумской речи он в качестве при-

---

дитов, не нуждается в доказательствах... Все германское хозяйство находилось под их влиянием, в известном смысле они над ним господствовали». (Отчет, стр. 100).

[1]) По данным Reichs - Kredit - Gesellschaft.

[2]) Боннский экономист и профессор ф. Беккерат почему-то считает, что об'яснение этого огромного спроса не может быть дано без помощи... теории предельной полезности. В своей книжке «Репарационный агент и германская экономическая политика» на стр. 73 он пишет: «Хозяйственные потрясения, вызванные войной и инфляцией, сделали большие массы европейского капитала благодаря неправильным вложениям бездеятельными. Чрезмерные вложения в основной капитал сравнительно с наличными оборотными средствами являются лишь одним из грубейших примеров этого рода... Тем, что иностранный капитал предоставляет комплементарные средства производства, он реализует не только себя, но и пробуждает большие массы отечественного капитала к жизни». Т. о. боннский профессор считает, что острота спроса на иностранный капитал «комплементарного» происхождения. Приведенные данные, однако, показывают, что она находит свое рациональное об'яснение и без мистической «теории» комплементарных благ.

[3]) Гильфердинг. Финансовый капитал, стр. 461.

[4]) Там же, стр. 138.

[1]) Там же, стр. 332.

[2]) В связи с меморандумом Жильберта заграничные эмиссии Германии в ноябре сильно сократились, а в декабре упали почти до нуля. Это явление, однако, оказалось преходящим, и уже в январе 1928 года на нью-йоркской бирже был реализован новый заем в 87,5 миллионов марок.

[3]) Отношение германской буржуазии к позиции Шахта в этом вопросе формулировал Георг Бернгардт в следующих словах: «Быть может, Шахту не удастся стать отцом германского обнищания. Но отчимом германской кон'юнктуры он уже является давно».

мера ссылался на то, что, если бы Германия получила сегодня в Америке кредит в 5 миллиардов долларов, то ведь не может же Рейхсбанк завтра выпустить под них 20 миллиардов марок, не вызывая «неслыханный рост цен и зарплат», то-есть инфляцию.

Вся эта аргументация, однако, не стоит выеденного яйца и была совершенно справедливо высмеяна в германской прессе как специальной, так и общей. Иностранные кредиты вовсе не означают чрезмерного накопления девиз в Рейхсбанке. Девизы выступают в подавляющем большинстве случаев лишь как посредствующий и выпадающий момент. Иностранные кредиты означают получение в кредит иностранных товаров. Увеличение товарной массы является их результатом в несравненно большей степени, чем увеличение денежной массы. Ни о какой опасности инфляции здесь, следовательно, не может быть и речи.

Мы не видим, таким образом, оснований предполагать, что германская кон'юнктура может быть в ближайшее время оборвана кризисом, вызванным срывом заграничных кредитов, или, напротив, их инфляционным влиянием [1]). Гораздо важнее и сложнее нам представляется другой вопрос: не стоит ли германская промышленность уже сейчас на пороге кризиса сбыта?

Симптомов перепроизводства в природе германского хозяйства пока не видно. Впрочем, статистический материал здесь несравненно менее разработан и несравненно менее показателен, чем для промышленности, финансов и кредита. Прогноз по этой линии должен поэтому опираться главным образом на теоретический анализ.

Капиталистический кризис, как известно, является в основном, продуктом диспропорции накопления и потребления. В периоды под'ема растущая доля национального дохода вкладывается в производственный аппарат, в первую очередь и больше всего в производство средств производства. Старое равновесие между накоплением и потреблением, между предложением и спросом разрушается. Национальный доход перераспределяется, при чем перераспределяется в пользу накопления, конкретно находящего свое выражение в форсированном росте производства средств производства. Общественный капитал и его производительная сила поэтому растут быстрее, чем платежеспособное потребление. Возникающее таким образом противоречие находит свое «насильственное разрешение» (Маркс) в кризисе.

В этом процессе смещения покупательной силы и перераспределения национального дохода основную роль играет движение цен. Кон'юнктурный под'ем обычно сопровождается ростом цен, при чем ростом весьма неравномерным. Этот рост цен действует двояким образом: во-первых, увеличивает долю промышленности, в первую очередь тяжелой, в так называемом «национальном продукте»; во-вторых, повышая ее рентабельность, вызывает усиленный прилив капиталов.

Рост цен, следовательно, является тем конкретным механизмом, через посредство которого разрушается старое равновесие между накоплением и потреблением, равновесие, которое может быть восстановлено лишь при помощи кризиса. В германской кон'юнктуре 1927 года этот механизм бездействовал, или почти бездействовал, и в нынешней фазе цикла говорить о нарушенном равновесии производства и потребления поэтому пока оснований нет. Следующая таблица передает движение оптовых цен в Германии в течение 1927 года [2]):

---

[1]) Мы не забываем о том, что инфляция обычно гонит кон'юнктуру вверх. Но всякому ясно, что инфляционная кон'юнктура так же похожа на здоровую, как, скажем, чахоточный румянец на здоровый.

[2]) Wirtschaftskurve der Frankfurter Zeitung, IV. 1927.

	Общий индекс	Индекс „минералов“ (уголь железо и т. п.).
	июль 1914 г. = 100.	
31/I—27 г.	137,7	130,5
31/V „	138,4	127,4
29/IX „	136,2	124,3
31/X „	137,6	124,0
30/XI „	138,4	125,0
29/XII „	138,3	125,1

Общий оптовый индекс, таким образом, в течение года незначительно снизился, а индекс «минералов», включающий цены на такие товары, как уголь и железо, т.-е. отраслей, играющих ведущую роль, оставался в общем и целом стабильным. Как это было возможно? Ключ к об'яснению этого явления дают опять-таки иностранные кредиты. Они позволили форсировать накопление не только без сужения «потребительского фонда», но, напротив, значительно его расширив, втянув в производственный процесс свыше полутора миллиона рабочих. С другой стороны, они сообщили всему развитию значительно более равномерный характер, придали под'ему характер всеобщности. Кризис сбыта в ближайшее время нам поэтому представляется так же мало вероятным, как и кризис капиталов.

Разумеется, это отнюдь не значит, что кон'юнктура 1928 года будет держаться на той же высоте, что и в 1927 году. Известное замедление темпа, известное снижение уровня не только возможно, но и вероятно. Но мы считаем, что в корне неправильно, вредно тактически и грубо ошибочно теоретически каждое снижение темпа выдавать за депрессию и каждую депрессию выдавать за кризис или за нечто кризису равнозначное. Тактически это вредно потому, что это дает неверную перспективу и неверную ориентировку. Теоретически это ошибочно потому, что идентифицировать депрессию и кризис это значит подавать палец тому направлению в буржуазной политической экономии, которое с Шумпетером и Касселем во главе пытается ликвидировать самую проблему кризисов и подменить ее проблемой кон'юнктурных колебаний. Нося по кризису в каждом жилетном кармане, очень легко утерять и контакт с действительными отношениями и контакт с действительно марксистской теорией кризисов.

III. Германская проблема.

Мы видели, что если ставить вопрос в чисто кон'юнктурном разрезе, выступления Жильберта и Шахта никакой почвы под собою не имеют. Положение, однако, резко меняется, если от проблемы текущей германской кон'юнктуры перейти к германской проблеме в целом.

В выдержке из статьи Шахта, которую мы приводили выше, он указывает на растущую заграничную задолженность, как на одно из наиболее угрожающих явлений в германской экономике. Во избежание недоразумений, мы должны тут же сказать, что рост задолженности за границей сам по себе, на наш взгляд, ничего угрожающего собою не представляет. Мы думаем, что известный мюнхенский профессор Адольф Вебер совершенно прав, когда в своей брошюре «Hat Schacht Recht» заявляет: «При условии, что мы потребляем так экономно, как это только возможно, не делаем никаких излишних, не насущно-необходимых расходов, при условии, что мы производим так рационально, как это только возможно в нынешнем положении, из экономических, социальных и политических соображений никакое требование не может быть более настоятельным, как: все двери настежь для иностранного капитала, мы не можем его иметь в избытке до тех пор, пока уровень процента у нас так несоразмерно высок!» (стр. 9).

В самом деле, очевидно, что поскольку иностранные капиталы позволяют германской буржуазии в больших масштабах произвести техническую

реконструкцию промышленности, т. е., иными словами, повысить производительность всего народного хозяйства в целом, постольку их привлечение необходимо и экономически рационально. Шахт указывает как на крайне отрицательное явление на пассивность германского торгового баланса. Вебер отвечает ему: «Так же верно, как дважды два четыре, что народ, который должен в таких размерах, как мы, прибегать к помощи иностранных капиталов, необходимо должен иметь пассивный торговый баланс. Иностранные кредиты означают не что иное, как то, что заграница поставляет нам сырье, полуфабрикаты, продовольствие и готовые фабрикаты, не требуя немедленной компенсации. Отечественная промышленность получает таким образом возможность товары, которые в другом случае должны были бы вывозиться, чтобы оплатить импорт, сбывать на внутреннем рынке. Но не является ли пассивность нашего торгового баланса, возникающая в результате иностранных кредитов, возражением против них, быть может, даже самым острым? На деле здесь речь идет в значительной степени об оптическом обмане, жертвой которого чаще всего становятся люди практики, так как со словом баланс они связывают представление о мере успеха. Слова «торговый баланс» и «платежный баланс», однако, не имеют ничего общего с успехом или неуспехом. Они выражают лишь движение товаров, требования и обязательства данной страны в международном обороте в определенный промежуток времени».

Свою точку зрения Вебер в окончательном виде формулирует в следующих словах: «Вопрос, который сейчас выдвигается на первый план: как нам сделать наш торговый баланс активным?—является совершенно второстепенным по сравнению с другим, решающим вопросом: как нам поднять производительность труда на возможно большую высоту? Если нам удастся дать правильный ответ на этот вопрос и сообразно с ним действовать, то наш торговый баланс сам по себе станет таким благоприятным, как это только возможно» (стр. 21).

Существо аргументации Вебера, таким образом, сводится к следующему: судьба германского торгового баланса будет зависеть от конкурентоспособности германской промышленности. Последняя будет тем выше, чем выше ее технический уровень, чем выше ее производительность. Если иностранные кредиты дают средства для технической реконструкции, если с их помощью повышается производительность всего германского хозяйства— то «двери настежь перед иностранным капиталом», хотя бы на данном этапе это и было связано с пассивностью торгового баланса.

С точки зрения «чистого разума» свободного рынка Вебер прав. Но все дело в том как раз и заключается, что этот «чистый разум» свободного рынка, который был более или менее фикцией всегда, является фикцией в квадрате в эпоху империализма и фикцией в кубе в приложении к послевоенной, послеверсальской Германии.

Германия является высоко-индустриальной страной. Уже этот факт сам по себе делает для нее проблему экспорта исключительно важной, так как ввоз огромных масс сырья и продовольствия она должна (если брать дело в длительном разрезе) оплачивать собственным вывозом промышленных товаров. Проблема, однако, много обостряется тем, что, помимо оплаты импортируемого сырья и продовольствия, она должна выплачивать миллиардные репарации и миллиардные проценты по вложенным в ней иностранным капиталам, единственным источником покрытия которых (опять-таки, если брать дело в длительном разрезе) является все тот же экспорт промтоваров. Германская проблема, как экономическая проблема, следовательно, может быть решена только огромной, беспримерной экспансией Германии на мировом рынке. Возможна ли она?

С абстрактно-экономической точки зрения, на которой стоит Вебер, ничего a priori немыслимого в такой экспансии нет. Но т о л ь к о с абстрактно-экономической точки зрения, которая имеет ровно столько же корней в действительных отношениях, сколько манчестерские теории свободы торговли в таможенной политике современных империалистических государств или пацифистские утопии в эпохе войн и революций.

«Политика есть концентрированная экономика». И чем больше «концентрируется» экономика, тем теснее, неразрывнее она срастается с политикой, тем решительнее момент с и л ы определяет направление экономических процессов, тем чаще и неизбежнее м е ч разрубает гордиевы узлы переплетающихся и сталкивающихся хозяйственных интересов.

Германская экспансия может произойти только за с ч е т какой-либо из остальных капиталистических держав мира или за счет их всех взятых вместе. Э т а проблема практически не стояла перед международным капитализмом в 1919 и в 1923 годах. Но и м е н н о э т а проблема стояла перед ним в 1914 году, и она же ставится перед ним во весь рост теперь, и ставится тем острее, чем выше поднимается германская кон'юнктура, чем дальше углубляется техническая реконструкция германской промышленности, чем больше становится ее конкурентоспособность на мировом рынке [1]).

Борьба за место на мировом рынке определяется чисто-экономическими и техническими моментами лишь «при прочих равных условиях». Но этих «прочих равных условий» для Германии не существует, потому что из войны она вышла побежденной, потому что она разоружена, потому что в о е н н о й с и л е ее противников и соперников ей противопоставить нечего. З и я ю щ е е п р о т и в о р е ч и е м е ж д у к о л о с с а л ь н ы м и в о з м о ж н о с т я м и п р о и з в о д с т в е н н о г о а п п а р а т а Г е р м а н и и, е г о к о л о с с а л ь н о й п о т р е б н о с т ь ю в о в н е ш н и х р ы н к а х, с о д н о й с т о р о н ы, и с л а б о с т ь ю е г о в о е н н о - п о л и т и ч е с к и х п о з и ц и й — с д р у г о й, я в л я е т с я с п е ц и ф и ч е с к о й о с о б е н н о с т ь ю и г в о з д е м г е р м а н с к о й п р о б л е м ы. Точно так же, как противоречие между военно-политической и кредитно-финансовой мощью, с одной стороны, и загнивающей производственно-промышленной базой—с другой, является специфической особенностью и гвоздем б р и т а н с к о й проблемы.

Допустить германскую экспансию на мировом рынке в таком об'еме, который сделал бы возможным оплату импорта, п л ю с репараций, п л ю с платежи процентов—это означало бы для капитализма Соединенных Штатов, Англии и Франции не что иное, как о т к а з о т п л о д о в п о б е д ы 1 9 1 8 г о д а, отказ от использования своих военно-политических позиций. При чем отказ в такой момент, когда Соединенные Штаты становятся страной экспортирующей промтовары в несравненно б о л ь ш е й степени, чем в 1914 году, когда Англия чисто-экономически с л а б е е, чем в 1914 г., когда Франция, благодаря происходящим в ней мощным процессам индустриализации заинтересована в выходе на мировой рынок с и л ь н е е, чем в 1914 году [2]).

---

[1]) На общем собрании акционеров одного из крупнейших лондонских банков Barklayer Bank председатель правления последнего Goodenough в своей речи заявил: «Америка все более и более становится страной, вывозящей фабрикаты. По тому же пути идет и Германия. Не подлежит никакому сомнению, что Германия и Америка в будущем выступят как основные соперники по отношению друг к другу». Berlin. Börsen-Kurier, 20 января 1928 г.

[2]) Ни один коммунист, конечно, не может быть обманут той кампанией в защиту «свободной торговли», которая завершилась «манифестом банкиров» и женевской экономической конференцией. Совершенно очевидно, что основной пружиной здесь было стремление великодержавных капитализмов Соединенных Штатов, Англии, Франции заставить «малые государства» раскрыть свои тамо-

Мы считаем, что такой отказ от политического нажима, от насильственного сжатия германской экспансии исключен. Правда, здесь напрашивается следующее возражение. Поскольку Америка вывозит капиталы в Германию, постольку она сама становится заинтересованной в развитии германского хозяйства. То же самое, с соответственными оговорками относится и к Англии. Не может ли это послужить обстоятельством, компенсирующим слабость военно-политических позиций?

Но, во-первых, иностранные капиталы плывут в Германию до тех пор, пока уровень процента в ней значительно превышает уровень процента на нью-йоркской и лондонской биржах. Высокий уровень процента в Германии, однако, в значительной степени является функцией восстановительно-реконструктивного процесса. Завершение этого процесса на ряду с соответственным ростом внутреннего капиталонакопления сильно сожмет расхождение между германской и лондонской процентной ставкой, и сила притяжения берлинской биржи для денежного капитала, для капитала, приносящего проценты, станет много слабее. Что же касается капитала, идущего на проценты, на прибыль, то на его приток в Германию вообще рассчитывать не приходится, потому что нет никаких оснований предполагать, что норма прибыли в германской промышленности выше, чем, скажем, в промышленности Соединенных Штатов.

Во-вторых, экспорт капитала в Германию играет совершенно второстепенную роль для Англии и далеко не играет решающей роли в Соед. Штатах. Из общей суммы долгосрочных заграничных вложений Соединенных Штатов вложения в Германии составили в 1924 году 13,4%, в 1925 г.—22,2%, в 1926 году—30,5%. Если предположить, что в ближайшие годы доля Германии в американском капитальном экспорте стабилизуется на 20—25%, то это будет скорее преувеличением, чем преуменьшением. Удельный вес Германии, как импортера денежных капиталов, будет с точки зрения американского капитализма значительно меньше, чем ее вес в качестве соперника на мировом рынке. В еще и еще большей степени это относится к Англии и к Франции. К тому же необходимо отметить, что Соединенные Штаты находятся еще только в начальной стадии процесса загнивания, и индустриально-предпринимательский слой буржуазии там поэтому пока сильнее и влиятельнее, чем слой рантье.

И, наконец, в-третьих, мы указывали уже выше, что капитал может вывозиться, как капитал, приносящий прибыль, и как капитал, приносящий проценты. В самом деле, очевидно, что экспорт, скажем, капитала Соединенных Штатов в Канаду или Латинскую Америку, где он строит свои фабрики, свои железные дороги, свои каналы, или экспорт английского капитала в Индонезию, в Моссул, в Ю. Персию, где он устраивает свои плантации, свои нефтяные промыслы, есть нечто иное, нежели экспорт денежного капитала. Ясно, что степень заинтересованности во втором случае будет меньше, чем в первом. Между тем, в Германии мы можем иметь дело только со вторым случаем, ибо, повторяем, экспорт капитала, приносящего прибыль, возможен лишь там, где выше не только норма

женные границы. Любопытно, что один из главных идеологов движения, сэр Джордж Пэш в своей книге «Путь к хозяйственному оздоровлению мира» выбалтывает это довольно откровенно. На стр. 91 он пишет: «До войны каждая нация признавала необходимость ведения такой политики, которая открывала бы ей дорогу к международным центрам капиталов... Точно так же и теперь для различных наций чрезвычайно важно, чтобы они своей хозяйственной политикой не затрудняли себе дорогу в Лондон и Нью-Йорк». Sapienti sat!

Вообще, для судеб современного, с позволения сказать, «манчестерства» очень характерно, между прочим, что виднейший его идеолог и вождь Дж. М. Кейнс в Англии, как известно, выступает со страстной агитацией за картелирование такой par excellence «манчестерской» промышленности, как текстильная.

процента, но и норма прибыли. При высоте органического капитала Германии она в этом смысле вряд ли может обогнать Америку и, во всяком случае, остается далеко позади отсталых и колониальных стран.

Таким образом, учитывая соотношение сил внутри американской буржуазии, учитывая соотношение веса Германии, как импортера капитала, и ее веса, как возможного соперника на мировом рынке для Соединенных Штатов, Англии и Франции, учитывая, что в той мере, в какой будет крепнуть германское хозяйство и усиливаться его внутреннее капиталонакопление, в той мере будет понижаться заинтересованность в ней международной денежной биржи вследствие падения в ней нормы процента,—учитывая все это, мы считаем, что заинтересованность в Германии, как импортере капиталов, не окажется достаточно сильной, чтобы помешать капитализму стран-победительниц положить насильственный конец германской экспансии на мировом рынке и тем самым насильственный конец нормальному развитию германского капитализма вообще.

И первым симптомом этой грядущей агрессии по отношению к Германии на наш взгляд является декабрьский отчет Паркера Жильберта.

Мы видели, что его выступление не может быть об'яснено явлениями чисто кон'юнктурного характера. Дело заключается вовсе не в тех конкретных опасностях, на которые он указывает, и вовсе не в той аргументации,—большей частью совершенно неубедительной,—которую он при этом развивает. Об'ективный смысл его меморандума и его отчета становится ясным из тех практических предложений, которыми он кончает. Они заключаются раньше всего в ликвидации трансфертного комитета.

Трансфертный комитет является одним из существеннейших элементов той системы, которая была создана планом Дауэса. Как известно, согласно этому плану, германское правительство обязано вносить репарационные платежи в германской же валюте, т.-е. в марках. Реализация же полученных сумм в иностранной валюте, их трансферт (перенесение) является делом состоящего при генеральном агенте по репарациям трансфертного комитета. План Дауэса обязывает этот комитет производить трансфертные операции с таким расчетом, чтобы не повредить устойчивости германской валюты. Его существование, таким образом, представляло собою как бы гарантию того, что к Германии не будут пред'являться такие требования, которые могут расшатать германскую стабилизацию, и ее основу—стабильную валюту.

«План экспертов,—пишет по этому поводу Жильберт,—создал, таким образом, охранительную систему, предназначенную для того, чтобы не допустить неустойчивости германской валюты... не дав ей в то же время общего контроля над германскими делами». И отсюда тотчас же делается вывод: «Единственный выход заключается в окончательном установлении репарационных обязательств Германии на абсолютной основе без всякой трансфертной охраны» [1]).

Предложение ликвидировать трансфертный комитет может иметь лишь тот единственный смысл, что агент по репарациям желает развязать себе руки по отношению к Германии, получить свободу во всякий момент, когда это будет ему нужно, ударить по самому чувствительному и сильно реагирующему месту германского хозяйства—по германской валюте.

Не случайно, что это предложение всплывает как раз в момент наивысшего кон'юнктурного под'ема германского хозяйства. Германия 1919 г., Германия 1923 г. (после поражения рабочего класса) никакой опасности собою не представляла. Но Германия 1927 года, Германия, оставившая позади

---

[1]) Отчет, стр. 187. Разрядка наша.

довоенный уровень производства, реорганизовавшая и реконструировавшая свою промышленность — эта Германия отличается от Германии 1914 года только одним: в 1914 году попытка зажать германского конкурента в тиски была сопряжена с огромным риском и требовала огромных усилий, между тем как сейчас взятие Германии «в железы» ни особого риска не представляет, ни особых усилий не потребует.

Чем выше поднимается кон'юнктурная волна, чем дальше углубляется рационализационный процесс, тем острее и очевиднее и актуальнее становится противоречие между производственной мощью и военно-политическим бессилием германской буржуазии. А это значит, что, чем зрелее и обильнее плоды стабилизации, тем менее прочна, тем ближе к своему концу самая стабилизация.

К. Розенталь.

Промышленность в 1927—28 году.

Производственно-финансовый план развития промышленности в 27/28 г. носит ярко выраженные специфические черты, существенно отличающие его от промфинпланов прошлых лет и даже прошлого года. Реконструктивный период наложил отпечаток на все построение плана развития промышленности: задачи, так сказать, «количественного» порядка дополнились и усложнились задачами «качественными». При чем, что особенно важно подчеркнуть, эти задачи «качественного» порядка явились не простым дополнением к существующему плану, как это было в прошлом году, а непременным и обязательным условием его выполнения. Разрешение «количественных» задач, стоящих перед промышленностью, находится в тесной связи и обусловливается разрешением «качественных» задач, качественного улучшения работы промышленности по всем важнейшим ее показателям.

Другой отличительной чертой промфинплана 27—28 года является установление таких показателей количественных достижений промышленности в текущем хозяйственном году, которые переворачивают все существовавшие и существующие предположения относительно характера, темпа и особенностей нашего хозяйственного развития в период реконструктивный. Общепринятым было до сих пор мнение, что реконструктивный период неизбежно несет резкое замедление в темпе нашего хозяйственного и, в частности, промышленного развития. Это убеждение находило свое выражение и во всех имеющихся планах нашего хозяйственного развития; кривая темпов прироста из года в год показывала неуклонное понижение, выравниваясь далее на том низком уровне, который диктовался умеренностью и осторожностью составителей этих планов. Данные промфинплана промышленности на 27 — 28 г. эти «общепринятые» мнения и убежденность ставят на голову. 1927 — 28 г. показывает резкий перелом в кривой развития нашего промышленного хозяйства.

Недооценка преимуществ нашей хозяйственной системы, недооценка эффективности капитальных и рационализаторских работ промышленности, недооценка производственных возможностей промышленного оборудования нашли свое выражение и в недооценке темпов нашего хозяйственнего развития. В какой мере и степени была велика эта недооценка, показал еще 26 —27 год, но особенно ярко, резко и значительно выявил и обнаружил текущий 27—28 хозяйственный год.

Рост производства.

Валовая продукция промышленности, планируемой ВСНХ, увеличивается в 27 —28 году на 25,2% или в абсолютном выражении на 2.166 милл. черв. рублей. Этот прирост не только абсолютно превышает прирост про-

шлого года, но и дает темп роста, значительно превышающий темп роста в прошлом году.

Динамика валовой продукции промышленности, планируемой ВСНХ (в млн. черв. руб. по неизменным ценам).

	1925—26	1926—27	1927—28	26—27 г. в % к 25—26 г.	27—28 г. в % к 26—27 г.
Вся промышленность	7.187,4	8.587,7	10.753,7	119,5	125,2
Производ. сред. производ. .	2.745,3	3.466,7	4.253,7	126,3	122,7
Производ. сред. потребления	4.442,1	5.121,0	6.500,0	115,3	127,0

Приросту промышленной продукции 26—27 г. в 19,5%, в 27—28 г. соответствует 25,2%! Кривая снижения темпа прироста, начавшаяся еще в 25—26 г и продолжавшаяся вплоть до 26—27 года, сменяется в 27—28 году резко и отчетливо выраженной кривой под'ема!

В связи с этими цифрами роста валовой продукции промышленности в 27—28 году интересно сопоставить те прогнозы, которые давались в наших планах промышленного развития По отдельным, опубликованным, пятилетним перспективным планам промышленности 1927—28 г. должен был дать прирост валовой продукции:

По Госплану на	13,2%
„ пятилетке ВСНХ	16,3 „
„ К.Ц. пятилетки ВСНХ	18,1 „

Фактически же, если исключить из данных промфинплана продукцию тех предприятий, которые только с этого года включены в планы промышленности, планируемой ВСНХ, т.-е. брать сравнимый круг предприятий, валовая продукция промышленности вырастет в 27—28 году на 23%.

Совершенно справедливо отмечают, что налицо имеется какая-то определенная «закономерность» в этих изменениях перспективных построений [1]) Чем ближе приближаются к моменту составления перспективных планов включаемые в проектировку годы, тем все больше и значительнее увеличиваются показатели прироста промышленной продукции.

Конечно, легко критиковать допущенные ошибки и просчеты, неизбежные тем более, что дело составления пятилетних планов новое, а необходимый опыт вырабатывается постепенно. Но все же дистанция между 13% и 23% настолько велика, что позволяет говорить о каких-то органических недочетах и дефектах работы по составлению наших перспективных планов. И таким органическим пороком является неумение учесть все те преимущества, которые дает наша хозяйственная система.

Особого внимания заслуживает в планах развития промышленности в 27—28 году вопрос о соотношении в развитии тяжелой и легкой индустрии. Из приведенной выше таблички можем видеть, что, при возрастании темпа роста всей промышленности, по тяжелой индустрии, т.-е. по группе отраслей, производящих средства производства, мы имеем продолжение той снижающейся кривой темпов ежегодного прироста производства, которая наблюдалась за все последние годы Наоборот, легкая индустрия показывает буквально скачок в темпах своего развития. В результате мы имеем перемещение соотношения темпов развития этих двух подразделений промышленности. Легкая индустрия обгоняет в своем развитии тяжелую индустрию и повышает свой удельный вес в валовой промышленной продукции с 59,5% в 26—27 г. до 60,4% в 27—28 г.

Надо заметить, что по контрольным цифрам промышленности было намечено (правда, и при иных темпах развития) принципиально иное соотношение темпов развития тяжелой и легкой индустрии. И за отраслями тяжелой индустрии сохранялся, в полном соответствии с принятым партией курсом на индустриализацию страны и постепенное освобождение от капиталистической зависимости, больший темп развития, чем за отраслями легкой индустрии. Таким образом, промфинплан обнаруживает некоторое отклонение, разрыв между директивами, данными в КЦ, и реальным процессом развертывания промышленности.

[1]) См статью т. Сабсовича «К методологии составления перспективных планов». «Пути Индустриализации» № 2.

Было бы ошибочно, однако, представлять такое изменение в соотношении темпов развития тяжелой и легкой индустрии, искажением или нарушением принятой партией линии и направления нашего хозяйственного развития. Значительную, если не решающую, роль здесь сыграл имевшийся в этом году урожай по отдельным видам с.-х. сырья, в частности и особенности по сахарной свекле, маслосеменам, пеньке и хлопку, а также добавочная переработка хлопка и шерсти сверх плана (в связи с переходом на 7-часовой рабочий день и увеличение сменности по ряду предприятий). Это, несомненно, благоприятное явление, позволило увеличить переработку отдельных видов волокон по сравнению с К. Ц.

Увеличение переработки волокон в % к 1926—27 г.

	По К.Ц.	По плану
Хлопчатобумажная	112,8	115,4
Шерстяная	109,2	122,0
Льняная	115,1	120,5
Пеньковая	119,6	127,0
Шелковая	127,6	178,0

Сахарная промышленность, благодаря хорошему урожаю свеклы даст в 27—28 г. увеличение продукции на 40%, по сравнению с 26—27 г., маслобойная на 73,5%, кондитерская на 49% и т. д. За исключением винокуренной, пивоваренной и дрожжевой отраслей пищевкусовой промышленности, все остальные отрасли показывают значительное превышение по сравнению с К. Ц.

По отдельным отраслям рост валовой продукции представляется в таком виде (в млн. руб.):

	1926—27 г.	1927—28 г.	1927—28 в % к 1926—27 г. по плану	по К.Ц.
Группа „А“				
Топливная	894,5	1.046,4	117,1	118,6
Горнодобывающая	42,5	57,8	135,7	134,3
Металлопром.	1.493,5	1.849,[illegible]	123,8	119,0
Электропром.	151,3	224,2	148,0	134,3
Стройматер.	707,8	828,3	117,2	113,4
Химическая	177,1	247,2	139,5	128,2
Итого по группе „А“ .	3.466,7	4.253,7	122,7	119,0
Группа „Б“				
Текстильная	2.981,5	3.540,2	118,7	112,9
Швейно-галантерейная . . .	158,0	367,1	232,0	—
Кожевенная	440,6	574,0	129,5	115,2
Бумажная	127,4	156,9	123,3	118,9
Полиграфическая	54,9	73,5	133,5	110,6
Фарфор.-фаянсовая	39,1	42,4	108,0	105,4
Химическая	294,5	375,3	127,3	121,5
Пищевкусовая	1.006,3	1.346,0	133,6	129,9
Прочие (комб.)	18,7	24,9	133,2	—
Итого по группе „Б“ .	5.121,0	6.500	127,0	116,5
Всего по планируемой пр—сти	8.587,7	10.753,7	125,2	117,0

Таким образом, за исключением топливной промышленности все отрасли как тяжелой, так и легкой индустрии показывают весьма значительное превышение К. Ц.

Динамику, сходную в основном с динамикой роста валовой продукции, показывает и товарная продукция промышленности как в отношении превышения плана над контрольными цифрами, так и в отношении перемещения темпа роста тяжелой и легкой индустрии.

По сравнимому кругу отраслей промышленности и в ценах соответствующих лет (т.-е. с учетом снижения цен) динамика товарной продукции представляется в таком виде (в млн.):

		1926—27 г.	1927—28 г.	1927—28 г. в % к 1926—27 г.
Группа „А"	План	2.757,0	3.222,5	116,8
	К. Ц.	2.670,3	3.042,3	114,0
Группа „Б"	План	3.652,1	4.338,1	118,8
	К. Ц.	3.581,1	3.992,7	111,5
Итого	План	6.409,1	7.560,6	117,9
	К. Ц.	6.251,4	7.035,0	112,5

Росту товарной продукции по К. Ц. на 14,0% для группы «А» и 11,5% для группы «Б», при общем росте всей товарной продукции в 12,5%, по плану соответствует 16,8% — по гр. «А», 18,8% — по гр. «Б» и 17,9% — по всей промышленности, при чем темп прироста товарной продукции в 27—28 г. превышает темп прироста в 26 — 27 г., выражавшийся в 16%.

Масса выбрасываемой на рынок продукции промышленности не только из года в год растет, но и с 27 — 28 года начинается увеличение темпа ее роста, превосходящего ориентировочные данные, определенные К. Ц.

В связи и на ряду с наличием известного товарного голода, такие результаты работы промышленности надо признать имеющими, несомненно, серьезнейшее значение в деле смягчения товарного дефицита как на продукцию легкой, так и тяжелой индустрии, что особенно важно, ибо имеющаяся здесь неудовлетворенность потребностей принимает угрожающие размеры. Дефицитность на изделия тяжелой индустрии ориентировочно определяется в 27—28 году:

По металлотоварам	в 20—25%
По кирпичу	„ 15—20 „
По цементу	„ 8— 9 „
По кальцинир. соде	„ 21 „
По каустической соде	„ 30 „
По лесоматериалам	„ 18 „ и т. д.

Между тем тяжелая индустрия в значительной части работает на широкий рынок, и общая дефицитность ее изделий тяжело давит на широкий рынок, оставляя неудовлетворенными потребности населения и хозяйственные потребности крестьянства в частности и особенности. По данным промплана на 26—27 г. удельный вес продукции отраслей тяжелой индустрии, предназначенной на широкий рынок, составлял по нефтяной промышленности—23,6%, металлической—20,3%, электротехнической—12,8%, лесохимической—22,6%, стекольной—42,7% и т. д. Растущее и крепнущее крестьянское хозяйство, чем дальше, тем больше, требует от промышленности предметов хозяйственного потребления, и степень удовлетворения этих потребностей в значительной мере будет определять и общий под'ем крестьянского хозяйства и перевод его на более высокую техническую базу (искуственное удобрение, машинизация, электрификация) и повышение материального и культурного уровня жизни крестьянства и, наконец, что особенно важно, рост тех материально-технических и культурных предпосылок, на основе которых возможно его кооперирование и постепенное обоб-

ществление. Между тем именно здесь, на эти изделия промышленности (сортовое, кровельное и шинное железо, скобяной товар, стекло, лесоматериалы и т. д., и т. п.) ощущается особенно значительный товарный голод, и на его смягчение и ликвидацию должно быть обращено особенное внимание. Надо констатировать, что 1927—28 год сколько-нибудь значительных результатов в ликвидации дефицита изделий отраслей промышленности, производящих средства производства, не обещает. И это, несомненно, одно из слабых мест промфинплана. Недостаточное развитие отраслей, производящих средства производства, по мере нашего хозяйственного развития дает себя чувствовать все значительнее и резче. И, конечно, не может быть признано нормальным такое положение, когда прирост товарной продукции по отраслям, производящим средства производства, в 27 — 28 году оказывается меньше прироста в 26—27 году.

Ценностное увеличение товарной массы за год (в млн руб. по ценам соответствующих лет).

	1926—27 г.	1927—28 г.	Прирост 27—28 г. по сравн. с приростом 26—27 г.
По группе „А"	545,9	472,4	— 73,5
По группе „Б"	315,4	836,0	+ 520,6
По всей пр—сти	861,3	1.308,4	+ 447,1

В абсолютном выражении прирост товарной продукции по отраслям тяжелой индустрии уменьшается на 73,5 млн. руб., а по легкой индустрии растет на 520,6 млн. рублей.

Надо заметить, что в отношении темпов развития тяжелой и легкой индустрии, помимо урожая, сыграли свою роль республики и места, усиленно развернувшие производство отраслей легкой индустрии. При условии же, что роль республиканской и местной промышленности из года в год растет и в 27—28 году ее удельный вес во всей промышленности поднялся до 44,5%, резкие изменения в соотношении темпа роста тяжелой и легкой индустрии, имевшие место там, не могли не найти своего отражения и в итоговых по всей промышленности данных. Насколько же велики были сдвиги здесь, можно видеть из следующего:

Рост тяжелой и легкой индустрии в республиках (товарная продукция в млн. руб. по ценам соответствующих лет).

	Группа „А".			Группа „Б".		
	1926—27	1927—28	1927—28 в % к 26—27	1926—27	1927—28	1927—28 в % к 26—27
Союзная	1.625,5	1.873,2	115,3	1.866,3	2.142,9	114,8
РСФСР	817,4	972,0	118,9	1.552,6	2.005,7	129,2
УССР	262,1	311,2	118,7	273,6	333,6	121,9
Проч. республики	63,7	84,7	123,9	139,0	185,2	133,2
Всего по СССР	2.768	3.241,1	117,1	3.831,4	4.667,4	121,8

За исключением союзной промышленности, выдержавшей принципиальную линию на более быстрый темп разворачивания тяжелой индустрии, вся остальная промышленность (особенно резко выражено это по РСФСР) форсировала разворачивание легкой индустрии.

Повторяем, такое соотношение в темпе разворачивания тяжелой и легкой индустрии не может быть признано удовлетворительным, особенно, если учесть тот дефицит, тот голод, который имеется на изделия тяжелой индустрии,—не может быть признано удовлетворительным не только с точки зрения разрешения, стоящих перед нами исторических задач, но и с точки зрения сегодняшней кон'юнктуры, ибо потребительский спрос, и в особенности спрос крестьянства, остается неудовлетворенным в значительной степени как раз в части промтоваров хозяйственного потребления.

Характеристика капитального строительства.

Капитальные работы по промышленности, планируемой ВСНХ, определялись К. Ц. на 27—28 г. в 1.176 мил. руб. Однако, выявившиеся к моменту составления планов новые обстоятельства (кон'юнктурного порядка, финансового состояния отдельных отраслей промышленности и трестов, и несоответствия, в некоторых случаях, потребностям в капитальном строительстве тех ассигнований, которые были намечены К. Ц.), потребовали неоднократного пересмотра намеченного об'ема строительства. Пределы и об'ем капитальных работ, установленные К. Ц., были несколько изменены под давлением, в основном и решающем, республиканской промышленности. Если в отношении промышленности общесоюзного значения, наиболее зависящей от государственного бюджета, еще можно было добиться того, что она уложилась в рамки, установленные контрольными цифрами, то республиканская промышленность эти рамки, как правило, ломала. В какой степени это имело место, можно видеть из следующей таблицы:

Об'ем капитальных работ (в млн. руб.).

	Контрол. цифры	План	Превыш. над К.Ц. в %
Промыш. общесоюзная	887,98	888,48	+ 0,5
РСФСР	197,6	241,58	+ 22,5
УССР	50,6	57,21	+ 13,0
БССР	13,8	14,72	+ 11,0
ЗСФСР	16,7	23,46	+ 41,0
ТССР	5,95	6,73	+ 13,0
УзбССР	7,16	8,11	+ 13,0
По всей промышленности	1.176,0	1.240,29 [1])	+ 5,47

Таким образом, при незначительном превышении К. Ц. общесоюзной промышленностью (0,5%), республиканская промышленность значительно вышла за рамки, установленные К. Ц.

По отдельным отраслям промышленности распределение об'ема капитального строительства в 27—28 г. представляется в таком виде (в мил. руб.):

		%
Каменноугольная	127,76	10,4
Нефтяная (вкл. Нефтесинд.)	196,36	15,97
Горно-рудная	15,94	1,3
Металлическая	349,33	28,4
Электротехническая	18,83	1,53
Химическая	85,67	6,67
Силикатная	54,34	4,42
Лесная	28,51	2,32
НТУ	—	—
Бумажная	41,43	3,36
Текстильная (вкл. ВТС и ГХК)	198,12	16,1
Швейная	6,7	0,54
Кожевенная	18,04	1,47
Пищевкусовая	82,6	6,72
Полиграфическая	2,93	0,24
Синдикаты	2,76	0,22
Стройконторы	2,23	0,26
Разные	1,06	0,09
Итого	1.229,00	64,00

[1]) С образованием резерва эта сумма капитальных работ была сокращена до 1.193 млн. рублей.

На долю трех крупнейших отраслей тяжелой индустрии (каменноугольная, нефтяная и металлическая промышленности) приходится около 55% всего промышленного капитального строительства.

Таким образом, общая линия на индустриализацию страны и наиболее быстрый рост отраслей, производящих средства производства, в части капитального строительства нашла свое выражение и подтверждение в 27—28 г. И это опять-таки подчеркивает ту мысль, что более быстрый темп роста продукции легкой индустрии ни в какой мере не являлся изменением принятого партией курса на индустриализацию, а был лишь результатом повышенной урожайности на основные виды перерабатываемого промышленностью сельскохозяйственного сырья.

Характерной особенностью капитального строительства 27—28 хозяйственного года является сокращение чрезвычайно растянутого фронта капитального строительства—этого крупнейшего порока нашей строительной практики, и сосредоточение внимания и средств на продолжении и заканчивании ранее начатых работ. При общем об'еме капитального строительства в 1.240 мнл. рублей, на начинаемое с 1927—28 г. новое строительство расходуется 72,7 млн. рублей, или 5,7% от всей суммы капитальных работ. Совершенно сознательно и во исполнение принятого еще на первом пленуме ВСНХ решения промышленность резко замедляет темп нового строительства, стремясь к максимально возможному сокращению непомерно растянутого фронта капитального строительства и к наибыстрейшему окончанию находящихся в процессе строительства об'ектов.

В какой мере промышленность проводит эту линию на форсированное окончание ранее начатых капитальных работ, можно судить на основании следующего:

Обязательные работы (капит. ремонт, жилстроительство, охрана труда и спец. работы)	305,3 м. р.	24,67%
Капитальные работы по ранее начатым предприятиям	557,7 „	45 „
Новоначинаемые работы, как по новым, так и по существующим предприятиям	377,3 „	30,4 „
Итого	1.240,3 „	100 „

Таким образом, из общей суммы капитальных работ—45% всех работ являются продолжением ранее начатых работ и только 30%, т.-е. меньше трети всех работ являются работами, которые начинаются в настоящем хозяйственном году, либо в виде сооружений новых предприятий (72 мил. руб.), либо на существующих предприятиях (305 мил. руб.). Если, однако, учесть, что из этих новоначинающихся работ имеются такие, как горные работы каменноугольной промышленности и буровые работы в нефтяной промышленности, которые, по сути дела, надо отнести к обязательным работам, то оказывается, что новоначинаемые работы составляют не более 23—25% всей суммы работ. При этом на существующих предприятиях огромное количество этих работ представляют собой мелкие работы, необходимые на всех предприятиях либо для поддержания последних, либо для каких-либо улучшений, связанных с рационализацией производства. Маневренная свобода промышленности в планах капитальных работ на текущий год была сознательно ограничена необходимостью сократить развернутый план капитального строительства и форсированно заканчивать ранее начатые работы.

Процент заканчиваемых и сдаваемых в эксплоатацию капитальных работ из года в год растет и сближается с общей суммой работ соответствующего года.

	Общая сумма капитальных работ в млн. руб.	Заканч. и сдается в экспл. (вкл. капит. ремонт) в млн. руб.	В % от общей суммы работ
1925—26 г.	811,0	597,7	73,6
1926—27 г.	1.065,9	862,4	80,8
1927—28 г.	1.240,3	1.232,9	99,4

Сумма заканчиваемых и сдаваемых в эксплоатацию капитальных работ достигает к 27—28 году 99,4% от общей суммы всех капитальных работ этого года, т.-е. по сути дела совпадает с ней.

По отдельным республикам это соотношение представляется в таком виде (в процентах к общей сумме капитальных работ соответствующего года):

Заканчивается и сдается в эксплоатацию работ (включая капит. ремонт).

	1926/27 г.	1927/28 г.
Предпр. общесоюзн. значения	80,8	99,2
„ РСФСР	86,6	100,5
„ УССР	97,6	105,9
„ БССР	70,7	90,6
„ ЗСФСР	47,0	110,0

Этот принятый темп заканчивания и сдачи капитальных работ в эксплоатацию находит свое выражение и в динамике незаконченных капитальных работ, остающихся на балансе к концу года.

На I/X 1925 г.	232,6 млн. р.
„ I/X 1926 г.	408,4 „ „
„ I/X 1927 г.	611,8 „ „
„ I/X 1928 г.	619,1 „ „

Растягивание фронта капитальных работ, растущее количество незаконченных работ, все большая увязка средств в новоначинаемых строительствах сменяется в текущем 27—28 году некоторой их стабильностью. Дальнейшему увеличению незаконченных строительств и растягиванию фронта капитальных работ в 27—28 г. положен предел. И в этом надо признать одно из крупнейших достижений промышленности. В будущем усилия промышленности должны быть направлены к еще большему сокращению фронта капитальных работ и сосредоточению внимания и ассигнуемых средств на минимальном количестве об'ектов, форсируя в то же время сроки на окончание их строительства.

Достижение этих результатов в области капитального строительства свидетельствует о качественных улучшениях работы промышленности, сумевшей преодолеть существующую инерцию отдельных отраслей промышленности к расширению фронта и увеличению об'ектов капитальных работ. «Империализм» и «патриотизм» отдельных отраслей промышленности и республик начинает подчиняться плановой воле и плановым построениям, интересам развития всей промышленности и всего народного хозяйства в целом. Нечего и говорить, насколько еще здесь далеко до идеала. Но плановая дисциплина, хотя и медленно, испытывая и преодолевая величайшее сопротивление, начинает внедряться в области капитального строительства. И, укрепивши эти первые успехи плановой дисциплины в капитальном строительстве, надо их всемерно углублять и развивать все дальше и глубже.

Другим не менее важным достижением промфинплана промышленности в части капитального строительства является снижение стоимости строительства, снижение строительного индекса. Физический об'ем капитального строительства, уложенный в пределы 1.240 мил. рублей, определен с учетом снижения строительного индекса на 15% по сравнению с прошлым годом. Эта задача, поставленная перед капитальным строительством текущего хозяйственного года, органически увязана с общими планами и общим об'емом капитальных работ. И, таким образом, недовыполнение каждого процента из намеченных 15% снижения строительного индекса означало бы сокращение физического об'ема строительства на 12,4 мил. руб. Несмотря на все имеющиеся недостатки в деле капитального строительства, решительное изжитие которых является одной из важнейших задач промышленности, достижение 15-процентного снижения строительного индекса является несомненным показателем известного перелома в нашей строительной практике. Перелома, который должен быть закреплен дальнейшими успехами, ибо, несмотря даже на столь значительные результаты в снижении строительного индекса, он останется все же на непомерно высоком уровне—2,49.

Себестоимость.

Одной из характернейших особенностей промышленного плана на 27—28 год, и это, пожалуй, в наибольшей степени характеризует тот реконструктивный период, в который мы вступили, является снижение себестоимости промышленных изделий на 6,3%. Динамика себестоимости продукции является существенным показателем эффективности капитальных вложений в промышленность, успешности развертывания рационализаторских работ и общего качественного улучшения всей работы промышленности.

С этой точки зрения интересно проследить динамику себестоимости промизделий за последние годы. Еще 1925—26 год дал некоторое повышение себестоимости, выразившееся в 1,7%, 1926—27 год показал некоторый перелом в динамике себестоимости в сторону снижения, определившегося для союзной промышленности в 2,4%, а для всей промышленности—в 1,27%. Однако, указанного в директиве правительства снижения себестоимости на 5% достигнуто не было. Надо при этом заметить, что и сама директива не носила обязательного характера в том смысле, что не была органически увязана с размерами внутрипромышленного накопления, а следовательно, и выполнением принятого и утвержденного промфинплана. Невыполнение директивы по снижению себестоимости не нарушало общего плана работ промышленности, и это, разумеется, не могло не оказать своего отрицательного влияния на выполнение самой директивы.

Существенно отлично в этом отношении построение плана на 1927—28 год. Выявившиеся возможности в деле снижения себестоимости позволили промышленности намеченное снижение себестоимости для 1927—28 г. увязать как реальный фактор с основными элементами промфинплана и, в частности, с об'емом капитальных работ. Снижение себестоимости на 6,3% при общей массе продукции в 10 миллиардов руб. (кругло) означает увеличение внутрипромышленного накопления на 600 млн. рублей. И вот эта-то сумма увеличения внутрипромышленного накопления учтена в построении финансового плана промышленности. Недовыполнение каждого процента из намеченного снижения себестоимости означало бы сокращение финансовых ресурсов на 100 млн. рублей со всеми вытекающими отсюда последствиями как в отношении размеров и об'ема капитальных работ, так и в отношении состояния оборотных средств промышленности.

Надо при этом заметить, что контрольными цифрами на 1927—28 г. ВСНХ предусматривалось снижение себестоимости в среднем на 5%, и, таким образом, директива о большем проценте снижения себестоимости явилась дополнением к первоначальным предположениям промышленности. В то же время совокупность факторов, влияющих на себестоимость, расценивалась более благоприятно, чем это сложилось в действительности, в момент составления промфинплана. В частности, выявились затруднения в заготовке и росте цен по некоторым видам сел.-хоз. сырья (лен, масла, семена, шерсть, картофель); возложены некоторые дополнительные обязательства перед бюджетом, непредусмотренные контрольными цифрами (напр., налог на обращение ценностей—33 млн. руб., дополнительная оплата недр нефти и местные налоги на нефть—8,5 млн. руб., военная и военизированная охрана—18 млн. рублей и проч.); проведено повышение заработной платы в больших размерах, чем было предусмотрено К. Ц. и т. д.

Однако, как ни значительны эти удорожающие факторы, данные о предполагающихся изменениях в себестоимости в 1927—28 году показывают, что в общем с этой задачей промышленность сумеет справиться.

При чем по отдельным отраслям промышленности это снижение себестоимости представляется в таком виде (в процентах к 1926—27 г., принятому за 100):

1. Каменноугольная	96,5
2. Нефтяная	97,9
3. Рудная	96,6
4. Черная металлургия	94,2
5. Цветная	94,2
6. Общее машиностроение	92,5
7. Судостроение	94,0
8. Итого по металлоиндустрии	93,8
9. Электропромышленность	90,5
10. Хлопчатобумажная	95,1
11. Льняная	97,9
12. Грубошерстная	100,0
13. Камвольная	98,5
14. Тонкосуконная	100,0
15. Основ. химическая	92,5
16. Резиновая	90,0
17. Анило-красочная	93,0
18. Коксобензольн.	84,0
19. Химико-фармацевтич.	94,0
20. Бумажная	94,5
21. Лесная	99,1
22. Сахарная	82,6

В целом по всей промышленности снижение себестоимости намечено в 93,84% по сравнению с 1926—27 г.

Наиболее существенное значение для снижения себестоимости будут иметь мероприятия по рационализации и механизации производства и некоторому обновлению основного капитала. Например, в нефтяной промышленности удешевление себестоимости в основном достигается продолжающимся процессом вытеснения тартальной добычи добычей глубокими насосами: по Азнефти удельный вес насосной добычи повышается с 35,9% до 45,8%, по Грознефти—с 70,9% до 84,0%. В этом же направлении действует и усиление электрификации промыслов. Сокращению эксплоатационной себестоимости (по Азнефти—на 16,4% и Грознефти—на 14,6%), однако, противостояло повышение долевых отчислений, в значительной мере поглотивших достигнутые результаты.

В каменноугольной промышленности существенную роль в снижении себестоимости играет рост механизации добычи. По Донуглю средний процент механизированной добычи поднимается с 15,7% в 1926—27 г. до 24,5% в 1927—28 г.

В электропромышленности ведутся большие работы в области рационализации производства (перепланировка производств, контроль и т. д.), стандартизация, специализация и механизация; проводятся новые методы работы (поточное производство нормальных машин, конвейерная сборка мелких моторов, изделий слабого тока, установочного материала и т. д.). Предполагающееся снижение себестоимости в размере 9,5% и является, в основном и решающем, результатом этой рационализации.

Значительный производственный эффект ожидается от рационализаторской работы и в других отраслях промышленности, в частности, от рационализации текстильной промышленности.

На ряду с общими директивными указаниями о рационализации и снижении себестоимости промфинплан дает прямые указания на улучшение качественных показателей работы промышленности. Коэффициент использования топлива и энергии повышается, в результате чего уменьшаются нормы их расходования. По Донуглю расход топлива на собственные нужды понижается с 8,9% в 1926—27 г. до 7% в 1927—28 г. В результате рационализации топливосжигания значительно увеличивается использование низкосортного топлива. Расход Донугля на топливо снижается на 18,7%. По Азнефти расход топлива в процентах к добыче уменьшается с 4,9% до 3,9%, по Грознефти—с 8,6% до 6,2%. Понижается расход топлива и по металлургии, и по машиностроению, и по хлопчатобумажной промышленности и другим отраслям промышленности.

Улучшаются и показатели использования сырья. Особенно значительные улучшения норм предполагаются в использовании сырья и материалов в химической промышленности.

Довольно большое значение в снижении себестоимости играет уменьшение общезаводских, правленческих и торговых расходов.

Предварительные данные по союзной промышленности показывают, что снижение этой группы расходов происходит в таких размерах (с учетом происходящего роста продукции) в процентах от предыдущего года.

	1926—27 г. к 25—26 г.	1927—28 г. к 26—27 г.
Расходы, зависящие от пр—сти	— 24,6	— 27,5
Расходы, независящие от пр—сти	— 4,2	+ 4,9
Всего	— 19,5	— 18,4

Таким образом, требование снижения накладных и административных расходов на 15% выполняется даже с некоторым превышением.

Особый интерес представляет анализ динамики себестоимости промизделий по отдельным его элементам.

Процент изменений 1927/28 г. к 26/27 г. (1926/27=100).

Промышл. продукты.	Сырье	Материал	Зарплата	Начислен. на зарплату	Топливо и энергия	Амортизация	Проч. расх.	Заводская себестоим.	Прав. расх.	Полная себестоим.
Кам. уголь (Донуголь)	—	94,9	97,5	103,9	86,9	96,0	97,3	96,4	63,5	95,9
Азнефть	—	80,0	90,0	79,7	91,0	96,5	87,8	96,6	—	—
Юрт. жел. р.	—	92,5	100,0	101,5	76,3	87,0	98,8	95,6	87,5	95,5
Юрт. марг.	—	89,4	93,0	86,0	115,1	122,9	66,7	91,6	88,6	91,3
Хл.-бумаж. ткань	99,3	91,5	95,[illegible]	90,5	—	—	89,3	95,0	99,1	95,1
Льняная ткань	98,8	96,3	97,4	95,4	—	—	87,4	98,1	95,3	97,9
Кам. тк. арт. № 224	112,0	100,7	97,0	95,1	—	—	86,0	98,7	—	96,5
Сах. пр. на 1 б. свек.	86,6	96,0	103,2	56,0	100,0	58,1	78,3	82,6	63,8	80,5
Стекло полуб.	98,2	94,5	89,9	—	99,5	—	92,8	93,4	79,5	92,8

Снижение происходит, таким образом, почти по всем без исключения элементам себестоимости, особенно по материалам, давая некоторое повышение, в отдельных, правда, случаях, по топливу, зарплате и начислениям по зарплате и по амортизации.

Достижения промышленности в деле снижения себестоимости надо признать бесспорными и свидетельствующими о значительных результатах в деле качественного улучшения ее работы. Темп нашего дальнейшго хозяйственного развития на достигнутой нами ступени в значительной степени зависит от качественных улучшений нашей работы. Производственно-финансовый план промышленности на 1927—28 г. свидетельствует, что с этими новыми требованиями нашего хозяйственного развития мы можем и сумеем справиться.

Труд.

В тесной связи с вопросами себестоимости стоят вопросы труда. Благоприятное соотношение между ростом заработной платы и производительностью труда является одним из существеннейших и важнейших факторов удешевления себестоимости. В то же время самое это соотношение заработной платы и производительности труда в значительной степени является результатом ряда мероприятий по рационализации производства и использования рабочей силы, ликвидации ее излишков, уплотнению работы, пересмотру норм выработки, более целесообразному использованию существующего оборудования, по введению новых или капитальных отремонтированных агрегатов и т. д.

В среднем по Союзу и по отдельным отраслям промышленности динамика зарплаты и производительности труда на одного рабочего представляется в таком виде (в черв. руб.):

Отрасли промышленности.	Средняя месячная выработка			Средняя месячная зарплата		
	1926—27 г.	1927—28 г.	1927—28 г. в %% к 1926—27 г.	1926—27 г.	1927—28 г.	1927—28 г. в %% к 1926—27 г.
Каменноугольная	132	150	114,0	53,33	56,17	105,3
Нефтяная	788	901	114,3	68,94	73,64	105,8
Горнодобывающая	140	165	117,9	48,60	53,56	109,2
Металлическая	278	328	118,0	64,49	69,64	108,0
Электротехническая	516	640	124,0	85,96	92,48	107,0
Строит. материал.	298	337	113,1	51,88	54,47	105,0
Химическая	564	713	126,0	68,53	71,77	104,7
Итого по группе „А“	297	348	117,2	60,09	64,36	107,1
Текстильная	363	417	114,9	48,76	52,46	107,6
Кожевенная	737	828	112,3	76,58	79,35	103,6
Швейно-трикотажная	—	—	—	61,94	68,28	110,2
Бумажная	373	459	123,1	52,05	55,18	105,0
Полиграфическая	233	282	121,0	72,12	76,99	106,8
Фарфоро-фаянсовая	152	173	113,8	53,33	54,11	101,5
Химическая	595	733	123,2	69,36	72,85	105,0
Пищевкусовая	560	663	918,4	55,63	57,89	104,1
Соляная	226	264	116,8	47,52	48,84	102,8
Прочая	—	—	—	39,35	42,35	107,6
Итого по группе „Б“	430	508	118,1	52,91	56,85	107,4
По всей промышленности	363	427	117,6	56,48	60,57	107,2

По всем без исключения отраслям промышленности рост выработки значительно обгоняет рост заработной платы. И общему по всей промышленности росту выработки одного рабочего на 17,6% соответствует рост заработной платы на 7,2%. Улучшения в деле использования рабочей силы несомненны. Доля заработной платы в единице продукции понижается.

Этот рост производительности труда нашел свое выражение и в изменении соотношения между ростом рабочих, вовлекаемых в производство, и ростом промышленного производства. В среднем по всей промышленности СССР количество постоянных промышленных рабочих увеличивается с 2.039 тыс. человек в 1926—27 году до 2.136,9 тыс. человек, что составляет прирост в 4,7%. В то же время валовая продукция промышленности по сравнимому кругу отраслей промышленности растет на 23%. По отдельным отраслям промышленности, как например, нефтяная, при общем росте продукции (нефть сырая) на 14,8%, количество рабочих уменьшается на 1,6%.

	Прирост в %% к 1926—27 году	
	Валовой продукции	Количества рабочих
Каменноугольная	18,5	+2,3
Металлопромышленность	23,8	+4,4
Химическая гр. „А“	39,5	+5,4
„ гр. „Б“	27,3	
Текстильная	18,7	+3,4
Бумажная	23,3	—0,4
Фарфоро-фаянсовая	8	—5
Пищевкусовая	33,6	+1,3

Надо, однако, заметить, что указанный выше рост номинальной заработной платы не отражает тех изменений, которые произойдут в положении рабочего. Рост реальной зарплаты в 1927—28 г. должен быть выше увеличения номинальной оплаты его труда. По ориентировочным данным, динамика стоимости бюджетного набора в 1927—28 г. по сравнению с пред'идущим годом выразится в следующих цифрах:

	1926—27 г.	1927—28 г.	% снижен.
Промышленные товары	7,19	6,77	—5,8
Сел.-хоз. товары	10,51	10,19	—3
Коммунальные услуги	2,05	2,19	+7
Культурные расходы	0,57	0,55	—3,5
Весь набор	20,32	19,70	—3

Таким образом, с учетом снижения бюджетного индекса (3—4%) рост реальной заработной платы будет существенно выше номинальной.

В условиях форсированного использования старого, изношенного основного капитала промышленности, постепенного частичного переоборудования промышленных предприятий и строительства новых фабрик и заводов вопросы охраны труда, техники безопасности и санитарно-гигиенического состояния условий труда на предприятиях приобретают особо важное значение. Промфинплан предусматривает значительное ассигнование на охрану труда, как по действующим и переоборудованным предприятиям, так и по новым строительствам. Затраты промышленности на мероприятия по охране труда только по действующим предприятиям определяются в 43,1 млн. рублей, и на одного рабочего составляют 21,4 р. против 15,5 г. в 1926—27 г.

Затраты промышленности на жилстроительство по СССР выражаются в сумме 103 млн. рублей, составляющейся из кредитов ЦК банка—63,8 млн. рублей и 39,2 мил. р. из фондов улучшения быта рабочих и служащих и других собственных средств промышленности. Кроме того, к этой сумме добавлены дополнительные ассигнования на жилстроительство, предусмотренные постановлением ЦИК в размере 9½ млн. рублей.

В результате вложения ассигнованной суммы на промышленное жилищное строительство общая жилая площадь в 1927—28 году возрастет против 1926—27 года на 9,19% в среднем по промышленности союзного значения (без сахарной промышленности) и достигнет 7.233,4 тыс. кв. метров против 6.629,6 тыс. в 1926—27 г. В то же время общее число лиц, живущих в домах предприятий союзной промышленности, возрастет в 1927—28 году на 88,7 тыс. человек против предыдущего года, составив в общей сложности по ориентировочным данным 1.365,3 тыс. человек. Таким образом, если принять среднюю семейность рабочего в 2,2 чел., то общее число рабочих, получающих квартиры во вновь возведенных в 1927—28 году зданиях, составит, примерно, около 40 тыс. человек.

При расширении общей жилой площади на 9,19 средняя жилая площадь на одного живущего возрастает на 3,5%, увеличиваясь с 5,19 кв. метров в 1926—27 до 5,37 кв. метров в 1927—28 г. Таким образом, тенденция к сокращению жилой площади на одного человека, продолжавшаяся вплоть до 1926—27 года, и стабильность в 1926—27 году сменяется в этом году некоторым, хотя и минимальным, повышением обеспеченности рабочих жилплощадью.

* *

Таковы, в основном, черты и особенности производственно-финансового плана промышленности на 1927—28 год. Реконструктивный период со всей резкостью выявил здесь все характерные свои признаки и особенности. Задачи «качественного» порядка, *качественного* улучшения работы промышленности нашли свое выражение во всем построении промфинплана. И его выполнение связано и обусловлено этими качественными достижениями и качественными улучшениями работы промышленности.

Голый когда-то лозунг упорядочения промышленного хозяйства в промфинплане на 1927—28 год нашел свое конкретное оформление. Всемерная рационализация производства и снижение себестоимости, упорядочение дела капитального строительства и сокращение фронта капитальных работ, снижение строительного индекса, достижение благоприятного соотношения между заработной платой и производительностью труда,—все это—неопровержимые свидетельства *качественного* улучшения работы промышленности и *общего упорядочения* ее работы.

Без разрешения этих задач не могли быть достигнуты и те исключительно высокие *количественные* показатели, которые дает промышленность в 1927—28 году. И возможность и реальность этих качественных улучшений работы промышленности ставили и ставят наших скептиков и пессимистов в положение «недоумевающих» и «сомневающихся» по отношению к намеченному в промфинплане темпу разворачивания промышленного производства.

Именно на основе этого качественного улучшения работы промышленности могло быть рассеяно то «общепринятое» мнение, что реконструктивный период неизбежно несет с собой *резкое* замедление нашего хозяйственного развития.

Как мы могли убедиться на промфинплане промышленности настоящего года, это «общепринятое» мнение не соответствует фактам, реальному положению вещей.

Жизнь нас учит другому.

Б. Маркус.

К вопросу о новых коллективных договорах.

Перезаключение коллективных договоров имеет исключительно важное политическое и экономическое значение. 1) Коллективный договор, прежде всего, предопределяет уровень материального благополучия пролетариата на ближайший период (высоту заработной платы, все прочие вопросы труда и быта и т. д.). 2) На ряду с этим от условий колдоговора зависит в значительной мере успешность всего нашего хозяйственного строительства, ибо им определяется производительность труда, а в связи с этим стоят и вопросы снижения себестоимости. 3) Заключение и осуществление коллективных договоров является экзаменом для оценки массовой работы партии и профсоюзов: подвергая общественной проверке исполнение прежних договоров, мобилизуя внимание масс вокруг всей хозяйственной и профсоюзной работы, заостряя проблемы рационализации производства, повышения производительности труда и ставя на обсуждение дальнейшие возможности улучшения материального положения рабочих—мы тем самым превращаем кампанию по перезаключению колдоговоров в большую работу по политическому и профессиональному воспитанию пролетарских масс. В настоящей статье мы и предполагаем осветить некоторые итоги прошедшей сейчас кампании по перезаключению колдоговоров под этим углом зрения.

Трудная и напряженная хозяйственная обстановка, в условиях которой происходило перезаключение договоров в нынешнем году, придавала этой работе исключительно ответственное значение и может поэтому обогатить наш опыт.

Не располагая еще итоговыми цифровыми материалами о результатах прошедшей кампании, мы делаем попытку в настоящей статье на основе имеющихся предварительных и неполных данных проанализировать не только наши достижения, но и те упущения, которые требуют исправления.

Своеобразие экономической кон'юнктуры и положения рабочего класса в то время, когда происходило перезаключение колдоговоров, может быть вкратце сведено к следующему: 1) Примерно с середины 1-го квартала 1927/28 года затруднения в области хлебозаготовок заставили усилить завоз товаров в деревню, отсюда появилась некоторая задержка в удовлетворении городского спроса и, в частности, потребности рабочих в товарах. В городах периодически нехватало то одного, то другого предмета потребления. Недоставало в частности и продуктов сельскохозяйственного производства, образовывались в связи с этим и «хвосты». 2) В связи с этим обстоятельством за счет роста цен на сельскохозяйственные товары поднялась несколько (примерно, на 2%) стоимость бюджетного набора.

Номинальная заработная плата в червонном выражении держалась, в общем, на высоком уровне, достигнутом в IV квартале 1926/27 года; в связи с некоторым повышением стоимости бюджетного набора реальная зарплата дала незначительное временное колебание в сторону понижения. 3) При общем дальнейшем возрастании числа занятых рабочих (по предварительным данным ЦОС ВСНХ за 1-й квартал число рабочих увеличилось на 2%— эта цифра нуждается в проверке и возможно преувеличена) наблюдалось заметное сезонное возрастание безработицы, связанное главным образом с окончанием строительных работ и других летних заработков, с сокращением штата в учреждениях (общий рост безработицы за 1-й квартал составляет, примерно, 20—22%, и абсолютное число безработных достигало на 1/I, примерно, миллиона человек, не считая ищущих труда) [1]. 4) В некоторых текстильных предприятиях перезаключение коллективных договоров сопровождалось переходом на 7-часовой рабочий день с одновременным введением третьей смены и применением уплотненных работ. Переход этот вызвал, конечно, ломку привычных условий труда и быта. 5) Из моментов «психологического» порядка следует отметить, что некоторый отпечаток на первый период перезаключения колдоговоров наложило то обстоятельство, что основное внимание партии в ноябре и декабре было направлено на вопросы партийной дискуссии и на работу XV парт. с'езда. Работники профдвижения и хозяйственники тоже были отвлечены этим. Это отразилось на темпе развертывания кампании. Были кое-где и после окончания дискуссии, по выражению тов. Сталина, «праздничные настроения», которым во-время не было положено предела и которые, в свою очередь, имели отрицательное значение для прошедшей кампании.

Происходившие хозяйственные затруднения, как известно, благодаря принятым партией мерам не перешли в кризис; они не сорвали достигнутых нами основных хозяйственных успехов; они не ухудшили в целом положение рабочего класса. Однако, временные заминки были налицо. При общем вполне благоприятном и сознательном отношении рабочих к проводимой партией политике в отношении перезаключения колдоговоров, мы сталкивались в эту кампанию с отдельными, вернее даже с единичными встревоженными настроениями и «нервными» голосами.

Серьезность задач, связанных с перезаключением колдоговоров обязывала наши партийные, хозяйственные и профессиональные организации особо тщательно подготовляться к кампании, необходимо было подытожить успехи и недочеты прежнего периода, заранее наметить вполне ясные, четкие и обоснованные изменения, которые должны быть внесены в новые договоры. Само собой разумеется, что изменения эти должны были исходить из общей установки партии на непрерывное дальнейшее улучшение благосостояние рабочих масс на основе дальнейшего повышения производительности труда.

Прошлогодняя кампания по перезаключению колдоговоров, происходившая в начале 1927 года, выявила ряд недостатков, вызвавших непомерную длительность переговоров и затяжную волокиту из-за разногласий, которые легко могли быть избегнуты. Эта затяжка создавала неопределенность в условиях труда и зарплаты и тем отрицательно влияла на производительность труда и настроение рабочих.

Поэтому, еще 30 октября ВЦСПС и ВСНХ дали основные директивы о перезаключении колдоговоров в этом году [2].

---

[1]) Исчисления мои: в НКТ СССР нет еще данных на 1/I. *Б. М.*

[2]) См. «Труд» или «Торг.-Пром. Газ.» от 30/X—27 г., «Изв. ЦИК СССР» от 1/XI—27 г.

Вкратце они сводились к следующему:

1) В связи с результатами капитальных вложений и проводимой рационализацией производства необходимо было создать более решительный перелом в сторону превышения темпа роста производительности труда над ростом зарплаты, обеспечив таким путем предусмотренный контрольными цифрами на 1927/28 г. рост номинальной зарплаты на 6,5% [1]) при росте производительности труда на 13,8%. Это соотношение вполне осуществимо в связи с проведенными и проводимыми мерами по рационализации производства.

2) Намечалось подтягивание зарплаты низко оплачиваемых групп рабочих (в том числе и учеников). Для осуществления этой задачи выделялся 30-миллионный фонд.

3) В области системы построения заработной платы намечалось проведение большой тарифной реформы. Сущность ее сводилась к тому, чтобы в пределах прежних фондов заработной платы провести новые тарифные сетки для рабочих, служащих, инженерно-технического персонала и учеников. При проведении новых сеток должен был быть внесен больший порядок во всю систему зарплаты; в частности, тарифная ставка должна была получить больший удельный вес в общем заработке рабочего, путем включения в нее различных наслоений (гарантированные приработки, различные виды премирования, порой независимые от выработки и т. д.). Вместе с тем должна была быть пересмотрена квалификационная разбивка рабочих по разрядам. Этим путем мыслилось обеспечить правильное и равномерное распределение зарплаты между разными группами и категориями рабочих.

4) В целях обеспечения роста производительности труда и зарплаты нормы выработки новых договоров должны были быть также пересмотрены в тех предприятиях, где они были ошибочными и устаревшими, и в тех, где проводились рационализаторские мероприятия. Экономия, полученная от пересмотра норм, должна была пойти как на повышение зарплаты отставших групп, так и на снижение себестоимости.

5) В отношении правовых норм, бытовых условий и начислений намечалось в основном закрепление прежде достигнутого уровня на основе директив ВСНХ, данных еще в июле 1926 года.

6) Особое внимание уделялось в директивах необходимости устранения волокиты при перезаключении договоров, устранения споров и конфликтов. Это должно было быть достигнуто участием в переговорах вполне ответственных представителей сторон.

7) Исключительно важным было обеспечить участие широких беспартийных рабочих масс в перезаключении договоров и серьезную проработку договора в партийных органах и в ячейках.

На основе этих директив места развернули работу. Теперь ее можно вкратце подытожить и ответить на вопрос: каково содержание новых колдоговоров и что они дадут рабочему?

1. В части заработной платы необходимо прежде всего отметить п р о в е д е н н о е   п о в ы ш е н и е   з а р а б о т к а   н и з к о   о п л а ч и в а е м о й   ч а с т и   р а б о ч и х. Общий фонд повышения зарплаты установлен был, как известно, в 30 миллионов руб. В отдельных отраслях промышленности констатируется превышение первоначально намеченного фонда: так, например, ЦК текстильщиков подсчитал, что по 11 текстильным трестам в колдоговорах закреплено увеличение фонда повышения зарплаты на 3,3%. В некоторых случаях подтягивание зарплаты коснется до-

---

[1]) **Реальная зарплата, учитывая предположение о снижении цен, должна вырасти на 11—12%.**

вольно большой массы рабочих: по материалам ЦК горняков повышение зарплаты коснется по Донуглю, Югостали, Химуглю 40,1—40,3% рабочих (по этим трем трестам повышение коснется 64 тысяч человек); по ЮРТ'у повышение коснется даже 74% (2,5 тысячи челов.); для этих групп рабочих по перечисленным трестам повышение составит от 8,5% до 9,5% их заработка.

2. Второе обстоятельство, которое можно отметить по новым договорам—это значительное повышение тарифной ставки. Поденная тарифная ставка первого разряда у горняков Донугля возросла на 26,7% (с 75 до 95 коп.), в Химугле и Югостали—на 33,3% (с 75 коп. до 1 руб.), по Гос. Электротехн. тресту—на 58,1% (с 108 коп. до 170 коп.), по Северохиму—на 27% (с 115 коп. до 147 коп.), по Резинотресту—на 30% (с 147 до 200 коп.), по Лакокраске—на 18,9% (с 180 до 214 коп.). Тем самым тарифная ставка становится основной частью заработной платы, тогда как в последнее время основную роль играл приработок. Этим оздоровляется система зарплаты.

3. Пересмотр расценков в связи с повышением норм выработки коснется большой массы рабочих, и по этому одному уже имеет большое значение. По данным ЦК металлистов снижение расценок коснется на основных заводах Югостали почти половины всех рабочих, и средний % снижения составит 9,6—12,5%, в Судотресте снижение расценок составит для всех сдельщиков на круг 5%.

Часть сумм, освободившихся при пересмотре расценок, перебрасывается на выравнивание зарплаты, другая часть на снижение себестоимости. Так, по Резинотресту из 24.000 р. полученной экономии в месяц 7.000 р. идет на выравнивание зарплаты; Центрофарфортрест из 12.000 экономии передает на подтягивание зарплаты 3.600 р. ГЭТ из 2.000 р. выделяет на эту цель 1.500 р. Анилтрест—из 1.500 руб.—1.400 руб., Укр. Трест Сел.-Хоз. Машиностр.—80% средств, оставшихся от снижения расценок, передает на подтягивание зарплаты. Остальная часть сумм идет на снижение себестоимости. Тем самым обеспечивается проведение в жизнь решения XV с'езда, в котором говорится: «снижение себестоимости является центральной проблемой промышленности, и решению этой проблемы должны быть подчинены все остальные задачи». Снижение себестоимости, обеспечивая снижение цен, тем самым содействует повышению реальной заработной платы.

4. В части правовых условий труда новые колдоговоры в целом сохраняют прежде достигнутый уровень.

Можно отметить лишь целый ряд уточнений, так, например, в ряде договоров оговариваются условия применения труда временных рабочих, уточняются права инженерно-технических работников, обеспечивается перевод в производство и неувольнение лиц, окончивших ученичество и выключаемых из «брони», оговариваются точно мероприятия по охране труда, уточняются нормы спецодежды и т. п.

Самое перезаключение колдоговоров в нынешнем году прошло сравнительно быстрее, чем в прошлом году. Но нужно все же отметить, что в связи с несвоевременным получением на местах новых тарифных справочников от ЦК союзов в самом начале кампании создалась оттяжка, и к первоначально намеченному сроку (15 декабря) договоры почти нигде не были заключены; задержка заключения колдоговоров происходила и по вине хозорганов, которые далеко не всегда были подготовлены к обоснованию норм выработки и тарифной реформы. Были и просто нечвки хозяйственников на собрания, и рабочие призывали их к порядку через газету (Волго-Каспий-Лес в Самаре и т. д.). Некоторая задержка происходила еще в связи с тем, что кое-где местные парторганизации не придавали должного значения перезаключению договоров и одновременно проводили целый ряд параллельных кампаний (отчеты и выборы кооперативных органов, перевыборы нарзаседателей и т. п.). Наблюдалось в отдельных предприятиях и со стороны завкомов непродуманное отношение к перезаключению колдоговоров, что привело в единичных случаях к «смазыванию» и затушевыванию договора. Так, во владикавказской газете «Власть Труда» сообщалось, что 2.000 рабочих Гизельстроя, не знают нового договора; на одном руднике в Лисичанске вопрос о договоре поставили на обсуждение уставшего собрания после длительного доклада о займе индустриализации, кое-где на текстильных фабриках пришлось дважды собирать собрания из-за того, что в первый раз они назначались в день выплаты зарплаты (Родники), в базарный день (Рогачевская ф-ка), мешали в отдельных случаях такие безусловно устранимые «мелочи», как созыв собраний в малых помещениях, плохое оповещение и т. п.

Оценивая ход кампании по перезаключению договоров, следует отметить, что, хотя в нынешнем году сильно уменьшилось число конфликтов, но все же они не вполне изжиты.

В то время, как в прежние годы значительные задержки при перезаключении колдоговоров происходили в связи с длительным и необоснованным конфликтованием, вызывавшимся нежеланием сторон принять на себя ответственность за содержание договора, теперь этот недочет был в известной степени устранен. Оценку этого факта подтверждают материалы, имеющиеся и по линии хозорганов, и по линии профсоюзов, и органов Наркомтруда.

Конфликты, передаваемые в примирительные камеры и в арбитражно-третейские суды, касались главным образом зарплаты (расценки и нормы выработки), меньше было конфликтов по правовым и бытовым вопросам. При общем оздоровлении конфликтной практики не обошлось все же и в нынешнем году без уродства: были отдельные конфликты даже в Московской губернии из-за длины полотенца, из-за вопроса о том, давать ли служащим чай или кипяток, в Самаре Волго-Каспий-Лес спорил—платить ли за простой, происходящий не по вине рабочих.

Безусловный плюс достигнут в этом году в отношении массовой проработки договоров: значительно выросла по сравнению с прошлым годом посещаемость собраний, повысилась активность и инициатива рабочей массы. Мне пришлось просмотреть около 400 газетных статей и заметок, подытоживающих ход перезаключения колдоговоров, и весь этот материал в один голос подтверждает данные ЦК союзов и совпрофов: так, напр., в Москве в среднем на общих собраниях участвовало 60—65% рабочих (в прошлом году—48%), а на делегатских собраниях—от 80 до 100%. В Баку применяли рассылку индивидуальных повесток-приглашений и достигли посещаемости от 65 до 81% (в прошлом году—42—67%), по заводам Югостали посещаемость была от 40 до 66%. По Донуглю на собраниях присутствовало 57% (в прошлом году—36%) и т. д., в Нижнем-Новгороде—от 44 до 90%. Совершенно единичны такие случаи, как сообщение егорьевской газеты о том, что на текстильных фабриках этого уезда присутствовало 28%, на 1% больше прошлогоднего.

На собраниях высказывалось большее число рабочих: так, на текстильных фабриках на общих собраниях выступали (по данным ЦК союза) 6—7% присутствующих, на пленумах завкомов высказывались 23% присутствующих. По материалам МГСПС и МК ВКП(б) насчитываются по каждому союзу буквально сотни дополнений, изменений и поправок, вносившихся рабочими. Общая линия партии на подтягивание низкооплачиваемых групп, на пересмотр расценок находила безусловную поддержку в массах. Из огромного большинства предложений выпирает исключительно деловой подход. Вывод о непрерывном росте классовой сознательности сам собой напрашивается из этих предложений.

На ряду с этим имели место, конечно, и «потребительские» настроения, раздавались и отдельные голоса, окрашенные в совершенно чуждый нам политический цвет. Из потребительских настроений можно считать характерными выступления отдельных высоко оплачиваемых рабочих, против тарифной реформы, пожелания низко оплачиваемых рабочих о большем уравнении заработков, об использовании всей экономии от пересмотра норм на повышение зарплаты и против направления части этой экономии на снижение себестоимости, были хвостистские выступления против трудовой дисциплины, против мер, направленных к снижению брака, в единичных голосах сквозило спецеедство. Из совершенно демагогических антипартийных выступлений приходится указать на речи и требования исключенных из партии троцкистов и сапроновцев. Их «блестящий» провал был заранее предопределен уже самым характером выступлений и «практических» предложений этих потерянных людей. Само собой понятно, что им не только не удалось ни на одном собрании провести свои резолюции, они не смогли нигде собрать хоть горсточку голосов, поддерживающих их. Большею частью собрание требовало, чтобы эти предложения даже не голосовались, а снимались с обсуждения. Это станет особенно понятным, если просто, даже без пояснений, перечислить то, о чем говорили эти демагоги. Они требовали, например, огульно всем «поднять заработную плату на 25%», они добивались того, чтобы не допускать никаких увольнений на весь период колдоговора, независимо от рационализации производства, чтобы увлечь за собой хоть бессознательных, они требовали не допускать никакого изменения норм выработки, они выставляли лозунг немедленного осуществления 7-часового рабочего дня без всякой подготовки, удешевить квартплату, дать всем 3 недели отпуска и т. д.

Все это густо приправлялось чисто-меньшевистскими утверждениями о том, что на 11 году революции советская власть враждебна рабочим, что она «прижимает» и даже «душит» рабочий класс, отсюда и «воодушевленные» призывы явно противосоветского пошиба, призывы «дать отпор тем, кто подавляет нас и отнимает завоевания революции». Немудрено, конечно, что заодно они высказывали предложения о выражении недоверия союзу. Видя, что за ними никто не идет, отчаявшиеся исключенные оппозиционеры пытались отделаться хотя бы такими предложениями, чтобы на время проведения колдоговоров выбирать в «помощь» завкому и союзу особые комиссии от рабочих. Однако, и этот маневр терпел тот же абсолютный провал.

Надо заметить, что бывшие оппозиционеры выступали лишь в наиболее промышленных центрах, да и здесь их имели счастье послушать, примерно, лишь в единичных случаях на сотни собраний.

Все это—лишнее доказательство той абсолютной оторванности бывшей оппозици от масс, оторванности, которую невозможно преодолеть даже исключительно «заманчивыми» посулами. Рабочие прекрасно раскусили троцкизм, и именно поэтому он так бесславно погиб.

В деловых выступлениях рабочие прежде всего критиковали невыполнение некоторых пунктов старых колдоговоров: справедливые нарекания вызывались невыдачей в срок и низким качеством спецодежды, отсутствием умывальников, недостаточным снабжением полотенцами, невыполнением со стороны хозорганов принятых на себя обязательств в области вентиляции и других мер санитарного оздоровления условий труда и техники безопасности. Прием на работу на отдельных фабриках нечленов союза, недостаточное заполнение брони подростков, злоупотребление наймом временных рабочих и текучесть рабсилы—были тоже весьма волнующими вопросами. Немало справедливых упреков было направлено на критику работы ТНБ (технико-нормировочных бюро) и РКК, которые далеко не всегда стояли на должной высоте. Некоторые рабочие так прямо и называют ТНБ: «тяни нашего брата». Между тем, при правильной постановке работы, при умелой раз'яснительной кампании этих нареканий можно бы вполне избегнуть.

Весьма характерен для прошедшей кампании деловой подход рабочих на огромном большинстве предприятий к вопросу о необходимости обеспечения такого роста производительности труда, который бы опережал несколько рост заработной платы. На опыте своего предприятия приводили весьма удачные примеры того, как большие капитальные вложения (приобретение нового оборудования и т. п.) давали большой эффект в смысле общего повышения производительности труда—на некоторых работах в два—три раза. Ясно было, что из этого отнюдь не могло вытекать одновременное повышение зарплаты на этих фабриках в 2—3 раза.

Критику работы предприятия в области охраны труда мы считаем также безусловно деловой и справедливой. Сейчас уже выясняется по материалам Наркомтруда, что некоторые тресты не только не выполнили полностью принятых на себя обязательств, но даже не использовали тех сумм, которые были предусмотрены на эту цель в промфинпланах. Здесь не помогают никакие ссылки на тяжелые условия труда, оставшиеся «в наследие от капитализма», нельзя кивать и на скудость средств. Тут налицо просто «прохладное» отношение, бюрократическое равнодушие к этим вопросам. Оно особенно ярко иллюстрируется на так называемых «мелочах», которые раздражают рабочих. Партия должна и может требовать более ответственного отношения к этим вопросам, тем более, что на многих предприятиях в ряде цехов именно состояние охраны труда становится тем узким местом, которое препятствует под'ему производительности труда.

Правильной была также критика, направленная против «суконного языка» некоторых колдоговоров. Чтобы судить об этом достаточно взглянуть хотя бы в рабочую газету, где в связи с жалобами рабочих был помещен ряд заметок и остроумных карикатур, увековечивших «творчество» некоторых крючкотворцев. Эти «специалисты» ухитрились отдельные пункты договора опутать колючей проволокой иностранных слов, ссылок на постановления НКТ и т. д., в результате чего любознательные рабочие просили достать им особые словари для уразумения договора.

Тарифная реформа в целом встречала безусловную поддержку рабочей массы. Все же надо отметить, что она далеко не полно проработана и уяснена. Ни в печати, ни в практической работе не была достаточно подчеркнута суть реформы, некоторым она по сей день кажется надуманным, ненужным переименованием разрядов. Основная сущность реформы: упрощение системы зарплаты, увеличение гарантированного заработка, подтягивание зарплаты отставших групп и выравнивание зарплаты—осталась как-то в тени.

Периодический пересмотр норм совершенно необходим, неизбежен и безболезненно возможен как в связи с проводимой рационализацией труда, так и в связи с тем, что с течением времени непрерывно растет приспособляемость к работе, станку, материалу, практика и опыт учат экономить лишние движения, и в итоге в одно и то же время без особого перенапряжения человек производит больше единиц продукции, чем раньше; по мере роста выработки растет и заработок, даже тогда, когда за отдельную единицу расценок снижен.

Если, например, рабочий, вырабатывал в день 20 штук изделий и получал за каждую штуку 15 копеек, то его заработок составлял 3 руб. в день; после увеличения норм и пересмотра расценок он будет вырабатывать 25 штук по 13 коп., а всего 3 руб. 25 коп. На практике бывает, конечно,

когда приспособление к новым нормам длится месяц, другой, и получается временная задержка роста, иной раз даже небольшое снижение заработной платы, но уже ближайшие месяцы дают опять дальнейший рост заработка. Все эти моменты недостаточно освещены, и поэтому проведение договоров в жизнь может встретить недоумения. Партийные и профессиональные организации должны эти обстоятельства тщательно раз'яснять массам.

Выше мы говорили о наличии отдельных выступлений, в которых сквозила неделовая критика. Выступления эти имели своим основным стержнем некоторые «потребительские» хвостистские настроения в отсталой части рабочих, настроения, всходившие и выраставшие на почве тех упущений, которые были в общей постановке массовой парт- и профработы, и которые усугубились, благодаря плохой подготовке тарифной реформы и местным ошибкам в подготовке к заключению и проведению колдоговоров.

Мы можем считать безусловно доказанным на опыте, что одновременное проведение да еще в таком спешном порядке двух таких важнейших работ, как очередное перезаключение колдоговоров с проведением тарифной реформы и пересмотр норм и расценок, к тому же еще мало подготовленных, недостаточно раз'ясненных и поэтому не вполне понятых массами—было неправильно допущено ВСНХ и ВЦСПС.

Впредь поэтому при заключении договора в нем следует оговаривать поденную или почасовую ставку, а нормирование труда должно происходить постепенно отнюдь не кампанейским порядком. Допущенная в этом году ошибка усугублялась плохой работой отдельных хозяйственников и профессионалистов и неправильной установкой отдельных парт'ячеек.

Бывали случаи, когда хозяйственники проявляли себя совершенно пассивно в защите своих позиций на общих собраниях, а кое-где директора сочли за благо вообще не явиться на собрания (текст. ф-ка «Пролетарская Победа», «Красн. Текстильщик»—Москва, Чертовищенская ф-ка—Ив.-Вознесенск), был случай и того хуже: директор за два месяца до кампании обещал рабочим не пересматривать норм («Кр. Октябрь»—Москва). Во многих местах, где предложения хозоргана о пересмотре норм не имели под собой никаких доказательств и расчетов, подход с их стороны был формальный, механический, бюрократический, и, конечно, когда на собрании рабочие в этом убеждались, то авторитет директора падал.

Неподготовленность и бюрократичность некоторых хозорганов особенно выпукло видна была там, где в связи с нормами и расценками назревали «волынки». Администрация терялась, внезапно находила дополнительные средства, которые до того «никак нельзя было найти». Это правильно вселяло в рабочих убеждение, что они имели дело с бюрократом, на которого надо «поднажать», чтобы добиться большего. Извращения линии со стороны хозяйственников союзы никак не должны были брать под защиту, наоборот, их следовало разоблачать. Бывали, однако, случаи, когда для «спасения» хозяйственника и в защиту его предложений выступали представители профсоюзов. Нетрудно догадаться, что они такой позицией лишь дискредитировали самих себя.

Бывали и ошибки противоположного характера, когда профсоюзы на рабочих собраниях не выступали с критическим обсуждением отдельных пожеланий рабочих с точки зрения их посильности для хозяйства и их выполнимости. Этим напрасно питались всяческие иллюзии, которые неизбежно разбивались от соприкосновения с действительностью.

Бюрократическая ржавчина в работе хозорганов, плохая массовая работа и союзов и некоторых звеньев партии создала в таких случаях в отдельных предприятиях питательную среду для прорастания болезненных явлений, когда в отдельных выступлениях звучали даже ноты озлобления и недоверия к союзу: «хозяйственники жмут, профсоюзы не защищают — требуйте всем прибавки», «перезаключение договоров нам ненужно—оно несет кабальные условия».

На одном заводе именно на этой почве бюрократических извращений настроением рабочих завладел даже на день какой-то проходимец, бывший офицер, воспользовавшийся растерянностью местных организаций.

Все эти явления, как они ни единичны, мы обязаны не замарывая вскрывать. Мы должны извлечь из них уроки для дальнейшей работы. Быстрый и резкий перелом к лучшему в затронутых таким настроением группах рабочих доказывает, что своевременным раз'яснением политики партии в этих вопросах безусловно можно было бы предотвратить нездоровые явления.

Но такая раз'яснительная работа велась не всюду. Более того, надо признать, что есть еще хвостистские настроения даже в партии и в комсомоле. Так, например, при проработке в некоторых парт'ячейках условий нового колдоговора имелись выступления против уплотнения работ («хоть я коммунист, но я защищаю интересы рабочих» — говорил один несознательный член партии в Орехово-Зуеве). Тут явный недочет нашей партийно-воспитательной работы. Ясно, что, где такие явления были, там затруднялось раз'яснение новых норм и расценок в беспартийной массе, там налицо прорехи в постановке массовой работы.

Все эти факты приводят нас к тому выводу, что некоторые парторганизации своевременно не оценили всей важности кампании по перезаключению колдоговоров, не подвергли критической проверке подготовительную работу союзов и хозорганов, не уделили должного внимания раз'яснительной внутрипартийной и массовой работе, не преодолели еще хвостистских настроений отдельных членов партии и комсомола.

Недостаточная подготовленность хозорганов и профорганизаций (слабость нормировочной работы, ненадлежащая информация рабочих, недостаточное приспособление производства к условиям уплотненной работы), имевшая место в ряде случаев, сказывается и сейчас в задержке пересмотра норм и расценок, тем самым задерживаются рост производительности труда и снижение себестоимости.

Местные организации должны иметь в виду, что хотя договора уже подписаны, но самая трудная и ответственная часть работы заключается в их осуществлении.

Каковы же те общие выводы, к которым приводят наши материалы?

Ответ на эти вопросы мы формулируем следующим образом:

1. Несмотря на ряд безусловных успехов и плюсов, которые дала нам прошедшая кампания перезаключения договоров (увеличившаяся активность рабочих, безусловная поддержка партийной политики в области зарплаты и производительности труда, наличие здоровой, деловой критики, уменьшение конфликтов и волокиты, выравнивание и подтягивание зарплаты отставших групп и т. д.), все же имелись единичные болезненные явления и настроения, которые вырастали на почве извращения партийной линии.

2. Учитывая, что в ближайший месяц—два может иметь место на отдельных предприятиях задержка роста и даже временное понижение заработка в связи с пересмотром расценок, надо сосредоточить особое внимание партийных организаций (особенно производственных ячеек) профсоюзов и хозорганов на организованном проведении договоров. При этом надо чутко, серьезно отнестись к устранению тех ошибок и недочетов, которые выявились во время кампании (усилить раз'яснительную работу, улучшить качество нормировочной работы, подняв квалификацию и усилив инструктирование работников ТНБ и РКК и добиваясь сознательной поддержки этой работы со стороны масс и т. д.).

П. Миф.

Китайская коммунистическая партия в критические дни [1]).

Вначале положение Ухана казалось значительно прочнее, чем нанкинского центра буржуазно-феодальной реакции. На самом же деле Уханский центр с момента своего возникновения вступил в полосу разраставшегося с ходом событий кризиса, разраставшегося чем дальше все в большей степени. Ухудшение обстановки в Ухане особенно заметно начало сказываться непосредственно вслед за V с'ездом компартии. И экономически и политически сгущалась атмосфера в Ухане.

Ухудшение экономической обстановки раньше всего проистекало в результате блокады Ухана, организованной и вдохновляемой иностранным капиталом. Уханская торговля не имела выхода. Этот торговый центр оказался изолированным от всех путей сообщения. Приводило это к тому, что лопались одна за другой различные торговые фирмы в Ханькоу, торговый аппарат катастрофически сокращался.

Торговый застой дополнялся и усиливался финансовым кризисом. Возрастающая дефицитность бюджета Уханского правительства в конец расстраивала финансы. Продолжение военных операций (северного похода) требовало все больших расходов на армию в то время, как доходы Уханского правительства резко сократились. Финансовое положение Нанкина было значительно лучшим. Львиная часть таможенных доходов, как и львиная часть доходов от соляной монополии, оставалась в руках Чан Кай-ши, поскольку он закрепился в Шанхае и Нанкине. Львиная часть провинциальных доходов перепадала опять-таки к Чан Кай-ши, поскольку его власть распространялась на наиболее богатые провинции, провинции с лучше налаженной работой финансовых органов. Особенную ценность в этом отношении представляла Гуандунская провинция, дававшая 7 миллионов китайских долларов ежемесячного дохода. Наконец, нанкинцы не лишены были возможности пользоваться (правда, в секретном порядке) займами иностранного капитала, в частности американского.

Совсем в другом положении находилось Уханское правительство. Оно вынуждено было прибегнуть к суррогатным мерам, вынуждено было стать на путь неограниченного выпуска бумажных денег, быстро обесценивавшихся. С другой стороны, Уханское правительство декретировало эмбарго на серебро. Дело в том, что из Ханькоу началось поголовное бегство китайской буржуазии, вместе с которой (даже перегоняя ее) уплывало из Ханькоу немалое количество серебра. Ухану угрожала опасность остаться без всяких резервов, без всяких обеспечений финансовой деятельности. Вот почему Уханское правительство вынуждено было во второй половине апреля опечатать запасы серебра, находившиеся в различных банках. В ответ на эту меру все банки

[1]) Продолжение. Смотри «Большевик» №№ 21; 23—24 за 1927 г.

стали открыто саботировать какие бы то ни было торговые операции. Руководители банков заявили, что, если они не будут свободны в расходовании и использовании этих запасов серебра, то они прекратят всякие торговые сделки и коммерческие операции с другими банками и, в первую очередь, с шанхайскими. Эту угрозу они не замедлили осуществить, внеся окончательное расстройство во всю хозяйственную жизнь Ухана.

Картина экономического развала дополнялась форменной блокадой, применяемой иностранцами. Японцы воспользовались самым незначительным случаем и прикрыли в Ханькоу все свои предприятия. Случай этот заключался в том, что один японский матрос ударом ножа убил китайского рикшу. Уличная толпа арестовала этого матроса и, несмотря на все требования японского консула, не выпускала этого матроса до суда. Японцы в ответ на это закрыли свои предприятия и на несколько недель заперлись на территории своей концессии. В известной мере их примеру последовали англичане, начавшие приостанавливать работу своих фирм. Американцы начали усиленно вывозить за пределы территории Уханского правительства запасы нефти. Стала обнаруживаться нехватка угля, доставка которого прекратилась, начала сжиматься деятельность фабрик и заводов из-за недостатка сырья. Уханское правительство оказалось не в состоянии обеспечить бесперебойную работу даже Ханьянского арсенала, чем дальше все резче ощущавшего недостаток в сырье и топливе. Товарный голод сопровождался страшным вздутием продажных цен. Наконец, в связи с перебоями в доставке продуктов питания (особенно риса) начал проявляться во все более угрожающей форме продовольственный кризис.

Это изо дня в день ухудшавшееся экономическое положение, в связи с бегством буржуазии, прикрывавшей свои предприятия, в связи с финансовым развалом, торговым и продовольственным кризисом, в связи с блокадой иностранцев и т. д., не могло не отразиться в той или иной мере на гоминдановской головке. Известно, что очень солидные слои мелкой и средней китайской буржуазии являются промежуточным аппаратом, агентурой иностранных фирм и одно только закрытие иностранных фирм приводило к экономической бездеятельности этих слоев городской буржуазии. С другой стороны, в результате экономического кризиса стали сказываться все сильней и сильней классовые противоречия, усиливался нажим пролетариата, положение которого не только не улучшилось, но заметно ухудшилось благодаря повышению цен, несмотря на вырванные прежней стачечной борьбой материальные выгоды. Значительные слои зажиточной, мелкой и средней буржуазии отшатывались от революции. И вот, настроения, возникавшие на почве ухудшавшегося экономического положения в среде мелкой и средней буржуазии, должны были найти себе отзвук и в среде гоминдановской верхушки, руководителей национального правительства, находившихся все время под давлением этих элементов.

До сих пор мы говорили о городе. Процессы, происходившие в деревне, имели не менее важные последствия. Бурно развивавшееся аграрное движение на территории Уханского правительства, достигшее в некоторых уездах насильственного передела земли крестьянами, отбрасывало джентри, помещиков и значительные слои городской средней и мелкой буржуазии, связанной с землевладением, в лагерь реакции. На этой же почве реакционная офицерщина вооружалась против крестьянского движения и против коммунистической партии. Началась целая полоса восстаний и выступлений, формально направленных против Уханского правительства, а по существу—против массового движения.

И несмотря на блестящие победы уханских частей под Чень-чжоу и Кайфыном, выдвигавшие, казалось, Ухан на первое место, на самом деле

внутреннее разложение и восстания в тылу свидетельствовали не в пользу крепости политического положения.

Расшатывание последнего началось с восстания генералов Чжан Лишина и Ю Шу-цзуна в западной части провинции Хубэй. Ухан оказался не в силах подавить это восстание. Вслед за этим сычуанский генерал Ян-сен с тридцатитысячной армией повел наступление на Ханькоу не встречая серьезного сопротивления, поскольку основные уханские силы были ввязаны в драку на севере с мукденцами. Единственная дивизия Ся-Ду-ина, стоявшая на заслоне на западе и преграждавшая путь Ян-сену, изменила национальному правительству, открыла фронт Ян-сену, отошла на юг, перерезала железную дорогу Учан—Чанша, выступила в свою очередь против Ухана, создав угрозу захвата Ханькоу с юга. Части Ян-сена и Ся-Ду-ина обложили Ханькоу, подойдя на расстояние 30 км к столице Уханского правительства.

В это же время в столице провинции Хунань, в городе Чанша, произошел реакционный переворот. 21 мая расположенный в Чанша один полк 35 корпуса, насчитывавший всего 1.000 штыков, разогнал лево-гоминдановское провинциальное правительство, крестьянский союз, разоружил отряд рабочих пикетов, численностью тоже около 1.000 человек, кстати сказать, не оказавших никакого сопротивления и сдавших без боя оружие, и создал свое новое реакционное правительство. Самый переворот был произведен чрезвычайно интересно, с точки зрения тактики реакционной офицерщины. Раньше всего они умело обработали своих солдат. Они заявили им, что коммунисты проводят в деревне полный коммунизм, что деньги, которые посылаются из своего жалованья солдатами родным в деревню, распределяются крестьянским союзом поровну между всеми односельчанами. Для китайского солдата вопрос о его жалованьи и о судьбе его жалованья играет большую роль. На свою службу в армии он смотрит, как на тяжелую профессию. Свое месячное жалованье в размере 8 кит. долларов он полностью отправляет семье. Больше того, даже из 10 центов (это около 9 копеек), которые он ежедневно получает на питание, он умудряется с'экономить две—три копейки, чтобы отослать их родным. Вот почему демагогическое измышление офицеров о коммунизации солдатского жалованья позволило им использовать и повести за собой всех солдат, повести на разоружение пикетчиков и разгром крестьянских организаций. В Чанше реакцию возглавил командир полка Сю-Ке-чен.

Несколько иначе произошел переворот, возглавляемый генералом Чу Пей-де в Нанчане, столице провинции Цзянси. Генерал этот попробовал совершить «бескровный» переворот, применив при этом довольно интересный метод. Он созвал своих политработников в количестве около 200 человек, выдал им деньги и отпустил их в бессрочный принудительный отпуск. Затем он вызвал представителей компартии и держал перед ними, примерно, такую речь: «Я старый революционер. Я много лет являюсь последователем великого учителя Сун Ят-сена, но у меня плохой командный состав, который настроен против компартии и против революционного движения. Чтобы внести успокоение я вынужден был распустить политработников, чтобы избегнуть контрреволюционного переворота; и вам нужно удалиться, нужно прекратить деятельность компартии. Поэтому я предлагаю 30.000 долларов на эвакуацию коммунистической организации, чтобы избежать крови». Понятно, что коммунисты не воспользовались этим «любезным» предложением генерала, но это не помешало ему переворот произвести, при чем, как правильно отмечали некоторые товарищи, даже «бескровно», в том смысле, что он живыми закапывал в землю руководителей рабочего и крестьянского движения. Так отложилась от Ухана и провинция Цзянси.

Все эти восстания и перевороты значительно суживали территорию Уханского правительства. Корреспонденты английских газет в это время иронически отмечали, что фактически нет никакого Уханского правительства, а в лучшем случае есть только уханский городской муниципалитет. В этой иронии была значительная доля истины. Действительно, в результате переворотов от Ухана из трех провинций две совершенно отошли, а в третьей—власть национального правительства распространялась на 2—3 уезда.

Но и в этих уездах реакция либо открыто поднимала голову, либо исподтишка подготовляла свои силы. Замечание английских корреспондентов о фиктивности Уханского правительства справедливо еще в том смысле, что оно не проявляло своей власти, что оно даже не попыталось оказать какое-либо серьезное и реальное сопротивление всем этим переворотчикам, поднимавшим знамя восстания против революции. Но на этом вопросе мы еще остановимся, когда будем разбирать в общей связи эволюцию Уханского гоминдана. Здесь нам хотелось бы сделать несколько предварительных замечаний следующего порядка.

Ухудшение экономического и политического положения определило колебания уханской гоминдановской верхушки. В конце концов, на трех основных вопросах сломали себе шею уханские лидеры, которые не смогли дать на эти вопросы другого ответа, какой давал Нанкинский центр реакции. Этими вопросами были: рабочий вопрос, аграрный и вопрос о самостоятельности компартии. Но это не значит, что Уханский гоминдан создался на той же классовой базе, что и Нанкинский. Это не значит, что Уханский гоминдан отстаивал интересы буржуазии так же, как интересы буржуазии в Нанкине отстаивал Чан Кай-ши. Это неверно. Уханский гоминдан возглавлялся мелкобуржуазными вождями, представлявшими, в первую очередь, интересы городской средней и мелкой буржуазии. И что является характерным, это то, что уханские мелкобуржуазные вожди раньше плелись в хвосте революции, когда она была сильна, затем реакции, когда перевес сил оказался на стороне последней. Когда массовые силы побеждали, они шли за революцией. Когда же массовые организации подверглись разгрому, когда благодаря ошибкам коммунистического руководства не была использована сила массовых организаций, когда, короче говоря, соотношение сил сложилось в пользу реакции, лучше сманеврировавшей своими силами—уханские мелкобуржуазные вожди переметнулись в лагерь феодально-буржуазной реакции. Но эта перебежка Уханского гоминдана на сторону открытой реакции происходила не сразу, а через известные этапы. Уханский гоминдан эволюционировал вправо медленно, но неуклонно. И эта эволюция ускорялась по мере усиления реакции, по мере того, как росла уступчивость коммунистов. Начало этой эволюции не трудно проследить еще в работах аграрной комиссии ЦК гоминдана, происходивших в апреле месяце 1927 года.

На долго тянувшихся заседаниях аграрной комиссии должна была быть выработана программа гоминдана по аграрному вопросу. Как видно из материалов, с большой тщательностью разбирался вопрос о значении правильного разрешения аграрного вопроса. Здесь гоминдановские лидеры не скупились на революционные словесные заверения. Были установлены пять значений: 1) освобождение крестьян от помещичьего гнета; 2) обеспечение победы национальной революции в виду: а) укрепления финансов, б) свержения феодальных устоев, в) участия крестьянства в борьбе против империализма; 3) поднятие боевой мощи народно-революционной армии, в виду заинтересованности солдат; 4) развитие сельскохозяйственного производства и развитие китайской промышленности; 5) культурное развитие Китая.

Казалось, что после такого разбега будут и не менее решительные практические выводы. Но не тут то было. Членами комиссии овладели «сомнения». Начались совершенно другого порядка выступления. Каждый поспешил внести ограничения при решении аграрной платформы. Так, Тан Шен-чжи заявил, что «в Хунани крестьяне уже восстали и распределяют землю. Во всех корпусах НРА очень много хунаньцев. Это не может не

отразиться на состоянии армии. Надо придумать конкретные способы и гарантировать сохранность земель комсоставу н.-р. армии». Еще дальше пошел Сун-Фо: «надо установить норму конфискации. У мелких помещиков нельзя конфисковывать».

Ван Цзин-вей поддержал и «теоретически обосновал» точку зрения Сун-Фо. Он говорил, что «от развития крестьянского движения сейчас в первую голову пострадают мелкие помещики, так как они слабее крупных и не смогут оказывать сопротивления. Сейчас все уже знают, что партия готовится решать земельный вопрос. И империалисты знают это. Они немедленно используют наши уязвимые места. Если мы не установим нормы, то будет очень плохо, так как уже сейчас все боятся. Надо поскорее установить норму». Еще менее двусмысленно выступил Тань Янь-кай. Он заявил, что «надо обеспечить мелких помещиков. Выкуп их земель правительством не успокоит их, так как они еще мало верят в национальное правительство. Если мы дадим им наши облигации, то эти бумажки они есть не смогут. Надо им оставить землю».

Эти выступления направили прения не по существу платформы, а совсем по противоположному руслу. Весь вопрос свелся к тому, как оформить ограничения, кого считать мелким помещиком, кого крупным, можно ли конфисковывать землю у офицеров народно-революционной армии, если они эту землю приобрели недавно или в будущем ее получат и т. д. В этом направлении развернулись и прения. Вносились различные предложения. В том числе было предложено проводить конфискацию земель только по отношению к контрреволюционерам. Ван Цзин-вей выступил с резкой критикой этого проекта. «Политическая конфискация, — говорил он, — это чрезвычайно общая, ничего не говорящая фраза. Если крестьяне в каком-либо районе достаточно сильны, они назовут контрреволюционерами или злыми джентри всякого землевладельца, чтобы конфисковать его землю. Если крестьянское движение будет недостаточно сильно, оно не сможет справиться с действительными контрреволюционерами. При политической конфискации нет никакого критерия. Где крестьянские союзы сильны—крестьяне перейдут прямо к экономической конфискации. Там, где они слабы, они не тронут крупных помещиков и обрушатся на мелких... Таким образом, больше всех и раньше всех пострадают мелкие помещики, которых мы хотим сохранить на своей стороне. Надо формулировать наше решение так, чтобы оно не могло быть неправильно истолковано». Приведенная выдержка не скрывает настоящих мотивов призыва Ван Цзин-вея отказаться и воздержаться от конфискации земель даже у явных контрреволюционеров. Всей этой словесной шелухой Ван Цзин-вей пытался прикрыть нежелание практического, сколько-нибудь радикального решения аграрного вопроса.

Это же нежелание сквозило в речах и остальных лидеров гоминдана. Но так как какой-либо выход все же нужно было найти, то гоминдановские вожаки стали изобретать различные проекты. Сю-чен, считавшийся раньше наиболее революционно настроенным среди гоминдановской головки, заявил, что комиссия не могла дать правильно разработанных цифр о сельскохозяйственной экономике, а в то же время ему известно, что в Китае обрабатывается только 15% всей площади земли, а поэтому незачем отбирать землю у помещиков, когда лучше отдать крестьянам землю, которая никем не обрабатывается. Оставляя в стороне неправильность его утверждения, что только 15% земли находятся под обработкой, мы хотели бы указать на абсолютную невозможность разрешения вопроса малоземелья за счет увеличения количества обрабатываемых земель, хотя бы по той причине, что необрабатываемые земли главным образом находятся на окраинах Китая, в Тибете, в китайском Туркестане, и совершенно нереально предполагать, что в данных экономических и политических условиях бедные крестьяне смогут перекочевать туда и там создавать свое хозяйство. Возможность сколько-нибудь широкой колонизации, конечно, исключалась.

Позже Сю-чен, поддержанный Тань Янь-каем, соглашался с возможностью конфискации земли у особенно злостных помещиков и «темных дельцов», но при том условии, чтобы эта земля перешла в собственность не крестьян, а национального правительства и чтобы доходы от арендной платы перепадали в руки казны. Комиссия выслушала ряд указаний и другого характера. Многими ораторами ставился вопрос, как будет реагировать армия на радикальное решение земельного вопроса. Отвечая на этот вопрос, уханские лидеры сходились на том, что безземельные солдаты будут довольны, а те, кто владеет землей, будут решительно возражать, но в общем, как в том, так и в другом случае, армия разбредется—одни, чтобы получить землю, другие, чтобы ее охранять. Этим козырем, очевидно, хотели окончательно припугнуть тех, у кого было желание сделать хоть какие-либо шаги для решения этого столь важного вопроса. Потоптавшись так около трех недель, аграрная комиссия пришла к ублюдочным результатам.

Начав с архиреволюционных заверений, что крестьяне должны быть хозяевами земли, что всю политику нужно подчинить интересам аграрной революции, что гоминдан должен не только использовать крестьян в национально-освободительном движении, а служить крестьянству и т. д., резолюция, принятая этой аграрной комиссией в практической своей части, ограничилась признанием в принципе желательности конфискации крупной земельной собственности, а пока предлагала успокоиться на решении, чтобы арендная плата не превышала 40% урожая. Но даже и это закорузлое решение, чтобы не вносить неясность в умы, постановлено было не опубликовывать. Нам уже приходилось указывать, что значительная доля ответственности за никчемные результаты работ комиссии лежит на коммунистах, которые своей беспринципностью и непонятной уступчивостью во многом окрылили гоминдановских болтунов.

Резолюция, принятая аграрной комиссией, весь ход ее работ, как и самый факт принятого решения о том, что результаты работ комиссии не подлежат оглашению, свидетельствовали о начавшемся процессе поправения Уханского гоминдана и о нежелании его опереться на массовое движение, стать на позицию аграрной революции. Аграрная комиссия закончила свою бесславную работу в начале мая, а в середине мая эволюция гоминдана вправо сделала новые скачки. Под давлением экономического кризиса (и связанных с этим обострением классовых противоречий), под влиянием открывшейся полосы мятежей и восстаний реакционной офицерщины Уханский гоминдан стал определяться, и с каждым днем все яснее, как сила не противодействующая, а поддерживающая поход против рабочих и крестьянских организаций.

19 мая было опубликовано воззвание Ц. И. К. гоминдана с явным желанием охранить интересы торговцев и промышленников. В нем писалось:

«После того, как началась северная экспедиция, были заняты Учан и Ханькоу и водворено успокоение в известной мере, на юго-востоке крестьянское и рабочее движение стало соответствующим образом распространяться и организовываться. Однако, рабочие и крестьянские организации в бассейне реки Ян-цзы-цзян бессознательно обнаружили детские болезни, так как движение стало развиваться слишком внезапно и быстро. Они не считаются с действительным будущим национальной революции, с коммерсантами и промышленниками, которые вместе с ними ведут борьбу. Если крестьянские и рабочие организации, не понимая экономического положения общества, часто пред'являют предпринимателям чрезмерные требования и даже, в худшем случае, при помощи вооруженных контрольных отрядов закрывают фабрики и торговые заведения, принуждая предпринимателей осуществлять невыполнимые условия, они заставляют этим самым коммер-

сантов и промышленников считать, что правительство их не защищает, что они утратили свободу и имущественную и личную и что революция не только не имеет целью интересы граждан, но, наоборот, она вредна для их безопасности и покоя, и они отходят от боевого фронта национальной революции. Они начинают относиться с глубокой ненавистью к крестьянам и рабочим, с которыми они входят в единый союз. Эти неудачные результаты не только приводят к изолированности крестьян и рабочих и ведут их к самоубийству, но они тем более колеблют базу национальной революции, и из-за этого, возможно, революция кончится провалом».

Установив, что нужно «считаться с действительным будущим национальной революции, с коммерсантами и промышленниками», заявив далее, что партия «не может не учесть интересов коммерсантов, не предоставив им в полной мере защиты» и указав, что все беды революции происходят от чрезмерных требований рабочих и крестьянских организаций, страдающих детской болезнью левизны, гоминдановские лидеры декларировали: 1) организацию обязательного арбитража, 2) «ограничение чрезмерных требований рабочих и служащих торговых заведений с запрещением им вмешиваться в управление фабриками и торговыми заведениями» и в 3) «запрещение штрафов, устрашения, самовольных арестов или других средств воздействия со стороны контрольных отрядов в отношении собственников торговых заведений и фабрик».

Это было первое об'яснение в любви, за ним последовали и другие. В эти же дни ЦК гоминдана в специальной инструкции предлагал Хубейскому совету профсоюзов следить за дисциплиной среди рабочих, «запрещая рабочим союзам производить аресты, штрафовать и притеснять кого-либо кроме рабочих». Затем последовала «инструкция об охране честных джентри», открыто направленная против крестьянских союзов и бравшая фактически под защиту национального правительства и гоминдана все эксплоататорские элементы китайской деревни. А по партийной линии ЦК гоминдана давал указание, что «партийные организации должны обратить внимание на деятельность крестьянских союзов, куда проникли нежелательные, вредные элементы, различные профессиональные бродяги, лица без определенной профессии».

Возрастал нажим поднявшейся реакционной волны. Усиливалось давление городской буржуазии и помещичьих мятежников-генералов на национальное правительство. Последнее все решительней делало шаги в сторону реакционных тенденций, все решительней поворачиваясь спиной к массовым рабочим и крестьянским организациям. Сдержать, сузить массовое движение, подчинить его интересам командующих классов было центральной идеей всех майских мероприятий Уханского гоминдана. И приказы в этом духе сыпались, как из рога изобилия. Так ЦК запретил местным организациям гоминдана вмешиваться в дела управления и гражданской администрации, оставляя тем самым аппараты власти на местах в руках помещиков и старых чиновников, власть которых так и не была уничтожена. Специальным приказом была ограничена деятельность политических управлений армий, в большинстве находившихся под коммунистическим влиянием и вызывавших наибольшую враждебность у реакционного комсостава за попытки наладить связь солдатской массы с рабочими и крестьянскими организациями.

Все эти приказы и мероприятия открывали шлюзы реакции на местах. Реакционные элементы окрылялись и переходили в открытое наступление против массовых организаций, успевших добиться раньше значительных завоеваний. Реакционные силы поняли (да не могли иначе понять) майские приказы, как благословение похода против крестьян и рабочих. Они не замедлили этим воспользоваться. Но и само центральное правительство лишь вначале пыталось сохранить внешнюю оболочку мнимой революционности. С каждым днем оно смелело, наглело, сдавая в архив революционные заклинания, с такой легкостью прежде превозглашаемые. В конце мая национальное правительство распустило два крупнейших в Хубейской провинции уездных крестьянских союза (в Хуан-чане и в Хуан-пине), невзирая на то, что специально ездившая туда правительственная комиссия для обследования установила полную беспочвенность приписываемых этим союзам обвинений.

Так, шаг за шагом мелкобуржуазные вожди Уханского гоминдана скатывались к идейным и организационным позициям мятежных реакционных генералов. Чтобы понять эту эволюцию уханских лидеров, нам хотелось бы привести не безынтересное выступление Ван Цзин-вея, произнесенное им в эти дни на заседании Революционно-Военного Совета. Это выступление откровенно об'ясняло позицию, занятую в эти переломные дни руководителями Уханского гоминдана и правительства. Ван-Цзин-вей изрек следующую мысль: «Коммунисты предлагают нам итти вместе с массами, но где эти массы, где видна восхваляемая сила шанхайских рабочих или гуандунских и хунанских крестьян. Нет этой силы. Вот Чан Кай-ши без массы держится крепко. А нам предлагают итти с массами, но это значит итти против армии. Нет, мы пойдем лучше без масс, но вместе с армией». Эта характерная для мелкобуржуазных вожаков точка зрения, что нужно итти с тем, кто сильнее, проливает свет на всю тактическую платформу уханских руководителей. Кстати нужно сказать, что неправильная тактика китайской компартии, направленная по линии уступок, отступления и сдерживания массового движения, вместо решительного наступления и развязывания сил массовых организаций, лишь ускоряла эволюцию вправо гоминдановских вождей, ускоряла разрыв с мелкобуржуазными вождями.

Понятно, что Уханское правительство не оказало никакого сколько-нибудь серьезного сопротивления контрреволюционным выступлениям. По отношению к восставшим генералам в северо-западной части Хубея Уханское правительство ограничилось лишь переговорами. В Цзянси к генералу Чу-Пей-де, совершившему известный нам «бескровный» переворот, ЦК гоминдана послал для расследования одного из членов политбюро гоминдана, который по возвращении обратно в Ухан сообщил, что он застал в Цзянси образцовый порядок и вполне нормальное положение. Уханское правительство на этом успокоилось, продолжая считать Чу-Пей-де оплотом гоминдана и продолжая отпуск ему денег.

Почти так же дело обстояло и с Ся-Ду-ином. Вначале против него была послана дивизия под командой Е-тина, которому удалось отбить и значительно потрепать части Ся-Ду-ина. Но национальное правительство воздержалось от того, чтобы окончательно добить и разгромить силы этого мятежного генерала. Напротив, уханские лидеры поспешили начать с ним переговоры, дав ему этим самым возможность привести вновь в боеспособное состояние свою дивизию, дав ему возможность сформировывать новые части.

Но если уханские лидеры, по крайней мере, словесно называли Ся-Ду-ина и Ян-сена изменниками, то по отношению к Сю-Ке-чену, произведшему реакционный переворот в Чанше, они не решились даже на словах прибегать к таким кличкам и определениям. На примере чаншийских событий Уханское правительство проявило свое полное сочувствие реакционной офицерщине и на деле и даже на словах выявило свое пособничество контрреволюционным генералам. С самого же начала руководители Уханского гоминдана об'ясняли чаншийские события, как результат будто бы имевшей место попытки рабочих пикетов напасть на полк Сю-Ке-чена. Поэтому военные действия Сю-Ке-чена приобретали характер оборонительных и вполне законных. Позже уханские теоретики усмотрели и другую причину чаншийских событий. Она, по их мнению, заключалась в эксцессах и в проявлениях детской болезни левизны крестьянскими союзами. Так гоминдановские лидеры пытались свалить всю вину на рабочих и крестьян и оправдать этим

и узаконить реакционный переворот. Ни о какой вооруженной борьбе с Сю-Ке-ченом Уханское правительство, конечно, и не помышляло. По предложению Тан-Шен-джи оно послало для восстановления порядка генерала Чжоу-лана, который, став во главе реакционной офицерщины в Чанша, продолжал начатые ими расстрелы рабочих и крестьян, разгром массовых организаций.

Почуяв, что сила на стороне контрреволюционных генералов, уханские лидеры начали приспособляться к ним; угоднически им подчиняясь, начали выветривать остатки революционности в своих прежних политических воззрениях и действиях. Это прислужничество привело к тому, что гоминдановские вожди оказались политически на поводу у реакционного генералитета.

Ван - Цзин - вей жалуется [1]), что «находятся люди, ведущие работу среди масс, которые говорят, что народ не должен доверять ни партии, ни нацправительству. В результате получилось, что во многих местах народ перестал подчиняться директивам гоминдана и приказам нацправительства. Как естественное следствие, народные массы попадают под влияние скрытых и явных реакционеров, и положение становится часто настолько опасным, что партия не в состоянии оказать помощи народу». Чтобы подтвердить свою мысль об опасном влиянии коммунистов (которых Ван-Цзин-вей называет «скрытыми и явными реакционерами»), он останавливается на разборе самого боевого, земельного вопроса, по-своему и по-новому истолковывая учение Сун Ят-сена. «Но я должен указать, что наш учитель, сказав в своем учении: «каждый крестьянин должен иметь собственное поле, которое он вспахивает», вместе с тем указал и методы, путем которых может быть достигнуто осуществление этого принципа. Наш президент ясно указал, что земельный вопрос должен быть разрешен легальным путем. Он никогда не говорил, что вопрос о земле разрешается путем прямого захвата земель от помещиков и распределения их между крестьянами».

Больше того, Ван-Цзин-вей, со слов Сун Ят-сена, заявляет, что «разрешение земельного вопроса должно итти таким образом, чтобы помещики не пострадали». Понятно, что такое помещичье разрешение земельного вопроса полностью импонировало желаниям реакционного генералитета и политически роднило уханский гоминдан не с борющимися массами крестьян, а с помещичьим комсоставом. Смысл всей статьи, очевидно, и заключался в том, чтобы декларировать трогательное единодушие в методах решения актуальных вопросов освободительного движения уханских лидеров и контрреволюционной офицерщины. Поэтому, вывод Ван Цзин-вея, что «массовое движение должно направляться партией и всякий должен беспрекословно подчиняться директивам партии», после того, как Ван Цзин-вей указал, куда гоминдан собирается направлять массы, должен был означать попытку подчинить через гоминдан массовые организации контрреволюционному генералитету.

Но контрреволюционный генералитет требовал подавления коммунистического движения и разгрома коммунистической партии. Уханские лидеры поспешили политически отмежеваться от коммунистов. В статье «Единственный путь национальной революции» Сун-фо писал: «Мы должны сделать некоторые выводы. Если мы последуем совету Коммунистического Интернационала и проведем диктатуру рабочего класса и крестьянства, создадим большевистский террор в нашей стране, чтобы коренным образом перестроить все общество, то результатом будет неудержимая волна реакции по всей стране и кровопролитие. Новая социальная структура не может сразу выпрыгнуть из старых общественных рамок. Вся нация будет ввергнута в состояние хаоса, что даст империалистам новый шанс к закабалению Китая, и будут утрачены все надежды на национальное освобождение нашей страны. Поэтому путь, предлагаемый в настоящее время коммунистами, есть путь далекий от указанных принципов и прямой путь к генеральному разрушению. Мы не должны поддаваться на обман и не должны становиться на этот ложный путь».

[1]) В ст. «Партия должна руководить движением масс». Газ. «Чжун-ян-жи-бао», 6/VII—27 г.

Заявление Сун-фо, что путь, предлагаемый коммунистами, есть прямой путь к генеральному разрушению, как бы отгораживало гоминдан от компартии. Этим снималось заявление Ван Цзин-вея на V с'езде, в котором говорилось о полном согласии гоминдана с тезисами Коминтерна. Но и этого оказалось недостаточно. Разбушевавшаяся реакция властно требовала от гоминдана полного разрыва с коммунистами и окончательного уничтожения массовых организаций. Уханский гоминдан, растерявший всякие остатки прежних революционных принципов, превратившись в политического прихвостня реакционного генералитета, воспользовавшись незначительным поводом, декларировал о своем разрыве с коммунистами после того, как для них «стал ясен заговор коммунистов против гоминдана».

В Ухане открылась полоса самой оголтелой реакции, ничем не сдерживаемого белого террора. Закрывались и подвергались разгрому рабочие и крестьянские союзы, арестовывали и пачками казнили руководителей массового коммунистического движения. Взбесившиеся мелкобуржуазные лидеры гоминдана, чтобы доказать, что они бо̀льшие роялисты, чем сам король, в своей жестокости перещеголяли всех бывших до них палачей рабочих и крестьян.

Понятно, что после такой эволюции уханского гоминдана, бросившегося в лагерь буржуазно-феодальной реакции, раздельное существование Ухана от Нанкина потеряло свой смысл. Становилось исторически неизбежным об'единение социально сроднившихся этих двух центров.

Нам осталось разобрать последний вопрос: что делала в эти дни китайская коммунистическая партия? Какова была тактика китайских коммунистов в этот, исключительно важный, критический момент китайской революции? Казалось бы, все основания были предполагать, что коммунистический авангард китайского пролетариата с честью выполнит исторической важности роль в эту переломную полосу развития освободительного движения. Ведь киткомпартия перед этим имела ясно вырисованные Коминтерном перспективы китайской революции, точные директивы революционной тактики. Ведь киткомпартия успела вырасти в массовую организацию, охватившую своим влиянием миллионы рабочих и крестьян. Ведь компартия до этого накопила богатейший опыт революционной борьбы, добилась блестящих успехов на разных участках классовых битв. Ведь под руководством коммунистов шанхайский пролетариат достиг высшей ступени политической сознательности—победоносного восстания в Шанхае; под руководством коммунистов гуандунские и хунаньские крестьяне в целых уездах конфисковывали земли у крупных помещиков, разоружали джентри и миньтуань, вооружали крестьянские отряды, организовывали передел земель, создавали крестьянскую власть. Ведь перед этими критическими днями закончил свои работы V с'езд, консолидировавший партию и вынесший решения по всем главнейшим вопросам революционной практики. Но всего этого оказалось недостаточно. Сохранившееся во главе партии правое, оппортунистическое руководство обрекло партию на совершение целого ряда грубейших политических ошибок, имевших в своем результате серьезнейшие поражения китайской революции, китайского коммунистического движения.

Только беззаветная борьба коммунистического авангарда, тактика решительного наступления, максимального развязывания и использования сил массовых организаций в эти дни острейшего экономического и политического кризиса могли привести китайскую революцию к новым победам. Но руководство китайской коммунистической партии по всем вопросам,

во всей тактической линии заняло совершенно противоположную позицию.

Эта позиция может быть охарактеризована, как позиция отступления, как линия уступок, имевших своим логическим завершением политическое капитулянтство и прямое предательство коренных интересов рабочего класса и крестьянства. И чем выше подымала голову реакция, чем сильнее сказывался ее нажим, тем больше росла уступчивость руководителей компартии, тем дальше откатывались они от пролетарской классово-выдержанной линии. А по мере роста уступчивости коммунистов все больше наглела реакция, расценивая каждую уступку, как новое проявление слабости массового движения.

Отступить, уступить—было руководящей идеей во всей деятельности центрального комитета компартии за эти месяцы. Движение зашло слишком далеко, если его не оттянуть назад — неизбежен кризис в силах, ведущих революцию, неизбежен кризис самой революции,—эти идеи господствовали в головах тогдашних руководителей. В момент, не допускавший никаких колебаний, руководство компартии, находясь в плену теории уступок, нагромождало одни тактические ошибки на другие.

Нам приходилось уже писать, что еще в работах аграрной комиссии ЦК ГМД (апрель—май) коммунисты проявили исключительную непоследовательность, непонятную уступчивость. Четыре раза представители компартии меняли свою точку зрения по этому кардинальному вопросу, согласившись, в конце концов, лишь в принципе с конфискацией крупной земельной собственности, не требуя немедленного осуществления этого мероприятия, не требуя даже оглашения результатов работ аграрной комиссии.

Та же капитулянтская тактика применена была руководителями компартии ко всем майским мероприятиям ЦК гоминдана. В начале статьи мы подробно осветили эти мероприятия, указывая, что они были направлены в сторону ограничения классовой борьбы пролетариата и беднейшего крестьянства. Руководители компартии не только не возражали против этих мероприятий, но полностью их разделяли. Все эти решения,—об обязательном арбитраже, о запрещении стачек на иностранных предприятиях, об ограничении деятельности профсоюзов и классовой борьбы пролетариата, о решительном осуждении «эксцессов» рабочих и крестьян,—все эти решения единодушно принимались на об'единенных конференциях представителей компартии и гоминдана.

И как результат этой тактики, коммунисты, руководившие профессиональными и крестьянскими об'единениями, либо стоявшие во главе правительственных органов, всю свою деятельность направляли не в сторону дальнейшего развертывания сил массовых организаций, а на то, чтобы обуздать, затормозить, задержать массовое движение. Так, министерство земледелия и внутренних дел, во главе которого стоял коммунист Тан Пин-сян (кстати сказать, приступивший к работе лишь через 2 месяца после официального назначения), в мае опубликовало следующую инструкцию, полностью соответствующую духу гоминдановских решений: «Необходимо выправить все «детские болезни» крестьянства, и в особенности нельзя не обуздать те элементы, которые свернули с правильного пути и наносят вред большей части крестьянства. Что касается борьбы с контрреволюционными элементами, наказаний тухао и джентри, тут можно поступать согласно опубликованным правительством и партией правилам, а именно: передавать их органам власти и не действовать самовольно». Так своеобразно понимал свои задачи министр-коммунист, не побрезговавший даже говорить языком контрреволюционной буржуазии. Эта насквозь капитулянтская и соглашательская тактика руководящих коммунистов толкала партию в пропасть.

И как правы были лидеры гоминдана, когда позже в своей декларации по поводу разрыва с коммунистами, изданной во второй половине июля, писали: «Теперь коммунисты призывают к захвату земель массами без при-

каза нацправительства. Разве это не открытое нарушение политики гоминдана? Если бы коммунисты внесли это предложение на последнюю об'единенную конференцию и обсудили его с представителями гоминдана или если бы они сорвали конференцию, когда их предложение не было бы принято, то мы сказали бы, что компартия выказала мужество и искренность». Беда заключалась, конечно, не в том только, что гоминдановцы стали коммунистам преподавать уроки политического мужества и искренности, а основная ошибка сводилась к тому, что, при применении этой капитулянтской тактики, компартия неизбежно утрачивала свое влияние и лишалась возможности воспитывать в революционном духе широчайшие массы рабочих и крестьян.

Этим же духом жалкого угодничества правеющему гоминдану были пропитаны инструкции, исходившие от центрального комитета компартии. 1 июня агитпроп ЦК писал: «Мы должны твердо помнить, что партия в своей крестьянской политике неуклонно проводит линию подавления «эксцессов», направленных против землевладельцев, мелкой буржуазии и военных». А 14 июня ЦК компартии в специальной инструкции местным организациям указывал, что «предоставленная крестьянству неорганизованная свобода действий, проведение земельной реформы, повело к многочисленным «случаям эксцессов». Без сомнения, такое положение должно быть изжито»

Еще более гнусно прозвучало заявление всекитайского крестьянского союза, что «Чан Кай-ши, джентри и тухао воспользовались тем, что небольшая часть крестьян нарушила интересы военных, чтобы распустить слухи и провоцировать раскол. Они нарочно вели левую агитацию, чтобы затем разгромить крестьянское движение». Понятно, что эта компрометация революционной борьбы крестьян, эти попытки обуздать крестьянское движение руководителями компартии, это прислужничество их гоминдану ни в какой мере не соответствовали директивам Коминтерна о незамедлительном и максимальном развертывании аграрной революции «плебейским» способом, ни в какой мере не отражали героической и самоотверженной борьбы, которую во главе восстающих крестьян вели на местах коммунисты.

Но все это оказалось лишь цветочками, ягодки оппортунистического руководства компартии со всеми своими ужасающими результатами сказались позже. До прямого предательства дошла тактика ЦК, когда вопрос коснулся вооружения рабочих. Во время восстания Ся До-ина перепуганные до-смерти лидеры гоминдана в поисках какой бы то ни было опоры для того, чтобы отстоять Ухан, предложили компартии спешно вооружить полторы тысячи рабочих, соглашаясь выдать соответствующее количество винтовок и патронов. Руководители компартии отказывались взять оружие из-за боязни противопоставить свои силы национальному правительству и этим показать свою нелойяльность. ЦК не только не вооружал рабочих, но при первом же недовольстве реакционной офицерщины провел постановление о добровольном разоружении и самороспуске рабочих пикетов Ухана.

29 июня Всекитайская рабочая федерация издала следующее извещение: «Настоящим мы доводим до сведения всего населения, что реакционеры, скопившиеся в Ухане, ведут злостную агитацию с целью посеять рознь между революционными солдатами и рабочей массой. Это делается с целью дискредитировать влияние профессиональных союзов. Всекитайская рабочая федерация, в целях пресечения возможности распространения в дальнейшем злостной пропаганды, издала приказ о роспуске рабочих отрядов с 25 сего июня. В то же самое время все оружие, бывшее в распоряжении рабочих отрядов, возвращено начальнику гарнизона. Всекитайская рабочая федерация просила нацправительство направить военные патрули для охраны профсоюзов от возможной провокации. Мы открыто издаем это извещение, чтобы население не поддавалось на злостные провокационные слухи, которые могут распускаться нашими врагами». Результаты этой преступной линии не замед-

лили сказаться. Через несколько дней профсоюзы в Ухане подверглись полному разгрому, а лидеры массового движения должны были бегством спасаться от поголовного истребления, проводимого новоявленными палачами рабочих.

Но наибольшим позором запятнало себя коммунистическое руководство во время хунаньских событий. Мы писали уже о реакционном перевороте в Чанша, произведенном полком Сю Ке-чена, насчитывавшим всего тысячу штыков. Что же делает ЦК киткомпартии в этот острый момент? В течение десяти дней хунаньский вопрос под разными предлогами даже не ставится на обсуждение ЦК. Но это не мешает местным коммунистам после переворота броситься в низы, поднять крестьян на вооруженную борьбу.

На юге Хунаньской провинции коммунистам в кратчайший срок удается поднять и сорганизовать восьмитысячный отряд крестьян, из которых 6 тысяч были вооружены винтовками. С востока Хунаня выступил двухтысячный отряд вооруженных крестьян. Во всех селах, примыкающих к Чанше, по получении известия о перевороте крестьяне толпами становятся под ружье, образуя бесчисленное количество мелких отрядов. Вооруженные крестьяне подходят к Чанше, обложив город у самых предместий. И в этот момент хунаньские коммунисты получают инструкцию от ЦК о том, чтобы крестьяне вооруженной борьбы не вели, а чтобы ждали, пока хунаньский вопрос будет разрешен нацправительством.

Рассуждения руководителей компартии тогда сводились, примерно, к следующему: «Мы не можем бороться против реакции своими силами. Этим мы подорвем авторитет национального правительства и противопоставим его себе. Мы должны поддерживать национальное правительство, мы должны ждать, пока оно какие-нибудь меры предпримет, мы должны толкать его по этому пути, но сами никаких мер против реакции предпринимать не должны». Конечно, эта позорно-трусливая, предательская установка очень скоро дала печальные плоды. Конечно, эти указания ЦК не могли не внести путаницы и дезорганизации в ряды хунаньских коммунистов, не могли не привести к дезорганизации сил вооруженных крестьянских отрядов. Крестьяне начали в беспорядке отступать, неся большие потери. И это делалось в тот момент, когда революция имела полную возможность и совершенно достаточные силы, чтобы разгромить реакцию в Чанша, чтобы проучить обнаглевшее офицерство. Ожидание руководителей компартии, пока предпримет какие-либо меры национальное правительство, давало передышку реакционному генералитету, который не промедлил ею воспользоваться. Через несколько дней из Ио-чжоу на помощь Сю Ке-чену вышли два новых полка. Это ставило дальнейшую борьбу крестьян в новые, неизмеримо более трудные условия.

Бегут дни, пачками расстреливаются рабочие и крестьяне в Чанша, национальное правительство, конечно, никаких мер не предпринимает. Вновь ЦК компартии ставит в порядок дня хунаньский вопрос и выносит лаконичное и губительное решение —«присоединиться к платформе Тан Шен-джи». И это делалось на том только основании, что Тан Шен-джи в телеграмме нацправительству заявлял, что он против переворота, и обещал принять особые свои меры для ликвидации хунаньских событий. Руководители компартии обнадежились этими обещаниями. Как генерал Тан Шен-джи разрешил хунаньский вопрос, всем достаточно хорошо известно.

Пролетариат Ухана иначе реагировал на реакционную вспышку в Чанша. Когда выяснилось, что национальное правительство никаких мер для подавления реакции не предпринимает, в рабочих массах возникло и лавиной стало шириться стихийное недовольство, искавшее себе внешнего выражения. В низах принимается решение об'явить 14 июня всеобщую забастовку и организовать демонстрацию против реакции и ее пособников.

13 июня этот вопрос рассматривается в ЦК компартии и выносится решение, что пролетариат не подготовлен к такого рода забастовке и демонстрации и что поэтому 14 июня нужно провести демонстрацию, но по другому поводу, по поводу возвращения после побед на севере генерала Тан Шен-джи. Забастовка все-таки была проведена. Может быть, изменение лозунга не успели довести до сознания масс, может быть, на местах проводилась первоначальная директива низовых партийных и профессиональных организаций, но так или иначе забастовка и демонстрация 14 июня были проведены с исключительным единодушием, при чем все рабочие вышли с единственным лозунгом: «Долой национальное правительство, потворствующее поднимающей голову реакции». Пример этой демонстрации лучше всего свидетельствовал о той пропасти, которая существовала между революционно настроенными массами и тогдашними руководителями коммунистической партии. И эта пропасть между руководителями партии и массами с каждым днем увеличивалась. Примером этому может послужить и 4-й с'езд китайских профсоюзов, происходивший в двадцатых числах июня. Выступления рядовых рабочих-делегатов на этом с'езде звучали иначе, чем выступления вождей компартии.

Пропасть эта должна была возрастать по мере того, как политика руководителей компартии становилась все более соглашательской и предательской. Руководство компартии толкало ее на полный отказ от политической самостоятельности. В критические дни, когда с несгибаемой большевистской твердостью, с беззаветной смелостью нужно было бороться за интересы трудящихся масс, ЦК киткомпартии принимает решение, фактически лишающее компартию самостоятельности и передающее партию в руки гоминдана, ставшего уже открыто контрреволюционной силой.

3 июля ЦК компартии по вопросу о взаимоотношении с гоминданом, в числе других, выносит следующие решения: 1) «поскольку гоминдан является блоком мелкой буржуазии, крестьянства и пролетариата с целью борьбы против империализма, гоминдану, естественно, принадлежит руководство»; 2) «рабочие, крестьянские и общественные организации должны быть под руководством и контролем гоминдана. Требования массового движения должны приспособляться к декретам и резолюциям ЦК ГМД и нацправительства»; 3) «вооруженные отряды рабочих и крестьян должны быть подчинены национальному правительству и им руководиться. Пикеты в Ухане должны быть распущены или влиты в армию с целью избежать каких-нибудь недоразумений».

В общей цепи этой капитулянтской, ликвидаторской линии ЦК компартии принимает решение о роспуске пионерских организаций только потому, что Ван Цзин-вей на заседании политбюро гоминдана поставил под сомнение, «нужны ли вообще организации юных пионеров». ЦК компартии строго наказывает коммунистам, руководящим гоминдановскими газетами, освещать все вопросы не в духе компартии, а в духе решений и политики гоминдана и национального правительства.

Так ЦК компартии реагировал на ухудшение экономической и политической обстановки, особенно обострившееся в результате хунаньских событий. Предательский оппортунизм сквозил в каждой строчке каждого решения, принимаемого в эти дни центральным комитетом. Мы говорили уже о решениях ЦК по хунаньскому вопросу. В том же духе было вынесено решение по поводу событий в Цзянси. После двухчасовой речи Тан Пин-сяна ЦК решает отказаться от требования снятия генерала Чу Пей-де, мотивируя это боязнью оттолкнуть Чу Пей-де от революции, боязнью, что реакция только усилится, если из провинции Цзянси уйдет генерал Чу Пей-де. И эта линия на «нейтрализацию» Чу Пей-де принимается после того, как он разогнал коммунистов, разгромил массовые организации и под своим руководством провел весь реакционный переворот.

Нечего и говорить, что к военным задачам революции ЦК компартии проявил исключительное преступно-халатное отношение. ЦК никогда не

ориентировался на солдатские массы. Занимался он, главным образом, верхушечным комбинаторством с реакционным командным составом. ЦК избегал даже обсуждать военные вопросы, а когда удосуживался обсудить, никаких решений не принимал. ЦК и не попытался даже добиваться расширения коммунистической дивизии Ие-Тина, не пытался организовать из коммунистов и комсомольцев части особого назначения, решительно ничего не сделал для вооружения рабочих и крестьян, для военизации трудящегося населения, не помышлял о мобилизации коммунистов, о серьезном охвате своим влиянием военных школ и военнополитических курсов так же, как не стремился об'единить разрозненные отряды рабочих пикетов и крестьянских союзов, как не пытался возглавить вооруженную борьбу крестьянских масс. А все это было вполне выполнимо. Мелкобуржуазные политиканы, восседавшие тогда во всех центральных органах партии, с чисто интеллигентским пренебрежением обходили молчанием военные задачи революции. Правда, это не мешало им вынести решение о добровольной сдаче оружия.

Еще более позорно коммунисты покидали свои посты в правительстве, когда этого настоятельно потребовал Коминтерн. Проводя все время в министерстве земледелия и внутренних дел право-гоминдановскую, антикрестьянскую политику, Тан Пин-сян, наконец, подает в отставку, при чем свое заявление он мотивирует болезнью и тем, что «политическое положение стало очень серьезным и он не в состоянии направить крестьянское движение по правильному пути». Это «прошение» приводило неизбежно к выводу, что во всем виновато крестьянское движение, которое коммунист оказался не в силах направить по правильному пути. Заявление о выходе из правительства, вместо широкого политического, революционного акта, превращалось в оправдательный вердикт контрреволюционных переворотчиков.

Уханское правительство, как и уханский гоминдан, стали контрреволюционными. Коммунистическая партия должна была рвать со своими прежними союзниками. И если бы разрыв происходил по инициативе компартии, при переходе ее в решительное наступление, этот разрыв неизбежно переводил бы движение на высшую ступень. Но инициатива разрыва исходила от гоминдана. Руководство компартии, несмотря на противоположные категорические указания Коминтерна, и в этом вопросе проявило свою трусливую капитулянтскую линию, свои, не рассеянные еще, гоминдановские иллюзии.

В декларации по поводу разрыва, опубликованной 13 июля, центральный комитет компартии писал, что, несмотря на все происшедшее, «у компартии меньше всего оснований отказаться от полного сотрудничества с гоминданом. Постольку, поскольку гоминдановское руководство и национальное правительство будет действительно проводить всю эту политику, будет действительно бороться против империализма, милитаризма, феодализма, против реакционных заговоров, постольку китайская компартия будет полностью поддерживать эти подлинно революционные шаги национального правительства».

Руководство китайской компартии не извлекло уроков из опыта революционной борьбы. Оно продолжало питать еще надежды на революционность гоминдана (это после двух месяцев сплошного и прямого предательства), обещая сотрудничество и поддержку Уханскому гоминдану. Это сеяние иллюзий насчет гоминдана, конечно, ни в какой мере не могло способствовать мобилизации трудящихся масс под знаменем компартии.

«В революции, как и в войне,—писал Энгельс,—всегда необходимо бороться с врагом, а нападающий всегда оказывается в более выгодном положении; в революции, как и в войне, безусловно необходимо в решительный момент все ставить на карту, как бы ни складывались шансы борьбы... Всякий, кто в революции командует решительной позицией и сдает ее, вместо того, чтобы заставить врага отважиться на приступ, заслуживает того, чтобы к нему относились как к изменнику». Старое руководство китайской компартии в решительный момент не поставило всего на карту. Тогдашний ЦК систематически без боя сдавал одну за другой свои позиции. Сплошная цепь оппортунистических ошибок замыкалась прямым предательством самых жизненных интересов революции. Тогдашнее руководство ЦК полностью «заслуживает того, чтобы к нему относились, как к изменнику».

Что же лежало в основе оппортунистического руководства китайской компартии. Все эти ошибки не были случайными, эпизодическими; они связывались в стройную, законченную систему, в основе которой лежало неправильное, меньшевистское понимание характера и основных задач революции. Национально-освободительное движение противопоставлялось классовой борьбе. В угоду неправильно понимаемому единому национальному фронту ограничивалась, свертывалась, сжималась классовая борьба рабочих и беднейших крестьян. И все тактические ошибки вытекали из этой неверной центральной установки. Эти ошибки станут понятны, если вспомнить, что руководящий актив коммунистической партии состоял не из рабочих, а из представителей мелкобуржуазной интеллигенции, устремившихся в коммунистическую партию в момент наибольшего под'ема национально-освободительного движения. С эксплоатируемыми низами они не были связаны. Пролетарской вышколки они не имели. Опытом международного пролетарского движения они не располагали. Поэтому в руководство компартией они вносили мелкобуржуазную идеологию, политическую неустойчивость, непоследовательность и нерешительность.

Отсутствие пролетарской вышколки, пролетарской стойкости и дисциплинированности, непонимание пролетарских организационных принципов, об'ясняет нам ту легкость (совершенно недопустимую и небывалую в истории международного коммунистического движения), с которой руководство китайской коммунистической партии нарушало дисциплину Коминтерна, упорно отказываясь проводить его решения и директивы.

Вся практика и деятельность центрального комитета китайской коммунистической партии в эти критические месяцы, конечно, ни в коей мере не соответствовала и не вытекала из руководящих указаний Коминтерна. Достаточно просмотреть решения VII и VIII пленумов Исполкома Коминтерна, как и другие опубликованные уже директивы, вспомнить все то, что мы говорили о глубоко неправильной, пораженческой линии во всех вопросах китайского ЦК этого времени, чтобы убедиться в чудовищном несоответствии, чудовищном противоречии между руководящими указаниями Коминтерна и практикой ЦК китайской партии. Это злостное нежелание подчиниться директивам Коминтерна заставило последний апеллировать через голову ЦК ко всем членам китайской компартии с требованием созыва экстренной конференции и немедленной смены ЦК.

Только злейшие враги Коминтерна могут сваливать ответственность за все ошибки руководства китайской компартии на Коминтерн. Только люди, желающие использовать временное поражение китайской революции для поражения Коминтерна, могут считать, что ленинско-выдержанное руководство Коминтерна давало какую-либо почву для меньшевистской, местами изменнической, архиоппортунистической деятельности тогдашнего ЦК китайской компартии.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

А. Леонтьев и Е. Хмельницкая

Ответ на критику, мало заслуживающую ответа.

К сожалению, характер «Критических заметок» Кармалитова, помещенных в № 23/24 «Большевика», мало благоприятствует серьезному обсуждению «затрагиваемых в статье проблем», на желательность каковогo указывала редакция «Большевика» в своем примечании к названным заметкам, оговаривая «дискуссионный характер» последних.

В этих заметках, посвященных критике нашей книжки «Очерки переходной экономики», мы находим, с одной стороны, совершенно правильные положения, которые все без исключения можно найти также и в нашей работе; эти положения противопоставляются нашей работе лишь ценою замалчивания, порою искажения ее содержания. С другой стороны, каждый раз, когда автор пытается «оригинальничать» и выставлять свою собственную теоретическую продукцию, его положения не выдерживают критики.

Раскрытие всех случаев искажения наших взглядов и замалчивания наших положений заняло бы довольно много места. Пришлось бы итти по пятам за нашим критиком, ловить его каждый раз с поличным, приводить длинные цитаты из нашей работы и при их помощи опровергать то «изложение» нашей точки зрения, которым наш критик угощает своих читателей. Все это, повторяем, потребовало бы очень много места. Ибо легче запутать и исказить десяток мыслей, нежели распутать и восстановить хотя бы одну. Мы полагаем, что нет, однако, необходимости итти таким путем. Мы питаем к читателю гораздо больше доверия и уважения. Мы полагаем поэтому, что совершенно достаточно на нескольких примерах показать ловкость рук и степень теоретической грамотности нашего оппонента и посоветовать всем читателям, которых не удовлетворяют применяемые им «методы» полемики, обратиться непосредственно к нашей работе [1]).

1. План и стихия.

У нас в работе красной нитью проходит мысль о том, что переходная экономика, несмотря на наличие различных укладов, представляет собою тем не менее единую систему. Рецензент «суммирует» наши мысли таким образом: «Вся система советской экономики делится авторами на два сектора: 1) социалистический и 2) частнокапиталистический». Эту придуманную им самим формулировку наш критик повторяет неоднократно. На самом же деле мы говорим о наличии в переходной экономике двух кругов:

[1]) Помимо вышеназванной нашей работы упомянем здесь также недавно вышедшую нашу брошюру: «Советская экономика (планы, тезисы литература)», изд. «Моск. Рабочий», М. 1928 г., в которой читатель найдет сжатую характеристику основных проблем переходного хозяйства.

социалистического и несоциалистического, при чем в отношении второго мы несколько раз весьма популярно указываем, что «частнохозяйственный сектор не представляет собою чего-либо однотипного. Напротив, в нем следует различать: 1) простое товарное хозяйство и 2) частнокапиталистическое производство» (стр. 181).

Далее Кармалитов не перестает повторять, что, по нашему мнению, в области несоциалистического круга закон ценности действует целиком и полностью без всяких изменений и ограничений. На этом основании он нас обвиняет даже в... абстрагировании от экономполитики, несмотря на то, что вопрос о роли экономполитики в хозяйстве переходного типа нами специально разработан с довольно большой полнотой. Вот, не угодно ли: «Авторы справедливо обвиняют Преображенского в том, что он абстрагируется от экономической политики пролетарского государства. Но при анализе проблемы ценности, они сами абстрагировались от проблемы экономполитики. Рассматривая частнокапиталистический сектор, авторы нашли там закон ценности в сохранности, а это что? Разве не есть абстрагирование от экономполитики?» (стр. 161; подчеркнуто нами)[1]).

Трудно придумать более грубый «полемический» трюк. На самом деле мы повторяем общеизвестное и совершенно бесспорное положение, что «частнохозяйственная сфера остается полем наибольшего сохранения закона ценности» (стр. 185), что действие рыночной стихии и закона ценности здесь играет относительно максимальную (по сравнению с другими частями системы переходного хозяйства) роль, что в смысле регулирования отношений внутри несоциалистического круга принципиальная роль закона ценности такова же, как и во всякой системе товарного хозяйства (стр. 182). Но мы тут же раз'ясняем весьма подробно и популярно, что «простор для деятельности закона ценности в рассматриваемой сфере отношений серьезнейшим образом суживается благодаря тому, что эта область отношений расположена в гуще своеобразных процессов переходной экономики. Наличие социалистического хозяйственного сектора сильнейшим образом ограничивает даже те рамки, в которых закон ценности распространяется на внутренние отношения несоциалистического сектора» (стр. 184). И далее специально о роли экономполитики говорится:

«Другой метод воздействия социалистического сектора на внутреннюю структуру несоциалистического круга производства проходит по линии общей экономической политики пролетарского государства, в особенности же при помощи кооперативной, кредитной, налоговой политики. Поддерживая простое товарное хозяйство..., поощряя кооперирование и обобществление..., пролетарское государство тем самым вносит порою существеннейшие коррективы в действие закона ценности, результат которого выглядел бы совершенно иначе при отсутствии этого воздействия» (стр. 184).

Все это на языке Кармалитова называется «абстрагированием от экономполитики при анализе проблемы ценности»!

Однако, на этом наши прегрешения в области «абстрагирования» не кончаются. «Рассматривая закон ценности в социалистическом секторе, авторы нашли форму ценности, а за ней вскрыли новые производственные отношения, которые не могут служить содержанием ценности. Разве это не абстрагирование от экономполитики. Что же тогда называется у Л. и Х абстрагированием?»

Страшен сон, да милостив бог. Мы уже видели, что называется у Кармалитова абстрагированием. Он под этим словом явно понимает забвение тех мест критикуемого произведения, которые

[1]) Применяя термин «ценность», мы в целях единообразия заменяем повсюду этим словом термин «стоимость», употребляемый рецензентом.

могут послужить препятствием для его наезднических подвигов. И, действительно, здесь, как и почти повсюду, он «бьет нам челом нашим же добром». Он поучает нас, что абстрагироваться от экономполитики нельзя, «потому что формой проявления закона трудовых затрат является план. А план есть не что иное, как экономполитика. Экономполитика пролетариата в лице плана устанавливает равнодействующую всей хозяйственной системы. Следовательно, все элементы частнокапиталистического сектора должны тяготеть... к этой равнодействующей... так что даже в частнокапиталистических элементах нашего хозяйства закон ценности безгранично не действует. Он чем дальше, тем больше начинает тяготеть к равнодействующей, устанавливаемой планом» и т. д. (стр. 161—162).

Мы уже видели, что «безграничное действие закона ценности в частнохозяйственном секторе» является выдумкой Кармалитова. Остальное содержание этой цитаты изложено, однако, гораздо короче и яснее в нашей книжке: «По мере того, как стихийное регулирование народнохозяйственных процессов оттесняется на задний план и уступает место сознательному воздействию и управлению народным хозяйством, экономическая необходимость находит свое осуществление все в большей мере через посредство экономической политики пролетарской диктатуры» [1]).

Это, оказывается, «абстрагирование от экономполитики»! Каждому ясно, что «сознательное управление народным хозяйством»—это и есть план, а «экономическая необходимость», понимаемая в данном случае как «выражение власти внешней природы над человеческим обществом в процессе его материального производства», вполне покрывает собою понятие «закона трудовых затрат».

Центральный пункт кармалитовских возражений, поскольку можно уловить из его путанного и бессистемного изложения, заключается в следующем: «Задача исследования заключается не в том, что идет борьба между социалистическим сектором хозяйства и частнокапиталистическим, для этого никакого исследования не требуется (!!!), а задача состоит в том, как при борьбе этих двух секторов происходит равновесие всей системы. Авторы этой задачи не только не решили, но и не поставили». (Разр. наша; стр. 156).

Смеха ради мы должны припомнить, что автор, соорудивший этакую фразу, считает своей обязанностью, помимо всего прочего, преподавать нам... хороший стиль! Оставим на совести автора сногсшибательное утверждение, что ему «не требуется никакого исследования» процесса борьбы между социализмом и капиталистическими тенденциями. Это, в конце-концов, дело вкуса. Как известно, Ленин смотрел на это несколько иначе. Известно, какое он придавал значение «исследованию» вопроса: «Кто кого?» Оставим также в стороне любопытный вопрос о том, как это так «происходит равновесие». Согласимся временно с автором, что оно действительно «происходит». Посмотрим, однако, как Кармалитов «ставит» и «решает» ту основную задачу, которую мы упустили из виду, вследствие чего наш анализ «не стоит и выеденного яйца», по мнению любезного критика («анализ», стр. 155).

Вся его «постановка» и «решение» буквально сводятся к следующему «открытию». Оказывается, «особенности переходной экономики заключаются в том, что, благодаря проникновению стихии планом и наоборот, существует хозяйственный план, отличный от плана, который будет при полном социализме, а также существует стихийная связь между неорганизованными частями нашего хозяйства, отличная от стихийного рынка капиталистического общества. Если брать за критерий хозяйственный план социализма и рыночную стихию капитализма и применять по отношению к экономике переходного периода, то у нас существует план, отличный от плана развернутого социализма, так как в нем включены элементы стихийных закономерностей, с другой стороны, у нас существует стихия, включенная в план. Такое проникновение планом стихии и наоборот только дает «химическое сродство». Так что ошибка авторов заключается в том, что они видят единство плана и стихии на их стыке, в процессе обмена, тогда как это единство надо искать не только в соприкосновении между собою этих двух различных укладов, а и внутри каждого сектора отдельно» (стр. 156—157). Извиняемся перед читателем за столь длинную цитату; зато у нас совесть чиста: в этой цитате умещается все без остатка «новое», чему учит нас Кармалитов. На всем дальнейшем протяжении статьи он носится с этим богатством мыслей, как с писаной торбой.

[1]) Стр. 96. Ср. также в другом месте: «Сознательная, априорно-плановая политика цен берет на себя выполнение этой количественной функции закона ценности. Замена одного начала другим здесь также происходит более быстрым темпом на обобществленном, более медленным—на частнохозяйственном полюсах переходной экономики» (стр. 259).

Прежде чем «искать» единство плана и стихии, мы хотели бы «поискать» источник познания нашего критика. Найти его не так трудно. В сущности, вся «постановка» и все «решение» задачи, которое Кармалитов здесь дает, состоит из трех «элементов»: 1) одного «словечка», 2) одной путаницы и 3) нескольких соображений.

Словечко «проникновение» взято напрокат из учебника т. Айхенвальда (там еще говорится—«взаимопроникновение»).

Путаница заключается в том, что ставится знак равенства между «проникновением стихии планом и наоборот». Поистине, получается «вид на горы и обратно». Но то, что очень забавно в анекдоте, никуда не годится в научном анализе. Дело в том, что «проникновение» стихии планом—это один процесс, а «включение» стихии в план—это другой процесс, весьма отличного свойства. Вот почему мы не испытываем большого восторга от словечка т. Айхенвальда—«взаимопроникновение». Это словечко может запутать вопрос, скрадывая принципиальную разницу между двумя далеко не однородными сторонами дела.

Наконец, несколько правильных соображений, которые заключаются в этом «новом слове», написанном Кармалитовым для нашего поучения и вящщего посрамления, целиком и полностью имеются в нашей работе. В этом убедится каждый, кто прочтет хотя бы следующие места (число цитат могло бы быть увеличено). Кармалитов не устает повторять нам в назидание: «У нас существует план, отличный от плана развернутого социализма». В нашей работе мы писали: «Хозяйственный план зрелого социалистического хозяйства, это—натурально-хозяйственный план; напротив, хозяйственный план переходного хозяйства, когда социалистические формы сосуществуют с товарно-капиталистическими и облечены в фетишистически-товарную оболочку, имеет ценностную форму» (стр. 116). В другом месте мы писали по этому же поводу: «Проведение планового начала в нашем хозяйстве имеет место не в условиях развитого социалистического хозяйства, а в противоречивой обстановке хозяйства переходного типа» (стр. 122). Это отличие современного плана от плана развитого социалистического хозяйства подчеркивается неоднократно в нашей работе. «Народнохозяйственный план, являющийся основой сознательно-организованного общественного хозяйства, выступает в товарно-фетишистической форме, являющейся специфической формой стихийного, неорганизованного общественно-производственного процесса» (стр. 121).

Рецензент открывает нам Америку: «В нем включены элементы стихийных закономерностей, с другой стороны, у нас существует стихия, включенная в план». А у нас сказано: «Совершенно ясно, что если речь идет о подлинном плане всего народного хозяйства, то он должен захватывать как

социалистическую, так и несоциалистическую части нашей экономики» (стр. 121). В другом месте мы говорим: «Диалектический... характер плановости в этих условиях заключается в том, что одной своей стороной планирование приближается к сознательному осуществлению общественной закономерности, а другой своей стороной планирование заключается в предвидении процессов бессознательного, стихийного порядка» (стр. 123). Мы при этом ссылаемся на слова т. Бухарина: «Само плановое начало в значительной степени покоится на предвидении равнодействующей стихийных факторов». Разве здесь не сказано достаточно ясно насчет «включения стихии в план»?

Нашу очередную «ошибку» наш критик находит в том, что мы будто бы видим «единство плана и стихии на их стыке, в процессе обмена», тогда как это единство следует искать «внутри каждого сектора отдельно». Приведенные цитаты из нашей книжки достаточно красноречиво свидетельствуют о том, что этот упрек так же голословен, как и все остальные. Очевидно, нашему критику невдомек, что «товарно-ценностная форма производственных отношений» отнюдь не является характеристикой одного лишь процесса обмена; наоборот, эта форма заключает в себе определенную характеристику именно производственных отношений. Мы подробнейшим образом анализируем, какие особенности внутри обобществленного сектора обусловлены сохранением этой формы.

Таков центральный пункт всей критики, посвященной проблеме плана и стихии и занимающей больше половины всей рецензии. Полагаем, что разбор этого пункта, проделанный нами с достаточной подробностью, показывает каждому читателю, с какого рода критиком мы имеем дело.

2. Проблемы распределения.

Перейдем к проблемам распределения. Картина здесь повторяется в столь же неприглядном виде. Критик начинает с более или менее правдоподобного изложения наших исходных положений, но... считает нужным формулировать по отношению к теории распределения ряд требований, так сказать, «собственного изобретения». Эти требования: 1) «исходить прежде всего из экономполитики пролетарского государства»; 2) «рассмотрение каждого сектора в отдельности, при чем это рассмотрение надо производить не изолированно от остальных частей хозяйства, а в их связи»; 3) «рассматривать связь всего народного хозяйства в форме рыночной связи» (стиль!).

Что касается до первого «требования», то оно является одним из основных и исходных положений всей методологической установки нашей работы. Добросовестность и справедливость этого «упрека» в абстрагировании от экономполитики мы уже демонстрировали выше с достаточной подробностью и считаем излишним дольше задерживаться на этом.

«Требование № 2» последовательно проведено во всем анализе проблемы распределения в нашей книжке и специально формулировано в начале соответствующей главы: «... необходимо проанализировать основные формы дохода как со стороны их взаимной связи, так и в разрезе основных экономических укладов, секторов нашего хозяйства. Выше мы видели, что при анализе закона ценности, междухозяйственных связей в нашей экономике вполне законно рассмотрение проблемы в двух плоскостях—в сфере обобществленного и частного хозяйства. При рассмотрении проблемы распределения в нашем хозяйстве такое противопоставление обобществленному сектору сферы частного хозяйства, как сплошной однородной массы, принципиально недопустимо и связано с грубейшими ошибками теоретического и практически-политического порядка» (стр. 273). Правда, непонятно, зачем же было столь многословно и упорно на протяжении всей рецензии распространяться насчет недопустимости разрыва народного хозяйства на части.

В «требовании № 3» мы снова встречаемся с повторением нашего же основного тезиса о необходимости раскрыть «новое социальное содержание в категориях распределения дохода», обнажить его от внешней ценностной оболочки. Мы указывали на то, что «формы распределения основных средств производства, свойственные социалистической системе хозяйства, существуют на ряду с формами распределения дохода, облаченными в одежды товарно-ценностного порядка. Эта двойственность в отношениях распределения целиком соответствует расщеплению между формой и содержанием, проходящему по всей линии нашего хозяйства. Сочетание отношений ценностного порядка в сфере распределения национального дохода с социалистическими формами распределения средств производства вместе с тем создает особые трудности для анализа всех распределительных категорий в нашем хозяйстве» (стр. 272—273). Именно с этой точки зрения нами и рассматривались основные формы дохода в нашем хозяйстве. Как могли при такой постановке анализа изменений форм распределения в нашем хозяйстве критику померещиться «очерки капиталистической экономики» вместо очерков переходного хозяйства — одному Аллаху известно!

Но, к сожалению, критик не ограничивается таким, сравнительно еще невинным «добавлением» нами же выдвинутых положений, но пытается и творить собственные выводы. Безграмотность этих «выводов» превосходит всякие ожидания. Начнем с открытий о заработной плате рабочих частнокапиталистического сектора.

Мы указывали в своей работе, что качественная и количественная трансформация заработной платы в обобществленном секторе нашего хозяйства сводится в основном: а) к отмиранию антагонистического противопоставления рабочей силы средствам производства, б) к существеннейшим ограничениям действия колебаний спроса и предложения рабочей силы, в) к диаметрально противоположной капитализму тенденции движения заработной платы относительно роста производительности труда, г) к постепенной эмансипации от установленных законом ценности товара «рабочая сила» и исторически сложившихся количественных пределов заработной платы.

Критик находит, что эти тенденции можно обнаружить и в частнокапиталистическом секторе нашего народного хозяйства, ибо «при диктатуре пролетариата не рабочий класс, а наоборот, капитал прикован к колеснице пролетарской экономической политики». Как понимать сие? Если речь идет о том, что органы пролетарской диктатуры и экономическая политика в целом стремится вытеснить частнокапиталистическое хозяйство и количественно ограничить эксплоататорские аппетиты его, то ведь об этом черным по белому сказано в нашей книжке. Мы говорим, что «достижения профессиональных союзов, а также государственных органов регулирования и охраны труда, отражая мощность и степень организованности рабочего класса в целом, в то же время оказывают непосредственное воздействие на заработную плату в частнохозяйственном секторе, с количественной ее стороны. Распространение профсоюзных тарифов на рабочих частнохозяйственных предприятий создает тенденцию к количественному приравнению заработной платы в частном секторе к обобществленному сектору, известное единство уровня заработной платы во всем народном хозяйстве» (стр. 299).

Но Кармалитову этого мало. «Влияние на количественную сторону заработной платы через организацию профсоюзов пролетариат

проделывает (?) и при капитализме», — возражает он. Согласимся на минутку, что, то влияние, которое пролетариат «проделывает» на заработную плату в условиях капитализма, аналогично и равносильно ограничениям эксплоатации со стороны органов пролетарской диктатуры. Но ведь антагонистическая природа отношений между рабочим и частником-капиталистом от этого не устраняется! Так думали мы, так говорит партия всей установкой по отношению к частному капиталу, но не так угодно Кармалитову. Он, видите ли, находит, что «категория заработной платы даже для частнокапиталистического сектора модифицируется в сторону ее отмирания» (стр. 167). Выходит, что заработная плата здесь отмирает не вместе с вытеснением частнокапиталистических форм, а лишается своего классового содержания еще при существовании частного хозяина-капиталиста.

Более того, Кармалитов храбро утверждает, что «производственные отношения между пролетариатом и буржуазией поставлены как бы на голову» (стр. 166). Как это понимать? Не нэпман эксплоатирует своего наемного рабочего, не кулак выжимает соки из своего батрака, а наоборот? Нэпман и кулак выступают в качестве эксплоатируемых наемным рабочим? Значение этого открытия действительно трудно преувеличить! Не сомневаемся, что подобный «анализ» привел бы в восторг каждого частника. Ясно, что подобное творчество следует решительно отвергнуть, как вреднейшую и безграмотную путаницу в весьма важном вопросе.

В самом деле, линия партии, как известно, исходит из коренного различия в положении рабочего на частном и государственном, социалистическом предприятии. В обобществленном секторе нашего хозяйства мы всячески стараемся воспитать в рабочем хозяйское отношение к производству, мы ставим центральной задачей поднятие производительности труда. Известны также попытки частных предпринимателей использовать несознательные элементы среди рабочего класса и втянуть их в дело поднятия производительности труда в своем, «хозяйском» предприятии, организовать «производственные совещания» и т. д. (См. об этом хотя бы газетные материалы совещания по партработе на частных предприятиях, организованного МК). До сих пор партия давала вполне определенную оценку этим попыткам и строила свою работу на раз'яснении классовых интересов рабочего по отношению к частнику-предпринимателю. Разумеется, общие интересы пролетариата, заключающиеся в сохранении и укреплении пролетарской диктатуры, одинаково близки рабочим и частных и государственных предприятий. Но в отношении к данному предприятию, к распределению дохода, производимой в нем ценности «интересы этих двух частей пролетариата неодинаковы», что приводит в ужас Кармалитова.

Не менее вредная путаница царит и во всех прочих рассуждениях Кармалитова насчет того, что «экономполитика, детерминируемая законом трудовых затрат, устанавливает пропорции распределения» (стр. 170). Спору нет, закон трудовых затрат—великое дело, тем более, что этот закон составляет единственное теоретическое оружие нашего критика. Нелепо, однако, полагать, что только этот закон детерминирует экономическую политику. Ведь в таком случае не могло бы быть речи именно о политике; дело сводилось бы лишь к плановому руководству и управлению процессом производства. На самом деле экономическая политика детерминируется в первую голову конкретными условиями классовой борьбы пролетариата, организованного, как господствующий класс. Ведь если бы «пропорции распределения» зависели целиком и единственно от нашей экономической политики, то проще всего было бы сразу искоренить без остатка капиталистическое производство и элементы капиталистической эксплоатации в нашем хозяйстве. Разумеется, экономическая политика оказывает огромное влияние на отношения распределения в нашем хозяйстве. Мы это подчеркивали достаточно отчетливо при анализе заработной платы, говоря о том, что «линия, по которой происходит разделение (вновь созданного продукта) в обобществленном секторе хозяйства, определяется не стихийно, а сознательными действиями экономической политики». Это же говорилось и при анализе прибыли, доходов простого товарного производства и т. д. Было бы излишне отнимать здесь место подробными ссылками и цитатами из соответствующих мест нашей книжки. Но сознательное воздействие экономической политики должно считаться с об'ективными условиями в хозяйстве и не может ставить себе непреодолимых в данной обстановке задач в области распределения дохода, как и во всех прочих областях.

Сложность и трудность проблемы распределения в переходном хозяйстве заключается в сожительстве товарно-ценностных форм дохода с социалистическими формами распределения средств производства—пишем мы в своей работе. Чтобы вскрыть это противоречие, мы пытаемся проанализировать внешнюю форму и действительное содержание основных видов дохода в нашем хозяйстве. Бойкое перо Кармалитова превращает постановку этой сложнейшей задачи в «механическое штампование наших секторов хозяйства категориями политической экономики» (стр. 170). Он даже договаривается до того, будто бы у нас стихийные, гетерогенные силы определяют тенденции распределения. После сказанного выше о плане и стихии в нашем хозяйстве мы считаем излишним останавливаться на этом.

И такие «аргументы» мобилизуются для того, чтобы помешать «умалению работы пролетарского государства по перестройке хозяйственной системы»! Пожалуй, «как раз наоборот», как любит выражаться Кармалитов, от такой «защиты» может не поздоровиться не только теоретической работе в области нашей экономики.

3. Заключение.

Мы разобрали основные пункты «Критических заметок» Кармалитова; их «методология» и «познавательная ценность» выступили перед нами во всей своей привлекательности. Разбирать всю нагроможденную там путаницу, все извращения нашей точки зрения, все элементарно неграмотные «открытия»—значило бы поистине злоупотреблять терпением читателя. Полагаем,что ему предостаточно тех перлов критики, которые прошли перед нами на предыдущих страницах. Один лишь перечень остальных перлов отнял бы слишком много места.

Кармалитов соглашается с критикуемым нами буржуазным экономистом Чупровым в том, что понятие «расчет» и «баланс» не являются историческими категориями капитализма, а просто «техническими терминами». «Для авторов известно (стиль-то каков!), что понятие «расчет» и «баланс» присуще лишь капиталистическому хозяйству, а вот читателю совершенно это и невдомек». Мы уже видели, что Кармалитову очень многое невдомек... В этом отношении мы ему помочь, однако, не беремся...

Сам же он повторяет приводимые нами формулировки Чупрова, из которых ясно, что речь идет о «балансе между выгодами и пожертвованиями», о «расчетах», которые держит в своих руках «хозяин». Здесь поистине остается лишь развести руками. Наш критик становится на общую почву со всеми буржуазными экономистами, увековечивающими категории капитализма. Точно так же, например, рассуждает Туган-Барановский и многие другие насчет денег: ведь нужны будут даже при развернутом социализме известные расчетные знаки, квитанции; деньги и будут выполнять эту «техническую функцию». Впрочем, зачем нашему критику знать про Туган-Барановского!

«Авторы противопоставляют план стихии. По нашему мнению такое противопоставление неверно» (стр. 160). То-есть, позвольте, как же так «неверно»? В самом ли деле это «противопоставление» принадлежит «авторам»? Мы сильно опасаемся, что нам зря приписывается много чести: «противопоставление плана стихии» принадлежит элементарной азбуке марксизма. Впрочем, зачем критику знать эту азбуку?

Надо ли еще говорить, что критик на каждом шагу пытается нас сосватать с Преображенским, несмотря на то, что в нашей работе дается весьма развернутая теоретико-экономическая критика этого автора. Надо ли еще говорить, что критик несколько раз услужливо «продолжает» развитие сочиненной им якобы «нашей концепции», доводит ее «до логического конца» и в одном месте даже ставит—от нашего имени—знак равенства между советской экономикой и... хозяйством империализма!

Повторяем, мы лишены возможности даже попросту перечислить все нагроможденные там благоглупости. Остается подвести некоторые итоги.

Разобранные нами «Критические заметки» начинаются следующим торжественным заявлением: «За последнее время попытки теоретического осмысливания разнообразных форм хозяйственной жизни Советского Союза, как переходной эпохи от капитализма к социализму, все учащаются. Газетные и журнальные статьи, брошюры, толстые книги, трактующие те или иные проблемы, связанные с экономикой переходного периода, все чаще и чаще появляются на книжном рынке».

Должны по чистой совести признаться, что все наши поиски «на книжном рынке» не могли обнаружить тех гор «толстых книг» и т. д., посвященных «теоретическому осмысливанию переходной экономики», о которых говорит наш критик. Всем известно, напротив, что в области теоретического анализа советской экономики до сих пор сделано не так уж много. Сколько-нибудь значительные произведения в этой области Кармалитов мог бы свободно пересчитать по пальцам, пожалуй, одной лишь руки. Мы полагаем, что признать это обстоятельство было бы более добросовестно, нежели напускать на читателя туман насчет несуществующего изобилия «журнальных статей, брошюр, толстых книг» и т. п.

Мы думаем далее, что именно чрезвычайная немногочисленность попыток теоретического анализа переходной экономики должна у каждого человека, заинтересованного в продвижении вперед в области теории, вызвать вдвойне серьезное отношение к каждой отдельной попытке. Добросовестное отношение к разбираемому произведению, знание предмета, стремление использовать все правильное и ценное, что в произведении встречается,—вот те условия, при которых критика в области данного вопроса может быть плодотворна. Мы показали читателю с достаточной наглядностью, что критика Кармалитова далека от этих условий, как небо от земли.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

ДМ. ИЛИМСКИЙ. «Италия в руках фашистов». Изд. ВЦСПС, Москва, 1927 г. 102 стр., цена 75 коп.

До сих пор в нашей литературе еще нет труда, который дал бы полный марксистский анализ такого значительного социально-политического явления, как итальянский фашизм. А ведь история возникновения итальянского фашизма и последующего его развития необычайно поучительна. Здесь диалектика классовой борьбы получает свое классическое выражение, здесь мы видим, как нельзя лучше, каким образом реформистские и центристские вожди рабочего класса погубили революцию и открыли дорогу фашистскому перевороту. Поэтому мы можем только приветствовать желание ВЦСПС дать широким рабочим массам возможность ознакомиться с этим весьма поучительным периодом итальянской истории. К сожалению, однако, издание ВЦСПС брошюры Илимского является неудачной попыткой в этом направлении.

Что брошюра об итальянском фашизме должна дать рабочим массам? Марксистский анализ причин возникновения фашизма, его социальные корни и его борьбу против рабочего движения вообще и против коммунистического движения в частности; характеристику буржуазных партий и их роль в создании фашизма; характеристику рабочих партий и профсоюзов и их тактику в данном периоде времени; возникновение компартии и ее борьбу против фашизма, с одной стороны, и против социалистической партии, с другой, и, наконец, перспективы фашизма и революционного движения.

Вместо этого мы имеем в брошюре Илимского хаотическую мелкобуржуазную болтовню журналиста, наблюдавшего Италию из окна вагона.

Желая придать своей брошюре видимость научного анализа, автор посвящает первую главу историческим, этнографическим и геологическим «исследованиям» Италии, при чем он считает необходимым для лучшего уяснения, «почему именно в Италии, а не в какой-нибудь другой стране в первую очередь победил фашизм...», прежде всего основательно разделаться с заблуждениями, «создавшимися целыми столетиями в Европе» относительно итальянцев, как «о народе красивых женщин, огненных, пленительных мужчин, о народе певцов...» (стр. 5), «пресловутой итальянской вспыльчивости и горячности», которые являются не чем иным, «как особой формой всеобщей истерии (!) на почве хронического недоедания» (стр. 9).

Уяснив таким образом, почему фашизм победил прежде всего в Италии, автор посвящает одну целую главу характеристике Муссолини, ибо, по его мнению, «для понимания истинных социально-политических основ фашизма чрезвычайно важно поведение Муссолини накануне и во время войны» (стр. 19). В этой главе автор очень детально описывает жизнь Муссолини, его нравы и привычки, рассказывает о нем разные анекдоты. Автор вообще посвящает непомерно много внимания личности Муссолини, несмотря на то, что автора «в этой книге интересуют не отдельные люди, а судьба целых классов» (стр. 92).

Характеризуя фашизм, автор пишет: «Среди этой скудной и неуступчивой природы, среди этого трудолюбивого, бедного и малокультурного народа, фашизм пытается создать новую Италию. Он не довольствуется малым. Он хотел бы видеть Италию реформированной до самых глубин в течение каких-нибудь десяти лет»[1]) (стр. 10). В другом месте автор поет такие дифирамбы фашистам: «Они (фашисты. *А. В.)* своим новым духом поразили воображение этой анархической (!) и безалаберной (!) страны, не знавшей до тех пор ни государственного сознания, ни исторической философии, ни перспектив своего будущего, потерявшей веру в свои силы и готовой либо массами уходить за границу, либо продаваться иностранцу...» (стр. 75). Здесь, кроме ноток воспевания фашизма, мы имеем новое, оригинальное об'яснение причин массовой эмиграции итальянских рабочих. По мнению автора, итальянские рабочие, уходившие массами (до 800.000 ежегодно) в чужие страны в поисках куска хлеба, которого не находили в Италии, делали это только потому, что не обладали «государственным сознанием, исторической философией» и не знали «перспектив своего будущего», а так как фашисты обогатили их всеми этими благами, то они могут спокойно оставаться в своем солнечном отечестве и пользоваться плодами «до глубины реформированной» фашистами «новой Италии». До сих пор, насколько мне известно, никто еще не догадался дать такое об'яснение рабочей эмиграции.

Недостаточную осторожность автор проявляет по отношению к историческим фактам, хронологии, статистическим данным и т. п. Чтобы написать историю возникновения фашизма, автор считал необходимым изучить основательно фауну и флору Италии, ее этнографические и геологические условия, но не потрудился осведомиться, когда и при каких условиях были основаны первые «фашио», деталь, кажется, немаловажная для правильного анализа фашизма. Он ограничивается тем, что попутно вспоминает о том, что первые «фашио» были основаны Муссолини в 1915 г., но ничего не говорит, почему это сами фашисты считают, что партия их основалась в начале 1919 г., т.-е. на 4 года позже. Дальше, указывается на то, что Муссолини основал свою газету «Пополо д'Италия» в момент вступления Италии в войну, в действительности же газета была основана за несколько месяцев до того, как Италия вступила в войну. Обстоятельство это весьма важное, ибо Муссолини с помощью этой газеты, созданной на французские деньги, стал во главе интервенционистов, толкавших Италию на войну. О зарождении фашизма Илимский пишет: «...Идейные вожди фашизма, во главе с Муссолини, до своей измены (об этой измене во всей брошюре ни одного слова! *А. В.)* являясь ярыми революционерами и синдикалистами (Муссолини даже редактировал руководящую газету синдикалистов (?!) «Аванти») пользовались многолетней и прочной популярностью среди рабочих-активистов. Их влияние и связи сделали свое дело, и они без труда увлекли за собой значительные кадры своих политических друзей» (стр. 96). Несколькими строками дальше он говорит: «На эту удочку (т.-е. философию фашизма. *А. В.)* и попались тысячи рабочих». А в конце той же страницы эти тысячи уже превратились в «несколько десятков тысяч рабочих, активно примкнувших к новому символу веры Муссолини»[2]). Эти утверждения Илимского не соответствуют фактам. Когда Муссолини в конце 1914 г. (а об этом времени идет речь в вышеприведенных цитатах) был исключен из итальянской социалистической

[1]) Разрядка моя. *А. В.*

[2]) Разрядка везде моя. *А. В.*

партии за его, тогда еще наполовину скрытое, сочувствие войне (об этом исключении вы в брошюре не найдете даже малейшего намека), ни один рабочий не только из актива, но даже из рядовых членов не последовал за ним.

Илимский вообще пренебрегает всякими точными данными и «серой» действительностью и предпочитает обращаться к своей фантазии. Все события у него происходят годом раньше или позже, статистические данные у него в два - три раза преувеличены,— это все мелочи. Так, например, известное событие в итальянском рабочем движении — оккупация фабрик и заводов рабочими,—имевшее место в сентябре 1920 г., автор переносит на середину 1921 г.; кульминационный пункт развития революционного движения автор передвигает с середины 1920 г. на конец 1921 г.; основание компартии с января 1921 г. переносится на середину 1921 г. и т. д., и т. п.; число организованных батраков, согласно данным автора, доходило до 3 миллионов, в действительности же оно в самые лучшие времена не превышало 900 тысяч.

Для того, чтобы понять возникновение и суть итальянского фашизма, необходимо знакомство с рабочим движением в Италии во время и после войны. Только в связи с необычайно бурным развитием революционного рабочего движения, с его героической борьбой, равно как с громаднейшими ошибками, допущенными руководящей верхушкой социалистической партии, можно понять развитие и победу фашизма. В рецензируемой брошюре не только нет более или менее серьезной попытки дать анализ рабочего движения и руководящей этим движением социалистической партии, но, наоборот, десятки страниц заняты пустой болтовней, искажающей действительность или прямо дающей вымышленные факты.

Историю итальянского рабочего движения за последние 25—30 лет автор называет «бестолковой». Бестолкова, конечно, не история итальянского рабочего движения, а бестолково то представление, которое Илимский, не изучив его, создал себе о нем. Автор не разбирается в таких элементарных вопросах политграмоты, как разница между синдикализмом и социализмом. Так, Муссолини, который был вождем социалистической партии, все время называется автором синдикалистом, а старый орган итальянских социалистов «Аванти» автор называет «руководящим органом синдикалистов»; профсоюзы, которыми руководили социалисты - реформисты, как Д'Аррагона, Буоцци и др., он тоже называет синдикалисткими, а всех членов этих профсоюзов, в которые входили социалисты всех оттенков, коммунисты и беспартийные,—не входили туда синдикалисты и анархисты,—называет синдикалистами. «Бестолковость» рабочего движения он видит в том, что «в рядах одного и того же рабочего движения (?) мирно жили рядом Муссолини, тогда еще синдикалист (?) и крайний революционер, мечтавший снести головы всем королям Европы, Д'Аррагона, хитрый, как старая крыса, руководитель умеренных профсоюзов (тех самых, которые автор в другом месте называет синдикалистскими. *А. В.)*, и Малатеста мечтатель - анархист...» (стр. 92). Здесь, во-первых, не очень понятно, что автор хочет сказать этим «в одном и том же рабочем движении»: в одной и той же партии? Так или иначе, все здесь перепутано и бестолково, ибо, как мы уже видели, Муссолини был не синдикалистом, а социалистом, Д'Аррагона тоже был социалистом, и они жили рядом в одной партии, хотя и не очень мирно; что касается Малатеста, то он был в самом деле известным анархистом, который в социалистической партии вместе с Муссолини и Д'Аррагона никогда не был, ибо, к сведению Илимского, уже в 1892 г., на с'езде в Генуе произошел полный и безвозвратный раскол между социалистами и анархистами.

На вопрос читателя, кто руководил рабочим движением в Италии, какая и какие были рабочие партии, в чем состояла их деятельность, программа, тактика, автор настойчиво отвечает «многочисленные рабочие партии», «старые расколы между многочисленными синдикалистскими, социалистическими и коммунистическими организациями», «раздробленность и анархичность профессионального движения, которое было не малой причиной ускорения и углубления разгрома фашистами». Какие это «многочисленные партии», в чем состояла «раздробленность профсоюзного движения», и в чем его «анархичность»? На эти вопросы читатель напрасно ждет ответа от автора, ибо он сам этого не знает. В самом деле, он говорит о коммунистических организациях, когда даже ребенку известно, что в Италии была и есть одна коммунистическая партия и что никаких расколов в ней со времени ее основания до нынешнего дня не было; социалистическая партия в Италии до 1922 г.,—а автор имеет в виду именно этот период,—тоже была только одна; что касается профсоюзного движения, то и здесь говорить о раздробленности значит рассказывать небылицы, ибо профсоюзы, стоящие на почве классовой борьбы, были об'единены в конфедерацию труда, которая играла доминирующую роль в рабочем движении; существовавшие до войны в некоторых местностях синдикалистские профсоюзы играли небольшую роль, а после войны почти никакой.

В одном месте автор как будто пытается дать анализ существовавших в 1921 г. партий. После того, как он наговорил несколько несуразностей о коммунистической партии, о чем будет речь ниже, он разделяет рабочие партии на две группы: к первой группе он причисляет «реформистов, социалистов, синдикалистов, захватывающих аристократическую верхушку пролетариата», а ко второй—«анархистов, анархо-синдикалистов, максималистов и католиков, охватывающих те слои рабочих, которые не оторвались еще от мещанства или работали в мелких предприятиях». Какой тонкий анализ! Беда только в том, что это—произвольная группировка, выдуманная автором. Одна и та же партия фигурирует у него одновременно в первой и второй группе три раза, ибо реформисты, социалисты и максималисты в тот период находились в одной партии: в социалистической, в которой существовали два течения — реформистское и максималистское, а все они назывались социалистами. А Илимский все перепутал и сделал из одной—три партии и разместил их по разным группам, и таким образом получились «многочисленные» партии. При чем, чтобы еще увеличить число рабочих партий, он, не задумываясь, причисляет к ним еще и «католиков», т.-е. мелкобуржуазную партию католиков «Пополари», в которую входили также крестьяне и незначительное число городских рабочих. Как это автор ухитрился этих «католиков» поставить рядом в одной группе с максималистами, этим левым крылом социалистической партии, с одной стороны, и с анархистами и анархо-синдикалистами,—с другой? А реформистов и тех же социалистов (максималисты плюс реформисты) вместе с синдикалистами? Автор запутался в сетях своей собственной фантазии!

На всем протяжении брошюры, где описываются важнейшие события возникновения фашизма, фашистского террора и режима (описание хаотическое и путанное), о компартии нет даже намека, хотя наша братская партия сыграла выдающуюся роль во всех этих событиях. Наоборот, есть разные отрицательные суждения автора, в роде того, что «нет в Италии мощного и уверенного в правильности своей тактики руководящего центра, за которым могла бы пойти рабочая масса» (стр. 59). Это в 1922 г., когда наша партия насчитывала около 42.000 членов и 25.000 комсомольцев, имела свои ежедневные газеты и руководила целыми федерациями профсоюзов, держала в руках профсоюзные об'единения (Камеры дель Лаворо) таких городов, как: Турин, Рим, Триест, Савона, Мессина, Имола и др.

В конце книги есть кое-что о компартии, но то, что мы там читаем, это—сплошные небылицы. Мы уже видели, что он пишет насчет времени основания партии. О самом основании партии в Ливорно, во время с'езда социалистической партии, на котором произошел раскол, автор ничего не знает, между тем как это событие имело большое влияние на развитие фашизма в Италии. Но автор знает и пишет, что компартия была основана «левым крылом синдикалистов». Снова непростительная путаница! Итальянские коммунисты никогда и ничего общего с синдикалистами не имели.

Роль компартии с момента ее основания была громадная, как в отношении революционного воспитания масс, так и в борьбе против фашизма. Компартия, как всем, кроме Илимского, известно, была единственной партией, которая организовала вооруженную борьбу против фашизма и вела ее до последней минуты. Илимский утверждает, однако, что «историческая роль партии начинается т о л ь к о (подчеркнуто мною. *А. В.*) теперь» (с. 93).

Для характеристики легкомысленного отношения автора к предмету, о котором он пишет, приводим следующую фразу, находящуюся на стр. 65:

«Других легальных организаций (кроме фашистских. *А. В.*) нет, а подпольные, как к о м м у н и с т ы и а н а р х и с т ы еще слишком малолюдны, едва начинают оправляться от ноябрьского разгрома 1926 г. и могут лишь поддерживать настроение и заниматься агитационной работой, но не быть о р г а н и з а т о р о м м а с с о в ы х в ы с т у п л е н и й» (подчеркнуто мною. *А. В.*). Как мы видим, для автора анархисты и коммунисты, это две разнозначащие силы, роль которых в рабочем движении одинакова, и они призваны в одинаковой степени быть организаторами массовых выступлений пролетариата. Но, кроме принципиальной стороны этого вопроса, и фактическая сторона его не соответствует действительности. Компартия, не ожидая, пока «оправятся» анархисты, которые уже давным-давно перестали играть какую-нибудь роль в итальянском рабочем движении, в действительности организовала и руководила теми массовыми движениями, о которых идет речь.

Итальянский пролетариат записал не одну прекрасную страницу в истории революционного рабочего движения. Вспомним только его борьбу против войны в Либии и исключение из социалистической партии на с'езде в Реджио в 1912 г. таких видных вождей, как Биссолати, Бономи, Канепа и др. за то, что они были за поддержку этой войны; вспомним дальше непримиримо враждебное отношение к мировой войне и его активную борьбу против вступления Италии в войну; баррикадные бои в Турине в августе 1917 г.; отношение к Октябрьской революции; многочисленные всеобщие забастовки сочувствия этой революции и против интервенции в Россию, борьбу против транспорта оружия белогвардейцам; занятие фабрик и заводов рабочими; борьбу против фашизма и пр., и пр. Все это игнорируется автором.

Мы уже указали выше на целиком вымышленное утверждение Илимского, что будто бы после исключения Муссолини из социалистической партии, за ним последовали десятки тысяч рабочих. Автор продолжает в том же духе по отношению к периоду победы фашистов. На стр. 97 мы находим следующее утверждение: «В момент переворота в 1922 г. в рядах партии фашистов было около 40.000 рабочих (из каких это источников автор почерпнул эти данные, не из фашистских ли? *А. В.*). Из них надо исключить 15—18 тысяч батраков, загнанных в партию насильно, почти под угро-

зой смерти. Остальные, заводские рабочие (подчеркнуто нами. *А. В.*), участвовали в партии по описанным выше причинам» [1]) (т.-е. добровольно. *А. В.*). Значит, только батраки были настолько сознательны и революционно настроены, что их надо было под угрозой смерти гнать в фашистскую партию, между тем, как заводские рабочие шли к фашистам из любви к ним. Здесь мы имеем дело уже не только с полным извращением действительности, но с прямым издевательством над героическим итальянским рабочим классом, который перенес самый ужасный террор и мучения имено потому, что сопротивлялся вступлению в фашистские ряды. Но автора это мало смущает; ему надо доказать, что итальянские рабочие, это—совсем бессознательный народ, и поэтому он продолжает списывать из фашистских материалов, что в 1923 г. «пролетариат... дал в партию своих классовых врагов около 150.000 рабочих от станка, что вогнало большой клин в рабочее движение...» (стр. 68), а на стр. 98 мы читаем: «однако и после переворота рабочие продолжали притекать в партию фашистов, и в настоящее время (т.-е., в 1927 г. *А. В.*), в партии числится свыше 120.000 рабочих». Как мы видим, рабочие текли, текли в партию фашистов, а их число что-то уменьшалось. Повидимому, цифры эти такие же фантастические, как эти три миллиона организованных батраков, о которых мы выше упомянули. Но то, что автор говорит в вышеприведенных цитатах, не только плод его богатой фантазии, это уже злостное извращение истины. Достаточно вспомнить только тот факт, что, несмотря на ужаснейший террор, на полный разгром всех рабочих организаций фашистам никогда не удалось при выборах в заводские комитеты завоевать хотя бы один такой комитет. В Милане, в твердыне фашизма, через два года после взятия власти фашистами, на выборах в заводские комитеты, они получили всего 220 голосов, против 20 тысяч, поданных за списки классовых кандидатов. А в 1925 г., в Турине, где на заводах существует со времени оккупации фабрик самый реакционный режим и где развито самое рафинированное шпионство, фашисты при выборах в заводские комитеты получили 429 голосов, против 6.204, поданных за враждебный фашистам список кандидатов. Вот как рабочие текли в фашистскую партию! Что фашисты насильно и угрозами гнали рабочих в партию, это—факт, и что несмотря на это им никогда не удалось вогнать сколько-нибудь значительное количество рабочих и этим «вогнать большой клин в рабочее движение», это—неопровержимый факт, и, наконец, что рабочие всячески и ценой больших кровавых жертв сопротивлялись загону их в партию фашистов, это тоже известный факт, но, что рабочие шли добровольно в фашистскую партию, этого даже фашисты не осмелились бы сказать, ибо это слишком уже бьет в лицо правде.

Еще несколько «перлов». На стр. 67 Илимский выражает надежду (он вообще полон надежд. *А. В.*), что измена реформистов, предавших конфедерацию труда и перешедших на сторону фашистов, «будет лишним фактом в цепи событий, очищающих классовое сознание итальянского рабочего, выметающих из его головы всю романтическую и анархистскую чепуху, накопленную бестолковой историей пролетарского движения в Италии за последние 25—30 лет» [2]).

[1]) Автор указывает, как на главную причину «успеха фашистов в рабочей среде», на повышение реальной заработной платы в первый год власти на 4%. В действительности не только не было повышения реальной зарплаты, а, наоборот, уменьшение если реальная зарплата в 1922 г. по отношению к довоенной была 101,8, то в 1923 г., т.-е. спустя год после взятия фашистами власти, реальная зарплата снизилась до 97,6, т.-е. уменьшена на 4,2% (см. статью Артуро Лабриола в «Рома» от 11 ноября 1924 г. и «The Economist» от 11 февраля 1928 г.).

[2]) Подчеркнуто нами. *А. В.*

Напыщенная фраза, не имеющая никакого смысла, не говоря уже о том, что она противоречит действительности. По автору, измена реформистов и оппортунистов способна излечить рабочих от романтизма и анархизма. Вот к какой чепухе (исторической и логической) приводит бестолковость автора!

Дальше на стр. 71 автор пишет: «Но начало положено (для работы подпольной компартии. *А. В.*), обстановка в общем благоприятная, пролетариат начинает (!) в некоторой своей части (!!) пробуждаться от националистического угара (!!!)». Значит, итальянский пролетариат был увлечен романтизмом и анархизмом и одновременно находился целиком в состоянии националистического угара и только сейчас начинает, и то только в некоторой своей части, пробуждаться от этого угара. Вся история итальянского рабочего движения доказывает как-раз противоположное. Нет в мире другого пролетариата, кроме пролетариата СССР, который был бы проникнут таким духом международной солидарности и которому всякий национализм и патриотизм был бы так чужд, как итальянский пролетариат. Вся история итальянского рабочего движения за последние 17 лет полна антинационалистическими выступлениями.

В последней главе брошюры автор пишет, что он собирается рассмотреть историю рабочего движения в Италии за последний период «со всем мужеством, с каким мы, революционеры, подходим к изучению любых исторических трудностей и вопросов». И в самом деле, надо признать, что автор обладает большим «мужеством», без которого было бы непонятно, как он мог издать у нас рецензируемую брошюру, в которой нагромождено столько бестолковостей.

Но, если это об'ясняется печальным мужеством автора, то никак нельзя понять, как это случилось, что ВЦСПС выпустил эту книгу?

А. Визнер.

Письмо в редакцию журнала „Большевик“.

В № 1 журнала «Большевик» за 1928 г. появилась статья Слепкова «Орудие победы», трактующая о терроре и в той части, которая относится к Великой французской революции, всецело основанная на материалах, опубликованных мною в 1918 г. в небольшом сборнике хрестоматийного характера «Революционный Трибунал». Уже это показывает, что «подбор» материалов сделан был редактором сборника не так «тенденциозно» и «односторонне», как о том говорит Слепков. Замечу тут же, что мною затевалось четыре выпуска, а вышло, по условиям тогдашнего издательского дела, лишь два, по материалам, которые нашлись в Ленинграде. Третий и четвертый выпуски должны были составляться мною в Париже и как раз на $^9/_{10}$ должны были носить характер, диаметрально противоположный большинству материалов первых выпусков. Хрестоматия осталась незаконченной и неполной.

Слепков говорит еще и следующее: «Политическое лицо редактора этого сборника, высланного ГПУ из СССР за контрреволюционную деятельность, достаточно хорошо известно, чтоб о нем нужно было еще говорить».

Категорически заявляю, что это вымысел. Никогда никто меня не высылал, от начала революции я преподавал и преподаю в Гос. Университете и других советских учреждениях, неоднократно бывал приглашаем преподавать и читал лекции в партшколе в научноисследовательском

институте коммунистического университета и т. д., писал и пишу в «Историке-Марксисте», «Архиве Маркса и Энгельса», книги мои издаются Госиздатом, «Прибоем», Институтом Маркса и Энгельса, а последняя моя работа (о Лионском рабочем восстании) вызвала сочувственную оценку тов. Пашуканиса в журнале «Большевик».

Все это показывает, что заинтересовавший Слепкова вопрос о моем «политическом лице» решается несколько не так определенно, как это ему, повидимому, представляется.

Евгений Тарле.

2 февраля 1928 г.

Ответ академику Е. Тарле.

В ответ на письмо Е. Тарле считаю долгом сообщить следующее:

1) Утверждение, что Е. Тарле высылался ГПУ за границу, приводившееся в моей статье «Орудие победы», является неверным, в силу чего приношу Е. Тарле свои извинения.

2) Сборник «Революционный Трибунал», редактированный Е. Тарле, и с точки зрения подбора материала и с точки зрения характера редакционных примечаний, вне всякого сомнения, не свидетельствовал о «симпатиях» автора к марксизму и революции.

Думаю, что автор напрасно в своем письме защищает свой труд только потому, что им «затевалось четыре выпуска» и что не увидевшие света «третий и четвертый выпуски должны были составляться в Париже и как раз на 9/10 должны были носить характер, диаметрально противоположный большинству материалов первых выпусков».

3) Автор настоящих строк должен сообщить о том обстоятельстве, которое подтолкнуло его сделать допущенную им ошибку.

При переходе к нэпу, группой антисоветских ученых и журналистов стал издаваться орган «Экономист», в числе сотрудников которого, вместе с Н. Бердяевым, Б. Бруцкусом, С. Булгаковым, А. Изгоевым, П. Пальчинским, А. Пешехоновым, П. Сорокиным и др., мы встречаем и Е. Тарле.

Как известно, журнал «Экономист» был закрыт за контрреволюционность, а его руководители были высланы ГПУ за границу.

А. Слепков.

Редакция { **В. Астров.** **Н. Бухарин.** **В. Молотов.** **А. Слепков.** **Е. Ярославский.**

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 31 МАРТА 6

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 8
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
„П Р А В Д А“

Главлит № А—11007 Тираж 75.000
Типография газеты „Правда“ Москва, Тверская, 48.

За развертывание пролетарской демократии.

Процесс развития пролетарской диктатуры есть в то же время и процесс развития пролетарской демократии.

Теоретически большевизм отстоял это положение в борьбе против сторонников буржуазной демократии, которые утверждают, что принцип диктатуры вообще противоречит принципу демократии, и для которых поэтому быть сторонником демократии значит быть сторонником буржуазного парламентаризма и противником пролетарской диктатуры.

Практически весь ход российской пролетарской революции доказал, что диктатура пролетариата развивается лишь на основе роста и под'ема активности и сознательности рабочих масс, а также идущего за пролетариатом бедняцкого и середняцкого крестьянства, на основе все более и более широкого вовлечения масс в дело управления государством и хозяйством страны. Каждый день нас убеждает в том, что успехи социалистического строительства возможны лишь на пути вовлечения в него самих масс, на основе под'ема общественной активности и самодеятельности пролетарской массы.

Пролетарская демократия есть не только отрицание и преодоление демократии буржуазной,—это есть демократия несравненно более широкая и глубокая, чем буржуазная демократия, ибо это есть демократия для рабочих, а не для капиталистов, для бедных, а не для богатых, для трудящихся, а не для эксплоататоров. Только при диктатуре пролетариата трудящиеся массы начинают целиком использовывать начала демократии в своих интересах.

Наша партия в лице ее с'ездов и ЦК из года в год не устает повторять трудящимся массам о необходимости все большего и большего углубления и развития методов пролетарской демократии. Сейчас, в эпоху строительства социализма, при анализе происходящих в СССР процессов, явлений и событий, мы в особенности часто наталкиваемся так или иначе на вывод о необходимости углубления начал пролетарской демократии в партии, в профсоюзах, в советах.

Так называемое «шахтинское дело», раскрытие контрреволюционной шайки экономических вредителей в лице группы инженеров в Донбассе, не составляет исключения из этого. Оно ярко показывает

нам, что пролетарская демократия, в широком смысле этого слова, еще далеко недостаточно развита по всей линии наших организаций.

Поведение нескольких десятков негодяев из среды буржуазно настроенного слоя спецов, в том числе из бывших шахтовладельцев, вызывает глубочайшее возмущение среди всех слоев трудящихся. Преступники получат по своим заслугам от революционного советского суда. Их наказание будет суровым и примерным. Одним этим наказанием не исчерпываются, однако, меры, которые мы должны принять для предотвращения в будущем появления новых «шахтинских» дел, а также для скорейшего раскрытия тех, которые, быть может, у нас еще до сего времени творятся в тех или иных порах советского хозяйственного организма в форме более или менее «мягкого» или же, наоборот, злостного экономического саботажа.

Первый вопрос, который должен быть поставлен, это вопрос о выводах из шахтинского дела, которые нам следует сделать в отношении кадров специалистов. Оказалось, что коммунисты - хозяйственники бывают иногда слишком слепы и доверчивы в отношении таких элементов из связанной с буржуазной средой прослойки спецов, которые под маской советской службы обделывают контрреволюционные дела. Обнаруженные факты настолько вопиющи, что они должны заставить и, конечно, заставят хозяйственников - коммунистов культивировать в своей среде более критическое отношение, здоровое пролетарское недоверие к буржуазно настроенным элементам из спецов, в частности, к бывшим собственникам, или же к лицам, работавшим при белых и т. п.

Кроме этого, тот факт, что в борьбе против контрреволюционного вредительства не приняли активного участия честные специалисты, работавшие бок о бок с преступниками, заставляет нас поставить вопрос о поднятии общественной работы в среде специалистов, о большем привлечении их к пролетарской общественности. Пусть при этом мы будем иметь в среде специалистов известную дифференциацию, но мы должны преобладающую массу честных советских работников из них теснее привлечь к пролетариату и общественную активность их направить в русло развития пролетарской демократии.

Было бы крайне вредным явлением, если бы в итоге шахтинского дела у нас привились какие-либо «спецеедские» настроения, исходящие из непонимания необходимости для нас пользоваться при строительстве социализма буржуазным культурным наследством, в том числе людскими техническими кадрами буржуазного общества. Мы ни в коем случае не можем сейчас поставить вопрос о *немедленной* замене старых кадров специалистов в основном новыми пролетарскими кадрами, ибо этих новых готовых кадров специалистов у нас сейчас в распоряжении нет (а то, что есть, этого, к сожалению, еще очень мало). Но зато с тем большей силой мы должны поставить вопрос о *подготовке* новых пролетарских кадров специалистов, как о задаче, которая может быть решена, конечно, не в один год, но все же в ряд стоящих перед нами лет. С тем большей энергией и настойчивостью мы должны изыскивать необходимые для этого силы и средства.

Говоря о подготовке пролетарских специалистов, мы никак не можем обойти роли, которую при этом должны сыграть пролетарские организации и прежде всего профессиональные союзы. Здесь должен получить развитие тот принцип рабочей демократии, который говорит о внимательном постоянном отборе, выявлении и выдвижении из пролетарской массы наиболее активных и способных к развитию (в данном случае к развитию в культурно-техническом отношении) сил, в частности из пролетарской молодежи, но не только из нее. Относятся ли у нас профсоюзы достаточно внимательно и ответственно к каждому набору в технические вузы, не бывает ли чаще всего такого положения, что этот набор происходит совершенно стихийно? Есть ли у нас система откомандирования в высшие технические учебные заведения способных и активных хозяйственников, выдвинувшихся на производственной и технической работе в предприятии? Идя в этом и в других соответствующих направлениях, мы можем, если захотим, если попробуем и проделаем опыты, достичь таких результатов, при которых будет повышен качественный состав культурно растущего поколения новых специалистов. А нам нужны будут в будущем для большой работы не техники - кустари, не хозяйственники - самоучки, а специалисты, умеющие соединять практические навыки с широким техническим образованием.

От вопроса о специалистах перейдем к вопросу более общему. Нельзя не задуматься над тем, каким это образом шайка сознательных контрреволюционеров в Шахтинском районе, развивая свою деятельность, могла в течение целых шести лет водить за нос наши партийные, профессиональные, советские организации, работавшие в районе ее деятельности? Как это случилось, что взрывы, обвалы шахт, систематическая порча оборудования и т. п. факты экономического саботажа (вплоть до организации забастовок на советских предприятиях, избиения рабочих и контрреволюционной агитации) могли не обратить внимания хозяйственных, профессиональных и партийных организаций на деятельность шайки вплоть до того момента, пока ее не раскрыли соответствующие судебные и следственные органы? И это в то время, когда со стороны рабочей массы поступали неоднократные жалобы, которые, казалось бы, должны были вызвать самое пристальное внимание к непорядкам и их скрытой истинной причине.

Нельзя об'яснить этого явления отсутствием у всех организаций пролетарского недоверия к буржуазным специалистам. Несомненно, что здесь имела место более общая причина, заключающаяся в известном *отрыве от масс* данных организаций и учреждений, в недостаточной смычке их с массами в повседневной работе. Здесь сделали свое дело элементы *бюрократизации*, имевшиеся в организации.

Бюрократизм означает замену живого отношения к живому делу отношением бездушным и чисто-формальным. Бюрократизм всякое

живое дело способен загубить. Бюрократизм потому в особенности трудно одолимое зло, что он у нас связан с общей отсталостью и недостаточной культурностью кадров. В таких условиях наиболее действительной и достижимой гарантией от бюрократизма, от бездушного и формального отношения к делу, является постоянная теснейшая связь наших работающих аппаратов с широкой рабочей массой, с массой того класса, который служит неиссякаемым источником творческой энергии для строительства социализма.

Окончательное преодоление бюрократизма—дело трудное и долгое, которое мы осуществим лишь на пути культурной революции, на пути культурного под'ема масс трудящихся. Но непосредственный политический вывод, непосредственная директива, которую мы для себя должны извлечь из шахтинского дела, как директиву дня—это есть необходимость мер по углублению и расширению пролетарской демократии в наших организациях.

Развертывание пролетарской демократии,—это значит большая выборность, большая отчетность выборных лиц, большее вовлечение масс в работу организаций, расширение слоя привлекаемых к активному участию в работе по социалистическому строительству, усиленное втягивание массы в строительство социализма по всем его линиям. Идя по этому пути, мы будем излечивать наши государственные, профессиональные и партийные органы от бюрократизма, дыхание масс, непрестанно проветривающее эти органы, будет усиливать их, укреплять, сообщать им все большую гибкость и большую бдительность в борьбе с частнокапиталистическими элементами и с «дельцами» в роде тех, которые предстанут перед советским судом по шахтинскому делу.

Одним из начал пролетарской демократии является развитие самокритики во всей системе пролетарских организаций. Данный XV с'ездом нашей партии лозунг самокритики оказался настолько своевременным, что уже сейчас, в первые месяцы после XV с'езда, мы наблюдаем усиление самокритики в партийных организациях. Но не во всех организациях в этом отношении дело обстоит одинаково,—нам предстоит еще поработать и поработать над тем, чтобы перевести всю нашу партийную жизнь на рельсы вполне развитой, здоровой и деловой самокритики, способствующей правильному проведению партийной линии нашими организациями и очищающей эти организации от нездоровых явлений, элементов или нездоровых уклонов в работе. Мы еще далеко недостаточно подняли активность рабочих масс. Шахтинское дело еще и еще раз побуждает нас подчеркнуть важность развития самокритики не только в партийных, но и в других, прежде всего профессиональных, организациях в соответствующих им формам.

На профсоюзах, при этом, мы должны сделать особое ударение, потому что здесь еще ни разу партия за годы нэпа не проводила кампании за оживление массовой работы с той широтой и в том масштабе, какой необходим. К оживлению профсоюзов должно быть привлечено не меньшее внимание, чем то, какое партия уделила оживлению советов.

Партия преодолела троцкистскую оппозицию, нездоровое антипролетарское, мелкобуржуазное течение, пытавшееся легализовать за собой право «критики» нашей партии «со стороны», с точки зрения чужой, «второй», контрреволюционной партии. Оппозиционная критика была критикой с целью подрыва и срыва линии пролетарской диктатуры и руководящей ею ленинской партии.

Ликвидировав троцкизм, партия все силы направляет на разрешение громадных задач строительства социализма во всех областях общественной жизни,—на индустриализацию страны, на развитие коллективного хозяйства и кооперации в деревне, на культурную революцию и под'ем благосостояния трудящихся масс. Вместе с рабочей массой, чутко прислушиваясь к ее настроениям и требованиям, к критике, исходящей из ее среды, внимательно отбирая, выдвигая на активную работу все лучшее, что растет и развивается в среде пролетарской общественности, партия поведет рабочий класс так же несменно и уверенно, как вела до сих пор, к победам социализма, давая сокрушительный отпор контрреволюции во всех ее формах и видах.

П. Максаковский.

К теории цикла и динамике советского хозяйства[1]).

Выдающаяся книга В. Базарова ставит ряд важных теоретических проблем. В ней дана одна из наиболее углубленных попыток исследования структуры капиталистического цикла и критический разбор других процессов хозяйственной динамики (вековые движения, большие циклы), отмечаемых современными исследователями и систематиками кон'юнктуры. Уже этой своей стороной книга должна оказаться в центре внимания, учитывая из года в год растущий интерес к вопросам динамики капитализма.

За последние десятилетия накоплен значительный материал первичных наблюдений и систематизаций кон'юнктуры. Перед научной экономией стала задача дать связное, причинное об'яснение циклу и кон'юнктуре. Эту задачу до сих пор пробовала решить буржуазная экономия. По имеющимся разработкам можно судить, что задача в целом ей не по силам. Причины — общеизвестны. Марксистская экономия только поворачивается лицом к этой проблеме. За исключением отдельных постановок и замечаний Маркса, рассеянных по его экономическим трудам, а также разработок вскользь и попутно имеющихся у Гильфердинга, Р. Люксембург, Бауэра и др., не было до сих пор сколько-нибудь систематической попытки поставить и разрешить проблему цикла и кон'юнктуры.

Книжка Базарова и является этой исходной попыткой.

Однако, автор не ограничивает себя рамками капиталистического хозяйства. Вторую часть книжки он посвящает закономерностям динамики советского хозяйства. «Задачей настоящей работы,—говорит он,—... является попытка наметить в порядке первого, крайне грубого наброска некоторые динамические закономерности, присущие, с одной стороны, нормальному циклу классического капитализма, с другой стороны — «восстановительному процессу», пережитому за последние годы народным хозяйством СССР» (с. 15). Больше того, по ходу изложения книжки, по ее своеобразному внутреннему темпераменту, по частым экскурсам из «капиталистической» части в «советскую» и, обратно, можно безошибочно угадать, что центр интереса автора лежит именно в «советской» части. В. Базаров сумел увязать обе проблемы, сказать «новое» слово, как здесь, так и там. Посмотрим, насколько это было основательно сказано. Мы собираемся с одинаковым вниманием отнестись к обеим авторским «скрижалям».

Начнем, с «капиталистического» конца. Здесь Базаров поставил два основных круга вопросов: 1) вопросы непосредственно динамики капитализма, развертывающиеся в понятной связи: проблема воспроизводства — структура торгово-промышленного цикла и 2) методологические вопросы, на которые автор пробует опереть ход своего исследования. Начнем, естественно, с последних.

---

[1]) Настоящая статья заключает критический анализ работы В. Базарова «Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР». (Гиз, 1927 г.).

1. Методология Базарова.

Предложим высказаться самому автору. В. Базаров задается вопросом: «нельзя ли к общественным отношениям применить ту же самую систему основных категорий и единиц измерения, какая применяется точной наукой ко всем вообще материальным процессам»? (с. 17). И отвечает, что можно. Нет непроходимых различий между, скажем, предметами изучения психологии и социологии. Они «не представляют собой каких-либо материально обособленных областей природы; это лишь особые точки зрения на некоторые из тех процессов, которые в их натуралистическом аспекте бесспорно подлежат включению в общее уравнение энергии» (с. 35, разрядка моя. *П. М.*).

И в другом месте: «Строго говоря весь реальный мир есть такая система», покоящаяся на действии закона сохранения энергии (с. 21).

Серьезное, налагающее большую ответственность утверждение. Вопрос идет не о том, что любая область человеческого знания развивается по законам диалектики, вопрос идет о том, что поскольку каждая наука имеет свой «натуралистический аспект», имеет то или иное отношение к материальным процессам, то ее область может быть сведена к действию закона сохранения энергии. Мы сразу же отмечаем, что в применении к обществоведению это означает недооценку общественной расстановки людей и вещей.

Но персонифицируют общественные отношения люди, которых невозможно непосредственно отожествить с материальными условиями производства. Это не приводит пока в затруднение автора. «Так как состояние каждого «индивидуума», являющегося носителем энергии, определяется его положением в пространстве, местом, занимаемым им в поле общественных сил, — говорит он, — то силы эти должны иметь потенциал, а, следовательно, общественные процессы должны подчиняться закону сохранении энергии. Тем самым выполняются, как будто бы, все те предпосылки, которые необходимы для того, чтобы применить к обществу универсальную теорему о распределении энергии (с. 24, разрядка моя. *П. М.*).

Итак, вопрос принципиально решен. И материальный производственный процесс и общественная оболочка, в которую он заключен, могут быть изучаемы, исходя из законов естествознания.

Но зачем, спрашивается, эти искания, что руководит автором, когда он берется за столь важную и спорную проблему? Первое — «упорядочение» марксистской социологии. Нужно, говорит автор, «создать новую главу геофизики, в которой общественные явления исследовались бы теми же методами, как воздушные течения осадки, поднятие и опускание почвы и т. п. И если бы построенная таким образом геофизическая теория оказалась вместе с тем начатками социологии, как точной науки, мы сразу сделали бы гигантский шаг вперед в познании человеческого общества». (с. 17—18, разр. моя. *П. М.*).

Оказывается, вскрытые и сформулированные Марксом законы исторического развития недостаточны. Они должны принять характер естественнонаучной геофизической теории и только в таком виде обеспечат действительное познание человеческого общества. Старая, эклектическая, ревизионистская мысль!

Применение авторского принципа требует в первую голову разработки социологии «в энергетическом аспекте». Здесь открылись бы широчайшие перспективы влияния общества на свой экономический процесс. Оказывается, принцип сохранения общественной энергии дал бы

нам не только систему безупречных измерителей и строго обоснованных равенств для составления баланса народного хозяйства, но позволил бы вместе с тем «формулировать ряд универсальных закономерностей, предопределяющих основные линии развития производительных сил» (с. 22, разр. моя. *П. М.*).

Чарующие перспективы! Автор нигде не оговаривается, что он свои дары преподносит одной формации — социализму. Наоборот, из дальнейшего изложения мы увидим, что он свой реформаторский дух сосредоточил именно на капитализме. Именно для капиталистического хозяйства он стремился «формулировать ряд универсальных закономерностей, предопределяющих основные линии развития производительных сил». Здесь лежит его мечта овладения экономическим процессом на базе «точной» науки. Умаление значения специфических экономических законов, действующих в каждой формации,—вот первый результат, к которому приводит автора его методологическая установка. Однако, пора сформулировать мысли автора в целом.

Базаровым предпринята попытка «научно» обосновать социологию и экономию, путем перенесения естественнонаучной методики на общественные явления. По установлении критериев и форм этого перенесения — принципиальная возможность кажется автору неоспоримой — должна быть построена энергетическая теория общественного хозяйства, с основанием в виде закона сохранения энергии. Исходя из последнего конструируются ряды «универсальных закономерностей», которые заместят вскрытые и формулированные Марксом исторические и экономические законы.

Для начала автор упрощает вопрос. Опираясь на то, что в «натуралистическом аспекте» каждая наука имеет дело с материальными процессами, он выставляет тезис о возможности изучать эти процессы с точки зрения затраты и прекращения энергии—эргами, килограммометрами и др. единицами измерения. В такой локализованной постановке нет ничего «криминального». Если автор откроет этот способ измерения и докажет научную целесообразность своего занятия, он может своими выводами помочь научной организации труда и т. д.

Однако, автора вовсе не это интересует. Перед его энциклопедическим «взором» витают вовсе не «нотовские» цели. Он ставит проблему применимости «к обществу универсальной теоремы о распределении энергии», естественнонаучную отработку общественных явлений, как таковых. И здесь его попытка кончается полным банкротством.

Конкретно автор «срезался» на общественной формулировке закона сохранения энергии, т.-е. важнейшем исходном пункте. Перед автором во весь рост стала такая коллизия. «Общественным потенциалом» затраты человеческого труда при капитализме является понятие абстрактного, общественно-необходимого труда. Единственными формами естественнонаучного измерения энергетических затрат являются эрги, килограммометры, калории и т. д. Общественно-необходимый труд невозможно свести к этим физическим единицам, так как более квалифицированный рабочий по сравнению с менее квалифицированным создает большую ценность, хотя и затратит меньше энергии в ее физически улавливаемом выражении. Отсюда, пессимистически рассуждает автор, — «измерение продукта труда количеством затраченных эргов или килограммометров работы дало бы нам не общественную стоимость, а некоторую физическую величину, лишенную всякой социальной значимости» (с. 37, разр. моя. *П. М.*).

Но, мы были бы чересчур наивны, если бы подумали, что признанное самим автором банкротство его немарксистской попытки заставило его отказаться от самой установки, от самого подхода к переключению категорий естествознания на общественные явления. Нет и только нет, отвечает автор. Все дело в том, что он, Базаров, не мог сразу решить эту задачу. «Ошибка энергетических теорий общества заключается не в том, что они пытаются построить понятие общественного силового поля... а в том, что они делают это без достаточного критического анализа...» (с. 38). Поэтому должна приветствоваться и быть поддержанной всякая попытка в этом направлении.

Сам он, Базаров, на всем протяжении своей книги дает большое количество частных, естественно-математических конструкций и формул, которые должны об'яснять или помогать об'яснению явлений хозяйственной динамики. Накопление таких частных попыток подготовит в будущем грандиозный синтез. Такие «частные конструкции, поскольку они окажутся удачными, могут подготовить материал для грандиозной синтетической работы грядущего Ньютона социологии», заверяет он (с. 39, разр. моя. *П. М.*). Этот «грядущий Ньютон» упорядочит марксово наследство,—эти первые школьные пробы пера в области социологии.

В лице Базарова мы, несомненно, имеем дело с ревизионистской попыткой пересмотреть марксову методологию изучения общественных явлений, подвести под общественные явления естественнонаучную базу. Эти попытки не новы. Они вынашивались автором целыми десятилетиями. Но в данной работе они приняли обостренный характер прямого нападения на марксизм. Стремление стереть грани между естествознанием и обществоведением,—вот основной фокус попытки Базарова. «Идеал монистической универсальной науки является бесспорно высшей целью познавательной работы человечества»—декларирует он (с. 25 примеч., разрядка моя. *П. М.*).

Именно эта общая с А. А. Богдановым мысль оплодотворила «синтезирующие» попытки автора. Перенесение категорий естествознания на обществоведение «приближает» к осуществлению этой идеи. Невредно вспомнить, что говорил Владимир Ильич, когда впервые зародилась энергетическая теория общественного хозяйства у Богданова.

«Богданов,—говорил он,—занимается вовсе не марксистским исследованием, а переодеванием уже раньше добытых этим исследованием результатов в наряды биологической и энергетической терминологии. Вся эта попытка от начала до конца никуда не годится, ибо применение понятий... энергии, энергетического баланса и проч., и т. п., в применении к области общественных наук есть пустая фраза. На деле никакого исследования общественных явлений, никакого уяснения метода общественных наук нельзя дать при помощи этих понятий» [1]) (разр. моя). И Вл. Ил. с беспощадной остротой вскрывает корень этих не-марксистских попыток. Эмпириокритицизм, в одинаковой мере являющийся мировоззрением как Богданова, так и Базарова, «ведет, даже при самом искреннем сочувствии к выводам марксизма, к искажению исторического материализма претенциозно-пустой энергетической и биологической словесностью» [2]). И дальше Вл. Ил. прямо говорит «о неразрывной связи реакционной гносеологии с реак-

---

[1]) Н. Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм», с. 335, изд. 1920 г.
[2]) Там же, с. 336.

ционными потугами в социологии», осуществляющейся на примере указанных авторов [1]).

Теперь несколько слов о самой возможности подобных попыток. Стремление просто переносить методологию одной науки на другую прямо противоречит диалектическому методу. Диалектический метод применим ко всем областям человеческого знания. Но в зависимости от об'екта изучения он «порождает» особый методический аппарат каждой науки. В соответствии с этим законы естествознания выводятся из специфической структуры движения и превращений материи и только к ним приложимы. Общественные, экономические законы—неот'емлемая часть движения «социальной» материи, отражая собой закономерность людских отношений, складывающихся по иному на каждой решающей ступени развития материальных производительных сил. То обстоятельство, что материальный процесс производства, который определяет существование и развитие общества, может быть рассмотрен с естественнонаучного угла, ни в какой мере не определяет и не касается взаимоотношений людей в этом процессе, общественной обусловленности течения производственного процесса, которая и отливается в форму общественных «законов». Специфическая структура этих законов целиком исключает попытки захвата области обществоведения естественнонаучной методикой. Если же эти попытки имеются налицо, то они в качестве первого своего результата сказываются в умалении общественной формы, скрадывании различий между социализмом и капитализмом. Тем самым, научно-методический аппарат любой науки, тем более таких противоположных по об'екту изучения, как естествознание и обществоведение, не может ни при каких условиях быть перенесенным на изучение другого об'екта.

Больше, недопустимо смешение методических приемов исследования родственных наук одного цикла. Нельзя, например, только при посредстве метода диалектики и исходя из категорий исторического материализма, вскрыть закономерности капитализма. Для этого нужен особый методический арсенал, представляющий собой видовую конкретизацию диалектического метода в применении к данной области общественной науки. В свою очередь методы теоретического изучения капиталистического хозяйства негодны для изучения сложившегося социализма и т. д. Базаров теоретически и на деле отрицает это важное положение марксистской методологии. Обанкротившийся на попытке применить категории физики для анализа качественных экономических узлов, он пробует взять реванш на исследование количественных закономерностей динамики капитализма. Приведу наиболее разработанную его попытку, которой он «скромно» гордится.

Начнем опять-таки с методологического введения. «Можно ли... пользоваться для отыскания количественных закономерностей в социальной жизни «аналогиями» с построениями натуралистов?» (с. 66). И отвечает, что можно,—«единство метода вполне законно там, где качественно различные явления имеют тождественные организационные связи, где материально различные процессы формально одинаковы, обладают одной и той же структурой» (с. 66, разр. автора. *П. М.*). В результате можно построить схематические «модели» сложных процессов, помогающих их уяснению. «Если он (метод. *П. М.*) встречает упорную оппозицию в обществоведении, то в значительной степени просто потому, что в среду обществоведов соответственные навыки мышления до сих пор не проникли» (с. 66). А в другом месте автор выразился еще более ясно—благодаря невежеству обществоведов.

[1]) Там же, стр. 342.

Как олицетворение новых навыков экономического «исследования» автора, приведу следующую «структурную аналогию», касающуюся тождественности процесса насыщения рынка с протеканием реакции обменного разложения. «Так как получающийся в результате реакции углекислый газ улетает в воздух (товар, вступив в сферу потребления, исчезает с рынка), то процесс идет до конца, до полного превращения всех молекул в молекулы поваренной соли (до полного насыщения платежеспособного спроса всех потребителей, имеющих нужду в товаре)... Покупатели нашего товара, в отличие от молекул, одарены сознанием и волей: их намерения, планы, расчеты бесконечно разнообразны, но, во всяком случае, не более разнообразны, чем те стихийные толчки, которые непрестанно испытывают находящиеся в растворе молекулы»... и т. д. (с. 70).

Итак, формальная аналогия помогла. Найден общий язык между естественным и общественным явлением. «Блестяще» доказанная попытка завершается математической формулой, которой «выражается закон насыщения рынка в его простейшем виде». Общественно-хозяйственный процесс пойман, дисциплинирован и крепко заперт в математическую формулу, выведенную автором не на основе анализа общественного процесса, а... химической реакции.

Эта подмена не происходит бессознательно для автора. Она—прямой результат его методологического подхода. Для него нет проблемы в возможности отожествлять по формальным признакам общественный и естественный процесс, он исходит из этой возможности, как неоспоримой, данной более «научным», «глубоким» подходом, чем марксов метод.

Можно ли пользоваться в качестве иллюстрации отдельными сравнениями и примерами из ествествознания? Несомненно. К ним неоднократно прибегал Маркс (всп. I гл., I т., «К.»). Однако, это не означает, что при помощи формально, искусственно подогнанной аналогии между естественными и общественными процессами, можно сформулировать ту или иную общую или частную экономическую закономерность. Ни в каком случае. На деле получается вливание в естественную закономерность общественного явления с десятками ограничений и обусловливаний.

Этот упор на формальное тождество приводит неизбежно к перегибу в сторону не-диалектического, формального подхода, который затемняет сущность самих экономических процессов. Что может дать превращение людей в «социальные молекулы», рассматриваемые соотносительно с «химическими молекулами»? [1]). Ничего, только запутывается вопрос, разрывается единство экономического анализа, на первый план выступают метафизические вопросы сходства и различия, при полном забвении качественной сущности.

Для Маркса построение «модели»—теоретическая отработка типовых, качественных отношений капиталистического хозяйства. Этот прием имеет огромное познавательное значение, так как позволяет сложный капиталистический комплекс распластать на ряд составных его элементов, дать теоретический слепок отдельных частей этого взаимодействующего целого. В «конструкциях» Базарова, наоборот, господствует формальная аналогия, которая «обрабатывает» экономические явления не в соответствии с их внутренней диалектической связью, а, наоборот, вырывает их из контекста этой связи и придает им цвет и окраску, заимствованную у естественных явлений, которые являются исходным звеном у просвещенного «аналитика» и становятся в его руках орудием распознавания «скрытых» тайн экономического процесса.

[1]) Перв. ст. В. Базарова, «План. Х-во», 1926. № 4, с. 114, 117.

Считая ревизией марксовой методологии попытку переключить общественные законы в категории естествознания, считая по существу продолжением этой попытки построения частных «структурных аналогий», когда общественные процессы, вырываясь из их внутренней связи, обрабатываются под углом естествознания, мы не отрицаем познавательного значения отдельных иллюстраций и сравнений с естественными процессами—раз, применения математики к анализу количественных закономерностей экономики — два.

Здесь не место останавливаться на этом подробно. Математические формулы, которыми оперирует Базаров, это—формулы естествознания, которые он в целом или с модификациями, стремится перенести на круг общественных явлений. Поэтому, они неприменимы по большей части. Другое дело математическая отработка отдельных общественно-экономических процессов, взятых в их внутренней диалектической связи. Поскольку идет вопрос об исследовании количественных закономерностей и более наглядном выражении действия основных экономических категорий, перед математикой—большие перспективы. Не являясь самостоятельным орудием познания экономического процесса, математика умелым, методологически-проверенным использованием ее внутренних трансформаций, способна придать более четко очерченные контуры отдельным звеньям теоретической системы капитализма.

Немарксистская методология Базарова является той общей основой, на которой развернулись принципиальные и конкретные ошибки последнего в исследованиях закономерностей капиталистической и советской динамики.

2. Структура капиталистического цикла.

Базаров значительно продвинул вперед исследование структуры торгово-промышленного цикла. Им сформулирован ряд интересных соображений, касающихся общеструктурной линии цикла и его движущих элементов. Однако, систематической разработки теории цикла у автора нет. Он ограничился исследованием общеструктурной линии,—выставил и обосновал «причину» цикла и очень кратко, схематически зарисовал его отдельные фазы. Но механизм цикла,—механизм реального капиталистического воспроизводства, как он протекает на базе меняющихся ценностных и ценовых соотношений,—автор почти не исследовал. Больше, в самом подходе к этой задаче Базаров обнаружил серьезнейшие ошибки, которые впоследствии сказались на исследованиях им динамики советского хозяйства.

Начнем с движущих толчков цикла. Базаров значительную часть своего исследования посвятил разработке марксова тезиса, что исходным толчком капиталистического цикла является переход производительных сил с низшей на высшую ступень. «Своеобразие развитой нами структурной схемы заключается... в том, что она рассматривает рост производительности труда как стержень всего цикла. Самый цикл, является с нашей точки зрения, лишь характерной для капитализма формой перехода с низшего уровня производительности труда на высший» (с. 55). Это—бесспорно правильная мысль. Автор не забыл упомянуть, что отмеченное им «своеобразие» открыл еще Маркс [1]).

Однако, Базаров не ограничился тем, что сказал Маркс, он «попытался» пойти дальше. Можно вообще говорить о циклической динамике, присущей капитализму, заявляет он, но последняя не обязательно обнаруживается во все исторические этапы капитализма. Когда дан толчок циклу в виде под'ема производительности труда, депрессия неизбежно

[1]) Маркс, «К.», II т., с. 158, изд. 1923 г.

перерастает в под'ем, тем самым «все дальнейшие фазы цикла, вплоть до кризиса и новой депрессии, предрешены автоматизмом капиталистического процесса. Но нельзя того же сказать о самом толчке, выводящем хозяйство из депрессии... Запасы возможных технических улучшений всегда имеются в распоряжении капитала, но бывают эпохи, когда эти запасы пополняются сравнительно медленно и являются недостаточными для того, чтобы в период депрессии создать мощное повышение уровня, способное вызвать к жизни полнокровный капиталистический цикл. Тогда депрессия становится хронической, колебания производительности труда происходят, но в итоге их общий уровень не повышается, или повышается настолько медленно, что бурные периоды капиталистического расцвета не возникают» (с. 48, разрядка моя. *П. М.).* И, как на живой исторический пример, Базаров указывает на длительную депрессию 70—90-х годов прошлого столетия.

Общее положение, лежащее в основе рассуждений автора,—что, не будь технического под'ема, не было бы цикла,—безусловно верно. Однако, неправильно сводить зависимость цикла от технического сдвига к простой функциональной зависимости. Вопрос значительно сложнее. Во-первых, капитализм не знает периодов полного застоя техники, тем более при действии свободной конкуренции (70—90-е годы). Во-вторых, если даже и согласиться с мыслью о слабом приросте техники, нет оснований утверждать о замене цикла хронической депрессией, как это делает Базаров. Причины в следующем.

Переход общественного производства на новый технический уровень в период депрессии имеет не одну, а две ступени. Как общее правило, сократившийся спрос насыщают передовые в техническом отношении предприятия, которые и в условиях низких цен могут реализовать прибыль. Средние и низшие группы навсегда, или временно, сходят со сцены. Уже этим выпадением последних технический уровень производства переместился выше. Капитализм перешел на максимальную ступень достигнутой им техники, но которая была исключением, а не общим правилом, во время под'ема. Так получается первый технический сдвиг, связанный с моральным износом оборудования низших групп. Отсюда уже начинает течь струя платежеспособного спроса, которым депрессия перерастает в под'ем.

Однако, периодов полного прекращения технических изобретений не знает капитализм. Это чуждая капитализму фантазия мыслителя. Переоборудующиеся предприятия берут курс на еще более высокий, чем функционирующая группа, уровень техники,—дальше продвигают цепочку рационализации и реконструкции. В результате—не «хроническая депрессия» Базарова, а доподлинный цикл.

Но нас «оригинальные» моменты Базарова могут интересовать и в другой связи. Нет значительного прироста технических изобретений—нет условий перерастания депрессии в под'ем, следовательно, нет нормального цикла, состоящего из трех основных фаз,— его замещает длительная депрессия. На определенном историческом этапе, оказывается, кризис исчез, фигура «реального воспроизводства» потеряла свою циклическую форму. Оказывается, и при капитализме может временно затухать цикл. Независимо от мотивов вывод Базарова сближает его с буржуазной экономией. Туда же клонят его сомнения в автоматизме цикла. «Господствующее в настоящее время представление о кон'юнктуре, как саморазвивающемся процессе, где депрессия автоматически родит под'ем и наоборот, нуждается в поправке. Если кризис (или депрессия) с неизбежностью вытекает из предшествующего под'ема, завершением которого он является, то под'ем еще не дан предшествующей депрессией: между

ними всегда есть разрыв...» [1]). Это для Первушина понятно. У него цикл открывается «вступлением в действие мощных факторов особого порядка, не стоящих в неразрывной связи с предшествующим состоянием кон'юнктуры (большой мировой урожай, крупный технический сдвиг» [2]). Другими словами, выделив технику на положение извне действующего фактора, Первушин пришел к отрицанию автоматизма цикла.

Но соображения буржуазного эклектика Первушина не закон для «марксиста» Базарова. Базаров не может не знать, как осуществляется технический прогресс в рамках капиталистического хозяйства: 1) производственные отношения капитализма в каждый данный момент срастаются только с той материально-технической оболочкой, которая в состоянии выдерживать «тяжесть» этих отношений, т.-е. обеспечивать их расширенное воспроизводство; 2) неодинаковость органического строения производства является постоянно действующим моментом применения технических изобретений, при чем этот процесс приобретает исключительно массовый характер в послекризисный период, в момент наивысшего обострения конкуренции; 3) в капиталистической системе, никогда равномерно не используется вся сумма имеющихся технических изобретений: задержка в росте технического строения производства в период под'ема, сопровождается исключительно массовыми реконструкциями и рационализациями во время депрессии. Правильное одной стороной положение Базарова, что периоды радикальных технических революций создают исходную почву для ярко выраженного цикла, не означает ни в какой мере исчезновение нормального цикла в промежуточные периоды. Как там, так и здесь, на всем протяжении сложившейся капиталистической истории до полосы краха функционирует нормальный цикл (распадающийся на три основных фазы), как специфическая форма течения реального капиталистического воспроизводства.

Маркс своими замечаниями не оставил ни малейшего сомнения на этот счет. «Как небесные тела, раз они приведены в известное движение, постоянно повторяют его, совершенно так же и общественное производство, раз оно брошено в это движение попеременного расширения и сокращения, постоянно воспроизводит его. Следствия в свою очередь, становятся причинами, и сменяющиеся фазы всего процесса, который воспроизводит свои собственные условия, принимают форму периодичности» [3]) (разрядка моя. *П. М.*).

В этой цитате Маркс совершенно ясно говорит о непрерывном воспроизведении условий самой цикличности—«процесса, который воспроизводит свои собственные условия», неизменно и постоянно. Здесь нет и намека на... разрыв отдельных его условий.

Там же Маркс совершенно ясно показывает, что если и говорить об исходном толчке, то цикличность знает один толчок—сложившуюся систему капиталистического производства — и только. Именно здесь заложен заряд постоянно действующего автоматизма цикличности. «Только с того времени, когда механическая промышленность пустила столь глубокие корни, что она стала оказывать преобладающее влияние на национальную промышленность... когда, наконец, промышленные нации, вступившие в конкуренцию друг с другом, сделались достаточно многочисленными,—только с того времени выступили те все снова и снова повторяющиеся циклы... которые каждый раз ведут к всеобщему кризису, завершающему один цикл и начинающему новый» [1]) (разр. моя. *П. М.*). Дальнейшие аргументы излишни.

[1]) Первушин, «Хоз. Кон'юнктура», с. 69—70, изд. 1925 г.
[2]) Там же, с 55.
[3]) Маркс, «К», т. I, изд. 1923 г. С. 625.

Базаров смешал две вещи: резко выраженный цикл с максимальными изломами кон'юнктуры и более слабо очерченную цикличность. Выделив последнюю на положение «особой структуры» капиталистического цикла, характеризующуюся другим более упрощенным строением («хроническая депрессия»), Базаров для обоснования «причин» этого явления произвел ревизию марксова тезиса об автоматизме цикла, приблизившись в этом вопросе к Первушину и др. буржуазным экономистам.

Кроме того, постановка Базарова неправильна и в ее методологическом разрезе. Базаров конструирует свои замечания, исходя из взаимодействия факторов «чистого» капитализма, а в качестве подтверждения берет конкретно-капиталистическую динамику 70—90-х гг. «Фактические данные,—говорит он,—вполне подтверждают... построенную выше схему структуры капиталистического цикла» (с. 53). Это положение верно лишь в своей основе. Поскольку циклическое течение воспроизводства присуще только капитализму, эта конкретная форма динамики обнаружится и на поверхности конкретно-капиталистического развития, как оно слагается из взаимодействия капитализма с некапиталистической средой, влияния урожаев на кон'юнктуру и т. д. Короче—историческое господство капитализма, должно обнаружиться и в господстве присущей ему формы динамики.

Переход производительных сил с одного уровня на другой—более повышенный—главное условие цикличности. Однако, на ряду с этим основным фактором на конкретный цикл воздействует множество других: внешний рынок, урожай, политические события и т. д. Не определяя и не отменяя качественного строения цикла, они определенными сочетаниями сильно влияют на конкретную структуру цикла: определенное течение под'ема, кризиса, депрессии. При этом совершенно необязательно, чтобы действие этих влияющих факторов всегда совпадало с направлением действия главного. При небольшом техническом сдвиге масштаб производства может широко развернуться на базе вновь открытых рынков или влияния хорошего урожая, резко повысившего покупательную способность сельского населения и т. д. Здесь возможны самые разнообразные комбинации. Если технический сдвиг—основная предпосылка цикла, то это еще вовсе не означает, что конкретная физиономия цикла будет простой его фотографией. Это особенно уместно отметить по отношению к эпохам, характеризующимся замедленным техническим прогрессом.

Не учтя всей сложности картины, Базаров впадает в элементарное противоречие. Он кропотливо высчитывает соотношение под'ема производительности труда и прироста продукции в 70—90-е гг. и непосредственно отсюда восходит к выводам об «особой структуре» цикла за «этот период». Это, по меньшей мере, однобоко. Но и в пределах своей неудовлетворительной постановки Базаров не в состоянии фактами обосновать свой тезис. Так, исследуя зависимость масштаба производства от под'ема производительности труда, он находит основание говорить о «хронической депрессии» только по отношению к Франции. Рассмотренная им динамика германского хозяйства (металлургия) ни в малейшей степени не подкрепляет его построений, в чем он сам откровенно признается (с. 52).

Однако, это еще не все. Выведенная им кривая производительности труда металлургии Франции описывает странные, непонятные зигзаги. Начиная с 1875 и кончая 1900 г., мы имеем четыре попеременных чередования

[1]) Маркс, «К», I т., 1923 г., с. 625.

под'ема и глубоких падений производительности. Как можно об'яснить эти глубокие падения производительности, автор нам не раз'ясняет. Мы же лишены возможности их уразуметь.

Рост производительности труда при капитализме непосредственно выражается в повышении технического строения производства. Если отвлечься от дороговизны сырья и оборудования, резкие снижения производительности можно об'яснить лишь отказом от производства на добытом уровне техники и переходом на низший, или массовым ослаблением нормы эксплоатации. Но, это противоречит всему двигательному механизму капиталистического производства. Автор не об'ясняет нам всей механики выведения им кривой производительности, мы же, исходя из общеизвестных марксистских положений, в праве поставить под сомнение познавательную точность сконструированной им схемы. Тогда все аргументы, «доказывающие» неправильное положение автора, сами собой отпадают.

Общий вывод, который можно сделать, звучит следующим образом. Попытка Базарова дать об'яснение конкретной структуры капиталистического цикла окончилась неудачей. Она привела его: 1) к отказу от марксовой постановки автоматизма цикла и тем самым приблизила к буржуазной экономии; 2) к отказу от монистической структуры цикла в применении к различным историческим отрезкам сложившегося капитализма; 3) к недостаточному разграничению действия качественных предпосылок цикла и его количественных факторов. Базаров чувствует неувязку своего анализа с последней стороны и пробует найти выход из положения.

Марксист,—говорит он,—«не может довольствоваться констатацией множественности факторов хозяйственного оживления; под видимой множественностью разнородных факторов скрывается единый по своему экономическому смыслу процесс». Посмотрим, как это выглядит. «В самом деле,—рассуждает автор,— крупный урожай, реально повышающий платежеспособный спрос значительной массы населения, бесспорно в состоянии вызвать перелом депрессивной кон'юнктуры. Но что такое урожай в производственном аспекте? Не что иное, как временное повышение производительности труда в полеводстве, вызванное, правда, не техническими улучшениями, а благоволением небес, но от этого ничуть не менее реальное» (с. 57). Итак, и «благоволение небес» трудится над укреплением мысли автора. Но, этого мало. «То же самое можно сказать о капиталистической экспансии», продолжает он. И «вновь открытый рынок, повышенный урожай и всякий иной «фактор» означает «повышение среднего уровня производительности труда», «стимулирует основной метод преодоления депрессии» (с. 58).

Итак, урожай, это — повышение производительности труда, «вновь открытый рынок» не обозначает по «существу» ничего иного. Помимо этих форм, существует ранее исследованный уровень производительности труда, опирающийся на рост техники. Подобная мешанина представляет собой прямое искажение марксистского понятия производительности труда. Маркс много положил труда в своей теории ренты для доказательства принципиальных различий и недопустимости смешения производительности труда, определяемой непосредственно природными данными (плодородие, урожай), и производительности труда, как выражения технического строения производства. Достаточно сказать, что, именно исходя отсюда, он вывел специфические особенности производства и ценообразования в сельском хозяйстве. Это первое. Второе: никакого повышения производительности труда непосредственно не вытекает из открытия нового рынка. И уже совершенно другой вопрос, что и урожай и новый рынок воздействуют на ход капиталистического воспроизводства, тем самым на ход цикла. Для понимания этого воздействия совсем не следует растворять эти факторы в производительности труда. Они—законные, влияющие условия конкретного воспроизводства.

«Растворительная» попытка автора об'ясняется тем, что он с самого начала не разграничил «чистое» и «конкретное» воспроизводство. Исследуя конкретный цикл, автор упорно не сходит с позиций, определяющих «чистый» капиталистический цикл. Невозможность отмахнуться от таких крупнейших факторов цикла, как урожай и внешний рынок, приводит к попытке растворить их целиком и без остатка в понятии производительности труда. Если воспользоваться «аналогиями», к которым питает такое пристрастие автор, то исходя из его постановки можно растворить производственные отношения в понятии производительных сил только на том основании, что они влияют на их развитие.

Таким образом, неразграничение факторов «чистого» и «конкретного» цикла, неуменье рассмотреть циклическую закономерность в этих двух последовательных разрезах исследования приводит к чудовищному отожествлению различных и различно влияющих факторов. Кстати, что бы должен сказать Базаров, если бы с техническим под'емом совпал сильный неурожай? Производительность капиталистического производства и производительность «небес» пришли бы в явное противоречие. Как бы его разрешил автор?..

Но, даже принимая всю постановку автора в ее «чистом» виде, мы не освобождаемся от глубоких противоречий. Урожай, новый рынок (предполагается некапиталистический рынок)—предпосылки «технической и организационной перестройки ведущих отраслей капиталистической промышленности» (с. 58), они «лишь постольку облегчают выход из депрессии,—говорит автор,—поскольку действие (их) сводится к повышению производительности труда» (с. 58). Но мы в праве сомневаться в применимости этого соображения автора к периодам, характеризующимся замедлением прироста техники.

Как может в этом случае производительность «небес» и новых рынков сказаться в «технической и организационной перестройке», если налицо нет прироста техники, а следовательно, и развертывания масштаба производства. Последовательная авторская мысль должна была бы отрицать возможность под'ема в подобном случае. Или под'ем—«главная структурная линия» летит у автора вверх тормашками, или нет под'ема—не действуют вновь открытые рынки и урожаи, что целиком противоречит конкретным историческим фактам. Эту коллизию не может преодолеть авторская «теория», потому что она отошла от Маркса в этом вопросе. Это—«роковой» исход всех самостоятельных авторских построений.

Нет периодов, характеризующихся полным застоем техники, нет периодов, когда бы на конкретную структуру цикла не влияли факторы, вытекающие из сожительства капитализма с некапиталистической средой. Отожествлять эти факторы, значит упрощать капитализм, спутывать то, над разграничением и методологической отработкой чего столько потрудился Маркс. Это стремление к об'единению, «синтезированию», упрощению проникает все изложение Базарова. Причина указанного явления нами была указана выше. Она заключается в немарксистской методологии автора, в стремлении амальгамировать, сводить друг к другу на основе только формальных признаков качественно различные явления, спутывать различные процессы и т. д. К этому обязывает осуществление «светлого» «идеала монистической науки» тектологии.

* * *

Теперь займемся другой группой ошибок Базарова, связанных с механизмом развертывания цикла.

В книжке Базарова есть все три исходных звена для исследования капиталистической динамики: схема воспроизводства—структура цикла—основные элементы теории кризисов. Однако, эти звенья не увязаны между собой: 1) Базаров не установил основные ступеньки перехода от идеально-схематического воспроизводства к его реальному течению; 2) Базаров не увязал общей теории кризиса Маркса с реальным кризисом, как составной частью циклической «фигуры» капиталистического воспроизводства.

Указания на рост производительности труда, как исходный толчок цикла, совершенно недостаточно. Необходимо было показать механизм движения цикла: как повышение уровня производительных сил изменяет ценностные соотношения общественного производства, какое выражение этот процесс находит в динамике рыночных цен, кредите. Вне этих «ценностных манипуляций» невозможно проследить нарастание противоречий между производством и потреблением, поэтому нельзя дать реальный разрез капиталистического кризиса. Собственно, эти ценностные соотношения и сообщают повышению производительности труда характер «причины» цикла, больше—«создают» это повышение, неминуемо сказывающееся кризисом перепроизводства.

Базаров не дал и не мог дать ценностного механизма цикла, так как он недооценивает неорганизованный характер капиталистической системы. Базаров упрощает капитализм и это упрощение дает ему впоследствии возможность умалять и скрадывать различия советского и капиталистического хозяйства.

Помимо раньше приведенных положений, это особенно ярко обнаруживается на переоценке роли кредита в циклической динамике капитализма.

Кредит,—говорит Базаров,—создает «верхушку повышательной волны, фазу «расцвета», необходимым диалектическим дополнением которой является кризис» (с. 67). Исключить кризис—«это значит: устранить капиталистическую систему кредита, условно допустив, что ее вовсе не существует, или же, что она сосредоточена в руках государства, планомерно регулирующего финансово-кредитное дело»... Тогда,—продолжает автор,—производство «все время и во всех своих частях будет находиться под контролем реального спроса и потому подойдет к насыщению этого последнего плавно, без ажиотажа и кризиса» (с. 67—68, разр. моя. *П. М.*).

Укажем, прежде всего, на внутреннее противоречие, в которое впадает мысль автора. Цикл—результат перехода производительности труда на более повышенный уровень. Неизбежность этого перехода диктуется низкими ценами во время депрессии. Низкие цены—неизбежное следствие взорвавшегося кризисом перепроизводства. Исключая кредит мы имеем плавное насыщение рынка, постоянно действующий контроль реального спроса «все время и во всех частях» производства. Значит, не может возникнуть перепроизводство, а раз так, не будет низких послекризисных цен, не будет условий быстрого перехода производительных сил на более высокий уровень — цикл исчезнет.

В этой (который раз!) авторской «коллизии», как в зеркале, отражается непонимание анархии капиталистического хозяйства, ее преуменьшение. Анархия капиталистического воспроизводства с его резкими потрясениями сводится автором к кредиту. Вне кредита нет реального кризиса, никогда не возникнет противоречие между производством и потреблением. Государственная организация кредита, в контексте мысли Базарова, означает «плановый» капитализм,—капитализм, в котором не будет кризисов, проистекающих из его внутренней структуры. Если для Гильфердинга, Каутского в качестве предпосылки «планового» капитализма необходимо овладеть всем механизмом ценообразовании, превратить закон ценности в конституированный закон «организованного целого в антагонистической форме»,—это прежде всего, то для Базарова достаточно государственной организации кредита, чтобы покончить с кризисами, «обресть» если не целиком организованный, то «упорядоченный» капитализм. Это не марксистская, легкомысленная установка.

В этой серьезной ошибке Базарова отражается, прежде всего, непонимание всей сложности и специфической значимости законов ценообразования капитализма. Там, где закон ценности сводится преимущественно к его количественному выражению—«количество труда, которого стоит продукт» (примеч. с. 36), независимо от общественной формации, там всегда будет недооценка основного выражения анархии—в законах капиталистического ценообразования и конкуренции, и переоценена роль вторичного признака анархии—кредита.

Маркс совершенно иначе ставит вопрос: «Реальный кризис,—говорит он,—может быть представлен лишь в реальном движении капиталистического производства, конкуренции и кредита» [1]). Реальное движение капиталистического производства это—прежде всего действие развернутого механизма ценообразования, «рабочим инструментом» которого является конкуренция. Нарушения нормального ценообразования являются основным выражением назревания основного противоречия капиталистического хозяйства—противоречия между производством и потреблением.

Так и не иначе, ставит вопрос Маркс: «Кризисы,—говорит он,—обусловлены изменениями и революциями в ценах, которые не совпадают с изменением ценностей товаров»... [2]) (разр. моя. *П. М.*). Именно здесь, в нарушениях ценообразования, в силу отрыва рыночных цен от изменяющейся величины ценностей товаров, обостряются противоречия капиталистического хозяйства, взрывающиеся кризисами. Что касается кредита, то это—вторичный фактор. Не «создавая» кризиса, тем самым цикла, он усугубляет наметившиеся диспропорции во время под'ема, способствует перерастанию депрессии в под'ем, обостряет течение кризиса. Так и только так Маркс ставил вопрос о роли кредита. Не в бровь, а в глаз Базарову попадает следующее замечание Маркса. «Поверхность политической экономии обнаруживается между прочим в том, что расширение и сокращение кредита—простые симптомы сменяющихся периодов промышленного цикла—она признает их причинами»... [3]) (разр. моя. *П. М.*). Не выдвигая кредит исходным толчком цикла, Базаров тем не менее связывает с ним существование капиталистического кризиса, а следовательно, цикла.

Итак, для Маркса реальный кризис можно вывести только на основе развернутого действия законов ценообразования капитализма и кредита, для Базарова—только кредита. Маркс выдвигает нарушения ценообразования основным моментом «проявления» кризиса, Базаров целиком сводит всякие возможные нарушения к воздействию кредита. Следовательно, для Маркса цикл обнаружится уже при «переводе» общественного производства

[1]) Маркс, «Теории», т. II, ч. 2, с. 180.
[2]) Там же, с. 217.
[3]) Маркс, «К», I т., изд. 1923 г., с. 625.

на базу развернутого механизма ценообразования: ценность—цена производства—колебания рыночных цен, для Базарова реальный кризис, а тем самым цикл (ибо вне кризиса нет цикла), обязаны своим существованием модифицирующему воздействию кредита на ход общественного производства. Две противоположные установки.

К слову сказать, отдельные буржуазные экономисты более правильно расценивают роль кредита, чем Базаров. «Кредит сам по себе не может увлекать экономическую жизнь на ложный путь», говорит Бунятян...[1]. Но, основная толща буржуазной экономии как раз нарушениями в сфере кредита об'ясняет феномен цикличности. Базаров, приблизившись к ним в вопросе автоматизма цикла, сдал марксистские позиции и в оценке роли кредита.

Важность и серьезность ошибок Базарова, пробующего опираться на Маркса и скатывающегося каждый раз к буржуазной экономии, заставляет несколько подробнее развить основные моменты теории цикла Маркса.

Цикл—форма («фигура») течения капиталистического воспроизводства за более или менее определенные отрезки времени. Вне сложившегося капитализма, цикл не проявлялся и не сможет проявиться. Он обязан своим существованием специфической структуре капиталистического хозяйства, являясь формой взаимодействия производственных отношений капитализма с течением материального производственного процесса.

Различие общественных формаций обязано своим существованием характеру сочетания материальных и личных факторов производства. Основная особенность капитализма заключается в отделении производительной рабочей силы от средств производства. Из характера воссоединения их вытекает действие законов, ограничивающих долю рабочего класса в произведенной ценности. Отсюда—«недопотребление» рабочих масс, отсутствие соответствия между способностью капиталистического производства к массовому расширению и величиной личного платежеспособного спроса, неизбежность созревания противоречий.

Дальше, капитализм, как неорганизованная система, характеризуется стихийным механизмом уравнивания меняющихся величин общественного производства и потребления независимо от того, имеем ли мы дело с личным, или производительным потреблением. В основе этой стихийности лежит характер действия закона «равновесия» и движения капиталистической системы—закона ценности. Это—наиболее общий и в то же время родовой признак капиталистической анархии, на оси которого развертываются противоречия, проистекающие из факта поляризации средств производства и производительного труда.

Следовательно, анархия капиталистического хозяйства носит как бы «вздвоенный» характер: на ряду с основным противоречием между производством и потреблением мы имеем специфическое выражение в противоречии между производством и величиной личного платежеспособного потребления. Проявление первого противоречия в общественном масштабе неизбежно будет означать наступление второго, и, наоборот, противоречие между производством и личным потреблением не может проявиться в общественном масштабе, не обнаружившись в общем противоречии между производством и потреблением. Отсюда в реальном кризисе проявляется назревшее противоречие, как между производством и потреблением вообще, так и особое противоречие между более быстро выросшим производством и отставшим потребительским спросом.

[1] Бунятян «Экономич. кризис», с. 106.

Сам же цикл—процесс созревания, взрыва и изживания этих противоречий, пронизывающих весь ход общественного воспроизводства.

Маркс, конструируя свои схемы общественного воспроизводства, выключил действие капиталистической анархии. В своем ценностном выражении схемы дают совокупное движение капиталистического хозяйства в его идеально-схематическом виде. «Пропорциональности» I и II подр. отражают ценностную пригонку бесчисленного количества отдельных отраслей по всему совокупному производственному фронту, предполагающую пропорциональность распределения труда по отраслям. Последнее, в свою очередь, означает не только соответствие производительного потребления производству, но и личного спроса. Пропорциональность личного спроса общественному производству выступает в данных условиях, как простая функция производственной пропорциональности.

Включение капиталистической анархии неизбежно будет означать нарастание противоречий по обоим указанным направлениям одновременно. Поэтому капиталистический кризис есть выражение капиталистической анархии, которая обнаружится одновременно на обеих своих плоскостях: в диспропорциональности между I и II подр.—производительный спрос, и между II подр. и личным потреблением—потребительский спрос. Это происходит в той мере и степени, в какой распределительные отношения и формы потребления суть обратная сторона самих производственных отношений.

Посмотрим, как осуществляется эта закономерность в механизме течения цикла.

Мы уже неоднократно говорили, что необходимым «толчком» цикла является массовое возмещение основного капитала в послекризисный период. Проистекающее отсюда быстрое повышение платежеспособного спроса (вначале на продукцию I, а затем и II подр.) наталкивается на невозможность его немедленного удовлетворения. Налицо—относительное недопроизводство. Для удовлетворения обнаружившегося спроса необходимо значительное расширение производственного аппарата. Никакие переливы капиталов из сферы обращения, массовое кредитование и капитализации прибавочной ценности не помогают. Наоборот, превращение капитала из денежной формы в производительную на первых порах ничего другого не означает, как усиление платежеспособного спроса при все более сокращающейся возможности его немедленного удовлетворения. Недопроизводство обостряется. Рыночным выражением этого обострения является повсеместный отрыв рыночных цен от цен производства (ценности) вверх.

Но обмен товаров по ценности (цена производства) является основным устоем «подвижного равновесия» системы. Всякое отклонение рыночных цен вверх и вниз от ценности неизбежно влекло соответствующие перемещения капитала в направлении выравнивания нарушенной «пропорциональности». Закон «равновесия» проявлял свое действие непосредственно после нарушения «пропорциональности». В результате этого, если и не могло осуществиться реальное «равновесие» всех частей капиталистического целого в каждый данный момент, то невозможны были резкие смещения отдельных частей общественного производства, которые взрывались бы периодическими кризисами.

В условиях массового обновления основного капитала четкое, непосредственное действие законов ценообразования нарушилось. Рыночные цены однотипно отклонились вверх от цены производства. Никакое напряжение капиталистической конкуренции, бешеный тѐмп прилива капитала в сферу производства не в состоянии воссоединить рыночный механизм цен с регуляторами системы. Рыночные цены

перестали своим уровнем отражать меняющуюся величину ценности и отражают своим колебаниями только степень производительного и потребительного голода хозяйственной системы и ее людских элементов. Там, где сильнее недопроизводство—выше цены, больше оторвались от цены производства, там, где слабее—оторвались меньше.

Но, рыночные цены—единственный непосредственный критерий расширения и сужения производства для капиталистов. Имманентные капитализму (как и всякой системе) законы «пропорциональности» лишь в той мере ощущаются капиталистами, в какой они давят на них уровнем рыночных цен, определяющих величину прибылей.

Вскрывшийся конфликт между условиями «подвижного равновесия» системы и рыночными ценами кончается победой последних на всем протяжении под'ема. Стремясь преодолеть «недопроизводство», общественная система разворачивает производство, ориентируясь на высокий уровень цен. Этим она стреляет значительно дальше, чем расположена цель — платежеспособный спрос. Рыночные цены, оторвавшиеся от ценности, перестают быть правильными выразителями условий равновесия системы и, прежде всего, величины личного платежеспособного спроса. Все «пропорциональности» общественного производства нарушаются, имея исходным толчком нарушение «пропорциональности» между ежегодно отмирающим и возобновляемым основным капиталом. Общее направление этих нарушений было следующим: I подр. отстает от развертывания II подразделения, II подр. отстает от прироста личного платежеспособного спроса. Это в начале под'ема.

Но общественная система давно «трудится» над заделыванием бреши недопроизводства. Быстро строятся новые предприятия, закладываются целые новые отрасли. На определенной ступени развития этого процесса общество располагает достаточным аппаратом для полного удовлетворения потребительского и производительного спроса. Однако, рыночная конкуренция бессильна отразить существующий прирост производительного аппарата на подготовительной стадии к его функционированию, так как неотстроенные еще предприятия выступают попрежнему «суб'ектами» спроса, а не предложения. Переход их, когда они окончательно отстроятся, ко второй функции будет означать две вещи: 1) резкое сокращение платежеспособного спроса; 2) резкое усиление предложения. Этой трансформацией, перемещением ролей по отношению к рынку они одним махом меняют кон'юнктуру. Вместо хронического недопроизводства обнаруживается массовое перепроизводство: I подр. произвело больше, чем потребило II, II—больше, чем наличный потребительский спрос.

Итак: 1) массовое обновление основного капитала «порождает» под'емную фазу капиталистического производства; 2) поскольку рост общественного спроса обгоняет возможность соответственно быстрого расширения производства, то весь период под'ема протекает при условии и на основе повышенного уровня цен, тем самым прибылей; 3) эта невозможность быстрого (в соответствии с требованиями) расширения определяется не недостатком денежных капиталов и низким уровнем техники, наоборот, высоким техническим строением производства, пред'являющим усиленный добавочный спрос—с одной стороны, и удлиняющим время их постройки—с другой; 4) на определенной ступени развития под'ема, когда заканчивается процесс оборудования новых предприятий, рыночные показатели (цены, прибыли) перестают быть выразителями элементов «равновесия» системы; 5) ориентированный на них масштаб капитализаций сразу, перерезая стадию «равновесия», переводит

общественное производство из состояния «недопроизводства» как I, так и II подр., в состояние «перепроизводства», взрывающегося кризисом.

В начале под'ема как производительный, так и личный спрос прирастал более быстрым темпом, чем расширение производства. Конечной «причиной» назревания перепроизводства явилось именно отставание личного платежеспособного спроса. Неизбежность его отставания определялась: 1) отсутствием прямого соответствия между его приростом, не могущим преодолеть антагонистических условий капиталистического распределения, и возможным расширением капиталистического производства, зависимого только от уровня техники, массы накопления и массы денежных сбережений, перераспределяемых кредитом в производительную форму; 2) способностью I подразделения создавать свой внутренний «локальный» рынок (взаимное производственное обслуживание), сказывающейся в конечном счете в усиленной выброске именно потребительских продуктов, поскольку I подразделение есть предварительный аппарат по производству предметов потребления.

Поскольку I и II подр. расширялись во время под'ема на основе нарушенного механизма ценообразования, то это обстоятельство в условиях высоких цен и прибылей неизбежно должно было сказаться перепроизводством. Так как на продукцию I подр. был более напряженный спрос—раз, удаленность от непосредственного контроля потребительского рынка—два, способность к громадному внутреннему производственному обслуживанию—три, особая природа продукции, могущая быть потребленной только в условиях расширенного воспроизводства, причем определенного темпа—четыре,—здесь существуют налицо условия более массового перепроизводства, чем во II подразделении. Отсюда, на ряду с общим превышением масштабом производства емкости потребительского рынка, обнаруживается диспропорция между I и II подразделением. Слабее выраженная вначале диспропорция на потребительском рынке усиливается затем вследствие резкого сужения производства I подр., сокращающего число занятых рабочих. Наступает кризис.

Итак, циклическая фигура капиталистического воспроизводства проявлет себя на базе развернутого механизма ценообразования и конкуренции. Общее перепроизводство, кризис предрешены характером действия этого основного механизма. Кредит только обостряет перепроизводство-кризис, не создавая его. Поэтому не в кредите, а в характере действия законов ценообразования—закона ценности в капиталистическую эпоху (с «трансмиссией» в виде цены производства), нужно искать исходную «причину» цикличности. Потеряв способность, вследствие массового прироста спроса в начале под'ема, перманентно обгоняющего предложение, «уравнивать» производственные нарушения по мере их возникновения, закон ценности «уравнивает» общественное производство в конечном счете. Действие его не может найти другого выражения, кроме резких сдвигов кон'юнктуры, смены ее отдельных фаз. Кризис, как раз и представляет собой уродливое выражение действия этой тенденции к равновесию. Срезав резким понижением цен излишний производственный аппарат и товарный капитал, закон ценности, в его капиталистическом оформлении, гонит общественное производство к «равновесию» его частей, никогда не достигая предельной чистоты своей «работы».

Исходным толчком для проявления этой тенденции является взрыв на рынке скрыто назревающего противоречия между потребительским спросом и предложением. И это совершенно не случайно. Анархия капиталистического хозяйства никогда не отлилась бы в форму закономерно протекающего цикла, если бы не было противоречия между общественным

характером капиталистического производства и антагонистическим распределением. Поэтому вне вскрывшегося противоречия между общественным производством и личным потреблением не может обнаружиться принудительное действие «закона равновесия»—ценности, или, наоборот, длительная приостановка действия этой уравнивающей тенденции неминуемо найдет свое выражение в нарастании противоречия в конечном счете здесь.

Постоянным толчком к нарастанию этого противоречия и принудительного его разрешения является массовое обновление основного капитала вследствие его морального износа. Фигурная линия капиталистического развития как раз и является выражением капиталистического действия закона ценности, на который давит это периодически повторяющееся явление.

Но «следствия в свою очередь становятся причинами», говорит Маркс, характеризуя диалектическую природу промышленного цикла. Массовая смена оборудования, определяя ценностные феномены в период под'ема, сама, в свою очередь, определяется ими в период депрессии. Не будь резкого снижения цен в результате взорвавшегося на рынке перепроизводства, не было бы непосредственных условий для массовых реконструкций и рационализаций.

На старой технической базе капитализм уже невозможен,—он не в состоянии создать условия для под'ема производства. Выход—в переходе производительных сил на очередную ступень техники. Этот переход происходит вследствие давления ценностных отношений, выраженного в том факте, что уровень цен стоит ниже величины ценности. Массовые технико-организационные процессы, развертывающиеся в период депрессии, как раз и сказываются в изменении величины ценности. Уменьшившаяся величина ценности (рыночной цены производства), изменяя соотношение рыночного спроса и предложения, вновь притягивает к себе рыночный уровень цен, становится равнодействующей их колебаний. Налицо—слаженный механизм ценообразования, рыночное «равновесие» соответствует производственному «равновесию» пришедших в ценностное соответствие отдельных частей воспроизводственного целого. Величина личного и производительного спроса соответствует масштабу общественного производства. Но, это лишь кажущееся равновесие, его идеально мыслимый «миг». Момент его «установления» обязательно сопровождается массовым приростом платежеспособного спроса реконструирующегося производства, который сразу же обгоняет возможность его немедленного удовлетворения. Темпы расширения, диктуемые выросшим спросом, превышают производственные возможности системы. Нехватка производственного аппарата и невозможность создать его «мгновенно», определяют нарушение «нормального» действия законов равновесия, что неминуемо, в специфических условиях капиталистической системы, скажется кризисом.

Итак, капитализм никогда не знает полосы равновесия. Условия развития производительных сил в капиталистической оболочке неизбежно отливаются в циклическую форму воспроизводства. Специфическим выражением такого взаимодействия «формы» и «содержания» является характер действия закона ценности в капиталистическую эпоху (с «трансмиссией» цен производства)—потеря способности изживать нарушения по мере их возникновения и изживание их в конечном счете. Конкретным выражением действия этой уравнивающей тенденции может быть только кризис.

Все остальные категории капиталистического хозяйства выстраиваются в направлении действия этой основной, усугубляют раз данную тенденцию. Взять к примеру кредит. Если нарушен обмен по ценам, совпадающим с ценою производства,—кредит усугубляет последствия этого явления для воспроизводства. Он через дальнейший отрыв платежеспособного спроса от производства (как капитальный, так и оборотный кредит), расталкивает отдельные части воспроизводства под внешней формой их теснейшего переплета. Здесь (период высокой кон'юнктуры под'ема) он выступает, как отталкивательная сила, как один из ферментов капиталистической анархии. Наоборт, в период депрессии, когда наметилась тенденция к сближению цены и ценности, кредит—важнейший фактор перерастания депрессии в под'ем. В этом «двуличном» действии кредита ясно видна его природа «вторичного» фактора циклической динамики.

Кредит—притягательная и отталкивательная сила капиталистического хозяйства в зависимости от характера действия «законов равновесия» в капиталистическую эпоху. Диалектическое противоречие, заложенное в законе ценности, могущем выявить свое организующее воздействие только при нарушениях «пропорциональности», определяет двустороннее действие кредита в течении капиталистического воспроизводства. Кредит, денежный рынок придают законченный рельеф циклу, который уже дан взимоотношением производительных сил с главными производственными отношениями капитализма.

Этого не понимает Базаров. Государственная организация кредита, если сделать это целиком произвольное для капитализма допущение,—не отменила бы цикла. Но, в условиях «гипотетического» капитализма, овладевшего механизмом ценообразования, т.-е. в плановом порядке приспосабливающегося к предначертаниям закона ценности, кредит сам по себе превратился бы в «рациональный» фактор, позволяющий капиталистическому производству с меньшими затратами достигать наибольшего эффекта.

* * *

По характеру статьи мы лишенны возможности останавливаться на других отдельных ошибках автора: 1) «депрессия есть система статического равновесия». Из того, что я излагал выше, вытекает принципиальная неправота этого утверждения. Затем: 2) неточности в определении причин капиталистического кризиса. В равной мере я не в состоянии критически разобрать положения автора о вековых движениях и больших циклах. Нам кажется, в этих вопросах он занимает более правильную точку зрения, чем экономисты, специально занимающиеся изучением этих процессов (см. Кондратьев, Первушин).

Нам хочется остановиться на заключительном аккорде, увенчивающем методологические и теоретические ошибки Базарова. Базаров, в заключение, отказывается от теории чисто капиталистического воспроизводства. Он говорит, что «замкнутая в себе и вполне развитая капиталистическая система... не смогла бы просуществовать и трех лет, ибо в дальнейшем производительная реализация накопления оказалась бы невозможной за исчерпанием резервов рабочей силы». «Таким образом... капиталистическая система..., лишенная возможностей империалистической экспансии, существовать не может. В этом Роза Люксембург вполне права, хотя аргументация ее мало убедительна, так как она приступила к анализу противоречий изолированного капитала с ненадлежащей стороны» (стр. 54. Разр. моя. *П. М.*). Дальше, что называется, ехать некуда.

Построения Базарова нестерпимо противоречивы и эклектичны: 1) ревизия общей методологии исследования общественных явлений Маркса; 2) отказ от автоматизма промышленного цикла; 3) непонимание двух разрезов анализа цикла — качественной структуры и конкретных модификаций; 4) сведение «причин» реального кризиса к кредиту, тем самым упрощение капитализма и 5) отказ от «чистого» капитализма.

Все основные моменты теоретических построений Базарова представляют собой сдачу марксистских позиций ревизионизму. Работа Базарова имеет ту вреднейшую черту, что, являясь в глазах буржуазной критики «марксистским» произведением, она стирает грань между марксистским и буржуазным осмысливанием цикла и кон'юнктуры. Это для той фракции буржуазных экономистов, к которой скатывается Базаров в общей методологии, вопросах автоматизма цикла, оценке роли кредита, отрицании «чистого» кипитализма. Для другой группы, занимающей иную позицию в оценке указанных моментов, обеспечивает легко доступную и «уничтожающую» критику «марксистских» построений. Внутренняя кричащая противоречивость отдельных положений автора, например, отрицание «чистого» капитализма и сведение всех влияющих на кон'юнктуру факторов (урожай, внешний рынок) к производительности труда,— делают плохую услугу марксизму.

Боевая теоретическая задача, стоящая перед научной экономией—построение систематической теории цикла и кон'юнктуры—должна быть связана с подробнейшей критикой методологической установки, приемов исследования и построений Базарова. Да и не могло быть иначе в силу существования тесной связи «реакционной гносеологии с реакционными потугами в социологии» (Ленин), осуществляющейся на примере указанного автора.

(Окончание следует).

Н. Сперанский.

К вопросу об улучшении партаппарата.

Азбучным для нашей партии положением, определяющим в каждый данный момент «установку» нашего партийного строительства, является положение об обязательности соответствия между формами партийной организации, методами ее работы и особенностями и задачами данной конкретной исторической обстановки. Нет «абсолютно правильной, годной для всех ступеней революционного процесса, формы партийной организации, а равно и методов ее работы»... «Всякая организационная форма и соответствующие методы работы могут с изменением об'ективных условий развития революции превратиться из формы развития партийной организации в оковы этого развития» [1]).

С точки зрения этой организационной диалектики мы заранее должны ожидать, что современная эпоха, характеризуемая нами, как эпоха реконструкции нашего хозяйства, должна выдвигать свои, только ей, или в особенности ей, присущие требования в частности и к работе в области партстроительства.

Действительно, последние годы, ознаменовавшиеся столь крупными переменами во всей народнохозяйственной жизни, являются в то же время годами постепенного пересмотра практики нашего партийного строительства в целях приведения его в соответствие с новыми хозяйственными задачами. Этот пересмотр и это приспособление не выразились, правда, в какой-либо общей резолюции или тезисах ЦК или с'езда, заранее определяющих на целый длительный период постановку партией организационного вопроса во всех его сторонах и в деталях; но они совершаются исподволь, шаг за шагом, изо дня в день. Достаточно проследить за резолюциями ЦК партии на протяжении последних двух—трех лет (см., напр., разолюции о массовой работе, о вовлечении широких масс в кампанию по рационализации производства, о партработе на крупных предприятиях, о работе сов'ячеек с точки зрения борьбы с бюрократизмом и т. д. и т. п.), а также за постановлениями с'ездов, начиная с XIV, и конференций как всесоюзных, так и местных, чтобы убедиться, что партия все время неуклонно выправляет строй своей внутренней организационной работы, выравнивая его по линии, диктуемой особенностями наступившего реконструктивного периода.

Весьма существенным элементом во всю эту организационную работу партии входит работа над рационализацией партаппарата. Выражавшаяся ранее в отдельных частичных мероприятиях, указанная работа принимает теперь характер генеральной проверки работы всего механизма партии, который подвергается всестороннему изучению, чистке и упрощению в целях сообщения ему наибольшей подвижности, гибкости и

[1]) Из резолюции X с'езда РКП(б) по партстроительству.

одновременно экономичности, требуемых особенностями современного этапа нашего развития.

Это улучшение партаппарата в условиях, когда партия стоит у власти, когда она руководит всем народнохозяйственным строительством и деятельностью всех массовых организаций рабочих и крестьян, естественно не может являться задачей технического только порядка (как некоторые склонны ее понимать), но неизбежно приобретает и крупнейшее политическое значение.

Недаром оппозиция в своей предс'ездовской платформе тоже выдвигала идею своего рода «рационализации» партаппарата. И весьма характерно, что свои пожелания на этот счет она почти целиком вложила в следующую формулировку, включившую в себя все главнейшее, что ею предлагалось по части упорядочения партийного механизма. «Нынешний чрезмерный бюджет партии нужно сократить в несколько раз, как и оплачиваемый аппарат. Можно и должно значительную часть партработы вести бесплатно, возлагая ее на членов партии после производственной или иной работы».

Уже голое сопоставление этих столь хорошо отвечающих требованиям режима экономии пожеланий оппозиции с ее нападками на «аппаратный режим» и борьбой против «возрастающего оттеснения партии ее собственным аппаратом» проливает вполне достаточный свет на действительную, чисто политическую, суть троцкистской «рационализации», которая была весьма плохо замаскирована заботами о сбережении советской копейки. Никто не станет оспаривать положение, что «можно и должно значительную часть партработы вести бесплатно, возлагая ее на членов партии после производственной или иной работы». Мало того, именно подобная линия и проводится между прочим на местах нашими парторганизациями в процессе рационализаторской работы. Однако, туманность и кажущаяся приемлемость формулировки (по крайней мере во второй половине цитированного тезиса) не должны уже никого вводить в заблуждение. Ведь, «когда говорится о борьбе с оппортунизмом, не следует забывать характерной черты современного оппортунизма во всех и всяческих областях: его неопределенности, расплывчатости, неуловимости. Оппортунист по самой своей природе уклоняется всегда от определенной бесповоротной постановки вопроса, отыскивает равнодействующую, вьется ужом между исключающими одна другую точками зрения, стараясь быть согласным и с той и с другой, сводя свои разногласия к поправочкам, к сомнениям, к благим и невинным пожеланиям и проч.» [1]).

И прикрытая благими пожеланиями экономии «рационализаторская» линия оппозиции пролегала явным образом не столько в направлении улучшения партаппарата, сколько в направлении его подрыва, как базы «аппаратного режима».

«Всякая форма борьбы требует соответствующей техники и соответствующего аппарата» [2]). Огромная сложность строительных задач, стоящих сейчас перед партией, требует, чтобы партийному аппарату была обеспечена небывалая еще никогда ранее гибкость при одновременном охвате всех сторон работы и не только сохранении, но и все большем укреплении партийного руководства. Если на предыдущей, «восстановительной» ступеньке нашего развития в росте народного хозяйства было много элементов стихийности, «самотека», то для нынешней, «реконструктивной» ступеньки характерна все более решительная гегемония «сознательности над стихийностью», хозяйственным выражением чего является преобладание обобществленного

---

[1]) Ленин. Собр. сочин., т. V, стр. 473 («Шаг вперед и т. д.»).
[2]) Ленин. Собр. соч., т. VIII, стр. 43 («Кризис меньшевизма»).

сектора народного хозяйства над частным. Тем самым проводник воздействия сознательности на стихийность, реализатор плана — партаппарат выдвигается в общей системе партийного строительства на виднейшее место. И поползновения оппозиции на ослабление партаппарата в действительности были не чем иным, как формой капитулянтства перед напором мелкобуржуазной стихии.

Осуществление стоящих перед партией задач, конечно, менее всего предполагает огромность специального платного аппарата партии. Наоборот, чем больше будет он сжат, тем более он выиграет в гибкости, отсутствии волокиты и быстроте реагирования. Современные же условия не только требуют, но и дают реальную возможность поставить практически вопрос о весьма значительном сжатии и упрощении: возросшие производительные силы страны (улучшение путей сообщения, почтовых связей, радиофикация и проч.), с одной стороны, и повышение культурного уровня партийных масс, в особенности огромный рост актива — с другой, дают для этого необходимые предпосылки. Но как размеры, так и метод сжатия и упрощения определяются с точки зрения партии, в отличие от оппозиции, только целями дальнейшего укрепления партаппарата и усиления его работы.

Широко привлекая на партработу бесплатный труд партийцев, партия, помимо достижения таким путем известной денежной экономии, получает возможность усилить выдвижение новых работников, полнее выявляя их на партийных заданиях, целесообразнее использовать растущий актив, углубить демократизацию работы партаппарата, наконец, получить новые возможности в деле воспитания партийных масс. Главное же, она подтягивает к обслуживанию партработы разносторонний опыт многочисленных товарищей, занятых в разнообразнейших областях, и черпает крупные добавочные силы, позволяющие достигнуть такого охвата партработы, который при нынешних ее масштабах совершенно недостижим для какого бы то ни было специального оплачиваемого партаппарата. Это вовлечение новых добавочных сил, при умелом его проведении и целесообразной организации работы привлеченных, может сделать возможным весьма крупное (кое-где, быть может, даже наполовину) сокращение кадров оплачиваемых партработников. Но сокращение в данном случае, во-первых, не должно отбрасывать партию к кустарщине, во-вторых, должно непременно сочетаться с качественным улучшением состава остающихся кадров, всецело сохраняющих свою ведущую роль в текущей практической партработе, являющихся, если можно так выразиться, той рабочей силой, которая идет в корню партийной упряжки.

Курс оппозиции на сокращение специального платного партаппарата в несколько раз был курсом, направленным прежде всего именно против этого кадра партработников-профессионалов (т.-е. тех товарищей, в любой момент сменяемых и в главной своей части выборных, для которых партработа волею партии сделана основной). Именно указанный кадр, преемственно связанный с институтом подпольных профессионалов-революционеров, и составляет армию столь одиозных «аппаратчиков», носителей и оплот «аппаратного режима». Доведением кадра «аппаратчиков» до совершенно ничтожной величины должна была обеспечиться потеря им доминирующего влияния в построении партийной работы. Если при этом учесть, что очень значительная доля того актива, на плечи которого может быть переложена партработа, снятая с оплачиваемого партаппарата, представляет собою работников учреждений, менее устойчивая, менее выдержанная и менее крепкая часть которых «не может не поддаваться напору буржуазных влияний, идущих из самых глубин, от остатков прошлого в нашем еще не переделанном в корне государственном и хозяйственном аппа-

рате» [1]), то трудно будет истолковать намечавшийся оппозицией в данном случае переход количества в качество иначе, как один из путей к той «эмансипации госаппарата от влияния на него со стороны партии», о которой в свое время говорили XIII и XV всесоюзные партконференции.

В связи с этим, вероятно, стоит и то обстоятельство, что «платформа» в своих пожеланиях совершенно обходила работу фракций внепартийных организаций. Между тем, одним из факторов, способствовавших некоторой громоздкости рабочего механизма партийных комитетов, являлась именно слабость деятельности фракций, что обусловливало подчас частичную подмену или дублирование парткомами работы соворганов, профсоюзов, кооперации. И обратно, отмеченные подмена и дублирование со своей стороны сами обусловливали в ряде случаев недостаточное развитие деятельности фракций.

Обследования, производившиеся в последние год—два отдельными парткомитетами и контрольными комиссиями (напр., ярославским губкомом, иваново-вознесенской ГКК и некотор. др.), констатировали в работе фракций наличность крупных недочетов, в роде неправильного конструирования кое-где состава фракций, недостаточной увязки работы с парткомами, боязни брать на себя ответственность за предварительное рассмотрение принципиальных вопросов, а также наличность серьезных технических дефектов, в частности смешения делопроизводства фракций с ведомственным материалом. Отмечались и случаи, когда фракций, как коллективов, фактически вовсе не существовало и работа сосредоточивалась в бюро. Вообще, фракции далеко не могут быть отнесены к числу лучших участков нашего партаппарата. Между тем, разгрузка парткомитетов от части их работы в пользу советов, кооперации, профорганов не может быть осуществлена без риска сползания в направлении к той же «эмансипации госаппарата от влияния на него со стороны партии» иначе, как на основе усиленного развития «фракционной работы». И вряд ли случайно, что оппозиция (интересовавшаяся фракционной работой совершенно иного порядка) при всем своем внимании к партаппарату, не сочла вопрос об усилении деятельности фракций непартийных организаций заслуживающим особого рассмотрения и специальных по нему предложений.

С точки зрения партии, наоборот, улучшение работы фракций, идущее об руку с сокращением размеров платного партаппарата и усилением выдвижения партийных и беспартийных рядовых рабочих и крестьян, — одна из важнейших задач развертывающейся рационализаторской работы. В органах же невыборных, где фракций не имеется и где с разгрузкой парткомов от соответствующей части их работы расширяется партийная компетенция коммунистических частей учреждений, приобретает теперь еще большее значение та борьба советских ячеек с бюрократизмом, о которой говорил ЦК в своем постановлении от 20 декабря 1926 г., поскольку этой борьбой, помимо прямой ее цели, одновременно осуществляется преодоление влияния на партию мелкобуржуазной стихии, с огромной силой давящей на наш государственный аппарат.

Вопрос, о фракциях, правда, в значительной мере выходит за рамки вопроса об улучшении партаппарата, как такового, тесно сплетаясь с кругом вопросов внутрипартийной демократии. Но и весьма многие другие даже чисто технические, казалось бы, вопросы рационализации партаппарата являются в то же время вопросами, затрагивающими указанный круг, что, конечно, только усиливает их значение, а следовательно,

[1]) Из докл. Молотова о партстроительстве на XIII партс'езде (стр. 523 стеногр. отчета). Для того времени, по определению т. Молотова, количество партийцев, находившихся в учреждениях, достигало 40% общего числа членов партии; теперь в связи с быстрым ростом рабочего сектора этот процент, несомненно, ниже.

и ту требовательность, с которой мы должны подходить в данном случае к рационализаторской работе. Так, напр., сокращение и упрощение отчетности парткомитетов есть шаг к облегчению и расширению участия широких партийных масс в руководстве партией. Ускорение прохождения бумаг через канцелярии партийных комитетов — шаг к улучшению связи, к усовершенствованию одной из важнейших нитей, по которой осуществляется деловое взаимодействие внутри системы наших парторганов и т. д., и т. п.

В то же время этот вопрос о фракциях выводит нас и в области самой рационализации далеко за пределы работы над специально оплачиваемым партаппаратом, к вопросу о котором сводила все оппозиция. Р а ц и о н а л и з а ц и я п а р т а п п а р а т а е с т ь р а ц и о н а л и з а ц и я в с е г о р а б о ч е г о м е х а н и з м а п а р т и и. В своем строительстве в противоположность оппозиции «партия исходит из того, что партийный аппарат и партийные массы составляют единое целое» [1]). В соответствии с этим и улучшение партаппарата никоим образом не может быть замкнуто исключительно в задаче сокращения числа партийных должностных лиц, упорядочения делопроизводства, бухгалтерии, упрощения и реорганизации отделов партийных органов и т. п. Как ни важны все эти меры, но мероприятиями, касающимися платного аппарата, выполняется только часть дела, да и та не может быть выполнена правильно, вне связи с упорядочением работы всех тех многочисленных колесиков и винтиков, которые в совокупности составляют рабочий механизм партии и имя которым — все члены партии, в первую же очередь — ее актив. Рационализировать партаппарат для каждого члена партии значит в то же время рационализировать свою собственную работу.

Подобная постановка вопроса чревата, правда, некоторыми опасностями в смысле риска расплывания в чересчур широких планах, являющихся, пожалуй, не меньшей угрозой для практической работы, чем чрезмерное сужение задачи (т. е. в данном случае низведение ее до задачи чисто технических изменений в платном аппарате парторганов). Не один раз подобное расплывание служило могилой хороших начинаний. Поэтому важно помнить, что в деле общей рационализации работы членов партии приходится думать пока только о «черном хлебе», об элементарнейших практических мероприятиях. Такими мероприятиями, идея которых, нужно заметить, далеко уже не нова для партии, являются в первую очередь простейшие меры к ликвидации того хищнического расточения времени, которое сделалось настоящим бичем в нашей деловой жизни.

Добиться хотя бы того, чтобы все наши собрания, заседания, зрелища, а также, конечно, в первую очередь работы, в особенности имеющие публичное значение (напр., связанные с приемом посетителей, обслуживанием масс и т. п.), начинались, по крайней мере в городских поселениях, в строго назначенное время, — задача, над которой стоит поработать нашим организациям с тем, чтобы добиться ее разрешения в кратчайший срок. Крах ставившей перед собой аналогичные цели «Лиги Времени» отнюдь не свидетельствует о наличии здесь каких-либо непреодолимых трудностей, но доказывает только, во-первых, реальность отмеченной выше опасности слишком широковещательных планов, во-вторых, и главным образом — то, что борьба с нечистоплотным отношением ко времени личным примером возможна не с большим успехом, нежели, напр., борьба с загрязнением вокзалов личным воздержанием от бросания окурков на пол и грызения подсолнухов. Здесь могут оказаться успешными только мероприятия массового характера, в основе которых должно лежать применение партийной дисциплины. При успехе же работы влияние указанных мер, нужно думать, неизбежно распространится, в конце-концов, автоматически и на непартийные

[1]) Из рез. XV всесоюзн. партконференции.

организации [1]). Наши партийные органы просто еще не брались всерьез за это дело: трудно, напр., найти отчет губкома или ГКК, в котором было бы отведено место сообщению о каких-либо шагах в рассматриваемом здесь направлении (если только не считать затрагиваемого некоторыми контрольными комиссиями вопроса об аккуратной явке служащих в учреждения).

Между тем, уточнение нашей работы во времени в смысле самого простого соблюдения назначенного часа начала собраний или работы, нанеся удар расхлябанности, дало бы настолько значительную экономию сил и средств и такое упорядочение хода всего механизма, которое одно сделало бы возможным крупное удешевление и упрощение партийного, советского и иного аппарата.

К той же категории явлений относится так называемое «заседательство». О нем очень много говорили и писали и говорят и пишут по сие время. Для иллюстрации размеров этого бича нашего строительства сошлемся лишь на одно из последних обследований указанного вопроса: на обследование ЦКК—РКИ компартии Украины, коснувшееся, правда, только совучреждений.

Как выяснилось, обследованные райисполкомы на Украине «были обложены» 42 постоянно действовавшими комиссиями, а окрисполкомы — 101 комиссией, с участием в них около 500 человек. В 13 центральных учреждениях Украины было 162 комиссии. В Наркомздраве действовало 50 комиссий, за три месяца в Наркомземе учтено 600 заседаний (при чем учесть удалось далеко не все); только один отдел НКВД — Коммунальный — участвовал за полгода в 538 комиссиях и заседаниях. «Эта комиссионная вакханалия, — заключает ЦКК КП(б)У, — создавала в свою очередь два других отрицательных явления: во-первых, фактическую личную безответственность работников... во-вторых, эти бесконечные комиссии не оставляли времени для оперативной работы. Произведенная НК РКИ фотография работы ответственных работников показала, что из их 13—14-часового рабочего дня на заседания уходит до 60—70% времени» [2]).

Навряд ли много лучше обстоит дело и в партийных организациях. Общеизвестна в частности чрезмерная занятость собраниями и комиссиями нашего низового партактива. Эта занятость ведет к тому, что собрания, имеющие целью способствовать организации и улучшению работы актива, в действительности, вместе взятые, не только подчас превращаются в препятствие к развертыванию указанной работы, но вдобавок и лишают активистов возможности повышать свое развитие, т.-е. подвергают актив опасности отставания от организуемых им же партийных и беспартийных рядовиков, а следовательно, в конце-концов, и утраты им своей роли как действительного актива.

---

[1]) Что не исключает, конечно, возможности и непосредственного воздействия на эти последние. В частности, в отношении платных собраний (зрелищ, лекций и т. п.) нужно иметь в виду, что об'явление в афише о времени начала таких собраний есть, по сути дела, публично взятое на себя устроителями обязательство, нарушение которого сопряжено для посетителей с разного рода ущербом (между прочим и материальным). Практические выводы из этого факта со стороны органов власти до чрезвычайности ускорили бы внедрение аккуратности в наш повседневный обиход.

[2]) Отчет ЦКК КП(б)У X с'езду КП(б)У. 1927 г., стр. 59. Как меры борьбы ЦКК КП(б)У были приняты следующие: расширение и уточнение прав различных госучреждений, «чем нанесен был сильнейший удар по согласовательным излишествам междуведомственного характера». Кроме того, «руководители частей госучреждений были наделены правом единоличного, самостоятельного разрешения всех вопросов из сферы непринципиального характера, при чем на них возложена персональная ответственность за правильность, порядок и быстроту разрешения дел».

Таким образом, мы весьма мало продвинулись вперед с тех пор, когда Ленин дал свою известную беспощадную характеристику нашему «заседательству». «Был такой тип русской жизни — Обломов, — говорил он в речи, произнесенной на заседании коммунистической фракции всероссийского с'езда металлистов весной 1922 г. — Он все лежал на кровати и составлял планы. С тех пор прошло много времени, Россия проделала три революции, а все же Обломовы остались, так как Обломов был не только помещик, а и крестьянин, и не только крестьянин, а и интеллигент, и не только интеллигент, а и рабочий и коммунист. Достаточно посмотреть на нас, как мы заседаем, как мы работаем в комиссиях, чтобы сказать, что старый Обломов остался, и надо его долго мыть, чистить, трепать и драть, чтобы какой-нибудь толк вышел. На этот счет мы должны смотреть на свое положение без всяких иллюзий» [1]).

В свое время «заседательство» имело, несомненно, некоторый положительный смысл. Увлечение заседаниями и комиссиями возникло из стремления к обмену опытом, к взаимопомощи в деле налаживания руководящей работы партии, к обеспечению единообразной линии поведения. Многочисленные коллегии и комиссии вначале были в значительной мере орудием обоюдной выучки, в которой так нуждались работники молодого класса, ранее совершенно не участвовавшего в государственной и общественной жизни. Однако, всякая организационная форма может «с изменением об'ективных условий развития революции превратиться из формы развития в оковы этого развития». Заседательство стало в значительной мере превращаться в своеобразную форму уклонения от настоящей деловой работы, замаскированного от других, а часто и от себя, безделья (иногда, по иронии судьбы, получающего наименование «перегруженности»), во вредную и пустую трату времени. Особенности обстановки первых лет нэпа несколько задержали процесс нашего высвобождения от пут «заседательства»: с одной стороны, они обусловливали необходимость скорейшей коллективной практической, до мелочей, ориентировки в строительстве при новом положении, с другой — ослабляли до некоторой степени своими элементами «самотека» вредные хозяйственные последствия «заседательской суеты». В настоящее время, однако, вопрос о «заседательстве» приобретает все большую болезненность для партии. Об его остроте свидетельствует уже тот факт, что попытки обуздания «заседательства» время от времени (хотя и без большого успеха) предпринимаются едва ли не во всех наших партийных организациях. Огромные трудности, которые приходится партии здесь преодолевать, и скромность достигаемых успехов, связаны, помимо неумения организовать работу, несомнено, в большой степени именно с той обломовской подоплекой «заседательства», о которой говорил т. Ленин. Ибо, устранение «заседательства» означает, в конце-концов, переход от видимости работы к действительному интенсивному труду, а это не может не встречать пассивного, но упорного сопротивления со стороны худших элементов партии и худшей части беспартийных сотрудников учреждений. В данном случае партийным органам необходимо помнить в своей работе о той суровости, с какой подходил к рассматриваемому вопросу Ленин (посвятивший ему едва ли не главное внимание в той части своей упомянутой выше речи, которая трактовала о внутреннем положении страны). «После того, как мы начали чистку партии, — говорил В. И., — и сказали себе: «шкурников, примазавшихся к партии, воров — долой», — стало у нас лучше. Сотню тысяч, примерно, мы выкинули, и это прекрасно, но это только начало. На с'езде партии мы этот вопрос обсудим как следует. И тогда, я думаю, те десятки тысяч, которые теперь устраивают только комиссии и никакой практической работы не ве-

---

[1]) Соч. Т. XVIII, ч. 2.

дут и не умеют вести, подвергнутся той же участи. Вот, когда мы таким образом почистимся, наша партия будет заниматься фактической работой и будет понимать ее так же, как она понимала это в области военной»... «Мы должны быть твердокаменными в этом вопросе».

Поставить заядлых «заседателей» на одну доску с ворами и шкурниками—дальше этого итти в суровости приговора некуда [1])!

Сказанное выше, конечно, не может в полной мере относиться к комиссионной работе, преследующей воспитательные цели, или к собраниям, ставящим своей задачей выявление настроений и запросов массы. Тем не менее и собрания воспитательного характера нуждаются в гораздо более строгой, чем до сих пор, регламентации и ограничениях как со стороны количества, так и в порядке их ведения.

Нельзя отрицать, что в наших представлениях о партработе сохранилось еще слишком много пережитков от того времени, когда работа партии была по преимуществу агитационно-пропагандистской. В связи с этим стоит крайне своеобразное подчас, особенно в некоторых низовых организациях, понимание активности члена партии: с точки зрения этого представления быть активным партийцем, означает прежде всего много говорить и обсуждать. Поэтому «болтология» иногда становится буквально несчастьем, не только не встречая надлежащих ограничений в смысле борьбы с выступлениями «для разговору», но даже кое-где будучи приветствуема как проявление «активности». После 11 лет нашего участия в собраниях и обсуждениях не везде научились еще даже строить перед рабочими и крестьянами короткие доклады на 20—30 минут, несмотря на давно доказанную непродуктивность восприятия длинных докладов, особенно упомянутой выше аудиторией. Сплошь и рядом упускается из виду, что одной из важных воспитательных задач наших собраний должно быть, между прочим, воспитание участников в скупости на слова, в уменье строить короткие, конкретные и деловитые предложения и что эта задача, при надлежащем ее выполнении, отнюдь не стоит в противоречии с задачей свободного высказывания, обеспечения самодеятельности рядовой рабочей массы, которая больше всего ненавидит трескотню, водолейство и общие фразы.

Понимание партийной активности, как усиленного говорения, в настоящих условиях обнаруживает свое несомненное кровное родство с отмеченной тов. Лениным обломовщиной, питается приблизительно теми же источниками и играет в современной обстановке столь же реакционную, тормозящую движение вперед роль.

Характерно, что отрицательное отношение к многоговорению и бесконечным обсуждениям оппозицией рассматривалось как нечто, присущее «аппаратчикам», «управленцам», якобы стремящимся заткнуть рот партийным массам. «Именно этот слой «управленцев», — говорилось, между прочим, в «платформе», — требует «покоя», «деловой работы» — и всегда против дискуссий». В действительности, как показывает практика, скорее именно работников партаппарата (в узком смысле этого слова) приходится винить в том, что они слишком медленно изживают навыки агитпроповского периода; враждебное же отношение оппозиции к трудной работе партии над искоренением заклейменной тов. Лениным обломовщины, игнорирование ею опасностей, связанных для партии с неимоверной тратой времени на бесчисленные собрания, комиссии, дискуссии, можно рассматривать только как лишний штрих, вырисовывающий ее действительное отношение к практическому строительству социализма.

[1]) Вообще, ненависть к болтовне всегда была одной из отличительных черт Владимира Ильича. В недавно опубликованном «Рассказе о II с'езде» («Ленинский Сборник» VI) он, между прочим, писал, в об'яснение смысла своей редакции § 1 устава: «Мы доказывали необходимость сузить понятие члена партии для отделения работающих от болтающих...».

Иногда сопоставляют переживаемый теперь партией период с периодом IX с'езда, когда перед партией также во весь рост встали гигантские хозяйственные задачи. Эта аналогия современного момента с периодом апогея военного коммунизма представляется на первый взгляд парадоксальной, но в действительности она совершенно верна. Тогда, как и теперь, партия с особенной настойчивостью выдвинула вперед значение элементов сознательного, планового воздействия на народнохозяйственную жизнь, воздействия, опирающегося в настоящее время на крепко занятые экономические командные высоты. В связи с нашим продвижением «от царства необходимости к царству свободы», естественно, чрезвычайно возрастает как положительный, так и отрицательный вес коллективных и личных усилий членов партии, сознательной работы всех вместе, и каждого в отдельности над строительством народного хозяйства. Понимание партработы и активности члена партии, формулированное IX с'ездом (а он относил к основным видам партработы такие, напр., как работа по топливу, в столовых, по ремонту и правильному функционированию бань и проч. вплоть до «самой черной и невидной работы в хозяйственной области»), как бы возрождается теперь и усиливается в своем практическом действенном значении так же, как и данное IX с'ездом определение положения коммунистов в предприятиях:

«Коммунисты в составе фабрично-заводских предприятий не имеют никаких преимуществ перед остальными рабочими, они имеют лишь более высокие обязанности. Каждый из них в повседневной жизни своего предприятия должен оставаться образцом отчетности, исполнительности и ревности в труде». И XV с'езд почти теми же словами выразил ту же самую мысль: «...Члены партии, на каких бы постах они ни находились,—от места у станка до высших руководящих страной органов,—должны служить образцом трудового героизма, трудовой дисциплины, напряженной, четкой и рационально поставленной работы».

Этот вопрос о понимании партработы и оценке значения и места различных ее видов имеет первостепенное значение для рационализации партаппарата. Нужно избежать в данном случае в особенности того искривления, против одной из характернейших форм которого предостерегал на XIII с'езде тов. Сталин: «Обычно у нас делят партийную работу на две категории: высшую, это—чисто партийная работа в губкомах, обкомах, в ЦК, и категорию низшую, называемую «партийной работой» в кавычках, это — работа во всех советских органах, особенно торговых. Товарищи! Такое отношение к хозяйственникам глубоко противно ленинизму. Каждый хозяйственник, работающий в самой паршивой лавке, в самом паршивом торговом учреждении, если он строит и двигает дело вперед, он—настоящий партийный работник» [1]).

Партия—не только аппарат, организующий, убеждающий, агитирующий, передающий директивы, но она одновременно — авангард широких рабочих и крестьянских масс, непосредственно строящих социализм.

Эта роль авангарда в непосредственной будничной черной работе строительства социализма, теоретически, разумеется, признаваемая всеми, на практике пока, нужно сказать, не всегда получает достаточное отражение в работе партийных органов. Так, например, при просмотре отчетов 13 губернских и окружных контрольных комиссий к последним партконференциям, ни в одном не удалось найти даже попыток сравнительной с беспартийными характеристики членов партии данной организации по их «ревности в труде», проверки осуществления той роли коммунистов в предприя-

[1]) Стеногр. отч. XIII с'езда, стр. 130.

тиях и учреждениях, о которой говорил еще IX с'езд (несмотря на то, что некоторые контрольные комиссии специально обследовали трудовую дисциплину и производительность труда в предприятиях и учреждениях).

Основная задача рационализации партработы в отношении партийной массы—установление необходимого соответствия между деятельностью члена партии как непосредственного участника в строительстве социализма, работающего в то же время над повышением своей культурности, и его деятельностью как политического просветителя и организатора широких масс рабочих и крестьян. Активность современного члена партии должна представлять своего рода синтез активности «политика»-агитатора и активности чернорабочего социалистического строительства. Рационализация партаппарата есть не что иное, как один из путей целесообразной организации этой, направленной в согласии с характером переживаемой эпохи, активности.

Конечно, рационализация партаппарата не есть какая-то панацея для улучшения работы исполнительного механизма партии. Само по себе самое рациональное построение работы отнюдь еще не обеспечивает ее успешности. Не следует забывать, что одна из форм саботажа сводится к преувеличенно точному формальному соблюдению правил производства. Основное, что нужно для продуктивной работы партаппарата так же, как и всего вообще аппарата нашего строительства,—это коммунистическое отношение к труду. Только оно даст содержание, могущее заполнить даваемую рационализацией форму. В числе резолюций упоминавшегося выше IX с'езда партии не случайно имеются резолюции о трудовом под'еме и о коммунистических субботниках. И эта идея коммунистических субботников (которая вовсе не связана только с формой бесплатного труда по определенным дням, но может, как указывал Владимир Ильич, иметь самые разнообразные воплощения) сохраняет всю свою силу и в наши дни. «Коммунизм начинается там, где проявляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд забота рядовых рабочих об увеличении производительности труда, об охране каждого пуда хлеба, угля, железа и других продуктов, достающихся не работающим лично и не их «ближним», а «дальним», т.-е. всему обществу в целом, десяткам и сотням миллионов людей, об'единенных сначала в одно социалистическое государство, потом в союз советских республик» [1]).

В этой самоотверженной, преодолевающей тяжелый труд заботе об увеличении производительности труда, об охране каждого пуда хлеба, угля, железа, коммунисты должны итти впереди всех, ведя за собою массы. Улучшение партаппарата, скорейшее устранение из него всего лишнего, всего устарелого, мешающего движениям, целесообразному и полному использованию сил, должно облегчить членам партии выполнение этой ответственнейшей задачи.

---

[1]) Ленин. Собр. соч., т. XVI, стр. 255 («Великий почин»).

С. Зданович.

Сельские советы и земельные общества [1]).

Вопрос о земельных обществах, о роли их в хозяйственной и культурной жизни деревни и в связи с этим об умалении роли сельских советов в последние два года интересует соответствующие советские учреждения, партийные органы и всех тех товарищей, которые занимаются вопросами деревенской работы.

Наркомат РКИ РСФСР в конце 1926 и в начале 1927 года произвел специальное изучение этого вопроса путем выборочного обследования 53 сельсоветов во всех районах РСФСР. Кроме того, были собраны материалы еще о 55 сельсоветах.

Материалы этого обследования чрезвычайно интересны, и они-то вместе с некоторыми материалами Орготдела ВЦИК позволили практически подойти к постановке вопроса об улучшении взаимоотношений между земельными обществами и советами.

XV с'езд партии поставил этот вопрос в плоскость практического выполнения, как задачу дня. В резолюции о работе в деревне с'езд постановил: «Поручить ЦК разработать вопрос об улучшении взаимоотношений между советами и земельными обществами под углом зрения обеспечения руководящей роли советов и лишения права голоса в земельных обществах (на сходах) исключенных из списков избирателей советов».

Кроме того, в постановлении ЦК об основах законодательства о землепользовании и землеустройстве дана директива о предоставлении права голоса в земельных обществах пролетарским элементам, которые обслуживают сельское хозяйство в данном земобществе.

На основе этих указаний центральные законодательные органы должны разработать соответствующий закон или ряд законов и внести изменения в Земельный Кодекс.

В настоящее время, когда мы вступаем в полосу социалистического переустройства сельского хозяйства путем его укрупнения на основе коллективизации и применения машин, вопрос о правильных взаимоотношениях между низовыми органами власти в деревне и земобществами приобретает особо важное значение.

Ибо это есть вопрос установления правильных взаимоотношений со средним крестьянством в повседневной конкретной действительности, вопрос наиболее правильного и целесообразного применения воздействия на крестьянское хозяйство, проводником которого в конечном счете будут наши низовые органы власти—вики и сельсоветы, вопрос культурной революции в деревне и вопрос вовлечения масс в практическую работу советов.

Ясно поэтому, что при конкретном разрешении вопроса о взаимоотношениях между сельсоветами и земобществами должна быть проявлена осторожность и продуманность.

---

[1]) В порядке обсуждения.

Поэтому-то я считаю вполне своевременным обсудить этот вопрос на страницах печати тем более, что у некоторых товарищей-практиков, да и у некоторых теоретиков, занимающихся сейчас этим вопросом, имеются неправильные представления о земельных обществах и их роли в жизни деревни.

Теперь от этих общих замечаний я перейду к постановке вопроса, при чем в силу необходимости начну с вопроса о сельской общине.

I. Существует ли у нас земельная община?

Летом в прошлом году вопрос о земельных обществах и их взаимоотношениях с сельсоветами обсуждался во фракции ВЦИК и на совещании членов ВЦИК. При обсуждении вопроса выделилась группа товарищей, которая выставляла такое положение: фактически земельных обществ не существует; то же, что о них говорится в Земельном Кодексе РСФСР—это была попытка искусственно, юридическим путем создать земобщества, в действительности эта попытка потерпела крах. Совсем недавно подобная точка зрения была высказана в нашей литературе т. Кубаниным [1]), который утверждает, что, во-первых, община и земельное общество не одно и то же (т. Кубанин пишет: «...Суханов считает, что «земельное общество есть официальное название общины в советском законодательстве». Одно это уже показывает, что Суханов не понимает разницы между общиной и земельным обществом»), во-вторых, что ко времени пролетарской революции община уже перестала существовать («...ко времени социалистической революции община перестала быть исключением в Европе»—кстати отметим, что эта фраза не совсем ясна) и в-третьих, что «жизнь ломает общину».

О правильности этих положений мы поговорим ниже.

Исходя из такого представления о действительности, товарищи делали и защищали предложение: пересмотреть Земельный Кодекс и земобщества ликвидировать, передав их функции сельским сходам. Такое мнение у некоторой части центральных работников и в особенности у местных существует и в настоящее время. Не касаясь пока противоречивости предложения о ликвидации земельных обществ (зачем ликвидировать то, чего в действительности нет?) и передаче их функций сельсходам (обследование РКИ как раз и установило, что обычные сельсходы это и есть собрания земельных обществ), я остановлюсь на двух вопросах: сохранились ли у нас остатки общины под названием «земельное общество» и какова публично-правовая роль земельной общины в нашей действительности?

Что такое была русская община? Ленин ее определял, как «союз по владению надельной землей» (т. IX, стр. 483). Развитие капитализма в России безусловно разрушало общину. Но насколько велико было это разрушение? Что осталось от общины к моменту пролетарской революции? Оказывается, что к моменту Октябрьской революции у нас сохранились значительные остатки общины, а именно почти 50% крестьянских хозяйств по 47 губерниям Европейской России к началу 1917 г. осталось в общине. Проф. П. Н. Першин в «Крестьянской сельскохозяйственной энциклопедии» пишет по этому поводу следующее [2]): «Общее число крестьянских хозяйств, владевших землей к началу 1917 г. на началах личного владения, оказывается свыше 8 миллионов или 51%, а осталось в общине около 7,4 миллиона хозяйств или 49%».

---

[1]) Сборник в изд. Комакадемии за 1927 г. «Основные начала землепользования и землеустройства». Стр. 106, 109 и 123.

[2]) «Крестьянская с.-х. энциклопедия» под ред. П. Я. Гурова, Госиздат, 1925 г., т.т. II и III, стр. 324.

Каково было влияние революции на судьбы общины?

Тут весьма интересно напомнить мысли Ф. Энгельса по поводу русской общины. Ф. Энгельс в послесловии к статье своей, которая была ответом на открытое письмо П. Н. Ткачева, в 1884 г. писал: «Уцелело ли от русской общины столько, чтобы она и теперь, как еще надеялись мы с Марксом в 1882 г., смогла, при наступлении переворота в Западной Европе, стать исходным пунктом комммунистического развития, судить не берусь. Но не подлежит сомнению вот что: для того, чтобы уцелело хоть что-нибудь от этой общины, необходимо прежде всего низвержение царского деспотизма, необходима революция в России» (разрядка моя. *С. З.*) [1]).

Из этой цитаты нам важна та мысль Ф. Энгельса, что революция в России задержит распадение общины. Пролетарская же революция тем более была способна задержать ликвидацию общины.

Ф. Энгельс в письме к Николай-ону от 17 октября 1893 г. так определял причины распадения общины: «Что касается до «общины», то она остается возможной только до тех пор, пока ее члены отличаются друг от друга богатством лишь только в ничтожной степени. Как только эти различия станут большими, как только некоторые ее члены станут должниками-рабами других, более богатых членов,—так община не может далее жить» [2]).

Пролетарская революция до некоторой степени устранила те факторы, которые разлагали общину. Революция, во-первых, произвела поравнение, «нивелировку» крестьянства и, во-вторых, обусловила принципиально иное развитие сельского хозяйства, чем в капиталистическом обществе. При господстве пролетариата, при наличии в его руках командных экономических высот, расслоение деревни идет не так, как при капитализме, а именно: «середняк не вымывается», а наоборот, сохраняется или даже растет за счет под'ема бедняцких хозяйств. А раз середяцкое крестьянство сохраняется, а оно является подавляющим большинством деревни, то члены крестьянской общины в своей основной массе по своему богатству незначительно отличаются друг от друга.

Тот же проф. Першин констатирует такой факт: «Во время революции община снова ожила и начала проявлять свою уравнительно-передельную деятельность в весьма широких размерах». И далее: «в большинстве районов СССР община остается наиболее широко распространенной формой землепользования» [3]).

Таким образом, действительность блестяще подтвердила мысль Ф. Энгельса: пролетарская революция не только сохранила остатки общины, но и создала условия для оживления общины.

Переходя к обсуждению вопроса об общине со стороны ее публично-правовых функций, приходится сказать, что здесь еще больше, чем с экономической стороны, сохранились ее дореволюционные черты.

Вот к каким выводам пришли работники РКИ в результате недавнего обследования сельсоветов, земобществ и сельсходов:

1. «В итоге, приходится признать, что обычный деревенский «сход» или «общее собрание» есть повсюду сход (или собрание) земобщества с представительством дворов, а не всех членов земобщества, но в то же время с применением иногда лишения права голоса на сходах (даже по земельным делам) лиц, лишенных избирательных прав вообще. Это собрание ре-

---

[1]) Ф. Энгельс. «О России». Изд-во «Пролетарий», 1923 г., стр. 39.

[2]) Письма К. Маркса и Ф. Энгельса в переводе и с примечаниями т. Адоратского. Изд-во «Моск. Рабочий», 1923 г., 341 стр.

[3]) «Крестьянская с.-х. энциклопедия», т.т. II и III, стр. 324—26.

шает и земельные и все прочие вопросы в одном и том же составе участников. Таким образом, обследование показывает, что в жизнь деревни еще не прошло разграничение схода земельного и сельского, указанное в нашем современном законодательстве».

2. «Освещенный материалами обследования «сход» более всего приближается по типу своему к дореволюционному «сельскому сходу», который являлся органом управления «сельского общества» и, который, повидимому, невредимо прошел сквозь всю эпоху революции» (сравни ст. 69 Положения о сельском состоянии и положение о сельсходах. С. Уз. РСФСР за 1927 г., № 51, ст. 333).

3. «Земельные общества, со сходами которых приходится иметь дело сельсовету, представляют собою прочно сложившиеся организации, ни чем, в сущности, не отличающиеся от прежних «сельских обществ».

Эти выводы подтверждаются также и материалами, имеющимися в ВЦИК, а также и газетными заметками. Например, обследователь работы сходов и земельных обществ в конце 1926 г. по двум волостям Тверской губ. констатирует, что «различия между общим собранием (сходом) граждан и общим собранием членов земельного общества нет».

Инструктор ВЦИК в результате обследования Аргаяшского кантона, Башкирской АССР, также отмечает, что «земельные общества в особом виде не существуют, вопросы разрешаются на сходах на ряду со всеми другими вопросами... выполнение постановлений граждан зачастую поручается избранному для этого на общем собрании лицу».

То же самое и по Нижегородской губернии, где, как сообщает инструктор ВЦИК, «различие между сходами и земобществами, как общее правило, не проводится».

Более свежие обследования отмечают ту же картину. Вот, например, что пишет инструктор ВЦИК, проводивший обследование Пензенской губ. летом 1927 г.: «Созыв сходов, как в Бессоновке, в Соловцове, так и в ряде других сел происходил по инициативе уполномоченных земельных обществ. Эти уполномоченные, формально считаясь уполномоченными земельных обществ, фактически являются уполномоченными сходов. Главной фигурой в деревне является уполномоченный, который и руководит всей массой. Если судить по Бессоновке и по Соловцову, то там уполномоченный является как бы старостой своего района и обладает определенной материальной и финансовой базой».

О подобных же фактах сообщает и целый ряд селькоровских корреспонденций, выдержек из которых я здесь приводить не имею возможности.

Что показывают факты действительности?

Они, во-первых, опровергают нелепую выдумку о том, что наше аграрное законодательство в свое время (1919—22 гг.) исходило не из условий действительности, а пыталось искусственно создать общину под видом земельных обществ. Земельные общества, как форма общинного землепользования, существовали и в первые годы революции и существуют и сейчас.

Во-вторых, факты действительности опровергают утверждение т. Кубанина, что будто бы земельное общество и сельская община в основном не одно и то же.

Современное наше земельное общество есть также союз по землепользованию. Кроме того, оно, как и прежняя русская община, решает целый ряд хозяйственных и культурных вопросов, не имеющих непосредственно отношения к землепользованию.

В-третьих, факты действительности опровергают утверждение о том, что будто бы к моменту социалистической революции община перестала существовать и не существует в настоящее время. Только почему же тогда ее «жизнь ломает» сейчас? Нельзя ломать то, чего не существует.

Беда вся заключается в том, что некоторые наши товарищи в пылу полемики настолько увлекаются, что в угоду своим неправильным представлениям «ломают» действительность и стремятся путем подбора нужных им фактов исказить действительность (как это, например, делает т. Кубанин, который, на основе каких-нибудь 162 заметок, стремится доказать, что во всех случаях община идет на пользу кулачеству; ниже я приведу примеры из тех же заметок о том, как при организованности бедноты и надлежащем руководстве со стороны партийных организаций и советов беднота побеждает кулака в земобществах).

Ленин учил нас всегда быть трезвыми политиками, всегда исходить из конкретно-исторической действительности и не принимать желаемое за сущее.

А сущее заключается в том, что у нас в основных своих чертах под видом земобщества сохранилась старая дореволюционная сельская община.

Нужно заметить, что товарищи, предлагая ликвидировать основную нашу форму землепользования—общинную, другой формы взамен ее не предложили, вероятно, не успели еще над этим вопросом подумать.

Но это показывает всю беззаботность, равнодушие к формам землепользования в наших условиях.

Однако, этот пробел наших товарищей совсем недавно был заполнен тов. М. Устиновым, который в № 19—20 «Большевика» пытался безуспешно доказать, что форма землепользования для перестройки нашего сельского хозяйства на социалистический лад никакой роли не играет, одновременно ухитрившись пропеть хвалебный гимн хуторам и отрубам и обругать тех, кто считает возможным использовать общинные формы землепользования для социалистического переустройства сельского хозяйства.

В связи с этим здесь весьма интересно вспомнить мнение Ф. Энгельса о той роли, которую при известных условиях могла сыграть русская община.

Отвечая на открытое письмо П. Н. Ткачева, Ф. Энгельс в 1875 г. писал: «Отсюда видно, что земельная община в России давно уже пережила период своего расцвета и, судя по всем данным, идет навстречу своей гибели. Тем не менее, несомненно, существует возможность превратить эту общественную форму в высшую, более развитую, если только она сохранится до того времени, когда созреют необходимые для этого условия, и если она окажется способною к развитию, в смысле перехода крестьян от индивидуальной обработки земель к обработке общественной; при таких условиях можно будет придать теперешней общине эту высшую форму, не заставляя русских крестьян проходить промежуточную стадию буржуазной парцеллярной собственности. Но это может произойти лишь в том случае, если еще до окончательного разложения общинной собственности в России, в Западной Европе совершится пролетарская революция и доставит русскому крестьянину предварительные условия для такого перехода, в том числе и материальные (раздядка моя. *С. З.*), в которых он нуждается, чтобы произвести неразрывно связанный с этим переворот во всей своей системе земледелия» [1]).

Если поставить на место пролетарской революции в Западной Европе пролетарскую революцию в самой России, если при этом учесть, что пролетарская революция в России находится сейчас на такой ступени развития, что она располагает необходимыми фондами для социалистического переустройства сельского хозяйства (см. доклад тов. Сталина на XV с'езде ВКП(б)), а также, если учесть то, что сельская община у нас существует, то вполне позволительно ставить вопрос о возможности использования сель-

[1]) Брошюра Ф. Энгельса «О России». Изд-во «Пролетарий». 1923 г., стр. 24.

ской общины на ряду с другими мероприятиями в целях социалистического переустройства сельского хозяйства. Весьма характерно то «роковое» совпадение в установках, которое получилось у тт. Кубанина и Устинова. Кубанин против общины и неизвестно, за какую другую форму землепользования, и тов. Устинов тоже против общины и всеми силами за хутора и отруба. При чем оба против использования общинной формы землепользования потому, что, дескать, это есть отрицание кооперативного плана Ленина.

Нам думается, что возможность использования общинной формы землепользования для построения социализма в деревне (как один из элементов в общей системе мероприятий) совершенно зря и надуманно противопоставляется кооперативному плану Ленина.

У нас еще много водится таких благочестивых товарищей, которые ежедневно клянутся кооперативным планом Ленина (как, например, тт. Кубанин и Устинов).

Но эти товарищи думают о плане Ленина как-то отвлеченно, абстрактно, не заставляя себя продумать, как же этот план осуществляется конкретно в каждую полосу нашего строительства.

В период от XIV партконференции и до XV с'езда партии как конкретно осуществлялся план Ленина? Мы развивали те виды кооперации, которые об'единяли крестьянина, как товаропроизводителя (смотри доклад т. Рыкова на XIV партконференции о кооперации—стен. отчет, стр. 88—89). Такими видами являлась кооперация потребительская, кредитная, сельско-хозяйственная.

При развитии таких форм кооперации, которые об'единяли крестьянина, как товаропроизводителя, общинная форма землепользования заметной роли играть не могла.

Как теперь, согласно решениям XV с'езда партии, будет конкретно осуществляться кооперативный план Ленина?

Теперь мы вплотную подошли к разрешению задачи организации крупного сельскохозяйственного производства.

Эту задачу мы будем разрешать путем обобществления крестьянского производства (в первую очередь бедняцкого и затем середняцкого).

И тут-то как раз общинная форма землепользования как нельзя более кстати.

И там, где производственное об'единение крестьянского хозяйства уже началось, там процесс обобществления крестьянского производства идет через земельное общество. Тов. Шлихтер в «Правде», от 9 марта с. г., приводит любопытные данные о работе тракторных колонн совхоза им. Шевченко. Совхоз заключает договоры на обработку земли тракторными колоннами с земельными обществами. Агитация кулаков получает дружный отпор от организованной бедноты, поддерживаемой середняками.

На XVI партконференции Московской губернии тов. Бауман на основе опыта Московской губернии констатировал: «Мы имеем, как преобладающую форму землепользования, общинную, составляющую 91% как в 1925 г., так и в 1927 г... Мы должны взять такое направление по землеустройству, которое помогало бы коллективизации земледелия. Опыт нашей губернии показывает, что форма обычного землепользования с устранением дальноземелия, черес- и узкополосицы и т. п., является более удовлетворительной формой, чем хутора и отруба. Также и поселки и выселки» [1]).

В указанном духе конференцией и было принято решение в резолюции о работе в деревне.

[1]) К. Я. Бауман «О работе партии в деревне». Изд-во «Рабочая Москва». 1927 г.

С точки зрения тт. Кубанина и Устинова XVI Московская партконференция ревизовала кооперативный план Ленина.

Для перестройки сельского хозяйства мы будем проводить целую систему мер, главнейшей из которых является, конечно, кооперирование крестьянского хозяйства; в этой системе мер мы должны использовать также и общинные формы землепользования.

Наша партия в лице своего ЦК при разрешении вопроса о формах землепользования исходит из реальной действительности.

В постановлении ЦК ВКП(б) от 20 октября 1927 г. «Директивные указания для выработки союзного закона о землеустройстве и землепользовании» этот вопрос разрешен так: «В качестве землепользователей в союзном законе и земкодексах союзных республик должны быть сохранены все ныне существующие категории землепользователей: 1) земельные общества и другие об'единения с формами землепользования единоличными и смешанными (разрядка моя. *С. З.*); 2) дворы, 3) колхозы, 4) совхозы и другие государственные, в том числе городские и общественные организации, учреждения и предприятия» [1]). В резолюции же XV с'езда по докладу тов. Молотова сказано еще более конкретно: «Всемерно содействовать росту таких форм землепользования, которые более благоприятны для развития кооперирования и механизации сельского хозяйства (поселки, выселки и т. п.), ограничив практику выделения на отруба и, особенно, хутора и совершенно прекратив их в тех случаях, где они ведут к росту кулацких элементов» (разрядка моя. *С. З.*).

Спрашивается: что представляют собой те поселки-выселки, которые признаются наиболее подходящей формой для коллективизации и механизации сельского хозяйства?

Земля в поселках-выселках находится в общинном пользовании, как и в земельных обществах. Положительными же сторонами в поселках-выселках являются: устранение черес- и узкополосицы и приближение земли к селению, т.-е. устранение дальноземелья (см. книжку А. А. Ржаницына «Внутриселенное землеустройство». Изд-во «Новая Деревня», 1927 г.).

Следовательно, поселки-выселки есть также земельные общества с техническими улучшениями пользования землей, которые позволяют улучшить способы ведения хозяйства.

В силу того, что на поселки-выселки переходят именно те группы крестьян, которые в старом земобществе не могли осуществить своих стремлений к переходу на лучшие способы ведения хозяйства, т.-е. передовые крестьяне, то поселки-выселки имеют тенденцию к переходу на коллективные способы сельскохозяйственного производства.

Из всего сказанного мы делаем такие выводы:

1. Основной формой землепользования у нас пока-что является общинная. В лице земельного общества мы имеем сельскую общину, которая помимо обсуждения и разрешения земельных дел, разрешает также и вопросы общеполитические, хозяйственные и культурные.

2. При разрешении вопроса о формах землепользования, наиболее соответствующих нашим задачам, нужно исходить из реальной действительности, как это и делают наши руководящие партийные органы.

3. Мы вовсе не должны быть равнодушны к формам землепользования: таковые хотя и не имеют решающего значения, однако, могут или содействовать или препятствовать процессу переустройства нашего сельского хозяйства на социалистический лад.

[1]) «Известия ЦИКС и ВЦИК» за 1927 г., № 268.

II. Как должен быть разрешен вопрос о сельсоветах и земобществах.

Курс на оживление советов, работа в этом направлении за последние два года дали свои плоды. Если раньше наша низовая советская единица существовала, можно сказать, только номинально, если раньше сельсовет являлся лишь только пунктом, выполнявшим поручения различных административных и судебных органов (вручение повесток, содействие взиманию налогов и т. п.),—то в настоящее время картина значительно изменилась к лучшему.

Раньше сельсоветы почти не заседали, все «бумажки» получал и выполнял председатель, теперь же большинство сельсоветов заседает, обсуждает вопросы, а многие сельсоветы заседают регулярно два раза в месяц, а президиумы сельсоветов там, где они есть, заседают раз в неделю.

Но теперь сельсоветы не только заседают, они проявляют инициативу, пытаются разрешать не только административные и организационные вопросы, а и вопросы хозяйственные и культурные. Немало теперь уже таких сельсоветов, которые пытаются воздействовать на экономику деревни, пытаются перестроить сельское хозяйство путем перехода на улучшенные способы ведения хозяйства, путем коллективизации сельского хозяйства. Такие окрепшие сельсоветы, сплачивая вокруг себя наиболее передовые бедняцко-середняцкие элементы, ведут работу по социалистическому переустройству деревни не безуспешно, с определенными результатами.

В общем и целом можно констатировать, что низовые органы диктатуры пролетариата в деревне—сельсоветы постепенно превращаются в настоящие хозяйственные и культурные центры деревни.

Однако, это только «в общем и целом». Есть еще много сельсоветов или совсем неработающих или работающих крайне слабо. Местная жизнь, важнейшие местные хозяйственные и культурные вопросы проходят мимо таких сельсоветов. В таких случаях центрами деревенской жизни являются сходы и выбранные ими органы, старосты и т. п.

Да и те сельсоветы, которые проявляют деятельность, еще далеко не охватывают всех тех вопросов, которые стоят в деревне на очереди дня. Например, таким вопросам, как содействие переходу на многополье, кооперирование, укрепление и коллективизация сельского хозяйства, регулирование арендных отношений, сплочение вокруг себя батрачества, бедноты и близких им середняцких слоев и т. д., уделяется еще очень мало внимания.

Стоящие перед нашей страной задачи в области социалистического переустройства сельского хозяйства и проведение в жизнь тех конкретных мероприятий, которые намечены XV с'ездом нашей партии, обязательно требуют дальнейшего укрепления, и более быстрым темпом, наших низовых деревенских советов, превращения их на основе сплочения вокруг них пролетарских, полупролетарских и середняцких слоев деревни в подлинные руководящие центры хозяйственного и культурно-бытового строительства деревни. Такова наша ближайшая задача.

Слабость работы сельских советов и отчасти волостных (районных) исполкомов было бы ошибочно относить только за счет слабости, пассивности наших деревенских работников. Это было бы неверно. Безусловно пассивность нередко наблюдается, безусловно во многих случаях при проявлении большей работоспособности можно было бы сделать больше и при настоящих условиях. Однако, есть ряд об'ективных условий, которые сильно мешают укреплению сельсоветов, более быстрому превращению их в сильные органы власти.

Однако, раньше, чем приступить к выявлению тех конкретных условий, которые служат причиной слабости сельсоветов, я постараюсь, что совершенно необходимо, дать общую установку в вопросе о сельсоветах и земобществах и о взаимоотношениях между ними.

Есть не в меру ретивые товарищи, которые открыто предлагают земельные общества ликвидировать. Другие маскируют это предложение, предпочитая умалчивать о ликвидации земобществ, но выдвигают предложение о том, чтобы сделать сельсоветы органами управления земельных обществ.

И есть, наконец, третья точка зрения Н. Суханова, который предлагает «окончательно превратить общину в институт публичного права, в мельчайшую советско-государственную ячейку, влив права и функции схода в права и функции сельсовета» [1]).

Все эти предложения должны быть отвергнуты, как неверные и могущие принести нам только один вред.

В основе предложений о ликвидации земобществ лежат такие рассуждения: раз земельные общества конкурируют с сельсоветами, как с органами власти, раз в земельных обществах играет роль кулак, раз в земельных обществах такое соотношение сил, что начинания более передовых крестьян заглушаются,—то их нужно ликвидировать, а функции их передать сельсоветам и таким образом разом уничтожить всякое «зло». Легко и просто. Беда лишь заключается в том, что товарищи забывают о невозможности регулировать экономические отношения мелкого крестьянского производства голыми административными мерами. Нельзя себе представить, чтобы сельсовет смог непосредственно руководить производством всей этой распыленной массы крестьянских дворов. Это—утопия.

Во-вторых, ликвидация земельной общины означает насилие по отношению к основной массе крестьянства, к середнякам, что грозит нарушением союза пролетариата со середняцким крестьянством. Ленин всегда предостерегал нас от применения насилия к среднему крестьянству.

На VIII с'езде РКП Ленин в докладе о работе в деревне говорил:

«Насилие по отношению к среднему крестьянству представляет собой величайший вред».

И дальше, говоря о возможностях организации крупных хозяйств, Ленин предостерегал: «Больше всего мы должны основываться на той истине, что здесь методами насилия по самой сути дела ничего нельзя достигнуть. Здесь экономическая задача стоит совсем иначе. Здесь нет той верхушки, которую можно срезать, оставив весь фундамент, все здание. Той верхушки, которою в городе были капиталисты, здесь нет. Действовать здесь насилием, значит погубить все дело. Здесь нужна работа длительного воспитания. Крестьянину, который не только у нас, а во всем мире, является практиком и реалистом, мы должны дать конкретные примеры в доказательство того, что «коммуния» лучше всего... Нет ничего глупее, как самая мысль о насилии в области хозяйственных отношений среднего крестьянства» (разрядка моя. *С. З.*) [2]).

А ведь предложение товарищей о ликвидации земельных обществ исходит из «благочестивого» желания при помощи сельсоветов заставить крестьян перейти к лучшим способам ведения сельского хозяйства. Как мы видим, такая точка зрения несостоятельна и является не чем иным, как отрыжкой административного увлечения, отрыжкой системы командования.

Точка зрения Н. Суханова несостоятельна по тем же соображениям, так как тоже исходит из возможности применения к среднему крестьянству «благодетельного» насилия в целях улучшения крестьянского производства. Но, кроме того, точка зрения Н. Суханова несостоятельна еще и потому,

---

[1]) Статья Н. Суханова «Община в советском аграрном законодательстве». Сборник статей, докладов и материалов. Изд-во Комакадемии, 1927 г., стр. 102.

[2]) Ленин, т. XVI, стр. 150—151.

что он предлагает заменить сельсоветы—сложившиеся уже органы диктатуры пролетариата в деревне, имеющие десятилетние традиции, и вокруг которых уже сплочены пролетарские и полупролетарские элементы и близкие им слои среднего крестьянства, — заменить новыми органами — земельной общиной. Всякий скажет, что такая точка зрения направлена против сложившейся и оправдавшей себя системы органов диктатуры пролетариата.

Таким образом, мы отвергаем как ликвидацию земельных обществ, так и превращение их в низовые ячейки советской власти.

Земельные общества нужно оставить и на ряду с этим принять меры к повышению роли сельских советов, к превращению их в подлинные центры советского строительства в деревне.

Понятно, что повысить роль сельских советов можно путем подведения под их деятельность материальной базы. Это в свою очередь можно сделать за счет передачи сельсоветам некоторых хозяйственных функций от вышестоящих исполкомов и отнятия и передачи сельсоветам некоторых функций земобществ.

Однако, «обкарнание» земобществ должно быть произведено в меру.

Взять все хозяйственные функции и об'екты хозяйствования у земобществ было бы неправильно. Необходимое им нужно оставить, дабы они могли существовать и правильно функционировать.

Земельные общества и их сходы нужно завоевать изнутри путем сплочения и организации в них батрацких, бедняцких и середняцких элементов для организованного отпора кулаку и его приспешникам. Усиленной работой в этом направлении сельсоветов, партийных и комсомольских организаций этого можно достигнуть.

Неправы те товарищи (и в частности тов. Кубанин), которые изображают дело так, что везде и всюду господствует в земобществах зажиточно-кулацкая верхушка. Правда, примеров и фактов засилья кулаков в земобществах можно привести много. Но есть много фактов и примеров и обратного порядка, когда организованная беднота при поддержке середняков дает отпор кулаку и другим темным элементам. Изображать дело так, как это делает тов. Кубанин, выдергивая только факты отрицательного порядка, мягко выражаясь, недобросовестно. Я беру также газетные заметки и корреспонденции и на ряду с отрицательными примерами нахожу примеры того, как беднота успешно защищает свои интересы в земобществах. Вот заметка в газете «Ойратский Край» от 26 октября 1927 г. под заголовком «Влияние богатеев на селе падает». В заметке сообщается, что «девятого октября граждане Онгудайского земельного общества собрались в нардоме обсудить вопрос, «как производить уплату за землеустройство». Докладчик предложил: «Надо освободить бедноту от уплаты за землеустройство. Середняцкой части предоставить долго- и краткосрочные кредиты». Богатеи были недовольны, но беднота голосовала единогласно за безвозвратную ссуду бедноте и за кредиты середняку».

Или вот факты из ярославской газеты «Северный Рабочий» от 28 октября 1927 г.: «Черкасский сход Мологского уезда. По его почину открыта изба-читальня, построена плотина на мельнице, организована пожарная дружина, собраны средства в помощь английским углекопам и проч. По решению сходов дер. Аргуны и Павленково того же уезда крестьяне вывезли лесоматериалы под школу и, в виду недостатка, добавили своего».

И таких примеров много, при чем важно отметить, что такие факты наблюдаются даже при отсутствии надлежащего руководства земообществами и сходами со стороны парт'ячеек.

А вот данные из официальных материалов—инструкторских обследований. Инструктор ВЦИК, обследовавший работу сельсоветов и положение земобществ в двух волостях Нижегородской губернии, делает такой вывод о руководстве сходами: «В основном руководство принадлежит по всем обследованным пунктам сельсоветам или группе членов сельсовета данного селения и группирующемуся вокруг них активу».

Эти примеры и факты говорят об одном; при наличии должного внимания к земобществам и сходам со стороны сельсоветов и партийных и комсомольских ячеек мы земобщества завоюем изнутри.

В этом и должно заключаться наше главное мероприятие по отношению к земобществам.

Теперь перехожу к выявлению тех условий, которые нужно устранить, чтобы повысить роль сельских советов.

III. Практические предложения.

Важнейшей и основной причиной слабости сельских советов является отсутствие материальной базы, самостоятельных бюджетов у большинства сельсоветов.

Не приходится, я думаю, доказывать очевидность этого положения. По РСФСР, например, по данным НКФ РСФСР в 1926—27 году имелось 57310 сельсоветов, и из них имели самостоятельные бюджеты только 1.720 сельсоветов, т.-е. только 3%. Отсутствие бюджета у сельсоветов приводит к тому, что сельсоветы не имеют возможности проводить в жизнь те мероприятия, которые они намечают. А это обстоятельство очень разлагающе действует на развитие массовой работы сельсоветов, на вовлечение в практическую работу советов бедняцко-середняцкого населения. В самом деле, если крестьяне, вовлеченные в секции, обсуждают вопросы и намечают конкретные мероприятия, а провести в жизнь их сельсовет не может из-за отсутствия бюджета, то у них получается разочарование, так как работа идет впустую. При таком положении крестьяне, прежде всего отличающиеся практической жилкой, говорят: «Пустозвонить к вам не пойдем». Без бюджета создавать настоящий, работающий, а не числящийся только на бумаге актив невозможно. Отсутствие самостоятельного бюджета у сельсоветов отнимает инициативу у них в проведении таких мероприятий, которые вели бы деревню вперед.

Целый ряд материалов и в том числе и обследования инструкторов ВЦИК, которые сравнивали работу бюджетных и небюджетных сельсоветов, с большой яркостью обнаруживают разницу в работе, которая существует у бюджетных и небюджетных сельсоветов. Именно отсутствие материальной базы у сельсоветов ослабляет их руководство земобществами и сельсходами.

Например, Северо-Кавказский Краевой Исполком отмечает прежде всего экономические факторы большего влияния сельсходов и слабого влияния сельсоветов. В отчете за I полугодие 1926—27 г. СКИК сообщает: «Большой процент вопросов местного хозяйства и благоустройства разрешается еще во многих советах общими собраниями, но это об'ясняется тем, что отсутствие достаточных материальных средств в сельсоветах вынуждает последние обращаться к общему собранию (ремонт дорог, мостов, ремонт и организация пожарного обоза и пр.), имеющему права самообложения, которых не имеет сельсовет».

Как известно, Наркомфин стоит на той точке зрения, что сельские бюджеты могут создаваться лишь только, как опыт. На всесоюзном совещании по местному бюджету замнаркомфин СССР тов. Кузнецов говорил: «Дифференциация бюджета должна пока завершаться на волости и районе». («Вестник Финансов» за 1927 г., № 5). Эта точка зрения нашла свое отражение до некоторой степени в постановлении ВЦИК о расширении прав местных органов советского управления [1]). Там в статье 146 в отно-

[1]) С. Узак. РСФСР за 1927 г., № 79, стр. 533.

шении сельских бюджетов сказано: «Признать, что по мере укрепления волостного и районного бюджета должна расширяться практика создания самостоятельных сельских бюджетов, в частности признать возможным в текущем бюджетом году пойти на дальнейшее расширение числа сельских советов, имеющих самостоятельные бюджеты, в тех районах и волостях, бюджеты которых окрепли, в отношении крупных сел, а также тех селений, которые имеют значительные самостоятельные источники дохода».

И далее определены те условия, при наличии которых предоставляется сельсоветам право иметь самостоятельные бюджеты.

В той же ст. 146 говорится, что «для предоставления сельским советам права иметь самостоятельные бюджеты безусловно необходимо наличие хотя бы одного из следующих трех условий: 1) вполне укрепленный районный или волостный бюджет, 2) крупные размеры селения или селений, образующих сельский совет, и 3) достаточная мощность самостоятельных доходных источников сельского совета для покрытия за счет его бюджета всех или большей части расходов по учреждениям, мероприятиям и предприятиям, обслуживающим нужды сельского совета и селений, входящих в его состав».

Смысл приведенных выписок из постановления ВЦИК таков: практику образования самостоятельных сельских бюджетов нужно расширить, однако, итти по этому пути постепенно, не форсируя.

Многие губисполкомы придерживаются в этом вопросе более чем осторожной линии: совсем не создают сельских бюджетов (Архангельская и Курская губернии) или создают их очень мало в несоответствии с имеющимися возможностями.

Есть и такие губернии, в которых число сельских бюджетов не увеличивается, а, наоборот, уменьшается (в Иваново-Вознесенской губ. в 1925—26 г. было 20 сельбюджетов, а в 1926—27 г. только 16). А между тем, опыт организации сельских бюджетов, по отзыву большинства исполкомов тех губерний, где создавались сельбюдежты, вполне оправдал себя.

В отношении создания сельбюджетов значительный опыт имеет Северо-Кавказский край. Там в 1925—26 г. было 259 сельбюджетов, а в 1926—27 г. их стало 787. Удельный вес сельбюджетов также возрос: в 1925—26 г. об'ем сельбюджетов выражается по доходам в 7.252 тыс. руб. и по расходам 6.556 тыс. руб., а в 1926—27 г. назначено было по доходам 12.331 тыс. руб. и по расходам 12.004 тыс. руб.

Крайисполком делает вывод: «Опыт организации сельбюджетов вполне оправдал себя».

Для сравнения положения сельсоветов с земобществами я приведу здесь несколько фактов и данных о материальном положении земобществ.

Все материалы—обследования РКИ, обследования инструкторов ВЦИК, материалы местных исполкомов—говорят о том, что земобщества, как правило, имеют бюджеты и притом довольно значительные. Обследование РКИ устанавливает такой факт: «В противоположность большинству сельсоветов, земобщества гораздо чаще имеют свои «общественные суммы», пополняемые не только путем самообложения, но и путем хозяйственного использования разного рода имущества... Эти общественные суммы достигают иногда довольно значительных размеров и тратятся не только на нужды земельного общества, но и на покрытие нужд сельсовета, вплоть до уплаты его долгов».

Вот пример бюджета Ольгинского земельного общества (Северо-Осетинская область), взятый из материалов обследования РКИ. Путем самообложения там в 1925—26 г. было собрано 2.679 руб. Израсходовано: зарплата деловоду за 4 месяца—100 руб., милиционеру—65 руб., письмоводу—40 руб., на освещение сельсовета—10 руб., сторожу сельсовета и школы—40 руб., на землеустройство 1.150 руб., за квартиру под избу-читальню—50 руб. и под фельдшерский пункт — 42 руб., оплата землеустроителей — 42 руб., казначея сельсовета—50 руб., двух лесооб'ездчиков—840 руб., за работы по приему лесов местного значения—250 руб.

Приведенные статьи расхода земобщества очень ярко иллюстрируют роль земобщества и подтверждают то утверждение, что у нас существует сельская община.

Инструктор ВЦИК, проводивший обследование Иваново-Вознесенской губ. в начале 1927 г., сообщает такой факт: «В дер. Першино, Тейковского уезда, через старосту (уполномоченного) за год прошло 3.000 руб., а сельхозналог с деревни 2.400 руб.».

Таких примеров можно было бы привести многое множество, но из-за недостатка места этого сделать нельзя.

Не приходится поэтому удивляться, что сельсоветы слабы, что они не руководят земобществами и сельсходами и, наоборот, подпадают иногда под руководство земобществ и сельсходов.

Какой отсюда вывод? Вывод один, необходимо приступить к решительному, форсированному созданию самостоятельных сельских бюджетов.

Возражением против форсированного создания сельбюджетов выдвигается то соображение, что будто бы на территории сельсоветов нет доходных источников.

Такое соображение неверно. Доходные источники имеются (сельхозналог, самообложение населения, доходы от эксплоатации местных предприятий и угодий общего пользования), но они проходят мимо сельсовета, распыляются между различными организациями и зачастую используются во враждебно-классовых интересах (напр., нередки случаи, когда доходы от угодий общего пользования попадают в кулацкие руки или пропиваются на сходах).

Поэтому в качестве предпосылки для форсированного образования сельбюджетов необходимо передать в распоряжение сельсоветов предприятия сельсоветского значения (мельницы, крупорушки, кузницы и т. п.) и некоторые земельные угодья общего пользования (леса местного значения, свободные земли, озера, базарные площади и т. п.).

Подведение материальной, в виде бюджета, базы под сельские советы, предоставление им реальной возможности удовлетворять те насущные хозяйственные и культурные нужды и запросы населения, которые не могут быть удовлетворены силами отдельных селений или земельных обществ, поднимет значение сельсоветов на нужную нам высоту и сделает их настоящими центрами советского строительства в деревне.

Перехожу дальше к группе вопросов правового характера, которые очень важны, но имеют безусловно подчиненное значение. Тут прежде всего вопрос о правовом положении сельсоветов и земобществ. Как известно, наши сельсоветы за исключением сельсоветов, имеющих бюджеты, не имеют права юридического лица. Это значит, что сельсоветы не могут приобретать имущества, заключать сделок, не могут вступать в договора, т.-е. не могут хозяйствовать, не могут даже использовать на хозяйственные цели те средства, которые они получают по приходо-расходной смете от виков или путем самообложения населения.

В противоположность же сельсоветам земобщества имеют право юридического лица согласно ст. 64 Зем. Кодекса.

Само собою разумеется, что такое положение сельсоветов не могло содействовать укреплению их роли по отношению к земобществам. Нужно прямо сказать, что такое положение невыносимо. Сельсоветам нужно немедленно же, не дожидаясь образования сельбюджетов, предоставить право юридического лица.

Существующее законодательство о сельсоветах и земобществах (ст. 50 и 55 зем. кодекса), во-первых, в некоторых случаях превращает сельсоветы в исполнительные органы земобществ (в тех случаях, когда территория сельсовета совпадает с территорией земобщества), и, во-вторых, не дает права сельсоветам контролировать деятельность земобществ, предоставляя это право только викам.

Такое положение должно быть изменено, и чем скорее, тем лучше. Превращение сельсоветов в исполнительные органы земобществ ни в коей степени не отвечает задаче усиления роли сельсоветов по отношению к земобществам.

Необходимость же передачи сельсоветам прав виков по отношению к земельным обществам вытекает из того, что вики далеко находятся от земобществ, и притом земобществ на территории волости очень много, и поэтому вики фактически не могут осуществить и фактически не осуществляют своих прав контроля и руководства над земобществами.

Выше отмечалось, что не существует разницы между собраниями (сходами) земобществ и общегражданскими собраниями (тоже сходами).

В целях разграничения между этими двумя видами сходов в начале 1927 г. ВЦИК было издано положение об общих собраниях (сходах) граждан в сельских поселениях. Как показал опыт, о котором говорят имеющиеся материалы, этот закон не привился и внес на местах только путаницу. Этот закон есть один из образцов тех законов, которые только «гласят», но не действуют.

Обследование РКИ по Тамбовской губ. отмечает, как одну из причин смешения общегражданских и земельных обществ, следующее: «Население еще в дореволюционное время привыкло на мирских сходах решать свои общественные дела и не мыслит отделения земельных дел от прочих общественных». Селькор «Крестьянской Газеты» из Нижегеродской губ. ставит этот вопрос так: «Все вопросы должны решаться земельным обществом, так как на сельский сход у нас собирается 15—20%, между тем, как на сход земельного общества собирается от 60 до 80% (пример, дер. Сартаково). Об'ясняется это тем, что каждый крестьянин заинтересован, прежде всего, в том обществе, где он пользуется землей».

Из этой действительности и надо исходить. Тут можно провести некоторую аналогию между городом и деревней. Ведь в городе той низовой общественной ячейкой, которая обсуждает все хозяйственные и политические вопросы как местного, так и общегосударственного значения, является производственная единица—фабрика, завод и вообще предприятие.

Земельное общество также является низовой производственной единицей, так как в основе лежит общее землепользование, а земля есть главное средство производства. Правда, тут есть и разница — рабочие на фабрике являются членами одного класса, а в земобществе участвуют представители различных социальных групп (кулак, середняк, бедняк).

Однако, лишение права голоса на собраниях земобществ кулацких элементов и предоставление права голоса пролетарским элементам (батракам) создает обстановку для обсуждения на собраниях земобществ всех вопросов в наших интересах.

К этому надо еще добавить то, что мы сумеем завоевать земельные общества изнутри путем сплочения батраков и бедноты и путем организации бедняцко - середняцкого блока на основе усиления внимания сельсоветов и партийных и комсомольских ячеек к работе земобществ, а не путем юридических запрещений и административных мер.

Из сказанного вытекает следующее: положение о сельсходах нужно отменить, представив земобществам право обсуждения политических и хозяйственно - культурных вопросов. Сельсоветам же нужно предоставить право созыва сходов земобществ по своей инициативе.

На ряду с укреплением материального положения сельсоветов, предоставлением им права юридического лица нужно расширить также и административные права сельсоветов: предоставить им право издания в определенных случаях обязательных постановлений по вопросам местного благоустройства, по борьбе со стихийными бедствиями, по борьбе с хулиганством, потравами и т. п.

Весьма своевременно также передать сельсоветам регистрацию всех актов гражданского состояния, не исключая и разводов.

Чтобы упростить сложную систему разбора земельных споров и в то же время приблизить аппарат к населению, нужно радикально изменить эту систему. Вопрос этот вполне назрел и его целесообразно разрешить так: всю систему земельно - судебных органов, все эти бесчисленные инстанции, упразднить, передав более важные и серьезные дела народным судам, а для разбора более мелких дел создать земельные комиссии при сельсоветах.

В отношении правового положения земельных обществ нужно заострить вопрос о строгом оформлении их путем обязательного перевода на нормальный устав, а также ликвидировать право земобществ на образование союзов.

Наконец, последнее мероприятие, которое нужно провести в отношении сельсоветов, это — улучшение материального положения работников сельсоветов. Большинство отчетов губисполкомов отмечает слабость личного состава сельсоветов как выборного, так и технического. Архангельский гик, напр., пишет: «Постоянно работающий аппарат—председатель и секретарь или делопроизводитель — в большинстве сельсоветов был еще слаб, особенно председатели сельсоветов. Аппарат в своем большинстве мало работоспособен вследствие технической неграмотности секретарей и их частой сменяемости по причине низкой оплаты труда». Причину слабости личного состава сельсоветов места видят в низкой оплате работников, вызывающей большую текучесть. Например, в Пензенской губ. за полугодие по 807 сельсоветам, по личному желанию покинули работу 123 предсельсовета и 130 секретарей (14%), и, кроме того, отстранены за преступления 58 предсельсовета и 51 секретарь.

Необходимость повышения квалификации и закрепления на работе сотрудников сельсоветов повсеместно ставит вопрос об улучшении их материального положения.

Весь комплекс предлагаемых мероприятий безусловно укрепит положение сельсоветов, сделает их центрами социалистического переустройства деревни и тем самым разрешит вопрос о взаимоотношениях их с земобществами.

П. Китайгородский.

Итало-французские противоречия.

Перекличка Бриана—Муссолини.

Точь-в-точь, как до империалистической войны 1914—18 гг. Руководитель английской внешней политики лорд Грей с высоты английской парламентской трибуны расписывался в миролюбивых чувствах, коими обуреваема Великобритания в отношении Германии. А руководитель германской внешней политики Бетман-Гольвет с трибуны рейхстага взаимно уверял, что кайзер ни о чем ином и не думает, как об укреплении дружественных чувств, столь «счастливо» об'единяющих англо-германские народы. В доказательство кайзер Вильгельм предпринимал даже поездку в Лондон, дабы лично засвидетельствовать свои «дружественные» чувства. Результат этих словесных деклараций и визитных демонстраций общеизвестен: противоречия между Англией и Германией и другими империалистическими европейскими державами были столь глубоки, что для их разрешения стороны прибегли к оружию, кои они долго друг против друга ковали.

Ныне мы присутствуем при аналогичном спектакле. Обострение отношений между Италией и Францией в последнее время достигло крайних пределов. Это обострение достигло той грани, за которой начинается театр военных действий. Но в том-то и дело, что обе «латинские сестрицы» еще не решаются переступать через эту грань. Прежде, чем совершить этот рискованный шаг, они пытаются перебросить меж собою бумажный мост иллюзорных соглашений. Воевать сейчас они не смеют. Их пугает война, могущая повлечь за собою не передел колоний, а перераспределение собственности имущих классов обеих стран в пользу итало-французского пролетариата... Это является временным сдерживающим фактором. Но раз сейчас драться рискованно, то приходится делать, как говорится, «une bonne mine au mauvais jeu» (хорошую мину при дурной игре) и чуточку притупить чрезвычайно обострившиеся углы итало-французского конфликта, внести, так сказать, струю временного замирения их взаимоотношений.

И вот начинается перекличка между Брианом и Муссолини. Эта перекличка началась тотчас же после того, как было заключено франко-югославское соглашение (11 ноября 1927 г.) и Муссолини поспешил перестраховать себя путем навязывания Албании дополнительного соглашения о «дружбе». Закрепив предварительно свои тыловые позиции (одна в Югославии, а другая в Албании), «латинские сестрицы» начали зондировать друг у друга почву для возможности устройства личного свидания.

Вы думаете, что это так легко? Послушайте, что говорит Генри де-Жувенель, прославившийся демонстративным своим уходом из совета Лиги Наций: «Мы долго не замечали раздражения Италии. Мы сохраняли полное молчание. Наш сосед—Италия—приняла это за знак презрения. Гнев итальянцев усилился. Но вот Бриан заговорил с трибуны парламента, выразив желание иметь свидание с Муссолини. Это разрядило атмосферу враждебности. Муссолини поспешил ответствовать готовностью свидеться с Брианом».

Казалось, после такого громогласного любвеизлияния остается только поспешить на свидание, чтобы броситься в об'ятия друг другу. Не торопитесь, читатель. У знатных империалистических господ это не так скоро делается. Почитаем дальше. «Однако,— продолжает Генри де-Жувенель,— внезапное свидание с глазу на глаз могло представиться опасным, и б о н а п р а с н о у с т р о и т ь в с т р е ч у, е с л и н е з н а е ш ь, о ч е м г о в о р и т ь. Бриан поэтому сначала мудро начал с того, что в Женеве стал завтракать с представителем Италии—Шпиалойа. Затем тот же Бриан убедил Англию быть свидетелем предстоящей встречи. Как раз в это самое время английский посол в Риме поехал в Швейцарию подышать свежим воздухом. Вот с этим общим другом засели они завтракать за одним столом. Этот общий друг служил как бы посредником. Так, с помощью английского друга будет осуществлено средиземное Локарно» [1]).

Теперь ясно. Все началось с з а в т р а к а. Но завтракать с глазу на глаз как-то неловко. По счастью (какое счастливое совпадение, не правда ли?) тут очутился гостивший английский посол в Риме, приехавший в Женеву поправлять свои нервы, ну,—и будьте уверены,—Локарно на Средиземье уже готово. Вот как работает дипломатическая кухня.

Из всего того, что нам рассказал де-Жувенель, явствует, что Франция без участия Англии не хочет итти на переговоры с Италией. Франции и Италии наедине не о чем разговаривать. Претензии Италии чересчур велики. Нет ни одного пункта на Балканах и на Средиземном и Красном морях, где интересы Италии и Франции совпали бы. От Франции требуются жертвы. Но именно на них-то французская буржуазия не особенно охотно идет. Вот почему она привлекает действующую за спиной Италии английскую дипломатию, чтоб избежать «односторонних» жертв...

Оставим покамест наших партнеров завтракать и рассмотрим пункты разногласий между Италией и Францией.

Борьба за Адриатику.

Восточная часть Аппенинского полуострова омывается Адриатическим морем. Итальянский империализм стремится превратить Адриатическое море в итальянское озеро. Для этого необходимо овладеть ключами Адриатики, каковыми является Албания и остров Корфу. Кто владеет Албанией, тот является господином всей Адриатики. У кого в руках остров Корфу, у того—солидный ключ, замыкающий дверь, ведущую в Адриатику. На пути овладения этими двумя ключами итальянскому империализму приходится преодолевать целый ряд препятствий со стороны других претендентов на Адриатику, в первую очередь, со стороны Югославии, покровительствуемой Францией и Англией, которая тоже до последнего времени ревниво относилась к тому, кто помышляет укрепиться в Адриатике то ли путем овладения Албанией, то ли аннексией у Греции острова Корфу. Но если Англия в целях вовлечения Италии в орбиту своего влияния решила закрыть глаза на проникновение итальянского империализма в Албанию, то в лице Югославии Италия встречает серьезного конкурента.

Партия Радича, одна из наиболее крупных и влиятельных организаций в Хорватии, особенно ревностно относится к вопросу о свободном выходе к Адриатическому морю. Именно хорватские элементы настойчиво нажимают на югославское правительство, чтобы оно вело «адриатическую политику».

В 1924 году между Италией и Югославией было заключено временное соглашение, по которому Югославия отказалась в пользу Италии от своих претензий на Фиуме взамен признания за Югославией всей береговой полосы

[1]) См. «L'Europe Nouvelle» от 17 декабря 1927 г.

Далмации (за исключением Зары), а также порта Бароша, представляющего на самом деле одно целое с Фиуме. Правительство Пашича—Нинчича было того мнения, что лучше итти на такую жертву (отказ от Фиуме), взамен получения свободы действий в Македонии. Хорватские же элементы остались недовольными актом правительства Пашича—Нинчича, представлявшего «великосербские» интересы. Буржуазные группировки Хорватии не могли примириться с мыслью об утере Фиуме. Для них поэтому крайне важно укрепиться в других пунктах Адриатики и прежде всего в Албании, дабы этим себя застраховать за счет утерянного Фиуме.

Временное соглашение 1924 г. никого не удовлетворило, и обе стороны—Италия и Югославия—начинают вскоре после этого интриговать друг против друга в Албании. Фаноли, глава албанского правительства, ориентировавшегося на Италию, свергается с помощью югославского ставленника Ахмеда-Зогу. Но этот последний, пришедший к власти с помощью югославского золота и «комитаджи», сформированных на территории Югославии, был вынужден изменить своей благодетельнице и сделаться полным вассалом Италии.

Дело в том, что итальянский капитал успел за последние годы солидно окопаться в этой горной стране. Три четверти торгового оборота Албании приходится на долю Италии. Образованный в 1925 г. албанский национальный банк насчитывает 51% итальянских капиталов.

Лесные концессии в районе Скутари предоставлены итальянцам. Точно так же итальянские капиталисты получили шоссейные и железнодорожные концессии, имеющие стратегическое значение и долженствующие служить опорными пунктами наступления против Югославии. Итальянскому капиталу удалось «мирно» договориться с английским на предмет полюбовного распределения сферы нефтяных изысканий в Албании. Вся Албания находится под исключительным финансовым контролем Италии. Это обстоятельство способствует усилению политического контроля над Албанией. Нередко агенты Муссолини с целью устрашения правительства Ахмеда-Зогу и принуждения его к более уступчивой политике в пользу Италии прибегают к организации восстаний, поддерживаемых курсирующим у берегов Албании итальянским военным флотом. Так, напр., в ноябре 1926 года агенты Муссолини вооружили 3.000 человек, восставших против центрального правительства. Это восстание, в котором участвовали племена римско-католического вероисповедания (в Албании 71% населения составляют мусульмане, 10% римско-католического вероисповедания, 19% православного. Всего в Албании числится около 832.000 чел.), явилось средством нажима на правительство Ахмеда-Зогу с целью склонить его к заключению итало-албанского договора. Этот факт приобретает особое значение, если вспомнить, что Албания является «независимой» страной и состоит членом Лиги Наций.

Договор, навязанный Албании, состоит из пяти пунктов. В свое время мы подробно анализировали этот кабальный договор [1]). Анализ доказал, что Италия действовала с согласия Англии, которой было важно компенсировать Италию, согласившуюся сделаться орудием ее средиземной антифранцузской политики.

Не довольствуясь этим договором, Муссолини, после заключения в ноябре 1927 г. договора о дружбе и арбитраже между Францией и Югославией (договор, всецело направленный против Италии) поторопился навязать Албании дополнительный кабальный договор, фактически превративший «независимую» Албанию в итальянскую колонию.

[1]) См. журнал «Комм. Интернационал», за 1927 г.

Корреспондент «Фоссише Цейтунг» описывает следующим образом, при каких обстоятельствах был подписан этот договор. Итальянский резидент в Дураццо пригласил президента Албании Ахмеда-Зогу подписать выработанный Италией договор. Ахмед-Зогу несколько дней колебался. Тогда агент Муссолини Сока с помощью некоторых подкупленных министров-италофилов пред'являет ультиматум Ахмед-Зогу: либо принять целиком договор, либо подать в отставку. Одновременно албанский национальный банк, контролируемый итальянским капиталом, был закрыт в течение нескольких дней. Итальянцы угрожали забрать все вклады из Албанского банка. Под угрозой финансового кризиса и физического насилия Ахмед-Зогу вынужден был подписать итало-албанский договор 22 ноября 1927 года.

Этот договор, состоящий из семи пунктов и заключенный на 20 лет, лишает Албанию свободы действий во внешней политике. Албания не вправе без санкции Италии вести переговоры с третьей державой. Италия предоставляет Албании «все свои военные, финансовые и другие материальные ресурсы» на началах взаимности. Смешно, конечно, говорить о равной взаимности слабой Албании по отношению к Италии. Все пункты этого договора являются типичным образчиком закабаления слабой страны, опутываемой сильным империалистическим хищником.

Этот договор всем острием направлен против Югославии. А так как Франция, как покровительница Югославии, не может допустить ослабления последней, не может спокойно смотреть на факт проникновения Италии в Албанию, этого опорного пункта дальнейшего расширения итальянского влияния на Балканах, то естественно отсюда стремление Франции воспрепятствовать Италии установить в этих пунктах свою гегемонию.

Чтобы еще более напакостить своей сопернице, Франции, Италия не безуспешно сочиняет политическую комбинацию, куда должны входить Греция, Болгария, Венгрия и Румыния. Расколоть во что бы то ни стало французское рахитичное детище—Малую Антанту—является idée fixe (навязчивой идеей) Муссолини. Следует признать, что он на этом поприще недурно успел. Югославия фактически окружена враждебным кольцом государств. Малая Антанта фактически распалась. Румыния, член этой Антанты, колеблется и чаще с перевесом на сторону Италии.

Из балканских государств Греция в последнее время выступает под диктовку Италии. Греция боится захвата Югославией Салоник. По соглашению 1926 г., Югославия получила в свое распоряжение участок железнодорожного пути, ведущий от Салоник к югославской пограничной станции Гевгели. Это соглашение было заключено в бытность Панголоса диктатором Греции и ориентировавшимся на Францию. Ныне положение изменилось. Итальянская дипломатия за последние два года сумела вовлечь Грецию в орбиту своего влияния. Италия участвует в предоставлении Греции займа на ряду с Лондоном. Хотя Греция недовольна переходом к Италии 12 островов Додеканеза, но этот спор из-за островов отступает на второй план перед фактом натянутости отношений с Югославией.

Лишь недавно греческий мининдел Михалоконулос выступил с резкой речью в Салониках против соглашения 1926 г., заключенного Панголосом с Югославией. Этот факт явно говорит о том, что Греция подпала под влияние Италии и Англии, противодействующих французской политике на Балканах. Вот как далеко стреляет итальянская дипломатия, стремящаяся установить свою гегемонию в Адриатике и парализовать противодействие Франции, покровительствующей «наследнице» австро-венгерской монархии—Югославии. Итальянская дипломатия окружает последнюю кольцом враждебных государств, сковывая их в один антифранцузский и антиюгославский блок. Интересы Франции и Италии в Адриатике и на Балканах непримиримы.

Борьба за Тунис.

Плодородная страна, изобилующая минералами (фосфатная промышленность Туниса является второй в мире), располагающая прекрасными гаванями, одна из которых—Бизерта—служит первоклассной морской базой для французского флота, таков Тунис, являющийся подлинной колонией Франции. А ведь эта страна находится под самым носом Италии. В 1882 г. французский империализм захватил эту арабскую страну. Захват был произведен с согласия Англии, в виде компенсации за аннексию Англией Египта, на который и Франция претендовала. Италия была тогда слишком слаба, чтобы играть самостоятельную роль колониальной державы. Италии оставалось только с завистью глядеть, как такой лакомый кусок выхвачен из-под самого ее носа. А ведь Тунис, бывший Карфаген, входивший в состав Римской империи, «исторически» по праву преемственности должен был, по мнению фашистов, принадлежать Италии. Эти «исторические» права на Тунис пред'являет и сейчас Италия в своей аргументации насчет «несправедливости», совершенной французами.

В Тунисе даже по официальной французской статистике имеются 89 тысяч итальянцев и 71 тысяча французов. (В действительности, итальянцев, если считать и мальтийцев, около 105 тысяч). В то время, как французы по своему социальному положению принадлежат к крупным и средним собственникам—землевладельцам, торговцам и пр.,—итальянцы на 90% составляют рабочих, земледельцев, мелких служащих. Французские власти чинят всяческие препятствия итальянской иммиграции в Тунис. Еще в 90-х годах введен был закон, ограничивающий права итальянцев в Тунисе. Даже чисто итальянские профсоюзы не имеют права выбирать свои правления, если в них большинство членов не является французскими подданными. Итальянцы в Тунисе находятся в положении угнетенных и бесправных. В 1921 г. был введен специальный закон о натурализации, обязавший всех иностранцев, издавна проживающих в Тунисе, перейти во французское подданство. Этот закон преследовал цель всемерного ограничения итальянского влияния в Тунисе.

Борьба за Тунис в последние годы сильно обострилась. Фашистская пресса мечет гром и молнии против французов, стесняющих итальянскую колонизацию Туниса. Фашисты недвусмысленно домогаются, ссылаясь на свои «исторические» права, перехода Туниса во владение Италии. Здесь, в этом пункте Средиземья интересы Италии и Франции диаметрально противоположны.

Италия ищет места для переселения «избытка» своего населения. До войны Италия занимала одно из первых мест в ряду стран, из которых шла эмиграция. Итальянская эмиграция до войны составляла в среднем около 800.000 человек ежегодно. В связи с ограничением, введенным американским биллем об иммиграции, итальянская эмиграция значительно сократилась, давая сейчас в среднем около 200.000 чел. в год. Сейчас эмиграционный поток из Италии направлен во Францию, Аргентину и др. А тут под боком находится Тунис, который, по самым скромным подсчетам, в состоянии прокормить 15 миллионов населения. (Сейчас всего насчитывается в Тунисе 2.100.000 душ). Тунис, как место колонизации, переселения итальянских эмигрантов, которым запрещен в'езд в Сев.-Амер. Соед. Штаты; Тунис, как сырьевая база, как рынок сбыта географически близкий к Италии, возбуждает аппетиты молодого итальянского империализма, значительно окрепшего после войны.

Италия боролась на стороне «союзников» во время империалистической войны, а взамен она получила одни крохи. В то время, как Франция получила мандат на Сирию, Англия—на Палестину, на долю Италии достались от дележа Оттоманской империи только 12 островков (Додеканез)—и

только. С тоскою и жадностью взирает итальянский империализм на соседний Тунис, находящийся в руках счастливого французского соперника. «Тунис должен стать итальянским», твердит изо дня в день фашистская пресса. Борьба за Тунис обострилась. Италия рассчитывает на поддержку Англии. Последняя с нею заигрывает и исподтишка толкает ее на путь заносчивой, агрессивной антифранцузской политики.

Борьба за Танжер.

На страницах «Большевика» мы уже неоднократно освещали танжерский вопрос [1]). Коснемся этого вопроса вкратце. «Интернационализированный» гор. Танжер и его зона фактически находятся под тройным контролем Англии, Франции и Испании. (Экономически здесь преобладает Франция). На лондонской конференции 1923 г., где был выработан специальный «танжерский статут», Италии, несмотря на ее настойчивые домогательства, было отказано в участии. Италия все время добивается «равных» прав в управлении Танжером. В частности, она выдвигает требование на право назначения своего военного атташе, итальянского судьи и вице-президента бутафорского «представительного» национального собрания (где преобладают европейцы), а также на право участия в эксплоатации Танжерского порта.

Еще в 1926 г. Италия заключила специальное соглашение с Испанией, обязавшись выступить солидарно против Франции в танжерском вопросе. В октябре 1927 года Муссолини отправил демонстративно морскую дивизию под начальством принца Удино в Танжер, где она пробыла несколько дней. Французская пресса сравнила морскую демонстрацию Италии с довоенной демонстрацией кайзера Вильгельма в Танжере и Агадире. Она оценила этот акт, как явный вызов Франции.

Французская пресса вообще отрицает за Италией право на участие в управлении Танжера, исходя из того, что, по договору 1912 г., Италия отказалась в пользу Франции от каких-либо претензий на Марокко, взамен чего Франция санкционировала захват Ливии Италией. Фашистская пресса возражает на это, что Италия не имела в виду Танжер, поскольку последний не входил в зону французской оккупации.

Борьба за Танжер также обострилась за последнее время. Сейчас Франция всячески старается кое-как договориться с Испанией, претендующей на переход Танжера в сферу ее влияния [2]). Франция противится созыву международной конференции по пересмотру так называемого «алжесирасского акта» 1906 г., по которому Франция получила санкцию на захват южного и среднего Марокко, а Танжер был выделен в качестве «интернационализированного» пункта. Италия же, как раз наоборот, хотела бы, чтобы такая международная конференция состоялась, надеясь использовать для своих целей англо-французские противоречия.

Таким образом, и Танжер является одним из об'ектов итало-французских разногласий.

Борьба за Абиссинию.

На Красном море мы являемся тоже свидетелями соперничества Италии и Франции. Последняя издавна осуществляет свой политический контроль над Абиссинией.

[1]) См. нашу статью «Перегруппировка сил в западном секторе Средиземья» во втором № «Большевика» за 1927 г. и др.

[2]) По последним сведениям, Франция договорилась с Испанией. Последняя получает право держать свой небольшой гарнизон в танжерской зоне, и начальником жандармерии будет назначен испанец. Предстоит еще конференция Англии, Франции, Италии и Испании по вопросу о Танжере. Однако, правительство С.-А. С. Ш. специальной нотой заявило, что Америка отстаивает принцип «открытых дверей» в Танжере... Об этом придется особо поговорить.

Абиссиния является страной скотоводческой и земледельческой с полукочевым населением. После войны иностранный капитал, преимущественно англо-французский, стал проникать в Абиссинию. Всего инвестировано около 10 миллионов фунтов стерлингов [1]).

Если мы посмотрим на карту, то увидим, что Абиссиния совершенно отрезана от моря. Так, Эритрея (у Красного моря) находится в руках Италии. Сомали (у Индийского океана) окаймляет Абиссинию с восточной и южной сторон, при чем сама колония Сомали разделена между Францией, Англией и Италией. С Индийским океаном Абиссиния сообщается через французскую часть Сомали посредством единственной железной дороги Джибути—Адис—Абеб (длина около 800 километров). Контроль Франции над этой железной дорогой обеспечивает ей преимущественное положение в отношении своих соперников—Англии и Италии, поскольку Франция имеет возможность контролировать внешний товарооборот Абиссинии, 80% которого проходит через французский порт Джибути.

После войны Англия и Италия всячески старались вытеснить или ослабить французское влияние в Абиссинии. Еще в 1919 г. Англия обещала Италии поддержать ее политику экспансии в Абиссинии взамен поддержки Италией английских домогательств на озеро Цан.

Последнее является огромным резервуаром, питающим реку Нил. Поскольку английские хлопководы перенесли центр своей деятельности в Судан (Верхний Египет), вопрос об ирригации приобретает для них особое значение. Английская текстильная промышленность заинтересована в получении дешевого сырья. Продукция хлопка, хлопковые плантации беспрерывно передвигаются в Судан, страну более дешевой рабочей силы (заработная плата в Судане—2 долл. в месяц, а в Египте чернорабочий в среднем получает 80 копеек в день). Поскольку озеро Цан является источником Голубого Нила, Англия стремится закрепить его за своими хлопководами. Между прочим, овладение озером Цан развязало бы руки английским империалистам в Египте и сделало бы их полными властителями воды в стране Нила.

На пути к аннексии озера Цан и всей северной части Абиссинии стоит Франция. (В скобках отметим: за последний год американский капитал сделал немало усилий, чтобы проникнуть в Абиссинию. Представитель Моргана—доктор Мартин—подписал уже с абиссинским правительством концессионный договор на право возведения этой компанией плотины между озером Цан и верховьем Голубого Нила. Это—не в бровь, а в глаз английскому империализму!).

Франция поспешила вовлечь Абиссинию в Лигу Наций, членом которой она является с 1924 г. Но, несмотря на это, Англия и Италия в декабре 1925 г. заключили между собою соглашение о распределении сферы своего влияния в Абиссинии. Италия должна была получить право провести железную дорогу для соединения Эритреи и итальянского Сомали через Абиссинию, а Англия—Северную Абиссинию и озеро Цан. Франция подняла шум. Глава Абиссинии Рас Тафари, по указке Франции, послал резкие ноты протеста Лиге Наций. Под давлением Франции Англия и Италия вынуждены были аннулировать соглашение о разделе Абиссинии, члена Лиги Наций, на сферы влияния. (Соглашение само по себе явилось звонкой пощечиной Лиге Наций!..).

Итак, и в Абиссинии интересы Италии и Франции также не совпадают.

[1]) Более подробно см. нашу статью об Абиссинии в журнале «Новый Восток» № 16—17 за 1927 г.

Роль Англии.

Англия стремится обеспечить свою гегемонию на Средиземном море Она сугубо заинтересована в охране Суэцкого канала,—этого важного стратегического пункта, открывающего дверь к Индийскому океану,—и Гибралтарского пролива—этих ворот в Атлантический океан. Недавно английский министр колоний Эмери следующим образом обосновал морскую политику Англии в Средиземье: «Наша морская стратегия направлена к тому, чтобы обеспечить нашему флоту свободное сообщение, чтобы он легко, беспрепятственно мог проникнуть через Средиземное море и Суэцкий канал в восточные моря к индийским берегам. Чтобы обеспечить этот великий морской путь, необходимо владеть многими пунктами, как Гибралтар, Мальта и важная крепость Сунгапур. Но важнее всего, это—узкий проход Суэцкого канала между двумя великими океанами. Только тогда будет возможно удержать все эти пути, когда Великобритания будет достаточно прочна, сильна на обеих сторонах канала, когда соседние с каналом страны будут находиться в дружественных отношениях с нами. С этой точки зрения, мы укрепляемся в Египте и в других пунктах Ближнего Востока». (Цитируем по «Дейли Геральд» за май 1927 г.).

Чтобы обеспечить себя от всяких неожиданных сюрпризов на Средиземье, английское адмиралтейство еще в 1924 г. совершило перегруппировку своих морских сил, перебросив к своей первоклассной морской базе, Мальте, такое количество военных судов, которое по тоннажу, по дальнобойности орудий превосходит об'единенные силы франко-итальянского флота на Средиземье. Как с нескрываемым цинизмом выразился небезызвестный публицист «Авгур» в английском журнале «Фортнайтли Ревью», эта перегруппировка сил английского флота имела то значение, что Италия вынуждена была плыть в фарватере английской политики на Средиземном море.

Действительно, Италия должна присоединиться к могущественной Англии, правящей с помощью своих военных кораблей на Средиземном море, чтобы с ее помощью вести наступательную политику против Франции. Мы видели, что Англия, начиная с 1925 г., делает кое-какие уступки Италии.

Так, например, Англия заставила египетское правительство уступить Италии спорный оазис Джарабуб. То же самое она дала согласие Италии проникнуть в Иемен (на Аравийском полуострове). Мы видели, что Англия координировала свои антифранцузские действия в Абиссинии. Та же Англия не возражает против укрепления Италии в Адриатике (албанский конфликт). Одним словом, Англия бросает Италии крохи, используя ее против Франции. Союз Италии с Испанией тоже был заключен не без содействия Англии. В танжерском вопросе Англия также склонна в последнее время поддержать итальянские претензии.

Франция на Средиземном море и вообще на Ближнем Востоке изолирована. Так было до последних дней. Сейчас Франция напрягает свои дипломатические усилия на то, чтобы оторвать Италию от Англии. Но это ей не удастся. Франция не может удовлетворить аппетиты Италии. Она не может итти на жертвы и отказаться от своих колоний в пользу Италии. Не может делать «односторонние» уступки.

Драматизм положения заключается в том, что Франция вынуждена вовлечь Англию в свои переговоры с Италией. Ни от Туниса, ни от мандата на Сирию она никоим образом не откажется. Речь может итти только о мелких уступках: то ли в виде преследования антифашистских итальянских эмигрантов во Франции, то ли в виде мелких уступок в Албании, то ли в виде исправления границ Ливии. Франция хочет, чтобы, как это было в 1904 г., Англия тоже приняла посильное участие в жертвах. Это обстоятельство усложняет франко-итальянский конфликт и делает его сугубо неразрешимым.

Выводы.

Италия и Франция сейчас считают для себя необходимым временно договориться и уладить свои «недоразумения». Италия наступает, выдвигает свои максимальные требования, получившие отражения в статье газ. «Трибуна» за подписью Франческо Копполы: 1) участие Италии в управлении Танжером; 2) итальянский контроль над Адриатикой; 3) недопущение создания коалиции дунайских государств, враждебных Италии; 4) предоставление земель итальянцам-поселенцам в Тунисе и 5) передача мандата на Сирию. Это—программа-минимум.

Что же Италия готова дать Франции взамен? Ничего, положительно ничего реального она взамен предложить не может, кроме невесомой дипломатической поддержки... в Рурском бассейне.

Ясно, что Франция на это не пойдет. Французская империалистическая пресса указывает на «свободную» Анатолию. «Пусть Италия заселяет Малую Азию, турецкую Анатолию. Здесь много свободных земель», говорит французская биржевая газета «Энформасион» в своем номере от 28 ноября 1927 года.

Это значит, что Франция готова договориться за чужой счет, но не намерена жертвовать своим награбленным добром.

Обе соперницы пробуют на чем-то договориться. Но на чем? Итало-французские противоречия являются частью общих противоречий, которые вызваны неравномерным развитием капитализма, что толкают их на путь передела уже раз поделенных колоний. Сделка может произойти за счет слабых стран—Турции, быть может, Абиссинии и т. д.

Что стороны вступили в полосу подготовки переговоров для соглашения, видно из того, что Италия продлила на шесть месяцев действие временного соглашения с Югославией, заключенного в 1924 г. Как известно, дипломатические отношения между Италией и Югославией были крайне натянуты. Италия долго третировала Югославию, отказываясь от примирительной политики. Теперь наступила некоторая перемена в их взаимоотношениях. Факт продления временного соглашения является уступкой Франции со стороны Италии, подчеркивающей свое «миролюбие» [1]).

Но... как бы ни работала дипломатическая кухня, какие бы завтраки ни заказывались, а водораздел между политикой Италии и Францией так глубок и широк, что абсолютно не представляется возможность перебросить между ними прочный мост.

Италия хочет колоний. У Англии она не дерзает их требовать. Она поэтому плетется на английском буксире, получая за это возможность наступать против Франции. Но последняя добровольно не откажется от награбленной добычи тем более, что Италия взамен ничего дать не может. Остается только силой вырвать у Франции ее средиземные колонии. Компромисс, который намечается между Италией и Францией, будет гнилым компромиссом. Драка неизбежна. Угроза войны надвигается. Предотвратить ее в состоянии только диктатура пролетариата во Франции и Италии. За осуществление ее должны бороться французская и итальянская секции Коминтерна при содействии революционного пролетариата всего мира. Социальная революция или война — другого выхода нет.

---

[1]) Югославия в свою очередь отменила постановление, в силу которого итальянцам воспрещалось приобретать недвижимость в прибрежной полосе Далмации и других частях Югославии. Англия, собирающаяся предоставить Югославии заем, «дружески» советует югославскому правительству договориться с Италией.

К. Москатов.

Заметки о работе с сезонниками.

Вопросам строительства в общем плане индустриализации страны уделяется довольно много места. По крайней мере, те кредиты, которые уже отпущены на строительство в этом году, показывают, что строительство будет развернуто в гораздо большем темпе, чем, например, в предыдущем строительном сезоне.

В прошлом году к концу строительного сезона количество рабочей силы, занятой в строительстве, дошло до миллиона человек, а в этом году, как это видно по утвержденным программам строительных работ, количество потребной рабочей силы перевалит за 1.200.000 человек. Поэтому, пройти мимо такого фактора, как рабочая сила, тем более, что основные кадры строительных рабочих приходят из деревень, не учитывая строго всей важности и сложности работы среди них, было бы некоторой ошибкой.

Наше социалистическое строительство, как таковое, фактически началось всего лишь пять—шесть лет назад; все же до сего времени было мало попыток осветить состояние всех видов работы среди сезонных рабочих и те задачи, которые в этой работе стоят в дальнейшем. Такую попытку мы сделаем в настоящей статье.

В том, что работа среди сезонных рабочих довольно трудна, имеет специфический характер, так как сезонники связаны в большинстве своем с деревней, нет никаких сомнений. В то же время следует отметить, что практическое ведение работы среди них требует умелого подхода, приспосабливания ее к аудитории, к ее запросам. Эта работа требует большой квалификации тех работников, которые ее ведут. Точнее говоря, эти работники должны быть универсальными, они должны быть знакомы с различными вопросами нашей жизни. Нередко товарищи, выделенные для работы среди сезонников, приходили в свою ячейку, райком и заявляли, что для более успешного ведения работы им приходится с собой брать несколько различных справочников.

Сезонники в большинстве своем малограмотны, или совсем неграмотны, недостаточно развиты, несмотря на это, за последние годы они стали настолько сознательными, что общим ответом на какой-нибудь вопрос, даже самый простой, они не удовлетворяются. Они требуют точного и ясного ответа и очень довольны тогда, когда этот ответ подтвержден каким-нибудь фактом. Отсюда, конечно, и должны вытекать те требования, которые партия и профсоюзы обязаны пред'являть к работникам, которых они для работы среди сезонников выделяют.

Обращаясь к тем директивам, которые партия давала в лице ее Центрального Комитета, а затем и местных парторганизаций, нужно сказать, что все эти моменты были учтены именно руководящими организациями. Что касается низовых организаций (ячеек), то дело оставляло желать много лучшего. Нельзя утверждать, что секретари тех ячеек, на чью ответственность ложилось выделение работников для работы среди сезонных рабочих, не по-

нимали, как ответственна и трудна работа среди последних. Но, по крайней мере, факты показывают несколько обратное. Ячейки зачастую рассуждали, что «своя рубашка ближе к телу», и поэтому выделяли для этой работы тех товарищей, которые или были мало загружены, или же просто не имели никакой нагрузки. Несмотря на то, что партийные комитеты указывали некоторым ячейкам на неправильность такого подхода, все же низовые организации не всегда учитывали важность исполнения в точности подобной директивы. Во многих случаях выделялись такие товарищи, которые мало знакомы с деревней и которые руками и ногами открещивались от этой работы. Кроме того, многим выделенным вообще эта работа была не под силу. На качестве работы выделенных отражалось и то обстоятельство, что ячейки не проверяли работы последних. А то, что прикрепленные имели большое значение, можно проследить на примере бывшей ячейки строительного управления ГЭТ, где, благодаря прикрепленным, как это ниже будет видно, была проделана большая работа. Но были такие ячейки (строительная комиссия при МВО), где, несмотря на 500 человек строительных рабочих, никто не подумал о прикреплении к этой организации специальных товарищей. В связи с этим не удивительно, что в последней организации не только к началу, но и к концу строительного сезона наблюдались такие настроения: «Почему в Москве много китайцев, и все они хорошо одеты? Их здесь на советские деньги обучают, а наши дети оборваны и не все учатся в школах» и др.

* * *

В своих директивах партийные организации указывали на важность создания беспартийного актива. Это дало бы возможность гораздо лучше и полнее охватить работой всю массу сезонников. В практике на это было обращено мало внимания. По общежитиям, где, главным образом, должна была развернуться работа актива (делегатов), очень слабо чувствовалось их влияние среди всех рабочих. Вместе с тем необходимо учесть, что вышеуказанной директивой мыслилось, что выявленный актив после некоторой работы с ним будет и дальше продолжать свою работу, но уже не в городе, а в деревне, при чем для этого строительные парт'ячейки должны были сообщать в те деревни, куда уезжали активисты, чтобы их там использовали. Этого не было сделано по той, будто бы, причине, что ячейки были чрезвычайно загружены работой в целом ряде других не менее важных отраслей.

В деле воспитания рабочих масс и привлечения их к партии открытые партийные собрания имеют бесспорно большое значение; поэтому более частый созыв таковых с постановкой на последних ряда вопросов, могущих действительно заинтересовать рабочих, должен быть введен в практику работы особенно строительных ячеек. Несмотря на подобные директивы высших партийных организаций, мало кто подумал о том, чтобы поставить на этих открытых собраниях такие вопросы, которые могли интересовать не только партийцев, но и беспартийных. В результате мы видим, что количество беспартийных, посещавших открытые партийные собрания, по отношению ко всем сезонникам составляло небольшой процент. Те сезонники, которые посещали открытые партийные собрания, довольно часто выступали в прениях по различнейшим вопросам, что показывало, насколько их интересует жизнь партии. Особенно это чувствовалось во время докладов по рационализации, которые были поставлены в ряде ячеек.

Одновременно приходится констатировать, что такой важный момент, как учет отдельных беспартийных, постоянно присутствующих на открытых собраниях, активно выступающих, хорошо разбирающихся в отдельных вопросах, не проводился, между тем как такой учет мог выявить те силы, которые могут и должны быть использованы для привлечения к проведению различных кампаний. Важность этого момента вытекает еще из того, что наши организации, как партийные, так и беспартийные, ощущают недостаток в работниках. Если учесть, что количество платных работников с каждым годом сокращается, то указанное выше использование активистов особенно важно.

Отношение к партии со стороны сезонников в значительной своей части (по крайней мере в прошлом году) было хорошее. Довольно показательными здесь могут быть такие случаи, когда во время разбора некоторых конфликтов, не имеющих непосредственного отношения к ячейке, беспартийные рабочие требовали от месткома приглашения секретаря ячейки для участия в разборе.

* * *

Основной формой участия рабочей массы в хозяйственном строительстве страны, особенно в связи с задачами рационализации строительства, является работа производственных комиссий и совещаний. В связи с этим на ближайшее время необходимо сосредоточить внимание построечных производственных комиссий и совещаний главным образом на вопросах рационализации строительства, при чем в проработку этих вопросов должно быть внесено больше системы, больше плановости. От общих докладов необходимо решительно отказаться и перейти к постановке отдельных конкретных вопросов в плановом порядке, для чего нужно привлечь побольше рабочих-активистов. Это привлечение затруднялось тем, что участие административно-технического персонала в данном деле было часто пассивным, несмотря на то, что заинтересованность в этих совещаниях со стороны хозяйственных организаций (строительных контор, трестов и т. п.) должна была иметь соответствующее место. Все изложенное, конечно, не означало, что если на какой-либо постройке производственная комиссия делает предложение, явно невыполнимое, экономически невыгодное, то хозяйственная организация должна проводить это в жизнь. Наоборот, такую хозяйственную организацию следует всячески порицать, если она такое предложение начнет проводить в жизнь. В ее задачи в данном случае должно было входить раз'яснение рабочим невозможности выполнения того или иного предложения.

После проведения в жизнь решений производственных комиссий и совещаний последние, казалось, обязаны широко огласить на рабочих собраниях и в печати (в стенной газете и др.) результаты своих предложений, ибо только таким путем масса сезонников может быть вовлечена в производственную жизнь своей постройки, что благоприятно отразится на всем ходе строительства.

Огромное значение имеет вовлечение в активную работу производственных комиссий и совещаний старых высококвалифицированных строителей, имеющих производственный опыт, вполне соблюдающих производственную дисциплину и вносящих деловые предложения. Только при таких условиях вокруг производственных комиссий и совещаний может группироваться рабочий производственный актив, что вместе с тем увеличивает его популярность среди рабочих. В этих случаях, в виде поощрения, желательно на курсы по повышению производственной квалификации посылать именно таких активистов, как указано выше.

В практике нередки случаи, когда административно-технический персонал приходится как бы за рукава тащить на производственные совещания комиссии в то время, как директивы, неоднократно данные высшими хозяйственными органами, говорят совершенно обратное. Инициативу самой

администрации в смысле постановки на этих совещаниях вопросов, касающихся улучшения и рационализации производства (строительства),—довольно редко можно встретить. Несмотря на общеизвестность вышеизложенного, все же на многих постройках это дело оставляло желать много лучшего. Производственные совещания хотя и часто созывались, но эффект от них был довольно слаб, вследствие несоблюдения тех вышеизложенных моментов, которые только и могут повлиять на большую продуктивность производственных комиссий и совещаний.

* * *

Вопрос о квалифицированных кадрах рабочей силы в строительстве и их воспроизводстве является в настоящее время одним из наиболее серьезных вопросов. Еще в прошлом году ощущался сильный недостаток в целом ряде отдельных специальностей, особенно бетонщиков и т. п. Относительно поднятия квалификации существующего кадра сезонников много говорят и пишут, но как только дело касается практического проведения в жизнь, организации тех мероприятий, которые действительно призваны содействовать созданию квалифицированных рабочих, то бюрократизм в этом деле проявляется в достаточной степени.

Высшими парторганизациями было указано, что необходимо создавать краткосрочные курсы, кружки по поднятию квалификации занятых на работе строителей. Хозяйственные организации очень послушны и в прошлом строительном сезоне это дело сделали, а вот как оно было сделано, какие результаты от этой работы получились, поднялась ли квалификация тех, которые занимались, никем не проверялось. Все были довольны тому, что такие организации существуют и этим успокаивались. Такому спокойствию нужно в дальнейшем положить конец. Это необходимо не только потому, что каждая копейка нам дорога, но и потому, что мы, как это было указано выше, ощущаем огромную нужду в квалифицированных строителях и чем дальше, тем больше эта потребность дает и будет давать себя чувствовать.

* * *

Выше было указано, что работа среди сезонников довольно трудна, и поэтому всякая организация старается, учитывая всевозможные трудности, получить в своей работе наибольшие результаты. Но это стремление не всегда осуществляется вследствие текучести сезонников.

Постоянство состава рабочих на производстве имеет немалое значение для стабилизации и роста производительности труда; это хорошо понимают все хозяйственники, но это понимание не всегда проводят в жизнь. На примере строительства прошлых лет это особенно было заметно. Редко можно было встретить такую постройку, особенно в крупном строительстве, где состав рабочих не менялся бы очень часто и довольно резко. Нередко сегодня принимают 200—300 человек, а завтра часть их сокращают и затем опять принимают. Последнее обстоятельство по вполне понятным причинам отражалось и на рабочих и на работе. Правда, хозяйственники могут заявить, что им это было необходимо по условиям производства, но бывали часто случаи, когда без особой необходимости производились подобные передвижения исключительно благодаря отсутствию строгого и точного учета и плана использования рабочей силы. В дальнейшем этот момент необходимо учесть; профорганизации должны добиться от хозорганов установления такого порядка, при котором отсутствовала бы сильная текучесть рабочей силы. Это уменьшит количество конфликтов, это даст возможность получить большие результаты в той работе, которая проводится среди сезонников. Последнее обстоятельство также даст возможность уничтожить почву для разного рода болезненных явлений, настроений.

* * *

В журнале «Известия ЦК ВКП(б)» № 32—33 за 1927 год указано, что «для учета настроений сезонников должна быть заведена книга вопросов и ответов». Так постановил архангельский губком, подводя итоги работы среди сезонников. Нужно отметить, что практикующиеся до последнего времени (по крайней мере в Москве) ящики для вопросов и ответов в общежитиях не дали тех результатов, которые были желательны. За редким исключением рабочие опускали в эти ящики вопросы, а те, кому следовало аккуратно отвечать, в это время дремали. Такое положение было и в целом ряде других городов; низовые профессиональные и другие организации не заинтересовались этим моментом. Между тем в практической работе с сезонниками часто чувствовалось, что у них имеется много вопросов, которые они не решаются задать, но которые записали бы в книгу.

За летний период во время наибольшего скопления сезонников в общежитиях проводилось большое количество лекций по разным вопросам. Является бесспорным, что от подбора лекторов многое зависит. Но профессиональные организации прошли мимо этого и посылали в общежития таких лекторов, которые не сумели соответствующим образом подойти к аудитории сезонников. В результате количество посетителей было значительно меньше, чем предполагали профессиональные организации.

Касаясь выбора тем, следует констатировать, что почти не читались лекции чисто производственного характера, хотя строители ими интересовались. Не приходится сомневаться в том, что чтение подобных лекций могло более заинтересовать строителей в их непосредственной производственной работе, могло заставить более активно участвовать в производственных совещаниях, но поскольку этот момент не был учтен, можно полагать, что некоторые культпросветработники недостаточно учитывают важность вопроса подбора тем.

Вопросам механизации строительства уделяют у нас максимум внимания. Этого настоятельно требуют интересы самого строительства. То, что многие сезонные рабочие мало приспособлены к этой огромной и трудной работе, является вполне понятным, если учесть, что основная часть их больше связана с землей, чем с промышленностью. В связи с этим вопросом чисто производственной подготовки широких кадров строителей должно быть уделено в ближайшем строительном периоде достаточно внимания.

Профессиональные союзы строят спортивные площадки главным образом для своих членов, но на практике бывает иногда обратное. В виду того, что правлению стадиона не всегда удавалось привлечь сезонников на лекции, было решено после каждой лекции ставить кино. Но и это не оказало влияния на улучшение посещаемости, ибо лекция назначалась в 7 часов, а кино в 9 часов—сезонники стали приходить ровно к 9 часам. Такое положение не могло удовлетворить указанных выше спортсменов и было решено следующее: предложить лекторам читать лекции с перерывами во время антрактов в кино, т.-е. в промежутках между частями кино. Таким образом, мыслилось, что пока пройдут все 7 или 8 частей какой-либо кинофильмы, лектор успеет прочесть всю лекцию. Так было предложено ряду лекторов для того, чтобы действительно сезонники, а не стулья зрительного зала слушали лекции по разным вопросам.

Должна ли лекция проводиться указанным порядком, предоставим судить тем работникам, которые в этой отрасли работают. Если же говорить с точки зрения экономии, то не будет лишним, учитывая ограничен-

ность средств, отпускаемых на культработу, подумать о том, долго ли возможно так работать.

* * *

Культурная работа является одной из важнейших отраслей профессиональной работы и особенно среди сезонников. Поэтому на качество и методы работы среди них должно быть обращено особое внимание. Умение выявить наиболее важные вопросы, интересующие широкие слои сезонников, увязывая всю эту работу с их пребыванием в деревне,—вот та основная трудность, которая каждый год перед нами поднимается во всю ширь.

В связи с этим особенно полезно и чрезвычайно важно учесть те ошибки, которые в прошлом в наших профессиональных организациях, клубах и стадионах физкультуры нередко наблюдались.

Подавляющее большинство сезонников связано с землей, поэтому неудивительно, что даже на лекциях по международному положению, кооперации и другим вопросам слушатели часто подавали записки, тесно связанные с вопросами налогового и земельного законодательства. Детальное ознакомление с тем, почему на этих лекциях задавались такие вопросы, которые следовало задавать юристам, специально ведущим эту работу, выяснило, что здесь имели место случаи казенного подхода некоторых юристов, которые, придя в общежитие и наговорив кучу непонятных вещей, уходили. Такая же история была с целым рядом других работников исключительно потому, что наши профорганизации, в частности союз строителей, посылали к сезонникам таких людей, которые были более пригодны к рабочей городской аудитории, но не среди сезонников.

Правда, союз строителей или другие организации, ведающие этим делом, могут сказать: «Где нам других взять?» На то следует ответить, что взять-то можно, но это нужно делать не в «страдную пору», когда начинаются строительные работы, а немного раньше.

На последнем вопросе заострено внимание потому, что сезонник, не получив, примерно, у налоговика ответа на какой-нибудь вопрос по сельхозналогу, не мог получить этого ответа так же и у лектора другой специальности, а так как по окончании своей работы сезонник уезжает обратно в деревню, живя там значительно больше, чем в городе, то понятно, какое большое значение имеет указанный момент.

Сезонник, приезжая в город, привозит с собой ряд типичных крестьянских настроений, среди которых имеются, например, такие: «Рабочим живется лучше, чем крестьянам»; «с ними (т.-е. с рабочими. *К. М.*) больше считаются»; «деревне не помогают для того, чтобы крестьяне шли в город на заработок, потому что, мол, городу нужны строительные рабочие, которых он иначе не получит». Для того, чтобы лучше всего раз'яснить им неправильность такого взгляда, было бы целесообразно (особенно в тех случаях, когда сезонникам приходится работать вместе с основными городскими рабочими) проводить вечера смычки сезонников с основными рабочими. Необходимо стремиться, чтобы не со слов агитатора, группорга, а со слов самого рабочего (основного) сезонник понял, почему и какая разница существует между отдельными категориями рабочих. Нечего бояться того, что рабочий не справится с этой задачей. Между тем, когда подобный вопрос поднимался, то некоторые работники (Бауманский район—Москва) вообще удивлялись, как можно ставить вопрос в такой плоскости: мол, какое отношение имеет сезонник к основному рабочему. Соглашаясь с тем, что он никакого отношения не имеет, некоторые работники утверждали обратное, что он должен эти отношения создать. По крайней мере, в журнале «Известия ЦК ВКП(б)» № 32—33 за 1927 год имеется следующая заметка, относящаяся к одному из постановлений архангельского губкома, где указано, что «основной задачей (подчеркнуто мною. *К. М.*) в работе среди сезонников на ближайший период губком признал сближение последних с постоянным кадром рабочих путем устройства совместных вечеров и т. д.».

За время пребывания сезонника в городе бытовые условия его жизни благодаря отсутствию достаточного количества свободных помещений и другим причинам пока еще не вполне благоприятны, при чем нередко, как это показала практика прошлых лет, в этом повинны бюрократизм, халатное отношение к делу со стороны некоторых работников строительных учреждений. В связи с этим задача освещения в печати всех сторон быта сезонника как в смысле воздействия соответствующих организаций на улучшение постановки этого дела, так и в смысле информирования широких масс сезонников о положении их сотоварищей является одной из важнейших задач в общей системе культработы. Осуществление этой задачи может быть проведено только при активном содействии и участии в этом деле самих рабочих. До последнего времени организации рабкоров на постройках были не вполне налажены, между тем как именно от плановой организации групп рабкоров (стройкоров) зависит активность широких масс. Организация подобных групп не должна замыкаться исключительно в организационных формах, она должна содержать значительную долю работы по поднятию культурного и политического уровня стройкоров. Вместе с тем является бесспорным, что правильная организация стенгазет, а вокруг них стройстенкоров, может в значительной степени оказать влияние на интенсивность работы сезонников.

* * *

Значительное место в быту сезонника занимает пьянство. Это—одно из самых больных мест среди них. Было много случаев, когда план культработы какого-нибудь общежития, где живет более 1000 человек, пришлось изменять исключительно потому, что сильно развитое пьянство срывало работу, особенно лекции. В начале строительного сезона 1927 года это особенно резко бросалось в глаза. Целому ряду работников, соприкасавшихся с этими общежитиями, нередко приходилось видеть, как на каждой наре стояло по нескольку бутылок водки. Несколько часов спустя после окончания работы на стройке, бывали скандалы, драки и т. п., результатом чего получался невыход некоторых групп рабочих на работу. Если же большинство рабочих и выходило на работу, то производительность их труда, во всяком случае, была невысокая. На этой почве были недовольства тем, что они мало заработали, что происходило вследствие невыполнения в намеченный срок полученного ими задания. Обычно, эта пьянка продолжалась в течение двух дней после получки.

Вопросом этим заинтересовались все те организации, которые имели какие-либо отношения к сезонникам. Было решено, что хозяйственники выплачивают заработную плату только по субботам. По линии профессиональной было решено усилить чтение специальных лекций в бараках, устраивать экскурсии в соответствующие музеи, поручить профделегатам в индивидуальном порядке вести борьбу с алкоголем путем усиления культработы. Спустя короткое время получились определенные результаты. Нельзя сказать, что пьянство окончательно было изжито, но одно то, что сезонник стал стесняться в своем общежитии открыто пьянствовать, уже являлось большим достижением. Одну из причин трудностей борьбы с пьянством приходится искать исключительно в том, что недостаточно изучены и изучаются запросы сезонников. Отсюда вытекает необходимость более углубленного, более чуткого подхода к изучению их запросов. Можно с уве-

ренностью сказать, что если бы партийные и профессиональные организации уделяли этому моменту больше внимания и практически удовлетворяли возможные запросы сезонников, борьба с пьянством, с этим вековым злом, значительно облегчилась бы.

* * *

Несколько слов о сезонниках из среды национальных меньшинств. Этот вопрос является довольно важным. Так, например, в прошлом году по одной только Москве в строительстве было занято около 200.000 рабочих, а в этом году, как отмечено выше, их будет еще больше. Среди них значительную часть составляют национальные меньшинства. Несмотря на это приходится, к сожалению, отметить, что партийные организации (а профессиональные тем более) в целом уделили (по крайней мере в 1927 году) мало внимания этому вопросу. Надо отдать известный долг некоторым ячейкам, которые сами учли это обстоятельство и кое-каких достижений добились. Так, например, ячейка бывш. строительного управления ГЭТ организовала специальный кружок из татар в количестве 20 человек, где благодаря привлечению к этой работе полномочного представительства Татарской республики удалось проводить работу на татарском языке. Посещаемость занятий была высокая; занятия велись главным образом по политграмоте и вопросам текущей политики. Благодаря тому, что занятия велись на национальном языке, они довольно часто посещались и нечленами кружка. Так как татары мало развиты, особенно в политических вопросах, проводимая среди них работа, без сомнения, была очень ценна. В предстоящем строительном сезоне это обстоятельство должно быть обязательно учтено.

* * *

В каждом профессиональном союзе бывают конфликты на почве заработной платы, но наибольшее количество из них встречается на строительных работах. Происходит это по той причине, что работа здесь большей частью производится по урокам, по специальным нарядам. В работе имеется множество различных расценок, и все это вместе взятое довольно часто создает иногда такие моменты, которые впоследствии переходят в конфликты. Не приходится, конечно, сомневаться, что подобные конфликты не желательны ни для хозяйственников, ни для профессиональных работников. Но практика показала, что в значительной степени в этом виновны сами хозяйственные организации.

Технический персонал не на всех постройках достаточно квалифицированный, иногда неповоротлив, не умеет быстро работать, и в результате были случаи, когда рабочим давали наряды на работу, а расценок на эти работы им не говорили, так как не успевали подсчитать. Вполне понятно, что рабочие в таких случаях оставались недовольными, и поэтому нередко после окончания какого-либо задания (урока) возникал конфликт. Вследствие недостаточной квалификации некоторых технических работников были случаи переделки работ, что отражалось на финансовом состоянии данного предприятия, а также вызывало недовольство рабочих. Поэтому не удивительно, что и на производственных совещаниях рабочие неоднократно поднимали этот вопрос. В общем и целом работа производственных комиссий и совещаний рабочих интересовала, что показало активное обсуждение разбираемых вопросов. Но беда лишь в том, что административно-технический персонал к работе производственных комиссий и совещаний относится иногда не вполне внимательно. Имели место случаи, когда решения производственных комиссий администрация не обсуждала в течение 2—3 месяцев, что вызывало, вполне понятно, недовольство со стороны рабочих. Недостатком в этой работе являлось также отсутствие достаточного посещения этих совещаний членами партии. Все же обследование ряда предприятий и сопоставление этих данных с прошлогодними показало, что определенный сдвиг в работе производственных комиссий и совещаний имеется.

* * *

Среди сезонников не малое количество составляет молодежь, которая в основном мало чем отличается от общей массы сезонников. Единственным отрадным моментом является здесь сильная тяга молодежи к повышению своей квалификации, к поступлению на рабфаки. Трудно описать, что творилось в общежитиях в прошлом году, когда была об'явлена запись в кружки по подготовке на рабфаки. Правда, можно было также заметить желание подобным способом (т.-е. поступлением на рабфак) закрепиться в Москве. В связи с этим они особенно интересовались, как обеспечивают и обеспечивают ли вообще тех, которые идут учиться. Особенно этим интересовались те, которые впервые попали в Москву и на которых красная столица произвела такое впечатление, что им нежелательно было возвращаться в деревню. Несмотря на это, пьянка, ругань, слабая трудовая дисциплина развиты среди нее не в меньшей мере, чем среди взрослых. Оживление в работе среди молодежи благодаря участию в этом комсомола имеется. Все же нужно констатировать, что воспитательная работа комсомола среди строительной молодежи слаба за отсутствием достаточных сил. На эту сторону работы комсомолу необходимо обратить сугубое внимание.

* * *

Подводя итоги проведенной работы среди сезонников, следует сказать, что, несомненно, по сравнению с прошлыми строительными сезонами имеются определенные и довольно большие достижения в этой работе, но имеются и недостатки. Основными задачами на ближайшее время должны быть следующие моменты.

Перед началом строительного сезона в части обслуживания сезонников райкомам необходимо более тщательно проверять тех товарищей, которые для этой работы предназначаются. Стремиться по мере возможности, чтобы ячейки выделяли именно таких членов партии, которые с этой работой вполне справятся, которые сумеют заслужить авторитет у массы сезонников. Политическое развитие таких товарищей не должно стоять на таком уровне, чтобы могли иметь место случаи затруднений во время ответов на какой-либо вопрос. Необходимо более часто практиковать созыв совещаний группоргов, парторгов при райкомах для подытоживания проделанной работы (примерно, за месяц). Более точное и полное выявление беспартийного актива в практической повседневной работе производства должно являться одной из основных задач месткомов. Организация специальных кружков из актива для более углубленной проработки различных вопросов жизни предприятия, также является одной из насущных задач.

Партийным ячейкам на открытых собраниях необходимо ставить такие вопросы, которые волнуют широкие массы сезонников, стремясь наиболее полно оповещать всех сезонников о таковых собраниях.

Организация справочных столов в общежитиях имеет огромное значение; через посредство справочных столов необходимо вести точный учет настроений, для чего необходимо к этой работе привлекать побольше партийцев, вполне грамотных. В целях получения больших достижений в этой работе добиться того, чтобы о работе справочного стола было известно всем рабочим, живущим в данном общежитии.

В отношении квалификации рабочих регулярно заслушивать отчеты о работе курсов и кружков по поднятию квалификации, а также производить периодическое обследование последних. По мере возможности профсоюзу строителей и другим союзам производить комплектование лекторов по крайней мере за месяц до начала строительного сезона, стремясь держать курс на использование в этой работе работников союза.

Работа среди национальных меньшинств не является основной для профессиональных союзов, но, поскольку в некоторых местах среди сезонников значительную часть составляют таковые, в период строительного сезона необходимо обратить внимание на ведение специальной работы среди них.

Роль производственных совещаний с каждым годом становится все большей и большей. Для более широкого охвата рабочих желательно практиковать не только общепостроечные производственные совещания, но и цеховые—по отдельным видам работы.

Учитывая большое количество конфликтов на почве зарплаты, создать условия, при которых каждый рабочий работал бы по своей специальности (при наличии подсобной силы), а расценки раздавались на руки рабочим во время дачи заданий. Расценочно-конфликтным комиссиям стремиться, помимо разбора конфликтов, принимать в каждом случае соответствующие меры к предотвращению их.

Выполнение хотя бы части тех предложений, которые выше были указаны в работе среди сезонников, даст, несомненно, значительно большие положительные результаты, чем до сих пор. Таковы задачи, которые ставит перед нами опыт прошлой работы в советском строительстве.

Ив. Теодорович.

К классовой характеристике творчества Горького[1]).

Если считать началом нового года, как это принято в хозяйственной жизни Советского Союза, 1 октября, то в наступившем 1927/28 году мы имеем возможность отметить три юбилейных даты, которые связаны с биографией Алексея Максимовича Горького-Пешкова.

В первом квартале исполнилось 35 лет со времени, когда в тифлисской газете «Кавказ» появился первый рассказ Горького — «Макар Чудра»; во 2-м квартале 29 марта, исполняется 60 лет со дня рождения Горького (дата, ныне уже точно установленная) и, наконец, в 3-м квартале истекает 40 лет с того печального момента, когда Горький пытался покончить жизнь самоубийством, печального, но в то же время и радостного момента, ибо судьба сохранила нам великого писателя, залечив его простреленное легкое.

Прожить 60 лет, прожить их в эпоху, когда вся жизнь развивалась и видоизменялась необычайно быстро и бурно, разумеется, нельзя без того, чтобы самому не проделать определенных этапов в своем развитии. Конечно, нельзя говорить об едином Горьком: в сущности есть ряд Горьких, которые менялись на протяжении этого бурного периода. Конечно, всякий значительный человек имеет различные отрезки в кривой своего развития, но невольно в этот момент вспоминаются два человека: сопоставьте Ленина и Горького. В то время, как этапы роста Ленина были этапами планомерного развития по неуклонно восходящей кривой, — этого нельзя сказать про Алексея Максимовича; его этапы были очень часто зигзагами, колебаниями, иногда неожиданными и жестоко смущавшими наблюдателей. Впрочем, нужно сразу же подчеркнуть, что неожиданными они казались лишь тому, кто не понял сущности нашего писателя. На самом же деле эти колебания и зигзаги Горького были совершенно закономерными, ибо они не были по сути вещей только его индивидуальным свойством; это были колебания того общественного слоя, выразителем которого, а зачастую и прямым идеологом, являлся А. М. Горький.

Было бы совершенно неверным утверждать, да и ни один из крупных знатоков истории литературы этого не утверждает, будто творчество Горького следует считать идеологией пролетариата. И Ленин, и Плеханов, а из пишущих в наше время Горбачев, Назаренко, Львов-Рогачевский, Р. Григорьев и др. не считают творчество Горького отражением пролетарской идеологии в художественной сфере. Исключением, пожалуй, можно считать т. Евгеньева-Максимова, который за последнее время стал примыкать к коммунистической критике: он считает Горького «подлинным про-

[1]) Помещая интересную статью тов. Теодоровича, редакция считает, что автором недостаточно оттенены пролетарские элементы в творчестве Горького.

летарием» в жизни и подлинным выразителем пролетариата в художественной работе. Но это—одинокое мнение, характерное, пожалуй, для неофитов, которые всегда «более роялисты, чем сам король». Марксисты же не считали и не считают Горького выразителем психологии и идеологии пролетариата.

Но если это так, то возникает два вопроса: во-первых, выразителем и идеологом какого же общественного класса был Горький, а во-вторых, почему же мы, стоящие под знаменем пролетариата, с чистой душой и с полным основанием чествуем великую работу Горького?

На первый вопрос надо ответить так: общественным классом, общественным слоем, выразителем и идеологом которого был Горький, является в широком смысле слова мелкий самостоятельный товаропроизводитель, — тот слой, который беспощадно разрушается в процессе развития капитализма. Этот мелкий товаропроизводитель, трагически гибнущий под ударами капиталистической эксплоатации, представлен определенными слоями крестьянства, определенными группами кустарей и ремесленников, городским мещанством, мелкой трудовой интеллигенцией и т. д. Это широкий общественный слой, психологию, историю и экономику которого, к сожалению, чрезвычайно мало изучают профессиональные критики, историки литературы, отрезая тем самым себе путь к правильному истолкованию таких литературных явлений, как творчество «буревестника» Горького у нас,— «железного жаворонка» Гервега в Германии 40-х годов и т. д.

Гибнущая под ударами капиталистической стихии масса мелких товаропроизводителей очень часто представляет в истории человечества картину бешеной борьбы за существование: она не всегда сдается без боя. Нередко она порождает глубокое революционное движение. Ее революционное «левое» крыло, например, проявилось в агитации Жака Ру, в заговоре Бабефа, в дальнейшей работе бланкистов; наши бывшие союзники, левые эсэры, были представителями этого крыла. Это крыло обреченного на гибель при капитализме товаропроизводителя имеет громадные заслуги в истории. Вспомните, что Бабеф, один из выразителей этого крыла, был первым, кто провозгласил необходимость захвата политической власти для борьбы за экономические интересы данного общественного слоя. Вспомните, что пролетарский социализм Маркса получил идею завоевания политической власти, как наследие, из рук именно левого крыла мелкой буржуазии. Вот почему Маркс так ценил Бабефа, так поддерживал народовольцев, так благоговел перед Парижской Коммуной, которой, однако, руководили бланкисты и прудонисты, а отнюдь не марксисты.

Идеология представителей мелкой буржуазии бывает различна. Ее «левые» идеологи проповедуют революцию с целью «немедленно задушить капитализм», как говорили когда-то революционные народники, «в самом зародыше» и вернуться к старому «народному производству»; тогда-то свободный товаропроизводитель методом производительных ассоциаций осуществит в своей экономике формулу великой французской революции: «свобода, равенство и братство», т.-е. в сущности «свободу» в распоряжении мелкой собственностью, «равенство» в условиях конкуренции и «братство» в процессе обмена на рынке. Вот та формула, которую провозглашало в тех или иных вариациях левое крыло.

Более правые идеологи того же слоя тоже ненавидели капитализм. Они также кричали о необходимости положить конец росту капитализма, но намечали иные пути борьбы. Не веря в успех революции, особенно после поражения последней, они сплошь и рядом мечтали о «патриотизме господствующих классов», о их совести и справедливости. Например, Роберт Оуэн, один из представителей правого крыла товаропроизводителей, пытался влиять на монархов, феодалов и буржуазию.

Третьи в этом хоре мелкобуржуазных идеологов настаивали на том, что захват политической власти так же не решит проблемы «свободы, равенства и братства», как и обращение к патриотизму господствующих классов. Надо, по их учению, ставить ставку на самодеятельность, на самопомощь, на кооперирование мелких товаропроизводителей: пусть они сами об'единятся для того, чтобы экономически преодолеть это чудовище, это проклятие—капитализм!

Чем больше разорен товаропроизводитель, чем безнадежнее его положение в рамках капитализма, тем активнее, решительнее и бешенее выступают идеологи его левого крыла. Наоборот, если у того или иного слоя появляются шансы удержаться, приспособиться к капиталистической экономике, тем «трезвее» он выступает, поддерживая идеологию умеренных реформистов, «кооператоров» или утопистов.

Для примера возьмем крестьянство. Если данная группа крестьян приспосабливается к капитализму, если хорошие цены позволяют ей выгодно продавать свои продукты городу и т. п.,—у нее сейчас же появляются компромиссные, оппортунистические настроения, желание укрепиться в порах капиталистического общества и коалировать с капиталистическими элементами. Вспомним русскую абрамовщину, выразительницу настроений правого крыла товаропроизводителя, появившуюся в результате, с одной стороны, разгрома левого крыла (народовольчества), а с другой — успехов капитализации России и в частности ее сельского хозяйства со второй половины восьмидесятых годов.

Но такие периоды непрочны. Новый этап капитализма, иногда на протяжении одного лишь десятка лет, вновь ударяет по этому мелкому производителю, и он опять попадает в тяжелое положение, гибнет и опять вскрывается его отчаяние и озлобленность.

В процессе временного приспособления тех или иных слоев товаропроизводителя к капитализму нужно отметить еще один момент. Когда мелкий товаропроизводитель начинает чувствовать, что в качестве крестьянина, сапожника, красильщика или обойщика он не может более удержаться на поверхности хозяйственной жизни, он торопится, так сказать, застраховать своих детей: не подготавливает их к занятию своей профессией, а толкает их в школу, чтобы провести затем в *лагерь интеллигенции*. Интеллигенция, по своему происхождению, на огромный процент идет из этого слоя разоряющегося или чувствующего непрочность своего заработка мелкого производителя. Эта интеллигенция использовывается затем капитализмом для обслуживания целого ряда созданных им новых профессий. Интеллигенция в буржуазном строе, таким образом, по своему прошлому — плоть от плоти, кость от кости прежнего товаропроизводителя, а по своему настоящему — орудие в руках капитализма по извлечению из трудящихся прибавочной стоимости. Эта двойственность в значительной степени об'ясняет широко известный факт постоянных колебаний данного слоя.

История русской интеллигенции не может быть ясно понята без изучения тех движений, которые происходили в толще мелкобуржуазных, в первую голову крестьянских масс.

Возьмите народовольцев. Как установили Маркс и Ленин, — они были в своем большинстве выразителями беспощадно разоряемого мелкого производителя. Главная ставка народовольцев была не на пролетариат, а на тех производителей, кого они называли трудовым крестьянством и трудовым кустарем. Движение народовольчества, до чрезвычайности похожее, например, на бабувистское, так же, как последнее, было разгромлено, разбито. Возникает вопрос: почему? Только поверхностный человек удовлетворился бы ответом, что оно было разбито потому, что сила правительственной

репрессии одолела своих противников. Нет, основная причина была в том, что капитализм переживал новую кон'юнктуру, которая породила у крестьянства иллюзию, ошибочную веру в то, будто оно может устроиться и в рамках капитализма, что оно получит землю от крупных помещиков в итоге мирной реформы, так как последние бросают свои поля вследствие заокеанской конкуренции.

Эта кон'юнктура, этот поворот капитализма решили судьбу «Народной Воли»: она погибла! Теперь началось выплывание на поверхность, на первый план не левого, а правого крыла, абрамовщины. Абрамов в журнале «Неделя» выступил с защитой формулы, что наше-де время—не время широких задач, что нам, конечно, нужна интеллигенция, но не агитаторы, не революционеры, а интеллигенция другая. Дайте мужику хорошего ветеринара, врача, учителя, агронома,—вот эту интеллигенцию мы приемлем, но интеллигенцию революционную, с бомбами и прокламациями, мы осуждаем. Эти же мысли еще раньше развивал, по недоразумению до сих пор считающийся революционным народником, Энгельгардт; на страницах левых «Отечественных Записок», а позднее устами своего сына в «Неделе», он повторял: нам нужны агрономы, лесоводы, ветеринары, животноводы, а не политиканы. Но какой же слой мужиков хватался за эту интеллигенцию? Именно тот, который видел и чувствовал, что можно еще устроиться, приспособиться к капитализму.

Затем мы находим толстовщину. Она чрезвычайно типична. Совершенно правы те, которые считают Толстого мирным анархистом. После катастрофы 1881 г., когда левое крыло потерпело поражение, после того, как абрамовщина докатилась до гнусного пресмыкательства перед царизмом, помещиком и буржуазией, Толстой был воистину крупнейшим из тех немногих, кто продолжал традицию обличения капитализма. Но, представитель умеренного мелкобуржуазного «центра», он не мог звать к вооруженной борьбе; он заострил свое внимание на пропаганде самоусовершенствования и самодеятельности.

В девяностых годах XIX века совершился новый поворот в экономической кон'юнктуре. Он заключался в том, что именно в эти годы темп развития русского капитализма стал особенно быстрым и напряженным. Но бешеное развитие русского капитализма влекло за собой два последствия: с одной стороны, определенная и абсолютно даже растущая часть мелкого товаропроизводителя приспособлялась к капитализму, но в то же время, параллельно, все бóльшая—и абсолютно и относительно—часть мелкого товаропроизводителя разорялась и пролетаризовалась. Этот процесс оформил новое деление общества: он создал буржуазию и пролетариат, который выдвинулся на арену политической борьбы, угрожая своей будущей победой. Далее, хотя и продолжали существовать причины для настроений, в свое время произведших на свет абрамовщину и толстовщину, но перед лицом нового борца—пролетариата, в свете его неслыханного энтузиазма и веры в победу опять из «трех крыльев» мелкого товаропроизводителя, как мы условно обозначили различные мелкобуржуазные течения, выдвинулось на первый план левое крыло с его бунтарски-революционными переживаниями. Больше того, абрамовщина и толстовщина не только стушевались перед пролетариатом и своим собственным левым крылом, окрепшим к началу 900-х годов, но и в значительной степени модифицировались сами: мирный анархизм Толстого—в анархизм воинствующий, а абрамовщина—в те или иные формы русского либерализма, как известно, традиционно связанного с крайне правым народничеством, при чем и либерализм и крайне правое народничество, приемля капитализм на русской почве, хотели тоже вступить в борьбу за его «упорядочение», за искоренение в той или иной степени азиатских форм капитализма.

В такой, именно, период русской политической и экономической жизни и выступил на сцену Максим Горький. В первую полосу своей литературной деятельности он с особой силой отразил идеологию и настроения вновь просыпающегося к жизни левого крыла мелкого товаропроизводителя, разбуженного пролетарским движением. Что это так, в этом не может быть никаких сомнений. Все критики и историки литературы единогласно характеризуют Горького в первый период его работы, как романтика и индивидуалиста. Но они не могут удовлетворительно об'яснить, откуда у Горького этот индивидуализм. Одни, например, Львов-Рогачевский, говорят, что он подпал под влияние Ницше, что это дань ницшеанству. Другие, например, Горбачев, находят, что индивидуализм и символизм общи и Горькому, и группе Брюсова, Бальмонта, Блока и пр. Конечно, между Горьким и группой символистов есть нечто общее, но не в том совсем, в чем это находит Горбачев. А, между тем, вопрос становится совершенно ясным, если мы установим, что индивидуализм Горького—индивидуализм не его личный, а того самого мелкого самостоятельного товаропроизводителя, который индивидуалистичен по самому своему положению в процессе производства.

Дальше. Давно всеми признано и установлено, что смешно видеть в босяках Горького лишь этнографические, бытовые черты. Нет, для Горького босяк был символом ненависти к мещанству, ненависти к сытой, тупой, застойной жизни, и поэтому все его герои уходят, бегут от этого мещанства. Но тут позвольте мне подчеркнуть чрезвычайно характерный штрих, кажется, не отмеченный ни одним историком литературы. Вы не найдете у Горького ни одного такого босяка, который бы находился в прямой борьбе или, по крайности, звал на прямую борьбу с мещанством. Вот, например, один из его героев,—Гришка Орлов,—говорит: взять бы, составить бы ватагу, да перерезать бы «жидов», которые рисуются ему символом сытой жизни. Другой его герой—Коновалов—тоже твердит: бы, бы, бы,—т.-е. мы находимся в области мечтаний, неясных, туманных (и засоренных, подчас реакционными предрассудками) мечтаний о борьбе, а не в ее ходе и разгаре или подготовке. Мелкий производитель, задавленный мещанством, уже бегущий от него, уже ненавидящий его, не дошел еще до такой степени каления, как, скажем, он дошел во время заговора Бабефа: он только не приемлет капитализма, не приемлет мещанства. А мы знаем, что класс, обездоленный в жизни, но не решающийся еще вступить в прямую борьбу за место под солнцем, склонен в области художественного творчества к романтизму, к мечте о другой жизни: «я хочу того, чего не бывает; чего не бывает, того я хочу»... Этого достаточно, чтобы понять происхождение корней романтизма в творчестве Горького.

Когда-то Маркс говорил про Германию 40-х годов, что она страдает не только от развития капитализма, но и от недостаточности этого развития. Мысль Маркса облегчает анализ российской действительности 80-х и 90-х годов. Приложив формулу Маркса к России, Ленин установил, что недостаточность ее капиталистического развития привела к широкой распространенности в ней отсталых, «азиатских», как выражался Ленин, форм капитализма. Вместо фермера—кулак, вместо цивилизованного купца—торгаш Колупаев или Разуваев, вместо фабрики или завода с высокой техникой—мелкое предприятие. Такие азиатские формы капитализма способствовали сохранению засилья дворянской ренты и политического господства помещичьего класса с самодержавным царем во главе.

Само собой разумеется, что можно быть сторонником капиталистической экономики и в то же время горячо протестовать против «азиатских» форм капитализма. Такие люди стоят за так называемый «упорядоченный капитализм».

Можно считать стоящим вне спора тот факт, что так называемые декаденты и символисты конца XIX и начала XX века в основе своего творчества были вдохновляемы и направляемы жаждой насаждения в России упорядоченного капитализма и ненавистью к мещанской разуваевско-колупаевской стихии. Эта школа быстро выдвинулась в первые ряды русской литературы.

Каково же было отношение к ней Горького?

Мы уже видели, что в первый период своей литературной деятельности («босячество») Горький выступил с апологией, с одной стороны, крайнего индивидуализма, а, с другой стороны, с утверждением романтизма, как такой художественной школы, которая не приемлет действительности (в самом деле, не мог же Горький «приять» наш азиатский капитализм!), а «творит легенду» о новой жизни и новых людях. Теперь мы можем прибавить третий штрих, характеризующий тогдашнее творчество Горького, это—момент призыва к борьбе, к разрушению старого.

Какие общественные слои, какие группы давали нам в то время что-либо подобное? Конечно, Бальмонт, Брюсов и другие символисты, которые,—скажем забегая вперед,—в большинстве своем оказались впоследствии в лагере кадетизма, тоже проповедывали индивидуализм и романтизм, но были ли они революционерами? Если называть революционным такое течение, которое хочет низвергнуть капитализм во имя социализма, или организовать массы для насильственной революции, то, конечно, символисты не были революционерами; но если иметь в виду, что их направление хотело искоренения азиатских форм капитализма ради утверждения упорядоченного капитализма, то в известном, строго условном, буржуазном смысле оно может быть названо революционным.

Что же сближало символистов с Горьким? Не надо забывать, что в первом периоде своей деятельности Горький не утвердился еще окончательно на идее социализма. Еще по целому ряду признаков можно видеть, что он колеблется между двумя путями: взять ли курс на упорядоченный капитализм, или взять курс на социализм. Уже этот один факт показывает, что Горький отражал стихию мелкого товаропроизводителя, ибо мелкий товаропроизводитель на протяжении всей своей истории колеблется между пролетариатом и буржуазией. Все дело в том, кто его победет. Горький, в период босячества, ясно отражал колебания этого промежуточного слоя, уже бунтарского, уже оправившегося после поражения своих старших братьев, но еще не решившего окончательно вопроса о своей ориентации: социализм, хотя бы через этап упорядоченного капитализма, или только упорядоченный капитализм? До какой же черты? С кем?

Если вы вспомните историю 90-х, даже, пожалуй, уже конца 80-х годов, то вы заметите одно чрезвычайно интересное явление. Его можно характеризовать так: идет процесс эмансипации определенных общественных групп от гегемонии народничества. Вспомните, что 60-е, 70-е и отчасти 80-е годы, если взять их легальную и нелегальную журналистику и беллетристику, характеризуются непоколебимой гегемонией народничества со всеми его символами веры: художественный реализм против романтизма, хотя бы левого; «учительная», тенденциозная литература—против «искусства для искусства»; против идеализма—материализм, либо позитивизм; против религии и мистики—наука и т. д., и т. п. Может показаться странным, почему народничество в общем стоит за художественный реализм, а не за романтизм. Разве оно «приемлет» действительность? Но надо вспомнить, что Михайловский говорил: «В России социализм—вопрос консервативный», т.-е. в России в первую голову надо сохранить общину. И вот эту-то действительность с общиной и артелью, с народным производством народничеству нельзя было не «приять», и отсюда его симпатии к школе художественного реализма, хотя нельзя и отрицать существования уклонов в сторону романтизма (Златовратский и др.).

Но вот стали появляться иные люди. Начиная с Акима Волынского, продолжая декадентством, они принесли, по закону классовой противоположности, новые скрижали: долой позитивизм и материализм, долой реализм, долой тенденциозную литературу, долой монополию науки, да здравствуют иные «ключи» для познавания тайн» (вспомните брюсовские «Ключи тайн»)...

Это в области идеологии выступали на русскую арену первые отряды буржуазии, окрепшей к этому времени. Они расшатывали устои народничества, чтобы вырвать из-под его влияния народные массы и попытаться повести их за собой. Позднее все эти группы политически оформились в кадетский либерализм.

Что сближало Горького с этими группами? Его сближало в этот момент следующее обстоятельство: хотя он и был идеологом мелкого товаропроизводителя, но, главным образом, городского; деревню в то время он ненавидел, он называл ее детей «темной, обнищалой деревенщиной». Возьмите рассказ «Челкаш», где все симпатии Горького на стороне вора Челкаша, а мужик Гаврила антипатичен Горькому. В знаменитом рассказе «Вывод» он тоже самым решительным образом настроен против деревни. Нетрудно об'яснить это распределение симпатий у Горького. Исторически известно, что на известной стадии капитализм легче приспособляет к себе деревенскую мелкую буржуазию (высокими ценами на с.-х. продукты, ростом ренты и т. д.), чем городского товаропроизводителя. Говоря о деревне, Горький в тот период видел прежде всего эту мелкую и мельчайшую буржуазию, а не сельского паупера, которого он заметил много позднее. Таким образом, мы видим, что еще один момент, а именно: урбанизм,—сближает Горького с символистами и отводит его в сторону от народничества.

Итак, для первого периода творчества Горького в высшей степени характерна эта черта—призыва к борьбе. Здесь он определенно опережает тот слой, от имени которого говорит. Этот слой еще не раскачался, а «буревестник» уже на посту. Бороться ли за упорядоченный капитализм, или за социализм, еще не ясно,—но только прочь от мещанства, прочь от этой атмосферы затхлого азиатского капитализма, который полностью проявляет свои отрицательные стороны, не являя ни одной из тех положительных черт, какие можно констатировать на стадии упорядоченного капитализма. Но, призывая к борьбе, Горький в то же время понимает, что представляемый им слой не может бороться один, без союзников. Вот здесь именно мы и переходим ко второму этапу деятельности Горького.

Он уже, видимо, задумывается над тем, что та группа, которая была в то время к нему близка, группа символистов, представляет собой и отражает в литературе такой слой, который может предать дело борьбы. Как бы ни были малы цели этого слоя,—упорядоченный капитализм,—но даже в пределах этих целей можно быть последовательным и непоколебимым до конца, но можно пойти на тот или иной компромисс со средневековой азиатчиной. Непоследовательность, соглашательство русского либерализма открывают глаза Горькому. Он теперь как бы ставит такую проблему: надо пойти посмотреть, изучить, чего же хочет, насколько надежен тот или другой союзник. Горький так и поступает. Именно, примерно, с 1901 г. он бросает своих босяков и идет в другие социальные пласты. Подобно Эмилю Золя, для которого искусство было средством решения определенных научных проблем, он откровенно и заранее ставит своему художественному творчеству известные задачи. Публицист становится рядом с художником. Горький пишет такие вещи, как «Фома Гордеев» и «Трое» и др., из которых и делает вывод, что

буржуазия не спасет, предаст, что она не верный, не надежный союзник, что она не доведет борьбы даже до упорядоченного капитализма.

Но если ненадежна буржуазия, то не спасет ли интеллигенция: ведь она плоть от плоти этого мелкого, разоряющегося товаропроизводителя? Однако, Горький приходит к выводу, что и она не спасет. Возьмите его драмы: «Мещане», «Дачники», «Дети солнца». Эти драмы можно разбить на две группы. И в той, и в другой изображается интеллигенция, гнилая, далекая от социальной борьбы, забывшая и предавшая своих отцов и братьев из рядов мелких товаропроизводителей, но в одних драмах автор рисует интеллигенцию, которая все же стремится к каким-то духовным ценностям — науке, искусству (напр., Протасов из «Детей солнца»); в других—изображены те, кто целиком тянется только за дешевеньким мещанским благополучием. Это—«Дачники», «Мещане». Горький приходит к выводу, что как те, так и другие—с духовными ценностями и без них—одинаково омерзительны и отвратительны. Когда-то Глеб Успенский сказал, что буржуазия, это—акула. Но, добавил он, эта акула никого бы не проглотила, если б в ее пасти не было «острых двухдвугривенных зубов», которые и помогают акуле хватать и заглатывать добычу. Интеллигенция,—сказал Успенский, это и есть «двухдвугривенные зубы». Разумеется, экономически роль интеллигенции и состоит в том, что она помогает буржуазии организовать аппарат по выкачиванию из рабочего прибавочной стоимости. Этот факт из политической экономии Горький переложил на язык художественных образов. Он констатировал, что интеллигенция, получая от буржуазии или ее государства изрядные блага за организацию выкачки прибавочной стоимости, — в силу такого своего положения в процессе производства должна была отвернуться от своих отцов и братьев, бросив их в ту минуту, когда они так нуждались в руководителях и союзниках в виду начинающейся новой полосы борьбы.

Констатировав эту измену, поэт заключил: «Ненавижу, презираю, проклинаю». Именно такой уничтожающий приговор интеллигенции произнес тот самый автор, который через каких-нибудь 12—15 лет обзовет гуннами, варварами, злодеями тех, кто, по его мнению, в 1917 году начнет уничтожать «красоту нашей жизни» — интеллигенцию. Так «колебнулся» Горький от проклятия к благословению. Но ко времени первой русской революции у Горького складывалось убеждение в том, что ни на буржуазию, ни на интеллигенцию нельзя рассчитывать, как на союзников.

Казалось бы, что, отвернувшись от буржуазии и интеллигенции, Горький должен был бы обратиться к изображению п р о л е т а р и а т а, его борьбы, настроений и переживаний тем более, что лично Горький уже с 1901 года был очень близок к социал-демократической партии, будучи ее членом. Но интересно, что к изображению пролетарского движения он обратился тогда, когда оно уже в сущности было разгромлено. В самом деле, его «Мать» писалась и печаталась уже в 1907 г. А это произведение было первым, вплотную подошедшим к изображению рабочих и их движения. Почему такое запоздание? Не потому ли, что понадобился опыт 1905—1907 гг., касающийся позиции российского либерализма, чтобы окончательно подтвердить самые худшие ожидания Горького от буржуазии и ее интеллигенции? В своей статье «Разрушение личности», написанной в 1908 г., наш автор с огромной горечью писал: «Политические эволюции г. Струве невольно заставляют вспомнить эволюцию Льва Тихомирова». Теперь мы знаем; что оба эти ренегата кончили одинаково—полной капитуляцией перед монархизмом и азиатски-квасным патриотизмом.

Горький—надо отдать ему справедливость—видел и чувствовал всю гнусность этой эволюции, и ему оставалось теперь, как художнику, обратиться к пролетариату. Но надо признаться, что здесь он не имел художественного успеха. Как бы ни был велик тираж «Матери», как бы ни любили этот роман читатели из европейского и американского рабочего класса, приходится согласиться с большинством критиков, что Горький, как художник, не справился со своей задачей. Он дал иконопись, а не художественное произведение.

Плеханов высказал это со свойственной ему резкостью: «Неудачны те произведения Горького, в которых силен публицистический элемент, например, очерки американской жизни и роман «Мать». Очень плохую услугу оказывают ему люди, побуждающие его выступать в ролях мыслителя и проповедника; он не создан для таких ролей». Плеханов находил, что Горький «сам крайне плохо переварил ту истину, которую несет миру пролетариат... Если бы он хорошо переварил названную истину, то его американские очерки были бы написаны в другом духе: и х а в т о р н е в ы с т у п а л б ы п е р е д н а м и в в и д е н а р о д н и к а, п р о к л и н а ю щ е г о п р и ш е с т в и е к а п и т а л и з м а».

Нельзя согласиться с Плехановым, будто все горе Горького заключается в том, что он не усвоил марксизма, как теории. Плеханов очень часто грешил рационалистической постановкой вопроса. Вспомните хотя бы его суждения о Чернышевском, по которым выходило, что воззрения Чернышевского определялись не интересами и идеологией той социальной группы, к которой он принадлежал, а просто незнакомством с той или иной книгой. Ту же ошибку Плеханов делает и по отношению к Горькому. Но в одном он безусловно прав: чрезвычайно тонко его указание на то, что Горький выступает «в виде народника», громящего капитализм. Для тех, кому ясно, что Горький—выразитель настроений разоряемого капитализмом и его бешено ненавидящего мелкого товаропроизводителя,—брошенное мимоходом замечание Плеханова свидетельствует о его громадном чутье. Неудача «Матери» и американских очерков должна быть об'яснена тем, что Горький, превосходно знакомый с психологией промежуточных слоев и близкий им по духу, — был чужд типично-рабочей среде, не знал и не понимал ее. И если все же известные слои пролетариата ценят «Мать», то это естественно в той мере, в какой не все пролетарии порвали ту пуповину, которой они связываются со средой, их породившей.

Вскоре после своей эпопеи «Мать» Горький пишет «Исповедь» (1908 г.), вещь, за которую его жестоко и беспощадно раскритиковал Плеханов, напавши на «богосочинительство» нашего автора. Несколько позднее Ленин писал Горькому, обсуждая ту же тему: «Выходит, что вы против богоискательства т о л ь к о ради замены его «богостроительством»... Богоискательство отличается от богостроительства или богосозидательства или боготворчества и т. п. не больше, чем желтый чорт отличается от чорта синего... Всякий боженька есть трупоположество»... Характерно, что действующими лицами «Исповеди» являются не чистокровные пролетарии, а мелкие товаропроизводители, полупролетарии, плотники, маляры и т. д. Они очень склонны выслушивать богостроительные проповеди, а вот представитель подлинного пролетариата заводский слесарь Петр Ягих говорит племяннику: «Ты, Мишка, нахватался церковных мыслей, как огурцов с чужого огорода наворовал, и смущаешь людей».

Вспомните, что после разгрома «Народной Воли» известные слои мелкого товаропроизводителя выдвинули такие религиозные течения, как толстовство. Разгром 1906—1908 г.г. вызвал в известных рядах расширенное воспроизводство религиозных настроений. Стоит ли говорить, до какой степени это типично для мелкого товаропроизводителя? В его глазах действительность дала ужасающие итоги: буржуазия изменила, интеллигенция тоже, пролетариат оказался слабым. На что надеяться, на что положиться? Это была полоса страшной растерянности, распада общественных связей. И вот Горький провозглашает устами своего старца Ионы: «Богостроитель это

суть народушко! Неисчислимый, мировой народ... Он есть начало жизни единое и несомненное». Но что же такое бог, что надо строить? И Горький отвечает: «Бог есть комплекс тех, выработанных племенем, нацией, человечеством, идей, которые будят и организуют социальные чувства, имея целью связать личность с обществом, обуздать зоологический индивидуализм».

Итак, заметим, что, глашатай индивидуализма в первый период своего творчества, Горький в эту эпоху поднимает голос за обуздание индивидуализма (Пусть он называет его зоологическим, это не введет нас в заблуждение!). Вот диапазон колебаний мелкого товаропроизводителя. Верящий в свои силы и свою победу, он поет осанну своему индивидуализму. Оставленный, преданный буржуазией и интеллигенцией, не доведенный до победы пока еще слабым пролетариатом,—он сразу же с'еживается и осуждает собственное «я». Кроме того, он, высказывавший свое презрение «темной, обнищалой деревне», ставит теперь последнюю ставку на своего деревенского собрата. В повести «Лето» Горький изображает пропагандиста, который ушел в деревню для политической работы. По свидетельству Горького, этот революционер имел среди крестьян колоссальный успех. Итак, свет из деревни, с ее помощью придет победа! Может показаться, что этот вывод не что иное, как типичное ленинское положение о демократической революции в России, как революции крестьянской. По крайней мере, в такую ошибку впал когда-то (в 1908 г.) тов. Луначарский. Он писал: «Отнюдь не примыкая к мутной путанице эсэрства, мы можем и должны стоять на той точке зрения, что влияние пролетариата на народные массы—не пустой звук, а явление первейшей важности. Его-то и изображает Горький в «Исповеди». Но дело как раз в том, что прав не Луначарский, а вышецитированный слесарь Ягих: дело у Горького—не в просветляющем влиянии рабочего класса на широкие массы промежуточных слоев, а в растворении пролетариата в «народушке».

Пролетариат, по тогдашним настроениям Горького, как художника, не являлся еще гарантией победы. Недаром много позднее, в 1917 г., Горький, вспоминая первую революцию, сказал: «Момент требует величайшей осторожности в решениях... Нам не нужно забывать роковых ошибок 1905—1906 гг.».

По чьему адресу сказаны эти жестокие и несправедливые слова? Не по адресу кадетов и меньшевиков, ибо им нечего было бы напоминать о «величайшей осторожности». Злое слово вырвалось по адресу тех, кто, увлеченный пылом борьбы, пал не вследствие мнимых ошибок, а исключительно из-за недостатка собственных сил, да еще из-за колебаний и измены других.

Обращение к богостроительному опиуму было крайне типичным для того общественного слоя, выразителем которого является Горький. Когда-то Тургенев сказал, что некоторые люди бывают охвачены «экстазом», но «это экстаз, свойственный всем скептикам, которым скептицизм надоел». Богостроительный экстаз Горького, как две капли воды, походил на только-что упомянутый тип экстаза. В истории передовых отрядов рабочего класса мы не находим ни таких колебаний, ни такого «скептицизма», ни такого «экстаза». Вспомните Ленина, как фигуру, олицетворяющую собой слои пролетариата с завершенным классовым самопознанием. Разбитый в боях 1905—1908 г.г., он не сдал ни одной пяди своих идейных позиций; как новый Галилей, он смотрел на мертвую, окровавленную землю революции и восклицал: «А все-таки она движется!» И уверенный в силах своего класса, повторял вслед за Чернышевским: «Будь, что будет, а будет на нашей улице праздник».

Но не долго держался у Горького богостроительный угар. «Народушко»,—это «начало жизни единое и несомненное», сам по себе, не взбодренный сознанием и водительством пролетариата, еще только собиравшего свои силы после поражения в первой схватке,—не подавал признаков жизни. И глубокий, безысходный пессимизм охватил Горького, как художника. В эту именно эпоху он написал такие строки: «Мы, Русь,—анархисты по натуре, мы—жестокое зверье, в наших жилах все еще течет темная и злая рабья кровь—ядовитое наследие татарского и крепостного ига, что тоже правда. Нет слов, которыми нельзя было бы обругать русского человека—кровью плачешь, а ругаешь, ибо он, несчастный, дал и дает право лаять на него тоскливым собачьим лаем, лаем собаки, любовь которой недоступна, непонятна ее дикому хозяину, тоже зверю. Самый грешный и грязный народ на земле, бестолковый в добре и зле, опоенный водкой, изуродованный цинизмом насилия, безобразно жестокий и в то же время непонятно добродушный,—в конце всего—это талантливый народ». Зверь и раб, но талантливый. Чувствуется, что Горький словом «талантливый» хотел дать «народушке» индульгенцию,—но кого она может утешить? Зверь и раб—вот рубцы, которые остаются, несмотря ни на что.

В творчестве Горького, таким образом, начинается новая полоса. Он становится бытописателем окуровской Руси. «Городок Окуров», «Матвей Кожемякин», «Детство», «В людях» и др.—вот наиболее крупные вещи этого периода.

Один из критиков Горького, меньшевик Р. Григорьев, высказал полнейшее благословение новой манере Горького. Наконец-то,—сказал он,—вместо романтических вымыслов и лжи («Мать», «Исповедь», «Лето») Горький стал рисовать Русь такою, какою она есть на самом деле,—наконец-то он стал говорить правду. Здесь крайне интересно сказать два слова о раздвоенности Горького в этот период. Он выступал и как публицист и как художник. Как публицист, как член социал-демократической партии, он старался быть верным партийной идеологии и программе. Как художник, он был целиком во власти тех переживаний, которые надо искать, может быть, уже за «порогом сознания». Вы знаете, как часто встречается у писателей подобная раздвоенность. Например, в посмертной драме Льва Толстого «И свет во тьме светит» бессознательные симпатии художника на стороне не толстовца Сарынцова, а его жены, с ним полемизировавшей.

В статье «Разрушение личности» (1908 г.) публицист Горький пишет: «Несмотря на слабость материала, капиталистическое общество держится крепко... Держится потому, что еще не испытало стройного напора враждебных ему сил». В заметке «о цинизме» (1908 г.) читаем: «Миллионы глаз горят радостным огнем, всюду сверкают молнии гнева, освещая веками накопленные тучи глупости и ошибок, предубеждений и лжи; мы—накануне праздника всемирного возрождения народных масс... Признаки возрождения человечества—ясны, но «люди культурного общества» якобы не видят их, что, впрочем, не мешает мещанам чувствовать неотразимую близость мирового пожара... Жизнь растет, и современное общество ощущает «судороги почвы под ногами своими».

Диву даешься, когда вспомнишь, что автор, писавший эти строки в 1908 г., всего только через 9 лет, когда на самом деле пришел «мировой пожар» и начались «судороги почвы», не узнал и не благословил их. В чем же дело? Нам думается, в том, и только в том, что публицист Горький не ясно подслушал то, что происходило в глубинах души художника Горького. А в этих глубинах нарастал раз'едающий скептицизм, который говорил: нет, не окуровской Руси, не Руси мелких буржуа, грызущихся между собою, начинающих дифференцироваться на эксплоатирующих и эксплоатируемых, не ей, темной и забитой, не этой Руси свершить подвиг, о котором мечтает публицист. Противоречие должно было быть преодолено, и Горький преодолел его в 1917 году тем, что внял не публицисту 1908 г., а художнику и бытописателю окуровщины. Позвольте привести вам один знаменательный разговор из «Окурова».

Яков Тиунов говорит: «Что же Россия? Государство она, бессомненно, уездное. Губернских-то городов — считай — десятка четыре, а уездных — тысячи, поди-ка! Тут тебе и Россия!» Ему возражают: «Ну, а примерно, Москва?» — «Что же Москва?—медленно говорит кривой Тиунов, закатив темное око свое под лоб.—Вот, скажем, на ногах у тебя опорки, рубаха — год не стирана, штаны—едва стыд прикрывают, в брюхе—как в кармане—сор да крошки, а шапка была бы хорошая, скажем—бобровая шапка. Вот те и Москва!».

Чрезвычайно интересно, что меньшевик Григорьев, цитируя это место, постарался сразу же поставить точки над и. «Итак,—сказал он,—большой город, капиталистическая культура—у нас только «бобровая шапка» на беспортошном». И чтобы не было никаких сомнений, тот же автор толкует горьковскую хронику, как «предостережение художника политическому утопизму». «Не увлекайтесь-де поверхностной видимостью, прекрасной пеной явлений... Не забывайте, что «Москва» только бобровая шапка на голове полуодетого нищего, что за тонким слоем этой «Москвы» лежит тяжелой, нетронутой, способной все раздавить глыбой—окуровщина».

Конечно, прав, по своему, Григорьев. Как меньшевик, он с достаточной ловкостью использовал горьковское оружие и совершенно правильно нащупал корни позднейшей горьковской полемики против людей 1917 г., когда Горький еще раз колебнулся к мнимому реализму против мнимого политического утопизма.

Тут мы переходим к проблеме лжи, чрезвычайно характерной для Горького. Но мы возьмем ее не в психологическом, а в социальном разрезе. Таким образом, для нас проблема лжи превратится в проблему утопизма.

Горький чрезвычайно часто возвращается к этой проблеме. Вспомните его «Чижа», который лгал и «Дятла», любителя истины. Вспомните Луку в пьесе «На дне», «Проститутку», которая пишет письма несуществующему Болесю. Вспомните, наконец, что Горький воскресил в нашей памяти забытое стихотворение Беранже: «Если к правде святой мир дороги найти не умеет, честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой».

Лука в пьесе «На дне» рассказывает: жил-был один человек; он верил, что где-то существует праведная страна, где, он точно не знает, но существует наверное. Но пришел однажды к нему ученый человек с географической картой и сказал: «Вот ты мечтаешь о праведной земле. Где же она? Возьми карту и покажи, где же твоя праведная земля на этой карте? Вот Испания, вот Англия, это Палестина. А где же твоя земля?» И увидел мечтатель, что нет на карте праведной земли, пошел и удавился. Какой смысл этой глубоко трогательной легенды?

Я попрошу вас вспомнить великую борьбу индивидуализма с социализмом, буржуазии с пролетариатом.

Кроме виселиц, расстрелов, подкупов и клеветы, буржуазия выдвигала и идейных борцов: вспомните Спенсеров, Ренанов... Разве это не те «ученые с картой», которые, опираясь на позитивизм в науке и философии, критиковали наши «утопии»? Не говорил ли вкрадчиво Спенсер: «Мечтатели, разве из свинцовых инстинктов человека можно выковать его золотое поведение?» Разве не говорил Ренан, что, изгнав метафизику из наук о природе, надо изгнать ее и из обществознания?..

И годами распространялся великий софизм об утопичности социализма, о несогласованности его с точной наукой.

Но пролетариат, демиург нового общества, идейные доспехи которому выковал Маркс, не смущался, не уходил, чтоб надеть петлю. Напротив, усвоивши положение, что действительность развивается диалектически, он твердо знал, что утопия сегодняшнего дня есть действительность завтрашнего. Для него не существовало проблемы лжи, как проблемы «социального мифа».

Напротив того, мелкий товаропроизводитель, который хотя и ненавидит капитализм, но хотел бы свергнуть его во имя прошлого экономического уклада, к тому же слишком идеализируемого, — весь в плену социальной утопии; да, подлинной утопии, ибо здесь правы и Спенсер, и Ренан и др., что нельзя повернуть назад колесо истории в сторону мелкого производства.

Если не верить в пролетарский социализм, но в то же время ненавидеть капитализм, то есть только два выхода: либо в петлю, либо в сторону социального мифа на манер Сореля. Но, конечно, в том лишь случае, если не пойти вперед под влиянием пролетарской идеологии.

Ленин говорил в 1917 г.: народные массы куда левее своих тогдашних «вождей»—Церетелли и Черновых.

И, действительно, Октябрь показал нам, что когда пролетариат двинулся в бой, построив свои железные батальоны, он увлек за собой—от Церетелли и Черновых—несметные массы разоренного мелкого товаропроизводителя. Он сумел использовать их ненависть к угнетателям, их большую разрушительную силу, потому что они с ней, главным образом, пришли в революцию. Основы положительному строительству дал, конечно, пролетариат, но и здесь он ведет за собой эти массы.

Мы ценим, любим Горького потому, что он плоть от плоти этих слоев, неслыханные страдания которых толкнули их в сторону их авангарда-пролетариата. Мы вдвойне ценим его за те усилия итти в ногу с пролетариатом, которые мы видели со стороны Горького на протяжении его жизни и деятельности. Пусть колеблется лично Горький, этот честнейший писатель, наиболее плотно примкнувший к пролетариату, пусть благословляет сегодня то, что бранил вчера, пусть будет бранить завтра то, что хвалил сегодня, тем не менее он будет с нами, потому что он выразитель и идеолог этих промежуточных слоев, этих гигантских пластов трудящихся масс, а они идут с нами, они сплачиваются с пролетариатом все тесней и тесней; в их идеологии все чаще звучат мотивы, родственные пролетариату.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

КИТАЙСКИЕ НЕУВЯЗКИ.

А. Ивин. «Письма из Китая». «Московский Рабочий», 1927 г. Цена 1 руб. 35 коп.

Полезно бывает оглянуться в недалекое прошлое. Перечитывая, хотя бы по сжатым корреспонденциям тов. Ивина, историю китайской революции 19—24 гг., можно не только освежить в памяти ряд событий, оказавших иногда решающее значение для дальнейшего хода, но и заодно можно проследить те этапы, по каким шло и развивалось представление о Китае, его политических группировках и отдельных деятелях и общих задачах китайской революции как у автора, так и, частью, у широких слоев нашей партийной и советской общественности. Перечитывая «Письма», относящиеся к периоду 19—24 гг., невольно останавливаешься иногда перед некоторой примитивностью формулировок, иногда перед явной устарелостью или неправильностью оценки, иногда же наталкиваешься на факты, которые независимо от руководивших автором мотивов приобрели впоследствии, в свете дальнейших событий новый и неожиданно яркий смысл. Не приходится говорить о том, что многие оценки полностью оправдались и сохраняют свое непосредственное, а не только историческое, значение до настоящего времени. Есть, наконец, ряд моментов, которые не будучи достаточно отчетливыми сами по себе, дают, однако, материал или зацепку для дальнейшей разработки, вызывают ряд вопросов, на которые появляется желание поискать ответ в других источниках или в других фактах китайской революции за пределами этой книги.

В этом смысле издание корреспонденций тов. Ивина дает довольно ценный материал. Это значение усиливается вследствие того, что, помимо своей эрудиции и знания обстановки, автор считался с интересами советско-партийного читателя. Нам хотелось бы отметить в «Письмах» некоторые места, которые оказываются неувязанными с точкой зрения партии и с нынешней ее тактикой, которые явно опровергнуты ходом событий, а также те, которые наводят на мысли, ищущие ответа за пределами книги.

Прежде всего бросается в глаза основная установка автора:

«Китайская республика находится *лишь* в периоде перехода *от* своеобразного *феодализма к капитализму и федералистическому* строю... Могучее стремление создать единое политическое целое, отстоять свою независимость и в то же время использовать *опыт Запада* в своем строительстве новых политических и социальных форм— вот что составляет отличительную черту Китая, что заставляет говорить о современном моменте, как о периоде возрождения».

Как далека сейчас от нас эта установка! О перспективах перерастания демократической революции в социалистическую, о советской системе — ни слова ни здесь, ни на всем протяжении книги. Непонятно, между прочим, почему автор выдвигает здесь понятие «федерации», что находится в заметном противоречии к его собственным словам, высказанным в другом месте книжки. Ссылаясь на тысячелетнее прошлое Китая, автор говорит, что «центростремительные силы всегда брали в конце концов перевес... с

уверенностью можно сказать, что и на этот раз центростремительные силы возьмут верх и об'единение Китая произойдет в сравнительно недалеком будущем».

Почему Китай, централизованный при феодальной монархии, должен вдруг стать федеративным при капитализме, центростремительные силы которого должны, казалось бы, быть покрепче гнилых шнуров Манчжурской династии? Автор этого не раз'ясняет, и поэтому его замечание о федеративном будущем Китая носит поверхностный характер.

Сравнительно мало разработан также вопрос о китайском феодализме и его «своеобразии». Как известно, одним из характерных для феодализма признаков является сочетание двух моментов: военной службы и земельной собственности. И вот интересно было бы выяснить, в какой мере сохранились в Китае феодалы в этом смысле слова и в каких размерах и формах сохранились там феодальные виды собственности. В частности, следовало бы более точно выяснить вопрос, подходят ли под понятие феодалов китайские дубани, вышедшие из простонародья и далеко не всегда владеющие землей, или же владеющие ею на началах, близких к капитализму. Нельзя ли этих дубаней также квалифицировать по различным категориям и рассматривать их в целом или частично не как феодалов, а как кондотьеров буржуазного типа, вырастающих в обстановке своеобразного «первоначального накопления»?

Очерчивая роль отдельных классов в китайских событиях, автор на первый план выдвигает *буржуазию* и буржуазную интеллигенцию (студенчество и пр.). Роль пролетариата отмечена лишь во вторую очередь. О *крестьянстве* же не упоминается *ни слова*. И лишь в конце книги в одной из позднейших корреспонденций оно появляется на сцену. Даже говоря об интеллигенции автор сетует на «экстремизм» наиболее передовых элементов китайской общественности. Порицает их за боязнь «буржуазной скверны» и подчеркивает необходимость самого «тесного союза» с китайской общественностью для страны, «которая желает вести в Китае действительно реальную политику».

«Каждый наш шаг, каждое наше мероприятие по отношению к Китаю должны быть предварительно исследованы с точки зрения того, как они могут отразиться на судьбах этого союза (с китайской буржуазной общественностью. *Г.*), от которого в известной степени *зависит не только наше будущее, но и будущее Китая*, а следовательно, и Азии» (разр. наша. *Г.*).

Союз революционных масс с буржуазией в китайской революции носил временный, преходящий характер и известно, что уже в 1927 г. достаточно выявилось, что не только о «тесном», но и вообще ни о каком союзе с той китайской «общественностью», какую имел в виду автор, говорить не приходится. Вытекает ли отсюда, что до сих пор мы не хотели вести в Китае «действительно реальную политику» и допускали шаги, «которые отразились на судьбах» этого союза? У всякого внимательного читателя возникнут эти вопросы к автору при чтении книги, хотя и составленной из старых корреспонденций, но выпущенной в 27 году со свежими почтовыми штемпелями на оригинальной обложке.

Отмеченные тезисы, взятые из первых корреспонденций, в разных вариациях повторяются и в дальнейшем. Так, на стр. 19. автор иронизирует над китайскими интеллигентами, которые

... «чувствуют себя так, как будто они живут *не* в стране, находящейся в *преддверии капитализма*, а в стране, уже совершившей прыжок «из царства необходимости в царство свободы». Само собой разумеется, что во всем этом заключается большая доля иллюзий, *утопичности*. Говорить о свободе творчества, о возможности успеха *социаль-*

ных экспериментов, значит не считаться с об'ективной действительностью, забывать, что Китай находится в империалистском окружении, а главное, что как бы «разумны» ни были идеи, одной «разумности» далеко недостаточно для их воплощения в жизнь даже в Китае» (разрядка наша. *Г.*).

Правда, далее выдвинуто положение, что, «если Китай должен будет перевариться в фабричном котле, то эта варка благодаря присутствию пролетарских организаций будет носить «несколько иной» характер, чем это было в европейских странах». Но эта оговорка не меняет основной установки, согласно которой Китай находится в «преддверии капитализма», в стадии «становления» (буржуазной государственности). Руководящими силами этого процесса отрекомендованы буржуазия и буржуазная интеллигенция при участии, на втором плане, рабочего класса. В общем автор отвел китайской революции гораздо более узкую базу, чем та, которую занимает хотя бы кемализм в Турции. Не говоря уж об отсутствии крестьянства, совершенно не отмечено различие между двумя слоями буржуазии,— одного, связанного с внутренним рынком и потому более независимого от империалистического влияния, и другого, связанного с рынком внешним (компрадоры и др.). В Китае автор подобного расчленения в период составления корреспонденций не усмотрел. Между тем, оно имеется, не говоря уже о Китае, почти во всех восточных странах, переживающих этап колониальной революции (кемалисты и иттихадисты в Турции, свараджисты и модераты в Индии, вафдисты и либералы в Египте и т. д.). В качестве основной революционной силы выдвинута буржуазия, даже без оговорки о компрадорах и без предупреждения об условном и временном характере этой роли. «Социалистические эксперименты», «экстремизм» презрительно осуждены без детальной формулировки и аргументации. Об аграрной революции и крестьянстве вначале не говорится совсем, и лишь в главе о Кантоне отмечено, что успех Гоминдана зависит от того, сумеет ли он привлечь на свою сторону крестьянские массы в Гуандуне. Эта корреспонденция, однако, одна из последних, написана уже в 24 году. Т.-е. автор пришел к мысли об аграрной революции в Китае лишь после 5-ти лет своей корреспондентской работы, несмотря на многолетнее до тех пор свое пребывание в Китае, и то вначале выдвинул аграрное движение лишь в качестве подсобного для буржуазии фактора.

Какой контраст с последующими работами! В книге «Красные Пики» (выпущена тоже в 27 году) мы не находим и следа от процитированных установок. Аграрная революция уже выдвинута на первый план. И совершенно задвинуты все национально-освободительные моменты китайской революции. В предисловии к книге «Красные Пики» (от 26 апреля 26 года) точка зрения автора формулирована в следующем:

«Советская революция в Китае—это аграрная революция плюс об'единение Китая правительством, опирающимся на революционную армию, социалистически настроенную часть китайской интеллигенции, а главное на рабочие и крестьянские массы... Это значит решительно вступить на путь социалистического строительства».

Итак, в «Письмах из Китая» «преддверие капитализма», «опыт Запада», буржуазия в «союзе с интеллигенцией», «утопичность социальных экспериментов», а в предисловии к «Красным Пикам» «аграрная революция»— «путь социалистического строительства», «советская революция». Амплитуда не малая. Будучи об'яснима сама по себе, в свете диалектики последних событий она все же чувствительно колет глаза. У читателя, естественно, рождаются вопросы, почему автор, переиздавая старые статьи при лучах новой обстановки, не сделал хотя бы в сносках соответствующих пояснений, указав на ошибочность или, по крайней мере, изжитость своей прежней точки зрения. Ссылаться на то, что прежний этап, намеченный в 19—24 гг., уже пройден, нельзя, так как процесс предстоял по предсказаниям автора, длительный и ни одна из поставленных целей (об'единение, национальное освобождение и т. д.) буржуазией достигнута не была. И, следовательно, либо первоначальная установка обладала каким-то существенным из'яном, и от нее нужно отмежеваться, либо она была правилна, и надо запастись терпением и ожидать ее осуществления. Но в этом последнем случае примирить ее с новой установкой как-будто бы затруднительно. Автор обязан был бы в той или иной форме дать об'яснение вышеотмеченным противоречиям, не ожидая недоуменных вопросов читателей.

* * *

Есть в «Письмах» еще недоговоренности и неувязки с последующими событиями.

Так, остается нераз'ясненным вопрос о природе китайского милитаризма. Об этом приходится тем более сожалеть, что в свое время автор выпустил на эту тему немало статей на столбцах нашей периодической прессы. Между тем, эти статьи в разбираемую книгу не вошли, и в последней можно найти лишь частичные отрывочные ответы на этот вопрос. Так, на стр. 40 отмечается тенденция сращения военщины с буржуазией, процесс обуржуазивания милитаристов.

«Налоги... идут на покупку земельных поместий, вкладываются в предприятия, банки, иностранные и китайские займы... Могущество штыка начинает подкрепляться могуществом доллара... В этом отношении биография Чжан-Цзо-Лина является весьма характерной». Эти указания на буржуазную природу милитаристов отчасти подкрепляются сообщением о том, что Сун-Ят-Сен мыслил борьбу за республику против милитаристов путем союза с самими милитаристами, выступал с предложением общего замирения между ними и сближался не только с тогдашними так называемыми «революционными» генералами, но даже с такими, как Чжан-Цзо-Лин и Дуань-Цзи-Джуй. Правда, автор говорит об том с оттенком осуждения, но мысль остается не разработанной, и ощущение читателя не проясняется. Вопрос особенно запутывается, если помнить, что в 26—27 гг. тот же тов. Ивин в пространных корресподенциях в «Правде» обосновывал именно целесообразность союза Гоминдана (тогда еще революционного) с так называемой «народной армией» Фын-Юй-Сяна. Дальнейшие события доказали, что сотрудничество с генералами до известного периода революции себя оправдало (Северный поход). Если так, то следует ли осуждать Сун-Веня, искавшего точку опоры в милитаристах, с принципиальной точки зрения? Не следует ли скорее упрекать его в том, что он сближался с милитаристами более консервативного толка (Дуань) для борьбы против более приемлемых с национальной точки зрения (У-Пей-Фу)? Эти вопросы остаются неразрешенными, так как автор, не задерживаясь на затрагиваемых моментах и часто совершенно не исчерпав их, идет далее.

Больше обстоятельности и последовательности проявлено в оценке роли и значения У-Пей-Фу. На стр. 127—30 отмечена та «исключительная настойчивость», с которой тогдашний лойянский диктатор требовал от пекинского правительства подписания советско-китайского договора. Автор довольно долго останавливается на этом моменте, при чем в качестве мотивов, которыми руководился У-Пей-Фу, посылая свои семь «исключительно резких телеграмм», отмечает его патриотизм, «сомневаться в котором нет оснований», его желание установить мост с общественным мнением и опасение, что разрыв Пекина с Совпра может усилить Чжан-Цзо-Лина. Об'яснение дано довольно обстоятельное и, насколько помнится, автор не отходил

от этой оценки и в других своих работах. Надо, однако, отметить, что оно не вполне согласуется с более принятой схемой, по которой У-Пей-Фу представляется «феодалом» и «англо-американским агентом».

Таким образом, вопрос о природе китайского милитаризма остается достаточно запутанным. Что же касается феодализма, то в «Письмах» вообще почти не находится указания на политическое отражение феодализма. На стр. 22 автор констатирует, что республиканская идея в Китае может считаться навсегда упроченной, и «если и есть сторонники восстановления монархии», то их приходится искать лишь среди иностранцев». Правда, отсутствие монархистов прямо не означает отсутствие феодализма в политике. Но допустить это можно лишь, если китайских феодалов (притом всех) признать республиканцами и таковыми же счесть милитаристов. Возможно ли это? Прямого ответа в книге найти нельзя. Поэтому перечисляемые автором движущие политические силы китайской революции не укладываются в соответствующие им экономические категории, и он вынужден прибегать к расплывчатым политически и экономически бессодержательным терминам, как «общественность», «сторонники демократии», «конституционалисты» и т. п., сплошь и рядом избегая более ясной номенклатуры.

Г. ГАСТОВ.

Письмо в редакцию.

Уважаемые товарищи!

В № 1 журнала «Большевик» от 15 января 1928 г. в статье Коста Таболова «Против линии национальной демократии» автором сделана такая изумительная сноска:

> «В этой связи (т.-е. в связи с учением Ленина о возможности некапиталистического развития для колониальных и вообще отсталых народов. *П. К.*) нельзя не отметить ляпсуса проф. Кушнера, как раз в связи с Казакстаном. Во-первых, Кушнер совершенно не прав, утверждая, что у казаков не было феодалов и нет классовой борьбы, а имеется только родовая организация. На ряду с родовыми пережитками у казаков выросли патриархально-феодальные элементы. Ну, а о наличии классовой борьбы и говорить нечего. Во-вторых, Кушнер полагает, что советская власть несовместима с родовым бытом. Отсюда и «теория» «капиталистического дозревания». Что у казаков родовой быт и натуральное хозяйство не господствуют—это уже отмечено. Но если бы даже Кушнер был прав в том, что в Казакстане господствует родовая организация, и то, по Ленину, не только возможно существование советской власти, но и возможен переход к социализму. «Теория» проф. Кушнера не только противоречит ленинскому положению о возможности миновать капиталистический этап развития, но и питает идеологию национальной буржуазии (см. выдержки из речи проф. Кушнера,—см. «Большевик» № 13, 1926 г., стр. 76—77)».

Так как, вероятно, под именем «проф. Кушнера» Коста Таболов подразумевает меня, то я принужден заявить, что все те откровения, которые он вкладывает в мои уста «в связи с Казакстаном», выдуманы им самим, и потому он единственно несет за них ответственность.

Я тщательно пересмотрел все то, что когда-либо писал о народах Средней Азии, и нигде не нашел ни одной цитаты, в которой бы утверждалось, будто в Казакстане нет классовой борьбы, не существовало феодалов и проч. Наоборот, в «Очерке развития общественных форм» (изд. IV, стр. 228), в отделе «Феодальное общество» я нашел ссылку на существование в прошлом у казаков (киргизов-казаков) военных групп, из которых и выросли феодалы. В других моих работах о Казакстане вовсе не упоминается, так как я специально изучением быта казакского народа не занимался и не занимаюсь. Я был крайне смущен все-таки категоричностью утверждений Коста Таболова (потому что не хотел обвинять партийного товарища в сознательной передержке) и прочел снова статью тов. А. Митрофанова, на которую ссылается автор. Оказалось, что там речь идет о горной Киргизии, т.-е. о Киргизстане, и о моем предварительном сообщении о результатах обследования Таласско-Сусамырского района летом 1925 г. В связи с этим мне придется сказать несколько слов по существу статьи тов. А. Митрофанова, но раньше я хочу установить одно: Коста Таболов сознательно или бессознательно приписал мне такие фразы, которых я не говорил; более того, он отослал читателей к такому источнику, в котором ни слова не говорится о Казакстане. Чем это об'яснить? Машинистка, вероятно, перепутала..., потому что (если машинистка не повинна) иначе Коста Таболов может быть обвинен или в сознательной передержке, или в полной безграмотности—незнании административного устройства РСФСР, в смешении Казакстана с Киргизстаном. Что из этих трех положений лучше? Пусть лучше будет виновна машинистка.

Теперь об утверждениях тов. А. Митрофанова. В свое время я не ответил на его статью потому, что ожидал выхода из печати своей работы «Горная Киргизия»—отчета о поздке в Киргизию в 1925 г. Работа эта была написана задолго до того, как тов. Митрофанов отправился в Среднюю Азию, и при желании он мог бы ее получить у тов. Зеленского—секретаря Средне-Азиатского бюро ЦК ВКП(б). Тогда он не пользовался бы невыправленными стенограммами предварительного отчета и, возможно, отказался бы от многих своих положений. Однако, мои надежды на скорый выход работы из печати погибли вместе со смертью издательства «Новая Москва», принявшей рукопись к печати. Дальнейшие блуждания рукописи по канцеляриям Госиздата привели к тому, что я отказался от «содействия» ГИЗ и передал рукопись в научноисследовательскую ассоциацию по изучению советского Востока (при КУТВ), принявшую рукопись к печати в начале прошлого года. С тех пор рукопись вылеживается в портфеле этого научного учреждения. Удалось опубликовать летом 1927 г. лишь одну главу из всей работы (см. журнал «Революционный Восток» № 2, 1927 г., статья «Манапство в горной Киргизии»), но и эта глава начисто опровергает приписанные мне товарищем А. Митрофановым утверждения о преобладании в Киргизии родового строя. Буду надеяться, что опубликование остальной части работы положит конец легенде о «теории капиталистического вызревания», сторонником которой я не являлся и не являюсь. В своих практических предложениях, доложенных после поездки Средне-Азиатскому бюро ЦК ВКП(б), я выдвигал иную мысль: необходимость активно бороться за разложение родовых отношений (путем госторговли, кооперации и административных мероприятий), поскольку они извращают советскую политику. Примеров извращения и прямого противодействия нашей политике под влиянием пережитков родового быта можно и не приводить—не случайно во ВЦИК внесен законопроект о борьбе с пережитками родового быта—теми именно пережитками, которые наиболее вредны.

С коммунистическим приветом *П. Кушнер (Кнышев).*

По поводу „Письма в редакцию“ П. Кушнера.

Во-первых, по моему собственному недосмотру (но не по вине машинистки, как весьма не остроумно хочет с'иронизировать Кушнер, и не по незнанию административного устройства РСФСР), в примечании, направленном против П. Кушнера, к моей статье произошло смешение Киргизстана с Казакстаном. Каждый добросовестный читатель поймет, что тут речь может итти только о случайном техническом упущении с моей стороны, вызванном спешкой с ответом Садвокасову.

Во-вторых, для меня в примечании было и остается основным существо вопроса, т.-е. проблема совместимости советской системы с родовым бытом и формула капиталистического дозревания. Вне зависимости от того, идет ли речь о Киргизстане или о Казакстане, эти вопросы можно поставить и решить. Самая сноска статьи и упоминание о Казакстане и Киргизстане связаны не с разбором и оценкой той или иной страны, а с выяснением проблемы некапиталистического пути развития. Это ясно даже из письма самого Кушнера.

В-третьих, по существу содержания моего примечания и письма Кушнера оказывается, что все же есть какая-то «невыправленная стенограмма предварительного отчета», на которую я сослался через статью тов. А. Митрофанова («Большевик» № 3, за 1926 г.). Смехотворно заявление Кушнера, будто я выдумал и навязал ему утверждение о невозможности сосуществования советской системы с родовым бытом и формулу капиталистического дозревания. Я их не выдумал, а заимствовал у тов. Митрофанова, и об этом черным по белому писал в своем примечании.

В-четвертых, спрашивается: имеются в статье тов. Митрофанова соответствующие места или, в самом деле, я их выдумал? Да, такие места у него есть. Вот они:

1) По поводу совместимости советской системы с родовым бытом тов. Митрофанов пишет: «Проф. Кушнер приходит к выводу о несовместимости «родового быта» и советского строя...» (с. 78).

Это написано в тексте статьи тов. Митрофанова в середине 1926 г. Спрашивается, почему Кушнер молчал свыше полутора лет перед читателями «Большевика» и не отвечал на этот упрек? Ведь Митрофанов в подтверждение своего вывода привел соответствующее место из доклада тов. Кушнера. Вот точная цитата из Кушнера: «Совместима ли советская власть с родовым бытом? Я пришел к выводу, что несовместима» (стр. 78).

Выходит, что я ничего не выдумал, а еще раз повторил утверждение, известное широкому кругу читателей уже полтора года.

2) По поводу классовой борьбы и социального строя киргизов тов. Митрофанов утверждает следующее: «Менее противоречиво утверждает существование родового строя в Киргизии проф. Кушнер...» (стр. 77). И тут тов. Митрофанов неголословен. Он приводит точную, взятую в кавычки, цитату из Кушнера. Вот что говорил про киргизов Кушнер: «Я тщательно искал классовую борьбу и социальные классы, искал, сообразуясь с точным понятием класса, но не нашел».

Читатель видит, что и тут я ничего не выдумал, а повторил известное место из статьи тов. Митрофанова.

3) По поводу формулы капиталистического дозревания в своей статье тов. Митрофанов пишет: «Выходом из тупика, в который заводит всех сторонников теории «родового уклада» указанное выше отождествление формы с содержанием, проф. Кушнер... считает «дозревание»» (с. 79).

Это положение, тов. Митрофанов, я не подтвердил. Я только утверждал и сейчас утверждаю, что из формулы несовместимости советской системы с родовым бытом логически вытекает антиленинская, по существу буржуазно-демократическая установка—капиталистическое дозревание. Я убежден, что был безусловно прав, сделав такое предупреждение.

После статьи тов. Митрофанова и до своего письма Кушнер нигде не доказал, что он—не сторонник несовместимости советской системы с родовым бытом. Поэтому я в праве был указать, что его неправильная установка может питать вредные уклоны. Читатель видит, что и тут я ничего не выдумал, даже смягчил то, что сказано в статье тов. Митрофанова.

4) Статью Кушнера в «Революционном Востоке» о манапстве я читал. Но там ничего не написано по вопросу о совместимости советской системы с родовым бытом так же, как ничего не сказано о капиталистическом дозревании. Я не имею основания верить и не верить проф. Кушнеру в том, что он в других, не опубликованных и неизвестных мне работах мог занимать правильную позицию. Но ведь нужно согласиться с тем, что я не должен и не обязан лазать по архивам Средазбюро и копаться в портфеле тов. Зеленского и администрации Госиздата. Я основывался на том, что написано и опубликовано.

В-пятых, Кушнер безуспешно хочет отделаться на формальных моментах, ссылаясь на смешение Киргизстана и Казакстана, на Зеленского и Госиздат. Но ведь, по существу, советская система одинаково совместима с родовым бытом и в Киргизстане и в Казакстане так же, как классовая борьба присуща и той и другой стране. Кушнер обижается, что я пользовался не его первоисточниками. Я уже отмечал, что не намерен и впредь искать в архивах первоисточники Кушнера. Должен заявить, что если бы отмеченные утверждения были открыто напечатаны в работах автора, я бы вместо примечания (которое, кстати сказать, носило вопросный характер и вызвано упорным молчанием Кушнера в течение полутора лет) выступил против них со всей резкостью в специальной статье.

Итак, я с удовлетворением отмечаю заявление Кушнера, что он не стоит на точке зрения несовместимости советской системы с родовым бытом, признает наличие классовой борьбы среди киргизов и отвергает формулу капиталистического дозревания. Очень приятно, что все зло от «невыправленной стенограммы предварительного отчета». Будем надеяться, что Кушнер впредь будет отзываться на статьи, которые партию живо интересуют и его близко касаются.

Коста Таболов.

P. S. Во-первых, не сдержал своего обещания,—каюсь перед читателем, — полез в архивы. Письмо Кушнера и мой ответ были набраны, когда при содействии тов. Зеленского получил «стенограмму предварительного отчета». Оказывается, соответствующие места, на которые ссылается тов. Митрофанов, в стенограмме Кушнера в точности имеются — об отрицании классовой борьбы (стр. 9) и о несовместимости советской системы с родовым бытом (стр. 30). О капиталистическом дозревании в стенограмме ничего не сказано. Степень виновности стенографистки, которая «приписала» автору «предварительного отчета» не отдельные слова и даже не предложения, а целые мысли — вопрос особый и меня не касается.

Во-вторых, пользуюсь случаем выразить известное удовлетворение письмом Садвокасова в редакцию «Правды Востока» от 17 февраля 1928 г., в котором он отказывается «как формально, так и по существу» от своих взглядов, высказанных им в статье «О национальностях и националах» (см. «Большевик» № 1 за 1928 г.). Но полагаю, что всестороннюю борьбу против садвокасовщины, т.-е. буржуазно-демократической тенденции в организациях национальных окраин нужно вести до конца.

К. Т.

К сведению поступающих в Институт Красной Профессуры.

В виду недостатка жилой площади в помещениях Института, Правление предупреждает всех поступающих в 1928—29 уч. году на основное отделение, что

1) Институт совершенно не может в 1928—29 уч. году взять на себя обеспечение жилой площадью членов семей вновь поступающих;

2) самим же вновь поступающим может предоставлять жилую площадь лишь в порядке общежития (одна комната для 2—3 человек).

ПРАВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ.

Условия приема на подготовительное отделение Института Красной Профессуры на 1928—29 учебный год.

§ 1. Подготовительное отделение имеет своей задачей подготовку к поступлению в ИКП. Срок пребывания на отделении устанавливается 2-летний.

§ 2. Подготовительное отделение имеет единую программу и на отделения не разбивается.

§ 3. На подготовительное отделение принимаются члены ВКП(б), по преимуществу рабочие и вышедшие из рабочей среды, в возрасте не более 27 лет и обладающие: 1) не менее чем трехлетним партийным стажем и опытом массовой работы, 2) общеобразовательной подготовкой в об'еме курса рабфаков.

§ 4. Кандидаты на подготовительное отделение командируются окружными, губернскими и краевыми комитетами ВКП(б), ЦК нацкомпартий и ЦК ВКП(б), при чем товарищи, идущие по разверстке для рабфаков и комвузов, намечаются президиумами рабфаков и правлениями комвузов и утверждаются соответствующими партийными организациями.

§ 5. Товарищи, идущие в счет разверстки комвузов и рабфаков, должны представить в правление ИКП (Остоженка, 53) не позднее 1-го июля, идущие по разверсткам парткомов и др. организаций—к 15 июня с. г.: 1) заявление с указанием адреса, 2) краткую автобиографию, 3) засвидетельствованный партстаж, 4) командировку партийного комитета, а также 5) удостоверение об окончании рабфака или другого учебного заведения, если оно проходилось товарищем, 6) копию воинского документа и 7) заключение медицинской комиссии о состоянии здоровья за последние 2—3 года. Представленные документы рассматриваются мандатной комиссией.

§ 6. Допущенные мандатной комиссией подвергаются вступительным испытаниям по русскому языку, математике, историческому материализму, политэкономии и экономполитике, советской конституции, истории, истории ВКП(б) и ленинизму.

Испытания производятся в срок между 1—10 сентября 1928 года.

§ 7. При вступительных испытаниях требуется:

1. **По русскому языку и математике** — знания в размерах программы для приемных испытаний в вузы.

2. **По общественным дисциплинам** — основательное знание следующей литературы:

По историческому материализму:

1. **Бельтов (Плеханов).** «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».
2. **Плеханов.** «Основные вопросы марксизма».
3. **Бухарин.** «Теория исторического материализма».
4. **Деборин.** «Ленин, как мыслитель».
5. **Маркс и Энгельс.** «Коммунистический манифест» с комментариями Рязанова (в изд. «Библиотечка марксиста»).
6. **Ленин.** «Маркс, Энгельс и марксизм» (изд. И-та Ленина).
7. **Энгельс.** «Развитие социализма от утопии к науке».

По политической экономии:

1. **Каутский.** «Экономическое учение К. Маркса».
2. **Михалевский.** «Курс политической экономии».
3. **Ленин.** «Империализм, как новейший этап капитализма».

По экономполитике:

1. **Айхенвальд.** «Советская экономика».
2. **Ленин.** Том XVIII: а) О продналоге (брошюра), б) Доклад о продналоге на всероссийской конференции ВКП(б) 26-го мая 1921 г., в) Отчет ЦК ВКП(б) XI с'езду партии, г) О кооперации, д) О Рабкрине, е) «Лучше меньше, да лучше».
3. Доклады по хозяйственным вопросам XIV с'езду, XV партконференции и XV с'езду и резолюции по ним.

По советской конституции:

1. **П. Стучка.** «Учение о государстве пролетариата и крестьянства и его конституции СССР и РСФСР». Изд. 5-е. М.—Л. 1921 г.
2. **Г. Гурвич.** «Основы Советской Конституции». Изд. 5-е. М.—Л. 1926 г.

По истории:

1. **Маркс.** «Гражданская война во Франции» (в изд. «Библиотечки марксиста»).
2. **Маркс.** «Классовая борьба во Франции в 1848 году».
3. **Покровский.** «Русская история в самом сжатом очерке». 3 части.
4. **Моносов.** «История революционных движений».
5. **Арк. А—Н.** «Три типа рабочего движения» (об Интернационале).
6. **Молох.** «Парижская Коммуна».

По истории ВКП(б) и ленинизму:

1. **Ленин.** а) том VI. «Две тактики», б) том IX. «Аграрная программа с.-д. в русской революции), в) том XIII. «Социализм и война», г) том XIV. «Удержат ли большевики власть», д) том XVIII, ч. 2 «О нашей революции».
2. **Попов, Н. Н.** «История ВКП(б)» (четвертое издание).
3. **Сталин.** Из «Вопросов ленинизма»: а) К вопросам ленинизма, б) об основах ленинизма, в) Политический отчет ЦК XIV с'езду ВКП(б).
4. **Сталин.** «Еще о с.-д. уклоне в нашей партии» (доклад на VII пленуме ИККИ).
5. **Сталин и Коссиор.** Отчет ЦК XV с'езду ВКП(б).
6. **Бухарин.** Доклад на XV с'езде (отчет делегации ВКП(б) в Коминтерне.
7. **Резолюции** XIV с'езда, XV партконференции и XV с'езда по докладам Сталина и Бухарина.
8. **Доклад** ЦКК и доклад комиссии по вопросу об оппозиции на XV с'езде и резолюции с'езда по этим докладам.

§ 8. В отношении материального обеспечения слушатели подготовительного отделения приравниваются к слушателям основных отделений ИКП.

Разверстка на подготовительное отделение Института Красной Профессуры на 1928—29 учебный год.

Рабфаки.

Московские: им. Бухарина—4, им. Покровского—5, ИНХ—4, МИИТ—2, МВТУ—3, Горной Академии—2, Рог.-Симон.—3, им. Ленина—3, им. Тимирязева—2, Межевого И-та—2, Ломоносовского Ин-та—2, им. Свердлова—3, 1-го Мая—2, Вхутемас—2, ТСХА—3.

Ленинградские: Гос. У-та—4, Электр.-техн.—2, И-та ИПС—2, Полит. И-та—4, Технол. И-та—2, С.-х. И-та—2, И-та им. Герцена—3, Лесного И-та—1, Горного И-та—2.

Провинциальные: Казанский—2, Саратовский—1, Иркутский—1, Донской—2, Уральский—3, Пермский—2, Тульский—2, Тверской—2, Костромской—1, Ив.-Вознесенский—3, Владимирский—2, Ярославский—3, Нижегородский—3, Воро-

нежский—1, Вятский—1, Тамбовский—1, Ульяновский—1, Дальне-Восточный—1, Омский—1, Томский—2, Смоленский—1, Брянский—2, Крымский—1, Тифлисский—1, Бакинский—2, Эриванский—1, Владикавказский—1, Чувашский—1, Ижевский—1.

Парткомитеты.

ЦК ВКП(б)—7, ЦК ВЛКСМ—7, Ленингр. Губком—10, МК—13, ЦК КП(б)У—28, ЦК Белоруссии—9, Ср.-Аз. Бюро—12, Заккрайком—8, Севкавкрайком—10, Уралобком—9, Сибкрайком—10, Крымобком—2, Немобком—1, Чувобком—1, Якутобком—1, Киробком—1, Башобком—1, Вотобком—1, Калмобком—1, Комиобком—1, Марobком—1, Татобком—2, Бур.-Монг. обком—1, Дагобком—2, Киробком—1, Казаккрайком—3, Далькрайком—2, Архангельский губком—1, Астраханский губком—1, Брянский губком—3, Владимирский губком—3, Вологодский губком—1, Воронежский губком—2, Вятский губком—1, Ив.-Вознесенский губком—6, Костромской губком—1, Курский губком—1, Ленинградский губком—10, Орловский губком—1, Оренбургский губком—1, Пензенский губком—1, Рязанский губком—1, Самарский губком—2, Саратовский губком—2, Нижегородский губком—7, Северо-двинский губком—1, Смоленский губком—1, Сталинградский губком—3, Тамбовский губком—1, Тверской губком—3, Тульский губком—5, Ульяновский губком—2, Ярославский губком—3, ПУР—10.

Комвузы.

КУНМЗ—3, КУТВ—3, Ленинградский—3, Свердловский—5, ТКУ—3, С.-К. К. У.—3, УСКУ—3, САКУ—3, СОКУ—3, АКВ—3, Артемовск—3, Белорусский—3, ЗКУ—3.

Правление Института Красной Профессуры.

Условия приема на основные отделения будут опубликованы в № 7 «Большевика».

Редакция.

Редакция: **В. Астров. Н. Бухарин. В. Молотов. А. Слепков. Е. Ярославский.**

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 17 АПРЕЛЯ 7

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 8
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
„ПРАВДА"

Главлит № А—12020 Тираж 75.000.
Типография газеты „Правда“. Москва, Тверская, 48.

Кампания СССР за разоружение и международный пролетариат.

Ни коммунисты всех стран, ни первое пролетарское государство—Союз ССР—никогда не обманывали себя насчет того, что капиталисты не могут и не хотят бороться против войны и даже сделать малейший реальный шаг для ее избежания. Никогда коммунисты и Коммунистический Интернационал не обманывали себя насчет того, что единственный путь для избавления трудящегося человечества от войн есть путь, избранный русским пролетариатом в великие дни октября 1917 года, т.-е. путь свержения капиталистического строя.

СССР—первое пролетарское государство, ставшее на единственно-реальный, революционный путь борьбы с войной,—свергнув царистско-буржуазный строй в России, глубочайшим образом убежден, что империалисты в Женеве, если и борются против чего-либо, так только против действительного разоружения. Несмотря на это, он послал свою делегацию в Женеву. Советское государство выступило с теми предложениями, которые коммунист каждой страны, не колеблясь, признает своими. Пролетарская Россия предложила всем империалистам в Женеве, если они действительно думают о мире, а не об усиленной подготовке войны под прикрытием лживой болтовни о разоружении,—пойти немедленно на полное разоружение.

Рабочие и крестьяне Советского Союза послали свою делегацию в Женеву, чтобы бороться за мир, и прежде всего для того, чтобы показать своим добросовестно заблуждающимся и обманутым братьям в капиталистических и угнетенных странах, что буржуазия систематически вооружается и готовит новые войны. Единственный путь избежать империалистических войн и их тяжелых для трудящихся последствий—это пролетарская революция. Пока эта революция не победила, империалисты будут в борьбе за раздел прибылей готовить новые войны, еще более чудовищные и кровавые, чем последняя мировая война; будут подготовлять новые бойни, в которых трудящиеся разных стран будут брошены друг против друга для взаимного истребления во имя капитала. На пути к уничтожению капиталистической системы, которая делает войны неизбежными, на пути к действительному преодолению войн пролетариату и трудящимся вообще необходимо разоблачить тот обман, который много-

численные социал-реформистские слуги буржуазии распространяют в рабочих массах, в массах угнетенных всего мира.

Пока буржуазия стоит у власти и готовит войны, пока массы не дадут решительного отпора попыткам реформистов обмануть трудящихся, их попыткам прикрыть и защитить подготовку и ведение войн,— до тех пор война стоит на пороге, до тех пор военная опасность, и прежде всего опасность войны против первой в мире пролетарской диктатуры, не может быть подвергнута никакому сомнению.

В интересах прежде всего разоблачения перед лицом трудящихся всего мира преступного обмана империалистов и их социал-реформистских прислужников Советский Союз и выступил со своими предложениями. Делегация Советского Союза с самого начала в своей декларации заявила о том, что она не верит в возможность разоружения капиталистических стран.

Вся история капитализма прямо кричит о том, что закон капитализма—не разоружение и мир, а все большее вооружение, все более кровавые войны, все большие бедствия для трудящихся.

Войны периода 1793—1815 гг. стоили миллион девятьсот тысяч человеческих жизней. Все войны 1793—1913 гг., т.-е. за 120 лет, стоили четыре миллиона человеческих жизней. А одна лишь империалистическая война 1914—1918 гг. стоила более 10 миллионов убитых и 30 млн. раненых. Войны 1793—1905 гг. стоили 20,5 млрд. долларов, война же 1914—1918 гг. одна стоила 208,2 млрд. долларов, т.-е. было истреблено ценностей—продуктов рабоче-крестьянских рук,—равных всему национальному богатству богатейшей страны мира—Соед. Штатов Америки—перед войной. При высочайшей военной технике под ружьем стояло 75 миллионов человек, т.-е. население целого крупнейшего государства с детьми, стариками, женщинами,—словом, все население от мала до велика. Общая сумма убытков империалистической войны самими империалистскими учеными исчисляется около 500.000.000.000 долларов. Чтобы восстановить это богатство, нужно полстолетия каторжного труда десятков миллионов пролетариев Англии.

Но империализм, закончив свою первую мировую войну, постепенно опять впрягает миллионы пролетариев и угнетенных в капиталистическую колесницу, опираясь на «социалистических» проповедников «промышленного мира», впрягает, чтобы подготовить очередное всемирное истребление. Нужно ли говорить, что это истребление превзойдет все то, что, основываясь на опыте прежних войн, может вообразить себе современное человечество?

Политическое значение Женевской конференции определяется тем, что она была серьезнейшей исторической проверкой, великой пробой, безжалостным разоблачителем империалистов и социалистических прислужников империализма. Рабочий класс, трудящиеся и угнетенные всего мира должны полностью усвоить уроки этого исторического события.

Выступление СССР на конференции заставило всех сбросить свои маски. Все должны были занять совершенно ясные позиции.

Советский Союз явился с предложением мира и полного разоружения. Как ответила на это предложение буржуазия, как реагировали на это предложение пролетарского государства представители социал-реформизма?

После предварительных попыток увильнуть от обсуждения вопроса империалисты вынуждены были откровенно заявить, что разоружаться они не хотят и не будут, и при этом ясно вскрыли мотивы своего откровенно-отрицательного отношения к советскому предложению.

Представитель авангарда империалистской реакции лорд Кэшендэн цинично и нагло заявил, что вооружения нужны, во-первых, против гражданской войны, т.-е. против рабочих и крестьянских масс, которые выступят против империализма с целью освобождения от капиталистического ярма.

Вооружения, во-вторых,—заявил представитель империалистской Англии, министр иностранных дел которой, кстати, получил премию мира,—нужны против нецивилизованных народов, которые могут восстать против «цивилизации», т.-е. они нужны против угнетенных, отсталых народов колоний и полуколоний, которые хотят избавиться от империалистского ига.

Наконец, все делегаты капиталистических стран заявили, что вообще разоружение полное и всеобщее, т.-е. условие действительного мира, не совместимо с уставом и задачами Лиги Наций.

Представитель польского фашизма прямо «раз'яснил», что «устав» и «задачи» Лиги Наций не могут быть совместимы с предложениями пролетарского государства, отображающими лишь мысли и чувства «простого человека с улицы», а не магнатов капитала и земледельческой знати.

Более точного, ясного и откровенного разоблачения империалистского милитаризма история еще не знает.

Несколько особняком стоит позиция Турции и Германии, которые в той или иной форме пытались солидаризоваться с советскими предложениями. Но было бы величайшей ошибкой, если бы трудящиеся массы и пролетарии этих стран думали, что их правительства действительно стремятся к миру. Насчет этого сама же германская буржуазия постаралась не оставить никаких недомолвок. Германская буржуазия откровенно заявляет, что она будет «бороться» за разоружение, пока ей самой не разрешат вооружиться. Ничего общего здесь с позицией Советского Союза нет. Советский Союз, не связанный никакими уставами Лиги, предлагает честно и открыто разоружиться. Капиталистическая Германия спекулирует на трудностях женевских «миротворцев», чтобы выговорить себе право на «братское» участие во всеобщих империалистических вооружениях и будущих войнах.

Позиция германской буржуазии есть позиция подготовки очередной бойни для пролетариев и трудящихся масс Германии.

Разоблачение буржуазии стало еще более полным после того, когда представители Советского Союза после отклонения их предложений о всеобщем и полном разоружении предложили действительное и радикальное сокращение вооружений. До этого все буржуазные участники конференции и реформистские «певчие» тянули мелодию насчет того, что всеобщее разоружение—утопия, но что все они, мол, страстно хотят сокращения вооружений, чему, как раз, мешает Советский Союз. Но и эта уловка была разоблачена. Советский Союз, не отказываясь от борьбы за всеобщее разоружение, предложил немедленно перейти к сокращению вооружений. И случилось то, что не могло не случиться. Случилось то, что случилось и с первым советским предложением. Советское предложение о действительном сокращении вооружений пока «отложено», и его отказались рассматривать. Но нет никаких сомнений в том, что при будущих «рассмотрениях» его постигнет та же участь, что и предложение о немедленном и полном разоружении.

Исторический урок Женевы заключается в том, что здесь еще один раз и притом исключительно убедительно было показано, что решающим препятствием на пути к разоружению и миру является сам капитализм. Капитализм неотделим от войны, мир несовместим с капитализмом.

Этот основной урок хотят замолчать, извратить и замазать социал-реформисты. Советский Союз выступил с предложением о разоружении с одновременным заявлением, что в рамках капитализма это предложение неосуществимо. Выступления буржуазных представителей в Женеве блестяще подтвердили положение коммунизма о том, что империализм не хочет и не может вести политику мира, политику полного разоружения, что он в силу своей природы обязательно милитаристичен. Представители империализма прямо заявили, что всеобщее разоружение, т.-е. условие действительной борьбы за мир—несовместимо с уставом и задачами Лиги Наций.

А главнейшие представители оппортунистического лагеря имеют наглость—особенно после новой проверки—«доказывать», что Лига Наций способна на борьбу за мир, что Лига Наций есть гарантия от войны, что Лига Наций является орудием умиротворения и орудием преодоления милитаризма.

Борьба за мир в таких условиях есть прежде всего борьба против социал-империализма и социал-пацифизма, покрывающего империализм, помогающего ему и служащего ему.

Пролетарии, трудящиеся и угнетенные всего мира должны дать отпор обману, идущему со стороны социал-реформизма, они должны, учтя опыт, усвоить, что мир недостижим без преодоления капитализма, без социалистической революции.

Позиции реформизма в отношении борьбы за мир в свете исторической проверки, в свете таких событий, как Женевская конференция, настолько бесстыдны и лицемерны, настолько легко могут быть разоблачаемы трудящимися, что даже в среде реформистов обнаруживается тяга к менее откровенной, более прикрытой «новыми» фразами, но оппортунистической по своему существу платформе.

«Левые» английские реформисты, «левые» немецкие социал-демократы и другие «левые» реформистские прислужники империализма не прочь выразить платонические симпатии советским предложениям и сожаление, что Лига Наций не оказалась в деле борьбы за мир на достаточной высоте. Но у «левых» с.-д., вынужденных признать на словах разоблачение женевских «миротворцев», хватает мужества только на то, чтобы выразить сожаление по поводу откровенной солидаризации «правых» с представителями империалистической реакции типа Кэшендэна.

Но, ведь, этого типа «левые» сейчас разыгрывают ту же комедию, которую они разыгрывали во время великой бойни 1914—18 гг. Они и тогда «осуждали» войну и тогда «сожалели» об откровенной империалистической позиции Шейдеманов и Зюдекумов. Они и тогда «сожалели» об убийствах вождей германского пролетариата Розы Люксембург и Карла Либкнехта, совершенного теми же Шейдеманами, Каутским и Носке. Они и сейчас «сожалеют», когда нужно, как и тогда, звать и вести пролетариат к революционной борьбе против капитализма. Эти предатели более опасны для рабочего класса, чем откровенно буржуазные правые с.-д.: те открыто солидаризуются с реакционным Кэшендэном, позиция тех прямо толкает рабочий класс к революционной борьбе с буржуазией, «левые» же позицию беспощадного разрыва и борьбы рабочих масс с реформизмом и империализмом подменяют «сожалениями», «вздохами». Нет более подлых врагов рабочего класса, нет более предательских «друзей» мира, чем эти «левые». В до конца разоблачившемся буржуазном лагере эти агенты буржуазии еще хотят стать цепью, которой откровенные предатели намереваются удерживать рабочий класс от революционной борьбы.

Суть политики этих «левых» заключается в том, чтобы задержать «левой» фразой переход левеющих рабочих масс к коммунизму, оставаясь вместе с тем целиком и полностью на почве идеологии социал-реформизма, на почве утверждений, что война может быть преодолена методами капитализма, в рамках империализма, в условиях эволюционного, «мирного» изменения империализма.

Единственным государством, действительно борющимся против империализма, против милитаризма, является Советский Союз. Лишь диктатура пролетариата во всем мире покончит раз и навсегда со всеми войнами. Советский Союз это—лига государств рабочих и крестьян. Советский Союз это—социалистическая лига мира и мирного

труда. Международный капитализм—лига разбоя и эксплоатации. Международный пролетариат должен бороться за лигу рабочих и крестьян, за диктатуру пролетариата против империализма.

Разоружение буржуазии вооруженным пролетариатом—единственный путь к преодолению империализма.

На этот путь, на который вступил более десятка лет назад победоносный пролетариат СССР, зовет рабочие массы капиталистических стран Коминтерн.

П. Максаковский.

К теории цикла и динамике советского хозяйства [1]).

3. Динамика советского хозяйства.

Анализ структуры капиталистических циклов занимает центральное место в работе автора. В связи с ними развита интересная и многообразная аргументация. Однако, это не устраняет того факта, что исследование капиталистической динамики являлось для автора исходной позицией для того, чтобы «прыгнуть» на советскую экономику. Автор с тем большей охотой совершает этот прыжок, что до сих пор не было углубленных попыток построить «какую - либо общую теорию хозяйственного развития» у нас. Свою пионерскую попытку автор ограничивает проблемой динамики хозяйства, целиком оставив без рассмотрения вопрос о специфических закономерностях нашей переходной эпохи. Проблема регулятора, соотношение и взаимодействие стихийного и планового начала, характер и сфера действий категорий товарно - капиталистического хозяйства — все осталось вне поля зрения автора. И тем не менее В. Базаров пришел к определеннейшим выводам касательно общеструктурной линии нашего хозяйственного развития. Автор безапелляционно утверждает о циклической структуре динамики восстановительного периода, данные которого он обработал. В самом деле,—говорит он,—«даже замена капиталистического обращения и кредита плановым распределением продуктов и плановой утилизацией производительного накопления не привела бы автоматически к полной ликвидации циклов» (с. 79).

Больше, исходные посылки автора и характер его аргументации таковы, что они с еще большим правом адресуют сделанное определение «реконструктивному» периоду, в который вступило наше хозяйство, хотя автор «скромно» умалчивает на этот счет.

Итак, в качестве первого «критического взноса» на авторский счет мы констатируем факт, что Базаров сделал теоретическую попытку вскрыть природу динамики советского хозяйственного целого, не исходя из анализа общих закономерностей советского хозяйства. Здесь может быть три варианта оценки «поведения» автора: 1) автор, занимая правильную позицию в указанных вопросах, опирал на них ход своего анализа хозяйственной динамики, но не считал нужным дать их позитивное изложение; 2) автор, неправильно трактуя вопрос о наших закономерностях, пришел к ложным выводам касательно хозяйственной динамики; 3) автор не считал нужным связывать свои выводы с анализом закономерностей, так как у него существует другой, неправильный критерий подхода к проблеме, откуда он восходит к динамике советского хозяйства. Так оно и есть на самом деле.

Основным условием цикличности по автору является «неравномерность роста производительности труда». Она определяет собой со-

[1]) Начало статьи см. в предыдущем номере.

ответствующие колебания масштаба производства. Цикличность исчезнет только с установлением «плавного эволюторного уровня векового движения». Последний, «как реальная тенденция развития не существует ни в докапиталистическом, ни в капиталистическом, ни в нашем переходном советском хозяйстве» (с. 79). Для этого нужно «вполне развитое социалистическое общество». «Наша советская плановая система в теперешнем ее состоянии... еще бесконечно далека от этого идеала»... (разрядка моя. *П. М.),* поэтому для нас циклическая форма развития сохраняет свою силу. Оказывается, только из того факта, что у нас нет полной «равномерности роста производительности труда», автор делает безапелляционный вывод о неизбежно циклическом развитии нашего народного хозяйства.

Правилен ли тезис, что в нашей переходной экономике нет равномерности в развертывании производительных сил? Безусловно. Но, означает ли это, что у нас воспроизводственный процесс должен, как и при капитализме, отливаться в циклическую форму? Ни в коем случае. Причины в следующем.

Недостижение еще нами плавного эволюторного уровня вовсе не означает сохранение нашим хозяйством капиталистической формы перехода производительности труда с одной ступеньки на другую. Особенности этого процесса при капитализме заключаются в том, что он непременно сопровождается массовым моральным износом оборудования. Как в период расцвета быстрый рост цен приостанавливал техническую реорганизацию производства (некоторый под'ем техники в передовых группах сопровождался вступлением в работу отсталого оборудования, — в результате общественная средняя переставала повышаться), так в период депрессии низкие цены заставляют делать быстрый скачок вперед. Основной аппарат, который «управляет» этим процессом, сообщает ему своеобразную динамику,— это аппарат капиталистического ценообразования, конкуренции. Он накладывает на прогресс производительных сил капитализма неизгладимый отпечаток. Под'ем производительности труда сложившегося капитализма характеризуется резкими остановками и иногда даже некоторыми снижениями поднимающейся кривой. Равномерных, плавных «затуханий» темпа производительности не может быть при капитализме. Кривая производительности советского хозяйства (подразумевается ведущее ядро, государственный сектор) претерпевает существенные изменения. Это видно уже из диаграммы восстановительного процесса в целом, приведенной Базаровым на 152 стр. Если сравнить эту диаграмму с кривой производительности труда капитализма (с. 52), то сразу же бросаются в глаза серьезные отличия. Кривая производительности советского хозяйства потеряла свойственные капитализму резкие остановки темпа, из скачкообразной превратилась в слабо выраженную волнообразную. Она заняла законное, переходное место между капиталистической динамикой и плавным уровнем развития социализма. Это вполне закономерно. Корни указанного явления нужно искать в структуре советского хозяйства.

Главная особенность советской переходной экономики заключается: 1) в плановом перераспределении накопления с целью направить процесс воспроизводства по заранее определенному руслу; 2) в сильнейшей модификации механизма ценообразования, сопровождающейся резким сокращением действия конкуренции. Поэтому, неотменяемый ни для одной формации технический прогресс получает существенно иную форму внедрения в производство. Техническая реконструкция и рационализация делаются обычным явлением нашего хозяйства, не будучи связаны с определенными периодами, как при капитализме. Резкие приостановки производительности и резкие ее скачки вперед заменятся более плавным, эволюционным развитием. Это, конечно, не означает, что прирост производительности станет равномерным во все этапы. Наличный уровень производительных сил, степень господства организованной части хозяйства этого обеспечить еще не могут. Однако, бесследно исчезнут этапы полной приостановки и даже падения уровня в один период (расцвет), сменяющиеся быстрым взлетом в другой (начало под'ема).

Исчезновение капиталистической формы движения производительности труда предрешает вопрос о существовании цикла. Причина данного явления лежит в особой, принципиально иной структуре советского хозяйства. Изменилась (изменяется) сама форма исторической обусловленности течения хозяйственного процесса. Если при капитализме последняя выступала, как «об'ективированный результат индивидуальных воль», в виде стихийно действующих законов, то в ведущем ядре нашей экономики, в государственном секторе, мы имеем сознательное восприятие ее и приспособление к ней в меру господства новой системы производственных отношений. Поэтому, уравновешивание отдельных элементов нашей переходной структуры происходит не post factum, не в конечном счете, как при капитализме, а открылась и разрастается все более широкая возможность сознательного приспособления к нормам пропорциональности, сопровождающаяся все большим отжиманием стихийного начала, хотя последнее играет еще значительную роль в конкретном течении воспроизводства.

Изменение характера обусловленности сопровождается и изменением норм пропорциональности. При капитализме именно закон ценности с его «трансмиссией» определял нормы пропорциональности системы. Последние не могут быть перенесены ни на одну другую общественную систему, поскольку в их основе лежит категория абстрактного, общественно-необходимого труда — раз, особое положение личного платежеспособного спроса, определяющегося антагонистическими условиями капиталистического распределения — два. Равновесие на основе закона трудовых затрат в его социалистическом выражении будет выглядеть совсем иначе.

Переходный советский строй, характеризующийся трансформацией закона ценности в закон трудовых затрат, не достигший еще в целом норм пропорциональности социалистического хозяйства, принципиально разорвал с капиталистическими нормами распределения труда по отраслям. К примеру, на почве реконструкции личного потребления, преодолевшего в значительной мере закон ценности рабочей силы, развертываются иные соотношения между потребительским рынком и производством II подр. и в зависимости от этого другое равновесие между II и I подразделениями.

Наконец, отсутствие монистичности в структуре советского хозяйства, как хозяйства переходного,— зависимость расширения сферы приложения социалистических отношений от сожительства и взаимоотношений с простым товарным хозяйством,—исключает самую возможность построения однотипной схемы общественного воспроизводства. Базаров глубоко неправ, когда он ограничивается применением к советскому хозяйству марксовой схемы капиталистического воспроизводства, дополненной частно - балансовыми уравнениями. В этом отражается неправильность всей его установки на советское хозяйство, непрерывное на всем протяжении книжки умаление differentia specifica нашей переходной

структуры, увенчивающееся циклической теорией советского воспроизводства.

Основной воспроизводственной схемой у нас должна быть схема взаимоотношений социалистического ядра и простого товарного хозяйства. Она, в свою очередь, дополняется другой, включающей влияние капиталистических отношений (внутри, извне), и завершается сводным балансом производства, распределения, потребления. Главная схема, естественно, должна строиться по линии основного, определяющего сплетения системы и дополняться модифицирующими моментами. Именно исходя из этого принципа, Маркс конструировал схему капиталистического воспроизводства. Безраздельное господство капиталистических отношений, не имеющих в лице пережитков прошлых формаций принципиальных антагонистов, определило чисто капиталистическую схему воспроизводства. Такой же чистой схемой обобщится воспроизводство при социализме. В переходной экономике не может быть соблюдена чистота этого принципа. Здесь главная воспроизводственная линия протекает по линии стыка новых развертывающихся отношений со старыми, их взаимодействия и взаимовлияния. Воспроизводственный процесс социалистического ядра теснейшим образом переплетается с крестьянским хозяйством, выступающим (на ряду с рабочим классом) суб'ектом личного спроса, производительного спроса и в свою очередь являющимся полноценным суб'ектом предложения по этим основным линиям связи. Уже исходя из чисто производственно-рыночного разреза этих связей, главная схематическая линия воспроизводства должна положить в основу это производственное сплетение. Однако, крестьянское хозяйство (как и вообще простое товарное хозяйство), взятое в изолированном состоянии, родит не социалистическую, а капиталистическую тенденцию. Другое дело в условиях тесной производственно - хозяйственной зависимости и государственного руководства социалистического ядра.

Таким образом, в направлении основных узлов чисто - производственной обусловленности и зависимости, обеспечивающих общий под'ем производительных сил, пролегают условия развертывания социалистических отношений, связанных с расширением обмена веществ между крестьянским и государственно-социалистическим хозяйством, с вытекающей отсюда качественной переработкой крестьянского хозяйства. Общий рост производительных сил необходимо сочетается с ростом производственной мощности социалистического сектора—раз, с относительно более быстрым ростом социалистических элементов—два, с увеличением удельного веса и области проявления социалистических отношений в сравнении с простыми товарными — три, с все большим падением удельного веса и «территориальным» сужением капиталистических отношений—четыре.

Это — об'ективные закономерности советского переходного периода, пронизывающие ход общественного воспроизводства, долженствующие определять собой «социальный» аспект теории воспроизводства. Соответственно, реальное течение советского воспроизводства не обнаружит циклической формы, так как основные закономерности переходной эпохи исключают расширенное воспроизводство капиталистических отношений, как основной, определяющий момент развития.

Уже период «восстановительного» процесса сильнейшим образом ограничивает действие капиталистического механизма ценообразования и конкуренции. Это выразилось, прежде всего, в исчезновении капиталистической «трансмиссии» закона ценности. Закон средней нормы прибыли не действует, тем самым отмерла категория цены производства,— стержень, вокруг которого происходят периодические сдвиги цен. Стремление к большей прибыли не является в каждый данный момент стимулом планового распределения труда по отраслям. Одновременно преодолевается действие закона ценности, последний перестает быть постулатом «равновесия» системы.

Особенно важно отметить это затухание ценностной тенденции в социалистическом секторе, учитывая то, что только крупное, широко разветвленное производство создает такие узлы хозяйственно-цепной зависимости, которые могут сказаться в цикле. Значительно меньшее ограничение закона ценности в крестьянском хозяйстве не может реставрировать эту тенденцию, ибо хозяйственная анархия простого товарного хозяйства не отливается в форму цикла.

Итак — цикл есть только специфическая фигура движения развернутого капиталистического воспроизводства. Устранение капиталистических отношений, как господствующей системы, означает устранение цикла. Советская переходная система заместила господство капиталистических отношений господством планово - социалистических, тем самым цикл исчезает. Гибель его тем более неизбежна, поскольку в лице социалистического сектора, как руководящего ядра, мы имеем трансформацию «бессуб'ектного» хозяйства в хозяйство «суб'ектное». Пережитки простого товарного хозяйства, не отменяя цикла при капитализме, не в состоянии отменить и нашу «бесцикличность». Пережитки капиталистического хозяйства, не возглавляя основных отраслей нашего производства и обращения, лишены возможности восстановить циклическую тенденцию. Это тем более понятно, что несложившийся еще в систему капитализм, капитализм, не знавший еще развернутой формулы ценообразования: ценность—цена производства—рыночные цены, не знал цикла. Об этом свидетельствует конкретно - капиталистическая история.

Отмирание формулы ценообразования сложившегося капитализма означает, как я уже говорил, изменение условий «пропорциональности» системы. Первое—закон ценности не распределяет труда по отраслям, хотя и оказывает влияние на плановое распределение. Второе—антагонистическое распределение свойственное капитализму изживается (имеет закономерную тенденцию перерастать в социалистическое). Платежеспособный спрос личного потребления, сломав устои ценности рабочей силы, представляет величину, определяющую другие соотношения между отдельными частями производственного целого. Третье — плановое руководство воспроизводственным процессом предполагает более или менее равномерное внедрение технических усовершенствований в производство. Вот основные моменты, различающие воспроизводственный процесс советского хозяйства от капиталистического.

Плановое начало исключает периодические сдвиги цен, определяющие «затухание» технических приращений на гребне высокой кон'юнктуры и быстрый прирост их в условиях низких депрессивных цен. Другими словами, подчинение «ценообразования» в значительной мере сознательному воздействию есть предпосылка более плавного технического прогресса. Быстро идущий процесс реконструкции, опирающийся на социалистическое накопление, также не создает условий для цикла. В первый период, характеризующийся отставанием масштаба производства от платежеспособного спроса, трудно вообще представить моральное снашивание в большом масштабе. Во второй период, когда установятся основные элементы пропорциональности между производством и потреблением, массовые замены не-

производительного оборудования передовым, не вызовут того эффекта, которым сопровождается моральное снашивание во время капиталистической депрессии. Поскольку механизм ценнобразования все в большей мере подчиняется плановому началу и им модифицируется, затем, поскольку реконструкция осуществляется на основе планового же учета темпов расширенного воспроизводства всей совокупности отраслей и потребительского спроса — исключается стихийный, безудержный прирост производства на манер капиталистического, который далеко забежал бы за пределы платежеспособного спроса. Замена конкуренции плановым ценообразованием исключает также возможность возникновения длительных конфликтов между рыночными показателями и условиями равновесия системы, которые в капиталистическом хозяйстве неизбежно сказываются перепроизводством.

Отрицание цикличности советского хозяйства не означает отрицания кон'юнктурных колебаний. Причины кон'юнктурности ряда хозяйственных процессов следует искать: 1) в отсутствии единого организованного хозяйства—сожительство социалистических элементов с простыми товарными и капиталистическими; 2) в недостаточной высоте уровня производительных сил государственного сектора и недостаточном масштабе производства, чтобы можно было без замедлений удовлетворять возрастающий спрос; 3) в значении денежно-кредитных связей в течении воспроизводства.

Так как воспроизводственный процесс социалистической промышленности связан рядом важнейших звеньев (производительный и личный спрос, предложение) с крестьянским хозяйством, где в значительной мере проявляется действие стихийных экономических законов и влияние урожаев,— это определяет собой существование повышательных и понижательных волн кон'юнктуры. Яркий образец—сезонные волны. Базаров на 129 стр. привел показательную диаграмму понижательной волны в летние месяцы каждого хозяйственного года и правильно заключает, что «эта тенденция порождена общими экономическими причинами» (с. 130). В период отставания производства от платежеспособного спроса мы будем иметь также ряд кон'юнктурных колебаний, связанных с прорывом планового регулирования ценовыми сдвигами ряда отраслей. Кроме того, поскольку у нас нет и не может быть пока совершенного учета прироста потребительского спроса,—с одной стороны, поскольку мы не располагаем еще способностью быстрейшего развертывания производства в меру встречающейся необходимости — с другой, поскольку, наконец, на отдельных участках нашего хозяйства действует конкуренция, не исчезая целиком и внутри социалистического сектора,— действуют тенденции к всякого рода смещениям и уклонениям от «пропорциональности», принимающие в одних случаях вид закономерно повторяющихся сезонных колебаний, в других—спорадических повышений и понижений кон'юнктуры для секторов или отдельных отраслей.

Однако, эти кон'юнктурные колебания не выстраиваются на оси цикличности, как при капитализме. Они, теряя свой капиталистический стержень, остаются в нашей экономике в той мере, в какой организованное во всех своих частях социалистическое хозяйство не появляется сразу же после крушения господства капиталистических отношений. Отрицание господства этих отношений означает исчезновение цикличности, — это первый результат, спорадические же и сезонные колебания исчезнут только при полном овладении обществом течением своего хозяйственного процесса, т.-е. при социализме. Назревающие диспропорции могут вскрыться на рынке резким противоречием между производством и потреблением, но этот факт ни в какой мере не говорит о существовании цикличности.

Большое значение для исчезновения циклических волн в нашем хозяйстве играет интегральность нашей экономики. Мало зависимые от мирового капиталистического хозяйства, мы в малой степени подвергаемся воздействию волн мировой кон'юнктуры. Это воздействие, имеющее тенденцию все более уменьшаться, в силу твердо взятого курса на индустриализацию страны, не входит существенным моментом в нашу народнохозяйственную динамику, не говоря уже об отмене нашей бесцикличности.

Другое дело более развитая в хозяйственном отношении страна, но тесно входящая в международное разделение труда. Вырвав в еще большем размере внутрихозяйственные корни цикличности, она своим воспроизводственным процессом сильнее будет отражать кон'юнктурные волны мирового капитализма, несмотря на усиленное социалистическое строительство внутри.

Перейдем теперь к конкретной постановке Базарова о советских циклах. «Как мы видим,—говорит он,—динамика восстановительного процесса по формальной структуре своей аналогична... динамике капиталистической промышленности в тот период, когда эта последняя переходит от депрессии к оживлению при посредстве технической реконструкции, повышающей производительность труда... В том и другом случае движение должно носить не равномерно затухающий, а циклический характер,—с одним, однако, крупным различием: так как наша государственная система кредита принципиально отлична от частнокапиталистической, то можно думать, что во второй своей части цикл восстановительного процесса обойдется без типичной для капиталистического цикла фазы ажиотажа и «расцвета», раздувающего об'ем продукции на приостановленном в своем росте или даже деградирующем уровне, с нарушением нормальных пропорций между отдельными отраслями хозяйства» (с. 102—103, разрядка моя. *П. М.*).

В этом «генеральном» положении заключен целый ворох ошибок. Первое автор качественно не различает динамику советского и капиталистического хозяйства. В советской системе, как и в капиталистической был бы «кризис на финише», если бы не было государственной организации кредита. Предположив последнюю при капитализме, мы не будем иметь отличий в динамике: как там, так и здесь, она останется циклической. Особая структура советского хозяйства, характеризующаяся «плановым распределением продуктов и плановой утилизацией производительного накопления», «новыми общественными отношениями», сразу летит вверх тормашками. Признавая на словах качественные особенности нашего хозяйства, повторяя привычную терминологию о социально-экономической реконструкции, автор тем не менее «капиталистически» мыслит нашу народнохозяйственную динамику. В этом проявляется серьезная недооценка социалистической сердцевины нашего советского хозяйства. Автор на всем протяжении книжки разбросал ряд скептических замечаний на этот счет (с. 42, 54, 79 и др.).

Второе: мы уже подчеркивали всю несостоятельность утверждений о том, что кредит «рождает» кризис. В них содержится умаление анархии капиталистического хозяйства, что позволило Базарову прямо «без пересадки» переехать из капиталистического хозяйства в советское. Если занять точку зрения Базарова, то получается сплошная бессмыслица. Нет кредита—нет диспропорции, нет кризиса. Так почему же, когда производство «все время и во всех своих частях будет находиться под контролем

реального спроса», должен проявиться «бескризисный» цикл, почему масштаб производства должен сжиматься абсолютно, почему более быстрые темпы прироста производительности не сменятся более медленными, но неуклонно повышающими масштаб общественного производства? Ведь, при тех предпосылках, которыми оперирует Базаров (соответствие потребления производству, их уравновешивание в каждый данный момент), у Маркса получается прямо-восходящая, а не волнообразно-циклическая линия развития. Откуда, наконец, у Базарова в этих условиях,—когда нет диспропорций,—могут появиться причины, понижающие достигнутый уровень техники? Ниоткуда. Это—бездоказательный постулат. В итоге получается, что Базаров оперирует не реальной, а мифической, больше сказать, нелепой величиной — «бескризисного» цикла. Это, однако, не исключает того факта, что Базаров отрицает коренное, принципиальное различие динамики советского и капиталистического хозяйства, рассматривает советскую динамику, как модификацию капиталистической.

Третье: совершенно не вяжется выдвинутая автором теория цикличности советского хозяйства с другим его утверждением, что в противовес капитализму нам свойственны «кризисы недопроизводства», что «тенденция к относительному недопроизводству должна быть признана столь же характерной для нашей социальной структуры, как тенденция к перепроизводству для капитализма» (разрядка автора, с. 99).

Не будем останавливаться на том, в какой мере эта тенденция—закон, не могущий быть преодоленным плановым перераспределением сил и средств, не менее выросших, чем прирост личного платежеспособного спроса. Нас это положение автора интересует в той связи, что оно прямо противоречит его теории советской цикличности. Недостаток личного платежеспособного спроса при капитализме в условиях нарушения производственных пропорциональностей неизбежно разражается кризисом, следовательно, является неот'емлемым условием цикличности. Противоположный разрез «ножниц» производства — потребления у нас, определяя возможность рыночных нарушений, не является «причиной» сужения промышленного производства, наоборот, все более будет подстегивать его темп. Периодический зажим потребительским рынком производства при капитализме дает перепроизводство — кризис—цикл; отставание производства от прироста личной платежеспособной базы в условиях советского хозяйства дает недопроизводство—задержку возможных темпов развертывания — отсутствие цикла. Итак, «кризисы недопроизводства», по терминологии автора, отмечаемые им для советского хозяйства целиком отрицают его циклическую «теорию». Построения автора в своей принципиальной сущности неправильны и противоречивы по аргументации. Временами это чувствует и сам автор. Непрерывно утверждая о действии основных моментов торгово-промышленного капиталистического цикла у нас, приводя бесконечные аналогии и т. д., он вдруг заявляет, что структура восстановительных циклов стоит в «более близком родстве» с «большими циклами», «чем с малыми».

Это утверждение, забываемое автором уже на следующих страницах, тем более странно, что Базаров отрицает реальность существования больших циклов, не видит в капиталистической экономике «органических» причин, их порождающих, тогда как весь анализ советского «цикла» он ведет на основе свойственной торгово-промышленному циклу неравномерности роста

производительности труда. Эти качания Базарова—одно из подтверждений искусственности и предвзятости его анализа советского хозяйства.

Теперь несколько слов о теории «двуцикличности». В применении к «восстановительному» периоду Базаров говорит не об одном, а о двух циклах. «По нашему мнению, двуциклический тип движения предрешался всей структурой нашей пореволюционной экономики...» (стр. 106, разрядка моя. *П. М.*).

Первый цикл начался развертыванием продукции в 1921—22 г. и окончился в 1923 г. «или в самом начале 1924 г.» (стр. 113), второй—с 1924 г. вплоть до 1926 г. В конце первого и начале «второго восстановительного периода мы переживали хозяйственную депрессию» (стр. 127).

Но посмотрим ближе, что это за циклы. Первый цикл породили следующие условия: 1) «оздоровление» заработной платы, делающее возможным «более или менее интенсивный труд»; 2) «элементарные» меры по очистке предприятий «от явно убыточного персонала». Это вся «совокупность основных факторов, создавших первый цикл восстановительного процесса» (стр. 107). Дальше, автор сам заявляет, что здесь нет и в помине «пониженных цен депрессивного периода при капитализме», которые «создают условия для преодоления депрессии». Больше, цены на протяжении этих лет были так низки, что «промышленность работала себе в убыток».

Итак, не было технической реконструкции производства, не было высоких цен и прибылей, наоборот, промышленность «разбазаривала» основной и оборотный капитал, следовательно, не было не только бурного накопления, наоборот, не возмещались часто издержки производства. И этот первый слабый вздох нашей промышленности, «растопку» производства, автор окрестил первым восстановительным циклом. Полная нелепость собственного определения не ускользает и от самого автора. «Если бы на месте государственной промышленности при прочих равных условиях оказались частные капиталисты, то, несомненно, никакого «оживления» возникнуть бы не могло, и 1921/22 г. дал бы лишь усугубление депрессии предшествующих лет» (стр. 107, разрядка моя. *П. М.*).

Здесь буквально несусветная путаница. Цикл—порождение капитализма—возникает в первые годы нэпа, как сплошное отрицание исходных толчков, сдвигов цен, типа воспроизводства, проявляющихся в капиталистическом цикле. Приходится такой «анализ» целиком отнести на теоретическую совесть автора.

Второй цикл начинается после кризиса осени 1923 г. Его предпосылкой является: 1) реконструкция «производительных сил в сфере организации промышленного труда» (стр. 108). Здесь мы имеем более действительный толчок с точки зрения капиталистического цикла. Но он получился, как признается автор, в силу роста планового начала, сказавшегося в снижении отпускных цен, улучшении калькуляции, упорядочении денежно-кредитной системы. Оказывается, второй, более яркий цикл, который «далеко оставил за собой первый», обязан своим существованием росту планового начала, укреплению и упрочению социалистической тенденции. Все грани, все принципиальные отличия капиталистической и советской динамики исчезли. Чем развитее капитализм, чем быстрее идет технический прогресс, тем ярче цикл. Чем больше укрепляется социалистическая тенденция советского хозяйства, опирающаяся на под'ем производительности труда, тем ярче цикл. Получается, что цикл в такой же мере присущ капиталистическому, как и развертывающемуся советскому хозяйству, ибо, чем дальше, тем более быстрым темпом будет итти под'ем уровня производительных сил нашего народного хозяйства.

Мы уже дали принципиальную критику этого смешения. В заключение мы еще раз можем подтвердить, что, на ряду с недооценкой социалистического характера советской экономики, непонимание основных причин капиталистического цикла, недооценка капиталистической анархии сказываются в бесплодных построениях Базарова. Не понимая всего значения «ценностных» феноменов цикла и переоценивая роль кредита, Базаров создает почву для логизации цикла. Для него цикл прежде всего результат неравномерного под'ема производительных сил. Отмечая эту неравномерность при капитализме и в советском хозяйстве, он утверждает о цикличности воспроизводственного процесса как там, так и здесь. Специфическая оболочка капитализма, периодически зажимающая развитие производительных сил, действие которой как раз и сказывается в ценностных сдвигах капиталистического хозяйства, у автора отходит в тень. Остается голый стержень: динамика производительности труда и зависимость от нее динамики производства. И автор утомительно доказывает эту зависимость как при капитализме, так и в СССР. Однако, последняя сама по себе не означает ничего большего, как тот факт, что рост производительных сил определяет собой рост производства. Отсюда еще далеко до цикла. Автор не обратил внимания на изменившийся характер кривой производительности при капитализме и в СССР и не связал этот факт с принципиальным изменением форм обусловленности течения производства. В первом случае—обусловленности через стихийные законы, действующие post factum, действие которых неизбежно сопровождается нарушением «пропорций», взрывом противоречий между производством и отстающим потреблением; во втором—изживание этих законов, плановое приспособление к непосредственно осознаваемым нормам пропорциональности, изменение их, изменение соотношений производства и личного потребления, в силу изживания антагонистичности капиталистического распределения и т. д. Следовательно,—другие общественные отношения, преодолевшие в значительной степени капиталистические формы распределения, потребления, организации экономического процесса.

Эту новую общественную форму недооценивает В. Базаров. Он недооценивает и капиталистическую форму. Это забвение формы, отодвигание ее на задний план особенно ярко выпирает в его неисторической постановке проблемы ценности. Это забвение формы мы видели на характере попыток свести качественные экономические узлы к законам теоретической физики. Весь развернутый ряд ошибочных построений уходит своими корнями в неприятие автором марксистской гносеологии. Не представляя собой непосредственного вреда, когда дело идет о капиталистической экономике, этот однобокий, спутывающий различные качественные явления, механистический подход должен получить отпор, когда его дыхание чувствуется на важнейших проблемах нашего хозяйственного строительства.

* * *

Мы не останавливаемся на анализе приводимых автором кривых производительности—масштаба производства и их связи в отдельные годы и этапы восстановительного периода. Что эта связь есть и будет вплоть до социализма — это несомненный факт. В целях изучения динамики советского хозяйства и предвидения частных кон'юнктурных колебаний и сдвигов, необходимо внимательно анализировать структуру этих связей. В этом отношении книжка Базарова представляет собой важную и значимую попытку. Богато иллюстрированная диаграммами и таблицами, она представляет собой ценный материал, если освободить ее (советскую) часть от теоретических примесей автора.

* * *

Автор в теории капиталистического цикла не затрагивает вопроса о соотношении теории цикла и кон'юнктуры. Нам кажется целесообразным сделать несколько кратких замечаний на этот счет. Теория кон'юнктуры распадается на несколько этапов исследования. Первый—исследуется совокупность действующих «причин» и «следствий», определяющих собою циклическую «фигуру» капиталистического воспроизводства, т.-е. конструируется теория цикла. Методологическое основание—чистый капитализм. Второй—рассматривается в принципиально-теоретическом разрезе влияние монополистических об'единений, государства, международного разделения труда, урожаев, на циклическую динамику. Методологическое основание—чистый капитализм. Третий—типизируются кон'юнктуры в зависимости от конкретных хозяйственных структур (ряд стран с типовым соотношением промышленности, сельского хозяйства, внутреннего и внешнего рынка, баланса и т. д.). Методологическое основание—конкретный капитализм. Четвертый—исследуются хронологические отрезки кон'юнктуры отдельных стран в отдельности или соотносительно, как они располагаются на оси конкретно-выраженного цикла, в целях описания или предвидения. Методологическое основание—конкретный капитализм. Область исследования не теоретическая, а конкретная по преимуществу. Следовательно, теория кон'юнктуры не представляет собой отдельной от цикла части, это—вся совокупность теоретически изучаемых закономерностей развернутого течения чистого и конкретного капиталистического воспроизводства с учетом влияния всех важнейших факторов, вытекающих из международного разделения труда, монополистических об'единений, соотношения промышленности и сельского хозяйства, роли урожаев и т. д. Очередная задача марксистской экономии заключается в систематической развернутой разработке этих проблем.

П. Лапинский.

Судьбы послевоенного государства. Перерождение буржуазного государства, вырождение буржуазной демократии[1]).

Отсутствие всякой «застойности» (в стиле и смысле тех периодов реакции, которые в предыдущие исторические эпохи сменяли половинчатые революции), «движение почвы» мы наблюдаем не только в материальной, т.-е. хозяйственной базе современных капиталистических обществ, не только во всей системе их международных отношений, но и во всей их государственной надстройке, область, пожалуй, не привлекавшая к себе всего того внимания, которого она заслуживает. Между тем, и в этой области капиталистического быта—если и отвлечься от таких ярких, бурных и театральных проявлений, какими явились фашистские перевороты, происшедшие в отдельных странах—протекает отнюдь не менее глубокий, не менее поучительный процесс, постепенно, но достаточно быстро меняющий структуру современного капиталистического государства, процесс, без осознания и изучения которого трудно уяснить себе с надлежащей полнотою как пути развития и распада капитализма нашего времени, всю раз'едающую его внутреннюю диалектику, так и некоторые существеннейшие истоки современного реформистского сверхприспособленчества. Только поверхностному, филистерскому воображению реформистов могло представляться, что водворение широкой формальной демократии при одновременном восстановлении капиталистического хозяйства и «нормальных» международных связей с добавлением кое-какого либерализма (вынужденного или добровольного) в сфере социального законодательства и оплаты труда—в общем и целом должно будет создать прочную, незыблемую основу, железные исторические рамки, в которых будет протекать все позднейшее историческое развитие. Эти господа не заметили, что и сама-то основа, на которой они будто бы собирались строить здание будущего, стала в высокой степени подвижной, что и она вместе со всем капиталистическим миром переживает глубокую и разностороннюю эволюцию, постепенно создавая положение, с которым не может мириться ни пролетариат, ни—в известном смысле—буржуазия.

Развитие, о котором мы говорим,—перерождение современного «демократического» государства—явление глубоко диалектическое, насквозь внутренне противоречивое. Центральный факт в этой области,—чтобы сразу сказать основное—тот, что значение, удельный вес государственного аппарата вырастает буквально с каждым днем, «демократия» же, наоборот,

[1]) Статья представляет собой набросок главы из брошюры, подготовляемой автором к печати.

все более атрофируется, выветривается, испаряется, во всяком случае вырождается. В одном случае мы можем говорить о перероcте, о перерождении, в другом о вырождении. Государство идет в некотором смысле в гору, демократия—под гору. Тогда как аппарат капиталистического государства развивается все мощнее, переплетаясь, срастаясь все неразрывнее со всеми основными и подчиненными органами хозяйственного организма (так что не отличишь, где «база», где «надстройка»), то поглощая целые отрасли, целые крупные куски капиталистического хозяйства и превращаясь в крупнейший основной «регулирующий» орган капитализма, то, наоборот, подчиняясь, как никогда, натиску высочайше организованной частнокапиталистической стихии (развитие и тут глубоко-противоречивое!),—в то самое время демократическая оболочка этого государства либо просто и жалко отпадает (случаи фашистских переворотов), либо вырождается в переносном и даже в буквальном смысле (падение парламентаризма). При чем отдельные части, отдельные клетки этой оболочки (выборное начало) могут даже еще продолжать развиваться, расти вширь, значение их может даже возрастать по сравнению с значением других частей, других клеток демократической оболочки («народных представительств»), но и эти процессы, происходящие внутри самой оболочки, эти отдельные дальнейшие успехи формальной демократии уже не в состоянии задержать процесса перерождения всего механизма «демократического» государства и даже отчасти, как увидим, только способствуют эволюции этого государства, т.-е. всей современной буржуазной «демократии», в сторону своеобразной «сословности» на фоне высочайше развитого, но бьющегося о неопреодолимые преграды капитализма.

Начнем с первого, т.-е. с явлений перерождения государства. Затем перейдем к вопросу о судьбах его демократической оболочки.

I. Рост экономической и социальной мощи современного капиталистического государства.

Если еще эпоху мировой войны Ленин характеризовал, как «эпоху перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм» («Государство и революция». I изд., стр. 33. Разрядка наша), то в применении к нашему времени эти слова Ленина стали сугубо верны.

Влияние современной государственной машины на всю хозяйственную жизнь и косвенно и прямо и на весь жизненный уровень масс возросло в степени, о которой буквально не снилось довоенным буржуазным философам. Когда во время войны государство было вынуждено так или иначе забрать все в свои руки, то могло казаться, что этот элефантиазис государственных функций является чисто преходящим явлением; и, как известно, после окончания войны скоро наступило время, когда с немалой силой был провозглашен лозунг: назад к частной инициативе, назад к «нормальному» капитализму. Но в том-то и дело, что история чистого «назад» не знает, что возвращение к «нормальному» капитализму предвоенного типа оказалось реакционной манчестерской утопией. Многое, даже очень многое от чисто военного государственного капитализма было устранено. Но от него осталось в разных формах больше, чем того хотели и ждали глаштаи «чистого» капитализма. Воздействие государственного аппарата на всю экономику пробило себе прочно и более общие и сложные и новые пути. Здесь, в этом кратком очерке, было бы трудно проследить все разветвления этих путей. Быть может, в другом месте нам удастся заняться этим посолиднее. Здесь отметим

важнейшее. В центре всего явления—необычный и разносторонний рост экономической мощи государства. Этот рост проявляется прямо и косвенно. Рассмотрим вкратце основные моменты этого процесса.

а) Рост доли национального дохода, канализуемого государством.

Уже достаточно сравнить предвоенные бюджеты с послевоенными, чтобы констатировать, что через руки государства проходят несравненно бо́льшие доли национального дохода, чем до войны. Громадный рост доходов и расходов послевоенного государства—факт общеизвестный. До войны бюджет Англии не составлял и 200 млн. фунтов, в настоящее время он менее далек от 800 млн. фунтов; бюджет Соед. Штатов Сев. Америки составлял в 1913 г. 734 млн. долларов (в круглых цифрах), ныне 3.772 млн. Бюджет Швеции составлял 261 млн. крон, ныне 697 млн. крон и т. д. Доходы Германии (со включением союзных стран, коммун и т. п.) исчислялись в 1913 г. цифрой 2 млрд. марок. В наше время сумма поступлений исчисляется цифрою в 10 миллиардов. Даже если сделать обычную поправку на падение ценности золота, то рост получится, хотя и неравномерный по странам, но все же громадный, и максимальный в англо-саксонских странах.

В авторитетнейших источниках мы можем найти для Англии утверждение, что бюджет поглощает свыше 20% (тогда, как до войны он поглощал немногим больше 10%) [1]). Таким образом, в этой старейшей и мощнейшей капиталистической стране из года в год только через канал податей и всяких других поступлений через руки государства проходит целая пятая часть национального дохода.

Более или менее аналогичные цифры приводят и для других стран: около 20% для Франции, свыше 19% для Италии, 17% для Бельгии и т. п. [2]). Программная записка германских промышленников называет для Германии даже цифру 25 до 30%, которую, конечно, следует считать весьма преувеличенной [3]).

С этим связан, конечно, рост той доли дохода, которую отнимает государство в той или иной форме у облагаемых слоев населения. Союз германской промышленности высчитал, что целых 63% прибылей промышленности уходят на уплату всякого вида обложений. Пусть эта цифра—в чем вряд ли можно сомневаться—пропагандистски преувеличена, сам факт колоссального роста податных тягот всякого вида (государственных и местных) не подлежит сомнению. Но факт этот обозначает собою необычайный рост непосредственнейшей экономической мощи государства и значительное изменение механизма распределения «национального дохода»: в этом механизме роль и значение государства существенно выросли.

б) Госкапитализм (в узком смысле слова).

Но податной насос является только одним из источников роста экономической мощи государства. Одновременно значительно выросли, хотя и далеко не с той же равномерностью, роль и значение государства, как предпринимателя.

[1]) A. L. Bowley and Siv. Y. Stamp. «The National Income». Oxford. 1927, стр. 53.— Britains Industrial Future. (Доклад либеральной комиссии). Стр. 486.

[2]) The Inter - Ally Debts and the United States. National-Industriale Conference Board. N. Y. 1925. Стр. 275.

[3]) Deutsche Wirtschaft und Finanzpolitik Veröffente. d. Reichsverbandes d. deutschen Industrie. 1925.

Если уже до войны капиталистическое государство в ряде стран превратилось в крупного и даже крупнейшего предпринимателя, если война, как известно, дала необычайно сильный толчок этому развитию, то после войны этот процесс отнюдь не прекратился. Мы здесь, без всякого сомнения, имеем перед собою явление значительного и непреходящего развития своеобразного государственного капитализма. Так именно расценивают и именуют это явление и частнокапиталистические круги, в большинстве случаев относящиеся крайне враждебно к этой новой форме капитализма. Хотя в своей вражде к этим новым хозяйственным формам они и склонны рассматривать и выдавать их, как легкомысленное и вреднейшее осуществление «сверху» и по частям социализма (в этом смысле они говорят о «холодной социализации»: «Kalte Sozialisierung», мы бы сказали по-русски «сухой социализации», т. е. социализации без революции, без кровавого переворота), все же круги эти определенно отдают себе отчет в том, что они имеют здесь дело с высоким развитием специфической хозяйственной формы—госкапитализма. В сугубо-капиталистическом, «тяжелоиндустриальном», экономическом ежегоднике, отражающем в чистейшей форме, не процеженной через профессорский фильтр, взгляды и пожелания верхушечного трестированного капитала, читаем: «Государство взяло на себя новые функции и вступило в новое соотношение к хозяйству. Даже и отвлекаясь от расширения его регулирующей деятельности по отношению к хозяйству, нужно констатировать, что и сверх того оно само стало капиталистом-предпринимателем с помощью общественных средств, чтобы дела делать, перехватывать у частных элементов их хозяйственные функции, выступать по отношению к последним конкурентом, либо же под предлогом выполнения срочных задач попечительного и благотворительного характера». «Мы имеем здесь дело не с социализмом в марксовском смысле, как с непосредственным обобществлением, экспроприацией, но с новой формой государственного капитализма» [1]).

При чем это широкое развитие как регулирующей роли государства, так и его непосредственных предпринимательских функций [2]) отнюдь не является преходящим, случайно-историческим продуктом военной необходимости, но глубоко неразрывно связано с тем безысходным состоянием неравновесия и хронической кризистности, в которое бесповоротно вступила капиталистическая система с ее растущей неспособностью справиться с громоздящимися хозяйственными и социальными трудностями «собственными силами», как и со всеми теми громаднейшими противоречиями, которые с неслыханною силою вогнаны внутрь всего хозяйственного и всего политического организма капиталистической современности мировой войною и последующим революционным и полуреволюционным развитием. Этим и об'ясняется, почему признаки развития этих госкапиталистических тенденций мы всего более находим в странах, в которых капиталистическая система пережила относительно максимальные потрясения (Германия и отчасти Англия), и наоборот констатируем более слабое развитие этих тенденций в странах, в которых вся система вышла менее потрясенной из войны и последовавшего за ней революционного периода (Франция и Соед. Штаты). Исто-

[1]) Wirtschafts - Jahrbuch für das niederrh. - westfäl. Industriegebiet. 1927 г., стр. 177.

[2]) Обособление отдельных предприятий в псевдосамостоятельные хозяйственные единицы, работающие «на хозрасчете», тут, конечно, существа дела не меняет.

рическую неизбежность процесса (при всей его географической неравномерности, при всех зигзагах, противоречиях и упрямых рецидивах старины), быть может, ярче всего иллюстрирует тот факт, что в классической стране индивидуализма, Англии, последнее «прости» менчестеризму произносят как раз последние его эпигоны, последние потомки вигов, либералы. И по настоящей иронии судьбы новейший, нашумевший документ либерального творчества, известный программный меморандум о «Промышленном будущем Британии», тщательно разработанный при участии всех либеральных светил: редактора Фритредерского «Экономиста» Лейтона, Кейнса, Филиппа Керра, сэра Херберта Сэмуеля, Ллойд-Джорджа и т. п., и произведший некоторый переполох как в рядах консервативной, так и рабочей партии—в основном сводится к программе широчайшего и разностороннего усиления вмешательства государства в экономическую жизнь [1]).

О росте регулирующих функций государства мы будем говорить ниже. Пока нас интересуют факты роста непосредственной экономической мощи государства, государства — предпринимателя и банкира. Без сомнения, в этой области налицо громадная неравномерность развития. В настоящий момент классическая страна развития предпринимательских функций публичных органов (государства, коммун) — Германия (которая и до войны опередила в этом отношении другие государства). Целый ряд глубоких исторических причин способствовал тому, что и прежде и теперь это явление (в его новых и старых формах) выступает несравненно слабее в других странах. Но не забудем, что Германия является не только страной, пережившей максимальные потрясения, но вместе с тем и страной самого передового капитализма в Европе и что родственные явления мы наблюдаем в той или иной степени в других странах.

Быть может, менее всего в Соед. Штатах: но о нарастании той же «опасности» и в этой стране свидетельствует сила капиталистической пропаганды против всей системы идей «национализации», «патернализма» и т. п. Соответствующая американская литература дала даже своеобразный «стандарт-уорк» в этой области: книгу Марка Л. Река об «Отношении между государством и индустрией» [2]). В этой «литературе» в отличие от немецкой или английской всякий госкапитализм еще добродушно смешивается просто с социализмом и даже большевизмом, хозяйственное «банкротство» которого приводится обязательно как классический аргумент против всякой непосредственной хозяйственной деятельности государства.

Но не говоря о том, что в отдельных областях (прежде всего в вопросе о торговом флоте, где как раз проявляются современнейшие интересы американского империализма [3]), после всяких опытов и колебаний мысль о непосредственном почине и деятельности государства не перестает навещать

[1]) Авторы либерального меморандума, быть может, и не заметили того, что предпосылкой осуществления столь широкой, по-своему «революционной» программы должно было бы быть в английских условиях возникновение какого-то сверхсильного, сверхрешительного правительства, какого-нибудь фашистского или полуфашистского правительства, которое, насилу спасая капитализм против его собственной беспомощности, разброда и рутины, вместе с тем придало бы этому процессу «общественного спасения» социально-цезаристский оттенок: мы имеем здесь, т. о., пред собою неосознанную мечту либерализма о—фашизме...

[2]) Mark. L. Requa. «The relation of Government to Industry». New-York. 1925.

[3]) «Мерчент Мэрин акт» 1920 г. предусматривает субвенцию в 125 млн. долл. на постройку торгового флота. В 1924 г. был принят закон, уполномочивающий Шиппинг Борд израсходовать вплоть до 25 млн. долл. специально на инсталляцию дизелей в уже существующих судах и т. п. Но все эти мероприятия пока не оправдали ожиданий, и по сведениям правительственные круги помышляют о создании государственного торгового флота (специально для рейсов между Соед. Штатами и Индией—с явной целью торгового соперничества с Англией в этой богатейшей британской колонии).

правящих республиканцев,—не говоря уже об этом, отметим, что, во-первых, нигде «сращение» трестированного капитала с правительственным аппаратом не достигло таких размеров, как именно в С. Штатах, что является только другой формой по сути того же процесса («хозяйство» поглощает и опутывает «государство» больше, чем оно поглощается государством). Заметим, во-вторых, что ни в какой другой стране мы не встречаем таких колоссальных схем непосредственного вмешательства государства в хозяйственную жизнь, как напр., известный законопроект Мак Нэри-Хауген, отстаиваемый представителями аграрных интересов, нигде регулирование экономической жизни не достигло столь быстро громадных размеров, хотя и протекая согласно со всей конвенциональной американской экономической и государственной доктриной более всего в форме того, что в внешне-политической практике Штатов получило благозвучное наименование «обязывающих внушений». Все эти факты в значительной степени «компенсируют» собою отсутствующие формы высоко развитого государственного капитализма в узком смысле слова.

Другого типа «компенсации» мы можем наблюдать в Англии, — явление, невозможное для бесколониальных стран, как Германия: это — непосредственнейшее регулирование важнейших отраслей колониального сырьевого производства и прямое участие государства в крупнейших колониальных предприятиях. Примером первого может служить контингентирование производства каучука, примером второго—решающее участие государства в таком колоссальном нефтяном предприятии, как Англо-Першен. В ответ на запрос в парламенте в марте 1920 г. сэр Гринвуд ответил, согласно официальному отчету, что «государство является господствующим интересантом в Англо-Персидской компании, владея двумя третями акций помимо облигаций». Конечно, «государство не вмешивается в коммерческий распорядок компании и не станет вмешиваться, разве если бы, что разумеется никогда не случится, эти распорядки очутились в противоречии с интересами Британской Империи»... Этот общеизвестный (хотя почему-то не упоминаемый либеральным меморандумом) факт теснейшего «сращения» государства с самым боевым, нефтяным, капиталом представляет собой, без сомнения, образчик доподлиннейшего «госкапитализма».

Авторы либерального меморандума, пытаясь провести точный подсчет всем «публичным концернам» (к которым меморандумом отнесены не только предприятия и всякого вида имущество государства и органов самоуправления, но и все виды предприятий с ограниченной частнохозяйственной инициативой: стало быть, рядом с предприятиями военного министерства, доками, портовыми учреждениями, системой путей сухопутных и водных и т. п., также и всякого вида кооперативные общества, концессионированные парламентскими актами общества по снабжению водою, газом, электричеством, железные дороги, имущество университетов, школ, благотворительных предприятий и т. п.),—поражены сами достигнутыми т. о. результатами.

Представляя каталог «разного типа обобществленных, полуобобществленных и других регулируемых государством предприятий», авторы меморандума предупреждают: «мы думаем, большинство читателей будет изумлено величиною, значительностью и пропорцией той доли всего национального капитала, которая уже контролируется этими предприятиями» (стр. 66). Общую сумму этой доли определяет меморандум в 4 миллиарда фунтов и приходит к выводу, что в этой цифре представлено «по меньшей мере ⅔ того, что можно было бы назвать крупными предприятиями («large scale undertakings») страны» (стр. 74—5).

Либеральный «каталог» составлен, как видим, весьма «либерально», т.-е. широко: слишком очевидно, что имущество школ, университетов, благо-

творительных учреждений и даже коопераций и т. п. не играет той роли в общей системе национального хозяйства, что крупнопромышленные фабричные предприятия, и что тут попали в общий котел слишком разнородные величины; как ясно и то, что терминология «обобществление» и «полуобобществление» здесь употреблена более чем вольно. Меморандум обнимает все перечисленные явления развития публично- правовой собственности и регулирующего контроля термином «государственный социализм». Гораздо точнее, конечно, было бы говорить о «государственном капитализме», и с развитием этого-то явления в разной форме—как в форме роста непосредственно предпринимательских функций государства и органов самоуправления, так и переплетания самых разнообразных видов регулирования и контроля, смешанного управления и т. п. — мы здесь, без сомнения, имеем дело. Некоторые из «общественных предприятий» (в точном смысле этого слова) представляют собой и в Англии колоссальные хозяйственные единицы. Только 20 из общего числа 177 портовых учреждений, управляемых самостоятельными органами не на началах прибыльности, представляют собой капитал приблизительно в миллиард рублей (100 милл. фунтов). Метрополитен Уотер Борд погашает из поступлений капитал в 53 милл. фунтов и т. п.

Особую главу представляет собою в этой области строительство жилых помещений при финансовом участии государства и органов самоуправления. Это строительство не только в Германии, но и в Англии достигло небывалых размеров. За последние несколько лет выстроено было в Англии около миллиона новых жилых построек, из чего приблизительно половина при участии государства. Только в одном прошлом году было выстроено по официальным данным свыше четверти миллиона новых домов (272.000), из чего 153.779 при участии государства [1]). Но еще гораздо большей степени, чем в Англии, строительство перешло в Германии в руки публично-правовых органов. Значение этого одного факта просто огромно. «Годичный оборот немецкого строительного промысла, — пишет Г. Штольпер [2]) — достигал до войны цифры 6 миллиардов марок, из чего почти половина уходила на постройку жилых помещений. И преобладающая доля промышленных построек входит ныне наверно в сферу деятельности публично-правовых органов (электрические, газовые и т. п. предприятия). Это нам дает представление о том, что обозначает собою подчинение строительной деятельности общественно-хозяйственному влиянию. Одно это обозначает распоряжение одной восьмой частью национального дохода».

Менее всего проникли публично-правовые органы в Англии (в отличие от Германии) непосредственно в сферу банковской деятельности. Но тем характернее, что достаточно было успешной деятельности сберегательного банка, основанного в 1919 г. городом Бирмингамом, чтобы вызвать значительную враждебность заинтересованных кругов к муниципальным банкам. Назначенный в 1926 г. казначейством Комитет для исследования вопроса с лордом Бредбэри во главе, как и следовало ожидать, высказался решительно против муниципальных банков, как представляющих настоящую опасность для национального кредита.

---

[1]) Точные данные о жилых постройках, воздвигнутых с помощью государства (в круглых цифрах): в 1919 (строительном) году—715, 1920 г.—28.000, 1922 г.—101.000, 1923 г.—67.000, 1924 г.—18.000, 1925 г.—67.000, 1926 г.—106.000, 1927 г.—153.000 («Таймс», 10 ноября 1927 г.).

[2]) «Das deutsche Wirtschaftsproblem», 1918 г., стр. 20—21.—Согласно английской либеральной записке английские «Строительные общества», работающие еще на основе старых, довоенных законов, обращают около 10% общей суммы национальных сбережений.

Все же настоящим отечеством государственного капитализма в его непосредственной форме (предпринимательской деятельности государства) остается Германия: точно так же, как нигде мы не наблюдаем столь развитой и громко выступающей враждебности против всякого расширения хозяйственных функций государства и органов самоуправления, как во Франции, где централизованное государство, представляемое всесильной бюрократией, давно задавило развитие современного местного самоуправления, чтобы самому тем основательнее стушеваться перед наглыми притязаниями «частной инициативы», выступавшей после войны во всеоружии сорганизованности и перехватившей у государства полударом колоссальные богатства «воссоединенной» Лотарингии. Наоборот, в Германии капиталистическая деятельность государства с самого момента восстановления хозяйства после инфляционной катастрофы разрастается. «Мы видим с половины 1924 г. сильный прирост публично-правовых и полупублично-правовых хозяйственных предприятий. Эти предприятия охватывают все области хозяйственной деятельности: производство товаров и распределение, банковое дело и транспорт» [1]).

Перечисление даже более крупных предприятий, находящихся полностью или частично в руках государства («Райха» и союзных государств)—уже не говоря о городах—заняло бы здесь слишком много места. Весь соответствующий фактический материал подобран представителями частных крупнокапиталистических интересов Зогемейром в посвященном этому вопросу труде и Ютзи в докладе о «Государственном социализме и частном хозяйстве», заслушанном на заседании главной комиссии союза германских промышленников [2]). Пользуясь собранным в упомянутых работах материалом, укажем здесь только на основные факты. Итак, одно прусское государство владеет в общей сложности 31 рудниками и металлургическими заводами (в том числе угольными, железными серебряными, калиевыми копями, и т. п.). Следуя современным хозяйственным методам, в 1923 г. государство об'единяет большинство разнородных предприятий в отдельную акционерную компанию (сокращено «Preussag»), которая в первом же году своего существования выплачивает в государственную кассу 1 млн. дохода. Невошедшие в состав «Preussag'а» предприятия об'единены были впоследствии в другую акционерную компанию (т. н. Recklinghauser Bergwerksgesellschaft) с акционерным капиталом (находящимся полностью в руках государства) в 57 млн. марок и громадною земельною собственностью, превышающей 20 тысяч гектаров. Наконец, третье громадное предприятие прусского государства — Hibernia Bergwerksgesellschaft — располагает также акционерным капиталом в 56 млн. марок. О величине же этих предприятий свидетельствует тот факт, что обе последние акционерные компании располагают в угольном синдикате квотой в 12.833.000 тонн. Следуя и здесь классическим частнокапиталистическим прецедентам, прусское государство совместно с общесоюзным государством пользуется впоследствии трудностями, в которых очутился известный концерн Штумма, чтобы обеспечить себе опцию на принадлежащие к концерну громадные рудники. И точно так же Пруссия пользуется крахом концерна Штиннеса, чтобы закрепить за собою 12 млн. акций крупнейшего электрического предприятия всей Западной Германии «Рейнско-Вестфальских электрических заводов». Попытка таким же методом овладеть двумя третями акционерного капитала известного громадного

---

[1]) Deutsche Wirtschafts-und Finanzpolitik (Записка «Reichsverband'a»).

[2]) D-r M. Sogemeier. D. öffentliche Hand in d. privaten Wirtschaft. Berlin 1927. и Veröffentlichungen d. Reichsverbandes d. deutschen Industrie. Heft 30. April 1926. «Staatssozialismus und Privatwirtschaft» von W. Jutzi и т. д. И «верхушечные организации» промышленности, торговли, банков, страховых предприятий и т. п. посвятили этому вопросу в ноябре 1926 г. целое об'единенное заседание, протоколы которого опубликованы.

силезского предприятия «Наследники Гише» и этим обеспечить государству монопольное добывание и производство цинка, сорвалась только потому, что счастливым соперником выступили в данном случае американцы в лице Гарримана.

Прусское государство об'единяет в акц. компанию крупные портовые сооружения в Эмдене, Дуисбурге, Штеттине. Оно систематически стремится усилить свое влияние на водный транспорт угля, приобретая большинство акций «Rhein und Seeschiffartsgesellschaft», «Strom. Kohlen-und Lagergesellschaft» и т. п.

Стремясь создать широкую базу для своей хозяйственной деятельности, прусское правительство в конце 1925 г. вносит в ландтаг (видоизмененный впоследствии) законопроект, предоставляющий ему в самой общей форме право составить себе путем кредита фонд в 150 миллионов на хозяйственные цели.

Примеру прусского государства следуют и другие союзные государства. Саксония создала себе для этой цели своеобразный центральный институт в виде т. н. «Зэксише Верке» (акц. комп.), об'единяющих 18 акц. компаний самого разнообразного типа, как-то: электрических и газовых заводов, предприятий по торговле углем и строительными материалами, электротехнических заводов, и т. п. Рядом с «Зэксише Верке» другой центральный институт т. н. «Kraftverkehr-Freistaat Sachsen A. G.» об'единяет 25 предприятий преимущественно по транспорту.

Но, без сомнения, дальше всех в этом направлении пошло общесоюзное государство. Сохранение в своих руках крупного военного наследия и преобразование его согласно опыту и методам современной частнокапиталистической практики уже силою вещей толкало государство на дальнейшие приобретения и в общем и целом привело к громадной организационной и реорганизаторской работе. Образованный по классическому типу «Хольдинг-Компани» центральный об'единительный институт «А. К. Об'единенные Промышленные Предприятия» (т. н.—сокращенно—«Виаг») охватывает целые десятки крупнейших предприятий, разнородность которых не может не поражать. Сюда вошли при образовании «Виага» и колоссальные предприятия. «Deutsche Werke» и ряд электрических предприятий, заводов, вырабатывающих азот, бумажных фабрик, холодильников, алюминиевых заводов, рыболовных предприятий, ортопедических заводов, машиностроительных, автомобильных, химических и т. д., и т. п. Точно так же, как Пруссия пыталась закрепить за собой монопольное производство цинка, обеспечило себе союзное государство решающее влияние на производство алюминия. Оно производит и медь в Вестфалии, участвует и в иностранных предприятиях по производству боксита. Одно перечисление всех тех предприятий, которые полностью являются собственностью государства, и тех, в которых оно участвует, заняло бы целые страницы.

При этом отличительным признаком этой громадной предпринимательской деятельности государства является то, что эта деятельность финансируется государством самостоятельно, не только при помощи располагаемых государством общих ресурсов и таких крупных государственных банковских учреждений, как прусская «Seehandlung», но и специально созданных для этой цели кредитных институтов, как «Райхскредит Гезельшафт». Выйдя из лона статистического бюро казначейства, это учреждение постепенно превратилось в мощный банковский институт, все определеннее выступающий открытым соперником частных банков (портфель векселей «Райхскредитгезельшафт» к концу 1927 г. превысил 3 миллиарда марок. За этот же год Общество выплатило дивиденда свыше 3 млн. марок, т.-е. только немногим меньше половины выплаченной таким, напр., мощным институтом, как Дармштедтер унд Националь Банк).

Но, без сомнения, сферой максимального развития госкапитализма стало производство электрической энергии. Здесь идет буквально буйный расцвет непосредственнейшей, активной и по своим формам даже нередко агрессивной хозяйственной деятельности органов государства и самоуправления. На последнем заседании общества Сименс-Хальске председатель наблюдательного комитета фон-Сименс заявил, что по последним исчислениям 75% всей электрической энергии, потребляемой в Германии, производится электростанциями, находящимися в руках государства, коммунальных об'единений или смешанных предприятий. По другим данным из 2.669 немецких электрических предприятий с собственными силовыми установками 1.920 электростанций с мощностью в 3,5 млн. киловатт находились в 1926 г. в руках частных или смешанных предприятий, 779 электростанций с мощностью в 2,6 млн. киловатт находились в руках публичных органов [1]). Из этого во всяком случае видно, что государство и коммуны располагали как раз более мощными и современными станциями.

Подобного развития в количественном отношении мы не наблюдаем ни в одной другой крупной стране. В Соед. Штатах при всем их колоссальном развитии электрического хозяйства не более каких-нибудь 5% общей мощности всех электростанций выпадает на долю государственных и коммунальных предприятий. Но рост вмешательства государства, как регулирующего и планирующего фактора, наблюдается более или менее везде. Английский электрический билль 1926 г., предоставляющий государству широчайшие права и навлекший на его авторов обвинение в «социалистическом» уклоне, составил в этом отношении в Англии историческую грань. Вмешательство публичных органов в этой области достигло, без сомнения, высших пределов. Значение этого может быть оценено, если вспомнить, что как раз эта отрасль капиталистического хозяйства находится в периоде буйного расцвета: по данным, представленным организациями промышленников международной экономической конференции, производство изделий электротехнической индустрии по сравнению с довоенным периодом удвоилось, производство же электрического тока превысило в три и в четыре раза довоенные нормы [2]).

В настоящий момент в Германии идет упорная борьба городов с рурско-вестфальской промышленностью, стремящейся концентрировать в своих руках производство и распределение газа во всей стране путем широчайшей системы дальней передачи.

Все это вместе взятое позволяет отдельным германским публицистам утверждать, что центр тяжести как раз современнейшей и решающей отрасли хозяйства, а именно энергетического хозяйства постепенно передвигается в сторону публично-правовых органов [3]).

Укажем, наконец, и на тот факт, что и тот поток иностранного капитала, который, как ниловый ил, восстановляет плодотворность германского национального хозяйства, в значительной степени ответвляется в русло государственных и коммунальных органов и только через этот канал попадает на равнины «хозяйства». По недавнему утверждению президента Рейхсбанка Шахта из общей суммы 5½ миллиардов долгосрочных иностранных займов, только 2½ миллиарда выпадает полностью на долю частного хозяйства, остальные же 3 миллиарда—на долю публичных органов, в том

---

[1]) G. Dehne. D. deutsche Elektrizitätswirtschaft. 1926. Стр. 65.
[2]) Industrie Electrotechnique. Стр. 21.
[3]) G. Stolper. D. deutsche Wirtschaftsproblem. Стр. 22.

числе целых 1.300 млн. на долю отдельных союзных государств, коммун и коммунальных союзов [1]).

Мы здесь все время не отличали органов самоуправления от государства в строгом смысле этого слова: мы увидим ниже, что это существенное само по себе различение может иметь здесь для нас только относительное значение.

До сих пор мы имели дело с явлениями госкапитализма в самом прямом смысле. Но при всем их развитии в отдельных странах эти явления, без сомнения, уступают по своему значению регулирующим функциям современного государства, получившим более универсальное распространение.

в) Рост регулирующих функций государства. Источники государственного капитализма.

И в этой области непрямого, косвенного государственного капитализма, буквально, трудно было бы перечислить все сферы деятельности государства. И здесь развитие после окончания войны в общем и целом не получило обратного направления. И не могло его получить. Ибо и здесь мы имеем дело с более глубоким, неизбежным историческим процессом, связанным со всем существом, со всей природой послевоенного капитализма. Может быть в еще большей степени, чем в сфере явлений госкапитализма в узком смысле этого слова, мы имеем здесь дело с двумя основными фактами, толкающими развитие в указанном направлении.

Это, прежде всего, растущая неспособность частнохозяйственных сил, несмотря на все их развитие и концентрацию, справиться с безнадежно нагромоздившимися трудностями и противоречиями развития—«собственными силами», т.-е. без помощи прямого вмешательства государства. Это, нам об'ясняет, почему (мы к этому еще вернемся ниже) и само отношение руководящих частнокапиталистических кругов к этому неудержимому процессу роста регулирующих функций государства столь внутренне противоречиво; почему эти круги, не уставая ругаться по поводу перероста этих функций государства, в то же время сами не перестают искать помощи себе во вмешательстве государства.

Это—один факт, факт нисколько не преходящего характера, ибо он связан со всем хронически кризисным состоянием капитализма нашей эпохи.

Второй факт, другого и в некотором смысле даже противоположного характера — это рост социально-классовых затруднений, на которые наталкивается послевоенный капитализм, и то многое, что в этой области осталось от наследия первой полуреволюционной послевоенной эпохи. С одной стороны, рабочие массы уже нельзя, несмотря на поражение революции, отбросить целиком в прежнее предвоенное состояние. От военного и первого революционного периода остались в организме капиталистического государства обломки и осколки разных завоеваний пролетариата. Остались и разные полубонапартистские легенды и мифы, вошедшие в официальную доктрину, в неписанную конституцию капиталистического государства, легенды и мифы, согласно которым это государство «обязано» всем слоям населения при всех условиях обеспечивать некоторый сносный уровень жизни, некоторый жизненный минимум. Это «патерналистическое» учение свелось отчасти к прямому и грубому обману масс, но отчасти оно продолжает обременять капиталистическое государство, осложняя его движение. На практике же оно должно было найти свое выражение в целом ряде конкретных явлений, в частности, в разных формах обеспечения и поддержки безработных, но прежде всего в том самом общем факте, что послевоенному государству пришлось до некоторой степени заменить, дополнить частного предпринимателя для обеспечения рабочему классу не то, что более высокого, но даже и предвоенного—или не слишком отстающего от предвоенного уровня жизни. Жизненный уровень масс еле-еле держится на довоенном уровне (или отстает от него), даже консервативнейшие английские статистики (Баули, Стэмп) признают, что распределение национального дохода не изменилось в пользу неимущих классов, т.-е. что классовые противоречия скорее углубились; но внутренняя структура пролетарского дохода изменилась за счет зарплаты в пользу всяких социальных поступлений, обеспечиваемых так или иначе государством, — обстоятельство немалого значения, к которому мы еще вернемся ниже.

[1]) D-r Schacht. Eigene oder geborgte Währung. Стр. 20.

Это—с одной стороны. С другой стороны, в критические моменты, когда почва горит под ногами, капиталистические слои сугубо довольны, что государство становится тем органом, который, пусть временно и поступаясь кое-чем за их счет, все же спасает основное, т.-е. их существование и господствующую роль. И даже всякое сколько-нибудь крупное колебание, зигзаг политической и хозяйственной кон'юнктуры меняет их отношение к этой стороне деятельности государства: они то скрываются за ширму «патриархального» государства, то бешено атакуют развитие этой «патриархальщины». И все это вместе взятое точно так же определяет собою неустойчивость, двойственность, внутреннюю противоречивость отношения капиталистических классов к росту регулирующих функций послевоенного государства (о чем нам придется еще говорить по существу).

Вот, грубо говоря, основные исторические источники роста этих форм госкапитализма в хозяйственной и социально-хозяйственной области.

Рефрен о переросте этих функций государства вошел, буквально, в железный фонд «стабилизационной» идеологии капитализма. Мы слышим этот рефрен каждый день во Франции, он раздавался особенно громко в 1926 г. в Англии в момент, когда вспыхнула великая борьба между горняками и угольными магнатами, требовавшими, чтобы государство, наконец, устранилось, оставляя борющиеся стороны одними на поле брани; этот рефрен повторяется во всяком публичном выступлении крупнокапиталистических кругов в Германии. В обратившем на себя всеобщее внимание последнем годичном отчете самого подвижного и современного из германских крупных банков—Дармштедтер унд Националь Банк—мы читаем:

> «Государство, как высшее авторитетное место, не должно бы покидать своего об'ективного поста, с высоты которого ему приходится наблюдать за всем ходом событий. Между тем оно все более и более стало вмешиваться в этот естественный процесс развития и в растущей степени превращается в определяющий фактор нашей хозяйственной жизни. Оно фиксирует

высоту квартирной платы, руководит строительством домов, диктует цены на уголь, железо, калий, ведет само предприятия огромнейшего масштаба, расширяет в возрастающей степени свою деятельность на банковое и кредитное дело, взимает налоги не только с дохода, но и с самой субстанции и с некоего центрального места определяет диктаторски заработную плату и продолжительность рабочего дня».

Но и здесь благоразумно не перечислены все те категории возросшего государственного вмешательства, которые при всех колебаниях послевоенной хозяйственной и политической кон'юнктуры желательны крупному капиталу: в широчайшей сфере всякого протекционизма, всех видов прямой и косвенной поддержки, оказываемой государством промышленности и сельскому хозяйству. Между тем никогда еще попечительная деятельность государства в этой именно области не доходила в современную эпоху до таких размеров.

В частности, сельское хозяйство в таких странах, как Германия, отчасти и Франция, Англия, Соед. Штаты, буквально забрасывает государство — и как мы знаем, отнюдь не без успеха! — требованиями всякой непосредственной поддержки в виде круто повышаемых охранительных ставок, политики «держания цен», организации органов, контингентирующих производство, попечительных кредитов, прямых субвенций и т. п.

При чем характерная вещь: эти домогания капиталистического сельского хозяйства в ряде стран (прежде всего во Франции и Германии) активно поддерживаются не только крупной индустрией, но на этот раз даже и банками — в значительной степени по чисто социальным мотивам реакционного характера [1]).

И если, скажем, германские промышленники в конце 1925 г., когда британское правительство решило субвенционировать из государственных средств угольную промышленность, подняли столь «принципиальный» крик против всякой политики субвенций, как противоречащей «естественной игре международных хозяйственных сил», то эти вопли не могли заглушить того факта, что волею истории как раз Германия стала классической страной субвенционированного капитализма. Если уж и не упоминать о таких ярких случаях, как неожиданно всплывший наружу факт выплаты рурским магнатам почти миллиардной субвенции «теплой рукой» вне парламентского контроля, в возмещение убытков по оккупации, то и вся практика версальского договора и репараций по прежним схемам и по дауэсовской схеме, вся практика возмещения убытков, платежей по поставкам натурою и т. п. привела в колоссальном масштабе к совершенно необычным формам близости между ресурсами государства и частнокапиталистическим государством. На трудно контролируемых возмещениях со стороны государства выросли целые мощные отрасли промышленности, как напр., океанские пароходные предприятия (Гамбург—Америка и т. п.) [2]). И к чему свелась вся политика инфляции, если не к одной сплошной колоссальной субвенции, выплаченной при посредстве государства крупной и крупнейшей индустрии за счет промежуточных слоев и пролетариата? Государство максимально субвенционировало промышленность, как раз в тот период, когда оно само было максимально обездолено и финансово бессильно: государство превратилось в тот момент в руках верхушечных слоев промышленного капитала в крупнейшее орудие перемещения национального богатства. Именно при помощи государства была спасена (и даже значительно расширена) вся промышленно-капиталистическая арматура страны за счет неимущих и средних классов.

[1]) Тот самый г. Якоб Гольдшмидт в упомянутом годичном отчете «Д. унд Н. Банка» распинается за интересы «сельского хозяйства», как «равноценного (?!) фактора нашего (т.-е. германского) хозяйственного развития».

[2]) Практика многомиллиардных возмещений во Франции, позволивших отстроить разрушенные департаменты и обеспечивших французской промышленности на целые годы совершенно фантастические монопольные возможности, как известно, несмотря на все попытки легонько приподнять завесу, осталась окутанной густым покровом спасательной тайны!

г) Роль денежной политики государства и эмиссионных банков.

Но инфляция была только преходящим периодом. С прекращением инфляции колоссальная роль денежно-кредитной политики государства не закончилась. Она только вошла в новую фазу. Можно без преувеличения сказать, что ни в какой другой области современное капиталистическое государство не приобрело столь несравненного влияния на весь ход хозяйственной жизни, на кривую цен, на все развитие хозяйственной кон'юнктуры и—прямо и косвенно—на весь жизненный уровень масс, на степень развития или регресса безработицы и, стало быть, в некоторой мере и на степень напряжения непосредственных классовых антагонизмов,—как именно сквозь механизм и ресурсы своей денежно-кредитной политики. С современным влиянием государства в этой области буквально не может итти в сравнение ничто знакомое нам по довоенной эпохе капитализма. Мировое (прежде всего европейское) оскудение капиталами, соответствующе возросший спрос на кредит, неслыханно выросшая неравномерность в распределении капитала между отдельными странами, концентрация золота в руках государства,—все это должно было обеспечить беспримерную силу и влияние органам денежно-кредитной политики современных капиталистических правительств. Влияние этой политики и проводящих ее органов стало и всеоб'емлющим (по радиусу своего действия) и вместе с тем сплошь и рядом более утонченным, менее заметным, даже просто—конспиративным.

В общем же факты в этой области слишком общеизвестны, чтобы на них приходилось подробнее останавливаться. Достаточно вспомнить политику возвращения к золотому стандарту в Англии, политику регулирования мировых цен директорами Федераль Резерв Борд, действующими под непосредственным контролем правительственных мест, чтобы представить себе все безмерие этого влияния, о котором в этом масштабе прежним банальным мастерам искусства повышения и понижения учетной нормы и во сне не снилось. Заметно и незаметно государство через свои прямые и косвенные органы влияет на развитие цен, определяет темп биржевой спекуляции, рационирует кредит, то закрывает, то открывает широко доступ иностранному кредиту в страну, то поощряет кредит органов самоуправления (и стало быть их хозяйственную деятельность), то простирает над ними свою карательную руку, то незаметно повышает, то сбивает реальную заработную плату и т. п.

Этим мы, конечно, не желаем сказать, что государство руководится при этом только своими собственными импульсами. Наоборот, все зигзаги этой политики являются только отражением не всегда прозрачных законов современной капиталистической стихии с ее дикими внутренними противоречиями. И точно так же ни в какой другой области рентнерско-финан-

совый капитал не проводил и не проводит столь непосредственно своей политики, как именно через посредство денежно-кредитной политики государства и его органов. Здесь гегемония международного финансового капитала находит свое главное орудие и свое самое яркое выражение. Эпоха инфляции эту гегемонию временно заслонила и затмила. Денежно-кредитная политика государства в период дефляции ее торжественно реабилитировала и восстановила. Это верно, прежде всего, по отношению к основным странам вывоза капитала—Англии и Соед. Штатам Сев. Америки. Здесь теснее всего произошло сращение между государственной машиной и—как их называют в Соед. Штатах—«Международными банкирами». Превалированию интересов финансового капитала не смогли помешать протесты промышленников против слишком крутых методов дефляции (в Англии), ни против слишком грубых приемов рационирования и дороговизны кредита (Германия), ни против жертвования некоторыми местными интересами в пользу более высоких, международных интересов финансового капитала (Соед. Штаты).

Здесь к месту будет упомянуть о необычайно возросшей роли центральных эмиссионных банков, являющихся тем стыком, где непосредственнее всего происходит «смычка» между государством и частным банковским капиталом. «Самостоятельность» эмиссионных банков там, где она (как в Англии, или в Германии с 1924 г.) признана, является юридической фикцией; в той же мере, в какой она фикцией не является, эта «самостоятельность» обозначает усиление влияния частного финансового капитала на всю политику банка. Навязанная Германии вместе с дауэсовским планом «независимость» Райхсбанка от государства обозначает вдобавок усиление его зависимости от международного финансового капитала и от других государств, сверх германского. Ни в одной же из современных крупных стран центральный эмиссионный банк не спаян так непосредственно с государством, с одной стороны, и со всей системой крупнейших частных банков, с другой, как в метрополии современного финансового капитала—в Соед. Штатах (где, как известно, и формально министр казначейства является ex officio членом правления банка, и где т. н. «губернатор» банка назначается президентом).

Между тем, как раз роль этих высших органов «смычки» между финансовым капиталом и «демократическим» государством замечательно выросла в новейшую фазу послевоенной эпохи.

Они являются основными проводниками получившей столь огромное значение денежной политики. Когда нужно, они почти открыто шантажируют кратковременные «левые» правительства (как это было с правительством Эррио весною 1925 г.) и т. п.

Руководители основных эмиссионных банков организуются в последнее время в своеобразную международную корпорацию, в банковский триумвират или кваттуорвират, конференции которого окружены гораздо меньшим шумом, чем конференции иностранных министров, но наверное имеют неменьшее значение. Восседая на ящиках с золотом Федерального банка, г. Стронг, в сотрудничестве с своими младшими сотоварищами (и прежде всего с своим британским коллегою) или без таковых, «регулирует» международное движение золота, международное развитие учетной нормы, долгосрочного и краткосрочного кредита, повышает и сбивает уровень мировых цен, или «стабилизует» их, определяет «дождь и погоду» международной хозяйственной кон'юнктуры. Хотя власть его в этом отношении, конечно,

не вполне «абсолютная» [1]) (капитализм, к несчастью для этих господ, не знает ничего абсолютного), все же подобных степеней власти и влияния еще не знала история капитализма. В только-что вышедшей книге о центральных банках, снабженной напутствием «губернатора» британского банка Монтэгю Нормана (и уже заключающей целую главу о «Кооперации центральных банков»), мы можем прочесть на этот счет следующие красочные строки:

> «Т. н. автоматический характер золотого стандарта, был всегда и в довоенный период подвержен существенным оговоркам. Но со времени его всеобщего восстановления после происшедшего после войны краха валют, золотой стандарт стал окончательно «манипулированным» стандартом в руках руководящих центральных банков. Та доля участия, которая может быть приобретена этими банками путем их здоровой политики и всемирного их сотрудничества в деле создания и сохранения стабильных условий для промышленности и для труда—громадна. Эта власть стоит на втором месте разве только по сравнению с властью правительств в широчайшем смысле этого слова, властью, которая сообразно с принимаемым ею направлением действует на благо или во вред целых обществ» [2]).

Таким образом, гг. «президенты» и «губернаторы» эмиссионных банков являлись бы (согласно авторам упомянутого труда) чем-то в роде параллельных правительств, и г. Стронг, «возглавляющий» эту весьма немногочисленную компанию, по сути, являлся бы и сам по себе чем-то в роде даже международного «правительства»: не обозначал ли бы этот факт некоторого нововведения в реальной, неписанной конституции современной «демократии»?

д) Государство и рента. „Сращение" с депозитными банками.

В общей системе явлений, о которых шла выше речь, обратим внимание на одно частное немаловажное явление, которое одно время несколько исчезало от нас за туманом инфляции. Это — возросшая близость между современным капиталистическим государством и рентой. Основной факт в этой области тот, что за время войны и первые годы после войны существенно видоизменилась, так сказать, внутренняя структура ренты. Все основные воюющие европейские страны были вынуждены освободиться от крупнейших частей своего рентнерского богатства, основанного на долголетнем вывозе капитала, т.-е. от ренты, обеспеченной доходом от других стран [3]), и в то же время в еще большей степени вырастали всякие формы ренты, основанные на внутренней задолженности, т.-е. ренты, обеспечивае-

[1]) Когда в 1926 г. некий другой г. Стронг, член Палаты, вздумал было предложить билль, возлагающий на Федеральный Банк формальную обязанность обеспечения стабильности цен, то Говернору Стронгу пришлось об'яснить своему уже совсем увлекшемуся тезке, что его предложение повело бы, будь оно осуществлено, к недоразумениям, поскольку возможность федеральной системы влиять на цены все же «не абсолютна, но подвержена некоторым существенным ограничениям»...

[2]) C. K. Kisch and W. A. Elkin. «Central Banks». London. 1928. Стр. 153.

[3]) Согласно разным вычислениям Англия потеряла целую четвертую часть — около 5 миллиардов долларов — своих заграничных помещений Еще несравненно сильнее пострадала Франция, одни русские, турецкие и болгарские долги которой составляли немногим меньше половины всей суммы ее внешних помещений, исчислявшейся в 1914 г. цифрой приблизительно в 8 миллиардов долларов.

мой государством. Революция в России и Турции нанесла дальнейшие удары старым формам «заграничной» ренты. В результате, в небывалых до сих пор степенях рента приобрела форму государственных обязательств. Карман податеплательщиков стал основным источником ренты, и государство—основным насосом, выкачивающим ренту из этого источника. Пример Франции в этом отношении самый яркий. Но и в Англии произошли крупные и прочные изменения. Боули и Стэмп высчитывают, что доход, получаемый Англией из-за границы представляет в настоящий момент около 5% всего национального дохода страны, тогда как *до войны эта доля составляла около* 9 или 10% [1]), т.-е., другими словами, значение этой категории дохода уменьшилось приблизительно вдвое. В это самое время внутренняя задолженность, т.-е. государственная рента, выросла, как ни в какой другой стране, поглощая свыше одной трети (около 38%) всего национального бюджета и представляя выше 7% (по вычислениям тех же статистиков, как и Комитета Кольвина) всего национального дохода.

Иначе говоря, из года в год государство перекачивает из кармана податеплательщиков в карман обладателей ренты свыше 7% всего дохода страны, для чего использует почти 40% всех государственных поступлений!

Пользуясь цифрами Боули и Стэмпа, изменившееся внутреннее соотношение различных частей ренты можно бы представить следующим образом: в 1911 г. общая доля всякого типа «unearned income» представляла 24½% всего национального дохода страны, в этой сумме около 9 или 10% составляла доля дохода из-за границы, а остальное, т.-е. 14 или 15½%, доход, черпаемый из самой страны; в 1924 г. эта же общая доля исчислялась в общем уменьшенной цифрой 22%, но в этой общей цифре доля, так сказать, «заграничной» ренты представлена только 5%, тогда как доля «внутренней» ренты—17%. 10 и 14½%, 5 и 17% — *изменения в соотношении, во внутренней структуре ренты прямо громадные* (об'ясняемые в немалой части и параллельно шедшим относительным ростом вложений в местную, т.-е. национальную промышленность)!

Из этого ясно, какую роль играет современное государство для рентнерского богатства, насколько оно «срощено» с государством. Всякие колебания денежной политики государства отражаются непосредственнейшим образом и в первую голову именно на ренте. Это дало государству громадную силу в руки, дало ему возможность определенно и систематически поддерживать и укреплять реакционные настроения и реакционные элементы в стране. Эпоха дефляции была эпохой реванша ренты в экономической и в политической области и совпала с периодом повсеместного торжества реакции. В своей политике ревалёризации Муссолини и Пуанкаре, без сомнения, больше считались с интересами ренты, чем это было желательно промышленности. В Англии же вся сплошь денежная политика с самого момента установления Комитета Кенляйфа была прежде всего политикой рентнерско-банковских интересов, с которою трудно мирилась промышленность в ее борьбе за сохранение высоких цен и за сокращение издержек. «Вторая трудность (хозяйственной проблемы Англии),—писал в 1922 г. Стэмп,—состоит в том, что страна видит, как ее зафиксированное бремя по оплате процентов и погашению долга *становится все большей долей всего ее дохода и ресурсов»* [2]). Согласно докладу, меньшинства комитета

[1]) The National Income. 1924. Oxford. 1927. Стр. 52.

[3]) Wealth and Taxable Capacity. 1922. Стр. 174. Почему автору (крупнейшему железнодорожному и финансовому деятелю) представлялось и «недиковинным», что в настоящее время имеются растущие круги общественного мнения, считающие, что дефляция является плохой политикой» (стр. 175).

Кольвина, целых две трети послевоенного долга были заключены, когда ценность фунта была ниже, чем впоследствии, когда по этим долгам пришлось государству расплачиваться. Но этому *дальнейшему* росту ренты, обеспечиваемой государством, как прямому результату дефляции не смело оказать сопротивления, несмотря на тайное и скрытое сопротивление промышленности, ни одно британское правительство. Тут от Сноудена до Черчилля все были единодушны: рента должна была оставаться доминирующим началом британской финансовой политики [1]). Рента и государство «срастались» в степенях, каких не знала довоенная эпоха.

По этой же линии должно было прогрессировать «срастание» между современным государством и депозитными банками, как основными носителями ренты и ближайшими проводниками заемно-кредитной политики государства. В эпоху войны и первые послевоенные годы, когда политика крупных займов еще продолжала процветать, эти банки стали просто подсобными органами государства. Сотрудничество государства с этими банками достигло тогда высших пределов. Колоссальные количества государственных бумаг должны были при этом так или иначе застревать в портфелях банков, обостряя в них интерес к сохранению максимальной ценности за этими бумагами и побуждая их в соответствующем направлении нажимать на государство. Вот для пояснения поучительнейшая цифра: Лейтон (редактор «Экономиста») показал перед комитетом Кольвина, что, по его подсчетам, из общей суммы государственных бумаг свыше 10%, именно 820 млн. фунтов находится в портфелях банков вместе с Банк оф Ингляид (не считая сберегательных банков! Совместно с последними — 1.275 млн.) [2]). Громадность этой цифры станет ясной, если вспомнить, что *вся сумма предвоенной задолженности Англии составляла меньшую цифру—656 млн. фунтов,— чем та, которая ныне числится в активе банков!* Этот факт достаточно красноречиво говорит о заинтересованности банков в ренте и о их неизбежной близости, «сращении» с государством [3]).

---

[1]) Вопрос о значении ренты в британской экономической политике был в свое время очень интересно разработан тов. Варгой в статье, посвященной забастовке 1926 г.

[2]) Report of the Committee on National Debt and Taxation. Стр. 360.

[3]) К другим явлениям перерождения современного капиталистического государства — и прежде всего *роста его влияния на весь жизненный уровень пролетарских масс (с чем неразрывно связано развитие современного реформизма)*—мы вернемся в другой статье, и тогда уже перейдем к вопросу о том, *что в этой связи произошло с буржуазно-демократической оболочкой этого перерождающегося капиталистического государства.*

В. Григорьев.

Коллективизация советской деревни.

I. Два этапа коллективизации.

Подводя итоги десятилетнего строительства колхозов, нужно признать, что мы имеем за этот период два разных пути коллективизации. Первый путь заканчивается сейчас, второй начался позже первого, в значительной степени независимо от первого и по-настоящему разворачивается лишь теперь. Первый путь заключался и заключается в коллективизации вокруг национализированных фондов, второй путь лежит в об'единении крестьянских хозяйств вокруг инвентаря, в последовательном обобществлении отдельных функций крестьянского хозяйства, в последовательном перерастании крестьянского хозяйства, из индивидуального в товарищество по совместному пользованию инвентарем. затем в товарищество по совместной обработке земли, затем в артель, в коммуну.

Организация колхоза в первые годы революции представляла для крестьянских хозяйств лучшую форму освоения национализированных фондов.

По Северному Кавказу за все время возникло на национализированной земле 89,57% всех коммун и 68,78% артелей. В Орловской губернии колхозами получено бесплатно 40,4% всех имеющихся у них плугов, 84,2% сеялок, 89,3% уборочных машин, 69,2% молотилок и 55% зерноочистительных машин. Немалое количество колхозов было в те годы организовано случайными элементами — крестьянами, желающими спасти от реквизиции свой инвентарь, и рабочими, ушедшими в деревню с остановившихся фабрик. В московских колхозах в 1919 году рабочие составляли 72,7% всех членов.

Наличие случайных элементов рано или поздно должно было вызвать развал колхозов. Это и началось с момента устранения причин, толкавших эти случайные элементы в колхозы. Количество рабочих в московских колхозах сократилось с 72,7% в 1919 году до 32,2% в 1925 году.

В СССР без Украины колхозов было:

в 1921 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
14.732	8.469	8.802	7.161

Возобновление роста колхозов в 1924—25 годах стоит в связи с массовым освобождением национализированных фондов в связи с ликвидацией ряда совхозов.

К 1927 году нацфонды почти исчерпаны. Дальнейшее строительство колхозов вокруг нацфондов делается уже невозможным. Если бы коллективизация не нашла иных путей, ее будущее заключалось бы в распаде отдельных колхозов и замене их новыми, возможно, что лучшими, но в старых количественных пределах.

Но новый путь нашелся, и этот путь лежал в машинизации. Вся сумма нашей экономической политики в области машиноснабжения была таковой, что рост машинных товариществ мы получили громадный. А все обследования НК РКИ СССР прямо говорят о том, что установить твердую границу между машинным т-вом и т-вом по общественной обработке земли очень

трудно. Машинное т-во обычно на первых же шагах своей работы перерастает свой устав, превращается в т-во по общественной обработке земли. Невыгодность работы на тракторе со слабым конным инвентарем заставляет хозяйства озаботиться приобретением вслед за трактором специальных прицепных орудий к нему: тракторная молотилка, двадцатирядная сеялка, сенокосилка, жнейка, последовательно приобретаются и поступают в общественное владение. Нецелесообразность использования трактора на мелких работах по хозяйству толкает хозяйства к обобществлению некоторого количества рабочего скота. Создается крепкая техническая база кооперирующихся хозяйств. И кооперация проникает все глубже и глубже в корни крестьянских хозяйств. При пахоте невыгодны межи — межи сравниваются. Сначала они сравниваются только на время пахоты и восстанавливаются по паханному полю. Но приходит кооперативная сеялка, кооперативная жатка — и межи уже ни к чему. Делят снопы. Приобрели молотилку — переходят к дележке уже не снопов, а обмолоченного зерна и соломы, а уж на этой ступени внутрихозяйственные отношения переплетаются так, организация труда делается настолько стройной, что хозяйства отдельные теряются в общем хозяйстве. Возникает ряд общих расходов и работ: обучение тракториста-механика, приобретение нефтепродуктов, ремонт трактора и машин, возка копен, работа на общей молотилке, обучение счетовода, оплата союзного инструктора и пр. Обобществляются деньги и большая часть труда. И товарищество переходит к системе заработной платы, а потом и к полному обобществлению потребления. Так крестьянское хозяйство от тракторно-машинного товарищества, через товарищество по совместной обработке земли, через артель вырастает в коммуну.

Получается следующая динамическая схема коллективизации:

Степень коллективизации.	Что обобществлено.	Название организации.
Первая	Инвентарь.	Машинное товарищество или т-во по совместному пользованию рабочим скотом.
Вторая	Инвентарь и земля.	Товарищество по совместной обработке земли.
Третья	Все средства и процессы производства.	Сельскохозяйственная артель.
Четвертая	Все средства производства и процессы производства и потребления.	Сельскохозяйственная коммуна.

Балансовые данные о колхозах Ставропольского округа ясно показывают, что более полным формам колхозов соответствует и более полный переход к коллективизации. Если в коммунах обобществлены все средства, то в артелях 43,7% их, а в товариществах — 15,9%.

Обратимся к составу основных капиталов разных видов колхозов.

Основной капитал в среднем на одно товарищество по совместной обработке земли Ставропольского округа распределяется следующим образом:

	В индивидуальном пользовании.		В коллективном пользовании.	
	Сумма	%%	Сумма	%%
Живой инвентарь	3.885	50,6	116	5,4
Мертвый	763	9,9	1.987	93,3
Постройки	3.024	39,5	29	1,3
Всего:	7.672	100,0	2.132	100,0

В стоимости основных капиталов, находящихся в коллективном пользовании, главное место (93,3%) занимает мертвый инвентарь; в индивидуальном пользовании находится, главным образом, инвентарь живой (50,6%). В общем получается, что стержнем коллективизации оказывается мертвый инвентарь, вокруг которого группируются обобществленные постройки и рабочий скот. Выделяется общее самостоятельное хозяйство, при чем черты индивидуальных хозяйств еще сильны. Члены товарищества имеют свои постройки, свой рабочий скот, свой мертвый инвентарь.

Возьмем тот же вопрос в отношении артелей.

Основной капитал в среднем на одну артель Ставропольского округа:

	В индивидуальном пользовании.		В коллективном пользовании.	
	Сумма.	%%	Сумма.	%%
Живой инвентарь	1.273	54,2	1.092	32,3
Мертвый „	84	3,5	2.101	62,2
Постройки	998	42,3	186	5,5
Всего	2.355	100,0	3.379	100,0

Здесь тот же процесс, но более углубленный, тот же процесс, но ушедший в следующую стадию. Коллективное накопление пошло дальше, и доля мертвого инвентаря в составе основных капиталов, находящихся в коллективном пользовании, естественно понизилась за счет роста доли живого инвентаря. Но индивидуальные хозяйства остаются попрежнему индивидуальными. Питаемая коллективным производством артель живет индивидуальной жизнью маленьких потребительских, повидимому, семейных ячеек.

В коммунах индивидуальный сектор отсутствует и капиталы, целиком обобществленные, располагаются так:

Живой инвентарь.	Мертвый инвентарь.	Постройки.	Всего.
37,1%	36,5%	26,4%	100,0

Не трудно уловить несомненную связь с артелью. В артели, если мы сложим все средства (и индивидуального и коллективного пользования) получится такое распределение:

Живой инвентарь.	Мертвый инвентарь.	Постройки.	Всего
41,2%	38,2%	20,6%	100,0

Разница между коммуной и артелью здесь заключается лишь в том, что у артели повышенная доля живого инвентаря. Но, ведь, совершенно же ясно, что с обобществлением всех средств производства использование рабочего скота будет более целесообразным, количество его сократится, средства, в него вложенные, лягут в постройки, и строение капиталов артели будет таким же, какое характерно для коммун.

Таким образом, связь между разными степенями коллективизации несомненна.

Сумма основных средств в коммунах (18.552 руб. в среднем на коммуну) превышает даже общую сумму средств индивидуального и коллективного пользования в артелях (5.734 руб.) и в товариществах (9.803 руб.).

Сравнение данных 1921 года о формах колхозов с данными 1925 года показывает, как мы констатировали уже выше, сдвиг в сторону преобладающего возникновения простейших форм.

Займемся этим вопросом подробнее.

Сгруппируем колхозы СССР (без Украины и Крыма) по удельному весу отдельных форм, сопоставим изменения этого удельного веса и получим:

Изменения в процентном соотношении отдельных форм колхозов с 1921 г. по 1925 г.

Районы	Коммуны.	Артели.	Товарищества.
1. Северо-Западный	+ 4,09	— 2,61	— 1,48
2. Северо-Восточный	+ 3,81	+21,12	+24,34
3. Северо-Волжский	—15,51	+ 5,82	+ 9,69
4. Нижне-Волжский	— 3,04	+33,94	+36,98
5. Центрально-Промыш.	+ 1,66	+ 3,92	— 5,58
6. Центрально-Земледельч.	+ 0,24	—24,31	+67,18
7. Западный	+ 0,97	— 6,10	+ 5,13
8. Вятско-Ветлужский	— 8,96	+ 4,45	+ 4,51
9. Северо-Кавказский	— 8,57	—53,21	+61,48
10. Уральский	—14,20	+11,00	+ 2,20
11. Киргизск. ССР	— 0,90	— 6,60	+ 7,20
12. Сибирь	—10,08	— 4,16	+ 5,71
Итого без Украины и Крыма	— 4,10	—15,80	+19,90

В основном здесь отразился процесс распада коммун, организовавшихся в исключительных условиях 1918—20 годов. Но наиболее характерно в этой таблице то, что коммуны прибавились лишь в районах наибольшего сосредоточения национализированных фондов в то время, как удельный вес товариществ повышается почти всюду, давая особенное увеличение в районах экстенсивного земледелия, куда за последние годы направлялась и основная работа по машинному и тракторному снабжению.

2. Коллективные хозяйства в системе с.-х. кооперации.

По данным Союза Союзов с.-х. кооперации по СССР без Украины удельный вес коллективных хозяйств представляется в следующем виде:

	На 1 октября 1925 г.	На 1 октября 1926 г.	На 1 января 1927 г.
Процент колхозов ко всему количеству первичных с.-х. кооперативов	21,3	19,1	19,3
Процент членов колхозов ко всему кооперированному населению	2,9	2,1	2,1

Таким образом, колхозы занимают около одной пятой всего количества первичных сельскохозяйственных кооперативов и об'единяют немного более двух процентов об'единенного с.-х. кооперацией населения.

В 1924 году они составляли 26,7% всех первичных кооперативов и об'единяли 8% кооперированного населения. В период 1921—23 годов колхозы являлись основным ядром с.-х. кооперации.

Таким образом, развитие сельскохозяйственной кооперации в ее массовых формах быстро и далеко опередило развитие колхозов.

В систему с.-х. кооперации в последнее время оказываются вовлеченными 58% колхозов СССР без Украины и 48% украинских колхозов. Все вообще материалы указывают на значительное количество «диких» колхозов. Из вовлеченных в систему с.-х. кооперации РСФСР колхозов 67,4% входят в союзы и 32,6% в первичные кооперативы. «Дикость» колхозов повышается в направлении от высших форм к низшим. Из 1.999 колхозов РСФСР «диких» коммун 10,9%, артелей — 21,6%, товариществ — 43%.

Особенно это заметно в районах наибольшего распространения простейших форм. В Центрально-Земледельческом районе процент «диких» товариществ составляет 35,6. в Нижне-Волжском районе — 50, на Северном Кавказе — 68,3.

Размеры «дикости» колхозов находятся в соответствии с тем, что по УССР, например, колхозы сбывают через кооперацию только 29,7% всей своей товарной продукции и делают только 25,4% закупок.

Причинами «дикости» колхозов можно считать следующие. Во-первых, то, что колхозы часто находятся в стороне от железной дороги и плохо связаны с городом, что делает нецелесообразной связь их с союзом, во-вторых, неприспособленность кооперативного аппарата к колхозам, как к новой форме производства. Большая механизация земледелия по сравнению с единоличным крестьянским хозяйством позволяет колхозу производить уборку урожая значительно быстрее. На Северном Кавказе были случаи, когда значительная партия зерна колхозов шла вне кооперации вследствие того, что кооперация не приступила еще к хлебозаготовительной кампании. В-третьих, на дикость колхозов оказывает влияние и то, что система с.-х. кооперации вообще проявляет весьма мало заботы по отношению к колхозам, требующим агрономической и технической помощи. В отношении последней положение осложняется еще и тем, что оказание ее распределено между госорганами и кооперацией, при чем обе организации не имеют права обслуживать преимущественно кооперированное население.

Более или менее налаженное организационное и агрономическое обслуживание колхозов отмечается лишь в Сибири, на Сев. Кавказе и кое-где в УССР, где имеются секции колхозов. Но и тут на одного агронома приходится 36 колхозов. В среднем по УССР нагрузка на одного агронома равна 100 колхозам.

По данным обследования НК РКИ РСФСР в течение 4—5 лет не были совсем представители кооперации в 33,4% обследованных коммун, в 33,3% артелей и в 44,0% товариществ.

Все это приводит к ненужности для колхозов вступления в с.-х. кооперацию. Необходимость же внесения пая, денег,—за что, неизвестно — окончательно отталкивает колхозы от с.-х. кооперации. Бесспорно, что с.-х. кооперация должна как-то перестроить свою работу, изыскать какие-то новые пути для организации колхозного движения. И бесспорно также то, что здесь в меньшей степени поможет организация всевозможных союзных и республиканских центров, нежели организация на месте, на низу, даже в первичных кооперативах, об'единяющих несколько колхозов, действенных ячеек агрономической, технической и организационной помощи колхозам. Тогда и только тогда у колхозов найдутся и средства для вступления в систему с.-х. кооперации. В этой части последние решения правительства значительно развязывают положение. Курс на создание групповых и кустовых об'единений, отпуск специальных средств на их организацию и на создание специально колхозной агрономии, — все это даст значительную поддержку дальнейшему развитию колхозов.

3. Производственная характеристика коллективных хозяйств.

Переход крестьянских хозяйств к коллективному способу землепользования, обычно, сразу же сопровождается и привлечением их к агрикультуре. Перед об'единившимися хозяйствами в первые же дни встает вопрос об организационном плане, о поиске лучших форм земледелия, чем те, которые применялись ими до об'единения. Каждый только-что сорганизовавшийся коллектив сразу же тянется к агроному. Особенно в том случае, если об'единение произошло вокруг трактора.

Любопытны изменения в составе стада, которые несет за собой тракторизация. По 70 тракторизованным хозяйствам Сев. Кавказа эти изменения шли таким образом:

	Лошадей	Коров	Свиней	Овец
До покупки тракторов . . .	71	57	59	64
После покупки тракторов .	45	54	52	74
Уменьшение (—) или увеличение (+)	— 26	— 3	— 7	+ 10

Из убывших продано для уплаты за трактор: лошадей 21, коров — 5, свиней—5, овец—8.

Аналогичные данные получены и в результате обследования 32 хозяйств разных районов. Данные эти говорят о том, что даже при наличии платежей за трактор тракторизованные хозяйства увеличивают часть продуктивного скота (овцы). Уменьшение же крупного продуктивного скота сильно отстает от уменьшения скота рабочего. За продуктивный скот держатся. Возможности расширения кормовой площади для продуктивного скота за счет освобождения части кормовой площади для лошадей толкают хозяйства к перестройке своего организационного плана, к введению в севооборот кормовых культур, в конечном счете, к переходу на многополье и к интенсификации всего хозяйства через интенсификацию скотоводства.

Естественно, что колхозы с большей легкостью, нежели индивидуальные хозяйства, переходят к многопольным севооборотам. На Северном Кавказе многополье введено в 70,9% коммун, в 42,5% артелей, в 23,1% товариществ. В Западном районе на трехполье остались 9,3% коммун, 10,0% артелей, 27,3% товариществ; в Центрально-Черноземном районе — соответственно 3,7%, 24,0%, 30,8%.

Отсюда и то обстоятельство, что процент зерновых культур в колхозах, как правило, ниже, нежели в крестьянских хозяйствах.

Вот таблица:

Процент зерновых культур в посевах

Районы.	Колхозов	Крестьян. хозяйств	Разница в пользу колхозов
Северный	48,00	67,30	— 19,30
Западный	51,64	60,60	— 8,96
Центр -Промышл.	52,27	67,30	— 15,03
Центр.-Землед.	56,66	63,00	— 6,34
Волжско-Камский	69,16	79,90	— 10,74
Уральский	80,28	91,30	— 11,02
Волжский	78,29	74,80	+ 3,49
Северный Кавказ	74,48	81,70	— 7,22

За счет зерновых культур в колхозах развиваются посевы технических культур, корнеплодов и кормовых трав. Такая же в общем картина и по Украине.

Соотношение посевов на Украине.

	Озимая рожь	Озимая пшеница	Яровые зернов.	Пропашные
В колхозах	21,5	18,0	40,0	15,5
В крестьянских хозяйствах . .	28,0	10,5	44,5	12,6
Разница в пользу колхозов . .	— 6,5	+ 7,5	— 4,5	+ 2,9

По РСФСР по данным обследования НК РКИ поздние пары сохранились только в 14,2% обследованных коммун, в 25,9% артелей и в 22,2% товариществ.

Но этим, примерно, и исчерпываются показатели лучшей постановки сельского хозяйства в колхозах по сравнению с крестьянскими индивидуальными хозяйствами. Слабость агрономической помощи колхозам, о которой мы говорили уже выше, не осталась без влияния на хозяйственные успехи колхозов. Сравнение колхозов с индивидуальными крестьянскими хозяйствами по урожайности главных зерновых культур приводит к неутешительным выводам.

Материалы Колхозцентра дают такую картину:

Превышение (в центнерах) урожая с десятины в коммуне над урожаем с десятины в индивидуальном крестьянском хозяйстве.

Районы.	Рожь озимая.	Пшеница озимая.	Пшеница яровая.	Овес.	Ячмень.
1. Урал	+ 0,54	+ 3,45	+ 2,58	+ 0,97	— 2,84
2. Ц. Ч. О.	+ 6,13	+ 5,15	+ 0,23	+ 2,17	— 4,2
3. Ц.-Промышл.	+ 2,12	—	—	+ 0,77	—
4. Сев. Кавказ.	+ 6,4	+ 2,52	— 3,84	— 0,05	+ 0,46
5. Ср.-Волжск.	+ 2,72	—	+ 1,05	+ 0,74	— 0,61
6. Крым	— 2,3	+ 0,08	+ 2,46	+ 5,06	— 0,38
7. Западный	+ 4,27	— 0,98	— 2,87	+ 3,55	+ 0,46

Тоже по артелям.

Районы.	Рожь озимая.	Пшеница озимая.	Пшеница яровая.	Овес.	Ячмень.
1. Урал	— 1,79	—	— 0,34	— 0,70	— 4,98
2. Ц. Ч. О.	+ 5,38	+ 1,38	—	+ 5,1	— 0,79
3. Ц.-Промышл.	+ 5,15	+ 12,1	— 0,72	+ 2,05	+15,2
4. Сев. Кавказ.	—	+ 2,48	— 3,18	+ 2,16	+ 4,8
5. Ср.-Волжск.	+ 2,0	—	— 0,66	— 0,31	— 0,94
6. Крым	+ 0,49	— 3,2	—	+ 4,25	— 0,05
7. Западный	+ 1,47	— 0,41	— 6,96	— 0,13	— 0,34

Коммуны, дающие в общем неплохие показатели, по ряду важных районов и культур отстают в урожайности от крестьянских хозяйств. Еще хуже в артелях. В общем, несмотря на несомненный успех, колхозы еще недостаточно резко выделяются в смысле урожайности из основной массы хозяйств. И это при условии, что сам по себе переход на обобществленное хозяйство неизбежно дает повышение урожайности уже на одном уничтожении межей и на однородности вспашки и унавоживания полей.

Значит, агрикультура в колхозы не проникла еще в такой степени, чтобы обеспечить им устойчивые разультаты хозяйствования.

Соотношение культур, обеспечивающее хозяйство коллективов большими кормовыми ресурсами по сравнению с индивидуальным крестьянским хозяйством, создает благоприятные условия для развития в колхозах продуктивного животноводства. Однако, общие показания в этом отношении для колхозов неблагоприятны. Так, например, в Северо-Западном районе на 100 десятин земли приходится в колхозах 13,3 коровы, в крестьянских хозяйствах — 20,3. В Западном районе в колхозах — 10,6, в крестьянских хозяйствах — 16,7. В среднем по РСФСР в колхозах — 7,6, в крестьянских хозяйствах — 11,2.

По Украине на 100 десятин посева приходится коров в коммунах 7,5, в артелях — 12,1, в крестьянских хозяйствах — 21,0. Овец там же в коммунах — 30,2, в артелях — 13,1, у крестьян — 52,5. Свиней там же в коммунах — 28,9, в артелях — 17,1, у крестьян — 24,5. Только в отношении свиней цифры в пользу коммун, что, повидимому, об'ясняется наличием в больших общественных хозяйствах большего количества отбросов, позволяющих разводить свиней.

Конечно, недостаточное развитие животноводства в массе колхозов не исключает того, что среди них есть коллективы со значительной обеспеченностью продуктивным скотом. Например, по Минскому округу Бел. ССР животноводство в колхозах, перешедших на многополье, развито сильнее, нежели в крестьянских хозяйствах. Здесь получается так, что на 100 десятин посева приходится коров в таких колхозах 32 головы в то время, как в индивидуальных хозяйствах 27 голов.

Недостаток продуктивного скота приводит *к разрыву между организацией полеводства и животноводства.* Значительная площадь под кормовыми культурами дает возможность расширить скотоводство и даже вынуждает к этому в целях использования кормового запаса. Недостаток скота определяет острый недостаток навоза, и процент неунавоженных полей в колхозах велик. Но здесь мы сталкиваемся с вопросом, на котором останавливались уже выше. Стержнем коллективизации является мертвый инвентарь. Платежи за него велики, что заставляет до выплаты ликвидировать живой инвентарь. *Иными словами, недостаточное развитие продуктивного животноводства в колхозах об'ясняется в немалой степени тем, что основная часть колхозов переживает период накопления или восстановления своего основного капитала главным образом в части мертвого инвентаря.*

На этом фоне колхозы делают слабые еще пока попытки специализации своего производства. В некоторых районах они начинают основательно врастать в семенное дело. Из Саратовской губернии, например, пишут, что «в 1924 году колхозы были еще слабо заинтересованы в селекционных семенах, но уже в 1925 году они провели больше пятидесяти процентов всей работы райсемсоюзов». В Новосибирском округе «колхозы становятся репродукторами чистосортных семян».

Стремятся колхозы и к организации переработочных предприятий, главным образом, мельниц, крупорушек, маслобоек. В УССР промышленные предприятия имеются в 45% коммун, 9% артелей, и 2% товариществ. По 12 районам РСФСР на одну коммуну приходится 1,23 предприятия, на одну артель — 0,79 и на одно товарищество — 0,82. Соотношения эти, конечно, вполне естественны, так как в высших формах колхозов открывается безусловно больше возможностей для организации переработочных предприятий, нежели в низших.

Характерно, что предприятия в основном рассчитаны на чужое сырье, на работу на стороне, на работу для прямого заработка. По обследованным НК РКИ 27 предприятиям работают на собственном сырье водяные мельницы на 4,5%, механические мельницы — на 8,5%, просорушки — на 5,2%, маслобойки — на 9,4%. Значит, *организация переработочных предприятий в колхозах не стоит в прямой связи с их собственным производством, а является способом накопления, что еще больше подтверждает то положение, что вопрос о накоплении или восста-*

новлении основного капитала сейчас основной вопрос для колхозов.

Обратимся к вопросу об использовании рабочей силы в колхозах.

На 100 десятин приходится работников по СССР без Украины в колхозах 47,6, в крестьянских хозяйствах 61,3. По отдельным видам — в коммунах 30,4, в артелях — 49,4, в товариществах — 63,5. Таким образом, использование рабочей силы в колхозах выше, нежели в крестьянских хозяйствах. Но в связи с недостаточным развитием неполеводческих отраслей оно, конечно, не может быть достаточным. По данным обследования наиболее типичных колхозов Киевского округа, использование рабочей силы в них не превышает 75%. По отдельным коммунам УССР обследование устанавливает процент использования рабочей силы равным 75, 51, 61, 50, 35. Одновременно, в связи с полеводческим направлением большинства колхозов и, вследствие этого, сезонной загрузкой рабочей силы, в колхозах наблюдается значительное применение наемного труда.

Районы.	Коммуны.		Артели.		Товарищества.	
	Средн. колич. наемн. раб.	В %% к общ. числу раб.	Средн. колич. наемн. раб.	В %% к общ. числу раб.	Средн. колич. наемн. раб.	В %% к общ. числу раб.
1. Западный	0,6	2,46	0,7	2,71	2,0	9,61
2. Моск. Пром. . .	1	6,29	—	1,53	3	10,45
3. Центр.-Черн. . .	1	2,91	—	1,42	—	0,38
4. Волжск.-Камск. .	0,05	3,61	0,02	0,74	—	—
5. Уральск. обл. . .	—	6,75	—	—	—	—
6. Башк.-Оренб. . .	0,7	3,85	0,4	1,44	0,07	2,44
7. Волжский . . .	1	4,72	2	4,60	1	3,68
8. Сев.-Кавк. окр. .	2	3,9	1,7	4,7	0,7	1,5
9. Сибирь	1,8	2,9	0,7	1,5	0,2	0,3

Картина по всем районам такова, что можно говорить о том, что колхозы еще не нашли настоящих форм организационного плана своего хозяйства, как правило, ведут хозяйство одностороннее, не позволяющее рационально распределить имеющиеся у них рабочие руки.

Вывод, конечно, в достаточной степени кислый и заставляющий еще раз подумать о необходимости организационной, агрономической и технической помощи колхозам.

Здесь необходима такая реорганизация хозяйства колхозов, при которой было бы обеспечено более равномерное распределение рабочей силы во времени, чего невозможно достигнуть при одностороннем полеводческом направлении хозяйства. Прекрасный пример дают две коммуны Киевского округа—«Новый мир» и «Чайка». В «Новом мире» полеводство составляет 73,4%, в «Чайке»—54,8%. В «Новом мире» наемная рабочая сила составляет 47,3%, в «Чайке» — только 6,5%, при чем наемные рабочие в «Чайке» используются исключительно в полеводстве.

Вопрос о производительности труда в колхозах в немалой степени упирается в то обстоятельство, что члены колхозов переносят в колхозы привычные формы работы мелкого крестьянского хозяйства, непригодные для хозяйства коллективного. Каждому крестьянину, вошедшему в колхоз, приходится по существу переучиваться. А всему колхозу надо еще выделить определенные достаточно культурные силы для выполнения ряда общественных обязанностей, необходимых в большом общественном хозяйстве. Особенно тяжело со счетоводами. По данным обследования НК РКИ РСФСР учет ведется только в 50% обследованных коммун, в 37% артелей и 7% товариществ. По УССР благодаря работе агроперсонала счетоводство ведется в 70% колхозов. Даже в Московской губернии из 160 колхозов счетоводство ведется в 83, да и то хорошую его постановку можно встретить редко. Еще хуже в отношении планов. По обследованным НК РКИ РСФСР колхозам план оказался у 25% коммун, 15% артелей, 10% товариществ. НК РКИ УССР указывает, что «ни в одном колхозе нет не только организационного, но и производственного плана, которым колхозы руководствовались бы в повседневной жизни».

Получается явный разрыв между несомненным стремлением колхозов к организации своего хозяйства и отсутствием для этого культурных сил.

Культурная революция еще только идет и требует чуткого руководства, требует помощи от кооперативной системы. Медленно, кое-где болезненно вырабатываются новые формы организации хозяйства, новые формы быта. Противоречия индивидуального хозяйства с коллективным слабы в области производства. На обобществление производства идут легко. Настоящие противоречия начинаются тогда, когда колхоз подходит к обобществлению потребления. Здесь дается генеральный бой между индивидуальной, прочно укоренившейся и коллективной новой психологией. И весь вопрос в том, насколько глубоко коллективная психология укрепилась в течении процессов обобществления производства. В массе колхозов, нужно сказать, новые формы еще не найдены. Механически переносят старые общинные формы. Наибольшим распространением пользуется принцип распределения по едокам (по существу, по земельной площади), установленный в 52% коммун, 47,8% артелей, в 32,6% товариществ. Далее идет распределение по паям, то-есть, принцип чисто капиталистический, означающий шаг назад и по сравнению с принципом распределения по едокам. Распределение по паям ведется в 9,3% коммун, 21,9% артелей, 32,6% товариществ. Распределение по рабочему времени только еще начинает проникать в колхозы, проводится в 10,2% коммун, 17,7% артелей, 14,5% товариществ. Вот этот последний принцип, повидимому, будет распространяться. Но существенного значения он не получит до тех пор, пока организация хозяйства в колхозах не обеспечивает работы всем ее членам. Вопрос организации распределения прямо упирается в вопрос организации хозяйства, в свою очередь зависящий, как мы видели выше, от длительности процесса накопления или восстановления основных капиталов колхозов.

Выше мы об'ясняли многие недостатки колхозов тем, что в них происходит процесс накопления. Имеющиеся у нас, правда, не массовые данные, показывают, что процесс этот идет довольно успешно. Так, например, колхозы Минского округа за 1925 год увеличили собственные средства на 55%.

По коммунам Киевского округа:

	„Новый мир".	„Муравище".	„Черв. Рильн".	„Новый шлях".	„Зеленки".	„Надия".
Было средств . .	61.305	9.717	4.804	11.450	1.953	1.405
На 1/X—1925 г. .	64.251	13.436	11.921	14.900	4.347	5.277

Характерно, что накопление это происходит, несмотря на более высокий уровень потребления в коммунах, нежели в крестьянских хозяйствах. В последних расход на еду одного человека в день составляет 11—12,5 копейки в то время, как в коммунах: «Новый мир» — 37,2 коп., «Чайка» — 16,8 коп., «Муравище» — 21,2 коп.

Резюмируем. Новая экономическая политика породила новый путь коллективизации, идущий через машинизацию, заключающийся в последовательном обобществлении отдельных функций крестьянских хозяйств, главным образом, вокруг мертвого инвентаря, являющегося стержнем коллективизации. Возникающие на этом пути формы колхозов—товарищества, артели, коммуны не являются формами самодовлеющими, самостоятельными, оторванными, а целиком включаются в динамический процесс коллективизации, представляя собой разные стадии этого процесса. Тот общий этап коллективизации, который характерен для настоящего времени, можно характеризовать, как этап накопления и восстановления основного капитала колхозов. Процессу накопления соответствует ряд противоречий, характерных для колхозов, поскольку они пока-что строят всю свою работу на накоплении для накопления.

Основные из этих противоречий будут следующие.

Противоречие между возможностями развития продуктивного животноводства в колхозах и фактическим уровнем его. Так, в то время, как значительная часть колхозов перешла на многополье и процент зерновых культур у нее, как правило, ниже, чем в крестьянских хозяйствах, за счет большего развития кормовых культур, — на 100 десятин посева приходится в колхозах скота меньше, чем в крестьянских хозяйствах. Так как явление это вызывается идущим в колхозах процессом восстановления и создания основных капиталов (продают скот для уплаты за машины), перед кредитными организациями встает серьезнейшая задача облегчения этого процесса в колхозах путем улучшения условий кредитования их.

Противоречие между неиспользованием рабочей силы членов колхозов и необходимостью сезонного найма ими чужой рабочей силы. Это обстоятельство об'ясняется еще в значительной степени сохранившейся в колхозах зерновой (в лучшем случае улучшенной зерновой) системой хозяйства, что не позволяет рационально распределить во времени труд членов колхозов и ставит задачу реорганизации хозяйства колхозов путем введения в него таких культур и производств, которые, вытеснив, частично зерновой клин, обеспечат правильный баланс труда в колхозах.

Противоречие между высокой формой землепользования в колхозах и недостатком культурных сил, все еще слабо подготовляемых и мало посылаемых в деревню нашими учебными заведениями. Необходимо обеспечить возможно больший охват школами членов колхозов.

Противоречие между громадной тягой колхозов к агрикультуре и низким состоянием агрикультуры в колхозах, сплошь да рядом не имеющих организационных и производственных планов или не могущих эти планы выполнить. Здесь, на ряду с принятыми уже мерами, необходимо обеспечить выделение из местных бюджетов средств на создание колхозной агрономии.

Противоречие между долей, занимаемой колхозами в системе с.-х. кооперации, и большим количеством «диких» колхозов. Необходимо поставить организационную работу с.-х. кооперации так, чтобы колхозам выгодно было вступать в кооперативную систему. В виду наблюдающегося вступления колхозов, особенно простейших производственных об'единений (машинных, тракторных, мелиоративных, пр. товариществ), не в союзы, а в первичные с.-х. кредитные кооперативы, небходимо проработать вопрос о целесообразности закрепления коопинструкторов-агрономов за теми из с.-х. кредитных кооперативов, которые об'единяют больше 10 колхозов, привлекая к содержанию этих инструкторов-агрономов как средства товариществ, так и средства самих колхозов.

4. Участники строительства коллективных хозяйств.

Основными строителями коллективных хозяйств в настоящее время являются крестьяне. По последним данным они составляют в колхозах РСФСР 95,5%, а в украинских колхозах — 77,9% при чем в низших или неполных формах колхозов процент этот еще выше. Если процент крестьян в коммунах РСФСР равен 88,5, то в товариществах он доходит до 97. В УССР соответственно — 53,4% и 79,6%. Артели занимают промежуточное положение. Рабочий состав концентрируется главным образом в коммунах (6,5% по РСФСР и 6,7% по УССР), будучи совсем ничтожным в товариществах (0,3% по РСФСР и 3,0% на Украине). Естественно, что процент рабочих повышается в промышленных районах. Так, например, в Московской губернии по обследованию 1925 года он был равен 32,2, в Ленинградской (вместе с батраками) 20,7 в то время, как в Киевском округе — 1,6 в Сибири — 4,8, на Северном Кавказе от 2,6 до 3,8.

При этом, как мы уже говорили выше, крестьянство занимает преобладающее значение в колхозах только в годы новой экономической политики, когда рабочие начинают возвращаться в город на восстанавливающиеся фабрики и заводы. Так, например, по Московской губернии процент крестьян в колхозах подымается с 15 в 1919 г. до 53 в 1925 году, в Киевском округе с 42 в 1920 году до 96,7 в 1924 году.

Для характеристики имущественного состава строителей колхозов можно воспользоваться данными Союза Союзов с.-х. кооперации. В этих данных приведены следующие имущественные группировки:

	В колхозах	В крестьянских хозяйствах
Безлошадных	35,3	28,7
С 1 лошадью	44,4	49,9
С 2 лошадьми . . .	15,8	15,2
С 3 „ . . .	3,5	3,9
С 4 и более	1,0	2,3

Выходит так, что низшие группы по лошадности в общем в колхозах преобладают.

Примерно то же получается и в группировке по коровности.

	В колхозах	В крестьянских хозяйствах
Бескоровных	22,6	17,3
С 1 коровой	50,3	54,7
С 2 коровами	20,2	19,7
С 3 „	4,3	5,1
С 4 и более	2,6	3,2

Но интереснее будут эти сопоставления в отношении отдельных форм коллективных хозяйств. При чем нужно иметь в виду следующее: в то время как анализ имущественного состава товариществ и артелей не представляет особых трудностей в виду индивидуального характера хозяйств их составляющих в коммунах этот анализ неизбежно является несколько условным, так как коммуна представляет собой одно целое. В коммунах речь может итти не о составляющих ее хозяйствах, а о хозяйствах, в свое время коммуну

образовавших. Воспользуемся данными Колхозцентра по колхозам Северного Кавказа.

	Состав колхозов			Состав всего крестьянского населения
	коммун	артелей	товариществ	
Без рабочего скота	80,54	53,00	39,18	53,27
С 1 головой	12,68	17,91	27,77	21,09
С 2 головами	5,52	19,89	23,82	18,29
С 3 „	0,29	2,62	2,62	2,78
С 4 и более	0,87	6,58	5,07	4,57

Эти данные вполне подтверждают сделанные нами только-что выводы в отношении коммун. В коммунах высшие группы представлены слабее. Но уже в артелях положение менее благоприятно, и еще менее благоприятно оно в товариществах. Коллективные формы земледелия охватывают главным образом, середняка. Здесь можно говорить опять о недостаточной работе с.-х. кооперации по обслуживанию колхозов тем более, что и другими материалами подтверждается то положение, что кооперация мало активна в деле коллективного снабжения средствами производства бедняцких хозяйств, наиболее нуждающихся для этого в кредите.

В снабженческой работе сталкиваются интересы всех групп крестьянства. Естественно, что интересы эти разные. Бедняцкие хозяйства, как целое, более всего заинтересованы в снабжении коллективном. Возможность получить группой машину для них означает возможность, во-первых, обработать свои поля, во-вторых, освоить сдаваемую в аренду землю, в-третьих, сократить круг аренды земли и инвентаря крупными единоличными хозяйствами и, следовательно, повысить оплату аренды земли и понизить оплату проката инвентаря.

По 19 тракторным хозяйствам, обследованным НК РКИ СССР в разных районах Союза, об'единяющим 5.387 хозяйств, получается, что площадь земли на одно хозяйство после тракторизации увеличилась с 11,45 га до 12,5 га. По 4 тракторным хозяйствам Одесского округа, по данным НК РКИ УССР, расширение запашки на одно хозяйство после приобретения трактора дало 5,02 га.

Интересно в этом явлении то, что увеличение пахотной земли обычно обгоняется расширением посева.

По 70 машинно-тракторным товариществам, обследованным НК РКИ СССР на Северном Кавказе, соотношение пашни и посева представляется в следующем виде:

	Пашня		Посев	
	до приобретения трактора	после	до приобретения трактора	после
Количество земли:				
В гектарах	524	602	445	600
В %%	100 0	114,9	100	135,4

При увеличении пахотной земли на 14,9% посевная площадь увеличилась на 35,4%. Использование ранее неудобных земель сыграло здесь несомненную роль. Посмотрим, за счет чего увеличивается пахотная земля в хозяйствах, перешедших к машинной обработке.

По тем же 70 кооперативам до приобретения трактора хозяйства сдавали за отсутствием тяговой силы в аренду 79,2 га. Теперь они не сдают ничего. И, мало того, что не сдают — начинают арендовать сами.

По тем же 70 кооперативам арендуют земли в гектарах:

	До приобретения трактора	После приобретения трактора
Единоличные хозяйства	33,8	32,7
Коллективная аренда	—	49,0
	33,8	81,7

«На арендованной коллективно земле, — говорится в докладе, — работают артельно. Урожай идет частью на оплату кредита на с.-х. машины и другие нужды всего товарищества, частью распределяется между членами пропорционально затраченному труду (товарищество «Комбинат»)».

Ту же тенденцию подтверждают и данные НК РКИ УССР по 4 товариществам Одесского округа:

Расширение запашек за время работы трактора в гектарах

		В том числе	
		За счет своей земли	За счет аренды
Всего	365,00	119,00	246,00
На одного члена	5,02	1,64	3,38

Как аренда земли машинно-тракторными товариществами, так и эксплоатация трактора и сложной машины с.-х. товариществами сокращают круг единоличной аренды в районе и нивелируют кулацкие цены на аренду.

По Григорополисскому району уплотненной тракторизации и Курганному району (Армавирский округ Сев. Кавказа) обследование НК РКИ СССР дает такие цифры:

Цены за аренду 1 гектара пашни

	После пропашных		После зерновых	
	до тракторизации	после	до тракторизации	после
Григорополисский район	9,35 р.	18,65 р.	6,50 р.	18,35 р.
Курганный район	7,35 „	13,95 „	5,32 „	13,75 „

Рабочий моск. кондитерской фабрики М. К. пишет в «Крестьянскую Газету»:

«Недавно организовавшееся машинное товарищество приобрело трактор. В таком тихом уголке, как наша деревня, это — целое событие. До того середняки и более зажиточные крестьяне обрабатывали землю безлошадникам — у нас таких большинство — и брали за это, сколько хотели. Часто бедняки не в состоянии были платить за работу и отдавали свою землю исполу. Когда пришел трактор, то товарищество об'явило гражданам, что оно будет пахать пар по цене от 6 до 7 руб. за десятину с бороньбой и с рассрочкой платежа до осени. Лошадники тоже не дремали: они начали распространять слухи, что трактор пашет плохо, после приходится лопатой работать по нескольку дней и т. п. Несколько семей бедноты с некоторым страхом сорганизовались и наняли трактор. Когда трактор выехал пахать, то народ собирался не только из нашего села, но и из других деревень. Этот день был экзаменом для трактора. И те признавались, что на лошадях так не разделать землю, как трактором. И посыпались после этого заявки на вспашку. Были случаи, что некоторые бедняки, отдавшие свою землю исполу, взяли ее обратно и наняли трактор».

В несколько иной плоскости лежат интересы середняцких групп крестьянства в снабженческой работе с.-х. кооперации. Во многом тут серед-

няку по пути с бедняком. Он также заинтересован в коллективном снабжении машинами и двигателями, так как единолично ему машина часто не под силу. Но у него есть и иные интересы, присущие его единоличному хозяйству. Ему нужны чистосортные семена, и удобрения, и лошадь, как средство поднять свое хозяйство, не лишая его индивидуалистических черт. Он имеет больше возможности выбиться в одиночку, нежели бедняк, которому единолично непосильна и покупка лошади, не говоря уже о чистосортных семенах и удобрениях, потребность в которых является только у хозяйств, обеспеченных инвентарем, необходимым для обработки земли.

Черты, присущие середняцким хозяйствам в той части, где интересы бедняка и середняка расходятся, эти черты еще более резки у хозяйств зажиточных. Здесь уже — явное стремление к получению двигателя, сложной машины, семян, удобрений для укрепления своего единоличного хозяйства. И для этой группы характерен уже не только спрос на эти товары, но и платежеспособный спрос.

Наконец, последняя группа хозяйств — хозяйства эксплоататорские. Здесь, как и у бедняцкой группы, налицо наибольшая потребность в двигателе и сложных машинах. Но в то время, как бедняцкие хозяйства заинтересованы в приобретении машины для придания устойчивости своим коллективизированным хозяйствам, кулак стремится к машине для использования ее на стороне.

Эти хозяйства прибегают к всевозможнейшим ухищрениям для того, чтобы машину получить. Они не прочь организовать машинное товарищество, использовать кооперативную вывеску для целей укрепления своего хозяйства.

Интересы коллективных об'единений бедняцких и середняцких хозяйств в снабженческой работе с.-х. кооперации в основном совпадают с интересами средних и зажиточных крестьянских хозяйств. Они заинтересованы в том же укреплении своего хозяйства, только хозяйства не единоличного, а коллективного. И тем и другим нужны чистосортные семена, удобрения, рабочий скот, мертвый инвентарь. В области снабжения предметами оборудования перерабоночных мастерских интересы коллективов те же, что интересы кулацких хозяйств. Но кулацкое хозяйство основывает свое предприятие на наемном труде, а коллективы, если это действительно коллективы,—на труде своих членов.

Таким образом, перед кооперацией и системой с.-х. кредита стоит достаточно серьезная задача: надо построить свою снабженческую работу так, чтобы, удовлетворяя частнохозяйственные интересы некулацких групп крестьянства, удовлетворяя коллективные интересы бедноты, в то же время не давать своей работой почвы для развития кулака и организовывать снабжение средних и зажиточных групп такими предметами, которые, будучи им не под силу в одиночку, способствовали бы их коллективизации.

Трудностей на этом пути сколько угодно, но основная из них заключается в том, что бедняк и в значительной степени середняк нуждаются в кредите в то время, как зажиточный и кулак берут за наличные. Последним продавать легче, с ними не надо «возиться», и это обстоятельство открывает широкие опасности перед кооперацией.

Последние государственные мероприятия в области расширения кредита по снабжению деревни средствами производства, создают достаточно твердую базу для усиленного привлечения бедняцких хозяйств в колхозное строительство путем об'единения вокруг инвентаря. Надо добиться того, чтобы и соответствующие мероприятия организационного, агрономического и технического свойства со стороны кооперации не заставили себя ждать.

Нет ничего угрожающего в том, что середняк наиболее активен в колхозном строительстве. Наоборот, это доказывает только то, что коллективные формы оказываются хозяйственно приемлемыми для основной массы крестьянства.

Но надо приложить все усилия к тому, чтобы повысить долю участия в колхозном строительстве хозяйств бедняцких. Ибо для такого хозяйства организация колхоза часто является единственным способом удержаться на земле, ибо работа по вовлечению в колхозное строительство хозяйств без рабочего скота является неот'емлемой частью нашей деревенской политики.

П. Шубин.

Развитие с.-американо-европейской борьбы.

I.

Характер назревающего экономического кризиса в Соединенных Штатах и его неизбежное воздействие на экономику Европы подчеркивают с особой отчетливостью шаткость и распад капиталистического равновесия, установившегося после первой или, вернее, накануне новой всемирной войны. Стремление крупных американских монополистов найти выход из назревающего кризиса и те громадные финансовые и экономические силы, которые сконцентрированы в руках этих монополистов, придают сейчас особо-острую напряженность борьбе за рынки сбыта и источники сырья. Стремительно растут сверхтресты и синдикаты Соед. Штатов; вместе с тем ускоряются процессы трестифицирования и в Европе, сращивания колоссальных трестовских об'единений с государственным аппаратом, образования международных европейских картелей: обе стороны стремятся занять наиболее выгодные исходные позиции к предстоящей борьбе за уничтожение конкурентов на мировом рынке.

Растут по экономической мощи и по искусству борьбы монопольные организации по захвату сырья, успех которых в том или ином пункте земного шара имеет немедленным своим следствием расширение театра меж-империалистических столкновений. Комми-вояжеры и чиновники министерств торговли говорят,—прежде всего и больше всего в Соед. Штатах,—языком рыцарей крестовых походов, а адмиралы и генералы, ссылаясь на опасность, угрожающую священному праву этих комми-вояжеров на завоевание покупателей, пророчат неизбежность и близость всемирного военного конфликта. Американская буржуазия, победившая врагов, в особенности же союзников в старой войне, благодаря тому, что она дольше всех осуществляла грабеж мирным путем, теперь побивает рекорд по части агрессивности и военного задора: назревающий кризис отнимает у нее выдержку и спокойствие.

Параллельно с углублением и обнажением противоречий в империалистическом лагере ожесточается классовая борьба между буржуазией и пролетариатом, между угнетателями и угнетенными народами. В предстоящей экономической войне буржуазия каждой страны рассматривает живую силу «своего» пролетариата, как находящийся в ее бесконтрольном распоряжении резерв, который она будет бросать по мере развития событий на линию огня. «Индустриальный мир» и все другие формы прямого сращивания экономических и политических организаций реформизма с предпринимательскими трестами являются не чем иным, как мобилизационным планом в деле использования этих резервов. При всем отличии, которое существует в методах эксплоатации колоний между отдельными империалистическими группировками (в первую очередь между Соединенными Штатами и Англией)

общими для всех них в настоящий период являются усиливающаяся стремительность в нажиме и растущая активность в захватной политике с целью укрепления своих экономических и стратегических позиций в решающих пунктах земного шара.

Было бы ошибочно представлять себе назревающий и отчасти уже прорывающийся мировой конфликт, как столкновение между всемогуществом Соединенных Штатов, с одной стороны, и дезорганизованностью, распыленностью уже обессиленной, уже потерявшей самостоятельность Европы. По крайней мере для 1928 г. соотношение сил между Америкой и Европой уже не может быть охарактеризовано таким упрощенным образом. Европа обладает мощным, в ряде стран сверхрационализированным производственным аппаратом, могучими производственными и торговыми об'единениями, стабилизованной валютой, восстановленной кредитной системой, охватывающей своей сетью весь мир,—до зубов вооружена она для экономической борьбы. В еще большей степени следует это сказать о военных ресурсах милитаризованной до отказа Европы. Остающееся все же превосходство Соед. Штатов, с их колоссальными финансовыми и экономическими и техническими возможностями, над европейским противником, хотя и явится одним из решающих факторов по мере развития борьбы, но не может обеспечить ни быструю капитуляцию Европы, ни тем более предотвращение самой борьбы.

Разбитая в империалистической войне, добитая в Версале, запутавшаяся было в долгу, как в шелку, Германия начинает не только разбрасывать сети своей химической промышленности по всему миру, но даже заставляет химического короля Соед. Штатов Дю Понта засылать тайком сватов к германскому химическому тресту I. G. Farbenindustrie как раз в тот самый период, когда американская печать, находящаяся на содержании того же самого Дю Понта и по его прямым директивам, грозно обвиняет германские химические тресты в покушении не только на благосостояние, но и на независимость Соед. Штатов! Американская сталь горит священной страстью завоевания всего мира, но это не мешает американской буржуазии пускать, хотя бы в виде пробного шара, в печать слух, что председатель Юнайтед Стил Корпорэйшен Томас не прочь был бы вступить в соглашение с европейским стальным картелем о разделе сфер влияния. И даже в финансовой области, где Нью-Йорк, оставаясь обладателем почти половины золотого запаса всего мира, является, казалось бы, властелином, операции французского банка, располагающего сейчас возможностью оттянуть золото с мировых денежных рынков, являются отнюдь не безразличными не только для Лондона (об этом и речи быть не может), но и для Нью-Йорка. Не случайно и то, что самый факт обострения американо-европейских отношений в настоящий момент вызывается не усилением, а, наоборот, возможностью ослабления экономического положения американского империализма, возможностью, которая будет становиться тем более реальной, чем дальше будет развиваться хозяйственный кризис в Соед. Штатах.

С другой стороны, необходимо учитывать и то, что страны капиталистической Европы, несмотря на общность интересов в борьбе с Соед. Штатами, раздираются сейчас внутриимпериалистическими противоречиями не в меньшей степени, чем раньше, а это дает возможность Вашингтону находить опорные пункты для своей наступательной против Европы (в первую очередь против Англии) политики на самом европейском континенте. Навстречу этим усилиям Соед. Штатов «расколоть» Европу идут все более усиливающиеся стремления со стороны различных европейских стран перебежать, как только он поманит, на сторону Вашингтона и договориться с Соед. Штатами против Лиги Наций.

Но при всех этих оговорках основным является тот факт, что экономический кризис в Соед. Штатах, толкая их к еще более решительной борьбе за рынки сбыта и источники сырья, обостряет и углубляет антагонизм между Северной Америкой и Европой, что силой, определяющей направление развития этого антагонизма является англо-американское соперничество. Эта разворачивающаяся в новой обстановке борьба в империалистическом лагере открывает уже в ближайшие 2 года более широкие, чем, может быть, раньше полагали, перспективы перед пролетарской борьбой и колониальным восстанием.

Цель настоящей статьи на основании материалов первых 2-х месяцев 1928 г. отметить важнейшие факты, характеризующие темп и форму обострения процесса отношений между Северной Америкой и Европой.

II.

Симптомы развивающегося кризиса.

Депрессия в хозяйстве Соед. Штатов перестала быть секретной болезнью: она получила официальное признание. Больше того, она становится центральным пунктом в борьбе между республиканцами и демократами за пост президента. Представитель демократической партии Вагнер в сенате издевается над заявлениями Кулиджа о процветании Соед. Штатов. Демократы внезапно обнаруживают исключительную чуткость к вопросам безработицы. По требованию Вагнера сенат возлагает на министерство труда обязанность обследовать вопрос о росте безработицы. Еще дальше идет сам демократический кандидат в президенты, губернатор Нью-Йорка Смит: он бьет рекорд «интереса к безработным», организует работы, устраивает столовые и т. д. Вознаграждение не заставляет себя долго ждать: профсоюзы Нью-Йорка, входящие в Американскую Федерацию Труда, выпускают воззвание, призывающее голосовать за друга рабочих—Смита.

> «Республиканцы,—пишет «Чикаго Трибюн» [1]),—обвиняют Смита, что его мероприятия (в пользу безработных) являются только пропагандой со стороны демократов, направленной на то, чтобы дискредитировать «благополучие Кулиджа». Демократы отвечают, что это благополучие сочинено в правительственных кабинетах и что теперь необходимо признать факт депрессии».

Министр труда Джемс Девис, выступая перед вполне благонадежной буржуазной аудиторией в Вашингтоне, вынужден все же говорить о безработице и отводить возведенные против правительства обвинения в том, что оно из-за политических соображений подделывает статистику. По этим официальным данным число взрослых, не находивших работу, определялось в январе в 3 миллиона человек. Демократическая печать берет эти цифры под большое сомнение. «Чикаго Трибюн» [2]) определяет число безработных в 4—5 миллионов.

Характерно, что издающиеся в Париже американские газеты, превосходящие обычно все пределы буржуазного хвастовства и циничной заносчивости, оказываются вынужденными уделить кое-какое внимание такой компрометирующей теме, как безработица. «Нью-Йорк Геральд» [3]) помещает даже передовую под заголовком «Безработица преувеличена». По сведениям Американской Федерации Труда,—пишет газета,—число безработных членов профсоюзов достигает полумиллиона. Но, если бы даже это было

[1]) «The Chicago Tribune» от 21 февраля 1928 г.
[2]) «The Chicago Tribune» от 18 февраля 1928 г.
[3]) «N. Y. Herald» от 29 февраля 1928 г. (парижское издание).

так, то нет, мол, никаких оснований для тревоги: ведь полмиллиона безработных на 75 миллионов живущих заработком, это—не только пустяк, но является даже полезной резервной армией, обеспечивающей дальнейшее бесперебойное развитие хозяйства. Газета, обнаруживающая ежедневно большое знание дела в описании наружности и костюмов прибывающих в Европу американок, упускает из виду, что в Американской Федерации организовано не 75 миллионов, а около $3\frac{1}{2}$ миллионов и что по отношению к этому числу полмиллиона представляет процент, превышающий, вероятно, аппетит самых ненасытных поклонников резервной армии. Разумеется, нельзя отнять у американцев возможности утешаться тем, что в Англии дела с безработными обстоят несравненно хуже («в Великобритании с количеством населения около 40 миллионов число безработных одно время достигло 2,5 миллионов, да и сейчас еще оно остается очень высоким»), да и самый характер безработицы здесь и там совершенно различен. Все же тот факт, что американская буржуазия, до сих пор хвастливо отказывавшаяся от всяких форм социального страхования на том основании, что «промышленность Соед. Штатов вместо того, чтобы помогать больным, старым и т. д. предоставляет каждому возможность обеспечить самого себя собственными средствами», не может сейчас уклониться от вопросов, связанных с безработицей, обнажает процесс депрессии, происходящий в американском хозяйстве. Но где лежат корни этой депрессии? Безработица начала 28 года не является непосредственным результатом усиливающегося устремления фермерского населения в города. Наоборот, по официальным данным министерства земледелия фермерское население Соед. Штатов уменьшилось в 1927 г. всего на 190.000, в то время, когда в течение 1922—26 гг. оно уменьшалось ежегодно в среднем на 400.000,—процесс, который в свою очередь об'ясняется и тем, что уже в 1927 году города перестали притягивать рабочие руки. Смит заявляет, что полмиллиона безработных, «омрачающих сейчас внешний вид Нью-Йорка, согнаны сюда депрессией промышленности в Новой Англии и даже Западных Штатах». Председатель Нью-Йоркской Федерации Труда, Сюлеван, тот самый, который является главным агентом демократической партии по вербовке избирателей, воздавая должное усилиям Смита, подкармливающего безработных, вынужден прибавить, что это только паллиатив, так как основная причина безработицы заключается в рационализации и в росте экономии труда; так, Форд, предполагая больший, чем когда бы то ни было раньше, выпуск машин, сокращает число рабочих на 25.000 [1]).

Сын знаменитого отца, молодой Рокфеллер (из молодых да ранний: уже прославившийся нефтяными скандалами и подкупом высших правительственных чиновников) «жертвует большие суммы на постройку мостов, проведение дорог и других работ на частные средства, чтобы помочь таким образом безработным». Надо ли добавлять, что все это пестрое по своему составу жулье стремится исключительно к тому, чтобы приостановить совершающийся рост классового сознания безработных (популярность коммунистических лозунгов, выборы коммунистических кандидатов в комитеты и т. д.).

* * *

Депрессия перестала быть секретной болезнью еще и потому, что официальные данные о состоянии промышленности за последний квартал 1927 года находятся в решительном противоречии с теми оптимистическими оценками и пророчествами, которые делались в новогодних речах и статьях. Приводим некоторые из этих фактов. Количество

[1]) «New-York Herald» от 11.II—28 г.

груженых товарных вагонов за 4 квартал 1927 года было на 8% меньше, чем в 1926 году. Автомобильная индустрия была в октябре и ноябре 1927 года самой низкой за 5 лет. Производство стали к концу 1927 года упало до 60% производственной способности предприятий. Строительное дело было в 1927 году на 12% ниже, чем в 1926 году, при чем решающее значение имеет то, что падение было особенно сильно в четвертом квартале. В текстильной промышленности, особенно в прядильной, был закрыт ряд фабрик и уволены рабочие. Число промышленных рабочих в штате Нью-Йорка было самым низким за период, начиная с декабря 1921 года. Этой общей картине, как-будто противоречит тот факт, что количество употребленного электрического тока в 1927 году было на 9—12% больше, чем в 1926 году; но избыток падает на начало года, снижаясь к последнему кварталу до 5%.

Опубликовывая эти данные Нейшиенел Сити Банк Нью-Йорка [1]) об'ясняет понижение всего хозяйственного темпа к концу 1927 года исключительно сокращением производства стали и автомобильной промышленности и видит естественное утешение в том, что «обе эти индустрии находятся сейчас по пути к выздоровлению, особенно автомобильная индустрия, в которой ожидается большой рост производства». В какой мере, при каких условиях и на какой промежуток времени могут оправдаться возлагаемые на автомобильную индустрию надежды, мы увидим ниже. Но характерно, что это— единственное светлое пятно, которое банковский обозреватель может обнаружить в хозяйстве Соед. Штатов в этот период.

> «Сбыт угля пострадал вследствие теплой погоды... Хлопчатобумажная промышленность, которая стремилась удержаться в 1927 году на прежнем уровне, несмотря на падение тяжелой индустрии, подвергается сейчас сокращению, вследствие накопившихся у нее излишков... Информация, которой располагает сейчас эта индустрия благодаря работе хлопчатобумажного Института, дала возможность определить запасы продукции на предприятиях и принять шаги к тому, чтобы избежать серьезного перепроизводства, которое обычно следует за периодом такой чрезвычайной активности, какая была в прошлом году. Однако, с сокращением производства тенденция к уменьшению заработной платы, которая проявилась в последние месяцы 1927 г., получила дальнейшее распространение на фабриках Новой Англии. Тот факт, что это сокращение (10% в большинстве случаев) принималось обычно рабочими без возражений, сам по себе является убедительным доказательством тяжелого положения этой промышленности в Новой Англии, вызванного сравнительно высокой себестоимостью и конкуренцией южных фабрик.
>
> Что касается южных фабрик, то они имели в общем хороший год, и заработная плата в этом районе, вероятно, не будет затронута» [2]).

В таких закругленно спокойных фразах банковский бюллетень изображает начало депрессии хлопчатобумажной промышленности северных штатов, ложащейся уже всей своей тяжестью на рабочих. Перед нами, таким образом, следующие явления: 1) перепроизводство и образование запасов продукции на фабриках; 2) сокращение производства в порядке предписания хлопчатобумажного штаба, работающего под скромной вывеской научноисследовательского текстильного института; 3) сокращение числа рабочих; 4) сокращение заработной платы «в среднем на 10%»; 5) приводящая банковские

[1]) N. C. Bank of New-York; Бюлл. за февраль, стр. 3 и след.
[2]) Там же, стр. 4 и след.

сердца в умиление пассивность рабочих при увольнениях и сокращениях,— пассивность, которая об'ясняется не только слабой организованностью, но еще в большей мере систематическим предательством профсоюзных дельцов и, наконец, 6) перенесение промышленности в южные штаты, где есть не только негритянский, но и дешевый труд «белых рабов». Работающая почти исключительно на внутренний рынок хлопчатобумажная промышленность чувствительнее и раньше других подвергается ударам кризиса и пытается обезвредить его для себя резким сокращением заработной платы, уменьшением числа рабочих и привлечением южного, совершенно неорганизованного и беззащитного труда. От всей лицемерной теории северо-американского «процветания», основанного на высокой заработной плате, растущей покупательной способности населения и расширяющегося вследствие этого внутреннего рынка и т. д., и т. п. остается только мокрое место.

То же самое относится к обувной промышленности.

> «Обувная промышленность в последней части лета и в начале осени была в полном оживлении, и производство обуви достигло наиболее высокого уровня за ряд лет. Для многих крупных компаний... 1927 год принадлежал к числу хороших. Однако, последние сообщения о сокращении заработной платы и о последовавших забастовках, которые привели к закрытию большинства фабрик в Гаверхиле (Массачузетс), свидетельствуют о трудностях в некоторых отраслях этой промышленности. Как в текстильной индустрии, так и здесь постоянное распространение промышленности на другие части страны создает серьезную конкуренцию для старых центров».

Мы видим, таким образом, что легкая индустрия подает уже не подлежащие никакому оспариванию сигналы кризиса.

* * *

Как обстоит дело с грузооборотом в 1928 году? Согласно опубликованным официальным предположениям количество заказов на погрузку товарных вагонов в первом квартале 28 г., будет на 2,3% меньше, чем в 27 г. Эта цифра, однако, отнюдь не отражает действительного сокращения грузового движения. Так, согласно предположениям, перевозка автомобилей предполагалась на этот квартал на 12,5% больше, чем в 27 г. Можно уже с уверенностью сказать, что эти ожидания не оправдались, так как до сих пор выпуск автомобилей заводов Форда обманул все расчеты (в январе 28 г. было выпущено на 14 тыс. автомобилей меньше, чем в январе прошлого года.

Остатки казенного оптимизма, как мы видим, связываются с предстоящим расцветом автомобильной промышленности. Она должна сыграть роль ведущей, и некоторое оживление в стальной индустрии в январе, действительно об'ясняется в первую очередь заказами Форда. «Уоллс Стрит Джорнал» считает, что оставшийся, вследствие приостановки во 2-й половине 27 года выпуска фордовских машин, ненасыщенным американский рынок проглотит в 28 г. машин на миллион или полтора больше, чем в 27 г. Считая в среднем цену автомобиля в 700 долларов, газета уверяет, что автомобильная промышленность увеличит продукцию на 700 млн. фунтов, что даст увеличение числа рабочих и служащих, занятых либо в автомобильной промышленности, либо в связанных с ней отраслях, на 350 тыс. человек. К этому присоединяются еще рабочие по прокладке шоссе, по строительству и обслуживанию новых гаражей, нефтеналивных станций и т. д.,—всего по подсчетам газеты, развитие автомобильной промышленности даст в 28 г. при-

рост занятых рабочих на полмиллиона. Хотя эти ожидания пока остаются на терпеливой бумаге, все же нельзя отрицать, что предстоящий под'ем производства автомобилей может *временно* смягчить депрессию и в других отраслях промышленности и снизить безработицу. Правда, развернутое выступление победителя Форда на рынок все больше отсрочивается: по официальной версии исключительно по техническим причинам, в действительности же, может быть, и по причинам рекламно-политического характера,— Форду, успех которого в значительной степени основан на уменье приспосабливаться и разжигать настроение публики, чрезвычайно лестно появиться в качестве целителя депрессии в самый разгар выборной президентской борьбы. Во всяком случае исключительное обстоятельство—остановка производства,—сулящее успех Форду, тем самым определяет и ограниченный характер этого успеха: чрезвычайно выросший в течение 27 г. производственный аппарат автомобильных заводов быстро насытит внутренний рынок, обнаруживающий сейчас спрос на дешевый автомобиль, и после кратковременного взлета Форд, в форме более острой, чем другие тресты, вынужден будет устремиться даже на завоевание новых рынков, на борьбу с автомобильной промышленностью Европы.

Наконец, характерным для 27 г. является *рост банкротств и сокращение доходности* промышленных корпораций, хотя при оценке официально публикуемых данных, относящихся к доходности, необходимо учитывать мошенничества, которые проделываются в балансах в целях уклонения от уплаты налогов, об'егоривания мелких держателей бумаг и т. д. Все же нельзя отрицать за колебанием доходности значения показателя общего состояния хозяйства. Ограничимся двумя характерными цифрами. По данным, опубликованным «Юнайтэд Стил Корпорэйшен», об'единяющей, как известно, около половины производства стали, ее доход за последний квартал 27 г. составлял 31 млн. долларов против 53 млн. за этот же период 26 года, а чистая прибыль снизилась на 10 млн. долларов сравнительно с соответственным кварталом 26 г. и на 22 млн. сравнительно с 25 г. В консервном деле для 4-х крупнейших трестов приводятся следующие цифры доходности: для 26 г.— 5,8%, для 27 г.—2,52% [1]). Для разных отраслей промышленности прибыль в 1927 г. была приблизительно на 25% ниже, чем в 1926 г.

Увеличение банкротств настолько характерно для 27 г., что коснуться этого вопроса не признал для себя зазорным президент Национального Промышленного Совета Магнус Александр на праздничном собрании германо-американской торговой палаты. Начав с обычных хвастливых заявлений на тему о том, что Соед. Штаты являются раем для рабочих, президент продолжал [2]):

> «Контрастом этому является тот факт, что банкротства в этот период расцвета (в 27 г.) стоят *почти так же высоко, как во время депрессии* 1921—22 *годов*. Согласно данным при взимании подоходного налога за последние годы из каждых пяти промышленных корпораций двое либо не имели дохода, либо работали с убытком. Цифры за первые три квартала 27 г. показывают, что,

[1]) N. C. Bank of. N.-York, Бюлл. за февраль 1928 г., стр. 24. «Широкое общественное мнение считает, что консервное дело является одним из наиболее доходных и что предприниматели в этой отрасли способны устанавливать цены и доходность как им заблагорассудится. Но цифры последних лет не оправдывают эту точку зрения». Такое трогательно-сочувственное отношение банка к «бедным овечкам», монополизировавшим консервное дело в С. Штатах, заставляет относиться с большой осторожностью к приведенным цифрам в качестве показателей абсолютной величины прибыли; *относительное* же падение ее за последний год указано, надо думать, более или менее правильно.

[2]) «N.-Y. Ch. Tribune», 11/II—28 г.

> несмотря на большую активность в делах, положение не было розовым для всех концернов. Перед нами—«парадоксы бесприбыльного расцвета».

В эту характеристику представителя комбинированного капитала следует внести довольно существенную поправку, сводящуюся к тому, что, несмотря на «плохие дела», доходы миллиардеров растут отнюдь не с меньшей быстротой, чем раньше, что во всех случаях, когда деятельность треста связана с биржевой спекуляцией,—а таких случаев большинство,—действительные слезы приходятся лишь на долю неудачников; что же касается миллиардеров, то они ловят вполне успешно «миг удачи». Так, «Дженераль Моторс Корпорэйшен»—автомобильный трест, взятый под высокую руку Морганом, дал в 27 г. (в значительной степени благодаря прекращению производства Форда) 235 милл. долларов чистой прибыли, побив таким образом не только все рекорды и восстановив полностью традиции военного времени, но и в течение довольно продолжительного времени являясь фаворитом биржевой спекуляции (за одну первую декаду марта эти акции поднялись в цене на 15%).

Но в подавляющем числе отраслей промышленности доходность понизилась, при чем депрессия особенно чувствительно отразилась на тех предприятиях, которым меньше удалось прикрыться преимуществами монополии.

* * *

Особенно заметным показателем того, что хозяйство Соед. Штатов с'езжает с рельс, является спекуляция на бирже и даже не столько спекуляция сама по себе, как обнаружившаяся в течение первых двух месяцев 28 г. осечка «всесильной» банковской резервной системы в деле ее обуздания. Еще в конце декабря Кулидж в подкрепление своего оптимистического прогноза «раз'яснил», что бешеный рост банковских ссуд под ценные бумаги является отнюдь не кредитованием биржевой спекуляции, а поощрением к выпуску займов, нереализованная часть которых временно остается за банками и проходит по балансу как обеспечение кредитов под акции. Заявление Кулиджа, опровергающее наличность биржевой спекуляции, было, в свою очередь, использовано, и в весьма широкой степени, не кем иным, как именно биржевыми спекулянтами, погнавшими дальше вверх нужные им бумаги. Прошло несколько недель после президентского вещания и резервные банки один за другим приняли решение о повышении учетной ставки с 3,5 до 4% в целях борьбы с биржевой спекуляцией. Президент Соед. Штатов оказался уличенным с поличным, впрочем, в таком «сухом» деле, которое вряд ли может омрачить его промасленную нефтью репутацию.

25 января Резервный банк Чикаго, т.-е. города, администрация которого славится слепой ненавистью к Англии и пренебрежительным отношением ко всяким соглашениям с Европой вообще, об'явил о повышении процентной ставки. На международном денежном рынке этот факт был встречен, как весьма неприятный сюрприз. Начались догадки, последует ли за Чикаго сейчас же Нью-Йорк или, подобному тому, как было в 25 г., нью-йоркский банк, будучи главным поборником низкой процентной ставки «в интересах эмиссионных банков других стран», продержится на старом уровне по крайней мере в течение двух месяцев. Особенно большой интерес проявили к этому *промышленные организации Англии*, которые связывают свои расчеты на рационализацию с дешевизной кредита и совершенно открыто—с низкой учетной ставкой в Соед. Штатах. Но оптимистические ожидания не оправдались: уже 3 февраля, не дожидаясь решения других резервных банков, Нью-Йорк повысил учетный процент.

тем самым подчеркнув, что борьба с биржевой спекуляцией требует быстрых мероприятий.

О мощи резервной системы Соед. Штатов,—составляющей наиболее усовершенствованный общехозяйственный планирующий орган, до которого додумалась до сих пор буржуазия,—о способности этой системы устанавливать погоду во всем хозяйстве, определять уровень цен, устанавливать общий курс бумаги и т. д. и т. п. написаны восторженные книги—и не одними американцами. Регулирующее дйствие бюро резервных банков сравнивают то с искуственной ирригационной системой, орошающей все хозяйство страны, то с рулем, направляющим ход хозяйственной машины, то с смазочным маслом, уничтожающим трения между отдельными частями хозяйства. На деле оказалось—ни то, ни другое, ни третье. Оказалось, что резервная система не только не в состоянии, как уверяли ее трубадуры, предотвратить свойственные капиталистической анархии периодические кризисы, но даже более или менее безболезненно справиться с таким «эпизодом», как перешедшая всякие границы приличия игра небольшой, но хорошо спевшейся банды на бирже.

Еще за несколько недель до повышения учетной ставки бюро резервных банков попыталось ограничить биржевую спекуляцию сокращением обращающегося в стране кредитно-ссудного капитала, пустив в ход другой свой рычаг, т.-е. приступив к продаже правительственных облигаций Соед. Штатов. Каждую неделю подсчитываются результаты действия обоих этих рычагов, составляющих главнейшую, если не всю регулирующую силу резервной кредитной системы, и оказывается—нуль! Сумма выданных банками маклерских ссуд не упала, как следовало ожидать; спекуляция не только не сократилась, но, наоборот, за первую неделю действия обоих рычагов сумма маклерских ссуд поднялась на 19 млн. долларов. Отмечая этот неожиданный реприманд, солидный еженедельник «Финансовая Хроника» пишет в передовой [1]:

> «Дальнейший рост (маклерских ссуд) на этой неделе тем больше привлекает внимание, что одновременно безусловно происходила распродажа бумаг на фондовой бирже, сопровождаемая серьезным падением курса. Ряд пулов (биржевых синдикатов) вынужден был выбросить свои бумаги на биржу, не считаясь с курсом. Этого, разумеется, надо было ожидать в виду сокращения ссуд под акции и облигации. Но в то время, когда старые пулы вынуждены были реализовать свои бумаги, терпя во многих случаях серьезные потери, вновь возникающие пулы начали игру на других акциях, и это проталкивание новых спекулятивных фаворитов не задерживалось какими-либо трудностями в получении кредитов, которые необходимы для этих операций. Сумма кредита под ценные бумаги, таким образом, осталась на прежнем уровне и даже выросла».

Итак, фавориты меняются, спекуляция остается. И не только остается, а по существу дела еще усиливается. Не только в течение первой недели после решительного вмешательства банковской системы, но чем дальше, тем она усиливается все больше. Необходимо прибавить, что если цитированный выше журнал в общем и целом правильно характеризует растущую спекуляцию, то он все же скромно обходит вопрос, какая же категория биржевых пулов исчезает, терпя убытки, и какая продолжает развиваться, наживаясь на «борьбе с спекуляцией»? В действительности гибнут более слабые,

[1]) «The Commercial and Financial Chronicle», 11/II 1928 г., стр. 755.

в громадном большинстве случаев присосавшаяся к ним биржевая мелкота. Для кучки миллиардеров стремительная перемена фаворитов и, следовательно, рост биржевого азарта, создают лишь наиболее благоприятные условия для раздевания публики. Меняются не только фавориты, меняются и «руки»; как раз накануне своего кратковременного, но стремительного под'ема соответствующая бумага, или вернее бухгалтерский символ ее, выскальзывает незаметно из слабых рук мелкоты и оказывается в сильных руках сверхспекулянта. Банки, являющиеся членами резервной системы (числом около 9.000), и свободные банки, уже не связанные никакими ограничениями, которым поэтому сам бог велел в такие моменты особенно усердно стричь и брить публику (а их число достигает еще более почтенной цифры—20.000), «регулируют» эту биржевую игру таким образом, что выигрывает сильнейший, а за разбитые горшки платит мелкая и средняя публика. Разного рода финансовые и экономические агентства, раздающие за соответствующее вознаграждение, а иногда и без оного, добрые советы честным людям о том, на каких бумагах можно быстро и верно разбогатеть,—агентства, среди которых есть и «солидные институты», считающие в нормальное время более выгодным быть более или менее добросовестными,—теперь, когда дело идет о том, чтобы сорвать всю биржевую ставку, завлекают в один голос публику в волчьи ямы, заготовленные спекулянтским штабом. В предсказаниях этих агентств, которыми кишат финансовые газеты и газетки, приводятся примеры из истории 25 г., когда биржа уже после понижения Резервным банком учетной ставки еще продолжала в течение 6 недель «кипеть», что как раз в периоде этого кипения легко делались деньги, что такая перспектива не исключена и сейчас—необходимо только продолжать вариться в биржевом соку. И ажиотаж действительно достигает все более высоких градусов. Разумеется, что и крах будет тем сильнее.

* * *

Со времени активного выступления Резервного банка прошло около 6 недель. Картина в общем и целом остается все той же. Вышедший за это время официальный бюллетень бюро Федеральных Резервных Банков [1]), посвященный последним мероприятиям по борьбе с «маклерскими ссудами», обходит полным молчанием вопрос о достигнутых за все это время результатах. Даже буржуазная печать отмечает эту странную молчаливость официального хозяина денежного рынка.

> «Бюллетень Резервного Банка,—говорит «Нью-Йорк Геральд» [2]),—оставляет без об'яснений тот факт, что маклерские ссуды сейчас значительно выше, чем раньше».

Молчание, как нельзя более, понятно, если принять во внимание, что еще до середины марта спекуляция на нью-йоркской бирже не только не прекращалась, но росла (телеграмма ТАСС от 13 марта сообщает: «Вчера в биржевой оборот были вовлечены 3,8 млн. различных акций, что является рекордной цифрой даже для нью-йоркской биржи». Из этой же телеграммы видно, что продолжается «смена фаворитов», придающая игре особый азарт).

> «Легко,—пишет цитированный выше «Financial Chronicle»,—ободрить и симулировать спекуляцию излишней свободой в пользовании банковским кредитом по низким ставкам. Но совершенно другое дело взяться за ограничение или уничтожение разнузданной спекуляции, когда движение оказывается уже вне контроля».

[1]) «Fed. Res. Bulletin», февр. 1928 г.
[2]) «N.-Y. Herald» от 15/II—28 г. (парижск. издание).

Для американской экономической прессы или правильнее для читателя ее, которого систематически уверяли, что резервная система обладает чудодейственной силой, такое заявление является неожиданным. Но, разумеется, тут нет никакой неожиданности для той горстки воротил, которая одновременно спекулирует на бирже и сидит в совете Резервного банка, дает взятки в качестве представителей трестов и получает их в качестве членов правительства. На торжественном обеде в честь Федерального Резервного Банка секретарь казначейства Меллон (тот самый, который, как теперь уже безусловно доказано, получил от нефтяного вора Синклера взятку в надлежащее количество десятков тысяч долларов для республиканской партии) еще 19 января пропустил «тонкий намек», который, однако, кем следует был тут же учтен, о том, что не следует возлагать преувеличенных надежд на резервную систему.

> «Работа федеральной резервной системы,—сказал он,—идет по здоровому творческому пути. Но было бы величайшей ошибкой ожидать от нее невозможного. Она не является панацеей против всякого финансового и экономического зла, которое может обрушиться на страну. Ни резервная, ни какая-нибудь иная система не может контролировать цены. Самое большее, что эта система может сделать, это — оказать влияние, и то в ограниченных размерах, время от времени, на сумму циркулирующего в стране кредита и на его стоимость. Кредит же, хотя и является одним из факторов, влияющих на цены, но отнюдь не единственным и даже не решающим. Мы требовали бы от федеральной системы невозможного, если бы возлагали на нее ответственность за контроль над ценами только потому, что она может осуществлять ограниченный контроль над размером предоставляемых кредитов [1]).

Эта речь Меллона, впрочем, стреляет гораздо дальше, чем по биржевой спекуляции: контроль над ценами относится уже к борьбе с надвигающимся кризисом. И в то время, когда в Англии виднейший банковский деятель Мак Кена разливается соловьем, отчасти из-за дипломатически-финансовых соображений, воспевая неограниченное всемогущество резервной системы (она, мол, регулируя кредит, определяя состояние денежного рынка и курс доллара, тем самым определяет и цену золота и общий уровень цен),—в это самое время Меллон считает необходимым пустить на всякий случай мысль, что ответственность за приближение кризиса и за его течение резервная система взять на себя не может [2])... Но уже одна такая неожиданная скромность со стороны секретаря казначейства С. Штатов, который

[1]) «Fin. Chron.» от 28/I 1928 г. Стр. 521.

[2]) Характерно, что именно сейчас в германской экономической печати стали появляться статьи по вопросу о том, в какой мере Бюро Резервного Банка Соед. Штатов способно регулировать хозяйство и денежный рынок страны. «Der Deutsche Volkswirt.» (№ от 2/III 1928 г., стр. 699) печатает статью «Федеральная резервная система и кредитные банки» парижского сотрудника Клауэ, которого редакция рекомендует «особым авторитетом, который два года прожил в Америке, специально изучая вопросы кредита». Автор с благоговением повествует о том, при помощи каких тонких приемов Федеральный Резервный Банк господствует над денежным рынком. Вторая статья («Magazine der Wirtschaft», № от 23/II 1928 г., стр. 278). Д-р Палий в статье под заглавием «Диктатура эмиссионного банка!» полемизирует с Мак Кена, доказывая, что американская кредитная система в конечном счете при сильных колебаниях в притоке и отливе золота находится в такой же зависимости от золотых запасов, как и всякая валютная система. Последняя статья, несмотря на плохо скрываемую цель внушить читателю веру в превосходство германской эмиссионной системы, заключает некоторый фактический материал.

до сих пор повелевал стихиями, не предвещает ничего утешительного: «Что-то гнило в царстве датском!»

* * *

Выше мы видели, что представители официальной Америки начинают похмелье 1928 года с признаний ряда фактов, являющихся показателями кризиса. Какие же меры они рекомендуют для их устранения?

Министр труда Дэвис, говоря о борьбе с безработицей, подчеркивает, что «он возражал против понижения таможенных тарифов и против отправки новых американских денег за границу для развития иностранной промышленности, которая конкурирует теперь с соответствующими отраслями промышленности Соед. Штатов». Президент Национального Промышленного Совета Магнус Александр, говоря о бездоходности американской промышленности, считает необходимым, несмотря на свое положение знатного гостя, в честь которого германскими фирмами дается обед, внести в свою речь тревожную ноту: «Европейская конкуренция,— говорит он, — начинает давать себя чувствовать в возрастающей степени». Форд, который призван окропить живой водой впадающую в апатию американскую промышленность, внезапно обнаруживает исключительный интерес к Европе: будучи всю свою жизнь противником шаблонной рекламы в слишком откровенных и потому недостаточно обманывающих газетных об'явлениях, он начинает систематически покупать по воскресеньям в важнейших европейских газетах целую страницу для проповеди о преимуществах фордовской марки перед всеми остальными существующими. Больше того, Форд так далеко идет по пути отказа от своих привычек и традиционных взглядов, что начинает настойчиво и повторно об'ясняться в любви по адресу Советского Союза: «Россия станет одним из крупнейших мировых рынков, когда там будет проложено больше хороших дорог»...

Вопрос о завоевании новых рынков и о европейской конкуренции, мешающей этому завоеванию, получает решающее значение для Соед. Штатов с точки зрения преодоления надвигающегося и надвинувшегося кризиса. Здесь мы подходим к вопросу о том, в какой степени приближение кризиса уже оказало влияние на активность американского империализма в хозяйственно-финансовой и дипломатической области.

II.

Стремительное возникновение монопольных об'единений.

Еще в начале года «Journal of Commerce» писал, что 1928 г. будет годом хозяйственных об'единений. В феврале, сообщая о ряде слияний и об'единений, он гордится тем, что его предсказание оправдалось.

> «Сказанное относится к стальной индустрии, к некоторым отраслям текстильной промышленности, к производству пищевых продуктов, к распределению, в особенности же к автомобильной индустрии».

Этот процесс газета об'ясняет тем, что

> «массовая продукция и понижение цен привели к понижению доходности, что было одним из характерных моментов для прошлого года. Отсюда — высокий рекорд банкротств».

«Consolitated Press» в начале февраля сообщает, что ведутся переговоры об образовании новых об'единений в дюжине значительных отраслей промышленности. Часть «независимых»

стальных компаний обсуждает условия, на которых может произойти об'единение. Ряд предприятий, производящих приборы и инструменты, ставит вопрос об об'единении. Производство шин «чувствует также необходимость в об'единении» («Literary Digest» от 11 февраля 1928 г.). Сообщая об этом стремительно развивающемся процессе об'единения, печать считает необходимым неизменно предупреждать, что цель, которая при этом преследуется, отнюдь не повышение цен (эти оговорки нужны, чтобы легче обходить антитрестовский закон). Речь идет о понижении, и только о понижении стоимости. Но почему этот вопрос получает такую острую постановку именно сейчас и разрешается в таком пожарном порядке?

В «Большевике» уже указывалось [1]), что необходимость об'единения трестов Америки в национальные монопольные организации мотивируется подготовкой к борьбе за внешние рынки против трестифицированной Европы. Уже в конце 1927 г. такую откровенную формулировку можно было встретить в экономической печати и в речах представителей экономических и финансовых организаций. Новое, что принес в эту область 1928 г., заключается в том, что с речами о серьезной опасности, представляемой трестифицированной Европой, выступают официальные представители правительства. Начали адмиралы Вильбур и Пленкет, заявившие с чисто вильгельмовской откровенностью, что сильнейший флот нужен Соед. Штатам для того, чтобы разбить Европу и отвоевать у нее заграничные рынки. Одними адмиралами, которым, особенно при истребовании биллионных ассигновок, стесняться не приходится, дело, однако, не ограничивается. Официальный представитель такого мирного и солидного министерства, как департамент торговли — Юлиус Клейн [2]) выступает в комиссии конгресса с развернутой экономической программой борьбы против Европы. Трудность и неотложность этой задачи мотивируется прежде всего ростом трестификации Европы. Клейн считает своим долгом предупредить конгресс о том, «что настал час, когда американский деловой мир должен вступить в борьбу, если только он хочет сохранить могущественную внешнюю торговлю, построенную им в течение последних десятилетий». Европейская опасность усугубляется тем, что развитие хозяйства совершается там в форме картелей. Но почему американские чиновники, питающие столь нежные чувства к своим трестам, так возмущаются европейскими картелями? Не потому, конечно, что в первом случае речь идет об усилении мощи своих капиталистов, а во втором о мощи своих конкурентов! Клейн видит принципиальное различие между американскими и европейскими хозяйственными монополиями.

> «Европейские картели представляют собою тип комбината, правда, приближающийся к нашим трестам, но с такими ограничивающими свободу промышленности задачами и с таким участием в них правительства, которого никогда не потерпели бы Соед. Штаты».

Итак, в своем глазу мистер Клейн бревна не хочет видеть, зато в европейском он довольно своевременно заметил, правда, не сучок, а такой достаточно развившийся ствол, как сращивание трестов с государственным аппаратом! Европейские монополии, оказывается, «переамериканизировали» самоё Америку!

> «Картели,—говорит Клейн,—это—новое страшное оружие конкуренции... Они причиняют глубочайшую тревогу нашей стране, в особенности тем отраслям промышленности, которые изготовляют сталь, рельсы, трубы, алюминий, эмаль, искусственный шелк, медь, электрические принадлежности, стекло, проволоку. Все эти отрасли промышленности охвачены сейчас в Европе картелями. Европа, глубоко встревоженная теми гигантскими преимуществами, которых мы добились благодаря нашей способности к массовой продукции, об'единяет целые отрасли промышленности... Мы видим к чему они стремятся. Они пытаются организовать, например, европейскую стальную промышленность, которая могла бы противостоять американской стальной индустрии. Картелизированные товары появляются на наших рынках экспорта. Сталь, как известно, является одним из главных предметов нашего экспорта, другим таким товаром является стекло. Сейчас в печати появляются сообщения о возникновении комбината с миллионом долларов в химической индустрии Европы. Франция и Германия уже связаны химическим комбинатом, Англия вступает в него в ближайшие недели. Положение, разумеется, вызывает всеобщую тревогу. Она заключается в том, что европейские правительства готовятся с серьезностью и интенсивностью, которых они раньше никогда не обнаруживали, к новой погоне за иностранными рынками. Мы отметили это на недавно состоявшейся последней Женевской экономической конференции. Это было еще более заметно на международной Стокгольмской конференции торговых палат. Во всей Европе мы видим пробуждение, небывалое в прошлые годы».

[1]) См. «Большевик» № 23—24. 1927 г. «Трестифицированная Европа и американские планы».

[2]) «Journal of Commerce» от 6/I —28 г.

Мы видим, что не только адмиралы, но и правительственные чиновники министерства торговли ставят в центре внимания борьбу против трестифицированной Европы, что даже такие акты «пацифизма», как Женевская экономическая конференция, вызывают у них не слезы умиления, а скрежет зубовный. Речь, разумеется, идет не о тех добавочных сотнях тысяч долларов, которые Клейн испрашивает для своего департамента «в целях наблюдения за Европой». Речь идет о том, чтобы, взвинтив патриотизм янки, ликвидировать остатки антитрестовского закона, доказать права американских рвачей на неограниченные монополии и подготовить общественное мнение к ожесточенной экономической и военной борьбе против угрожающей Европы. «Теория» Клейна является, таким образом, «обоснованием» того процесса стремительного образования новых, архимогущественных трестов, который совершается сейчас в Америке.

Отметим некоторые из них.

* * *

В конце февраля в Вашингтоне предполагалась конференция представителей химической индустрии, в которой должны были принять участие вызванные специально для этой цели из Европы торговые агенты Соед. Штатов в Париже и Берлине. Цель конференции—«обсудить положение, создавшееся в связи с предстоящим образованием европейского химического треста». Европейская печать пыталась было заверить американцев, что переговоры в химической промышленности не направлены против Америки. Не поверили! Затем с той же целью выступил на состоявшемся в конце 1927 г. юбилейном собрании председатель союза химической индустрии Германии фон-Вейнберг; он торжественно опроверг «слух, будто европейское об'единение химических предприятий имеет целью образование боевого фронта». Напрасно! Америка таким заявлениям верить не будет.

«Европейская сторона,—пишет «Вельтвиртшафт» [1],—обнаруживает желание соглашение в химической промышленности привести к мировому соглашению с целью достигнуть нормального распределения продукции и нормального сбыта. Американцы стоят на другой точке зрения. Франциск П. Карвин, президент химической организации, заявил недавно в номере нью-йоркского «Джорнал оф Коммерс», что не может быть и речи о присоединении американской химической индустрии к европейскому об'единению. Другой член химической организации видит в химическом об'единении Европы не только об'явление торговой войны против Америки, но и также военно-наступательный союз, потому что он не сомневается, что в ближайшем времени будет химическая война».

Характерно, что печать германских промышленников [2]) скрывает от читателей, что решающим аргументом для американских трестовиков является не только картелирование европейской химической промышленности, но и наступательные планы специально Германии против американской химической индустрии.

«Германское проникновение в наш район,—пишет «Джорнал оф Коммерс» [3])—привело к возникновению далеко идущих планов. Они заключаются в том, что германский химический трест уже контролирует и предполагает расширить свой контроль над некоторыми химическими предприятиями в самих Соед. Штатах. В результате этого таможенный тариф, который сейчас охраняет рынок Соед. Штатов от иностранной продукции, даст им ту самую защиту, которой сейчас пользуются американские фабриканты, и откроет им рынки для продуктов, которые они сейчас не могут продать вследствие существования таможенного барьера. Существуют серьезные сомнения относительно того, возможно ли делать что-либо, чтобы противодействовать планам германского об'единения. В Вашингтоне уже в течение известного времени ведется агитация для внесения поправок в антитрестовский закон, агитация, которая получила недавно новую силу вследствие перепроизводства в нефтяной промышленности»...

Итак, германская индустрия угрожает американской химической индустрии не только на внешних рынках, но и в самой Америке. Здесь мы встречаемся с новым моментом характеризующим сложность отношений в международных синдикатах. Она заключается в следующем: подобно тому, как международные хозяйственные об'единения не исключают, а только придают другую форму остающейся, иногда еще более усиливающейся конкурентной борьбе, так и открытая борьба, хотя бы она и приобрела форму экономической войны, не исключает, а предполагает одновременно соглашения, тайные и явные, между отдельными участниками враждующих группировок—соглашения, которые в свою очередь направлены на удушение противника уже «на близком расстоянии».

* * *

Химическая индустрия, как известно, играет центральную роль во всех военных планах всех империалистов. Ни в одной отрасли промышленности не ведется такая энергичная, не останавливающаяся перед тратами бешеная работа по изысканиям и открытиям. И уже во всяком случае ни в одной

[1]) «Weltwirtschaft» № 2, 1928 г., стр. 31.
[2]) «Berg. Zeitung» № от 2/II—28 г.
[3]) «Journal ot Commerce» от 21/I—28 г.

отрасли промышленности результаты этих изысканий не оберегаются с такой священной заботливостью. Однако, европейский химический картель будет, по крайней мере по заявлениям его организаторов, одним из самых обширных не только по составу членов (об'единяя сразу не только все важнейшие страны континента, но и Англию), но и по об'ему соглашения, предполагая обмен патентами, даже специалистами и т. д. Как примирить это противоречие? Скрыть его не может даже такой утонченный дипломат-экономист, как редактор английского «Экономиста» Лейтон. В статье, предназначенной для иностранной печати [1]), «Навстречу мировому химическому тресту. Преимущества немецко-английской совместной работы» Лейтон повествует о том, какие выгоды обеим сторонам сулит англо-германское химическое соглашение и как славно жилось бы на свете, если бы все другие страны последовали этому похвальному примеру. Помилуйте! Появилась бы возможность делиться изобретениями, которые везде накапливаются и скрываются! Но тут автор начинает заминаться. Он пытается выплюнуть застрявшую у него в глотке косточку и вернуть себе свободу речи. Но не тут-то было!

«Секретные формулы каждого изобретения (в области химии) оберегаются самым заботливым образом, чтобы можно было извлечь, как можно большую выгоду (в конкурентной борьбе). Наибольшая трудность, однако, заключается в той роли, которую призвана играть химическая индустрия во время войны. При современном состоянии международного вооружения химическая индустрия образует даже не вторую, а первую линию защиты каждой страны, которая вынуждена вести войну. Это соображение лежит в основе всей таможенной политики и тех затруднений для импорта, которые были введены со времени окончания войны различными правительствами Великобритании. При теперешнем состоянии мировой политики и мирового хозяйства трудно сказать, каким путем эти трудности могут быть устранены».

Читатель опечален. Если даже в Англии, которая, как известно, думает только «о защите» (см. выше) все правительства (читай и Макдональдовское) не только оберегали свои химические секреты, но препятствовали развитию чужой химической индустрии из-за военных соображений, то каким же образом картелю удастся установить химическую идиллию и гармонию удушливых газов? Остается единственная, хотя и не слишком близкая, но все же верная надежда на всеобщее разоружение. Но Лейтон, увы, поручиться и в этом случае не может.

«Всеобщее разоружение имело бы своим результатом скорее увеличение значения химической индустрии в отдельных странах, чем его уменьшение, ибо раз народы уничтожат свою тяжелую артиллерию, свои аэропланы для сбрасывания бомб, свои военные корабли и другие видимые орудия войны, они, вероятно, тем более употребят свою энергию на неограниченное развитие химических средств, которые, хотя и менее специализированы, чем названные выше орудия смерти, все же по меньшей мере столь же действительны, как они».

Мы, таким образом, попутно получаем от достаточно осведомленного по этой части публициста (важнейшего эксперта женевской экономической конференции, одного из редакторов последней промышленной программы английской либеральной партии и т. д.) раз'яснение, что буржуазные пацифисты и поборники разоружения разумеют под «всеобщим разоружением».

[1]) Цитирую по «Prager Tagblatt» № 2—3 1928 г.

Согласно откровенному признанию Лейтона, речь идет не более и не менее, как о том, чтобы видимые орудия войны заменить невидимыми, «не уступающими первым по смертоносной силе», но имеющими то преимущество, что, не бросаясь резко в глаза, они лучше скрывают военные замыслы. Секрет и тайна и в этом случае остаются главным преимуществом химии. Тем более непонятно, как же химические короли систематически будут пробалтывать друг друг свои секреты и посвящать своих коллег по синдикату в то, что составляет святая святых современного милитаризма.

В статье Лейтона нет ответа на этот вопрос. Есть только указание на то, что эти серьезные трудности при международном об'единении придется преодолеть. Но как? Ответа нет. Между тем ларчик открывается очень просто. Каждая из договаривающихся сторон одинаково стремится использовать соглашение, как новое средство борьбы против всех остальных. Соглашение, как новая, отнюдь не исключающая все старые, форма борьбы,—вот, что лежит в основе той исключительной сговорчивости и мнимой уступчивости, которые обнаруживают национальные тресты именно в химической промышленности.

Но если международные хозяйственные соглашения, предполагают непрекращающуюся борьбу между союзниками, то, с другой стороны, в тех случаях, когда между конкурентами идет открытая борьба, она не исключает элементов тайного сговора между участниками враждебных лагерей за счет своих союзников. Пример. Северо-американская и германская химическая индустрия как-будто на ножах. Мы видим, что американская печать обвиняет немцев не только в экономическом наступлении, но в покушении на самое существование Соед. Штатов (понижение обороноспособности!). С целью отбиться от этой опасности созывается специальная конференция всех представителей химической индустрии Соед. Штатов. На вопрос о примирении между обеими враждующими группировками официальный представитель американской химической организации отвечает: никогда! И что же? Одновременно крупнейшие участники обеих группировок, не прекращая войны и не собираясь ослабить ее, в сторонке договариваются о совместной работе по монополизированию отдельных специальных областей химической промышленности.

Мы видели выше опасения «Джорнал оф Коммерс», что европейская химическая индустрия, в первую очередь германская, заложит свои гнезда в самих Соед. Штатах. Но разве трудно ликвидировать в самом начале проникновение этого чужеродного тела в американское хозяйство? Оказывается—не легко.

> «Не существует пути,—продолжает газета, передавая мнение официозных кругов,—чтобы предупредить проникновение иностранных инвестиций в американские концерны,—известно, ведь, что значительная сумма европейских денег вложена в американских предприятиях. С другой стороны, много американских денег инвестировано в заграничных предприятиях, часть их, как передают,—в ту самую германскую организацию, которая стремится сейчас обосноваться в Соед. Штатах».

Перед нами, таким образом, переплетение интересов двух борющихся между собой группировок, заставляющее каждую из них одновременно «и ненавидеть и любить» своего конкурента-компаньона. До 14 года это переплетение интересов, наиболее резко бросавшееся тогда в глаза в области банковского капитала, давало основание и глупцам и жуликам утверждать, что такая общность интересов делает невозможной войну между странами, внутренне связанными между собой экономическими и финансовыми нитями. После опыта империалистической войны 1914—18 годов глупцы должны были прозреть, и уже одним только лжецам полагается развивать теорию о преодолении опасности войны экономическими сближениями и соглашениями между народами. Главный их аргумент заключается в том, что в 1928 г. в отличие от 1914 г., речь идет не о частичных соглашениях между раздробленными и распыленными интересами, а о законченных мирных экономических договорах между национальными трестами, охватывающими или контролирующими целую область производства страны. На примере химической индустрии видно, как, с одной стороны, внутри этих национальных об'единений тлеют и зреют противоречия, а с другой—межнациональные соглашения являются лишь платформой для экономической борьбы и исходной позицией для военных конфликтов.

Официальные круги Соед. Штатов, как мы видели, утверждают, что нет средств для того, чтобы в данных условиях отнять у германской промышленности возможность просочиться на американский рынок. Но почему так? Американская химическая индустрия в достаточной степени трестифицирована, власть над ней сконцентрирована в руках двух-трех химических королей; для них раздавить те непослушные предприятия, которые, вопреки «общему интересу», будут заводить шашни с германской промышленностью, казалось бы—пара пустяков. С другой стороны, сама-то химическая индустрия Германии давно ли в порядке защиты цивилизации была до последней нитки ограблена Соед. Штатами, и патенты ее (химии, а не цивилизации) были распределены безвозмездно между американскими фабрикантами? Правда, после этого химическая индустрия в Германии успела оправиться, но опять-таки в порядке плана Дауэса, т.-е. на американские денежки и под неусыпным американским оком. При таких условиях германской промышленности полагается «сидеть на пайке» и уже во всяком случае не появляться в качестве победительницы в Соед. Штатах. Оказывается, однако, что дело развивается не таким упрощенным «автоматическим» путем.

Раздавить непокорных своих членов, пренебрегающих интересами целого, американская химическая семья не может по той простой причине, что позади их, или, правильнее, во главе их, стоит не кто иной, как король всех химических королей, один из крупнейших комбинаторов Соед. Штатов, не раз бывший диктатором нью-йоркской биржи и сейчас контролирующий крупнейший химический трест Соед. Штатов знаменитый Дю Понт! Правда, пока-что будучи душой похода против германских химических трестов и давая директивы своей печати симулировать встревоженность за будущую оборону страны, он ведет переговоры с I. G. Farbenindustrie под железной маской, но черты лица архиспекулянта Дю Понта слишком выразительны, чтобы их можно было скрыть.

> «Наблюдатели, вернувшиеся из Берлина, сообщили Уолл-Стриту,—продолжает «Джорнал оф Коммерс»,—что Карл Бош, директор I. G. Farbenindustrie заявляет, что ранней весной он собирается приехать в Соед. Штаты. Со слов Боша передают, что он пытался в ряде случаев достигнуть соглашения с Allied Chemical and Dye Co (второй после Дю Понта по мощности химический трест. *П. Ш.*), но без успеха, в то время, когда переговоры о соглашении с Дю Понтом, по его словам, развиваются благоприятно до настоящего времени. Бош, как передают, предполагает постройку совместно с Дю Понтом больших заводов нитрата и метанола в Соед. Штатах. Передают, что I. G. Farbenindustrie предполагает построить здесь также большой завод нитрата за собственный счет. Д-р Бош также заявил публично в печати, что он получил приглашение от торговых палат Соед. Штатов открывать фабрики

в различных городах и что все руководящие американские банки предложили ему займы».

Трудно, конечно, сказать, в какой мере эти сообщения о предстоящей гастроли Карла Боша и об ожидающих его головокружительных успехах соответствуют действительности и нет ли здесь сознательного сгущения красок в целях расжигания страстей накануне воинственной конференции представителей химических трестов. Во всяком случае, если и в преувеличенном виде, то все же отражает действительно происходящий процесс взаимного прощупывания и проникновения между отдельными отраслями промышленности Европы и Соед. Штатов. Но общим фоном, на котором происходят эти частичные процессы, остается обострение противоречий и углубление борьбы между обоими противниками, из которых никто еще не является ни разбитым, ни обезвреженным. Сближение между I. G. Farbenindustrie и трестом Дю Понта в какой-нибудь области производства отнюдь не означало бы даже примирения: каждая из договаривающихся сторон с места в карьер стремилась бы использовать сближение, чтобы нанести противнику как можно более решительный удар. От сближения полюсов, на которых накоплены такие чудовищные массы противоположного электричества, сила взрыва только возрастает.

* * *

Такое же ускорение процесса трестификации под лозунгом борьбы с европейской конкуренцией, как в химической индустрии, можно констатировать в железоделательной и сталелитейной промышленности, хотя здесь вследствие общей замедленности темпа роста производства процесс выступает не так отчетливо. И здесь, с одной стороны, переговоры между так называемыми «независимыми», т.-е. не входящими в «Юнайтед Стил Корпорэйшен», трестами об об'единении в общий национальный трест с официальной программой «создания организации, которая была бы способна конкурировать не только на внутреннем рынке, но и в наименее доступных частях мирового рынка». Основа этого нового сверхтреста уже заложена об'единением двух компаний: «Республиканской компанией железа и стали» и «Трэмбелской Стальной Компанией»; обрастание этого ядра другими «независимыми» трестами лишь вопрос времени. Однако, и стальная промышленность С. Штатов пытается оттеснить Европу не только в открытой борьбе. Здесь также намечается, хотя и в зачаточной форме, план добиться разрешения той же задачи частичным сближением с европейским континентальным картелем или, по крайней мере, соблазнами такого сближения. Пробный шар в этом направлении был пущен сообщением в печати о предстоящем приезде в Европу председателя «Юнайтэд Стил Корпорэйшен» Томаса для переговоров с европейским стальным картелем о «согласовании действий». Такая перспектива, разумеется, была бы особенно заманчива для германского стального картеля, ибо она принудила бы Англию поторопиться с отказом от всяких колебаний и переторжек в деле присоединения к континентальному картелю, не говоря уже о Польше и других мелких производителях, которые стали бы умолять об их включении. Тем более показательно, что пробный американский шар был встречен в кругах германских промышленников с большой осторожностью и подозрительностью. Причины этого изложены с достаточной откровенностью на страницах хорошо осведомленного «Дейтшер Экономист» [1]) следующим образом:

«Если сообщение о намерении председателя Томаса вступить в переговоры с континентальными предприятиями встретило все же только незначительное внимание, то причиной этому является тот факт, что С. Штаты до сих пор уклонялись от всяких попыток к сближению, и что нельзя легко доверять такой неожиданной перемене в намерениях... Каждый раз, когда осторожно запрашивали, не намерена ли стальная индустрия Соед. Штатов принять участие в стальном картеле, оттуда немедленно следовал отказ. Дело не доходило даже до необязательных предварительных переговоров... Вся тенденция американцев в последние годы заключалась в том, чтобы удерживать поодаль от своего рынка чужое железо и сталь, при чем имелась в виду в первую очередь германская сталь, которая, согласно господствующему в Соед. Штатах мнению, является самым серьезным конкурентом. Отсюда требование — затруднять ввоз и облегчать вывоз, — требование, которое еще совсем недавно было поднято в Вашингтоне могущественнейшим стальным трестом».

[1]) «Der Deutsche Economist» от 23 февраля 1928 г., стр. 253.

Но, может быть, американская стальная индустрия изменила свою политику и собирается действительно перековать мечи экономической борьбы в арала картельного соглашения? Германские трестовики не очень-то этому доверяют не только потому, что такие внезапные метаморфозы мало вероятны, но и потому, что, по их собственной оценке положения мирового рынка, дальнейшее заострение борьбы неминуемо.

«Если верно, что Томас хочет вести переговоры с континентальными группами, то в Соед. Штатах должна произойти радикальная перемена в оценке целесообразности соглашения с Европой. Самим положением мирового рынка эта перемена тенденции не может быть обоснована. В возможность под'ема на мировом рынке не верят также и там. Борьба за районы сбыта будет и впредь существовать. Для стальной индустрии Соед. Штатов это означает, что так горячо преследуемая ими цель — покрывать американский спрос только американской продукцией — не будет достигнута, не говоря уже о том, что ее дальнейшие стремления — рассматривать сбыт в Южной Америке с такой же точки зрения—еще долго останутся музыкой будущего. Может быть, в Соед. Штатах думают приблизиться скорее к исполнению этих желаний, если подобные требования будут поставлены в порядке международного соглашения».

Перед нами, таким образом, довольно трезвая оценка столь быстро растущего в Америке интереса и внимания — притом в самых разнообразных и наиболее противоречивых формах — к европейским трестам: не только кулак открытой конкуренции, но и протянутая через Атлантический океан рука соглашения имеют прежде всего цель зажать трестифицированную Европу и оградить от нее по меньшей мере все рынки западного полушария. Повиснет ли эта рука в воздухе, или волей-неволей будет принята Европой, зависит, разумеется, не только от одной Европы: дурной мир часто является результатом хорошей ссоры!

* * *

В порядке дурного мира цинковая индустрия Соед. Штатов завершает и оформляет сейчас свое неоспоримое господство на мировом рынке, нанося при этом самый чувствительный удар Англии и в производственном и в торговом отношении. В течение февраля в основных цинкопроизводящих странах Европы (Германии, Англии, Польше, Скандинавии, Франции и Италии) происходили выборы делегатов на предстоящую в Брюсселе конференцию по вопросу об образовании европейского цинкового синдиката.

Два основных американских металлических синдиката, контролирующие цинновую промышленность Соед. Штатов, намерены тоже присоединиться к этому соглашению; речь, таким образом, идет об образовании мирового цинкового картеля. То соотношение сил, которое будет установлено этим соглашением, является в сущности серьезным поражением, понесенным Британской империей в ее борьбе с Соед. Штатами.

«Борьба за доли участия, — пишет «Дейтшер Экономист» [1]), — явится в Брюсселе в действительности важнейшим пунктом порядка дня. В этой борьбе наметилась совершенно отчетливая линия фронта. На одной стороне находятся могущественные производители цинка Америки, которые сумели поднять свою долю в мировом производстве цинка с 31% (до войны) до 46% — в 1924 г. и до 50% — в 1926 г., и которые теперь, получив опорные пункты в европейских располагающих цинковыми рудами странах, Соед. Штаты хотят прекратить в абсолютное превосходство как в мировом производстве, так и в будущем международном цинковом картеле, — такое же превосходство, какого они уже добились в мировом медном картеле. На другой стороне — вынужденные к обороне производители цинка Европы, доля которых в мировой добыче между 1913 и 1926 годами упала с 68% до 45%, а в потреблении — с 80% до 52%».

С какими козырями явятся американские синдикаты на брюссельское совещание или, вернее, с какими они будут вести свою беспроигрышную игру, даже не показавшись в Брюсселе? Прежде всего превосходством в технике: весь американский экспорт цинка в Европу — в последнее время около 33 тыс. тонн ежемесячно—состоит из высших, добываемых электролизом сортов цинка, составляющих монополию Соед. Штатов. Затем за американскими синдикатами стоит всемогущий Рокфеллер, чье имя уже одно сулит победу. Наконец, Америка располагает наиболее богатыми залежами цинковых руд в то время, когда европейские и австралийские запасы исключают возможность дальнейшего роста добычи. Но это еще не все. Решающим является тот факт, что и на эти европейские запасы Америка налагает свою руку, заключая, с другой стороны, с важнейшими европейскими потребителями (бельгийцами) долгосрочные договоры на поставку американцами цинковой руды, применяя обычную тактику «окружения», которая дает все преимущества наиболее сильной по своим монопольным позициям стороне.

«Ближайшей страдающей стороной этого развития будет Англия. Руководитель английской цинковой корпорации Гуветт недавно заявил, что Британская империя вынуждена платить Америке чудовищные цены за цинк, — около 35 млн. фунт. стерлингов в год. Но и в другом отношении растущее цинковое господство Соед. Штатов угрожает Англии. Чем больше центр тяжести мировой продукции перемещается в Америку, тем теснее европейские, а именно бельгийские, цинковые предприятия примыкают к американским группам при продаже, тем слабее становится доминирующее некогда положение лондонского металлического рынка, как посредника европейской цинковой промышленности, тем больше опережают его конкурирующие цинковые рынки Сент-Луи и Нью-Йорка. Этим определяется опасность, угрожающая одному из устоев лондонской мировой торговли».

[1]) «Der Deutsche Ekonomist» от 1 марта 1928 г., стр. 299 и сл.

* * *

Не случайно конечно, что такой же процесс перераспределения сил в пользу обеспечения превосходства Соед. Штатов происходит как раз сейчас и в алюминиевой промышленности, играющей все более важную роль в военном деле. В алюминиевой промышленности положение Соед. Штатов в этом отношении значительно хуже, чем в цинковой, потому что в Соед. Штатах запас сырья—боксита—скоро будет исчерпан в то время, как Европа обладает залежами боксита в большом количестве. Кроме того, алюминиевая промышленность является для Соед. Штатов сравнительно новой и развилась лишь во время войны. Своим быстрым расцветом американский алюминий обязан прежде всего семье Меллонов (двух Ричардов, Вильяма и самого Андрю, нынешнего секретаря казначейства), являющейся полным хозяином алюминиевой компании, которая монополизировала 100% производства. Что же касается семьи Меллонов, то она, в свою очередь, обязана алюминию своим быстрым обогащением, так как во время войны она, с одной стороны, являлась монопольным заказчиком алюминия, представляя интересы государства, а, с другой — являлась монопольным поставщиком, представляя интересы треста, — такое «совместительство» дало Меллонам исключительные даже для военных рвачей барыши. Дальнейшим шагом меллоновской монополии явилось превращение Алюминиевой Компании Канады, контролирующей также 100% производства, в дочерную организацию Алюминиевой Компании Соед. Штатов. В результате установилась до последнего времени молчаливая договоренность между американской алюминиевой промышленностью, с одной стороны, и европейским картелем—с другой. Но в самое последнее время это равновесие нарушается: в начале 1928 г. Соед. Штаты уже без всякого сговора с европейским синдикатом, меняют условия худого мира в направлении, обеспечивающем дальнейшее превосходство Соед. Штатов на мировом рынке. Какими средствами? «Виртшафтдинст» [1]) отмечает следующие моменты:

«1) понижение цен на алюминий в Соед. Штатах с 26 на 25 центов (ноябрь 27 г.), а затем на 23 цента за фунт (декабрь 27 г.),—мера, которая затрудняет ввоз европейского алюминия;

2) постройка новых гигантских предприятий в Канаде, где ежегодно будет добываться 100 тыс. тонн чистого алюминия, в результате чего американская доля в мировой продукции будет удвоена;

3) заключение концессионного договора с советским правительством с целью развития алюминиевой русской промышленности;

4) повышенная активность по экспорту в Восточную Азию за счет европейских конкурентов и

5) участие в акционерной компании «Боксит» (Цюрих)».

Последний пункт особенно характерен: речь идет о захвате источников боксита в самой Европе. Уже раньше американский трест подчинил своему контролю запасы боксита в Британской Индии, затем в Нидерландской и Британской Гвинее, затем перешел в Европу и заключил соглашение с итальянскими группами и, наконец, наложил руку на цюрихскую компанию, от которой в значительной степени зависит алюминиевая промышленность Германии. В конце января 28 г. появилось сообщение, что американский трест берет под свою высокую руку боксит в Юго-Славии и предполагает построить в Далмации крупную алюминиевую фабрику.

«Главным фактором изменения соотношения сил в алюминиевой промышленности,—пишет «Виртшафтдинст»,—является, как было указано, Алюминиевая Компания Америки, что может быть охарактеризо-

[1]) «Wirtschaftdienst», № от 10 февр. 1928 г., стр. 209 и след.

вано таким образом: те самые методы экспансии и монополии, которые эта компания до сих пор осуществляла на американском континенте, она хочет сейчас в крупном масштабе перенести на другие части света... Отсюда вывод, что в той мере, в какой европейская индустрия хочет остаться самостоятельной, предстоит острая международная конкурентная борьба за обеспечение мира металлом, всестороннее применение которого будет выяснено лишь в будущем».

Может быть, по отношению к алюминиевой промышленности угрозы по адресу Америки перспективами «острой международной конкурентной борьбы» в значительной степени уже запоздали, потому что эта отрасль промышленности в Америке достигла решающих успехов, несмотря на то, что в Европе она уже раньше была трестифицирована буквально на все 100% (если не считать часть производства Норвегии). Может быть, в данном случае следовало бы напомнить воякам еще не потерявшее своего значения правило: после драки кулаками не машут! Но не подлежит сомнению, что для промышленности в целом драка между Европой и Соед. Штатами не только еще не закончилась, но еще не достигла своего апогея. Она ведется с обеих сторон самыми разнообразными приемами, прерывается перемириями, сопровождается перебежками, перегруппировкой сил в обоих лагерях и изменением состава участников. Решающим, однако, остается, что линия фронта во всех случаях проходит в общем и целом между Соед. Штатами и Европой, при чем Англия все больше становится слабым участком европейского фронта, против которого американская конкуренция направляет главный удар.

Характерно, что во всех приведенных выше цитатах из немецких экономических журналов факт этой борьбы между Соед. Штатами и Европой не только признается открыто, но является ключом, расшифровывающим все переговоры и соглашения между мировыми монополиями.

* * *

Мы не останавливаемся здесь на борьбе между «Стандарт Ойль К°» и «Роял Дэтч К°», чрезвычайно поучительной для характеристики англо-американских отношений. Для нефтяной борьбы, хотя и происходящей сейчас в форме борьбы за рынки сбыта, все же основным является борьба за монополию мировых источников нефти, и ее правильнее будет рассмотреть в этой связи.

Чтобы закончить обзор типовых явлений в области трестификации, характерных для данного периода скачкообразного под'ема конкурентной борьбы, отметим еще одну форму, когда монополия прямо направлена на сокращение производства в связи с назревающим кризисом. Характерным для нее в данном случае является непосредственное, без всяких промежуточных стадий и звеньев, наступление на рабочий класс (увеличение безработицы, резкое понижение заработной платы). Показательной в этом отношении является работа, проводимая в Соед. Штатах в последние месяцы в целях «об'единения текстильного сознания». Речь идет о созываемой текстильной секцией нью-йоркского совета торговли и транспорта конференции представителей всех существующих в Соед. Штатах текстильных трестов—числом 33, из которых каждый в свою очередь об'единяет в среднем по 270 различных производственных и торговых организаций. Эта грандиозная конференция, в которой предполагается участие хлопка, шерсти, шелка, меха, начиная с монополистов сырья и кончая синдикатами портновских и шляпных фабрик, официально фигурирует под невинным названием «завтрака друзей».

Мы видели выше, что ограничение производства хлопчатобумажной пряжи и сокращение заработной платы проведено благодаря той «исследовательской» работе, которая была проделана хлопчатобумажным институтом. «Джорнал оф Коммерс» [1]) сообщает, что обследование распространяется на фабрики с числом веретен в 1.700.000. Результатом этого обследования явится экономия, понижение себестоимости, расширение заграничных рынков сбыта и т. д. Программа обещает не более, не менее, как улучшение условий труда, на деле же она начинает с установления принципа «обслуживания южных фабрик только южными рабочими», т.-е. ставит ставку на дешевый труд южных штатов, и основной ее пункт заключается в организации перенесения текстильных фабрик на юг. Но если в области хлопчатобумажной промышленности тресты уже достигли достаточно высокого уровня «текстильного сознания», то, по словам организатора «завтрака» Лео Гительсона, этого, к сожалению, нельзя сказать о всей текстильной промышленности.

> «Текстильная промышленность,—говорит он,—высоко организована, но лишь по отдельным отраслям или в отдельных штатах, «по приходам». Здесь сотрудничество почти совершенно полное. Но в то же время отмечается отсутствие сотрудничества как между отдельными отраслями внутри каждой группы, так и в особенности между группами. Этот недостаток нью-йоркский совет стремится устранить. Текстильная промышленность, как целое, должна быть выведена из трясины уныния (of the slough of despond). Сотрудничество должно быть расширено».

«Вывести из трясины уныния»... Вряд ли можно сомневаться в том, что речь идет о попытке внести «планомерность» в депрессию рынка, что на деле в первую очередь должно привести к росту безработицы и к сокращению заработной платы.

Мы не можем останавливаться на других формах промышленных об'единений, лихорадочно осуществляемых сейчас в Соед. Штатах. Эта об'единительная горячка со всех сторон подмывает антитрестовский декрет Шермана, от которого вообще-то остались только рожки да ножки.

Не сегодня—завтра трестовские «идеологи», приспособляясь к обстановке депрессии, создадут новую философию «процветания», которая в отличие от нынешней будет уже хвастать не «самой высокой во всем мире заработной платой», а, наоборот, дешевизной труда, обеспечивающей конкурентоспособность американских монополий. Но самое характерное для данного периода исключительного роста монополистических тенденций заключается в подготовке экономической борьбы не на живот, а на смерть с поднимающей свою голову Европой. Американский зверь, которому кризис нанесет чувствительную рану, собирается прыгнуть достаточно далеко.

Приведенная выше философия Клейна характерна не только тем, что является фактически об'явлением экономической войны Европе, но и тем, что, как всякое об'явление войны «цивилизованной» страной, она уже заключает обвинение против противника в том, что он, мол, и есть агрессивная, нападающая, нарушающая мир сторона. По Клейну выходит, что Соед. Штаты только защищаются, что из своего миролюбивого состояния они выведены ростом европейских аппетитов. Было бы странно, если бы европейская буржуазия с своей стороны не позаботилась о том, чтобы заранее подготовить общественное мнение к тому, что страдающей стороной является она, чтобы, изображая свою экономическую политику чище снега альпийских вершин, Европа не утверждала, что ненасытность американского империализма—вот единственный источник зла! Такие подготовительные нотки все чаще

[1]) «Journal of Commerce» от 1 февраля.

можно встретить в европейской печати, и что особенно достойно внимания, роль правительственного чиновника Клейна в Европе исполняет не кто иной, как официоз германской социал-демократии берлинский «Форвертс»!

«Особенно важное значение,—пишет «Форвертс», рисуя перспективы европейской внешней торговли на 1928 год,—приобретает для европейской торговли политика Соед. Штатов, которая практикует подлинную диктатуру над Европой. Эта диктатура состоит в том, что все те льготы,которые одна из европейских стран представляет другой, Соед. Штаты требуют для своего эксперта, не делая, однако, со своей стороны никаких уступок и ни в какой степени не снижая своих собственных высоких пошлин... Осуществляется ли единый фронт европейских стран против американской таможенной политики? Пока-что мир напрасно ждет, чтобы указания всемирной экономической конференции, имеющей целью поощрение мировой торговли, были осуществлены».

Времена меняются! Давно ли германская социал-демократия лизала сапог Дауэса, давно ли она была самым раболепным лакеем северо-американского империализма? Теперь обстановка не та: у германского империализма вырастают когти. Германская социал-демократия смотрит уже в глаза своему старому хозяину. И не будет ничего удивительного в том, если по мере развития событий европейская социал-демократия, срастающаяся с предпринимательскими организациями и уже берущая на себя инициативу в деле образования европейских картелей и даже, как это было на последней конференции международного секретариата горняков, подталкивающая на этот путь наименее приспосабливающиеся к новой обстановке предпринимательские группы, об'явит священный поход против «претензий» Соед. Штатов.

(Окончание следует).

Д. Лебедь.

Внимание идеологическому фронту.

XV с'езд партии указал на необходимость с особым усилием повести пропагандистскую работу внутри партии и среди рабочих масс, считая это одним из условий окончательного устранения тех идеологических извращений, которые были внесены в партию двухлетней пропагандой антиленинских и антимарксистских взглядов оппозиции.

В процессе повседневной работы партии на конкретных творческих задачах партия проводит решение XV с'езда, тем самым отметая оставшиеся пережитки оппозиционных «теорий» и «теориек». Но этого еще недостаточно, должна усилиться и собственно пропагандистская работа, основанная на изучении членами партии ее истории, отдельных ее течений, уяснении социальных и классовых причин тех или иных идеологических искривлений, вносимых в партию различными оппозиционными группами.

Пролетарской диктатуре приходится выполнять свою историческую миссию—осуществление социализма—в стране своеобразной, где два основные класса — рабочий класс и масса крестьянских простых товаропроизводителей,—несмотря на свои разные исторические традиции, на свое разное экономическое содержание, осуществляют союз под руководством пролетариата. И уже в самом этом союзе кроется известная часть противоречий, вытекающих из трудности перевоспитания крестьянства.

Поднять, перевоспитать целый грандиозный класс из мелкобуржуазной «ограниченности» на рельсы коллективистического строительства — задача не одного года, она целиком связана с переустройством, в течение долгого ряда лет, «распыленного» еще и до сих пор достаточно «нищенского» состояния хозяйства на началах машинизации и ленинского кооперативного плана и создания на место единоличных мелких хозяйств крупных машинных, а следовательно, и усиления влияния пролетариата на крестьянство,—в этом смысл борьбы за овладение деревни на долгие годы.

В процессе укрепления влияния пролетариата на крестьянство неизбежно ослабление опасностей, идущих от мелкобуржуазной стихии внутрь коммунистической партии, а ведь, в сущности говоря, большинство идеологических уклонов в нашей партии было не чем иным, как отражением настроений мелкобуржуазной демократии, которая опять-таки имеет своим источником, в первую очередь, крестьянство, само собой разумеется, прежде всего на его кулацком полюсе.

Городская мелкая буржуазия, мещанство, часть технической интеллигенции, некоторые слои советских служащих, являясь выразителем этих мелкобуржуазных чаяний кулаков, по сути дела, есть идеологический и политический рупор, иногда более, иногда менее полным голосом дающий нам знать об опасностях и сдвигах в сторону буржуазной демократии. Говоря

так, мы имеем в виду наши советские условия, где экономическая роль буржуазии почти сведена к нулю и ничтожные группки буржуазии ищут опоры в крестьянских слоях.

Наибольшую активность приобретает «борьба за существование» демократии против пролетарской диктатуры тогда, когда эта идеология демократии находит себе проводников в рядах коммунистической партии. Так было с «рабочей оппозицией», так было с троцкистской оппозицией 23 года (постановление XIII с'езда о мелкобуржуазном уклоне), так было с троцкистско-зиновьевской оппозицией 26—27 гг. (солидаризация с нею мелкой буржуазии внутри и меньшевиков и мелкобуржуазных эмигрантских групп за границей). Это так было. А есть ли у нас возможность теоретически считать, что так еще и может быть? Да есть. Такая возможность кроется все в тех же противоречиях существования пролетарской диктатуры в условиях «допущения капитализма» и распыленного крестьянского хозяйства, а равно и особенно в условиях внешних капиталистических окружений.

Вот почему вопрос об идеологической крепости партии есть вопрос успешного преодоления могущих быть и имеющихся еще отклонений от пролетарского мировоззрения нашей партии на путь демократических мелкобуржуазных или анархических иллюзий. Укреплять идейную броню партии—дело важнейшее и в современных условиях первоочередное.

Мы приближаемся к 25-летнему юбилею II с'езда нашей партии, на котором был дан фактически генеральный бой со стороны последовательно классового, марксистского мировоззрения либерально-демократическому. Итог, подведенный на II с'езде РСДРП, был итогом победы первых боев пролетарского социализма над мелкобуржуазным либерализмом. Ленин в вопросе организации рабочей партии вскрыл оппортунистическую сущность ряда вождей соц.-демократии (Троцкий, Мартов), голосом которых косвенно говорила и тогда мелкая буржуазия.

Изучая события, предшествовавшие II с'езду, и вопросы, поднятые на самом с'езде, а затем и всю историю уклонов в нашей партии, мы тем самым закалим ее еще сильнее, она станет еще способнее легко пройти мимо или преодолеть могущие быть вспышки и «бури» мелкобуржуазной и анархической стихии. Однако, не только изучение исторических внутрипартийных этапов должно быть основанием для пропагандистской работы, но и внимательное изучение и своевременное раз'яснение тех уклонов и из'янов, которые то притихают, то вновь вспыхивают в рядах нашей партиии, отражая молекулярные, а иногда довольно-таки ощутительные и заметные процессы, происходящие внутри классов нашей советской страны.

На одном из самых последних рецидивов мелкобуржуазного влияния в нашей партии мы бы хотели обратить внимание партийной общественности.

Еще на XV с'езде партии тов. Зеленский обратил внимание на опасность уклонов, намечающихся в некоторых национальных республиках на почве национальных задач. Он указал: «Эти элементы и некоторая часть наших партийцев, не освободившихся еще от национального уклона, выдвигают такую позицию, что национальные республики должны внутри себя иметь в с е элементы для развития народного хозяйства. Каждая национальная республика должна внутри себя иметь все необходимое, должна свое хозяйство конструировать таким образом, чтобы оно являлось законченным хозяйственным организмом, могущим развиваться на внутренних ресурсах без связи с Союзом в целом» [1]).

О том, что такой уклон не единичное явление, говорит и статья Косты Таболова [2]), где вскрываются уклоны среди коммунистов Армении и

[1]) Стенограф. отчет XV с'езда ВКП(б), стр. 24.
[2]) «Большевик» № 1. «Против линии национальной демократии», стр. 65—78.

вообще Кавказской федерации, где за последнее время усилились националистические настроения, выраженные Садвокасовым в форме защиты обособления национальных республик и устранения централизованного руководства командными высотами нашей экономики. Но рекорд на полную программную законченность и идеологическую выдержанность национализма побил тов. М. Волобуев [1]), который сформулировал целую программу взглядов, защищающих необходимость экономического обособления Украины от всего остального Советского Союза.

Всякая платформа имеет свое теоретически-историческое обоснование, так и платформа М. Волобуева начинается с доказательств того, что Украина была колониальной страной, что царизм насаждал руссификацию на ее территории, что, начиная с XVII века, на Украине не было своих «украинских» купцов, а были русские и что Мазепа помог Петру в установлении национального гнета на Украине, что Екатерина Великая утвердила на долгие годы политику руссификации и т. д., и т. п.,—целый исторический трактат на тему о том, что Украина была угнетаемой нацией, и все это (кстати сказать, совершенно бесспорное) только для того, чтобы сделать следующую основную предпосылку для своей платформы. Вот эта предпосылка [2]): «Мы кончаем нашу историческую справку. Мы стремились здесь сжато показать формы развития колониальной политики царизма на Украине и опровергнуть вредную сказку о полном единстве дореволюционной российской экономики. Тенденции концентрации хозяйства противостоит рост центробежных сил, которые растут параллельно развитию производительных сил национально-хозяйственных организмов. Когда говорят об единстве дореволюционной русской и украинской экономики, имеют в виду лишь первую тенденцию, забывая о другой: центробежной, вернее о стремлении войти в состав мировой хозяйственной страны непосредственно, а не через российскую экономику. Процесс концентрации на капиталистической основе проходит в противоречивой форме автаркистических тенденций. Поэтому не следует себя обманывать фактом концентрационных тенденций в российской дореволюционной экономике. За этими тенденциями необходимо замечать и сепаратистские силы украинской экономики».

Кто и в чем, по мнению М. Волобуева, недооценивает сепаратистских тенденций украинской экономики? И зачем ему понадобилось доказывать, что дореволюционная экономика России являлась составом из разных национальных экономик? Читатель увидит дальше, что это надо было для того, чтобы доказать наличие в политике коммунистической партии колонизаторских традиций. В соответствии с этим своим утверждением он делает следующие выводы: «Правильная постановка вопросов об истории взаимоотношений русской и украинской экономики в период капитализма может устранить много ошибок и недоразумений, имеющих отношение к современным проблемам этого порядка, а раньше всего это дает возможность правильно поставить вопросы о ликвидации к о л о н и а л ь н ы х о с т а т к о в ц а р и з м а в э к о н о м и ч е с к о й ч а с т и. Это потребует в свою очередь внести действительную я с н о с т ь в п р о б л е м у в з а и м о о т н о ш е н и й р у с с к о й и у к р а и н с к о й э к о н о м и к и п о с л е р е в о л ю ц и и» [3]).

Как видите, М. Волобуев всерьез верит, что над нами (т.-е. над партией) тяготеет наследие царской колониальной политики в руководстве экономическим строительством. Чей это язык?

[1]) «Більшовик України» №№ 2 и 3, 15 января и 30 февраля 1928 г., стр. 46 и 42.
[2]) Всюду переведено с украинского. Статья М. Волобуева «Більшовик України» №№ 2 и 3, 1928 г.
[3]) Разрядка моя. *Д. Л.*

Мы утверждаем, что так понимали (хотя и в другой исторической обстановке и из иных классовых побуждений) петлюровцы 19—20 годов. Укаписты же 22—24 годов считали своей основой именно такую политику, когда они доказывали, что «Украина должна быть для украинцев», когда они в массах крестьян и рабочих агитировали против «оккупантов», колонизаторов и «москалей», грабящих украинский хлеб и украинское сало, именно тогда они шли к кулаку и мелкобуржуазному интеллигенту-националисту с указанием на угнетательскую политику Советской России, насаждающую единый ВСНХ, единый НКПС, единое управление Красной армии.

Решение II конгресса Коминтерна, указывающее на необходимость централизованного об'единения сил рабочего класса (что ни в коем случае не уменьшало возможностей свободного развития того или другого народа, ибо именно в единстве пролетарских сил разных национальностей есть залог победы пролетарской революции),—это решение имело в виду в частности и националистические партии, образовавшиеся на территориях отдельных советских национальных республик в том числе и Украины.

Центральный Комитет ком. партии Украины, учитывая решение Коминтерна, дал решительный отпор политике раз'единения трудящихся советской страны и в своем меморандуме в Коминтерн в 1924 г. писал: «Она, т.-е. партия укапистов, приняла коммунистическую программу, исказив ее в части, касающейся национального и колониального вопроса, отказалась от восстания, перейдя к методам легальной политической борьбы, но она не отказалась от старой платформы независимых украинских социал-демократов, от платформы обособления Советской Украины от Советской России, от прежних методов противопоставления трудящихся Украины трудящимся Советской России[1]) и потакания инстинктам кулацкой части украинского крестьянства. Ведя агитацию против существующей на Украине Советской власти, изображая вслед за петлюровцами украинскую Советскую власть, как власть чуждую, оккупационную, а КП(б)У, как филиальное отделение «иностранной» партии, УКП продолжала играть на руку контрреволюции, ибо лучший путь к победе контрреволюции на Украине лежал через изоляцию Советской Украины от Советской России».

Чем отличаются от этих наветов мелкобуржуазной партии утверждения М. Волобуева, который доказывает, что «на протяжении 4 лет финансовый баланс Украины был остро отрицательным, иначе говоря, значительная часть продукции Украины тратилась за ее границами».

Разные слова, а мысли одни: укаписты говорили, что и «москали» грабят, а М. Волобуев это облекает в более мягкую форму, заявляя, что это, т.-е. отрицательный баланс, принесет «большой вред хозяйственному и культурному развитию Украины».

Как видите, автор новой программы полной экономической «независимости» Украины выдвигает вечно старое и всегда новое верное средство—натравливание трудящихся одной национальности на другую. Коминтерн в резолюции о принятии УКП в партию КП(б)У указал на те пути, которыми действительно надо бороться с остатками великодержавности, и они прежде всего идут опять-таки по линии сплочения всех сил пролетарской диктатуры как на Украине, так и на всей территории СССР[2]).

Чем была партия укапистов на Украине? Она была партией мелкобуржуазной кулацкой демократии, идейно в национальном вопросе продолжавшей петлюровщину, а политически неизбежно скатывавшейся в контрреволюционное болото меньшевизма и эсэровщины. Они не хотели понять, что революция победила на территории бывшей царской России благодаря тесному союзу пролетариев и единому централизованному руководству рабочим классом разных национальностей, что победа революции на Украине была одержана при самой активной помощи со стороны русского пролетариата.

Когда М. Волобуев требует «обеспечить за украинскими экономическими центрами права и возможность действительного руководства всем народным хозяйством без исключения»[1]) и для этого считает необходимым «изменить существующий порядок руководства промышленностью», «планы индустриализации пересмотреть, отбросив тенденцию рассматривать русскую экономику, как господствующую», «пересмотреть под углом экономической целесообразности план строительства новых заводов» и т. д., и т. п.—то этим он повторяет зады петлюровщины и укапизма.

Есть ли хотя слабая доля правды в кулацко-мещанских выводах М. Волобуева насчет якобы грабительских тенденций Союза ССР по отношению к Украине?

Ответ на это получим, когда рассмотрим «экономические показатели» М. Волобуева. На Украине все время превышение доходов над расходами,—говорит автор,—а именно: в 1924 г. доходы превышают расходы на 120%, в 1925 г.—на 130%, в 1926 г.—129,5%, в 1927 г.—129,9%. Это означает по Волобуеву, что Украина отдавала Союзу свои доходы. На самом деле этакая эквилибристика с цифрами вносит невероятную путаницу, ибо доходы получаются не вообще за счет украинских «самодовлеющих» сил, а от всего хозяйства, получающего громадный стимул от крупной промышленности союзного значения (которую Волобуев хочет отобрать от Союза), но ведь доказательство от доходности ничего не говорит, ибо нельзя забывать, что если царская Россия получала с Украины 45% госдохода, то Советский Союз получает всего 8—14%[2]), ежегодно снижая эту долю, все больше передавая на местные и республиканские нужды.

Обратимся к цифрам вложений в украинское хозяйство, в частности, в промышленность, находящуюся на Украине. Здесь дело обстоит так: начиная с 1924—25 г., процент вложений в народное хозяйство Украины в отношении всего Советского Союза 17,2% в 1925—26 г., 20%—в 1926—27 г., 25%—в 1927—28 году. Капитальное вложение в промышленность 27% — в 1924—25 г., 21% — в 1925—26 г., 23% — в 1926—27 г., 22%—в 1927—28 г.

Удельный вес капитала украинской промышленности в капиталах всего СССР вырастает от 19% до 27%, а сам капитал увеличивается в два раза, а во всем СССР капитал увеличивается только на 1/3[3]). Отсюда и безграмотному экономически человеку ясно, что утверждение об «отрицательном балансе» Украины потому, что у нее много берут в СССР, является неприкрытой ложью.

М. Волобуев пытается подкрепить себя и тем, что промышленное строительство Украины не соответствует ее удельному весу и что ее «ущемляют»: «из 26 заводов, намеченных по пятилетке, строится только 3». Волобуев считает это недостаточным, умалчивая, во-первых, о том, что эти три являются крупнейшими предприятиями, один Криворожский—металлургический гигант.

[1]) Разрядка моя. *Д. Л.*
[2]) См. резолюцию президиума ИККИ «Как и почему Исполком Коминтерна распустил УКП». Изд. «Пролетарий», 1925 г.

[1]) Всюду разрядка М. Волобуева.
[2]) Данные из ст. тов. Речицкого. «Більшовик України» №№ 2 и 3 за 1928 г. январь—февраль.
[3]) Там же.

По данным ВСНХ СССР видно, что из выстроенных уже предприятий на 27—28 г. на долю Украины приходится 37,8 млн. рублей, на долю Белоруссии—4,0 м. р., Закавказская федерация, куда входят до 8 отдельных республик,—54,2, Узбекская—12,8, Туркменская—0,6, по РСФСР с ее 10-ю областями и автономными республиками—109,9 м. р., при чем в главнейшие индустриальные отрасли промышленности наиболее крупные вложения идут по Украине: 18,1—каменноугольная и 8,0—металлическая. $^1/_6$ часть всех вложений в Союзе ССР в новом строительстве идет на Украину—это не малая доля, имея в виду территорию и нужды всего Союза ССР. Из намеченных к постройке в 1927—28 г. на Украину падает 165,2 м. р. (по контрольным цифрам), по всей РСФСР 477,0 м. р. и по всем остальным Союзным Республикам 28,5 м. р., если учесть в составе РСФСР Урал с его громадными перспективами промышленного развития, Северную область, по своему промышленному значению являющуюся важнейшей для Советского Союза, Центр. Промышленный район,—то станет очевидным, что удельный вес Украины в новом строительстве Советский Союз оценивает в полной мере, и она стоит на первом месте. Из всего количества построенных и строящихся предприятий на 1927—28 г. в 630 на Украину падает—149, остальные 481—по 14 областям и автономным республикам РСФСР и другим союзным республикам [1]).

Нам кажется, приведенных данных достаточно, чтобы доказать, каким, мягко выражаясь, «искусственным» методом М. Волобуев анализировал экономические показатели.

На протяжении всего кулаческого плача М. Волобуева читатель не найдет ни одного слова о том, что существуют, кроме Украины, другие экономически и культурно отсталые нации и что именно о них, как и об Украине, партия на своем XII с'езде решила:

«...Еще X с'езд нашей партии отметил, что «уничтожение фактического национального неравенства есть длительный процесс, требующий упорной и настойчивой борьбы со всеми пережитками национального гнета и колониального рабства». Но преодолеть его нужно обязательно. И преодолеть его можно лишь путем действительной и длительной помощи русского пролетариата отсталым народам Союза в деле их хозяйственного и культурного преуспеяния. Помощь эта должна, в первую очередь, выразиться в принятии ряда практических мер по образованию в республиках ранее угнетенных национальностей промышленных очагов с максимальным привлечением местного населения».

О том, как проводится эта политика партии на деле, говорят следующие данные: «В 1925—26 г. по 5-ти союзным республикам и двадцати автономным республикам и областям РСФСР в капитальное строительство вложено 315 млн. 28 тыс. руб. (в том числе на строительство новых заводов 28 млн. 606 тыс. руб.). В 1926—27 г.—404 млн. 523 тыс. руб.—рост по отношению к предыдущему году на 28,4%, а по всему Союзу рост за тот же год—24% (в том числе на строительство новых заводов 61 млн. 577 тыс. руб., рост по отношению к предыдущему году на 115%). Предположено на 1927—28 г. 531 млн. 971 тыс. руб., рост по отношению к 1925—26 на 69%, а по всему Союзу за те же годы рост на 47% (в том числе на строительство новых заводов 89 млн. 740 тыс. руб., рост по отношению к 1925—26 г. на 215%) [2]).

Из этого вытекает, что рост капитальных вложений в нацреспубликах превышает союзный, а новое строительство обгоняет темп капитальных вложений—все это идет целиком по линии «помощи» отсталым национальностям.

[1]) Данные промфинплана ВСНХ СССР на 1927—28 г.
[2]) «Факты и цифры», стр. 104 и «Контрольн. цифры на 1927—28 г.», стр. 522.

Строительство Семиреченской жел. дороги, связанное с развитием хозяйства отсталых территорий, Днепрострой на Украине, Земо-Авчальская гидростанция в Грузии,—все это громадные рычаги поднятия хозяйства в нацреспубликах.

Но, ведь, не только цифрами доходов и вложений решается вопрос социалистического руководства.

Сила советской власти заключалась в период военной борьбы с врагом в том, что она сочетала интересы отдельных ранее угнетавшихся наций с общими интересами революции. Единство трудящихся это—не голая формула, а оно предполагает централизованное управление командными высотами экономики; крупная индустрия, монополия внешней торговли,—это главнейшие высоты пролетарской диктатуры. Централизовав также руководство военной силой трудящихся—Красной армией, советская власть только благодаря этим мерам разгромила врагов на фронтах, которые прорезали почти все нынешние национальные республики.

Вот почему, когда в 1920—21 годах против этого пролетарского централистского кулака завыла мелкобуржуазная стихия на Украине, ее вой был подхвачен врагами пролетарской диктатуры во всех буржуазных странах.

Теперь у нас положение не менее сложное и не менее опасное, чем раньше, поэтому мы не можем теперь терпеть пропаганду антикоммунистических взглядов, преподносимых под видом решения национальных проблем. Ведь вопрос социалистического строительства в Стране Советов может быть успешно решаем, когда плановое руководство командными высотами из единого центра пролетарской диктатуры Союза ССР будет сочетаться с самодовлеющими хозяйственными и производственными силами отдельных районов, областей и республик. Именно на основе этого будет решаться и вопрос о действительном равенстве национальностей. В этом смысле достаточно убедительны данные, приведенные тов. Зеленским на XV с'езде партии:

«Если в 1925—26 году по Узбекистану доходность на душу населения составляла 80 рублей, то по пятилетнему плану к концу пятилетия доходность повышается до 109 рублей; если по Туркменистану доходность на душу населения составляла 44 рубля, то к концу пятилетия она достигает 70 рублей; если по Киргизии доходность на душу населения составляла 44 рубля, то к концу пятилетия она достигает 91 руб. 96 коп.

Рост доходности на душу населения выражается, таким образом, в 36—59% в то время, как средняя доходность на душу по всему Союзу поднимается с 83 руб. до 96 руб. 90 коп., или на 16%» [1]).

Стихия прет в разные щели, которых у нас еще много. Через голоса последователей «армянского бунда» в Армении, Шумских, Волобуевых и Хвылевых на Украине она ищет «легальную» опору и идейную поддержку. Подточить и ослабить диктатуру пролетариата—это вернейший путь к торжеству всякой и всяческой «демократии». Когда М. Волобуев крестится социализмом, говоря, что «задачи строительства социализма потребуют от СССР стремиться ко все большей независимости от мирового хозяйства...», то мы ему не поверим, что он верит в этот социализм, ибо глупейшей выдумкой надо считать прикрывание своей узколобой теории ориентацией на «такой курс строительства, который в полной мере «обеспечил бы неизбежность будущего непосредственного вхождения национальных организмов, которые входят в состав СССР, в состав мирового социалистического хозяйства».

Именно в этой путанной философии и проявляется троцкистское неверие в социалистическое строительство, прикрываемое революционными

[1]) Стенографич. отчет. XV с'езда ВКП(б), стр. 25.

фразами, чего не ухитрился скрыть М. Волобуев, когда он говорит, что «если бы... революция не победила до момента, пока мы полностью не построим социализма в настоящих границах СССР, то и в этом случае, социалистическая автаркия была бы оправдана».

Рецепты на все случаи, лишь бы Украине дали «автаркистическую» [1]) независимость: и тогда она полезна, когда победит социализм во всем мире, и тогда, когда он не победит... Здесь наш теоретик не заметил путаницы, самостоятельно вытекающей из его первого утверждения о «непосредственном вхождении нацреспублик» в состав мирового социалистического хозяйства: да, ведь, если не победит революция, некуда и входить.

Вот это мещанское «авось» выдало нутро «философии всей». Бесспорно, что разобранная нами платформа украинского сепаратизма есть не что иное, как продолжение с другого конца бывшей оппозиционной трескотни насчет равномерности развития всех видов хозяйства. Такие взгляды ведут к срыву связи между отдельными республиками, к срыву основ социалистического строительства, его плановости, к срыву смычки между рабочим классом и крестьянством, к срыву влияния социалистической промышленности на хозяйство отсталых национальностей, на их культуру.

Обособление отдельных нацреспублик в условиях капиталистического окружения, при курсе партии на индустриализацию страны, есть антипартийная, требующая решительного отпора идеология.

Не случайно М. Волобуев и всякие иные сепаратисты, как чорт ладан, обходят одно из важнейших ленинских положений, выдвинутых В. И. еще в 1920 г. в «первоначальном наброске тезисов по колониальному и национальному вопросам», а именно: «Признавая федерацию переходной формой к полному единству, необходимо стремиться к более и более тесному федеративному союзу, имея в виду: во-первых, невозможность отстоять существование советских республик, окруженных несравненно более могущественными в военном отношении империалистскими державами всего мира, без теснейшего союза советских республик; во-вторых, необходимость тесного экономического союза советских республик, без чего неосуществимо восстановление разрушенных империализмом производительных сил и обеспечение благосостояния трудящихся; в-третьих, тенденцию к созданию единого, по общему плану регулируемого пролетариатом всех наций, всемирного хозяйства, как целого [2]), каковая тенденция вполне явственно обнаружена уже при капитализме и безусловно подлежит дальнейшему развитию и полному завершению при социализме».

Мы бы не останавливались на этой волобуевской статье, если бы она была лишь выдумкой одного споткнувшегося члена партии, нет—это настроение определенных кругов и значительных. На Украине не так давно мы читали бредни коммунистического украинского поэта Хвылевого о перемене ориентации вместо «некультурной Москвы» на «культурный Запад». Позже мы имеем раскол в коммунистической партии Западной Украины, когда ренегаты из этой партии идут в ногу с буржуазными националистами на выборах в сейм. Еще позже мы имеем то сям, то там среди украинской молодежи рецидивы укапистских настроений. Все это говорит о том, что перед партией на Украине вновь встала необходимость обратить сугубое внимание на то, что известные слои украинской интеллигенции и другие социальные

---

[1]) Автаркия—такое понятие об экономической системе, когда страна изолировано от других стран и самостоятельно может развивать свое хозяйство.

[2]) Разрядка моя. *Д. Л.*

силы начали активно возрождать старую идеологию экономической «независимости».

Несомненно, что ЦК коммунистической партии Украины своевременно и правильно поставил задачу борьбы с украинским национализмом, ударив по группе т. Шумского, пытавшегося сорвать ленинскую политику партии на Украине, противопоставлявшего ей мелкобуржуазную иллюзию замены руководства группой так называемых «националов» пролетарской активности всей партии в национальном вопросе. Тов. Шумский получил отпор и решительное осуждение за эту политику возрождения национализма и за поддержку раскольнических и ренегатских действий элементов из КПЗУ, но его работа принесла громадный вред и Советской Украине и коммунистам Галиции и Польши.

Волобуевщина берет источники от антикоммунистической политики группы т. Шумского именно потому, что есть решение Коминтерна о раскольнической работе этой группы, волобуевские разговоры о «выгодности» пребывания Советской Украины—особенно нетерпимы. Сама постановка вопроса на принципиальную высоту является некоммунистической вообще, и при ленински-выдержанной линии украинской партийной организации в национальном вопросе нам кажется неверным печатание таких статей в коммунистической печати.

В то же время нам кажется несколько странным поведение некоторой части украинских товарищей, которые вытаскивают из архива пятилетней давности «теорию борьбы двух культур» (когда-то выдвинутую автором настоящей статьи, неоднократно от нее отказавшимся, как от явно ошибочной) и обсасывают (который раз, счету нет) эту злосчастную теорию. Поэтому здесь уместно сказать, что такие украинские товарищи способны на свадьбе плакать, а на похоронах веселиться,—муху, уже давно пережившую все положенные сроки, до сих пор с остервенением, достойным самых злостных пауков, таскают, а вот слона у себя под носом не замечают.

Ведь «теория двух культур» основана на руссификаторских пережитках, сейчас на Украине они во всяком случае непосредственной угрозы не представляют, а то, что стучится в дверь, стихия кулацкого шовинизма, сегодня требует особого внимания. Надо одинаково активно бороться и с русским и с украинским национализмом, но марксисты ничего не делают вне времени и пространства.

Вот почему мы возвращаемся к заголовку нашей статьи, чтобы сделать вывод о необходимости усилить внимание идейному фронту и повести решительную борьбу с нарастающими симптомами новых мелкобуржуазных наскоков на дело пролетариев всех наций.

P. S. В «Комуністе», центральном органе КП(б)У, от 28 марта помещена статья тов. П. Любченко, где он вновь вытаскивает «теорию двух культур», как образец руссотяпства, ни слова не упоминая о волобуевских настроениях, которые выражены в статьях М. Волобуева не 5 лет, а всего лишь месяц назад.

Неопубликованное письмо В. И. Ленина.

Напечатанное ниже письмо В. И. Ленина от 6 июня 1912 года адресовано было трагически утонувшему в море в 1924 г. молодому экономисту Б. Н. Книповичу, сыну бывшего члена первой социал-демократической организации в России, — так называемой «группы Благоева», — а впоследствии известного профессора ихтиологии Н. М. Книповича. Родная тетя Б. Н. Книповича — покойная Л. М. Книпович, сестра профессора — крупная работница нашей партии («Дяденька»).

Владимир Ильич был очень дружен с семьей Книповичей, в особенности с Лидией Михайловной, с которой регулярно переписывался, живя за границей. Письма эти он обычно подписывал псевдонимом «Шкурка», каковым именем подписано и настоящее его письмо к Борису Николаевичу. Между прочим, оно заканчивается просьбой передать «большой привет всей фамилии, а особливо «водовозным клячам». По этому поводу покойный Б. Н. рассказал в свое время автору этих строк об одном чрезвычайно характерном для Владимира Ильича штрихе. Лето 1907 г. В. И. провел у Книповичей в Финляндии, в глухой деревне на берегу моря. Семья Книповичей усиленно занималась цветами и для их поливки возила воду на себе из расположенного вдали от сада колодца. Владимир Ильич, видя, как отправляются за водой, аккуратно выходил из дому и со словами: «позвольте и мне быть Вашей соклячей» — присоединялся к компании.

Поводом к письму послужило следующее обстоятельство. В апреле 1912 г. вышла в свет брошюра Б. Н. Книповича «К вопросу о дифференциации русского крестьянства» в издании семинария проф. Туган-Барановского. Книжка была послана В. И. за границу, и он вскоре ответил большим письмом. Но письмо пропало, так как Б. Н. Книпович был арестован в мае 1907 г. (Исчезнувшее письмо следовало бы поискать в архивах царской полиции). Тогда В. И. написал второе письмо на ту же тему, и оно, наконец, дошло по адресу.

Как раз в то время, когда Б. Н. писал свою брошюру о дифференциации крестьянства, Владимир Ильич получил возможность снова обратиться к углубленной разработке целого ряда вопросов экономики сельского хозяйства. Между прочим в это именно время он подготовлял материалы к своей первоклассной работе «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии». Вот почему, надо думать, Владимир Ильич с особой охотой преподал начинающему ученому-марксисту несколько великолепных указаний, основанных на собственной научной работе. Эти указания сохраняют и до сих пор первостепенное значение, несмотря на то, что после завоевания пролетариатом нашей страны политической власти, вопрос о дифференциации крестьянства ставится в ином аспекте.

Первое из указаний Владимира Ильича касается необходимости учитывать уход из деревни при подведении итогов дифференциации. Автор брошюры, полемизируя с Н. П. Огановским, указывал, что анализ цифр нередко

заставляет констатировать отсутствие дифференциации там, где она фактически происходит, но в формах, плохо улавливаемых цифрами. По поводу этих слов Владимир Ильич и приводит свои цифровые примеры. Здесь мы видим чрезвычайно характерную для В. И. постановку проблемы во всем ее об'еме, диалектическое рассмотрение каждого частного вопроса в связи со всем народным хозяйством страны: дифференциация крестьянства трактуется, как вопрос о росте капитализма во всей экономике страны, во всех его формах и этапах.

Теми же чертами проникнуто и второе указание Ленина. Действительно, брошюра Б. Н. Книповича имела еще подзаголовок: «дифференциация в сфере земледельческого хозяйства». Вл. Ильич сразу же отметил самое слабое место брошюры, указавши на то, что автор не сумел связать частный вопрос о земледельческом хозяйстве со всей проблемой эволюции крестьянского хозяйства в сторону специализации, или, как теперь принято выражаться, дифференциации по районам, в зависимости от общей экономики.

Крайне интересно третье указание Ленина о том, как наши «катедеры», либералы и народники «топят классовую борьбу в рядах и рядах цифр». Эти гневные реплики Ленина, сделанные им в частном письме в 1912 г., очень напоминают то, что писал он в книге «Новые данные» через год — в 1913 г.: «Не будет преувеличением сказать, что теория некапиталистической эволюции земледелия в капиталистическом обществе есть иллюзия, мечта, самообман всего буржуазного общества. Посвящая дальнейшее изложение опровержению этой теории, я буду стараться давать картину капитализма в американском земледелии в ее целом, ибо одна из главных ошибок буржуазных экономистов состоит в вырывании отдельных фактов, цифр и цифирек из общей связи политико-экономических отношений (IX, 198).

Наконец, в четвертом своем замечании Ленин очень метко указал Б. Н. Книповичу на невыдержанность его брошюры, сказавшуюся в заключительной ее части. Дело в том, что на стр. 97 своей книжки Книпович сочувственно процитировал известное основное положение теории П. П. Маслова о том, что «расслоение крестьянства, или, что одно и то же, образование более крупных крестьянских хозяйств происходит при развитии производительных сил и обратно—при падении производительных сил населения образование таких хозяйств почти невозможно». Так как из всех данных брошюры Книповича, наоборот, вытекало, что «формула» Маслова неверна, то такое солидаризирование было совсем неожиданным, и Ленин по праву назвал его Deus ex machina. Позднее сам Б. Н. Книпович признал это замечание В. И. совершенно верным и не разделял больше взглядов П. П. Маслова.

Ив. Теодорович.

Дорогой Коллега! Ужасно досадно, что мое первое письмо к Вам по поводу книги (за присылку ее очень благодарю)—пропало. Невероятный, но у нас, оказывается, возможный факт пропажи чисто научного письма. Постараюсь восстановить по памяти, ибо копии не оставлял.

С большим удовольствием прочитал я Вашу книгу и очень рад был видеть, что Вы взялись за большую серьезную работу. На такой работе проверить, углубить и закрепить марксистские убеждения, наверное, вполне удастся.

Отмечу некоторые мысли, которые пришли мне в голову при чтении. Мне показалось, что кое-где упускается из виду уход из деревни при учете итогов «дифференциации». Поясню свою мысль примерами: а) первый момент. Из 100 дворов 25 безлошадных—25% или беспосевных. б) Второй момент. Из 150 дворов 36 беспосевных—24%. Кажется, уменьшение дифференциации? Но, если 30 дворов или семей ушли из деревни—в город, в переселение и т. п., то на деле пролетаризация усилилась. Я думаю, это пример типичный. Статистика всегда берет наличные дворы, оставаясь «узко-статистической» и опуская самое, иногда, главное.

Затем, автор определенно и неоднократно ограничивает предмет своего исследования земледельческой стороной хозяйства. А в выводах он незаметно расширяет тему, говоря о всем сельском хозяйстве и иногда даже о всем хозяйстве. От этого выходит неправильность, ибо целый ряд моментов «дифференциации», т.-е. пролетаризации крестьян и нарождения капитала, от этого теряется (напр., торговое скотоводство в Ярославской губернии и другие виды проникновения обмена в сельское хозяйство при специализации его).

Далее. За рядами цифр не упускаются ли иногда из виду типы, общественно - экономические типы хозяйств (крепкий хозяин - буржуа; средний хозяйчик; полупролетарий; пролетарий)? Опасность эта очень велика в силу свойств статистического материала. «Ряды цифр» увлекают. Я бы советовал автору учитывать эту опасность: наши «катедеры» безусловно душат таким образом живое, марксистское содержание данных. Топят классовую борьбу в рядах и рядах цифр. У автора этого нет, но в большой работе, предпринимаемой им, учесть эту опасность, эту «линию» катедеров, либералов и народников следует сугубо. Учесть и обрезать ее, конечно.

Наконец, как-то в роде Deus ex machina явился Маслов. Cur? Quo modo? Quibus auxiliis? Ведь от марксизма его теория очень далеко (далека?). Верно народники назвали его «критиком» (= оппортунистом). Доверился ли ему автор более случайно, может быть?

Таковы мои мысли при чтении интересной и серьезной книги. Жму руку и желаю успеха в работе. Пользуюсь случаем, чтобы послать большой привет всей фамилии, а особливо «водовозным клячам»,— помните?

Ваш

Шкурка.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Р. ЗОНТЕР. «Новый германский империализм» [1]). Перевод под редакцией Т. Л. Аксельрода. «Прибой». 1928 г.

Рецензируемая работа является первой попыткой обрисовать в ряде очерков новый германский империализм. Описать такое явление, как новый германский империализм, отличающийся столь своеобразными, отчасти не вполне выявившимися, отчасти неясными чертами,—задача отнюдь не легкая, хотя бы даже автор намечал лишь общие линии. Да и само описание фактов приобретает в данном случае особый смысл. Дело в том, что существование такого явления, как новый германский империализм, отнюдь не общепризнано. Наоборот, буржуазные партии, вплоть до социал-демократии, а равно и буржуазная наука, упорно отрицают то обстоятельство, что политика современной Германской республики носит уже ярко выраженные империалистические черты. Поэтому при описании нового германского империализма необходимо в то же время доказать его существование. Практически-политическое и теоретическое значение этого доказательства для политики рабочего класса совершенно очевидно.

Существование нового германского империализма доказано автором вполне хорошо, и общие контуры намечены им в общем правильно. Мы передадим здесь главные выводы его работы и дополним их несколькими замечаниями.

Автор естественно начинает с экономической основы.

Послевоенный империализм он характеризует, как переход от только-что начинающегося, свежего империализма, обладающего еще широкими возможностями развития, к империализму, который все в большей и большей степени становится чисто монополистическим и проявляет поэтому симптомы застоя и гниения.

Это определение основывается на правильном наблюдении, но его нужно было бы более ясно формулировать. Империализм, рассматриваемый в целом, есть период отмирания или упадка капитализма. Симптомы застоя и гниения встречаются, конечно, и в довоенном империализме. В послевоенном империализме они, несомненно, усилились, хотя прогрессивные черты, как, например, развитие техники, в этом последнем еще не исчезли. В чем заключаются новые главные черты послевоенного империализма по сравнению с довоенным империализмом?

По моему мнению, в следующем:

1) Несмотря на военное поражение германского и австрийского империализма и выход России из ряда империалистических держав, а следовательно, и удаление ее из сферы капиталистической конкуренции, мир стал более тесен для империализма, чем до войны. Это произошло прежде всего благодаря колоссальному под'ему американского капитализма во время и после войны, затем благодаря общему мировому росту капиталистического производственного аппарата и, наконец, вследствие быстрого капиталистического развития ряда колониальных стран.

2) Монополистический характер внутри капиталистического производства в общем и целом усилился.

3) В теле послевоенного империализма появился зародыш смерти в лице Советской России. Существование социалистического государства среди государств империалистических, первая победа социализма, сумевшего

---

[1]) Настоящая статья является введением к работе о Р. Зонтере, которая в ближайшее время должна появиться в русском переводе.

утвердиться,—вот то новое, что еще более подчеркивает упадочный характер послевоенного империализма.

4) Борьба колониальных народов за освобождение от господства империалистических держав расширилась и обострилась. Процесс этот достиг такой степени, что более дальнозоркие буржуазные умы уже предвидят неизбежный конец империалистического господства, а вожди империализма ограничиваются лишь попытками по возможности замедлить и задержать этот процесс и уже не помышляют о том, чтобы восстановить колониальное господство в его прежних формах и в прежнем об'еме.

Под'ем колониальной освободительной борьбы обозначает упадок империализма.

Рост колониальной борьбы за освобождение, несмотря на все ее превратности, временные поражения, паузы, компромиссы и т. д.,— основная, определяющая черта послевоенной эпохи.

* * *

В чем специфический экономический базис нового германского империализма? Отвечая на этот вопрос, Зонтер с полным основанием не довольствуется общей фразой, как это делали другие, что в Германии и до и после войны существовали капиталистические монополии. Новое и специфическое он вполне правильно видит в том, что концентрация германского империализма после войны достигла более высокой ступени, чем до войны. Это выражается не только в абсолютном и относительном росте капиталов, собранных в одних руках, но и в форме их концентрации. В довоенной Германии типичными формами были картели и синдикаты. В настоящее время типичной является наивысшая форма собирания капиталов—форма треста. Она и сейчас еще не достигла исключительного господства, но уже приобрела в экономике господствующее значение. Капиталистические колоссы в форме трестов, как, например, германский стальной и химический тресты, представляют империалистическую форму современного германского капитализма. Конечно, монополия существовала и до и после войны, но после войны она проявляется в более широком об'еме и в высшей форме.

Что касается формы капиталистической монополии в современной Германии, то автор вполне правильно считает неверным говорить о гегемонии одного лишь банкового капитала. По его мнению, мы имеем в данном случае классический пример слияния промышленного и банкового капитала. До известной степени можно даже говорить о слиянии промышленного, банкового и торгового капитала.

Было бы интересно изобразить меняющиеся отношения промышленного и банкового капитала после окончания войны. Инфляция временно дала перевес промышленному капиталу над банковым капиталом. Стабилизация значительно усилила сравнительный вес этого последнего; тем не менее сейчас нельзя говорить о гегемонии банкового капитала, о которой до известной степени можно было говорить до войны.

В современной Германии импорт капитала еще превышает экспорт капитала; автор справедливо не усматривает в этом такого обстоятельства, которое устраняло бы империалистический характер хозяйства и политики германского капитала. Он указывает на империализм царистской России, фактическое существование которого никоим образом не опровергалось тем, что в России импорт капитала на много превышал экспорт его. Империализм, возникший на основе заемного капитала, не перестает быть империализмом. Можно было бы указать также и на пример Соединенных Штатов Северной Америки до войны. Начало их империалистической карьеры

относится к 1898 году, году испано-американской войны. Однако, в эту эпоху и в Соединенных Штатах импорт капитала значительно превышал экспорт капитала.

Господствующая капиталистическая держава, конечно, базируется на перевесе экспорта капитала над его импортом. Но это—лишь самая высокая стадия империализма. Ей могут предшествовать и фактически предшествовали другие стадии; кроме того, как показывает пример Германии, экспорт занятого капитала может стать, после краха и временного разложения капиталистического хозяйства промежуточной ступенью к новому капиталистическому под'ему.

Что касается общих перспектив послевоенного империализма, то, по мнению автора, возможно временное расширение одних капиталистических государств за счет других, но общей повышающейся линии империализма уже нет. К этому следует добавить, что общей повышающейся линии империализма не было и до войны. Под'ем империализма и тогда отличался неравномерностью. Точно так же и теперь в общем понижающаяся линия империализма не во всех случаях одинакова, а точно так же обнаруживает колебания.

Что в этой в общем и целом понижающейся линии империализма вообще невозможно абсолютное расширение области империалистического господства, по моему мнению, доказать нельзя. В Африке имеется Абиссиния, пока еще независимая, но являющаяся в настоящее время об'ектом усиленной империалистической конкуренции. В Южной Америке Северо-Американские Соединенные Штаты на наших глазах вовлекают в сферу своего империалистического господства государства, бывшие до сих пор независимыми. Земли северного и южного полюса пробуждают империалистические интересы. А что касается Китая, то хотя мы, коммунисты, желаем полной победы национальной китайской революции и должны практически всеми силами поддерживать ее, тем не менее и здесь отнюдь не исключаются временные поражения, а следовательно, и возможность временного расширения сферы империалистического господства.

Моментом, решающим и определяющим положение послевоенного империализма, является не невозможность временного абсолютного расширения сферы господства империалистических государств, а колоссально возросшее несоответствие между потребностью в расширении всей империалистической системы и средствами, могущими удовлетворить эту потребность. Как мы уже сказали выше, мир стал слишком тесен для империализма.

* * *

Важнейшая хозяйственная база империализма — монопольный характер всего германского хозяйства—по сравнению с довоенным временем так же усилилась и ярче выявилась. Именно в этой об'ективной причине, а не в каких-либо суб'ективных желаниях и фантазиях и коренится новый германский империализм. На это можно было бы возразить, что ведь и в непосредственно следовавшие за войной годы—1918—1923—были налицо монополистические основы. Разве из этого факта не следует, что политика Германии была неизменно и непрерывно империалистической? Зачем же в таком случае говорить о новом германском империализме? Разве годы 1918—1923 действительно обозначают перерыв империалистической политики германской буржуазии? Несомненно,—во-первых, потому, что в эти годы в Германии были потрясены классовые основы империалистической политики, во-вторых, потому, что военное поражение и Версальский трактат отняли у Германии военные и прочие способы воздействия, практикуемые империалистической политикой, и, в-третьих, потому, что экономиче-

ское потрясение и сопутствовавшая ему инфляция привели к уничтожению капитала в денежной форме, денежного капитала. В эти годы буржуазия боролась за восстановление и укрепление потрясенных внутренних основ ее классового господства, за воссоздание военных, экономических и политических средств для проведения новой империалистической политики. Только после того, как этот процесс дошел до известной стадии (он еще далеко не закончен), буржуазия снова смогла ставить себе империалистические цели и перейти к империалистической активности. Поворотным пунктом является в этом отношении 1923 год. Решающими моментами были: временное прекращение внутренних революционных потрясений, конец инфляции и, следовательно, возможность нового накопления денежного капитала и ослабление тех оков, которые наложил на Германию Версальский трактат. Но граница между старым и новым не очерчена резко. Новая фаза германского империализма имеет двойственный лик и ставит себе двойственные задачи. С одной стороны, осуществляются империалистические цели, с другой стороны, приходится одновременно восстанавливать и расширять политические, военные и экономические средства империалистической политики. Это—отличительная черта современной фазы нового германского империализма, черта, придающая ему характер переходного периода.

Было бы весьма интересно проследить, в каких идеологических формах проявляется переход от первой фазы ко второй: переход от идеологии, кричащей о «гибели Запада», проповедующей уход от мира, пацифизм, преподающей новые откровения насчет сверхнациональных, космополитических задач Германии (напр., у Кайзерлинга), к новопробудившемуся чувству мощи и оптимизму германской буржуазии. Впрочем, на этой теме я не буду останавливаться.

* * *

Автор детально и убедительно доказывает империалистический характер политики современной германской буржуазии: империалистическую сущность германской политики, восстановление экспорта капиталов, стремление к приобретению колоний и т. д. Для понимания ситуации чрезвычайно существенно проводимое им различие между империалистическим характером германской политики и империалистической мощью современной Германии. Империалистическая мощь Германии, несомненно, еще весьма незначительна. Особенной слабостью отличаются военная и денежно-капиталистическая база. Это нисколько не устраняет империалистического характера, империалистического содержания и империалистических целей этой политики. Но это обстоятельство используется для замаскирования империалистических вожделений, чем, главным образом, и занимается германская социал-демократия. Автор справедливо подчеркивает большое политическое значение этого маскирования. Без той пацифистско-демократической маски, которой германская социал-демократия прикрывает новый германский империализм, он не мог бы обеспечить за собой активную или, по крайней мере, пассивную поддержку столь значительной части рабочего класса, как это имеет место в настоящее время. Это маскирование нужно даже для известных слоев мелкой буржуазии и интеллигенции.

Маскированию весьма способствует также маневрирование внешней политики нового германского империализма между «западной» и «восточной» ориентацией—между Англией и Советской Россией. Здесь реальные интересы германской буржуазии требуют сокрытия ее политики от рабочего класса. Чтобы сорвать эту маску, нельзя ограничиваться общими фразами, как это иногда делает наша пресса, что-де германская буржуазия уже окончательно сделала свой выбор. Автор по этому поводу весьма правильно замечает:

«Хотя Германия действительно не хочет преждевременно связать себя, по крайней мере, до тех пор, пока ей не будет гарантировано удовлетворение ряда наиболее важных требований, тем не менее совершенно ясно, что если не произойдет каких-либо исключительных и маловероятных событий, она изберет связь с Англией».

Само собой разумеется, очевидные империалистические цели этих маневров должны быть прослежены шаг за шагом и выяснены на конкретных фактах германской внешней политики.

Как обстоятельно доказывает автор, не подлежит никакому сомнению, что новый германский империализм должен приводить к все более и более острым международным конфликтам и что радикальное восстановление империалистической мощи Германии, удовлетворение ее колониальных стремлений и т. д. в конечном счете невозможны без серьезнейших военных потрясений. Это еще не исключает долгих и сложных маневров, имеющих целью достичь частичного успеха путем использования противоречий, с одной стороны, между прочими империалистическими государствами, с другой — между всем вообще капиталистическим миром и Советской Россией. Фактические частичные успехи, которых Германия до сих пор добилась в области внешней политики, были достигнуты именно этими средствами, и вполне возможно, что этим же путем удастся достичь еще кое-каких новых успехов. Но это обстоятельство не должно вводить в заблуждение германских рабочих: радикальный поворот в положении нового германского империализма немыслим без новой войны, которая охватит весь мир и будет еще более опустошительной, чем последняя. Из этого следует, что германские рабочие должны выступить против политики нового германского империализма не в тот лишь момент, когда она фактически доведет до новой мировой войны и будет вынуждена сбросить свою мирную маску, а должны выступать против нее уже теперь, когда она по достаточно веским основаниям еще прибегает к пацифистским средствам и носит личину миролюбия. Они должны понять, что неразрывная цепь причин ведет от теперешнего «мирного» нового германского империализма к новой мировой бойне, и должны научиться различать внешний фасад — временные мирные средства воздействия — от подлинной сущности и от неизбежного результата этой политики.

* * *

Маневры и зигзагообразные движения нового германского империализма обусловлены, однако, не только его международным положением, но отчасти и группировками внутри самой германской буржуазии и противоречиями интересов внутри этих групп. Конечно, мы имеем здесь в виду группировки в империалистическом лагере. Сами по себе они отнюдь не являются чем-то новым. Такие группировки с различными тенденциями имелись в империалистическом лагере уже до войны. Они обнаружились с полной ясностью и во время войны, когда боролись два направления внешней политики—ориентация на Запад и ориентация на Восток. Современные группировки в лагере германского империализма не совпадают с теми, какие имели место во время войны, но отчасти имеют с этими последними некоторую связь. В настоящее время Р. Зонтер подмечает три главные группы и тенденции: во-первых, группу финансового капитала, во-вторых, крыло, состоящее из крупных аграриев и капиталистов, и, в-третьих, группу обрабатывающей промышленности, еще не приобретшей монополистического характера. Далее, внутри промышленности имеют значение взаимоотношения между тяжелой промышленностью в собственном смысле слова и химическим трестом.

Что касается современной мелкой буржуазии, то ее отношение к новому германскому империализму до чрезвычайности разнообразно. Часть

интеллигенции в настоящее время настроена антиимпериалистически. Такая позиция до некоторой степени об'ясняется последствиями мировой войны (особенно в отношении известной части интеллигенции), но главным образом тем, что эта интеллигенция ясно видит общее понижение империалистической линии развития и понимает, насколько слабы перспективы нового германского империализма. Другая часть мелкой буржуазии обнаруживает колеблющееся отношение к империализму. Третья часть, как, напр., техники и т. п., экономически заинтересована в империализме. Наконец, имеются ярко выраженные фашистские группы (студенты, офицеры и т. д.).

Отношение нового германского империализма к рабочему классу в общем ухудшилось, хотя социал-демократия и является его союзником. Рабочая аристократия, на которой главным образом базировалось империалистическое развращение рабочего класса до войны и во время войны, обнаруживает тенденцию к численному сокращению. Рационализация относительно уменьшает число высококвалифицированных рабочих, ибо она разлагает сложные трудовые операции на простые, частичные процессы. Капитализму теперь труднее, чем до войны, давать особые привилегии отдельным группам рабочих. Вместе с тем растет давление капиталистических монополий на рабочего (да и не только на рабочего), поскольку он является потребителем. Все это в конечном счете с избытком компенсирует услуги, оказываемые социал-демократией новому германскому империализму, и в конце-концов, несмотря на всевозможные, более или менее длительные колебания, должно подкопать в пролетарских массах ту основу, на которой зиждется социал-демократическое пособничество империализму.

В виду всех этих внутренних и внешних причин перспективы нового германского империализма весьма ограничены. Здесь прежде всего сказывается обостренный монополистический характер экономического базиса. Политика цен, проводимая монополиями, препятствует расширению рынка. Германский экспорт проявляет тенденцию к застою.

* * *

Скажем в заключение несколько слов о внутренней политике нового германского империализма.

Здесь прежде всего интересно отношение финансового капитала к фашистским союзам и фашистским методам. Автор говорит по этому поводу следующее:

«Финансовый капитал стал организатором фашистских союзов и главным образом, наиболее сильного из них — организации Стального Шлема. Особенность этой организации состоит в ее двойственном характере: она стремится, с одной стороны, быть внутренней гвардией финансового капитала, а с другой стороны, играть роль подсобной организации германской армии. Кроме того, Стальной Шлем, наиболее крепкое ядро которого рекрутируется из фашистской мелкой буржуазии, всеми способами старается проникнуть в ряды рабочего класса... Третья особенность — это то, что Стальной Шлем организован на базисе предприятий».

Далее автор говорит:

«Однако, эти новые методы фашистской борьбы против рабочего класса на известной стадии своего развития, естественно, должны оказать существенное влияние на форму государственного устройства и на так называемый демократический уклад нового германского государства. На определенной ступени эта борьба против рабочего класса должна в то же время стать борьбой против существующего государственного порядка. Она будет направлена не против существующего правительства, а, наоборот, само это правительство с помощью фашизма приступит к изменению существующей государственной формы или демократии... Поэтому, хотя относительно борьбы против социал-демократии и реформистских рабочих союзов среди представителей финансового капитала имеются различные мнения, тем не менее в одном отношении наблюдается полное единодушие: если порвутся все узы, связывающие рабочий класс, придется провозгласить фашистскую диктатуру, т.-е. открытую, ничем не затушеванную диктатуру финансового капитала. Это произойдет в том случае, если порвутся все веревки, т.-е. если благодаря методам усиленной эксплоатации и обострению хозяйственных и политических конфликтов, характерных для нового германского империализма, рабочее движение радикализируется и станет угрожать стремлениям нового германского империализма...».

Для конкретного понимания внутренне-политических тенденций нового германского империализма нужно прежде всего понять, что в Германии мы имеем дело не с итальянским фашизмом.

Автор указывает на это различие и замечает: «Сила старого фашистского движения в Италии и германского фашистского движения 1923 г. покоилась как раз на том, что фашизм казался мелкой буржуазии движением совершенно новым, независимым от финансового капитала, стоящим над партиями и обладающим революционными тенденциями. Тяжелый кризис вызвал в Италии переход фашизма в лагерь финансового капитала; теперь, когда так называемый героический период фашизма миновал, этот переход начинает и в Германии становиться исходным пунктом фашистского движения, прежде чем это последнее стало играть решающую роль».

Итальянский фашизм имеет то общее с бонапартизмом Луи Наполеона (хотя в других отношениях разница между ними весьма велика), что в данном случае буржуазия отказывается от власти в пользу авантюриста и его банды и подчиняется ему, чтобы с его помощью поработить рабочий класс и бунтарские слои мелкой буржуазии. При режиме итальянского фашизма буржуазия тоже господствует, но не управляет. Содержание режима Муссолини определяется главным образом финансовым капиталом, — программа всеобщего счастия народных масс в данном случае, как и у Луи Наполеона, была лишь средством, чтобы захватить власть, став во главе массового движения, — но осуществление власти, управление страной, находится не в его руках. Это различие формы имеет существенное значение.

В 1923 году попытка германской «народной» организации (фелькише), руководимой Гитлером и Людендорфом, собственными силами провести свою программу, вопреки воле крупной буржуазии, кончилась, как известно, жалким крахом. Крупная буржуазия предпочла оставаться на почве демократической республики. Это обеспечило ей содействие социал-демократии при ликвидации революционного брожения 1923 года и помогло расколоть рабочий класс, между тем как, опираясь на Гитлера и Людендорфа, она рисковала бы вызвать против себя поход всего рабочего класса. Кроме того, учреждение в Германии «национальной диктатуры» вызывало сильный протест Франции и, следовательно, явилось бы препятствием для заключения компромисса с французской буржуазией. Получить американские кредиты при существовании национальной диктатуры также представлялось невозможным.

Современный германский фашизм есть поэтому главным образом дело рук крупной буржуазии, финансового капитала, — он непосредственно подчинен ей и плывет под республиканским флагом. Если германская буржуазия прибегнет к фашистским методам управления, она будет не только господствовать, но и непосредственно править страной. В этом отношении различие с Италией настолько велико, что, мне кажется, вряд ли правильно переносить термин «фашизм» на явления германской действительности.

Вопреки товарищу Зонтеру, я также не считаю вероятным, что «национальная диктатура», если она осуществится, будет сопровождаться монархической реставрацией. Наоборот, я думаю, что она постарается сохранить республиканскую внешность. Для буржуазии вредные последствия монархической реставрации значительно больше, чем сулимые ею выгоды и в области внешней и в области внутренней политики. За предоставление правительственной власти юнкерству и близкой к юнкерам бюрократии германская буржуазия поплатилась поражением в мировой войне. Она вряд ли захочет повторить этот эксперимент и отказаться от самостоятельного руководства своими политическими делами. Во-вторых, республиканская внешность является для нее огромным плюсом в ее отношениях с социал-демократией и теми слоями рабочего класса и мелкой буржуазии, которые находятся под влиянием этой последней. Наконец, шелест монархического флага вызвал бы сильнейшую тревогу во Франции. Гинденбург не есть символ предстоящего восстановления монархии, т.-е. восстановления юнкерско-бюрократическо-военной гегемонии, наоборот, он знаменует подчинение юнкерства и его подголосков власти крупной буржуазии.

Но, если национальная диктатура сохранит республиканскую видимость, она, конечно, станет от этого не более безвредной, а еще более опасной.

Итак, новый германский империализм и в смысле внешней и в смысле внутренней политики проявляет новые черты. Для революционной партии рабочего класса чрезвычайно важно своевременно выяснить и его содержание и его форму, дабы оберечь и революционную партию и рабочий класс от сюрпризов и неправильных практических шагов.

Работа Зонтера в значительной мере помогает разрешить эту задачу.

А. ТАЛЬГЕЙМЕР.

А. ВАРЬЯШ. «Диалектика у Ленина». Популярное изложение философии диалектического материализма на основании сочинений Ленина. ГИЗ. 1928 год.

Время теперь такое, что не приходится жаловаться на недостаточный интерес со стороны широких кругов партии, рабочих, учащихся и т. д. к проблемам философского порядка.

Одним из наиболее непосредственных источников этого всеобщего интереса к вопросам диалектического материализма, на ряду с требованиями и запросами в отношении к методологии со стороны нашей социалистической строительной практики и на ряду с идеологической борьбой за наше мировоззрение, является, конечно, и то обстоятельство, что у нас вот уже несколько лет идет усиленная массовая, год от года делающаяся все более углубленной, проработка (в школах, кружках, комвузах, индивидуально) произведений В. И. Ленина. Изучение работ В. И. Ленина, как изучение работ и других классиков марксизма, наталкивает изучающего на необходимость знакомства и изучения философских основ последнего — материализма и диалектики.

Это ставит перед нами в настоящий момент колоссальную задачу умелой, серьезной и глубокой пропаганды идей диалектического материализма. Такова насущная потребность дня. Без удовлетворения этой назревшей потребности изучение и пропаганда марксизма и ленинизма будет останавливаться на полдороге. И надо сказать, что проработка ленинских произведений под этим углом зрения дает неисчерпаемый материал, материал богатейший, конкретный, действенный, органически связанный с нашей революционной практикой. В связи с этим необходимость в создании серьезных работ, книг по даилектическому материализму, которые бы помогли большому кругу товарищей работать над классиками марксизма, выступает теперь на первый план. Книги-то вообще у нас есть, но речь идет о книгах достаточно популярных, на ряду с их марксистской выдержанностью, чтобы их можно было использовать не десяткам и сотням товарищей, а тысячам. Вот таких книжек у нас нехватает, если не сказать, что их нет. И индивидуальным путем или коллективным их нужно создавать.

Одновременно надо всяческим образом постараться избегать той опасности, которая у нас теперь имеется в таком деле, как писание книг. Она состоит в том, что в последнее время в моду вошло легко и быстро писать книги, при этом мало думать (своеобразная «экономия» мышления), много списывать, иногда ставить кавычки, а иногда и не ставить, видимо руководствуясь золотым правилом, что знающий все равно знает, откуда может быть взята та или другая мысль, а незнающему, мол, все равно безразлично это. При таком способе писания книг, конечно, можно задаваться целью быстро разрешать и излагать кучу проблем при минимальной работе. Зато результат зачастую бывает очень печальный, и главным страдальцем по обыкновению становится средний читатель. Перед беднягой начинается дикая скачка проблем и вопросов; одна за другой мелькают они в быстрой, беглой смене, одна подгоняет другую, и следствием всего этого является то, что читатель и учащийся по книге не укрепляются в знании интересующих их определенных вопросов, но просто оглушаются. Это уже беда.

А к этому прибавляется еще одна, по нашему, безусловно вредная черта, на которую мы до сего времени как-то маловато обращаем внимания. Она состоит в том, что мы, чересчур усиленно использовывая в книжках массового характера в цитатном порядке в порядке простого переложения и перефразировки произведения В. И. Ленина и других классиков марксизма и не затрудняя себя при этом соответствующим анализом, тщательным разбором, примерами, словом, большой работой по раз'яснению и популяризации,—затаскиваем, замусоливаем гениальные мысли и прогнозы и таким образом, сами иногда не подозревая этого, создаем такое положение, что крупнейший теоретик и мыслитель как бы превращается при подобной плохой работе в глазах читателя в фразеолога и творца самой общей формулы и схемы. Пора уж нам позаботиться о совершенствовании качества продукции и в области публицистики.

Нам сдается, что книжка, выписанная в заголовке нашего отзыва в большой степени характеризуется теми недостатками, о которых мы только-что говорили.

Тов. А. Варьяша, конечно, не может извинить то обстоятельство, что он присовокупил к заглавию книжки слова «популярное изложение философии диалектического материализма на основании сочинений Ленина». Наоборот, это самое обязывает с нашей точки зрения к особенно тщательной работе над книжкой. Тут тщательность работы, заботливость и добросовестность требуется исключительная. Что же получается у тов. Варьяша? Уже беглый просмотр книги заставляет думать, что автор взялся за невыполнимую задачу—за слишком короткое время и на минимальном количестве страниц изложить и разрешить бесконечное число вопросов, захвативши прямо-таки необ'ятный материал не только из Ленина, но и из Маркса и Энгельса (немного меньше, чем у Ленина). И ничего основательного из этого не получается, кроме того, что мы галопом несемся там, где требуется медленная, упорная и кропотливая работа. Возьмем для примера хотя бы главу об историческом материализме. Посмотрим оглавление. Вот оно: «Теория общества. Суб'ективная школа. Основные категории истории: производительные силы и производственные отношения. Борьба классов. По-

вторение исторических событий. Общественно-экономическая формация. Люди сами делают свою историю, но до сих пор они делали это бессознательно. Узость понимания буржуазией рабочего движения. Классовая борьба есть борьба политическая. Маркс о своей теории классовой борьбы. Оппортунизм в рабочем движении: отрицание свержения буржуазии путем революции. Отмирание государства. Критика анархизма. Стратегия и тактика пролетарской революции. Война—продолжение политики другими средствами. Значение организации и партийных вождей. Искусство восстания. Реформа и революция» (стр. 138). И после всего этого следует одиннадцать страничек текста, из которых 5—6 приходится на цитаты. Ряд вопросов, о которых упоминается в оглавлении почти забывается, некоторые другие обходятся настолько, что по существу тоже исчезают—и плюс к этому еще довольно значительная неувязка трактуемых вопросов в следовании друг за другом. Еще больше бросается в глаза в этом смысле параграф о законе взаимного проникновения противоположностей. Здесь на пятнадцать строчек в оглавлении мы имеем всего какую-нибудь сотню строчек текста. И так обстоит дело во многих главах.

Представление об общем характере книжки со стороны способа ее написания дает особенно рельефно глава о взглядах Ленина на новейший этап естествознания. Здесь мы имеем дело, поскольку мы не берем цитаты, а их очень много, с простой, почти буквальной перефразировкой мыслей Ленина из V главы «Материализма и эмпириокритицизма». Теряешь, собственно, представление о том, где А. Варьяш просто списывает вплоть до мелочей и где хоть немного чувствуется его работа. Напрашивается вопрос, к чему такая книжка и такое авторство, коли мы можем всегда читать Ленина в подлиннике, по хорошим хрестоматиям и пр.

Или, что, например, проделывает А. Варьяш в главе «Законы диалектики в применении к проблемам русской революции»? Он на десятке страниц ухитряется рассмотреть чуть ли не все основные проблемы ленинизма. Делается это так: цитата, несколько слов для связи, цитата, опять несколько фраз вместо разбора и анализа. Так, на стр. 118 дается ленинская критика «об'ективизма» Струве, затем тов. Варьяш просто перескакивает к статье Ленина о Суханове. Здесь он себя тоже не отягощает работой. Тов. Варьяш берет и почти целиком выписывает статью в свою книжку, сопровождает ее одной—двумя фразами о совершестве ленинской диалектики и... мчится дальше. Это, конечно, не может не действовать на читателя популярной книжки угнетающе, ибо он ждет, чтоб ему помогли поучиться диалектике у Ленина, а его вместо этого гоняют взад и вперед сквозь строй бесконечного числа проблем.

Но даже при таком способе написания книги, который, кажется, уже гарантирует автора от теоретических ошибок, потому что автор просто перелагает и переписывает классиков марксизма—все-таки Варьяшу удается допустить ряд очень грубых ошибок и неясностей. Отметим некоторые из них, чтобы не быть голословным.

На стр. 13 читаем: «Под надстройкой марксизм понимает совокупность всех политических, юридических, этических, эстетических и вообще духовных явлений общества». Эта же мысль повторяется на следующих двух страницах, где говорится, что надстройка есть совокупность идеологических форм. При этом Варьяш находит способ подсунуть эту формулировку самому Марксу. Делается это следующим образом. Из мысли Маркса (см. предисловие «К критике политэкономии») о том, что «при рассмотрении... революций следует всегда иметь в виду разницу между материальным переворотом в экономических условиях производства, который можно определить с естественно-научной точностью, и юридическими, политическими, художественными или философскими,—словом, идеологическими формами, в которых люди воспринимают в своем сознании этот конфликт (конфликт между развитием производительных сил и производственными отношениями. *Ф. Г.*) и во имя которых они борются»—из этой мысли Варьяш берет конец и создает такую теоретическую формулировку, что надстройка «есть совокупность (далее слова Маркса. *Ф. Г.*) идеологических форм, в которых люди воспринимают в своем сознании этот конфликт и во имя которых борются» (стр. 14). Эту же формулировку своими словами он повторяет на стр. 15.

Но, во-первых, мы знаем, что у Маркса общественная надстройка вовсе не сводится только к идеологическим формам. Стоит только внимательно прочитать предисловие «К критике политической экономии», как это становится очевидным. Неужели политическую организацию общества, которая является по Марксу надстройкой, можно отнести к разряду идеологических явлений? Такое понимание надстройки, которое сводит ее только к области духовных явлений, имеет чрезвычайно мало общего с пониманием Маркса.

Во-вторых, у Маркса с самого начала в определение самых идеологических форм (форм общественного сознания) входит то, что они отражают в своей области весь ход общественной жизни, а не только революционные ее периоды, периоды конфликтов между развивающимися производительными силами и задерживающими это развитие производственными отношениями данной общественной формации. У Варьяша фактически получается так, что надстройка, являясь совокупностью идеологических форм, есть орудие отражения, восприятия в сознании людей именно и только революционных конфликтов. Правда, Варьяш хочет поправиться далее и начинает говорить о том, что «Маркс понимает идеологию двояко: с одной стороны, широко, а, с другой стороны, узко» (15 стр.), но вследствие того, что это рассуждение Варьяша остается очень туманным и расплывчатым, у читателя в конце концов внимание концентрируется на основном неверно сформулированном определении надстройки у Варьяша.

Дальше. Очень неясная и, по нашему, путанная вещь получается у Варьяша, когда он дает свою собственную общую характеристику формальной логики в ее отношении к диалектической. Когда мы читаем у Плеханова, что «как покой есть частный случай движения, так и мышление по правилам формальной логики есть частный случай диалектического мышления», то это нам понятно. Диалектическое мышление, рассматривающее вещи в движении, изменении, развитии, не может игнорировать того факта, что они существуют в тот или другой момент в их данной определенности и устойчивости. Мышление по законам формальной логики является необходимым моментом в диалектическом мышлении, но только моментом, ибо всякая устойчивость и данная определенность вещей всегда суть относительная устойчивость. Тов. Варьяш дает новую формулировку. Он говорит: «Так как готовые вещи можно и должно рассматривать, как результат процессов, как относительный предел их, то и отношение формальной логики к диалектике можно характеризовать так, что формальная логика представляет собой предельно-упрощенный случай диалектической логики» (82 стр.). Таким образом, для характеристики взаимоотношения формальной и диалектической логики вводится новое понятие: формальная логика есть случай «предельно-упрощенной» диалектической логики. С нашей точки зрения это новое понятие ничего, кроме путаницы, в ясное понимание места и значения формальной логики, как необходимого частичного элемента единого диалектического процесса мышления и познания, внести не может.

Наконец, если мы вчитаемся в варьяшевский разбор законов диалектики, то и тут обнаружим, что не все обстоит благополучно. И происходит так благодаря тому, главным образом, что он не считает нужным сколько-

нибудь углубленно и более или менее систематически обратиться к анализу и изложению этих законов. Слов нет, он берет очень много цитат, и цитат блестящих самих по себе, из Ленина, Маркса и Энгельса. Но кому не ясно будет, что всякая из цитат, напр., из такой работы, как ленинская «К вопросу о диалектике», требует большой работы, чтобы вскрыть ее содержание и в доступной форме передать рядовому товарищу. Вот этой-то работы у тов. Варьяша и не проделано. Вместо нее и тут мы имеем нагромождение материала, массу неясностей и недоговоренностей. Так автор, напр., излагая закон о качестве и количестве, их взаимозависимости и переходах друг в друга, говорит на стр. 90, что это настолько общие категории, что им трудно дать определение в смысле подведения их под еще более общее понятие: их можно определить только через отношение друг к другу или, как говорит Варьяш, «точнее определить количество через качество». Дальше курсивом следует: «*Количество представляет собой вид качества*». И тут на помощь приходит цитата из Энгельса о том, что область количества, числа, рассматриваемая как таковая, содержит сама в себе массу качественных моментов и переходов. Но ведь то, что говорит Энгельс о числе, количестве, как таковом, это не может служить никоим образом достаточным основанием к тому, чтобы теоретически отделаться от определения качественной и количественной сторон в развитии реального предмета. Поэтому сказать, что количество есть вид качества—и баста,—это значит сделать шаг к отождествлению качественной и количественной сторон вещи.

Недостаточно тов. Варьяш анализирует и закон единства противоположностей, центральный закон диалектики, который дает понимание перехода одного качества в другое качество не с внешней стороны, не со стороны его описания, а вскрывает *внутренний механизм необходимого превращения, развития вещи в другую вещь.* Закон единства противоположностей и борьбы их в единстве *об'ясняет* нам необходимый характер развития предмета, его внутреннюю движущую пружину, его самодвижение, саморазвитие. Об этом говорит Ленин в статье «К вопросу о диалектике». Вот это самое саморазвитие предмета, которое фиксируется в законе единства противоположностей, и надо тщательнейшим образом проанализировать и раз'яснить. Вместе с этим надо показать, как этот закон единства противоположностей углубляет законы причинности и взаимодействия, о чем говорит автор в ряде мест. А то иной раз при чтении некоторых страниц получается представление, что А. Варьяш понимает закон единства противоположностей двояко: то как имманентный для предмета закон его движения и развития, как это имеется у Ленина, то, как простое взаимодействие и борьбу внешних друг для друга вещей и друг против друга направленных вещей, т.-е. не диалектически, а механически. Совершенно неясным остается после прочтения книжки вопрос о значении нашей философии, диалектического материализма, в системе наук. В одних местах мы находим понимание диалектического материализма и диалектики, как науки о всеобщих законах развития природы, человеческого общества и мышления. Так понимают содержание марксистской философии и основоположники марксизма. Из этого понимания вытекает, что диалектический материализм является методологией для всех наук, конечно, с тем предположением, что эта методология в своем применении необходимо должна учитывать специфические особенности и существо всякой определенной области и об'екта познания.

В других местах у Варьяша получается так, что каждая отдельная наука должна вырабатывать свой собственный метод, что совершенно не вяжется с тем пониманием диалектического материализма, о котором только-что было сказано.

Хочется сказать еще в двух словах о том, что неприятное зрелище создается, когда тов. Варьяш стремится изобразить на стр. 49 тов. Ленина не в роли борца на поприще философии, а в роли какого-то мирно настроенного «уговаривателя» всяких эмпириосимволистов и эмпириокритиков. Трудно этому поверить, тов. Варьяш, стоит только для этого прочитать ту цитату из Ленина, которую вы приводите тут же. «За гносеологической схоластикой эмпириокритицизма,—говорит Ленин,—нельзя не видеть борьбы партий в философии, борьбы, которая в последнем счете выражает тенденции и идеологию враждебных классов современного общества. Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад. Борющимися партиями по существу дела... являются материализм и идеализм. Последний есть только утонченная, рафинированная форма фидеизма» (учение, ставящее веру на место знания. *Ф. Г.*).

Когда прочитаешь эти строки из Ленина о партийности и классовости всякой философии, как станет ясным, что Ленин не мог быть в той роли, в которой рисует его Варьяш, потому что речь шла о защите марксизма, идеологии пролетариата, против его идеалистических извращений, против подмены диалектического материализма идеализмом.

Нельзя, наконец, пройти при чтении книжки Варьяша мимо того факта, что мы в ряде мест ее встречаемся прямо с небрежностью со стороны формулировок, небрежностью, которая граничит с полным забвением того, что книжка пишется для людей, которые, по замыслу автора, будут по ней учиться. Так на странице 15 мы читаем: «В широком понимании идеология, зависимость ее возникновения, в конечном счете, от экономических основ, означает, что наука в своем развитии определена общественно-экономическими отношениями». Нельзя же так безграмотно излагать свои мысли. Или взять к примеру стр. 60—61, где Варьяш разрешает вопрос, «почему куча разрозненных знаний преобразуется и перерастает в науку». Здесь мы встречаемся с такой бессвязностью в ходе мысли автора, с таким аляповато-грубым изложением ее, что это прямо затрудняет или даже делает невозможным понимание имеющегося тут содержания. (Мы цитату не приводим потому, что она очень велика).

Таких мест мы находим довольно много. И если к этому прибавить еще то обстоятельство, что многие страницы, вопреки заглавию и задаче, поставленной перед книжкой, недостаточно популярны, иногда совсем непопулярны, то мы, на основе всего этого вынуждены притти к выводу, что книжка в общем себя не оправдывает, несмотря на отдельные более или менее удачные главы и параграфы (напр., гл. VI 2-я часть).

Тов. Варьяш задался хорошей целью—написать книжку о Ленине, как диалектике, но он упустил из виду одно маленькое обстоятельство, что такая книжка, пожалуй, больше, чем всякая другая, требует труда, внимания и тщательности. Тем более, когда берешь в работу колоссальный материал.

Без этого прибавить что-нибудь к той литературе, которая у нас есть, по содержанию ли или по популярности и доступности широким кругам читателей, едва ли удастся.

Ф. ГОРОХОВ.

Условия приема на основные отделения института красной профессуры на 1928/29 учебный год.

§ 1. На все основные отделения принимаются члены ВКП(б), обладающие не менее, чем 5-годичным партийным стажем, а на историко-партийное — не менее чем 8-годичным партстажем.

Примечание: Отступление от требований 5-годичного партстажа допускается в исключительных случаях только для поступающих на естественное отделение.

§ 2. Товарищи, желающие поступить в Институт Красной Профессуры, должны представить в Правление Института (Остоженка, 53) не позднее 1 мая 1928 г.: 1) рекомендацию Центрального Комитета ВКП(б), ЦК Нацреспублик, Обкомов (Оббюро) или Губкомов ВКП(б); 2) заявление с указанием адреса; 3) краткую автобиографию; 4) засвидетельствованный партстаж; 5) копию воинского документа; 5) заключение медицинской комиссии о состоянии здоровья за последние 2–3 года и 7) печатные работы (если последние имеются). В заявлении должна быть указана желательная для данного товарища тема пробной вступительной работы и отделение, на которое товарищ желает поступить.

Примечание: От поступающих на естественное отделение, ставящее своей задачей дать товарищам с законченным естественно-историческим образованием подготовку по истории естествознания, техники и философии, представление письменной работы не требуется, но требуется представление свидетельства об окончании соответствующего вуза или свидетельства о прохождении всей программы вуза, за исключением специальной (дипломной) работы.

§ 3. Заявления рассматриваются Мандатной Комиссией и затем поступают в Правление Института. В случае удовлетворительного решения вопроса Правление допускает соискателя к представлению письменной работы. Тема работы устанавливается по соглашению с приемочной комиссией Института, производящей устный коллоквиум. Предельным сроком представления письменных работ устанавливается 1-е июля 1928 г.

§ 4. Все соискатели, пробные письменные работы которых будут признаны удовлетворительными, допускаются к устному коллоквиуму в промежуток между 1 и 15 сентября, после чего Правление имеет окончательное суждение о кандидате.

§ 5. Поступающие на все основные отделения Института экзаменуются по философии, теоретической экономии и истории, по истории партии и ленинизму; кроме того, поступающие на правовое отделение — по теории права и государства, и на литературное — по методологии литературоведения и по истории литературы.

Для поступающих желательно знание одного из иностранных (европейских) языков.

§ 6. От поступающих требуются основательные знания по следующим программам и литературе:

I. Программа по теоретической экономии.

(Для всех отделений).

1. Предмет и метод политической экономии. Основные направления (школы) в области политической экономии.

2. Теория стоимости Маркса. Суб'ективная теория ценности австрийской школы

3. Теория денег Маркса. Сущность денег, стоимость денег, функции денег.

4. Теория прибавочной стоимости Маркса. Постоянный и переменный капитал. Норма и масса прибавочной стоимости. Рабочий день и фабричное законодательство.

5. Понятие об относительной прибавочной стоимости. Кооперация, разделение труда и мануфактуры. Машины и крупная промышленность.

6. Заработная плата, как цена рабочей силы. Формы заработной платы. Национальные различия заработной платы. Взаимные отношения заработной платы и прибавочной стоимости при различных условиях.

7. Понятие о простом и расширенном воспроизводстве. Превращение прибавочной стоимости в капитал. Обстоятельства, влияющие на размер накопления. Теория рабочего фонда.

8. Всеобщий закон капиталистического накопления. Органический состав капитала, концентрация и централизация капитала. Относительное и абсолютное перенаселение. Резервная армия. Иллюстрация закона в английской практике.

9. Первоначальное накопление, его пути и методы. Исторические тенденции капиталистического накопления.

10. Метаморфозы капитала и их течение. Кругооборот денежного, производительного и товарного капитала. Время оборота. Издержки обращения.

11. Учение об основном и оборотном капитале у Маркса и его предшественников. Рабочий период и время производства. Время обращения.

12. Влияние времени оборота на величину авансируемого капитала. Оборот переменного капитала. Обращение прибавочной стоимости.

13. Воспроизводство и обращение совокупного общественного капитала при простом и расширенном воспроизводстве.

14. Превращение прибавочной стоимости в прибыль и нормы прибавочной стоимости в норму прибыли. Превращение прибыли в среднюю прибыль.

15. Тенденции нормы прибыли к понижению. Марксова теория кризисов.

16. Торговый капитал и торговая прибыль. Оборот торгового капитала. Денежно-торговый капитал. Из истории торгового капитала (для естественного отделения не обязательно).

17. Деньги в обращении промышленного капитала. Кредит. Уровень процента. Роль кредита в капиталистическом обществе. Денежный капитал и действительный капитал.

18. Мобилизация капитала. Акционерные общества. Фондовые биржи. Товарные биржи. Банковый капитал и банковская прибыль.

19. Капиталистические монополии, их происхождение и развитие. Конкуренция при монополии. Проблема монопольной цены. Кризисы и монополии.

20. Империализм и его характеристика. Проблема ультраимпериализма. Государственная власть и империализм. Империализм и пролетариат.

21. Превращение избыточной прибавочной стоимости в земельную ренту. Дифференциальная рента и ее случаи. Закон убывающего плодородия почвы.

22. Абсолютная рента, ее происхождение. Национализация земли. Различные способы решения аграрного вопроса.

Примечание: П.п. 10, 11 и 12 обязательны только для экономистов. От поступающих на другие отделения по п.п. 13 и 18 требуется лишь общее знакомство.

От поступающих на все отделения требуется знание политической экономии в пределах этой программы, экономической политики СССР и истории народного хозяйства в об'еме программы социально-экономических вузов, а для поступающих на экономическое отделение, кроме того, знание истории экономических учений в том же об'еме (по книгам: **Берлина** «Очерк развития экономических учений», **Туган-Барановского** «Очерки по новейшей истории политэкономии и социализма») при основательном знании нижеперечисленной литературы

I. По теоретической экономии.

1. **Маркс.** «Нищета философии» (обязательно только для экономистов).
2. **Маркс.** «К критике политической экономии» (для неэкономистов обязательно только введение и предисловие).
3. **Маркс.** «Капитал» (I, II и III т.т.). Том II, а также главы с 28 по 35 и с 41 по 43 из III тома (не обязательны для неэкономистов).
4. **Гильфердинг.** «Финансовый капитал» (только для экономистов).
5. **Ленин.** «Империализм».
6. **Ленин.** Т.т. III и IX (только для экономистов и историков).
7. **Бухарин.** «Империализм и мировое хозяйство» (для неэкономистов не обязательно).

8. **Бухарин.** «Политическая экономия рантье» (для неэкономистов только введение и I глава).
9. Один из марксистских учебников по политэкономии (для неэкономистов).
10. Для экономистов обязательным является знакомство с курсом политэкономии какого-либо буржуазного экономиста (Туган-Барановского, Железнова и др.).

II. По экономполитике.

1. **Айхенвальд.** «Советская экономика».
2. Доклады, резолюции и постановления партийных с'ездов и конференций (начиная с 1917 г.) по вопросам хозяйственной политики.
3. Статьи и речи В. И. Ленина (включая отчеты ЦК с'ездам партии) по тем же вопросам (в т.т. XIV—XVIII собран. сочинений).

III. По истории народного хозяйства.

Лященко. «История народного хозяйства России» (обязательно только для экономистов и русских историков).

II. Программы по философии и историческому материализму.

(Для всех отделений).

1. Основные школы древне-греческой философии (для философов и естественников).
2. Номинализм и реализм средневековой философии.
3. Фр. Бэкон.
4. Декарт.
5. Гобсс.
6. Гессенди.
7. Локк.
8. Спиноза.
9. Беркли.
10. Юм.
11. Лейбниц.
12. Французский материализм XVIII века, его исторические корни и его особенности. Ламеттри. Дидро. Гельвеций. Гольбах.
13. Кант.
14. Немецкий классический идеализм после Канта (до Гегеля).
15. Гегель.
16. Фейербах.
17. Марксизм, его исторические корни и основные этапы: а) проблема философии с точки зрения марксизма, б) диалектический материализм, в) значение и роль материалистической диалектики, г) дискуссия с механистами (обязательно только для философов и естественников), д) теория познания марксизма, е) учение об обществе, ж) теория общественных классов, з) учение о классовой борьбе, и) теория диктатуры пролетариата, к) учение о праве и государстве, л) учение о партии, м) идеологии, н) философская ревизия марксизма ревизионистами.

Литература по философии и историческому материализму.

1. **Энгельс.** а) «Л. Фейербах», б) «Анти-Дюринг», в) «Происхождение семьи, частной собственности и государства», г) «Диалектика природы» (в и г—только для философов и естественников).
2. **Маркс и Энгельс.** «Немецкая идеология. Л. Фейербах» (Архив Маркса и Энгельса, т. I) (только для философов и естественников).
3. **Маркс.** «Критика Готской программы».
4. **Плеханов.** а) «Основные вопросы марксизма», б) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», в) «Очерки по истории материализма», г) «Критика наших критиков» (собр. соч., т. XI) и весь т. XVII собран. сочинений.
5. **Ленин.** а) «Материализм и эмпириокритицизм» (собр. соч. т. X), б) «К вопросу о диалектике», в) «Что такое «друзья народа», I ч., г) «Маркс, Энгельс, марксизм» (сборник), д) «Государство и революция», е) «Пролетарская революция и ренегат Каутский», ж) «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», з) «Удержат ли большевики государственную власть».
6. **Пашуканис.** «Общая теория права и марксизм».
7. **Аксельрод.** «Философские очерки».
8. **Ланге.** «История материализма» (только для философов).

9. **Гомперц.** «Греческие мыслители (только для философов и естественников).
10. **Бухарин.** «Теория исторического материализма».
11. **Деборин.** «Философия и марксизм» (сборник). «Введение в философию диалектического материализма». «Энгельс и диалектическое понимание природы» (ст. в «Под Знаменем Марксизма» № 10—11, за 1925 г.). «Материалистическая диалектика и естествознание» («Воинствующий Материалист», № 5—для философов и естественников). «Наши разногласия» («Летописи Марксизма» № 11). «Энгельс и диалектика в биологии» («Под Знаменем Марксизма», 1926 г., №№ 1—2, 3, 9—10—только для философов и естественников). «Очерки по теории материалистической диалектики» («Под Знаменем Марксизма», 1926 г., № 11).
12. **Ламеттри.** Избранные сочинения (для философов и естественников).
13. **Фейербах.** Собрание сочинений, т. I (для философов и естественников).
14. Для поступающих на философское и естественное отделения, кроме того, требуется знакомство с периодической марксистской литературой по основным проблемам философии и естествознания (в частности, с основным материалом, публикуемым в журнале «Под Знаменем Марксизма»).

III. Программа и литература по русской истории и истории ВКП(б).

(Для всех отделений, кроме естественного).

I. Торговый капитализм в России и крепостное хозяйство.
1. **Покровский.** «Очерк истории русской культуры», часть I, гл. III и IV.

II. Происхождение самодержавия.
2. **Покровский.** «Марксизм и особенности исторического развития России». Сборник статей 1922—25 г.г.
3. **Троцкий.** «1905 год». 2-е и след. издания. Введение и приложения. (Статья против Покровского).

III. Декабристы.
4. **Покровский.** «Декабристы». Сборник статей, изд. Центроархива. Кроме того, для специалистов-историков статья Нечкиной о «Соединенных Славянах» в журнале «Историк-Марксист» № 1.

IV. Крестьянская реформа.
5. **Покровский.** «Очерк истории русской культуры», часть I, глава V.

V. Народническая революция.
6. **Покровский.** «Русская история в самом сжатом очерке», ч. III, изд. 1928 г., или соответствующая глава из существующих учебников по истории партии.

VI. Аграрный вопрос в России после реформы.
7. **Ленин.** Собрание сочинений, т. IX, стр. 441—703.
8. **Его же.** Том III «Развитие капитализма в России», глава II, III и IV.

VII. Промышленное развитие пореформенной России.
9. **Ленин.** Собрание сочинений, том III, «Развитие капитализма в России», глава V—VIII.

VIII. 1905 год.
10. **Ленин.** Собрание сочинений, т.т. VI и VII, следующие статьи: Том VI—Земская кампания и план «Искры». От народничества к марксизму. О боевом соглашении для восстания. Должны ли мы организовать революцию. Новые задачи и новые силы. Пролетариат и крестьянство. Социал-демократия и Временное Правительство. Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. О Временном Революционном Правительстве (обе статьи). Борьба пролетариата и холопство буржуазии. Революционная армия и революционное правительство. Две тактики социал-демократии (брошюра). Бойкот Булыгинской Думы и восстание. Самое ясное изложение самого путанного плана. Отношение социал-демократии к крестьянскому движению. Мелкобуржуазный и пролетарский социализм. Том VII—Победа кадетов и задачи пролетариата (брошюра). Доклад об об'единительном с'езде РСДРП (брошюра). Разгон Думы и задачи пролетариата (брошюра).
11. **Покровский.** «Русская история в самом сжатом очерке», ч. III, изд. 1928 г.

IX. Столыпинщина и война.
12. **Покровский.** «Русская история в самом сжатом очерке», ч. III, изд. 1928 г.
13. **Ленин.** Том XIII. Война и РСДРП. О поражении своего правительства в империалистической войне. Социализм и война. О лозунге Соединенных Штатов Европы. Крах II Интернационала. Несколько тезисов. Итоги дискуссии о самоопределении.
14. **Покровский.** «Внешняя политика России в XX веке». Изд. Свердловского Университета.

Для специалистов книги: **Каменева**—«Между двумя революциями» и **Ванага**—«Финансовый капитал в России».

X. Февральская и Октябрьская революция.

15. **Ленин.** Собрание сочинений, том XIV. Письма издалека. Луи-блановщина. О двоевластии. Письма о тактике. Задачи пролетариата в нашей революции. Резолюции о войне и земельной реформе на апрельской конференции.

Речь на с'езде крестьянских депутатов. Речь на первом С'езде Советов о войне. К лозунгам. О конституционных иллюзиях. Уроки революции. О компромиссах. Большевики должны взять власть. Марксизм и восстание. Грядущая катастрофа и как с ней бороться (брошюра). Удержат ли большевики государственную власть (брошюра).

16. **Бухарин.** «От империализма к диктатуре пролетариата».

17. **Сталин.** «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов» (предисловие к книге «На путях к Октябрю»).

Кроме того, для общего знакомства с русским историческим процессом предполагается знание «Русской истории в самом сжатом очерке» всех 3-х частей и знание одного из учебников, принятых в комвузе по истории партии.

Для специалистов, кроме того, обязательно знание русской истории в следующем об'еме:

18. **Покровский.** «Русская история с древних времен», том I—IV.

19. **Покровский.** «Империалистическая война», статьи: «Виновники войны», «Как началась война 1914 г.», «Выход России из войны».

20. «Русско-японская война». «1905 год», том I. Изд. Истпарта.

21. **Покровский.** «Очерки по истории русской культуры», ч. I.

22. **Его же.** «Борьба классов и русская историческая литература».

23. **Лященко.** «История народного хозяйства».

24. «1905 год». Изд. Истпарта, т. III, статья Ярославского и Невского.

25. **Ключевский.** «История сословий». От 10 до 20 лекции (для историков партии не обязательно).

26. **Ключевский.** «Курс русской истории», лекции 1, 2, 31—37.

27. **Соловьев.** «Начало русской земли» (для историков партии не обязательно).

28. **Дьяконов.** «Очерки общественного и государственного строя древней Руси», изд. 1926 г. «Государственное устройство» (в обоих периодах). (Для историк. партии не обязательно).

29. **Плеханов.** «История русской общественной мысли», т. I. Введение.

Кроме того, от поступающих на историко-партийное отделение требуется знание следующих работ:

1. **Ленин.** «Что такое «друзья народа» и как они воюют с социал-демократией», т. I.
2. **Ленин.** «Экономическое содержание народничества и критика его в книге Струве», т. II.
3. **Ленин.** «Задачи русских социал-демократов», т. I.
4. **Ленин.** «Что делать», том V.
5. **Ленин.** «Гонители земства и Аннибалы либерализма», т. V.
6. **Ленин.** «Шаг вперед, два шага назад», т. V.
7. **Плеханов.** «Социализм и политическая борьба», т. II.
8. **Плеханов.** «Наши разногласия», т. II.
9. **Бухарин.** «Ленин, как марксист».

Для естественников по истории и истории партии требуется:

1. **Покровский.** «Русская история с древнейших времен», тт. III и IV.
2. История партии в об'еме какого-либо учебника, принятого в комвузе.
3. **Ленин.** «Что делать». «Две тактики социал-демократии в русской революции». «Социализм и война». «Удержат ли большевики власть». «Пролетарская революция и ренегат Каутский». «О продналоге» (брошюра) и о «Кооперации».

IV. Программа и литература по западной истории.

(Для всех отделений, кроме естественного).

I. Происхождение капитализма.

1. **Лукин.** «Новая история».
2. **Маркс.** «Капитал», т. I, гл. XXIV.

II. Буржуазные революции.

3. **Лукин.** «Новая история» (отдел о французской революции).

III. Первые шаги рабочего движения, социализм.

4. **Лукин.** «Новая история», гл. VIII, §§ 70, 71, гл. IX—вся, гл. X, § 87 (о Вейтлинге), 90, 91.

IV. 48-й год.

5. **Маркс.** «18 брюмера».
6. **Маркс.** «Классовая борьба».

7. **Энгельс.** «Революция и контрреволюция».
8. **Стеклов.** «48-й год».

V. Интернационал.

9. **Стеклов.** «I Интернационал».

IV. Коммуна.

10. **Степанов.** «Коммуна».

VII. Основные типы рабочего движения в конце XIX и начале XX вв.

11. **Лукин.** «Очерки по истории Германии», очерк «О рабочем движении».
12. **Ротштейн.** «Очерки по истории английского рабочего движения», ч. II.
13. **Каутский.** «Республика и социализм во Франции».
14. **Покровский.** «Франция до и во время войны».
15. **Ленин.** Том XIII, статьи, названные в программе по русской истории (IX, 13).

VIII. Империализм.

16. **Преображенский.** «Империализм».
17. **Лукин.** «Очерки по истории Германии». Очерк «О внешней политике».

IX. Кризис международного рабочего движения.

18. **Ленин.** Том XIII и том XVI. Статьи, указанные в пунктах 13 и 15 списка литературы по русской истории.

Для специалистов-историков, кроме того, требуется:

I. Теории экономического развития древнего мира.

1. **Петрушевский.** «Очерки по истории средневекового общества и государства».
2. **Тюменев.** «Капитализм в древней Греции».

II. Аграрные отношения в древнем мире.

3. **Тюменев.** «Капитализм в древней Греции».
4. **Виппер.** «Очерки по истории Римской империи».

III. Феодализм.

5. **Петрушевский.** «Очерки по истории средневекового общества и государства».

Петрушевский. «Восстание Уотта Тэйлора», гл. III и IV.

IV. Средневековый город.

7. «Обществоведение» под ред. Тарасова, т. II, статьи **Грацианского:** 1) «Феодализм в Западной Европе», § 6. 2) «Разложение феодального строя». «Развитие городов», §§ 1, 2, 3, 4, 7.
8. **Белов.** «Городской строй средних веков».

V. Крестьянские войны.

9. **Энгельс.** «Крестьянская война».
10. **Каутский.** «Предшественники новейшего социализма» (исключая ст. Бернштейна об английской революции).

VI. Буржуазные революции.

11. **Конради.** «Истор. револ.», т. I.

VII. Возникновение капитализма.

12. **Манту.** «Промышленная революция XVIII века», ч. II, гл. I, II, III, IV, ч. III, гл. II и III.

VIII. 48-й год.

13. **Ренар.** «48-й год», ч. I.

IX Коммуна.

14. **Лукин.** «Коммуна».

Кроме того, необходимо ознакомление с классическими историческими работами: I. **Токвиль.** «Старый порядок и революция». 2. **Фюстель де-Куланж.** «Колонат».

Для естественников по истории Запада требуется знание следующей литературы:

1. **Кулишер.** «Промышленность и рабочий класс».
2. **Моносов.** «История революционных движений».
3. **Арк. А—н.** «История рабочего движения» (сокращен.).

V. Программа и литература по литературному отделению.

Кроме общих требований, пред'являемых к поступающим по политэкономии, экономполитике, истории, истории партии и философии, от поступающих на литературное отделение требуется: 1) знакомство с историей русской и западной литературы в об'еме курса литературного отделения педфака; 2) знание основных проблем марксистской методологии в литературоведении и 3) знакомство с основными направлениями современной русской и мировой художественной литературы.

При этом требуется знание следующей литературы:
1. **Белинский.** а) Обозрение русской литературы 46 и 47 гг. б) Статьи о Пушкине.
2. **Чернышевский.** а) «Очерк гоголевского периода русской литературы». б) «Эстетические отношения искусства к действительности».
3. **Плеханов.** Том IV, V, X и XIV — статьи по литературе, критике и искусству, в частности о Белинском и Чернышевском.
4. **Плеханов.** «История русской общественной мысли», т. I—IV.
5. **Меринг.** «Мировая литература и пролетариат».
6. **Переверзев.** «Достоевский». «Творчество Гоголя», Статьи о Гончарове («Печать и Революция». 1923 год, №№ 1 и 2. «Вестник Соцакадемии» № 5, 1923 г.).
7. **Ленин.** «Статьи о Толстом» (отдельное издание).
8. **Воровский.** «Литературные очерки».
9. **Тэн.** «Чтения об искусстве».

VI. Естественное отделение.

Кроме общих требований, пред'являемых по политэкономии, экономполитике, истории, философии, от поступающих на естественное отделение требуется:

Для естественников всех специальностей:
1. **М. Планк.** «Физ. очерки», ГИЗ. Первые две статьи.
2. **Сведберг.** «Материя».
3. **Тимирязев.** «Исторический метод в биологии».

Для физиков, химиков и др. специальностей точного естествознания:
1. **М. Планк.** «Физ. очерки», ГИЗ.
2. **М. Планк.** «Физическая закономерность».
3. **М. Смолуховский.** «О понятии случайности и происхождении законов вероятности в физике». (Для химиков не обязательно).
4. **Иордан.** «Статистика и вероятность» (2, 3, 4 статьи в журнале «Успехи физических наук» за 1926, 7, 8 гг.). (Для химиков не обязательно).
5. **Планк.** «От относительного к абсолютному» (статьи в «Под Знаменем Марксизма» за 1925 г.).
6. **«Философия науки».** Сборник. Физика, ч. I и II, изд. ГИЗ, под ред. А. Тимирязева.
7. **Сведберг.** «Вырождение энергии».
8. **Брагг.** «О природе вещей».

Для биологов и медиков:
1. **Дриш.** «Витализм, его история и система».
2. **Леб.** «Организм, как целое», изд. ГИЗ. Серия «Соврем. пробл. естествознания».
3. **Павлов.** «Двадцатилетний опыт».
4. **«Философия науки»**, сборник под ред. Завадовского.

VII. Программа по теории права и государства для поступающих на правовое отделение.

Общая часть.

а) Право.

I. Право и классовое общество. Право, как форма господства. Право, как форма, порождаемая разделением труда и обменом.

II. Обычай и право. Зачатки права у первобытных народов. Возникновение и эволюция института частной собственности.

III. Право и экономика. Базис и правовая надстройка. Право, как отношение, норма и идеология.

IV. Основные подразделения права (право в суб'ективном смысле и право в об'ективном смысле, право публичное и право частное и т. д.). Смысл этих подразделений и их критика с марксистской точки зрения.

V. Основные воззрения на право. Теория естественного права. Историческая школа. Теория Иеринга. Юридическо-догматический позитивизм. Психологическая школа права.

VI. Марксистская теория права.

VII. Источники права в техническом смысле: обычай, закон, прецедент. Применение права. Истолкование норм права.

VIII. Право в переходный период.

б) Государство.

IX. Происхождение государства. Распад родового общества. Государство и класс.

X. Государство, как организация классового господства.

XI. Типы государств: античное государство, феодальное государство, сословная монархия, буржуазное государство.

XII. Формы правления: абсолютизм, конституционная монархия, республика. Дуалистические парламентарные государства.

XIII. Причины развития и упадка парламентаризма. Буржуазное государство в эпоху империализма.

XIV. Учение Маркса и Ленина о диктатуре пролетариата. Задача пролетарской революции по отношению к буржуазному государству. Государство пролетариата. Анархисты и марксисты по вопросу о государстве.

XV. Отмирание государства.

Специальная часть.

I. Государственное право СССР. Декларация прав трудящихся. Организация центральной и местной власти. Система выборов СССР и его органы.

II. Уголовное право и классовое общество. Уголовная политика советской власти. Наказания и меры социальной защиты. Отличительные черты нашего уголовного кодекса.

III. Гражданское право. Основные политические черты нашего Г. К. Ограничение «частно-правовой автономии». Защита интересов трудящихся советского государства. Основные начала вещного обязательственного и наследственного права по Г. К.

IV. Трудовое право. Кодекс законов о труде. Порядок найма и привлечения к труду. Коллективные договора. Профессиональные союзы и их роль. Социальное страхование.

V. Земельное право. Источники земельного права. Порядок землепользования. Суб'екты землепользования. Двор.

VI. Судоустройство и судебный процесс. Система судебных учреждений. Подсудность. Порядок обжалования. Основные начала нашего уголовного и гражданского процессуальных кодексов.

Литература по теории права и государства.

Кроме литературы, обязательной для поступающих на правовое отделение по другим дисциплинам, а также литературы по общей теории права и государства, указанной в разделе «Исторический материализм», дополнительно требуется:
1. **Стучка.** «Революционная роль права и государства».
2. **Стучка.** «Курс советского гражданского права», т. I.
3. **Гойхбарг.** «Хозяйственное право», т. I.
4. **Марнер.** «Социальные функции правовых институтов».

Кроме того, требуется основательное знакомство с конституциями СССР и союзных государств и общее знакомство с основными кодексами (Гражд., Угол., Труд.). Необходимо также знакомство с курсом какого-нибудь из буржуазных государствоведов (например, Гумплович, Коршунов или Шершеневич) и с политическим строем важнейших буржуазных государств (Англии, Франции, Германии, С.-А. С. Ш.).

Правление Института Красной Профессуры.

Редакция: **В. Астров. Н. Бухарин. В. Молотов. А. Слепков. Е. Ярославский.**

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 30 АПРЕЛЯ 8

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 8

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

„П Р А В Д А“

Главлит № А—12974 Тираж 75.000.

Типография газеты „Правда". Москва, Тверская, 48.

О решениях апрельского об'единенного пленума ЦК и ЦКК.

Апрельский об'единенный пленум ЦК и ЦКК подверг обсуждению существеннейшие экономические и политические проблемы, связанные с текущей партийной и советской политикой.

Обсуждение итогов и уроков хлебозаготовительной кампании поставило перед пленумом во весь рост задачи нашей политики в деревне, а обсуждение так называемого шахтинского дела побудило дать ответ на важнейшие вопросы классовой политики партии в связи с социалистической индустриализацией страны.

Существеннейший интерес представляет здесь именно классовая сторона дела, именно смысл решений пленума с точки зрения политики партии и пролетарского государства в отношении различных классов и социальных групп советского общества. XV с'езд партии наметил необходимость более энергичного наступления на кулацкие элементы деревни. С'езд, с одной стороны, поставил в порядок дня проведение мероприятий, усиливающих наш непосредственный нажим на кулака, а с другой стороны—проведение широким фронтом коллективизации бедняцких и середняцких крестьянских хозяйств. Более энергичное ограничение частнокапиталистических хозяйств и более энергичное непосредственное наступление на них «сопровождаются» здесь, таким образом, усилением коллективизации бедняцких и середняцких элементов деревни. Эти две задачи по своему существу представляют две стороны одной и той же общей социально-экономической и политической задачи и знаменуют переход политики нашей партии в деревне в некоторую новую фазу.

Ряд хозяйственных затруднений и некоторых наших экономических и операционных просчетов сопровождался, несомненно, оживлением активности кулака и усиленным напором кулачества на хлебные цены с целью их срыва и всемерного взвинчивания и порою недостаточной активностью партийных и советских организаций в деле отпора кулаку и даже колебаниями отдельных элементов кооперативного, советского и партийного аппарата в важнейшем вопросе о сохранении уровня цен на хлеб. Первоначальный ход хлебозаготовительной кампании, с точки зрения ее классового содержания, доказал, что некоторые элементы партии не сделали достаточно решительного, своевременного, правильного вывода из тех директив, которые были даны XV с'ездом партии.

Охарактеризовав затруднительную кон'юнктуру, сложившуюся в процессе хлебозаготовительной кампании, пленум заявляет в своей резолюции о хлебозаготовках:

«Кулачество могло использовать эту кон'юнктуру тем более, что заготовительные организации как государственные, так и кооперативные не обнаруживали ни единства выступлений на рынке (вместо этого была ожесточенная конкуренция и, следовательно, об'ективная помощь частнику и кулаку), ни необходимого темпа в развертывании работ; вместе с тем не было развернуто своевременно широких операций по завозу промышленных товаров в надлежащие сроки, соответственно условиям спроса со стороны основных хлебозаготовительных районов.

С другой стороны, парторганизации, в особенности в связи с дискуссией, прошли мимо важнейших очередных задач, связанных с хлебозаготовками в расчете, что хлебозаготовки автоматически будут давать положительный результат, а некоторые отдельные элементы партии, в особенности в деревне, не оказались способными проводить достаточный отпор кулачеству и соответственно подымать к активной роли бедняцко-середняцкие слои деревни».

Таким образом, неудачи первоначального хода хлебозаготовок, в известной мере зависевшие от недостаточного внимания партийных и советских организаций к задаче наступления на кулацкие элементы деревни, в довольно острой форме поставили в порядок дня ряд мероприятий, направленных к исправлению положения и прежде всего направленных против сельской буржуазии.

Останавливаясь на этих мероприятиях, резолюция об'единенного пленума заключает:

«Об'единенный пленум ЦК и ЦКК считает, что без проведения этих и подобных им мероприятий не могли быть устранены серьезнейшие затруднения в области заготовок хлеба. Об'единенный пленум одобряет поэтому целиком и полностью линию Политбюро, данную в директивных письмах от 6 января и 13 февраля сего года по вопросам хлебозаготовок.

Теперь мы можем с полным основанием констатировать, что указанные мероприятия, в известной своей части носившие чрезвычайный характер, обеспечили крупнейшие успехи в деле усиления хлебозаготовок».

Нет никакого сомнения в том, что кампания наступления на кулака, проведенная во время хлебозаготовок и сопровождавшаяся консолидацией сил бедноты и борьбой за преодоление кулацкого влияния на середняка, а также широкая мобилизация партийных сил на

дело хлебозаготовок вместе с «проверкой и чисткой советского, кооперативного аппарата в хлебозаготовительных районах от явно разложившихся элементов, не видящих классов в деревне и не желающих «ссориться» с кулаками», что все это имеет значение, выходящее далеко за пределы хлебозаготовительной полосы. Наступление на кулака во время хлебозаготовительной кампании шло по тому политическому направлению, которое было отмечено XV с'ездом партии; раскачка бедняцко-середняцких сил против кулака имела положительное значение не только с точки зрения успешного проведения хлебозаготовительной кампании, но является плюсом и с точки зрения осуществления общего политического курса, намеченного XV партийным с'ездом, с точки зрения улучшения всей работы партии в деревне.

Подчеркнув это, пленум счел вместе с тем необходимым перед перспективой следующей хлебозаготовительной кампании предостеречь не только от организационных ошибок, проявленных в прошлой кампании, но и от неправильного понимания роли и места проведенных мероприятий в общей системе нашей политики в деревне, указав прежде всего на необходимость избежания извращений и перегибов, допущенных во время второго этапа хлебозаготовительной кампании.

«Эти извращения и перегибы, допущенные местами со стороны партийных и советских органов, подлежат самой категорической отмене, и партия обязана об'явить им самую решительную борьбу, ибо они грозят дать длительный отрицательный как экономический, так и политический результат. Сюда относятся все методы, которые, ударяя не только по кулаку, но и по середняку, фактически являются сползанием на рельсы продразверстки, а именно: конфискация хлебных излишков (без всякого судебного применения 107 статьи), запрещение внутридеревенской купли-продажи хлеба или запрещение «вольного» хлебного рынка вообще; обыски в целях «выявления» излишков; заградительные отряды; принудительное распределение облигаций крестьянского займа при расчетах за хлеб и при продаже дефицитных товаров крестьянству; денежные выдачи по почтовым переводам, когда часть посылок выдается облигациями займа или другими бумагами; административный нажим по отношению к середняку; введение прямого продуктообмена и т. д., и т. п.».

Об'единенный пленум, констатировавший «повышение авторитета советской власти среди основных масс крестьянства», вместе с тем указал на наличие «некоторого недовольства верхушечного слоя середняков, в особенности в связи с имевшими место извращениями и перегибами».

Против повторения и развития этих перегибов пленум предупреждает со всей серьезностью и решительностью.

«Об'единенный пленум ЦК и ЦКК требует беспощадной борьбы с такими методами и немедленной ликвидации подобных перегибов и извращений, ибо они нарушают основы экономической политики партии, угрожают экономической связи между городом и деревней, подрывают систему кредита и грозят ослаблением союза рабочего класса и основных масс середняцкого крестьянства».

При этом об'единенный пленум подчеркнул недопустимость легкомысленного отношения к оценке хлебозаготовительной кампании этого года с точки зрения ее уроков для будущей работы.

«Об'единенный пленум ЦК и ЦКК, — говорится в резолюции,—полагает, что затруднения в хлебозаготовках, имевшие место в этом году, нельзя считать случайностью. Эти хлебозаготовительные затруднения связаны с трудностями быстрого темпа индустриализации страны, диктуемого пролетарскому государству всей международной и внутренней обстановкой, и с ошибками планового хозяйственного руководства. Эти затруднения были усугублены и осложнены стремлением кулацкой части деревни и спекулянтов использовать их, взвинтить цены на хлеб и сорвать советскую политику цен. Поэтому, поскольку затруднения в хлебозаготовках могут еще появиться в будущем, партия с тем большей настойчивостью должна добиваться того, чтобы неослабно выполнялся лозунг XV с'езда партии о «дальнейшем наступлении на кулачество», о регулировании частного рынка и систематическом вовлечении единоличного крестьянского хозяйства со стороны кооперативных и государственных организаций в русло социалистического строительства».

Это значит, что партии в целом и, в первую очередь, деревенским партийным организациям предстоит проведение дальнейшего наступления на кулака, организация сил бедноты и осуществление широкой кампании по коллективизации сельского хозяйства на основе прочного союза с середняком, ибо только на этой основе успехи социализма будут значительными и прочными.

Эту же основу предполагают и те практические указания об'единенного пленума, которые относятся к проведению следующей хлебозаготовительной кампании.

Необходимо подчеркнуть, однако, что ухудшение хлебозаготовок в апреле внушает тревогу, и что партии надо «продолжать кампанию с неослабным вниманием и настойчивостью» и всемерно усилить борьбу с халатностью, расхлябанностью и недостаточной активностью на хлебозаготовительном фронте еще в этом году.

Прозевать на этом фронте теперь, забыть, что «та часть мероприятий, которая имела экстраординарный характер», отпадает лишь «по мере ликвидации затруднений в хлебозаготовках»,—это значит, сорвать значительные достижения последних месяцев и обеспечить умножение трудностей в будущем году, значит сделать неизбежным применение экстраординарных мер и в следующей хлебозаготовительной кампании.

* * *

Так называемое шахтинское дело еще раз красноречиво показало, что успешно протекающее строительство социализма в СССР происходит в обстановке скрытой и упорной борьбы реакционных сил против нового общественного строя.

«Это дело, — гласит резолюция об'единенного пленума,— приобрело явно общесоюзное значение, так как вскрыло новые формы и новые методы борьбы буржуазной контрреволюции против пролетарского государства, против социалистической индустриализации. Политическое значение этого дела подчеркивается тем, что вредительская организация в Донбассе, созданная бывшими шахтовладельцами и группой особо привилегированных в прошлом специалистов, была связана с бывшими русскими и иностранными собственниками, а также с иностранной военной разведкой и, помимо других задач, ставила своей целью срыв обороны Советского Союза и прямую подготовку к интервенции и к войне с СССР».

Буржуазная контрреволюция пыталась использовать все антисоветские силы и спекулировать на всех промахах, недостатках и слабостях наших советских организаций для дискредитирования пролетарской диктатуры и подготовки контрреволюционных выступлений.

Об'единенный пленум тщательно проанализировал те недосмотры, ошибки и промахи, которые были допущены как советскими, так и партийными организациями Шахтинского района, и извлек из этого дела уроки для будущего.

Пленум подчеркнул недостатки в методах работы руководителей-хозяйственников, роль которых «до сих пор остается по преимуществу ролью плохого комиссара в промышленности, т.-е. вместо действительного управления предприятием сводится к так называемому «общему руководству», и при этом указал на необходимость решительного улучшения дела использования специалистов в хозяйственном строительстве.

Главнейшие указания пленума в этой области сводятся к тому, чтобы партийные и советские организации:

1) ведя решительную и беспощадную борьбу с такими элементами из среды специалистов, которые играют контрреволюционную роль, преодолевая оставшиеся до сих пор в этой среде кастовую замкнутость и узко-корпоративные настроения и вовлекая их во всю работу профсоюзов, производственных совещаний и т. п., вместе с тем

приняли меры к «улучшению условий работы подавляющей массы честных, преданных своему делу работников-специалистов»;

2) систематически обеспечивали действительную проверку нашими организациями работы специалистов;

3) придали важнейшее значение подготовке и воспитанию кадров красных специалистов и усилению их роли в процессе социалистического строительства;

4) приняли меры к организации более широкого выдвижения рабочих на хозяйственную работу и к правильному использованию сил рабочих-выдвиженцев.

Задаче укрепления кадров красных специалистов пленум отвел первостепенную политическую роль.

> «В соответствии с ростом и сложностью хозяйственного строительства хозяйственники должны поставить перед собою задачу путем получения спецзнаний и изучения техники производства овладеть производственно-технической стороной дела. Из основного кадра этих хозяйственников-практиков и кончающих втузы красных специалистов партия должна теперь более, чем когда-либо ранее, *выдвигать красных* пролетарских специалистов *на замену чуждых* социалистическому строительству элементов из среды буржуазных специалистов. В этом *одна из основных задач* хозяйственного строительства, без успешного осуществления которой не может быть проведена социалистическая индустриализация».

В осуществление этого курса пленум наметил ряд практических предложений, дополнив их предложениями об улучшении постановки дела выдвижения рабочих на хозяйственную работу.

Указав на ряд вопиющих упущений в области охраны труда, пленум с особым ударением сказал о необходимости *вовлечения масс* в дело руководства производством, как о радикальном условии предотвращения фактов «шахтинского» типа.

Расследование дела показало, что рабочие массы сплошь и рядом встречали при своих попытках повлиять на ход капитального строительства, рационализации, в смысле устранения существенных дефектов и злоупотреблений, не только сопротивление хозяйственно-управляющих организаций, но и организаций профсоюзных.

Производственные совещания, становящиеся важнейшими органами социалистического строительства и борьбы с извращениями и злоупотреблениями, играли в Шахтинском районе крайне незначительную роль.

Отметив необходимость решительного поворота в этой области, пленум указал на одну важную конкретную форму борьбы с извращениями.

> «В крупных предприятиях,—сказано в резолюции пленума,—особенно там, где имеются серьезные недочеты в строительстве и в использовании оборудования, а также, где проводятся крупные капитальные работы, необходимо немедленно создать *временные контрольные комиссии рабочих* с участием в них технического персонала.
>
> Опыт целиком и полностью подтвердил целесообразность существования временных контрольных комиссий в общей системе фабрично-заводских рабочих организаций, как органа производственных совещаний, необходимость их более широкого применения и большего внимания к их работе со стороны партийных, профессиональных и хозяйственных органов».

Оживление профсоюзов, приближение их к производству, развитие самокритики внутри профсоюзов, более энергичное вовлечение рабочих масс в социалистическое строительство,—вот те задачи, важность и первостепенность которых иллюстрирована «шахтинским» делом.

Резолюция о «шахтинском» деле кончается тезисом о самокритике, последним по счету, но отнюдь не последним по значению.

> **«*Главнейшим условием* для обеспечения успешного проведения всех намеченных мероприятий должно быть действительное *проведение в жизнь лозунга XV с'езда о самокритике*, а также значительное улучшение работы парторганизаций в деле проведения *внутрипартийной демократии* и усиленной повседневной борьбы с недостатками в работе партийных, профессиональных, советских и хозяйственных органов».**

Лозунг самокритики, как лозунг большого практического действия, как лозунг активизации партийных масс, в частности, в деле борьбы с бюрократизмом, недостатками и промахами нашего советского и партийного аппарата, злоупотреблениями отдельных лиц и организаций, является, несомненно, одним из определяющих лозунгов текущей политики партии.

А. Слепков.

Лицо предателя[1]).

Имя г-на Гильфердинга достаточно известно. Это—классический тип ренегата. В свое время он отдал известную дань марксизму, написав «Финансовый капитал», являющийся доселе крупнейшим явлением в марксистской теоретической литературе.

Правда, чуткое ухо Ленина уловило уже в этом труде ревизионистские мотивы. Рекомендуя книгу, Ленин оговаривал, что ее автор проглядел в империализме моменты загнивания. О политическом значении слепоты на э т о т «глаз» говорить излишне: оно очевидно.

Во время войны Гильфердинг вместе с Каутским «центрил», поставляя наиболее замаскированные и подлые по своему существу теории, прикрывающие социал-шовинизм.

В послевоенные годы он—в рядах «независимцев». На историческом с'езде «независимых» в Галле (октябрь 1920 года) он—лидер противников III Интернационала.

А затем, вступив в ряды об'единенной социал-демократии, в состав которой вошли с.-д. партия Носке—Шейдемана и правые независимые, боровшиеся на с'езде в Галле против III Интернационала, Гильфердинг становится виднейшим вождем социал-демократизма, его идеологом, стратегом, парламентским лидером и крупнейшей политической фигурой II Интернационала.

На последнем Кильском с'езде германской социал-демократии (1927 г.) Гильфердинг выступил с программной речью «Задачи социал-демократии в республике» и чествовался с'ездом партии, как ее признанный вождь. Социал-демократическая пресса восторженно рукоплескала своему вождю и понесла в массы новые «марксистские» идеи этого «социалистического» Иудушки. Трудно найти более характерное «обоснование» теперешних позиций социал-демократии, чем то, которое дал Гильфердинг в очень сжатом концентрированном виде в своем докладе на Кильском с'езде.

На главнейших положениях Гильфердинга мы и останавливаем в данной статье внимание читателя.

Социал-демократы в течение долгого времени, пока они не стояли у власти, защищали точку зрения фаталистического «органического» вызревания социализма в рамках и на основе капитализма.

Ленин неоднократно бичевал социал-реформизм за непонимание р е ш а ю щ е й роли революционной активности пролетариата и его авангарда в классовой борьбе.

---

[1]) **В нашей печати неоднократно делались ссылки на выступления виднейшего идеолога II Интернационала Рудольфа Гильфердинга на Кильском с'езде германской социал-демократии в мае 1927 года.**

Теперь мы получили возможность судить об этих выступлениях Гильфердинга, равно как и о выступлениях его коллег, характеризующих теперешние идейно-политические позиции социал-демократов, по точным данным стенографического отчета. («Sozialdemokratischer Parteitag 1927 in Kiel». Protokoll mit dem Bericht der Frauenkonferenz, I. H. W. Dietz Nfg, Berlin, 1927, 375 стр.).

Мы полагаем, что настоящая, несколько запоздавшая реакция на выступление Гильфердинга в Киле будет не лишней при выяснении современного лица социал-реформизма.

Вот что, например, он писал в 1905 г. о позиции российских меньшевиков «ново-искровцев»:

> «При благоприятных обстоятельствах о к а з ы в а е т с я, и по мнению учеников Мартынова, возможным т а к о й р а з м а х р е в о л ю ц и и, к о т о р ы й п о с л у ж и т п р я м ы м п р е д и с л о в и е м к г р а н д и о з н о м у с о ц и а л ь н о м у п е р е в о р о т у, н о с а м а п а р т и я, е е в о л я, е е р а б о т а, е е п л а н ы п р и э т о м о к а з ы в а ю т с я к а к б ы н и п р и ч е м. «На бога надейся, а сам не плошай»—говорит пословица, стремящаяся обезвредить религиозный фатализм,—«н а о б с т о я т е л ь с т в а, н а и с т о р и ч е с к и й п р о ц е с с н а д е й с я», скажем мы, «н о с а м н е п л о ш а й!» И н а ч е б у д е ш ь э к о н о м и с т о м - ф а т а л и с т о м, а н е с о ц и а л - д е м о к р а т о м - р е в о л ю ц и о н е р о м» (Собр. соч., т. VI. стр. 278).

Пока социал-реформисты не принимали активного участия в непосредственном управлении государством, до тех пор эта фаталистическая теория была, с их точки зрения, достаточной для оправдания поддержки, оказываемой ими капитализму. Но как только эпоха войн и революций принесла социал-демократам министерские портфели буржуазного правительства, теоретики социал-демократии решили «дополнить» свою теорию исторического процесса: ведь, теперь не только сама об'ективная логика капиталистического развития «осуществляет» социализм, но сплошь и рядом и сами социал-демократы, соучаствуя во власти, «воздействуют» на ход исторического процесса. В речи г-на Гильфердинга этот новый мотив звучит с достаточной силой:

> «Мы всегда,—утверждает Гильфердинг в своем докладе на с'езде,—держались того мнения, ч т о п а д е н и я к а п и т а л и с т и ч е с к о й с и с т е м ы нельзя ожидать фаталистически, что оно н е в ы т е к а е т и з в н у т р е н н и х з а к о н о в с и с т е м ы, а должно быть продуктом сознательной деятельности пролетариата».

Поистине, «из огня да в полымя».

В историческую полосу, когда «органический» характер развития капитализма только-что начал нарушаться явлениями «критического» порядка, гг. Гильфердинги с исключительным усердием «доказывали», что путь к социализму лежит через «органическое» развитие капитализма, что «нормальный» ход капиталистического развития обеспечивает «мирное» вызревание социализма.

После длинного ряда лет, в течение которых загнивший капитализм тщетно пытается вступить на путь быстрого «нормального», «органического» роста, Гильфердинги убеждают рабочих, что недостаточно «надеяться на исторический процесс», что надо активно и «сознательно» вмешаться в этот процесс и п о м о ч ь к а п и т а л и з м у п р о ч н о с т а т ь н а н о г и.

Именно в этом заключается п о л и т и ч е с к и й смысл «поправки» г-на Гильфердинга.

А м е т о д о л о г и ч е с к и социал-демократы и в «фаталистическом» тезисе и в тезисе о «сознательной деятельности пролетариата» с разных концов совершают одну и ту же ошибку.

В самом деле. «Фаталистическая» концепция гласит: дело н е в политической «суетне» пролетариата, а в историческом процессе развития капитализма. Поэтому—«не рыпайся!».

Новый тезис г-на Гильфердинга гласит: дело н е во «внутренних законах развития капиталистической системы», а в «сознательной политической деятельности пролетариата». Поэтому—действуй, но... только не против капитализма, а в его пользу.

С марксизмом эти оба тезиса ничего общего не имеют. Смысл исторической концепции Маркса заключался в обосновании неизбежности паде-

ния капитализма в силу «внутренних законов развития капиталистической системы». Но это падение реализуется только при условии сознательной революционной деятельности пролетариата, свергающего власть капитала и устанавливающего свою диктатуру, только в борьбе с буржуазными и мелкобуржуазными влияниями на пролетариат.

Маркс не противопоставлял силу внутренних законов развития капиталистической системы силе борющегося за социализм пролетариата,—он утверждал, что история работает на пролетариат, что революционная активность пролетариата, его суб'ективная революционная роль не вступает в противоречие с об'ективной линией развития, а, наоборот, победа пролетариата становится возможной, именно в силу законов развития капитализма. История работает на пролетариат; только «сам не плошай»—как просто формулировал это Ленин.

Теория гг. Гильфердингов достаточно «эластична»: они не любят связывать себя принципами. Это естественно: «идейный» приказчик капиталиста не должен иметь принципов,—но при чем же тут марксизм?

* * *

В каком же направлении предлагает Гильфердинг пролетариату направить его «сознательную деятельность»?

Мы уже показали, как Гильфердинг разделался с надоевшими ему «законами капиталистической системы». Тем самым маститый «теоретик» псевдо-марксизма весьма «облегчил» себе задачу. Он обеспечил себе, таким образом, «право»—вместо анализа капиталистической действительности и всех факторов капиталистического развития и его перспектив—произвольно вырвать из сложного комплекса процессов капиталистического развития только то, что ему нравится, абстрагируясь от противоречий развития капитализма, и сконструировать идиллическую теорию «мирного» и «плавного» развития.

Гильфердинг считает существенными и симптоматичными только моменты организации сил капитализма и, исходя из этой посылки, отрицает перспективу Zusammenbruch'а и намечает перспективу эволюционной трансформации капитализма в социализм в условиях буржуазной демократии.

Выводы Маркса о неизбежности социалистической революции основываются на анализе противоречий капиталистического развития; вполне естественно, что ренегат, ставящий себе целью доказать исключенность социалистической революции, абстрагируется как раз от противоречий капитализма, т.-е. от основных законов движения капитализма, т.-е. от того, от чего абстрагироваться нельзя при решении проблемы социалистической революции.

Но г. Гильфердинг давно забыл азбуку марксизма. Он не видит противоречий развития капитализма, он не замечает обострения этих противоречий, он воспевает «организованный» капитализм.

> «Итак,—заявляет он в своей речи,—организованный капитализм означает в действительности принципиальную замену капиталистического принципа свободной конкуренции социалистическим принципом планомерного производства. Это плановое, сознательно руководимое хозяйство делает в гораздо большей мере возможным сознательное воздействие общества, что не может быть ничем иным, как воздействием единственно сознательной и располагающей силой принуждения общественной организации, т.-е. государства».

Г-ну Гильфердингу достаточно того, чтобы в рамках капиталистических об'единений проявляло себя «плановое начало», чтобы кричать о внедрении социализма, хотя ему прекрасно известно, что эти об'единения ведут между собою ожесточеннейшую конкурентную борьбу, тем более чреватую последствиями, чем более мощны и консолидированы силы конкурентов.

Г-н Гильфердинг, как автор «Финансового капитала», прекрасно понимал, что плановость в рамках капиталистических об'единений отнюдь не исключает конкурентной борьбы между этими об'единениями, а, наоборот, ведет к обострению этой борьбы.

Г-н Гильфердинг видит торжество «социалистического принципа планомерного производства» в сращивании капиталистических экономических организаций с капиталистическим государством. Но он «абстрагируется» от такой «мелочи», как обострение конкурентной борьбы тех мощных империалистических экономических сил, которые представлены враждующими империалистическими государствами,—он «абстрагируется» от решающего в нашу эпоху факта борьбы империалистических гигантов за новый передел мира.

Итак, Гильфердинг, как полагается ренегату, приукрашивает капитализм и рвет с марксизмом, когда он пытается «абстрагироваться» от конкурентной борьбы империалистических сил.

Но лакействующий перед буржуазией теоретик Второго Интернационала не ограничивается этой ревизией. Он производит глубочайшую ревизию всех основных понятий марксизма о буржуазном обществе.

Ведь, даже самому неразвитому рабочему, имеющему о марксизме элементарнейшее представление, известно, что Маркс говорил об основных признаках капиталистического производства.

Можно ли утверждать, что хозяйство современных капиталистических стран перестало быть товарным? Отнюдь нет!

Можно ли отрицать, что средства производства в этих странах принадлежат классу капиталистов? Разумеется, нет!

Возможно ли отрицать тот факт, что эксплоататорское потребление товара—рабочей силы—является основным источником капиталистической прибыли и капиталистического накопления в этих странах? Это тоже невозможно опровергнуть.

Но если это так,—а это так,—то никакое изменение организационных форм и организационных связей капитализма не дает оснований говорить о принципиальном изменении классовой основы современного буржуазного общества. Поставьте на одну минутку вопрос о социальном облике производства, хозяином которого является какой-нибудь капиталистический трест, чтобы понять, что Гильфердинг не имеет с Марксом ничего общего в принципиальных постановках вопроса о сущности капитализма!

В рамках трестированного производства, внутри него, самого по себе взятого, принцип свободной конкуренции уступает место принципу «планомерного производства». Вытекает ли из этого — только из этого, что трестированное производство перестало быть капиталистическим в своей основе? Конечно, нет. Ни один признак капиталистического производства не исчез с превращением ряда конкурирующих друг с другом капиталистических предприятий в систему трестированного производства.

Продукция этого производства поступает—в конечном счете—на рынок, средства производства принадлежат капиталистам, рабочая сила покупается этим трестифицированным капиталом для ее эксплоатации.

Таким образом, никакого социализма в трестифицированных капиталистических предприятиях найти невозможно, если рассматривать вопрос с точки зрения социально-экономической системы Маркса.

Гильфердинг не может не понимать, что его новые теории обязывают его поставить крест на всех основных положениях его «Финансового капитала». Ведь, в этом труде он, анализируя развитие монополий и трестификации производства, подчиненного финансовому капиталу, доказывал, что новые организационные формы капитализма, свойственные эпохе империализма, ни в какой мере не опрокидывают классово-антагонистических буржуазных основ последнего.

А теперь, согласно его логике, один факт планирования производства в рамках капиталистического треста означает торжество «социалистического принципа планомерного производства»!

Тем не менее, Гильфердинг «стыдится» признать этот процесс «смены вех», как «стыдится» прямо отрицать правильность экономической системы Маркса. Он даже до известной степени, формально «солидаризируется» со «старым» Марксом, с его положением о принципиальном противоречии между капитализмом и социализмом, как экономическими системами.

«Итак,—заявляет он,—нет никакого сомнения: формула противопоставления капитализма и социализма верна... Эта формула верна и с исторической и с экономической точки зрения».

Но... разве не ясно, что Гильфердинг, исходя из своих посылок, обязательно должен выставить против Маркса оппортунистическое «но»?

«Но исчерпывает ли она,—продолжает Гильфердинг,—политическое содержание нашей эпохи? Как представители массовой партии, мы всегда стоим перед дилеммой: мы должны обращаться к массам с возможно более простой и понятной формулой, но, с другой стороны, каждая такая общая формула несет с собой ту опасность, что она слишком связывает политику партии (ну, конечно! *А. С.*), потому что на каждом шагу можно возразить: этот политический шаг противоречит общей формуле».

Подленький теоретик реформистского «марксизма» вертится, как угорь. Формула Маркса, противопоставляющая капитализм социализму, «исторически и экономически верна». Но она, видите ли, слишком обща для современных «марксистов», политические выступления которых связывает «общая формула» Маркса.

Ну, и, разумеется, с точки зрения Гильфердинга, уже появилась необходимость в некоторых конкретных «поправках», которые диктуются оппортунистическим пониманием «политического содержания эпохи».

Гильфердинг ревизует по существу экономическую систему Маркса, находящуюся у последнего в полном созвучии с его общим мировоззрением и его политической программой,—но Гильфердинг не хочет эту ревизию декларировать формально.

Зато он открыто возглашает и формальную ревизию марксовой системы, когда вводит в анализ политический момент.

Капиталистические об'единения с внутренней плановостью в хозяйствовании имелись и раньше,—тем не менее Гильфердинг не говорил раньше о торжестве социалистических принципов в «организованном капитализме».

Новое, что особенно подчеркивает Гильфердинг и в чем он видит основание для тезиса об «организованном капитализме», заключается в усилении государственно-капиталистической тенденции. Отмечая растущую роль государства, как регулятора в области экономического

развития, Гильфердинг пытается «доказать», что «организованный капитализм» перерастает в социализм в силу того, что буржуазное государство, испытывающее все большее воздействие рабочего класса, во все большей мере выступает носителем социалистических принципов.

Останавливаясь на вопросах социально-экономического законодательства буржуазного государства, Гильфердинг отмечает, что самый факт этого законодательства еще не означает торжества системы «организованного капитализма»: это законодательство имелось и раньше.

«Но,—заявляет Гильфердинг,—что важнее и что ново, так это государственное регулирование в области, которая касается непосредственно рабочей судьбы, именно в области рынка труда. Мы имеем благодаря революции страхование безработных. Это означает совершенно определенное регулирование спроса и предложения на рынке труда. Мы имеем теперь благодаря системе тарифных договоров, благодаря арбитражным судам политическое регулирование заработка и политическое регулирование рабочего времени.

Персональная судьба рабочего определяется политикой, которую ведет государство...

Это, естественно, есть нечто новое в капиталистическом хозяйстве, это есть элемент большого экономического, социального и политического значения.

Это стало возможным только потому, что мы имеем организованное хозяйство, которое в растущей мере подвергается сознательному организационному воздействию со стороны общества, со стороны государства».

Более пошло и беззубо аргументировать трудно. Если принять всерьез «аргумент» Гильфердинга, то, ведь, придется признать, что уже сотни лет существует это «новое» «организованное» капиталистическое общество!

Разве еще в эпоху первоначального капиталистического накопления у самой колыбели буржуазного общества государство не выступало с регулирующими функциями на рынке труда?

Разве в эту эпоху, когда в Англии «овцы вытеснили людей», государство не выступало с законом против бродяжничества пролетариев?

Разве в эпоху «органического», «нормального» капитализма государственное законодательство не распространялось на область условий труда? Что же здесь нового?

Разница-то между старым и новым только количественная, а не качественная, ибо капитализм господствует попрежнему, ибо государство буржуазии в области своего законодательства и в своих регулирующих функциях выполняет волю капитала, ни одним своим шагом не нарушая основ капиталистической политики. Гильфердинг не доказал и не может доказать обратного. Но расчистить почву для подобного «доказательства» он пытается именно с политического конца.

Экономическая система капитализма—с точки зрения Гильфердинга—эволюционирует в социалистическом направлении потому, что государства в капиталистических странах все больше начинают, под влиянием рабочих организаций, воздействовать на капитализм в смысле его перестройки на социалистический лад, что эти государства становятся фактором социалистической социально-экономической политики. Он выступает с **прямой и циничной ревизией марксовой теории государства.**

Марксова теория, «оказалось», устарела в силу своего общего, универсального характера.

«Маркс, несомненно, указал на решающий признак государства, сказав, что его следует рассматривать не только, как политический

институт, но и со стороны его социального содержания, которое состоит в том, что господствующие классы пользуются государственной властью для сохранения своего господства. Но это данное Марксом определение не есть теория государства уже потому, что оно относится ко всем государственным образованиям с самого начала возникновения самого общества. А нам важно выяснить отличительные признаки развития государства».

Итак, для анализа развития государства теория государства Маркса, по Гильфердингу, не годна.

Идеолог социал-реформизма вместо теории государства Маркса предлагает свою «новую» теорию государства, которая может быть «ключом» к пониманию развития государства. Как же выглядит эта теория?

«Для нас, социалистов, должно быть ясным, что организация состоит из членов, руководства и аппарата, т.-е. что государство—с политической точки зрения—это не что иное, как правительство, аппарат управления и граждане, составляющие государство.

С другой стороны, это значит, что существеннейшим элементом всякого современного государства являются партии, потому что отдельное лицо может выявить свою волю только при помощи партии. Вследствие этого все партии являются необходимыми составными частями государства в такой же мере, как правительство и административный аппарат.

Это означает в то же время признание основы марксистского определения, так как борьба партий отражает борьбу классов между собой и является выражением классовых противоречий».

Гильфердинг может торжествовать: он блестяще «развил» Маркса. Государственная власть в Германии, «оказывается», находится не в руках буржуазии, а в руках всех классов и всех партий: за государственную политику Германии отвечают и империалисты, и безработные пролетарии, и сановные казнокрады, и эксплоатируемые массы. За угнетение Китая английским империалистическим государством отвечают и капиталисты и рабочие.

Между государством и обществом поставлен знак равенства. Гильфердинг уткнулся в пошленькую «теорийку» буржуазных законоведов, для которых государство это—«вся нация», об'единенная территорией и пр. и т. п.

«Новая» теория оказалась на поверку старым, обветшалым идейным хламом буржуазного происхождения. Само собой разумеется, что из этой буржуазной теории может «проистекать» только буржуазная политическая практика. Само собой разумеется, что Гильфердинг целиком и полностью стоит на почве приятия буржуазного государства.

Само собой разумеется, что главную задачу «социалистической» партии он усматривает в завоевании хорошего места у правительственного пирога. Само собой разумеется, он против принципиального отрицания коалиции (как можно быть против нее проповеднику буржуазной теории государства?).

«... Покрывается ли борьба за единое государство формулой: «Капитализм или социализм?» Если мы можем достичь кое-чего для осуществления единого государства путем вхождения в правительственную коалицию,—то должны ли мы сказать: нет, ни при каких условиях? Это совершенно невозможная позиция, и уже это доказывает, что с формулой «капитализм или социализм» политически в очень многих ситуациях ничего не сделаешь».

Таковы «итоги» «исследования», такова «пристань» буржуазного либерала Рудольфа Гильфердинга. Таково лицо ренегата.

Е. Варга.

Основные проблемы китайской революции[1]).

Вряд ли сыщется в настящее время другая страна в мире, в которой совмещены столь разнообразные и противоречивые черты, как в Китае. Отсюда большие трудности для об'яснения и синтеза китайских событий. Мы считаем возможным дать следующую характеристику всего совершающегося в Китае процесса в его самых общих чертах.

Китай находится в периоде революционного переворота, а именно перехода от докапиталистического строя, покоящегося на простом воспроизводстве («азиатский способ производства» у Маркса) и содержащего много элементов феодализма, через этап неполного, полуколониального капитализма к рабоче-крестьянской диктатуре.

Своеобразие в данном случае заключается в том, что при особенной структуре китайской экономики переход к капитализму сопряжен не только с разрушением докапиталистических производственных отношений, но также с катастрофическим упадком самого производства, а следовательно, с чрезвычайным ухудшением положения всех трудящихся. Поэтому еще до полного преобразования в капиталистическое общество наступает крестьянская и рабочая революция, которая одновременно направляется как против старой феодально-докапиталистической эксплоатации, так и против новых способов эксплоатации (туземной и империалистической). Эта революция должна вступить в борьбу со всеми слоями господствующего класса: землевладельцами, милитаристами, китайской и иностранной буржуазией.

В нижеследующем мы делаем попытку исследовать некоторые главные моменты этой в высшей степени сложной китайской эволюции, чтобы получить возможность сделать выводы относительно главной проблемы: существует ли для китайской буржуазии возможность разрешения аграрной проблемы на буржуазных началах?

Мы считаем этот вопрос основным для дальнейшей судьбы китайской революции, считаем, что рассмотрение его должно быть положено в основу анализа проблем китайской революции. Если бы китайской буржуазии удалось разрешить аграрный вопрос на буржуазных началах, промышленный пролетариат Китая не в состоянии был бы привлечь на свою сторону массу крестьянства. А без поддержки крестьянского класса, а тем более в борьбе с крестьянством, молодой и численно слабый промышленный пролетариат не в состоянии свергнуть господство буржуазии (китайской и чужеземной) и милитаристов. Поэтому аграрный вопрос является основной, центральной проблемой современного Китая.

Исследователь аграрного вопроса, как и всякого другого вопроса китайской общественной жизни, наталкивается на следующие трудности:

[1]) В порядке обсуждения.

на незнание языка, на отсутствие необходимых и сколько-нибудь точных статистических данных [1]), на тот факт, что китайская культура проявляется в совсем иных формах, нежели европейская, и т. д. Поэтому все дальнейшие наши рассуждения необходимо понимать с самыми широкими оговорками.

Аграрный вопрос и своеобразие китайского феодализма.

Мы считаем, что для понимания китайского аграрного вопроса применение термина «феодализм» к характеристике китайских условий принесло больше вреда, нежели пользы [2]). Этот термин правильно характеризует некоторые факты китайской жизни, но применение его имеет тот недостаток, что многие просто принимают все элементы европейского феодализма за существующие также в Китае, что никак не соответствует действительности и известным образом запутало вопрос.

Мы можем называть социальную структуру Китая феодализмом только в том случае, если употреблять этот термин в смысле «докапиталистических» отношений. Мы пока абстрагируемся здесь от тех элементов перехода к капитализму, которые имелись и в Европе на известной стадии развития. Докапиталистические элементы имеются как в европейском феодализме, так и в общественной структуре Китая, но в рамках этой общности имеются весьма большие расхождения. Попытаемся наметить главнейшие из них.

Экономической основой европейского феодализма было сеньориальное поместье (Grundherrschaft) и крепостное право. Первое давалось королем как феод и переходило по наследству из рода в род. Но высота дохода зависела не столько от размеров землевладения, сколько от числа крепостных. Решающее значение имело распоряжение рабочей силой, а не простое распоряжение землей. Регистрировалось не число гектаров, а число «душ»! Только переход к капитализму—в связи с сильным увеличением населения—дал перевес земле, как производственному фактору, над рабочей силой, как производственным фактором (снос крестьянских дворов в Англии, Пруссии и т. д.).

Совершенно другое мы видим в Китае. Главный экономический базис феодализма (поместное хозяйство, если оно вообще когда-либо существовало здесь) был разрушен уже прежними аграрными революциями [3]). Особой проблемой является—мы здесь не будем заниматься ею—вопрос: почему, несмотря на это разрушение экономической основы феодализма, поместного хозяйства, почему, несмотря на наличие техники, которая скорее была выше, а не ниже техники европейского периода мануфактуры, в Китае не развился свой, автохтонный капитализм, почему эволюция не

[1]) Вот некоторые примеры ненадежности китайской статистики. Цифра народонаселения Китая официально указывается в настоящее время (оценка почтового ведомства) в 436 миллионов. Американские и английские статистики утверждают, что она никоим образом не выше 300 миллионов. Урожай пшеницы в Китае указывается в издаваемом американским министерством торговли ежегоднике China. A Commercial and Industrial Handbook (стр. 69) между 200 и 600 млн. бушелей. О китайском землевладении циркулируют самые различные ненадежные данные.

[2]) Маркс и Энгельс, говоря об Азии, употребляют выражение «азиатский способ производства», а не термин «феодализм».

[3]) Поскольку нам известно, до сих пор нет мало-мальски годной истории Китая. Но судя по дошедшим смутным записям и описаниям, можно, повидимому, считать несомненным, что в тысячелетней истории Китая имелось несколько аграрных революций. Вообще сомнительно, был ли когда-либо в Китае действительный феодализм. Поэтому не вполне правильно говорить также об «остатках феодализма»; быть может, правильнее было бы говорить об «элементах феодального характера».

пошла далее совместимой с феодализмом стадии торгового и ростовщического капитала? Итак, в собственно Китае издавна решающее значение имело не распоряжение над землей. Мы подчеркиваем, что речь идет о Китае в собственном смысле слова, а не о все еще редко заселенных окраинных областях: Манчжурии, Монголии, Тибете. Пять шестых населения Китая издавна скучены на одной трети его территории. В этой главной части Китая уже давно (или, быть может, никогда) не существовало поместий и крепостничества в смысле европейского феодализма.

Во избежание недоразумений и превратного толкования подчеркиваем: в Китае, разумеется, имеется крупное землевладение, но нет поместного хозяйства. (Если крупные землевладельческие хозяйства обнимают не, как в Европе, десятки тысяч гектаров, а самое большее несколько сот гектаров, в большинстве же случаев лишь несколько десятков гектаров, — то экономически это, тем не менее, настоящее крупное землевладение: не следует забывать, что в Китае жатва снимается три-четыре раза в году). Здесь тоже существует класс, живущий доходом с земельной ренты. Но хотя эта рента во многих случаях еще остается натуральной рентой, она все-таки не является в собственном смысле феодальной, сеньориальной рентой. Землевладение расщеплено, земля постоянно продается и покупается за деньги. Класс, получающий ренту, не является привилегированным сословием, как сеньориальное, поместное дворянство в европейском феодализме, а теснейшим образом переплетается с классом торговцев и ростовщиков. Прибыли торгового и ростовщического капитала, имущество, награбленное на государственной службе, издавна помещаются в землевладении.

Крепостничество существует в Китае и по настоящее время. Но оно не носит чисто-феодального характера. Его экономическая сущность заключается не в том, как в феодализме, что сеньор, обладающий большим количеством земли, но малым количеством рабочих сил, прикрепляет последние к земле. Для этого в Китае с его громадным избытком населения нет надобности. Здесь, напротив, крепостничество возникает таким образом: бедный крестьянин-арендатор связан вследствие недостатка земли со своим землевладельцем, часто оказывается задолженным ему и вынужден предоставлять ему, помимо собственно земельной ренты, также значительную часть своей заработной платы, он фактически находится в полной власти землевладельца, закрепощен последним душой и телом. Но экономическая основа этого крепостничества иная, в некотором смысле даже противоположная тому, что имеет место при настоящем феодальном крепостничестве.

Эти на первый взгляд несущественные различия имеют кардинальное значение для дальнейшей судьбы китайской революции. В Китае невозможна аграрная революция, руководимая буржуазией, революция «третьего сословия», совместная революция буржуазии и крестьянства [1]) против феодальных землевладельцев (тип французской революции). Она невозможна потому, что здесь нет настоящего феодального землевладения, потому что все слои буржуазии здесь в то же время получают земельную ренту, следова-

[1]) Некоторые товарищи считают ошибкой говорить о крестьянском классе, как целом, так как внутри его противостоят друг другу крестьянская беднота, крестьяне-середняки и богатые крестьяне, как отдельные классы. Мы думаем, что весь спор о том, представляет ли крестьянство один класс или только сборное имя для трех отдельных классов, поставлен недиалектически. В известных исторических ситуациях, например, в борьбе против феодального землевладения, все крестьянство выступает как единый класс. Вне этой борьбы крестьянство дифференцируется на три класса, при чем в одних случаях богатые крестьяне и середняки выступают сообща, в других случаях середняки и крестьянская беднота образуют единое целое. В нашей связи можно с полным правом говорить о крестьянстве, как едином целом.

тельно, не могут делать революцию против самих себя. Буржуазия не может освободить крестьян от фактического крепостничества, поскольку последнее существует, не может потому, что именно она, именно торговый капитал в связи с земельной собственностью толкают крестьян в долговое рабство. Буржуазно-демократическая аргарная революция должна быть проведена в Китае в борьбе против буржуазии! Китайское крестьянство может сбросить с себя громадное бремя ростовщической ренты только в союзе с пролетариатом, следовательно, также не в рамках капиталистического строя.

К вопросу об экономической основе феодализма в Европе и Китае надо подойти еще с другой стороны. В Европе сельское хозяйство не построено на искусственом орошении, поэтому здесь возможно точное отграничение между двумя соседними поместьями (в настоящее время—также между каждым крестьянским хозяйством), они вполне самостоятельны. В Китае же сельское хозяйство испокон веку покоилось преимущественно на искусственном орошении, проводимом на весьма малых участках земли; это делает здесь жизненной необходимостью организацию водного хозяйства, а оно может быть осуществлено только сообща для больших или малых территорий. Отсюда традиционная связанность, часто с религиозной окраской. Мы ниже вернемся подробнее к вопросам водного хозяйства. Здесь имеются элементы феодализма, но тоже другого характера, нежели свойственные европейскому феодализму. Функции государства были тоже чревычайно различны в европейском феодализме, с одной стороны, и в Китае—с другой стороны. В Европе в период феодализма в сущности не существовало государственной организации. Земля делилась на отдельные сеньориальные владения, владельцы которых, феодалы, время от времени об'единялись под главенством суверена для военных предприятий, при чем каждый сеньор приводил свои войска, или же они вели войну между собой. Управление, суд и пр. были функциями сеньориального, поместного землевладения. В Китае, напротив, государству принадлежат важные функции, простирающиеся на всю область: организация распределения риса во всей области, организация в важных областях водного хозяйства и надзора за ним и т. д. Соответственно этому в Китае существовал особый слой государственных чиновников, которые должны были сдавать экзамены по строгому уставу и образовали ученую чиновничью аристократию феодального характера; напротив, европейские феодалы в общем были неграмотны и очень мало заботились о государственных делах вне границ их поместий.

Итак, общественная структура Китая, имевшая место до проникновения иностранного капитала и в значительной части существующая и теперь, носит докапиталистический характер, содержит многие элементы феодализма, но не является феодализмом в европейском смысле, так как в ней отсутствуют поместное хозяйство и феодальное крепостничество. С этой точки зрения эта структура является более передовой, чем феодализм. Но, с другой стороны, в ней имеются традиционные социальные узы, отчасти сохранившиеся в наше время еще от периода, предшествовавшего феодализму: важное значение семьи в хозяйственной жизни [1]), все еще существующее в отдельных случаях рабство, культ предков, благодаря которому очень много земли устраняется от возделывания, и т. д. Из этой своеобразной структуры вытекает, что в Китае некоторые слои получают феодальный доход за счет крестьянства без какого-либо экономического базиса или классового основания (Klassenrechtstitel), чисто-традиционным путем:

[1]) Для китайского фабриканта считается моральной обязанностью устраивать в своем предприятии свою близкую и далекую родню, даже если эти родичи не годятся для требуемой работы.

обедневшие джентри, которые содержатся за счет деревни, потому что являются посредниками между ней и администрацией и т. д. Итак, мы имеем здесь феодальные элементы специфически китайского образца.

Называть нынешнюю экономическую структуру Китая просто феодализмом не приходится также из соображений политической стратегии. Это может повести к оппортунистическим ошибкам: к предположению, что по аналогии с Европой за феодализмом должен последовать более или менее продолжительный буржуазный режим. При этом упускают из виду два чрезвычайно важных момента:

а) Продолжающийся еще в настоящее время процесс перехода общественного строя Китая из докапиталистического в капиталистический не является автохтонной эволюцией, а произошел под воздействием империалистического капитализма: переход к капитализму в то же время означал подчинение Китая иностранному капиталу, превращение его в полуколониальную страну империалистических держав.

б) Переход происходит в настоящее время упадочного капитализма, когда капитализм уже свержен в значительной части земного шара и между империалистическими государствами происходит свирепая борьба за мировые рынки сбыта, которая необходимо ведет к новой войне за новый передел мира.

Эти два момента—переход Китая к капитализму в период упадка мирового капитализма и в форме превращения Китая в полуколонию империалистических государств—не позволяют видеть в этом переходе просто аналогию с переходом европейских стран от феодализма к капитализму.

Процесс перехода к капитализму.

В нашу задачу не входит рассматривать историческое развитие Китая. Подчеркнем лишь следующее: хотя в истории Китая имели место одна или несколько аграрных революций и хотя китайская техника достигла ступени, аналогичной технике мануфактурного периода в Европе, здесь не произошло самостоятельного перехода к промышленному капитализму. До проникновения иностранного капитала экономика Китая в сильной степени отличалась чертами «азиатского способа производства», бесконечного повторения производственного процесса в том же масштабе, с той же техникой [1]).

> «В Азии, где натуральная форма земельной ренты, являющаяся в то же время главным элементом государственных налогов, покоится на производственных отношениях, которые воспроизводятся в таком же неизменном виде, как естественные отношения...» (К. Маркс. «Капитал». Т. I. ГИЗ. 1928 г. Стр. 88).

В другом месте Маркс говорит об Индии:

> «Простота производственного механизма этих самодовлеющих общин, которые постоянно воспроизводят себя в одной и той же форме и, будучи разрушены, возникают снова в том же самом месте, под тем же самым именем, об'ясняет тайну неизменности азиатских обществ, находящейся в таком резком контрасте с постоянным разрушением и новообразованием азиатских государств и быстрой сменой их династий. Структура основных экономических элементов этого общества не затрагивается бурями, происходящими в облачной сфере политики» (там же, стр. 271).

[1]) «Китайский земледелец работает способами и орудиями, которым 2.000 лет», читаем мы в справочнике американского министерства торговли о Китае, стр. 222.

Существование «азиатского способа производства», экономического базиса, воспроизводимого в неизменном виде, нисколько не исключает образования известных видов капитала.

«Средние века завещали две различные формы капитала, которые достигают зрелости в совершенно различных общественно-экономических формациях и до наступления эры капиталистического способа производства считаются капиталом вообще: ростовщический капитал и купеческий капитал...».

«Превращению денежного капитала, создавшегося путем ростовщичества и торговли, в промышленный капитал препятствовал феодальный строй в деревне, цеховой строй в городе» (там же, стр. 602).

Действительно, уже сотни, даже тысячи лет назад в Китае существовал торговый капитал. Китайские торговцы заносили изделия китайских ремесленников и китайской домашней промышленности до самой Индии и Европы. Однако, здесь вывозился за границу излишек над,—правда, очень низким—собственным потреблением. Точно так же ростовщический капитал, как жестоко он ни эксплоатировал независимых производителей, очевидно, не затрагивал основы простого воспроизводства (воспроизводства в равномерном масштабе), и именно поэтому не привел к образованию собственного промышленного капитализма.

«Здесь достаточно простого указания на ублюдочные формы, при которых прибавочный труд уже не выжимается из производителя путем прямого принуждения и, с другой стороны, еще не выступило его формальное подчинение капиталу. Тут капитал еще не овладел непосредственно процессом труда. На ряду с самостоятельными производителями, занимающимися ремеслом или земледелием в традиционных, унаследованных от предков формах, выступает ростовщик или купец, ростовщический или торговый капитал, паразитически эксплоатирующий их. Преобладание в обществе этой формы эксплоатации исключает капиталистический способ производства, хотя, с другой стороны, именно она может составить переходную ступень к этому последнему, что было в конце средних веков» (там же, стр. 396).

Маркс несколько раз возвращается к этой аргументации. Так, например, в III томе:

«Однако, развитие его (торгового капитала), взятое само по себе..., недостаточно, чтобы повести к переходу от одного способа производства к другому и об'яснить этот переход (стр. 111/2 нем. изд.).

Далее он говорит:

«Самостоятельное и преобладающее развитие капитала в форме купеческого капитала равносильно неподчинению производства капиталу, т.-е. равносильно развитию капитала на основе чуждой ему и независимой от него общественной формы производства. Следовательно, самостоятельное развитие купеческого капитала стоит в обратном отношении к общему экономическому развитию общества» (III том, 1 ч., стр. 252, русск. изд. 1928 г.).

Положение изменилось, когда империалистические государства Европы насильственно основались на берегах Китая и капитал в его высшей стадии развития стал покорять себе эту страну. Важнейшими процессами—в этой связи— нам представляются следующие:

а) Империалистический капитал подчиняет себе те виды капитала, которые возникли в докапиталистической стадии Китая: торговый капитал и ростовщический капитал. В классовом отношении это означает, что весь калейдоскоп живущих на нетрудовые доходы слоев китайского господствующего класса: государственные чиновники, джентри, торговцы, банкиры, ростовщики, прямо или косвенно, в большей или меньшей мере служат иностранному капиталу, весь господствующий класс принимает характер «компрадора».

В собственном смысле компрадором называется состоятельный китайский купец, служащий посредником между иностранным капиталом и китайскими торговцами: как покупателями заграничных товаров, так и поставщиками сырья. Компрадор служит посредником при продажах, гарантирует платежеспособность покупателя на случай его кредитования (в полной сумме или на 30—75%), ищет покупателей для иностранных товаров и улаживает все деловые споры. При закупках он гарантирует кредиты местным собирателям сырья, устанавливает связь между иностранными торговыми фирмами в больших портах и китайскими провинциальными торговцами и т. д. Отчасти функции его аналогичны функциям английского брокера. Обычно он получает очень небольшую твердую оплату, главный же доход его составляют провизионные, установленные в известном процентуальном размере. Обыкновенно он имеет нескольких служащих, которых он оплачивает из своего дохода и которые ответственны лично перед ним; впрочем, они могут поступить к нему на службу только с разрешения иностранной фирмы и должны быть удалены по ее требованию. Благодаря провизионным, компрадор теснейшим образом заинтересован в успехе «его» иностранной фирмы (каждый компрадор обслуживает только одну фирму) [1].

Величина страны, незнакомство с языком, отсутствие личных связей в туземном торговом мире, чересполосица мер и монет в различных провинциях, чуждые европейцу туземные торговые обычаи (все долги должны быть уплачены в день китайского нового года),—все это делает компрадора лицом, без которого не может обойтись иностранная фирма. Попытки иностранных фирм связываться с туземными торговцами непосредственно, без компрадора, а именно через собственные филиальные отделения в провинции, обыкновенно влекли большие потери. Только некоторые из самых крупных иностранных фирм работают без компрадоров.

С внедрением иностранного капитала китайский торговый капитал становится слугой его. Китайские торговцы собирают у крестьян для экспортных домов чай, табак, бобы, шелк и проч. Так как туземные торговцы гораздо беднее капиталом, чем иностранные фирмы и последние пользуются особыми привилегиями в качестве завоевателей, китайский торговый капитал попадает в растущую зависимость от иностранного капитала; равным образом китайский банковый и ростовщический капитал попадает в зависимость от иностранного, в первую очередь английского, банкового капитала.

Джентри и прежняя чиновничья аристократия тоже втягиваются в механизм, возникающий между иностранным капиталом и китайскими крестьянами (последние являются первыми поставщиками сырья и окончательными потребителями). Авторитет живущего в деревне чиновника из джентри оказывается полезным для бесперебойного хода сделок, этот чиновник получает за свою деятельность соответствующее вознаграждение. Таким образом, весь господствующий класс приобретает компрадорский характер.

б) Так как Китай был колонизирован не одним империалистическим государством, а несколькими (Англией, Японией, Францией, Америкой), при чем между этими государствами происходит ожесточенное соперничество, противоречия интересов империалистических государств переносятся на связанную с каждым из этих государств часть компрадорской буржуазии. Империалистические противоречия продолжают действовать внутри китай-

[1] Образец договора между компрадором и иностранной фирмой см. в американском справочнике по Китаю, стр. 388.

ской буржуазии, расщепляют ее и затрудняют консолидацию китайской буржуазии, как единого и цельного класса [1]).

в) Под влиянием иностранного капитала и в связи с ним происходит переход от торгового и ростовщического капитала к промышленному капиталу; китайский капитал не был в состоянии осуществить этот переход собственными силами. Этот процесс начался гораздо позднее, чем само проникновение иностранного капитала. Первые новейшие фабрики возникли в портовых городах, их построил иностранный капитал. Во время войны и непосредственно после нее процесс индустриализации пошел более быстрым темпом, затем замедлился, а в последнем году регрессировал вследствие гражданской войны [2]).

---

[1]) О том, с какой силой ведется борьба империалистических держав за китайский рынок, свидетельствуют нижеследующие таблицы.

Ввоз текстильных товаров распределялся между ними (в процентах стоимости) следующим образом (Справочник по Китаю, стр. 79, изд. амер. мин. торг.):

	1902 г.	1913 г.	1923 г.
Англия	55,3	53,3	35,2
Япония	2,7	20,2	51,0
С. Штаты	26,8	8,0	0,2
Другие государства . . .	15,2	18,2	13,8

Япония еще до антиимпериалистической революции полностью вытеснила из китайского текстильного рынка Соед. Штаты, Англию—на 40%.

С другой стороны, участие Америки во всей внешней торговле Китая составляло в процентах (там же, стр. 42):

1904 г.	1913 г.	1923 г.
9	7	17

Понятно, столь значительные сдвиги, непосредственно затрагивающие интересы отдельных частей компрадорской буржуазии, связанной с иностранным капиталом, должны действовать на эту буржуазию расщепляющим образом.

О современном положении борьбы за китайский рынок имеется несметное число сообщений. Мы не будем останавливаться на них здесь подробнее.

[2]) Приводим цифры ввоза машин в Китай:

Годы	В млн. гонгк. таэлей	Курс. в ам. центах	В млн. долл.
1913—16 . . .	7,25	70	5,5
1917	6,5	103	6,7
1918	8,3	126	10,2
1919	15,5	139	21,5
1920	24,6	76	18,5
1921	58,8	76	44,7
1922	51,5	83	42,8
1923	28,6	80	18,9

Если принять во внимание изменение американского уровня цен, то самый большой реальный ввоз машин приходится на 1922 г. С тех пор он постоянно падал. К сожалению, у нас нет продолжения этой статистики. Но тенденция вполне выясняется из следующих данных:

По сводке в «Far Eastern Review» от 27/IX 1927 г., цит. в «Bulletin Quotidien», от 4/I 1928 г., ввоз машин в Китай составлял:

Годы	Млн. ф. ст.
1923	2,94
1924	1,91
1925	1,38

Очевидно, в эту сводку вошли не все те категории, которые вошли в американскую статистику, но тенденция ясна.

Развитие капиталистической промышленности наталкивается в Китае на большие препятствия. Изобилие чрезвычайно дешевой рабочей силы, возможность безмерной эксплоатации ее делают излишним технические усовершенствования, сохраняют в высшей степени примитивные виды труда, например, транспорт массовых товаров на плечах носильщиков и т. д. Поэтому китайская промышленность являет нам пеструю картину всевозможных форм производства: рядом с совершенно новейшими фабриками, оборудованными машинами по последнему слову техники, мы находим здесь старые виды мануфактуры, домашней промышленности с раздатчиками и т. д.

Другим препятствием является преобладающее положение империалистических государств. Хотя иностранный капитал основал промышленные предприятия и в самом Китае, до сих пор на первом плане стоят интересы промышленности метрополии, им принадлежит решающее слово. Это сказывается прежде всего в таможенной политике. Как известно, таможенная политика и таможенное управление Китая находятся в руках иностранных держав Последние провели правило, что пошлины не должны превышать 5 или 7,5% нарицательной стоимости товара. При такой ставке молодая промышленность Китая лишь с трудом может конкурировать с большими промышленными государствами, несмотря на не знающую никакой узды эксплоатацию своих рабочих [1]). Другим отрицательным моментом для туземного промышленного капитала являются внутренние пошлины, так называемый ликин. Эти пошлины означают открытый ущерб туземному промышленному капиталу. Импортные товары могут с помощью так называемого «транзитного паспорта» перевозиться до самого края страны с уплатой только сбора в 2,5% от каждого платежа ликина, с туземных же товаров приходится на каждой внутренней таможенной линии уплачивать ликин, нередко 10—15 раз, так что эти внутренние пошлины составляют часто вдвое больше, чем первоначальная цена товара [2]).

---

[1]) Нижеследующая таблица показывает среднее таможенное обложение в процентах стоимости товара:

	Текст. тов.	Железо и жел. товары	Машины и аппар.	Все группы
Бельгия	14,1	12,4	13,2	11,4
Дания	14,3	8,8	7,1	13,2
Германия	24,0	16,9	10,9	20,8
Франция	70,6	110,0	38,9	58,1
Италия	18,6	60,7	25,4	28,6
Югославия . . .	29,9	41,1	22,8	34,8
Австрия	14,6	30,8	25,6	19,2
Польша	49,6	56,3	41,6	43,3
Румыния	294,3	39,6	22,9	98,4
Швеция	18,6	22,8	15,5	19,5
Швейцария . . .	10,9	29,7	12,5	17,5
Чехо-Словакия . .	28,6	53,3	46,2	36,4
Венгрия	29,8	49,2	33,0	31,1
Китай	—	—	—	5—7,5

(Записка, представленная Венской торговой палатой на конференцию по мировому хозяйству в Женеве и перепечатанная в «Виртшафтсдинст» от 9 сентября 1927 г.).

[2]) «Уже между Пекином и Тсиентсином сборы составляют 12,5 процентов, между Тсиентсином и Калганом, важным пунктом по торговле кожами, шкурами, шерстью и другими монгольскими продуктами, — 60%. Они составляются из целого ряда различнейших сборов в пользу того или другого милитариста, имеющего в данный момент власть. Юридически каждый иностранный экспортер, конечно, может отказаться от уплаты этих сборов, если только он запасся предварительно в экспортной гавани свидетельством, что он закупает для экспорта». (Пекинский корреспондент «Франкуфуртской Газеты» от 16/IX 1927 г.).

г) Китайская буржуазия, взятая в целом, крайне бедна. Имущество всех слоев китайской буржуазии состоит в первую голову не в «произведенных средствах производства», а в земле, т.-е. только в праве (Rechtstitel) на земельную ренту, на эксплоатацию крестьян. Частные богатства—в этом сказалась старая культура китайцев—заключаются главным образом в художественных произведениях: драгоценных камнях, изваяниях, окрашенных ручным способом шелковых материях, предметах древности и пр. Все эти вещи не легко превратить в капитал. В Китае нет золотых приисков, поэтому, за исключением серебра, накопление сокровищ происходит здесь главным образом в виде собирания предметов искусства. Накопленный в течение тысячелетий прибавочный труд сохранился в виде плотин, каналов, китайской стены и бесчисленных храмов и монастырей. Существующий вообще в стране небольшой производительный капитал находится большей частью в руках иностранцев; во владении китайской буржуазии находится лишь минимальное количество [1]).

Этой бедностью «национальной» промышленной буржуазии Китая об'ясняется ее слабость. Бедность заставляет ее сотрудничать в самых различных формах с иностранной буржуазией, при чем она, конечно, попадает в зависимость от последней. Если, несмотря на слабость национальной буржуазии, ей принадлежало руководство Гоминданом и антиимпериалистическим национальным освободительным движением, то об'ясняется это тем, что она представляет самую высокую экономическую стадию развития—промышленный капитал, кроме того, теснейшим образом связана с мелкой буржуазией и современной интеллигенцией, наконец, также тем, что из всех слоев господствующего класса только ее интересы находятся в непосредственном противоречии с иностранным капиталом [2]).

[1]) Следующая таблица (из «Commerce Reports» от 28/XI 1927 г.), содержит интересное сопоставление богатства Соед. Штатов и бедности Китая:

	В тыс. счетн. единиц Соед. Штаты	Китай	
Территория (кв. мили)	3.744	4.278	
Население	110	400	
Железные дороги (мили)	250	7	
Автомобильные дороги (мили)	500	5	(Предпол.)
Автомобили	22.000	22	
Телефоны	17.000	100	
Телеграф (мили)	1.850	84	
Мощность электростанций (киловатт)	14.000	250	
Мощность железодел. зав. (тонны)	45.000	500	
Хлопчатобум. веретена	37.000	3.500	
Ткацкие станки	650	26	
Добыча угля (тонны)	585.000	25.000	
„ хлопка (кипы)	15.000	2.500	
„ пшеницы (бушели)	800.000	300.000	(Предпол.)
„ Риса (бушели)	34.000	800.000	(Предпол.)

Как мы видим, за исключением риса, главной пищи китайского населения, это последнее, хотя оно в три—четыре раза превосходит население Соед. Штатов, снабжено средствами производства в десять—сто раз меньше, чем Соед. Штаты.

[2]) Программа Гоминдана, принятая на конгрессе в Кантоне в октябре 1926 г., полностью приспособлена в своих экономических требованиях к интересам буржуазии. Вот ее главнейшие пункты:

Покровительственные пошлины, автономные тарифы.

Правительственная поддержка промышленности: субсидии, налоговые льготы. Власти должны оказывать в своих заказах предпочтение китайским предприятиям.

Отмена привилегий иностранных предприятий.

Отмена ликина.

Единая налоговая система. Никаких произвольных обложений.

Единство валюты и мер.

Железнодорожное, шоссейное и портовое строительство, регулирование рек и т. д. («The China Yearbook», 1928 г., стр. 1345).

д) В решительный момент национальная промышленная буржуазия предала дело национальной революции и перешла в лагерь империалистов. Причиной этой измены являются не только бедность и слабость национальной буржуазии, не только ее финансовая зависимость от иностранного капитала [1])—важнейшая причина лежит глубже.

Положение каждой колониальной или полуколониальной буржуазии носит двойственный характер. В качестве колониальной буржуазии она вместе со всеми трудящимися своей страны заинтересована в свержении чужого господства. Как буржуазия она вместе с империалистической буржуазией заинтересована в сохранении классового господства вообще. Она может стоять во главе национального антиимпериалистического движения только до тех пор, пока это движение носит буржуазный характер и не начинает переходить в социальное, антикапиталистическое движение. Но китайская национальная революция происходит в период упадочного капитализма, когда всюду на очереди стоит вопрос о свержении буржуазии; к тому же по вышеуказанным причинам в Китае невозможна совместная буржуазная и крестьянская революция, следовательно, широкие массы китайских крестьян и рабочих могут быть мобилизованы для дела национальной революции только с помощью лозунгов, выходящих за рамки буржуазной революции. По всем этим причинам национальная буржуазия не могла возглавлять национальную революцию, она должна была предать ее. С предательством буржуазии окончательно рухнула также ее партия, Гоминдан, как центр национальной силы [2]). Гегемония в национальной борьбе против империализма перешла к китайскому пролетариату и его авангарду, китайской коммунистической партии.

Развитие капитализма и крушение китайской империи.

В отличие от Европы, где капитализм действовал, как об'единяющая сила, в Китае развитие капитализма повело к распаду империи и к прекращению какого-либо центрального правительства.

В настоящее время Китай распадается на территории владычества отдельных генералов, быстро меняющие свои пределы.

В чем заключаются причины этого явления?

[1]) Одним из самых действительных средств борьбы английской буржуазии против национальной революции было прекращение кредитов, закрытие банков (так было в Ханькоу после нападения на английскую концессию, в Кантоне и т. д.).

[2]) Когда мы полгода назад услышали от китайских товарищей, что Гоминдан перестал существовать, как революционная сила, мы вначале сомневались в этом: слишком уж невероятным казалось, что партия, которая еще несколько месяцев назад имела на своей стороне восторженные симпатии масс, потеряла всякое влияние. С тех пор этот факт подтвержден бесчисленными информациями из капиталистического лагеря.

Так, например, «Таймс» пишет 23/XI—27 г.: «Партия Гоминдан совсем распалась на фракции, возглавляемые честолюбивыми политиками и милитаристами».

25/XI специальный корреспондент «Таймс'а» из Чангса пишет: «Огонь гоминдановского движения выгорел, и не осталось энтузиазма для проведения программы социальных улучшений, даже если бы экономические условия не делали подобные планы невозможными».

«Bulletin Quotidien», всегда очень хорошо осведомленный о положении в Китае, пишет 2/XII: «В настоящий момент это является почти совершившимся фактом (fait accompli). Гоминдан существует уже только по имени или в лучшем случае распыленный на отдельные враждующие между собой группки... Каковы бы ни были теоретические причины распада Гоминдана, этот распад—явный факт. Партия всецело во власти кучки мелких милитаристов-вешателей, отличающихся от старых тучунов только своим бо̀льшим невежеством, бо̀льшим честолюбием и низкими аппетитами. Их солдаты сражаются только для того, чтобы прокормиться, а так как они никогда не получают жалованья, они грабят, чтобы прокормиться».

Центральное китайское правительство, существовавшее до революции, выполняло на основе своей классовой политики некоторые общие функции:

1. защиту от внешнего врага;

2. содержание в сохранности водного хозяйства;

3. регулирование снабжения предметами первой необходимости с помощью целой сети магазинов риса.

1. Что касается защиты от внешнего врага, то с тех пор, как китайское правительство пришло в соприкосновение с империалистическими державами, оно каждый раз терпело фиаско в этой своей функции. Вследствие абсолютно отсталой военной техники Китая, каждое столкновение с сравнительно совсем незначительными, но вооруженными по последнему слову войсками империалистов кончалось поражением китайского правительства. При таких обстоятельствах оно должно было утратить свой авторитет. При азиатском характере китайского государства, в котором очень большую роль играют религиозно окрашенные традиции, эти позорящие поражения должны были оказывать разрушительное действие на всю систему.

Мы уже говорили о расщеплении китайских господствующих классов в результате проникновения империализма. Разумеется, это расщепление в сторону той или другой империалистической державы, накладывающей свою руку на Китай, должно было разлагающим образом действовать на государственную власть. В самом деле, ведь правительственный аппарат состоял из чиновников, вышедших из господствующих классов, главным образом из землевладельческого класса, и образующих с ними один класс.

2. Вследствие понесенных центральным правительством поражений и секвестрирования источников государственных доходов империалистами, это правительство не имело необходимых средств для регулирования в дальнейшем водного хозяйства, играющего кардинальную роль в китайском земледелии. Мы ниже еще вернемся к этому вопросу подробнее.

3. Проникновение империализма, строительство железных дорог, вовлечение Китая в мировое хозяйство,—все это открыло новые пути внешней торговле: традиционная система казенных магазинов риса не могла уже быть сохранена.

Побежденная и униженная империалистическими державами, не будучи в состоянии исполнять свои функции, имеющие жизненное значение для всего общества, центральная государственная власть должна была распасться, и власть перешла к милитаристам, сменяющимся быстрой чередой.

Власть этих милитаристов покоится на армиях наемников. Распространение капитализма, разложение крестьянского и ремесленного способа производства выбросили миллионы людей из производственного процесса. Из этих масс людей без всякого заработка образовались разбойничьи банды и армии наемников, при чем между теми и другими лишь небольшая разница и переход от одной формы к другой совершается с крайней легкостью. Во главе армий наемников оказались либо бывшие атаманы разбойничьих банд, как Чжан-цзо-лин и Чжан-цзун-чан, либо бывшие генералы, как У-пей-фу. Армии наемников, конечно, жили за счет областей, находящихся в их власти. Чем больше была такая область, тем больше были их доходы. Разумеется, в результате получалась непрерывная война между отдельными военными властителями за расширение зоны своего владычества и грабежа.

По внешности эта картина весьма напоминает режим кондотьеров на исходе средних веков в Европе. Но было бы совершенно ошибочным проводить между обоими этими явлениями знак равенства. Распад китайской империи и приход к власти отдельных милитаристов происходят под влиянием империализма. Это означает, что отдельные милитаристы могут воевать друг с другом, но не могут вступить в решительную борьбу с империализмом, должны более или менее приспособляться к желаниям последнего, по меньшей мере, каждый из них должен иметь опору в той или другой империалистической державе. Взаимная борьба милитаристов отчасти отражает вызванное империализмом расщепление самих господствующих классов Китая. Иногда она является замаскированной борьбой между империалистическими державами.

В отличие от средневековых кондотьеров китайские генералы в то же время являются крупными капиталистами. Они применяют самые новейшие средства первоначального накопления: помимо простого ограбления крестьян с помощью очень высоких налогов, взыскиваемых за несколько лет вперед, они грабят население, выпуская бумажные деньги без покрытия, похищая серебряные запасы банков, закупая на бумажные деньги сырье и продавая его за границу за золото, монополизируя важнейшие транспортные пути, монополизируя также торговлю отдельными важными товарами (шелк, контрабандный опий и проч.) на своей территории, наконец, основывая капиталистические предприятия: рудники, фабрики и проч. Из бывших разбойничьих атаманов они, если власть их продолжается достаточно долго, эволюционируют в крупнейших капиталистов страны. Все известные китайские милитаристы нахватали состояния в десятки миллионов и отчасти поместили их в иностранных валютах в банках на территории так наз. концессий. Распад государства и образование местных военных властей происходит параллельно с глубоким разложением основ китайской экономики, при чем возникают большие капиталистические имущества, нахватанные способами первоначального накопления.

Интересы империалистических держав в этом пункте имеют противоречивый характер. С одной стороны, наличие сильного центрального правительства позволило бы им грабить и колонизировать Китай с меньшей опасностью для себя, чем это происходит ныне; для этого они могли бы пустить в ход свое военное превосходство. Но центральное правительство, сильное внутри страны и бессильное по отношению к чужим государствам,—вещь невозможная. Поэтому империалистические державы должны действовать в сторону развала китайского централизованного государства, сколько бы они ни уверяли в противном. Что это действительно так, показывают военные мероприятия, неоднократно принимаемые империалистическими державами, в особенности Японией и Англией, против проникновения национальной революции на север.

Развал Китая на многочисленные и меняющиеся в своих границах отдельные сатрапии необходимо ведет, однако, к катастрофическому ухудшению экономического положения всей страны; здесь надо иметь в виду особые условия китайского земледелия, жизненной потребностью которого является регулирование орошения, водное хозяйство.

Разложение крестьянства под влиянием капитализма.

Сельское население Китая не образует единого крестьянского класса, сидящего на собственной земле, как утверждают буржуазные писатели, но искони делилось—хотя при всеобщей бедности—на крестьян-собственников, крестьян-арендаторов и трудящихся крестьян, работающих по найму; между ними—различнейшие переходные ступени. Крестьяне искони самым жестоким образом эксплоатируются землевладельцами, ростовщическим капиталом, государством, так что накопление имеет место у крестьян только в исключительных случаях, только у самых богатых, и воспроизводство происходит в общем всегда в одном и том же масштабе.

О классовом составе китайского крестьянства статистики не имеется, как, впрочем, и во всех других государствах [1]). Однако, имеются различные отдельные исследования; приведем здесь для примера результаты одного такого исследования.

Западно-китайский университет произвел в 1926 г. обследование 50 крестьянских дворов, а именно: в провинции Сечуан, в равнине Тсенту, одной из самых богатых территорий Китая, называемой «садом Китая». Равнина превосходно орошена: уже Рихтгофен описал ее оросительную систему, как чудо китайской культуры. Из 50 обследованных хозяйств 22 имели только собственный участок, 5 приарендовывали к нему чужую землю, 23 были чисто-арендаторские хозяйства. Так как пять смешанных хозяйств и без того слишком малая цифра для того, чтобы можно было делать выводы, мы не будем касаться этой группы. Отметим, что в этой работе не указывается, по каким принципам происходил выбор хозяйств, как об'ектов обследования; мы имеем основания предполагать, что в обеих группах были выбраны более или менее крепкие, лучшие хозяйства. Тем не менее и это обследование позволяет сделать достаточные выводы о сильном классовом расслоении китайского крестьянства.

22 собственника имели в среднем участки величиной в 73 му (16 му равны одному гектару). Напротив, на каждого из 23 арендаторов приходилось в среднем только 30 му.

Стоимость строений оценивается у собственников примерно в 1.114 мексиканских долларов, у арендаторов—в 410. (В дальнейшем мы под долларами всегда разумеем мексиканские доллары).

Нужда в земле поднимает цены на землю. В среднем цена, уплаченная (за землю) собственником, указывается почти в 10.000 долларов, т.-е. свыше 2.000 долл. или около 4.000 марок за гектар. Этому соответствует высота арендной платы. Она составляет в среднем 12 долларов за му, но колеблется между 8,9 и 14 долларами, что составляет приблизительно 10% земельной цены. Расходы на средства производства минимальны: у собственников они составляют в среднем 14 долл. в год, у арендаторов—8, включая сюда также расходы на починки. Положение безземельных крестьян, малоземельных и арендаторов иллюстрируется следующими данными: из всех обследованных хозяйств расходовали на наемный труд собственники в среднем 45,4 долл. в год, арендаторы—18,3 долл. в год, доходы же от работы по найму составляли у арендаторов в среднем 5,4 долл. в год, у собственников—2,7 долл. Разумеется, эти средние цифры дают неправильную картину классового расслоения именно потому, что это—средние цифры: только одна пятая часть всех собственников вообще получает доход от работы по найму, тогда как у беднейших арендаторов трудовой доход, очевидно, играет большую роль. 50% арендаторов зарабатывают более 10 долларов от продажи (своей) рабочей силы. Кроме того, арендаторы в значительной мере занимаются кустарничеством (домашняя индустрия): 79% арендаторов имеют побочный доход от занятий кустарничеством, максимум его составляет 70 долларов в год, а в среднем он равняется 18 долларам в год, собственники же получают по этой статье в среднем только 6 долл. в год. Работа со средними цифрами должна затушевывать имущественные различия; так, например, один из обследованных дворов имел годовой доход в 840 долларов от сдачи земли в аренду.

[1]) Даже в настоящее время, когда в Китае убивают людей тысячами в самой ожесточенной классовой борьбе, нам все еще преподносят легенду о «бесклассовом» составе китайского общества. Так, например, американец Сокольский пишет в «China Yearbook», стр. 931: «В Китае нет классовой борьбы. Здесь нет классов. Здесь нет больших имуществ, за исключением возникших в недавнее время политических состояний... нет нищеты, за исключением класса попрошаек, для которого это составляет профессию» и т. д.

Однако, даже из этих цифр более или менее ясно выявляется нищета арендаторов. Средний доход арендатора, включая произведенные им и потребленные им пищевые средства, составляет 770 долларов в год. Из них расходуется:

	Долл.
На арендную плату	348
„ зараб. плату	18
„ починки и орудия	15
„ навоз	26
Итого	407

Итак, на всю семью остается годовой доход в 363 доллара. Так как на каждую семью арендатора приходится в среднем 8,3 душ (в том числе 2,7 взрослых мужчин), то душевой доход ниже 50 долл. в год. При этом еще ничего не сосчитано на налоги и сборы.

Если принять во внимание, что здесь речь идет об одной из плодороднейших местностей Китая и что мы имеем основания думать, что об'ектами обследования выбраны не беднейшие арендаторы, то эти цифры дают известный конкретный базис для утверждения, что в общекитайском масштабе доход арендаторов должен быть еще значительно ниже этих цифр, не говоря уже о сельском пролетариате, не имеющем собственного хозяйства.

Проникновение капитализма усиливает классовое расслоение в деревне, ускоряет устранение еще существующих остатков натурального хозяйства, отнимает почву у кустарничества, расширяет внутренний капиталистический рынок.

> «Крупная промышленность завершает разделение между земледелием и домашними сельскими промыслами: прядением и ткачеством, вырывая их корни». («Капитал», т. I, стр. 714, нем. изд.).

Процесс разложения крестьянства капитализмом общеизвестен [1]). Нам нет надобности останавливаться на нем. Но необходимо указать на особенности этого процесса в китайской экономике. Важнейшими моментами мы считаем следующие.

Разложение крестьянства под влиянием капитализма происходит на фоне общего упадка китайского сельского хозяйства. Главные причины этого заключаются в следующем:

а) Упадок водного хозяйства. В Китае, как во всех государствах Передней и Средней Азии, упорядоченное водное хозяйство является жизненной необходимостью. Оно заключает две задачи: во-первых, защиту от наводнений, регулирование рек. В Китае это в особенности важно, так как русла больших китайских рек лежат выше уровня окружающей их речной долины. Реки текут на возвышенности между дамбами, построенными тысячи лет назад и каждый раз возвышаемыми дальше. Прорыв насыпи означает окончательное превращение в болото местностей, которые кормят теперь миллионы людей. Во-вторых, оросительные сооружения; они образуют основу китайского земледелия, с его огородническим характером. Разрушение этих оросительных сооружений означало бы катастрофу для китайского сельского хозяйства.

Таким образом, проблема общественной организации водного хозяйства приобретает центральное значение для будущих судеб китайского сельского хозяйства, даже более того — для всего китайского народного хозяйства и культуры. Регулирование водного хозяйства было прежде задачей центральной государственной власти. В настоящее время такой власти не

[1]) Лучше всего он изложен у Ленина: «Развитие капитализма в России».

существует. Какая же общественная организация будет нести заботы о водном хозяйстве.

Ясно, что защита от наводнений может быть проведена только по единому плану для всего района данной реки. Если укреплять насыпи в ограниченном отрезе, а не вдоль всей реки, то вода прорвет дамбы в каком-либо ином месте выше или ниже по течению. Итак, если в долине данной реки распоряжаются несколько воюющих друг с другом генералов, при чем владычество каждого из них кратковременно и районы его меняются, то содержание в исправности насыпей по единому плану невозможно, вся система их подвергается упадку, и в результате должны последовать громадные наводнения, уничтожающие целые провинции. Впрочем, и небольшие прорывы могут причинить большой вред, уничтожая ирригационные сооружения, получающие воду из реки.

Оросительные сооружения образуют одну из основ интенсивного китайского земледелия [1]). Без них урожайность немедленно упала бы ниже половины нынешней. Сборы риса на орошаемых полях вдвое больше, чем на неорошаемых. Искусственное орошение делает возможным снимать в год несколько урожаев с одного и того же поля. Оросительные каналы на сотни тысяч километров прорезывают во всевозможных направлениях китайскую равнину, это — плод работы тысячелетий и свидетельство кардинального значения искусственного орошения для китайского земледелия. Монополия водного хозяйства имеет то же значение, что земельная монополия. Во многих случаях борьба за землю является в то же время в первую очередь борьбой за воду.

Что касается общественной организации орошения, то здесь имеется множество различных систем, смотря по величине района, который должен быть орошен из одного источника [2]). Существует индивидуальная система орошения из частных колодцев, существуют также капиталистические оросительные предприятия, так, например, пускают по реке моторные лодки, снабженные насосами, и продают воду, или же устраивают бассейны и взимают известный сбор за орошение по числу му. Однако, существуют различные общественные традиционные формы. Так, например, если несколько деревень снабжаются водой совместно из одной небольшой реки, то это регулируется договорами между деревнями (в Санчи и т. д.). В общем каждая деревня имеет право брать воду по очереди несколько дней в неделю. Число дней определяется соразмерно величине населения и возделываемой площади. За тот промежуток времени, когда вода реки принадлежит данной деревне, каждый крестьянин из этой деревни имеет право пользоваться ею соответственно размерам своего участка. Время пользования водой измеряется по сгоранию жертвенных свечей, так как в Санчи часы неизвестны. Жертвенная свеча длиной в один фут горит 30 минут. Крестьянин, имеющий участок в 10 му, может пользоваться водой, пока не сгорят две жертвенные свечи, крестьянин с участком в 20 му имеет право жечь одну за другой четыре жертвенные свечи и за это время пользоваться водой. Договоры уже сотни лет назад фиксированы письменным образом. Когда возникает какой-либо спор между заинтересованными деревнями, старейшины их собираются в определенном храме и решают его третейским порядком.

Но содержание некоторых оросительных систем, как вышеупомянутой в районе Тсенту или же в районе нижнего течения Ян-Цзы, требует государственного регулирования [1]). Отсутствие последнего уже повело к весьма значительному развалу этих сооружений. Если гражданская война продолжится еще несколько лет, то неизбежны такие катастрофические голода, как нынешний в Шандуне, что грозит гибелью всей культуры в этой области.

Впрочем, религиозные традиции крестьянства содействуют дальнейшему содержанию оросительных систем. В вышецитированном обследовании мы читаем о положении в равнине Тсенту.

«Строители этой грандиозной оросительной системы почитаются, как боги. Им и регулированию водоснабжения посвящен особый ритуал, играющий важную роль в религиозных церемониях жителей этой равнины. Ежегодная чистка канав, подсыпка дамб (насыпей) и регулирование уровня почвы производятся с религиозным пылом и усердием, это — типичные работы, производимые, несмотря на войну и бандитизм. Это кажется чудом для каждого, кто видит хаос и разруху почти во всех других областях китайской жизни» [2]).

Однако, на какой срок хватит этот традиционно-религиозный базис без центрального правительства,— вот вопрос.

б) Вторым устоем китайского сельского хозяйства на ряду с искусственным орошением является самым тщательным образом выработанная система удобрения [3]): она делает возможным равновесие питательных веществ на почве Китая, несмотря на факт интенсивнейшего земледелия при небольшом количестве скота. Все вещества, образующие растения, отдаются назад почве, человеческие экскременты тщательнейшим образом собираются и вывозятся из городов; грязь, солома, древесные листья, все органические отбросы, зола, даже глиняные полы жилищ и т. д. и т. д.—все это перерабатывается в смесь и возвращается почве в виде удобрения. Только благодаря этому неизвестному в сельском хозяйстве Европы использованию всех отбросов Китай в состоянии был сохранить в течение тысячелетий плодородие своей почвы, не прибегая к искусственному удобрению [4]). Правда, здесь были периодические голода, но как результат стихийных бедствий (засухи или наводнений), так как при отсутствии внутренних средств сообщения нельзя было бороться с местными неурожаями путем подвоза из других местностей. В Европе тоже периодически происходили голодовки, пока не была развита железнодорожная сеть.

Развитие капитализма грозит разрушить поддерживавшееся в течение тысячелетий равновесие питательных веществ в китайской почве. Беспрерывные внутренние войны затрудняют вывоз на поля городского удобрения. Пожары уничтожают органические вещества. Увеличивается экспорт сельскохозяйственных продуктов, заключающиеся в них питательные вещества пропадают для туземной почвы.

в) Поборы и просто грабеж крестьян наемными войсками приняли такие размеры, что маломощные крестьяне уже не в состоянии содержать даже свой столь скромный запас средств производства: животных, семена, ору-

---

[1]) О зн... ии ирригационных сооружений для культуры Северной Африки и Передней А... можно найти много интересных замечаний у Маркса и Энгельса. В особенности в их переписке за 1853 г.

[2]) По этому вопросу мы следуем в главном еще не напечатанной работе тов. Мадьяра об аграрном вопросе в Китае.

[1]) «Безусловная необходимость бережливого и экономного использования воды имела результатом вмешательство централизирующей государственной власти на Востоке, где уровень цивилизации был слишком низок, а территории слишком велики для того, чтобы возможны были индивидуальные об'единения. Отсюда хозяйственная функция всех азиатских правительств функция споспешествования общественным работам». Маркс. «Британское господство в Индии». «New York Daily Tribune», 25 июля 1853 г.

[2]) «Chinese Economic Journal», Januar 1928 г., стр. 49.

[3]) Это блестяще изложено в книге: King, «Forthy centur... of farming». 2-е изд. 1926 г.

[4]) При этом большую роль играет то обстоятельство, что из всех злаков рис отнимает у почвы меньше всего питательных веществ.

дия [1]). Все больше крестьян пролетаризуется, расслоение становится все резче, но на фоне упадка всего сельского хозяйства! Вместо традиционного простого воспроизводства наступает воспроизводство в уменьшающемся масштабе, всеобщее обеднение.

Таковы, на наш взгляд, те особые моменты, благодаря которым распространение капитализма принимает роковой характер для китайского крестьянства. Колоссальный голод в Шандуне—не просто стихийная катастрофа, как обыкновенные китайские голодовки, а в значительной мере—результат беспощадного ограбления крестьян самым бесцеремонным разбойником из всех китайских милитаристов—Чжан-цзун-чаном. Вот что пишет об этом корреспондент газеты «Нью-Йорк Таймс» в номере от 4/III 1928 г.:

«Две трети провинции Шандун официально об'явлены голодающими. Из 107 округов 70 нуждаются в помощи со стороны, в противном случае часть их населения, составляющего 24 миллиона, должна умереть с голода. Уже теперь 9 миллионов в Шандуне питаются впроголодь негодными для потребления продуктами, 4 миллиона живут тем, что просят милостыни, или кормятся тем, что получают от благотворительных учреждений.

«...Хотя урожай в некоторых районах был ниже нормы, китайцы, работающие по борьбе с голодом, утверждают, что в Шандуне в последнем году урожай был достаточен для прокормления его населения в течение зимы и весны; но они находят, что голод нынешнего года подготовлялся уже семь лет, когда правительство было из рук вон плохо и все время еще ухудшалось. Если бы не грабительские налоги, не бандитизм и военные конфискации, то Шандун не имел бы в этом году голода. Ответственность за нынешнее положение и за эти грабительские приемы падает на генерала Чжан-цзун-чана, военного губернатора Шандуна.

«...Как среди иностранцев, так и у китайцев Чжан-цзун-чан пользуется репутацией самого худшего, самого жадного из всех военных властелинов Китая... Чжан-цзун-чан грабит народ, а помощники Чжана в этом деле грабят его самого... Когда Чжан решает, что ему нужны три миллиона долларов, он созывает своих советников, и они сочиняют новый налог, но при этом определяют цифру его столь высоко, что получают 12 миллионов. Чжан получает свои три миллиона, а остальное попадает в карманы его приверженцев и к синдикатам, «откупающим» право обложения с тем, чтобы потом сторицей взыскать с населения свои расходы.

«...Персональные расходы Чжан-цзун-чана составляют 5.000 долларов в день. Среднее содержание солдата обходится в 10 долл. в месяц. Говорят, что гарем Чжана обходится в один месяц в такую цену, сколько стоило бы содержание бригады в 6.000 бойцов.

«...С одной стороны, расходы на двор сатрапа в 5.000 долл. в день, с другой стороны, в резком противоречии с этим—девять округов на север от Ихов-Фу, где чиновники помощи голодающим не нашли ни одного живого существа за исключением полуиздохшей собаки.

«...В результате голода быстро воскресла работорговля. Некоторые семьи, дошедшие до последней стадии нищеты, продают своих

[1]) «Рента продуктами может достигать такого размера, что является серьезной угрозой воспроизводству условий труда, самих средств производства, делает более или менее невозможным расширение производства и низводит непосредственного производителя к физическому минимуму средств существования. Так бывает в особенности в том случае, когда эту форму находит готовой и начинает использовать торговая нация-завоеватель, как, например, англичане в Индии» («Капитал», т. III, ч. 2, стр. 271).

младших сыновей, чтобы знать, что последние хоть таким образом найдут себе пропитание. Иных продавали за пять медных монет.

«Еще ужаснее торговля девушками для белого невольничьего рынка; их продают даже в возрасте 12 лет. В Тсинан-Фу за молодую девушку получают до 50 долларов, и многие хищники богатеют на этом, они отправляются в голодающие районы, скупают там девушек по 5 долларов и затем продают их здесь для целей проституции».

Корреспондент ясно видит связь между ограблением крестьян и голодом.

«Население западного Шандуна чрезвычайно бедно. Даже в «хорошие годы» избыток урожая ничтожен... Эти бедные районы неоднократно подвергались нашествиям сборщиков податей. Земельный налог был увеличен в два и три раза. А после этого налог взыскивался за один, два и три года вперед.

«Когда крестьяне не в состоянии были платить, сборщики податей забирали у них их хлеб, лошадей и скот, даже более того, они разрушали их дома и уносили с собой крыши и стропила, чтобы продать их на топливо. Десятки тысяч людей были буквально согнаны из их унаследованных от предков жилищ и участков. Во всех этих округах нельзя теперь найти ни одного живого существа, а земля, которая прежде стоила 750 долларов акр, теперь предлагается по 25 долларов... Судьба Шандуна не исключение. В южном Чихли голодают три миллиона. На севере провинции Ганау живут впроголодь многие миллионы. Число голодающих в Шандуне и Чихли составляет в этом году 12 миллионов. В ближайшем году оно составит в этих и некоторых других провинциях 30—50 миллионов. И если будут продолжаться война, грабеж населения и правительственный хаос, то в два года число голодающих возрастет еще вдвое или и того больше».

Разложение капитализмом городского ремесла.

Как и всюду, распространение капитализма разлагало не только крестьянское кустраничество, но также городское ремесло. Особенностью Китая, как и Индии, в этом отношении является то, что разрушение городского ремесла происходило не на почве туземной крупной промышленности, поэтому оставшиеся без работы и хлеба ремесленники не могли найти работы в крупной промышленности. Если бы в Китае проводились, как в Индии, периодические переписи населения, то мы и здесь могли бы констатировать, что число занятых в промышленности убывает с каждым десятилетием. Но в Индии ремесленники, вытесненные из города, кое-как могут найти пристанище в сельском хозяйстве (время, когда сотни тысяч индийских ткачей погибли голодной смертью в результате конкуренции английских фабричных тканей,—это время было несколько десятков лет назад), китайское же сельское хозяйстве по вышеизложенным причинам не в состоянии воспринять оставшихся без работы ремесленников. Параллельно с вытесняемыми из производства и совершенно разоренными крестьянскими массами выбрасывается из ремесла громадная масса ремесленников, так что ежегодно сотни тысяч,—быть может, даже миллионы,—людей, лишенных всякой возможности существования, пополняют ряды бандитов, нищих и солдат или ищут себе возможности нового существования в Манчжурии и Монголии. Происходящее теперь переселение народов из северного Китая в Манчжурию и Монголию намного превосходит по своим размерам классическое переселение народов и является одним из крупнейших переселений народов, которое вообще знает история человечества.

Крушение ремесла связано с частичным переходом от ремесленного производства к мануфактуре и к капиталистической системе хозяйчиков-

раздатчиков с ее совершенно неслыханной эксплоатацией ремесленников. Приведем лишь один конкретный пример.

Д. К. Лье дает следующее описание трикотажной промышленности в Тшекианге («The China Press» от 27/VII 1927):

> «В начале 1926 г. здесь работали десятки тысяч вязальных машин. Первоначально промышленность была сконцентрирована в больших мануфактурах. Но когда спрос очень увеличился и на фабриках не было более места для новых рабочих, машины стали раздавать рабочим на дом.
>
> Фабрики доставляют рабочему на дом также сырой материал: пряжу. Одна машина стоит 20 долларов. Рабочий должен платить ежемесячно 2 доллара за прокат машины, для фабрики это весьма выгодная сделка, и владелец 1.000 машин может иметь доход в 2.000 долларов в месяц только от сдачи их на прокат. Что касается рабочих, то им тоже приятно такое положение. Они могут, зарабатывая себе на хлеб, в то же время следить за своим домашним хозяйством, их ежемесячный заработок, за вычетом платы за машины, вероятно, составляет около 5 долларов—это приличная (соответственная) плата для женщины, работающей на дому, в особенности если принять во внимание, что изучение этой работы не требует никакого времени».

Как мы видим, капиталист, ссужающий машины, берет в свою пользу 2 доллара из ежемесячного заработка рабочего в 7 долларов, так что в десять месяцев машина его вполне окупается. Такой эксплоатации не было даже в самые мрачные первоначальные времена европейского капитализма. Подобное же положение мы находим в других отраслях промышленности, в которых воцарились капиталистические раздатчики.

Положение рабочего класса.

К положению рабочего класса и вообще к положению всех трудящихся в Китае подходит та характеристика, которую Маркс дает Германии шестидесятых годов:

> «... Мы, как и другие страны западно-европейского континента, страдаем не только от развития капиталистического производства, но также и от недостатка его развития. На ряду с бедствиями современной эпохи нас гнетет целый ряд унаследованных бедствий, возникающих вследствие того, что продолжают прозябать стародавние, изжившие себя способы производства и соответствующие им устарелые общественные и политические отношения. Мы страдаем не только от живых, но и от мертвых». (Предисловие к первому изданию «Капитала». Стр. XXXII русск. изд.).

В Китае самые тяжелые отрицательные стороны докапиталистического режима фактически совпадают с страданиями, причиняемыми капитализмом. Ужасные условия труда китайского пролетариата: рабочий день, продолжающийся до 14 часов, отсутствие дня отдыха за неделю, низкая заработная плата, при которой нет возможности возмещать израсходованную рабочую силу,—все это общеизвестно. Нет надобности приводить новые данные. В период под'ема национальной революции наступило некоторое незначительное улучшение [1]) положения вследствие боевых выступлений рабочих на экономической почве, но в результате консолидирования контрреволюционных сил это улучшение, по всей видимости, сошло с тех пор снова на-нет. Благодаря освобождению в сельском хозяйстве и ремесле миллионов рабочих рук, предложение труда в фабричной промышленности столь интенсивно, что капиталисты имеют возможность, как в свое время хлопчатобумажные фабриканты в Англии, эксплоатировать каждый год новое поколение женщин-работниц и детей, при чем так интенсивно эксплоатировать их рабочую силу, что они на ряд лет и даже на всю жизнь утрачивают свою трудоспособность. Но на смену этих использованных до конца рабочих сил всегда имеются в изобилии новые, и борьба за существование, борьба с голодом заставляет несчастного рабочего выжимать из себя последний остаток своей рабочей силы.

[1]) Очевидно, к этому периоду относятся жалобы японского империалиста профессора Нишиама, цитируемые в «Bulletin Quotidien» от 22 ноября 1927 г.: «Мы все знали Китай, знаменитый своими низкими ценами, своей умеренной заработной платой, своими сносными налогами и неисчерпаемыми ресурсами. И что ж, все это теперь не существует более или недействительно—и исключительно вследствие плохого правительства националистов».

Отсюда суждение американского торгового атташе И. Арнольда в «China Handbook», стр. 269:

> «Китайские рабочие, если принять во внимание стоимость их, работают производительно (efficient)... Несмотря на низкую цену труда, иностранцы, имеющие в этом значительный опыт, в восторге относительно способностей китайского рабочего, если он поставлен под надлежащее руководство».

Ясно, что, пока продолжается разложение китайского крестьянства и китайского ремесла, пока ежегодно из производственного процесса выбрасываются сотни тысяч и миллионы рабочих рук, нет никаких видов улучшить сколько-нибудь положение китайского пролетариата реформистским путем.

Для взглядов империалистов характерны следующие слова вышецитированного американца, представителя империалистической державы, которая всегда выдает себя за друга китайского народа:

> «В Китае не существует еще никакого трудового законодательства. Еще слишком рано принимать в Китае действительные меры в защиту детского труда. Во многих отношениях дети, повидимому, устроены на фабриках лучше, чем у себя дома».

Ясно, что улучшение положения китайского пролетариата возможно только революционным путем.

Валютный хаос в Китае.

Одним из важнейших средств ограбления трудящихся Китая является обесценение всех китайских валют. Своеобразие положения заключается в том, что каждый класс имеет, так сказать, свою валюту.

Валютой пролетариата являются медные деньги. Примерно 20 лет частные и провинциальные монетные дворы пускают в обращение большие массы медных денег с небольшим содержанием меди; благодаря этому, покупательная способность медных денег все время падает, что при переполнении рабочего рынка избыточными рабочими силами означает постоянное уменьшение заработной платы.

Валютой городской и сельской мелкой буржуазии являются серебряные деньги. Но цена серебра на мировом рынке постоянно падает, и чем сильнее Китай втягивается в мировое хозяйство, тем сильнее это падение цены серебра влияет на оценку серебряных денег в самом Китае. (Кроме того, происходит также в большом размере подделка серебряных монет). На этой почве происходит эксплоатация мелкобуржуазных слоев капиталистическими, ведущими свои дела в иностранной валюте и устанавливающими цены в этой валюте. Вес серебряной монеты и содержание благородного металла в монете различны в каждой провинции, это дает банкирам-ростовщикам возможность больших барышей и обманывания публики.

Капиталисты, китайские и иностранные, ведут свои дела на основе цены серебра на мировом рынке, т.-е. они калькулируют фактически в золоте, продают за границу за твердую валюту и обогащаются таким образом— по известному образцу инфляционного хозяйства—за счет тех народных слоев, которые продолжают считать в обесценивающейся валюте.

Наконец, милитаристы грабят народ, выпуская ничего не стоящие бумажные деньги с принудительным курсом. При каждой перемене властителя обращавшиеся прежде бумажные деньги об'являются недействительными, серебряный запас эмиссионного банка—если такой запас еще имеется—похищается, и купцам и ремесленникам навязывают новые бумажные деньги. Солдаты, покупая в лавке какую-нибудь мелочь, пред'являют большую купюру и с оружием в руках заставляют выдавать им сдачу в серебре. Тогда торговец предлагает солдату взять выбранный им товар даром, солдат, конечно, не соглашается на это. Поэтому теперь у купцов и ремесленников вошло в обычай при каждой перемене власти закрывать свои лавки и прятать свои товары.

Впрочем, и в тех областях, где власть того или другого милитариста относительно стабильна, например, владычество Чжан-цзо-лина в Манчжурии и Сев. Китае, продолжается дальнейшее обесценение бумажных денег.

Как мы видим, в Китае господствует полнейший валютный хаос. Он служит средством еще больше сокращать и без того минимальный заработок трудящихся в пользу сильных мира сего.

Об'ективно-революционное положение и перспективы дальнейшего развития.

В результате нашего анализа мы можем установить упадок основ китайского хозяйства, глубочайший кризис китайского общественного строя. Проникновение капитализма разрушило традиционный общественный строй, который—если не считать стихийных катастроф—во всяком случае обеспечивал существование общества на основе простого воспроизводства. Экономическим базисом этого строя служило крестьянское земледелие, тесно связанное с деревенской промышленностью; это земледелие строилось на водном хозяйстве и равновесии питательных веществ в почве. Этот базис в настоящее время разрушается. Водное хозяйство неглижируется, почва не получает уже полностью обратно взятых у нее питательных веществ. Распространение фабричного товара лишает крестьян их побочных кустарных приработков. Арендная плата, ростовщичество, инфляция тяжелым бременем ложатся на крестьянина, не знающие никакой узды налоги окончательно разоряют его, и в результате происходит массовое превращение крестьянства в безземельных и бездомных пролетариев. Миллионы заполняют рабочий рынок, становятся бродягами, разбойниками, солдатами-наемниками, миллионы погибают голодной смертью, десятки миллионов поднимают восстание. Точно так же восстает широкая масса городских ремесленников, выброшенная из производственного процесса.

Миллионы экспроприированных крестьян и ремесленников ищут работы и пополняют ряды и без того избыточного пролетариата, создают постоянную армию безработных, все время находящуюся на грани голодной смерти; таким образом они толкают весь рабочий класс в страшнейшую нищету.

Каковы возможности разрешения этого глубочайшего кризиса китайского общества? В абстрактно-теоретическом смысле имеются пять возможностей.

1. Реакционное, антиимпериалистическое решение: возврат к докапиталистическому общественному строю. Таков был смысл революции тайпингов. Это решение в действительности невозможно; нам не приходится на нем останавливаться.

2. Национально-буржуазное решение, диктатура национальной буржуазии, побеждающей и укрепляющейся в борьбе с империалистами. Образец: Япония, Турция. Подобное решение было бы возможно только при совместной борьбе крестьян и национальной буржуазии против землевладельцев, милитаристов и империалистов. Но национальная буржуазия Китая бедна и слаба. Она сама поместила часть своего имущества в земле, сплетается с землевладельческим классом, заинтересована в сохранении высокой арендной платы за землю, участвует в ростовщическом обирании крестьянского класса. С другой стороны, она подчинена иностранному капиталу и в то же время расколота сообразно особым интересам отдельных империалистических буржуазий, подчиняющих себе Китай. Наконец, она сама должна искать у милитаристов и империалистов защиты против восстания промышленного пролетариата и против его требований. Поэтому она *должна* была предать дело национальной антимилитаристической революции. Это исключало возможность второго решения.

3. Превращение Китая из полуколонии в колонию; аналогия—Индия. Мы считаем эту возможность не вполне исключенной, хотя и весьма мало вероятной. Не исключено, что китайский народ, устав от бесконечной усобицы милитаристов и от классовой борьбы, если она, что возможно, будет долгое время вестись с переменным успехом и без решающего исхода,—не исключено, что в таком случае китайский народ в конце-концов подчинится иностранному завоевателю, который водворит порядок подобно тому, как это было в Индии. Для империалистических держав импульс к оккупации Китая растет по мере того, как уменьшается емкость китайского рынка для заграничных товаров [1]).

Впрочем, не следует забывать, что на превращение Индии в колонию понадобилось более двух столетий, что оно произошло в период под'ема капитализма и проведено было Англией, которой в то время принадлежала бесспорная мировая гегемония. Напротив, в настоящее время китайский кризис зашел уже слишком далеко, чтобы оставалось время для постепенной оккупации страны; кроме того, за обладание Китаем борются четыре империалистические державы: Англия, Япония, Соед. Штаты и Франция; попытка одной державы полностью или частично оккупировать Китай легко может повести к новой мировой войне, а для соглашения относительно совместной

---

[1]) Приводим цифры внешней торговли Китая (в млн. единиц) по «Chinese Economic Journal» 1928 г., p. 99.

	1918 г.	1920 г.	1922 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Ввоз в таелях	555	762	945	1.018	948	1.124
„ „ амер. долларах .	699	944	784	825	796	854
„ „ то же, но с приравнением покупательной силы долл. 1918 г. к 100	699	868	1.305	1.361	1.345	1.665

В 1927 г. наступило очень сильное уменьшение внешней торговли Китая. Цифры еще не опубликованы, но известно, что таможенные поступления упали с 78 млн таелей (1926 г.) до 69 (1927 г.). Еще больше уменьшение в фунтах (таель обесценивается): с 12,2 до 9,7 млн. ф. ст., т.-е на 20%. При этом надо принять во внимание, что ввоз в собственно Китай сильно понизился, но это уравновешивается повышенной емкостью Манчжурского рынка. Так, например, таможенные поступления в северных портах: Харбине, Дайрене, Тянь-Тзине увеличились на 1,7 млн. таелей, напротив, в Шанхае они понизились на 7 млн., в Ханькоу на 2,3 млн., в Кантоне—на 1,5 млн. таелей.

Последние сведения о сбыте иностранных товаров в Китае в 1928 г. довольно благоприятны. Однако, при этом следует принять во внимание, что вследствие гражданской войны большие территории долгое время были отрезаны от импортных портов, так что накопился единовременный настоятельный спрос, потребность в этих товарах.

оккупации и раздела Китая нет никаких шансов именно вследствие сильных противоречий между империалистическими державами; наконец, линия развития в Азии направлена в сторону освобождения колоний, а не в сторону распространения империалистического господства над колониями.

4. Совместная гибель борющихся классов и уничтожение всей материальной и духовной культуры Китая вследствие разрушения ее материального базиса: водного хозяйства. Аналогию представляет гибель многочисленных великих культур в истории Азии. Этот исход возможен, но невероятен. Против него говорит большое число китайцев, живущих вне пределов собственно Китая (в Манчжурии, Монголии, Южной Азии), а также большая сила революционного движения в самом Китае.

5. Победоносная буржуазно-демократическая революция трудящихся: рабочих, крестьян, ремесленников [1]). Это—единственное действительное разрешение кризиса. В этом направлении идет линия общего развития в Азии. Его поддерживает уже совершившееся свержение капиталистического господства в России, являющееся началом конца капитализма вообще. Китайские коммунисты должны работать в этом направлении; их поддержат в этом пролетарии всех стран. Эта революция уже происходит. Она может временно терпеть поражения. Окончательная победа ее несомненна, если мы не сделаем слишком больших ошибок.

---

[1]) При данном состоянии развития классов в Китае, речь может итти пока только о совместном господстве рабочих и крестьян, а не о диктатуре пролетариата.

Б. Маркус.

Из практики осуществления 7-часового рабочего дня.

(Предварительные итоги).

Своеобразие осуществления на практике 7-часового рабочего дня в нашей промышленности заключается в том, что оно неразрывно связано с введением дополнительной смены рабочих и с необходимостью значительного уплотнения работ. В этих обстоятельствах заключаются некоторые узлы неизбежных трудностей, но одновременно в них заключены и те условия, которые нам необходимы для достижения решающих успехов в области узких мест экономики нашего хозяйства. Плюсы, связанные с этим, общеизвестны: если само по себе сокращение рабочего дня является огромным шагом вперед по пути сохранения здоровья рабочих [1]) и по пути значительного поднятия культурного уровня пролетарских масс, то введение дополнительных смен рабочих связано с численным увеличением промышленного пролетариата, что должно нам дать уменьшение безработицы среди индустриальных рабочих; вместе с тем, увеличение загрузки предприятий и рост числа рабочих даст нам прирост валовой промышленной продукции, иными словами—ослабление товарного дефицита.

Вредно было бы, однако, закрывать глаза на то, что проведение 7-часового дня в наших условиях осложняется одновременно рядом трудностей: прежде всего дает себя знать недостаток квалифицированной рабочей силы среди безработных: плохая подготовка, низкая производительность труда и слабая трудовая дисциплина вновь принимаемых рабочих уже с первых шагов создают определенный разрыв между повышенными требованиями производства и наличными резервами рабочей силы. Вместе с тем заранее ясно, что недостаточная производительность труда, в свою очередь, может задержать и намеченный темп снижения себестоимости и предположения о дальнейшем росте зарплаты.

Сейчас еще рано подводить окончательные хозяйственные итоги нашего кратковременного опыта по переводу первых групп предприятий—24 текстильных фабрик—на 7-часовой рабочий день. Однако, контуры основных вопросов труда, связанных с переводом на 7-часовой день, рисуются уже настолько четко, что мы можем уже сейчас подвести предварительные итоги нашего опыта в этой области; к этому нас побуждает и то соображение, что не за горами перевод более значительного круга предприятий на 7-часовой рабочий день, и в связи с этим партийным, профсоюзным, хозяйственным и

---

[1]) Ряд подсчетов, произведенных в буржуазных странах, говорит о том, что при сокращении рабочего дня не только уменьшилась заболеваемость и несчастные случаи с рабочими, но даже средняя продолжительность жизни и трудоспособности увеличивалась. Последние данные о влиянии сокращенного рабочего дня на здоровье рабочих вкратце даны в статье d-r Lipmann, помещенной в «Archiv f. soziale Hygiene und Demographie», 1927. II Band, 2 Heft.

другим советским организациям вполне целесообразно теперь же учесть как положительные результаты, так и те ошибки, которые имели место при проведении 7-часового рабочего дня.

Самый перевод текстильных предприятий на 7-часовой рабочий день происходил с исключительной быстротой. Необходимость быстрого увеличения нашей текстильной продукции, на которую обозначился повышенный спрос со стороны крестьянского рынка во время хлебозаготовок, заставила правительственную комиссию давать чрезвычайно краткие сроки для перевода предприятий на 7-часовой рабочий день. В связи с требованиями рынка был совершенно обязателен и неизбежен немедленный переход на уплотненные работы и немедленное введение третьей смены; если бы при этих условиях введение сокращенного рабочего дня было отодвинуто во времени, то это конечно, было бы ошибкой, ибо именно осуществление 7-часового рабочего дня должно было облегчить рабочему переход на уплотненные работы и создать необходимые предпосылки для повышения интенсивности и производительности труда.

Краткость срока для перехода на 7-часовой рабочий день, доходившая в отдельных случаях до 4—5 дней, потребовала большой гибкости и четкости в работе всех местных организаций, начиная с администрации предприятий, партийных, комсомольских и профорганизаций и кончая советскими органами, обслуживающими труд и быт рабочего. Эта быстрота явилась экзаменом для состояния работы всех организаций. И если в целом экзамен выдержан, то нельзя того же сказать и про отдельные случаи.

При общем резком изменении всей организации труда в производстве, задача партии и руководимых ею всех местных организаций, профсоюзов, хозорганов, комсомола, делегатских собраний работниц и местной печати заключались в том, чтобы суметь не только раз'яснить значение проводимой реформы, но и активно втянуть самоё массу в обсуждение путей ее осуществления и в преодоление стоящих на пути трудностей. Этого в ряде мест: в Ярославле, в Середе, на отдельных других фабриках—не было сделано, и в этом заключалась основная ошибка. Она сразу дала себя знать в глухом сопротивлении, которое оказывалось уплотнению работ. Ошибку, конечно, стали спешно исправлять, но тут уж поневоле внимание было сосредоточено не на всем вопросе о 7-часовом дне в целом, а лишь на уплотненных работах. К счастью, эта ошибка не была повсеместной. На других фабриках, наоборот, вопрос был проработан по цехам, производственные совещания внесли много дельных практических предложений, большинство из них, по возможности, быстро осуществлялось. На запросы рабочих администрация давала раз'яснения на этих собраниях, и переход к 7-часовому дню происходил здесь не только без сопротивления, но даже с безусловным под'емом.

В связи с допущенной ошибкой, некоторые товарищи стали высказываться за целесообразность того, чтобы введение уплотненных работ и третьей смены предшествовало введению 7-часового дня и было во времени отделено. Мы считаем эту точку зрения неправильной: 1) сокращение рабочего дня является как раз мерой, облегчающей уплотнение работ—незачем ее поэтому откладывать; 2) сокращение рабочего дня на первых порах должно снизить дневную выработку, тем самым могла бы снизиться зарплата, одновременное же уплотнение работ позволяет избегнуть этого.

Допущенная ошибка заставляет на наш взгляд сделать лишь единственный вывод—о необходимости лучше ставить всю массовую работу, ведя раз'яснение так, чтобы не оставлять в тени ни положительных сторон, ни трудностей проведения в наших условиях 7-часового рабочего дня.

Проведение 7-часового рабочего дня, с одновременным введением третьей смены и уплотненных работ, создало полную ломку привычных условий труда и быта во всем предприятии. В организации трудового процесса в самом составе рабочей силы произошли сразу значительные изменения. Под наблюдение одного рабочего было передано большее, чем до того, количество станков, при этом часть работы была переложена с квалифицированных рабочих на подсобных. Это уплотнение работ, введение более эффективного использования рабочего времени, без одновременного введения третьей смены, могло бы привести на текстильных фабриках к сокращению из производства девяти тысяч рабочих. Нам удалось избегнуть этого увольнения. Внутри предприятий произошла передвижка рабочего состава, которая сводится к тому, что часть рабочих была передвинута на более ответственную работу, ученики в школах фабзавуча были досрочно выпущены и направлены на производство. В предприятия влилось большое количество новой рабочей силы (на 86.000 старых рабочих принято дополнительно 13.000 рабочих). Из числа безработных, числящихся на биржах труда в качестве квалифицированных рабочих, многие при проверке их оказались не соответствующими требованиям производства. Так, например, рабочий, числившийся на бирже труда ткачем, в лучшем случае умеет работать на двух ткацких станках, кроме того, за время безработицы он еще деквалифицировался, и в результате работа на трех—четырех станках ему оказывается не под силу.

Среди вновь принятых рабочих большинство является членами семей работающих, их заработок в семье является подсобным, и поэтому их заинтересованность в повышении своего заработка не столь велика, как у тех рабочих, чей заработок является основным в семье. Эти не особенно требовательны к себе. Среди принятых рабочих оказалось немало «проштрафившихся», т.-е. таких, которые раньше были уволены из производства за те или иные проступки. Их дисциплина тоже ниже нормальной. Наконец, часть рабочих, правда, небольшая была взята непосредственно из окружающих фабрику деревень. Эти принесли с собой деревенские потребительские настроения и недостаточную преданность интересам советской фабрики. В целом вновь принятые кадры рабочих принесли с собой в производство пониженную дисциплинированность. Предприятия отмечают в связи с этим некоторое повышение прогулов и опозданий. Кое-кто появлялся на фабриках даже и в нетрезвом виде, чему содействовала обстановка «широкой и веселой масленицы». На ряду с этим старые, опытные рабочие, которые вынуждены были работать вместе с новыми, усиленно жаловались администрации на то, что «новички» сильно повышают брак и понижают валовую выработку, тем самым снижают и заработок (на целом ряде станков выработка учитывается огульно, и нет возможности выделить количество единиц товара, произведенного каждым сменщиком в отдельности). Там, где удавалось проследить отдельно выработку старых и новых рабочих, жалобы эти, как правило, подтверждались.

Были, однако, недоразумения и с выработкой старых рабочих, в ряде случаев часовая производительность труда против всяких ожиданий упала и у них. Отдельные хозяйственники приписывали это «скрытой итальянке». Причину ее мы видим в том, что благодаря исключительной спешности хозорганы своевременно не договорились с профсоюзом относительно установления точных расценок на работу, вследствие чего окончательная норма выработки и зарплаты рабочим была неясна, а неправильное понимание обещания манифеста проводить 7-часовой рабочий день без уменьшения зарплаты, вселило в отдельных рабочих ошибочное убеждение, что зарплата будет выдаваться вне зависимости от выработки. Неудовлетворительность нашей нормировочной работы и плохое раз'яснение манифеста здесь безусловно сказались.

Наконец, падение производительности и увеличение брака об'ясняется еще низким качеством сырья и подсобных материалов. В силу некоторой нераспорядительности в центре, в момент перехода на 7-часовой рабочий день, на фабрики был подвезен хлопок худшего качества. Пришлось увели-

чивать крутку нити, что само по себе создает нормальную причину некоторого понижения производительности труда. Не прекращались также жалобы на скверное качество челноков, которые быстро деформировались и требовали замены. Все эти явления можно было, конечно, заранее предусмотреть и избежать. И мы видим, что в тех случаях, когда администрация была достаточно распорядительна, эти обстоятельства были во-время, заранее учтены, и там легко удавалось устранить ненормальности, вследствие чего и производительность труда и качество работы поднимались [1]).

Безусловно благоприятно сказалось на производительности труда (и, конечно, на настроении рабочих) введение ряда категорий подсобных, обслуживающих рабочих. Так, например, большую пользу принесли организованные за некоторое время до уплотнения работ бригады подсобных рабочих, которые усилили ремонт станков при переходе на третью смену работы; оправдывает себя введение бригад чистильщиков станков, особых рабочих, осуществляющих подноску утка, относку товара; кое-где для помощи ткачам при массовых отрывах нити введен специальный штат работниц-краевщиц. Все они значительно помогают основным кадрам квалифицированных рабочих, и тем самым создаются условия для безболезненного осуществления уплотненных работ.

Трудно сейчас говорить о степени интенсивности труда рабочих при уплотненных работах на четырех станках. Так или иначе, можно отметить, что рабочий и сейчас за станком успевает пить чай и завтракать; с течением же времени, когда он приспособится к работе, надо думать, что работа на четырех станках будет проходить без особого чрезмерного напряжения. В этом убеждении нас укрепляет наблюдение государственного научного Института Охраны Труда, которое было проведено на одной из текстильных фабрик при переходе с двух станков на три. В первую неделю после перехода время чистой работы (смена челнока и початка, заводка и осмотр нити основы, мелкий ремонт, уборка и смазка станка, смотка остатков початка и уход от станка, связанный с работой) составляло 76,3% рабочего дня; время наблюдения за станком стоя составляло 21,8%, спустя 5 недель после перехода на 3 станка, время активной работы благодаря приспособлению работницы сократилось до 58,6%, а время наблюдения над станками увеличилось до 39,8% [2]). Можно предполагать, что аналогичные сдвиги произойдут и теперь.

Что касается изменений, происшедших в области зарплаты, то они стоят в тесной связи с изменением производительности труда. По соглашению ЦК текстильщиков и Текстильного синдиката при переходе с двух станков на три рабочие должны были получить 30% прибавки, а при переходе с двух станков на четыре—50%. Однако, так как дневная выработка на одном и том же количестве станков при 7-часовом рабочем дне должна была на первое время понизиться против 8-часовой, то были на 9—10% увеличены расценки. Сейчас мы не располагаем еще сводными данными об установившемся уровне зарплаты. Общую картину затемняет, с одной стороны, изменение ассортимента, с другой стороны, заработок новых рабочих. При личном посещении мною 5 фабрик я получал справки заводоуправлений, что для отдельных характерных профессий у старых рабочих, для которых проведено уплотнение работ, средний уровень заработной платы увеличился в первый месяц, примерно, на 20%.

[1]) В общем в первое время часовая производительность труда упала от 5 до 15%. Она стала улучшаться уже в первые недели после перехода и сейчас приближается к нормальной. Так как ВТС еще не располагает сводными цифрами, то можно привести лишь данные по отдельным предприятиям. Эти данные собраны в статье т. К. Мальцева «Семичасовой рабочий день», «Спутник Агитатора» (для города), № 6 за 1928 г.

[2]) Данные заимствованы из диаграмм, выставленных ИОТ во время всесоюзного совещания по охране труда, созванного ЦК БПСТ.

При переводе предприятий на 3 смены сразу был поставлен ребром вопрос о состоянии охраны труда на фабриках. При непрерывной работе станков в течение 21 часа под ряд температура в помещении значительно повышается: по наблюдениям санитарных инспекторов труда в некоторых ватерных цехах при отсутствии вентиляции температура к вечеру доходит до 35—40° С. С приближением летнего времени можно ожидать, что температура еще больше повысится. Характерно, что на других фабриках при прочих равных условиях, но при наличии вентиляции температура не превышает 22—24° С. Мы считаем поэтому, что острая необходимость в немедленном осуществлении вентиляции ставится в порядок дня.

Состояние искусственного освещения также оставляет желать многого. Давно известно, что это мероприятие резко сказывается на производительности труда, так, например, по исследованиям инженера Кутейщикова (из ЦК текстильщиков), с улучшением освещения выработка в отдельных случаях увеличилась на 19,2%. Однако, несмотря на столь большое значение этого мероприятия, до сих пор на него не обращалось достаточного внимания. На некоторых фабриках самая система освещения совершенно неудовлетворительна, на других приходится наблюдать неполное накаливание лампочек в связи с недостатком энергии. И то и другое устранимо и требует к себе внимания.

Из других санитарных условий труда следует отметить, что все еще широко применяется способ вдувания нити в челнок через рот. К сожалению, устаревшие системы челноков все еще выпускаются катушечно-челночным трестом, хотя давно уже имеются более усовершенствованные системы. Молодые рабочие совершенно правильно указывают на необходимость изживания этого недочета.

Острее ставятся и все вопросы техники безопасности. Котлы работают форсированно, под'емники и станки изнашиваются более интенсивно—уже это одно требует усиления технического надзора за ними. На ряду с этим рабочий, имея под своим наблюдением большее число станков, должен быть избавлен от необходимости уделять еще особое внимание опасностям труда—он законно требует, чтобы опасности труда были устранены там, где это технически достижимо.

Улучшение санитарных условий труда и техники безопасности требует дополнительных ассигнований на охрану труда. Правительственная комиссия установила необходимость отпуска на эту цель 2 миллионов рублей. Эти средства уже отпущены. Из них предполагается около миллиона израсходовать в вентиляцию и по полмиллиона—на освещение и технику безопасности. Но необходимо еще принятие определенных мер, которые обеспечат их целесообразное использование, ибо в настоящее время хозорганы, изготовляющие вентиляционные оборудования и осветительную арматуру, работают с большой «прохладцей», и предприятия—потребители их продукции, высказывают большое опасение за своевременное осуществление этих мер.

Сейчас еще невозможно сказать, как отразилось проведение 7-часового рабочего дня на заболеваемости рабочих и уровне несчастных случаев. Отдельные наблюдения хозорганов говорят о значительном снижении процента рабочих, отсутствующих по болезни. Мы считаем, однако, это обстоятельство недостаточно показательным, ибо, во-первых, мал срок наблюдения, а, во-вторых, исчисление процента отсутствующих по болезни к общему числу рабочих, среди которых много новой рабочей силы, является еще недостаточно убедительным. Чтобы делать выводы на основе непродолжительных наблюдений, надо было бы рассматривать заболеваемость и несчастные случаи тех рабочих, которые работают в производстве более длительный период, исключая из общих показателей те группы, которые недавно приняты.

Из области организации трудового процесса не вполне удовлетворительно решены вопросы об установлении перерывов, о ломке смен, об орга-

низации труда женщин и подростков. На ряде предприятий практикуется непрерывный 7-часовой рабочий день. На других фабриках работают по 3½ часа, после чего отдыхают 7 часов и продолжают работать 3½ часа. И тот и другой распорядок времени имеет свои минусы. Давно установлено, что предоставление обеденных перерывов уменьшает утомление рабочих и повышает производительность труда. Отсутствие этого перерыва, таким образом, нецелесообразно ни с точки зрения производственной, ни с точки зрения интересов здоровья работающих.

Нецелесообразна также работа по 3½ часа с перерывом в 7 часов: опыт показывает, что 7 часов перерыва рабочие и работницы используют обычно не для отдыха, а для работы в домашнем или сельском хозяйстве, в связи с этим возвращаются на фабрику еще более утомленными. Необходимо еще принять во внимание, что против установления такого распорядка говорит то обстоятельство, что часть рабочих живет далеко от фабрики, и даже тогда, когда жилища находятся на расстоянии не далее 3—4 верст, рабочим приходится проходить ежедневно на работу и обратно 12—16 верст, что значительно увеличивает утомление.

Правильно было бы рекомендовать установление хотя бы для первых двух смен получасовых перерывов после 3½ часов работы. Против этого выставляется, однако, то соображение, что при таком распорядке дня пришлось бы сдвинуть работу на лишний час—полтора в ночное время. Таким образом, сократилось бы время, которое остается для ремонта и чистки станков, вместе с тем удлинилась бы и ночная работа. Для текстильных фабрик прибавляется еще особое условие, с которым приходится считаться—отсутствие специальных помещений для принятия пищи. В силу этих причин приходится согласиться с тем, что сейчас преждевременно принимать окончательное единое решение по этому вопросу, но во всяком случае целесообразно, чтобы были установлены наблюдения над производительностью труда и утомляемостью рабочих как при непрерывном рабочем дне, так и при рабочем дне, разделенном на 2 половины. Эти наблюдения, опирающиеся на опыт, могли бы позволить окончательно высказаться за установление того или другого распорядка рабочего дня.

На практике пришлось столкнуться с трудностями в осуществлении запрета ночной работы беременных и кормящих грудью. Привычка работниц к определенному станку и нежелание переходить на другие станки, нарекания других работниц, не желавших заменять беременных и кормящих грудью в ночную смену, создали некоторые затруднения со сторны самих работниц при желании администрации и профессиональных организаций проводить запрещение ночного труда этих категорий женщин. Приходится в этом направлении провести определенную раз'яснительную работу с тем, чтобы указанные выше препятствия, которые мы в праве отнести к обстоятельствам «психологического ряда», можно было устранить.

Переходя к вопросам труда подростков, мы должны прежде всего отметить, что переход предприятий на работу в три смены и связанное с этим вовлечение новых кадров рабочей силы дало толчок приему большого количества рабочей молодежи в производство: в предприятия были посланы через биржи труда тысячи подростков и переростков, на ряду с этим началось пополнение школ фабзавуча, досрочный выпуск которых составил основные кадры (примерно на половину общего числа принятых в третью смену). На всех предприятиях, перешедших на работу в три смены, все переростки были выведены из сверхброни и введены в штат предприятий. Кое-где из брони выведены подростки, не достигшие трех—четырех месяцев до 18 лет, но которые умеют исполнять самостоятельную квалифицированную работу. Вместо переростков и переведенных в производство подростков в броню включены новые кадры рабочей молодежи. Все это вместе взятое создало благоприятные условия для коренного разрешения вопроса о втягивании переростков в про-

изводство. «Пробка», которая до сих пор образовывалась, теперь извлечена.

Нужно сказать, что молодежь проявила себя, как сознательный авангард в отношении перехода на уплотнение работы. При записи добровольно желающих перейти на 4 станка молодежь шла впереди, показывая личным примером полную осуществимость перехода на уплотненный рабочий день. В целом, таким образом, молодежь вышла с честью и с выигрышем из экзамена на зрелость.

На ряду с этим обнаружились и теневые стороны: при переходе на уплотненные работы вскрылось не мало недостатков в организации труда подростков и в постановке ученичества. Хозорганы приводят многочисленные примеры того, как выпущенные из фабзауча подростки оказывались совершенно растерявшимися, когда им приходилось самостоятельно работать в производстве, у них получался и повышенный брак и пониженная производительность труда. На некоторых фабриках чуть ли не приходилось ставить вопрос об увольнении, как совершенно непригодных к работе, целых групп учеников, окончивших фабзавуч. Это дает нам основание со всей серьезностью снова поставить вопрос о необходимости приближения преподавания в школах фабзавуча к потребностям и запросам производства. Обучение каждого подростка в школах фабзавуча обходится государству от 500 до 800 рублей,—промышленность в праве требовать, чтобы за эти деньги она получала не только идеологически развитого и классово воспитанного пролетария, но и человека, умеющего работать за станком не хуже, а лучше других.

В связи с новой организацией труда на фабриках получилось кое-где, что подростки были допущены к работе в первую смену с 4 часов утра. Таким образом, их труд захватывает два часа ночного времени. При ближайшем анализе этого явления удалось убедиться, что такой распорядок работ совершенно не вытекает из организации производства и может быть устранен. Местные хозяйственные, профсоюзные и комсомольские организации должны на это обратить необходимое внимание. Как известно, правительственная комиссия решила, что впредь до перехода основных отраслей промышленности на 7-часовой рабочий день рабочее время подростков должно быть установлено в пределах 6 часов. На практике это постановление проводится в жизнь. Однако, в связи с тем, что теоретические занятия в старших группах школ фабзавуча составляют 2 часа в день, получилось, что подростки работают больше, чем взрослые. Необходимо поэтому вопрос о программах теоретических занятий фабзавуча и их распределении по годам обучения вновь пересмотреть.

В связи с переходом на 7-часовой рабочий день и на трехсменную работу, острее, чем раньше, встал вопрос об улучшении обслуживания целого ряда бытовых нужд рабочих. При необходимости для матери итти работать в ночную смену ей должна быть обеспечена возможность оставлять детей в яслях, очагах и детских садах на ночевку в течение всей ночи. Нельзя, конечно, допускать такого порядка, когда матери должны уносить детей из детских учреждений в час ночи. Для этого пришлось бы будить ребенка, что побуждало бы работницу отказаться от пользования детскими учреждениями. Органы здравоохранения должны поэтому продумать вопрос об изменении распорядка работ в детских учреждениях, обслуживающих фабрики, перешедшие на трехсменную систему работ. Нужно отметить, что органы здравоохранения проявили недостаточную гибкость в отношении обеспечения медицинской помощью третьей смены рабочих. Медицинские пункты не всюду вовремя перешли на трехсменное дежурство, в отдельных случаях это привело к нареканиям со стороны рабочих. Наркомздраву необходимо это учесть в дальнейшем. Кооперативная и государственная торговля тоже должна оказаться более гибкой в смысле приспособления своей работы к обслуживанию всех трех смен.

Значительно обострился также жилищный вопрос. Для вновь приглашаемых дополнительных рабочих, набираемых не только из рабочих казарм, но и привозимых извне, необходимо готовить новый жилищный фонд, а для этого требуются специальные дополнительные ассигнования на жилищное строительство. На ряду с этим крупным вопросом, нам следует продумать по деловому и малый вопрос о более целесообразном размещении рабочих в казармах. Работающие в ночную смену часто не имеют возможности днем спать из-за шума и движения, которые происходят в казармах: в связи с тем, что в одном и том же помещении сплошь и рядом живут работающие в разных сменах, в казарме получается сутолока в течение круглых суток. Несомненно, что кое-какие меры для смягчения этой бытовой неурядицы могут быть приняты на местах, если фабзавкомы и администрация обратят на это явление должное внимание.

К слову сказать, в связи с жилищным вопросом нам следует призадуматься над очередностью дальнейшего введения 7-часового дня в промышленности. Как известно, первая группа предприятий, перешедших на 7-часовой день, расположена вне больших городов. На мой взгляд в этом есть кое-какие минусы. И из жилищных соображений и с точки зрения существенного влияния набора новых смен на рассасывание безработицы было бы безусловно более желательным, чтобы в первую очередь переход на 7-часовой день и трехсменную работу производился в более крупных промышленных центрах, где на местном рынке труда имеется больше свободных квалифицированных и полуквалифицированных рабочих. Этим путем можно было бы избежать больших экстренных расходов на постройку новых жилищ для приезжих рабочих.

Из других бытовых вопросов надо отметить, что переход на трехсменную систему заставляет перестроить практику массовой работы партии и профсоюзов. Необходимо достаточно гибкое изменение методов работы в предприятиях, перешедших на 3 смены с таким расчетом, чтобы каждая из смен была полностью обслужена и притом не в ущерб основной работе на производстве.

Резюмируя те предварительные итоги в области вопросов труда, которые рисуются сейчас на основе опыта текстильных фабрик, перешедших на 7-часовой рабочий день, мы можем сказать, что уже сейчас, несмотря на крайне незначительный срок работы по-новому, выявился с совершенной очевидностью ряд положительных результатов: увеличение выпуска продукции при наличном оборудовании предприятий, вовлечение в производство новых 13 тысяч рабочих при одновременном значительном уплотнении работ (которое при иных условиях вытеснило бы 9 тысяч рабочих).

На ряду с этими явлениями мы можем отметить ряд недочетов: крайне слабо, неумело и недостаточно была развернута массовая раз'яснительная работа о значении перевода на 7-часовой рабочий день. Уплотнение работ было недостаточно об'яснено, поэтому сплошь и рядом огромное положительное значение сокращения рабочего времени оставалось неосвещенным. С технической стороны предприятия были недостаточно подготовлены к переходу на 7-часовой рабочий день: вспомогательные материалы и сырье не были приспособлены к условиям уплотненной работы, произошла затяжка с об'явлением расценок, неподготовлены были нормальные условия охраны труда особенно в отношении освещения, вентиляции и техники безопасности. Вовлеченная в производство рабочая сила оказалась недостаточно квалифицированной и неприспособленной к повышенным требованиям предприятий. При этом обнаружилась неудовлетворительная постановка обучения в школах фабзавуча. Обострился жилищный вопрос. Работа органов, обслуживающих быт рабочих, нуждается в перестройке и улучшении.

Все эти выводы позволяют нам наметить основные вехи дальнейшей работы по подготовке перевода на 7-часовой рабочий день других предприятий. Основное требование должно заключаться в том, чтобы хозяйственные органы заблаговременно подготовились к переходу на 7-часовой рабочий день. Подготовительная работа должна быть децентрализована, чтобы обеспечить максимальное втягивание в эту работу рабочих масс и чтобы установить твердую ответственность самой администрации за удовлетворительные условия перевода предприятий на 7-часовой рабочий день. Вместе с тем самый перевод предприятий на 7-часовой рабочий день должен быть достаточно централизован: правительственная комиссия должна иметь возможность проверить, все ли сделано местными органами для безболезненного осуществления перевода предприятий на 7-часовой рабочий день.

Самый перевод предприятий на 7-часовой рабочий день должен быть об'явлен за несколько месяцев до его осуществления. Это даст возможность хозорганам своевременно озаботиться своевременной подготовкой подсобного материала, запасных частей, сырья лучшего качества, подготовкой рабочей силы, улучшением условий труда и обеспечением необходимых жилищных условий. Это даст возможность партии и профсоюзам, комсомолу и др. организациям заранее провести необходимую воспитательную работу среди рабочих, обеспечив необходимое поднятие трудовой дисциплины и производительности труда.

В связи с переводом на уплотненную работу необходимо улучшение в первую очередь нормировочной работы на предприятиях, должна быть улучшена работа технико-нормировочных бюро, и расценочно-конфликтных комиссий. Необходимо усвоить, что только достаточно обоснованным и серьезным нормированием труда можно добиться того, чтобы массы активно поддерживали проводимые мероприятия по повышению производительности труда.

Проблема подготовки квалифицированной рабочей силы должна быть поставлена во весь рост как перед хозяйственниками, так и перед органами Наркомтруда и Главпрофобра. Обеспечение предприятий дополнительным персоналом, особенно подмастерьями, усиление переобучения безработных, изменение постановки обучения в школах фабзавуча и в других формах ученичества, обеспечение лучшего отбора рабочей силы на биржах труда и постановка профессиональной экспертизы,—таковы те основные меры, которые должны быть направлены к лучшей подготовке и подбору рабочей силы.

Некоторая специальная работа должна быть проведена профессиональными союзами среди инженерно-технического персонала, учитывая ту огромную работу, которая ложится на специалистов в деле подготовки и осуществления проведения 7-часового рабочего дня и уплотненных работ. Необходимо обеспечить максимальную поддержку мероприятий со стороны самого инженерства. В данной области больше, чем где бы то ни было, инженер должен быть не простым исполнителем навязанной ему воли, а должен чувствовать себя под контролем пролетарского государства самостоятельным и ответственным работником на этом участке социалистического строительства.

Профессиональным союзам, кооперации, органам государственной торговли, здравоохранения и народного образования необходимо проработать вопрос о лучшем обслуживании бытовых нужд рабочих, перешедших на трехсменную работу.

Необходимо, наконец, сказать несколько слов по поводу массовой работы в отношении раз'яснения проводимой реформы. Можно считать установленным, что печать в этом вопросе оказалась не на должной высоте: слишком мало критики, слишком много победных реляций. Улучшение местной информации, выпуск популярной литературы, раз'ясняющей значение 7-часового рабочего дня,—таковы наши очередные задачи в этой области.

Н. Р.

Германский неоимпериализм и колониальная проблема.

«Немцы, не забывайте наших колоний»
(надпись на пивных подставках
в немецких ресторанах и пивных).

Германия была до мировой войны 1914—1918 гг. одной из крупнейших колониальных империй. Сегодня Германия лишена по Версальскому миру всех своих колоний и не имеет даже права пред'являть какие-либо претензии на них. Однако, бурное развитие германского капитализма после революционного кризиса 1918—21 гг. и инфляционного кризиса 1923 г. привело к возрождению и укреплению империалистических тенденций в Германии и снова поставило в порядок дня колониальную проблему. Это находит выражение в чрезвычайном усилении в Германии колониальной пропаганды, в активизации недавно еще совсем замершего «Германского колониального общества», в ряде весьма симптоматических выступлений на эту тему выдающихся германских политиков, в том числе президента Рейхсбанка Шахта, наконец, в факте включения по требованию германского правительства представителя Германии (видного промышленного деятеля Кастля) в мандатную комиссию Лиги Наций. Само собою разумеется, что в настоящий момент, когда германский капитализм еще не освободился от пут Версальского мира, когда Германия все еще лишена вооруженных сил, соответствующих потребностям крепнущего германского неоимпериализма, когда Германия не имеет даже права вести на равных условиях со странами Антанты простую торговлю в колониальных и полуколониальных владениях последней, вопрос о германской колониальной политике остается в значительной мере еще вопросом теоретическим. Только вполне ставший на ноги и разорвавший политические и экономические путы Версальского мира германский капитализм сможет поставить колониальную проблему практически, и тогда уже международный империализм не сможет помешать участию Германии в новом переделе колониальных стран и в ее «законной» доле из колониальной добычи империализма.

Однако, международный рабочий класс не может уже теперь оставить без внимания эти новые тенденции германского капитализма, которые обостряют международные капиталистические противоречия, воспроизводят новые и угрожают новыми опасностями для угнетенных народов колониальных стран. Поэтому мы должны со всей внимательностью изучить ту чрезвычайно интересную анкету по колониальному вопросу, которую недавно произвела редакция журнала «Europäische Gespräche», являющегося одним из наиболее авторитетных и серьезных органов немецкой печати по вопросам международной политики. Отвечая потребностям вре-

мени, редакция указанного журнала разослала ряду видных политических и общественных деятелей Германии анкету со следующими тремя вопросами:

1. Должно ли германское государство стремиться к приобретению колоний? По каким причинам—да, по каким—нет?
2. Должно ли германское государство стремиться к колониальной деятельности в форме колониальных мандатов? По каким причинам—да, по каким—нет?
3. Должно ли германское государство ограничиться требованиями полного равноправия для своих граждан и для своих сырьевых заготовок в чужих колониях и мандатных областях?

В декабрьской (№ 12) книжке журнала помещены пятьдесят ответов на эту анкету, дающих полную возможность проанализировать уже отмеченные нами неоимпериалистические тенденции в Германии. Но, прежде чем приступить к рассмотрению этих ответов, мы считаем целесообразным напомнить читателям некоторые важнейшие факты из колониальной политики довоенной Германии для того, чтобы облегчить понимание современной постановки немецкой колониальной проблемы.

Германский капитализм сравнительно поздно приступил к активной борьбе за колонии. Если не считать случайных и робких попыток немецких курфюрстов к захвату колониальных земель в конце 17-го века, очень скоро ликвидированных, то эпоха германской колониальной политики начинается только в восьмидесятых годах прошлого столетия. Только к этому времени совершенно закончился период борьбы германской буржуазии за об'единение Германии в единое целое, и только к этому времени рамки внутреннего рынка становятся тесными для быстро выросшего и окрепшего немецкого промышленного и финансового капитала. Бурное развитие германского капитализма ставит перед ним в указанный выше период остро вопрос о рынках сбыта его промышленной продукции, об обеспечении беспрепятственного снабжения промышленности дешевым сырьем и главное об обеспеченных районах для сверхприбыльного вывоза капиталов. Однако, к тому времени, когда германский империализм начал выходить на большие пути мировой политики и международного грабежа колоний, самые богатые земли оказались уже захваченными и разделенными между более старыми странами европейского капитализма—Англией, Францией, Португалией, Голландией и Испанией. Поэтому Германия должна была на первых порах ограничиться захватом сравнительно более бедных и малонаселенных земель в Африке и Океании. Лишь укрепившись в этих колониях в 1884—85 гг., германский империализм начал протягивать свои щупальцы в более богатые колонии других стран (Марокко и др.) и во владения более слабых азиатских государств — в Месопотамию и турецкую Малую Азию (Багдадская ж. д.) и в Китай (Цзя-Чжоу). Эти попытки германского империализма встретили большое сопротивление со стороны французского и английского империализма, цепко державшегося за свои «исконные права» в колониях; они часто приводили к острым международным конфликтам и, наконец, сыграли немаловажную роль в возникновении мировой войны 1914—1918 гг.

К началу мировой войны Германия обладала колониальной территорией в 2.952.900 кв. км с 12.950.000 чел. населения (в том числе 24.000 немцев). Главные ее колонии находились в Африке (Восточная Африка—995.000 кв. км с 7.660.000 населения, Камерун—790.000 кв. км и 2.653.000 населения, Юго-Зап. Африка 835.100 кв. км и 105.000 населения и Того—87.200 кв. км и 1.033.000 населения) и Океании (Новая Гвинея, Каролинские и Маршальские острова и острова Самоа). Эти колонии были крайне незначительными по сравнению с колониальными владениями Англии

(33,5 млн. кв. км с почти 400 млн. населения), России (17,4 млн. кв. км с 33,2 млн. населения) и Франции (10,6 млн. кв. км с 55,5 млн. населения). Однако они имели для германского империализма огромное значение в качестве опорных пунктов, откуда он мог развивать свою колониальную экспансию в более богатые и населенные земли. Размеры этой экспансии, которую германский империализм развивал с бешеной энергией, лучше всего характеризуются огромным вывозом капиталов. Так, по данным проф. Бернгарда Гармса. (B. Harms «Volkswirtschaft und Weltwirtschaft») уже к 1905 г. Германия экспортировала до 35 миллиардов марок, при чем на долю вложенных в колонии и полуколонии капиталов приходилось около 10 миллиардов марок, из коих почти 1½ миллиарда на африканские колонии. Эти капиталы еще больше возросли к началу мировой войны.

Экономическое значение немецких колоний было, однако, сравнительно небольшим, больше того, на первых порах эти колонии приносили даже убыток Германии (который покрывался за счет налогов с трудящихся масс метрополии). Следующие цифры характеризуют роль этих колоний. Общий торговый оборот Германии с ее колониями равнялся в 1912 г. примерно 170 млн. марок, т.-е. менее 1% всего внешнеторгового оборота Германии. Весь ввоз Германии в колонии оценивался в 1912 г. в 49 млн. марок, а вывоз из колоний—в 121 млн. марок. Таким образом, несмотря на сравнительно быстрый рост вывоза из колоний — в 1908 г.—46,5 млн. мар., а в 1912 г.—120,9 млн. мар. [1]), роль колоний в снабжении Германии сырьем и пищевыми продуктами была очень незначительна. Так, из немецких колоний было ввезено всего 11—12% каучука, ввезенного в Германию, 12% фосфатов, 0,5% хлопка и 0,7% кож и шкур [2]). В сравнении с этим экономическая роль английских колоний до войны измеряется цифрою в 35% общего экспорта Англии. С другой стороны, как уже отмечено выше, германские колонии приносили германскому государству убытки, достигшие в 1913 г. до 57 млн. марок за год [3]).

Таково было положение германской колониальной политики до мировой войны. В свете этих фактов мы перейдем теперь к рассмотрению итогов колониальной анкеты «Europäische Gespräche».

Прежде всего необходимо отметить, что из всех 50 ответов самых разнообразных участников анкеты только один Артур Голичер (известный левый писатель) высказался принципиально против колониальной политики, считая, что всякая колониальная политика противоречит принципу права самоопределения народов. Все же остальные, начиная от крайних националистов и кончая социал-демократами и виднейшими деятелями пацифистских организаций, высказались принципиально за допустимость для Германии и за ее право при известных условиях вести колониальную политику и приобретать колонии. Становясь на эту принципиальную точку зрения, все отвечающие на анкету подходили в дальнейшем к этому вопросу с точки зрения целесообразности, выгодности и возможности для Германии колониальной политики. Здесь мнения, конечно, разошлись. Одна часть открыто высказалась за необходимость для Германии приобретать колонии, другая (большинство) из практических соображений ответила отрицательно на первый и второй вопросы анкеты (о собственных колониях и мандатах).

Несмотря на то, что только небольшая часть запрошенных ответила на анкету, отпечатанные ответы дают возможность установить отношение к колониальной проблеме основных групп немецкой общественности. За безусловное право и необходимость для Германии приобрести собственные колонии высказываются представители прежней колониальной бюрократии (бывш. министр колоний, депутат-центровик Белл, бывш. губернаторы отдельных колоний и т. д.), представители тяжелой индустрии (проф. Каро, Аденауер и Гугенберг) и торговой буржуазии главных экспортных портов Германии—Гамбурга и Бремена, деятели националистических организаций (Банг и др.), некоторые представители демократической интеллигенции (д-р А. Грабовский), социал-демократ Макс Коген-Ройс и, наконец, руководитель и генеральный секретарь христианских профсоюзов Ф. Балтруш. Таким образом, все те слои довоенной Германии, которые были носителями идеи германского империализма, вновь выступают провозвестниками неоимпериализма и подготовляют идеологически возможность для последнего в свое время поставить колониальную проблему практически.

[1]) «Politisches Handwörterbuch», Leipzig, 1923, стр. 1000.
[2]) Лукин-Антонов. «Очерки по новейшей истории Германии». ГИЗ. 1925, стр. 159.
[3]) Там же, стр. 162.

Как обосновывают германские неоимпериалисты необходимость захвата колоний для Германии?

Один из наиболее активных руководителей колониальной пропаганды, депутат рейхстага и бывш. губернатор африканских колоний д-р Шнее, выдвигает следующие доводы в пользу колоний: 1) перенаселение Германии и недостаточность немецкого сельского хозяйства для снабжения всего населения страны продуктами питания и сырьем,—без расширения собственных земель Германия будет находиться в возрастающей зависимости от заграницы в отношении ввоза сырья и продуктов питания. 2) Колонии будут содействовать усилению сбыта немецких промышленных товаров и развитию немецкого торгового флота. 3) Колонии содействуют развитию отечественной науки, так, например, благодаря колониальному опыту германская наука открыла средства лечения тропических болезней.

Другой участник анкеты бывш. губернатор Самоа, Шульц - Еверт, дополняет приведенные выше доводы оценкой колоний, как места для эмиграции избыточного населения Германии и как средства для «развития немецкого национального характера».

Социал-демократ и социал-империалист Коген - Ройс доказывает необходимость колоний с точки зрения: а) обеспечения независимости Германии в снабжении сырьем, б) возможности приобретения в колониях сырья по более дешевым ценам и в) увеличения активности платежного баланса страны в случае включения источников сырья в рамки «внутренней торговли» Германии.

Наиболее цинично подходит к этому вопросу известный либеральный публицист д-р Адольф Грабовский. В то время как многие участники анкеты замазывает империалистический характер колониальной политики лживыми «экономическими» доводами или апелляцией к пользе колоний для науки и национального характера, Грабовский берет быка прямо за рога. Он откровенно называет колониальную политику империалистической политикой и доказывает необходимость и целесообразность последней.

> «Капитализм,— говорит Грабовский,— есть до сих пор неслыханное развитие производственных сил земли. Должен ли он застопориться перед Африкой, потому что негры еще неспособны быть суб'ектом капитализма? Это невозможно, и это было бы не желательно. Это значило бы оставить неиспользованной часть земли».

Возражая далее против идеи превращения Африки в одну единую колонию об'единенной Европы, потому что это исключает важнейший фактор колониальной политики — конкуренцию колониальных держав между собой, — Грабовский говорит:

«Лоскутная земельная политика прежних колониальных времен прошла. Современная колониальная политика, которую нужно называть империалистической политикой, характеризуется тем, что каждая колониальная держава стремится создать свою колониальную империю, в которой каждая колония занимает твердое место, как источник сырья, рынок сбыта или область поселения белых... Империалистическая держава пытается направить развитие колонии на одну или только немного культур для того, чтобы во всем остальном сделать ее зависимой от всей империи. Туземцев при этом отчуждают от старых культур для того, чтобы заставить их служить одной новой... Туземец вовлекается при этом в поток капитализма, он учится думать по-капиталистически и начинает постепенно чувствовать себя доросшим до западно-европейских вторженцев».

Исходя из всех этих соображений, Грабовский высказывается за необходимость колониальной политики вообще и Германии в частности.

Уже цитированный нами социал-империалист Коген-Ройс высказывается на эту тему более подробно в журнале известного идеолога германского империализма Пауля Рорбаха «Немецкая Мысль» («Der Deutsche Gedanke»), организовавшем на своих страницах дискуссию «За или против колоний». В первой декабрьской (1927 г.) тетради этого журнала Коген-Ройс еще более цинично, чем в «Europäische Gespräche», требует колоний для Германии. По его мнению, нынешнее экономическое развитие мира идет по линии создания больших экономических империй. Примером такого развития он считает Британскую империю. «Она показывает, говорит он, срастание метрополии с прежними колониями в одну экономическую империю, в которой прежняя констелляция: здесь метрополия — там колонии, исчезает, уступая место экономической солидарности, вырастающей из чувства взаимопринадлежности». (Это-то в эпоху распада Британской империи, когда вопрос об отделении Канады и Австралии является только вопросом времени!). Исходя из этой им самим надуманной линии развития мирового хозяйства, Коген-Ройс требует превращения Африки в составную часть европейской или европейских экономических империй, каковыми, по его мнению, должны быть Франция и Германия, между которыми и должна быть разделена Африка.

Если сравнить эти важнейшие доводы самых различных представителей германской общественности с картиной развития и итогами германской колониальной политики до войны, то мы увидим, что доводы сегодняшнего дня противоречат довоенным фактам. В самом деле, роль германских колоний до войны в отношении переселения в них немцев, снабжения метрополии сырьем и сбыта немецких промышленных товаров была крайне незначительной. Экономический удельный вес их определяется цифрой ниже 1% всего внешнеторгового оборота Германии. Поэтому почти все указанные выше доводы лживы и предназначены для того, чтобы замазать действительные цели германского неоимпериализма. Роль колоний в эпоху империализма заключается в обеспечении для капиталистических государств места для сверхприбыльного экспорта капиталов, для вложения капиталов в предприятия колоний, где труд рабочих неизмеримо дешевле, чем в метрополиях, где низкий уровень классового самосознания пролетариата не угрожает прибылям капиталистов в результате стачек и других социальных конфликтов. Наконец, колонии нужны правящим классам империалистических стран для того, чтобы за счет колониальных прибылей иметь возможность подкупать верхушку рабочего класса и создавать реформистскую рабочую аристократию, являющуюся важнейшей опорой капитализма против пролетарской революции.

Именно в этом свете и нужно рассматривать колониальные тенденции подрастающего германского неоимпериализма. Германия, оправившаяся после экономических и социальных потрясений послевоенного периода и бывшая в течение ряда лет типичной страной импорта капиталов, начинает в 1927 г. выступать, как страна, экспортирующая капиталы. Правда, в этом отношении германский неоимпериализм делает только робкие детские шаги, однако, исключительно быстрый темп его развития позволяет предположить, что этот экспорт капиталов будет быстро расти, несмотря на рамки Версальского мира и плана Дуэса. Такие факты, как приобретение германским капиталом концессий в Африке и Новой Гвинее, как переход в его руки акций ряда акционерных обществ в Аргентине и Бразилии и др. странах Латинской Америки, являются первой ласточкой в указанном направлении. Впервые после войны Германия начала давать займы в 1926 г. на сумму в 67 млн. марок. За первую половину 1927 г. Германия вложила за границей 112 млн. марок [1]). Конечно, сами по себе эти цифры незначительны, но и они указывают на тенденцию развития. Те же факты об'ясняют нам, почему к 1928 г. колониальная проблема становится в Германии в порядок дня, почему пропаганда за колонии начинает становиться более дерзкой и настойчивой. Германский неоимпериализм подготовляет теперь почву для своих будущих выступлений с требованиями предоставления ему колоний. И если сегодня еще не созрели для этого экономические и политические предпосылки (невозможность большего экспорта капиталов из-за плана Дауэса, отсутствие необходимых для колониальной политики армии и флота и т. д.), то в скором времени они будут налицо, и тогда Германия должна быть, по мнению идеологов империализма, вполне, подготовлена для такого выступления. Недаром в последний год Германия начала усиленно строить военный флот, это абсолютно необходимое условие для активной империалистической политики.

Но германскому империализму не везет с колониями. Каждый раз, когда он готовится выходить на большую дорогу колониальной политики, он опаздывает.

Как мы уже указывали выше, Германия начала борьбу за колонии в конце девяностых годов прошлого века, в момент, когда лучшие земли были уже захвачены более старыми капиталистическими государствами. На этот раз германский империализм натыкается на новое серьезное препятствие: на широко развернувшееся революционно-освободительное движение угнетенных народов. Ему приходится теперь бороться за колонии в эпоху великой китайской революции, революционных и национальных движений в Голландской Индии, Сирии, Марокко и других странах Азии, Америки и Африки, в эпоху об'единения угнетенных народов в союзе с западным пролетариатом, вокруг мировой антиколониальной и антиимпериалистической лиги, наконец, в эпоху социалистического строительства в СССР. Бороться за колонии в момент, когда старые колониальные империи—Англия и Франция—потрясаются беспрерывными восстаниями в колониях, когда не прекращаются годами большие и малые колониальные войны, есть задача, разрешить которую германскому неоимпериализму может быть не под силу. Это прекрасно понимают идеологи последнего, поэтому одни из них до поры до времени считают целесообразным не выдвигать колониальной проблемы, другие же пытаются обойти эти трудности, отказываясь от претензий на колонии в странах с развитыми национально-освободительными движениями.

---

[1]) «Wirtschaft und Statistik» № 17 за 1927 г., стр. 739.

Ярче всего первую точку зрения выражает видный немецкий публицист Георг Клейнов в ответе на указанную выше анкету.

«Теоретический вопрос гласит,—говорит Клейнов,—имеет ли колониальная система, как ее сохраняют Англия и Франция, перспективу на длительное существование? Развитие английских колоний говорит против этого. Большевистская контрпропаганда встречает в Азии и Африке отзвук... Может ли старая политика быть возобновлена в Китае, является вопросом, требующим точнейшего изучения. Покачто я этому не верю. Что русская пропаганда среди других народов очень сильно влияет и вызывает глубокое изменение в общественном мнении населения Африки, я считаю установленным, ибо она исходит из высокого человеческого права. В текущий политический момент принятие колониального мандата имело бы последствием опасность, что новые колониальные интересы Германии привели бы ее на буксир Англии против Советского Союза... До сих пор я все еще вижу наибольшие перспективы для немецкого народа, как целого, на Востоке, в России, но не на стороне Англии».

Исходя из всего этого, Клейнов высказывается против новых колоний для Германии. Этой же точкой зрения руководствуются почти все противники колониальной политики Германии.

Иначе подходят к этому вопросу бывш. губернатор германской Африки Шнее и Койген - Ройс. Оба признают трудности, стоящие перед германским неоимпериализмом перед лицом борьбы колоний за свое освобождение, но оба находят выход из них.

«Германия должна, по моему мнению,—говорит Шнее,—добиваться колониальных мандатов только в таких областях, которые населены неразвитыми народами. В настоящее время сильное движение за независимость происходит у цветных народов старых культур в Азии и Сев. Африке. Я считал бы правильным, чтобы Германия заранее отвела от себя мысль быть вовлеченной в такого рода осложнения. С другой стороны, было бы совершенно ошибочно, если бы кто-нибудь по этим причинам высказался против приобретения вновь немецких колоний с неразвитыми народами, каковыми являются Средняя Африка и Южное море. Эти, по крайней мере на поколения вперед неспособны самоуправляться. Если бы из этих стран убрали всякое европейское управление, то следствием этого явилось бы не установление самоуправления, а возврат в прежний хаос».

В этом же духе высказывается и социал-империалист Коген - Ройс в «Немецкой Мысли» Рорбаха.

«Нельзя спорить,—пишет он,—что движение за независимость среди колониальных народов сделало большие успехи со времени последней войны, но имеется большое различие между азиатским и африканским населением. Лозунг: Африка африканцам!—не будет опасен для европейских колонизаторов, которые решатся порвать со старой... политикой эксплоатации туземцев. Открытие Африки без европейской помощи невозможно, и африканцам (которым все, что им нужно, не попадает без всякого) она нужна... Современное хозяйство не должно при правильном функционировании допустить, чтобы какойлибо источник сырья оставался без использования, поэтому открытие Африки является обязанностью Европы и необходимостью для нее. И Германия также не может во имя своих собственных, а также европейских интересов уклониться от этой обязанности».

Германский неоимпериализм кое-чему научился за время социальных кризисов в своей стране и от уроков русской и китайской революции. Он понял, что до богатых земель Азии и Сев. Африки, где развертываются острые социальные и национальные конфликты, у него руки коротки, поэтому он готов отказаться от всяких попыток приобрести старые привилегии в этих странах и ограничиться пред'явлением протензий на колонии в тех местах, где культурное развитие туземцев позволяет без больших политических трудностей и без больших затрат на колониальные войны против непокорных рабов эксплоатировать сказочно дешевую рабочую силу последних в целях получения сверхприбылей для капиталистической верхушки метрополии. Никакие высокие слова об «открытии Африки для африканцев» или о необходимости «вовлечения негров в европейскую культуру», проповедываемые в трогательном единодушии бывшим палачом африканских негров Шнее и предателем германского пролетариата Коген - Ройсом, не скроют империалистических целей современных стремлений Германии к колониям. Впрочем, сами империалисты этого и не скрывают. Так, в брошюре «Империализм и колониальная политика», изданной в июне 1927 г. «Германским колониальным обществом», автор ее, правительственный советник Ганс Цахе, полемизируя против выступлений немецких делегатов на конгрессе антиимпериалистической лиги в Брюсселе, пишет следующее:

«Фельетонист, который писал в «Берлинер Тагеблатт» о Брюссельском конгрессе, доходит до утверждения, что обнищание европейских рабочих имеет своей причиной конкуренцию дешевой рабочей силы угнетенных туземцев колоний... Хотят ли эти господа заставить наших лишних индустриальных рабочих возделывать в Камеруне земляной орех, а в Восточной Африке сизал? Или в чем еще состоит конкуренция негра с нашим «обнищавшим рабочим»? Или мы должны мнямвесю (негритянское племя. *Н. Р.)* платить на наших плантациях жалованье в размерах, принятых в Европе, следовательно, их удесятерить? Каково было бы следствие? Ни один знаток негров не будет сомневаться, что они будут тогда только работать каждый десятый день, потому что их прожиточный минимум на десять дней будет удовлетворяться заработком одного дня. Но почему же нет? Ведь это якобы представители интересов рабочих Германии, которые хотят создать рай для негров, от которого немецкие рабочие будут толкаться еще дальше в ад!»

Этот совершенно открытый и циничный язык колониального эксплоататора высказывает то, что прикрывают своими «культурническими рассуждениями» «ученые» теоретики и «социалистические» прислужники германского неоимпериализма. Дешевый рабочий труд негров, отсутствие социальных конфликтов и классовой борьбы в «некультурных колониях» во имя сверхприбылей на капитал,—вот о чем мечтает германская буржуазия в 1928 г. после того, как она порасправила свои крылья внутри страны, вот на что должен обратить свои взоры германский пролетариат.

Но этим не исчерпываются трудности Германии в борьбе за колонии. Ведь колонии пока-что все поделены между победителями в мировой войне, ведь свободных, «бесхозяйных» земель нет, надо у кого - то их отнять,— так стоит теперь колониальный вопрос для Германии. И как раз все те колонии, на которые рефлектирует германский капитализм, находятся в руках такого могущественного империалистического государства, как Англия, для которой эти земли представляют потому особую ценность, что ее другие более старые колонии или превратились в полунезависимые доминионы (Канада, Австралия, Южная Африка) или переживают

период глубочайшего брожения и потрясаются острыми национальными и социальными конфликтами (Индия). Правда, Англия не является собственницей всех бывших немецких колоний, а только временным их управляющим в порядке мандата Лиги Наций, так что формально Германия может рассчитывать на возможность получения той или иной колонии в мандатное управление после истечения срока Англии. Но кто же может сомневаться в том, что название «мандатная область» является только маскировкой фактической собственности «мандатара» на соответствующие земли? Следует только вспомнить, что во время заключения Версальского мира попытки Англии и Франции получить немецкие колонии в собственность сорвались только вследствие сопротивления Соед. Штатов и что поэтому и было создано новое юридическое понятие мандатов. Сомнений нет, что мандатары и особенно Англия вовсе не намерены отдавать назад африканские колонии, в которые теперь усиленно вкладываются английские капиталы, могущие принести главные барыши только через несколько лет. Больше того, Англия сейчас уже практически подготавливает почву для юридического оформления перехода мандата в собственность английского империализма.

В настоящее время в Восточной Африке находится специальная английская правительственная комиссия под руководством Хильтона Юнга, которая имеет поручение изучить возможность об'единения мандатной области Танганайки (бывш. герм. колония) с английскими колониями (Кенья и др.) в один Восточноафриканский Доминион. Начиная со второй половины 1927 г. ряд официальных лиц и влиятельных деятелей в Восточной Африке публично высказывается за образование нового Доминиона и за закрепление навсегда мандатных земель за Англией. Так английский губернатор Кеньи, Эдвард Григг, выступая 30 августа 1927 г. в столице Кеньи—Наироби—в законодательном совете, сказал:

> «Возможность об'единения Танганайки с соседними государствами куплена тяжелыми жертвами. Если теперь, когда все связующие звенья находятся в английских руках, последние не будут скованы в цепь длительной крепости и длительной ценности, то эти жертвы оказались бы напрасно принесенными» [1]).

Летом же 1927 г. крупнейший землевладелец Кеньи лорд Деламур говорил на конференции землевладельцев в Наироби:

> «Будущность Танганайки может быть только тогда надежной для Английской империи, если она будет неразрывными федеративными узами связана с соседними английскими странами» [2]).

Наконец, в октябре 1927 г. уполномоченный лорда Деламура, мистер О'Шиа, говорил собравшимся фермерам:

> «Вы строите ненадежно, если Танганайка не будет окончательно связана с федерацией узами, которые не смогут быть разорваны... До тех пор, пока Великобритания желает иметь Танганайку, она ее может получить. Но опасность заключается в том, что в развитии британской интернациональной политики может наступить день, когда государственным мужам Великобритании покажется разумным обменять Танганайку на другие выгоды. Это то, против чего вы должны себя обеспечить. После окончания войны никто не решался предусмотреть возвращение Танганайки Германии. С тех пор, однако, мнения изменились. Сегодня международная политика Великобритании ни в какой мере не является недружелюбной по отношению к Германии. Кажется обоснованным думать, что через пару лет международная политика приведет к дружественному согласию с Германией. В этом случае Танганайка может быть ценой согласия. Против этого мы должны себя обеспечить» [1]).

[1]) Цитировано по речи депутата народной партии Шнее в Рейхстаге 1 февраля 1928 г.; см. стенограмму пленума Рейхстага № 373, стр. 12567.

[2]) Там же.

Таковы тенденции английского империализма—превратить Восточноафриканский мандат в собственную колонию для того, чтобы обеспечить себя от возможного перехода богатств этих земель в руки Германии. С этими трудностями Германии придется бороться, чтобы получить новые колонии, и ей в лучшем случае придется заплатить за это огромную цену [2]).

Германские неоимпериалисты прекрасно предвидят эти трудности. Поэтому они уже теперь работают над способами их преодоления и намечают пути борьбы за колонии. Так, цитированный нами депутат народной партии Шнее в своей речи в Рейхстаге 1 февраля с. г. требовал от правительства, чтобы оно протестовало немедленно в Совете Лиги Наций и ее мандатной комиссии против указанных «незакономерных» намерений Англии, и в ответ на это он получил обещание Штреземана заявить своевременно этот протест. Но немецкие политики идут дальше. Они пытаются подготовить международную обстановку для борьбы за колонии. Так как главным препятствием для возвращения Германии колоний является Англия, то многие германские политики стремятся создать так называемый континентальный блок во главе с Германией и Францией для того, чтобы, опираясь на него, сильнее нажимать на Англию. Тот же Коген-Ройс в уже цитированной статье в «Немецкой Мысли» открыто проповедует блок Германии с Францией в колониальном вопросе:

> «Это требование,—говорит он,—тем скорее осуществится, чем теснее Германия будет работать с Францией, где раньше всего раздались голоса за возврат колоний Германии. У нас, как и во Франции, начинают постепенно сознавать, что от франко-германского сотрудничества зависят мир и будущее Европы. Чем теснее будет происходить экономическое сплетение между Германией и Францией, тем лучше это будет и для развития европейской колониальной империи в Африке; кооперация дома создает ее в колониях автоматически. Что мешает допустить Германию к развитию этой грандиозной колониальной империи, раз Британия по разным причинам не подходит для этой цели»? [3]).

[1]) Цитировано по речи депутата народной партии Шнее в Рейхстаге 1 февр. 1928 г., см. стенограмму пленума Рейхстага № 373, стр. 12567.

[2]) Для СССР это выступление английского колониального деятеля представляет еще и другой интерес: оно предуказывает возможную цену, за которую Англия в случае обострения конфликта против СССР попытается купить вхождение Германии в антисоветский блок. Мы ни в какой мере не гарантированы от того, что при нынешних стремлениях германского империализма эта цена окажется достаточной для того, чтобы поставить Германию в ряды наших врагов.

[3]) Вопрос о франко-германском колониальном сотрудничестве в Африке, видимо, начинает переходить из области теории в область практического осуществления. Близкая к герм. мин. ин. дел газета «Теглихе Рундшау» сообщает 13 февраля 1928 г., что французский сенатор Лемери, бывш. министр колоний Франции, специально посетил Берлин для обсуждения ряда вопросов, связанных с организацией смешанного франко-германского о-ва для эксплоатации французских колоний в Африке. В перспективе предстоит образование ряда таких колониальных обществ для работы в Гвинее, Экваториальной Африке, области слоновой кости и т. д. Одно такое общество уже функционирует под названием «Колониальное Общество Восточная Африка» (Коловея). Тот же Лемери предполагает выступить во французском сенате с запросом о незакономерных действиях Англии в мандатной области Танганайка.

Все эти приведенные стремления германского неоимпериализма к приобретению новых колоний и к созданию подходящих для этой цели международных империалистических комбинаций в Европе чреваты новыми противоречиями и новыми конфликтами в и без того напряженной и конфликтной обстановке капиталистической Европы. Перед лицом всех этих фактов германский пролетариат должен мобилизовать общественное мнение для того, чтобы своевременно наложить узду на германский неоимпериализм и на его захватнические тенденции.

М. Васильев.

О промкадрах[1]).

Рост социалистической промышленности с особенной остротой выдвигает вопрос о правильном подборе ответственных руководителей промышленности. До сих пор вопрос этот стоял как бы в стороне. Его заслоняли такие проблемы, как снижение себестоимости, повышение производительности труда, увеличение продукции и поднятие ее качества и т. д. В вопросе же о человеческом материале, о промышленных кадрах царило этакое настроение благополучия: работают, мол, люди, работают не плохо, зачем же их изучать? Нечего и говорить, что подобные настроения находятся в «зубодробительном» противоречии с задачами дня.

«Проверять людей,—говорил Ильич,—и проверять фактическое исполнение дела—в этом, еще раз в этом, только в этом теперь гвоздь всей работы, всей политики». Правда, он добавлял: «Это дело не нескольких месяцев, не одного года, а нескольких лет» [2]).

Некоторые хозяйственники настолько хорошо усвоили вторую часть ильичевского положения, что они забыли о его первой, основной части.

Проверка и учет, вопросы назначения, повышения квалификации наших хозяйственников и качественного улучшения их состава,—все это должно стать и становится во главу угла нашей хозяйственной работы.

Попытаемся на основе имеющегося материала осветить положение руководящих промышленных кадров в его сегодняшнем виде. К сожалению, данные, которыми мы располагаем, не рисуют полной картины, все же общее представление о качестве и лице наших хозяйственников они дают. Заметим также, что материалы касаются только промышленности союзного значения.

* * *

Начнем с партийного состава наших хозяйственников.

Материал учраспреда ВСНХ охватывает весьма ограниченный срок работы правлений, именно за два года подсчет произведен трижды, на 1 января 1926 года, на 1 января 1927 г. и на 1 января 1928 г. Тем не менее ценность его бесспорна, поскольку он вскрывает динамику восстановительного и начала реконструктивного периода.

Нижеследующая таблица рисует динамику роста партийного состава руководящих промкадров (в правлениях трестов, синдикатов и акц. об-в).

Партийный состав руководящих промкадров.

	На январь	% партийцев в правлении
В трестах	26 года	70,4
	27 „	71,2
	28 „	71,4
В синдикатах	26 года	72,2
	27 „	81,6
	28 „	84,2
В акц. о-вах	26 года	68,6
	27 „	69,7
	28 „	68,4

1) Помещая статью т. Васильева, затрагивающую интересные проблемы, редакция полагает, что автор подходит к этим проблемам несколько ведомственно и узко, и приглашает читателей высказаться по данному вопросу.

2) Н. Ленин. Том XVIII, ч. 2, стр. 16.

Таким образом, партийная часть правлений растет из года в год. Как правило, отношение партийного состава правлений к беспартийному следующее: 2 : 1. В последнее время при формировании правлений на 3 партийных приходится один беспартийный специалист. Некоторое исключение в этом смысле представляют синдикаты. Надо помнить, однако, что в правления синдикатов входят представители трестов, тем самым нарушающие обычную пропорцию в сторону парт'ядра.

Что касается партийного стажа, то нельзя не отметить заметное сокращение числа членов правлений с дореволюционным партийным стажем. Причины здесь понятны. Это, во-первых, поредение старой гвардии большевиков вообще, выдвижение партийного молодняка, во-вторых. Преобладающая и все более увеличивающаяся категория партийцев в правлениях—это члены ВКП с восьми—десятилетним стажем. Особенно это заметно в трестах, которые, в отличие от синдикатов, близко стоят к предприятиям и потому впитывают оттуда наиболее передовые и способные элементы пролетарской общественности.

Общий вывод тот, что партийный состав в руководящих органах государственных хозоб'единений в основном удовлетворителен.

Несколько иную картину рисуют материалы социального состава руководящих промкадров.

Динамика социального состава в правлениях хозоб'единений.

		Янв. 26 г.			Янв. 27 г.			Янв. 28 г.		
		Парт.	Бесп.	Всего	Парт.	Бесп.	Всего	Парт.	Бесп.	Всего
Тресты	Рабочих	61,2	2,7	43,9	55,1	1,1	39,7	57,4	1,3	41,3
	Служащих	38,2	94,6	54,9	44,0	95,4	58,7	42,6	98,7	58,7
	Крестьян	0,6	2,7	1,2	0,9	3,5	1,7	—	—	—
	Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Синдик.	Рабочих	42,9	—	31,0	37,1	—	30,3	44,8	5,5	38,6
	Служащ.	57,1	100	69,0	60,6	100	67,9	55,2	94,5	61,4
	Крестья	—	—	—	2,3	—	1,8	—	—	—
	Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100
		Июль 26 года								
Акц. общ.	Рабочих	46,6	7,7	34,9	46,6	7,7	34,9	40,0	—	27,4
	Служащ.	53,4	84,6	62,8	53,4	84,6	62,8	58,5	100	71,6
	Крестьян	—	7,7	2,3	—	7,7	2,3	1,5	—	1,0
	Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Как видно, удельный вес рабочих в правлениях трестов значительно выше, чем в других хозоб'единениях. И совершенно естественно, если принять во внимание отмеченный выше рост руководящего влияния в трестах партийного молодняка. В то же время в трестах, как и в акционерных обществах, за последние годы отмечается рост служащих за счет рабочих. В синдикатах картина обратная. Дело в том, что при образовании синдикатов в правления их вошло непропорционально большое количество служащих, несмотря на то, что % служащих в правлениях синдикатов неизменно падает, все же до сих пор еще он выше, чем в правлениях трестов. Правда, в значительной степени этот служилый элемент в правлениях приходится на их партийную часть.

Почти совершенно исчезают в правлениях крестьяне.

Наибольший % их представлен в акционерных обществах. Но и тут удельный вес их неуклонно падает.

Каковы практические выводы? Состав правлений хозоб'единений должен быть непременно пополнен рабочими-партийцами.

Что касается общеобразовательной и научно-технической подготовки, нужда в которой в теперешний реконструктивный период промышленности непомерно высока, то здесь положение несравненно хуже.

Оказывается, огромное большинство наших хозяйственников не только не имеет специальной технической подготовки, но и стоит на крайне низком образовательном уровне. Достаточно сказать, что на 1 января 1928 года в правлениях трестов находилось 45,6% с низшим образованием, в синдикатах—50% и в акционерных обществах—33,7%.

Характерно, что наименьшая подготовка—как раз в партийной части правлений. Так, на указанное время в правлениях трестов было 62,9% партийцев с низшим образованием, в синдикатах—56,2%, и в акционерных обществах—49,2%. Правда, число хозяйственников с низшим образованием в трестах и акционерных обществах заметно падает, зато оно угрожающе растет в синдикатах. В правлениях трестов отмечается внушительный рост беспартийных специалистов с высшим образованием, наоборот, количество партийцев с высшим образованием растет крайне медленно. В синдикатах, наоборот, число беспартийных с высшим образованием сокращается и значительно растет та же группа партийцев. Об'ясняется это, очевидно, переходом определенной массы инженеров с торговой деятельности в синдикатах на производственную работу.

Необходимо отметить также чрезвычайно положительное явление: как в трестах, так и в синдикатах растет группа партийцев со средним образованием. Но можно ли в общем признать образовательную подготовку наших руководящих хозяйственных кадров удовлетворительной? Ни в коем случае. Повышение общеобразовательной и научнотехнической квалификации командного состава нашей промышленности должно быть ударной задачей партии и правительства. Практика показывает, что зло всех зол нашего промышленного комсостава заключается в чрезмерной текучести его состава. Практика показывает также, что качество работы правлений хозучреждений прямо пропорционально продолжительности их существования. Иначе говоря, чем дольше работает данное правление или отдельный хозяйственник, тем богаче плоды, тем выше эффект. Между тем, как видно из нижеприводимой таблицы, продолжительность работы правлений совершенно не соответствует нормальным требованиям.

Текучесть состава правлений хозучреждений (в %%).

	Проработали:	Январь 1926 г.			Январь 1928 г.		
		Парт.	Бесп.	Всего.	Парт.	Бесп.	Всего.
По трестам	Менее 1 года	46,1	25,3	39,9	39,5	19,2	33,7
	От 1—2 лет	25,8	12,0	21,7	32,4	23,8	31,4
	„ 2—3 „	10,7	14,7	11,9	12,4	13,7	12,8
	„ 3—5 и выше.	17,4	48,0	26,5	15,7	38,3	22,1
		100	100	100	100	100	100
По синдикатам.	Менее 1 года	36,2	11,4	29,4	52,6	11,8	45,3
	От 1—2 лет	35,2	28,6	33,3	21,1	29,4	24,2
	„ 2—3 „	24,2	37,1	27,8	12,8	11,8	12,6
	„ 3—5 и выше	4,4	22,8	9,5	11,5	47,0	17,9
		100	100	100	100	100	100

На 1-е июля 1926 г.

По акц. обществам	Менее 1 года	45,9	27,3	40,0	25,6	15,0	22.2
	От 1—2 лет	33,3	—	22.9	51,2	45.0	29,2
	„ 2—3 „	12,5	45,4	22,9	18,6	20,0	19,1
	„ 3—5 и свыше.	8.3	27,3	14,2	4,6	20.0	9,5
		100	100	100	100	100	100

Из таблицы видно, что в трестах идет медленный процесс собирания сил. Партийцев, работающих менее года, становится все меньше, наоборот, увеличивается число работающих от 1—3 лет. Процент партийцев, работающих свыше 3 лет, более или менее стабилен, хотя он и имеет тенденцию к понижению. Значительно устойчивее группа беспартийных. Специалисты работают на одном месте гораздо дольше, чем партийные товарищи.

В синдикатах дело обстоит иначе. Группа работающих менее года растет, в особенности это заметно среди партийной части. Группа от 1—3 лет дает снижение. Увеличение категории работающих свыше 3 лет не обещает ровного нарастания. Как и в трестах, здесь характерно более устойчивое положение беспартийной части правлений.

Что касается акционерных обществ, то, несмотря на то, что 1-я группа уменьшилась в ней почти вдвое, число работающих от 1 до 2 лет соответственно увеличилось, все же в основном текучесть состава правлений сохранилась.

Вообще текучесть комсостава промышленности необычайно велика, хоть и становится меньше. Как правило, беспартийная часть, т.-е. специалисты, имеют в этом отношении большое преимущество перед партийными товарищами. Срок их работы в данном хозоб'единении значительно выше.

Теперь спустимся с трестовских высот непосредственно на предприятия. В частности, проследим состав директоров наших госпредприятий. В произведенное обследование вошли 770 директоров на 1 января 1926 года, из них 167 беспартийных, и 766 на 1 января 1928 года, из них 82 беспартийных.

Качественный состав директоров госпредприятий (в %%).

Директорский состав по разн. признакам	Январь 1926 г.			Январь 1928 г.		
	Парт.	Бесп.	Всего.	Парт.	Бесп.	Всего.
Партийность. . . .	78,3	21,7	100	89,3	8,7	100
Социальн. положен.						
Рабочих	70,8	10,2	57,7	70,3	4,9	63,3
Крестьян	7,6	7,2	7,4	4,0	—	3,5
Служащих и пр. . .	21,7	82,6	34,9	25,7	95,1	33,2
Итого . . .	100	100	100	100	100	100
Образование.						
Низшее	75,0	31,8	65,6	78,6	14,8	71,6
Домашнее	5,3	3,6	4,9	3,7	2,5	3,5
Среднее.	16,6	24,5	18,3	14,9	24,7	16,0
Высшее.	3,1	40,1	11,2	2,8	58,0	8,9
Итого . . .	100	100	100	100	100	100
Директор. стаж.						
Менее 1 года	43,0	29,9	40,1	38,3	20,7	36,4
От 1—2 лет	31,5	22,8	29,6	34,2	20,7	32,8
„ 2—3 „	11,4	20,4	13,4	16,7	19,5	17,0
„ 3—5 и выше . .	14,1	26,9	16,9	10,8	39,1	13.8
Итого . . .	100	100	100	100	100	100

Партийный состав наших директоров неуклонно растет, он приближается к 100%, растет также рабочее ядро директоров. Группа «служащих», составляющая одну треть, относительно устойчива, но тенденция ее к понижению очевидна. Заметно сокращается группа крестьян, уступая дорогу выдвинувшимся рабочим из предприятий. Соответственно количественному росту рабочих директоров увеличивается группа с низшим образованием. Наоборот, среди беспартийных директоров за счет низшего и домашнего образования систематически растет группа с высшим образованием, что, естественно, положительно сказывается на квалификации руководства. Переходя к текучести состава, нужно сказать, что он оставляет желать много лучшего. Группа проработавших на предприятии менее одного года чрезвычайно велика, хотя и дала в текущем году некоторое снижение. Падает категория директоров: урегулирование этих вопросов—задача первостепенной важно-со стажем от 2—3 лет.

Резюмируя, нужно сказать, что на ряду с совершенно здоровой тенденцией увеличения рабочего и партийного ядра директоров до сих пор слабым местом в нашей работе остается текучесть состава и низкая квалификация директоров: урегулирование этих вопросов—задача первостепенной важности и срочности.

В частности, задача переквалификации и переподготовки остро встает сейчас перед советскими промкадрами вообще.

Второе, что нужно отметить в отношении состава наших промкадров в целом,—это необходимость большего и большего увеличения партийного и рабочего ядра в правлениях хозоб'единений, что послужит верным залогом правильного и успешного осуществления партийных директив.

* * *

Количественный учет представляет совершенно необходимую часть работы по учету состава промкадров вообще: этим мы и занялись в предыдущей главе. Однако, количественный учет—только часть всей работы. Он дает представление о том, к т о работает в руководящих органах хозоб'единений, но не отвечает на главный вопрос, к а к работают наши хозяйственники. Ответ на этот вопрос можно получить лишь путем к а ч е с т в е н н о г о учета, т.-е. проверки, изучения и оценки работы правлений трестов, синдикатов, и индивидуальной оценки деятельности отдельных хозяйственников. Между тем, подобного учета до сих пор нам наладить не удалось. Учитывать свою продукцию, сырье, материалы, паросиловую энергию и проч. мы научились не плохо, но вот учесть, как работают руководители наших предприятий—этому мы еще не научились. В то же время качественный учет здесь особенно необходим. Ведь малейшая ошибка хозяйственника может стоить государству миллионов рублей убытка и неисчислимых политических последствий. Как обстояло дело с учетом до сих пор?

Вот уже шесть лет, как у нас существует система личных дел, которые заводятся на всех ответственных хозяйственников. В деле этом можно встретить и подробно написанную автобиографию и специальные анкеты, и послужной список,—одним словом, все, что хотите, только не то, что давало бы представление, к а к работает хозяйственник. Правда, иногда встречается устарелая характеристика, данная ревизионной комиссией, давным давно распущенной. Кроме того, на эти характеристики особенно полагаться нельзя в силу крайне нездоровых отношений, создавшихся в свое время между правлениями и ревкомиссиями, почему последние и были распущены. Иногда в личных делах встречаются характеристики со стороны партийных комитетов, к сожалению, они говорят, главным образом, о личных качествах товарищей и почти ничего—об их работе.

При назначении новых работников ВСНХ нередко выясняли его лицо путем случайных и отрывочных телефонных переговоров— способ весьма не надежный.

Таким образом, личные дела не дают нам сколько-нибудь ясного представления о работе хозяйственников. Вот почему подбор и распределение хозяйственных работников носит сплошь и рядом случайный, безответственный характер.

Благодаря отсутствию качественного учета подбор и распределение работников происходит механически, без учета слабых участков в руководстве промышленностью и выдвижения хозяйственников, проявивших себя на работе большего масштаба. Все это ставит вопрос о коренной реорганизации системы учета и о налаживании ее заново на совершенно других принципах.

Во главу угла учета нужно поставить не личные особенности и качества хозяйственника, а его конкретную работу в промышленности. Как, нам кажется, наиболее полную и об'ективную характеристику хозяйственников можно получить к моменту отчетности правления и утверждения его баланса, к которому и нужно приурочить учет. В течение отчетного года правление хозоргана неоднократно подвергается обследованиям различных организаций РКИ, Главной Инспекции ВСНХ, местных учреждений и т. п. Материалы этих обследований могут дать чрезвычайно много для характеристики работы хозяйственников. Правлениям приходится также делать многочисленные доклады на различных с'ездах, производственных совещаниях, в партийных и профессиональных организациях. Постановления по этим докладам могут дать в высшей степени ценный материал как для оценки работы правления в целом и по отдельным его частям (достижения на производстве, капитальном строительстве, оборачиваемость капиталов и пр.), так и о р а б о т е каждого члена правления в отдельности.

Разумеется, при учете нужно принимать во внимание и личные особенности товарищей и уменье ориентироваться в работе по отношению к товарищам, спецам и пр. Характеристика работников должна быть глубоко продуманной и обоснованной, поверхностное, наплевательское отношение к ним может только помешать делу. Необходимо здесь выработать строжайшую ответственность.

Правильной постановке учета руководителей промышленности могут способствовать периодически, из года в год устраиваемые «учетные кампании», в которые необходимо вовлечь всю пролетарскую общественность в лице партии, профсоюзов, печати и т. д.

Работа по качественному учету требует продуманной и хорошо налаженной организации и подготовки, она должна проводиться вокруг определенных опорных пунктов. Такими пунктами должны быть, во-первых, предприятие, во-вторых, хозорган—трест и пр., в-третьих, главное управление и, наконец, в-четвертых, президиум ВСНХ СССР (в союзных республиках—краевые совнархозы). В указанных пунктах должны быть созданы специальные комиссии во главе с руководителями соответствующих хозорганов, с непременным участием представителей партийных и профессиональных организаций. В работу этих комиссий в качестве консультантов должны быть вовлечены все лица, так или иначе ответственные за работу аттестуемых. Решения комиссии, как правило, должны быть окончательными. Материалы ее работы никуда не посылаются, сообщаются лишь результаты, которые и заносятся в учетные карточки и личные дела. Заполнение требуемых ведомостей, отправка и проработка их на местах, где производятся назначения и перемещения, производятся в минимальный срок, чтобы полученные данные могли быть использованы своевременно и без малейшего промедления.

Должны ли быть работы этих комиссий секретными? Секретность работы может вызвать отрицательное отношение, так как в комиссиях неизбежно

встанут вопросы материального благополучия и общественного положения рабочих. Однако, нельзя признать нормальным и такое положение, когда каждый аттестуемый свободно может узнать данную ему характеристику, это может привести к весьма печальным результатам. При гласности работы воля комиссий будет скована малозаманчивыми перспективами склок и скандалов со стороны неудовлетворенных характеристикой комиссии. Таким образом, секретность работы комиссий в известной степени неизбежна. Конечно, только в известной степени. Необходимо, чтобы результат работы комиссий преподносился в товарищеской форме, чтобы комиссия исправляла работников, воспитывала их, толкала на учебу, поднимала стремление к повышению квалификации. Дело это трудное, щепетильное, оно требует большой осторожности и гибкости, которые, конечно, нас не остановят.

Наконец, надо решать вопрос о введении особых паспортов хозяйственников, в которые ежегодно вписываются выводы упомянутой выше комиссии. Эти записи наглядно покажут рост работника по сравнению с предыдущим годом. Но споры хозяйственников, несомненно, помогут правильному распределению и подбору работников и тем самым улучшат качественный состав наших промкадров.

* * *

Как говорилось выше, правильное распределение хозяйственников возможно лишь при хорошо поставленном персонально-качественном учете. Однако, не последнюю роль в подборе работников играет и сама система распределения. Кто, в каком порядке, в какой срок и при каких условиях производит подбор работников? Об этом мы и хотим поговорить в настоящей главе.

Существующая система распределения хозработников страдает, по крайней мере, двумя основными недостатками. Во-первых, обращает на себя внимание крайний параллелизм в подборе и распределении работников. Занято этим делом неимоверное множество учреждений, и нельзя сказать, чтобы от этого получался особенный эффект. Во-вторых, бросается в глаза удивительно медленное и бюрократически бесконечное прохождение назначаемых работников по инстанциям.

В самом деле, в подборе хозработников при существующей системе участвуют: Президиум ВСНХ, Главное управление, к которому относится хозорган, ЦК соответствующего профсоюза, директивный орган, местная организация ЦКК ВКП(б) и ОГПУ.

Самая же процедура назначения решительно не поддается описанию.

Подбор правлений производится по следующим инстанциям: учраспред ВСНХ, начальник главного управления, ЦК профсоюза, начальник административно-финансового управления, специальная комиссия под председательством зампреда ВСНХ, затем директивный орган, специальная промышленная комиссия и т. д., и т. д.

В среднем, назначаемые члены правления должны пройти не менее пяти «чистилищ», в которых заседают в среднем по десяти человек.

К этому следует добавить, что свободных резервов ответработников у нас не имеется, за исключением относительно небольшого кадра, по разным причинам неиспользованного. Следовательно, каждое новое формирование хозяйственного органа требует снятия с работы товарищей и длительного согласования этого с местными организациями и лицами, что также влияет на удлинение сроков при назначениях.

«Согласования» отнимают долгие недели (в среднем 5—6 недель), а иногда и месяцы, пока наконец, состав правления будет окончательно утвержден.

Неискушенные товарищи могут подумать, что подобный способ назначения гарантирует от ошибок и обеспечивает строгий и умелый подбор работников. К сожалению, это далеко не так, во всяком случае не всегда так. Для

доказательства сошлемся хотя бы на резолюцию пленума ЦК ВКП(б) по шахтинскому делу.

> «При подборе работников, как правило, отсутствует серьезная проверка прошлой работы, нередко снятые за плохую работу хозяйственники переходят на новую и даже большую работу, вместо очистки хозорганов от этих элементов и выдвижения новых кадров хозяйственников. При назначении на ответственную работу сказывается нездоровая «семейственность», «дружеские связи» и пр.».

Эта жестокая, но подлинно большевистская критика недвусмысленно отмечает наши слабые места в деле подбора ответственных промышленных кадров.

Разумеется, обилие заседаний не есть гарантия от ошибочных назначений. Далее следует посмотреть, как много времени берет прохождение назначения правлений хозорганов при существующем порядке проработки и рассмотрения на многочисленных комиссиях.

Спрашивается: чем об'яснить все эти ненормальности в деле подбора промышленных кадров? Об'яснения нужно искать тут в двух причинах: во-первых, в слабом знакомстве с подбираемым составом,—оно вытекает из неудовлетворительно поставленного персонально - качественного учета,—и во-вторых, в связанной с этим слабым знакомством излишней централизации назначений из-за недоверия к низшим инстанциям. Трудно об'яснить иначе чем недоверием наличие трех-четырех комиссий по одному и тому же вопросу.

Конечно, в отдельных случаях при подборе правлений хозорганов, руководящих целой отраслью промышленности, такое недоверие совершенно естественно и законно, но, как правило, существующая процедура назначения оправдана быть не может. Следует помнить, что обилие лиц и комиссий при назначении вовсе не обеспечивает ответственности за решения, наоборот, в таких случаях неизвестно, с кого спрашивать за последствия.

Вопрос о *децентрализации в деле подбора работников* правлений союзных хозорганов необходимо решить возможно скорее, чтобы свести к минимуму параллелизм и процедуру назначений.

В настоящее время из существующих 1.121 номенклатурных назначений, 841 приходится на хозорганы, 280 на наркоматы. Все они должны пройти тот порядок и срок, который описан выше. Встает вопрос: неужели нельзя хотя бы половину из них провести более упрощенным способом?

Пострадает ли дело от того, что некоторое количество правлений союзных хозорганов будет назначаться Президиумом ВСНХ, а некоторое—даже одним начальником главка? Мы полагаем, что от этого дело только выиграет.

Уже теперь известное число хозорганов союзного значения можно передать полностью в главк, начальник которого должен взять на себя ответственность за назначения в правление. К числу таких хозорганов можно отнести, например, «Госметр», «Электросталь», Аккумуляторный трест, Редкие элементы, Минеральное сырье, «Эмбанефть» и пр. Назначение директоров таких крупнейших фабрик и заводов, как «Красное Сормово», Коломенский завод, заводы Югостали и т. п. (всего около 28), можно передать на тех же началах главному управлению.

Назначение правлений других хозорганов должно отойти исключительно к Президиуму ВСНХ и не поступать в директивный орган. К числу таких предприятий следует отнести те хозорганы, значение которых в хозяйственной жизни СССР хотя и больше перечисленных, но которые все же ведущей роли в промышленности не занимают.

К таким хозорганам следует отнести Белорецкий трест, Уралмедь, Госшвеймашину, Шелкотрест, МОГЭС, Кузбасстрест, Спичсиндикат и т. п.

Согласование с профсоюзами и местными организациями должно попрежнему остаться. В случае невозможности добиться соглашения, спорные вопросы должны передаваться сторонами в директивный орган, где они и получают разрешение. За директивным органом должно остаться также право поверки и контроля над работой перечисленных хозорганов по подбору и назначению.

Однако, существующую систему придется сохранить в остальной половине союзных хозорганов, внеся лишь в их работу больше четкости и ответственности. Основная причина сохранения старой системы состоит в недостатке учетных данных, о чем мы говорили выше, и, что еще более важно, в чрезвычайно ответственной роли руководителей этих хозорганов.

Последние справедливо могут быть названы командными высотами советской промышленности, определяющими наш экономический рост и ведущими за собой все народное хозяйство. Вот почему назначение руководителей этих хозорганов приобретает важнейшее политическое значение. В этом смысле даже существующая система назначений может быть даже оправдана. К этой группе хозорганов следует отнести ГОМЗЫ, Югосталь, Южмаштрест, ГЭТ, военную промышленность, крупнейшие текстильные тресты, Донуголь, Азнефть, Резинотрест и пр.

Конкретно наши предложения и отличие их от существующей системы можно представить в следующем виде.

Число номенклатурных должностей

	1-я группа Утверждаем. директивным органом	2-я группа Утвержд. През. ВСНХ по соглаш. с ЦК профсоюза	3-я группа Утвержден. Главком по согл. с ЦК профсоюза
1. При существующ. системе:			
а) по хозорганам	693	109	—
б) по наркомату	148	171	—
Итого	841	280	—
2. При вновь предлагаемой:			
а) по хозорганам	298	109	303
б) по наркомату	144	96	677
Итого	442	205	680

Из общего числа имеющихся номенклатур при новой системе только 442 будут проводиться через директивный орган. В отношении другой половины дело значительно упрощается, уже потому, что 205 номенклатур ВСНХ будут проходить всего через две комиссии, а 680 главковских будут проходить через одну комиссию, если таковая будет создана в главке.

В настоящее же время подбирается столь большое количество кандидатов на требующиеся номенклатурные должности, что ручаться за абсолютную доброкачественность этого подбора совершенно невозможно.

Виной этому являются опять-таки недостаточные учетные данные, а также то обстоятельство, что изучением и подбором работников в Учраспреде ВСНХ и директивного органа занимаются всего 5—6 человек, которые не могут охватить как следует столь значительное число номенклатур. Потому наше предложение оставить в директивном органе лишь 442 номенклатуры придаст делу их изучения более практический и реальный характер.

В то же время передача дела назначения и подбора работников исключительно в распоряжение ВСНХ и главка заставит подтянуться аппарат их учраспреда и улучшить свою работу.

Предложение о классификации номенклатур на три группы в зависимости от ответственности выполняемой работы не блещет особенным радикализмом, но оно есть безусловно шаг вперед по сравнению с существующей системой подбора хозработников.

Для более же радикального изменения системы назначения условия, по нашему мнению, не созрели.

* * *

В заключение—несколько слов об учебе промкадров, приобретающей в условиях реконструируемого периода хозяйства все более и более актуальное значение и непосредственно связанной с подбором работников в промышленности.

Резолюция последнего пленума ЦК партии по шахтинскому делу говорит по этому поводу следующее: «В соответствии с ростом и сложностью хозяйственного строительства хозяйственники должны поставить перед собой задачу: путем получения специальных знаний и изучения техники производства овладеть технико-производственной стороной дела».

Теперь больше чем когда-нибудь нельзя руководить промышленностью, обладая только находчивостью, «натиском, бойкостью, или энергией».

Наши промкадры и их резервы условно можно разделить на три следующие категории: 1) хозяйственники, ведущие руководящую работу; 2) партийцы, работающие в средних звеньях, и 3) партийцы в производстве и аппарате хозорганов, из которых должны комплектоваться средние звенья. На какую же из этих категорий нужно держать ставку в первую очередь в смысле вовлечения ее в серьезную и систематическую учебу?

Мы думаем, что в первую очередь надо озаботиться переподготовкой первой категории, т.-е. теперешних руководителей, имеющих за собой практику ответственной хозяйственной работы. Скупиться здесь не следует. Надо открыть не одну, а несколько промакадемий.

Расходы на них, несомненно, окупятся сторицей, когда руководить новым строительством начнет подготовленный комсостав промышленности.

Снятие хозяйственников с работы и посылка их на учебу не ослабит руководство промышленностью, можно будет установить строго рассчитанную очередность их учебы. Не может пугать нас и долгий срок учебы, так как строить мы только-что начали и строить предстоит еще много, не один десяток лет.

Некоторым товарищам кажется зазорным «на старости лет» учиться. Многие из них будут ссылаться на года и разные свои недуги,—им следует помнить, что в течение последних лет происходит строжайший отбор хозработников и что никто из них не гарантирован от «сокращения» при имеющейся у них квалификации и подготовке.

Вторая отмеченная нами категория (партийцы, работающие в средних звеньях), к сожалению, очень немногочисленна, она насчитывает всего 5—6%. Очередная задача в ближайшие месяцы максимально увеличивать эту группу.

Для работы в средних звеньях промышленности мы имеем сравнительно небольшие резервы, которые в дальнейшем, по нашему мнению, должны комплектоваться через соответствующие курсы административных, финансовых и торговых работников, преимущественно из рабочих. Работа в среднем звене требует особой специализации, которая может быть получена лишь путем продолжительной подготовки, что обязывает нас к максимальному уменьшению текучести руководящего состава на этом участке.

Задача учебы, научно-технической подготовки и квалификации стоит и перед 3 категорией, т.-е. всеми активными партийцами и рабочими, работающими на производстве.

Лозунгом дня должен быть: «Даешь цивилизованного хозяйственника!».

Этот тип хозяйственника может выйти только из рабочего класса, строящего социализм. Надо, чтобы за этим лозунгом пошли широкие массы рабочих, могущие дать своему предприятию нужное число руководителей. Поднять культурность и технические знания рабочих, выдвигающих из своей среды промышленный комсостав, начиная от заведующего цехом, директора предприятий и кончая руководителем треста,—эта задача, рассчитанная на долгие годы, должна стать ударной во всей нашей работе. И тогда дело индустриализации пойдет быстрым шагом вперед.

Б. Спектор.

Профсоюзы и работа в деревне[1]).

Вопрос о работе профсоюзов в деревне приобретает сейчас особо важное значение в связи с последними постановлениями XV партс'езда о реконструкции крестьянского хозяйства и перестроении его на социалистический лад, «при усиленном участии профсоюзов во всей общественной жизни деревни».

Вопрос этот имеет уже целую историю. Переходу к новой экономической политике, как известно, предшествовала дискуссия о профсоюзах.

X с'езд партии в марте 1921 г. подвел итог этой дискуссии и дал теоретическую установку нашей политике в области работы профсоюзов вообще и деревенской в частности. Крестьянский вопрос к тому времени встал перед партией во всей его широте.

«Задачи профсоюзов,—гласит резолюция X с'езда,—лежат главным образом в области организационно-хозяйственной и воспитательной. Эти задачи профсоюзы должны выполнять не в качестве самодовлеющей организационно-изолированной силы, а в качестве одного из основных аппаратов советского государства, руководимого компартией».

Профсоюзы «по мере развития коммунистического сознания и творческих сил масс, должны постепенно превратиться в вспомогательные органы пролетарского государства».

В данный же период «профсоюз, систематически заботящийся о всех сторонах жизни и быта рабочего как на фабрике, так и вне ее, может явиться первоначальной школой организационных навыков и политического воспитания для самых широких и даже отсталых масс трудящихся. Свою роль школы коммунизма в данный период профсоюзы выполняют постольку, поскольку они являются руководителями пролетарских масс в деле коммунистической практики, т.-е. практической реорганизации и построения хозяйства на коммунистических началах».

Взяв на себя эту задачу, партия пролетариата должна была обратить и обратила внимание прежде всего на собирание работающих по найму в деревне, дабы через эти организации идейно влиять на все крестьянство. Именно на X с'езде впервые был поставлен вопрос о работе профсоюзов в деревне.

Свое отношение к крестьянству партия выявила на X с'езде не только в резолюции о замене разверстки продналогом, но и в вопросе о профсоюзах и их работе в деревне.

«Очередной задачей партии и профсоюзов в настоящий момент,—читаем мы в резолюции с'езда,—требующей сугубого внимания и напряжения сил, является усиление организационного и идейного влияния городского пролетариата на трудящиеся массы деревни».

[1]) В порядке постановки вопроса.

Отсутствие опыта не дало еще никакого практического материала по работе в деревне. Поэтому с'езд ограничился общими указаниями, в частности о концентрации распыленных по деревням лиц, работающих по найму, вокруг профсоюзных секретариатов.

Ровно через год, на XI с'езде партии, снова пришлось заняться вопросом о профсоюзах. Новое в этих решениях вытекало из создавшихся своеобразных условий нэпа и изменившейся в связи с ними тактики профсоюзов (вопрос об управлении промышленностью, работа на частных и государственных предприятиях и т. д.).

Правда, на работе профсоюзов в деревне с'езд специально не останавливался, но он еще раз подчеркнул необходимость связи партии с массой рабочих, а через них—со всей массой трудящихся.

XIV с'езд партии дал директиву о более близком и гибком приспособлении профсоюзного аппарата к выросшим пролетарским массам и ко вновь втянутым в производство элементам деревни.

К тому времени уже накопился известный опыт профсоюзной работы в деревне. Успеху работы в значительной степени мешал параллелизм, при котором отдельные союзы самостоятельно развивали свою особую культурно-просветительную сеть, поглощая огромное количество средств и сил. В связи с этим XIV с'езд партии постановил:

«Проникновение профсоюзного влияния в деревню в дальнейшем должно итти по следующим четырем линиям: а) через Всеработземлес, б) путем усиления работы союзов, охватывающих сезонных рабочих (главным образом строителей, отчасти горняков и др.), в) путем усиления работы на предприятиях, расположенных в сельских местностях, г) путем усиления работы над новыми рабочими».

С'езд дал ряд указаний, направленных к укреплению работы союза Всеработземлеса и превращению его в подлинно пролетарскую организацию.

В основном же содержание работы в деревне в формулировке XIV с'езда должно быть направлено к содействию культурному под'ему и обеспечению союза города и деревни.

В промежуток между XIV и XV с'ездами нашей партии социалистический сектор народного хозяйства значительно вырос. К XV с'езду мы уже имели несколько миллионов крестьянских хозяйств, об'единенных сельскохозяйственной и другими видами кооперации, колхозами. Системой контрактации было охвачено огромное количество крестьянских хозяйств, которые связались через кооперацию с государственной промышленностью.

Первый камень социалистического фундамента был заложен. «Достигнутые успехи политики партии в деревне и создавшаяся в связи с этим новая обстановка позволяет партии пролетариата принять ряд новых мер, ограничивающих развитие капитализма в деревне и ведущих крестьянское хозяйство к социализму»,—так определил задачу работы в деревне XV с'езд—задачу, рассчитанную на ряд лет. Из резолюции XV партс'езда видно, что нужда в укреплении профсоюзов на селе не только не миновала, но и возросла, что в связи с этим они «должны усилить свое участие во всей общественной жизни деревни». Особо с'езд подчеркнул необходимость «значительного расширения профсоюзами культработы в деревне, особенно среди членов профсоюзов, связанных значительную часть года с крестьянским хозяйством».

Итак, задача активного участия профсоюзов в социалистическом переустройстве деревни не нова,—она была намечена еще IX с'ездом нашей партии, но в теперешний момент непосредственного строительства она приобретает особенно реальное и положительное значение.

Готовы ли профсоюзы к осуществлению возложенной на них задачи? И если нет, то что именно нужно изменить в практике профсоюзной работы в деревне, чтобы ускорить процесс социалистического строительства в сельском хозяйстве и обеспечить необходимое влияние организованного пролетариата на всю общественную жизнь деревни? К этому вопросу мы и подойдем в настоящей статье.

Практика работы профсоюзов в деревне.

С деревней связаны довольно значительные кадры членов профсоюзов. Так, например, около 30% организованных в профсоюзы текстильщиков (около 250 тыс. чел.) проживают в деревне непосредственно и связаны с сельским хозяйством. Около 300 тысяч строителей-сезонников, 100 тысяч торфяников, 70 тысяч сахарников и не меньше 30 тыс. бумажников точно так же проживают круглый год в деревнях.

Если подсчитать одно только это количество, плюс число членов союза сельхозлесрабочих, то мы получим круглую цифру в 2 миллиона.

Фактически это число «деревенщиков» гораздо больше, так как среди членов других союзов (химиков, металлистов, пищевиков, кожевников и пр.) имеется также крепкая связь с землей. Перейдем, однако, к рассмотрению практики профсоюзной работы в деревне. Начнем с наиболее многочисленного и сплошь «деревенского» союза сельхозлесрабочих.

По предварительным данным союза на июль 1927 г. в его рядах находилось 1.189 тыс. организованных рабочих. Из них около 500.000 или 42%—батраки и пастухи, 82.000—в лесничествах, остальная масса членов союза работает по найму в низовой с.-х. кооперации и мелкой кустарной промышленности (139,1 тыс.) в аппарате с.-х. кооперации, земорганах (113 тыс.) и на сплаве, лесозаготовках (78,5 тыс.).

Отличительная черта огромного большинства всей этой массы рабочих—ее связь с сельским хозяйством на своих крохотных, иногда убыточных и почти всегда малодоходных участках. Материалы отдела статистики труда ЦСУ за 1926 г. так рисуют связь батраков с землей:

Батрацкие хозяйства	По РСФСР	По СССР.
	в процентах.	
Без земли	35	36
С землей без посева	5,6	5,5
С посевом без рабочего скота	26,6	29,1
С посевом и рабочим скотом	32,0	29,0
Всех батрацких хозяйств, связанных с землей	64,2	63,6

Из обследованных НК РКИ 10.949 батрацких хозяйств 52,5% батраков имеют бедняцкие хозяйства. По отдельным губерниям этот % поднимается значительно выше.

Из приведенных данных мы видим, что батраки в довольно солидном проценте, от 52 до 64, связаны с землей и сельским хозяйством (считая и беспосевных, но имеющих землю).

Мы не знакомы с имущественным положением батраков—членов союза сельхозлесрабочих. Незнаком с ним и союз. Не рискуя впасть в большую ошибку, мы пользуемся поэтому материалами НК РКИ и ЦСУ.

Спрашивается, как реагирует союз сельхозлесрабочих на наличие у половины всех членов союза—батраков—мелких бедняцких наделов?

К сожалению, никак. Союз зачастую только тогда замечает батраков-«земледельцев», когда они уже успели обрасти и только для того, чтобы поскорее от них отделаться и вытолкнуть из рядов союза.

А ведь как полезно было бы использовать эту категорию трудящихся, связанных с землей в деле вовлечения в союз широких миллионных масс батрачества и роста социалистических элементов хозяйства в деревне.

Приспособив свою работу к запросам и нуждам батраков, способствуя их производственному кооперированию, союз добился бы тем самым усиленного вовлечения батраков в союз, в котором батраки увидели бы действенного защитника своих интересов, орган качественного улучшения своих рядов и т. д.

В постановлениях ЦК сельхозлесрабочих по культработе мы не нашли решительно никаких указаний по части агропропаганды среди батрачества, об отношении союза к сельскохозяйственной кооперации, о совместимости союзного и кооперативного членства в различных видах сельскохозяйственной кооперации (мелиоративной, молочной, птицеводной, семеноводческой и проч.). У ЦК нет даже ясной линии по отношению к членам союза—«земледельцам».

Мы заранее отвергаем всякое подозрение в собственническом уклоне. Мы весьма далеки от мысли об организации союзом земледельческих артелей, коммун и проч. Но в то же время мы считаем совершенно недопустимым замалчивать огромной важности факт наличия у батраков земли и огромной тяги к ней всех, даже и безземельных батраков.

Чрезвычайно характерным для ЦК сельхозлесрабочих является устав кассы взаимопомощи, утвержденный V с'ездом союза. Согласно уставу, пособия батракам выдаются «на приобретение предметов первой необходимости и домашнего обихода простейших орудий производства (топор, пила, лопата)» [1]).

По уставу получается, что, если у батрака нет, например, сапог, то он может на эти нужды получить деньги из кассы взаимопомощи, а вот для внесения пая в кооператив по совместной обработке земли или в мелиоративное товарищество касса взаимопомощи батраку денег выдавать не обязана и не должна.

Согласно уставу, батрак, нуждающийся в ссуде для приобретения сортовых семян, не может рассчитывать ни на какую поддержку кассы взаимопомощи. Даже при крайней ограниченности в средствах, слабости и неорганизованности союзных касс нельзя все же было не предусмотреть и обойти эти нужды громадной части батрачества.

Не менее характерной является политика ЦК и в области культработы среди батраков. В соответствующей резолюции V с'езда союза совершенно обойдены такие вопросы, как агропропаганда и сельскохозяйственное просвещение.

Неудивительна, поэтому, крайняя незначительность охвата союзом батраков. По всему СССР он не превышает 40% [2]).

Дальнейшие перспективы вовлечения в союз новых кадров батраков едва ли можно считать утешительными. По материалам ЦК союза на сентябрь 1926 г. выполнение трудоговоров, заключенных в деревне, идет следующим образом:

Рабочий день выше определенного по договору в 73,3% случаев. В 25 из 100 случаев рабочий день неопределен вовсе. Фактически не имеют выходных дней у частных нанимателей 20% батраков и батрачек, а в нанятых обществами и группами—69,4%, в то время как 99,3% всех трудоговоров (около одного миллиона) было заключено через союз. В общей слож-

[1]) См. Типовой устав волостной районной кассы взаимопомощи, стр. 13.
[2]) Данные ЦСУ за 1926 год.

ности, этими договорами было охвачено только 58% батраков, 33% пастухов и 4% рабочих-кустарей [1]).

Цифры красноречиво говорят, что союз сельхозлесрабочих не удовлетворяет подчас самые элементарные нужды батраков и что виды на массовое вовлечение батраков в союз далеко не блестящи. Условием дальнейшего вовлечения батраков в союз может быть только усиление экономической работы союза.

В 3 пункте устава союза сельхозлесрабочих читаем: «Содействовать росту и укреплению государственного и кооперативного сельского и лесного хозяйства и установлению хозяйственной и культурной связи его с крестьянским хозяйством».

Как раз теперь партия настоятельно требует выполнения этой первостепенной задачи.

Но при изложенной выше политике союза, содействовать укреплению кооперативного сельского хозяйства совершенно невозможно. Как известно, в сельскохозяйственных кооперативах по уставу не должно быть наемных рабочих. Следовательно, и влияния-то негде союзу приложить. Стоя в стороне от сельского хозяйства, также трудно установить культурную связь с отдельными крестьянскими хозяйствами. Между тем, задача союза заключается не только и не столько в том, чтобы снабжать выборными представителями крестьянские организации на низах и в центре, сколько в непосредственном активном участии через своих членов в строительстве и укреплении этой кооперации.

Увы, сделано союзом в этой области микроскопически мало. Союз не сумел использовать свое влияние в деревенских организациях, чтобы способствовать батраку осесть на землю, коллективизироваться, получить кредит, обеспечить помощь близрасположенного совхоза. А ведь так и только так следует понимать 3-й пункт его устава.

Остановимся на методах участия союза сельхозлесрабочих в сельхозкооперации, как мы себе это мыслим.

По старой традиции батрак, в течение года не работавший по найму 3 месяца, исключается из союза. Таким образом происходит «очищение» союза за счет батраков, которые, будучи вытолкнутыми, отдаются в плен кулацкой стихии. Пора с этой традицией покончить. Весь союзный аппарат должен быть приспособлен к производственному кооперированию батрачества. Заведшие же свое хозяйство и исключенные из союза, должны оставаться в течение определенного периода под союзным шефством. Только при таком условии «содействие росту кооперативного хозяйства» будет осуществлено на деле.

Каковы взаимоотношения союза сельхозлесрабочих с другими союзами, члены которых живут круглый год в деревне, как выполняется союзами директива XIV партс'езда «о проведении профсоюзного влияния в деревне через Всеработземлес»,—все это мы увидим ниже из анализа работы других профсоюзов.

Перейдем теперь к другим профсоюзам.

По данным ЦК текстильщиков на 1 января 1926 г. из 216.103 «деревенщиков» владеют домом и землей—151.492 члена союза, или 70% всех живущих в деревне текстильщиков. 14.044 членов союза—17%—имеют пахотную землю, а 48.539 остальных членов союза, проживающих в деревне, или около 28% их, имеют собственные избы.

Таким образом, постоянную связь с землей имеют свыше 77% всех организованных текстилей, живущих в деревне. По Владимирской губ. в

[1]) См. «Как защищать интересы батраков и пастухов». Изд. ЦК союза сельхозлесрабочих. 1927 г.

1926 г. числилось 79.662 членов союза, из них в деревнях проживало 30.600 или 38,5%, по Иваново-Вознесенской губ. % «деревенщиков» доходит до 39, по отдельным же фабрикам—до 65—85%.

Обследования ЦК текстильщиков (1926 г.) дают следующее представление о степени связи с землей членов союза. 4.750 рабочих Высоковской фабрики, в Клинском уезде Московской губ., по земельному признаку можно разбить на три группы. Первая из них (около 60%) имеет полный душевой надел по едокам. Половина этой группы имеет скот (корову, лошадь и 2—3 головы мелкого скота) и сельскохозяйственный инвентарь. Эта группа должна быть отнесена в равных долях к середняцкой и средне-зажиточной части деревни. Вторая группа (25%) охватывает имеющих неполный душевой надел, огороды, частично полевую вспашку, неполный сельскохозяйственный инвентарь, в большинстве случаев одну корову. Эта группа может быть причислена к середняцким слоям деревни. Наконец, третья группа (15%) владеет домом, усадьбой, огородом, коровой.

Далее, из общего числа членов союза на Дулягинской фабрике (1.143) «75% имеют средне-крестьянские хозяйства, 20%—бедняцкие и 5%—кулацкие (2—3 лошади и 2—3 коровы)».

600 текстильщиков из 771, работающих в Нерехтской фабрике, владеют землей и домами.

Уже из одних этих—далеко не полных и отрывочных—данных видно, что среди текстильщиков связь с землей значительно крепче, чем сельхозлесрабочих, и что деревенская часть текстилей далеко не однородна в своем социальном составе.

Не пора ли, кстати сказать, приняться за тщательное изучение вопроса об удельном весе кулацких элементов в среде профсоюзов, которые членской книжкой и профсоюзными привилегиями бронируют себя от соответствующих мероприятий совласти?

Не подлежит сомнению, что раздвоенность нашей политики по отношению к кулаку с профсоюзным билетом и без оного деморализующе действует на психику крестьян и отсталых рабочих и тем самым мешает нашей борьбе с кулачеством.

Как же обслуживается основная масса «деревенщиков» по союзу текстильщиков?

Заседавший в январе текущего года расширенный пленум ЦК союза ни одного слова не сказал о тех мероприятиях, которые должны быть предприняты союзом для удовлетворения нужд «деревенщиков». Из резолюции пленума явствует, что вся работа союза в деревне сводится к культурно-просветительной работе с уклоном в сторону профпросвещения.

Насколько подобная постановка вопроса расходится с жизнью, видно из материалов обследования того же ЦК союза.

«К числу наиболее существенных недостатков в культработе среди рабочих, живущих в деревне, необходимо отнести... обнаружившийся местами сельскохозяйственный уклон в обслуживании рабочих (преобладают сельскохозяйственные темы и доклады в ущерб и за счет осьещения вопросов профессионально-производственного характера).

Другое обследование свидетельствует, что текстилей, связанных с деревней, больше всего интересуют «вопросы быта сельского хозяйства, что подтверждается проявленным интересом к поставленным лекциям по сельскому хозяйству.

Насколько действительно отвечает этим нуждам работа союза, видно из примера Владимирской губернии, в деревнях которой проживают 40% об'единенных в профсоюз текстилей.

С ноября 1926 по август 1927 г. Владимирским губотделом на работу среди членов союза текстильщиков в деревне было израсходовано 11.077 р.

(без данных по фабрике им. Кутузова). Всего же на культработу отчислено, по данным губотдела, 42% членских взносов за год, т.-е. свыше 100.000 руб. Сюда не вошли специальные ассигнования ЦК, отпущенные на культработу Владимирскому губотделу и другие поступления. Таким образом, на 40% членов союза, живущих в деревне, израсходовано едва ли больше 10% всех ассигнованных на культработу средств.

Факт чрезвычайно поучительный и в комментариях не нуждающийся.

В заключение остановимся на методах культработы среди «деревенщиков».

В резолюции указанного пленума ЦК союза отмечается: «Приступить к оборудованию красных уголков в селах, где окажется не менее 100 членов союза, или договориться... об использовании изб-читален там, где они имеются»...

Трудно себе представить более общую и расплывчатую директиву.

Повидимому, симпатии ЦК текстильщиков на стороне красных уголков, так как они начинают именно с них, а не с изб-читален. Как конкретно использовать избы-читальни, к чему должно сводиться содержание работы в ней, об этом опять-таки ни слова в решениях пленума.

Союз строителей насчитывает в своих рядах не менее 300 тысяч рабочих, постоянно проживающих в деревне и периодически уходящих на заработки в город.

Заранее оговоримся, что вопрос о связи строителей с деревней не изучен, и потому сколько-нибудь подробными и точными материалами мы не располагаем.

В ноябре 1926 года третий пленум ЦК союза строительных рабочих дал директиву о работе в деревне среди членов союза, главным образом, отходников и сезонников. Директива имела в виду культработу в течение четырех зимних месяцев пребывания отходников и сезонников в деревне. Культработу рекомендовалось проводить в избе-читальне совместно с Политпросветом или союзом Всеработземлес. Там же, где имеется больше 500 человек сезонников, рекомендовалось устраивать, в случае надобности, избу-читальню на собственные средства союза, в целях профсоюзного просвещения и поднятия интереса сезонника к союзу. Взаимоотношения между местными органами политпросвета и союзом регулировались соответствующими договорами, по которым политпросветы обязывались обеспечивать избы-читальни лекторскими силами, ликвидаторами неграмотности и всякого рода учебными пособиями. Часть расходов на эти нужды брал на себя союз соответственно количеству своих членов. Октябрьский пленум ЦК союза строителей в 1927 году подтвердил свою прежнюю точку зрения о необходимости проведения работы на селе, совместно с Главполитпросветом. Методы работы здесь, как видно, более приемлемые для деревни по сравнению с союзом текстильщиков, который в своей деревенской работе выступал и выступает совершенно самостоятельно.

В то же время молчаливый отказ от услуг союза сельхозлесрабочих, свидетельствует о том, что взаимоотношения и сотрудничество между этими союзами в области культработы, оставляют желать лучшего. Приведем некоторые данные о работе союза строителей в деревне.

Согласно «сводке о проделанной работе в деревне за зиму 1926/27 г.», видно, что в 9 губерниях, в которых проживает преобладающая масса организованных строителей (Владимирская, Ярославская, Рязанская и др.), существовало около 70 союзных изб-читален. Руководство избами-читальнями со стороны союза осуществлялось через уездных уполномоченных, выделявшихся в уездах, где проживало не менее 5.000 членов союза. Между прочим, подбор уполномоченных, судя по материалам, носил случайный характер: выделялись почти сплошь незнакомые с профработой люди. Работа в избах-читальнях носила в большинстве случаев политпросветительный уклон. Контроля союза над избами-читальнями Главполитпросвета, работающими на договорных началах с союзом строителей, осуществить не удавалось. Средства союза фактически шли на обычные политпросветительные нужды изб-читален.

Таким образом, попытки организации в избах-читальнях профессионально-просветительной работы не увенчались для союза успехом.

Тем не менее, как было указано, на последнем пленуме ЦК союза подтвердил свое решение о необходимости работы с Главполитпросветом на договорных началах. И это понятно. При недостатке культурных сил в деревне, сезонности культработы, отсутствии у союза специального культурно-просветительного аппарата текстильщики не могли вести свою культработу в деревне иначе, чем через политпросветы и избы-читальни.

Насколько скудны средства, отпускаемые местными губотделами для деревенской работы, видно из отчета Ярославского губотдела за декабрь—апрель 1926/27 года. За это время губотделом израсходовано на содержание 4 собственных изб-читален и субсидирование 11 политпросветских по всей губернии 2.625 руб. 70 к. Понятно, что на таких средствах далеко не уедешь. Нижегородский губотдел истратил в 1925/26 году 2.500 руб., однако, не на избы-читальни, а на содержание 10 уполномоченных в 11 волостях (ныне институт уполномоченных по союзу всюду упразднен).

ЦК союза на деревенскую работу израсходовал за 3 года (с 1924 г. по 1926/27 г. включительно) всего 108 тыс. руб., т.-е. по 33 коп. на каждого сезонника в течение 3 лет,—сумма крайне незначительная.

Следующие данные показывают, насколько рационально использовывались ассигнованные средства.

За время с 1926 по 1927 год по 6 губотделам было израсходовано в деревне всего 16.624 руб. 98 коп. Из них на административно-хозяйственные расходы—9.098 руб. 89 коп., или около 47,8%, на собственно, культурные нужды—7.526 руб. 9 к., или около 39,5%. Расходы нераспределенные выражаются в сумме 1.891 руб. 94 коп.

Таким образом, средства, израсходованные на культработу союза в деревне, крайне мизерны и ни в коем случае не соответствуют ни времени, ни значению работы в деревне, где сезонники проживают 4 месяца, сплошь свободные от работ.

Бросается в глаза интерес к профсоюзной грамоте в деревне. Из материалов по 9 губерниям видно, что количество проведенных бесед и прочитанных лекций на профсоюзные темы вдвое больше всех остальных.

В течение 1926/27 гг. по 9 губерниям при избах-читальнях существовали 59 с.-х. кружков и 53 профсоюзных. Это доказывает, что тяга к сельскохозяйственным знаниям у членов союза строителей, живущих в деревне, огромная.

Состояние деревенской работы немногим отличается от отмеченных выше союзов.

«Деревенщиков» в этом союзе числится свыше 80.000 чел., или около 70%. Связь их с сельским хозяйством недостаточно выявлена, но она, безусловно, выше, чем во многих других союзах. Как известно, сахарозаводы почти сплошь расположены в деревнях, у источников сырья, свекловичных плантаций. Производство на этих заводах очень кратковременно, не более 2—2½ месяцев в году. Ясно, прожить на свой заработок сезонник не в состоянии. Он вынужден поэтому заниматься сельским хозяйством и кустарными промыслами. Что это так, видно из следующей таблицы ЦК сахарников на 1/I—28 г.

Наименование отдельных категорий рабочих	Численность каждой категории	Удельный вес в %%	Из них связанных с землей
1) Постоянные рабочие	27.634	24,7	24%
2) Сезонные	48.702	70%	45,8%
3) Поденные	4.649		439,%
4) Безработные	39.924		52,1%

Из таблицы видно, что из общего числа членов союза, постоянных рабочих только около 25%. Остальная масса рабочих-сахарников на ¾ полукрестьянская.

По далеко не полным материалам, связь с землей у этой категории рабочих-сахарников довольно высокая—от 44 до 55% и выше.

Данные переписи, произведенной союзом сахарников в феврале 1926 г., свидетельствуют, что 40% членов союза обладают недвижимым имуществом. Что касается сведений о распределении этого недвижимого имущества, то они имеются только в отношении 24,3%, или 26.000 хозяйств членов союза. Почти все хозяйства состоят из дома, усадьбы и определенного надела земли. Сведений о рабочем скоте в нашем распоряжении не имеется вовсе.

Указанные 26.000 хозяйств распределяются следующим образом:

1) 8.840 чл. союза или 34% сезонников имеют до 1 дес. земли.

2) 13.260 чл. союза или 51% сезонников имеют от 1 до 3 дес. земли.

3) 3.900 чл. союза или 15% сезонников имеют свыше 3 дес. земли.

Так как данные указанной переписи относятся, главным образом, к сезонникам черноземной полосы СССР, последнюю группу хозяйств с наделом земли свыше 3 дес. можно отнести к разряду зажиточных, если не кулацких.

Основная работа союза в деревне—ликвидация безграмотности—проводится через политпросветы при организованной материальной помощи губотделов. В целях обслуживания «деревенщиков», низовые организации союза входят в договорные соглашения с культучреждениями деревни. Окружным и районным об'единениям союза предложено выделить 20% из культфонда для этой работы.

В директивах ЦК культурные нужды «деревенщиков» совершенно не учтены.

Самый показательный премированный на конкурсе красный уголок при Бобровицком сахзаводе (Конотопский округ), не провел ни одной беседы или лекции на сельскохозяйственную тему.

Профсоюз сахарников,—это можно сказать и про многие другие союзы—решает вопрос очень просто: вместо того, чтобы возиться с какой-то агропропагандой, сельхозкооперацией и прочей «прозой», они всех «деревенщиков» зачисляют в категорию чистых пролетариев, союз на 100% становится пролетарским и тем самым автоматически исключается необходимость в какой-то особенной работе в деревне.

Из всех обследуемых союзов отрадное исключение представляют горняки. Принципиальная установка ЦК в деревенской работе целиком соответствует решениям XV с'езда.

Прошлогодняя резолюция ЦК союза по культработе среди торфяников в зимнее время обязывает местные организации согласовывать свою работу с уездными и волостными политпросветами.

Касаясь содержания работы изб-читален, *организуемых на средства союза*, совещание наметило два пути: производственно-профессиональный и *сельскохозяйственный*. Второй путь необходим в целях обслуживания запросов сельскохозяйственной массы торфяников, т.-е. той их части, которая существует преимущественно на доходы от сельского хозяйства.

Не забыта и кооперация. Резолюция совещания указывает на необходимость параллельного ведения агро- и кооп-пропаганды в контакте с местными кооперативными организациями.

Достаточное внимание уделяется вопросу снабжения изб-читален литературой по вопросам сельского хозяйства, профдвижения и кооперации. Вопрос о финансовой базе деревенской работы разработан конкретно и четко. «Расходы на работу среди торфяников в зимнее время производятся из соответствующего фонда ЦК в строго плановом порядке, по сметам, утвержденным ЦК.

Распределение расходов по отдельным статьям должно быть, примерно, следующее: а) на организационные расходы не более 20%; б) на политпросветработу—40% и в) на ликбез—40%.

Общая сумма средств, ассигнованных на работу в деревне союзом на текущий год, определяется в 56.083 руб. 16 коп., в том числе из средств союза на эту цель отпущено 10.559 руб. 10 коп.

За один год на 100.000 торфяников горняки израсходовали свыше 86.000 руб., т.-е. на 20.000 меньше, чем строители за 3 года на 300.000 сезонников. Есть, впрочем, одно неприятное общее у горняков и строителей. Из 35.000 руб., ассигнованных союзом горняков на зимнюю культработу, фактически израсходовано было только 22 тысячи рублей.

Обследование работы среди торфяников в Жиздринском уезде, Брянской губ., вскрывает причины этой добродетельной «экономии». В районе отмечается крайне пассивное отношение деревенской интеллигенции к избам-читальням. Об'ясняется это в значительной степени нищенской оплатой труда в избах-читальнях. За обучение взрослого неграмотного, требующее напряженного труда в продолжение 2—3 месяцев, преподаватель получает всего 5 рублей. Месячная оплата избача колеблется от 15 до 26 руб.

После этого становится совершенно понятным то безразличное и пассивное отношение деревенской интеллигенции к избам-читальням. Кустарничество, работа на авось, профсоюзная цеховщина и патриотизм (свои рабочие, свой красный уголок) при колоссальнейшем недостатке культурных сил в деревне и ограниченности средств—подобная система воспитания масс должна быть решительно пресечена. Нам не удалось обследовать все союзы, но опрошенные нами ЦК химиков, железнодорожников, бумажников, прямо признались, что никакими материалами о своей работе в деревне они не располагают по той простой причине, что этой работы не ведут.

Подводя итоги, мы остановимся мимоходом на деревенской работе профсоюзов.

Почти все директивы ВЦСПС о работе среди «деревенщиков» имеют в виду пребывание последних на производстве, а не на земле. Попытка культотдела ВЦСПС (на II всесоюзном культсовещании) об'единить в своих руках зимнюю работу в деревне, оказалась неудачной. ЦК каждого союза продолжал итти своей собственной дорогой на свой «страх и риск», без общего плана и руководства.

Такое положение сигнализирует опасность отрыва профсоюзов от массы организованных рабочих, тесно связанных с землей.

Существующая установка в культурной и экономической работе профсоюзов (за исключением профсоюза горняков), совершенно не увязана с типичной особенностью российского пролетариата—постоянной и традиционной связью части его с землей. Разумеется, можно по разному реагировать на эту социальную черту наших рабочих, но пройти мимо нее недопустимо.

С нашей точки зрения, эту связь огромной массы наших рабочих нужно использовать как могущественное средство влияния на пролетариат и руководства с его стороны неорганизованным крестьянством, ибо это является важнейшим условием «об'единения и преобразования мелких индивидуаль-

ных крестьянских хозяйств в крупные коллективы» (из резолюции по докладу тов. Молотова на XV с'езде ВКП(б).

Вот почему профсоюзы должны построить свою работу в деревне, так, чтобы способствовать широкой коллективизации хозяйства огромной массы членов союза, проживающих в деревне.

Попутно будет решена и другая, не менее важная задача. Мы уже видели, что по некоторым профсоюзам процент кулацких хозяйств угрожающе высок (текстильщики, сахарники). В то время, как по всему СССР % кулацких хозяйств в среднем не превышает 5, в указанных профсоюзах отношение кулацких хозяйств к общей массе хозяйств членов профсоюзов значительно выше (15 : 100).

Кроме того, в перспективе вероятно перерастание многих зажиточных хозяйств членов профсоюзов в явно-кулацкие. Мимо этой опасности профсоюзы пройти не могут.

Нужно учесть, что в основном зажиточный рабочий вовсе не стремится окулачиться. Поэтому отмеченная опасность кулацкого обрастания может быть в значительной степени, если не целиком, устранена об'единением рабочих-«деревенщиков» в сельскохозяйственные коллективы и кооперации под идейным и практическим руководством союза.

Какими практическими задачами связывает профсоюзы работа в деревне? Во-первых, профсоюзы должны покончить с кустарничеством, цеховщиной и патриотизмом в культработе, передоверив ее всецело политпросветам, договорившись о характере и содержании ее в центре и на местах.

Вместе с тем, нужно увеличить ассигнуемые средства для культнужд; за союзами, таким образом, должен остаться идейный и финансовый контроль над работой политпросветов.

Во-вторых, пора выявить принципиальное отношение профсоюзов в кооперации, в особенности к отдельным видам сельскохозяйственной кооперации (мелиоративной, животноводческой, машинной, свекловичной и пр.). Нужно четко разграничить, в каких пределах и до какого момента профсоюзы ведут свою кооперативную работу в деревне и когда они передают ее непосредственно кооперативным органам. Некоторые товарищи высказывают опасение, что усиленная агрономическая и кооперативная работа среди «деревенщиков» сильно отразится на численности рабочего класса.

Опасения эти вряд ли основательны. Наоборот, от ухода рабочих-«деревенщиков» в земледелие пролетариат только выиграл бы, так как на место «деревенщиков», т.-е., по сути дела, полукрестьян-полупролетариев, в производство и профсоюз пришли бы чистые пролетарии, не имеющие никаких других источников существования, кроме фабрики.

Однако, союзы не выполнят своей политической роли, если они, ограничиваясь одной пропагандой, не примутся за конкретную помощь переходящим на землю членам профсоюзов. Не следует забывать, что этот переход связан у нас с потерей прав и преимуществ для членов профсоюзов.

Принятие шефства над кооперированными хозяйствами членов профсоюзов, юридическая помощь должны занять в этой работе одно из первых мест.

Методов тут много, у каждого союза они могут быть разные. Важно, чтобы союзы осмыслили, наконец, необходимость работы среди «деревенщиков», и чтобы они через нее осуществляли руководящее влияние пролетариата на неорганизованное крестьянство. И тогда постановления XV парт-с'езда о работе в деревне будут выполнены.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

К. Бутаев.

К вопросу о постановке теоретических проблем переходной экономики.

(По поводу книги А. Леонтьева и Е. Хмельницкой «Очерки переходной экономики», 1927 г.).

Теоретический интерес к переходной форме хозяйства растет из года в год. Практика социалистического строительства и десятилетнее существование переходного периода в СССР требуют также своего теоретического осмысливания. Вместе с тем эта же практика дает уже некоторый «сырой материал» для теоретических обобщений закономерностей переходной экономики. В силу этих причин все чаще и чаще появляются на свет отдельные статьи, книги и даже отдельные исследования некоторых теоретических проблем переживаемого нами периода. Но все эти работы имеют характер отдельных экскурсов без достаточно серьезного обоснования и выяснения основ методологии теоретического исследования переходной экономики.

Как общее явление ни в одной еще теоретической работе не дана до сих пор развернутая характеристика качественной особенности переходной экономики, не выяснен еще ее «чистый абстрактный тип», с которого должно быть начато ее теоретическое изучение и которое видоизменяет методологические подходы к такому изучению. До сих пор почти все теоретики переходного хозяйства отправляются, с одной стороны, от капитализма, с другой — от социализма. И переходная экономика представляется им некоим сожительством этих двух систем, некоим их «химическим сродством» (по выражению Леонтьева и Хмельницкой). Отсюда у всех у них те же приемы изучения переходного хозяйства, какие они применяют, или, вернее, Маркс применял, к изучению производственных отношений при капитализме, тот же метод без каких - либо видоизменений и те же понятия и категории, что и при капитализме. В силу такого идеологического отставания от реальных отношений в жизни и в экономике все эти теоретические работы почти ни насколько не подвинули вперед постановку и исследование теоретических проблем переходного хозяйства. А жизнь, практика социалистического строительства и широкие массы требуют от советских ученых теоретического изучения переходной экономики. Попытки, которые были сделаны в этом направлении страдают вышеуказанными общими недостатками. К таким попыткам относится, несомненно, и новая работа тт. Леонтьева и Хмельницкой «Очерки переходной экономики».

Эта работа «представляет собою,—по свидетельству самих авторов,—опыт разбора ряда существенных вопросов переходного хозяйства». Книга затрагивает и освещает не в с е проблемы переходной системы хозяйства, а только н е к о т о р ы е, которые в совокупности должны,—по замыслу авторов,—представить особенности переходного хозяйства, его «новое качество», его, так сказать, социально новое «лицо». Второй ряд проблем, «связанных с воспроизводством» системы в целом, с его условиями динами-

ческого равновесия и тенденциями развития переходной экономики», авторы относят ко второй части своей работы, еще не появившейся.

Но в книге ставится тем не менее ряд основных проблем переходного хозяйства. Авторы пытаются теоретически осмыслить и анализировать переходное хозяйство, как качественно особую систему хозяйства, вскрыть его основные закономерности и их формы проявления, ставят перед собой проблему распределения, денег и кредита в переходном хозяйстве. Своей главной задачей авторы считают «систематизацию и обобщение целого ряда положений, выдвинутых как опытом хозяйственного строительства СССР, так и теоретической марксистской литературой». И в этой систематизации и обобщении до сих пор сказанного в этом отношении—главное достоинство книги, как книги, подытоживающей достигнутый уже уровень теоретического анализа и изучения переходного хозяйства, на основе практики последнего в своих конкретных проявлениях в хозяйстве СССР.

Книга, однако, не только суммирует вышедшие до сих пор в печати теоретические экскурсы в область переходного хозяйства, но пытается дать и новую постановку некоторых теоретических проблем (напр., проблемы распределения). Однако, в этих новых постановках не доводится до конца необходимая при этом оригинальность и глубина, которые требуются самим фактом постановок проблем. Поэтому книга в основном остается на уровне достигнутого и имеет больше компилятивный, чем самостоятельно-исследовательский характер.

Таков общий характер этой работы, как теоретической. Мы возьмем несколько основных проблем переходного хозяйства, нашедших свое освещение и постановку на страницах этой книги, и проследим за их теоретико-познавательным значением.

1. Об основном качестве переходной экономики.

Одной из основных теоретических проблем переходного хозяйства является познание и уяснение качественного своеобразия и особенности переходной системы хозяйства, нахождение, так сказать, его типа, а для целей научного исследования его «чистого абстрактного типа». Авторы названной книги, как и все, кто до сих пор занимался теоретическими вопросами советского хозяйства, хотя и ставили перед собой эту задачу, но тем не менее либо не могли ее решить, либо решали ее неверно.

Авторы книги подразделяют хозяйственные формы в основном только на два типа: на капиталистическую и некапиталистическую. К последней они относят и докапиталистические и послекапиталистические формы. Причем у них в данном случае речь идет не только об отношениях некапиталистических, но и *нетоварных* (стр. 22). Можно было бы думать, что у них в данном месте речь идет о разграничении «чистых» экономических форм. Но когда они дают формулировку: «Единое, сознательно-организованное *общество-хозяйство* — такова *послекапиталистическая* структура, взятая в чистом виде» (стр. 27), то тут уже становится ясным исходный момент в определении качественной особенности переходного хозяйства, как социалистической системы, *только* с капиталистической частью или капиталистическим привеском. Простое товарное хозяйство у них по существу не отделяется от капиталистического. Эти две формы хозяйства в основном они характеризуют как схожие формы хозяйства. «Простое товарное производство—первая *ступень капиталистического производства*» (стр. 48).

Отсюда они делают вывод, что «переходное хозяйство представляет собой не механическую смесь, а *химическое соединение* элементов прошлого и будущего в их определенном сочетании (стр. 80), «те элементы гетерогенно-стихийного типа, которые имеют место в переходном хозяйстве, носят на своем челе отчетливую печать своего *товарно-капиталистического* происхождения и природы» (стр. 81).

Вот это-то определение качественного своеобразия переходного хозяйства мы считаем неверным, ибо оно не только не определяет этого своеобразия, но запутывает, затушевывает и смазывает его.

Мы не можем, конечно, сказать, что авторы везде и всюду не отличают эти две формы хозяйства друг от друга. Но тот факт, что они основное качество переходной экономики видят в единстве социалистического и капиталистического укладов, говорит о том, что они неверно определяют историческое качественное своеобразие переходной экономики.

Верно, что простое товарное хозяйство при свободной торговле «ежедневно и ежечасно рождает капитализм». Но это еще не значит, что простое товарное хозяйство есть капитализм. Ссылка на Ленина (стр. 48) тут не помогает. Ибо Ленин говорил всегда *о том непременном условии* «рождения» капитализма из мелко-товарного хозяйства, которое дается *свободной необобществленной торговлей*. «Получается на основе известной (хотя бы и местной) *свободы* торговли возрождение мелкой буржуазии и капитализма» (т. XVIII, 215). «Свобода торговли означает рост капитализма». «Если есть мелкое хозяйство, если есть *свобода* обмена—появляется капитализм» (там же, стр. 197, 198, 199). Для того, чтобы мелко-товарное хозяйство было, или сделалось, «первой ступенью капитализма», недостаточно одного его наличия. Необходимо наличие и свободной торговли на основе частной собственности. При этом условии мелко-товарное хозяйство «ежечасно, ежеминутно рождает капитализм», но само все же не является капитализмом. При наших условиях наиболее общим и массовым представителем мелко-товарного производителя является середняцкое хозяйство в земледелии. По смыслу положения Леонтьева и Хмельницкой, он является капиталистом, хотя бы в начальной, «первой» ступени. Однако, из того обстоятельства, что из середняка при свободной торговле может родиться и кулак и наемный рабочий, еще нельзя делать вывода, что середняк — капиталист, буржуа, как это делала совсем недавно оппозиция. «Он отчасти собственник, отчасти труженик. Он *не эксплоатирует* других представителей трудящихся» (Ленин, т. XVI, стр. 147). Он еще, следовательно, не капиталист, не буржуа и не наемный рабочий. Он и собственник средств производства и продукции и в то же время производитель, труженик. Середняк—это тип мелкого товаропроизводителя. Признание его капиталистом, хотя и в начальной стадии, опрокидывает всякую возможность правильного понимания существа переходной экономики, на какой путь фактически становятся авторы «Очерков переходной экономики». Ибо отсюда уже совсем недалеко до отрицания каких-либо «принципиально-иных» особенностей переходной системы. И вместе с тем также недалеко до отрицания, или в лучшем случае замалчивания некапиталистического пути развития мелко-товарной формы хозяйства в условиях ведущей роли крупной промышленности периода диктатуры пролетариата.

По существу мы имеем *четыре* основные предпосылки и условия некапиталистической эволюции мелко-товарного производства вообще и крестьянского в частности. *Первая* предпосылка лежит в самой структуре мелко-товарного производства. Классический тип мелкого товарного производства характеризуется непосредственным единством средств производства и рабочей силы. Владелец рабочей силы—производитель—в то же время является собственником средств производства. Поэтому структура самого этого производства основана на соответствии средств производ-

ства и рабочей силы ($\frac{Сп}{Рс}$ = 1—условно). Владение средствами производства на правах частной собственности сближает его с капиталистом. Наоборот, владение им же и рабочей силой сближает его с рабочим. Он—их единство. И в этом его двойственная природа. И в этой его двойственной природе заложена возможность как капиталистической, так и некапиталистической эволюции мелко-товарного производства. Если бы не была заложена такая возможность в самой структуре этой формы производства, то его окружение в виде свободной торговли на основе частной собственности или обобществленной торговли сами по себе еще не могли бы обеспечить тот или иной путь развития. Та или иная форма торговли способствует тут превращению заложенной в самой структуре возможности к той или иной форме эволюции в реальную, действительную форму движения, основа, предпосылка которого заложена в самой структуре этого способа производства. В этом смысле Маркс и говорит о разлагающем влиянии торговли на «те организации производства..., которые во всех своих различных формах имеют своей целью главным образом потребительную стоимость. Но в какой степени она влияет на разложение старого способа производства, это сначала зависит от его прочности и внутреннего строя. А к чему приводит этот процесс разложения, т.-е. какой новый способ производства выступает на место старого, это зависит не от торговли, а от характера самого старого способа производства»[1]).

Таким образом, если считать непреложной истиной, что мелко-товарное производство всегда и всюду, «ежечасно и ежеминутно рождает капитализм», то это означает признание мелко-товарного способа производства с такой внутренней структурой, в которой заложена только одна единственная возможность капиталистической эволюции при всяком и всяческом окружении и всякой исторической среде, которая опосредствует этот способ производства. Такая постановка вопроса не может считаться верной, ибо на основе ее логически придешь обязательно к неверным теоретическим выводам, а, следовательно, и к неправильным практическим выводам для экономической политики пролетарского государства.

Но, однако, одно констатирование заложенной в самой структуре мелко-товарного производства возможности к некапиталистической эволюции, конечно, еще не решает вопроса. Для превращения этой возможности в реальную форму движения нужны еще дополнительные условия, как нужны дополнительные условия для превращения возможности кризиса, заложенной в простом товарном обмене (Т—Д—Т), в реальный кризис капиталистического хозяйства. Тут должна выступить вторая предпосылка некапиталистической эволюции мелко-товарного и, главным образом, крестьянского середняцкого хозяйства. Эта вторая предпосылка дана в обобществленной крупной промышленности, которая является ведущей все народное хозяйство отраслью в нашей переходной экономике. Если бы эта ведущая крупная промышленность была дана в форме частнокапиталистических предприятий, то историческая среда, создаваемая этой формой промышленности, превращала бы возможность капиталистической эволюции мелко-товарного производства в реальную форму эволюции этой формы хозяйства. Каждая форма крупной промышленности подчиняет и ведет мелкое производство по своему «образу и подобию». Обобществленная социалистическая крупная промышленность, наоборот, способствует превращению возможности некапиталистического социалистического развития в реальную форму эволюции мелко-товарного производства. И этим самым создается одно из условий социалистического пути развития этой формы производства.

[1]) «Кап.», III, ч. 1. Курсив наш. *К. Б.*

Но один самый факт обобществления крупной промышленности еще не превращает этой возможности в реальную форму движения. Тут выступает фактор формы связи этой промышленности с крестьянским хозяйством, как третья необходимая предпосылка превращения данной в самой структуре возможности социалистического развития в реальную форму эволюции мелкого производства. Если эта форма связи остается частной свободной торговлей на основе частной собственности, то тем самым форма воздействия ведущей промышленности на мелкое производство остается формой свободной частной торговли, и тем самым само это воздействие в желательном для обобществленной промышленности направлении сводится почти на-нет. И, следовательно, возможность некапиталистической эволюции мелкого производства остается только возможностью, а возможность капиталистической эволюции на основе частной собственности на средства производства в этом производстве и частнособственнического торгового окружения делается реальной формой эволюции. Вот почему вопрос об обобществленной торговле, которая замыкает цепь обобществленного окружения мелкособственнического производства, становится необходимой предпосылкой, необходимым условием социалистической эволюции этой формы производства. Обобществленная промышленность и обобществленная торговля создают ту новую историческую среду, в которой возможность некапиталистического развития мелкого производства, заложенная в самой его структуре, превращается в реальную форму эволюции.

Это отмечает еще Маркс (см. «Письма М. и Э., стр. 264—266). Оба исхода капиталистической и некапиталистической эволюции мелкого производства в земледелии на основе общности земли—Маркс считал «а priori возможными». «Но как для одного, так и для другого, очевидно, нужны совершенно различные исторические среды» (Архив, кн. 1, стр. 274). Значит, все дело фактически сводится к «исторической среде», которая окружает мелкое производство. Если его окружают частнохозяйственная капиталистическая крупная промышленность и свободная торговля, свободный обмен,— мы имеем его капиталистический путь эволюции. Если его окружают обобществленная крупная промышленность и обобществленный обмен, обобществленная торговля, то мы, наоборот, должны иметь некапиталистический путь эволюции. На этом, ведь, принципе построен кооперативный план «врастания» мелко-товарных производителей в социализм. На этом, ведь, принципе основан знаменитый лозунг Ленина о торговле, как о центральном «звене в исторической цепи событий, в переходных формах нашего строительства, за которое надо ухватиться всеми силами» и без которого мы не можем овладеть всей цепью и, следовательно, не построим социализма. И этот лозунг означал не что иное, как борьбу за третью предпосылку социалистического развития крестьянского хозяйства, которая замыкала бы на ряду с первыми двумя предпосылками совокупность условий создания той «исторической среды», которая необходима для превращения возможности некапиталистической эволюции в реальную форму движения мелкого производства.

Если при всякой форме торговли мелкий товарный производитель неминуемо врастает в капитализм, а потому является капиталистом, то Ленин, вероятно, зря предлагал ухватиться за торговлю, как за центральное звено цепи в строительстве социализма, ибо это был бы сизифов труд. Мы «родили» бы вместо социализма капитализм. Тогда ни о какой некапиталистической эволюции мелкого производства говорить вообще нельзя. Но это было бы уже чистым отрицанием основ марксизма и ленинизма в этом вопросе, и само это отрицание не отличалось бы ничем от обыкновенного вульгарного ревизионизма.

Наконец, четвертой предпосылкой, четвертым условием некапиталистического пути развития мелко-товарного производства является воздействие государственной власти, государственных органов на процесс движения этой формы хозяйства. Мероприятия внеэкономического порядка, составляющие существенную часть экономической политики пролетарского государства и направленные по линии обеспечения роста социалистических элементов хозяйства и эволюции мелкого производства в сторону социализма, а не капитализма, способствуют созданию условий этой эволюции и тем самым превращают об'ективно данную в структуре мелкого производства возможность в действительную форму врастания его в социализм.

Для нахождения, следовательно, основного качества переходной экономики, недостаточно констатирования факта ежечасного рождения капитализма из мелко-товарного производства при всяких и всяческих условиях и опосредствованиях. Это качество лежит по линии единства социалистического и мелко-товарного (крестьянского) укладов хозяйства. Это единство не есть противоречивое единство только социализма и капитализма. Это единство есть противоречивое единство социалистического и мелко-товарного укладов. Но это противоречивое единство качественно существенно отличается от единства социализма и капитализма. Противоречие хозяйственной системы переходного периода, которое двигает вперед эту систему, лежит по линии единства этих двух укладов, но не по линии социализма плюс капитализм. Единство противоречий может быть реальным диалектическим единством в том случае, когда части этого единства не имеют об'ективной возможности раздельного существования. В этом отношении единство социализма и капитализма под это условие не попадает. Ибо и социалистический уклад и капиталистический сектор сами по себе могут об'ективно существовать раздельно. Этого нельзя сказать относительно единства социалистической промышленности и крестьянского мелко-товарного сельскохозяйственного производства. Помимо этого, факт двойственной природы мелко-товарного крестьянского производства обнаруживает две тенденции эволюции. Факт этой двойственной тенденции развития в единстве с социалистической промышленностью в совокупности дает то необходимое противоречие абстрактного типа переходной экономики, которое двигает вперед систему этой экономики. На основе невозможности раздельного существования двух этих укладов на основе общности интересов производителей в этих укладах, как производителей и там и здесь, система переходной экономики развивается по пути преодоления противоречий и превращения противоречивого единства в непосредственное единство без противоречий. В этом—основное качественное своеобразие переходной экономики, и из этого надо исходить при анализе закономерностей этой экономики.

Неверная по существу установка авторов «Очерков переходной экономики» в этом вопросе приводит к неясной и нечеткой и по существу неверной постановке вопроса о судьбе мелко-товарного производства в переходный период. Считать переходную экономику единством социалистического и капиталистического укладов—это значит по существу признать невозможность отыскания исторического своеобразного и характерного типа системы переходной экономики. И тут, конечно, не помогает и другая ссылка на Ленина (т. XVI, 347). Ленин говорил, что переходный период между капитализмом и коммунизмом «соединяет в себе черты и свойства обоих этих укладов». Но соединение черт и свойств обоих этих укладов еще не означает, что переходное хозяйство есть соединение капитализма и коммунизма. Черты или свойства коммунизма в переходном хозяйстве выражаются в новых производственных отношения обобществленного сектора. Черты или свойства капитализма относятся к формам учета продукции в переходном хозяйстве и «товарному типу» связи различных

отраслей, а также к побежденному, но еще не окончательно уничтоженному капитализму. Но этот последний—не единственный и не основной сектор переходной экономики рядом с социалистическим. Не в «химическом соединении» социализма и капитализма — основное качество переходного хозяйства. Такого «химического соединения» вообще не может быть, ибо, кроме товарной формы проявления производственных отношений, у этих двух секторов ничего общего нет, ничто их не об'единяет в структуре самих этих укладов. Нет общих черт во внутреннем строе производства. Одна форма проявления не дает «химического соединения», если нет внутренних качественных связей, цементирующих внутреннее единство двух противоположностей. Авторы книги видят «химическое сродство» только в форме «Социалистическое хозяйство обладает химическим сродством с товарно-капиталистической структурой лишь в том случае и при том условии, когда оно принимает фетишистическую, стихийно-рыночную, ценностную (валористическую) форму производственных отношений» (стр. 110—111). Тут не «химическое сродство», которого не может быть, а «механическая смесь», ибо «форма проявления» сама по себе не дает и не может дать «химического единства» двух противоположных способов производства.

Если «между капитализмом и социализмом лежит длительная переходная эпоха» (стр. 38) и последняя представляет, по терминологии авторов, «химическое сродство» капитализма и социализма лишь по форме (а это означает механическую смесь по существу), то ясно отсюда, что «сожительство двух диаметрально-противоположных принципов» (стр. 78) неизбежно ведет к борьбе и только к борьбе между социализмом и несоциалистическим сектором хозяйства, который для авторов книги является не чем иным, как капитализмом. Авторы видят, следовательно, по существу только два основных сектора переходного хозяйства: социализм и капитализм, между которыми происходит постоянная борьба. А это ведь знакомая нам постановка вопроса в трудах Преображенского.

2. Об исходном моменте теоретического анализа переходной экономики.

К такой постановке вопроса привело авторов смешение мелко-товарного производства с капиталистическим. Благодаря этой установке они упустили из поля зрения главную характерную особенность переходного периода. На эту особенность, однако, указывал еще тов. Бухарин. «Для переходного периода характернейшей чертой является в основном двухклассовое общество, где проблема города и деревни, индустрии и сельского хозяйства, крупного и мелкого производства... выражает главную классовую проблему, проблему соотношения между рабочим классом и крестьянством» («Об экон. платформе оппозиции», сборн., 29). Проблема классов и классовых противоречий в переходный период не снимается. Это прекрасно знают и авторы «Очерков переходной экономики». Указывая на то, что пролетарская революция происходит не в «чистом» капиталистическом обществе, а в таком, где «имеются еще такие остатки прежних хозяйственных форм, как многомиллионное крестьянство, многочисленная мелкая буржуазия», авторы продолжают: «Поэтому даже после полной (курсив наш. *К. Б.*) победы над капиталистами проблема классовых отношений в стране не только не исчезает, но, напротив, встает во весь свой рост» (стр. 37).

Казалось бы, что этой самой постановкой вопроса авторы подошли весьма близко к определению «характернейшей черты» переходной экономики, как противоречивого единства двух экономических укладов: социали-

стического и мелко-товарного. Ибо, что еще может означать полная победа над капиталистами, как не уничтожение противоречия между рабочим классом и капиталистами, или как не сведение, по крайней мере, этого противоречия до минимума внутри страны уничтожением экономической базы существования капиталистического класса. Но, несмотря именно на победу рабочих над капиталистами, несмотря на существование многомиллионного «мелкого производителя», которого пролетарская революция уничтожить сразу не смогла и не может,—проблема классовых противоречий по существу остается у авторов в плоскости отношений рабочих и капиталистов. Ибо, переходная экономика, как химическое соединение социалистического и товарно-капиталистического,—означает не что иное, как экономическую основу классовых отношений двух классов: рабочих и капиталистов. (Тут, само собой разумеется, мы отвлекаемся от международного капитализма). Следовательно, хотя авторы указывают на классовые противоречия в переходном хозяйстве по линии мелко-товарных производителей и рабочих, но фактически понимают эти противоречия, как противоречия между рабочими и капиталистами, ибо для них простое товарное хозяйство безоговорочно—первая ступень капиталистического, а следовательно, и середняк—по своей природе тоже капиталист, хотя бы и в начальной стадии.

Такое понимание приводит к таким выводам, которые нельзя признать правильными. Классовые противоречия не снимаются в переходный период—это верно. Но есть ли основание предполагать, что между пролетариатом, с одной стороны, и основным классом мелко-товарных производителей,—с другой, в переходный период классовые противоречия усиливаются («встают во весь рост») и что между ними постоянная борьба и только борьба?.. (с. 78). Мы считаем эти два вывода авторов книги необоснованными и по существу неверными. Между этими двумя классами происходит борьба. Это верно. Но эта борьба основана не на эксплоатации одного другим, а на форме обладания средствами производства и готовой продукции. На одной стороне мы имеем частную форму собственности—в секторе мелко-товарном. На другой стороне мы имеем общественную форму собственности—в секторе социалистическом. Это создает между этими секторами, а следовательно, и между двумя указанными классами, противоречия, которые рождают борьбу за свою систему, за свою форму обладания и средствами производства и готовой продукцией. Это с одной стороны. С другой стороны, система переходного хозяйства не организована так, чтобы в самой организационной структуре его был заложен момент необходимой эксплоатации одного класса другим. (Сюда не относится момент неэквивалентного обмена между социалистическим и мелко-товарным секторами).

Вместе с тем и там и здесь и производители, и потребители тожественны. И там и здесь производители—собственники и средств производства и продукции (хотя и в различной форме собственности). И там и здесь производители те же потребители. В этих моментах, следовательно, кроется их общность интересов и отсутствие противоречий между обоими классами. На этих, ведь, моментах экономически был основан как военно-политический союз рабочих и крестьян в дни революции, и основан теперь их экономически-политический союз в период хозяйственного строительства. Поэтому классовые противоречия в переходный период не усиливаются в сравнении с капиталистическим строем, если под основными классами в этот период понимать класс рабочих и класс мелко-товарных производителей. Поэтому между ними не только есть и происходит борьба, но есть и происходит также сотрудничество. Оба класса по существу друг другу не враждебны, друг друга не эксплатируют. Следовательно, нет оснований для усиления противоречий между ними. Наоборот, имеются достаточно глубокие основания для постепенного ослабления и постепенного уничтожения всяких противоречий между

ними. Переходный период по существу есть период уничтожения этих противоречий. В этом и заключается та основная черта переходной системы, которая отличает ее от всех существующих систем хозяйства.

Авторы указанной выше книги по существу не заметили этой основной отличительной черты переходной экономики. Поэтому-то у них проблема характеристики этой экономики осталась на прежней, старой плоскости.

И отсюда та неверная методологическая установка, с которой они подходят к теоретическому исследованию переходного хозяйства. Авторы не нашли тот «абстрактный тип» переходного хозяйства, с которого надо начать теоретическое изучение переходной экономики. Между тем она была уже в основном указана тем же Бухариным. «Если ставить,—говорит он,—перед собой задачу исследования переходного хозяйства в его историческом своеобразии, то необходимо брать в качестве предельной абстракции двух-классовое общество, т.-е. комбинацию пролетарской госпромышленности и крестьянского хозяйства» («Правда», 1926 г., № 153). Основное «историческое своеобразие» переходного хозяйства именно в этом сочетании, в этом двухклассовом обществе. Вне этого исходного, отправного пункта анализа мы будем брать все советское хозяйство в целом, как «предельную абстракцию», но на деле будем исходить только из одного сектора, а именно—из социалистического, что фактически и делают авторы «Очерков переходной экономики». Их «трехсекторное» хозяйство фактически превращается в односекторное, несмотря на их подгонку под «химическое сродство» всех трех секторов хозяйства.

Если мы откажемся исходить из двухклассового общества из двухсекторной системы, как характерной и основной особенности переходной экономики, то мы будем просто-напросто, по существу, эволюционизировать и «трансформировать» капитализм в социализм, если все, кроме социализма, принимать за капитализм. Если верно, что «социализм не может вызреть в рамках капиталистического хозяйства» (стр. 39), то «врастание капитализма» в социализм эволюционным и трасформационным путем, без революции и скачков также представить невозможно, если не становиться на точку зрения ревизионизма и социал-демократии. А ведь авторы «Очерков переходной экономики» понимают под трансформационным процессом «осуществление социализма, трансформацию хозяйства... как длительный процесс» (42) и как «трансформацию капиталистических производственных отношений в социалистические отношения трудового товарищества» (стр. 32). Таким образом, у них капитализм автоматически врастает в социализм под «трансформационными явлениями и процессами, которые прямо или косвенно, посредственно или непосредственно, являются результатом телеологического воздействия, направленного к социалистическому преобразованию хозяйственных отношений» (стр. 33)... Борьба «диаметрально противоположных принципов» (социалистического и кипиталистического) внутри «химического сродства», таким образом, приводит под телеологическим воздействием пролетарского суб'екта хозяйства к пожиранию капиталистических отношений социалистическими, а вместе с тем и к пожиранию и мелко-товарных отношений, поскольку они тоже подводятся под рубрику капиталистических. Мы имеем, следовательно, борьбу и только борьбу, но никакого сотрудничества между секторами и классами. Тут, несомненно, выглядывает логика Преображенского. Она только выступает в другой, несколько прикрытой, форме.

Есть два основных исходных момента в деле теоретического изучения переходной экономики: 1) либо считать наше переходное хозяйство амальгамой социалистических и капиталистических отношений,—тогда есть только один путь, по которому обязательно нужно итти — это путь тов. Преображенского; 2) либо считать, что основная характерная особенность переход-

ного хозяйства заключается в единстве, «химическом сродстве» социалистических и мелко-товарных отношений,—тогда надо итти по верному пути, по которому еще никто глубоко и далеко не пошел из теоретиков переходного хозяйства. Авторы «Очерков переходной экономики» пошли по первому пути. Поэтому они не только не дали чего-либо нового в постановке проблем и методологии исследования переходного хозяйства, но, наоборот, повторили только уже сказанное и по существу неверно сказанное.

3. Нужна ли особая теоретическая система для переходной экономики?

Поскольку авторы книги обнаруживают такой неудачный подход к характеристике переходного хозяйства в целом, постольку они делают неверный вывод и относительно теоретического изучения переходного хозяйства. Раз переходная экономика для них «химическое сродство» только социалистических и товарно-капиталистических отношений, то проблема теоретического изучения и исследования остается в плоскости теоретической экономии, изучающей производственные отношения капиталистической системы. «Ни статика, ни динамика послекапиталистической экономической структуры общества не содержит проблем теоретико-экономического порядка» (стр. 27). При этом авторы считают, что послекапиталистическая экономическая структура и есть социализм. В таком случае, конечно, верно, что социалистическая экономическая структура «не содержит проблем теоретического порядка». Но послекапиталистическая экономическая структура общества еще не является социалистической структурой. Между социализмом и капитализмом лежит длительная переходная эпоха. Экономическая структура этой эпохи не является т о л ь к о смесью капитализма и социализма. И поэтому «задача исследования переходной экономики» не может быть решена только «к о м б и н и р о в а н н о й т е о р е т и к о - о п и с а т е л ь н о й р а б о т о й» (с. 81), подразумевая под теоретической частью этой работы теоретическую экономию, изучающую капиталистические производственные отношения.

Авторы утверждают, что «для переходной экономики н е л ь з я создавать особой теоретической системы, ибо это станет в в о п и ю щ е е п р о т и в о р е ч и е с о с н о в а м и м а р к с и с т с к о й т е о р е т и к о - э к о н о м и ч е с к о й м е т о д о л о г и и» (стр. 80, курсив наш. *К. Б.).* Это утверждение нельзя признать правильным.

Во-первых, нельзя отрицать и авторы не отрицают, что производственные отношения в переходную эпоху принципиально и н ы е, чем в капиталистическую эпоху. Качественное своеобразие и особенность этих отношений не может быть полностью познана только той теорией, которая изучает производственные отношения капитализма. Раз об'ект изучения и исследования принципиально иной, а в этом сомнения не может быть, то и подход и метод этого исследования, оставаясь твердо на базе диалектического материализма, должен меняться в зависимости от качественного своеобразия исследуемого об'екта. С каких это пор в марксистской литературе стало «непреложной истиной», что марксистский метод не должен видоизменяться в зависимости от своеобразия исследуемого об'екта? С каких это пор «марксистская теоретико-экономическая методология» обязует изучать особые, принципиально иные производственные отношения одной и той же теорией? Маркс, ведь, совершенно недвусмысленно указал, что «нельзя никогда притти к пониманию» различных явлений и качественно различных об'ектов, «пуская в ход повсюду и всегда одну и ту же отмычку какой-либо историко-философской теории, самое высшее достоинство которой заключается в ее надисторичности». («Письма М. и Эн.», стр. 267).

В о - в т о р ы х, известно положение Маркса, что «если бы форма проявления и сущность вещей совпадали—наука была бы излишней». На этом положении базируются и тт. Леонтьев и Хмельницкая (стр. 101). Отсюда вывод может быть сделан такой, что теоретическая экономия, как наука, изучает «сущность вещей»—производственные отношения капитализма—в «формах их проявления», в категориях капиталистического хозяйства. С другой стороны, известно положение Гегеля, не оспариваемое никем из марксистов, что форма не есть ничем не связанное с сущностью бытие. «Она (форма) лишь явление сущности в самой себе, собственная, ей присущая рефлексия» (Куно-Фишер, т. VIII, стр. 514). Форма проявления сущности должна и не может не быть адэкватной последней. Отсюда вывод, что форма проявления принципиально иных «новых» производственных отношений переходного хозяйства не может быть «ничем не связанное с ними бытие». Она должна быть адэкватной этим отношениям, им присущей, чтобы через изучение и исследование ее можно было попутно изучить и исследовать самую сущность, т.-е. производственные отношения переходного хозяйства. Возможно ли познание этой сущности через изучение и исследование только к а п и т а л и с т и ч е с к и х ф о р м проявления?

Нам кажется, что нельзя. Мы не можем отрицать, что рыночные категории имеют место в переходном хозяйстве. Равным образом нельзя отрицать возможность искажения адэкватности форм проявления «сущности вещей» в период изменения последних. Но изучение только капиталистических форм не может привести к изучению сущности явлений в переходном хозяйстве. В противном случае нам нужно будет з а р а н е е з н а т ь, что «новое содержание сочетается со старой формой» (стр. 262), что «под товарной ф о р м о й скрывается совершенно и н о е с о д е р ж а н и е людских производственных отношений» (стр. 265). А это означает, что мы должны знать заранее то, что исследуем через «форму проявления». Поэтому сводить все к «старой капиталистической форме» и «новому содержанию» и в этом видеть ц е н т р а л ь н у ю п р о б л е м у (стр. 105), которая должна быть решена теоретической экономией, изучающей капиталистические производственные отношения через изучение их адэкватных форм проявления,—это значит, не решать проблему, а отходить от нее и направлять ее решение не по тому руслу, по которому оно должно итти. Рыночные категории играют в переходном хозяйстве «роль костылей» (стр. 104), являются «двойным искажением и затемнением действительной сущности отношений» (стр. 306, 307), создают «своеобразный д у а л и с т и ч е с к и й характер переходной системы хозяйства» (стр. 276 и 305)—эти выводы сами по себе не решают теоретических проблем переходного хозяйства и сделаны автором книги не только на основе изучения «формы проявления» сущности отношений, но и на основе заранее ими допущенного постулата, что эти отношения принципиально иные, чем их формы проявления, и последние не соответствуют первым... Раз факт двойного искажения и несоответствия «форм проявления», «сущности отношений» имеется налицо, то уже тем самым, с одной стороны, дана трудность и невозможность изучения этих отношений только через их «форму проявления» и только с помощью того теоретического оружия, которое мы имеем для изучения капиталистических производственных отношений через их адэкватную форму проявления». С другой же стороны, мы знаем, что каждый тип производственных отношений людей придает вещам, через посредство которых эти отношения проявляются, особое «общественное свойство», социальную форму, а д э к в а т н у ю этому типу отношений. Благодаря этому и получается овеществление общественных отношений, непосредственное сращение материальных отношений производства с их и с т о р и ч е с к и - о б щ е с т в е н н о й ф о р м о й» (Кап., т. III, ч. 2, стр. 359).

Формы проявления производственных отношений в переходный период товарно-рыночные, стоимостные. Но это вовсе не значит, что эти формы

должны быть обязательно капиталистическими формами и служить формами проявлений диаметрально противоположной сущности отношений.

Товарно-рыночная форма проявления людских отношений сама по себе еще не есть капиталистическая форма. Ибо товарная форма отношений свойственна не только капиталистическому способу производства. «Денежное и товарное обращение,—говорит Маркс,—может обслуживать сферы производства самых разнообразных организаций, которые по своей внутренней структуре все еще имеют главной целью производство п о т р е б и т е л ь н о й стоимости». (Кап., т. III, ч. 1, стр. 312). Нельзя поэтому говорит о том, что формы проявления сущности отношений в переходном хозяйстве капиталистические и только и что товарно-рыночные категории не являются свойственными, адэкватными формами проявления сущности производственных отношений в переходном хозяйстве.

Авторы книги видят теоретические проблемы переходного хозяйства только в несоответствующих старых формах проявления «сущности вещей» этого хозяйства. Это «своеобразное расщепление внешних форм, внешней оболочки... и социального содержания производственных отношений вытекает из своеобразного д у а л и с т и ч е с к о г о характера переходной системы хозяйства» (276), как системы, составляющей «химическое сродство» двух диаметрально-противоположных хозяйственных систем: социалистической и капиталистической. И отсюда они делают вывод, что в «вопросе о форме проявления и форме действия хозяйственного принципа в переходную эпоху заключается п р о б л е м а, и этой проблемы часто не замечали в прежнее время» (стр. 105).

Всем и каждому известно теперь, что «форма проявления хозяйственного принципа» в переходную эпоху остается товарно-рыночной, стоимостной. Но знать это и переносить проблему только на форму как на нечто, не соответствующее самой «сущности вещей», переносить все теоретическое изучение переходной экономики на «чужеродную», имеющую самостоятельное от сущности бытие, форму,—это значит по существу ничего не знать и ничего не узнать в теоретическом отношении в переходном хозяйстве. Изучение сущности производственных отношений в переходном хозяйстве может успешно подвинуться вперед только при изучении ей присущей, исторически данной формы проявления, которая реально дана в товарно-рыночных формах. Но такое изучение одновременно будет означать изучение не только формы, но и сущности в процессе изучения, ибо в противном случае мы тогда потеряем всякое «рациональное зерно» нашей теории в бесплодных абстракциях. Ибо, если дана только форма товарного производства и обращения, то, исходя т о л ь к о из этой формы, еще нельзя знать и изучить переходное хозяйство. Еще, ведь, Маркс говорил, что «производство товара и обращение товаров представляют явления, свойственные самым р а з н о о б р а з н ы м с п о с о б а м п р о и з в о д с т в а, хотя и в различном масштабе. Мы, следовательно, ровно ничего н е з н а е м о д а н н ы х с п о с о б а х п р о и з в о д с т в а, об их differentia specifica, мы н е м о ж е м с о с т а в и т ь с е б е о н и х н и к а к о г о п о н я т и я, р а з н а м и з в е с т н ы т о л ь к о о б щ и е и м в с е м а б с т р а к т н ы е к а т е г о р и и т о в а р н о г о о б р а щ е н и я»[1]).

В - т р е т ь и х, слишком упрощенное и по существу неверное понимание переходной системы хозяйства не позволяет авторам сделать верного вывода насчет теории переходной экономики.

Они говорят: «Не будь в переходном хозяйстве элементов д в у х (подчеркнуто авторами. *К. Б.)* хозяйственных типов (социалистического и товарно-капиталистического)—мы не имели бы никакого права говорить об

[1]) «Кап.», I, стр. 82, примеч. Курсив наш. *К. Б.*

этом хозяйстве, к а к о п е р е х о д н о м. Нельзя же в самом деле представлять себе переходный тип хозяйства чем-то вроде промежуточного полустанка между двумя станциями» (стр. 255—6). Переходным он является потому, что представляет «химическое сродство» «двух кругов: социалистического и частнохозяйственного» (стр. 255). Отсюда вытекает у них логически вывод о «комбинированной» науке о переходном хозяйстве.

Но если говорить с точки зрения исторической динамики хозяйственных форм, то нет вообще никаких станций и полустанков. Еще ведь Энгельс говорил, что и «капиталистическое производство, будучи п е р е х о д н о й экономической фазой, преисполнено внутренних противоречий» («Письма М. и Э.», стр. 328). Нельзя представлять себе и социализм и капитализм какими-то двумя постоянными станциями, между которыми переходное хозяйство движется, как экспресс или как «Максим Горький».

Каждая система хозяйства представляет собой переходное хозяйство, и каждая такая хозяйственная система на определенный исторический отрезок времени имеет вполне определенную, исторически-видоизменяющуюся систему людских производственных отношений, вполне определенную форму проявления этих отношений и вполне определенные, этой исторической форме хозяйства свойственные внутренние противоречия, двигающие вперед всю хозяйственную систему.

Переходная экономика не представляет собой только мимолетное явление с точки зрения исторического развития хозяйственных отношений вообще. Хозяйственные отношения этого периода являются сами по себе вполне определенными и историческими. Они развиваются в противоречивых формах. И в этом развитии имеют устремление не на усиление, а на уничтожение этих внутренних противоречий, т.-е. развиваются в социалистические отношения. Эти исторически вполне определенные отношения переходной экономики, историческое единство внутренних противоречий, характерные имманентные закономерности системы, качественное своеобразие,—лежат в плоскости отношений и единства социалистического и мелко-товарного секторов. Как и всякая другая система хозяйства, переходная экономика, как исторически преходящая система, конечно, не представляет ни полустанка, ни станции. Но система отношений ее в их исторической динамике имеет вполне определенные закономерности. Для вскрытия и познания этих закономерностей необходимо анализировать их как в исторической статике (вертикальный разрез), так и в их исторической динамике (горизонтальный разрез). Поэтому приходится исследователю представлять эти отношения в своей голове в роде станции или полустанка, как это делается и в отношении капиталистической системы. И поскольку такой «полустанок» или «станция» не похожи ни по качеству, ни по историческому месту на прежние абстрактные «станции» — постольку нельзя их познать только «комбинированной теоретико-описательной» наукой, как наукой, представляющей собою «химическое сродство» (сиречь «механическую смесь») двух наук: описательной и теоретической, изучающей только капиталистическую «станцию». Поэтому необходимо создание новой, о с о б о й теории, теории переходного хозяйства. «Анализ всех... сложных переплетов и выведение основных закономерностей развития составляют т е о р и ю п е р е х о д н о г о х о з я й с т в а» (Бухарин, «Правда», 1926 г. № 148). Этой теории еще нет, но она должна быть создана.

(Продолжение следует).

должны быть обязательно капиталистическими формами и служить формами проявлений диаметрально противоположной сущности отношений.

Товарно-рыночная форма проявления людских отношений сама по себе еще не есть капиталистическая форма. Ибо товарная форма отношений свойственна не только капиталистическому способу производства. «Денежное и товарное обращение,—говорит Маркс,—может обслуживать сферы производства самых разнообразных организаций, которые по своей внутренней структуре все еще имеют главной целью производство потребительной стоимости». (Кап., т. III, ч. 1, стр. 312). Нельзя поэтому говорит о том, что формы проявления сущности отношений в переходном хозяйстве капиталистические и только и что товарно-рыночные категории не являются свойственными, адэкватными формами проявления сущности производственных отношений в переходном хозяйстве.

Авторы книги видят теоретические проблемы переходного хозяйства только в несоответствующих старых формах проявления «сущности вещей» этого хозяйства. Это «своеобразное расщепление внешних форм, внешней оболочки... и социального содержания производственных отношений вытекает из своеобразного дуалистического характера переходной системы хозяйства» (276), как системы, составляющей «химическое сродство» двух диаметрально-противоположных хозяйственных систем: социалистической и капиталистической. И отсюда они делают вывод, что в «вопросе о форме проявления и форме действия хозяйственного принципа в переходную эпоху заключается проблема, и этой проблемы часто не замечали в прежнее время» (стр. 105).

Всем и каждому известно теперь, что «форма проявления хозяйственного принципа» в переходную эпоху остается товарно-рыночной, стоимостной. Но знать это и переносить проблему только на форму как на нечто, не соответствующее самой «сущности вещей», переносить все теоретическое изучение переходной экономики на «чужеродную», имеющую самостоятельное от сущности бытие, форму,—это значит по существу ничего не знать и ничего не узнать в теоретическом отношении в переходном хозяйстве. Изучение сущности производственных отношений в переходном хозяйстве может успешно подвинуться вперед только при изучении ей присущей, исторически данной формы проявления, которая реально дана в товарно-рыночных формах. Но такое изучение одновременно будет означать изучение не только формы, но и сущности в процессе изучения, ибо в противном случае мы тогда потеряем всякое «рациональное зерно» нашей теории в бесплодных абстракциях. Ибо, если дана только форма товарного производства и обращения, то, исходя только из этой формы, еще нельзя знать и изучить переходное хозяйство. Еще, ведь, Маркс говорил, что «производство товара и обращение товаров представляют явления, свойственные самым разнообразным способам производства, хотя и в различном масштабе. Мы, следовательно, ровно ничего не знаем о данных способах производства, об их differentia specifica, мы не можем составить себе о них никакого понятия, раз нам известны только общие им всем абстрактные категории товарного обращения»[1]).

Во-третьих, слишком упрощенное и по существу неверное понимание переходной системы хозяйства не позволяет авторам сделать верного вывода насчет теории переходной экономики.

Они говорят: «Не будь в переходном хозяйстве элементов двух (подчеркнуто авторами. *К. Б.*) хозяйственных типов (социалистического и товарно-капиталистического)—мы не имели бы никакого права говорить об

[1]) «Кап.», I, стр. 82, примеч. Курсив наш. *К. Б.*

этом хозяйстве, как о переходном. Нельзя же в самом деле представлять себе переходный тип хозяйства чем-то вроде промежуточного полустанка между двумя станциями» (стр. 255—6). Переходным он является потому, что представляет «химическое сродство» «двух кругов: социалистического и частнохозяйственного» (стр. 255). Отсюда вытекает у них логически вывод о «комбинированной» науке о переходном хозяйстве.

Но если говорить с точки зрения исторической динамики хозяйственных форм, то нет вообще никаких станций и полустанков. Еще ведь Энгельс говорил, что и «капиталистическое производство, будучи переходной экономической фазой, преисполнено внутренних противоречий» («Письма М. и Э.», стр. 328). Нельзя представлять себе и социализм и капитализм какими-то двумя постоянными станциями, между которыми переходное хозяйство движется, как экспресс или как «Максим Горький».

Каждая система хозяйства представляет собой переходное хозяйство, и каждая такая хозяйственная система на определенный исторический отрезок времени имеет вполне определенную, исторически-видоизменяющуюся систему людских производственных отношений, вполне определенную форму проявления этих отношений и вполне определенные, этой исторической форме хозяйства свойственные внутренние противоречия, двигающие вперед всю хозяйственную систему.

Переходная экономика не представляет собой только мимолетное явление с точки зрения исторического развития хозяйственных отношений вообще. Хозяйственные отношения этого периода являются сами по себе вполне определенными и историческими. Они развиваются в противоречивых формах. И в этом развитии имеют устремление не на усиление, а на уничтожение этих внутренних противоречий, т.-е. развиваются в социалистические отношения. Эти исторически вполне определенные отношения переходной экономики, историческое единство внутренних противоречий, характерные имманентные закономерности системы, качественное своеобразие,—лежат в плоскости отношений и единства социалистического и мелко-товарного секторов. Как и всякая другая система хозяйства, переходная экономика, как исторически преходящая система, конечно, не представляет ни полустанка, ни станции. Но система отношений ее в их исторической динамике имеет вполне определенные закономерности. Для вскрытия и познания этих закономерностей необходимо анализировать их как в исторической статике (вертикальный разрез), так и в их исторической динамике (горизонтальный разрез). Поэтому приходится исследователю представлять эти отношения в своей голове в роде станции или полустанка, как это делается и в отношении капиталистической системы. И поскольку такой «полустанок» или «станция» не похожи ни по качеству, ни по историческому месту на прежние абстрактные «станции» — постольку нельзя их познать только «комбинированной теоретико-описательной» наукой, как наукой, представляющей собою «химическое сродство» (сиречь «механическую смесь») двух наук: описательной и теоретической, изучающей только капиталистическую «станцию». Поэтому необходимо создание новой, особой теории, теории переходного хозяйства. «Анализ всех... сложных переплетов и выведение основных закономерностей развития составляют теорию переходного хозяйства» (Бухарин, «Правда», 1926 г. № 148). Этой теории еще нет, но она должна быть создана.

(Продолжение следует).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

КАК СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ ОСВЕЩАЮТ ПЕРЕД РАБОЧИМИ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА.

Г. Бинshток.—«Введение в мировое хозяйство». Берлин, 1927 г. Стр. 164.

(Einführung in die Weltwirtschaft von Gregor Bienstock, Berlin, 1927. S. 164).

Небезызвестный русский меньшевик Григорий Бинshток подвизается в настоящее время в качестве гастролера при «агитпропе» германской социал-демократии, как специалист по мировому хозяйству. Курс его лекций, читанный им в Берлине на общеобразовательных рабочих курсах и в рабочих аудиториях Гамбурга, издан теперь социал-демократическим издательством, как «руководство для преподавателей и слушателей рабочих курсов». В своих лекциях Бинshток стремился не только осветить основные проблемы современного мирового хозяйства, но и охарактеризовать программу социал-демократии по вопросам мирового хозяйства.

По ряду причин, книга заслуживает сугубого внимания.

Первые главы работы посвящены анализу основных проблем мирового хозяйства. Нельзя отказать автору в умении изложить свою тему. Весьма сжато, использовывая богатый фактический и цифровой материал, автор очень интересно, местами даже увлекательно освещает важнейшие вопросы мирового хозяйства. Он дает определение мирового хозяйства, излагает историю его образования, международное движение населения, миграцию капиталов, разделение труда в мировом хозяйстве и образование цен на мировом рынке. Мы не будем останавливаться на изложении упомянутых разделов. Отдельные проблемы освещаются автором весьма ярко и в общем правильно, это особенно относится к экспорту капитала, борьбе за рынки сырья и характеристике новейшей таможенной политики, как орудия наступления монополистических об'единений. Встречаются, конечно, мелкие ошибки, неправильные формулировки, неточные выражения. Но дело не в этом!

На всей работе в целом лежит резкий отпечаток меньшевистских взглядов на современный капитализм. Автор излагает современное мировое хозяйство, как будто бы оно не пережило за последнее десятилетие глубочайших изменений. По Бинштоку война—это только небольшой этап в истории современного капитализма, на время прервавший поступательный ход его развития. Война кончилась—капитализм развивается попрежнему и даже в некоторых отраслях быстрее, чем до войны (например, глубокомысленные замечания о темпе роста оборотов мировой торговли после войны, стр. 104). Ни одним словом, ни одним намеком у автора не отмечены ни глубочайший кризис капиталистического мирового хозяйства после войны, ни колоссально усиливающиеся антагонизмы внутри мирового хозяйства. Как будто бы за эти десять лет ничего не произошло. СССР вообще выпал из поля зрения Бинштока. Его слушатели не должны знать, что победивший пролетариат СССР нанес зияющую рану мировому капитализму. Лишь в одном месте автор упоминает о Советской России и то только для того,

чтобы гнусно ошельмовать величайшее завоевание социалистического строительства. Для автора «монополия внешней торговли советской России является не шагом вперед от капиталистических хозяйственных методов в направлении к социалистическому мировому хозяйству, но скорее регрессом, возвращением к методам внешней торговли ранней эпохи торгового капитализма» (стран. 133). Мы будем иметь еще случай остановиться на «концепции» автора, что Россия находится на начальной ступени капиталистического развития.

Последние главы автор посвящает «организации мирового хозяйства и международной политике социализма». Сперва он дает сжатую характеристику современного этапа капитализма-империализма. Определяя империализм, как политику финансового капитала, он—верный теории Каутского—считает, что империализм может вести и мирную политику, «что он не должен быть воинственным» (стран. 149) и становится таковым только при известных обстоятельствах. Затем автор переходит к установлению своего рода линии социалистической программы в отношении империализма. Тут на сцену в первую очередь всплывает теория Гильфердинга об «организованном» капитализме, положенная теперь, как известно, в основу программы международной социал-демократии. По мнению автора, развитие монополистических об'единений в рамках отдельных государств повело к тому, что в мировом хозяйстве друг другу противостоят не раз розненные, отдельные капиталистические предприятия, а единые капиталистические организации, благодаря чему «создаются необходимые предпосылки, что эти национальные, борющиеся друг с другом капиталистические организации придут к соглашению об экономической эксплоатации мира» (стран. 152). Дальнейшее развитие мирового хозяйства ведет к тому, что «конкуренция на мировом рынке будет ограничена, будет происходить распределение рынков сбыта товаров, экспорт капитала будет производиться по взаимному соглашению, другими словами—капиталистическое мировое хозяйство организуется» (стран. 153). Если эти тенденции имели уже место и до войны, то в настоящее время они во много раз усилились и «организованность мирового хозяйства может сегодня развиваться тем легче, что международный капитал сегодня находится на более высокой ступени концентрации, чем до войны» (там же). Мы не будем останавливаться на критике теории «организованного капитализма», которая есть не что иное, как несколько модифицированная старая теория Каутского об ультра-империализме. Эти теории уже давным-давно подвергнуты у нас исчерпывающей критике. Достаточно хотя бы напомнить, что об этом писал Ленин. «Спрашивается, «мыслимо» ли предположить, при условии сохранения капитализма (а именно такое условие предполагает Каутский), чтобы такие союзы (об'единения между капиталистическими государствами. *М. И.)* были не кратковременны, чтобы они исключали трения, конфликты и борьбу во всяческих и всех возможных формах. Достаточно ясно поставить вопрос, чтобы на него нельзя было дать иного ответа, кроме отрицательного. Ибо при капитализме немыслимо иное основание для раздела сфер влияния интересов, колоний и пр., кроме как учет силы участников дележа, силы общеэкономической, финансовой, военной и т. д... Поэтому «интер-империалистские» или «ультра-империалистские» союзы,—в какой бы форме эти союзы ни заключались, в форме ли одной империалистской коалиции против другой империалистской коалиции, или в форме всеобщего союза всех империалистских держав,—являются неизбежно лишь «передышками» между войнами» (Ленин, «Империализм», стран. 89. ГИЗ, 1926 г.).

Какую же политику должен повести, по мнению автора, по отношению к этому «организованному капитализму» пролетариат? Рассуждения автора настолько интересны, что заслуживают, чтобы на них остановиться

более подробно. В первую очередь, он констатируест, что лозунгом пролетариата не может быть в настоящее время возвращение к «свободной игре хозяйственных сил». Автор должен признать, что это значило бы отдать целиком мировое хозяйство в руки монополистических об'единений, и ему не остается ничего другого, как констатировать, что пролетариат—против «монополизации важнейших источников сырья могущественными капиталистическими группами, монополистического образования цен и т. д.» (стран. 159).

Как же бороться с этими монополистическими об'единениями? И тут автор разворачивает свой «смелый» план: «Как это ни звучит парадоксально с точки зрения буржуазного учения о свободе торговли, необходимо создать международный контроль над капиталистическими союзами» (стран. 159). Это требование автор считает важнейшим пунктом современной интернациональной экономической программы социализма!!!

Однако, затем автор сам пугается своей смелости. «Может ли социализм ставить себе сегодня эту цель?»—робко спрашивает автор (стран. 160). В рамках одного государства, по мнению автора, это вполне достижимо. Г. БинШток, ничтоже сумняшеся, утверждает, что «внутри государства капиталистические силы находятся под постоянным контролем демократического государства» (всюду разрядка моя. *М. И.*). Таким образом, по мнению автора, в настоящее время капиталистические тресты находятся под бдительным контролем государства, действующего в интересах широких демократических масс!!! Опровергнуть это замечательное открытие мы можем предоставить... самому же Бинштоку. Несколькими страницами раньше, говоря о роли финансового капитала, он следующим образом характеризует влияние последнего на современные государства: «На этой ступени развития (в эпоху финансового капитала. *М. И.*) имеет место внутреннее переплетение между государством и капитализмом. В этом сплетении, однако, государство все более и более превращается в орудие финансового капитала... Финансовый капитал подчиняет государственный аппарат своим целям» (стр. 146, разрядка моя. *М. И.*). Итак, государство, с одной стороны, игрушка в руках финансового капитала, с другой—это же государство призвано защищать интересы рабочих от хищнической политики трестов. У автора правая не знает, что творит левая.

Тезис о контроле современного государства над трестами нужен автору для того, чтобы доказать возможность организации контроля над международными об'единениями. Для этого должно иметься только междугосударственное образование, которое могло бы взять на себя осуществление этого контроля. Однако, ничего нового создавать, по мнению Бинштока, не нужно. Такое междугосударственное образование существует не более не менее, как в лице «Лиги Наций с ее экономическими комитетами, международными экономическими конференциями и т. д.». Вследствие этого все эти конференции, созываемые Лигой Наций, так важны для пролетариата, ибо «здесь создана трибуна, с которой социализм может влиять на международное общественное мнение» (стран. 160, разрядка моя. *М. И.*).

Сделав это замечательное открытие, автор, однако, спохватывается, что все это уже социал-демократы неоднократно твердили рабочим в продолжение последних лет. На практике, однако, пролетариат убеждался, что вся эта болтовня с «трибуны» Лиги Наций никакого влияния на политику финансовых заправил не имела и нисколько не улучшила положение рабочего класса. Прекрасно зная, что пролетариат стремится не к тому, чтобы попытками мелких реформ улучшить свое положение при капитализме, а к тому, чтобы сбросить ярмо капитализма навсегда, автор немедленно принимается доказывать, что капитализм в настоящее время настолько прочен, что стремление к его свержению является «несбыточными мечтаниями». Прикидываясь невинным агнцем, он пишет: «Среди известной (разрядка моя. *М. И.*) части мирового пролетариата распространено мнение, что капиталистическое мировое хозяйство идет навстречу гибели, что мировой капитализм неизбежно обречен на уничтожение» (160). Чтобы опровергнуть это «мнение известной части мирового пролетариата», мнение, которое, как известно, до недавнего прошлого разделялось даже II Интернационалом, автор сводит вопрос о гибели капитализма к вульгарнейшему пониманию теории Розы Люксембург. «Вера в гибель мирового капитализма связывается с всеобщим процессом индустриализации мирового капитализма,—пишет автор.—Капитализм имеет якобы смысл до тех пор, пока он индустриализирует и цивилизирует мир, когда же этот процесс индустриализации и цивилизации в основном закончен, тогда нет жизненной необходимости в капитализме. Современный кризис европейского капитализма является доказательством того, что его историческая роль пришла к концу и над ним уже слышен погребальный звон» (стран. 161).

Учение о гибели капитализма, по мнению автора, не только неправильно, но и вредно для политики пролетариата, так как оно парализует интерес пролетариата к «исключительно важнейшим проблемам мировой хозяйственной политики» (стран. 101), т.-е. к организации при Лиге Наций контроля над трестами.

Чтобы раз навсегда, по его мнению, убить в своих слушателях веру в возможность скорой гибели капиталистического строя, Бинштток пишет буквально следующее: «Мир находится не в конце, но в середине, а может быть, в начале могущественного процесса индустриализации. Прежде всего, это относится к таким колоссальным хозяйственным областям, как Россия (!!!), Китай и Индия, население которых вместе составляет почти половину человечества. Этим областям нехватает только политической консолидации для того, чтобы процесс индустриализации пошел быстро вперед» (стран. 161, разрядка моя. *М. И.*). До такой чудовищно наглой характеристики современного капитализма не доходили худшие апологеты капиталистического строя. Автор не только не заметил победы пролетариата в СССР, мощного под'ема революционного движения в Китае, но для него все эти грандиознейшие явления—только «отсутствие политической консолидации», мешающее началу под'ема могущественной капиталистической индустриализации! После этого автор начинает глубокомысленно доказывать, что европейский пролетариат жизненно заинтересован в развитии капитализма «азиатских» стран, так как «таким образом для индустриальных стран откроется огромный рынок для экспорта товаров и капиталов» (стран. 161). В арсенале автора имеется радикальнейшее средство, которое должно излечить современное мировое хозяйство от кризиса. Послушаем самого автора: «Для хозяйственного под'ема русских, азиатских и т. д. народных масс так же, как для поднятия жизненного уровня европейского пролетариата, необходимыми предпосылками являются установление мира между народами и консолидация политической и социальной демократии во всем мире. Эти два пункта необходимо также включить в международную хозяйственную программу социализма» (стран. 162). В заключение автор поет дифирамбы современному капитализму. «Капитализм создал многогранные формы и организации, которые выросли в течение сотен лет и которые приспособлены к потребностям международного обмена» (стран. 162). Автор преисполнен благоговением перед капиталистическими формами организации мирового хозяйства. Он считает, что «разрушение этих форм обозначало бы колоссальный регресс человеческой культуры... Распад мирового хозяйства (капиталистиче-

ского. *М. И.*) являлся бы огромным горем для социализма» (стран. 162). И поэтому «политика социалистического пролетариата должна сводиться лишь к тому, чтобы заполнить формы капиталистического мирового хозяйства новым содержанием» (стран. 163). Это новое содержание и дано в вышеизложенной программе: 1) организация международного контроля над трестами, 2) установление мира между народами, 3) всеобщее распространение политической и социальной демократии. Мы не будем критиковать здесь эту чепуху, которую автор торжественно называет единственно возможной политикой социалистического пролетариата. Даже то немногое что автор сообщил в предыдущих главах о роли финансового капитала, о подчинении ему современного государства, о росте могущественных монополистических об'единений, вполне достаточно, чтобы каждому рабочему было ясно, что та карикатура на социалистическую программу, которую преподнес автор, невыполнима в рамках капитализма. Книга является показателем того, как низко пали современные социал-демократы и как они выбросили из своего багажа последние остатки веры в социализм. Но то обстоятельство, что подобные лекции могли читаться в крупнейших рабочих центрах Германии—в Берлине и Гамбурге—в 1927 году, показывает, что нашим братским коммунистическим партиям надлежит еще вести упорную пропагандистскую работу по раз'яснению основных проблем современного мирового хозяйства. Перед Коминтерном стоит задача—подготовить и издать работу по мировому хозяйству, в которой нашли бы свое освещение важнейшие проблемы современного мирового хозяйства. Такой новейшей сводной популярной работы нет еще до сих пор, к сожалению, ни на иностранных языках, ни даже на русском.

М. Иоэльсон.

Редакция:
В. Астров.
Н. Бухарин.
В. Молотов.
А. Слепков.
Е. Ярославский.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 9 15 МАЯ

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 8
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
„П Р А В Д А"

Главлит № А—13876 Тираж 75.000.

Типография газеты „Правда". Москва, Тверская, 48.

Командные кадры и культурная революция.

Социал-реформизм—в различных его проявлениях—непрестанно твердит о недостаточной культурности современного пролетариата для роли носителя государственной диктаторской власти и строителя социализма. Российские меньшевики в течение очень долгого времени в борьбе с большевиками «козыряли»—и доселе «козыряют»—«аргументом» о недостаточной культурности нашего пролетариата.

В попытках «доказать» неспособность пролетарской диктатуры к успешному социалистическому строительству социал-демократические писаки извели не мало чернил на то, чтобы придать «убедительность» тому положению, что в условиях капитализма пролетариат СССР не приобрел достаточного культурного уровня и достаточных культурно-организационных навыков для строительства социализма под руководством пролетарской диктатуры; что в силу недостаточной культурности пролетариата СССР советская власть неизбежно поступает на службу буржуазии и уже стала орудием своеобразной буржуазной политики.

Вся убогая суетня реформистов вокруг тезиса о недостаточности культурного уровня пролетариата для социалистического строительства служит «благой» цели—убедить рабочих, что они не имеют суб'ективно-классовых данных для свержения капитализма, закрепления своей пролетарской диктатуры и успешного продвижения к социализму в условиях этой диктатуры.

На ряду с этим положением *отрицательного* характера они выдвигают и *положительную* программу, суть которой—в двух словах—заключается в курсе на воспитание *капиталистического приказчика*. «Промышленный мир», «хозяйственная демократия», положительное, «органическое» участие в буржуазных правительствах и в различных звеньях буржуазного государственного аппарата должны согласно теориям социал-реформизма в течение большой исторической полосы воспитать пролетариат и сообщить ему те культурно-организационные навыки, которые ему необходимы для выполнения своей исторической миссии строителя «социализма».

На деле, конечно, этот «выход» диктуется буржуазными интересами и имеет свой об'ективный смысл в создании кадра капиталистических приказчиков из среды пролетариата.

Коммунисты должны вести и ведут против идеологии и практики классового сотрудничества самую энергичную беспощадную борьбу.

Отвечая на положение «социалистических» педантов о недостаточной культурности российского пролетариата для строительства социализма, Ленин писал:

> «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков этот определенный уровень), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы?»

Ленин подчеркивал, во-первых, что культурная революция есть длительный процесс; во-вторых, что успешное развитие этого процесса непременно предполагает утверждение пролетарской диктатуры.

В большевистской литературе (Бухарин) уже обосновывалось то положение, что в условиях и характере вызревания культурных кадров буржуазии и пролетариата существует принципиальное различие. Если буржуазия в силу своей экономической мощи еще в условиях политического господства феодалов имеет возможность воспитывать свои культурные кадры, которые постепенно проникают в поры государственного организма и приобретают первые роли после буржуазной революции, то пролетариат до социалистической революции, до захвата власти лишен возможности в силу своей не только политической, но и экономической угнетенности выделить в сколько-нибудь значительных масштабах свои культурные кадры.

Только пролетарская диктатура открывает возможности выделения и воспитания широких культурных пролетарских кадров, способных руководить социалистическим строительством, только в процессе борьбы за утверждение пролетарской диктатуры, только в процессе классовой борьбы в условиях диктатуры пролетариата, только в самом процессе социалистического строительства на основе пролетарской диктатуры пролетариат непрерывно формирует свои командные культурные кадры.

Опыт доказал, что большевики были правы. Пролетарская диктатура, руководимая коммунистической партией, «обросла» широкой советской общественностью: рабочий класс дал прекрасных организаторов, помноживших в процессе борьбы свою классовую выдержку на культурные навыки; пролетариат доказал за десять лет своей диктатуры, что он способен успешно строить социализм.

Это удалось пролетариату СССР в силу действительной революционности его политики.

Необходимо отметить три важнейших условия, которые обеспечили и обеспечивают успешное разрешение господствующим пролетариатом проблемы создания культурных кадров строителей социализма.

Во-первых, пролетарская диктатура произвела невиданную и неслыханную раскачку сил пролетариата и трудящегося крестьянства, дав возможность продвинуться и выступить в роли организаторов нового общества сотням тысяч талантливых и способных представителей доселе угнетенных классов, особенно пролетариата. «Отбор» происходил и происходит на широком «селекционном поле» советской рабоче-крестьянской общественности.

Во-вторых, необычайно важное, решающее значение играл и играет тот факт, что вся борьба за новые кадры культурных социалистических строителей ведется в условиях, когда идеология революционного пролетариата — марксизм-ленинизм — является государственной идеологией, т.-е. идеологией, которая является «руководством к действию» располагающего государственной властью пролетариата.

В-третьих, важно то обстоятельство, что, рассматривая марксизм-ленинизм как господствующую, единственно-пролетарскую, государственную доктрину пролетариата, компартия, руководящая пролетарской диктатурой, проводила и проводит курс на всемерное использование тех культурных наследий и сил буржуазного общества, которые при умелой политике могут сыграть и играют положительную роль в процессе социалистического строительства.

Год за годом наша партия дает отпор всем тем идеологиям и идейкам, которые имеют буржуазное или мелкобуржуазное происхождение и пытаются воздействовать на политику нашего государства и различных общественных организаций в условиях пролетарской диктатуры.

Вместе с тем год за годом культурные кадры социалистических строителей, проводя классово-выдержанную политику, впитывают в себя опыт буржуазной культуры, переключая положительные элементы этого опыта на социалистическое строительство. Само собою разумеется, что дело не обходится без частичных срывов на различных фронтах: шахтинское дело тому яркая иллюстрация.

Но уроки шахтинского дела, обязывающие нас, между прочим, к усиленной бдительности на стыке с буржуазными специалистами, конечно, не ослабляют самой важности задачи усвоения положительного опыта буржуазной культуры.

Необходимо только принять все меры к тому, чтобы классово-выдержанный подход наших командных кадров помножался на растущую культурную квалификацию этих кадров в областях их работы.

Мы не можем теперь подходить к нашим командным партийно-советским кадрам с критерием 1918—1919 годов, когда каждый коммунист был и «швец, и жнец, и в дуду игрец».

Конечно, от коммуниста и теперь требуется разносторонность и умение охватить все поле политики пролетарской партии. Но, кроме

этого, теперь необходимо решительно взять курс на максимальную квалификацию кадров в специальных областях (с использованием и нового, главным образом технического, опыта буржуазных стран), без чего мы не имеем гарантий от провалов шахтинского типа.

Об этом достаточно выразительно сказано в резолюции апрельского об'единенного пленума ЦК и ЦКК по шахтинскому делу.

Но здесь необходимо поставить в связь проблему воспитания культурных командных кадров строителей социализма с общей проблемой культурной революции, как массового движения, ибо между этими проблемами существует не только логическая связь, но и связь политическая. Командные кадры строителей социализма должны не только вооружиться необходимой специальной квалификацией, они должны вести свою работу в неразрывной связи с массовыми организациями пролетариата и руководимых пролетариатом трудящихся масс.

Если шахтинское дело сигнализирует, с одной стороны, об опасности пленения наших коммунистов-руководителей строительства буржуазными специалистами, то, с другой стороны, оно сигнализирует опасность отрыва командного состава от рабочих масс.

Ленин не случайно неоднократно ставил проблему бюрократического перерождения в связь с некультурностью масс.

Командные кадры должны находиться у нас, во-первых, под постоянным контролем массовых организаций, во-вторых, под контролем масс, **культурно растущих**.

Действенность этого контроля предполагает рост культурности масс, успешное развитие массовой культурной революции. Это—обстоятельство величайшей важности. Необходимо понять, далее, что и постоянное обновление и увеличение командных кадров требует культурного роста масс, культурного улучшения «селекционного поля», на котором выявляются новые и новые силы командиров социалистического строительства пролетариата.

Успешное разрешение проблемы командных культурных кадров неразрешимо без систематического разрешения проблемы массовой культурной революции,—таково существеннейшее положение, из которого мы должны исходить при определении задач, связанных с воспитанием наших командных кадров. Но задача массовой культурной революции приобретает важное значение и сама по себе, ибо без повышения культурного уровня **масс**, строящих социализм, нам далеко не уйти.

Социалистический строй, между прочим, отличается от капиталистического тем, что его создание и развитие совершается руками **сознательно** работающих масс, выполняющих **осознанные** и одобренные ими задачи.

Строительный период, в условиях которого классовая борьба приобретает особые формы, ставит культурные задачи с особой

остротой. Суть массовой культурной революции, как ее мыслил Ленин, заключается, с точки зрения ее социального содержания, в воспитании социалистического рабочего и цивилизованного кооператора, руками которого строится социализм в деревне.

Трудность этой задачи станет ясной, если напомнить, что в области культурных задач у нас еще далеко не разрешены задачи досоциалистического порядка, напр., ликвидация неграмотности. Мы еще до сих пор имеем такое положение, когда среди рабочих имеются значительные массы неграмотных. По данным 1926 года среди рабочих, организованных в профсоюзы, мы имеем хорошее положение дел у печатников (нет неграмотных), сравнительно удовлетворительное у кожевников (7% неграмотных), горнорабочих (11%), хуже у текстильщиков (22% неграмотных) и совсем плохое—у сельскохозяйственных и лесных рабочих (50%).

Еще хуже дело обстоит с общегражданскими данными, хотя эти данные и констатируют наши безусловные успехи в деле борьбы с неграмотностью.

Приходилось грамотных:	1897 г.	1920 г.	1926 г.
На 1.000 человек мужск. пола	326	462	567
» » » женск. »	136	248	336

Улучшение налицо, но все же итоги далеко не блестящие.

Хуже всего обстоит дело в национальных окраинах (у чувашей и татар 32,4% грамотных, у башкир—24,3%, у ингушей—8,9%, среди горских народов Дагестана—5,5%).

Хотя за время с 1920 по 1927 г. ликвидирована неграмотность среди 6 млн. человек, все же в этой области перед нами еще впереди поле для очень большой работы.

Но, ведь, ликвидация неграмотности в элементарном смысле этого слова—еще не социалистическая задача.

Когда мы говорим о воспитании социалистического рабочего, то мы имеем в виду воспитание сознательного культурного строителя социализма. Это, прежде всего, означает воспитание рабочего в процессе самого производства. Рационализация нашей развертывающейся социалистической промышленности должна проводиться при участии всей рабочей массы. В связи с этим необходимо, культивируя в рабочем хозяйский подход к производству, в котором он участвует, и вовлекая его в активную работу по рационализации производства, производственных совещаний и всей системы фабрично-заводских организаций, принимать все меры к повышению его политической, экономической и технико-культурной квалификации.

Однако, воспитание социалистического рабочего не может ограничиться только воспитанием его на производстве.

Партия, пролетарская диктатура, профсоюзы должны руководить воспитанием рабочего во всех звеньях его общественного бытия.

Нельзя считать нормальным положение, при котором рабочий, как только он покидает территорию завода, как только прогудит заводский гудок по окончании работы, совершенно теряет интерес и внимание со стороны партии, профсоюза и советских организаций.

Необходимо развернуть борьбу за культурную революцию в быте рабочего.

Помочь рабочему культурно жить, изжить грязь и вонь в квартире, широко поставить дело физического воспитания, повести решительную борьбу с пьянством, обеспечить возможность культурного развлечения (клуб, радио, кино, театр), двинуть вперед дело раскрепощения женщин от кухни,—эти задачи являются необходимыми и существеннейшими элементами культурной революции.

Непочатый край задач в области культурной революции ждет своего разрешения в деревне.

Воспитание цивилизованного кооператора, так заостренное курсом на производственную коллективизацию крестьянских хозяйств, требует развития исключительной по инициативе и активности культурной работы на селе.

Необходимо понять, что культурная революция—это классовая борьба в особых формах. Возьмите, напр., положение в деревне. Коллективизация крестьянских хозяйств—бедняцких и середняцких—выражает экономическое наступление бедняцко-середняцких элементов под руководством компартии и советских организаций на кулака. Но как часто кулак является в деревне «культурным» гегемоном и монополистом и как настоятельно-остро требуется для успешного проведения коллективизации крестьянских хозяйств повышение культурного уровня коллективистов, широкое массовое воспитание «цивилизованного кооператора»!

Культурная революция—величайшей важности задача, без разрешения которой невозможны крупные успехи в деле строительства социализма.

П. Лапинский.

Государственно-монополистический капитализм и политика империализма.

Усиление послевоенной капиталистической государственной машины проявляется во всех областях: и в факте прохождения через кассы государства удвоенной (против довоенной) доли народного дохода, и в богатстве регулирующих функций государства, и в отмеченном в ряде стран росте непосредственно-предпринимательской деятельности государства, и в росте его влияния на рентнерские формы богатства, и в той в известном смысле новой роли, в которой выступают современные эмиссионные и депозитные банки. Но те же признаки усиления новейшей государственной машины проследить можно и в тех областях, где всего ярче и полнее выявляется политика империализма. Мы имеем в виду вывоз капитала, борьбу за сырье, как и борьбу за мировой рынок. И во всех этих областях мы наблюдаем усиление тенденций к тому перерастанию монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм [1]), о котором писал Ленин.

а) Государство и вывоз капитала.

Вывоз капитала, как известно, представлял собой основное проявление и основную пружину империалистического развития, и довоенное высоко развитое капиталистическое государство стояло как нельзя ближе к этой современнейшей сфере активности капитала. Стремление финансового капитала к сверхприбыли сочеталось более или менее неразрывно с преследуемыми государством политико-империалистическими целями.

Во всех странах, вывозящих капитал, практика выработала те или иные формы непосредственного сотрудничества капитала с государством в этой области. В Англии во всех случаях, затрагивающих интересы империи, считалось обязательным запрашивать правительство через посредство Бэнк оф Ингленд о целесообразности предполагаемых операций, и правительство

---

[1]) См. «Большевик» № 7, статья «Судьбы послевоенного государства». В начале первой главы этой статьи, на стр. 21 необходимо исправить вкравшуюся опечатку. Говоря о «государственно-монополистическом капитализме», Ленин отнюдь не имел в виду одну лишь «эпоху мировой войны» (как можно бы судить по ошибочно напечатанному тексту), а эпоху империализма вообще, стало быть, и довоенного империализма. Цитированный отрывок из «Государства и Революции» звучит буквально:

> «В особенности же империализм, эпоха банковского капитала, эпоха гигантских капиталистических монополий, эпоха перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, показывает необыкновенное усиление «государственной машины» и т. д. (XIV т., ч 2, стр. 322).

Только это и позволяет говорить о том, что указанное развитие в сторону «государственно-монополистического капитализма» в послевоенный период получило еще дальнейшее развитие.

более или менее систематически сотрудничало с «Корпорацией держателей иностранных займов». Точно так же и во Франции иностранное ведомство находилось в теснейшей связи с т. н. «Офис Насиональ де Валер Мобильер». Франция же, как известно, являлась той страной, в которой вывоз капитала всего непосредственнее был подчинен военно-политическим целям французского империализма, что и отразилось впоследствии на судьбах французских заграничных помещений достаточно плачевным образом. Империалистическое государство до войны не только всячески поощряло вывоз капитала, но в отдельных случаях (в особенности в отношении небольших центрально-американских стран) доходило до прямого навязывания займов, превращая этим независимость слабых и беззащитных государственных образований в бледнейшую фикцию. Соперничество империалистических государств между собою приобретало при этом самые грубые формы. В 1909 г. президент американской республики Тафт не брезгает в личной телеграмме тогдашнему главе китайской империи настаивать на «равном участии американского капитала» в железнодорожном займе. В младшей из империалистических стран — Японии — мы встречали и встречаем и крайние формы вмешательства государства, когда весь вывоз капитала проходит через государственное учреждение, каким является Иокогама Спесие Бэнк, и связанную с ним систему других точно так же более или менее государственных кредитных учреждений.

Все основное из этой области фактов уже давно знакомо всякому политически-грамотному человеку. Нам важно здесь оттенить только одно. Не случайно, конечно, теснейшее сплетение буржуазного государства с финансовым капиталом должно было и до войны выявиться особенно ярко в современнейшей области деятельности капитала, в практике вывоза капитала. Государство и финансовый капитал сливались здесь буквально в одно. Поэтому новейший период всего менее тут мог прибавить что-либо особенно новое. И все же, послевоенные годы обогатили и эту область фактов кое-какими новыми штрихами, на которых стоит остановиться.

Прежде всего война оставила после себя целую колоссальную и сложнейшую систему именно — междугосударственной задолженности (т.-е. задолженности государства государству), которая внутри самих государств создала новые формы связанности интересов государственной машины и частнокапиталистического хозяйства и которая вовне необычно усилила зависимость одних государств (и с ними всего народного хозяйства) от других государств. При этом выступает на сцену в сложнейшей капиталистической обстановке целый ряд новых явлений. Союз государств-кредиторов через посредство государства-должника облагает закладными решающие отрасли народного хозяйства (железные дороги и промышленность Германии на общую сумму 16 миллиардов). Интересы всей массы налогоплательщиков во всех заинтересованных странах, интересы экспортной промышленности, интересы банков и связанных с ними рентнерских слоев, интересы казны и всей государственной машины переплетаются здесь самым причудливым образом. Целая тяжеловесная литература занимается теоретическим распутыванием этого клубка, к этому же распутыванию сводится на добрую половину мировая политика нашего времени. Все эти усилия обнаруживают все ясней теснейшее сотрудничество государственного аппарата со всеми формами современного капитала и более всего с финансовым капиталом. Весь комплекс вопросов, порожденных международной задолженностью, приближается к тому или иному практическому решению в соответствии с тем, как международному финансовому капиталу удается отвоевать себе прежнюю гегемонию и подчинить себе политику решающих государств. Первая деловая попытка упорядочения проблемы репараций явилась, как известно, прямейшим продуктом банковского творчества. При создании дауэсовского механизма впервые выступают наружу своеобразные и архисовременные формы теснейшей координации действий государственного аппарата и банковского капитала решающих государств, в первую голову Америки. По выражению одного из историков современной внешней политики С. Штатов, правительство этой страны действовало «сильно, но неофициально». Первый публичный почин, в результате приведший к дауэсовскому соглашению, был дан в форме речи, произнесенной Государственным Секретарем перед «Американской Исторической Ассоциацией»... На лондонской конференции (на которой был принят дауэсовский план) Америка была официально представлена только своим тогдашним лондонским послом Келлогом, полномочий которого нехватило для того, чтобы скрепить протокол конференции своей подписью. Фактически же в работах конференции принимала решающее хотя и закулисное участие рядом с двумя виднейшими членами вашингтонского правительства (Государственным Секретарем и Секретарем Казначейства) целая группа руководящих банкиров. И вся наружная «скромность» роли американцев не помешала ни тому, что во главе дауэсовского механизма очутились прямые ставленники американских банков, ни тому, что в настоящий момент у «американского народа» по отношению к пресловутому «плану» сложилось ощущение своей, американской «собственности» [1]), как это ощущение «собственности» не помешает тому, что неизбежная ревизия плана окажется опять-таки делом рук американских банкиров и неразрывно связанного с ними вашингтонского правительства. Все условное лицемерие практики американского «изоляционизма», т.-е. невмешательства в европейскую международную политику, имело своим несомненным благотворным последствием то, что оно выявило как нельзя ярче ничтожную роль формы в международной практике современной «демократии».

Как дауэсовское соглашение, так впоследствии и соглашения о консолидации междусоюзнических долгов создали классические образцы неразрывной связи между банками и правительствами (совершенно независимо от того, было ли это «рабочее правительство» Макдональда, фашистское правительство Муссолини или правительство классической партии крупного капитала в Вашингтоне). Неразрывной составной частью этих договоров между правительствами являлись, как известно, соглашения о банковских займах для нуждающихся в них государств. «Соглашения о долгах были весьма тесно связаны с переговорами о займах, несмотря на то, что новые займы предоставлялись не правительством Соед. Штатов, а частными лицами. Это значит, что частные банки сотрудничали с правительством, связывая финансирование новых займов с заключением удовлетворительных соглашений о долгах» [2]). Отношения между банками и правительством складываются весьма своеобразно. Банки безоговорочно подчиняются указаниям правительства, не допускающего никаких кредитных операций с иностранными государствами до тех пор, пока последние не заключат удовлетворительного соглашения о военных долгах, т.-е. о долгах между государствами. С другой стороны, государство не возражает против того, что новые займы заключаются банками на несравненно более благоприятных условиях, чем соглашения о военных долгах, в которых государство непосредственно за-

[1]) Согласно дословному выражению одного из крупных американских чиновников репарационной комиссии (G. P. Auld. «The Dawes Plan and the New Economics», N. Y., 1927, стр. 301): «Крупная роль, сыгранная американскими гражданами в создании и проведении (дауэсовского плана) дала американскому народу ощущение гордости и собственности по отношению к плану (Sense of pride and proprietorship in the plan) на ряду с убеждением в его справедливости и осуществимости».

[2]) Moulton and Paswolsky. «World War Debt Settlements». Стр. 129.

интересовано. Займы эти по своим размерам—как было, напр., в случае с итальянским займом — превышали сумму платежей американскому казначейству, зафиксированных в договоре о консолидации военного долга [1]).

Мало того, предусматриваемые по мере роста частной задолженности трудности трансферта являются, без сомнения, одним из основных мотивов, побуждающих руководящие банковские круги, более всего заинтересованные в международном кредите, активно подготовлять смягчение дауэсовского плана и соглашений о междусоюзнических долгах. И вряд ли можно сомневаться в том, что вашингтонское правительство в той или иной степени подчинится этому стремлению и даже станет раньше или позже прямым орудием соответствующей политики, т.-е. будет жертвовать своими собственными интересами, интересами казначейства (т.-е. интересами массы своих налогоплательщиков) для обеспечения частных вложений американского капитала в иностранных государствах, в особенности же дальнейшего нестесняемого вывоза капитала.

Ясно, что практика выработала во всей системе этих вопросов тесную согласованность действий между государством и банками. Эта основная общность политики тормозится только необходимостью для государства (и правящей в нем партии) считаться с интересами и настроениями более широких слоев населения (представляющих основную массу налогоплательщиков) и, с другой стороны, временным сопротивлением отдельных влиятельных групп в европейских государствах (прежде всего, во Франции, отчасти и в Англии). Но в основном линия интересов финансового капитала (осознанная и сформулированная им уже давно) постепенно прокладывает себе путь через все препятствия национального и международного характера при активной, хотя и осторожно размеряемой поддержке капиталистического государства.

В мировой обстановке, в которой перемещение золота и движение цен приобрело особенное значение и в которой война и ее результаты довели до крайних пределов неравномерность в распределении основного и оборотного капитала, государственное регулирование международного кредита, т.-е. ввоза и вывоза капитала, должно было приобрести особенное влияние и получить ярко выраженный характер. Политика государства подчинена здесь целиком высшим интересам капитализма руководящих стран и во второй линии интересам других заинтересованных стран. Получение иностранного займа (хотя бы и по своим размерам незначительного) служит необходимейшим освящением, международной санкцией целых новых режимов (как, напр., фашистского режима в Польше и в Италии) и той необходимейшей мерой, которая проторяет путь импорту капитала на нужды частного хозяйства. Международный финансовый капитал — непосредственно, в отдельных случаях через посредство Лиги Наций распределяет патенты на прочность отдельных мирных договоров, на жизненность целых государств и господствующих в них режимов. Пока этот международный капитал (всегда в этих случаях действующий в теснейшем контакте с соответствующими правительствами) не дает своего признания отдельным государствам и режимам, эти государства и режимы влачат только временное, сомнительное существование.

В первую очередь американский капитал рука об руку с «Государственным Департаментом» почувствовал себя призванным обеспечивать «мир», «устойчивость отношений», «хозяйственное возрождение» нашей планеты, ощутил в себе «миссию спасения Европы займами» [2]). И подобно

[1]) Италия взяла на себя платить в течение первых пяти лет по 15 млн. долларов и получила в момент подписания соглашения заем в 100 млн. долларов.

[2]) Auld. «Dawes Plan and New Economics». Стр. 261.

тому, как каждое послевоенное капиталистическое государство в отдельности считает нужным придавать всей своей деятельности видимость покровительства всем классам общества, точно так же в мировом масштабе вашингтонское правительство в единении с «inner circle», с всесильным «внутренним кругом» американского банковского мира выступает, вопреки всем фразам об «изоляции», в роли какого-то международного, всесветного правительства, покровительствующего всем другим государствам. При всемогуществе финансового капитала не только внутренние отношения современных капиталистических государств, но и их международные отношения приобретают своеобразно-бонапартистский оттенок, для чего весьма пригодными оказались старые либеральные и пуритански-религиозные традиции англо-саксонского мира.

Капитализм, располагающий могущественнейшим в Европе производственным аппаратом, но чрезвычайно оскудевший в отношении движимого капитала, капитализм Германии оказался в общем вынужденным мириться с широчайшими полномочиями, присвоенными государством в области регулирования импорта капитала. Это регулирование через посредство специальной совещательной палаты и Рейхсбанка проводится государством, как известно, исключительно властною рукою. Одной из конечных целей, преследуемых правительством Пуанкаре в его политике стабилизации франка, является восстановление Франции в роли страны, экспортирующей капитал. В классической стране ренты, Англии, соображения денежной политики побуждали правительство прибегать к столь сильно действующим средствам, как временное наложение полного «эмбарго», т.-е. полного запрета, на всякие иностранные заемные операции. В общем же все очередные правительства в этой области стремились неизменно обеспечить здесь в наивысшей степени интересы финансового капитала, вызывая этим даже признаки недовольства со стороны национальной промышленности, наталкивавшейся на трудности в достаточно полном и выгодном использовании денежного рынка для своих надобностей.

И в стране с сильнейшими традициями частнохозяйственного индивидуализма, С. Штатах, государство присвоило себе широкий фактический контроль над вывозом капитала. Первоначально, после прекращения мировой войны, предполагалось даже подчинить непосредственнейшему федеральному контролю и регулированию деятельность банков в области иностранного финансирования. Принятый в 1919 г. т. н. Edge Law (т.-е. закон Эджа) предусматривал образование специальных «Инвестиционных Трестов» для закупки и продажи всякого типа заемных обязательств вплоть до акций акционерных кампаний и для выпуска с этой целью собственных обязательств, но под тем непременным условием, что выпуск облигаций этих трестов будет подчинен условиям, устанавливаемым Федеральным Резервным Банком и что закупка акций будет происходить с согласия Федерального Банка и не будет противоречить его интересам [1]).

Новый закон не имел практических последствий. Вся тогдашняя обстановка мало способствовала всяким иностранным кредитным операциям. С 1924 же года международное финансирование пошло совершенно другими путями, и для проведения этих новых крупнейших операций, находившихся в менее непосредственной связи с финансированием экспорта товаров, оказались достаточно приспособленными банковские учреждения существующего типа. По ту и по сю сторону океана частнокапиталистическое хозяйство вошло опять в свою колею. Но государство и тут обеспечило себе весьма широкие функции по части контроля и регулирования. Только функции эти приняли

[1]) См. H. G. Moulton. «The financial organisation of society». II изд. Стр. 253 и след.

менее формальный характер согласно всей практике С. Штатов, тщательно лелеющей фикцию невмешательства государства. Эта новая политика С. Штатов в области вывоза капитала была выработана практикой, и принципы ее были сформулированы не федеральным законом, а простым, — но фактически не менее обязательным «заявлением» (statement) Государственного Департамента (3 марта 1922 г.), которое упоминало об «эвентуальных общенациональных интересах», затрагиваемых вывозом капитала. В упомянутом заявлении Государственный Департамент, констатируя «возрастающее значение, приобретаемое финансированием иностранных обязательств на американском рынке», выражал «надежду», «что американские концерны, предполагающие заключать иностранные займы, будут заблаговременно осведомлять Государственный Департамент об основных фактах и о последующем их развитии». «Американским концернам, желающим удостовериться о позиции Департамента, «предоставлялось» обращаться в письменной форме к Государственному Секретарю с просьбой о выражении его «мнения». При чем Государственный Департамент со своей стороны обязывался не медлить с ответом. «Конечно, — добавлялось при этом,—Государственный Департамент не может требовать от американских банкиров, чтобы они запасались его советом». Но «Департамент полагает, что в виду возможных затрагиваемых общенациональных интересов он должен иметь возможность заявить предполагаемым подписчикам, буде это показалось бы целесообразным, о том, имеются ли или же не имеются возражения против той или иной операции». (Разрядка везде наша).

Мы видим, осторожность в формулировке тут доведена до того, что отчетливо даже не сказано, у кого могут иметься упомянутые «возражения». Эти возражения (или поощрения) получают какой-то об'ективный характер, заложенный в «возможном общенациональном интересе», который и говорил бы устами безличного Государственного Департамента... Но все эти ужимки, диктуемые всей государственной и экономической доктриной С. Штатов, конечно, не обманывают никого: ни заинтересованных кругов в других странах, ни их правительств, ни американских банкиров. Те и другие при всех предполагаемых финансовых операциях понимают необходимость заручиться согласием Государственного Департамента, как представителя «возможных общенациональных интересов» Америки, т.-е. высших интересов американского капитализма в его целом. Со временем американская практика выработала даже нечто в роде обязательной доктрины по вопросу о вывозе капитала. В 1924 г., когда вопрос стал особенно актуальным, экономический советник при Государственном Департаменте Артур Н. Юнг так формулировал основные принципы этого учения:

«Государственный Департамент соблюдает позицию абсолютного нейтралитета по отношению к конкурирующим американским интересам» [1]. Но «цели, на которые могут быть употреблены займы, являются предметом заботы Государственного Департамента. Явно желательно, чтобы американский капитал, направляясь за границу, был используем только для производительных целей... Правительство С. Штатов вынуждено было бы возражать против использования американского капитала для милитаристских целей. Коротко говоря, нельзя ожидать, чтобы Государственный Департамент отнесся благоприятно к использованию американского капитала за границей способами, которые затрудняли бы или делали бы невозможным проведение основных линий американской политики... Департамент не мог бы отнестись благоприятно к сделкам, включающим предположения, могущие отразиться вредно на отношениях между С. Штатами и занимающей деньги страной» [1]). (Разрядка везде наша).

[1]) Т.-е. не связывается безусловно с определенными банками и, стало быть, не мешает, напр., восходящим банковским светилам в роде Диллон Рида соперничать с Морганом,—и это даже несмотря на то, что один из руководителей моргановского концерна г. Морро является ближайшим личным советником президента.

Конечно, эта официозная «теория» допустимости вывоза американского капитала только «на производительные цели» применима лишь к европейским странам (да и то далеко не безусловно). Ее трудно признать применимой к средне-американским странам, к всей т. н. караибской зоне, планомерно превращаемой в сплошную сферу влияния американского империализма.

Как в этих условиях охарактеризовать эту политику и полномочья государства в сфере вывоза капитала?

«Это—политика контроля и регулирования»,—заключает Кельбертсон [2]). «В этой ситуации,—говорит другой видный американский писатель и вместе с тем также официальное лицо,—всякий иностранный заем имеет тенденцию стать полугосударственной транзакцией» [3]).

Словом, в области вывоза капитала, имеющей решающее значение для политики империализма, функции государства и частного капитала переплелись как нельзя теснее. Все условности индивидуалистической по отношению к государству доктрины, господствующей в С. Штатах, не помешали этому переплетению также и в этой новейшей метрополии денежного капитала.

б) Государство и международная борьба за сырье.

Особую и большую главу представляет собой вопрос об участии послевоенного государства в борьбе «национальных капитализмов» за основные категории промышленного сырья. Борьба за источники сырья рядом с вывозом капитала (с которым она неразрывно связана), рядом с борьбою за рынки сбыта представляла собою, как известно, одну из основных форм империализма и

[1]) Это учение является намеренным, хотя и косвенным обличением французских довоенных и послевоенных методов вывоза капитала в отличие от английских и отчасти немецких. Если англо-американский вывозимый капитал шел якобы исключительно на производительные цели, то Франция и до и после войны, по мнению американцев, преследовала узко военно-политические цели, поддерживая кредитом своих союзников.

Эта политика Франции встречала и до последних времен суровое осуждение в американской литературе. Вывоз капитала из Франции—констатирует один видный американский автор—«служил часто целям, задачам и претензиям французского правительства. В 1906 г., например, царский режим получил возможность подавить революцию при помощи французского займа. Политический характер французских займов России нашел свое выражение также и в том факте, что и после успешной революции в России французское правительство продолжало в течение нескольких лет оплачивать купоны по русским обязательствам... Показательно, что Франция помещала деньги главным образом в России, Турции и на Балканах, т.-е. в группе стран, отмеченной промышленной непрозорливостью, финансовой бездарностью и политической непрочностью». Последствия этого сказались во время и после войны, когда мобилизация упомянутых обязательств оказалась невозможной, «уже не говоря о (проявившейся впоследствии) эвентуальности полной невозможности получить по ним что бы то ни было»...

«Русский народ, из налоговых платежей которого эти долги должны быть уплачены (если это когда нибудь случится), не гонялся за этими деньгами и не ждал себе пользы от этих французских ресурсов, которые были растрачены на домашние и чужие военные авантюры и на придворную роскошь» (W. S. Culbertson. «International Economic Policies». 1925. Стр. 375/6 и 354). Кстати сказать: не лишено пикантности читать эти слова под пером авторитетнейшего члена американской тарифной комиссии, которому принадлежат цитируемые строки...

[2]) Цитированный труд. Стр. 389.

[3]) G. H. Blakeslee. «The recent foreign policy of the United States». N. Y. Стр. 320.

поэтому сама по себе не является чем-то новым. Можно сказать только одно: наша эпоха, отмеченная наивысшей неравномерностью—не только внешней, так сказать, географической, но и внутренней неравномерностью—капиталистического развития, при которой явления его развала еще могут сочетаться с новыми явлениями крупнейшего технического прогресса, т.-е. по сути с еще бурным развитием потенциальных производственных возможностей,—эта эпоха должна была иметь своим неизбежным последствием дальнейшее, по степени напряженности крайнее обострение этой борьбы за источники сырья, и этим еще усугубить прямое вмешательство государства в эту область частнокапиталистической деятельности. Решающим техническим прогрессом в этой области было, как известно, развитие и высокое усовершенствование моторов внутреннего сгорания, поставившее нефть и каучук в ряд основных мировых категорий промышленного сырья рядом с углем, железом, медью или хлопком. Развитию всей проблемы в указанную сторону (т.-е. в сторону обострения борьбы и усиления вмешательства государства) должно было способствовать и в некотором смысле новое явление, а именно: выступившее на сцену перепроизводство этих основных категорий сырья (также отчасти результат усовершенствований техники!), приведшее к весьма своеобразному сочетанию проблемы обеспечения (каждого «национального» капитализма) этими видами сырья с проблемою их сбыта, т.-е. в общем к вящшему усложнению всей борьбы за сырье. Вмешательство государства оказалось вдвойне необходимым.

Можно сказать, что ни в какой другой области новейшее капиталистическое государство не отождествило себя и не срослось с соответствующим частным капиталом до такой степени, как именно с этими категориями капитала, представляющими собой в отдельных случаях (прежде всего, нефтяной капитал) настоящую и современнейшую боевую фалангу господствующего империализма. Здесь сплошь и рядом буквально не отличишь, где начинается «государство» и где кончаются частнокапиталистические «интересы»: сращение производственно-капиталистической базы с государственной надстройкой получилось здесь относительно самое полное. Сюда относящиеся основные факты приобрели в последнее время широкую огласку, в частности в нашем Союзе, который еще со времени генуэзской и гаагской конференций и впоследствии во все растущих степенях имел возможность достаточно близко ознакомиться со значением и тенденцией указанных «сращений». Поэтому, как и по соображениям недостатка места, ограничимся здесь указанием на некоторые факты и их оттенки.

В общем и целом можно сказать, что Англия и Соед. Штаты вместе взятые осуществляют контроль над длинным рядом основных категорий промышленного сырья, что и является, естественно, одним из залогов их мировой гегемонии, но, в свою очередь, и одним из неиссякаемых источников их взаимного соперничества в борьбе за долю участия, за своего рода «квоту» в этой системе мировых монополий. Если Англия (с участием Голландии) и С. Штаты в некотором смысле разделяют господство над мировыми запасами нефти, то Англия поставлена в зависимость от иностранных источников хлопка и меди, и С. Штаты от иностранных источников цинка, каучука и юты (чтоб не говорить о целом ряде других, менее существенных родов промышленного сырья). Британская империя обладает также господствующим положением на рынке никеля и шерсти. В борьбе за обеспечение национального капитализма этими необходимейшими видами сырья, как и в стремлении к сверхприбылям при их сбыте, государство заинтересованных стран выступает в качестве активнейшей, непосредственно борющейся силы. Северо-Американские Соединенные Штаты занимают в этой

борьбе особую позицию, поскольку в этой стране государство само не является предпринимателем; но оно настойчиво защищает интересы «своих» национальных трестов, беря под свою защиту как потребительские интересы одних, так и экспортные интересы других. В частности, непосредственнейшее, часто решающее влияние могущественнейших нефтяных трестов на дипломатию С. Штатов стало уже давно притчей во языцех. Что касается Англии, то выше мы уже напоминали, что здесь государство является главным акционером Англо-Персидской Компании, роль которой на нефтяном рынке со времени войны колоссально выросла. На конференции в Сан-Ремо (в 1920 г.) британское государство взяло на себя распределение определенных квот месопотамской нефти между отдельными странами. Эта политика Великобритании (и тесно связанной с ней Голландии) наталкивалась, как известно, на систематическое упорное противодействие С. Штатов, выступавших под лозунгом «открытых дверей».

Цитируемый Кельбертсоном американский автор Стэнли Хорнбек в следующих словах резюмирует с точки зрения роли государства обстановку борьбы англо-голландских и американских компаний:

«1. Американские компании действуют в качестве строго частных предприятий, конкурирующих друг с другом в стране и вне страны. Правительство Соед. Штатов не делает между ними различий и не имеет никакой связи с ними, не имеет ни финансового, ни торгового участия в этих компаниях.

2. В Великобритании все же некоторые компании работают, как комбинированные частно-государственные предприятия. Кооперация (частного капитала с государственным. Приписка автора), в частности в иностранных предприятиях, поощряется официально и в частном порядке и стала в значительной степени фактом. Государство владеет акциями, поощряет изыскания и предоставляет специальную поддержку определенным компаниям в определенные моменты и в определенных районах.

3. Касательно Нидерландов по существу имеется то же положение. Тут еще вдобавок собственность на акции руководящей нефтяной компании Ройял Детч весьма широко распространена, в частности среди официального класса (т.-е. правительственных сфер. Прип. автора), что обеспечивает компании весьма широкую поддержку, как национальному по существу предприятию». (Разрядка везде наша).

Эти различения должны иметь нравоучительный смысл: как, мол, добродетельны американцы, предоставляя весь почин частному капиталу (согласно общепринятой буржуазной доктрине) и как неосторожны европейцы, предоставляя широкий удел государству. (Тот же назидательный смысл имеют рассуждения англичан в вопросе о торговом флоте). По сути же эти различения имеют только относительное значение. Об отсутствии «всякой связи» правительства Штатов с нефтяными трестами можно, конечно, говорить только в узко-буквальном, формально-юридическом смысле. Степень распространения собственности на акции Стандарт Ойль в «официальном классе» американской республики нам неизвестна, но финансирование правящей партии нефтяными трестами было лишний раз вскрыто недавним громким процессом; и в правительстве Гардинга «персональная уния» правительства с нефтяными трестами осуществлялась двумя или даже тремя министрами (если включить в это число и государственного секретаря Юза, как главного юрисконсульта Стандарт Ойль).

Спору нет, не только с точки зрения юридических тонкостей, но и с точки зрения теоретической квалификации явлений—небезынтересно разли-

чать, осуществляется ли сращение между нефтяным капиталом в форме взяток членам правительства (в этом случае трудно-таки говорить о госкапитализме), «распространения собственности на акции в официальном классе», или же путем прямого участия государства в руководящих предприятиях. Но с точки зрения факта «сращение» для целей об'единенной борьбы за выгоднейшую эксплоатацию сырья получается повсюду, и только важно отметить, что в отдельных странах (как Англия и отчасти Голландия) это сращение приобретает выраженные формы «государственно-монополистического капитализма» (по ленинскому выражению).

Другие виды непосредственнейшего вмешательства государства, как хозяйственно-политического фактора, мы можем наблюдать на примере борьбы за к а у ч у к, с которым точно так же связаны миллиардные интересы. Закон Стевензона, проведенный в 1922 г., представляет собой, без сомнения, самый яркий образец доведенных до крайних степеней регулирующих функций современного крупного государства применительно к производству и сбыту одной из основных категорий колониального промышленного сырья. Этим законом, как известно, производство каучука в Малайских Федеративных Штатах и на Цейлоне было строго контингентировано, при чем сокращение производства должно было служить цели стабилизации цен, фактически же повело к совершенно бешеному их росту в течение ряда лет. Ныне, на шестом году действия этой крайне жесткой системы, британскому правительству пришлось пойти на решение об отмене системы под натиском, прежде всего, неудержимого роста голландской продукции, обрекавшего всю схему на банкротство. Решившись на отмену стевензоновского плана, англичане вместе с тем приступили к переговорам с голландскими производителями. Аналогичные явления мы наблюдаем и в других областях, как, напр., в случае с с а х а р н ы м производством,—где неудача односторонне проводимой политики государственного контингентирования в результате приводит только к попыткам более общих международных соглашений о сокращении производства [1]).

Другой вопрос, приведут ли английские попытки сговора с голландцами к восстановлению на более широкой основе политики «рестрикций» (т.-е. ограничений производства и вывоза).

Острая реакция С. Штатов на эту проводимую силами государства политику монополии и сверхприбылей (успевшей принести англичанам колоссальные прибыли и годами выравнивавшей их платежный баланс по отношению к С. Штатам) показала, как легко и официальная политика американской республики переходит в прямое вмешательство в борьбу борющихся экономических сил. Правительство С. Штатов реагирует не только посылкой нот, угрозами репрессий и назначением высоко-политической анкетной комиссии. Комиссии этой удается подыскать почти целую дюжину видов сырья, коих сбыт и производство «контролируется» иностранными об'единениями в разрез с законами американской благочестивой политической экономии: открытие, которого задача соответствующе возбудить «общественное мнение» страны против тирании иностранцев. В лице Хувера правительство выступает еще с целым разработанным планом образования американскими потребителями каучука монопольной организации закупки, которая способна была бы меряться силами с британскими плантаторами. Для этой цели Хувер предусмотрительно предлагает соответствующее расширение закона Уэбб-Померина (Webb Pomerene Act), допускающего подобные об'единения для сбыта за границей.

[1]) Созванная в прошлом году в Париже по инициативе правительства Кубы, проводящего строгую регламентацию производства сахара, конференция привела к предварительному соглашению четырех стран—Кубы, Германии, Чехо-Словакии и Польши—с которыми с тех пор и ряд других стран вступил в переговоры о контингентировании производства и экспорта.

«Этот инцидент поучителен,—говорит английский автор,—хотя в данном отношении нет об'ективных оснований для американских жалоб. Да и невероятно, что дело дошло бы до этих жалоб, не будь того обстоятельства, что производство резиновых шин в С. Штатах контролируется г о р с т ь ю ш у м н ы х («v o c a l») и п о л и т и ч е с к и в е с ь м а м о г у щ е с т в е н н ы х фабрикантов» [1]). Иначе говоря, английский автор «намекает» на то, что американское правительство просто отождествляет себя с «горстью фабрикантов» точно так же, как британское правительство (на что английский автор не намекает), еще полнее отождествляет себя со «своими» плантаторами. Но доктринальное лицемерие имеется, конечно, с обеих сторон. Борясь с иностранными монополиями, поскольку те затрагивают американские интересы, американское правительство спешит еще в 1918 г. отдельным законодательным актом (т. н. Экспорт Ассосиешен Акт) из'five из действия ограничительного в отношении трестов шермановского законодательства, монополистические об'единения, ставящие з а г р а н и ч н у ю торговлю своей специальной целью. И даже верховный Федеральный суд С. Штатов пользуется случаем для выдачи аттестации патриотизма стальному тресту за заслуги в деле поощрения американского вывоза.

Проводимая С. Штатами не в порядке формального вмешательства государства, но при явном его поощрении политика регулирования производства х л о п к а и высоких цен на хлопок, причинивших неисчислимые потери британской текстильной промышленности, побудила британское правительство в качестве контрмеры к попыткам поощрения г о с у д а р с т в е н н ы м и с р е д с т в а м и развития плантаций хлопка в пределах Империи (попыткам, пока еще не давшим существенных результатов). Назначенная еще в 1917 г. правительственная исследовательская комиссия в опубликованном в 1920 г. отчете предложила черпать необходимые средства из трех источников: из средств казначейства, из местных доходов и из поступлений от текстильной промышленности. Образованная на основании Королевской хартии в 1921 г. «Эмпайер Коттон Гроинг Корпорешен» и получила государственную субвенцию в размерах приблизительно 1 миллиона фунтов.

Мы здесь не говорим о тех грандиозных схемах валеризации, проводимых к о л о н и а л ь н ы м и по типу государствами в отношении отдельных п о т р е б и т е л ь с к и х товаров (политика Кубы в отношении тростникового сахара, Бразилии по отношению к кофэ, Эквадора по отношению к какао и т. п.).

в) Политика торгового баланса. Государство и промышленные тресты.

И, те ново-меркантилистические тенденции, которые были отличительным признаком довоенного империализма, должны были после войны неизбежно выступить с новою силою. Буквально все толкало послевоенное государство в сторону политики сверхпротекционизма, сверхпокровительства «национальной» промышленности. Тут действовало, как сильное бродило, не только все наследие войны и пережившее ее стремление к самодовлению, связанное с подготовкой к новым войнам и конфликтам. Тут, прежде всего, выступила на сцену самозащита колоссально разбухшего в период войны производственного аппарата, в особенности в области тяжелой промышленности и связанных с нею «vested interests». К этому присоединилось еще многое другое. В первый послевоенный период, период продолжавшегося

[1]) S. Fitzgerald «Industrial Combination in England». London. 1927. Стр 165.

распада международных связей, международного рынка, промышленность и опекавшее ее государство вынуждены были охранять то, что осталось, т.-е. прежде всего свой внутренний, национальный рынок, относительная роль и значение которого соответствующе возросли. Забавно было видеть, как классические фритредеры в роде Кейнса готовы были выдвигать в качестве национальной экономической программы для британской промышленности ее планомерное приспособление (сопряженное с неизбежной самокастрацией) к потребностям внутреннего рынка («идеология», которая по сути только подготовляла почву для более последовательного в своих мыслях протекционизма).

Значение внутреннего рынка осталось и поныне относительно более крупным, чем до войны: отчасти в связи с процессом переоборудования промышленности, сопряженным с процессом «рационализации» и переходом на новые энергетические основы (электрификация!), как и с возникновением и развитием «новых» отраслей промышленности, как, наконец, и в связи с инвенстиционной кон'юнктурой, этой гадательной кон'юнктурой в кредит будущего, выраставшей сперва на основе инфляции, а впоследствии под влиянием бурного притока иностранного капитала (Германия!). И мы могли видеть, как первой функцией образовавшегося международного стального картеля—безусловно могущественнейшей международной организации—оставалась для начала охрана преимущественно внутреннего рынка.

Однако, все позднейшее развитие, наступившее с упрочением валют и восстановлением международных кредитных и торговых связей, с растущей силой ставило в центр всего развития проблему сбыта в ее целом: во всем ее роковом значении для капитализма, технически еще бурно прогрессирующего, опирающегося на непропорционально выросший производственный аппарат, но зажимаемого в тесные рынковые границы, как в Прокрустово ложе, разорением целых слоев населения и целых частей мира, полуотпаданием русского рынка и связанных с ним возможностей и возмущением колониальных народов.

Международное торговое соперничество обострилось до крайности, и проблема мирового рынка, проблема сбыта на внешних рынках постепенно вырастала во весь свой натуральный рост. Государство и здесь должно было следовать по пятам промышленности (при всех колебаниях, зигзагах и уклонах в пользу других видов современного капитала). В своем стремлении во что бы то ни стало охранить внутренний рынок и вместе с тем отвоевать, раскрыть внешний послевоенное государство должно было войти в максимально интимную связь с крупнопромышленным капиталом, связь еще более тесную, близкую, неразрывную, нежели в период относительно более «ровного» и «мирного» развития империалистических тенденций. (Поскольку о «ровности» и «мирности» развития вообще может итти речь применительно к эпохе империализма).

Этому способствовали еще факты трех категорий. Первый факт—это рожденный из возросшего несоответствия между производством города и производством деревни, как и степенью их организованности и силы, хронический кризис сельского хозяйства. Этот кризис, охвативший и Соединенные Штаты, более или менее повсеместно побуждал крупных и мелких аграриев подымать громкий крик о своих нуждах и бедствиях с тенденцией использовать всеобщее стремление к обеспечению емкости внутреннего рынка, как и чисто-классовые, социально-реакционные стремления крупнокапиталистических кругов к сохранению в лице «крепкого» сельскохозяйственного производителя одного из оплотов современного режима. Таким образом, восстановился традиционный, реакционный протекционистский союз господствующих отраслей индустрии с аграрными кругами,

к которому, вопреки всем чаяниям и завораживаниям социал-демократов, примкнула в принципе и обрабатывающая промышленность и отчасти банки.

«Покровительство», оказываемое послевоенным государством крупным и средним сельским хозяевам, во всех формах охранительных тарифов, экспортных схем, контенгентирования и организации сбыта, планомерной организации усовершенствованных форм кредита (Соед. Штаты не на последнем месте!) и т. п. всевозможных мероприятий, заслуживало бы здесь самостоятельного рассмотрения, от которого нам приходится отказаться по соображениям места.

Второй факт—это уменьшение того страха, который первоначально внушала непосредственно ощущаемая революционная опасность, и который в первое время диктовал правительствам по-своему потребительскую политику, в некоторой степени считавшуюся с элементарнейшими потребностями громадных потребительских масс. С уменьшением этого страха отпала соответствующая сдержка: ей на смену выступила свирепо «производственная» точка зрения, мирящаяся (да и то все меньше) лишь с немногочисленными ограничениями. Характерно, что фашистские правительства—в Италии, в Польше—первым делом рвали с традициями и навыками этой «потребительской» политики, способствуя повышению цен на основные продукты питания, на уголь и т. п.

Третий факт—это тот факт, что промышленность и банки, а в общем можно сказать, и все сплошь буржуазно-капиталистическое хозяйство—сначала в процессе войны и под непосредственным действием ее стимулов, а впоследствии в процессе защиты своих политических и хозяйственных позиций от опасностей революционного развития и от ново-возникших хозяйственных трудностей — достигли, более или менее повсеместно, высочайших степеней организованности как по линии чисто-хозяйственной организации (высшие формы развития всяких об'единений капитала, синдикатов, трестов и т. п.), так и по линии сословно-корпоративной (всяких организаций представительства интересов). В первой области всякие отсталые страны быстро подтянулись за передовыми, в которых развитие также пошло могущественными скачками вперед. Во второй области—профессионально-корпоративных организаций капитала—и такие «отсталые» страны, как Франция, покрылись сплошной и густейшей сетью всякого вида и типа организаций «интерессентов». При чем более или менее повсеместно эти многоликие организации так или иначе переплетены друг с другом, образуя целую сложную систему с отдельной системою «верхушечных организаций» (как их называют в Германии).

Понадобились бы целые томы для того, чтобы представить полную картину структуры и действия этих современнейших об'единений капитала, которых классовый охват и по чисто-корпоративной линии является несравненно более полным и исчерпывающим, нежели у профессиональных союзов рабочих, находящихся притом преимущественно в руках реформистов, т.-е. опять-таки, по сути, агентов того же организованного капитала. Эти организации капитала с их представительнейшей верхушкой—торговой палатой Соединенных Штатов, американскими с'ездами банкиров, «Райхсфербандом германской промышленности», «Федерацией британских индустрий» и т. п.—сплошной стеной окружают буржуазные правительства, и с влиянием их, как и связанных с ними неразрывно картелей, пулей и трестов, на политику этих правительств не может ни в какой степени сравниться никакая другая организованная сила. (Масштабы для сравнений в этом отношении можно бы найти разве только внутри этих организаций, сравнивая степени влияния отдельных групп сорганизованного капитала. Так, например, в Англии, а быть может и в Соединенных Штатах влияние господствующих банков пришлось бы признать более непосредственным и значительным, нежели влияние промышленных об'единений).

Все упомянутые три факта должны были усилить связь между всем государственным аппаратом и крупным капиталом, но вместе с тем и расширить сферу функций и воздействий государственной машины. Уже сама сложность всей экономической (и социальной) обстановки и потребность быстрых и решительных действий способствовала расширению полномочий государства, отслоению в его пользу или во всяком случае усилению разных его функций, при одновременном вящшем его «сращении» с высокоорганизованным капиталом.

Это усиление государственной машины находит свое и чисто-внешнее выражение в образовании новых его органов с различными, часто весьма широкими, полномочиями. Возникают «министерства национального хозяйства», как органы ближайшего сотрудничества с промышленностью и торговлей, «департаменты для научных и промышленных исследований», «комиссии по электричеству», «шиппинг борды» для «поощрения, развития и создания вспомогательного морского и торгового флота» [1]) и т. д., и т. п. Эти новые органы государства возникают не только в военный период (что было явно неизбежно), но множатся и после войны, как, например, в Англии «комиссия по электричеству» (возникает в 1920 г.), министерство транспорта (возникает в 1919 г. Немудрено! Только после войны—в 1922 г.—государство принудительно об'единяет около 120 железнодорожных концернов, представляющих капитал приблизительно в миллиард фунтов, в четыре предприятия, доходы которых регулируются и контролируются опять-таки государственным учреждением—«железнодорожным тарифным трибуналом») [2]), или оригинальный «комитет по гражданским исследованиям» («Committee of Civil Research»), установленный при кабинете министров в 1925 г. Этот последний орган вооружен только совещательными функциями, зато на него возлагается весьма своеобразно сформулированная обязанность «давать с центральной точки зрения связные предположения о развитии экономических, научных и статистических исследований в отношении гражданской политики и управления». (Названному комитету была недавно поручена правительством разработка вопроса о контингентировании производства каучука, т.-е. о дальнейших судьбах так называемого закона Стевензона. Тот же комитет обследовал положение всей металлургической промышленности с точки зрения желательности введения для нее охранительных пошлин).

Одновременно (т.-е., точнее говоря, во время войны) практика выработала, в особенности в Германии, своеобразный двойственный тип смешанных публично-частно-правовых корпораций, обеспечивавших государству относительный максимум контроля над производством. Правда, с тех пор эта сложная система, охватившая все основные категории промышленного сырья, была в крупнейших своих частях сломана и ограничена, и жалкий остаток воспоминаний о революции, § 156 веймарской конституции, закреплявший за государством «право» регулировать производство и распределение с точки зрения интересов общественного хозяйства (вплоть до социализации), остался на бумаге. Все же отдельные части построенной во время войны смешанной системы проявили больше живучести, чем можно было ожидать в период всеобщего штурма на остатки «военного хозяйства», и существуют и поныне в формах контроля государства над ценами на уголь и на калий. И что небезынтересно, сугубо «антиэтатистская»

[1]) Формулировка соответствующего американского законодательства.

[2]) Точно так же, как и во Франции, только после войны государство навязало концессионированным жел.-дорожным компаниям об'единительный «комитет по управлению» («Comité de direction»), постановления которого обязательны для всех дорог.

Франция уже после войны додумалась до проектов смешанных частно-государственных учреждений. (Декрет от 10/X—1919 г. и закон от 18/X—1923 г. об утилизации гидравлической энергии, предусматривающие и регулирующие участие государства, коммун и даже торговых палат в концессионированных предприятиях). Правда, эти предприятия пока-что не привились [1]), и когда дело дошло по другому случаю (во исполнение первого химического соглашения с германской индустрией) до образования смешанного общества для производства синтетического азота, то консервативный сенат предпочел образование чисто-государственного учреждения (так называемого «Office national industriel de l'Azote»), которое и было установлено законом 1924 г. Но наметившиеся попытки не прошли бесследно. «Этой новой форме акционерной компании,—пишет консервативный французский юрист,—хотя и не предвиденной прежним законодательством, все же, видимо, суждено постепенно стать достоянием практики и потребовать себе своего места в нашем французском законодательстве. Расширение сферы публичных услуг индустриального характера на самом деле требует преобразования правовых понятий, уже значительно продвинувшегося вперед за границей в особенности со времен войны» [2]).

В теснейшем, неконтролируемом и отчасти просто неуловимом контакте с руководящими органами крупного капитала государство становится именно государством «хозяйства» — «der Wirtschaft»: слово, в которое немцы стали вносить какой-то новый, особый смысл— высшим хозяйственным органом, к которому старые, наивно-метафизические представления немецкого философско-идеалистического прошлого стали уж особенно неприменимы.

Государство присваивает себе более смелое и непосредственное влияние, чем в предыдущие эпохи, на все движение цен и кон'юнктуры. Оно не боится весьма крутыми мерами регулировать иммиграцию, т.-е. рынок труда, как и поощрять и даже субвенционировать эмиграцию (британский «Эмпайер Сеттлемент Акт» 1922 г.). Оно об'являет своей прямой задачей поощрение процесса «рационализации» промышленности и всего «хозяйства». (Как и «хозяйство» в свою очередь не прочь браться за «рационализацию» государства! В буквальном и даже в переносном смысле, т.-е. не только уснащая свои программы вперемежку со всякими чисто-хозяйственными пожеланиями бесцеремонными требованиями всяких сокращений и упрощений государственного аппарата, но и доводя «рационализацию» до прямой поддержки переворотов).

С повсеместным ростом тенденции к экспорту фабрикатов, государство непосредственно интересуется строительством торгового флота и в тех странах, где оно еще не успело доразвиться до этого в предвоенный период. Это мы в частности видим в Соединенных Штатах. Сбыт полумонопольных категорий сырья более легкое дело, чем сбыт остро соперничающих на мировом рынке готовых изделий промышленности. За первыми иностранные суда сами заезжают, куда нужно. Вывоз фабрикатов необходимо поддержать. К этому присоединяется значение торгового флота, как вспомогательного флота в случае войны [3]). Уже после войны во вводном тексте к закону 1920 г. правительство Соединенных Штатов точнее формулирует свою политику, первые принципы которой нашли свое выражение в законе от 1916 г. Текст этот определяет,

«что для национальной защиты и для соответствующего роста иностранной и домашней торговли Соединенных Штатов необходимо, чтобы

[1]) Мы располагаем на этот счет данными только до начала 1925 г.

[2]) Paul Pic. «Traité élémentaire de Législation Industrielle». Supplément à la 5-e Edition. Стр. 23.

[3]) См. всю главу о «Торговой политике в отношении судоходства» в книге Кельбертсона «Международная экономическая политика», изд. в 1925 г.

Соединенные Штаты располагали торговым флотом, составленным из наилучше оборудованных и наиболее подходящих типов судов, достаточным для провоза бо́льшей части их ввоза и вывоза и для службы в качестве морских или военно-вспомогательных сил во время войны или национальной опасности и долженствующим в конечном счете находиться в собственности и управлении частных лиц; и настоящим об'является, что политика Соединенных Штатов состоит в том, чтобы делать все необходимое для развития и поощрения образования такого торгового флота». (Разрядка везде наша).

Применение этой, в полном смысле этого слова, боевой программы натолкнулось, как известно, на целый ряд затруднений, а отдельные особо крутые и агрессивные части Мерчент Марин Акта и связанных с ним декретов (как, напр., применение привилегированных железнодорожных тарифов к товарам, подвозимым в американские гавани американскими судами) оказались обоюдоострым орудием. Но общая тенденция к «развитию и поощрению» торгового флота, который,— по выражению Кельбертсона, — «является фактически (чем бы он ни был в теории) существенно национальным предприятием» [1], от этого не исчезла.

Британское правительство относится последовательно отрицательно ко всякому слиянию британских пароходных предприятий с предприятиями других стран, охраняя таким образом строго-национальный характер британского торгового флота, вместе с тем поощряя образование «оборонительных союзов» [2]) и широких соглашений (на т. н. «конференциях») между британскими предприятиями, из которых группа шести контролирует более половины всего британского торгового судоходства и практически не соперничает друг с другом, поделив все моря и океаны земного шара на сферы влияния. Зато поддержка государственными средствами постройки торгового флота более молодыми странами, еще только вступающими на путь соперничества на море (не исключая и доминионов), вызывает неизменно упрямую контрпропаганду со стороны британских кругов: конечно, всегда под «бескорыстно-теоретическим углом зрения хозяйственного расчета. Эти круги, в силу своих «антиэтатистских» убеждений относящиеся с чрезвычайною заботливостью ко всяким явлениям бесхозяйственности не только у «себя», но и у своих соперников, и проявили шумное удовлетворение, когда долго упрямившееся австралийское правительство, наконец, решилось передать государственный торговый флот Австралии в цепкие руки Лорда Кайлсанта. Принципы строгого отмежевания частнокапиталистической инициативы от вмешательства государства, по британским представлениям, должны последовательнее всего осуществляться в более молодых странах, позднее других выступающих на историческую арену международного соперничества [3]).

Но основная область, где шире всего проявляется покровительственная деятельность послевоенного государства, где оно теснее всего сплетается с торгово-промышленным капиталом, это вся область борьбы за сбыт, это политика торгового баланса, сочетающая охрану внутреннего рынка от иностранной конкуренции с борьбой за внешние рынки. Война оставила в этой области особенно громадное наследие, и неот'емлемая от современного буржуазного государства боязнь новых конфликтов, необычная индустриализация военной техники, всеобщее сужение возможностей сбыта, защита уже помещенных капиталов, недостаток новых,—все это уже не допускает полного разрыва с экономикой военного времени. Война и мир стали более или менее неотделимыми состояниями буржуазного общества. «Война не является более чисто вооруженным конфликтом; она является также экономическою борьбою. С этой точки зрения война есть усугубленная форма торгового соперничества»,—пишет уже неоднократно цитированный нами американский автор [1]). Автор этот не сознает, что его слова—модернизированный вариант известной формулы Кляузевица: война есть продолжение политики, только другими средствами. Но и обратное стало верно. Мир стал продолжением войны, только—отчасти другими средствами.

Послевоенная эпоха совпала, как известно, с высшим расцветом протекционизма в степенях и формах, каких не знало довоенное империалистическое развитие при всей силе отмечавших его протекционистских тенденций. Этот послевоенный протекционизм нашел первоначальное свое выражение даже не столько в абсолютном повышении охранительных тарифных ставок. Вопреки распространенным среди широких кругов представлениям, об абсолютном повышении ставок в среднем, мировом масштабе вряд ли можно говорить, как это в пределах возможной точности было установлено изысканиями Лиги Наций, Бальфуровского комитета и британского Борд оф Тред. В отношении отдельных существенно важных групп товаров,—как, напр., текстильных—среднее повышение ставок было в общем даже довольно существенно ниже общего повышения товарных цен. Разгул протекционизма выразился скорее в другом: во-первых, в возникновении целой сети новых границ в центральной и восточной Европе; во-вторых, в возникновении сильных протекционистских тенденций в целом ряде колониальных стран с молодою капиталистическою промышленностью (отчасти возникшей во время войны); в-третьих, в тех новых, особенно грубых и примитивных формах, в которых проводилась государствами политика протекционизма (система запретов ввоза, ограничений, контингентирований, лицензий, дифференциальных ставок, сложнейшей их классификации, всяких сложных формальностей при ввозе и т. п.).

Момент политический во всех трех случаях выступает ясно. Война сделала протекционизм мировым явлением. Не столько поднялись вверх старые таможенные стены, сколько к ним прибавились новые. Новые же формы охранительной политики связаны с усилением полномочий государства. Ясно, что «лицензионная система представляет больше возможностей для административного вмешательства («манипуляции»), чем таможенный тариф» [2]).

Но и другие свойства и тенденции протекционистской политики послевоенной эпохи действовали в том же направлении. Растущее торговое соперничество побуждало правительства охранять торговлю своих стран не только от последствий инфляции в других странах, от политики всяких субсидий, субвенций и т. п., но и учитывать в системе предпринимаемых контрмер и уровень издержек производства в конкурирующих странах, выражающийся в господствующих в этих странах нормах зарплаты, длине рабочего дня и т. п. Учет этих сложных и притом быстро меняющихся факторов должен был неизбежно привести к расширению полномочий органов управления заинтересованных стран.

С относительным упорядочением европейских отношений и в частности с устранением инфляционных порядков в подавляющем большинстве европейских стран эти методы предыдущей эпохи не исчезли пол-

Footnotes (p. 24):

[1]) Кельбертсон. Стр. 429.

[2]) Заключения Империал Шиппинг Комити 1923 г.

[3]) Бальфуровская анкетная комиссия о состоянии торговли и промышленности приводит следующий список стран, в которых торговое судоходство «ведется или контролируется» государством: Канада, Австралия, С. Штаты, Бельгия, Румыния, Советская Россия.

Footnotes (p. 25):

[1]) Кельбертсон. Стр. 331.

[2]) Survey of overseas markets. Стр 16.

ностью, но в значительной степени были только приноровлены к изменившимся условиям. Итак, в Англии бюджетный закон 1926 г., следуя указаниям Комитета Чадвика, восстановляет еще на целый десяток лет действие существенных частей т. н. «Закона об охране промышленности» («Safeguarding of Industries Act») от 1921 г. Меморандум же Борд оф Тред от 1925 г. предусматривает применение и других частей указанного закона в порядке нормального бюджетного законодательства ко всем статьям ввоза (за исключением только продуктов питания) при наличности соответствующих предпосылок. Основной предпосылкой предполагается понимаемая по новому «нелойяльность» иностранной конкуренции, вытекающая из обесценения валюты, создающего премию на экспорт, субвенций или других искусственных привилегий и из «худших условий труда, касательно зарплаты, продолжительности рабочего дня» и т. п. [1]). При чем весь почин к применению охранительных ставок в упрощенном порядке бюджетного законодательства предоставляется в каждом случае заинтересованным отраслям промышленности и министерству торговли, которое при наличии соответствующих предпосылок (перечисленных в меморандуме) поручает специальным комитетам проверку обоснованности обращенных к нему требований промышленности [2]).

В соответствии со всей традицией республиканской партии полнота узаконенного почина и полномочий правительства С. Штатов всего яснее выступает именно в этой сфере—«охраны» промышленности. В 1922 г. таможенное законодательство С. Штатов берет в свою основу формальный принцип «равенства» («Equality of treatment»). Основа этого «новшества» сводится к тому, что колоссальная экономическая мощь С. Штатов дает им возможность не стремиться к обеспечению себе специальных и формальных привилегий. В то же время универсальные тенденции торговли С. Штатов, стремящейся проникать во все страны и материки, побуждают Штаты выдвигать общеобязательные принципы и приводить их в гармонию с широчайшим применением политики т. наз. «открытых дверей», сводящейся к борьбе с привилегиями и преимуществами более старых капиталистических стран. В этих условиях принцип «равенства» сводится к тому, что С. Штаты, оговаривая сами за собою абсолютную свободу охранять свой рынок какими угодно ставками, в то же время оспаривают за другими странами право на какую бы то ни было «дискриминационную» политику, т.-е. на менее благоприятное отношение к ввозу американских товаров, чем к ввозу из любой другой страны. Это должно означать, что Америка требует себе «равенства». Защита этого «равенства» в условиях послевоенной эпохи требует весьма широкого простора для американской администрации вплоть до своего рода военных мер, какими является обложение ввоза из упорствующих стран громаднейшими карательными ставками.

Тарифная комиссия С. Штатов на другой же день после прекращения военных действий поспешила запечатлеть в своем докладе указанные принципы:

> «Равенство (Equality of treatment) должно означать, что С. Штаты применяют ко всем странам те же условия и взамен требуют себе одинакового отношения со стороны всякой другой страны... Необходимая гибкость может быть обеспечена предоставлением на деле обложения добавочными пошлинами дискреционной власти президента... в общих рамках, определяемых статутом... Представляется необходимым оставление за исполнительными органами (executive department) значительной степени свободы». (Разрядка везде наша) [1]).

[1]) «Factors in industrial and commercial effinciency». Стр. 447 и след.

[2]) В июне 1925 г. с требованием применения к ней предусмотренной процедуры обратилась в мин. торговли такая капитальная отрасль британского производства, как производители чугуна и стали. При чем на этот раз они натолкнулись на отказ правительства, мотивированный ссылкой на соображения более общего характера.

Согласно тарифному законодательству от 1922 г. после заключения тарифной комиссии президент в праве налагать добавочные ставки, доходящие до 50% в отношении ценности товара, и в случае, если бы это не возымело действия, распорядиться и о прямом запрете ввоза.

«Стабилизация» европейских отношений, возвращение к системе торговых договоров должны были, конечно, устранить многие унаследованные от военного периода грубые и упрощенные формы протекционистского произвола. Созванная Лигой Наций Международная Экономическая Конференция дала добавочный толчок тенденциям к устранению многих второстепенных затруднений международного торгового оборота.

Но все эти переговоры и соглашения не смогут устранить того, что заложено в самом характере эпохи, отмеченной высшим обострением международной конкуренции.

Фритредерская пропаганда, прокатившаяся в последнее время по Европе, не обманула буквально никого (за исключением, быть может, самых благодушных реформистов, профессионально заинтересованных в прикрашивании этого лучшего из капиталистических миров). За этой пропагандой слишком ясно ощущались интересы крупнейших и сильнейших индустриально-империалистических держав. Сами авторы пресловутого «манифеста банкиров» растерянно-грубо выбалтывали свои тайны. Президент Рейхсбанка Шахт об'являл, что собственный промышленный аппарат должен оставаться привилегией сильнейших, «крупных хозяйственных единиц», и что вообще «не увеличение промышленного производства», а «организация покупательной силы отдельных народов» должна составлять «настоятельнейшую задачу нашего времени» [2]). А сам сладкоречивый, либеральный автор «Манифеста» Джордж Пейш открыто призывал громы кредитного кризиса на головы непокорных народов, угрожая им бойкотом лондонского и нью-йоркского денежных рынков, если они «не примут политики, которая открыла бы им эти рынки», т.-е. если они не откажутся от практикуемой ими политики «ограничения торговли» [3]).

Новейшая «стабилизационная» эпоха, если не говорить о второстепенных явлениях, связанных с устранением всяких анархических форм более или менее «военного» протекционизма—отнюдь не является эпохой уменьшения, а скорее усиления протекционистской волны. Английский Бальфуровский комитет, об'являющий индустриализацию новых стран «самым важным и самым прочным из факторов, ведущих к ограничению об'ема или изменению характера британского вывоза», считается с тем, что «практически во всех случаях тенденция пересмотра (старых ставок) будет итти в направлении их увеличения» [4]). Пример Франции уже оправдал эти предсказания англичан. Но и в самой Англии, прародительнице Фритреда, консервативное правительство со свойственным англичанам упрямством (и наученное первым неудачным опытом) шаг за шагом приготовляет пути для более полного отхода от принципов свободной торговли. Размеряя осторожно дозы проводимой в отдельных случаях охрани-

[1]) См. Кельбертсон. Цит. труд. Стр. 141/2.

[2]) D-r Schacht. «Die Stabilisierung der Mark», стр. 188.

[3]) George Paish. «The road to prosperity». Стр. 121—2.

[4]) Survey of overseas markets. Стр. 14.

тельной политики, оно систематически обрабатывает «общественное мнение», без сомнения, делая все большие завоевания и в рядах рабочей партии. Следует думать, что, если к власти вторично придет кабинет рабочей партии, Сноуден на этот раз уже не поспешит отменить существующие охранительные мероприятия. Что же касается английских либералов, то при том направлении, какое получает в последние годы развитие их «мировоззрения» (в частности в недавней программной записке), доктринальное фритредерство приобретает в этом лагере все более характер причуды, в значительной степени потребной лишь как традиционный отличительный признак этой либо вымирающей, либо энергично меняющей кожу политической породы.

Со времен войны Англия неуклонно, хотя и осторожно, развивает политику преимущественных ставок в торговых отношениях между составными частями Империи. Англия добивается расширения преимуществ, предоставленных ей доминионами. (В среднем таможенные ставки в отношении английских товаров понижены на новых 5% по сравнению с 1914 г., в общей сложности обеспечивая английским товарам преимущество на приблизительно 9% в сопоставлении с товарами других стран). В 1919 г. Англия и сама вступает на путь взаимных уступок доминионам. При чем вряд ли можно оспаривать тот факт, что эта политика начинает давать осязательные результаты. Единственная «светлая точка» в британской экономике—это рост доли британского вывоза в свои колонии. С 1913 г. эта доля растет неуклонно. В 1913 г. она представляет 37% всего британского вывоза, в 1924 г. уже больше 38%, в 1925 г. уже 39,18%, в 1926 г. целых 44,7%, в 1927 г. опускается до 42,56%, затем опять начинается под'ем. Расширение и укрепление связей с империей и стало, без сомнения, в последнее время самой популярной идеей в рядах английских политических партий вплоть до Лебор Парти.

В С. Штатах (в связи с индустриализацией Южных Штатов и другими причинами) вопросы таможенной политики меньше, чем когда бы то ни было, играют в настоящее время роль актуального спорного об'екта в борьбе между республиканской и демократической партией. На европейском материке нет такой партии—вплоть до реформистов,—которая не считала бы своей задачей охрану интересов «национальной» промышленности: различия тут только в оттенках и степенях.

Содействие государства здесь неизбежно. Оно и является непрестанным об'ектом самого яростного натиска всех заинтересованных кругов и стремится лишь кое-как согласовать их не всегда тождественные интересы. Возникновение международных картелей с их тенденцией к контингентированию производства и в дальнейшем к распределению рынков сбыта, как показал уже и опыт, не устраняет общей тенденции, не заменяет собою таможенной охраны рынка. Для ряда решающих международно-об'единенных отраслей (как, например, для континентально-европейской железо-стальной промышленности) внутренний рынок имеет еще во множестве случаев слишком крупное, почти решающее значение. Борьба за «квоту», т.-е. за долю участия в международном контингенте, неизбежно возобновляющаяся, предполагает стремление всякой национальной индустрии к обеспечению себе, к предварительному завоеванию возможно лучших исходных позиций, т.-е. максимальной производительности, что опять-таки связано со всякого рода поддержкой со стороны государства. Политические и экономические моменты здесь переплетаются неразрывно.

«Вопреки всяким фантазиям (буквально непереводимо: «Floskeln»), которые часто подсовывает народам честная или искусственно фабрикуемая для политических целей воля к соглашению,—пишет один из вожаков германской промышленности в докладе о картелях, представленном Международной Экономической Конференции [1]),—пока что всякая страна при заключении международных соглашений ищет удовлетворения прежде всего своих собственнейших национальных интересов, и всякий хозяйственный соперник рассматривается при этом не как ценный европейский фактор, а как претендент в борьбе за общий рынок. Поэтому хозяйство всякого государства должно считаться с тем, что договорное соглашение насчет этого рынка останется лишь так долго в силе, как долго политическое положение партнера будет заставлять его считать нецелесообразным прибегать к другим средствам для охраны своих национальных интересов» [2]).

Эти «другие» средства и есть средства политического нажима и шантажа, бешеного вздувания размеров протекционистской опеки и т. п.,—словом, всего того, для чего государство является необходимейшим и классическим органом, как бы ни было приятно наивысше организованному капиталу обходиться без его помощи.

Не ясно ли после всего этого, что в этой новой, необычно усложнившейся и, главное, подвижной, как никогда раньше, экономической и политической обстановке промышленный капитал нуждается для охраны своих интересов в тех увеличенных степенях «необходимой гибкости» государственного аппарата, о которой говорил доклад Тарифной Комиссии С. Штатов? Новый темп послевоенного капитализма—новый темп во всем: в процессе самоорганизации капитала, «рационализации» техники, лихорадочного и беспорядочного кон'юнктурного развития, всего политического и всего социального развития — плохо мирится со старыми, тяжеловесными методами законодательно-государственного творчества в этой области. «Необходимая гибкость» предполагает и здесь упрощение и расширение полномочий государства.

И в этой области должно получаться то своеобразно диалектическое развитие, при котором вящшее, безоговорочнейшее подчинение государства интересам и указке крупнейшего капитала (представленного трестами и картелями) сочетается с расширением, с умножением функций этого самого государства, с ростом его удельного веса во всем механизме капиталистического бытия. Процесс «сращения» капиталистической базы с ее новейшей государственной надстройкой и есть двусторонний, диалектический процесс, в котором то одна, то другая сторона — сообразно обстановке, месту и времени—выступает более ярко наружу.

Для полноты отметим еще, что в своей совместной с частным капиталом борьбе за внешние рынки послевоенное государство прибегает и к таким мерам, как более или менее непосредственное финансирование экспорта. Примером соответствующих схем могут служить германские гарантированные кредиты для целей советских закупок промышленного оборудования в Германии. Британский «Тред Фасилитис Акт», получивший на практике применение преимущественно к разным экспортным индустриям, как и более непосредственные схемы государственных экспортных кредитов (в виде авансов, потом гарантий векселей) в общей

---

[1]) Кстати сказать: какой максимум пренебрежительности ко всяким фритредерско-всеевропейским «фантазиям», да еще в официальном докладе Лиге Наций!..

[2]) Lammers. «Kartellgesetzgebung des Auslandes». Стр 12. Автор—один из руководителей германского химического треста, влиятельный член партии центра и председатель анкетной экономической комиссии.

сложности санкционировали всякого вида гарантии государства в довольно внушительных размерах — приблизительно 100 млн. фунтов, т.-е. около миллиарда золотых рублей.

Мы уже упомянули в другом месте о том, что в Соед. Штатах отдельным законодательным актом было отменено действие шермановского ограничительного законодательства для монополистических об'единений, ставящих себе целью эксплоатацию внешних рынков. Т. н. закон Уэбба-Померина (Webb-Pomerene Act) узаконяет образование экспортных «ассоциаций» монополистического характера. Предполагается, что «своего» потребителя полагается «охранять» от эксплоатации со стороны трестов, на обирание иностранного потребителя выдается, наоборот, патент. Американское государство становится здесь обеими ногами на почву реальной обстановки современнейшей борьбы за мировой рынок. Комитет нижней палаты конгресса, настаивая на принятии указанного закона палатой, пояснял, что вывозная торговля в результате методов, применяемых другими странами, стала «в значительной степени предметом соперничества между народами»; снабжая же эту премудрость своими комментариями, видный американский автор дополнительно поясняет: «если правительству С. Штатов предстоит стать стороной в этом международном торговом соперничестве, то оно должно иметь возможность поддержать свои иностранные торговые агентуры силою оружия, в случае необходимости — с последствиями, которые легко предвидит всякий усвоивший уроки недавней войны. Возможно, впрочем, что не придется подвергнуться этому риску, в особенности в виду настойчивого иностранного спроса на американские товары, как и в виду громадных пропорций домашней торговли [1]).

Понятия и термины «народы» (т.-е., точнее говоря, капиталистические буржуазии и еще точнее—просто тресты) и «правительства» (т.-е., точнее говоря, государства) в терминологии этого законодательного творчества и этого юридико-экономического учения характернейшим образом употребляются вперемежку, перепутываются и отождествляются.

Эта борьба за мировой рынок как нельзя теснее сплачивает государство и высшие—профессиональные и хозяйственные—организации сконцентрированного капитала. Государство «хозяйства» является по преимуществу государством трестов и синдикатов. Плоскости соприкосновения этих высших органов капитала с государством неисчислимы, хотя часто и неуловимы для далее стоящего зрителя. Эти высшие организации капитала в буквальном смысле слова владеют правительствами, партиями, прессой, средствами радиотелеграфной и всякой другой пропаганды. Главари этих трестов и профессиональных корпораций все чаще и все полнее осуществляют в своем лице своего рода личную унию между этими органами и правительствами и партийными верхушками. Практика и законодательство послевоенного времени узаконили обязательное участие представителей капиталистических организаций во всякого рода совещательных, административных и судебных высших и низших органах, превращая их в неотделимую составную часть все более усложняющегося государственного механизма и придавая ему этим своеобразный сословно-капиталистический характер. Могущественнейшие организации промышленного капитала принимают непосредственное участие в торговых переговорах между правительствами. Полнейшая взаимозависимость и согласованность этих переговоров частных организаций и официальных органов выступила особенно ярко наружу при недавних франко-германских переговорах о торговом договоре. Только предварительное соглашение некоторых отдельных отраслей французской и германской индустрии сделало заключение этого договора вообще возможным. И т. д. и т. п. Деятельность государства и деятельность органов частного капитала здесь просто неотделимы.

[1]) E. Jones. «The trust problem in the United States». 1922. Стр. 387.

Весь этот состав обстоятельств должен был характерным образом отразиться и на формально-юридическом отношении современного государства к частнокапиталистическим монополистическим об'единениям, т.-е. на законодательстве о трестах и синдикатах. Только глупенькие реформисты могут мечтать о каком-то радикально-действующем «контроле» этого, т.-е. насквозь монополистически-капиталистического государства над капиталистическими монополиями. «Серьезные» реформисты об этом вовсе и не мечтают, являясь в соответствии со всем своим устремлением в сторону самоновейшего, высше-рационализованного «прогрессивнейшего» капитализма восторженнейшими сторонниками национальных и международных капиталистических об'единений. Больше других понимающий в этом деле «социалист» Юлиус Гирш открыто проповедует на страницах буржуазной печати, что путь развития здесь должен итти от «юридического надсмотра к хозяйственному воздействию» [1]).

Если же присмотреться к фактическому ходу развития в международном масштабе, то в общем и целом легко будет констатировать в этом отношении наличие трех неразрывно связанных друг с другом тенденций. Во-первых, развитие идет от старых, судебно-уголовных форм «контроле» над трестами в сторону чисто-административных форм контроля, т.-е. от относительно более сильных к более слабым средствам и мерам. Этот переход совершается С. Штатами в принципе уже до войны, начиная с 1903 г. (с образованием Департамента по Торговле и Труду и «Бюро по корпорациям» при нем), в особенности же с 1914 г. (с возникновением Федераль Тред Комишен). Далее, и во-вторых, эти формы предполагаемого административного «контроля» все определеннее эволюционируют в сторону более или менее прямого сотрудничества между организациями капитала и органами власти. И, наконец, в-третьих, там, где организованность кап итала еще не достигла относительно наивысших форм, задерживая этим экономическое развитие и затрудняя соперничество с другими странами, там государство не только не думает запружать развитие всякими формами контроля, но, наоборот, ведет систематическую пропагаду за образование об'единений монополистического типа, государство само становится апостолом и, поелику возможно, проводником трестификации (английский случай).

Достаточно бегло просмотреть соответствующий фактический материал [2]), чтобы убедиться в правильности этих формулировок.

В общем и целом можно сказать, что мировая война нанесла последний смертельный удар старому законодательству о трестах с его поползновениями на «борьбу» с частнохозяйственными монополиями, об'явленными еще накануне войны президентом Вильсоном «неоправдываемыми и невыносимыми». «Все значение, вся никчемность законодательства против трестов была обнаружена в период мировой войны» [3]). Ибо война,

[1]) «Berliner Tageblatt» от 7 июня 1927 г.

[2]) В последнее время подобранный в трудах Бальфуровского комитета, в материалах Междунар. Экономической Конференции и в таких отдельных исчерпывающих работах, как книга б. референта германского министерства хозяйства Левиха о «Картелях и государстве» (Берлин, 1928 г.)—не говоря об огромной литературе, касающейся отдельных стран.

[3]) M. L. Requa. «The relations of government to industry». N. Y. 1925, стр. 52.

как известно, явилась периодом высшего расцвета организованного, государственно-монополистического капитализма. В настоящий момент старые, антиквированные ограничения судебно-уголовного характера—впрочем остающиеся мертвой буквой—мы встречаем еще только в странах с относительно запоздалым развитием (как, напр., во Франции). В других странах мы наблюдаем все более переход к более современным и гибким методам административного «контроля», перерождающегося в весьма интимное сотрудничество. «Впряжение картелей в хозяйственную политику государства, — пишет немецкий автор новейшей книги о картелях и государстве, — предполагает постоянный тесный контакт и обмен мнений о формировании хозяйственных отношений» [1]). Немецкий автор формулирует здесь только то, что есть. И только с таким же основанием можно было бы говорить и о «впряжении» государства в хозяйственную политику картелей: формула верна в обоих направлениях.

В С. Штатах так называемым законом Клейтона о трестах (Clayton Act) было положено начало некоторым формам предварительного совещания всякого данного монополистического об'единения с государственными органами о тех конкретных формах, в которых данное об'единение могло бы беспрепятственно существовать и развиваться. Конгресс определенно высказался за расширение практики этих,—как их назвали в Америке,—«ванн, обеспечивающих иммунитет» [2]). В Англии, отстающей от других стран по части высших форм концентрации капитала, «в настоящий момент не имеется никаких полномочий общего характера, направленных к контролю (подразумевается—государства) над действиями трестов или подобных комбинаций»—резюмирует положение доклад Бальфуровского комитета [3]). Государство озабочено здесь в общем не «контролем», а недостатком (впрочем весьма относительным!) кандидатов в контролируемые! С самого момента мировой войны, столкнувшись как нельзя более вплотную с реальнейшей международной экономической действительностью и охваченное тревогой за будущее Англии в ее борьбе за мировой рынок, государство становится убежденнейшим поборником монополистических организаций. Назначенный правительством в 1918 г. «Комитет по трестам» в опубликованном в следующем году докладе эпически констатирует:

> «Мы можем считать установленным, что торговые [4]) ассоциации и комбинации быстро распространяются в этой стране и могут в недалеком будущем приобрести решающий контроль над всеми существенными отраслями британской торговли».

Исследователи развития капиталистических об'единений в Англии считают, что это «недалекое будущее» уже наступило [5]). Но британские правящие круги всех направлений справедливо полагают, что эти формы об'единения и контроля в Англии еще в общем (если не говорить об отдельных могущественнейших и современнейших трестах, как химический или мыло-жировой трест и т. п.) весьма отстают от выработанных практикой других стран высших форм монополистических об'единений (т.-е. прежде всего синдикатов и трестов). И поэтому именитейшие представители правительства и всех трех руководящих британских партий не пропускают буквально ни одного случая, чтобы самым энергичным образом не внушать промышленности идеи неотложности задачи переорганизации на началах современнейших, европейско-американских форм монополистических об'единений. Недостаток трестификации—основной и все громче раздающийся укор, какой приходится слышать британской промышленности из уст главарей всех претендующих на власть партий, со страниц докладов правительственных комиссий (например, комиссии Сэмуеля) и т. п. Государство, по крайней мере, пропагандистски стремится играть в этом деле ведущую роль, а либералы и лебористы не прочь при этом помечтать и об образовании настоящего планирующего и организующего «Экономического Генерального Штаба» (либеральный меморандум), который бы подтолкнул это развитие. Государство стремится в об'ятия трестов и там, где оно не находит их пред собою в достаточном количестве.

[1]) Osw. Lehnich. «Kartelle und Staat». Стр. 240.

[2]) «Immunity baths». См. Jones. O. c. Стр. 347.

[3]) «Factors in industrial and commercial efficiency». Стр. 92.

[4]) В английском смысле этого слова. Вернее было бы сказать: «промышленные».

[5]) «По нашему мнению, этот период наступил, и британская торговля (читай: «промышленность». Прим. автора) в настоящий момент находится под контролем крупных комбинатов, управляемых или направляемых крупными денежными и банковскими трестами». (J. Morgan Rees. «Trusts in british industry». 1922. Стр. 245).

В высокой степени важно конкретно проследить, как развивались и развиваются отношения этого государства—государства эпохи наивысшего развития государственно-монополистического капитализма — к рабочему классу. Усиление государственной машины находит свое выражение и здесь не только в дальнейшем усилении чиновничье-бюрократического и военно-репрессивного аппарата, но и в менее механическом явлении роста регулирующих функций этого государства по отношению к условиям труда, к формированию дохода рабочего класса, ко всему комплексу отношений между трудом и капиталом. Вне этой связи трудно было бы понять, почему формирование отношений между этим государством и реформистской верхушкой—профессиональной и политической—пошло также по линии «сращения» при одновременном распаде традиционных элементов буржуазной демократии в лоне меняющего свои формы современного буржуазного государства.

В. Рябоконь.

Деревенский коммунист, как организатор коллективного хозяйства.

Решения XV с'езда партии о коллективизации крестьянского хозяйства встретили живейший отклик широких масс крестьянства и, прежде всего, его бедняцкой части.

Началось массовое стихийное движение за организацию колхозов. Отдельные факты показывают, какой огромный размах приобретает это движение. И уже сейчас, на данной полосе развития, колхозное движение со всей остротой ставит вопрос об о р г а н и з а т о р е. Нужен организатор стихийного стремления к коллективизации, могучий толчок к которому дало решение XV с'езда.

В ряде мест на происходящих конференциях представителей бедняцких групп с а м а беднота ставит вопрос об организаторе:

> «Для нас коллективное, артельное хозяйство—единственный выход из нищеты. Дайте нам только организатора».
>
> «Дайте нам специального «юридического» человека, который об'яснил бы нам, как повести коллективное хозяйство, как в коллективе должна распределяться работа, продукты и пр.».
>
> (Из выступлений на конференциях групп бедноты).

Эти выступления характерны в том отношении, что беднота ждет от партии людей, которые возглавят и организуют колхозное строительство. Это свидетельствует о степени доверия к партии, но это вместе с тем накладывает на партию обязательства. Партия должна дать организаторов колхозного движения. Эта задача партией поставлена. Тов. Молотов в своем докладе на XV с'езде указал на эту задачу, как на важнейшую:

> «Вставшие перед нами новые, подлинно-социалистические задачи в деревне требуют новых людей, нового понимания, новых ученых коммунистов и некоммунистов, нового отношения к опыту крупного земледелия за границей (в Америке и в Европе). Вот этого нам нехватает, вот на это мы должны обратить особое внимание».
>
> «Нужно взяться по-настоящему за подготовку новых кадров людей, которые помогут действительному быстрому продвижению тех элементов социалистического крупного хозяйства в деревне, которые есть, которые развиваются»...

Ясно, конечно, что для организации колхозного строительства нужны будут организаторы «различных родов оружия»; нужны будут и ученые коммунисты и некоммунисты, нужны будут и н и з о в ы е непосредственные работники по коллективизации в самой гуще крестьянских масс.

Откуда партия будет брать и выращивать эти кадры «низовиков»—организаторов колхозного движения? Очевидно, что, прежде всего, из со-

става деревенской части парторганизации. В этой связи необходимо присмотреться к тому, что представляют собой наши деревенские ячейки по своему составу.

* * *

К составу деревенских парторганизаций мы хотим подойти, прежде всего, под углом участия коммунистов в сельскохозяйственном производстве.

По данным партпереписи (начало 1927 г.) состав коммунистов по роду занятий таков:

Рабочих	23.964	9,1%
(в том числе с.-х. рабочих и батраков 13.226—5%)		
Крестьян	111.618	42,3%
Служащих	105.229	39,8%
Млад. обслуж. перс., куст. и ремесл., безраб. и пр.	23.244	8,8%

Если к крестьянам по роду занятий прибавить с.-х. рабочих, батраков, а также тех коммунистов из других групп, которые принимают участие в сельском хозяйстве личным трудом, то общее количество деревенских коммунистов, связанных непосредственно с с.-х. производством, будет равняться—146.609 чел. или 55,7%.

Что же касается вообще связи с сельским хозяйством (непосредственным участием, через семью, денежную помощь и пр.), то, по данным статотдела ЦК к моменту партпереписи, 67,2% деревенских коммунистов так или иначе с сельским хозяйством были связаны; 32,8% н и к а к о й с в я з и с с е л ь с к и м х о з я й с т в о м н е и м е ю т.

Что показывают эти цифры? Они показывают, что по настоящему с с.-х. производством связано только немногим больше половины (55,7%) деревенских коммунистов. Отсюда ясно, что роль непосредственных низовых организаторов колхозов могут выполнять далеко не все деревенские коммунисты.

Однако, приведенные нами данные о составе деревенской организации еще не дают достаточно полной картины для суждения о том, в какой мере партия будет черпать организаторов колхозного движения из среды деревенских коммунистов. Нужно еще присмотреться к тем изменениям, которые происходят в составе деревенской части партии, к причинам, их вызывающим.

Тут, прежде всего, бросается в глаза факт систематического отрыва коммунистов-крестьян от сельскохозяйственного производства. К сожалению, нет данных, чтобы проследить динамику этого процесса во всей полноте за более или менее значительный промежуток времени. Но некоторые данные все же можно привести.

По данным партпереписи—из 149.794 крестьян по социальному положению, состоящих в деревенских ячейках, оторвавшихся от хозяйства оказалось 50.149 чел., из них подавляющее большинство (73,7%) в момент переписи были заняты в качестве служащих и общественных работников.

О том, как идет эта «передвижка» в составе деревенских ячеек, можно судить по сопоставлению данных партийной статистики о крестьянах-коммунистах, совмещающих ведение сельского хозяйства с платной выборной и невыборной работой. В этом отношении за 1927 г. произошли следующие изменения:

	Крестьян коммунистов исключительно занятых в с. х.	Совмещающих ведение с. х. с платной работой выборной	не выборной.
По данным партпереписи	95624—100,0%	20555—100,0%	свед. нет.
„ на 1/X—27 г.	114128—119,3 „	27553—134,0 „	17479—100,0%
„ на 1/I—28 г. (свед. предв.).	117467—124,3 „	30022—146,0 „	19708—113.3 „

3*

Таким образом, количество крестьян-коммунистов, занятых исключительно сельским хозяйством, выросло на 24,3%, в то же время количество крестьян-коммунистов, совмещающих ведение сельского хозяйства с платной выборной работой, увеличилось на 46,1%, а с невыборной (только за 3 месяца) на 13,3%. Если принять во внимание, что за 1927 г. принято в число кандидатов крестьян, совмещающих ведение хозяйства с платной выборной и перевыборной работой, лишь 2.901 чел., то станет очевидным, что в основном увеличение количества крестьян «совмещающих» получилось за счет тех коммунистов, которые вступили в партию, как крестьяне, занятые исключительно в сельском хозяйстве. Это не значит, конечно, что все «совмещающие» уже оторвались от сельского хозяйства, но известная часть из них через некоторый промежуток времени, несомненно, от хозяйства будет оторвана.

Мы указали, таким образом, на наличие процесса отрыва крестьян-коммунистов от с.-х. производства на основе перехода на выборную и невыборную службу в самой деревне. Но этот процесс идет и по линии ухода из деревни вообще, ухода в город (на фабрику, на учебу, на службу и пр.).

С чем связан отрыв крестьян-коммунистов от сельского хозяйства? Он связан, прежде всего, с необходимостью выдвижения коммунистов на руководящую государственную и общественную работу в деревне. Но это не единственная причина. Важно отметить и другое, а именно—наличие у известной части крестьян-коммунистов взгляда на сельское хозяйство, как на «временное» занятие, стремление «оторваться» от сельского хозяйства. Вот два наиболее ярких примера:

Витебский окружком провел анкету среди крестьян-коммунистов, занятых исключительно в сельском хозяйстве. Анкетой было охвачено около 200 чел., и на вопрос—удовлетворяет ли работа в сельском хозяйстве—60% ответили отрицательно, выразив при этом желание получить платную должность или уйти в город, на фабрику и т. д.

Один деревенский коммунист в своем письме в ЦК пишет: «Нужно сказать правду: все члены партии деревенские покидают деревню и бегом бегут из нее и уходят работать в город и там преспокойно живут и, конечно, учатся. Там времени, конечно, для самообразования больше, и в результате материально устраиваются лучше»... «Я беру пример со своей деревни: у нас в деревне было 15 членов партии, а в настоящее время я остался один»... «Если не будет сделано прекращения самотека, то и остальные разбегутся из деревни».

Итак, факт систематического отрыва значительного количества деревенских коммунистов от сел.-хоз. производства несомненен.

Попытаемся теперь подойти к составу деревенских коммунистов еще с одного конца. Деревенская часть партии по социальному положению распадается на следующие группы:

Рабочих	65.691—24,9%
Крестьян.	149.734—56,7 „
Служащих	41.346—15,6 „
Прочих	7.284— 2,8 „

В связи с интересующим нас вопросом важно было бы установить, что представляет по социально-имущественному положению группа коммунистов-крестьян, не порвавших с сельским хозяйством. К сожалению, статистика не дает ответа на этот вопрос. А-приори можно утверждать, что эта группа в основном—бедняцкая, и это утверждение будет, несомненно, правильным. Об этом говорят данные отдельных районов, в которых занимались выяснением социально-имущественного положения деревенских коммунистов. Но вместе с тем эти же данные свидетельствуют о наличии в составе деревенских парторганизаций хозяйственно-окрепших коммунистов, из которых часть перерастает, а некоторые уже переросли в зажиточных.

Для выяснения удельного веса хозяйственно-окрепших коммунистов в составе деревенских парторганизаций ряд губ. КК по заданиям ЦКК производили в 1926 г. специальное обследование. Обследованием было охвачено 87 ячеек с 1.352 коммунистами. Из числа охваченных обследованием коммунистов хозяйственно-окрепших оказалось 241 чел.—17%. Для некоторых районов этот процент значительно выше. Так, обследование Сиб. КК, проведенное в 1927 г., охватившее 15 ячеек с 128 коммунистами, установило, что процент хоз.-окрепших коммунистов доходит до 49 (63 чел.). Интересно отметить, что эти 63 чел. хоз.-окрепших коммунистов среди всех коммунистов, занимающихся сельским хозяйством, располагают: сложными машинами в 95%, посевом в 77,8%, рогатым скотом в 72% и лошадьми в 70%.

О наличии хозяйственно-окрепших (и не только хозяйственно-окрепших, но и зажиточных) в составе деревенских ячеек говорят и материалы Вологодского губкома и Витебского окружкома.

По данным обследования Волог. ГК, охватившего 986 хозяйств коммунистов-крестьян, оказалось, что 226 хозяйств (22,9%) применяют наемный труд (в основном сезонный, только 4 хозяйства—постоянный). В среде этих 986 коммунистов процент 2-х и 5-ти коровников доходит до 14,5 (среди населения 4-х и 5-коровники составляют лишь 7,3%). Выборочное обследование Витебского окружкома, охватившее 182 хозяйства крестьян-коммунистов, показывает, что временный наемный труд применяется 40 хозяйствами (22%), постоянный — 4 хозяйствами; 4-х и более коровных среди коммунистов 5% (среди населения 2,5%); 3-х и более лошадных—1,1% (среди населения 0,3%). На основании этих данных Витебский ОК считает, что среди обследованных 182 хозяйств коммунистов 4,9% нужно отнести к зажиточным.

Наличие хозяйственно-окрепших (и зажиточных) среди деревенских коммунистов вплотную подводит нас к вопросу о том, как крестьянин-коммунист ведет и развивает свое хозяйство, в какой мере он является инициатором передового земледелия. И тут, прежде всего, необходимо отметить, что основная масса крестьян-коммунистов подымает свое хозяйство на индивидуальной основе. По данным партпереписи в колхозах состоит 7.018 коммунистов, или 2,6% по отношению ко всем деревенским коммунистам и 6,2%—к занятым в сельском хозяйстве.

Таким образом, на путь коллективизации вступила незначительная часть деревенских коммунистов. Подавляющая масса шла по пути поднятия единоличного хозяйства. При чем в деле поднятия индивидуального хозяйства коммунисты, в смысле ведения этого хозяйства, очевидно, не выделяются из общей массы крестьянства.

Витебский окружком считает, что среди деревенских коммунистов-крестьян группа более или менее передовых равна примерно 25%; в Клинском уезде Моск. губ.—«не больше 20%»; в Шенкурском уезде, Арханг. губ.—15—17% и т. п. В этой связи интересны итоги конкурса на передовую деревню, проведенного пензенской газетой. В докладе об итогах этого конкурса отмечается: «ни в одной из 10 премированных по конкурсу деревень нет парт'ячейки»; «из 40 передовых деревень только в 2-3 коммунисты содействовали под'ему деревни».

Если для многих деревенских коммунистов-бедняков быть передовым хозяином весьма трудно из-за хозяйственной слабости, то казалось бы, что хоз.-окрепшие коммунисты могли бы играть роль передовиков в смысле всяких улучшений в деле ведения хозяйства. Но оказывается, что даже хозяйственно-окрепшие далеко не все становятся на этот путь.

Так, Сиб. Краев. КК констатировала: «В своей массе хозяйственно-окрепшие коммунисты культурными хозяевами не являются: только 16% перешло на улучшенную обработку земли, улучшенный скот—только у единичных хозяев».

Итак, приведенные нами факты показывают, что основная масса деревенских коммунистов подымала свое хозяйство на индивидуальной основе и шла в этом деле «по старинке».

Но наш анализ был бы не полным, если бы мы не указали на то, какое значение в деле поднятия индивидуального хозяйства коммунистов играет служебный заработок. Что известная часть деревенских коммунистов пытается подвести под свое хозяйство «базу» служебного заработка и на этой основе его развивать и расширять—это бросается в глаза весьма отчетливо. Вот любопытный факт. В одну из ячеек Сычевского уезда Смоленск. губ. поступило заявление от деревенского коммуниста, в котором он просит дать ему платную работу, так как он хочет «сопутствовать» своему хозяйству. Это стремление «сопутствовать», т.-е. поправлять дела в своем хозяйстве за счет служебного заработка, отнюдь не единичное явление. Например, Сиб. КК отмечает: «сейчас в некоторых ячейках идет своего рода спор из-за того, кто будет служить». Витебский ОК установил, что из 182 охваченных обследованием крестьян-коммунистов 134 (73,6%) имеют неземледельческий заработок, при чем основной заработок дает служба.

На почве «сопутствования» хозяйству через служебный заработок в значительной мере «растут» среди деревенских коммунистов хозяйственно - окрепшие. По материалам ЦКК, на которые мы уже ссылались, устанавливается, что служебный заработок является второй по важности причиной роста хозяйств крестьян - коммунистов хозяйственно - окрепших. Пензенская губ. КК констатирует: «Почти все хозяйственно - окрепшие—«служащие». Сиб. КК проанализировала факторы, способствующие под'ему хозяйств 36 хозяйственно - окрепших коммунистов, и установила, что на первом месте в ряду этих факторов был служебный заработок (из 36 хоз. - окрепщих коммунистов 26 или были на службе или и сейчас служат). По материалам обследования Курской губ. отмечаются «случаи обрастания и применения наемного труда у коммунистов, находящихся на платной работе и имеющих свое хозяйство».

Все эти факты показывают, какую роль играет служебный заработок в деле поднятия хозяйства крестьян-коммунистов, и об'ясняют, откуда растут стремления к «сопутствованию».

Нам остается подойти к составу деревенских ячеек еще с одной стороны: посмотреть, каков культурный уровень деревенских коммунистов.

В этом отношении прежде всего нужно отметить, что партия добилась значительных успехов в деле поднятия политического уровня деревенских коммунистов. По материалам партпереписи, охватывающим 32 губернии европейской части РСФСР, из 28.975 коммунистов, крестьян по роду занятий, окончили различные типы политшкол (главным образом, деревенские передвижки) 11.774 чел.—40,6%. Если прибавить сюда охваченных сетью политшкол в 1927/28 г., то окажется, что не менее половины (а возможно и больше) крестьян коммунистов получили начальную политическую подготовку. Значительным успехом нужно считать и тот факт, что деревенские коммунисты, судя по отдельным данным, очевидно, в подавляющем большинстве выписывают газеты. Так, процент деревенских

коммунистов, выписывающих газеты, по Владимирской губ. равняется—86, по Новгородскому округу—30, Витебскому окр.—78, по 7 обследованным ячейкам Тамбовской губ.—60, в Россашанском уезде Воронежской губ. из 62 коммунистов - «сохачей» только 6 чел. не выписывают газеты и т. д. Таким образом, газета уже прочно «вошла в быт» деревенского коммуниста, и роль ее, как орудия политического воспитания, ни в какой мере не может быть преуменьшена.

Нет достаточно полных данных, чтобы судить о технической грамотности деревенских коммунистов. По 6 земледельческим губерниям (Вологодская, Воронежская, Самарская, Саратовская, Смоленская и Тамбовская процент азбучно - неграмотных среди деревенских коммунистов колеблется от 0,5 до 1,5; с низшим образованием—от 7,1 до 7,6; с домашним—от 16 до 23. Эти данные показывают, что если процент неграмотных мал, то процент малограмотных (к которым, очевидно, нужно отнести основную массу из группы коммунистов, получивших домашнее образование), несомненно, велик.

Так обстоит дело с технической грамотностью. Значительно хуже—с сельскохозяйственным образованием деревенских коммунистов. Система партпросвещения не обслуживает этой задачи. Сельскохозяйственную литературу деревенские коммунисты, видимо, читают очень мало. Витебский окружком, по данным 17 ячеек, установил, что «коммунисты почти исключительно читают политическую литературу». Тамбовский губком, обследовавший 7 ячеек, констатирует: «литературу коммунисты читают мало, и преимущественно—беллетристику». Также, видимо, слабо участвуют коммунисты во всякого рода с.-х. кружках. Курский губком отмечает, что в кружках и курсах по агрономии партийцы составляют лишь 1,6%. Следовательно, в области с.-х. знаний у деревенских коммунистов наибольший «провал», и тут они, несомненно, отстают от передовиков крестьян беспартийных.

Таким образом, несмотря на достигнутые партией некоторые успехи в деле поднятия политического и культурного уровня деревенских коммунистов, все же нужно признать, что культурный уровень наших деревенских коммунистов все еще низок, в особенности в области агрикультурных знаний.

* * *

Приведенный нами анализ состава деревенских коммунистов устанавливает ряд моментов, которые в той или иной мере могут служить известным препятствием или создают затруднения в деле использования деревенских коммунистов, как организаторов колхозного строительства. Основные из этих моментов суть следующие: 1) наличие в составе деревенских ячеек значительного количества коммунистов, совершенно не связанных с с.-х. производством, и продолжающийся отрыв деревенских коммунистов от сельского хозяйства; 2) слабое участие коммунистов-крестьян в колхозном строительстве, стремление поднимать хозяйство на индивидуальной основе (роль служебного заработка в связи с этим) и наличие в составе деревенских организаций коммунистов, хозяйство которых перерастает или переросло грань трудового; 3) недостаточность знаний деревенских коммунистов, в частности и в особенности знаний агрикультурных.

Попытаемся остановиться на каждом из этих моментов.

Начнем с первого. Тот факт, что в составе деревенских ячеек, имеется значительное количество коммунистов, оторванных от с.-х. производства, показывает, что далеко не все деревенские коммунисты могут быть использованы в роли непосредственных низовых организаторов колхозов. Крестьянин—практик, и от коммуниста, который берется организовать колхоз, он будет требовать прежде всего знания сельского хозяйства.

Конечно, все деревенские коммунисты должны быть использованы в деле развертывания коллективного строительства в деревне, но роль, которую смогут выполнять отдельные коммунисты, будет различна. Если коммунист, не связанный с с.-х. производством (учитель, избач, секретарь сельсовета), будет помогать делу коллективизации советом, указанием, как приступить к организации колхоза, откуда достать кредит и т. д., то коммунист-крестьянин или батрак, участник с.-х. производства, будет выступать в роли непосредственного организатора колхозного строительства, т.-е. такого организатора, который не только помогает, содействует созданию колхоза, но и сам в нем участвует, им руководит. Именно такой организатор колхозного строительства особенно важен: он будет на опыте доказывать и показывать преимущества коллективного хозяйства перед единоличным, он сможет, исходя из практического опыта, дать совет, как налаживать работу колхоза, он будет агитатором коллективного земледелия. По сути дела роль коммуниста, как организатора коллективизации, не кончается моментом создания им того или другого колхоза, а лишь с этого момента по-настоящему начинается.

Все это заставляет нас присмотреться к тому, что толкает крестьянина-коммуниста к отрыву от с.-х. производства. Оставляя в стороне такой момент, как выдвижение по воле партии деревенских коммунистов на государственную и общественную работу (что в той или иной мере связано с отрывом от сельского хозяйства), мы хотим остановиться на тех причинах, которые порождают стремления «бегом бежать» из деревни, которые плодят настроения, что сельское хозяйство — это «временное» занятие для деревенского коммуниста и т. д., и т. п.

В ряду этих причин немаловажное место занимает противоречие между растущими политическими, культурными и бытовыми запросами деревенского коммуниста-крестьянина и теми возможностями, которые дает деревня вообще, и индивидуальное карликовое, нищенское хозяйство коммуниста в частности. Это противоречие создает тягу в город: «Там времени, конечно, для самообразования больше, и в результате материально устраиваются лучше» (см. уже цитированное нами письмо деревенского коммуниста).

Вторая причина лежит в том противоречии, которое создается из-за невозможности или неуменья (сплошь и рядом по вине ячеек) увязать постоянную работу в своем хозяйстве, с выполнением партийных обязанностей.

Отсюда дилемма: либо заниматься хозяйством, либо вести общественно-партийную работу. На это обстоятельство указывает ряд коммунистов-крестьян в своих письмах:

> «Имею 15 партобязанностей (перечисляются)... Если всю работу выполнять, придется ходить босым и полуголым».
>
> «Порученную мне работу выполнять в точности на 100%, занимаясь сельским хозяйством и имея на иждивении 6 членов семьи, является невозможным».
>
> «Здесь, в волкоме, живу с лошадью два дня. По перевыборам выезжал на 8 суток... Главное—упущение в хозяйстве, бывают прения в семье; тяжесть по хозяйству ложится на жену, и тут не я хозяин, а она..., а между тем указывают, что надо поставить показательное хозяйство».

Эти противоречия толкают или к отрыву от партийной работы или к стремлению оторваться от сельского хозяйства.

Третья причина вытекает из того противоречия, которое создается для деревенского коммуниста самим характером его индивидуального крестьянского хозяйства.

Коммунист-крестьянин подымает свое индивидуальное хозяйство; но есть грань, за которой это хозяйство начинает превращаться из трудового в нетрудовое. Многие деревенские коммунисты сознают скрывающуюся за этим опасность очень отчетливо. В «Правде» приводилось в свое время очень характерное письмо быв. красноармейца:

> «Хотя я числюсь бедняком, но чувствую, что с каждым днем ухожу от бедноты, потому что хозяйство мое растет. У меня нет страсти к наживе. Мне стыдно, что скоро меня будут причислять к зажиточным... Мой путь, стало быть, неверен».

В «Правде» не указано—написано ли это письмо партийцем или беспартийным. Но если это письмо даже написано беспартийным, то несомненно, что такого рода настроения не случайны и не единичны. Вот еще пример:

> «В Сусловской ячейке (Курган. окр.) быв. секретарь ячейки т. Тишков, хозяйственно-крепкий коммунист, высказал такого рода соображения при выяснении вопроса о хоз.-окрепших коммунистах: «Ведение собственного хозяйства разлагает коммунистов. Лучший выход—переход к коллективному хозяйству, иначе придется нанимать батраков и выходить из партии. Экономическое неравенство среди членов ячеек вызывает трения среди них».

Несомненно, что и это противоречие толкало многих крестьян-коммунистов на путь отрыва от сельского хозяйства.

Факт отрыва деревенских коммунистов от сел.-хоз. производства (их уход в город и пр.) показывает, что часть деревенских коммунистов стремится найти наиболее «легкий» выход из отмеченных нами противоречий. Но этот «выход» не может явиться действительным выходом для всех деревенских крестьян-коммунистов. Выход—в коллективизации. Сознается ли это деревенскими коммунистами? Ответить на этот вопрос с достаточной твердостью затруднительно. Есть факты, показывающие, что необходимость коллективизации сознается большинством деревенских коммунистов. Так, Вятский губком, обследовавший в 1926 г. 151 хозяйство крестьян-коммунистов, установил, что 64,6%, из числа обследованных, считают коллективную форму землепользования наиболее приемлемой. Из писем крестьян-коммунистов, присланных в ЦК, 62% говорят о необходимости коллективизации своего хозяйства. Но есть факты и противоположного порядка. Так, Витебский окружком через анкету, проведенную им среди деревенских коммунистов (анкета была проведена после XV с'езда), установил, что из 182, охваченных анкетой деревенских коммунистов, только 30 выразили желание перейти на коллективную обработку земли.

Но если даже предположить, что большинство деревенских коммунистов-крестьян сознают преимущества коллективного земледелия, то все же тот факт, что к началу 1927 г. в колхозах было только 7.018 коммунистов, этот факт показывает, как мало еще практически сделано для вовлечения деревенских коммунистов в колхозы, для выполнения коммунистами их роли организаторов колхозного хозяйства.

В чем об'яснение этого факта?

В известной, значительной мере он об'ясняется тем, что партия не заострила в достаточной мере вопрос о коллективизации вообще, коллективизации хозяйства коммунистов в частности.

Но это об'яснение недостаточно. Есть ряд других дополнительных причин.

Мы уже указали на одну из таких причин—стремление «оторваться» от сельского хозяйства. Ясно, что те коммунисты, которые хотят порвать с сельским хозяйством, не шли в колхоз.

Не шла в значительной мере в колхоз и та часть коммунистов, которая, имея служебный заработок, получала возможность подымать свое хо-

зяйство на индивидуальной основе. Этот момент отмечается в ряде материалов с мест:

Так, обследование нескольких ячеек на Кубани устанавливает «три препятствия на пути коллективизации: платная работа или возможность получения ее, трудность организовать колхоз, отсутствие общественного мнения за вступление в колхоз».

В материалах обследования нескольких ячеек Курской губернии имеется такой вывод: «коммунисты-служащие, а их большинство, явно не заинтересованы в передаче своего служебного заработка в коллективный котел, тем более в коллектив бедняцкий».

«Коммунист Чебарев вышел из артели потому, что не хотел разделять тяжелую работу членов артели и сдавать в общий артельный котел полученное им жалованье». (Из материалов обследования ЦКК).

Стремление «сопутствовать» своему индивидуальному хозяйству через служебный заработок становится, таким образом, одним из препятствий на пути коллективизации.

Выше мы отметили наличие в деревенских ячейках хозяйственно-окрепших и даже зажиточных коммунистов. Что этот слой деревенских коммунистов (хотя он и не велик) не является активным проводником коллективизации в деревне—это совершенно очевидно. Больше того, есть факты прямого противодействия некоторых такого рода весьма сомнительных «коммунистов» делу коллективизации.

«В селе Вылазовском, Барнаул. окр., беднота организовалась для машинного т-ва; партийцы во главе с секретарем ячейки, боясь потерять заработок от эксплоатации сельхозмашин, это дело провалили».

«Член Поповической ячейки, Бийского округа, хозяйственно-крепкий крестьянин, на собрании ячейки заявил: «В прошлые годы попытки коллективной работы коммунистов не имели положительных результатов и теперь такие попытки безуспешны».

«Член партии Ноздрин (имеет середняцкое хоз-во) на собрании по перевыборам правления с.-хоз. артели (сам Ноздрин в артели не состоит) выступил с заявлением, что в этой артели все голодранцы и лентяи, что напрасно им помогает советская власть». (Красноярский округ).

Все эти факты показывают, что в составе наших деревенских ячеек есть элементы прямо антипартийные, классово чуждые партии, которые срывают линию партии на коллективизацию.

Таков ряд причин, которые являются препятствием на пути коллективизации хозяйства крестьян-коммунистов. Но для большинства деревенских коммунистов все же не эти причины являются главными. Есть ряд других причин, на которых мы бегло остановимся.

Одна из таких причин лежит в том, что коммунист-крестьянин еще весьма плохо подготовлен к своей роли организатора колхозного строительства. Отсутствие необходимых знаний и опыта, инерция прошлого порождают неуверенность в успехе дела, боязнь «пуститься в неизвестность». Между тем роль организатора—трудная роль и требует большой активности: чтобы организовать колхоз нужно об'единить вокруг себя известное количество хозяйств, добиться выделения земучастка, оформления, получения кредита и пр. Ясно, что одному коммунисту не всегда под силу справиться с таким делом, ему нужна помощь. Этой же помощи сплошь и рядом не оказывают. Вот некоторые факты:

«В деревне Подозовке по инициативе коммуниста организовался из 22 домохозяев коллектив. Это первый коллектив в волости, но имеется ряд препятствий (общество противодействует выделению земли), а надлежащего содействия ячейки и В-ма незаметно. С этим делом трудится один коммунист». (Из материалов Курского ГК).

«Договорились мы с товарищами организовать артельно коллективную обработку земли. Везде обещали вначале поддержку. Но как только артель организовалась—столкнулись с вопросом о земле. Землеуправление нам в этом отказало. Мои партийцы пали духом, и артель распалась, осталось нас только два хозяйства, вновь начинаем организацию». (Из письма крестьянина-коммуниста Тамбовской губ.).

Но если организовать новый колхоз дело трудное, то почему коммунисты сплошь и рядом не вступают в уже существующие колхозы? Тут тоже есть ряд причин. Вхождение в колхоз в ряде случаев затрудняется вопросами землеустройства, несогласием наличных колхозников увеличивать свой состав и т. п. На ряду с этим, слабость многих колхозов, случаи их распада порождают у некоторых коммунистов боязнь потерять свое индивидуальное хозяйство, боязнь итти в колхоз.

Важнейшим препятствием на пути коллективизации хозяйств коммунистов являются также «семейные» причины. «Отсталость семьи—вот важная причина, мешающая вступлению коммунистов в колхоз», пишет в одном из писем крестьянин-коммунист. Этот момент особенно важен в тех случаях, когда коммунист не является единственным и самостоятельным хозяином.

«Живу с братом и отцом, которые не соглашаются с переходом в коллектив».

«Не состою в колхозе из-за стариков, отца и матери, которые противятся этому».

(Из писем деревенских коммунистов).

Мы, конечно, не исчерпали всех причин, в той или иной мере и степени препятствующих выполнению коммунистами их роли организаторов передового коллективного земледелия. Но если попытаться «прощупать» в ряде этих причин основную, то совершенно очевидным становится, что основной причиной является недостаток культурности, знаний у деревенских коммунистов.

Тов. Молотов на XV с'езде говорил:

«Буквально все в настоящее время упирается в недостаток культуры. К любой отрасли подойдите: наша некультурность, отсталость, а порой прямо дикость, не дают нам развернуть то новое, что имеется в деревне».

Это верно для всей деревни вообще; это верно и для деревенских коммунистов в частности. «Трудно быть вожаком беспартийных масс при отсутствии знаний», пишет один из деревенских коммунистов. И этот мотив повторяется в ряде писем.

Ясно, что недостаток культуры является тем моментом, который служит основным препятствием на пути выполнения коммунистом его роли активного организатора социалистического переустройства деревни.

* * *

Нам остается сделать некоторые выводы из всего вышесказанного.

Первый момент, который мы хотим выдвинуть, сводится к тому, чтобы создать в составе деревенских парторганизаций четкий и ясно выраженный перелом в сторону понимания задач коллективизации и осознания коммунистом его роли организатора колхозного строительства.

Решение XV с'езда партии, указавшего, что «задача об'единения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные

коллективы должна быть поставлена в качестве основной задачи партии в деревне», уже создало и создает этот перелом. Но его необходимо закрепить в двух направлениях.

Тенденциям отрыва от сельского хозяйства (уход в город, поиски службы и пр.), которые являются серьезным препятствием на пути превращения деревенских коммунистов в организаторов колхозного строительства, должна быть противопоставлена линия на коллективизацию. Нужно добиться понимания крестьянами-коммунистами той истины, что для них не может быть иного выхода из тех противоречий, которые толкают их к отрыву от с.-х. производства, кроме того, который указан партией для всей бедняцко-середняцкой массы крестьянства, т.-е. вступления на путь коллективизации. Не бегство из деревни, не уход на платную работу ради служебного заработка, а упорная работа по коллективизации, в которой деревенский коммунист должен выступать вожаком деревни,—вот задача, которая поставлена партией перед коммунистом в деревне.

На ряду с этим перед крестьянином-коммунистом должен быть четко поставлен и другой вопрос: как он дальше будет развивать и двигать свое хозяйство; становится ли он на путь превращения своего индивидуального хозяйства в хозяйство коллективное? В этой связи нужно будет напомнить решение еще XI с'езда партии:

«Участие коммунистов в с.-х. кооперативах и коллективах своего района или общества безусловно обязательно. Равным образом обязателен для них почин создания этих организаций, если таковых не имеется».

Конечно, было бы неправильно механически толковать эту директиву. Нужно добиться понимания деревенским-коммунистом этой директивы с тем, чтобы он стал ее активным и сознательным проводником. Но это не значит, что в отдельных случаях не может быть поставлен вопрос о дисциплинарном давлении на члена партии, крестьянина, особенно того, индивидуальное хозяйство которого стоит на грани перехода за рамки трудового. Факты показывают, что некоторые из такого рода коммунистов на предложение организации—или вступить в колхоз, или сдать партбилет—иногда выбирают последнее. Таким образом, обязательность вступления в колхоз в известных случаях может явиться проверкой партийности деревенских коммунистов.

Ставя вопрос подобным образом, мы еще раз подчеркиваем, что не этим, конечно, решается дело. Основное в том, чтобы создать в деревенских парторганизациях активное общественно-партийное мнение, которое толкало бы деревенского коммуниста на путь коллективизации, понуждало бы к тому, чтобы деревенский коммунист был проводником линии партии на коллективизацию деревни. Такое общественно-партийное мнение будет способствовать осознанию деревенским коммунистом его роли, как организатора колхозного строительства.

Конечно, одним «осознанием» вопрос не решается. И тут мы подходим к второму основному моменту—к подготовке деревенского коммуниста, как организатора колхозов.

Наличные кадры деревенских парторганизаций и прежде всего кадры коммунистов-крестьян и батраков, занятых в хозяйстве (которые в наибольшей мере могут стать непосредственными организаторами и работниками колхозов) нуждаются в соответствующей подготовке. Деревенские коммунисты должны приобрести хотя бы минимальную сумму знаний, помогающих им выполнять свою роль инициаторов и руководителей колхозно-кооперативного движения с меньшим количеством ошибок и затруднений.

В этой связи необходимо практически разрешить задачу, поставленную еще XI с'ездом партии, о ликвидации деревенскими коммунистами своей агрикультурной и кооперативной неграмотности. Необходимо, чтобы партия этому делу уделяла такое же внимание, какое она уделяет работе по ликвидации политнеграмотности деревенских коммунистов. Практически нужно будет пересмотреть программы школ-стационарок и передвижек в деревне, всякого рода курсов переподготовки и подготовки деревенских работников; поставить вопрос об участии коммунистов в с.-х. кружках и агрокурсах; помочь деревенскому коммунисту в деле приобретения агрикультурных и кооперативных знаний путем самообразования и т. п.

Но, конечно, задача подготовки деревенского коммуниста к роли организатора колхозного строительства не исчерпывается этим. Коммунист должен готовиться к этой роли в значительной мере на практике. Вот почему важно поставить вопрос о том, чтобы работа деревенских ячеек была так поставлена, чтобы она помогла выработке из деревенского коммуниста организатора колхозов. В этой связи встает ряд вопросов; мы остановимся на некоторых из них.

Прежде всего важно, чтобы ячейки поставили как следует передачу опыта отдельных коммунистов в деле организации и руководства колхозами всему партийному коллективу. На местах уже сейчас наметилась определенная организационная форма для выполнения этой задачи—созыв специальных совещаний коммунистов-крестьян. На этих совещаниях, которые должны охватить коммунистов-крестьян, как единоличников, так и коллективников, должны ставиться вопросы практики колхозного строительства применительно к данному району, селу и пр.

Задача создания кадра организаторов коллективизации требует также пересмотра в распределении партобязанностей в деревенских ячейках. Партнагрузкой для большинства коммунистов-крестьян, занятых в сельском хозяйстве, должны стать задания по организации населения вокруг мероприятий по созданию колхозов, артелей, с.-х. предприятий и т. п. Таким образом, сама система партзаданий будет способствовать подготовке из коммунистов организаторов колхозного строительства.

Наконец, важнейшее значение приобретает вопрос об оказании помощи со стороны деревенских парторганизаций отдельным коммунистам, которые берутся за организацию колхозов. Факты, когда ячейка, как коллектив, стоит в стороне и над делом создания колхоза «трудится один коммунист»,—такого рода факты совершенно недопустимы. Инициатива отдельных коммунистов должна получать всемерную поддержку деревенских парторганизаций. Без этой поддержки коммунист в одиночку иногда просто не может одолеть ряд препятствий. Взять хотя бы выделение зем. участка из земельного общества. Тут приходится иногда преодолевать сопротивление земельного общества, и без того, чтобы за это дело не взялась вся ячейка или волком, такого препятствия сплошь и рядом не преодолеешь. Вот почему дело организации колхоза должно быть не индивидуальным делом того коммуниста, который берется за эту организацию, а делом всего партийного коллектива.

Нам остается еще остановиться на третьем, и последнем, моменте—задаче улучшения состава деревенских ячеек. Эта задача ставится в двух направлениях.

Во-первых, необходимо увеличить в составе деревенских ячеек число коммунистов, которые, обеспечивая укрепление связи с с.-х. производством, вместе с тем были бы активными проводниками линии партии на коллективизацию. Эта задача получает свое разрешение при осуществлении следующей директивы XV с'езда партии: «Сосредоточить внимание на подготовке и вовлечении в партию главным образом того батрацкого и бедняцкого актива, который вырастает в союзе сельхозрабочих, группах бедноты,

на практической работе в советах, кооперации, делегатских собраниях и т. д.». Таким образом, изменение состава деревенских ячеек должно итти не столько за счет количественного расширения, сколько по линии качественного улучшения.

Во-вторых, необходимо систематически очищать состав деревенских парторганизаций от элементов, явно переродившихся, т.-е. таких, которые выступают против коллективизации (см. факты, приведенные нами выше), таких, хозяйство которых явно переросло за рамки трудового и т. п. Мы не предлагаем провести какую-либо единовременную чистку или проверку состава деревенских ячеек; задачу очищения деревенских парторганизаций от элементов, срывающих линию партии, стоящих на пути проведения директив партии, мы ставим как задачу систематической работы парторганов.

Три основных момента, которые выдвинуты нами, в связи с постановкой вопроса о создании кадров низовых организаторов колхозного строительства, о выращивании этих кадров из состава деревенских ячеек, показывают, как велика эта задача. Эта задача может быть разрешена только усилиями всей партии, и разрешение этой задачи должно быть поставлено в порядок дня.

П. Шубин.

Развитие с.-американо-европейской борьбы.

(Окончание. Начало см. в № 7).

Борьба за источники сырья.

Обстановка обостряющихся и уже открыто прорывающихся конфликтов между Соединенными Штатами,—стремящимися, опираясь на свое финансовое и экономическое превосходство, выйти из кризиса за счет конкурентов,—и трестифицированной Европой, стремящейся нагнать Северную Америку, придает особую напряженность борьбе за источники сырья, за их монополистический захват. Выше было отмечено усиление в течение первых месяцев 1928 года процесса образования и слияния трестов и в Америке, и в Европе с целью завоевания мировых рынков сбыта за счет конкурентов. Тот же процесс нарастания темпа происходит и в области борьбы за источники сырья, борьбы, которая тем более пронизывается элементами военного столкновения, что, во-первых, в этой области государственный аппарат со всеми атрибутами международного грабежа выступает уже совершенно открыто и, во-вторых, что линия боя здесь проходит еще отчетливее между двумя основными противниками—между Соединенными Штатами и Англией.

Насколько велика та категория сырья, которая находится в полной или частичной монополии одного из конкурентов? Член американского конгресса Ньютон, именем которого называется проект о борьбе с иностранными монополиями сырья, заявил недавно, что 16 сырьевых продуктов уже монополизированы капиталистическими странами, европейскими и южно-американскими, что 55 других находятся на пути к монополистическому захвату. Эта «статистика», однако, лишь в весьма слабой степени отражает действительные размеры и остроту борьбы за и на почве монопольных захватов, во-первых, потому, что наиболее жестокие формы принимает борьба по отношению к тому сырью, в обладании которого силы конкурирующих групп еще равны или почти равны (нефть!), во-вторых, потому, что американский депутат, призывая все громы небесные и кары земные на головы захватчиков сырья, слона, т.-е. чудовищные сырьевые монополии Соединенных Штатов, разумеется, не заметил или делает вид, что не заметил. А между тем на том же заседании другие члены конгресса, которые не в меньшей степени, чем Ньютон, отличают свой карман от чужого (разумеется, когда речь идет о нагрузке его), указали, что драконовские меры против монополии сырья, ударят рикошетом и очень чувствительно и по Соединенным Штатам, так как «может возникнуть прецедент, который повлечет за собой применение подобной же системы иностранными государствами против вывозимых Соединенными Штатами излишков хлопка, пшеницы и т. д.». «Боязнь этих заграничных репрессалий,—сообщает «Чикаго Трибун» [1]—и яви-

[1] «The Chicago Tribune», №№ от 6 и 7 апреля 1928 г. Парижское издание.

лась главным мотивом голосования против билля Ньютона». Ниже мы увидим, что не столько боязнь создать прецедент, сколько капитуляция Англии в борьбе за каучук побудила конгресс отсрочить открытое выступление против заграничных монополистов; все же своей мотивировкой против билля Ньютона конгресс официально подтвердил, что и у Соединенных Штатов рыльце в пушку. Надо ли прибавить, что наиболее могущественным, а потому и наиболее наглым и жадным захватчиком основных сырьевых баз, требующим не отмены монополий, а их перераспределения «по справедливости», т.-е. соответственно изменившемуся в империалистическом лагере соотношению сил, в настоящее время является не кто иной, как империализм янки.

Мы не имеем здесь возможности дать более или менее полную картину развивающейся особенно остро в последнее время борьбы между Соединенными Штатами и Англией за захват основных категорий сырья. Ограничимся приведением фактов, характеризующих различные стадии этой борьбы за резину, нефть и хлопок.

Поражение Англии на рынке каучука.

4 апреля 1928 г. Болдуин сделал палате ошеломляющее заявление о намерении правительства отказаться от схемы Стевенсона, т.-е. от дальнейшего государственного регулирования предела, выше которого запрещен экспорт каучука с острова Цейлона и Малайского архипелага. 5 апреля в американском конгрессе было начато обсуждение упомянутого выше билля Ньютона, предлагающего разрешить импортерам сырья образование закупочных синдикатов для борьбы с иностранными монополиями. О том, что билль Ньютона будет рассматриваться 15 апреля, что одним из наиболее горячих защитников его является республиканский кандидат в президенты Гувер, что главный удар направлен против английской монополии каучука, было отлично известно заранее. С другой стороны, до последнего момента совершенно не было известно не только решение кабинета Болдуина, но даже и то, что оно будет принято так скоро, в пожарном порядке. Этот сам по себе незначительный факт делает особенно наглядным вынужденный характер английского решения и то, что оно было провозглашено так быстро именно с целью предупредить дальнейшее наступление с.-американских монополистов уже при официальной поддержке конгресса.

Заявление Болдуина о том, что с 1 ноября сразу, без всяких промежуточных переходов отменяется государственная регулировка экспорта каучука, вызвало переполох не только на каучуковой и фондовой биржах, где стремительно полетели вниз и цены на каучук и курс соответственных бумаг, но и в Палате Общин, где на всех скамьях произошло смешение языков и столпотворение вавилонское. Та часть консерваторов, которым Болдуин хотя и очень дорог, но еще дороже интересы каучуковых плантаций, заявила (устами Вильяма Мичеля), что «премьер-министр не отдает себе отчета в том, какое влияние будет иметь его заявление на промышленность, поглотившую 150—200 миллионов фунтов..., какой колоссальный ущерб оно причиняет каждому, кто является владельцем каучука или каучуковой плантации». Консерваторы, впрочем, усмотрели смягчающее вину Болдуина обстоятельство в том, что он «не принадлежит к числу тех, которые что-либо понимают в каучуковой промышленности», зато либералы были неумолимы: «Сообщение премьера,—заявил Хэччинсон,—катастрофа... В результате этого решения господствующее влияние в каучуковой промышленности перейдет в американские руки». Но если у Болдуина оказались противники даже в его собственной партии, то зато, с другой стороны, ему была

¹) «Economist», № от 1 апреля 1928 г.

оказана поддержка со стороны либералов и части либеральной печати. «Мы,— пишет «Экономист», — приветствуем правительство, которому приходится считаться с непреложными фактами, созданными очень тяжелым положением, и которое вступает на единственный остающийся открытым путь». Если принять во внимание, что эту же точку зрения разделяет «Таймс», что Макдональд и Томас, бичуя «неловкость» правительства, повторили 27 апреля тютелька в тютельку аргументы «Дэйли Мэйль» («Правительство не только причинило неисчислимый вред английским держателям каучуковых акций, но и помогло американцам, инвестирующим капитал в каучуковой промышленности»), что против нее выступает газета Ллойд-Джорджа «Дэйли Кроникль», то станет ясно, какая политическая неразбериха вызвана каучуковой катастрофой. Надо ли говорить, что бог, произведший такое смешение языков в лагере английской буржуазии, имеет своим местожительством Нью-Йорк, Уолл-Стрит.

Эта зависимость решения правительства Болдуина от нью-йоркской биржи, и притом в области, которая считалась еще опорной базой Англии для экономической борьбы с Соединенными Штатами, станет еще нагляднее, если сопоставить и следующие факты. Уже первоначальное (в начале февраля) постановление кабинета Болдуина о назначении комиссии для изучения результатов каучуковой нормировки сопровождалось таинственными, весьма убыточными для английской буржуазии и неприятными для английского самолюбия обстоятельствами. Дело в том, что об этом решении английского правительства нью-йоркская биржа узнала раньше лондонской и американцы, разумеется, использовали свою осведомленность, чтобы сверх комплекта нажиться за счет английских каучуковых спекулянтов.

> «Появившееся на прошлой неделе сообщение, — писал «Экономист» ¹), по поводу назначения комиссии,—явилось неприятным сюрпризом для каучуковой биржи. Рынок действительно имеет все основания чувствовать себя неудовлетворенным той обстановкой, в которой об этом решении стало известно. За несколько дней до этого министерство колоний заявило, что в ближайшие три месяца никаких изменений в порядке нормировки контингента каучука не будет сделано... Тот факт, что это сообщение просочилось преждевременно и стало общественным достоянием в Америке раньше, чем английский рынок узнал о нем, об'ясняется несчастным случаем,—повидимому, в этом случае правительство не несет непосредственной ответственности».

В таких дипломатических выражениях журнал, поддерживающий каучуковую политику правительства, пытался вывести его из щекотливого положения, создавшегося вследствие того, что следы от кабинета Болдуина вели прямо и непосредственно к нью-йоркской бирже. Была назначена даже специальная комиссия для расследования этой таинственной истории, что, однако, не могло успокоить биржу, усмотревшую в этом «несчастном случае» показатель того, что у колыбели предстоящей реформы стоят недобрые духи. Понадобилось появление нового сообщения «Финаншиел Таймс» о происходящих между Англией и Голландией переговорах по поводу ограничения добычи каучука,—сообщение столь же двусмысленное и рассчитанное на обман публики, как и заявление министерства колоний,—для того, чтобы падение акций каучуковых фирм временно приостановилось. Для английской буржуазной печати, для ее подчинения руководству, исходящему из единого буржуазного штаба, характерно, что ни одна из газет не соблазнилась возможностью расшифровать болдуиновский ребус, хотя бы

¹) «Economist», № от 18 февраля 1928 г.

кратким сообщением о том фактическом ультиматуме с требованием отмены плана Стевенсона, который как раз в эти дни готовился в Вашингтоне.

19 января, т.-е. за 2—3 недели до того, как английское правительство задумало заняться обследованием результатов плана Стевенсона, юридическая комиссия конгресса в Вашингтоне вытащила на свет божий лежавший несколько лет под сукном упомянутый выше билль Ньютона и приступила к его обсуждению при участии таких авторитетных экспертов, как Гувер и секретарь по делам земледелия Жардин, с одной стороны, и целой плеяды представителей американских трестов—с другой. Такого рода проекты, имеющие целью формальную отмену антитрестовского закона в целях легализации монопольных общегосударственных об'единений, наталкиваются обычно на сопротивление фермеров; билль Ньютона, продиктованный интересами монополистов в чистейшей форме, был особенно тщательно загримирован под фермеролюбивый закон: на первом месте он ставит борьбу с иностранной монополией на пеньку, поташ и т. д., о каучуке же упоминается между прочим—и то в порядке простого перечисления; в то же время секретарь земледелия спешит в особой докладной записке благословить этот билль от имени фермеров, страдания которых он должен облегчить.

Однако, при обсуждении билля в комиссии его действительная цель, направленная на сокрушение монополии каучука и ярко выраженный антианглийский характер, выступили совершенно отчетливо уже в речи первого официального оратора, Гувера. «Последние пять лет,—заявил Гувер [1]),—развилась за границей контролируемая и руководимая правительством монополия сырых материалов. Произошла консолидация сил продавцов. Американские же покупатели вынуждены разрозненно бороться с этим контролем. Монополия пеньки, привозимой из Юкатана, характеризует положение. Цена пеньки варьировалась от 13 до 18 центов и стоила американским фермерам миллионы долларов. Цена на резину менялась с 18 центов до 1 дол. 10 центов за фунт. При помощи плана Стевенсона английское правительство стремилось ограничивать производство резины в зависимости от ее цены... Предусмотренное этим законом уменьшение производства резины на 40% держит мир в состоянии, близком к покупательной панике».

Кто же несет ответственность за все эти обиды, причиняемые бедным американским овечкам? Гувер не ограничивается упреками по адресу частных предпринимателей: он направляет удар против правительств, «организующих и контролирующих монополии», в первую очередь против английского правительства, спекуляцию на резине которого один оратор за другим клеймят самым беспощадным образом.

Мы видели, что участие европейских правительств в организации производственных трестов приводилось американскими адмиралами в качестве главного аргумента для завоевания и защиты рынков. Та же руководящая роль правительств является теперь главным обоснованием необходимости мобилизации всех средств борьбы против монополии сырья. Не трудно предвидеть, что в решительный момент, когда правительство Соед. Штатов найдет нужным поставить рабочих и фермеров «своей» страны перед фактом войны, оно выдвинет в качестве морального оправдания и высшего аргумента «защиту» не только свободы морских путей, но и международной торговли от насильственных монополий и организованных правительством трестов!

Вслед за Гувером с обвинительной речью против политики английского правительства выступил и председатель автомобильной торговой палаты Раскоб. Если эта политика была бы направлена только против автомобильных фабрикантов, он с этим оратор-бессребренник, являющийся директором архи-хапнувшего в этом году треста Дженераль Моторс, мог бы еще примириться. Но нет, английская монополия посягает на карман всего населения Соед. Штатов вообще, каждого гражданина в частности.

[1]) «United States Daily», 20 января 1928 г.

«Автомобильная и связанные с ней индустрии,—говорит, рекламируя свою лавочку, Раскоб,—зависят от резины, создают в С. Штатах ежегодно ценности на сумму около 10 млрд. долларов, т.-е. на сумму, не уступающую ценности всего урожая Соед. Штатов. На автомобильную индустрию идет 80% всего каучука, употребляемого в стране». Но если так, то Раскобу уже не трудно доказать, что повышение цен на резину является общенациональным бедствием.

> «В результате плана Стевенсона цена на каучук выросла в 1925 г. до 1 доллара 20 центов, т.-е. на 84 цента выше нормальной цены. Если бы эта цена удержалась, то американским потребителям, состоящим главным образом из владельцев автомобилей, пришлось бы уплачивать ежегодно на 750 миллионов долларов больше, а эта сумма превосходит сумму процентов, уплачиваемых правительством Соед. Штатов по всем своим обязательствам, включая и военные. План Стевенсона является таким образом самой большой данью, которая лежит на американском народе.

Перед нами образец той статистики, которая пускается в ход официальной Америкой, когда нужно ошарашить публику! Но как ни сногсшибательны расчеты Раскоба, все же остается не ясным, почему автомобильные трестовики вспомнили об обидах, причиненных им английским законом именно в январе 1928 г., когда цена на каучук была не 1 дол. 36 цент., а гораздо ниже (в момент произнесения речи 42 цент. и затем покатилась еще ниже). Почему именно сейчас вынырнул ньютоновский билль, зачатие которого относится к 1924 г., т.-е. к моменту принятия Англией плана Стевенсона? По той простой причине, что именно сейчас американцы не только вполне подготовили, но достаточно проверили свою чудовищную монопольную организацию, которая без всякого риска может потребовать от английской каучуковой монополии полной капитуляции, угрожая беспощадной, не на живот, а на смерть, войной. Вот почему, пролив соответствующее количество жалобных слез, ораторы юридической комиссии конгресса немедленно переходят к более действительному аргументу: к угрозам по адресу Англии.

«18 месяцев назад,—продолжает Раскоб,—был образован закупочный синдикат с основным капиталом в 50 миллионов долларов. В течение 1927 г. ему удалось достигнуть такой устойчивости цен на каучук, которой не было в течение последних 20 лет. Участники этого пула сознают, что они не нарушают антитрестовского закона; все же они хотели бы проверить себя и получить законодательную санкцию на дальнейшее развитие этой организации. Мы думаем, что защита американского потребителя против заграничной монополии может быть достигнута об'единением покупателей согласно принципу «в единении сила».

О том, какое решительное наступление против английской монополии вел американский закупочный синдикат еще до того, как он успел «проверить» свои отношения к антитрестовскому закону, достаточно красноречиво поведал Харвей Файерстон, один из тройки Форд—Эдиссон—Файерстон, которой американские воротилы поручили организацию этой борьбы. В юридической комиссии Файерстон внес существенное дополнение к речи Раскоба: кроме «единения», американские трестовики, оказывается, нуждаются еще кое в чем существенном для своих дальнейших успехов. Указав на успехи,

достигнутые пулом в разведении каучука на Филиппинских островах, оратор выражает скорбь по поводу того, что «закон ограничивает собственность на землю на Филиппинах десятью тысячами акров... в то время, как разведение каучука выгодно только на площадях размером в сотни тысяч акров». (Почему? Как известно, разведение каучуковых растений в мелком и мельчайшем хозяйстве крестьян-малайцев на Яве и Борнео так быстро развивается, что вызывает ряд полицейско-стеснительных мер со стороны арендаторов-голландцев, опасающихся серьезной конкуренции. *П. Ш.).* Впрочем Файерстон знает, как помочь этой беде: существующий на Филиппинах закон должен быть изменен соответственно интересам крупных плантаторов. Еще более откровенно, чем в юридической комиссии тот же Файерстон открыл карты американских монополистов после того, как стало известно, что правительство Болдуина назначило комиссию для проверки плана Стевенсона. Самый факт назначения этой комиссии он считает «большой моральной победой Америки» [1].

> «Попытка Америки обеспечить себе независимые источники каучука заставила Англию изменить свою политику, состоявшую в том, чтобы игнорировать наши протесты. В Либерии, на Филиппинских островах, а может быть, и во Флориде мы можем развести весь каучук, потребный нам в ближайшем будущем. Похоже, таким образом, на то, что мы победили в борьбе с британской монополией... И какой бы доклад ни сделала британская комиссия, я все же считаю, что снабжение Америки каучуком будет обеспечено, если еще не под нашим собственным флагом, то через дружественные страны, где мы располагаем хорошими шансами. Мы больше никогда не позволим какой бы то ни было иностранной державе устанавливать цены на такой важный продукт, как каучук».

Таковы были те, собранные в один кулак силы, которыми располагал американский закупочный синдикат в момент пред'явления ультиматума к английским монополистам.

Каково же было в это время положение в английском лагере? Данные, приведенные в «Экономисте» [2], об'ясняют панику в Лондоне, приведшую к такому быстрому отступлению. Сопоставление цифр производства и распределения каучука до введения плана Стевенсона и после него показывает, как быстро и верно подрывалась монопольная позиция Англии на рынке. Следующая таблица характеризует среднее за три года до введения плана Стевенсона и после него (в тысячах тонн):

	Добыча.			Потребление.		
	Британск. владения.	Другие плантац.	Итого.	Соедин. Штаты.	Остальн. страны.	Всего.
1920/23	255	100	355	227	105	332
1923/27	263	245	508	353	161	514

Таким образом, за время существования плана Стевенсона небританские области больше чем удвоили добывание резины в то время, как в британских областях производство оставалось почти без перемен, в результате этого Великобритания, добившаяся в 1922 г. 65% мировой продукции, дает в 1927 г. только 49%. Соединенные Штаты остаются еще главным потребителем резины, но доля их в общей сумме понизилась с 70 до 64%, что об'ясняется замедлением, начиная с 1925 года, в росте потребления резины (что в свою очередь вызвано все большим применением переработанного старого каучука), хотя в других странах темп роста увеличивается.

[1] «The Commercial and Financial Chronicle», 11 февраля 1928 г.
[2] «Economist», № от 7 апреля 1928 г.

План Стевенсона ни в одном году не дал равновесия между производством и потреблением. Первые три года после его введения дали более высокое, сравнительно с производством, потребление; последние же два года привели к образованию больших запасов, которые об'ясняются опять-таки применением переработанного каучука; другими словами, план Стевенсона показал свою неспособность для балансирования рынка. От высоких цен вначале максимальную выгоду извлекала Англия, но в настоящее время вследствие падения цен тоже больше всего страдает Англия. В первые годы после введения плана цены росли, поднявшись в 1923 г. с 1 шилл. 2 пенсов за фунт, до 2 шилл. 11 пенс. (бум 1925 г.). Если считать, что английский капитал был заинтересован в 250.000 тонн каучука, то добавочный доход, который он получил благодаря под'ему цен, выражался в 1925 г. в 45 миллионах фунтов, в 1926 г.—20 млн. фунтов, в 1927 г.—только 7½ млн.

Крах плана Стевенсона, подточивший монопольную позицию Англии на каучуковом рынке вызван стечением ряда моментов, из которых отметим только важнейшие.

1. Голландское правительство не решилось принять предложение английского и ввести в законодательном порядке ограничение на экспорт каучука из Индонезии, при этом, кроме экономических, здесь сыграли колоссальную роль и политические соображения—боязнь поссориться с могущественным американским империализмом, в благожелательном отношении которого Голландия нуждается тем больше для обеспечения своего колониального грабежа, чем быстрее растет национально-революционное движение в Индонезии. Об этих политических мотивах голландская печать говорит теперь, после отмены плана Стевенсона, достаточно откровенно. Так, «Algemeen Handelsblet» задним числом вспоминает, что «в том обстоятельстве, что правительство Англии предприняло шаги для искусственного вздорожания важнейшего сырья, заключалась возможность политических конфликтов».

2) Колоссальные средства, которые пустили и продолжают пускать в ход американские трестовики, об'единившись в закупочный синдикат, способствовали искусственному разведению каучука в других колониях с целью подорвать монопольную позицию Англии.

3) Наконец, употребление технически переработанного каучука, особенно широко применяемого Фордом.

Ослабело, однако, не только экономическое, ослабело и политическое положение Англии на мировом рынке. Американские трестовики выбрали для пред'явления своего ультиматума начало 1928 года не только потому, что к этому моменту монопольное положение Англии экономически расшаталось, но и потому, что сейчас английское правительство чувствительнее, чем когда бы то ни было, к политическому нажиму. Таинственные, непонятные и столь тревожащие английскую буржуазию обстоятельства, сопровождающие каучуковые откровения Болдуина, об'ясняются закулисными политическими влияниями, размер и содержание которых станут известны только впоследствии. Но уже сейчас можно сказать, что, если английское правительство не только отступает в вопросе о каучуке, но отступает в «полном беспорядке», сея панику в своих рядах, то это находится в связи, если не прямой, то косвенной, с увеличивающейся финансовой зависимостью Лондона от Нью-Йорка. Не только непосредственные виновники торжества Фейерстон и компания празднуют победу, но вся американская печать поздравляет себя с победой, и «Юнайтед Пресс» рассылает телеграмму, в которой говорится, «что сообщение Болдуина... — сигнал победы Соединенных Штатов».

Для нынешней стадии англо-американского конфликта характерно, что ни одна из сторон, ни победитель, ни побежденный, не считает борьбу законченной. И прежде всего «идеологи» американского наступления отнюдь не

признают себя удовлетворенными: они стремятся не к компромиссу, а к полному отказу Англии и всей Европы от политики государственного участия в промышленных и торговых монополиях или, правильно говоря, к тому, чтобы Соед. Штаты монополизировали это право на монополии. В этом отношении показательна та оценка английской каучуковой уступчивости, которая принадлежит директору департамента торговли Юлиусу Клейну, этому казенному рупору нью-йоркской биржи.

«Если,—говорит Клейн [1]),—заявление премьера Болдуина означает отказ от системы контроля над производством каучука, то американские потребители имеют основание считать себя удовлетворенными. Общий ход мировой торговли извлек бы пользу из этого положения, когда одно из самых тяжелых и самых обременительных вмешательств со стороны правительства в нормальный ход торговли прекратилось. Все эти планы контролировать производство и цены важнейших предметов сырья противоестественной связью между торговлей и правительством являются наследием мировой войны. Устранение контроля над каучуком является громадным шагом по пути освобождения мировой торговли от существенных препятствий».

Аппетит приходит во время еды! Не поддаваясь обольщению одержанной победы, Клейн требует дальнейших уступок и не в одной только каучуковой промышленности. Он повторяет свою формулу в развернутом виде, настаивает на отказе Европы от вмешательства в нормальный ход торговли, разумея не только монопольное повышение цен на сырье, но и использование монопольных об'единений в целях понижения цен на продукты промышленности и завоевание рынков сбыта.

Такова «теория»; соответствующая практика не заставит себя долго ждать, хотя бы по одному тому, что американские трестовики достаточно искушены в международной борьбе, чтобы стремиться не только разбить, но и добить противника. С другой стороны, и английские монополисты, оставшись без открытой и явной поддержки государственной власти, будут стремиться в новой, хотя и не столь выгодной, но все же и не безнадежной обстановке продолжать борьбу по меньшей мере за полюбовный раздел монопольной сверхприбыли.

Так голландская печать, обеспокоенная создавшимся положением, именно сейчас заговорила о необходимости готовиться к сильной атаке со стороны покупателей. «Производители каучука обеих соседних стран—Англии и Голландии, — говорит «Algemeen Handelsbladt», — имеют сейчас свободные руки, и не является исключением, что обе страны об'единятся на добровольном ограничении производства резины».

Но, если английские и голландские плантаторы готовятся к сопротивлению, то американским монополистам сам бог велел преследовать отступающего противника. В этом отношении в высшей степени характерен тот факт, что Дю-Пон, одно имя которого означает бешеную спекуляцию, в эти дни обнаружил внезапный и подозрительно бескорыстный интерес к делам каучука. Будучи и раньше негласным совладельцем и участником каучуковых фирм, он в настоящее время стал полным и открытым хозяином об'единения United State Rubber C°, несмотря, а может быть, и благодаря тому, что резкое падение цен на резину сильно пошатнуло дела этого треста, заставив его отказаться от выдачи дивиденда. В качестве представителя этого треста Дю-Пон вошел в закупочный пул, который, несмотря, на отказ конгресса принять билль Ньютона, не только продолжает

[1]) Цит. по телегр. в «Berl. Tag.».

безмятежно существовать, но готовится к исключительно активной деятельности, получив как раз в эти дни и новые банковские кредиты в размере 60 миллионов долларов.

Итак, готовится борьба, при чем участие и даже, может быть, руководство этой борьбой со стороны Дю-Пона означает ведение ее самыми отчаянными средствами. Каков бы ни был темп этой борьбы, исход ее определен. Америка обеспечивает себе полную самостоятельность в деле снабжения сырьем, значение которого растет по мере того, как неизбежность войны становится все более реальной.

Нефтяная война.

Борьба между Соединенными Штатами и Англией за нефтяное господство над миром приняла открытую, явную для всех форму как вследствие того, что она вступает в решительную стадию, так и потому, что обе стороны считают необходимым в данной стадии вследствие особых условий «апеллировать к общественному мнению», чтобы скрыть захватно-монополистический характер их политики. Советский читатель знаком с ходом этой борьбы вследствие того, что оба монополиста вынуждены считаться с непрестанным ростом значения советской нефти в мировом хозяйстве, а также с той независимой позицией по отношению ко всем империалистическим группировкам, которую занимает Нефтесиндикат во всех своих сношениях с буржуазным миром. Нужно все же иметь в виду, что не советская нефть является главным об'ектом в этой борьбе, что не она превращает конфликт между Стандарт Ойль и Роял Детч в открытую войну, хотя, разумеется, оба противника вынуждены все более считаться с фактом существования на мировом рынке третьей самостоятельной силы, которая затрудняет положение то одной, то другой монополистической группы.

Для нефтяного конфликта в данной стадии характерно переплетение двух одинаково обязательных для империализма стремлений: к завоеванию рынков сбыта и к захвату источников сырья. Правда, та жестокая конкуренция с искусственным понижением цен и апелляцией к вмешательству правительств, которую ведет Соцони (Стандарт Ойль Компани оф Нью-Йорк) с Детердингом (Роял Детч Шелл Компани+Англо-Першен Компани) за сбыт нефти в Индии и отчасти в Индонезии, при временном перепроизводстве нефти в Соед. Штатах, придает всему конфликту видимость исключительной борьбы за рынки. Но достаточно проследить за поворотными пунктами этой борьбы, чтобы убедиться, как тесно связана она с перераспределением господства над источниками нефти между Соединенными Штатами и Англией, с таким перераспределением, которое соответствовало бы стремительному росту могущества американского империализма за счет английского.

Борьба Детердинга против Соцони за сохранение индийского рынка путем понижения цен на экспортируемую нефть была начата как будто при совершенно безнадежных для англо-голландских монополистов условиях. Простой подсчет показал, что при об'явленной Детердингом конкурентной цене он теряет ежегодно на экспортируемую в Индию нефть больше 12 млн. долларов в то время, когда Соцони (вследствие меньшего количества продаваемой ею в Индии нефти, и возможности использовать дешевизну фрахтов при доставке советской нефти) теряет только 4 млн. Рояль Детч, не столь сильная в финансовом отношении, как нефтяные тресты Рокфеллера, не решилась бы «собраться в поход», если бы у нее не было каких-либо видов перевести эту борьбу на менее невыгодные для себя позиции. Правда, можно было встретить в печати указания на то, что Детердинг «потерял равновесие»,

что он «зарвался» и т. д. Но вряд ли можно психологическими мотивами об'яснять экономическую политику одного из крупнейших международных трестов.

Как известно, в первой половине февраля в американской печати появились сообщения, что приехавший в Нью-Йорк представитель Детердинга Дербенгем заключил соглашение с американскими нефтяными трестами о прекращении «войны цен» в Индии и в других местах. Через некоторое время в европейской печати появилось исходящее от англо-голландских нефтяников опровержение, заявляющее, что «ни о каком урегулировании конфликта еще речи не может быть». Директор Роял Детч Кесслер заявил в «Дейче Бергсцейтунг», что «устранение существующих между мировыми нефтяными концернами разногласий ...возможно лишь в том случае, если будут достигнуты соглашения по вопросу об ограничении добычи нефти в первую очередь в Венецуэле. В беседах, которые Дербенгем щедро раздавал американской печати, повторялось, что цель его приезда не переговоры о «перемирии» в Индии (хотя, скромно добавлял мистер Дербенгем, он имел беседу за чайным столом с представителями Соцони...), но ознакомление с ростом добычи нефти в Венецуэле на участках, принадлежащих Эйзиэтик-Петролиум Компани, связанной с Роял Детч. «В ближайшие 30 дней,—заявил Дербенгем,—эта компания будет наиболее сильным производителем нефти на Маракараибском озере» [1].

Эти «намеки на то, чего не ведает никто» определяли один из скрытых, но существенных узловых пунктов нефтяного конфликта: источники нефти в Венецуэле.

Одновременно с этим (в конце января) президент Колумбии издал закон о национализации нефтеносных земель (нечто в роде расплывчатой копии с отмененного уже мексиканского закона), направленный против северо-американских нефтяных хищников и благоприятный английским хищникам в лице Англо-Першен Компани. Целый ряд других признаков свидетельствовал о том, что Англия мобилизует свое финансовое и дипломатическое влияние на берегах Караибского моря, чтобы овладеть здесь источниками нефти в ближайшем соседстве с Соединенными Штатами.

В то же время английская дипломатия пыталась обезопасить Индонезию от возможности проникновения сюда американских искателей нефтяных источников, провоцируя нефтяные компании Индонезии на такую же священную войну с Соцони, какую уже вела англо-индийская компания Бирма Ойль. В самый разгар газетной борьбы об использовании американскими трестами «краденой советской нефти» появилась написанная под диктовку Лондона слезница 6-ти якобы независимых англо-индийских нефтяных фирм, обвиняющих нефтяников Соединенных Штатов... в нарушении интересов туземной промышленности: «...Нынешнее наступление ведется только на те оба восточные рынки, которые, главным образом, обеспечены местной нефтью, а именно, на британскую Индию и Яву... Нижеподписавшиеся убеждены, что эти попытки, направленные на уничтожение местной промышленности отдельных стран, не будут иметь никакого успеха и что население подвергшихся нападению стран не допустит, чтобы их собственная промышленность таким путем подверглась деморализации». Английский империализм обращается к туземному населению с призывом не более, не менее как о том, чтобы бойкотировать ввозимые иностранные продукты на том основании, что они подрывают местную промышленность! Можно ли представить себе более циничное и вместе с тем более жалкое лицемерие?!

[1] «New-York Herald», от 11 февраля 1928 г.

Этот маневр английских нефтяных хищников был буквально в 2—3 недели расстроен контрманевром, предпринятым хищниками Соед. Штатов. Рокфеллер немедленно поднял перчатку, брошенную ему Дербенгемом и, вместо сокращения добычи нефти в Венецуэле, перебросил туда еще до от'езда английского парламентария, из Нью-Йорка новые десятки миллионов долларов, чтобы разбить и отбросить Эйзиэтик-Петролиум Компани от господствующей позиции Венецуэлы. Вашингтонское правительство поручило своему посланнику в Колумбии заявить президенту протест против закона, «нарушающего права американских граждан», на что немедленно последовало раз'яснение правительства Колумбии, в котором официально опровергается сообщение о переговорах с Англо-Першен Компани и дается категорическое обещание уважать права законных собственников, т.-е. американцев. Столь же мало удалось английскому империализму соблазнить приманкой «защиты туземных интересов» не только широкие массы, но и буржуазные круги Индии: как раз сейчас, в связи с усилением колониального нажима со стороны Лондона (комиссия Саймона, отказ английского правительства от организации хотя бы внешне независимого от лондонского Сити резервного банка), индийская буржуазия все больше тянется в сторону Соед. Штатов, финансовая эксплоатация которых носит более «просвещенный», т.-е. более выгодный местной буржуазии, характер (поездка руководителей крупнейшего железного треста Индии Тата и Компани в Соедин. Штаты для завязывания финансовых связей, усиленное внимание индусской буржуазной интеллигенции к американской культуре и т. д.). Единственное, что осталось у британского империализма для поддержания своего престижа в Индии, это неприкрытый приказ англо-индийскому правительству повысить тарифы на ввозимые в Индию американские нефтепродукты. Но, вступая на этот путь и давая таким образом уже никакими дипломатическими фокусами неоспоримые доказательства своего непосредственного, прямого участия в борьбе за мировые монополии, правительство Англии тем самым вооружает американский империализм наиболее действительным оружием. Уже Келлог предупреждает, что государственный департамент заявит протест, «если меры, предпринимаемые таможенным управлением Индии, будут особо направлены против граждан С.-А. С. Ш.». Уже пресса Херста «настаивает, чтобы вашингтонское правительство поддержало американские нефтяные компании в их деятельности за границей подобно тому, как английское правительство поддерживает Роял Дэтч Компани и Англо-Персидскую Нефтяную Компанию». Уже мутные националистические инстинкты жадного обывателя-янки разжигаются повторяющимися сенсациями о том, что «нефть, предназначаемая для американского флота, попадает в руки иностранной державы». Недавно инженер Рекуа, руководивший нефтяным департаментом во время войны, подал Кулиджу негодующий меморандум за подписью 30 инженеров, в котором сообщалось, что в настоящее время «треть нефти из запасов, предназначенных для флота, и ⅔ бензина закупаются дочерней организацией Роял Дэтч и что танки одной иностранной державы грузили, а может быть, и продолжают грузить нефть из этих запасов»... Тогда же морской министр Вильбур (пророчествующий неизбежность англо-американской войны в связи с борьбой за рынки) назначил специальную комиссию для расследования этой «таинственной истории», а печать не перестает раздувать эти «разоблачения», делая вид, что возможность закупки нефти (и одной ли нефти!) «флотом какой-либо страны у иностранной фирмы» является чем-то небывалым. Однако, и на этом нефтяная игра не останавливается. Уже пресса Херста раскрывает псевдоним «иностранной державы», требуя от правительства чтобы оно «охраняло нефтяные резервы от англичан, не только стремя-

щихся монополизировать все нефтеносные земли вне пределов Соединенных Штатов, но закупающих нефть из резервов американского флота.

Борьба за нефть, таким образом, все более пронизывается элементами назревающего военного конфликта, все ближе подводит к этому конфликту.

Подготовка борьбы за хлопок.

Господствующее положение на хлопковом рынке принадлежит, как известно, Соединенным Штатам. Из мирового производства хлопка, которое в среднем составляет 25 млн. кип, на долю Соед. Штатов приходится около 15 млн., на долю английских колоний около 6½ млн. Вместе с тем, Великобритания, несмотря на кризис хлопчатобумажной промышленности, является до сих пор главным потребителем хлопка: из 163 млн. веретен на Британию приходится около ⅓, на Соединенные Штаты меньше ¼. Антагонизм интересов между Соед. Штатами и Англией в области хлопка есть, прежде всего, расхождение между преимущественно производящей и преимущественно потребляющей страной. Но этим, разумеется, борьба интересов не ограничивается: абсолютное превосходство в производстве до сих пор еще не дает возможности Соед. Штатам взять под свой полный контроль не только мировой, но даже внутренний рынок хлопка. Тем менее таким положением может считать себя удовлетворенным английский капитал, находящийся в зависимости от Соед. Штатов при закупке сырья первой необходимости. Отсюда рост захватно-монополистических стремлений обоих противников.

Великобритания всемерно стремится к разведению хлопка в подчиненных ей колониях или, по крайней мере, в странах, стоящих вне непосредственного контроля северо-американского капитала. Английский капитал, идущий в Бразилию, устремляется в хлопковые плантации с целью освобождения Ливерпуля и Манчестера от зависимости от Орлеана. Но еще более настойчивый и широко задуманный характер имеют английские планы разведения хлопка в африканских колониях, особенно в Судане, где английским плантаторам обеспечена полная и бесконтрольная, никакими ни земными ни небесными законами не стесняемая монополия. С африканским хлопком английский капитал в самое последнее время связывает такие расчеты, что он приносит ему в жертву интересы индийского хлопка, которым Великобритания не может так бесконтрольно распоряжаться, хотя бы по одному тому, что он проходит через руки пенджабского райота (крестьянина), или калькуттского арендатора. Иное дело африканские колонии, где Манчестер и Ливерпуль не имеют ни конкурентов, ни посредников в эксплоатации как сил природы, так и живой силы чернокожего рабочего, пребывающего в полурабском состоянии.

Однако, как ни значительны успехи Англии в расширении своих хлопковых плантаций в колониях, они отнюдь не достаточны, чтобы парализовать зависимость ее текстильной промышленности от дешевого северо-американского хлопка. Английский капитал стоит перед альтернативой: либо дальнейшее, и при этом стремительное, развитие хлопковых успехов до размеров, хотя бы обеспечивающих «самоснабжение», либо постоянная опасность быть отброшенным еще дальше назад неуклонно стремящейся к полной монополии ново-орлеанской биржей.

Но если состояние хлопковой борьбы требует от Англии дальнейших наступательных действий, то в еще большей мере это следует сказать о С. Штатах. Как известно, ни в одной области американскому капиталу не удалось так мало сделать в деле «подчинения себе стихии рынка» как в области хлопка. Достаточно вспомнить, что в течение последних лет цена на фунт сырого хлопка колебалась с 12 центов до 25, чтобы получить представление, в какой мере С. Америке еще не удается использовать своего монопольного положения на рынке. Это колебание цен, разумеется, вызвано в первую очередь, резкими колебаниями в размерах хлопкового урожая (в 1924 г. — 15 млн. кип, в 25 г. — 17, в 26 г. — 18,6, в 27 г. — падение до 12,8 млн. кип). С другой стороны, ограничение площади разведения хлопка с целью добиться устойчивости цен не может обеспечить интересов С. Америки в такой обстановке, когда ее конкуренты на мировом рынке не только не разбиты, но распространяют свое влияние [1]).

В подготовляющейся борьбе между С. Штатами и Великобританией за господство на хлопковом рынке одним из важнейших узловых пунктов является Судан. Бросая громадные финансовые и технические силы в Судан, являющийся формально якобы совместным владением Египта и Англии, в действительности же находящийся целиком под пятой британского правительства, Лондон одновременно разрешает две задачи: 1) обеспечивает себе новый, все более расширяющийся, имеющий громадное будущее источник сырья; и 2) угрожает Египту в случае непокорности и несговорчивости не только бойкотом хлопка, но и перехватом нильской воды. Английские колонизаторы и их наемники немало потратили чернил на развитие теории, согласно которой захват контроля над водами Нила (в Судане) не является покушением на суверенитет Египта. Однако, теперь есть все основания рассчитывать, что эту грабительскую теорию англичан удастся использовать не ее авторам, а с.-американским дельцам. Американская компания «Уайт Корпорейшен» («White Corporation»), по газетным сведениям, уже добилась от абиссинского правительства (в результате продолжительных переговоров и скрытой, но напряженной борьбы с Англией) концессии на постройку плотины в Абиссинии, на озере Цан, т.-е. на перехват вод Нила у самых верховьев и, таким образом, сосредоточение в своих руках фактического контроля не только над египетским, но и над суданским хлопководством. Англия остается при пиковом интересе.

Для борьбы, которая велась в течение ряда месяцев вокруг этой концессии на озере Цан, характерны следующие моменты: 1) чрезвычайно слабое отражение этой борьбы в печати обоих непримиримых конкурентов — Англии и Америки — с одной стороны, и 2) вполне сознательная оценка в туземной печати значения и перспективы этой борьбы, как узлового пункта в общем развитии англо-американских конфликтов. Американские газеты изображали и продолжают изображать дело так, что постройка плотины в Абиссинии дело «безобидное», «частное», что «Уайт Корпорейшен» ни сном, ни духом не повинна в каких бы то ни было политических или колонизаторских замыслах, что эта техническая фирма будет считать себя вполне удовлетворенной, продавая «по справедливой цене» воду из принадлежащего ей Нила. В свою очередь и английская печать тщательно обходила и продолжает обходить гробовым молчанием политический характер этой борьбы, ограничиваясь юридическими ссылками на английско-абиссинский договор 1902 г., согласно которому «король королей Эфиопии обязуется не строить и не позволять строить на Голубом Ниле и на озере Цан таких сооружений, которые могли бы воспрепятствовать течению воды в Ниле, разве только по соглашению с правительством его величества». И даже «Таймс» упражняется больше в сердечных упреках по адресу негуса Абиссинии, который-де не должен допускать и мысли о переговорах с американской фирмой, раз англичане каждый год с его согласия производили предварительные изыскания на озере Цан.

---

[1]) См. «Geo - Politik», I кн. за 1928 г., стр. 23 и сл.

Но если империалисты в самом начале конфликта считают еще выгодным играть в жмурки, то печать восточных стран ставит все точки над и. Уже в первые дни англо-американской схватки газета вафдистов «Балах» отвергла попытку английских агентов в Египте изобразить борьбу за озеро Цан, как конфликт между Абиссинией и Египтом. Египетские националисты, несмотря на то, что они так часто бессильно и беспомощно бьются в сетях английского империализма, все же отдавали себе отчет, что из этой борьбы угнетенные страны могут извлечь выгоду для себя. «Теперь,—пишет «Балах» [1],—когда Америка вмешалась в дело, мы можем этим воспользоваться. Почему мы не должны понять духа времени, раз Англия совершенно не считается с нашими жизненными интересами?» Приводя эту цитату, каирский корреспондент издающейся в Константинополе газеты «Турецкая Почта» сопровождает ее следующими комментариями:

«Этот дух времени действительно надо понять, потому что не только в вопросе о Цане Америка выступает настойчиво и искусно на арене ближнего Востока,—одновременно она выступает *также на аравийском берегу Красного моря*...

В чрезвычайно короткое время С. Штатам удалось в очень значительной степени развить свои торговые сношения со странами Аравии. Центром этой деятельности является организованная в Адене торговая компания с капиталом в 30 млн. долларов, которая открыла отделения в Абиссинской столице и в Иеменской гавани Ходэйда и сейчас предполагает открыть такие же отделения в Геджасе и в Сомалии. Эта деятельность С. Штатов, которая—хотят ли они этого или нет—наносит удар британской торговле, начинается при максимально благоприятных предзнаменованиях, *потому что Америка является единственной страной, которую Восток, ставший в последние годы очень недоверчивым, может встретить с открытой душой*».

Эта цитата свидетельствует не только о том, что на Востоке ясно понимают, куда держит курс неожиданно вынырнувший на берегах Красного моря и в верховьях Нила дядя Сам, но и о том, что С. Штаты уже обзавелись соответствующей агентурой в том числе и в лице близкой к германским кругам газеты «Турецкая Почта», являющейся «бескорыстным», но очень настойчивым проводником вашингтонской политики. Другой корреспондент этой газеты пишет о «проблеме озера Цан» из столицы Абиссинии Адис-Абеба следующее [2]:

«Чем более независимым от Англии становится Египет и чем обширнее становятся английские плантации хлопка в Судане, тем больше растет значение озера Цан для Англии, стремящейся обеспечить себе в Судане достаточное количество хлопка для своей текстильной промышленности, чтобы таким образом полностью освободиться от зависимости от экспортируемого американского хлопка. Независимо от этой экономической стороны вопроса Англия вполне основательно считает, что ей удастся поднять свое влияние над Египтом, если все шлюзы Нила она будет держать под своим контролем. Почему же Абиссиния так энергично отказывается удовлетворить это желание Англии? Во-первых, потому, что Абиссиния вполне правильно считает, что ненужная сейчас водная масса Цана в один прекрасный день может оказаться полезной для ее собственной еще необработанной земли. Во-вторых, потому, что она знает, что плотина на Цане в английских руках явится могущественным оружием против населения Египта и Судана, с которым абиссинцы хотят сохранить самые лучшие соседские отношения».

[1]) Цит. по «Turkische Post» от 3 января 1928 г.
[2]) Там же, № от 21 января 1928 г., статья б. консула Вейнцингера.

Борьба за хлопок (и нефть) приводит американский империализм к Ближнему Востоку, к стыку трех материков, к Суэцкому каналу. Театр действия англо-американского конфликта расширяется. За Великим океаном идет Индийский океан, где нефтяная война это—только первый отдаленный гром событий. Но водоворот империалистических столкновений несется дальше на восток: северо-американский империализм надвигается на Европу различными путями, под разнообразными прикрытиями. Борьба за передел колоний является, хотя не единственной, но центральной силой в системе, определяющей бешено растущую активность американского империализма.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

К. Бутаев.

К вопросу о постановке теоретических проблем переходной экономики.

(Окончание. Начало статьи см. в предыдущем номере).

4. О категории стоимости в переходном хозяйстве.

В отношении категории стоимости в переходном хозяйстве у авторов также нет достаточно ясного представления.

Авторы двояко понимают содержание термина «форма».

Во-первых, они понимают под «формой» товарно-стоимостную форму проявления производственных отношений. По существу это, конечно, верно. И в этом отношении «сохранение товарно-ценностной формы производственных отношений—вот важнейшая отличительная черта... пути социалистического строительства». (Стр. 325).

Во-вторых, они понимают форму ценности, как общественную «форму, которую труд принимает в товаропроизводящем обществе» (187). Но в этом отношении эта форма стоимости, как общественная форма труда в переходном хозяйстве, а именно в социалистическом секторе, имеющем товарно-ценностную форму проявления производственных отношений,—для авторов не существует. «У нас,—говорят они,—всеобщей распространенностью пользуется форма ценности, как внешняя форма проявления. Этого нельзя, однако, сказать о форме ценности, как общественной форме, которую труд принимает в товаропроизводящем обществе» (стр. 187). «Социалистическая трансформация (перестройка) хозяйственных тканей связана с отмиранием формы ценности, которую принимает труд в предшествующий период экономического развития» (стр. 188).

Таким образом, выходит, что для авторов книги стоимость, как «общественная форма труда», в социалистическом секторе не существует. Но зато товарно-рыночная стоимостная форма проявления производственных отношений существует и в социалистическом секторе. Тут у авторов недоразумение или недомыслие. Как можно себе представлять товарно-рыночную стоимостную форму проявления отношений, если общественный труд, затраченный на производство продуктов, не принимает стоимостную форму, если этот труд не учитывается и не выражается как стоимость?

Для всякого марксистски грамотного экономиста должно быть понятно, что только потому, что труд в товарном обществе принимает форму стоимости, общественные отношения в этом обществе принимают товарно-рыночную стоимостную форму проявления. Или же наоборот. Если мы имеем товарно-рыночную стоимостную форму проявления общественных отношений, то это уже означает, что труд принимает форму стоимости, учитывается и выражается, как стоимость. Расщепление этих двух взаимно-связанных явлений, представляющих по существу одно и то же, или развитие одного и того же явления, есть явное недомыслие и может привести только к логическим абсурдам и противоречиям. Так случилось в данном случае и с авторами книги.

Ибо как совместить утверждение об отсутствии стоимости, как учетной общественной «формы труда» в социалистическом секторе, с их такими, например, утверждениями: «Социалистический учет и строящийся на его основе план—и то и другое пока выражается в товарно-денежных категориях» (стр. 176). «В секторе, характеризующемся обобществлением средств производства, мы имеем определенно товарно-рыночную форму доходов» (стр. 276). Кроме того, для них «категория цены» в переходном хозяйстве остается, хотя она и превращается в «калькуляционный метод» бухгалтерии соц. хозяйства» (стр. 177), меновые отношения остаются в количественном отношении «примерно таковыми же, как и при действии закона ценности» (стр. 259). Раз эти последние положения верны и на их верности и незыблемости авторы настаивают, то первое положение об «отсутствии» и «отмирании» ценности, как «общественной формы труда» в социалистическом секторе, неверно.

Одно из двух: либо верно, что стоимость в социалистическом секторе отсутствует или отмирает,—тогда нет никакой категории цены в этом секторе, никаких товарно-денежных категорий, никакой стоимостной формы вообще и, следовательно, никакой товарно-рыночной формы проявления производственых отношений; либо товарно-денежные категории в социалистическом секторе имеют место,—и тогда имеет место и стоимость, как общественная форма труда в этом секторе. Третьего положения тут не может и не должно быть.

Но, что значит стоимость, как общественная форма труда в социалистическом секторе? Как совместить наличие стоимости с социалистическим характером производственных отношений в этом секторе? Благодаря какой исторической необходимости может сохраниться стоимость в этом секторе, как форма выражения и учета затрат труда?

Из тех представлений о социалистическом строе, которые мы имеем на основании трудов творцов научного социализма, мы знаем, что при таком строе стоимость, как общественная форма труда, исчезает. Общественные затраты труда при социализме будут выражаться непосредственно в самом же труде, в его единицах, и не будет никакой необходимости выражать и учитывать их, как стоимости, ибо не будет товарно-рыночной формы связи между отраслями. Может ли социалистический сектор переходного периода быть похожим в этом отношении на полный социализм? При каком условии этот сектор может учитывать и выражать трудовые затраты на производство вещей непосредственно в самом же труде, в его единицах или в единицах времени? Это возможно только при том условии, если социалистический сектор, во-первых, представляет собою самодовлеющую, автаркическую, замкнутую хозяйственную систему, и, во-вторых, производительные силы в нем настолько развиты, что вполне соответствуют социалистическим производственным отношениям. Такую форму «переходной экономики», представляющую собой по существу уже не переходную форму хозяйства, а почти полный социализм, можно было бы себе представить, если бы переход к социализму совершался от чистого высоко технически развитого автаркического капитализма. Но «чистого капитализма, переходящего в чистый социализм, нигде в мире нет и быть не может». (Ленин, т. XIV, ч. 1, 263). Следовательно, раз невозможен такой «чистый переходный» период от чистого капитализма к чистому социализму, раз невозможна автаркия социалистического сектора переходного периода, раз невозможна на первых порах высокая развитость производительных сил в этом секторе,—то невозможны непосредственно-натуральные отношения в этом секторе, невозможны учет и выражение затрат труда в этом секторе непосредственно в самом же труде, невозможно полнейшее соответствие производственных отношений производительным силам в этом секторе. Недоразвитость производительных сил социалистического сектора по-

рождает противоречие между ними и производственными отношениями. Это— одно из основных противоречий переходной экономики. В то время, как производственные отношения в обобществленном секторе по своему характеру глубоко социалистичны, производительные силы в этом секторе далеко еще недоразвиты до степени их развития при социализме. Одно это противоречие уже обязывает социалистический сектор принимать иную форму учета и выражения затрат труда на производство благ и иную форму связей между хозяйственными единицами, чем при социализме.

Но это было бы еще «полбеды». Если бы социалистический сектор был поставлен только перед этим внутренним своим противоречием, а во всем остальном мог существовать вполне самостоятельно и не нуждался ни в каких других связях с другими, его окружающими, формами хозяйства,— то в конце-концов с вопросом о социалистической форме учета и выражения затрат труда и распределения он бы справился своими внутренними силами, несмотря даже на существование вышеуказанного противоречия. Но в том-то и дело, что социалистический сектор переходной экономики—не самодовлеющая автаркическая система хозяйства. Этот сектор является по преимуществу промышленной сферой производства, которая без аграрного дополнения существовать не может. А это аграрное дополнение является по преимуществу мелкотоварным, крестьянским производством. Это—с одной стороны. С другой стороны, отсталость производительных сил в этом социалистическом секторе с необходимостью требует хозяйственных связей с более высокоразвитым в техническом отношении капиталистическим окружением. Эти исторически-конкретные обстоятельства и условия существования социалистического сектора с необходимостью требуют, чтобы форма учета и выражения затрат труда в нем были идентичны с формой учета и выражения труда в мелкотоварном и капиталистическом хозяйствах, связь с которыми в форме товарно-рыночных отношений является необходимым условием существования самого социалистического сектора.

Из всех этих моментов вытекает необходимость учета и выражения труда в социалистическом секторе в форме стоимости и отсюда товарно-денежной формы проявления производственных отношений. Стоимость является определенной общественной формой выражения и учета труда, и как таковая она в анархической системе товарного хозяйства является и стихийным регулятором. «Всякая товарная стоимость,—говорит Маркс,—является лишь мерой заключающегося в товаре общественно-необходимого труда». («Капитал», III, ч. 2, стр. 389). «Меновая стоимость есть лишь определенный способ выражать труд, потраченный на производство вещи» (стр. 50 «Капитал», 1). В то же время меновая стоимость, как форма проявления стоимости, является регулятором анархической товарной системы хозяйства. («Письма к Кугельману», стр. 62).

И если речь идет об отмирании или об отсутствии стоимости в социалистическом секторе, то она и идет и может итти только об отмирании или отсутствии стоимости, как регулятора хозяйства в социалистическом секторе, но не о стоимости, как «мере общественно-необходимого труда, заключающегося в товаре», не об «определенном способе выражать труд, потраченный на производство вещи». Вопрос заключается не в отмирании стоимости, как учетной формы труда, как «меры труда», а в отмирании «закона стоимости», как регулятора.

«Как? Что за ересь?»—скажут некоторые. Как можно себе представить существование стоимости, как общественной формы труда, без того, чтобы эта же самая стоимость не была регулятором хозяйственной системы? Иначе формулируя этот вопрос, мы скажем: возможно ли и до какого времени и до каких пределов сознательно-плановое регулирование хозяйственной системы переходного периода при стоимостной форме учета и выражения трудовых затрат на производство вещей, т.-е. возможно ли плановое регулирование товарной формы хозяйства?

Мы имеем несомненный факт, что регулирование социалистического сектора и вместе с ним более или менее и всего народного хозяйства в СССР происходит в плановом порядке. Никто не может без особой логической эквилибристики доказать, что регулятором обобществленного сектора остается закон стоимости, как таковой.

И с другой стороны, известен также несомненный факт, что мы имеем дело в обобществленном секторе с товарами, а не с продуктами, что производство в нем есть производство по форме товарное. А если производство остается товарным, то двойственный характер труда, затраченного на производство товаров, остается, и, следовательно, остается внутреннее противоречие товара, как потребительной стоимости и стоимости. Количественно затраты труда на эти товары выражаются в денежной форме, а не в форме единиц рабочего времени. А денежное выражение этих затрат труда есть не что иное, как денежная форма стоимости. Ибо деньги, как таковые, выражают собой меновую стоимость, как форму проявления стоимости. Следовательно, раз цены остаются в обобществленном секторе, то тем самым остается и стоимость как общественная форма выражения трудовых затрат. Но регулирование обобществленного сектора тем не менее не совершается механизмом закона стоимости. Это кажется парадоксальным и противоречивым утверждением. Однако, это—факт, и противоречие тут является противоречием самой жизни. Сознательно-плановое регулирование происходит в товарно-стоимостной форме. Цена является не продуктом стихийных сил, стихийной равнодействующей бесконечно-многих индивидуальных воль, а продуктом сознательной конструкции на основе об'ективного технического фактора производства. Если «количественное отношение, в котором обмениваются вещи, делается зависимым от самого производства» и «привычная практика фиксирует эти отношения, как величину стоимости» («Капитал», 1, 56), то почему суб'ект сознательно-регулируемого хозяйства эту привычную практику фиксировать количества трудовых затрат на производство вещей, как величины стоимостей, не может использовать для целей сознательного регулирования обмена этих вещей и количественных пропорций самого этого обмена? Ведь внутри любого монополистического крупного об'единения учет и выражение труда остаются стоимостными, денежными. Однако, закон стоимости внутри этого об'единения не является регулятором, и регулирование внутри него происходит сознательно и планомерно со стороны суб'екта этого об'единения— капиталистического правления. Производство остается в нем товарным, учет затрат труда происходит в нем в денежной (стоимостной) форме, цены конструируются не стихией рынка, а сознательно и планомерно. Следовательно, регулирование происходит в стоимостной форме. Товарную форму хозяйства можно сознательно регулировать в пределах данного об'единения. Аналогичную картину мы имеем и в обобществленном секторе. Планируем мы и здесь товарный обмен, товарную форму производства, товарную форму распределения. «Плановое начало... действует тут «под покровом цены, при посредстве цены и на основе цены» (А. Кон. «О новой экономике Преображенского», стр. 32). «Линяние закона ценности лишь постепенно охватывает одну производственную область за другими», и «лишь постепенно происходит выветривание стихийно-ценностного содержания их товарной формы. Сама же товарная форма сохраняется «вплоть до социализма» (стр. 333) [1]. Этим самым авторы книги выразили именно то, что мы хотим тут сказать о наличии стоимости («товарно ценностной формы» у авторов) и об отмирании закона стоимости, как регулятора обоб-

[1]) Разрядка наша. *К. Б.*

ществленного хозяйства («линяние закона ценности» и «выветривание стихийно-ценностного содержания товарной формы» — у авторов). Если выветривается стихийно-ценностное содержание товарной формы производства, а сама товарная форма остается, то ведь это означает заполнение «товарной формы» сознательно-плановым началом. А это есть не что иное, как отмирание закона стоимости как регулятора и сохранение стоимости только как общественной формы труда. Если «действие стихийного закона ценности ограничивается и сходит на-нет», а «товарная форма все же сохраняется» (стр. 133), если при сохранении «товарно-ценностной формы» «стихийный закон ценности перерождается в планомерно-сознательное» начало, если процесс сознательно-планомерного «социалистического переустройства невозможен «без товарно-ценностной формы» и денег» (стр. 325), то ведь все это есть только иное выражение того же самого «парадоксального» момента, которое выражается в том, что закон стоимости отмирает, но стоимость остается, как общественная форма труда.

Место стоимости, как определенной исторической формы выражать труд, потраченный на вещи, как меры и учетной формы этого труда в социалистическом секторе, еще никакая другая форма не заняла. Однако, вместе с этим мы имеем сознательно-плановое регулирование обобществленного хозяйства со стоимостной учетной формой труда. Социалистическое строительство в переходный период не может обойтись еще без этой формы, пока взамен ее не будет выработан и введен в жизнь другой способ выражать и учитывать труд. Этот другой способ может заключаться в самом же труде, когда определенная величина этого труда непосредственно будет измерять и выражать труд, затраченный на вещи в процессе производства. Но этот способ возможен, однако, при полном социализме, когда продукты труда не будут становиться товарами и, следовательно, не будет товарных, а, следовательно, и стоимостных отношений. До тех пор стоимость остается формой выражения и учета затрат труда на товары в переходном хозяйстве. Однако, эта форма является не только стихийной формой и только. Она является сознательно-регулируемой формой выражения труда.

Авторы подошли вплотную к проблеме в этой постановке и даже сформулировали ее. «Меновая форма,—говорят они в другом месте, — остается о д н о й л и ш ь ф о р м о й, лишенной своего специфического рыночного стихийного содержания» (стр. 243). Но, сказав это, они тем самым должны были признать, что стоимость остается общественной формой труда и в обобществленном секторе. Этого они не сделали и тем самым впали в противоречие. Они вынуждены признать товарно-денежные категории в социалистическом секторе, а следовательно, признают, помимо своего желания, стоимость, как общественную форму выражения и учета труда в этом секторе. Закон стоимости, как регулятор, отсутствует в социалистическом секторе. Его место замещает сознательно-плановое регулирование. Но сознательно-плановое регулирование не уничтожает стоимости, как «меры и учетной формы» труда, но пользуется ею, как исторически привычной и исторически выработанной общественной формой меры и учета труда. Меновая стоимость (денежное выражение стоимости, цена) остается формой и способом выражения труда, стоимость остается мерой труда. Если бы этого не было, то не было бы никаких оснований говорить, что в социалистическом секторе сохранилась категория цены, как денежной формы меновой стоимости.

Именно потому, что, во-первых, стоимость остается господствующей формой меры труда в переходном хозяйстве и, во-вторых, действие стоимости, как регулятора хозяйства, замещается сознательно-плановым регулированием в социалистическом секторе, именно поэтому ц е н а превращается в «калькуляционный метод бухгалтерии социалистического хозяйства». Именно поэтому меновые пропорции (в количественном отношении) устанавливаются уже не стихийно на рынке волей закона стоимости, а «сознательной априорно-плановой политикой цен, которая берет на себя выполнение этой количественной функции закона ценности» (стр. 259).

Без такой дифференциации вопроса о стоимости в переходном хозяйстве мы не сможем понять все своеобразие и всю особенность этого хозяйства.

Без такого дифференцирования проблемы стоимости в переходную эпоху мы не поймем то указание Маркса на роль стоимости в послекапиталистический период, которое на стр. 389, III тома «Капитала» (ч. 2) гласит следующее:

«По уничтожении капиталистического способа производства, но при сохранении общественного производства о п р е д е л е н и е с т о и м о с т и п о п р е ж н е м у п р о д о л ж а е т г о с п о д с т в о в а т ь в том смысле, что регулирование рабочего времени и распределение общественного труда между различными отраслями производства, наконец, охватывающая все это бухгалтерия становится важнее, чем когда бы то ни было».

Мы думаем, что это указание Маркса на роль стоимости в послекапиталистическую эпоху авторами книги недостаточно понято. Отсюда недостаточно понята ими и постановка вопроса о категории стоимости в переходный период. Вот почему они и впадают в противоречия.

5. О постановке проблемы распределения.

Неопровержимо известно, что «организация распределения вполне определяется организацией производства» (Маркс. «Введение» «К критике», стр. 20) и что рассматривать распределение, как нечто независимое от способа производства, от распределения средств производства в обществе — является, по меньшей мере, возвращением назад на столетие. Распределение не может быть рассматриваемо независимо от распределения средств производства. «Всякий раздел средств потребления есть только результат данного раздела самих средств производства»(«К критике Готской программы», 57). Поэтому, когда мы подходим к постановке проблемы распределения в переходный период, мы безусловно должны исходить из того распределения средств производства и из вытекающего из этого момента распределения членов общества по различным родам производства, которые осуществлены в результате Октябрьской революции.

С этого момента совершенно правильно начинают и авторы «Очерков переходной экономики». Но, исходя из совершенно правильного момента, они не доводят такую постановку проблемы до ее логического конца. Трудность разрешения вопроса авторы видят опять-таки в «двойственности» переходной экономики, «в расщеплении между формой и содержанием экономических отношений, проходящем по всей жизни нашего хозяйства» (стр. 272).

«Формы распределения основных средств производства» в переходный период и н ы е, чем при капитализме, но «формы распределения дохода» остаются старые, сохраняется «присущая капитализму ценностная форма для категорий распределения дохода» (272).

Здесь именно и заключается, по мнению авторов, главная трудность анализа проблемы распределения. «Сочетание отношений ценностного порядка в сфере распределения национального дохода с социалистическими формами распределения средств производства вместе с тем создает о с о б ы е т р у д н о с т и для анализа всех распределительных категорий в нашем хозяйстве» (стр. 272). «...В этой ценностной форме и лежит вся т р у д н о с т ь а н а л и з а прибавочного продукта в нашем хозяйстве» (стр. 302).

Эта трудность, однако, была бы преодолима, если бы авторы, во-первых, не отрицали стоимости, как общественной формы труда в переходной экономике во всех укладах ее, и, во-вторых, держались в своем дальнейшем анализе этого вопроса того основного принципа, с которого они и начали.

Авторы оставили эти оба момента при детальном анализе форм распределения и перешли к об'яснению в и д и м ы х на поверхности хозяйственной жизни переходного периода категорий распределения. Но, так как эти категории распределения по форме свойственны и капиталистическому способу производства (см. «Капитал», т. III, ч. 2, стр. 420), так как «процент и прибыль, как формы распределения, подразумевают капитал, как фактор производства», и так как труд определен здесь (при капитализме), как наемный труд, и способ, каким он участвует в распределении, принимает вид заработной платы» («Введение» «К критике», стр. 19),—то весь анализ этих категорий в переходной экономике сводится, в конце-концов, к доказательству и без доказательства известного положения, что «капиталистические категории распределения дохода теряют свою действительность для нашего переходного хозяйства в двух отношениях. Во-первых, коренным образом меняются социально-классовые отношения, выражением которых служат формы дохода. Во-вторых, претерпевает большие изменения, а в известных пределах отмирает количественное определение основных видов дохода, вытекающих из действия закона ценности и ее модификации—цены производства» (стр. 317—318).

Доказать этот тезис не представляется трудным. И тут авторы пошли по линии «наименьшего сопротивления», т.-е. по линии наименьшей трудности, а это означает итти по линии наименьшей теоретической ценности. Проблему распределения в переходный период по этому пути решить нельзя. Брать капиталистические категории распределения и проверять их годность или негодность в переходной экономике—это фактически означает не доходить до сущности вещей. Поэтому мы считаем такой путь анализа проблемы распределения в переходной экономике неверным путем.

Если взять в качестве исходного момента для анализа двухклассовое общество (рабочих соц. сектора и мелкотоварных производителей), т.-е. основное качественное своеобразие переходной экономики, как единства социалистического и мелкотоварного укладов,—то мы будем иметь следующие особенные черты этого «абстрактного типа» переходной экономики. Во-первых, средства производства принадлежат самим производителям. А это означает, что производители—те же потребители, т.-е. они тождественны. И здесь мы имеем в основе непосредственное единство производства и потребления, их тождество. Здесь нет поэтому основы их расхождения, их диспропорции. Если это выражать в условных обозначениях, то мы имеем:

Ср (свои средства производства).

Рс (своя рабочая сила).

Это одинаково верно и для социалистической и для мелкотоварной части. Однако, форма владения средствами производства в этих частях разная: обобществленная и индивидуальная. Так как всякое производство, а следовательно, всякое участие индивидуального производителя в этом производстве при системе общественного разделения труда происходит в определенных общественных условиях и в определенных отношениях производителей друг к другу и ко всему обществу, то «непосредственное присвоение продукта «производителем» не составляет его цели. Между производителем и продуктом встает распределение» («Введение», стр. 19). И это распределение продукта основывается на том распределении средств производства, которое мы имеем в переходной экономике. В обобществленном секторе как средства

производства, так и весь готовый продукт принадлежат коллективу производителей. Но весь годовой доход «присваивается ими и к о л л е к т и в н о и и н д и в и д у а л ь н о. То, что составляет из этого дохода по своей натуральной форме средств производства, это целиком остается, как коллективная, общественная собственность и присваивается коллективно. То, что составляет средства потребления, это распределяется и общественно и индивидуально.

«Весь продукт свободных производителей,—говорит Маркс,—есть общественный продукт. Часть этого продукта, в свою очередь, служит средством производства. Она остается общественной. Но другая часть потребляется отдельными членами союза, как средства существования, следовательно, она должна быть распределена между ними. Способ этого распределения будет изменяться соответственно характеру самого общественно-производственного организма и ступени исторического развития производителей» («Капитал», т. I, стр. 46). Каждый индивидуальный производитель при общности средств производства может дать обществу только свой труд. Зато, с другой стороны, «ничто не может перейти в собственность индивидуума, кроме индивидуальных средств потребления» («Критика Готской программы», 54).

Но это может быть тогда, когда нет товарных отношений и товарной формы связи между отраслями. Когда же эти отношения еще сохраняются, то та индивидуальная доля, которую получает каждый производитель, принимает форму заработной платы, которая определяет количественно величину этой индивидуальной доли при стоимостной форме учета труда. Эта доля выражается вообще в определенном количестве труда, которое производитель должен получить из совокупного общественного труда. Но так как при товарных отношениях и рыночных условиях, существующих в переходной экономике, труд учитывается, выражается и изменяется, как стоимость, то и индивидуальная доля каждого производителя, как определенное количество труда вообще, выражается как стоимость и, следовательно, как заработная плата, как выражение этой стоимости в деньгах. Заработная плата в общественном секторе есть вообще не что иное, как денежное (стоимостное) выражение индивидуальной доли каждого рабочего. Но эта же заработная плата, как индивидуальная доля, определяет и выражает собою отношение индивидуального рабочего ко всему рабочему классу, как коллективному собственнику средств производства, и, следовательно, всей совокупной продукции производства. Но продукция индивидуального рабочего не ограничивается только индивидуальной долей его, только величиной заработной платы, как формой этой доли. Часть этой продукции идет в собственность всего класса производителей, как общественная доля ее. Прибавочный продукт есть не что иное, как именно о б щ е с т в е н н а я д о л я продукции каждого индивидуального рабочего. Она представляет также определенное количество труда, которое учитывается, выражается и измеряется, как стоимость, и, как таковая, она есть прибавочная стоимость по форме выражения труда, в ней заключенного. Но она в данном случае не является социальной категорией, выражающей отношение владельцев средств производства—капиталистов—и наемных рабочих, а является общественной долей, общей собственностью владельцев средств производства, т.-е. тех же производителей. И поэтому она есть их о б щ е с т в е н н а я д о л я. И в данном случае то, что в этой общественной доле «отнимается у производителя, как частного лица, идет ему на пользу, прямо или косвенно, как члену общества» («Кр. Готск. программы», 52). По своему вещественному составу эта общественная доля главным образом является средствами производства, остающимися общественной собственностью производителей. Но она включает в себя и средства потребления, идущие на общественную форму удовлетворения потребностей производителей (школы, здравоохранение и т. д.) и на содержание служащих государственного аппарата рабочих и их армии.

Таким образом, проблема распределения в обобществленном секторе сводится к проблеме распределения годового дохода на общественную и индивидуальную доли производителей. И в этом, по нашему мнению, и заключается особенность постановки этой проблемы в переходный период. К этой постановке авторы «Очерков» подошли вплотную. «Таким образом,—говорят они,—здесь, в обобществленном участке нашего хозяйства точка зрения классового распределения и борьба за долю в продукте сменяется точкой зрения накопления, раздела вновь произведенной ценности на часть, поступающую в потребление, и часть, составляющую фонд накопления обобществленного хозяйства» (стр. 290. Курсив авторов. *К. Б.*). Эта постановка проблемы вытекает из правильного исходного момента. Но она недостаточно развита, и поэтому проблема не получает развернутой постановки в этом направлении в книге.

Что касается мелкотоварного сектора хозяйства, главным образом крестьянского, то общая постановка распределения сохраняет свою силу и здесь. В мелкотоварном секторе продукция производства принадлежит самим производителям, присваивается ими индивидуально на основе индивидуальной собственности на средства производства. В крестьянском хозяйстве средства производства находятся как в частной форме собственности (сельскохозяйственный инвентарь и другие средства производства, кроме земли), так и в общественной (земля).

Этот характер распределения средств производства и условий труда в крестьянском хозяйстве и определяет распределение дохода крестьянского хозяйства на две части: 1) на часть, получаемую самим крестьянином как владельцем средств производства (инвентарь) и владельцем рабочей силы, и 2) на часть, отходящую в обобществленный сектор хозяйства в силу обобществления земли и в силу необходимости удовлетворения общественных нужд тех же самых крестьян. Таким образом, проблема распределения сводится и здесь к проблеме распределения дохода крестьянского хозяйства на общественную и индивидуальную доли производителей. Правда, здесь в индивидуальную долю попадают и средства производства, поскольку последние находятся в частной форме собственности. Но это не меняет существа постановки вопроса. Искания, догадки и исследования относительно существования или отсутствия ренты (как абсолютной, так и дифференциальной) в переходной экономике без этой общей постановки распределения, по нашему мнению, не могут привести к правильному пониманию отношений в сельском хозяйстве в переходный период. И спор об отсутствии или наличии ренты в переходной экономике вне этой общей постановки превращается по существу в схоластический спор и для теории переходного хозяйства ничего не может дать.

В секторе капитализма эта постановка усложняется, поскольку тут сохраняются в силе старые капиталистические отношения и, следовательно, старые капиталистические распределительные отношения и категории. Однако, общая постановка распределения на общественную и индивидуальную доли производителей и здесь является решающим моментом для распределительных отношений и для их количественного выражения. Борьба идет здесь фактически 1) за индивидуальную долю производителей (за определенный уровень заработной платы рабочих), 2) за присвоение и накопление прибавочной стоимости владельцами средств производства—капиталистами (за определенный уровень прибыли) и 3) за общественную долю производителей, определяемую государством и получаемую последним из присваиваемой капиталистами прибавочной стоимости (в виде разного рода налогов и т. д.).

Таким образом, общая постановка проблемы распределения в переходной экономике сводится к распределению национального дохода на общественную и индивидуальную доли производителей с той, однако, поправкой, что в капиталистическом секторе в эту общую постановку вклинивается капиталистическая постановка распределения.

Мы имеем, следовательно, иную постановку этой проблемы в переходной экономике. Такая постановка ведет к правильному пониманию и решению проблемы с учетом своеобразия данной системы, что не может дать рассмотрение проблемы только в разрезе капиталистических категорий распределения.

В. Фейгин.

О руководстве советским аппаратом и элементах двоевластия в деревне.

Фактором, не менее дезорганизующим работу советского аппарата, чем излишний централизм и параллелизм, являются противоречия в руководстве низшими органами со стороны высших. Эти противоречия выражаются в том, что по линии различных ведомств даются директивы, противоречащие друг другу, а нередко и основным законоположениям.

Низшие органы, вынужденные осуществлять даваемые директивы, ставятся при этих условиях втупик, среди работников создается растерянность и неуверенность в правильности своих действий; некоторые находят выход в том, что запрашивают высшие органы о том, какой из директив нужно им руководствоваться, а это приводит к бесконечной переписке, задерживающей выполнение мероприятий; другие просто кладут подобные директивы под спуд, руководствуясь в работе своими собственными решениями и соображениями. Но в конечном счете все это порождает в аппарате расхлябанность, путаницу, волокиту и нечеткость в работе.

9 ноября 1927 года Совнаркомом РСФСР было вынесено постановление о сложении с крестьянства задолженности по рядовой семссуде, распределенной из государственного семенного фонда весной 1923 г., осенью 1924 г., а также весной и осенью 1925 г. Эти мероприятия были широко освещены как в печати, так и на собраниях крестьянства.

Вскоре за постановлением правительства последовала раз'яснительная инструкция Наркомзема, в которой губземуправлениям предлагалось производить такой способ складывания задолженности крестьянства по семссуде, который обозначал на деле отмену правительственного решения. Пользуясь тем, что в правительственном постановлении говорится, что суммы, внесенные крестьянством в погашение задолженности, возврату не подлежат, Наркомзем в своей инструкции предложил эти внесенные суммы относить к тем годам, за которые задолженность, согласно постановлению правительства, снималась. Другими словами: если крестьянин должен государству известную сумму денег за семссуду, полученную им в различные годы, и часть этой задолженности он уже ликвидировал, то инструкция НКЗ предлагала эту внесенную часть относить за те годы, за которые задолженность не должна была взыскиваться, с тем, чтобы иметь возможность, прикрываясь законностью, взыскать долги полностью за последующие годы. Для того, чтобы и законность соблюсти и сложенные по закону долги взыскать, инструкция НКЗ предлагает оригинальный порядок взыскания, который выражен в следующих примерах инструкции.

«Пример 1-й. Гражданин имеет задолженность по 1923 г. 10 пуд., осени 1924 г.—12 пуд. и весны 1927 г.—8 пуд., всего—30 пуд. Он внес 20 пуд. Эту уплату надлежит распределить так: 10 пуд. за 1923 г. и 10 пуд. за 1924 г. Таким образом, за ним остается 2 пуда за осень 1924 г. и 8 пудов за весну 1927 г., из коих 2 пуда задолженности от 1924 г. слагается, а 8 пудов от 1927 г. подлежат взысканию.

Пример 2-й. Гражданин должен был за 1923 г. 8 пуд., за весну 1924 г. и 1925 г.—10 пуд. и за осень 1926 г.—4 пуд., а всего 22 пуда. Он внес 14 пудов, которые ему рассчитали: 4 пуда за 1926 г. и 10 пуд. за 1925 г. Таким образом, за ним остался долг 8 пуд. за 1923 г. и в виду сложения с него как бы ничего не причитается.

Такой расчет неправилен и его надлежит исправить следующим образом: 8 пудов рассчитать за 1923 г., а 6 пуд. за 1925 г. Следовательно, за ним останется 4 пуда за 1925 г. и 4 пуда за 1926 г., из них 4 пуда 1925 г. подлежат сложению, а 4 пуда за 1926 г.—взысканию».

В инструкции предлагается (что видно из этих примеров) такой способ распределения по годам внесенной части задолженности, который в значительной мере сводит на-нет решение правительства.

Можно себе представить положение работников советского аппарата, когда им приходилось выполнять директиву Наркомзема после проведенной ими раз'яснительной работы среди крестьянства решения правительства от 9 ноября.

Или такой пример. По постановлению сессии ЦИК 12-го созыва записи актов гражданского состояния: рождений, смертей, браков, разводов и усыновлений, а также выдача первичных удостоверений произведенных записей, должны вестись бесплатно и освобождаться от всяких сборов [1]). НКФ же дает директиву о том, что должны оплачиваться как «первичные выписи, так и последующие и обращения о выдаче их» [2]).

Тамбовский губернский административный отдел, на основании постановления сессии ЦИК, дает распоряжение о бесплатном производстве выписей из книг актов гражданского состояния, а губфинотдел, руководствуясь директивой НКФ, дает распоряжение о взимании платы за производство этих выписей. А так как после расширения прав низовых советских органов акты гражданского состояния производятся непосредственно сельсоветами, то бедные председатели и секретари сельсоветов совершенно потеряли голову, и нельзя сказать, чтобы особенно восторженно отнеслись к расширению своих прав.

В Уголовном Кодексе РСФСР предлагается наказание до 1-го м-ца принудительных работ или штраф в размере до 100 руб. за нарушение обязательных постановлений местных органов власти [3]). В собрании же узаконений и распоряжений дается директива за те же виды проступков в сельских местностях карать штрафом не более 10 руб. или двумя неделями принудительных работ. С одной стороны, здесь противоречие, порождающее в аппарате путаницу и неразбериху при разрешении конкретных вопросов подобного характера, а с другой стороны—вторая директива по существу совершенно неправильна.

Очень часто деревенские кулаки злостно обходят и нарушают обязательные постановления. Десятирублевый штраф они вносят без всякого ущерба для своей мошны, а сторублевого штрафа, если руководствоваться не законом, а второй директивой, на них накладывать нельзя.

Основное же, с точки зрения вопроса нас интересующего, заключается в том, что подобные противоречия в директивах дезорганизуют работу советского аппарата.

Число подобных примеров, когда ведомственные распоряжения противоречат основным законоположениям, можно было бы значительно расширить. Но вряд ли в этом есть надобность. Перейдем поэтому к рассмотрению второго вопроса о противоречиях в директивах различных ведомств между собой.

---

[1]) Сборник постановлений 3-й сессии ЦИК 12-го созыва.
[2]) Сборник «Новая система гербового обложения». Издание НКФ СССР.
[3]) Уголовный Кодекс РСФСР. 1926 г.

Бо́льшое значение в большинстве губерний и округов Советского Союза играют доходы от побочных лесных пользований.

По этому вопросу Наркомзем дает директиву о том, что «плата за побочные лесные пользования поступает в лесной доход по смете Наркомзема» [1]). Со своей стороны НКФ дает директиву о том, чтобы подобные доходы «подлежат зачислению по местному бюджету» [2]). Дальше, как полагается, местные отделы дают противоречивые указания по своим линиям, и путаница еще более усугубляется.

Приведем еще один пример.

По постановлению пленума верховного суда РСФСР отказ сельских исполнителей от выполнения ими обязанностей должен караться судебным порядком, но ни в коем случае не административным [3]).

Иное говорит директива НКВД.

В ней предлагается начальникам милиции, в случае «неисполнения или ненадлежащего выполнения сельскими исполнителями порученных им заданий... сообщать об этом в подлежащий сельский совет на его распоряжение».

В первой директиве предлагается подобные случаи передавать в суд, а во втором — сельским советам.

Помимо подобного рода неслаженностей в руководстве советским аппаратом, что дезорганизует работу и дезориентирует работников, пагубное действие оказывает также быстрая смена законов и отдельных частей их.

Закон о местных финансах, принятый третьей сессией ВЦИК 12-го созыва в ноябре 1926 года, менялся в своих отдельных частях за период по январь 1928 г., т.-е. за год два месяца, двадцать три раза.

В среднем в месяц приходилось почти по два изменения.

Отдельные месяцы дают в этом отношении рекорд. Так в августе 1927 года было три изменения, в сентябре четыре, в октябре три и в декабре опять четыре.

Отдельные части закона о самогонокурении менялись и дополнялись за период неполных двух месяцев (января и февраля 1928 г.) четыре раза. Изменения происходили как раз в период ударной кампании по хлебозаготовкам. Работа шла в это время на местах чрезвычайно напряженная. Успешность хлебозаготовок зависела во многом от успешности борьбы с самогонокурением, а быстрая смена закона дезорганизовала работу, создавая путаницу, неуверенность работников в правильности своих действий и отражаясь, в конечном счете, на проведении кампании по хлебозаготовкам.

Закон о самообложении, игравший исключительно важную роль в период хлебозаготовок, помимо того, что несколько раз изменялся и дополнялся, был еще к тому же крайне противоречив.

В августе 1928 г. в постановлении ЦИК СССР дается директива о том, чтобы считать действительными лишь те собрания крестьян, созываемых с целью проведения закона о самообложении, на которых присутствует не менее половины общего числа граждан, имеющих избирательные права. Действительность вторичного собрания в случае, если первое не состоялось, закон определяет присутствием на собрании не менее трети общего числа граждан. В этом же законе говорится о том, что размер самообложения не может превышать 35% общей суммы единого сельхозналога, причитающегося с хозяйств данного селения.

Эти постановления были развиты и конкретизированы ВЦИК в его решении от 7 января 1928 года, с внесением изменения вполне правильного по существу, но противоречащего постановлению ЦИК СССР.

---

[1]) «С.-Х. Жизнь» № 52.

[2]) Отношение НКФ в Тамбовский ГФО от 26 октября 1927 г.

[3]) Еженедельник Советской Юстиции № 44 от 1926 г.

В первом постановлении говорится о том, что повторное собрание считается действительным при условии присутствия на нем не менее одной трети общего числа граждан, а в решении ВЦИК говорится о том, что повторное собрание считается действительным при любом числе граждан.

Спустя двадцать дней ВЦИК и СНК РСФСР вносят в свое постановление изменение, по которому исполнительным комитетам областей, губерний и округов разрешается удовлетворять ходатайства населения и низовых органов власти об увеличении предельных сумм самообложения и свыше 35%. Это изменение также правильно по существу. В ряде губерний и районов, где был низок размер сельхозналога, от самообложения получались ничтожные суммы, на которые невозможно было сколько-нибудь серьезно ускорить культурное строительство деревни. Но изменение это было произведено лишь тогда, когда в ряде районов заканчивалась работа по самообложению. Раз'яснительная же работа была проведена повсюду. При этих условиях новое изменение заставляло работников вновь проводить собрания и об'яснять, опровергая самих себя, что можно производить самообложение и на суммы свыше 35% сельхозналога.

Все это вносило в работу огромные затруднения.

Всего за период пяти недель в законе о самообложении было пять изменений, создавших, в условиях напряженной работы в период хлебозаготовок, ряд трудностей.

Положение, обрисованное нами, не является присущим лишь высшим правительственным учреждениям. Такое же положение и на местах.

Приведем несколько примеров, относящихся к Тамбовской губ.:

В январе настоящего года тамбовским Губсельбанком была дана директива о порядке использования восстановленческих кредитов и фондов кредитования деревенской бедноты.

Партийная линия по этому вопросу всем известна и поэтому останавливаться на ней нет смысла. В директиве же Губсельбанка кредиты на рабскот предлагается выдавать лишь тем хозяйствам, которые имеют не менее 4-х десятин земли. Приведем подлинную мотивировку этой директивы. «Во избежание неполного использования лошади, с одной стороны,—говорится в ней,—и уверенности в возможности получения достаточного количества кормов—с другой, кредитовать на рабскот следует, как правило, только лишь хозяйства с земельным наделом свыше 4-х десятин».

В этом случае мы имеем не простое противоречие, но искривление классовой линии, ибо запретить выдавать кредит хозяйствам с наделом менее 4-х десятин земли, это обозначает в условиях Тамбовской губ. передать фонды бедноты середнячеству и кулачеству.

Подобного же рода противоречие, обозначающее искривление классовой линии, мы имеем и по партийной линии.

Тамбовский губком дает вполне правильную директиву о том, что при проведении взыскания сумм от самообложения нужно оказывать максимум льготных условий бедноте. Борисоглебский же уком дает директиву совсем иного характера. В ней говорится следующее. «Активнее приступайте к взиманию платежей по самообложению. Взыскивайте в первую очередь с маломощных хозяйств, дабы дать возможность просрочиться зажиточно-кулацкой части населения, а потом приступить к взысканию с них платежей на основе наших пролетарских законов» [1]). Замысел здесь такой: не напо-

---

[1]) Было бы неправильно на основании этих отдельных ошибок, впоследствии исправленных, делать вывод об искривлении партийной линии в тамбовской организации. Обследование ЦКК—РКИ тамб. организ., в частности Борисоглебского уезда, показало, что линия велась партийными организациями в общем правильно, а в период хлебозаготовок вся организация, и в особенности борисоглебская, проявила максимум энергии и высокое качество работы.

минать кулаку, что он должен вносить причитающуюся с него сумму по самообложению для того, чтобы иметь потом возможность на законном основании налагать на него штрафы. Это тоже неправильно. Но углубление этой ошибки удесятерило ее. Если не взыскивать задолженности в первую очередь с кулака, то, естественно, нужно ее взыскивать с остальных слоев деревни. Об этом и говорит директива укома. Кулак, как показала действительность, на эту удочку не поддался, а бедняк и маломощный середняк не мало пострадали, за период до исправления ошибки от такого рода «льгот».

Подобного рода противоречия, основанные на искривлении линии, имеются и по кооперативной системе.

Борисоглебский уисполком дает кооперации директиву о том, чтобы «дефицитные промтовары отпускать только членам-пайщикам». По кооперативной же линии дается директива о том, чтобы «промтовары отпускать сдатчикам хлеба, сообразно с количеством сданного хлеба. До удовлетворения промтоварами сдатчиков хлеба отпуск товаров не производить». Первая директива вполне правильна. Во втором же случае директива предлагает обратное: продавать товары лишь тем, кто сдает хлеб и в количестве, пропорциональном сданному хлебу. Таким образом, пайщик-бедняк по этой директиве не имеет права на получение товаров, а кулак, хотя бы и не состоял пайщиком, получает товары и к тому же в таком количестве, в каком не сможет получить ни бедняк, ни середняк, обладающие обычно небольшими запасами хлеба, а подчас не имеющие их вовсе.

Таков первый род противоречий в директивах местных органов, что нужно отнести не только за счет организационной неувязки отдельных звеньев нашего аппарата, но и за счет неправильного понимания и искривления партийной линии.

Второй род противоречий вытекает из организационной неувязки работы отдельных органов.

Так, например, Тамбовский губсельбанк установил лимит на одну лошадь в размере не свыше 180 руб.: по линии же зем. управления сначала был установлен лимит в размере 150 руб., а потом снижен до 125 руб. В этой каше низовые работники совершенно не в силах были разобраться и или действовали на свой страх и риск, или же затевали бесконечную переписку, дезорганизующую живое дело.

По линии административного отдела в ноябре истекшего года дано было распоряжение о том, что премирование работников милиции за борьбу с самогонокурением отменяется, в декабре же административный отдел предлагает производить премирование работников милиции, проявивших наибольшую активность в борьбе с самогонокурением.

Немало имеется противоречий и по линии губернских и уездных органов. Приведем один из таких фактов.

Тамбовский губисполком в ноябре прошлого года категорически предложил запретить земельным обществам сдачу в аренду общественных земель для проведения землеустройства. Об'ясняется это тем, что землеустройство бедняцких хозяйств государство взяло на себя. Поэтому сдача общественных земель в аренду и использование этих сумм для проведения землеустройства является выгодной лишь для середнячества и кулачества. А между тем в общественную землю входит часть и бедняцких земель. На деле получилось так, что кулаки и середняки землеустраивались не только за счет той части земель, которая в общественной земле приходится на их долю, но и за счет части, приходящейся на долю бедноты, а эта часть нередко доходит до 30—40% общих размеров общественных земель. Губисполкомом, с целью прекращения подобного использования имущими слоями деревни ресурсов, принадлежащих бедноте, была дана директива, воспрещающая производство таких сделок.

Борисоглебский же уисполком по своей линии дал распоряжение, разрешающее фактически использование подобных приемов землеустройства.

Вряд ли есть необходимость умножать число таких примеров. Думается, что и приведенных достаточно для характеристики больных сторон нашего руководства.

Что является одной из причин расхлябанности и нечеткости в работе советского аппарата, что особенно рельефно обнаружено первоначальным периодом хода хлебозаготовок? Несомненно, что одной из существенных причин является неналаженность в руководстве высших органов низшими. В силу этого работники местного аппарата, в особенности низового, в своей практической деятельности становились все более нерешительными и неуверенными в правильности своих действий. Противоречия в руководстве и быстрая меняемость законов приучала их к расхлябанности, выражающейся в подмене живого дела бумажной перепиской. А в период начала хлебозаготовок все это сказалось в концентрированном виде. К ряду причин, вызвавших затруднения в хлебозаготовках и нашедших освещение в нашей печати (поэтому мы их не касаемся) следует отнести и ту, которая нами освещена.

Нам думается, что исправить имеющиеся недочеты в руководстве, возможно лишь путем установления контроля правительственных органов за наиболее важными директивами, даваемыми отдельными ведомствами. На местах же эту функцию контроля должны нести президиумы исполнительных комитетов. Над организационной стороной этого вопроса следует подумать.

Перейдем теперь к освещению второго вопроса—о земельных обществах и сельсоветах. Если противоречивость в руководстве советским аппаратом оказывает дезорганизующее действие на его работу, то не менее дезорганизующую роль играет факт наличия в деревне элементов двоевластия.

Статья тов. Здановича в № 6 «Большевика», посвященная обсуждению вопроса о земельных обществах и сельских советах, не только не раз'ясняет вопроса, но затуманивает его, спутывая в какую-то вермишель все понятия и факты.

Сельсоветы и земельные общества.

Исходным пунктом утверждений тов. Здановича о необходимости сохранения земельных обществ, является отождествление земельных обществ с земельными общинами.

Вполне понятно, что, поскольку т. Зданович проводит знак равенства между земельными обществами и общинами, то точка зрения, считающая необходимой взять курс на ликвидацию земельных обществ истолковывается им, как течение, требующее уничтожения сохранившегося до сего времени общинного землепользования. Аргументация т. Здановича о необходимости сохранения земельных обществ сводится к защите общин. Против последнего, т.-е. сохранения до поры до времени общин, никто возражать не собирается. Несомненно, что коллективизации сельского хозяйства более благоприятствует общинное землепользование, чем хуторское. Но ведь община не есть земельное общество.

Что такое община? Это особый тип хозяйственной организации. А что такое земельное общество? Это форма управления (в известных пределах) данным типом хозяйственной организации.

Спутывать эти два понятия—это все равно, что смешать фабрику, являющуюся определенным типом хозяйственной организации, с правлением данной фабрики, являющимся лишь формой управления хозяйственным предприятием.

Если бы мы сумели придумать более идеальные формы руководства фабрикой, чем существующие, и требовали поэтому замены фабричных правлений иными органами управления, то это отнюдь не означало бы требования уничтожения фабрик вообще.

Человека, который именно таким образом попытался бы истолковать данное предложение, подняли бы на смех.

Тов. Зданович в своей аргументации применяет имено такой способ защиты своей точки зрения. Он отождествляет земельное общество с общиной—форму управления с хозяйственной организацией и, базируясь на этом, истолковывает точку зрения своих противников, как взгляд, требующий уничтожения общины, требующий насилия над середняком (стр. 43 и 47) и пр.

Одним словом, применен метод запутывания вопроса, а не раз'яснения его. К тому же тов. Зданович счел нужным подкрепить свою аргументацию авторитетом Энгельса, Ленина, Сталина и XVI партконференции Московской организации.

Что говорит Энгельс в той цитате, которую приводит тов. Зданович? (стр. 43). Он говорит, что после революции на Западе русская община, если она до того времени сохранится может послужить переходом «крестьян от индивидуальной обработки земель к обработке общественной». О чем идет здесь речь? Об общине, об особом типе хозяйственной организации.

Что говорит Ленин в цитате, приведенной тов. Здановичем? (стр. 47).

Он говорит о том, что «нет ничего глупее, как самая мысль о насилии в области хозяйственных отношений среднего крестьянства». Опять речь идет о хозяйственных отношениях, а не о надстройке, регулирующей эти хозяйственные отношения.

Что говорит тов. Сталин в цитате, приведенной в статье тов. Зданович?

Он говорит, что «вполне позволительно ставить вопрос о возможности использования сельской общины, на ряду с другими мероприятиями, в целях социалистического переустройства сельского хозяйства». И в этом случае речь идет об использовании, имеющегося типа хозяйственной организации, в целях переведения ее на более высокую ступень развития. Но и речи здесь нет о том, что с этой задачей может справиться та форма управления общиной, каковой является земельное общество.

Что говорилось по этому вопросу на Московской конференции. Тов. Бауман в своем докладе констатировал, что в Московской губ. преобладающей формой землепользования является общинная.

Все эти авторитетные, основанные на учете реальной обстановки, мнения, тов. Зданович истолковывает, как аргументацию в защиту сохранения земельных обществ.

Но ведь во всех приведенных цитатах говорится о совершенно другой опере,—говорится лишь о возможности использования общины, как и иных типов хозяйственной организации, в целях социалистической перестройки народного хозяйства. Ну, а если имеющаяся форма общинного управления в лице земельных обществ тормозит эту работу по перестройке,—как с ней поступить? Стараться ее сохранить, или пытаться реорганизовать, или вовсе взять курс на полную ликвидацию данной формы управления, заменив ее другой. Только так стоит вопрос.

Ответ на него можно получить, выяснив роль земельных обществ в современной деревне.

В чем выражаются отрицательные стороны существования земельных обществ? В том, что они, при наличии органов власти в деревне, в лице советов, являются вторым органом власти. Даже, если земельные общества, под давлением деревенской общественности и партийных организаций, проводят те или иные полезные деревне мероприятия, то и при этих условиях это делается за счет умаления престижа совета. В том случае, если бы сельсоветы обладали теми функциями, которые несут в настоящее время земельные общества, проведение этих полезных мероприятий выполнялось бы сельсоветами и подымало бы престиж органов диктатуры пролетариата, а не органов, тормозящих при обострении классовой борьбы в деревне (о чем дальше) мероприятия диктатуры.

Мы поэтому поставим вопрос в несколько иную плоскость, нежели тов. Зданович, делающий на основании пары газетных заметок вывод о прогрессивной роли земельных обществ, или тов. Кубанин, приходящий к обратному выводу на основании таких же источников. Вопрос нужно ставить политически. Мы со времени 1925 года не имели в деревне серьезных хозяйственных затруднений. В конце прошлого года и в начале настоящего мы имели серьезные затруднения в хлебозаготовках. В этот период обострившейся классовой борьбы в деревне сказалось, во-первых, то, что выборные органы земельных обществ, пользующиеся в деревне большим авторитетом, благодаря тем функциям власти, которые они несут до сих пор, оказывали очень часто то скрытое, то открытое сопротивление проведению наших мероприятий, и, во-вторых, то, что в деревне существуют две группы организованного актива: актива, об'единяющегося вокруг работы советов, и актива, воспитавшегося и организовавшегося на работе земельных обществ. Это было констатировано в период работы по хлебозаготовкам вначале Борисоглебским укомом ВКП, а затем Тамбовским губкомом. В резолюции последнего говорится по этому вопросу следующее: «Бюро констатирует наличие в деревне двух групп актива: актива, организованного вокруг сельсоветов, и ячеек, и актива, стихийно организующегося вокруг земельных обществ. Эта последняя группа актива сотоит в части своей из антисоветских элементов, а в другой части из активных крестьян, которые могут быть вовлечены, при известных условиях, в советский актив». Об этих условиях мы поговорим позже, а теперь отметим лишь то, что элементы двоевластия в деревне привели к наличию двух групп актива.

Создался ли актив земельных обществ в период хлебозаготовок, или до него? Несомненно, что процесс выделения из крестьянской массы наиболее активных деятелей происходил уже долгий период времени. Часть этих крестьян-общественников организовалась вокруг советов, другая часть об'единялась вокруг земельных обществ. Этот последний процесс проходил незаметно для глаза вплоть до обострения классовой борьбы в деревне, а в этот период сказалось, что существует кадр деятельных и влиятельных людей, воспитавшихся на разрешении земельных вопросов данного села, на защите интересов имущих слоев крестьянства от требований государственной власти и приобревших на этой деятельности большой авторитет и влияние в значительной части деревни.

Эта группа крестьян переросла на разрешении и обсуждении земельных и тяжебных вопросов, а также нужд села, остальную массу крестьян. Во главе этой группы стоят ходоки, различного рода уполномоченные и доморощенные землемеры, среди которых имеется много честных и лойяльно относящихся к власти элементов, но и немало авантюристов, мироедов и просто антисоветских людей.

Получивши авторитет на разрешение земельных и тяжебных вопросов, она пользуется авторитетом среди широких слоев населения и во всех других направлениях. Это и было использовано ею в период кризиса хлебозаготовок. Против мероприятий советской власти во время хлебозаготовок она выступала обычно очень умно и осторожно.

Попавших под действие 107 ст. мельников эти активисты не защищали, но распинались в том, что беднякам и середнякам негде рожь молоть, они не защищали и кулаков-маслобойщиков, но припускали слезу по поводу того, что бедняк и середняк не имеют на масленицу масла к блинам из-за невозможности перегнать в масло подсолнух. Этот актив с удовольствием берет, обычно, под свою защиту бедноту, когда ее заставляет государственная власть выплачивать недоимки и прошлую задолженность, но молчит или оспа-

ривает доводы, когда приводишь факты решений земельных обществ, идущих в разрез с интересами бедноты. Проделывает это он очень часто не без успеха. Замалчивая об эксплоатации бедноты со стороны кулачества или представляя это, как благодеяние, идущее на пользу бедноте, он зато с удвоенной яростью распинается за бедноту, если на нее происходит хоть маленький нажим со стороны власти. И нередко он берет этим бедноту на буксир. Бывшее до сих пор у всех нас представление о том, что в деревне имеется лишь одна группа актива, организованного вокруг советов и ячеек является неправильным. В деревне имеются две группы актива, и очень часто актив земельных обществ пользуется бо́льшим влиянием и состоит из более деловых людей, чем группа советского актива.

Этот актив, легально существующий и воспитавшийся на разрешении типичных крестьянских вопросов и на защите интересов деревни, выполняет функции крестьянского союза и, несомненно, служит зародышем его. Так ли это? Дабы не быть голословным, приведем данные о круге вопросов, разрешаемых выборными лицами и активом земельных обществ.

Очень значительное место в этом круге вопросов занимают вопросы защиты крестьянства, взаимопомощи и местные тяжебные.

Активисты посылаются уполномоченными и ходатаями в суды, посылаются ходатаями в прокуратуру республики, в земельные органы, в правительство и т. д. Общество поручает им производить семейные разделы граждан данного села: матери с сыном, жены с мужем и пр.

Активисты вносят на общие собрания и защищают предложения об оказании помощи сиротам, гражданам, потерявшим трудоспособность и пр. Они распределяют, с полномочия общества, леса, луга, огороды, приобретают семена, проводят домашним путем, а иногда и не домашним, землеустройство.

В период хлебозаготовительной кампании они очень часто, с полномочия общества, отправлялись в губернию и центр в качестве ходоков с различными ходатайствами.

Каждое общество имеет такую группу своих активистов, которые, как коллектив, в значительной мере выполняют функции крестьянского союза.

Таков нужно сделать вывод, если видеть процессы, происходящие в деревне, и не прятать лица под крылышко.

Мы имеем, таким образом, в деревне, помимо советского актива, актив земельных обществ, являющийся зародышем крестьянского союза, мы имеем, с другой стороны, в лице земельных обществ и их земельных уполномоченных орган власти, узаконенный нашими же законами. По раз'яснению Наркомзема от 17 августа 1926 г., сельсоветы не имеют права вмешиваться в дела земельных обществ. Земельное законодательство дает обществам право юридического лица при том условии, что сельсоветы этого права не имеют. Земельные общества пользуются правом об'единяться в союзы, а следовательно, это право имеет и актив земельных обществ, получая, таким образом, возможность из зародыша крестьянского союза превращаться в более обширную и могучую организацию.

Земельные общества пользуются правом самостоятельно разрешать самый разнообразный цикл земельных вопросов, тем самым выбивая это поле деятельности у сельсоветов.

В результате престиж земельных обществ в деревне очень часто выше, чем сельсоветов, и активная часть деревни с большим интересом участвует в работе земельных обществ, чем в работе советов. Это и является основной причиной неработоспособности секций сельсоветов в противоположность группам актива земельных обществ. Достаточно посмотреть на тот круг вопросов, которые разрешают земельные общества и сельсоветы, чтобы понять причины группирования вокруг работы земельных обществ значительной части деревенского актива, наличия в обществах финансовой базы и того

факта, что земельные общества являются вторым органом деревенской власти. А, с другой стороны, станет ясной причина слабости работы секций сельсоветов и пленумов.

Приведем данные НК РКИ, явившиеся результатом обследования свыше 120 сельсоветов и обществ.

Круг вопросов, рассмотренных сельсоветами:

	За 1924 г.	За 1926/27 г.
Административно-финансовых и организационных	60,9%	37%
Культурных	16,0%	20%
Хозяйственно-земельн.	23,0%	23%

Со времени 1924 г. изменений в отношении передвижки работы сельсоветов от администрирования к разрешению местных хозяйственных вопросов не произошло. Между тем во всех вышестоящих инстанциях советов такой сдвиг произошел. Такое положение в сельсоветах об'ясняется наличием в деревне второго органа власти, переносящего центр тяжести в работе на разрешение земельно-хозяйственных вопросов.

По данным НК РКИ, на долю земельных вопросов, разрешенных в 26/27 г. обществами, падает не менее 50%, просвещения, здравоохранения и взаимопомощи—9%, благоустройства—8% и т. д.

Такова частью узаконенная, а частью захватная функция второго органа власти. Само собой понятно, что именно к этому органу, разрешающему наиболее актуальные вопросы строительства деревни, тяготеют активные элементы крестьянства. А тот факт, что функциями земельных обществ является разрешение вопросов, затрагивающих кровные интересы крестьянства, как-то: вопросов выделов, переделов, землеустройства, использования общественной земли, взаимопомощи и пр.,—этот факт делает общества органами власти, а должностных и доверенных лиц их людьми, играющими на селе первостепенную роль.

Выгодно ли пролетариату, возглавляющему в нашей стране диктатуру, чтобы в деревне на ряду с ячейками его власти существовали иные ячейки власти, представляющие собой в зародышевом состоянии иные классы? Выгодно ли пролетариату, чтобы на ряду с группами деревенского актива, работающего под руководством советов, создавались зародышевые группы крестьянских союзов? Думается, что нет.

Вот почему, если ставить вопрос в принципиальную плоскость, необходимо признать обязательным взятие курса на ликвидацию земельных обществ. Тамбовский губком ВКП подробно рассмотрев этот вопрос, выяснив роль земельных обществ, их выборных органов и их актива в хлебозаготовительную кампанию, вынес следующее решение:

«Бюро губкома обращает внимание НК РКИ на необходимость изменения законодательства в отношении земельных обществ по линии:

а) Лишения прав участия в земельных обществах лиц, лишенных избирательных прав.

б) Лишения земельных обществ прав на создание постоянно действующих выборных органов.

в) Лишения прав на монопольное разрешение ими ряда земельных дел.

г) Сужения базы самостоятельных доходных источников.

д) Оставления за ними лишь совещательных функций.

Эти права земельных обществ в законодательном порядке передать сельсоветам. Проведение этих мероприятий должно послужить началом отмирания земельных обществ, на что бюро губкома считает необходимым взять курс».

Такой вывод сделал Тамбовский губком из подытоживания результатов хлебозаготовительной кампании.

Но какую форму управления общиной противопоставить земельным обществам? Эта форма уже создана Октябрем. Это—советы и их секции. Но, несомненно, правы те товарищи, которые считают, что, при теперешнем положении, сельсоветы не сумеют охватить эту работу. А одних законодательных мер для ликвидации в деревне двоевластия мало.

Чем сильны земельные общества? Они сильны тем, что районы их деятельности ограничиваются районами хозяйственного и территориального расположения данных общин, т.-е. тем, что каждое общество обслуживает свою общину, соприкасаясь с другими лишь постольку, поскольку это необходимо в интересах своей общины. В силу такого ограничения деятельности, земельное общество имеет возможность полностью охватывать хозяйственную и всякую иную деятельность своей общины и ее граждан.

Между тем, на территории, охватываемой работой сельсоветов, имеется несколько общин, нередко более десятка с населением по 10—12 тысяч, и естественно, что сельсоветы не могут в той мере, как общество, его актив и выборные органы, обслужить нужды населения.

Какой выход из этого положения?

Выход есть. Если бы сельсоветы реорганизовали свои секции таким образом, чтобы каждая однотипная секция—примерно сельскохозяйственная, или благоустройства—разбилась на подсекции и на такое число их, какое количество в данной станице или селе имеется общин, то эти подсекции, под общим руководством сельсовета и его уполномоченных, сумели бы, с течением времени, охватить работу обществ, впитать в себя лойально относящуюся к советам часть актива земельных обществ и в результате вытеснить земельные общества. Здесь может быть следующее возражение: земельные общества это—форма управления общиной, посредством общего собрания граждан. Вы предполагаете, таким образом, заменить решения общих собраний граждан решениями секций советов, санкционированными сельсоветами или их президиумами.

Кто рассуждает так, тот не знает действительной внутренней механики работы земельных обществ. Как разрешаются на них вопросы? Заранее они подготовляются различного рода уполномоченными и представляются уже в подготовленном виде обсуждению обществ. Подготовка ведется не таким способом, как в наших учреждениях—заседаниями, составлением заранее резолюций, тезисов и пр. Техника не та, но существо вопроса то же. Тот или иной уполномоченный вносит предложение, подготовив заранее для «крепости» факты, и затем оно или одобряется или отклоняется общим собранием. Вот эту работу, которую несут в настоящее время выборные лица обществ и их актив, должны выполнять реорганизованные секции советов. А реорганизовать их необходимо, разделив на подсекции, для того, чтобы каждая подсекция могла вплотную подойти к разрешению вопросов данной общины, не отвлекаясь ничем иным.

После вынесения того или иного решения, с одобрения сельсовета или его президиума, такого рода подсекция предлагает это решение обсуждению общего собрания. Вот и все.

Изменение здесь с точки зрения крестьянина произойдет лишь то, что те функции, которые несли прежде его выборные лица, сейчас будут нести секции советов и выборные члены сельсовета. Никакого насилия здесь не будет, и несомненно, что такого рода изменение будет одобрено большинством крестьянства, ибо при этих условиях будет легче бороться с взяткой и пьянством, чем теперь, когда крупнейшие вопросы вырешаются очень часто кулацкими подпевалами, авантюристами и мироедами. По ряду вопросов сходам должен быть предоставлен решающий голос, а по основным вопросам—совещательный. рестьянин-середняк и бедняк, в массе своей, и это мероприятие примет доброжелательно, ибо он—практик и отлично понимает, что ему выгодно решающий голос предоставить органам, ведущим классовую политику, в том случае, если они действительно будут ее вести.

Этим мероприятием достигается, при соответствующем изменении законодательства, во-первых, ликвидация двоевластия в деревне, во-вторых, вовлечение наиболее активных элементов деревни в работу советов и тем самым ликвидация особых групп актива земельных обществ, в-третьих, оживление работы секций сельсоветов, в-четвертых, большая возможность проведения пролетарской классовой политики в деревне и, в-пятых, подведение под сельсоветы той материальной базы, которой пользовались до сих пор общества.

Этот вопрос был серьезно обсужден Тамбовским губкомом, и им было вынесено следующее решение:

«В целях охвата сельсоветами и выполнения ими работы, ведущейся до сих пор земельными обществами, считать необходимым произвести реорганизацию секций сельсоветов (сельскохозяйственной и благоустройства в первую очередь). Реорганизация эта должна выразиться в разделении секций на такое число подсекций, какое количество земельных обществ расположено на территории данного сельсовета, с тем, чтобы каждая из этих подсекций сумела вобрать в себя наиболее активные элементы земельных обществ и разрешать тот круг наиболее актуальных вопросов, которые до сих пор вырешаются земельными обществами. Это будет, с одной стороны, способствовать подведению под сельсоветы той материальной базы, которой пользуются до сих пор земельные общества, а, с другой стороны, действительному оживлению работы сельсоветов и их секций». Дальше в решении бюро губкома говорится о том, что лойально относящаяся к власти часть актива земельных обществ «должна быть вовлечена в реорганизованные секции с таким расчетом, чтобы каждая подсекция, выполняющая в данной сотне (общине) села функции земельного общества, вобрала в себя наиболее активную часть данных земельных обществ».

Это вполне правильное решение, основанное на изучении опыта работы и классовой борьбы в условиях хлебозаготовок, должно быть принято и осуществлено партией.

Г. Ломов.

К вопросу об оживлении рудничных советов [1]).

Последний пленум ЦК ВКП в резолюции о шахтинском деле указал на необходимость всемерного укрепления рудсоветов в Донбассе, роль которых в настоящее время весьма сужена.

Это положение наблюдается не только в одном Донбассе с его 400 тыс. рабочих, но и в других рабочих районах (например, Урал), хотя и в несколько ослабленной степени. Поэтому вопрос о расширении прав рудничных советов имеет интерес не только для Донбасса, но и значительно более широкий.

Рудничные советы в Донбассе были воссозданы в 1925 году. Однако, надо открыто признать, что в течение 3-х лет, прошедших с тех пор, они лишь влачат существование. Призванные быть местным органом власти, они фактически существуют без ясно определенных функций, без средств и аппарата. Такое исключительное безличие их об'ясняется специфическими условиями, в которых им приходится развивать свою деятельность.

Многочисленное население рудничных поселков Донбасса почти сплошь состоит из рудничных, а в некоторых пунктах заводских рабочих и их семей. Их жизнь, их быт не только в смысле места работы и высоты заработка, но и в смысле забот о благоустройстве, санитарии, в смысле снабжения жилищем и оказания целого ряда услуг, не исключая обучения детей в школах горнопромышленного ученичества, почти целиком охватывается и определяется хозорганом и профсоюзом.

Это обстоятельство не могло не привести, прежде всего, к сужению функций рудсоветов, а равным образом и к сужению финансовой базы их. Уже при самой своей организации рудсоветы осуждены были хиреть в роли придаточного и малокровного административного органа и до сих пор не могли прочно стать на ноги.

Ненормальным явлением далее следует считать полную оторванность от рудсоветов тех учреждений, которые существуют на средства риков и окрисполкомов и призваны обслуживать жизнь и быт рудничных рабочих. К ним относятся советские учреждения по линии народного образования, как-то: семилетки, ликпункты, курсы и т. д., по линии рабочей медицины—больницы, поликлиники и проч., по линии труда—инспекция труда, страховые пункты, биржи труда. Эти учреждения существуют и работают на основе преподанных из центра плана и сметы. Фактическое положение таково, что рудсоветы лишены всякой возможности в какой бы то ни было степени влиять на работу этих учреждений, в той или иной мере в ней участвовать.

Хозяйственная деятельность рудсоветов также чрезвычайно узка. Предприятия, расположенные на территории, охватываемой рудсоветом, упра-

[1]) В составлении настоящей статьи, проработке и подборе материала принимали участие тт. Юнов и Ножницкая.

вляются из центра, и рудсовет к ним никакого касательства, в смысле какого бы то ни было участия в жизни этих предприятий, не имеет.

Естественно, источник финансирования в значительной степени предопределяет и руководство со стороны соответствующих организаций: со стороны окр. и райисполкомов, со стороны рудоуправлений и Донугля. Кроме того, следует учесть, что поскольку все эти учреждения на территории поселка призваны обслуживать почти исключительно трудящихся рудоуправления и членов их семей, постольку организация общественного контроля и руководства так же, как и выдвижение руководящего состава в эти учреждения, осуществляется местными профорганизациями, разумеется, под общим руководством парторганизаций.

Таким образом, при теперешнем положении в пределы компетенции рудсоветов фактически входит лишь руководство и заведывание всеми теми вопросами, которые обслуживают все население поселка. Сюда входит заведывание загсом, собесом, базаром, использование проммилиции для соблюдения общественного порядка, производство судебного расследования и т. п. Кстати сказать, совмещение функций госмилиции с проммилицией является весьма ненормальным, так как проммилиции зачастую приходится на рудниках выступать в роли агентов следственных или карательных органов или вообще в роли представителя власти в отношении тех лиц, которым она подчинена при отправлении своих обязанностей по охране рудоуправлений.

Ограниченность задач и функций рудсоветов, отсутствие прочной материальной базы и отдаленность от рабочей массы, от ее экономики и быта вызвала со стороны трудящихся в поселках безразличное, формальное отношение к работе рудсоветов и отсюда — пониженную активность при выборах в них.

Это положение является ненормальным не только в силу политических соображений, которые сами по себе весьма вески, но также и потому, что развернутая деятельность рудсоветов может дать плодотворные результаты в практической работе по организации обслуживания быта трудящихся, вызывая и направляя самодеятельность рабочих по линии советского строительства.

Оживление деятельности рудсоветов могло бы привести к частичной разгрузке рудоуправлений от ряда функций, неразрывно не связанных с производственной работой и выполняемых ими скорее вследствие сложившейся традиции: санитария, охрана общественного порядка, благоустройство и проч. В дальнейшем полагаю возможной передачу им и жилищного фонда, целиком или отчасти, со всей совокупностью задач, с этим связанных.

Содержание работы советов, состав и качество их работников зависит от суммы и характера предоставленных им прав и возложенных на них обязанностей. Условия, необходимые для оживления рудсоветов, вернее, являющиеся основным базисом, на котором может развернуться деятельность рудсоветов, следующие:

1. Разграничение функций в обслуживании жизни и быта рабочих между рудсоветами и рудоуправлениями, с одной стороны, и определение круга ведения рудсоветов в отношении советских учреждений, существующих по централизованной смете и плану, с другой стороны.

2. Обеспечение материальной базы—самостоятельного бюджета, который мог бы в значительной мере питаться из поступлений от новых об'ектов, переданных в ведение рудничных советов.

3. Создание соответствующего аппарата в рудсоветах для возможности охвата предстоящей работы.

Уточнение и дальнейшее расширение функций рудсоветов, естественно, не должно привести к ухудшению или затруднению про-

изводственной деятельности рудоуправлений. Поэтому следует признать неправильными и вредными кое-где высказывавшиеся мнения о целесообразности передачи рудсоветам всех видов обслуживания населения комуслугами, сосредоточенными до сих пор в ведении рудоуправлений. Такая точка зрения неправильна, так как такие установки, как электростанция, водопровод, насосные станции и проч., имеют своей задачей обслуживание шахт и различных силовых установок. Передача этих средств рудсоветам явилась бы угрозой планомерной и бесперебойной деятельности хозяйственных предприятий, для которых они сооружены и для которых сооружены и организованы самые поселки.

Передача жилищного фонда рудоуправлений рудничным советам—на ряду с гарантией для промышленности права и возможности влиять на заселение квартир в целях правильного и бесперебойного обслуживания промышленности—имеет безусловной своей предпосылкой также переход на платность коммунальных услуг.

Это—большая проблема, вполне осуществимая уже сейчас, и так как она является первым шагом к намечаемому привлечению рудничных советов к ведению жилищным фондом и к жилищному строительству, позволю себе сделать отступление и наметить основные начала предполагаемой реформы.

1. Переход на платность коммунальных услуг не должен затронуть интересов трудящихся в целом. Все суммы, которые трудящимся придется платить за коммунальные услуги, должны быть возвращены им в виде процентного повышения зарплаты.

2. При переходе на платность необходимо стремиться к тому, чтобы колебания бюджета каждого трудящегося в отдельности, в особенности трудящихся низших и средних групп, было минимальное.

Это может быть достигнуто, если процентная прибавка отдельным по зарплате группам будет соответствовать сумме, которую группе придется платить за коммунальные услуги. Этого равенства в отношении отдельных лиц практически достигнуть невозможно, ибо нельзя установить для каждого индивидуальную квартирную ставку.

3. При полном соответствии процентной прибавки и платы за коммунальные услуги у отдельных групп от перехода на платность проиграют те трудящиеся, которые занимают площадь, большую средней для данной группы, и выиграют те, которые занимают площадь, меньшую средней для данной группы.

Переход на платность, таким образом, исправит ту неравномерность распределения жилплощади, которая имеет место сейчас — при бесплатности коммунальных услуг — в среде одной и той же группы.

4. Так как для сохранения тарифной системы (разрядного коэффициента) рационально ввести одно и то же процентное повышение зарплаты для всех групп трудящихся и по всему Донуглю, то квартирная ставка будет различная для отдельных групп в зависимости от месячного заработка или от тарифной ставки.

Квартирная ставка для одних и тех же групп будет различная в различных рудоуправлениях в зависимости главным образом от размеров площади, приходящейся на одного трудящегося данной группы. Квартирная ставка будет ниже в рудоуправлениях с большим жилфондом и выше в рудоуправлениях с меньшим жилфондом.

При переходе на платность коммунальных услуг рационально установить такую квартирную плату, чтобы:

1) квартирная ставка могла служить стимулом к индивидуальному и кооперативному жилстроительству и

2) чтобы суммы, которые рудоуправление будет получать в виде квартирной платы, были достаточны для покрытия текущих расходов по эксплоатации жилфонда, ибо только при этом условии эксплоатация жилфонда сможет быть организована на основе самоокупаемости (я не ставлю здесь вопроса об амортизации жилищ, так как это большой вопрос, который должен решаться в общегосударственном масштабе).

Плату за остальные виды коммунальных услуг рационально установить по себестоимости, так как только при этом условии платность будет способствовать более экономному расходованию их со стороны трудящихся.

Возвращаясь к вопросу о возможности передачи рудсоветам целиком или частью жилищного фонда, я должен подчеркнуть всю сложность такого мероприятия. Хозорган имеет своей задачей вырабатывать по возможно более дешевой цене предметы, нужные стране. Жилищный фонд, предоставленный ему, имеет служебное и целевое значение.

Иное дело совет. Он—орган населения. Он должен обслуживать население. Его целевое устремление иное. Если бы совет стал выселять жильцов из своих жилищ, не предоставляя им взамен других, мы имели бы извращение задач советов и подрыв самой идеи и основ советского порядка. Я указываю на одно из осложнений. Их много. Я считаю, что задача решима при правильной организации рудничных советов, при наделении их достаточным об'емом и кругом обязанностей и соответствующими правами.

Положительными сторонами такого мероприятия были бы: 1) разгрузка рудоуправлений от по существу им не свойственных забот о жилищном строительстве и коммунальном хозяйстве; 2) развитие и усиление самодеятельности рабочих масс и населения в новом направлении—новая фабрика государственных, хозяйственных и общественных деятелей; 3) привлечение самого населения к заботе о сохранности жилищ и благоустройстве поселков; 4) привлечение к делу улучшения благоустройства не только новой инициативы, но и новых средств путем целевого самообложения; 5) передача жилфонда в особое коммунальное хозяйство общей системы советов чрезвычайно облегчило бы решение и другой очень важной, давно уже назревшей задачи. Мы строим поселки около шахт. Длительность существования такого поселка определяется сроком существования окрестных шахт. При осуществлении механизации в ряде районов, эти сроки укорачиваются. В каждом поселке мы должны создавать целый ряд всякого рода культурных учреждений: школ, лечебных учреждений и т. п.

Все это требует средств, распыляет их. Распыляются и наши культурные силы. Сплошь да рядом их нехватает. Учреждения эти не могут быть поставлены на должную высоту. При значительной экономии средств мы, дали бы населению гораздо больше культурных ценностей и культурных условий для жизни, если бы стали развивать крупные поселки, построив и развив пути сообщения к шахтам (трамвай, железная дорога, автобус и т. п.). Ясно, что обслуживание таких поселков не может на себя взять ни шахта, ни рудоуправление, ни Донуголь. Это—задача системы советов.

До окончательного решения вопроса было бы желательно, однако, поставить 1—2 опыта, чтобы на практике изучить лучшие способы решения этой, мне представляется, важной задачи.

Жилищный вопрос в смысле увеличения жилой площади разрешается не только тем, что трест производит новые постройки. Часть построек возникает в порядке рабочего индивидуального и кооперативного строительства. Эти оба вида строительства будут развиваться. Создаваемые ими жилища уже сейчас могут составить основной жилфонд, который должен перейти в ведение рудсоветов. Права рудсоветов в отношении этих построек аналогичны с правами горсоветов или комхозов в городах. В их компетенции должны также находиться существующие дома, не закрепленные за рудоуправлением.

Рудсоветам должно быть предоставлено широкое поле деятельности в области благоустройства рудничных поселков. Суммы, которые ассигнуются на эти цели, должны расходоваться рудсоветом, который при участии хоз. и профорганов утверждает планы благоустройства в рамках отпускаемых кредитов и активно руководит работой по улучшению благоустройства.

В отношении существующих на средства треста технических школ и курсов рудсоветы непосредственного руководства оказывать не могут. Их задача сводится лишь к общему наблюдению за деятельностью без права непосредственного вмешательства в их работу и к оказанию посильной помощи.

Следует пересмотреть взаимоотношения с рудсоветами учреждений и организаций, которые имеют окружное или районное значение и содержатся за счет соответствующих бюджетов, как по линии Наробраза, так и по линии рабмеда и труда. Права рудсоветов в отношении их должны быть расширены.

1. Необходимо, чтобы планы и установление сети этих учреждений на территории поселка проходили через рудсовет.

2. Необходимо обеспечить повседневное участие рудсоветов в руководстве этими учреждениями. Поступление и израсходование средств идет через рудсовет.

3. Рудсоветы должны получить право назначения тех или иных руководителей данных учреждений. За вышестоящими учреждениями остается лишь право отвода кандидатур.

4. Следует расширить сеть тех учреждений, которые находятся в ведении исключительно рудсоветов, с каковой целью следует соответствующим образом увеличить их бюджет за счет районного или окружного советов.

5. Необходимо, чтобы вышестоящие органы власти в своей практической работе содействовали поднятию авторитета рудсоветов. С этой целью следует все проводимые обследования и на основе их намечаемые мероприятия проводить через рудсоветы, либо при их участии.

В отношении ряда организаций, существующих на выборных началах (кооперация, соцстрах, инспекция труда), следует установить общий контроль и руководство со стороны рудсоветов.

В задачи рудсоветов должно войти втягивание широких пролетарских масс в работу этих учреждений с целью выявления и устранения недочетов и полного использования всех местных возможностей. Здесь должен, конечно, быть установлен тесный контакт с профорганизацией в виду той исключительной роли, которую играет рудком в налаживании жизни и быта поселка благодаря специфическому рабочему составу его населения.

Рудсоветы могут, где местные условия этому благоприятствуют, организовывать и свои хозяйственные предприятия.

В своей практической работе рудсоветы должны уделять неослабное внимание политическим вопросам. В современных условиях это в первую очередь сплочение широких масс вокруг хозяйственных задач пролетариата (рудсоветы должны привлекаться к участию в производственных совещаниях рудоуправлений), фиксация внимания на вопросах международного рабочего движения, на вопросах борьбы пролетариата с капитализмом. Все такие вопросы должны регулярно обсуждаться на заседаниях советов.

В целях упорядочения работы рудсовета следует по вышеприведенным соображениям ввести обособленный институт госмилиции, подчиненный рудсовету.

Вся совокупность задач, стоящих перед рудсоветами, только тогда станет реальной, если под них будет подведена реальная материальная база. Вопросы оживления деятельности рудсоветов в основном упираются в вопрос бюджета рудсоветов, в изыскание тех источников доходов, которые дали бы возможность рудсоветам развернуть широкую работу.

Основные статьи доходов могут быть сведены к следующим:

1. Доходы от эксплоатации земель путем отдачи их участками в аренду для ведения сельского хозяйства, под застройку, под торговые и промышленные заведения, под устройство базаров и т. п. С этой целью должна быть выделена земля, предназначенная для хозяйственно-общественных надобностей поселка, которая должна находиться в распоряжении рудсовета, при чем весь чистый доход от нее должен поступать в пользу последнего.

2. В распоряжение рудсоветов должны быть переданы местные налоги со зданий и сооружений, с транспортных средств, со скота и проч., ныне согласно положения о местных финансах попадающие исключительно в распоряжение райисполкомов.

3. Должны быть выделены дотации на различные нужды рудсовета из бюджета как районного, так и окружного.

4. Учитывая целесообразность самостоятельной организации и руководства со стороны рудсовета местными культурно-просветительными и лечебными учреждениями, народным питанием и проч., следует установить такое положение, чтобы эти учреждения финансировались за счет районного бюджета через рудсовет. Ассигнования хозорганов на благоустройство должны итти через рудсоветы.

5. К числу поступлений следует отнести также ряд других доходов, как, например, доход собственных хозяйственных предприятий рудсоветов, от базара, от самообложения, квартирная и арендная плата от переданных рудсоветам зданий и др.

6. После передачи жилфонда или его части рудсоветам дальнейшие ассигнования на жилстроительство должны итти по линии системы советов.

Все эти виды доходов и ряд других, на которых сейчас останавливаться не буду, создадут тот реальный базис, на основе которого рудсоветы смогут развернуть более широкую деятельность в интересах населения поселков.

Успешность всей работы рудсоветов в первую голову обусловливается степенью вовлечения в нее широких пролетарских кругов, выявлением их самостоятельности и инициативы. Это определяет метод работы рудсоветов, основанный на широкой гласности, отчетности и коллективных формах проработки и проведения их задач.

Правильная работа рудсоветов требует четкой и согласованной работы всех звеньев: пленума, президиума, установления тесной связи с массами и отчетности перед избирателями. Здесь целиком должен быть использован опыт горсоветов широкой популяризацией ими своей деятельности в общей и заводской печати, организацией открытых собраний с участием избирателей, организацией дежурств депутатов в красных уголках и проч.

Однако, качество общественной и непосредственно практической работы в значительной степени обусловливается наличием соответствующих аппаратов.

Необходимо создать небольшие, но гибкие и качественно квалифицированные аппараты рудсоветов. На укомплектование аппарата рудсоветов должно быть обращено серьезное внимание местных парт- и профорганизаций, которые при выборах должны выдвигать на руководящие посты в рудсоветах пролетарски-выдержанных товарищей, способных справиться с большими задачами, выдвигаемыми жизнью.

В таком виде в основном вырисовываются те мероприятия, которые должны быть проведены с целью оживления деятельности рудсоветов.

При правильной организации рудсоветов мы в них должны получить новый орган связи с широкими рабочими массами на основе удовлетворения их многообразных и разносторонних запросов и нужд. Партия, профсоюзы и хозяйственники должны эту возможность использовать.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

О НЕКРИТИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ ПРЕКРАСНОЙ В ОБЩЕМ КНИГИ.

Дж. Хоррабин. «Очерк историко-экономической географии мира». Перевод с английского А. И. Ромма под редакцией и с предисловием Н. Н. Попова. 3-е издание. Госиздат. 1928. Стр. 136. Ц. 60 коп.

Джон Хоррабин и «Коллегия Плебса». Экономическая география мира в марксистском освещении с 44 картами и 5 таблицами. Перевод с английского Л. М. Курбатова, под редакцией и с предисловием В. Гурко-Кряжина. 3-е издание. Коопер. Изд. «Мир», 1928. Стр. 159. Цена 50 коп.

Рецензия о книге, выходящей третьим изданием, притом одновременно в двух разных издательствах, о книге, сорок тысяч экземпляров которой уже разошлось, а двадцать тысяч новых появилось на полках книжных магазинов, могла бы показаться несколько запоздалой. Однако, есть обстоятельство, которое оправдывает появление настоящей рецензии. Именно распространение этой книги и вероятность, что она будет еще много раз переиздаваема, заставляют нас указать на опасность, связанную с некритическим пользованием ею.

Книга Хоррабина в общем прекрасна. Это не есть учебник экономической географии в обычном смысле, преподносящий читателю большое количество более или менее систематично изложенных сведений. Это—обзор науки о земном шаре «в связи с историей и экономикой», выбор «из большой массы географического материала» тех фактов, «которые с точки зрения рабочего класса более значительны, чем другие». Нет сомнения, что автор решил эту задачу блестяще. Его книга (первое английское издание которой появилось в конце 1923 г., как обработка лекций, прочитанных на рабочих курсах) отличается полным овладением материалом и мастерски ясным, наглядным и точным изложением.

И вполне прав тов. Н. Н. Попов, когда он пишет в своем предисловии, что книга Хоррабина «явится незаменимым пособием прежде всего для наших школ, и совпартшкол в частности» и что «она будет весьма полезна нашему среднему рядовому партийцу».

Но тов. Попов неправ, когда в том же предисловии называет безоговорочно эту книгу «марксистским и коммунистическим учебником географии», «необходимейшим коммунистическим учебником». Он неправ, выпуская под своей авторитетной редакцией книгу без указания на содержащийся в ней ряд существенных погрешностей именно с коммунистической точки зрения, не сопровождая ее необходимейшей критикой, нейтрализующей эти погрешности [1]).

Издательство Коминтерна, выпуская немецкий перевод книги Хоррабина, снабдило его критическим предисловием автора настоящей рецензии. Английский журнал «Plebs», орган «Национального Совета Рабочих Университетов», выходящий при редакционном участии Хоррабина, перепечатал

[1]) Предисловие В. Гурко-Кряжина к параллельному изданию книги Харрабина есть лишь многоречивая апология самой книги без малейшего следа критического отношения.

(в февральской книжке 1927 г.) это предисловие с репликой самого Хоррабина.

Воспроизведем здесь более важные места из этого предисловия.

«Автор — решительный противник капиталистического империализма. В заключительной главе, содержащей «выводы» из всего изложения, он противопоставляет разорванному «соперничающими империалистическими группами» миру единую «пролетарскую мировую группу», завоевание которой есть задача мирового пролетариата. Он подчеркивает вполне правильно, что спаяние мира в одно целое не осуществится само собою в результате «экономического развития», ибо «история совершается через человеческие действия». Но эти «действия», долженствующие нанести смертельный удар империализму, должны быть, по его предположению, совместным, почти единовременным действием всего мирового пролетариата, действием, которое мировой пролетариат совершит когда-либо в более или менее отдаленном будущем, после того, как будет осуществлен целый ряд предварительных условий».

«Автор не видит, что действительная борьба с империализмом происходит уже теперь. Он недооценивает тот факт, что значительная часть земного шара уже вырвана у империализма и сорганизована в направленную против его господства твердыню и что ряд колониальных и полуколониальных народов уже вступил в открытую и отчасти успешную борьбу против империализма. Скептический тон характерен также для его отношения к революционной борьбе рабочего класса против господства капиталистов в самих империалистических метрополиях; он желает этой борьбы, но видит ее лишь в каком-то неопределенном туманном будущем. Из различных мест его изложения явствует, что еще в продолжение целой исторической эпохи он предполагает не нарушенное господство капиталистического империализма».

«Когда Хоррабин говорит об Италии, не принадлежащей ни к одной из крупных империалистических групп, то он предсказывает: «Ранее или позднее зависимость Италии от заграничных источников основного сырья для ее индустрии... бросит ее неизбежно в об'ятия либо французской, либо английской группы».

«О стремлении Египта к независимости он говорит полуиронически, полусмиренно: «Народы, которые в современном мире тоскуют по независимости, должны бы позаботиться о том, чтобы не жить в местах, решающих для мировых торговых путей, как Египет или Ирландия».

«Но ярче всего проявляется скептическое отношение автора к борьбе против империализма в параграфе, снабженном характерным заглавием: «Кто будет эксплоатировать Китай»? Ответ звучит: «Вопрос о том, кто будет править Китаем и эксплоатировать его, еще не решен окончательно (!) и является центральной проблемой на Дальнем Востоке. Можно считать совершенно несомненным, что Китай подпадет под фактическую власть той или иной иностранной державы, даже если он сохранит какую-либо номинальную политическую независимость. Крайне невероятно, чтобы в Китае совершилась какая-либо реорганизация изнутри... Или же рабочие Китая, Японии, Америки и Англии забудут о своих расовых отличиях и, помня только о своих общих интересах, положат конец капиталистической эксплоатации на Востоке и на Западе?» Обратите внимание: успех китайской национальной антиимпериалистической революции (полюбуйтесь на выражение: «какая-либо реорганизация изнутри») кажется Хоррабину «крайне невероятным», только одновременное согласованное выступление пролетариата всех трех заинтересованных империалистических стран вместе с пролетариатом Китая могло бы, по его мнению, помочь делу; но и самому упоминанию об этой возможности он придает форму скептически-меланхолического вопроса.

«Несмотря на свое суб'ективное — искреннее и честное — враждебное отношение к капиталистическому империализму, автор до такой степени находится под влиянием империалистического образа мыслей, что он переносит некоторые из существенных черт империализма на «пролетарскую мировую группу», образование которой в туманной дали он предвидит и желает».

«Рабочий класс должен знать,—пишет он в самом начале книги,—что его задача есть организация управления источниками богатств во всем мире не на пользу незначительного меньшинства, а на пользу масс». Эта общая правильная мысль дополняется и развивается в заключительной главе следующим образом: «Национальная «свобода» должна быть так же подчинена международным интересам, как свобода личная, и все богатства той или иной территории должны использовываться не так, как решат ее жители, а так, как этого требуют интересы народов мира». Эта формулировка предполагает явно, что народы мира, сорганизованные в пролетарскую мировую группу, будут вынуждены употреблять по отношению к тому, что «решат жители той или иной территории», приблизительно те же «аргументы», какие пускают в ход современные империалистические группы. Формулировка, заключающая национальную свободу колониальных народов в кавычки, есть лишнее доказательство того, как мало у автора понимания гигантской освободительной антиимпериалистической борьбы азиатских и африканских народов,—борьбы, успех которой является одним из существеннейших условий об'единения свободных народов в пролетарскую мировую группу. (Эта неверная установка приводит автора к проведению параллели между «вмешательством» Советской России в Грузии и вмешательством Англии в Персии. Он допускает, что в обоих случаях, быть может, пришлось задеть национальную чувствительность, но оправдывает «вмешательство» в Грузии тем, что «его целью было овладение жизненно необходимыми источниками сырья для пролетарской республики». Автор игнорирует тот основной факт, что Грузинская Советская Республика так же, как и обе смежные закавказские республики, является свободным равноправным членом Советского Союза и что только Советская Грузия создала почву для расцвета национальной грузинской культуры).

«Хоррабин настаивает справедливо на том, что «международная организация рабочих должна быть основана на возможно полном и точном знании мирового положения и мировых вопросов», и он выводит отсюда «необходимость мирового генерального штаба рабочего движения». Однако, директивные линии, которые он намечает для этого мирового генерального штаба, указывают на то, что он на деле не рекомендовал бы пролетарскую революцию ни в одной стране. «Проблема продовольствия, проблема транспорта и доступа до сырья—эти и другие подобные вопросы должны быть поставлены и решены, прежде чем рабочий класс сможет успешно перенять и удержать власть». В этом духе Хоррабин приводит пример «провала венгерской революции», как «постоянного предостережения для революционеров», и находит главную причину этого провала в недостаточном учете «географических факторов». Для всякого коммуниста ясно, что взрыв пролетарской революции, ее победа и удержание власти пролетарской диктатурой зависят от факторов, среди которых географический фактор не есть ни первичный, ни решающий».

На эту критику Хоррабин ответил в своем журнале следующей репликой:

«Автор, конечно, ценит стимулирующие критические замечания т. Валецкого; но он отнюдь не убежден всеми ими. Вот его возможно краткие возражения:

1. «Он недооценивает тот факт, что значительная часть земного шара уже вырвана у империализма и сорганизована в направленную против его господства твердыню». Я полагаю, что это—вопрос индивидуального «чувства». Мой учебник географии, несомненно, подчеркивает значение для мирового революционного движения того, что произошло в России. Я готов согласиться с тов. Валецким, что, быть может, этот вопрос мог быть ярче и выпуклее изложен в заключительной главе. Но не надо забывать, что я, во-первых, писал учебник географии и что, во-вторых, всякие комментарии к фактам я вынужден был, согласно этому характеру книги, формулировать весьма сжато.

2. «Кто будет эксплоатировать Китай?». Я готов признать с радостью, что события опровергли в весьма значительной мере (хотя и не полностью) мой «ответ» на этот вопрос. Но я должен напомнить т. Валецкому, что я писал в 1923 г., и я хотел бы спросить его, писал ли он или кто-нибудь другой иначе в то время. События в Китае после июля 1925 г. показали, что мое пророчество о «крайнем невероятии» «реорганизации изнутри» было неверным. Но я писал на основании тех данных, которыми я располагал в 1923 г. И я думаю, что я был бы неправ, если бы дал тогда другие предсказания только на основе моих надежд.

3. «Национальная «свобода» должна быть подобно личной свободе подчинена международным интересам». Я продолжаю так думать, и я не понимаю, как можно думать иначе, не будучи анархистом. Тов. Валецкий говорит, что это значит употреблять те же аргументы, которые употребляют современные империалисты. Что же делать: если случится, что империалисты рассуждают здраво, то нет основания отказываться от их аргументации.

4. «Грузия. Я продолжаю утверждать, что главная—и справедливая—цель Советской России в Грузии состояла в «овладении для Рабочей Республики жизненно-необходимыми источниками сырья». Тов. Валецкий говорит, что Грузия есть «свободный член» СССР. Я спросил бы его: «свободна» ли Грузия решать по своему усмотрению вопросы внешней торговли? Конечно, нет—и это правильно. Национальная свобода должна подобно индивидуальной свободе быть подчинена интересам большей группы».

5. «Географический фактор не есть фактор ни первичный, ни решающий». Я не думаю, чтобы кто-либо из читателей моей книги мог утверждать, что я высказал прямо или косвенно такую вещь. Я сказал, что географического фактора нельзя игнорировать—это все».

Реплика Хоррабина подтверждает, на наш взгляд, правильность и необходимость нашей критики. В ряде вопросов он сдает на добрую половину свои позиции. В других вопросах его возражения доказывают, что он до такой степени находится под влиянием империалистических ходов мысли, что не понял смысла критики. Насчет своих китайских «пророчеств» Хоррабин настаивает на том, что он писал в 1923 г. и что никто тогда не писал иначе. Хоррабин не понимает, что дело не в его неверном ответе на вопрос, а в самой постановке вопроса («кто будет эксплоатировать Китай?»). Писали же раньше 1923 г. иначе не только отдельные писатели, а II конгресс Коммунистического Интернационала (в 1920 г. — тезисы по национальному и колониальному вопросам и доклад Ленина) и IV конгресс (ноябрь 1922 г.). Метод Хоррабина—«пророчествовать» иначе в 1923 г., иначе в 1927 г. и, несомненно, опять иначе в 1928 г.—каждый раз в зависимости от последних совершившихся событий—не годится вообще и уж наверное не подходит для учебника. Убеждение в долговечности, если не в вечности, империализма, дополняемое поправочками, учитывающими те или другие уже осуществленные победы в антиимпериалистической борьбе угнетенных народов—вот что лежит в основе его метода «предсказаний».

Хоррабин ополчается и в своей книге и в своей реплике против принципа национальной «свободы» угнетенных наций и страстно отстаивает необходимость подчинения этой свободы международным интересам. Он не пони-

...что в эпоху борьбы угнетенных колониальных и полуколониальных народов против империализма лозунг национальной свободы, национально-революционный лозунг, является могучим рычагом движения и что заключать **этот** лозунг национальной свободы в иронические кавычки есть в действительности уступка империализму.

В подкрепление своей позиции он ссылается на Грузию, не понимая опять, какова основная разница (не только в целях, но и в методах) между порабощением целых народов империализмом во имя «международных интересов» и добровольным вхождением уже освободившихся от империалистического ига народов в тесный союз с другими свободными народами для совместного социалистического строительства и для совместной защиты против посягательств империализма. Он не понимает, что для обоснования этого союза нет никакой необходимости ни прибегать к воспроизведению аргументов империалистов вообще, ни к пусканию в ход империалистических «аргументов» (в кавычках), т.-е. насилия.

Наконец, в нашей критике мы не упрекали Хоррабина в том, что он **вообще** считает географический фактор первичным и решающим, а в том, что он в конкретных случаях, говоря об условиях победы пролетарской революции, явно его переоценивает, затемняя другие решающие факторы. Мы указали в особенности на его суждение о причинах падения пролетарской диктатуры в Венгрии: «Провал венгерской революции должен быть постоянным предостережением для революционеров, напоминающим им, к чему ведет игнорирование географических факторов».

Хоррабин—не коммунист, не большевик, на последовательный революционный марксист, не ленинец. Он—деятель просветительного «левого» движения в Англии, талантливый и образованный популяризатор, придерживающийся в общем марксистского метода. Но он обладает всеми отличительными чертами «левого» социалиста, отмежевывающегося от действенной коммунистической идеологии, притом такого «левого» **британского** социалиста, который, хотя, не в пример другим, искренне ненавидит британский империализм, но все же мыслит его категориями.

Хоррабин написал прекрасный, пока незаменимый учебник экономической географии. Но большевистской молодежи—и не только молодежи—надо им пользоваться с оглядкой.

Г. Валецкий.

От редакции.

В № 7 нашего журнала в статье т. Д. Лебедя начало последнего абзаца на стр. 80 надо читать так: «О том, что такой уклон не единичное явление, говорит и статья Косты Таболова, где вскрываются уклоны среди коммунистов Армении и вообще Закавказской федерации и Средней Азии, где...».

Редакция: В. Астров. Н. Бухарин. В. Молотов. А. Слепков. Е. Ярославский.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 10 31 МАЯ № 10

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 8

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

„П Р А В Д А"

Главлит № А—15077 Тираж 75.000.

Типография газеты „Правда". Москва, Тверская, 48.

О лозунге самокритики.

XV с'езд партии и последующий период партийного развития протекали и протекают под знаком лозунга самокритики. В настоящее время происходит значительная раскачка партийных организаций, советских органов и профсоюзных организаций в смысле проведения в жизнь лозунга самокритики.

Эта раскачка, несомненно, произведет освежающее воздействие на всю работу партийных и советских организаций.

Самокритика не есть новое для партии дело. Самокритика является одним из основных принципов внутрипартийной и пролетарской демократии. Коммунистическая партия, руководящая революционным пролетариатом в течение десятилетий, воспитывала последний в духе критики собственных ошибок, проявленных промахов и выявления недостатков работы пролетарских организаций.

Но необходимо отметить, что самокритика, как и вся совокупность принципов внутрипартийной демократии, ограничивалась и ограничивается в своих проявлениях конкретными трудностями проведения классово-выдержанной партийной политики в условиях давления других партий и классов (давления, находящего и идеологическое выражение) на партию пролетариата, особенно тогда, когда эта партия является единственно легальной и руководит рабочим государством.

Особенность положения теперь заключается в том, что самокритика становится именно в настоящей обстановке *коммунистическим лозунгом массового действия*, боевым лозунгом, долженствующим поставить под знак своего очистительного влияния на текущий период все партийные, пролетарские организации и все организации советской общественности.

Лозунг самокритики подготовлен рядом процессов, протекающих в советском обществе.

Во-первых, должен быть отмечен тот факт, что в борьбе с оппозицией, в борьбе с ликвидаторским пессимизмом и меньшевистским «прогнозом» новых ренегатов партия вынуждена была накрениться в сторону отпора этим ликвидаторским тенденциям, в сторону борьбы с преувеличениями и клеветой оппозиции, в сторону выявления наших положительных балансов. Покончивши теперь с оппозицией, партия должна внимательно присмотреться к накопившимся и недо-

статочно выявленным внутренним «нарывам» внутри партийных и советских организаций. Настоятельная необходимость этой очистительной работы не внушает никаких сомнений.

Во-вторых, совершенно несомненен тот факт, что контрреволюционные силы, стремящиеся использовать переживаемые пролетарской диктатурой трудности, значительно оживили в последнее время свою активность, особенно в тех пунктах, где обнаруживается некоторое ослабление контроля масс, ослабление критики со стороны масс замеченных недостатков, упущений, злоупотреблений и прямо вредительских операций скрытого классового врага.

В-третьих, развертывание хозяйственного строительства социализма, усложнение самой обстановки строительства делают хозяйственно необходимым усиление контроля масс, как фактора успешного социалистического строительства.

В-четвертых, налицо, несомненно, значительные успехи в области политического роста партийных масс, рабочего класса и бедняцко-середняцких слоев деревни, роста, который требует развертывания пролетарской демократии и самокритики, как условия творческого выявления сил этих политически выросших масс.

Все эти условия требуют смелого и решительного курса на развертывание самокритики, как внутри партии, так и во всей системе советской общественности.

Конечно, партия отдает себе отчет в том, что лозунг самокритики, глубоко и широко проникая в массы, неизбежно влечет за собой «перехлестывания», преувеличения, необоснованные и даже вредные нам тенденции «критики», но тем не менее совершенно ясно, что смелое, энергичное проведение лозунга самокритики даст в общем балансе результатов значительное укрепление позиций партии и пролетарской диктатуры.

Наличие консервативно-бюрократических тенденций в партийном и особенно в советском аппарате обязывает к самому смелому инициативному и широкому проведению самокритики, к максимальной неограниченности этого лозунга. С этой точки зрения глубоко правильно то, что говорил по данному поводу тов. Сталин в своем отчетном докладе о V апрельском пленуме ЦК и ЦКК на активе московской организации:

> «Иногда ругают критиков за несовершенство их критики, за то, что критика оказывается иногда правильной не на все сто процентов. Нередко требуют, чтобы критика была правильной по всем пунктам, а ежели она не во всем правильна, начинают ее поносить, хулить... Где же простому рабочему или простому крестьянину, чувствующему недостатки нашей работы и нашего планирования на собственной спине, где же им обосновать по всем правилам искусства свою критику? Если вы будете требовать от них правильной критики на все 100 процентов, вы уничтожите этим возможность всякой критики снизу, возможность всякой самокритики... И именно для того, чтобы не тушить самокритику, а развить ее, именно для этого необходимо внимательно выслушивать всякую критику советских людей, если она даже является иногда не вполне и не во всех своих частях правильной. Только при этих условиях могут получить массы уверенность, что им не «влетит» за несовершенную критику и что их не «засмеют» за некоторые ошибки их критики. Только при этом условии самокритика может получить действительно массовый характер и действительно массовый отклик».

Само собою разумеется, что эта постановка вопроса не исключает нашего воздействия на характер критики, на оформление типа правильной, нужной нам критики.

При проведении самокритики партийные организации должны прежде всего с достаточной отчетливостью установить, какая «самокритика» нам не нужна и вредна.

В условиях оживления активности контрреволюционных сил самокритика, конечно, будет использоваться кое-где для оформления антисоветских, антипролетарских тенденций, особенно, если речь идет об организациях, по своему составу не являющихся пролетарскими организациями; да и в среде рабочих самокритика будет в ряде случаев использовываться во вредном нам направлении.

Очень показательна в этой связи дискуссия, которая имела место в последнее время на страницах украинской партийно-советской печати по поводу статьи днепропетровского рабкора т. Блескова. Последний в своей статье указал, в порядке самокритики, на ряд недостатков и конкретных упущений на днепропетровских заводах, а затем «обобщил» эти недостатки, пришел фактически к выводу, что между партией и рабочими массами существует «разрыв», что производственные совещания «умирают», что кругом господствует «зажим» и т. п. Все эти «обобщения» противоречат фактам, все они неправильны, все они вредны по своему политическому значению. Редакции газет совершенно верно отметили, что правильный подход к самокритике предполагает внимательное и деловое отношение ко всем конкретным указаниям на недостатки, упущения, промахи и безобразия, имеющие место в советском аппарате, в хозяйственных и профсоюзных организациях; но этот же подход требует решительного отпора всякого рода «оценкам», «обобщениям», «философиям», исходящим из небольшевистского, непролетарского представления об отношениях между партией и пролетариатом, между рабочим государством и рабочим классом.

Приветствуя положительную, полезную критику, партия будет давать отпор всяким вольным или невольным попыткам протащить полуменьшевистские «оценки» и «обобщения», полу-

меньшевистскую «философию», пропаганда которых может только повредить делу пролетарской диктатуры, делу социалистического строительства.

Партия, далее, не может относиться положительно к «голой», общей «холостой», неконкретной критике, играющей вредно-засоряющую роль и не помогающей делу улучшения социалистического строительства, служащей, по сути дела, своеобразным громоотводом от нужной нам конкретной самокритики.

Наконец, партия не может относиться положительно к таким проявлениям «самокритики», которые имеют целью сознательное и необоснованное дискредитирование враждебных персонажей или организаций и которые заключают в себе элементы провокации.

Мы нуждаемся в развитии такой самокритики, которая не отделывается общими фразами и холостым верхоглядством, а является строго конкретной, так сказать «индивидуализированной», заключающей критику конкретных мероприятий, конкретных недостатков. Нам нужна самокритика, которая включает некоторые, хотя бы минимальные, обоснования того, что выдвигает критикующий. Мы нуждаемся в самокритике, которая не ограничивается чисто отрицательной задачей, но помогает наметить и конкретные предложения, дающие выход из положения.

Чрезвычайно важно также, чтобы самокритика не носила исключительно обличительного характера, но давала сравнительную критику с выявлением и положительных образцов, чтобы такая критика облегчала переход к лучшим формам хозяйствования и руководства.

Исключительного внимания заслуживает такая самокритика, которая наводит на «корешки» контрреволюционного вредительства и попустительства последнему. В этих случаях необходимо немедленно мобилизовать внимание партии на подобные явления и быстро двинуть в ход соответствующие меры привлечения к ответственности вредителей и разгильдяев, под крылом которых ведут свою антисоветскую работу наши враги.

Каждое критическое выступление должно вызывать со стороны партийных организаций и партийных руководителей советских и профессиональных организаций проверку критики и немедленной реакции в смысле устранения недостатков, привлечения к ответственности лиц, обличенных в злоупотреблениях, а также и осуществления дельных практических предложений положительного характера. Очень важно также, чтобы при разборе причин тех или иных упущений, ошибок и злоупотреблений партийные организации обеспечили смелое выявление тех условий, которые сделали возможными все эти упущения и злоупотребления, и, по возможности, приняли меры, устраняющие эти условия.

Громадное значение приобретает, так сказать, «обобществление» тех мер, которые предприняты партийными, советскими и профсоюзными организациями для устранения недостатков, выявленных в процессе самокритики. Необходимо сделать так, чтобы широкие массы рабочих видели, какие недостатки и когда устранены, какие мероприятия предприняты для устранения этих недостатков, что сделано в связи с конкретными предложениями рабочих в процессе самокритики. С этой точки зрения большое значение приобретает метод отчетов перед рабочими на общих собраниях, опубликования в газетах как стенных, так и печатных и т. д. Самокритика будет тем более действенной, и ее плодотворные результаты будут тем более прочными, реальными, чем скорее и полнее рабочие массы будут информированы о результатах этой самокритики; об улучшениях постановки дела советского строительства, о конкретных фактах действительной борьбы с разгильдяйством, злоупотреблениями и т. д.

Надо приветствовать создание в партийно-советской печати специальных страничек «Под контроль масс», которые ведут систематическую борьбу за устранение недостатков, выявление злоупотреблений а также за культивирование лучших образцов плодотворной работы в области социалистического строительства. Опыт уже доказал, что печать является одним из важнейших рычагов; что правильная постановка самокритики в печати решает в этом деле очень многое, если не главное.

Громадные задачи в связи с проведением лозунга самокритики падают на органы РКИ, которые должны дать конкретный выход стремлению масс обеспечить действительный контроль и действительную борьбу с недостатками и злоупотреблениями.

Нет никакого сомнения в том, что лозунг самокритики осуществим лишь как одно из проявлений углубляемой и ширящейся внутрипартийной, пролетарской, советской демократии. Нельзя себе мыслить успехи самокритики без решительного проведения внутрипартийной и пролетарской демократии. Только тогда лозунг самокритики становится лозунгом массового действия, когда внутри партийных организаций, внутри советских и профессиональных организаций будут все более энергично, властно и широко утверждаться начала большевистской демократии, когда будет поведен развернутым фронтом поход против бюрократизма, против казенщины, против «кумовства» и «кампанейства».

Именно поэтому лозунг самокритики должен рассматриваться, как боевой лозунг внутрипартийной демократии, как конкретное и важнейшее проявление демократизации партийного, советского и профсоюзного аппарата. Только при таком подходе к лозунгу самокритики можно обеспечить правильный курс в осуществлении этого лозунга.

Н. Рубинштейн.

Бесславный конец.

Деятельность немецких ультра-левых нашла, наконец, свое завершение. Троцкистская партия, основанная Масловым, Рут Фишер, Урбансом и К°, фактически уже не существует. Ленинбунд сгнил на корню, и его формальная ликвидация является вопросом недель, если не дней. Кратковременное существование Ленинбунда, в особенности картина его стремительного распада, представляют собой весьма поучительное явление. Поэтому не лишне подвести некоторые итоги деятельности ультра-левых «вождей» и их ныне уже не существующей организации.

Немного „истории“.

Формальное учреждение Ленинбунда состоялось меньше чем два месяца назад. В начале апреля в Берлине собралась учредительная конференция, на которой ультра-левые организовали свою партию, присвоив ей из демагогических соображений имя Ленинбунда.

На конференции вожди троцкистской партии пробовали пустить пыль в глаза, об'являя во всеуслышание, что в работах конференции принимает участие 153 делегата. Но эта реклама была мелкотравчатым мошенничеством—на конференцию были приглашены не только ультра-левые группы, а—за малочисленностью приверженцев—и отдельные ультра-левые персоны. Таким образом, значительная часть «делегатов» представляла... самих себя.

Ренегаты продолжали и на конференции ту кампанию лжи и клеветы по адресу ВКП(б) и Коминтерна, которая велась издавна ультра-левыми. На разные лады перепевались выдумки об изменении классового характера советского государства; вновь были повторены декларации о «термидоре»,—словом, учредители новой партии использовали весь арсенал отравленного оружия международной троцкистской оппозиции.

Резолюция конференции, полностью отрицавшая наличие внутренних сил социалистической революции в России, утверждала, что Всесоюзной Коммунистической партии и Советскому Союзу настанет конец, если только не подоспеют большие «события».

Стоит лишь вспомнить международное положение СССР, особенно обострившееся в те дни, когда заседала конференция ренегатов, чтобы фальшивая фраза о «событиях» получила надлежащее освещение.

Экономический шпионаж и разрушение советского хозяйства изнутри (Шахтинское дело), наступление на монополию советской внешней торговли, новые проекты англо-франко-германского блока для «окружения» СССР, воровской налет Французского банка на советское золото,—все это увязывалось и увязывается в одну линию вместе с подготовкой интервенции против СССР.

Учредительная конференция Ленинбунда внесла и свою посильную лепту в это черное дело, присоединившись к хору разномастных «Форверт-

сов» и стараясь ослабить поддержку СССР со стороны международного пролетариата.

Вожди Ленинбунда столкнулись еще до конференции с неприятным обстоятельством—резолюции XV с'езда ВКП(б) так же, как и постановления IX пленума ИККИ, стали поперек горла ренегатам. Об'яснить действительное значение усиленного нажима на кулака в деревне и на частного капиталиста в городе, показать, что этот нажим стал возможен в результате успешно проведенных решений XIV с'езда, Урбансы и Масловы не могли. Точно так же и соответствующий истине анализ резолюций IX пленума ИККИ был не в интересах организаторов Ленинбунда. Вожди новорожденной троцкистской партии не захотели разоблачить себя и прибегли к испытанному средству клеветы. На учредительной конференции Ленинбунда курс, принятый XV с'ездом, и решения IX пленума ИККИ были об'явлены «маневром сталинцев».

Ленинбунд и выборы в рейхстаг.

Резолюция конференции о политическом положении, направленная против ВКП(б), КПГ и Коминтерна, не представляла собою ничего нового; она продолжала лишь прежнюю тактику ультра-левых и должна была зарекомендовать Ленинбунд, как организацию, борющуюся не против буржуазии и социал-демократов, а против КПГ. И не даром «Форвертс» с удовлетворением отмечал, что «не было такого обвинения, которое обычно адресует коммунистическая пресса против социал-демократии и которое не направлялось на этом конгрессе (т.-е. на учредительной конференции Ленинбунда. *Н. Р.)* против Коммунистической партии Германии»[1].

«Гвоздем» конференции была не общеполитическая резолюция, а решение выступить с самостоятельным списком Ленинбунда на выборах в рейхстаг. Урбанс и его соратники распинались на конференции по поводу того, что Ленинбунд не хочет быть второй партией: ренегатам необходим был этот защитный маневр, как и в начале их раскольнической деятельности. Но решение о самостоятельном выступлении на выборах говорило само за себя—уже ранее сформировавшаяся партия выступила открыто.

Охотясь за парламентскими мандатами, ренегаты выполняли гораздо более важное задание в интересах германской буржуазии. Две силы боролись в избирательной кампании—германская буржуазия, представленная рядом партий от дейтш-националов до социал-демократов включительно, и пролетариат Германии в лице коммунистической партии.

Еще до выборов правительство Маркса и с.-д. приняли ряд экстраординарных мероприятий, направленных против коммунистической партии. Министр Кейдель пытался запретить союз красных фронтовиков; «Форвертс» выпустил на рынок новые порции лжи и клеветы по адресу коммунистов, заимствуя, между прочим, материал из ультра-левых листков. И понятно, что буржуазная и социал-демократическая пресса с великой радостью приветствовала известие о самостоятельном выступлении Ленинбунда на выборах. «Форвертс» торжествовал по поводу «замечательного поединка между сталинистами и ленинистами», «Берлинер Тагеблатт» не преминул напомнить о «московских деньгах» КПГ, а господа из «Вельтбюне» с удовлетворением отмечали, что коммунистическая партия получит на выборах удар «с левого фланга».

Прославленный дейтш-национал министр Кейдель оказал даже «деловое» содействие Ленинбунду, посмотрев сквозь пальцы на отсутствие неко-

[1] «Форвертс», 10/IV 1928 г.

торых формальностей, связанных с выставлением списка ультра-левых кандидатов в рейхстаг.

Самостоятельное выступление Ленинбунда на выборах должно было, по мысли инициаторов, внести разброд в ряды рабочего класса Германии и ослабить позиции компартии.

Учредительная конференция партии ренегатов, приняв решение об участии в избирательной кампании, попыталась замести следы. Конференция направила в Коминтерн письмо, в котором заявлялось, что Ленинбунд образован для борьбы с «растущим (?) реформизмом германского рабочего класса». Наглость Урбанса—Маслова дошла до того, что они предлагали об'единить Ленинбунд с коммунистической партией—и на худой конец—принять новую партию в Коминтерн на правах «симпатизирующей» организации.

Очевидно, с целью доказать подлинность этих «симпатий» конференция обязала членов Ленинбунда вести фракционную работу внутри КПГ и союза красных фронтовиков. Для оппозиционеров—членов союза красных фронтовиков—предполагалось создать специальный центр, в задачу которого входило издание информационного органа [1]).

Из тактических соображений предводители Ленинбунда отложили созыв интернациональной конференции оппозиционных Коминтерну групп до более благоприятного момента, но лозунг «ренегаты всех стран, об'единяйтесь» был все же провозглашен на учредительной конференции Ленинбунда. Представитель группы Корша, приветствуя конференцию, требовал совместной борьбы всех оппозиционных групп против «сталинизма».

Итак, задачи троцкистской партии в Германии были точно сформулированы. Урбансы, Масловы и иже с ними «подрядились» поставлять клеветнический материал для «Форвертса»; в перспективе рисовались «собственные» парламентские мандаты (до сих пор ультра-левые располагали только крадеными), раскол КПГ и союза красных фронтовиков и об'единение ренегатов в «международном масштабе».

Развал Ленинбунда.

Уже на учредительной конференции Ленинбунда выяснилось, что среди организаторов новой партии имеются разногласия по вопросам тактики Ленинбунда, в частности в вопросе о самостоятельном выступлении на выборах.

Двурушническая политика Урбанса—Маслова, фразы о «единстве» на ряду с выставлением особого списка на выборах,—все это свидетельствовало о том, что ренегаты вынуждены лицемерить.

> «По отношению к идейно-политическим выступлениям,—писал в свое время Ленин,—надо сказать, что лицемерие есть то прикрытие, за которое хватаются группы, внутренно неоднородные, составленные из разношерстных, случайно сошедшихся элементов, чувствующих себя слабыми для открытого, прямого выступления».

Слова Ленина блестяще оправдались на примере германских ренегатов. В вопросе об участии в выборах часть конференции во главе с Масловым и Рут Фишер заняла особую позицию. Эта группа (26 чел.) голосовала против выступления Ленинбунда с самостоятельным списком.

[1]) «Форвертс», 10/IV 1928 г. Morgenausgabe.

Было бы ошибочным искать принципиальных разногласий между Масловым и Урбансом. Оба они—одного поля ягоды с той лишь разницей, что Маслов—более хитрый политикан—раньше сообразил, что самостоятельное выступление Ленинбунда на выборах разоблачит его, как партию, выступающую против КПГ и Коминтерна, а следовательно, бесповоротно дискредитирует ультра-левых в глазах рабочих масс Германии.

Развал Ленинбунда последовал почти непосредственно после учредительной конференции. Маслов требовал созыва новой конференции и пересмотра решения об участии в выборах. Вскоре Шолем, Маслов, Рут Фишер и ряд других ультра-левых заявили о своем выходе из Ленинбунда. Действительные причины ухода из Ленинбунда его вчерашних вождей заключаются не только, верней, не столько, в «неумелой» тактике Урбанса, сколько в усилившемся процессе распада местных организаций Ленинбунда. Надежды на раскол КПГ не осуществились. В заседании центрального комитета Ленинбунда Шолем говорил, что Ленинбунд изолирован от КПГ. «Мы,—жаловался Шолем,—ничего не знаем о ее намерениях и планах. Финансовое положение (Ленинбунда) катастрофично». Весьма характерно, что Маслов в ответ на упреки сторонников Урбанса в саботаже и стремлении расколоть Ленинбунд сказал: «Я был бы раскольником, если было бы, что раскалывать. Но раскалывать нечего» [1]).

Наконец, наиболее показательным фактом явился переход верхушки зульской организации Ленинбунда—единственного округа, где ультра-левые имели некоторое влияние—к социал-демократии.

Переговоры вождя зульских троцкистов Гейма с социал-демократами окончились успехом: сторонники Гейма в Зуле 25 голосами против 13 постановили войти в социал-демократическую партию, примеру Гейма последовал другой ренегат—Килиан; с.-д. в свою очередь ассигновали на покупку зульской газеты Ленинбунда «Фольксвилле» 45.000 марок и отрядили полицию для сохранения «покупки» в целости. Урбанс вынужден был обратиться за помощью в ЦК КПГ.

В ответ на переход ренегатов в лагерь социал-демократии зульские рабочие, бывшие члены Ленинбунда, вынесли решение о возврате в КПГ.

Распад Ленинбунда, позорный провал предприятия ренегатов—налицо. Вместо второй партии—осколки организации, перебежка группы ренегатов к социал-демократии, изоляция от рабочих, возвращающихся в КПГ; вместо парламентских мандатов—жалкие 80.000 голосов, которые Масловым и Урбансам удалось собрать в результате клеветнической кампании против КПГ и Коминтерна.

Обанкротившиеся вожди Ленинбунда делают судорожные попытки выйти сухими из воды. В заявлениях, адресованных в ЦК КПГ Маслов, Рут Фишер, Шолем мотивируют свой выход из Ленинбунда тем обстоятельством, что отношение Ленинбунда к КПГ во время избирательной кампании было ошибочно, что Ленинбунд ведет сектантскую политику и превращается во вторую партию. Маслов и Шолем призывают своих сторонников выйти из Ленинбунда, они собирают подписи под заявлением об обратном приеме всех вышедших из Ленинбунда в КПГ.

Но ренегаты, которые только вчера обливали грязью КПГ и Коминтерн, об'являя руководство и политику Коминтерна «ликвидаторской», люди, имена которых только вчера красовались во главе избирательного списка Ленинбунда, рассчитывают вернуться в партию, сохранив весь свой фракционный раскольнический багаж.

[1]) См «Роте Фане» № 107 от 8 мая.

В заявлениях Маслова, Рут Фишер, Шолема ни единым словом не упоминается о тех преступлениях, которые совершили ренегаты против КПГ и всего международного коммунистического движения.

Основной мотив заявлений—не признание ошибочной всей деятельности ультра-левых, а указание на «сектантский дух» Ленинбунда. О знаменитой «платформе» ультра-левых, о травле Коминтерна, КПГ, о дискредитировании ВКП(б) и Советского Союза,—обо всем этом ренегаты умалчивают.

Поэтому совершенно прав был Центральный Комитет КПГ, когда он квалифицировал заявления Маслова, Рут Фишер и Шолема, как маневр, направленный к продолжению разрушительной работы в рядах партии.

Обанкротившиеся вожди выходят из Ленинбунда не потому, что эта организация является организацией предателей, а потому, что нынешняя тактика Ленинбунда непригодна для разложения коммунистической партии,—так формулировал ЦК КПГ свое отношение к заявлениям Маслова—Шолема.

Другое дело—рабочие, которые убедились в контрреволюционной деятельности заправил Ленинбунда и искренне и честно хотят вернуться в ряды КПГ. ЦК КПГ раз'яснил, что партия всячески поможет таким рабочим вновь стать под знамена Коммунистического Интернационала. Каждому рабочему, порвавшему с ультра-левыми, открыт доступ в партию; ренегаты, которые надеются вновь «сманеврировать», навсегда останутся за бортом.

Итоги.

Кратковременная история Ленинбунда и позорный крах попытки ренегатов образовать вторую партию показывают, что предсказания Коммунистического Интернационала осуществились целиком и полностью.

В 1926 году VII пленум ИККИ констатировал, что группа Маслова—Рут Фишер «вынуждена прикрывать свою контрреволюционную борьбу против коммунистического движения «левыми» лжекоммунистическими фразами». Лжекоммунистическая фраза окончательно разоблачена самим Ленинбундом.

Вожди Ленинбунда заявляли, что они строят свою организацию, так как не хотят, чтобы «тысячи честных коммунистов, левых коммунистов, оказались потерянными для коммунистического движения». Резолюция учредительной конференции Ленинбунда декларировала, что задачей новой партии является борьба «против растущего реформизма германского рабочего класса». Левая ф р а з а вскоре обернулась правым д е л о м. Переманивая зульских рабочих в социал-демократическую партию, продавая социал-демократам свою газету, ренегаты помогли реформистам.

Антикоммунистическая агитация Ленинбунда сослужила службу буржуазной и социал-демократической прессе.

История Ленинбунда показывает, что путь фракционной деятельности в рядах коммунистической партии неизбежно приводит фракционеров к организации второй партии.

«Мы не сомневаемся, что оппозиционеры, исключенные из других партий, не вступят на путь создания вторых партий»,—писали троцкисты в своем заявлении XV с'езду.

Грош цена таким заверениям,—ответила партия троцкистской оппозиции. Троцкисты, впрочем, мало в чем «сомневаются» и сейчас. Радек [1], а за ним и Маслов признают, что Ленинбунд становится второй партией

[1]) См телеграмму, опубликованную в «Правде».

только с того времени, когда конференция Ленинбунда решила выступить с особым списком на выборах. Организация Ленинбунда не является для Маслова и Радека «конституирующим признаком» второй партии.

Недоброкачественность этих поздних полупризнаний бросается в глаза. Радек и Маслов хотят подменить «станцию отправления» «станцией назначения». Безнадежное предприятие!

Клика Урбанса—Маслова проделала в п о л н е з а к о н о м е р н ы й—с точки зрения отхода от коммунизма—путь от антипартийной оппозиционной деятельности в рядах КПГ к созданию второй партии, активно борющейся против Коминтерна. Выступление с особым списком кандидатов на выборах в рейхстаг—только э т а п—немаловажный, но все же э т а п—деятельности уже с о з д а в ш е й с я второй партии.

И так же закономерен развал Ленинбунда. В условиях обостряющейся классовой борьбы нет места межеумочным группам. Поэтому размежевание идет ускоренным темпом. Не случайно, что социалистический союз Ледебура заявляет, что его члены не могут голосовать за социал-демократов, за «кандидатов вспомогательного отряда капиталистической реакции», и отдают свои голоса коммунистической партии Германии. Не случайно и то, что ренегаты из Ленинбунда уходят вместе с немногими сторонниками к партии Штампфера и Зеверинга.

Коммунистическая партия Германии продолжает укреплять свое влияние в широких рабочих массах. Политика репрессий со стороны правительства, запрещение союза красных фронтовиков и в особенности последний успех партии на выборах в рейхстаг показали это с достаточной наглядностью.

Результатом правильной политики партии является также и развал Ленинбунда. Разоблачая ренегатов, партия привлекла и привлечет вновь в свои ряды тех рабочих, которые шли за Масловым и Урбансом.

Что же касается еще не ликвидированных осколков организации ренегатов, то следует вспомнить советы Ленина по поводу ка-а-пистов и Пауля Леви и, разоблачая Урбансов, не уделять им слишком много внимания.

«Влияние в массах они не имеют и не получат, если мы сами не будем делать ошибок»,—писал Ленин о ка-а-пистах. Эти слова могут быть с полным правом отнесены к Маслову и Урбансу.

Урбансы не имеют и не получат влияния в рабочих массах Германии. Лучшая иллюстрация этого положения — полный развал их организации точно так же, как и развал остатков Веддингской оппозиции. Конец Ленинбунда означает вместе с тем и начало конца троцкистской оппозиции в других секциях Коминтерна.

В. Фейгин.

Смоленский сигнал.

Смоленский гнойник поставил перед партией ряд вопросов, требующих обсуждения и разрешения. Было бы неправильно смотреть на смоленское дело, как на эпизод, случайно имевший место в нашей партии. Перерождение отдельных клеточек партии возможно во все периоды жизни партии и в особенности, когда она стоит у власти.

«Рабочий никогда не был,—писал Ленин,—отделен китайской стеной от старого общества. У него сохранилось много традиционной психологии капиталистического общества. Рабочие строят новые общества, не превращаясь в новых людей, которые чисты от грязи старого мира, а стоят по колени еще в этой грязи». (Ленин, том XVI, стр. 22).

Один тот факт, что старое наследие, навыки, привычки оставляют свой след на людях, призванных к перестройке общества, создает предпосылки возможного перерождения отдельных клеточек партии и класса.

Эта опасность усугубляется еще более в период, когда пролетариат стоит у власти. В этот период отдельные представители рабочего класса, несущие государственную работу, обречены на меньшее соприкосновение с рабочим классом, чем это было бы, если бы они продолжали работать в производстве, а с другой стороны, они обречены на соприкосновение со слоями, чуждыми, а подчас враждебными пролетариату. Отрыв от пролетариата и утеря благодаря этому классового чутья и классовой идеологии находит продолжение в восприятии чуждой культуры, чуждой идеологии.

«Бывает,—говорил Ленин на XI с'езде партии,—что один народ завоюет другой народ, и тогда тот народ, который завоевал, бывает завоевателем, а тот, который завоеван, бывает побежденным. Это очень просто и всем понятно. Но что бывает с культурой этих народов? Тут не так просто. Если народ, который завоевал, культурнее народа побежденного, то он навязывает ему свою культуру, а если наоборот, то бывает так, что побежденный свою культуру навязывает завоевателю». (Том XVIII, ч. 2, стр. 43).

В Смоленском деле мы имеем яркую иллюстрацию перерождения. Дело Покална свидетельствует о том, как смешение рабочих коммунистов в быту с обывательской и классово-чуждой средой и восприятие ее культуры приводит к перерождению и гибели для рабочего класса даже лучших рабочих. Тем более такой род перерождения возможен в деревне, о чем говорит пример ряда коммунистов-крестьян. Дело сычевских коммунистов свидетельствует об усвоении коммунистами типично-буржуазной идеологии: наживы, обрастания и индивидуального благополучия.

Бытовые условия Покална.

Покалн до 20 января 1928 г. был инспектором льногосторга по Смоленской губ. и уполномоченным Запгосторга. По происхождению и социальному положению он является рабочим. С семи лет начал вести трудовую жизнь, пася скот в помещичьем имении. В двенадцать лет стал работать в

одной из рижских фабрик. В четырнадцать лет вошел в революционное движение, участвуя в расклейке и распространении революционных прокламаций. В 1912 г. вступил в РСДРП большевиков, продолжая работать на фабриках и строительных работах.

Во время империалистической войны попал в германский плен.

За попытку ведения революционной работы среди немецких солдат был заточен на 4 мес. в Кенигсбергскую крепость. Из плена бежал в 1918 г. и стал работать в Латвии сначала начальником уездной милиции, потом председателем Режицкой чрезвычайной комиссии и пр. Семья Покална была тоже революционной. Сестра — старая большевичка, отбывшая около пяти лет тюрьмы и ссылки, пять братьев Покална—большевики, четыре из них подпольщики. Отец Покална за политическую работу в Латвии был убит во время германской оккупации. Таково прошлое Покална. А бытовые условия его жизни определялись тем, что он был пастухом, рабочим, солдатом, военнопленным, а затем председателем чрезвычайной комиссии.

В Смоленске стал работать Покалн в 1926 г. Основную роль в перерождении его сыграла жена. Была она дочерью не то спекулянта, не то преступника другого рода, сосланного на три года в концентрационный лагерь. До Покална была она замужем за валютчиком-спекулянтом, подобным ее отцу, попавшим вследствие этого в Соловки. Если прежние бытовые условия Покална определялись его революционной деятельностью, то теперь они все больше и больше стали определяться запросами и потребностями чуждого элемента.

Жена Покална, это тип жен-лахудр, которые, вклиниваясь в личную жизнь коммунистов, нередко приводят наиболее слабых из них к гибели.

Нельзя закрывать на это глаза. Пример этому Покалн. Многим следует над этим подумать.

Обывательщина не способна на здоровое веселье, ей нужен для этого алкогольный дурман.

Устраивались пьянки у Покална часто, затягивались на сутки и более, пили дома, пили в саду, ходили пьяными по улице, словом, переняли и усвоили «прелести» быта пошехонского мещанства.

Идеологическое перерождение в быту сказывается уже в этом. Но идеология не может оставаться на длительный промежуток времени раздвоенной. Подобного рода отношение к бытовым условиям создало соответствующее отношение к работе. Покалн стал брать взятки со своих подчиненных сослуживцев. Брал взятки, превращал их в вино, продолжая свой быт строить по старому образцу, державшемуся на Руси столетия. Таков тип Покална. У нас их имеется, повидимому, изрядное количество. Часть из них примазалась к партии, не будучи никогда партийцами. Часть из них хорошие большевики в прошлом и гниль в настоящем.

С ними нужно, невзирая ни на что, жестоко расправляться. Нужно хорошенько запомнить слова Ленина о том, что «сентиментальность есть не меньшее преступление, чем на войне шкурничество» (том XVIII, часть 1, стр. 379).

Нужно запомнить слова Ленина и о том, что «Советская власть не мало расстреляла таких должностных лиц, которые попадались, например, во взяточничестве, и борьба против подобных негодяев будет доведена до конца» (том XVI, стр. 30). Нужно ее довести до конца.

Быт и деятельность в деревне.

Если деятельность людей в значительной мере определяет бытовую сторону их жизни, то и бытовые условия оказывают огромное, а иногда и решающее влияние на деятельность.

Об этом говорит пример деятельности, жизни и гибели Покална, об этом свидетельствуют и примеры разложения ряда деревенских коммунистов.

В Смоленской губ. в одиннадцати уездах из шестнадцати верхушка деревенской власти в быту и в работе сомкнулась, в той или иной мере, с имущими слоями деревни и бывшими помещиками. Общее, что их об'единило—это алкогольный дурман.

В Кардымовской вол. компания собутыльников и сотрапезников состояла из секретаря волкома, в последнее время работавшего инструктором укома, заместителя председателя вика, двух коммунистов из коммуны «Красный Факел», члена уисполкома, бывшего начальника милиции, бывшего помещика, двух шинкарей и нескольких кулаков.

Под флагом партийности осуществлялась кулацкая политика.

Бедняцкие фонды передавались имущим слоям, льготы, предоставленные правительством бедноте, до нее не доходили, всюду процветало покровительство зажиточным, интересы бедноты и середнячества игнорировались, производились растраты государственных средств.

В Кардымовской вол. произошла, по существу, передвижка власти от неимущих к имущим слоям, замаскированная социальным составом и партийностью носителей власти.

В Копыревщинской вол. эта передвижка совершилась даже без маскировки. В ней в течение ряда лет семенным товариществом руководила группа, состоящая из 8 бывших помещиков, 2 сыновей попов, 2 дьяконов, 3 бывших урядников, крупных кулаков и частных торговцев. Кооперировали они и кредитовали преимущественно кулаков и бывших помещиков. Застольная смычка в быту привела, таким образом, ряд коммунистов к идеологическому перерождению, что в свою очередь привело к передвижке власти в некоторых пунктах от неимущих к имущим слоям.

Обрастание.

Пример Покална и ряда деревенских коммунистов свидетельствует о возможности перерождения отдельных коммунистов из-за смешения в быту с классово-чуждыми элементами, пример сычевских коммунистов, на котором мы сейчас остановимся, свидетельствует о таком пути перерождения, где основную роль играет обрастание. Руководящая головка партийно-советского аппарата Сычевского уезда является местными крестьянами. Имеют в деревнях свои хозяйства и рассматривают свою руководящую работу, как побочный заработок к сельскому хозяйству. Это создает, с одной стороны, определенное отношение к работе, а с другой стороны, к собственному индивидуальному хозяйству, как к основному полю своей деятельности.

Оба эти момента привели коммунистов к превращению в чиновников на работе и кулаков в хозяйстве.

В учреждениях держали себя барски, к нуждающемуся населению относились высокомерно, требования и просьбы оставлялись не рассмотренными, волокита установилась подобная той, которая процветала в блаженной памяти «святейшем синоде».

А индивидуальные хозяйства подобного рода «коммунистов» укреплялись и цвели. Избушки превращались в дома с просторными помещениями и надворными постройками. Приобретался породистый скот, различного рода инвентарь, а все это приводило, с одной стороны, к тому, что население отождествляло в своем понимании кулака и коммуниста, а с другой стороны, рассматривало пропаганду коллективных хозяйств, как «брехню», как лицемерие и ложь, под шумок которых коммунисты превращаются в кулаков.

Об обрастании подобного рода «коммунистов» и об отношении к ним населения можно судить хотя бы по тому, что при проведении самообложения беднота на некоторых коммунистов перекладывала всю тяжесть самообложения. Так на хозяйство директора коммунального треста собрание крестьян наложило сумму, причитающуюся со всей деревни.

Откуда коммунисты брали средства для такого рода обрастания? Одна часть из них, пользуясь даровыми продуктами, доставляемыми из деревни, сумела делать сбережения и вкладывать их в свои хозяйства. Этот путь в том случае, если бы сбереженные средства вкладывались в хозяйства, основанные на коллективном способе производства, был бы вполне приемлемым. Его надо было бы поощрять и пропагандировать. Коммунисты при этих условиях способствовали бы развитию в деревне социалистических элементов. Но в действительности они вкладывали эти средства в индивидуальные хозяйства, способствуя таким образом развитию капиталистических элементов. Недаром в Сычевском уезде такое по существу несовместимое «единство противоречий», как словцо «красный кулак» стало обиходным.

Другая часть коммунистов обрастала за счет присвоения государственных средств. Случаи растрат в Сычевском уезде нередки. Растрачивались средства кооперативные, средства коммуны, не пренебрегалось также недвижимое имущество коммуны.

Говорить о притуплении классового чутья у этих коммунистов было бы неправильно. Это, повидимому, было в периоде более раннем. К настоящему же времени они переродились в представителей иного класса, иных социальных слоев. Они превратились в представителей деревенской буржуазии. Находясь же на командных постах государства, они проводили кулацкую политику, игнорируя интересы бедноты и покровительствуя имущим слоям.

Вопрос о кулацком обрастании деревенских коммунистов неоднократно подвергался обсуждению в партийной печати и литературе. Как литературный отклик, интересна в этом отношении книга Никифорова «Уклон». В ней описывается, как крупный партийный работник—секретарь одного из губкомов, большой военный деятель в период гражданской войны, занялся после провозглашения лозунга «лицом к деревне» сельским хозяйством. Ему предоставили большой участок земли, несравненно превосходящий обычную крестьянскую норму, так как земля была расположена в болотистой и лесистой местности. При помощи наемных рабочих он осушал болота, вырубал лес, выкорчевывал пни и привел свой участок в годное для ведения хозяйства состояние. Продолжая и дальше при помощи наемных рабочих укреплять свое хозяйство, он сделал его образцовым как со стороны введения культурно-технических приемов, так и со стороны организации труда. Партийные собрания он не посещал, общественную работу не вел и как за это, так и за организацию кулацкого хозяйства подвергся осуждению ячейки.

В этой фабуле автор зло критикует и издевается над всеми деревенскими коммунистами, характеризуя их лодырями, бесполезным наростом на крестьянской шее, и вместе с тем возводит на пьедестал величайшей партийной добродетели этого коммуниста, указывающего, по мнению автора, путь деревне от капитализма к социализму через кулацкое хозяйство.

Исходит автор из того, что способствование развитию производительных сил в деревне является краеугольным камнем партийной работы. Посредством каких форм должно происходить это развитие производительных сил?

Посредством ли поощрения развития кулацких хозяйств, или путем коллективизации деревни? Автор дает на это точный ответ: путь через ку-

лацкие хозяйства. И если коммунист сам превращается в кулака, в эксплоататора наемной силы, вместо того, чтобы использовать свои знания, энергию и любовь к сельскому хозяйству с целью развития коллективных форм, то это для автора является высшей партийной добродетелью и достоинством. С этим литературным оформлением и узаконением кулацкой идеологии нужно бороться так же беспощадно и круто, как со смоленским гнойником.

Верхушка губернской партийной организации.

Павлюченко, секретарь губкома, рабочий, проработавший на Смоленской фабрике «Катушка» около двенадцати лет. Зав. агит. отделом губкома Панфилов—крестьянин, окончивший сельскую школу. Председатель губпрофсовета Алексеев—служащий, поставленный рабочими сначала председателем фабкома, а затем избранный ими членом и впоследствии председателем губпрофсовета. Секретарь райкома Болдин—местный рабочий. Эту группу людей, поставленную смоленской партийной организацией на руководящие посты, нельзя валить на одну доску с Покалном. Взятки они не брали, казну не обкрадывали, но оторвались от масс настолько, что не видели безобразий, освещенных выше, не видели безобразий, творящихся и на немногочисленных фабричных предприятиях Смоленска.

На фабрике «Катушка» партийные и беспартийные мастера, пользуясь своим командным положением, вымогали с рабочих взятки, принуждали работниц к половому сожительству, жестоко расправляясь с ними в случае отказа, пьянствовали на дому и в публичных местах и терроризовали рабочих и коммунистическую часть фабрики настолько, что все эти безобразия в течение около четырех лет оставались нераскрытыми. В несколько меньших размерах, но такая же система распущенности и взяточничества, иногда в видоизмененных формах, существовала на Ярцевской фабрике и Рем. Авиозаводе.

Видя ряд подобного рода безобразных явлений, верхушка губернской организации не умела расценить это классово и политически, рассматривая, как случайный эпизод; представителям ЦКК тт. Ляксуткину и Цейтлину, вскрывшим этот гнойник, давались совершенно недостойные политических руководителей наивные об'яснения, а по мере обнаруживания Цейтлиным и Ляксуткиным все новых явлений преступной политики и разложения, руководящая группа губкома стала оказывать им противодействие.

На заседании президиума ЦКК, давая свои об'яснения, бывшая головка смоленской организации обнаружила притупление классового чутья, неспособность к классовому анализу явлений, подходя к разрешению больших вопросов с чиновничьим аршином: собрания, дескать, происходили у нас регулярно, активность на них была удовлетворительной, кое - что мы для борьбы с разложением сделали, теперь у нас несравненно лучше, чем было несколько лет назад и пр.

Шедевром такого рода непонимания вопросов крупного порядка и измерения больших явлений чиновничьим аршином является письмо зав. агитотделом губкома тов. Панфилова одному из своих знакомых. Это письмо Панфилов писал уже после обследования ЦКК. Как об'ясняет он факты, имевшие место в Смоленской губ.?

Приведем выдержку из его письма.

«Сычевка, это—пережиток старого курса еще при тов. Бейке, с которым (курсом) мы не соглашались, боролись и сумели переломить. Здесь ты кое-что знаешь».

Каково? Обрастание коммунистов, превращение их в кулаков, растраты государственных средств,—все это об'ясняется каким-то курсом, каким-то пережитком, переломленным к тому же. До последнего времени в Сычевском

уезде происходили явления перерождения коммунистов в деревенскую буржуазию, а Панфилов, после того как представители ЦКК преподнесли ему факты последнего времени в готовом виде, называет это пережитком, к тому же переломленным. Кардымовские безобразия он об'ясняет следующим образом:

«В любом месте можно найти подобные факты, но они преподнесены концентрированно, и в этом вся их значимость». Политическая близорукость и притупление классового чутья так и несет от этого «анализа». Если в любом месте коммунисты сомкнулись с помещиками, кулаками и шинкарями, если в любом месте можно найти открытую и замаскированную передвижку власти от неимущих к имущим слоям, то втуне говорить о диктатуре пролетариата. Это обозначало бы термидор. А ведь тов. Панфилов не является сторонником такого взгляда.

Безобразия на фабрике «Катушка» превращены Панфиловым в какой-то случайный эпизод.

«Трое мастеров фабрики на протяжении времени 1924—28 гг. брали взятки, понуждали работниц к половому сожительству (2—3 факта) двое из них коммунисты».

Четырехлетнее взяточничество и пьяный разгул не со стороны 2—3 мастеров, а около десятка, во главе с председателем губотдела деревообделочников и зажим, вынуждавший рабочих мириться с таким положением, предподнесен Панфиловым, как случайное явление, не имеющее значения.

Это тип людей, оторвавшихся от массы, засосанных кабинетной работой, превратившейся для них в нечто самодовлеющее. Немалую роль сыграло в этом и то, что все они по 10 лет работали лишь в одной Смоленской губ.

Несмотря на их заслуги в прошлом, ЦКК жестоко наказал их, распустив бюро губкома, запретив занимать верхушке губкома ответственные работы и вынеся строгий выговор с предупреждением.

Это мера наказания, а как меру исправления ЦКК предложила послать их на производство, где они могли бы срастись с тем классом, от которого они оторвались.

Перед ЦКК предстала и вторая группа головки губернской организации, которая отличается от первой группы тем, что пыталась кое - что сделать, но не сумела, видела безобразные явления, но молчала, расследованию различных заявлений давала такой ход, что они терялись в бескочной волоките.

О подобного рода коммунистах Ленин писал следующее:

«Самый худший у нас внутренний враг — это коммунист, который сидит на ответственном (а затем на неответственном) посту и который, пользуясь всеобщим уважением, как человек добросовестный, не научился бороться с волокитой, не умеет бороться с ней, ее прикрывает. От этого врага мы должны очиститься, и через всех сознательных рабочих и крестьян мы до него доберемся». (Том XVIII, часть 2, стр. 16).

Таким оказался председатель ГКК Никитин. Такими коммунистами оказались укомплектованы смоленские суды и печать. Они знали о некоторых безобразиях, сделали слабую попытку их искоренить, испугались первого же противодействия, сами погрязли в волоките и от всего отмахнулись.

Часть из них уже получила от ЦКК наказание, другую часть нужно обнаружить. Надо через смоленских рабочих, рядовых партийцев и актив добраться, как предлагал Ленин, и до этого типа коммунистов. Нужно перетряхнуть их так, чтобы другим неповадно было.

лацкие хозяйства. И если коммунист сам превращается в кулака, в эксплоататора наемной силы, вместо того, чтобы использовать свои знания, энергию и любовь к сельскому хозяйству с целью развития коллективных форм, то это для автора является высшей партийной добродетелью и достоинством. С этим литературным оформлением и узаконением кулацкой идеологии нужно бороться так же беспощадно и круто, как со смоленским гнойником.

Верхушка губернской партийной организации.

Павлюченко, секретарь губкома, рабочий, проработавший на Смоленской фабрике «Катушка» около двенадцати лет. Зав. агит. отделом губкома Панфилов—крестьянин, окончивший сельскую школу. Председатель губпрофсовета Алексеев—служащий, поставленный рабочими сначала председателем фабкома, а затем избранный ими членом и впоследствии председателем губпрофсовета. Секретарь райкома Болдин—местный рабочий. Эту группу людей, поставленную смоленской партийной организацией на руководящие посты, нельзя валить на одну доску с Покалном. Взятки они не брали, казну не обкрадывали, но оторвались от масс настолько, что не видели безобразий, освещенных выше, не видели безобразий, творящихся и на немногочисленных фабричных предприятиях Смоленска.

На фабрике «Катушка» партийные и беспартийные мастера, пользуясь своим командным положением, вымогали с рабочих взятки, принуждали работниц к половому сожительству, жестоко расправляясь с ними в случае отказа, пьянствовали на дому и в публичных местах и терроризовали рабочих и коммунистическую часть фабрики настолько, что все эти безобразия в течение около четырех лет оставались нераскрытыми. В несколько меньших размерах, но такая же система распущенности и взяточничества, иногда в видоизмененных формах, существовала на Ярцевской фабрике и Рем. Авиозаводе.

Видя ряд подобного рода безобразных явлений, верхушка губернской организации не умела расценить это классово и политически, рассматривая, как случайный эпизод; представителям ЦКК тт. Ляксуткину и Цейтлину, вскрывшим этот гнойник, давались совершенно недостойные политических руководителей наивные об'яснения, а по мере обнаруживания Цейтлиным и Ляксуткиным все новых явлений преступной политики и разложения, руководящая группа губкома стала оказывать им противодействие.

На заседании президиума ЦКК, давая свои об'яснения, бывшая головка смоленской организации обнаружила притупление классового чутья, неспособность к классовому анализу явлений, подходя к разрешению больших вопросов с чиновничьим аршином: собрания, дескать, происходили у нас регулярно, активность на них была удовлетворительной, кое-что мы для борьбы с разложением сделали, теперь у нас несравненно лучше, чем было несколько лет назад и пр.

Шедевром такого рода непонимания вопросов крупного порядка и измерения больших явлений чиновничьим аршином является письмо зав. агитотделом губкома тов. Панфилова одному из своих знакомых. Это письмо Панфилов писал уже после обследования ЦКК. Как об'ясняет он факты, имевшие место в Смоленской губ.?

Приведем выдержку из его письма.

«Сычевка, это—пережиток старого курса еще при тов. Бейке, с которым (курсом) мы не соглашались, боролись и сумели переломить. Здесь ты кое-что знаешь».

Каково? Обрастание коммунистов, превращение их в кулаков, растраты государственных средств,—все это об'ясняется каким-то курсом, каким-то пережитком, переломленным к тому же. До последнего времени в Сычевском уезде происходили явления перерождения коммунистов в деревенскую буржуазию, а Панфилов, после того как представители ЦКК преподнесли ему факты последнего времени в готовом виде, называет это пережитком, к тому же переломленным. Кардымовские безобразия он об'ясняет следующим образом:

«В любом месте можно найти подобные факты, но они преподнесены концентрированно, и в этом вся их значимость». Политическая близорукость и притупление классового чутья так и несет от этого «анализа». Если в любом месте коммунисты сомкнулись с помещиками, кулаками и шинкарями, если в любом месте можно найти открытую и замаскированную передвижку власти от неимущих к имущим слоям, то втуне говорить о диктатуре пролетариата. Это обозначало бы термидор. А ведь тов. Панфилов не является сторонником такого взгляда.

Безобразия на фабрике «Катушка» превращены Панфиловым в какой-то случайный эпизод.

«Трое мастеров фабрики на протяжении времени 1924—28 гг. брали взятки, понуждали работниц к половому сожительству (2—3 факта), двое из них коммунисты».

Четырехлетнее взяточничество и пьяный разгул не со стороны 2—3 мастеров, а около десятка, во главе с председателем губотдела деревообделочников и зажим, вынуждавший рабочих мириться с таким положением, предподнесен Панфиловым, как случайное явление, не имеющее значения.

Это тип людей, оторвавшихся от массы, засосанных кабинетной работой, превратившейся для них в нечто самодовлеющее. Немалую роль сыграло в этом и то, что все они по 10 лет работали лишь в одной Смоленской губ.

Несмотря на их заслуги в прошлом, ЦКК жестоко наказал их, распустив бюро губкома, запретив занимать верхушке губкома ответственные работы и вынеся строгий выговор с предупреждением.

Это мера наказания, а как меру исправления ЦКК предложила послать их на производство, где они могли бы срастись с тем классом, от которого они оторвались.

Перед ЦКК предстала и вторая группа головки губернской организации, которая отличается от первой группы тем, что пыталась кое-что сделать, но не сумела, видела безобразные явления, но молчала, расследованию различных заявлений давала такой ход, что они терялись в бескочной волоките.

О подобного рода коммунистах Ленин писал следующее:

«Самый худший у нас внутренний враг — это коммунист, который сидит на ответственном (а затем на неответственном) посту и который, пользуясь всеобщим уважением, как человек добросовестный, не научился бороться с волокитой, не умеет бороться с ней, ее прикрывает. От этого врага мы должны очиститься, и через всех сознательных рабочих и крестьян мы до него доберемся». (Том XVIII, часть 2, стр. 16).

Таким оказался председатель ГКК Никитин. Такими коммунистами оказались укомплектованы смоленские суды и печать. Они знали о некоторых безобразиях, сделали слабую попытку их искоренить, испугались первого же противодействия, сами погрязли в волоките и от всего отмахнулись.

Часть из них уже получила от ЦКК наказание, другую часть нужно обнаружить. Надо через смоленских рабочих, рядовых партийцев и актив добраться, как предлагал Ленин, и до этого типа коммунистов. Нужно перетряхнуть их так, чтобы другим неповадно было.

Режим зажима.

Все эти безобразия, преступления и факты разложения, вскрытые в Смоленской губ., могли оставаться в течение ряда лет нераскрытыми лишь благодаря наличию в организации того слоя «непротивленческих» коммунистов, которых Ленин охарактеризовал «самыми опасными внутренними врагами», а с другой стороны, благодаря зажиму, благодаря подавлению в ней голоса критики и протеста.

О зажиме можно судить хотя бы по тому, что даже такие сравнительно безобидные заметки, как то, что в смоленском авиозаводе уголь вокруг кочегарки рассыпан на земле и смешивается с песком и всякими отбросами, или же что заводские трубы валяются под открытым небом в канаве и портятся, не разрешалось печатать под разными предлогами. Когда смоленская газета напечатала ряд заметок о бесхозяйственности в горкомхозе, а бесхозяйственность и преступления, как это в настоящее время обнаружилось, действительно имели там место, то губернскими работниками был поднят по этому поводу бешеный вой. В ответ на заметку о неправильном распределении горкомхозом квартир, последовала статья председателя горсовета, приписывающая помещение в газете заметки тому факту, что кое - кто из работников печати не получил квартир и поэтому сводит «личные счеты» на страницах газеты. Эту статью редакция, под давлением партийной головки, вынуждена была поместить, дискредитируя себя и партийную организацию перед лицом населения.

Зажим был так велик, что даже после доклада на собрании ячейки фабрики «Катушка» о результатах обследования, доклада, который вскрывал ряд безобразий и преступлений, имеющих место на фабрике, коммунистическая часть рабочих боялась откровенно говорить, а когда раскачалась, то стали выступать почти поголовно все, в результате чего собрание тянулось три дня.

На этом собрании была избрана комиссия, которой поручили расследовать все факты, которые были обнаружены в процессе прений.

В отсутствии представителей ЦКК Цейтлина и Ляксуткина, уехавших на пленум ЦКК, на заседание этой комиссии, происходившей с участием членов бюро цеховых ячеек, явился секретарь райкома Болдин. Это заседание должно было обсудить вопрос о собрании организационного бюро по перевыборам бюро фабричной ячейки и о работе комиссии по проверке заявлений рабочих. Секретарь райкома Болдин заявил, что бюро райкома постановило в организационное бюро включить трех членов райкома, включая его самого. Несмотря на то, что заседание высказалось отрицательно к этому заявлению и голосованием отвергло предложение, все три члена райкома были включены в организационное бюро.

По вопросу о работе комиссии, которой было поручено расследовать заявления рабочих, Болдин заявил, что существование ее нецелесообразно и что все вопросы, которые она должна обсудить, могут с успехом быть переданы РКИ.

Таким образом, даже после вскрытия ряда безобразий, говоривших, помимо всего прочего, о полном отрыве руководящих кадров от масс и о зажиме, культивируемом руководящей головкой, урок нисколько не подействовал—линия зажима продолжала осуществляться.

Сила привычек и традиции.

Рабочий класс по колени еще стоит в грязи прошлого. Грязь, накопленная столетиями, не могла не оставить своего следа на том классе, который призван к перестройке общества. Пример этому—система «клепок»,

применявшаяся на Ярцевской фабрике. Обозначает она, по существу, взятки, преподносимые в виде угощений начальства вновь поступающими рабочими и переводящимися на более квалифицированные работы. Сила привычек и традиций особенно ярко познается на этом примере. Система «клепок» старее капитализма. В цеховом строе феодализма эта система являлась основой в выдвижении учеников к подмастерьям и подмастерьев к мастерам.

Эта система столетия назад была усвоена капиталистическими мануфактурами и фабриками и так сквозь века попала нетронутой в социалистическую фабрику Ярцева. Такова сила привычек и традиций, которые нам приходится сламывать. Но если грязь накапливалась веками, то из этого нисколько не следует, что для очистки ее тоже требуются века. Из того факта, что бытовые условия пережили много поколений, вовсе не следует, что они переживут в том виде, в каком есть, еще хотя бы одно поколение. А между тем в среде коммунистов нередки рассуждения о том, что быт в теперешнем его виде будет господствующим и среди рабочего класса и среди коммунистов в течение еще многих десятилетий. От этих рассуждений пахнет такой же гнилью, как от системы «клепок». Эти рассуждения лишний раз подтверждают, что грязь прошлого, несмотря на пройденный путь, имеет иногда тенденцию у отдельных представителей рабочего класса, возрастать и подыматься нередко повыше колен.

Классовое общество создавалось тысячелетиями, а пересоздание его, если в классовой борьбе не погибнут оба борющихся класса, отнимет срок, исчисляемый во всяком случае не тысячелетиями и столетиями, а меньшими отрезками времени. Трудно определить сроки полного пересоздания бытовых условий, но неправильно исходным пунктом рассуждений ставить исчисление сроков со времени рождения данного типа быта.

Если при оценке сроков слома старого и постройки нового взять этот критерий, то можно в намечении перспектив докатиться до Каутского.

* * *

О чем сигнализирует смоленское дело?

Во-первых, о том, что смешение в быту с чуждыми элементами может привести даже лучших представителей рабочего класса к перерождению. Пример тому судьба Покална, который предстанет скоро на скамье подсудимых.

Дело Покална не случайный эпизод. Такого рода семейное смешение с чуждыми элементами далеко не единичное явление. Обычно это смешение выходит за рамки семейных отношений и превращается в идеологическое перерождение коммуниста в обывателя, что в свою очередь приводит подчас к преступлениям и гибели.

О перерождении путем смешения в быту с классово-чуждыми элементами свидетельствует также дело кардымовских коммунистов и ряда других волостей. Это—сигнал, над этим следует подумать.

Смоленское дело свидетельствует, во-вторых, о том, что усвоение коммунистами буржуазной идеологии наживы и обрастания неминуемо ведет к перерождению.

Обнаруженный гнойник свидетельствует, в-третьих, о том, что хорошие работники и заслуженные коммунисты, отрываясь от рабочего класса, об'ективно играют роль пособников разгула враждебных сил. Это—тоже сигнал, над этим тоже следует подумать ряду работников партийного и советского аппарата.

Смоленское дело свидетельствует, в-четвертых, о том, что коммунисты, не умеющие бороться с волокитой, отступающие перед препятствиями

и сопротивлениями, играют роль покрывателей преступлений, даже будучи индивидуально честными и незапятнанными.

Вскрытый нарыв говорит, в-пятых, о том, что в условиях, когда часть руководящих кадров отрывается от масс, а другая часть, видя это, молчит, а все вместе культивируют режим зажима, возможно наличие нераскрывающихся в течение некоторого промежутка времени безобразий, приводящих в отдельных пунктах к передвижке власти. Это — тоже сигнал.

И, в-шестых, смоленское дело настоятельно диктует необходимость больше внимания уделять вопросам быта, борьбе с алкоголизмом, превратившимся в социальную опасность, искоренению такого наследства, как система «клепок», и других наследственных болезней.

Основной же вывод, вытекающий из всего хода событий в Смоленской губ., говорит о том, что лишь контролем масс и беспощадной самокритикой возможно в зародыше предотвратить растущие болезни. Только в условиях подавления голоса масс и ее критики мог вырасти смоленский гнойник.

Кто не прислушается к этим сигналам, не учтет их, а успокоится на лаврах казенного благополучия при наличии подобных язв у себя в организации, на тех партия должна обрушить двойную кару по сравнению со смолянами.

А. Боссе.

Капиталистическое развитие сельского хозяйства Соед. Штатов.

Сельское хозяйство Америки быстро развивается в капиталистическом направлении, оставляя за собой массы экспроприированных фермеров. Оно чрезвычайно увеличивает свою продукцию, хотя страна и без того уже насыщена сельскохозяйственными продуктами и производство превышает спрос, при чем цены нередко падают ниже производственных издержек широких категорий фермеров. За пять лет 1922—1926 гг. десять миллионов фермеров и их семейств покинули фермы, в среднем два миллиона человек в год; в общем чистое уменьшение сельскохозяйственного населения, принимая в расчет миграцию его, а также рождаемость и смертность, составило за семь лет до 1 января 1920 г. три миллиона и три четверти. Статистика цен на сельскохозяйственные продукты, дохода, банкротств, задолженности, обложения и пр. показывает нам причины этого бегства фермеров, принявшего столь грандиозные размеры. Одной из этих причин было чрезвычайное увеличение продукции вследствие введения капиталистических методов. Наш очерк посвящен рассмотрению этой стороны развития американского сельского хозяйства.

Когда 50—60 лет назад впервые начали применять земледельческие машины в фермерском хозяйстве, в результате чрезвычайно увеличилась с.-х. продукция. Средняя возделываемая на душу площадь возросла с 1850 г. от 11 до 30 акров; это увеличение проистекало главным образом от применения машин. От начала текущего столетия производительность американского сельского хозяйства увеличилась почти на 50%; половина этого увеличения приходится на время от 1910 г., а самое большое увеличение приходится на последние несколько лет. Благодаря механизации американского сельского хозяйства, роль последнего в мировом сельском хозяйстве выражается в следующих цифрах: Соед. Штаты производят 70% всей мировой продукции хлебозерна, 60% всей мировой продукции хлопка, 50% всей мировой продукции табака, 25% всей мировой продукции овса, 20% всей мировой продукции пшеницы, льна и пр.

К числу новейших машин, применяемых в американском сельском хозяйстве, принадлежат комбинированные жатвенные машины и молотилки для пшеницы, косилки для ржи, различные новые машины для сбора хлопка, тракторы и т. д. Все они еще не применяются в очень широких размерах, но не подлежит сомнению, что они произведут новую революцию в технике сельского хозяйства. Вышеприведенные цифры говорят в пользу колоссального увеличения продукции в дальнейшие десять лет в результате этого процесса рационализации сельского хозяйства.

Во время войны, а также после нее трудно было получить с.-х. рабочих на время жатвы; это послужило стимулом для применения комбинированных машин, которые заодно являются и жатвенными машинами и моло-

тилками. Эти машины собирают пучки колосьев, срезывают их, молотят и очищают зерно; это делает излишними всех рабочих за исключением машиниста и нескольких подсобных рабочих. Вначале эти комбинированные машины употреблялись только на больших культивирующих пшеницу фермах на запад от Скалистых гор. После 1918 г. сильный недостаток в сельскохозяйственных рабочих побудил меньшие фермы на восток от Скалистых гор тоже ввести эти машины, и это нововведение оказалось весьма успешным. Фабрики стали производить специальные типы таких машин, приспособленные к восточным фермам и стоящие от одной до 3 тыс. долларов в зависимости от размеров машины. Для обслуживания самой малой из этих машин достаточно одного рабочего.

В 1926 г. издержки на рабочих при сборе пшеницы были гораздо ниже, чем в предыдущие годы, когда упомянутые машины не вошли еще в широкое употребление. При употреблении комбинированных жатвенных машин общие издержки составляли 1,47—1,50 доллара на акр. Средние издержки при косилках и молотилках составляли 3,36—4,22 доллара с акра. Таким образом, комбинированная жатвенная машина сделала возможным получать прибыль от участков, приносящих 3 бушеля и меньше с акра и являющихся при ручном труде недоходными. Министерство земледелия считает, что применение комбинированной жатвенной машины прибыльно для участков, начиная от 100 акров. Средняя ферма в пшеничной полосе (Wheat Belt, Северо-Западный Центральный район) имеет 150 акров, но многие владельцы комбинированных машин, имея меньшие участки, обслуживают своими машинами соседей. Комбинированные машины работают лучше других. Потери составляют только 1—2% против 3,3—6,1% при других машинах в области Великой Равнины (Great Plaine). Итак, комбинированная жатвенная машина сберегает в среднем около 2 бушелей пшеницы с акра, кроме того, сберегает время и труд 3—5 рабочих («New-York Times», 11/IX 1927).

Газета «Wall-Street Journal» считает, что фабрики земледельческих машин продали 15 тыс. комбинированных жатвенных машин и что с помощью этих последних снята была в 1927 г. половина всей жатвы. Эти машины сыграют важную роль в ускорении перехода к крупным фермам. В одном штате Канзас в 1927 г. было в употреблении 10 тыс. таких машин, на 25% больше, чем в предыдущем году, и каждая такая машина заменяла трех рабочих-жнецов. Департамент земледелия в штате Канзас констатирует, что «потребность в пришлых рабочих уменьшилась почти на 50%, это сокращение вызвано было в значительной мере применением жатвенных машин; за последний год урожай пшеницы был вторым по величине за все время, но благодаря этим машинам потребность в рабочих не превышала цифру нормального времени, составляющую для всего штата 30 тыс.». («United Farmer», ноябрь 1927 г.). Во всей западной пшеничной полосе (Western Wheat Belt) жатвенные машины, как полагают, вытеснили 80—90 тыс. рабочих. В известной мере эти машины об'ясняют тенденцию к увеличению посевов пшеницы, имеющую место, несмотря на то, что каждый год дает излишки и цены часто падают ниже производственных издержек. Политики Соединенных Штатов все время толкуют об уменьшении посевной площади сборов, однако, применение машин имеет совершенно противоположный результат.

Новые косилки для ржи получили широкое распространение. Они тоже сберегают труд. Разница между механической и ручной работой составляет от 10 до 43 бушелей в день на человека. Эти косилки все время совершенствуются, и в дальнейшем возможно еще бо̀льшее увеличение производительности. Машина стоит 400 долларов, а на ремонт приходится 16 долларов в год. Фермы небольших размеров должны употреблять ее совместно. При ручной работе человек может скосить (и собрать в снопы)

полтора акра в день при благоприятных условиях; обычно 1 акр в день считается хорошей работой, но косилка с тремя лошадьми в состоянии скосить 7 акров за 10-часовой рабочий день. Косилки употребляются двух типов (cutting и picking); первые применяются тогда, когда фермер желает полностью использовать солому для прокорма скота. При применении тракторов разница в пользу машин еще больше.

Однако, необходимость машин острее всего чувствовалась в хлопководстве. Это была самая трудная проблема, и только в настоящее время она, повидимому, нашла свое разрешение. Экономические и социальные результаты механизации сбора хлопка будут огромны, в особенности в южных штатах, производящих главным образом хлопок. Во многих из этих штатов неграм не позволяли переселяться на север; эти меры вызваны были недостатком сельскохозяйственных рабочих. Негров превращали в рабов, будь то с помощью террора Ку-Клукс-Клана или арестов, отдающих их в руки частных предпринимателей, которые немилосердно эксплоатируют их. Успешная механизация сборов хлопка, несомненно, поведет к усиленному отходу негров в промышленность северных штатов, а так как большинство негров Соединенных Штатов не организованы, то это должно будет в значительной мере ухудшить положение промышленных рабочих.

Эта новая машина собирает вместе с хлопком «коробочки», в которых он находится, ветки, листья и пр.; для отделения хлопка от оболочек служит специальный экстрактор, большинство джинов (прессов для хлопка) в Западном Техасе и Оклагоме снабжены теперь такими экстракторами. Один рабочий с упряжкой лошадей может собрать с помощью машины в пять—семь раз больше хлопка, чем ручным способом. В графстве Леббок в Техасе в 1927 г. требовалось в среднем для получения кипы хлопка в 500 фунтов пять часов машинной работы, тогда как в том же округе для получения кипы хлопка ручным способом требовалось 50 часов. Применение трактора еще больше увеличивает производительность новой машины. По словам экспертов федерального министерства земледелия, работа трактором вдвое производительнее работы с обычной упряжкой в четыре лошади. В районе Corpus Christi в Техасе двухрядная сеялка с упряжкой в четыре лошади засевала в 1926 г. в среднем в день 14,3 акров, тогда как четырехрядная сеялка с трактором 35,7 акров; ту и другую работу производил один рабочий. С помощью трактора один рабочий вспахивал 43,5 акра в день, а с помощью двухрядного конного плуга—только 15,4 акров. Сборы хлопка с помощью машины уже описаны нами выше.

«Интернациональное общество жатвенных машин», крупнейший трест земледельческих машин, изобрело новые машины для собирания и очистки хлопка. Они находятся еще отчасти в стадии опытов, но можно не сомневаться, что либо они, либо другие машины, построенные на аналогичных принципах, скоро окажутся вполне отвечающими своей цели. Хлопкособирательная машина в особенности подходит для работы на низменностях и других южных территориях, где продолжительный сезон и неравномерное созревание хлопка не позволяют снять всю жатву сразу. Эта машина собирает одновременно созревающий хлопок и не открывшиеся еще «коробочки». Для всей работы требуются только два человека: один управляет машиной, другой—трактором. Эти два рабочих могут собрать от 2 до 5 кип в день, тогда как при ручном способе на это требуется 8—15 дней. При этом хлопок оказывается также более высокого качества, чем при ручной работе. Надеются также, что тысячи кип хлопка, пропадающие при старом способе в виде неиспользованных остатков на полях, будут использованы при машинной работе. Развитие сельского хозяйства дошло теперь до такой стадии, что используются даже свиньи в скотобойнях и чуть ли не само хрюканье свиньи может быть использовано для граммофонных пластинок.

Для поливания хлопка раствором кальция сульфата, убивающего жучков-вредителей, пользуются обыкновенно упряжкой лошадей или мулов. С этой целью стали применять также аэропланы, потому что они работают скорее и при благоприятных условиях также дешевле, чем животная тяга. Некоторые общества применяют теперь аэропланы для таких предохранительных поливок хлопковых плантаций.

Изобретены также машины для сушки люцерны (альфальфы). Они устраняют риск, проистекающий от условий погоды, ускоряют и удешевляют сушку и дают сено более высокого качества. Изобретатель этой машины А. И. Мезон высказывается в том смысле, что обыкновенный фермер должен сойти со сцены точно так же, как мелкий сапожник: «его должна заменить форма фермерского хозяйства, напоминающая более фабрику, нежели ферму; если наши фермеры не в состоянии будут подняться до этой стадии, они превратятся во второразрядных хозяев, а потом и просто в крестьян» («N.-Y. Times», 9/I 27). Прибавим, что действительно грядущее фабричное «фермерство» низведет фермера на положение фабричного земледельца.

Были изобретены также машины для отборки хороших ягод от порченых. Химики министерства земледелия, изобревшие эту машину, подвергли ее испытаниям в летний сезон 1926 г., при чем в штате Майн сбережено было ягод на 1 млн. долларов—без этой машины они были бы негодны для консервного производства и были бы чистой потерей фермеров. Одна машина пропускает в день 350—500 бушелей. Сортировка ягод ручным способом обошлась бы столь дорого, что не окупалась бы («U. S. Daily», 22/III 27).

Нижеследующая таблица показывает число тракторов, бывших в употреблении в 1920 г. [1]).

	Число ферм, давших свед.	% ферм с тракторами	Число тракторов	% тракторов
Соединенные Штаты	229.332	3,6	246.083	100
Новая Англия	2.245	1,4	2.397	1
Средне-Атлантическая область	13.240	3,1	14.140	5,75
Северо-Восточная центральн. обл.	55.413	5,1	58.092	23,5
Северо-Западная центральн. обл.	92.123	8,4	97.884	40
Южно-Атлантическая область	10.460	0,9	11.229	5
Юго-Восточная центральная обл.	5.044	0,5	5.379	2
Юго-Западная центральная область	17.435	1,8	19.892	8
Горная область	15 865	6,5	17.513	7
Тихоокеанская область	17.507	7,5	19.557	9

От 1920 г. до 1925 г. число тракторов, находящихся в употреблении, увеличилось свыше 100% и достигло цифры 506 тыс. От 1925 г. по 1927 г. оно увеличилось на 38% и составило 700 тыс. («N.-Y. Times», 9/X 27).

Инженер министерства земледелия К. Д. Кинсман в своем исследовании «Оценка количества механической силы в фермах Соединенных Штатов» (июль 1925 г.) считает, что 60% производственных издержек американского сельского хозяйства в 1924 г. приходилось на рабочих и машины. Ежегодно использовались 16 млрд. лошадиных сил-часов, из них 880 млн. приходилось на электрическую энергию и 6.400 млн. на механическую силу. Из всей суммы затраченной энергии 80% были использованы непосредственно в производстве и сбыте. За время от 1880 до 1924 г. количество механической силы в сельском хозяйстве увеличилось на 800%. Число лошадиных сил на одного рабочего увеличилось вдвое, а число машин на рабочего увеличилось в 10 раз. Каждый рабочий обслуживает теперь вдвое большую площадь.

[1]) Abstract of 14 Census of 1920, p. 748.

До 1890 г. все количество энергии в сельском хозяйстве Соединенных Штатов получалось от животной тяги, но за первые 25 лет текущего столетия пар, газ и электричество получили широкое распространение. В 1890 г. животная тяга составляла в фермерском хозяйстве Соединенных Штатов 20 млн. лошадиных сил. В 1924 г. животная тяга осталась на том же уровне, но прибавилась механическая энергия в размере 25 млн. лош. сил, а именно тракторы, грузовики, стационарные паровые и газовые машины, моторы и т. д. Сравнивая пятилетие 1917—1921. гг. с пятилетием 1922—1926 гг., мы видим, что производительность труда увеличилась в шесть раз главным образом благодаря машине.

От 1850 г. до 1910 г. число лошадей в фермерском хозяйстве Соединенных Штатов постоянно увеличивалось, но после 1910 г. происходит постоянное уменьшение отчасти вследствие постепенной экспроприации многих фермеров, отчасти вследствие обеднения других слоев фермеров и, наконец, также вследствие широкого распространения автомобилей, грузовиков, тракторов и других земледельческих машин. Британский департамент внешней торговли в своем отчете об экономическом положении Соединенных Штатов—отчет вышел в 1927 г.—заявляет, что за последние 10 лет употребление машин сократило число лошадей в сельском хозяйстве Соединенных Штатов на 5 млн. («Report on Economic Conditions in the U. S.», Dept. of Overseas Trade, London, 1927, p. 24).

1 января 1928 г. число лошадей в фермерском хозяйстве Соединенных Штатов упало до своей низшей точки за все последние 40 лет. Число жеребцов, родившихся в 1927 г., не указывает на тенденцию к увеличению; число лошадей будет падать также в дальнейшем. Даже число мулов, постоянно увеличивавшееся от 1850 до 1926 г., начало с тех пор падать, и эта тенденция, повидимому, носит окончательный характер. Ниже мы приводим таблицу числа лошадей и мулов. Эта таблица показывает, что при капиталистическом развитии сельского хозяйства число животных в отличие от числа машин падает [1]).

Годы	Лошади	Мулы	Итого
	В миллионах		
1910	19,83	4,30	24,13
1920	19,77	5,50	25,27
1925	16,49	5,73	22,22
1926	15,83	5,73	21,56
1927	15,15	5,68	20,83
1928	14,54	5,57	20,11

Число лошадей в городах и деревнях не приводится отдельно. В 1920 г. число лошадей составляло (здесь) до 8,5% всего числа лошадей, а число мулов около 7%. Тот же самый процент может быть принят для последующих лет, хотя, несомненно, число лошадей и мулов в городах уменьшалось еще гораздо быстрее, чем на фермах.

Нижеследующая таблица показывает число автомобилей, грузовиков и тракторов в фермерском хозяйстве Соединенных Штатов в 1920 г. Для каждой области приводится абсолютное число, а также процент ферм данной области, имеющих автомобили, грузовики и тракторы [2]).

[1]) «U. S. Daily» 3/XI 27, 26/I 28; Abstract of 14 Census of U. S. of 1920, p. 750—1.
[2]) Abstract of 14 Census of 1920, p. 748.

	Автомобили		Грузовики		Тракторы	
	Абс.	В%%	Абс.	В%%	Абс.	В%%
Новая Англия	44.754	25,7	8.119	4,7	2.397	1,4
Средне-Атлантическая обл.	164.939	35,2	22.011	4,8	14.140	3,1
Северо-Восточн. центральн. обл.	550.858	47,3	26.074	2,3	58.092	5,1
Северо-Западн. центральн. обл.	693.032	57,6	33.375	2,9	97.884	8,4
Южно-Атлантическая область	200.103	16,2	15.787	1,3	11.229	0,9
Юго-Восточная центральн. обл.	86.141	7,8	5.153	0,5	5.379	0,5
Юго-Западная центральн. обл.	184.275	17,4	9.455	0,9	19.892	1,8
Горная область	98.727	37,6	7.589	2,9	17.513	6,5
Тихоокеанская область	123.533	47,2	11.606	4,6	19.557	7,5
Соединенные Штаты	2.146.362	31,0	139.169	2,0	246.083	3,6

В 1926 г. число автомобилей и т. д. на американских фермах составило 4.852.000. Отчет британского правительства подчеркивает, что число автомобилей, тракторов и т. д. так сильно увеличилось, а в будущем надо ожидать столь сильного дальнейшего увеличения, что «по всем вероятностям, Соединенные Штаты в течение целого ряда лет будут иметь избыток сельскохозяйственного производства, несмотря на увеличение своего населения, которое возрастает в общем на полтора процента в год». Конечно, это сверхпроизводство и происходящая в быстром темпе экспроприация фермеров являются неизбежным результатом проникновения капитализма в сельское хозяйство Соединенных Штатов.

Ниже мы приводим таблицу, показывающую резкое сокращение числа машин в сельском хозяйстве Соединенных Штатов в результате грандиозного кризиса, начавшегося в 1921 г. [1]).

	1920 г.	1921 г.	1924 г.	Уменьшение от 1920 на 1921 г. %%
Газовые тракторы	161.896	52.540 (1922 г.)	73.855	67
Сеялки	21.612	5.870	8.659	73
Жатвенные машины	30.626	8.977	14.898	71
Культиваторы	17.296	6.545	13.467	62
Все машины	471.422	222.908—	283.414	53
„ „ (стоимость)	721 млн. дол.	412 млн. дол. (1922 г.)		43

Число тракторов, проданных в 1921 г., не приводится в статистике. Продукция тракторов показывает сильное уменьшение в этом году сравнительно с предыдущим. В 1922 г. мы имеем некоторое увеличение сравнительно с 1921 г. Это распространяется также на цифры всех проданных машин. В действительности уменьшение от 1920 на 1921 г. меньше показанного в таблице, потому что в последней не принято во внимание падение цен. Национальное промышленное бюро полагает, что резкое падение цен на строения, машины и орудия и т. д. «вероятно, отражает уже отмеченный факт, что в периоды депрессии откладываются расходы на содержание инвентаря и оборудования». Мы сказали бы, что для многих фермеров эти расходы напрасны, так как эти фермеры имеют весьма мало шансов на улучшение своего положения. Это один шаг вперед к банкротству и разорению, которые знаменуют собой проникновение капитализма в сельское хозяйство.

Впрочем, после 1921 г. применение машин постоянно растет, хотя очень многие фермеры не в состоянии были оправиться после кризиса. Многие фермеры, находящиеся и без того в тяжелом положении, вынуждены были войти в долги, увеличить свою задолженность, но даже они должны были увеличить и улучшить свой инвентарь, чтобы вообще продержаться,

---

[1]) «The Agricultural Problem», National Industrial Conference Board, New-York, 1926, p. 136; 1925—Yearbook of Agriculture, Washington, 1926, p. 1364.

хотя и временно. Преимущества зажиточных фермеров перед бедными фермерами возросли, благодаря более широкому применению машин. Ниже мы приводим таблицу, показывающую рост применения машин после 1924 г. К сожалению, имеющиеся статистические данные показывают только общую цифру стоимости машин, а не число их в последние годы, они не дают также цифр на одну ферму или на акр площади. Тем не менее, таблица ясно показывает увеличение постоянного капитала в сельском хозяйстве.

	1924 г.	1925 г.	1926 г.
	в миллионах долларов		
Все машины	323,4	391,8	461,4
Увеличение сравн. с пред. годом		21,2%	17,5%
Тракторы	82,5	121,1	145,9
Жатвенные машины	29,7	28,4	46,0
Сеялки и культиваторы	14,6	20,9	26,6
	В штуках.		
Число тракторов	120.643	167.553	181.995
Число возов с конной упряжкой	—	128.963	83.547

Из всего производства земледельческих машин в 1926 г. свыше 83% было продано в Соединенных Штатах, а остальное было экспортировано. Уменьшение числа возов с конной упряжкой является, конечно, результатом растущего применения автомобилей и соответствует тому сокращению количества лошадей, о котором мы уже говорили выше.

Особая комиссия, назначенная государственным секретарем земледелия Jardine и сообщившая результаты своих работ в сентябре 1927 г., нашла, что в сельскохозяйственные машины фермеры вложили более 4 млрд. долл. и что в 1925 г. затрачено было на них свыше 330 млн. дол. Комиссия рекомендовала увеличение применения машин, подчеркивая, что это даст большие сбережения, так как расходы на энергию и рабочих составляют в среднем 60% всех производственных издержек в зерновом хозяйстве («U. S. Daily», 22/IX 27). Заметим, что эти господа по понятным причинам не говорят о том, как отражается растущее применение машин и увеличение сельскохозяйственной продукции на фермерах, которые уже разорены или находятся накануне их экспроприации.

Приводим таблицу, в которой показано применение машин различными категориями ферм в 1920 г.

	% всего числа ферм.	Стоимость машин и орудий.	% стоимости машин и оруд.
Малые фермы (до 100 акров)	63,1	1.015 млн. дол.	28,4
Средние (100—175 акров)	22,5	1.032 „ „	28,7
Крупные (175—1000 акров)	17,9	1.382 „ „	38,4
Латифундии (от 1000 акров)	1,0	164 „ „	4,6

Эта таблица показывает, что крупные фермы в бо́льшей мере применяют машины, чем мелкие. Хотя мелкие фермы составляют 63,1% всего числа ферм в Соединенных Штатах, на них приходится только 28,4% земледельческих машин и орудий, тогда как на крупные фермы, составляющие всего 17,9% общего числа ферм, приходится машин и оборудований 38,4% или почти вдвое больше.

В нижеследующей таблице показаны по различным территориальным областям число ферм и возделываемая площадь.

Распределение с.-х. машин в 1920 г.

Север:	%% ферм.	%% площади.	%% машин и орудий.
Новая Англия	2,43	1,22	2,57
Средне-Атл. обл.	6,59	5,28	9,99
Сев.-Вост. центр. область	16,82	17,47	21,87
Сев.-Зап. центр. область	17,01	34,07	32,35
Итого	42,85	58,04	66,78
Юг:			
Южно-Атл. область	17,97	9,64	7,90
Юго-Вост. центр. область	16,31	8,82	4,90
Юго-Зап. центр. область	15,45	12,76	8,65
Итого	49,73	31,22	21,45
Запад:			
Горная область	3,79	5,98	5,31
Тихоокеанская область	3,63	4,76	6,46
Итого	7,42	10,74	11,77

На большие хлебопроизводящие штаты северных центральных районов указывают, как на лучший пример капиталистического развития сельского хозяйства: здесь большие фермы, широко применяются сложные машины и пр. Сопоставляя число ферм с процентом всей стоимости машин, можно было бы считать наиболее капиталистической Северо-Западную Центральную область с ее преобладанием экстенсивного хозяйства, так как на эту область приходится треть всех машин при всего одной шестой части всего количества ферм. Район Новой Англии имеет 2,43% всех ферм и почти такой же процент всех машин: 2,57%. Но, с другой стороны, мы видим, что в Новой Англии процент машин и орудий более чем вдвое превышает процент возделываемой площади и что пропорция между ними в Средне-Атлантическом районе тоже приблизительно такая же. С другой стороны, в Северо-Восточном Центральном районе процент машин и орудий только на одну четвертую часть превышает процент всей площади, а в Северо-Западном Центральном районе первый процент на 5% меньше второго.

На север приходится 58,4% всей возделываемой фермерской площади (improved land) Соед. Штатов и 66,78% всей стоимости с.-х. машин и орудий. На юг с его 31,22% возделываемой площади приходится только 21,45% машин, а на запад с 10,74% возделываемой площади приходится 11,77% машин. Принимая во внимание цифры рабочих и удобрения, а также более коммерческий тип хозяйства севера, можно заключить, что сравнительно с другими районами север отличается более интенсивной культурой и более капиталистическим развитием. На большие северо-центральные районы пшеницы и ржи, взятые в целом (Северный Центральный район), приходится 54,22% всех машин, больше, чем на все другие районы. Юг значительно отстает от других штатов, но быстро увеличивает свое машинное оборудование, в особенности «Новый Юг», Юго-Западный Центральный район. (Abstract of 14 Census of 1920, p. 604).

Ленин в своем сочинении: «Новые данные о законах капиталистического развития сельского хозяйства. Капитализм и сельское хозяйство в Америке» подчеркивает, что «средняя величина фермы здесь (Северо-Западный Центральный район) больше, чем в каком бы то ни было другом районе Соединенных Штатов, и быстро возрастает. Обыкновенно этот район выставляют... как образец капиталистического сельского хозяйства в Америке. Эта общепринятая точка зрения ошибочна... она покоится на смешении примитивной формы экстенсивного хозяйства с технически прогрессивной интенсификацией сельского хозяйства». Он говорит даже, что «чем крупнее среднее хозяйство, тем больше процент хозяйств, употребляющих новейшие машины, и тем больше число машин, находящихся в употреблении. Преимущество крупного хозяйства в этой, крайне важной области доказано полностью и безусловно. Американские статистики поступают здесь тоже несколько оригинально: они не указывают числа орудий и машин, а приводят только общую стоимость тех и других». Эти замечания Ленина вполне правильны относительно Северо-Западного Центрального района и сугубо правильны в настоящее время с его огромным увеличением числа тракторов и других новейших машин сравнительно с тем, что было 15 лет назад, когда это писалось Лениным. Но если брать для сравнения не всю площадь и не число ферм, а только так называемую improved land (возделываемую площадь),—это будет точнее,—то этот район оказывается менее развитым в капиталистическом отношении, чем Северо-Атлантические районы с их электрическими машинами для доения, с их сепараторами, мызами, огороднической культурой, интенсивным применением наемного труда, удобрения и пр. и пр. Как подчеркивает Ленин: «Необходимо заметить, что, если принять во внимание стоимость машин, земли, скота, строений и пр. на акр всей площади, а не только возделываемой площади, то интенсивность сельского хозяйства Северных Штатов оказывается не столь высокой».

Ленин утверждает даже, что районы интенсивного сельского хозяйства на севере (Новая Англия и Средне-Атлантический район) «занимают первое место», тогда как «штаты Северо-Западного Центрального района, которые считаются поверхностными наблюдателями за образцовые, остаются далеко позади в смысле применения машин и капиталистического способа производства». В другом месте Ленин говорит следующее: «Тот район (Новая Англия), который, судя по площади, имеет самые малые фермы, в то же время, оказывается, имеет самые большие сел.-хоз. инвестиции в образе машин... В смысле применения машин малые фермы оказываются крупными фермами».

В качестве другого показателя капиталистического развития сельского хозяйства Ленин подчеркивает употребление наемного труда. Он пользуется данными 1909 г.; мы не имеем цифр из позднейшего времени для прямого сопоставления с этими данными, но если взять другие цифры о территориальном распределении наемного труда по районам в 1927 г., то они вполне подтверждают мысль Ленина: 1 сентября 1927 г. в фермах Северно-Центрального района, которые гораздо крупнее, нежели фермы Северно-Атлантического района, приходилось только 0,70 наемных рабочих на одну ферму, тогда как в этих последних приходилось на одну ферму 1,06 наемных рабочих; итак, в первом случае на 50% меньше. Если сравнить употребление удобрения, другой важный показатель интенсификации земледелия, мы находим подобные же отношения.

Относительно наемного труда Ленин писал следующее: «Главным признаком и показателем капитализма в сельском хозяйстве является наемный труд. Мы видим рост применения наемного труда и машин во всех районах Соединенных Штатов и во всех областях сельского хозяйства. Число наемных рабочих увеличивается скорее роста сельского населения или всего населения страны. Рост числа фермеров отстает от роста цифры сельского населения.

Классовые противоречия усиливаются и обостряются». Это подтверждается в главном цифрами следующей таблицы [1]):

	1900 г.	1910 г.	1920 г.	1900—1910 г.	1910—1920 г.
	в миллионах.			Увеличение в %	
Все население	76,0	92,0	105,7	21	15
Число всех занятых в сел. хоз.	10.4	12,1	10,5	16	—13 (умен.).
Число фермеров	5,7	6,0	6,4	5	8
Число наемных рабочих	2,02	2,57	2,65	27	0,03
% с.-х. рабочих ко всему числу занят. в с. х.	19%	22%	24%	3	2
Сельское население	45,6	49,8	51,4	9,2	3,2
% его ко всему населению	60%	54,2%	48,6%	—5,2 (ум.)	—5,6 (ум.).

Другой статистики, кроме данных этой таблицы, не имеется, но американское статистическое ведомство (Census Bureau) допускает, что они обманчивы, поскольку число наемных с-х. рабочих в 1920 г. указывается в 2,1 миллиона. Это кажущееся уменьшение числа с.-х. рабочих в 1920 г. сравнительно с 1910 г. правительственное статистическое бюро об'ясняет следующим образом: «Уменьшение в 1910 г. и 1920 г., надо полагать, об'ясняется главным образом (подчеркнуто нами. *А. Б.*) тем обстоятельством, что день переписи был перенесен с 15 апреля в 1910 г. на 1 января в 1920 г.». Конечно, лишь немногие фермеры держат в середине зимы столько же рабочих, как весной. В 1926 г. число с.-х. рабочих возросло от 1 февраля по 1 апреля на 20%; если увеличить на 20% цифру, приводимую для 1920 г., а именно: 2,1 млн., то мы получаем для 1 апреля 2,5 млн.,—эта цифра и приведена выше в нашей таблице. Процентная поправка должна быть еще больше, так как необходимо принять во внимание также первую половину апреля, не дату 1 апреля, а дату 15 апреля. Если же брать цифры за 1 июля или 1 сентября, что более правильно в виду тех с.-х. рабочих, которые нанимаются летом на время жатвы и пр., то число рабочих будет на 30% больше, чем к 1 апреля. Это подтвердит вплоть до 1927 г. констатированную Лениным тенденцию, что рост числа с.-х. рабочих превышает рост сельского населения, а также всего населения («Crops and markets», July, Sertember 1927. Bureau of Agricultural Economics, Department of Agrìculture). В 1919 г. расходы на с.-х. рабочих превышали на 100% те же расходы в 1909 г. Это нельзя об'яснить исключительно падением покупательной силы доллара, ибо заработная плата с.-х. рабочих увеличилась за этот период только на 75%, а розничные цены пищевых продуктов—только на 70%. Расходы на наемных рабочих увеличились во всех районах, а также во всех штатах, за исключением Алабама и Миссисипи, где возросшее употребление Croppers [2]) и т. п. сделало излишним увеличение числа регулярных наемных рабочих (Abstract of 14 Census, p. 746). Даже от 1924 г. к 1927 г. (1 сентября) число с.-х. рабочих увеличилось на 9%, тогда как число помогающих по хозяйству членов семьи увеличилось только на три четверти процента. На севере число наемных с.-х. рабочих уменьшилось на 5%, но число помогающих по хозяйству членов семьи уменьшилось в два раза сильнее. На юге число наемных рабочих несколько увеличилось, тогда как число помогающих по хозяйству членов семьи увеличилось весьма значительно (12—17%)—к работе были привлечены здесь все члены семейств арендаторов и «бедных белых» фамилий. На Западе число наемных рабочих сильно увеличилось (на 50%), тогда как число помогающих по хозяйству членов семьи уменьшилось за эти три года на 10 % («Crops and Markets» Semtember 1927, p. 339).

[1]) Источники: Ленин. Об америк. сельск. хозяйстве; Abstract of 14 Census of 1920, pp. 483, 18, 74.

[2]) Лиц, берущих в аренду снятие урожая.

На юге заработная плата составляет половину заработной платы на западе и пять восьмых заработной платы на севере. Говоря о капиталистическом характере фермерского хозяйства, мы должны иметь в виду, что помимо рабочих на фермах, фактически арендаторы работают на крупных землевладельцев, а мелкие фермеры и их семьи закабаляются банкирами, железными дорогами, хлебными спекулянтами-биржевиками и т. д. Этот процесс быстро прогрессирует; вот где центр тяжести в эволюции американского сельского хозяйства в сторону капитализма. Даже в южных штатах, где, казалось бы, широкое привлечение негров к croping (отдача в аренду жатвы) и другим видам аренды должно было бы сделать ненужным увеличение числа наемных рабочих (ибо эти арендаторы—фактически рабочие, как признают также многие экономисты из министерства земледелия), мы констатируем увеличение применения наемного труда. Это обстоятельство имеет важное значение, хотя относительно увеличение числа наемных рабочих меньше увеличения числа помогающих по хозяйству членов семьи.

Американское сельское хозяйство уже в настоящее время носит в широкой мере капиталистический характер в том смысле, что американский фермер является товаропроизводителем и обыкновенно производит один или два специальных продукта для продажи на городском рынке. Только около 20% всей продукции фермерского хозяйства потребляется самими фермерами. Американский фермер работает для прибыли и в любой момент готов оставить свою ферму и перейти на другой участок земли, обещающий ему больше прибыли. Об этом свидетельствует большая текучесть состава арендаторов, но также и собственников ферм.

Даже консервативные хозяйственники вынуждены признать, что американское сельское хозяйство все в большей мере принимает капиталистический характер. Национальное Промышленное Бюро («Agrìcultural problem», p. 126) высказывается по поводу аренды следующим образом: «Это показывает, что у нас происходит переход к другой форме сельского хозяйства, отличающейся бо́льшим распределением риска; сельское хозяйство становится более товарным хозяйством (подчеркнуто нами. *А. Б.*) и утрачивает свой личный и семейный характер, это вредно отзывается на составе нашего фермерского населения и на качестве наших сельскохозяйственных ресурсов». Железнодорожный и банковый магнат B. F. Yoakum («Manufacturers Record», цит. в «Daily Worker» от 5. V. 1927), выразил это еще сильнее, заявив, что фермерское хозяйство «принимает акционерный характер» (is becoming corporationished), что богатые горожане «во все растущей мере становятся собственниками ферм... от арендатора рукой подать к положению простого крестьянина».

Иллюстрацией того, в каком направлении развивается американское фермерское хозяйство, может служить «фермерское общество (Corporation) Кемпбелля» в Хардин, штат Монтана; оно культивирует пшеницу и имеет площадь в 100.000 акров, это—самая большая пшеничная ферма в мире. Здесь совсем не применяется животная тяга и сравнительно мало рабочих. Пахота, посев, жатва и обмолот производятся в грандиозном масштабе машинами. Производственные издержки уменьшались с каждым годом, пока в 1926 г. они дошли до 8 долларов на акр. Сопоставьте с этим официальный, выставленный правительством стандарт в 16,50 долл. для образцовой фермы. Комбинированные жатвенные машины и молотилки употребляются на этой гигантской ферме в большом количестве, они сократили время обработки с трех часов до трех четвертей часа на один акр. Эти машины были с успехом применены также для других злаков, как-то: овса, ячменя, ржи, бобов, клевера и люцерны.

Кемпбелль смотрит на сельское хозяйство, как на отсталую промышленность, которая должна быть развита по примеру и образцу фабричной

промышленности, но в известных пределах, ставимых естественными условиями. Он считает, что сельское хозяйство должно разрешать проблему высоких производственных издержек таким же образом, как это делают другие отрасли промышленности: с помощью применения машин, квалифицированного труда техников и ведения хозяйства в широком масштабе. Он видит неограниченные возможности в об'единении ферм в крупные единицы на акционерных началах. Он рассуждает следующим образом: «...Фактически вся фермерская земля в наших производящих пшеницу и рожь штатах может обрабатываться по промышленным методам, они будут способствовать уменьшению производственных издержек... Массовое производство, низкие издержки на акр и увеличение индивидуальной выручки... Во всех других отраслях промышленности Соединенных Штатов выработка рабочего увеличилась... Об'единение фермерского хозяйства представляет не более трудную проблему, чем об'единение производства обуви» («N.-Y. Times», 9. I. 1927).

Другим интересным примером об'единения фермерского хозяйства является образованное шестью фермерами «Пшеничное Фермерское Общество в Hays, в штате Канзас» с капиталом в 150.000 долларов. Оно собирается обрабатывать один сплошной участок в 5.000 акров и продавать зерно через торговых агентов. Комментируя это начинание, нью-йоркская газета «Evening Post» видит в нем начало тенденции к об'единению, подобной той, которая привела к столь интенсивному трестированию в других областях в Америке. («United Farmer», Nov. 1927). Каковы будут результаты широкого об'единения ферм для их рабочих, арендаторов, задолженных собственников, а также для широких слоев полных собственников? Они будут вытеснены в ряды сельскохозяйственных рабочих.

В 1924 г. 7.428 фермерских «корпораций» дали сведения по подоходному налогу. 1.689 из этих последних показывают, что подавляющее большинство фермерских обществ занимается скотоводством и плодоводством, при чем прибегает к платным управляющим и наемным рабочим. Любопытно, что скотоводство является самым экстенсивным, а плодоводство—самым интенсивным типом фермерского хозяйства с точки зрения «вложения постоянного и переменного капитала» («Workers Monthly», Sept. 1925).

Генри Форд купил десятки тысяч акров земли и намерен устроить на них показательную ферму и таким образом разрешить проблему фермерского хозяйства. Форд уже имеет свою ферму в Дирборн, в штате Мичиган; она дала ему базу для его утверждения, что вся годовая работа фермы может быть исполнена в 20 рабочих дней, а в большинстве случаев даже в 15 дней: два дня для пахоты и бороньбы, один день для засева, пять дней на работы во время произрастания злаков, два дня на жнитво и молотьбу и пять дней для прорытия канав, постройки заборов, нанесения удобрений на почву и пр. Форд считает, что этого результата можно достигнуть с помощью вполне планомерной организации, интенсивной специализации и применения машин, сберегающих ручной труд. Так как потребуется больше машин и рабочих, чем в состоянии использовать большинство отдельных фермеров, план Форда предвидит сельскохозяйственных подрядчиков, которые будут переходить от фермы к ферме, снабжая их необходимыми рабочими и машинами.

«Если,—рассуждает Форд,—производственные издержки сельского хозяйства будут снижены так, что фермер сможет получать прибыль, мы очутимся скоро перед фактом перепроизводства, разве что увеличится потребление, поскольку достигнутые сбережения будут распространены также на потребителя. Это означает снижение цен, а низкие цены означают не только снижение издержек, но также более рациональный способ распределения (торговли). Мы доказали это на сбыте автомобилей и тракторов» («Commerce and Finance», цит. в «N.-Y. World», P. II, 27). Форд не склонен упоминать о том, какие результаты должен повлечь его план для миллионов бедных фермеров. Внутреннее потребление нельзя будет настолько увеличить, чтобы

оно в состоянии было поглотить колоссальный излишек продукции, который окажется в результате применения в большом масштабе плана Форда. Разумеется, все это еще дело будущего, но по всем видимостям развитие идет к этому. План Форда означает полную механизацию сельского хозяйства, при чем фермеры только поставляют землю или контролируют ее, а все дело остается за большими корпорациями. Нет оснований, почему эти корпорации не могут сами купить землю и поставить своих управляющих и таким образом или совсем вытеснить самостоятельных фермеров или низвести их в известный срок на положение нового «арендатора».

Успех этого типа хозяйства может быть предсказан на основе того империалистического типа сельского хозяйства, который большие американские тресты проводят в своих колониях: мы имеем в виду сахарные плантации на острове Кубе, культуру фруктов в Средней Америке и т. д. Это чисто трестированные предприятия, они уже более полустолетия успешно конкурируют с американскими фермерами.

Хозяйство фермерских обществ (корпораций) терпело не мало неудач, но они указывают только на организационные трудности, на недостаток капитала и т. д., говорят нам, что только большие общества с солидной финансовой основой могут преуспевать. Когда критики фермерских обществ указывают на неудачи и организационные трудности, они нередко проговариваются и выдают свои действительные опасения, а именно: страх перед социальными последствиями замены самостоятельных фермеров наемными рабочими. В результате, прежде чем фермерское хозяйство будет организовано таким образом, наступит социальный переворот. С другой стороны, финансовый капитал в Америке в такой полной мере является хозяином прессы и школы, а также бюрократического и военного аппарата федерального правительства и отдельных штатов, что может обманывать и держать в повиновении фермеров; это могущество финансового капитала является чуть ли не беспредельным. Об этом свидетельствует та поддержка, которую банкиры нашли у фермеров в деле концентрации и централизации торговли сельскохозяйственными продуктами: мы имеем в виду железные дороги, элеваторы, складочные дома, розничную торговлю, банки, спекуляцию на товарных биржах.

Движение в пользу децентрализации промышленности делает успехи в Соединенных Штатах. Генри Форд, Г. Е. Трипп (бывший глава электротехнического общества Вестингауза), Е. А. Филене и другие крупные промышленники выдвигают этот лозунг. Фермеры и сельское население должны быть, таким образом, превращены в наемных рабов и в то же время оставаться на своих фермах в продолжение короткого земледельческого сезона. Эта индустриализация сельского населения была важным фактором в процессе быстрой индустриализации южных штатов и проводится по всей стране. Форд полагает, что только децентрализация американской промышленности может улучшить положение фермеров, дать им возможность получать прибыль; он строит свои надежды на том факте, что децентрализация происходит теперь в увеличенном масштабе. Трипп писал, что «централизация промышленности, очевидно, зашла слишком далеко, промышленность могла бы получить значительную экономию от установки сравнительно небольших установок в небольших городах и сельских округах», это открыло бы, по мнению Триппа, новые возможности для ищущих работу. Трипп указывает, что децентрализация *уменьшит известные административные трудности* (она позволит в широкой мере применять неорганизованных рабочих и низкую оплату труда), уменьшит издержки производства и т. д. («N.-Y. Times», 21. V. 26). В своем обзоре последствий децентрализации фабричной промышленности для сельского населения министерство земледелия в самом начале откровенно заявляет, что одним из представляющихся здесь вопросов для исследователя является «свобода от рабочих волнений и конфликтов» («U. S. Daily», 10. VIII. 26).

И. Дымшиц.

О сменных цеховых парт'ячейках

Бурный рост нашего хозяйства вообще, нашей госпромышленности в частности, под'ем производительных сил города и деревни, большие успехи, которые мы проявили в деле индустриализации нашего хозяйства, первые, но твердые шаги по пути коллективизации деревни,—все это вместе пред'являет к нашей партии, как единственному руководителю делом строительства социализма в СССР, целый ряд серьезнейших требований. От нашей партийной организации, начиная от Центрального Комитета и кончая любой цеховой ячейкой на фабрике, в деревне, в госучреждении, сейчас требуется особенная гибкость, умелое приспособление к изменяющейся и усложняющейся хозяйственной обстановке, четкая и ясная политика, правильное лавирование среди всех и всяческих трудностей, упорная и беспощадная борьба со всеми извращениями партийной линии,—и не только с извращениями, но и с самими извратителями—с конкретными носителями зла. Незакостенение рутинных, привычных приемов и методов, а своевременное их изменение, своевременная смена форм и методов, гибкое маневрирование, умение быстро находить действенные методы для разрешения поставленных партией задач, — вот основные требования, которые современная обстановка пред'являет всем нашим партийным организациям в методах их работы. Эта задача может быть разрешена только при самом широком организационном охвате всех слоев рабочего класса, при постоянном взаимодействии между партией и рабочим классом, при дальнейшем развитии в наших рядах деловой пролетарской самокритики.

* * *

Под'ем нашей госпромышленности за годы нэпа явился вместе с тем и периодом консолидации пролетариата. Старые кадры квалифицированной рабочей силы, частью дисквалифицировавшиеся и деклассировавшиеся во время военного коммунизма и в первые годы нэпа, снова влились на фабрики и заводы, по мере под'ема нашей промышленности. Переход от восстановительного периода к периоду реконструктивному и наше капитальное строительство неизбежно должны были вызвать количественный рост пролетариата за счет сотен тысяч новобранцев промышленности, рекрутирующихся из деревни. С другой стороны, наш партийный, советский, профессиональный и кооперативный аппарат впитал в себя не одну сотню тысяч настоящих пролетариев, тесными и неразрывными узами связанных с нашей партией. Задача орабочения нашего аппарата, которая и в настоящее время является одной из первоочередных задач партии, потребует еще и дальнейшего выдвижения старых пролетариев в аппарат. Гражданская война и ее последствия в значительной мере обескровили и опустошили ряды пролетариата. Вузы, комвузы и техникумы также впитывают в себя значительные

кадры старых пролетариев. Вся эта убыль рабочей силы пополнялась из социально иных слоев—из крестьянства, городского мещанства,—мелкобуржуазную идеологию которых не смогло еще преодолеть новое пролетарское бытие.

Вся эта передвижка в рядах пролетариата, все эти молекулярные изменения в его составе, его классовая неоднородность чрезвычайно усложняют дело организационного и политико-воспитательного охвата нашей партией всех слоев рабочего класса. Трудности партработы усугубляются еще и большой текучестью рабочей силы по сравнению с довоенной (например, у горняков). Партия тысячами щупальцев охватила своим влиянием весь рабочий класс—через партийные и комсомольские ячейки, через фабзавкомы, женделегаток, рабкоров и стенкоров, через всю сложнейшую систему приводных к партии ремней. Но специфические особенности и трудности работы заставляют теперь приблизить партийную организацию к самым мелким ячейкам производства с тем, чтобы легче и лучше организационно охватить всю толщу рабочего класса, чтобы еще более приблизить партийное руководство к широким слоям рабочего класса, организационно крепче охватить партийные кадры. Уже ко времени XIV партс'езда ряд парторганизаций переходит к выделению на крупных фабричных и заводских ячейках особых цехорганизаторов, которые должны были охватывать и организовывать партийную жизнь цеха. Практика показала целесообразность и своевременность следующего шага в этом направлении—создания особых цех'ячеек.

Устав нашей партии, принятый XIV партс'ездом, закрепил и санкционировал этот шаг: «В крупных, с большим количеством рабочих, предприятиях внутри общезаводской ячейки, охватывающей все предприятия, могут быть организованы с утверждения окружкома (укома) или райкома (в городах), в каждом отдельном случае ячейки по цехам—цех'ячейки» (из устава партии). Опыт цех'ячеек все больше и больше переносится на фабрики и заводы и становится главной организационной формой массовой партработы. Цех'ячейки выковали новые кадры партактива: так при обследовании 20 цех'ячеек Выборгского района в Ленинграде, установлено, что «цех'-ячейки стали политическим центром в цехах, руководят массовыми организациями и что в них растет актив и сплоченность коммунистов вокруг бюро».

* * *

В настоящее время, однако, уже и цеховая ячейка не может являться наиболее гибкой формой организационного охвата рабочих партийным руководством и партийным влиянием. В связи с сокращением рабочего дня до 7 часов мы имеем на ряде предприятий переход на 3-сменную работу; в дальнейшем на 3-сменную работу перейдет большинство крупных фабрично-заводских предприятий. В свое время в связи с успехами рационализации и производительности труда, несомненно, встанет вопрос о переходе некоторых наших предприятий и на 4-сменную работу. Смена начинает приобретать на фабрике и заводе все большее и большее значение. Переход на 3—4 смены требует втягивания в производство новых кадров рабочих, до сих пор не подвергавшихся или в малой степени подвергавшихся партийному влиянию. Сменные рабочие в значительной своей массе—новички-пролетарии, еще не выварившиеся в фабричном котле, часто проникнутые мелкобуржуазной и крестьянской идеологией; с другой стороны, у квалифицированной части рабочих еще сильны цеховые пережитки. В этой прослойке велико еще непонимание социалистического характера наших государственных фабрик и заводов, противопоставление своих интересов интересам

предприятия; непонимание разницы между госпредприятиями и капиталистическими предприятиями, неумение отличить администрацию наших госпредприятий от частных предпринимателей и т. д. Вместе с тем среди этой части сменных рабочих чаще всего наблюдается пониженный интерес, а то и полное его отсутствие, к вопросам общественного характера—именно их труднее всего затащить на собрание, особенно, если собрание территориально далеко или не совпадает с окончанием рабочего дня. Поэтому, чтобы полнее охватить эти отсталые слои рабочих партвлиянием, необходимо, чтобы партруководство—низовая партийная ячейка—передвинулось из цеха в самую смену. Необходимость создания **сменных цеховых ячеек** в большинстве крупных фабрично-заводских предприятий, особенно перешедших на 3 смены, вполне назрела. Партийцы смены и сама смена представляют единый, об'единенный общностью интересов и одновременностью работы коллектив и требуют близкого и единого партруководства, которого цеховые ячейки—несменные, поскольку они об'единяют **несколько** смен,—обеспечить не могут. Цех'ячейки обычно партработу в смене ведут через особых группоргов, но и эта форма охвата партийцев смены в настоящее время далеко неудовлетворительна. Охват партийцев и партработы в смене часто неполный, сплошь и рядом группорги смен не могут найти секретаря цех'ячейки, так как работают они в **разных** сменах; получается некоторый отрыв цехового секретаря, цехового бюро ячейки от рядовых партийцев смены, и это отражается на всей работе. **От ориентации на цех нужно переходить к ориентации на смену, от цех'ячеек—к созданию сменных цех'ячеек.** Таково настоятельное требование жизни.

* * *

Переход на систему сменных цех'ячеек поможет наиболее легким путем разрешить целый ряд важнейших задач, стоящих перед партией. Задача роста партии за счет наиболее сознательных и близких партии товарищей из беспартийного рабочего актива лучше всего разрешается сменными ячейками. Замечено, что на крупных заводах процент вовлечения беспартийного актива в партию сравнительно невысок. Эту работу по вовлечению в партию беспартийного рабочего актива значительно лучше выполнит сменная цеховая ячейка, которая может непосредственно изучить индивидуально **каждого** выдвигающегося рабочего, привлекая его на открытые собрания, подвергая его индивидуальной обработке. Работая бок о бок с беспартийным активистом смены, партийцы смены в частных разговорах, беседах на производстве, в столовке за обедом, дома за чашкой чая могут не только детально изучить его, но и всесторонне подготовить к вступлению в партию. Именно при системе сменных цех'ячеек может быть обеспечен не случайный рост партии, а сугубо подготовленный, организованный и качественно выдержанный. Повседневная и планомерная вербовка в партию рабочего актива—далеко не легкая вещь, потому что по отношению к каждому вербуемому товарищу требуется особый, индивидуальный подход, необходима величайшая осторожность в разрешении его сомнений и колебаний, в постепенном воспитании в нем активного желания быть участником нашей партийной работы, с другой стороны, не менее важно и выявление возможной ценности для партии данного товарища. Такой индивидуальный подход лучше всего может проводить только сменная ячейка, ближе всего сталкивающаяся со сменным рабочим, с партийцем смены, могущая постоянно проверять выполнение отдельными партийцами порученной им работы по индивидуальной обработке. И, может быть, как раз тем, что сменные ячейки

только сейчас кое-где начинают появляться, об'ясняется тот факт, что до сих пор мы привыкли вовлекать в партию кампанейским путем и значительно меньше—методом индивидуальной вербовки. Октябрьский призыв, конечно, далеко не исчерпал еще всех возможностей пополнения нашей партии за счет лучших кадров беспартийного рабочего актива. Предстоит еще задача длительной индивидуальной обработки, большой работы с беспартийным активом, в результате которой наша партия может пополниться многими и многими десятками тысяч лучших пролетариев. Нужно обратить особое внимание на сравнительно недостаточное вовлечение в партию особо квалифицированных слоев рабочих, ценность которых для партии в настоящий период реконструкции сама по себе вполне понятна. Но как мы сказали, именно этот слой рабочего класса наиболее подвержен всякого рода цеховым пережиткам. Здесь нужна особенно большая выдержка, упорная, длительная, повседневная и, пожалуй, ежечасная большевистская работа по изживанию, выкорчевыванию этих пережитков, по воспитанию и внедрению в сознание этих товарищей правильных понятий и взглядов. Эта работа по плечу только сменным ячейкам, ближе всего на работе и в повседневном быту сталкивающимся с рабочими. То же самое и работа с наиболее отсталыми слоями рабочих. При системе сменных цеховых ячеек легче привлекать рабочих на открытое партсобрание, легко созывать быстрые летучие собрания, можно практиковать индивидуальное прикрепление, каждый рабочий на виду у сменного цехбюро и у сменного цехсекретаря.

* * *

Следующая область, в которой практика сменных цеховых ячеек может оказаться особенно плодотворной, это—рационализация производства и участие в ней рабочих. Едва ли будет преувеличением сказать, что такие явления, как, например, шахтинское дело, были бы абсолютно немыслимы, если бы по всей партийной системе мы имели такие низовки, как сменные цех'ячейки. Находясь на самом низу, в центре производства, сменная цех'ячейка прекрасно улавливала бы настроения рабочих и чутко на них реагировала. Сменная ячейка была бы в курсе всех конфликтов, всех трений с администрацией в самом их истоке, при самом их зарождении, и это создавало бы для нее самые благоприятные условия для безболезненного их изживания. Всякого рода зачинающуюся бузу или «волынку» сменная цех'ячейка может своевременно ликвидировать, пока она еще в зародыше, авторитетным раз'яснением, устранением тех ненормальностей, на почве которых создается недовольство рабочих. Чутко улавливая запросы и настроения рабочих, сменные цех'ячейки смогут и должны явиться тем партийным барометром, который показывает и запросы и настроения рабочего класса. Сменная цех'ячейка легче всего может заметить все ненормальности, какие тормозят четкий и нормальный ход производства—будь то грубость мастера или бюрократизм администрации, невнимательное отношение к охране рабочего труда, неправильные или несправедливые расценки, недоброкачественность сырья, отсутствие необходимых вспомогательных материалов, неиспользование или неполное использование машинного оборудования, небрежное отношение к ценным материалам. Все эти ненормальности, крайне волнующие рабочую массу, должны и могут тотчас же встать на обсуждение бюро сменной ячейки, которое сумеет предпринять меры к их устранению. Нужно только, чтобы к голосу сменной цех'ячейки своевременно прислушивались соответствующие высшие партийные, советские и профессиональные организации и во-время, и без волокиты, и бюрократизма разрешали возбуждаемые ею вопросы. Рационализация, вопросы

правильного, наиболее эффективного использования сырья, топлива, оборудования и рабочей силы, применения новых и наиболее целесообразных методов и приемов работы,—все эти вопросы могут быть радикально и практически разрешены, если только они приняты самой широкой рабочей массой, если эти решения ею продуманы, усвоены, одобрены. Только в том случае, если каждый отдельный рабочий будет рассматривать дело рационализации своего предприятия, как свое кровное дело, проявится инициатива рабочего, его многолетний опыт, его наблюдательность, его пытливость и изобретательность, только тогда рационализаторская работа оплодотворится сотнями ценных и важных предложений, даст силу и жизненность уже принятым решениям. И вот в этом деле—в деле рационализации, сменная цеховая ячейка может и должна быть на первом месте, ставя и обсуждая на своих открытых собраниях, на заседаниях бюро отдельные вопросы, связанные с рационализацией данного предприятия, участвуя на производственных совещаниях и комиссиях, принимая меры к реализации их решений. Близко соприкасаясь и индивидуально изучив рабочих по совместной работе, сменная цех'ячейка сумеет правильно разрешать и другой вопрос—о выдвиженчестве рабочих на ответственную хозяйственную, советскую и профработу.

Наконец, непосредственная близость сменной цех'ячейки к рабочим может чрезвычайно многое дать и в смысле борьбы с бюрократизмом. В каждом отдельном случае, когда рабочего-изобретателя затирают, когда ценное изобретение лежит втуне, когда бездарные администраторы проявляют преступную волокиту в деле удовлетворения справедливых требований рабочих и проч.,—сменная цех'ячейка сумеет развить энергичную борьбу с конкретными носителями зла.

Вся эта многообразная работа сменных цеховых ячеек, несомненно, приведет к оживлению всей партийной жизни вообще и к значительному идейно-политическому росту партийцев смены на живой ответственной и серьезной работе. Сменные парт'ячейки смогут и должны стать важнейшими лабораториями по выращиванию нового партийного актива. Этот новый партийный актив будет выращиваться из тех многих десятков тысяч рядовиков-партийцев—членов бюро сменных ячеек и сменных цехсекретарей, которые впервые будут призваны к участию в партруководстве, к проведению партийного влияния в смене в обстановке самой непосредственной близости и соприкосновения с рабочими. Сменные цех'ячейки послужат вместе с тем наилучшей школой партийного воспитания и для рядовиков-партийцев, работающих в смене, поскольку близость бюро сменной цех'ячейки к партийцам смены (одновременность работы) дает возможность лучше использовать каждого отдельного партийца, больше применяясь к его индивидуальным особенностям, чаще и практически проверять выполнение порученной ему работы. На собрании сменной цех'ячейки партийцы, находясь среди товарищей, которых они прекрасно знают по работе и по общению в личном быту, легче сумеют преодолеть робость и неуверенность первых выступлений, приучатся критически мыслить, приучатся к деловой самокритике. Работая по индивидуальной обработке беспартийного актива и вообще беспартийных рабочих, рядовики-партийцы смены будут сталкиваться с целым рядом вопросов и сомнений, на которые они зачастую самостоятельно не в состоянии будут дать нужного ответа; это заставит их и самих думать и обращаться за помощью к книге, членам сменного цехбюро, секретарю сменной цех'ячейки, отдельным более развитым товарищам. Все это создает большие предпосылки к оживлению всей внутрипартийной работы, повышению темпа и углубленности проработки во всей системе партпросвещения и созданию новых кадров рабочего партактива.

Переход в крупных фабрично-заводских предприятиях на систему сменных цеховых парт'ячеек поставлен самой жизнью и должен быть разрешен в положительном смысле. Ряд крупнейших наших индустриальных парторганизаций—Ленинградская и Иваново-Вознесенская—уже перешли к этой системе. Опыт этот дал богатые результаты. Сменные цех'ячейки являются тем очередным шагом, который должен быть проделан нашей партией в деле наиболее полного и наиболее широкого обслуживания как партийной, так и беспартийной части нашего промышленного пролетариата. Каждый новый шаг встречает, конечно, трудности, иногда сознательно и преувеличенно раздуваемые.

Возражения, которые раньше можно было слышать в отношении цех'-ячеек, теперь иногда выставляются и против сменных цех'ячеек—отсутствие достаточных новых кадров партактива для работы в качестве секретарей сменных цехпарт'ячеек и членов бюро, боязнь распылить силы. Опыт с цеховыми ячейками показал, насколько неосновательны были эти возражения. Некоторый опыт сменных цехпарт'ячеек доказывает неосновательность этих доводов и теперь.

Переход на систему сменных цехпарт'ячеек должен будет, естественно, повлечь за собой и соответственную реорганизацию профсоюзной сети. Так, ленинградский губотдел текстилей, учтя опыт посменных парт'-ячеек уже реорганизовал всю профессиональную сеть по сменам («Правда» от 20 марта 1928 г.). В отдельных случаях такая же реорганизация потребуется, может быть, и по комсомольской линии. Отдельные трудности, с которыми на практике придется столкнуться в деле перехода на систему сменных цеховых парт'ячеек, совершенно ничтожны по сравнению с теми громадными достижениями, которые нам сулит эта важная и многообещающая реформа.

Я. Весник.

О системе в новом промышленном строительстве.

(В порядке обсуждения).

1) Проблема упорядочения нового промстроительства сейчас в центре внимания и работы. Последние месяцы велся интенсивный огонь по дефектам в этой области. Энергичная критика уже послужила хорошим ударом по безынициативности, безответственности, по ком-спец-чванству, хлестаковщине и бесчестности. Бесспорно, что критику и контроль следует развивать все шире, но этой критики совершенно недостаточно,—обстрел вообще наносит урон противнику, но не дает реальных завоеваний.

Из массы сообщенных примеров мы узнали ведь не только о бесцеремонном обращении с советской деньгой и сроками строительства, но и вообще о бесплановом, о технически, экономически и организационно необоснованном разворачивании и протекании нового промстроительства; дефекты эти коренные, организационные, к коим причастна помимо исполнителей строительств вся планирующая, наркоматская Москва.

Очевидно, с одной стороны, нам нужны завоевания более глубокие, чем расширение применения советской долговой ямы, с другой же стороны—более конкретные, чем ожидание успехов культурной революции,— за артиллерийской подготовкой критики должно последовать организованное наступление на недостатки для завоевания системы в постановке нового промстроительства.

Я имею в виду не общую систему социалистического строительства (в целом уже показавшую жизнеспособность и преимущества перед капиталистическим хозяйством), а ее дифференциал, систему в частях, сильно смахивающую в отдельных отраслях строительства на бессистемность; хорошо еще, что плюс на минус дает минус только в математике.

Вопросы организации, системы вообще должны быть первоочередными, основными всегда при постановке отдельной конкретной задачи социалистического строительства (ведь проблема культурной революции без связи с критикой и организационным творчеством попахивает беззубым оппортунизмом так же, как изолированная критика, несмотря на оздоравливающие укусы, все же часто наносит вред делу). По аналогии, в управлении автомобилем, если включить скорость (уровень культуры) и дать газ (критики), но забыть про конус (системы), то мотор будет работать вхолостую.

Если мы хотим повысить ныне трагически низкий коэффициент полезного действия нашей созидательной работы и прогресс вести не только за счет (на иждивении) системы в целом, то надо умело управлять всеми тремя рычагами,—дифференцированная система, инициативная критика и культурная революция.

2) не только критика, но, что важнее, все виды практической инициативы не могут дать свои плоды в течение лишь ударной кампании. Больше того, сезонная шумиха зачастую прямо вредна, стушевывая потребные, глубокие организационные меры и приводя иногда к скороспелым половинчатым решениям, иногда к перегибам. У нас же

призывы к активности и самобичеванию многочисленны, но условия для повседневной реализации инициативы не созданы. Эти возможности развязываются лишь во время сезона, кампании (часто делаясь сверх меры развязными и безответственными), но когда мода еще не пришла или, наоборот, индульгенция уже кончилась, то активность чаще всего воспринимается как ненужное беспокойство и донкихотство.

Разве год, даже два назад не были видны нараставшие в новом промстроительстве дефекты? Разве не полезно было приостановить ошибки заранее, создать с самого начала нормальные условия? Может быть нужен был «опыт» провала больших строительств и средств, чтобы «научиться», осознать. Нет, если б у нас вообще, перманентно было обеспечено право инициативы и критики, то вместо того, чтобы сейчас истово креститься после уже грянувшего грома, можно было в свое время во всеоружии подойти к проблеме нового промстроительства (доказательства этому, заглянув в свои архивы, найдут хозорганы, наркоматы и даже НК РКИ). Вместо призывов и кампаний должно быть создано и обеспечено всей силой авторитета партии и всей советской системой постоянное право инициативы, критики, творчества (нужна не только в переносном, но и в прямом смысле некая контр-90-ая статья: «Самоуправство установленных учреждений, препятствующих кому-либо осуществлять его действительное, невоображаемое право критики и инициативы в улучшении работы... карается... принудительной безработицей...»).

Перейду к иллюстрации вышеизложенного на новом промстроительстве и к соответствующим конкретным предложениям.

Техническая сторона строительства.

Типовым и главнейшим недочетом во всех обследованных дефективных строительствах признается то, что они были развернуты без достаточного технического, проектного обоснования.

В природе происходило до сих пор так: отдельный техник, хозяйственник, группа их или хозорган пионерски или по заданию прорабатывали какую-либо хозяйственную проблему; так как реальность строительства бывала проблематичной и средства отсутствовали, то ни точными изысканиями ни проектированием не занимались, а ограничивались лишь общим техническим и экономическим обоснованием проблемы, иногда очень глубоким, но всегда с налетом оптимизма, увлечения, ибо обоснование все же служило целям агитации за новое важное дело; проходят 2—3 года, и в одну прекрасную весну оказывается, что агитация убедила правительство, отпущены даже авансом средства на столь дешевое, заманчивое начинание, проблема стала реальностью, строительный сезон уже начинается; ВСНХ уже торопит: надо осуществлять то, что рисовали о сроках и стоимости; нехватает гражданского мужества сознаться, что годы агитации не использованы, что в портфеле нет всех требующихся изысканий, опытов, расчетов, проектов, иногда же бесправное положение комсостава не дает возможности противостоять плановой ошибке; начинается использование отпущенных средств иногда на робкое разворачивание строительства со вспомогательных, обслуживающих построек, иногда же по ориентировочным схемам приступают и к техническим сооружениям, тогда чрезвычайно возрастает вред материальный и технический; дальше ясен путь, печальный для советских денег и верный для ревизии РКИ, ибо раз нет проекта, то распланировка строительства и расходов обязательно нерациональна, неизбежны перерасходы и затяжка против сроков, намеченных вначале, может быть, вполне правильно.

Игнорировалась все время следующая элементарнейшая организационная схема подхода к новому промышленному строительству:

1-й этап—всесторонний технический и экономический анализ выдвинутой хозяйственной проблемы.

2-й этап — по утверждении правительством нового строительства и включении его в твердые перспективные планы производится на основе исследований, изысканий, опытов полное техническое обоснование строительства (и выдаются заказы на основное оборудование).

3-й этап—начинаются и выполняются все строительные и монтажные работы.

В этой схеме 2-й этап выпадал,—утвердивши новое строительство, не давали нужного срока для технического оформления строительства, а давали сразу средства и гнали важнейшее дело... к провалу.

Что же виновато — отсутствие системы или злая воля? Иногда бессистемность усугубляется малограмотностью и злой волей, когда играет роль антисоветская подкладка или чаще шкурничество авторов строительства, создавших себе теплое убежище и втирающих очки государству; но, конечно, скорее можно столкнуться с противоположными случаями, когда техник действительно поднял целину, проблему, важнейшую для производительных сил страны, затем силился технически оформить строительство, но рутина советских регулирующих и хозорганов и бессистемность подхода к новому промстроительству проваливают дело.

Некоторые думают, что слабое использование иностранных достижений и специалистов всему виной; наши живые хозорганы могут рассказать, как они выписывали и не могли использовать спецов, покупали ненужные патенты, проекты, ибо заимствование за границей не того, что на данной стадии развития нового производства требуется, всегда окажется хотя и дорогим, но все же бесполезным для дела. Заграничная техника ни за какие деньги не может дать рецепта выправления на ходу бессистемно начатого нового промышленного строительства.

Нам, должно быть, скажут, что это все было в прошлом, сейчас (давно ли? с тех пор, как появился сезон, мода?) это всем элементарно понятно; как же, без проекта уж никто не возьмет на себя ответственность строить; через 2-й этап никто не перескочит; РКИ старые изжитые грехи констатирует.

Нет, это, к сожалению, не верно, успокаиваться нет оснований,—в о-первых, приведенное выше элементарное разделение строительства на три этапа хотя и начинает сейчас усваиваться, но все же очень туго—нет строгих границ между этапами, комкаются вместе первый со вторым, второй с третьим, как, например, частенько начинают строительные работы до заказа оборудования и его потом приходится прикраивать к построенным зданиям, а во-вторых, что самое главное, внутренний деловой смысл, который надо вложить в каждый из этапов этой голой схемы, не продуман, партизанской же инициативой тут не заменишь требующейся системы.

Разве основной стержень строительства—проектирование, общепризнанный 2-й этап—сейчас не перегибается частенько в обратную сторону? Все сугубо осторожны, все проектируют, затягивают на годы начало строительства, тратят большие на это деньги, напроектировавшись едут за границу собирать контрольный материал, потом возвращаются и опять вдоволь проектируют, закончив, ездят сверять опять за границу, а когда все готово, то... заказ сдается за границу (иногда не в ту страну, с которой взяли образец), и проект оказывается вообще ненужным или помехой, пока не разоблачится его непрактичность.

Хотя сейчас все признали важность 2 этапа и проектируют во что бы то ни стало, но мы видим, как из отсутствия системы растут новые ошибки, не менее угрожающие успеху нового промстроительства.

Изучение и заимствование заграничных достижений было бы полезно начать с вопросов организационных, в частности с методов технического обоснования строительств,—ведь общеизвестно, что громадные достижения промышленности Америки обязаны рациональной организации дела, технические же усовершенствования сыграли относительно весьма небольшую роль. В Америке трест, хозяин, собирающийся строить новое предприятие, ставит задачу, выбирает схему производства (для чего и привлекает консультантов, техфирмы), но проектирования у себя не организует, а раздает прямо исполнение сооружения по частям, по специальности производящим фирмам на основе их зарекомендованности и ориентировочных практических соображений, фирма же гарантирует сама заданную работу оборудования и, если проект составляется после получения заказа, то лишь для наилучшего выполнения оборудования и для увязки с общей схемой производства заказчика.

У нас это делается наоборот: проектирование не распределено между производящими организациями, а сосредоточено все в технической части данного строительства (или Гипромеза); техчасть не ограничивается необходимой компановкой всего сооружения, а погружается в проектирование отдельных новых производственных процессов и даже установок.

Из такого порядка технического обоснования строительства вытекает большая потеря времени и денег и угроза несоответствия выстроенного,—очевидно, что при максимальных конструкторских талантах группы инженеров техбюро, их проект нового для них производства будет всегда теоретичен, не учтет опыта накопленного на практике; это выявится и придется исправлять при заказах или, что хуже, в процессе строительства. В таком порядке наихудшая сторона это—авторское самолюбие: когда русский конструктор, побывав за границей или получив заключение по проекту от фирм, осознает необходимость ревизии своей работы, то он берет уж неохотно заграничные стандарты и практику, разбавляя их своими теоретическими коррективами, ломка же иностранных стандартов и установленного практикой стоит больших переплат и риска технического несоответствия выстроенного.

От этакой централизации надо отказаться, ее никакими паллиативами не исправишь,—если даже отбросить соображение экономии (соображение немалое) и пригласить по каждому отдельному проекту уйму консультантов, практиков, техфирм, то этакий интеграл все же не заменит децентрализованного опыта всех производящих оборудование фирм и организаций.

Затем, нисколько не умаляя достоинств русской технической школы, надо прямо сказать, что при проектировании нового для СССР заводского строительства надо с осторожностью опираться на силы русских конструкторов, не позволять им самоучкой проходить школу и историю ошибок и завоеваний, уже пройденных другими странами. Поле для изобретательства и применения конструкторских талантов русских инженеров на имеющихся заводах и в дальнейшем на новых выстроенных заводах достаточное (и мы видим, как успешно такая конструкторская работа в машиностроении, электротехнике, механике у нас уже сейчас развивается), но в новом заводском строительстве в массе надо избегать новаторства и изобретательства. Надо отдать себе отчет в необходимой особенности подхода к новому промстроительству, в том, что эта задача организационно отлична от рационализации или капитального строительства. Когда мы подходим к постройке непрерывной прокатки, новых современных металлургических заводов, тракторов, добычи и обработки цветных металлов, то перед нами уже стоит не задача повседневных улучшений, увеличения товаров, экономии в 15—30%, а проблема доподлинной техни-

ческой революции,—скачок через десятки лет отсталости на современную передовую техническую ступень, сдача в архив старых соответствующих заводов, полная перемена рыночных отношений, удешевление, иногда в 2—3 раза, не только уничтожение товарного голода, но создание базы для дальнейшего громадного развития производительных сил страны.

При решении этаких проблем надо базироваться на твердом опыте и нельзя из-за кажущейся остроумной и очень удачной комбинации производства или отдельной установки, теоретично запроектированной русским инженером, ставить под сомнение, в риск все громадное сооружение и успех его работы.

В знакомых нам отраслях производства в Америке мы можем назвать примеры таких достижений, на которые еще долго будет ориентироваться даже передовая техника нового промстроительства Европы и самой же Америки, так что нет оснований пытаться «перефордить» американцев и этим запутывать, ставить под удар успех строительства,—непрерывную прокатку можем брать безошибочно целиком по образцу установок: Morgan Construction C° у Форда и в Sperro Opoint у Betlgem Still C°; не ошибемся, если возьмем обработку цветных металлов целиком по образцу American Smelting and Refining C°—Балтимора; мартеновский и, пожалуй, доменный цехи по образцу River Roug у Форда; в литейном деле без мудрствований надо брать тип установок Link Belt или Osborn Mfg C° или Bartlett and Snow и т. д. В других отраслях производства, не моей специальности, картина нисколько не иная,—такие же стандарты достижений, ушедших далеко вперед среднего уровня современной техники, есть и во всех видах механической обработки металла и в горном, бумажном, силикатном, текстильном деле и даже в области химических производств [1]).

Исходя из всего вышеизложенного полагаем, что в основу работ 2-го этапа, т.-е. периода технической подготовки нового промстроительства, должно быть положено:

1) управление строительства само составляет лишь генеральный план производства и по нему выбирает фирмы—исполнители целых производственных процессов или отдельного оборудования и установок;

2) проектирование децентрализуется, передаваясь тем, кто выполняет оборудование;

3) нами всесторонне должна быть использована привилегия молодой развивающейся страны, и все достижения предшественников должны быть взяты готовыми.

Небольшие примечания: генеральный план производства (в отличие от технического обоснования проблемы—1-й этап) базируется на изысканиях, опытах, обследовании, иногда длительном изучении заграничных сооружений и строительств, привлечении крупных иностранных консультантов-организаторов больших промышленных дел; если заказ дается иностранной фирме, то проект не составляется и не требуется до заказа, а представляется фирмой впоследствии для утверждения; тоже относится и к советской организации, поставляющей оборудование знакомое, типовое, уже производившееся; если советской организации сдается заказ на новое для нее оборудование,

[1]) Предложения ученых химиков не выходят из рамок необходимого заимствования за границей наиболее совершенных и передовых технологических процессов, ибо в массе перечисленное химиками давно применено и успешно разработано за границей (то, что в перечне названы процессы, не вышедшие из стадии опытов и иследований, как, напр., гидрирование угля или формовка в электрической ванне, еще не дает основания базировать на них новое промстроительство),—практически это так, ибо мы едва ли собираемся «даже» в плане десятилетки отбросить «рутину» современного технического века и понести на своих неокрепших плечах культуру прямо в химический рай.

подлежащее копировке из-за границы, то проект покупается там целиком и лишь если это невозможно, то проектирование организуется в СССР или за границей только после получения всеми возможными путями иностранных конструкторских материалов или привлечения из-за границы проектировщиков.

Несомненно, найдутся типы строительств, в отношении которых моя общая схема организации проектирования не вполне применима. Весьма вероятно, что можно вообще внести улучшения, исправления в предложенную систему, но давайте обязательно систему вводить, организационные принципы устанавливать.

При рационально организованном строительстве выявятся и с пользой приложатся к делу как инициатива, так и немалые организационные, производственные и конструкторские способности и знания русских инженеров, хозяйственников, рабочих, а также будут продуктивными заимствования всеми способами достижений заграницы. Но хаотически поставленное строительство не избавят от провала ни подбор людей (их твердые права и уменьшение опеки могут выродиться в мало продуктивную партизанщину), ни безудержное проектирование (бесплановое, оно только удорожает и затягивает строительство), ни суматошный крестовый поход на Америку и приглашение полчищ варягов.

Организация заимствований из-за границы.

Сейчас, с началом «кампании» по рационализации нового промстроительства признана и осознана всеми (даже ВСНХ) важность использования заграничных достижений; остается выразить надежду, что не повторится в дальнейшем картина безразличия, в которое упирались раньше попытки организовать заимствования.

Что требуется из-за границы, перечислялось последнее время достаточно полно и аргументировалось подробно и красноречиво,—это поездка наших хозяйственников и техников на учебу, приглашения иностранных специалистов, консультации, техсодействие, проекты.

Ограничусь небольшими коррективами и добавлениями: а) техфирмы имеют своим единственным назначением платное техсодействие, при чем хорошие техфирмы не универсальны, а имеют узкую специальность, затем надо учитывать, что по ряду производственных процессов, где достижения засекречены промфирмами, они всегда дадут отсталое решение. Вот почему, вопреки имеющейся уже практике, договора с техфирмами о техсодействии, создающие монопольное положение фирмы, не должны иметь места; техфирмы следует приглашать лишь для составления отдельного проекта или постановки отдельного производства. Договор о техсодействии может быть полезным только с производственными фирмами, но не надо забывать, что такое техсодействие всегда будет связано с длительной коммерческой заинтересованностью фирмы. б) Небесполезно ограничить понятие потребных из-за границы проектов,—в узком смысле проект нужен лишь в отношении оборудования, которое мы хотим строить в СССР вновь и поточному иностранному образцу; получение из-за границы проектов для ориентировки в закупках или как материал для компановки производства совершенно недопустимо. в) Приглашая иностранных специалистов не надо забывать в первую очередь о возможном обмене специалистами с торгпредством и о русских инженерах—дореволюционных эмигрантах. г) Из многочисленных возможных добавлений отмечу некоторые. Засекреченность достижений заставляет обратить большее внимание на постановку техразведки, взявши пример хотя бы с немцев, использующих ее широко и открыто в Америке. Необходимо напомнить, что концессии должны

быть формой технической учебы у иностранцев; в наиболее потребных участках (в отсталых производствах)—строительное дело, станкостроение, моторостроение, производство высокосортных металлов—не только нет реальных достижений у Концескома, но по примеру Америки мы видели полный индиферентизм со стороны наших организаций, когда предложение исходило от иностранцев; едва ли можно сомневаться, что заполучить в СССР контору Фаундешен, строящую в Америке десятки тысяч домов в сезон (вместе с тем являющуюся потенциально крупнейшим потребителем наших экспортных стройматериалов), не менее интересно, чем иметь концессию гребешков или карандашей. Наконец, отмечу, что на закупки оборудования надо смотреть не только как на коммерческую сделку, но и как на форму заимствования иностранных технических достижений.

Как организовать вышеуказанное всестороннее заимствование из-заграницы?

На этот основной организационный вопрос нам известны в печати и вне ее лишь два предлагаемых решения,—во-первых, числом поболее всего того, что перечислено выше, и, во-вторых, раскрепостить от опеки инициативу отдельных проморганизаций, строительств и проектировочных учреждений, предоставив крупнейшим из них право непосредственных сношений с иностранными фирмами и техническим миром и право открывать свои техбюро.

В этих обоих ответах налицо элементы перегиба палки, пренебрежения к вопросам системы и скороспелости решений.

1) Эффект, от количественного увеличения связей с заграницей будет незначительным, пока в это дело не будет внесена система; без этого количество не перейдет в качество.

Несмотря на слабо развитое до сих пор дело заимствований, хозяйственные круги знают, насколько внушительно были уже представлены ошибки и бесполезная трата денег; конечно, малопродуктивность заимствований у заграницы была прямой функцией неорганизованности строительства в целом, — очевидно, что нельзя ожидать продуктивного использования иностранных специалистов-производственников (не конструкторов), если они приглашены когда проектирование сооружения еще не закончено; если проекты, патенты приобретаются, когда схема производства не установлена, то ничтожны шансы использовать приобретенное; если посылаются хозяйственники или техники, оторванные от производства и не имеющие конкретного задания, то невелика польза от их учебы.

Едва ли нам нужны такие заимствования числом поболее.

Должен отметить, что, помимо непроизводительных денежных затрат, неорганизованная активность портит важную для нас деловую почву технической кооперации с иностранцами. Возьму для примера область получения проектов и технических предложений от производственных фирм; мы наблюдали, как американские фирмы давали материалы нам—новой стране—сперва весьма охотно, но затем наступало охлаждение по мере того, как они раскусывали бессистемность запросов и бесцельность своей работы. Едва ли можно рассчитывать на что-либо иное, когда после разговоров о якобы реальном строительстве, требований проектов и их серьезного выполнения, фирма узнает, что это блеф, что проблема строительства еще не решена, что схема производства не выбрана, что вся их тщательная проектная работа пойдет в основу ученических исследований вопроса русским инженером; или же, если после выполнения проектной работы, ам. фирма узнает, что заказ давно сдан на германские или русские заводы и ее работа пошла для проверки, зачастую же выдана с головой конкурентам; или же еще, когда заказ решено сдать в Америку, но проект требует, чтобы его испортил малоопытный русский техник, затянув заказ, иногда же приведя к отказу фирмы выполнять «такое» оборудование.

Первоочередной является задача системы, а не количества.

Это отнюдь не проповедь гомеопатии, а рекомендация разобраться, какое когда лекарство требуется; усвоивши диагностику и рецептуру, можно будет хлебать нужный нам элексир дозами максимальными, которые переварит организм.

2) Соображения против непосредственных сношений:

а) Это потребует, чтобы соответствующие хозорганы занялись вместо своего производства изучением сложнейших условий рынка и фирменных взаимоотношений в каждой стране; самое прилежное изучение не даст сотням хозорганов такого знакомства с обстановкой, какое может быть у сидящего на месте торгпредства, впитывающего в себя весь опыт сношений с данной страной. А без детальнейшего знакомства неизбежно попадать в руки посредников или супляй-гаузов, получать отсталые, не передовые технические заключения под влиянием коммерческой заинтересованности, перманентно ошибаться в адресе при переговорах о техпомощи, проектировании, специалистах. Разве мы еще недостаточно богаты опытом таких ошибок, вытекавших из партизанских действий хозорганов? Ведь не случайно, что именно Югосталь, игнорировавшая и в коммерческой и в технической работе торгпредства и импортобщества, наделала такие ошибки в заграничной работе.

б) Приглашение специалиста, сдача проектной работы, покупка патента путем заочных «непосредственных» переговоров вообще не понятна. Такое раскрепощение приведет или к переписочной волоките или к угрожающему росту раз'ездов.

А ведь и сейчас в практике есть достаточно примеров, когда из-за незнакомства с обстановкой страны и из-за трестчванства выезжали целые комиссии хозорганов вместо элементарно понятных и быстро выполнимых действий торгпредства.

Что же касается переписки, то если иностранные фирмы будут получать все те запросы, что сейчас получают торгпредства, то деловая дискредитация и невнимание к нашим серьезным, нужным запросам будут быстро обеспечены.

в) Единственное правильное решение вопроса—в перенесении аппарата заимствований в страну, с которой устанавливаются связи. Но, к сожалению, предложения о техбюро делаются в форме непрактичной по причине того, что они несут печать идеи непосредственных связей хозорганов,—промышленность Союза не будет ведь устроена тем, что десяток крупных хозорганов будет в праве посылать свои бюро; затем создается почва для параллелизма, когда инженеры, проектирующие, скажем, одинаковые литейные для Сталинградского тракторного и Ростовского сельскохозяйственного заводов, будут знакомиться в Нью-Йорке; наконец, останутся беспризорными многие важнейшие общие стороны технических заимствований у заграницы.

г) Наконец, в природе совершенно отсутствуют такие идеальные технические связи, которые были бы чисты от коммерческих вопросов. Наоборот, смычка между ними идеальная. Не приходится говорить, что техсодействие и фирменное проектирование, парализуя возможности вызвать конкуренцию, являются прямой составной частью коммерческой сделки. Даже такие наиболее чистые формы технической кооперации, как приглашение специалистов или консультация техфирмы, связывают не меньше, а даже больше, чем предварительные коммерческие переговоры, ибо наши карты делаются открытыми для производящей оборудование фирмы.

д) Предоставление права непосредственных сношений только крупнейшим хозорганам является настолько же невесовым аргументом, как и ограничение сферой технических вопросов. Ведь если путь «раскрепощения от опеки» есть единственное решение вопроса, как заимствовать из-за границы, то по этому пути будет вынуждена стараться пойти и вся толща промышленности; создается тенденция, угрожающая системе. Но помимо этого, если даже только десяток крупнейших основных промоб'единений прочно установит свои непосредственные связи с капиталистическим деловым миром, то при усиленной поддержке этого последнего будет неизбежно дезорганизовываться и дискредитироваться работа каждого торгпреда в каждой стране.

Необходимо твердо искоренить центростремительные, партизанские усилия, ибо нет решительно никаких практических деловых доводов для внесения таких рискованных поправок к системе монополии внешней торговли; ведь поперек развития связей стоял индиферентизм наших хозорганов и наркоматов, а не опека и отсутствие каналов для выявления инициативы.

Вместо перегибов палки нужно выправление весьма хромающей практической работы промышленности и торгпредств в вопросах технического сотрудничества и закупок оборудования, пользуясь в полной мере инструментом монополии, не являющимся ведь привилегией Наркомторга, а дающим нашему хозяйству осязаемые выгоды и преимущества перед капиталистическим деловым миром.

Некоторые предложения:

1) Упорядочение заимствований из-за границы должно итти в ногу и по общим методам с системой, вносимой вообще в новое промстроительство. Если взять за основу метод разделения строительства на три этапа, приведенный мною в предыдущем разделе, то: а) в первом этапе (анализ хозпроблемы) нужен информационный монографический материал о соответствующих выполненных за границей наиболее передовых строительствах, и затем возможна посылка товарищей для длительного изучения постановки дела за границей, б) во втором этапе, при составлении генерального плана производства, полезны кратковременные экскурсионные поездки авторов проекта и приглашение консультантов—организаторов крупных иностранных предприятий; далее, если оборудование заказывается за границей, то нужен выбор его; если же оборудование должно изготовляться в СССР, то потребен проект, или конструктивный материал, или специалисты-конструктора; в) в третьем этапе (строительство и монтаж) возможно приглашение специалистов-производственников, монтеров, рабочих и нужна справочная производ. и конструк. литература.

Эта беглая схема показывает, насколько систематизация строительства одновременно облегчит контроль, самоконтроль и рационализацию заимствований у заграницы.

2) При каждом из крупнейших торгпредств должно быть образовано техническое бюро. Такое единое постоянное бюро должно обслуживать всю промышленность, имея основным назначением содействовать новому промстроительству и реконструкции существующих предприятий; по точным заданиям проморганов оно привлекает в требующейся для них форме техническую помощь иностранных фирм, контор, обществ и отдельных специалистов или же организует само проектирование, собирание конструкторских материалов, снабжение литературой. В состав такого единого бюро должны входить постоянные представители (работающие) от отраслей промышленности, крупнейших производственных об'единений и строительных организаций; если для выполнения отдельной конкретной технической или проектировочной работы посылается временно комиссия или представитель, то они работают в составе и при содействии бюро.

Не попробовав создать хоть в одной стране одно такое бюро (несмотря на два года разговоров об этом), сразу заговорить о десятках бюро, о раскрепощении, о прямых сношениях можно или увлекшись «сезоном» до явного перегиба, или будучи убежденным противником монополии внешней торговли.

3) В отношении нового промстроительства особенно чувствительны дефекты в практике и политике закупок оборудования.

Сейчас цена и кредит решают страну, фирму, тип и таким образом темп, содержание и судьбу нашего промстроительства. Это в корне неправильно. Нельзя с одинаковой меркой подходить, скажем, к оборудованию для нового производства, быстро меняющего рыночные отношения или сокращающего импорт, и к оборудованию, идущему на плановую замену изношенных установок,—в первом случае целесообразно переплатить за кредит, поскольку это ускорит осуществление рентабельной постройки, во втором же случае лучше потянуть годик и вместо даже нормального кредита купить на 20% больше станков. В новом строительстве качество оборудования, обеспечивающее производство от простоев, может иногда оправдать большие переплаты в цене и т. д.

В общем это значит, что дело закупок оборудования надо из двух измерений перевести на четыре, добавив к цене и кредиту факторы технические и времени. Индивидуализировав таким образом подход к закупкам, мы подведем жизненную хозяйственную базу под внешнеторговый расчетный баланс.

Общие организационные вопросы.

Затрону пока вопросы плана и управления новым строительством.

1) Многочисленные разговоры, резолюции и усилия к перенесению годового плана с весны на осень пока не привели к ощутимым результатам.

В основе большинства дефектов нового промстроительства лежит, как такое запаздывание годового плана, так и сама его структура.

Нужна радикальная постановка этих обеих сторон вопроса, сводящаяся по нашему мнению к а) уничтожению карточной системы в плане (регулировании, контролировании) и б) к упразднению знака равенства между планом и годовым бюджетом.

Опека пайкового плана допустима только в капиталистической стране, где бюджет обнимает лишь сборы и содержание чиновничьего аппарата, армии, полиции.

У нас же бюджет обнимает хозяйство, строительство, жизнь всей страны, а они не могут так полно зависеть не только от месячного, квартального пайка, но даже от изолированного годового финансового назначения; это и приводило к таким уродствам, как систематическая неподготовленность строительных сезонов, как загонка в конце года средств в материалы и т. д. Когда в листке № 1 РКИ сообщалось, что строительство Туркестано-сибирской дороги тратило в одном месяце больше планового назначения, а в другом меньше, то из этого с очевидностью вытекал не упрек строительству, а приговор плану.

Каждое хозяйственное начинание должно иметь свой законченный целевой план. Необходимая ежегодная увязка с бюджетом сможет быть обеспечена без труда, если в основе плана в целом будут лежать сокращенные минимально гарантиро-

ванные контрольные цифры (подчеркиваю, что это лишь способ гарантии бюджета; план же строится не годовой, а целевой).

С другой стороны, в наших условиях регулировать денежное обращение можно и без карточной системы, изучая и направляя кривую сезонной активности элементов хозяйства (она, кстати, регулируется природой и без вмешательства НКФ—зимой хлебозаготовки, летом строительные работы и т. д.).

Такая реорганизация плана и его взаимоотношений с бюджетом раскрепостит практическую работу и, с другой стороны, облегчит финансово-плановую работу, приблизив к проведению бюджета осенью.

Отмечу еще необходимость в наших планах большей концентрации средств. Удельный вес нового промстроительства должен значительно возрасти по сравнению с долей латания дыр в нашем промплане.

Достаточно посмотреть промплан этого года: новое строительство занимает всего 23%, что, конечно, лучше 17,5% прошлого года; кстати, в этих 23% по существу не менее половины работ не подходит под понятие нового промстроительства, как я его сформулировал в первом разделе статьи, а относится к капитальному строительству и достройкам; в натуре этот план выражается, для примера, в черной металлургии в назначении всего 17 млн. рублей на новое строительство с программой в отдаленной перспективе выпуска 18 млн. пудов чугуна и 180 т. т. труб.

Ведь черная металлургия это одна из самых отставших и вместе с тем решающих отраслей промышленности; несмотря на это, в промплане совсем не отражена нужная для ее под'ема цепь домен (две штуки в капитальных работах), мартенов, прокатки и т. д.

Надо отметить, что по сравнению с внушительными суммами наших финпланов ничтожные средства, сконцентрированные на определенных об'ектах нового строительства, могут не только изменить рыночные отношения и техническую базу, но и освободить громадные средства, идущие на поддержание устаревших заводов. Приведу пример: за 50 млн. руб. в два—три года может быть построен завод непрерывной прокатки металла, который обеспечит катанкой страну, удешевит более чем в два раза стоимость и выведет в тираж массу ветхих, устаревших станов; в промплане не видно, сколько тратится средств на латание старых прокатных цехов и заводов, на их простои, на лишнюю энергию, рабсилу, но можно сказать, что экономия на этом очень быстро окупила бы постройку указанного завода.

2) Едва ли требует доказательств и примеров то, что в общей системе трестов и их главков тонут особенности нового промстроительства, отличающие его от обычного обслуживания и управления промышленностью. Ведь не только методы проектирования, закупки оборудования, заимствования за границей, способы планирования, но даже рабочий вопрос, отчетность, техника администрирования и т. д.—все это питает почву взаимного непонимания с трестом, главком и частенько дает ущерб строительству.

С другой стороны, создание отдельных автономных строительств на каждое большое сооружение на наш взгляд также нерационально, ибо в различных строительствах одной отрасли производства будет дублироваться техническая работа, кадры специалистов, затраты на все формы связи с заграницей; усилится преемственность между строительством и производством в ущерб более важному накоплению в деле нового строительства опыта, знаний, методов, кадров; не будут создаваться пути к постепенному уменьшению подготовительного периода, ибо издержки времени, средств, работы будут на каждом новом строительстве повторяться.

Правильнее иметь строительство такого типа, какой применяется в военведе с 24-го года,—там проектирование, кадры, подготовка строительств, некоторые заготовки были централизованы, а производство работ и отчетность были строго отграничены в отношении каждого сооружения и велись ответственно отдельной строительной комиссией (председатель—командир части, строитель—инженер); в печати упоминалось, что близкий к этому метод сейчас применяется Текстильстроем.

Это—наиболее правильная схема: сороительства по отраслям производства (строительство металлургических заводов, строительство заводов массового производства по механической обработке металла и т. д.); такие строительства должны централизовать все работы 1-го и 2-го этапов по проектированию и подготовке сооружения, но зато при подходе к производству строительных работ в собственном смысле, должен выделяться автономный аппарат (имеющий в составе и производственников—будущих руководителей предприятия) для законченного и ответственного выполнения данной постройки; быстрота, экономность и накопление опыта таким образом будут лучше всего обеспечены.

Полагаем, что самоочевидна потребность об'единения всех этих строительств особым Главком ВСНХ (главк, а не ячейки в главках, ибо неавторитетные отделы окажутся лишней бюрократической инстанцией и штатной единицей).

Командный состав.

Хотя в последнее время помимо выявления недостатков комсостава было сделано много весьма существенных практических предложений по под'ему его квалификации и улучшению условий работы, однако же остались незатронутыми вопросы комплектования и установления твердых прав. На этих двух сторонах вопроса я и остановлюсь в виду их решающего значения.

1) Надо прямо сказать, что подбор комсостава вообще отсутствует, комплектование идет самотеком, стихийно.

Хозяйственник предоставлен целиком себе и случаю,—на Старой площади, как в некоем загсе, лишь проверяют и регистрируют его полюбовные соглашения с наркоматами; сами переговоры с организацией об интересующей работе зависят от момента, знакомств, удачных встреч, стажа, но почти никогда не зависят от квалификации. Если хорошему хозяйственнику нет подходящей в данный момент работы, то он поневоле делается, например, дипломатом или прокурором. Дистанция между конфетной фабрикой и доменным цехом кажется большой лишь товарищам, не подвергавшимся учету и распределению; то, что доменным цехом заведует пекарь (и его, может быть, собираются через два месяца снять), никто не знает, не учитывает, сегодня вакантна только кондитерская фабрика, и вы должны итти на нее или... сидите без работы.

Никто не заботится, чтобы сумма опыта и достижений отдельных работников на конкретной работе, являющейся для дела большим и естественным накладным расходом, была капитализирована. Ведь и ошибки часто полезно капитализировать, ибо они дают опыт; у нас же слишком легко из каждой ошибки делается повод к уходу, смене, чехарде, и этим питается перманентность ошибок; воспитываемая указанным «осторожность» иногда более вредна для дела, чем ошибки.

Сказанное выше в несколько иной форме, но полностью относится и к специалистам; стихию их неорганизованного комплектования не менее важно обуздать.

Как известно, у нас без особого труда расстаются с человеком: если имеются суб'ективные причины, то даже любая ошибка системы делается основанием к уходу, но помимо того в природе существуют реорганизации, расформирования, коммунизация (частенько проводится уродливо и тогда служит началом, дезорганизующим и спецов и партийцев). От этой стихии не спасает ни осторожность с начальством и в деле, ни квалифицированность, ни достигнутые в работе успехи. Перерыв же в службе влечет к неорганизованным поискам работы, частой смене специальности и таким образом к потере накопленного опыта и к деквалификации.

Отсутствие системы в комплектовании комсостава уничтожает стимул и у хозяйственников и у техников к приобретению и развитию квалификации в определенном деле. При отсутствии же стимула, учиться не станут (сейчас малограмотностью частенько позорно спекулируют как классовым клеймом) или проку от учебы будет мало, как ни развить сеть учебных заведений и как бы много ни образовалось свободного времени не только от работы, но и от разных видов советского пасьянса (преферанс, викторина и проч.); также под сомнением будет продуктивность поездок и учебы за границей. Необходимо поставить индивидуальный учет по всей линии, прикреплять кадр зарекомендовавших [1]) себя администраторов и специалистов к определенным отраслям хозяйства; при временных перерывах в работе держать их в резерве, не отпускать в другую отрасль; при затяжном избытке практических работников в данной отрасли переводить их на научную или конструкторскую работу; все эти или другие практические меры—их следует тщательно разработать—должны клониться к тому, чтобы не растрачивать образовавшиеся кадры комсостава в данной отрасли производства и создать им стимулы дорожить своей квалификацией и углублять ее.

2) В практической работе комсостав промышленности наделен безграничными, часто неоформленными обязанностями и совершенно лишен твердых деловых прав. Существующая сейчас множественность влияющих на промышленность организаций не может и не должна быть устранена,—в этом коренное и положительное отличие нашего хозяйства от капиталистического; но влияние не должно переходить в командование,—для этого потребна строжайшая ответственность организаций за содержание и последствия их влияния и, с другой стороны, твердые права хозяйственнику, обеспечивающие единоначалие.

Сейчас же налицо именно безответственность командования; дискредитировать и снять с работы может с излишней легкостью и ВСНХ и РКИ и партия, профсоюз, местные организации, рабкор, сотоварищи, специалисты; сама по себе увязка интересов всех этих организаций чрезвычайно сложна; вызвать недовольство какой-либо из них это вопрос только времени; угодить всем невозможно,—если ты удешевляешь строительство, то довольны ВСНХ, ЦК и др., но зачастую недоволен профсоюз или местные организации или подчиненные, если удорожаешь, то симпатии и антипатии перемещаются обратно—и так в массе случаев; наконец, никто не мешает любому из указанных органов свалить свою вину на хозяйственников (в этом деле уже выработаны стандарты: например, когда план, проведенный высшей организацией, на деле не оправдывается, то виноват всегда хозорган, хотя бы он в свое время возражал против плана). Чтобы протянуть долгое время и не

[1]) Предлагавшееся в печати нечто в роде пятибальной курсовой системы с кондуитным журналом может повести к погоне за показным эффектом, очковтирательству, подсиживанию. В случае потребности, отзыв должен даваться коллегией руководящего органа открыто, с конкретной оценкой проведенной работы и с несением полной ответственности за отзыв.

подвергнуться атаке с какой-либо стороны, надо попросту родиться под счастливой звездой (или в зрелом возрасте попасть под покровительство звезды).

Играющий роль козла отпущения хозяйственник чаще всего не знает даже источника нареканий, они зашифрованы, возможности оспаривать обвинения он все равно никогда не получает, судьба его работы и успех дела решается кем-то с лицами Авгуров на основе того, что сказала «Мария Алексеевна». Разве можно в таких условиях удивляться, что комсостав похож на кочующих цыган?

Особенно вредным недостатком в хозяйственнике считается излишняя инициатива и активность; когда этакие качества проявлены, то срыв работы хозяйственника, безответственные нападки на него и его уход от дела обеспечены; ведь в этих случаях второпях иногда мозоль отдавишь одному из многих стоящих по дороге или вообще нарушишь тишину и порядок; а у нас ведь выработана уже ужасная терминология чиновничьей мертвечины, засасывающей всякое живое дело, это—трафареты: «не сработался», «бузит», «склочник». Эти ярлыки надо порвать и заменить их правом инициативы и живым подходом к людям и делу; если б, скажем для примера, в Средазводхозе нашелся человек, который в свое время «не сработался» бы с подсудимыми и «бузил» по поводу дефектов принятых Москвой проектов и планов строительства, то его, несомненно, выгнали бы в свое время, как «склочника». Надо торопиться с исправлением вышеуказанной обстановки, ибо чиновничья приспособляемость и вырождение активности растут на глазах.

Есть некий минимум гарантий и прав, коими надо наделить комсостав: во-первых, снять с работы может не первая, а вторая инстанция (директора завода—главк, председ. треста—през. ВСНХ), которая, рассекретив причины и дав возможность хозяйственнику или специалисту оспаривать деловые нарекания, обязана мотивировать снятие; во-вторых, хозяйственник или специалист в праве переносить во вторую инстанцию свои инициативные предложения и критику, а эта инстанция обязана их обсудить и вынести решения; в-третьих, должна быть установлена строжайшая уголовная ответственность за необоснованную дискредитацию, нападки, помеху или срыв работы комсостава промышленности.

Недостатков развилось в нашем комсоставе немало и не надо щадить их, критика поможет самому комсоставу изживать недочеты.

Но не условия ли роста и работы повинны главным образом? Ведь сырой материал техников и хозяйственников у нас, несомненно, прекрасный,—посмотрите как в Америке ценят достоинства русской техшколы, из среды русских инженеров, весьма причастных к созданию передовой американской индустрии, вышли и технические вожди целых отраслей американской промышленности—Карапетов, Виноградов, Тимошенко, Моисеев и др.; на примере той же Америки мы видим, что путь от станка к руководящей хозработе считается естественным и высоко ценится, культурность же и кругозор у среднего питерского или московского пролетария не ниже, чем у американского промышленника в массе.

Только если будет тщательно поставлено комплектование комсостава и обеспечено за ним право инициативы и полного влияния на дело, то указанный сырой материал будет продуктивно использован, его квалификация и ответственность за дело во всех деталях будет развита до необходимой высоты; в противном случае ответственность будет бессодержательной, а кадры хозяйственников будут таять и деквалифицироваться.

Мы должны помочь комсоставу выполнить пред'явленную ему историей почетную, но беспримерную по сложности задачу технической революции.

П. Китайгородский.

Египет под пятой английского империализма.

I.

Национально-революционное движение Египта еще не прошло первой фазы своего развития, еще не проделало «первого шага». Как в годы «бури и натиска», 1919—21 гг., так и сейчас перед ним стоит еще во всей остроте задача непосредственной борьбы против империализма. Английский империализм по настоящий день оккупирует страну. Империалистический обруч сковывает воедино все живые силы египетского общества. Это обстоятельство окрашивает национально-революционное движение в однообразный цвет единого нацфронта, придавая «общенациональную» форму всему движению.

Гегемоном на этом первом этапе борьбы все время выступает египетская буржуазия в лице руководящей партии «Вафд», об'единяющей самые разнообразные слои египетской демократии и «третьего сословия», от рабочих, крестьян-феллахов до городской торгово-промышленной буржуазии, средней бюрократии и... обуржуазившихся принцев крови (как принц Тусун, играющий в оппозицию). Однако, несмотря на присутствие в рядах партии «Вафд» представителей трудовой демократии, тон задает умеренно-буржуазная группа, образующая руководящую верхушку в этой организации. Лидеры партии «Вафд»—Мустафа-Нахас-паша, Баракат-паша, Висса-Вассеф-бей и др., как и в свое время покойный «отец народа» Заглул-паша, являются столпами буржуазного египетского общества, представителями рвущейся к полновластию национальной буржуазии (в скобках заметим, многие из этих лидеров, как Заглул-паша, Баракат-паша, являются выходцами из крестьян, но впоследствии они «вышли в люди» и стали властителями дум умеренной национальной буржуазии).

Левое крыло, отражающее интересы широкой трудовой демократии, представленное Ахмедом Махером-беем, Махмудом Некраши и др., обыкновенно стушевывается перед правым крылом, руководимым более авторитетными и более влиятельными «отцами нации». Идеология этих последних окрашивает собою на протяжении всего первого этапа национально-революционного движения политические выступления «Вафда». Эти «отцы нации» довольно искусно укрощают не в меру ретивых «левых», маневрируя, лавируя между Сциллой напористо нажимающей трудовой демократии и Харибдой английского империализма.

Но тут нам необходимо сделать хотя бы беглый анализ природы египетской национальной буржуазии, осветить ее социально-экономическое нутро, определить ее роль в экономике страны. Не забудем, что разрывающий пуповину натурального хозяйства и выходящий на широкую арену капиталистического развития угнетенный Восток крайне неоднороден. Нельзя мерить одним аршином персидскую буржуазию, еще не приобщившуюся к индустрии, и индусскую буржуазию, вкусившую уже от древа познания индустриализации. Точно так же мы обыкновенно применяем общий термин «национальная буржуазия» в Сирии, Турции, Алжире, Тунисе, даже Морокко, забывая, что во всех этих странах удельный вес буржуазии в экономике и хозяйстве страны не везде является решающим, что буржуазно-капиталистические отношения не всюду еще проникли, а если и проникли, то зачастую национальный капитал играет весьма мизерную роль. Поэтому необходимо узнать, на какой стадии развития находится национальный капитал, какова его сила в экономике страны, какие позиции он уже успел отвоевать у господствующего финансового капитала метрополии.

II.

Общеизвестно, что Восток бурно шагнул вперед по пути капиталистического развития в годы империалистической войны, когда воюющие империалистические страны вынуждены были делать уступки угнетенной буржуазии своих колоний и создавать условия, облегчающие победы национальной промышленности. Буквально, нет ни одной колониальной и полуколониальной страны, в которой дыхание капиталистического промышленного развития так или иначе не задело национального торгового капитала, начавшего проникать в сферу индустрии. Однако, не во всех колониальных странах этот процесс развивался с одинаковым темпом. Такая страна, как Индия, скажем, переживала буквально медовый месяц своего промышленного расцвета. Невозможность снабжать Индию военными припасами во время войны, недостаток товаров в самой Великобритании, скудость английского тоннажа, боязнь, как бы Япония не захватила индусского рынка—побудили Англию пойти навстречу индусской буржуазии. Индусский национальный капитал в области текстильной стал почти монополистом. Эта отрасль промышленности стала н а ц и о н а л ь н о й.

Но если Англия в силу вышеуказанных причин вынуждена была итти навстречу индийской буржуазии, то в отношении Египта та же Англия вела совершенно иную политику. Процесс индустриализации, роста национальной египетской промышленности двигался за время и после войны черепашьим шагом. Взошедший на дрожжах военных поставок и подрядов национальный капитал устремился в сферу сельского хозяйства, землевладения и по пути приобретения городской недвижимости. Этот национальный капитал сделался собственником хлопковых плантаций, земельных угодий, домов и городских участков земли. Англия ни в области тарифной таможенной политики, ни в области правовой экономической политики не пошла навстречу египетскому национальному капиталу. Те причины, которые побуждали Англию на компромисс с индийской буржуазией, в Египте отсутствовали. Египет был превращен в плацдарм английского военного командования, ведшего по ту сторону Суэца военные действия с Турцией. Значительная часть соединенной англо-французской эскадры была сосредоточена в Суэцком канале; Египет был фактически включен в театр военных действий, в базу, снабжавшую людским и сырьевым материалами английскую армию (египтян англичане по преимуществу использовали для тыловых работ). Попрежнему египетский хлопок экспортировался в Ланкашир, а не обрабатывался в самом Египте. Только лишь первичная стадия обработки хлопка-сырца коегде реализовалась на текстильных фабриках Александрии, Танты, Каира и др. Но все это занимало ничтожный процент всего хлопкового сырья, которое почти на 99% экспортировалось в Англию и в «союзные» страны.

Режим капитуляций, таможенная политика, являющаяся орудием в руках иностранных банков, давили на национальный капитал, не давая ему возможности развернуться. Национальный капитал Египта, за время войны значительно окрепший, оставался капиталом преимущественно акционерным, ипотечным, аграрным, торговым, но отнюдь не промышленным.

Египетская буржуазия лишь за последние годы начинает пробивать себе дорогу в сферу промышленности. Но это ей трудно удается. Свирепствующий за последние три года хлопковый кризис в стране освободил зна-

чительные капиталы. Часть этого капитала используется для создания национальных банков, как, например, банка «Миср», учрежденного исключительно для содействия развитию местной промышленности. Основанная в 1925 г. «Лига египетских промышленных предприятий» охватывает промышленные владения с капиталом более 40.000.000 фун. стерлингов и 200.000 рабочих (всего городских рабочих около 600.000).

Однако, вся политика господствующего финансового капитала, поработившего Египет и сосредоточившего в своих руках все командные высоты, направлена на то, чтобы всячески помешать и затруднять рост и развитие национального промышленного капитала. Достаточно указать, что за все импортируемые товары, как машины, сырье (не забудем, что Египет, несмотря на свой аграрный характер, всецело зависит от импорта сельскохозяйственных продуктов из-за границы, ибо английский капитал превратил страну Нила в сплошную хлопковую плантацию, в монокультурную страну) египетскому промышленнику приходится уплачивать пошлину в размере 8% ad valorem и даже больше, в то время как благодаря режиму капитуляций английские, французские, греческие и другие предприниматели от этого почти-что освобождены. Иностранные капиталы почти не платят налогов, в то время как, например, развитие местной текстильной промышленности небывало тормозится из-за акциза в размере восьми процентов. Медленно туземная промышленность пробивает себе дорогу, с большим трудом завоевывая свои позиции в стране.

В Египте существует еще одно специфическое обстоятельство, усугубляющее положение национальной туземной буржуазии. Это вопрос о распределении воды, о владении водой, об ирригационной системе. Оказывается, рекой Нилом распоряжается английский империализм. Захват Судана, этого ключа от Нила, изгнание египетских гарнизонов из Судана и фактическая аннексия Судана, бывшего частью Египта, англичанами нависли смертельной угрозой над Нижним Египтом. Проведение англичанами сети ирригационных сооружений в Судане, для каковой цели в Англии был еще в 1924—25 г. сделан заем в 13 миллионов фунт. стерлингов, гарантированный парламентом, ставит орошение Нижнего Египта в полную зависимость от англичан.

Поскольку значительная часть туземного капитала вложена в земледелие (одних только рантье было в 1918 г. около 15—20% всего населения, а ведь в Египте существует довольно развитая дифференциальная рента, процесс капитализации земельной ренты имел место еще до войны), естественно, что национальная буржуазия кровно заинтересована в борьбе за «водную» гегемонию. Борьба за Судан для египетской буржуазии обозначает в первую очередь борьбу за воду, за независимое и свободное орошение. Один только вопрос о Судане стимулирует волю национальной буржуазии в борьбе за независимость. Буржуазия не может мириться с отторжением Судана от Египта. Для нее это вопрос жизни и смерти. Согласиться на отказ от суверенного распоряжения Суданом значит заранее подписать себе смертный приговор. В вопросе о Судане египетская буржуазия может итти на незначительный компромисс. Вот почему египетское пр-во отклонило англо-египетский договор, ибо в нем, между прочим, пункт о Судане был редактирован в явно неприемлемой для египетской буржуазии форме.

Перейдем к «текущему моменту».

III.

В египетском парламенте, выборы в который произошли 22 мая 1926 г., соотношение сил представляется в следующем виде: 162 депутата партии «Вафд», 38 «либерало-конституционалистов», партии, напоминающей российских «октябристов» в Государственной Думе,—эта партия крупных земле-

владельцев, бюрократов и компрадоров стоит за сближение и сговор с англичанами ценою даже урезывания национального суверенитета; 7 депутатов-«эттихадистов», типичных зубров, открыто поддерживающих английский режим,—эта партия отражает интересы королевского двора, феодальной аристократии, этой социальной опоры империализма на Востоке. Кроме того, 5 депутатов-ватанистов, или крайних левых националистов.

Располагая подавляющим большинством голосов в парламенте и пользуясь значительным влиянием на широкие массы трудовой демократии, «Вафд», тем не менее, вынужден был под давлением англичан итти на образование коалиционного правительства из заглулистов и либералов.

Но это коалиционное правительство переживало перманентный кризис. Заглулисты выдали крупные векселя своим избирателям, в частности, миллионам несчастных, эксплоатируемых крестьян-феллахов, сильно страдающих вследствие затянувшегося хлопкового кризиса. Феллахи требуют аграрных реформ, снижения арендной платы, улучшения налоговой системы, государственной кредитной помощи.

В виду хлопкового урожая в Америке, за последние 2—3 года, египетский хлопок остался нереализованным и около 2.000.000 квинталов хлопка остаются на складах. (См. «L'Economiste Egyptien» за март 1928 г.) [1]).

Заглулисты до сих пор мало сделали для крестьян. Министры-либералы, возглавлявшие до последнего кризиса коалиционное правительство, противились реформам, стремясь взвалить на плечи трудящихся масс бремя налогов. В рядах партии «Вафд» на этой почве происходили значительные трения. Стала складываться левая фракция, требующая немедленного платежа по выданным заглулистами политическим векселям, разрыва коалиции с либералами, ведения четкой антиимпериалистической политики.

Правое крыло «Вафда», руководимое «отцами нации» в роде Нахаса-паши, лавировало, увиливая от сформирования чисто заглулистского правительства, боясь взять на себя целиком всю ответственность за власть. Но вот подоспел момент окончания переговоров для заключения англо-египетского соглашения,—и события приняли совершенно иной оборот.

Колеблющаяся, нерешительная, капитулянтская руководящая верхушка «Вафда», социально соприкасающаяся с торговой, спекулянтской, рантьерской частью египетского общества, под давлением длящегося экономического кризиса, под напором феллахов, рабочих и обираемой городской мелкой буржуазии, вынуждена была сделать крен в сторону своего левого крыла, настаивавшего на отклонении англо-египетского договора.

Некраши-бей, Хасан Нафаи, Махмуд Сабид, «рабочие» депутаты-заглулисты, прошедшие в парламент исключительно голосами рабочих и испытывающие давление этих рабочих избирателей, все более и более стали внутри «Вафда» переходить в атаку против правого крыла. Надо принять во внимание, что значительная часть египетского рабочего класса находится под обаянием националистической идеологии «Вафда». Преобладающая роль европейского капитала в Египте, империалистический гнет Англии, режим капитуляций затрудняют борьбу египетского пролетариата, порою попадающего под влияние угнетенной национальной буржуазии, выступающей в роли защитницы «общенациональных» интересов. Национальный момент затушевывает пролетарский характер классовой борьбы. «Вафд» искусно эксплоатирует националистические предрассудки рабочих масс, используя государственный политический аппарат для своих целей.

[1]) 92% египетского экспорта составляет хлопок. За последние три года вывоз хлопка уменьшился с 65.733.935 егип. фунтов (егип. фунт = 10 зол. руб.), каковой цифры он достиг в 1924 г., до 48.341.000 егип. фунт. в 1927 г.

«Рабочая» фракция «Вафд» под напором наседающих на нее рабочих кругов вынуждена играть в «левизну», делать вид недовольства половинчатой, торгашской политикой умеренной руководящей головки «Вафда». Последняя напоминает своим поведением русских кадетов, искусно пускавших оппозиционную пыль в глаза, ведя за кулисами торг с царской камарильей.

Нахас-паша, лидер «Вафда», напоминает российского Милюкова, презиравшего демос, пугавшегося революции и готового продавать народную свободу (без кавычек) за чечевичную похлебку. В самом крайнем случае, он подписывает выборгское воззвание, чтоб потом его же саботировать.

В самом деле, под напором пришедших в движение широких кругов Египта (демонстранты-студенты стали бить стекла в «доме народа», клубе «Вафда» в Каире) египетский парламент, в котором депутаты, принадлежащие к партии «Вафд», или заглулистам, составляют подавляющее большинство, постановляет отвергнуть англо-египетский договор. Этот договор предусматривал оставление английской армии в Египте на 10 лет, сохранение Судана в руках англичан, приблизительно в такой же срок, лишение Египта права заключать договоры с третьими державами без санкции Великобритании. «Вафд» отказался подписать этот договор, который означал фактическое порабощение Египта при номинальной независимости.

Правительство Сорвата-паши вынуждено было подать в отставку. Лидер «Вафда» берется образовать самостоятельное правительство, но тут же проявляет свою трусость, не решаясь составить чисто-заглулистский кабинет. Нахас-паша униженно умоляет партию «либерало-конституционалистов», партию крупной буржуазии и высокопоставленных бюрократов, делегировать своих двух членов в кабинет. Эта партия получает 2 портфеля: финансов и военный.

Не успели вставить стекла в разбитые демонстрантами-студентами окна в клубе «Вафда» (каирские студенты, как и студенты Александрии и других городов Египта, первые вышли на улицу, требуя, чтоб «Вафд» отверг продиктованный из Форен-Офиса кабальный договор), как «отец народа» Нахас-паша уже спешит заключить трогательный союз с египетскими «октябристами». Этот шаг уже явился грозным предзнаменованием для наивных, уверовавших в способность египетских кадетов вести решительную борьбу за национальный суверенитет. Ибо, в самом деле, как можно бороться за независимость, когда в кабинете участвуют два «либерала», готовых во всякий момент выдать Египет с головой английскому империализму?

Мустафа Нахас-паша не решился на образование самостоятельного заглулистского кабинета, ибо по своей социальной природе он сам не особенно большой охотник до последовательной, решительной борьбы против английского империализма.

Когда англичане увидели, с кем они имеют дело, то они перестали особенно церемониться. Едва только в марте 1928 г. было сформировано правительство Нахас-паши, английское правительство потребовало отклонения законопроекта о публичных собраниях. Этот законопроект преследовал цель ослабления власти английских чиновников министерства внутренних дел, ведающих правом разрешения собраний. Законопроект предусматривал за городскими и сельскими «омдами» («омдэ»—городской голова, сельский староста) право наблюдать за порядком во время публичных митингов. Этот законопроект о публичных собраниях даже с точки зрения буржуазной демократии крайне реакционен. Он вовсе не прокламирует свободу собраний. Он только преследует цель из'ятия права предоставления разрешения на публичные собрания из ведения центрального ведомства, в котором верховодят английские советники, и передачи этого права городским и сельским мэрам. Законопроект карает штрафом от 100 до 300 рублей и месячным тюремным заключением устроителей собрания в случае, если они перейдут за рамки,

установленные законом. Единственным прогрессивным моментом в этом реакционном законопроекте о публичных собраниях является его посягательство на режим капитуляций, на привилегию англичан.

Последние ухватились за этот законопроект, идущий во вред господству английских чиновников, распоряжающихся в Египте, как в своей вотчине. Нота Чемберлена в начале марта настаивала на отклонении этого законопроекта. Нахас-паша произносил пышные речи, распространяясь на тему о том, что Египет не входит в состав английской империи, что сами англичане заинтересованы в независимости Египта. Этот премьер угодливо уверял Чемберлена, что свободный Египет готов служить Англии и воевать на ее стороне (против СССР?). Одним словом, в своих нотах, многочисленных интервью и выступлениях в парламенте Нахас-паша держался задорно, уверяя, что египетское правительство не может отказаться от своего права проводить те законы, которые оно считает целесообразным.

Египетский премьер-министр указывал, что само египетское правительство может взять на себя охрану интересов иностранцев. (Как известно, в своей декларации от 28 февраля 1922 г. английское правительство об'явило Египет независимым, но оговорило 4 пункта, по которым Египет должен столковаться с Англией, а именно: 1) Суэцкий канал, 2) Судан, 3) режим капитуляций и охрана интересов иностранцев и 4) защита Египта от внешнего врага. Этим самым Нахас-паша игнорировал декларацию англичан от 28 февраля 1922 г. Нахас-паша убеждал английское правительство предоставить Египту полную независимость, ибо «угнетенный Египет в случае войны Англии с третьей державой, использует эту возможность для своих освободительных целей».

Этот «главноуговаривающий» Нахас-паша держал себя, однако, непринужденно до английского ультиматума. Стоило Лондону приказать двум военным судам погрузиться углем, чтобы поплыть к египетским берегам, как тот же Нахас-паша быстро капитулировал. Ему пришлось выдержать жестокую борьбу не только с оппозицией в парламенте, но даже с сенатом, который долго не соглашался на капитуляцию. В закрытых заседаниях парламента и сената левые сурово критиковали трусливых министров-вафдистов с Нахас-пашей во главе. Нахас-паша добился с большим трудом согласия обеих палат на капитуляцию, выразившуюся в отсрочке рассмотрения законопроекта о собраниях до следующей сессии парламента. «Отцы народа» отдали приказ по полиции строжайше следить за порядком и в случае надобности обратиться за помощью к... английской армии. Так, по крайней мере, сообщает корреспондент «Таймса» в номере от первого мая. Предатели народной свободы, испугавшиеся последствия своей капитуляции, поспешили апеллировать за помощью к той самой иностранной силе, против которой они будто бы хотят бороться! Не доверяясь национальной армии, они готовы искать спасения от народного гнева у английских штыков. Требуется ли более яркое доказательство никчемности, измены и предательства «Вафда», чем это секретное распоряжение, отданное полицейским властям?

Капитуляция «Вафда» перед Англией в вопросе о публичных собраниях явно обнаружила, что элементы, руководящие этой организацией, пользующейся наибольшим влиянием на широчайшие круги населения Египта, неспособны на борьбу за независимость и ждут только удобного момента, чтоб сторговаться с английским империализмом.

Долг египетских коммунистов разоблачить перед широкими рабоче-крестьянскими массами предательскую политику «Вафда», сорвать с него маску «друга народа» и призвать эти массы на борьбу за независимость, как от английского, так и отечественно-буржуазного ига.

Я. Виленкин.

Американский империализм и революция в Никарагуа.

История империализма Соед. Штатов не нова. С момента возникновения республики Соед. Штатов ее внешняя политика развивалась параллельно ее экономической экспансии. «Иностранная политика,—говорил бывший министр иностранных дел Чарльс Юз,—строится не на абстракциях. Она является результатом практически понятого национального интереса, базируясь на тех или иных текущих требованиях, или вырастая на исторических перспективах... Государственные деятели, несущие на себе бремя управления, не должны ни на один момент упускать из виду те требования, которые диктуются стремлением к господству». Подобное заявление такого известного американского государственного деятеля, как Юз, имеет большой удельный вес, так как сам Юз в течение всей своей долгой политической карьеры (в качестве губернатора штата Нью-Йорк, судьи в верховном суде Соед. Штатов и, наконец, министра иностранных дел) проявил себя энергичным апологетом капиталистической системы и крупного капитала в форме трестов или корпораций. В своей декларации он с совершенной точностью определяет, каковы цели внешней политики всех капиталистических стран и в частности Соед. Штатов. «Требования, диктуемые стремлением к господству» с самого основания Соед. Штатов сводились к завоеванию континента, лежащего на западе в направлении к Тихому океану, и к развитию торговли и промышленности вдоль Атлантического океана. Таким образом, история Соед. Штатов представляет собой почти непрерывную линию роста и территориальных захватов.

Доктрина Монроэ,—Америка для Америки,—провозглашенная в 1823 г., явилась отражением империалистических тенденций американского капитализма, несмотря на то, что молодая американская буржуазия выдвигала ее сначала в противовес Священному Союзу, которым на Веронском конгрессе 28 ноября 1822 г. был подписан тайный договор, «чтобы положить конец системе представительного правления, в каких бы европейских странах оно ни существовало, и предотвратить его появление там, где оно еще неизвестно».

Но лет 30 спустя президент Польк дает уже свое собственное толкование доктрины Монроэ, которое на практике сходится с современным толкованием этой доктрины Юзом и сводится к тому, что «внешняя политика является результатом практически понятого национального интереса, базируясь на тех или иных текущих требованиях или вырастая из конкретных исторических перспектив». Но очень скоро доктрина Монроэ, первоначально направленная против вмешательства европейских стран в дела молодой северо-американской республики, стала ширмой, прикрывающей стремления нарождающегося империализма Соединенных Штатов подчинить своему контролю весь американский континент. Капиталу Соед. Штатов нужно было обеспечить себе свободу экспансии в странах Южной и Центральной Америки; и он это сделал под благовидной вывеской доктрины Монроэ.

Владельцы хлопчатобумажных плантаций в Южных Штатах остро нуждались в земле, чтобы удовлетворить повышенный спрос английских хлопчатобумажных фабрик в Англии и в Северо-Восточных Штатах. Распространять свои плантации в северные районы они не могли из-за климатических условий, а также потому, что Северные Штаты противились распространению рабства к северу от линии Мейсона и Диксона. Таким образом, плантаторам юга открывался один только путь—в южном направлении. Под давлением этой необходимости президент Польк в 1848 году об'явил войну Мексике. С помощью грубой силы Соединенные Штаты захватили территорию Новой Мексики и нынешнего штата Калифорнии, где приблизительно около того же времени было открыто золото.

Значение этого открытия было проанализировано Карлом Марксом в двух статьях, появившихся в «Новой Рейнской Газете». Статьи датированы Лондоном от 31 января и от 1 ноября 1850 года. (Nachlass, Dritter Band, S. 443—460). Сделаем несколько извлечений из этих статей: «Теперь перейдем к американскому вопросу. Самое значительное событие, которое там произошло, это—открытие калифорнийских золотых россыпей, открытие более важное, чем февральская революция (революция 1848 г. во Франции. *Я. В.*). Даже теперь, через полтора года после открытия, можно предсказать, что оно чревато более крупными последствиями, чем открытие Америки...». «Открытие калифорнийских золотых россыпей подняло благосостояние Америки на небывалую высоту. Во втором номере настоящего издания мы уже раньше, чем другие европейские журналы, обратили внимание на всю важность этого открытия и на те необходимые последствия, которые оно будет иметь для мировой промышленности. Важность этого открытия не в том, что, благодаря эксплоатации новых россыпей, увеличится количество золота; но такое увеличение средств обмена не может не оказать благоприятного влияния на мировую торговлю и промышленность. Открытие горных богатств в Калифорнии дало толчок размещению капиталов во всем мире. Оно также увеличивает торговлю на западном американском и на восточном азиатском побережье Тихого океана, открывая новые рынки в Калифорнии и в соседних странах. Один калифорнийский рынок имеет большое значение: год назад население Калифорнии составляло 100.000 человек, в настоящее время там живет не менее 300.000, которые занимаются только добычей золота, обменивая его на предметы первой необходимости, ввозимые извне. Но сам по себе калифорнийский рынок представляется незначительным по сравнению с постоянным расширением рынков на Тихом океане, по сравнению с выдающимся ростом торгово-промышленной жизни в Чили и Перу, в Западной Мексике, на островах Гаити, и, наконец, по сравнению с фактом молниеносно установившихся сообщений между Азией и Австралией и Калифорнией. Открытие калифорнийского золота поведет к созданию новых мировых путей, которые по своему значению затмят все мировые пути прошлого. Основной торговый путь на Тихий океан, недавно ставший таким важным фактором для мореплавания и приобревший мировое значение, это—путь, лежащий через Панамский перешеек. Установление путей сообщения через Панамский перешеек с помощью дорог, железных дорог и каналов, властно диктуется требованиями мировой торговли и должно быть осуществлено. Железная дорога, соединяющая Чагра с Панамой, находится в процессе постройки. Одна американская компания занимается обследованием района реки Сан-Хуан-де Никарагуа с целью соединить в этом месте оба океана сначала железнодорожной веткой, а затем каналом. Американские и английские газеты обсуждают возможности других путей: через перешеек Дариана, через Атрато в Новой Гренаде, через перешеек Тетуантепека. Цивилизованный мир внезапно обнаружил свое невежество насчет территориальных условий Центральной Америки. Отсюда невозможность точно установить, в каком месте удобнее всего постройка

канала. Судя по скудным информациям, путь на Атрато и путь через Панаму представляют наилучшие шансы...».

Итак, еще свыше 77 лет назад молодой американский капитализм начал изыскания в области реки Сан-Хуан-де Никарагуа. Быстрое развитие капитализма в Соединенных Штатах заставляло его все время искать новых рынков, которые можно было найти, с одной стороны, в Латинской Америке, а с другой стороны, в старых азиатских странах с густым населением. В связи с этим американское правительство начинает изыскивать наиболее короткие переходные маршруты, наиболее дешевые средства сообщения с вышеупомянутыми странами. Каналы являются одним из самых важных путей сообщения, как это правильно отметил Маркс.

После того, как французская компания неудачно пыталась построить Панамский канал, закончив свое предприятие шумным панамским скандалом, затмившим всю прочую скандальную хронику, известную в анналах французской истории, многие американские инженеры обращались к правительству Соединенных Штатов с предупреждением не повторять ошибки французов и не пытаться проводить канал через Панамский перешеек не только потому, что французское предприятие закончилось неудачей, но и потому, что почва в этом месте слишком мягкая и не годится для канала. Американские инженеры указывали на возможность оползней, и это оправдалось впоследствии, несмотря на то, что Панамский канал был построен лучшими инженерами мира. Американские дальновидные эксперты советовали правительству вести канал через Никарагуа.

Клейтон-Бальверский договор 1850 года между Соединенными Штатами и Англией, имеющей крупные вложения капитала в странах американского континента, благодаря настойчивости американских инженеров, предусматривает проведение нейтрального канала через Никарагуа. И позднее проект такого канала серьезно рассматривался на ряду с планом Панамского канала.

В начале текущего столетия создался специальный концерн, во главе которого стояли бывший президент Соединенных Штатов Теодор Рузвельт, Генри Тафт, брат нынешнего главного судьи Верховного суда Соединенных Штатов Вильяма Говарда Тафта. Обоих политических деятелей поддерживал старый Дж. П. Морган, отец нынешнего Моргана, а также многие другие американские банкиры. Концерн скупил у обанкротившейся французской компании все ее землечерпальные и прочие машины за ничтожную цену (около 10 млн. долларов). Концерн затем продал свое имущество правительству Соединенных Штатов за 40 млн. долларов и повел в прессе агитацию за постройку Панамского канала, вопреки мнению крупнейших американских экспертов.

После долгих переговоров с Колумбией и оживленных дебатов относительно преимуществ панамского и никарагуанского направлений конгресс уполномочил президента Рузвельта, который, как мы выше упоминали, был заинтересован именно в Панамском канале, начать переговоры о постройке канала через Панамский перешеек. Если бы в течение определенного времени такие переговоры не увенчались успехом, то президент Рузвельт был уполномочен перейти к переговорам о постройке канала в Никарагуа. Однако, Рузвельт, будучи заинтересованной стороной, не пытался использовать последнего пути. Когда конгресс Колумбии, собравшийся на чрезвычайную сессию для ратификации договора о постройке канала, отложил 31 октября 1903 г. свои заседания, не придя ни к каким результатам, Рузвельт организовал восстание в провинции Панама, входившей в состав Колумбии, опираясь на некоторые зажиточные элементы местного населения, которые ожидали для себя больших выгод в случае победы Соединенных Штатов. Восстанием инсургентов руководили офицеры Соединенных Штатов при поддержке американских военных кораблей, посланных специально для этого в панамские воды. Таким образом, возникла республика Панама, которая, по существу, являлась и является попросту вассалом Соединенных Штатов.

Панамский канал, законченный в 1914 г., имеет много недостатков, не считая частых оползней, которые, заметим мимоходом, хотя и скрываются от широкой публики, случаются часто и мешают регулярному движению. Наоборот, план канала через Никарагуа имеет много явных преимуществ: прежде всего почва там каменистая, что гарантирует от оползней; во-вторых, с точки зрения стратегической, канал через Никарагуа представляется более защищенным, в виду смежности с Караибским морем и близости от Соединенных Штатов, в особенности от Флориды. Еще более велики преимущества никарагуанского направления по сравнению с Панамским каналом в коммерческом отношении, так как первый путь ближе к Соединенным Штатам приблизительно на 500 миль. Это обстоятельство, с одной стороны, ускоряет сообщение между Азией и Соединенными Штатами, а с другой стороны, между восточным и западным побережьем самих Соединенных Штатов и некоторых частей Южной Америки.

Все эти преимущества выдвинули проект постройки канала через Никарагуа сейчас же после того, как Панамский канал был готов для навигации. Теперь же, в связи с невероятной экспансией американского капитала, Соединенные Штаты особенно остро ощущают необходимость иметь на ряду с Панамским каналом еще одну отдушину в виде нового Никарагуанского канала тем более, что он представляет столько преимуществ. Методы, применяемые для осуществления этого плана, совпадают с теми, которые применялись перед постройкой Панамского канала.

Следует иметь в виду, что консервативное правительство в Никарагуа пришло к власти в 1912 г. с помощью американских войск и одержало победу на выборах 1916 и 1922 гг. при поддержке американских сухопутных и морских сил. У правительства 1916 года Соединенные Штаты купили право постройки канала через территорию Никарагуа, при чем нью-йоркские банкиры, в том числе Бр. Браун и К° и Зелигман и К°, приобрели больше половины акций Никарагуанской Тихоокеанской железной дороги, единственной железнодорожной линии в Никарагуа. В Никарагуа замешаны также интересы и других капиталистических групп: Об'единенная фруктовая компания владеет громадными земельными участками, на которых расположены фруктовые насаждения, сахарные плантации и фабрики цукат. Крупные американские капиталы вложены в богатые золотые россыпи в Никарагуа. По мере роста материальной заинтересованности американских империалистов в Никарагуа, Америка начинает непрестанно вмешиваться во внутренние дела Никарагуа, третируя ее, как вассальную страну, подчиненную интересам магнатов капиталистического мира Соединенных Штатов.

Договор, дающий Соединенным Штатам право прорытия канала через Никарагуа, был подписан 18 февраля 1916 года. Соединенные Штаты обязуются уплатить Никарагуа 3 млн. долларов в обмен за следующие уступки:

1) Право постройки канала по линии реки Сан-Хуана и Великого Озера, или в любом другом направлении через территорию Никарагуа.

2) Право аренды на 99 лет островов Большой Рог и Малый Рог в качестве морской базы в заливе Фонеска.

3) Соединенные Штаты имеют право преимущества при возобновлении аренды на морскую базу еще на 99 лет.

Договор этот отдает Никарагуа в полное подчинение американскому империализму.

Во время переговоров, приведших к этому договору, республики Коста Рика и Сальвадор выступили с протестом. Морская база в заливе Фонеска вызывала особенное беспокойство, так как создавала для обеих соседних стран постоянную угрозу финансового и промышленного подчинения Соединенным Штатам. По условиям договора, канал через Никарагуа должен был

итти непосредственно вдоль границы между Никарагуа и Коста Рикой. Несомненно, Соединенные Штаты собираются приобрести некоторые земельные участки к югу от Никарагуа, а это значит, что они произведут набег на Коста Рику для того, чтобы насильственно прихватить кое-какую территорию этой последней. Это-то соображение главным образом и беспокоит мелкие государства Центральной Америки, которые в борьбе никарагуанских либералов усматривают пролог к своей собственной драме.

Соединенные Штаты всецело прибрали Никарагуа к своим рукам. В то время как американские банкиры оказывают давление на экономическую жизнь Никарагуа, министерство иностранных дел Соединенных Штатов и американское морское ведомство устанавливают контроль над этой республикой. Оппозиция со стороны либеральных националистов консервативному правительству, ставленнику Соединенных Штатов, не прекращается с 1913 г. Восстание вспыхнуло летом 1921 года, и правительство ввело в стране военное положение. Вашингтонское правительство послало 10.000 винтовок, значительное количество пулеметов и миллионы снарядов и патронов. Благодаря этому консервативное правительство Никарагуа удержалось у власти. Весной 1922 года перед консервативным правительством Чаморро встала новая угроза восстания. Правительство арестовало 300 либералов и ввело военное положение. Американская эскадра грозила перейти к открытым действиям, и правительство Чаморро благодаря этому было спасено.

В 1924 году Солорцано, кандидат либералов, был избран президентом подавляющим большинством голосов, побив генерала Чаморро, своего противника из консервативного лагеря.

В следующем же году Чаморро произвел государственный переворот. Он провозгласил себя главнокомандующим, провел свое избрание в Сенат и очистил конгресс от либерального большинства. Затем он выслал из страны либерального вице-президента д-ра Сакасу и сам пожаловал себе титул «первого делегата». Солорцано счел более благоразумным выйти в отставку, и Чаморро стал фактически президентом. Нет никаких сомнений, что все эти «революции» не могли бы иметь места без согласия представителей финансовых и промышленных кругов Соед. Штатов. Но при этом крупным северо-американским капиталистам и их правительству пришлось прикидываться невинными овечками, лицемерно отказывая в признании правительства Чаморро. Это обстоятельство использовали никарагуанские либералы. В мае 1926 года они восстали против Чаморро и захватили Блуфилдс, об'явив президентом страны либерала Сакасу. Президент Кулидж отправил эскадру под предлогом защиты интересов граждан Соед. Штатов, но по существу исключительно для защиты Уолл-Стрита. Американский десант провозгласил Блуфилдс нейтральной зоной и затем удалился. (В Блуфилдсе расположены крупные золотопромышленные предприятия, принадлежащие северо-американским капиталистам). В лондонской газете «Таймс» от 7 января, мы находим следующее описание недавних событий в Никарагуа: «В августе 1926 года Чаморро сделал ловкий ход, настолько ловкий, что принужден был в ноябре выйти в отставку. А именно, он обратился к Лиге Наций, членами которой состоят Никарагуа и соседние республики, с жалобой против доставки оружия и снаряжения его противникам-либералам на мексиканском пароходе. Лига Наций обратила внимание Мексики на это обстоятельство, в ответ на что Мексика предложила Лиге не соваться не в свое дело. Своим обращением к Лиге Наций Чаморро нарушил доктрину Монроэ. В сентябре уже министерство иностранных дел в Вашингтоне предложило свое посредничество, а через три дня после этого мистер Кулидж приостановил экспорт оружия и снаряжений в Никарагуа. Вашингтон упорно стремился примирить воюющих консерваторов и либералов, но через неделю обе воюющих стороны предпочли возобновить враждебные действия. Еще немного спустя Чаморро был вынужден выйти в отставку, и президентом был избран Диас, правда, в обстановке военного положения, но с соблюдением конституционных правил, достаточным для того, чтобы успокоить американскую совесть».

«Но, если Соед. Штаты признали консерватора Диаса, то Мексика признала «либерала» Сакаса... Нет необходимости следить за мелкой партизанской войной между армией Диаса,—пользовавшейся при случае поддержкой со стороны морской пехоты и аэропланов Соед. Штатов,—и «повстанцами» и «бандитами» Сакаса. После многочисленных боев Диас, с помощью оружия, снаряжения, а также моральной поддержки из Соед. Штатов, в конце-концов победил. Никарагуа обратилась почти в такую же мирную страну, как и большинство центральных американских республик в нормальное время, и Белый Дом имел все основания быть довольным результатами своего вмешательства. Но внезапно генерал (или, может быть, бандит) Сандино, не пожелавший согласиться на условия перемирия, выработанные в мае, зашевелился в отдаленных районах, на границах Гондураса, вместе с какой-то женщиной бежал в трудно проходимые горные местности, засел в неприступной крепости, имевшей выход на территорию Гондураса, заманил в ловушку колонну северо-американской морской пехоты, нанес ей потери и вообще создал такое положение, которое заставило Северную Америку отправить в Никарагуа подкрепления как раз в очень неподходящий и неудобный момент. Нет сомнения, что это новое восстание (1927 г.) будет быстро подавлено и «генералу» Сандино придется бежать за границу в ожидании лучших времен. Но тем не менее моральный эффект его авантюры несомненен и отразится на атмосфере президентских выборов, которые предполагались в этом месяце под надзором Америки».

Эта выдержка из статьи, напечатанной в реакционной капиталистической газете, доказывает, что американское правительство провоцирует «революции» в Никарагуа с той же целью, с какой оно в свое время спровоцировало восстание в Панаме в 1903 г. Соед. Штаты стремятся подчинить себе Никарагуа с целью осуществить свой, восходящий еще к 50-м годам прошлого века, план канала через никарагуанскую территорию. Канал этот необходим американскому империализму по многим причинам: во-первых, его торговля с Азией и Австралией растет, а, во-вторых, быстрый рост основных отраслей промышленности Южных Штатов выдвигает на очередь вопрос о постройке канала через Никарагуа, так как относительная близость этой последней от Южных Штатов чрезвычайно для них выгодна.

Короче говоря, интересы американского капитализма диктуют постройку канала через Никарагуа, и американские капиталисты не остановятся ни перед чем, чтобы привести свой план в исполнение.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

А. Кармалитов.

Как под гром победного шествия... отступают.

Есть разные методы полемики. Когда твердо уверен в правильности своей позиции, то имеешь возможность на простых, ясных примерах показать бессодержательность выдвигаемых положений противника. Но когда позиция шатка, когда доказательства построены на песке, когда вместо анализа того или иного вопроса в активе имеешь лишь одну пустую эквилибристику ума, тогда можно считать, что дело проиграно. В таких случаях приходится защищать не свои положения, а просто самого себя, свое «алиби». В таком случае чаще всего берут нахрапом. Становятся в гордую позу потрепанного победителя, привлекают весь арсенал простой ругани, которую можно по цензурным условиям напечатать, и на этом затихают. Вот на такой второй путь и вступили маятникоподобные Леонтьев и Хмельницкая.

В своих «Критических заметках», напечатанных в «Большевике» № 23—24, я пытался на ряду с разбором выдвигаемых положений авторов «Очерков переходной экономики» поставить некоторые проблемы. Редакция «Большевика» сочла необходимым поднять обсуждение по затронутым вопросам. Необходимость такого обсуждения настоятельна, так как до настоящего времени, несмотря на довольно об'емистую литературу (одними Л. и Х. уже написано свыше тысячи страниц), эти вопросы у нас не получили разрешения. В своих «Критических заметках» мы имели смелость не согласиться с основными положениями Леонтьева и Хмельницкой. Разобиженные «теоретики», закинув голову вверх, выступают в поход. Прежде всего, они оповестили, что критика их положений (в самом деле их положений) «не заслуживает ответа». А потом снизошли... стали отвечать. Тон взяли самый высокий, на какой вообще способны. Но удержаться на взятой высокой ноте не удалось,—ответная статья Л. и Х. превратилась в набор голо-ругательских «аргументов». У каждого есть свой вкус. Леонтьев и Хмельницкая могут упражняться в ругани. Наша задача более скромная: снова поставить поднятые вопросы, очистив их от бранной шелухи непризнанных «теоретиков».

Как ни безрадотстна работа, все же придется итти шаг за шагом за наблудившими «теоретиками» для того, чтобы показать, с каким сортом оппонентов приходится иметь дело.

I. План и стихия или „плановая“ работа по замазыванию своих ошибок.

В своей рецензии на книжку Л. и Х. «Очерки...» я указывал как на положительные, так и на отрицательные стороны книжки. Как на одну из таких отрицательных сторон, я указывал на то, что авторы, несмотря на неоднократное заявление, что они не абстрагируются от экономполитики при анализе теоретических проблем советской экономики, на деле такое абстра-

гирование проделывают. В частности я указывал на абстрагирование от экономполитики при анализе стоимости в советских условиях. Авторы богом клянутся, что нигде этого нет, называют «полемическим трюком» такое изложение их взглядов, кричат и беснуются за «искажение», «замалчивание» их подлинных взглядов и т. д.

Тут же с гордой самоуверенностью заявляют, что чуть не впервые разобрали этот вопрос. Вот полюбуйтесь: «вопрос о роли экономполитики в хозяйстве переходного типа нами специально разработан с довольно большой полнотой» (стр. 81 ответа).

Ну, что ж, хвала и привет, если «специально разработан» с «довольно большой полнотой». В наш век товарных отношений рекламировать себя не возбраняется. Но в этот же век, помимо рекламы, требуют и «товар лицом». Раньше, чем будем рассматривать предлагаемый «товар», сделаем еще одно замечание. В «Критических заметках» я указывал, что позиция авторов «Очерков» во многом сходится с позицией Преображенского. Авторы возмущены: оказывается, что они-то впервые дали «р а з в е р н у т у ю» критику положений Преображенского. Оказывается, что «в нашей работе дается в е с ь м а развернутая т е о р е т и к о-э к о н о м и ч е с к а я критика этого (Преображенского) автора» (стр. 88). Теперь посмотрим, как авторы «весьма развернуто» критикуют понимание экономполитики Преображенского, тем более, что этот вопрос по гласящей рекламе «специально разработан».

Вот самая «полная» характеристика экономполитики, даваемая Л. и Х. в их «Очерках»: «Что же касается экономической политики, представляющей форму сознательной социально-хозяйственной деятельности в переходной экономике, то следует помнить, что это есть п о л и т и к а, что она имеет место в обществе с определенной к л а с с о в о й структурой». («Очерки», стр. 97, разрядка авторов).

Следовательно, экономполитика пролетарского государства есть п о л и т и к а.

А вот характеристика той же экономполитики, даваемая Преображенским.

«Указание на то, что у нас государство руководит социалистическим сектором хозяйства и от него неотделимо, доказывает лишь, что здесь больше трудностей для абстракции, чем при капитализме, но ни в малой мере не говорит против необходимости отделить э к о н о м и к у от п о л и т и к и на определенной стадии исследования» (цит. по Бухарину: «К вопросу о законах переходного периода», стр. 15).

Чем отличается положение Преображенского от положения авторов «Очерков», неизвестно. Правда, отличие есть. Оно заключается в том, что эту премудрость Преображенского Л. и Х. вытащили из примечания, куда он его запрятал, и написали в своих «Очерках» курсивом.

Тов. Н. Бухарин по поводу такой трактовки экономполитики Преображенского пишет: «Преображенский, очевидно, не в целях политики, а самого об'ективного «исследования»—ухитрился насильственно запихнуть самое важное, «э к о н о м и ч е с к а я политика» превратилась, с божьей помощью, просто в «политику» (там же, стр. 16). У Л. и Х. экономполитика превратилась тоже в «политику». Вот вам и «весьма развернутая критика Преображенского», вот вам и «специальная разработка» вопроса экономполитики. Оказывается, «специальная» «весьма развернутая» критика Преображенского выразилась в простом списывании у последнего. Когда Кармалитов на это указал, то оказался «путаником», «безграмотным» и т. д. «Грамотность» авторов «Очерков» выступает здесь в самой неприкрытой форме. При таком понимании экономполитики, какое выдвигают Л. и Х., Преображенский совер-

шенно прав, что абстрагируется от нее. Л. и Х. не понимают, что они делают самую безграмотную ошибку, когда на ряду с определением экономполитики, как политики, заявляют, что абстрагироваться нельзя. Здесь оказывается, что Преображенский в тысячу раз последовательнее, умнее и смелее авторов «Очерков».

Почему нельзя абстрагироваться от экономполитики? Да потому, что сама экономполитика пролетарского государства не «надстройка», а срослась с базисом, стала составной частью этого базиса. «Ибо у нас тресты и синдикаты,—пишет тов. Бухарин,—входят в совокупный государственный аппарат, а их политика входит важнейшей составной частью в политику государственной власти. Аппарат нашего госхозяйства является составной частью производственных отношений советского общества, т.-е. сам целиком включен в «базис». «Хозяйственные органы госаппарата суть верхушка нашего специфического базиса». Отвлекаться, абстрагироваться от них, значит отвлекаться от основной характеристики «новой экономики» (Бухарин, «К вопросу....», стр. 20—21). В дальнейшем мы еще посмотрим, как авторы «Очерков» увязывают экономполитику с проблемами советской экономики, теперь же перейдем к другому перлу «весьма подробной критики» положений Преображенского.

Как известно, Преображенский для экономики переходного периода констатирует два регулятора: закон ценности и закон первоначального социалистического накопления, которые ведут борьбу между собою.

В это коренном вопросе Преображенский получил сильный отпор. Авторы «Очерков» идут в ногу с веянием времени, они тоже выступают противниками этих двух регуляторов. Но как? Дадим слово самим авторам для того, чтобы избежать обвинения в «замалчивании» их положений. «Таким образом,—пишут Л. и Х.,—мы приходим к совершенно естественному выводу, что если общественный сектор является областью максимальной атрофии стихийного закона ценности, то противоположный полюс—частнохозяйственная сфера—остается полем наибольшего сохранения закона ценности». Написав эти слова, авторы задумались. «Такая расчлененная постановка вопроса, которая представляется нам единственно плодотворной, вызывает иногда сомнения такого сорта: не означает ли она допущение двух регуляторов в едином хозяйстве? Подобное возражение фигурировало в полемике вокруг работы тов. Преображенского». Немного подумав, дают оценку двум регуляторам Преображенского. «Не в том беда, что он находит в едином хозяйстве два различных регулятора (!!??), а в том, что он сопоставляет два явления совершенно различной логической конструкции, дает им одинаковое название «законов», состязание между этими двумя различными и разнородными тенденциями трактует как борьбу двух логических однородных законов и на этом сопоставлении, на этой борьбе строит все свое теоретическое здание». («Очерки», стр. 185). Другими словами, ошибки Преображенского не в том, что он находит два регулятора в нашей системе, а в том, что их называет двумя законами одной и той же «логической конструкции». Как бы ни вертелись авторы «Очерков», а тут черным по белому написано, что Преображенский «виноват» не за два его регулятора, а за название этих двух регуляторов «различной логической конструкции» законами. За такую «критику» Преображенского, я в «Критических заметках» назвал позицию Л. и Х. сходной с позицией Преображенского. Я приводил слова Маркса из его письма к Кюгельману, где говорится об одном единственном регуляторе для всякой экономической формации. Эти же слова в противовес Преображенскому приводит т. Бухарин. Он пишет дальше: «Другими словами закон пропорциональных трудовых затрат, или, для краткости, «закон трудовых затрат» есть необходимое условие общественного равновесия при

всех и всяческих общественно-исторических формациях». Я указывал, что закон пропорциональных трудовых затрат и есть тот регулятор, который действует как при капитализме, так и в экономике переходного периода. Регулятор единый, он действует при всех формациях, а форма проявления его бывает разная. «Он (закон трудовых затрат. *А. К.*) может иметь разные «формы проявления». «Таким образом, закон трудовых затрат—голенький или в костюме—оказывается обязательным и универсальным регулятором хозяйственной жизни» (Н. Бухарин. «К вопросу...», стр. 37). «Закон трудовых затрат» есть «универсальный регулятор хозяйственной жизни», — говорит тов. Бухарин. Ошибка Преображенского «не в том... что он находит в едином хозяйстве два различных регулятора»—говорят Леонтьев и Хмельницкая. «Нельзя себе представить дело таким образом, — пишет тов. Бухарин по поводу двух регуляторов Преображенского,—чтобы было два регулятора»... Нет,—возражают Л. и Х.,—ошибка Преображенского «не в том... что он находит в едином хозяйстве два различных регулятора». А когда их ловишь на месте «химического соединения» (излюбленное выражение авторов «Очерков») с Преображенским, тогда авторы разражаются простой руганью: «путанный», «бессистемный», «неграмотный» и т. д. Кроме того, заявляют, что они все то, что им противопоставляют, и «доказывали». Им, припертым к стенке, пойманным с поличным, ничего не остается делать, как отказываться от своих же слов и... разражаться руганью.

Особенность разбираемых «Очерков переходной экономики» состоит в том, что на ряду с совершенно верными положениями фигурирует самая непроходимая путаница. Мы только-что разобрали один из перлов путаницы, а вот несколькими страницами дальше читаешь: «С точки зрения теоретической системы марксизма единственным регулятором общественного хозяйства на всех его ступенях, при всех его экономических структурах является одна и та же субстанция, а именно человеческий общественный труд», (стр. 187). Прямо диву даешься, как это в одной и той же «работе» может уживаться заявление, что «ошибка не в двух регуляторах» и «регулятор есть труд». Да, действительно, человеческий труд есть единственный регулятор, это должно быть в основе и критики Преображенского, это же должно быть в основе и «Очерков», но этого-то нет. Совершенно верная мысль приведена так, между прочим, сбоку, за это вам и попало и будет попадать, если не исправите.

Место не позволяет возиться с подобными вихляниями разобиженных авторов. Всякий при внимательном чтении их «труда» может сам это сделать.

Остановимся на том, как дается анализ стоимости в советском хозяйстве. В своем ответе Л. и Х. заявляют, что указание на то, что они абстрагируются от экономполитики есть «выдумка» Кармалитова.

«У нас в работе,—пишут авторы в своем ответе,—красной нитью проходит мысль о том, что переходная экономика, несмотря на наличие различных укладов, представляет собой тем не менее единую систему» (Ответ, стр. 80).

А в своей работе («Очерки») пищут: «План, сознательное рациональное руководство противопоставляется доселе неограниченной власти рынка. Но само это противопоставление происходит на основе товарно-меновой, т.-е. рыночной формы производственных отношений».

В доказательство этой мысли сразу же, единым духом приводят довольно большую цитату из Троцкого. «Государственный план хозяйства,—пишет Троцкий,—в условиях нынешнего пероида не ставит себе утопической задачи—заменить универсальным предвидением стихийную работу спроса и предложения» (Троцкий). Приведя эту цитатау, Л. и Х. радуются, они

пишут: «Задача планирования в современной системе советского хозяйства здесь очень удачно сформулирована». («Очерки», стр. 120—121).

О чем говорят Л. и Х., а вместе с ними цитируемый в «Очерках» Троцкий? «План противопоставляется неограниченной (?!!) стихии рынка», «план не ставит себе утопической задачи — заменить универсальным предвидением стихийную работу спроса и предложения». Цитируем дальше: «Противопоставление рынка, с одной стороны, и плана, с другой, вполне законно с логической и медологической точки зрения». («Очерки», стр. 113).

Вот вам уже три «красных» мысли: 1) «Противопоставление плана и стихии законно с логической и методологической точки зрения»; 2) «план не ставит утопической задачи предвидения стихийной работы спроса и предложения» и 3) «план противопоставляется неограниченной стихии рынка». С одной стороны—план, с другой—«неограниченный» рынок. Но они по Л. и Х. связаны между собою. Как?

«Если бы в народном хозяйстве, — пишут Л. и Х., — существовали рядом товарно-капиталистическая часть и дефетишизированная, натурально-организованная, социалистическая, мы не имели бы единого народнохозяйственного организма, а имели бы скорее подобие смеси масла и воды. Механическая смесь заняла бы место химического соединения, ибо социалистическое хозяйство обладает химическим сродством с товарно-капиталистической структурой лишь в том случае и при том условии, когда оно принимает фетишистическую стихийно-рыночную ценностную (валористическую) форму производственных отношений». («Очерки», стр. 110). «Стихийно-неограниченный рынок», с одной стороны, план (социалистический сектор), с другой, «связаны» через «ценностную» форму производственных отношений, при чем план не ставит себе задачи заменить «стихийную» «работу спроса и предложения»—вот и вся премудрость приводимых цитат. Когда я в «Критических заметках» указал, что авторы видят единство плана и стихии только на их стыке, в процессе обмена, тогда как надо искать этого единства и внутри каждого сектора отдельно, Л. и Х. «ужасно» разобиделись. Оказывается, что они только и говорили, что о таком единстве внутри секторов. «Нашу очередную «ошибку»,—пишут Л. и Х.,—наш критик находит в том, что мы будто бы видим «единство плана и стихии на их стыке, в процессе обмена», тогда как это единство следует искать «внутри каждого сектора отдельно». Приведенные цитаты из нашей книжки достаточно красноречиво свидетельствуют о том, что этот упрек так же голословен, как и все остальные». (Ответ, стр. 84).

Выходит, что они видят единство плана и стихии в каждом секторе отдельно при... «неограниченной власти рынка», при... отсутствии задачи перед планом заменить «работу стихии рынка». Как это план проникает в стихию без поставленной задачи проникнуть—авторам лишь это доступно, как это ограничивается стихия при «неограниченности стихии»—аллах ведает. Такие вещи могут происходить не иначе, как с помощью святого духа. Мистикой веет от подобной «теории».

Теперь о законе ценности.

Дадим слово самим авторам. Пусть не обижаются, что их «замалчивают». «В то время как первая «коалиция» олицетворяет плановое, сознательно-управляемое начало, второй «блок» представляет противоположное начало—господство стихийных экономических законов. Отсюда ясна не только допустимость, но и полная необходимость разделения советской экономики на два сектора—обобществленный и частнохозяйственный—при анализе отношений связи между хозяйственными единицами, отношений, олицетворяемых стихийным законом ценности, с одной стороны, и плановым началом, с другой». («Очерки», стр. 257). Я в «Критических заметках» писал: «Вся система советской экономики делится авторами на два сектора: 1) социалистический и 2) частнокапиталистический», подразумевая под частнокапиталистическим «сектором» простое товарное хозяйство и капиталистический сектор. Приведя мои слова, авторы пишут: «Эту придуманную им самим формулировку наш критик повторяет неоднократно». (Ответ, стр. 80). Где тут моя выдумка, не пойму. Авторы пишут: требуется «полная необходимость разделения советской экономики на два сектора», я пишу: «Вся система советской экономики делится авторами на два сектора». А в результате—«критик выдумал». Понимают ли Л. и Х., что это глупо и смешно. Пытаются поймать на чем-то «критика», а сами неизменно садятся в лужу. Так что будем считать, что все же авторы делят советскую экономику на два сектора. Страницей дальше авторы резюмируют результат анализа стоимости. Приведем эту цитату целиком.

«Итак, при анализе категории ценности, при рассмотрении тех метаморфоз, которым она подвергается в условиях переходного хозяйства, мы делим весь народнохозяйственный организм на два сектора, привлекая по временам к рассмотрению также дальнейшее распадение одного из этих секторов, а именно частнохозяйственного на два противоположных уклада. Такое теоретическое расчленение отнюдь не приходит в какое-либо противоречие с реальным единством народнохозяйственного целого. Ведь анализ не ограничивается поочередным рассмотрением закономерностей, складывающихся в каждом из секторов, взятом в совершенно изолированном виде. Напротив, главное внимание уделяется рассмотрению именно тех отношений, которые возникают, как результат связи и взаимодействия отдельных секторов переходного хозяйства, поскольку реальное единство системы ни в коей мере не может пострадать от расщепления этой системы на части, вполне соответствующие фактически существующим крайне различным типам отношений» («Очерки», стр. 258). Здесь весь метод анализа стоимости в советской системе. В приведенной цитате три мысли: 1) советская система расщепляется на два сектора; 2) каждый сектор рассматривается в совершенно изолированном виде; 3) потом оба рассматриваются в их связи.

А вот, что пишет Преображенский:

«Наше советское хозяйство делится на государственное и частное. Государственному хозяйству присущи свои закономерности в развитии, частному свои. Но и то и другое входит в единый организм всего хозяйства союза в целом. Для теоретического анализа методологически необходимо рассмотреть отдельно и те и другие закономерности, а потом уже об'яснять, как получается равнодействующая реальной жизни. Но рассматривать тенденции развития государственного хозяйства необходимо в их чистом виде, т.-е. проанализировать их так, как если бы развитие государственного хозяйства шло, не встречая сопротивления частного хозяйства, рассматривать закономерность оптимума. Это есть единственный правильный метод, унаследованный нами от Маркса. Только он дает нам возможность разобраться в пестрых фактах реальной жизни и понять внутренний смысл всего происходящего». (Преображенский, «Новая экономика», стр. 250). И тут три мысли: 1) советское хозяйство делится на два сектора; 2) каждый сектор рассматривается в изолированном виде; 3) а потом рассматриваются в их связи «для того, чтобы получить равнодействующую реальной жизни». Теперь видно вам, путаники, как вы «весьма резвернуто» критикуете Преображенского. Это просто неблагодарность к Преображенскому. Ведь он ваш духовный отец. Я писал, что изолированное рассмотрение частного сектора означает абстрагирование от экономполитики. А мои любезные оппоненты называют это «наездническим подвигом», «все это у нас есть»,

нигде абстрагирования, мол, не делали, «исказил», «замолчал» и т. д. Я уже и не знаю, как назвать такие приемы. Отказываться от своих слов! Ну, и публика, на ходу подметки рвет. Идем дальше. Нас интересует, как авторы «Очерков» связывают «изолированно» рассмотренные секторы. Вот что делается с законом стоимости в несоциалистическом круге: «Перед законом ценности здесь в общем и целом открывается такое же поле деятельности, как и во всякой несоциалистической хозяйственной системе, мы бы сказали, что принципиально дело не меняется, изменения заключаются лишь в том, что соседство социалистического сектора весьма существенно суживает те пространственные, если можно так выразиться, рамки, в пределах которых проявляется суверенное действие закона ценности» («Очерки», стр. 182—183). План борется со стихией, в стихии закон ценности «суверенно действует», план побеждает стихию, от этого «пространственные» «рамки» «суверенно действующего» закона стоимости суживаются, в более узких пространственно рамках закон стоимости «суверенно действует». Ну, а Преображенский как смотрит на этот вопрос? Вы думаете иначе? Желаете, чтобы я привел парочку цитат? Не стоит: для всех, интересующихся этим вопросом, ясно и так. Идем дальше. Берем социалистический сектор и посмотрим, что там делается с законом стоимости. «Сущность закона ценности в теоретической системе Маркса заключается как раз не в рыночной форме, а в рыночном стихийном содержании». («Очерки», стр. 262). Другими словами, сущность закона стоимости, как исторической категории (Маркс ведь рассматривал капиталистический строй) заключается не в форме, а в содержании. А тов. Бухарин, исходя из анализа марксовой теории стоимости, пишет: «В законе ценности нельзя видеть закон трудовых затрат—и только, ибо это значило бы отвлекаться от специфически-исторического значения и характера ценности. Но, с другой стороны, нельзя за общественно-исторической формой проглядывать материально-трудовое содержание этого закона. «Сущность» ценности, как исторической категории в ее фетишистическом характере» (Бухарин, «К вопросу...», стр. 35).

Следовательно, сущность марксова закона стоимости, как исторической категории не в содержании, а в форме. «Измениться, в зависимости от различных исторических условий,—пишет Маркс,—может лишь форма, в которой эти законы проявляются». Маркс говорит, что исторической сущностью стоимости является форма, «грамотеи» Л. и Х.—наоборот: «Сущность закона ценности в теоретической системе Маркса» не в форме, а «в содержании». Вот с такой «ужасно» грамотной чепухой, подходят к решению стоимости в нашем социалистическом секторе. Полемизируя со Смилгой пишут: «Здесь мы у автора имеем полное соединение (чтобы не сказать—смешение) ценностной формы с содержанием закона ценности, между тем как наиболее характерной особенностью переходного хозяйства вообще является наполнение прежней, свойственной товарно-капиталистическому хозяйству, формы совершенно новым содержанием». («Очерки», стр. 262). Следовательно, в социалистическом секторе хозяйства фетишистическая ценностная форма стоимости остается, меняется содержание стоимости. А тов. Бухарин, в согласии с Марксом пишет: «О чем может итти вообще речь при переходе от стихийных регуляторов к регуляторам сознательным? Может итти речь о том, чтобы выскочить из рамок закона, о котором Маркс говорит в письме к Кюгельману. Достаточно поставить только вопрос, чтобы ясной стала вся бессмысленность отрицательного ответа. Ибо этот закон (закон трудовых затрат. *А. К.)* есть всеобщий и универсальный закон хозяйственного равновесия. Стало быть, речь может итти лишь о смене его (этого закона) общественной формы». (Там же, стр. 39).

По поводу Преображенского т. Бухарин пишет: «Ведь у него выходит, что пролетарское, плановое начало является принципом борьбы не с ценностной оболочкой закона пропорциональных трудовых затрат, а принципом борьбы с этим законом, так сказать по его материальному существу». «Тов. Преображенский никак не может понять, что в данном случае (в случае борьбы с этим законом стоимости. *А. К.)* речь не может итти об антагонизме по существу материального содержания закона, а что речь может итти лишь об антагонизме общественной формы». (Бухарин «К вопросу...», стр. 41).

По Преображенскому выходит, что дело идет о смене содержания стоимости. А по Л. и Х.—дело идет о «наполнении прежней, свойственной товарно-капиталистическому хозяйству, формы совершенно новым содержанием». А по Бухарину выходит что «...неправильно то, что наши методы противоречат материальному содержанию закона стоимости» (там же, стр. 43).

Ясна теперь вам весьма развернутая «критика» Преображенского? Я думаю, что теперь даже Л. и Х. ясна. Не лучше ли было вместо поднятой ругани против безобидных замечаний прежней моей рецензии заняться наполнением старой формы своей черепной коробки, новым содержанием? В своих «Очерках», а также и в «Ответе» авторы неоднократно открещиваются от Преображенского, оказывается, только за тем, чтобы протащить «прилизанным» того же Преображенского. Получается новая форма со старым содержанием. В истории бывали и такие случаи—знаем. Но будьте уверены, этого-то сделать вам и не удастся, потому что неграмотные становятся грамотными.

II. Проблема распределения.

В своих «Критических заметках», разобрав, что, по нашему мнению, является неправильным у Леонтьева и Хмельницкой по вопросу распределения, я попытался поставить эту проблему для того, чтобы был материал для дальнейшего обсуждения вопроса. Мною были выдвинуты три основных требования, которые необходимы при разборе проблемы распределения в переходный период. Эти требования следующие: 1) исходить из экономполитики пролетариата, 2) рассматривать каждый сектор не изолированно, а в связи с другими секторами, 3) рассматривать эту связь в форме рыночной связи. Прав я или нет, это вопрос другой. Л. и Х. считают, что прав. Мало того, они обвиняют меня в том, что я, выдвигая эти требования, не сказал, что у них «тоже» «имеются» эти требования. Посмотрим. Берем капиталистический сектор и посмотрим, в какой «связи» рассматривают его авторы с другими секторами. «В секторе частного, необобществленного хозяйства, категория заработной платы полностью сохраняет свое социально-классовое антагонистическое содержание. Частнокапиталистический характер отношений здесь с полной бесспорностью определяет и сохранение качественного содержания капиталистических законов заработной платы» («Очерки», стр. 299). Я не ставлю пока вопроса о правильности того положения, что «капиталистические законы заработной платы» остаются здесь нетронутыми. Я ставлю вопрос: где тут первое требование—экономполитика пролетарского государства, требование, которое, якобы, я заимствовал у Л. и Х.? Нет его. Механически, изолированно берется частнокапиталистический сектор, и решается проблема распределения. После такой «механики» авторы «соединяют» социалистический и частнокапиталистический секторы воедино. Что делается с категорией заработной платы? «Здесь процесс перерождения содержания заработной платы находится в непосредственной зависимости от степени роста сферы обобществленных отношений, т.-е. от прямого

вытеснения частного капитала». («Очерки», стр. 299). Другими словами: «законы заработной платы» в «качественном» и «количественном» смысле, «пространственно» ограничиваются, поскольку пространственно ограничивается «вытесняемый частный капитал». Та же музыка, что и с проблемой стоимости в капиталистическом секторе. «Процесс перерождения содержания заработной платы» связан с «прямым вытеснением капиталистического сектора, а там, где еще частный капитал действует, «законы заработной платы» остаются не тронутыми. А я говорил, что мы их трогаем и трогаем так существенно, что старые «законы заработной платы» даже в капиталистическом секторе действуют не полностью. Авторы пишут: «Момент классовой борьбы и соотношения классовых сил здесь (в капиталистическом секторе. *А. К.)* находят свое выражение прежде всего в том, в какой мере профессиональным союзам удается об'единить и организовать рабочих и воздействовать на условия заработной платы». («Очерки», стр. 299). А я говорил, что указания на профсоюзы не достаточно. На такие замечания авторы в «Ответе» пишут: «не сомневаемся, что подобный «анализ» привел бы в восторг каждого частника». («Ответ», стр. 86). А мы не сомневаемся, что подобный «анализ» заработной платы в условиях СССР, который дают авторы, приведет в телячий восторг меньшевиков. Ведь они доказывают, что «законы заработной платы» капитализма у нас действуют, а что касается профсоюзов, то они влияют на зарплату и в капиталистических условиях. Я писал, что нельзя частный сектор рассматривать изолированно вне экономполитики. Почему? Да потому, что заработная плата, как категория капитализма, имеет основные законы движения. Какие эти законы? 1) Рабочий класс находится в полной зависимости от капитала, переливы и отливы капитала вызывают переливы и отливы рабочей силы. Спрашивается, прикован ли наш рабочий к «колеснице капитала» так, как он был прикован при капитализме. Я говорил: нет. В ответ на это Л. и X. пишут: «...Подобное творчество следует решительно отвергнуть, как вреднейшую и безграмотную путаницу в весьма важном вопросе». («Ответ», стр. 86). Значит, по Леонтьеву иХмельницкой, наш рабочий класс «прикован к капиталу, как молот Гефеста приковал Прометея к скале» (Маркс). Я думаю, что такое творчество надо действительно отметать, как вреднейшую путаницу. 2) Заработная плата при капитализме имеет тенденцию понижаться. Отсюда относительное и абсолютное обнищание. Я спрашивал, действует ли этот закон капитализма по отношению даже к рабочим, занятым в капиталистическом секторе. И отвечал—нет. Меня перевирают и пишут: значит «нэпман и кулак выступают в качестве эксплоатируемых наемным рабочим» (стр. 86). Вот это называется поистине «грамотным» изложением своего противника. 3) При капитализме рабочий не суб'ект производства, а об'ект, «труд рабочего приравнен к товару, а вследствие этого подчинен тем законам, которыми определяется общее движение цен» (Маркс). Другими словами, рабочий при капитализме выступает как товар. Я доказывал, что при диктатуре пролетариата этот специфический товар становится человеком, и интересы пролетариата, как того, который занят в социалистическом секторе, так и того, который занят в капиталистическом—одинаковы. Отношение обоих этих частей пролетариата к капиталистическому сектору одинаково, отношение их к социалистическому тоже одинаково. Авторы в «Ответе» пишут: «Но в отношении к данному предприятию, к распределению дохода, производимой в нем ценности «интересы этих двух частей пролетариата неодинаковы», что приводит в ужас Кармалитова» (стр. 86). Да, действительно, меня приводит в ужас такая элементарная неграмотность авторов. Оказывается, что, когда дело идет о распределении дохода на «данном предприятии», частном, между капиталистом и занятыми здесь рабочими, то интересы этих рабочих противоречат интересам рабочих, занятых на госпредприятии.

Вот такая трактовка интересов рабочих, действительно, «привела бы в восторг каждого частника». Вот еще маленький образец «полемики». На стр. 86 «Ответа» меня обвиняют, что я придаю большое значение экономполитике: «Ведь, если бы «пропорции распределения» зависели целиком (?)—поучают меня Л. и X.,—и единственно от нашей экономической политики, то проще всего было бы сразу искоренить без остатка капиталистическое производство и элементы капиталистической эксплоатации». А на стр. 87 «Ответа»: «он (это я, значит) даже договаривается до того, что будто бы у нас стихийные, гетерогенные силы определяют тенденции распределения». Должен заявить, что как первое: «Целиком экономполитика (по-моему) определяет распределение», так и второе: «стихийные силы (по-моему) определяют распределение», есть выдумка. И последний вопрос. О законе трудовых затрат. «Спору нет,—пишут авторы ответа,—закон трудовых затрат великое дело, тем более (!), что этот закон составляет единственное теоретическое оружие нашего критика». Да, должен заявить, что это «такое теоретическое оружие», которое опрокинуло капитализм, опрокинуло построения Преображенского и на обе лопатки опрокидывает и ваши построения.

III. Заключение.

Я выдвигал ряд положений в противовес положениям Л. и X. в своей рецензии. Авторы в ответе заявили, что «все это у нас есть». Здесь было продемонстрировано, что у них есть. Кроме основных, приглаженных положений Преображенского, за душой не оказалось ничего.

Вопрос о Чупрове. Авторы в «Очерках» «критикуют» Чупрова не по существу [1]), а за два словечка «расчет» и «баланс» и думают этим разделаться с Чупровым. Я мягко указал, что читателю непонятно, почему «расчет» и «баланс» выступают, как категории капитализма. Я писал: «Можно и надо критиковать Чупрова за его попытки просунуть капиталистические отношения, как вечно существующие, но критиковать пустое место не очень похвально для авторов об'емистых «очерков». Мне в ответ пишут: «Наш критик становится на общую почву со всеми буржуазными экономистами, увековечивающими категории капитализма» (Ответ, стр. 87). Оказывается, что «расчет» и «баланс», это—категории капиталистического строя так же, как «деньги», прибавочная стоимость, стоимость и т. д. Я не знаю, где это при прохождении политической экономии в Советском Союзе, изучаются категории политэкономии «расчет» и «баланс» на ряду со стоимостью, деньгами и т. д. Ведь от такой «критики» Чупрову ни жарко, ни холодно. Надо прямо сказать, такая критика—курам насмех. Смеха ради буржуазные экономисты могут в нос тыкать подобные перлы их «критики» марксистом. Я бы тоже смеялся над такими путаниками, если бы эти путаники были не моего лагеря.

Подведем итоги. Теоретическое осмысливание процессов, происходящих в нашей советской системе, требует того, чтобы над этими проблемами поработать. Споры по тем или иным вопросам и неизбежны и плодотворны. Но тот тон, который взяли «теоретики» в полемике, затрудняет разбирать вопросы по существу. В своем «ответе» Л. и X. применили самые чудовищные приемы ругани. Вместо отстаивания своих взглядов занялись просто шельмованием, при чем в основном якобы они согласны с «критиком». Я подробно показал, что ничего у них не заимствовал и не собираюсь пока заимствовать, что основные их положения есть положения Преображенского и что ругаться даже «профессорам» даром не пройдет.

[1]) Точь-в-точь как Преображенского.

В. Мотылев.

К вопросу о пятилетнем плане.

Дискуссия о пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР в Комм. Академии [1]) показала, что вопрос о принципах построения пятилетнего плана вызывает еще среди экономистов-коммунистов существенные разногласия. Разногласия, обнаружившиеся между докладчиком тов. Милютиным и содокладчиком тов. Струмилиным и нашедшие свое отражение в прениях, обнаружили, что единодушное одобрение выступавшими коммунистами директив XV партийного с'езда не избавило их, однако, от существенных разногласий о тех выводах, которые должны быть сделаны из этих директив. Это создает необходимость в продолжении деловой дискуссии по вопросам пятилетнего плана. В частности, это убеждает нас в целесообразности продолжения нашей дискуссии с тов. Струмилиным.

Выступая в Комм. Академии, мы высказали те критические замечания о проектах пятилетнего плана, которые были развиты в статье «Проблема темпа в проектах пятилетного плана», напечатанной в № 3—4 «Большевика». Деловой характер этих замечаний был констатирован не только тов. Кржижановским, но и тов. Струмилиным. «У тов. Мотылева,—заявил тов. Струмилин в заключительном слове,—были попытки показать конкретно, к чему приводит недостаток экономического анализа в нашей пятилетке. Подход тов. Мотылева, по моему, является наиболее правильным. Он говорит: плох был ваш экономический анализ, и вот из-за этого вы впали в такие-то грубейшие ошибки. Вот, тт., если бы каждый из вас таким же образом констатировал и конкретизировал те ошибки, в которые мы впали, как это сделал тов. Мотылев, нам гораздо легче было бы найти общий язык» (стр. 108). При такой оценке характера нашего выступления, тов. Струмилин должен был, казалось бы, проявить при разборе наших замечаний добросовестность и вдумчивость. Приходится, однако, констатировать, что он, к сожалению, не проявил ни того, ни другого. Если мы, тем не менее, считаем необходимым разобрать его ответ, то лишь потому, что развиваемые им взгляды нуждаются, по нашему мнению, в критике.

1. О директивах XV партийного с'езда.

Ярким проявлением ошибочности позиции тов. Струмилина является недооценка им директив XV партийного с'езда. В то время, как тов. Милютин и выступавший в прениях тов. Кржижановский сосредоточили свое внимание на выяснении тех новых задач, которые вытекают из директив XV партийного с'езда, тов. Струмилин не нашел в этих директивах ничего нового. «Правда, некоторые директивы партии,—заявил тов. Струмилин в своем докладе,—формально только теперь на XV с'езде даны нам. Но придется ли нам все переделывать теперь заново потому, что мы их не предусмотрели? Нет, не придется... Может быть, не в такой четкой формулировке, не так прекрасно выраженные, но в основном все эти моменты, которые даются нам в директивах XV с'езда, уже находились, были положены в основу нашей работы и худо или хорошо уже нашли свое отражение в пятилетке... Почему мы это могли сделать? Само собою ясно, почему. Потому что в сущности в этих директивах нет ничего такого абсолютно нового и неожиданного, чего бы не было и раньше в целом ряде постановлений предыдущих партийных с'ездов и руководящих центров. Конечно, все это было нам известно. Но все это не было в достаточной степени просуммировано» (стр. 31).

[1]) См. «О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР». Дискуссия в Комм. Академии, изд. «Комм. Ак.», 1928 г. Стр. после цитат в тексте указаны по этой книге.

Таким образом, тов. Струмилин считает, что директивы XV партийного с'езда лишь «просуммировали» те принципы, которые «уже нашли свое отражение в пятилетке» Госплана. О чем свидетельствует это утверждение? Совершенно очевидно, что оно свидетельствует о непонимании тех новых задач, которые в действительности были выдвинуты XV партийным с'ездом.

Это утверждение тов. Струмилина является вопиющей недооценкой директив. Тов. Кржижановский, отметивший ошибочность этого утверждения тов. Струмилина, охарактеризовал то новое, что дано этими директивами, следующим образом: «Я считаю, что XV с'езд дал громадный сдвиг и сказал не только то, что мы знаем, и не просто просуммировал то, что есть. Если бы вы меня спросили, какие самые общие моменты были выдвинуты XV с'ездом, то я бы сказал: тут есть три основных момента: 1) установка методологии планирования, по преимуществу темологической, целевой; 2) новая трактовка методов разрешения деревенских тупиков; 3) определенная ставка на культурную революцию. Эти установки с'езда, конечно, пронизаны мыслями Владимира Ильича. Но надо откровенно признать, что в материалах наших пятилеток они еще не нашли развернутого выражения» (стр. 70). В действительности и это заявление тов. Кржижановского не исчерпало того нового, что дано этими директивами.

Директивы выдвинули по-новому вопрос об учете районных особенностей, об эффективности капитальных вложений, о социалистической рационализации. Эта новизна заключается в основном в том удельном весе, который придается директивами этим задачам в связи с пятилеткой — в той конкретной постановке, в какой они выдвинуты,—в непосредственной связи этих директив с недостатками проектов пятилетнего плана, выявленными на с'езде. Вспомним, как характеризовал эти недостатки в своем докладе тов. Рыков: «Эти недостатки, как мне кажется, сводятся к двум. Первый из них состоит в чересчур статистическом характере плана, в своеобразном, если можно так выразиться, статистическом уклоне в планировании. За цифрами, которые фигурируют во всех вариантах, не чувствуется достаточной экономической разработки, не говоря уже о технико-производственной установке. Между тем, настоящий период мы рассматриваем, как период органических изменений во всей системе хозяйства... Значение ассигнований на строительства будет зависеть от того, насколько крупные изменения в технике, организации производства и труда произойдут благодаря новому капитальному строительству. В имеющихся вариантах пятилетки этот вопрос, являющийся не менее важным, чем вопрос о размерах капитальных вложений, еще не учтен в достаточной мере. Вторым недостатком пятилетних планов является отсутствие в них районного разреза и ясной постановки проблемы экономического районирования Союза» [1]).

[1]) Доклад тов. Рыкова на XV с'езде. Изд. ГИЗ, стр. 25—26.

Если тов. Струмилин утверждает, тем не менее, что директивы не дали ничего нового, что они у ж е нашли свое отражение в проекте пятилетки, разработанном до с'езда, то это доказывает, что он по существу несогласен с этой критикой проекта, не понимает отмеченных на с'езде недостатков проектов пятилетки, недооценивает директив с'езда.

Все это проявилось также в его полемике с тов. Милютиным. Тов. Милютин, в полном согласии с этими заявлениями тов. Рыкова и с директивами с'езда, выдвигал в своем докладе вопрос о необходимости более тщательной и развернутой разработки проекта с качественной стороны. Он указывал на необходимость разработки планов рационализации, стандартизации, специализации экономических районов, снижения себестоимости, коллективизации сельского хозяйства. Тов. Струмилин, полемизируя с тов. Милютиным, пытался доказать, что в развернутом виде эти планы могут найти свое место лишь в генеральном плане. «Мы считаем,—заявил т. Струмилин,—что основная задача пятилетки, это—план капитального строительства» (стр. 29).

Ошибочность этого утверждения совершенно очевидна. Выработка обоснованного плана капитального строительства невозможна в действительности без соответственных качественных планов. Без тщательной разработки экономических и технико-производственных планов план капитального строительства не может быть обоснованным и удачным, ибо как об'ем капитальных затрат, так и их конкретное распределение зависят от этих планов. С другой стороны, как правильно возразил тов. Струмилину тов. Кржижановский, пятилетний план должен быть не только планом капитального строительства, но и планом целесообразной и эффективной эксплоатации наличного производственного аппарата. А это требует р а з в е р н у т о й разработки качественных планов.

Таким образом, ошибочность позиции тов. Струмилина проявилась не только в тех конкретных вопросах, по которым дискуссия происходила между нами, но и по основным методологическим вопросам построения пятилетнего плана. Наши разногласия явились естественным результатом ошибочности общей установки тов. Струмилина.

2. Темпы оптимального варианта.

В статье в № 3—4 «Большевика» и в выступлении в Ком. Академии мы указывали, что в результате недостаточной разработанности в пятилетке проблемы эффективности капитальных вложений и эффекта социалистической рационализации оптимальный вариант недоучел наличные возможности и преуменьшил возможный темп развития. Наша аргументация сводилась в основном к следующему [1]).

Оптимальный вариант рассчитан на полное напряжение волевых усилий и материальных ресурсов в достаточно благоприятной обстановке. Если о т п р а в н о й вариант, рассчитанный на менее благоприятные условия, должен быть составлен с чрезвычайной осторожностью, чтобы определить вполне обеспеченный об'ем вложений и темп развития при такой обстановке, т о о п т и м а л ь н ы й вариант должен стремиться к максимальной реализации всех возможностей ускорения темпа развития, имеющихся при благоприятных условиях. Поэтому, проект оптимального варианта должен намечать темп развития, превосходящий значительно темп отправного варианта, так как в условиях благоприятной внешней обстановки, благоприятных урожаев, максимального напряжения волевых усилий и материальных ресурсов—д а ж е т о т ж е о б' е м к а п и т а л ь н ы х з а т р а т и т о т ж е п р о и з в о д с т в е н н ы й а п п а р а т м о г у т и д о л ж н ы д а т ь г о р а з д о б о л е е з н а ч и т е л ь н ы й э ф ф е к т. Между тем, об'ем капитальных затрат в действительности по оптимальному варианту на 20% выше, чем по отправному, а в промышленности—даже на 23%. Учитывая все это, мы полагаем, что намеченная разница в приросте валового оборота и народного дохода—на 7—8%, а продукции промышленности—на 11%, является явно недостаточной.

[1]) Более подробно эта аргументация развита в статье в № 3—4 «Большевика».

Вместе с тем мы отмечали, что такая незначительная разница в эффективности капитальных затрат и всего производственного аппарата по оптимальному и отправному вариантам понижает ценность оптимального варианта. Отклонения в таких пределах возможны даже в течение одного года, если условия этого года учтены правильно. Так как в пределах пятилетия трудности предвидения осложняются неопределенностью ряда основных условий хозяйственного строительства, то такая незначительная разница между вариантами не отражает возможных колебаний в этих условиях. Благодаря этому оптимальный вариант недоучел возможный эффект социалистической рационализации при благоприятном сочетании условий и преуменьшил возможный темп развития.

Тов. Струмилин пытается опровергнуть эти критические замечания следующим образом: «Тов. Мотылев говорит, что у нас в пятилетке разница между оптимальным и отправным вариантом по капитальным вложениям 20%, а по их эффекту всего 7—8%. Явная ошибка. Да, товарищи, это грубейшая, крупнейшая ошибка. Но это—ошибка тов. Мотылева, а вовсе не наша. Такого соотношения в нашей пятилетке нет. В самом деле, к чему относятся эти цифры прироста в 7—8%. Они относятся ко в с е м у народному доходу. Но разве мы начинаем эту пятилетку с пустого места? Разве наши капитальные вложения прибавляются к нулю? Мы собираемся вложить по одному варианту 18,5, а по другому варианту—22 млрд. Но у нас, кроме этих вложений, в народном хозяйстве было уже вложено в октябрю 1927 года около 61 млрд. Естественно поэтому, что если мы хотим говорить об эффективности тех вложений, которые мы за эти 5 лет проектируем, нужно сопоставить капитальные вложения не с полной суммой народного дохода, а с тем п р и р о с т о м народного дохода, который обусловлен новыми вложениями за эти пять лет. Народный доход по отправному варианту возрастает за 5 лет с 25 млрд. до 33,5 млрд., всего на 8.446 млн. По оптимальному варианту он возрастает с 25 млрд. до 36 млрд., т.-е. примерно на 10.923 млн. Вторая сумма на 30% больше первой. Стало быть, при увеличении вложений на 20% их эффект возрастает не на 7—8%, как это сосчитал тов. Мотылев, а на целых 30%. Подобно этому по промышленности при увеличении затрат по оптимальному варианту на 23%, их эффект возрастает при правильном подсчете не на 11%, а на целых 43%. Спрашивается, мало это или много? Это трудно сказать. Я не знаю, как ответит на это тов. Мотылев. Но во всяком случае его аргумент о 7—8% теряет свое значение». (Стр. 109).

Этот ответ тов. Струмилина представляет собою целую цепь искажений и ошибок.

В о-п е р в ы х. Совершенно неверно утверждение тов. Струмилина, будто мы рассматривали рост капитальных вложений на 20% и рост народного дохода на 7—8%, как арифметически соизмеримые величины. Попытка тов. Струмилина изобразить дело так, будто мы не понимаем, что цифра 7% относится ко всему народному доходу, а цифра 20%—лишь к сумме капитальных вложений за пятилетие,—просто з а б а в н а. Если этот упрек брошен тов. Срумилиным серьезно, то это свидетельствует лишь о том, что он даже не вдумался в сущности наших возражений. В действительности сущность их вовсе не в арифметическом сопоставлении 20% с 7—8%, а в установлении того положения, ч т о р а з н и ц а м е ж д у о п т и м а л ь н ы м

и отправным вариантами должна определяться не только добавочными капитальными вложениями, но большей эффективностью основной суммы капитальных затрат и всех основных фондов, так как в предполагаемых оптимальным вариантом благоприятных условиях даже намеченные в отправном варианте затраты и наличные основные фонды должны дать гораздо более значительный эффект. Разницу в 7—8% мы считали недостаточной именно потому, что такая разница и даже более значительная могла бы быть достигнута в более благоприятных условиях и без добавочных вложений. Указанием же на 20% прироста капитальных вложений мы лишь еще сильнее подчеркивали, что намеченный оптимальным вариантом рост является недостаточным.

Таким образом, мы вовсе не сопоставляли арифметически 20% с 7—8, и «открытие» тов. Струмилиным в наших замечаниях такой «грубейшей» (!) ошибки является не только забавным, но свитедельствует о легкомысленном отношении нашего критика к аргументам противника.

Во-вторых. Каков эффект этих 20% дополнительных вложений, мы, вопреки утверждению тов. Струмилина, вообще не пытались, таким образом, «сосчитать», ибо разница в приросте валового оборота и народного дохода по оптимальному и отправному вариантам должна, по нашему мнению, вызываться не только и даже не столько добавочными капитальными вложениями, сколько большей эффективностью основной суммы капитальных вложений и всего функционирующего основного капитала при предполагаемых оптимальным вариантом благоприятных условиях.

Если же принять это во внимание, то тот подсчет, который произведен тов. Струмилиным, лишь блестяще подтверждает наши критические замечания. По его подсчетам «при увеличении капитальных вложений на 20% их эффект возрастает на 30%». В абсолютном выражении эти 30% представляют ту же сумму, что и 7%, но отнесенную не ко всему народному доходу, а к сумме прироста его за пятилетие по отправному варианту. Прежде всего, факт об'яснения 30% прироста народного дохода лишь ростом капитальных затрат на 20% обнаруживает методологическую ошибочность подхода тов. Струмилина к оптимальному варианту. Тов. Струмилин забывает, что в предполагаемых оптимальным вариантом благоприятных условиях большую эффективность должна проявить также основная сумма капитальных затрат, весь функционирующий основной капитал. Если же учесть это обстоятельство,—а указание на него является сущностью наших возражений,—то преуменьшение оптимальным вариантом возможного темпа роста становится совершенно очевидным. Разница в приросте народного дохода на 30 % при росте вложений на 20% отражает рост капитальных затрат, но не отражает возможности большей эффективности всей суммы капитальных затрат в целом, всего функционирующего основного капитала.

То же самое можно сказать о промышленности. Тов. Струмилин утверждает, будто при росте капитальных вложений на 23% их эффект возрастает на целых 43%. Прежде всего, неизвестно, каким путем тов. Струмилин получил эту цифру. По «Перспективной ориентировке» (а дискуссия между нами идет именно о ней, ибо к моменту наших выступлений новый вариант, с учетом трех смен, еще не был опубликован в такой форме, чтоб о нем можно было судить) [1]) продукция государственной цензовой промышленности возрастает по отправному варианту за 5 лет с 6.057 млн. дов. рублей до 10.408 млн. д. р., всего на 4.351 млн. д. р., а по оптимальному варианту—до

[1]) Об опубликованных в ноябрьской и декабрьской книгах «План. Хозяйства» вариантах пятилетнего плана с учетом 7-час. раб. дня и 3-х смен мы затруднялись судить, так как в об'яснительных статьях не выяснен основной вопрос — в каких размерах учтен переход к 3-м сменам. Считаем, однако, необходимым подчеркнуть, что основной недостаток «Перспективной ориентировки»—недостаточная разница между темпами отправного и оптимального вариантов—в этих новых проектах не устранен.

11.688 млн. д. р., что составляет прирост в 5. 631 млн. д. р. 5.631 больше 4.351 лишь на 29%, а не на 43%. Рост же продукции государственной цензовой промышленности на 29% при росте капитальных вложениий на 23% является совершенно недостаточным, если учесть возможность и необходимость большей эффективности по оптимальному варианту всего функционирующего основного капитала.

В-третьих. Чрезвычайно показательна заключительная часть приведенной выше цитаты. Тов. Струмилин заявляет, что ему «трудно сказать», «мало это или много». О чем говорит эта фраза? О том, что вопрос о принципах и критериях оценки степени эффективности капитальных вложений при разработке пятилетки не привлек должного внимания. Можно ли считать нормальным такое положение, когда один из составителей пятилетки, крупный специалист по экономической статистике, затрудняется оценить степень эффективности капитальных затрат? Ведь этим своим заявлением тов. Струмилин лишь подтверждает, что темпы пятилетки являются недостаточно проработанными с экономической и технико-производственной стороны, т.-е. подтверждает справедливость той критики, которая направлена против него его оппонентами.

Таким образом, то конкретное разногласие, которое имелось у нас с тов. Струмилиным по вопросу о темпах оптимального варианта, явилось естественным результатом недоучета им возможного эффекта социалистической рационализации и капитальных затрат при благоприятных условиях. Между тем, директивы XV партийного с'езда, в которых тов. Струмилин не нашел ничего нового, говорят о том, что «в центре всего должна стоять самая энергичная, самая напряженная работа по рационализации», что необходимо «исходить из наибольшей эффективности капитальных затрат как по срокам окончания работ, так и по производственному эффекту строящихся предприятий».

Как в статье, так и в выступлении мы указывали, что проект ВСНХ, являющийся оптимальным, при несколько меньших затратах в геспромышленности достигает более значительного роста об'ема продукции. Мы приписывали это более внимательной разработке в нем технико-производственных возможностей, хотя подчеркивали, что и этот проект учел их в далеко не полной мере, как это признают и «Контрольные цифры» ВСНХ. Тов. Струмилин указывает, что тут явное недоразумение, что разница между проектами об'ясняется лишь тем фактом, что проект ВСНХ учел увеличение числа смен, а оптимальный вариант Госплана, опубликованный в «Перспективной ориентировке» этого учета еще не произвел.

Прежде всего, считаем необходимым отметить, что в статье это обстоятельство было нами отмечено. Однако, мы не считали, что оно может вполне об'яснить эту разницу, ибо в «Контрольных цифрах» ВСНХ этот переход учтен лишь в хлопчатобумажной промышленности, и нам казалось маловероятным, что такой частичный учет мог вызвать существенное отличие между вариантами. Мы и сейчас продолжаем относиться с сомнением к утверждению тов. Струмилина и сожалеем, что характер опубликованных материалов не позволяет его проверить. Если прав тов. Струмилин, то чем об'яснить, что «Контрольные цифры» ВСНХ намечают несколько меньший об'ем капитальных затрат (7.088 млн. против 7.298 млн. руб. по оптимальному варианту Госплана, при чем в последнюю сумму включено 134 миллиона рублей на индустриализацию сельского хозяйства). Совершенно очевидно, что переход к трем сменам требует некоторого увеличения капиталь-

ных затрат (в связи с усилением износа оборудования и необходимостью приспособления его к работе в 3 смены), и то обстоятельство, что в оптимальном варианте ВСНХ они слегка меньше, подтверждает, по нашему мнению, что проект ВСНХ лучше учитывает возможную эффективность капитальных затрат и всего функционирующего основного капитала.

Существенной частью наших возражений было указание на необоснованность и недопустимость затухающей кривой роста продукции промышленности (в %% к пред. году) на протяжении пятилетия. В то время как решающие капитальные затраты приходятся на первые годы пятилетия и должны, казалось бы, обнаружить свой эффект в последние годы пятилетия, кривая роста продукции в проектах [1]) почти систематически понижается. Тов. Струмилин пытается спорить с нами и по этому вопросу. Однако, фактически он вынужден был согласиться с необоснованностью такого соотношения. «Может быть,—заявляет тов. Струмилин,—мы и перегнули палку в сторону осторожности. Но это требует еще проверки. Я лично отнюдь не склонен к пессимизму» (стр. 110). Дальше тов. Струмилин отмечает, что практика истекших лет доказала, что фактический темп при переходе от восстановительного периода к реконструктивному оказался выше предположений, что, в частности, темп роста продукции промышленности в 1927/28 г. оказывается выше предположений оптимального варианта.

Мы видим, таким образом, что, несмотря на упрек по нашему адресу в априорном решении вопроса, тов. Струмилин фактически вынужден был признать, что вопрос об эффективности капитальных вложений и кривой роста продукции недостаточно разработан. Но разве это не является новым подтверждением правильности наших критических замечаний? Ведь вопрос о кривой роста продукции является одним из центральных вопросов пятилетнего плана! Ведь тот факт, что первый же год пятилетки—1927/28 г.—даст прирост, превосходящий не только предположения отправного варианта, но и оптимального,—блестяще подтверждает наше мнение, что оптимальный вариант преуменьшил возможный темп развития, так как недооценил возможный эффект капитальных вложений и социалистической рационализации.

* * *

Тов. Струмилин отмечает, однако, что такой темп, как 23% прироста продукции промышленности в текущем году, создает угрозу перенапряжения, что «мы не можем проектировать сознательно на целое пятилетие вперед хроническое перенапряжение». Считаем необходимым в связи с этим еще раз подчеркнуть, что мы критикуем за преуменьшение темпа лишь оптимальный вариант, рассчитанный на сочетание благоприятных условий. Недоучет возможностей ускорения темпа может вызвать недостаточную их реализацию. «Недонапряжение» столь же вредно поэтому, как и перенапряжение. Избегнуть того и другого—задача ежегодных «Контр. цифр», которые тем легче это выполнят, чем правильнее каждый из вариантов учтет наличные возможности при соответствующих условиях. Сопоставление конкретных условий предстоящего года с условиями, предположенными в каждом из вариантов, поможет избежать при выработке контрольных цифр как перенапряжения, так и «недонапряжения».

---

[1]) В вариантах Госплана с учетом 7-час. дня и 3-х смен этот недочет ослаблен, но не устранен.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

М. Г. ГАЛКОВИЧ. «С. Штаты и дальневосточная проблема».

Предисловие Е. Пашуканиса. ГИЗ. 1928. Стр. 208.

О важности и злободневности темы рецензируемой книги говорить не приходится. Теодор Рузвельт как-то заявил: «Эра средиземноморья закончилась, атлантическая эра—на ущербе, начинается новая—тихоокеанская эра». Если даже признать гиперболичность этого утверждения, особенно в эпоху президентства Рузвельта, то все же приходится согласиться с такой характеристикой тихоокеанской проблемы: «В Тихом океане лежит теперь великая ось будущих конфликтов. Эта ось имеет приблизительно такое же первостепенное значение, как до войны—линия на Багдад» [1]).

Между тем литература, имеющаяся на русском языке по тихоокеанской проблеме, чрезвычайно скудна. Можно назвать работы Доливо-Добровольского, Головина, Ангарского, Кайиро Сато—и обчелся. Большинство перечисленных книг имеет, однако, ярко тенденциозный характер, марксистская же литература совершенно отсутствует.

Книга т. Галковича охватывает только часть тихоокеанской проблемы, а именно—политику С. Штатов в бассейне Тихого океана. Главный об'ект северо-американской империалистской экспансии в концепции автора — Китай. Важнейшие конкуренты, с которыми С. Штатам приходится сталкиваться в борьбе за китайский рынок—Англия и Япония.

В таком, примерно, плане намечено построение книги, центр тяжести которой—анализ чрезвычайно сложных и запутанных политических и дипломатических взаимоотношений, складывающихся в результате выступления С. Штатов на широкую дальневосточную арену. Нужно заметить, что политико-дипломатическая история северо-американской экспансии, которая прослеживается автором весьма тщательно, на основе богатого фактического материала ab ovo—со времени первых попыток американского капитала завязать торговые связи с Китаем и Японией — тесно увязана с экономической базой, с ростом промышленного и финансового могущества С. Штатов.

Тов. Галкович на протяжении ряда глав показывает, как американский лозунг «open door»—«открытых дверей» в Китае по мере роста американско-китайской торговли и общего укрепления американского империализма из оборонительного становится наступательным лозунгом. В этом отношении традиционная политика «открытых дверей», провозглашенная американской дипломатией, близко напоминает пресловутую доктрину Монроэ «Америка для американцев». Фактически же неоднократные выступления вашингтонского правительства «в защиту» Китая вызывались, как это показывает автор, отнюдь не соображениями альтруистического свойства, но тем прозаическим фактом, что С. Штаты оказались обойденными при разделе Китая на сферы влияния. Положение в Китае является все время основным стержнем американо-японских отношений. До русско-японской войны взаимоотношения С. Штатов и Японии были наиболее дружественны. Главную опасность в этот период для С. Штатов представляли Россия и Англия. В главе «Русско-японская война и американская политика» автор прослеживает, как усиление Японии, окончательное закрепление ею Кореи и Манчжурии и захват Порт-

---

[1]) Гракх. «Война и Революция». 1926. Стр. 82.

Артура знаменуют новую ориентацию в американской дальневосточной политике. Эту новую, в 1905 г. еще только намечавшуюся политическую линию характеризует вмешательство в русско-японскую войну Рузвельта, предложившего американское посредничество.

После 1905 г., по мере дальнейшего роста и укрепления Японии, в особенности после империалистической войны, японо-американские отношения резко обостряются. Увеличение внешнеторговых оборотов Японии с 1.362 млн. иен в 1913 г. до 4.272 млн. иен в 1919 г., захват Шаньдуня, знаменитые «21 требование» к Китаю, усиление японского флота,—все это настолько обострило положение, что японо-американская война одно время казалась совершенно неизбежной. В связи с ухудшением японо-американских отношений стали намечаться и новые группировки среди великих держав. С одной стороны, после русско-японской войны Россия все теснее сближается с Японией; эта политика нашла свое наиболее яркое выражение в тайном договоре 1916 г., опубликованном НКИД в 1917 г. в сборнике секретных документов.

С другой стороны, англо-японская кооперация обнаруживает зияющую трещину, разрастающуюся с каждым годом по мере роста агрессивности Японии в Китае, во-первых, по мере кристаллизации центробежных тенденций японофобских тихоокеанских доминионов—Австралии и Н. Зеландии—во-вторых. Новая расстановка сил в тихоокеанском бассейне, наметившаяся правда, еще в туманных контурах после русско-японской войны, но выявившаяся вполне после Версаля сказалась на двух чрезвычайно важных внешнеполитических моментах:

а) Отрицательная позиция С. Штатов к японской интервенции в Сибири. Энергичное давление государственного департамента на японское правительство в пользу скорейшего очищения Сибири и северной части Сахалина. Этот вопрос автор подробно освещает в гл. IV «Русская революция и конец войны. Версальский мир».

б) Временное англо-американское сотрудничество сменилось, как известно, ныне острым ухудшением англо-американских отношений по линии вооружений, борьбы за колонии (Абиссиния) и т. д. Немалую роль в этом ухудшении сыграло вступление японо-американских отношений в новую фазу, после землетрясения 1923 г. На трактовке автором последнего вопроса мы и намерены сейчас в нескольких словах остановиться.

В нашей периодической печати почему-то и посейчас господствует на японо-американские отношения такой взгляд, что японо-американские противоречия являются в настоящее время, пожалуй, доминирующим фактором в борьбе за Тихий океан; оба соперника стоят друг против друга вооруженные до зубов, в любой момент готовые броситься в бой. Такое представление навеяно в значительной мере популярными у нас книжками Головина, Виленского-Сибирякова и Кайиро Сато.

Но книги эти были написаны в период резкого обострения японо-американских отношений и с той поры успели устареть; книжка же Головина носит явно провокационный характер, наподобие нашумевшей за границей книги английского офицера Байотера (Bywater) «The sea power on the Pacific». Автор во всеоружии экономической и политической аргументации выступает решительно против этих традиционных взглядов, в заслугу которым отнюдь нельзя поставить диалектическое понимание внешнеполитических отношений.

После ослабления Японии в результате землетрясения 1923 г., убытки от которого, по данным Индустриального банка, составили около 5 млд. иен, американские капиталисты заинтересовываются японскими займами; американский капитал проникает в важнейшие отрасли японской промышленности. Такая командная отрасль, как гидроэлектротехническая индустрия, попадает целиком под контроль американских фирм.

«Нам приходится констатировать,—справедливо отмечает тов. Галкович,—что в настоящее время поток американских капиталов направляется, главным образом, в Японию, а не в Китай, где отсутствующая твердая власть не способна к сроку выплачивать проценты».

Из других экономических факторов, помимо инвестирования капитала, способствующих японо-американскому сближению, автор отмечает растущую зависимость Японии от американского рынка.

Тот факт, что Америка поглощает 40% японского экспорта и по преимуществу предметы роскоши и полуфабрикаты (особенно шелк-сырец) и что она же является почти монополистом по снабжению Японии нефтью, металлами и хлопком,—вызывает среди влиятельных кругов японской буржуазии сильное течение, идеологом которого является известный японский экономист Каваками, в пользу прогрессирующего экономико-политического сближения. Большой интерес представляет VI глава: «Иммиграционный вопрос». ственный момент: **китайский рынок в значительной мере является для С. Штатов японским рынком** [1]).

Огромную долю американского экспорта в Китай потребляют японские предприятия в Китае.

Это обстоятельство недавно отметил в Rotary club японский генеральный консул в Нью-Йорке Учияма, по свидетельству которого от 30 до 40% всего американского экспорта в Китай закупается японскими фирмами для нужд японских предприятий.

По заявлению директора одного из крупнейших японских банков в Нью-Йорке через его банк ежегодно закупается японскими купцами американских товаров для Китая на сумму от 30 до 40 млн. долл. [2]).

Предстоящий в ближайшее время крупный американский заем манчжурским железным дорогам вполне оправдывает прогноз автора, высказанный им еще в 1926 г.

Следует указать, что, отмечая и анализируя факт японо-американского сближения, после переломного 1923 г., автор не впадает в апологетику и не затушевывает того кардинальной важности факта, что, как и всегда бывает в подобных альянсах, противоречия между обоими империалистическими государствами, отнюдь не снимаются и в период японо-американского сближения. Большой интерес представляет VI глава: Иммиграционный вопрос». Здесь систематично и марксистски выдержанно автор обнажает истинные корни американской политики в отношении японской иммиграции.

Американское правительство в первые годы относилось чрезвычайно благожелательно к японской иммиграции, так как в это время японцы доставляли дешевую рабочую силу для калифорнийских фермеров. Положение резко изменилось, когда японские иммигранты стали обнаруживать склонность к самостоятельной обработке земли. В 1919 г. под контролем японцев в Калифорнии находилось уже 458.056 акров.

Все же удельный вес японцев в Калифорнии — единственном штате, имеющем значительную японскую иммиграцию—как в численном, так и в экономическом отношении настолько ничтожен, что не дает основания опасаться серьезной японской конкуренции ни в промышленности, ни в сельском хозяйстве. Блеф о желтой опасности, усиленно раздувавшийся в С. Штатах после 1898 г., не оправдывался теми соображениями, которыми оправдывалось, напр., запрещение японской иммиграции в Австралию и Н. Зеландию, а именно: конкуренцией европейской рабочей силе. Агитация против японцев,

---

[1]) Этот момент, вполне, впрочем, согласующийся с общей концепцией автора о японо-американских отношениях за последние 2—3 года, отмечен им впоследствии в статье «Японо-американские отношения в Манчжурии». («Мировое Хозяйство и Мировая Политика». 1928 г., № 2).

[2]) «The Far Eastern Review». March 1928.

вызывавшая постоянно острое возмущение в Японии, имела троякого рода корни: 1) внутриполитические соображения: японцы и негры были для центральных и провинциальных властей С. Штатов таким же громоотводом, каким евреи были для царского правительства. В особенности следует здесь иметь в виду тяжелое положение калифорнийских фермеров, стонущих под прессом финансового капитала; 2) стремление японцев осесть в качестве самостоятельных хозяев на собственных участках. В Гавайях, где японцы работают на сахарных плантациях, американская буржуазия оказалась куда более терпимой, чем в Калифорнии; 3) наконец, третий, наиболее важный фактор—общая линия японо-американских отношений.

Выражаясь математически—иммиграционный вопрос был лишь функцией или, по словам автора, «логическим следствием общего комплекса американско-японских отношений, ухудшившихся в результате усиления Японии за период войны и первые послевоенные годы».

Один из существенных минусов книги—недостаточное освещение англо-американских отношений в Тихом океане; не остановился автор и на связях американского империализма с внутрикитайскими социально-политическими группировками: слабо выявлена роль Австралии и Индонезии; не упомянут и тихоокеанский секретариат профсоюзов и его упорная борьба с американским империализмом в бассейне Тихого океана.

Нельзя согласиться с таким утверждением т. Галковича: «Внешняя политика капиталистического государства бывает особенно агрессивной в период экономического расцвета—экономического под'ема» (стр. 139). Высказанное в такой общей форме, это положение вряд ли соответствует действительности. Напротив, временами можно установить обратную связь между империалистической экспансией и кон'юнктурными фазами капиталистического цикла [1]).

Нынешнее усиление агрессивности сев.-американского империализма вызвано, напр., экономической депрессией в С. Штатах, ставящей более остро вопрос о завоевании внешних рынков.

Обращает на себя внимание небрежная редакция книги, множество опечаток, помимо указанных издательством.

Но это—мелочи.

В общем, можно вполне согласиться с автором предисловия, т. Пашуканисом: «Мы уверены, что эта книга принесет пользу советскому читателю, ознакомив его с той областью мировой политики, где, по выражению одного американца, посеяны семена будущей великой войны, не говоря уже о том, что именно Китай является страной, где сейчас развертывается величайшая из восточных революций».

Книгу можно рекомендовать учащимся вузов и вообще широкому партийному и советскому активу, интересующемуся вопросами международной политики.

Г. Д.

---

[1]) «Но где же тогда действительная причина капиталистической экспансии? Во-первых, она заключается в затруднениях, вытекающих не из абсолютного и постоянного перепроизводства, а из кризисов со всеми их последствиями...» (Н. Бухарин. «Империализм и накопление капитала». 1927 г., стр. 103).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 11 15 ИЮНЯ № 11

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 8
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
„ПРАВДА“

Главлит № А—15896 Тираж 75.000.
Типография газеты „Правда". Москва, Тверская, 48

Ко всем членам партии, ко всем рабочим.

Товарищи!

Рабочий класс в союзе с широчайшими массами крестьянства среди огромных трудностей приступил уже к развитию нового строительства, размах которого далеко превосходит довоенные размеры. Воздвигая новые заводы и электростанции, закладывая новые шахты и рудники, вводя новую технику, рабочий класс индустриализирует всю страну. Он перестраивает промышленность. Но он ставит своей задачей и решительную переделку всего сельского хозяйства: он хочет помочь миллионам крестьянских дворов кооперировать покупку и продажу, сменить соху и серп на трактор и жатвенную машину, убогое хозяйство двора на образцовое хозяйство коллектива. Рабочий класс и его партия направляют все свои усилия к тому, чтобы из нищей и безграмотной страны сделать богатую и культурную социалистическую страну с первоклассной техникой, с организованным общественным хозяйством, с просвещенным, трезвым и работающим народом, который не знает нищих, угнетенных, беспризорных, но не знает и эксплоататоров, угнетателей, капиталистов и помещиков.

В этой лихорадочной работе над переделкой страны рабочий класс сталкивается сейчас и с возрастающим давлением международного капитализма, и с сопротивлением кулачества, выросшего на фоне общего под'ема производительных сил страны, несмотря на еще более быстрый рост социалистического сектора хозяйства, и с тихим саботажем и изменами со стороны некоторых слоев специалистов.

Но рабочий класс сталкивается сейчас не только с этими врагами. Он встречает на своем пути злейший бюрократизм своего государственного аппарата, его громоздкость, его косность и возмутительную волокиту, которые являются остатками старого чиновничьего наследства и продуктом отсталости и некультурности масс, недостаточным их «уменьем управлять», недостаточно быстрым втягиванием этих масс в дело действительного управления государством и государственным хозяйством. Он встречает на этом пути разложившиеся звенья аппарата, его проржавевшие и сгнившие части. В своих самых близких организациях—в профсоюзах, в партии—он тоже натыкается иногда на гниль, чиновническое перерождение, распущенность, пьянство и

злостное невнимание к нуждам массы, чванливое угодничество и подхалимство к «верхам», невежество, косность, консерватизм, рутину. Имея аппарат, страдающий—несмотря на все свои несомненные заслуги—такими болезнями, невозможно с достаточной быстротой вести успешную борьбу и против сопротивления внутреннего врага и против тихой сапы вредительства, и против недостатков самого нашего класса—растяпистого темпа работы на многих участках нашего хозяйственного и культурного фронта.

ЦК заявляет, что задачи реконструктивного периода не могут быть решены без самого смелого, самого решительного, самого последовательного вовлечения масс в дело социалистического строительства, проверки и контроля со стороны этих миллионных масс всего аппарата, его очищения от негодных элементов.

Партия смело и решительно раскрывала и раскрывает перед всей страной все болезни и язвы нашего хозяйственного и государственного организма. Партия призвала трудящихся к жестокой самокритике для того, чтобы эту самокритику сделать рычагом борьбы за действительное исправление всего аппарата, для действительной,—а не бумажной,—борьбы с бюрократизмом, для массового похода против всех врагов, начиная от кулака и «вредителя» и кончая элементами разложения в наших собственных рядах.

Лозунг самокритики «невзирая на лица», критики сверху донизу и снизу доверху, есть один из центральных лозунгов дня.

Партия уже сделала довольно много для организации этой самопроверки и самокритики, проводя соответствующую кампанию в печати и помогая таким образом этому делу сверху. Однако, важнейшая задача, это—поднять встречную мощную волну творческой самокритики снизу, которая действительно освежит и улучшит всю совокупность партийных, профсоюзных, советских и других организаций.

Поэтому только последовательно проведенная внутрипартийная и профсоюзная демократия—подлинная выборность партийных и профсоюзных органов, полная возможность смещения любого секретаря, любого бюро, комитета и т. д.—создаст постоянный контроль масс, сможет снять бюрократические наросты с нашего аппарата и уничтожить возможные проявления бюрократического зажима, компанейской «круговой поруки», чиновной угодливости, самодурства, забвения интересов масс и мещанской успокоенности. Вне этих мероприятий лозунг критики и самокритики превратится в бумажную отписку, которая лишь скомпрометирует в глазах масс и этот лозунг, и руководство партии, и самую партию. Вне этого пути нет гарантий, что у нас не будут повторяться случаи, подобные шахтинскому делу, смоленскому и артемовскому делам. Вне этого пути невозможно

очищение партийного, советского и кооперативного аппарата от элементов, срастающихся с кулацко-капиталистическими элементами в стране.

Таким образом, в области партийной работы необходимо провести следующие мероприятия и решить следующие задачи:

1. Обеспечить свободу внутрипартийной критики, что исключает такого рода методы, когда самостоятельная мысль и всякое критическое замечание заранее отбрасываются как «уклон», «бузотерство» и т. д.

2. Обеспечить полную выборность партийных инстанций.

3. Решительно уничтожить практику смягчения ответственности коммунистов по различным административным и судебным взысканиям, проводя в жизнь старое положение Ленина о более строгих наказаниях в отношении членов партии и считая партийным преступлением замазывание вины и провинности любого члена партии, какое бы высокое место он ни занимал, в системе партийных органов.

4. Усилить работу партии среди масс, обратив исключительно большое внимание на новые слои рабочих, на рабочую молодежь и на пролетарские и полупролетарские слои деревни. При этом партийные ячейки должны работать не только на фабрике и заводе, но и в рабочей казарме, в рабочих квартирах и общежитиях, в столовых и клубах.

5. Улучшить качественно работу, всемерно борясь против подмены пролетарской общественности административным командованием и мелочной опекой со стороны партийных организаций. Решительно изгнать из практики партийных и профсоюзных организаций нетоварищеские методы полемики, особенно в отношении рядовых рабочих.

6. Улучшая систематически социальный состав руководящих органов партии, требовать как максимальных связей партийного актива с массами, так и возрастающей квалификации этого актива в ряде областей, в первую очередь, в области хозяйственной работы (техника, промышленность, агрономия и т. д.).

7. Добиваться того, чтобы методы воздействия коммунистов на массы, в первую очередь, сводились к образцовой и показательной работе самих членов партии, при чем члены партии должны развернуть, при поддержке беспартийных рабочих, решительную борьбу против «бытового загнивания» коммунистов.

В области профсоюзного движения необходимы:

1. Жесточайшая борьба против нарушений профсоюзной демократии, выборность руководящих органов в первую очередь. Решительное отстранение от руководства бюрократических элементов, потерявших чутье масс и связь с ними, путем переизбрания соответствующих органов.

2. Такая политика профсоюзов, обеспеченная соответствующей политикой их комфракций, при которой профсоюзы ни в коем случае и ни на одну минуту не упускали бы из виду своих особых и специ-

фических задач, отличающихся от непосредственных задач хозорганов. Сюда относятся: защита не только общих, но и непосредственных нужд рабочих, борьба с бюрократическими извращениями аппарата, широкая культурно-воспитательная работа, втягивание рабочих масс в социалистическое строительство. Без этого профсоюзы не будут в состоянии выполнить своей основной роли, роли «школы коммунизма».

3. Оживление работы всех профсоюзных организаций, в первую очередь, их низовой сети, фабзавкомов, производственных совещаний и временных контрольных комиссий.

4. Распространение контрольных комиссий на все отрасли производства и транспорта.

5. Оживление работы производственных совещаний. Обеспечение на деле возможно более быстрого проведения в жизнь практических предложений рабочих. Привлечение к ответственности и примерное наказание всех виновных в саботаже этого дела. Превращение производственных совещаний в органы массового контроля, в органы втягивания рабочих масс в активное и сознательное социалистическое строительство, в могучее воспитательное средство, в рычаг действительной перестройки всех общественных отношений на фабрике и заводе, в шахте и руднике, в железнодорожном депо и в магазине. При этом необходимо обеспечить всемерное содействие производственным совещаниям со стороны органов РКИ и помощь Наркомату РКИ со стороны производственных совещаний как органов массого контроля.

6. Вовлечение в ряды профсоюзов наиболее отсталых слоев рабочих и исключительное внимание к делу материального и культурно-политического под'ема этих масс (сельскохозяйственные рабочие, неквалифицированные рабочие, женщины, молодежь).

7. Выдвижение новых кадров на профсоюзную работу, широкое привлечение беспартийных, обеспечение их активной роли.

8. Усиление воспитательной работы среди пролетарских кадров, повышение их производственно-технической культурности, уменья управлять, чувства ответственности перед своим классом.

В области советского аппарата необходимо с величайшей энергией поставить перед собой и разрешить следующие очередные задачи:

1. Борьба с бюрократизмом и дальнейшее смелое упрощение аппарата.

2. Выдвижение рабочих на государственную и государственно-хозяйственную работу, при чем это выдвижение должно быть проводимо в порядке неуклонной, систематической, идущей неослабно изо дня в день, работы.

3. Создание кадров действительно обученных, знающих и квалифицированных работников, создание новых специалистов, безусловно

преданных советской власти, создание новых красных специалистов из людей рабочего класса, создание интеллигенции рабочего класса, вовлечение уже имеющихся квалифицированных кадров пролетарской интеллигенции в советский, хозяйственный и кооперативный аппарат.

4. Улучшение структуры государственного аппарата и приведение ее в соответствие с потребностями выросшей социалистической экономики.

Размеры социалистического строительства и гигантская сложность работы требуют от рабочего класса и его партии и величайших усилий, и постоянного самовоспитания и самообучения. Изгоняя из своих рядов все гнилое и действительно вырождающееся, систематически борясь с врагом и также систематически повышая требовательность к самим себе,—рабочие преодолеют все и всяческие трудности и добьются решающих побед.

ЦК выражает твердую уверенность в том, что в решении этих задач все верные солдаты нашей великой партии будут стоять в первых рядах пролетарской армии и своим личным примером, своей беспощадной, но творческой и деловой самокритикой, своей самоотверженной работой сумеют повести за собой миллионные пролетарские массы.

Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков).

Э. Гольденберг.

Демократия, социализм и ренегат Каутский.

(Статья первая).

«Материалистическое понимание истории» Каутского представляет собою самое значительное явление в литературе международного реформизма. Попытка теоретически обосновать политическую практику социал-демократии здесь не ограничивается кругом проблем текущего дня. Книга начинается разделом, посвященным теории познания; через исследование «человеческой природы», наследственности, человека как эгоистического, социального и сексуального существа, Каутский переходит к «человеческому обществу», к вопросам расы, техники и экономики и лишь после этого развертывает свою теорию государства, классовой борьбы и социализма. Полотно получается очень большое. Мобилизуется не только история человеческого общества, но и история человеческого организма. Все это, конечно, затем, чтобы венцом обеих историй изобразить современную социал-демократию.

Центральное место в книге занимает теория демократического врастания в социализм. Революционный социализм с точки зрения Каутского — бессмыслица, понятие внутренне противоречивое. Из революции вырастает только буржуазное общество, революции могут быть только буржуазными. В противоположность капитализму социализм по самому своему существу не может быть достигнут иначе, как на пути абсолютно девственной, ничем не запятнанной демократии. Конфликты между развитием производительных сил и наличными производственными отношениями, вырастающие из этих конфликтов социальные революции отнюдь не являются общим законом развития досоциалистического общества. Это не более как частный случай развития, имевший место один единственный раз: на грани между капитализмом и феодализмом. Этот случай больше не повторится.

Если бы Каутский попытался на эту концепцию наклеить марксистский ярлык, то это было бы попросту комично. Но надо ему отдать справедливость: он не скрывает и не замазывает того противоречия, в котором находится к Марксу. Наиболее концентрированное изложение своего понимания истории Маркс дал, как известно, в предисловии «К критике политической экономии». В высшей степени детальная критика этого предисловия представляет собою логическое увенчание всего труда Каутского.

В предисловии к «Критике политической экономии» Маркс писал:

> «На определенной ступени своего развития производительные силы общества вступают в противоречие с наличными производственными отношениями, или, что является лишь юридическим выражением того же самого, с имущественными отношениями, в рамках которых они до тех пор развивались. Из форм развития производительных

> сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции...
>
> ... Общественная формация никогда не сходит со сцены раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она еще достаточно широка, и новые, более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем материальные предпосылки их существования не созреют в лоне старого общества. Поэтому человечество ставит перед собою всегда лишь такие задачи, которые оно в состоянии разрешить, потому что при более детальном рассмотрении мы всегда найдем, что самая задача возникает лишь там, где материальные условия ее решения либо уже налицо, либо находятся в процессе своего становления. В больших чертах азиатский, античный, феодальный и современный буржуазный способы производства могут быть обозначены как прогрессивные эпохи экономического развития общества. Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного производственного процесса, антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, но антагонизма, вырастающего из условий жизни индивидуумов в обществе. Но одновременно развивающиеся в лоне буржуазного общества производительные силы создают материальные предпосылки для решения этого противоречия. Этой общественной формацией поэтому кончается пред'история человеческого общества».

Положение Маркса, что конфликт производительных сил и производственных отношений, находящий свое разрешение в социальной революции, является основным двигателем общественного развития, Каутским отвергается. Он пишет:

> «То, в чем Маркс в 1859 г. видел общий закон общественного развития, сегодня представляется, строго говоря, законом этого развития лишь с момента возникновения индустриального капитализма. Развитие производительных сил не только для производства предметов роскоши, но и для производства предметов массового потребления и вызванный этим переворот как в производственных отношениях, так и в потребностях, условиях жизни и борьбы работающих классов лишь через посредство индустриального капитализма достигает той ступени, на которой устарелые имущественные отношения становятся все более невыносимыми для производительных сил. Производительные силы вступают в противоречие с традиционными имущественными отношениями в первый раз в мировой истории на исходе средневековья». (Том II, стр. 620).

Противоречие между производительными силами и производственными отношениями выступает на грани феодализма и капитализма не только в первый, но и в последний раз. В капиталистическом обществе это противоречие более не существует. Оно на вечные времена снято уже буржуазной революцией.

> «Индустриальный капитализм,—пишет Каутский,—ведет ко все более и более бурному развитию производительных сил. Мы видели, что не приходится ожидать, что капитализм сам породит противодействующие тенденции, которые положат конец этому развитию. Ожидание, что таким образом будут действовать кризисы, стало за последние десятилетия беспредметным... Капитализм преодолел уже так много кризисов, сумел приспособиться к такому числу новых, часто совершенно неожиданных и огромных требований, что чисто экономически он представляется мне сегодня

много жизнеспособнее, чем сто лет назад» (стр. 622—623).

Капиталистические производственные отношения не тормозят развитие производительных сил и, следовательно, рост последних не требует ликвидации первых. Этот тезис Каутского является в известном смысле центральным, и мы считаем поэтому необходимым передать здесь его аргументацию со всей возможной полнотой.

Известно положение Маркса о том, что «монополия на капитал становится оковами для того способа производства, который расцвел благодаря ей и вместе с ней». Каутский цитирует эту фразу со следующими замечаниями:

> «Доказательства (этому положению) в первом томе «Капитала», однако, не дано. Точно так же не дано оно и во втором томе... Нигде не показано, что кризисы в конце - концов должны принять такой характер, что продолжение производственного процесса в капиталистической форме станет невозможным... Ожидание, что кризисы сбыта достигнут такого распространения и такой длительности, что они сделают невозможным продолжение капиталистического способа производства и неибежным его замену социалистическим, не имеет теперь более никакой почвы» (стр. 546).

Каутский останавливается далее на «Накоплении капитала» Розы Люксембург. Р. Люксембург, как известно, пыталась доказать, что экономическая неизбежность краха капитализма дана невозможностью реализации прибавочной ценности в так называемом «чистом» капиталистическом обществе. Разбор этой теории Каутский заключает следующими словами:

> «Ни от обезлюдения, ни от перенаселения, ни от растущей диспропорции между индустриальным и сельскохозяйственным накоплением, ни от вырастающих отсюда кризисов мы не можем ожидать краха капиталистического хозяйства, катастрофы, которая бы вынудила заменить его другой, более высокой системой... Аргументы Розы Люксембург оказались несостоятельными. Чисто экономически неизбежная осечка (Versagen) капитализма не может быть доказана» (стр. 558) [1].

Что касается современной капиталистической экономики, то здесь оптимизм Каутского совершенно не знает границ:

> «Капитализм перенес огненное испытание войны, и чисто экономически он сейчас прочнее, чем когда бы то ни было... Конечно, экономическое положение в настоящее время, когда пишутся эти строки (ноябрь 1926 г.), менее всего можно назвать благоприятным и многообещающим. Но пессимизм наших дней, поскольку речь идет о чисто-экономическом анализе, касается не будущности капитализма, но будущности Европы» (стр. 559).

Центр тяжести капитализма может быть перенесен в Америку. По мнению Каутского это, однако,

> «ни в коем случае не означает не только развала, но и потрясения капитализма на земном шаре. Он доказал свою способность жить и приспособляться к различнейшим, даже самым отчаянным положениям, и практика самым настойчивым образом свидетельствует о том, что нет никаких аргументов экономической теории, которые могли бы поставить под вопрос его жизнеспособность».

По существу, это — все, что Каутский считает необходимым и достаточным для того, чтобы доказать, что капитализм не знает конфликта производительных сил и производственных отношений, что экономическая обусловленность социалистической революции — миф. Ниже мы еще увидим, как социал-демократический патриарх разделывается с проблемами империализма, войн, колониального грабежа, неравномерного развития. Но в данной связи, в анализе тенденций капиталистической экономики, в анализе общей перспективы капиталистического развития этих проблем у Каутского попросту нет. Он их не ставит, они для него не существуют.

Продолжим ход его мыслей. «Доказав», что капитализм сейчас экономически прочнее, чем когда бы то ни было, Каутский сам ставит естественно напрашивающийся вопрос: «Доказано ли этим, что социализм не имеет будущего?» На этот вопрос он отвечает отрицательно. Каутский хочет остаться «социалистом». Он пишет:

> «Возникновение нового способа производства всегда зависимо от существования определенных условий, экономических и иных. Отнюдь не всегда к этим условиям должно принадлежать разложение существующего способа производства. Но одним из этих условий всегда является известное превосходство в военной силе, в общественной культуре или по меньшей мере в числе тех элементов общества, которые заинтересованы в новом способе производства».

Что рабочий класс, несмотря на «бурное развитие капитализмом производительных сил», все же заинтересован в замене его социализмом, этого Каутский не отрицает. Больше того. Он считает, что даже при экономическом росте капитализма классовые противоречия между буржуазией и пролетариатом не сглаживаются, а обостряются. Каутский умнее и целит тактически дальше, чем его друзья в Америке и Англии, примитивные стачколомы типа Томаса и Грина, проповедующие гармонию интересов предпринимателей и рабочих. Каутский говорит, что общность интересов предпринимателей и рабочих лишь очень «незначительна». Он пишет:

> «Прогресс пролетариата состоит не в том, что его бои с капиталом становятся меньше, а в том, что к боям рабочих за улучшение их положения присоединяются бои за сохранение уже завоеванных позиций. Именно такие бои, однако, являются большей частью наиболее ожесточенными: для защиты того, что уже имеют, обычно затрачивают больше энергии, чем для завоевания того, чего не имели» (стр. 568).

Положение рабочих, правда, абсолютно улучшается. Но жизненный уровень капиталистов повышается несравненно быстрее. Относительная прибавочная ценность растет. Каутский с помощью очень наглядного статистического материала показывает, что доля пролетариата в общественном продукте непрестанно снижается параллельно росту производительности труда. Пролетариат не может примириться с капитализмом. Чем дальше, тем в большей мере, тем большими массами он становится под знамена социализма.

[1]) В этой связи Каутский излагает свою собственную теорию кризисов. Основную причину последних он видит в том, что сельскохозяйственное производство, ведущееся мелкими товаропроизводителями, отстает, не может итти тем же темпом, что и крупнокапиталистическое индустриальное производство. Этот источник кризисных нарушений, однако, исчезнет тогда, когда капитализм овладеет сельским хозяйством в такой же мере, в какой уже сейчас владеет промышленностью. Кризисы по Каутскому, таким образом, являются не продуктом капитализма, а результатом того, что на ряду с капитализмом в сельском хозяйстве существует и простое товарное производство. В «чистом» капитализме, т.-е. в капитализме, освобожденном от всех остатков предшествующих общественных формаций, таким образом, для кризисов нет места. К сожалению, мы не можем здесь заняться разбором этой комичной теории. Отметим только, что претензия Каутского на оригинальность в данном случае совершенно не обоснована. Эту теорию развивал в свое время еще Сисмонди В новое время, задолго до Каутского, этот же ход мыслей, только в других терминах повторил Зомбарт.

Но в состоянии ли пролетариат осуществить свой социалистический идеал? И если в состоянии, то какими методами? Как представляет себе социал-демократический патриарх путь к социализму?

«В растущем обострении классовых противоречий в капиталистическом обществе,—пишет он,—сомневаться не приходится. Но не вырастает ли оно из таких отношений, которые делают перспективы для пролетариата достаточно безрадостными? Мы видели, что ожидать отмирания или развала капитализма, возникновения таких экономических границ, которые он не в состоянии преодолеть, не приходится. Мы видели дальше, что экономическая мощь класса капиталистов растет не только абсолютно, но и относительно, в сравнении с другими классами, между тем как пролетариат сравнительно с буржуазией становится постоянно экономически слабее, а не сильнее. Откуда он возьмет в таком случае силы, которые ему необходимы для победы над буржуазией?

При капиталистическом способе производства усиливается не только индустриальный капитал, но и индустриальный пролетариат... Как возможно, однако, что два противостоящих друг другу класса одновременно усиливаются не только абсолютно, но и относительно? Кажущееся противоречие разрешается благодаря тому, что рост силы обоих классов происходит в совершенно различных областях. Капиталисты становятся постоянно сильнее в области экономики, пролетарии — в политике» (стр. 578).

Политика есть концентрированная экономика. Это положение, одно из основных и элементарнейших в революционном марксизме, Каутским решительно отвергается. У него политика не только не является концентрированной экономикой, но выражает тенденции, диаметрально противоположные тем, которые господствуют в последней. В обществе, экономическая жизнь которого все больше и безраздельнее подчиняется буржуазии, политическая власть в растущей степени переходит в руки пролетариата. Буржуазия становится абсолютно и относительно богаче, но власти у нее остается абсолютно и относительно все меньше. Пролетариат относительно становится все беднее, доля его в общественном продукте неуклонно падает, но он все в большей степени овладевает политической властью.

Этот разрыв политики и экономики по Каутскому и является отличительной чертой капитализма. Во всяком другом обществе, кроме капиталистического, политическая власть служит орудие экономической эксплоатации в руках господствующего класса. В капиталистическом обществе класс эксплоататоров не нуждается в политической власти для сохранения своего господства. Ибо капиталистическая эксплоатация, по мнению Каутского, в отличие от всякой иной, покоится не на насилии, а на экономической необходимости и экономической целесообразности. Даже для Каутского все это звучит до такой степени... странно, что читатель может нас заподозрить в «сгущении красок». Мы приведем поэтому соответствующие цитаты.

«Виды эксплоатации, покоящиеся на принуждении через внешнее население, как рабство или крепостничество, несовместимы с современной демократией. Но к этим видам эксплоатации отнюдь не принадлежит индустриальный капитализм. Он возникает не из военного насилия и в военном насилии не нуждается для того, чтобы существовать. Правда, применение военной силы играет преобладающую роль между методами первоначального накопления, но не промышленные капиталисты применяли эти методы или побуждали к их применению. Они даже часто их порицали. Богатства, которые были награблены на путях первоначального накопления разбойниками всех сортов, должны были быть у них отняты мирными методами товарообмена, чтобы попасть в руки прмышленников и оплодотворить производство. Пизарро, Кортец и др. не основывали никаких фабрик.

Индустриальный капитализм добился господства не при помощи военного насилия, но благодаря тому, что он производил дешевле, чем способы производства, которые ему предшествовали, благодаря тому, что он был для общества выгоднее. Этим он отличается от способов производства, покоящихся на превосходстве военной силы, как рабство и крепостничество. Последние производят не лучше свободного труда, место которого они занимают, но чаще всего хуже. Так как они представляют собой способы производства экономически нерациональные, то они могут быть навязаны обществу лишь физическим насилием. Индустриальному капитализму это не нужно!» (стр. 432).

Буржуазия держится, следовательно, не насилием, а силой экономической целесообразности. Отношение политики и экономики в капиталистическом обществе принципиально иное, чем во всяком другом обществе. И поэтому демократическое государство, которое возникает в эпоху индустриального капитализма, есть нечто принципиально отличное от всякого иного государства.

Государство возникает, как орудие классового насилия эксплоататоров. Каутский не только признает это положение, но и очень хорошо его обосновывает. Критика энгельсовской гипотезы происхождения государства, которую он развивает во втором разделе второго тома, направлена не против этого положения, но скорее уточняет и заостряет его. Но уже в самом начале Каутский, цитируя известное предисловие Энгельса к «Гражданской войне», в котором он говорит, что «государство есть в действительности не что иное, как машина для угнетения одного класса другим», сопровождает эту цитату следующим замечанием:

«Понимание государства, которое здесь в согласии с Марксом формулировано Энгельсом, является также и моим. Оно лежит в основе всего последующего исследования. Но при этом необходимо отметить следующее. Это понимание не дедуцировано из «идеи» государства, но получено в результате наблюдения над государствами, выступавшими в истории до сих пор. Оно, следовательно, не является вечным, но зависит от того характера, которое государство принимает в своем развитии. Со времени последних высказываний Энгельса о государстве миновало более чем одно человеческое поколение, которое не оставило нетронутым характер современного государства. Сохраняет ли свое значение марксова характеристика государства, которая была вполне верна для своего времени, без ограничений и теперь, нам предстоит еще особо исследовать» (стр. 59).

Результат этого особого исследования можно формулировать следующим образом: государство возникает, как машина для подавления одного класса другим, остается этой машиной в эпохи азиатского, античного и феодального способов производства и постепенно перестает ею быть в капиталистическую эпоху, в современной «демократии».

Каутский, конечно, не идет настолько далеко, чтобы утверждать, что современная «демократия» снимает классовые противоречия капитализма. От его всевидящего взора не ускользает тот печальный факт, что классовые противоречия капитализма продолжают существовать и в современной демократии. Больше того. Выше мы уже видели, что он говорит даже об обострении этих противоречий. Но—и в этом «но» заключается совершаемый Каутским переворот в общественной науке—

«в демократическом государстве, при упроченной демократии, вооруженная борьба в решении классовых конфликтов не играет более никакой роли. Они решаются мирным путем, пропагандой и голосованием. Даже массовая стачка, как средство нажима со стороны рабочего класса, находит все меньшее применение. Конечно, она (массовая стачка) вполне согласуется с демократией, как одно из выражений предоставляемого ею права коалиций. Но она имеет шансы на успех только против правительства, не имеющего опоры в большинстве населения. Напротив, попытка меньшинства навязать большинству при помощи остановки производственного процесса мероприятие, которое последнее решительно отклоняет, в демократии никогда не может удаться, и провал подобной стачки может иметь своим результатом лишь то, что на долгое время боеспособность потерпевших поражение партии и класса чувствительно уменьшается» [1]) (стр. 431).

Таким образом, хотя классовая борьба остается и в демократическом государстве, исход ее решается уже не силой, но пропагандой и голосованием. Чем больше голосов получают социалисты на парламентских выборах, тем больше политическая мощь рабочего класса. В этом и заключается ключ к тайне отрыва политики от экономики в капиталистическом обществе и беспорочного зачатия социализма без революции и диктатуры. Демократия, власть большинства! Все дело лишь в несознательности этого большинства. Достаточно его просветить—и окончательная парламентская победа социал-демократии осчастливит мир социализмом!

Разговоры некоторых чудаков о том, что современная демократия, есть лишь демократия формальная, буржуазная, производят на Каутского впечатление скверного анекдота. Он пишет:

«Смехотворность слов «формальная» и «буржуазная» в этой связи становится тотчас же очевидной, как только мы начинаем перечислять отдельные демократические права. Можно ли говорить о «формальном» или «буржуазном» всеобщем, тайном избирательном праве? Или о «формальной», о «буржуазной» свободе коалиций, союзов, собраний, прессы и т. д.?» (стр. 429).

При всем этом Каутский не отрицает, что в настоящее время государственный аппарат еще находится в руках буржуазии и служит ее целям. Но—и здесь имеется свое «но»—

«современное демократическое государство отличается от прежних типов государства тем, что это использование государственного аппарата эксплоататорскими классами не выражает его сущности, не неотделимо от него. Напротив, демократическое государство приспособлено к тому, чтоб быть не органом меньшинства, как все прежние государства, но органом большинства населения, т.-е. трудящихся классов. Если оно тем не менее является органом эксплоатирующего меньшинства, то в этом виновна не структура государства, но состояние трудящихся классов: отсутствие у них единства, их невежество, несамостоятельность или небоеспособность, которые в свою очередь являются результатом тех условий, в которых они живут.

Демократия сама предоставляет возможность уничтожить эти корни политической мощи эксплоататоров в демократии, что все в большей степени удается уже сейчас, по крайней мере для большинства наемных рабочих.

Чем больше это имеет место, тем больше демократическое государство перестает быть простым инструментом в руках эксплоатирующих классов. Государственный аппарат начинает теперь в известных условиях поворачиваться против них, т.-е. функционировать в обратном, нежели до сих пор, направлении. Он начинает превращаться из инструмента угнетения в инструмент освобождения трудящихся» (стр. 599).

На известной ступени развития рост политической мощи рабочего класса позволяет положить конец шедшему до сих пор параллельно росту экономической мощи буржуазии. Пролетариат, овладевший государством, приступает,—разумеется, в высшей степени постепенно, в высшей степени осторожно,—к обобществлению средств производства. Вряд ли нужно добавлять, что национализацию промышленности, транспорта и т. д. Каутский допускает только при условии соответствующей компенсации капиталистов.

«И социалистический режим, каким бы революционным он ни был, будет вынужден поступать с капиталистами иначе, чем буржуазные революции с собственностью докапиталистических эксплоататоров. Если предприятия будут обобществляться, то их владельцев придется вознаграждать, что впрочем не исключает, что нужные для этого суммы будут собраны обложением всего класса капиталистов в целом» (стр. 436).

Каутский, конечно, очень хорошо знает, что его понимание демократии, его теория демократического врастания в социализм ничего общего с взглядами Маркса не имеет. Он этого и не скрывает. Но он с величайшей откровенностью заявляет, что в этом вопросе Маркс для него авторитетом не является.

«Когда Маркс умер, Англия была еще очень далека от всеобщего избирательного права. Мы не можем, следовательно, извлечь ничего поучительного у Маркса относительно характера классовой борьбы в условиях вполне сформировавшейся демократии. Совершенно бессмысленно, когда некоторые люди (manche Leute) доказывают свою верность марксизму тем, что свои суждения о влиянии демократии они хотят черпать из «Коммунистического Манифеста», который не знал еще даже опыта революции 1848 года» (стр. 512).

Отвод Маркса очень решительный. Но целый ряд недоуменных вопросов теория демократии Каутского неизбежно должна вызвать не только у людей, которые подобно авторам «Коммунистического Манифеста» «не знали даже опыта революции 1848 года», но и у людей, знакомых с опытом революций 1917 и 1918 годов. И раньше всего: согласится ли буржуазия подчиниться «голосованиям» и «решениям», которые ликвидируют ее экономическую мощь, ликвидируют ее право на эксплоатацию пролетариата? Каутский, конечно, предвидит этот вопрос, но ответ на него не представляет для него никаких затруднений.

«Экономическая необходимость, а не военное превосходство — таково то оружие, которое может быть противопоставлено капиталистами демократическому режиму трудящихся классов: саботаж капиталистов, которые закрывают свои предприятия, когда видят себя угрожаемыми развитием демократии, как они это очень часто делали в России во время революции 1917 года. Но будет ли это оружие капи-

---

[1]) «Аромат» последних фраз приведенной цитаты ударит в нос особенно сильно, если вспомнить, что они писались осенью 1926 года, т.-е. как раз тогда, когда твердолобая шайка творила суд и расправу над разбитым предательством своих «вождей» английским пролетариатом. «Так вам и надо»,—говорит Каутский,—«не пытайтесь насиловать стачкой демократию». Мы легко представляем себе, до какого градуса дошла бы ярость социал-демократического ренегата, если бы доведенные до отчаяния «демократией» Болдуина английские пролетарии перешли от стачки к восстанию. В чьем лагере оказался бы тогда г. Каутский, это мы уже видели в Германии в 1918, 1921 и 1923 годах. Какими методами он стал бы бороться с восставшим пролетариатом, об этом мы достаточно хорошо можем судить и сейчас по его борьбе с победоносным пролетариатом СССР.

талистов иметь успех, будет ли оно вообще пущено в ход, это будет зависеть в первую очередь от политической и экономической зрелости пришедших к власти рабочих, это будет зависеть от того, в состоянии ли будут рабочие удержать производственный процесс в ходу, продолжать производство в решающих отраслях силами собственных организаций» (стр. 474).

А так как для Каутского является само собою разумеющимся, что переход к обобществлению средств производства в «демократии» начнется лишь тогда, когда синклит социал-демократических жрецов решит, что рабочие «созрели» для этой задачи, то опасность экономического саботажа буржуазии теорию демократического врастания в социализм не колеблет. Но этим недоуменные вопросы не исчерпываются. Каутский поэтому продолжает:

«Обычно, однако, антидемократические социалисты имеют в виду нечто иное. Надо ожидать не экономического, но военного сопротивления капиталистов, как только им станет угрожать демократия. Последняя будет насильственно устранена, и таким образом гражданская война и опирающаяся на военную силу диктатура окажутся все равно неизбежными» (стр. 475).

Но и из этого затруднения Каутский выходит очень легко. Его ответ является настоящим перлом. Можно ли в самом деле представить себе аргументацию более грандиозную:

«Подобные вещи (т.-е. вооруженное сопротивление буржуазии) здесь и там могут, конечно, иметь место. Но борьба, которая здесь будет вестись, будет ведь не чем иным, как борьбою за демократию. Капиталисты могут против нее восстать, когда увидят, какое значение она имеет для освобождения пролетариата. Социалист, ожидающий от буржуазии подобного отчаянного выступления капиталистов против демократии, этим как раз и доказывает, часто сам этого не сознавая и не видя, как смешны разговоры о «формальной» демократии» (стр. 475).

Ни рублем, ни дубьем демократическое врастание в социализм, таким образом, заторможено быть не может. Каутский идет теперь дальше и утверждает, что никаким иным путем, кроме демократического, социализм вообще завоеван быть не может. Отношение Каутского к СССР общеизвестно. Чудовищные по своему идиотизму выпады против первого в мире рабочего государства разбросаны во всей его книге. К некоторым из них мы будем еще иметь случай вернуться ниже. Здесь же мы процитируем те его положения, в которых он излагает свою «философию» Октябрьской революции.

«Если пролетариат приходит к власти в каком-либо из государств Востока, то интеллигенты этого рода (воспитанные на теориях западно-европейского социализма) чувствуют себя обязанными использовать ее для немедленного введения социалистического производства, только первые предпосылки которого еще еле созданы на экономически более прогрессивном Западе. Им кажется при этом, что они выступают, как пионеры. Но при этом стремлении, которое превышает наличные силы, пролетариат должен потерпеть неудачу, только-что завоеванная демократическая свобода снова теряется и уступает место новому деспотизму диктатуры, находящейся под руководством интеллигентов, с которыми пролетариат себя чувствует связанным. Постольку диктатура имеет пролетарское происхождение. Но она так же мало означает господство пролетариата, как рожденное террористическим режимом владычество генералов Наполеона I означало господство парижских мелких буржуа. На деле бонапартизм покоился скорее на угнетении мелких буржуа» (стр. 531).

Но даже в этих «странах Востока» демократия с неотвратимостью естественного закона рано или поздно все же пробьет себе дорогу.

«Никакие современные государства не в состоянии отказаться от высокоразвитой промышленности, которая, помимо всего прочего, необходима уже для поддержания их сил. И Россия вынуждена развивать любою ценой свою промышленность. Удастся это— тогда возрастет и сила и самостоятельность ее пролетариата, а значит и демократии, без которой первый не может благоденствовать. Если оживление промышленности не удастся, то режим, который приводит к общему упадку государства, представляется главным источником социального зла. Страна идет тогда навстречу катастрофам, которые режим диктатуры вряд ли в состоянии пережить. И в этом случае на смену опять-таки приходит демократия».

Таким образом, подобно тому, как у бравого солдата Швейка все пути ведут в Будвейс, у социал-демократического патриарха Каутского все пути ведут к демократии. Швейк в несравненном романе Хашека попал вместо Будвейса в Табор. Куда попадает Каутский?

Мы попытаемся показать это в следующей главе. Предварительно, однако, еще несколько «недоуменных вопросов».

Каутский очень много говорит о капитализме. На конструированной им модели капитализма покоится вся его теория. Но капитализм, как известно, в своем развитии прошел несколько стадий. Каутский очень хорошо знает, что современный капитализм это—империалистический капитализм. Особенность империализма заключается раньше всего в том, что экономика и политика сращиваются в нем в невиданной доселе степени. Это очень хорошо показал в свое время еще приятель Каутского Гильфердинг. Как это, однако, увязать с «перспективой» Каутского, основной мотив которой заключается в том, что политика и экономика в капитализме все больше друг от друга отрываются, что политическая и экономическая мощь все меньше друг друга покрывают? И вообще: что, собственно, думает социал-демократический патриах об империализме, об империалистических войнах, империалистической борьбе?

Ничего не думает. Во втором томе книги из 845 страниц всем этим проблемам уделяется неполных 6 страниц. И каких страниц! Мы приведем несколько образчиков.

«Если для обозначения какого-либо явления находят иностранное слово, да к тому же еще латинское, то начинают думать, что этим дано уже и научное об'яснение этому явлению. Кое-кому кажется, что он изрекает глубокую научную истину, когда он возвещает, что завоевательная политика вытекает из империализма. И так как слово империализм стало известно лишь в последние десятилетия, то создается видимость, будто тенденция, которую это слово обозначает тоже не старше» (стр. 145).

Ниже Каутский, правда, признает, что финансовый капитал очень воинственен, что в этой своей форме капитал «развивает тот же дух насилия над эксплоатируемыми и конкурентами, которым отличались все прежние эксплоататорские классы». Это обстоятельство, однако, очень мало беспокоит Каутского. Он пишет:

«Если мы вопреки этому все же можем ожидать все большего и большего ограничения этого стремления к завоеваниям, то мы рассчитываем при этом на растущую силу индустриального пролетариата в решающих капиталистических странах, равно как и на растущую силу национальных революций и освободительных движений в самих коло-

ниях. Точно так же возможно, что финансовый капитал, наученный мировой войной, найдет, что этот метод расширения поля эксплоатации слишком рискован. При этом стремления к увеличению прибыли подвергают слишком большому риску весь капитал, и поэтому выгоднее перейти к ультра-империализму, к интернациональному картелированию финансовых капиталистов всех стран» (стр. 146).

В другом месте Каутский пытается обосновать свою пацифистскую перспективу ссылкой на то, что современное национальное (!) государство «абсолютно не нуждается в военной силе, чтобы удерживать части, из которых оно состоит». Эта тирада у него сопровождается следующими несравненными замечаниями:

«Мы отвлекаемся здесь от колониальной завоевательной политики, которая дает материал для конфликтов между некоторыми современными государствами. Здесь, где мы рассматриваем лишь общие тенденции, нам незачем заниматься ею дальше. Она ведется против государств без капиталистической промышленности, без современной демократии и без национального самосознания (в современном смысле слова). Но мир уже поделен почти весь, и в колониальных областях благодаря способности к быстрому распространению европейского и раньше всего американского капитала быстро развивается капиталистическая промышленность. Благодаря ей там возникает еще в большей степени, чем туземная буржуазия, боеспособный и стремящийся к борьбе пролетариат с сильными демократическими и национальными тенденциями... Чем больше мы приближаемся к состоянию общей демократии со сколько-нибудь значительной промышленностью, тем более излишними будут становиться армии для защиты страны, тем больше охрана границ будет гарантирована демократией как внутри, так и во-вне... В современном демократическом государстве ни эксплоатация трудящихся классов внутри, ни отношение к соседям во-вне не покоится на военной силе господствующего класса» (стр. 446).

Грация, с которой Каутский здесь ставит вещи на голову, поистине замечательна. Войн не будет потому, что мир уже почти весь поделен. А почему империалисты не могут попытаться переделить заново однажды уже поделенный мир? Этот вопрос социал-демократический патриарх считает совершенно праздным. Он считает, что империалистам войны попросту ни к чему.

«Международный вес, который ныне снова приобрела германская республика, показывает, что значение какой-либо нации определяется в гораздо большей степени ее экономическими и культурными достижениями, нежели величиной ее армии. В самом деле, ныне, в эпоху широко развитой демократии, государство, окруженное демократиями и не преследующее никаких агрессивных тенденций, не нуждается почти для своей защиты в армии, если институт Лиги Наций организован сколько-нибудь рационально. Если бы Россия добилась демократического режима и вступила в Лигу Наций, то одно из крупнейших препятствий ко всеобщему разоружению было бы устранено» (стр. 448).

Лига Наций—организатор мира, а Советский Союз—одно из крупнейших к нему препятствий. Это звучит в особенности комично теперь, после недавних Женевских конференций по разоружению. Вообще же говоря, Каутский, повидимому, сам не видит, что он выдает свидетельство о бедности всей своей теории демократического врастания в социализм, когда в качестве инструмента, призванного во внешней политике играть ту же роль, что демократия во внутренней, он выдвигает Лигу Наций. Относительно последней он пишет следующее:

«Потребность в международном регулировании хозяйственной жизни осталась и усилилась вместе с оживлением производства и постепенным исчезновением военного психоза. Эта потребность нашла новое орудие для своего удовлетворения: Лигу Наций... Лига Наций в конце-концов будет завоевана элементами, которые из инструмента насильнической политики отдельных государств превратят ее в действенное орудие против насильнической политики великих держав и используют ее в целях международного соглашения и об'единения... Утвердившейся и усилившейся Лиге Наций предстоит разрешить еще одну задачу. Некоторые виды сырья имеются только в определенных местах, но они составляют жизненную необходимость для всего мира. Государства, на территории которых эти виды сырья имеются, получают благодаря этому преимущество перед другими, которые в них нуждаются. Требование областей подобного рода (источники нефти, напр.) может стать причиной постоянных конфликтов между великими державами, и монополия их эксплоатации определенными государствами может стать так же невыносимой, как монополия на решающие средства производства внутри государства. Передача Лиге Наций этих естественных монополий может стать не менее необходимой, чем обобществление этих средств производства внутри государства».

Таким образом, демократия ликвидирует необходимость насилия в классовой борьбе внутри отдельных государств и без революции, без диктатуры, без чрезмерных потрясений ведет к социализму, к обобществлению средств производства «в одной стране». В то же время Лига Наций ликвидирует необходимость войн и вооруженной борьбы во-вне и тоже без революций, без насилий и потрясений осуществляет в международном масштабе обобществление международно-необходимого сырья. «Прыгать» из царства необходимости в царсто свободы незачем. Доберемся туда и старческим шагом социал-демократического патриарха.

* * *

Мы изложили со всей мыслимой об'ективностью и со всей возможной в рамках журнальной статьи полнотой теорию демократического врастания в социализм Каутского. Раньше, чем перейти к ее критическому разбору, необходимо сделать одно замечание относительно ее места в общей идеологии реформизма.

Реформизм, по самому существу своему, не может иметь и целостной идеологии. Идеологический разнобой и неразбериха в социал-демократическом лагере были особенно велики в первые годы после войны. На фоне этого разнобоя и неразберихи одно время стала сильно выпирать так называемая «теория хозяйственной демократии», которая свое логическое увенчание и практическое осуществление получила—несколько неожиданно—в фашистском государстве Муссолини. Не подлежит никакому сомнению, что идеология «хозяйственной демократии», сращивания «рабочих» организаций с отдельными хозяйственными организациями и предприятиями буржуазии, и сейчас еще очень сильна у реформистов в отдельных странах (Англия), в частности в кругах профсоюзной бюрократии. Мы думаем, однако, что не «хозяйственная демократия» представляет собою б о л ь ш у ю д о р о г у реформистской идеологии. В Германии она во всяком случае является проселком. Большая дорога—это теория, развернутая Каутским. Отношение же Каутского к «хозяйственной демократии»—и это необходимо видеть—более чем скептическое. Он пишет:

«Силы индустриального капитала и размеры индустриальных связей настолько выросли, что с помощью никакой другой, меньшей и более слабой организации, кроме государства, являющегося самой

большой силой в современном обществе, ими овладеть нельзя. Овладение государственным аппаратом все в большей степени рассматривается социалистами, как важнейшее орудие необходимой реорганизации производственного процесса, его превращения из суммы частных процессов в общий, сознательно руководимый общественный процесс» (стр. 525).

Идеология парламентаризма, политической демократии, овладение государством через парламентаризм и демократию—вот что господствует сейчас в агитации социал-демократии. На болтовне о «хозяйственной демократии» она сейчас—в Германии по крайней мере,—больше держаться не может. То, чем она ведет за собой сейчас социал-демократических рабочих, это—демократические и парламентские иллюзии. Эта идеология социал-демократии получила в книге Каутского свое наиболее развернутое обоснование. Мы вернемся еще к этому вопросу в следующей статье.

А. Айхенвальд.

О некоторых устоях и некоторых противоречиях современного мирового хозяйства [1]).

1. О международных экономических связях.

Всякому, кто попытался бы в настоящее время на основе разбора кон'юнктуры в отдельных странах определить кон'юнктуру мирового хозяйства, прежде всего пришлось бы установить резкую неоднородность и пестроту картины. Все мировое хозяйство в целом, вернее в сумме, в итоге, погашающем плюсы и минусы, двигается вперед. Уровень продукции угля в %% к 1925 г. [2]) в 1927 г. составил около 108%; продукция чугуна дала соответственно, 107,3%, стали—108,2%. Производство керосина выросло в одном только 1927 г. до 113,7% по отношению к 1926 г. Ряд новых отраслей шагает более быстро, например, производство искусственного шелка поднялось за последний год до уровня 118% от предыдущего года. Но эти суммарные величины скрывают в себе противоречивые процессы: не только различные страны переживают сейчас различные фазы кон'юнктурного цикла — это было бы еще «полбеды» — но самый тип кон'юнктурного движения, самый ритм экономического развития в различных странах особенен, отличен один от другого.

С одной стороны, «безкон'юнктурное», застойное, в продолжение чуть ли не восьми лет депрессирующее хозяйство Англии (см. табл.), с незначительными колебаниями двигающейся вокруг медленно, неуверенно, иногда

Го .ы.	Ввоз сырья в млн. ф. стерл. (месячн. средние).	Общий индекс (среднее по четвертям года) индустр. продукции (1913=100).	%% безработн. к застрахованным.
1920	49,0	100,2	—
1921	18,4	67,5	17,0
1922	20,3	80,9	14,3
1923	21,5	88,7	11,7
1924	27,0	90,9	10,3
1925	27,9	87,2	11,3
1926	26,5	67,0	12,5
1927	23,4	96,3	9,7

---

[1]) Настоящая статья входит в издаваемую в ГИЗ работу автора, тов Борилина и тов. Мендельсона.

[2]) Для важнейших видов индустриального сырья и полуфабрикатов—для угля, чугуна, стали—1926 г. не характерен из-за английской стачки. Поэтому мы и берем прямо отношение 1927 года к 1925. Вычислено по «Vierteljahreshefte Z. Konjunkturforschung» 1927, Heft 4, стр. 85.

прямо чуть заметно поднимающейся оси (только стачка горняков обрывает эту линию на известное время вниз) [1].

С другой стороны, лихорадочные, укороченные, судорожные, очень медленно сколько-нибудь нормировавшиеся колебания немецкой кон'юнктуры: в период с конца 1923 до октября—ноября 1926 г. средняя кон'юнктурная фаза длилась 7 месяцев. При этом в течение 1924, 1925 и 1926 гг. разница между высшей, под'емной, и низшей, депрессивной, точкой тяжелой промышленной продукции равнялась (последовательно) + 95, — 15, + 30% [2].

Что же касается длительности и устойчивости высокой кон'юнктуры, наступившей в конце 1926 г., то берлинский кон'юнктурный институт еще в августе прошлого года (т.-е. через 10 месяцев после начала высокой кон'юнктуры) констатировал, чт германское хозяйство «вступило в фазу высокого напряжения» (Hochspannung). В последней своей тетради, из которой взяты поставленные в кавычки слова, он утверждает, что «теперь — в конце февраля 1928 г. — можно установить, что этот максимум (максимум хозяйственной активности. *А. А.*) перейден» и что «можно наблюдать кон'юнктурное движение вспять». Новейшие данные о немецкой кон'юнктуре подтверждают этот диагноз кон'юнктурного института. Однако, как бы то ни было, вне всякого сомнения стоит другое положение института: несмотря на возросшую прочность хозяйственного организма и связанную с этим возможность несколько более длительных и «спокойных» кон'юнктурных фаз, «про стабилизацию кон'юнктуры говорить нельзя; положение еще совершенно не устойчиво».

Далее, Франция, раз'евшаяся на плодах Версальского договора, с индустрией, поднявшейся в результате войны, но едва ли имеющей действительные шансы на успешную конкуренцию с соседними странами, до сих пор полностью еще не покончившая с болезненной, ненормальной инфляционно-дефляционной кон'юнктурой, с далеко не ясной перспективой у промышленности. Наконец, Сев. Америка, не только обладающая нормальной кон'юнктурой довоенного типа, но даже имеющая смелость претендовать вообще на «стабилизацию» своего хозяйства, на «стабилизацию кон'юнктуры», т.-е. на превращение ее колебаний в сплошное благосостояние. С небольшим перерывом в 1924 г. (неглубокая депрессия) Соединенные Штаты в течение семи лет двигались вперед, сумели за семь лет (1919—1926) увеличить свой национальный доход с 67,2 до 90,0 млрд. долл. и даже сейчас,—несмотря на то, что с точки зрения довоенных «традиций» раз в семь лет кризис должен был бы иметь место,—показывают известную способность преодолевать депрессионные явления. Последние данные об американской кон'юнктуре говорят как раз о такой борьбе различных тенденций: с одной стороны, огромный рост безработицы — около 4 млн. полных безработных, повышение учетного процента до 4½%, продолжающиеся затруднения в угольной промышленности и др., с другой же стороны—рост производства стали в последние месяцы, уменьшение (в марте) числа банкротств, устойчивость цен, превышение заявок на городское строительство прошлогодних размеров и т. д.

Как видно, назвав четыре крупнейших страны, мы назвали тем самым не только несколько различных—частично даже противоположных—состояний хозяйства этих стран, но и четыре типа кон'юнктурного движения за ряд последних лет. Было бы поэтому совершенно неверно при оценке мировой

[1]) Первые два столбца таблицы—оттуда же (стр. 93 и 94); при этом индекс индустрии является индексом London and Economic Service. Третий столбец — из «Vorwärts'a» № 39, статья Lohne in England.

[2]) Т.-е. если данный низший или высший пункт принять за сто %%, то следующий высший или низший пункт будет равен 195%, 85%, 130%. Вычислено по индексу производства важнейших индустриальных материалов (Grundstoffe) по «Vierteljahreshefte Z. Konjunkturforschung» 1 за 1926 г., стр. 23 и 3 за 1927 г., стр. 114.

кон'юнктуры базироваться на одних только общих итогах борьбы противоречий, на балансе плюсов и минусов, скрывающем своеобразие теперешнего развития мировой экономики. Задача состоит именно в том, чтобы отыскать особенности этого развития, отыскать характерные черты в типе кон'юнктурного движения, в структуре современных отношений внутри мирового хозяйства. Ибо корни пестроты кон'юнктурной «карты» мира, корни до сих пор сохранившейся дезорганизации кон'юнктуры должны лежать в тех новых устоях, на которых строится современное мировое хозяйство и в тех новых (или старых) противоречиях, которые в этом строении заложены.

Естественней всего было бы видеть основу противоречивости движения кон'юнктуры и упорности депрессивных явлений в разрыве частей мирового хозяйства, в недостаточности развития межхозяйственных связей и в препятствиях, стоящих на пути этого развития. Ослабление связей между национальными хозяйствами или создание препятствий и преград для развития этих связей должно было бы, разумеется, ослабить совместность кон'юнктурного движения частей мирового хозяйства и поставить некоторые из них в затруднительное положение. Посмотрим, имеет ли в действительности место такое ослабление или дезорганизация и затруднение интернациональных связей. Другими словами, восстановилась ли прежняя хозяйственная «солидарность» капиталистического мира, сделал ли этот мир шаг вперед, к развитию этой «солидарности», или, наоборот, назад к дезинтернационализации и автаркии?

Посмотрим хотя бы самым беглым образом, как обстоит дело с тремя важнейшими видами хозяйственной связи между странами—с миграцией населения, с международной торговлей и с экспортом (или, соответственно, импортом) капиталов.

Движение людей, движение переселенцев из страны в страну, в последние годы стоит на уровне, не только не соответствующем повышенному об'ему мировой продукции, но и сильно отстающем даже от довоенного состояния миграции. Основной поток переселенцев — эмиграция из Европы в заокеанские страны — до войны, в 1901—10 гг. составлял в среднем 1 млн. в год. После войны высшей точкой был 1920 год, давший, однако, всего 845.000 переселенцев. За 1920—25 гг. переселение сокращается, составив в 1925 г. всего 500.000 [1]). Последние годы вновь дают некоторый под'ем этой цифры до 600—700 тыс. в год.

Общая картина, таким образом, сводится к тому, что послевоенный всеобщий кризис 1921—22 гг. оборвал восстановление международного переселенчества и что до сих пор, несмотря на рост мировой промышленной продукции, несмотря на под'ем хозяйства ряда стран, кривая движения переселенцев в общем стремится скорее вниз, чем вверх Во всяком случае ни о каких успехах по сравнению с довоенным временем, ни о каком развитии мирового хозяйства в этой области говорить нельзя.

Несколько сложнее обстоит дело с внешней торговлей. В этом отношении можно привести любопытное сопоставление для 1925 года [2]). Население земного шара равнялось в этом году 105% довоенного (1913 г.), производство всякого рода сырья—116—118%, внешнеторговый оборот 105% (по другим данным—Берлинского Кон'юнктурного Института—эта цифра еще меньше—около 98% от 1913 г.). При этом, конечно, этот итог распадается на совершенно различные показатели Европы и Америки: население Европы составляло 101%, производство сырья 104—105%, внеш-

[1]) По материалам мировой экономической конференции. См. статью Pribram'a в «Weltwirtschaftliches Archiv», 26 B. H. II.

[2]) Там же.

няя торговля—90% (по данным Берлинского Кон'юн. Ин-та—85,4%); население обеих Америк равнялось 120%, сырьевая продукция—125% (Сев. Америка) и 133% (Южн. Америка), внешняя торговля (Сев. Америка)—140%.

Если взять общемировой итог внешней торговли, то он, как видно (даже по более оптимистическим данным), совпадает с ростом населения земного шара и довольно значительно отстает от уровня продукции сырья. Однако, прежде всего надо учесть, что благодаря новым границам, новым государствам, часть внутренней торговли превратилась во внешнюю. Участие вновь образовавшихся стран с новыми таможенными границами составляло в 1925 г. 4,5% мирового оборота. Этот факт, таким образом, почти-что сводит на-нет прибавку в мировой внешней торговле и показывает, что ее об'ем отстал не только от роста продукции, но и от роста населения земного шара. Но и тут все дело, конечно, в Европе: новые государства почти все—европейские государства, и поэтому факт их наличия говорит только об обострении недостаточности уровня европейской внешней торговли.

Изменилась ли картина за последние два года? Подтянулись ли в Европе (а значит и во всем мире) внешнеторговые связи до уровня производственных показателей? 1926 год дал прирост мировой внешней торговли всего на 2%, при чем европейская внешняя торговля почти не участвовала в этом приросте (она дала прирост в 0,2%). В 1927 г. (первые 10 месяцев) мировой внешнеторговый оборот возрос по сравнению с предыдущим годом примерно на 10%, европейский—на целых 14%. (Данные Берлинского Кон'юнктурного Института).

За два года прирост мирового внешнеторгового оборота составил, таким образом, около 12%, а европейского—14%. На основе этого примерная оценка соотношения теперешнего уровня внешней торговли для Европы будет колебаться от 97% (если исходить из данных Берлин. Кон. Ин-та) до 102,6% (если основываться на приведенной выше более оптимистической оценке для 1925 г. и прибавить к ней прирост за 2 года), а для всего мира (соответственно же) от 109 до 117%.

Конечно, рост европейской внешней торговли за один 1927 г. на 14% нельзя не признать серьезным шагом вперед, серьезной попыткой восстановить и подтянуть международный рынок. Однако, действительно успешным этот шаг можно было бы признать только тогда, если бы рост внешней торговли обгонял под'ем других показателей. Только в этом случае этот рост обозначал бы хотя бы начало восстановления прежней степени торговой переплетенности отдельных стран, интернационализацию мирового хозяйства, повышение относительного значения внешнеторгового оборота. Но именно это-то и является сомнительным: дело в том, что ряд производственных показателей вырос за два последние года в одинаковой степени или даже сильнее, чем внешняя торговля. В начале статьи мы привели уже несколько данных о росте мировой индустриальной продукции. Если добавить к ним то, что за один только 1926 г. мировое потребление хлопка выросло на 7%, что за 1926 и 1927 гг. вместе мировое производство свинца выросло на 15%, цинка на 18%, искусственного шелка—на 51% и т. д.—то вероятным представится, что общий об'ем продукции важнейших отраслей мировой индустрии вырос за два года не менее чем на 10—12%, т.-е. примерно одинаково с ростом мировой торговли. Еще в большей степени то же можно сказать про Европу: за 1926 и 1927 гг. продукция почти всех важнейших индустриальных отраслей в Европе выросла не менее, а в ряде случаев и гораздо более, чем внешняя торговля: так, продукция чугуна выросла на 27%, стали—на 25%, угля—на 11%, искусственного шелка (в шести главных производящих странах) — на 56% и т. д.

Отсюда не трудно сделать вывод: несмотря на то, что европейский капитализм в 1927 г. сделал крупный шаг в деле развития внешней торговли, в деле восстановления мирового рынка, несмотря на это низкий уровень мировой торговли по сравнению с другими хозяйственными показателями отнюдь еще не ликвидировался и едва ли даже уменьшился. Первый «подход» капиталистического хозяйства к разрешению этой проблемы «нормализации» мирового рынка до сих пор результатов не дал. Противоречие между состоянием мирового рынка и состоянием национальных хозяйств за последние два года скорее обострилось, чем смягчилось.

Мы не можем входить здесь в анализ конкретных причин «ненормального» состояния мирового рынка тем более, что ряд из них довольно хорошо известен. Рост промышленных производительных сил в ряде заокеанских стран, переход их к промышленному самообслуживанию, стремление европейских стран к автаркии и к индустриализации, широкая практика запрещений ввоза и взвинчивания тарифов,—вот то, что привело—с точки зрения европейского капитализма — к «дезорганизации» мирового рынка. И в самом деле, разве один тот факт, что уровень таможенных пошлин блестяще перешагивает «довоенные нормы», достигая по промышленным товарам в Бельгии, напр., 135%, в Венгрии—150%, в Италии—122%, Германии—125%, по Индии—400%, по Австралии—169% довоенного уровня тарифов [1]),—разве этот факт не говорит о фиксации явлений, нарушающих развитие мирового рынка?

Следует ли, однако, из всего этого тот общий вывод, что в послевоенном мировом хозяйстве заложена тенденция к распаду, к автаркизации или что по крайней мере интернациональные связи в сравнении с довоенным временем по всей линии ослабли и поредели? Конечно, такой вывод был бы поспешен. Прежде всего мы не останавливались еще на характерной для империализма форме хозяйственных связей, на движении капитала. Даже с отвлеченно-теоретической точки зрения именно тут нужно ожидать некоторых своеобразных, новых явлений.

Прежде всего, каков об'ем современных финансово-капитальных связей? Точный статистический ответ на этот вопрос дать очень трудно. Но все-таки есть данные, достаточно определенно говорящие за то, что в послевоенном мировом хозяйстве капитальные связи расширились до уровня, довольно далеко оставляющего за собой соответственные довоенные величины. В сборнике «Das Werden in der Weltwirtschaft», вышедшем еще в 1926 г., М. Палий, много занимавшийся статистикой экспорта капиталов, указывая на сокращение внешнеторговых оборотов, противопоставляет им широко развившиеся капитальные отношения: «Интересно,—пишет он,—...что движение капиталов теперь (Палий основывается все время на данных 1924—25 гг.) количественно больше, чем до войны, больше не только по сравнению с об'емами других мирохозяйственных отношений, но, вероятно, также и абсолютно» (разр. наша). «В сумме видимое движение капиталов теперь уже значительно больше, чем перед войной, если только отвлечься от обесценения денег. Если принять это последнее во внимание, то об'ем тоже не отстает от довоенной высоты» (стр. 103 и 104). Это Палий пишет на основе данных 1924 и 1925 гг. Он оценивает довоенный экспорт капитала в 1½—1¾ млрд. долларов за год (Англия—850—900 млн. долл., Франция—около 375 млн. долл. и т. д.), а современный экспорт одних только САСШ и Англии—в 1900—2000 млн. долл. При этом он добавляет, что крупные суммы «невидимого» экспорта капитала (скажем,

[1]) См. Tariff level indices, стр. 15 (метод B—1). Все данные приблизительные; они представляют собой уровень тарифов 1925 г. в процентах по отношению к уровню 1913 г. Данные по Германии особо неточны, с 1925 г. тарифы повысились. По Венгрии сравнение произведено с довоенными тарифами Австро-Венгрии.

прямое переселение капиталиста с деньгами или предприятием в другую страну, покупка им на туземной бирже ценных бумаг и т. п.) «должен теперь быть значительно больше, чем перед 1914 г.». Их значение он иллюстрирует тем фактом, что для 1925 г. официальная американская статистика оценивает капиталоэкспорт в 1,2 млн. долл., в то время как на основе другой оценки, включающей подобные прямые вложения, эта сумма увеличивается почти вдвое—до 2,1 млрд. долларов.

Интересна также более поздняя оценка, охватывающая также 1926 и 1927 гг. и приведенная в одной из статей англо-американского экономического корреспондента «Берлинер Тагеблатт», Гюнтера Штейна [1]).

По этой оценке С. Штаты к концу 1927 г. инвестировали за границу в общем 14,5 млрд. долларов. При этом «задолженность заграницы С. Штатам, включая военные долги, равна 25,6 млрд. долл., в то время как требования Великобритании к загранице во время их наивысшего уровня оценивались только в 18—20 млрд. долл.».

А ведь Англия и посейчас отнюдь не «выпала» из экспорта капиталов! Наоборот, она всемерно стремится этот экспорт расширить: если в 1925 году ее иностранная и колониальная эмиссия равнялась 77 млн. фунтов, то в 1926 г. она выросла до 102 млн., а в 1927 г. уже до 153 млн. [2]).

Правда, до войны Англия инвестировала за границей значительно больше — около 190—200 млн. ф. ст. (в 1913), т.-е. до 280 млн. фунтов в их теперешней покупательной силе. Но колоссальный экспорт капиталов из Соед. Штатов с лихвой перекрывает не только это сокращение, но и приостановку французского экспорта капитала: за последние четыре года С. Штаты экспортировали не менее 5 миллиардов долларов: 1924 и 1925 гг. приблизительно 1 млрд., 1926 и 1927 гг.—по 1½ млрд. [3]) (в то время как до войны они были страной, ввозящей капитал, значительную часть которого они, однако, реэкспортировали в Латинскую Америку).

В общем за последние четыре года мировой экспорт капитала по самым осторожным подсчетам составил около 6—7 миллиардов долларов—5 млрд. падает на Америку, от 1 до 2 млрд. на Англию [4]), около ½ млрд.—на мелкие страны-рантье (Голландия, Швейцария). При этом цифры экспорта из года в год быстро растут, так что на последний, 1927 год, приходится не менее 2,3 млрд. долл.

Но это еще не исчерпывает всего теперешнего об'ема финансово-капитальных связей в мировом хозяйстве. В приведенных выше расчетах полностью отсутствуют, во-первых, европейские межсоюзнические долги, во-вторых,—немецкие репарационные обязательства и платежи, в-третьих, долги союзников САСШ (они учтены только в цитате из Штейна). Все эти суммы, как известно, колоссальны, но... проблематичны (величина некоторых из них действительно «покрыта мраком неизвестности»: достаточно сказать, что германские и французские определения общей суммы репараций расходятся на «какие-нибудь» сто млрд. марок!). Но и тут есть совершенно реальная сторона дела— консолидированные долги и действительно выплачиваемые репарационные суммы. Конечно, основа и значение этих платежей далеко не тождественна с кредитными отношениями, вытекающими из экспорта капиталов, но ведь это ни на одну иоту не уменьшает реальности этих платежей ни для хозяйства платящей или получающей страны, ни для мирового хозяйства! Так, платежи по консолидированным союзническим долгам

[1]) «Б. Т.» № 176. Оценка принадлежит М. Виклеру.
[2]) «Vierteljahreshefte Z. Konjunkturforschung» 1927, H. 3 и 4.
[3]) См. «Berliner Tageblatt» № 70 или «Frankfurter Zeitung» № 55.
[4]) По Англии данные сильно расходятся: если вычислять по активности английского платежного баланса, получается цифра в 1 с лишком млрд. долларов; если взять сумму иностранных эмиссий, получается немного более 2 млрд.

Америки равны примерно 250 млн. долл. в год; репарационные платежи в 1927 году дали 390 млн. долл. [1]), а с 1928—29 г. должны ежегодно равняться 625 млн. долларов.

На основе всех этих данных можно сказать, что общий об'ем современных финансово-капитальных связей действительно не только стоит относительно выше уровня общеторговых и миграционных отношений, но, вероятно, не отстает также и от роста производственных показателей. Возможно, что он даже обгоняет их. А это значит, что во всей структуре связей внутри мирового хозяйства произошли известные немаловажные перегруппировки и передвижки. Теперешние связи построены на несколько других основах, некоторые формы связи ослабели и потеряли в своем относительном значении, другие развились, выросли, усложнились и увеличили свою роль в интернациональных отношениях. Новый об'ем и новое значение получили финансово-капитальные связи, в то время как миграция людей и общий об'ем внешнеторгового оборота отстают не только от общего современного уровня производственных показателей, но частично и от своего собственного довоенного уровня.

II. Современное строение и новая роль международного движения капиталов.

Перегруппировки и сдвиги в области международных хозяйственных связей, рост значения одних из них, относительное ослабление значения других, прибавление к обычным «мирноэкономическим» отношениям ряда военнохозяйственных обязательств сопровождались изменением самого строения всех этих связей и их функций в управлении и развитии мирового хозяйства. И в первую голову расширившиеся и усложнившиеся финансово-капитальные связи изменили свою структуру и стали играть новую роль в области поддержания отношений внутри мирового хозяйства.

Как строился и какие хозяйственные функции имел экспорт капитала до войны? Если взять основное и главное, то дело сводилось в большинстве случаев к следующему. Высокоиндустриальные страны—Англия в первую очередь—вывозили капитал или в страны, стоявшие на начальных ступенях капиталистического развития, или в так называемые молодые капиталистические страны. Страны-должники, как правило, были странами, поставлявшими на мировой рынок главным образом сырье и продукты питания. Поэтому если экспорт капитала заключался в экспорте индустриальных товаров и прокладывал дорогу для дальнейшего расширения этого последнего, то платежи процентов и погашений проходили в форме ввоза в высокоиндустриальные страны сырья и продуктов питания. Страны-кредиторы не только принимали этот необходимый для них ввоз, но частично даже экспорт капитала служил средством закрепления притока определенного рода сырья из страны-должника в страну-кредитор. На этом пути и создавалась возможность сбалансирования взаимных обязательств и развития вывоза из обеих групп стран, в частности аграрно-сырьевого вывоза стран-должников.

Совсем не так просто обстоит дело сейчас. Главным мировым кредитором является сейчас С. Штаты. Их главным должником—Европа, в первую голову—Германия: за четыре последние года около половины американской эмиссии иностранных бумаг падает на Европу, в том числе ⅕—на Германию. Другими словами, своеобразие положения в том, что должниками оказались высокоиндустриальные страны, вывозящие на рынок готовые промышленные изделия, кредитором—Америка, страна, во-первых, с еще более передовой индустрией, чем Европа, и, во-вторых, вывозящая примерно наполовину сырье и продовольствие (при чем в Европу—свою главную должницу—она вывозит

[1]) «Франкфуртер Цейтунг» № 232.

78% своего сырьевого и продовольственного экспорта). Этим самым старое соотношение оказалось поставленным на голову и возможность сбалансирования взаимных обязательств затрудненной: Америка не нуждается в европейских промышленных товарах, ввоз которых мог бы итти на уплату процентов и погашений по долгам; более того, Америка препятствует этому ввозу, опасаясь европейской конкуренции. Однако, Европа нуждается и в американских кредитах, и в американском импорте сырья и средств питания: Америка тоже не может отказаться от европейского рынка—наоборот, она хочет его расширить. Получается нарушение всякого платежного равновесия из-за как бы двойной пассивности европейского баланса: во-первых, Европа должна закупать в Америке сырье и продовольствие, во-вторых, Европа должна платить ей же по долгам. Для этого Европа может делать только одно — усиливать свой экспорт готовых фабрикатов или в самоё Америку, или в какую-то третью страну; но этому-то как раз и препятствует та же Америка! Словом, Европа покупает американские товары—в еще большем количестве, чем до войны—ввозит из Америки капитал, она должна Америке огромные суммы по военным долгам, и она не может платить ей ни товарами, ни «услугами» (хотя бы «услугами» своего торгового флота, ибо Америка во время и после войны выстроила свой собственный). Не трудно понять, что корень этого противоречивого положения лежит в том, что до сих пор не определена взаимная роль новых и старых индустриальных стран, не найдены их места в производственной системе мира. Пока же «выход» находится в том, что это противоречивое положение балансируется... новыми американскими кредитами!.

Этим самым экспорт капитала приобретает новое значение и новые функции. Нарушенное старое, несозданное новое пропорциональное разделение труда, неразрешенность ряда противоречивых проблем, затрудненность восстановления и развития мирового рынка,—все это не дает возможности «нормального» балансирования интернациональных хозяйственных отношений. Тут и приходит на помощь экспорт капитала: он делает возможным существование современной системы международных платежных отношений и движения внешней торговли вперед. В самом деле, если бы Америка не предоставила Европе крупных кредитов, положение мирового рынка было бы очень проблематичным. Прежде всего, покупательная сила европейских государств была бы сильно ослаблена. Как известно, вывоз двух важнейших европейских стран—Германии и Англии—значительно отстает от довоенного уровня (в 1927 году по Англии процентов на 10—15, по Германии 25—30%). Помимо этого, почти все важные европейские страны—в разной степени—имеют обязательства по платежам военных долгов или репараций. Практически это означает дальнейшее снижение тех ресурсов, из которых данная страна могла бы закупать нужные ей товары на мировом рынке. Американские кредиты, увеличивая покупательную силу и импортные возможности европейских стран, этим самым способствуют росту внешнеторгового оборота. Конечно, прежде всего это идет на пользу американскому экспорту: само предоставление—вернее использование—кредитов происходит в значительной степени в товарной форме и поэтому является важнейшим средством расширения американского экспорта в Европу. Не подлежит сомнению, что без предоставления кредитов Америка не могла бы иметь в своей торговле с Европой почти миллиарда долларов перевеса экспорта над импортом в год. Чем бы Европа оплачивала этот перевес? Между тем без этого перевеса Америка лишилась бы активного баланса, ибо он опирается исключительно на торговлю с Европой, в первую голову на торговлю с Англией, Германией и Францией. Вдобавок всякое сокращение вывоза в Европу ударило бы прежде всего американское сельское хозяйство: если

верить известному английскому экономисту Пэйшу [1]), 60% американской продукции хлопка и 25% пшеницы идет на вывоз главным образом в Европу.

Но дело имеет еще и другую сторону: кредитование Европы непосредственно является для Америки протекционистским мероприятием. Это может показаться странным, ибо европейская промышленность выигрывает от американских кредитов, рационализируется, усиленно растет и повышает свою конкурентоспособность. Палий писал даже по этому поводу следующее: «Какую пользу дает багатым капиталом странам то, что они оказывают своим индустриям таможенную защиту, когда они с другой стороны выращивают чужие индустрии путем предоставления капиталов?» [2]). Но если взять непосредственное действие открытия кредитов Европе, дело поворачивается другой стороной: благодаря этим кредитам Америка создает возможность платежей за свои товары и по своим прежним займам без усиленного вывоза европейских товаров в Америку, т.-е. без угрозы для монопольного положения американской индустрии на американском же рынке. Таким образом, необходимость интернациональных, межконтинентных хозяйственных связей, всячески ущемляемая и гонимая через двери таможенных тарифов, лезет в окно кредитов: не желая пускать к себе европейских товаров, препятствуя высокими таможенными тарифами их ввозу, Америка экспортом капиталов сплетается с европейским хозяйством, укрепляет свою экономическую связь с ним. А ведь каждому ясно, что эта связь не может вечно выражаться в одностороннем потоке товаров из Америки в Европу. Чтобы выйти из противоречивого положения,—если оно не будет разрешено путем какой-либо катастрофы — Америке придется принимать в лоно своего рынка проценты и погашения по кредитам, т.-е. те же роковые европейские товары! В лучшем случае ей придется терпеть огромный рост европейского вывоза в колониальные и полуколониальные страны.

Если перейти к внутриевропейским соотношениям, то и тут очень явственно обнаружится компенсирующая, замазывающая, притушающая роль международных капитальных связей, в первую голову все тех же американских кредитов. Упомянутый нами англичанин Пэйш, исчислив для 1925 г. пассивность торговых и кредитных отношений Англии с С. Ш. почти в 1 миллиард долларов (превышение ввоза из С.-А.С.Ш. над вывозом туда в 800 млн. долл. и платежи %% и погашений по долгам—в 170 млн. долл.; судя по другим данным, Пэйш несколько преувеличивает), пишет следующее: «Пока Америка щедрой рукой предоставляет в распоряжение всего мира капитал и этим самым дает нациям бо́льшую покупательную силу, чем они имели бы без этого, Англия может покупать у Америки и продавать другим странам. Но если американские капиталисты должны будут по какой-либо причине отказаться от этой политики предоставления капиталов чужим нациям, то тогда положение Англии сложилось бы очень тяжело» [3]).

Другими словами, по мнению Пэйша, даже теперешний неутешительный уровень внешней торговли Англии был бы невозможен без финансирования Америкой континентальных стран, т.-е. без косвенной поддержки английского внешнеторгового оборота кредитами!

Но наибольший интерес в этом отношении представляет собой положение Германии и поддержание ее теперешнего «версальского» места в системе мирового хозяйства. Как известно, сущность того клубка интернацио-

---

[1]) Paish, «Der Weg Zur Wirtschaflichen Gesundung der Welt» (немецкое издание), стр. 16.

[2]) «Das Werden in der Weltwirtschaft», S. 123.

[3]) «Der Weg» и т. д., стр. 26.

нальных противоречий, который связан с Дауэсовским планом и современным положением Германии, сводится к следующему. Германия должна ежегодно выплачивать огромные суммы—начиная с сентября 1928 г. не менее чем по 2,5 миллиарда марок в год—в счет репараций. Сюда добавляются сотни миллионов марок платежей по займам. Помимо этого Германии нужен большой импорт сельскохозяйственных продуктов. Между тем все возможные источники платежей по этим статьям или совсем сведены на-нет или сильно сжаты: доходы с капиталов, вложенных до войны за границей, отпали, получения от фрахтов за обслуживание немецкими судами, наконец, даже экспорт немецких товаров, несмотря на его быстрый рост в последнее время, все еще отстают даже от довоенных размеров. Такое положение, взятое само по себе, должно было бы привести к двум последствиям: во-первых, Германия, как покупатель, была бы ослаблена: те товары, которые она могла бы продавать и за выручку, от которых она могла бы покупать, шли бы в качестве неоплачиваемых репарационных поставок в соседние страны. Выручка от экспорта должа была бы оставаться за границей и итти на очередные взносы. Другими словами, Германия, как рынок для Франции, Англии и других стран, сильно потеряла бы в своей широте и покупательной способности. Безвозмездные (прямо или косвенно) поставки немецких товаров нарушили бы платежное равновесие во внешней торговле. А из-за этого страдала бы не только вынужденная бесплатно отдавать свои товары Германия, но и в известной степени лишенные немецкого рынка победители. Во-вторых, Германия **вынуждена** была бы переполнять все сколько-нибудь доступные ей внешние рынки своими товарами, продавать их по дешевым ценам и этим обострять международную конкуренцию. Никакого другого пути выполнения ее обязательств и поддержания собственного существования у ней не было бы. Победители, сами ни в чем более остро не нуждающиеся, чем во внешних рынках, имели бы наводнение этих рынков немецкими дешевыми товарами.

Однако, почему же все эти подводные камни, на которые указывалось еще в медовые месяцы плана Дауэса, до сих пор не привели ни к каким взрывам противоречий? На какой основе удалось на ряд лет как-то сбалансировать все эти трудности международных хозяйственных отношений в Европе?

Взглянем на платежный баланс Германии. На нем, очевидно, должны были отразиться те способы, при помощи которых оставались сыты антантовские волки и сохранялись целыми—и даже умеренно жирели—немецкие овцы.

В 1927 г. немецкий торговый баланс закончился с пассивом в 2,85 млрд. марок. Выплачено было репарационных платежей, с одной стороны, и процентов, и погашений по займам и кредитам, с другой, в общей сложности 2,0 млрд. марок. Вместе с некоторыми мелкими статьями получается солидная сумма пассива 4,93 млрд. марок. Единственная крупная статья платежного баланса, сведенная с активом—«услуги» (главным образом, пароходство), уменьшает эту сумму на 344 млн., т.-е. до 4,59 млрд. марок. Как же практически мыслимо было такое строение платежного баланса, такая его сверхординарная пассивность? Откуда Германия взяла средства на покрытие этого пассива, на осуществление всех необходимых платежей? Точного и исчерпывающего ответа на этот вопрос дать нельзя, ибо не поддаются учету важнейшие статьи этого покрытия, напр., краткосрочные кредиты, покупки иностранцами немецких ценных бумаг на немецких же биржах и т. п. Следующие источники можно, однако, измерить точно: во-первых, в 1927 г. Германия получила 1,29 млрд. марок долгосрочных кредитов; во-вторых, уменьшение золотых и валютных запасов Германии (т.-е. отлив иностранной валюты за границу) дало 452 млн. марок; в-третьих, 79 млн. было покрыто поддающимися учету товарными кредитами. Даже после отсчета этих сумм, непокрытый пассив превышает $2\frac{1}{2}$ млрд. марок. Очевидно, эта сумма была уравновешена приростом краткосрочной задолженности, уходом немецких бумаг в руки иностранцев и т. д. [1]).

Но как бы то ни было, совершенно ясно одно: Германия получила в 1927 г. (как и в предыдущие годы) больше, чем она заплатила. Долгосрочные и краткосрочные кредиты—вероятно, главным образом, со стороны Америки—**финансировали** как платеж репараций, процентов и т. д., так частично и германский товарный импорт. Именно благодаря этому были обойдены подводные камни сужения германской платежеспособности и разбухания германского экспорта. А это значит, что именно поэтому удалось удержать современную систему отношений между европейскими странами. Но это значит еще и то, что нельзя считать найденным выход из узла труднейших проблем, связанных с положением Германии. Теперешнее кажущееся разрешение «германской проблемы» отнюдь не является доказательством действительного успеха Версальского договора или Дауэсовского плана. Поскольку речь идет об интернациональной стороне дела, т.-е. о балансировании международных обязательств и связанных с ним вопросах мирового рынка, смягчить, отложить, ослабить противоречия удалось главным образом благодаря займам. Нащупано только временное облегчение, но не путь к коренному разрешению затруднений.

Конечно, такой временный, откладывающий, замазывающий характер разрешения вопроса видят и буржуазные экономисты и руководящие хозяйственники. Однако, степень опасности положения оценивается ими по-разному, и пути выхода они ищут в разных направлениях. В германской печати, где эта проблема обсуждалась особенно внимательно, можно наметить две концепции, высказываемые более или менее осторожно. С одной стороны, президент Рейхсбанка Шахт, выражая настроения некоторых правых кругов, очень резко подчеркивает, что все «превосходное равновесие» возможно только при помощи иностранных кредитов, что перевод валюты по репарационным счетам за границу является не настоящим, поддельным, ибо он основан на притоке кридитов, что этот «ненастоящий трансферт» выставляет платежную способность Германии гораздо более значительной, чем она есть на самом деле, что такую политику нельзя продолжать бесконечно, что положение безнадежно фальшиво и т. д. Он не хочет, конечно, совершенно прекратить прилив иностранных капиталов в Германию. Как переходную меру он его допускает. Однако, он проводил политику сокращения займов, в особенности займов местных самоуправлений на коммунальные и т. п. цели. Корень зла лежит, по Шахту, в том, что недостаточен экспорт готовых изделий, и Шахт готов на все, что угодно, лишь бы этот экспорт расширить. Бережливостью, вытравливанием всяких потребительских вложений капиталов, правильной финансовой политикой хочет Шахт повысить конкурентоспособность Германии. Конечно, под этой программой бережливости нужно понимать снижение себестоимости путем того или иного ущемления зарплаты, свертывание социальных отчислений, ослабление налогового обложения капитала и т. д. Но, повидмому, Шахт готов итти не только на эти шаблонные меры нажима на пролетариат. Возможно, что некоторые политики шахтовского толка готовы итти даже на более смелую линию: путем рестрикции иностранных кредитов пойти навстречу **кризису**, который сделал бы торговый баланс активным (ибо ухудшившаяся кон'юнктура сжала бы ввоз и заставила бы расширить вывоз), несколько усмирил бы рабочий класс, облегчил бы задачу понижения издержек производства, сбил бы цены до уровня, гарантирующего покупку немецких товаров

[1]) Все данные—по «Frankfurter Zeitung» № 232.

за границей и активизацию торгового баланса, сделал бы возможным прилив в Германию иностранной валюты, а значит, и платеж репараций путем «настоящего» трансферта! При чем вероятно, что эти платежи пришлось бы сократить, равняя их по реальным платежным возможностям Германии. Таким образом, если взять шахтовскую теорию в законченной и резкой форме, то она будет равносильна линии на довольно решительную и немедленную перестройку сложившейся интернациональной системы отношений, не говоря уже о том, что она бы потребовала внутри Германии серьезных социально-политических пертурбаций, вероятно, в фашистском стиле.

Другая, гораздо более оптимистическая постепеновская и благодушная концепция—у лево-демократических буржуазных и мелкобуржуазных кругов. Так, Гильфердинг, всячески нападая на Шахта, рассчитывает, примерно, на следующий выход из затруднений. Он считает, что прилив иностранных капиталов является важнейшим способом перевода германского хозяйства на высшую техническую ступень, повышения народнохозяйственного дохода и производительности труда, реорганизации и форсирования внешней торговли (хотя бы при помощи дальнейшего вывоза импортируемого капитала). Рост национальной продукции и дохода при помощи иностранных кредитов—вот что давало и будет давать возможность платить репарационные и все другие платежи. Отказ от иностранных капиталов равносилен курсу на замедленный рост хозяйства, т.-е. на снижение конкурентноспособности и экспортных возможностей Германии, а значит, и на затруднение выполнения необходимых платежей. Тяжесть платежей при активном платежном балансе была бы несравненно тяжелей, чем сейчас. Выход будет найден в том, что повышенная новая ступень производительности труда и доходности рано или поздно сделает возможным разрешение проблемы экспорта, облегчит относительную тяжесть платежей и этим начнет разматывать весь клубок кредитов, займов, обязательств и т. п. А поэтому покачто—шире дорогу иностранному капиталу!

Если вдуматься в основные предпосылки и основные следствия обеих этих точек зрения, то легко будет убедиться в том, что их установка может быть применена и ко всей сумме вопросов балансирования интернациональных отношений. Поэтому мы пока не будем разбирать их, а вернемся к ним немного позже.

Суть в проблеме как в германском, так и в интернациональном масштабе сводится к тому, что кредиты и экспорт капитала являются одним из средств ослабления, притупления, даже замазывания тех противоречий, которые заложены в послевоенном мировом хозяйстве, и средством сохранения и поддержания тех швов, которыми кое-как сшиты различные его части в некоторое «согласованное единство». Эти кредиты не допускают воплощения в действительность страшного для Англии и для других европейских стран призрака колоссального немецкого экспорта фабричных товаров; они же увеличивают покупательную силу ряда стран, ослабляя всем этим остроту борьбы за внешние рынки; они же облегчают движение отдельных стран, вперед, несмотря на то, что старые места в системе интернационального разделения утеряны и новые не найдены. Словом, заполняя собой разрывы, провалы, дыры в международных экономических связях, они служат как бы для того, чтобы сгладить шероховатости, непропорциональности, неслаженности отдельных хозяйственных тел и, несмотря на эти их свойства, сделать возможным развитие и укрепление хозяйственных связей между ними, а значит и движение производительных сил вперед. И, конечно, именно Америка с ее до сих пор невиданной «капиталистической силой» является тем «столпом», на котором держится этот способ балансирования и поддержания международных связей. За 10 лет—с 1914 г. по 1924 г.—

С. Штаты превратили свой долг Европе в 4 млрд. долл. в долг Европы себе в 15 млрд. долл., и вдобавок увеличили свои вложения в остальном мире на 7,5 млрд. долл. [1]). А ведь 1925, 26 и 27 гг. дали, как мы выше видели, дальнейший огромный рост экспорта капиталов. Такой быстрый рост вложений капитала, такой под'ем финансово-капитальной силы Америки не мог не оказаться моментом, поддерживающим интернациональное «равновесие».

Но этот важный «устой» современного положения является другой своей стороной одним из его важнейших противоречий. Ибо, если взять всю эту систему с точки зрения перспективы дальнейшего развития, то прежде всего бросится в глаза ее способность откладывать и отодвигать больные вопросы, но не разрешать их. Более того, если взять только одну механику, свойственную самой этой системе балансирования международных отношений, то получается некоторое «расширенное воспроизводство» затруднений и противоречий. В самом деле, чем больше берется кредитов для поддержания американско-европейской или внутриевропейской торговли или для создания возможности бескризисного выполнения платежей по предыдущим займам, тем труднее становится наладить нормальным путем погашение этих займов, ибо обязательства растут, суммы, которые должны выплатить должники, увеличиваются, а значит растет и их потребность во внешних рынках. В конце-концов самые платежи,— а вместе с ними и постановка всей суммы «проклятых вопросов»,—не могут бесконечно откладываться новыми кредитами. Этот кредитный «винт» должен в определенный момент сорваться: когда обратные платежи процентов и погашений вырастут до суммы вновь открываемых кредитов, а затем и перекроют ее, покупки в кредит должны будут уступить место продажам в погашение долгов. А это значит, что покупательная сила стран-должников резко ослабится. Европа потеряет свою прежнюю способность принимать американские товары, наоборот, она вынуждена будет развернуть огромный экспорт в Америку или в «третью сферу». Рисуя подобную перспективу и уговаривая Америку допустить оплату ее вывоза европейскими товарами, а не новыми кредитами, Пэйш, пугает Америку «обнищанием хлопководов и хлеборобов». «А на европейской и английской стороне,—мрачно заключает Пэйш это свое предостережение, — развитие кончится катастрофой» [2]).

Из всего этого следует, что такое кредитное уравновешивание и балансирование международных связей по самой сути дела не может не иметь на себе отпечаток какой-то «искусственности» и неустойчивости. Конечно, оно может держаться довольно длительное число лет,—отчасти потому, что «не счесть алмазов» далекой Америки, отчасти же потому, что вся эта система не стоит на месте, а как-то двигается и на ходу перестраивается (об этом речь будет дальше). И раньше в известные периоды товарные связи и платежное равновесие между странами-кредиторами и странами-должниками строилось на сходных основаниях: однако, как правило, возможность нормального погашения подготавливалась и гарантировалась тем, что обе стороны были заинтересованы во взаимном экспорте-импорте (об этом мы выше уже говорили). Поэтому это обстоятельство ничуть не снимает вопроса о корнях такой особенности современного «равновесия» и возможностях ликвидации всего этого клубка противоречий.

(Окончание следует).

---

[1]) Harms, «Vom Wirtschaftskrieg zur Weltwirtschaftskonferenz», стр. 254.
[2]) «Der Weg» и т. д., стр. 28.

Я. Никулихин.

Об обобществленном секторе в сельском хозяйстве.

Партия взяла и твердо проводит курс на высокий темп индустриализации нашей страны. Индустриализация СССР является не только орудием социалистического строительства и укрепления независимости страны, но целиком увязывается с технической и социальной реконструкцией самого сельского хозяйства (снабжение с.-х. инвентарем, механическими двигателями, удобрениями, оборудование для предприятий по переработке с.-х. продуктов, отвлечение из него излишней рабочей силы, создание емкого внутреннего рынка на с.-х. продукты, перенесение тягот государственных расходов все более на плечи растущей мощной индустрии и т. п.). Промышленность при этом курсе обгоняет и должна обгонять рост сельского хозяйства, но высокий темп индустриализации страны не только не исключает, а предполагает повышенный темп развития и самого сельского хозяйства. Зависимость между тем и другим проходит не только по линии снабжения городов, армии, крестьянских потребляющих районов продовольствием, но и по линии технического сырья, импортного оборудования, дополнительного рынка на промышленные товары, особенно сельскохозяйственного и общего машиностроения, химической промышленности. К этому следует еще добавить то основное, что мы проводим не просто индустриализацию, а социалистическую индустриализацию, признали возможным строить социализм в нашей стране совместно с крестьянством. Последнее обязывает нас к под'ему материального уровня основных масс крестьянства, к изживанию противоречий между городом и деревней на основе под'ема производительности земледельческого труда, под'ема урожайности, быстрого развития сельского хозяйства вообще.

Как же обстоит дело с развитием сельского хозяйства и что основное вытекает из учета предыдущего развития?

Об особенностях восстановительного процесса в сельском хозяйстве.

Прежде всего надо отметить, что восстановительный процесс в сельском хозяйстве затянулся. В промышленности он закончился в 1926—27 году, который явился отчасти и годом начавшегося реконструктивного периода. В сельском же хозяйстве он закончится, примерно, только в 1927—28 году, если брать в целом об'ем общей его продукции по сравнению с довоенным. Но отдельные части этой продукции восстановлены далеко не одинаково, и восстановление валовой продукции еще далеко не показывает того же уровня в восстановлении товарной. Огромная разница существует и в степени восстановленности сельского хозяйства по отдельным районам. Так, например, если посевная площадь технических культур в 1927 году превышала довоенную (1913 г.) на 29,7%, то площадь зерновых культур показала в 1927 г. недовосстановленность на 7,5%. При чем, если рожь была восста-

новлена на 99,5%, овес на 92,9%, то наиболее товарные хлеба, пшеница и ячмень, показали наибольшую недовосстановленность (первая в 1927 г. к 1913 г. 83,3%, второй 57,3%) [1]. По отдельным районам восстановленность площади выглядит так: в потребительской полосе она увеличилась на 13,3%, в районах с небольшими хлебными излишками—на 5,8% (Вятско-Ветлужский, Уральская область и часть Волжско-Камского). В районах же товарного зернового земледелия она оказалась значительно недовосстановленной.

Посевная площадь 1927 г. в % к 1916 г. [2])

	Вся зерновая	Пшеница озим.	Пшеница яров.	Овес	Ячмень
Башкирия	68,5	63,4	—	52,8	—
Ц.-З. район	91,4	57,0	51,4	64,3	—
Средне-Волж.	90,8	63,7	—	—	44,1
Нижне-Волж.	80,5	54,6	—	—	47,1
Крым	71,5	—	72,3	—	61,5
Сев. Кавказ	90,7	81,2	—	—	52,8

В этих районах больших избытков хлеба посевная площадь оказалась недовосстановленной на 3.270 тыс. гектаров; этот дефицит не будет еще покрыт намеченной программой расширения посевных площадей в 1927—28 г. (по РСФСР по плану весенней посевной кампании, утвержденному Совнаркомом, расширение посевной площади намечалось в 2.280 тыс. га). В результате только одной этой недовосстановленности посевных площадей в районах товарно-зернового земледелия товарная продукция зерновых хлебов страны должна сильно сократиться.

Но в эту же сторону действовал и ряд других причин. Прежде всего рост душевого потребления самого крестьянства в послереволюционный период и прирост населения деревни за последние годы; от этих двух причин поднялся внутрикрестьянский хлебооборот [3]). Дальше оказало влияние измельчание хозяйств (в 1916 г. было 16 млн. дворов, в 1927 г.—около 25 млн. дворов) [4]), ликвидация помещичьих и крупнокапиталистических хозяйств, доля которых еще только в небольшой мере покрывается продукцией совхозов и колхозов. Эти изменения в производстве хлебов нашли себе следующее цифровое выражение по недавним подсчетам ЦСУ:

	Валовая продукция хлеба		Товарный хлеб (внедеревенский		% товарности
	Млн. п.	%%	Млн. п.	%%	
До войны					
1. Помещики	600	12,0	281,6	21,6	47
2. Кулаки	1900	38,0	650,0	50,0	34
3. Середн. и бедн.	2500	50,0	369,0	28,4	14,7
Итого	5000	100,0	1300,6	100,0	26
В 1926/27 году					
1. Совхозы и колхозы	80,0	1,7	37,8	6,0	47,2
2. Кулаки	617,0	13,0	125,0	20,0	20,0
3. Середн. и бедн.	4052,0	85,3	466,2	74,0	11,2
Итого	4749,0	100,0	630,0	100,0	13,3

[1]) По некоторым злакам даже превысила довоенную площадь: по гречихе на 28,6%, по просу—13,6% (данные из статьи Огановского в «Эконом. Обозр.», VI, VII—27 г.).

[2]) «С.-Х. Жизнь», орг. Наркомзема РСФСР, № 8, 1928 г.

[3]) Огановский оценивает увеличение его в 1½—2 раза.

[4]) По Крыму, Украине, Северн. Кавказу и Сибири в 1916 г. было 5.926 тыс. дворов, стало в 1926 г. 7.849 тыс. дв. («С.-Х. Жизнь» № 8, 1928 г.).

Из данной таблички мы видим, что если валовая продукция хлебов недовосстановлена была в 1926/27 г. на 5%, то товарная продукция восстановлена всего только наполовину к довоенной. Если прежде помещики и кулаки вместе владели половиной валовой продукции зерна и давали 71,6% товарной внедеревенской его продукции, то крупные и сравнительно укрупненные хозяйства в 1926/27 г. владели всего $^1/_7$ частью валовой и около $^1/_4$ товарной продукции. Центр тяжести в хлебном производстве решительно передвинулся на мелкие хозяйства. Доля середняков и бедноты поднялась по валовой продукции с половины до 85%, по товарной с немногим более ¼ до ¾, при чем понизилась товарность не только в целом всего зернового хозяйства (с 14,7 до 11,2%), снизилась товарность и по ряду технических культур (особенно по льну и конопле), но в целом технические культуры и продукты животноводства (благодаря увеличению посевов и числа штук продуктивного скота по сравнению с довоенным) показали значительно большую степень восстановленности товарной продукции, чем зерновые хлеба. По этой последней причине уровень восстановленности всей массы внедеревенской товарной с.-х. продукции значительно поднялся, но он все же в 1926/27 г. составлял еще около 70% довоенного. А так как потребление с.-х. продуктов в городах не снизилось, а несколько выросло (преимущественно за счет прироста душевой нормы потребления, за счет развития промышленности свыше довоенного уровня), то дефицит в товарной продукции с. х. преимущественно отразился на уровне нашего экспорта, сильно сократив вывоз льна и животноводческих продуктов и почти совсем срезав вывоз зерновых хлебов. (За последние же годы перед войной их вывоз выражался в 600—700 млн. пуд.). Вполне понятно, что почти полная ликвидация нашего хлебного экспорта означает большие препятствия на пути дальнейшего развития нашего народного хозяйства и индустриализации страны, сокращая ресурсы на ввоз оборудования, недостающего нам технического сырья, недостающих машин для реконструкции самого с. х. (тракторов), не говоря уже об угрозе нашему расчетному балансу и ослаблении наших позиций во внешнеполитических отношениях. Дефицит в хлебном экспорте только частично можно заполнить усилением экспорта промышленных товаров. Поэтому нам необходимо поднять хлебный экспорт во что бы то ни стало. Тов. Микоян совершенно правильно ставит задачей в ближайшие годы довести его до уровня 6—7 млн. тонн в год (350—400 млн. пуд.). Конкурентоспособность на хлебном мировом рынке нам обеспечена вполне фактом отсутствия у нас абсолютной ренты и малой обремененностью земель другими платежами (налогами и т. п.). Европейский рынок продолжает являться огромным хлебным рынком, и мы имеем, при должном под'еме с. х., возможность завоевать гегемонию на этом рынке, крайне нам выгодную. Но быстрый под'ем зернового хозяйства нам нужен не только для надлежащего под'ема хлебного экспорта, а также и для бесперебойного удовлетворения растущего на хлеб спроса со стороны внутреннего рынка. Не с меньшей силой это надо подчеркнуть также и в отношении технических культур, животноводческих продуктов. Сырье, несмотря на превышение посевов технических культур на 29,7% по сравнению с довоенным, стало теперь все же основным лимитом в развертывании легкой обрабатывающей промышленности (в 1927—28 г. остро обстояло дело с заготовками сырья для льняной, крахмало-паточной, кожевенной и т. п. промышленности).

Именно в силу того, что валовая и товарная продукция зерновых культур оказалась значительно недовосстановленной при огромном преобладании середняцких и бедняцких хозяйств, разбогатевшие владельцы концентрированных запасов хлеба (кулаки, зажиточные) могли своим выступлением против государственных хлебозаготовок представить величайшую опасность для

страны пролетарской диктатуры. Активное сопротивление кулачества в кампанию 1927—28 года было неизбежным под влиянием обострения для СССР международной обстановки и роста частнокапиталистического накопления в деревне.

Не только продукция сельского хозяйства не перевалила еще решительно за довоенный уровень, но и в основном техника крестьянского хозяйства осталась на прежнем примитивном уровне. Новый добавочный земельный фонд, полученный в результате ликвидации помещиков, крестьянство осваивало на основе прежней техники. Качественные изменения в последней были еще крайне невелики к об'ему всего с. х. Введение 30 тысяч тракторов представляет еще каплю в море старой низкой с.-х. техники. То же следует сказать и про сельскую электрификацию. Хотя количество сельских электростанций поднялось с 53 (бывших до войны) до 858 (1927 г.), но всего охвачено только 90 тысяч дворов, и душевое потребление электроэнергии на все сельское население еще крайне ничтожно—0,1 квт.-час. (в 1927 г.). В СССР годовое потребление электроэнергии от сельских электроустановок было в 1927 г. 10 млн. квт.-час., а в маленькой Швеции в 1926 г. в сельском хозяйстве было потреблено электроэнергии в 12½ раз больше, 126 млн. квт.-час. В этом, конечно, не наша вина, а целиком тех, кто прежде ставил путы на развитии сельского хозяйства. Снабжение с. х. новыми с.-х. машинами и орудиями за последние два года превышает довоенный годовой машиносбыт, но мы все еще не покрыли убыли с.-х. машин за время гражданской войны и износа в первые года нэпа. Применение минеральных удобрений крайне низко. От этого мала производительность крестьянского труда, низка урожайность (по ряду важных культур она еще не достигла довоенного уровня), высока себестоимость с.-х. производства. Это мешает более быстрому под'ему материального уровня основных масс крестьянства, задерживает развитие с. х., частично обостряет отношения между более быстро растущим городом и отстающей деревней.

Сельское хозяйство отстает в своем развитии по сравнению с нашим масштабом хозяйственного строительства, но не по сравнению с развитием в довоенный период. Так, например, если брать коэффициент ежегодного прироста посевных площадей, то до войны он на много был ниже, чем теперь (за период 1906—11 гг. он был 1,3%, 1925—26 г.—0, 1926 г.—6,4%, 1927 г. — 2,6%).

Для сбалансирования народного хозяйства нашей страны в аспекте пятилетнего и генерального плана мы не можем, исходя из теперешнего темпа развития с. х., соответственно снизить темп индустриализации страны, ослабить «напряженный» ход развития хозяйства, как это советуют буржуазные экономисты. Не можем потому, что высокий темп индустриализации диктуется нам всей установкой на победоносное социалистическое строительство и есть одна из главнейших гарантий существования и сохранения СССР. Не можем и потому, что этот путь означал бы оставление основных масс крестьянства на том низком материальном уровне, на каком они стоят сейчас. Этот путь означал бы снижение творческих усилий всего пролетарского государства, большое ограничение достижений по социалистическому переустройству деревни и сохранение теперешних позиций за мелкобуржуазной стихией. Не темп развертывания промышленности, транспорта следует снизить до уровня с. х., а, наоборот, темп развертывания с. х. следует теперь подтянуть к соответствию с высоким темпом развертывания индустрии. Вот почему СССР властно диктуется теперь задача, не снижая взятого темпа индустриализации страны, а именно на основе этого темпа ускорить бег производительных сил в сельском хозяйстве. Эту задачу подчеркнул со всей решительностью XV партс'езд и апрельский пленум ЦК. Вот почему в результате растущих потребностей индустриализирующегося хозяйства

каждый новый пересмотр пятилетки Госпланом приводит к увеличению намечаемого темпа развития сельского хозяйства почти по всем показателям. Так, например, прирост валовой продукции зерновых культур в материалах Госплана по составлению пятилетки в начале 1927 г. предполагался в 24%, весной 1928 г.—в 27%, товарной по зерновым хлебам—74,7%, теперь—82%, урожайность—4,6%, теперь—13% [1]), несмотря на то, что начало пятилетки отодвинулось на год вперед и соответственно увеличились абсолютные цифры, на которые насчитывается процент прироста. Прирост валовой продукции сырья по новому варианту предположен за пятилетие на 53%, товарной—на 115%, урожайность поднимается: льна—на 28%, хлопка—на 25%, свеклы—на 31%, подсолнуха—на 15%, товарная продукция животноводства вырастает на 84%. Намечаемые новые темпы прироста продукции с. х. по основным показателям, возможно, будут еще подвергаться неоднократно пересмотру, уточнениям, но основная установка их—дать определенное цифровое выражение такому ускоренному росту с. х., которое позволило бы сбалансировать отдельные части индустриализирующегося народного хозяйства,—является безусловно верной. Партия для повышения темпа развертывания с. х. увеличила в 1927—28 г. ассигнования для развития с. х. до 717 млн. руб., при чем по линии государственного и местного бюджета—около 300 млн. рублей.

В течение пятилетия со стороны государства по новой проектировке Госплана предполагается вложить в сельское хозяйство 2,5 миллиарда [2]) рублей. Кроме того, еще больше средств будет вложено самим населением. Партия и вся советская страна заинтересованы в том, чтобы эти средства были затрачены наиболее рационально, чтобы они дали максимум хозяйственного эффекта. А этот вопрос упирается в проблему возможных основных путей к усилению темпа развития сельского хозяйства и его товарности. Последнее тесно связано с под'емом валовой продукции с. х.

О путях усиления темпа развития сельского хозяйства.

До сего времени преобладающим типом развития деревни был тип индивидуального хозяйственного под'ема мелких, крайне раздробленных бедняцко-середняцких хозяйств. К ним притекала основная масса средств из ассигнований государства (кредит, семенные ссуды, расходы на землеустройство, агропомощь и т. д.). В руках этого основного массива крестьянства сосредоточивалось большинство валовой и товарной продукции сельского хозяйства. Удельный вес обобществленного сектора (совхозов и колхозов) был крайне низок (в 1926—27 г. по посевам 2,4%, по продукции 2,5%, по товарной массе 5,1%). В несколько раз выше обобществленного сектора был растущий сектор кулацкого, частнокапиталистического хозяйства, но он по товарной продукции уступал, примерно, раза в 3 мелкотоварному, по валовой продукции уступал ему еще больше. При чем надо отметить, что кооперативные об'единения в мелкотоварном секторе охватывали преимущественно снабженческие и сбытовые функции и очень в небольшой пока доле кооперирование производственного процесса в с. х.

Исчерпало ли бедняцко-середняцкое хозяйство все возможности для своего дальнейшего хозяйственного под'ема в индивидуальной форме? Нет, конечно, не исчерпало, но на пути единоличного хозяйствования имеет крайне узкие возможности для своего дальнейшего хозяйственного под'ема, особенно для роста производительности труда, который стоит на очень

---

[1]) Данные за вариант пятилетки весны 1927 г. взяты из материалов по составлению пятилетки, стр. 97 и 98 (таблицы, стр. 184—текст), данные по предполагаемому новому варианту—из доклада Гринько («Экон. Ж.», 19/V—28 г.).

[2]) Несколько месяцев назад предположения были иные значительно меньше: по отправному варианту 1651,7 млн. руб., по оптимальному—2.017 млн. руб.

низком уровне. Простой посев отборными семенами, замена значительного остатка сох плугами, ранняя вспашка, увеличение тяглового скота, некоторая ограниченная возможность ведения правильного севооборота, устранение дальноземелья, переселение из густо-населенных районов, частичное применние минеральных удобрений,—все это еще будет являться средством для под'ема мелких крестьянских хозяйств, средством роста сельскохозяйственной продукции страны. Но зато широкое применение механической энергии (тракторов, электроэнергии), сложных с.-х. машин в мелком индивидуальном хозяйстве невозможно. Невозможно прежде всего по размерам производства. Так, например, для нормальной нагрузки машин требуется площадь посева: для сеялок 52 гектара, для сенокосилок—94, для жатки—44, для трактора—110 [1]), для сложной молотилки — несколько сот десятин.

Дальше, невозможно рентабельное пользование вследствие далеко неполного их использования (отсюда высокая норма амортизации). Широкое же применение механической энергии и машин только и позволит значительно расширить освояемость новых земель, поднять производительность с.-х. труда и урожайность земель как на старом обрабатываемом земельном фонде, так и на новом. Не случайно, что в 1 полугодии текущего года мы имели некоторое недовыполнение плана по сбыту с.-х. машин, ибо мелкое хозяйство в индивидуальной форме крайне ограничено в их приобретении (Из проданных в 1927 г. с.-х. машин и орудий на 130 млн. руб. только 60% принадлежало к таким, которые могло покупать и мелкое индивидуальное хозяйство, 40% были мало или совсем не рентабельными для мелкого хозяйства [2]).

При мелком размере хозяйства невозможна его рациональная постановка: последовательное проведение правильного севооборота, выгодное сочетание отдельных частей хозяйства между собою (полеводства, животноводства, огородничества, садоводства и т. д.), выгодное использование удобрений и применение всех данных науки. Мелкое хозяйство ставит очень узкие рамки как техническому, так и общественному разделению труда, что является одним из главнейших препятствий к под'ему производительности труда. Еще Маркс писал, что господствующей формой труда в условиях мелкой земельной собственности, является не общественный, а изолированный труд: что, следовательно, при таких обстоятельствах исключается возможность богатства и развития воспроизводства,—его как материальных, так и интеллектуальных условий,—а потому и условий рациональной культуры [3]). Ставя огромные препятствия на пути применения механической энергии и машин в с. х., на пути рационализации с. х., мелкое хозяйство ведет еще и к огромной растрате средств и труда. Средства растрачиваются оттого, что на единицу обрабатываемой площади требуется больше, чем нужно, орудий, рабочего скота, построек, транспортного инвентаря [4]). Мелкое хозяйство

---

[1]) «Экон. Обозр», к. 3, 1928, стат. Селезнева, стр. 98. По данным Н. Д. Лопатина—еще выше: лобогрейки, жнейки 65 га, сеялки разбросанные 65—85 га, сеялки рядовые 54 га.

[2]) «С.-Х. Жизнь» № 11, 1928 г., ст. т. Жарикова.

[3]) Маркс, «Капитал», т. III, ч. 2, стр 350.

[4]) Самый большой расход крестьянина после содержания своей семьи падает на содержание рабочего скота. О том, как переобременены скотом крестьянские хозяйства, дают представление и довоенные данные. Так по Вологодскому уезду на каждые 100 десятин посева в хозяйствах до 20 дес. посева имелось 42,4 лошади, в хозяйствах свыше 600 дес.—в 3 с лишним раза меньше (12,5 лош.). Представление о том, как убыточно такое громадное недоиспользование рабочего скота, можно получить по данным английских исследователей. Они высчитали, что в тех хозяйствах, где нет механических двигателей, рабочий скот с'едает 24% пшеницы, 67% овса и 44% сена с той площади, которая при их помощи обрабатывается. (Доклад Бор. Метьюса—«Электрификация» № 4, 1927 г.).

использует их нерационально, переобременяет себя расходами на них, имеющиеся средства производства используются только небольшую часть года, в остальное время они лежат мертвым капиталом (по утверждению ряда исследователей, они используются только наполовину). По этим причинам и эффективность средств, направляемых в с. х., тем меньше, чем мельче размеры хозяйств. Ц. С.-Х. банк произвел обследование эффективности выдаваемых ссуд в хозяйствах различной экономической мощности; разбив их на три группы, получил следующие данные [1]):

На 100 руб. ссуды выданных:

Группы хоз. по эконом. мощ.	На рабоч. скот	На коров	На сельскохоз. инвентарь		На семена
	Произошло увеличение посевов:				
I	0,8	—	0,9	0,1	0,3
II	1,6	—	1,9	0,7	0,8
III	2,8	—	2,4	0,2	1,2
	Увеличение сбыта продукции на 100 р.				
I	21	14	18	26	79
II	27	23	35	33	98
III	54	60	67	38	230

Мы, таким образом, видим, что степень эффективности кредита в несколько раз выше в экономически более обеспеченных группах, одновременно ведущих более крупное хозяйство, чем в низших.

Вот почему совершенно правильно будет сказать, что сколько-нибудь значительная техническая реконструкция с. х., его рационализация невозможна в условиях мелкого хозяйства. А без нее мы не можем высоко поднять валовую продукцию сельского хозяйства и на ее основе товарную продукцию, что дозарезу необходимо для индустриализирующейся страны. Без технической реконструкции мы не можем также поднять основные массы крестьянства из полунищенского к культурному существованию.

Значит ли это, что мы не должны использовать еще имеющиеся возможности и для под'ема в индивидуальной форме бедняцких и середняцких хозяйств? Значит ли это отказаться от материальной помощи со стороны государства им в деле этого под'ема? Ни в коем случае. Мы должны использовать названные выше возможности и с этой целью оказывать и впредь поддержку и индивидуально поднимающимся бедняцким и середняцким хозяйствам. Но для нас должно быть совершенно ясно, что на этом пути нет условий для быстрого материального и культурного под'ема самой бедняцко-середняцкой массы. Для нас тем более должно быть ясно, что на этом пути нет условий для того повышенного темпа развития с. х., который диктуется всей хозяйственной обстановкой. Этот темп мы можем найти только на путях укрупнения сельского хозяйства.

Есть два пути укрупнения с. х., и через эти два пути повышения темпа развития с. х. и его товарности: 1) капиталистический, фермерский труд и 2) социалистический (совхозы, колхозы). Как выглядели бы в перспективе и тот и другой путь развития с. х. и не только в смысле своих социальных последствий, но и высоты самого темпа развития сельского хозяйства?

Что крупные кулацкие, капиталистические хозяйства в сравнении с отдельными середняцкими и бедняцкими хозяйствами показывают и более высокую производительность труда и более высокую степень товарности — это бесспорно. Также бесспорно и то, что при ликвидации абсолютной ренты в нашей стране, при огромном и быстро растущем внутреннем рынке

[1]) «Опыт исследования эффективности с.-х. кредита», изд. 1927 г., стр. 60, 63, 70.

(который складывается совершенно иначе, чем при капитализме), капиталистические хозяйства в земледелии могли бы иметь условия для своего быстрого развития, и интенсивное капиталистическое накопление имело бы место. Могли бы иметь, но не имеют этого быстрого развития. Не имеют прежде всего потому, что советская власть ставит препятствия росту капиталистического, кулацкого хозяйства целой системой мероприятий: ограничением прав аренды земли, налоговым обложением, соответствующей политикой распределения тракторов и сложных с.-х. машин, удобрений, кредитной, землеустроительной политикой и т. д. Если бы советская власть изменила свою политику в этих вопросах и не ставила препятствий капиталистической аренде, меньше давила кулака налогами, разрешила ему свободно приобретать все машины, удобрения, средства, отпускаемые государством сельскому хозяйству, в значительной части давала зажиточным, не ставила препятствий к сдаче в аренду государственных земель на нашем Востоке и Юго-Востоке, то мы, несомненно, имели бы довольно бурное развитие капитализма в земледелии. Целый ряд буржуазных экономистов, работающих в наших хозяйственных органах, в разной форме, открытой и завуалированной, предлагает нам этот путь. Ведь наблюдали же мы, как недавно так называемые кон'юнктуристы видели спасение в форсированном развитии хуторского хозяйства, т.-е. чисто фермерско-капиталистическом. Наиболее левый из буржуазных экономистов Огановский ведь предлагал же недавно, насаждать капиталистические хозяйства в районах колонизации [1]). Мы уже не говорим о проф. Кондратьеве и о целой плеяде его сторонников, позиция которых достаточно полно разбиралась в нашей печати.

Партия не может встать на этот путь, ибо он противоречил бы всему существу советской власти, всей взятой перспективе на победоносное социалистическое строительство. Он не приемлем и потому, что при нем мы имели бы не хозяйственный под'ем бедноты и середняков, а разорение подавляющего большинства их, превращение их в пауперов, в навоз для капиталистического хозяйства. Интенсивное капиталистическое накопление шло бы тогда на основе страшной эксплоатации низших слоев крестьянства, на почве усиления процессов диференциации в деревне. В лице кулака мы имели бы рост враждебных социализму и пролетарской диктатуре сил, являющихся одновременно опорой всех буржуазных слоев в стране и агентурой международного капитала. Все это, конечно, есть решающие причины того, почему мы не приемлем этот путь укрепления и ускорения в повышении товарности сельского хозяйства.

Но он не приемлем для нас и по экономическим соображениям. Он не мог бы обеспечить достаточно высокий темп развития сельского хозяйства, соответствующий высокому темпу развития индустрии. Он влиял бы на снижение этого темпа, сужая рынок сбыта промтоваров через пауперизацию основных масс крестьянства, повышая издержки борьбы плана со стихией, срывая план и придавая всему народному хозяйству кризисный характер развития.

Хотя кулацкое хозяйство по об'ему производства и значительно крупнее середняцкого, не говоря уже о бедняцком, но все же оно остается мелким хозяйством, не соответствующим уровню современной техники. Основ-

[1]) Говоря об огромном массиве необработанных, но годных для посевов под пшеницу и ячмень земель в Казакстане, он писал, что средний надел земли там до войны был 40 дес. на хозяйство. Он предлагал его сохранить с уклонением скорее в сторону его повышения и советовал переселять сюда многопосевных с 3 лошадьми и с.-х. машинами, ибо «такие выселенцы встанут на ноги и будут доставлять сотни пудов зерна на рынок через 2—3 года, тогда как бедняцкое хозяйство дойдет до уровня рыночного лишь через 8 лет переселения» («Пшенично-ячменная проблема». «Эконом. Жизнь» 13/1—28 г.).

ное условие производства—земля, в процессе революции является радикально перераспределенной в порядке уравнительности, и аренда только может частью укрупнить хозяйство. Условий для значительной мобилизации земли в индивидуальной форме в СССР нет. Кулак может иметь 20—30 гектаров, и как исключение 40—50 га посева. Но этот размер хозяйства крайне недостаточен для рентабельного, рационального применения трактора, сложной молотилки, жнейки-сноповязалки, сенокосилки и ряда других сложных машин, особенно новых комбинированных машин. В США средний размер фермы в 160 акров (около 60 га) признается теперь несоответствующим современному уровню техники. Вот что мы читаем в трудах одной авторитетной американской комиссии:

«Нынешние размеры ферм сложились главным образом под влиянием условий, господствовавших 75 лет назад. Но фермер того времени применял 2-лошадные плуги, однорядные культиваторы и жатвенные машины, которые не могут пойти ни в какое сравнение с машинами, применяемыми в настоящее время. Современные тракторы и жнеймолотилки, четырехрядные культиваторы, сонекосилки и сеносушильные установки могут быть производительно применены только на больших фермах. Эти машины работают так быстро, что ферму в 160 акров они могут обслужить в несколько недель, чаще всего в несколько дней, и на такой ферме они вынуждены будут оставаться праздными в течение значительной части года. По данным комиссии, современная сеносушильная установка может быть производительно использована на ферме размером по меньшей мере в 600 акров, если не гораздо больше. Наиболее экономное использование земли в некоторых частях пшеничного района требует при современных методах машинного производства фермы размером более чем в 1.000 акров» [1]). Тем более кулацкие хозяйства недостаточны для применения в с.-х. производстве электроэнергии и успешной организации предприятий по промышленной переработке с.-х. продуктов, что имеет колоссальное значение для реконструкции с. х. Это подтверждается и данными по Украине о распаде мелких артелей в 29 гектаров и товариществ по общественной обработке земли в 46 га, где выгоды укрупнения с. х. выступали менее выразительно [2]). Возможности приложения данных агрономической науки, рационального ведения хозяйства ограничены тоже и в кулацких хозяйствах, при чем на недостаточность темпа развития с. х. стал бы влиять и тот факт, что при преобладающем капиталистическом пути развития сельского хозяйства, поднималось бы в гору верхнее меньшинство деревни, а огромное большинство гнило бы на корню, не используя всех своих потенциальных сил и ресурсов, которые могли бы быть использованы при производственном кооперировании и коллективизации бедняцко-середняцких хозяйств. На ослабление темпа стала бы влиять и постоянная обостренная борьба между плановой, хозяйственной волей пролетарского государства и мелкобуржуазной стихией, которая свое заостренное выражение получила в затруднениях этого года (это неизбежно стало бы приводить с целью обессиливания противника к большей выкачке средств из накоплений, образующихся в сельском хозяйстве). Мы видим, таким образом, что этот путь не только не приемлем для нас, как расходящийся с конечными целями пролетарской революции, как путь перерождения, но он не приемлем, и с экономической стороны, как не обеспечивающий должного темпа развития сельского хозяйства, путь не увязывающийся с высоким темпом индустриализации страны. Оппозиция была, конечно, неправа, когда она, допуская преобладание капиталистического пути развития деревни (до победы мировой революции), думала перекрыть его «сверхиндустриализацией», рассматривала индустриализацию не как рычаг к победоносному социалистическому строительству, а как средство обороны против наступающего противника. Эта мысль нашла себе выражение в оценке Троцким решений XIV партконференции и еще недавно осенью в 1927 году в статье т. Преображенского («Вестник Комакадемии» № 22), где он писал:

«Здесь мы подошли к капитальнейшему вопросу о соотношении между социалистическим развитием города и капиталистическим развитием деревни. Советская система в теперешний трудный период может существовать лишь на основе пропорциональности темпа между тем и другим. Более быстрый темп социалистического развития позволит вынести большую дозу и капиталистического развития без большой опасности для всей системы» (стр. 8).

У тов. Преображенского сама постановка вопроса была неверная, не марксистская, не ленинская, у него город развивается в одном направлении, деревня в другом: за счет усиленного развития капитализма в деревне город компенсируется быстрейшим развитием индустрии. Если бы так шло наше развитие, то неизбежна была бы наша гибель. Мы не могли бы иметь и высокого темпа развития индустрии при преобладающем капиталистическом развитии деревни. Это лучше оппозиции поняли буржуазные экономисты (Кондратьев, Макаров и т. п.), которые, как известно, с большой яростью обрушились на пятилетку Госплана (даже на ее более минимальный вариант начала 1927 г.), доказывая, что сельское хозяйство не может достичь намечаемых темпов, что между темпом развертывания индустрии и «возможными» (с их точки зрения) темпами развертывания с. х. будет неизбежен разрыв. И они пробовали доказать это подробными цифровыми выкладками на счет «неувязок» в пятилетке Госплана. Тов. Струмилин своевременно доказал всю никчемность их попыток на этот счет. А ведь главной подоплекой этих утверждений Кондратьева, Макарова и др. было как то, что они хотели видеть сельское хозяйство развивающимся преимущественно в капиталистическом направлении, так и то, что, находясь в плену темпов, норм прошлого, они хотели втиснуть в них настоящее и будущее нашего хозяйственного развития. (Именно этим можно об'яснить вопрос о том, почему многие из них могли быть с большей пользой использованы в восстановительный период, чем в реконструктивный).

Обеспечить повышенный темп развития с. х., поднять через это продовольственную, сырьевую, экспортную и отчасти сбытовую базу для нашей развивающейся высоким темпом индустрии может только форсированное развитие процессов укрупнения с. х., но только в социалистической форме (совхозы, колхозы, разные виды производственного кооперирования).

Между необходимостью ускоренного развития производительных сил в земледелии и облачением их в социалистическую форму нет противоречия не только в законченном социалистическом обществе, но нет и на данном этапе переходного периода. Нет потому, что только этот путь создает действительно крупные хозяйства в земледелии, что только при нем с. х. может быть радикально реконструировано и рационально поставлено без потери тех накопленных веками производственных ресурсов, которые имеются у двух десятков миллионов раздробленных бедняцко-середняцких хозяйств. Этот путь хозяйственно поднимает не кучку, а всю массу кре-

[1]) Цитируем по журналу «Американская Торговля и Промышленность» № 4 1928 г.

[2]) В то время как средний размер существующих артелей 90 га, средний размер т-в по общественной обработке земли 70 га, коммун→240 га («Правда», V—28 г., ст. Терлецкого и Клименко). По данным Колхозцентра РСФСР на 1/X—27 г. средний размер с.-х. коллективно используемой площади у коммун был 329 га, с.-х. артелей—180, т-в по общественной обработке земли—98. («На Аграрном Фронте» № 5, 1928 г.).

стьянства. В этом и есть сейчас все великое народнохозяйственное значение коллективизации с. х. и развития крупного совхозного хозяйства.

Существующие колхозы имеют еще много недостатков в своей работе. Но своим более рациональным ведением хозяйства они уже доказали, что именно на этом пути лежит путь к под'ему крестьянского хозяйства, к под'ему его товарности. В колхозах по всей стране урожайность выше, чем у единоличников в среднем на 30—40%. Более подробные данные видны из следующей таблички:

Урожайность с 1 гектара (в центнерах)[1]).

	Колхозы	Единоличники
Рожь (Урал) 1925/26 г.	11,0	10,5
Пшеница озим. (Сев. Кав.)	16,5	13,5
„ „ (Украина)	12,3	9,0
Овес (Украина)	15,0	10,0
Рожь (Белорус.)	11,0	7,0

Эта повышенная урожайность достигнута потому, что правильный севооборот ввели по Украине 64% колхозов, по БССР—80% колхозов перешли на многополье, по РСФСР—свыше 60%. Посевы чистосортными семенами уже применяли по Украине 60% колхозов, по РСФСР—до 40%.

По урожайности, по производительности труда колхозы перегнали не только середняцкие хозяйства, но как правило и кулацкие хозяйства. Так, например, на Украине на обработку и посев одной десятины под ячмень требовалось: бедняку—16,7 дня, середняку—12,2, кулаку—11,3, колхозу же только 7,8 дня. Производительность труда в колхозах в два раза выше по сравнению с беднотой, почти в 1½ раза выше по сравнению с кулачеством. Огромное значение имеет также и факт выравнивания урожаев в колхозах, уменьшение колебаний в них от одного года к другому. Так, например, у коммуны «Маяк», Терского округа, колебания урожаев от 90 до 117 п., у единоличников от 25 до 90[2]). Для Юга Украины, Северного Кавказа, Нижнего и Среднего Поволжья, для всего Юго-Востока, где колебания урожаев все время были значительны, что тягостно отзывалось прежде всего на самом сельском хозяйстве этих районов, такое выравнивание урожаев, достижение их большей устойчивости через колхозы, будет иметь колоссальное значение. Оно парализует, сильно смягчит вредное влияние засушливых лет. Все это дает доказательства большей хозяйственной эффективности уже существующих колхозов в сравнении с единоличными крестьянскими хозяйствами.

Повышенная урожайность повышает валовую продукцию на едока, повышает и товарную продукцию (последняя, вырастая на почве первой, имеет главное значение для индустрии). Для примера мы, берем данные фигурировавшей на конкурсе колхозов коммуны «Молот» в Новосибирском округе за 1925—26 г.

	Валов. продукц. на едока	Товарная продукц.
В коммуне	288	165
В селе Мысах	97	39
В Колыв. районе	56	17

Разница огромная! Пусть эта коммуна является наиболее образцовой, пусть по ряду других колхозов достижения еще пока менее разительны, но почти у всех у них выше доходность, рациональнее ведется хозяйство.

[1]) Данные взяты из ст. Крутошинского в «С.-Х. Жизни» № 15—16 1928 г.
[2]) Из доклада т. Яковлева на Всесоюзном с'езде колхозов.

А коммуна «Молот» наглядно показывает, чего можно достигнуть при обобществлении сельского хозяйства.

Что колхозы значительно лучше, полнее единоличников используют имеющийся у них с.-х. инвентарь, видно из следующей таблички:

Степень насыщенности инвентарем колхозов Таганрогского округа по сравнению с поселком Кирилловским в 1925 г.[1])

Наименование инвент.	Имеется в поселке штук	Требуется на эту площ. при коллективн. инвент. штук	Лишних	На 1 оруд. приход. га пашни в поселке	На одно орудие при кол. обраб. га пашни
Плуги	34	14	20	11	27
Бороны	64	8	56	8	62
Сеялки	27	5	22	10	60
Лобогрейки	27	5	22	10	60

И именно в колхозах на ряду с кооперацией находит себе место соединение сферы добычи сырья и его промышленной переработки (по СССР в колхозах действуют уже более 2.000 промышленных подсобных предприятий, среди них есть картофеле-паточные, винокуренные и даже сахарные заводы). Уже из этого небольшого числа приведенных здесь показателей о преимуществах колхозов видна их огромная роль в деле реконструкции с. х. Эту роль поняло и само крестьянство, убеждаясь, что нельзя ожидать больших достижений на путях индивидуального хозяйства. Оно стихийно потянулось к об'единению в артели, коммуны и особенно широко в простейшие виды производственной кооперации (т-ва по общественной обработке земли, машинные, семеноводческие и т. п.). Все эти виды товариществ от обобществления одной части хозяйства, одного производственного процесса будут постепенно переходить к расширению сферы обобществления (к более сложным формам коллективного земледелия к полному обобществлению). Число только машинных т-в за последние два года увеличилось в 4½ раза (на 1/X—25 г. их было 2.268, на 1/X—27 г. стало 10.268)[2]). Значителен рост был и по другим видам товариществ, также и по артелям. Но особенно быстрый рост колхозов имел место с данного хозяйственного года: с 1/X—27 г. по 15/IV организовалось 15.849 разных видов коллективных об'единений[3]). Теперь уже все меньше приходится убеждать крестьянина в пользе коллективизации, все больше задача передвигается в область организационной и материальной помощи вновь возникающим колхозам. Если в восстановительный для с. х. период молодые передовые силы деревни выход из семейной рутины, из затхлости патриархальных семей находили в разделах дворов, в умножении новых карликовых хозяйств, то теперь они его все больше начинают искать на путях создания коллективного хозяйства.

Именно только коллективизация сельского хозяйства способна, по выражению т. Сталина, дать середняку перспективу к дальнейшему хозяйственному под'ему. О значительной роли государственной организации в земледелии (совхозов) в под'еме с.-х. продукции страны ясно сказал ЦК партии в своем недавнем решении.

Коллективизация, совхозы, производственное кооперирование становятся теперь основными рычагами к необходимому повышению темпа разви-

[1]) «Пути С. Х.» № 4—5, 1928 г., ст. Матюхина.
[2]) Жариков—«С.-Х. Жизнь» № 11, 1928 г.
[3]) «Эконом. Жизнь», 13/V—27 г., доклад тов. Квиринга.

тия сельского хозяйства. На этом пути находят свое единство техническая и социальная реконструкция сельского хозяйства. Вопрос коллективизации с. х. является одновременно и вопросом классовой борьбы с капиталистическими элементами в стране. Лозунг форсированного на них наступления, который дала партия, имеет прямую связь со ставкой на форсированное развитие обобществленного сектора в сельском хозяйстве. Интересы индустриализации и социалистического переустройства деревни в этом целиком совпадают.

О проектировках Госпланом роста обобществленного сектора.

Контрольные цифры на 1927—28 г. проектировали прирост колхозов по сравнению с прошлым годом по СССР на 3.6% или увеличение с 18.011 до 20.464 [1]). Фактически же за 1-е полугодие 1927/28 г. число колхозов почти удвоилось (с 1 октября 1927 г. по 15 апреля 1928 г. организовалось 15.849 [2]) новых разных видов коллективных об'единений). Это, несомненно, есть крупный просчет в планировании колхозного строительства. Он нашел себе выражение и в пятилетках Госплана.

При выработке пятилетки варианта 1926/27—1930/31 гг. Госплан взял совершенно неверную, чрезвычайно минималистскую установку в развитии обобществленного сектора в с. х. В материалах по составлению пятилетки (весна 1927 г.) мы читаем: «Продукция совхозов и колхозов играет во всем сельском хозяйстве такую незначительную роль, что изменение ее удельного веса за пятилетие выразится в совершенно непоказательных величинах. Сельское хозяйство, в котором господствует крестьянское анархическое производство, должно накопить в ближайшее пятилетие такие материально-производственные предпосылки, которые создают возможность для заметного развития обобществления» (44). Эта ошибка имела тогда прямую связь с ошибкой в вопросе о машинизации сельского хозяйства, «в области с. х. сам собой намечается путь максимальной его интенсификации во всех производящих районах и широкой переселенческой политики в отношении ряда областей. Что же касается м а ш и н и з а ц и и с.-х. труда, то ш и р о к о е применение ее можно себе мыслить лишь по мере поглощения накопившихся доныне за много лет кадров избыточного населения деревни» (Материалы, стр. 10). Здесь совершенно неправильно утверждалось, что следствием машинизации будет рост аграрного перенаселения. С.-х. машины, поднимая производительность труда, давая большую экономию в труде, только в том случае могли бы усилить аграрное перенаселение, если бы все остальные условия производства остались теми же самыми (незначительно увеличились бы размеры производства, осталась та же самая система хозяйства; если бы в добавок к этому индустриализации страны не наблюдалось и сами-то машины преимущественно привозились из-за границы). Но в действительности этих условий нет. Машины открывают новые возможности для приложения труда в с. х. (через освояемость новых земель, через развитие продуктивного животноводства, садоводства, огородничества, открывая пути к расширению посевов трудоемких технических культур). Опыт тракторных колонн на Украине уже практически опроверг все опасения насчет усиления безработицы в деревне от механизации и машинизации с. х. (надо помнить, что одно время в некоторых кругах хозяйственных органов было чрезвычайно сдержанное отношение к трактору).

Именно в значительной мере потому, что у центральной комиссии по составлению пятилетки было такое чрезвычайно сдержанное отношение к

[1]) «Контрольн. цифры Госплана на 1927/28 г.», стр. 870.
[2]) Доклад Э. Квиринга, «Эконом. Жизнь» 13/V—27 г.

машинизации с. х., она, естественно, проектировала столь недостаточный рост совхозов и колхозов, что даже не нашла возможным дать ему цифровое выражение. Ибо быстрое развитие их потребовало бы соответствующей материально-технической базы в лице интенсивной механизации и машинизации с. х.

Осенью 1927 г. при пересмотре пятилетки Госплан проявил несколько большее внимание к совхозам и колхозам. Оказалось возможным уже дать цифровое выражение изменению удельного веса обобществленного сектора.

Динамика удельного веса совхозов и колхозов в %% но всему с. х. [1])

	1926/27 г.	1931/32
Посевы	2,4	4,8
Продукция	2,5	6,1
Товарная масса	5,1	11,3

Таким образом, удельный вес по посевам поднимается в 2 раза, по продукции в 2½ раза. Рост в данной проектировке значительно выражен, но только 1/16 часть валовой и около 1/9 части товарной продукции сельского пятилетия. Этот рост, несомненно, совершенно не отвечает той народно-хозяйственной роли, которая выпадает теперь на обобществленный сектор в с. х. И к концу пятилетия обобществленный сектор будет давать всего только 1/16 часть валовой и около 1/9 части товарной продукции сельского хозяйства.

Если в течение ближайшего пятилетия мы не можем ставить себе задачи обобществить половину крестьянских хозяйств, то мы все же можем поднять удельный вес обобществленного сектора на много выше госплановских предположений. Мы можем к концу пятилетия поднять его по товарной продукции примерно к тому уровню, который занимало до революции крупное частновладельческое хозяйство. Но для этого необходимы более значительные ассигнования обобществленному сектору со стороны государства. Госплан определил их в масштабе пятилетия в 225,9 млн. руб. из 1.651,7 млн. руб. всех ассигнований с. х., что составляет всего 13,7%. Громадная часть ассигнований с. х. была предназначена, таким образом, на агрикультурные мероприятия для развития производительных сил вообще, преимущественно на развитие хозяйств в мелкотоварном секторе. Конечно, значительная часть ассигнований должна итти на это дело, но доля ассигнований на обобществленный сектор не должна быть столь низкой, как это запроектировано Госпланом. При таком характере использования средств их хозяйственная эффективность будет определенно небольшой, значительная часть средств будет использована мало рационально.

Жизнь уже побила эту минималистскую установку Госплана в отношении развития обобществленного сектора. Госплан предполагал прирост совхозов и колхозов за пятилетие на 13,3 тыс. (с 25,3 тыс. до 38,6 тыс.). Уже первый год данного пятилетия перекрыл это число. Госплан предполагал ассигнования колхозам за пятилетие в размере 124 млн. руб., а уже в первом году государственные ассигнования им составили половину этой суммы (65 млн. руб.). Надо надеяться, что наше государство будет с каждым годом становится богаче и ассигнования совхозам год от году станет увеличивать. Запроектированная Госпланом сумма ассигнований колхозам, можно смело сказать, будет превзойдена в несколько раз.

При новом пересмотре пятилетки, который теперь происходит, следует основательно пересмотреть и изменить темпы прироста, суммы вложений в

[1]) «Перспективная ориентировка Госплана на 1927/28—1931/32 гг.», изд. 1928 г., стр. 33.

обобществленный сектор с. х. Ибо просчеты на этом участке могут быть не только технического, но и социального порядка. Просчеты здесь принесут нам большие издержки на счет той стихийности процесса коллективизации с. х., который охватил теперь широкие круги крестьянства.

Мы не сумели бы в таком случае планово охватить вновь возникающие колхозы, направить их развитие по более рациональному пути. Если мы, исходя из задач партии в области коллективизации с. х., огромного народнохозяйственного значения колхозов и совхозов и стихийной волны их организации, хотим отразить это в соответствующих темпах развития, то мы должны подогнать к ним и всю сумму других мероприятий в области с. х. Значительно по-иному тогда будет выглядеть направление и масштаб в области машиноснабжения деревни, развития с.-х. индустрии, мероприятия по землеустройству, мелиорации, переселенческому делу, агрономической помощи, и т. п. Размещение предприятий по переработке с.-х. продуктов, агрономических, ремонтных и случных пунктов тогда придется увязать с планом коллективизации с. х. (строить, организовывать при старых и вновь организующихся колхозах). Тогда придется в значительно большей мере позаботиться и о такой важной стороне дела, как организация сбыта продукции колхозов. Встанет острее проблема подготовки организаторов, новых агрономических сил, переподготовки старых агрономов в агрономов-коллективизаторов, чтобы суметь организационно и агрикультурно обслужить колхозы и совхозы. Встанет тогда и в качестве более непосредственной задачи увязка процессов коллективизации с. х. с научноисследовательской мыслью наших с.-х. институтов, опытных станций и т. п. учреждений. Все это на ряду с другими мероприятиями по лучшей организации труда (распределения и его учета), с мероприятиями по укреплению внутреннего строя колхозов должно вести более безболезненно к максимальному хозяйственному эффекту коллективизации сельского хозяйства. Это будет достигнуто, если не только партия, но все советские элементы страны хорошо поймут, что только на путях ускоренного развертывания обобществленного сектора в с. х. обеспечено ускоренное развитие сельского хозяйства.

Р. Гринберг.

К вопросу о классовых „искривлениях" в кооперации.

(Из опыта овцеводческой кооперации на Сев. Кавказе).

6 октября 1927 г. «Правда» поместила замечательный фельетон т. Квиринга «Волки в овечьей шкуре», в котором описывалось, как «крупные капиталисты-овцеводы Терского округа, прикрываясь вывеской «культурного» хозяйства, вывеской кооперативного товарищества «Меринос» и т. д., ведут свое хозяйство самыми беззастенчивыми эксплоататорскими приемами». В этом фельетоне тов. Квиринг приводил ряд очень убедительных цифр и поучительных фактов, иллюстрирующих искривление нашей классовой политики в деревне.

Тов. Квиринг был, конечно, совершенно прав, высказывая в фельетоне предположение, что «зубры сохранились не только в Терском округе, но и в Дагестанской республике, Ставропольском, Сальском, Донском и др. округах».

На основании совершенно точных материалов [1]) нам хотелось бы подробно остановиться на некоторых существенных недостатках, которые имеются в строительстве специальной овцеводческой кооперации на Сев. Кавказе.

1. «Дикость» и ее причины. В своей резолюции «О работе в деревне» XV партс'езд отметил «факт существования лжекооперативов, служащих маскировкой кулацких «товариществ», использующих все права и привилегии кооперации. «Существенным недостатком организационной работы кооперации, говорится в той же резолюции, является также наличие массы так называемых «диких» кооперативов, все еще не вовлеченных в общую централизованную систему кооперации».

Соответствующее обследование РКИ овцеводческой кооперации устанавливает, что подавляющее большинство овцеводческих об'единений до сих пор все еще остаются «дикими». Правда, в результате укрепления оргработы Крайсельсоюза, мы за последнее время имеем в этой области известные достижения, все же они далеко еще не достаточны.

В самом деле, ведь одной из основных причин существования «дикости» овцеводческих об'единений является слабость, а подчас и полное отсутствие организационной работы Сельхозсоюза. На ряду с территориальной разбросанностью товариществ это является главной и основной причиной «дикости».

Вторая причина существования «диких» и лжекооперативов заключается в так называемой «замкнутой» связи между госзаготовитель-

---

[1]) В основу статьи положены материалы обследования сев.-кавказской РКИ овцеводческой кооперации, протоколы специального заседания президиума краевой РКИ и крайисполкома, брошюра Ставропольского окрсельkредсоюза, 2 доклада зоотехников Животноводсоюза и др. *Р. Г.*

ными организациями и первичными кооперативными товариществами. Так, например, акционерное о-во «Шерсть» нередко практикует закупку шерсти как у отдельного овцевода, члена товарищества, через голову этого товарищества, так и у первичного товарищества, через голову сельсоюза. Авансируя свои закупки по своим принципам, акционерное о-во руководствуется только одним мотивом—как можно больше заготовить шерсти. Вопросы социальные, кооперативные, зоотехнические и т. д. его интересуют в последнюю очередь, а то и вовсе не интересуют. Отсюда и получилась та «диференцированная» политика, которую отмечает РКИ. «Авансы выдавались в зависимости от наличных денег или кредитоспособности авансируемого т-ва или лица». Иначе говоря, чем больше денег или овец имеет данное хозяйство или т-во, тем больший аванс оно получало. Подобное положение неизбежно должно привести к тому, что отдельный овцевод или т-во, в погоне за льготами, предоставляемыми кооперации, будут постольку стремиться к кооперации, поскольку они заинтересованы в кооперативном штампе и печати. Имея возможность сбывать свою продукцию не кооперативным, а другим заготовителям по несколько повышенным ценам и в твердосчетных, а не комиссионно-кооперативных исчислениях, такое «товарищество» никогда не будет спешить к своему кооперированию, оно останется в стороне от действительного кооперативного строительства, от нашего контроля и влияния.

В этом же направлении действует и третья причина—несогласованность и разнобой работы местных сельскохозяйственных союзов и земорганов. Местные земельные управления, в распоряжении которых находится госземфонд, сдают по льготным ценам землю в аренду на ряду с действительными кооперативами и отдельным «товариществам», также овцеводам, не входящим в кооперативное об'единение, заключая с ними, помимо договоров с товариществом, особый индивидуальный договор. Такая система аренды не только питает «дикость», но и служит источником наличия в т-вах «скрытой формы суб'аренды, когда в товарищества принимаются фиктивные члены, которые после использования произведенных посевов или нагула промышленного скота вновь выходят из членов товарищества» (краевая РКИ). Тем не менее, земорганы считали возможным сдавать таким «товариществам» и отдельным «культурным» овцеводам в аренду землю на 12 лет! По той же системе земорганы распределяли и государственные средства в виде агро-зоотехнической помощи населению.

Все вместе взятое продолжает до сих пор служить основным источником «дикости» в овцеводческой кооперации. Большинство овцеводческих «товариществ», поскольку оно имеет возможность получать все льготы, предоставляемые с.-х. кооперации, и без вхождения в сельсоюз, не заинтересовано в своем «осоюжении», так как это последнее, кроме отчисления «товариществ» известной части паевого капитала в союз и взятия т-вами на себя определенных обязанностей, ничего положительного уже дать им не может. Именно это, как отмечает РКИ, привело к тому, что «вопрос кооперирования овцеводческих хозяйств практического разрешения до сих пор не получил... В обследованных товариществах кооперирование свелось к... аренде земель ГЗИ, получению банковских и пр. кредитов с последующим их распределением пропорционально имущественному положению отдельных членов».

2. Социальный состав овцеводческой кооперации. XV партс'езд отмечая, что «в основном наша кооперация является кооперацией бедняцко-середняцкой», обращает в то же время внимание кооперации на наличие «ряда крупнейших недостатков, ошибок, искривлений, иногда и вопиющих нарушений политической линии партии... Необходимо отметить, говорит та же резолюция, что земорганы, органы кооперации и

сельхозкредита обращают далеко не достаточное внимание на проведение правильной пролетарской политики в деревне (машиноснабжение, кредит, применение аренды, землеустройство и т. д.), не давая нередко должного отпора притязаниям кулачества». Анализ социального состава овцеводческой кооперации С. Кавказа особенно ярко и выпукло вскрывает это «вопиющее нарушение политической линии партии».

Ряд данных говорит нам, что с социальным составом животноводческой кооперации вообще и овцеводческой в особенности мы имеем определенное неблагополучие. Зоотехники Животноводсоюза, об'езжающие Ставропольский и Моздокский районы, отмечают, что в овцеводческой кооперации преобладает зажиточный элемент. Как на курьез они ссылаются на кооперативное т-во «Руно», в котором из 52 членов—42, т.-е. 80,4%, были лишены права голоса! Т-во «Меринос» является семейно-родовым об'единением зажиточных хуторян граждан Кошелей.

Ставропольский окрселькредсоюз признает, что «средний уровень членов т-в хозяйственно выше среднего уровня населения». Обращаясь к сопоставлению количества голов скота у кооперированного и некооперированного хозяйства по Ставропольскому округу, мы находим, что в районе деятельности 41 обследованных товариществ (не только овцеводческих) у кооперированного хозяйства число голов скота в среднем равняется 48,15, у некооперированного только 11,25. В другом районе деятельности 30 обследованных товариществ мы имеем такие цифры: 29,1 голов скота для кооперированного и 9,2 для некооперированного хозяйства.

РКИ, по обследовании социального состава овцеводческих товариществ в разных округах Северо-Кавказского края, разбила всех членов т-в на 3 группы—бедняки, середняки и зажиточные,—пользуясь методом «индивидуального подхода к имущественному положению каждого члена товарищества». Заранее оговариваемся, что мы не знаем, в чем конкретно заключается этот метод и насколько он правилен и точен, но цифры и выводы РКИ, даже если они и не совсем точны, стоят того, чтобы их здесь привести целиком.

Наименование т-ва	Число членов	Из них:					
		Бедноты	В %%	Середняки	В %%	Зажиточн.	В %%
„Меринос“	27	—	—	9	33,3	18	66,4
„Огуз“	17	3	17,6	8	47,0	6	35,4
„Величаевское“	207	34	16,4	137	66,1	36	17,5
„Скотовод“	70	10	14,3	46	65,7	14	20,0
„Ставрополь“	18	4	22,2	7	38,9	7	38,9
„Труд. Овцевод“ № 2	11	—	—	7	63,6	4	36,4
Сальский „Овцевод“	8	—	—	4	50,0	4	50,0
„Труд. Овцевод“	10	3	30,0	3	30,0	4	40,0
Итого	368	54	14,4	221	60,1	93	25,5

Приводя эти данные, РКИ между прочим оговаривается, что здесь еще «допустимы поправки в сторону увеличения процента зажиточных». Еще более разительны цифры, характеризующие степень экономической мощи отдельных социальных групп в овцеводческих т-вах. В 8 обследованных типичных т-вах общее количество овец равно 87.343. Из них в руках бедноты находится—1%, середняков—5%,

а зажиточных—94%. Сгруппировав эти данные в виде таблицы, мы получим следующую картину:

Социальная группа	Число член. Абс.	В %%	У них овец Общ. колич.	В %%
Беднота	54	14,4	873	1
Середняки	221	60,1	4.367	5
Зажиточные	93	25,5	82.103	94
Итого	368	100,0	87.343	100

Итак, 74,5% или ¾ всех членов товариществ владеют только 6%, или несколько больше 1/20 количества всех овец, в то время как остальные 94% или 19/20 всех овец находятся в руках только 25,5%—одной четверти—членов т-ва.

Отсюда вполне понятна и та руководящая роль, которую занимает верхушка овцеводов в реализации шерсти, даже когда она происходит через овцеводческое товарищество. Обследование 3 овцеводческих т-в по сбыту шерсти в рублях дает такие цифры:

Социальные группы	Продано в руб.	В %%
Беднота	3.499	2,5
Середняки	24.477	20,1
Зажиточные	105.977	77,4

Эта таблица, интересная сама по себе, подтверждает в то же время выводы предыдущей таблицы. Разницу в %% между количеством овец и сбываемой шерстью в отдельных группах нужно отнести исключительно к тому, что в первом случае мы имеем данные по 8 т-вам, а здесь только по 3. Кроме того, надо полагать, что известное количество шерсти, принадлежащей главным образом зажиточной группе, было ими реализовано и помимо товарищества или было оставлено для потребления в своем собственном хозяйстве.

Нужно ли доказывать, что существующее между отдельными социальными группами соотношение накладывает определенную печать на всю деятельность овцеводческой кооперации.

3. Кредитование овцеводов. Как распределяются полученные т-вами кредиты между социальными группами, показывают следующие данные обследования:

Наименование товариществ	Всего отпущ.	Долгосрочн. кред. из них: Бедн.	Середн.	Зажит.	Всего отпущ.	Краткосрочн. кредит из них: Бедняк.	Середняк.	Зажит.
„Ставрополь" .	4.600	—	460	4.140	47.825	1.525	5.655	40.645
„Меринос" . .	—	—	—	—	21.207	—	1.776	19.425
„Величаевское"	—	—	—	—	1.020	10	495	515
„Скотовод" . .	17.900	1.335	9.687	6.878	5.000[1])	175	1.945	830
Всего	22.500	1.335	10.147	11.018	12.996	1.710	9.871	61.415
В %% . . .	100,0	5,9	45,1	49,0	100,0	2,3	13,5	84,2

Таким образом, из всей суммы долгосрочных кредитов бедноте попадает только 5,9%, остальные 94,1% почти поровну распределяются между середняками и зажиточными. В отношении краткосрочных кредитов дело обстоит гораздо хуже. Бедноте попадает только 2,3%, середнякам—13,5%, а подавляющая их масса, 84,2%, попадает зажиточным. Это явление

[1]) 2050 руб. не были использованы.

может быть об'яснено, во-первых, тем, что беднота, которой не предоставляют должного долгосрочного кредита, сама избегает краткосрочного, ибо последний выдается на срок 2—8 месяцев, во-вторых,—и это главная причина такого «диференцированного» распределения кредита, — вследствие того, что «распределяемые банковские кредиты в подавляющей массе попадали зажиточному элементу, так как их распределение шло по строго выдержанному принципу—чем зажиточнее хозяйство, тем больше кредита попадает ему, так как кредиты распределялись по наличию овец в хозяйстве, чем вкорне нарушались основные директивы—поддержание бедноты» (РКИ). К чему приводило такое кредитование и какую «поддержку» получала при этом беднота—об'яснять не приходится. РКИ совершенно справедливо отмечает, что при подобном кредитовании «значение банковских кредитов на кооперации сказалось лишь на зажиточных группах и середняцких, так как если в товариществах случайно (!!! *Р. Г.*) и попадало действительно бедняцкое хозяйство, то по его имущественному положению, на его долю приходилась такая ничтожная часть кредита, что на под'ем его хозяйства он никакого значения не имел».

4. Аренда земли. Выше мы уже затронули этот вопрос. Мы отметили, что в товариществах далеко не редко встречается скрытая форма суб'аренды, когда в т-ва принимаются фиктивные члены. Остановимся на этом вопросе несколько подробней. Попробуем привести все мотивы, вскрывающие существующие искривления нашей классовой политики в вопросе аренды и об'ясняющие, почему зажиточные овцеводческие хозяйства так стремятся к своему «кооперированию».

У зажиточного хозяина много овец, много скота, земли же у него после аграрной революции недостаточно. Надо эту землю у кого-то арендовать. И как можно больше, и как можно, конечно, дешевле. Кстати, под боком в распоряжении земорганов имеется подходящая для него земля. Если это можно и выгодно, зажиточное хозяйство, входящее в товарищество, индивидуально заключает договор с земорганом об аренде земли на 12 лет, не связывая себя с договором товарищества. Но получить достаточное количество земли, да еще по дешевой расценке, не всегда возможно. Гораздо выгоднее и безопаснее, так сказать, получить эту землю через кооперативное товарищество. Отсюда—«зажиточные овцеводы, кооперируйтесь!». «Кооперируйтесь, чтобы как можно больше и удобнее получить помощь со стороны враждебного нам пролетарского государства!»

«Кооперируйтесь, чтобы попробовать ликвидировать результаты аграрной революции!»

Что мы имеем дело именно с такой психологией и такими попытками, показывает анализ цифр по аренде земли. Наиболее подробные данные мы имеем по Ставропольскому округу. Цифры, правда, относятся к концу 1926 года, но, как видно из обследования РКИ, значение их в основном сохранилось и для сегодняшнего дня.

Всего по данным 28 животноводческих (не только овцеводческих) товариществ ими арендуется 42.751 десятина земли. Из них 38.136 десятин (89,3%) арендовано у земуправления из земель госфонда. Остальные 10,7% арендованы у совхозов, земобществ и т. д. Это, кроме всего прочего, об'ясняется и тем, что арендная плата земель госфонда самая низкая—чуть ли не 10 коп. за десятину в год.

В использовании арендованных земель мы различаем три способа распределения: первый—земли, арендованные товариществами, оставшиеся в общем пользовании. Второй—земли со смешанным способом

использования (часть в общем пользовании и часть распределяется между членами). Третий—земли, которые распределяются между хозяйствами членов товариществ. Суммируя все данные по 28 товариществам, мы получим такую таблицу:

Формы землепользования.	Число т-в	%%	Общая площадь земли	В %%
1) Земли в общ. пользовании	10	36,0	12.573	29,4
2) Земли в общ. и частном распр. . .	2	7 0	3.157	7,4
3) Распределен. между членами т-в . .	16	57,0	27.021	63,2

Если к 27.021 десят. 3-й группы прибавить часть земель 2-й группы, которые тоже частично распределяются, то окажется, что 28—30 тысяч десятин или 63 — 65% всей арендованной товариществами земли распределяются между отдельными членами. Если вспомним здесь приведенный уже однажды вывод РКИ, что «...в обследованных товариществах кооперирование свелось... к аренде земель ГЗИ... с последующим их распределением пропорционально имущественному положению отдельных членов», то и без дальнейшего анализа цифр можно утверждать, что чем зажиточнее хозяйство, тем больше земли им арендуется.

Посмотрим, однако, какие группы хозяйств пользуются распределенной землей. Данные по 11 товариществам, позволяют составить такую таблицу (на основании признака надельной земли, имеющейся у членов товарищества).

Наименование товариществ.	Число членов т-в.	Общ. колич. аренд. земли.	Из нее распределено.	По группам, имеющим надельную землю: Безземельн. Колич. Хоз.	Безземельн. Колич. Дес.	2,1 до 5 д. Колич. Хоз.	2,1 до 5 д. Колич. Дес.	5,1 до 10 д. Колич. Хоз.	5,1 до 10 д. Колич. Дес.	10 д. и выше Колич. Хоз.	10 д. и выше Колич. Дес.
„Своб. Труд“	14	400	400	—	—	—	—	—	—	14	400
„Труд и Польза“ . .	21	1900	1900	—	—	—	—	—	—	21	1900
„Новый Путь“. . . .	7	12000	12000	—	—	—	—	—	—	6	12000
„Марсилис“.	52	202	111[1])	—	—	2	4	17	28	33	790
„Шевиот“.	13	1150	1150	—	—	—	—	3	182	10	968
„Жив. Мир“.	5	300	300	—	—	—	—	—	—	5	300
„Ташла № 1“	11	420	420	—	—	—	—	—	—	2	420
„Север“.	9	150	150	—	—	—	—	4	73	5	77
„Б. Кугульта“. . . .	18	900	900	—	—	—	—	4	150	14	750
„Маслопресс“	45	1559	1559	45	1559	—	—	—	—	—	—
„Шерсть“.	28	2182	2147	—	—	—	—	—	—	20	2147
Итого . .	223[2]	21163	21037	45	1559	2	4	28	433	136	19041
В %%. .	100%	—	100,0	21,3	7,4	0,9	0,0	13,3	2,1	64,5	90,5

Какие же выводы можно сделать из данных этой таблицы?

Во-первых, группы безземельных и с наделом от 2 до 5 десятин, составляющие 22,2% всех членов товариществ, арендуют всего 7,4% всей арендованной земли. Если учесть, что вся эта группа сосредоточена в двух товариществах («Марсилис» и «Маслопресс»), то окажется, что по всем остальным 9 товариществам безземельные и малоземельные арендованной землей не пользуются вовсе.

[1]) В таблице приведены данные о распределенных 111 десятинах. О распределении остальной земли данных нет. *Р. Г.*

[2]) Из 223 членов т-в арендной землей пользуются 211. 12 членов т-в землей не пользуются.

Во-вторых, группа с наделом от 5,1 до 10 десятин, составляющая 13,3% всех хозяйств, арендует только 2,1% всей арендованной земли.

В-третьих, группа с наделом свыше 10 десятин, составляющая 64,5% среди всех членов товариществ, арендует 90,5% всей арендованной земли.

Конечно, не всякое хозяйство с наделом 10 и выше десятин- -кулацкое. Но приведенные данные определенно показывают нам, что распределение земли госземфонда происходит явно неправильно. Земля госземфонда предназначена служить опорой и поддержкой с.-х. кооперации в кооперировании и под'еме прежде всего бедняцко-середняцких групп деревни и ограждении их от эксплоататорских притязаний кулака. На практике же происходит обратная картина. Подавляющая часть земли попадает единоличным зажиточным хозяйствам и закрепляется за ними на 12 лет. Именно в этом и заключается то искривление нашей классовой линии в деревне, о котором говорится в резолюции XV партс'езда. Именно поэтому, не откладывая дела в долгий ящик, надо решительно добиться проведения в жизнь практических директив XV с'езда... «Постепенное сокращение площади земли, сдаваемой в аренду в тех районах, где аренда земли ведет к росту кулацких элементов. Ограничение срока аренды не более как сроком одного севооборота, но не свыше 6 лет»... «Решительно карать, как за уголовное преступление виновных в нарушении закона о всяких видах суб'аренды. Сдавать в аренду государственные фондовые земли главным образом хозяйствам трудового типа, ограничив срок аренды шестилетним периодом».

Расходы по аренде земель товариществами покрываются различно из сумм, собранных у членов товариществ соответственно количеству десятин, ими арендуемых, соответственно количеству у них овец, или поровну между членами. Здесь приведем один интереснейший факт. «Знаменитое» товарищество «Руно» арендует 6.000 десятин по 60 коп. за десятину. Оказывается, что 3.000 руб. арендной платы, составляющих арендную плату за 5.000 дес., фактически внесено двумя мощными членами. Использовали они эту землю сами, или сдали ее частично в суб'аренду, или на основании такого внушительного земельного фонда создали свой собственный «кооператив»— мы не знаем, но этот факт лишний раз показывает, что кулацкая и, отчасти, зажиточная верхушка деревни, лишенная в результате Октябрьской революции своих земельных фондов, пытается обойти все наши решения и мероприятия, используя существенные искривления нашей пролетарской линии в области сельскохозяйственной кооперации, кредитования, аренды земель и т. д.

5. Применение наемного труда. У зажиточного члена товарищества много овец. Ему через кооперацию удалось из государственных средств и фондов получить кредит и нужное ему количество земли из госземфондов. Чтобы справиться с своим хозяйством, он уже вынужден прибегать к наемному труду. К сожалению, на этот счет в нашем распоряжении нет соответствующих цифр. Приведем, однако, выводы, к которым пришла РКИ: «применение наемного труда распространено среди зажиточных членов товарищества, и без такового, по мощности своих хозяйств, обойтись они не могут» (!).

«Наемный труд бывает нескольких видов: явный, когда рабочие нанимаются со стороны и регистрируются должным образом, и скрытый, когда обслуживание крупного хозяйства происходит при обоюдном согласии отдельными родственниками, бедняцкими членами, получающими зарплату от зажиточных (овцами) и одновремѐнно обслуживающими свое незначительное стадо и крупное стадо зажиточных членов, и, наконец, когда отдельные круп-

ные члены, не желая брать на свое имя батрака, соединяются в группы, внося следуемую зарплату правлению т-ва, пользуются услугами батрака для обслуживания собственных хозяйств в то время, как батрак числится на службе у товарищества».

Это заключение, между прочим, об'ясняет нам, почему в овцеводческой кооперации, которая по преимуществу об'единяет зажиточную верхушку овцеводов, мы встречаем небольшой % бедняков. Ларчик открывается очень просто. Зажиточные овцеводы, которые по своей хозяйственной мощи не могут уж обходиться без применения наемного труда, но не желают иметь дела с охраной труда, с профсоюзом и т. п., числиться в разряде эксплоататоров, используют в качестве батраков маломощных членов овцеводческих товариществ или уговаривают своего фактического батрака вступить в члены того же овцеводческого товарищества, предоставляя ему даже для этого и нужное количество овец. Этим зажиточные овцеводы достигают во-первых, затушевывания подлинной классовой сущности товарищества, членами которого они являются: какое же это кулацкое товарищество, раз оно среди своих членов имеет бедноту? Какое же это эксплоататорское товарищество, в котором обслуживание стада товарищества обобществлено? Ибо член товарищества, который занимается выпасом стада, пасет ведь не только свое стадо, но и стадо товарищества. Разве разберет обследователь или инструктор, что тот член товарищества, который обслуживает кооперативное стадо, сам-то никакого стада не имеет: из сотни овец, которых он пасет, ему принадлежит всего одна овца, а остальные 99 принадлежат зажиточным овцеводам? Для еще большего затемнения социальной сущности такого «товарищества» члены его иногда «организуют даже частичные коллективные (не шутите!) выпасы небольших племенных ядер, для которых члены товарищества выделяют овец худшего качества» (РКИ).

Во-вторых, принимая в товарищество бедноту, зажиточный хозяин получает возможность эксплоатировать наемный труд безгранично и бесконтрольно, без боязни попасть в разряд эксплоататоров, без необходимости заключения договора, считаться с профсоюзом, охраной труда и т. д. Кулацкое хозяйство, которое таким путем эксплоатирует наемный труд, юридически и статистически превращается в «трудовое», «кооперированное» хозяйство.

Таким образом, зажиточное хозяйство, пользуясь ширмой кооперативного товарищества, не без успеха пытается получить из средств государства громаднейшую поддержку в виде авансов и кредитов. За ширмой того же кооперативного товарищества зажиточное крестьянство пытается восстановить и увеличить свой земельный фонд через аренду земли из госфонда. За ширмой кооперативного товарищества зажиточное и кулацкое хозяйство получает возможность бесконтрольно эксплоатировать наемный труд.

Такое положение находится в вопиющем противоречии с основной установкой XV партс'езда и последнего пленума ЦК ВКП(б). Апрельский пленум ЦК, исходя из всей установки XV с'езда и текущего момента, указал, что «наступление на кулачество»... развиваясь на основе дальнейшей товаризации основных масс крестьянского хозяйства... должно развиваться путем систематического роста налогового обложения кулачества, ограничения его эксплоататорских стремлений (законодательство о труде, аренде, земельная политика вообще, классовый принцип в машиноснабжении и кредитовании сельских хозяйств и т. д. и т. п.), с одной стороны, и, с другой стороны, путем всемерной и всесторонней поддержки кооперативных широких масс крестьянства, всех видов коллективного хозяйства, организации деревенской бедноты и систематического роста всех форм и методов государственно-планового воздействия на рынок и мелкое крестьянское хозяйство».

Для проведения директив XV с'езда и пленума ЦК надо себе в первую голову уяснить и не закрывать глаз на то, что то направление овцеводческой кооперации, которое мы здесь рассмотрели, решительно ничего общего с нашей кооперацией не имеет.

Наоборот, в существовании и развитии такой кооперации заложена опасность роста враждебных нам социальных элементов деревни. Недавно закончившаяся сессия совета Животноводсоюза в своих решениях сделала уже ударение на выправлении классовой линии в кооперативном строительстве. Надо еще решительнее бороться с насквозь реакционным «экономическим», «хозяйственным» взглядом, который в реализации всей нашей текущей политики видит только опасность уменьшения товаризации и ничего более. Ущемляя кулака, кооперируя действительные трудовые массы овцеводов—бедноту и середняков—предоставляя им действительную поддержку, мы получим такой рост продукции и товарной шерсти, что она покроет кулацкую овечью шерсть, которая неизбежно будет уменьшаться в результате «стрижки» самого кулака.

И. Архинчеев.

На путях культурной революции.

Советская демократия возвышается на материально-технических достижениях современной мировой культуры. Выдвигающаяся сейчас в гигантских очертаниях проблема культурной революции является выражением того непреложного факта, что реальные условия развития советской демократии — условия российской действительности, которые В. И. Ленин называл «полуазиатской бескультурностью», оказались исключительно неблагоприятными: гигантская страна «Евразия», в огромной своей части являющаяся поистине terra incognita и даже недоступной землей (арктическая, полярная область), с редчайшим населением, в значительной своей части прозябающим на ступенях докапиталистической и даже дофеодальной примитивно-кочевой культуры, с жалкими материально-техническими средствами связи, общения и организации полуторастамиллионных масс чудовищно безграмотного [1]), да и к тому же еще невероятно разноязычного [2]) населения. Эти условия «полуазиатского бескультурья», в сильнейшей степени затрудняя связь советского государственного аппарата с массою населения местами чрезвычайно редко населенной (0,07 жителя на 1 кв. км в ЯАССР) страны, тормозят необходимое прогрессивное развитие советской демократии по пути к все возрастающему вовлечению «трудящегося народа к постоянному, безусловному участию в государственном управлении».

Тормоз «полуазиатского бескультурья» с особой силой действует на так называемом «национальном» секторе советского демократизма — на культурно-отсталых «национальных» окраинах СССР, где поэтому проблема культурной революции выдвигается с исключительной остротой и сложностью. Там на путях развития советской демократии и культурной революции встречаются такие, например, тормозные факторы «бескультурья» (уже не «полуазиатского», а самого подлинно азиатского), как экстенсивно-кочевое скотоводство в экономике и пережитки авторитарно-родового уклада в социальных отношениях; безграмотность, граничащая с полной бесписьменностью, чрезмерное разноречие в языке и т. д.

---

[1]) «Русские (великоруссы) составляют абсолютное большинство во всем населении Союза: по народностям 77.760.000 человек, или 52,8% и по языку— 84.184.000, или 57,3%, в Российской же СФСР соответственные цифры 74.042.000, или 73,4% и 77.840.000, или 77,2%». По грамотности же русские (даже в европейской части РСФСР) дают всего 46,1%. Коренное население самой крупной автономной республики РСФСР — Казакской АССР, казаки грамотны всего-на-все менее 10%. А даргинцы, коренное население Дагестанской АССР, грамотны даже менее чем на 5%. (См. Всесоюзная перепись населения 17/XII 1926 г., краткие сводки, выпуск V, стр. 47—48. Москва. 1928 г.).

[2]) ЦСУ, по данным последней (17/XII 1926 г.) демографической переписи, называет 145 отдельных так называемых «родных» языков и при этом эту цифру кончает обычным у нас—«и прочие»; значит, у нас в СССР сейчас 145+x (прочих) отдельных «родных» языков, при чем, говоря кстати, этих языков меньше, чем отдельных народностей в СССР.

Рассмотрим последовательно, как влияют эти факторы на развитие советской демократии. Начнем с примитивно-кочевой скотоводческой экономики.

* * *

С точки зрения интересующего нас вопроса выдающейся особенностью в жизни отстало-скотоводческих народов является характер их расселения. Экстенсивное скотоводство, в основе которого лежит принцип количества, а не качества, разбрасывает, распыляет население на огромных пространствах. Для того, чтобы содержать свои многочисленные стада на дико растущем подножном корму, скотоводу нужны обширные пастбища и усадебные выгоны. Это обстоятельство исключает всякую возможность образования у скотоводов крупных и компактных поселений. Скотоводческий улус (поселок) обычно состоит из 4—7 дворов, расположенных друг от друга (благодаря своим обширным скотным дворам и усадебным выгонам) на весьма и весьма почтенном расстоянии. А расстояния между улусами простираются на 3—7, нередко и еще больше, верст. Но этого мало. Улусы эти не всегда обитаемы. Они делятся на две категории: «зимники» и «летники». Первые расположены в местах сенокошений и хлебных полей. В них скотоводы живут только в течение зимы — в период зимней кормежки скота. С наступлением весны, с появлением свежего подножного корма на летних пастбищах скотоводы вместе с своими стадами из «зимников» перекочевывают в «летники», где они остаются до осени, до окончания уборки сена и хлеба. Таким образом, скотоводы расселены не только чрезмерно разбросанно, но и текуче, при чем дело обстоит так при так называемом полукочевом скотоводстве. Что же касается вполне кочевого скотоводства, то оно почти совершенно не знает улусов с неподвижными строениями. При нем население постоянно кочует в поисках все новых и новых пастбищ для своих стад; кочует вместе со всем своим скарбом, в том числе и с жилищами—передвижными войлочными кибитками или юртами; кочует но все времена года.

Этот кочевой примитивно-скотоводческий быт представляет собою совершенно исключительную, беспримерную, а порою прямо-таки непреодолимую трудность на путях строительства советской демократии. Благодаря этой трудности до сих пор огромнейшие кочевые районы не поддаются нормальной советизации. Так, например, «до сих пор обширнейший Адаевский уезд, входящий самостоятельной единицей в состав Казакстана, управлялся ревкомами» [1]).

В прошлом году в Адаевском районе предпринят опыт организации особых кочевых советов. Об этом интереснейшем опыте орган средне-азиатского бюро ЦК ВКП(б) «Правда Востока» от 25 мая 1927 г. [2]) сообщает:

«Правительство Киргизстана в текущем году, в виде опыта, решило отправить в кочевые районы передвижной образцовый совет, который бы охватывал все отрасли советского строительства.

Кочевой совет окончательно сформирован и в 20-х числах мая отправляется на джайляу Сусамыр, где летом собираются десятки тысяч кочевников.

Совет состоит из организационно-административного отдела, медицинско-врачебного и ветеринарного пунктов с несколькими врачами, акушерками и прочим персоналом. При совете следует народный суд, помпрокурора, отряд милиции, инструктора по животноводству и молочному делу, красная

---

[1]) См. «Известия» от 29/V 1927 г. Заметка «Первые кочевые советы».

[2]) См. заметку «Советизация киргизских кочевников».

юрта, библиотечки, кинопередвижка, школы ликбеза, политграмоты, передвижные лавки со специальным, необходимым в кочевьях, ассортиментом товаров.

Своей работой кочевой совет охватит как территорию Сусамыра, так и прилегающие к нему горные районы. Все имущество совета будет передвигаться на вьюках, для чего закуплены лошади и несколько верблюдов.

Совет укомплектован из ответственных работников наркоматов и студентов-практикантов. Всего в его составе 52 чел.

Совет должен сыграть громадную роль по советизации этого глухого кочевого района с очень сильным манапским влиянием, со слабо водворенной революционной законностью, с беспощадной эксплоатацией пастухов, батраков. Значительное место в работе совета будет уделено культурно-просветительной части. Батраки этого района впервые услышат советскую лекцию, беседу, увидят кинофильму.

Наличие при совете врачебных участков, торговых пунктов, несомненно, скажется на ограничении роли невежественных знахарей и обирающих бедноту спекулянтов.

На содержание совета ассигновано 43 тыс. руб. Если первый опыт будет удачен, то с будущего года число кочевых советов будет увеличено».

Состояние советов в типично кочевом Адаевском районе надо умножить, конечно, на все кочевые районы РСФСР, каковых не мало, и с некоторым смягчением и на все полукочевые районы РСФСР, каковых более чем достаточно. Полученное произведение подтвердит, что **кочевой, примитивно-скотоводческий быт действительно представляет собой совершенно исключительную, беспримерную, а порою прямо-таки непреодолимую трудность на путях развития советской демократии.**

* * *

Схематически социальную структуру наших экстенсивно-скотоводческих народов можно представить следующим образом:

На вершине общественного строя, характерного наличием пережитков авторитарно-родовых отношений,—фамильно-родавая знать: баи, аксакалы, тайши—слой не только эксплоататорский, но и правящий; правящий на основании личного фамильного авторитета, опирающегося на традиционное «обычное право», слой безусловно реакционный, во время гражданской войны питавший контрреволюцию. К нему примыкают элементы реакционно-теократического духовенства—муллы и ламы.

Дальше идут свободные скотоводы, разбитые, как указывалось выше на многочисленные мельчайшие улусы, по существу представляющие собой разросшиеся семьи и об'единяющиеся в родовые, а затем племенные союзы с родовыми и племенными заправилами во главе (последние представляют собой агентуру высшей фамильно-родовой знати),—слой, политически и идеологически находящийся под сильнейшим влиянием своей реакционной социальной верхушки и во время гражданской войны занимавший «благожелательный» для последней нейтралитет, слой консервативный.

В самом нижнем этаже этого строя—беднота и батрачество,—самый многочисленный и самый отсталый слой; слой, находящийся не только в безысходной нужде и экономической зависимости, но фактически и в личном порабощении от верхних социальных этажей. Он в массе своей политически безличен. Его социально-классовое сознание парализовано не только его угнетенным, безличным положением, но и еще больше авторитарно-родовой и возникающей из нее религиозной идеологией, по которой знатный и богатый—носитель народной мудрости, народного сознания, а забитая беднота—его рабы по призванию. После революции на глазах этого слоя (хоть и не из его среды) выросла революционная интеллигенция. В лице последней беднота стала видеть восходящую и превосходящую национальную фамильно-родовую знать силу которой она постепенно начинает сознательно симпатизировать. Эта революционная интеллигенция в значительной своей массе является передовым партийным и советским отрядом в этом отсталом строе.

Правда, не малая часть национальной интеллигенции заражена патриархально-родовыми пережитками, и это сказывается на развитии советской демократии в нацокраинах.

* * *

Советский демократизм в отсталых национальных окраинах, как сообщает самая большая «национальная» газета (орган казакских краевого к-та ВКП(б), ЦИК и С.-Дарьинского ГК ВКП(б) — «Советская Степь» от 27/VII—27 г.—«приходит в непосредственное столкновение с еще неизжитыми патриархально-родовыми началами, с жестокой властью бая и аксакала, с пережитками изуверского быта средневековья».

В результате такого столкновения получается порою полное извращение советской системы социально-классовых отношений, т.-е. самой основы советской демократии, заключающейся «в том, что массовая организация именно тех классов, которые были угнетаемы капиталистами, т.-е. рабочих и полупролетариев (крестьян, которые не эксплоатируют чужого труда и которые принуждены продавать хотя бы часть произведений своего труда), является **постоянной и единственной основой** всей государственной власти, **всего государственного аппарата**»[1]). Это извращение лучше всего обнаруживается из современного положения «национального» батрачества,—из его нынешнего невероятно чудовищно угнетенного материального и правового состояния. «Много фактов жесткой расправы над батраком за последние два года нам известно из краевой и губернской печати,—говорит «Советская Степь» в только-что цитированной статье и прибавляет.—Напоминаем лишь некоторые наиболее характерные из них.

В Акмолинской губернии бай Максим убил батрака за то, что он воспротивился нанесению ему побоев.

В районе Камышлы-Баги, Кизалинского уезда, баи пытали кулака калеными щипцами. Там же бай-мулла выколол глаза пастуху.

В Чемкентском уезде убит батрак Адиливали. В Семипалатинской губернии, в Сейфулинской волости, бай Умбетбаев после нанесения своему батраку тяжких побоев за попытку во время бурана надеть байскую шубу выбросил его на мороз, где он и погиб.

В Каракалинском уезде бай Кадырбаев порол батрака Актая, заковал его в железные кандалы на целый месяц и водил по аулу, намазав лицо сажей».

При этом баи и аксакалы остаются совершенно безнаказанными. «К нашему глубокому возмущению,—пишет автор цитируемой статьи,—приходится констатировать, что в многочисленных случаях байство, опираясь на свои **родовые** и имущественные связи с работниками низового советского, в частности судебно-следственного аппарата, остаются **совершенно безнаказанными** за свои экономические и правовые преступления против интересов батрачества. Нами зарегистрировано много случаев, когда в

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XIV, стр. 44. Тезисы о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата на I конгрессе Коминтерна

тяжбе батрака с баем советские и милицейские органы в ауле и волости целиком стоят на стороне бая, его покрывают, создают в его интересах безобразную волокиту и тем преступно срывают борьбу батрака за свои экономические и правовые интересы».

Родовой быт—фактор совершенно исключительной силы. Во многих национальных районах даже волости (не только сельобщества) организуются «исключительно по родовому признаку, вопреки территориальному расположению населения и его экономическому тяготению. В ауле развито почитание богатых, сильных, старших в роде; беднота и экономически и идеологически зависима от байства (кулачества) и находится под его сильнейшим влиянием» [1]).

«Массы дехкан - бедняков и середняков отгорожены от настоящей советской власти стеной байского и ишанского влияния и посредничества» [2]).

«Существование родовых волостей создает крайнюю административную чересполосицу внутри уезда. Сплошь и рядом части одного и того же рода (одной волости) кочуют совершенно в различных районах. Было предположение провести в виде опыта организацию нескольких волостей по территориально-экономическим признакам; но от этого опыта Адаевский центр в 1927 году отказался, потому что сейчас такая реорганизация волостей (смешанные в одной волости части нескольких родов) неизбежно повлечет за собой развитие вреднейшей междуродовой борьбы».

Роды чрезвычайно чересполосны и перепутаны территориально: «до сих пор вопрос о наделении дехкан землей, правильном распределении ее был только сказочным мифом, ибо земельные отношения сложились в результате захвата сильными родами, родовыми главарями и ишанами лучших постбищ, лучших пахотных угодий. И это влияние было ценным орудием в руках бая в его неустанной борьбе с бедняком».

Посмотрим теперь состояние рабочего аппарата сельсовета (аул-сельсовета), как наиболее слабого и одновременно важного звена в системе советской демократии в условиях кочевого и родового быта наших культурно-отсталых национальных окраин.

* * *

В работе аппарата сельсовета сейчас доминирующую роль играет везде секретарь сельсовета.

«П о г о л о в н а я н е г р а м о т н о с т ь председателей аулсоветов,—сообщают нам из Киргизии [2]),—благодаря чему полнота власти переходит в руки секретаря».

«Секретари ведут главную работу, иногда руководя даже работой председателя, так что зачастую председатели являются как бы помощниками в работе секретарей»,—пишут из Якутии [3]).

В интересной монографии Г. Тогжанова «О казакском ауле» [4]) взаимоотношения председателя и секретаря казакского аулсовета описываются следующим образом:

«Насыпаев—председатель сельсовета. По социальному положению—бедняк, происходит из малого рода, его стесняет принадлежность к малому роду. Он нерешителен, несамостоятелен, старается всем угодить. В сельсовете руководит не он, а его секретарь Мусаев. Было несколько случаев, когда Мусаев при публике посылал предс. «ко всем чертям» и демонстративно отказывался выполнять его распоряжения. Председатель ничего не может сделать против Мусаева, потому что он представитель большого рода, за ним все «почетные люди» и за ним большинство населения первого аула».

[1]) См. «Известия» от 23/VI 1927 г. Корреспонд. заметка—«Первые советы в казакских степях» Б. Родневич.

[2]) См. отчет за 26/27 г. Обл. Исп. К-та Киргизск. Авт. Обл. Всероссийскому ЦИК.

[3]) См. отчет 2-й сессии ЯЦИК от 24/VI 1927 г.

[4]) Г. Тогжанов—«О казакском ауле», стр. 64.

Поэтому «влияние байства и кулачества на работу аульных и сельских советов еще сильно, в особенности в отношении аульных советов. В ауле байство проводит свое влияние через единовластвующего председателя аулсовета, кулачество в селе—через сход. Одно из самых ярких выражений байско-кулацкого влияния—проведение не поимущественной, но подушной раскладки самообложения на различные нужды. Аулсовет № 3 Алимбетовской вол. (Актюбинская губ.) обложил всех поровну на устройство красной юрты. Сход села Телячинского, Дензинского района (Уральская губерния) средства, недостающие на содержание аппарата сельсоветов, разложил по 150 к. с души. А рядом Батаханский аулсовет того же района на ту же цель организовал самообложение по 10 к. с головы крупного скота. Подушное самообложение практикуется еще во многих аулах и селах Казакстана. В аульных и сельских советах, за редкими исключениями, еще слабо поставлена защита интересов и прав батрачества и бедноты. Ряд председателей аулсоветов был отстранен за противодействие переделу сенокосных угодий (Семипилат. губ., Кустанайск. округ и др. районы).

В условиях байского засилия, под байско-кулацким влиянием еще наблюдаются массовые значительные искажения пролетарской линии в работе аульных и сельских советов Казакстана, в особенности первых» [1]). А в Кирреспублике это байско-кулацкое засилье, питаемое пережитками патриархально-родовых отношений, принимает порой открытую, организованную, демонстративно-антиконституционную форму. Так, «в южных кантонах Кирреспублики сельские советы имеют еще параллельный совету аппарат «аллибашей», упорно избираемый населением вопреки конституционной законности» [2]), при чем «нередки случаи, когда аппарат аллибашей представляет из себя кадр людей, коим общество доверяет больше, чем сельскому совету».

Кстати, об упомянутом выше «единовластии» председателя (а на деле, как мы видели выше,—«единовластии» секретаря).

Это единовластие получается потому, что «во многих аулах нет еще понятия о пленуме аулсовета, особенно в кочевых и полукочевых районах; в этих районах наблюдаются случаи, что депутаты, установленным порядком избранные во время перевыборной кампании по участкам, собираются на первый и единственный пленум совета, в некоторых местах называемый «аульным с'ездом». «Аульный с'езд» избирает президиум аулсовета или одного председателя, после чего самораспускается до новой избирательной кампании. В подавляющем большинстве случаев аульного совета как коллективного органа еще не существует, всю работу ведет один председатель» [3]).

Как общее правило, «отсутствует постоянный, систематический учет аульного и сельского актива», хотя таковой «актив в аулах и селах имеется и в значительном количестве». Больше того, этот актив «подавляется единовластием председателя аулсовета» и «искаженно проявляется на сходах и подвергается кулацкому влиянию».

[1]) См. отчет Казакстана Всероссийскому ЦИК за 2-ю половину 1927 г., стр. 3.

[2]) См. отчет Кирреспублики Всероссийскому ЦИК за 2-ю половину 1927 г., стр. 9.

[3]) Казакстан, отчет за 2-ю половину 1927 г., стр 1.

Как общее же правило, нигде не существует секций при сельсоветах, а если они где и имеются, то «значатся лишь на бумаге». Правда, при этом необходимо указать, как на об'ективную преграду, на пути развития массового советского актива, на «неграмотность населения и большие территории административных советов» и «на бездорожье», затрудняющее связь центра с местами.

* * *

Таково в самых общих чертах современное состояние низовых советов, низовой советской общественности в условиях сохранившихся пережитков авторитарно-родовых отношений, кочевой экстенсивно-скотоводческой экономики и общего «азиатского бескультурья» национальных окраин.

Это «бескультурье» в самом существенном, основном, глубоком смысле выражается в преобладании начал родовых отношений над отношениями социально-классовыми—в преобладании, идущем на пользу эксплоататорским слоям родового общества, а потому этими слоями всячески сознательно культивируемом при традиционной, бессознательной поддержке часто огромного большинства эксплоатируемых слоев.

При этом положении вещей процесс советизации развертывается главным образом давлением сверху, не имея в достаточной мере соответствующего «движения снизу». Давлением сверху выдвигаются бедняки и батраки на командные посты председсельсоветов. Но они, не находя опоры снизу, ждут ее от вышестоящих, руководящих органов. Эту опору они получают запоздало и в виде таинственной [1]) «рябой» бумажки, притом часто на непонятном, чужом языке. Эта бумажка доступна только всеведущему (по положению) сельскому секретарю. Но кто, в большинстве случаев, сейчас, после коренизации низового советского аппарата, этот секретарь, грамотный минимум на двух языках? Он тоже «выдвиженец», иногда даже бесплатно работающий, но всегда работающий сознательно—сознательно, убежденно и умело выполняющий социальные заказы «выдвинувшего» его общественного слоя — родовых заправил, баев, кулаков. Через этого секретаря, в его компетентном толковании получает нынешний выдвиженец — председсельсовета — руководство свыше. Везде и всюду, как общее правило, в работе сельсовета председсельсовету противопоставлен секретарь сельсовета и притом с огромным перевесом удельного веса на стороне последнего. Положение совершенно ненормальное. Оно со всей остротой ставит вопрос о подготовке кадра новых, «своих» советских секретарей, действительных помощников, надежных советников председсельсовета — бедняка и батрака. Но такой секретарь пока-что—только более или менее отдаленный идеал. Ближайшим же образом во всей безотлагательности ставится на местах вопрос о непосредственной (через голову секретаря), живой (на родном языке), п о в с е д н е в н о й связи председсельсовета с вышестоящими руководящими органами—риками. Скорейшее практическое и техническое разрешение этой связи является сейчас важнейшей организационной мерой по советизации культурно-отсталых районов наших нацокраин. Величайшая трудность по пути разрешения этой задачи, это «преодоление огромных расстояний. Эти расстояния исключают постановку сколько-нибудь систематического живого инструктажа и почты. Помимо того, почтовая связь, как сказано выше, может дать лишь таинственную «рябую» бумагу, а так называемый живой периодический инструктаж предполагает себе, как необходимый минимум, хотя бы некоторую элементарную самостоятельность инструктируемых работников в их повседневной работе; без такого минимума чрезвычайно (в силу огромных расстояний) дорого стоящий

[1]) Выдвиженцы, бедняки и батраки, как общее правило, безграмотны или, в лучшем случае, едва умеют подписать свою фамилию там, куда укажет секретарь.

инструктаж бьет мимо своей цели. Это обстоятельство выдвигает со всей силой вопрос практической организации повседневной связи низовых советов с вышестоящими органами, в частности вопрос т е л е ф о н и з а ц и и отсталых национальных районов, который (говоря кстати, но в порядке некоторого отступления от нашей темы в ее собственном, узком смысле) с особой остротой ставится в таких наших отсталых нацокраинах, как Якутия, Бурятия, Карелия. В последней телефонная сеть уже охватила всю низовую систему советов, и, кроме того, еще более развернута радиосеть. Еще в начале прошлого года в своей речи по докладу СНК Карелии в Совете Национальностей ЦИК СССР тов. Нуортев, председатель ЦИК КАССР, сообщил, что «телефонизация Карелии еще не полностью проведена, но почти везде есть радио».

В Бурятии «по отчетам аиков вопросам связи на местах уделялось повсеместно большое внимание», при чем связь аиков с местами по телефону становится уже «обычным способом».

В Якутии также начинают «в виду неналаженности связи... проводить телефоны» [1]).

Чрезмерная редкость населения, распыленность его в пространстве и оторванность населенных пунктов на огромные расстояния друг от друга неизбежно и повсеместно (не только в культурно-отсталых нацрайонах) выдвигают на первый план проблему связи, в особенности телефонизации. Так, «связь имеет превалирующее значение»,—говорит отчет Архангельского губисполкома за 1927 г.—«При огромной территории Архангельской губернии... существенный вид связи, на который обращается весьма серьезное внимание—телефонизация».

«На 1 октября 1925 года имелось телефонизированных телеграфных проводов 4.889 км при 95 телефонных пунктах; за отчетный год количество их возросло до 5.341 км проводов при 101 телеф. пункте, что дает увеличение, по сравнению с прошлым годом на 9,2% проводов и 6,3% тел. пунктов». (Отчет Архангельского губисполкома за 1925—26 г. XII губс'езду советов, стр. 234 и 236).

Но в культурно-отсталых нацрайонах телефон имеет не только то преимущественное значение, что он содействует советизации, но еще является фактором, коренизирующим соваппарат, ибо телефон не только связывает неграмотного батрака-выдвиженца, председателя какого-нибудь сельсовета, с риком в его п о в с е д н е в н о й р а б о т е, но связывает его при этом на его р о д н о м я з ы к е. Это—факт исключительной важности. В этом смысле от телефонной техники переходим к национально-классовой политике, к советизации и коренизации госаппарата, к превращению ныне беспомощного, безграмотного батрака (бедняка), выдвиженца-национала, являющегося, как указывалось выше, часто простым придатком к своему секретарю, в фактического, политически самостоятельного руководителя порученной ему советской работы. При помощи телефона такой батрак (бедняк) в процессе своей повседневной практической работы повысит свою общую квалификацию несравненно лучше, глубже и разностороннее, чем на специальных курсах подготовки и переподготовки. Кроме того, телефон, несомненно, значительно сократит бюрократизм (канцелярскую переписку) и вместе с тем разгон лошадей и людей по перевозке нужных и ненужных пакетов, т.-е. в конце-концов даст значительную экономию средств и сил.

Поэтому там, где телефонизации придан достаточный размах, она пользуется широкой популярностью среди населения, его сочувствием и даже (напр., в Немреспублике) [2]), его щедрой материальной поддержкой,—факт сви-

[1]) См. отчет 2-й сессии ЯЦИК от 24/VI—27 г.

[2]) См. полугодовой отчет Немреспублики за 2-ую половину 1927 г.

детельствующий об огромном значении телефонизации наших национальных районов.

«Бескультурье» наших отсталых национальностей так велико, что даже политически руководящий кадр низовых советов оказывается в огромной степени безграмотен элементарно, азбучно, технически. Об этом говорят статистические «Итоги выборов в советы РСФСР в 1927 г.» [1]).

По этим итогам, из общего числа всех избранных в состав сельсоветов в 1927 году 921.673 членов неграмотных 90.943 человека, что составляет 9,9% против 9,2% неграмотных в 1926 г. При этом, разумеется, особенно высок процент неграмотных в сельсоветах автономных областей и республик, где он поднимается до 23,9%, тогда как в губерниях и округах РСФСР неграмотных почти в два раза меньше, чем в среднем по РСФСР и почти в 5 раз меньше, чем в автономных областях и республиках—4,9%.

Такую же картину мы наблюдаем среди председателей сельсоветов и членов ревизионных комиссий. Среди председателей сельсоветов из 53.342 человек неграмотных 1,4% (в предыдущем 1926 году—1,6%), при чем в автономных областях и республиках процент неграмотных поднимается до 6,1%; по РСФСР без автономных об'единений он отпускается до 0,2%. Из 167.285 членов ревизионных комиссий неграмотных 4.411 человек, что составляет 2,6%; в предыдущем 1926 году—1,5%. По округам и губерниям РСФСР без автономных республик и областей неграмотных—0,5%, но по национальным об'единениям процент неграмотных поднимается до 10,3%, довольно сильно увеличившись против предыдущего 1926 года (6,6%).

За ряд лет удельный вес неграмотных в сельских органах власти обнаруживает очень знаменательную динамику (в проц.):

	1922 г.	1923 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1927 г.
Сельсоветы	11,6	8,4	7,1	9,2	9,9
Председсельсоветов	—	—	0,8	1,6	1,4
Ревкомиссии сельсов.			0,4	1,5	2,6

Процент неграмотных, уменьшаясь в составе сельсоветов с 1922 г. до 1925—26 г., в 1925—26 г. дает повышение, которое продолжается и в избирательную кампанию 1927 года, выразительно сигнализируя собою о т с т а в а н и е р о с т а г р а м о т н о с т и н а с е л е н и я РСФСР о т р а з в и т и я с о в е т с к о й д е м о к р а т и и и, с л е д о в а т е л ь н о, з а т о р м о ж е н н о с т ь э т о г о р а з в и т и я.

За тот же ряд лет в волостных органах власти процент неграмотных обнаруживает следующую динамику:

	1922 г.	1923 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1927 г.
Волостные с'езды	11,7	5,9	3,4	4,9	5,2
Волисполкомы	1,3	1,3	0,7	1,6	2,0
Председатели			0,2	—	0,1
Ревизион. комиссии			—		1,0

И эта таблица сигнализирует неуклонное повышение процента неграмотных во всех перечисленных органах власти, начиная с 1925—26 г. последовательно до 1927 г.

Еще выразительнее эта динамика в автономных областях и республиках: так, на волостных с'ездах при среднем проценте неграмотных в РСФСР в целом 5,2% по национальным автономиям процент неграмотных составляет 16,5, а в остальной части РСФСР—1,6; в волисполкомах национальных

[1]) См. издание Центризбиркома, Москва, 1927 г., вып. I, стр. 12 и 17.

об'единений процент неграмотных достигает 7,2, при среднем проценте по РСФСР, равном 2,0.

* * *

Элементарная, азбучная, техническая неграмотность в автономных областях и республиках ужасающе и угрожающе велика даже среди членов ВКП(б). «Об этом говорят, например, следующие данные о количестве азбучно-неграмотных среди принятых в п а р т и ю за 1-ю половину 1926 г.:

Наименование организаций	Сколько принято	% азб. неграм. среди них
По ВКП(б) в целом	95.344	3,9
Узбекистан	3.915	50,0
Туркменистан	596	29,6
Азербайджан	2.590	18,5
Киргизия	536	17,3
Казакстан	2.553	9,7
Проч. авт. респ. и обл.	5.251	5,0 [1])

Предыдущий партийный набор в отношении грамотности был относительно лучше, о чем свидетельствуют цифры переведенных из кандидатов в члены партии за то же первое полугодие 1926 г. Вот соответствующая таблица:

Наименование организаций	Сколько принято	% неграмотн. среди них
По ВКП(б) в целом	71.043	1,4
Узбекистан	1.219	20.4
Туркменистан	240	17,8
Азербайджан	1.268	5.1
Киргизия	341	30,0
Казакстан	1.981	9,0
Проч. респ. и обл.	3.189	3,0 [2])

Однако, это о т н о с и т е л ь н о е благополучие следует отнести за счет того, что от первоначального приема в партию до перевода в действительные члены партии кандидаты в члены партии обычно интенсивно работают над повышением своего культурного уровня. Затем это благополучие об'ясняется еще тем, что оно относится к тому партийному набору, который дал относительно большее число служащих и «прочих». Наконец, набор этот по сравнению с набором 1926 г., как это видно из сравнения абсолютных цифр приведенных выше таблиц, был менее массовым, следовательно, в меньшей степени вовлекавшим низы городской и деревенской массы. За учетом всех этих обстоятельств это б л а г о п о л у ч и е становится даже не о т н о с и т е л ь н ы м, а кажущимся, мнимым, иллюзорным, так что процент азбучно-неграмотных среди принятых в партию в последние партнаборы в нацрайонах не только чудовищно велик, но и стабилен, и он говорит о чрезвычайной ограниченности грамотного резерва партии за исключением служащих и «прочих».

На ряду и в связи с этим наблюдается в национальных организациях почти повсеместный рост служащих и категории «прочих», которые, собственно, и составляют грамотный контингент национальных партийных организаций. А всякая серьезная ориентировка на низы, на массы, на деревню, улус, аул немедленно же дает резкое повышение процента азбучно-неграмотных членов в составе национальных парторганизаций. В этом смысле из приведенных выше таблиц партстатистики особенно красноречивы цифры Узбекистана, этой самой передовой из восточно-национальных республик, района

[1]) Г. К а р и б. «Партстроительство в нацреспубликах и областях». «Известия ЦК ВКП(б)», от 15 ноября 1927 г., стр. 14.

[2]) Там же.

интенсивного (трудоемкого) промышленно-хлопководческого земледелия, и цифры Азербайджана—средоточия нашей мирового значения нефтяной индустрии. В общем по этим двум передовым нацреспубликам выявилась следующая картина:

	Принято в партию					
	До 1926 г.		В 1926 г.		Прирост	
	Всего	Из них. % негр.	Всего	Из них % негр.	Абсол. числа принятых	процента неграм.
Узбекистан	1.219	20,4	3.915	50,0	2.696	29,6
Азербайджан	1.268	5,1	2.590	18,5	1.322	13,4

Таким образом, сколько-нибудь серьезные меры к улучшению социального состава партии немедленно же дают угрожающее повышение процента азбучно-неграмотных даже в таких передовых национальных республиках, как Азербайджан и Узбекистан. А известно, что понижение культурного уровня партийной массы автоматически повышает удельный вес и влияние опять-таки тех же служащих и «прочих». Получается как бы «заколдованный круг»: улучшая социальный состав нацорганизации за счет бедняцко-батрацких слоев нацокраин, ухудшаем неизбежно общекультурный уровень этих организаций, что автоматически повышает удельный вес и влияние сократившихся (в процентном отношении) элементов служащих и «прочих», и в общем балансе качество национальных парторганизаций не изменяется или же очень мало изменяется к лучшему. Это обстоятельство, несомненно, лежит в основе наблюдающейся в последнее время стабильности качественного состава парторганизаций в культурно-отсталых нацрайонах на уровне ниже среднего. Выход из этого положения—только на путях культурной революции и прежде всего на путях ликвидации элементарной, избучной неграмотности трудящихся масс. И дальнейшее развитие советской социалистической демократии лежит сейчас на путях форсированного движения к осуществлению всеобщей грамотности многонационального и разноязычного населения СССР на родном языке каждой отдельной народности, на путях перевода на эти языки всей деятельности соответственного аппарата советской государственной власти, на путях так называемой коренизации этого аппарата.

Исходный момент коренизации аппарата советов, советской власти, советской демократии, это—административно-территориальное районирование по национальному признаку, т.-е. выделение национально-однородных административно-территориальных единиц: сельских обществ, волостей, районов, округов, губерний, автономных областей, автономных республик, союзных республик, и уточнение территориальных границ последних вплоть до проведения межселенного и сплошного внутриселенного землеустройства. И отсюда—провозглашенное первым с'ездом советов в июле 1917 года и подтвержденное вторым с'ездом советов в октябре того же года «право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства». Это право органически вытекало из самой природы советской социалистической демократии, из интересов коренизации советской власти и приближения советского государственного аппарата к народным многонациональным, многоязычным и разнокультурным массам России, из целей, повторяем, строительства социализма.

Следующим моментом коренизации, составляющим собственное содержание этого понятия, является вовлечение масс отсталых национальностей в дело государственного управления на основе их родного языка и перевод на родной язык делопроизводства всего административного, судебно-следственного, общественно-кооперативного аппарата и всей работы социально-культурных учреждений и работников. Коренизация в этом своем собственном смысле являет собою процесс формирования так называемой «национальной» культуры — «национальной по форме, социалистической по содержанию» [1]): национальной письменности, национальной грамотности, национальной литературы (политической, законодательной, учебной, научной. художественной и пр.), прессы, школы, театра и т. д. и т. п.,—одним словом, всего того, что делает советскую власть действительно «открытой для всех, делающей все на виду у массы, доступной массе». Таким образом, так называемая (чтобы не сказать—пресловутая) «национальная» культура не—цель или самоцель, а средство, орудие, метод строительства социализма через развертывание советской демократии вплоть до ее логического предела — самоотмирания, как формы государственной власти. Этой исторической цели служит, для нее призвана и ее достигнет советская национальная политика, реализующаяся практически в форме коренизации советского государственного аппарата в только-что изложенном выше ее смысле.

* * *

В отношении культурно-отсталых народов СССР,—и именно тех, которых Великая Октябрьская социалистическая революция застигла на различных ступенях докапиталистической культуры и поэтому поставила их перед исторической необходимостью: «к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»,—национальная политика советов призвана разрешить именно эту совершенно исключительную проблему: совершить гигантский «прыжок» через целую историческую эпоху—капитализм, миновать эту кровавую полосу истории.

Эта данная диалектикой всемирно-исторического развития проблема определяет собою в основном все своеобразие дальнейшего развития отсталых народов Советского Союза и определяет его как путь «культурной революции». Ибо серьезное социалистическое строительство среди этих народов—в обстановке почти полного отсутствия развитой промышленной техники, капиталистической выучки пролетариата, чудовищной безграмотности, господства самых диких идеологических, психологических и религиозных воззрений, предрассудков и привычек—мыслимо только на основе большого культурного сдвига, переворота. Без такого культурного переворота,—выражаясь по Энгельсу,—«революции сверху» 1917 г. нельзя будет дополнить «движением снизу», которое в капиталистически развитых странах обеспечивается наличием вышколенного капитализмом, классово-организованного и держащего в своих руках весь стальной костяк страны пролетариата и которое (это «движение снизу») развертывается у нас в форме советской социалистической демократии.

* * *

Вывод: форсированное наступление на наше «полуазиатское бескультурье», чтобы в ближайшие годы во что бы то ни стало достичь уровня всеобщей грамотности населения СССР.

Мы должны осуществить всеобщую грамотность населения во имя советской социалистической демократии, во имя приобщения народных масс к культуре, во имя овладения ими лучшими достижениями человеческого ума (знаний, опыта), сохранившихся, сгущенных, материализованных в печатном слове. Неграмотность масс, это—закрытые ворота, отрезывающие народной массе путь к печатному слову. Мы должны настежь раскрыть эти

[1]) И. Сталин, речь в КУТВ в 1925 г.

ворота, чтобы широкой волной, бурным потоком вешних вод залить жаждущую ниву народного сознания, оплодотворить его социалистическим содержанием и окрылить народные массы творческим устремлением к новой, свободной, радостной жизни. Для этого у нас достаточно как моральных, так и материально-технических сил и средств, ибо в отношении этих сил и средств мы опираемся на высшие достижения мировой культуры, мировой науки и техники: у нас достаточно марксистской литературы, соответствующих писателей и ротационных машин, умножающих моральную силу культурного человека, материализованную в печатном слове, в любое число раз, в сказочное число тиражей ежедневной прессы, периодических изданий, книг и всей прочей литературы. Ротатор должен быть поставлен на службу советской демократии и использован в предельной степени.

Нам теперь нужна только всеобщая техническая грамотность населения. Без нее мы не сможем совершить культурную революцию и развернуть советскую демократию, как подлинное строительство социализма.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

М. Брудный.

Наброски к методологии советского хозяйства.

I. О закономерностях социалистического хозяйства.

Нам необходимо начать с распространяемого некоторыми экономистами утверждения, что в социалистическом обществе не будет экономических законов и что в этом смысле социалистическое строительство в СССР имеет своей целью ликвидацию экономических законов. Эти утверждения настолько «разуму вопреки», что мы рискуем вызвать недоверие читателя. Приведем поэтому соответствующую выдержку:

«Не два экономических закона (понимаемых так, как марксизм понимает законы экономики, т.-е. как стихийные, господствующие над обществом и независимые от него силы), вступают в единоборство на поле переходного хозяйства; напротив происходит борьба за ликвидацию и уничтожение всяких (разрядка авторов) экономических законов, т.-е. господствующих над обществом продуктов его собственного исторического развития, за замену этих «законов» осознанными и опосредствованными общественным человеком закономерностями организованного хозяйства» [1]).

Тут, что ни слово, то путаница или вопиющая неправильность.

Прежде всего тут даны два «определения» экономических законов, «понимаемых так, как марксизм понимает законы экономики», на деле обнаруживающие лишь очень... странное понимание марксизма некоторыми экономистами.

Определение № 1. Экономический закон носит характер стихийной, господствующей над обществом и независимой от него силы.

Определение № 2. Экономический закон это—господствующий над обществом продукт его собственного исторического развития.

Оба определения неверны, но неверны по разному.

Первое определение исходит из характеристики экономических законов, как они проявляются при капитализме, об'являет это специфически капиталистическое выражение экономических законов единственно-мыслимым определением экономических законов, и затем с легкостью циркового клоуна задачей социалистического строительства декларируется ликвидация «всяких экономических законов».

Второе определение исходит из характеристики экономических законов, как всеобщих законов материальной необходимости, господствующей во всех общественных формациях, об'являет это всеобщее определение специальным определением капитализма и затем манифестирует, как задачу

[1]) А. Леонтьев и Е. Хмельницкая. «Очерки переходной экономики», стр. 91. Эту же точку зрения в еще более примитивной форме развивает А. Кон.

нашего времени, ликвидацию этих законов, т.-е. по существу ликвидацию законов материальной необходимости.

Так как и у Маркса есть определения экономических законов, «понимаемых так, как марксизм понимает законы экономики», то нелишне будет, пожалуй, вслед за определением наших экономистов привести следующие мысли Маркса:

«Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону материального производства. Как дикарь, чтобы удовлетворить свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный, и он должен делать это во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С его развитием расширяется его царство естественной необходимости, потому что его потребности расширяются; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что социализированный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль вместо того, чтобы, напротив, он, как слепая сила, господствовал над ними; в том, что они совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях наиболее достойных и адэкватных их человеческой природе. Но тем не менее это все же остается царством необходимости». (Маркс. «Капитал», т. III, часть 2).

Таким образом, необходимость и непосредственно с ней связанная, на ней основывающаяся закономерность не «отменяется» в социалистическом обществе. Можно ли после этого говорить об отмирании «всяких экономических законов» вместе с отмиранием капитализма? Разумеется, нет.

Но цитированные нами раньше авторы различают закономерности и экономические законы. Они говорят о замене экономических законов закономерностями.

В основе этой путаницы лежит неправильное немарксистское понимание экономических законов. Тот простой факт, что экономические законы бывают различного социального типа, наши авторы принимают то за существование, то за исчезновение экономических законов. Форму проявления экономических законов при капитализме они принимают за вечную сущность этих законов, и после этого им ничего не остается сказать, кроме того, что борьба за социализм есть «борьба за ликвидацию (!) и уничтожение (!!) всяких (разрядка авторов!!!) экономических законов».

Эта концепция вполне соответствует ограниченному кругозору буржуазного экономиста, который капиталистическое проявление экономических законов принимает за единственно-мыслимое и единственно-возможное их проявление и затем торжественно и во всеуслышание декларирует, что при социализме не будет экономических законов.

«Поправочка» наших авторов к этой концепции сводится к тому, что экономические законы заменяются закономерностями. Но ведь всякий понимает, что экономические законы это частные случаи экономической закономерности и именно социальный тип экономической закономерности определяет социальную форму, в которой проявляются экономические законы.

Мы извиняемся перед читателем, но в целях внесения ясности вынуждены привести пару самых общих и общеизвестных определений.

В много раз уже цитированном письме к Кугельману Маркс говорит:

«Для соответствующих различным массам потребностей масс продуктов требуются различные и количественно определенные массы общественного совокупного труда. Очевидно само собой, что эта необходимость разделения общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена определенной формой общественного производства».

Таким образом, естественная необходимость пропорционального распределения труда между различными отраслями хозяйства лежит в основе любого общественного строя. «Измениться в зависимости от различных исторических условий может лишь форма, в которой эти законы проявляются». Пропорциональное распределение всего совокупного общественного труда достигается в различных общественных условиях различным способом. Этот специфический для каждого общественного строя способ распределения труда между различными отраслями хозяйства и составляет своеобразный социальный тип экономической закономерности. Отдельные экономические законы, целиком определяемые ею в своей социальной окраске, регулируют отдельные сферы хозяйственных взаимоотношений людей.

Экономическая закономерность капиталистического строя носит стихийный характер. Но стихийность и закономерность противостоят друг другу. В стихийном развитии есть своя закономерность, но эта закономерность совсем особого рода — имманентная внутренне - присущая всем явлениям природы. Когда мы говорим о противоречии между стихийностью и закономерностью, то мы имеем в виду закономерность и стихийность, как противоположные формы движения сил природы. Закономерность в этой связи понимается не как имманентная природа, но как устанавливаемая людьми в их общественной деятельности. Особенность капитализма и заключается в том, что закономерности, устанавливаемые людьми, находятся в неразрешимом противоречии с стихийным характером общественного развития. При таком типе развития «постоянная тенденция различных сфер производства к равновесию обнаруживается лишь как реакция против постоянного нарушения этого равновесия». (Маркс).

Таким образом, самая существенная характеристика экономических законов капиталистического хозяйства заключается в том, что эти законы рождаются в недрах стихийного развития и в своем осуществлении постоянно корректируются основной тенденцией буржуазного хозяйства к нарушению пропорций и равновесия.

В социалистическом обществе экономические законы будут выступать не как «реакция против постоянного нарушения» равновесия, а как адэкватное выражение постоянной тенденции к действительному хозяйственному равновесию. Новый социальный тип экономической закономерности при социализме определит экономические законы, как сознательные регуляторы различных сфер хозяйственной деятельности людей.

В этой связи необходимо поставить вопрос о более конкретном определении закономерностей социалистического общества.

В статьях тов. Бухарина: «К вопросу о закономерностях переходного периода» этот вопрос излагается, по нашему мнению, неверно.

Тов. Бухарин пишет: «Процесс победы социалистических, плановых начал есть не что иное, как процесс сбрасывания законом трудовых затрат своего греховного ценностного белья, т.-е. процесс превращения закона ценности в закон трудовых затрат, процесс дефетишизации основного общественного регулятора».

Выходит таким образом, что закон трудовых затрат,—если прибегнуть к образам тов. Бухарина,—гуляет в социалистическом обществе без белья и в этом как раз суть социалистических закономерностей.

Как ни привлекательно бывает сбросить «греховное белье» с общественных отношений, однако, как нам кажется, процессом раздевания, «дефетишизации основного общественного регулятора» здесь нельзя ограничиться.

В самом деле, можно ли сказать, что закон пропорциального распределения трудовых затрат является общественным регулятором какого бы то ни было общественного строя? Нет, нельзя сказать. Почему? Потому, что закон пропорционального распределения трудовых затрат — это естественная необходимость. Маркс говорит, что это закон природы и «законы природы вообще не могут быть уничтожены». Может быть закон природы общественным регулятором? Разумеется, нет.

Что же являтся общественным регулятором? Тот специфический общественный способ, помощью которого достигается это пропорциональное распределение труда. Закон стоимости это не закон пропорционального распределения труда, как естественная необходимость, одетая в «греховное белье» фетишизма, а специфический для товарного хозяйства способ достижения этой пропорциональности, притом такой способ, который проникнут фетишизацией общественных отношений. Закон стоимости, как и всякий другой общественный регулятор, при любом другом общественном строе базируется на вечном законе природы, на естественной необходимости пропорционального распределения труда.

Различие между законом природы и общественной закономерностью, между естественной необходимостью пропорционального распределения труда и общественным регулятором производства можно формулировать еще следующим образом:

Для того, чтобы существовать, люди должны производить да притом производить массы продуктов в соответствии с различными потребностями — в этом проявляется естественная необходимость пропорционального распределения труда.

Для того, чтобы производить, люди должны вступить в определенные общественные отношения и тем самым создать известный тип социально-экономического устройства. Это проявляется в определенном общественном регуляторе материального процесса производства.

Можно ли, следовательно, сказать, что в социалистическом обществе общественным регулятором производства будет «закон трудовых затрат»? Нет, нельзя сказать, потому что на основе «вечного» закона трудовых затрат в социалистическом обществе будет известный тип общественного регулятора, плановый, сознательный.

Здесь необходимо еще прибавить следующие соображения: у нас нет никаких оснований думать, что социализм явится последней фазой человеческой истории. Наоборот, программа нашей партии уже сейчас предвидит, что вслед за социализмом наступит коммунизм, который мы опять-таки не считаем последней фазой исторического развития (хотя, оставаясь на научной почве, мы не можем сказать ничего конкретного о типе и тенденциях развития коммунистического общества). Нельзя поэтому полагать, что «закон трудовых затрат», проявляющийся в различных общественных формациях в различной общественной форме, при социализме выступит оголенно, вне определенной, специфической социальной формы. Это было бы верно лишь в том случае, если бы в социалистическом обществе общественный процесс производства сменился процессом труда. «Поскольку процесс труда есть только процесс между человеком и природой, его простые элементы общи всем формам общественного развития. Но каждая определенная историческая форма этого процесса развития далее развивает его материальные основы и его общественные формы». (Маркс, «Капитал», III, часть 2, стр. 343).

Постановка вопроса тов. Бухарина тем более странна, что он в своих статьях настойчиво и вполне справедливо проводит мысль о недопустимости противопоставления материального содержания экономических законов их общественной форме. Почему тов. Бухарин сам противопоставляет закон ценности закону трудовых затрат? Определенный экономический закон, специфический общественный регулятор — материальному содержанию, естественной основе экономических законов любой общественной формации?

Если вполне прав тов. Бухарин, доказывая недопустимость противопоставления закона ценности надуманному закону социалистического накопления, он все же неправ, по нашему мнению, противопоставляя закон ценности закону трудовых затрат. Закон ценности может быть противопоставлен не закону трудовых затрат, естественной необходимости любого общественного строя, а специфическому общественному регулятору социалистического хозяйства.

Теперь возникает вопрос: может быть, в социалистическом обществе общественный регулятор совпадает, сливается с законом трудовых затрат, потому что там естественная необходимость не опосредствовывается общественной необходимостью; господствует над людьми не через господство над ними их собственных общественных условий, а непосредственно является базой равновесия между обществом и природой?

Но, оставаясь на научной почве, невозможно представить себе социалистическое общество, как абсолютное царство свободы, где люди каждый день меняют общественные формы по своей прихоти, как современный дэнди—одежду. В современном обществе над людьми господствуют продукты их труда; в будущем обществе над ними будут господствовать условия их труда. Осознание естественной и общественной необходимости, общественный контроль над всеми областями хозяйственной деятельности—в этом свобода будущего общества.

Но этого мало. Необходимо строгое различение между социализмом и коммунизмом. Мы ведем речь об общественном регуляторе социалистического хозяйства. Этим регулятором будут плановые органы. Но принцип коммунизма: «от всех по способностям, всем по потребностям»,—не лежит в основе капиталистического хозяйства. Здесь за известное количество труда отпускается соответствующее количество продуктов. Имеет ли это значение для распределения труда между различными отраслями? Безусловно огромное. Переход социалистических производителей из одной отрасли хозяйства в другую будет регулироваться главным образом принципом социалистического общества: «за равное количество труда—равное количество продуктов». На практике окажется, что люди, затрачивая одинаковое количество рабочего времени, получают неравное количество продуктов в силу природных различий и в силу различной приспособляемости к различным отраслям хозяйства. Стремление к наибольшей компенсации за определенное количество труда будет передвигать людей из одной отрасли хозяйства в другую. Таким образом, плановые органы социалистического общества будут испытывать на себе давление общественных условий труда, принципа социалистического общества: «за равное количество труда—равное количество продуктов». Следовательно, определяя ближе содержание планового регулятора социалистического хозяйства, можно сказать, что этим регулятором будет закон эквивалентности трудовых затрат и натуральной компенсации за них, закон, осуществляемый плановым, сознательным образом. По своему материальному содержанию этот закон совпадает с материальным содержанием товарно-капиталистического закона стоимости. Еще более со стороны своего материального содержания закон стоимости полностью начинает осуществляться только в социалистическом хозяйстве. Отсюда, конечно, кое-кто может сделать сверхнаучный вывод о том, что закон стоимости имеет надисторический характер. Но, думается, всякий может понять, что закон эквивалентности трудовых затрат и натуральной компенсации за них—нечто совсем другое по своему историческому типу, по своему общественному способу осуществления, чем закон стоимости.

Ленин, анализируя марксову критику Готской программы, следующим образом высказался по вопросу о регуляторе социалистического хозяйства:

«В первой фазе коммунистического общества (которую обычно зовут социализмом) «буржуазное право» отменяется не вполне, а лишь отчасти, лишь в меру уже достигнутого экономического переворота, т.-е. лишь по отношению к средствам производства. «Буржуазное право» признает их частною собственностью отдельных лиц. Социализм делает их общей собственностью. Постольку — и лишь постольку — «буржуазное право» отпадает.

Но оно остается все же в другой своей части, остается в качестве регулятора (определителя) распределения продуктов и распределения труда между членами общества. «Кто не работает—тот не должен есть»,—этот социалистический принцип уже осуществлен; «за равное количество труда—равное количество продукта»,—и этот социалистический принцип уже осуществлен. Однако, это еще не коммунизм, и это еще не устраняет «буржуазного права», которое неравным людям за неравное (фактически неравное) количество труда дает равное количество продукта.

Это—«недостаток»,—говорит Маркс,—но он неизбежен в первой фазе коммунизма, ибо, не впадая в утопизм, нельзя думать, что, свергнув капитализм, люди сразу научаются работать на общество без всяких норм права, да экономических предпосылок такой перемены отмена капитализма не дает сразу.

А других норм, кроме «буржуазного права», нет. И постольку остается еще необходимость в государстве, которое бы, сохраняя общую собственность на средства производства, охраняло равенство труда и равенство дележа продукта» (Ленин, т. XIV, часть 2, стр. 374).

II. Абстрактный метод Маркса и теория советского хозяйства.

Приступая к изучению советского хозяйства, каждый спрашивает себя, в какой мере здесь применим абстрактный метод Маркса. При этом, хотя почти все единогласно признают не только допустимость, но и плодотворность применения марксова метода, но практически приходят к различным результатам в соответствии с различным пониманием марксова метода. Вообще говоря, отсутствие общепризнанного понимания важнейшей сути абстрактного метода Маркса крайне вредно отзывается в ряде областей теоретического изучения.

Все знают, что Маркс говорил о рациональном зерне в методе Гегеля, а Ленин настойчиво призывал молодежь изучать Гегеля, но не слишком много людей отдают себе ясный отчет в том, какое рациональное зерно гегелевой системы лежит в основе марксова метода. Если мы скажем, что у нас считают «почетным делом» марксиста изучать Гегеля, а презренным делом схоластика критически применять его, то это будет вполне точной формулировкой положения вещей.

Особенно наглядно это выступает в имевших место попытках применения абстрактного метода Маркса к теории советского хозяйства.

Говорят, что абстрактный метод Маркса заключается в абстрагировании от остатков докапиталистических формаций, что в исходном пункте анализа у Маркса идет схема абстрактного капитализма, постепенно осложняющаяся на дальнейших ступенях анализа введением остатков докапиталистических формаций. Этот процесс мышления изображается, как содержание знаменитого марксова восхождения «от абстрактного к конкретному».

Далее говорят, что абстрактный метод Маркса заключается в отвлечении от овеществленных категорий, в том, что анализ начинается с производственных отношений с тем, чтобы затем об'яснить овеществленные категории.

И то и другое, по нашему мнению, не характеризует своеобразия марксова метода. Схема абстрактного капитализма лежит в исходном пункте анализа не только Маркса, но и классиков. Разоблачение же товарного фетишизма является продуктом марксова анализа, а не его исходным пунктом. В размере журнальной статьи дать исчерпывающую картину марксова метода, разумеется, невозможно. Для того, чтобы показать то рациональное зерно в гегелевском методе, которое вместе с тем также характеризует своеобразие метода Маркса, мы позволим себе привести следующий отрывок:

«Мышление вообще есть схватывание и соединение многообразного в единство... Мышление состоит в том, чтобы привести все многообразное к единству. Если дух мыслит о вещах, он приводит их к простым формам, которые являются чистыми определениями духа. Многообразное является для мышления внешним. Когда мы схватываем чувственное многообразие, мы еще не мыслим; только связывание (das Bezihen) его есть мышление. Мышление есть абстракция, когда интеллект исходит из конкретного созерцания, опускает какое-либо из его многообразных определений, производит другое и дает ему простую форму мышления» (Гегель).

Суть приведенного отрывка, скрытая мистифицированным изложением, ярко выступит, если приложить его к конкретному явлению.

Возьмем капитализм. Что здесь, прежде всего, бросается в глаза, что является непосредственным предметом созерцания? Многообразие капиталистических форм. Тысячи разнообразных явлений переплетаются в причудливую мозаику: зарплата и процент, прибыль и рента, рантье и пролетарии, депрессии и под'емы, вексельный курс и безработица, инфляция и голод,—все это составляет многоцветную канву капиталистического общества.

Какова задача исследователя капитализма? Описать и об'яснить все эти явления? Но сотни фолиантов, описывающих до мельчайших подробностей все явления капиталистического общества, еще не дадут никакого представления о законах развития капиталистического общества. Вместе с тем самое детальное исследование всего разнообразия форм и видов зарплаты, как и подробнейший исторический труд о проценте, не об'яснят их, как специфические явления капиталистического порядка.

Почему? Потому, что капитализм, как и всякий другой общественный строй, это—не простая сумма всего многообразия его явлений, а известный исторически-определенный способ производства, порождающий все это многообразие явлений. Понять и об'яснить законы развития капитализма значит прежде всего определить специфичность его способа производства. «Соединение многообразного в единство»—это значит найти источник развития многообразия явлений, показать взаимозависимость и взаимопроникновение явлений, исходя из их общего социального корня.

Ошибка Гегеля заключается в том, как это отмечает Маркс, что он понимает реальное, как продукт углубляющегося в себя мышления, в то время, когда мышление лишь воспроизводит действительность. Но безусловно рациональное в системе Гегеля заключается в том, что для того, «чтобы привести все многообразное к единству», мышление, хотя и исходит из конкретного созерцания, но путем абстракции «опускает какое-либо из его многообразных определений, производит другое и дает ему простую форму мышления».

Под этим углом зрения специфичность абстрактного метода Маркса заключается не в том, что он отвлекается от остатков докапиталистических формаций (хотя и это имеет у него место, как и у классиков), но в том, что он отвлекается на первых ступенях анализа от многих сторон капиталистического общества, кладя в основу исследования самое общее, абстрактное определение капиталистического общества. Этим абстрактным

определением капитализма, лежащим в исходном пункте анализа Маркса, является стоимость. Почему? Потому, что стоимость овеществляет решающее производственное отношение товарно-капиталистического общества. Потому, что это производственное отношение составляет корень товарно-капиталистического хозяйства, из которого вырастает все многообразие его различных сторон и явлений. Но абстрактное определение капитализма не исчерпывает капитализма, как конкретности. Поэтому вместе с развертыванием анализа оно осложняется исследованием различных сфер хозяйственной жизни капитализма, и в итоге появляется «Капитал», изображающий законы капиталистического развития и об'ясняющий различные его явления. В этом суть «восхождения от абстрактного к конкретному».

Эта экскурсия в методологию Маркса и изложение самых общих мест нам понадобилось потому, что некоторые товарищи, ставящие вопрос о применении марксова метода в теории советского хозяйства, неправильно и архипримитивно излагают этот метод и затем уже в силу того, что не только логика иногда бывает неправой, но и неправда имеет свою логику, делают неправильные выводы в отношении советского хозяйства. Это,— во-первых. Во-вторых, правильное, хотя и элементарное, изложение марксова метода чрезвычайно плодотворно в его применении к советскому хозяйству.

Мы не ставим здесь вопроса о правомерности применения абстрактного метода к теории советского хозяйства. Мы полагаем бесспорным, что в советском хозяйстве, как хозяйстве антагонистического типа, этот метод применим. Весь вопрос в том, как его практически применить.

Трудность здесь, очевидно, заключается в переходном типе хозяйства, в том, что в его пределах уживаются различные типы производственных отношений, притом, хотя и в неравной мере, но постоянно воспроизводящиеся производственные отношения. Поэтому абстрактное определение советского хозяйства, кладущее в основу анализа какой-нибудь один тип производственых отношений, и продолжение анализа путем скольких угодно осложнений, но развивающихся по линии этого одного типа производственных отношений, ни в коем случае не даст в результате искомого конкретного советского хозяйства. В самом деле, предположим, что мы в основу анализа положили социалистический тип производственных отношений, исследовав вначале самый общий вопрос о принципах распределения труда в социалистической промышленности. Затем в ходе анализа мы стали осложнять это абстрактное определение нашего социалистического типа производственных отношений изучением ряда явлений на основе того же типа производственных отношений. Можем мы получить в результате этакого «восхождения от абстрактного к конкретному» конкретное советское хозяйство? Нет. В результате самого кропотливого труда мы получим только абстрактную схему социалистической части нашего хозяйства (мы здесь опускаем вопрос, что и эта абстрактная схема будет пестрить темными пятнами враждебного строя общественных отношений).

Можно испытать другой путь: сделать абстрактное определение «чуточку конкретнее». В основу анализа положить не один тип производственных отношений, а оба сразу в виде какой-либо помеси. Этот путь больше всего привлекает, но все же он менее всего возможен. Это такой путь для начала исследования советского хозяйства, который предполагает весь путь пройденным. В самом деле, при таком способе анализа следовало бы поставить с самого начала вопрос о регуляторе распределения труда во всем советском хозяйстве, между тем как этот вопрос может быть понят лишь в результате изучения сооотношения различных частей нашего хозяйства.

Следует поэтому вернуться к нахождению абстрактного определения советского хозяйства в недрах одного типа производственных отношений.

Какой это будет тип производственных отношений?

Социалистический тип.

К характеристике абстрактных определений Маркс говорит:

«Простые (абстрактные) категории суть выражения условий, в которых может реализоваться неразвившаяся конкретность, до установления более многостороннего отношения, или более многосторонней связи, идеальным выражением которых служит конкретная категория». (Маркс «Введение к критике политической экономии»).

Именно социалистические производственные отношения в СССР «суть выражения условий, в которых может реализоваться неразвившаяся конкретность» (социализм).

Точно так же, как переходное хозяйство является преддверием будущего социалистического хозяйства, точно так же абстрактное определение этого хозяйства должно быть прототипом того конкретного, абстрактным выражением которого оно является. Могут возразить, что собственность государства на главнейшие средства производства,—это абстрактное определение социализма, осуществленное у нас,—является абстрактным определением по отношению к развитой конкретности—социализму, но не по отношению к переходному хозяйству. В этом возражении правильно упоминание того, что в переходном хозяйстве уживаются и вместе с тем ведут борьбу различные типы общественных отношений. Но здесь упускается другая не менее важная сторона переходного хозяйства. Переходное хозяйство об'единяет разнородные экономические тела, но оно является переходным хозяйством к чему? Говоря о переходном хозяйстве, мы имеем в виду сожительство различных способов производства. Но еще более важно подчеркнуть, что в самом основании переходного хозяйства заложена тенденция отмирания одного сектора и процветания другого. Наше хозяйство является переходным не к какому-либо из двух типов общественных отношений, заложенных в нем, а к одному определенному, социалистическому типу общественных отношений.

Почему же не может быть абстрактным определением нашего переходного хозяйства собственность государства на главнейшие средства производства, социалистический тип производственных отношений?

Остается отвести еще одно возражение. Социализм, как известно, в противоположность капитализму не вырастает стихийно, а строится сознательным плановым путем. Не предполагает ли выдвинутое нами положение именно стихийное вырастание социализма, стихийное преодоление им капитализма? Это возражение было бы правильно, если бы мы вслед за Преображенским предлагали отвлечься от экономической политики советского государства. Но, как это ясно видно из изложения, мы предлагаем прямо-противоположное. Далее понятно, что хотя социализм и не может стихийно преодолевать капитализм, однако, благодаря экономической политике победившего пролетариата он становится решающей тенденцией хозяйственной жизни. Таким образом, это возражение отпадает.

Однако, после всего этого остается реальная опасность, указанная нами выше. Если не только положить социалистический тип производственных отношений, как абстрактное определение переходного хозяйства, в основу анализа, но и вести дальше анализ по линии одного только социалистического сектора, то в итоге получится не конкретное советское хозяйство, а абстрактная картина его социалистических элементов.

Очевидно, что особенности переходного хозяйства требуют некоторого своеобразия в применении марксова метода. Следует изменить маршрут «восхождения от абстрактного к конкретному».

Причина этого кроется в том, что между абстрактным определением советского хозяйства и его конкретным определением как целостного орга-

низма имеются глубочайшие противоречия в то время, когда при капитализме конкретное является лишь развитием абстрактного.

Абстрактным определением товарно-капиталистического хозяйства следует считать общественные отношения независимых товаропроизводителей. Конкретное в этом случае капиталистическое хозяйство является лишь развертыванием богатого содержанием многообразия форм, потенциально скрытых в одном только производственном отношении независимых товаропроизводителей.

Иное дело — переходное хозяйство. Абстрактное определение этого хозяйства — социалистический тип общественных отношений,—являющееся решающей тенденцией, выражением генерального исторического пути переходного хозяйства, не является, однако, источником развития, резервуаром для всех секторов хозяйства, в частности для его крупнейшего, товарно-капиталистического сектора.

В нашей стране ежечасно рождается социализм, но и ежечасно рождается капитализм. То, что собой представляет конкретное, в данном случае переходное хозяйство, не является развитием одного только абстрактного определения, заключенного в нем, но и развитием совсем другого типа общественных отношений, также заключенного в нем. Очевидно, что дальнейший анализ должен будет развиваться не по пути исследования изолированной социалистической промышленности, а осложняться изучением тех препятствий, которые встречает на своем пути строительство социализма.

Поскольку у нас в стране встречаются явления чисто товарно-капиталистического порядка, нет надобности в этом случае в специальном исследовании. Здесь целиком применимы марксовы законы экономики. Товарно-капиталистические явления представляют предмет исследования теории советского хозяйства лишь в той мере, в какой эти явления модифицируются социалистическим строительством. Здесь мы получаем дополнительное доказательство того, что в основу теории советского хозяйства следует положить изучение социалистического типа производственных отношений, как господствующего по своему удельному весу, по своей исторической тенденции во всем советском хозяйстве. Исследование товарно-капиталистических явлений в нашей стране может быть плодотворно, если к ним приложить анализ абстрактного определения нашего хозяйства социалистического типа общественных взаимоотношений. Тогда, когда будет воспроизведена общая картина переходного хозяйства, когда уже будет показана трансформация капиталистических категорий в нашем хозяйстве в борьбе со строящимся социализмом, тогда же выступят те своеобразия развивающегося у нас социалистического типа, которые порождаются его сожительством с крупнейшими остатками прежних общественных формаций.

Приведенные соображения убедительнее всего могли бы быть доказаны, если исходя из них пытаться конкретно разрешить вопрос об общественном регуляторе советского хозяйства. Но эта тема — для другой статьи.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Ц. ФРИДЛЯНД.—„История Западной Европы 1789—1914 гг.“, ч. 1. 2-е дополнен. и переработан. изд. Ц. 4 р. 25 коп.[1]).

Эта книга, пишет автор в предисловии, «претендует лишь на научно-популяризаторскую, пропагандистскую роль» (стр. 10). «Ее дополнением является хрестоматия по истории революционного движения XIX—XX вв. Ц. Фридлянда и А. Слуцкого. Обе книги—продукт пяти—шести лет преподавания в рабочих вузах и комвузах» (стр. 9). При рецензировании данной книги мы будем поэтому касаться и хрестоматии и других работ автора, которые являются либо предшественниками данной работы, либо ее продолжением.

Мы не собираемся давать подробный разбор содержания каждой лекции (книга имеет 24 лекции), это потребовало бы довольно обширного реферата.

Мы возьмем для нашего разбора только некоторые вопросы Великой французской революции и на этом примере покажем, что автор не смог справиться с поставленной задачей. Об остальном содержании книги мы дадим лишь общую оценку как по существу, так и с методической стороны.

I. Автор не дает четкой характеристики „старого порядка“.

«Под старым порядком,—пишет автор (стр. 56),—мы понимаем общественный строй докапиталистической Франции XVI—XVIII вв.». А на стр. 143 мы читаем: «В 1799 году победил Бонапарт, и реставрация монархии, буржуазной монархии (в 1-м изд. сказано—«Старого режима» стр. 133) началась». «Наполеон шаг за шагом возвращался к старому порядку» (стр. 192). «Эпоха военной буржуазной диктатуры завершила дело революции, но одновременно вернула Францию к старому порядку» (стр. 189). (Первое исключает второе и обратно). Тут несколько ошибок:

1. Каким образом Наполеон мог реставрировать буржуазную монархию, которой не было перед революцией? Французская монархия XVIII в. была дворянско-буржуазной, и никоим образом ее нельзя расценивать, как буржуазную. Если французская монархия перед 1789 г. была буржуазная, то зачем понадобилось буржуазии ломать свою классовую власть? Яснее ясного, что «старый порядок» никак не подходит под определение «буржуазной монархии».

2. Каким это образом военно-буржуазная диктатура могла вернуть Францию к старому порядку, под которым автор понимает «общественный строй докапиталистической Франции»? Очевидно, в понятие «старый порядок» автор вкладывает еще другой смысл, так как никакой речи не может итти о ликвидации всех завоеваний революции в эпоху Наполеона.

[1]) Помещая рецензию тов. Князева, несколько односторонне построенную на анализе «ляпсусов» автора рецензируемой книги, редакция считает, что подавляющее большинство правильных критических замечаний рецензента может помочь улучшению качества учебника т. Фридлянда.

3. Если понимать выражение «завершила дело революции» в том смысле, что военно-буржуазная диктатура ликвидировала дело революции, то это будет неверно, так как этот период характеризуется закреплением буржуазных завоеваний и крестьянской собственности. Если же понимать это выражение в том смысле, что эта диктатура довела до конца — доделала дело революции, то это тоже неверно, так как феодального хлама было еще не мало и в этот период. Очевидно, термин «завершение революции» автор понимает в своеобразном смысле. Что это так, можем подтвердить еще следующим местом (стр. 178): «В обстановке роста капитализма (1795—1799 гг.) французской реакционной буржуазии удалось завершить буржуазную революцию».

Автор не дает четкого классового анализа абсолютизма.

...«Превращение государственной власти во власть, эксплоатирующую народные массы, характеризует госстрой Франции накануне революции» (стр. 82). Такая характеристика очень обща и не отвечает на вопрос о классовой природе абсолютизма. И «современное представительное государство является орудием эксплоатации наемных рабочих капиталом» (Энгельс). Впрочем, в первом издании этой книги автор пытался дать оценку абсолютизма (стр. 77). «Она (самодержавная власть) «надклассовая» в том смысле, что в известный исторический момент самодержавие Франции повисло в воздухе, ибо по совершенно различным соображениям (?) против самодержавия выступили различные классы... Этот момент наступил накануне самого падения самодержавной власти во Франции».

Если даже считать этот «исторический момент» только кануном революции, то все равно нельзя говорить, что абсолютизм не имел никакой опоры и «повис в воздухе». Нельзя делать таких выводов из того, что абсолютная монархия уравновешивала дворянство и буржуазию.

II. Автор допускает ошибки по аграрно-крестьянскому вопросу.

1. Феодальное дворянство, по мнению автора, «существовало исключительно эксплоатацией рабочей силы крепостного крестьянства» (стр. 69). Более того, «накануне самой революции «старый порядок» переходит в наступление... за укрепление крепостного состояния крестьян» (стр. 57). Кроме сервов, живших преимущественно на монастырских землях, подавляющая масса крестьянства не была закрепощена, и ни какой речи быть не может «об эксплоатации рабочей силы крепостного крестьянства феодалами». Нечего уже говорить об «укреплении крепостного состояния крестьян», раз не было, как правило, этого крепостничества.

2. Половничество, не есть вид собственности, как думает автор (стр. 62), а является формой «продовольственной» аренды на помещичьих землях (см. Лукин, стр. 46). Эта ошибка повторяется автором во всех его работах (см. Хрестоматия, 4-е изд., стр. 51, «Тезисы и планы», 5-е изд., стр. 23).

Если «развал старого зашел далеко; от сеньориального права осталось как бы только одно название» (стр. 61) и если «во французской деревне уже созданы были условия для развития капиталистической промышленности и торговли» (стр. 57), то тем самым исчезает одна из основных причин Великой французской революции. Такой степени развала сеньориального права безусловно не было перед 1789 г. Впрочем, почти любому из приведенных положений в той же книге читатель может найти опровержение. Так, например, последнее положение опровергается на стр. 40: «До появления машины там (разумеется Англия, но это относится и к Франции) не было условий (в первом издании—«никаких условий», стр. 38) для развития промышленного капитализма». На стр. 123 «Учредительное собрание отменило феодальные права», а на стр. 129 это положение отвергается. На стр. 69 дворянство описывается, как «наиболее могущественное из трех сословий», а на стр. 77 это могущество переходит к буржуазии. На стр. 72 автор дает общую оценку мелкой буржуазии конца XVIII в., как силе, «мешающей выполнению новой исторической задачи». На стр. 173—174 при оценке якобинской диктатуры, это положение отвергается (мелкая буржуазия способствовала расчистке пути капиталистического развития). На стр. 70 сказано: «Основную массу третьего сословия составляет крестьянство», а на стр. 71—«основная часть третьего сословия—деловая торгово-промышленная буржуазия» (что же основное?).

Такая манера изложения применяется во всех лекциях данной книги и в других работах автора. «Крестьянство во Франции было более или менее однородным по своему составу» (стр. 55, Хрест., 4 изд.), а на стр. 53 это положение «более или менее» отвергается. На стр. 18 Хрестоматии сказано, что «с конца XVIII в. наступает эпоха безраздельного (?) господства буржуазии», а на стр. 223 это опровергается. На стр. 69—«сословия совпадают с основным классовым делением общества». Но если это верно для привилегированных сословий, образующих один класс землевладельцев, то принадлежность к третьему сословию (буржуа, крестьянин, рабочий) не совпадает с классовым положением. И такая формулировка о совпадении классов и сословий имеется во всех как предшествующих этой книге работах автора, так и в работах после издания книги. (См. журнал ЗКУ № 1, стр. 51).

Этими примерами (а их сколько угодно!) мы хотели только показать, что так нельзя писать учебные пособия. Такое изложение сбивает с толку читателя, путает его.

Кстати, несколько слов и о так называемом «популярном» языке автора. В вводном слове, где автор, как лектор, стремится ввести аудиторию в курс данной дисциплины, когда особенно требуется ясность и четкость, Фридлянд держит такую речь: «Мы будем иметь дело с «Западной Европой» (Слушайте!). Нет такой страны, которая называется «Западная Европа». Это произвольное (?) соединение ряда стран в одно понятие. Мы будем иметь дело с историей трех стран: Англии, Франции и Германии. Что дает нам право соединять эти страны в одно целое—Западная Европа»? (Слушайте!). Только одно—капитализм» (1-е изд., стр. 26; 2-е изд., стр. 24). А почему тогда автор «произвольно» не берет, например, Японию, Америку и на основе своего принципа соединения не называет и эти страны «Западной Европой»? Как видите, такая «популярность» изложения, гранича с вульгарностью, никуда не годится.

III. Автор дает неправильную оценку движущих сил Великой французской революции.

Авангардом третьего сословия, вождем революции автор считает деловую торгово-промышленную буржуазию (стр. 72). О крестьянстве, как движущей силе революции, автор ни слова не говорит.

«Вождь третьего сословия,—пишет автор,—деловая буржуазия будет стремиться в корне уничтожить старый общественный порядок. Ей удалось это сделать потому, что она вела за собою широкие народные массы: мелкую буржуазию, крестьянство, рабочий класс» (стр. 75). Впрочем, как правило, и это положение имеет свое частичное опровержение. На стр. 75 мы читаем: «В 1789—91 гг. власть очутилась в руках буржуазной аристократии, чтобы затем под руководством «деловой буржуазии» нация продолжала штурм старого порядка. 31 мая—

2 июня Жиронда уступила свое место Горе»... Но если после 1791 г. «нация продолжала штурм старого режима под руководством жирондистов», если жирондисты вели за собою все это время широкие народные массы, то почему этих «вождей революции» нужно было свергать? Если верно, что «деловая буржуазия являлась гегемоном революции, она руководила борьбой мелкой буржуазии городов и деревень, стояла во главе восставшего крестьянства» (не подумайте, что тут речь идет о Вандее. *М. К.)* (см. журнал ЗКУ № 2, стр. 44), что только благодаря руководству этой буржуазии удалось уничтожить старый порядок, что «эта буржуазия была наиболее революционным элементом общества» (Хрест., стр. 55),—тогда абсолютно нельзя доказать необходимость свержения жирондистов. Между прочим, в первом издании этой книги мы можем прочитать такие строки (стр. 73): «Она (французская интеллигенция), выделяемая всеми классами общества (и рабочими, и крестьянами?—это в XVIII веке-то? *М. К.)* в самом деле, являлась организатором общественной борьбы, вождем революции... играла руководящую роль». Как видите, автор здорово путается в вопросе о движущих силах французской революции. На ряду с приведенным положением о гегемонии деловой буржуазии в эпоху Великой французской революции, можно найти и противоположения: надо только поискать. В № 2 ЗКУ, на стр. 47 читаем: «Вожди Великой французской революции—мелкие буржуа». А в итоге—читатель недоумевает, жирондисты ли были «наиболее революционной силой», или мелкие буржуа, или интеллигенты.

...«Не означает ли понятие «буржуазная революция» того, что совершить ее может только буржуазия... Этот взгляд есть карикатура на марксизм. Буржуазное—по своему общественно-экономическому содержанию—освободительное движение не является таковым по его движущим силам» (Ленин, т. VIII, стр. 322).

«Великая французская революция об'ективно открывала дальнейшую дорогу капиталистическому строю, а суб'ективной классовой силой, двигавшей эту революцию, была мелкая буржуазия» (Бухарин—«Цезаризм под маской революции»).

IV. Автор неправильно оценивает историческое значение Великой французской революции.

...«Международное значение французской революции об'ясняется тем, что в XVIII в. в государствах старой Европы почти наполовину был разрушен феодальный порядок. Французская революция закончила (?) эту ликвидацию» (Хрестом., стр. 46). «Под ударами французской революционной армии, которая перешла границы республики и, начиная с государств на левом берегу Рейна, железной метлою вымела остатки феодализма с европейского континента»... (ЗКУ № 1, стр. 48). «В истории человечества не было (?) событий более крупных и более подготовленных, чем французская революция». (Хрестом., стр. 47). И как во всех других случаях, у Фридлянда всегда имеется опровержение. Действительно, в журнале ЗКУ № 2, стр. 52, мы находим следующее место: «Французская революция была грандиозным социальным переворотом, но еще более глубоко значение Октябрьской революции». А в № 3 ЗКУ читаем: «Революция 1848 г. в Европе выполняла задачи 1789 г.: она повсюду окончательно ликвидировала феодальные пережитки» (стр. 31). (Это уже вторичная ликвидация! *М. К.).* В рецензируемой книге вопрос о международном значении французской революции обойден, поэтому нам пришлось использовать другие работы автора. Вывод очевиден: у автора нет четкого изложения вопроса о международном значении французской революции. Совершенно неверно утверждение автора, будто Великая французская революция ликвидировала пережитки феодализма во всей Европе.

Итак, на примере Великой французской революции мы показали: 1) что во всех трудах автора нет правильного освещения вопросов революции и 2) что такое путанное изложение автором вопросов абсолютно не допустимо, тем более в учебных пособиях, посвященных рабоче-крестьянскому студенчеству. Если подобные лекции имеют, по мнению автора, то преимущество, что «они не связывают мысль и дают возможность в живой речи шире и свободнее ею оперировать» (стр. 5), то мы думаем, что такая неувязка мыслей, когда почти любое утверждение автора имеет рядом опровержение—никуда не годится. Надо вообще заметить, что язык автора, его формулировки совсем не похожи «на живую человеческую речь» и часто двусмысленны. Например: «Сущность синдикализма сводится к противопоставлению партии синдикату. Синдикат группирует по классовым экономическим интересам и отличается классовой однородностью; поэтому он выше (?) партии («Здорово» сказано! *М. К.)* и классово-устойчив». («Тезисы и планы», стр. 134). Сколько недоумения вызывает такая формулировка у читателя!

Или там же читаем: «Суть истории заключается в постепенном развитии, т.-е. постепенном правильном изменении человеческого общества» (стр. 9). ...«Что такое история?—История—наука о действиях людей, имеющих (действий или людей? *М. К.)* общественный характер». («Тезисы и планы», стр. 93, изд. 1922 г.). Не надо доказывать, что такие формулировки совершенно негодны.

Вот еще примеры:

1. «Все французское общество (значит и рабочие? *М. К.)* жило до Великой французской революции эксплоатацией французского крестьянства» (См. во всех изд. Хрестом., по 4-му изд., стр. 54).

2. «Королевская власть, как бы начала (?) революцию». (Изд. 1-е, «Ист. З. Евр., стр. 110).

3. «Жирондисты звали к войне с Европой, войне завоевательной в экономических интересах буржуазии Франции». («Тезисы и планы», 1922 г., стр. 110). А вот вам иное мнение: «Война была вызвана не только Жирондой, но и активными приготовлениями к нападению на Францию со стороны европейской коалиции и эмигрантов». («Тезисы», 1927 г., стр. 41). А в другом месте читаем: «Жирондисты желали войны, немедленно и во что бы то ни стало». (Хрестом., 4 изд., стр. 105). Война нужна была жирондистам, чтобы восстановить международный престиж страны». (Там же, стр. 105). А в рецензируемой книге (см. стр. 150) автор нападает на «кое-кого из коммунистов» (надо думать, автор имеет в виду здесь Н. Лукина. *М. К.)* и в прах разбивает все только-что приведенные его собственного произведения положения. В этой книге жирондисты—только оборонцы, они только потому кричат о войне, что необходимо «обеспечить революцию от нападения со стороны европейской коалиции» (стр. 150). Где же правда и где неправда? В учебном пособии говорится одно, а в его «дополнении»—в Хрестоматии—как раз наоборот. В действительности дело обстояло так: феодалы Европы безусловно готовили войну, но жирондисты сделали все возможное, чтобы ускорить ее начало.

4. «Виги—представители мануфактуристов (?), имеющих привилегии и право выборов». («Тезисы», 1922 г., стр. 98).

5. «Страх (?) перед пролетариатом и борьба (?) между пролетариатом и буржуазией—причина неудачи революции 1848 г. в Германии» (Хрестом., стр. 359).

6. «Франко-прусская война была со стороны Франции войной династической ее требовала императрица Евгения» (см. во всех изд. Хрест., в 4 изд., стр. 495).

7. «В наше время враги пролетариата России продолжают ошибки Коммуны 1871 г. (?), мы продолжаем ее дело, исправляя ошибки». («Тезисы», 1922 г., 152).

8. «II Интернационал об'единил исключительно (?) политические партии (а тред-юнионы? *М. К.*) отдельных государств». («Тезисы», 1922 г., стр. 153).

9. «Рабочее движение оказалось без революционных вождей и потому (?) было разбито. Это — первый исторический урок, принесенный крушением II Интернационала». (Хрестом., стр. 589).

Нет возможности перечислить все подобные рассуждения, но нет и необходимости все это опровергать, достаточно на это просто указать.

Теперь дадим общую характеристику работы Фридлянда, так как приведенных примеров достаточно, чтобы сделать оценку как по существу, так и по форме изложения.

Насколько неряшливо изложение каждой лекции, настолько небрежно подобран материал и в каждой лекции и расположен между лекциями. В особенности это заметно с 10-й лекции. 15-я лекция служит в роде затычки всех дыр изложения предыдущих и последующих лекций. И чего только не нагромождено в эту лекцию! Тут и общая характеристика эпохи (лекция называется: «От революции 1848 г. к Парижской Коммуне»), и уроки 1848 г., и Америка, и Восток, и технический прогресс, и банки, и биржи, и кредит, и социальные противоречия, и реакция, и идеология реакции, и Крымская кампания и т. д.

В этих последних лекциях (15—24) материал расположен крайне плохо и с методической стороны неудовлетворительно. Нельзя считать правильным с методической стороны слияние двух тем: «Парижская Коммуна» и «Первый Интернационал». Как пример плохого расположения материала, укажем хотя бы на то, что вопрос о франко-прусской войне затрагивается в восьми лекциях под ряд. (См. лекции — 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24). Такое повторение есть и других вопросов, например, о Прудоне, о Бланки и т. д.

Изложение вопросов каждой лекции довольно поверхностное: нет серьезного и глубокого анализа. Некоторые важнейшие вопросы—просто выпущены. (Анализ абсолютизма, международное значение В. фр. рев., вопрос о крестьянстве, как движущей силе этой революции и т. п. Ни слова нет о группе Харнея в чартистском движении, совершенно слабо освещен вопрос о социальной природе бонапартизма и т. д.). Вместо анализа, автор часто отписывается приведением груды цифр или отделывается, например, таким манером: «До появления машины не было условий для развития пром. капитализма, по той простой причине (а именно? *М. К.*), на которую нам в свое время указывал Маркс». (Стр. 40). Такое об'яснение ничего не об'ясняет.

В книге имеются и такие недочеты, которые прямо надо отнести к неряшливости автора. Диктатура якобинцев везде (см. стр. 143 и оглавление) датирована «1792—1795 гг.», что явно ошибочно. В обоих изданиях из числа шести чартистских требований пропущено требование отмены имущественного ценза. (Говорится о шести пунктах, а приводится—пять). В обоих изданиях значится: «классовая борьба и революция продолжали ткать свою нить» (стр. 258). Как всем известно, нитки не ткут, а прядут. На стр. 233, где говорится о реставрации привилегированными своих прав (1815—1830 гг.), значится: «Но они (привилегированные сословия) смогли (?) остановить капиталистическое развитие Европы... восстановлен был старый (?) абсолютистский режим». Будем считать все это «просто» «досадными опечатками». Часть таких «досадных опечаток», имевшихся в первом издании, устранена. (Например, «во Франции столько наций, сколько провинций», стр. 73). Но огромное количество подобных ляпсусов еще имеется и во втором издании.

Если сравнить эту книгу с известной книгой Н. Лукина («Нов. история Зап. Европы»), то, хотя Ц. Фридлянд и считает последнюю «лишь первой попыткой дать систематическое изложение» (кстати, Фридлянд и «Коммунистический Манифест» называет—«первой научной попыткой обоснования коммунизма и пролетарской революции», см. стр. 370), однако, эта «попытка» тов. Н. Лукина стоит несравненно выше рецензируемой книги—«продукта пяти—шести лет преподавания» и «итога педагогической работы автора». (Из «Предисловия», стр. 9—10).

Хотя Фридлянд и считает, что «Новейшая история Западной Европы» Лукина вряд ли является учебником» (стр. 7 «Тезисы и планы», 1927 г.), а Хрестоматию Ц. Фридлянда и А. Слуцкого автор называет не более и не менее, как «общепризнанным учебным пособием для комвузов» (ЗКУ № 1, стр. 49, какая авторская «скромность!» *М. К.*), мы склонны все же книгу Н. Лукина рассматривать, как единственное, пока, марксистски-выдержанное учебное пособие для вузов. (В Хрестоматии можно пользоваться только документами).

Был бы еще смысл печатать рецензируемую книгу после книги Н. Лукина, если бы в ней приводились новые факты, новые материалы, но ведь и этого нет. Было бы, например, очень ценно использовать разбросанные по разным местам в сочинениях Ленина его замечания по вопросам, входящим в курс предмета «Истории классовой борьбы» (Европа, Америка, Восток).

Ни по содержанию, ни с методической стороны книга Ц. Фридлянда не приемлема, как учебное пособие. Надо только удивляться, почему на этой книге стоит виза ГУС о допущении ее в качестве учебного пособия для вузов.

М. Князев.

«РЕВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРА»—двухнедельный журнал, №№ 1, 2, 3—4 за 1927 год и 1, 2, 3—4, 5, 6, 7, 8, 9, 10 за 1928 год. Изд. газ. «Правда».

Борьба за коммунистическую культуру развертывается по всему фронту социалистического строительства, захватывая все новые и новые области нашей общественной жизни, начиная от уменья культурно работать, вплоть до уменья пользоваться носовым платком; от уменья производить до уменья потреблять. Но производят и потребляют миллионы. Следовательно, перед нами стоит задача переделки масс.

Эта переделка масс широко развернулась с первых же дней Октябрьской революции: человеческий материал интенсивно переплавлялся в огне гражданской войны. Специфическое для настоящего момента заключается в том, что мы приступаем к плановой переделке масс, как к одной из основных задач, при чем переделка эта должна итти по линии выработки сознательных строителей коммунизма.

Переделка масс будет протекать в конкретных условиях, определяющихся двумя основными моментами: необходимостью критического усвоения оставшейся нам в наследство буржуазной культуры и ожесточенной классовой борьбой против буржуазных классов.

В порядок дня поставлены с необычайной остротой задачи: изживания культурной диспропорции между крестьянством и пролетариатом, между пролетариатом и партией и выработки и подбора хозяйственно-технических и научных коммунистических кадров.

Поскольку у нас существуют еще громадные культурные «различия между кадром и массой» (в стране на ряду с передовыми мыслителями современного человечества почти половина населения элементарно безграмотна), поскольку культурной работой должны быть охвачены колоссальные человеческие массивы, поскольку проведение необходимейших массовых культурных мероприятий потребует больших материальных средств (для введения начального всеобщего обучения в течение пяти лет потребуется около трех миллиардов рублей),—постольку и культурная революция будет длительной эпохой борьбы за революционную культуру масс.

Эта длительная эпоха в каждый данный момент будет иметь конкретные задачи, с разрешением которых попутно будет разрешаться и основная задача.

Основная задача, стоящая перед культурной революцией, заключается в уничтожении различия между умственным и физическим трудом, между управляемыми и управляющими, в уничтожении самого деления на управляемых и управляющих. Одна из важнейших конкретных задач настоящего момента есть борьба с бюрократизмом. Разгромив бюрократизм, приблизив аппарат к массам, упростив его, сделав его понятным, массовым, мы разрешим и часть общей задачи.

Н. И. Бухарин в очень интересной статье «Культурные задачи и борьба с бюрократизмом» (см. № 2 рецензируемого журнала за 1927 г.), пишет: «При пролетарской диктатуре речь идет не о взрыве, а о переделке, не об уничтожении, а об исправлении, упорном и настойчивом, бесстрашном и последовательном».

Старый царский аппарат мы не считали нужным улучшать. Мы стремились его сломать до основания. Но сломав, мы вынуждены были строить частично из обломков старого, ибо пролетариат, будучи угнетенным классом, не имел своих офицеров, техников, педагогов.

Старый аппарат был орудием угнетения. Обломки старого аппарата, вошедшие в новый, принесли сюда и часть старых традиций, породивших бюрократические извращения советского аппарата.

С этими извращениями мы должны бороться путем приближения аппарата управления к массам, путем вовлечения масс в дело управления.

Мы должны исправлять аппарат путем реформ, а не путем ломки, потому что, несмотря на бюрократические извращения, это все-таки наш аппарат, имеющий совершенно другие задачи, задачи обслуживания потребностей масс, а не угнетения. Поэтому наш «реформизм» принципиально отличен от каутскианского реформизма. Последний призывает к улучшению аппарата капиталистического государства, служащего, как известно, орудием господства эксплоататорских классов.

Бюрократизм аппарата капиталистического государства—его сущность, бюрократизм аппарата пролетарского государства—его извращение. Это извращение питается не только остатками старого аппарата, оно имеет питательные соки в социальной неоднородности, в классах, в их распыленности и малокультурности.

«Что является основой бюрократии?—спрашивает Н. И. Бухарин и отвечает:— Главнейшей причиной, без сомнения, культурная отсталость, «незрелость» масс, обреченных на эту отсталость капиталистическим режимом».

Поэтому «культурная работа в борьбе с бюрократизмом... составляет прямо-таки существеннейшую часть пролетарской революции», «культурная работа» и «культурная» революция есть... необходимая предпосылка для преодоления не только бюрократизма, но и бюрократии вообще».

Одной из форм проявления мелкобуржуазной стихии является индивидуализм, или—как его называют еще иначе—мещанство. Забвение общих интересов, политическая близорукость, ползучий эмпиризм во всех жизненных проявлениях—вот характерные черты мещанства.

Тов. Костров в статье «Культура и мещанство» (№ 3—4 за 1927 г.) правильно определяет его, как «идеологию мелкого товарного производителя», отражающую противоречие между частнособственническими, кустарно-ремесленными условиями его и общественным характером его труда».

Эта мелкобуржуазная стихия нередко захлестывает даже матросов советского корабля. Революционеры-пролетарии, недостаточно подкованные и устойчивые, порой с трудом отличают черное от белого. В наших партийных рядах это мещанство оформляется под видом комчванства, нередко не замечающего, что оно плывет по течению, подгоняется враждебными классами, ими в своих интересах использовывается.

Лозунг культурной революции в глазах такого мещанина теряет свой классовый смысл, и он покорно бредет с закрытыми глазами туда, куда влечет его «неведомая сила».

В некритическом усвоении буржуазного культурного наследства, в погоне за культурой «вообще», в убогом подражании своим классовым врагам кроется опасность для современного периода.

В «Заметках о коммунистическом воспитании молодежи» (№ 7 за этот год) т. Костров высказывает опасение за судьбу нашей молодежи.

Поскольку выработка кадров будет итти в основном за счет молодежи, естественно, что враг направляет свои удары и надежды прежде всего на молодежь.

В наше время современные условия представляют немало трудностей в деле воспитания нового человека... Нам приходится воспитывать международных пролетарских революционеров в процессе будничной, кропотливой «реформистской» работы,—пишет автор.

К этому же нужно добавить, что перед нами стоит задача воспитания человека, не сталкивавшегося с противоречиями капиталистического строя, никогда не видевшего его в глаза. Это обстоятельство делает нашу молодежь особенно чуткой ко всем и всяческим извращениям.

На ряду с недовольством может вырасти не менее опасное и вредное чувство всеобщего довольства, умиротворенности, неразборчивости в средствах удовлетворения культурных потребностей.

Потеря перспективы и неуменье понять и оценить окружающие процессы,—все это может привести не к воспитанию интернационального революционера, а самого худосочного грязного мещанина.

Основное противоядие против опасности мещанского обволакивания заключается в росте социалистического сектора нашего хозяйства, в расширении и укреплении его руководящей роли, в увеличении возможности на этой основе удовлетворять насущные материальные и духовные потребности.

Статьи т. Кострова, однако, в ряде мест, недостаточно грамотны. Тов. Костров, напр., пишет: «Вторая отличительная черта нашей общественной системы заключается в том, что государственный аппарат, через который в течение столетий шли враждебные нам классовые токи высокого напряжения, поступил на службу коммунистического воспитания. Это открывает перед нами величайшие возможности (?), в значительной степени уже реализованные в первое десятилетие революции,

и облегчает (?) переделку человеческого материала. Но это же создает новые трудности, лежащие по линии подчинения всех звеньев нашей системы и всех культурных ресурсов страны (школы, вузы, внешкольное образование, газеты, кино, театры и т. д.) задачам действительно коммунистического воспитания».

Этот тезис в высшей степени неясен. Почему и какие «величайшие возможности» открывает перед нами указанная т. Костровым «вторая отличительная черта»? Если автор, утверждая, что государственный аппарат прошлых «столетий» «поступил на службу коммунистического воспитания», имеет в виду «расшифровать» положение Ленина о том, что пролетариату, в силу некультурности страны, не удалось сразу и не удалось еще посейчас избавиться от бюрократических извращений и рутины в госаппарате (в котором мы должны поневоле использовывать старых чиновников и т. д.),— то почему т. Костров с этими явно отрицательными факторами нашей «общественной системы» связывает какие-то особые «величайшие возможности»? Как можно говорить, что бюрократические извращения, например, «облегчают» «переделку человеческого материала» диктатурой пролетариата?!

Кроме того, нельзя не отметить, что положение о «поступлении на службу» к пролетариату классово-враждебного ему госаппарата сформулировано т. Костровым так категорично и безоговорочно, что получается впечатление, будто, по Кострову, российский пролетариат не разбил, не сломал, не разрушил помещичье-буржуазный аппарат, а бережно сохранил его для «коммунистического воспитания» и для осуществления «величайших возможностей» в деле «облегчения переделки человеческого материала» (!).

Предоставляем читателю судить, насколько рассуждения т. Кострова способны уяснить вопросы о сущности пролетарского государства и о задачах борьбы с бюрократизмом.

Другой пример теоретической путаницы. Желая подчеркнуть массовый характер социалистического строительства, т. Костров пишет: «Не в верхних прослойках, а в глубинах класса формируется новый человеческий материал». Конечно, центр тяжести культурной революции лежит в повышении культурного уровня масс. Но то противопоставление, какое делает тов. Костров, ведет лишь к неверному, метафизическому представлению о конкретном процессе формирования нового человеческого материала. Процесс этот по необходимости, в силу того культурно-исторического наследства, которое получил рабочий класса от старого порядка, принимает неравномерный характер.

В этих условиях весьма значительна роль кадров, роль передовых элементов класса, как ведущего начала в создании нового человеческого материала... На ряду с культурным под'емом масс необходимо вырабатывать свои кадры, способные противостоять враждебному влиянию, способные наступать на своих классовых противников, способные воспитывать нового человека, способные вести массы вперед по пути культурной революции.

В интересной статье «Романтика будней» т. Я. Ильин поднимает вопрос о необходимости рационализации быта.

Если до сих пор существуют об'ективные условия для произрастания бытовых неурядиц: недостаточность и неудовлетворительность массовой культурной работы, отсутствие хороших уютных клубов, жилищная нужда— то это обстоятельство тем более накладывает на нас обязанность как можно рациональнее использовать то, что у нас имеется.

Автор в этой статье, ударившись в бытовизм, смазал, однако, основную задачу в отношении переделки масс: переделки их в первую голову как участников производственного процесса.

Для того, чтобы человеку стало стыдно перед товарищами за прогул, для того, чтобы рабочий понимал, как унижает достоинство строителя социализма пьянство, для того, чтобы показать и осознать всю пакость рукоприкладства, которое еще наблюдается в нашем семейном быту, для этого нужно проделать громадную воспитательную работу, нужно этой работой охватить все стороны быта пролетария «от гудка до гудка».

Нужно воспитывать одновременно не только сознательного потребителя, но и социалистического строителя. И здесь перед нами стоит громаднейшая задача борьбы со старыми навыками, рабскими привычками. Давно известно, что сила привычки громадна. Нужно эту громадную силу переключить на дело строительства социализма, нужно создать социалистические навыки. Для того, чтобы эту силу заставить работать на себя, нужно сделать так, чтобы человек понимал, какая громадная ответственность лежит на каждом участнике социалистического строительства.

У нас еще далеко не убили рабскую «привычку» верить. Религия— злейший враг научного коммунизма—не только не умирает, но еще кое-где пытается наступать. При этом оживление деятельности религиозных организаций до самого последнего времени облегчалось нашим полупассивным отношением, определявшимся формулой «свободы совести».

А. Малецкий в интересной статье «Социал-демократия и религия» показал на анализе идеолоогии «левого» крыла немецкой социал-демократии— бауэровщины, как «свобода совести» привела социал-демократию к полнейшей беспринципности и расширила ее социальную базу вплоть до католических попов. Известно, что глава австрийского правительства является в одно и то же время служителем бога и членом социал-демократической партии, именующей себя рабочей.

Тов. Малецкий пишет: «Религия—дело частное»—является еще буржуазным положением»... «У Маркса, Энгельса и Ленина это значит, что эта формула пригодна только для буржуазного государства».

Французская буржуазия в XVIII веке, Кемаль-паша в наши дни, отделяя церковь от государства, также делают религию «частным делом». Но для буржуазии это не принцип, а только политика, средство борьбы с реакционным помещичьим классом.

Кемаль-паша, как и французская буржуазия, не хочет уничтожения религии, ибо это не в его интересах. Он хочет только приспособления ее к нуждам и потребностям турецкой буржуазии.

Как же должно вести себя по отношению к религии пролетарское государство? Двух ответов на этот вопрос быть не может: пролетарское государство должно на религию вести форсированное наступление, как на элемент идеологии побежденного, но еще не разбитого окончательно класса.

А в наши дни об этом кое-где и кое-кто забывает. Так, например, еще в прошлом году в пасху одна из школ коммунизма—Рабис не считал зазорным давать путевки артистам для работы в... церквах, оправдывая это тем, что нельзя запретить члену союза заработать, если представляется к тому возможность. И члены союза «украшали» церковные хоры, способствуя процветанию церкви.

Еще до сих пор кое-где считается дискутабельным вопрос, какое необходимо проводить воспитание в низшей школе—безрелигиозное или антирелигиозное. Многие стоят за принцип «свободного» воспитания детей. И это делается в то время, как наши классовые враги, действуя через семью и не умершую еще церковь, активно стремятся к религиозному воспитанию детей. (См. статью Олещука «За антирелигиозное воспитание в школе», № 10, 1928 г.).

Все эти факты подтверждают мысль, что в классовой борьбе лучшее средство защиты—наступление.

В журнале развернулась горячая дискуссия по вопросам определения путей изобразительного искусства (№№ 2, 3—4 и 6 за 1928 г.). В детальный разбор этой дискуссии мы здесь входить не можем.

В статье «Ухабы на кино-фронте» (№ 3—4) Р. Пикель совершенно правильно отметил, что «На кино-фронте у нас почти совершенно нет марксистской критики». Это обстоятельство приводит к тому, что наши критики нередко высказывают только свою личную точку зрения. И нередко картины получали столько различных оценок, что потребитель разводил только руками.

Нельзя пройти мимо статьи тов. Луначарского, приуроченной к юбилею Горького (см. № 5 «О художественном творчестве и о Горьком»).

В указанной статье, от которой редакция журнала была вынуждена отмежеваться, тов. Луначарский пишет:

«Можно установить почти как закон, что немногосложные писательские фигуры, писатели, вылитые как бы из единого куска, менее интересны и поучительны, чем такие, в которых конфликты и противоречия их времени сказываются с особой выразительностью».

И дальше: «Конечно, Горький мог бы совсем не сочувствовать философским и политическим ересям и все-таки остался бы тем Горьким, которого мы все знаем».

Против этого можно было бы не спорить. Конечно, сложное явление богаче, интереснее примитива. Это же почти тавтология. Согласны мы и с тем, что Горький, как художник, не потерял бы ничего, если бы одно время не занимался богоискательством.

Но, оказывается, все это только «прелюдия». Оказывается (и это всего через две страницы от цитированного), «если бы Горький был прозрачным, стопроцентным выразителем рабочего класса, он, как художник, сделал бы гораздо меньше ошибок, принес бы нам из той пучины, в которую он погружается для своего творчества, меньше шлаков, но, вероятно, он принес бы и м е н е е (курсив наш. *А. К.)* даров».

Здесь т. Луначарский (говоря без обиняков) хочет бочком протащить оправдание своему собственному грешку.

Да он этого «почти» и не скрывает. На следующей странице черным по белому написано:

«Разве один только Горький ошибался, разве тяжелых ошибок не наделали очень и очень многие интеллигентские вожди пролетариата?» Довольно ясно. Но, тов. Луначарский, при чем же здесь цельность художника? Ведь у Горького как раз наиболее слабые художественные произведения именно те, где у него «неудачливый философ» теснит художника!

Мы остановились на некоторых острых вопросах, поставленных журналом. Здесь нет возможности и нужды давать обзор всему материалу, помещенному в 12 вышедших номерах. Достаточно упомянуть, что в журнале были напечатаны очень содержательные и глубокие статьи Бухарина «О старинных традициях и современном культурном строительстве» (№ 1, 1928 г.), Деборина (№ 4 «Марксизм и культура», № 2 «Октябрь и диалектический материализм»), Асмуса (№3—4 «Марксизм и культурная традиция»), Ярославского (№ 5 «Антирелигиозная пропаганда и культурная революция») и многие другие.

Журнал проявлял, пожалуй, большую «воинственность» в вопросах философии.

Помещение статей типа статьи Подволоцкого (идейный исходный пункт которой мы отнюдь не считаем неправильным) представляется нам в «Революции и Культуре» ненужным. Таким статьям место в других более специальных журналах.

Журнал пока имеет еще краткую историю, но и за этот период времени он проявил уже довольно отчетливую тенденцию к улучшению.

Если первые номера журнала относительно заполнены отвлеченным материалом, то в дальнейшем журнал уже не только скользит по физиономии врага, но дает место материалу, в котором этот враг пристально изучается.

Тов. Бухарин на VIII с'езде комсомола совершенно правильно выразился, что «Обострение классовой борьбы..., вызванное наступлением пролетариата, уже в достаточной степени расшифровало этого классового... врага. «Но для того, чтобы его победить, его мало видеть, его надо изучить». Ведь для многих сообщение о том, что сектантство об'единяет почти столько же молодежи, сколько и комсомол, явилось «неожиданностью».

С этой точки зрения, с точки зрения изучения врага, нельзя не отметить, как положительное явление, статьи: Столярова «Культурное лицо ученой реакции», Теляковского «Современное сектантство», Дейчмана — «Алкоголизм и социалистическое строительство», Залкинда «Культурная революция и вопросы педологии», Аникста «Перспективы культурного развития», Зорина «Красная армия, как культурный фактор», Вигалока «Больше внимания кадрам культурной революции (об учительстве)», Сапожникова «О научных работниках-коммунистах» и мн. другие.

Журналу необходимо в гораздо большей мере, нежели это делалось до сих пор, уделять внимание вопросам быта.

Как положительные качества журнала нужно отметить хорошо поставленную хронику из жизни научных учреждений и регулярные обзоры иностранной культурной жизни.

Нужно приветствовать всячески иллюстрирование журнала: это очень оживляет его.

В заключение необходимо признать, что для такого боевого журнала, каким должен быть именинник переживаемой эпохи—журнал «Революция и Культура», 15-тысячный тираж ни в коем случае не может быть признан достаточным.

Культурная революция разбудит от полуспячки к сознательной жизни миллионы. Для того, чтобы эти миллионы вывести на широкую дорогу коммунистической культуры, необходимо выковать стотысячные кадры маленьких и больших культурников.

Журнал должен стать поистине массовым для того, чтобы выполнить обещание, данное редакцией в предисловии к первому номеру.

Журнал доступен по цене (50 коп. за 5 печатных листов). И его можно горячо рекомендовать партийному, беспартийному и комсомольскому активу, деревенским культурным силам—учителям, агрономам и врачам.

В борьбе с классовым врагом на третьем фронте, он будет им лучшим помощником.

А. Костицын.

Письмо в редакцию „Большевика".

Уважаемые товарищи!

В «Большевике» № 7 1928 г. напечатана статья т. Лебедя «Внимание идеологическому фронту», подвергающая критике статью Волобуева «До проблеми української економіки», помещенную в «Більшовик України», № 2, 3. Не касаясь существа статьи т. Лебедя (подробному рассмотрению этой статьи мы уделим внимание на страницах «Більш. України»), мы этим письмом в редакцию хотим только рассеять то неправильное впечатление, какое может создаться у читателя «Большевика». Тов. Лебедь ни разу на протяжении всей своей статьи не говорит о том, что статья Волобуева была помещена на страницах «Більш. Укр.» в дискуссионном порядке, как будто бы пытаясь скрыть от читателя этот факт. Это—во-первых. Во-вторых, т. Лебедь также не указывает, какой жесточайшей критике была подвергнута статья Волобуева на страницах «Більш. Укр.». У читателя «Большевика» может создаться впечатление, что ни «Більш. України», где была помещена статья Волобуева, ни ЦК КП(б)У никакой борьбы со взглядами Волобуева не ведут и т. Лебедь первый заметил и первый выступил против этого шовинистического уклона. Это неправильно. Еще на X с'езде КП(б)У т. Каганович о статье Волобуева говорил:

> «Чувствуется, что он, Волобуев, находится в плену буржуазной идеологии, буржуазно-национальной экспансии, что он теряет совсем классовое пролетарское лицо». («Два года», стр. 94).

В № 2, 3 «Більш. Укр.» была напечатана статья т. Речицкого «До проблеми ліквідації пережитків колоніяльности та націоналізму» (ответ Волобуеву), подвергшая обстоятельной и всесторонней критике взгляды Волобуева. На эту статью ссылается т. Лебедь, но снова ни слова не говорит, что она направлена против Волобуева. В № 4 «Більш. Укр.» в передовой статье о взглядах Волобуева было сказано:

> «Волобуев в своей статье «К проблеме украинской экономики» дает экономическое обоснование хвылевизму-шумскизму, дает обоснование их теории борьбы двух культур, которую в свое время провозгласил т. Лебедь в великодержавно-русской интерпретации; фактически обосновывает необходимость выйти Украине из Союза, обосновывает теорию замкнутого хозяйства, критикует экономическую политику партии с точки зрения национального вопроса, проповедует теорию борьбы двух экономик. Взгляды Волобуева целиком и полностью помогают националистической контрреволюции, льют воду на мельницу буржуазии, помогают ей в ее борьбе против УССР и СССР».

«Більш. Укр.» № 6 почти целиком посвящен критике волобуевских взглядов (см. ст. ст.: Е. Гирчак «Платформа украинского национализма»; М. Скрыпник «По поводу экономической платформы украинского национализма»; Перчик «Новейшая «теория» советской экономики»). Во всех этих статьях волобуевские взгляды подвергались гораздо более беспощадной и жестокой критике, чем это делает т. Лебедь. Там эти взгляды квалифицировались, как антисоветские, антикоммунистические, антипартийные. Об этом бы следовало т. Лебедю, для соблюдения элементарной об'ективности, все-таки упомянуть. «Більш. Укр.», орган ЦК КП(б)У, отражающий и проводящий его политику, вел, ведет и будет вести беспощадную борьбу со всякими уклонами в национальном вопросе, как с великодержавно-русским, так и с украинским шовинизмом (см. статьи против Шумского, Хвылевого, Волобуева, Ларина, Зиновьева, Ваганяна, против раскольников КПЗУ). Не даром же ренегаты и изменники пролетарского фронта Западной Украины (Васильков-Турянский) так яростно нападают на наш журнал. И — третье. Тов. Лебедь пишет: «Нам кажется неверным печатание таких статей в коммунистической печати». («Большевик» № 7, 1928 г., стр. 87). Ничего ошибочного со стороны редакции «Більшов. Укр.» нет в том, что мы напечатали статью Волобуева и подвергли ее уничтожающей критике, так же, как нет ничего ошибочного и в том, что редакция «Большевика» напечатала аналогичную статью Садвокасова («Большевик» № 1, 1928 г.). Борьбой против украинского национализма воспитываем партию, в особенности молодое ее поколение, прививаем правильное ленинское понимание национальной политики и закаляем ее в борьбе со всяческими националистическими уклонами.

Тов. Лебедь в своей статье заявляет, что он неоднократно отказывался от своей теории борьбы двух культур (а не двух культур, как он иногда пишет), как явно ошибочной (стр. 87). Ни редакция «Більш. Укр.», ни ЦК КП(б)У, ни вся украинская большевистская организация не знают, где, когда (печатно), в каком органе т. Лебедь осудил свою теорию борьбы двух культур. Вот почему мы, в том числе и т. Любченко, имели все основания подвергать беспощадной критике явно ошибочную теорию борьбы двух культур, автором которой на Украине является т. Лебедь, а его интерпретатором в украинско-шовинистической модификации — тов. Хвылевой, сейчас отказавшийся от этой теории. Утверждение т. Лебедя, что «руссификаторские пережитки на Украине непосредственной угрозы не представляют», является явно ошибочным, идущим вразрез и ревизующим решения XII с'езда и политику КП(б)У в национальном вопросе. Критике взглядов т. Лебедя будет посвящена статья т. Скрыпника в «Більш. Укр.» № 9—10 (май).

С ком. приветом по поручению редакции «Б. У.»

ГИРЧАК.

Редакция: В. Астров. Н. Бухарин. В. Молотов. А. Слепков. Е. Ярославский.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 12 30 ИЮНЯ № 12

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 8

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

„ПРАВДА"

Главлит № А—16849 Тираж 75.000.

Типография газеты „Правда". Москва, Тверская, 48.

Программа Коминтерна и реформизм.

На шестом конгрессе Коминтерна, открывающемся теперь в Москве, будет принята программа Коминтерна, документ исключительной исторической важности. Впервые Коммунистический Интернационал принимает детально разработанную программу, единую программную платформу, на которой он об'единяет и будет об'единять революционных пролетариев и угнетенных всего мира. По содержанию этот документ, который по его значению можно приравнять к Коммунистическому Манифесту, конечно, отличается от Коммунистического Манифеста, отличается не методом (потому что метод, который положен в основу разработки этой программы, есть метод Маркса, писавшего Коммунистический Манифест), но построением, суммой идей, степенью диференцированности и стратегически-тактическими дополнениями, отвечающими новой эпохе. В этом отличии нашло выражение отличие задач коммунистов тогдашней полосы развития от задач коммунистов в теперешнюю полосу развития. В этих двух документах, проникнутых общим духом, отразились разные эпохи, разные условия борьбы, разный опыт, разные задачи.

Мы хотим остановить внимание читателя на том «водоразделе», который кладет программа Коминтерна между лагерем пролетарской революции и лагерем реформизма, лагерем «социалистической» контрреволюции.

Свергнуть империализм—это непременное условие, без которого недостижимо успешное строительство социализма. И поэтому такие крупные политические вопросы, которые взяты в программе Коминтерна, все время должны рассматриваться в сопоставлении с тем, что говорят наши основные враги, борющиеся за рабочие массы против нас, пытающиеся приручить рабочий класс к буржуазии—социал-демократы. II Интернационал не имеет своей официальной программы. Это об'ясняется многими условиями, это об'ясняется, в частности, тем, что II Интернационал об'единяет реформизм самых различных оттенков, разных физиономий. И поэтому, естественно, он не может найти определенной единой идейной платформы, которая об'единяла бы все партии II Интернационала. Общее, что их об'единяет, заключается в реформизме, как таковом. При конкретном разрешении ряда вопросов, например, представители английского рабочего

движения, оппортунисты типа Макдональда, дадут другой и иначе мотивированный ответ, чем тот, который на эти же вопросы дадут бряцающие «марксистскими» погремушками Гильфердинг и пр.,—им зачастую трудно найти общую идейную, конкретно разработанную во всех деталях платформу; поэтому программы у них нет. И поэтому при сравнении программных положений коммунизма, программных положений Коминтерна с оппортунистическими программными положениями, приходится обращаться в целях характеристики оппортунистической точки зрения не к какой-нибудь готовой программе II Интернационала, которой не существует, а к наиболее типичным теориям, наиболее типичным идеологическим выкладкам, которые имеются у крупнейших идеологов II Интернационала, в частности, у представителей германской социал-демократической партии.

Из партии II Интернационала в идеологическом отношении выделяется именно немецкая социал-демократия, которая является партией, у которой существуют определенные традиции давать теоретическую мотивировку, теоретическое обобщение своего оппортунистического опыта. В ее среде делаются попытки теоретически оформить ту политику, которую ведет II Интернационал, создать теоретическую систему взглядов, исходя из которых II Интернационал ведет свою реформистскую политику. Вот почему, указывая на оппортунистическую точку зрения, приходится ссылаться преимущественно на положения, выдвигаемые идеологами германской социал-демократии, являющейся в идейном отношении крупнейшей и влиятельнейшей партией II Интернационала.

Необходимо прежде всего обратить внимание на некоторые особенности введения программы Коммунистического Интернационала. В одном из начальных тезисов указано, что империалистическое развитие содействует не только созданию материальных предпосылок социализма, но и создает вместе с тем условия для свержения капитализма. Это очень существенный пункт. Социал-реформизм пытается доказать, что эволюционное, постепенное, мирное развитие капитализма «само» подготовляет осуществление социализма, «само» постепенно перерастает в социалистическое развитие, что империализм в ходе своего мирного развития эволюционно накапливает элементы социалистического развития и затем плавно и мирно переходит в социалистическую фазу. В противоположность этому Коминтерн резко говорит о том, что, с точки зрения революционного пролетариата, империалистическое развитие создает не только материальные предпосылки социализма, но оно создает условия для свержения капитализма. Он подчеркивает в этом пункте тот факт, что социализм становится исторической конкретностью, становится реальностью только тогда, когда империализм свергнут, и что самый вопрос о подготовке материальных условий для социализма стоит, с революционной точки зрения, в неразрывной связи с вопросом о подготовке условий для свержения

капитализма. При чем, подчеркивая во введении этот пункт, направленный своим острием против социал-реформизма, Коминтерн указывает, что важнейшим условием этого свержения империализма является борьба не на жизнь, а на смерть, беспощадная, решительная, энергичная, широко развернутая в самых различных направлениях борьба против социал-демократии, беспощадная борьба за высвобождение рабочих масс из-под влияния реформизма. Это есть одно из важнейших условий свержения капитализма, т.-е. одно из важнейших условий и социалистического развития и полного осуществления социализма.

В одном из последних абзацов введения программы Коминтерна подчеркивается неразрывная связь идеологии и практики рабочего движения, подчеркнута мысль, что об'единение сил рабочего класса, об'единение международного пролетариата, создание мощных революционных рабочих об'единений возможно только на определенной революционной идеологической платформе. Не так давно, в этом году, в Париже состоялась конференция нескольких реформистских партий под руководством независимой английской рабочей партии (на этой конференции присутствовали, кроме английских реформистов, представители польского Бунда, норвежской рабочей партии и партии итальянских максималистов). И вот эта небольшая конференция оппортунистов, которые считают себя более «левыми», чем другие «социалистические» организации, некоторые из которых даже не входят в состав II Интернационала, постановила предложить Коминтерну, с одной стороны, и II Интернационалу, с другой стороны, об'единиться. «Мы предлагаем,—заявили они,—об'единиться Коммунистическому и II Интернационалу. Мы обращаемся по этому поводу с манифестом ко всем рабочим организациям всего мира». Разумеется, Коминтерн не может пойти навстречу подобному, насквозь лицемерному предложению об'единиться с реформистами, программные положения которых, идейная установка которых, идеология которых, питающая и оправдывающая их реформистскую практику, являются нам в корне чуждыми и классово-враждебными. Об'единение сил рабочего класса, к которому призывает Коминтерн, мыслится им только на основе коммунистической идеологии, на основе тех программных положений, которые заключены в программе.

Центральным пунктом раздела «Мировая система капитализма в ее развитии и ее неизбежной гибели» является следующий тезис: «Развитие капитализма целиком подтвердило учение Маркса о законах развития капиталистического общества и противоречиях этого развития, влекущих всю капиталистическую систему к ее неизбежной гибели». Здесь заключены два положения: во-первых, то, что прогноз об обострении капиталистических противоречий, противоречий внутри капиталистического общества, оправдался последующим ходом развития капитализма и, во-вторых, то, что теперь накопление этих противоречий ставит во

всей конкретности вопрос о гибели капитализма. Здесь уместно сопоставить эту установку Коминтерна с той, которая дается виднейшими идеологами II Интернационала. Следует напомнить, что этот вопрос о тенденциях развития капитализма, стоял в центре споров между революционерами и реформистами внутри рабочего движения уже очень давно. В конце XIX в. в германской социал-демократической партии, крупнейшей партии II Интернационала, происходили споры между так называемыми ортодоксами, виднейшим представителем которых был Каутский, с одной стороны, и ревизионистами, виднейшим представителем которых был Бернштейн, с другой стороны. И тогда вопрос о том, означает ли развитие капитализма обострение противоречий внутри него или оно означает сглаживание противоречий, «отмирание» их—этот вопрос был центральным в дискуссии между ортодоксами и ревизионистами. При этом Бернштейн пытался тогда оспаривать все основные положения Маркса; исходя из положения о том, что развитие капитализма идет по пути смягчения противоречий, он пытался доказать невозможность краха капитализма и пролетарской революции. И вот теперь II Интернационал, идеологами которого по странной иронии судьбы являются многие из тех, которые когда-то спорили с Бернштейном, целиком и полностью сошел на позицию Бернштейна. Вот несколько цитат, характеризующих отношение идеологов II Интернационала к этому вопросу, к вопросу о противоречивости развития капитализма, к вопросу о тенденциях развития капитализма, к вопросу о том, обостряются или не обостряются противоречия внутри капитализма. Вот что пишет, напр., редактор комментариев к программе социал-демократической партии Германии Пауль Кампфмейер: «Маркс недооценил лишь эластичность и гибкость капиталистических форм собственности, которые вмещают в себе сейчас, может быть, в десять раз большее товарное богатство, чем он в свое время предполагал. Может быть, именно это противоречие между производительными силами и условиями производства и собственности, которое Маркс так подчеркивал и которое, по его мнению, открывало путь к социализму, и является слабым (конечно, не решающим) пунктом в его теории развития социализма. Колоссальное развитие производительных сил ни в одной культурной стране не привело к разрушению капиталистических экономических форм. Таким образом, не оправдались надежды на эти бессознательные процессы обобществления и разрушения!» И еще дальше: «В новую программу не включен и пункт эрфуртской программы, согласно которому капиталистическая монополизация увеличивает нужду, порабощение, унижение и эксплоатацию пролетариата». Социал-демократы хвалятся тем, что из их программы выброшено положение Маркса о том, что развитие капитализма означает усиление гнета, порабощения и эксплоатации пролетариата. Гильфердинг предусмотрительно распространяет тезис о «смягчении» на послевоенный империализм: «В экономическом отношении,—пишет он,—война и послевоенный период сопряжены с чрезвычайным усилением концентрационных тенденций капитала... Одновременно с этим крепнет порядок и сознательное руководство экономической жизнью... Уменьшается изменчивость условий капиталистического производства, и смягчаются кризисы или, по меньшей мере, их действие на рабочих»... Этот тезис выдвигается, несмотря на то, что империализм ведет наступление на рабочий класс, что в капиталистических странах налицо невиданная по своим размерам армия безработных.

Вот несколько тезисов социал-демократии, из которых можно увидеть, что она считает «устаревшим» положение Маркса о том, что капитализм означает обострение противоречий. Из них видно, что социал-демократы считают неправильным положение Маркса о том, что развитие капитализма означает усиление гнета трудящихся масс. Они выдвигают положения, из которых следует, что капитализм является эластичной системой, могущей ликвидировать эти противоречия, ликвидирующей и смягчающей эксплоатацию рабочего класса. Но если капитализм является такой общественной системой, которая может беспрепятственно и безгранично развивать производительные силы, если верно, что в рамках капитализма изживаются противоречия, если верно, что ослабляется давление капитала на рабочий класс, если верно, что теория обнищания масс, о которой говорил Маркс, неверна,—если все это так, то тогда уничтожаются теоретические предпосылки краха капитализма и неизбежности пролетарской революции. У Маркса вся теория обострения противоречий капитализма, усиления противоречий между имущими и неимущими классами и теория обнищания масс,—все это обосновывало и обосновывает неизбежность пролетарской революции. Социал-реформисты ревизуют здесь Маркса, капитулируют перед ревизионизмом и заявляют, будто капитализм в процессе своего развития доказал, что он может в своих рамках смягчить противоречия, улучшить положение рабочего класса и безгранично развивать производительные силы. Тем, что они стремятся оспорить неизбежность краха капитализма в результате обострения его противоречий, они хотят зачеркнуть основной аргумент в пользу пролетарской революции, в пользу ее неизбежности.

Характеризуя теперешнюю эпоху, виднейшие идеологи II Интернационала усматривают расцвет и большие перспективы империализма в том, что капитализм сейчас вступает решительнее, чем когда бы то ни было, на путь сращения его крупных экономических центров, финансовых и банковских об'единений с государством; что все больше усиливается тенденция государственно-капиталистического развития, т.-е. такого развития, когда буржуазное государство становится организатором и руководителем капиталистического производства; когда государство владеет предприятиями или обладает очень значительными регулирующими функциями по отно-

шению к производству. И вот, указывая на усиление этой тенденции в развитии капиталистического хозяйства и капиталистического общества, социал-демократы усматривают в росте госкапиталистических форм начало новой многообещающей фазы капитализма.

Государственный капитализм,—декларируют Гильфердинги,—это новая фаза, в рамках которой будут безгранично развиваться производительные силы, будут смягчаться противоречия между капиталистами и рабочими и в рамках которой будет зарождаться и вызревать «социализм», будут создаваться «социалистические» общественные формы. При чем они пытаются доказать, что и во внутренней структуре этого самого государственного капитализма и во внешних отношениях капитализма одной страны к капитализму другой, будут все время происходить процессы смягчения отношений между классами, между отдельными национальными капиталистическими группами.

Экономическую версию эволюционного «отмирания» капитализма идеологи II Интернационала дополняют версией политической, усматривая в коалиционном принципе потрясение основ буржуазного политического режима.

В своем докладе на Кильском с'езде Гильфердинг заявил: «...Покрывается ли борьба за единое государство формулой: «Капитализм или социализм?» Если мы можем достичь кое-чего для осуществления единого государства путем вхождения в правительственную коалицию, то должны ли мы сказать: нет, ни при каких условиях? Это совершенно невозможная позиция, и уже *это доказывает, что с формулой «капитализм или социализм» политически в очень многих ситуациях ничего не сделаешь*».

В том факте, что буржуазное государство втягивает реформистских социал-демократов, их продажных чиновников в свой государственный аппарат, в этом усматривается уже «отмирание» капитализма. Раз-де социал-демократы входят в коалицию, значит, нельзя говорить, что это просто капитализм, а что здесь есть некоторое смешение форм—буржуазной и социалистической. А на последнем конгрессе II Интернационала тот же Гильфердинг, говоря о войне, заявил, что теперь нельзя и в отношении военной опасности противопоставлять капитализм социализму, ибо-де в рамках капитализма возможно мирное преодоление войны. Оценивая теперешний капитализм и тенденции его развития, идеологи II Интернационала даже не осмеливаются назвать теперешнюю систему капиталистической. Они говорят, что противопоставление капитализма социализму «устарело». Они считают, что противоречия капиталистического развития смягчаются, и пытаются обосновать неизбежность новой фазы капиталистического развития—государственного капитализма. Они утверждают, что противоречия между классами в этой фазе капиталистического общества, которое, будто бы, одновременно является и социалистическим, в котором капитализм «переплавляется» в социализм в силу плановости хозяйства, смягчаются; что в рамках этого буржуазного общества происходит уже перерастание в новую фазу, в социалистическую фазу развития, изживаются условия и возможность империалистических войн. Они обосновывают, таким образом, вывод, что за оружие браться нечего, что «сама история» обеспечила теперь создание в рамках буржуазной демократии, в рамках теперешних отношений капитализма, новых элементов социалистического общества. Наши же программные положения исходят из старого положения Маркса об углублении противоречий, нарастании и накоплении их, из положения о том, что из этого накопления противоречий неизбежно вытекает гибель капиталистического общества, что уничтожение капитализма может быть осуществлено только пролетарской революцией, пролетарской диктатурой.

В программе Коминтерна дается анализ тех противоречий, которые подготовляют взрыв капитализма и нарастание социалистической революции. Здесь отмечается прежде всего нарастание международного социалистического движения пролетариата и движения трудящихся масс вообще, нарастание тех противоречий, которые раздирают *эксплоататоров и эксплоатируемых*; во-вторых, проект отмечает борьбу, которая происходит *между СССР и мировым империализмом*; в-третьих—борьбу, которая происходит *между империалистическими и колониальными странами*: и, в-четвертых,—борьбу, которая *ведется между отдельными капиталистическими странами*. Все эти противоречия обостряются в процессе текущего развития, все они говорят за неизбежность краха мирового капитализма, за неизбежность победы международной социалистической революции. Социал-демократы стараются эти противоречия замазать, оспорит, ограничить и тем ослабить волю эксплоатируемых к борьбе и победе над буржуазией. Возьмите, например, борьбу международного пролетариата и международной буржуазии. В нашей программе приводится целый каталог предательств социал-демократии в полосе борьбы пролетариата с международной буржуазией за время существования Коминтерна. Если вы возьмете борьбу СССР и мирового империализма, то увидите, с одной стороны, стремление социал-реформистов доказать, что империализм не хочет войны, что в рамках империализма можно избежать войны, а с другой стороны, стремление доказать, что только СССР является фактором нарушения «пацифистского» равновесия мировой системы.

В борьбе империалистических стран с колониями социал-реформисты изображают «зачинщиками» и нарушителями «мира» восстающие колониальные народы. Противоречия империалистических стран между собою, по их мнению, настолько смягчились, что о войне «кричать» не стоит.

Все те противоречия, об обострении которых говорит программа Коминтерна *в главе о кризисе капитализма и неизбежном развертывании мировой революции*, все эти противоречия социал-реформизм стремится замазать и создать

теорию, «доказывающую», что происходит не обострение этих противоречий, а их смягчение, что империализм вступил на путь «реалистического пацифизма».

Коммунистическая программа исходит из положения об обострении противоречий, из положения о невозможности разрешения этих противоречий без социалистической революции. Программные положения реформизма основываются на ревизионистском представлении о смягчении противоречий внутри капитализма, об эволюционном вызревании элементов социализма в рамках капитализма.

Совершенно естественно поэтому, что и в вопросах стратегии и тактики пролетариата реформизм отделяется от коммунизма непроходимой пропастью.

Большевизм стоит на той точке зрения, что борьба за массы должна обеспечить подготовку их к проведению вооруженного восстания против империализма, вооруженного восстания, являющегося высшей формой рабочего движения и приводящего к диктатуре пролетариата. Эта установка нашла яркое выражение в проекте программы Коминтерна.

Реформизм решительно отметает перспективы вооруженного восстания и пролетарской диктатуры, поскольку вся его генеральная установка имеет целью укрепить, «санировать» империализм, предотвратить революционный штурм твердынь капитализма, исключить пролетарскую революцию и «нормализировать» развитие капитализма на основах, присущих капитализму.

Не капитализм, а коммунизм—враг реформизма. И поэтому программа Коминтерна будет встречена воем и возмущением не только капиталистов, но и их реформистских прислужников.

А. Кармалитов.

К вопросу о равновесии в экономической системе СССР.

(По поводу статьи тов. Преображенского «Хозяйственное равновесие в системе СССР». «Вестник Комм. Академии» № 22).

I. Исходные пункты анализа у Преображенского.

В нашей литературе об исследовании основных законов развития переходного периода от капитализма к коммунизму спор еще вертится на вопросе о методах исследования. Дальше пока не пошли. Даже до настоящего времени, несмотря на десятилетний период существования плана, проводимого пролетариатом в деле перестройки экономической системы Союза, нет еще общепризнанных принципов этого плана, нет теории плана. А жизнь не ждет. С плохой теорией или совершенно без нее приходится решать самые актуальные вопросы строительства, приходится перестраивать, переделывать всю систему отношений. В настоящее время решаются две таких важных задачи, как пятилетний план народного хозяйства и баланс народного хозяйства. Оба эти вопроса решают конкретно всю сумму вопросов, связанных с воспроизводством в нашей экономической системе. В теоретической же литературе вопрос о воспроизводстве в СССР не только не решался, но он даже почти и не ставился. Есть только одна попытка,—правда неудачная, но все же попытка,—поставить эти вопросы; мы имеем в виду статьи Преображенского в «Вестнике Коммун. Академии» о «Хозяйственном равновесии при конкретном капитализме и в системе СССР». Статьи еще не законченные. Нас интересует в этих статьях только один вопрос, это о том, как, при каких условиях происходит равновесие в советской системе. Вопрос о воспроизводстве в СССР—новый вопрос, вопрос трудный, но наша практическая деятельность настоятельно требует решения данного вопроса. Это облегчило бы во многом конкретную работу по воспроизводству в пятилетке и балансе, которые должны будут лечь в основу нашей деятельности по перестройке производственных отношений экономической системы. Вскрытие основных закономерностей, лежащих в основе равновесия нашей системы, вскрытие основных условий воспроизводства дало бы возможность более правильно решить всю сумму вопросов, связанных с нашей экономполитикой, дало бы возможность избежать таких ошибок, которые были допущены как раз по линии теоретического анализа советской системы в балансе народного хозяйства за 1923/24 год.

Поэтому мы считаем необходимым остановиться на положениях, выдвигаемых Преображенским по вопросу о равновесии в СССР.

Вопрос о воспроизводстве в СССР тесно связан с вопросом о регуляторе хозяйственной жизни. Основная беда Преображенского в вопросе о

регуляторе заключается в смешении формы и содержания, вернее, в характеристике формы как содержания [1]).

Между отдельными системами производственных отношений в нашей экономике идет борьба за регулятор, за обладание данным регулятором, а у Преображенского выходит, что идет борьба между регуляторами. В первом случае налицо борьба при наличии единства экономической системы, во втором случае борьба без наличия такого единства; в первом случае отдельные секторы, несмотря на борьбу, дополняют друг друга, во втором случае на основе борьбы исключают друг друга. Основная особенность плана в переходный период заключается в охвате всего народного хозяйства в целом, в охвате всех элементов производственных отношений. Отсюда неодинаковые отношения пролетарской экономической политики к разным секторам хозяйства в деле их переделки, в замене производственных отношений чуждых социализму социалистическими производственными отношениями. Отсюда же вытекает необходимость при рассмотрении вопроса о равновесии экономической системы СССР деления всего народного хозяйства на три сектора: 1) социалистический, 2) капиталистический и 3) простое товарное хозяйство. Преображенский к такому делению также как будто бы склоняется [2]). Преображенский пишет: «Анализ условий равновесия в системе советской экономики теперешнего периода делает необходимым деление хозяйства на три сектора: а) сектор государственного хозяйства; б) сектор частнокапиталистического хозяйства; в) сектор простого товарного производства» [3]). Сделав совершенно верную установку, автор сразу же предупреждает: «Однако, часто характер исследования будет требовать противопоставления первого сектора двум остальным, вместе взятым, поскольку два последние сектора представляют из себя об'единенный круг всего частного хозяйства вообще, а отсутствие нужных цифр о капиталистическом секторе делает при конкретном изучении воспроизводства единственно возможным именно деление на два сектора (там же). Поскольку Преображенский еще пока не дал конкретного анализа, в котором он предполагает делить все народное хозяйство на «два сектора», постольку на данном вопросе мы останавливаться не будем. Что же касается теоретического анализа, данного им, то здесь на продолжении всех без исключения разбираемых вопросов производится об'единение капиталистического сектора и сектора простого товарного хозяйства в одно целое. Такое смешение этих секторов в вопросе о равновесии, по нашему мнению, неправильно потому, что сглаживает между ними разницу, а значит, сглаживает специфическую роль каждого из данных секторов в вопросе о равновесии. Капиталистический сектор и сектор простого товарного хозяйства отличаются друг от друга как системой производственных отношений, так и характером и динамикой развития в общей системе производства, а значит, и особым положением в системе равновесия. Следовательно, первая методологическая ошибка Преображенского есть смешение двух секторов в один. Такая ошибка, по нашему мнению, вытекает из другой ошибки: из неправильной установки на роль каждого из этих секторов в их сочетании с социалистическим. У нас простое товарное хозяйство, пишет Преображенский, создает условие развития капитализма, поэтому: «Этот факт ставит государственное хозяйство в условия непрерывной экономической войны с тенденциями

[1]) Вопрос о регуляторах в постановке Преображенского хорошо разобран т. Бухариным в его книжке «К вопросу о закономерностях переходного периода». В данной связи подробно на этом вопросе мы остановиться не можем.

[2]) В виду того, что вопрос о равновесии выдвигаемый Преображенским, в нашей литературе не разбирался совершенно, придется его положения обильно цитировать.

[3]) «Вестн. Ком. Акад.» кн. 22, стр. 24.

капиталистического развития, с тенденциями к капиталистической реставрации, поддерживаемыми извне давлением на наше хозяйство со стороны мирового капиталистического рынка. Поэтому наша экономическая система не может обладать той внутренней устойчивостью, которая характеризовала страны молодого капитализма, разложившего феодальные отношения и подчинившего себе мелкое товарное производство. Это единоборство социалистических элементов хозяйства с капиталистическими, опирающимися на массив мелкого товарного производства, приводит к дуализму и в сфере регулирования, а значит, к специфическим условиям равновесия во всей системе» (стр. 23). Здесь заложены три основных мысли: 1) в нашей системе равновесие складывается на основе непрерывной экономической борьбы капиталистического и социалистического секторов; 2) частнокапиталистический сектор опирается, как на свой базис, на простое товарное хозяйство; следовательно, 3) социалистический сектор выступает как изолированный об'ект нападений со стороны капиталистического сектора, опирающегося на сектор простого товарного хозяйства при поддержке мирового капитала. Короче говоря, в основной методологической установке Преображенского при решении вопроса о равновесии в советской системе налицо экономическая смычка капиталистического сектора и сектора простого товарного хозяйства, как «базиса» первого. Социалистический сектор ведет отчаянную борьбу с капиталистическим сектором как авангардом, а также и с сектором простого товарного хозяйства, выступающего «базисом» капиталистического сектора. На основе этого—закон первоначального социалистического накопления. А отсюда целая директива: «Задача социалистического государства заключается здесь не в том, чтобы брать с мелкобуржуазных производителей меньше, чем брал капитализм, а в том, чтобы *брать больше* из еще большего дохода, который будет обеспечен мелкому производству рационализацией всего, в том числе и мелкого, хозяйства страны, интенсификацией земледелия» («Нов. Экон.», стр. 99—100). Что касается капиталистического сектора, то с него брать, конечно, по Преображенскому, надо как можно больше, но то же самое и с сектором простого товарного хозяйства. Подход один и тот же, а отсюда и смешение этих обоих секторов.

В этом, по нашему мнению, основная методологическая ошибка Преображенского, ошибка, вытекающая из непонимания того, что простое товарное хозяйство в настоящее время является базисом не только капиталистического, но и социалистического сектора. Обусловливается это ведущим началом промышленности, в основном находящейся в руках пролетариата, над сельским хозяйством (поскольку в сельском хозяйстве основная масса простых товаропроизводителей). Выражением ведущей роли крупной промышленности является своеобразный характер расслоения советской деревни [1]). Поэтому переносить за одни скобки простое товарное хозяйство с капиталистическим неправильно.

Вторая методологическая установка Преображенского в вопросе об анализе равновесия в советской системе сводится к следующему: «Наоборот, при анализе воспроизводства в нашей системе мы исходим из отклонения цен от ценностей, как из правила, если сравнивать наши цены с мировыми. Особенность нашей экономики периода первоначального социалистического накопления, с точки зрения равновесия, как раз и заключается в отсутствии эквивалентного обмена, к которому как к господствующей тенденции, тяготеет капиталистическая экономика» (стр. 24).

«С этой неэквивалентностью связано все существование государственного хозяйства, и в ней заключается одна из важнейших особенностей

[1]) Поскольку данный вопрос подробно разобран XV парт. конф. и XV парт. с'ездом, я на нем не останавливаюсь.

нашей системы на данном этапе ее развития». И дальше: «Наша система не выдержала бы эквивалентного обмена, контролируемого мировым рынком, и весь процесс реконструкции государственного хозяйства должен был бы приостановиться» (стр. 25).

Вот это вторая установка. Мы существуем, развиваемся, происходит процесс расширенного воспроизводства, вся система держится в равновесии только на основе неэквивалентного обмена: «С этой неэквивалентностью связано все существование государственного хозяйства»,—говорит Преображенский.

Вопрос о неэквивалентном обмене в теоретической концепции Преображенского играет слишком большое значение. Поэтому придется тщательным образом разобрать данный аргумент. Неэквивалентный обмен находит свое выражение в законе первоначального накопления. Поэтому мы на нем и остановимся.

II. Место неэквивалентного обмена в системе равновесия.

Преображенский ставит неэквивалентный обмен во главу угла расширения социалистического сектора. Вначале посмотрим, в каком отношении находятся разные секторы хозяйства к факту неэквивалентного обмена, посмотрим, так сказать, логическую сторону аргументации автора. «Если для государственного хозяйства, — пишет Преображенский,— неэквивалентный обмен есть материальный источник технической реконструкции и предпосылка развития производительных сил на будущие годы, то частная промышленность просто присасывается к создавшемуся положению, размещается в порах неэквивалентного обмена между советской крупной промышленностью и деревней в целях накопления, не переходящего в индустриально-производственное накопление и потому не могущего явиться ни источником снижения себестоимости, ни отправным пунктом положительной реконструкции с государственной промышленностью» (стр. 26—27).

А дальше: «*И здесь* (в торговле. *А. К.*) частный капитал играет преимущественно паразитическую роль в том смысле, что использует не им созданную кон'юнктуру неэквивалентного обмена, ничего не делая для достижения большей эквивалентности» (стр. 27). Получается своеобразная картинка. Неэквивалентный обмен с деревней дает возможность существовать и развиваться социалистическому сектору. В этом сущность закона первоначального социалистического накопления. Неэквивалентный обмен дает возможность и частному капиталу, занятому главным образом в торговле и промышленности, также «присасываться» и получать доходы. Следовательно, чем выше неэквивалентный обмен, тем выгодней, при прочих равных условиях, и социалистическому сектору и сектору капиталистическому. От неэквивалентного обмена выгода обоюдная, при чем выгода для капиталистического сектора связана вообще с его существованием. Частный капитал промышленности и торговли «размещается в порах неэквивалентного обмена», как «боги Эпикура или евреи в порах польского общества» (Маркс). В первом случае выгоду для социалистического сектора Преображенский характеризовал как закон первоначального социалистического накопления, ведущего борьбу с законом стоимости, во втором случае Преображенский ничего не сказал. А надо бы было. Раз неэквивалентный обмен для социалистического сектора характеризует собой определенный закон, то почему бы не сконструировать какого-либо закона для капиталистического сектора, занятого в промышленности,—ну, скажем,

закона первоначального капиталистического накопления? Ведь с логической стороны здесь дело идет об одном и том же явлении — неэквивалентном обмене, на основе которого два сектора живут за счет одной и той же базы—деревни, общность интересов обоих этих секторов Преображенским выдвигается как постулат. Идем дальше.

Оказывается, что не весь капиталистический сектор использует неэквивалентный обмен. У Преображенского капиталистический сектор в его отношении к неэквивалентному обмену делится на две части: одна —это частный капитал в промышленности и торговле, — эта часть пользуется всеми благами неэквивалентного обмена, другая — в сельском хозяйстве: кулаки, которые «как и все крестьяне» борются с неэквивалентным обменом. Преображенский пишет: «В ином положении находится аграрная половина капиталистического сектора... Именно аграрный капитализм советской системы прежде всего и больше всего страдает от неэквивалентного обмена потому, что кулацкое хозяйство покупает больше середняцкого, а значит, больше переплачивает на наших внутренних ценах в сравнении с мировыми»... (стр. 27). «Вот почему кулацкое хозяйство так остро враждебно, так сознательно враждебно относится к теперешней экономической системе СССР, хотя от неэквивалентного обмена страдает в известной мере все крестьянство вообще, поскольку оно связано с рынком и не замкнулось в скорлупе натурального хозяйства» (стр. 27). Получается действительно своеобразный, никем еще пока не выдвигавшийся парадокс. Социалистический сектор на данной ступени развития только и живет, что за счет неэквивалентного обмена. За счет неэквивалентного обмена живет и часть частного капитала. Эта часть капитала, следовательно, сторонница неэквивалентного обмена, а поэтому, вероятно, и не так «остро враждебна к экономической системе СССР». С другой стороны, аграрная часть капитала страдает «больше всего» от неэквивалентного обмена, а вместе с ней страдает и «все крестьянство». Поэтому-то кулаки, а вместе с ними и все крестьянство, связанное с рынком, «так враждебно относятся к экономической системе СССР». Выходит, что «все крестьянство» является врагом экономической системы СССР, опирающейся на неэквивалентный обмен, а капиталистические элементы в промышленности и торговле—ее друзьями. Неэквивалентный обмен по заявлению Преображенского является основой существования нашего Союза, на нем зиждется и закон первоначального социалистического накопления, и в этом коренном, стало-быть, вопросе нам друг частный капитал и непримиримый враг — простое товарное хозяйство. Отсюда: «Борются две системы равновесия: равновесие на капиталистической основе, на основе включения в мировое хозяйство, регулируемое законом ценности, путем ликвидации советской системы и придавления пролетариата, и равновесия на основе временного неэквивалентного обмена, служащего источником социалистической реконструкции и неизбежно означающего придавление капиталистических тенденций развития особенно в земледелии» (стр. 28). Следовательно, кулацкое хозяйство, «как и все крестьянство», не заинтересованное в неэквивалентном обмене, борется за «капиталистическую систему равновесия»; социалистический сектор, как и сектор капиталистический, находящийся в промышленности и торговле, з а и н т е р е с о в а н в неэквивалентном обмене, который служит источником социалистической реконструкции, «означающей придавление капиталистических тенденций развития». Получается: 1) капиталистические элементы в промышленности против капиталистических элементов... «особенно в земледелии»; 2) «все крестьянство» за капиталистическую систему равновесия. Ну, как тут не брать с них «б о л ь ш е», чем капиталисты! Это два таких парадокса, которые могут вмещаться только в голове Преображенского.

III. Критика „закона“ с точки зрения равновесия.

Выше во втором параграфе мы только излагали точку зрения Преображенского на вопрос о действии неэквивалентного обмена на разные секторы народного хозяйства. Как известно, на основе факта неэквивалентного обмена Преображенский конструирует закон первоначального социалистического накопления. Теперь мы перейдем к критике выдвигаемых автором положений и как раз со стороны результата неэквивалентного обмена — закона первоначального социалистического накопления. Преображенский считает, что неэквивалентный обмен, на базе которого существует социалистический сектор, налицо благодаря нашей технической отсталости. «Если принудительным условием существования советского хозяйства с его государственным сектором является неэквивалентный обмен со всеми аппаратами ограждения такого обмена, как, например, монополия внешней торговли, плановый аппарат и жесткий протекционизм, то вторым принудительным условием его дальнейшего существования является постепенное преодоление этой неэквивалентности, постепенное приближение уровня наших производительных сил к уровню наиболее передовых капиталистических стран» (стр. 26). Следовательно, приближение к «уровню передовых капиталистических стран» есть преодоление неэквивалентности.

При тщательном анализе проблемы неэквивалентного обмена в работах Преображенского мы находим у него два вида неэквивалентности. Первый вид: «При капитализме неэквивалентный обмен между крупным производством и мелким, в частности неэквивалентный обмен между капиталистической промышленностью и крестьянским земледелием, вынужденным в известной мере приспособляться в области цен к стоимостным отношениям крупного капиталистического земледелия, является, если говорить о сфере чисто экономических отношений и причин, простым выражением более высокой производительности труда в крупном производстве в сравнении с мелким» («Нов. Эк.», стр. 10). Вот это один вид, одна характеристика неэквивалентного обмена, характеристика, вытекающая из более высокого состояния производительных сил в промышленности. Следовательно, если бы наше крестьянство торговало непосредственно само с иностранным капиталом неэквивалентный обмен существовал бы, вытекая из высокой техники западно-европейской промышленности. Но неэквивалентный обмен, существующий в нашем хозяйстве, имеет другие предпосылки обратного порядка, предпосылки, вытекающие из нашей технической отсталости. Преображенский пишет: «У нас неэквивалентный обмен сейчас связан прежде всего с технической отсталостью нашей промышленности, более низкой производительностью труда в ней в сравнении с передовыми капиталистическими странами» (стр. 10).

Таким образом, поскольку пролетарское государство само покупает крестьянские товары и дает взамен товары своего производства по более высоким ценам, чем капиталисты, постольку мы неэквивалентный обмен удвоем. Если нам удастся в техническом отношении догнать передовые капиталистические страны, тогда вторая причина, углубляющая неэквивалентность, будет устранена, но зато останется первая причина. Преображенский так и пишет: «Когда последние причины отпадут (т.-е. наша техническая отсталость. *А. К.)*, первые останутся» (стр. 11). Первая причина неэквивалентности, вытекающая из технического превосходства промышленного производства над мелким, раздробленным, не вызывает никаких сомнений. Этот факт показывает лишь преимущество крупной техники над мелкой. Остановимся на втором типе неэквивалентности, вытекающей из «технической отсталости нашего производства в сравнении с капиталистическим», вытекающей из «существа советской системы хозяйства». Тем более на нем надо остановиться потому, что о данном характере неэквивалентности и идет речь у Преображенского.

Неэквивалентность, вытекающая из нашей технической отсталости, превалирует по Преображенскому над первым типом. Прежде всего посмотрим, как обосновывает автор данный тип неэквивалентности. Способом обоснования его является связь с мировым рынком. Преображенский считает, что абстрагироваться на первой ступени анализа от экономполитики возможно, но зато нельзя абстрагироваться от связи с мировым рынком. «Отвлечься от мирового рынка значит отвлечься от наших взаимоотношений с мировым хозяйством, значит отвлечься от совершенно исключительных ценностных взаимоотношений с ним, от неэквивалентного обмена, от монополии внешней торговли, от почти запретительных таможенных тарифов, насилия, на котором буквально висит все наше промышленное развитие в период предварительного социалистического накопления» («Нов. Экон.», стр. 44). Следовательно, поскольку все наше развитие, включено в мировой рынок, постольку на первом этапе анализа абстрагироваться от него нельзя. Как же Преображенский включает нашу систему в мировой рынок? Включение его очень своеобразно. Оказывается, что цены с.-х. товаров регулируются не условиями нашего хозяйства, а законом стоимости мирового рынка. Цены с.-х. товаров определяются ценами мирового сельского хозяйства. Преображенский пишет: «Мы накопляем при этих ценах только потому, что насильственно, на основе борьбы с мировым законом ценности принудительно прикрепляем к нашей технически отсталой промышленности наш внутренний рынок...» (стр. 45). Так мировой закон ценности бушует, как слепая сила, не только на мировой арене, но он бушует также и в нашей собственной экономике — в сельском хозяйстве. Вот такое положение есть действительно теоретическое обоснование другого положения, высказанного другим автором — Троцким, который рассматривает наше сельское хозяйство как «функцию мирового хозяйства». В чем здесь ошибка? Ошибка, коротко говоря, заключается в следующем. Действительно в нашем простом товарном хозяйстве действует стоимость. Действует она и в мировой экономике. Но действие ее разное. Разница заключается в том, что в одной и той же потребительной стоимости заключено разное количество общественно-необходимого рабочего времени, а значит, и пропорции распределения, действующие в нашем крестьянском хозяйстве и устанавливающиеся на основе закона стоимости, одни, другими они являются на мировой арене, где также действует закон стоимости, но действует на другом по своему уровню базисе, на основе другой техники. Когда Преображенский говорит о смычке стоимостных пропорций нашего сельского хозяйства со стоимостными пропорциями заграницы, он абстрагируется как раз от двух условий, которые на словах как-будто бы им и признаются: это — разный технический уровень, закрепленный монополией внешней торговли. Последняя-то и не дает возможности перекинуться в нашу экономику тем пропорциям обмена, которые господствуют на мировом рынке. Поэтому понять ценообразование с.-х. товаров нашего крестьянского хозяйства на основе анализа ценообразования в Западной Европе, конечно, невозможно. А если итти за Преображенским, то это вполне возможно, так как мировой закон стоимости, по его мнению, господствует и в нашем необобществленном хозяйстве, а значит, и пропорции обмена, следовательно, и высота цен на товары этой части экономики также мировые. Вот это — первая ошибка Преображенского, которая показывает на то, что включать нашу систему в мировой рынок так огульно нельзя. Преображенский же стороной необобществленного хозяйства включает нашу систему в мировое хозяйство. «Второй закон нашего хозяйства, закон ценности, — пишет Преображенский, — о котором гово-

рится не менее, чем о законе первоначального социалистического накопления, есть закон, базирующийся на втором члене соотношения, т.-е. на частном хозяйстве внутри и вне СССР» («Нов. Экон.», стр. 41—42). А мы говорим, что закон стоимости базируется только на основе внутренних производительных сил. Что же касается промышленности союза, то и Преображенский также признает, что включения в мировое хозяйство здесь нет. Таким образом, у Преображенского выходит, что у нас социалистический сектор ведет экономическую борьбу со стоимостью, которая выступает сплошной стеной, опираясь как на необобществленный сектор нашего хозяйства, так и мирового. Другими словами, монополия внешней торговли замыкает твердыми рамками лишь нашу промышленность — в частности обобществленное хозяйство. Такое положение является неправильным. В такой борьбе мы бы прежде всего были разбиты, разбиты потому, что свободное действие мирового закона стоимости повело бы за собой необобществленный сектор нашего хозяйства, что означало бы в переводе на классовый язык бурную диференциацию в сельском хозяйстве. В том-то и вся сущность, что стоимость, действующая в нашей экономике, имеет под собой более слабую базу, более слабые производительные силы, чем социалистический сектор. Наша стоимость не слита с мировой стоимостью, не часть последней, а оторвана от нее, а потому и более слаба, чем план.

Отсюда становится ясным, что абстрагироваться на первом этапе анализа от мирового хозяйства необходимо. А раз мы абстрагируемся от мировой экономики, при чем практическим выражением такого абстрагирования является монополия внешней торговли, тогда в основе нашего анализа равновесия всей системы будет лежать не неэквивалентный обмен второго варианта, а неэквивалентный обмен первого порядка, — другими словами, в основе анализа будут лежать взаимоотношения между тремя секторами нашего хозяйства, опирающимися каждый на определенный уровень производительных сил. Только с этого конца и можно подходить к вопросу о равновесии в экономической системе Советского Союза. Здесь раскрывается в вопросе о равновесии следующая картина.

Государственная промышленность имеет более высокую технику, чем крестьянское хозяйство. Между ними происходит обмен, обмен передового с отсталым. Отсталая часть экономики передает в обмене труда больше, чем получает. По другому случаю, — но как иллюстрацию можно использовать, — Маркс пишет: «То же самое может иметь место по отношению к стране, в которую отправляются товары и из которой получаются товары: именно такая страна (отсталая. *А. К.)* отдает овеществленного труда более, чем получает и все-таки получает при этом товары дешевле, чем могла бы сама их производить» (т. III, ч. 1, стр. 218). Следовательно, при прочих равных условиях крестьянству выгодно иметь товары как можно дешевле, а значит, выгодно, чтобы производительные силы промышленности росли, так как чем выше они будут, тем, при прочих равных условиях, крестьянство будет больше получать товаров. Количество потребительных стоимостей в обмен на крестьянские товары с ростом промышленности будет увеличиваться. Следовательно, такой характер неэквивалентного обмена в условиях диктатуры пролетариата, когда крестьянство не разоряется и не превращается в пролетариев, лишающихся орудий производства, для крестьянства выгоден. Поэтому индустриализация страны не противоречит интересам крестьянства; наоборот в этом главнейшем, коренном вопросе интересы рабочего класса и крестьянства совпадают. Но это только одна сторона проблемы. Если же рассматривать соотношение между промышленностью и сельским хозяйством в их движении, в динамике, диалектически, то интересы пролетариата и крестьянства совпадают и

с ростом сельского хозяйства. Рост сельского хозяйства возможен на основе его коллективизации. Поскольку же будет происходить коллективизация, постольку проблема неэквивалентного обмена совершенно снимается, а значит, снимается и разница между городом и деревней, так что в вопросе о соотношении между промышленностью и сельским хозяйством необходим анализ в двух плоскостях: 1) в росте промышленности более быстрым темпом, чем рост с.-х., что дает выгоду обоим классам, — это — проблема социалистического сектора и сектора простого товарного хозяйства, проблема смычки и 2) в росте социалистического сектора за счет сектора простого товарного хозяйства, — это — уничтожение классов, уничтожение города и деревни как двух полюсов, это — проблема обобществления простого товарного хозяйства. С этой стороны надо было подходить к вопросу о равновесии в экономической системе СССР, а не с конца «брать больше», как рекомендует Преображенский. Тогда и закон первоначального социалистического накопления не был бы альфой и омегой, при чем такой закон, который, если бы его проводить в жизнь, означал бы действительно разрыв союза пролетариата и крестьянства. Ошибка Преображенского вместе с его законом вытекает из следующей незамысловатой цепи рассуждений. В необобществленном секторе действует закон стоимости, который опирается как на этот сектор, так и на все мировое хозяйство. Следовательно, простое товарное хозяйство включено в систему мирового хозяйства. Пролетариат «насильственно» пытается его оторвать от мировой экономики. Простые товаропроизводители, желающие опрокинуть эту систему, борются с пролетарским государством. На войне — как на войне. Успешно вести войну — значит, надо ослаблять противника. Какой метод? Очень простой: «бери больше, чем капиталисты», и укрепляй себя. А теоретическим обоснованием такого подхода к простому товарному хозяйству выдвигается закон первоначального социалистического накопления. В этой цепочке надо вырвать только одно звено, тогда рушится и вся нить рассуждений. Этим звеном является связь простого товарного хозяйства с мировым рынком. Если мы простое товарное хозяйство свяжем с нашей промышленностью, что и есть на деле, тогда ведущим началом по отношению к нему будет социалистический сектор, а значит, будет налицо тяготение его к последнему, а не к мировому рынку. Отсюда — и метод анализа иной, чем у Преображенского. Экономполитика — основа, и абстрагироваться от нее нельзя; внешняя торговля — второе дело, а поэтому при «абстрактном анализе», как любит выражаться Преображенский, абстрагироваться можно и надо. И только когда уяснены основные закономерности во внутреннем соотношении между разными секторами нашего хозяйства, можно посмотреть, как эти закономерности модифицируются влиянием мирового рынка.

IV. Источники ошибок Преображенского в вопросе о неэквивалентном обмене.

Неоднократным заявлением Преображенский устанавливает, что мы в период первоначального социалистического накопления существуем только на основе неэквивалентного обмена. В вопросе о равновесии экономической системы СССР закон неэквивалентности выступает как основной закон, движущий расширенное воспроизводство социалистического сектора. Если для Маркса при капитализме, основным законом расширенного воспроизводства являлась прибавочная стоимость, то в переходной системе от капитализма к коммунизму основным законом расширенного воспроизводства, по крайней мере для первой его стадии, по Преображенскому, выступает закон предварительного социалистического накопления, опирающийся на неэкви-

валентный обмен, при чем государственное хозяйство получает ресурсы для своего расширения благодаря своей технической отсталости. Вот конкретный пример расширенного воспроизводства в социалистическом секторе. «В данном году мы из общей суммы экспорта вывозим, допустим, продуктов нашего сельского хозяйства на 400 миллионов и на эту сумму ввозим машин и сырья для промышленности. Наш плановый импорт и характер нашего включения в мировое разделение труда подчинены закону первоначального социалистического накопления. Это сразу станет нам ясно, если мы представим себе на минуту, что мы включаемся в мировое разделение труда на основе закона ценности. В этом случае на 400 млн., минус платежи и закупки внутри страны, крестьянство купило бы гораздо более дешевых товаров заграничного производства, при гораздо большем разнообразии выбора... Между тем теперь мы, ввозя, допустим, за 100 млн. крестьянского экспорта на 100 млн. машин, производство которых стоит внутри 200 млн., производим накопление основного капитала государственного хозяйства на основе закона первоначального накопления отчасти за счет мелкого производства» («Нов. Эк.», стр. 31—32).

Другими словами, беря у крестьян товаров на 100 млн. руб., мы продаем их за 100 млн. за границей. Покупаем там на 100 млн. товаров, которые на внутреннем рынке по привозе их в наш Союз стоят 200 млн. Из этих 200 млн., 100 млн. отдаем крестьянам за взятый товар, а 100 млн. бросаем на расширение основного капитала социалистической промышленности. На основе такой курсовой разницы действует закон предварительного социалистического накопления, а он - то и служит главным источником накопления. Выходит, что расширенное воспроизводство в сельском хозяйстве, если оно вообще происходит, идет из ресурсов самого сельского хозяйства. Следовательно, при анализе расширенного воспроизводства в данной части экономики надо исходить из внутренних законов производства. Наоборот, при анализе расширенного воспроизводства в социалистическом секторе, следует исходить не из внутренних законов производства этой части экономики, а из внутренних законов сферы обращения, поскольку закон первоначального социалистического накопления рождается на основе неэквивалентного обмена, т.-е. в сфере обращения. Наша же техническая отсталость является предпосылкой, которая должна витать в нашем представлении только как исходный пункт анализа. Преображенский мыслит наше положение по отношению к сельскому хозяйству аналогичным положению торгового капитала в период его господства над производством, т.-е. в период первоначального капиталистического накопления. Мы движемся между двумя пунктами, точь - в - точь как «боги Эпикура», между сельским хозяйством нашей экономики и мировым хозяйством—и используем свое положение «насилием». По поводу торгового капитала до периода промышленного капитализма Маркс писал: «Торговый капитал вначале служит только посредником в движении между двумя крайними пунктами, которые не подчинены ему, и между наперед данными отношениями, которые не им созданы» (т. III, ч. 1, стр. 314).

А стоимостные отношения, на основе которых включается наше сельское хозяйство в мировое хозяйство, нами не созданы, мы их только используем. Отсюда вытекает и второй взгляд Преображенского, гласящий, что наше сельское хозяйство, включенное в мировое хозяйство, подчинено в пропорциях обмена не нам, а мировому закону стоимости. Сельскохозяйственное производство своей формой производства независимо от нас. Наше отношение к нему аналогично отношению торгового капитала в период его господства. «Самостоятельное и преобладающее развитие капитала в форме купеческого капитала,—пишет Маркс,—равносильно неподчинению производства капиталу, т.-е. равносильно развитию капитала на основе чуждой ему и независимой от него общественной формы производства» (т. III, ч. 1, стр. 312). А поэтому: «Чистая, независимая торговая прибыль является невозможной, если продукты продаются по их стоимостям. Дешево купить, чтобы дорого продать—вот закон торговли. Следовательно, не обмен эквивалентов» (т. III, ч. 1, стр. 133). Дешево купить, чтобы дорого продать—вот закон первоначального социалистического накопления тов. Преображенского, поэтому—«не обмен эквивалентов». Такова теория познания автора «закона». Он без всякого колебания законы первоначального капиталистического накопления переносит в нашу эпоху и считает, что на основе этих законов происходит расширенное воспроизводство. «Дешево купить, чтобы дорого продать»,—это был закон торгового капитала; «дешево купить, чтобы дорого продать»—было законом меркантилистов, выражавших интересы торгового капитала; «дешево купить, чтобы дорого продать»—это остается законом и для Преображенского, который в совершенно другую эпоху с другими законами развития воскресил святые «истины» меркантилистов. Но, если ошибка меркантилистов Марксом извинялась тем, что в ту эпоху торговый капитал был чужд производства, становился над ним, являлся надстройкой над экономическим базисом того периода, то тем более непростительно Преображенскому, забывающему основное методологическое требование марксизма, которое гласит, что способ обращения определяется способом производства, а не наоборот, что обращение определяется производством, а не наоборот, что из производства надо выводить обращение, а не наоборот.

V. „Условия равновесия“ Преображенского.

Мы так подробно остановились на вопросе о неэквивалентном обмене по двум причинам: 1) потому, что неэквивалентный обмен у Преображенского является основой расширенного воспроизводства в социалистическом секторе, а потому и основой теоретической конструкции равновесия всей советской системы, 2) потому, что в нашей литературе вопрос о неэквивалентном обмене совершенно еще не трактовался. Сказать, что мы исчерпали вопрос о неэквивалентном обмене, конечно, нельзя. Наша задача заключалась в том, чтобы показать неверную трактовку этого вопроса у Преображенского. В дальнейшем же задача заключается в том, чтобы показать действительное место неэквивалентного обмена в нашей системе. Но пока мы держимся Преображенского, положительное изложение данного вопроса не входит в нашу задачу. Показать место неэквивалентного обмена мы можем только на основе привлечения всех опосредствований, на основе анализа совокупности всех основных закомерностей в советской системе. Только исходя из внутренних соотношений между отдельными укладами в экономической системе Советского Союза, абстрагируясь на первом этапе анализа от мировой экономики, можно решать теоретически вопрос о равновесии в экономической системе СССР. И только тогда, когда будут вскрыты основные закономерности равновесия, выведенные из внутренних условий хозяйства, можно посмотреть, как мировая экономика модифицирует эти законы. Только такой методологический подход к данному явлению ставит его на надлежащие рельсы. Отсюда мы делаем тот вывод, что основное условие равновесия Преображенского—неэквивалентный обмен—на деле не является основным условием. А посему и все структурное построение равновесия Преображенского в нашей экономике есть неправильное построение, неправильное по методологическому подходу к данному вопросу. Остальные условия равновесия (их всех семь, включая и неэквивалентный обмен), выдвигаемые Преображенским, являются в его системе условиями второго порядка. Рассмотрим и их.

Первое условие мы уже разобрали—это неэквивалентный обмен. Во втором «условии» равновесия так же, как и в первом (неэквивалентный обмен), социалистический сектор противостоит частному сектору вообще. Здесь Преображенский берет два варианта и рассматривает их влияние на равновесие. Первый вариант. Предположим, что вместо накопления в социалистическом секторе одного миллиарда, который необходим для равновесия всей системы, будет произведено накопление только 700 млн. благодаря снижению цен, не соответствующему снизившейся себестоимости. Это может привести, во-первых, к товарному голоду, во-вторых, к воздержанию крестьян от продажи для экспорта и к увеличению крестьянского потребления. А в результате—удар как по промышленности, так и по развитию сельского хозяйства (стр. 39). Второй вариант. Преображенский рассматривает этот вопрос с другого конца—с конца, как он говорит, «мелкобуржуазной обывательщины», «склонной» перенакопление в промышленности называть «забеганием промышленности вперед» [1]. «Динамическое равновесие нашей системы,—пишет Преображенский,—имеет своей предпосылкой между прочим: 1) рост заработной платы рабочих, 2) постепенное снижение промышленных цен, 3) переоборудование и расширение всей технической базы государственного хозяйства» (стр. 40). Тогда перенакопление приведет к тому, что либо: 1) «перенакопление» окажется «кризисом производственного плана в той его части, где этот план неверно учитывал во времени выполнение первых трех задач» (стр. 40); 2) либо, мы, расширив очень второе подразделение, получим перенакопление, что приведет к отставанию технического перевооружения промышленности от общего развития страны (стр. 40); 3) либо мы слишком много бросим в I подр.; получится видимость «перенакопления», тогда как это есть «...своеобразная форма недонакопления, во всем государственном хозяйстве, взятом как целое» (стр. 41). Такое перенакопление, кроме временной заминки, ничего не создаст, зато в результате будет благодатный «скачек» (стр. 40—41). Отсюда вывод: «...перенакопление в государственном секторе, при наличии огромной задачи быстрого переоборудования и расширения основного капитала промышленности... вообще невозможно» (стр. 42), так что первый случай нарушения равновесия (недонакопление) ставит всю систему Советского Союза под опасность распада. Второй же случай (перенакопление) «иначе» отражается на системе. Здесь мы имеем дело не с чем иным, как только с плановым ляпсусом, который реальной жизнью будет все равно исправлен. С этой стороны угрозы, как в первом случае, нет. Отсюда делается вывод: «Таким образом, мы приходим к выводу, что размеры накопления в государственном хозяйстве в каждый данный год не есть величина произвольная, что определенный минимум накопления властно диктуется общими пропорциями распределения производительных сил между государственным сектором и частным, а также размерами наших связей с мировым хозяйством» (стр. 42). Положение верное, но оно недостаточно. Здесь говорится только об одной стороне «минимуме накопления», но не говорится о другой, о границах накопления в социалистическом секторе в данный конкретный отрезок времени. Не говорится потому, что, по мнению тов. Преображенского, перенакопления быть не может, а если и будет, то это лишь ляпсус плана. Вот это второе положение совершенно не верно. Что значит перенакопление или «забегание вперед»? Это означает все три «либо», о которых говорил Преображенский. Для того, чтобы в I или во II подразделении произошло «перенакопление», необходимо взять откуда-то ресурсы. Эти ресурсы могут итти: 1) либо от повышения налогов на частное хозяйство, 2) либо от повышения цен на промышленные изделия. Других факторов не дано, исключая, конечно, такой фактор, как снижение заработной платы рабочих. Исключается также фактор неравномерного распределения средств, идущих на промышленность, между I и II подр., так как в данном случае не о каком вопросе «перенакопления» речи быть не может: тут ставится вопрос о пропорциональности затрат капитального строительства между тяжелой и легкой промышленностью. Тогда в первом случае, при увеличении налогов, в простом товарном хозяйстве произойдет снижение производства и замыкание хозяйства в рамки натурального хозяйства, хозяйства будут производить на рынок только для уплаты налогов, а значит, в конечном счете будет подорвана товаризация сельского хозяйства. Капиталистический же сектор будет просто разоряться, открывая брешь особенно в торговой системе, которую надо чем-то заполнить. Во втором случае будет сокращена реальная заработная плата, с простым же товарным хозяйством произойдет то же явление, что и в первом случае. Следовательно, «перенакопление», «забегание вперед промышленности» может явиться не только «плановым» ляпсусом, но и серьезной причиной, нарушающей равновесие между промышленностью и сельским хозяйством, так что существует не только минимум накопления в промышленности, но и максимум, при чем диалектика такова, что то, что для промышленности будет являться максимумом, то для частного хозяйства является минимумом. Пропорциональное развитие всего народного хозяйства требует определенного соотношения между двумя основными частями нашего хозяйства—промышленностью и сельским хозяйством,—и нарушение этого соотношения есть «недонакопление» или «перенакопление». Чтобы решить вопрос, в каком соотношении они должны находиться, для этого необходимо исходить: 1) из технического уровня каждого сектора (вопрос о себестоимости), 2) из экономического уровня каждого сектора (вопрос об удельном их весе),—все это сочетается в 3) экономполитике пролетариата, которая решает вопросы политики цен, налогов и т. д., а значит, решает вопрос о величине накопления, так что, когда ставится вопрос о железном законе пропорциональности, из которого вытекает определенный темп накопления, то посылками от обратного, как делает т. Преображенский, доказать ничего нельзя.

[1]) Мы здесь отбрасываем обвинение всей партии в «мелкобуржуазной обывательщине», поскольку партия предупреждала от такого забегания вперед, и рассматриваем вопрос по существу.

Третье условие равновесия Преображенский рассматривает при наличии связи нашей промышленности с мировым рынком. Автор строит схему воспроизводства для нашей промышленности (стр. 44), в которой I подр. занимает 40%, II—60%. Органический состав во II выше и относится как 2 : 1, в I подразделении ниже—как 3 : 2. По схеме—налицо диспропорция. Она вызвана: «1) прекращением вложения в нашу промышленность иностранного капитала; 2) сокращением непроизводительного потребления класса буржуазии; 3) амортизационными провалами основного капитала прежних лет; 4) отвлечением части средств производства на постройку новых заводов, не дающих еще продукции; 5) вследствие общей необходимости более быстрого развития накопления в I подразделении в условиях индустриализации страны» (стр. 45). Благодаря данным условиям, Преображенский считает, что чем дальше, тем все больше и больше в нашем хозяйстве будет расти дефицит на средства производства (стр. 45). Внешняя торговля имеет в этом деле решающее значение. Импорт приводит к тому, что: «Легкая промышленность вместо того, чтобы приостановить свое развертывание и ожидать того момента, когда первое подразделение сможет на основе своего собственного развития дать ей нехватающие элементы C, получает свой дефицит сразу из-за границы, т.-е. проблема разрешается во времени, тогда как решение вопроса длительным, окольным путем, путем развертывания собственного первого подразделения, означало бы рост кризиса, нагромождение одних затруднений на другие, в том числе и в области обмена государственного сектора с частным производством» (стр. 46), так что

«окольный путь», т.-е. рост первого подразделения для удовлетворения C II без импорта будет только «нагромождать затруднения» и приводить к «росту кризиса». Без заграницы существовать невозможно, так как дефицит все время растет, а значит, будет расти и наша нужда и зависимость от заграницы. То же самое и с I подразделением, так что, по Преображенскому, чем дальше, тем все больше мы будем зависимы от иностранного капитала как раз со стороны основного капитала для обоих подразделений. Как видно из изложенного, у Преображенского индустриализация носит своеобразный характер. Во-первых, совершенно неверно, что чем дальше, тем все больше и больше будет расти недостаток на основной капитал, и значит, будет расти «диспропорция» и «награмождение затруднений», выровнять которые призван только иностранный капитал. Ведь, сам Преображенский признает, что I подр. развивается более быстрым темпом, чем II подразделение. А это уже само по себе означает удовлетворение II подр. C. Наоборот, при росте производства средств потребления, недостаток в основном капитале, чем дальше, тем больше и больше, будет удовлетворяться внутренними ресурсами, а значит, и зависимость от заграницы будет ослабевать. Это не значит, что связь с заграницей должна при этом сокращаться, она будет расти, но удельный вес добываемых там средств производства в общей массе основного капитала будет падать. В этом вся сущность индустриализации со стороны отношения нашего народного хозяйства к мировому рынку.

В четвертом условии «равновесия» Преображенский рассматривает пропорциональность обмена между государственным сектором и частным, не деля последний на две его части. Здесь проводится та интересная мысль, что непроизводительное накопление смягчает товарный голод. Сокращение непроизводительного потребления означает, по Преображенскому, увеличение дефицита на средства производства главным образом во II подразделении. Для доказательства своей мысли Преображенский берет марксову схему расширенного воспроизводства и попеременно сокращают $\frac{m}{x}$ потребления капиталистов вначале в I подразд., потом во II. Если в I подразд. увеличивается накопление за счет сокращения непроизводительного потребления, то будет расти дефицит на средства производства для II подразд. Если же одновременно и во II подразд. будет сокращаться непроизводительное накопление, то дефицит на средства производства будет еще более увеличен. «Это значит,—пишет Преображенский,—что диспропорция будет расти с двух концов одновременно: и вследствие относительного сокращения обменного фонда первого подразделения и вследствие относительного и абсолютного роста C II» (стр. 59). Отсюда делается вывод, что, поскольку Октябрьская революция сократила непроизводительное потребление, постольку создана и сама диспропорция на средства производства для II подразделения. С другой стороны, выходит, что стремление рабочего государства сократить непроизводительное потребление в Союзе приводит к углублению данной диспропорции. Преображенский так и пишет: «Наоборот, когда непроизводительное потребление сокращается, растут валовой и чистый доход общества и накопление, а вместе с тем растет также и товарный голод на средства производства» (стр. 61). Отсюда вытекает очень важный вывод—вопрос о кризисах. Если, действительно, сокращение непроизводительного потребления, которое является основой всей нашей экономполитики, увеличивает дефицит на средства производства, то наше движение вперед все время должно углублять данную диспропорцию, значит, в нашей экономике с железной неизбежностью заложен динамит кризиса. Смягчать эту основную нашу диспропорцию, но не уничтожать призван мировой рынок (см. стр. 62). Такое безрадостное положение приводит к двум выводам: 1) в нашей

экономике с необходимостью заложены элементы кризисов; 2) динамика воспроизводства в нашей экономике аналогична динамике воспроизводства в капиталистической системе, если же мы и делаем потуги на более быстрый темп развития за счет непроизводительного погребления, то только ценою углубления дефицита на средства производства, ценою углубления диспропорции. Ошибка Преображенского в данном вопросе вытекает из недиалектического подхода к вопросу. Во-первых, совершенно неверный методологический подход в его апелляции к схеме расширенного воспроизводства Маркса. Преображенский делает очень просто: берет схему расширенного воспроизводства Маркса, построенную для специфических условий капитализма с его специфическими условиями равновесия, производит попеременное сокращение непроизводительного потребления вначале в I, а потом и во II подразд.; пропорции оказываются нарушенными, а значит, обоснован и вывод, что сокращение непроизводительного потребления вызывает «с двух концов» дефицит на средства производства. Прежде всего следует отметить, что схемы Маркса ни для него самого, ни для кого из марксистов не являются способом доказательства, они лишь способ иллюстрации. На этот момент указал еще Ленин. Можно было бы построить другую схему, в которой, наоборот, сокращение непроизводительного потребления увеличило бы расширенное воспроизводство—и только. Апелляция к иностранному рынку для уничтожения диспропорции означает то, что в одной своей части производство создало товаров больше, чем необходимо. Их надо обменять на орудия производства средств производства за границей. В этом вопросе Преображенский явно скатывается к Розе Люксембург. Мы считаем, что, наоборот, сокращение непроизводительного потребления в условиях советской действительности, когда расширенное воспроизводство в основных своих частях (крупная промышленность) производится по плану, способствует только более быстрому темпу развития всего народного хозяйства. Не углубление диспропорции вызывает данный факт, а преимущество нашей системы перед капиталистической системой. Тем более быстрота роста нашей промышленности в сравнении с ростом капиталистической промышленности определяется между прочим фактом сокращения непроизводительного потребления; обобществление же крупной промышленности, уничтожающее противоречие между характером производства и способом присвоения, закрепленное планом, исключает железную необходимость кризисов.

А. Айхенвальд.

О некоторых устоях и некоторых противоречиях современного мирового хозяйства.

(Окончание. Начало статьи см. в предыдущем номере).

III. Особенности современного „равновесия“ мирового хозяйства.

Конечно, самый глубокий конкретный «корень зла» лежит не в том, что злокозненные американцы не хотят пускать к себе европейских товаров и не в том, что всякие полуаграрные страны злостно индустриализируются и отгораживаются пошлинами. Все это является или следствием, или отдельным выражением того основного факта, что до сих пор, т.-е. после 10 лет империалистического мира (именно не войны, а мира!) не найдено новой ступени, новой формы международного разделения труда, в то время как старая его ступень безнадежно утеряна. Старой основы хозяйственных отношений между Америкой и Европой уже нет, ибо если раньше Америка нуждалась в европейском экспорте ряда промтоваров, в европейском торговом флоте, в европейских капиталах, то теперь она сама хочет сделать Европу рынком не только для своих сельскохозяйственных, но и для своих промышленных товаров, то теперь у ней есть свой собственный торговый флот, и теперь она сама снабжает Европу капиталами. Старой основы для хозяйственных отношений между метрополиями и колониями тоже в значительной мере нет, ибо последние индустриализировались, а первые к этому факту не приспособились. Старой основы для внутриевропейских хозяйственных связей нет, ибо производственные аппараты в ряде стран выросли, перестроились, роль различных отраслей изменилась, структура удовлетворения внутреннего рынка стала другой, а потребность во внешних рынках отнюдь не уменьшилась и т. д. и т. п. Коротко говоря, страны сбиты со своих насиженных мест в системе международного разделения труда, а новых мест и пропорций нет, ибо новая пропорциональность не только еще не сложилась, но даже в перспективе пока-что не видно ее контуров.

И это еще не все, ибо положение усложнилось новыми отношениями, созданными в результате первой мировой империалистической войны. Важнейшая империалистическая страна европейского континента — Германия, оказалась в новом, своеобразном положении. У нее—крупная доля в индустриальных производительных силах мира, но нет доли в колониях (не говоря уже об «орудиях силы», способных закрепить экономически завоеванные рынки); она ввозит капитал из стран, по отношению к которым она в большей или меньшей степени является конкуренткой; она, как импортер капитала и плательщица репараций, является об'ектом эксплоатации антановско-американского капитала, хотя она сама имеет в структуре своего хозяйства возродившиеся черты империализма. Весь этот противоречивый и своеобразный переплет чрезвычайно затрудняет нахождение Германией своего места в системе международного разделения труда. Между тем, чтобы осуществить с успехом все сложные требования, пред'являемые

к современной Германии версальско-дауэсовской системой отношений, т.-е. чтобы, с одной стороны, быть достаточно скромной и не слишком угрожать в колониях и на европейском или американском рынке своим победителям, а, с другой стороны, платить по долгам и репарациям, для Германии потребовалось бы особое место в мировом хозяйстве, с особым рыночным кругом и особой специализацией. То же самое относится и к другим европейским странам, и к американо-европейским отношениям в целом: в результате войны дела сложились так, что индустриально-аграрные С. Штаты экспортируют капитал в так задолжавшуюся индустриальную Европу, что Англия без всяких на то экономических оснований территориально увеличилась, что создался ряд новых государств, что Франция оказалась получательницей многомиллионных репараций и т. д. и т. п. Одним словом, создалась целая сеть сложных и важных отношений и политико-экономического и чисто хозяйственного рода. Но вся эта сеть не имеет под собой подходящей базы, опоры. Ведь для того, чтобы все эти отношения были действительно прочны, они должны опираться на определенную производственную пропорциональность, на такие роли отдельных стран, которые соответствовали бы всей теперешней системе отношений. На деле же под все эти репарации, военные займы, кредиты, территориальные перекройки, договора, «мандаты» и т. д. и т. п. не подведено никакого оправдывающего их разделения труда. Требования всей этой системы могла бы, может быть, удовлетворить только новая, особая, очень усложненная специализация отдельных стран, новая пропорциональность в международном с.-х. и индустриальном производстве и на этой основе по-новому построенный, сильно расширившийся мировой рынок. Но ничего подобного нет, и поэтому удержание всей этой системы политико-экономических отношений требует новых методов и новых «устоев», без которых не мыслимо было бы никакое сбалансирование и уравновешивание отдельных элементов мирового хозяйства.

Конечно, мы далеки от мысли, что американские кредиты являются единственной и всеобщей панацеей от зол, создающей некоторое равновесие внутри мирового хозяйства, потерявшего старую и не нашедшего новую пропорциональность. Мы взяли только один из важных «устоев» современного положения, имеющий особое значение с точки зрения поддержания и сбалансирования международных связей. Рядом с ним есть ряд других способов соблюдения некоторого «равновесия» — способов, или стихийно и вынужденно сложившихся под кнутом кризисов, конкурентной борьбы, узости рынков и т. д., или являющихся выражением большой степени организованности национальных капитализмов (что, впрочем, не исключает одно другого). Сюда относится систематическая, ставшая почти всеобщей недогрузка производственного аппарата, внутригосударственное и интернациональное картелирование, связанное с ним ограничение продукции, распределение квот на мировом рынке, наконец, определенное «подпирание» экономических соотношений внеэкономическими мерами, в частности мерами военными и т. д. и т. п. При помощи всего этого мировой капитализм смог в известной степени «установиться», перестроиться и подтянуться. Ведь было бы наивным думать, что почти 10 лет со времени окончания войны, почти 10 лет кризисов, малых войн, соглашений, образования разных международных комбинаций, перекройки границ во всем мире и т. д. и т. п.,—чтобы этот очень «содержательный» десяток лет прошел бесследно. Какое-то сбалансирование разрывов и противоречий капитализм за это время нащупал, какие-то опорные пункты для хотя бы частичной и временной парализации «разрушительных» тенденций были им найдены, какие-то скрепы и обручи связали и соединили отдельные части мирового хозяйства, закрепляя за каждой из них ту или другую роль в новой международной расстановке сил. Конечно, без такого минимального уравновешивания отдельных элементов мирового хозяйства для него было бы немыслимо

никакое движение вперед, никакое укрепление. Суть дела состоит в том, что для создания этой новой системы пришлось использовать в качестве ее устоев, все те приемы и способы, о которых мы только-что упомянули. Другими словами, суть дела в особенностях того «равновесия», которое создалось в течение послевоенного десятилетия.

Основную эту особенность мы уже видели с разных сторон: мировой капитализм до сих пор не сумел—даже ценой войны и потрясений послевоенного десятилетия—притти к такому новому пропорциональному распределению производительных сил и разделению труда, которое обеспечило бы действительную ликвидацию хотя бы самых основных старых, довоенных, и новых, повоенных, противоречий и этим самым открыло бы дорогу более всеобщему, более «широкому», более сильному под'ему мирового хозяйства. Не преодолев болезненного состояния ряда важнейших своих участков, не устранив причин диспропорций, не нащупав новой ступени международного разделения труда и нового распределения мест между странами, мировой капитализм смог, однако, благодаря своей более высокой организованности и выросшей капитальной силе Америки сбалансировать противоречия и диспропорции и создать некоторую минимальную согласованность между частями мирового хозяйства. И это новое строение мирового хозяйства носит на себе отпечаток не разрешенных, а скорее замазанных и загнанных внутрь противоречий, не ликвидированного, а скорее «консервированного» кризиса [1]). Радикально, «всерьез» не разрешено ни одно из тех противоречий и диспропорций, которые являлись причиной кризиса мирового хозяйства, но по отношению почти ко всем им сделан ряд шагов в сторону притупления, ослабления, нащупывания выхода, или, во всяком случае, временного компромиссного сбалансирования. В целом, несмотря на все диспропорции, различные способы поддерживают известное относительное «равновесие», и движение вперед становится возможным.

Нельзя считать абсолютно исключенным всякое упрочение современной системы мирового хозяйства, всякий постепенный переход от замазывания и притупления тех или других противоречий к их ликвидации на той или другой производственно-рыночной базе. Собственно говоря, весь общеэкономический расчет, вложенный в эту систему (если у ее «строителей» был и есть какой-нибудь такой расчет), и сводится к тому, что она должна сыграть временную, переходную, подготовительную роль. В самом деле, к чему сводится точка зрения Гильфердинга (который, конечно, не строил эту систему, но защищает и «обобщает» ее), если перенести ее в международную плоскость? Пока-что, временно необходимо опираться на современные способы поддержания равновесия, как бы плохи и внутреннепротиворечивы они ни были. Но при их помощи уже подготавливается новое разделение труда, создаются новые основы для высшей ступени развития производительных сил и новой структуры мирового рынка, т.-е. подготавливается переход к нормальному и гармоничному равновесию. Пройдет еще несколько лет, мировое хозяйство перейдет с рельс временно сбалансированной и неустойчивой системы на рельсы новой пропорциональности и высшей производственной структуры. Тогда все окончательно нормализуется, все неприятные «особенности» отпадут, противоречия, сейчас кажущиеся неразрешимыми, растворятся сами собой, и каждая страна найдет свое новое место, а все они вместе, «подав друг другу руки, смело двинутся вперед». Поэтому Гильфердингу кажется глупым и неправильным стремление Шахта и иже с ним приостановить завинчивание кредитного «винта»,

[1]) Тов. Бухарин в докладе на XV с'езде говорил о «структурном кризисе» мирового хозяйства. Нам кажется, что это очень удачно характеризует современное положение.

в рамках теперешнего распределения труда устранить противоречия, немедленно добиться для Германии такой доли во внешних рынках, которая дала бы ей возможность на основе собственных наличных сил выполнять хотя бы уменьшенные репарационные платежи. С этой точки зрения Шахт, действительно, не хочет итти по той дороге, которая, внешне заводя интернациональные отношения в дебри противоречий, на самом деле подготавливает их выход на единственно верный путь. Не менее не прав кажется и Пэйш со своими мрачными предсказаниями о том, куда заведет мир неумеренное пользование американскими кредитами и со своими наивными уговорами «пускать» европейские товары в Америку: он тоже не понимает, что пока временное равновесие не может не прибегать к подобным способам, но что в течение их действия будет подготовлена новая ступень международных отношений, и тогда дело будет не в доброй воле американцев, а в экономической необходимости. Вообще гильфердинговский подход, если и не дальновиднее, то во всяком случае спокойнее и увереннее Шахта. Гильфердинг твердо верит, что все к лучшему в этом лучшем из миров: он уверен, что капитализм найдет выход из нагромождающихся противоречий и что они сами окажутся только ступенями в деле достижения высшей ступени развития мирового хозяйства. Все неразрешенные противоречия и особенности окажутся только навождением проклятой войны, ее отголоском, который исчезнет через несколько лет. Гильфердинг хочет «смотреть в корень» и вместо надежд на улучшения и заплаты теперешнего положения он ждет от капитализма нового взлета, радикально разрешающего теперешние проблемы.

Вообще говоря, подобный исход был бы мыслим по двум линиям: с одной стороны, новая ступень международного разделения труда могла бы явиться развитым и усложненным внутрипромышленным разделением труда. Отдельные страны специализировались бы на определенных родах, типах, отраслях индустрии. Не трудно понять, какое огромное значение имело бы это для мирового рынка. С другой стороны, выход мыслим и в форме нахождения или расширения «третьей сферы»—новых рынков в неиндустриальных странах. Лучше всего действовало бы соединение обоих этих путей. Можно, вероятно, изобрести еще какие-нибудь отвлеченные возможности выхода из «структурного кризиса» к нормальному равновесию, но названные два пути представляются нам наиболее естественными и «подходящими».

Однако, если из эмпиреев отвлеченной возможности спуститься в мир реально имеющих место процессов, то тут придется убедиться в том, что и для этих двух путей имеется пока-что очень тощее количество фактов. Конечно, производительные силы мирового хозяйства не стоят на месте. Мы можем указать на рационализацию европейской, главным образом немецкой, промышленности, на бурный рост новых отраслей, на серьезные научно-технические изобретения. Может быть, можно найти некоторые намеки на постановку вопроса о специализации отдельных индустриальных стран. Любопытно, например, что на последнем пленуме торгово-промышленного с'езда в Германии вновь подчеркивалось, что Германия может завоевать себе необходимое место на мировом рынке только через высококачественную немецкую работу, ибо в отношении массовой продукции успешная конкуренция с Америкой немыслима. Одновременно Германия рядом своих новых успехов в области химической индустрии (разжижение угля, развитие азотистой индустрии и др.) может выдвинуться на особую роль в снабжении мирового химического рынка.

Другого типа стремления отыскать себе новое (или вернее укрепить старое) место под луной можно найти в Англии. Здесь прежде всего заметна некоторая переориентация индустрии на внутренний рынок: новые отрасли, работающие на этот последний, чувствуют себя довольно хорошо в противо-

положность основным экспортным индустриям. Рядом с этим интерес представляет так наз. «Импайр Девелопмен», т.-е. движение, ставящее своей целью создать из Британской империи прочное хозяйственное единство, замкнутое по отношению к внешнему рынку единой таможенной границей, развивающееся на английский капитал—в общем, построенное по типу С.-Американских С. Ш. Пожалуй, единственно, что придает этому движению—в общем явно утопичному—хотя бы слабую тень реальности—это некоторый рост относительного значения колониальных рынков для Англии. Доля английского вывоза в колонии и доминионы выросла в общеанглийском вывозе с 39,18% (1925 г.) до 42,56% (1927 г.). Но и это расширение рынков было только кажущимся, ибо все дело в том, что на других внешних рынках дела Англии ухудшились: по абсолютной величине экспорт Англии в колонии остался почти без изменения (287 млн. ф. в 1925 г. и 286 млн. в 1927 г.). Реальнее под'ем американского экспорта в отсталые страны: при росте вывоза (а не стабилизации или падении, его, как в Англии) С. Штаты в общем увеличивают долю своего экспорта, падающего на Ю. Америку и Азию (Ю. Америка 1913 г.—5,9%, 1925 г.—8,2%, 1926 г.—9,2%, 1927 г. [1])—9,5%; Азия: 1913 г.—5,1%, 1925 г.—9,9%, 1926 г. — 11,8%, 1927 г. [2]) — 11,7%). Наоборот, в немецком экспорте доля восточных и отсталых стран не только не растет, но даже в ряде случаев абсолютно и относительно падает (вывоз в Азию в 1925 г. дал 7,9% общего вывоза, а в 1927 г.—7,6%; в Австралию—в 1925 г.—0,1%, в 1926 г.—0,4%, в 1927 г.—опять 0,1%; в Бразилию в 1925 г. было вывезено на 200 млн. марок, а в 1927 г. на 162, и т. п. [3]). Таким образом, по части открытия новых рыночных сфер в отсталых странах дело обстоит довольно слабо. Никаких действительно новых перспектив последние годы не дали, единственный успех здесь может констатировать лишь Сев. Америка. Что касается Европы, то пока нет никаких признаков того, что отсталые страны своим развитием начали компенсировать хотя бы незначительную долю того ущерба, который Европа потерпела за годы войны и послевоенного кризиса; а о том, насколько серьезен этот ущерб, можно напомнить хотя бы тем примером, что английский текстильный вывоз на Дальний Восток (составлявший 61% этой самой крупной экспортной статьи Англии) упал к 1925 г. до 44% своего довоенного уровня!

Таким образом, нельзя пока сказать ни того, что мировой капитализм открыл новые или существенно расширил старые рынки в отсталых странах, ни того, что он нашел новые направления развития производительных сил, выводящие промышленность из противоречивого положения: если говорить о международных отношениях и мировом рынке, то пока-что серьезные, многообещающие успехи окажутся «достигнутыми» скорее в области стремлений и теорий, чем в действительности.

Но, может быть, если у нас пока нет практических данных о подготовке «оздоровления» и «нормализации» отношений внутри современного мирового хозяйства, то такое оздоровление вытекает из самой сути дела? Может быть, его неизбежность может быть доказана a priori, теоретически?

Нам кажется, что дело обстоит здесь скорее наоборот. Ту систему мирового хозяйства, которую империализм мог создать в результате войны и послевоенного периода, он создал. Несмотря на ее глубокую противоречивость, движение производительных сил вперед оказалось возможным в ее рамках, хотя это развитие и идет несколько особым типом, ритмом, «зигзагом», чем до войны. «В целом» капитализм двигается уже вперед и, вероятно, в самые ближайшие годы будет продолжать это делать. Центр вопроса не в том, будет ли капитализм в целом топтаться на одном и том же месте или итти вперед, а в том, как будет происходить это последнее движение. Если «консервирование», запрятывание внутрь, балансирование противоречий особыми капитально-кредитными, хозяйственно-организационными, даже внеэкономическими и т. п. методами вместо их коренной ликвидации является временным наследием войны, если неустойчивость и концентрированная противоречивость послевоенного равновесия есть только мимолетная ступень в восстановлении довоенной прочности капитализма, то через несколько лет ненормальные явления в мировой кон'юнктуре сойдут на-нет, все придет к прежнему состоянию, и развитие будет итти так, как оно шло и до начала «эпохи империалистических войн и пролетарских революций». Если же мы имеем здесь дело не только с временным наследием войны, но и с некоторыми типовыми, характерными способами установления империалистического равновесия, выявляющимися в результате первого кризиса всей системы, то особенности в способах сбалансирования и типе движения мирового хозяйства окажутся настолько плотно к нему «прилипшими», что отделаться от них будет не так-то просто. В этом случае новые способы сбалансирования, новый ритм и тип хозяйственного движения в различных странах—и новая неустойчивость и «искусственность» равновесия — могут остаться вплоть до того, как развитие отдельных частей мирового хозяйства приведет к новому взрыву противоречий, который сметет это равновесие и поставит все вопросы по-новому.

[1]) Первые 8 месяцев (Данные по «Berliner Tageblatt» № 25).
[2]) Там же.
[3]) По «Berliner Tageblatt» № 154.

Нельзя, разумеется, огулом зачислять все лихорадочные проявления непосредственно-кризисного или послекризисного состояния мирового хозяйства за последние 10 лет в новые, специфические «особенности» современного империализма. Так, действительно, можно легко очутиться в положении человека, открывшего «новый закон», или «характерную особенность», исчезающую через пару месяцев после своего возведения в эту высокую степень. Но поскольку война и революционный кризис последних 14 лет представляют собой некоторый переход количества в качество, некоторый поворот в развитии империализма, постольку нет ничего более плоского и социал-демократического, как попросту сводить все те качественные особенности в структуре мирового империалистического хозяйства, которые об'ясняют его неустойчивость и глубинную противоречивость, к вывихам и временно-наносным явлениям. В самом деле, война была своего рода попыткой империализма устранить старую свою структуру и нащупать новую, дающую возможность более энергичного роста. Первый раз ряд важнейших действительно мирохозяйственных проблем должен был быть решен новым методом — «военной конкуренцией». Этот новый метод обанкротился если не целиком (если бы он обанкротился целиком, то никакой «стабилизации» не могло бы быть), то в своих существеннейших частях. Поражение передовой Германии, имевшей, казалось бы, с точки зрения «капиталистическо-хозяйственной справедливости» право не победу над Францией, Англией, Италией; обострение, самое злейшее, проблемы германского экспорта, знаменитой проблемы «made in German», которую как раз и призвана была разрешить война; запутав и усложнив дело тут, война не смогла, однако, спасти Англию, хотя она и дала этой загнивающей империалистической державе добавочный куш в виде новых колоний, мандатов и т. п.; всем этим война создала (или усилила) диспропорцию между хозяйственно-капиталистической силой и военно-колониально-рыночной долей как для Германии (в сторону не соответственно малой величины второй по отношению к первой), так и в Англии (в обратную сторону). Из России, которая могла бы стать отдушиной для разрешения ряда противоречий, война и мировой кризис создали Союз Социалистических Республик. Из полуколониальных стран (Китай) — вместо пре-

вращения их в новый или резервный рыночный фонд—получился источник нарушения равновесия и спокойствия и в более или менее закрепленных за метрополиями колониях. К этому добавился еще ряд особых американо-европейских, тихоокеанских и других «узлов».

Коротко говоря, война была специфической формой кризиса, попыткой особым внеэкономическим способом разрешить ставшие невыносимыми экономические противоречия; но она ряд из них сумела «разрешить» или по-реакционному, или же вообще только кажущимся образом; другие хозяйственные противоречия она ограничила, обезопасила, отнюдь не уничтожив самой сердцевины дела. По-новому, по-военному созданное распределение между странами «мест под луной» и система взаимоотношений между ними и поддерживаться должны не только старыми, но и какими-то новыми «устоями». Настолько же, насколько военно-милитаристический переплет и «военная конкуренция» не являются конкретными особенностями пары десятилетий (скажем 1910—1930 гг.), но самой структуры империализма, настолько же не могут быть случайными и «преходящими» те способы балансирования, к которым вынуждают прибегать эти военно-милитаристические методы. За империалистической войной следует не просто «мир и процветание», но империалистический «мир» и империалистическое «процветание». Внеэкономическими методами, насильственно, противоречиво, хозяйственно-реакционно установленное и сколоченное новое мировое хозяйство не может обойтись в поддержании своего «равновесия» без особых способов уравновешивания всего здания.

В самом деле, империализм ставит и разрешает проблемы мирового хозяйства не в старом порядке свободной конкуренции, а в своем, особом, военно-милитаристическом и государственном порядке. Такая роль внеэкономических факторов в вопросах хозяйственного равновесия по самой сути дела консервирует противоречия, задерживает и затрудняет их рассасывание: поскольку разделение всяческих квот закреплено политически, организационно, юридически, военно, постольку его не так-то просто привести в соответствие с разделением труда и производственной пропорциональностью. Нечего и говорить, что очень трудно «подгонять» международное разделение труда под требования военно-политического равновесия и данного распределения квот. Помочь тут могут,—и как мы видели, на деле помогают,—два обстоятельства:

Во-первых, повышенная экономическая организованность капитализма его увеличивающаяся способность сопротивления диспропорциям и другим помехам развитию мирового хозяйства. Рост монополизма, интернациональное картелирование, государственно-капиталистические тенденции,—все это не может не облегчать задачу сбалансирования противоречий между распредлением квот и производственной пропорциональностью: все это сдерживает выявление противоречий, связывает силы, которые своей острой конкурентной борьбой могут вызвать кризис, откладывает момент, когда дальнейшее развитие диспропорций становится немыслимым.

Во-вторых, выросший об'ем свободных капиталов, которыми распоряжается мировой капитализм и которые служат ему в качестве особых резервов — подвижных резервов покупательной силы, резервов поддержки и балансирования интернациональных отношений, резервов накопления и т. д. (эту сторону дела мы и разбирали выше).

Оба эти обстоятельства сами способны только консервировать или притуплять противоречия и диспропорции, хотя бы так, чтобы создалась возможность известного роста мирового хозяйства. Этот рост может возвести эти не разрешенные, а только «сбалансированные», загнанные внутрь противоречия на такую высокую ступень, при которой их кризисное явление потрясает не только капиталистический рынок, но и все буржуазное общество. Но, с другой стороны, отнюдь не обязательно, чтобы сумма «консервированных» противоречий все время росла вместе с их взрывчатой силой. Неправильно каждое из современных противоречий об'являть «неразрешимым», а каждый устой, каждый метод балансирования — столпом, без которого империализм вообще не сможет существовать. Совсем не в этом дело. Раз производительные силы движутся вперед, раз мировая торговля растет, значит не исключено, что некоторые диспропорции и противоречия будут на деле ликвидироваться и соответственные особые «устои» отпадут. В частности, от этого отнюдь не гарантированы те конкретные противоречия и «устои», о которых была речь в настоящей статье. Но рост производительных сил мирового хозяйства будет происходить в новой обстановке и пойдет по новым путям — в обстановке консервированного кризиса, «особых» способов балансирования, неустойчивого равновесия; путями внеэкономического разрешения важнейших вопросов экономической структуры мира, государственно-«организованных» способов хозяйствования, усиленно-автаркического направления политики в ряде стран и т. д. и т. п. А раз так, значит, этот же рост производительных сил выдвинет и разовьет новые противоречия и диспропорции и создаст необходимость в новых «особых устоях». Одной своей стороной рост империалистического мирового хозяйства будет изменять современную расстановку сил и современное «расположение» противоречий и диспропорций. Одни диспропорции, противоречия сойдут на-нет, особая роль того или иного «разновеска» отпадет, но другие создадутся вновь, и другой «разновесок» приобретет особое значение. Совсем пропасть, полностью ликвидироваться все диспропорции не смогут даже «на мгновение», и не смогут поэтому стать лишними те империалистические скрепы, которые удерживают эти противоречия от взрыва. Вся империалистическая «надстройка», все те формы, в которых растут производительные силы отдельных стран — высокие таможенные стены, раздробленные государственные «организмы», военным путем распределенные рыночно-колониальные квоты, — все это обязательно наложит свой отпечаток на изменения в международном разделении труда. Под влиянием этих и других империалистических способов развития (и одновременно, на другой стороне, задержки) производительных сил на том международном разделении труда, которое будет результатом ряда лет развития, будут лежать родимые пятна диспропорциональности, дисгармоничности, противоречивости. Сам империалистический механизм движения производительных сил будет воспроизводить усиленную противоречивость современной структуры мирового хозяйства, и сам же он будет балансировать и сдерживать весь комплекс старых и новых противоречий, прибегая при этом ко всем доступным экономическим и внеэкономическим методам.

Идеальной пропорциональности в разделении труда полного соответствия распределения производительных сил и распределения военных, территориальных, рыночных квот и обязательств империализм не имел и раньше и не может иметь и в будущем. Сколько-нибудь правильная пропорциональность была бы мыслима или при полной свободе конкуренции сплошь по всему земному шару, или при законченном ультра-империализме. «Переходный» империализм со свойственным ему механизмом движения производительных сил не сможет создать международное разделение без глубочайших диспропорций и противоречий; он не сможет разрешать все эти противоречия по мере их возникновения теми или иными более или менее тряскими передвижками в международном разделении труда — слишком негибка та броня организационных, военных, финансовых, капитальных и т. п. отношений, которая сдерживает и скрепляет всю систему. Он будет накоплять диспропорции и воспроизводить теперешнюю усиленную противоречивость

строения мирового хозяйства. И всеми доступными ему экономическими и внеэкономическими методами он будет балансировать, сдерживать и консервировать весь комплекс старых и новых несоответствий, невязок, противоречий. В известные периоды хозяйственного развития напряженность и об'ем этого комплекса может уменьшаться, но в другие она будет возрастать до тех пор, пока не будет достигнута такая высокая ступень развития противоречий, когда даже все «особые» устои и скрепы не выдерживают, когда дальше откладывать нельзя и когда поэтому неслыханно напряженные империализмом противоречия вырываются наружу в виде капиталистического кризиса, переросшего в кризис капитализма. Но и до этого самый тип империалистического «равновесия», а значит, и самый тип и ритм империалистического хозяйственного развития, будет носить на себе особый отпечаток напряженности, неустойчивости и скрытой противоречивости. Эти черты отмечают и будут отмечать статику и динамику «паразитического», «загнивающего», «умирающего» капитализма.

В. Мотылев.

Источники экономического превосходства Соединенных Штатов.

Исключительная быстрота хозяйственного развития Соединенных Штатов представляет выдающийся факт экономической истории. Сопоставление темпа развития С. Ш. с темпом развития западно-европейских государств обнаруживает значительное превосходство американского темпа на протяжении почти всей истории С. Ш. Ни в одной из европейских стран темп развития производительных сил не был систематически таким высоким, как в С. Ш. Благодаря этому об'ем народного имущества и продукции возрастал настолько быстро, что в 80-х годах С. Ш. догнали, а затем и превзошли уровень крупнейшей индустриальной державы XIX века — Англии. Капиталистическая система хозяйства развила в С. Ш. максимальный темп роста производительных сил, возможный в рамках этой системы [1]).

Эта исключительная быстрота развития капиталистического хозяйства в С. Ш. привлекла уже в 70-х годах прошлого столетия внимание Маркса и была им отмечена, как выдающийся факт. В письме к Николаю-ону в 1879 г. Маркс писал о «неслыханно быстром промышленном развитии, земледельческом прогрессе и пр.» С. Ш. и отмечал, что «С. Ш. в настоящее время значительно перегнали Англию в быстроте экономического прогресса» [2]). В письме к Зорге в 1881 г., в связи с критикой Генри Джорджа, Маркс поставил вопрос об источниках этой быстроты: «Чем об'яснить, что в С. Ш., где относительно, т.-е. в сравнении с цивилизованной Европой, приобретение земли было, и то лишь до известной степени, и теперь еще доступно для народных масс, капиталистическое хозяйство и связанное с ним порабощение рабочего класса развилось быстрее и в более циничной форме, чем в каком-либо ином государстве» [3]).

Превосходство американского темпа над европейским еще более проявилось в последней четверти XIX и начале XX века, когда на фоне обнаружившейся в этот период в передовых капиталистических странах тенденции к замедлению темпа развития производительных сил в С. Ш. эта тенденция проявилась позже (в 90-х годах) и в гораздо более слабой степени. Разница в соотношении темпов развития оказалась еще более значительной. Кроме того, к началу 90-х годов С. Ш. достигли такого высокого абсолютного об'ема основных капиталов и продукции промышленности, что

---

[1]) Статистическую характеристику темпа развития С. Ш и сопоставление его с европейским см. в нашей статье: «Темп развития капит. хозяйства и его закономерности», журнал «Эконом. Обозрение», 1928 г., № 5.

[2]) К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, перевод В. Адоратского, изд. «Московский Рабочий», стр. 243, разрядка наша.

[3]) Там же, стр. 247, разрядка наша.

даже слегка снизившийся в последующие десятилетия темп прироста означал, однако, в абсолютных цифрах бурный рост. Эти десятилетия характеризовались поэтому поразительным ростом хозяйственной мощи С. Ш. «С. Ш.,—писал Ленин в 1913 г.,—не имеют равного себе соперника ни по быстроте развития капитализма в конце XIX и начале XX века, ни по достигнутой уже ими наибольшей высоте его развития, ни по громадности площади, на которой применяется по последнему слову науки оборудованная техника, учитывающая замечательное разнообразие естественно-исторических условий, ни по политической свободе и культурному уровню массы населения. Эта страна — во многих отношениях образец и идеал нашей буржуазной цивилизации» [1]).

Этот поразительный рост хозяйственной мощи С. Ш. вызвал в начале XX века у части буржуазных европейских экономистов и политиков тревогу и страх. В 1902 г. английский журналист Мекензи выступил с книгой,—«Американские завоеватели, их планы, тактика и успехи», в которой описывал в панических, явно преувеличенных выражениях господство Америки на английском рынке. В Европе начали появляться работы об «американском нашествии», «американской опасности», «американизации мира» [2]). Однако, эти работы посвящались больше характеристике хозяйственной мощи С. Ш. и вытекающих отсюда опасностей для Европы, чем выяснению источников превосходства американского темпа. Лишь империалистическая война, обнаружившая кризис капитализма и вызвавшая огромный рост удельного веса С. Ш. в мировом хозяйстве, поставила перед европейскими экономистами и политиками вопрос об источниках этого превосходства С. Ш. Капиталисты Западной Европы пытаются сейчас подражать хозяйственным принципам и методам С. Ш., надеясь найти таким путем выход из экономических тупиков. В связи с этим усилились попытки открыть «секрет» американского превосходства [3]). Интерес к вопросу об источниках этого превосходства усилился в последнее время и в С. Ш. в связи с растущими там противоречиями и диспропорциями, замедляющими хозяйственное развитие. В ряде новых исследований и работ по истории хозяйства С. Ш. американские историки и экономисты пытаются выяснить источники этого превосходства в прошлом, их характер и тенденции.

Вопрос этот представляет, по нашему мнению, исключительный интерес и для марксистов. «Неслыханная быстрота» хозяйственного под'ема С. Ш. является одним из самых ярких проявлений неравномерности капиталистического развития. Выяснение источников этой быстроты должно пролить свет на источники неравномерности, играющей столь важную роль в развитии противоречий капиталистического хозяйства. С другой стороны, выяснение характера этих источников на протяжении истории С. Ш. должно облегчить анализ дальнейших перспектив развития этой могущественной капиталистической державы. Наконец, выяснение этих источников и их характера имеет существенное значение для анализа проблемы темпа развития СССР.

---

[1]) Ленин. Собрание сочинений, т. IX, стр. 185.

[2]) В этом отношении показательны названия нижеследующих книг, вышедших почти одновременно: 1) B. Thwait. «The American Invasion» («Американское нашествие»), London, 1902. 2) Ch. Furness. «The American Invasion» («Американское нашествие»), 1902. 3) Lenschau. «Die Amerikanische Gefahr» («Американская опасность»), Berlin, 1902. 4) Prager. «Die Amerikanische Gefahr» («Америк. опасность»), Berlin, 1902. 5) W. Stead. «Die Amerikanisierung der Welt» («Американизация мира»), Berlin, 1902. 6) Ив. Озеров. «Америка идет на Европу», 1903 г.

[3]) В этом отношении любопытна брошюра двух английских инженеров, ездивших в С. Ш., чтобы открыть этот «секрет». См. Б. Аустин и Ф. Ллойд «Американское хозяйственное чудо или секрет высокой заработной платы», ГИЗ, 1927 г.

1. Роль географической среды.

Начнем с вопроса о роли географической среды. Это тем более целесообразно, что ряд исследователей считает условия географической среды решающим или одним из решающих источников превосходства темпа развития С. Ш.

Действительно, географическая среда С. Ш. представляет поразительное сочетание благоприятных природных условий. Несмотря на интенсивнейшую эксплоатацию естественных богатств на протяжении всей истории С. Ш., они продолжают обладать огромной частью ресурсов земного шара.

Занимая около 6% общей поверхности земного шара и имея около 6% населения земного шара, они обладают 45,2% учтенных мировых энергетических ресурсов, при чем запасы угля составляют 47,1% мировых, нефти — 7,3%, гидроэнергии — 11,7%, древесины — 6,7% [1]). На ряду с этим, запасы железной руды составляют 19,5% мировых. Сочетание огромных запасов высокосортных железных руд с крупнейшими запасами угля и наличие богатейших в мире запасов меди и богатых ресурсов свинца, цинка, алюминия и т. п. создавали исключительно благоприятные условия для развития промышленности. Наличие же огромных пространств плодородных земель и разнообразие климатических и почвенно-водных условий создали благоприятные условия для развития многообразных сельскохозяйственных культур, в том числе почти всех технических культур (за исключением каучука), необходимых для развития промышленности. Наконец, богатство судоходными реками и озерами обеспечивало дешевые водные пути для перевозки товаров.

Это многообразие естественных богатств С. Ш. одним из государственных деятелей, Франклином Лэйном, было охарактеризовано следующим образом: «За исключением одного или двух второстепенных минералов С. Ш. производят все минералы, необходимые для промышленности, — между тем, этого нельзя сказать ни об одной другой стране... Мы можем построить броненосец или автомобиль (за исключением шин), железную дорогу или завод целиком из продуктов американских рудников или лесов... Наша почва и климат настолько разнообразны, что мы можем производить все зерновые продукты, фрукты, овощи, волокна, известные в умеренной зоне и многие, находящиеся в субтропической. И все это увенчано ресурсами гидравлической энергии, которые могут дать производству 60.000.000 лошадиных сил» [2]).

Это исключительное сочетание природных условий настолько поражает экономистов и политиков, что некоторые из них склонны считать его решающей причиной превосходства С. Ш. Так, например, проф. Дж. Смит заявляет: «С. Ш. представляют самостоятельный мир (world in itself). Они имеют большое обилие и разнообразие природных ресурсов и очень благоприятный климат. Эти условия сделали их богатейшей нацией в мире и создали возможность развития разнообразных производств» [3]). Решающую роль естественных условий признают иногда даже авторы, понимающие значение социально-экономических условий. Так, например, Эд. Каудрик, выясняющий ряд социально-экономических источников, тем не менее заявляет: «Первым, быть может, по важности является тот факт, что С. Ш. представляют государство, обильно снабженное сырыми материалами и энергетическими ресурсами [4]).

---

[1]) В. Вейц. «Производительные силы мирового хозяйства», изд. «Ком. Ак.», 1927 г., стр. 79—84 и 207.

[2]) Цитируем по книге T Van Metre. «Economic History of the United States», New-York, 1924, стр. 6.

[3]) Там же, стр. 14.

[4]) E. Cowdrick. «Industrial History of the United States», New-York, 1923, стр. 37.

Такой же взгляд развивают некоторые экономисты в СССР, — в частности, С. А. Фалькнер. В своей работе «С. Ш. в мировом хозяйстве» он резюмирует свои взгляды следующим образом: «Этот быстрый темп экономического развития Америки обусловливался в конечном счете ее огромными естественными ресурсами, прогрессирующее и легкое использование которых приводило к энергичному росту производительных сил страны и ко все повышающейся норме накопления капиталов» [1]). Так как С. А. Фалькнер в этой работе почти не выясняет социально-экономических условий развития С. Ш., то роль естественных ресурсов оказывается у него решающей.

Эта точка зрения нашла сторонников и среди марксистов. Так, например, покойный Иосиф Иванов в своей интересной работе о мировом хозяйстве доказывал, что давление запасов каменного угля, железной руды и других природных богатств является основной причиной перемещения центра мирового хозяйства в С. Ш., «стягивания» мирового хозяйства «в огромный северо-американский центр» [2]).

Является ли, однако, такая точка зрения подлинно марксистской? Отражает ли она подлинные источники превосходства С. Ш.?

Вспомним прежде всего классическое определение роли географической среды в общественном развитии, которое дал Плеханов.

«Свойство общественного человека определяется в каждое данное время степенью развития производительных сил, потому что от степени развития этих сил зависит весь строй общественного союза. Таким образом, это строение определяется, в последнем счете, свойствами географической среды, дающей людям большую или меньшую возможность развития их производительных сил. Но раз возникли известные общественные отношения, дальнейшее их развитие совершается по своим собственным внутренним законам, действие которых ускоряет или замедляет развитие производительных сил, обусловливающее историческое движение человечества. Зависимость человека от географической среды из непосредственной превращается в посредственную. Географическая среда влияет на человека через общественную» [3]).

Если верно, что общественные отношения могут ускорять или замедлять развитие производительных сил, что географическая среда может влиять лишь через общественную, то совершенно очевидно, что в обеспечении того или иного темпа развития производительных сил примат принадлежит не географической среде, а социально-экономическим условиям. Естественные богатства сами по себе не обеспечивают быстрого хозяйственного под'ема страны, если отсутствуют социально-экономические условия, облегчающие их использование. Наоборот, скудость естественных богатств не исключает возможности быстрого развития страны, если социально-экономические условия обеспечивают всестороннее и эффективное использование этих богатств. Ведь Россия и Китай развивались очень медленно, несмотря на огромные естественные богатства; наборот, Япония развивалась со второй половины XIX века очень быстро, несмотря на скудость естественных ресурсов. Очевидно, решающую роль играли социально-экономические условия. Исключительные естественные богатства С. Ш. лишь постольку могли влиять на темп хозяйственного развития, поскольку социально-экономические условия обеспечивали их эксплоатацию. Не отрицая значительной роли географической среды в экономическом под'еме С. Ш., мы считаем,

[1]) С. А. Фалькнер. «С. Ш. в мировом хозяйстве», изд. «План. Хоз.», 1926 г., стр. 173.

[2]) И. Иванов. «Мировое хозяйство, как единый производственный организм», «В. К. А.», книга 6-я.

[3]) Н. Бельтов (Плеханов). «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», изд. «Белтрестпечать», 1923 г., стр. 219.

однако, что этот фактор не мог играть решающей роли, так как его влияние зависело от социально-экономических условий.

Необходимо, таким образом, перейти к выяснению той «общественной среды», в которой происходило развитие производительных сил в С. Ш.

2. Незначительность и недолговечность элементов феодализма.

Возникновение капитализма в Западной Европе происходило в недрах феодальной системы хозяйства. Развитие его тормозилось многообразными препятствиями, вытекающими из существа этой системы. Борьба растущего капитализма с феодализмом, длившаяся целую историческую эпоху, находила свое завершение в буржуазно-демократических революциях. Однако, ни одна из буржуазно-демократических революций не могла быть доведена буржуазией до конца. Разрушая феодальную систему, буржуазные революции не устраняли всех ее элементов. В том или ином об'еме существенные элементы феодализма сохранялись, претерпевая превращения под влиянием капитализма, но оказывая в свою очередь существенное влияние и на него.

Таким элементом феодализма в эпоху капитализма является прежде всего частная собственность на землю. «При предположении капиталистического способа производства, — говорит Маркс, — капиталист является не только необходимым, но и господствующим агентом производства. Напротив, землевладелец при этом способе производства является совершенно излишним. Для капиталистического способа производства нужно только, чтобы земля не была общей собственностью, чтобы она противостояла рабочему классу, как не принадлежащее ему средство производства, а эта цель достигается вполне, если земля становится государственной собственностью и государство, следовательно, получает земельную ренту. Землевладелец, столь важный агент производства в древнем и средневековом мире, в промышленном мире представляет из себя бесполезный нарост» [1]).

Результатом земельной собственности являлся высокий уровень земельных цен и абсолютной ренты. Кроме того, в большинстве капиталистических стран долго сохранялись, а в некоторых и сейчас еще существуют такие прямые пережитки феодализма, как крупное дворянское землевладение, фидеикомисс, отработочная система, трехполье. Маркс и Ленин выявили с достаточной ясностью отрицательное влияние всех этих элементов феодализма на развитие капитализма. На этом вопросе мы остановимся еще подробнее.

Сохранение элементов и пережитков феодализма в экономике вызвало их сохранение и в государственном строе и политике. В большинстве государств долго сохранялись, а в некоторых и сейчас существуют такие пережитки феодализма, как наследственная монархия, палаты лордов, господ и т. п. Политические партии крупного землевладения проявляли во многих буржуазных государствах величайшую активность в защите элементов феодализма; своим влиянием на государственную власть и ее политику они тормозили, задерживали развитие капитализма.

Существенные особенности феодальной идеологии, ее консерватизм и авторитарность нашли поэтому свое отражение и во всех прочих надстройках буржуазного общества. Если в эпоху буржуазных революций буржуазия отваживалась на борьбу с феодальной идеологией, то с развитием классовых противоречий она становится незаинтересованной в продолжении этой борьбы, и происходит сращивание буржуазной идеологии с феодальной. Консерватизм и авторитарность пропитывают надстройки буржуазного общества, а это тормозит развитие буржуазной предприимчивости.

[1]) К. Маркс. «Теории прибавочной ценности», т. II, ч. I, изд. «Прибой», 1924 г., стр. 138.

Таким образом, остатки и пережитки феодализма оказывали многообразное влияние на развитие капитализма. Ослабляя движущие силы этого развития, они замедляли, ослабляли его темп.

Условия развития капитализма в С. Ш. существенно отличались в этом отношении от европейских. Феодализма, как развернутой и всеоб'емлющей системы, в С. Ш. никогда не существовало. Усилия колонизаторских компаний и английского короля насадить искусственно феодализм путем наделения отдельных лиц большими участками земли вызвали распространение в XVII веке в некоторых провинциях крупных владений феодального типа. (В Виргинии, Нью-Иорке и др.), но не сумели придать им прочный характер и решающую роль в экономике страны. Лишь в южной части крупные поместья приобрели господство, но на основе рабовладельческой системы.

Обилие свободных земель отклоняло поток иммигрантов в такие области, где можно было легко превратиться в собственников обрабатываемых земель «Кто окажется таким глупцом, чтобы стать низким арендатором, когда достаточно переправиться через Гудзон, чтобы за пустяки купить хорошее поместье в Джерсее»,—писал один из правителей Нью-Йорка [1]). Под давлением трудности привлечения арендаторов собственники крупных поместий вынуждены были предоставлять свои земли в аренду за ничтожную арендную плату и даже раздавать их частично бесплатно в интересах поощрения спроса на остальные участки. Искусственность насаждения арендных отношений при обилии свободных земель была настолько очевидна, что арендаторы, получив землю, выплачивали арендную плату неохотно и нерегулярно.

Борьба против этих искусственно насаждаемых элементов феодализма была одной из причин революции 1775—81 гг. Результатом этой революции было изгнание ториев (консерваторов, поддерживавших Англию) из страны и конфискация и раздел крупных поместий феодального типа.

В одной лишь провинции Нью-Йорк стоимость конфискованной земли составляла 3.600.000 долларов.

«Подобно тому, как Французская революция 1789 г. и Российская 1917 г. уничтожили крупное землевладение и вызвали радикальные перемены в аграрных отношениях этих двух народов, так и 1775—81 гг. характеризовались переменами в аграрных отношениях 13 колоний столь же реальными, хотя и не столь эффектными (spectacular). Все институты (institutions), которые не соответствовали местным аграрным условиям, осуждены были на уничтожение в процессе всеобщего под'ема. На протяжении полуторааста лет европейцы старались насаждать в Америке феодальную систему Старого Света, и в большинстве колоний были основаны крупные поместья... Изгнание ториев не только удалило наиболее консервативный класс из страны, но и сделало возможным раздробление больших земельных владений» [2]).

В ближайшие годы после революции были законодательным путем отменены все феодальные нормы наследования. Таким образом, революция уничтожила слабые элементы феодализма и изгнала их сторонников.

Вместе с тем, революция усилила движение против рабства и к концу XVIII века большая часть штатов запретила ввоз рабов. Рабовладельческие крупные поместья сохранились лишь на юге. Здесь влияние рабства было

[1]) Цитируем по книге K. Coman. «The Industrial History of the United States», New - York, 1923, стр. 37.

[2]) H. Faulkner «American Economic History», New-York, 1924, стр. 162—163. В главе VIII этой книги дана характеристика влияния революции на аграрные отношения.

во многом тождественно с влиянием феодализма. Рабовладельческое хозяйство тормозило технический прогресс и обусловливало хищническую эксплоатацию земли. Так как, кроме того, капиталы инвестировались преимущественно в рабовладельческие плантации, то промышленность и пути сообщения развивались медленно. Все это замедляло темп развития южных штатов и вызывало их отсталость по сравнению с остальной частью Соед. Штатов. Гражданская война 1861—65 гг., уничтожившая рабство, подорвала основу существования крупных плантаций и вызвала рост арендных отношений и развитие отработочной системы в форме издольщины. Таким образом, уничтожение рабства, поскольку оно не сопровождалось национализацией земли и наделением ею негров, вызвало развитие той же системы отношений, которую оставлял в Европе распад феодализма. Поэтому Ленин, критикуя в 1913 г. утверждение Гиммера, что Соед. Штаты не ведали феодализма и чужды его экономическим пережиткам, возражал, что «экономические пережитки рабства решительно ничем не отличаются от таковых же пережитков феодализма, а в бывшем рабовладельческом юге Соед. Штатов эти пережитки очень сильны до сих пор» [1]).

Однако, развитие издольщины ограничивалось бывшим рабовладельческим югом Соед. Штатов и не оказало существенного влияния на Соед. Штаты в целом. За исключением этих местных пережитков, фактически не сохранилось элементов феодализма. Частная собственность на землю, как мы убедимся, до последних трех десятилетий существовала лишь формально. Энгельс мог поэтому писать в письме к Зорге 1890 г.: «Америка—государство чисто-буржуазное и без всякого феодального прошлого и очень горда своим чисто-буржуазным строем» [2]).

Развитие капитализма в подавляющей части С. Ш. не замедлялось, не тормозилось элементами и пережитками феодализма. Капитализм развивался в чистой среде мелкого товарного хозяйства, не стесняемого оковами феодализма. Энгельс оспаривал поэтому в письме к Николаю-ону утверждение Струве, что бедственные последствия новейшего капитализма в России будут побеждены с такой же легкостью, как в С. Ш. «Он совершенно забывает при этом,—возражает Энгельс,—что С. Ш. представляют новое, буржуазное государство с самого своего начала; что они были основаны мелкими буржуа и крестьянами, бежавшими от европейского феодализма с целью установить чисто-буржазное общество» [3]). Это критическое замечание Энгельса показывает, какое большое значение он придавал этой особенности развития Соед. Штатов.

3. Свободные земли и земельная рента.

Обилие свободных плодородных земель и процесс их освоения оказали многообразное влияние на хозяйственное развитие С. Ш. Процесс освоения свободных территорий происходил почти на всем протяжении истории С. Ш. Этот процесс осуществлялся путем непрерывного продвижения на Запад. «Постоянное продвижение на Запад,—заявляет Г. Фолкнер,—было важнейшим фактором жизни и истории народа [4]). Еще более решительно высказывается проф. Ф. Тэрнер: «Американская история вплоть до наших дней была в огромной степени историей колонизации Великого За-

[1]) Ленин. Собрание сочинений, т. IX, стр. 191.

[2]) К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, перевод В. Адоратского, изд. «Московский Рабочий», стр. 273.

[3]) Там же, стр. 311.

[4]) H. Faulkner, назв. соч., стр. 117.

пада. Наличие пространств свободной земли, их непрерывное освоение и движение американских поселений на Запад об'ясняют развитие С. Ш.» [1]). И, действительно, оно наложило свой отпечаток на все развитие С. Ш.

Движение на Запад приняло организованный характер после революции 1775—81 гг. В виду притязаний семи штатов на территорию, расположенную к западу до реки Миссисипи, конгресс решил, по настоянию остальных шести штатов, передать право распоряжения этой территорией центральному правительству. Это положило начало планомерному проведению политики заселения Запада и насаждению там частной собственности на землю. О величине территорий, заселявшихся на протяжении дальнейшей истории С. Ш., дают представление следующие цифры: в 1790 г. территория С. Ш. составляла 891.135 кв. миль, при чем подавляющая часть этой территории не была еще заселена; в 1803 г. эта территория увеличилась на 827.987 кв. м.; в 1819 г.—на 72.101 кв. м.; в 1845 г.—на 389.166 кв. м., в 1846 г.—на 286.541 кв. м.; в 1848 г.—на 529.189 кв. м.; в 1853 г.—на 29.670 кв. м. [2]).

Вскоре после революции был установлен порядок продажи земли с аукциона всем желающим по минимальной цене в 1 долл. за акр и небольшую доплату за размежевание участка. В 1796 г. цена для отдельных поселенцев была повышена до 2 долл. за акр, но была допущена рассрочка на 4 года. Хотя цена эта продолжала оставаться доступной даже для рабочих, этот акт вызывал такое недовольство, что в 1821 г. цена была снижена до 1,25 долл. за акр, но право пользования рассрочкой было крайне ограничено.

Тем не менее, движение за бесплатное распределение свободных земель продолжало нарастать. Соответствующие законопроекты не утверждались, однако, в виду сопротивления рабовладельческого юга, заинтересованного в сохранении свободных земель для обеспечения возможности расширения рабовладельческих плантаций. Закон о бесплатном наделении землей, известный под названием «Акта о гомстэдах» («Homestead Akt») был утвержден президентом Линкольном лишь в 1862 г., во время гражданской войны с рабовладельческим югом. Этот закон предоставлял право б е с п л а т н о г о получения участка земли как гражданам С. Ш., так и лицам, заявляющим о желании стать таковыми. Но участок переходил в собственность этих лиц лишь после пяти лет проживания на нем или его обработки. Несмотря на это ограничение, имевшее своей целью передачу участков земли непосредственно земледельцам, лучшие участки все же превращались в об'ект спекуляции. Тем не менее, закон содействовал быстрому заселению Запада. О размерах движения на Запад можно судить по следующим данным:

Движение населения по районам [3]).

Районы:	1810 г.	1830 г.	1860 г.
Центральные северо-восточные.	272.324	1.470.018	6.926.884
Центр. северо-западные . . .	19.783	140.455	2.169.832
Центр. юго-западные	77.618.	246.127	1.747.667
Горные	—	—	174.923
Тихоокеанские	—	—	444.053

Эти районы представляют собой свободные территории, лежащие на Запад от территории 13 основных штатов. Таким образом, таблица показывает, что движение на Запад вызывало быстрый рост населения в колонизуемых областях. В последующую эпоху заселение шло еще быстрее.

[1]) Там же, стр. 117.
[2]) См. Isaak Lippincott. «Economic Development of the United States», New-York, 1927, стр. 165.
[3]) I. Lippincott, назв. соч., стр. 160.

В 1860 г. в областях к западу от Миссисипи проживало 4.536.000 человек, что составляло около $^1/_7$ всего населения С. Ш., а в 1910 г. в тех же областях проживало около 27.248.000 чел., что составляло уже почти $^1/_3$ населения С. Ш.

Таким образом, процесс освоения свободных земель продолжался на протяжении всей истории С. Ш. Б л а г о д а р я э т о м у, у с л о в и я р а з в и т и я с е л ь с к о г о х о з я й с т в а и в с е г о х о з я й с т в а в ц е л о м в С. Ш. к о р е н н ы м о б р а з о м о т л и ч а л и с ь о т е в р о п е й с к и х.

В европейских государствах первая эпоха развития промышленного капитализма характеризовалась развитием системы парцеллярной собственности и арендных отношений. Недостаток земли, относительное перенаселение, ставили мелкого арендатора в такую зависимость от землевладельца, что последний оказывался способным повысить арендную плату до крайнего предела, оставляя часто крестьянину лишь физический минимум. Маркс выясняет это на примере Ирландии: «Фермер здесь—в общем мелкий крестьянин. То, что он уплачивает в виде арендной платы земельному собственнику, зачастую поглощает не только часть его прибыли, т.-е. его собственного прибавочного труда, на который он имеет право, как владелец своих собственных орудий труда, но и часть той нормальной заработной платы, которую он получал бы при других условиях за такое же количество труда» [1]). При таких условиях подавляющая часть продуктов крестьянского труда переходила к паразитическим слоям и растрачивалась ими непроизводительно, а возможность развития сельского хозяйства исключалась.

С другой стороны, при преобладании парцеллярной собственности цена земли росла независимо от нормы процента вследствие спроса массы безземельных крестьян, а цены продуктов сельского хозяйства стояли на низком уровне, вследствие конкуренции массы мелких производителей друг с другом. Все это ухудшало положение крестьянства и вызывало застойность сельского хозяйства.

Далее, развитие капитализма в сельском хозяйстве вызывало появление и быстрый рост абсолютной ренты. На ряду с этим росла и диференциальная рента вследствие перехода к использованию худших участков земли. И абсолютная и диференциальная рента при арендных отношениях переходили в руки паразитических слоев. Таким образом, часть общественной прибавочной стоимости растрачивалась непроизводительно и возможности накопления капитала ограничивались.

В с е э т о о т с у т с т в о в а л о в С. Ш. Ч а с т н а я с о б с т в е н н о с т ь н а з е м л ю н о с и л а з д е с ь в с л е д с т в и е о ч е р ч е н н ы х в ы ш е п р и ч и н ф о р м а л ь н ы й х а р а к т е р. Во-первых, в виду обилия свободных земель формальное существование частной собственности не могло ограничивать прилива капитала в сельское хозяйство. Во-вторых, в виду почти полного отсутствия до последней четверти XIX века аренды (за исключением быв. рабовладельческого юга), землевладелец и предприниматель соединялись в одном лице. Эти условия оказали многообразное влияние как на развитие сельского хозяйства, так и на развитие народного хозяйства С. Ш. в целом.

В о - п е р в ы х. Эти условия прежде всего делали невозможным существование в С. Ш. а б с о л ю т н о й р е н т ы. В «Теориях прибавочной стоимости» Маркс говорит по этому поводу следующее: «...Мы об'ясняем образование абсолютной земельной ренты сопротивлением землевладельцев,

[1]) Маркс, «Капитал», т. III, ч. 2-я, изд. 1923 г., стр. 166.

именно тем, что последние в сельском хозяйстве препятствуют капиталистическому выравниванию ценностей товаров в цены производства. Если мы устраняем это действие землевладения, это препятствие, специфическое препятствие, на которое наталкивается конкуренция капиталов в этой области, то мы, конечно, устраняем предположение, при котором существует земельная рента... Нечто похожее происходит в колониях, даже когда там существует легальное землевладение, поскольку правительство раздает земли безвозмездно, как это вначале имело место в английских колониях, и даже в том случае, когда правительство фактически насаждает землевладение, когда оно продает землю, но чрезвычайно дешево, как, например, в С. Ш., где платят около доллара за акр» [1]).

Абсолютная рента имеет, как известно, своим источником излишек прибавочной стоимости над средней прибылью, производимый в сельском хозяйстве вследствие низкого органического строения капитала. При существовании абсолютной ренты этот излишек переходит в руки паразитического слоя землевладельцев и потребляется непроизводительно. При наличии же возможности свободного прилива капиталов в сельское хозяйство этот излишек должен вовлекаться в процесс образования общей нормы прибыли. Норма прибыли должна поэтому оказаться выше.

«Допустим,—говорит Маркс,—что в стране, как, например, С. Ш., число конкурирующих фермеров еще столь незначительно и присвоение земли в собственность еще столь формально, что каждый находит место для того, чтобы без позволения прежних обрабатывающих землю собственников или арендаторов вложить свой капитал в обработку земли. При таких обстоятельствах в течение довольно продолжительного времени возможно, — за исключением участков, положение которых в густо населенных местностях дает им монополию,—что прибавочная ценность, производимая фермером свыше средней прибыли, не реализуется в цене его продукта, и он вынужден делить ее с братьями-капиталистами... В этом случае всеобщая норма прибыли повысилась бы, потому что пшеница и т. д. продавалась бы, подобно другим, промышленным товарам, ниже своей ценности» [2]).

Таким образом, отсутствие абсолютной ренты в С. Ш. повышало среднюю норму прибыли, а низкие цены сельскохозяйственного сырья и других сельскохозяйственных продуктов стимулировали развитие промышленности. Низкий уровень цен продуктов сельского хозяйства усиливался еще тем обстоятельством, что при обилии свободных земель, в первую очередь использовывались лучшие участки земли с низким уровнем издержек производства.

Вместе с тем, вследствие отсутствия до последней четверти XIX века арендных отношений, диференциальная рента выступала не как особая форма дохода землевладельцев, а в виде обычной сверхприбыли, остающейся у предпринимателя. Таким образом, в отличие от Европы, эта сверхприбыль не поступала в руки паразитического класса, а оставалась у фермеров.

Все это содействовало ускорению темпа накопления. Более высокий уровень нормы прибыли и дешевизна продуктов сельского хозяйства создавали возможность усиления темпа накопления, а ряд других условий, о которых речь будет ниже, превратил эту возможность в необходимость, в неизбежность [1])

Во-вторых. В европейских государствах высокий уровень цен на землю и их постоянный рост вызывали значительные затраты капиталов на покупку земли и отвлекали их тем самым от приложения в сельском хозяйстве. Кроме того, в европейских государствах развилась система ипотечного кредита, погашение ссуд которого падало в большинстве случаев на доход хозяйства, также вызывая отлив средств от сельского хозяйства. Всего этого в С. Ш. до последней четверти XIX века не было. Возможность получения участка земли бесплатно или за ничтожную плату делала возможным применение всего капитала непосредственно в сельскохозяйственном производстве. Вообще в С. Ш., в отличие от Европы, не создался особый паразитический слой землевладельцев, так как там собственник земли и предприниматель соединялись обычно в одном лице. Развившаяся во второй половине XIX века спекуляция землей вызывала сравнительно незначительный рост цен на земли сельскохозяйственного пользования и не играла в С. Ш. такой отрицательной роли, как в Европе.

Быстрый и значительный рост цен на землю происходил лишь в крупных городах и вдоль важнейших железных дорог. Однако, вследствие особенностей развития С. Ш., крупные состояния, образовавшиеся благодаря этому у собственников городских земель, использовывались ими для обширной предпринимательской деятельности и явились одним из источников образования крупных капиталов.

В-третьих. Развитие арендных отношений затрудняло в европейских государствах вложение капиталов в земельные участки. Тот факт, что по истечении срока аренды произведенные в земле улучшения переходили к собственнику земли, препятствовал часто вложениям, ибо арендаторы воздерживались от вложений, если они не могли вернуться целиком до окончания срока аренды. «...Это,—говорит Маркс,—одна из величайших помех рациональному земледелию, потому что фермер избегает всяких улучшений и затрат, раз нельзя ожидать, что они целиком возвратятся до истечения срока его аренды» [2]). С другой стороны, система аренды делает арендатора заинтересованным в максимальной эксплоатации арендованных участков, что ускоряет истощение почвы.

В С. Ш. соединение предпринимателя и землевладельца в одном лице устраняло это препятствие и делало возможным рациональное земледелие. Это преимущество до второй половины XIX века не могло оказывать существенного влияния, ибо обилие плодородной, свободной земли поощряло экстенсивную систему хозяйства. Но во второй половине XIX века это преимущество оказало благотворное влияние на развитие сельского хозяйства, поощряя его интенсификацию.

Таким образом, формальный характер частной собственности на землю в подавляющей части С. Ш. имел огромное влияние на их развитие,

---

Footnotes p. 44:

[1]) К. Маркс. «Теории прибавочной ценности», том II, часть 2, стр 46—47. То же самое Маркс утверждает там же, стр. 95, а также в части 1, стр. 133. Отсутствие абсолютной ренты в С. Ш. отмечал также Каутский. См. его «Аграрный вопрос», изд. «Пролетарий», 1926 г., стр. 208.

[2]) К. Маркс. «Теории прибавочной стоимости», том II, часть 1, изд. «Прибой», стр 133, разрядка наша. То же самое Маркс утверждает в томе III, стр. 325.

Footnotes p. 45:

[1]) Вот что писал по этому поводу К. Каутский: «Чем же об'яснить этот баснословный рост капитала? Прежде всего, конечно, тем, что в Америке нет такой крупной общественной силы, с которой капитал должен был бы делиться своей прибавочной стоимостью и которая непроизводительно растрачивала бы свою долю. Благодаря наличности огромных пространств свободной земли в С. Ш. не было до последнего времени крупной земельной ренты, не было класса землевладельцев, который подобно европейским феодалам присваивал бы часть прибавочной стоимости и тратил бы ее на свое личное потребление. (Я не считаю владельцев южных плантаций, которые исчезли с наступлением капиталистического режима)». См.: К. Каутский. «Американский и русский рабочий», изд. «Знание», 1906 г., стр. 19—20.

[2]) К. Маркс. «Капитал», том III, ч. 2-я, изд. 1923 г., стр 160.

усиливая темп накопления в стране, обеспечивая обширную базу дешевого сельскохозяйственного сырья для промышленности и дешевые продукты для широких масс, поощряя применение капиталов в сельскохозяйственном производстве, содействуя развитию рационального земледелия.

«Мы видим здесь чрезвычайно наглядно,—писал Ленин в своей работе о капитализме и земледелии в С. Ш.,—не раз уже отмечавшуюся нами особенность С. Ш., состоящую в наличности незанятых свободных земель. Эта особенность... об'ясняет чрезвычайно широкое и быстрое развитие капитализма в Америке. Отсутствие частной собственности на землю в известных районах громадной страны не устраняет капитализма,—к сведению наших народников!—а, наоборот, расширяет базу для него, ускоряет его развитие» [1]).

4. Недостаток рабочей силы, заработная плата, технический прогресс.

Прямым результатом очерченного выше движения на Запад, вызывавшего постоянный отлив туда рабочей силы, явился недостаток рабочей силы, изжитый лишь в последней четверти XIX века и оказавший огромное влияние на особенности капиталистического развития С. Ш. Легкость получения земли и превращения в независимого фермера создавала почти постоянный недостаток рабочей силы на рынке труда. «Сегодняшний наемный рабочий,—писал об этом Маркс,—завтра становится независимым, ведущим самостоятельное хозяйство крестьянином или ремесленником. Он исчезает с рабочего рынка, но только не в работный дом. Это постоянное превращение наемных рабочих в независимых производителей, которые работают не на капитал, а на самих себя и обогащают не господина-капиталиста, а самих себя, в свою очередь оказывает чрезвычайно вредное воздействие на состояние рабочего рынка» [2]). Маркс приводит далее сообщение Уэйкфильда об одном англичанине, который, отправляясь в Новую Голландию, взял с собой три тысячи рабочих и слуг, но по приезде туда оказался без единого слуги, так как все они покинули его. «Они скоро перестают быть наемными рабочими,—писал с возмущением Уэйкфильд в 1833 году,—они скоро превращаются в независимых крестьян, или даже в конкурентов своих прежних хозяев на самом рынке наемного труда» [3]).

Между тем, нужда в рабочей силе в колониальный период обострялась необходимостью очистки земли от леса, прокладки дорог, постройки домов, мостов и т. п. С развитием же сельского хозяйства и промышленности нужда в рабочей силе продолжала нарастать. С этой нехваткой рабочей силы предприниматели пытались бороться в колониальный период прежде всего путем найма рабочих в Европе по контракту и путем ввоза рабов. Нанятые по контракту (indentured) рабочие обязывались проработать у предпринимателя несколько лет, он же брал на себя стоимость их перевозки в Америку. Хотя эти меры частично удовлетворяли нужду в рабочей силе, они оказались все же совершенно не достаточными, так как рабочие по контракту по окончании срока своего обязательства стремились превратиться в самостоятельных производителей, а труд рабов, вследствие его низкой производительности, оказывался далеко не всегда выгодным. Лишь на юге, где преобладали табачные и хлопковые плантации, труд рабов нашел широкое распространение.

Поэтому колониальные власти и предпринимательские слои пытались бороться с недостатком рабочей силы и другим путем—путем введения

[1]) Ленин. Собрание сочинений, том IX, стр. 247.
[2]) К. Маркс. «Капитал», том. I, изд. 1920 г., стр. 794.
[3]) Там же, стр. 794—795.

платы на землю и искусственного ограничения этим способом доступа к ней неимущим слоям. «Теория колонизации» Уэйкфильда, разоблаченная Марксом в последней главе первого тома «Капитала», представляла собою выражение и обоснование этих стремлений предпринимательских слоев. «По этому плану,—торжествующе восклицает Уэйкфильд,—предложение труда будет постоянным и регулярным потому, во-первых, что все переселяющиеся рабочие,—так как ни один из них не в состоянии купить себе земли, пока он не проработает известное время за деньги,—сообща работали бы по найму и таким образом производили бы своему хозяину капитал для применения еще большего количества труда» [1]).

Тот факт, что до 1862 г. существовал очерченный выше порядок продажи свободных земель по определенным ценам, частично отражал это стремление затруднить неимущим слоям переход к независимому труду и обеспечить тем самым предложение их рабочей силы на рынке труда. Однако, наличие огромных пространств свободной земли исключало возможность установления высоких цен. Цена же в 1,25—2 доллара за акр не могла быть существенным препятствием для перехода к независимому труду, хотя, несомненно, вынуждала неимущих лиц работать некоторое время в качестве наемных рабочих, чтобы скопить необходимые средства. Нижеследующий любопытный отрывок из официального отчета 1832 г. дает интересную характеристику сравнительной легкости превращения рабочего в фермера даже после закона 1831 г., почти отменившего рассрочку платежей.

«Земля продается теперь участками в 80 акров по 1,25 долл. за акр. Хороший участок в 80 акров может быть куплен за 100 долл. В каждом из штатов на запад от реки Огайо рабочий может заработать в день 75 центов и если предположить, что жизнь ему стоит 25 центов в день,—а это в нашей обильной стране является вполне достаточной цифрой,—то он может, проработав 200 дней или около 8 месяцев, заработать на покупку фермы. Так, как число рабочих дней в году, учитывая плохую погоду, не составляет больше 200, то можно уверенно утверждать, что рабочий может купить участок в 80 акров, проработав 1 год... Заработок ремесленников много выше; те, кто работает в наиболее употребительных профессиях, как плотники, кузнецы, сапожники,—крайне нужны. Лицо, принадлежащее к этой группе, может заработать средства, необходимые для покупки 80 акров, в 6 месяцев» [2])

Все это превращало недостаток рабочей силы на рынке труда С. Ш. в хроническое явление (за исключением, конечно, периодов кризисов), изжитое лишь в последней четверти XIX века. Условия развития капитализма в С. Ш. и в этом отношении резко отличались от европейских.

В Европе капитализм развивался в условиях постоянного наличия резервной армии труда. Это обстоятельство держало заработную плату на сравнительно низком уровне и облегчало производство абсолютной прибавочной стоимости. Низкий уровень заработной платы и возможность усиленного производства абсолютной прибавочной стоимости тормозили технический прогресс.

Наоборот, в С. Ш. недостаток рабочей силы вызывал рост заработной платы. Маркс отметил в первом томе «Капитала», что об'ем привычных потребностей, определяющий стоимость рабочей силы, зависит «и от того, при каких условиях, а следовательно, с какими привычками и жизненными притязаниями сформировался класс свободных рабочих» [3]). В С. Ш. рабочий класс сформировался в условиях, обеспечи-

[1]) К. Маркс. «Капитал», том I, изд. 1920 г., стр. 997.
[2]) Цитируем по книге W. Jennings. «A History of Economic Progress in the United States», New-York, 1926, стр. 234.
[3]) К. Маркс. «Капитал», том I, гл. 4, раздел 3.

вавших сравнительно высокий уровень заработной платы и стоимости рабочей силы. «В колониальных странах закон спроса и предложения благоприятен для рабочих. Этим об'ясняется относительно высокая нормальная заработная плата в С. Ш.» [1]). Действительно, еще в конце колониального периода, в третьей четверти XVIII века, средняя заработная плата сельских рабочих составляла 40 центов в день, плотников—около 50 центов, судостроительных рабочих—90 центов, кузнецов—70 центов [2]). Принимая во внимание дешевизну жизни в С. Ш. в тот период, нельзя не признать этот уровень заработной платы сравнительно высоким.

В XVII веке делались попытки бороться с ростом заработной платы путем ее официального нормирования по примеру Англии. Однако, попытки эти не увенчались успехом и были скоро оставлены.

В начале XIX века заработная плата квалифицированных рабочих колебалась в городах от 1—2 долларов в день. Несмотря на продолжительный рабочий день и подчас антисанитарные условия труда, положение американских рабочих настолько отличалось от европейских, что некоторые европейцы восторженно описывали положение рабочих в С. Ш. [3]). На протяжении же XIX века заработная плата возрастала весьма значительно [4]).

Недостаток рабочей силы и высокий уровень заработной платы явились важнейшими движущими силами процесса механизации и автоматизации производства в С. Ш. Исключительная быстрота и размах этого процесса, являющиеся важнейшей особенностью экономического развития С. Ш. и важнейшим источником превосходства его темпа, обусловлены главным образом этими факторами. Недостаток рабочей силы делал предпринимателей крайне заинтересованными в изобретении и применении машин, заменяющих рабочую силу. В этом же направлении действовал и высокий уровень заработной платы. Капиталисты бывают заинтересованы в применении лишь таких машин, стоимость которых меньше суммы заработной платы заменяемых ими рабочих. Так как в С. Ш. заработная плата была сравнительно высока, то, с одной стороны, задача введения таких машин существенно упрощалась, и, с другой стороны, влияние их на понижение издержек производства оказалось гораздо значительнее.

Вот что пишет по этому поводу американский экономист А. Лау: «Применение машин выгодно лишь там, где преобладает высокий уровень заработной платы. Отмечалось, что «при сооружении железных дорог и каналов в Индии применение машин невыгодно и излишне вследствие низкого уровня той заработной платы, за которую рабочий может быть нанят для рытья земли и сооружения насыпей». Наоборот, в Америке сооружение железных дорог, рытье каналов и другие подобные работы могут быть с большей выгодой выполняемы при помощи паровых лопат, землекопных и т. п. машин, чем при помощи армий рабочих. Отношение, существующее между применением машин и стоимостью рабочей силы, сжато выражено одним выдающимся французским автором: «Предприниматель,—говорит он,—рассматривая вопрос о покупке машины, стоящей 2.000 ф. ст., заменяющей 4 рабочих и окупающейся в 10 лет, не станет колебаться по поводу этой покупки в стране, где зарплата составляет 100 ф. ст. в год. Машина даст экономию в 200 ф. ст. в год. Однако, в стране, где заработная плата составляет 40 ф. ст., предприниматель не может применить этой машины, потому

[1]) К. Маркс. «Заработная плата, цена и прибыль».
[2]) E. Cowdrick, назв. соч., стр. 43.
[3]) См., например, выдержку из описания H. Martineau в назв. соч. W. Jennings'a, стр. 303.
[4]) Подробные данные о зарплате и ценах по районам в первой половине XIX века, см. у W. Jennings'a, назв. соч., стр. 302—304. Данные о движении зарплаты и цен во 2-й половине XIX века, см. у H. Faulkner'a, назв. соч., стр. 605, или у K. Coman, назв. соч., стр. 306.

что она вызовет ежегодный убыток в 40 ф. ст.». Этим можно об'яснить в немногих словах, почему американский предприниматель так быстро отказывается от устаревшей машины и всегда стремится заменить ее другой, могущей выполнять работу дешевле и лучше. Машиной, стоившей 1.000 ф. ст. и с'экономившей в 5 лет 1.200 ф. ст. зарплаты, предприниматель может пожертвовать в конце этого периода без того, чтобы ощущать это, как потерю денег. Он не теряет денег. Он добывал их при помощи этой машины, и если он может получить лучшую, которая окупится в ближайшие пять лет и с'экономит 1.500 ф. ст. в издержках производства, то он ощутит затрату на нее, как выгодную» [1]).

Далее. Рост заработной платы лишал капиталистов части тех благоприятных возможностей реализации прибавочной стоимости, которые вытекали из факта отсутствия абсолютной ренты. С другой стороны, очерченные выше условия лишали их возможности наступления по линии производства абсолютной прибавочной стоимости. Все это вынуждало их к усиленному применению методов производства относительной прибавочной стоимости, т.-е. к повышению производительности и интенсивности труда, путем механизации и автоматизации производства, ускорения движения машин, рационализации процесса труда и т. п. Совокупность этих условий обусловила и форсировала технический прогресс американского хозяйства.

Первые стадии этого прогресса облегчались тем обстоятельством, что С. Ш. начинали его со ступеней, достигнутых уже Англией. Несмотря на стремление Англии сохранить конструкцию новых машин в секрете и на издание английским правительством с этой целью в период 1765—1789 гг. целой серии законов, запрещавших эмиграцию квалифицированных рабочих и вывоз машин и их частей,—эти изобретения были быстро перенесены эмигрантами в С. Ш. и нашли там широкое применение. Так, например, первая прядильная фабрика системы Аркрайта была сооружена в С. Ш. в 1789 г. английским эмигрантом, служившим у Аркрайта в Англии и эмигрировавшим в С. Ш. с целью использования там широких возможностей промышленного предпринимательства.

Вообще, эмиграция из Западной Европы в С. Ш. оказала огромное влияние на ускорение их технического прогресса. До 80-х годов XIX века эмиграция в С. Ш. происходила почти целиком из Англии, Ирландии, Германии и Скандинавских стран, и среди эмигрантов были поэтому значительные массы квалифицированных рабочих. Лишь в 80-х годах усиливается, а в 90-х начинает преобладать эмиграция из Италии, Австро-Венгрии и России [2]). Иммигранты из стран развитого промышленного капитализма переносили в С. Ш. технические достижения своих стран и содействовали их применению и распространению. С другой стороны, иммиграция поставляла развивающейся промышленности готовые кадры квалифицированных рабочих. В то время, как в других государствах создание кадров квалифицированной рабочей силы представляло собой длительный процесс, С. Ш. получали значительные кадры квалифицированных рабочих из промышленных стран Западной Европы. Так как среди иммигрантов преобладало взрослое трудоспособное население, вовлекавшееся сразу в процесс общественного труда, то американское хозяйство не несло расходов по воспитанию и обучению значительных кадров своей рабочей силы. Процент самодеятельного населения ока-

[1]) A. Low. «Protection in the United States», London, 1904, стр. 68—70.
[2]) См. об этом: P. Leroy-Beaulieu. «The United States in the Twentieth Century», 1906, стр. 16—18.

зывался сравнительно высоким, а это содействовало ускорению темпа накопления.

То обстоятельство, что С. Ш. начинали свой технический прогресс со ступеней, достигнутых государствами Западной Европы, значительно повышало эффективность капитальных затрат и исходный уровень производительности труда.

Однако, подлинный источник под'ема С. Ш. все же не в этих заимствованиях, а в интенсивности и размахе их собственного технического прогресса.

Крайняя заинтересованность американских предпринимателей в механизации и автоматизации производства содействовала широкому развитию в С. Ш. изобретательства. Американские предприниматели не только тратили огромные средства на содействие изобретательской деятельности специальных научноисследовательских учреждений, инженеров, но и всячески поощряли развитие изобретательства среди рабочих масс, благодаря этому кадры изобретателей оказались весьма обширными. Быстрота развития изобретательства и его размах характеризуются следующими данными о росте количества патентов [1]):

Периоды.	Количество.
1790—1800 гг.	276
1844— 50 „	6.480
1850— 60 „	25.200
1860— 70 „	71.800
1890—1900 „	221.500

Благодаря такой быстроте технического прогресса машины снашивались «морально» в С. Ш. гораздо быстрее, чем в Европе. Вследствие этого американские предприниматели, в отличие от европейских, предпочитали дешевые машины, не отличавшиеся часто особой прочностью, но выгодные своей дешевизной и способностью к быстрой амортизации. Это понижало иногда качество продукции, но зато делало возможным быстрый переход к новым типам машин и соответственное понижение себестоимости.

В отличие от европейских государств, процесс механизации производства захватил в С. Ш. не только промышленность, но и сельское хозяйство. Недостаток и дороговизна рабочей силы вызывали изобретение и применение в сельском хозяйстве многообразных машин, заменяющих рабочую силу и повышающих производительность труда. До 1880 г. было выдано свыше 10.000 патентов на орудия и машины, предназначенные для сельского хозяйства. Наиболее важными из них в американских условиях оказались молотильные, жатвенные и сноповязальные машины. «При помощи этих усовершенствованных сельскохозяйственных машин,—говорит Е. Богарт,—среднее количество зерна, которое может быть снято, обмолочено и приготовлено для рынка... одним человеком в день, увеличилось приблизительно с 4-х бушелей в 1830 г. до 50 бушелей в 1880 г. В результате производство пшеницы в С. Ш. возросло на голову населения с 5,6 бушелей в 1860 г. до 9,2 бушелей 1880 г. В то же время стоимость пшеничного хлеба для потребителя была значительно понижена» [2]).

Широкое применение машин в сельском хозяйстве и интенсивное развитие изобретательства привели к качественному превосходству многих типов американских машин над европейскими. Так, например, на международной выставке в Париже в 1855 г. американская жатвенная машина

[1]) Данные взяты у Faulkner'a, назв. соч., стр. 554.
[2]) E. Bogart. «The Economic History of the United States», New-York, 1916, стр. 310—311.

сжала акр овса в 21 мин., в 3 раза скорей европейских; американская молотилка обмолотила в час 740 литров, в то время, как ее конкурент—английская молотилка—лишь 410 [1]).

Основные особенности технического прогресса в С. Ш.—его исключительный темп и размах, широкое развитие изобретательства, всесторонняя механизация процессов погрузки, перегрузки, передвижения грузов, внедрение машин в сельское хозяйство, тенденция к всестороннему использованию естественных богатств и энергетических ресурсов, — все это является следствием очерченных выше условий, а также условий рынка, к выяснению которых мы сейчас перейдем. «Большая электрификация» т.-е. строительство грандиозных районных электрических станций, сыгравшая такую колоссальную роль в хозяйственном под'еме С. Ш., явилась естественным результатом этой общей тенденции американского хозяйства к механизации производства, к использованию сил природы. «Американская изобретательность, американская способность к сберегающим труд процессам и машинам,—писал Генри Джордж,—суть результаты сравнительно высокой заработной платы, которая преобладала в С. Ш. Если бы наши производители были обречены на жалкое вознаграждение египетского феллаха или китайского кули, мы бы черпали воду руками и переносили товары на плечах» [2]).

Решающее значение недостатка и сравнительной дороговизны рабочей силы на развитие процесса механизации в С. Ш. было констатировано в середине прошлого века Марксом. В 1846 г. в одном из писем Маркс отмечал, что «в Северной Америке машина была введена как благодаря конкуренции с другими народами, так и благодаря недостатку рабочих рук, т.-е. благодаря несоответствию между промышленными потребностями Сев. Америки и ее населением» [3]). В «Теориях прибавочной стоимости», отметив, что машины «нигде не применялись в таком большом количестве, как в Америке, где они, так сказать, служат для домашнего употребления», Маркс заявляет: «Именно Америка, которая применяет гораздо больше машин, нежели Англия, где постоянно господствует перенаселение, показывает, как мало применение машин зависит от цены продуктов питания, но оно может зависеть от относительного недостатка рабочих, как в Америке, где относительно небольшое население, занимает огромные территории. Так мы читаем в «Nation» (9 сент. 1862 г.) в статье о выставке: «Человек есть животное, производящее машины... Если мы рассматриваем американца, как представителя человека, то получаем великолепное определение. Один из главных пунктов в системе американца состоит в том, что никогда не делать руками того, что можно произвести машиной. От движения люльки до производства гроба, для доения коровы, для порубки леса, для пришивания пуговицы, для голосования за президента—у него имеется машина почти для всякой вещи. Он изобрел машину, чтобы не нужно было разжевывать пищу. Чрезвычайный недостаток рабочих сил и вытекающая отсюда высокая ценность их (несмотря на низкую ценность продуктов питания! *Маркс),* а также врожденный интерес поощряли этот дух изобретения. Произведенные в Америке машины вообще по ценности стоят ниже произведенных в Англии... Они обычно скорее представляют вспомогательные средства, сберегающие труд, чем изобретение, делающее доселе невозможное (а пароходы! *М.*)... В американском дворе не много можно найти, кроме машин» [4]).

[1]) H. Faulkner, назв. соч., стр. 236.
[2]) Генри Джордж. «Прогресс и бедность», книга девятая, глава II, стр. 522, издания под ред. А. К. Шеллера.
[3]) К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма. Перев. В. Адоратского, изд. «Московский Рабочий», 1922 г., стр. 10.
[4]) К. Маркс. «Теории прибавочной ценности», том II, часть 2, изд. «Прибой», стр. 229—230.

5. Емкость рынка, протекционизм, массовое производство.

Такой исключительный темп технического прогресса сопровождался, естественно, быстрым ростом производительности труда и об'ема производства. Совершенно очевидно, что он был возможен поэтому лишь при условии соответствующего роста емкости рынка. Проблема рынка, проблема реализации товаров, является одной из центральных проблем капиталистической системы производства. Противоречие между производством и потреблением и анархия производства затрудняют в капитализме реализацию товаров, замедляя тем самым темп роста капиталистического хозяйства.

В С. Ш., однако, в силу ряда своеобразных условий, частью уже очерченных выше, эти противоречия и трудности проявлялись в ослабленной форме. Эти условия обеспечивали возможность быстрого и значительного расширения как подразделения средств производства, так и подразделения средств потребления.

Потребление, являющееся основным элементом пропорциональности, возрастало в С. Ш. быстрее и значительнее, чем в других капиталистических странах в силу сравнительно высокого уровня зарплаты и значительного об'ема покупательской способности фермеров.

«В Америке развитие индустрии встречало все более разрастающийся рынок. Это опять-таки об'ясняется главным образом наличностью множества свободных земель, равно как незначительностью налогов, лежащих на американских земледельцах. Стоило только эти девственные земли сделать доступными для обработки, как благодаря естественному приросту и иммиграции население стало быстро возрастать, расширяя таким образом внутренний рынок для промышленности» [1].

Значительная емкость потребительского рынка и ее быстрый рост создавали основу для соответствующего роста емкости рынка в целом. Она создавала возможность очерченного выше размаха технического прогресса, ибо вызываемый им в конечном счете рост производства предметов потребления в общем соответствовал растущей емкости рынка. С другой стороны, процессы механизации и электрификации производства создавали в свою очередь разраставшийся рынок для средств производства, оказывая огромное влияние на расширение емкости рынка в целом.

Крупнейшую роль в рассширении емкости внутреннего рынка сыграло сооружение железных дорог и каналов. О размахе и темпе этого строительства можно судить по следующим цифрам: в 1830 г. длина железнодорожных путей составляла 32 мили, в 1840 г.—2.818 м., в 1860 г.—30.626 миль, в 1900 г.—198.964 м. В 1914 г. длина железнодорожных путей в Соединенных Штатах превзошла длину их во всей Европе. Такой размах строительства обусловливался очерченными выше факторами. Это грандиозное строительство расширяло рынок, не только потому, что оно связывало воедино экономические районы, усиливало товарооборот между ними, развивало товарное хозяйство, но и потому, что это строительство создавало разраставшийся рынок для тяжелой индустрии. «...Железные дороги, нуждающиеся в огромном количестве различных продуктов, явились важным потребителем для промышленности» [2]). Кроме того, как правильно отмечает И. Липпинкотт, «расширяя рынок, они прокладывали пути для развития интенсивной конкуренции, которая в свою очередь становилась мощным стимулом для введения новых методов и для улучшения организационных форм хозяйства. Железные дороги облегчали также размещение производства в наиболее благоприятных местах» [1]).

[1]) К. Каутский. «Американский и русский рабочий», изд. «Знание», 1906 г., стр. 21.

[2]) Там же, стр. 23.

Существенное значение для расширения емкости внутреннего рынка имело также то обстоятельство, что огромная территория С. Ш. с ее быстро растущим населением не имела никаких внутренних перегородок и препятствий для развития товарооборота. «Континентальные С. Ш.,—утверждает Э. Каудрик,—представляют собой самую большую сплошную территорию в цивилизованном мире, где торговля свободна и неограничена. Этот внутренний рынок, имеющийся у производителей, не только велик географически, но и богат по своей покупательной способности» [2]). Немецкий профессор Ю. Гирш в своих впечатлениях о посещении С. Ш. даже восторженно восклицает: «Никаких таможен на расстоянии нескольких часов пути, никаких паспортных, никаких политических затруднений, имеющихся в «балканизированной» Европе!» [3]). Действительно, если сравнить условия развития Западной Европы на протяжении ее истории в этом отношении с С. Ш., то становится очевидным огромное значение экономического и политического единства этой громадной страны для ее экономического под'ема.

Не имея внутри никаких перегородок, С. Ш. были в то же время окружены высокой стеной таможенных пошлин, ограждавших их внутренний рынок от конкуренции других стран. Господство протекционизма во внешнеторговой политике С. Ш. на протяжении значительных периодов их истории представляет собой одну из особенностей их экономического развития. Длительное господство протекционизма не могло привести в С. Ш. к техническому застою в силу очерченных выше условий, ускорявших технический прогресс. Поэтому протекционизм в С. Ш. мог сыграть положительную роль, расширяя внутренний рынок для продуктов американской промышленности. Эта роль протекционизма даже переоценивается американскими экономистами. Вот как, например, кончает свое исследование о протекционизме в С. Ш. А. Лау: «Каждый раз, когда С. Ш. отходили от их традиционной политики протекционизма, это вызывало бедствия; каждый раз, когда С. Ш. отрекались от свободы торговли и возвращались к протекционизму,—снова зажигались горны, молчавшие ткацкие станки начинали сотрясаться с обновленной энергией, в безжизненные токарные станки вселялась новая жизнь, фермер процветал не меньше промышленного рабочего, работы было много и заработная плата высока. Все это является существенными мотивами, чтоб убедить сторонников протекционизма, что он представляет собою целесообразную политику для американского народа» [4]). Лау явно преувеличивает здесь роль протекционизма, приписывая ему, самому по себе, такое влияние. Совершенно очевидно, что его длительное существование в С. Ш. оказало положительное влияние лишь благодаря специфическим социально-экономическим условиям, господствовавшим в них.

Затрудняя при помощи протекционизма проникновение иностранных товаров на свой внутренний рынок, С. Ш. вместе с тем широко использовали внешнюю торговлю для вывоза продуктов сельского хозяйства. Благодаря отсутствию абсолютной ренты и в силу высокой производительности сельскохозяйственного труда цены сельскохозяйственных продуктов были в С. Ш. ниже европейских. Вследствие этого, экспорт продуктов сельского хозяйства из С. Ш. легко преодолевал препят-

[1]) I. Lippincott, назв. соч., стр. 470.

[2]) E. Cowdrick, назв. соч., стр. 240.

[3]) Ю. Гирш. «Успехи организации американского хозяйства», изд. «Время», 1926 г., стр. 14.

[4]) A. Low, назв. соч., стр. 163.

ствия на европейских рынках. Таким образом, сельское хозяйство имело не только обширный внутренний рынок, но и значительный внешний.

Благотворное влияние на емкость внутреннего рынка оказывал также относительно низкий уровень налогового бремени. Так как, с одной стороны, С. Ш. получали значительный доход от таможенных пошлин и продажи свободных земель и, с другой стороны, до последней четверти XIX века военные расходы были в них незначительны, то американские граждане не несли тех тяжелых налогов, которые обременяли европейцев. «...С. Ш. находились в том более выгодном положении, что оставались все время в стороне от европейской политики, что гарантировало их от внешних нападений и избавило от необходимости разоряться на военные расходы. Их флот, как и сухопутная армия, были крайне ничтожны... Поэтому не удивительно, что в С. Ш., свободных от этого страшного налогового бремени (земельной ренты и военных расходов. *В. М.)* капитал накопляется гораздо быстрее, чем в Европе» [1]).

Наконец, в определенные периоды на расширение емкости внутреннего рынка оказывала также влияние развившаяся в С. Ш. специфическая система поощрения спроса и в особенности продажи товаров в рассрочку. Ее широкое развитие было возможно благодаря сравнительно высокому уровню заработной платы рабочих и доходов фермеров и сравнительной надежности их заработка.

Все эти условия и обеспечивали ту обширную емкость внутреннего рынка, которая поглощала быстро растущую продукцию народного хозяйства. Эта емкость внутреннего рынка создавала необходимость и возможность массового производства. Поэтому в С. Ш. рано возникла и нашла широкое применение идея стандартизация промышленной продукции и специализации производства. На развитие стандартизации в машиностроительной промышленности оказал также влияние недостаток рабочей силы. «Недостаток рабочей силы в Америке,—говорит Г. Фолкнер,—содействовал также развитию здесь раньше, чем в какой-либо другой стране, стандартизации машин и их частей, позволяющей быстро производить сложные механизмы в больших количествах путем производства каждой части отдельно и последующей их сборки. Это делает возможным замену частей и понижает расходы при применении машины» [2]).

Так как стандартизация производства и его специализация существенно понижали издержки производства и делали возможным понижение цен, то они в свою очередь расширяли внутренний рынок. С другой стороны, повышая прибыль предпринимателей, они ускоряли накопление капиталов.

6. Роль надстроек.

В предыдущих разделах статьи мы пытались выяснить социально-экономические факторы, обусловившие превосходство американского темпа над европейским. На основе этих условий в С. Ш. выросла соответствующая система надстроек. Развиваясь на основе экономического базиса, надстройки приобретают, как известно, относительную самостоятельность, самостоятельное движение, оказывающее обратное воздействие на экономическую основу. «Политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т. д. развитие,—писал Энгельс в 1894 г. в одном из своих писем,—основано на экономическом, но все они оказывают влияние друг на друга и на экономическую основу. Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является единственной активной причиной, а остальное является лишь пассивными фактами, нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, которая в конце-концов проявится» [1]). В другом письме в 1890 году на примере влияния государственной власти на экономическое развитие Энгельс выясняет соотношение базиса и надстройки подробнее: «Обратное действие государственной власти на экономическое развитие может быть троякого рода. Она может действовать в том же направлении, тогда дело идет быстрее»... [2]). Таким образом, в тех случаях, когда надстройки действуют в одном направлении с базисом, их воздействие должно ускорять процесс экономического развития.

Процесс формирования надстроек в С. Ш., происходивший на основе очерченных выше социально-экономических условий, создал в С. Ш. своеобразную систему надстроек, игравшую огромную роль в ускорении темпа экономического развития, ибо они действовали в одном направлении с базисом.

Прежде всего огромную роль сыграло то обстоятельство, что в С. Ш. иммигрировали элементы, являвшиеся пионерами буржуазного способа производства и носителями буржуазной идеологии. «...С. Ш. представляют новое, буржуазное государство с самого своего начала; ...они были основаны мелкими буржуа и крестьянами, бежавшими от европейского феодализма с целью установить чисто-буржуазное общество» [3]). Это обстоятельство обеспечило пышный расцвет в С. Ш. буржуазной идеологии в ее сравнительно чистом виде.

Политический строй С. Ш. и их государственные учреждения носили поэтому ярко выраженный буржуазный характер. В отличие от европейских государственных учреждений, политика и деятельность которых отражали часто интересы и идеологию феодально-дворянских слоев населения и тем самым тормозили развитие производительных сил, государственная власть С. Ш. проводила ярко выраженную буржуазную политику, ускоряя тем самым развитие капиталистической системы хозяйства.

С другой стороны, бурный процесс колонизации страны и освоения ее богатств содействовал развитию среди населения предприимчивости, инициативы, подвижности, а необходимость механизации, электрификации и стандартизации производства — склонность к улучшению техники и организационных форм и к изобретательству. Эти качества американского населения, сыгравшие столь важную роль в ускорении темпа экономического под'ема С. Ш., являются результатом той экономической основы, на которой они развивались.

«Характер американцев,—говорит И. Липпинкотт,—создавал благоприятную атмосферу для роста производства вследствие той легкости, с какой они приспособляются к новым условиям. Одно ее проявление—в готовности к новым идеям, другое —в легкости, с какой они поддаются влиянию новых потребностей. Население этой страны проявляло наибольшую готовность отказаться от старых средств производства, если открыты лучшие методы; таким образом, традиции прошлого играли очень малую роль» [4]). Следует отметить, что эта «готовность» к новым идеям в действительности носила весьма односторонний характер. Она проявлялась лишь в области организационно- и технико-производственной. В области социально-политической достижение С. Ш. максимального развития буржуазных форм и гос-

[1]) К. Каутский. «Американский и русский рабочий», стр 20—21.
[2]) H. Faulkner, назв. соч., стр. 553.

[1]) К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма. Перевод В. Адоратского, ст. 315.
[2]) Там же. Стр. 283.
[3]) Там же, стр. 311.
[4]) I. Lippincott, назв. соч., стр. 471.

подства буржуазной идеологии делало подавляющую часть американцев весьма мало готовыми к новым идеям.

Буржуазные авторы, восторгающиеся личными качествами американцев, не всегда понимают зависимость этих качеств от об'ективных социально-экономических условий. Вот что утверждал, например, Г. Робертс на собрании американской экономической ассоциации: «Развитие С. Ш. является новым доказательством того, что главнейшими факторами индустриального развития страны являются интеллектуальный и моральный характер народа... Высшая производительная способность находится в руках самых энергичных, самых предприимчивых, умственно-подвижных, тех, кто вместо того, чтоб быть связанными рутиной и стариной, постоянно исследуют и обладают духом инициативы» [1]).

Совершенно очевидно, что здесь факторы производные приняты за основные. Эти качества американцев, несомненно, сыграли свою роль, но именно потому, что они возникли на соответствующем экономическом базисе и *действовали в одном направлении с ним, ускоряя тем самым его развитие*. Поэтому прав, например, Г. Фолкнер, заявляющий, что недостаток рабочей силы является, «быть может, частичным об'яснением американской философии прославления труда и пуританской ненависти к лености, проявившейся во многих колониальных законах» [2]). Именно в социально-экономических условиях надо искать источники особенностей американского характера и американской идеологии.

В частности, эти условия нашли свое отражение в американской *системе образования и воспитания*, оказавшей огромное влияние на хозяйственное развитие С. Ш. Основные особенности этой системы—раннее и широкое развитие в С. Ш. сети просветительных учреждений; широкое развитие специального и, в частности, сельскохозяйственного образования; тесная связь системы образования с нуждами производства; курс на развитие в детях предприимчивости, воли, подвижности, — все это обусловлено очерченной в статье социально-экономической средой: курс на всестороннюю механизацию и электрификацию производства, требовал культурного, технически-грамотного рабочего. С другой стороны, социально-политический строй, выросший на очерченной нами социально-экономической основе, требовал приобщения широких масс к буржуазной культуре и подчинения их буржуазной идеологии. Это делало капиталистов и государственные учреждения щедрыми в расходах на народное просвещение.

Все эти условия об'ясняют, почему в С. Ш. буржуазная идеология оказывала такое влияние на народные массы и приобрела относительную устойчивость. Это влияние буржуазной идеологии на известные слои рабочих масс Энгельс в письме к Зорге в 1890 г. характеризовал следующим образом: «...Они еще очень консервативны, и только жизненный опыт сумеет избавить их от старых традиционных предрассудков; консервативны же они так потому, что Америка—государство чисто-буржуазное и без всякого феодального прошлого и очень горда своим чисто-буржуазным строем» [3]). Буржуазное влияние на пролетариат, усиливавшее в нем консервативные элементы, явилось в свою очередь одним из факторов усиления американского капи-

---

[1]) Цитируем по брошюре И. Озерова—«Америка идет на Европу», 1903 год, стр. 66. В этой брошюре И. Озеров выражал бурные восторги качествами американцев, не сумев, однако, понять и об'яснить социально-экономических корней этих качеств. Ту же поверхностность он проявил в переработанном издании этой брошюры, вышедшей в 1908 г. под многообещающим заглавием: «Чему учит нас Америка?».

[2]) H. Faulkner, назв. соч., стр. 72.

[3]) К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма. Перевод В. Адоратского, стр. 273.

тализма, ибо понижало боеспособность пролетариата и облегчало капиталистам производство относительной прибавочной стоимости.

* * *

Итак, мы пришли к выводу, что источники превосходства С. Ш.—в тех своеобразных социально-экономических условиях, в той специфической «общественной среде», в которой происходило развитие капитализма в С. Ш. Лишь в силу этих социально-экономических условий естественные богатства С. Ш., ее географическая среда, могли проявиться и оказать свое влияние на хозяйственное развитие С. Ш.

Длительное господство этих условий в С. Ш. и грандиозное развитие на их основе производительных сил и соответствующих надстроек породило *огромную резервную мощь американского капитализма*. Его резервные силы настолько значительны, что на протяжении последних трех десятилетий им принадлежала решающая роль в ослаблении нараставших противоречий, препятствий и диспропорций.

Последние три десятилетия были периодом постепенного *отмирания* социально-экономических условий, вызывавших превосходство С. Ш. *Характеристика процесса этого отмирания выходит за пределы настоящей статьи*. Очевидно, однако, следующее. Постепенное отмирание источников превосходства С. Ш. должно приводить к постепенному *ослаблению превосходства темпа развития* С. Ш. Хотя резервные силы американского капитализма задерживают развитие этого процесса, тем не менее замедление темпа развития С. Ш., начиная с 90-х годов, доказывает, что монополистическая стадия капитализма порождает и в С. Ш. тенденцию к застою.

Если, таким образом, даже в С. Ш. обострение противоречий вызывает замедление темпа развития, то в Европе эта тенденция должна, естественно, проявляться еще непреодолимее. Стремление европейских капиталистов найти выход из хозяйственных тупиков путем подражания американским принципам хозяйственного строительства в условиях Западной Европы вряд ли может привести к каким-либо результатам. Американские принципы хозяйственного строительства развились в С. Ш. благодаря определенным социально-экономическим условиям, и лишь в этих условиях применение их было экономически целесообразным и эффективным. Применение этих принципов в западно-европейских государствах оказывается поэтому далеко не всегда экономически полезным для капиталистов.

Рассмотрим, например, «основные принципы промышленной организации», формулированные двумя видными английскими инженерами на основании изучения 24 передовых американских предприятий.

«1) Успех предприятия зависит в большой мере от строжайшего соблюдения системы, при которой служебные назначения производятся исключительно по заслугам и способностям работника.

2) Выгоднее увеличить общую сумму доходов путем сокращения розничных цен при одновременном сохранении или улучшении качества с последовательным увеличением сбыта, чем путем попытки сохранения или повышения уровня цен.

3) Быстрота оборота позволяет обойтись с сравнительно небольшими основными и оборотными капиталами.

4) Производительная способность каждого рабочего может быть увеличена без всякого ограничения приспособлений, имеющих целью сбережения времени и труда.

5) Предпочтительно, чтоб рабочие получали вознаграждение находящееся в известной зависимости от выработки, а не твердой ставки, т.-е.

чтобы сумма заработной платы, получаемая отдельным работником, ни в какой мере не была ограничена.

6) Всяческой поддержки заслуживает обмен опытом между конкурирующими фирмами.

7) Устранение расточительства—один из важнейших факторов достижения народного благосостояния.

8) Тщательное внимание должно быть обращено на улучшение быта работников.

9) Производство изысканий и опытов — первый залог новых достижений» [1].

Совершенно очевидно, что курс на высокую зарплату, понижающиеся цены, ускорение оборота капитала, внимание к быту работников и т. п. возможны и выгодны были на передовых предприятиях С. Ш. лишь благодаря огромной емкости внутреннего рынка, механизации и стандартизации производства и его массовому характеру, росту интенсивности труда и т. д. Так как условия Западной Европы существенно отличаются даже от современных условий С. Ш., то применение таких принципов там оказывается нецелесообразным.

Лишь система хозяйства СССР, переходная от капитализма к социализму, делает возможным широкое использование ряда прогрессивных принципов организации производства, развившихся в С. Ш. Система хозяйства СССР обладает многообразными преимуществами над капиталистической системою хозяйства. Это делает возможным, при условии реализации этих преимуществ, значительное превосходство темпа развития СССР не только над европейским, но и над американским [2].

---

[1]) См. Б. Аустин и Ф. Ллойд.—«Америк. хоз чудо или секрет высокой зарплаты». ГИЗ, 1927 г.

[2]) См. об этом нашу статью—«Проблема темпа развития СССР», «Большевик», 1927 г., № 23—24 Настоящая статья представляет собою главу из подготовляемой к печати работы «Проблема темпа развития СССР», сжатое изложение которой дано в № 23—24 «Большевика».

И. Багиев.

Роль деревенских парторганов в работе среди с.-х. и лесных рабочих.

Исключительное внимание партии, заостренное XV парт'ездом на вопросе о работе в деревне, ставит перед парторганами вопрос об усилении повседневного внимания работе среди батрачества.

Роль и значение батрачества, как части рабочего класса и основной силы пролетарской диктатуры в деревне, достаточно определенно формулированы в ряде постановлений партийных с'ездов и ЦК патрии. Но эти постановления далеко еще не реализованы волостными органами и почти не отразились в практической работе деревенских партийных ячеек, которые должны руководить на местах практической работой союза сельхозлесрабочих. **Поэтому сейчас стоит серьезный вопрос, как союз сельхозлесрабочих и деревенские партийные ячейки сумеют реализовать те партийные решения, которые мы имеем по работе среди с.-х. и лесных рабочих, как они сумеют претворить их в жизнь, чтобы добиться в ближайшее время серьезных успехов в этой области.** Конечно, трудности в этой работе колоссальные, в особенности в части проведения работы среди батрачества. Мы имеем громадную армию (в большинстве еще неорганизованную) наемных рабочих в деревне. Воспитать, организовать и экономически защищать этих рабочих—задача не легкая.

Если мы обратимся к цифрам о наличии наемного труда в деревне, то мы увидим следующую картину (хотя эти цифры не претендуют на абсолютную точность, но они все же, приблизительно, определяют, какое место занимает наемный труд в деревне):

1) в совхозах постоянных, сезонных, сроковых и поденных рабочих—780.000 чел.;

2) в крестьянских хозяйствах годовых, сроковых и помесячных (без поденных)—1.800.000 чел.;

3) пастухов и подпасков, сельских сторожей и т. п. в сельских обществах—780.000 чел.;

4) наемных рабочих в мелких сельских (промышленно-подсобных) предприятиях и сельской кооперации—300.000 чел.

Итого—3.660.000 чел.

Помимо этого, мы имеем работающих:

а) в лесном хозяйстве (охрана, лесокультурные работы, рубка, возка, сплав, первичная обработка—шпалотесы, клепчари, смолокуры и т. п.)—1.600.000 чел.;

б) в ловецком и звероловческом хозяйстве (рыбные промыслы, охота)—150.000 чел.

Всего количество лиц наемного труда в деревне, работающих в сельском и лесном хозяйстве по СССР, выражается в 5.410.000 чел. [1] (в это число не входит поденная рабочая сила в крестьянских хозяйствах), при чем нужно учесть еще то, что в подавляющем большинстве продолжительность работы по найму в крестьянских хозяйствах и обществах в среднем в году 6—7 месяцев.

Вот какова армия наемного труда, которую должен охватить и обслуживать союз сельхозлесрабочих.

Если анализировать имущественный и социальный состав этой рабочей силы, то данные показывают, что у подавляющего большинства ее основным средством к существованию является заработная плата. Об этом говорят данные об имущественном положении рабочих в сельском и лесном хозяйстве: не имеют ни земли, ни скота в среднем по СССР 36%, а если взять отдельные районы, где применяется большое количество рабочей силы, то там этот процент еще выше. Например, на Северном Кавказе—54%, в Сибири—54,5%, в Узбекской и Туркменской ССР—59,1%, ЗСФСР—56,7%.

Если же привести цифры имеющих землю без скота, то получим следующее: имеют землю, но без посева и скота по СССР—5,5%, а с посевом и без скота—29,1%. Вышеуказанные две группы, т.-е. пролетарии и полупролетарии в среднем по СССР составляют 70,6%, если же взять районы с интенсивными культурами (хлопководство, табачные плантации, скотоводство и проч.): Сибирский край, Среднюю Азию, Северный Кавказ и др.—то там пролетарский состав их доходит от 60% до 70%, а в Закавказье, Низовье Волги, Дальне-Восточном краю число их свыше 70% [2]. Социально-имущественный состав основной массы наемных рабочих в деревне позволяет охватить и вовлечь ее в ряды союза сельхозлесрабочих.

О росте союза сельхозлесрабочих XV парте'езд говорит: «Признать необходимым усилить работу союза сельхозлесрабочих по организации еще неорганизованных батраков, а равным образом облегчить вовлечение в союз сельхозлесрабочих тех еще невовлеченных полупролетарских элементов в деревне, для которых работа по найму является основным источником существования».

Эта директива ставит перед органами партии и союза сельхозлесрабочих колоссальную задачу охватить в ближайшее время союзным членством основную массу (в большинстве еще неорганизованную) с.-х. и лесных рабочих—батрачество, пастушество и др. группы, основным источником существования которых является продажа своей рабочей силы.

Если союз сельхозлесрабочих под повседневным руководством партии имеет значительные успехи в области организации, экономической защиты и воспитания с.-х. и лесных рабочих, в области роста союза, создания сети низовых деревенских ячеек союза, выявления и подготовки батрацкого актива, то эта работа им проделывалась подчас без ведома и помощи деревенских парт'ячеек.

За четыре года число вовлеченных в ряды союза с.-х. и лесных рабочих увеличилось в четыре раза, а именно: на 1/I 1924 г. в союзе состояло членами 280.600 человек, а к январю 1928 г. мы имеем свыше 1.200.000 человек, из которых число членов союза, работающих в крестьянских хозяйствах, 495.000 (в том числе 139.000 человек безработных).

При таком огромном количестве наемной рабочей силы, социальный состав которой большею частью пролетарский и полупролетарский, перед нами стоит вопрос об усилении темпа охвата, так как количество вовлеченных в ряды союза батраков, пастухов по сравнению с общим числом наемного труда пока составляет лишь 28%.

[1] Все цифровые данные в этой статье взяты из материалов ЦК союза сельхозлесрабочих на 1/VII 1926 г.

[2] По данным отдела статистики труда в сельском и лесном хозяйстве на 26 г.

К сожалению, мы не располагаем цифровыми данными об общем количестве наемного труда, занятого в кулацких и зажиточных крестьянских хозяйствах, но безусловно даже и эта группа батраков далеко не полностью вовлечена в ряды союза. В связи с этим задача союза в первую очередь вовлечь в свои ряды массу с.-х. и лесных рабочих, работающих в кулацких и зажиточных крестьянских хозяйствах и в мелких промышленных предприятиях деревни.

Трудности охвата и обслуживания массы с.-х. и лесных рабочих на пути союза сельхозлесрабочих не малые. При общей поддержке партии, особенно деревенских ячеек, при их повседневном руководстве и помощи, задача, поставленная перед союзом, будет им выполнена, и мы сумеем в ближайшие годы охватить и вовлечь в ряды союза основную массу наемного труда в деревне. Тут нужно отметить, что чем больше будет организована эта масса и вовлечена в союз, чем больше батрачество будет влито в общую семью рабочего класса, тем больше будет его влияние на общественную жизнь в деревне. Пока огромная масса с.-х. и лесных рабочих в деревне союзом полностью не охвачена, до тех пор союз не в состоянии в полной мере осуществить задачи, возложенные на него партией, как на опору пролетарской диктатуры в деревне. Поэтому сейчас партийным и союзным органам, особенно деревенским парт'ячейкам, нужно поставить перед собой всерьез вопрос о полном выполнении решений XV партс'езда.

Нужно, чтобы это усвоили местные организации и осознали полностью ту линию, которая взята партией в этом вопросе.

В условиях классовой борьбы в деревне, когда кулачество стремится овладеть влиянием на бедняков, оно всеми мерами старается ослабить роль батрачества, как опоры пролетарской диктатуры в деревне.

Мы имели не мало явлений, когда активного батрака, ведущего общественную работу в деревне, кулаки увольняли с работы. Наконец, не редко встретишь случаи, когда кулаки не принимают на работу членов союза, членов партии, комсомола, а если работающие вступают в члены союза или комсомола, то их с работы увольняют. Поэтому с вымогательством кулака, с его применением экономического воздействия на батрака (увольнение с работы за его общественную деятельность) нужно всеми силами бороться. Успешность этой борьбы будет обеспечена лишь тогда, когда само батрачество будет организовано, а это зависит во многом от того, в какой мере деревенские парт'ячейки и деревенские коммунисты повседневно будут руководить союзом и помогать ему в этом деле.

Эту огромную политическую задачу можно будет выполнить лишь тогда, когда мы будем иметь крепкие союзные организации, когда они будут в достаточной мере сильны, чтобы суметь претворить в жизнь мероприятия, намеченные партией и соввластью в области защиты, организации и классового воспитания с.-х. и лесных рабочих, и через них влиять на крестьянские массы.

По линии союза сельхозлесрабочих сейчас идет реорганизация его органов. Союз принимает новые организационные формы на основе решения ЦК партии, приближая свои организации непосредственно к массам с.-х. и лесных рабочих. Для того, чтобы полностью охватить наемный труд деревни, чтобы распространить влияние союза на все районы, где имеется достаточное количество рабочей силы и достаточная экономическая база, нужно иметь в узловых пунктах (селах) крепкую сеть сельрабочкомов. Работая на местах

и проводя в жизнь намеченные партией и союзом мероприятия в вопросе реорганизации и укрепления союзных органов (а именно: расширение и закрепление деревенских органов, решительное выдвиженчество с.-х. и лесных рабочих на руководящую практическую работу союза по всей линии союза и приближение органов союза к массам, т.-е. построение их независимо от партийного и административного деления),— мы видим, что эти мероприятия полностью себя оправдали. Мы имеем десятки тысяч низовых союзных ячеек, но эти ячейки были во многом недостаточно закреплены. Успех в этой работе может быть лишь тогда, когда парторганы, особенно деревенские низовые парт'ячейки, уделят больше внимания работе союза сельхозлесрабочих.

В мартовском решении ЦК партии говорится следующее: «...Партийным организациям, в особенности волостным комитетам и сельским ячейкам, уделить больше внимания работе среди батрачества и работе органов союза сельхозлесрабочих. Партийные органы, избегая мелочной опеки и вмешательства в повседневную текущую работу союза, должны усилить общее руководство, проводя свои директивы через соответствующие фракции союзных организаций...»

Эту партийную установку нужно на местах решительно проводить в жизнь. Деревенским парторганам необходимо повседневно руководить, помогать органам союза. Деревенские партийные и комсомольские ячейки, как близко знающие массу, сумеют оказать большую помощь союзу в деле охвата в ряды союза еще не охваченных с.-х. и лесных рабочих, в деле их экономической защиты, культурного воспитания и проч. Партия придает исключительное значение союзу сельхозлесрабочих, от успешной работы которого в значительной мере зависит дальнейшее укрепление пролетарской диктатуры в деревне.

Успехи в работе союза мы будем иметь лишь тогда, когда во всех органах союза руководителем будет актив из с.-х. и лесных рабочих, когда этот актив вольется не только в союзный аппарат, но будет также в советских и кооперативных организациях.

Еще XIV партс'езд говорил: «Успех союза будет обеспечен лишь в той мере, в какой он сумеет в ближайшее время создать союзный актив действительно из сельскохозяйственных рабочих и перейти к строению всех своих органов снизу доверху на началах нормальной выборности. Для выполнения всех этих задач необходима со стороны всех партийных, профессиональных и советских органов самая широкая поддержка работы Всеработземлеса».

При проведении в жизнь этой категорической директивы партии мы встречаемся с некоторыми затруднениями, заключающимися в том, что руководство организациями союза в большей мере находится у работников не из среды с.-х. и лесных рабочих, а пришедших со стороны. Эти товарищи, которые явились пионерами организации союза, теперь не всегда понимают новый курс в работе союза и новые методы в работе, которые надо в связи с этим проводить. На руководство союзом возложена большая ответственность. Вопрос об активе должен стать актуальным во всей работе союза.

Мы имеем свыше 65.000 выборного союзного актива и свыше 20.000 сельхозлесрабочих, выбранных в советские и кооперативные органы, если же взять платных работников, то по предварительным данным осенних перевыборов 1926 г., мы имели всего 11.699 чел., из них: с.-х. и лесных рабочих 40,7%, прочих рабочих 20,1%, служащих и специалистов 39,2%.

Еще характернее цифры по волкомам (райкомам) на 1/X—1925 г. и 1/I—1927 г. В руководящих деревенских союзных органах (райкомах, волкомах), по данным ЦК союза сельхозлесрабочих, было:

на 1/X—25 г. с.-х. и лесных рабочих 50,9%, прочих рабочих 12,9%, служащих и специалистов 36,2%;

на 1/I—27 г. с.-х. и лесных рабочих 52,5%, прочих рабочих 16,7%, служащих и специалистов 30,8%.

На постоянной платной работе в этих же союзных органах было:

на 1/X—25 г. с.-х. и лесных рабочих 20,6%, прочих рабочих 21,7%, служащих и специалистов 57,7%;

на 1/I—27 г. с.-х. и лесных рабочих 26,5%, прочих рабочих 22,4%, служащих и специалистов 51,1%.

Эти цифры показывают медленный рост выдвиженчества из с.-х. и лесных рабочих и выделение из выдвинутых в союзные органы с.-х. и лесных рабочих на постоянную платную руководящую работу. Количество платных работников из с.-х. и лесных рабочих на 1/I—27 г. составляет лишь немногим более ¼ всех платных работников райкомов (волкомов), а по отношению ко всем союзным органам—лишь 40,7%.

Правда, тут нужно отметить, что с 1927 г. мы имеем решительный перелом в вопросе выдвижения. Уже III пленум ЦК союза сельхозлесрабочих в мае 1927 г. дал строжайшую директиву о выдвижении. Он сказал: «В оценке работы союзных органов необходимо исходить не только из достижений в организации, защите и воспитании масс, но и из тех результатов, которые этими союзными органами достигнуты по выдвижению профсоюзного и советского актива из с.-х. и лесных пролетариев».

В осуществление этих решений мы имеем решительный курс выдвижения на местах батрацкого актива и подготовку его (проведены губернские, уездные, районные профкурсы батраков, созданы центральные батрацкие курсы и пр.).

Опыт работы показывает, что в тех союзных органах, где работает батрак, пастух или с.-х. и лесной рабочий, работа значительно лучше, чем в организациях союза с работником не батраком. Союзные работники из с.-х. и лесных рабочих лучше понимают массу и масса их, чем работники не из этой среды: хотя они и более развиты и грамотны и проч., но они не знакомы ни с бытом батрака, а иногда и с сельским хозяйством, не всегда имея ясную классовую линию в работе союза, не могут обеспечить правильного руководства, а подчас даже искривляют линию партии и союза.

Отсюда ясно, что одной из основных задач партийных органов и органов союза сельхозлесрабочих в деревне является выдвижение из среды сельхозлесрабочих батраков на практическую и руководящую работу, в первую очередь в союзные органы, а также и в советы, кооперацию, ККОВ и др. общественные и советские организации.

Деревенские парт'ячейки, находясь в деревне и проводя повседневную работу среди той или другой группы с.-х. рабочих, лучше всего знают тот актив, который выявляется в процессе работы. Они самым внимательным образом должны выявлять новый кадр активного батрачества, вырастающего в рядах союза, для того, чтобы эти новые силы вливать в советские, партийные и общественные органы. Если батрак подает надежды, развивается, нужно практически помочь ему, ведя с ним специальную работу в деле приложения его сил к практической общественной работе в деревне.

Еще характернее данные о вовлечении с.-х. и лесных рабочих в партию.

Мы имеем в СССР общее число членов и кандидатов партии в деревне—крестьян 116.189 чел. (перепись в январе 1927 г.), а с.-х. и лесных рабочих (всех групп) всего лишь 15.667 чел., что составляет 1,4% по отно-

шению ко всем членам партии, а по отношению к членам партии деревенских ячеек—около 10%.

В то время, когда в рядах союза имеется миллионная масса с.-х. и лесных рабочих, — мы имеем кадр рабочей силы в совхозах, лесничествах и проч., десятки тысяч выборного союзного актива, работающего в союзных органах, — партийная прослойка в них является незначительной.

Еще рельефнее данные отдельных губерний.

Например, в Рязанской губернии число деревенских членов и кандидатов партии 2.565 чел., а из них батраков и с.-х. и лесных рабочих 62, или только 2,4% по отношению к членам и кандидатам партии деревни. В рядах союза сельхозлесрабочих в этой же губернии свыше 13.000 чел., а всего работающих батраков и пастухов по губернии свыше 25.000 чел. и, наконец, имеем выборного союзного актива в сельсоветы 379 чел., по низовой периферии союза 822 чел., а работающих на платной работе в деревенских союзных органах 145 чел.

Аналогичное положение мы имеем и в других губерниях. Например, в Тульской губернии общее число батраков, избранных в сельсоветы (всесоюзная партийная перепись 1927 г.), 155 чел., вовлечено в кооперацию 659 чел., народных заседателей 107 чел., а работающих по найму с.-х. рабочих в губернии свыше 18.000 чел., в партии же с.-х. и лесных рабочих всего 70 чел. Можно привести не один пример, доказывающий наличие актива с.-х. рабочих, из которого не малый кадр можно вовлечь в партию, но он остается за пределами партии лишь потому, что парторганы на местах этим занимались слишком слабо.

XV партс'езд, учитывая этот момент, сказал: «Сосредоточить внимание на подготовке и вовлечении в партию главным образом того батрацкого и бедняцкого актива, который вырастает в союзе сельхозлесрабочих, в группе бедноты, на практической работе в советах, кооперации, делегатских собраний крестьянок и т. д.».

Эта директива XV партс'езда обязывает усиленно заняться вопросом вовлечения в ряды партии активного кадра батрачества, с.-х. и лесных рабочих.

Проделанная партией и союзом сельхозлесрабочих работа по выдвижению батрачества на практическую работу союза показала, что среди батрачества есть не плохой кадр работников, который рвется в партию и к общественной работе. Поэтому темп вовлечения батрачества в партию должен быть еще больше усилен с тем, чтобы в ближайшее время охватить активную часть батрачества — в первую очередь тех, которые находятся на практической работе союза и выдвинуты в советские и общественные организации.

Деревенские парт'ячейки должны отдельных коммунистов закрепить за отдельными активными батраками, чтобы они их изучили, занялись их развитием и потом поручились за них при вступлении их в партию.

Деревенские парторганы должны быстрее продвигать заявления батрачества, организовать специальные кружки для проработки устава и программы партии и проч.

Вливая в деревенскую парт'ячейку активных батраков и бедноту, являющихся пролетарской и полупролетарской частью деревни, этим мы коренным образом изменим социальный состав парт'ячеек деревни и повлияем на общее направление их работы в деревне. Таким образом мы опролетаризируем деревенские парт'ячейки, усилим рабочее крыло деревенских парт'ячеек, усилим работу в области организации и классового воспитания батрачества и с.-х. и лесных рабочих вообще.

Главная задача деревенских парт'ячеек — поставить правильное руководство работой деревенских органов союза сельхозлесрабочих. Деревенские партийные ячейки редко заслушивают доклады партийцев, работающих в союзных организациях, не знают иногда, что они делают, а если и заслушивают, то в большей части дают им общие формальные указания, часто не проверяя выполнения порученных им заданий.

Мы почти не имеем учета опыта в области руководства и работы деревенских партийных ячеек по работе среди батрачества. Поэтому местные парторганы должны давать деревенским парт'ячейкам больше практических заданий по работе среди батрачества и главное систематически проверять выполнение ими заданий, тем самым усиливая их ответственность за эту работу.

Парт'ячейки должны повседневно руководить всей работой органов союза сельхозлесрабочих (конечно, не беря на себя мелочную опеку). По основным вопросам союзной работы должна быть помощь деревенских парт'ячеек: в трудодоговорной работе, в защитной, в ликвидации неграмотности, в культработе, в организации курсов (пастушеских, в совхозах и др.), вовлечении в партию и проч. Например, в трудодоговорной работе деревенские парт'ячейки смогут оказать серьезную помощь. Они лучше знают кулаков, знают, кто скрывает работающих у них батраков, какие требования можно пред'являть к каждому нанимателю (отдельно к кулацким и отдельно к середняцким), проводя при этом классовый принцип. Деревенские парт'ячейки должны на каждый период работы наметить конкретный план помощи союзным органам, в частности, в трудодоговорной работе, с тем, чтобы батраки были полностью охвачены договорами.

Деревенские парт'ячейки должны помогать союзу и батрачеству, чтобы во-время платилась заработная плата. При возникновении конфликта между батраком и нанимателем батрак часто не знает, куда обратиться, как быть. И в этом случае партийные и комсомольские ячейки и отдельные коммунисты и комсомольцы лучше и быстрее помогут батраку разрешить конфликт через примкомиссии или нарсуды.

В вопросе найма пастухов деревенские парт'ячейки должны помочь союзу сельхозлесрабочих через партийцев, работающих в советах, через группы бедноты и т. п., чтобы в первую очередь нанимали батраков-активистов, членов партии, комсомола, членов союза, чтобы общества выделяли уполномоченного для заключения договора с союзными органами, чтобы не было очередного столования, чтобы при найме пастух не устраивал попойки, что еще имеет место, и проч., и проч. При повседневном руководстве и помощи деревенских парт'ячеек мы улучшим положение батраков и пастухов.

Для того, чтобы иметь серьезные успехи в области организации и воспитания с.-х. и лесных рабочих, требуется повседневное внимание к их экономической защите не только со стороны союза сельхозлесрабочих, но и со стороны всех местных советских органов.

Нужно самое строгое наблюдение за этим и контроль парторганов, особенно деревенских.

Об этом говорится в решениях XV партс'езда: «Следить за тем, чтобы неуклонно проводился в жизнь кодекс о труде в отношении с.-х. рабочих и работниц в хозяйствах кулацкого типа, и привлекать нарушителей кодекса к строжайшей ответственности.

Следить за неуклонным проведением в жизнь «Временных Правил» в крестьянских хозяйствах с подсобным наемным трудом, привлекая нарушителей «Временных Правил» к строжайшей ответственности».

Эта категорическая директива верховного органа партии должна быть со всей строгостью проведена в жизнь. Мы еще не смогли надлежа-

щим образом развернуть защитную работу среди с.-х. и лесных рабочих. Сама масса еще недостаточно знакома с существующим законодательством, в силу чего и недостаточно подготовлена к защите своих интересов.

Вокруг вопроса защиты, являющегося основным в деле организации с.-х. рабочих, мы еще не сумели сосредоточить все партийное и общественное мнение деревни. Хотя союз сельхозлесрабочих имеет достижения в части охвата свыше двух миллионов с.-х. и лесных рабочих договорами, но защитная работа является далеко еще не достаточной. Слабо осуществляется защитная работа и органами НКТ.

XV партс'езд особенно подчеркивает защиту батрачества в кулацких хозяйствах. Поэтому защитная работа как союза сельхозлесрабочих, так и органов труда должна в первую очередь охватить промышленные и кулацкие хозяйства, в особенности в районах массового найма батрачества. Мы должны следить за неуклонным проведением кодекса законов о труде в этих хозяйствах. Конечно, успех этой работы будет обеспечен лишь при одновременном усилении всей союзной работы среди этой группы батрачества.

Для успешного проведения защитной работы нужно правильно поставить работу примирительных органов. У нас еще имеется масса отрицательных явлений в работе примирительных комиссий. Дела не рассматриваются по месяцам, часто к ним относятся формально, и они не дают тех результатов, какие должны дать. Например, в Азеевском сельсовете, Рязанской губернии, заявление батрачки, работавшей у кулака в течение 9 месяцев, несмотря на ряд напоминаний с ее стороны, со стороны сельрабочкома сельхозлесрабочих и даже со стороны секретаря парт'ячейки, лежало неразобранным более двух месяцев, при чем по выяснении этого дела оказалось, что причиной задержки разбора ее заявления примирительной комиссией являлось полное игнорирование интересов батрачества со стороны председателя сельсовета Абаева.

Директивы партии о защите с.-х. рабочих у нас есть. Нужно их как следует проводить в жизнь. Парторганам, особенно деревенским, нужно следить за их проведением.

Волостные и деревенские парторганы часто не придают того значения работе союза сельхозлесрабочих, какое придает ей партия в целом. При всяких кампаниях: сбор сельхозналога, недоимки и проч., уже не будем говорить о перевыборах сельсоветов, кооперации и проч. кампаниях, проводимых в деревне, часто союзные работники непосильно нагружаются общественной работой в ущерб основной их работе среди с.-х. и лесных рабочих.

Весьма не редки случаи, когда союзные работники месяцами полностью отрываются от союзной работы на проведение различных кампаний.

Все эти моменты необходимо учесть. Нужно, чтобы работа среди батрачества не была ослаблена и занимала то место, которое ей уделено в постановлениях руководящих парторганов.

Еще XIV партс'езд говорил: «Всеработземлес является одним из важнейших проводников союзного влияния в деревне, поэтому его успехи и недостатки являются решающими во всей работе деревни».

Наконец, мы имеем постановление ЦК ВКП(б) о работе среди с.-х. и лесных рабочих, опубликованное в «Правде» (3 марта 1927 г.), которое обстоятельно отмечает все стороны этой работы. Необходимо это решение сделать достоянием всей деревенской партийной массы, чтобы она знала и усвоила те директивы, какие имеются по работе среди батрачества. Тем самым мы быстрее обеспечим практическое осуществление этих директив в жизни.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

Х. Гуревич.

Политика прибылей промышленности.

(По директивам ВСНХ к составлению перспективного плана)[1]

В настоящее время в центре и на местах развертывается большая работа по составлению пятилетнего плана народного хозяйства. Пятилетние планы, составленные до сего времени, не были рассмотрены правительством и представляют лишь материалы или проекты перспективного плана. Пятилетний план, разрабатываемый в настоящее время, должен пойти на рассмотрение и утверждение правительства. Это обстоятельство, естественно, подчеркивает значение разрабатываемого плана, а вместе с тем и значение критического освещения показателей плана по мере их опубликования в печати.

В настоящей статье мы коснемся вопроса о политике прибылей, как она выявляется по директивам ВСНХ к составлению перспективного плана.

Прежде всего надо отметить, что эти директивы представляют собой большой шаг вперед по сравнению с предшествующими проектами перспективного плана. Достаточно указать, что по директивам ВСНХ промышленное производство расширится в 1931—32 году на 140% сравнительно с об'емом производства 1926—27 года, в то время как по последнему варианту ВСНХ (Контрольные цифры пятилетнего плана развития промышленности) оно соответственно расширялось на 108%. Таким образом, по директивам промышленная продукция 1931—32 года почти в два с половиной раза превысит продукцию 1926—27 года. При указанной выше разнице между приростами продукции капитальные затраты по директивам в неизменных ценах лишь на 18,2% превышают намеченные по контрольным цифрам пятилетнего плана ВСНХ. Далее, согласно директивам в течение пятилетия по всей промышленности вводится 7-часовой рабочий день, и получают вместе с этим широкое распространение добавочные смены.

Но вернемся к вопросу о прибылях. Политика прибылей должна исходить из установки на увеличение массы прибыли и рентабельности госпромышленности при значительном снижении цен за счет **еще большего снижения себестоимости** и роста продукции и при надлежащем повышении зарплаты, снижении рабочего дня и улучшении качества продукции.

Прежде всего сопоставим размеры прибылей и капитальных затрат по данным директив и контрольных цифр пятилетнего плана. Конечно, такое сопоставление весьма относительно, но все же представляет интерес.

	Сумма капитальн. затрат за 5 лет (27—32 гг.) в ценах 26/27 года		Прибыль за 5 лет	
	абсол.	в %	абсол	в %
По контрольн. цифрам пятилетн. плана ВСНХ СССР	8.255 млн.	100	4.758	100
По директивам План.-Эконом. Управления ВСНХ СССР . . .	9.760 „	118,2	6.105	128,3

[1]) «Торгово-Промышленная Газета». № 97, 1928 года.

Прибыль увеличивается сравнительно с контр. цифрами пятилетнего плана на 28,3%. Капитальные затраты—на 18,2%. Но увеличение прибыли само по себе еще мало говорит. Важно сопоставить это увеличение с рядом других показателей, и прежде всего показателей снижения цен, снижения себестоимости, повышения зарплаты. Ниже даем такое сопоставление:

	Снижение цен	Снижение себестоим.	Повышение зарплаты в черв. выраж.
По контр. цифрам пятилетнего плана ВСНХ	21,3%	24,2%	24,6%
По директивам ВСНХ	22,6%	26,6%	25,0%

Итак, мы видим, что увеличение прибыли происходит при большем снижении отпускных цен, при большем снижении себестоимости, при чем повышение зарплаты, благодаря большему снижению цен, в реальном выражении должно сказаться сильнее.

С принципиальной стороны (не касаясь величины самих цифр) такая установка совершенно правильна.

Далее, коснемся вопроса, как проектируются размеры прибылей по группе «А» (отрасли, производящие по преимуществу средства производства) и по группе «Б» (отрасли, производящие по преимуществу средства потребления).

Из 6.105 млн. рублей прибыли по промышленности за 5 лет—по группе «А» будет получено 1.320 млн. руб. или 21,6% всей прибыли, а по группе «Б»—4.785 млн. р. или 78,4% всей прибыли. Итак, чуть ли не 4/5 всей прибыли будет получено по группе «Б», в то время как по производимой продукции группа «Б» занимает в 1927/28 году 60,6% и к концу пятилетия, согласно директивам ВСНХ, будет занимать 56,4%. Тут мы видим определенную установку на большую рентабельность по группе «Б», что в свою очередь обусловлено установкой на меньшее снижение цен по группе «Б», чем по группе «А».

Директивы ВСНХ в разделе, посвященном вопросу о ценах и накоплениях, говорят по этому поводу следующее:

«В отношении снижения цен должна быть взята установка на возможно большее снижение цен на промышленные товары. О д н а к о, п о л и т и к а ц е н д о л ж н а и н д и в и д у а л и з и р о в а т ь с я в о т н о ш е н и и о т д е л ь н ы х о т р а с л е й п р о м ы ш л е н н о с т и, в о т н о ш е н и и т я ж е л о й и л е г к о й и н д у с т р и и. По отраслям группы «А», в частности на строительные материалы, должно быть намечено максимальное снижение цен, именно: на орудия и средства производства и материалы, потребляемые обобществленным сектором, и на орудия и средства производства, потребляемые бедняцким и середняцким сектором крестьянского хозяйства (сел.-хоз. машины, тракторы, удобрения и т. д.). На последние товары допустимо в некоторых случаях снижение цен ниже себестоимости, т.-е. реализация по убыточным ценам в целях наибольшего стимулирования рационализации сельского хозяйства. На прочие товары отраслей группы «А», употребляемые необобществленными секторами, снижение цен должно быть намечено в размерах меньших, чем снижение себестоимости».

В духе изложенного, по директивам ВСНХ снижение цен по группе «А» за пять лет к 1931/32 году намечено на 26% при снижении себестоимости на 27%. Разница в пользу снижения себестоимости (образующая прибыль) на 1%. При этом снижение цен по группе «А» на 3,4% б о л ь ш е, чем среднее по промышленности (26%—22,6%).

По группе «Б» снижение цен намечено на 21% (против 26% по группе «А») при снижении себестоимости на 26,3%. Разница в пользу снижения себестоимости тут уже на 5,3% (против 1% по группе «А»). При этом

снижение цен по группе «Б» на 1,6% м е н ь ш е, чем среднее по промышленности (22,6%—21%).

Такая установка на большее снижение цен и в связи с этим меньшую рентабельность по группе «А» правильна, так как, с одной стороны, прибыль с госпредприятий (транспорт, геспромышленность и т. д.) является переложением средств в пределах одного и того же гессектора и так как, с другой стороны, преимущественное снижение цен на средства производства поможет вывести нашу отсталую деревню на путь технического и вообще агрикультурного прогресса. В этом, между прочим, одно из преимуществ для сельского хозяйства социалистической индустриализации, проводимой пролетариатом, перед капиталистической индустриализацией, проводимой буржуазией, разоряющей крестьянство.

Конечно, установка на большее снижение цен на средства производства, стимулирующая большее расширение производственного потребления за счет личного, не означает пренебрежения к снижению цен на средства потребления. Здесь речь идет лишь о д и ф е р е н ц и а ц и и э т о й о б щ е й у с т а н о в к и н а с н и ж е н и е п р о м ы ш л е н н ы х ц е н. И дальнейшее изложение покажет, что политика прибылей по директивам ВСНХ недостаточно учитывает эту важную задачу нашей экономполитики.

Для этого разберемся, как проектируется директивами ВСНХ отношение прибыли к товарной продукции в неизменных ценах, или, иначе говоря, как проектируется размер прибыли в копейках на единицу товара стоимостью 1 рубль в неизменных ценах.

По этому поводу имеется специальное постановление СТО от 19 августа 1927 г. Согласно этому постановлению

«с развитием промышленности масса прибыли, как правило, должна расти, при чем рост должен итти за счет увеличения массы товаров, а также за счет рационализации производственного процесса и оборота, при снижении абсолютной величины прибыли в отпускной цене на единицу товара».

Отсюда видно, что п о л и т и к а п р и б ы л е й д о л ж н а п о м о г а т ь д е л у с н и ж е н и я ц е н, так как абсолютный размер прибыли на единицу товара должен уменьшаться, что, естественно, сводится к уменьшению отпускных цен частично за счет прибылей.

Сопоставим динамику процентного отношения прибыли к продукции в неизменных ценах по нескольким годам по контрольным цифрам пятилетнего плана и директивам:

	1926/27 г.	1927/28 г.	1931/32 г.
По контрольным цифрам пятилетнего плана ВСНХ:			
1) Товарная продукция по оптово-отпуск. ценам 1926/27 г.	6.539,4 млн.	7.836,2 млн.	13.916,2 млн.
2) Прибыль	645,5 „	677,0 „	1.295,2 „
3) Процентное отношение прибыли к товар. продукции	9,87%	8,64%	9,31%

Мы видим, что по сравнению с 1926/27 г. размер прибыли на единицу товара стоимостью 1 рубль (мы можем так говорить, поскольку взяли продукцию в неизменных ценах) в 1931/32 году незначительно, но все же уменьшится (9,31% или копеек против 9,87% или копеек).

Но если мы сравним 1931/32 год не с 1926/27, а с 1927/28 годом, то картина получится иная. Процентное отношение прибыли к товарной продукции в неизменных ценах или обсолютная величина прибыли на единицу товара стоимостью 1 рубль увеличивается с 8,64% или копеек до 9,31% или копеек. Тут политика прибылей не соответствует директиве о снижении абсолютной величины прибыли на единицу товара.

Д и р е к т и в ы В С Н Х н е и с п р а в л я ю т э т о г о д е ф е к т а, что мы увидим из нижеследующего сопоставления процентного отно-

шения прибыли к товарной продукции в неизменных ценах. В директивах ВСНХ нет данных о товарной продукции в неизменных ценах, но имеются данные о товарной продукции по отпускным ценам соответствующих лет, т.-е. с учетом снижения цен. Кроме того, имеются показатели снижения отпускных цен. Благодаря этому можно при пересчете перейти к товарной продукции в неизменных ценах. И вот что получается:

	1927/28 г.	1931/32 г.	1932/33 г.
1) Товарная продукция по отпускным ценам соответствующих лет в млн.	7.935	12.630	14.060
2) Снижение цен к уровню 1926/27 г., принятому за 100	95,1%	77,4%	72,7%
3) Товарная продукция по оптово-отпускн. ценам 1926/27 г.	8.343	16.317,8	19.339,8
4) Прибыль	790	1.545	1.860
5) Процентное отношение прибыли к товарной продукции или размер прибыли в копейках на 1 штуку продукции в неизменных ценах стоимостью 1 рубль	9,47	9,47	9,62

Таким образом, и здесь абсолютная величина прибыли на единицу товара в неизменных ценах стоимостью 1 рубль не снижается, а даже незначительно повышается в 1932/33 г. (9,62% или копеек против 9,47% или копеек). Так что через пять лет на одну и ту же штуку товара прибыли будет приходиться несколько больше (9,62 коп. минус 9,47 коп. = 0,15 коп. на единицу товара стоимостью 1 рубль в неизменных ценах).

Таким образом, директивы при установлении политики прибылей исходили из интересов накопления при недоучете задач по снижению отпускных цен. В постановлениях XV с'езда имеются предостережения против одностороннего подхода к вопросу о накоплениях, например: «В вопросе о темпе развития необходимо равным образом иметь в виду крайнюю сложность задачи. Здесь следует исходить не из максимума темпа накопления на ближайший год или несколько лет, а из такого соотношения элементов народного хозяйства, которое обеспечивало бы длительно наиболее быстрый темп развития».

В резолюциях с'езда также неоднократно говорится о важности для нас задачи снижения цен, например: «...Политика рационализации и низких цен, устанавливая равновесие между городом и деревней, неизбежно повлечет за собой длительное ускорение темпа развития. Ибо эта политика, расширяя потребление масс и обеспечивая соответствующее давление на весь производственный аппарат, будет служить гарантией против всякого загнивания и монополистического паразитизма».

А вот оттуда же и другая не менее четкая формулировка: «Отпускные цены на продукцию промышленности должны систематически снижаться, обеспечивая последовательное сжатие раствора «ножниц», т.-е. изживание диспропорции цен на продукты промышленности, с одной стороны, сельского хозяйства—с другой, и диспропорции между уровнем наших цен и цен мирового рынка».

Повторяю, важность задачи снижения промышленных цен красной нитью проходит через директивы XV с'езда партии.

А вот что говорит о политике прибылей в связи с задачей снижения цен упоминавшееся уже постановление СТО:

«Политика прибылей в промышленности в целом и в отдельных ее отраслях должна исходить из директивы относительно снижения цен и необходимости определенной массы накопления для расширенного воспроизводства на основе плана индустриализации».

Однако, как мы видели, директивы недоучли задачи снижения цен в намечаемой ими политике прибылей. Это тем более важно подчеркнуть, что положение с ценами у нас (по данным Контрольных цифр пятилетнего плана ВСНХ) следующее:

Средне-годовой индекс отпускных цен ВСНХ:

Отрасли промышленности	1926/27 г.	1931/32 г.
Горная	1,504	1,360
Силикатная	2,218	1,466
Металлическая	1,711	1,268
Электротехническая	1,778	1,003
Химическая	1,745	1,324
Текстильная	2,063	1,769
Кожевенная	1,626	1,320
Лесная и деревообрабатывающ.	2,578	2,062
Бумажная	1,807	1,252
Пищевкусовая	2,147	1,587
Вся промышленность	1,931	1,524
В том числе:		
А) Изделия производственно-технического потребления	1,750	1,351
Б) Изделия личного потребления	2,080	1,670

Контрольные цифры 5-летнего плана ВСНХ говорят по этому поводу: «Таким образом, мы видим, что хотя индекс и значительно понижается против существующего, он все же должен отстать от общетоварного индекса иностранных государств, где он для настоящего момента колеблется от 1,36 до 1,50».

Как уже указывалось, директивы ВСНХ намечают снижение отпускных цен к 1931/32 году на 22,6% против 21,3%, намечавшихся Контрольными цифрами пятилетнего плана ВСНХ. Добавочное снижение, как видим, незначительное, и картина, выше охарактеризованная Контрольными цифрами пятилетнего плана, в общем остается в силе и по директиве ВСНХ.

Это еще больше подчеркивает значение изысканий возможностей большего снижения цен. Конечно, центр тяжести здесь лежит в снижении издержек производства, в снижении себестоимости, но и политика прибылей должна намечаться с бо́льшим учетом снижения цен.

Далее попутно замечу следующее. В директивах дана потребность промышленности в средствах на 1927/28—31/32 гг., а также указаны источники покрытия. Ниже приводятся соответствующие данные:

Потребность в средствах на 1927/28—31/32 гг.

1. На капитальные работы	8.344 млн. руб.
2. На увеличение оборотных средств	2.700 „ „
3. На финансирование сельскохоз. базы	660 „ „
Итого	11.700 млн. руб.
Источники покрытия:	
1. Прибыль и амортизация	9.385 млн. руб.
2. Чистые вложения из госбюджета	925 „ „
3. Увеличение краткосрочного банковского кредита	1.394 „ „
Итого	11.704 млн. руб.

Здесь обратим внимание на два момента: на чистые вложения из госбюджета в размере 925 млн. руб. и на финансирование сельскохозяйственной сырьевой базы в размере 660 млн. руб.

Сальдо взаимоотношений между промышленностью и бюджетом складывалось в течение последних трех лет следующим образом:

	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Сальдо взаимоотношен в пользу промышленности (с судостроением, но без электростроительства)	100,8 м. р.	156,8 м. р.	194,5 м. р.

Из этих данных видно, что сальдо в пользу промышленности (чистые вложения из бюджета) в течение трех последних лет составляет кругло 450 млн. руб., при выявляющейся тенденции к повышению его (сальдо 1927—28 г. чуть ли не в два раза больше, чем в 1925—26 г.).

По директивам ВСНХ чистое сальдо из госбюджета намечается по годам следующим образом:

1927/28 г.	200 млн руб.
1928/29 „	230 „ „
1929/30 „	195 „ „
1930/31 „	150 „ „
1931/32 „	150 „ „
Всего за 5 лет .	925 млн. руб.

Таким образом, мы видим, что сальдо взаимоотношений промышленности с бюджетом намечается с тенденцией к снижению (начиная с 1929—30 г.), при чем общая сумма его за пять лет не представляется преувеличенной, учитывая указанную выше практику предыдущих лет и те огромные задачи, которые стоят перед промышленностью в течение планируемого пятилетия.

Но относительно не преувеличенные размеры чистых вложений из бюджета при относительно значительном финансировании с.-х. сырьевой базы промышленности наводят на мысль о том, что следовало бы несколько больше налечь на бюджет и меньше на прибыли. Конечно, дискутабельность этих соображений не может поколебать основных мыслей и расчетов статьи по поводу политики прибылей.

Конечно, здесь речь идет не о том, чтоб исключить или уменьшить финансирование сельскохозяйственной сырьевой базы.

Такое финансирование необходимо по ряду причин и прежде всего, как указывают директивы ВСНХ, чтобы обеспечить промышленность «сельскохозяйственным сырьем, в связи с проектируемым существенным увеличением роста продукции отраслей легкой индустрии, а также учитывая большие накопления в промышленности и госбюджете, благодаря общему более быстрому развитию народного хозяйства (в особенности, благодаря увеличению акцизных поступлений, в связи с большим развертыванием подакцизных отраслей легкой индустрии)».

В заключение повторяю—политика прибылей, спроектированная директивами ВСНХ, должна быть выправлена в смысле уменьшения размера прибыли на единицу товара в целях большего снижения цен на промышленные изделия, чем это намечено директивами.

Е. Колокольцева.

Нужны ли сменные цеховые ячейки?

В № 10 «Большевика» помещена статья т Дымшица «О сменных цеховых парт'ячейках» В этой статье т. Дымшиц требует повсеместного перехода на систему сменных цеховых ячеек От ориентации на цех, говорит он, «нужно переходить к ориентации на смену, от цех'ячеек — к созданию сменных цех'ячеек». Вся эта фраза в статье набрана разрядкой и стало-быть подчеркнута как ее основная мысль. Между тем опыт сменных ячеек пока еще совершенно незначителен и не дает еще достаточно данных для требования безоговорочной повсеместной реорганизации ячеек. Этот вопрос требует еще самой тщательной проверки, самого внимательного анализа опыта. Тов. Дымшиц ссылается на примеры с цех'ячейками: тоже, мол, пугались трудностей. В этом предвидении трудностей, по-нашему, нет ничего грешного, хотя бы потому, что анализ трудностей и ошибок поможет их и здесь, как во всяком другом деле, устранить.

Не возражая против организации сменных цех'ячеек для опыта на ряде предприятий, хотя и являясь противником перехода на сменные ячейки как системы, проводимой обязательно и повсеместно, думаю, что этот опыт, не приведя к реорганизации низовых ячеек, все же окупится, если поможет найти кое-какие новые способы улучшения массовой работы в сменах.

Начинать нужно, именно с лучшего приспособления массовой работы к условиям предприятий, работающих по сменам, и тут нужно провести ряд мероприятий, а не начинать с дробления ячейки в цеху.

Такое дробление будет иметь, несомненно, значительные минусы, о которых нужно подумать. Подумать надо в той плоскости, есть ли действительно необходимость пойти на такую реорганизацию или же обслуживание сменных предприятий массовой работой легче разрешается иным путем.

Но сначала остановимся на доводах за организацию сменных ячеек, приведенных в указанной статье т. Дымшица.

Надо прямо сказать, что, несмотря на то, что сменные цеховые ячейки тов. Дымшиц усиленно предлагает буквально как панацею от всех слабостей и недостатков партийно-массовой работы, по прочтении статьи остается совершенно определенное впечатление о ее голословности и недоказательности приводимых в ней аргументов.

Автор начинает с того утверждения, что в настоящее время цеховая ячейка уже «не может являться наиболее гибкой формой организационного охвата рабочих партийным руководством и партийным влиянием». Все спасение в перемене «ориентации» от цех'ячеек к сменным ячейкам.

Прежде всего нельзя противопоставлять массовую работу по сменам работе в цеху. Сменная массовая работа—это только способ улучшения всей работы в цеху, являющемся хотя и частью предприятия, но частью внутренне законченной, с определенным производственным заданием, с определенным составом рабочих.

Цеховые ячейки существуют, как узаконенные уставом организации, 3½ года, а фактически несколько раньше. За этот не слишком длительный период цеховые ячейки показали способность оправдать свое назначение.

Выйдя из периода внутренней сборки, они принялись за участие и осуществление партийного влияния во всей многообразной жизни цеха. Однако, не следует переоценивать этих успехов. В работе цеховых ячеек еще преобладают кампанейские методы, нет достаточного уменья повседневно закреплять свои достижения. Есть не мало и таких цеховых ячеек, особенно на текстильных предприятиях, которые даже не совсем закончили организационный период. Есть цех'ячейки, которые организованы значительно позже XIV с'езда партии.

Именно в том, что цеховые ячейки еще не вполне овладевают руководством в цеху, еще слабоваты, должны еще много поработать над собой, — в этом, а не в том, что они якобы отжили свой век, — как думает т. Дымшиц, — причина недостатков партийно-массовой работы.

Здесь у автора простая переоценка значения форм работы. Но мы не должны забывать, что не в результате только новых форм, а главным образом по мере роста и повышения квалификации низовых партийных кадров, успехов социалистического строительства и роста культурности масс будут расти все быстрее и успехи партийной работы.

Какие же конкретные аргументы за организацию сменных цеховых ячеек приведены товарищем Дымшицем?

«Именно при системе сменных цех'ячеек, — читаем мы, — может быть обеспечен не случайный рост партии, а сугубо подготовленный, организованный и качественно выдержанный». «И может быть, — говорится дальше, — как раз тем, что сменные ячейки только сейчас кое-где начинают появляться, об'ясняется тот факт, что до сих пор мы привыкли вовлекать в партию кампанейским путем и значительно меньше — методом индивидуальной вербовки».

Все это преувеличено и крайне обобщено.

Мы имеем вовсе не случайный рост партии, и все дело в том, чтобы улучшать работу по вовлечению в партию. И дело опять-таки зависит от того, насколько окрепли те или иные ячейки, каков состав и культурный уровень обслуживаемой ими массы.

Известно, например, что в предприятиях металлической промышленности, работают ли они по сменам или не по сменам, партпрослойка относительно числа рабочих в 1½—2 раза больше, чем на текстильных, а рост ячеек на металлических заводах идет более планомерно, ровно и качественно лучше, чем на текстильных фабриках. (На металлических предприятиях партпрослойка составляет 15—20%, иногда больше, на текстильных — 8—10% к числу рабочих). И это вовсе не потому, что среди металлистов мало высококвалифицированных рабочих, о которых т. Дымшиц слишком опять-таки огульно говорит, что «именно этот слой рабочего класса наиболее подвержен всякого рода цеховым пережиткам».

Как раз наоборот, благодаря тому, что металлисты более культурны, что среди них больше квалифицированных рабочих, партработа и вовлечение в партию идут лучше. В партию же не идут те высококвалифицированные рабочие, которые благодаря своим высоким заработкам и личному благосостоянию слишком уходят в свой домашний быт, или старики, которые помнят кое-какие поблажки и привилегии, оказывавшиеся этим одиночкам старыми хозяевами.

Тов. Дымшиц прав, когда считает, что воспитание отсталых рабочих это — «упорная, длительная, повседневная и, пожалуй, ежечасная большевистская работа», но голословен, когда добавляет, что «эта работа по плечу только сменным ячейкам». По плечу только низовым ячейкам, независимо от того, сменные они или цеховые, вряд ли была бы такая работа, если бы за ними не стояла вся партия, которая, как известно, не только через низовые ячейки, но и через все свои звенья, вплоть до высших, ведет воспитательную работу среди масс и руководит ими.

Основное же условие для улучшения воспитательной и индивидуальной работы цех'ячейки среди беспартийных заключается не в том, чтобы создать 2—3 ячейки в одном цеху, а в том, чтобы цеховая ячейка правильно расставила свой актив и вообще своих членов в отделах, этажах и сменах цеха и чтобы руководила их работой и проверяла ее. Организация сменных ячеек сама по себе еще не служит гарантией такой правильной расстановки и использования партийных сил в цеху.

Приведем еще один из доводов т. Дымшица: «Едва ли будет преувеличением сказать, что такие явления, как, например, шахтинское дело, были бы абсолютно немыслимы (?! Разрядка наша. *Е. К.*), если бы по всей партийной системе мы имели такие низовки, как сменные цех'ячейки». «Находясь в самом низу, в центре производства, сменная цех'ячейка прекрасно улавливала бы настроения рабочих и чутко на них реагировала». Не вдаваясь в рассуждения по поводу «абсолютной немыслимости» и проч., нельзя не напомнить т. Дымшицу, что отрыв шахтинских парторганов от масс исходил не от цех'ячеек, а от районных и окружных комитетов, к которым низовым ячейкам трудно было подступиться.

Что же касается «улавливания и реагирования», то как показывает опыт, наши низовые ячейки «уловляют», замечают, но вот правильно реагировать, осветить, протолкнуть, где нужно, больной вопрос еще сплошь и рядом не умеют.

В этом грех, а не в том, что опоздали с организацией сменных ячеек.

Вот еще образец, так сказать, агитации за сменные цех'ячейки из той же статьи: «Работая по индивидуальной обработке беспартийного актива и вообще беспартийных рабочих, рядовики-партийцы смены будут сталкиваться с целым рядом вопросов и сомнений, на которые они зачастую самостоятельно не в состоянии будут дать нужного ответа; это заставит их самих думать и обращаться за помощью к книге, членам сменного цехбюро, секретарю сменной цех'ячейки, отдельным более развитым товарищам». Конечно. И все это так и есть: и недоуменные вопросы, и самостоятельное мышление, и обращение к книге, и к более подготовленным товарищам, в том числе к членам бюро (хотя и не сменного), только при чем тут организация сменных цеховых ячеек?

Остальные доводы, приводимые в статье, в том же духе, как и вышеразобранные.

Фигурирующими пока доводами в пользу замены цех'ячеек сменными ячейками, необходимость этой реорганизации не доказана.

Все данные опыта, наоборот, говорят о том, что хотя цеховые ячейки еще далеко не исчерпали всех возможностей своей работы, однако, безусловно, стоят на правильном пути и являются жизненной формой осуществления партийного влияния в самой гуще рабочих масс.

Как же проводить работу в сменах? В этом отношении некоторый опыт есть. Надо эту работу рационализировать.

По сменам надо организовать те формы партийной и массовой работы, через которые обслуживаются широкие слои или все поголовно коммунисты и рабочие на предприятии. Нужно обязательно проводить по

сменам все собрания рабочих, производственные совещания в цехах и в масштабе всего завода или фабрики, делегатские собрания по профлинии и по женотделу, широкие совещания актива, комсомольские собрания, курсы и кружки и партийные собрания как цеховые, так и общефабричные, общезаводские.

Но ячейка, как таковая, как партийная организация, должна быть одна и в цеху, а не две или три в одном цеху. Бюро ячейки должно быть одно. При обсуждении какого-нибудь вопроса в цеховой ячейке подсчет голосов через бюро должен вестись на сменных собраниях, и принятыми ячейкой должны считаться те предложения, за которые подано большинство голосов на обоих (или на трех) сменных собраниях вместе.

Известен случай вынесения двумя пробными сменными ячейками одного цеха противоположных решений по докладу той же самой комсомольской ячейки. И правда, какую бы отрасль цеховой работы мы ни взяли, будь то работа с активом, вовлечение в партию или из области производства, трудовой дисциплины и рационализации, — все это — задачи совершенно одинаковые для всего цеха. Разбивать руководство между тремя ячейками безусловно означает поэтому внесение путаницы, бесполезную трату времени на бесконечные согласования между ячейками и перенесение споров в общефабричную ячейку. Последнее в конечном счете приведет к урезке самодеятельности цех'ячеек и к обратной передаче в общефабзаводскую ячейку части их работы.

В этом я вижу вред организации сменных ячеек тем более, что, если пойти по пути новой «ориентации» в организации ячеек от цеха на смену, почему останавливаться на цех'ячейках? Логически тут надо дойти до того, чтобы предложить организовать и в масштабе всего предприятия сменные ячейки. Ведь и перед ними, а не только перед цеховыми ячейками стоит задача приспособления к обслуживанию смен. Но совершенно ясно, что от такой реорганизации ничего, кроме ослабления партруководства, не получилось бы.

Что же касается секретаря и бюро цех'ячейки, то нет никаких оснований требовать, чтобы каждая смена распологала «собственным» секретарем и бюро. Небольшой, узкий коллектив, как бюро цех'ячейки, всегда найдет возможность собраться. А в той смене, где не работает секретарь, вести текущую работу по заданию бюро вполне может какой-нибудь из его членов, работающий в данной смене. Такой порядок будет не во вред, а в пользу, ибо он заставит членов бюро цех'ячейки принять самое близкое участие в работе этого бюро.

Помимо того, в сменах же должна вестись повседневная групповая и индивидуальная агитация и работа по вовлечению в партию. Кое-как эта работа организована и сейчас, но именно кое-как. В целях улучшения ее цеховые ячейки должны взяться за более правильное распределение своих сил на производстве.

Нужно добиться изжития того положения, когда в одной смене коммунистов много, в другой мало, когда коммунисты сосредоточены в одном отделе и их нет в другом. Тут цех'ячейкам надо пойти и на некоторое перераспределение своих членов по сменам и отделам, а также уделить больше внимания вовлечению в партию рабочих из тех смен и отделов, откуда приток слабее.

Надо увеличить количество группоргов и группагитаторов в сменах. На текстильных ф-ках не редкость, что в цеху с тысячей рабочих 4—5 группоргов. Ячейки стараются, чтобы группорг приходился человек на 10—15 коммунистов, и это часто получается очень механически. Надо пойти на то, чтобы группорг выделялся даже в том отделе, где всего 3—4 коммуниста. Надо улучшить руководство группоргами. Ведь теперь сплошь и рядом все инструктирование их вертится вокруг «задач группоргов», мало связано с повседневной работой, происходит весьма редко. В течение полугода бюро цех'ячеек заслушивают доклады 1—2 группоргов — и все тут. Оргкомиссии тоже недостаточно занимаются группоргами. На многих предприятиях все еще не изжита перегрузка группоргов другой работой. Надо изжить все эти недостатки, и это поставит работу в сменах на твердые ноги.

Наконец, надо, чтобы общефабричные (общезаводские) ячейки улучшили руководство цех'ячейками, чаще проверяли их работу, не ограничиваясь тем (как это делается теперь), чтобы раз в полгода или в год заслушать доклад цех'ячейки.

Укомам и райкомам нужно усилить помощь цех'ячейкам через свой инструктаж и даже, пожалуй, центр тяжести инструктирования перенести в цех'ячейки.

Ц. Фридлянд.

О недобросовестных рецензентах.

М. Князев пишет рецензию на II издание моей «Истории Зап. Европы», но сплошь и рядом цитирует для доказательства I издание книги, «Хрестоматию» и даже «Тезисы и планы», где собраны работы студентов комвузов, иногда ответы заочников ЗКУ и все для того, чтобы меня «уличить». Основной метод рецензии—вырвать цитаты из различных мест всех книг, сопоставить их и получить необходимый рецензенту ответ. Воздерживаясь от оценки подобных приемов, разберу возражения по существу.

1. Вот типичный образец «добросовестной» критики: рецензент жестоко критикует «Тезисы и планы». В этой книге с 1922 года по поручению предметной комиссии Свердловки я собирал студенческие работы. Из года в год, выбрасывая малопригодные, я заменял их лучшими, и это все отчетные работы студентов моих кружков и кружков других преподавателей (см. предисловие). После того, как я ушел из Свердловки, книга эта уже два года не печатается. И вот, все «ошибки» в формулировках этой книги автор приписывает мне, цитируя при этом «тезисы» издания 1922 года. Но я редактор этих студенческих работ и отвечаю за них. Так вот как рецензент обходится с этой книгой: в тезисах студента о синдикализме на стр. 134 (тезисы написаны тов. Коган, студенткой АКВ в 1924 году,—если я не ошибаюсь) излагаются взгляды синдикалистов о том, что синдикат выше партии потому, что он классово-однороден, что классовая борьба проводится наилучшим образом через синдикаты, что стачка—единственная форма классовой борьбы и т. д., а рецензент все это приписывает мне, сопровождая это замечанием: «сколько недоумения вызывает такая формулировка у рабочего студента». Когда я теперь снова просмотрел тезисы, чтобы проверить, не стал ли я синдикалистом, я пришел к убеждению, что «недоумения» М. Князева являются суммой, где слагаемые—невежество и недобросовестность.

2. «Автор не дает четкой характеристики «старого порядка». Для доказательства этого положения рецензент анализирует не мою главу (или главы), специально посвященную «старому порядку», а... главы о Конвенте и Наполеоне. «Старому порядку» у меня в «Истории Зап. Европы» посвящено две лекции (стр. 56—105) В них я достаточно четко говорю о Франции до индустриальной революции, о борьбе в ее социальном строе феодальных и капиталистических элементов.

У меня в книге на стр. 56 сказано о «старом порядке»: «Можно ли говорить о Франции этой эпохи (второй половины XVIII в.), как о феодальной стране. Мы увидим позже, что употребление этого названия без оговорок неприемлемо. Феодализм во Франции накануне революции, не есть система, а огромная масса нагроможденных пережитков; феодальная система разрушена и разложена проникшим в деревню и город капитализмом»... А главное, тут же ясно сказано, что «старый порядок» понятие историческое, что «старый порядок» XVI—XVII, начала XVIII вв. и кануна революции резко отличен. Рецензент проходит мимо всего этого и ищет моих ошибок по этому вопросу в главах о Конвенте и Наполеоне. Как он поступает с этими главами? «В 1799 г. победил Бонапарт, и реставрация монархии, буржуазной монархии (подчеркнуто М. Князевым) началась»... О какой буржуазной монархии у меня идет речь? Раскройте книгу, главу о Национальном Собрании, и вы увидите, что я имею в виду 1789—1791 гг. («буржуазия у власти», «буржуазная монархия»), но не «старый порядок» до 1789 г. «Наполеон шаг за шагом возвращался,—пишу я в другом месте и в другой связи,—к «старому порядку». Рецензент вновь недоумевает. Но как же иначе характеризовать путь Наполеона от 1799 г. к реставрации Бурбонов (1815 г.)? О «старом порядке» в эпоху Наполеона я говорю на стр. 192 точно и ясно в связи с восстановлением имперского дворянства, майората, генералитета и т. д., и т. д. А рецензент делает следующий вывод: так как я утверждаю, что Наполеон I восстановил буржуазную монархию и так как он частично восстановил также «старый порядок», то, следовательно, буржуазная монархия существовала при старом порядке!

Завершила ли эпоха Наполеона I буржуазную революцию в смысле создания буржуазного государства? Очевидно. («Революция пришла к тем началам, которые ее начали: она кончилась»—блестящая формулировка Наполеона I, данная им в «обращении консулов» от 15 декабря 1799 г.). Созданы ли были одновременно его законодательством предпосылки для реставрации монархии Бурбонов? Безусловно. Происходило ли это в эпоху капиталистического развития, роста капитализма или его упадка? Безусловно в эпоху под'ема капитализма. Выполняла ли та часть буржуазии, которая защищала Бурбонов и выступала против Наполеона, реакционную роль? Безусловно. Вот почему я и пишу: «В обстановке роста капитализма реакционной французской буржуазии удалось завершить буржуазную революцию», начатую в 1789 г., а наш рецензент, не связав концы с концами, не понимая, что «старый порядок» менялся от эпохи к эпохе, вырывая мысли из определенного контекста, обвиняет меня в путанице. Я считаю эти два «возражения» рецензента характерными и показательными для всей рецензии.

3. «Автор не дает четкого анализа абсолютизма». Для доказательства этого утверждения рецензент поступает так: он берет одну цитату из второго издания, одну цитату из первого издания, все сопоставляет, произвольно комбинирует и получает то, что надо.

Я во втором издании книги, на стр. 81—82 характеризую паразитизм двора и рост налогового обложения масс. Я пишу: «Вот это превращение государственной власти во власть, эксплоатирующую народные массы...» Рецензент не рассказывает, в связи с чем я употребляю эту фразу, выбрасывает слова «вот это», дающие связь с предыдущим изложением, и превращает ее в мое определение абсолютизма, а затем поучает меня цитатой из Энгельса, что государство всегда эксплоатирует народные массы. Затем он цитирует уже первое издание книги, где дается характеристика абсолютизма. Следуя за Марксом в его определении монархии накануне революции, я в первом издании совершенно точно определил классовую сущность монархии. На стр. 76 я пишу: «Самодержавный король лишь первый среди дворян... Правительство в эту эпоху (конца XVIII в.) выступает так же, как «капиталистический эксплоататор народа». «Самодержавная власть не может выполнить тех задач, во имя которых она возникла; все попытки реформы

срываются, и против абсолютной власти, возникшей в свое время, благодаря поддержке и в интересах торгового капитализма, но теперь не желающей, вернее, не могущей уничтожить все феодальные пережитки, выступают теперь все классы». И дальше идет раз'яснение, какой класс и почему выступает против самодержавия. Слова «надклассовая», «оторвавшаяся от классов» и так далее взяты повсюду в кавычках, двадцать раз оговорены и пояснены. А рецензент вырывает слова «повисло в воздухе», не об'ясняет, в чем дело, и предлагает осудить меня. Считая, что даже при всех этих оговорках и кавычках читатели могут неправильно истолковать мою мысль, я выбросил все эти формулы из II издания книги, дав специально краткий очерк истории самодержавного государства (петит). Я пишу (уже не петитом): «королевская власть опирается на дворянство и верхушку крупной буржуазии» (56). А дальше раз'ясняю, какая буржуазия, какое дворянство, когда и почему служило опорой самодержавию. Но рецензент проходит мимо этого в своей рецензии на II издание книги, сознательно вводя в заблуждение читателя. Мы предоставляем читателю оценить этот прием «критика».

4. «Автор допускает ошибки по аграрно-крестьянскому вопросу».

В продолжение всей главы о «положении крестьянства во Франции накануне революции» я поясняю, в каком смысле должно говорить о «крепостном крестьянстве» накануне революции, я говорю о личном освобождении крестьянства, о закрепощении его земли, о постепенном проникновении капитализма в деревню, об изменении самого понятия «крепостной», о феодальных повинностях, тяготеющих над крестьянством, особенно отсталых областей. М. Князев заявляет: о «закрепощении крестьян не может быть и речи», а в пункте № 3 обвиняет меня за то, что, по моим словам, от сеньориальных прав осталось «одно название», доказывая, что это не так, потому что, если бы не было крепостничества («сеньориального права» в деревне), не было бы революции. Против чего мне возражать, против первого аргумента («о закрепощении не может быть и речи»), или против второго («сеньориальное право не было в такой степени разрушено»). В какой же «степени» сеньориальное право было разрушено?

В другом месте, по другому поводу, в связи с «феодальной реакцией», я пишу о наступлении «старого порядка», укреплении крепостного состояния крестьян. И тут же раз'ясняю (стр. 65): «Помещики, и среди них немало буржуа, купивших землю накануне революции, содержат целый кадр юристов (февдистов), которые откапывают давно забытые «права» над крестьянами...» А М. Князев жонглирует словом «крепостной», ни звуком не обмолвившись, в какой связи стоит вырванная из текста цитата. Рецензент обнаружил тем самым полное непонимание вопроса о капиталистическом развитии Франции при «старом порядке», вопроса, который стоит теперь в центре внимания исторических исследований.

Дальше. М. Князев пишет: «половничество» не есть вид собственности, как думает автор, а является формой «продовольственной аренды на помещичьих землях» (ссылка на Лукина). Но я в книге ссылаюсь на А. Юнга (читал ли его рецензент?) и пишу: «Колоссальная нужда в земле заставляла крестьян брать землю у собственника и пользоваться ею, отдавая ему треть, а иногда половину урожая» (в «Хрестоматии», не вдаваясь в анализ отдельных форм землевладения, я говорю об арендной плате половника из ½ урожая). Что это—аренда или какая-либо форма землевладения? Дальше, я говорю о «выветривании сеньориального права»; от него осталась только одна юридическая форма и связанные с нею неимоверно тяжелые повинности. Автор рецензии проехал мимо этих строк

и из следующего абзаца, состоящего из четырех фраз, взял одну, по указаниям его «свободной воли»: «Развал старого зашел далеко, от сеньориального права осталось как бы одно название, но сила капитализма еще недостаточна, чтобы уничтожить его окончательно, и феодальное бремя ложится непосильной тяжестью на крестьянство». Я не могу иначе определить в данном случае поступок рецензента, как нечестный прием критика, по всем видимостям, стоящего в оценке истории крепостничества на точке зрения буржуазной юридической школы.

Вот еще один образец подобных методов «критики»: говоря о роли дворянства в государственном аппарате, я пишу о нем, как о самом могущественном сословии во Франции (стр. 69), а говоря об экономическом развитии Франции, как о капиталистической стране, я пишу о буржуазии, как об авангарде третьего сословия. М. Князев ставит это мне в обвинительный акт, как различные формулировки одного вопроса! Но ведь, надо же, наконец, выучиться читать книги! Я утверждаю, что мелкая буржуазия во Франции была классом, не заинтересованным в развитии индустрии, промышленного капитализма (стр. 72), а на стр. 173—174 я говорю, что якобинцы, партия мелкой буржуазии, расчистили пути для капиталистического развития... По поводу этого «противоречия» отсылаю рецензента к Марксу—о плебейском способе осуществления буржуазной революции. Дальше: у меня сказано: «основная масса третьего сословия—крестьянство», а говоря о роли отдельных групп в рядах третьего сословия, в другом месте и в другой связи, я пишу о том, что деловая торгово-промышленная буржуазия — основная, руководящая часть третьего сословия. И возмущенный рецензент спрашивает меня: «что же основное?» То основное, что прежде, чем писать рецензии, надо выучиться читать книги и понимать то, что пишут в них. Я пишу в «Хрестоматии» на стр. 18: «с конца XVIII в. начинается эпоха безраздельного господства буржуазии», а дальше, на стр. 223, я отмечаю, как в Англии в 30-х гг. XIX в. шла еще борьба различных групп буржуазии друг с другом и с пережитками феодализма. Рецензент ставит по этому поводу вопросительный и восклицательный знаки. Что же это означает? XIX век не был веком безраздельного господства буржуазии или же в продолжение XIX в. буржуазии не приходилось бороться с пережитками феодального режима? Диалектика исторического развития с трудом, видимо, дается рецензенту.

А вот насчет марксизма рецензента... Уже не указывая ни книги, ни издания, а просто «на стр. 69», М. Князев авторитетно отвергает мое положение, что «сословия совпадают с основным классовым делением общества». Доказательство: «принадлежность к третьему сословию (буржуа, крестьянин, рабочий) не совпадает (подчеркнуто Князевым) с классовым положением»... А не доказывает ли это положение М. Князева, что сословие — оболочка для блока различных классов, а следовательно, совпадает в основном с классовым делением общества? Мы рекомендуем рецензенту прочесть соответствующую главу в книге Н. И. Бухарина «Ист. материал.».

Наконец, в этом же разделе рецензии читаем: «Фридлянд держит такую речь — «мы будем иметь дело с «Западной Европой» (Слушайте!). Нет такой страны, которая называется «Западная Европа» (какая популярность!). Это произвольное (!) соединение истории трех стран—Англии, Франции и Германии. Что дает нам право соединять эти страны в одно целое—«Западная Европа»? (Слушайте!). Только одно—капитализм». Но во II издании сказано: «мы будем иметь дело с историей трех стран — Англии, Франции и Германии; мы отметим основные моменты истории САСШ и некоторых мелких европейских государств, в отдель-

ных случаях мы затронем и историю колониального Востока». Эти слова рецензент опускает и возмущенно пишет: «А почему тогда автор «произвольно не берет, например, Японию, Америку»... В поучение рецензенту: выделение западно-европейских стран в отдельный исторический комплекс характерно для буржуазной историографии, которая представляет «Западную Европу», как авангард цивилизации и т. д. Если мы, коммунисты, строим курс западно-европейской истории, то это не потому, что мы к истории Зап. Европы сводим всю мировую историю, а только потому, что эти страны типичны для истории капиталистического общества; в этом смысле мы их «произвольно» выделяем.

Идем дальше. М. Князев пишет: «О крестьянстве, как движущей силе революции, автор ни слова не говорит». Читаем на стр. 117 «Истории Запада»: «сама история В. Ф. Р. сводится не только к истории борьбы буржуазии с феодальным порядком, но и к истории борьбы внутри 3-го сословия, между буржуазией, крестьянством и рабочим классом»... На стр. 129 до очевидности ясно сказано: «Учредительным Собранием не был разрешен крестьянский вопрос, тем самым неразрешенным остался вопрос, который будет в последующее время служить причиной углубления революции и ее превращения в гражданскую войну». К этому вопросу я возвращаюсь десятки раз... «Ни слова о крестьянстве»?!!

Кто является историческим авангардом 3-го сословия. «Буржуазия», которая, сказано у меня, является вождем 3-го сословия; она будет стремиться в корне уничтожить старый общественный порядок, препятствующий развитию капитализма. Подчеркнутые слова пропущены рецензентом, слов: «деловая буржуазия», на стр. 75 у меня нет. Вообще, обо всем этом у меня идет речь на стр. 175. На стр. 175, говоря об отдельных этапах революции, я пишу: «революция началась, как общенациональный протест, и в первые годы власть очутилась в руках буржуазной аристократии (1789—1791), чтобы затем, под руководством «деловой» буржуазии, нация продолжала штурм старого порядка». «Но только после 31 мая — 2 июня 1793 г. — Жиронда уступила свое место Горе, торгово-промышленная буржуазия потерпела поражение в борьбе с мелкой буржуазией, возглавлявшей трудящиеся массы». Противоречит ли тому факту, что в конце XVIII в. авангард 3-го сословия, буржуазия, и ее передовая часть, руководила массами, на известной ступени революции (до 31 мая), то, что после изгнания из Конвента Жиронды во главе масс стали якобинцы, идеологи мелкой буржуазии? Но ведь это элементарно! М. Князев думает иначе: если, говорит он, буржуазия «руководила массами», была наиболее революционным элементом общества, то зачем ее нужно было свергать. Когда, где, при каких условиях,—все это рецензент пропускает и в заключение цитирует Ленина о том, что в буржуазной революции, буржуазной по своему историческому значению, не буржуазия, а «плебс» играет руководящую роль. Но это является руководящей мыслью моего изложения (см. стр. 173). Если я на стр. 75 говорю «вождь», на стр. 173 пишу «вождь» в различном сочетании со словами буржуазия, мелкая буржуазия, интеллигенция и в различной связи, то мой рецензент выписывает все эти слова, сопоставляет их и приходит к выводу, что в одном месте у меня вождь буржуазия «деловая», в другом—мелкая, в третьем—интеллигенция и т. д. Что это—неумение читать или манера цитирования?

5. «Автор неправильно оценивает историческое значение Великой французской революции».

По мнению М. Князева, я в «Истории Западной Европы» обошел молчанием международное значение Великой французской революции.

Но на стр. 173 целый раздел—«Значение якобинской диктатуры», который трактует об этом; об этом же я говорю также и там, где речь идет о войнах революции, о Наполеоне.

Если я в «Хрестоматии» пишу: «международное значение Великой французской революции об'ясняется тем, что в XVIII в. в государствах старой Европы почти наполовину был разрушен феодальный порядок, французская революция закончила эту ликвидацию», если я затем в статье в ЗКУ № 1 говорю о том, что революционная армия «железной метлой вымела остатки феодализма», а в № 3 ЗКУ пишу: «революция 1848 г. в Европе выполнила задачи 1789 г.; она повсюду окончательно ликвидировала пережитки феодализма», то пропуская всю историю Европы с 1795 по 1848 г., которой посвящено до 200 страниц в моей «Истории Зап. Европы» и десятки в других книгах, где рассказано, как за это время восстановлена была значительная часть старого феодального хлама», «добросовестный» рецензент восклицает: «противоречие!».

Но кульминационного пункта «искусство» рецензента достигает там, где он касается вопроса о причинах войны между Европой и Великой революцией. Я, как и все марксисты, следуя за Жоресом, долго считал, что война 1792 г. была результатом исключительно политики Жиронды; за последние два—три года я радикально пересмотрел этот вопрос и последнее время во всех новых изданиях своих книг провожу другую точку зрения, считая, что якобинцы были врагами войны, потому, что не желали гражданской войны, что война была неизбежна, и необходимо было революции перейти от обороны к наступлению. Что же, в угоду М. Князеву, не исправлять в новых изданиях то, от чего я отказался, чтобы не было «противоречий»?

Говоря о кризисе социализма в годы войны и крахе II Интернационала, в «Хрестоматии я пишу: «одна из причин его гибели была та, что рабочее движение оказалось без революционных вождей»..., а дальше идет перечисление ряда других причин. М. Князев выхватывает только эту причину и изображает дело так, будто, по нашему мнению, только в этом причина краха социализма и т. д., и т. п., без конца.

Я оставлю в стороне «общую» характеристику рецензентом 15-й лекции моей книги, укажу только, что ее задача—дать краткую характеристику мировой истории за 1848—1871 гг. Запада, Америки и Востока: она должна быть введением ко всем остальным лекциям. Любопытно, что рецензент ни слова не сказал о том, что впервые для наших учебных книг я дал в своей книге суммарные очерки по истории Америки, Италии, Австрии, Испании и т. д.

Вот еще один казус—М. Князев авторитетно заявляет—нельзя считать правильным с методической стороны слияние двух тем «Парижская Коммуна и I Интернационал». Как везде, и здесь—ложь, эти темы у меня не слиты, а теснейшим образом связаны. Вопрос о расколе Интернационала я анализирую после изложения истории Коммуны (в двух главах). Верно ли это? Послушаем М. Н. Покровского (М. Князев «уважает» авторитеты): «Не подлежит никакому сомнению, что конец I Интернационала связан с разгромом Парижской Коммуны... Все это (история Интернационала в учебниках по истории Запада) изложено раньше описания Парижской Коммуны, так что связь с Коммуной совершенно исчезает...» Это было сказано в Обществе Историков-Маркс. на дискуссии по докладу т. Иоаннисиани и признано всеми. Я во 2-м издании последовал этому совету и поступил правильно. Кстати, почему рецензент на этот раз не отмечает, что в «Хрестоматии» все как было—обе темы отдельно. Это было бы новым противоречием. На сей раз это, однако, неудобно.

Дальше. Если я рассматриваю эпоху 1866—1871 гг. в 5—6 главах и специально 1870—1871 гг. в 4 главах (Германия, Франция, Интернационал,

Коммуна), то рецензент хочет, чтобы я говорил о франко-прусской войне только 1 раз; если Прудон и Бланки действовали с 30—40-х годов до 70—80-х гг. XIX в., то я тоже должен говорить о них только один раз. Это называется методикой?!

Затем, «совершенно слабо освещен вопрос о бонапартизме». В главе о Наполеоне I, в главах о Наполеоне III собран на многих страницах значительный материал по этому вопросу, но мой рецензент не удовлетворен. Почему? Не сказано. И даже то, что глава, посвященная Конвенту, где центр тяжести—в истории диктатуры мелкой буржуазии, а вместе с тем, из-за отсутствия места дана история Конвента с 1792 по 1795 г., что и указано в подзаголовке, внесено рецензентом в обвинительный акт.

Но вот еще один казус. «Ссылаясь на оценку мануфактуры и разделения труда», на которую в свое время указывал Маркс, я дальше на протяжении 40—41 стр. излагаю взгляды Маркса по этому вопросу, а рецензент пишет, опуская это изложение: «автор ограничился ссылкой на «причину, о которой в свое время указывал Маркс. Такое об'яснение ничего не об'ясняет». Одно из двух: или я неправильно изложил Маркса, тогда почему об этом ни слова, или рецензент не читал Маркса и поэтому не узнал в моем изложении соответствующую главу Маркса?

Рецензент утверждает, что в моих книгах («Хрестоматии» и «Истории») не собраны мнения Ленина о европейской истории XIX—XX вв. Но это—новая ложь. В «Хрестоматии» дано в 9 главах 20 отрывков из Ленина, в книге дан подробный анализ взглядов Ленина в специальных разделах каждой главы (25 раз—я вынужден был подсчитать).

Нельзя пройти мимо того обстоятельства, что рецензент ни единым словом не обмолвился о ряде новых материалов, использованных нами в ИМЭ по вопросам Великой революции (специально по Марату, 9-е Термидора, война и т. д.), в главах о сороковых годах впервые дан систематический очерк истории европейского крестьянства по отдельным странам и т. д., и т. д. Но рецензенту нет до этого дела, и он считает «отсебятиной» все то в моей книге, что не совпадает с другими книгами. Моя трактовка вопросов Великой революции, которая вызвала и вызывает оживленную дискуссию в «Историке-Марксисте» и т. д. отмечена им только как противоречие между первым и вторым изданием книги...

Оставляю читателю оценку приемов рецензента. С возмущением должен, однако, отбросить заявление рецензента, что я занимаюсь саморекламой. Характеристика моей «Хрестоматии» принадлежит не мне, а редакции журнала ЗКУ. Для меня отзывы всех добросовестных критиков служили и будут служить школой. Но отзывы, подобные рецензии М. Князева, могут иметь только одну «целевую установку» — «изничтожить» автора, отбить у него всякую охоту работать. М. Князев оказал отвратительную услугу делу самокритики... Это образец недобросовестной, злобной критики, недостойной коммуниста.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Г. САНДОМИРСКИЙ и П. ПАСКАЛЬ.—«Французская социалистическая партия». ГИЗ. 1928. 161 стр.

В нашей литературе не имеется всеохватывающего изложения истории социалистических течений, социалистического движения и социалистической партии во Франции. Надобность в такой истории давно ощущается. Вероятно, этим соображением руководился Госиздат, выпуская книжку Сандомирского и Паскаля о французской социалистической партии. Выбор неудачный. Внешне книжка многообещающая, ибо содержит 27 глав, из которых вторая начинается с изложения времен Парижской Коммуны, а последняя глава посвящена уже предпоследнему конгрессу французской социалистической партии, имевшему место в декабре 1927 г. А по содержанию изложения она весьма слаба, поверхностна. В предисловии сказано очень скромно: «Авторы не претендовали на исчерпывающее изложение всей зигзагообразной истории французской социалистической партии». Но, по крайней мере, они надеются, что их книжка поможет читателю «усвоить себе главнейшие вехи эволюции французской социалистической партии». У нас все основания глубоко сомневаться: вряд ли она поможет читателю, если читатель не найдет других путей изучения французской истории вообще и истории социалистической партии в частности. Да и как же может быть иначе, если сами авторы не поняли и не усвоили себе эти «главнейшие вехи», они не поняли ни сущности главнейших разногласий, ни характерных особенностей главнейших социалистических течений во Франции. Они не выяснили себе действительных причин, обусловивших развитие, перерождение и падение французской социалистической партии. Нельзя же, в самом деле, излагать историю двадцати социалистических, синдикалистских и анархистских течений и группировок во французском рабочем движении, их слияние в единую партию и банкротство этой партии, не увязывая это изложение с исследованием изменений в экономике Франции, с классовыми перегруппировками, с классовой борьбой, с политической жизнью. Об этом авторы не задумались. Хуже того, там, где они решили кое-что сказать, там они продемонстрировали и незнание французской истории вообще, и неумение оценить классовую подоплеку происходящих событий, и непонимание марксистского метода исследования и анализа. Демонстрацией такого тройного невежества служит глава третья. Она представляет образец «надклассового» журналистического мудрствования. Авторы попробовали дать оценку экономического под'ема середины восьмидесятых годов. А вот что вышло у них, вот в чем состоит их оценка: «Поразительно, с какой быстротой,—пишут авторы,—стали возрождаться во Франции земледелие и промышленность и как быстро крепли ее торговля и финансы. Казалось, будто страна с необычайным рвением стремится залечить нанесенные раны, устранить печальные последствия войны и наверстать потерянное время. А между тем французам было над чем поработать...» (стр. 12).

Какая это «страна»? Чьи раны лечили? Какие это французы? Казалось бы, что авторы, которые иногда беспощадно и правильно критикуют непоследовательность гэдистов, должны были говорить не о «стране», не о «ранах», не о «французах» вообще, но о французских капиталистах, о развитии французского капитализма. Приводя пару цифр в доказательство наметившегося хозяйственного под'ема, авторы делают «поразительно» смехотворный вывод. У них написано буквально следующее:

«Перед лицом такого экономического под'ема силы внутренней реакции ослабевают. Политическим выражением отступления крайних реакционных элементов является сначала окончательное утверждение республиканского строя, который в 1875 г. получает свое конституционное признание» (стр. 13).

Верна ли подобная оценка? Совершенно не верна, совершенно противоречит действительности. «Силы внутренней реакции» ничуть не ослабели, а просто приспособились к «республиканскому режиму», проникли его и все более и более начинают им пользоваться. Конституция 1875 года является как раз детищем торжествующей внутренней реакции. Стоит только сравнить эту конституцию 1875 г. с конституцией Второй республики (ноябрь 1848 г.), чтобы убедиться, насколько консервативнее и реакционнее государственное устройство Третьей республики.

Конституция 1875 года, созданная под непосредственным впечатлением восстания парижского пролетариата, явилась юридическим закреплением торжества крупной буржуазии и буржуазной политической реакции. Третья республика превратилась в империю с «президентом республики» во главе. В основу Третьей республики легло то государственное устройство, которое было создано Первой империей. Разве можно даже сравнивать конституцию Третьей республики (1875 г.) с конституцией Второй республики (ноябрь 1848 г.)? Президент Второй республики избирается на 4 года; президент Третьей — на 7 лет. В 1848 г. президента избирали народным, всеобщим, равным и прямым голосованием. По конституции 1875 г. его избирает «национальное собрание» (общим заседанием палаты депутатов и сената). А сенат? Это учреждение создала конституция 1875 г. Его нет ни во Второй, ни в Первой республике. Сенат это — одно из специфических учреждений монархического строя. Раньше (во Второй республике) президент был ответствен перед национальным собранием; теперь он неответствен. Раньше он не имел права распустить палату депутатов; теперь он, с согласия сената, это право имеет. Как и все монархи, президент Третьей республики назначает всех государственных чиновников, включительно министров.

И вот, в этом самом государственном устройстве (Третья республика и конституция 1875 г.), в котором реставрированы, несмотря на три революции, все орудия специфического буржуазно-классового аппарата политического гнета Первой империи, в этом государственном устройстве, которое из всех своих пор дышит чувством победителя-буржуа, — в нем именно наши авторы нашли доказательство того, что «силы внутренней реакции ослабевают» и что «мелкая буржуазия, действующая под республиканским стягом, выходит на политическую арену, становится постепенно хозяином положения», что «в ее руки переходит вся полнота политической власти» (стр. 13). Поистине изумительное невежество! Но дело не только в невежестве авторов. На этом же самом моменте спотыкается очень часто большинство французских передовых пролетариев, потому что именно подобную философию разводили как раз родоначальники буржуазного «оппортунизма» (Гамбетта) и радикалы, которые каждое отречение от своей программы и каждое приспособление к торжествовавшей и крепнувшей экономически и политически крупной буржуазии представляли, как победу «широких масс» и «республиканской демократии».

Третья республика и конституция 1875 года могли явиться на свет французский только в результате подавления пролетариата и политического обезвреження мелкой буржуазии. С этого момента начинается процесс постепенного и неуклонного приспособления крайних реакционеров и разных монархически-клерикальных клик к «консервативной республике». С этого момента открывается эта империалистическая политика колониальных грабежей, захват железных дорог 6 железнодорожными компаниями, начало протекционизма.

Окрепшая политически в своей «консервативнейшей республике» крупная буржуазия дает «амнистию», и дает она ее в тот момент, когда сам Гамбетта уже энергично выступает против амнистии.

Если авторы не поняли таких элементарнейших вещей, им, конечно, будет трудно представить нам ясную и полную картину той экономической, классовой и политической обстановки, в которой зародилось, после поражения Коммуны, рабочее движение и различные социалистические течения и группировки. Мимоходом, «зигзагообразно» они упоминают то тут, то там о «поссибилистах», о «независимых социалистах», о «гэдистах», об «аллеманистах», о «бланкистах», об «анархистах» и прочих течениях. Но в чем их характернейшая черта, какие об'ективные социально-политические и идеологические влияния находили отражения в этих течениях — об этих вещах в книжке ничего не сказано. Наши авторы вообще не продумали самостоятельно излагаемую ими историю, а удовлетворились эклектическим пересказыванием тех или других эпизодов, заимствованных ими либо у Зеваеса, либо у Поля Луи.

Много возмущения у авторов против Жюля Гэда. И многие стороны деятельности Гэда и его политической и тактической линий ими об'яснены личными качествами Гэда. На вопрос, почему не произошло сближение и об'единение гэдистов с бланкистами, авторы отвечают: «От бланкистов его (Гэда) отталкивало то, что по самой своей натуре он был неспособен к конспиративной, заговорщицкой деятельности» (стр. 18). На другой вопрос, а именно, как это случилось, что «бруссисты» успели быстро увлечь широкие массы, а гэдисты остались некоторое время изолированными от масс, авторы отвечают: «А может быть это проистекало из присущей ему крайней нетерпимости к своим политическим противникам» (стр. 42).

Историческая положительная роль гэдизма во французском рабочем и социалистическом движении громадна. Заслуги большие. Их нельзя отрицать. Огульно и бесцеремонно гэдизм нельзя осуждать. Правильно и абсолютно необходимо беспощадно разоблачать и бичевать социал-оппортунистическое и социал-империалистическое вырождение гэдистов и позицию и деятельность самого Гэда уже до войны, но в особенности во время и после войны. Однако, гэдизм прежнего типа, до 1905/06 года, остается все-таки единственным последовательным марксистским течением во Франции. И еще долгое время французским пролетариям и коммунистам придется учиться марксизму и ленинизму именно через довоенный гэдизм. С тем большей внимательностью и серьезностью следовало бы подходить к критике ошибок и уклонов гэдизма и гэдистской партии до образования единой социалистической партии. А у наших авторов вышло шиворот на выворот. Они хвалят как раз то, что надо всесторонне раскритиковать, а критикуют то, что как раз правильно.

Совершенно неправильную, немарксистскую оценку дают авторы той узко-сектантской позиции пассивности и доктринерского «невмешательства», которую защищал Гэд во время дела Дрейфуса. По их мнению, позиция Гэда, «это — борьба классовой, марксистской точки зрения с внеклассовым идеализмом сначала Поля Брусса, затем Жана Жореса» (стр. 50). По их мнению, точке зрения Гэда «нельзя отказать в классовой прямолинейности и выдержанности» (стр. 51). Немножко ниже, на той же 51 стр., в третий раз авторы находят, что у Гэда была «строго-марксистская трактовка народных движений». Наконец, на стр. 61 авторы прямо находят, что Ж. Гэд проявил «стопроцентную выдержку». Верно и всем известно, что вокруг дела Дрейфуса возникло настоящее широкое народное движение. И если на поверхности этого движения с чисто - формальной стороны вещей сталкивались и боролись друг против друга две фракции французской буржуазии, не менее верно также то, что к этой свалке примкнули все слои широких трудящихся масс и почти все категории пролетариата. Более того: эта «внутренняя

борьба» во Франции сосредоточила на себе внимание всей Европы и послужила толчком к обострению классово-политической жизни во всех европейских странах.

И вот, когда налицо такое широкое массовое народное движение, вспыхнувшее потому, что на деле Дрейфуса массам сразу стала видна вся система коррупций, подкупов, безобразий государственного, правительственного и милитаристического буржуазного аппарата, когда поссибилист Брусс и идеалист-оппортунист Жорес (в этот период сторонник и защитник министериализма и его прототипа Мильерана), несмотря на их внеклассовую трактовку социально-политических вопросов и событий, все - таки более правильно оценили момент и своим чутьем, благодаря более длительному и более непосредственному своему контакту с массами, поняли необходимость не держаться в стороне, не замыкаться в сферах доктринерских рассуждений, а активно принять участие в этом движении, — в этот момент Жюль Гэд и бывший бланкист и коммунар Вальян не нашли ничего лучшего, как замкнуться в области теоретически-общих формул против реформизма и бросить пролетариям, уже увлеченным движением, лозунг, смысл которого можно резюмировать следующим образом: «Не марайте ваших рук: дело касается не рабочего, а какого-то буржуя, пусть буржуи дерутся, вам нельзя выбирать между чумой и холерой». Гэд и гэдисты Франции на деле Дрейфуса продемонстрировали свой органический дефект, свою неспособность связывать теорию с практикой и в особенности с практической, живой, конкретной массовой борьбой. Реальному положению вещей и жгучим, неотложным задачам конкретного момента они противопоставили академическую формулу политической пассивности. Ничего марксистского в этой, внешне очень «непримиримой» формуле нет. Странно, как и до сих пор находятся люди, в роде наших авторов, которые этого не поняли!

В книжке авторов можно найти не мало таких примеров неправильного освещения вещей, вопросов, проблем и событий. Останавливаться на всех, однако, невозможно. Неправильно авторы критикуют позицию Гэда в профсоюзном вопросе. Конечно, позиция Гэда в профсоюзном вопросе далеко не безупречна, но наши авторы ведут атаку против Гэда с идейно-организационной траншеи Лагарделя и пускают в оборот анархические аргументы. Неправильно они критикуют Гэда за его позицию в кооперативном вопросе. Тут они изменяют Лагарделю и анархистам и в искаженном виде перефразируют те формулировки, которые давал много раз Жан Жорес. Аллеманистов наши авторы тоже не поняли.

Непростительнейшее упущение насчет «всеобщей стачки» и анархистов. О «всеобщей стачке» авторы вспоминают в нескольких местах. Но они упускают из виду, характеризуя сторонников и противников, что идея о «всеобщей стачке» в начальную пору социалистического движения проповедывалась и предлагалась как средство непосредственного воздействия на парламентско-выборную борьбу, как подсобное орудие к легально-парламентским махинациям и в противовес тем социалистам, которые оставались еще верными тактике «революционного восстания».

Нигде авторы не заикнулись насчет мелкобуржуазной социальной основы анархизма и анархо-синдикализма. Не видно у них также, как, в каких группировках и течениях отражалось идейное влияние прудонизма и возрождение прудонизма. Небрежно отнеслись авторы к фактам и датам. Об убийстве Жореса они лаконически сообщают, как будто дело идет о каком-нибудь происшествии: «В тот же день он падает от руки фанатика-патриота» (стр. 124). Поверьте, ни слова больше! Интересно было бы знать, на каком основании наши авторы произвели в «фанатика-патриота» послушного агента-инструмент Пуанкаре — Извольского? Зачем же им понадобилось повторять слова Вивиани, тогдашнего министра-президента? По

книжке авторов, Циммервальдская конференция собралась 5 февраля 1915 г., а на самом деле она имела место точно на 7 месяцев позже — 5 сентября.

Датой образования «Комитета возобновления международных сношений» указано: «в начале 1916 года», а на самом деле «Комитет» был образован еще летом 1915 г., а после возвращения «циммервальдцев», осенью 1915 г., «комитет» уже активно работает.

А вот новый образец «марксистского» (!) понимания авторов. Дело касается такого «события», как восприятие 14 пунктов вильсонизма со стороны социалистов. Акт восприятия «оценивается» следующим образом: «С этого момента социалистическая партия становится носительницей идеи Лиги Наций, чем она в то время все-таки проявила некоторое мужество» (стр. 133). Совершенно верно, дорогие авторы, мужество социалисты проявили в тот момент, но не против буржуазии, как в вашей книжке написано, а в интересах буржуазии. Печальное мужество в деле позорнейшего обмана уже протестующего и негодующего пролетариата и восстающих, бунтующихся солдат и матросов. Не буржуазия, а социалисты задержали, расстроили, парализовали и погубили тогдашнее массовое движение.

Еще пару замечаний. Если история французской социалистической партии до войны изложена авторами поверхностно и часто неправильно освещена (и многие важнейшие моменты и стороны прямо опущены); если недостаточно затронут и проанализирован период войны, то хуже всего освещена деятельность французской социал-демократии в период после войны. Вместо истории и оценки вышло что-то в роде неплохой агитационной газетной статьи. Авторам показалось «неинтересным» серьезно исследовать, что собой представляют течения внутри социалистической партии. Им «неинтересно» заниматься критическим разбором новейшей «идейной» эволюции социалистов. Авторы старательно обошли те реальные проблемы и вопросы, вокруг которых шла борьба. Что собой представляет в данный момент французская социалистическая партия, из книжки авторов не видно. Вообще говоря, их больше всего интересовала формальная сторона вопросов, формальные заявления или речи того или другого социалистического «вождя», формальные решения того или другого с'езда социалистической партии.

Рецензируемая нами книжка может представлять интерес только как сборник эпизодов из истории французской социалистической партии, сборник отрывков и выписок. Изложение сделано агитационным стилем. Для изучения истории социалистического движения во Франции книжка не годится.

Ш.

Письма в редакцию.

В редакцию „Большевика“.

В связи с запросом группы пропагандистов из г. Славянска считаю необходимым остановиться здесь на одной ошибке, допущенной мной в докладе «О работе в деревне» на XV с'езде. Там я говорил в главе об оппозиции следующее:

«Оппозиция обыкновенно приводит следующее место из одной статьи Ленина: «Уметь достигать соглашения с средним крестьянином, ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту»,—вот (говорит оппозиция) наиболее точное, наиболее правильное определение политики нашей партии!

Так ли это, товарищи?

Нет, это абсолютно не так, этого совершенно недостаточно для настоящего времени.

Имейте в виду, что эта цитата из Ленина, на которую ссылается оппозиция, взята из одной статьи Ленина, относящейся к осени 1918 года, к периоду комбедов. (См. Ленин, том XV «Ценные признания Питирима Сорокина»). Это был период, когда двумя строчками выше Ленин говорил: «Средний крестьянин нам не враг». Проще говоря, это была формула конца периода, так называемой, нейтрализации среднего крестьянства.

И эту формулу оппозиция хочет теперь применять по отношению к среднему крестьянству, как наиболее точную! Разве это не издевательство над Лениным?

Но этим оппозиция явно пытается тащить нас назад. Этим самым оппозиция явно отказывается от основного ленинского завета о прочном союзе с середняком в период строительства социализма. Оппозиция стремится тащить нас к 1918 году, к периоду нейтрализации середняка и тем до конца разоблачает свою антиленинскую политику. Партия прошла давно период нейтрализации середняка, и с 1919 года (с VIII с'езда партии) осуществляет уже лозунг прочного союза с середняком для строительства социализма.

Но не случайно именно эту формулу оппозиционеры берут основной своей формулой».

В этой части доклада, помимо совершенно правильной критики оппозиции, дано неправильное толкование приведенной здесь цитате Ленина.

Мною правильно было указано, что «оппозиция явно отказывается от основного ленинского завета о прочном союзе с середняком в период строительства социализма», т.-е. в период после нейтрализации середняка. Но здесь же была допущена и ошибка, заключающаяся в том, что формула Ленина «уметь достигать соглашения с средним крестьянином, ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту», была мною отнесена к периоду нейтрализации середняка. На самом же деле эта формула является точной формулой политики партии именно для периода после нейтрализации середняка, для периода «прочного союза» с середняком. Легко убедиться, что у Ленина политика «прочного союза» пролетариата с середняком равнозначна политике «соглашения» пролетариата со средним крестьянством (см. резолюцию VIII с'езда партии о работе в деревне и речи Ленина на том же с'езде).

Да и исторически слова Ленина: «Уметь достигать соглашения с средним крестьянином и т. д.» относились к такому периоду (ноябрь 1918 г.), когда партия уже повела линию на прекращение комбедовского периода, приняв решение о перевыборах советов и прекращении дальнейшего существования комбедов (VI С'езд Советов в начале ноября 1918 г.).

Из этого, между прочим, ясно и то, что помещение лозунга Ленина «Уметь достигать соглашения с средним крестьянином, ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту» в числе лозунгов ЦК к 1-му мая, появившихся в печати за моей подписью («Правда», 24 апреля), давая ответ на ошибку, допущенную мною в докладе на с'езде, по-моему, уже тогда полностью исправляло эту ошибку.

В. Молотов.

27 июня 1928 г.

Письмо в редакцию от Общества Историков-Марксистов.

(По поводу «рецензии» на книгу Ц. Фридлянда «История Западной Европы 1789—1914 гг.», ч. I).

Помещенная в № 11 «Большевика» рецензия т. Князева не может не вызвать глубокого недоумения. Развязный тон автора рецензии с бьющими на сенсацию подзаголовками, обвиняющими т. Фридлянда в «буржуазном

грехопадении», и общая оценка книги являются совершенно непонятными для тех преподавателей вузов, рабфаков и совпартшкол, которые имеют все права считать себя не менее компетентными в вопросе, чем тов. Князев, и в течение многих лет рекомендовали своим студентам книги т. Фридлянда. Тов. Князев не мог не знать, что учебники тов. Фридлянда являются наиболее распространенными марксистскими пособиями по истории Запада в наших школах и что о них имеются многочисленные положительные отзывы (а не только рекомендация ГУС). Тов. Князеву также, вероятно, известно, что т. Ц. Фридлянд ведет активную и успешную борьбу с искажениями марксизма в области исторической науки. Все это требовало от автора рецензии максимума литературной добросовестности. На самом деле рецензия пестрит рядом произвольных толкований и искажений (неверная передача цитат, произвольное сопоставление незаконченных фраз и т. д.), которые никоим образом не могут быть об'яснены неопытностью автора, этим произведением, повидимому, начинающего свою литературную деятельность. В настоящем письме общество не ставит своей целью критический разбор книги Фридлянда и рецензии т. Князева. На ряд выпадов рецензента тов. Фридлянд отвечает сам на страницах «Большевика»; подробный же разбор книги с указанием ее достоинств и недостатков будет помещен в очередном номере «Историка-Марксиста». Настоящим письмом Общество Историков-Марксистов хочет только отметить, что та общая оценка, которая дана рецензентом, и приписывание тов. Фридлянду ряда обвинений в немарксизме совершенно не верны. Книга тов. Фридлянда является вполне марксистским учебником, и отдельные литературно-редакционные небрежности, которые действительно в учебнике имеются (в книге 700 стр.), все же не дают оснований обвинять автора в немарксизме. Попытка же т. Князева «сыграть» на этих литературных ляпсусах может быть отнесена к самому худшему виду «рецензирования», конечно, ничего общего не имеющего с научно-критическим марксистским разбором.

С коммунистическим приветом

Председатель Совета Общества Историков-Марксистов *М. Покровский.*

Ученый секретарь *П. Горин.*

От Правления Института Красной Профессуры.

О Восточном Секторе истор. отд.

Условия приема.

В 1928—29 учебном году при Историч. отделении ИКП открывается восточный сектор, задачей которого является подготовка научных работников в области истории современных проблем зарубежного и советского Востока.

Условия приема и вступительные требования на восточный сектор Истор. отделения в основном те же самые, что и для всех поступающих в Институт Красной Профессуры по Историческому отделению. (См. условия приема, опубликованные в журналах: «Коммунистическая Революция» № 6, «Большевик» № 7, «Под Знаменем Марксизма»).

Кроме того, от поступающих на восточный сектор требуется:

а) Общее знакомство с одной из восточных стран.

б) Знакомство с современными проблемами Востока.

в) Знание следующей литературы:

I. Ленин:

1) тт. XIX и XIII (целиком);

2) т. IV, статья «Национальный вопрос в нашей программе»;

3) т. XIII, статьи: «Крах II Интернационала», «О карикатуре на марксизм и об империалистическом экономизме»;

4) т. XVI. «Речь на II с'езде коммунистических организаций Востока».

II. Сталин:

1) «Марксизм и национальный вопрос» (в сб. «Марксизм и национальная проблема»);

2) доклады и заключ. слово на X и XII с'ездах партии по национальному вопросу (стенограф. отчеты);

3) «Октябрьский переворот и национальный вопрос», сборн. стат.;

4) «К постановке национального вопроса» (в сборн. «Национальный вопрос и Советская Россия»);

5) статьи по нац. вопросу в «Вопросах Ленинизма»; там же 5 гл., там же—«О политических задачах КУТВ».

III. Доклады и резолюции на III и V конгрессах Коминтерна по колониальному и национальному вопросам, **доклады и резолюции** по китайскому вопросу VII, VIII и IX пленумов ИККИ.

IV. Зигфрид, А. 1) «Англия наших дней».

Павлович. 2) «Борьба за Азию и Африку».

Для поступающих на восточный сектор Историч. отдел. желательно знание английского языка.

Проректор Института Красной Профессуры К. Попов.

От Правления Института Красной Профессуры.

Программы испытаний по русскому языку и математике для поступающих на подготовительное отделение Института Красной Профессуры.

В развитие п. 1 § 7 условий приема для поступающих на подготовительное отделение Института Красной Профессуры в 1928—29 учебном году, по которым от поступающих требуется знание по русскому языку и математике в размере приемных испытаний в вузы, Правлением Института утверждены следующие программы испытаний по этим предметам:

Программа по русскому языку:

1. Поступающий должен написать работу на литературно-общественную тему. В ней он должен обнаружить умение связно, толково, ясно и точно излагать свои мысли. Грамотность должна быть удовлетворительна как этимологически, так особенно синтаксически. Особое внимание следует обратить на правильное построение сложных предложений и словосочетаний: согласование и управление.

2. Поступающий должен иметь сведения об основных моментах развития русской литературы XIX века, в связи с развитием социально-экономических взаимоотношений и общественно-политических движений и обнаружить знакомство с современной литературой.

Список произведений, знакомство с которыми обязательно для кандидата:

1. **Фонвизин.**—«Недоросль».
2. **Грибоедов.**—«Горе от ума».
3. **Пушкин.**—«Евгений Онегин», «Медный всадник», «Капитанская дочка», «Дубровский».
4. **Лермонтов.**—«Герой нашего времени», «Мцыри», «Демон».
5. **Гоголь.**—«Ревизор», «Мертвые души», «Шинель», «Старосветские помещики».
6. **Тургенев.**—«Записки охотника», «Муму», «Рудин», «Отцы и дети».
7. **Чернышевский.**—«Что делать».
8. **Гончаров.**—«Обломов».
9. **Достоевский.**—«Преступление и наказание».
10. **Островский.**—«Свои люди сочтемся», «Доходное место», «Гроза».
11. **Некрасов.**—«Кому на Руси жить хорошо», «Размышления у парадного под'езда», «Железная дорога», «Арина, мать солдатская», «Филантроп», «На Волге», «Рыцарь на час».
12. **Салтыков.** — «Пошехонская старина», Сказки. «Господа Головлевы», «Смерть Пазухина».
13. **Г. Успенский.**—«Нравы Растеряевой улицы», «Власть земли», «Четверть лошади».
14. **Л. Толстой.**—«Хаджи-Мурат», «Война и мир», «Воскресенье».
15. **Гаршин.**—«Четыре дня на поле сражения».
16. **Короленко.**—«В дурном обществе», «Слепой музыкант», «Река играет», «Лес шумит», «Сон Макара», «Убивец», «Соколинец», «Мороз».
17. **Чехов.**—«Мужики», «Степь», «Человек в футляре», «Дядя Ваня», «Вишневый сад».

18. **Горький.**—«Челкаш». «Фома Гордеев», «Детство», «В людях», «Мать», II и IV сказки об Италии (Забастовка в Парме и Симплонский туннель), «Песнь о соколе», «Буревестник», «О чиже, который лгал», «Мои университеты».
19. **Серафимович.**—«Железный поток».
20. **Сейфуллина.**—«Правонарушители».
21. **Гладков.**—«Цемент»
22. **Иванов.**—«Бронепоезд»
23. **Фадеев.**—«Разгром».

Знакомство с современными поэтами:

Безыменский, Демьян Бедный, Маяковский.

Критические статьи:

1. **Герцен.**—«Былое и думы». (Изд. «Прибой». 1925 г.).
2. **Добролюбов.**—«Луч света в темном царстве», «Что такое обломовщина».
3. **Ленин.**—Статьи о Толстом.
4. **Плеханов.**—Статьи о Некрасове, Успенском, «Литературные взгляды Белинского».

Программа по математике.

1. **Арифметика.** Четыре действия с простыми и десятичными дробями. Процентные вычисления.

2. **Алгебра.** Действия с целыми и дробными алгебраическими выражениями. Извлечение квадратного корня из чисел с данной степенью точности. Уравнение первой степени с одним и многими неизвестными. Квадратное уравнение с одним неизвестным. Простейшие операции над иррациональностями. Прямоугольная система координат на плоскости. Графическое изображение функций; графическое решение уравнений. Арифметическая и геометрическая прогрессии; их суммы. Бесконечная геометрическая прогрессия. Обобщение понятия о показателе степени. Действия с выражениями, содержащими дробные и отрицательные показатели. Логарифмы и их применение (пятизначные таблицы).

3. **Геометрия.** Основные свойства многоугольников (треугольник, параллелограмм, трапеция, правильный многоугольник) и их площади.

Подобие фигур. Метрические соотношения в прямоугольном, косоугольном и тупоугольном треугольнике.

Окружность: хорды, касательные, измерения углов в круге. Сторона вписанного шестиугольника, треугольника, квадрата. Площадь круга.

Об'емы и поверхность многогранников и круглых тел.

4. **Тригонометрия.** Решение прямоугольных треугольников и необходимые для этого геометрические соотношения. Синус и косинус суммы и разности двух углов; радиальная мера угла. Перевод из градусной меры в радиальную и обратно. Предел отношения угла к его синусу при безграничном уменьшении угла.

Правление Института Красной Профессуры.

Опечатка:

В № 11 «Большевика» вкралась следующая опечатка: в ст. т. Архинчеева, на стр. 61, в строке 18 снизу напечатано: «баи пытали к у л а к а...», должно быть: «баи пытали б а т р а к а...».

Редакция: **В. Астров. В. Молотов. Н. Бухарин. А. Слепков. А. Криницкий. Е. Ярославский.**

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 13—14 31 ИЮЛЯ № 13—14

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

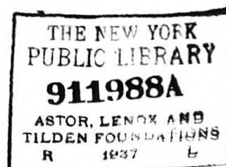
СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 8

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

„ПРАВДА"

Главлит № А—18585 Тираж 75.000.
Типография газеты „Правда". Москва, Тверская, 48.

После пленума ЦК ВКП(б).

Только-что закончившийся пленум ЦК ВКП(б) обсудил три важнейших группы вопросов: 1) вопросы VI конгресса Коминтерна; 2) итоги хлебозаготовительной кампании истекшего хозяйственного года (в связи с общим хозяйственным положением и ближайшими задачами социалистического строительства) и 3) задачи улучшения подготовки новых кадров специалистов для нашей промышленности, во всей остроте поставленные шахтинским делом.

Пленум заслушал доклады о положении заграничных компартий и о проекте программы Коминтерна. За 4 г., протекшие с V конгресса, мы имеем значительное расширение и углубление международного коммунистического движения, распространение его на новые страны и даже материки (Южная и Центральная Америка, некоторые страны азиатского континента и т. д.), превращение сравнительно небольших коммунистических групп в массовые партии в целом ряде стран (Китай, отчасти Япония), укрепление и значительные достижения в области большевизации компартий в главнейших странах капиталистической Европы (Франция, Германия, Польша). Стоит только вспомнить, что всего четыре года назад V конгресс Коминтерна мог выставлять лозунг соединенных штатов Европы, чтобы понять, насколько коммунистическое движение в то время было еще ограничено европейскими рамками и насколько далеко теперь, особенно после развертывания китайской революции, мы от этого ушли.

Проект программы Коминтерна, рассмотренный пленумом ЦК ВКП(б) и в настоящее время рассматриваемый VI конгрессом Коминтерна, дает обобщение грандиозного опыта мирового революционного и коммунистического движения в прошлом и настоящем, учитывая все конкретное своеобразие различных стран, степень их экономического развития, политические особенности и т. д. и намечая конкретную программу действий для всех партий.

Такая программа, теоретически обоснованная в духе марксизма и ленинизма, особенно необходима Коминтерну и его секциям в настоящий момент растущего обострения классовой борьбы, бешеного наступления буржуазии на рабочий класс, особенно в странах с фашистским режимом (Италия, Польша), сращивания социал-демократии с буржуазным и буржуазно-фашистским государственным аппаратом,

роста опасности империалистической интервенции по отношению к СССР—главному оплоту международной революции.

Второй важнейшей группой вопросов, обсуждавшихся на пленуме, были вопросы хлебозаготовок в связи с общими перспективами политики партии в области сельского хозяйства.

Решения XV с'езда в свое время явились важнейшим переломным моментом, поворотным пунктом политики партии в области сельского хозяйства. С'езд подчеркнул колоссальную диспропорцию между развитием социалистических элементов в промышленности и сельском хозяйстве и направил энергию партии в ближайший период на устранение этой диспропорции. В соответствии с этим с'езд наметил усиление темпа кооперирования крестьянского хозяйства и в качестве экономической задачи выдвинул развитие совхозов и колхозов. С задачами усиленного социалистического строительства в сельском хозяйстве был неразрывно связан лозунг XV с'езда об усилении наступления на кулака.

Полоса экономического развития, в которую вступила наша страна после XV с'езда, нагляднейшим образом показала всю правильность намеченного XV с'ездом курса. Раздробленность и отсталость мелких и мельчайших крестьянских хозяйств, их слабая товарность, особенно в связи с растущим аграрным перенаселением, крайняя слабость в сельском хозяйстве социалистических элементов (совхозы, колхозы), как опорных пунктов советской власти в борьбе за преобразование сельского хозяйства на социалистических началах и как поставщиков социалистическому государству сельскохозяйственных продуктов, которые облегчили бы ему регулирование рынка; рост сопротивления кулацких элементов деревни политике индустриализации и социалистического строительства,—все это, особенно в связи с рядом ошибок в области планово-регулирующей работы, недостаточным темпом работы партийных и советских организаций в первую половину хлебозаготовительного периода, привело к острому кризису в деле хлебозаготовок и тем создало угрозу серьезных экономических и политических потрясений.

Чрезвычайные мероприятия со стороны партии и советского правительства дали возможность сравнительно благополучно выйти из кризиса. Всем известно, однако, что эти мероприятия ударили не только по кулаку, но отчасти кое-где и по середняку и что на этой почве наметились известные элементы опасности разрыва союза пролетариата и деревенской бедноты с середняком.

В своих резолюциях об итогах хлебозаготовительной кампании и о совхозах пленум должен был во всей широте поставить вопрос о задачах экономической политики партии в области переустройства сельского хозяйства на социалистических началах.

Быстрый темп индустриализации страны пред'являет все растущие требования к сельскому хозяйству, с небывалой остротой ставит вопрос о расширении посевной площади, о поднятии урожайности, о

поднятии продукции сельского хозяйства как в части зерновых культур, так и в части промсырья (хлопок, свекла, лен, продукты животноводства и т. д.). Мы имеем миллионы мелких и мельчайших крестьянских хозяйств. Возможности поднятия их производительности при сохранении индивидуального характера этих хозяйств довольно ограничены, но они все же имеются. Стоит только сравнить урожайность с гектара нашего крестьянского хозяйства и какого-нибудь немецкого или датского. Всячески содействуя поднятию производительности индивидуальных крестьянских хозяйств и всемерному развертыванию работы по массовому кооперированию бедняков и середняков в целях поднятия сельскохозяйственной продукции в стране, партия должна поставить в качестве важнейшей задачи об'единение бедняцких и середняцких хозяйств в колхозы и строительство совхозов, имея в виду совершенно очевидную для каждого марксиста истину, что крупное хозяйство располагает неизмеримо большими средствами и возможностями для поднятия своей продукции, чем мелкое, На ряду с развертыванием работы по массовому кооперированию крестьян, необходимо широкое строительство колхозов, что требует от партии усиления работы по об'единению бедноты вокруг партии и по усилению всесторонней защиты ее экономических интересов.

Вопреки предложениям совершенно обанкротившейся и уже разложившейся троцкистской оппозиции, партия, проводя политику наступления на кулака и настойчивого, энергичного строительства элементов социализма в сельском хозяйстве, опираясь на бедноту, ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах не должна отступать от своей испытанной, ленинской линии на прочный союз с середняком. Отказ от применения чрезвычайных мер в предстоящей хлебозаготовительной кампании и повышение цен на зерновые культуры показывают, насколько чутко продолжает относиться наша партия к интересам середняка, насколько далеки от истины обвинения партии в желании отступить назад к военному коммунизму, отменить нэп и т. д.

Конечно, в миллионной партии найдутся элементы, которые склонны тащить ее назад, склонны смазывать постановления XV с'езда, отказаться от политики развертывания строительства социалистических элементов в сельском хозяйстве. Такая политика при наличии острейшей потребности страны в поднятии продукции сельского хозяйства ведет фактически к ориентации на капиталистическое развитие деревни, к усилению кулачества, к укреплению его влияния на середняцкие массы, к политической изоляции советской власти и пролетариата в деревне, к смычке между капиталистическими элементами города и деревни, к ослаблению темпа индустриализации страны, к увеличению нашей зависимости от иностранного капитала. Есть в партии также отдельные элементы, которые договариваются до отрицания возможности развития индивидуального крестьянского хозяйства, недооценивают значения союза с середняком и хотят применять дальше в качестве нормальных отмененные партией чрезвычайные меры

и тем самым на деле скатываются к осужденному партией троцкизму. Нечего и говорить, насколько вредна и ошибочна была бы такая политика.

Партия должна решительно бороться с теми и другими ошибками, помня, что теперь, после полного разгрома троцкистской оппозиции во всесоюзном и международном масштабе, после окончательного разоблачения ультра-левых болтунов, прячущих свое социал-демократическое нутро под революционной внешностью и революционной фразой, для нас особенно опасное значение приобретают ошибки, ведущие к отказу от развертывания социалистического строительства в сельском хозяйстве, к фактическому отступлению перед кулаком вместо наступления на него, провозглашенного XV с'ездом.

Партия вступает в новую хлебозаготовительную кампанию с ясной политической платформой.

Все партийные организации должны в ближайшее время провести самую энергичную работу по раз'яснению крестьянским массам политики партии и по энергичной борьбе с попытками контрреволюционных, в частности, кулацких элементов использовать недавние хозяйственные затруднения и те чрезвычайные меры, которые явились их последствием, для усиления своего влияния на крестьянские массы, на часть рабочего класса, связанную с деревней, на Красную армию, на сельскую интеллигенцию и т. д.

Огромное значение имеет улучшение и упрощение хлебозаготовительного аппарата и экономное расходование собираемых хлебных ресурсов. Необходимо принять все меры, чтобы поднятие цен на зерновые культуры пошло за счет уменьшения организационных и накладных расходов, за счет сокращения количества заготовляющих органов, а не за счет бюджета рабочего, чтобы оно не вызвало общего роста цен.

Имея перед собой ясную линию и ясную перспективу поднятия продукции сельского хозяйства в неразрывной связи с ростом его социалистических элементов, партия сумеет справиться со стоящими перед ней задачами: обеспечит успешное проведение хлебозаготовительной кампании, обеспечит соответствующий решениям партии темп индустриализации, вытекающий не только из всей внутренней, но и международной обстановки (частичная стабилизация капитализма, капиталистическая рационализация, рост опасности интервенции), решительно двинет вперед развитие социалистических элементов в сельском хозяйстве вместе с движением вперед сельского хозяйств в целом, теснее сплотит пролетарские и полупролетарские элементы деревни вокруг партии и обеспечит сохранение и укрепление прочного союза с середняком, продолжая наступление на кулака в духе решений пятнадцатого с'езда.

По вопросу о подготовке новых кадров специалистов для промышленности пленум принял резолюцию, которая, несомненно, явится крупным шагом вперед в этой области. Одно из конкретных решений, содержащихся в этой резолюции, заключается в передаче части втузов в РСФСР и на Украине в ведение ВСНХ и НКПС. Общими усилиями трех крупнейших наркоматов (Наркомпрос, ВСНХ, НКПС) при значительно более энергичном, чем до сих пор, участии профсоюзов и при увеличении материальной базы, под неослабным руководством и контролем партийных организаций, партии удастся справиться со сложнейшей задачей подготовки новых кадров специалистов для промышленности.

Затруднения, которые партия и советская страна пережили в недавнем прошлом, вызвали радость и оживление в лагере международной и внутренней контрреволюции. Враги надеялись на контрреволюционные потрясения внутри страны, на ослабление единства внутри партии. Враги обманулись в своих надеждах. Хозяйство страны выходит из затруднений. Связь партии с рабочим классом и крестьянской беднотой будет дальше крепнуть и расти. Партия сумеет сохранить и упрочить союз с середняком. Ленинское единство партии обеспечено, о чем говорят и сами единодушные решения пленума ЦК. Партия попрежнему стальными, несокрушимыми рядами идет в авангарде международной пролетарской революции.

П. Лапинский.

„Социальное государство". Этапы и тенденции развития.

1. „Хозяйственное государство" капиталистов и „социальное государство" реформистов [1]).

Государственная машина, которая приобрела громадное влияние на весь ход экономической жизни современного капиталистического общества, уже тем самым приобретает громадное влияние и на все положение рабочего класса. Достаточно припомнить расширенный круг функций послевоенного буржуазного государства, чтобы это стало ясно само собою. Мы приводили в другом месте ту картину деятельности этого государства, которую рисует в годичном отчете руководитель одного из крупнейших германских банков (Дарлиштедтер унд Националь Банк). Повторим здесь слова этого банкира еще раз.

«Государство,—говорит он,—как высшее авторитетное место, не должно бы покидать своего об'ективного поста, с высоты которого ему приходится наблюдать за всем ходом событий. Между тем оно все более и более стало вмешиваться в этот естественный процесс развития и в растущей степени превращается в определяющий фактор нашей хозяйственной жизни. Оно фиксирует высоту квартирной платы, руководит строительством домов, диктует цены на уголь, железо, калий, ведет само предприятия огромнейшего масштаба, расширяет в возрастающей степени свою деятельность на банковое и кредитное дело, взимает налоги не только с дохода, но и с самой субстанции, и с некоего центрального места определяет диктаторски заработную плату и продолжительность рабочего дня».

Не многим отличную от этой картину рисует нам и социал-демократический деятель Лебе, председатель германского рейхстага.

«Государство,—пишет он,—как к этому ни относиться, положительно или отрицательно, стало с и л о ю в е щ е й г о с у д а р с т в о м х о з я й с т в а и с о ц и а л ь н ы м г о с у д а р с т в о м (Wirtschafsstaat und Sozialstaat). Оно—разумеется, всегда только в определенных границах — заботится о беременной матери и новорожденном ребенке, оно не только понуждает подрастающие поколения к посещению школ, но и контролирует их здоровье, поощряет их физические упражнения и их игры. Оно берет на себя часть их профессионального воспитания не только на роли будущих чиновников и ученых, но и ремесленников, крестьян и рабочих. Оно регулирует страхование больных, инвалидов, потерпевших от несчастных случаев, стариков, оно в некоторых пределах обеспечивает безработных. Оно вмешивается в конфликты о зарплате, посредничает между сторонами, понуждает их обратно к работе или к открытию фабрик. Оно воздействует на ввоз и вывоз, покровительствует картелям или наблюдает за ними. Оно берет на себя заботу о миллионах пострадавших во время войны, о возмещении убытков беглецам и изгнанникам. От колыбели до гробовой доски рука государства вмешивается в частные дела индивидов и групп в степени, никогда раньше не бывалой» [1]).

[1]) «Хозяйственное государство» и «социальное государство» («Wirtschaftsstaat» и «Sozialstaat») распространенные термины в германской буржуазной и реформистской литературе.

Каждая из этих картин окрашена по-своему сообразно точке зрения автора, но мелкобуржуазный реформист на этот раз постольку стоит выше поучающего своих современников банкира, что он не боится признать в ы н у ж д е н н о г о характера этого развития в сторону расширения круга функций буржуазного государства.

Но как ни относится к этому развитию буржуазно - реформистский лагерь—положительно, как реформист Лебе, с надеждою на постепенное мирное врастание рабочего класса в это «социальное государство», или отрицательно, как Гольдшмидт, руководитель упомянутого банка (при чем, конечно, гг. Гольдшмидты отрицают только «перерост» тех функций государства, которые не на все 100% отвечают их н е п о с р е д с т в е н н е й ш и м интересам)—а факт тот, что капиталистическое государство, как его единодушно рисуют оба эти различных его столпа, должно было приобрести по степени и всесторонности совершенно небывалое влияние н а в е с ь с к л а д и у р о в е н ь ж и з н и т р у д я щ и х с я, на всю жизнь «индивидов и групп» пролетариата «от колыбели до гробовой доски». Рост сил государственной машины и есть прежде всего—прямо и косвенно—рост ее влияния и воздействия, принуждения и контроля по отношению к миллионным рабочим массам, основной социальной силе и основному производственному фактору нашего времени. Ясно же, что государство, которое расходует колоссально возросшие доли «национального дохода», перекачиваемые в казенные сундуки при помощи послевоенной податной системы, государство, само превратившееся в громаднейшего предпринимателя и во всяком случае нормирующее и регулирующее хозяйственную жизнь в небывалых раньше степенях, государство, связавшееся как нельзя теснее с рентнерским богатством и со всем высокоорганизованным промышленным и банковым капиталом, государство, регулирующее ввоз и вывоз капитала, пользующееся усиленным и разностороннейшим влиянием на развитие денежного рынка и хозяйственной кон'юнктуры, на передвижение золота, капиталов и товаров и т. д. и т. п.,—это государство тем самым а в т о м а т и ч е с к и о б е с п е ч и в а е т с е б е н е в и д а н н о е р а н ь ш е в л и я н и е н а в е с ь у р о в е н ь ж и з н и р а б о ч и х, н а н о р м и р о в а н и е и х д о х о д а, н а в с ю о б с т а н о в к у и х о т н о ш е н и й с о в с е м и д р у г и м и к л а с с а м и о б щ е с т в а. Всякий зигзаг денежной и кредитной политики, тот или иной способ расходования тех колоссальных ресурсов, которыми располагает послевоенное государство, то или иное направление банковской политики, застопорение или, наоборот, поощрение ввоза иностранного капитала в современной подвижной обстановке отражается немедленно и сильнейшим образом на положении трудящихся масс, на темпе кон'юнктуры, на степени безработицы, временно разряжая или сгущая атмосферу междуклассовых отношений и классовой борьбы. Многие из этих явлений (если и не

[1]) P. L ö b e. Die Krise des Parlamentarismus. Nord und Süd. Mai 1928.

все) не составляют отличительного признака послевоенного времени, они существовали и раньше. Но степени влияния неизмеримо увеличились, это влияние государства стало более разносторонним, и вся обстановка, в которой это влияние проявляется, стала несравненно более подвижной, мабильной, придавая более подвижный, более интенсивный характер и всей этой деятельности государства. В этом смысле влияния этого государства на положение трудящихся масс нельзя и сравнивать с предвоенным.

Тут количество явно переходит в качество, и мы смело можем утверждать, что в этом смысле мы имеем пред собою и качественно новое явление, новый этап в развитии империалистического государства, как и всего государственно-монополистического капитализма. И перед войною только педанты и школьные учебники могли строго отличать область т. н. «социальной политики» (т.-е. всей сферы т. н. «рабочего законодательства»), от всей области «хозяйственной политики» капиталистического государства. В наше время грань между этими двумя областями еще более стерлась. Перечисляя все те основные вопросы, которые стояли в порядке дня государства—германского государства—в 1927 г. (реформа оплаты чиновников, вопрос об иностранных займах, вмешательство агента по репарациям, закон об упрощении податной системы и т. д.) и указав на тесную связь всех этих вопросов с «социальными» проблемами, ежегодник, издаваемый верхушечными органами германской тяжелой индустрии приходит к выводу: «Таким образом, мы видим, что вопросы экономической политики и социальной политики все более переходят друг в друга» («immer-mehr ineinander übergehen»)[1]. Гг. Феглеры и Рейши правы: всей системой своей «экономической политики» современное капиталистическое государство воздействует и влияет на все положение трудящихся масс—в гигантском масштабе!

Но этого мало. Новое еще яснее выявляется там, где государство уже не косвенно, не всей системой своих хозяйственных связей и своей политики давит на рабочий класс, а там, где оно непосредственно контролирует и регулирует условия труда, нормирует заработную плату и всю систему дохода трудящихся, где оно непосредственно вмешивается в отношения между трудом и капиталом. И тут круг функций современного государства необычно обогатился, расширился. И в этой области, в сфере прямого, непосредственного воздействия государства на условия существования основной массы современных обществ, многомиллионного пролетариата, произошли коренные изменения. И здесь мировая война, принесшая с собою высшие формы государственного регулирования отношений между трудом и капиталом, не явилась только лишь преходящим, хотя и длительным эпизодом. И здесь — после первого самоуверенного штурма на наследие войны — оказалось, что полного возврата к старому, к предвоенной «норме» уже быть не может. Действие войны и ее основного наследия—глубочайшего потрясения всей капиталистической системы—действие революции и затем реакции и контрреволюции здесь скрестились и переплелись своеобразно. Ниже мы постараемся несколько подробнее расчленить очередные наслоения этих разных исторических факторов.

В итоге получилось государство, вооруженное до зубов, снабженное всеми усовершенствованными средствами бюрократическо - репрессивного, полицейского и военного воздействия на рабочий класс; но вместе с тем, оно оказалось вынужденным принять на себя личину высоко-попечительного

[1]) Wirtschafts-Jahrbuch für d. niederrh.-westfäl. Industriegebiet. 1928. Стр. 54.

государства, патриархально - надклассового или междуклассового, берущего на себя роль «арбитра», посредника между классами; оно оказалось вынужденным значительным образом расширить сферу «социального» законодательства, оно даже пыталось было строить целые системы специальных механизмов для организации «сотрудничества» классов (немецкие «заводские советы», английские т. н. витлеевские комитеты, всякие смешанные, управленческие и судебно-посреднические инстанции и т. п.).

В этом смысле послевоенное государство становится непохоже на довоенное государство «нормальной» империалистической эпохи. Деятельность этого последнего в области «социального» законодательства явно иссякала, что и многократно подчеркивалось марксистской литературой того времени. Заигрывание с рабочими в прежнем стиле, законодательство по «охране» труда уступило в принципе место усилению всякого нажима на рабочий класс, сопряженного с националистской демагогией и питанием верхучешных слое пролетариата крохами от плодов империалистской политики. Некоторое исключение в этом отношении в среде старых капиталистических государств представляла собой лишь Англия, где пришедшие вновь к власти в 1906 году либералы выполняли в этой стране свою последнюю историческую миссию: попытку задержать явно нарастающую социальную бурю при помощи новой волны относительно широкого и смелого социального законодательства. Эта попытка, связанная с именем Ллойд-Джорджа, как известно, стала срываться в самые последние годы до войны, и только война спасла опять на время британский корабль от величайших потрясений, после чего старые, созревшие противоречия были воспроизведены историей в еще расширенном масштабе.

Военное и послевоенное развитие принесло в этом отношении новую полосу. В отличие от предвоенного империализма воюющему и в особенности послевоенному империализму пришлось опять взяться вплотную за то, что называют «социальным законодательством». В этом направлении толкал буржуазное государство новейшего времени целый ряд сильнейших и разнородных обстоятельств: и необходимости войны и страх перед рабочими (колоссально возросший с зарождением российской революции и победою российских большевиков)[1], и вся система военной и послевоенной официальной демагогии, и вулканические сотрясения всей социальной почвы, глубоко взрытой войною, и боязнь конкуренции со стороны более отсталых и молодых стран, которым пытались навязать «условия труда», более близкие к господствующим в «передовых» промышленных странах, и слабость глубоко пошатнувшегося индустриального капитализма, который без поддержки государственных ресурсов оказался неспособным обеспечить рабочему классу уровня жизни, сколько-нибудь близкого к предвоенному уровню, и многое другое. Из всех этих разнородных элементов и родилась новая волна «социального» правотворчества новейшего империалистического государства.

Она-то и дает повод реформистам говорить о наличии некоего «социального государства» (или «социальной республики»), как какой-то особой государственной формации, какой, видимо, не предвидела старая социалистическая доктрина... В представлении реформистов в промежутке между обоими историческими полюсами,—буржуазно-демокра-

[1]) В «социальной» области «вильсонизм» был на 9/10 прямым плодом страха перед большевизмом. Реформисты не сознают или не хотят сознавать того, что многим основным из того, что они считают величайшим «достижением» послевоенной эпохи, они в величайшей степени обязаны именно революционной безудержности российских большевиков!

тической республикой и республикой социалистической,—очутилась какая-то средняя формация. Этой средней формации кладет начало мировая война, величайшая бойня народов. Это происхождение «социального» государства открыто признается реформистской «историографией». Революция (там, где она имела место) чуть было не отклонила в сторону, не нарушила естественного, дальнейшего, постепенного и мирного перерастания этих зародышевых форм в то «социальное государство», которое в более развернутой форме мы наблюдаем-де в настоящее время. Но в особенности профсоюзам (при поддержке умеренных, «разумных» элементов социал-демократической партии) удалось обеспечить этот процесс перерастания, за которым в том же порядке естественного социального процесса должно следовать и перерастание «социального государства» в государство социалистическое. «Социальное государство», конечно, заслуживает «самого положительного отношения» к нему («der höchsten Bejahung») со стороны рабочего класса. Ему обеспечена со стороны пролетариата «бóльшая любовь, чем со стороны какого бы то ни было другого социального слоя» [1]). Современное государство становится, согласно этим представлениям, настоящим носителем исторических интересов, исторической миссии пролетариата, «идеи четвертого сословия». Без того нельзя было бы понять, почему рабочему классу дано побивать рекорд «любви» всех других общественных классов к этому государству. Ясно, что именно тут, именно в этой области, перед нами величайший мыслимый, радикальнейший переворот в отношениях социал-демократии к буржуазному государству.

Фактически же, если говорить об идеологии реформистов, мы имеем тут перед собою только новый, *современный вариант* почтенного, старого «*свободного*» или «*народного государства*» («Freierstaat», «Volksstaat»), о котором полвека назад говорили немецкие социалисты, идеализуя этим простую буржуазно-республиканскую демократию. Влияние мелкобуржуазных партий и их представлений здесь сказывалось совершенно очевидно, и эта идеализация буржуазной демократии и связанная с нею туманно-сентиментальная терминология вызывали, как известно, возмущенные протесты Маркса и Энгельса [2]). Теперь, спустя полвека, после колоссальнейшей военной встряски и крупнейших революционных потрясений, это «свободное» и «народное государство» не только возрождается торжественно из мертвых, но оно к тому же дополнительно, согласно все той же неизбывно мелкобуржуазной терминологии, «наполняется» «социальным содержанием» («mit sozialem Inhalt»). Процесс этого «наполнения» и составляет историческое содержание постепенного перехода от «социального государства» к социалистическому. В невредимый священный сосуд история вливает то то, то другое содержание: то буржуазно-капиталистическое, то — после всяких переходов — просто социалистическое. Буржуазная демократия становится настоящим органом перерастания капитализма в социализм. По самому смыслу «демократии» в этом процессе перерастания участвует и буржуазия (в лице тех или иных ее слоев и партий). Избирательно-парламентский механизм демократического режима буквально *заставляет* буржуазию принимать посильное участие в этом осуществлении — социализма. Социализм — экспроприация экспроприаторов, величайший переворот в истории человечества,—осуществляется в порядке некоторой «революции сверху» по образу и подобию того, как некогда отдельные буржуазные

[1]) Рих. Зейдель пишет в «Arbeit» буквально: «Я нахожу, что *всем нашим поведением мы выказываем готовность окружить это государство такою любовью, к какой, повидимому, едва ли способен в настоящее время какой бы то ни было другой социальный слой*». (Статья п. з. «Staatsverneinung—Staatsbejahung». «Arbeit». Окт. 1926, стр. 633).

[2]) См. их критические замечания по поводу готской программы.

революции осуществлялись в порядке «революций сверху», руками Бисмарков, Тьеров, Дизраэли, Кавуров, но только на сей раз гораздо полнее и вернее...

Вот основная схема представлений, которые кроются в «идее» «социального государства» (и которые достаточно сформулировать «до конца», чтобы пред глазами предстала вся их чудовищность с точки зрения и простой логики!). Вопросом об отношении реформизма, как и об отношении буржуазии, к послевоенному государству (к «социальному государству»), мы надеемся поближе заняться в другом месте. Тогда мы и убедимся, что это отношение у реформистов в области «теории» менее однородно, оформлено, приведено к одному знаменателю, чем на практике, в повседневном «движении» и сопутствующей его газетной «идеологии». Мы убедимся, что, несмотря на весь прогресс сращения реформистского движения с механизмом современного буржуазного государства, у реформистов фактически не имеется системы сколько-нибудь ясных, конкретных и однородных представлений о тенденциях развития этого государства. Рядом с превратившимся уже в ритуал восхвалением формальной демократии, мы услышим и другие нотки, нотки некоторого скептицизма к творческим способностям демократии, мы увидим признаки склонности отодвинуть демократию на некие вторые, дополнительные места, авансцену же очистить для представлений о сословно-корпоративной эволюции государства на основе прочного, так сказать, конститутивного примирения классовых противоречий. Идеи с определенно фашистским душком еще не совсем заметно, но все ощутительнее вкрапливаются в простую апологию демократии. Да иначе и быть не могло, ибо, как мы увидим, «социальное государство» в том виде, в каком оно существует не в воображении реформистов, а в исторической действительности,—является *естественной* почвой для сословно-фашистских идей.

Но каковы бы ни были тактические зигзаги и «теоретические» блуждания реформистов в отношении «социального государства», а общая основная тенденция тут и там выявляется все яснее: это тенденция к максимальному слиянию с послевоенным государством, к сращению с ним всех основных органов организованного пролетариата, тенденция к тому, чтобы в этом государстве устроиться «покомфортабельнее» (как готов формулировать и Отто Бауэр), рассесться в нем попрочнее, потеплее (как формулирует Зеверинг; т.-е. в частности, и коалицию с буржуазными партиями считать не преходящим эпизодом, а, так сказать, *конститутивной, природной формой «социального государства»*). Словом, тенденция, выражающаяся в лозунге: «hinein in den Staat»: проникай, внедряйся в государство. Заходи в здание государства, не как в организацию враждебного класса, а как в свой собственный, семейный дом, окруженный «любовью пролетариата, более чем какого бы то ни было другого социального слоя».

Точка отправления этого лозунга — *всепоглощающая роль современного государства*, как «государства хозяйства» («Wirtschaftsstaat») и как «социального государства», неслыханно возросшее влияние всей колоссальной машины государства, все более сливающегося со всей партийно-политической и профессиональной аппаратурой общественных классов, на всю жизнь пролетариата. На последнем конгрессе германской с.-д. в Киле Гильфердинг это так и формулирует в выражениях, учтиво отмеченных и руководителем боевого «Об'единения германских союзов работодателей» Браувейлером, как «полные мысли и интереса» [1]):

«Я говорил,—слова Гильфердинга,—о растущем взаимопроникновении хозяйства и государства, об их взаимном отношении, становящемся все

[1]) Schriften der Gesellschaft für soziale Reform-Bericht über die Verhandlungen der X Generalversamlung. Jena. 1927. Стр. 160.

более тесным, благодаря организации хозяйства... Я напоминаю вам о господстве государства на денежном рынке... Я напоминаю о вопросах податной политики и торговой политики... Мы пережили в последнее время чрезвычайное повышение цен на зерно, необходимо сделать ясным для масс, что цены на хлеб и мясо, есть не только экономические, но и политические цены, определяемые политическими соотношениями сил...

Но что важнее и что ново, это — регулирование государства в области, непосредственно касающейся пролетарских судеб, а именно: в области рынка труда. Мы имеем благодаря революции страхование от безработицы. Это обозначает вполне определенное регулирование спроса и предложения на рабочем рынке. Мы имеем, благодаря коллективно-договорному началу и примирительным камерам, политическое регулирование зарплаты и политическое регулирование рабочего дня. Личная судьба рабочих определяется той политикой, которую ведет государство». И т. д.

Именно из этого факта роста старых функций государства в сфере хозяйства и возникновения новых его функций в области, касающейся «личных судеб» каждого пролетария, Гильфердинг и делает вывод о необходимости более тесного приобщения пролетариата к этому новому государству, которого в результате просто не отделишь, не отличишь от всего социально-хозяйственного и партийно-политического механизма современности. «В силу этого,— говорит Гильфердинг,— все партии стали необходимыми составными частями государства в точности так, как правительство и администрация». «Государство — это я», — говорил «король-солнце» Людовик XIV. Государство—это мы—говорит теперь Гильфердинг: мы—т.-е. соц.-дем. партия (конечно, еще вкупе с кое-какими другими партиями); словом, с.-д. и профсоюзы — это некая дробь современного государства, современного «виртшафтсштаата» и «социальштаата».

Но эти обращенные к рабочему классу призывы почувствовать себя органическою составною частью современного государственного целого беспорно никогда не пользовались бы тем относительно значительным успехом, которым они еще пользуются, если бы это государство на самом деле не опутывало своими щупальцами всей жизни современного рабочего класса, «личных судеб» каждого рабочего, как говорит Гильфердинг, «от колыбели до гробовой доски», как говорит Лебе. Этот громадный рост экономических и «социальных» функций государства стал в руках социал-демократии сильнейшим орудием деморализации рабочих масс. Без этого орудия, без этой эволюции современного государства в сторону громадного роста его функций и полномочий, без его сращения и слияния с «хозяйством», социал-демократии—этой представительнице привилегированных слоев пролетариата, всяких социально и политически промежуточных общественных групп—никогда не удалось бы приобрести столь еще относительно прочного и значительного влияния на широкие пролетарские массы.

Свои силы и влияние реформизм строит, так сказать, диалектически, то на «левой» фразе, то лавированием и маневрированием, позой «оппозиции» к современному государству, когда оно слишком явно, слишком вопиюще обнажает свою классовую природу, то, наоборот, систематическим посевом надежд на то, что самим приобщением к этому государству с его всесторонними функциями и полномочиями рабочие массы не только улучшат свои «личные судьбы», но всей системой этих улучшений постепенно придвинут это государство к социализму... При чем, сомнения нет, все развитие толкает социал-демократию все более и все неотвратимее именно в эту сторону—вящшего сращения с современным государством,—все более сокращая для нее амплитуду возможного «лавирования и маневрирования», свободу ее движений.

Это делает для нас вопрос о «социальном государстве», об его исторических корнях, временных итогах и тенденциях развития не только теоретически интересным, но и практически важным. Но что же представляет собой «социальное государство»? Чем отличается оно от буржуазно-капиталистического государства довоенного периода? В чем выразилось усиление «социального правотворчества» современного государства, того «социального правотворчества», которое заглохло в эпоху «нормального», довоенного империализма? Почему это вдруг империализм более поздней, упадочной эпохи, империализм более подкошенный, в смысле хозяйственных ресурсов и возможностей более слабый, стал более «плодотворным» в «социальном» отношении, более щедрым на средства? И куда ведет это как будто неожиданное его развитие?

Без сомнения, по сравнению с прошлым мы имеем тут перед собою разницу не только количественного, но и качественного порядка. В основе явления лежит характернейшее, как увидим, явление неразрывной связи, настоящего «сращения» двух элементов: бесспорного роста всякого «охранительного» законодательства, во-первых, и, во-вторых,—зарождения и развития в основном, исторически новой системы мер и средств, рассчитанных на проведение и обеспечение «сотрудничества классов», «сотрудничества» труда и капитала под верховным патронатом мнимо «надклассового» государства. Новое «социальное» правотворчество капиталистического государства неотделимо от практики и организации «бургфридена».

На самом деле. Мы имеем, с одной стороны, явление в количественном отношении серьезнейшего роста всякого рода законодательства по «охране» труда и в более широком смысле всякого «социального» законодательства, мы наблюдаем по-своему, можно сказать, бурное развитие того, что немцы называют «рабочим правом» или рабочим законодательством. (При чем характерно,—мы это увидим ниже,—это правотворчество в общем не прекращается в периоды реакции, и «чисто» буржуазные правительства тут в общем не отстают от правительств «рабочих партий», или от коалиционных правительств). Государство видит себя вынужденным проводить целую серию мер по «охране» труда, оно признает «в принципе» восьмичасовой рабочий день (не решаясь впоследствии, по крайней мере, в крупнейших странах отменять его без остатка), оно обеспечивает известным категориям рабочих некоторый минимум зарплаты, оно постепенно вводит целую систему страхований, из которых в особенности страхование от безработицы, если мерить довоенной меркой, является на вид весьма «радикальным» нововведением. В связи со всем этим развитием издержки государства по всякого рода «социальным» статьям и относительно и абсолютно вырастают значительно, поглощая более крупные доли государственного бюджета. В частности, пособия для безработных поглощают в послевоенное время миллиардные средства, в не малых частях черпаемые из общегосударственных ресурсов (включая сюда же и ресурсы органов самоуправления). Государство начинает играть совершенно новую роль при обеспечении рабочему классу (в его целом) некоторого минимального уровня жизни. Правда, этот уровень жизни в лучшем случае достигает довоенного уровня. Но если бы отсчитать пособия безработным, больным, инвалидам, вдовам, всяким пенсионерам и т. п., то этот уровень был бы еще значительно ниже. Государ-

ство своими ресурсами в невиданных до сих пор степенях в некотором смысле «восполняет» предпринимателя. «Доход» рабочего класса (в его целом) в других долях, чем до войны, слагается из зарплаты и из всяких «обеспеченных» пособий указанного типа [1]).

Это, с одной стороны. С другой стороны, мы наблюдаем состоящую в неразрывной связи со всем предыдущим «правотворчеством», усиленную, проходящую в исторически новых формах деятельность послевоенного буржуазного государства, направленную на обеспечение «социального мира», «сотрудничества» между трудом и капиталом, устранения или ослабления конфликтов между ними, планомерной и разносторонней кооперации между высшими организациями капитала (сословно-классовыми и частнохозяйственными) и общеклассовыми организациями пролетариата. Этих целей, занимающих все более центральное место во всей политике государства, оно добивается как при помощи чисто-политических средств, так и при помощи специально для этих целей создаваемых временных и постоянных органов, иногда развиваемых и в законодательном порядке в целые системы. Государство поощряет (или даже само созывает) «национальные» конференции рабочих и предпринимателей, создает примирительные камеры с целой градацией инстанций, «промышленные» и «рабочие суды», заводские комитеты и советы, общенациональные «экономические советы», всякие паритетные и смешанные органы с разнороднейшими функциями совещательного, административного, судебного, судебно-арбитражного, самоуправленческого типа и т. п. Словом, оно вступает на путь того, что на языке реформистов именуется прекрасным именем «хозяйственной демократии». Попутно и в качестве основной предпосылки всего этого нового «творчества» оно существенно меняет свое отношение к профсоюзам, не только формально-юридически «признавая» профсоюзы (там, где оно их раньше отказывалось «признавать»), но формально и фактически узаконяя их, как легальное представительство всей массы рабочих, не только управомоченное заключать законно-обязательные (и для неорганизованных) коллективные договоры, но и по закону участвующее в лице делегируемых представителей в разных органах государства или создаваемых государством. Сросшись как нельзя теснее и как никогда раньше, с решающими организациями капитала и все более «внедряя» профессиональные организации рабочих в свой собственный механизм, государство все планомернее способствует организационному контакту организованных в сословия высших сил современного общества под своим скрытым или явным патронатом, как «внеклассового», или «надклассового», посредничающего, покровительственного фактора.

Трудно в сочетании этих двух элементов, слагающихся в систему правотворчества «социального государства» (к этим двум элементам следовало бы присоединить и третий, каким является громадное усиление всего бюрократического, полицейского и военного аппарата принуждения!), не усмотреть некоторых классических признаков бонапартизма или,—более по-современному,—фашизма. «Социальное государство» реформистов, тождественно с «хозяйственным государством» капиталистов и окрашено густо в своеобразный бонапартистско - фашистский оттенок [2]).

[1]) Государство в этом деле в значительной степени является только передаточным механизмом, черпая нужные ему на это средства непосредственно из кармана рабочих при помощи всяких податей, автоматически взимаемых взносов и т. п. и возвращая их тем же рабочим под видом всяких пособий. Но несравненно более крупные, чем до войны, доли зарплаты протекают таким образом через каналы государства, что, опять - таки, в некотором смысле, укрепляет связь между рабочим классом и государственным аппаратом.

[2]) В конце нашей статьи мы остановимся подробнее на вопросе о том, в каком смысле и степени к описываемому развитию применимы термины «бонапартизм» и «фашизм».

«Посредничество» между классами в современном обществе,—в особенности в самых развитых, промышленных странах, — есть, ясное дело, прежде всего «посредничество» между пролетариатом и капиталистической буржуазией. Высокая же организованность этих двух основных классов современного высокоразвитого общества, охватываемых все более монополистическими организациями,—будь то тресты и профессиональные организации предпринимателей или профсоюзы рабочих,—эта высокая организованность решающих классов должна была иметь своим последствием то, что «посредническая» роль государства должна была налагать на него своеобразно сословный «корпоративный» отпечаток. В наше организованное время такая тенденция к сословности должна явиться, можно сказать, автоматическим последствием всякой политики «примирения классов». Ибо в настоящий момент авансцену истории занимают два решающих класса, каковые уже не представляют бесформенной, распыленной массы, но достигли высочайших степеней организованности, в особенности по линии «профессиональных» интересов. Как иногда память умирающего озаряется на момент воспоминанием о всем прошлом и всем современном, так и капиталистическое государство в последнюю фазу своего существования причудливо сочетает элементы далекого сословного средневековья; бонапартизма и буржуазной демократии.

«Чистый» вид развития, сгусток тенденций мы наблюдаем только в странах победоносного фашизма, где запоздалое капиталистическое развитие натолкнулось на особые трудности и где значительные слои деклассированной мелкой буржуазии могли временно выступить, как крупная динамическая сила. В других странах мы имеем еще только дело с противоречивыми во многом тенденциями и намечающимися оттенками.

Но «социальное государство» стоит того, чтобы к нему ближе присмотреться. Тут общими формулами не отделаешься. Когда и как оно возникло, каковы этапы и итоги его развития?

Начнем с вопроса об исторической преемственности.

2. Об исторической преемственности.

Нет точной грани между тем, что внесла в развитие современного буржуазного государства в социальной области война, приведенная реформистами к поражению революция и наступивший после первой революционной (или полуреволюционной встряски) период реакции. Ни один из последних двух периодов уже не был в состоянии целиком порвать с наследием предыдущего или предыдущих, хотя и каждый вносил свою особую струю, свои особые наслоения. Но полный возврат к предвоенному прошлому уже оказывался невозможным. Мировая война в этой области, как и во всех других, обозначала собою не преходящий, хотя бы и длительный и бурный эпизод, а историческую грань, начало новой эпохи. И в сфере «социального» законодательства, государственной нормировки отношений между классами, старый капиталистический мир оказался «out of frame», «вышедшим из рамок», и никакая историческая сила уже неспособна вставить его в эти рамки обратно. Война тут дала, безусловно, новый могучий импульс, и нити от созданного ею развития пронизывают и последующие периоды революции и реакции. Силы контрреволюции (как крупнокапиталистические, так и мелкобуржуазно-реформистские, «спасающие общество от коммунистических рабочих») с первого момента революции с полным сознанием строят свою работу на фундаменте, созданном войною (т.-е. прежде всего на «сотрудничестве» классов).

Где, как в Англии, процесс революционного развития оказался недостаточно сильным, чтобы сразу же расслоить массы, сразу же оттолкнуть сомкнутую фалангу старых лидеров в лагерь сознательной и активной контрреволюции, где они, наоборот, еще проходили через фазу некоторого «радикализма», там все старые лидеры с различьем лишь в оттенках, строили также свою политику и все свои усилья на фундаменте, созданном войною (притом не имевшем здесь столь ярко-одиозной окраски, как в Германии!), стремясь в принципе эти «достижения» военного периода только дальше развить, перетолковать, переработать в «радикальном» направлении. Одно время в страхе перед революцией и в состоянии охватившей их растерянности, предпринимательские круги и коалиционное правительство (вплоть до тепершних Черчиллей и Биркенхедов) следуют за лейбористскими лидерами на этом пути. Поэтому, когда наступает период реакции, в одних странах раньше, в других позже, он уже находит пред собою некоторую амальгаму из «достижений» обоих периодов, военного и революционного. В период реакции буржуазия и ее правительства (отчасти при прямой и косвенной поддержке реформистов) стремятся «abbauen», как говорят немцы, т.-е. расстроить, убрать возможно больше из того относительно «положительного» (с точки зрения интересов рабочего класса), что вместили в себя «достижения» обоих предыдущих периодов (как, например, восьмичасовой рабочий день и т. п.). Но вычеркнуть *все* уже не удается буржуазии, ее органам и сподвижникам. Она всерьез и не пытается этого сделать, по крайней мере в руководящих странах. И это не только потому, что она не задается утопией, не только потому, что страх перед революцией еще полностью ее не оставил, что ни в одной из решающих стран ей не удалось победить, подавить рабочего класса «до конца» (так, как это ей удавалось в предыдущие исторические эпохи, в 48—9 г., в 71 г.). Не только потому, а еще и потому, что в «достижениях» предыдущих периодов (военного и революционного) рядом со всякими неудобными для нее элементами (в роде восьмичасового рабочего дня, системы всяких социальных «обеспечений», страхований и т. п.) имелись весьма ценные, незаменимые для нее (в определенной исторической обстановке) элементы. Это все то, что в области практики и идеологии связано было так или иначе с «сотрудничеством» классов, реализуемым, гарантируемым и символизируемым всякого рода классово-смешанными учреждениями, органами и затеями (всякого рода паритетными органами, согласительными камерами, конференциями «социального мира», и т. п.). Ибо все сплошь развитие всех трех упомянутых периодов (военного, революционного[1]) и периода реакции) было отмечено двумя неразрывными тенденциями: *тенденции к вынужденным «уступкам» пролетариату более или менее неизменно сопутствовала тенденция связать их с системой, с практикой и идеологией сотрудничества классов, посредничества между ними, мнимого удовлетворения их обоюдных, общих интересов, «примирения» труда*

[1]) Конечно, говоря о революционном периоде, мы имеем здесь все время в виду не те цели и тенденции, которые преследовала последовательно-революционная часть пролетариата, его авангард—этот авангард стремился просто к социальной революции, к социалистическому перевороту, — а те цели, которые ставили себе силы контрреволюции, в том числе и ее мелкобуржуазно-реформистские элементы. С победою этих сил в фактическое наследство этого периода вошли их «достижения», ублюдочные и двусмысленные, хотя, конечно, и овеянные духом того бурного времени, которому они были обязаны своим происхождением. В качестве плода незавершенного революционного развития остался, конечно, не социализм и не власть пролетариата, а только всякие бумажные обещания, и рядом с ними сокращенный рабочий день, всякие социальные «обеспечения», страхования, классово-смешанные органы и т. п.

и капитала при условии фактического признания незыблемости основ частнохозяйственного строя. Конечно, эта параллельная тенденция исходила не от революционно-авангардных элементов пролетариата, но исходила как от буржуазии (*всех* ее слоев), так и в той или иной степени и от *всего* реформистского движения. В «достижения» пролетариата как в период войны, так и в послевоенные периоды революции и реакции, буржуазия и реформизм примешивали последовательно элементы «попечительности» государства, якобы стремящегося подняться выше классов, посредничающего между ними, удовлетворяющего их «общие» интересы, обеспечивающего, восстанавливающего и развивающего их «общую» основу, сводящего их вместе в лице их организованных сил. *Элементы* современно-бонапартистского или фашистского развития ведут свое происхождение с самой войны и проходят так или иначе, под действием тех или иных сил и через все последующие периоды.

Нельзя сказать, чтобы и эти элементы социальной патриархальщины, попечительства над организуемыми в сословья современными классами, «посредничества» между ними и т. п. начисто отвечали,—всегда и во всякой обстановке,—интересам крупной буржуазии. Но в определенных исторических условиях, когда необходимо сдерживать и обманывать массы, когда вся экономическая обстановка стала необычно сложной, лабильной и трудной, крупнокапиталистическая буржуазия, пусть и скрепя сердце, мирится с этими необходимостями положения. Поэтому при всех наскоках на «достижения» предыдущих периодов она и с наступлением реакции (т.-е. укрепления своей власти) все же в общем стремится щадить (пусть и со смешанными чувствами), а то даже и развивать дальше все то в этих «достижениях», что представляет собой гарантию «сотрудничества классов» и «мира в промышленности».

Таким образом, некоторую историческую преемственность мы можем констатировать сквозь все три периода при всем их различии. И при всей разнородности привносимых каждым из этих периодов наслоений в итоге все же получается в «социальной» области нечто общее, некоторые, проходящие через все этапы развития тенденции. Для большей ясности и конкретности мы сперва постараемся рассмотреть в исторической очереди, что нового и своеобразного вносил в интересующую нас область каждый из упомянутых трех периодов — война, революция и реакция, — и затем уже попытаемся хотя бы в самой общей форме подытожить результаты всего развития. На всех этапах мы постараемся проследить развитие по обеим вышеуказанным параллельным линиям: т.-е. по линии «уступок» пролетариату и по линии организуемого сверху «сотрудничества» классов. Конечно, это разделение имеет только условное, ограниченное значение, ибо, как уже было сказано выше, обе эти линии развития более или менее неразрывны (разрыв получался только в самые бурные моменты революции, когда реформистским вождям приходилось поневоле несколько запрятать свои бургфриденовские тенденции и когда пролетариат брал «с бою» свое); каждая «уступка» так или иначе окутывалась в практику, организацию и пропаганду сословно-классового сотрудничества, и частенько вся-то «уступка» и сводилась к чисто-демагогическим (хотя и вынужденным) затеям своеобразно «бонапартистского» типа: как, например, созываемым по почину правительств смешанно-классовым конференциям с широчайшей программой «хозяйственной демократии», от которых в результате не оставалось ничего.

Все же ради прозрачности изложения мы будем по возможности рассматривать раздельно развитие по обеим линиям, говоря в одном случае об «уступках», в другом о методах и органах «сотрудничества» классов (т.-е. насаждаемых сверху элементах «бонапартистского» или «фашистского» раз-

вития), и все время, конечно, не упуская из виду условности всех этих избираемых нами для простоты обозначений и различений. Мы будем иллюстрировать наше изложение прежде всего материалом из опыта самых типичных, высокоразвитых промышленных стран, т.-е. Англии и Германии. Затем остановимся вкратце на опыте стран, представляющих своеобразную разновидность, т.-е. Франции и Северо-Американских Соединенных Штатов, и уже после этого сможем перейти к попытке обобщений. Нигде не будем останавливаться на конкретных подробностях (они уже разработаны в громадно разросшейся литературе, в особенности в Англии и в Соединенных Штатах), стремясь из гущи фактов извлечь только общие тенденции развития, важные для обрисовки буржуазного государства нашей переходной эпохи и роли в нем реформистского движения. Наконец, мы здесь целиком оставим в стороне явления роста принудительного, бюрократическо-полицейско-военного аппарата, которые Ленин столь справедливо относил к характернейшим свойствам государства эпохи государственно-монополистического капитализма. Мы здесь будем говорить о других средствах нормировки отношений между классами,—в связи со всей сферой так называемого «рабочего» или «социального» законодательства.

3. Война кладет начало „социальному государству“.

Итак, начнем с войны. Война дала здесь безусловно первый, мощный толчок, образуя бесспорно историческую грань. Все или почти все «новое» в сфере современнейшего «социального» законодательства, чем гордится либеральная или либеральничающая буржуазия (а в наше время всякая буржуазия вынуждена так или иначе «либеральничать») и в унисон с ней реформисты, все здание пресловутого «социального государства» так или иначе нисходит своими фундаментами к мировой бойне. Реформисты,—мы имеем в виду, в частности, германских реформистов,—прекрасно сознают эту историческую преемственность и поныне буквально с благодарностью вспоминают эпоху войны, как родоначальницы «социального государства»! И, когда вспыхивает революция, они сознательно и последовательно стремятся вырастить именно те ростки, которые были засажены гогенцоллернским государством в эпоху войны. Рядом с завоеванием политической «демократии» к этому сводится для них весь смысл революции 1918 г. Все прочее было, с их точки зрения, только плодом «хаоса» и большевистской революционной утопии.

Конечно, не все, что принесла с собою война в области нормировки социальных отношений, заслужило себе непреходящую благодарность реформистов, но даже и самое подлое нововведение, как пресловутый «Закон о вспомогательной службе», закрепостивший рабочий труд, но давший некоторые новые «права» профсоюзам, представляется и поныне реформистам чем-то в роде «победы принципа», как некогда Марксу представлялось победою принципа введение десятичасового рабочего дня. Известный профсоюзный юрист Георг Флато пишет в 1927 г.:

> «Война обозначает поворотный пункт в развитии рабочего права. Государство признает профсоюзы, как призванное представительство всей рабочей массы, и посильно поощряет соответствующую им форму договора,—коллективный договор. В законодательном отношении эта измененная ситуация находит свое выражение в «Законе о вспомогательной службе» от 1916 г., предоставляющем трем основным направлениям в профдвижении исключительное право делегирования своих представителей в образуемые по этому закону паритетные комиссии и вообще привлекающем профсоюзы к существенному участию в проведении этого закона».

Перечислив ряд других «уступок» (образование впервые рабочих комитетов на заводах, работающих на войну, согласительных камер, запрет ночной работы для пекарей и т. п.), Флато продолжает:

> «Законодательство периода революции в начале в быстром темпе продолжает развитие, начавшееся во время войны» [1]). Следует изложение достижений революции.

Таким образом, революция (так, как ее понимают профсоюзные бюрократы) является в некотором смысле простым продолжением войны. И в этом представлении кроется несомненная и немалая доля истины, если принимать во внимание то направление, которое постарались дать революции гг. реформисты.

На самом деле. Вся обстановка, созданная войною, властно побуждала воюющие государства перейти к наивысшим формам вмешательства в отношения между трудом и капиталом с конечною целью обеспечения условий наивысшего напряжения производства. Регулирование условий труда стало неизбежною составною частью регулирования производства. Точно так же, как всякая демагогия в отношении рабочих масс стала неизбежной составной частью всей системы военной демагогии. Тут сразу же выступает в той или иной пропорции сочетание некоторого минимума «уступок» пролетариату с разработкой новых и сложных методов обеспечения «мирного» сотрудничества труда и капитала (как никогда сращенного с государством). Война и кладет начало этому своеобразному дуализму, легшему у основы «социального государства». Очень скоро одна патриотическая идеология, лозунг «спасения отечества», с добавлением всяких аналогичных лозунгов «спасения права, цивилизации» и т. п., оказываются недостаточными. Эти лозунги более общего характера приходится дополнять все растущими дозами социальной идеологии, системой обещаний и намеков на «прочное улучшение отношений между трудом и капиталом» (выражение из доклада так наз. «Комитета Витлея»), на начало «новой эры», прочно обеспечивающей трудящимся массам улучшенные условия жизни. В душнейшей обстановке государственного принуждения, режима «Закона о вспомогательной службе» и «Доры» [2]), отсутствия всяких конституционных свобод, физического и морального террора, закрепощения труда,—рождаются ростки будущей идеологии «хозяйственной демократии». И в этом отношении война опередила революцию (революцию по-реформистски) [3]).

В этом же направлении действовала уже тогда боязнь рабочих. Если в Германии война приносит с собою уменьшение численного состава профсоюзов, который начинает бурно расти только с приходом революции, то, с другой стороны, в Англии этот бурный рост начинается уже с войною, во время которой количество членов профсоюзов удваивается. К этому присоединяется еще и тот факт, что, вопреки первоначальным ожиданиям, после краткого промежуточного периода обнаруживается повсеместно недоста-

[1]) «Grundfragendes Arbeitsrechts». Fünf Vorträge. (Сборник докладов виднейших профсоюзных писателей). Берлин, 1927. Издание АДГБ. Стр. 12—3.

[2]) Привычное сокращение обозначения «Defense of Realm Act» (Д. О. Р. А.), «Закона об обороне Королевства», фактически упразднившего в Англии конституционные гарантии.

[3]) Даже и идеи «национализации» некоторых отраслей национального хозяйства и участия рабочих в управлении этими отраслями получают и у самых «умеренных» реформистов новый импульс под действием войны, как это показывают резолюции бирмингамского конгресса трэд-юнионов в 1916 г.

ток рабочих рук, вызываемый колоссальными потребностями разрушительнейшей войны и неслыханными мобилизациями. «Впервые за многие сотни лет,—констатирует одно лебористское исследование,—спрос на рабочие руки превышал предложение, и пришлось быстро прибегнуть к вмешательству государства, чтобы не допустить использования рабочими преимущества их крепкой позиции» [1]).

Практика государственного вмешательства на основе «социального мира» и всей связанной с этим демагогии сразу же приобретает двойственный, внутренне-противоречивый, «диалектический» характер: она, конечно, навязывается буржуазии высшей силой всей обстановки, буржуазия в принципе предпочитала бы обойтись без всего этого перероста государственного вмешательства в ее «частные» дела, без связанных с этим «уступок» рабочим и двусмысленной и поэтому для нее опасной демагогии. С другой стороны, вся эта «охрана» интересов рабочих со стороны «попечительного» государства и социальная демагогия служат не только целям обмана масс, но и непосредственнейшей их сдержки. Это не только клапан безопасности, это и механическое средство зажима рабочих масс. И в этом еще отношении «достижения» революции (революции—по-реформистски) являются продолжением военных «достижений». Отмеченная внутренняя «диалектика» расцветет со временем во-всю в таких в особенности учреждениях, как немецкий принудительный арбитраж.

Но присмотримся к плодам «социального» творчества бойни народов поближе. И самым реакционным правительствам приходится ради обеспечения себе поддержки профсоюзов и «патриотического» развращения рабочих вступать на путь некоторых дешевеньких «уступок», но получающих в глазах профсоюзных реформистов значение «победы принципа». Вот перечисление этих начальных «уступок» в уже цитированном докладе Флато:

> «В области охраны рабочих война приносит рядом с некоторым временным устранением кое-чего от прошлого и прогресс в виде запрета ночной работы для пекарей, в области социального страхования рядом с приспособлением к условиям войны введение каждонедельных пособий, в области учета и посредничества рабочего труда (Arbeitsnachweis) первые государственные мероприятия, выражающиеся во введении центральных справочных бюро, в области попечительства над безработными начало его отмежевания от попечительства о бедных» (разрядка везде наша) [2]).

Словом, «победа принципа» («первые государственные мероприятия», «начало отмежевания» и т. п.) ознаменована в целом ряде «областей». При чем основная «победа принципа» выражается в том, что кладется начало государственному «обеспечению» безработных. «Индустриальная резервная армия» переводится из разряда официальных пауперов, живущих милостыней, в повышенный разряд «обеспечиваемого» государством сословия! Эти зародышевые блага войны и поныне тщательно и благодарно регистрируются в профсоюзной литературе, предназначаемой для широкой рабочей публики. Историческая преемственность, берущая свое начало от бойни народов, везде неуклонно устанавливается.

В книжечке о профсоюзном движении в Германии, изданной амстердамским интернационалом, в главе, озаглавленной «Социальная политика и военное попечительство», читаем:

[1]) Цитировано у Alama. G. B. Fisher. «Some problems of wages and their regulation in Great Britain since 1918». Лондон. 1926. Стр. 13. Эту, богатую фактическим материалом книгу мы в дальнейшем обильно используем.

[2]) Цитир. сборник. Стр. 12.

> «Профсоюзы немедленно поставили свой богатый социально-политический опыт на услуги военного попечительства. Они использовали свое сотрудничество при постройке и проведении военного попечительства, чтобы охранять рабочих от последствий войны и чтобы рядом с мероприятиями, посвященными этой цели, добиться установления прочных социально-политических учреждений согласно со своими старыми требованиями» (разрядка наша) [1]).

Словом, благодаря «участию» профсоюзов с их «богатым опытом» в «военном попечительстве» мировая война (что за нежная, богом одаренная эпоха!) становится еще и эпохой мирных, но зато «прочных социально-политических» завоеваний, эпохой реализации «старых требований» профсоюзов,—по крайней мере в смысле «победы принципа»... В чем же состоит главное достижение в этой области? Когда в конце 1914 г. в ответ на пред'явленные профсоюзами пожелания гогенцоллернское правительство ограничивается обращением требования к коммунам о проведении «попечительства над безработными»

> «профсоюзы следят за мероприятиями, предпринимаемыми на этом основании коммунами, и когда им пришлось констатировать, что усердие, проявляемое коммунами при этом в лучшем смысле этого слова патриотическом деле, ни в коем случае не могло быть признано удовлетворительным, они продолжали свои старания, чтобы добиться пособий для безработных из государственных средств. И они добились того, что союзное государство в силу постановления Союзного Совета от 1 декабря 1914 г. передало в распоряжение коммунальных органов субвенцию в 200 милл. марок для целей еженедельных военных пособий, как и пособий для безработных».

Словом, почти эпос! Мировой рабочий класс (для которого на всех основных языках издаются публикации амстердамского интернационала) должен и поныне хранить в благодарной памяти эту сумму в 200 милл. марок, ибо она представляет собой то зернышко, из которого впоследствии постепенно выросла гордая система страхования от безработицы, «прочно» реализовавшая далее всего шедшее «старое требование» социал-демократии, коего целью было обеспечить рабочие массы от худшего зла, безработицы,—размеры которой оказались впоследствии грандиозными—и этим «нейтрализовать» нажим «индустриальной резервной армии» на уровень зарплаты. (Мы впоследствии увидим, с какою степенью успеха!)...

Но несравненно более широкие, как и более прочные, хотя сразу и менее заметные нововведения приносит с собою война в области регулирования зарплаты. Тут «новое» отнюдь не всегда имеет характер «уступок» рабочему классу, оно не является продуктом сознательного «творчества» военного государства, отчасти просто проходит мимо него. Между тем, в этой области воюющее государство (и стоящая за ним капиталистическая буржуазия) волею-неволею вступает здесь на скользкий путь. За многое, что получает в этой области начало в военный период, капиталистической буржуазии и ее государству приходится еще спустя много лет довольно жестоко расплачиваться (между прочим, и всеобщей, и горняцкой забастовкой в Англии в 1926 г.). И многое из «идеологии», связанной с практикой регулирования зарплаты тех времен, переходит по наследству в проч-

[1]) Richard Seidel. «Die Gewerkschafsbewegung in Deutschland». Amsterdam. 1927 г. Стр. 83.

ный железный фонд центристско-реформистских течений (как, напр., пресловутая теория т. н. «living wage», т.-е. зарплаты, обеспечивающей «приличную» жизнь).

Но обратимся вкратце к основным фактам. Тут более всего прозрачен и поучителен британский опыт. В Англии гнет военно-полицейско-государственной машины в период войны сказывался все же несколько слабее, чем в совершенно закрепощенной Германии. И рост численного состава профсоюзов здесь не был задержан войною. И фактическая история интересующего нас развития лучше разработана в соответствующей литературе. Но многое из развития, ясно наметившегося в Англии, стало в той или иной степени общим законом и для других стран (в частности и для Германии). Основные тенденции развития можно схематически свести к трем моментам. Первый момент — это совершенно небывалый рост непосредственного вмешательства государства в дело нормирования и регулирования зарплаты. (То, что мы наблюдаем в этой области в настоящее время и есть прямое наследие тех времен). Второй момент—это необычно сильно проявившийся процесс выравнения зарплаты, (а стало быть и уровня жизни) отдельных слоев рабочего класса, на время несколько подкосивший корни рабочей аристократии (создавая в ее рядах почву для временного проявления «левых» настроений!), но одновременно относительно повышая уровень жизни рабочей демократии (с обратным результатом, т. е. несколько облегчая доступ реформизму в эту рабочую среду), в общей же сложности сближая друг с другом различные прослойки пролетариата, сплачивая пролетарскую массу, но и создавая почву для большей амплитуды колебаний между радикальными настроениями и сословно-цеховыми, захватывающими в обоих случаях более широкие массы. Третий момент—это (по крайней мере кажущийся) отрыв зарплаты от положения промышленности, от того, что «промышленность (точнее, та или иная ее отрасль, то или иное предприятие) в состоянии дать», т. е. от степени ее рентабельности. Так как фактически промышленность, питаемая годами неисчерпаемыми государственными заказами, искусственно процветала, и с другой стороны государство по социальным соображениям чувствовало себя вынужденным обеспечивать всем слоям рабочих кое-какой уровень жизни, то практически вопрос о рентабельности просто не ставился. (В худшем случае государство заботилось о том, чтобы этот вопрос не ставился рабочими с целью получения слишком «высоких» ставок). На этой почве и возникла теория «living wage» («жизненной», «достойной» зарплаты и т. п.), причинившая впоследствии с переменой отношений не мало хлопот государству и промышленникам и разработанная в целую утопическую доктрину английскими центристами.

Коснемся вкратце каждого из этих трех моментов в отдельности. Первые два получили более универсальное применение. Что же касается третьего, то ясно, что в Германии с ее нищенскими условиями жизни масс во время войны государство и буржуазия остерегались болтовни о «living wage». (Ее заменял «K.—K.—Brot», неудобос'едобный хлеб с одним и с двумя «К»).

Рост вмешательства государства. Война внесла первоначально большой хаос в методы установления зарплаты в Англии, в которой и до войны коллективные договоры охватывали около 2½ миллионов рабочих. Механизм ставшего необходимым увеличения номинальной зарплаты применялся разнообразный, но в итоге,—пишет Алан Фишер,—«область, охваченная различными методами государственного регулирования, стала столь обширной и значительной, что не будет допущено серьезной ошибки в утверждении, что по всей стране зарплата находилась под контролем государства того или иного типа» [1]). Так или иначе и в том или ином темпе уровень зарплаты повсеместно равнялся по масштабам, установленным официальными органами. «В некоторых случаях, как напр., на железных дорогах, форма коллективных договоров, существовавшая и до войны, была сохранена, но железнодорожный Исполнительный Комитет, с которым теперь приходилось иметь дело профсоюзам, был уже Комитетом Борд оф Тред (т. е. Комитетом при Министерстве. Прим. наше), хотя его членами и состояли директора железнодорожных обществ, и в случае отсутствия согласия окончательное решение принадлежало Борд оф Тред или иногда Военному Кабинету. Горнорабочие были фактически точно так же наемниками государства» [2]).

Очень скоро все регулирование зарплаты, как и весь верховный контроль над производством страны перешел фактически к всемогущему «Комитету по производству» (Committee of Production), возникшему в феврале 1915 г. Уже спустя две недели после своего возникновения Комитет приходит к заключению, что

> «в течение настоящего кризиса (речь, конечно, о войне. Прим. наше) ни предприниматели ни рабочие ни в коем случае не могут допускать, чтобы возникающие между ними разногласия приводили к прекращению работ... В случае возникновения разногласий, которых не удалось бы уладить непосредственно заинтересованным сторонам, ни их представителям, ни путем применения уже существующих схем, вопрос должен переходить к нейтральному («impartial») трибуналу, назначенному правительством его величества для немедленного расследования и доклада правительству на предмет улажения».

Правительство приняло немедленно к исполнению указания Комитета, и этим была положена основа относительно более однообразному, упрощенному и ускоренному регулированию зарплаты, пережившему, как увидим, и период войны. Уже спустя месяц, большинство профсоюзов, связанных с военным производством, берет на себя обязательство не прибегать к забастовкам и пред'являть возникающие спорные вопросы на решение Комитета по производству или другого трибунала. В июле того же года «Закон о военном снаряжении» придает решениям Комитета обязательную силу. Цепь замыкается. И в тех отраслях, которые непосредственно не подчинены законом ведению Комитета по производству и его органов, авторитет Комитета признается сторонами, и развитие норм зарплаты так или иначе приспосабливается к его указаниям. Государственное нормирование зарплаты становится простою составною частью государственного контроля над производством. «Социальная политика» и «хозяйственная политика» сливаются в одно целое под патронатом и руководством всесильного государства, конечно, неразрывно связанного с мощнейшими капиталистическими кругами, но уже тогда далеко не чуждого страха перед рабочими и поэтому выступающего в облачении высшей, об'единяющей, «нейтральной» силы, «примиряющей» противоречивые интересы.

Значение вмешательства государства вырастает еще в результате того, что уже начинает выступать наружу то явление, которое мы ниже осветим подробнее, а именно: государство со своими материальными

---

[1]) Alan G. B. Fisher. «Some problems of wages and their regulation in Gr. Britain since 1918». London. 1926. Стр. 1.

[2]) Там же. Стр. 2.

ресурсами и своим организационным механизмом вынуждено восполнять, заменять предпринимателя для «обеспечения» рабочим определенного уровня жизни, определенной нормы «дохода». Впоследствии это явление выразится в относительно крупном развитии всякого рода страхований и другого типа «пособий», без которых уровень «дохода» рабочего класса в целом и поныне существенно отставал бы и от довоенного уровня. В самый разгар войны выплачиваемый железнодорожникам в Англии так. назыв. «War bonus», т.-е. дополнительная «военная» субвенция к старой зарплате, фактически выплачивается (в виду тяжелого положения частных жел.-дор. компаний) из средств казначейства.

В других странах мы наблюдаем только те или иные варианты в принципе того же развития. Тут явное начало кое-чего нового, не совсем преходящего, а именно: более близкого и непосредственного отношения государственной машины к нормировке зарплаты и вообще всей доли участия рабочего класса в «национальном доходе». «Одно несомненно—заявляло впоследствии, уже после окончания войны, Министерство Восстановления—вопросу о зарплате уже никогда не будет дозволено вернуться к положению, каким оно было десять лет назад, когда государство не имело к нему никакого отношения» [1].

Второе—процесс выравнивания зарплаты отдельных слоев пролетариата: некоторая «уравнительная» тенденция при регулировании зарплаты во время войны была навязана государству как чисто экономическими фактами (громадным спросом на рабочие руки, необходимостью пустить в ход всю имевшуюся в распоряжении рабочую силу и вместе с тем не допустить ни слишком высоких ставок, ни конкуренции между предпринимателями в борьбе за рабочую силу), так и социальными соображениями (необходимостью хоть в минимальной степени поддерживать «патриотический» пыл рабочих), так, наконец, и чисто техническими соображениями, связанными с военной обстановкой (необходимостью действовать при регулировании зарплаты упрощенными и быстро действующими методами). Последнее, т.-е. упрощение методов, выразилось, напр., в том явлении, что становившиеся неизбежными (с понижением ценности денежной единицы) повышения зарплаты получали по преимуществу форму так назыв. «военных бонусов», т.-е. более или менее однообразных прибавок, в результате чего «хуже оплачиваемые категории получали относительно более значительное увеличение, нежели другие категории». Отдельные решения регулирующих инстанций обобщили эту практику в целое своеобразное «учение» [2].

---

[1]) Цитировано у Фишера. Стр. 180. Конечно, «никакое отношение», т.-е. отсутствие всякого отношения, никогда не было фактом в капиталистической природе: капиталистическое государство всегда всем своим весом и механизмом стояло в принципе на стороне предпринимателей и против рабочих во всей системе их взаимных отношений. Дело только в более прямом и непосредственном «отношении» этого государства к нормировке зарплаты и всего дохода рабочего класса.

[2]) В отдельных случаях и при все возобновлявшихся (с ростом падения ценности валюты) повышениях, несоответствие между разными категориями оплачиваемого труда замечательно уменьшалось. Фишер приводит, напр., такой яркий случай из практики железнодорожников: тогда как зарплата отдельных неквалифицированных ж.-д. рабочих поднялась к концу войны с 18 шиллингов до 51, зарплата машинистов скорых поездов поднялась с 48 шилл. до 81; т.-е. превышая раньше зарплату неквалифицированных на 166%, превышала ее в 1918 г. уже только на 60% (стр. 211). Подобных примеров из практики разных стран можно бы привести не мало.

В результате всех этих фактов значительно сократилось расстояние между оплатою мужского и женского труда, квалифицированного и неквалифицированного, оплатою отдельных отраслей индустрии, наконец, значительно сократились локальные различия. Вот те основные четыре линии, в направлении которых наметились тенденции к выравнению. Важнее всего здесь смягчение различий между неквалифицированным и квалифицированным трудом и пробившая себе путь тенденция к коллективным договорам в национальном масштабе.

Широко распространенное мнение о необычайно высоких заработках квалифицированных рабочих сводилось в значительной степени к легенде, покоившейся на «грубом преувеличении», как признают в настоящий момент более беспристрастные наблюдатели [1]). Зато относительное повышение норм оплаты неквалифицированного труда—факт несомненный. Серьезнейшее же во многих отношениях значение приобретает получившая новый импульс тенденция к высвобождению нормировки зарплаты из пут локальной и цеховой замкнутости с переходом к нормировке в едином, общенациональном масштабе. Условия войны и необходимости простых и быстрых решений побуждают правительство, по крайней мере на время, стать на сторону общенациональных соглашений против местных и цеховых. Но это не проходит даром и сказывается в послевоенные годы. В 1920 г. «Национальный Союз Железнодорожников» настаивает на том, что «железные дороги должны рассматриваться, как нераздельное целое», и «Промышленный Трибунал» (Industrial Court) вынужден стать в принципе на сторону Союза против узкоцеховых союзов (Craft Unions), отстаивающих обязательность своих местных договоров. Центральным пунктом громадного конфликта в угольной промышленности весной и летом 1921 г. является этот же вопрос об однородном общенациональном методе повышений или снижений ставок.

Ясно, что это развитие должно было приблизить друг к другу различные слои рабочего класса и в частности подтолкнуть развитие так наз. «индустриальных уний», т.-е. союзов, охватывающих всю промышленность, в ущерб более мелких узкоцеховых союзов, атомизирующих рабочую массу. Ясно также, что упомянутое развитие должно было расширить базу для коллективных договоров, сообщая всем этим новый толчок развитию профсоюзного движения и всей системы отношений между наемным трудом и капиталом (к чему мы в другой связи еще вернемся).

Некоторое выравнение оплаты труда различных категорий рабочих явилось, без сомнения, общеевропейским явлением (конечно, только «некоторое», а далеко не абсолютное) [2]).

В среде воюющих держав исключение составили разве только Соедин. Штаты [3]). В тех же странах, где впоследствии наступило резкое обесценение валюты, инфляция поравняла всех в нищете.

---

[1]) Фишер, стр. 8.

[2]) Общеевропейскими должны были стать и политические последствия этого развития. Оно в целом способствовало внутреннему сплочению рабочего класса, но и усилило амплитуду его колебаний, временно облегчая смену настроений на более широкой массовой основе и временно сдерживая ту внутриклассовую и партийно-политическую диференциацию (расслоение) рабочего класса, которая приобретает более прочные, менее расплывчатые контуры только в позднейшие годы. Указанное развитие, таким образом, быть может, в прошлом замедлило процесс образования, укрепления, отвердения последовательно-революционных пролетарских партий, но в конечном итоге оно только облегчит им охват более широких, безусловно решающих пролетарских масс.

[3]) Отчет германских профсоюзных деятелей об их поездке в С. Штаты приписывает это тому обстоятельству, что в С. Штатах профсоюзы являются исклю-

Показательно, что и диференциация ставок пособий безработным сообразно их прежнему роду занятий и степени квалифицированности только с трудом пробивала себе путь. Итак, например, немецкие профсоюзы только 6 марта 1926 г. при сопротивлении со стороны коммунистов и не без внутренней борьбы в собственных рядах [1]), решились выступить открыто с требованием «градации (пособий) по классам зарплаты».

Отметившаяся более или менее повсеместно (при поддержке профсоюзной бюрократии) реакция против этих «уравнительных» тенденций уже не смогла вернуть полностью прежнего положения ни еще менее устранить тенденцию к переходу к регулированию зарплаты в общенациональных или во всяком случае крупнейших районных масштабах как на основе коллективных договоров, так и арбитражных решений, охватывающих сотни тысяч рабочих.

Переходим к третьему моменту, характеризующему теорию и практику государственного регулирования зарплаты во время войны. Это—формальный разрыв между рентабельностью промышленности и уровнем зарплаты и сопутствующая ему «теория» т. н. «living wage» («жизненной», «разумной», «достойной» и т. п. зарплаты). Мы уже указали выше, что этот формальный «разрыв» (т.-е. мнимое установление зарплаты безотносительно к рентабельности промышленности, а только в применении к некоторому, «разумному» уровню жизни пролетариата) мог наступить только в момент, когда вопрос о рентабельности промышленности практически не стоял, когда промышленность питалась неограниченными военными заказами государства. Промышленность, работавшая на войну, безусловно господствовавшая и превалировавшая в заботах государства, создавала норму, закон и для неохваченных непосредственным военным производством отраслей.

В первый период войны обстановка новых, громадных затруднений, тяжелое финансовое положение, стремление кое-как обуздать безудержную экономическую стихию создало у правительственных органов стремление использовать свои регулирующие функции для недопущения резких повышений зарплаты. К началу второго года войны британское правительство пытается строго ограничить всякое дальнейшее повышение зарплаты уже только «подтягиванием локальных условий там, где это оказалось бы необходимым» (т.-е. некоторым выравниванием зарплаты в отдельных отстающих местах) [2]). Но очень скоро экономическая стихия войны опрокидывает эту чисто консервативную тенденцию. Неудержимо растущие цены, необходимость действовать быстро, не слишком раздражая рабочих и в то же время сдерживая и умеряя их «вожделения» заставляют государство прибегнуть к более простым и «ясным» методам и критериям.

чительно организацией рабочей аристократии, которая одна только могла сполна использовать для себя наступившую с войною повышательную тенденцию на зарплату. В результате,—резюмирует отчет,—«в С. Штатах с 1914 г. наступило не сближение («Zusammenschiebung») различных слоев пролетариата,—как оно произошло в Германии,—но увеличение расстояния между ними» («Auseinanderschiebung»). «Amerikareise deutscher Gewerkschaftsführer». Berlin. 1926 г., стр. 37. Согласно тому же отчету, вопреки распространенному представлению о необычайном благосостоянии всего рабочего класса Америки, около одной трети всего числа рабочих живет в туманном кругу бедноты (стр. 181). Это легко себе представить, если сообразить, что, согласно цензу 1923 г., еще целая половина американских рабочих работала на предприятиях, затрудняющих менее 100 рабочих (Report of the delegation appointed to study industrial conditions in Canada and the United States of America, 1927, ст. 15). Предлагаем также посмотреть сопоставление зарплаты фабричных рабочих с зарплатой «простых рабочих на дорогах» в «Commerce Yearbook» за 1926 г. (1 т., стр. 62). Картина невероятная: даже и номинальная зарплата этих рабочих вышла из войны пониженной против довоенной, тогда как зарплата фабричных рабочих более, чем удвоилась!

[1]) Как это признает профсоюзный «Ежегодник» (Jahrbuch, 1926, des ADGB, стр. 49).

[2]) Labor Research Department. Wages, Prices and Profits. Стр. 12 и след.

Практика более или менее однообразных повышений на основе подвижной скалы в применении к «цене жизни», т.-е. к индексу цен на необходимые товары, пробивает себе широко путь, становится общим правилом при решениях Комитета по производству и его органов. Новый критерий пришел как раз во-время. В рабочих массах уже успело поколебаться доверие к «беспристрастности» государства. Рабочие массы необходимо было успокоить. «С другой стороны, не следует забывать, что фундаментальным свойством рабочего рынка во время войны была нехватка рабочих рук в результате последовательного поглощения военной службой 8 миллионов людей. В жизненных отраслях промышленности эта нехватка повлекла бы к неограниченному повышательному движению (зарплаты), если бы рабочему люду дана была возможность добиваться максимальной цены за свой труд. В этой обстановке и при существовавшем для крупных частей промышленного населения обязательстве—подчиненном патриотической, а то и законной санкции—оставаться на той или иной работе, никакой другой принцип (подразумевается, кроме принципа повышения зарплаты применительно к «цене жизни») не был возможен» [1]).

Таким образом, новый критерий зарплаты имел, по меньшей мере, двойственный смысл и значение. Он действовал на рабочих «успокаивающе», притом «трактуя одинаково различные их категории» (напоминает сэр Джордж Асквит, первый председатель «Комитета по производству»), с другой стороны, сдерживая и обуздывая рабочих. И хотя смысл нового официального критерия сводился прежде всего к применению зарплаты к индексу цен, все же практика однообразных прибавок (о которой не даром в этом контексте напоминает Асквит), натиск снизу и демагогия сверху несколько раздвинули рамки и в особенности понимание нового критерия. Так возник двусмысленный лозунг «living wage» с его вариантами «разумной», «достойной» и т. п. зарплаты. Постепенно сложился софизм, будто государство (и капиталистическое общество) обеспечивает, или обязывается (или даже «обязано») обеспечить рабочим массам «разумный», «достойный» и т. п. уровень жизни. В связи с этим создалось представление, будто жизнь окончательно порвала с освященным всей логикой капиталистического режима и всей традиционной практикой трэд-юнионов принципом устанавливания норм зарплаты в строжайшем применении к тому, что каждая данная отрасль, каждое данное предприятие «способно платить» в данное время и при данной кон'юнктуре. Этот принцип «экономической зарплаты» будто бы уступил место более общему, более однообразному и универсальному принципу обеспечения всякому рабочему и во всякое время «достойного» и «разумного» уровня жизни «независимо» от условий рентабельности. При всей фальши, скрывающейся во всем этом, ясно все же, что военная обстановка толкнула тут капиталистическое государство на скользкий путь. Оно само помогло бросить в массы двусмысленный лозунг, который со временем должен был так или иначе обратиться и против него. «Отношение, установленное между зарплатой и ценой жизни [2]) (cost of living), было, без сомне-

[1]) W. T. Layton. «An Introduction to the Study of Prices». London. 1922. Стр. 141/2.

[2]) Следовало бы, конечно, употреблять выражение «издержками на содержание» Мы употребляем здесь (как в дальнейшем нашем изложении) неправильное выражение, являющееся буквальным переводом, так как оно дает более ясную логическую (как и терминологическую) связь с также буквально непереводимым лозунгом и термином «living wage».

ния, революционным нововведением»—пишет уже не раз цитированный нами Фишер. «Революционным» оно, без сомнения, не было (а было даже и контрреволюционным, поскольку оно ставило себе целью и обуздание «аппетитов» рабочих, как это признает и либерал Лейтон, и сам Фишер), но верно то, что оно не обошлось в дальнейшем без революционных последствий.

Страх перед революцией (подстегнутый победою большевиков в России) побудил впоследствии «теорию» «living wage» включить и в официальное «учение» вильсонизма и даже—обстоятельство уже несколько позабытое—и в доктрину версальского договора. В военно-социальном декалоге, провозглашенном в начале 1918 г. президентом Вильсоном, на созванной им конференции из представителей американских промышленников и Американской федерации труда, было официально прокламировано «право всех рабочих, включая и чернорабочих, на жизненную зарплату» («living wage»). «При определении зарплаты—об'являлось дополнительно—должны быть устанавливаемы минимальные ставки, обеспечивающие рабочему пропитание с его семьей в условиях здоровья и разумного комфорта» [1]). И пресловутый § 427 версальского договора рядом с восьмичасовым рабочим днем и другими пунктами этой капиталистической «декларации прав рабочего» провозглашает принцип «оплаты за нанимаемый труд зарплаты, необходимой для обеспечения разумного уровня жизни». К старым побуждениям присоединилось новое: боязнь сильнейших капиталистических держав промышленной конкуренции со стороны молодых и новых государств с их низкой зарплатой. Эти великолепные начала (как впоследствии фритредерская мораль «манифеста банкиров») предназначались прежде всего на вывоз.

Практика своеобразно толкуемого «living wage» просуществовала в Англии после войны еще приблизительно целых 1½ года. В 1920 г. «Промышленный Трибунал» в одном из своих решений пытается обосновать необходимость разрыва с этой практикой, с переходом на старые изведанные принципы.

> «Во время войны,—рассуждает трибунал,—когда обычные экономические условия были нарушены, или временно приостановлены, цена жизни (cost of living) служила важным фактором при определении зарплаты. В настоящее время, когда рынок опять свободен, трибуналу представляется, что перемены в цене жизни сами по себе не должны неизбежно обусловливать какие бы то ни было изменения в зарплате. Вознаграждение различных слоев рабочих должно, при нормальных обстоятельствах, зависеть от ценности произведенной работы, ценность же произведенной работы зависит от состояния рынка и спроса на фабричное производство» [2]).

Мы видим, это полнейший, циничнейший разрыв с прежней продолжительной двусмысленной практикой и в особенности «теорией». Условия на самом деле резко изменились. В том же 1920 г. начинается колоссальный кризис английской промышленности. Вопрос о «рентабельности» теперь встает остро. Вместо нехватки рабочих рук, получается колоссальная безработица. Но двусмысленная практика военного и первого полуреволюционного периода и связанная с нею гнусная, цинично-обманная демагогия сверху сделали свое. Именно кругом этого противоречия—«экономическая зарплата» (т.-е. зарплата, максимально считающаяся с рентабельностью каждой отрасли и каждого предприятия) и «жизненная плата»—разгорается борьба классов, продолжающаяся и поныне. Ее кульминационным моментом

[1]) См. W. Jett Lauck. «Political and industrial democracy». New-York, 1926, стр. 15.

[2]) «Labour Cazette», март, 1920 г. Цит. у Лейтона. Там же.

является всеобщая забастовка и забастовка горнорабочих 1926 г. Основной лозунг капиталистов, государства и в растущей степени всех реформистских вожаков—требование, обращенное к рабочим: «face the facts!», смотрите в лицо действительности, т.-е. считайтесь с тем, что «промышленность способна дать». Наоборот, основной практический лозунг и инстинктивное стремление масс сохранить, защитить завоеванный, еле-еле достигающий предвоенных норм уровень жизни. Поражением 1926 г. массы расплачиваются за провокационную демагогию капитала и государства времен войны и первого послевоенного периода, но эти массы вместе с тем переступают через тот традиционный и священный предел, какой ставит их экономической борьбе капиталистический режим, т.-е. через принцип рентабельности предприятия. Эти массы, пусть отчасти еще только безотчетно, вступают на путь борьбы с капитализмом, как хозяйственной системой; т.-е. фактически на революционный путь. Это та цена, которую платят буржуазия и ее государство за свою двусмысленную практику и экцессы демагогии военного и революционного периода.

Теперь для нас ясно, откуда черпает свою мудрость британский центризм (а отчасти и новейшая немецкая реформистская «теория»). Лозунг «living wage», который стал центральной, программной концепцией британских «левых» лебористов (в особенности из рядов независимой рабочей партии) и с которым фактически совпадает лозунг «высокой зарплаты» (как предполагаемого выхода из кризиса сбыта), распространенный в немецкой реформистской теории,—этот лозунг ведет свое начало от вильсонизма, от версальского договора, от двусмысленной практики и официальной демагогии эпохи войны и первого революционного периода (отчасти продолженной и в период инфляции, когда «рентабельность» предприятий оставалась также непрозрачной). Но так как центристы, как и простые реформисты, боятся революционных последствий и выводов и, наоборот, на практике всячески желают считаться с «возможностями» индустрии (т.-е. с ее рентабельностью)—в особенности, когда дело становится серьезным, как было в Англии в 1926 г. в период стачки горнорабочих—то свое требование «living wage» (или просто «высокой» зарплаты) они соединяют с программой «реформы» капитализма (практически отнюдь не идущей дальше требований либерального «Меморандума») или с наивными упражнениями в области «теории рынка»: механизм капиталистической промышленности должен быть настолько «реформирован», обновлен и «рационализирован», чтобы восстановить свою способность обеспечивать рабочим «living wage», достаточно «высокую» зарплату. «Высокая» (или «разумная», «достойная» и т. п.) зарплата, создавая в самой стране платежеспособный спрос, и явится-де лучшим выходом из затруднений сбыта для послевоенного капитализма. Таким образом «living wage» становится средством исцеления капитализма. Вместо революционной диалектики получается простая программа «рационализации», одобренная утопической теорией внутреннего рынка [1]).

Таково, заметим в скобках, историческое происхождение самых «смелых» реформистских «идей»: война, вильсонизм, официальная капиталистическая демагогия, инфляция.

Все же основных нововведений и «достижений» войны, перешедших по наследству к позднейшим периодам революции и «стабилизации» и получивших еще дальнейшее развитие и поэтому заслуживающих особого внимания, следует искать не столько в упомянутых двух областях («охранитель-

[1]) Замечательно удачную критику этой «теории» дает Пальм Дэтт в своей книжечке «Socialism and the living wage» (Лондон, 1927. Изд. брит. коммун. партии), которую мы усердно рекомендуем читателю.

ного» законодательства и нормировки зарплаты), сколько и прежде всего в области профсоюзного движения. Война кладет начало целой эволюции реформистских профсоюзов, глубоко видоизменяя всю систему взаимоотношений между этими союзами, представляющими собой самую массовую организацию рабочего класса, и современным капиталистическим государством. Война кладет также начало заводской организации рабочих, подчиняя ее профсоюзам (еще раньше, чем это с сознательно-контрреволюционными целями успели сделать профсоюзы, превратив предварительно революционные Советы в жалкий ублюдок «гарантированных» конституцией «Заводских советов»). Наконец, война кладет начало в известном смысле новому, сословному перерождению профсоюзов, глубоко меняя их прежние функции, обеспечивая им фактический перевес над той же реформистской, но политической организацией рабочих (т.-е. над социал-демократической партией), включая их в общегосударственный механизм, сближая их и с формально несоциалистическими профсоюзами и сводя их с такими же, т.-е. общецеховыми профессионально-сословными организациями предпринимателей и в основном подчиняя профсоюзы контролю последних.

Мы уже склонны забывать о том, что многое, что мы в этой области наблюдаем в настоящее время и что нам представляется чем-то новым и новейшим, ведет свое фактическое непосредственное начало от империалистической войны. Она и здесь явилась «родоначальницей», открыла новую главу истории капиталистического общества.

Воюющее государство начинает с того, что оно «признает» профсоюзы по всей линии, официально и формально. С принятием закона от 26 июня 1916 г. с германских профсоюзов снимается их приравнение к политическим союзам, с чем были связаны всякие стеснения. Но и в более «свободолюбивой» Англии, где профсоюзы были гораздо сильнее укоренены в законе и в обычаях, чем в Германии, окончательное «признание» профсоюзов государством было также отнюдь не лишено практического значения. В некоторых важнейших отраслях промышленности—как на железных дорогах—вопрос о «признании» профсоюзов (как равноправной стороны при заключении договоров) сохранял жгучее значение до самой войны. И здесь должен был наступить перелом. «Необходимость обеспечения доброй воли трэд-юнионистов во время войны на самом деле заставила правительство предпринять меры, усилившие и консолидировавшие позицию всех трэд-юнионов [1]). (Конечно, это «усиление» и «консолидацию» следует понимать только в специфическом смысле).

Но дело не ограничилось одним изменением формально-юридического отношения! Дело пошло несравненно дальше этого. Энгельс писал о том в восьмидесятых годах, как с глубоким изменением всего хозяйственного и политического положения в Англии с 1848 года «трэд-юнионы, еще недавно оглашаемые как дьявольское изобретение, стали теперь предметом ласк («кажолирования») и протекции фабрикантов, как в высшей степени оправдывающие себя учреждения и как полезное средство распространения здоровых экономических учений среди рабочих» [2]). Государству в период мировой войны профсоюзы становятся еще нужнее, чем английским фабрикантам пятидесятых и следующих годов прошлого столетия: оно вынуждено их «кажолировать и протежировать», нуждаясь в них не только для распространения среди рабочих «здоровых экономических (и политических!) учений», но и как в простейшем «полезном средстве» для приведения

[1]) Фишер. Цит. труд. Стр. 62—63.
[2]) Die Laged. «Arbeitenden Klasse in England». Введение к V нем. изд. стр. 17.

в максимально-производительное движение всей огромной машины человеческого труда. Всякое упрощенное и ускоренное регулирование условий труда государством требовало того или иного участия профсоюзов, на этот раз как представительства всего рабочего класса. Государство должно было даже способствовать расширению этого фактического и формального «представительства интересов» и на неорганизованных, т.-е. по сути именно на весь рабочий класс. Профсоюзы и стали не только «признанным» фактором, но и об'ектом «ласк и протекции» государства, убедившегося в «здоровье» распространяемых ими «учений». Государство сводит профсоюзы с организациями предпринимателей, вводит представителей профсоюзов в качестве законного представительства наемного труда во вновь образуемые смешанные, паритетные согласительные учреждения и т. п.

Этим об'ясняется, почему и самые гнусные военные мероприятия, окончательно закрепощающие труд рабочих для целей военного производства, сочетаются с расширением формальных прав и полномочий, с установлением новых функций профсоюзов. Так было, например, с самым подлым и диким измышлением немецкой военщины, так наз. «Законом о вспомогательной службе», законом, который во имя выполнения так наз. «программы Гинденбурга» превращал большинство германских рабочих в военно-мобилизованных. С этим окончательным закрепощением пролетарского труда связан был целый ряд нововведений (как-то: согласительных органов, заводских комиссий и т. п.), в которых и поныне реформистская мысль усматривает «победу принципа», начало «хозяйственной демократии». Во введении к своему новейшему учебнику пишет широко известный знаток германского «рабочего права» Вальтер Каскель (считающийся «классиком» в этих вопросах):

«Решающее преобразование современного рабочего права начинается все же только с «Закона о вспомогательной службе» от 5 декабря 1916 г., с которым вступает в силу новый период развития рабочего права не только потому, что этот закон вводит (для всех соответствующих заводов) комиссии служащих и рабочих, явившиеся предвестниками наших теперешних заводских комитетов, и не только потому, что в этом законе предусмотрены согласительные комиссии, из которых выросли теперешние согласительные комиссии, но прежде всего потому, что закон этот формально признал союзы, предоставив им право делегирования своих представителей в согласительные комиссии, и практически допустил их в широчайшем масштабе к проведению всего закона в жизнь. С этого момента «хозяйственные об'единения работодателей и нанимающихся на работу» (законно-техническое обозначение, которое они тут впервые получают) становятся согласно некоему «неписанному государственному праву»—первоначально в области социально-политического законодательства и управления, а впоследствии и во всех других областях внутренней и внешней политики—решающими факторами нашей общественной жизни» [1]).

Мы видим, худшее и злостнейшее закрепощение рабочих и их подчинение предпринимателям (и их высшим военным целям) вырастает в представлении либерально-профессорской, как и реформистской «историографии» в целую историческую грань, в начало целой эпохи, ибо именно с этим закрепощением исторически-неразрывно связано все новейшее развитие

[1]) W. Kaskel. «Arbeitsrecht». III изд. Берлин. 1928, стр. 8.

профсоюзов, как законно «признанного», внедряемого в государственный механизм, формально уравниваемого с «об'единениями работодателей» «фактора нашей общественной жизни». Но в Англии, как и в Германии, новые функции и новое положение профсоюзов вырастают также в неразрывной связи с основным актом законодательного творчества войны—«Законом о военном снабжении» 1915 г. (Munitions of War act), запрещающим забастовки и практически вводящим для целых категорий рабочих принудительный труд. Все эти нововведения прежде всего глубоко меняют самые функции профсоюзов. Временному ослаблению подвергается даже и практика коллективных договоров, ибо в деле установления условий труда обе стороны, т.-е. и рабочих и предпринимателей, отчасти заменяет теперь государство. «Это обстоятельство,—констатирует Фишер,— неизбежно ведет к ослаблению побуждений к сохранению тесного контакта между рабочими и предпринимателями, который до войны способствовал сокращению расстояния между притязаниями обеих сторон [1]).

Эта формулировка неверна, или верна только отчасти. Верно то, что этот «контакт» между рабочими и предпринимателями получает только другой характер, другое содержание и формы, как восстанавливающаяся впоследствии в расширенном (а не в сокращенном размере) практика колдоговоров меняет также постепенно свой характер. У обеих сторон появляется «посредник» и верховный судья, в лице государства и его новых органов. Из всей практики, всего «тона» деятельности, всего «контакта» профсоюзов с предпринимателями улетучиваются, выветриваются элементы борьбы. Из борющейся (пусть и в скромно-деловых размерах) стороны профсоюзы превращаются в ходатаев, в адвокатов, в стряпчих рабочего класса перед лицом мнимо «третьей» инстанции — капиталистического государства. Забастовки, основное средство борьбы, фактически и по закону исчезают из их практики и кругозора. В отдельных случаях само возникновение профсоюзов, расширение права коалиции на новые слои рабочих и служащих (в государственных предприятиях) обусловливается формальным условием отказа от права на забастовку. Так возникающий в 1916 г. «Немецкий союз железнодорожников» после продолжительных препирательств уже не включает в свой устав упоминание о забастовке и не предусматривает пособий бастующим членам союза, зато требует введения согласительных инстанций. «Контакт» между профсоюзами и предпринимателями отнюдь не прекращается—наоборот. В Германии, именно во время войны возникают постепенно в разных отраслях «Arbeitsgemeinschaften»—«трудовые об'единения» профсоюзов с союзами предпринимателей, из которых и вырастает с началом революции центральная «Arbeitsgemeinschaft» Стиннеса и Легина. Только этот «контакт» существенно меняет свою породу: антагонистический подход к вопросам зарплаты и других условий труда постепенно подменяется возможно «согласованным», совместным подходом к «более широким областям» всего «социального» законодательства и постепенно и всей хозяйственной, а отчасти и просто «всей внутренней и внешней политики». Из борющейся стороны с определенно очерченными задачами профсоюзы постепенно превращаются в некую составную и «признанную» часть государственного и социально-экономического механизма всей буржуазно-капиталистической общественности.

Эта перемена функций влечет за собою (как всегда в живой природе) и структурно-анатомические перемены. Из представительства передовых слоев пролетариата (то «передовых» только в смысле привилегированного положения— аристократической верхушки рабочего класса, то по-настоящему передовых — в политическом отношении) профсоюзы становятся представителями цеховых интересов более широкой (в том числе отчасти и неорганизованной) массы. (Конечно, все это следует понимать «в тенденции», а не буквально).

[1]) Цит. труд. Стр. 2.

Это выражается в двух фактах. В Германии эта тенденция находит себе выражение в характернейшей перемене отношения массы т. н. «свободных» профсоюзов (примыкающих к с.-д. партии) к другим и формально несоциалистическим союзам, т.-е. «христианским» (католическим) и «гирш-дункеровским» (либеральным) профсоюзам. Старая, традиционная грань между этими союзами стирается. Союзы всех этих трех типов входят в растуще близкую связь (что об'ясняется отнюдь не только пробуждением более классовых инстинктов в среде несоциалистических союзов). Союзы эти сближают друг с другом их новые функции. Они действуют вместе, согласованно при заключении новых тарифных договоров, при «подготовке» (под контролем и по почину государства) «попечительного законодательства», в органах «военного попечительства», во вновь возникающих смешанных, заводских комитетах и т. п. Решающую роль играют здесь именно те новые функции, которыми снабжает профсоюзы, «признавшее» их воюющее государство и предприниматели. «Признание профсоюзов государственною властью и предпринимателями, — пишет Рих. Зейдель, — имело своим последствием взаимное признание профсоюзов различных направлений друг другом» [1]). Впоследствии эти профсоюзы всех направлений заключают совместно пресловутую «Arbeitsgemeinschaft»—трудовую общину—с предпринимателями.

Второй факт, второй признак относительности, так сказать, расплывчатости контуров профдвижения — это возникающие «Arbeitsgemeinschaften», где уже заведомо профсоюзы представляют не отдельные слои организованных рабочих, но, наоборот, выступают, как представительство интересов всей массы рабочих. Много позднее глубокое недовольство рабочих кладет конец этим об'единениям труда и капитала (к несомненному сожалению многих профсоюзных бюрократов). Но фактически они исчезают только формально. «Трудовая общность» между предпринимательскими об'единениями и профсоюзной верхушкой, сплошь и рядом весьма интимная (и даже тем более интимная, чем менее формальная), продолжается, и многие идеологи профсоюзов открыто мечтают о восстановлении этой «трудовой общности» только лишь в более высоких, усовершенствованных «конститутивных» [2]) формах, предполагающих распространение принципа «паритетности» на разные профессиональные органы (торговые палаты и т. п.). Другое явление, сюда же относящееся—это восполнение профсоюзов низовыми органами «заводскими комитетами», охватывающими в тех предприятиях, в которых они возникают, всю массу служащих и рабочих. Законодательство и практика сразу же связывают эти органы с профсоюзами, комитеты фактически становятся добавочными органами профсоюзов.

И тут война кладет первые основы заводской организации. Реформистская «историография» и поныне констатирует с благодарностью, что именно в подлейшем рабовладельческом «Законе о вспомогательной службе» 1916 г. «комитеты рабочих и служащих на заводах, как и согласи-

[1]) Richard Seidel. «D. Gewerkschaftsbewegung in Deutschland». Стр. 96.
[2]) Lothar Erdmann («Zum Problem der Arbeitsgemeinschaft», «Arbeit», октябрь 1926 г., стр. 648) говорит об «Institutionelle Arbeitsgemeinschaft».

тельные органы получают впервые свою прочную законную основу»[1]). Революция с ее советами явилась только бурным зигзагом, который осложнил «нормальное» развитие этих гогенцоллернских комитетов к теперешним «завкомам» («Betriebsräte»), точно так же более или менее целиком превращенных в подсобные органы профсоюзов!.. Подытоживая «историческое развитие», пишет и Каскель: «Рядом с организацией на профессиональной основе появляется, наконец, совершенно новая организация на заводской основе»[2]).

Но все это вместе взятое (распространение согласительной процедуры, внедрение профсоюзов в государство в качестве законно признанного представительства всего рабочего класса, «расплывчатость организационных контуров» и т. п.) способствует перерождению профсоюзов в своеобразно-сословную организацию на основе представительства цеховых интересов организованной и неорганизованной массы (чему в известной степени способствует и указанное выше некоторое выравнение зарплаты и прочих условий труда различных категорий рабочих). Капиталистическое государство не только вручает профсоюзам право законного представительства и неорганизованных частей пролетариата, мало того, оно в своих же кровных интересах (нуждаясь в профсоюзах «для распространения здоровых учений среди рабочих» и т. п.) готово даже и само стремиться к более полному об'единению рабочих в профсоюзы. В своем первом докладе от 1917 г. образованный в марте 1916 г. британский «Комитет по вопросам об отношениях между работодателями и нанимающимися на работу» (впоследствии широко известный под названием «Комитета Витлейя») приходит к заключению, что

> «существенным условием обеспечения прочно улучшенных отношений между работодателями и наемным трудом является наличность адэкватных организаций со стороны обоих»[3]).

Государство само стремится к возможно полной, «адэкватной» организованности «наемного труда» на сословно-профессиональной основе. Даже и реакционнейшее в социальном отношении государство С. Штатов берется само за создавание в заводах с необ'единенными в профсоюзы массами «заводских комитетов» для целей заключения коллективных договоров. Гомперсовские профсоюзы первоначально восторженно усматривают в этом факте начало «юнионизации» неорганизованных масс правительством[4]).

Это сословное перерождение профсоюзов, становящихся об'ектом «ласк и протекции» государства и предпринимателей, приобретает тем большее значение, что в огромной степени вырастает их удельный вес и значение по сравнению с политическими партиями пролетариата. Из этих двух типов организации рабочего класса именно профсоюзы выступают на авансцену, они в первую голову «кажолируются и протежируются» государством, «внедряются» в его организм и с того момента, после тех или иных зигзагов развития, приобретают безусловно первенствующую роль—в явной или скрытой форме—во всем реформистском рабочем движении[5]).

---

[1]) Зейдель. Цит. труд. Стр. 85.

[2]) «Arbeitsrecht». Стр. 272.

[3]) Survey of industrial relations, стр. 42.

[4]) Поэтому, несмотря на многие перемены, происшедшие с тех пор в С. Штатах, б. глава «Национального Рабочего Бюро» г. Джетт Лаук успел все же вынести из своей практики того времени убеждение, что «рабочие союзы фундаментально необходимы («fundamentally essential») для представительской системы правления» (т.-е. для демократии). «Political and industrial democracy». New-York. 1926. Стр. 91.

[5]) Только профсоюзы в убеждении профсоюзной бюрократии спасают и революцию 1918 г. от полной бесплодности. Профсоюзы перекидывают мост от войны

Вот как рисует процесс этого «сословного» перерождения (берущего в Германии свое начало в особенности с момента «гинденбурговской программы»), одна небезынтересная буржуазная брошюра о «Кризисе профсоюзов», написанная в 1924 г.

> «Для обсуждения и проведения гинденбурговской программы встречаются оба резчайших антипода, военные и профсоюзные лидеры; нередко в формах самой отвратительной интимности...
>
> «Кризис профсоюзов вступает в силу. Профсоюзное движение вырывается из своей естественной «среды», своего окружения в узком и в широком смысле. Громкий шум борьбы кругом него полностью затихает. Оно выплывает на спокойные воды. Оно обеспечено в защищенной гавани, где его качает на своих волнах благоволение народа и властей. Процесс денатурации (вырождения) начинается. Профсоюзные лидеры, вырванные из прежней атмосферы борьбы на многих фронтах, начинают и сами постепенно ощущать, как нечто само собою разумеющееся, то, что профсоюзного секретаря в порядке чего-то явно само собою разумеющегося привлекают ко всем, но буквально же ко всем комиссиям, инстанциям, учреждениям, в качестве «эксперта», в качестве «подходящего человека». Его суждение должно необходимо стать соответствующе «всеоб'емлющим» и «энциклопедичным»...
>
> «На глазах врастают профсоюзы в эту роль доверительных инстанций. Тогда как политические партии отступают по отношению к военным властям полностью на задний план, профсоюзы вовлекаются на все новые позиции»...
>
> Если раньше в разделенной на касты Германии профсоюзы представляли своего рода замкнутый низший социальный слой, но «противопоставлявшийся целому миру», то теперь с переменою отношений «внезапно всяк и каждый стал профсоюзником—от простого подручного и кончая высокими регионами техников, служащих и чиновников»... «Профсоюзником стало необходимо стать, чтобы в хозяйственном отношении не отстать, играть роль в профосоюзах служило подчас вернейшим путем к личной карьере»...[1]).

Кто может спорить о том, что в этой не лишенной чисто буржуйского ехидства «картине вырождения профсоюзов» много верного? В том-то и дело—и все позднейшее развитие показало это воочию,—что современные профсоюзы могут быть только либо революционными профсоюзами—по всему духу и всему направлению своей деятельности,—либо вся логика развития «социального государства» должна их неизбежно толкать к сращению с этим государством и с организованным капиталом. Третьего нет.

В другой статье мы представим дальнейшие этапы и тенденции развития «социального государства»: в период революции и затем в переходное время «относительной стабилизации».

через мутные волны революции к позднейшему «прогрессу» и развитию. «Политическая революция 1918 г.,—пишет известный германский профсоюзный писатель Л. Эрдманн,—только потому могла правотворчески вмешаться в отношения между трудом и капиталом, хозяйством и государством, что рабочее движение создало в капиталистическом обществе силовой центр, к историческим деяниям которого могло примкнуть строительство нового права: профсоюзы». Разрядка везде наша. «Arbeit», октябрь 1926 г., стр. 647.

[1]) Th. Brauer. «Krisis der Gewerkschaften». Jena, 1924 г., стр. 12 и след.

К. Бауман.

Уроки хлебозаготовок.

Важнейшее значение постановления последнего пленума ЦК о хлебозаготовках заключается в первую очередь в том, что оно дает глубокий анализ возникших затруднений на хлебном фронте в разрезе общих задач социалистического строительства. Неправильно было бы об'яснять возникшие трудности в деле хлебозаготовок исключительно нашими просчетами, ошибками нашего планового руководства. Основа этих трудностей лежит гораздо глубже, она коренится в самой структуре и технике нашего сельского хозяйства. «Сельское хозяйство все еще находится на крайне низком уровне, а темп его развития чрезмерно отстает от темпа и развития промышленности» (из пост. пленума ЦК).

Наша страна вступила в полосу реконструкции, мы усиленно осуществляли и должны осуществлять курс на индустриализацию страны. Растут города, развиваются промышленные центры, значительный размах приобретает наше капитальное строительство, выросло и растет народонаселение городов и всей страны (со времени революции оно выросло, по крайней мере, на 10 млн. душ), а урожайность наших полей все еще крайне низка, посевы зерновых культур едва достигают довоенного уровня (95% довоенного). Если валовой сбор хлебов всего лишь на 200—300 млн. пуд. меньше довоенного, то товарность сельского хозяйства потерпела значительное сокращение.

До войны при общем валовом сборе в 5 млрд. пудов хлеба товарная его часть составляла 1.300 млн. пуд., в 1926—27 г. при валовом сборе 4.749 млн. пуд., товарный хлеб исчисляется всего в размере 630 млн. пуд., т.-е. 50% довоенного (данные взяты из брошюры т. Сталина «На хлебном фронте»). Высокая товарность хлеба до войны была основана на чрезмерной эксплоатации огромных масс крестьянства помещиками и капиталистами, на прямом недоедании значительных крестьянских масс. Революция произвела грандиозный сдвиг в перераспределении земель, значительно увеличив землепользование бедняцко-середняцких масс крастьянства, одновременно увеличив их долю в валовой продукции хлеба. Так, если до войны бедняки и середняки производили всего 2.500 млн. пуд. хлеба, то в 1926—27 г. они производили более 4 млрд. пудов. Совершенно ликвидировано производство хлеба помещиками (600 млн. пуд.) и значительно сократилось производство хлаба кулаками (с 1.900 млн. до 617 млн. пуд.).

Благосостояние бедняцко-середняцких масс керстьянства значительно поднялось, крестьянин живет лучше, чем до революции. Но вместе с тем произошло значительное раздробление, распыление сельскохозяйственного производства. Число крестьянских дворов увеличилось с 16 млн. почти до 25 млн. Эта распыленность сельского хозяйства с неизбежной отсюда низкой техникой есть основная причина отсталости нашего сельского хозяйства, ибо мелкое крестьянское хозяйство есть тип наименее выгодного, наименее товарного и наиболее натурального (потребительского) хозяйства.

Из всех отраслей сельского хозяйства наиболее острый криизс переживает зерновое хозяйство, что находится в определенной связи с невыгодностью цен на хлеб в сравнении с другими продуктами сельского хозяйства (животноводства и т. д.), а также с недостаточностью агрикультурных мероприятий, направленных на поднятие мелкого и среднего крестьянского хозяйства.

Итак, «в основе этой отсталости зернового хозяйства и резкого сокращения его товарности (в сравнении с довоенным временем) лежит распыленность, дробность и общий низкий уровень сельскохозяйственного производства, мелкокрестьянский тип зернового производства и связанный с этим полунатуральный характер этого производства» (из резолюции пленума).

В этом заключается основной вывод пленума ЦК, дающий об'яснение затруднениям на хлебном фронте не только этого года, но и прошлых лет, об'ясняющий также резкое сокращение экспорта (до войны 600—700 млн. пуд.) и почти его полное выпадение в этом году.

На ряду с этой о с н о в н о й причиной, являющейся базой возможных затруднений, пленум ЦК указал на ряд специфических причин, обостривших хлебные затруднения в этом году. Эти причины следующие:

«а) Нарушение рыночного равновесия и обострения этого нарушения, благодаря более быстрому росту платежеспособного спроса со стороны крестьян в сравнении с предложением промтоваров, вызванное повышением доходности деревни, в особенности ее зажиточных и кулацких слоев.

б) Неблагоприятное соотношение цен на хлеб в сравнении с ценами на другие продукты сельского хозяйства, что ослабляло стимул к реализации хлебных излишков и чего, однако, не могла изменить партия во второй половине заготовительного года, не вступая в конфликт с маломощными слоями деревни.

в) Ошибки планового руководства, главным образом, по линии своевременного завоза товаров и налогового обложения (низкий налог для имущих слоев деревни).

г) Недостатки заготовительных и партийно-советских организаций (отстутствие единого фронта, отсутствие активности, ставка на самотек).

д) Использование всех этих минусов капиталистическими элементами города и деревни (кулаки, спекулянты) для подрыва хлебозаготовок».

Ряд из этих причин—как, например, неблагоприятное соотношение цен на хлеб, ошибки планового руководства и т. д.,—зависит, бесспорно, от воли пролетарского государства, от его планирования. Мы не можем и не должны быть фаталистами, спокойно наблюдающими ход событий, свершающихся якобы сами собой. От нашей воли, нашего руководства, нашей работы зависит весьма многое. Наша партия—тот авангард, который мобилизует энергию рабочих и крестьянских масс по социалистическому переустройству страны.

Но было бы абсолютно неправильно, ненаучно, искажением марксизма думать, что наше плановое руководство есть альфа и омега событий, что оно целиком и полностью определяет их ход. Наше общество не есть бесклассовое общество, наш социальный строй основан на сотрудничестве двух основных классов—рабочего класса и крестьянства. «Если возникнут серьезные классовые разногласия между этими классами, тогда раскол будет неизбежен. Но в нашем социальном строе не заложены с не-

обходимостью основания такого раскола» (Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 124). Мы должны зорко следить, как учил нас Ленин, за обстоятельствами, из которых может вытечь раскол, всемерно их предупреждать—в этом основная задача ЦК и ЦКК, но значит ли это, что мы можем абсолютно избежать тех или других трений, отдельных разногласий между рабочим классом и крестьянством. Нет, не значит. Раз классы существуют (рабочие и крестьяне), то возникновение тех или других временных противоречий (наприм., по вопросу о ценах) между ними неизбежны, ибо иначе мы скатились бы к теории гармонии классового общества. Но взаимоотношения рабочего класса и крестьянства, не исключающие тех или других временных противоречий, определяются возможностью и наличием союза между рабочим классом и основной бедняцко-середняцкой массой крестьянства, ибо в конечном счете исторические интересы трудящейся массы крестьянства совпадают с борьбой пролетариата за социализм. Пролетариат по отношению ко всей массе трудящихся есть класс освободитель и его временные расхождения с крестьянством по отдельным вопросам, как это показал опыт нашей революции, отнюдь не должны перерастать в «серьезные классовые разногласия», перерастать в обстоятельства, из которых может вытечь раскол этих двух классов. Но ссылка только на вышеприведенную часть цитаты из Ленина недостаточна. Сложность вопроса заключается в том, что в условиях нэпа, когда связь между городом и деревней осуществляется главным образом через рынок, к сотрудничеству этих двух классов—рабочих и крестьян—«допущены на известных условиях и «нэпманы», т.-е. буржуазия». «В последнем счете судьба нашей республики будет зависеть от того—пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст «нэпманам», т.-е. новой буржуазии, раз'единить себя с рабочими, расколоть себя с ними» (Ленин).

Мы допускаем в нашем строе капиталистические элементы на определенных условиях, под контролем пролетарского государства, поскольку в виду существования класса мелких товаропроизводителей эти капиталистические элементы на данной стадии развития советского хозяйства необходимы. При существовании рынка огромная масса хозяйств мелких товаропроизводителей—крестьян и кустарей—неизбежно, «химически» выделяет капиталистические элементы, кулаков, скупщиков, торговцев, мелких промышленников, пополняющих ряды новой буржуазии, смыкающихся с ней. И в то же время на рельсах нэпа, развивая общественный сектор народного хозяйства, в первую очередь крупную промышленность, как базу социализма, опираясь на систему командных высот, пролетарское государство ведет все более успешно наступление на капиталистические элементы. В этом диалектика нэпа. Не может быть никакой речи о «мирном», т.-е. без классовой борьбы, перерастании нэповской России в Россию социалистическую. Нэп есть такая политика пролетарского государства, которая «экономически и политически вполне обеспечивает нам возможность постройки фундамента социалистической экономики» (Ленин). Но это построение социалистической экономики происходит в условиях одновременного использования капиталистических элементов и все большего развертывания наступления на них.

Самый лучший план не может уничтожить неизбежность классовой борьбы в нашей стране с новой буржуазией, с которой смыкается кулацкая верхушка деревни, в свою очередь влияющая на верхушечно-зажиточный слой середняков. Бесспорно, что цепочка от новой буржуазии и кулачества тянется еще дальше—к империалистической буржуазии капиталистических стран. Весьма характерно, что там, где кулачество наиболее политически оформилось, оно выставляет не только чисто местные требования и не только вопросы внутреннего характера, но выдвигает вопросы о пересмотре нашей международной политики, требуя отмены монополии внешней торговли и уступчивости по отношению к Англии и другим капиталистическим хищникам. По мере своего политического оформления—новая буржуазия становится все более сознательным союзником империализма. Развертывание социалистического строительства, работа по переустройству нэповской России в Россию социалистическую бьет все резче по новой буржуазии, по кулачеству—и оно усиливает свое сопротивление делу строительства социализма. «Пленум ЦК заявляет, что развитие социалистических форм хозяйства на основе нэпа ведет не к ослаблению, а к усилению сопротивления (разрядка моя) со стороны капиталистических элементов, при одновременном, еще большем усилении советской власти и ее массовой базы, что не исключает известных колебаний некоторых слоев населения в случае обострения всей обстановки». Этими колебаниями могут быть затронуты в определенных условиях и значительные слои среднего крестьянства и, вообще, мелкобуржуазные слои населения нашей страны, ибо «сила мелкой буржуазии есть сила ее колебаний».

Если самый лучший план не может устранить классовой борьбы в нашей стране, сопротивления со стороны капиталистических элементов, то «ошибки планового руководства и минусы нашей политики повышают степень этого сопротивления, позволяя этим элементам повести за собой колеблющиеся слои мелкой буржуазии в городе и в деревне» (из резолюции пленума ЦК).

Наше плановое руководство имеет огромное значение, наши просчеты и ошибки во много крат могут усилить колебания мелкой буржуазии, ослабляя пролетариат. Но наше плановое руководство—самое лучшее, самое идеальное—не может устранить неизбежность сопротивления капиталистических элементов и связанные с ним колебания тех или других слоев мелкой буржуазии. Так обстоит дело по вопросу о плане, нашем руководстве, его ошибках и просчетах и об'ективных условиях.

Хлебозаготовительная кампания этого года не только вскрыла наши ошибки, но и показала рост сопротивления кулачества политике пролетарского государства. Кулацкий саботаж и сопротивление в этом году были первой открытой вылазкой за время нэпа капиталистических элементов деревни против экономической политики пролетариата. В этом ее социально-классовый урок.

* * *

Из анализа затруднений хлебозаготовок со всей четкостью перед нами встает задача—усиление под'ема сельского хозяйства. Встряска, которую дала в этом году партии хлебозаготовительная кампания, бесспорно, послужит могучим толчком для поворота внимания всей партии к делу поднятия сельского хозяйства. Пленум ЦК со всей резкостью формулировал политическую опасность этого чрезмерного отставания уровня сельскохозяйственного производства: «...крайне низкий уровень сельского хозяйства, особенно его зерновой отрасли, при неизбежности быстрого темпа развития социалистической промышленности, диктуемого всей внутренней и внешней обстановкой, таит в себе опасность разрыва между социалистическим городом и мелкокрестьянской деревней, стало быть, опасность нарушения основного условия социалистического преобразования всего народного хозяйства».

Каковы же пути под'ема сельского хозяйства в первую очередь его зерновой отрасли, намеченные пленумом ЦК? Этих путей три: во-первых, содействие дальнейшему под'ему производительности индивидуального мелкого среднего крестьянского хозяйства; во-вторых, об'единение и пре-

образование мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы; в-третьих, развитие существующих совхозов и постройка новых зерновых совхозов, как «крупных социалистических экономий».

В статьях и речах отдельных товарищей мелькали порой мысли, отрицающие какую бы то ни было возможность дальнейшего под'ема индивидуального, мелкого крестьянского хозяйства. Эти товарищи в своих размышлениях оторвались от земли, от факта наличия 25 млн. мелких крестьянских хозяйств в нашей стране. И ставя ставку только на колхозы и совхозы, в то же время хуля и игнорируя мелкое индивидуальное хозяйство, они вступают на путь своего рода «экономического отзовизма».

Забвение возможности под'ема индивидуального крестьянского хозяйства есть сплошная нелепица, несерьезная глупость. У нас еще преобладает трехполка, во многих районах господствует соха, не применяют минеральных удобрений, сеют неочищенными семенами, не используют в достаточной мере элементарных указаний агрономической науки о ранней вспашке и т. п. Осуществление этих мероприятий, доступных большинству индивидуальных крестьянских хозяйств, подняло бы их урожайность на 20—30%. Индивидуальное крестьянское хозяйство на ближайший период останется еще основной базой сельскохозяйственного производства, и партия должна принять самые энергичные меры по содействию его дальнейшему под'ему.

Но совершенно, вместе с тем, ясно, что этот под'ем индивидуального крестьянского хозяйства будет происходить главным образом и всего успешнее через его кооперирование.

Кооперация есть та найденная форма, которая позволяет в известной мере мелкому хозяйству воспользоваться выгодами крупного хозяйства. Особенно это верно по отношению к маломощным бедняцким хозяйствам. У нас по данным Наркомзема насчитывается до 8 млн. таких маломощных хозяйств, где уровень производительности труда до того низок, что даже содержание лошадей нерентабельно. У нас еще весьма высок % безлошадных крестьянских хозяйств, в ряде районов превышая 30% общего количества хозяйств. Бесспорно, что наши возможности не столь велики, чтобы в короткий срок уничтожить безлошадность, а также безынвентарность всех этих маломощных хозяйств. Да и зачастую предоставление одной лошади в кредит не помогает делу под'ема этих хозяйств.

Точно так же применение более сложных сельскохозяйственных машин, организация переработки сельскохозяйственных продуктов (напр., маслобойные, крахмальные заводы и т. п.) одному хозяйству не по силам. Даже разведение чистосортных семян, улучшенной породы скота и т. п. требует об'единения мелких крестьянских хозяйств в кооперацию. Все это элементарно и бесспорно. И теорией и нашей практикой доказана огромная роль кооперации в деле под'ема индивидуального крестьянского двора. Вот почему, когда перед нами вплотную поставлена задача массового под'ема крестьянских хозяйств, мы, как никогда, должны заострить свое внимание на развитии сельскохозяйственной кооперации во всех ее формах и отраслях. Кооперация может и должна стать той формой, которая действительно содействует массовому под'ему бедняцко-середняцких крестьянских хозяйств, все более, в то же время, обобществляя их отдельные производственные процессы. И пленум ЦК определенно подчеркнул: «Исходя из явной недостаточности результатов вовлечения крестьянских хозяйств в кооперативный оборот, особенно по линии с.-хоз. производственной кооперации, пленум обращает внимание всей партии на решающее значение практического осуществления ленинского кооперативного плана в деле увеличения урожайности и товарности индивидуального крестьянского хозяйства и постепенного вовлечения его в русло социалистического строительства» (разрядка моя).

Кооперация имеет гигантское значение «со стороны перехода к новым порядкам путем возможно более простым легким и доступным для крестьянина» (Ленин).

К сожалению, эту неоднократно повторенную мысль Ленина многие работники из наших аппаратов недооценивают, они охотно ее повторяют, вставляют в резолюции, но не делают зачастую отсюда каких-либо практических выводов. Именно, в системе пролетарской диктатуры кооперация превращается в путь перехода крестьянина к новым, социалистическим порядкам. Конечно, и в кооперации происходит борьба социалистических элементов с капиталистическими, и в ней мы встречаем порой засилье кулачества, и она (кооперация) в отдельных своих звеньях становится рупором мелкобуржуазной стихии. Нужен неослабный контроль партии и пролетарского государства, неустанная и систематическая борьба с капиталистическими извращениями кооперативных организаций. Но у нас нет и не может быть другого массового пути перехода крестьянина к социалистическим порядкам путем наиболее доступным, помимо кооперации. Ленин писал о том, что простой рост кооперации для нас тождественен с ростом социализма. Вот почему нам необходимо направить гораздо больше внимания, средств и сил на развитие дела кооперирования крестьянских масс, содействуя всячески инициативе и самодеятельности кооперированных масс населения по организации новых социалистических ростков, не бюрократизируя партийного руководства и не подменяя контроля пролетарского государства административным приказом и в то же время со всей беспощадностью устраняя капиталистические искажения. Кооперация не есть какое-то ведомство худшего сорта, она должна быть,—если таковой еще не вполне является—действительной организацией действительных масс населения, что представляет гигантский плюс для продвижения нашей страны вперед к социализму.

Пленум ЦК поэтому своевременно подчеркнул это «решающее значение практического осуществления ленинского кооперативного плана».

На ряду с его осуществлением нам необходимо усиленно развить общегосударственные мероприятия, в первую очередь земорганов, по агрикультурному под'ему крестьянского хозяйства — землеустройство, перевод на многополье, замена сох плугами (предполагается по плану Наркомзема произвести ее в 3-летний срок), снабжение машинами, чистосортными семенами, борьба с вредителями, улучшение агрономического обслуживания, увеличение кредитных ассигнований, проведение ирригации, мелиорации, наконец, плановая реорганизация сельского хозяйства целых областей (например, начатая работа по реорганизации ЦЧО, засушливых областей и т. п.).

Нельзя не обратить, далее, самого серьезного внимания на такое мероприятие, как развитие практики контрактации посевов как со стороны государственных органов (Наркомзем, Наркомторг, промышленность), так и кооперативных органов. Эта работа по контрактации посевов, как мы знаем, дала весьма значительные результаты в свеклосеянии и хлопководстве. Теперь она начинает широко применяться и в области зернового производства.

Контрактация вносит не только большую плановость в оборот между городом и деревней (сдача продукции крестьянскими хозяйствами по договорам), но она содействует лучшей организации и под'ему самого производства в крестьянских хозяйствах. Она через предоставление льготного кредита бедноте помогает под'ему в первую очередь маломощных хозяйств, она создает, через об'единение крестьянских хозяйств в производственные кооперативы, базу для развития процессов коллективизации.

Мы имеем уже на практике примеры охвата контрактацией сортовых посевов целых селений, даже районов—и весьма характерно, что в этих селениях и районах происходит более быстрое развитие процессов сотрудничества крестьянских хозяйств (совместная пахота, посев, обмолот), а также рост колхозов.

В последний год мы имеем удачные опыты применения договоров с крестьянскими хозяйствами на обработку их земли машинами (трактором),—например, опыт работы тракторных колонн Шевченковского совхоза. И опять-таки мы здесь приводим в движение целые массивы крестьянских хозяйств, целые селения по нескольку сот дворов переходят на машинную обработку земли, стирая межи, внося все больше элементов превращения своего села в крупное общественное хозяйство.

Массовое кооперирование крестьянского хозяйства есть та мощная база, на которой растет и развивается коллективизация сельского хозяйства. Коллективизацию нельзя мыслить, как нечто готовое, возникающее в законченных формах крупного общественного хозяйства. К колхозам мы относим и коммуны и артели и т-ва по совместной обработке земли. Последние зачастую вырастают на основе об'единения крестьян в машинное т-во, мелиоративное т-во и т. п. простейшие формы производственного кооперирования. Коллективизация есть неотделимая, неразрывная часть кооперативного плана Ленина, коллективизацию нельзя противопоставлять кооперативному плану Ленина, как в свою очередь осуществление кооперативного плана Ленина нельзя противопоставить задаче поднятия индивидуального хозяйства. Обе эти задачи—и поднятие индивидуальных хозяйств и их об'единение в крупные колхозы—нам нужно в своей практической работе сочетать. Но вместе с тем для нас совершенно бесспорно, что радикальный под'ем производительных сил сельского хозяйства может наступить только через переход мелких индивидуальных хозяйств к крупному общественному хозяйству. И наша партия должна высоко держать знамя коллективизации, давая все больше средств и сил для осуществления этой очередной боевой задачи. Тот, кто отодвигает лозунг XV с'езда о коллективизации сельского хозяйства на задний план, тот из революционера, из члена авангарда пролетариата превращается в хвостиста, плетущегося в хвосте развивающихся событий, в хвосте начавшегося движения бедняцко-середняцких масс крестьянства. «Крестьянство несоциалистично по своему положению. Но оно должно стать и обязательно станет на путь социалистического развития, ибо нет и не может быть других путей спасения крестьянства от нищеты и разорения» (Сталин. К вопросам ленинизма, стр. 60). И все большие массы крестьянства, не только бедноты, но и середняков становятся на путь развития колхозного движения. Именно, не только беднота, но и среднее крестьянство. Коллективистское движение мы отнюдь не можем и не должны рассматривать, как движение исключительно бедняцких масс. Беднота является пионером, авангардом, опорой в деле коллективизации. Но по мере роста материальной базы коллективизации, машинной техники, роста сознательности и кооперирования крестьянских масс среднее крестьянство все более переходит на сторону «коммунии», все более активно участвует в колхозном строительстве.

В свою очередь колхозы сами становятся такими очагами культурного и выгодного хозяйства, которые содействуют и все в большей мере должны научиться содействовать под'ему индивидуальных крестьянских хозяйств, ведя их по пути кооперирования и коллективизации. Конечно, еще весьма много болячек в колхозном строительстве, много еще весьма мелких колхозов, невыгодных по своему типу хозяйства, порядочно и лжеколхозов, слаба еще материальная база колхозного движения—и в смысле недостатка машин и финансовых средств, но могучий рост колхозов налицо. Призыв XV с'езда встретил широкий отклик в бедняцко-середняцких массах крестьянства.

Таковы в кратких чертах первые два намеченные пленумом ЦК пути под'ема сельского хозяйства. Одновременно пленум, заслушав особо доклад тов. Калинина, принял в осуществление решений XV с'езда постановление об организации новых совхозов. Он утвердил постановление Политбюро «об организации в продолжение 4—5 лет в РСФСР и на Украине новых крупных совхозов по производству хлеба в районах, где не могут быть задеты новыми совхозами крестьянские «наделы», в расчете на то, чтобы к концу этого срока иметь в них годовое производство товарного хлеба в размере 100 млн. пудов». Уже в этом году приступлено к организации ряда новых совхозов на Кавказе и др. районах с таким расчетом, чтобы в 1929 году иметь 5—7 млн. пудов товарного хлеба. По мысли пленума новые совхозы должны в будущем превратиться в индустриальные центры переработки сельскохозяйственных продуктов окружающего населения и стать мощным рычагом и в деле обобществления крестьянского земледелия. Или, образно выражаясь, крупные совхозы должны стать пролетарским сердцем, организующим крестьянскую периферию. Таким образом, и при разрешении этой задачи мы видим определенную ее связь с делом под'ема крестьянского хозяйства и его переводом в более высокие формы, превращения крестьянина в свободного члена свободной производственной ассоциации.

Каждая из перечисленных задач имеет свои особенности, но все они взаимно увязаны и направлены на поднятие всего сельского хозяйства, в первую очередь его зерновой отрасли. И разрешение этих дополняющих друг друга задач обозначает не только простой под'ем производительных сил сельского хозяйства, но и его социалистическое преобразование. Совхозы и колхозы, а также окрепшие производственно-кооперативные об'единения, как правильно указал тов. Сталин, явятся нашими экономическими опорными пунктами в сельскохозяйственном производстве. Если теперь совхозы и колхозы дают всего каких-либо 40 млн. пуд. товарного хлеба, в то время, как кулацкие хозяйства, производят более 120 млн. пуд. товарного хлеба, занимая своего рода «командную вышку» в нашем распыленном с.-хоз. производстве, то ближайшее пятилетие бесспорно изменит это положение коренным образом. И «командной вышкой» в сельскохозяйственном производстве явятся совхозы и колхозы, при производстве основной массы хлеба все еще в индивидуальных крестьянских хозяйствах, но все более об'единяющихся в кооперацию и идущих по пути коллективизации.

В целях поднятия сельского хозяйства нам нужно также развернуть те отрасли промышленности, которые обслуживают сельскохозяйственное производство. Абсолютно неверно думать, что основной отраслью смычковой промышленности должна остаться текстильная промышленность. Ситец играет еще громадную роль в нашем товарообороте города и деревни. Но сколько мы бы ни давали ситцу, мы этим не поможем под'ему миллионов маломощных хозяйств, требующих для своего под'ема в первую очередь производственной помощи. Без сельскохозяйственных машин и минеральных удобрений (о чем говорится в резолюции пленума ЦК) мы не сможем революционизировать технику сельскохозяйственного производства, добиться решительного перелома в поднятии производительности труда. Химия (напр., производство минеральных удобрений) и металлургия (напр., производство сельскохозяйственных машин) являются теми отраслями смычковой промышленности, которые помогают действительному под'ему производительности труда десятков миллионов людей, занятых в сельском хозяйстве. Развитие этих отраслей у нас, несомненно, отстало. И мы должны бросить значительные средства именно на развитие этих отраслей промышленности, не забывая, конечно, и текстиль. Мы не должны при этом двигаться с медлительной последовательностью, заменяя обязательно соху плугом. Пусть певцы индивидуального хозяйства ставят свою ставку исключительно на плуг. Мы можем и должны переходить ко все большему внедрению в сельское хозяйство сложных, сельскохозяйственных машин — тракторов и сложных молотилок. Именно они сберегают максимально человеческий труд, максимально поднимают его производительность, внося одновременно революцию в сло-

жившиеся косные формы мелкого крестьянского производства. «Гражданин трактор»—вот великий революционер, который ломает межи и об'единяет труд десятков крестьянских мелких хозяйств. Нам нужно смотреть вперед и особенно налечь на производство тракторов, прицепных орудий, сложных молотилок. Конечно, проблема плуга этим не снимается, но не в этом наша коренная установка. Опыт показывает полную возможность при нашем организационном содействии проводить совместную вспашку земли трактором, даже в тех деревнях, где еще вчера копошились на полях с сохой. «Фантазия» Ленина на VIII с'езде партии о 100.000 тракторов, снабженных опытными трактористами, может и должна быть осуществлена в жизни в ближайший период.

Только материальная база машинной техники и электрификации может в массовом масштабе оздоровить быт мелкого земледельца. Тот, кто ставит свою ставку только на текстиль, тот забывает перспективу социалистического строительства.

Вместе с тем, могучее развертывание химии и металлургии позволило бы нам действительно закрепить смычку с деревней. Ленин при переходе к нэпу указывал, что «ни продразверстка, ни продналог, а социалистический продуктообмен». На ситце, соли, керосине, спичках и т. п.—нам социалистического продуктообмена не построить. Рост этой товарной продукции не вызывает соответствующего встречного роста продукции сельского хозяйства, ибо эти товары—потребительские, не имеющие производственного значения в сельском хозяйстве. Рост же продукции минеральных удобрений, сельскохозяйственных машин, электрической энергии одновременно в могучей мере содействует под'ему и социалистическому преобразованию сельского хозяйства. Если бы мы могли на сотни миллионов руб. увеличить продукцию минеральных удобрений и сельхоз. машин, то оборот между городом и деревней стал бы на крепкую основу, мы приблизились бы значительно к осуществлению социалистического продуктообмена между городом и деревней.

* * *

В целях борьбы с кулаком наша партия применила чрезвычайные меры, использовала 107 статью для удара по крупным злостным хлебодержателям и спекулянтам. Эти меры были продиктованы со всей необходимостью сложившейся к январю обстановкой, когда обнаружился дефицит в 128 млн. пуд. хлеба по сравнению с прошлым годом. Стране угрожал общий народнохозяйственный кризис. Практика применения этих мер их оправдала: они дали возможность в основном покрыть выявившийся дефицит хлеба, возможность планомерного снабжения крупных промышленных центров, городов, армии.

Но применение этих мер имело и ряд отрицательных последствий. 107 статья в ряде районов применялась не только к кулаку, но и к середняку. Выбытие Украины и Сев. Кавказа, вследствие гибели озимых, из числа снабжающих районов привело к значительному усилению нажима летом этого года (май—июнь) в остальных районах. Боевой темп работы, большие задания и нажим центра привели к применению со стороны местных работников таких мер, как обход дворов, обыски, закрытие базаров и т. п. Весной и летом при хлебозаготовках были уже задеты страховые запасы середняка, в ряде мест мы переадминистрировали по отношению к середняку. В результате середняк з а к о л е б а л с я в сторону кулака против нас. Бедняк, оказывавший нам серьезнейшую поддержку при проведении хлебозаготовок зимой, не получая в достаточной мере весной и летом от нас хлеба по твердым ценам, порой недоедая, также частично пошел «на поклон» к кулаку. Таким образом, за последний период в деревне произошли социально-политические сдвиги не в нашу пользу, а в пользу кулака.

Кулак укрепил свой тыл, несколько сомкнулся со середняком, подкупил и поставил от себя в зависимость некоторую часть бедноты.

Мы имеем явление, таящее в себе угрозу смычке рабочего класса и бедноты со средним крестьянством, подрыв в известной мере нашей опоры в деревне—бедноты, явление, за которым мы должны зорко следить, ибо оно дает возможность кулаку (новой буржуазии) повести крестьянскую массу за собой. Но было бы явным преувеличением изобразить эту возникшую угрозу союзу рабочих и крестьян, как совершившийся факт разрыва с основной массой крестьянства, сказать, что середняк «повернулся к нам спиной». Мы не только нажимали на середняка, но и оказали ему и бедноте весьма серьезную помощь во время весенней посевной кампании отпуском семян и кредитов. Как в Средне-волжской области поговаривали середняки—«странные люди эти большевики, то забирают во-всю, то дают». Беднота осталась, бесспорно, верной рабочему классу. Движение посевных площадей также показывает, что основная масса крестьянства отнюдь не уперлась в тупик, не впала в беспросветность, а стремится к дальнейшему развитию своего хозяйства. Приведем таблицу, не являющуюся хотя точной, но дающую правильную оценку тенденции.

По материалам кон'юнктурной анкеты размеры посевной площади 1928 г. (разраб. ЦСУ) представляются в следующем виде:

Районы.	Общ. пл. посев. озим. и яров. в 28 г. в % к пл. 1927 г.	Площ. под озим. посев. осенью 27 г. в % к пл. 1926 г.	Пл. под яров. посеян. в 28 г. в пределах яр. кл. в % к пл. 27 г.	Пл. яр. посев. в 28 г. (вкл. и перес.) в % к площади 1927 г.
Укр. ССР	99,4	104,0	95,8	128,3
Сев.-Кав. Край . .	91,6	92,0	91,3	108,4
Ц.-Чер. р-н . . .	100,2	99,1	100,9	105,0
Ср.-Волж. р. . . .	109,7	104,9	112,3	112.4
Нижн.-Волж. район.	101,3	93,1	105,4	105,9

Из этой таблицы ясно видно, что в тех районах, где не было гибели озимых,—как в Средне-Волжском, Нижне-Волжском,—мы имеем общий рост посевной площади, и повсеместно мы имеем рост площади яровых посевов (если включить по Украине и Сев. Кавказу пересев).

Рано, очень рано кричать о происшедшей размычке! Ряд сообщений с мест показывает улучшение положения в деревне за последний период, говорит о том, что тревога середняка несколько улеглась. Архиневерны, явно продиктованы паникой такие предложения, как «назад к XIV с'езду, нужно свернуть наступление на кулака» и т. п. Эти предложения, обозначают отказ от политики партии, принятой на XV с'езде, и в то же время отражают буржуазные тенденции, имеющиеся в нашей стране. И пленум ЦК подчеркнул, что основной классовой установкой партии в деревне должна быть «политика опоры на бедноту, прочного союза с середняком и наступления на кулака». (XV с'езд).

Развертывание наступления на кулака обозначает в первую очередь организацию бедноты и батрачества, как политической опоры в деревне, оно требует оказания серьезнейшей и систематической поддержки под'ему бедняцкого хозяйства. Это наступление на кулака неразрывно связано с развертыванием положительной программы социалистического строительства. Для данного исторического периода осуществление кооперативного плана Ленина, неразрывной частью которого является массовая коллективизация крестьянского хозяйства, есть решающая форма классовой борьбы пролетариата в деревне. Наступление на кулака отнюдь не означает для теперешнего этапа возврат к методам так наз. раскулачивания.

Если неправильны возгласы о необходимости свертывать наступление на кулака, то, с другой стороны, неправильно и истолковывание принятых партией чрезвычайных мер, как длительного курса, или, как это пытается толко-

вать бывшая оппозиция, как восприятие партией троцкистского курса. Чрезвычайные меры носили временный характер. Их роль в данный момент закончена, и пленум ЦК признал необходимым их немедленную ликвидацию. Пленум ЦК отверг как один, так и другой уклон—и тот, который в панике тащит партию назад, и тот, который хочет превратить чрезвычайные меры в длительный курс партии, тем самым угрожая делу союза рабочего класса и основных масс крестьянства.

Признав необходимым ликвидацию чрезвычайных мер, пленум ЦК взял установку на регулирование хлебозаготовительного рынка более гибкими, экономическими методами через повышение цен на хлеб, правильный завоз в хлебозаготовительные районы промтоваров и т. д. Вместе с тем пленум подчеркнул необходимость более правильной организации дела снабжения хлебом и обязательность образования государственного хлебного (продовольственного и семенного) резерва. Хороший урожай этого года с превышением по данным на 1/VII валовой продукции зерновых культур почти на полмиллиарда пуд. против прошлого года дает уверенность, что в предстоящей хлебозаготовительной кампании нам удастся обойтись без каких-либо чрезвычайных мер.

Но непременным условием успешности хлебозаготовок является развертывание массовой политической работы по организации бедняцких и середняцких масс. В прошлой кампании в ряде районов была перегнута палка в сторону администрирования, разговор с крестьянами шел, по выражению одного из местных работников, «густым басом пролетарской диктатуры». Вовлечение крестьянских масс в работу советов, кооперации, даже систематическая работа по организации групп бедноты и усилению их работы—оставались зачастую в тени. Мы не должны забывать и в деревенской работе необходимость решительного проведения лозунга самокритики, участия в государственном строительстве все более могучих пластов трудящегося крестьянства. На деле со всей последовательностью мы должны осуществлять революционную законность, подчиняя ей полностью кулака, защищая бедняка, не обижая середняка. Бесспорно, что союз с середняком должен быть закреплен, ошибки в этом отношении должны быть исправлены. Но это не означает, что мы закрепляем этот союз только на основе уступок среднему крестьянству. Мы можем и должны его закрепить на основе под'ема сельского хозяйства, на основе его социалистической реорганизации. Эта работа по социалистическому переустройству страны в целом, неразрывно связанная с социалистическим преобразованием сельского хозяйства, становится все более понятной широким массам крестьянства. Само крестьянство выделяет могучий слой актива, идущий по пути социалистического строительства, ибо оно (строительство) отвечает коренным историческим интересам крестьянства. Создание экономических опорных пунктов в лице совхозов и колхозов, усиление политической активности и организованности бедноты, при все большем росте влияния командных высот пролетарского государства, дают твердую базу для усиления влияния партии в середняцких массах крестьянства, и, несмотря на отдельные его колебания, несмотря на то, что в отдельных случаях кулак повел на нас контр-атаку, нет сомнения в том, что не капиталистические элементы наступают, а что пролетариат в союзе с бедняком и середняком развивает дальнейшее наступление на кулачество, на новую буржуазию.

Несмотря на выявившиеся значительные трудности, смысл нашего периода заключается в ускорении продвижения страны к социализму. Из области торговли мы переносим все более центр тяжести нашей работы в область производства, мы все более научаемся не только торговать, но и производить. Мы вступили вплотную в полосу реконструкции нашей промышленности и сельского хозяйства, в полосу непосредственного преобразования нашей страны в страну социалистическую.

Б. Сейгель.

Развитие национально-революционного движения и борьба за гегемонию в индийской революции [1]).

1. Начальный период национального движения.

До начала XX столетия английский капитал полностью и безраздельно господствовал во всех областях политической и экономической жизни Индии. Социальной опорой колониального режима был класс землевладельцев и торгово-ростовщическая буржуазия. Первый отчасти был создан ост-индской компанией из представителей торгово-ростовщического капитала за счет экспроприированных феодалов, отчасти был утвержден в своих старых привилегиях. Чтобы обеспечить себе поддержку землевладельцев, английский капитал оставил нетронутой всю докапиталистическую систему эксплоатации индийской деревни, лишь «упорядочив» и нормализовав ее путем подчинения буржуазным законам. Торгово-ростовщическая буржуазия была включена в английский торговый аппарат в стране в качестве его необходимого низшего звена, непосредственно связанного с мелким производителем сырья и потребителем английских товаров. Английский капитал не делил с этими классами политической власти: они не имели никакого голоса в управлении страной. Английский капитал умело использовывал расчленение туземного общества на множество социально-замкнутых кастовых и религиозных групп, а также наличие в стране многочисленных феодальных и полуфеодальных государственных образований (так наз. native states), чтобы удержать свое господство над колонией. Со стороны туземных феодалов, лишенных политической власти, и обойденной части торговой буржуазии делались попытки сбросить чужеземное иго. Такой крупнейшей попыткой являлось восстание сипаев в 1857 г. Все эти выступления неизменно кончались поражением, ибо в международной обстановке XIX века английский капитализм по сравнению с этими отживающими классами об'ективно еще оставался в Индии носителем прогресса.

Первым буржуазным претендентом на политическую роль в стране явилась туземная интеллигенция, выросшая во второй половине прошлого века. Созданием Индийского Национального Конгресса в 1885 г. она заложила основы национального движения. Но только с возникновением промышленной буржуазии превратилась слабая оппозиция туземной интеллигенции к английскому управлению в действенный фактор индийской политики.

Развитие индийской промышленности началось примерно с конца прошлого столетия. В джутовой и горной промышленности и в плантационном хозяйстве, связанных с экспортом, господствовал английский капитал. Но хлопчатобумажная промышленность, работавшая главным образом на вну-

[1]) В порядке обсуждения.

тренний рынок, стала цитаделью туземной буржуазии. Этим об'ясняется, почему вопрос о таможенной политике стал в центре всех экономических требований национальной буржуазии. Несмотря на все препятствия, чинимые англо-индийским правительством, хлопчатобумажная промышленность быстро развивалась: в 1914 г. на ее долю приходилось 28% всего числа фабрично-заводских рабочих в Индии. Вместе с промышленным ростом страны росли мощь и значение туземной буржуазии и размывались религиозные и кастовые перегородки, расчленявшие индийский народ. Этот процесс ярко сказался как раз накануне войны, когда было достигнуто соглашение между Мусульманской Лигой, организацией мусульманской буржуазии, и Индийским Национальным Конгрессом, представлявшим по преимуществу индусскую буржуазию (1913 г.).

С начавшимся сдвигом в расстановке классовых сил в Индии совпали крупные международные события: победа Японии над царской Россией и русская революция 1905 года. Все это вместе взятое впервые вызвало в начале века широкое движение против наиболее ненавистных сторон колониального режима. Английский империализм не мог уже более игнорировать новые социальные силы в стране. В 1909 г. вводятся реформы Морлей-Минто. Не ослабляя английской монополии на политическую власть, они должны были, по словам представителей английского империализма, «приобщить народ к деятельности правительства». Однако, в качестве «народа» английский империализм тогда приблизил к себе не туземную интеллигенцию и не молодую промышленную буржуазию, ставших носителями национальной идеи, а своих верных союзников—землевладельцев и торговую буржуазию. Из представителей этих классов и было создано большинство в законосовещательных органах. Все же эти бесправные учреждения предоставили некоторый легальный выход и протестам оппозиционных слоев буржуазии.

Реформами Морлей-Минто английский империализм сделал попытку консолидировать свою прежнюю социальную базу в стране. Но экономическая его политика оставалась неизменной. Чтобы удержать свою монополию на индийском рынке, английский капитал создавал искусственные препятствия для развития туземной промышленности (принцип свободы торговли, т.-е. беспошлинное проникновение английских товаров на индийский рынок; акциз на сырье, потреблявшееся туземными фабриками; соответственная валютная политика и фрахтовая политика индийских железных дорог; фабричное законодательство в духе, диктовавшемся интересами английской промышленности и т. д.) и сосредоточил в своих руках внешнюю торговлю страны. Эксплоатация индийских источников сырья осуществлялась при помощи высокого налогового пресса, государственных монополий (на соль, опиум, алкоголь) и непосредственного захвата английским капиталом минеральных богатств страны (нефтеносных и рудоносных земель, угольных копей и т. д.) и земель, наиболее ценных для развития специальных культур. Индийская рабочая сила для английских тропических колоний доставлялась на условиях законтрактованного труда, являющегося модернизированной формой рабства. Экспорт английского капитала в Индию поощрялся путем государственных займов англо-индийского правительства и обеспечения дивидендов английскими железнодорожными компаниями за счет налогов с индийского народа. Перед началом мировой войны Индия по импорту английского капитала стояла наравне с крупнейшими английскими доминионами. Однако, процент государственных займов в общем экспорте английского капитала в Индию был выше, чем в остальных английских владениях. Внеэкономическое принуждение было и вплоть до мировой войны оставалось фундаментом всей экономической системы, созданной английским колониальным режимом в Индии.

Возможности, открывшиеся перед туземной буржуазией в связи с войной, ускорили процесс ее консолидации. Единая программа национальных требований, выработанная совместно Индийским Национальным Конгрессом и Мусульманской Лигой в 1916 году, была весьма умеренна и насквозь оппортунистична. Основными требованиями были: права доминиона, конституционные реформы и фискальная автономия. Но она впервые поставила английский империализм лицом к лицу с единым фронтом национальной буржуазии.

Первые же годы войны сказались катастрофическим ухудшением положения широких слоев населения, в особенности крестьянства. Вздорожание промышленных товаров, падение цен на сельскохозяйственные продукты, рост налогов, запрещение эмиграции, насильственные наборы в армию, рост бюрократически-полицейского произвола усилили недовольство крестьянских масс и привели к стихийным вспышкам в разных частях страны. Крестьянские восстания, имевшие место в Пенджабе, нашли свое отражение в туземной армии, которая рекрутируется преимущественно из этой провинции. При слабости пролетариата классово-сознательная, об'единенная национальная буржуазия об'ективно становилась гегемоном движения. Но она еще не возглавляла его: переход туземной буржуазии на сторону революции в этот критический для английского империализма период (победы Германии на западном фронте, Америка еще не вступила в войну) мог означать конец английского господства над Индией, даже помимо воли самой туземной буржуазии. Чтобы это не случилось, колониальный режим вынужден был купить лойяльность национальной буржуазии, т.-е. пойти ей на уступки в политической и экономической областях. Но если в области политической английский империализм в этот момент отделался неопределенными обещаниями, то к частичному пересмотру своей экономической политики его толкали и его собственные интересы, видоизмененные войной. Необходимость снабжения отдаленных от Англии фронтов в Азии и Африке, разрыв экономических связей между Индией и метрополией и проникновение на индийский рынок иностранных конкурентов (Япония и Соед. Штаты) вынудили английский империализм стать на путь частичного поощрения индийской промышленности и ограждения индийского рынка от опасных соперников. На этот раз английский империализм дешево откупился от революции.

2. Национально-революционное движение под гегемонией буржуазии.

Экономические последствия империалистической бойни сказались в Индии (как и в других странах), с особенно губительной силой после ее окончания. Грандиозность и интенсивность бедствия 1918 г. (голод и эпидемии, вместе унесшие 12 миллионов жизней) были одним из ее результатов. Обнищание широких слоев населения, включая и городскую мелкую буржуазию, росло с катастрофической быстротой. Машина же колониального угнетения (высокие налоги, полицейский произвол и т. д.) продолжала работать, как и во время войны с неослабевающей жестокостью (осадное положение, бойня в Амрицаре). Послевоенный кризис капитализма во всем мире, борьба турецкого народа за освобождение и в особенности великая Октябрьская революция оказали огромное влияние на ход событий в Индии. В этих условиях процесс революционизирования масс мог только усилиться. Демобилизованная армия внесла дополнительный фермент в индийскую деревню. В 1918 году вспыхнули первые забастовки.

Непосредственным руководителем и организатором начавшегося революционного движения стала мелкобуржуазная интеллигенция в лице

Индийского Национального Конгресса. Ганди, вождь Конгресса, призвал массы к отказу от уплаты налогов и от сотрудничества с правительством. Но гегемоном движения, его движущей силой была национальная буржуазия. Уступки, полученные ею от английского империализма, укрепили ее положение в стране и показали ей собственную силу. Незначительное повышение таможенных пошлин ее уже не удовлетворяло. Ублюдочные парламентские реформы 1919 г., которые не давали ей никакой реальной власти, она справедливо расценивала, как попытку самого беззастенчивого обмана со стороны английского империализма. Поэтому она встала во главе движения, поскольку оно своим острием было направлено против английского империализма.

Рабочие и крестьянские массы, вступившие на путь революции, очень скоро переступили за рамки, поставленные им туземной буржуазией. Одновременно с нарастанием национально-революционной волны шло неслыханное обострение классовых противоречий внутри стихийно создавшегося национального блока четырех классов—буржуазии, мелкой буржуазии, пролетариата и крестьянства. Число забастовок на туземных предприятиях возрастало. Уже с начала 1921 г. Ганди был вынужден предупреждать рабочих против «насилия» над туземными капиталистами. Но решающим вопросом стал аграрный вопрос.

В Малабаре под дикими формами религиозного фанатизма шла резня помещиков и ростовщиков-индусов крестьянами-мусульманами. В Соединенных Провинциях крестьяне об'единялись в крестьянские союзы, жгли помещичьи усадьбы и требовали раздела земли. Массовые крестьянские восстания во всех концах страны не только против английских чиновников, но и против туземных заминдаров (землевладельцев) поставили аграрный переворот в повестку дня национальной рволюции.

Крестьянское восстание поставило под угрозу существование не только класса туземных феодалов-землевладельцев. Докапиталистическая система эксплоатации деревни, включая владение землей, составляет самое существо, экономическую базу могущественной в Индии торгово-ростовщической буржуазии. Значительная часть индийской интеллигенции тесно связана с отсталыми формами земледержания и, получая большую или меньшую долю земельной ренты, участвует в эксплоатации крестьянства. Что касается туземной промышленной буржуазии, то она в колониях и полуколониях об'ективно менее заинтересована в аграрных преобразованиях, чем в независимых странах. Ибо, поскольку на внутреннем рынке колоний господствуют товары империалистических стран, исключение последних (напр., при помощи высоких таможенных пошлин) оставляет, по крайней мере на более или менее продолжительный период, достаточно широкий простор для экспансии туземной промышленности и без ломки отсталого аграрного строя. Боязнь же, что нападение на одну форму частной собственности на условия труда—земельную, может явиться прелюдией к нападению на другую форму частной собственности—на средства производства, обща буржуазии всех стран. Наконец, и это решающий момент, индийская национальная буржуазия никогда, даже в период высшего под'ема движения, не звала массы к революционному натиску на английский империализм.

Грандиозные классовые конфликты, потрясшие Индию с самого начала движения 1919—22 гг., показали индийской буржуазии, что революционная борьба масс грозит смести не только английское господство, но вместе с ним и всю по-средневековому варварскую систему туземной эксплоатации. Поэтому туземная буржуазия, зовя массы на демонстрации, запрещала действительную борьбу против английского империализма. Поэтому реакционный гандистский лозунг пассивного сопротивления, ненасилия, оставался с начала до конца революционного периода основным лозунгом

Конгресса. Поэтому достаточно было убийства дюжины полицейских толпой возмутившихся крестьян, чтобы туземная буржуазия устами Конгресса потребовала демобилизации масс, отозвала их мелкобуржуазных организаторов и пошла на сделку с английским империализмом. В позорных решениях, принятых в Бардоли (февраль 1922 г.), индийская национальная буржуазия запечатлела не только свой испуг перед аграрной революцией, но и свою полную измену революционной борьбе против колониального гнета.

Англо-индийское правительство кровавыми репрессиями расправилось с восставшими рабочими и крестьянскими массами, дезорганизованными бегством мелкобуржуазных вождей. Через месяц после принятия решений в Бардоли Ганди тоже был упрятан в тюрьму. Дальнейшая эволюция Ганди показала, что это не было местью со стороны английских империалистов. Этим маневром английский империализм спас Ганди от окончательной дискредитации в глазах масс и сохранил его для себя.

Обострение классовой борьбы в городе и нараставший аграрный переворот в деревне сыграли решающую роль в отходе национальной буржуазии от революции. Новые экономические уступки, полученные ею от английского империализма, ускорили этот отход. Почти одновременно с арестом Ганди англо-индийское правительство об'явило о новом повышении таможенных пошлин на хлопчатобумажные товары до 15%. За этим последовали другие протекционные тарифы, субсидии индийской промышленности и ряд других мероприятий (перенесение государственных займов с лондонского на индийский рынок, обеспечение туземной промышленности правительственными заказами, выкуп правительством двух крупнейших железных дорог, ставших таким образом под контроль законодательных органов и т. д.). Все эти уступки постепенно привели к полному замирению туземной буржуазии. Центр тяжести своих оппозиционных выступлений против колониального режима она перенесла в законодательные учреждения. Через партию либералов крупная буржуазия с самого начала проведения реформ 1919 г. сотрудничала в них с правительством. Но партия свараджистов взяла на себя обязанность спасти остатки авторитета Конгресса в глазах его мелкобуржуазных сторонников. Поэтому эта партия более осторожно переходила на сторону империализма. Вначале она вступила в законодательные учреждения с широковещательными лозунгами: добиться ответственного правительства, либо путем обструкции взорвать куций индийский «парламент» изнутри. Спускаясь на тормозах, она к 1926 г. благополучно перешла к «органической» работе: оппозиционной критике правительственных мероприятий, когда они вредили интересам буржуазии и землевладельцев, полному сотрудничеству, когда оно шло на пользу туземным господствующим классам. Некоторым группам буржуазных националистов эта эволюция свараджистов в сторону сотрудничества с английским империализмом казалась все еще недостаточно быстрой. От свараджистов отпочковывались вправо новые партии, не выступавшие, однако, из Конгресса. В настоящее время последний представляет собою конгломерат из многочисленных буржуазных группировок, которые незаметными переходами ведут к министерским портфелям англо-индийского правительства. Корни расхождений этих группировок лежат в парламентских комбинациях, над которыми Конгресс, как организация, совершенно безвластен. Членство Конгресса катастрофически пало: из 10 миллионов членов, которые он насчитывал в 1921 г., в последние годы едва ли осталось больше двух десятков тысяч. В период под'ема движения об'единенная борьба широких слоев населения против английского империализма придушила религиозный антагонизм в стране. После измены буржуазии кровавые конфликты между индусами и мусульманами вспыхнули с новой силой. Все эти факты свидетельствуют о полном разложении буржуазного национального движения в Индии.

3. Положение английского империализма в Индии и наступление на туземную буржуазию.

Послевоенные экономические мероприятия английского империализма в Индии были вынужденной платой за лойяльность туземной буржуазии во время войны и предательство революции после нее. Тем не менее об'ективно они намечали тенденцию к видоизменению старых форм эксплоатации Индии. Они дали мощный толчок развитию индийской промышленности. Возник ряд новых отраслей производства. Рост хлопчатобумажной промышленности во время войны задерживался затруднениями в ввозе текстильных машин. После войны число хлопчатобумажных фабрик стало быстро увеличиваться. Правительственные субсидии стимулировали развитие металлургической индустрии. Компания Тата стала гордостью национальной буржуазии. Помимо расширения своей социальной базы в стране за счет привлечения на свою сторону туземной буржуазии, английский империализм надеялся извлечь из нового положения вещей и ряд выгод для себя. Протекционные тарифы должны были стимулировать экспорт английского капитала в Индию. Индийский импорт по своей структуре чрезвычайно примитивен: на ¾ он состоит из предметов потребления. Неблагоприятный муссон или плохой урожай приводят к резкому и длительному сокращению спроса. Развитие индийской промышленности предполагало усиление ввоза средств производства и создание более стабильного рынка.

Надежды английских империалистов не оправдались. В послевоенные годы английский капитал начинает терять одну за другой свои экономические позиции в Индии. Несмотря на монополию государственной власти и на захват всех командных высот в экономике страны, английский империализм бессилен приостановить экономическое внедрение в Индию более могущественных соперников. Борьба между английским капиталом и другими империалистами (Соед. Штаты, Япония и др.) за рынки сбыта переносится на индийский рынок и из года в год все более обостряется. Доля Англии в индийском ввозе за период 1913—1926 гг. снизилась на 16% и имеет тенденцию к дальнейшему снижению. В конкретной экономической действительности развитие туземной промышленности наносит английской буржуазии еще большие удары: абсолютное падение английского ввоза в Индию еще значительнее снижения его удельного веса. По сравнению с 1913—1914 г. вывоз из Англии в Индию в 1924—1925 г., исчисленный по ценам 1914 г., сократился почти на 40%. С перенесением займов англо-индийского правительства с лондонского рынка на индийский падает и экспорт английского капитала (доля Индии в лондонских заграничных эмиссиях—в предвоенные годы в среднем 8,6%, поднялась в 1922 г. до 26,7%. Она пала до 1% в 1927 г.). Рост английских капиталов в Индии приходится главным образом на банковский и торговый капитал. Доля новых английских инвестиций в индийскую промышленность ничтожна. (За 1913—1924 гг. приблизительно не больше 10%). Зато туземному капиталу удалось проникнуть в ряд отраслей промышленности, которые до войны всецело находились в английских руках (джутовая, чайное производство и др.).

Борьба между английским империализмом и его соперниками (другими капиталистическими странами и туземной буржуазией) за гегемонию на индийском рынке обостряется еще тем обстоятельством, что индийский рынок после войны не только не расширился, но еще более сузился. Это подтверждается сокращением потребления ряда товаров, в особенности хлопчатобумажных. С 1924 г. заметно падение ввоза также и средств производства. Со времени мировой войны емкость внутреннего рынка и индийская промышленность развивались в противоположных направлениях. Это было возможно только потому, что война временно удалила английскую конкуренцию с индийского рынка и тем самым сразу дала широкое поле для экспансии индийской промышленности. Возвращение империалистических конкурентов в Индию после войны означает обострение борьбы за передел *сокращающегося* рынка между всеми соперниками.

Обладание Индией с ее беспредельными экономическими и человеческими ресурсами и до империалистической войны являлось первостепенным источником могущества британского империализма. Во время войны и в послевоенный период значение Индии в системе английской колониальной империи неизмеримо возросло. Экономический кризис английского капитализма, изгнанного из ряда рынков, и тесно связанный с ним политический кризис Британской империи (центробежные тенденции доминионов) усилили роль Индии по линии основных функций колонии (служить рынком для сбыта, источником сырья, ареной приложения капитала). Быстрое экономическое развитие английских тропических колоний обнаружило зависимость их от Индии, как базы снабжения и резервуара рабочей силы. Мировая война во весь рост показала военное значение Индии, во-первых, как поставщика пушечного мяса; во-вторых, мощь ее финансовых ресурсов, могущих быть мобилизованными на помощь английскому империализму в критический момент; в-третьих, важность ее, как базы снабжения для отдаленных от метрополии фронтов. В подготовляющейся войне с СССР выдвигается стратегическая роль Индии, как плацдарма для нападения на Советский Союз.

Растущее значение Индии для английского империализма делает удары, получаемые им в Индии, тем более чувствительными. Английскому империализму удалось купить туземную буржуазию за сходную цену. Но эта плата из года в год все больше растет: в условиях современного кризиса английского империализма он не может больше платить по счетам. За последние два года английский империализм вынужден вернуться к довоенным методам внеэкономического давления, чтобы восстановить свои экономические позиции в Индии. Развал в лагере буржуазного национализма, слабость пролетариата, как самостоятельного политического фактора, общее замирение страны, плюс частичная стабилизация английского капитала в метрополии (поражение всеобщей стачки) и благоприятная международная обстановка (временное поражение китайской революции) облегчили этот возврат. Повышение курса рупии на 12½% против довоенного паритета означает соответственную премию иностранным импортерам и наносит тяжелый удар туземному хлопчатобумажному производству. Начинающаяся замена общих протекционных тарифов предпочтительными тарифами [1]) (сталь) облегчит туземной буржуазии борьбу с неанглийскими конкурентами, но тем более усиливает конкуренцию буржуазии метрополии. Индийское правительство опять возвращается к займам на лондонский рынок и этим поощряет экспорт английского капитала за счет дальнейшего роста государственного долга Индии. Билль о резервном банке представляет попытку подчинить все финансовое хозяйство страны 5 крупнейшим банковским хищникам в Лондоне. В сумме своей все эти мероприятия означают полное банкротство послевоенной политики английского капитала, направленной к соглашению с индийской национальной буржуазией.

Положение английского империализма в Индии и на международной арене, однако, вовсе не таково, чтобы он мог, использовав индийскую буржуазию, просто выбросить ее за борт. Наоборот, надвигающиеся мировые конфликты (обострение противоречий между Англией и Соед. Штатами, подготовка войны с СССР и т. д.) и место, которое займет в них Индия, настоя-

[1]) Preferential tariffs, когда товары одной страны допускаются по более низким пошлинам, чем товары других стран.

тельно диктуют английскому империализму необходимость превращения индийской буржуазии в свое послушное орудие. Начав наступление на завоевания национальной буржуазии, английский империализм вместе с тем пытается создать базу для более прочного и менее убыточного для себя союза с ней. При современном состоянии индийской экономики совместная интенсивная эксплоатация Индии английским и туземным капиталом к обоюдному удовольствию обоих оказалась невозможной. Причина коренится в условиях развития внутреннего индийского рынка. В Индии, где 90% населения живет в деревне, внутренний рынок есть прежде всего крестьянский рынок. Нещадная эксплоатация деревни докапиталистическими методами (высокая арендная плата, высокие налоги, господство ростовщического капитала, обилие торговых посредников между крестьянским хозяйством и рынком) и отсталость всей сельскохозяйственной экономики страны приводит к низкой производительности земледелия, затрудняет накопление производительных капиталов в деревне и вызывает пауперизацию крестьянства. Разрушительное действие всех этих факторов особенно усилилось после войны. В этих условиях проблема расширения внутреннего рынка сводится к вопросу о насаждении капитализма в индийском сельском хозяйстве. Для изыскания путей к разрешению этой задачи в Индию была послана королевская комиссия и даже посажен вице-король, «спец» по земледелию. Шаги, которые уже предприняты англо-индийским правительством, показывают, в каком направлении пойдут его аграрные «реформы». Они отнюдь не коснутся крупной земельной собственности, при помощи которой кучка паразитов-землевладельцев держит под сапогом свыше 60% сельского населения страны. Аграрная программа английского империализма в Индии состоит в постепенном выталкивании крестьянской бедноты с ее надельной полоски и в укрупнении за ее счет кулацких хозяйств. Это—в районе государственного землевладения. В областях помещичьего землевладения ликвидируются права постоянных арендаторов на землю, облегчается налоговое бремя, лежащее на помещиках, и предоставляемыми за счет народных денег льготами поощряется расширение и улучшение помещичьего хозяйства. Таким путем английский империализм пытается насадить капиталистическое земледелие, расширить внутренний рынок, подвести прочную экономическую базу под союз с индийской буржуазией. Этот процесс обезземеливания и пролетаризации миллионов индийского крестьянства потребует десятков лет, чтобы дать ощутительные для сельского хозяйства страны результаты. Английский империализм берет «дальний прицел». Но при этом он считает без тех, которые тоже могут потребовать себ слова в этом вопросе: без крестьянства и пролетариата.

4. Классы и партии.

Землевладельцы.

В Индии насчитывается несколько тысяч (цифры расходятся), феодальных и полуфеодальных государственных образований. Вместе они вмещают одну треть населения страны. Часть из них—большие латифундии, владельцы которых имеют абсолютные права над своими крестьянами. Но среди них есть и крупные государства. Правители туземных государств являются неограниченными монархами по отношению к своим подданным и жалким игрушками в руках приставленных к ним английских резидентов. Между английским империализмом и этими «неограниченными» князьями возникают иногда трения. Но по отношению к национально-революционному движению в Индии у них нет разногласий. Туземные раджи рассматривают даже реформы 1919 года, как неосторожный шаг со стороны английского империализма. Они боятся, что требование ответственного правительства в Индии может вызвать отклик

в их территориях и поставить под угрозу их «права» на грабеж своих подданных. В империалистическую войну туземные правители помогали своим английским хозяевам деньгами и солдатами не только для борьбы на внешних фронтах: они не раз предоставляли свои армии в распоряжение английского империализма для подавления «внутренних врагов»—революционных выступлений крестьян. Туземные феодалы-раджи являются в Индии вооруженным резервом английского империализма, наиболее опасным для революции.

Класс туземных землевладельцев всегда был самым верным и прочным союзником английского империализма в Индии. Влияние этого класса варирует от провинции к провинции, но особенно сильно в районе крупных латифундий—Бенгалии, Северных округах Мадраса, Малабаре, Ауде и Центральных Провинциях В Агре и Бихар и Ориссе преобладают средние землевладельцы. Но даже в районе государственного и крестьянского землевладения (Мадрас, Бомбей и Пенджаб) все растущая концентрация земли в руках представителей торгово-ростовщического капитала привела к образованию нового класса мелких землевладельцев, который об'единяет в себе все худшие черты докапиталистической системы эксплоатации индийской деревни.

Класс туземных землевладельцев в Индии почти целиком состоит из паразитов, получающих земельную ренту, не принимая никакого участия в процессе производства. В районе крупных латифундий он сохранил много феодальных черт. Число помещиков, ведущих капиталистическое хозяйство, ничтожно. Многоэтажная система землевладения в некоторых провинциях и широкое распространение суб-аренды во всей Индии создало внутри класса землевладельцев многочисленные деления. Группа земледержателей, т.-е. земельных посредников между подлинным земледельцем и собственником земли, многочисленнее класса собственно землевладельцев. Часть этой группы является крестьянами-кулаками, снимающими государственную землю или получившими права постоянной аренды. Между ними и вышерасположенными этажами землевладельческой пирамиды существуют сильные противоречия. Большинство крупных крестьян, сдающих землю в аренду, вынуждено к этому эксплоатацией землевладельцев, задерживающей накопление капиталов, необходимых для создания собственного рентабельного хозяйства.

Низшие категории земледержателей получают ничтожную долю земельной ренты. По своему имущественному положению они ближе к верхушке крестьянства, чем к землевладельцам. Проникновение денежного хозяйства в деревню резко ухудшило положение этого слоя. Замена натуральной ренты денежной выгодна для крупного землевладельца. Мелкого же получателя ренты она ставит в тяжелую зависимость от рынка. Низшие категории рентополучателей поэтому ожесточенно противятся коммутации [1]), требуемой крестьянами. В тех районах, где землевладельцы начинают переходить к собственному хозяйству, такой переход делает неизбежной ликвидацию промежуточных земледержателей. Рост сельскохозяйственных цен после войны привел к повышению арендной платы крестьянина. Большая часть этого прироста присваивается крупными землевладельцами. Но доходы мелких держателей не повышаются. Растущая дороговизна вынуждает все более значительную часть этого слоя искать дополнительных заработков в городах, где она заполняет ряды безработной мелкобуржуазной интеллигенции.

Разница в положении землевладельцев и низших земледержателей приводит к разному отношению этих групп к английскому империализму. Землевладельцы господствуют в бюрократических органах местного самоуправления, которые они заставляют обслуживать свои интересы. Землевладельцы имеют свои крупные классовые организации (Land holders Associations).

[1]) Замене продуктовой ренты денежной.

последние в социальном отношении реакционнее английского империализма, а в политических вопросах всегда его поддерживают.

Прогрессирующая папуризация мелких получателей ренты толкает их к революционным выступлениям против английского империализма. Именно этот слой поставляет кадры для террористических организаций, весьма распространенных в Индии, особенно в Бенгалии. Связь с землей, удары, которым они подвергаются со стороны растущего в деревне капитализма, об'ясняют реакционную идеологию индийских террористов (назад к ведам). Находясь под руководством буржуазии, они вместе с ней изменили движению 1919—1922 гг. Однако, тенденция развития идет в сторону ослабления их связей с деревней и дальнейшего их обезземеливания. Новый мощный под'ем национально-революционного движения, идущего под гегемонией рабочего класса, может расколоть эту многочисленную в некоторых провинциях группу люмпен-землевладельцев. Часть превратится в фашистов, но не исключена возможность перехода значительной части на сторону национальной революции.

Мелкая буржуазия.

Индийская городская мелкая буржуазия остро чувствует гнет всей системы колониального режима. Положение отдельных ее группировок неоднородно. Наиболее многочисленный, наименее политически сознательный ее слой—городская беднота: кустари, мелкие торговцы, кули. Конкуренция фабричных товаров (иностранных и туземных) продолжает разлагать ремесло и выбрасывать кустаря в ряды пролетариата. Но медленный темп промышленного развития страны, задерживаемого английским империализмом, лишает кустаря возможности найти применение своему труду на фабриках и гонит его в перенаселенную деревню. Там, где ремесло еще не разложилось, оно держится только благодаря прогрессирующему снижению жизненного уровня кустаря. Скупщик и ростовщик все более подчиняет его себе.

Благополучие мелких торговцев тесно связано с благополучием их потребителя—городского кули и рабочего. Отсутствие дешевог кредита, наличие многочисленных посредников между ним и мелким производителем, высокие налоги, растущая дороговизна жизни в городах загоняют и его в об'ятия ростовщика и крупного торговца.

Кули по своему классовому положению тесно примыкают к рабочему классу и составляют в Индии многомиллионный слой предпролетариата. Неустойчивость и случайность заработка, частая смена места работы делают его наиболее угнетенным слоем городской бедноты, наиболее трудно поддающимся организации отрядом рабочего класса.

Туземная интеллигенция также является особым слоем мелкой буржуазии. Система просвещения, насаженная английским империализмом в Индии, делает рядового туземного интеллигента пригодным только к конторской работе, к юриспруденции и т. п. либеральным профессиям. Жалкое состояние школьного дела и здравоохранения, на которые колонильное правительство отпускает ничтожные средства, ограничивает применение труда интеллигенции в этих областях. Техническое образование поставлено в Индии из рук вон плохо и трудно доступно. Безработица среди туземной интеллигенции беспрерывно растет и давно уже беспокоит англо-индийское правительство. Учитывая, что значительная часть интеллигенции связана с землей, оно пытается направить энергию интеллигенции в сельское хозяйство. В этом одна из проблем, поставленных перед королевской сельскохозяйственной комиссией.

Туземная интеллигенция имеет и среднюю и даже крупнобуржуазную верхушку. Адвокаты, разбогатевшие на крестьянских тяжбах, играют в ней

главную роль. Разбогатевшие адвокаты почти всегда обзаводятся землей. За адвокатами следует туземное чиновничество. Интересы верхней его части целиком сливаются с интересами английского империализма.

Мелкобуржуазная интеллигенция на предыдущих этапах национально-революционного движения являлась самой политически активной классовой прослойкой. Она подняла студенческое движение 1905 года и первая сознательно вступила в вооруженную схватку с английским империализмом (террористические организации). По призыву Конгресса она бросала правительственные школы и учреждения и организовывала рабочих и крестьян в 1919—1922 гг. Она больше всех проявила свое недовольство изменой Конгресса в этот период. Только обманывая ее, смогла партия свараджистов проделать свой поворот от бойкота законодательных учреждений к участию в парламентских выборах в 1924 г. Под ее давлением Мадрасский с'езд Конгресса (1927 г.) вынужден был принять резолюцию о независимости. До настоящего времени она остается на крайнем левом фланге буржуазного национального движения и с энтузиазмом реагирует на всякий крен влево со стороны Конгресса. Попытки к образованию республиканской партии, мысли о необходимости «какой-либо формы кооперативного социализма для Индии» (!), которые молодой Неру за последнее время усиленно повторяет на провинциальных конференциях Конгресса,—питаются настроениями этой среды. Мелкобуржуазная интеллигенция колеблется влево. Она ищет новых революционных путей. Но она еще не имеет своей политической программы. Пока она еще целиком идет под знаменем буржуазии. Следующий этап революции, в особенности аграрное движение, внесет большую диференциацию в эту прослойку. Ее революционная роль еще далеко не исчерпана.

Буржуазия.

Туземная буржуазия распадается на два более или менее обособленных слоя: торгово-ростовщическую и промышленную буржуазию. Верхушки обоих крыльев сращены в лице крупной буржуазии, представленной партией либералов.

В начальный период национального движения функции этой партии выполнял Индийский Национальный Конгресс. Как самостоятельная организация она оформилась при первом расколе Конгресса в 1907 году. С самого своего возникновения партия либералов является наиболее «конституционно-мыслящей» оппозицией его вице-величества. Воссоединившись было с Конгрессом, захваченным мелкобуржуазными элементами, в 1917 году, она при первых вспышках революции опять отошла от него. Она деятельно помогала английскому империализму подавлять революцию, принимая активное участие в деятельности законодательных учреждений, бойкотировавшихся Конгрессом. Поправение всей туземной буржуазии после Бардоли опять сближает Национальный Конгресс с партией либералов.

Торгово-ростовщическая буржуазия тесно связана с землевладением и со всей докапиталистической системой эксплоатации крестьян. Бурный под'ем 1919—22 гг. частично захватил и ее. Среди членов Конгресса в этот период было много средних торговцев и даже ростовщиков. Но в массе своей она является одним из столпов английского империализма в Индии. Ее крупные классовые организации—торговые палаты—сотрудничают с англо-индийским правительством, хотя часто и подвергают его резкой критике.

Индийская промышленная буржуазия, это—националисты par excellence. Ее крепостью является Бомбей, где туземная буржуазия вообще наименее связана с землевладением и где концентрирована ее экономическая мощь—хлопчатобумажная промышленность. Бомбейская промышленная буржуазия

сталкивается с английским капиталом не только на внутреннем рынке. Она уже имеет прочные интересы и на внешних рынках: Китае, Восточной Африке и др. Ограничительные законы, применяемые английскими доминионами и колониями к их индийскому населению (сеграгация [1]), ограничение права торговли и политических прав) тяжело ударяют по ее интересам. Бомбейская буржуазия поэтому всегда острее других секций индийской буржуазии реагирует на национальное неравенство, на издевательство английского империализма над индийским народом внутри Индии и за ее пределами.

Изменой революции национальной буржуазии удалось добиться значительных уступок от английского империализма. Новые мероприятия последнего, проведенные за эти два года, ликвидируют большую часть ее завоеваний. Индийская буржуазия недовольна. Но вместо усиления борьбы против английского империализма, индийская буржуазия предпочитает компенсировать себя путем ухудшения условий труда рабочего класса. Размах забастовочного движения в настоящее время показывает, что это наступление началось по всей Индии. При этом туземная буржуазия преследует не только цель повышения своих дивидендов. Она пытается косвенно использовать рост забастовочного движения для политического нажима на правительство. Забастовка бомбейских текстильщиков в 1925 году это подтверждает. В результате этой забостовки бомбейские фабриканты добились отмены акциза на хлопок.

Политическим выражением наступления английского империализма на завоевания индийской буржуазии является комиссия Саймона. Состав этой комиссии (отсутствие индийцев) разрушает надежды всей туземной буржуазии (в том числе и крупной) на дальнейшее расширение ее политических прав. На платформе бойкота комиссии поэтому сошлись все секции индийской буржуазии.

Из двух основных политических группировок, об'единившихся на платформе бойкота—свараджистов и либералов,—последние являются наиболее монолитной партией. Партия свараджистов, как в свое время русские кадеты, «не связана с каким-либо одним классом буржуазного общества, но тем не менее, она насквозь буржуазная» (Ленин, т. VII, ч. 1, стр. 269). Свараджисты ослаблены беспрерывными отпадениями и идейным разбродом внутри остающегося ядра. Они доминировали в Конгрессе благодаря своей сравнительной дисциплинированности и личным качествам своих вождей. В настоящее время уже заметно ослабление монополии свараджистов внутри Конгресса и их влияния на широкие мелкобуржуазные массы вне его.

В этих условиях об'единенное выступление их с либералами может иметь место только на основе гегемонии либералов внутри буржуазного фронта. Вся деятельность свараджистов в законодательных учреждениях за последние годы говорит о постепенном приближении их к позициям либералов. Жалкое кривлянье ответственных лидеров Конгресса вокруг резолюции о независимости, уже принятой Конгрессом (независимость в неопределенном будущем, статус доминиона на ближайшее время—Мотилал Неру), и их стремление ограничить участие масс в кампании бойкота подтверждают, что национальная буржуазия и на данном этапе ищет только уступок от английского империализма.

Крестьянство.

73% индийского населения связаны с земледелием. Из 247 миллионов жителей Британской Индии (без туземных государств) 222 миллиона живут

[1]) Устройство особых кварталов в городах для туземцев, нечто в роде «гетто».

в деревне. Уж один этот факт делает индийское крестьянство основным, хотя и не руководящим, отрядом национальной революции.

Аграрные отношения в Индии вариируют от провинции к провинции, а с ними меняется и положение крестьянства. Можно, однако, отметить основные черты, которые в достаточной степени характеризуют положение всего индийского крестьянства. Подавляющее большинство индийского крестьянства состоит из арендаторов, снимающих землю из нужды и живущих впроголодь. 50% всей обработанной площади страны находятся в руках крупных и средних землевладельцев. Крупные латифундии достигают в некоторых случаях 6 миллионов акров и представляют собой настоящие феодальные поместья, где заминдар (землевладелец) пользуется неограниченными правами в отношении своих крестьян. Барщина, вымогательские поборы, гнуснейшие издевательства над личностью крестьянина и его семьи,—обычные явления в этих поместьях. Сдача земли в аренду является главным источником дохода для индийского землевладельца. От подлинного труженика земли к заминдару тянется длинная цепь промежуточных собственников, отличающихся друг от друга величиной доли земельной ренты, выколачиваемой из крестьян. В некоторых областях эта пирамида паразитов, сидящая на шее индийского крестьянина, насчитывает до 20 этажей.

Из остальной части обработанной площади 30% принадлежит англо-индийскому правительству, которое представляет собой не только аппарат государственно-организованного национального угнетения, но и крупнейшего землевладельца в стране. В районе государственного землевладения колониально-землевладельческое государство экспроприирует в качестве арендной платы—налога до 55% «чистого» дохода крестьянина. На долю собственно крестьянского землевладения приходится только 12% обработанной площади (провинция Пенджаб). В обоих последних районах ростовщический капитал является господствующим фактором в деревне. Крестьянские земли, собственные или надельные, все больше переходят в его руки. Вода является основным условием земледелия в Индии. Пользуясь этим, английский империализм превращает ирригационную систему в дополнительный источник эксплоатации крестьянства. Высокие налоги, правительственные монополии на предметы первой необходимости, как, например, соль, многочисленные торговые посредники, связывающие крестьянское хозяйство с рынком, лишают крестьянина последних остатков его прибавочного продукта, а нередко захватывают и часть необходимого продукта.

Докапиталистические формы землевладения и земледержания расщепляют индийское крестьянство на множество отдельных прослоек средневекового типа. Собственники, постоянные арендаторы, пожизненные арендаторы, арендаторы по контракту (т.-е. на определенное число лет), совершенно бесправные арендаторы, наконец, беспосевные крестьяне, не имеющие даже арендованной земли,—таковы важнейшие из этих прослоек. Основная тенденция развития индийской деревни —пауперизация крестьянства, скатывание со ступеньки на ступеньку этой иерархической лестницы. Однако, когда крестьянин окончательно «освобождается» от земли и превращается в неимущего пролетария деревни, то этим он еще не достигает подножия лестницы. За 22 миллионами пауперизированных крестьян (с семьями 37½ миллионов), числящихся по англо-индийской статистике сельскохозяйственными рабочими, но в действительности лишь изредка находящих применение своему труду, следует еще 3⅓ миллиона рабов (с семьями 6 милл.), отрабатывающих свои долги у ростовщиков и переходящих по наследству как скот. Официальные фальсификаторы индийской статистики и здесь нашлись и называют этих долговых рабов «батраками на фермах», но сами же вынуждены об'яснить, что эти «батраки» большей частью несвободны.

Отсталые формы землевладения и землепользования (дробность участков, чересполосица) невероятно затрудняют проникновение капитализма в индийскую деревню. Тем не менее, капитализм медленно преодолевает все эти препятствия. Крупных капиталистических хозяйств в Индии мало, но специализация сельскохозяйственных районов, рост торговых культур, а вместе с ними и товарности сельского хозяйства, зашли уж довольно далеко. Несмотря на господство продуктовой ренты и оплаты сельскохозяйственного батрака натурой, денежное хозяйство проникло повсюду. На этом фоне начинается и классовое расслоение индийской деревни. На новоколонизуемых землях вырастает настоящий хозяйственный мужичок, применяющий наемный труд, улучшенные семена, дорого стоящие удобрения. Однако, на большей части территории страны, в старых земледельческих районах верхушка крестьянства больше связана с торгово-ростовщическим капиталом и с субарендой, пышно расцветшей в Индии. В общем и целом классовое расслоение крестьянства играет еще подчиненную роль по отношению к его пауперизации. Как ни скудны данные по этому вопросу, в некоторых районах можно отчетливо проследить, как низшая группа крестьянства вырастает за счет всех высших групп. При этом только средние группы, численно сокращаясь, увеличивают площадь своего землепользования. Иными словами, два процесса—пауперизация и классовое расслоение,—переплетаются, но верх берет первый.

Основная форма эксплоатации индийского крестьянства — арендная плата. Это сразу говорит о том, что сущность аграрной проблемы в Индии — вопрос о земле. Землю захватил туземный помещик, английский империализм в лице англо-индийского правительства, землю экспроприирует у крестьянина ростовщик. Последний вид экспроприации наиболее осязательный для крестьянина. Неудивительно, что первые стихийные крестьянские восстания в Индии (в прошлом столетии) были направлены против ростовщиков. Только после империалистической войны, в связи с ухудшением положения крестьянства и общим под'емом революционной волны, крестьянское движение впервые направляется против помещиков и ставит,—пока еще робко,—вопрос о земле.

Массовое крестьянское движение послевоенного периода территориально распадается на 4 совершенно самостоятельных, организационно не связанных между собою района: Соединенные Провинции, Пенджаб, Малабар и туземные государства Раджпутаны. Наиболее сознательным было так называемое движение «Эйка» (единство) в Соединенных Провинциях, где больше всего сохранилось чисто-феодальных пережитков, как, например, барщина (бегар). Крестьяне об'единялись в крестьянские союзы (кисан сабха), убивали туземных сборщиков налогов, изгоняли помещиков, жгли их усадьбы и засыпали помещичьи колодцы. Правительственный отчет о сборе поземельного налога в этой провинции за 1921 год жалуется на затруднения, которые чинятся крестьянами и пришлыми агитаторами. Основные требования крестьянства отчет формулирует в следующих пунктах: замена натуральной ренты денежной; уменьшение арендной платы или полный отказ от ее уплаты; отказ от уплаты поборов и подарков в пользу помещиков; требование передела земли и отказ от гужевой повинности правительственным чиновникам.

В Малабаре крупное крестьянское восстание было вызвано эксплоатацией крестьян мусульманского племени Мопла помещиками-индусами так же, как и в Соединенных Провинциях, сохранившими полуфеодальные права в отношении крестьян. Повстанцы мстили повсюду не только помещикам, но и сельским ростовщикам, тоже в большинстве индусам. Отличительная черта этого восстания,—его затяжной характер и переход его, после того, как главные силы повстанцев были разбиты, в партизанскую войну.

В Пенджабе крестьянское движение вылилось в своеобразную религиозно-реформаторскую форму. Движение было поднято в 1920 году сектой племени сикхов, т. н. акали. Первоначально акали выдвигали требование возврата сикхской общине крупных земельных участков, принадлежащих сикхским храмам и присвоенных себе духовенством. Но движение приняло политический характер, когда англо-индийское правительство начало отстаивать владельческие права духовенства. Громадная масса сикхских крестьян, принимавших участие в движении, придерживалась принципов ненасилия и давала себя арестовывать без малейшего сопротивления. Безрезультатность этой формы борьбы с могущественным английским империализмом привела часть восставших акали на путь террора.

В южных государствах Раджпутаны в крестьянском движении участвовало племя били, причисляемое англичанами к «преступным племенам». Фактически это племя в настоящее время живет почти исключительно сельским хозяйством. Восстание было вызвано высокими правительственными поборами. По словам официального сообщения, в целом ряде деревень были образованы крестьянские советы и установлен «коммунистический строй». В борьбе против правительственных войск, посланных на подавление восстания, участвовало около 20.000 крестьян, в том числе и женщины.

* * *

Индийские буржуазные партии никогда не имели (да и теперь не имеют) формулированной аграрной программы. Это нисколько не мешало им на деле всегда поддерживать туземных помещиков. Было время, когда лучшие представители индийской буржуазии понимали, по крайней мере, необходимость освободиться от гнилой азиатчины, которая пронизывает весь аграрный строй в Индии и задерживает развитие производительных сил в индийском сельском хозяйстве. В 80-х годах прошлого века прогрессивный помещик Ранаде, до сих пор превозносимый индийской буржуазией, как ее величайший идеолог, требовал от англо-индийского правительства законодательства по прусскому образцу, т.-е. полного выкупа крестьянами всех земельных и сеньориальных прав землевладельцев. В настоящее время индийская буржуазия боится в какой бы то ни было форме затронуть существующий аграрный строй. Она поэтому выступает не только против крестьянства, но и против англо-индийского правительства, которое пытается хоть и полумерами, но все же ускорить процесс капитализации индийского сельского хозяйства. Идеал индийской буржуазии—медленный, самопроизвольный процесс перерождения индийского феодала-землевладельца в капиталистического помещика, ростовщика—в кулака-предпринимателя.

Мелкая буржуазия после своей измены в 1922 г., продолжает еще проявлять некоторый интерес к крестьянскому вопросу. Она изобретает одну за другой фантастические, реакционные утопии («чарка» Ганди, «деревенскую реконструкцию» Даса и т. д.), которыми она пытается удержать свое влияние на крестьянство. До последнего времени, однако, Национальный Конгресс, за исключением благих пожеланий, ничего реального не предпринимал в отношении крестьянства. В настоящем году деятели Конгресса начинают уже чувствовать (английский империализм нажимает!) необходимость перейти к более активной работе в деревне. Первый шаг в этом направлении сделан в Бенгалии. В связи с падением цен на джут, крестьяне терпят большие убытки. Конгресс повел большую кампанию за сокращение посевов джута, чтобы предупредить дальнейшее падение цен. Такая мера могла бы, действительно, оказаться целесообразной. Но выиграет от нее только зажиточный крестьянин, который располагает капиталом и может переждать плохую кон'юнк-

туру. Для деревенского бедняка, который при этом лишается ценного урожая, будучи вынужден в то же время платить высокую арендную плату, это будет означать усиление его кабальной зависимости от ростовщика. Вторую попытку по линии завоевания крестьянства мы имеем в Бардоли, небольшой волости, Бомбейской пров., входящей в район государственного землевладения. Резкое повышение ставок поземельного обложения правительством вызвало протест крестьян. Лидеры Конгресса, оставшиеся верными старой программе Ганди (т. наз. nochangers) взяли на себя руководство борьбой крестьянства со строгим соблюдением, конечно, принципа ненасилия. В Бардоли начата кампания по неуплате налога. Крестьяне поддерживают кампанию и дают себя арестовывать, не оказывая сопротивления. Чиновники реквизируют скот и имущество крестьян. В движении, повидимому, принимают участие значительные слои крестьянства, включая кулаков. Националистическая пресса, которая весьма слабо реагирует на рост забастовочного движения, подняла большую шумиху вокруг этого дела[1]). Агитация начатая Конгрессом, может повести к сближению национальной буржуазии с верхушкой деревни, факт, который, несомненно, приходится учитывать при оценке соотношения классовых сил в Индии в настоящий период.

Английский империализм тоже имеет виды на индийское крестьянство. Британская пресса давно обвиняет индийские законодательные учреждения в том, что они представляют главным образом городские элементы. Многомиллионные же «без'язычные», «бедные» земледельцы не имеют там своих защитников. В связи с предстоящим пересмотром индийской «конституции» (в 1929 г.) этот мотив все чаще и чаще повторяется английской печатью. Весьма возможно, что английский империализм готовит туземной буржуазии по этой линии какой-нибудь сюрприз. В законодательных органах имеются назначенные англо-индийским правительством члены, «представляющие» интересы рабочих. Почему бы не назначить таких же «представителей» интересов крестьянства? Или под видом представителей внеклассовых «сельских хозяев» не усилить землевладельческое крыло в законодательных органах? Гадать об этом рано, но есть намеки, что великие фокусники из Индиа-Офис попытаются подкрепить себя в индийском так называемом парламенте благонадежными элементами из верхушки крестьянства.

Рабочий класс.

Индийский рабочий класс насчитывает приблизительно (точных данных нет) от 4—4½ млн. человек. Текстильщики (около 1 млн.), транспортники (800.000) и плантационные рабочие (свыше 1 млн.), образуют крупнейшие отряды пролетариата. Квалифицированные рабочие составляют не больше 1/6 всего состава рабочего класса. Из 200.000 металлистов большая часть сконцентрирована в Калькутте и ее окрестностях и в Джамшедпуре (компания Тата). Женский и детский труд широко применяется во всех отраслях производства и господствует на плантациях. К этому в массе своей фабрично-заводскому пролетариату тесно примыкают чернорабочие-кули, насчитывающие по переписи 1921 года 5 миллионов человек и два с половиной миллиона чел. домашней прислуги.

[1]) В дистрикте (уезде) Сурат, к которому относится волость Бардоли, на 65 тыс. государственных арендаторов насчитывается всего 15 тыс. суб-арендаторов. Подавляющее большинство крестьянства, так. обр., здесь противопоставлено непосредственно колониально-землевладельческому государству, в то время как, напр., в соседнем дистрикте Тхана, где тоже произведено было повышение поземельного налога, на 74 тыс. государственных арендаторов приходится 102 тыс. суб-арендаторов, эксплоатируемых верхушкой первых. Этой особенностью в структуре крестьянства Бардоли об'ясняется, почему эта волость всегда была излюбленным местом для экспериментов гандистов, которые, начиная с 1921 г., не переставали ее обрабатывать в духе своих «ненасильственных» принципов. Но в дистрикте Сурат помимо крестьян, ведущих свое хозяйство, имеется еще 85.000 сел.-хоз. рабочих и 30.000 законтрактованных батраков, т.-е. фактически домовых рабов. Лидеры Нац. Конгресса, руководящие кампанией в Бардоли не выдвинули для этих наиболее угнетенных слоев крестьянства ни одного требования, ни одного лозунга. Вследствие этого наиболее эксплоатируемая часть деревенской бедноты остается вне движения.

Сравнительно небольшая часть индийского пролетариата формируется из разоренных кустарей (Ахмедабад, Каунпур). Подавляющая же часть рабочих приходит из деревни, с которой они не теряют связи и будучи на фабрике. Разоренный крестьянин медленно и с трудом приспособляется к невыносимым условиям труда и жестокой эксплоатации, практикуемой на индийских предприятиях. При первой возможности или необходимости (локаут, безработица), он возращается в деревню. Отсюда основная черта индийского рабочего класса—его текучесть. В некоторых крупных центрах, как, например, в Бомбее, существует уже класс настоящих потомственных пролетариев. Но даже и там из 140.000 текстильщиков, бастующих в настоящее время, свыше половины уже раз'ехалось по деревням.

Забастовочное движение индийского пролетариата имеет уже 10-летнюю историю. Первые крупные забастовки (в 1918 г.), были связаны с ростом дороговизны и ухудшившимся положением рабочих масс после окончания войны. В последующие годы число забастовок росло и в 1921 году охватило свыше полмиллиона рабочих. Однако, в большинстве забастовок этого периода рабочий класс еще не ставил себе самостоятельных классовых целей. Забастовки входили составной частью в общий «харталь» (прекращение работы, закрытие лавок, контор, фабрик и т. д.), который служил в руках Индийского Национального Конгресса орудием для борьбы против британского империализма. В важнейших центрах забастовочного движения, Бомбее и Ахмедабаде, рабочий класс не бастовал, а «прекращал работу» вместе со своими хозяевами-фабрикантами, поддерживавшими национальное движение. Крупнейший такой «харталь», проведенный рабочими массами с огромным энтузиазмом и единодушием, был организован Конгрессом по случаю приезда принца Уэльского в сентябре 1921 года. Такого рода забастовки, являющиеся результатом агитации Конгресса, естественно, ставили рабочие массы под контроль буржуазных и мелкобуржуазных националистов. Индийские пролетарии принимали деятельное участие в национальном движении. В августе 1921 года орган Ганди «Иенг Индиа» сообщал: «Общество понятия не имеет об участии рабочих в фонде Свараджа[1]). 21 тысяча рабочих Ахмедабада уплатили в фонд почти 54 тысячи рупий, притом по установленной скале, т.-е. одну десятую их месячной зарплаты. 7 тысяч стали членами Конгресса. Точно так же посылали свои взносы и бомбейские рабочие».

Чтобы усилить свое влияние на рабочие массы, националисты организовали рабочих в рабочие союзы, носившие цеховой характер. Рабочие союзы сотрудничали с предпринимателями и помогали им, при помощи филантропических подачек, обманывать рабочих и увеличивать интенсивность их труда. До настоящего времени эти рабочие союзы там, где они сохранились, как, напр., в Ахмедабаде, являются крепостями национально-буржуазного реформизма в индийском пролетариате.

Однако, так происходило не всегда и не везде. В ходе забастовки, начатой по инициативе Конгресса, бастующие рабочие неоднократно сами формулировали свои классовые экономические требования. Харталь, начатый вместе с туземным предпринимателем, нередко превращался в экономическую забастовку против него. Чинное, благородное прекращение работы на английских предприятиях, пресловутое «пассивное сопротивление» часто сопровождалось разгромом фабрики и совсем не пассивными вы-

[1]) Самоуправление.

ступлениями рабочих против полиции. Уже в 1921 г. в разных концах Индии стихийно вспыхивали чисто экономические забастовки, не имевшие никакого отношения к Конгрессу и его лозунгам. Рабочий класс быстро вырастал из прокрустова ложа, в которое его хотели уложить национально-буржуазные вожди.

Мелкобуржуазные руководители Конгресса делали все возможное, чтобы предупредить эти «опасные» явления. Ганди писал, что индийский рабочий еще слишком невежествен, чтобы быть способным на забастовку сочувствия. От индийского рабочего, получающего нищенскую зарплату, не имеющего никаких забастовочных фондов, он требовал, чтобы он не смел начать стачку, если не уверен, что может содержать себя и семью в период забастовки. Он запугивал рабочих, предлагая им не рассчитывать во время забастовки ни на помощь организаций Конгресса, ни на помощь контролируемых им рабочих союзов. После провокационных выходок англо-индийской полиции, после кровавых столкновений с ней и расстрелов рабочих буржуазные националисты почти всегда *обвиняли рабочих* в насилии, почти всегда *оправдывали полицию*, которая ведь «только выполняла свой долг». Ганди клялся и божился, что не желает иметь ничего общего с «дьявольским» британским империализмом. Но он же открыто заявлял, что готов сотрудничать с англо-индийским правительством в подавлении рабочих волнений. По собственным словам Ганди, только влияние его сторонников удержало рабочих Бомбея во время приезда принца Уэльского от расправы с прислужниками британского империализма, подобострастно встречавшими своего хозяина.

Связь между забастовочным и национально-революционным движением периода 1919—22 гг. ясно проявляется в том обстоятельстве, что параллельно со спадом революционной волны пошло постепенно на убыль и число забастовок. По данным Профинтерна, мы имеем:

	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Колич. забастовок	400	273	215	133	134	128	129
Число бастовавших рабочих	535.000	435.000	282.000	312.000	270.000	186.000	131.000

Прошедший год дает, таким образом, самую низшую точку на кривой развития забастовочного движения в Индии в послевоенный период. Было бы, однако, ошибочно думать, что под этим внешним затишьем не происходило никаких сдвигов в индийском пролетариате. Буржуазные националисты, использовав выступления рабочих для нажима на английский империализм, предав революцию и получив свои 30 сребреников, перестали интересоваться рабочим движением. В 1923 г. покойный Дас еще возвещал, что свараджъ нужен для 98% индийского населения, т.-е. для рабочих и крестьян. В последующие годы с'езды Конгресса из года в год принимали благочестивые резолюции о создании рабочих и крестьянских организаций. Никто из националистов не принимал этих резолюций всерьез. Вера рабочих в своих прежних вождей постепенно превращалась в чувство глубокого презрения к ним. Во время бомбейской забастовки 1925 г., мадрасский журнальчик буржуазных благодетелей рабочего класса «Свадхарма» приводил весьма показательную беседу между рабочими и мелкобуржуазным националистом. На сочувствующие воздыхания и распросы националиста рабочие отвечали: «Не пора ли вам—образованным—оставить нас в покое? Вы обнадеживали нас, но не сделали ничего... Вы уже испробовали свои водянистые (milk and water) методы, теперь мы попробуем свои!» Шел процесс самоопределения индийского пролетариата, как класса, который начинает понимать противоположность своих интересов интересам капиталистов.

Профессиональные союзы, присоединившиеся к Всеиндийскому Конгрессу Профсоюзов, насчитывают по последним данным свыше 150.000 членов. Вместе с «дикими» профсоюзами, в которых, впрочем, много клерков и служащих, в Индии организовано немногим больше 200.000 рабочих,—цифра ничтожная, по сравнению с численностью всего пролетариата. Индийские профсоюзы—большей частью верхушечные организации, слабо связанные с массами. Забастовки решаются и проводятся рабочими через головы официальных профсоюзных вождей. Забастовочные комитеты создаются не только отдельно от профсоюзов, но часто при упорном сопротивлении с их стороны. Местные профсоюзные организации в большинстве крупных центров после оставления их националистами были захвачены профсоюзными дельцами типа Джоши и др. Но во всеиндийском центре осталось еще много буржуазных националистов, в роде Чаман Лала, Лала Ладжпат Рай и т. д. В предыдущий период индийские националисты, фактически прекратив свою деятельность в массовом рабочем движении, ограничились контролем над всеиндийским об'единением профсоюзов. Теперь, в связи с наступлением английского империализма, туземная буржуазия опять вспомнила о том, какую мощную силу представляет пролетариат. Попытки английских реформистов завоевать индийское рабочее движение ее не на шутку пугают. Национальная буржуазия поняла, какую ошибку она совершила, по своей доброй воле отказавшись от влияния на рабочий класс. Она пытается снова утвердиться на оставленных ею позициях, прежде чем подоспеют английские реформисты. Сейчас мы присутствуем только при начале этого любопытного поединка. Персель и К° кричат о том, что индийские националисты—просто капиталисты, жестоко эксплоатирующие рабочий класс. (При этом они умалчивают об английских колонизаторах). Мотилал Неру и К° отвечают: «Поскребите любого члена рабочей партии, и вы обнаружите империалиста». (При этом они умалчивают о своем собственном соглашательстве с империализмом). Генеральный совет выражает сочувствие бастующим текстильщикам и железнодорожникам. Вожди Национального Конгресса вдруг тоже, оказывается, обуяны состраданием к бастующим. Только недавно бомбейский муниципалитет с свараджистским большинством отказал в помощи бастующим текстильщикам [1]). Теперь председатель того же муниципалитета, свараджист, обращается со слезной мольбой к именитым гражданам пожертвовать для «несчастных» рабочих. То же происходит и в Калькутте.

Индийский пролетариат, о существовании которого до недавнего времени, казалось бы, не подозревали английские реформисты и так основательно забыли индийские буржуазные националисты, вдруг вырос в persona grata. Английские социал-реформисты хотят при помощи индийских «рабочих вождей» крепче привязать индийский пролетариат к колеснице английского империализма; индийские национал-реформисты стремятся превратить его в послушное орудие туземной буржуазии. По существу, это соревнование только отражает борьбу двух конкурентов за долю прибавочной стоимости, выколачиваемой из индийского пролетариата. Но в ходе борьбы обе разновидности реформизма неизбежно разоблачают тайные замыслы друг друга и, помимо своей воли, подготовляют почву для высвобождения индийского пролетариата из-под влияния обоих. Скандал, который недавно имел место на общеимперской рабочей конференции (о нем сообщалось в «Правде»), служит хорошей иллюстрацией к сказанному. Тот факт, что в грандиозных классовых схватках, развертывающихся в Индии на наших глазах,

[1]) Другой интересный факт: бомбейская организация Национального Конгресса только в начале апреля с. г. отказалась ассигновать 250 рупий на празднование 1 мая.

ведущая роль, несомненно, принадлежит революционному крылу рабочего движения—рабоче-крестьянским партиям—представляет реальное отражение тех многозначительных процессов, которые зреют в глубине индийского пролетариата.

О деятельности молодых индийских рабоче-крестьянских партий очень мало проникает в печать. Они не об'единены и формально самостоятельны в каждой провинции, где они существуют. Раньше всех сложилась рабоче-крестьянская партия в Бенгалии (в 1925 г.). Она наладила связи с рабочими организациями, организовала союз метельщиков в Калькутте, недавно проведший успешную забастовку, и приступила к созданию крестьянских союзов. Железнодорожная забастовка в Лиллуа проходит при ее ближайшем участии. Все же партия, насчитывающая, по словам ее официального отчета (1927—28 г.), всего 125 индивидуальных членов и около 10 тысяч афилированных через рабоче-крестьянские организации, еще очень слаба. В партии имеются коммунисты, но есть и элементы, не порвавшие еще с буржуазным и мелкобуржуазным национализмом.

Рабоче-крестьянская партия в Бомбее, судя по ее деятельности, сильнее и имеет большее влияние в рабочих массах. В день приезда комиссии Саймона она организовала отдельно от националистов рабочие демонстрации под революционными лозунгами и провела забастовку муниципальных служащих. В истории индийского рабочего движения, это—факт огромного значения. Впервые индийские рабочие массы вышли на улицу со своими собственными политическими требованиями. Бомбейская рабоче-крестьянская партия фактически стоит во главе происходящей сейчас забастовки текстильщиков. Реформист Джоши и его соратники, которые вначале всячески саботировали забастовку и на задворках у бомбейского губернатора кляньчили о «сверхклассовом» посредничестве, в конце концов вынуждены были примириться с забастовкой и вступить в забастовочный комитет.

В Пенджабе существует рабоче-крестьянская организация под названием «Кирти» (трудящийся). Она успела уже созвать несколько крестьянских конференций, на которых подвергла критике деятельность Индийского Национального Конгресса и провела резолюцию против войны с СССР, против удушения китайской революции и т. д. Как «Кирти» организационно оформляет свои связи с крестьянскими массами,—неизвестно, но в ее органе сильно чувствуется крестьянская струя. Организация издает два журнала—на сикхском наречии (гурмукхи) и индустани. Пенджаб—центр рекрутирования туземной армии. В Пенджабе, граничащем с Афганистаном, английские приготовления к будущей войне с СССР особенно заметны. Поэтому журнал «Кирти», естественно, обращает особое внимание на антивоенную пропаганду. Много внимания уделяется в журнале также и крестьянскому вопросу.

О растущем значении крестьянских партий можно судить по тому, как англо-индийское правительство реагирует на их деятельность. Последний официальный отчет об Индии (за 1926—27 г.) уделяет значительное место этим организациям. Возникновение рабоче-крестьянских партий рассматривается в отчете, разумеется, как непосредственный результат деятельности «московских агентов» в Индии. О журнале «Кирти» говорится, что его появление связано с «интригами советов, заключивших союз с недовольными сикхами в Америке, Китае и Индии». Ответ журнала на эти аляповатые измышления англо-индийской охранки появился в июньском номере с. г. и стоит того, чтобы его здесь процитировать. «Мы заявляем, что не имеем никаких связей с большевистской Россией и не получаем никакой материальной помощи оттуда... Но мы не отрицаем того факта, что многие наши принципы совпадают с принципами большевистской России. Они разрешили проблему голода масс (буквально: желудка), мы тоже хотим это сделать. Они хотят покончить с войнами, мы тоже этого хотим. Они избавились от экономического неравенства, мы тоже хотим установить общественный строй равенства и справедливости. Они уничтожили у себя империализм, мы тоже питаем такие намерения. Мы убежденно верим, что до тех пор, пока остается существующий порядок вещей, угнетенные рабочие и крестьяне всего мира не перестанут делать усилий, чтобы освободиться от железных обручей рабства». Ответ этот чрезвычайно характерен для всей физиономии журнала.

* * *

Нынешнее забастовочное движение в Индии, помимо того, что оно проходит в решающих центрах под руководством левого крыла, имеет еще ряд особенностей. Эта волна забастовок имеет действительно всеиндийский характер: нет ни одного сколько-нибудь крупного промышленного города, куда бы она не докатилась. Она захватила все важнейшие отрасли производства: хлопчатобумажные фабрики в Бомбее, Шолапуре, Каунпуре; джутовые фабрики в Калькутте, прессовальни джута в Читпуре, металлургические заводы в Калькутте, Джамшедпуре и Рангуне, рудники в Газирбаге, железнодорожные мастерские в Корагпуре и Лиллуа. Она распространилась не только на частные, но и на правительственные и муниципальные предприятия: в Рангуне бастовали металлисты арсенала, в Калькутте и Бомбее—муниципальные рабочие. Забастовочное движение начинает втягивать самые отсталые слои пролетариата—кули, как, например, метельщиков улиц, последние индийские газеты сообщают о стачках на чайных плантациях Ассама. Поднимаются самые забитые, самые угнетенные пласты рабочего класса—плантационные рабы. Забастовки следуют небычайно часто одна за другой. Все упомянутые выше стачки сконцентрированы на промежутке каких-нибудь 4 месяцев. Крупные стачки отличаются редким (даже для Индии, которая знает весьма длительные забастовки) упорством. Начало бомбейской забастовки относится еще к декабрю прошлого года, и ей не видно конца. В Лиллуа железнодорожники бастуют пятый месяц. И это без сбережений у рабочих, без забастовочных фондов у профсоюзов! Бастующие рабочие выказывают большую умелость и величайшую решимость в применении новых методов стачечной стратегии и тактики. Так, например, в Джамшедпуре до последнего локаута в течение 2—3 месяцев шли небольшие забастовки в главных цехах (котельном отделении, доменных печей и т. д.), которые принуждали предпринимателей приостанавливать всю работу на заводе и в то же время выплачивать зарплату большей части рабочих. Железнодорожники Лиллуа устраивают грандиозные шествия по улицам Калькутты и, несмотря на расстрел, которому они уже раз подвергались, проникают в железнодорожные мастерские, где отказываются работать. Они останавливают поезда и агитируют машинистов присоединиться к забастовке. Применение пикетов против штрейкбрехеров в Бомбее поставлено в настоящей забастовке тоже значительно шире и решительнее, чем это имело место в прежние годы. Бастующие рабочие начинают, уже выдвигать руководителей из собственной среды: в бомбейском забастовочном комитете много рабочих. Это—факт огромнейшего значения для всего дальнейшего развития рабочего движения в Индии. Наконец, рабочие (и не только бастующие) выказывают удивительную солидарность и единодушие в решении добиться победы. В Лиллуа администрация дороги привезла рабочих-китайцев и гурков для замены бастующих. Привезенные рабочие узнали, в чем дело, и немедленно скрылись из мастерских. Рабочие двух крупных металлургических заводов в соседстве с Лиллуа вначале забастовали в знак солидарности и только потом выставили свои собственные экономические требования. Взятые вместе, все эти черты характеризуют нынешнее забастовочное движение в Индии, как, несомненно, новый

этап в истории борьбы индийского пролетариата. Они показывают, что индийский рабочий класс, освободившись из-под влияния буржуазных националистов, уже начинает стряхивать с себя и гнилой реформизм так называемых «рабочих вождей».

5. Выводы.

За последние годы экономические позиции английского капитала в Индии сильно пошатнулись. В условиях растущего кризиса английского империализма и все более обостряющейся борьбы за рынки английский империализм пытается восстановить свое положение путем нажима—экономического и политического—на наиболее слабого из своих соперников—индийскую буржуазию.

Туземная буржуазия готовится к обороне. С одной стороны, она по всему фронту начинает наступление на условия труда рабочего класса. С другой—она стремится опять захватить в свои руки руководство рабочим и крестьянским движением, чтобы создать себе выгодные условия для торга с английским империализмом.

«Гвоздем» современной политической ситуации в Индии является забастовочное движение индийского пролетариата. Нынешняя стачечная борьба индийского рабочего класса есть нечто большее, чем борьба за пятачок. Она имеет глубокие корни и таит в себе далеко идущие возможности. Нынешняя борьба есть борьба за уничтожение всего маразма азиатчины (кастовых и религиозных предрассудков) [1]), всей гнили реформизма—национал-предательского и социал-соглашательского,—свившего себе гнездо в индийских профсоюзах, за классовую самостоятельность классовых организаций рабочего класса. Только с честью пройдя через горнило ожесточенных классовых боев, развертывающихся в Индии в настоящий момент, станут молодые рабоче-крестьянские партии и многочисленные коммунистические группы, разбросанные по всей стране, действительно мощным орудием рабочего класса в его борьбе за гегемонию в национальной революции, за освобождение от гнета английского империализма.

Основное содержание национальной революции в Индии—освобождение страны и аграрный переворот. В 1922 году индийская буржуазия, испугавшись аграрной революции, изменила и делу национального освобождения. Со времени Бардоли туземная буржуазия все дальше и дальше катилась от революционной борьбы в об'ятия английского империализма. Буржуазный национализм разложился. Предав дело национальной революции, национальная буржуазия об'ективно не может больше выступать в качестве ее движущей силы. Это не означает, конечно, что она не претендует на роль руководителя масс. Наоборот, последние события показывают, что она не уступит своего места без боя.

Измена национальной буржуазии поднимает индийскую революцию на высшую ступень—борьбу за демократическую диктатуру рабочего класса и крестьянства. Гегемония в национальной революции неизбежно переходит к рабочему классу. Но право на руководство нужно завоевать. Индийский пролетариат, связанный тысячами нитей с деревней, еще не имеет политического влияния на своего основного союзника—крестьянские массы. Многомиллионное крестьянство еще не поднялось. Об'ективные условия для вовлечения крестьянства в революционное движение имеются. Английский империализм своими ублюдочными аграрными реформами сам подготовляет почву для взрыва.

[1]) Два примера. Бастующие текстильщики Бомбея выдвинули, между другими требованиями, требование о приеме в ткацкий цех рабочих без различия касты. Фабриканты пускают на эту работу только рабочих из касты ткачей.—Комитет Халифата (мусульманская организация) собрал порядочную сумму денег для бастующих текстильщиков и предложил бомбейскому забастовочному комитету распределить их среди мусульман. С чувством классового достоинства, невиданного до сих пор в Индии, стачком ответил, что не может делить рабочих по религиозному признаку—и отказался от денег.

Мелкая буржуазия до сих пор плетется в хвосте национальной буржуазии. Но последней все труднее становится удержать под своим влиянием широкие массы городской бедноты и пауперизированной интеллигенции, на которую тяжело давит гнет безработицы. Мелкая буржуазия ищет выхода из положения, ищет, в массе своей, революционного выхода, но для того, чтобы она на следующем этапе революции пошла за рабочим классом, нужно, чтобы последний имел идеологически выдержанное и организационно крепкое руководство—нужна сильная коммунистическая партия. Такова расстановка классовых сил в Индии в настоящее время. Такова, как нам кажется, основная задача на данном этапе индийской революции. VI конгресс Коминтерна укажет пути к ее разрешению.

И. Новиков.

Самокритика, борьба с бюрократизмом и растратами, рационализация потребкооперации.

I.

Рассмотрим, на какие конкретные вопросы и вопиющие факты проявления бюрократизма, недостатков и прямых преступлений должна быть направлена самокритика в кооперации и в каких формах следует призвать кооперированные массы на борьбу с этим злом.

Начнем с такого примера. В июне 1928 г. НК РКИ СССР, выполняя директиву второго апрельского пленума ЦКК, обратился с призывом к рабочим, комсомольцам, рабфаковцам, вузовцам, служащим принять участие в работах Рабоче-Крестьянской Инспекции по улучшению советского аппарата и по борьбе с бюрократизмом,—в частности, принять участие в бесплатной общественной работе по разбору жалоб рабочих и крестьян, которыми за последнее время оказалась заваленной РКИ. Этот призыв встретил живой отклик со стороны трудящихся москвичей, которые сотнями уже корпят над разбором жалоб, давая тем самым образец участия масс в работе по искоренению бюрократизма и улучшению госаппарата.

По нашей кооперативной линии весной 1928 г. были обследованы жалобные книги по 527 московским магазинам и столовым, на администрацию которых было подано за 8 мес. 5.500 жалоб. При чем, как отмечает «Комсомольская Правда» в номере от 20 мая,—«четвертая часть всех поданных жалоб остается без всякого ответа. Иначе—1.320 жалобщиков и по сей день ждут ответа на свои жалобы от кооператоров».

Газета далее указывает, что «кооперативные организации не обращают внимания на жалобы потребителей, что они отмахиваются от широких масс. «Жалобная книга» без руководства и наблюдения, вместо борьбы с бюрократизмом, стала прикрывать бюрократические извращения нашего торгующего аппарата».

Этот вывод относится к 527 магазинам, т.-е. меньше, чем одной сотой части общего числа торговых единиц потребкооперации города и деревни, но его с успехом можно распространить на всю сеть, так как, ежели в столице можно «не отвечать» на жалобы потребителя, то тем более этого можно не делать и на местах.

В Майкопском потребобществе Армокруга тоже есть ящик для жалоб, при чем раньше пайщики думали, что ключ от ящика хранится в ревкомиссии и фамилия подавшего тем самым облекается в тайну. Но ревкомиссия вынимала жалобы и отдавала их... приказчику и счетоводу,

на которых они поступали. Те, натурально, жалобы клали в карманы, а пайщикам, «посмевшим» жаловаться, устраивали всяческие пакости.

«Теперь пайщики боятся жалобного ящика, обходят его,—пишет селькор, — потому что жалобы их не устраняют недостатки, а приносят жалобщикам вред».

Но есть ли вообще прок от потребительских жалоб? Центросоюз, его газета и журнал «Смычка» получают в год около 7.000 писем-жалоб от потребителей. О результате писем-жалоб можно судить по следующему примеру: по 300 крестьянским письмам, взятым на выдержку, уволено 35 работников, отдано под суд 44 работника, переизбрано 1 правление, проинструктировано вне плана 1 потребобщество. А если, во-первых, четко организовать возможность подачи жалоб потребителем,—не так, как, напр., в Майкопском ПО, во-вторых, организовать тщательную проверку и доведение до конца каждой жалобы, то одним только этим простым путем мы можем достигнуть громадных результатов по искоренению бюрократизма и устранению из аппарата потребилок всевозможного сорта недостатков и злоупотреблений.

Организовать это дело и постоянно следить за ним должны ревкомиссии и лавочные комиссии, привлекая к этому делу, по примеру РКИ, всякого выразившего желание активиста и рядового пайщика. При таком подходе к делу мы, конечно, «успеем» всем ответить, все жалобы разобрать. У нас не будет тогда московского «пробела», когда четвертая часть жалоб пишется на... ветер.

Отвечать за образцовую постановку приема и разбора жалоб должны ревкомиссии и коопактив и, как возглавляющий ревизионную работу потребилок, инструктор союза.

Затем нам необходимо сосредоточить внимание массовой работы на установлении «равноправия» в обращении с покупателями и в отношении продажи товаров.

Работники прилавка должны быть вежливыми со всеми, не делая предпочтения ни родственникам, ни своим хорошим знакомым, соблюдая строгий порядок очереди в отпуске товаров для всех покупателей.

Активист, видящий лично, как продавцы любезничают с «своим» покупателем, отпускают ему вне очереди за счет другого покупателя, особенно, бедняка, батрака—в деревне,—должен сразу же вмешаться, одернуть приказчика, написать жалобу в книгу и т. д.

Еще суровее должна вестись война за равномерный отпуск товаров. Здесь должно быть правило: никаких предпочтений, никаких знакомств, никаких «самоснабжений», но все дефицитные товары должны распределяться с максимальной об'ективностью.

Продавцы и заведующие, уклоняющиеся от требований общественной об'ективности в обращении и товароснабжении различных покупателей, наказываются выговором, порицанием, штрафом, увольнением со службы; весьма полезно устраивать над ними также общественные суды, которые там, где уже проводились (Северный Кавказ, Урал и др.), оказывали положительное воспитательное значение и для продавцов и для покупателей.

Наиболее красноречивая серия фактов, на которые следует обрушить критику и самокритику масс, связывается с растратами и бесхозяйственностью в потребкооперации.

По данным Центросоюза, за 1924—25 год по одной трети первичной учтенной сети было растрат на 5 млн. 323 тыс. рублей, в 1925—26 г., благодаря мобилизации около этого вопроса широкой кооперативной общественности, а также ряду усиливающих наказание для растратчиков мероприятий НКЮ, сумма растрат снизилась до 5 млн. рублей для всей первичной сети. В 1926—27 г., со второй половины которого инструктора, коопактив,

полагая, что, мол, «кампания по борьбе с растратами благополучно закончена», почили на лаврах, недопустимо ослабили свое внимание к этому никогда не снимающемуся с очереди и вечно ударному вопросу, — сумма растрат, хищений, а также недостач, сверх нормы по всей сельской первичной сети достигает 15 млн. рублей. Что касается итогов первой половины 1927—28 г., то они в свою очередь показывают, что сумма растрат в этом году будет больше 15 миллионов рублей.

Следовательно, опыт борьбы с растратами дает такой логический итог: в 1924 — 25 г. растраты начали бить через край, система забила тревогу, мобилизовала инструкторов, коопактив, получила поддержку в органах НКЮ. В результате растраты сократились почти втрое. Начиная со второй половины 1926—27 г., инструктора, правления союзов, коопактив начали считать, что кампания окончилась, ослабили надзор, контроль, ревизии, вообще распустили вожжи—растраты снова увеличились втрое, причем 1927—28 г. по абсолютной сумме, возможно, учетверит их.

Кто тратит и как тратит?

В Краснопрудском ПО «Пахарь» Псковского округа за последнее время—беспрерывные растраты. Приказчик Кириллов растратил 100 рублей, гр. Богданов—100 руб., приказчик центролавки Смирнов—250 руб., Соловьев—300 руб. Это за 8 месяцев сроку. При чем правление ни одного из растратчиков не отдало под суд. Почему? Потому, что за «самим» пред. правления гр. Поляковым тоже числится растрата в 700 руб., он организовал около себя всех кулаков и, опираясь на них, верховодит делами потребилки.

В Прудковской потребилке Рязанской губ. за последние 4 года сменили за растрату 18 приказчиков. Но,—пишет селькор,—в настоящее время этим же заразилось и правление, за которым числится 1.000 руб. растраты.

В Ново-Екатериновской потребилке, Одесского округа в 1926 г. вошел в правление некий гр. Волощук, проворовался, но, подпоив кого следует, в 1928 г. снова пролез в правление уже предом. «Одевается он с иголочки,—пишет селькор,—и вообще живет на широкую ногу. Пайщики ничего с ним сделать не могут, от потребилки откачнулись, переходят в другую и вообще считают, что, ежели Волощука не уберут, быть кооперативу крышка».

Странно и непонятно: хозяева, а снять с работы и отдать под суд зарвавшегося преда не могут? Где местные организации и союз?

В деревне Свистовке Раньевского района была потребилка, которую в 1926 г. разворовала какая-то темная, торгашеско-спекулянтская публика. С той поры свистовцы затаили вражду к кооперативному движению и окружили необычайным вниманием открывшуюся на месте потребилки частную лавочку. Правда, частник «дерет», но свистовцы упорно не хотят слышать об открытии кооператива:

— Попробовали, хватит. Обойдемся лучше и без потребилки...

В Голынском потребобществе, Смоленской губ., два с половиной года работал приказчиком член правления гр. Романовский, явный кулак. В 1927 г. он арестовывается по подозрению в бандитизме, у него оказывается растрата 400 руб. Общее собрание эту растрату 20 мая 1928 г.... простило, при чем инструктор союза заявил:

— Растрата списана на усушки и на утечки, стало-быть, и говорить об ней поздно?!!

«С легкой руки гр-на Романовского, которому «простили», приказчик Бирюков растратил 723 руб., приказчик Воловия—600 р., приказчик Рогулев—150 руб., роздано на 600 руб. в долг товаров, ко всему этому ограбили кооператив на 2.500 рублей. Потребилка гибнет».

Гибнет и Жерелевская потребилка Спасдеменского уезд. Калужской г., потому что предправления бывший офицер, попал в преды за рюмку водки. Пайщики зажаты в когти растратчиков. Гр. Привалов поныне заведует мануфактурным отделением, хотя растратил несколько сот рублей, гр. Чайкин заведывал винно-гастрономическим отделением, растратил 700 руб., теперь переведен в другое отделение. Гр. Ильюшенков был уволен за растрату в потребилке, но был... принят (?) в сельхозкооперацию».

Есть слух, что растратчики «покрывают» свои растраты тем, что смешивают товары (напр., керосин с водой и т. д.).

Итак, пайщики зажаты в когти растратчиков, союз и участковый инструктор хлопают ушами. Что же, наконец, думают местные организации? А вот что: «Волком ВКП(б),—заканчивает селькор «Крестьянской Газеты», — от потребилки — в 6 верстах, а от масс — за 106 верст., В правлении есть коммунист, но тот бессилен, ибо... сам замешан в растрате».

При Ново-Торьяльском ПО Марийской области имеется товарный склад, который всего на месяц сроку попал в руки некоего гр. Воронцова, который осчастливил потребилку тем, что за этот месяц «прозаведывал» 500 руб. Ревкомиссия вместо того, чтобы отдать растратчика под суд «начала изыскивать способы, как бы скрыть растрату. Нашли выход: в розничной торговле на усушку, да на утечку полагается ¼%, а ревкомиссия «увеличила» эту норму до 1%».

Правление Лобойковской потребилки Серебряковского потребсоюза, как о том официально свидетельствует «Крестьянская Газета», состоит из председателя гр. Давиденко, интеллигента, пьяницы. Счетовод гр. Гжаров—бывш. деникинский офицер, вернувшийся с Черного моря «гол, как сокол», но, пробравшись в потребилку, сразу же разбогатевший; гр. Ковалев—бывш. белобандит, помогал контрразведке ловить семьи красноармейцев.

К этому «букету» подобралась и вполне «достойная» ревкомиссия: гр. Серпокрылов—кулак, сын церковного старосты, также белобандит; гр. Нечаев—явный бандит, руководил кулацким восстанием, вынес приговор о расстреле 12 красноармейских семей, случайно спасшихся подходом частей Красной армии.

Этот кооператив «работает» только на вышеозначенную братию—и больше ни на кого. Правление Серебряковского потребсоюза держится к нему непонятной линии, позволяя в течение 1½ лет, несмотря на разоблачения, царствовать и править этому букету мошенников.

По сети Арзамасского потребсоюза растраты растут. В Елатемском потребобществе в октябре 1927 г. ревизия обнаружила растраты у приказчиков гр. Борискова—на 434 руб., гр. Слепова—197 руб. плюс у него же недостача товаров—700 руб. в Нарвинковском потребобществе обнаружена подделка счетов, злоумышленное списание тары, а также на «усушки и утечки».

Из Елатемского общества в свое время был запрос от ревкомиссии и коопактива—прислать инструктора для ревизии, но Арзамасский союз три месяца мариновал это отношение, и лишь случайно (?) попавший по другим делам в потребилку инструктор обнаружил указанные растраты.

Сарьевская потребилка Вязниковского у. Владим. губ. работает из рук вон плохо. Почему? Потому, что пред. гр. Шаров мало обращает внимания на дела потребилки, а больше пьянствует.

Напр., на «покров» 1925 г., желая «совместить» поповский праздник и годовщину Октябрьской революции, он созвал гостей и на казенный счет устроил пьянку во-всю: «аж дым коромыслом стоял»,—свидетельствует селькор.

Такую же кооперативную попойку в день «покрова» устроил «актив» Кр.-Ясыльского потребобщества, Кунгурского округа, Уральской области. Собрались правление, ревкомиссия, счетовод и группа приближенных к ним пайщиков-кулаков. Это веселье было прервано, правда, милиционером, «накрывшим» кампанию в самом разгаре...

С.-Ивановское потребобщество устроило «смычку» с местным торгашем гр. Чудаковым по покупке у него сахара-рафинада, при чем в союзе сахар стоил 12 р., а Чудакову платили по 20 руб. пуд. За означенное содействие Чудаков поил водкой преда гр. Яцкова и члена правления гр. Петрова.

«Гуляли они, обычно, целыми ночами,—пишет селькор.—В лавку являлись через 1—2 дня с разбитыми физиономиями...

Пред. С. Степной потребилки, Бийского уезда, носящей неподходящее для нижеизложенного факта название «Путь Ленина», закупает железо, отдает его в кузницу для выделки... самогонных аппаратов, которыми снабжает своих «друзей».

Пред. Калининской потребилки, Юрьев-Польского уезда Владим. г. в пьяном виде приходит по ночам в потребилку, очень свободно прогоняет сторожа, отпирает лавку, забирает сколько нужно вина и уходит продолжать попойку.

Пред. Николаевской потребилки, Терского округа, гр. Хордик, поехал весной 1928 г. в Грозный с 5 подводами за товаром, но вернулся оттуда через несколько дней пьяным и с пустыми подводами. В общем хозяйничанье гр. Хордик уже «стоит» потребилке 700 р. растраты.

Ревкомиссия пишет о его действиях заявление, отсылает в Райсоюз, гр. Хордик в то же время «снимает» за это с работы ревкомиссию, угрожая им:

— А-а... критику да самокритику разводить вздумали. Я вам покажу, как мой авторитет подрывать!!!

Было созвано общее собрание. Пайщики стали требовать от преда отчета: куда он «дел» ревкомиссию, на что этот кооперативный «держиморда» или, мягко выражаясь, лакированный кооператор, дал следующий лаконический ответ:

— Дело это вас, уважаемые граждане, не касается. Все недовольные моим распоряжением могут... покинуть собрание.

Вместо того, чтобы, к примеру, подкинуть преда в ДОПР, наоборот, хозяевам потребилки предлагается... покинуть собрание и не совать носа в его, преда, личные хе-хе-дела...

25 апреля 1928 г. собралось 1.500 пайщиков слушать годовой отчет Тихорецкого потребобщества. Работа правления была признана вполне удовлетворительной, пайщики начали требовать его оставления. Однако, против этого восстал секретарь Тихорецкой парт'ячейки, который не взлюбил преда потребилки гр. Крылова за то, что тот, будучи сам членом партии, на собрании ячейки сказал, что «тихорецкие партийцы далеко не все состоят членами кооперации».

Долго боролось собрание против... одного секретаря ячейки. Наконец, тот встал и заявил:

— Идите или за гр. Крыловым, или за коммунистической партией...

«После такой постановки вопроса никто не посмел,—пишет селькор,—пойти против предложения секретаря ячейки»...

Выражаем уверенность, что гр. Хордик в Николаевской потребилке командовал и издевался над пайщиками потому, что местная парт'ячейка либо ему сочувствовала, либо просто... спала. В свою очередь, секретарь Тихорецкой парт'ячейки хотя и «напугал» пайщиков тем, что они идут против коммунистической партии, сам-то, однако, и от партии, и от заветов Ильича о кооперации находится... за миллион верст.

Казачье-Каменская потребилка Рыльского у., в правление которой вошли «передовые» люди деревни—бывший нарсудья гр. Плотников и демобилизованный красноармеец гр. Линивкин, означенными гражданами была растащена и разграблена. Они пьянствовали до упада, вовлекли в это дело «не твердую» ревкомиссию, счетовод на деньги потребилки спекулировал лошадьми на Украине и т. д.

Во время ревизии потребилки была обнаружена растрата 1.200 руб., но когда правленцы узнали, что их отдают под суд, они нашли способы сократить растрату (покрыли деньгами) до 460 руб. Судиться с растратчиками собрание выделило двух уполномоченных, однако, нарсудья 2-го участка Рыльского уезда «не признал» этих уполномоченных законными истцами и на этом основании прекратил дело.

Мы же, грешным делом, думаем, что замялось и прекратилось оно по старому знакомству судьи с «бывим» судьей...

Ревизионная комиссия Гагинской потребилки Сергачского уезда внешне работала хорошо, пайщики радовались:

— Наша ничего не упустит.

Но нагрянула инструкторская ревизия и обнаружила растрату у заведующего столовой-пивной гр. Соколова 900 руб., у преда... ревкомиссии оказалось набранным вперед по пивной на 150 руб. — при получаемом им 35-рублевом жаловании это — чуть ли не за полгода вперед.

Кипарисовская потребилка Владивостокского округа начала «чахнуть» вскоре по организации, т.-е. с 1924 года. Общее собрание пайщиков в 1927 г. обнаружило и причину: недостает товаров на 385 руб., роздано в долг—на 1.800 руб. Растратчики и раздаватели товаров отданы под суд.

Общество зачахло совершенно, а его приказчик Таманов потихоньку построил себе приличный домик...

II.

О борьбе с растратами в кооперации написано много книжек; многие товарищи ломают головы над изысканием наиболее реальных мер борьбы с этим злом.

Например, солидный областной кооперативный ленинградский журнал «Кооперативное Строительство» в номере 11 (май 1928 г.) соглашается, что да, действительно, кооперативные растраты растут и по Северо-Западной области, но почему? Слушайте:

«Большую роль в развитии растрат играет... чрезвычайно низкая зарплата, получаемая низовыми работниками. В 1925—26 году средне-месячная зарплата, получаемая работниками сельпо, равнялась 25 руб., в 1926—27 г.—30 руб., и в 1927—28 г.—32 руб. Если учесть, что в состав сельской сети входит и ряд крупных обществ, зарплата в которых не отстает от города, а также, что в числе работников, по которому вычисляется средняя, есть более или менее высокооплачиваемые служащие, то можно сделать вывод, что большинство торговых служащих-продавцов оплачивается по чрезвычайно низкой ставке в 15—20 руб. в месяц. Если такой продавец не имеет подсобного заработка в виде сельского хозяйства или чего-либо другого, то, не воруя, прожить ему трудно»...

Товарищ, написавший статью, и редакция журнала, ее печатающая, не сказали здесь главного: это—то, что они совершенно не знают деревенской жизни. Как бы мало ни получал счетовод, член правления, приказчик любой потребилки любого района, он в любом селе и в любом районе является богачом по своему материальному достатку против бедняцко-середняцкой массы крестьянства, а нередко живет лучше зажиточных, крепких крестьян и «кулаков». Кроме того, не менее 80 проц. наших сельских правленцев, приказчиков и даже счетоводов являются коренными жителями деревни, у которых или отцы, или братья, от которых и с которыми они не разделились, ведут крестьянское хозяйство. Самое меньшее, каждый из них имеет домик, огородик, пасеку и проч., что далеко не превращает таких работников в чистых пролетариев, вынужденных оплачивать наличными все: хлеб, квартиру, услуги. Следовательно, 20—25—30 рублей месячного заработка являются здесь в том или ином размере подсобным доходом, а не единственным источником прокормления.

Второе положение: мы привели два десятка фактов, собранных по различным губерниям. Мы их не подтасовывали, а брали на выдержку, как типичные. О чем они говорят? О том, что в Псковском округе имеются потребилки, в которых приказчики в той или иной форме растрачивают по 100—300 руб., потому что и «сам» предправления растратил 700 рублей. В Рязанской губернии за 4 года потребилка сменяет 18 приказчиков (все они, очевидно, сидели голодными, как доказывают ленинградские товарищи), там же правление растрачивает 1.000 руб. В Одесском округе гр. Волощук пролезает в правление путем подпаивания, тратит общественные денежки, одевается на них с иголочки, шикует. В Смоленской губернии потребилку доят кулаки и бандиты. В Калужской губ. потребилка в руках офицеров, церковных старост, кулаков, которые тратят сотни и тысячи рублей, устраивая себе,—извините, ленинградцы,—привольное житье, разлагая тем самым окружающее население. В Марийской области «бедный» гр. Волощук не успел добраться до кооперативного склада, как сразу «хапнул» себе на «прокормление» 500 руб. В потребилке серебряковского потребсоюза деникинский офицер гр. Гжаров был «гол, как сокол», а добравшись до потребилки сразу разбогател. Во Владимирской губ., Уральской обл., в Бийском уезде, в Терском округе потребилки гибнут от «пьяных» растрат и т. д. и т. д.

Во всех этих случаях нет и намека на «бедность», зато имеется громадная доля хищничества, наглости, бюрократизма, издевательства над кооперативной массой, стремление пролезть, взять в руки, сосать потребилку, как дойную корову.

Или такой пример: кооперативный актив, в подавляющей своей массе состоящий далеко не из «богатых» товарищей, а из тех же бедняков и середняков, в лице лавкомиссий, секций, оргпросветкомиссий, кооперганизаторов, на основе решений XV партс'езда призывается к широкой, порой хлопотливой, но, как правило, бесплатной общественной работе в кооперации. И мы видим, что уже формируется громадная армия активистов, которая со всей преданностью и самоотверженностью советских граждан ведет работу по налаживанию и укреплению кооперативного хозяйства.

И рядом с ними приказчики, счетоводы, правленцы стоят у руля кооперации и, видите ли, никак не могут прожить без воровства и злоупотреблений только потому, что они мало получают жалованья.

Поэтому мы утверждаем, что большинство кооперативных растрат происходит исключительно по той причине, что граждане и товарищи, будучи избраны или приняты на службу в кооперацию, начинают, во-первых, смотреть на нее, как на «свою» организацию, во-вторых,

сразу же желают жить, питаться, одеваться, проводить время неизмеримо лучше и веселее, чем избравшая их и доверившая им потребилки рядовая членская масса.

А это-то и является тем самым главным пунктом, на который должна быть направлена критика и самокритика кооперативных масс. Именно ко всем изложенным фактам и выводам как нельзя лучше применимы слова В. И. Ленина:

«У нас нет деловой, беспощадной, истинно-революционной войны с конкретными носителями зла. У нас мало воспитания масс на живых, конкретных примерах и образцах из всех областей жизни» .

Или слова из речи тов. Сталина:

«Я думаю, товарищи, что самокритика нужна нам, как воздух, как вода. Я думаю, без нее, без самокритики, наша партия не могла бы двигаться вперед, она не могла бы вскрывать наших язв, она не могла бы ликвидировать наши недостатки. А недостатков у нас много. Это надо признать открыто и честно».

Мы отнюдь не хотим свести вопрос о кооперативных растратах, злоупотреблениях, бюрократизме к категории лиц, для которых кооперативные идеи с ленинским планом и вся кооперативная работа есть нечто враждебное, вредное. Не одни, конечно, выброшенные за борт революцией торговцы, скупщики, ростовщики, трактирщики, белогвардейцы, волостные писаря могут разлагать и разлагают кооперацию.

Много зла происходит из-за неумения работать и вообще деловым образом поставить практическую хозяйственную работу кооператива.

Сюда относятся: неудачные закупки товаров, которые приходится потом понижать в цене и терпеть от этого убытки, отсутствие твердого внутреннего распорядка во взаимоотношениях с ответственными приказчиками и вообще служащими, отсутствие твердо установленных норм скидки на усушки и утечки, неосмотрительный отпуск в кредит товаров членам и посторонним гражданам, иногда «по хорошему знакомству», «по соседству», в результате чего добрая половина такой «дебиторской» («соседской») задолженности списывается на убыток, порча товаров от неумелого с ними обращения, увлечение пожертвованиями и выдача ссуд товарами и деньгами различным учреждениям и отдельным советским и партийным работникам, выдача авансов в счет жалования правлениям и служащим, неаккуратная отчетность по этим авансам, неудовлетворительно оборудованные и не содержащиеся в должной чистоте торговые помещения и т. д., работа без плана, собственнические, «начальственные» настроения.

Но эта категория недочетов кооперативной работы не может быть названа злоупотреблениями, так как чаще всего никакого злого умысла и вышеуказанной сознательной уголовщины в этих фактах нет. Это—кооперативная бесхозяйственность и общественная безответственность, большею частью происходящая из-за несознательного отношения к кооперативной работе и обязанностям, возлагаемым на каждого выборного и наемного работника кооперации.

Итак, основная беда—в недостатке опытных и преданных кооперативному делу людей. Партийные органы, кооперативная масса, только потому, скрепя сердце, и выдвигают на работу в потребилки бывших «торговых» людей, что еще не имеют возможности во всех случаях опереться на наших, молодых, советских кооператоров, основной грех которых обычно заключается в неумении работать. Но стрелы самокритики, все давление кооперированных масс должны быть в равной степени направлены на первую, полуспекулятивную,

полуголовную, публику, которую мы (а иногда—просто кулачье или подпоенная беднота) хотя и продолжаем выдвигать и терпеть в кооперации, но обязаны окружить ее железным кольцом коопактива, следить за каждым ее шагом, в каждом отдельном случае вести с нею беспощадную борьбу, не прощая, не милуя, а взыскивая до копеечки суммы причиненного кооперативу ущерба.

Что больше всего поражает при обнаружении фактов бюрократизма, растрат, бесхозяйственности,—это беспомощность пайщиков, неповоротливость коопактива.

Гр. Волощук грабит Ново-Екатериновскую потребилку, одевается с иголочки, а пайщики «ничего не могут с ним сделать». В Краснопрудской потребилке проворовались четыре приказчика, и предправления, сам растративший 700 руб., «не хочет ни их, ни себя отдавать под суд». Пайщики опять бессильны. В Лобойковской потребилке пьяницы, белогвардейцы и кулаки с таким же «составом» ревкомиссии пропивают потребилку,—пайщики молчат. Пред. Николаевской потребилки, пьяница и растратчик, предлагает собравшимся поговорить о его «поведении», пайщикам—покинуть зал собрания и т. д. и т. д.

Мы спрашиваем: где в это время были лавкомиссии, оргпросветкомиссии, кооперганизаторы, группы и собрания бедноты (для того, чтобы разогнать пьяную банду можно созвать хотя несколько собраний бедноты), где участковый инструктор потребсоюза, где, наконец, местные партийные и комсомольские организации?

Очевидно, или их не было вовсе, или они смотрели сквозь пальцы, или они чувствовали свое бессилие и «боялись» вмешаться в творимые преступления. Все они, очевидно, не вели «деловой, беспощадной, истинно-революционной войны с конкретными носителями зла», о чем нам завещал В. И. Ленин.

Вот почему, говоря о формах самокритики, борьбы с бюрократизмом и преступлениями, мы заявляем: нам в кооперации нужна самокритика, бьющая одним концом по аппарату, другим концом—по самим пайщикам, указывая, какие непростительные преступления, промахи, издевательства бюрократов, пьяниц и растратчиков происходят только из-за того, что массы и коопактив не проявляют должной активности в контроле за работой и поведением избранных ими правленцев.

Далее, нам необходима такая самокритика, которая не только направлялась бы по «начальству», а била бы в цель. Напр., ревкомиссии выставляются нами органами, которые должны организовать самокритику, привлечь к этому делу кооперированные массы. Но если попадаются ревкомиссии, которые начинают дуть с пьяными правлениями в одну дудку, тогда с ними нечего церемониться, а быстро и решительно, через их голову, должен действовать остальной коопактив и рядовая пайщицкая масса.

Мы утверждаем, что если каждый месяц около каждой потребилки будут созываться собрания актива и группы бедноты, будут регулярно созываться квартальные или полугодовые собрания пайщиков и собрания бедноты, если на большинстве этих собраний будет присутствовать инструктор, если местные организации, строго выполняя постановления XIV партконференции, перестанут навязывать пайщикам неугодных кандидатов, наоборот,—снимать с работы угодных, как это имело место в Тихорецкой потребилке, кроме того, если участковый или районный инструктор союза сумеет сосредоточить больше делового внимания местных партийных органов на работе кооперации, когда сметы доходов и расходов и планы работ потребилок будут проверяться ревкомиссией и на собраниях актива,—если все это и многое другое не на словах, а на деле начнет проводиться, выполняться, каждым инструктором

каждодневно поддерживаться и насаждаться,—тогда мы сможем смело сказать, что, во-первых, мы в потребкооперации организовали деловую самокритику и борьбу с бюрократизмом, во-вторых, не только не приостановим, но начнем серьезно снижать суммы растрат, хищений, убытков от бесхозяйственности, на деле приступим к искоренению бюрократизма, издевательства, попрания прав пайщиков.

Полагаем также, что во всей этой работе комсомол, как легкая кавалерия, женщины, как более активная и бескорыстная сила, должны быть впереди, служить примером.

Общий ответ потребсоюзов, запрашиваемых в 1927—28 г. о причинах роста растрат, таков: растраты растут из-за ослабления инструкторской ревизии. Поверим этому определению. Однако, что из него следует? То, что, оказывается, растратчиков и растраты могут накрывать, пресекать, вскрывать главным образом приезжающие и уезжающие в каждую потребилку инструктора, но не местный коопактив и кооперативная масса. Вывод, говорящий далеко не в пользу кооперативной общественности, кроме того, вывод получиновничий, казенный: ибо, если каждая растрата будет ждать приезда инструктора, чтобы он ее раскрыл и преподнес, так сказать, во всей красоте ее преступности в готовом виде на блюде пайщикам и активу,—то кооперативная система не скоро покончит с растратами.

Наоборот, призывая актив и массы всякий раз смотреть в оба за работой своей потребилки, мы говорим: каждый инструктор первым отвечает за растраты по его сети перед правлением союза. На местах за растраты отвечают первыми ревкомиссия, актив, вся масса пайщиков и во вторую очередь—инструктор.

И если, например, в 1927—28 году инструктора «отвлеклись» на проведение важнейших государственных кампаний и не сумели сделать положенное число ревизий, то из этого факта вытекает следующее: во-первых, такое «отвлечение» инструкторов,—далеко, ведь, не на «постороннее» для потребкооперации дело,—возможно и в будущем, во-вторых, чем меньше по об'ективным причинам инструктор уделяет внимания данной потребилке, тем большую бдительность, внимание, неослабный контроль должен проявлять группирующийся около нее кооператив и вся пайщицкая масса.

Два слова о роли инструктора в борьбе с растратами. В апреле 1928 года на с'езде уполномоченных Белгородского райпотребсоюза демонстрировался факт, как инструктор этого союза продержал в портфеле два месяца без всякого движения акт о растрате в 2.000 рублей, который он был обязан немедленно передать в суд.

Весной 1927 года инструктор Курского райсоюза, ревизуя Долговское ПО «Свобода», способствовал скрытию крупной растраты, что было обнаружено лишь вторым инструктором, при чем первый за означенное деяние пошел под суд.

Мы полагаем, что это—вопиющие факты. Они не должны иметь места в нашей практике. В борьбе с растратами инструктор должен быть четок, честен, непримирим. Гибелью для строительства кооперации и общественности являются факты, когда население перестает доверять инструктору. Инструкторский престиж должен стоять высоко. Инструктор—такой же инспектор РКИ, который для своих работников не допускает никаких компромиссов, отступлений от общественного долга.

III.

Самокритика, борьба с бюрократизмом, растратами, бесхозяйственностью,—все это в конечном счете должно приводить кооперативную систему

к всесторонней рационализации всех звеньев и всех сторон и областей ее работы.

В мае тек. года НК РКИ приступил к проверке выполнения государственными и кооперативными учреждениями директивы о сокращении 20 проц. адм.-управл. расходов, при чем, не имея возможности послать в каждое хозяйственное и кооперативное учреждение своих инспекторов, РКИ обратилась с особым письмом к ячейкам и завкомам, производственным комиссиям и совещаниям, к коопактиву организовать собственными силами проверку этой работы в своих учреждениях.

Это—в высшей степени своевременное предложение. Полагаем, что напр., инструктора кооперации тоже могли бы обратиться с таким предложением к коопактиву городских, рабочих и сельских потребилок. Он, коопактив, должен быть так воспитан инструктором, чтобы всякий раз точно знал, как выполняются аппаратом потребилок директивы по рационализации аппарата, какие имеются отклонения, нарушения, невыполнения и кто в них виноват.

Держа в руках приходо-расходную смету потребилки, коопактив будет выполнять одно из главных условий рационализации—именно экономного, добросовестного ведения хозяйства.

В свою очередь Наркомторг РСФСР в июне с. г. указал, что за всей работой товаропроводящей сети должен быть установлен широкий общественный контроль.

«Кооперативные организации,—говорится в директиве НКТ,—должны усилить активность ревизионных комиссий, изучить опыт их работы, привлечь членов комиссий к рассмотрению жалоб на недочеты торговли. Планы работ ревизионных и лавочных комиссий должны быть согласованы. Перед местными торгующими организациями необходимо поставить вопрос о расширении сети лавочных комиссий и о постоянном учете их работы».

Вторым после смет и расходов важнейшим пунктом рационализации является вопрос о торговых и складочных помещениях и упрощении методов торговой техники. Мы уже указывали, что торговая сеть частника свертывается быстрее плановых предположений. Никто об этом,—и меньше всего кооператоры,—не тужит, но открывать на месте закрытой частной лавки лавку, ларек, палатку кооперации мы обязаны. Кроме этого, и, так-сказать, капитальная-то лавочная сеть потребкооперации, во-первых, никогда не была образцовой, во-вторых, за прошедшие за время нэпа годы поизносилась. Отсюда—без крупных затрат на лавочное строительство, т.-е. без постройки новых, капитального подновления старых лавок и магазинов, мы никакой рационализации в существующее положение с торговлей не внесем.

Как быть здесь и можно ли установить какую-либо связь между массовой работой и строительством торговой сети? Полагаем, что можно. Во-первых, строительство в городах, как это показали неоднократные обследования РКИ, многие лица и учреждения ухитрялись вгонять в такую копеечку, что волосы дыбом становились, а воздвигнутые постройки все-же... никуда не годились. То же самое может получиться и в кооперации. Поэтому, не кто иной, как опять коопактив должен взять в свои руки все сметы по строительству и ремонту торговых помещений, требуя доклада о них на общих собраниях актива, вникая в каждую графу расхода, внося поправки, предложения, беспощадно критикуя и разоблачая всякие подтасовки, скрытые взятки, проверяя добросовестность подрядчиков, заставляя правленцев «семь раз примерять и один—отрезать», и т. д.

Во-вторых, около лавочного строительства должно быть мобилизовано мнение широких кооперативных масс в отношении сбора на самодеятельных началах средств на это строительство внутри самого населения.

Известно, что десятки тысяч церквей на нашей «святой Руси» возникли и построились на добровольные подаяния верующих. Значит, когда верили в бога, хотели иметь церковку, да еще хорошую, «лучше, чем в ивановском-то приходе»,—тогда сыпали медные гроши на поповскую тарелку и...

— ... Так из лепты трудовой,
Вырастали храмы божии
По лицу земли родной... (Некрасов).

Может показаться «революционной», но, конечно, неизмеримо ближе для интересов пайщика такая постановка вопроса: хотите, чтобы лавка была чистая, да просторная, да светлая, с книжной полкой, с скамейкой, на которой покупатель мог бы отдохнуть,—так вносите на это, например, долгосрочные, на 1—2 года вклады. Чудно и не привычно? Ничего, привыкаем же к тому, что столетиями освещенные храмы превращаются в клубы, избы-читальни, народные дома. Так почему же удивляться, что культурная кооперативная торговля, которую русское крестьянство не видело никогда, начинает некоторым образом занимать место катящихся под откос церквей, монастырей и храмов?

Практический результат здесь для каждой потребилки может быть громадный. При 1½—2 тыс. пайщиков таких вкладов,—на которые будут платиться проценты и которые не жертвуются, а лишь ссужаются в долг на полезное для самих же пайщиков дело,—потребилка может собрать 4—5 тысяч рублей, из прибылей отчислить толику, из центрального фонда на лавочное строительство получит небольшую часть,—вот уже и есть полная возможность выстроить прекрасные одну — две лавки, контору, двор для приезжающих, комнату для уголка и др.

Затем, рационализация предполагает плановое выявление потребностей пайщиков и плановое же покрытие таковых. Отсюда же проблема выявления потребительского спроса и организация предварительных заказов потребителей на товары есть, с одной стороны, плановая, с другой стороны—проблема рационализации торговли.

Это дело налаживается у нас плохо, хотя директивы XV партс'езда прямо возлагают эту обязанность на потребкооперацию. Дело организации, напр., предварительных заказов не столько трудное, сколько новое и в силу этой новизны для населения непривычное. Обыватель, торговец, кулак, зажиточный крестьянин и теперь еще продолжают бурчать под нос, а нередко высказывают эту мысль и при народе, внедряют соседям, о том, что «раньше-то разве так торговали», «раньше все было, а теперь кругом недостаток в нужных товарах» и т. д. Заканчиваются обычно эти разговоры тем, что «раньше купцы да фабриканты работали, они умели, а вот, кооперация не справляется»...

Мы подчеркиваем, что такие разговоры ведутся преимущественно в деревне, при чем определенной категорией антисоветских лиц, и рассчитаны на отсталость крестьянской массы. Большого вреда они не приносят, но обязывают нас резче и выпуклее ставить перед кооперированной массой новые принципы, новые порядки в ведении советской торговли, которая мыслится нами в форме планового распределения между трудящимися по плану же заказанных и изготовленных промышленностью товаров.

Эта истина нами еще не популяризировалась и не внедрялась в сознание трудовых масс потребителей. Совокупность мероприятий массовой работы потребкооперации еще не была напра-

влена на раз'яснение, что на ряду с редко практиковавшейся «прежде» хорошей торговлей, она, свободная купецкая торговля, целиком строилась на правиле: «не обманешь — не продашь», на всучивании неопытному покупателю всякой ненужной дряни, брака, заведомо порченого товара. А сравнивая старое с новым, необходимо быть об'ективным и широко разоблачать указанные «прелести» кулацкой торговли, раз'ясняя массам, что советская торговля, наоборот, имеет быть, при прямой поддержке масс, построена так, чтобы путем предварительных заказов дать потребителю только нужный и доброкачественный товар.

Когда заводишь с инструкторами разговор на тему об организации предварительных заказов, обычен ответ:

— Какие могут быть заказы, когда на рынке недостает мануфактуры, кожи, железа? Разве в период бестоварья можно иметь успех у населения с предварительными заказами? Вот когда промышленность заработает как следует, тогда другое дело...

Такая точка зрения нам непонятна. Значит, когда товаров много, тогда организовывать на них заказы можно и целесообразно, когда их мало — работа становится неинтересной. Явная чепуха. Именно в условиях товарного голода система предварительных заказов становится особенно необходимой, так как является наиболее актуальным средством равномерного распределения между потребителями недостаточных товаров.

Формы для начала этой важнейшей работы могут быть разные. Мы рекомендуем,—что уже проверено опытом ряда губерний,—проведение особых дней, недель или месячников «выявления потребительского спроса» по районам отдельных потребилок. Актив обходит крестьянские хаты, записывает заявки семьей, которые потом суммируются в правлении.

В каждом отделении, магазине, лавке должны быть особые книги, на ряду с жалобными, в которые пайщики записывают необходимые им товары и предметы, в данное время не имеющиеся в продаже. Эти книги просматриваются правлением и продавцами 1—2 раза в неделю, но обязательно перед каждой поездкой за товаром или отправкой заказа на товар.

На каждом собрании актива, квартальном, полугодовом, годовом собрании пайщиков, групп и собраний бедноты, необходимо ставить информационные сообщения на тему (примерно) «наш ассортимент и наши заявки».

Приступая к составлению торгового плана, правление и актив путем указанных и других форм обязательно учитывают требования пайщиков.

Все это постепенно будет приучать пайщика-потребителя к тому, что обеспечить себя в срок нужным, хорошего качества товаром можно, лишь заранее сделав на него заявку, лучше всего к тому же подкрепленную денежным авансом. А это как раз то, что необходимо нам наладить на первое время для практического разрешения вопроса о предварительных заказах.

В заключение о ценах.

Контроль масс за ценами также не будет снят с очереди в течение ряда лет. Систематическая организация лавкомиссиями и другими органами коопактива контрольных закупок, проверка норм наценок и расходов с фактическими, требование вывешивания в каждом торговом предприятии подробного прейскуранта цен,—эти вопросы должны постоянно включаться в планы работ коопактива.

Инструктор, в свою очередь, должен следить за этой работой, освещая сам и предлагая правлениям подробно раз'яснять пайщикам на квартальных собраниях политику цен для каждого данного момента.

А. Ротштейн.

Полевение рабочих масс Англии и положение рабочей партии на выборах.

1. Рабочая партия на выборах в 1927—28 гг.

В ходе дискуссии о новом политическом курсе английской компартии не раз делались ссылки на опубликованный нами в январском номере «Labour Monthly» подсчет голосов, поданных на ноябрьских муниципальных выборах в 10 главных промышленных центрах. Этот подсчет дает следующую картину [1]):

Города	Число голосов								
	Консерваторы			Либералы			Рабочая партия		
	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Глазго	117.233	88.404	121.503	—	—	—	110.429	108.286	104.941
Манчестер и Сальфорд	77.817	59.907	71.498	23.543	22.374	32.727	77.768	78.329	61.420
Бирмингам	69.181	56.856	85.923	2.924	7.070	3.004	48.576	68.013	71.307
Ливерпуль	59.167	49.472	56.208	7.905	3.578	9.627	48.153	53.630	63.909
Шеффильд	34.919	41.536	50.166	—	—	—	35.719	65.718	51.692
Лидс	26.120	38.630	45.907	23.969	18.584	23.035	39.633	54.987	47.699
Эдинбург	38.552	29.914	53.626	—	—	—	25.872	31.318	37.372
Бристоль	47.046	38.992	45.374	—	—	—	36.983	36.726	38.662
Брэдфорд	23.985	15.704	26.333	23.700	28.618	20.638	33.655	42.431	43.194
Ньюкестль	18.761	24.629	11.747	—	—	—	14.669	22.306	15.001
	512.781	444.044	568.285	82.041	80.224	89.031	471.457	561.744	535.197

Приведенные цифры показывают, что тогда как в 1926 г. (в последний месяц забастовки углекопов) рабочая партия получила больше голосов, чем либералы и консерваторы вместе, в 1927 г. за одних консерваторов было подано больше голосов, чем за рабочую партию. Количество голосов, поданных за буржуазные партии, поднялось, поданных за рабочую партию упало. То же самое наблюдалось и во многих других промышленных округах, а также на дополнительных парламентских выборах в 1927 г. В последнем отношении особенно показателен пример Соутверна, где количество голосов, отданных рабочей партии, упало с 8.115 в 1924 г. до 6.167 в 1927 г., а количество голосов, собранных обеими буржуазными партиями, поднялось за это же время с 10.390 до 10.539, при чем либералы увеличили число своих голосов на 250. И даже в Брикстоне, где консерваторы получили в 1927 г. 10.358 голосов против 15.755 в 1924 г., число голосов, поданных за либералов, увеличилось от 4.871 до 5.134, а поданных за рабочую партию уменьшилось от 7.210 до 6.032.

В январском номере «Labour Monthly» из этих цифр был извлечен следующий урок: «Разумеется, даже проводимая лидерами политика после-

[1]) Когда выступал только один буржуазный кандидат, мы причисляли его к консерваторам; беспартийные кандидаты, не бывшие явными тори, не приняты во внимание.

дovательного классового сотрудничества не может, по крайней мере на первых порах, преодолеть об'ективную ситуацию упадочного английского капитализма, толкающую английских рабочих влево прямым нажимом на их семейный очаг и детей, на их элементарные права и свободы. Десятки, может быть, даже сотни тысяч рабочих, впервые пробужденные к политической жизни этим нажимом, без сомнения, голосуют и будут голосовать за рабочую партию, совершенно не входя в разбор ее политики. Знаменательно, что прирост голосов, поданных за рабочую партию на дополнительных выборах 1927 г., приходится на менее промышленные избирательные округа, каковы Маркет Босуорт (прирост в 2.500 гол.) и Соутенд (прирост в 1.300 гол.).

«Однако, настоящей пробой пролетарской партии служит ее способность овладевать прежде всего политически наиболее развитыми рабочими; и вот как раз пример Брикстона и Соутворка весьма точно и обстоятельно доказывает, что наиболее активные рабочие разочаровались в политике рабочей партии и что их уже нельзя было увлечь на работу за кандидатов этой партии с такою легкостью, как прежде. На выборах в буржуазные парламенты с их территориально обширными избирательными округами работа члена избирательной комиссии, собирателя голосов, разносчика листовок, предвыборного агитатора имеет огромное значение. Эту работу обычно выполняют наиболее преданные, энергичные и боевые элементы из местных партийных кругов. И вот как раз эти-то рабочие не только отвернулись от партии из-за ее политики классового сотрудничества, но во многих случаях (по крайней мере в тех двух, о которых мы сейчас говорим, в Брикстоне и Соутворке) были фактически устранены от предвыборной работы местными реформистскими функционерами.

«Поэтому, когда мы говорим, что политика классового сотрудничества и решения Ливерпульского с'езда рабочей партии от 1925 г. стремятся вытравить из рабочей партии ее пролетарскую душу, то это не просто словесный оборот. Фактически происходит именно вытравливание основного ядра активных рабочих, которые должны быть мозгом, мускулами, нервами и душой всякой политической организации рабочего класса».

Прекрасной иллюстрацией сказанного может служить письмо одного рабочего, опубликованное в «Workers Life» от 16 декабря. Оно лишний раз подтверждает правильность нашего заключения, что разочарование охватывает именно активное меньшинство рабочего класса—живую душу рабочего движения. Вот текст письма: «Тактика, усвоенная функционерами и реакционными членами Скьюэнского отдела рабочей партии согласно инструкциям из Эккльстон-Сквера (улицы, где помещается исполком рабочей партии), раскалывает рабочее движение в этом районе сверху донизу.

Среди членов рабочей партии здесь есть два коммуниста, которых поддерживает неорганизованная группа левых, твердо стоящих за признание коммунистов. Партийные чиновники сделали все на свете, чтобы устранить нас, но все их усилия пропали даром. Что же получилось? Видя, что организация все больше откликается на призыв коммунистов, партийные чиновники закрыли двери рабочей партии. За последние пять месяцев не было ни одного собрания: никакое давление не помогает; многие рабочие впадают в апатию; движение замерло совершенно».

2. Кто разочаровывается в рабочей партии.

Из сообщенных фактов и цифр не следует, однако, что мы присутствуем при общем массовом отходе от рабочей партии, или что такой отход произойдет в ближайшем будущем, как иногда утверждали в наших партийных спорах. Так, в № 3—4 «Большевика» (стр. 79—81) тов. Мерфи говорит об «охваченных разочарованием массах рабочей партии», которые необходимо «оторвать от политического руководства рабочей партии, ибо иначе все их протесты пропадут даром».

Здесь дело изображается так, будто могучая волна негодования уносит массы прочь от рабочей партии и будто массы охвачены ожиданием, что из рядов нашей партии выйдет новое руководство. А о нашей партии говорится, что она «плетется в хвосте наиболее отсталых рабочих» и добровольно отказывается использовать превосходную обстановку.

Статья тов. Мерфи была написана уже давно, до того как ЦК нашей партии и вся партия в целом обсудили резолюцию пленума о тактике английской партии и почти единогласно одобрили ее.

Долго можно было бы говорить о преувеличениях в этой статье тов. Мерфи (например: «Полное подчинение нашей независимости избирательным перспективам рабочей партии и совершенно формальный подход ко всему вопросу о политической борьбе. Это проходит через всю деятельность нашей партии»). Но не в преувеличениях тов. Мерфи суть дела.

Важно то, как оценивается отношение масс к рабочей партии. Ибо именно эта оценка, якобы основанная на приведенных выше цифровых данных, повлекла за собой—я не говорю: у тов. Мерфи или у ЦК английской компартии, но у некоторых товарищей—полный пересмотр нашей тактики в отношении левого крыла, вхождения в рабочую партию и т. д. В конце-концов, раз массы покидают рабочую партию, а мы выступаем под нашим партийным знаменем совершенно самостоятельно, то к чему нам такой заведомо трудный путь, как организация «левого крыла» внутри партии, которую мы об'явили социал-демократической? Или к чему бороться за вхождение в партию, от которой отворачиваются ее собственные члены? И так далее.

Опасность этих слишком поспешных заключений в том, что они могут, если их не исправить, привести к замешательству и разочарованию в наших собственных рядах. Как согласовать, например, картину, нарисованную тов. Мерфи, с итогами дополнительных выборов в 3 крупных промышленных районах в 1928 г., свидетельствующими о некоторой стабилизации избирательных успехов рабочей партии по сравнению с обеими буржуазными партиями?

	Число голосов			
	Рабочая партия		Буржуазные партии	
	1924 г.	1928 г.	1924 г.	1928 г.
Нортгамптон (январь)	15.046	15.173	25.453	25.293
Линлитгоу (март)	14.123	14.446	14.765	14.958
Гарли (апрель)	13.527	15.136	11.973	11.994

Далее, выборы в совет Лондонского графства—в районах с многочисленным фабричным населением, где рабочая партия выдвигает своих кандидатов,—дали следующие результаты (для каждого кандидатского списка берем максимальное число голосов):

	1925 г.	1928 г.
Консерваторы	273.184	267.186
Либералы	55.586	91.188
Рабочая партия	230.624	251.585

Таким образом, по всему Лондону (около 1.950.000 избирателей) число голосов, поданных за обе буржуазные партии вместе, увеличилось приблизительно на 30.000, тогда как рабочая партия увеличила число своих голосов на 21.000. Я опускаю число голосов, собранных в 1928 г. коммунистами и левым крылом, так как оно не имело влияния на исход выборов.

Если учесть, что в 1928 г. либералы выставили в два с лишним раза больше кандидатов, чем в 1925 г., и притом всех, кроме 12, в районах, где выступали и «рабочие» кандидаты, то сравнительная стабилизация избирательных успехов рабочей партии станет совершенно очевидной.

Как об'яснить эти новые факты и цифры? Дело в том, что «сдвиг рабочих влево» не есть простой процесс, выливающийся в форму общего массового разочарования в рабочей партии, при полной сплоченности рабочих, как можно было бы думать на основании изложения тов. Мерфи. Рост влияния нашей партии и исход апрельских выборов в попечительства о бедных доказывают в положительной форме то же самое, что отрицательно доказывается вышеприведенными цифрами, а именно, что разочарование в рабочей партии охватывает наиболее передовое меньшинство **рабочего актива** (10—15% организованных рабочих, посещающих профсоюзные собрания своих отделов; около 400.000 индивидуальных членов рабочей партии; читатели «Daily Herald» и т. д.). Мы можем претворить, мы претворяем и мы должны еще энергичнее претворять это разочарование в организационное усиление нашей партии.

Но одновременно сдвиг влево проявляется в форме пробуждения широких рабочих масс от политического индиферентизма к политической жизни (в связи с обострением классовой борьбы); сюда относятся: миллионы избирателей, голосовавших прежде за либералов или консерваторов или не голосовавших вовсе; 70—80% организованных рабочих, никогда не посещающих профсоюзных собраний; миллионы, не читающих даже «Дейли Геральд». К этим миллионам мы пока еще просто физически не в состоянии подойти с нашим партийным аппаратом; для них рабочая партия остается пока единственной реальной «оппозицией», которую они знают. Медленное пробуждение этих миллионов и увеличило число голосов рабочей партии с 381.000 в декабре 1910 г. до 1.754.000 в декабре 1918 г. и затем до 5½ млн. в октябре 1924 г. И имеющиеся факты не дают оснований утверждать, что на этом дело остановится, хотя более резкий курс, принятый коммунистической партией, равно как и обострение классовой борьбы, помогут сократить период временной «задержки» рабочих на линии рабочей партии.

3. Рабочая партия на выборах в 1921—22 гг.

В этой связи следует отметить один факт, о котором обыкновенно забывали в недавних спорах и который заключается в том, что и раньше мы имели случай определенного и резкого падения голосов рабочей партии, вызвавшего даже тревогу в широких кругах рабочего движения. И случалось это при обстоятельствах, весьма напоминающих настоящий момент, именно в полосу депрессии и разочарования, охватившего активную часть рабочего класса в 1921 и 1922 годах (особенно в последнем) в виду затянувшегося победоносного наступления капиталистов на заработную плату и рабочее время при одновременном предательстве реформистских лидеров в гигантском, дотоле небывалом масштабе.

Общее число голосов, поданных за рабочую партию на общих выборах в ноябре 1922 г., показало громадный прирост против соответствующих цифр за декабрь 1918 г.—4.248.000 против 1.754.000. Но сравнение итогов дополнительных выборов в начале 1921 г. с результатами в тех же избирательных округах в ноябре 1922 г. дает совсем другую картину. Не только было потеряно 13 мест из 15, выигранных на дополнительных выборах после декабря 1918 г.,—анализ результатов дополнительных выборов в 18 округах за время от марта 1921 г. до октября 1922 г. обнаруживает при сравнении с итогами общих выборов в ноябре 1922 г. совершенно такое же движение, какое имело место в 1927 г., т.-е. относительное или абсолютное падение

голосов рабочей партии сравнительно с голосами, поданными за консерваторов и либералов.

Вот цифры (заметим, что в промышленных округах эта тенденция выразилась более определенно, чем в полуаграрных районах):

			Рабочая партия	Буржуазные партии
Дедли	март	1921 г. . . .	10.244	9.968
	ноябрь	1922 „ . . .	8.522	12.876
Пенистон	март	1921 „ . . .	8.560	15.107
	ноябрь	1922 „ . . .	8.382	16.524
Вульвич	март	1921 „ [1]) . .	13.041	13.724
	ноябрь	1922 „ . . .	15.620	11.714
Бедфорд	апрель	1921 „ . . .	9.731	14.397
	ноябрь	1922 „ . . .	5.477	21.249
Гастингс	май	1921 „ . . .	5.437	15.925
	ноябрь	1922 „ . . .	6.492	13.991
Хейвуд и	июнь	1921 „ . . .	13.430	18.896
Радклиф	ноябрь	1922 „ . . .	15.334	19.016
Керфилли	август	1921 „ . . .	16.291 [2])	8.958
	ноябрь	1922 „ . . .	16.082	12.057
Вестхоутон	октябрь	1921 „ . . .	14.876	10.867
	ноябрь	1922 „ . . .	14.846	11.927
Соутворн, Ю.-В.	декабрь	1921 „ . . .	6.561	4.943
	ноябрь	1922 „ . . .	7.731	10.014
Клейтон	февраль	1921 „ . . .	14.662	11.038
Манчестер	ноябрь	1922 „ . . .	14.789	14.800
Кембервель, С.	февраль	1922 „ . . .	7.854	6.719
	ноябрь	1922 „ . . .	8.320	8.006
Ульверхемптон, З.	март	1922 „ . . .	13.799	16.790
	ноябрь	1922 „ . . .	15.190	17.738
Кембридж	март	1922 „ . . .	6.954	15.426
	ноябрь	1922 „ . . .	4.810	18.243
Лейстер	март	1922 „ . . .	14.062	15.535
	ноябрь	1922 „ . . .	13.850	15.164
Гламорган	июль	1922 „ . . .	13.296	9.841
Гоуэр	ноябрь	1922 „ . . .	13.388	11.302
Гламорган	июль	1922 „ . . .	16.630	12.550
Понтиприд	ноябрь	1922 „ . . .	14.884	16.661
Ю. Хекки	август	1922 „ . . .	9.046	9.118
	ноябрь	1922 „ . . .	9.276	14.017
Ньюпорт	октябрь	1922 „ . . .	11.425	22.356
	ноябрь	1922 „ . . .	16.000	19.019

По всем районам, в которых выступали кандидаты всех трех партий, результат голосования был следующий:

	Рабочая партия	Либералы	Консерваторы
На дополнительных выборах в 18 округах, март 1921 г., октябрь 1922 г.	205.859	38.090	193.968
В тех же округах на общих выборах в ноябре 1922 г.	208.996	43.687	220.631
Прирост	3.137	5.597	26.663

Необходимо заметить, что на муниципальных выборах, происходивших на несколько дней раньше, та же тенденция обнаружилась еще более резко. Обратим также внимание на то сходство тогдашней ситуации с нынешней, что и тогда избирательная программа рабочей партии уклонялась от постановки каких бы то ни было классовых вопросов. «Это уклонение,—

[1]) В этом округе, где наша партия была довольно сильна, она использовала на выборах все свое влияние, чтобы удержать рабочих от отдачи своих голосов кандидату рабочей партии, Макдональду.

[2]) Включая и голоса коммунистов.

заявила в то время наша партия,—достигнуто ценою отказа от элементарнейших требований пролетарской борьбы, в которой рабочая партия имеет свои корни и вне которой она не может существовать. Избирательная программа рабочей партии очищена от всякой связи с рабочим классом». «New Statesman» писал: «По всем вопросам иностранной политики и почти по всем вопросам внутренней политики между либералами и рабочей партией нет никаких серьезных разногласий».

В цитированном только-что заявлении говорилось далее: «Если что спасло на этот раз рабочую партию и вопреки всем пророчествам снова подняло ее на ноги после провала на муниципальных выборах, так это действия ее противников, подчеркнувших классовый характер вопроса о налоге на капитал. Благодаря этому избирательная борьба рабочей партии приобрела против ее собственной воли классовый характер». Но приведенные выше итоги дополнительных выборов убеждают нас в том, что если бы мы могли сравнить тогда данные общих выборов с данными каких-нибудь выборов от начала 1921 г., то никакой избирательный маневр консерваторов и либералов (хотя бы даже связанный с проектом добавочного налога или каким-нибудь другим «радикальным» проектом из нынешнего арсенала рабочей партии), не был бы в состоянии скрыть от нас действительный «провал» рабочей партии.

И хотя наш вывод тогда, как и теперь, гласил: «Курс на уничтожение пролетарской программы с целью завоевания промежуточного класса является ошибочным... Достигнутая таким путем поддержка не будет прочной: она исчезнет, как только встанет на очередь какой-нибудь вопрос, жизненно важный для рабочего класса... Рабочие отвернутся, а промежуточный класс не будет действительно завоеван»,—все же оказалось, что этим вопрос не решается окончательно. Мы знаем, что следующие общие выборы (1923 г.) дали рабочей партии дальнейший прирост до миллиона (в обстановке, при которой рабочая партия не могла рассчитывать на голоса промежуточных элементов).

4. Чем об'ясняются избирательные успехи рабочей партии.

В 1922 г. поверхностный наблюдатель, видя, как экономические поражения, предательство лидеров и общая депрессия отражаются на ходе выборов, мог бы заключить, что совершается массовый отход от рабочей партии и что этот отход, в случае продолжения реформистского курса лидеров, будет принимать все более широкие размеры. События показали, однако, что такой вывод был бы ошибочен: уже исход дополнительных выборов в последнем из перечисленных выше округов (в Ньюпорте) свидетельствовал о переломе, начавшемся как раз ко времени общих выборов.

Чем это было вызвано? Изменениями в настроениях и политике реформистских вождей рабочей партии? Едва ли: год спустя, накануне общих выборов в декабре 1923 г. «Labour Monthly» писал (и это, несомненно, выражало точку зрения всей партии), что «нынешним лидерам не к лицу выступать с пролетарской программой: они слишком далеко зашли в своем путанном эклектизме и капитулянтстве. Избирательная программа рабочей партии—вялая программа, представляющая собой набор устаревших требований без внутреннего стержня и ясного направления и заменяющая социализм отвлеченной моралью». Курс, взятый рабочей партией в 1923 г.— в вопросах о рурской оккупации, о неофициальной стачке докеров и т. д.— тоже едва ли мог быть причиной рассматриваемого явления, потому что так называемые «левые» лидеры были известны почти только по именам тем миллионам, которые отдали рабочей партии свои голоса в 1923 и 1924 г.г. Наконец, нельзя утверждать, что новый под'ем рабочей партии был вызван

той поддержкой, которую оказали ей на выборах коммунисты (осенью 1922 г. мы в конце-концов сняли всех наших парламентских кандидатов, выступавших против кандидатов рабочей партии). Хотя конец 1922 г. и 1923 год были отмечены благоприятным поворотом в судьбах нашей партии, мы все-таки едва ли можем приписать себе в этом случае роль решающего фактора.

Действительно решающим фактором была возросшая активность рабочего класса, пробуждение в нем боевой энергии при первых же признаках хозяйственного под'ема летом 1922 г., несмотря на все поражения 1921—22 гг. и даже на отсутствие четкого руководства; это был, таким образом, тот же самый фактор, которым об'ясняется в конце-концов неуклонный рост голосов рабочей партии в последний период войны и после ее окончания. По мере того, как рабочие массы все острее сталкивались с капитализмом (возвращаясь на тот путь, на который они вступили в 1910—11 гг., но с которого временно свернули из-за войны), они начинали все больше и больше пробуждаться от состояния политической апатии, невежества, плененности либеральной и консервативной идеологией, от всего того, чем держался английский империализм в прошлом. И это пробуждение (как отмечено в резолюции VII пленума по английскому вопросу) вылилось в форму возросшей поддержки рабочей партии.

Были в кривой революционного роста и некоторые понижения, вызванные успехами капиталистов и предательствами реформистских вождей (вспомним опыт 1921—22 гг.), и это непосредственно отражалось в политической области в виде разочарования среди активного меньшинства рабочих, от которого зависело собирание голосов для рабочей партии. Но неумолимая логика классовой борьбы начинала сказываться снова как раз в тот момент, когда «депрессия» достигала своей высшей точки и именно потому, что эта «депрессия» вызывала хотя бы ничтожное «оживление» в промышленности. Атаки капиталистов усиливали боевую активность рабочего класса в экономической области (и здесь роль компартии, как революционизирующего фактора, проявлялась более непосредственно, поскольку мы руководили отдельными забастовками, организовывали безработных и т. д.), а это в свою очередь влекло за собой оживление политической активности и приводило, по изложенным выше причинам, к более широкой поддержке рабочей партии.

Это особенно ясно видно на статистических данных о числе рабочих дней, потерянных вследствие промышленных конфликтов. Возьмем сначала годовые итоги:

1918 г.	5.880.000	1923 г.	10.670.000
1919 „	34.970.000	1924 „	8.420.000
1920 „	26.570.000	1925 „	7.950.000
1921 „	85.870.000	1926 „	162.230.000
1922 „	19.850.000	1927 „	1.180.000

Эти цифры превосходно иллюстрируют диалектическое движение революционной волны в Англии, ниспадающей со своего «гребня» лишь для того, чтобы набраться сил для дальнейшего под'ема на еще более высокие «гребни». Приведенная таблица служит иллюстрацией к словам резолюции пленума о «зигзагообразном» движении рабочего класса влево.

Если мы возьмем, далее, цифровые данные о промышленных конфликтах по кварталам 1921, 1922 и 1923 гг., то увидим еще яснее точки «поворота волны» и лучше поймем тройное значение итогов ноябрьских выборов 1922 г. 1) С точки зрения роста рабочей партии в целом эти итоги знаменуют собою более высокий «гребень», чем итоги декабрьских выборов 1918 г., отражая великий опыт наступательной борьбы 1919—20 гг.—

опыт, уроков которого не могли изгладить даже последующие поражения. 2) Но эти же итоги, при сравнении их с данными о выборах 1921 г. и начала 1922 г., знаменуют собою «депрессию», совпадающую с «депрессией» в области экономической борьбы (контраст был бы еще сильнее, если бы мы взяли для сравнения данные о дополнительных выборах 1920 г.). 3) И, наконец, эти итоги совпадают с началом нового под'ема волны промышленных конфликтов, сопровождавшегося новым, хотя и более медленным, ростом голосов рабочей партии.

Число рабочих дней, потерянных из-за промышленных конфликтов.

	1921 г.	1922 г.	1923 г.
I квартал	2.355.000	3.411.000	1.288.000
II „	77.408.000	15.216.000	3.128.000
III „	5.605.000	897.000	3.894.000
IV „	502.000	326.000	2.266.000

5. Перспективы на 1928—29 гг.

Принимая во внимание вышеизложенное, мы можем теперь взглянуть на цифровые данные за 1927 и 1928 гг. с новой точки зрения. 1927 год отметил собою благодаря предательствам реформистов низшую точку активности рабочего класса в экономической области за последние сорок лет, хотя он следовал за годом, в котором была достигнута высшая точка этой активности за всю историю Англии (в 1926 г. потеряно 162.230.000 рабочих дней, в 1927 г.—1.800.000). Кроме того, 1927 год был свидетелем целого ряда предательств в общих политических вопросах, тоже беспримерного в летописях английского пролетариата (Китай, Бленсбургский проект, билль о трэд-юнионах, разрыв с Советским Союзом, усиленный поход против коммунистов и т. д.). Все эти удары создали известную депрессию в рядах активного меньшинства рабочего движения (среди рабочих, активно участвующих в профсоюзной жизни, выполняющих рядовую работу в местных отделах рабочей партии и т. д., а также среди сторонников компартии, левого крыла и движения меньшинства).

В области избирательной борьбы эта депрессия выразилась в формах, о которых мы говорили выше. Но исход муниципальных выборов 1927 г. не означает непременно, что рабочие массы станут теперь быстро отходить от рабочей партии, как только начнется неизбежное оживление классовой борьбы в экономической области. Не означает он также, что исключена возможность фактического прироста голосов рабочей партии, ибо возможно, что число рабочих, впервые проснувшихся к политической жизни или по своей политической отсталости все еще голосующих за рабочую партию, будет некоторое время более чем достаточно для компенсирования определенных потерь этой партии, вызванных разочарованием в ней наиболее передовых активных элементов и их переходом в лагерь коммунизма.

Что касается первого пункта, то замечательно (хотя еще рано делать отсюда какие-нибудь выводы), что «стабилизация» избирательных успехов рабочей партии на дополнительных выборах 1928 г. в промышленных районах (по сравнению с 1927 г.) совпадает с начинающимся как будто поворотом в области экономической борьбы, на этот раз гораздо определеннее проходящей под руководством нашей партии, чем в 1922 г.

Число рабочих дней, потерянных вследствие промышленных конфликтов.

I квартал	1927 г.	348.000
II „	1927 „	242.000
III „	1927 „	357.000
IV „	1927 „	129.000
I „	1928 „	325.000

Замечательно также, что первый квартал 1928 г., по сравнению с таковым же кварталом предшествующего года, показывает определенный прирост как числа возникших в этом квартале конфликтов (95 против 65), так и числа втянутых в борьбу рабочих (38.000 против 21.000).

По второму пункту укажем, что отмеченная нами возможность как раз осуществилась в ряде провинциальных и окружных выборов в Германии, где за последний год сдвиг рабочих масс влево был по меньшей мере так же ясно выражен, как в Англии. Но параллельно с значительным приростом коммунистических голосов шло, в большинстве случаев, по крайней мере, такое же увеличение числа голосов, поданных за социал-демократов. И об'ясняется это явление по существу тем же, чем и в Англии: в обстановке капиталистической «рационализации» и в эпоху революций сдвиг рабочего класса влево выражается не в простой, а в сложной форме.

То обстоятельство, что нам, по всей вероятности, придется еще довольно долго ждать массового отхода от рабочей партии, не может, конечно, явиться основанием для возвращения на ту позицию, на которой наша партия стояла до принятия нового курса. Вся цепь соображений, приведшая к этому последнему,—перемены в положении английского капитализма, частичная стабилизация после 1921 г., сдвиг рабочих влево, роль реформистов при этом и радикальное изменение характера рабочей партии (сравнительно с 1920 г.), совершенно иная роль, в какой выступит будущее рабочее правительство (по сравнению с 1924 г.), и, наконец, мощный рост силы и влияния нашей партии,—все это заставляет признать, что вопрос о массовой поддержке рабочей партии уже не может быть, как прежде, решающим моментом при установлении избирательной тактики коммунистов.

Если тем не менее этот момент еще сохраняет где-нибудь значение, так это при определении позиции нашей партии в таких вопросах, как продолжение кампании за вхождение в рабочую партию, оказание и впредь содействия организации и укреплению национального левого крыла в рабочей партии и т. д.

Чем яснее будет каждый товарищ сознавать «сдвиг влево», тем более он будет убеждаться, что новая, резко самостоятельная позиция нашей партии в избирательной борьбе не исключает, а, наоборот, ставит на очередь и даже прямо предписывает максимальное использование всех опорных баз, которые у нас уже есть или еще могут быть завоеваны нами внутри рабочей партии. «Использование», разумеется, не для укрепления аппарата рабочей партии, а для борьбы с реформистами, для разоблачения их перед массами и для дальнейшего усиления нашей партии, являющейся всегда и всюду борцом за дело рабочего класса.

Чем шире мы используем всякую возможную платформу для обращения к рабочим массам, хотя бы даже внутри аппарата рабочей партии,—а не подлежит сомнению, что борьба за прием коммунистов в профсоюзы, примыкающие к рабочей партии, может явиться для нас такой платформой,—тем больше будет шансов у нашей партии собрать под свое знамя не только разочаровавшееся в реформизме активное меньшинство рабочего класса, но и часть тех широчайших слоев, полевение которых толкает их сейчас, за отсутствием у них другой возможности, в об'ятия рабочей партии.

В виду происходившей на некоторых окружных конференциях дискуссии о новом партийном курсе, особенно в связи с вопросом о вхождении в рабочую партию, предшествующие соображения о положении рабочей партии на выборах принесут, может быть, некоторую пользу.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

С. Зданович.

Еще раз о сельсоветах и земельных обществах.

(Об «элементах» путаницы у т. Фейгина).

Вопрос об установлении правильных взаимоотношений между сельскими советами и земельными обществами и их сходами есть вопрос отыскания наиболее целесообразных способов воздействия на крестьянство, на его основную середняцкую массу, которую мы должны вести за собой по пути социалистического переустройства сельского хозяйства, ибо земельное общество с его сходами как-никак все же является формой массового об'единения мелких производителей-крестьян. Будем ли мы вести борьбу с земобществами и сходами или мы будем вести борьбу внутри них, стоя во главе батрацко-бедняцких и наиболее передовых середняцких элементов,— вот вопросы, которые необходимо правильно разрешить, чтобы двигаться вперед вместе со всей крестьянской массой.

Вот почему недопустимы ошибки и путаница в этом вопросе, допускаемые некоторыми товарищами, пытающимися разрешить этот вопрос с «кандачка».

В № 9 «Большевика» т. Фейгин мимоходом коснулся вопроса о взаимоотношениях между сельскими советами и земельными обществами, также мимоходом [1]) коснувшись моей статьи в № 6 «Большевика» на эту тему, упрекнул меня при этом в применении мною «метода запутывания вопроса».

Но дело не в этом упреке.

Обязательная необходимость ответа т. Фейгину вызывается теми грубыми ошибками, которые он успел сделать мимоходом на протяжении каких-нибудь 3—4 страниц. Не стоит большого труда показать, что «вермишель»

[1]) Как т. Фейгин «проскакал» мимоходом по моей статье, показывает следующий любопытный пример. В моей статье в № 6 «Большевика», на стр. 43 есть такое место: «Если поставить на место пролетарской революции в Западной Европе пролетарскую революцию в самой России, если при этом учесть, что пролетарская революция в России находится сейчас на такой ступени развития, что она располагает необходимыми фондами для социалистического переустройства сельского хозяйства (см. доклад тов. Сталина на XV с'езде ВКП(б), а также если учесть то, что сельская община у нас существует, то вполне позволительно ставить вопрос о возможности использования сельской общины на ряду с другими мероприятиями в целях социалистического переустройства сельского хозяйства».

В своей же статье в № 9 «Большевика», на стр. 78 т. Фейгин пишет: «Что говорит тов. Сталин в цитате, приведенной в статье тов. Зданович? Он говорит, что «вполне позволительно ставить вопрос о возможности использования сельской общины, на ряду с другими мероприятиями, в целях социалистического переустройства сельского хозяйства».

Читатель видит, что никакой цитаты из Сталина я не приводил, ссылка же в скобках на доклад тов. Сталина относится к той части моей мысли, где я говорю, что пролетарская революция в России находится на такой ступени развития, что она располагает необходимыми фондами для социалистического переустройства

и «путаница» присущи именно т. Фейгину. Суть положений, выдвигаемых т. Фейгиным в противовес моим, сводится к тому, что общину нельзя отождествлять с земельным обществом [1]).

На вопрос, что такое община и земельное общество,—т. Фейгин отвечает: «Это особый тип хозяйственной организации. А что такое земельное общество? Это форма управления (в известных пределах) данным типом хозяйственной организации».

Чтобы сделать свое определение еще более понятным, т. Фейгин проводит такую аналогию: «Спутывать эти два понятия—это все равно, что смешать фабрику, являющуюся определенным типом хозяйственной организации, с правлением данной фабрики, являющимся лишь формой управления хозяйственным предприятием».

В этом «замечательном» определении общины и земельного общества верно только то, что община—это особый тип хозяйственной организации. Но, ведь, это давным давно открытая Америка [2]).

Что же касается того, что земельное общество есть, будто бы, форма управления данным типом хозяйственной организации (повидимому, общиной) и что таковое является формой управления только в известных пределах, то это есть сплошная путаница, сплошная неграмотность в разбираемом вопросе.

До сих пор было известно, что формой управления общиной были сход («мир») и выбираемые им исполнительные органы (старшина, староста, уполномоченный). Это — во-первых.

Во-вторых, известно, что понятие «община» включает в себя, помимо элементов хозяйствования, и элементы публично-правового характера, т.-е. элементы властвования, управления. А поскольку это так, то, следовательно, и самая община также является «в известных пределах» формой управления.

Только эта одна оговорка «в известных пределах» делает все определение т. Фейгина явно бессмысленным.

Чтобы показать более наглядно схему т. Фейгина и мою схему, и тем самым более выпукло обнаружить ошибочность схемы т. Фейгина, я изображу обе схемы графически (см. схемы на след. стр.).

Из этой схемы ясно видно, что именно т. Фейгин спутал хозяйственную организацию (земельное общество) с формой ее управления (сход и выбираемые им исполнительные органы).

Таким образом, я вынужден бить т. Фейгину челом его же добром. В своей статье о сельсоветах и земельных обществах я утверждал, что то, что мы называем земельным обществом есть совокупность остатков общины;

сельского хозяйства. Если бы тов. Фейгин внимательно отнесся к моей статье, то он бы удосужился проверить в ней ссылку на т. Сталина, просмотрев его доклад (И. Сталин. Доклад на XV с'езде ВКП(б). ГИЗ. 1928 г.), где как раз нашел бы высказанную тов. Сталиным мысль о том, что мы должны приступить к переустройству сельского хозяйства, так как уже в состоянии выделить на это дело необходимые фонды. Если бы тов. Фейгин это сделал, то он не приписал бы т. Сталину мысль, которую он не высказывал. Эта «ошибочка» тов. Фейгина пикантна тем более, что, очевидно, принимая по ошибке положение, высказанное мною, за авторитетное мнение тов. Сталина, он базируется на этом положении, обвиняя вместе с тем меня в «методе запутывания». Не случись такого «несчастья» с т. Фейгиным, он, пожалуй, стал бы отрицать наличие у нас остатков общины и поэтому должен был бы притти к совершенно другим выводам.

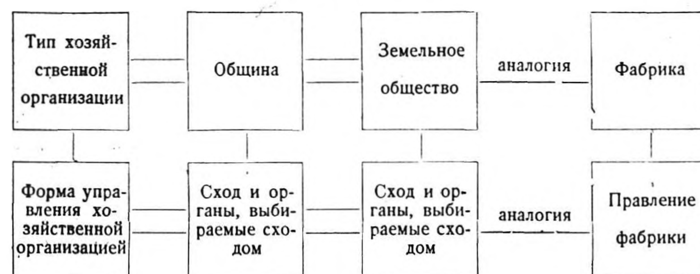
[1]) По поводу терминологии здесь нужно сделать оговорку: нельзя ставить знак равенства между понятиями «община» и «земельное общество», т. к. эти понятия не всегда совпадают. Но так как в основе института земельных обществ, получившего свою регламентацию в нашем законодательстве—зем. кодексе, лежит община, то я считаю возможным пользоваться этим общеупотребляемым термином, понимая под «земельным обществом» не столько правовую сторону этой организации, сколько совокупность всех признаков, свойственных общине.

[2]) См. стр. 52 в № 6 «Большевика».

Схема тов Фейгина.

Моя схема:

однако, в доказательство этого я из-за недостатка места не смог сделать сравнение общины с земельным обществом.

Поэтому, чтобы подтвердить свое утверждение, я сейчас сделаю небольшой экскурс в историю.

Учреждение, именуемое общиной, было свойственно на известной ступени развития всем индо-германским народам и своими корнями уходит в глубокую древность, в эпоху первобытно-коммунистического строя.

Естественно, что на протяжении целого ряда различных эпох, община не могла оставаться чем-то неизменным; с переходом из эпохи в эпоху община постепенно теряла свои наиболее характерные признаки.

Наиболее типична община, соответствующая эпохе первобытно-коммунистического строя. Являясь формой аграрного коммунизма, община этой эпохи наиболее характерна своей функцией общественной обработки земли. В эпоху феодального строя и затем торгового капитализма община уже утратила эту свою основную функцию: обработка земли производится уже отдельными дворами, сохраняется лишь только общественная собственность на землю.

В послесловии к письму, которое было ответом русскому народнику П. Н. Ткачеву, Ф. Энгельс в 1894 г. писал по поводу русской общины следующее: «Сама русская крестьянская община уже в 1861 году представляла сравнительно обесцвеченную форму этого (аграрного. *С. З.*) коммунизма; общественная обработка земли, существующая еще в отдельных местностях Индии и в задруге, вероятной родоначальнице русской общины, должна была уступить место обработке земли отдельными семьями; общинная собственность проявлялась уже только в переделах земли, производящихся в различных местах через различные промежутки времени» [1].

Разложение родовой общины и образование территориальной, земляческой сельской общины происходит путем отделения производства от владения; общественное производство исчезает, остается только общественное владение; обработка земли производится уже отдельными дворами, а владение землей остается общинным.

Однако, сельская община эпохи натурального хозяйства, помимо функции общинного владения землей и вытекающей из этой функции деятельности по регулированию землепользования (переделы, порядок пользования угодьями) и отчасти сельскохозяйственного производства (способы и сроки обработки земли), выполняла еще целый ряд других функций: взаимопомощь, регулирование торговли [2]) продуктами в отношении общинников, наконец, все те функции, которые у юристов известны под названием публично-правовых.

Разложение общины начинается под влиянием внедряющегося товарного производства и обмена

В том же послесловии Ф. Энгельс по поводу причин разложения общины говорит:

«Русская община просуществовала целые столетия, и ни разу внутри ее не замечалось стремления выработать из самой себя высшую форму общественной собственности, совершенно так же, как не происходило ничего подобного и в германской марке, кельтском клане, индусских и иных общинах с первобытно-коммунистическими учреждениями. Все они с течением времени, под влиянием окружающих их условий или же возникающих в их собственной среде и постепенно охватывающих их товарного производства и обмена между отдельными семьями и отдельными лицами,—все они все более и более утрачивали свой коммунистический характер и превращались в общины независимых друг от друга земельных собственников» [3]).

У нас в России «сильнейший удар земельной общине нанесла отмена крепостного права» [4]).

Развитие капитализма в России неудержимо разлагало общину. Даже такой исследователь эсэровского толка, как К. Р. Качаровский, признает в 1906 г., что община в России находится в упадочном периоде [5]).

Однако, и разлагающаяся община все еще продолжает выполнять некоторые функции: в большинстве случаев все еще продолжает действовать общинно-передельный механизм; в случаях же полного бездействия этого механизма, сохраняется еще общинное владение по отношению к целому ряду угодий: сенокосам, лесам, пастбищам и т. п. Кроме того, община продолжала выполнять публично-правовые функции, как низовая самоуправленческая единица под названием «сельское общество».

Что осталось от общины в России к моменту Октябрьской революции?

По данным некоторых исследователей, как, напр., проф. П. Н. Першина, к началу 1917 г. по 47 губ. Европейской России в общине осталось около 7,4 млн. крестьянских хозяйств, т.-е. 49%, а остальные 51% крестьянских хозяйств перешли к землевладению на личных началах.

Сравнивая функции общины с функциями нашего «земельного общества» (не только указанные в Зем. Код., но и осуществляемые в действительности), приходится притти к выводу, что «земельное общество» есть сово-

---

[1]) Ф. Энгельс. О России. Изд-во «Пролетарий». 1923 г., стр. 31.

[2]) Л. Кржививцкий. «Хозяйств и обществ. строй первобытных народов». В сокращенном изложении В. П. Друнина. ГИЗ. 1925 г., стр. 180.

[3]) Там же, стр. 30.

[4]) Ф. Энгельс. Там же, стр. 23.

[5]) К. Р. Качаровский. «Русская община». Москва, 1906 г.

купность остатков общины в советских условиях. Как и в общине, в земельном обществе функционируют передельный механизм, а также существуют угодья общего пользования; земельное общество так же, как и община, регулирует с.-х. производство (решает вопросы о системе обработки земли, при трехполке определяет сроки посева, уборки урожая и т. п.), наконец, подобно общине, земельное общество выполняет некоторые функции публично-правового характера.

Формы управления общиной на протяжении всего времени ее существования, начиная с наиболее типичной ее формы эпохи варварства и кончая ее упадочной формой эпохи капитализма, сохраняются почти без изменения.

В деревенской общине периода варварства законодательная власть принадлежит деревенским собраниям правомочных членов; исполнительная же власть находится в руках деревенского управления. Представители исполнительной власти в виде старост, уполномоченных, старшин выбираются собранием правомочных жителей деревни [1]).

В русской общине периода разложения натурального хозяйства и эпохи капитализма формами управления всеми общинными делами являются также сход и выбираемые им должностные лица: староста, сборщик податей, смотритель хлебных магазинов, училищ и больниц, лесные и полевые сторожа, писарь и т. п. Формой управления земельного общества также является сход и выбираемые им уполномоченные. Иногда исполнительным органом земельного общества является сельский совет — это в тех случаях, когда сельсовет совпадает с земобществом. Однако, опыт показывает, что и в таких случаях сельсовет является лишь только исполнителем воли схода и не больше того. Кое-где существуют коллегиальные исполнительные органы земобщества в виде постоянных комиссий по всем делам земобщества, или постоянные комиссии по отдельным отраслям ведения земобществ (смотри докладную записку НК РКИ РСФСР по обследованию земобществ).

Итак, община, будучи на ранней ступени своего развития формой аграрного коммунизма, сохраняет свои наиболее характерные черты и в эпоху натурального хозяйства. С вытеснением же натурального хозяйства товарно-денежным община, в большинстве случаев, утрачивает свою основную черту—общинное производство—и сохраняет только общинное владение землей.

В такой форме община сохраняется в России вплоть до пролетарской революции. Сохранение общины в России и в период капитализма соответствует наличию в хозяйстве России элементов различных общественно-экономических укладов и, именно, наличию значительных элементов патриархального, т.-е. в значительной степени натурального, крестьянского хозяйства (Ленин).

Наличием этих же элементов в хозяйстве СССР об'ясняется сохранение остатков общины под видом земельного общества и до наших дней. Мало того, некоторые исследователи (напр., проф. Першин) отмечают, что после пролетарской революции община значительно оживилась, пустив в ход повсеместно свой общинно-передельный механизм.

Факт оживления общины вполне соответствует следующим двум обстоятельствам:

1) пролетарская революция национализировала всю землю и предоставила ее на правах землепользования только тем, кто на ней трудится лично; это как нельзя больше соответствовало тому взгляду у крестьян на землю, какой у них существовал столетиями: земля «ничья», земля «божья», земля «всех»; ликвидация частной собственности на землю, препятствуя мобилизации земли у отдельных хозяйств, также устраняет одну из причин разложения общины;

[1]) Л. Крживицкий. «Хозяйственный и общественный строй первобытных народов». В сокращенном изложении В. П. Друнина. Стр. 157—159.

2) пролетарская революция произвела, во-первых поравнение «нивелировку» крестьянства и, во-вторых, обусловила принципиально иное, чем при капитализме, развитие сельского хозяйства: при господстве пролетариата, при наличии в его руках командных экономических высот, расслоение деревни идет не так, как при капитализме, а именно: середняк не «вымывается», а, наоборот, сохраняется или даже растет за счет под'ема бедняцких хозяйств; следовательно, раз середняцкое крестьянство сохраняется, а оно является подавляющим большинством деревни, то тем самым смягчаются те процессы разложения общины, которые были обусловлены капитализмом.

Все это говорит за то, что наличие общины в наших условиях не является каким-то «анахронизмом», а вполне соответствует состоянию нашей экономики. Отмирание же общины будет происходить по мере обобществления сельскохозяйственного производства.

Так обстоит дело с утверждением т. Фейгина о недопустимости отождествления общины с земельным обществом.

Вполне естественно, что, имея неправильные представления о земельном обществе, т. Фейгин делает в отношении него совершенно абсурдные предложения.

Исходя из «заумного» предположения, что земельное общество есть форма управления общиной, т. Фейгин предлагает придумать более идеальную форму управления.

На странице 82 он пишет: «Но какую форму управления общиной противопоставить земельным обществам? Эта форма уже создана Октябрем. Это—советы и их секции».

И далее т. Фейгин предлагает: «Если бы сельсоветы реорганизовали свои секции таким образом, чтобы каждая однотипная секция—примерно сельскохозяйственная, или благоустройства—разбилась на подсекции и на такое число их, какое количество в данной станице или селе имеется общин, то эти подсекции, под общим руководством сельсовета и его уполномоченных, сумели бы, с течением времени, охватить работу обществ, впитать в себя лойяльно относящуюся к советам часть актива земельных обществ и в результате вытеснить земельные общества».

И это предложение т. Фейгина базируется на открытии им Америки № 2, т.-е. на открытии того, что в деревне есть два актива.

Но кому же, хоть мало-мальски знакомому с политграмотой, неизвестно, что с тех пор, как существует классовое общество, каждый класс имеет свой актив. А в городе разве нет двух активов?

Никакими хитроумными комбинациями не уничтожишь, не «впитаешь» тот классовый актив, который выделяется каждым классом (в деревне кулачеством), до тех пор, пока существуют в обществе классы.

Но перейдем к разбору сути предложений т. Фейгина.

Суть его «рецепта» сводится к тому, чтобы формы управления общиной—сход и выбираемые им исполнительные органы—заменить органом власти—сельсоветом и его секциями.

Посмотрим, что это означает.

Тов. Фейгину должно быть известно, что формы возникают не произвольно, а вполне соответствуют содержанию. Формы управления вообще и формы управления хозяйственной организацией в частности (скажем, фабрикой) не могут быть придуманы произвольно, а должны находиться в полном соответствии с общей системой общества, т.-е. с состоянием производительных сил, системой производственных отношений и тем, какой класс руководит обществом.

Например, эпохе расцвета промышленного капитализма в Западной Европе соответствовал расцвет парламентаризма, т.-е. форма управления страной через парламент. В эпоху же империализма парламентаризм превращается в пустышку, так как господствующие классы больше нуждаются в диктатуре.

Другой пример. Диктатуре пролетариата наиболее соответствует советская форма управления. А т. Фейгин думает, что если хорошенько подумать, то можно придумать, например, для нашей фабрики более идеальную форму управления, чем существующая ныне (правление, директор и т. п.).

Итак, форма управления хозяйственной организацией должна соответствовать содержанию данного типа хозяйственной организации.

На нашей советской фабрике или в совхозе дела непосредственно решаются не общим собранием всех работающих на фабрике или в совхозе, а правлением, директором и другими должностными лицами. Такая, а не другая форма управления фабрикой или совхозом соответствует тому, что фабрика или совхоз являются наиболее в наших условиях обобществленными формами хозяйства, они являются типами соц. сектора нашего хозяйства.

Теперь возьмем общину. Она об'единяет на основе общинного землепользования мелких производителей-крестьян. Высшим органом управления общиной является сход; исполнительные же органы, выбираемые сходом, крайне ограничены в своих функциях и полномочиях (напр., ни один маломальски важный вопрос не решается земуполномоченным, а всегда сходом, который в летний период, когда обычно разрешаются наиболее жизненные вопросы, собирается почти ежедневно). Таким образом, общинному об'единению мелких производителей соответствует форма управления через сход, т.-е. собрание всех мелких производителей.

Для большего выяснения вопроса возьмем еще третий тип хозяйственной организации—коммуну, которая является промежуточной между фабрикой, совхозом, с одной стороны, и общиной—с другой стороны.

В колхозе высшим органом управления также является общее собрание членов коммуны, но там уже несравненно большую роль, чем в общине, играют исполнительные органы колхоза (совет, комитет, председатель и т. п.).

Из приведенных мною примеров ясно видно, что т. Фейгин предлагает форму управления, соответствующую фабрике или совхозу, перенести в общину мелких производителей, где производство не обобществлено. Вот где действительно путаница.

Если бы община управлялась сельсоветом, т.-е. так, как фабрика или совхоз, то это была бы уже не община, а хлебная фабрика, совхоз, а сельсовет был бы не органом власти, а правлением этой хлебной фабрики. Будем, однако, надеяться, что после этих раз'яснений т. Фейгин поймет, что бойкость пера (вспомните его, «вермишель» и «путаницу» по моему адресу) не всегда совпадает с бойкостью мысли.

Я счел необходимым так подробно остановиться на вопросе о возможности превращения сельсоветов и их секций в органы управления земельных обществ потому, что подобная идея присуща, кроме тов. Фейгина, еще и другим товарищам.

Вот что, например, пишет т. Акимов на стр. 49 в № 4 «Советского Строительства»: «Таким образом, земельные общества с т а н у т (разрядка моя. *С. З.*) и по существу должны быть с е к ц и е й с е л ь с к о г о с о в е т а п о в о п р о с а м с е л ь с к о г о х о з я й с т в а, как это и есть в тех районах, где наиболее стройно слажена работа земобщества с сельсоветами (Северный Кавказ)».

Что касается фактов, то мы что-то таких случаев, когда земобщество является сельскохозяйственной секцией сельсовета, не знаем. Наоборот, мы знаем массу случаев, когда сельсовет является исполнительным органом земобщества и не больше того.

В цитате из статьи т. Акимова я подчеркнул слово «станут» и в связи с этим должен напомнить т. Акимову, что когда сельсоветы с их секциями станут органом управления общины, тогда община с т а н е т хлебной фабрикой; но тогда, когда сельскохозяйственное производство будет перестроено на основе предприятий типа фабрики или совхоза, тогда у нас будет в сельском хозяйстве социализм и тогда община отомрет, а также, пожалуй, начнут отмирать и органы власти и в том числе и сельсоветы.

Какова же все - таки должна быть роль сельских советов и их секций в отношении земельных обществ?

Роль сельсовета и его сельскохозяйственной секции определяется тем, что мы не будем бороться с земобществами и сходами, а будем бороться внутри их за обобществление крестьянского хозяйства путем сплочения батраков и бедноты и организации бедняцко-середняцкого блока.

Сельсовет совместно с другими деревенскими организациями (ячейки партии, комсомол и т. д.) и должен повести борьбу внутри земобщества, сплачивая бедноту и середняка, чтобы выбить оттуда влияние зажиточно-кулацких элементов и вывести крестьянство на широкую дорогу коллективизации хозяйства.

Чтобы помочь сельсовету и нашим советским элементам в деревне проделать эту трудную работу, нужно провести в жизнь целый ряд таких мероприятий (сельбюджет, подбор хороших работников и т. д.), которые укрепляли бы сельсовет, и в отношении земельных обществ такие мероприятия, которые облегчали бы окрепшему сельсовету и батрацко-бедняцким элементам в земобществах взять верх над кулаками.

Вот правильное решение вопроса, а не фантастика в духе тт. Фейгина и Акимова.

В таком именно духе и решен вопрос оргсовещанием, состоявшимся 27—28 июня с. г. при орготделе ВЦИК с представителями с мест.

Раньше, чем привести здесь мероприятия, намеченные указанным оргсовещанием, я еще хочу остановиться на прожекте т. Фейгина о реорганизации с.-х. секций и на упрек мне со стороны т. Резунова в том, что я будто бы стремлюсь показать, что в земобществах везде и всюду побеждают советские элементы.

Тов. Фейгин предлагает разбить однотипные секции и, в первую очередь, сельскохозяйственные секции на такое число подсекций, какое количество земобществ существует на территории сельсовета.

Эту свою аппаратную идею т. Фейгин подкрепил авторитетом Тамбовского губкома ВКП(б), который, к сожалению, воспринял эту идею у тов. Фейгина. На стр. 83 № 9 «Большевика» т. Фейгин приводит следующее решение Тамбовского губкома: «В целях охвата сельсоветами и выполнения ими работы, ведущейся до сих пор земельными обществами, считать необходимым произвести р е о р г а н и з а ц и ю секций сельсоветов (сельскохозяйственной и благоустройства в первую очередь). Реорганизация эта должна выразиться в разделении секций на такое число подсекций, какое количество земельных обществ расположено на территории данного сельсовета, с тем, чтобы каждая из этих подсекций сумела вобрать в себя наиболее активные элементы земельных обществ и разрешать тот круг наиболее актуальных вопросов, которые до сих пор вырешаются земельными обществами».

Посмотрим же, как обстоит дело с секциями сельсоветов, которые т. Фейгин совместно с Тамбовским губкомом предлагает «реорганизовать». Представление о количестве секций при сельсоветах дает следующая таблица,

составленная на основе данных, взятых из отчетов губисполкомов за II полугодие 1926/27 г.:

Название административных единиц	Всего сельсоветов	Всего при них секций	В среднем на 1 с/с. секций
1. Воронежская губ. . .	1.158	3.038	2,6
2. Тамбовская губ. . .	934	2.306	2,4
3. Вологодская губ. . .	451	169	0,3
4. Самарская губ. . . .	1.693	2.813	1,6
5. Сталинградская губ. .	955	2.768	2,8
6. Ульяновская губ. . .	745	1.505	2,0
7. Оренбургская губ. .	373	855	2,2
8. Астраханская губ. .	178	401	2,2
9. Псковская губ. . .	548	1.455	2,6
10. Архангельская губ. .	232	770	3,3
11. Ив.-Вознесенская губ.	[illegible]83	532	0,7
12. Владимирская губ. .	1.537	3.691	2,4
13. Смоленская губ. . .	1.263	1.424	1,1
14. Тульская губ. . . .	874	1.315	1,5
Итого . . .	11.644	23.049	1,9

О чем говорит эта таблица, составленная на основе безусловно преувеличенных [1]) исполкомами сведений о секциях, большинство которых пока-что существует только на бумаге. Эта таблица говорит о том, что при многих сельсоветах секций еще совсем нет, и их нужно еще создавать, а не реорганизовывать.

А вот вторая таблица, составленная по данным из тех же источников, которая показывает, что секции при сельсоветах еще не стали массовыми органами:

Наименование административных единиц	Всего секций	Всего в секциях членов	В среднем на 1 секц приходит. членов	В среднем на 1 с/с. приходит. членов секций	В среднем на 1 с/с. приходит. член. с/с.
1. Воронежская губ. . .	3.038	18.829	6,1	16,2	25,5
2. Тамбовская губ. . .	2.306	18.448	8,0	19,7	26,5
3. Самарская губ. . .	2.813	10.480	3,7	6,2	12,2
4. Сталинградская губ. .	2.768	19.594	7,0	20,5	12,0
5. Ульяновская губ. . .	1.505	7.515	4,9	10,0	17,2
6. Оренбургская губ. .	855	4.242	4,9	11,3	13,5
7. Астраханская губ. .	401	3.342	8,3	18,7	17,3
8. Псковская губ. . . .	1.455	14.338	9,8	26,1	30,4
9. Архангельская губ. .	770	7.500	9,7	32,3	29,3
10. Ив.-Вознесенская губ.	532	3.480	6,5	5,0	13,2
11. Владимирская губ. .	3.691	27.872	7,5	18,1	7,4
12. Смоленская губ. . .	1.424	9.044	6,3	7,1	16,8
13. Тульская губ. . . .	1.315	7.471	5,6	8,4	16,7
Итого . . .	22.873	152.156	6,6	13,5	16,7

Согласно этой таблице, наибольшее число членов в среднем на 1 секцию составляет 9—10 человек (Псковская губерния), а во многих губерниях оно равно 3—4 членам. Кроме того, эта же таблица показывает, что даже далеко еще не все члены сельсоветов входят в секции, а именно: только 30 — 35% членов сельсоветов втянуты в работу секций.

И вот, при таком-то числе секций и членов в них нам предлагают «реорганизовать» их и разбить на целую кучу подсекций.

[1]) Например, в отчете Оренбургского губисполкома приведены данные о 855 секциях при сельсоветах, а инструктор ВЦИК, вернувшийся из обследования Оренбургской губернии, говорит, что он не видел там секций при сельсоветах.

Совершенно очевидно, что здесь мы имеем дело с ярким образцом аппаратного измышления.

В то время, когда мы в деревне страдаем еще от недостатка активистов (хотя нельзя не отметить, что за последние 2—3 года беспартийный актив в деревне численно значительно возрос), из которых мы могли бы формировать секции, тов. Фейгин вместе с Тамбовским губкомом изображает дело так, что актива в деревне достаточно и что только нужно придумать организационные формы для его использования. Нет, нужно не реорганизовывать во многих случаях не существующие секции, а создавать актив и строить их. И эту-то фантастику с реорганизацией секций тов. Фейгин выдает за «вполне правильное решение», которое «должно быть принято и осуществлено партией».

Мы же думаем, что партия не примет подобных пустяков тем более, что имеющиеся сведения о подсекциях или так называемых поселенных секциях (т.-е. секциях не при сельсоветах), а по отдельным населенным пунктам) говорят о невозможности для сельсоветов руководить ими.

Сведения о поселенных секциях по Ярославской губернии заставляют подозревать, что эти секции суть не что иное, как исполнительные органы общины. В отчете ярославского губисполкома за 1 полугодие 1927—28 г. читаем следующее сообщение:

«В начале 1927 года при обследовании Мологского уезда нашим инструктором были о б н а р у ж е н ы созданные по и н и ц и а т и в е с х о д о в сельские комиссии. Они создавались для постоянной работы (наблюдение за благоустройством и чистотой в селении, пожарные комиссии) и временные (для осмотра дымоходов, посевов, покосов и пр.).

Губисполкомом было поручено и другим уисполкомам проверить наличие таких комиссий и изучить их работу, осуществляя над ними свое руководство и наблюдение. Сейчас установлено, что такие комиссии имеются в уездах: Мологском, П/Володарском и Даниловском. Особенно активно они работают в П/Володарском уезде, поручая обследования своим членам и слушая на заседаниях отчеты обследователей. Р у к о в о д с т в о и х р а б о т о й с о с т о р о н ы с о в е т о в о с у щ е с т в л я е т с я с л а б о, а уисполкомами не выполнена директива об учете и изучении этой новой формы массовой работы (мологск. уик не имеет сведений о числе сельских комиссий в уезде, даниловский сообщает сведения лишь по 1 волости). Только п/володарский уик осуществляет более или менее удовлетворительно учет этого дела. Он сообщает, что организовано в пяти волостях 153 постоянных комиссии и 38 временных. Р у к о в о д с т в о с о с т о р о н ы с е л ь с о в е т о в з д е с ь е щ е с л а б о». (Разрядка везде моя. *С. З.*).

Как видно из этого сообщения, сельские комиссии были созданы по инициативе сходов, без участия советов и исполкомов, ибо о них ничего не знал губисполком, и таковые были лишь обнаружены инструктором губисполкома. Так что, нужно еще предварительно приглядеться, что собою представляют эти подсекции или сельские комиссии, а не делать на них ставку.

Тов. Резунов в своей брошюре «Сельсовет и земельное общество» упрекает меня в том, что будто бы я пытаюсь «изобразить дело так, что в земельных обществах руководство принадлежит сельсовету и он с середняком и бедняком дает отпор кулаку и другим темным элементам» [1]).

Прежде всего следует отметить, что тов. Резунов приписывает мне мысль, которую я не высказывал. Так, на странице 48 № 6 «Большевика», на которую тов. Резунов сделал ссылку, у меня написано: «Неправы те

[1]) Цитирую с разрешения тов. Резунова по рукописи его брошюры, стр. 6.

товарищи (и, в частности, тов. Кубанин), которые изображают дело так, что везде и всюду господствует в земельных обществах зажиточно-кулацкая верхушка. Правда, примеров и фактов засилья кулаков в земобществах можно привести много. Но есть много фактов и примеров и обратного порядка, когда организованная беднота, при поддержке середняков, дает отпор кулаку и другим темным элементам».

И дальше у меня приведены примеры, взятые из газетных источников и материалов инструкторских обследований, которые показывают, что при наличии руководства со стороны сельсоветов, партийных и комсомольских организаций, организованная беднота в союзе с середняком дает отпор кулацким махинациям в земобществах и на сходах.

Из приведенной мною выписки ясно видно, что я вовсе не утверждал того, что приписал мне тов. Резунов.

Я лишь только сказал, что есть немало случаев, когда в земобществах побеждают советские элементы. Но такие случаи приводит в своей брошюре и тов. Резунов; таким образом, попадает в смешное положение не я, а тов. Резунов, который, упрекая меня, совершает тот же самый «грех». Что я этим хотел сказать? Разве то, что в отношении руководства земобществами все обстоит благополучно?

Ничего подобного. Тогда вся моя статья не имела бы никакого смысла. Приведением положительных примеров я хотел показать, что установить руководство над земобществами вполне возможно. Это необходимо было сделать в связи с тем, что некоторые товарищи впали в панику и предлагали не руководство над земобществами и сходами, а борьбу с ними.

В самом деле, почему мы вынуждены сейчас констатировать засилье кулаков в земобществах и их сходах? Потому, что слабые еще сельсоветы не в силах были осуществить руководство над земобществами, а вышестоящие исполкомы, местные партийные и комсомольские ячейки не помогали сельсовету сплотить в земобществах бедноту и середняков и таким путем выбить оттуда кулака.

Неорганизованность бедноты в земобществах есть следствие того, что партийные и комсомольские ячейки до сих пор совершенно не интересовались происходящим в земобществах. Все материалы с мест говорят об этом. Вот иллюстрации:

Ульяновская газета «Пролетарский Путь» констатирует: «Ячейки вопросу руководства сельсходами уделяют крайне слабое внимание, организованного мнения ячеек, бедноты и актива на сходах нет. Члены ВКП(б) не считают своей обязанностью посещать сходы, а если кто и посещает, то или они молчат, или выступают вразброд, противореча друг другу, каждый со своим мнением, что, конечно, уменьшает влияние ячеек на население».

В Орловской губернии губ. РКИ произвела изучение вопроса о сельсходах, и это изучение показало, что участие на сельсходах деревенских партийцев весьма слабо. Почти 75% всех сходов проходит без внимания и влияния ячеек.

Обследователь земобществ по Саратовской губ. в отношении руководства парт'ячеек отмечает: «При изучении этого вопроса в 5 сельских ячейках ВКП(б) как по письменным материалам в ячейках, так и по ответам секретарей парт'ячеек, мною не установлено, за исключением отдельных случаев, чтобы парт'ячейки занимались систематически предварительной проработкой и обсуждением вопросов работы земельных обществ; отсюда и влияние ячеек на важнейшие мероприятия земельных обществ в большинстве случаев отсутствует».

Какое место во всей работе сельячеек занимают вопросы, связанные с руководством земельными обществами, показывает нижеследующая таблица обсужденных сельячейками вопросов в 1927 году:

Название вопроса	Чаадаевская парт. ячейка	Бакуровская ячейка	Сластущинская ячейка	Салтыковская ячейка	
				Бюро яч.	Общ. собр.
Внутрипартийных . . .	7	10	2	18	18
Советско-админ.	4	8	3	3	4
Кооперативных	5	5	—	1	5
Культурных	—	2	1	4	3
Профсоюзных	1	—	—	6	3
Хозяйственно-строительн. (с.-х. и друг. знач.) . .	2	3	1	—	1
По работе с бедн. . . .	—	2	—	—	—
Общеполитическ.	10	8	4	9	15
О работе среди женщин.	—	1	—	2	3
О работе среди КСМ . .	2	—	1	1	4

Из анализа приведенной таблицы видно, что в работе ячеек за целый год внимания вопросам, связанным с руководством земельными обществами, никакого не уделено.

Определенных форм партруководства земельными обществами в виде функций партийно-комсомольских совещаний в практике на местах не существует; так как уполномоченные земельных обществ все беспартийные, то парт'ячейка и здесь лишена возможности осуществлять свое партруководство. Участие отдельных коммунистов и комсомольцев на собраниях земельных обществ является не постоянным; если и являются, то разрозненно, в обсуждении вопросов зачастую активности не проявляют. Из этого нужно заключить, что парт'ячейки в общем никаких форм для себя не определили и их не отыскивают. Возможность созыва совещаний членов партии с комсомольцами земельных обществ ячейками не используется.

При обследованных земельных обществах учета беспартийного актива не ведется, а также и отдельной какой-либо работы, как-то: организованного выдвижения на активную работу из маломощных групп крестьянства, регулярных совещаний с активом, вовлечения на собрания парт'ячеек, индивидуальной связи с беспартийным активом—не заметно.

При таком положении руководства удивляться засилию кулаков в земобществах не приходится.

Поэтому самым важным делом в системе тех мероприятий, которые предлагаются для улучшения взаимоотношений сельсоветов с земобществами, является сосредоточение внимания низовых советов, партийных и комсомольских организаций на работе в земобществах.

Состоявшееся на-днях расширенное оргсовещание при оргтделе ВЦИК наметило, в целях дальнейшего укрепления сельсоветов и установления правильных взаимоотношений между ними и земельными обществами, следующие мероприятия:

I. В отношении сельских советов:

1) Оформить в законодательном порядке образование, как правило, во всех сельсоветах самостоятельных бюджетов на основе сконцентрирования в сельбюджете доходных источников, имеющихся на территории сельсоветов.

Признать целесообразным включение в сельбюджет сумм, собираемых путем самообложения, при чем эти суммы должны расходоваться только

на целевые надобности согласно решениям, принятым на сходах; в соответствии с этим изменить закон о самообложении с тем, чтобы самообложение проводилось перед началом бюджетного года.

Поручить НКФ РСФСР срочно разработать план и порядок введения сельбюджетов и установить очередность их организации по отдельным административно-территориальным единицам.

2) Одновременно с введением самостоятельных сельских бюджетов, произвести укрупнение или разукрупнение сельских советов как в губерниях, так и в областных и краевых об'единениях на основе принципа экономического тяготения и единства в целях создания устойчивой сети сельсоветов, как крепких административных единиц, могущих полностью охватить экономические и бытовые потребности населения.

3) В целях подведения прочной материальной базы под сельские бюджеты передать в них: а) поступления от тех доходных источников, которые ныне находятся в ведении земельных обществ; б) все находящиеся на территории сельского совета источники местных неналоговых доходов, имеющие значение исключительно или преимущественно для данного сельсовета; в) налоговые доходы, как-то: отчисления от единого сельхозналога, надбавки к государственным промысловому и подоходному налогам с предприятий, находящихся на территории с/с, и с лиц физических и юридических, имеющих постоянное пребывание в его пределах, местные налоги и сборы, взимаемые на территории сельсовета. Размер отчислений от госналогов должен быть установлен с таким расчетом, чтобы сельбюджеты были бездефицитны и могли охватить все экономические и бытовые нужды населения.

В соответствии с этим передать в ведение сельсоветов: а) из ведения вышестоящих исполкомов и органов местные государственные имущества и угодья общего пользования несельскохозяйственного назначения исключительно сельсоветского значения (предприятия и, в частности, мельницы, крупорушки, кузницы, ремонтные мастерские и т. п., базарные и торговые площади, места под общественными зданиями, школами, кладбищами и т. п.); б) из ведения земельных обществ некоторые имущества и земельные угодья, как-то: предприятия (и, в частности, мельницы, крупорушки и т. п.), леса местного значения, месторождения общераспространенных ископаемых (песка, глины, мергеля, известняка, мела и пр.), непромысловые рыбохозяйственные угодья (озера, реки, пруды и т. п.).

Из'ятия имуществ не производить у тех земельных обществ, которые имеют коллективные формы хозяйства, а также у тех групп хозяйств в земельных обществах, которые перешли на коллективные формы хозяйства, однако, только в той части имуществ и угодий, которые земельным обществом выделены для коллектива.

4) В соответствующих законодательных актах оформить установление над всей деятельностью земельных обществ общего руководства и контроля со стороны сельсоветов.

5) В целях усиления влияния сельсоветов на земельные отношения местные исполкомы должны принять меры к действительному осуществлению сельсоветами своих прав в разрешении земельных споров на основе инструкции ВЦИК и СНК от 4/IV 1927 г. «о порядке участия сельсоветов в рассмотрении земельных споров отдельных граждан».

6) В целях усиления роли сельсоветов в отношении сельских сходов и устранения существующей путаницы на местах в отношении сельских и земельных сходов изменить Положение ВЦИК от 14/III 1927 г. «об общих собраниях (сходах) граждан в сельских поселениях» в направлении:

а) исключения из Положения разграничения между сельскими сходами и земельными сходами в тех случаях, когда сельсход по территориальному признаку совпадает с земсходом, и б) предоставления права сельсоветам

отменять незаконные или противоречащие общеполитическим директивам постановления сельсходов, кроме постановлений, принятых на отчетных или избирательных сходах, и определять порядок проведения в жизнь законных постановлений.

7) В целях укрепления работы секций при сельсоветах, и в особенности сельскохозяйственных секций, разработать конкретные инструкции о работе для каждого вида секции особо (для сел.-хоз. секций, культурно-просветительных и т. д.).

8) В целях устранения текучести работников сельсоветов и повышения их квалификации повысить зарплату председателей и секретарей сельсоветов путем государственного регулирования их заработной платы.

9) Предоставить сельсоветам право юридического лица.

10) Пересмотреть действующее Положение о сельсоветах в направлении расширения их прав на основе постановления ВЦИК и СНК от 23/VII 27 г. и всех последующих актов, расширяющих права сельсоветов.

II. В отношении земельных обществ.

Внести следующие изменения в раздел IV Земельного Кодекса:

1) Изменить ст. 45 Зем. Код., исключив ту ее часть, которая устанавливает право земельных обществ об'единяться в союзы, и установить такое право только для тех земобществ, которые имеют обобществленные формы хозяйства.

2) Ст.ст. 46 и 47 Зем. Код., определяющие состав земельного общества, изменить в таком направлении, чтобы пролетарские и полупролетарские элементы (батраки, пастухи, кузнецы и т. д.), обслуживающие своим трудом земельное общество или отдельные дворы его, автоматически получали право решающего голоса, как полноправные члены его без установления ценза в виде условия известного срока жительства на территории земобщества или определенного срока обслуживания земобщества или его отдельных дворов.

3) Из ст. 50 Зем. Код., определяющей формы управления земобществом, исключить примечание о том, что в земобществах, совпадающих в своих границах с территорией сельского совета, исполнительным органом земобщества является сельсовет.

Кроме того, в ст. 50 Зем. Код. внести дополнение о том, что выборы исполнительных органов производятся одновременно с перевыборами советов и утверждаются сельсоветами.

4) В ст. 52 Зем. Код. особо подчеркнуть то, что все члены земельного общества, не лишенные избирательных прав, совершенно равноправны; это необходимо сделать с целью ликвидировать фактически существующие привилегии домохозяев; с этой же целью нужно изменить ст. 53 З. К., исключив оттуда представительство дворов; в ст. 52 З. К. внести дополнение о лишении прав голоса в земельных обществах лишенных избирательных прав в советы.

5) Внести в Зем. Код. дополнительную статью о том, что сходы земельных обществ собираются уполномоченным земобщества по предложению сельсовета или $1/5$ части членов земобществ или по инициативе самого уполномоченного.

6) В целях развязывания инициативы более передовых элементов в земобществах изменить кворум сходов (ст. 53 Зем. Код.), а именно, для более важных вопросов (например, изменение порядка землепользования, дробимости или недробимости отдельных хозяйств, слияния земобществ, изменения или принятия нового устава)—не менее половины всех равноправных членов общества, а по остальным вопросам—не менее $1/3$ их. В случае неявки

установленного числа членов общества, второе собрание считается законным: для вопросов первой категории—не менее ⅓ всех равноправных членов общества, а для вопросов второй категории—не менее ¼ членов.

7) Ст. 54 Зем. Код. изменить с тем, чтобы дела на сходах решались: вопросы первой категории большинством ⅗ присутствующих на сходах, вопросы второй категории—простым большинством голосов.

Такие же вопросы, как переход к улучшенным или коллективным формам обработки земли, решаются простым большинством голосов.

Меньшинству членов земельного общества предоставить право выхода из общества с землей в случаях организации коллективных хозяйств.

8) Примечание к ст. 55 Зем. Код. изменить в том смысле, что контроль и наблюдение за деятельностью земельных обществ и их исполнительных органов возлагается на сельсоветы и вышестоящие исполкомы.

Кроме того, внести дополнение в том смысле, что, если постановления сходов земобщества нарушают директивы и распоряжения высших органов, противоречат задачам кооперирования или нарушают интересы бедноты, сельский совет имеет право приостанавливать такие постановления сходов и вносить на ближайший сход с предложением пересмотреть постановление При несогласии сельского совета с новым постановлением земельного общества в указанных случаях земельному обществу или его отдельным членам предоставляется право обжаловать отмену в двухнедельный срок в ВИК или РИК, решения которых проводятся в жизнь. Жалобы земобществами подаются через сельсовет с его заключением.

Вся финансово-хозяйственная деятельность земобществ проверяется ревкомиссией при сельсоветах; однако, это право сельревкомиссий не отнимает права у самих земобществ производить проверку и контроль за финансово-хозяйственными операциями своих земуполномоченных.

9) В главу III разд. IV Зем. Код. внести дополнение в том смысле, что сельсовет имеет право требовать перед соответствующими земорганами лишения земельных угодий тех членов земобществ, которые ее оставляют без хозяйственного использования или сдают в аренду с нарушением закона (например, случаи сдачи в аренду земли зажиточно-кулацким хозяйствам).

10) Принять все меры к правовому оформлению земельных обществ путем перевода их на нормальный устав. Для этого поручить Наркомзему, во-первых, переработать устав в соответствии с вносимыми изменениями в Зем. Код. и в Положение о сельсоветах, и, во-вторых, принять меры к снабжению мест необходимым количеством нормальных уставов.

Мероприятия общеорганизационного порядка.

1) Считать необходимым дать по линии партийных, комсомольских, советских и профессиональных (союз сельхозрабочих) организаций директиву об усилении внимания и работы в земобществах в целях сплочения в них бедноты и создания бедняцко-середняцкого блока в земобществах.

2) Там, где есть парт'ячейка или отдельные коммунисты, практиковать в земобществах совещания из наиболее активных и сознательных батраков и бедняков, совещания бедняцко-середняцкого актива, а также практиковать собрания бедноты.

С. Струмилин.

К дискуссии о пятилетке Госплана.

(Ответ тов. Мотылеву).

Пятилетка Госплана в ее первых подготовительных вариантах подвергалась критике с весьма различных сторон и точек зрения. Особенно резко критиковали ее, разумеется, те общественные круги, для которых является неприемлемой самая идеологическая установка и целевые устремления нашей пятилетки. Но критика из враждебного нам лагеря получила уже достойную оценку в нашей печати, и к ней можно не возвращаться. В стенах Комакадемии при обсуждении пятилетки ее составители не услышали ни одного упрека против общих целевых установок, отраженных в нашей работе. Наоборот, неоднократно подчеркивалось, что установка—правильная. Но и для дружественной критики наша работа представляется, конечно, во многих отношениях уязвимой. И ее, разумеется, следовало и здесь, в этих стенах, подвергнуть самому тщательному критическому анализу.

Наиболее общим и важным упреком против нашей пятилетки, который мы услышали в Комакадемии был упрек в том, что на ряду с обилием и даже с некоторым избытком цифрового материала в нашей работе она недостаточно обоснована и оснащена с точки зрения качественного экономического анализа. Возражать против такого упрека в столь общей форме было бы смешно. Мы отнюдь не считаем наши проработки совершенством, и мы неоднократно сами отмечали черновой характер своей работы. Разумеется, мы охотно готовы признать, что в числе многих других дефектов у нас имеется и такой. Но от дружественной деловой критики, ставящей своей задачей не осудить, а исправить нашу работу, мы в праве требовать более конкретных указаний, чего именно недостает нам в области экономического анализа и в каких именно ошибках в наших конкретных плановых выводах или заданиях этот недостаток себя выявляет.

Делались нам и такие конкретные указания. Но не все из них были, на мой взгляд, удачны. В частности, весьма неудачны были критические указания тов. Мотылева, что мною и было, по мере сил, выявлено в моем заключительном слове. Тов. Мотылев не желает признать своей неудачи в этом споре и переносит дискуссию на страницы печати [1]). Ну, что же, мы готовы дать ему удовлетворение и на страницах печати.

1. О директивах XV с'езда.

Лучший метод обороны, это—нападение. И тов. Мотылев выявляет себя сразу отличным стратегом, с первых же слов внося совершенно новый момент в наш спор своим обвинением Струмилина в вопиющей недооценке директив XV с'езда партии о построении пятилетки (стр. 79). Это, конечно, мастерской удар. Шутка ли сказать! Чего стоит противник, проявивший

[1]) См. «Большевик», 1928 г., № 10.

явное неуважение к решениям своего верховного партийного органа? Это же совершенно конченный, мертвый человек. С таким оппонентом не трудно уже спорить.

Однако, в чем же сказалась моя вопиющая недооценка? Возражая оппонентам, умаляющим или отрицающим в нашей работе наличность качественного экономического анализа, я утверждал, что без такового мы не могли бы занять даже правильной целевой установки, которая у нас налицо, по признанию самих оппонентов. Но мы не усматриваем за собой никакой заслуги в этом, ибо качественный экономический анализ нашей хозяйственной обстановки и классовой структуры СССР дан составителям пятилетки, поскольку они учились у Маркса и Ленина, уже в готовом виде — во всех тех теоретических исследованиях и директивных документах, которыми располагает наша партия.

К числу этих документов относятся, конечно, и директивы XV с'езда, полученные нами уже после составления первых вариантов пятилетки. Изменяют ли они, однако, радикально наши основные установки в плане? Конечно, нет. XV с'езд не подвергал никакой ревизии ни программных, ни тактических установок партии в отношении к плановому хозяйству. Он дал им лишь дальнейшее развитие и оформление. Вот почему я мог совершенно уверенно сказать про директивы XV с'езда, что в этих директивах для всякого коммуниста-ленинца не может быть ничего «абсолютно нового и неожиданного». Тов. Мотылев находит в этом «вопиющую недооценку» директив с'езда. Отсюда можно было бы заключить, что, по его мнению, эти директивы представляют для него нечто «абсолютно новое и неожиданное». Однако, такая оценка решений с'езда была бы уместной лишь в устах врагов партии, обвиняющих ее в отказе от ленинского наследства и тому подобных грехах ревизионизма. Тов. Мотылев не идет так далеко. Он просто игнорирует словечко «абсолютно» и приписывает мне то, чего я не говорил.

По утверждению тов. Мотылева—«Струмилин не нашел в этих директивах ничего нового» (стр. 78). Этого я не говорил. Я не находил в них только чего-либо «абсолютно нового и неожиданного». А этого ведь и т. Мотылев в них не находит. Точно так же весьма не точно и следующее утверждение Мотылева: «Таким образом, тов. Струмилин считает, что директивы XV партийного с'езда лишь «просуммировали» те принципы, которые уже нашли свое отражение в пятилетке Госплана» (стр. 79). И этого я не говорил. Моя формулировка была совсем иная. Я утверждал лишь, что в директивах последнего с'езда «нет ничего такого абсолютно нового и неожиданного, чего бы не было и раньше в целом ряде постановлений предыдущих партийных с'ездов и руководящих центров». Иными словами, я хотел сказать, что решения XV с'езда нужно рассматривать как дальнейшее логическое развитие решений предшествующих с'ездов и других партийных инстанций, а тов. Мотылев подсовывает мне мысль, что они чуть ли не целиком и полностью заимствованы из пятилетки Госплана. Это, разумеется, далеко не одно и то же.

Зачем же понадобилось тов. Мотылеву столь существенно искажать и перетолковывать мои формулировки? Я не берусь решать этого вопроса. Думаю, однако, что интересам деловой, вдумчивой и добросовестной критики своих оппонентов такие полемические приемы мало помогают.

2. О темпах пятилетки.

Тов. Мотылев находит, что намеченные нами темпы развития народного хозяйства по оптимальному варианту недостаточны. «Этот вариант, несомненно, преуменьшен. Корни этого преуменьшения—в недоучете возможного эффекта социалистической рационализации в условиях благоприятных урожаев и благоприятной международной обстановки. Это становится совершенно очевидным при сопоставлении капитальных затрат с их эффектом. Оптимальный вариант проектирует капитальные затраты в сумме 22.192 млн. руб. против 18.514 млн. руб. (с учетом снижения цен) по отправному варианту. Таким образом, по оптимальному варианту капитальные затраты на 3.678 млн. или на 20% больше, чем по отправному. Между тем, по росту валового оборота, продукции, народного дохода оптимальный вариант превышает отправной лишь на 7—8%, несмотря на то, что разница между ними должна определяться не только эффективностью добавочных вложений, но и большей эффективностью капитальных вложений в целом, вследствие больших успехов рационализации и т. п. Эффективность капитальных вложений по оптимальному варианту явно недостаточна» [1]).

Приведенный отрывок не допускает двояких толкований. Чтобы сделать «совершенно очевидным» недоучет эффективности капитальных вложений в оптимальном варианте, тов. Мотылев сопоставляет размер этих вложений с «их эффектом», а именно: он сопоставляет увеличение вложений на 20% с ростом народного дохода на 7—8%. Очевидно, стало быть, что эти 7—8% и являются, по мнению Мотылева, эффектом прироста вложений на 20%. Иначе незачем было бы их и сопоставлять. Из сопоставления следует, что этот «эффект» (8%) в два с половиной раза меньше прироста вложений (20%), несмотря на то, что по Мотылеву он должен бы даже превышать эту величину за счет рационализации старых предприятий и тому подобных добавочных факторов. Отсюда и следует вывод о «явно недостаточной» эффективности вложений оптимального варианта.

Вся убедительность и «очевидность» этого вывода основывается, однако, на очень шатком фундаменте. Тов. Мотылев считает сопоставимыми сравниваемые им величины, а они, увы, совершенно несопоставимы.

Эффективность капитальных вложений не такая простая категория, какой ее представляет себе тов. Мотылев. Она проявляется весьма многообразно. Если капитальные затраты только расширяют производственную базу, без какой-либо технической ее реконструкции, то весь эффект их сводится к соответствующему увеличению продукции. Но при значительных сдвигах техники новые вложения дают гораздо более сложный эффект. Прежде всего, они удешевляют производство, повышая производительность труда и сокращая всякого рода производственные затраты. А затем уже дают и тот или иной прирост физического об'ема продукции. При чем повышение органического состава капитала зачастую может привести к тому, что этот дополнительный эффект, измеряемый ценностью или количеством продукта на единицу затраченного капитала, будет даже относительно падать по сравнению с эффективностью прежних вложений при более низком уровне техники. Днепрострой, например, будет давать меньше киловатт энергии на каждый затраченный рубль капитала, чем многие из ныне существующих электростанций, но зато эта энергия будет обходиться много дешевле нынешних цен.

Уже из этого ясно, что одна продукция, взятая сама по себе, не является надежным мерилом эффективности капитала. Во всяком случае, всякие априорные заключения или прогнозы в этом отношении—без кропотливого технического анализа производственного эффекта каждого из намеченных об'ектов строительства в отдельности—были бы грубейшим упрощенством проблемы эффективности и не представили бы никакой практиче-

---

[1]) «Большевик», 1928 г., № 3—4, стр. 11, курсив Мотылева.

ской ценности. Вот почему составители пятилетки опирались в своих оценках эффективности намечаемых вложений прежде всего на техническую экспертизу специалистов-производственников.

Тов. Мотылев отвергает эту техническую экспертизу, противопоставив ей свой арифметический аргумент: 8 меньше 20. Это выглядит чрезвычайно убедительно. Но горе тов. Мотылева в том, что его арифметика не удовлетворяет требованиям элементарного экономического анализа, на который он претендует. В сопоставлении тов. Мотылева заключается по меньшей мере три грубейших ошибки. Во-первых, прирост новых капитальных вложений он сопоставляет не с соответствующей этим вложениям продукцией, а со всей продукцией и новых и старых предприятий, т.-е. с эффектом всего капитала, взятого в целом. Во-вторых, данные о вложениях, взятые т. Мотылевым, относятся только к государственному сектору хозяйства, наиболее быстро растущему, а продукция берется им по всему народному хозяйству в целом. В-третьих, в цифру капитальных вложений им включены не только затраты на реконструкцию и новое строительство, но и затраты на капитальный ремонт, не создающие никакого нового производственного эффекта.

В своем заключительном слове в Комакадемии я за краткостью времени остановился только на первой из этих ошибок. Если принять за меру эффективности капитальных затрат соответствующий им **прирост** продукции и народного дохода, что допустимо, однако, лишь в качестве самой грубой ориентировки, то оптимальный вариант нашей пятилетки окажется эффективнее отправного не на 7—8%, как это определил тов. Мотылев, а по меньшей мере процентов на 30%, ибо народный доход по первому из них возрастает за 5 лет на 10.923 млн. черв. рублей, а по второму только на 8.446 млн. [1]). Уже эта одна поправка существенно меняет дело.

Оспаривает ли ее тов. Мотылев? Нет, нисколько. Настаивает ли он на сопоставимости приведенной им цифры «эффекта» в 7—8% с 20% прироста капитальных вложений? Нет, не настаивает. Больше того, он пытается теперь изобразить дело так, что он «вовсе не сопоставлял» этих цифр, что его просто не поняли и оклеветали, приписывая ему такое сопоставление. Однако, факт налицо. Сопоставление было сделано. И его автор должен об'яснить, зачем же ему понадобилось сопоставлять несопоставимое, да еще делать из этого никчемного сопоставления весьма категорические выводы.

«Сущность наших возражений,—заявляет теперь тов. Мотылев,—вовсе не в арифметическом сопоставлении 20% с 7—8%, а в установлении того положения, что разница между оптимальным и отправным вариантами должна определяться не только добавочными капитальными вложениями, но большей эффективностью основной суммы капитальных затрат и всех основных фондов...» [2]). Допустим, что это так. В более благоприятных условиях оптимального варианта и старые основные фонды могут оказаться более эффективными, чем в отправном. Но ведь если при 20-процентном росте новых вложений проектируется 30-процентный прирост их эффекта в цифре народного дохода, то в этой цифре **нашла** уже свое отражение и рационализация старых предприятий и многое другое. Конечно, можно доказывать, что и 30% разницы недостаточно. Но будет ли это «совершенно очевидно» и ясно без всяких дальнейших доказательств, как это выходило у тов. Мотылева при его 7—8%? Нет, не будет. И напрасно, стало быть, тов. Мотылев пытается ослабить значение своей ошибки всякими контрфорсами. Написанного пером не вырубишь топором.

[1]) «Перспективная ориентировка на 1927/28—1931/32 г.г.». М. 1928 г., стр. 13, 15. По валовому обороту и продукции эта разница еще выше (33%).
[2]) «Большевик» № 10, стр. 81—82.

Мы уже не говорим здесь о других ошибках, скрывающихся в том же сопоставлении тов. Мотылева. Если бы он сопоставлял эффект капитальных вложений с ростом продукции в пределах **сравнимого** круга предприятий, то получил бы еще более значительную разницу для двух сопоставляемых им вариантов. Так, например, капитальные вложения по **государственному** сектору нашей фабрично-заводской промышленности запроектированы по отправному варианту в сумме 5.791 млн. руб., а по оптимальному—7.124 млн., т.-е. на 1.333 млн. черв. руб., или на 20% выше, продукция же **этой** промышленности за 5 лет возрастает по отправному варианту на 3.640 млн. черв. р., а в оптимальном варианте—на 5.287, т.-е. на целых 45% выше отправного [1]). Разница—очень почтенная.

Можно ли ее признать достаточной?

Я затруднился ответить на это категорически, ибо, чтобы разрешить этот вопрос, следовало бы заново пройти и проверить весь тот многотрудный путь технической экспертизы по всем производствам и главнейшим об'ектам проектируемого строительства, которым разрешался вопрос об эффективности затрат в нашей работе по пятилетке. В сущности говоря, для такой поверки нужно заново проработать всю пятилетку. Госплан ее и прорабатывает в настоящее время под этим углом зрения. Было бы, однако, верхом легкомыслия стараться предвосхитить результат этой коллективной работы путем суб'ективной глазомерной оценки.

Иначе, однако, думает об этом наш строгий критик. «Можно ли считать нормальным такое положение,—восклицает он,—когда один из составителей пятилетки, крупный специалист по экономической статистике, затрудняется оценить степень эффективности капитальных затрат?» И, отвечая на этот вопрос отрицательно, заранее торжествует победу. На его взгляд это лишь подтверждает справедливость критики тов. Мотылева, упрекавшего нас в том, что вопрос о принципах и критериях оценки эффективности вложений не привлек у нас к себе должного внимания [2]).

На месте тов. Мотылева я, однако, не рискнул бы пользоваться столь косвенными признаками своей победы. Не кажется ли ему, например, что серьезный исследователь очень часто видит трудности именно там, где верхогляду представляется все чрезвычайно ясным и совершенно очевидным. За примерами ходить недалеко. Проблема эффективности капитальных затрат привлекала к себе очень пристальное внимание составителей пятилетки, и все же они считают ее недостаточно проработанной и идут к удовлетворительному решению задачи утомительным путем повторных поверок и последовательных приближений. А вот тов. Мотылев разрешил ее в два счета, предложив такой критерий эффективности, от которого теперь сам всячески открещивается.

Какой же полезный урок отсюда он мог бы для себя извлечь?

Очевидно, разрешить сложную экономическую проблему гораздо труднее, чем ляпнуть сгоряча в полемическом увлечении какой-либо вздор. Но если уж случился такой грех,—и на старуху бывает проруха,—то лучше всего честно, по-большевистски признать свою ошибку, а не валить с больной головы на здоровую.

Должен сказать в интересах справедливости, что факт, обративший на себя критическое внимание тов. Мотылева действительно заслуживает всяческого внимания. И в среде составителей пятилетки Госплана возникали

[1]) «**Перспективн. ориентировка**», стр. 25—26 и 50—51. С прибавкой негосударственной цензовой промышленности мы получили бы уже вместо 45 только 43%, а вместе с кустарной еще меньше—всего 41%. Тов. Мотылев (в «Большевике» № 10, стр. 82—83) сопоставляет затраты в **червонной** валюте с продукцией в **довоенных ценах** и потому получает инс. результат.
[2]) «Большевик», № 10, стр. 83.

серьезные сомнения, не слишком ли мала та разница между двумя проектируемыми вариантами, которая выражается прибавкой народного дохода всего в 7—8%. Весьма вероятно, что в новой проработке нам удастся повысить эту разницу еще на 1—2%. Но, конечно, такие скромные поправки отнюдь не удовлетворили бы тов. Мотылева. Ведь и 10% будет меньше 20%.

Почему же, однако, речь может итти лишь о весьма скромных поправках?

Народный доход 1926—27 г. определился по нашей пятилетке в 25 миллиардов червонных рублей, из которых на обобществленный сектор падало всего 49%. Этот доход предполагалось повысить за пять лет *с учетом снижения цен* по одному, более осторожному, варианту на 33,7%, по второму,—оптимальному,—на 43,5% [1]). Говоря иначе, по оптимальному варианту мы рассчитываем достигнуть за 5 лет такого эффекта, для которого в условиях отправного варианта потребовалось бы до 6,5 лет, то-есть ускоряем свой темп роста на 29%. Выгадать на протяжении пятилетки *полтора года*, это—не шутка. Особенно если учесть, что основной рычаг нашего воздействия—капитальные затраты—обращается почти исключительно на обобществленный сектор. Частный сектор при этих условиях неизбежно отстает от социалистического. И можно сказать даже больше. Чем благоприятнее условия для роста социалистического сектора, тем они хуже для частнокапиталистического, сознательно вытесняемого нами в меру нашего роста изо всех его позиций. Таким образом, *оптимальный* вариант нашего плана отнюдь не является таковым же для частного сектора. Вот почему разница в цифрах *общего* итога народного дохода по всем секторам на 7—8% так относительно низка и малопоказательна. Она скрывает в себе гораздо более энергичный рост социалистического сектора, умеряемый замедлением или даже попятным движением сектора частнокапиталистического.

Мы растем пока как следует только одной своей *половинкой*, обращенной лицом к социализму. Но зато мы растем не только количественно, но и качественно, повышая с каждым годом удельный вес социалистического сектора в общем балансе. Этот факт социализации тоже не должен быть забытым при оценке *эффективности* наших плановых установок. Он об'ясняет замедленный рост нашего хозяйства, взятого в целом, в настоящем. Но в то же время он сулит нам *ускорение темпов* роста по мере обобществления остатков частнохозяйственного сектора в ближайшем будущем. Отсюда вытекает наша уверенность в том, что в порядке проектировки наших хозяйственных перспектив на ближайшие 10—15 лет мы, несомненно, будем иметь дело с возрастающими, а не с затухающими темпами роста. Но на протяжении ближайших четырех—пяти лет, как показывает нам конкретный анализ намечаемых затрат и их эффекта, мы в лучшем случае будем иметь рост по прямой или даже легкое затухание кривой роста.

Тов. Мотылев и в этом пункте не согласен с нами. Ему хотелось бы, повидимому, вообще изгнать из употребления в нашей плановой практике всякие затухающие кривые. И мы ему очень сочувствуем в этом деле. Но необходимость строить *реальные хозяйственные планы*, а не прекрасные воздушные замки и сверкающие всем цветами радуги мыльные пузыри, заставляет нас считаться с низменной действительностью и согласовывать наши кривые роста с трезвым учетом хозяйственных возможностей, а не с нашими личными вкусами и пожеланиями.

[1]) «*Персп. ориент.*», стр. 12—15. В неизменных ценах эти проценты еще выше: 57,8 и 69,4%. Напомним для сравнения, что в дореволюционной России мы даже *за 13 лет* с 1900 по 1913 г. имели реальный прирост народного дохода не свыше 40%, что за 5 лет дает около 14%, а за год не свыше 2,8%.

Опыт истекающего хозяйственного года, на который ссылается и т. Мотылев в подкрепление своего оптимизма, действительно, весьма поучителен. По *отправному* варианту последней пятилетки Госплана СССР мы в прошлом году запроектировали прирост продукции, планируемой промышленности за 1927—28 год по физическому ее об'ему на 17% [1]). Промфинплан ВСНХ поднял эту цифру чрезвычайно решительно до 23%, а опыт истекших восьми месяцев этого года указывает, что фактический прирост будет не свыше 20%, т.-е., примерно, как раз по середине между наметками перспективного и оперативного планов. При чем, несмотря на это недовыполнение программы ВСНХ, мы весь год испытывали известное перенапряжение наших хозяйственных и организационных возможностей. Тов. Мотылев в успехах этого года хочет видеть «блестящее» подтверждение возможности повышения намечаемых нами темпов развития по оптимальному варианту. И мы отнюдь не оспариваем такой возможности. Она, несомненно, имеется. Но на мой взгляд и опыт 1927/28 г. учит нас тому, что такими возможностями злоупотреблять *не* рекомендуется.

В заключение еще одно замечание. Тов. Мотылев, отмечая недостаточность оптимального варианта последней пятилетки Госплана, противопоставляет ему вариант ВСНХ, как образец, достойный подражания, ибо при «меньших» затратах он «проектирует большие достижения, чем оптимальный вариант Госплана» [2]). Я уже пытался об'яснить тов. Мотылеву, в какое забавное недоразумение он впадает, делая это сопоставление. Дело в том, что Госплан не имеет никакого другого оптимального варианта, кроме того, какой был предложен ВСНХ. Тов. Мотылев сопоставлял в данном случае два варианта одного и того же ВСНХ, первый—без учета 7-часового дня и повышенной сменности,—и второй —с учетом, хотя и не полным, этих заданий. В *исправленной* пятилетке Госплана (с учетом повышенной сменности) опубликован еще в ноябре 1927 г. как раз тот самый оптимальный вариант, который три месяца спустя в № 3—4 «Большевика», от 29 февраля 1928 г., предлагает нам принять за образец тов. Мотылев.

Повидимому, выступая в Комакадемии и в печати против перспективных построений Госплана, наш ученый критик даже не удосужился предварительно с ними ознакомиться. Это совершенно очевидно из следующего примечания к статье тов. Мотылева («Большевик» № 3—4, стр. 18): «После сдачи настоящей статьи в печать мы ознакомились в вышедшем со значительным опозданием № 12 «План. Хозяйства» за 1927 г. *с новым* проектом *отправного* варианта с учетом семичасового рабочего дня и увеличения числа смен. Отмечаем с удовлетворением, что исправленный *отправной* вариант ослабляет некоторые из отмеченых в статье недочетов...». И далее автор приводит из № 12, как совершенно для него *новые*, целый ряд цифр, опубликованных впервые *еще в 11 номере* с тою лишь разницей, что там были опубликованы вкратце и отправной и *оптимальный* варианты, а в следующей книжке дана более подробная расшифровка одного лишь отправного варианта. Однако, и теперь еще тов. Мотылев не желает признаться, что он проморгал во-время ознакомиться с нужной ему статьей и на этом основании подвергал запоздалой критике давно исправленные варианты. И сейчас еще он выражает «сомнение» в тожестве варианта контрольных цифр ВСНХ с нашим исправленным оптимальным вариантом.

Чтобы окончательно рассеять эти сомнения нашего критика, отмечу, что сумма капитальных вложений по *исправленному* оптимальному варианту Госплана, включая индустриализацию сельского хозяйства, наме-

[1]) «Планов. Хоз-во», 1927 г., № 11, стр. 270.
[2]) «Большевик» № 3—4, стр. 12.

чена им не в 7.298 млн. руб., как думает Мотылев, а в 7.262 млн., а за вычетом затрат на индустриализацию сельского хозяйства, не учтенных в проекте ВСНХ (174 млн., а не 134 млн., как ошибочно приводит тов. Мотылев), получаем как раз ту сумму в 7.088 млн. руб., какая значится и в контрольных цифрах ВСНХ [1]). Стало быть, ВСНХ отнюдь не проектирует «меньших» затрат, чем Госплан. Точно так же ничем не отличается и намеченная в обоих источниках цифра продукции по планируемой ВСНХ промышленности. А если тов. Мотылев и до сих пор еще не убедился в этом, то это лишний раз свидетельствует, насколько поверхностно он изучает те работы, какие берется критиковать, даже после того, как ему уже указали его ошибки.

Не знаю, удовлетворится ли этим ответом мой оппонент. Но, кажется, я не оставил без внимания ни одного из его деловых критических замечаний.

---

[1]) См. С. Струмилин. «Наши перспективы на 1927/28—1931/32 гг.». «План. Хоз.». 1927 г., № 11, стр. 68, и «Контр. цифры пятилетнего плана». ВСНХ. М. 1927 г., стр. 2; ср. статью т. Мотылева в «Большевике» № 10, стр. 83.

Л. Шацкин.

Замечания к проекту программы Коминтерна.

Проект программы Коминтерна, опубликованный «Правдой», в основном удовлетворяет тем требованиям, которые надо пред'являть такому исключительной важности документу. Однако, он содержит ряд спорных, или, по меньшей мере, неясных положений, которые необходимо подвергнуть дискуссии. Вместе с тем, на наш взгляд, в проекте не освещен или недостаточно освещен ряд таких вопросов, которые должны иметь место в программе Коммунистического Интернационала. Начнем с первой категории недостатков проекта.

I. Буржуазно-демократическая или социалистическая революция в странах со средним уровнем капитализма.

Проект программы делает вполне необходимую попытку определить основные типы перехода к диктатуре пролетариата в разных странах в зависимости от уровня развития этих стран. Проект делит все страны на три категории: «страны высокого капитализма (Соединенные Штаты, Германия, Англия и т. д.)», «страны со средним уровнем развития капитализма (Россия до 1917 г., Польша и т. д.)» и «колониальные и полуколониальные страны (Китай, Индия и т. д.)». К сожалению, это разделение проведено недостаточно далеко: беспризорными остались такие, далеко не маловажные страны, как Франция, Чехо-Словакия и Италия, которые попали в разряд «и так далее». Это тем более существенно, что сама оценка перспектив стран со средним уровнем развития капитализма по меньшей мере не ясна и противоречива:

«Страны со средним уровнем развития капитализма (Россия до 1917 г., Польша и т. д.), с имеющимися налицо значительными остатками полуфеодальных отношений в сельском хозяйстве, с известным минимумом индустрии, достаточным для победоносного социалистического строительства, с еще незавершенным буржуазно-демократическим преобразованием. Здесь возможны случаи более или менее быстрого перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую; здесь возможны демократические требования, перерастающие в ходе борьбы в требования рабочей революции; здесь аграрная революция играет более или менее существенную роль; здесь диктатура пролетариата может наступить и не сразу, а в процессе перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социали-

стическую,—т.-е. в процессе перехода от демократической диктатуры пролетариата и крестьянства к социалистической диктатуре пролетариата...» и т. д. (Разрядка, за исключением первой, наша. *Л. Ш.).*

Если речь идет о буржуазно-демократической революции, к тому же в таких странах, как царская Россия и Польша, то в высшей степени странно звучит утверждение, что «здесь аграрная революция играет более или менее существенную роль».

Поскольку дело касается царской империи, то общеизвестно, что Ленин считал аграрную революцию основным содержанием буржуазно-демократической революции в России. Не менее общеизвестно, что и в Польше аграрный вопрос является одним из главных вопросов будущей польской революции, которой предстоит по-плебейски уничтожить те остатки помещичьего землевладения, которые польская буржуазия тщательно охраняет во всякого рода куцых аграрных реформах.

Что же касается других стран со средним уровнем развития капитализма, фигурирующих под рубрикой «и так далее», то проект по отношению ко всем им говорит: «...с имеющимися налицо значительными остатками полуфеодальных отношений в сельском хозяйстве». Если это действительно один из коренных признаков стран со средним уровнем капитализма, то говорить о «более или менее существенной роли аграрной революции» по меньшей мере, недостаточно. Тем более, что значительная часть таких партий, как польская, лишь после больших боев поняла значение аграрного вопроса в революции, и такого рода формулировки означали бы для ряда партий шаг назад.

Затем, неясно и спорно сформулирован вопрос о буржуазно-демократической и социалистической революции. Для царской России этот вопрос решен жизнью. Из ныне здравствующих капиталистических стран упомянута лишь одна Польша. Польские коммунисты должны знать, что на очереди в их борьбе, в развитии Польши: буржуазно-демократическая революция или революция социалистическая, демократическая диктатура рабочих и крестьян или социалистическая диктатура пролетариата. В приведенной нами цитате из проекта даны два ответа на этот вопрос для стран типа Польши. Первый ответ гласит: «Здесь возможны случаи более или менее быстрого перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую», т.-е. здесь этап буржуазно-демократический предполагается неизбежным, весь вопрос лишь в темпе его перерастания в социалистический этап. Второй ответ звучит несколько иначе: «Здесь диктатура пролетариата может наступить и не сразу, а в процессе перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, т.-е. в процессе перехода от демократической диктатуры рабочих и крестьян к социалистической диктатуре пролетариата», т.-е. пролетарская диктатура может наступить как сразу, так и не сразу. Иначе говоря, буржуазно-демократический этап может «случиться», а может его и не будет.

Не говоря уже о неясности всех этих положений, нам представляется неправильным определять содержание предстоящей революции в Польше и сходных с нею странах, как буржуазно-демократический переворот, и ставить перед польскими коммунистами задачу борьбы за демократическую диктатуру рабочих и крестьян. Нет никакой необходимости пересматривать в этом вопросе позиции польской партии, решения польских с'ездов, утвержденные Коминтерном, которые говорят о пролетарской революции, о диктатуре пролетариата. Такие перспективы вполне правильны для Польши, несмотря на то, что аграрный вопрос и национальный вопрос в этой стране имеют гигантское значение и еще не разрешены.

Тут следует напомнить, что писал тов. Ленин в апреле 1917 г. (в споре с Каменевым), т.-е. в то время, когда ни аграрный, ни национальный вопросы в России не были разрешены, о характере нашей революции:

> «До февральско-мартовской революции 1917 г. государственная власть в России была в руках одного старого класса, именно: крепостнически-дворянски-помещичьего, возглавляемого Николаем Романовым.
>
> После этой революции власть в руках другого нового класса, а именно: буржуазии.
>
> Переход государственной власти из рук одного в руки другого класса есть первый, главный, основной признак революции, как в строго научном, так и в политически-практическом значении этого понятия.
>
> Постольку буржуазная или буржуазно-демократическая революция в России закончена» (Т. XIV, ч. 1, стр. 28, разрядка Ленина).

Следующий этап революции — власть пролетариата, опирающаяся на бедноту,—должен был «доделать» (и доделал) буржуазно-демократический переворот. Октябрьская революция решила аграрный и национальный вопросы, но решила их «походя», т.-е. основным ее содержанием был пролетарский, социалистический переворот, а довершение буржуазно-демократических преобразований явилось «побочным продуктом» (хотя и крайне важным, исключительно важным) завоевания диктатуры пролетариата.

Ленин не уставал подчеркивать значение вопроса о власти в революции: «коренной вопрос всякой революции есть вопрос о власти в государстве». В определении характера революции вопрос о классовом содержании власти имеет решающее значение.

Следовательно, для того, чтобы пересмотреть прежнюю позицию в отношении Польши, необходимо доказать, что диктатура Пилсудского есть не орган польской буржуазии, поддерживаемый помещиками (последнее имеет место и в странах высокого капитализма, например, Германии), а орган дворянско-помещичьего господства, что буржуазия к власти еще не пришла, что не она, следовательно, является в ближайшее время главным врагом, против которого надо об'единять всех трудящихся и эксплоатируемых. Тогда надо коренным образом менять нашу оценку фашистской диктатуры в Польше (да и в Италии, которую трудно по уровню развития капитализма поставить на одну доску с С. Ш. С. А., Германией и Англией), тогда надо пересмотреть характеристику фашизма в самом проекте, как «террористическую диктатуру крупного капитала». В Польше, как и в Италии, буржуазия у власти, и на очереди борьба за диктатуру пролетариата.

Это не значит, что революционное свержение фашизма обязательно сразу же приведет к полной победе пролетарской революции, т.-е. к немедленному установлению пролетарской диктатуры. В зависимости от соотношения сил революция может разрешить сначала только первую половину задачи, т.-е. свержение фашизма (это не наш курс, но так может быть). Власть в этом случае попадает в руки либералов и реформистов. Так случилось в Германии в 1918 году. Но несмотря на то, что германская революция свергла монархию (т.-е. доделала демократическую задачу), никто не станет после 1848 г., после бисмарковской «революции сверху», после решения (в основном) аграрного вопроса в интересах капитализма мучительным «прусским путем» называть революцию 1918 г. буржуазно-демократической революцией. Это было начало революции пролетарской, потерпевшей неудачу, благодаря измене социал-демократии и слабости влияния и организации комму-

нистов. Горький опыт научил коммунистов всего мира тому, что революция не всегда побеждает одним ударом, что ее восходящая линия иногда сменяется падением.

Из всего вышесказанного отнюдь вместе с тем не следует, что страны, в роде Польши надо приравнивать к странам высокоразвитого капитализма. Тут будут различные типы пролетарской революции, различные темпы развития, иные проблемы и методы их решения. Революция в Польше будет так же, как наша Октябрьская революция, соединением пролетарского восстания с крестьянской войной (и национальной революцией). «Доделывать» буржуазно-демократическую революцию здесь придется в неизмеримой степени больше, чем в Англии или Германии. Но все же доделываться эта революция будет диктатурой пролетариата. Это не утопия, ибо здесь есть, как признает проект, «известный минимум индустрии, достаточный для победоносного социалистического строительства».

II. Пролетарская диктатура и классы.

В проекте программы достаточно ясно подчеркнуто, что «диктатура пролетариата есть продолжение его классовой борьбы в новых условиях». Вопросы взаимоотношений диктатуры пролетариата с различными классами имеют первостепенное значение. Между тем, по нашему мнению, вопрос о роли пролетариата в советском государстве сформулирован в проекте недостаточно полно. Там сказано в абзаце, сравнивающем пролетарскую и буржуазную демократию: «Оно (советское государство. *Л. Ш.*) лишает своих классовых врагов политических прав и дает ряд временных преимуществ пролетариату в целях упрочнения его руководящей роли по сравнению с распыленным мелкобуржуазным крестьянством». Совсем в другом месте,—где говорится о политике по отношению к крестьянству,—в придаточном предложении сказано: «отнюдь, не становясь, однако, на точку зрения какого бы то ни было раздела власти». Все это, конечно, абсолютно верно, но явно недостаточно. Надо не в придаточном предложении, а полным голосом изложить и обосновать одну из основных мыслей Ленина, что диктатура пролетариата есть власть одного класса, что она означает единовластие пролетариата.

Явно недостаточна постановка вопроса (в разделе о переходном периоде и диктатуре пролетариата, параграф, посвященный крестьянству) о борьбе пролетарской диктатуры против кулачества, против деревенской буржуазии. Вот что там сказано на эту тему: «Пролетариат должен, далее, нейтрализовать средние слои крестьянства и активно отбивать всякое нападение со стороны деревенской буржуазии, блокирующейся с помещиками». Почему только отбивать нападение кулаков, хотя бы и активно? Такая, по сути дела, пассивная формулировка тем более неуместна, что в соответствующем параграфе речь идет о «политике пролетариата в начальной стадии пролетарской диктатуры», т.-е. по общему правилу, тогда, когда будет клокотать гражданская война, когда сопротивление классового врага еще не сломлено, когда кулачество в девяноста случаях из ста будет поставлять основные кадры буржуазной контрреволюции и драться против власти рабочего класса с оружием в руках. Тут речь должна итти не о том, чтобы «активно отбивать», а о том, чтобы решительно подавлять сопротивление кулачества, энергично наступать на деревенскую буржуазию. Но приведенная нами формула недостаточно характеризует позицию пролетарской власти и после подавления вооруженного сопротивления кулачества. Методы взаимоотношений диктатуры пролетариата и деревенской буржуазии меняются. Можно себе представить и такие отрезки времени в переходном периоде, когда пролетариат будет действительно, исходя из конкретного соотношения классовых сил,—лишь активно отбивать нападения кулаков. Но не это генеральная линия пролетарской диктатуры. Генеральная линия пролетарской диктатуры может заключаться лишь в наступлении на кулачество. Программа Коминтерна должна яркими красками, быть может, словами Ленина, нарисовать все значение этой борьбы с кулачеством.

Совершенно недостаточны десять строк, посвященных проектом мелкой городской буржуазии, которая в странах развитого капитализма имеет гораздо больший удельный вес, чем, например, в России, где проблема отношения к крестьянству оттеснила на задний план вопрос о городской мелкой буржуазии. Проект рассматривает городскую мелкую буржуазию, как сплошную массу, не диференцируя ее. В этом его существенный недостаток.

Городская мелкая буржуазия, как и деревенская, будучи вовлечена в рыночные отношения, неизбежно расслаивается, выделяя на одном полюсе полупролетариев, домашних рабочих капиталистической промышленности, людей, задавленных скупщиком, ростовщиком, домовладельцем, капиталистической фабрикой, банком и т. д., а на другом—мелких предпринимателей, хотя и страдающих от конкуренции крупного капитала, но существующих уже за счет эксплоатации чужого труда (промышленной и торговой прибыли и т. д.). И если вся городская мелкая буржуазия представляет слой населения, который колеблется между крупной буржуазией и пролетариатом, то размах этих колебаний и, главное, их направление различны у разных ее прослоек. Поэтому необходимо различать верхушку городской мелкой буржуазии, с одной стороны, и городскую бедноту,—с другой, не только учитывая различия в их положении и интересах, но и используя их для мобилизации широчайших слоев городской бедноты на нашу сторону. Коммунисты должны пробудить в массах городской бедноты сознание отличия ее интересов от интересов зажиточной верхушки мелкой буржуазии, что отнюдь не означает отказа от вбивания клина между этой мелкобуржуазной верхушкой и крупным капиталом.

III. Гражданская война и военный коммунизм.

Вопрос о гражданской войне поставлен в проекте программы Коминтерна далеко не ясно. В проект включена мысль Ленина, что

> «диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и административная, против сил и традиций старого общества, против внешних капиталистических врагов, против остатков эксплоататорских классов внутри страны...».

Но, не говоря уже о том, что эта общая характеристика диктатуры пролетариата не может служить достаточным ответом на вопрос о перспективах гражданской войны, решающее место проекта, специально посвященное этому вопросу, звучит несколько иначе, чем приведенные нами выше слова:

> «В связи с возможностью военной интервенции капиталистов и длительной контрреволюционной войны против диктатуры пролетариата может появиться необходимость в военно-коммунистической политике («военный коммунизм»)...».

В программной дискуссии подверглась до сих пор обсуждению главным образом вторая часть этой цитаты, касающаяся военного коммунизма. А между тем, обсуждению надо подвергнуть в первую очередь точку зрения

проекта на перспективы гражданской войны. Это необходимо как для того, чтобы внести ясность в самый вопрос о гражданской войне, так и для того, чтобы иметь достаточные предпосылки для обсуждения сложной проблемы военного коммунизма.

Тов. Петров («Дискуссионный листок» «Правды» № 1) на основании положения Ленина, что в России было легче начать революцию, но труднее строить социализм, а в передовых странах будет наоборот, развивает следующую цепь мыслей: вся тяжесть борьбы с классовым врагом падает на период до диктатуры пролетариата, факт появления диктатуры пролетариата означает «конец основной битвы», следовательно, и вопрос о политике военного коммунизма «при наличии диктатуры пролетариата в одной—двух передовых странах Запада теоретически снимается». Кроме неверно понятого положения Ленина, т. Петров доказывает свои утверждения надеждой на то, что «гром и молния» вкупе с «социалистическим озоном» «разбивают вдрызг капиталистические микробы». Но этого явно недостаточно для того, чтобы обосновать превращение гражданской войны победившего пролетариата со своими классовыми врагами из правила в исключение. Не правило, а исключение—таков первый возможный ответ на вопрос о гражданской войне.

Другой ответ дает проект. Смысл этого ответа («возможность») сводится к следующему: может быть, будет гражданская война, а может быть, ее и не будет. Правда, в приведенной нами цитате речь идет о военной интервенции и «длительной контрреволюционной войне», но нигде в проекте больше о перспективе гражданской войны прямо не говорится. Таким образом, цитированное нами положение должно явиться общим ответом программы на вопрос о гражданской войне. Да и в вопросе о длительности гражданской войны формулировка проекта тоже недостаточно ясна.

Ленин давал на вопрос о гражданской войне вполне ясный ответ: в качестве общего правила, гражданская война неизбежна. Правда, он считал в сентябре 1917 г. возможным избежать гражданской войны в России (тут же подчеркивая, что это был бы редкий случай в истории), при условии блока большевиков с эсэрами и меньшевиками, который, как известно, не был осуществлен в России и который, конечно, не будет правилом в передовых капиталистических странах. Однако, поскольку речь идет о программных формулировках, о принципиальной установке, Ленин стоял на точке зрения неизбежности гражданской войны после завоевания власти пролетариатом.

В своем письме американским рабочим (1918 г) Ленин, отвечая на обвинение в разрушении промышленности и терроре, писал, что:

> «в эпоху революции классовая борьба неминуемо и неизбежно принимала всегда и во всех странах форму гражданской войны...» (последняя разрядка принадлежит Ленину, т. XV, стр. 379).

В своей классической работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский» он ставил вопрос с такой же определенностью:

> «Историческая правда состоит в том, что правилом является при всякой глубокой революции долгое, упорное, отчаянное сопротивление эксплоататоров, сохраняющих в течение ряда лет крупные фактические преимущества над эксплоатируемыми. Нигде—иначе, как в сладенькой фантазии сладенького дурачка Каутского—эксплоататоры не подчиняются решению большинства эксплоатируемых, не испробовав в последней, отчаянной битве, в ряде битв своего преимущества» (разрядка Ленина, т. XV, стр. 434).

Ленин в статье «О демократии и диктатуре» снова возвращается к этому вопросу, снова подчеркивает неизбежность, длительность, ожесточенность гражданской войны:

> «Только сладенькие мещане и филистеры могут мечтать, обманывая этими мечтами и себя и рабочих, о свержении ига капитала без долгого и трудного подавления сопротивления эксплоататоров. В Германии и Австрии это сопротивление пока еще не развернулось открыто, ибо пока еще не началась экспроприация экспроприаторов. Это сопротивление будет отчаянным, бешеным, когда такая экспроприация начнется. Скрывая это от себя и от рабочих, Шейдеманы и Каутские, Австерлицы и Реннеры совершают предательство интересов пролетариата...» (т. XV, стр. 567, разрядка моя. *Л. Ш.).*

Ленин неоднократно и подробно обосновывал неизбежность жестокой гражданской войны. Во-первых, «эксплоататоры на долгое время после переворота сохраняют неизбежно ряд громадных фактических преимуществ» (деньги, движимое имущество, навыки организации и управления, образование, знание военного дела и т. д.). Во-вторых, «если эксплоататоры разбиты только в одной стране,—а это, конечно, типичный случай, ибо одновременная революция в ряде стран есть редкое исключение, — то они остаются все же сильнее эксплоатируемых, ибо международные связи эксплоататоров громадны». В-третьих, эксплоататоры находят себе опору среди наименее развитой части мелкобуржуазных масс. Ленин даже напоминает, что среди версальских войск были и пролетарии. Вот почему эксплоататоры могут организовать и в качестве общего правила организуют гражданскую войну против диктатуры пролетариата.

Эта точка зрения Ленина действительно основана на опыте всех революций во всех странах.

Даже ни одна буржуазная революция не обошлась без гражданской войны. «Мирное» развитие парламентарной Англии явилось результатом гражданской войны, которой сопровождался под'ем буржуазии к власти. Буржуазная революция в Америке прошла через войну за освобождение против англичан в XVIII веке и гражданскую войну в XIX веке. Великая французская революция ряд лет дралась против Вандеи и против коалиции иностранных интервентов. Революция 1848 года ознаменовалась гражданской войной в ряде стран и походом реакционных войск Николая I против войск революции.

Если так дело обстояло с революциями буржуазными, в которых власть переходила от одного эксплоататорского меньшинства к другому, то во сколько раз более неизбежной, более длительной, более кровавой должна быть гражданская война, связанная с пролетарским переворотом, свергающим всякую эксплоатацию, разрушающим тысячелетние устои. Ни одно восстание, приводившее к захвату власти пролетариатом, не обходилось до сих пор не только без внутренней гражданской войны, но и без интервенции. Париж 1871 года—борьба с версальцами, плюс осада Парижа и помощь контрреволюционерам со стороны пруссаков. Венгерская революция 1919 г.—гражданская война и военная интервенция чехо-словаков и румын. Баварская Советская Республика—война с прусскими войсками Носке. Финская рабочая диктатура 1918 г.—война с белой гвардией и интервенция германских империалистов. Наша революция—гигантская демонстрация неизбежности и законов гражданской войны и военной интервенции. После всех этих кровавых уроков, после такого взвешенного на весах истории опыта говорить о «возможности» гражданской войны по меньшей мере недостаточно. Этого опыта вполне достаточно для того, чтобы предвидеть неизбежность (в каче-

стве общего правила) гражданской войны в «передовых» странах капитализма.

Противники такой постановки вопроса могли бы сослаться на следующее замечание Ленина по поводу аграрных тезисов французской компартии (декабрь 1921 г.). «В современной Европе, после победы Советской России над всеми капиталистическими странами, поддерживавшими Деникина, Колчака, Врангеля, Юденича и Пилсудского,—в современной Европе при безмерном и бесстыдном удушении Германии Версальским миром гражданская война французских капиталистов против победоносной социалистической революции во Франции может быть лишь весьма непродолжительна и в тысячу раз легче для французских рабочих и крестьян, чем для русских» (т. XX, ч. 2, стр. 477). Однако, такой ссылкой нельзя защищать формулировки проекта о гражданской войне, ибо Ленин в той же статье говорит про «неизбежные попытки французских, английских и других капиталистов подавить войной революцию рабочих и крестьян во Франции». Он советует французским коммунистам включить в тезисы указание о будущей революционной войне во Франции. А что касается непродолжительности этой войны, то Ленин не зря два раза подчеркивает, что речь идет о современной Европе, т.-е. о конкретных условиях революции в определенной стране Франции, в определенном году (1921 г.). Каковы были эти условия? Только-что все попытки буржуазной Европы задавить Советскую Республику кончились неудачей. Буржуазная Европа вынуждена была дать нам длительную передышку, она не могла тогда сразу возобновить войну против нас. Теперь условия не те. Сейчас мы живем с перспективой новой войны, переживаем не переход от войны к миру, а подготовку к новой войне против СССР, организуемую английским империализмом. В 1921 г. сама буржуазная Европа была глубоко расколота. Германия, превращенная в полуколониальную страну, «безмерно и бесстыдно» удушенная Францией, не могла бы, да и не захотела бы, помогать французским капиталистам. Она пыталась бы воспользоваться французской революцией для своего собственного освобождения от версальских оков. Теперь условия не те. Германия снова стала империалистической страной, сменила восточную ориентацию на западную и будет участвовать как в войне против СССР, так и тем более в войне против французской революции, которая была бы мощным толчком к развитию революции в самой Германии. Таким образом, «противоречие» между мыслями Ленина о неизбежности долгой и упорной гражданской войны и замечанием Ленина о Франции есть «противоречие» между правилом и исключением, между общей принципиальной установкой и исследованием конкретного случая, т.-е. противоречие кажущееся. Нет сомнения, что в программу Коминтерна надо взять первое, т.-е. принципиальную точку зрения Ленина на вопрос о гражданской войне.

Наличие Советского Союза не «отменяет» неизбежности гражданской войны в большинстве стран и не делает—в качестве общего правила и во всяком случае для первых Советских Республик после нашей—эту гражданскую войну весьма непродолжительной. Конечно, существование победоносной пролетарской диктатуры в громадной советской стране имеет гигантское значение для борьбы рабочих других стран, облегчает им эту борьбу. Тут надо учесть и моральную помощь СССР и возможности военно-организационной и экономической помощи. Но всего этого недостаточно для того, чтобы «снять» ту общую постановку вопроса о гражданской войне, которую дал Ленин.

Во-первых, не надо забывать, что буржуазия передовых капиталистических стран неизмеримо умнее, опытнее, организованнее своего ублюдочного российского собрата, что эта буржуазия учла опыт нашей революции и многому научилась за последнее десятилетие, что поэтому сопротивление свергнутой буржуазии какой-нибудь передовой капиталистической страны будет более ожесточенным, чем в России.

Во-вторых, чем более важны (с точки зрения мирового капитализма) те центры, на которые посягнет революция, чем больше эта революция будет распространяться на решающие центры, тем более энергично будет вся мировая буржуазия против нее бороться.

В-третьих, СССР еще не сильнее, а слабее всего капиталистического мира как в экономическом, так и в военном отношении, т.-е. существование Советского Союза, угроза его вмешательства в ход революции в какой-либо другой стране отнюдь не парализует еще неизбежных попыток мирового капитала притти на помощь тому отряду международной буржуазии, который подвергнется следующему удару пролетарской революции.

В-четвертых, и это самое главное, новая революция в какой-нибудь решающей капиталистической стране почти наверняка приведет к войне против Советского Союза, если последний попытается оказать прямую и существенную помощь новой Советской Республике, а от этой помощи мы отказаться никак не можем. Ведь, когда в 1923 г. разразился революционный кризис в Германии, Коминтерн и наша партия ориентировались не только на гражданскую войну в Германии, на интервенцию соседних государств против победоносных германских рабочих, но и на новую войну против СССР. Такая ориентация была вполне правильной. Именно так и надо поставить вопрос в программе Коминтерна.

Сотни раз Коминтерн и его секции в противоположность меньшевистским разговорам о мирном «врастании в социализм» утверждали и доказывали, что буржуазия восставшей страны при поддержке всей мировой буржуазии будет драться до последней возможности, что она ни за что добровольно не сложит оружия перед пролетарской диктатурой. Международная социал-демократия пугает рабочих ужасом гражданской войны, если они пойдут на революцию. Коммунисты не могут отвечать на эту агитацию успокоительно: а может гражданской войны и не будет. Наоборот, коммунисты обязаны готовить рабочий класс.

Вопрос о военном коммунизме находится в прямой связи с вопросом о гражданской войне, и лишь отсюда можно исходить (как это и делает проект) при формулировке проблем военного коммунизма. Всякие рассуждения о военном коммунизме вне связи с вопросом о гражданской войне бьют мимо цели, беспредметны и бесполезны. К сожалению, именно так поступает во втором номере «Дискус. листка» тов. Кузьмин.

Проект прямо связывает проблему военного коммунизма с вопросом о гражданской войне. Но поскольку гражданская война по проекту лишь возможна, постольку проект и вопрос о военном коммунизме ставит в такой форме: «может появиться необходимость в военно-коммунистической политике». Эта постановка вопроса представляется нам слишком неопределенной.

Прежде всего надо разобраться в том, что было ошибкой, а что было правильным в нашем военном коммунизме. Безусловно ошибочно было представление, будто мы при помощи военного коммунизма можем построить социализм, будто военный коммунизм и есть нормальный и целесообразный метод взаимоотношений между пролетариатом и крестьянством в эпоху строительства социализма. Возможно, что отсюда вытекали и отдельные военно-коммунистические излишества в практике работы. Однако, для известного периода нашей революции военный коммунизм был об'ективно неизбежен и необходим, был обязательным условием победы над классовым врагом. Осуждая военный коммунизм как ошибку, с точки

зрения строительства социализма, Ленин оправдывал его с точки зрения гражданской войны.

Общеизвестно, что еще в 1918 г. Ленин, а с ним и вся партия (за исключением «левых» коммунистов) отнюдь не предполагала вводить системы военного коммунизма. Гражданская война заставила это сделать—вот что надо понять.

«В условиях неслыханных экономических трудностей нам пришлось проделать войну с неприятелем, превышающим наши силы в 100 раз; понятно, что пришлось при этом итти далеко в области экстренных коммунистических мер, дальше, чем нужно: нас к этому заставляли. Наши противники думали, что они быстро покончат с нами, они думали не на словах, а на деле заставить нас подчиниться. Они говорили: «Ни на какие уступки не пойдем». Мы ответили: «Если вы думаете, что мы на крайние экономические меры не решимся, то ошибаетесь». И мы решились, мы это сделали и мы победили». (Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 11).

Таким образом, политика военного коммунизма была вынуждена гражданской войной, она была об'ективно необходима. И если мы в 1921 г. поняли, что на основе такой политики построить социализм нельзя, то это отнюдь не означает, что вопрос о военном коммунизме «снимается» для других партий. Поскольку гражданская война, как правило, неизбежна, постольку неизбежны и военно-коммунистические мероприятия пролетарской диктатуры. Поскольку, как правило, эта гражданская война в ближайших за нашей революциях пролетариата передовых капиталистических стран будет затяжной и крайне ожесточенной, постольку отдельные военно-коммунистические мероприятия будут перерастать в систему военного коммунизма. Из этого правила могут быть исключения, обусловленные какой-либо своеобразной конкретной обстановкой. Но такова наиболее вероятная перспектива, о такой перспективе надо говорить в программе Коминтерна.

Буржуазные страны в 1914—18 гг. вынуждены были применить широчайшее вмешательство государства в производство и распределение, ряд крупнейших мероприятий государственно-капиталистического характера. Это тоже было не случайно, это заставила сделать империалистическая война. Пролетарская диктатура в условиях ожесточенной и упорной гражданской войны тем более вынуждена будет в интересах войны пойти на военно-коммунистические меры, что, во-первых, гражданская война вызывает не меньшие, а большие экономические затруднения, чем война империалистическая и, во-вторых, в гражданской войне организованный в государство пролетариат должен будет сокрушать сопротивление эксплоататоров, а следовательно, не только ударить по крупному капиталу, но и подорвать экономические корни его союзников (в первую очередь средней буржуазии и кулачества).

Надо напомнить, что говорил Ленин о военном коммунизме и нэпе, именно в связи с вопросом о программе Коминтерна на IV конгрессе. Из уроков нэпа он считал необходимым сделать «важные практические выводы для Коммунистического Интернационала» и поэтому предлагал отсрочить окончательное утверждение программы. Каковы эти выводы, почему надо было отсрочивать утверждение программы? Потому, что «мы почти совершенно не продумали вопроса о возможном отступлении и об обеспечении этого отступления. А, между тем, с этим вопросом нобходимо считаться в деле переустройства мира, уничтожения капитализма и связанного с такими трудностями создания социалистического строя» (Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 83, разр. наша. *Л. Ш.*). Ленин на основе уроков нашей революции, уроков нэпа поставил вопрос об отступлении не потому, конечно, что он считал, как в свое время оппозиция, что нэп вообще есть отступление социализма перед капитализмом, а потому, что он предвидел неизбежность военно- коммунистических мероприятий в условиях ожесточенной гражданской войны. Ведь для того, чтобы отступить на линию нэпа, надо прежде наступать дальше этой линии, надо прежде забраться на какие-то другие позиции. Отступление здесь может быть лишь от военного коммунизма к «новой экономической политике». В том-то и дело, что Ленин предвидел неизбежность выхода пролетариата (в условиях ожесточенной гражданской войны) за пределы экономической целесообразности и последующего отступления на позиции нэпа,—этого единственно целесообразного метода взаимоотношений между пролетариатом и мелкой буржуазией города и деревни в период строительства социализма.

Но тут надо сделать ряд существенных оговорок.

Отнюдь не обязательно, чтобы гражданская война и военно-коммунистические мероприятия советской властью начинались сразу же после появления пролетарской диктатуры. Опыт нашей революции показал, что возможны такие случаи, когда буржуазии не удается сейчас же после захвата власти рабочим классом организовать вооруженное сопротивление в большом масштабе, когда до этого проходит известный период времени, продолжительность которого зависит от конкретных условий борьбы в национальном и международном масштабе.

Затем, точно так же, как об'ем и удельный вес рыночных отношений, нэпа (согласно проекту) зависит от особенностей данной страны, от степени развития индустрии, от роли, которую играет мелкая буржуазия и т. д., точно так же может быть весьма различен об'ем и удельный вес военно-коммунистических мероприятий в разных странах. Это зависит от размаха гражданской войны, экономического положения страны, конкретного соотношения классовых сил и т. д. Отнюдь нет никакой необходимости в том, чтобы все или большинство компартий капиталистических стран целиком перенимали русский образец военного коммунизма. Учитывая наш опыт, они сумеют избегнуть многих ошибок, многих военно-коммунистических излишеств, которые вытекали не из об'ективной необходимости, а из ложного представления, будто военный коммунизм есть правильный и единственно-возможный метод строительства социализма. Не считая военный коммунизм нормальным методом строительства социализма, иностранные компартии будут развертывать военно-коммунистические мероприятия лишь с точки зрения их действительной необходимости, лишь в той мере и в том темпе, в какой мере и в каком темпе будет развертываться гражданская война и будет этого требовать политическая и экономическая оборона пролетарской диктатуры от восставших эксплоататоров и их зарубежных союзников. Все это, однако, не избавляет нас от необходимости ясно сформулировать свою принципиальную установку, основную перспективу.

IV. Остальные замечания.

1. В первом разделе дается характеристика основных законов капитализма. Но тут странным образом отсутствует одно из кардинальнейших противоречий капитализма—противоречие между городом и деревней, которое упоминается лишь очень кратко в разделе «Конечные цели Коминтерна». Тов. Бухарин в одной из своих последних статей великолепно раз'яснил все значение этого противоречия капитализма. Без упоминания о нем характеристика капитализма страдает существенной неполнотой. Это тем более важно, что законам развития капитализма в зе-

мледелии отведено очень мало места, а особой аграрной программы Коминтерна пока еще нет, и когда она будет—неизвестно.

2. Программа Коминтерна должна быть и является мировой программой, в том числе и программой большей половины человечества — колониальных и полуколониальных народов. Вопрос о борьбе против феодально - крепостнических пережитков в этих странах имеет громадное значение, что и отмечено в проекте. Но если это так, если еще большая часть населения мира стонет не только под гнетом империализма, но и под гнетом полуфеодальных пережитков, если победа над империализмом связана для колоний и полуколоний с революционной ликвидацией этих пережитков, то надо было дать в программе хотя бы краткую характеристику феодально-крепостнических отношений. Когда в 1919 году, во время спора о программе ВКП, часть товарищей предлагала ограничиться характеристикой империализма, Ленин возражал против этого, указывая, что без анализа общих законов капитализма программа не отразит всех имеющихся в действительности общественно - экономических явлений. Конечно, соотношение между капитализмом и феодализмом принципиально иное, чем между капитализмом и империализмом. Но для колоний отсутствие характеристики феодально-крепостнических отношений будет означать, что программа не отражает всей полноты, всего сложного переплета экономических и классовых отношений.

А это в свою очередь будет «ущерблять» мировой характер программы и затруднять как коммунистам угнетенных стран, так и передовым рабочим Запада понимание проблем колониальных революций.

Кроме того, нам представляется обязательно необходимым в перечне лозунгов колониальных революций добавить пункт, касающийся ростовщичества (примерно,—аннулирование всей задолженности крестьянства ростовщикам). Если это сказано в проекте по отношению к капиталистическим странам, то тем более борьба против ростовщичества должна быть подчеркнута в отношении Индии, Китая и других стран, где ростовщичество является воистину общенародным бедствием, где оно вызывает неменьшие беды и неменьшую ненависть, чем помещичья эксплоатация.

Наконец, гандизм критикуется в проекте по линии его религиозности, проповеди пассивности и т. д. Однако, этим учение Ганди отнюдь не исчерпано. Вне критики осталась его экономическая реакционность, его народнические идеи: возврат к чарке (ручная прялка), возврат к общине, остатки которой сохранились лишь в двух — трех провинциях Индии. А между тем, и экономическая сторона гандизма представляет весьма значительное явление в общественной мысли Индии (да и не одной Индии). И если мы вопрос об остатках общины в Индии можем в настоящее время (в связи с перспективами перерастания революции в социалистическую), поставить несколько иначе, чем революционные марксисты в России в конце XIX века, то все же гандистскую постановку вопроса мы обязаны критиковать.

3. Национальный вопрос освещен в проекте лишь в разрезе колоний. Это, конечно, основное. Но нельзя забывать и национального вопроса в Европе, который отнюдь не разрешен версальской перекройкой европейской карты. Такие факты последнего времени, как суд над эльзасскими автономистами во Франции и белорусской громадой в Польше, наглядно демонстрируют значение этого вопроса. Польша, Румыния, Чехо-Словакия, Югославия и др. страны представляют многонациональные государства, в которых вопросы национальной политики играют первостепенную роль. Программа Коминтерна должна мобилизовать под знамя революции не только колониальные народы, но и угнетенные национальные меньшинства украинцев, белоруссов, хорватов, венгров, немцев и т. д. Это тем более важно, что первые две из упомянутых нами стран являются соседями СССР и такими соседями, которые в будущей войне против Советского Союза будут играть далеко не последнюю скрипку.

4. К вопросам тактики. Проект пытается изложить основы тактики Коминтерна и дает правильную характеристику «левых» уклонов (отрыв от масс, путчизм и т. д.). Но отсутствует характеристика правых уклонов, против которых должна—по словам проекта—вестись такая же решительная борьба, как и против левых. Нам представляется, что правые уклоны обижены зря, тем более, что в последний год—полтора они играли немаловажную роль в жизни ряда основных секций Коминтерна. Можно возразить, что эти уклоны по сути дела социал-демократические, а о социал-демократии в проекте сказано недостаточно. Такое возражение свидетельствовало бы о грубом упрощенстве. Именно отношение Коминтерна к социал-демократии и является тем вопросом, где чаще всего вырастают «правые» уклоны. Дело, следовательно, не только в нашем принципиальном отношении к социал-демократии, но и в нашей тактике по отношению к ней. Сюда относится тактика единого фронта, которая лишь упомянута, в проекте без всяких пояснений. Надо указать основную цель тактики единого фронта (мобилизация масс и разоблачение социал-демократии) и сказать, какие основные опасности правого характера возникают в тактической деятельности компартии (хвостизм, отказ от критики социал-демократии и т. д.). Тогда проект сам выполнит свое же требование—вести такую же решительную борьбу против правых, как и против левых уклонов.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

«ОРАТОРЫ РЕВОЛЮЦИИ. РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ». Предисловие Пауля Фрелиха. Берлин, 1928 г., стр. 127.

Reder der Revolution. Rosa Luxemburg. Mit Einleitung von Paul Frölich. Neuer Deutscher Verlag. Berlin. 1928.

Роза Люксембург, как известно, была прекрасным оратором. Ее речи представляли образец революционной проникновенности, захватывавшей не только сторонников, но и противников. Она не была поэтом слова, парламентским оратором, в роде Жореса; она брала своей резкостью, прямотой и необычайной простотой.

Рецензируемая книжка, т.-е. те 15 речей Розы Люксембург, которые собраны в ней, служат прекрасным подтверждением этой необычайной силы и притягательности красной Розы. Тов. Фрелих совершенно правильно указывает, что речи Розы Люксембург являются свидетельством беспрерывного революционного горения ее. «Она любила борьбу,—пишет он,—она искала опасности. И только тогда она сильно ощущала радость жизни, когда сталкивалась лицом к лицу с врагом» (11). Она была требовательна к своим единомышленникам, потому что была требовательна к самой себе. И уже это одно определяет всю ту резкость, с какой она обычно обрушивалась на противников, в особенности на извратителей основных положений марксизма в рядах социал-демократии.

Приведенные в книжке речи относятся главным образом к ее выступлениям на партейтагах германской с.-д. партии, 2 речи относятся к Лондонскому с'езду РСДРП (1907 г.), несколько речей—к избирательным кампаниям и одна—программная речь на учредительном партейтаге германской компартии 31 декабря 1918 г. Разумеется, в сборник включены не все речи Розы Люксембург, многие из них не включены; в частности совершенно отсутствуют ее выступления на конгрессах II Интернационала (Амстердамском, Штутгартском и Копенгагенском),—пробел, кстати сказать, ничем не оправдываемый. Затем, не все речи приведены полностью; некоторые из них—в выдержках. Тем не менее, приведенные 15 речей определяют Розу Люксембург в различных стадиях ее политической деятельности. Мы видим ее застрельщиком беспощадной борьбы с ревизионизмом и соглашательством; затем защитницей революционных принципов, выдвинутых русской революцией 1905 г., прекрасным партийным агитатором на предвыборных собраниях и, наконец, обосновывающей политику и тактику германской компартии, фундамент которой ею и был заложен.

Когда на Штутгартском партейтаге 1898 г. соглашатель Вольфганг Гейне попытался вместо давным давно выявленных конечных целей социализма подсунуть партии кое-что из реформистского арсенала Бернштейна, в частности, «демократизацию капиталистического государства», Роза Люксембург со всей стремительностью поставила его на надлежащее место. «Демократизация,—заявила она,—есть нечто специфически буржуазное, при чем лозунг «демократия» буржуазия написала на своем знамени задолго до нас» (17). Это—не цели социалистической партии; ее основной задачей, составляющей содержание борьбы подлинных социал-демократов, является только завоевание политической власти.

Эту мысль она не устает развивать на всех последующих партейтагах. В Ганновере (1899 г.) ей приходится уже выступать против всей бернштейновской компании. В речи, названной «Речь идет о захвате политической

власти», она детально прослеживает несостоятельность реформистской теории Бернштейна и его соратников, с точки зрения революционного марксизма. «Совершенно не серьезно верить в то, что пролетариат сегодня, в современном буржуазном обществе способен захватить экономическую власть. Можно говорить только о захвате политической власти, а затем уж об экспроприации капиталистической собственности. Бернштейн обвиняет Маркса и Энгельса в том, что они в наши условия перенесли политическую схему Великой французской революции. Но он-то сам вместе с прочими сторонниками «экономической власти» переносит в сферу пролетарской борьбы экономическую схему Великой французской революции» (21). Это, разумеется, должно быть отвергнуто, ибо «мы стремимся к полному преобразованию господствующей капиталистической системы хозяйствования, мыслимому не с помощью реформы... но только путем захвата политической власти» (22).

Русская революция 1905 года выдвинула на очередь старый вопрос о всеобщей стачке, как один из революционных методов борьбы. Обсуждение этого вопроса на Иенском партейтаге германской с.-д. партии (1905 г.) происходит в необычайно раскаленной атмосфере. Реформисты мобилизовали все свои силы, имея в виду принудить партию отказаться от всеобщей стачки, как несостоятельного метода классовой борьбы пролетариата. Роза Люксембург, разумеется,—на своем революционном посту. «Перед нашими глазами прошла русская революция,—говорит она в своем выступлении («Время уже прошло»),—и мы будем ослами, если мы на опыте ее ничему не научимся» (24). Революция не делается в перчатках, поучает она трусливого Гейне, отказывающегося взять на себя ответственность за «напрасное пролитие крови германского народа», как это делает «легкомысленный Бебель» (как известно, Бебель произнес на этом партейтаге блестящую речь в защиту всеобщей стачки и высказался за необходимость включения ее в арсенал пролетарского оружия); свидетельством этого может быть история, показывающая, что «все революции были куплены ценой крови народа». «Вся разница между прошлыми и грядущими революциями в том, что до сих пор кровь народа проливалась в интересах господствующих классов, а теперь—в своих собственных классовых интересах» (24).

Этому же вопросу также посвящена одна из последующих речей на открытом партийном собрании в Лейпциге (7 ноября 1905 г.). В этом выступлении она разоблачает тенденцию отвлечения внимания масс от нарастающих социальных конфликтов и обострения классовой борьбы. Эта тенденция проводится в международном масштабе. Во Франции—Жорес с своей проповедью мира, сильной и реальной лишь в обстановке мира (русско-японская война опрокинула все его теории), в Англии—окаменелые трэд-юнионы, в Германии—реформизм и т. д., при чем все они вместе проходят мимо величественной революции в России, подчас игнорируя ее.

Здесь уместно отметить, некоторую переоценку русской революции 1905 г., допущенную Розой Люксембург. Оторванная от русской действительности,она не имела надлежащего представления об экономической отсталости России, о соотношении классов; отсюда вытекала недооценка роли крестьянства в революции.

Блестящую речь Роза Люксембург произнесла на Лондонском с'езде РСДРП (май 1907 г.). Речь эта, целиком направленная против меньшевиков или, как она назвала их, «почтенных окаменелостей» (она не пощадила ни Плеханова, ни Аксельрода), рекомендовавших пролетариату проводить к власти чисто-буржуазное правительство и даже поддерживать кадетов, вызвала бурный протест среди ликвидаторов. «Тов. Роза Люксембург не сидит ни на каком стуле»,—отвечал ей Плеханов. «Она, подобно Рафаэлевой

мадонне, носится на облаках... отрадных мечтаний»... Правда, ее выступление безусловно марксистское, но «это—марксизм испарившийся, улетучившийся в жару революционной фразеологии». Вскрывая мелкобуржуазную сущность меньшевизма, она шла в ногу с большевиками, при чем эта солидарность особенно выявилась именно в данном вопросе—об отношении к буржуазным партиям.

Интересны прогнозы Розы Люксембург относительно мировой войны. В ее речи 1 декабря 1911 г., на предвыборном собрании в Лейпциге она дает отчетливо нарисованную картину надвигающегося вооруженного конфликта. В то время как Жорес носится с своей идеей наступившего триумфа человечности и гуманности над реакцией, говорит она, мы являемся свидетелями кровавой войны в центре Европы (итало-турецкая война в Триполи). Все это указывает на иллюзорность подобных идей. «Мы переживаем теперь наступление на пролетариат со всех сторон; и в обстановке этого наступления мы неослабно должны вести нашу борьбу» (76). Массы должны быть подготовлены дать решительный отпор этому наступлению. Задача социал-демократии не усыплять в массах инициативу, а пробуждать ее, толкать к действию. «Мы ясно и откровенно заявляем массам: будьте твердо готовы дать нам не только ваши голоса, но и вашу жизнь, если это будет необходимо» (79). «Смелость, смелость и еще раз смелость!» (89),—так заканчивает она свою другую речь («Опасности, порождаемые мировой политикой») в том же Лейпциге в мае 1913 г.

Совсем близкой нашей эпохе мы чувствует Розу Люксембург в ее программной речи на учредительном с'езде германской компартии (декабрь 1918 г.). К сожалению, речь приведена не полностью. Но уже по приведенной части можно судить о Розе Люксембург—вожде складывавшегося коммунистического движения в Германии. Немецкие социал-демократы теперь пытаются задним числом изобразить Люксембург разочаровавшейся в большевистской тактике и даже отрицавшей революционную сущность Октября. Но достаточно прочесть эту речь ее, чтобы понять, как несостоятельны и лживы утверждения германских соглашателей.

«То, что мы пережили 9 ноября,—говорила она,—на три четверти было скорее крушением нынешнего империализма, чем победой нового принципа. Попросту говоря, пришло время рухнуть империализму—этому гнилому колоссу на глиняных ногах. Затем началось более или менее хаотическое, лишенное плана, мало сознательное движение, связующим звеном и устойчивым опасительным принципом которого можно считать лозунг образования советов рабочих и солдатских депутатов. Это—ударный лозунг революции, наложивший на нее печать пролетарской социалистической революции, несмотря на половинчатость и слабость первого этапа ее; когда дело доходит до клеветы на русских большевиков, мы должны отвечать нашим противникам: где научились вы азбуке нынешней революции? От русских научились вы лозунгу: советы рабочих и солдатских депутатов. Людишки, считающие ныне своим долгом, во главе с так называемым германским социалистическим правительством (Р. Люксембург имеет в виду правительство Эберта—Шейдемана. *И. Б.)*, коварно, рука об руку с английскими империалистами, подкапываться против русских большевиков, в то же время опираться на советы рабочих и солдатских депутатов, а это все равно, что сознаться: первые лозунги всемирной революции выдвинула русская революция» (107, 108).

Мы сознательно привели эту длинную цитату. Она характерна для облика Розы Люксембург, подлинного оратора пролетарской революции, пользовавшегося необычайным авторитетом в народных массах. Однажды

«лидеры» партии, часто подвергавшиеся нападкам со стороны Р. Люксембург, потребовали от Бебеля поставить вопрос об исключении ее из рядов партии, или о применении к ней партийных взысканий. Бебель же заявил буквально следующее: «Эту щуку прошу не трогать, она в нашем пруду еще пригодится».

Тов. Фрелих приводит в предисловии интересный факт, характеризующий Розу Люксембург как оратора и народного трибуна.

Предвыборная кампания в рейхстаг в 1907 г. Роза Люксембург выступает на предвыборном собрании в Берлине. В числе многочисленных ее слушателей—два «обязательных слушателя»—полицейский офицер и жандарм—оба «хранители достоинства государства». Слушают оба внимательно, ибо с таким оратором, как Роза Люксембург, надо держать ухо востро. А она с исключительным мастерством лавирует вокруг скользких «запрещенных» тем, захватывая их общими штрихами, к великому огорчению «хранителей», не раз уже порывавшихся закрыть собрание. Наконец, офицер поднимается с места с твердым намерением «действовать». Тогда Роза Люксембург повертывается к нему и, не прерывая речи, уже говорит о тяжелой жизни мелкобуржуазных элементов, которые, находясь между молотом и наковальней,—между трудом и капиталом,—неизбежно пролетаризуются и испытывают всю тяжесть капиталистической каторги. Буржуазия одинаково эксплоатирует и врача, и юриста, и поэта и т. д. «И вас также,—обращается она непосредственно к полицейскому офицеру,—ибо вы, знаете ли об этом или нет, являетесь простым орудием, содействующим буржуазии в деле ограбления ею народа». Гром рукоплесканий был ответом на эти слова, при чем среди рукоплескавших были и полицейский офицер, и жандарм. Оба на миг забыли о своем «положении и достоинстве», о своих обязанностях и поддались общему, захватывающему чувству. Но это продолжалось только несколько минут. Оба быстро спохватились и поспешили вернуться в свое «исходное положение».

Рецензируемая книжка является первым выпуском целой серии книжек, посвященных ораторам. Судя по первому выпуску, нужно признать, что «Neuer Deutscher Verlag» задумало интереснейшее культурное издание, заслуживающее большого внимания.

И. Браславский.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 15 15 АВГУСТА № 15

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 8

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

„ПРАВДА"

Главлит № А—19843 Тираж 75.000
Типография газеты „Правда". Москва, Тверская, 48.

VI конгресс Коминтерна.

Два момента, глубоко связанные между собой внутренне, наиболее ярко характеризуют обстановку в которой собрался VI конгресс Коминтерна.

Обострение классовой борьбы и революционного движения, распространение их на новые страны и материки и небывалое обострение военной опасности по отношению к СССР.

В самом недавнем прошлом мы пережили такие события, как всеобщая стачка в Англии и мощный под'ем китайской революции. Английская стачка была предана реформистскими вождями, китайская революция потерпела ряд жестоких поражений от буржуазии и иностранных империалистов. Но выборы в Германии, Франции, Польше в первой половине 1928 года, рост голосов за коммунистические партии, прежде всего бросающийся в глаза в рабочих районах, развитие стачечной борьбы, усиление коммунистического влияния в профсоюзах, особенно заметное в Германии, под'ем национально-революционного движения в Индии, брожение в целом ряде других колониальных стран,—все это показывает, что коммунистическая революция зреет и растет, несмотря на свои временные поражения, что стабилизация капитализма, переход уровня производства в ряде стран за довоенные нормы означает не притупление, а обострение классовых противоречий, не улучшение положения рабочего класса, а неслыханный рост его эксплоатации и угнетения, что эта стабилизация вводит нас не в период социальной гармонии и всеобщего успокоения, а в новую эпоху ожесточенных классовых боев. Еще никогда громкие фразы о смягчении общественных противоречий, о сотрудничестве классов, об эре мира и демократии не находились в таком кричащем противоречии с жизнью, как именно теперь.

Еще никогда террор господствующих классов против революционного движения и коммунистических партий не достигал таких ужасающих размеров. Достаточно вспомнить продолжающиеся массовые казни и пытки в Китае, осуждение на медленную смерть членов ЦК компартии Италии фашистским правительством Муссолини; аресты, зверские избиения, каторжные приговоры в фашистской Польше (только недавно закончились такими приговорами огромные процессы белорусской Громады в Вильне и членов коммунистической

партии Западной Белоруссии в Белостоке). Где классовая борьба достигает особенного напряжения, где возмущение трудящихся масс против господства буржуазии особенно велико, там буржуазия все чаще и чаще применяет фашистские методы прямого и грубого подавления рабочего движения, физической расправы над его участниками, превращения профсоюзов в непосредственные органы буржуазно-фашистского правительства и т. д. Буржуазная диктатура сбрасывает с себя пышный демократический покров и выступает в виде организации голого физического насилия над трудящимися массами.

Другая характерная особенность нынешнего момента, тесно связанная с первой, чрезвычайно реальная опасность внешнего нападения на СССР. В этом отношении обстановка VI конгресса радикально отличается от обстановки предыдущего V конгресса. Тогда СССР вступал в эру «всеобщего признания». За несколько месяцев до конгресса его признало английское «рабочее» правительство Макдональда. После победы левого блока во Франции было совершенно несомненно, что за Англией последует Франция. Еще меньше сомнений внушало поведение их европейских вассалов. Казалось, ничто не предвещало возможности нарушения мира на западной границе Советского Союза.

Как далеко мы стоим теперь от этой почти весенней идиллии! Приблизительно за год до VI конгресса английское правительство порвало дипломатические сношения с СССР и меньше всего думает сейчас об их возобновлении. Еще раньше в Польше образовалось фашистское правительство Пилсудского, консолидировавшее основные массы буржуазии на подготовке военных авантюр на Востоке. Быстро растущий послевоенный германский империализм, у которого заказаны пути к завоеванию заморских рынков, где слишком тесно Англии и Америке, все упорнее и пристальнее направляет свои алчные взоры на Восток. В атмосфере быстро растущих противоречий между основными империалистическими странами СССР, занимающий одну шестую часть земного шара с неизмеримыми естественными богатствами, становится лакомым куском, раздел которого мог бы хотя на время притупить эти необычайно разросшиеся и ежеминутно грозящие войной противоречия. Но дело, разумеется, не в одних противоречиях и не в одном недостатке рынков и источников сырья. Огромное значение имеет и другая сторона вопроса. Чем дальше подвигается вперед социалистическое строительство СССР, тем более грозную опасность для буржуазии представляет оно как притягательная сила для сотен миллионов рабочих, крестьян и угнетенных народов всего мира. Это особенно ясно бросается в глаза на примере соседней с нами Польши Пилсудского, где рабочий получает самую низкую заработную плату на всем европейском материке, где фашистский террор отнимает у него всякую возможность успешной борьбы за кусок хлеба, где тяжести капиталистической рационализации всей своей силой падают на плечи пролетариата, беспощадно расточая его рабочую силу, где бедняк и середняк крестьянин вынужден обрабатывать свой жалкий клочок земли рядом с огромными помещичьими латифундиями, где украинские и белорусские массы подвергаются невероятному национальному гнету. Несомненно, что для такой страны, как фашистская Польша, независимо от того, насколько нуждается во внешних рынках ее буржуазия, одно существование в непосредственном соседстве с ней СССР представляет огромную опасность.

Мы вступили в период, когда буржуазные правительства наперебой друг перед другом спешат выразить, и как можно более демонстративно, свои враждебные чувства по отношению к СССР. Стоит только вспомнить о признании Италией насильственной оккупации Бессарабии румынскими палочниками, о зверском убийстве наших дипломатических работников после Кантонского восстания, не говоря уже о всевозможных налетах; о недавних шагах германского правительства в связи с шахтинским процессом, о дикой травле СССР в японской печати по случаю массовых арестов коммунистов в Японии, о протесте французского государственного банка против привоза советского золота в Северную Америку, о демонстративном неприглашении СССР со стороны американского правительства к подписанию пресловутого пакта Келлога. Последнее выступление польского посланника Патека с протестом против речи т. Бухарина на конгрессе Коминтерна в длинном ряду враждебных актов буржуазной дипломатии против СССР является особенно показательным. За девять лет существования Коммунистического Интернационала буржуазные правительства, и в частности польское правительство, еще ни разу не решались из факта созыва конгрессов Коминтерна на советской территории и выступления на этих конгрессах деятелей ВКП создавать государственные конфликты. Нынешний акт польского правительства нельзя расценивать иначе, как дипломатическую подготовку к тому моменту, когда даже существование Коммунистического Интернационала за неимением других поводов может стать поводом для нападения международного империализма на первую в мире пролетарскую республику. Открытые приготовления правительства Пилсудского при явной поддержке английской и французской буржуазии к захвату Литвы также нельзя расценивать иначе, как прямой шаг к войне с СССР.

Бешеное наступление на рабочий класс собственных стран, враждебная политика по отношению к СССР, перерастающая в прямую подготовку к войне, становится главным содержанием внутренней и внешней политики империалистических государств. А международная социал-демократия становится все более активным фактором этой политики. Международная социал-демократия вместе с Амстердамским Интернационалом делается все более явным и открытым агитпропом международного империализма, обрабатывающим пролетарские массы, удерживающим их от революционной борьбы против капитала и капиталистической рационализации, заставляющим их помогать этой рационализации, т.-е. ковать свои собственные цепи, стремящимся

возбудить недоверие и неприязнь к СССР, не останавливаясь ни перед какой клеветой, чтобы империалистам в нужный момент было легче двинуть обрабатываемые социал-демократией массы на штурм цитадели международной пролетарской революции.

Какие задачи вытекают из создавшегося положения для Коммунистического Интернационала в целом и для входящих в его состав партий?

Всемерное содействие и направление в организованное русло стихийного движения масс против капитала, против капиталистической рационализации, против колониального и национального гнета, против подготовки войны с Советским Союзом, против социал-демократии, стремящейся превратить рабочие массы в активное орудие стабилизации капитализма и нападения на СССР.

Одной из особо важных задач, ударных для настоящего момента, когда опасность войны становится особенно реальной, является борьба за трудящуюся, в первую голову за пролетарскую, молодежь, которая явится главным ядром армий на случай войны.

Укрепление связей с массами рабочих, крестьян, порабощенных народов, поднятие их стихийного движения на высоту революционно-политической борьбы за свержение империализма, за диктатуру пролетариата.

Беспощаднейшая борьба с социал-демократией, как с активным фактором защиты капиталистического строя и подавления рабочего класса, как с активным фактором подготовки империалистической войны против СССР. Чем обостреннее становится классовая борьба, чем более реальные формы принимает военная опасность, чем более решительные меры принимает буржуазия против рабочего класса, тем откровеннее выступает социал-демократия в этой своей роли, тем ближе подходит она к фашизму и фашистским методам, тем основательнее разоблачает себя, как орудие укрепления господства буржуазии и порабощения пролетариата. Германская социал-демократия берет на себя проведение программы буржуазного блока, программы стабилизации капитализма, английская рабочая партия агитирует за сохранение господства британского империализма над Индией, ППС убивает польских рабочих-коммунистов теперь уже не только на улицах во время демонстраций, но и в домах. Такова сегодняшняя работа социал-демократии на службе капиталу.

Мы должны хорошо помнить, что во время и после мировой войны социал-демократическим партиям удалось удержать рабочий класс от революционного свержения капитализма и установления пролетарской диктатуры. Массовых коммунистических партий, которые могли бы стать во главе борьбы рабочего класса, тогда не было. Они выросли и окрепли, когда революционная ситуация в основном была уже позади. Однако, мы видели, как осенью 1923 года германский рабочий класс не использовал революционной ситуации, несмотря на существование массовой коммунистической партии, потому что руководство этой партией не оказалось на высоте задач, поплелось в решающий момент на буксире у левой социал-демократии, оказалось неспособным повести активную самостоятельную революционную политику.

Своеобразие процесса назревания революционной ситуации состоит сейчас в том (и это имеет чрезвычайно важное значение), что он протекает в условиях лихорадочной подготовки к войне против СССР, что в целом ряде стран совершенно нельзя отделить обострение наступления буржуазии на рабочий класс и усвоение социал-демократией методов фашизма от прямой подготовки войны. Чрезвычайная вероятность революционной ситуации именно в связи с войной и с неизбежным спутником ее крайним обострением террора против рабочего класса и коммунистических партий требует от наших партий беззаветной революционной решительности в борьбе с капиталистическим государством и с его социал-демократической агентурой. Огромной опасностью является в таких условиях разлагающее, расслабляющее и парализующее влияние социал-демократической идеологии и насквозь оппортунистической, предательской социал-демократической практики на коммунистические партии или хотя бы на отдельные элементы этих партий. Это есть опасность пассивного разложения, политической импотенции наших партий перед революционными задачами. Поэтому Коминтерн ведет четкую линию беспощадного разоблачения социал-демократии, как агентуры буржуазии и империализма. Поэтому компартия Франции на последних выборах, идя под лозунгом: «класс против класса», отказалась поддерживать на выборах социалистических кандидатов, как прислужников буржуазии. Поэтому английская компартия на ближайших выборах выставляет своих кандидатов против кандидатов английской рабочей партии. Поэтому коммунистическая партия Польши накануне выборов решительно отвергла всякие переговоры с изменнической полуфашистской ППС о блоке на выборах. Поэтому компартия Германии ведет такую решительную борьбу с теми незначительными группами товарищей, которые выступают против четкой борьбы с амстердамцами в профсоюзах, которые выставляют лозунг контроля буржуазно-демократического государства над производством, затушевывая таким образом классовую суть этого государства, которые недооценивают опасность войны. Поэтому Коминтерн во всех своих партиях сосредоточивает огонь по правой опасности, по тем элементам, которые еще не поняли и не усвоили огромной пропасти, отделяющей коммунизм от социал-демократии, которые еще не порвали последних идейных связей с социал-демократией, которые часто бессознательно, помимо своей воли становятся проводниками разлагающих и отравляющих социал-демократических идей в компартии, в рабочей массе, которые склонны брать на веру предательскую ложь социал-демократических изменников, будто опасность войны выдумывается и раздувается Коминтерном. Только полное преодоление этих элементов может максимально предохранить компартии

от опасности пассивности, нерешительности, выжидательного бездействия, хвостизма, убаюкивания себя левой фразой в той революционной ситуации, к которой мы чрезвычайно быстро приближаемся.

Вся работа конгресса—обсуждение доклада тов. Бухарина об общем экономическом и политическом положении и о задачах наших партий, докладов о войне и военной опасности, обсуждение программы в комиссии и на конгрессе—показывает, что представители коммунистических партий разных стран и материков, собравшиеся на конгрессе, отдают себе совершенно ясный отчет в нынешнем положении, что наши партии в общем и целом находятся на высоте тех задач, которые перед ними стоят.

Мы не сомневаемся, что столь же плодотворно будет обсуждение национально-колониального вопроса, вопроса о путях мобилизации тех огромных резервов, которые международная пролетарская революция в решительный момент должна будет двинуть против империализма, и вопросов внутреннего положения ВКП и СССР. Национально-колониальный вопрос впервые после II конгресса ставится с такой широтой на VI конгрессе. Учет и подытоживание грандиозного опыта первого периода великой китайской революции особенно необходимы в настоящий момент, ибо неизбежен в будущем новый под'ем этой революции, ибо вовлечение в революционную борьбу против империализма вслед за рабочими и крестьянами Китая сотен миллионов трудящихся Индии, Китая, Индонезии, Африки и Латинской Америки является важнейшим условием победы пролетариата над империализмом.

СССР находится на важнейшем этапе социалистического строительства, вступает в период грандиозного расширения об'ема этого строительства, интенсивнейшего роста социалистических элементов в сельском хозяйстве, создавая этим твердую почву для дальнейшей индустриализации нашего хозяйства во всем его об'еме. Неизбежные трудности, стоящие перед нашей партией на этом этапе, требуют от партии особой сплоченности, революционной решительности и максимальной ясности в оценке перспектив социалистического строительства. На предыдущем этапе борьбы с троцкистской оппозицией прикрывавшей свое социал-демократическое нутро левыми фразами, наша партия показала, что она располагает этими качествами. Давая оценку тактике ВКП и результатам социалистического строительства СССР, конгресс вобьет осиновый кол в могилу разложившейся и до конца разоблачившей себя, как агентуру буржуазии и социал-демократии, троцкистской оппозиции не только в союзном, но и в международном масштабе. Не будем здесь распространяться о том, какое грандиозное значение для мирового коммунистического движения, для его перспектив, для его ближайших успехов и конечной победы будет иметь принятие на VI конгрессе программы Коммунистического Интернационала, каким огромным фактором идейной консолидации коммунистического движения во всем мире будет эта программа.

Коммунистические партии, представленные на конгрессе, далеки от переоценки своих сил и от недооценки сил наших империалистических врагов и их социал-демократических помощников. Они отчетливо сознают, какая колоссальная работа еще лежит перед ними. Но они сознают также и свои огромные задачи и имеют достаточно революционной решимости для их выполнения.

Мы можем высказать твердую уверенность, что перед лицом этих задач VI конгресс Комунистического Интернационала сумеет стать могучим фактором организации, консолидации, идейной мобилизации революционных сил во всем мире накануне периода решительных боев, к которым мы приближаемся.

П. Шубин.

Борьба против войны и завоевание масс.

В основе решений VI конгресса Коминтерна лежит оценка современности, как периода подготовки новых империалистических войн и интервенций. Соответственно этому и центральная задача, стоящая перед Коминтерном, была формулирована, как задача увязки повседневной массовой работы с борьбой против войны. В прениях (особенно по докладу «О мерах борьбы с опасностью империалистических войн») выяснилось, как много еще остается сделать не только для разрешения этой задачи, но даже для более или менее правильной постановки ее. Причина—не только в организационной слабости ряда секций, но и в новизне этой проблемы для многих из них. Достигнутым до сих пор в этой области можно считать лишь преодоление предрассудка, будто борьба с войной—дело простое и сравнительно легкое, будто «ответ на войну» может быть с'импровизирован в последний момент. В частности необходимость создания нелегальной организации для длительной работы в армии, как показали прения, усвоена братскими партиями вполне. Другое дело—вопрос о том, как этого добиться. Правильной постановке этого вопроса лишь в немногих случаях (поскольку можно судить по прениям) продолжают мешать неизжитые еще остатки «раболепства перед легальностью» (Чехо-Словакия), а также рецидивы в той или иной форме старых иллюзий о возможности бойкота хотя бы «добровольной» армии во время войны (отчасти у англичан). Главным же препятствием для организации систематической борьбы с войной является все же неумение увязать ее со всеми другими формами нашей работы на предприятиях, в профсоюзах и т. д.

Ниже мы остановимся на той раз'яснительной работе, которая должна быть проделана в секциях для устранения пробелов, относящихся ко второй категории вопросов.

В каком смысле можно говорить, что конгресс признал необходимым подчеркнуть связь между возникновением революционной ситуации в предстоящий период и империалистической войной? Не в том, конечно, чтобы он пытался определить, где, как, в какой момент и по какому поводу возникнет ближайшая революция. Еще летом 1918 года, т.-е. за несколько месяцев до германской революции, тов. Ленин писал:

> «Мы пережили за последние 12 лет две революции, мы знаем, что их нельзя делать ни по заказу, ни по соглашению, что они вырастают тогда, когда десятки миллионов людей приходят к выводу, что жить так дальше нельзя... Мы в своей стране... знаем и видим, что нельзя предсказать хода революции, что нельзя ее вызвать, можно только работать на пользу революции. Если работаешь последовательно, если работаешь беззаветно, если эта работа связана с интересами угнетенных

> масс, составляющих большинство, то революция приходит, а где, как, в какой момент или по какому поводу, сказать нельзя. Поэтому ни в каком случае мы не позволим себе обманывать массы, говорить: немецкие рабочие помогут завтра, они взорвут своего кайзера послезавтра. Этого говорить нельзя» (том XV, стр. 350).

Было бы грубейшей ошибкой утверждать, что формулировка т. н. «третьего периода» в тезисах по докладу т. Бухарина может дать повод думать, будто возникновение революционной ситуации «откладывается» до после того, как международные противоречия прорвутся в военном конфликте. О такой «отсрочке» для буржуазии не может быть и речи. Во-первых, потому, что непосредственная революционная ситуация возникла в Китае не в результате «перезрелости» капиталистической стабилизации, а в результате ослабления ее, подрыва империализма на одном из его важнейших участков. В Индии непосредственной революционной ситуации еще нет, но она уже назревает и может вырасти опять-таки не в результате стабилизационных, а, наоборот, распадочных элементов, продолжающих раз'едать английский империализм, в результате чего и заостряется его открыто-реакционная авантюристически-разбойная политика в Индии, поднимающая на восстание массы. Сказанное в той или иной степени относится и к другим колониям. Во-вторых, и в Европе капиталистическая стабилизация испещрена такими провалами, как, например, Балканы, и она может здесь быть взорвана революцией и до империалистической войны. В-третьих, и в основных империалистических странах Европы внутренние противоречия, заостряя внешние и в свою очередь заостряемые ими, могут привести к революционному кризису еще до того, как конфликт между империалистами примет форму военного столкновения, сохраняя, скажем, характер, конфликта финансового (неизбежное обострение борьбы между Англией, С.-А. С. Ш. и Францией за золотые резервы) или экономического— за сферы влияния.

Можно сказать, что при всех возможных положениях предстоящая революция или революции прорвутся в обстановке, насыщенной элементами либо уже происходящих, либо еще назревающих империалистических войн и интервенций.

Могут спросить, что нового даст такое определение по сравнению, скажем, с формулой Базельской резолюции, которая уже предусматривала (увы! на бумаге...) «превращение империалистической войны в гражданскую». Новое (не касаясь организационной стороны дела) в нынешней обстановке заключается с этой точки зрения в том, что империалистическая буржуазия, учитывая недешево ей доставшиеся уроки первой мировой войны и послевоенных революций, в особенности же считаясь с существованием Советского Союза, распространяет политику и практику военного положения на период, предшествующий войне, на период ее подготовки. Тов. Бухарин охарактеризовал этот момент на конгрессе, указав, что «грядущая война уже отбрасывает из будущего свою зловещую тень на настоящее» (закон Бонкура, билль против трэд-юнионов в Англии, обязательный арбитраж для удушения забастовочного движения и т. д. и т. п.).

Первейшее условие успешной антивоенной борьбы наших братских секций заключается в том, чтобы помочь широким массам увидеть эту тень, отбрасываемую уже войной на их каждодневную борьбу, ибо тогда, и только тогда, опасность войны станет для них реальностью, несмотря на все разнообразие форм социал-демократической пацифистской лжи. «Широкие массы еще не верят в надвигающуюся военную катастрофу»,—говорили на конгрессе одни делегаты; «рабочие, находящиеся под реформистским влия-

нием, считают опасность войны преувеличенной»,—говорили другие; «социал-демократической и буржуазной печати до сих пор удается внушать массам, что в случае войны или интервенции против СССР правительство останется нейтральным»,—говорили третьи. Но, не рассеяв этой лжи, нам не удастся поднять бдительность и активность масс, сделать их доступными для действительного антивоенного агитационного и организационного воздействия. Но как рассеять, какими путями и средствами? Конечно, прежде всего раз'ясняя характер и размеры назревающих международных конфликтов, разоблачая тайны военных бюджетов, приводя примеры из подготовки первой империалистической войны и интервенции против СССР и т. д. и т. п., указывая, наконец (для ряда стран это имеет первостепенное значение), что буржуазия уже ведет открытую войну против китайской революции и подкопную войну за раздел Китая. Но ограничиться только кругом вопросов международного характера отнюдь не достаточно; при таком характере агитации война все же может остаться для части рабочих чем-то далеким, даже маловероятным. Надо повести раз'яснительную работу и в другом направлении: надо показать, что те явления и факты, на которые рабочий наталкивается в своей борьбе с предпринимателем и с государственным аппаратом, те факты, которые уже бьют его на каждом шагу, представляют собой в значительной степени элементы общей системы буржуазной подготовки к войне.

В области политической эти явления характеризуют усиливающееся наступление буржуазных государств на рабочие организации. Наступление ведется с целью либо разрушить эти организации в порядке административных репрессий, которые даже в «свободных» странах все больше принимают характер террора военного времени, либо их полного подчинения себе через реформистскую агентуру, практика которой опять-таки носит все черты законченного типичного социал-шовинизма и социал-империализма. Нет ни одной страны, где эти элементы военного положения не насыщали бы «мирную» политику буржуазии и в отношении к рабочему классу, и в отношении к крестьянству, и в отношении к порабощенным колониям. Наиболее ожесточенную форму этот террор принимает в преследовании компартий и красных профсоюзов,—наша задача показать рабочим, что эти преследования имеют целью обезглавить рабочий класс и тем самым отнять у него способность воспрепятствовать войне. Формы террора в различных странах различны в зависимости от того, как глубоко данная страна в'ехала в войну, насколько организован в ней рабочий класс, какие исторические разновидности имеет здесь реформизм и т. д. Но решающим остается то, что везде буржуазия уже начинает «стрелять первой» в рабочих.

В области экономической своеобразные черты нынешней формы капиталистического наступления, как наступления, связанного с войной, не так легко различимы, как в области политической. Но сделать их видимыми для рабочих масс именно здесь особенно важно. Рационализация в той бешеной форме, в которой она проводится сейчас, при незагруженности производственного аппарата, с одной стороны, при отсутствии компенсации рабочим за интенсификацию труда—с другой, является, с одной стороны, следствием обострения межимпериалистической борьбы за мировые рынки, а с другой — важнейшей частью общего плана технической подготовки к войне. В борьбе против понижения своего жизненного уровня рабочий сталкивается на предприятии с об'единенным в государственном масштабе трестовским капиталом, с его монопольными организациями, не только не зависящими от государственной власти, но и открыто командующими над ней. В Германии, скажем, наглядным доказательством военных планов буржуазии является не только рост фашистских организаций и стремление разрушить или обессилить Красный Союз Фронтовиков, но и специальные формы локаутной политики металлического картеля в конце 1927 г., сделавшие явным тот скрытый механизм, при помощи которого эта могущественная предпринимательская организация может, не стесняясь, диктовать свою волю буржуазному государству, настойчиво подготавливая его для разрешения военной задачи. Рабочим, скажем, химической промышленности на их собственном опыте может быть показано, что учащающиеся соглашения между химическими сверхтрестами отдельных стран ни в какой степени не уменьшают растущего соревнования в этой важнейшей, с точки зрения войны, отрасли промышленности, а следовательно, и бешеной игры в чехарду в области развития военной техники и что в то же время эти международные организации, если и об'единяют свои силы, то в первую очередь для наступления против рабочих, для взаимного страхования в национальном и международном масштабе в случае забастовок. Развитие в различных формах госкапитализма, характерного для военного периода, делает неизбежным превращение любой стачки на любом предприятии в обрьбу против того или иного треста и синдиката, выступающих на защиту отдельного предпринимателя, а затем и в борьбу с милитаризированным государством, неизменно стоящим за спиной этих предпринимательских монополий. Открытое государственное насилие, ставящее вне закона всякую экономическую борьбу во время войны, уже является решающим фактором в нынешний довоенный период.

Именно в связи с изменившимися формами борьбы со стороны буржуазии и ее государства мы открыто должны поставить перед рабочим классом вопрос о необходимости дополнить и укрепить его легальные организации созданием нелегальных баз, нелегальных организаций, нелегальной коммунистической работы, не сдавая в то же время ни одной легальной позиции, неустанно, несмотря ни на какие жертвы, борясь за их расширение. Необходимость нелегальной организации должна стать ясной для рабочего-массовика, иначе она может оказаться изолированной от масс. Изучение этого вопроса у Ленина предохранит наши секции от опасности разрешить сложнейшие задачи, связанные с переходом от чистого легализма к комбинированным методам работы, упрощенным способом, ведущим к сектантству.

Необходимость нелегальных организаций в «свободных» странах тов. Ленин раз'ясняет осенью 1915 года, ссылаясь на опыт воюющих стран:

> «Стреляйте первыми, господа буржуа», писал Энгельс, намекая именно на гражданскую войну и на необходимость нарушения легальности нами после (подчеркнуто в подлиннике) того, как ее нарушит буржуазия. Кризис показал, что буржуазия нарушает ее во всех, даже самых свободных странах и что нельзя вести к революции массы, не создавая нелегальные организации для проповеди, обсуждения, оценки, подготовки революционных средств борьбы. В Германии, например, все, что делается честного социалистами, делается против подлого оппортунизма или лицемерного каутскианства и делается именно нелегально. В Англии посылают на каторгу за печатные призывы не итти в войско» (т. XIII, стр. 197).

Года через полтора, когда война бросила свою «зловещую тень» и на нейтральные страны, Ленин расширяет агитацию за нелегальные организации и для периода подготовки к войне. С этой стороны, чрезвычайно поучительна статья «Задачи левых циммервальдистов в швейцарской соц.-дем. партии»,—статья, которая имеет особо важное значение для всех секций Коминтерна именно сейчас.

> «Малейшие шаги правительства перед войной или во время войны к отмене или стеснению политических свобод должны повести к образованию с.-д. рабочими нелегальных организаций, имеющих целью

систематическую, неустанную, не останавливающуюся перед жертвами пропаганду войны войне перед массами» (т. XIII, стр. 493).

Сейчас, в 1928 г., этот предвоенный «отрезок» превратился в целый подготовительный период к войне. Тов. Ленин видел это уже в 1922 г., и потому тогда же (в инструкции нашей делегации в Гааге), считал необходимым поставить первейшим условием действительной борьбы с войной «р а з ' я с н е н и е единственно возможного способа... именно сохранение и образование н е л е г а л ь н о й организации для д л и т е л ь н о й работы против войны всех участвующих в войне революционеров». И еще раньше в тезисах об основных задачах II конгресса т. Ленин посвятил целый пункт вопросу о «систематическом соединении легальной и нелегальной работы», поставив его тогда (лето 1920 г.) в связи с «периодом кануна пролетарской диктатуры».

То обстоятельство, что германская буржуазия дает в такой период соц.-демократу Герману Мюллеру «подержать» государственный руль, отнюдь не означает возможности «возрождения пацифистской эры», хотя бы в уродливой форме 1924 г. За Германом Мюллером числятся не малые услуги именно как за военным эмиссаром германского империализма. Известно, что в 1914 г. он выступил на сцену перед самым поднятием занавеса войны, совершив в последний момент перед разрывом дипломатических сношений свою таинственную поездку в Париж для переговоров с ЦК французской социалист. партии с миссией, которая по своим ц е л я м вполне соответствовала планам германского генерального штаба. Эта кратковременная дипломатическая поездка Мюллера 1914 г. разрастается сейчас в целую программу правительства, именно потому, что подготовка к войне требует сейчас от буржуазии более сложной и продолжительной предварительной работы. Мюллер, таким образом, своей особой воплощает процесс дальнейшего падения соц.-демократических вождей, превратившихся из попустителей реакционной войны в ее непосредственных участников и руководителей.

О том, что переход к нелегальным формам борьбы и к строительству нелегальной организации «ни в каком случае и ни при каких обстоятельствах» не означает отказа от использования «самомалейшей легальной возможности для организации масс и проповеди социализма», что этот переход «невозможно сделать иначе, как с величайшей энергией и решительностью, соединенными с ц е л ы м р я д о м военных хитростей»... т. Ленин, как известно, повторял неустанно и во время и после войны. Мало того, в разных местах его сочинений рассеяны в форме и л л ю с т р а ц и й описания отдельных конкретных форм нелегальной работы и их сочетания с легальной,—конкретные указания, которые при внимательном изучении в связи с тогдашней обстановкой значительно облегчат разрешение тех же задач в нынешних условиях.

Взять, например, одну из важнейших форм связи нелегальной или полулегальной организации с широкими массами, т.-е. п е ч а т ь. В каком отношении должны стоять друг к другу партийная нелегальная и массовая легальная печать в обстановке особенно свирепой цензуры? Опыт наших секций показывает, что у ж е с е й ч а с обнаруживаются двоякого рода промахи и ошибки при разрешении этой задачи. С одной стороны, оппортунистическое, «толстовское» подчинение произволу цензуры, которая в «мирное» время и в «демократических» странах по сути дела уже начинает приближаться к цензуре военной (пример такого «толстовства»—компартия Чехо-Словакии, которая выпускает ЦО систематически с белыми колонками и полосами, ограничиваясь такой беспомощной «демонстрацией» цензурного зверства...). С другой стороны, в некоторых нелегальных партиях наблюдаются тенденции к тому, чтобы ограничиться подпольной литературой, отчасти вследствие

недооценки важности легальной печати при всяких условиях, отчасти вследствие трудностей нащупать такую форму легальной печати, которая не извратила бы партийную линию. В этом отношении очень поучительны указания, которые были сделаны тов. Лениным д л я с а м о й т я ж е л о й о б с т а н о в к и, для начала империалистической войны в Германии. Настаивая, что обязанность партии и в этих условиях заключалась в том, чтобы в числе других мер «организовать нелегальную литературу, проповедующую необходимость перехода к революционным действиям», тов. Ленин пишет:

> «Между прочим. Для этого вовсе не обязательно было закрыть в с е социал-демократические газеты в ответ на запрещение писать о классовой ненависти и классовой борьбе. Согласиться на условие не писать об этом, как сделал «Форвертс», было подлостью и трусостью. «Форвертс» п о л и т и ч е с к и умер, сделав это. Л. Мартов был прав, когда заявил это. Но можно бы сохранить легальные газеты, заявив, что они не партийные и не с о ц и а л - д е м о к р а т и ч е с к и е, а просто обслуживающие технические нужды части рабочих, т.-е. н е п о л и т и ч е с к и е г а з е т ы. Нелегальная социал-демократическая литература с о ц е н к о й войны и легальная рабочая б е з т а к о й о ц е н к и, не говорящая неправды, но молчащая о правде,—почему бы это было невозможно?» (Ленин, т. XIII, стр. 164—165).

Здесь важно указание—до какого м а к с и м у м а можно дойти в деле военных хитростей против цензуры в целях сохранения рабочей печати при том, конечно, н е п р е м е н н о м условии, чтобы ее пробелы восполнялись нелегальными газетами, листовками и т. д. Но, разумеется, было бы неправильно механически переносить этот максимум на нынешнюю обстановку по той простой причине, что нигде или почти нигде (за исключением, может быть, наиболее угнетенных колоний) цензура не достигла еще военного апогея. Отсюда обязанность бороться за сохранение политического характера и печатью, которая обслуживает массовые беспартийные организации. «Военная хитрость» должна заключаться в том, чтобы, не замалчивая правды, подыскивать для нее такие формы выражения, которые облегчали бы обход цензурных запретов. Образцом в этом отношении до сих пор остается, как известно, «Правда» 1912—1914 годов, опыт которой должен получить международное использование тем более, что в ряде стран мы идем быстро навстречу царистскому режиму довоенного периода.

С точки зрения формулировки широкой платформы, координирующей антивоенную работу с борьбой за частичные требования, а также для характеристики массовых форм этой борьбы, внимательнейшего изучения требует цитированная выше статья «Задачи левых циммервальдистов в швейцарской социал-демократической партии» (т. XIII, стр. 491—501). Не только каждодневная борьба против дороговизны, но и критика с парламентской трибуны буржуазных проектов финансовой реформы связываются в этой платформе с подготовкой революционных действий против войны, с разоблачением попыток буржуазии свалить на рабочих и беднейших крестьян тяжести предвоенного периода и войны. Указание на растущие задачи и новые возможности революционного парламентаризма формулировано именно в связи с войной. В частности, такой «мирный» вопрос, как введение принудительного бесплатного перехода иностранцев в швейцарское подданство, подводится к вопросу о борьбе с войной («Политическое бесправие иностранных рабочих и отчужденность их усиливают и без того растущую политическую реакцию и ослабляют интернациональную солидарность пролетариата»).

Но особенно важно для нашей теперешней практики указание на необходимость разнообразнейших форм массовой работы именно в связи с антивоенной работой.

систематическую, неустанную, не останавливающуюся перед жертвами пропаганду войны войне перед массами» (т. XIII, стр. 493).

Сейчас, в 1928 г., этот предвоенный «отрезок» превратился в целый подготовительный период к войне. Тов. Ленин видел это уже в 1922 г., и потому тогда же (в инструкции нашей делегации в Гааге), считал необходимым поставить первейшим условием действительной борьбы с войной «разъяснение единственно возможного способа... именно сохранение и образование нелегальной организации для длительной работы против войны всех участвующих в войне революционеров». И еще раньше в тезисах об основных задачах II конгресса т. Ленин посвятил целый пункт вопросу о «систематическом соединении легальной и нелегальной работы», поставив его тогда (лето 1920 г.) в связи с «периодом кануна пролетарской диктатуры».

То обстоятельство, что германская буржуазия дает в такой период соц.-демократу Герману Мюллеру «подержать» государственный руль, отнюдь не означает возможности «возрождения пацифистской эры», хотя бы в уродливой форме 1924 г. За Германом Мюллером числятся не малые услуги именно как за военным эмиссаром германского империализма. Известно, что в 1914 г. он выступил на сцену перед самым поднятием занавеса войны, совершив в последний момент перед разрывом дипломатических сношений свою таинственную поездку в Париж для переговоров с ЦК французской социалист. партии с миссией, которая по своим целям вполне соответствовала планам германского генерального штаба. Эта кратковременная дипломатическая поездка Мюллера 1914 г. разрастается сейчас в целую программу правительства, именно потому, что подготовка к войне требует сейчас от буржуазии более сложной и продолжительной предварительной работы. Мюллер, таким образом, своей особой воплощает процесс дальнейшего падения соц.-демократических вождей, превратившихся из попустителей реакционной войны в ее непосредственных участников и руководителей.

О том, что переход к нелегальным формам борьбы и к строительству нелегальной организации «ни в каком случае и ни при каких обстоятельствах» не означает отказа от использования «самомалейшей легальной возможности для организации масс и проповеди социализма», что этот переход «невозможно сделать иначе, как с величайшей энергией и решительностью, соединенными с целым рядом военных хитростей»... т. Ленин, как известно, повторял неустанно и во время и после войны. Мало того, в разных местах его сочинений рассеяны в форме иллюстраций описания отдельных конкретных форм нелегальной работы и их сочетания с легальной,—конкретные указания, которые при внимательном изучении в связи с тогдашней обстановкой значительно облегчат разрешение тех же задач в нынешних условиях.

Взять, например, одну из важнейших форм связи нелегальной или полулегальной организации с широкими массами, т.-е. печать. В каком отношении должны стоять друг к другу партийная нелегальная и массовая легальная печать в обстановке особенно свирепой цензуры? Опыт наших секций показывает, что уже сейчас обнаруживаются двоякого рода промахи и ошибки при разрешении этой задачи. С одной стороны, оппортунистическое, «толстовское» подчинение произволу цензуры, которая в «мирное» время и в «демократических» странах по сути дела уже начинает приближаться к цензуре военной (пример такого «толстовства»—компартия Чехо-Словакии, которая выпускает ЦО систематически с белыми колонками и полосами, ограничиваясь такой беспомощной «демонстрацией» цензурного зверства...). С другой стороны, в некоторых нелегальных партиях наблюдаются тенденции к тому, чтобы ограничиться подпольной литературой, отчасти вследствие

недооценки важности легальной печати при всяких условиях, отчасти вследствие трудностей нащупать такую форму легальной печати, которая не извратила бы партийную линию. В этом отношении очень поучительны указания, которые были сделаны тов. Лениным для самой тяжелой обстановки, для начала империалистической войны в Германии. Настаивая, что обязанность партии и в этих условиях заключалась в том, чтобы в числе других мер «организовать нелегальную литературу, проповедующую необходимость перехода к революционным действиям», тов. Ленин пишет:

> «Между прочим. Для этого вовсе не обязательно было закрыть все социал-демократические газеты в ответ на запрещение писать о классовой ненависти и классовой борьбе. Согласиться на условие не писать об этом, как сделал «Форвертс», было подлостью и трусостью. «Форвертс» политически умер, сделав это. Л. Мартов был прав, когда заявил это. Но можно бы сохранить легальные газеты, заявив, что они не партийные и не социал-демократические, а просто обслуживающие технические нужды части рабочих, т.-е. не политические газеты. Нелегальная социал-демократическая литература с оценкой войны и легальная рабочая без такой оценки, не говорящая неправды, но молчащая о правде,—почему бы это было невозможно?» (Ленин, т. XIII, стр. 164—165).

Здесь важно указание—до какого максимума можно дойти в деле военных хитростей против цензуры в целях сохранения рабочей печати при том, конечно, непременном условии, чтобы ее пробелы восполнялись нелегальными газетами, листовками и т. д. Но, разумеется, было бы неправильно механически переносить этот максимум на нынешнюю обстановку по той простой причине, что нигде или почти нигде (за исключением, может быть, наиболее угнетенных колоний) цензура не достигла еще военного апогея. Отсюда обязанность бороться за сохранение политического характера и печатью, которая обслуживает массовые беспартийные организации. «Военная хитрость» должна заключаться в том, чтобы, не замалчивая правды, подыскивать для нее такие формы выражения, которые облегчали бы обход цензурных запретов. Образцом в этом отношении до сих пор остается, как известно, «Правда» 1912—1914 годов, опыт которой должен получить международное использование тем более, что в ряде стран мы идем быстро навстречу царистскому режиму довоенного периода.

С точки зрения формулировки широкой платформы, координирующей антивоенную работу с борьбой за частичные требования, а также для характеристики массовых форм этой борьбы, внимательнейшего изучения требует цитированная выше статья «Задачи левых циммервальдистов в швейцарской социал-демократической партии» (т. XIII, стр. 491—501). Не только каждодневная борьба против дороговизны, но и критика с парламентской трибуны буржуазных проектов финансовой реформы связываются в этой платформе с подготовкой революционных действий против войны, с разоблачением попыток буржуазии свалить на рабочих и беднейших крестьян тяжести предвоенного периода и войны. Указание на растущие задачи и новые возможности революционного парламентаризма формулировано именно в связи с войной. В частности, такой «мирный» вопрос, как введение принудительного бесплатного перехода иностранцев в швейцарское подданство, подводится к вопросу о борьбе с войной («Политическое бесправие иностранных рабочих и отчужденность их усиливают и без того растущую политическую реакцию и ослабляют интернациональную солидарность пролетариата»).

Но особенно важно для нашей теперешней практики указание на необходимость разнообразнейших форм массовой работы именно в связи с антивоенной работой.

«Действительное проведение в жизнь Aaрауского решения о революционной борьбе масс невозможно без систематической и упорной работы над расширением с.-д. воздействия на массы, без вовлечения новых слоев трудящейся и эксплоатируемой массы в движение. Пропаганда и агитация за социальную революцию должны вестись более конкретно, наглядно, непосредственно-практически, так, чтобы быть понятными не только для организованных рабочих, которые всегда останутся при капитализме меньшинством пролетариата и угнетенных классов вообще, но и для большинства эксплоатируемых, неспособных в силу ужасного гнета капитализма к систематической организации» (т. XIII, стр. 496).

С точки зрения требований, формулированных выше т. Лениным, фактическое состояние антивоенной работы в секциях, насколько она отразилась в прениях на конгрессе, заставляет безотлагательно удесятерить внимание к этому вопросу. Есть основание опасаться, что между провозглашаемыми лозунгами последовательной революционной борьбы против войны и нынешним состоянием организационной работы в массах, которая не может не быть связана с повседневными нуждами, не может не учитывать «мелочей», существует значительный разрыв. В той же статье т. Ленин дает наглядный пример того, как надо относиться и в агитационной и в организационной работе к этим «мелочам». Пропаганда высоких ставок налога связывается с тем, что мы «воспользуемся каждой даже малейшей уступкой для неуклонной борьбы за полную экспроприацию буржуазии». Специально отмечается даже такая организационная «мелочь», как «открытое соревнование всех секций партии и особенно организаций молодежи в деле распространения летучих листков..., раз'ясняющих, что революционный пролетариат борется за социалистическое преобразование Швейцарии»; «партия должна перейти к более систематическому изданию раздаваемых даром листков»... Парламентские представители должны использовать свое особо выгодное политическое положение «для проповеди социальной революции среди наиболее отсталых (подчеркнуто в подлиннике) слоев пролетариата и полупролетариата в городе и особенно в деревне».

Период ожесточающейся борьбы, в который вступают все секции Коминтерна, требует большей однородности, большей закаленности партий; правый уклон в такой обстановке может сыграть особенно вредную, дезорганизующую роль.

Конгресс в принятых по докладу т. Бухарина тезисах считал необходимым подчеркнуть, что в настоящее время главная линия уклонов внутри коммунистических партий идет вправо от правильной политической позиции. Борьба с этими правыми уклонами должна быть поставлена на первый план, что предполагает и систематическую борьбу с примиренческим отношением к ним внутри компартий.

Не может быть, разумеется, и речи о том, чтобы эта борьба в какой бы то ни было степени означала ослабление борьбы за завоевание масс, в том числе и тех слоев, которые находятся под влиянием реформизма. Вопрос только в том, чтобы настойчивая, терпеливая работа по овладению добросовестно заблуждающимися, реформистски настроенными массами не скатывалась незаметно к терпимости по отношению к недостаточно устойчивым, не освободившимся от реформистских пережитков элементам внутри самой компартии.

И в этом отношении основная линия, за которой должна строго следить партия, отчетливо намечена т. Лениным. Одна из наиболее четких формулировок, относящихся к этому вопросу, дана в статье «Фальшивые речи о свободе», написанной после II конгресса и направленной против Серрати. Особую опасность «малейших колебаний» внутри партии в тот период, к которому относится эта статья, тов. Ленин связывает с тем, что в Италии назревает революционный кризис, что дело там идет к решающим битвам. Но столь же бесспорно, что в этот же период вопрос о завоевании масс приобретает особо важное жизненное значение. Обе задачи об'ективно не противоречат друг другу, хотя при неправильном подходе к их разрешению такое противоречие легко может возникнуть; и тогда оно бьет одновременно и по боеспособности партии и по ее влиянию в массах.

Нынешний период нельзя считать кануном (за исключением Китая) непосредственной борьбы пролетариата за власть. Но он является кануном военного кризиса, когда обострение классовых противоречий и международного и внутреннего характера еще не привело к возникновению революционной ситуации, но неизбежно должно привести к ней, когда партии должны вооружаться и перевооружаться в ожидании решительных боев, когда они должны менять приемы и методы борьбы сообразно новой все более насыщаемой элементами империалистических войн обстановке. Переход от легальных также и к нелегальным формам борьбы требует решительности, уверенности, твердой руки и железной дисциплины. С другой стороны, «это — новый вид организации борьбы, которому тоже надо научиться, а наука не дается без ошибок и поражений». Но ошибки и поражения могут быть с минимальным ущербом перенесены партией, если она освободилась от шатаний в своих собственных рядах, в первую очередь, разумеется, в своем руководстве. Вот почему и данному периоду соответствует то, что писал Ленин о необходимости гибкой тактики, но такой, которая в данных условиях гнется налево. «Если колеблющиеся вожди отходят прочь в такое время, это не ослабляет, а усиливает и партию, и рабочее движение, и революцию».

Руководящие кадры ВКП (б).

I.

Решения Центрального Комитета партии о смоленском нарыве, о состоянии артемовской окружной организации, а также и о шахтинском деле, имеют крупнейшее политическое значение.

Эти решения, как и самые факты, послужившие основанием для их принятия, ставят перед нами вопрос не только о подборе и работе руководящих кадров промышленности, но они требуют постановки вопроса о дальнейшем формировании, воспитании и подборе руководящих кадров партии для всех остальных областей социалистического строительства.

Необходимо констатировать, что до самого последнего времени изучение работы и состояния руководящих кадров партии у нас было поставлено далеко не удовлетворительно. Работа велась разрозненно, от случая к случаю, и мы в настоящее время не имеем пока-что никакого обобщающего материала, дающего картину современного состояния и динамики развития руководящих кадров партии за последние 5—6 лет.

Единственные опубликованные данные по затронутому нами вопросу можно найти в материалах, выпускавшихся к с'ездам партии, как-то: «Руководящие кадры РКП(б) и их распределение» — к XIII с'езду партии, «К XIV с'езду РКП(б)», «Партийные, профессиональные и кооперативные органы и госаппарат»—выпущены к XIV с'езду, и материалы «К XV с'езду ВКП(б)». Однако, статистические данные находящиеся в них, настолько противоречивы по отношению друг к другу, что пользоваться ими можно только с большими оговорками и осторожностью.

Даже в последнее время, когда по итогам Всесоюзной партпереписи поступило в продажу уже несколько выпусков, о руководящих кадрах партии мы опять-таки ничего не имеем. В дальнейшем этот пробел безусловно нужно устранить и изучение руководящих кадров партии производить систематически и всесторонне.

Наши руководящие кадры за годы революции гигантски выросли. И само собою разумеется, этот рост не совершался самотеком. Уже XI с'езд нашей партии поставил вопрос о подборе руководящих работников для гос. и хоз. аппарата. В резолюции XI с'езда по данному вопросу партийным организациям была дана следующая директива: «Парторганизации должны обеспечивать устойчивое руководство советскими учреждениями и хозорганами. Они подбирают всю массу членов партии, работающих в этих органах. Парторганизации дают лучших своих работников для непосредственной работы в хозорганах».

XII с'езд еще более обстоятельно останавливается на задаче комплектования руководящих кадров. Его решения по данному вопросу в основном сводятся к следующему: «1) Уточнить и оформить систему распределения и подбора работников так, чтобы обеспечить руководящее влияние партии

в деле подбора госаппарата и охватить повседневную распределительную работу гос. и хоз. органов и важнейшие назначения в них. 2) Постепенно изучить и пересмотреть руководящий состав государственных и, в частности, хозорганов с точки зрения делового и политического соответствия. 3) Укрепить гос. и хоз. органы партийными силами и ответственными партработниками».

В результате директив XII с'езда в составе руководящих кадров партии у нас произошел огромный сдвиг: во-первых, в сторону орабочивания этих кадров и, во-вторых,—в сторону закрепления и усиления в их составе прослойки старых партийцев-большевиков.

XIV с'езд партии снова сюда обращает внимание, при чем к делу подбора широко привлекаются органы РКИ и КК. «Органы КК и РКИ,—говорится в резолюции XIV с'езда,—до сих пор работали в этом направлении главным образом путем очищения государственного аппарата от негодных элементов. Однако, обследование государственного аппарата, связь органов РКИ с производственными комиссиями фабзавкомов и с экономкомиссиями учреждений, участие органов РКИ в регулировании вопроса о выдвиженчестве,—все это дает органам КК и РКИ возможность оказывать содействие партийным органам в выполнении задачи подбора работников также и путем отбора тех из них, которые в своей деятельности обнаружили соответствующую подготовленность, добросовестность в работе, соответствующие знания и т. д.

В силу этого задачей ЦКК и РКИ в будущем в большей мере, чем это было до сих пор, должно являться активное содействие соответствующим партийным и советским органам в деле подбора работников в хозяйственные и государственные области».

Руководящая рука партии в комплектовании состава ответственных работников видна, таким образом, совершенно отчетливо. Общественно-политическая и хозяйственная зрелость всей основной массы руководящих кадров сильно повысилась, однако, удовлетвориться тем, что мы имеем, мы ни в какой мере не можем.

Это вытекает из той новой обстановки, в которую мы вступили. Из периода восстановления нашего хозяйства мы вступили в эпоху реконструкции, в эпоху индустриализации страны. На одной шестой части суши земного шара мы вплотную приступили к закладке экономического фундамента социалистической цивилизации. Новый строящийся фундамент, новая экономическая база властно начинают требовать и новых «надстроек». Отсюда лозунг культурной революции, звучащий в настоящее время совершенно по-новому, иначе, чем шесть—семь лет назад, отсюда проблема кадров и т. д.

Острота проблемы кадров приводит некоторых товарищей в настоящее время к постановке вопроса о кризисе кадров. Такая постановка является безусловно ошибочной. Кризиса кадров мы не имеем. В общем и целом мы, несомненно, имеем рост и консолидацию руководящих кадров. Но в то же время на многих участках нашей великой социалистической стройки этот рост не идет в ногу с ростом требований по отношению к кадрам. Поэтому задача сводится к тому, чтобы форсировать этот рост, приспособить его к темпу и задачам реконструкции и роста социалистического хозяйства, как можно прочнее увязать со всем комплексом, суммой мероприятий, вытекающих из лозунга культурной революции.

Этот угол зрения остается правильным для всей массы руководящих кадров, его необходимо применять и при анализе работы и состояния той или иной группы руководящих работников.

II

Переходя к конкретному анализу современного состояния и динамики руководящих кадров по отдельным группам, в первую очередь посмотрим, как обстоит дело с работниками, находящимися на руководящей партийной работе.

Статистические данные дают нам здесь следующую картину:

К какому сроку	Социальное положение			Партстаж		
	Рабочих в %	Крестьян в %	Прочих в %	Подп. в %	17 г. в %	18 г. и позже в %
Секретари обкомов, губкомов и крайкомов						
К XI с'езду	24,7	3,6	41,7	48,3	18,0	33,7
„ XII „	44,6	0,9	54,5	62,5	20,5	17,0
„ XIII „	48,6	0,0	51,4	71,4	13,4	15,2
„ XIV „	43,5	1,2	55,3	75,3	14,1	10,6
„ XV „	48,7	0,0	51,3	71,1	14,5	14,4
Заворги губкомов, обкомов, крайкомов и Нац. Ц. К.						
К XI с'езду	50,0	7,1	42,9	41,0	25,0	34,0
„ XII „	35,2	5,5	59,3	27,4	34,1	38,5
„ XIII „	37,5	7,3	55,2	30,2	25,0	44,8
„ XIV „	52,7	3,6	43,7	18,5	21,5	56,9
„ XV „	44,4	3,7	51,9	25,9	26,0	48,1
Зав. агитпропами губкомов, обкомов, крайкомов и Нац. Ц. К.						
К XIII с'езду	20,3	1,4	78,3	20,3	24,6	55,1
„ XIV „	27,9	1,5	64,7	22,1	22,1	55,8
„ XV „	25,5	2,0	72,5	13,7	21,6	64,7
Секретари укомов						
К XIII с'езду	50,0	12,9	37,1	25,7	27,5	46,8
„ XIV „	56,2	10,9	31,5	18,0	33,1	48,9
„ XV „	—	—	—	21,3	19,1	59,6

Примечание: Таблица составлена на основании следующих материалов:
1) „Руководящие кадры РКП и их распределение".
2) „Партийные, профессиональные и кооперативные органы и госаппарат"—к XIV с'езду РКП(б).
3) „К XIV с'езду РКП(б)".
4) „К XV с'езду ВКП(б)".
Эти статистические данные, как сказано выше, не могут претендовать на особую точность.

Из таблицы вытекают следующие выводы: среди секретарей обкомов, губкомов и крайкомов, начиная с XI с'езда, мы имеем рост подпольщиков, при чем к XIV с'езду % подпольщиков поднялся до 75,3 и к XV с'езду снизился до 71,1%; остальные две группы членов партии—с 1917 г. и позже—дают в общем и целом кривую на понижение. Это свидетельствует о том, что влияние старых большевистских кадров, прошедших школу подполья, в руководящей партийной работе ни в какой мере не ослабевало, а наоборот повышалось. С другой стороны, очевиден, и другой процесс—укрепление рабочего ядра в этой группе работников. С 24,7% рабочее ядро

к XV с'езду выросло до 48,7%. Процент крестьян дает понижение. Группа прочих остается в общем стабильной с тенденцией на понижение.

Укрепление рабочего ядра налицо также и в составе заворгов. С XI с'езда к XIII в составе заворгов мы имеем снижение рабочего ядра с 50% до 37%. К XV с'езду этот процент снова поднялся до 44,4. Группа крестьян и здесь несколько снизилась, а группа прочих остается в общем стабильной. Что касается партстажа, то здесь налицо снижение группы подпольщиков и одновременно значительный рост группы членов партии с 1918 г. и позже. Это свидетельствует о том, что сюда подтягиваются молодые растущие кадры партии, что обеспечивает дальнейший нормальный рост руководящего партийного ядра. Процент рабочих в составе зав. агитпропами все еще не обнаруживает сколько-нибудь заметных признаков дальнейшего роста, что обязывает нас к повышению теоретической подготовки рабочих-партийцев, могущих восполнить и устранить этот пробел. Процент подпольщиков в данной группе также невелик, и рассчитывать на его дальнейшее увеличение теперь на 11-м году пролетарской диктатуры едва ли приходится, так как с каждым годом значительные группы старых большевиков выходят из строя и партия их вынуждена заменять новыми, молодыми кадрами.

В составе секретарей укомов мы имеем совершенно отчетливый рост группы рабочих при одновременном снижении процента подпольщиков и увеличении группы секретарей укомов с партстажем с 1918 г. и позже.

То же самое явление там, где проведено районирование, мы наблюдаем в составе секретарей окружкомов, заворгов и завагитпропов: процент подпольщиков и здесь снижается. К XIV с'езду в составе секретарей окружкомов имелось 40,5% подпольщиков, к XV с'езду 28,3%. Одновременно растут группы секретарей окружкомов, имеющих стаж с 1917 г., а также с 1918 г. и позже.

По практическому стажу по данной работе в составе секретарей крайкомов и губкомов мы имеем 71,6% имеющих стаж до 1 года, 9,9%—от 1 до 2 лет, 8,6%—от 2 до 3 лет, 6,2%—от 3 до 5 лет, 7,3%—от 5 до 7 лет. Среди секретарей Нац. ЦК и обкомов мы имеем примерно то же самое. Группа работников, имеющих стаж по данной должности до 2-х лет, составляет 72,1%.

Цифры свидетельствуют о том, что процесс обновления в этой руководящей группе работников происходит в общем и целом нормально. Цифры из вышеприведенной таблицы говорят о том, что налицо имеется сохранение руководящей роли старой большевистской гвардии во всех основных звеньях партийной работы при одновременном подтягивании молодняка.

Эта здоровая линия в формировании руководящих партийных кадров отчетливо сказывается и на составе высших партийных органов, избранных XV партийным с'ездом. В настоящее время как в составе Центрального Комитета, так и в составе Центральной Контрольной Комиссии мы уже имеем членов партии с партийным стажем с 1917, 18, и даже 19 гг. Мы не анархисты, мы не отрицаем роли вождей, но вожди не падают готовыми с неба, они вырабатываются и отбираются всей обстановкой борьбы и социалистического строительства. Вожди вырастают путем накопления и обобщения, с помощью революционного марксизма-ленинизма, политического опыта руководства массами и практической работой. А это невозможно успешно выполнить без подтягивания молодых показавших себя на работе сил в руководящие партийные органы.

Однако, как же возможно при таком положении такое разложение, перерождение отдельных клеточек партийного организма, какое оказалось налицо в смоленской, артемовской и шахтинской организациях. Последние

наиболее глубокие причины этих явлений лежат в нашей некультурности. Своей социалистической культуры мы еще не создали и не скоро создадим. Переварить, переработать все лучшие и необходимые нам элементы буржуазной культуры мы также еще не смогли, хотя за это дело уже взялись вплотную.

Между тем, даже та непрочная, тепличная, рахитичная буржуазная культура, которая создалась в России, в том числе и прямо враждебные нам, не подлежащие перевариванию и переработке, обреченные на полное уничтожение элементы буржуазной культуры,—они давят с огромной силой на сознание, психику и даже на линию поведения многочисленных групп и прослоек рабочих и всех трудящихся.

Такое явление будет продолжаться еще довольно длительный период. Как же, спрашивается, при таком положении избежать всех опасностей разложения и перерождения? Почему в других организациях этого не случилось? Какие гарантии у партии при нашей некультурности имеются от разложения отдельных частей партийного организма в дальнейшем?

Таких основных гарантий у нас имеется две.

Первая гарантия, это—связь всей партии, и в особенности руководящих кадров, с рабочим классом, с массами. *Рабочий класс при под'еме социалистического строительства, при его развертывании не может разложиться, переродиться.* Он, наоборот, будет консолидироваться, сплачиваться, повышать свой культурный уровень и политическую зрелость. Кто отрывается от рабочего класса, от трудящихся масс, тот неминуемо должен разложиться, переродиться, перестать быть настоящим большевиком, тот в лучшем случае должен стать обывателем.

Если кто-либо отрывается от рабочего класса, от трудящихся масс, он неизбежно должен примкнуть к другому классу или к его остаткам, обломкам. Связь с рабочим классом, чувство ответственности перед ним и перед партией являются, таким образом, важнейшей, хотя не единственной и не полной гарантией, «прививкой» против болезни «разложения».

Вторая гарантия это—наша революционная теория, маркистско-ленинское мировоззрение, это систематическая проверка нашей повседневной практики с помощью учения Маркса—Энгельса—Ленина.

Отрыв теории от практики, как и наоборот—практики пролетарской революции от ее теории, в свою очередь приводит к опасности разложения отдельных клеток партийного организма и к извращению большевистской партийной линии.

Ленин со всей гениальностью своего ума вскрыл обе эти опасности. Он видел все отрицательные стороны разрыва теории, книжных знаний с практикой, он говорил: «Без работы, без борьбы книжное знание коммунизма из коммунистических брошюр и произведений ровно ничего не стоит, так как оно продолжало бы старый разрыв между теорией и практикой, тот старый разрыв, который составлял самую отвратительную черту старого буржуазного общества». Буквоедство, догматизм, ученая схоластика, пусть даже она надевает на себя марксистско-ленинскую тогу, в лице ленинизма, как революционной теории для действия, всюду и везде заслуженно встречают беспощадный отпор.

Но в то же время Ленин предупреждал и о другой опасности—об опасности пренебрежения теорией, преклонения перед голым, ползучим эмпиризмом, беспринципным «деляческтвом». Еще 25 лет назад Лениным была брошена крылатая фраза: «Без революционной теории не может быть и революционного движения». Он подчеркивал, что «всякое умаление социалистической идеологии, всякое отстранение от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной».

Наша практика постоянно и систематически должна пронизываться, проверяться и освещаться марксистско-ленинской теорией, и, наоборот, наша теория должна постоянно обогащаться всемирно-историческим опытом революционного рабочего движения.

Это—вторая важнейшая, хотя и не единственная и не полная прививка против яда разложения отдельных клеточек партии.

В смоленской, артемовской и шахтинской организациях об обеих этих прививках в той или иной степени забыли. Каждая из них не занимала в этих организациях того места, какое им принадлежало, принадлежит и будет принадлежать в партии.

С одной стороны, оказался налицо отрыв от масс, забвение того элементарного положения, что партия не является самоцелью, с другой,—вместо принципиальной большевистской политики проводилось беспринципное «делячество», а в итоге—разложение. Совершенно очевидно, что эта беспринципная политика в руководстве вышеназванных организаций отражает, вместе с тем, в той или иной мере недостаточную теоретическую и политическую закалку руководящих кадров в этих организациях, недостаточный теоретический уровень и узкий политический кругозор этих кадров. Отсюда следует, что нам ни в какой мере не следует ослаблять теоретическое воспитание наших руководящих кадров, наоборот, нужно его всемерно улучшать и повышать.

Надо сказать, что еще и в настоящее время огромное большинство секретарей губкомов, обкомов, окружкомов, а также заворгов и агитпропов окружных и губернских организаций, пользуется только теми знаниями из учения Маркса—Ленина, которые они в далеко не совершенном виде почерпнули в кружках подполья или приобрели наспех, на ходу в самой практике пролетарской революции. Между тем, в настоящее время этого оказывается уже далеко не достаточно.

Одновременно с повышением теоретического уровня нам необходимо более упорно работать над расширением общего политического кругозора. В отношении общего политического кругозора значительная часть этих кадров находится в тисках, если можно так выразиться, провинциальной ограниченности. И совершенно естественно, что эта провинциальная ограниченность служит благоприятной почвой для всяких видов обрастания, артельности, семейственности и т. п.

Для расширения политического кругозора руководящих партийных работников совершенно необходимо, чтобы каждый из них прошел школу работы в каком-либо крупном промышленном и политическом центре Советского Союза. Желательно, чтобы как можно больше такого рода работников имели возможность окунуться даже в основной центр политической жизни—в Москву, поработать здесь, чтобы затем снова двинуться на работу в провинцию на ту или иную окраину.

Для расширения политического кругозора это будет иметь немаловажное значение. *Мало того, в настоящее время все сильнее назревает потребность в непосредственном ознакомлении губернских, окружных, краевых партработников с жизнью важнейших капиталистических государств.*

В самом деле, в настоящее время мы посылаем за границу рабочих, инженеров, директоров, председателей трестов, студентов. Спрашивается, а сколько же у нас было за границей секретарей губкомов, окружкомов, нац. ЦК и других руководящих партийных работников? Могут спросить, зачем им ехать? Рабочие, инженеры, студенты едут изучать достижения

капиталистической техники, для того, чтобы эти достижения перенести на советскую почву, тогда как в пересаживании буржуазной демократии и всех ее прелестей на советскую почву мы совсем не нуждаемся.

Во-первых, и для политических руководителей далеко не безразлично знакомство с достижениями капиталистической техники. А, во-вторых, руководители партийных организаций: секретари, заворги, завагитпропы и т. п.,—они должны своими глазами посмотреть в капиталистических странах жизнь и борьбу рабочего класса, его организации, должны пощупать своими руками механизм капиталистического господства и его приводные ремни для того, чтобы тем вернее оценивать и наши успехи и трудности дальнейшей борьбы Советского Союза, а также общее соотношение борющихся сил.

Коротко говоря, такие командировки за границу партийных работников должны преследовать цель выработки руководящих партийных кадров, обладающих более широким политическим кругозором, а отсюда и умением более успешно руководить массами в деле социалистического строительства.

III.

В отношении выковывания и дальнейшего роста профсоюзных кадров вопрос в настоящее время приобрел тоже значительную остроту. Причины этого те же, что отмечены уже нами выше. Со стороны количественного роста этих кадров, партийной прослойки и их обновления какие-либо крупные коррективы в дальнейшую практику в ближайшее время вносить нам едва ли придется. С фактической стороны в данной области дело представляется к XV с'езду партии в следующем виде: руководящие органы профдвижения (пленумы и президиумы ВЦСПС и ЦК союзов) почти на 100 процентов состоят из членов партии, в президиуме ВЦСПС коммунисты составляют 100%, в президиумах ЦК союзов составляли 99,5%, в пленуме ВЦСПС—99,6% и в пленумах ЦК союзов—86,3%. Вовлечение беспартийных, как видим, было недостаточное. Особенно мало беспартийных было в ЦК металлистов, железнодорожников, горняков и транспортников, где на 50—60 членов ЦК приходилось всего по 2—3 беспартийных.

Последние с'езды внесли сюда значительные изменения, и в настоящее время процент беспартийных в ЦК союзов значительно выше.

По партийному стажу—в руководящих органах профсоюзов к XV с'езду абсолютное количество подпольщиков уменьшилось всего на 2 человека; в президиуме ВЦСПС подпольщиков имелось 77%, в президиумах ЦК союзов—23,4%; среди представителей СПС—11%.

По социальному составу—в рядах руководящих профкадров огромное большинство рабочих: среди председателей СПС—60%, в президиуме ВЦСПС—82%. Обновление руководящих профкадров также проходит в общем и целом нормально. На ряду с этим мы видим накапливание опыта практической работы: в составе ВЦСПС 75% общего числа членов вели активную профработу не менее 8—9 лет, в президиуме ВЦСПС таких товарищей насчитывается—95%, в пленумах ЦК—53%, и в президиумах ЦК—73%. Что касается обновления, то в предыдущие перевыборы было переизбрано свыше 50% руководящих работников руководящих профорганов; в пленумах ЦК союзов эта цифра дошла даже до 68%. Надо полагать, что и при последних перевыборах профсоюзов процент обновления мы имеем достаточный.

Основной недостаток профорганов заключается в том, что при количественном росте своих кадров из рабочих они не уделяют достаточного внимания изучению качественного состава своих кадров, их подбору, выдвижению и воспитанию на практической работе. Поэтому Центральный

Комитет в последнем своем постановлении по вопросу о профкадрах дал следующую директиву фракциям профорганов: «Добиться решительного перелома в работе профорганов (начиная с ВЦСПС) по изучению качественного состава своих кадров, их правильного использования, выдвижения, а также систематической работы по поднятию их квалификации».

Так обстоит дело с руководящими кадрами профсоюзов. Несколько иное положение мы имеем в руководящей группе административно-советских работников. Вот краткая цифровая сводка о социальном положении и партийном стаже председателей ГИК, ОИК, ЦИК и СНК союзных и автономных республик.

Председатели ГИК, ОИК, ЦИК, и СНК, союзн. и автономных республик.

К какому времени	Социальное положение			Партстаж		
	Рабочих	Крестьян	Прочих	Подп.	1917 г.	18 г. и позже
К XII с'езду	30,1	4,9	65,0	49,1	17,0	33,9
„ XIII „	31,1	5,7	63,2	43,9	20,6	35,5
„ XIV „	29,8	6,6	63,6	37,2	21,5	41,3
„ XV „	45,8	—	—	35,0	17,0	48,0

Из таблицы видно, что процент рабочих в составе председателей ГИК, ОИК, ЦИК и СНК союзных и автономных республик значительно ниже, чем в составе председателей местных СПС, и почти равняется с процентом рабочих в составе секретарей губкомов и обкомов. При этом, как видно из цифр за все последние годы, количество рабочих в составе председателей ГИК продолжает неуклонно расти. По партийному стажу, наоборот, в составе председателей ГИК процент подпольщиков несравненно выше, чем в составе председателей советов профессиональных союзов (11% и 35%) и в то же время далеко ниже по отношению к секретарям губкомов и обкомов (35% и 71,1%). Молодые кадры подтягиваются к руководящей советской работе весьма сильно, что видно из того, что 48% председателей ГИК, ОИК, ЦИК и СНК союзных и автономных республик имеют партийный стаж с 1918 г. и позже. Этот плюс обязывает нас, однако, обратить исключительное внимание на политическую закалку этой группы работников, на повышение их идейно-политического и культурного уровня. В отношении практической работы эта группа работников накопила весьма значительный опыт, но этот опыт чрезвычайно нуждается в оплодотворении и обогащении общеполитическим развитием. Только при этом условии мы избавимся от того кустарничества в руководстве советской работой, которое у нас на местах все еще имеется.

Чрезвычайно серьезно по этой группе работников обстоит положение и в отношении текучести.

По продолжительности работы в данных должностях эта группа работников к XIV с'езду партии распределялась следующим образом:

Менее года	47,1%
От 1 до 2 лет	30,6%
От 2 до 3 лет	8,3%
3 года и более	14,0%

Почти половина всего числа председателей находилась, таким образом, на данной работе менее 1 года и 30%—только от 1 до 2 лет. После XIV с'езда, казалось бы, что мы должны были добиться ослабления этой текучести. В действительности же к XV с'езду положение почти не изменилось. В материалах «К XV с'езду ВКП(б)» по отмеченному вопросу мы находим следующие данные: «В составе руководителей советской работы на местах текучесть значительно большая. Среди 47 пред. ГИК, обл. и крайисполкомов 15 товарищей работают в последней должности менее года, 19 от 1 до 2 лет, 7 от 2 до 3 лет и 6 от 3 до 5 лет.

Таким образом, за отчетных 2 года сменилось 35 председателей из 47, т.-е. 72% всего состава («К XV с'езду ВКП(б)», стр. 73). В дальнейшем такая текучесть бесспорно должна быть устранена.

Говоря о руководящих кадрах партии, мы, понятно, ни на одну минуту не можем забывать той части этих кадров, которая работает на фронте хозяйственного и кооперативного строительства непосредственно.

Что мы имеем на этом важнейшем участке?

В кооперации за последние годы мы имеем укрепление руководящих партийных кадров. В кооперативных центрах партийцы составляют 75% всего руководящего состава (к XIV с'езду было 67%). Увеличение партийной прослойки происходит по всем видам кооперации. Но в распределении партийных сил по различным участкам кооперативного фронта имеется значительная неравномерность. В то время как в сельскохозяйственной кооперации их только 59%, в потребительской кооперации мы их имеем уже 83%. В губернских, окружных центрах партийная прослойка в кооперации уже значительно ниже.

Рабочее ядро даже в руководящих кооперативных органах равняется всего 26%, зато по отношению к кооперативному стажу в руководящих центрах кооперации почти ⅓ работников имеет кооперативный стаж больше 7 лет 32%, а работники с кооперативным стажем 3 года и выше составляют 72%. Это явление надо признать здоровым. Если крайне вредна частая смена, текучесть промкадров, то это же надо сказать и относительно руководящих работников кооперации. Опыт, знание данного дела в данной области, накапливается здесь годами, и всякие частые переброски с работы крайне отрицательно сказываются на экономическом эффекте работы. К тому же в кооперации среди беспартийных имеется значительное количество выходцев из других партий. Частая сменяемость работников с руководящей кооперативной работы при таком положении естественно может привести к ослаблению партийного влияния, несмотря на солидную партийную прослойку.

Что касается промышленных кадров, то тов. Васильевым в № 8 «Большевика» от 30 апреля текущего года этому вопросу уже дана общая оценка. Из цифр, приведенных в статье, явствует, что процент партийцев в правлениях трестов, синдикатов и акц. обществ неуклонно из года в год растет. Рабочая же прослойка в этих организациях в составе руководящих работников почти не обнаруживает роста. Это чрезвычайно показательно. Рост рабочей прослойки тут натыкается на нашу экономическую и техническую безграмотность. *Дальнейшее повышение рабочей прослойки в таких организациях, очевидно, в серьезнейшей степени будет зависеть от упорной работы по приобретению научно-технических и экономических знаний нашими хозяйственниками-рабочими.* Партия им в этом направлении должна оказать максимальную помощь и поддержку.

Что рост рабочей прослойки в составе хозяйственников в настоящее время, когда мы приступили к реконструкции хозяйства, связан с приобретением научно-технических знаний хозяйственниками-рабочими—это сказывается и на рабочей прослойке в составе директоров госпредприятий. Рост этой прослойки в составе директоров, начиная с 1926 года, тоже почти приостановился. Руководство заводом усложнилось, требования по отношению к директору гигантски выросли, и рабочему становится значительно труднее справиться с этими задачами. Это находит в настоящее время свое яркое отражение в огромной тяге директоров в Пром. Академию, на курсы директоров, в тяге к командировкам на заграничные заводы для повышения своей производственно-технической квалификации и к различным видам научно-технического самообразования.

Для того, чтобы уяснить себе серьезность задачи дальнейшего всемерного повышения качественного уровня директоров госпредприятий, достаточно взглянуть на нижепомещаемую таблицу:

Качественный состав директоров госпредприятий (в %%) [1].

Директорский состав по разным признакам:	Январь 1926 года			Январь 1928 года		
	Парт.	Бесп.	Всего	Парт.	Бесп.	Всего
Партийность	78,3	21,7	100,0	89,3	10,7	100,0
Социальн. положен.						
Рабочих	70,8	10,2	57,7	70,3	4,9	63,3
Крестьян	7,6	7,2	7,4	4,0	—	3,5
Служащих и проч.	21,7	82,6	34,9	25,7	95,1	33,2
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Образование:						
Низшее	75,0	31,8	65,6	78,6	14,8	71,6
Домашнее	5,3	3,6	4,9	3,7	2,5	3,5
Среднее	16,6	24,5	18,3	14,9	24,7	16,0
Высшее	3,1	40,1	11,2	2,8	58,0	8,9
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

В таблице обращают на себя внимание следующие цифры: рабочих, членов ВКП(б), в составе директоров в 1926 г. было 70,8%, а в 1928 г.—70,3%. На ряду с некоторым снижением рабочей прослойки в составе директоров, мы в то же время имеем рост процента директоров-партийцев с низшим образованием. Так, в 1926 г. мы с низшим образованием имели 75%, а в 1928 г. мы имеем 78,6%. В то же время со средним образованием в 1926 г. имелось 16,6%, а в 1928 г.—14,9% партийцев.

Совершенно очевидно, что мы не можем допустить, чтобы и в дальнейшем этот процесс шел в том же направлении. Наша задача заключается в том, что мы, не допуская снижения рабочей партийной прослойки в составе директоров, в то же время должны добиваться всемерного повышения уровня их образования, в особенности в своей специальной области. Иначе на почве нашей научно-технической безграмотности враждебные нам буржуазные специалисты и в дальнейшем будут захватывать в плен наших директоров, безнаказанно заниматься различными видами и формами вредительства на фронте хозяйственного строительства.

[1]) «Большевик» № 8, стр. 64.

Крупнейшие партийные организации на эту задачу уже обратили надлежащее внимание. Московский Комитет, подводя итоги проверки руководящих кадров промышленности Московской губернии, вынес по отмеченному вопросу специальную резолюцию. Эта резолюция гласит: «Основное и преобладающее ядро руководящих промышленных кадров прошло суровую школу революционной борьбы и партийной работы, а также получило на практике большой административно-хозяйственный опыт. Однако, задача вовлечения рабочих масс в организацию строительства промышленности, с одной стороны, и задачи культурной революции—с другой, требуют от наших руководящих кадров более высокого культурного общественного уровня. С этой точки зрения уровень руководящих хозяйственных кадров надо признать далеко не достаточным.

В особенности заметно общее несоответствие уровня наших руководящих хозяйственных кадров в производственно-техническом отношении требованиям реконструктивного периода нашей промышленности.

Между тем, осуществление задач социалистической рационализации промышленности, переустройство ее на более высокой технической базе, вовлечение рабочих масс в производство, необходимость руководить специалистами не формально, а по существу со всей остротой ставят очередную задачу—создание нового типа хозяйственника, умеющего не только хорошо администрировать и хозяйничать вообще, но обладающего необходимыми производственно-техническими знаниями, детально изучившего порученное ему дело и одновременно являющегося выдержанным политическим и общественным работником».

В связи с этим Московский Комитет наметил ряд практических задач, как-то: реорганизацию курсов красных директоров и создание при МСНХ Промакадемии, расширение системы специального заочного обучения с производственно-техническим уклоном по типу заочного обучения при Свердловском у-те, улучшение качества производственно-технической печати, устройство периодических консультаций силами высококвалифицированных специалистов и т. п. Эти же задачи в настоящее время выдвигаются и перед другими крупными организациями промышленных районов.

IV.

Еще более остро стоит перед нами проблема усиления партийных кадров в области научно-технической. В настоящее время в Советском Союзе насчитывается около 2.500 научных учреждений, в том числе 1.500 краеведческих организаций. Общее количество научных работников достигает 20.000, из них около 40% работает в области естествознания и математики, 30%—в области общественных наук, 15%—по медицине, 10%—в области техники и производства и только 5%—в области сельского хозяйства. (См. «Революция и Культура» № 2, 1927 г., ст. Ферсмана «Организация науки в СССР»).

Реконструктивный период уже со всей суровостью требует от нас крупнейшей передвижки в процентных соотношениях отдельных групп научных сил, которыми мы располагаем. В дальнейшем потребность такой передвижки станет еще более осязательной. При этой передвижке мы должны будем во что бы то ни стало добиться в этом секторе социалистического строительства серьезнейшего усиления наших руководящих партийных кадров. Между тем еще и в настоящее время сюда нами порой не обращается достаточного внимания.

Кадры научных работников партийцев, которыми мы располагаем, очень невелики. Среди научных работников процент коммунистов составляет примерно 6—8%, при чем в этот процент включены все коммунисты, зачисленные по секции научных работников союза Рабпрос и по ЦЕКУБУ. Из

этих процентов лишь некоторая часть научных работников коммунистов имеет настоящую научную подготовку и квалификацию. До пролетарской революции лишь редкие единицы из большевиков могли вести и вели систематическую научную работу. Все силы большевистской партии—и это было совершенно закономерно и целесообразно—до Октябрьской революции концентрировались вокруг задачи воспитания и мобилизации пролетариата и трудящихся масс для низвержения царизма и буржуазии. Разработка вопросов теории и чисто научных вопросов была увязана с этой основной целевой установкой. Период гражданской войны тоже не имел в наличности благоприятных условий для создания научных коммунистических кадров тем более, что для такого создания требуется продолжительный срок. Лишь за последние 4—5 лет начала развертываться работа по переквалификации старых научных партийных кадров и подготовке новых.

Однако, в настоящее время условия для их дальнейшего развития и роста еще нельзя считать вполне нормальными. Даже в настоящее время со стороны партийных организаций не всегда наблюдается необходимое внимание к вопросу о выращивании и подготовке партийных научных сил. Партнагрузка научных работников порою бывает так велика, что она приводит на деле к дисквалификации некоторых из них, как научных работников, между тем как задачи культурной революции требуют дальнейшего повышения их теоретического и научного уровня.

С другой стороны, и со стороны самих научных работников коммунистов к своим обязанностям порою встречается несерьезный подход. У отдельных товарищей можно встретить излишнюю самоуверенность, самовлюбленность, дилетантизм и «всезнайство», не могущие содействовать дальнейшему нормальному росту и повышению их научно-теоретической квалификации.

С дилетантизмом и «всезнайством» среди научных партийных кадров партия должна будет повести серьезную борьбу, ибо при поверхностном универсализме нельзя выработать солидных научных кадров партийцев-специалистов. Само собою разумеется, что специализация научных работников должна строиться на базе диалектического материализма, революционного марксизма. Но это еще не значит, что научный работник коммунист должен быть «и швец, и жнец, и в дуду игрец».

На этом участке нашей работы нам необходимы, таким образом, и дальнейший быстрый количественный рост партийных кадров и повышение их качества. Для того, чтобы наука полностью стала служить делу социалистического строительства и международной пролетарской революции, она должна быть завоевана диалектическим материализмом и его живым носителем в СССР—Всесоюзной Коммунистической Партией.

Потребность количественного и особенно качественного роста наших руководящих кадров вытекает из всего существа нашего социалистического строительства; она диктуется также и развитием всего Коммунистического Интернационала, ростом международной революционной пролетарской борьбы. Фронт борьбы Коммунистического Интернационала расширяется с каждым годом. На нашу партию, как на руководящую секцию Коммунистического Интернационала, в руководстве битвами международного революционного пролетариата выпадает важнейшая роль. Для этого руководства, для помощи и поддержки братских партий нам потребуется еще не мало сил, и рост наших руководящих кадров должен быть увязан с нашими дальнейшими международными революционными перспективами.

Наша партия эту свою обязанность перед Коммунистическим Интернационалом должна будет выполнить и выполнит с ленинской последовательностью и настойчивостью.

Капиталистический и социалистический путь развития крестьянского хозяйства и машинизация.

И марксистским научным анализом и итогами исторического развития сельского хозяйства целого ряда стран установлено, что далеко (по сравнению с деревней) ушедший в экономическом развитии город «по образу своему и подобию» определяет путь развития деревни, ведет ее за собой. Именно поэтому при господстве капитализма в данной стране невозможно социалистическое развитие крестьянского хозяйства, находящегося под всесторонним мощным воздействием капиталистического города. При наличии социалистического города (госпромышленность и другие командные высоты в руках пролетариата) последний всей своей мощью направляет—и чем дальше, тем сильнее—крестьянское хозяйство на социалистический путь развития (крупное коллективное хозяйство, производственные сел.-хоз. артели, предприятия переработки и проч.).

Своеобразие переживаемой нами переходной эпохи заключается в том, что классовая борьба в деревне является частью общей борьбы капитализма и социализма в стране, и действительно массовый переход крестьянского хозяйства на социалистический путь развития, к крупному общественному хозяйству предрешается результатом общей борьбы в городе. «Тот факт, что борьба в городе определенно склоняется в пользу социализма, должен найти и находит прямое отражение и в ходе этой борьбы в деревне, так как элементы социализма в деревне подпираются всей экономической мощью пролетарского города. Только при такой постановке вопроса можно говорить об успешной борьбе с растущим капитализмом в деревне» [1]).

Исходя из этой общей установки, мы должны сказать, что особую силу и значение борьба капиталистических и социалистических элементов приобретает на участке машинизации деревни. Дело в том, что крупная сел.-хоз. машина, кроме агротехнического, имеет большое экономическое и политическое значение в жизни деревни, являясь одним из важнейших факторов расслоения. После же Октябрьской революции, отменившей частную собственность на землю, значение сел.-хоз. инвентаря, значительно усилилось, и крупная сел.-хоз. машина, в зависимости от условий и форм ее использования, является либо мощным орудием кооперирования и обобществления крестьянского хозяйства, либо, попадая в руки единоличника-кулака—орудием безудержной эксплоатации бедноты, превращаясь в этом случае из технической базы социализма в орудие капиталистической эксплоатации бедноты, экономического (а потом и политического) подчинения

[1]) Из доклада т. Молотова на XV партс'езде.

последней кулаку. Общеизвестная и небезуспешная борьба кулака за крупную сел.-хоз. машину об'ясняется производственными нуждами его собственного хозяйства, стремлением получить не ему предназначенный кредит и подсчитанными наперед доходами от эксплоатации через эту машину окружающей его безынвентарной бедноты. А доходы эти бывают внушительны до неожиданности.

Укажем наиболее яркие факты. При обследовании 1926 г. в Омском округе зарегистрирован случай, когда главный пайщик машинного товарищества «Серп и Молот» (название-то какое!) на молотьбе в 1925 г. (на тракторе) заработал 1.312 пудов пшеницы. Т-во «Хуторок» (Сам. г.) заработало тоже на молотьбе 717 пудов пшеницы и 388 пудов ржи и т. п.

Но, кроме бесспорной рентабельности эксплоатации крупной сел.-хоз. машины, у кулака в данном случае есть и другие стимулы. При невозможности отложения своих накоплений в виде покупки земли, кулак ограничен и в других формах эксплоатации: профсоюзная защита батрака, противодействие ростовщичеству со стороны сел.-хоз. кредитной кооперации, преследование за него со стороны рабочего государства и т. д. Тем с большей энергией деревенская верхушка, к тому же технически более грамотная и растерявшая за годы революции сел.-хоз. инвентарь, стремится вложить имеющиеся у нее накопления в усовершенствованный инвентарь потому, что в современной экономической и политической обстановке деревни крупная сел.-хоз. машина—не только средство кооперирования, не только наиболее выгодная форма оседания накоплений внутри самого хозяйства, но и наиболее выгодная, а в то же время наименее заметная и опасная форма ограниченных возможностей эксплоататорской практики кулачества. О «благодатной» почве для этой эксплоатации говорят следующие данные об обеспечении отдельных групп крестьянства сел.-хоз. машинами в 1925 г.

Группы крестьянских хозяйств	% хозяйств без пахотн. орудий	На 100 хозяйств приходится:	
		Плугов	Уборочных и сеялок
Беспосевные	95,0	2,1	—
С посевом до 2 д.	48,8	29,2	1,8
„ „ от 2,1 до 4 д.	23,3	49,7	6,8
„ „ „ 4,1 „ 6 „	14,6	52,4	17,3
„ „ „ 6,1 „ 10 „	9,0	70,2	39,0
„ „ „ 10,1 „ 16 „	6,5	104,1	94,4
„ „ „ 16,1 „ 25 „	2,4	137,0	161,3
Свыше 25 д.	3,0	193,1	241,7

Эти цифры вместе с имеющимися по Сев. Кавказу данными о хозяйствах, обрабатывающих землю наемным инвентарем (из гр. посевщ. до 1 дес.—72%, от 1 до 2—62,7%, от 2 до 3—54,6%, от 3 до 4—42,9% и проч.), обнаруживают, что:

1) аренда сел.-хоз. инвентаря в том или ином размере имеет место во всех группах деревни и эксплоатируются на этой почве в первую очередь низшие (по посевности) группы деревни;

2) даже такой сел.-хоз. инвентарь, как плуги (вторая таблица), распределен по группам очень неравномерно, а сеялки и жнейки дают явные признаки непропорциональной концентрации их в зажиточных слоях, представляя собою базу для эксплоататорских «подвигов».

О более конкретной форме отношений эксплоатации говорит ряд моментов. Экономя место, мы остановимся лишь на характере и форме оплаты аренды сел.-хоз. инвентаря. Формы платы за сел.-хоз. инвентарь практикуются следующие:

Арендуемые с.-х. машины	% случаев оплаты				
	Деньгами	Хлебом	Работой	Проч. и смешан.	Всего
Плуг	3,4	16,2	58,5	21,9	100
Сеялка	3,2	48,6	34,4	13,8	100
Молотилка	1,4	82,1	10,6	5,9	100
Веялка	2,1	52,7	32,9	12,3	100

Бросается в глаза незначительный процент оплаты деньгами и очень большой процент платы за арендуемый инвентарь хлебом (до 82%) и работой (до 58,5%), которая является одним из видов, так называемых «отработок», эксплоататорская сущность которых была вскрыта еще тов. Лениным.

По некоторым вычислениям [1]), при благоприятных условиях величина оплаты арендуемого инвентаря может дать около 14 пудов хлеба за 10-часовой рабочий день. Это ли не помощь меньшему брату-бедняку со стороны сердобольного, обычно, односельчанина-кулака!

Совокупность приведенных данных придает особое значение следующему месту из доклада тов. Молотова на XV партс'езде: «Если в нашем городе мы имеем то основное преимущество, что орудия производства крупного хозяйства (нашей промышленности) находятся в руках пролетариата и потому мы легко бьем остатки буржуазии, то в деревне экономическое положение как раз обратное». Владение значительным количеством крупного сел.-хоз. инвентаря дает, таким образом, зажиточной части основное преимущество в ее борьбе с социалистическими элементами деревни. И, следовательно, только резкое повышение производственно-технического уровня бедняцко-середняцких хозяйств (что возможно лишь при коллективном использовании инвентаря в крупном хозяйстве, т.-е. об'единении хозяйств) создает техническую базу, предпосылку для решительного перевеса, а затем и окончательной победы социалистических элементов деревни над капиталистическими.

Посмотрим, однако, что сама деревня противопоставляет капиталистическим элементам современной деревни в интересующей нас области.

Больше чутьем понимая, что «на стороне зажиточно-кулацкой части деревни лежит сейчас преимущество более крупного хозяйства и потому она экономически бьет маломощное и среднее хозяйство» [2]), бедняцко-середняцкая деревня пока в лице своей передовой, но уже значительной части приходит к сознанию преимуществ крупного общественного хозяйства по сравнению с его жалким индивидуальным. Экономический тупик последнего и явные выгоды коллективного использования инвентаря, с одной стороны, и государственная помощь и льготы коллективам—с другой, стихийно толкают эти слои на путь социалистического развития их хозяйства через совместную закупку и коллективное использование сел.-хоз. инвентаря к постепенному обобществлению элементов всего с.-х. производства. Бурное развитие машинных товариществ (на 1 октября 1925 г.—3.200, 1 октября 1926 г.—6.175, 1 октября 1927 г.—10.000) иначе ничем нельзя об'яснить: не имея сил единолично купить необходимый инвентарь, хозяйствующая в деревне беднота должна выбирать: либо аренда сел.-хоз. инвентаря на кабальных условиях у зажиточного соседа, либо кооперативное производственное об'единение с подобными себе бедняками для совместной покупки и использования необходимых средств производства. И не удивительно, что, увидевши после значительного революционного перерыва вновь беспощадное в эксплоатации лицо кулака, он идет в машинное товарищество и колхоз, в общем уже теперь представляя внушительную армию в полмиллиона крестьянских хозяйств. И это—несмотря на то, что до последнего времени сел.-хоз. кооперация работала главным образом над кооперированием оборота: совместный сбыт сел.-хоз. сырья для промышленности—совместная покупка средств производства для крестьянина. Тем с большей силой ставится теперь перед сел.-хоз. кооперацией задача более трудная, но и более важная: на основе имеющегося опыта и достижений, особенно в кооперировании обращения, со всей энергией перейти к кооперированию, коллективизации процесса сел.-хоз. производства (крупное коллективное хозяйство, кооперативные сел.-хоз. предприятия переработки и проч.). Требование активнейшей политики в деле коллективизации использования в первую очередь сложных машин категорически обусловливается и тем, что бедняцко-середняцкая часть не в состоянии единолично купить сложную машину и по бедности и потому, что выгодно применять сложную машину в хозяйстве можно лишь при наличии определенной величины земельной площади (для уборочных около 25—35 дес. и т. п.). Так как бедняцко-середняцкие хозяйства имеют не больше 10 десятин, то выгодное и нормальное использование той же уборочной машины в бедняцко-середняцком хозяйстве, не прибегая к эксплоатации, возможно лишь в том случае, если для приобретения ее и использования об'единятся не менее 6—10 дворов.

[1]) А. Хрящева, «Группы и классы в крестьянстве», стр. 50.
[2]) Докл. т. Молотова на XV партс'езде.

Таким образом, и с этой стороны мы подходим к тому же машинному товариществу и другим видам коллективного использования сел.-хоз. машин. Что же собой представляют имеющиеся производственные об'единения вокруг машин, в первую очередь машинные товарищества? Ответом на этот вопрос могут служить основные выводы двух выборочных обследований (1926 и 1927 гг.) Сельскосоюза, охватывающих в совокупности до 300 товариществ.

Организуя крестьянина для совместного приобретения в первую очередь сложных машин, машинные товарищества являются первой простейшей ступенью с.-х. коллектива, ибо, как правило (на основании обследования), все жизненные машинные товарищества от коллективного приобретения неизбежно переходят к коллективному использованию машины, перерастая таким образом в следующий по сложности вид колхоза — товарищество по совместной обработке земли. В машинных товарищества кроется громадная потенциальная возможность обобществления с.-х. инвентаря, широкого под'ема технической базы крестьянского хозяйства (в частности, за счет более совершенного, без простоев, коллективного использования инвентаря), а значит, под'ема урожайности, ускорения землеустройства, обобществления запашек и пр. К сожалению, нормальному росту машинных т-в в эту сторону очень сильно мешает их неземлеустроенность: земельные клочки об'единившихся в машинные т-ва хозяйств, разбросанные в 30—100 и больше местах, делают невозможной совместную запашку, в частности, не дают возможности применять усовершенствованные и сберегающие труд машины: трактор, уборочные. Поэтому члены машинных т-в являются пионерами, бродилом деревни по вопросам землеустройства. По данным обследования 1926 года, на отсутствие землеустройства жаловалось подавляющее большинство обследованных машинных товариществ. Обследование 1927 г. отмечает здесь определенный сдвиг: из 71 обследованных машинных товариществ, землеустроено 39, т.-е. 56,2%, при чем землеустроенность в большей мере относится к Сибири и Уралу.

Одним из главных признаков отсталости нашего крестьянского хозяйства является его чрезвычайная техническая отсталость. Доморощенная,

почти первобытная соха еще господствует в целом ряде районов. Поэтому особенно приятно сопоставить следующие цифры обеспеченности с.-х. инвентарем: на 10 хозяйств приходилось (данные, собранные в 1926 г.):

Название с.-х. инвентаря	Урал: У членов колхозов	Урал: У нечленов	Омский округ (Сибирь): У членов маш. т-в.	Омский округ (Сибирь): У нечленов
Орудий вспашки	9,2	8,6	7,0	3,7
Борон	15,8	9,6	7,6	4,6
Молотилок	2,4	0,3	0,7	0,5
Сеялок	—	--	1,3	0,4
Зерноочистителей	—	—	2,5	0,8

Как правило, у членов товариществ обеспеченность инвентарем значительно выше, т.-е. налицо технический прогресс кооперированных хозяйств по сравнению с некооперированными.

Обобществление пашни обычно является следствием успешного обобществления инвентаря и других элементов крестьянского хозяйства. Совместная запашка в обследованных за 1926 г. машинных товариществах достигает: по товариществам Урала — 11% посева членов товарищества, по товариществам Сибири — 19,5% посева членов товарищества и Поволжью — 31,8%. По сводным данным, этот вопрос характеризуется так:

	Количество: Товариществ	Количество: В них членов	Имеется десятин пашни: В единоличн.	Имеется десятин пашни: В общем	Имеется десятин пашни: Итого
К моменту организации	60	629	6675	807	7482
В %%	—	—	89,2	10,8	100
К моменту обследования	68	816	11156	2154	13310
В %%	—	—	83,8	16,2	100

Если приведенные разрозненные данные рассматривать лишь как иллюстративный материал, то и в этом случае они выявляют очень хорошие признаки и направление правильно развивающихся машинных товариществ.

Освоение земли беднотой наталкивается на труднопреодолимое препятствие — отсутствие с.-х. инвентаря, что нередко приводит бедняка к сдаче своего надела в аренду.

Вступление в машинные товарищества, обеспечивающие до этого безинвентарные хозяйства основным инвентарем, дает им возможность не только полностью обработать свой надел, но и расширить запашку (за счет аренды) за пределы надела, что подтверждается следующими данными (в десятинах):

Район	До приобр. трактора	После приобр. трактора	Увеличение посев. площ. в %%
Сев. Кавказ (70 хоз.)	408	551	135,0
Балаш. район (72 хоз.)	601	702	116,6

По 70 хозяйствам (обследованным на Сев. Кавказе) до об'единения их в машинные товарищества в аренду сдавалось 78,5 га, после же приобретения трактора сдача в аренду снизилась до 33,8 га (первый год об'единения), и, кроме того, эти хозяйства заарендовали 81,7 га. Об'единение в товарищество и приобретение трактора дало, следовательно, возможность увеличить запашку в среднем на 1,6 га на хозяйство.

О влиянии членства в машинном товариществе на увеличение запашки говорят и следующие данные (обследов. 1927 г.):

Группировка по посевности	Сибирь: В момент орг.	Сибирь: В момент обсл.	Урал: В момент орг.	Урал: В момент обсл.	Воронеж: В момент орг.	Воронеж: В момент обсл.	Самара.: В момент орг.	Самара.: В момент обсл.	Немреспуб: В момент орг.	Немреспуб: В момент обсл.	Сев. Кавк.: В момент орг.	Сев. Кавк.: В момент обсл.
Колич. показан. (членов)	205	280	226	124	75	45	45	36	—	—	82	82
Б/пос. и до 6 д.	57,3	54,1	74,6	50,6	66,7	37,7	18,2	8,4	35,6	27,3	7,4	7, 3
От 6—16 дес.	40,9	40,4	16,6	31,3	33,3	62,3	53,4	41,6	52,2	57,2	63,4	62, 3
От 16 и выше	1,8	5,5	8,8	18,1	—	—	33,4	50,1	5,2	15,5	29,2	30,4
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Анализ таблицы показывает, что изменения в составе товариществ происходят во всех группах, при чем в I группе число членов идет на уменьшение во всех районах. Во II и III группах мы имеем наоборот, как правило, заметный рост пашни. Таким образом, изменения в составе членов внутри товариществ происходят по всем посевным группам, при чем в I группе мы имеем уменьшение, а во II и III гр. наблюдается рост пашни. При этом надо заметить, что, кроме Самарской губ. и Немреспублики, наблюдается и абсолютный рост членов в обследуемых товариществах на 10,8% за год с небольшим.

Анализируя причины отмеченных изменений, мы должны остановиться на двух весьма вероятных об'яснениях, приводимых обследователями: по товариществам Сибири, Урала и Сев. Кавказа отмечается передвижка социальных групп внутри товарищества; бедняки и середняки при большой обеспеченности с.-х машинами и коллективном их использовании, при интенсивном использовании рабсилы лошади значительно повышают доходность своего хозяйства и тем самым переходят соответственно в следующую социальную группу. В материалах о товариществах Поволжья причиной уменьшения процента бедноты в товариществах отмечается, кроме того, выход бедняка из товарищества — по Самарской губ. вышло 20%, по Немреспублике — 3,6%.

О повышении урожайности в хозяйствах членов машинных товариществ по сравнению с нечленами (по тем же районам) можно судить лишь по аналогии с колхозами, простейшие виды которых (товарищества по совместной обработке земли) вплотную подходят к машинным товариществам. Данные эти следующие:

Урожайность в тоннах с гектара на 1/VII—26 г.

Название хозяйств	Урал: Число показан.	Урал: Рожь	Урал: Пшеница	Северный Кавказ: Число показан.	Северный Кавказ: Рожь	Северный Кавказ: Пшеница
Колхозы	117	0,90	1,35	191	1,82	1,36
Крест. хоз. соотв. район. (д. ЦСУ)	—	0,95	1,13	—	1,25	1,27

Данные ЦСУ по культуре яровой пшеницы подтверждают приведенные данные, резче подчеркивая преимущества кооперированных хозяйств.

Средний урожай с гектара: колхозы—1,26 тонны, некооперированные хозяйства—0,93 т. Таким образом, кооперированные хозяйства имеют урожай на 26,3% выше, что нельзя не поставить в зависимость от лучшей обеспеченности их с.-х. инвентарем.

Изменения в составе с.-х. инвентаря кооперированных хозяйств. Рабочий скот и с.-х. инвентарь, особенно после

отмены собственности на землю, являются основными элементами, определяющими структуру и благополучие хозяйства.

Тем интереснее посмотреть, каким изменениям подвергаются эти элементы в крестьянском хозяйстве — члене машинного товарищества, особенно с покупкой трактора. Для этого приведем следующую табличку:

Район	Было инвентаря	Лошадей	Коров	С.-х. инвентаря: Обобществленного	С.-х. инвентаря: В единол. пользовании
Балашовский уезд. . .	До покупки тракт..	73	59	3	120
„ „ . . .	После „ „ ..	62	57	7	114
Сев. Кавказ по 70 хоз. .	До покупки тракт..	71	57	—	—
„ „ „ „ „ .	После „ „ . .	45	54	—	—

Таблица обнаруживает резкое сокращение рабочего скота (после покупки трактора), увеличение с.-х. инвентаря общего пользования и убыль инвентаря отдельных членов товарищества.

Эти резкие изменения в структуре отдельных хозяйств об'ясняются, с одной стороны, большим финансовым напряжением членов товарищества, обязанных внести задаток за приобретаемый инвентарь (в связи с этим продажа рабочего скота), с другой стороны, трактор неизбежно приводит к покупке прицепных орудий, так как иначе он не дает ожидаемых от него результатов. За счет покупки прицепных орудий сокращается инвентарь необобществленный (в отдельных хозяйствах). Здесь уместно будет указать, что, продавая рабочий скот и не имея возможности обойтись в хозяйстве без лошади (вспашки огорода, транспорт мелких грузов), отдельные машинные товарищества выходят из затруднения покупкой общей лошади. Это тоже не плохое влияние кооператора-трактора.

О том, как успешно местами идет обобществление с.-х. инвентаря говорят следующие данные по машинным товариществам Бийского округа, где тракторы обобществлены на 100%, культиваторы — на 60%, сеялки — на 72%, жатки — на 49%, молотилки конные — на 80% и проч. [1]).

Показателем достижений производственного кооперирования вокруг с.-х. машин, таким образом, надо считать заметный экономический рост об'единяющихся вокруг машины хозяйств, полное освоение беднотой надельной земли и даже расширение землепользования за счет аренды, сильная тяга к землеустройству с требованием выдела земли членам товарищества в одном месте (борьба трактора с чересполосицей), повышение в силу сказанного урожайности, а в наиболее удачных товариществах — и переход от простейших к более сложным формам обобществления элементов крестьянского хозяйства.

Как идет расширение и усложнение процесса обобществления средств производства в отдельных видах колхозов, можно видеть из следующих данных [2]):

% обобществления живого и мертвого инвентаря и труда в колхозах

	Лошади	Плуги	Сеялки	Жатки	Тракт.	Процесс производства: Полев.	Процесс производства: Животн.
Товарищества.	18,0	11,8	50,0	27,0	100	77,1	12,7
Артели.	18,9	45,4	50,0	47,0	96,0	77,0	27,5
Коммуны. . . .	98,0	99,4	99,5	99,4	100	99,2	95,5

[1]) Материалы обследов. РКИ, под редакц. Я. Яковлева, стр. 304.
[2]) Там же, стр. 303.

Таблица ясно обнаруживает закономерный рост обобществления от товарищества через артель к коммуне по всем видам средств производства. Если к этому прибавить имеющиеся нередкие факты перехода машинных товариществ на устав товариществ по совместной обработке земли и неустанное перерастание машинных товариществ в колхозы — картина будет ясная: первичные производственные об'единения в виде машинных товариществ являются мостиком, по которому крестьянин-единоличник осторожно, часто незаметно для себя, переходит к коллективному, обобществленному хозяйству. Таким образом, самая схема развития простейших производственных об'единений, в частности, *кривая развития машинных товариществ идет от совместной закупки крупной машины, через совместную запашку, частичное обобществление рабочего скота и других элементов хозяйства, к полному обобществлению с.-х. производства на определенном участке земли.*

Из крупнейших недостатков, подчеркнутых обследованием товариществ 1927 г., надо прежде всего отметить неправильный уклон в их работе в сторону концентрации почти всех накоплений, получаемых через машинные товарищества, в индивидуальных хозяйствах членов и, следовательно, почти полное отсутствие обобществленных накоплений в форме запасного, амортизационного капитала и проч. фондов, хотя бы для возобновления с.-х. машин. Так, по сводному балансу 34 товариществ запасный капитал числится в сумме 95 руб., т.-е. 0,1% к балансу (запасный капитал есть лишь в одном товариществе).

Об'ясняется это очень просто: при отсутствии правильного руководства члены товариществ стремятся извлечь максимальные выгоды из своего членства для *личного* хозяйства, совсем не задумываясь над укреплением и развитием товарищества, нередко не подозревая всех выгод коллективного использования с.-х. инвентаря, смотря на товарищество, как на временную организацию, как на средство укрепления *своего* личного хозяйства. Отношение к машинному товариществу, как к первой ступени постепенного обобществления крестьянского хозяйства, можно воспитать лишь при наличии надлежащего руководства работой машинных товариществ и регулирования их социального состава.

К сожалению, с руководством дело обстоит очень плохо, что видно из следующей таблички [1]):

Районы	Колич. обслед. м/т-в (сельск.)	Из них совсем не обслужив.: Инструкт. союза	Из них совсем не обслужив.: Агрон.
Сибирь.	23	18	11
Урал.	13	15	6
Немреспублика	8	1	4
Сев. Кавказ.	8	1	2
Самарская губ.	7	1	5

Попутно нельзя не отметить, что материалы обследования отмечают наблюдавшиеся факты более внимательного отношения агрономов к товариществам с середняцко-зажиточным составом и подчас сознательно невнимательное отношение к бедняцким. Так, один агроном (Бийский округ) прямо заявил: «Хозяйство бедняка не поставить: нет почвы. Поставить (хорошо) можно хозяйство середняка, зажиточного, где есть почва». И он делает практические выводы из своей «идеологии»: помогает организовать два товарищества из зажиточных.

[1]) Обследование Сельскосоюза

В связи с плохим обслуживанием, безусловно, стоит вопрос о большом числе «диких», т.-е. не входящих в кооперативную систему, машинных товариществ, кстати сказать, дающих наибольший процент лжекооперативов.

Для ликвидации «беспризорности» машинных товариществ необходимо на деле привлечь к обслуживанию специальной машинной низовки, в том числе и простейших колхозов, всех районных инструкторов союзов и колхозсекций, а также участковых агрономов.

Наконец, к крупным недочетам относится и слабая постановка технического обслуживания машинных товариществ: отсутствие запчастей, острый недостаток технически грамотных инструкторов,—все это больно бьет по делу коллективного использования крупной машины. Поэтому проводимая уже системой с.-х. кооперации самодеятельная организация ремонтного дела (договорные об'единения т-в и тракторопользователей) является очень своевременным и важнейшим мероприятием.

Несколько особняком стоит вопрос о прокатных пунктах. XV с'езд партии придает последним большое значение в борьбе «за высвобождение маломощных, безынвентарных крестьянских хозяйств из-под зависимости от кулацких элементов, использующих свой инвентарь (с.-х. машины и проч.) для закабаления бедноты».

По данным НКЗ (за 1926 г.) было 6.266 прокатных пунктов, следовательно, в среднем 1 пункт приходится на 2.600 дворов и 8.900 десятин посева. Стоимость с.-х. инвентаря на прокатных пунктах—4.210 тыс. руб., т.-е. около 0,5% стоимости всего инвентаря в РСФСР. В среднем на 1 пункт приходится 2,4 плугов, 1,2 сеялки, 1 уборочная машина, 0,5 молотилки, всего на сумму около 600 рублей, при чем изношенность инвентаря достигает в среднем 44%.

Производственные возможности прокатных пунктов используются не полно: лишь пахотные и посевные орудия нагружены полностью, использование уборочных машин и молотилок не превышает ⅓—⅙ их нормального использования в сезон. При допущении фактического обслуживания машинными товариществами и прокатными пунктами 20 дворов в среднем охват и обслуживание безынвентарных хозяйств инвентарем составит около 7% от количества безынвентарных хозяйств республики.

Особый вид прокатных пунктов, имеющих особое агрикультурное значение, представляют зерноочистительные пункты, которых насчитывалось в 1926 г. около 13.500. Итог работы зерноочистительных пунктов за 1926 г.: очищено около 50 млн. пудов зерна—около 10% высеваемого за год зерна.

Поскольку кооперативная организация прокатного пункта предполагает в самой его внутренней организации и работе общественные методы, постольку кооперативные прокатные пункты при правильной и успешной их работе также являются одной из форм коллективного машиноиспользования—и во всяком случае организацией, которая на деле, показом должна доказать крестьянину всю выгоду коллективного машиноиспользования. До 1926 г. включительно за счет крестьянской самодеятельности (с.-х. кооперацией) организовано по республике около 60% общего числа прокатных пунктов.

Так как нужда в машине у бедноты, как мы видели, огромная, а колхозами и машинными товариществами она вся по ряду причин быстро охвачена не будет, то, по крайности, на ближайшие годы организация прокатных пунктов должна быть одной из важнейших практических задач машиноснабжения деревни.

Чтобы придать производственному кооперированию вокруг машины действительно массовый характер, прежде всего необходимо покончить с организационной путаницей, при которой машинными товариществами и близкими им производственными об'единениями занимаются все и никто. С этим

надо покончить, включивши их в систему Колхозцентра для систематического организационно-агрономического обслуживания, за универсальной системой оставивши обслуживание их по линии кредита, снабжения и технообслуживания. В порядке руководства этим движением необходимо вменить в обязанность всем деревенским парторганизациям и отдельным коммунистам на деле и особенно личным примером поддерживать производственные коллективы.

В уставном порядке надо предусмотреть образование и систематическое накопление неделимых обобществленных капиталов с тем, чтобы успешное развитие коллектива укрепляло не только личные хозяйства членов, но и создавало материальные предпосылки (общественные средства производства) для коллективизации отдельных процессов с.-х. производства кооперированных хозяйств.

При составлении оперативно-хозяйственных планов машиноснабжения особой графой выделять спрос на с.-х. инвентарь со стороны производственных коллективов (в том числе и вновь организуемых), удовлетворяя их выявленные инструкторами на месте заявки в первую очередь, обеспечивая долгосрочным кредитом и другими возможными льготами.

Для массового кооперативного об'единения вокруг машины бедноты и близкого к ней середняка необходимо определенную часть фондов бедноты выделить для оплаты паев бедняков, вступающих в производственные коллективы, и в установленном порядке присвоить последним с бедняцко-середняцким составом членов, практикующим коллективную запашку (не менее 25% совокупной пашни), те же льготы по с.-х. налогу и землеустройству, коими пользуются колхозы, а затем другие льготы, предусмотренные постановлением СНК от 16/III—27 года.

Умышленно не касаясь здесь более сложных форм коллективного использования с.-х. машин (коммуны, артели), мы должны в заключение сказать, что самодеятельная передовая часть бедняцко-середняцкой деревни под руководством компартии в противовес капиталистически-хищническим формам использования с.-х. инвентаря выдвинула и довела до массовых размеров более элементарную по сравнению с колхозом, но растущую к нему форму производственного кооперирования, при чем опыт показывает, что машинное товарищество—наиболее доступная для бедноты форма овладения крупной машиной, а главное—не отпугивающая, популярная в деревне начальная форма длительного процесса перестройки крестьянского хозяйства, обнаруживающая огромное положительное влияние на входящие в т-во хозяйства, толкая последние на социалистический путь развития, на рельсы крупного обобществленного хозяйства.

Социальная структура еврейского населения СССР.

(К вопросу об антисемитизме).

Социальная структура еврейского населения СССР теперь совсем иная, чем это было до революции. Тогда основным занятием еврейского населения была торговля. Теперь основным занятием является уже работа по найму. Для дореволюционного времени у нас есть данные переписи 1897 г., для современного состояния—итоги переписи 1926 г. и данные специальных обследований (профсоюзов, ремесла и пр.).

Еврейскому населению царским правительством, как правило, было запрещено жить в деревнях и заниматься сельским хозяйством и крестьянством. Сохранялись только те немногие еврейские деревни, которые существовали уже в течение ряда десятков лет. Но таких было очень немного. Ко времени Октябрьской революции 1917 г. в этих еврейских деревнях жило всего 52 тысячи еврейских крестьян [1]), т.-е. всего около 2,2% тогдашнего еврейского населения. Еврейскому трудовому населению было запрещено заниматься сельским хозяйством и иметь землю, но еврейским помещикам иметь землю разрешалось. Далее, хотя трудовому еврейскому населению при царизме запрещено было жить в тех губерниях, где сосредоточены фабрики и заводы (Москва, Ленинград, Донбасс, Урал и т. д.), и тем самым было запрещено быть фабрично-заводскими рабочими (и специальным постановлением было запрещено принимать евреев в качестве рабочих на железные дороги, на почту, на военные заводы, на ряд горных и металлургических заводов и т. д.), но еврейским капиталистам разрешено было иметь фабрики, железные дороги, банки. Целый ряд крупных банков принадлежал еврейским банкирам в тех же самых городах: Москве, Ленинграде и др., где обыкновенным евреям и еврейским рабочим было запрещено жить. Мелким торговцам запрещено было жить в крупных городах, как Москва и Ленинград, и только крупные купцы, так называемые купцы первой гильдии (оптовики и подобные) имели право жить везде, где им угодно. Из всего еврейского населения на помещиков, банкиров, фабрикантов, заводчиков и купцов первой гильдии с их семьями приходился всего один процент.

Крестьянского населения среди евреев было, как сказано, около 2%. Чем занимались остальные 97% еврейского населения до революции? Им было запрещено заниматься сельским хозяйством и запрещено было заниматься фабричным трудом за исключением немногих небольших фабрик, находившихся в тех городах, где евреям можно было жить. В этих городах—в Минске, Витебске, Гомеле и т. п.,—были только небольшие табачные, кожевенные и т. п. фабрики. На государственную службу евреев также не принимали. При таких условиях главной массе еврейского населения оставалось

[1]) Подробности в брошюре т. Ю. Гольде «Землеустройство трудящихся евреев», М. 1925 г.

заниматься почти одной торговлей. И действительно, до революции из всего еврейского населения на нынешней территории СССР торговлей занималось 42%, т.-е. почти половина [1]). При чем из них 34% приходилось на хозяев, т.-е. преимущественно на мелких торговцев, которые торгуют за свой счет без приказчиков, и отчасти на средних торговцев, которые имеют приказчиков. Остальные 8% из живших торговлей приходились на торговых служащих, т.-е. на приказчиков, счетоводов и т. п.

Из торговцев - хозяев больше половины занималось **исключительно хлебной торговлей**, так что из всего еврейского населения СССР до революции целых 18%, почти пятая часть, приходилось на тех, кто занимался хлебной торговлей самостоятельно, как хозяин, и на членов их семей. Это обстоятельство создавало известное нерасположение к еврейскому населению со стороны крестьян, ибо евреи приходили к крестьянину прежде всего как скупщики его хлеба, т.-е. как те лица, которые стремятся всячески понизить цены на хлеб для того, чтобы потом продать его повыгоднее в свою пользу, или для того, чтобы доставить его заграничному покупателю по такой цене, какую заграничные покупатели диктуют. В этом обстоятельстве и нужно искать прежде всего об'яснения антисемитских настроений до революции в той части крестьянства Украины, Белоруссии и других мест, для которой представление о скупщике хлеба было однозначно с представлением о еврее.

Весьма заметная часть еврейского населения была занята, далее, до революции в ремесле—около 36% всех евреев страны (считая с семьями). Почти ровно половина (около 18%) приходилась в том числе на швейное и кожевенно-обувное производство. Почти пятую часть всего еврейского населения страны составляли, таким образом, семьи портных и сапожников. Из всех занятых в ремесле около двух третей, а именно несколько более 23% были самостоятельными ремесленниками, т.-е. такими, которые были или одиночками-кустарями, или имели одного—двух—трех вспомогательных наемных рабочих и учеников или подмастерьев. Остальные почти 13% составлял ремесленный пролетариат, т.-е. занятые в ремесле наемные рабочие (включая подмастерьев и учеников). Таких наемных **ремесленных** еврейских рабочих перед революцией на территории СССР было всего около 130 тысяч человек (не считая членов их семей).

Собственно **фабричного** еврейского пролетариата было небольшое количество. Это те евреи, которые были заняты на фабриках в Минске, Гомеле, Витебске и других местах западной полосы. Их было всего 23 тысячи (без членов семей), а вместе с членами своих семейств они составляли несколько более 2% тогдашнего еврейского населения. Таким образом, всех еврейских рабочих, как ремесленных, так и промышленных, было менее 160 тысяч человек, не считая членов их семей, а вместе с семьями они составляли 15% всего еврейского населения. Если прибавить еще торговых служащих, составлявших с семьями, как указано, 8% населения, и служащих неторговых, которых было с семьями 2%, то вся рабочая и служащая часть составляла до 25%, т.-е. четверть всего еврейского населения страны. Из этих слоев и рекрутировались еврейские члены различных революционных организаций, ведших в то время борьбу против царизма.

Далее, около 14% еврейского населения приходилось отчасти на так называемые свободные профессии (врачи, адвокаты, писатели и т. п. с их семьями), которые не состояли на службе, а работали самостоятельно, применяя знания, полученные в учебных заведениях. По своему классовому положению и взглядам они относились к мелкой и отчасти средней буржуазии. Преимущественно же эти 14% приходились на деклассированные бур-

[1]) По переписи 1897 г. В частности, на Украине даже 44%.

жуазные и мелкобуржуазные элементы: на нищих, приютских, проституток, арестантов и т. д. и на лиц без определенных профессий. Наконец, 1% всего еврейского населения приходился на солдат царской армии. Если бы евреев в царской армии было соответственно проценту их во всем населении, то число их должно было бы быть больше, чем было (в царской армии было около 1½ миллиона солдат). Но значительная часть укрывалась от военной службы, эмигрировала за границу и т. п. В ответ на преследования евреев царским правительством еврейская молодежь уклонялась от службы в царской армии.

Такова была социальная структура еврейского населения СССР до революции. Теперь, через 10 лет после революции, как оказывается, изменения произошли громадные. Эти изменения имеют интерес не только сами по себе, но и могут помочь уяснению обстановки роста антисемитизма за последнее время. Изменения произошли в трех основных направлениях. До революции на всех рабочих и служащих с их семьями приходилось 25% еврейского населения страны. В настоящее время на них приходится уже более 47% еврейского населения. Произошла громадная социальная передвижка части еврейского населения, которая раньше не была рабочими и служащими, а теперь вошла в этот слой. Во-вторых, до революции еврейское крестьянство составляло около 2,2% всего еврейского населения, а сейчас оно составляет уж более 8%. Увеличение еврейского крестьянства произошло, примерно, вчетверо. Обе эти основные трудовые группы населения до революции вместе составляли 27%, а теперь составляют 56% всего еврейского населения, т.-е. более половины его (вместо прежней четверти). В-третьих, доля самостоятельных торговцев (с фабрикантами и т. п.) понизилась с 35% до 12%, т.-е.. почти втрое. Уменьшилась также группа свободных профессий и прочих (деклассированных и т. п.) с 14% до около 10%. Немного сократился и процент кустарей (с 23% до 20,8%). Что касается военных, то сейчас число красноармейцев-евреев значительно меньше, чем было солдат-евреев в царской армии. Это об'ясняется тем, что численность советской армии в настоящее время в 2½ раза меньше, чем была численность царской армии. Если же мы сравним, какой процент составляют евреи в армии и какой в населении всей страны, то окажется, что при царизме в армии евреев было меньше на 25%, чем следовало бы по численности еврейского населения. А если взять теперешнее положение, то в настоящее время в советской армии имеется на 10% больше евреев, чем следовало бы по численности еврейского населения в стране. Таким образом, в то время как при царизме евреи уклонялись от военной службы, в настоящее время не только полностью заполняется то количество, которое следует, но еще есть известное поступление добровольцев и сверхсрочных сверх полагающихся по призыву.

Что до служащих, то почти весь прирост их (сравнительно с дореволюционным временем) приходится на первые годы революции, потом наступила стабильность. В начале революции старая русская интеллигенция и чиновничество не хотели итти на службу к пролетариату, саботировали, стояли за буржуазию. Еврейская интеллигенция пошла в то время на службу к победившей революции охотно, целыми массами, обращая внимание не столько на грядущие судьбы буржуазии, сколько на то, что пока она сама выиграет от революции фактическое равноправие и доступ к закрытой прежде государственной службе. Советское государство, создавая свой аппарат в обстановке почти общеинтеллигентского бойкота и саботажа, охотно использовало новые предложенные ему культурные силы, и так произошло первоначальное быстрое увеличение числа евреев-служащих.

Пока по данным переписи 16 декабря 1926 г. опубликованы только сведения о самодеятельном еврейском населении по Белоруссии, Украине и Москве (в № 1 и № 2 Бюллетеня стат.-экон. ком. Орта за 1928 г.). В этих районах находится как раз 80% (2.110 тыс. чел.) всего выявленного переписью еврейского населения СССР. Распространяя эти данные и на оставшуюся пятую часть, получаем для СССР в целом всего 1.040 тыс. самодеятельных евреев обоего пола и при них еще 1.640 тыс. иждивенцев. На каждую еврейскую семью в среднем приходится, таким образом, около двух самодеятельных и около трех иждивенцев.

Если взять все еврейское население (с иждивенцами), то по отношению ко всему населению данной республики евреи составляли 16 декабря 1926 г.:

	В %%
Белоруссия	8,2
Крым	6,4
Украина	5,4
Закавказье	1,2
Узбекия	0,7
РСФСР без Крыма	0,5
Туркмения	0,2

Можно считать, что за полтора года, протекшие после переписи, эти процентные соотношения в общем почти не изменились, кроме только Крыма. В Крыму, в связи с происходившим вселением туда в 1927 и 1928 гг. евреев-земледельцев, доля еврейского населения на 1 августа 1928 г. должна составлять уже около 7,7% всего населения Крыма. Согласно намечающемуся десятилетнему плану земледельческого переселения евреев в Крым и учитывая прирост остального населения—через 10 лет евреи должны составлять около 17% населения Крыма (около полтораста тысяч из девятисот тысяч).

Если взять отношение числа евреев ко всему населению отдельно по городам и по деревням, то по переписи декабря 1926 г. по всему СССР в деревнях евреи составляют только 0,3%, а в городах 8,3% всего населения. В городах Украины доля еврев подымается даже почти до 23%, а в городах Белоруссии до 40% всего городского населения [1]).

Если взять только самодеятельных (около 1.040 тыс. чел.), то они распадаются на следующие основные группы:

	До революции в %%	Декабрь 1926 г. в %%
1. Рабочие	15	19,4
2. Служащие	10	28,0
3. Крестьяне	2,2	8,6
4. Кустари	23	20,8
5. Военные	1,0	1,0
6. Торговцы и капиталисты	35,0	12,0
7. Прочие	14,0	10,2

Торговцы и «прочие» уменьшились в общем более чем вдвое, а утерянные ими почти 27% населения прибавились в первую очередь к служащим (18%), затем к крестьянам (около 6%) и лишь в небольшой части к рабочим. К рабочим, повидимому, перешли и те 2%, что потеряли кустари. Таким образом, рассасывание торгового слоя было очень значительным, но не путем превращения его в физических рабочих по найму.

Число рабочих вообще увеличилось не особенно значительно, всего на треть (со 153 тыс. до 203 тыс. человек). Это не может и в сравнение итти с происшедшим одновременно увеличением в несколько раз как служащих, так и крестьян. Но зато произошла большая перемена внутри самой группы

[1]) По городам Крыма 15%, Азербайджана 5%, Северного Кавказа 3,5%, остальной европейской части РСФСР 3,7%, Сибири 3%, Дальнего Востока 2,1% и Средней Азии 2,1%.

рабочих: в ней значительно возросла доля крупнопромышленного пролетариата.

Выше указывалось, что до революции из еврейских пролетариев около 130 тысяч приходилось на ремесленных (из них только три четверти взрослых, остальные—ученики и юные подмастерья) и лишь 23 тыс. на фабрично-заводских. В настоящее время фабричных уже втрое больше, около 70 тыс. чел., а ремесленных, примерно, прежнее количество. На одной Украине (по неполным данным) имеется 182 крупных промышленных предприятия, где работают 42 тысячи евреев, а в среднем по 245 евреев на одну фабрику [1]). На этих фабриках в среднем около тысячи рабочих на каждой, в том числе около четверти приходится на каждой в среднем на евреев.

Процесс формирования крупноиндустриального пролетариата среди трудовых слоев евреев шел до сих пор почти чисто стихийным путем. Отсутствовали почти совершенно попытки регулировать или содействовать ему со стороны государства. Этим и об'ясняются столь небольшие пока его результаты.

Совершенно несомненен ущерб для советской промышленности от невнимания к этому делу. Фабрики и заводы растут и нуждаются в искусных квалифицированных рабочих. Ремесло во всех странах служило и служит поставщиком обученного труда для индустрии. Бедность массы еврейских городских кустарей и ремесленных рабочих давала легкую возможность снабжать развивающуюся промышленность уже подготовленными силами. Но эти ресурсы остались почти неисчерпанными. Промышленность и транспорт пополняли свои кадры главным образом за счет необученных или малообученных выходцев из деревни, теряя большие средства и время на их постепенное обучение и получая меньшую производительность труда, чем какая получается при переводе на фабрики людей с ремесленными навыками. На заводы и фабрики попадала лишь часть тех еврейских кустарей и ремесленных рабочих, которые сами постепенно расселялись после революции по разным городам в поисках занятия. Организованной же вербовки из ремесла для индустрии, организованного воздействия на рынок труда в этом смысле пока вовсе не было. Эта часть возможных резервов квалифицированного труда для промышленности и транспорта оставалась почти неиспользованной, несмотря на нарастающую остроту потребности в обученном труде.

По данным ЦСУ только за два года (1925/26 и 1926/27 гг.) число постоянных несельскохозяйственных рабочих возросло на миллион человек (без членов семей и без служащих—см. Ю. Ларин «Социальная структура СССР», М. 1928 г., стр. 13). А число фабрично-заводских рабочих-евреев за целые десять лет возросло лишь на сорок тысяч с небольшим. Еще и сейчас имеется около 350 тыс. человек еврейских кустарей-ремесленников и ремесленных рабочих (не считая членов семей), которые в значительной мере могли бы быть использованы для пополнения и роста подготовленных и легко подготавливаемых квалифицированных кадров промышленности.

В 1928 г. союзным советским правительством утверждено новое положение о Комзете (Комитет земледельческого труда евреев при ЦИК СССР), в котором предусмотрены заботы по линии вовлечения еврейских рабочих в промышленность. Тем самым признана общегосударственная важность этого дела, а не только для самих евреев, занятых в ремесленной промышленности. Кое-что, конечно, сделано и до сих пор. Так, в № 9 за 1928 г. журнала Озета «Трибуна» сообщается, что из 35 еврейских профессионально-технических школ, обследованных Ортом в феврале 1928 г., только четыре существовали до революции, а остальные основаны при советской власти, начиная с 1920 г. Характерно, что в этих школах в феврале 1928 г. на долю металлистов (слесаря, кузнецы, литейщики и т. д.) приходилось около 70% всего количества учащихся, между тем как среди еврейских ремесленников и рабочих металлисты составляли весьма небольшой процент. Иначе сказать, создание этой сети школ является одним из путей индустриализации еврейского пролетариата, перевода его из ремесла в крупную промышленность. Впрочем, в каждой такой школе в среднем всего около 100 учащихся, так что достижение это невелико. Да и содержатся эти школы не самим государством, а при крупном участии иностранных еврейских организаций: Орт, ЕКО, и Джойнт [1]).

[1]) Мережин—«Вопросы земельного устройства евреев», М. 1927 г., стр. 15.

Последнее время, в 1928 г., начали появляться уже прямые постановления местных властей об использовании подходящих сил еврейских трудящихся для советской промышленности. Так, Белоруссия, начиная с 1928 г., отпускает средства на ежегодное «хозяйственное устройство» семи-восьми местечек, выражающееся, в частности, в устройстве переработочных предприятий и кооперативных мастерских. Совнарком Украины постановил с 1928/29 г. увеличить ассигновки на открытие новых профтехнических и кустарнопромышленных школ в еврейских местечках и городках и на устройство мастерских при них (№ 6 «Трибуны» за 1928 г.). Президиум брянского губисполкома 9 февраля 1928 г. постановил привлекать евреев на сезонные строительные работы, на курсы по квалификации и переквалификации строительных рабочих, в бригадное ученичество («с цыганами не менее 15%»), в качестве новых рабочих при переводе текстильных фабрик на семичасовой день и в расширяющиеся предприятия вообще. Впрочем, результаты всех этих мероприятий еще впереди, да и пока речь идет больше о принципиальной установке, чем о практике.

Постепенный сдвиг еврейского пролетариата в сторону крупной промышленности и медленность этого сдвига могут быть иллюстрированы данными по союзу металлистов. Из всех евреев, состоявших членами индустриальных профсоюзов, металлисты составляли на Украине на 1 мая 1924 г. лишь 7,9% и на 1 апреля 1926 г.—всего 14,5%. По Белоруссии они составляли 5,1% на 1 мая 1924 г. и немногим больше, а именно 6,5%, на 1 октября 1925 г. (№ 1 «Трибуны» за 1928 г.). Таким образом, удельный вес металлистов среди еврейских индустриальных рабочих хотя постепенно повышается, но все еще значительно отстает от удельного веса всех металлистов СССР среди всех индустриальных рабочих СССР (около 20%).

Рост числа еврейских рабочих и служащих вообще происходил последние годы до сих пор несколько медленнее роста общего числа рабочих и служащих в стране. Благодаря этому, несмотря на заметное абсолютное увеличение, процент суммы еврейских рабочих и служащих к количеству всех рабочих и служащих остается последние годы почти неизменным (стабильным). Происходит преимущественно только перераспределение этого процента между отдельными профсоюзами, но в сумме рост его приостановился после первого прыжка (в период до 1924 г.).

Еще и сейчас среди еврейских рабочих соотношение между занятыми в тяжелой и легкой индустрии почти обратное этому сотношению для всех рабочих страны. Тов. Кабаков в № 4 «Вестника Труда» за 1928 г. дает по данным профсоюзов на 1 апреля 1926 г. такой расчет для Украины и Бело-

[1]) Озет—советское общество содействия еврейскому земледелию, имеет около 100 тысяч членов; Орт—общество содействия ремесленному труду евреев, заграничное и советское; ЕКО—французско-бельгийское общество еврейской колонизации; Джойнт—американское еврейское филантропическое общество.

руссии, взятых вместе. Если всех членов профсоюзов промышленных рабочих разбить на две части—союзы легкой индустрии и союзы тяжелой индустрии—то вся профсоюзная масса распределится следующим образом:

	Евреи в %%	Все члены профсоюзов в %%
Тяжелая индустрия	38,4	69,8
Легкая индустрия	61,6	30,2
	100,0	100,0

Не удивительно, что по обеим республикам вместе доля евреев среди членов профсоюзов тяжелой индустрии составляет только 7,8%, тогда как по союзам легкой индустрии она равна 29,1%—почти вчетверо больше (там же, стр. 73). Еврейский пролетариат (не считая служащих) до революции был почти сплошь ремесленным (на 85%) и в подавляющей части занят был в легкой индустрии. Революционное десятилетие создало некоторый сдвиг в сторону более нормального распределения, но он еще не достаточен. Еврейский пролетариат остается еще на 65% ремесленным и более чем на 60% занят в легкой индустрии. Государственное регулирование и планирование трудовых сил страны сможет осуществить здесь постепенно сдвиг в сторону выравнивания с общим характером распределения промышленного пролетариата СССР. Такой сдвиг, отвечая общим интересам развития промышленности, уничтожит в то же время бесполезное переполнение еврейскими рабочими отраслей ремесла, не выдерживающих соперничества с фабрикой. К таким относится, например, швейное и кожевенно-обувное дело, а на союзы швейников и кожевников по Белоруссии и Украине вместе приходится около 23% всех евреев, членов индустриальных профсоюзов, при чем в подавляющей части — это рабочие ремесленные (до революции из всех евреев, занятых в ремесле, на швейное и кожевенно-обувное дело приходилась целая половина).

Сейчас еврейские ремесленные рабочие (и кустари) не в малом количестве стремятся превратиться в земледельцев, разочаровавшись в возможности держаться долее в ремесле и не будучи вовлекаемы в крупную промышленность. Но явно не целесообразно с точки зрения общих интересов государства превращать в начинающих земледельцев уже обученных мастеров и подмастерьев, когда в них нуждается развивающаяся фабрично-заводская, горная и лесная промышленность страны. В земледельцев надо обращать торговцев и другие непроизводительные элементы, а лиц с ремесленными навыками надо использовать для удовлетворения требований растущей промышленности. Географически места, где надо приложить новый труд в промышленности, не совпадают с местами, где имеется избыточное кустарное и ремесленное население. Отсюда—нарастающая задача: на ряду с сельскохозяйственным переселением организовать промышленное переселение ремесленников и кустарей в места возможного индустриального приложения их труда. Частным случаем этого должно быть и промышленное переселение еврейского ремесленного люда. Комзет в 1928/29 г. приступает к первому плановому опыту в этом направлении, предполагая по соглашению с Дальневосточным Краем направить на Амур осенью 1928 г. первую тысячу лесных рабочих из еврейских кустарей Белоруссии и Украины, а весною 1929 г. оттуда же также на Амур—еще от пятисот до тысячи кустарей с их семьями (по разным отраслям ремесла), которым может быть обеспечено там неземледельческое занятие. Расходы по промышленному переселению гораздо ниже расходов по переселению сельско-

хозяйственному (даже засчитывая стоимость постройки новых жилищ и определенного технического оборудования). Расчет показывает, что, например, построить в Крыму механическую швейную фабрику с полным оборудованием на две тысячи рабочих и работниц и квартиры для тысячи семей еврейских швейников по два работника на семью, с перевозкой их из Белоруссии или Украины в Крым—стоит не больше, чем требуется для организации сельского хозяйства такою же тысячью переселенческих семей. Планы ВСНХ по созданию новой промышленности должны были бы учитывать в большей мере, чем это имело место до сих пор, вопросы комплектования рабочей силы. Сочетание расходов переселенческих и промышленных в некоторых случаях могло бы обеспечить как экономию в обоих направлениях, так и более высокую производительность нового предприятия.

Если брать СССР в целом (или отдельно наиболее населенные евреями Украину и Белоруссию), то развитие антисемитских настроений среди части городских рабочих и служащих, ясно обозначившееся в 1928 г., никак нельзя об'яснить чрезмерным переполнением евреями работы по найму и службе, якобы далеко превышающим их удельный вес в городском населении. Наоборот, в общей массе городских рабочих и служащих евреи составляют пока еще меньший процент, чем в населении всех городских поселений СССР. Антисемитские настроения являются здесь ответом не на чрезмерность участия евреев в наемной работе и службе, а на начало исправления той неправильности, какая существовала при царизме до революции. В самом деле при царизме на территории СССР было лишь около 270 тыс. чел. еврейских рабочих и служащих, а теперь почти 500 тыс. чел. Этого прироста еще недостаточно, чтобы сравнить долю евреев в городской работе по найму с долей их в городском населении, но уже довольно, чтобы вызвать рост антисемитских настроений среди некоторых слоев в тех пунктах, где этот прирост особенно заметен в абсолютных величинах (как Москва).

Если взять отдельно рабочих и отдельно служащих, то получатся такие соотношения. Среди всех несельскохозяйственных служащих (3.600 тыс. чел.) евреи составляют около 8% (почти 300 тыс. чел.). Среди всех несельскохозяйственных рабочих (7.400 тыс. чел.) евреи составляют около 2,7% (около 200 тыс. чел.), а в том числе среди городских рабочих—4%.

Во все эти сведения включены по данным ЦСУ также безработные (и для евреев и для всех вообще). Среди еврейских рабочих и служащих безработица оказалась гораздо более значительной, чем среди всех рабочих и служащих вообще. На полмиллиона еврейских рабочих и служащих приходится почти сто тысяч безработных или до 20%. А для всех рабочих и служащих этот процент чуть не вдвое меньше. Впрочем, о таком соотношении было известно и раньше: уже более полугода назад опубликованы были сводные данные по биржам труда Украины, согласно которым число евреев на биржах труда составляло 24% к еврейским членам профсоюзов, а количество остальных рабочих и служащих на биржах труда Украины составляло только 12% к соответственной сумме членов украинских профсоюзов («Эмэс»). По Белоруссии опубликован по национальностям итог переписи безработных профсоюзами в ноябре 1927 г., при чем процент евреев среди безработных (35,7%) оказался значительно выше процента евреев среди членов союзов (при чем не вошел еще в перепись союз совторгслужащих—см. № 2 Бюллетеня Орта, стр. 19). По переписи ЦСУ 16 декабря 1926 г. в Белоруссии безработных среди еврейских рабочих и служащих 17%, а среди прочих рабочих и служащих только 8%. В Москве по переписи 16 декабря 1926 г. безработных среди еврейских рабочих и служащих около 20%, среди остальных—15% (там же).

Гораздо большее развитие безработицы среди еврейских рабочих и служащих, чем среди прочих, об'ясняется двумя причинами. Во-первых, еврейские рабочие в гораздо большей мере сосредоточены в отсталых ремеслах, где процент безработных особенно высок в силу конкуренции фабрики и унаследованной от царизма чрезмерной искусственной скученности трудящихся в ремесленно-торговых городках и местечках Белоруссии и Украины. Во-вторых, еврейские служащие на Украине, в Белоруссии и РСФСР при сокращении штатов и рационализации аппарата, как показывает результат, подвергались увольнениям и встречали затруднения в новом приискании работы значительно больше, чем служащие-украинцы, великороссы и т. д.

Гораздо большее развитие безработицы среди еврейских рабочих и служащих в сравнении с остальным пролетариатом страны; устойчиво-безнадежное состояние безработицы в силу самого состояния некоторых отраслей ремесла и курса на нерасширение служебного аппарата; отсутствие мер по вовлечению обученных технически или культурно рук в нуждающуюся в них промышленность географически других районов СССР; невозможность существовавшей до революции эмиграции за границу для получения там занятия в промышленности—эти четыре причины создали совершенно новое, экономически реакционное, но вполне понятное явление в советской хозяйственной действительности, именно: в наш век индустриализации начался отлив индустриального еврейского населения СССР в сельское хозяйство; началось «распромышливание», деиндустриализация части советского пролетариата и кустарей-ремесленников.

Дело перехода в значительной части городского еврейского населения СССР к занятию сельским хозяйством постепенно, вообще говоря, все более прочно становится на ноги. Многих с самого начала смущал вопрос: насколько такое явление, как переход горожан к занятию земледелием и животноводством, вообще лежит по линии исторического прогресса? До сих пор экономическое развитие сопровождалось обычно отливом населения из деревень в города, индустриализацией страны, а не аграризацией.

Как общее правило, это верно и для современного Союза ССР—его путь на ряд лет вперед есть именно путь роста индустриализации. Однако, в отдельных частях громадной страны и для отдельных групп населения может одновременно наблюдаться переход новых слоев к земледелию, не нарушающий общей картины. Лишь бы речь шла о таких группах, переход которых к земледелию означал бы движение вперед от доиндустриальных форм экономики, а не возврат назад от индустрии к сельскому хозяйству.

Когда в 1918—1920 гг.—вследствие разорения страны контрреволюционными мятежами и частичной потери в связи с этим сырьевых и топливных источников—фабрично-заводские рабочие Москвы и Ленинграда уходили в деревню, это было реакционным в хозяйственном отношении событием, проявлением развала. Когда же в 1928 г. к земледелию переходит кочевое население Казакстана (бывшей Киргизии)—никому не придет в голову видеть в этом политику, противоречащую линии на индустриализацию СССР.

Но одной рукой воспитывать новые индустриальные кадры (ценой немалых затрат), в то же время другой рукой окрестьянивая часть уже наличных индустриальных кадров (тоже не без заметных затрат на это странное занятие)—таково одно из противоречий и проявлений недостатка плановости советской действительности. Когда к земледелию переходит общественно-бесполезный мелкий торговец, вытесняемый кооперацией, и другие деклассирующиеся непроизводительные элементы—это хозяйственно-

прогрессивно. Но когда к земледелию стремится перейти, не видя другого выхода, обученный промышленному мастерству ремесленник или ремесленный рабочий, то для нашей страны с ее недостатком промышленной культуры—это—неразумная растрата накопленного у нас уже капитала промышленных навыков и опыта.

Между тем, социальный состав записывающихся для переселения на землю (и затем переселяющихся фактически) грешит в этом отношении довольно значительно. Первая регистрация желающих переселиться на землю была произведена Комзетом в 1924/25 г. (Комзет начал действовать с сентября 1924 г.). Тогда (все сведения из брошюры т. Гольде «Землеустройство трудящихся евреев», М. 1925 г., стр. 25) записалось почти 32 тысячи семей (из которых затем 20 тысяч семей, т.-е. около 100 тысяч человек, успели быть переселенными на землю в четырехлетие 1925—28 гг.). Социальный состав этих 32 тысяч семей в сравнении с социальным составом всего самодеятельного еврейского населения СССР (по переписи 16 декабря 1926 г.) таков (в процентах):

	Кандидаты в переселенцы в $^0/_0$	Все еврейское население в $^0/_0$
Сельское хозяйство	13,5	8,6
Рабочие	17,0	19,4
Служащие	8,9	28,0
Кустари	30,3	20,8
Торговцы	22,4	12,0
Прочие и деклассированные	7,9	11,2
	100,0	100,0

Наличие «земледельцев» среди желающих переселиться на землю об'ясняется тем, что в 1921—1924 гг. много еврейских семей в местечках и сельских местностях Украины и Белоруссии уже сами превратились в земледельцев, не покидая своего прежнего местожительства. Для этого местные советы выделили им небольшие наделы, обычно в среднем от 2 до 3 десятин на семью, при чем они не получали почти никакого государственного или общественного кредита на организацию хозяйства. Когда началась государственная организация переселения с отводом полного надела на свободных землях и кредитом из госбюджета по 500 руб. на семью—тогда многие из этих распыленных индивидуальных мелких земледельцев (свыше 40% общего их числа) пожелали попасть в число плановых переселенцев с полным наделом и государственным (или общественным) кредитом.

Рабочих и кустарей среди записывающихся в переселенцы почти половина—значительно больше доли их в населении. Вина тут, конечно, не этих кустарей и рабочих, а создавшихся условий—выше уже сказано о необходимости вместо этого усилить вовлечение их в промышленность.

Последнюю группу составляют торговцы и также непроизводительные «прочие». Они дают вместе около 30% переселенческого контингента — несколько больше доли их в населении, но далеко недостаточно в сравнении с задачами организации еврейского земледелия в СССР. Основной мыслью ее было перевести на производственные рельсы как раз общественно-излишние непроизводительные элементы еврейского населения—ту его четверть, какая состоит из торговцев и «прочих». Эти прочие во многих случаях не кто иной, как те же разорившиеся и деклассировавшиеся из торговцев и т. п., потерявшие свое положение и живущие преимущественно на присылки от родных из Америки и подобные случайные поступления (в еврейской беллетристике есть для их обозначения своеобразное выражение: «люди воздуха»).

Прошло время, когда торговцы-хозяева были самой крупной группой еврейского населения (до революции 34%, а с 1% капиталистов и с. «прочими» даже 49%). Теперь они уступили первое место группе служащих (28%). Но и подавляющая часть оставшихся еще мелких торговцев и «прочих» жаждет перемены занятия, какого-либо более прочного и обеспечивающего лучшую жизнь дела. Еврейские мелкие торговцы большей частью скучены в сравнительно небольшом количестве городов и местечек западной полосы европейской части СССР. Там нехватает другого населения, которое они могли бы обслуживать, и потому большая часть их ведет самую бедную жизнь. Еще царская комиссия бывшего министерства внутренних дел перед войной установила, что средний месячный доход семьи еврейского торговца в нынешней Белоруссии менее двадцати рублей. В русской литературе царского времени сохранилось много описаний таких еврейских торговцев или торговок «Западного края», весь оборотный капитал которых составляет три-четыре рубля. Торговка, скажем, покупает несколько селедок, рубит каждую селедку на части и торгует отдельно головной частью селедки или хвостом, серединой, ибо население этих местечек такое бедное, что не может позволить себе роскошь купить целую селедку, а покупает по частям.

Понятно, при таких условиях мелкие еврейские торговцы западной полосы СССР всегда готовы бросить свое занятие и родину и переселиться, чтобы стать крестьянами, когда им дают землю и кредит на покупку лошади и плуга. Если бы государство могло дать на это больше средств, можно было бы почти всех их хоть сразу обратить в земледельцев. Тем более, что в советское время прежнее полуголодное их существование усугублено еще нашей общей противобуржуазной линией и развитием советской кооперации. В маленьком местечке за недостатком явно выраженных крупных эксплоататоров и селедочная торговка для фининспектора сходит за подлинную гидру буржуазии. Развитие кооперации поглощает, конечно, часть бывших торговцев превращением их в служащих потребительских лавок. Но, поскольку кооперативная организация торговли является шагом вперед в уменьшении непроизводительных накладных расходов общества на дело распределения,—она требует значительно меньшего количества занятых рук, чем бывшая до нее частная мелкая торговля.

Для размывания земледельческим переселением остатков социальной структуры еврейского населения, унаследованной от царизма, весьма характерен состав всего переселенческого контингента. Как приведено выше, более чем на 60% (а среди фактически допущенных к переселению—еще более) он состоит из местечковых кустарей и мелких торговцев. Но местечковые кустари и мелкие торговцы являются сейчас в значительной мере вымирающими осколками старого уклада не только досоветского, но также и докапиталистического. Заполнение ими городов было созвучно эпохе до развития того буржуазного хозяйства, какое знает современная Европа и знала царская Россия. Это остатки средневековых по типу отношений, когда феодальное хозяйство в деревне дополнялось строем мелкого «простого товаропроизводства» (еще не капиталистического) в городе со связанною с ним такою же торговлей.

Уже при развитии буржуазных капиталистических отношений в царской России (последние несколько десятилетий перед революцией) подавляющая масса всех этих мелких торговцев и ремесленников городов и местечек западной полосы страны оказывалась по существу излишней, общественно и хозяйственно «ненужной». Из такой «ненужности» и вытекала крайняя нищета этого еврейского населения уже в дореволюционное время. Выходом из положения, практиковавшимся все шире, была эмиграция в Америку—путь к рассасыванию избыточного населения внутри страны был закрыт царским правительством.

Теперь закрыт как раз путь в Америку (правительством Соединенных Штатов ограничен в'езд), зато открылись возможности для превращения местечкового населения в общественно-полезное в нашей стране. Во-первых, вовлечением в фабрично-заводскую работу и государственно-общественную службу с соответствующим расселением из бывшей черты оседлости по всей стране. Во-вторых, переходом к возделыванию свободно-лежащих, пустующих земель. Оставляем в стороне при этом третий путь—пополнение провинциальной еврейской буржуазией рядов столичных рыцарей нэпа (валютчиков, подрядчиков, частных торговцев и прочих предпринимателей), ибо этот путь открыт только небольшому сравнительно зажиточному слою.

Вовлечению в фабрично-заводскую работу и в государственно-общественную службу поставлены довольно узкие границы самым темпом развития индустрии и государственно-общественной деятельности в СССР, не дающим возможности вводить в эти отрасли в любое время произвольно большие массы. Здесь можно нормально рассчитывать лишь на долю прироста, приблизительно соответствующую пропорции еврейского населения в общей массе жителей страны (отчасти всех, отчасти—только городских).

Поскольку дальнейшее насыщение евреями индустрии и службы ограничено этим условием,—для «лишних» сотен тысяч людей, живущих еще в «доиндустриальном периоде», остается одно из двух: или постепенно вымирать, или перейти к обработке пустующих земель и стать таким путем нужными, производительными и обеспечивающими себе возможность существования гражданами.

Постепенное вырождение местечкового еврейского населения действительно имеет место уже ряд лет. Показателен, например, факт, указанный известным статистиком В. Михайловским (руководитель в течение ряда лет отдела демографии ЦСУ)—значительное уменьшение рождаемости среди евреев сравнительно с дореволюционным временем. Причиной служит, конечно, не какое-либо желание уменьшением семьи устранить чрезмерное дробление наследств (ибо у полунищей массы и наследовать нечего), а физическая невозможность хоть кое-как прокормить детей.

В настоящее время, когда уже десятки тысяч еврейских семей личным трудом обрабатывают землю, не приходится сомневаться в осуществимости такого перехода в смысле возможности приспособления к нему наличного людского материала. Можно отметить даже ряд еврейских крестьянских артелей и поселков, которые, просуществовав едва три-четыре года, уже получают премии на местных сел.-хоз. выставках и получают от земотделов официальные удостоверения в их «образцово-показательном» значении для всего местного окрестного населения.

Опыт показал также, что дело это не потерпит крушения из-за отсутствия средств. Оно оказалось способным привлекать кредиты и из-за границы (особенно из Америки) и внутренние, которыми в общем обеспечивается возможность ежегодного дополнительного поселения еще по нескольку десятков тысяч человек переходящих к сельскому хозяйству евреев. Судя по тому, как из года в год неуклонно растет приток этих средств, можно ожидать дальнейшего расширения работы, но не ее приостановки или сокращения.

Общее количество лиц, подлежащих устройству в других областях занятий, мы определяем для ближайшего десятилетия около 600 тысяч человек (наличных «лишних» 400 тысяч и прирост за 10 лет еще 200 тыс.). Другие наблюдатели считают эту величину ориентировочно пра-

вильной уже для настоящего времени. Руководитель еврейской работы на Украине тов. Кипер на заседании Комзета в июле 1928 г. определял эту величину для Украины на настоящий момент около 450 тыс. чел. Тогда же на том же заседании один из руководителей еврейского землеустройства в Белоруссии, тов. Ошерович, определял эту величину для Белоруссии около 100 тыс. чел. Если принять во внимание еще другие республики, то в общем получится величина не менее 600 тыс. чел. уже в настоящее время.

Выведенная нами на основании статистических коэффициентов величина (около 400 тыс. чел. «лишних» в настоящее время) должна считаться более правильной. Ибо например, если все кустари какого-либо района живут плохо, т. к. на всех работы нехватает, то из этого не следует, что все они лишние. Надо переселить или дать иное занятие только такой их части, чтобы для нормального существования остающихся в кустарном производстве данной местности достаточно было имеющейся там работы.

Мы останавливаемся на этом пункте—ориентировочный подсчет нуждающихся в особых мерах по хозяйственному устроению еврейских масс в СССР—ибо от ответа на него зависит решение многих практических вопросов. В наш подсчет требующих особых мер со стороны государства мы включили только население местностей западной полосы СССР, искусственно переуплотненных царизмом путем принудительного сосредоточения там еврейского несельскохозяйственного населения. Поскольку где-либо в других местах РСФСР, например, в Москве или Ленинграде, существуют еврейские бедняки или безработные—нет оснований для особых мер государства специально для помощи именно им. Здесь, в Москве или Ленинграде, забота о них покрывается общей заботой о бедняках и безработных, растворяется в ней. Поскольку государство может вообще что-нибудь сделать для московских бедняков—это распространяется и на соответственную часть еврейских бедняков в Москве. Ибо здесь нет особых условий, которые особо выделяли бы заботу именно о них.

Но в западной полосе СССР эти особые условия есть—и отсюда особые меры, особая забота государства (Комзет) и особый подсчет. Особые условия западной полосы СССР заключаются для государства, как такового, не в том, что там много бедняков именно еврейской национальности. Бедняков, к сожалению, у нас покуда еще везде много. Если бы подходить только с так называемой гуманитарной, филантропической точки зрения «помощи бедняку», то надо было бы попросту делить поровну между всеми бедняками всех наций по всему СССР все, что можно для этого выделить, а не создавать специальный «Комзет» и т. п.

Государство подходит к вопросу сейчас преимущественно в общих народнохозяйственных и политических целях. С этой точки зрения особенность западной полосы СССР не в том, что именно там много бедных евреев, несправедливо преследовавшихся царизмом, а в следующих трех пунктах:

1) сосредоточение там чрезмерных масс несельскохозяйственного населения, не требующихся экономикой этого района, и вытекающее отсюда сплошное обнищание, загнивание и разложение городских центров этих местностей;

2) пограничный характер этой полосы (по ту сторону границы—Польша, Румыния и Латвия), делающий особо нетерпимым и опасным длительное пребывание масс несельскохозяйственного населения района в состоянии упадка и разложения;

3) желательность (и выгодность) использовать для какой-либо полезной работы немалые технические, культурные и организаторские навыки этого населения для нашей страны в целом, бедной такими навыками.

Наличие таких особых условий в западной полосе европейской части СССР побудили бы советское государство принимать и особые меры, какой бы национальности ни было скопившееся здесь излишнее несельскохозяйственное население. Делом исторического прошлого является, что этим населением оказываются здесь именно евреи и что вмешательство государства здесь одним из последствий имеет и влияние на общее изменение социальной структуры еврейского населения СССР.

Конечно, советское государство в перспективе не отказывается и от специальных мер по изменению социальной структуры населения СССР безотносительно к наличию каких-либо особых условий, требующих ускорения такого вмешательства на данном участке. Впоследствии перед нами станет, например, задача превращения всей великорусской буржуазии (и всех деревенских кулаков) в производительное трудовое население, организованное в общественное хозяйство. Вся наша индустриализация, между прочим, есть также и метод изменения социальной структуры страны. Но сейчас в области специальных мер содействия социальной перегруппировке еврейского населения СССР государство исходит не из общего влечения к изменению классового строения в определенную сторону, а прежде всего из тех трех народнохозяйственных и политических задач, какие выше указаны. Эти задачи имеют не специально еврейское, а общегосударственное значение. Особые интересы еврейской бедноты полностью совпадают тут с общими интересами государства, обобщающего и вносящего плановость в тот процесс, который, как мы видели, уже пробил себе стихийно заметное русло в жизни.

Остается еще остановиться на вопросе об удельном весе еврейских классовых групп в соответственных классовых группировках страны в целом.

Относительно рабочих и служащих относящиеся сюда данные уже приведены. Составляя во всем населении страны менее 2% и в городском населении 8,3%—евреи среди несельскохозяйственных рабочих составляют менее 3% (точнее 2,7%) и среди служащих почти ровно 8%.

Доля евреев в сельскохозяйственном населении совершенно ничтожна и не достигает сейчас даже полных 0,2%.

Кустарей и ремесленников всех национальностей во всех поселениях городского типа СССР, как не имеющих рабочих, так и нанимающих рабочих, по данным ЦСУ в 1926/27 г. имелось всего менее 560 тыс. челов. [1]). А евреев-кустарей и ремесленников имеется (по данным переписи 16 декабря 1926 г.) около 216 тыс. чел. Значит, на евреев, составляющих лишь около 8% городского населения СССР, приходится около сорока процентов всех городских кустарей и ремесленников. При этом, по данным ЦСУ, целых 93% кустарей и ремесленников вовсе не имеют наемных рабочих.

Что касается частных торговцев (включая выбирающих патенты промышленных предпринимателей), то по всему СССР, в городах и деревнях вместе, в 1926/27 г., по тем же данным ЦСУ, их имелось 634 тыс. чел. А среди евреев (по данным переписи 16 декабря 1926 г.), торговцев оказывается 125 тыс. чел. Торговцы, как все вообще, так и еврейские в частности, размещаются в городах и деревнях, при чем и у тех и у других на города приходится значительно более половины. На долю евреев, составляющих 2% населения страны, приходится таким образом почти 20 проц. всех торговцев страны (в частности, по переписи 16 декабря 1926 г.: по Белоруссии—90%, по Украине—66%, по Москве—15%). Это сопоставление особенно

---

[1]) Данные о числе кустарей и ремесленников, торговцев и «прочих» по СССР беру по расчетам ЦСУ, приведенным на стр. 46 моей брошюры «Социальная структура СССР».

ярко показывает далеко еще не изжитую ненормальность нынешней социальной структуры еврейского населения СССР.

Наконец, что касается «прочих» (кроме военных), то из таблиц ЦСУ сюда попадают из несельскохозяйственного населения, во-первых, 170 тыс. чел. «трудящихся не по найму» не из числа кустарей, а, во-вторых, 1.200 тыс. чел. разных групп фактически буржуазного и мелкобуржуазного характера: живущие доходом от своих домовладений и аренды домов, комиссионеры и рантье, лица «свободных профессий» (преимущественно духовенство), лица «с неопределенным источником нетрудового дохода» и деклассированные. У евреев на все эти группы приходится около 106 тыс. чел., что по отношению к общей величине в 1.370 тыс. чел. дает почти 8%, т.-е. весьма близко к проценту евреев во всем населении поселений городского типа (по СССР в среднем 8,3%).

Каков процент евреев среди сравнительно крупных нэпманов? Трудно ответить на этот вопрос сколько-нибудь точно. По данным налоговой статистики вообще, по СССР в 1926/27 г. имелось только 25 тысяч частных лиц, выбиравших торговый патент четвертого и высших разрядов, либо соответственный промышленный патент. Конечно, есть такие капиталисты, даже из средней руки спекулянтов, ростовщиков и валютчиков, которым удается вовсе скрыться от обложения. Если даже предположить число их равным количеству выявленных—дальше никто не шел в своих расчетах, да и трудно при стремлении фиска к их уловлению ожидать большего,—то вся масса сравнительно крупных нэпманов составит в СССР около 50 тыс. чел. (а с членами семей около четверти миллиона населения). Сюда входят все оптовики и полуоптовики, фабриканты и т. п. всех национальностей. Это составит около 8% всех торговцев и капиталистов, установленных переписью 16 декабря 1926 г. в СССР (само собой, что у этих 8% сосредоточивается во много раз большая часть всего буржуазного имущества и всех буржуазных доходов—см. об этом подробнее в книжке моей «Частный Капитал»).

Какая часть этих сравнительно крупных нэпманов приходится на евреев,—об этом у нас есть пока хотя бы некоторые материалы только по Москве. Правда, в Москве живет только около 5% всего еврейского населения страны и только 2,8% всех еврейских частных торговцев СССР. В то же время в Москве живет около 8% всего городского населения СССР и почти 4% всех частных торговцев страны. Но если вспомнить, что на Москву приходится более четверти всего частного торгового оборота (не считая внутрикрестьянских сделок) и здесь сосредоточено больше нэпманов, чем где-либо в другом месте, то можно уделить некоторое внимание и только московским сведениям.

По переписи 16 декабря 1926 г. в Москве всего 24.126 частных торговцев (из них 3.437 евреев). У нас есть сведения о разделении по национальностям 2.469 из них, *являющихся более крупными частными торговцами Москвы*, т.-е. примерно 10% всех московских частных торговцев (что близко подходит к 8%, какие ориентировочно составляют сравнительно крупные нэпманы по отношению ко всем частным торговцам страны). Сведения эти не совпадают во времени с датой переписи (16 декабря 1926 г.), но все же могут быть сравниваемы.

Оказывается, что из этих 2.469 нэпманов Москвы на евреев приходится 810 человек, или *почти треть*. Если это соотношение принять для всей страны (что, вероятно, несколько преувеличено), то на евреев придется, примерно около 15 тысяч сравнительно крупных нэпманов. В частности, в Москве *из еврейских* торговцев на этот круг нэпманов приходится почти 25%, а из всех *остальных* торговцев только около 8%. Само собой ясно, как должно разжигать антисемитские настроения это обстоятельство среди русских торговцев Москвы и близких к ним в этом отношении по духу кру-

гов. Такой подбор еврейских торговцев Москвы об'ясняется прежде всего тем, что все они—приезжие. А переехать на свой счет в Москву из провинции, обосноваться здесь и открыть собственное нетрудовое предприятие могла лишь более имущая часть еврейских провинциальных торговцев. Наоборот, в небольших городах и местечках Украины и Белоруссии, где сосредоточена главная часть еврейских торговцев, количество сравнительно крупных представителей буржуазии (в связи с переездом их в главные центры) даже уменьшилось.

Выше мы видели, как значительно изменилась к лучшему социальная структура еврейского населения СССР со времени революции 1917 г. Нет основания думать, что не осуществится намечаемая на ближайшее десятилетие социальная передвижка еще 600 тыс. чел. еврейского населения (тем более, что, например, переход еще 300 тыс. чел. к земледелию в течение десяти лет обеспечен и землей и соглашениями и постановлениями о средствах). Это означает передвижку в другие группы (наполовину в крестьяне, наполовину в рабочие) около 240 тыс. чел. самодеятельных. Вместе с приростом за 10 лет количество самодеятельных среди еврейского населения достигнет тогда около 1.350 тыс. чел. А распределение их по социальным группам будет иметь такой вид (в %%):

	До революции.	Теперь.	В 1938 г.
1. Рабочие	15	19,4	28
2. Служащие	10	28,0	28
3. Крестьяне	2,2	8,6	20
4. Кустари	23	20,8	15
5. Торговцы и прочие	50	23,2	9

Эта таблица подводит итог как тем изменениям, какие революция внесла уже в социальную структуру еврейского населения СССР, так и изменениям, которые она в общем обеспечивает на ближайшее десятилетие.

М. М.

К проекту союзного закона о землепользовании и землеустройстве.

Советский государственный земельный строй ставит своей задачей организацию социалистического земледелия, т.-е. такого порядка сельскохозяйственного производства, который исключает возможность кабальной эксплоатации трудящегося населения и в то же время обеспечивает хозяйствованию на земле наибольшие материальные достижения.

В целях последовательного перехода к социалистическим формам использования земли, советская власть в качестве основ для земельных распорядков установила следующие общие положения:

а) отмену навсегда права частной земельной собственности и предоставление земли в исключительную собственность государства (национализация земли);

б) укрепление земледельческого хозяйства на праве трудового землепользования;

в) организацию государственных советских хозяйств и

г) земельно-хозяйственный режим, сводящийся к последовательному развитию и осуществлению мероприятий по обобществлению отдельных элементов и процессов в мелких крестьянских земледельческих хозяйствах с предельным достижением наивысшей продукции этих хозяйств.

На перечисленных главных основаниях советского земельного строя построена разработка ныне действующего советского закона о земле, изданного в 1922 году в виде Земельного Кодекса Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, в состав которой в то время входила вся территория Союза.

Земельный Кодекс РСФСР был разработан и издан в условиях лишь зарождающегося мирного строительства социалистического народного хозяйства, и поэтому даже его основные положения не получили выражения в необходимой полноте.

Этот недостаток Кодекса усугубляется еще тем обстоятельством, что им в течение некоторого времени обслуживались нужды земельного дела и отдельных районов РСФСР, составляющих ныне автономные союзные республики и отличающихся друг от друга признаками чрезвычайного разнообразия в социально-экономическом состоянии и направлении земледельческих промыслов. В то время как в отдельных республиках встречается первобытно-скотоводческая система сельского хозяйства, в других—имеет место развитие высоко-интенсивного земледелия. Не менее значительным представляется и колебание, выражающееся в наличности товарно-капиталистических форм хозяйствования в одних районах и его социалистического устройства в других.

В настоящее время каждая автономная республика имеет свой Земельный Кодекс, разработанный на основе общих положений упомянутого Земельного Кодекса РСФСР.

В практике применения и развития земельного законодательства в отдельных союзных республиках, в связи с отсутствием достаточно разработанного общего земельного закона, зачастую замечаются неправильные уклоны от основного направления союзной земельной политики. Кроме того, действующие земельные кодексы за время, истекшее со дня их издания, в основных своих указаниях были подвергнуты не согласованным между собою изменениям и дополнениям, последовавшим в законодательном же порядке.

С другой стороны, Земельный Кодекс, в связи с огромным количественным ростом и углубленным развитием социалистического сектора в сельском хозяйстве, дает значительное отставание от результатов хозяйственно-экономических мероприятий государства и самого трудящегося населения в области последовательно обобществляющегося земледелия.

Согласно конституции СССР правительством Союза должен быть издан союзный земельный закон, устанавливающий «Основные начала землепользования и землеустройства» в качестве общих руководящих положений для всех союзных автономных республик. Это требование союзной конституции продиктовано логической необходимостью обеспечить организации и развитию сельскохозяйственной промышленности в стране одинаковый уклад и единое основное направление в сторону последовательного насаждения социалистического режима.

Издать общесоюзный закон о земле—это значит собрать и об'единить в единое целостное законодательство все законоположения, определяющие советский государственный земельный строй и являющиеся обязательными для всех союзных республик без исключения.

Проект такого союзного земельного закона под названием «Общие начала землепользования и землеустройства», после длительной его проработки в различных многочисленных правительственных, общественных и научных организациях и учреждениях, Советом Народных Комиссаров Союза был внесен на рассмотрение 3-й сессии Союзного ЦИК. Сессия постановила предварительно передать этот проект на широкое обсуждение крестьянского трудового населения. Проект должен получить широкую огласку и быть предметом самого внимательного и глубокого изучения и свободной, об'ективной критики. Он должен быть обсужден в различных группировках бедняцких и середняцких слоев крестьянского населения и получить в своей критике исчерпывающее освещение в крестьянской прессе.

Обсуждению проекта необходимо обеспечить во всей полноте культурную помощь и содействие со стороны партийных, советских и общественно-просветительных организаций и должностных лиц.

Проект в своем изложении и содержании не ограничен повторением общих разделов и правил, имеющихся в действующих земельных кодексах. Напротив того, в связи с указанными выше соображениями, он также ставит своей задачей переработку и дополнение ряда таких основных начал землепользования и землеустройства, которые не находятся в необходимом соответствии с постановлениями XV с'езда партии.

Для правильной и целесообразной установки мероприятий по социалистическому земледелию в области землепользования и землеустройства в новом законе с особой наглядностью и четкостью проведена идея об органическом переустройстве деревни на основе ускоренного развития численного роста крупных обобществленных крестьянских хозяйств.

Закон, кроме того, укреплен на том исходном положении, что поднятие экономического благосостояния бедняцких и середняцких слоев крестьянства должно в практике мыслиться не в форме перерастания отдельных крестьянских мелких хозяйств в следующие по мощности категории таких же обособленных хозяйствующих на земле единиц, а в виде сложившихся из указанных социальных слоев, экономически крепких сельскохозяй-

ственных кооперативных об'единений, образуемых в условиях усиленной организующей деятельности государственных, общественных и партийных организаций.

Новый закон имеет следующие главные разделы:

а) основные положения, б) право трудящихся на землю, в) землеустройство, г) переселение, д) меры поощрения коллективных и других товарищеских форм землепользования, е) советские хозяйства, ж) аренда земли трудового пользования, з) о наемном труде в сельском хозяйстве, и) земельное общество и сельский совет, к) земли специального назначения, л) городские земли и м) земли государственного запаса.

Действующий же Земельный Кодекс имеет лишь три следующих раздела:

а) основные положения, б) о городских землях и государственных земельных имуществах и в) о землеустройстве и переселении.

Таким образом, уже одно лишь, представленное в существенном виде, различие в построении «общих начал землепользования и землеустройства» и действующего Земельного Кодекса указывает на значительность тех изменений, которые проводятся новым законом в освещении вопросов землеустройства, переселения, организации коллективнных форм землепользования, устройства советских хозяйств, вопросов по регулированию различных деревенских процессов в области землепользования и взаимной связи между сельскохозяйственными об'единениями и низовыми органами общего советского управления.

В «основных положениях» закона с особою решительностью укрепляется принцип государственной собственности на землю и значение этого принципа, как отправного начала для поднятия производительных сил сельского хозяйства в условиях перестройки последнего на социалистических основаниях. Закон, кроме того, об'являет Союз собственником всех земель, находящихся в пределах его составных республик, и впервые устанавливает меры уголовного преследования лиц, виновных в нарушении принципа национализации земли.

«Основные положения» впервые останавливают внимание на значении связи мероприятий по землеустройству и землепользованию с развитием производительных сил сельского хозяйства в условиях усиленного расширения социалистических форм землепользования. В этих же положениях, в виде нового указания, дается директива об органической связи между упомянутыми задачами землеустройства и его целями специального непосредственного обслуживания нужд широких бедняцких и середняцких масс крестьянства.

По новому закону в непосредственном заведывании Союза состоят те земли, которые обслуживают нужды союзных организаций и учреждений, а также и те, которые составляют переселенческий и концессионный фонды. Все остальные земельные фонды находятся в непосредственном распоряжении соответственных союзных автономных республик.

Перечень хозяйствующих единиц, имеющих право на пользование землей в сельскохозяйственных целях, также относится к одному из основных начал союзного закона, при чем в отношении физических лиц земля может быть предоставлена лишь их об'единениям, начиная с отдельного двора и кончая коллективными хозяйствами.

Наконец, в качестве общего правила, входящего в состав «основных положений» закона, для всех республик устанавливается обязательство вести государственные записи землепользований по однородной системе, определяемой общесоюзным законом. Целесообразность такого требования закона вытекает из того значения земельной регистрации, которое определяется

нуждами социалистического государства в области земельной статистики, земельной инвентаризации и общего управления земельным фондом.

Особого внимания по разделу закона о праве трудящихся на землю заслуживает то положение, что им впервые декларируется, в качестве одного из основных начал, преимущественное право коллективных хозяйств и маломощных слоев крестьянского населения на получение земли в трудовое пользование.

В существующем Земельном Кодексе такого указания не было, и лишь в течение последнего времени, в порядке дополнительно установленных правил, была создана практика внеочередного наделения земельными угодьями колхозов и бедняцких хозяйств. Впервые же устанавливается в законодательном порядке классовый принцип и в отношении отводов земель для сельскохозяйственного пользования по качественному признаку.

Предоставление земли в последнюю очередь лицам, не имеющим избирательного права, и лишение бывших помещиков и других нетрудовых землевладельцев права на земельные отводы в губерниях. где находились их бывшие имения, также обусловлены союзным земельным законом. Вообще говоря, классовое направление мероприятий по вопросам землепользования получило в новом законе полное выражение, чего нет в действующем земельном законодательстве.

К «основным началам землепользования» закон относит и перечень главных случаев прекращения трудового пользования землей, при чем характерной особенностью закона служит то обстоятельство, что в состав этого перечня включены также и случаи нарушения принципиальных положений земельного строя (нарушение принципа национализации земли, незаконная сдача земли в аренду и проч.).

Союзным законом устанавливается для всех союзных республик обязательство в законодательном порядке проводить меры по обеспечению трудовым хозяйствам необходимой устойчивости, связанной с созданием условий для усиленного вложения в сельскохозяйственное производство труда и средств в целях поднятия его производительности. Закон дает перечень таких мер.

К «основным началам землепользования» проект закона относит установление случаев производства очередных и досрочных земельных переделов при различных порядках пользования землей. В противопоставление с указаниями действующего Земельного Кодекса новый закон конкретней разрешает вопрос о переделах земель в селениях, не имеющих общинного землепользования, а также и в хозяйствах, не входящих в состав отдельных земельных обществ, и предусматривает возможность досрочных переделов в целях борьбы с кулачеством.

Правила, регулирующие мероприятия по землеустройству, выделены в особый раздел союзного земельного закона. Отличительным признаком для этой части закона является то обстоятельство, что при сохранении права на свободный выбор форм землепользования в понятие о землеустройстве вкладывается определение его, как государственного начинания, которое должно способствовать общему под'ему сельского хозяйства, кооперированию и коллективизации его.

Затем землеустройству, производящемуся в обязательном порядке, по проекту закона открывается возможность более широкого развития, чем это было до настоящего времени. Оно может быть начато по почину не только земельных органов, но и учреждений местного общего управления, начиная с сельского совета. Возникновение работ по обязательному землеустройству регулируется законодательством союзных республик, при чем оно может быть вызвано, как указывает проект закона, целями «ограничения захватнических стремлений кулачества».

Впервые в законодательном порядке «общими началами землепользования и землеустройства», в качестве закона, выдвигается требование об установлении определенной очереди в проведении землеустроительных мероприятий для хозяйств различного социального и государственного значения.

По новому закону во всех республиках сельскохозяйственные коллективы и государственные учреждения получают землеустроительную помощь вне очереди. На первой очереди должны стоять землеустроительные работы по переходу к формам землепользования, наиболее способствующим кооперированию, коллективизации и поднятию производительности сельского хозяйства. Отрубные и хуторские хозяйства землеустраиваются в последнюю очередь.

Проект союзного закона предопределяет также случаи и порядок применения классового подхода в землеустройстве как в отношении льготной оплаты его, так и в смысле предоставления преимуществ на получение земли лучшего качества. Коллективные и маломощные крестьянские хозяйства имеют право на отводы земель в местах, наиболее приспособленных для облегченной организации полеводства и землеустраиваются за счет средств, отпускаемых по государственному бюджету. Этих указаний действующий Земельный Кодекс не содержит.

Дополнением к действующему Кодексу является одно из общих начал союзного закона, которое заключается в том, что землеустройство, сопровождающееся полной перестройкой землеустраиваемых хозяйств (переселение на новые места, коренная мелиорация отведенных по землеустройству земель), освобождает последние от сельскохозяйственного налога на сроки, предусмотренные Положением об этом налоге, и может, кроме того, послужить основанием для предоставления таким хозяйствам и других льгот, устанавливаемых законодательством союзных республик.

В качестве общего начала союзным законом устанавливается право сельских советов иметь наблюдение за выполнением землеустроительных работ и принимать в них участие, чего не давало действующее земельное законодательство.

Установление порядков производства землеустроительных работ и рассмотрения возникающих при землеустройстве споров, по проекту союзного закона, предоставляется правительствам союзных республик.

Все перечисленные в проекте постановления о землеустройстве не только проектируются в качестве общих начал, обязательных для всех союзных республик, но и являются дополнениями к действующему Земельному Кодексу, в существеннейшей степени изменяющими общее направление землеустроительного законодательства. В союзном законе землеустройство впервые с полной определенностью получает выражение общесоюзного государственного мероприятия, призванного к преимущественному обслуживанию нужд развития социалистического сектора сельскохозяйственной промышленности.

В отношении мер по поощрению коллективных форм землепользования проект союзного земельного закона дает совершенно новое выражение законодательству о колхозах. Прежде всего в этом разделе в качестве общеобязательного для всех союзных республик устанавливается обязательство оказывать «образованию и деятельности коллективных хозяйств особое содействие и поощрение».

Затем проект дает конкретный перечень весьма значительных льгот, предоставляемых колхозам в различных областях и направлениях, и, кроме того, обязывает союзные республики в свою очередь предоставлять обобществленным хозяйствам льготы по всем экономическим мероприятиям. Он также обязывает обеспечить сельскохозяйственным коллективам устойчивость землепользования при переделах и землеустройстве остальных земель в земельном обществе. Далее, проект понуждает союзные республики к принятию мер против нарушения севооборотов в коллективных хозяйствах при выходе из них отдельных членов. Наконец, «общие начала землепользования и землеустройства» предоставляют меньшинству членов земельного общества, в принудительном для последнего порядке, право выхода из общества с землей для организации колхоза.

Таким образом, раздел союзного закона, устанавливающий правила о коллективных хозяйствах, в приложении его к другим перечисленным выше дополнениям и изменениям действующего земельного кодекса, еще значительней выравнивает общее направление обязательных для союзных республик мероприятий по социалистическому построению сельского хозяйства. Он, кроме того, предупреждает возможность тех уклонов от основных положений земельного строя, которые имели место до настоящего времени.

Не менее значительное место, чем колхозам, в системе очередных мероприятий по земледельческой промышленности «общими началами о землепользовании и землеустройстве» отводится и государственным советским хозяйствам. Этим законом советские хозяйства ставятся в условия всемерного поощрения, оказываемого в обязательном для союзных республик порядке, как в отношении всевозможных льгот по земельно-хозяйственному их устройству, так и в смысле культурного, агрономического и материального их обслуживания. Совхозы по проекту нового закона должны мыслиться, как одна из главных разновидностей развития социалистического сектора в сельском хозяйстве и быть образцом для заимствования лучших форм хозяйствования на земле.

Существенное изменение «общие начала землепользования и землеустройства» вносят в законодательство об аренде трудовых земель. Здесь проект союзного земельного закона прежде всего весьма значительно ограничивает законодательную волю союзных республик и устанавливает для них основное направление в разрешении вопросов арендного права.

Затем в этой части законопроекта так же, как и во всех остальных его разделах, начало классовой линии получило выражение в более конкретной форме и в усиленной степени, чем то имеет место в действующем Земельном Кодексе. Земельная аренда в своем возможном развитии значительно сокращена. Она связана наличием социально-экономических предпосылок, которые определяются неотвратимыми обстоятельствами, затрудняющими хозяйственное положение трудовых и главным образом маломощных слоев деревни. Она ограничена в сроках и может быть прекращена досрочно при оказании материальной помощи сдатчику со стороны государства или кооперации.

Аренда считается незаконной, если она предоставляется кулацкому хозяйству, или если условия ее являются кабальными для маломощного хозяйства. Арендная сделка не может быть заключена, если на сдачу земли большинство полноправных членов двора не дает согласия. Запрещается суб-арендное пользование землей.

Регистрируют арендные сделки сельские советы, а наблюдение за исполнением правил об аренде принадлежит сельсоветам, волисполкомам и земельным органам.

Сдача в арендное пользование земель, принадлежащих земельным обществам, регулируется законодательствами союзных республик.

По вопросу о наемном труде в сельском хозяйстве новый союзный земельный закон в основных своих положениях повторяет относящиеся к этому вопросу правила действующего Земельного Кодекса и в общем никаких изменений против Кодекса не вносит.

Весьма существенное изменение новый закон дает в области связи и отношений между сельскими советами и земельными обществами, а также и по вопросу о составе и задачах этих последних.

Прежде всего, такого специального раздела действующий Земельный Кодекс не имеет. Затем в качестве общих обязательных для союзных республик начал земельного закона устанавливаются следующие новые положения:

а) в состав членов земельного общества включаются не только члены отдельных дворов, но и все имеющие избирательные права лица, живущие на территории данного селения не менее одного года и обслуживающие в нем нужды сельского хозяйства своим личным трудом (батраки, пастухи, кузнецы) и т. п.

б) земельному обществу должны принадлежать общий надзор и ответственность по правильному и целесообразному использованию его земель,

в) общество проводит организацию коллективных и кооперативных хозяйств,

г) проект закона исключает возможность зачисления в состав полноправных членов земельного общества тех домохозяев, хозяйства которых являются кулаческими,

д) сельские советы обязываются руководить работой земельных обществ в области землепользования и землеустройства и, в частности, рассматривают и утверждают вынесенное по этим вопросам постановление обществ,

е) сельские советы составляют списки хозяйств, имеющих право на установленные законом льготы по оплате землеустроительных работ,

ж) сельским советам предоставляется приостанавливать исполнение таких постановлений земельных обществ, которые противоречат не только закону, но и задачам кооперирования сельскохозяйственных мероприятий, а также и те, которые нарушают интересы бедноты; сельские советы в таких случаях предлагают обществам пересмотреть свои постановления,

з) проект союзного закона предопределяет возможность издания местного закона о предоставлении в непосредственное пользование сельсоветов отдельных земельных и другого вида угодий (лесных, водных и проч.).

Таким образом, проект «общих начал землепользования и землеустройства» коренным образом меняет природу связи и отношений между сельскими советами с одной стороны и земельными обществами—с другой. Сельские советы по мысли закона должны быть органически связаны с земельно-хозяйственным устройством местного крестьянского населения и обязываются стоять на страже правильного направления и осуществления мероприятий по сельскому хозяйству в соответствии с общими задачами переустройства деревни на социалистической основе.

В заключение нужно отметить, что проект нового союзного закона имеет совершенно законченные формы и полноту, обеспечивающую ему в его последующем развитии твердую и нерушимую социалистическую основу.

И. Дымшиц.

О сменных цех'ячейках[1]).

Своей статьей «Нужны ли сменные цеховые ячейки» («Большевик» № 12, дискуссионный отдел), направленной в основном против моей статьи «О сменных цеховых парт'ячейках» («Большевик» № 10), тов. Е. Колокольцева открывает дискуссию по этому вопросу.

Приходится отметить, что, хотя вопрос о переходе на систему сменных цехпарт'ячеек, к сожалению, далеко еще не достаточно полно освещался до сих пор в нашей периодической печати, однако, даже и те данные, которые опубликованы за последнее время, неизменно и достаточно ясно и вразумительно говорят за то, что каждый раз, когда партийная мысль упирается в вопрос о наилучшем обслуживании предприятий, работающих посменно, о более глубоком и полном охвате сменных рабочих партийным руководством и влиянием, она ухватывается за сменные цехпарт'ячейки, как за наилучшую для этого организационную форму. Вот, например, корреспонденция тов. Г. из Краснодара—«За сменные ячейки» («Правда» от 13/VII—28 г.), заметка тов. А. Д. «На семичасовых фабриках» из Владимирской губ. («Правда» от 3/VII—28 г.), заметка тов. Войтенко из Баку—«Пора сделать решительный перелом» («Правда» от 3/VII—28 г.). Вот, наконец, статья тов. П. Бродской «О сменных ячейках» («Спутник Коммуниста» № 12), описывающая прекрасный опыт работы сменных цехпарт'ячеек на фабрике «Красное Знамя» в Раменском. Все это—голоса товарищей местных работников, которые, исходя из определенного конкретного опыта своей фабрики или группы фабрик, пришли к определенному выводу, что прежние формы работы—в том числе и цеховые парт'ячейки (не сменные), уже не являются при настоящих условиях наиболее гибкой, удачной и приспособленной формой организационного охвата широких слоев рабочего класса партийным руководством и влиянием, не удовлетворяя более требованиям жизни; приводят целый ряд соответствующих доводов и доказательств из собственной практики, считая, что только с переходом на систему сменных цехпарт'ячеек партийная работа на сменных предприятиях может быть поставлена наиболее рационально и правильно. И, наоборот, характерно то обстоятельство, что в то время, когда мы имеем ряд свидетельств о положительном результате работы сменных цеховых парт'ячеек, мне лично пока неизвестно ни одной заметки или статьи, где бы, наоборот, на основании конкретного опыта работы в том или ином предприятии пришли к выводу, что сменные цехпарт'ячейки себя не оправдали, дают те или иные отрицательные результаты и что нужно, стало быть, возвращаться к старым формам работы. Так отвечает жизнь и проверка практикой на чрезмерно преувеличенные опасения некоторых товарищей, в том числе и т. Колокольцевой, которые не учитывают всей важности организационных форм работы, относятся к ним пренебрежительно, похвостистски, стараясь работать в рамках уже привычной, обжитой орга-

---

[1]) Статья дискуссионная.

низационной формы, вопреки тому и несмотря на то, что при новых условиях работы, при переходе предприятий на двух- трехсменную работу, старая форма—цеховые парт'ячейки (не сменные) — уже дает осечку и не дает возможности достаточно полного и всестороннего охвата партийным влиянием и руководством широких слоев работающих сменно рабочих; не понимая, что новые условия работы требуют непременно и соответствующих новых форм и методов работы и что цехпарт'ячейки даже при проведении внутри их известной реорганизации (по рецепту т. Колокольцевой) не могут и не смогут так правильно, широко и глубоко охватить всю работу, хотя бы по вопросу о росте партии, о рационализации, о выдвиженчестве, о борьбе с непорядками в производстве и т. д. и т. п., как это может сделать более близко соприкасающаяся со сменным рабочим сменная цехпарт'ячейка. Проверка жизни—наилучшая проверка, это, однако, не избавляет меня от необходимости подробнейшего анализа как всей аргументации т. Колокольцевой против перехода на систему сменных цехпарт'ячеек, так и тех мероприятий, которые ею выдвигаются взамен перехода на эту систему.

Мне придется коснуться и тех возражений против перехода на сменные цехпарт'ячейки, которые мимоходом выставлены в статье т. Б. Энтиной— «Очередные вопросы работы в цеху» («Спутник Коммуниста» № 8).

Сущность возражений тов. Колокольцевой против перехода на систему сменных цеховых парт'ячеек можно свести к следующим трем основным положениям:

1) Необходимость замены цех'ячеек сменными ячейками фигурирующими пока доводами не доказана.

2) Переход на систему сменных ячеек означает дробление партийного руководства в цеху. И, наконец, третье ее положение — обслуживание сменных предприятий легче разрешается не путем организации сменных цеховых парт'ячеек, а путем соответствующей реорганизации работы уже существующих цех'ячеек (не сменных), путем устройства ими собраний по сменам, путем соответствующей расстановки цехового партийного актива.

Возражения же т. Энтиной сформулированы ею в следующих строках: «Организация сменных цех'ячеек приведет к параллелизму в работе, распылению сил, а главное, создаст большую трудность в руководстве хозяйственной жизнью цеха. Три бюро партийных цех'ячеек, три цехпрофбюро, три производственных комиссии будут руководить одним и тем же мастером. Кроме заседательской суетни, ничего не выйдет». (Цитирую из статьи т. Энтиной—«Очередные вопросы работы в цеху», «Спутник Коммуниста» № 8, *И. Д.)*. Перехожу к анализу всех этих возражений.

Почему старые цех'ячейки сейчас нас уже не удовлетворяют? Потому, что с переходом предприятия на работу двумя или тремя сменами, работающими в разное время, цех'ячейка (не сменная), поскольку она об'единяет несколько смен, не обеспечивает и не может обеспечить достаточно полного, близкого и гибкого партруководства сменными рабочими. Цех'ячейки, которые были организованы для того, чтобы непосредственно соприкасаться с самой гущей широких рабочих масс, при переходе на сменную работу, об'единяя в одной ячейке 2 или 3 смены, в силу разновременности работы разных смен этот непосредственный контакт теряют; бюро цеховой ячейки и ее секретарь уже непосредственно каждую отдельную смену обслужить не могут; контакт со сменой устанавливается уже посредственный — через институт групоргов, через отдельных членов бюро.

Не ясно ли, что при таких условиях партийцы смены с цеховым бюро в целом не соприкасаются, своего цехового бюро, как такового, не знают, не чувствуют, своего цехового секретаря зачастую не видят.

Не получается ли при таких условиях известный отрыв цехового бюро от партийцев смены?

Не отражается ли это на работе?

Обеспечивается ли при таких условиях достаточно полное и правильное партийное руководство и влияние в смене? Стоит только поставить эти вопросы, чтобы ответить на них определенно отрицательно. Охват и партийной и беспартийной части рабочих смены получается неполный.

Цеховая парт'ячейка в условиях сменной работы уже не является достаточно гибким инстументом в руках партии для наиболее полного охвата масс.

«Охват партийцев и партработы в смене часто неполный, сплошь и рядом группорги смен не могут найти секретаря цех'ячейки, так как работают они в разных сменах; получается некоторый отрыв цехового секретаря, цехового бюро ячейки от рядовых партийцев смены, и это отражается на всей работе. От ориентации на цех нужно переходить к ориентации на смену, от цех'ячеек—к созданию сменных цех'ячеек. Таково настоятельное требование жизни». Так писал я в своей статье.

Что может мне возразить т. Колокольцева?

Ничего, кроме голого утверждения, что моя аргументация голословна, и совершенно уже курьезного желания приписать мне противопоставление между работой в цеху и работой в смене. Но, ведь, именно наиболее полный охват во всех областях работы партийной и беспартийной части смены сменной цеховой парт'ячейкой тем самым подымет на должную высоту и работу в цеху и на всем предприятии. Это же само собой разумеется, поскольку смена является частью цеха и всего предприятия в целом. Верно ли, однако, что моя аргументация голословна? Приведем некоторые данные из уже опубликованных и названных мною выше материалов. Вот, к примеру, цех'ячейка Гидрозавода в Краснодаре, об'единяющая работу нескольких смен. «Она не имеет возможности собрать даже всех членов бюро ячейки, так как они работают по разным сменам. Секретарь ячейки связан только с рабочими и партийными массами той смены, в которой он работает, а с остальными только в выходные дни» («Правда» от 13/VII—28 г., курсив мой. *И. Д.)*. И в Баку на фабрике им. Ленина «ячейки в основном охватывали партийцев только дневной смены. И только в апреле громоздкие цеховые ячейки были разбиты на сменный ячейки». Там же в Баку «партколлектив 2-й группы нефтеперегонных заводов, в состав которой входит 6 нефтеперегонных заводов с рядом подсобных предприятий, также обслуживал одну только дневную смену.

Отчеты и выводы партколлектива и цеховых ячеек производились только на дневных собраниях, на которых присутствовали партийцы дневной смены, частично вечерней и совсем не было партийцев ночной смены». Подобное же явление наблюдалось там же на стекольном заводе, где «отчеты и перевыборы бюро были проведены на об'единенном собрании двух смен, третья же смена осталась совершенно не обслуженной». (Заметка т. Войтенко «Правда» от 3/VII—28 г., курсив мой. *И. Д.*). Полагаю, что указанных примеров вполне достаточно, чтобы отмести всякую возможность обвинять меня в голословности моих утверждений. Цех'ячейки имели свои большие заслуги в деле создания новых кадров партактива и как политический центр в цеху; цех'ячейки и в настоящее время могут с полным успехом работать в несменных предприятиях, но на сменных предприятиях цех'ячейки должны быть реорганизованы по сменному принципу, должны быть преобразованы в сменные цехпарт'ячейки.

При переходе на систему сменных цехпарт'ячеек снова устанавливается непосредственный контакт между рядовиком-партийцем

и бюро сменной цехпарт'ячейки, между рядовиком-партийцем смен и сменным цехсекретарем.

Само собой понятно, что эта непосредственная близость сменного бюро и сменного цехсекретаря как к партийной, так и к беспартийной части смены делает партийное руководство более гибким, охват партийным влиянием более полным и плодотворным, и несомненно, что это должно получить свое отражение во всех областях работы, и в первую голову именно в тех, где непосредственная близость к рабочему особенно важна—в деле партийного воспитания, в деле вовлечения в партию новых слоев рабочего актива, в деле создания новых кадров партактива.

Чтобы т. Колокольцева не могла и здесь обвинять меня в голословности, укажу лишь на некоторые результаты работы сменных цеховых парт'ячеек на ф-ке «Красное Знамя» в Раменском.

«Сменные цеховые ячейки способствуют росту ячейки. Когда все смены об'единены в одной цеховой ячейке, самую большую трудность составляет созыв партийного собрания, так как собрания приходится созывать вне помещения фабрики, что связано с правом проникновения на фабрику в нерабочее время. Посещение беспартийными открытых партийных собраний затруднялось. Опыт созыва собраний при красных уголках в казармах также себя не оправдал, так как по корпусам распределение жильцов происходит, ведь, не по цеховому принципу.

Совершенно иное при сменных ячейках. Они имеют возможность собираться тут же после работы в помещении фабрики. Посещаемость партийцев в третьей смене ткацкой фабрики—100%. Беспартийный актив участвует в прениях, вносит деловые предложения и в один голос заявляет—«вот теперь мы чувствуем цеховую ячейку»... «цеховая сменная ячейка стала ближе к беспартийной массе, вовлекая лучших из них в практическую работу. Сейчас еще трудно подсчитать результаты роста партии, но в каждой цеховой ячейке за месяц уже имеется не менее пяти заявлений о вступлении в партию»... (Цитирую по статье тов. П. Бродской в № 12 «Спутника Коммуниста». Курсив мой. *И. Д.*). Таким образом, живая действительность целиком и полностью оправдала и оправдывает мою аргументацию за сменные цех'ячейки—на конкретном опыте работы сменных цех'ячеек мы имеем и общее оживление работы, и рост посещаемости собраний, рост партийного влияния в смене, большую близость ячейки к беспартийной массе и рост партии за счет беспартийного актива. Говоря об оживлении всей внутрипартийной работы в связи с переходом на систему сменных цеховых парт'ячеек, я, между прочим, писал: «Работая по индивидуальной обработке беспартийного актива и вообще беспартийных рабочих, рядовики-партийцы смены будут сталкиваться с целым рядом вопросов и сомнений, на которые они зачастую самостоятельно не в состоянии дать нужного ответа; это заставит их и самих думать и обращаться за помощью к книге, членам сменного цехбюро, секретарю сменной цехячейки, отдельным более развитым товарищам. Все это создаст большие предпосылки к оживлению всей внутрипартийной работы, повышению темпа и углубленности проработки во всей системе партпросвещения и созданию новых кадров партактива».

Эта вполне верная мысль дает повод т. Колокольцевой к следующему ироническому замечанию:

«Конечно. И все это так и есть: недоуменные вопросы, и самостоятельное мышление, и обращение к книге и к более подготовленным товарищам, в том числе и членам бюро (хотя и несменного), только при чем тут организация сменных цеховых ячеек?»

Тов. Колокольцевой это понять мудрено — она не видит большей близости сменных цехпарт'ячеек к массам, роста активности партийцев смены под непосредственным руководством и контролем сменного цехового бюро ячейки, для нее неясно, что индивидуальная обработка сменных рабочих на деле требует постоянного бдительного, неусыпного контроля за этим делом со стороны партийного бюро; такой контроль может обеспечить только сменное бюро, сменный цехсекретарь, работающие тут же в смене, известные и постоянно доступные всем рабочим смены.

Перехожу к разбору выставляемых против перехода на систему сменных цехпарт'ячеек возражений.

Так называемые «минусы» сменных цехпарт'ячеек:

Итак, доказано, что цеховые парт'ячейки (несменные) в условиях сменной работы являются уже недостаточно удовлетворяющей организационной формой низовой парт'ячейки.

Доказано, что сменная цеховая ячейка в условиях сменной работы является куда более гибкой формой, может значительно ближе продвинуться к сменному рабочему, глубже и полнее охватить его интересы. Но не таит ли, однако, в себе новая форма низовой партийной ячейки—сменные цех'ячейки—таких минусов, которые на много превышают все ее плюсы, все ее достоинства, все те достижения, которых при помощи этих сменных ячеек мы можем достигнуть? Может быть, вместе с кое-какими преимуществами в работе переход на систему сменных цехпарт'ячеек сулит нам и такие трудности, такие опасности, такой вред, который заставит нас отказаться от этого перехода, каким бы соблазнительным он нам на первых порах ни показался.

Тов. Колокольцева утверждает, что это именно так. «Ячейка, как таковая, как партийная организация, должна быть одна в цеху, а не две—три в одном цеху. Бюро ячейки должно быть одно».

И дальше—«какую бы отрасль цеховой работы мы ни взяли, будь то работа с активом, вовлечение в партию или из области производства, трудовой дисциплины и рационализации,—все эти задачи совершенно одинаковы для цеха.

Разбивать руководство между тремя ячейками безусловно означает внесение путаницы, бесполезную трату времени на бесконечные согласования между ячейками и перенесение споров в общефабричную ячейку. Последнее в конечном счете приведет к урезке самодеятельности цех'ячеек и к обратной передаче к общезаводскую ячейку части их работы. В этом я вижу вред организации сменных ячеек». Так пишет т. Колокольцева. По ее мнению, оказывается, что сменным цех'ячейкам и делать вовсе нечего, так как все вопросы стоят для всего цеха совершенно одинаково, что с организацией сменных цех'ячеек теряется единое партруководство, получается путаница и непроизводительная трата времени и узурпация общефабричной ячейкой части прав цеховых ячеек.

Обвинения серьезны, все дело в том только, насколько они справедливы и основательны.

Ведь вся аргументация за сменные цех'ячейки основывается отнюдь не на том, что виды работы у сменных цех'ячеек будто бы разные, хотя несомненно, что у отдельных смен могут быть и в вопросах, связанных с ростом партии (более отсталые, менее квалифицированные рабочие в той или иной смене), и в вопросах трудовой дисциплины, и даже иногда в вопросах рационализации(свой сменный мастер) и т. д., и т. п. некоторые свои особенности, которые у других смен могут отсутствовать.

Для подтверждения этой мысли — маленький пример из Баку: «Несколько иная картина в отделе бурения. Здесь работают в три смены понедельно и разбросаны по буровым партиям. Здесь есть своя налаженная система общих собраний, заседаний и т. д....

Но обычно на этих собраниях обсуждаются одни и те же вопросы. Это нужно изменить: у отдельных буровых партий есть свои практические вопросы». (Заметка т. Н. С. из Баку «Невыполненная задача» «Правда» от 13/VII—28 г.).

У отдельных смен могут быть и свои особые специфические вопросы и одни и те же вопросы могут стоять по разному у разных смен, но не это самое важное и не в этом гвоздь вопроса. Важно и другое, а именно то, что партийцы смены и сама смена представляют собой единый, об'единенный общностью интересов и одновременностью работы коллектив и требуют поэтому близкого и единого партруководства.

Некоторая текучесть смены, хотя и представляет известные трудности в работе, но отнюдь не лишает смены присущего ей характера единого и сплоченного коллектива. А поскольку каждая смена представляет собой особый, самостоятельный коллектив со своей особой физиономией и тем самым низовую производственную единицу, постольку наше партийное влияние и руководство должны быть перенесены именно сюда; сюда должны быть перенесена низовая партийная ячейка, и, стало быть, цехпарт'ячейка (несменная), об'единяющая несколько смен, должна быть реорганизована в более гибкие и поворотливые формы сменных цеховых ячеек.

Единство партруководства от этого ничуть не пострадает. В самом деле, единство партруководства могло бы пострадать лишь в том случае, если бы мы имели два или несколько руководящих органов в одном и том же коллективе, но в том-то и дело, что мы в цеху, поскольку он работает сменно, имеем не один коллектив, а несколько отдельных (по числу смен) коллективов, хотя и связанных работой в одном цеху, но разделенных разновременностью работы. При таких условиях раздробление цехпарт'ячейки на 2 или 3 сменных ячейки представляет собой не нарушение единства партруководства, а его приближение, его внедрение в самую гущу рабочей массы Реорганизация цех'ячеек в сменные ячейки так же не нарушает единства партруководства, как в свое время и создание самих цех'ячеек внутри единой общефабричной ячейки этого единства не нарушало.

Ведь, в конце концов, и сам цех, представляя собой определенный коллектив, имеющий свои специфические интересы, является вместе с тем и частью общефабричного коллектива. Постольку и прежние цехпарт'ячейки (несменные), кроме специфических вопросов своего цеха, должны были ставить, обсуждать и разрешать на своих цеховых партсобраниях и ряд таких вопросов, которые были общи всем цехам.

Нарушалось ли этим хоть сколько-нибудь единство партруководства? Ничуть.

Получался лишь более полный охват массы, большая ее активность. Хотя вместе с тем теоретически нисколько нельзя отрицать возможности и такого случая, что при обсуждении и разрешении таких вопросов отдельные цех'ячейки могли бы вынести и противоречивые решения. Единство партруководства получалось при этом и вследствие об'единения, руководства и направления работы цеховых ячеек со стороны общезаводской ячейки, и вследствие единства общепартийной линии, одинаково обязательного для всех ячеек руководства со стороны вышестоящих парторганов; единство партруководства обеспечивалось и всей системой построения нашего партийного аппарата.

Ничуть не иначе стоит вопрос и со сменными цеховыми парт'ячейками.

Может ли случиться, чтобы 2 или 3 сменных ячейки одного и того же цеха вынесли противоречивые решения по вопросам, касающимся всего цеха в целом?

Поскольку интересы данных смен одинаковы, поскольку сменные цехпарт'ячейки обеспечены одним и тем же руководством со стороны общезаводской ячейки и поскольку общепартийные директивы одинаково обязательны для всех ячеек, такая возможность на практике чрезвычайно ничтожна.

С другой стороны, опасность таких расхождений отдельных сменных ячеек весьма мала, поскольку все наиболее важные принципиальные решения цеховых ячеек должны утверждаться общезаводской ячейкой.

В третьих, иногда такое разноречие между двумя сменными цех'ячейками свидетельствовало бы лишь о том, что вопрос спорный, трудный, недостаточно подготовленный и что разногласия показывают необходимость лишь лучшей проработки данного вопроса. По-моему, такое разногласие иногда бывает полезнее, чем формальное решение большинством голосов, если вопрос смазан и значительное меньшинство—до половины (смена)—остается недовольно решением.

В практике работы сменных цехпарт'ячеек особых нареканий на разногласие между сменными цех'ячейками слышать не приходилось, и опасения здесь явно преувеличены.

Тов. Колокольцева пишет: «известен случай вынесения двумя пробными ячейками одного цеха противоположных решений по докладу той же самой комсомольской ячейки» (курсив мой. *И. Д.*). И на основании этого единственного случая, неизвестно где и при каких условиях происшедшего, она аргументирует против перехода на систему сменных ячеек...

Тяжелая, с позволения сказать, артиллерия!

Нельзя не отметить у тов. Колокольцевой и известного желания смазать роль общезаводской (общефабричной) ячейки,—несомненно, общее руководство, направление, инструктаж и контроль за сменными цех'ячейками должны оставаться полностью за общефабричной ячейкой. Непосредственная партийная работа передвинута в смену; втянуть в работу новый слой партийного актива, доселе к руководящей партработе еще не привлекавшийся (члены сменных бюро ячеек, сменные цехсекретари), тем важнее обеспечить правильное инструктирование, руководство и систематическую проверку работы молодых сменных цеховых парт'ячеек.

В первую голову, это—задача общезаводской ячейки.

Ответственность общефабричной ячейки, как таковой, настолько усиливается, что можно нисколько не опасаться, что она в чем-либо узурпирует права сменных цеховых ячеек. Нет никаких оснований опасаться этого. Перехожу к другим возражениям против сменных ячеек: тов. Энтина боится заседательской суетни и параллелизма в работе. Вещи это, безусловно, вредные, однакож как в том, так и в другом смертном грехе сменные ячейки абсолютно не повинны.

Что такое заседательская суетня? Под заседательской суетней принято понимать, когда одни и те же люди участвуют в десятках разных заседаний, комиссий, подкомиссий, вертятся, как белка в колесе, не имея возможности тем самым ни на одном заседании принести ощутительную пользу. Ясно, что, кроме вреда, такие заседания ничего не приносят.

Другое дело—реорганизация цеховых ячеек, когда вместо одной цеховой, об'единяющей 2—3 смены, ячейки создаются 2—3 сменных ячейки.

Здесь мы имеем выращивание нового партийного актива, привлечение новых слоев партийцев к руководящей партийной работе, более глубокое проникновение партийного влияния в массы. Это ли не наша задача? Нет здесь и никакого параллелизма, так как сменные цех'ячейки обсуждают и разрешают лишь те вопросы, которые волнуют и интересуют партийную и беспартийную часть смены, вопросы, которые при обсуждении их в сменной ячейке дают возможность рабочим более детально и глубоко охватить вопрос, лучше выявить свои мнения и настороения, чем если бы они разбирались на более широком собрании. Параллелизм же в работе получается, когда вопросы, подлежащие компетенции одной определенной организации, подвергаются обсуждению и разрешению в организациях, в чьи задачи по существу это и не выходит. В том, что 2 или 3 сменных цехпарт'ячейки обсуждают и разрешают один и тот же вопрос, например, о поднятии производительности труда в цеху, так же нет никакого параллелизма, как и в том факте примерно, что все партийные ячейки одинаково и дружно прорабатывают решения июльского пленума ЦК о хлебоозаготовках.

При этом не следует ни в коем случае забывать и того, что у сменной цех'ячейки, кроме общецеховых вопросов, имеется и целый ряд совершенно особых задач, как-то: руководство массовой работой в смене, постановка в смене индивидуальной обработки беспартийного актива, работа с отсталыми рабочими, руководство группоргами и товарищами, работающими по индивидуальной обработке в смене, задача роста партии за счет беспартийного актива смены, руководство сменной комсомольской ячейкой, сменным цехпрофбюро, сменным производственным совещанием, вопрос о поднятии производственной дисциплины в смене, заслушивание отчетов соответствующих звеньев общефабричной администрации (например, сменных мастеров) и т. д., и т. п.

Что же нам предлагают взамен сменных ячеек?

Может быть, тех же и еще лучших результатов можно достигнуть без такой радикальной ломки существующих форм партийной низовки (цехпарт'ячейки несменной) путем лишь известной небольшой реорганизации внутри нее?

Может быть, не стоит огород городить и насаждать сменные цехпарт'ячейки, и те же результаты можно получить куда более легким и простым путем?

Так именно и рассуждает автор статьи «Нужны ли сменные цеховые ячейки».

«Основное же условие для улучшения воспитательной и индивидуальной работы цех'ячейки среди беспартийных заключается,—пишет тов. Колокольцева,—не в том, чтобы создать 2—3 ячейки в одном цеху, а в том, чтобы цеховая ячейка правильно расставила свой актив, и, вообще, своих членов в отделах, этажах и сменах цеха и чтобы руководила их работой и проверяла их». (Разр. моя. *И. Д.*). И дальше, «по сменам надо организовать те формы партийной и массовой работы, через которые обслуживаются широкие слои или все поголовно коммунисты и рабочие на предприятии. Нужно обязательно проводить по сменам все собрания рабочих, производственные совещания в цехах и в масштабе всего завода или фабрики, делегатские собрания по профлинии и по женотделу, широкие совещания актива, комсомольские собрания, курсы и кружки и партийные собрания как цеховые, так и общефабричные, общезаводские. Но ячейка, как таковая, должна быть одна в цеху». (Цитирую из статьи Колокольцевой. Разрядка моя. *И. Д.*). Таким образом, и тов. Колокольцева понимает всю необходимость сменных цеховых собраний—партийных, комсомольских, по профлинии и по линии женотдела, — понимает и необходимость сменных производственных совещаний, но считает, что все это сможет обслужить все та же цеховая парт'ячейка (несменная) при соответствующей расстановке ее сил—по отделам, этажам и сменам. Но ведь при таких условиях при существовании одной только цеховой парт'ячейки (несменной) собрание третьей смены будет абсолютно бесцельным, так как вопросы будут уже заранее предрешены состоявшимися прежде собраниями двух остальных смен, как это вполне правильно и отмечает тов. А. Д. в заметке «На семичасовых фабриках»: «создалось положение, когда партсобрание 3-ей смены вынуждено обсуждать уже решенный 2-мя сменами вопрос. Так как решение большинства ячейки (2-х смен) для 3-ей смены обязательно, то это, конечно, не способствует активности 3-ей смены. Выход — в организации сменных ячеек». (Цитирую по заметке т. А. Д. Разр. моя. *И. Д.*).

Совершенно ясно и то, что, если на одну и ту же цехпарт'ячейку возложить руководство тремя сменными производственными совещаниями, происходящими в разное время, руководство и систематическую проверку группоргов и товарищей, работающих по индивидуальной обработке в трех разных сменах, проведение собраний по сменам и в разное время и целый ряд других задач и вопросов, которые ставятся иначе в каждой смене, то получится такая загрузка, с которой бюро цеховой парт'ячейки справиться не может, а если и попытается это делать, то лишь за счет ослабления партруководства, неполного охвата работы, за счет качества работы, за счет отдаления партруководства от обслуживаемых им масс. К таким цехпарт'ячейкам вполне уместен был бы упрек в громоздкости, который им делает тов. Войтенко в уже цитированной мною заметке «Пора сделать решительный перелом».

Цехпарт'ячейки (несменные) систематического руководства и наблюдения над всей партийной и массовой работой в трех сменах поставить не могут.

Дело ведь не в одном только проведении время от времени разовых собраний, а в повседневном и в повсечасном наблюдении и руководстве над всей вообще работой в смене.

Передоверие этого руководства отдельному члену бюро не заменяет, ведь, собой руководство самого бюро, которое отсутствует; связь партийцев смены с цеховой ячейкой чрезвычайно ослабляется, а сменные рабочие при таких порядках свою цеховую парт'ячейку (как таковую) почти не чувствуют, или чувствуют слабо. И только реорганизация цеховых парт'ячеек в сменные действительно переносит партруководство в смену, делая его близким, систематическим и действенным; лишь при такой реорганизации сменные рабочие вполне справедливо могут заявить—«вот теперь мы чувствуем цеховую ячейку!» Ошибка тов. Колокольцевой заключается в том, что она не понимает тесной, органической связи между содержанием и формой, в которую это содержание выливается, полагая, что коренным образом изменившемуся содержанию может соответствовать старая организационная форма. Меж тем организационная форма не есть нечто случайное, что может соответствовать любому содержанию, а органически с этим содержанием должна срастись. Каждым условиям работы, каждому содержанию соответствует только одна определенная, к нему приноровленная организационная форма. При изменившихся условиях работы меняется и старая форма, рамки которой становятся уже стеснительными для нового содержания работы. Попытки новые условия работы, создавшиеся с переходом на сменную работу, втиснуть в старые организационные формы цех'ячеек заранее обречены на неудачу, ибо как бы мы правильно ни расставили в ней парт-

актив, мы никуда не уйдем от основного дефекта, что одна ячейка об'единяет три разновременно работающие смены.

Наоборот, в условиях работы сменной цехпарт'ячейки эта правильная расстановка партактива и ряд других хороших мер, предложенных тов. Колокольцевой, как, например, увеличение количества группоргов и группагитаторов в смене, усиление руководства сменными цехпарт'ячейками со стороны общефабричной ячейки, со стороны райкомов и укомов даст требуемый положительный эффект.

Сменные цехпарт'ячейки не являются вовсе панацеей, каковое утверждение приписывает мне напрасно тов. Колокольцева: при плохой постановке работы, при неправильном руководстве результаты и их работы могут быть и будут отрицательными,— это несомненно. Несомненно, однако, и то, что при правильно поставленном руководстве со стороны общефабричной ячейки и вышестоящих парторганов сменные цехпарт'ячейки являются именно той организационной формой, которая может удачно и с большими результатами справиться с той большой усложненностью в работе, которая создается условиями сменной работы; является той формой, которая сулит нам в будущем огромные достижения.

Вопрос о сменных цеховых парт'ячейках еще не раз будет обсуждаться в нашей периодической печати,—это ясно, но уже не в плоскости обсуждения — нужны ли или нет сменные ячейки, — этот вопрос уже решен жизнью и решен положительно,—а в плоскости того, каким образом наилучшим путем наладить в них работу, чтобы получить наибольший эффект, как устранить возникающие в их работе трудности, каковы предварительные итоги их работы и т. п.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

„ЛЕНИНСКИЙ СБОРНИК" VI и VII. Под редакцией Н. И. Бухарина, В. М. Молотова, И. И. Скворцова-Степанова. Изд. Института Ленина при ЦК ВКП(б). Стр. 360; 397.

«Гвоздем» рецензируемых томов «Ленинского Сборника» является большая серия документов «Из эпохи раскола РСДРП» (1903—04 гг.).

В шестом сборнике помещены две первые главы из намеченного Институтом плана: «Второй с'езд РСДРП» (июль—август 1903 г.) и «Первые итоги второго с'езда и переговоры новой редакции «Искры» с мартовцами» (конец августа и начало октября 1903 г.).

В седьмом помещены следующие две главы из эпохи развития раскола: борьба между большинством и меньшинством за обладание заграничной лигой (октябрь 1903 г.) и поворот Плеханова к меньшевикам.

Освещению следующих стадий раскола и борьбы за укрепление и развитие большевизма (с декабря 1903 г. по декабрь 1904 г.) будут посвящены новые четыре главы в очередных томах «Ленинского Сборника».

Этот основной материал в сборниках для разнообразия втиснут в оправу самых различных документов; в шестом сборнике помещены статья Ленина (ноябрь 1915 г.) «Революционный пролетариат и право наций на самоопределение» и замечания Ленина на брошюру Л. Троцкого «Роль и задачи профессиональных союзов», в седьмом: три статьи Ленина 1899 г.; статьи и письма 1917 г. (апрель—октябрь), а также замечания Ленина на книгу Варги.

Едва ли можно считать такой способ расположения материала очень удобным для научной работы тт. над идейным наследством Ленина. Пожалуй, было бы более целесообразно продолжить очень хороший опыт Института с V томом, где были тщательно и полно подобраны материалы, относящиеся к одному периоду (революция 1905 г.). Все же, что требует немедленного опубликования, могло бы печататься в «Записках Института», поскольку таковые еще до сих пор не стали исследовательским журналом по вопросам ленинизма.

Документы, связанные с эпохой раскола РСДРП, представляют весьма значительную ценность.

Идейно-политическое содержание и смысл раскола достаточно выяснены. Двадцать пять лет истории потрудились над уяснением смысла раскола и его значения не только в истории русского, но и в истории международного революционного рабочего движения.

Смешными кажутся сейчас об'яснения, которые давались по горячим следам раскола многими его современниками, что раскол лишь «случайный» эпизод и носит «личный» характер.

Но тем больший интерес в свете событий последующего развития российской с.-д. представляет подробный анализ истории и внутренней механики раскола, подробное ознакомление с позицией Ленина, вставшего на защиту молодой еще партийности и подлинного марксизма против организационного оппортунизма, привыкшего к «свободному халату и туфлям семейно-кружковой обломовщины», оппортунизма, руководимого тогдашними «звездами» русского и международного рабочего движения.

Ленин в своих «Шагах» отмечает ту характерную черту эпохи раскола, когда благодаря слабости оппортунизма, тенденции к нарушению дис-

циплины породили мало идей и много патетических деклараций, склоки, дрязг, придирок и специфически оппортунистического иезуитства, неуловимости, зигзагообразности, бегущей от определенной и бесповоротной постановки вопроса.

В шестом сборнике приведен характернейший образчик «зигзагообразности» Мартова. Это небольшие тезисы Ленина, написанные сразу после с'езда и представляющие как бы резюме политической линии Мартова на II с'езде РСДРП.

«1. Разбивал организационный комитет за его шатания и скачки, за quasi-искровство (якобы-искровство. *В. К.)*, а потом вводил шатающихся и quasi-искровцев в ЦК.

2. Защищал всегда организационные идеи «Искры» («Что делать») и провел жоресистский пункт устава.

3. Соглашался на обновление редакции путем тройки, а потом боролся на с'езде за шестерку quand-même (во что бы то ни стало. *В. К)*.

4. Боролся против так называемого «демократизма» — и отстаивал «свободу» при кооптации в центры».

«С одной стороны, нельзя не сознаться, с другой—нельзя не признаться» Нужен был гений Ленина, чтобы в туманной обстановке разногласий 1903 г., в пыли свалки за «кооптацию» увидеть будущие контуры борьбы двух партий. Материалы «Ленинских Сборников» в соединении со всем тем, что уже опубликовано, дают большое полотно, в которой уже ставшая популярной схема раскола приобретает вид живой, захватывающей, драматической картины борьбы за партию. Встает во весь рост фигура вождя этой борьбы, неуклонно противопоставляющего ясность, принципиальность и выдержанность ортодоксальной позиции оппортунистической дрязге и неопределенности, дисциплину и деловитость—барскому анархизму и «глубокомыслию», возводящему в принцип кружковое самодурство, кружковые капризы и кружковые приемы свалки.

Ленин отлично понимал в отличие от меньшевиков, что не резкости и не остроты создали конфликт на с'езде и после него, но что сами эти резкости и остроты явились показателем зревших внутри политической группировки крупных разногласий. Ленин всемерно старался очистить борьбу от элементов личных дрязг, нареканий, перевести ее в русло принципиальной борьбы оттенков.

В письме Калмыковой от 30/IX—1903 г. Ленин пишет: «Вы знаете, до чего доводила впечатлительность и «личное» (вместо политического) отношение к делу Мартова—Старовера—Засулич, когда они, например, совсем было засудили человека политически за историю чисто личного свойства... Вот и теперь—корень тот же, то же смешение личного и политического, то же заподазривание нас в желании запятнать лично, хотя мы только отодвигаем (и передвигаем) политически. И когда вы мне напоминаете. вина должна быть и у вас,—я отвечаю: личной не думаю и отрицать, но корректива политического требовать за сие не доводится. Именно в том и безвыходность, полная безвыходность положения, что за сумму личных обид, личных недовольств составом центров они требуют корректива политического! А если причиной считать (как иные хотят) политическое расхождение, то не смешно ли тогда требовать для «мира» кооптации большего числа или хотя равного числа политических противников».

«Теперь дилемма стоит неумолимо, либо расхождение в вопросе о лицах—тогда смешно из-за этого политический скандал делать и работу бросать, либо расхождение политическое—тогда еще более смешно «поправлять» его навязыванием определенных лиц иного, скажем, нюанса».

Ленин все более склонялся к тому, что здесь—коренное политическое расхождение. Дальнейшая борьба вскрыла это полностью и целиком.

Документы «Ленинских Сборников» шаг за шагом освещают эту борьбу, которая, как впоследствии писал Ленин, прошла три различных периода, каждый из которых характеризуется своеобразной кон'юнктурой борьбы и различной целью атаки. «Исходный пункт идейной борьбы из-за параграфа I устава,—писал Ленин, убеждая маловеров, что не только овес растет по Гегелю, но социал-демократы воюют между собой по Гегелю,—«отрицается», уступая место все заполняющей дрязге, но затем начинается отрицание отрицания, и, «ужившись» кое-как, с грехом пополам в различных центрах, мы возвращаемся к исходному пункту чисто идейной борьбы, но уже этот тезис обогащен всеми результатами антитезиса и превратился в высший синтез, когда изолированная, случайная ошибка по § 1 выросла в систему оппортунистических взглядов по организационному вопросу».

* * *

Из других работ Ленина, помещенных в рецензируемых томах, нужно выделить статью Ленина «Революционный пролетариат и право наций на самоопределение» (№ 6), написанную в конце 1915 г. для швейцарской с.-д. газеты и направленную против статьи Парабеллума (К. Радека), а также в № 7 замечания на книгу тов. Варги «Проблемы экономической политики при диктатуре пролетариата», вышедшую на немецком языке в конце 1920 г. и переведенную Госиздатом в 1922 г. Эти работы, пожалуй, наиболее интересны, и на них мы более всего остановимся. Статья против К. Радека—образец диалектического подхода к вопросу. К. Радек об'являл «иллюзорной» борьбу за несуществующее право на самоопределение и противопоставлял ей «революционную массовую борьбу пролетариата против капитализма».

Радек мотивировал свою постановку тем, что теперь все национальные вопросы суть вопросы империализма, что капитал перерос рамки национальных государств. Он утверждал, что «нельзя повернуть колесо истории назад» и т. д.

Собственно эту же ошибку К. Радек повторил и впоследствии в вопросе о китайской революции. Рассуждения Радека на эту тему не выходили за примитивный уровень общей оппозиционной трактовки вопроса, возвращавшейся, по сути дела, к разбитому марксистской критикой тезису Р. Люксембург о том, что не может быть национально-освободительного движения, как революционно-прогрессивного в эпоху империализма.

Аргументация Ленина в этой статье дана во всей ее силе и убедительности. Ленин прежде всего доказывает, что Радек «смотрит назад, а не вперед, когда, идя в поход против принятия рабочим классом «идеала национального государства», обращает свои взоры на Англию, Францию, Италию, Германию, т.-е. страны, где национально-освободительное движение лежит в прошлом, а не на Восток, Азию, Африку, колонии, где это движение лежит в настоящем и будущем. Достаточно назвать Индию, Персию, Египет».

Затем Ленин поднимает конкретный вопрос о значении национального вопроса для общего вопроса о диалектическом соотношении борьбы за социализм с борьбой за все демократические требования. Ленин подчеркивает что «социальная революция не одна битва, а эпоха целого ряда битв по всем и всяческим вопросам экономических и демократических преобразований, завершаемых лишь экспроприацией буржуазии» (разрядка моя. *В. К.*).

«Нелепо противопоставлять,—пишет Ленин,— социалистическую революцию и революционную борьбу против капитализма одному из вопросов демократии, в данном случае национальному. Мы должны соединить

революционную борьбу против капитализма с революционной программой и тактикой по отношению ко всем демократическим требованиям: и республики, и милиции, и выбора чиновников народом, и равноправия (наций) женщин, и самоопределения наций... Вполне мыслимо, что рабочие какой-либо определенной страны свергнут буржуазию до осуществления хотя бы одного коренного демократического требования полностью. Но совершенно немыслимо, чтобы пролетариат, как исторический класс, мог (свергнуть) победить буржуазию, если он не будет подготовлен к этому воспитанием в духе самого последовательного и революционно-решительного демократизма».

Возвращаясь снова к конкретному вопросу о лозунге самоопределения, Ленин подчеркивает, что «в программе с.-д. центральным местом должно быть именно разделение наций на угнетающие и угнетенные, которое составляет суть империализма, и которое лживо обходят социал-шовинисты и Каутский». Ленин утверждал, что если это разделение не имеет значения с точки зрения буржуазного пацифизма или мещанской утопии мирной конкуренции независимых наций при капитализме, то оно имеет глубочайший смысл для революционной борьбы против империализма, и из этого разделения должна вытекать наша последовательная борьба за свободу отделения наций угнетенных.

«Мы требуем свободы самоопределения, т. - е. независимости, т. - е. свободы отделения угнетенных наций не потому, чтобы мы мечтали о хозяйственном дроблении или об идеале мелких государств, а, наоборот, потому, что мы хотим крупных государств, сближения, даже слияния наций, но на истинно демократической, истинно интернационалистской базе, немыслимой без свободы отделения».

Ленин ставит вопрос со всей решительностью и категоричностью: «тот социалист угнетающей нации, который не ведет и во время мира и во время войны пропаганды свободы отделения угнетенных наций, не социалист и не интернационалист, а шовинист». Это—деловой большевистский лозунг для каждого коммуниста.

* * *

В книге тов. Варги из 45 имеющихся глав внимание Ленина привлекли три: «Проблема чиновничества», «Аграрная политика пролетарского государства» и «Продовольственный вопрос». В этих главах только и имеются его подчеркивания и замечания. В главе о чиновничестве Ленин обращает особое внимание на следующее место, характеризующее одну из основных ошибок венгерской революции: «В Венгрии... диктатура пролетариата явилась не в результате классовой революции, а мирным путем...

... Неудивительно, что при таких обстоятельствах разрушение старого аппарата принуждения было произведено только поверхностно». ... «Тому обстоятельству, что старый бюрократический аппарат не был разрушен нужно приписать то, что реакционному режиму в Венгрии в сравнительно короткий срок удалось восстановить старую систему». Ильич особенно подчеркивает слова «не был разрушен» и ставит свой характерный значок NB.

Опыт неудачной революции целиком подтвердил положение Ленина «Разбить эту машину, сломать ее—таков действительный интерес «народа», большинства его, рабочих и большинства крестьян, таково «предварительное условие» свободного союза беднейших крестьян с пролетариями, а без такого союза непрочна демократия и невозможно социалистическое преобразование» («Гос. и рев.»).

Весьма интересны замечания Ильича в связи с другой основной крупнейшей ошибкой, обусловившей неудачу венгерской революции,—неверной аграрной политикой венгерского правительства. Пролетарская диктатура и экономически и политически не может считаться упроченной без установления союза с крестьянством. Это—«высший принцип диктатуры», как писал Ленин.

Между тем, именно эта проблема оказалась неразрешимой для многих руководителей венгерской революции.

В решении аграрной проблемы они исходили из того абстрактного положения, что пролетариат несет за собой принцип крупного производства, а не мелкого; из тезиса о вреде укрепления собственности вообще, чисто по-меньшевистски сваливающего в общую кучу собственность феодала, и собственность мелкого и среднего крестьянина, крупнокапиталистическую и собственность мелкого буржуа. Все «просто» и «ясно».

Отсюда они делали такой же «простой» и «ясный» вывод против раздела помещичьих земель в пользование крестьянства. Это-де—укрепление, и потому «увековечивание» мелкой собственности, а мы за крупное социалистическое производство. Из такого подхода к делу, подхода, который, руководил Варгой, когда он писал в своей брошюре, «что в большинстве стран крестьяне будут враждебно настроены к пролетарскому государству» (стр. 371), напрашивается сам собой вывод против раздела помещичьих земель и с точки зрения продовольственной, с точки зрения снабжения пролетариата городов продовольствием. Так как крестьяне настроены враждебно, как мелкие собственники, к тому принципу крупного производства, который написан на знамени революции, то естественно нужно не надеяться на снабжение города хлебом со стороны крестьянства, но, экспроприировав все помещичьи именья, выстроить себе в отдалении от «враждебного» крестьянства «келью под елью» собственного государственного земледелия.

«В Венгрии,—пишет тов. Варга,—половина всей земельной площади, как крупное землевладение, было экспроприировано, и так как, казалось, таким образом обеспечивалось по крайней мере скудное питание городского пролетариата, то в крестьянском вопросе мы могли занять выжидательную позицию».

Ленин подчеркивает слово «выжидательную» волнистой чертой и ставит восклицательный знак.

Тут лежала главная ошибка. Жизнь пошла мимо тщательно разлинованной схемы из тетрадки по геометрии. Венгерские крестьяне—мелкие собственники, не получив земли, видя над собой дамоклов меч ликвидации их владений, соединялись с враждебными пролетариату силами контрреволюции. Из возможной опоры революции они стали ее врагами. Призыв советского правительства к крестьянам дать хлеб остался гласом вопиющего в пустыне. Венгрия—крестьянская страна—осталась без хлеба.

Руководители венгерской революции не поняли, что поддержка мелкого производства, раздел главной части помещичьих земель в пользование мелким и средним крестьянам, при сохранении в руках государства лишь небольшого числа ведущих культурно-экономических с.-х. центров, как это было сделано в русской революции, обеспечило бы поддержку революции со стороны широких крестьянских масс. Опираясь на блок рабочих и крестьян, они могли бы строить не царство крестьянской ограниченности, но все в возрастающей мере крупное социалистическое производство не только в городе, но и в деревне. «Дальновидность» венгерских

политиков, принципиально не выносивших ничего, кроме крупного социалистического хозяйства в деревне, обратилась в худший вид близорукости, не замечающей конкретных путей борьбы за социализм, и наивно путающей результат с самим процессом. Вот почему Ленин в одном из своих замечаний смеется над политической целомудренностью этих планов. «Слишком много цитат из книг, слишком мало внимания к практике» (стр. 365).

Тов. Варга с пафосом говорит об антагонизме между венгерским крепким мужиком и малоземельными. Ленин нетерпеливо прерывает его рассуждения, и так ясные и бесспорные для всех, практическим замечанием: «Что сделали немедленно для них». Это не в бровь, а прямо в глаз!

Автор брошюры, не учитывающий, что коллективизация может быть проведена не против, не в стороне от крестьянства, но лишь на основе прочного союза трудящихся крестьян с рабочим классом, пишет: «Мелким трудовым товариществам должны были бы быть переданы экспроприированные крестьянские имения для коллективной обработки, за натуральную арендную плату».

Ленин подчеркивает это сбоку и пишет: «на $^3/_4$ вздор». Для тов. Варги времен венгерской революции было бесспорным то положение, что коллективизацию нужно проводить против крестьянства: «нечего и думать о добровольном отказе нынешнего поколения от частной собственности» (361 стр.). Ленин тремя чертами подчеркивает это удивительное место, свидетельствующее о нежелании подумать над тем, каким образом доказать крестьянам выгоды крупного хозяйства перед мелким, какими путями обеспечить наиболее быстрый темп социалистической переделки деревни на основе укрепления союза рабочих и крестьян и на основе роста производительных сил крестьянского хозяйства. Тов. Варга обосновывает свою точку зрения неверной ссылкой на опыт России. Он пишет: «После тяжелых опытов с крестьянами в первые два года существования диктатуры, в России тоже пришли к мысли перенести центр тяжести в вопросе о снабжении городов продуктами продовольствия на вновь образованные крупные имения государственных, кооперативных и сельских коммун». Ильич подчеркивает слова «перенести центр тяжести», чертит квадрат и в нем пишет лапидарную оценку этому абзацу: «вздор!».

Резкость этого замечания тов. Ленина, написанного им в 1920 г., тем более нам понятна, что даже сейчас, после семи лет нэпа, когда мы имеем большие достижения в социалистическом строительстве, мы еще не можем перенести центр тяжести в вопросе о снабжении городов продовольствием на колхозы, совхозы и коммуны, и сейчас еще базой зернового хозяйства остается индивидуальное мелкое и среднее крестьянское хозяйство, которое будет играть еще эту роль значительное время и впредь, хотя мы неуклонно и решительными шагами идем навстречу тому времени, когда это «перенесение центра тяжести» перестанет быть вздором. Это отлично понимал Ленин. «Что это значит, руководить крестьянством,—говорил Ленин, —это значит, во-первых, вести линию на уничтожение классов, а не мелкого производителя... Если бы мы с этой линии коренной и основной сбились, тогда мы перестали бы быть социалистами». (Заключительное слово по докладу о продналоге. Разрядка наша. *В. К.*).

Сурово оценивая иллюзии венгерских коммунистов, Ленин тем самым направлял острие своей критики и против аналогичных левых предрассудков в среде русских товарищей, которые (предрассудки) были в ходу на пороге нэпа и к которым в 1928 г. предложил вернуться оппозиционный «экономист» Колесников, предлагавший в своей статье, адресованной в «Большевик», ликвидировать по сути дела нэп, встать в отношении административного нажима к массе крестьянства и все средства бросить на организацию совхозов. В то время как позиция левой фразы вела к разрушению рабоче-крестьянского блока, вела, как об этом свидетельствует опыт венгерской революции, к краху, позиция Ленина вела и ведет к действительной социалистической переделке крестьянского хозяйства. Ведь именно сохранение правильных отношений ведущей социалистической промышленности с мелким и средним крестьянским хозяйством, сохранение, достигнутое на экономической основе доведенной до конца аграрной революции и роста производительных сил крестьянского хозяйства при постоянной помощи в деле его массового кооперирования и все возрастающем ограничении частнокапиталистических, кулацких элементов—дало необходимые ресурсы для предпринятых партией решительных шагов в деле развертывания, расширения, энергичного поощрения колхозного и совхозного строительства и будет давать эти необходимые ресурсы для систематического обеспечивания четкой перспективы полной реконструкции технической базы сельского хозяйства и его коллективизации.

* * *

Отметим в заключение остальные работы Ленина, помещенные в рецензируемых томах. В 6 томе помещены замечания В. И. Ленина на брошюру Л. Троцкого «Роль и задачи профессиональных союзов» (29 декабря 1920 г. и 25 января 1921 г.).. К подчеркиваниям и замечаниям Ильича может служить подробным комментарием его речь на дискуссионном собрании фракции РКП VIII С'езда Советов в 1920 г. и брошюры «Еще раз о профсоюзах».

В VII томе интересна статья по поводу «Profession de foi» (изложение своих взглядов) Киевского комитета РСДРП. Документ относится к концу 90-х годов.

«Взгляды Киевского комитета,—пишет Ленин по поводу этого документа,—несомненно, отражают значительное влияние того нового направления молодых русских социал-демократов», которое в крайнем своем развитии слилось с бернштейнианством и дало такие продукты, как знаменитое отдельное приложение к «Рабочей Мысли» (сентябрь 1899 г.) и не менее знаменитое «Кредо».

Помещенный документ, как и возражение на него Ленина, очень важны для изучения первых шагов самоопределения революционного марксизма в борьбе с оппортунизмом внутри рабочего движения.

Затем в VII томе помещены две рецензии Ленина на книгу Каутского «Анти - Бернштейн» и С. Н. Прокоповича «Рабочее движение на Западе».

В рецензии на книгу Каутского Ленин в особенности подчеркивает правильность его критики тезиса Бернштейна о том, что будто бы Маркс необходимо связывал гибель капитализма с громадным мировым хозяйственным кризисом.

Ленин пишет:

«Каутский говорит и показывает, что никогда Маркс и Энгельс не выставляли особой Zusammenbruchstheorie (теория катастроф), не связывали Zusammenbruch'а непременно с хозяйственным кризисом... На самом деле Маркс и Энгельс ставили преобразование западно-европейских экономических отношений в зависимость от зрелости и силы выдвинутых новейшей историей Европы классов» (стр. 13).

В числе статей и писем Ленина за 1917 г. (апрель—октябрь), помещенных в VII томе, особого внимания заслуживает критика малоизвестного

до сих пор решения апрельской конференции РСДРП (24—29 апреля 1917 г.), высказавшейся за участие в 3-й Циммервальдской конференции. В резолюции тов. Зиновьева, предложенной им по своему докладу и принятой конференцией, указывалось на оппортунизм большинства Циммервальда, но вместе с тем предлагалось оставаться в циммервальдском блоке, отстаивая внутри его тактику левой и предпринимая шаги к основанию III Интернационала.

Предложение Ленина остаться в Циммервальде только с информационной целью было отклонено.

Циммервальдская конференция должна была, в частности, обсудить вопрос об участии в организуемой социал-шовинистами в Стокгольме «мирной» конференции социалистических партий.

Ленин пишет в своем письме по вопросу о Циммервальде в конце августа 1917 г.:

«Теперь особенно ясна ошибка, что мы не вышли из него. Всех надувают надеждой на Стокгольм. А стокгольмская конференция «откладывается» с месяца на месяц.

А Циммервальд «ждет» Стокгольма! Каутскианцы+итальянцы, т.-е. большинство Циммервальда «ждет» Стокгольма. И мы участвуем в комедии, отвечая за нее перед рабочими.

Это позор.

Надо уйти из Циммервальда тотчас.

Оставаясь там только для информации, мы ничего не теряем, но не отвечаем за комедию «ожидания» Стокгольма.

Выходя из гнилого Циммервальда, мы должны решить тотчас же, на заседании пленума 3/IX 1917 г.—созываем конференцию левых, поручаем это стокгольмским представителям»...

В статье «Задачи нашей партии в Интернационале» (октябрь 1917 г.) Ленин со всей решительностью критикует состав и позицию совещаний делегатов 3-й циммервальдской конференции.

Бесповоротно решительная линия на раскол с шовинистами всех оттенков и мастей, на немедленное создание III Интернационала,—такова была позиция Ленина.

В заключение, нельзя не отметить тщательность и добросовестность работы сотрудников Института в подготовке «Ленинских Сборников» в составлении примечаний, раз'яснений, раскрытии псевдонимов, дат и т. д. Благодаря этому чтение «Ленинских Сборников» делается весьма доступным не только для научных работников, но для широких кругов, интересующихся вопросами ленинизма.

Вл. Кузьмин

О полезной книге и сомнительном предисловии.

(Ч. К. ГОБСОН—«Экспорт капитала». Редакция, предисловие и дополнения Н. Спектатора).

Появление в русском переводе книги Ч К. Гобсона «Экспорт капитала» значительно обогащает нашу научную литературу по вопросам мирового хозяйства и монополистического капитализма.

До сих пор серьезнейшая проблема империализма и мирового хозяйства—экспорт капитала—слабо разработана в нашей марксистской литературе. В общей теории империализма, в произведениях Ленина и Бухарина соответствующее место на ряду с другими проблемами уделено экспорту капитала, оценке его роли и значения в современном капитализме.

Но специального труда, анализирующего всю тонкую механику экспорта капитала и его взаимоотношение со всеми остальными винтиками сложной машины монополистического капитализма в марксистской литературе нет.

Появление книги Гобсона на русском языке следует приветствовать еще и потому, что будучи изданной на английском языке накануне империалистической войны, эта книга стала библиграфической редкостью не только в СССР, но и в самой Англии.

Книга Гобсона, построенная главным образом на опыте экспорта капитала из Англии, является весьма серьезным и нужным трудом, несмотря на то, что теоретические обобщения и отдельные положения автора — типичного буржуазного пацифиста—весьма далеки от марксизма.

Материал, приводимый в этой книге, требует критического подхода не столько со стороны фактической, сколько обобщающе-теоретической. Эта работа критики и подлинно марксистского раз'яснения отдельных вопросов экспорта капитала вообще и положений Гобсона в частности должна была быть проделана в соответствующем предисловии. К сожалению, предисловие т. Спектатора само содержит ряд весьма спорных положений.

Книга состоит из перевода книги Гобсона, предисловия и дополнения т. Спектатора, таблиц эмиссий С.-А. С. Ш., Англии, Голландии и Швейцарии и небольшого списка литературы по экспорту капитала.

Мы остановимся сначала на основных положениях самого Гобсона, а затем на некоторых положениях т. Спектатора.

„Диалектика" исторических экскурсов.

Книга Гобсона посвящена экономическому анализу вопроса о заграничных вложениях, главным образом в связи с положением Англии. Гобсон пытается решить вопрос, «есть ли заграничное инвестирование положительное или отрицательное явление и следует ли поддерживать его или бороться с ним». Для этого важно установить, увеличивает ли это инвестирование «экономическое благосостояние вывозящей капитал страны и остальных стран».

Попутно пацифист Гобсон «морализует» по поводу «случаев дурного применения капитала» (стр. 38), уверяет, что капиталисты «с филантропическими наклонностями» снабжают пригородные поселки-сады ссудами по процентам ниже нормальной ставки, а предприятие, «оскорбляющее нравственные чувства широкого круга «капиталистов», может оказаться вынужденным платить за капитал дороже среднего процента» (стр. 58).

В своей наивности, чтобы не сказать больше, Гобсон подчас изрекает «истины», заставляющие улыбнуться не одного зубра английского империализма. Так, например, Гобсон полагает, что «компания, эксплоатировавшая труд туземцев в Бельгийском Конго, едва ли нашла бы капитал в Англии, где многие капиталисты избегают в принципе даже вложения в пивоваренные заводы». Повидимому, английский капитал вступил, по Гобсону, в какую-то невегетарианскую и трезвенническую фазу своего развития, и что самое интересное, все эти благоглупости почтенного пацифиста писались буквально за несколько месяцев до начала империалистической войны.

Таким же глубокомыслием отличаются откровения Гобсона о том, что «политические симпатии тоже, вероятно, играют некоторую роль» в экспорте капитала. Это «вероятно» неподражаемо!

Первые главы книги Гобсона посвящены анализу способов и причин экспорта капитала вообще и английского в частности. Специальная глава

посвящена результатам заграничного инвестирования как в стране экспортирующей, так и импортирующей. Ряд глав посвящен историческому развитию миграции капитала и отдельным вопросам: влиянию экспорта капитала на торговый баланс, промышленность и эмиграцию.

Гобсон подробно останавливается на генезисе современного экспорта капитала. «Начало нынешнего громадного вывоза капитала,—пишет Гобсон во введении,—следует искать в далеком прошлом». Родословную современного экспорта капитала Гобсон ищет в движении торгового капитала XVII и XVIII столетий. Первоначальным источником заграничного инвестирования Гобсон считает торговлю. «Первыми заграничными вкладчиками,—пишет он,—были купцы». Современный экспорт капитала является, по Гобсону, количественным развитием того движения капитала, которое наблюдалось еще во времена Генриха V (XV век) и затем особенно в период Ост-Индской компании (XVII в.). Все своеобразие экспорта капитала в эпоху монополистического капитализма и его качественное отличие от всех предыдущих форм миграции капитала этим самым у Гобсона стирается.

Характерно, что этот же недиалектический подход к проблеме экспорта капитала имеется и у марксиста Спектатора, который в своем предисловии к книге Гобсона в основном методологическом вопросе—специфичности современного экспорта капитала,—тянется в хвосте у Гобсона. Тов. Спектатор возводит генеалогическое древо движения капитала к временам Ганзы и дома Якова Фуггера, сиречь к XII веку, ограничиваясь при этом лишь указанием, что в этот период вывозили ссудный капитал, в XVIII в. промышленный и что «наиболее сильно экспорт капитала стал развиваться со второй половины XIX века».

Принципиальное же отличие, и экономическое и социальное, вывоза капитала во времена Ганзы от экспорта капитала в период империализма, повидимому, скрыто и от т. Спектатора. Это, в известной степени, вытекает из его концепции финансового капитала, на которой мы остановимся ниже.

Первое, на чем следует остановиться при анализе экспорта капитала,—этого характерного явления эпохи империализма,—это на точной его дефиниции и этим самым отличии от всяких формально аналогичных видов движения капитала во все предыдущие фазы развития капитализма.

Так же, как колониальная политика эпохи торгового капитала качественно отличается от колониальной политики империализма, так и движения капитала на различных ступенях развития капитализма отличаются друг от друга.

И то, чего не заметил т. Спектатор, видит даже буржуазный экономист Гармс, указывающий в своей книге о мировом хозяйстве по поводу экспорта капитала, что «историк, быть может, возразит на эти рассуждения, что «по существу» они не заключают в себе ничего нового, так как помещение капитала за границей играет большую роль уже на протяжении столетий. С последним надо считаться, первое—отвергнуть».

Даже меньшевик Биншток, выпустивший недавно в Германии свою книгу «Введение в мировое хозяйство», указывает, на «существенно различный характер экспорта капитала в XVI и XVIII вв. от того экспорта капитала, который является собственным отличием мирохозяйственного развития XIX столетия».

С начала колониальной политики XVI столетия увеличивается приток европейских капиталов в заокеанские владения. Рожденная торговым капиталом прибыль уходила за границу снова, в виде торгового и торгово-ссудного капитала. Метрополия использовывала экспортируемый капитал для приобретения «колониальных товаров»: кофе, сахара, чая, перца, корицы и т. д., а иногда благородных металлов и руды. В колониях основывались фактории и плантации, эксплоатировались туземные колониальные богатства для вывоза их в метрополию. Характернейшим примером может служить деятельность Ост-Индской компании. Импортированные Ост-Индской компанией капиталы не предоставлялись колониям, а использовывались самой «компанией» в интересах отечественного торгового капитала.

Интересам торгового капитала по сути подчинены и заграничные инвестиции этого периода и позднейших в железнодорожное строительство. Каждая новая линия колониальной железной дороги означала еще более глубокое проникновение капитала метрополии в сырьевые запасы колонии (гинтерланда), еще большее увеличение сбыта отечественных товаров. Постройка железных дорог в Британской Индии и Ост-Индии вызывала соответственно-усиленный спрос на английские товары.

«Железные дороги, — пишет Гильфердинг, — были прежде всего важнейшим средством для открытия иностранных рынков сбыта».

Экспорт капитала в период торгового и отчасти промышленного капитала является одной из подсобных функций внешней торговли. «Избыточный» капитал охотно идет в колонии бок о бок с чистой внешней торговлей, ибо как сама внешняя торговля, так и вложения в колонии дают ему более высокую норму прибыли. Об этом достаточно обстоятельно рассказывается в III т. «Капитала».

Другим видом миграции капитала в эпоху торгового и промышленного капитализма является ссудный капитал, направляющийся из-за границы в виде займов отдельным князьям, государству, отдельным государственным предприятиям и т. д., на предмет получения соответствующих процентов. Характернейшим примером в этой области является Голландия XVIII столетия. Здесь тогда находился центр, снабжавший капиталом английское и французское правительство, английских, французских и датских колониальных предпринимателей. Голландия снабжает капиталами английское судоходство, английскую колониальную политику (Ост-Индская компания начала работать на голландские деньги).

Ссудный капитал, направляясь во внешнюю торговлю и отрасли с нею связанные: морской транспорт, заграничные банки, страхование морских перевозок—интересуется преимущественно лишь процентами. Здесь в интернациональном масштабе воспроизводятся функции банков старой формации в пределах одной страны. В обоих случаях банк не заинтересован тем, куда идут деньги и как они используются. Его лишь интересует процент и степень риска.

Совсем иные цели преследует экспорт капитала эпохи монополистического капитализма. Здесь мы уже имеем дело с «вывозом стоимости, предназначенной производить за границей прибавочную стоимость» (Гильфердинг). Это обстоятельство определяет и всю социально-экономическую сущность этой новейшей формы капиталистической экспансии. Здесь уже речь идет не о проценте, а о норме прибыли.

Коллективный или единичный капиталист живейшим образом заинтересован теперь в том, где и как будут применены экспортированные им капиталы. Это соответствующим образом рефлектируется и в экономической политике монополистического капитала.

Это отличие экспорта капитала монополистического капитализма от всех предыдущих форм движения капитала следует подчеркнуть.

И, наконец, важную роль играет современный экспорт капитала в создании мирового хозяйства, как «системы производственных и соответствующих ей отношений обмена в мировом масштабе» (Бухарин). Эта система начинает складываться в период промышленного капитализма. В эту эпоху создается остов, скелет системы, а мясом и нервами она обрастает в эпоху монополистического капитала. Экспорт капитала — могучая сила, разносящая «кровь» по всем венам мирохозяйственной системы,—превращает его в некий громадный общемировой производственный организм. Таким образом, развитый экспорт капитала на ряду с рядом других элементов монополистического капитализма создает современную систему мирового хозяйства.

Все эти обстоятельства необходимо учесть, когда приступаешь к анализу современного экспорта капитала.

С этой, так сказать, исторической установкой тесно связана и дефиниция экспорта капитала. Гобсон называет экспорт капитала: экспорт с целью получения добавочных доходов из-за границы. Тов. Спектатор считает это определение правильным, хотя дальше сам дает определение экспорта капитала, существенно отличающееся от гобсоновского.

Сказать, что экспорт капитала имеет целью получение «добавочного дохода»—это, по сути, ничего не сказать, ибо добавочным доходом можно назвать и торговую прибыль и ссудный процент и прибыль от перевозок и т. д. Характерным же для экспорта капитала, как правильно ниже указывает т. Спектатор, являются «такие общественные отношения между различными странами, при которых экспортирующая капитал страна имеет возможность получать часть созданной в ввозящей капитал стране прибавочной стоимости».

А из неопределенности гобсоновской дефиниции экспорта капитала вытекает и другая ошибка—путаница в диференциации понятий экспорта капитала и экспорта товаров.

Экспорт капитала и экспорт товаров.

Непонимание Гобсоном всего своеобразия современного экспорта капитала толкает его на путь отождествления экспорта капитала «в финансовом смысле» с некоим неопределенным понятием экспорта капитала, включающим, по сути, и самые обычные операции внешней торговли.

Между тем, следует различать между экономической сущностью экспорта капитала и экспорта товаров не только по вертикали (в историческом аспекте), но и по горизонтали (взаимодействие обоих видов в капиталистической экспансии).

Поскольку для Гобсона определяющим критерием является «получение добавочного дохода» у него эти грани стираются и по вертикали и по горизонтали.

Гобсон называет капиталом ту «часть имущества, которая предназначается владельцем для приобретения дохода». А отсюда и вывод, что «заграничные инвестиции состоят из той части имущества данной системы и ее жителей, какая помещена за границей и с которой ее владельцы рассчитывают получить доход».

По этому определению, вывезенные из Англии, скажем в СССР, товары и сданные у нас в портовый склад на консигнацию, означают экспорт капитала. Между тем, совершенно очевидно, что консигнационная сделка является обычной формой товарного экспорта, а не экспорта капитала.

Для Гобсона заграничное инвестирование определяется «спросом на определенные категории товаров», но спрос на товар ведь непосредственно удовлетворяется внешней торговлей, импортом товаров, а не капиталов.

В этом вопросе Гобсон повторяет ошибку, которую делал Адам Смит в своем «Исследовании о природе и причинах богатства народов». Для Адама Смита единственной формой движения капитала за границу являлась внешняя торговля, хотя причина, влекущая капитал за границу, Смиту представлялась яснее, чем Гобсону. Адам Смит говорил о более высокой норме прибыли, получаемой в новых странах вследствие их неудовлетворенной потребности в капитале.

Ошибка Гобсона проистекает из двух причин: во-первых, от него ускользает, как мы указывали выше, основная черта экспорта капитала: вывоз стоимости, для создания прибавочной стоимости; а, во-вторых, его вводит в заблуждение тот факт, что экспорт капитала очень часто происходит в товарной форме. На этом следует остановиться несколько подробнее.

Экспорт товаров отличается от экспорта капиталов в первую очередь тем, что в первом случае идет речь о реализации стоимости, в том числе и прибавочной стоимости, уже созданной в экспортирующей стране. Конкуренция с товарами, которые производятся другими странами при менее благоприятных условиях производства, позволяет технически более передовой стране продавать часть товаров выше их стоимости. Таким образом, капитал, вложенный во внешнюю торговлю, дает более высокую норму прибыли.

«Совершенно так же, как фабрикант, утилизирующий новое изобретение, прежде чем оно вошло во всеобщее употребление, продает дешевле своих конкурентов и, несмотря на то, выше индивидуальной стоимости своих товаров, т.-е. сравнительно более высокую производительную силу применяемого труда он использует, как прибавочный труд» (Маркс, «Капитал», т III).

Во внешней торговле мы имеем реализацию некоторой добавочной прибыли при внешнеторговых операциях двух стран, где одна отдает «овеществленного труда in natura более, чем получает, и все-таки получает при этом товары дешевле, чем могла бы сама их производить»[1]) (Маркс).

Совсем иная картина представляется при экспорте капитала. Здесь мы имеем дело с миграцией стоимости, перекочевывающей в другую страну для участия в производстве и создании там на месте новой прибавочной стоимости.

Эта стоимость не всегда экспортируется в денежной или вексельной форме. Вкладывая капитал в какое-нибудь предприятие в колониальной или полуколониальной стране, финансовому капиталу метрополии вовсе не обязательно посылать туда непременно деньги, он может послать туда те орудия производства или сырье, которое нужно предприятию. И в этом случае эти «товары» являются, по сути, стоимостью, предназначенной для производства прибавочной стоимости.

Однако. не всякий вывоз средств производства является экспортом капитала Можно себе представить такой случай, когда страна А импорти-

---

[1]) Несколько непонятно, почему здесь т. Спектатор считает, что продажу экспортируемого товара выше его стоимости следует считать ненормальным явлением, в то время как в I томе своей книги «Мировое хозяйство до и после войны» —стр. 143 он пишет: «Промышленные товары сбываются в аграрных странах по цене выше их ценности», характеризуя это как «обычное» явление.

рует в страну Б капитал, а последняя использует часть этих капиталов для закупки машин в стране В. В этом случае экспорт машин из страны В в страну Б будет обычным случаем товарного экспорта.

Гобсон не понял разницы между этими принципиально различными видами экспорта в виде капитала и в виде товаров, отсюда и путаница в этой части его концепции.

Проводя принципиальное отличие между экспортом капитала и экспортом товаров, было бы, однако, совершенно неправильно замолчать то огромное влияние, которое экспорт капитала оказывает на интенсификацию внешней торговли вообще и товарного экспорта в частности.

Чисто метафизической является постановка вопроса entweder oder: или экспорт капитала или экспорт товаров. Доминирующее значение в эпоху монополистического капитализма имеет экспорт капитала, но абсолютно растет и значение внешней торговли. Экспорт капитала создает ряд предпосылок для расширения внешнеторговых отношений между страной, экспортирующей капитал, и страной, его импортирующей. И это вполне естественно: сращенный банковско-промышленный капитал метрополии думает не только о более высокой норме прибыли на экспортируемый капитал, но и о сбыте внутренней продукции. Экспорт капитала, создание за границей предприятий, расширяет туземный рынок, образуя сначала собственный дополнительный спрос, а затем расширяя спрос рынка, находящегося в сфере влияния новых предприятий.

«Вывоз капитала за границу становится средством поощрять вывоз товаров за границу» (Ленин).

В большинстве случаев при заключении той или иной сделки в области экспорта капитала, будь то государственный заем или финансирование отдельного предприятия, руководящие капиталистические группы экспортирующей страны предусматривают вопрос интенсификации товарного экспорта. Если просмотреть условия государственных займов, заключавшихся в последние годы накануне мировой войны, то там не трудно будет найти ряд пунктов, предусматривающих интересы промышленности кредитующей страны.

Шильдер в своей книге «Тенденции развития мирового хозяйства», приводит факт, как в январе 1909 г. французское правительство отказало в праве на котировку довольно значительного аргентинского займа, который предполагалось реализовать в Париже через посредство английского банкирского дома Беринг. Приблизительно в то же время французский министр финансов Кайо отказался дать свое согласие на официальную регистрацию на парижской бирже аргентинского 5% внутреннего займа 1895 г.

Вся эта неожиданная антипатия к аргентинским займам об'яснялась тем, что в 1908 г. аргентинское правительство на конкурсе орудий, имевшем место между германской фирмой Крупп и Шнейдеровскими заводами в Крезо, оказало предпочтение германской фирме.

Таких примеров можно привести не мало. Важно отметить, что экспорт товаров, связанный с экспортом капитала, вернее, проводимый как одно из условий получения займа, является особо выгодным для экспортера. Благодаря условиям займа экспортер не испытывает остроты конкуренции на мировом рынке. Вместо международной конкуренции, происходит лишь конкуренция отдельных фабричных предприятий или трестов страны-кредитора.

Экспорт капитала обычно связан не только с тем или иным отдельным заказом, но иногда и с целой системой, покровительствующей товарному экспорту страны-кредитора. Блестящим примером может служить

франко-русский торговый договор сентября 1905 г. Пользуясь финансовой зависимостью России от Франции, французская промышленность добивается льготного тарифа на ряд сельскохозяйственных и промышленных изделий, играющих большую роль во французском экспорте в Россию.

Было бы, однако, ошибкой постулировать голый закон, что экспорт капитала механически влечет за собой увеличение товарного экспорта непосредственно из страны, вывозящей капитал, или из ряда других стран, вошедших в кругооборот данной операции на денежном рынке. На известной ступени своего развития экспорт капитала становится тормозом для «нормального» развития товарного экспорта в импортирующую страну благодаря индустриализации капиталообразующих стран.

В статье «Экспорт капитала и безработица», появившейся уже в 1925 г. в сборнике «Is unemployement inevitable», Гобсон пишет:

«Если бы не развитие Северной и Южной Америки, Австралии, Индии и др. стран, Великобритания могла бы обеспечить удовлетворительное существование только части своего нынешнего населения, и ее промышленность никогда бы не достигла своих настоящих размеров. Экспорт капитала дал ей возможность производить быстро возраставшие количества фабричных изделий и в то же время непрерывно расширять базу своего продовольственного и сырьевого снабжения, а также и транспортные средства, потребные для его привоза.

Однако, за этой стадией развития в некоторых странах последовала другая, на которой выгоды, извлекаемые соединенным королевством из своих заграничных инвестиций становятся более проблематичными. В самом деле, некоторые страны, поднятые с помощью английского капитала не только очень быстро выросли по своему народонаселению и богатству, но и стали стремиться к созданию своей собственной фабричной промышленности, обыкновенно отгораживаясь таможенными барьерами от ввоза наших товаров. Наиболее разительный пример такой перемены являют С. Штаты».

Импорт капитала в аграрную или полуаграрную страну проходит две фазы развития. Первая — характеризуется переворотом в социально-экономических отношениях отсталой страны и вовлечением ее в сферу капитализма.

«Экспорт капитала, в особенности с той поры, когда он вывозится в форме промышленного и финансового капитала, колоссально ускоряет переворот во всех старых общественных отношениях и столь же ускоряет вовлечение всего земного шара в сферу капитализма» (Гильфердинг).

Но затем количество переходит в качество, и то, что вчера являлось стимулом для развития внешнеторговых отношений между аграрным «гинтерландом» и высокопромышленной метрополией, превращается сегодня в тормоз их дальнейшего развития.

Гобсон обращает в цитированной выше статье свое внимание главным образом на рост фабричной промышленности в отдельных странах, который «ставит Великобританию в менее благоприятное положение, чем то, в каком она находилась бы, если бы эти страны продолжали довольствоваться ролью поставщиц сырья для английской промышленности».

Гобсон акцентирует в своей работе главным образом на росте туземной национальной промышленности, происходящем частично за счет национализации импортированных капиталов, а частью на базе внутренней аккумуляции капиталов туземной буржуазии. Гобсон обращает здесь внимание на сужение внутреннего рынка для импортированных извне товаров благодаря росту туземной промышленности, но он упускает из виду один результат экспорта капитала, имеющий в наше время огромное значение для мирового хозяйства—это вопрос о сужении сырьевых ресурсов.

Вывоз торгового и торгово-ссудного капитала, постройка железных дорог играли огромную роль в деле эксплоатации сырьевых источников аграрных стран и вывоза добытого сырья в метрополию, и сейчас еще эта форма вывоза капитала, предназначаемого исключительно для эксплоатации сырья, имеет огромное значение в области каучука, хлопка и т. д.

Но в основном—экспорт капитала, оплодотворяющий рождение туземной промышленности, создает этим самым чрезвычайно сложное затруднение для старых промышленных стран.

Характерным для современного мирового хозяйства является процесс децентрализации промышленности, происходящий на базе неравномерного развития капитализма. Происходит своеобразное перемещение промышленности к сырьевым ресурсам.

Старая европейская промышленность питалась главным образом привозным сырьем. Индустриализация колоний означала увеличение потребления добываемого сырья у себя на месте и уменьшение его экспорта за границу. Старая промышленность оказывается в невыгодном положении относительно новой промышленности, находящейся у непосредственных источников сырья. Эта борьба за сырье на ряду с обычными экономическими и политическими коллизиями отдельных держав вызывает необходимость в создании синтетического сырья. И не случайно сейчас в европейских странах, главным образом в Германии, лишенной благодаря договору всех своих сырьевых колоний, идет усиленная работа над созданием искусственного шелка, искусственной нефти, искусственного каучука и т. д.

Детальный разбор остальных глав книги Гобсона потребовал бы слишком много места для журнальной статьи. Мы опускаем поэтому разбор описательно-исторических глав, равно как и анализ Гобсона причин заграничного инвестирования и результаты его. Мы ограничимся лишь написанным выше и переходим к разбору предисловия тов. Спектатора.

Аграрная карусель тов. Спектатора.

Особое место в книге занимает предисловие тов. Спектатора. В нем имеется ряд весьма интересных и новых положений по теории экспорта капитала, но в то же время и весьма спорные гипотезы и утверждения.

Эти спорные гипотезы в большинстве своем являются выводом из весьма «оригинальной» «теории» монополистического капитализма тов. Спектатора, изложенной им в статье «Понятие мирового хозяйства» («Мировое Хозяйство и Мировая Политика» № 8, 1927 г.).

В этой статье, являющейся частью большого труда по «теории» мирового хозяйства, тов. Спектатор, не удовлетворенный, повидимому, той трактовкой монополистического капитализма, которая существовала в марксистской литературе до него, делает попытку новаторства. Тов. Спектатор пишет: «Таким образом, к основному источнику прибавочной стоимости, эксплоатации труда рабочего, прибавляется еще один—эксплоатация крестьянского населения, в особенности в колониальных странах. Этим и отличается новая ступень развития, характеризуемая как период монополистического капитализма».

Постараемся объективно изложить, как дошел тов. Спектатор до мысли такой.

В эпоху промышленного капитализма, прибавочный продукт сосредоточивается «в руках промышленного класса, включая сюда *(?! Дм. Б.)* и фермеров-арендаторов». Промышленный капитал определяет всю надстройку общества, поэтому эта ступень развития характеризуется как эпоха промышленного капитализма. Ее сменяет монополистический капитализм.

«Характерная особенность промышленного капитала,— пишет тов. Спектатор,—это то, что основным источником прибавочной стоимости является эксплоатация труда в новейшей форме—в форме труда свободного рабочего. И промышленный капитализм не отказывается от эксплоатации самостоятельных производителей специально в деревне».

Совершенно другой политики держится монополистический капитализм, который «эксплоатирует не только рабочих, но и сельских хозяев, как, впрочем, отнимает часть прибыли также и у некартелированной обрабатывающей промышленности». Этому же процессу содействует и экспорт капитала, «который приковывает к колеснице капитализма и отдаленнейшие аграрные страны и превращает на деле все мировое хозяйство в единое целое не только по меновым, но и по другим социальным отношениям». Таким образом, эксплоатация крестьянства при монополистическом капитализме становится «новой экономической категорией, рождающей новое социальное явление», отличающее монополистический капитализм от предыдущих фаз развития хозяйственных форм.

Это теоретическое положение, к которому приходит тов. Спектатор, совершенно не научно, и сам автор его слабо защищает.

Тов. Спектатор вынужден сам указать, что эксплоатация крестьянства происходила и при промышленном капитализме, но, правда, раствор ножниц между ценами на с.-х. и промышленные товары при монополистическом капитализме больше бьет по деревне, равно как и по некартелированной промышленности, чем при промышленном капитализме. Но эти количественные изменения ни в коем случае нельзя превращать в какую-то новую качественную категорию.

Неверно это положение и в отношении колоний. Финансовый капитал экспроприирует крестьянство в колониях, превращая его в пролетариев, работающих на колониальных фабриках капитала метрополии. Но процесс экспроприации колониального крестьянства начался еще при торговом капитализме. Тогда уже подготавливались условия для того, чтобы приковать пауперизованного туземца к капиталистической машине. Колониальная сверхприбыль—эта одна из субстанций монополистического капитализма—получается, опять-таки, не столько от крестьянства, сколько от повышенной эксплоатации колониальных пролетариев.

Неверно также, что агрессивные действия монополистического капитала, в форме ли экспорта капитала, или какой-нибудь другой, направлены только в аграрные страны. Такое утверждение означало бы фактическую солидаризацию с каутскианской теорией империализма. Как раз послевоенные годы показали, что экспансия монополистического капитализма с большим успехом направлена в промышленные страны, где источником эксплоатации, опять-таки, является рабочий класс.

Ленин считал характерными особенностями монополистического капитализма известные всем пять основных признаков. Ни в одном из этих признаков-особенностей мы не найдем ни единой точки соприкосновения с теорией тов. Спектатора. Ленин тоже находил, что при империализме имеются некоторые новые характерные методы эксплоатации труда. В своей критике проекта партийной программы тов. Сокольникова Ленин писал:

«Как раз для империализма такая эксплоатация труда хуже оплачиваемых рабочих отсталых стран особенно характерна. Как раз на

ней основан в известной степени паразитизм империалистических богатых стран, подкупающих и часть своих рабочих более высокой платой при безмерной и бесстыдной эксплоатации труда «дешевых» иностранных рабочих» (Ленин. «К пересмотру партийной программы, т. XIV, ч. 2, стр. 164).

Свою теорию монополистического капитализма в несколько модифицированном виде развивает тов. Спектатор и в предисловии к книге Гобсона. Достаточно остановиться на нескольких положениях предисловия, чтобы убедиться в этом.

Тов. Спектатор рассматривает вопрос о том, из каких источников оплачивает страна ввозимый иностранный капитал. «Такими источниками могут, как известно, быть,—рассуждает тов. Спектатор,—только или заработная плата, или прибавочная стоимость, при чем прибавочная стоимость в свою очередь делится на три основных источника: проценты, предпринимательский доход и рента».

Здесь уже неправильно само противопоставление заработной платы прибавочной стоимости. Вполне естественно, что источником платежей по иностранному капиталу может быть только прибавочная стоимость вне зависимости от того, понижается или повышается зарплата.

Однако, дело не в этом. Более важно то, что Спектатор полагает, что «как нормальное явление должно считать, что ввезенный иностранный капитал питается преимущественно диференциальной земельной или горной рентой». Таким образом, вот откуда черпаются средства для оплаты импортированного капитал в сельском хозяйстве. Это в корне противоречит вышеприведенной установке Ленина о том, что паразитизм империалистических стран основан на труде «хуже оплачиваемых рабочих отсталых стран».

Можно не сомневаться, что в этом, как и в других вопросах, Ленин более прав, чем тов. Спектатор.

«Нормальным же явлением,—пишет тов. Спектатор,—можно считать ввоз иностранного капитала для разработки естественных богатств еще аграрных стран. Так как нормально разработка естественных богатств совершается в этих странах с меньшими производственными расходами, чем в капиталистических странах (вследствие ли большего богатства рудников, или большей близости их к поверхности земли, или вследствие большей возможности экстенсивности земледелия с относительно незначительным капиталом и т. д.), а продукты, вывозимые из этих стран, продаются по общим мировым ценам, определяемым общими производственными расходами, то эти страны выигрывают на разнице в цене, т.-е. получают диференциальную ренту, благодаря которой они в состоянии оплачивать несколько более высоко ввезенный иностранный капитал».

В этой фразе тов. Спектатор делает ряд ошибок: во-первых, сомнительно, что следует считать «нормальным» явлением ввоз иностранного капитала лишь в аграрные страны. Сейчас и даже до войны мы имели значительную иммиграцию капитала в промышленные страны, да и сам тов. Спектатор об этом упоминает в своем предисловии. Во-вторых, нельзя сводить «меньшие производственные расходы» в отсталых странах исключительно к естественным условиям и возможностям экстенсивного земледелия, не говоря ни слова об основном,—повышенной эксплоатации рабочих.

Основная ошибка тов. Спектатора заключается в том, что он не понимает, что определяющим в эксплоатации иностранным капиталом тех или иных отраслей туземной добывающей промышленности является не земельная рента, а норма эксплоатации рабочего. Решающим здесь является степень присвоения иностранным капиталистом прибыли, создаваемой туземным пролетариатом. «Поскольку труд более передовой страны оценивается как труд более высокого удельного веса, норма прибыли повышается, потому что труд не оплачиваемый, как труд более высокого качества, продается как таковой» (Маркс).

Тов. Спектатор обращает мало внимания на миграцию рабочей силы, столь характерную для эпохи монополистического капитализма. А как раз миграция рабочей силы из высокоразвитых в промышленном отношении стран в отсталые страны и из одних отсталых стран в другие показывает, что колониальные прибыли строятся не столько на эксплоатации местного крестьянства, сколько туземных и пришлых рабочих. «Тропические культуры, пишет Гармс, в своей книге «Национале Виртшафт унд Вельтвиртшафт»,—постоянно вынуждены пользоваться пришлыми рабочими».

Эксплоатация крестьянства иностранным капиталом—явление, имеющее место во все фазы развития капитализма, и нам представляется, что как раз наиболее характерным это является не столько для эпохи монополистического капитализма, сколько для торгового и торгово-ссудного.

Роза Люксембург в «Накоплении капитала» пишет о ростовщических процентах, которые получал европейский капитал на своих займах Египту. Она задает там вопрос, откуда брались средства для оплаты этих процентов, и отвечает, что «этим источником был египетский феллах, т.-е. крестьянское хозяйство». Феллах доставал землю, которая создала основу для всевозможных ирригационных, хлопчатобумажных и сахарных плантаций и т. д. Но и здесь речь идет не столько о диференциальной ренте, сколько о простом захвате земли хедивом. Самое же важное—это то, что крестьянское хозяйство доставляло рабочие силы, и этот крепостной труд и являлся источником оплаты процентов по европейскому займу.

Было бы, конечно, нелепо отрицать, что предпринимательская прибыль в отсталых странах выше еще и потому, что земельная рента здесь низка или номинальна, и издежки производства удешевляются низкой ценой на землю. Но на ряду с этим для эпохи монополистического капитала, характерно и то обстоятельство, что прибыль в колониях повышается еще благодаря различным привилегиям и монополиям капитала метрополии.

Грубой ошибкой является попытка тов. Спектатора свести все сложные вопросы колониальной эксплоатации исключительно к вопросам ренты.

Этот, так сказать, «аграро-центризм» проявляет тов. Спектатор и в другом вопросе—о том, откуда мобилизуются средства в метрополии для экспорта капитала. И тут тов. Спектатор считает, что «экспорт капитала, если отвлечься от случайных (!? *Дм. Б.*) неравномерностей в развитии народного хозяйства, связан с более медленным расширением основного капитала в с. х., чем рост продукции его».

В сельском хозяйстве получается известный избыток продукции, который реализуется предоставлением промышленности кредита. Промышленность же дает кредит другим странам, «не имеющим достаточно средств, чтобы сразу платить за всю машину».

Мы не имеем возможности остановиться здесь на всей схеме расширенного воспроизводства, которую строит в предисловии к книге Гобсона тов. Спектатор. Здесь имеется ряд неясностей и неправильностей особенно в области размежевания «предложения» и «спроса» основного капитала в промышленности и сельском хозяйстве. Мы отвлекаемся от всего этого. Нас интересует лишь то обстоятельство, что, во-первых, у тов. Спектатора исчезает финансовый капитал, как суб'ект экспорта капитала, вместо него фигурирует промышленный капитал, предоставляющий кре-

диты аграрным странам. Затем по тов. Спектатору выходит, что основным источником экспорта капитала являются мобилизованные в сельском хозяйстве средства. Между тем, общеизвестно, что основные массы капитала, экспортируемого за границу, мобилизуются акционерными обществами (банками) в виде ли учредительской прибыли или в результате аккумуляции самой промышленности. А по тов. Спектатору получается какая-то сельскохозяйственная карусель, в которой сельское хозяйство империалистической страны эксплоатирует сельское хозяйство колониальной страны, а промышленность выступает посредником.

В предисловии тов. Спектатора имеется ряд теоретических наметок, которые, развернуты в более или менее стройную систему в вышедшей недавно его книге о мировом хозяйстве.

К разбору этой книги, основных ее положений, в том числе и по экспорту капитала, мы намерены вернуться в специальной статье. Ибо, по существу, чрезвычайно трудно полемизировать лишь по вопросу об экспорте капитала, не затрагивая ряда смежных проблем мирового хозяйства.

Дм. Бухарцев.

Книги, поступившие в редакцию для отзыва:

ГИЗ, 1928 г.

Революция 1905 г. и самодержавие. Центрархив. Стр. 284. Ц. 2 р. 40 к.

Лейтейзен, М. Г.—Ницше и финансовый капитал. Стр. 144. Ц. 1 р. 20 к.

Шапиро, Д.—Кустарная промышленность и народное хозяйство СССР. Стр. 180. Ц. 60 коп.

Новая тактика английской компартии. Сборник. Стр. 168. Ц. 1 руб.

Хозяйство, политика, рабочее движение в капиталистических странах за 1924—1927 г. Коминтерн. Стр. 1133. Ц. 8 руб.

Ангаров, Галанза, Колоколкин, Петерсон.—Хрестоматия по государственному устройству СССР. Стр. 383. Ц. 3 руб.

Коммунистический Интернационал перед шестым всемирным конгрессом. Стр. 442. Ц. 4 руб.

Промышленный экспорт.—ИНО ВСНХ. Стр. 230. Ц. 1 руб.

Степанов, И.—Диалектический материализм и деборинская школа. Стр. 160. Ц. 1 руб.

Плеханов Г. В.—Воинствующий материализм. Стр. 129. Ц. 50 коп.

Леонтьев, А. — Социалистическое строительство и его критики. Стр. 234. Ц. 90 коп.

Ришар, В.—Сырье в народном хозяйстве СССР. Стр. 170. Ц. 1 р. 10 к.

Рудой, Я.—Как возник и развивался монополистический капитализм. Стр. 100. Ц. 50 коп.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 16 31 АВГУСТА. № 16

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 8
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
„П Р А В Д А“

Главлит № А—20562 Тираж 75.000
Типография газеты „Правда". Москва, Тверская, 48.

Троцкистская оппозиция перед судом международного пролетариата.

Четыре года назад V конгресс Коминтерна решительно осудил троцкистскую оппозицию внутри ВКП, признавши вслед за XIII с'ездом нашей партии идеологию оппозиции мелкобуржуазным уклоном от коммунистической линии. Весьма характерно, что уже тогда троцкизм пытался организовать свои силы против большевизма не только в рядах ВКП, но и в международном масштабе. Он имел довольно значительные группы сторонников и сочувствующих в коммунистических партиях Германии, Франции, Чехо-Словакии, Польши и т. д. Что было характерно для международного троцкизма эпохи V конгресса? Совершенно прямая и явная ориентация на правые элементы в международном коммунистическом движении, в той или иной мере склонявшиеся к социал-демократии. Это особенно ясно и отчетливо бросается в глаза на примере Германии, где троцкистское течение возглавляла группа Радека и Брандлера, которая своими правыми ошибками осенью 1923 г. не мало способствовала поражению германского пролетариата.

Организуя правые, еще не успевшие изжить свое социал-демократическое прошлое или вновь возвращающиеся к нему элементы против ленинской линии ВКП и КИ, троцкизм эпохи V конгресса еще не решался, однако, открыто рвать с коммунистической дисциплиной. На XIII с'езде нашей партии Троцкий торжественно заявил о своем беспрекословном подчинении решениям партии независимо от того, права она или не права. И ссылаясь на формальную партийную дисциплину, он отказался, несмотря на приглашения, явиться на V конгресс для защиты своих взглядов, осужденных XIII с'ездом партии. Он предпочел изложить эти взгляды на происходившем в Москве одновременно с конгрессом с'езде... ветеринарных врачей. Там Троцкий пространно говорил о смягчении противоречий между империалистическими государствами Европы, об эре демократического пацифизма, еще и еще раз подчеркивая свой правый уклон от позиции КИ и ВКП.

Решительный отпор, данный троцкизму со стороны партии и Коминтерна в 1923—24 гг., принудил троцкизм к отступлению, перегруппировке своих сил и к известному идейному перевооружению. Для этого понадобился довольно значительный отрезок времени, и

только через 2 года после V конгресса, летом 1926 года, начинается снова решительная атака троцкизма на ВКП и КИ. К этому времени троцкизм в КИ лишился наиболее влиятельных, авторитетных, имевших марксистское прошлое и связанных издавна с рабочим движением групп своих сторонников. С ним порвала группа Брандлера и Тальгеймера в Германии, целый ряд видных коммунистов в Польше, игравших руководящую роль в партии до V конгресса, и т. д. В троцкистском лагере оставались отдельные, не связанные с рабочим движением или оторвавшиеся от него, насквозь погрязшие в беспринципном оппортунизме и политиканстве литераторы типа Суварина и Истмэна, полуреформисты, полусиндикалисты типа Росмера и Моната, оказавшиеся очень скоро после V конгресса за пределами компартий, и т. п. элементы. Антикоммунистический характер этих элементов, отсутствие какой бы то ни было связи их с революционным пролетарским движением ясно бросались в глаза. Вести наступление на КИ с такой армией было делом заведомо безнадежным. К «счастью» для троцкизма, именно в 1925—26 гг. в связи с частичной стабилизацией капитализма, переходом компартий на рельсы упорной, повседневной работы по завоеванию рабочего класса, по укреплению своих позиций в профсоюзах, по созданию централизованных партийных организаций, связанных с рабочим классом и способных руководить его повседневной борьбой, в различных компартиях Европы стали появляться в довольно значительном количестве ультра-левые элементы, неспособные вести длительную коммунистическую работу в условиях реакции и частичной стабилизации капитализма, сбивавшиеся на путь беспочвенной революционной фразеологии, авантюризма, путчизма, попыток подменить трудную задачу завоевания большинства пролетариата «смелыми» действиями инициативного революционного меньшинства. Среди этих элементов были мелкобуржуазные революционеры, прибитые военными и послевоенными бурями к коммунистическим партиям, были просто разложившиеся, выдохшиеся и переродившиеся коммунисты, были временно колебавшиеся. И тех, и других, и третьих об'единяло неверие в силы пролетарской революции, прикрытое революционными фразами. И тех, и других, и третьих об'единяло неверие в социалистическое строительство на территории СССР, для которого отлив революционной волны и частичная стабилизация капитализма создали чрезвычайно серьезные трудности. В основе этого неверия лежало антиленинское убеждение троцкистов в том, что в советских условиях будто бы заложена неизбежность раскола между рабочим классом и крестьянством.

Новая оппозиция в рядах ВКП, создавшаяся в 1925 г. как раз на почве этих трудностей, на почве паники и капитулянтства перед ними, прикрытых революционными фразами и «левыми» лозунгами, естественно повела за собою ультра-левые элементы в Коминтерне в роде Маслова, Рут Фишер, Домского (Польша), Трэна (Франция) и т. д. Только вчера из среды этих элементов раздавались громовые речи по адресу троцкизма. Только вчера они были склонны обвинять руководство партии и Коминтерна в излишнем попустительстве троцкизму. Но общая социальная подоплека сделала свое дело. Хорошие друзья встретились и очень быстро и легко простили себе взаимно старые обиды. В 1926 г. Троцкий поистине с кинематографической быстротой проделал свой исторический поворот в международных вопросах налево кругом, и на июльском пленуме ЦК ВКП Троцкий вместе с Зиновьевым, таща его за собой, яростно атаковал «слева» политику КИ «за реформизм», за англо-русский комитет, за мнимую ставку на Амстердамский Интернационал и т. д.

Для руководителей новой оппозиции, еще вчера добивавшейся чуть ли не исключения Троцкого из партии, а вместе с тем и для Рут Фишер, Масловых, Домских, Трэнов и т. д. Троцкий становится вождем. И под его руководством идет дальнейшая атака на Коминтерн и на его основную твердыню, ВКП, в первую голову. Вчера—эра демократического пацифизма, сегодня—уже конец или чуть-чуть не конец капиталистической стабилизации. Вчера Радек об'являл Маслова и Рут Фишер авантюристами и случайными людьми в германской компартии. Сегодня в авантюристы попали уже те, кто исключил Маслова из Коминтерна. Вчера — попытки создать правое крыло в Коминтерне, сегодня — обвинение Коминтерна в правизне и социал-демократических симпатиях, вчера — лозунг уступок капиталистическим концессионерам в СССР (Радек, Пятаков не без благосклонного согласия Троцкого), сегодня—обвинение ЦК ВКП, отвергшего эти уступки, в термидорианстве. И вся эта комедия с переодеванием, весь этот сногсшибательный маскарад — буквально в несколько месяцев. Можно ли удивляться, что троцкизму удалось обмануть весьма немногих из тех, для кого его маскарад предназначался.

Не будем останавливаться на всех этапах и перипетиях борьбы троцкистской оппозиции внутри ВКП и Коминтерна. Ее мелкобуржуазная суть в этой борьбе обнаружилась еще яснее, чем во время дискуссии 1923 г. Обострение противоречий нэпа, трудности восстановительного периода, усиленный нажим аппарата пролетарской диктатуры на буржуазные элементы в стране автоматически порождали обострение борьбы троцкистской оппозиции, все сильнее и сильнее подпадавшей под буржуазное влияние, против партии. В этой борьбе троцкистская оппозиция, во время XIII с'езда и V конгресса Коминтерна формально еще подчинявшаяся дисциплине, сломала всякие рамки партийности и дошла до антисоветских выступлений, до прямой апелляции к мелкобуржуазной улице с взятыми напрокат у меньшевиков лозунгами.

XV с'езд исключил троцкистов из рядов ВКП (из западно-европейских коммунистических партий они были удалены еще раньше).

XV с'езд нанес уничтожающий удар троцкизму внутри ВКП. И этот удар заключался не только в самом факте исключения и уж, конечно, не в том, что против исключенных были приняты некоторые админи-

стративные меры, совершенно естественные и неизбежные, поскольку троцкисты стали на антисоветский путь. Суть была не в этом, а в другом. В течение ряда лет троцкизм бессовестно обманывал рабочих Советского Союза и рабочих капиталистических стран левыми фразами, в течение ряда лет он клеветал, что партия идет на поводу у нэпманов и кулаков, что советская власть перерождается, что страна вступает в период термидора, что разгром троцкистской оппозиции будет означать окончательное торжество термидорианской контрреволюции и открытую капитуляцию советской власти перед силами международной капиталистической реакции.

Изданная троцкистами осенью 1927 г. нелегально в Советском Союзе и переизданная их сторонниками в Европе пресловутая платформа обещала западно-европейской буржуазии, что ЦК ВКП готов отменить монополию внешней торговли, признать царские долги, дать широкие уступки буржуазно-кулацким элементам внутри страны.

Вместо этого партия, покончивши с троцкистской оппозицией, наметила на XV с'езде дальнейшее энергичное проведение индустриализации, впервые поставила перед собой в широком масштабе и в конкретно-практическом виде задачу строительства социализма в сельском хозяйстве, наметила курс усиления наступления на нэпмана и кулака и стала энергично проводить этот курс непосредственно после с'езда. Тем самым она со всей очевидностью окончательно разоблачила лживость «левой» демагогии троцкизма. Заседавший через месяц после XV с'езда девятый расширенный пленум Коминтерна, исходя из всей обстановки обострения противоречий частичной стабилизации капитализма, нарастания опасности классовой войны против СССР и превращения социал-демократии в активное орудие буржуазии и империализма, дал решительную установку на усиление борьбы против социал-демократии и против правой опасности внутри секций Коминтерна. Демагогическая ложь троцкизма, обвинявшего Коминтерн не больше, не меньше как в подготовке слияния со вторым Интернационалом, еще раз была беспощадно разоблачена.

После XV с'езда и IX расширенного пленума Коминтерна мы видим быстрое разложение и распад троцкистской оппозиции в рядах ВКП и Коминтерна. Серьезное начало этому разложению было положено еще декларацией группы Зиновьева и Каменева на XV с'езде. Эта группа, в свое время не устоявшая под напором мелкобуржуазной стихии, теперь отказалась от троцкизма, признала свои ошибки и тем открыла себе путь для возвращения в партию. За ней последовало значительное количество сторонников Троцкого, начиная с таких крупных, как Пятаков. Разложение перенеслось и на заграничные группы троцкистов. Развал «ленинбунда» немедленно после его организации и переход группы руководителей зульской организации к социал-демократам, позорный провал германских ультра-левых на выборах показали, что ничего кроме простой агентуры социал-демократии и буржуазии, в довольно прямом и непосредственном смысле слова, троцкизму в Западной Европе против Коминтерна не удалось создать. Факт выпуска польской охранкой во время выборов якобы

подпольной прокламации от имени «польской фракции троцкистов», совершенно выдержанной в духе обычной троцкистской фразеологии, показывает, что если бы троцкизм с его ярко антисоветской установкой, прикрытой пышным покровом революционных лозунгов, не существовал в природе, его бы нужно было изобрести в интересах правящей буржуазии и буржуазной политической полиции непосредственно борющейся с рабочим движением.

Чрезвычайно знаменательна диференциация в рядах троцкистской оппозиции в Советском Союзе после XV с'езда. От оппозиции отошла значительная часть, особенно рабочие, есть элементы, которые стоят на грани если не полного, то во всяком случае частичного признания своих ошибок На ряду с этим другие элементы, во главе с самим Троцким, довольно быстро скатываются к точке зрения сапроновской оппозиции, которая уже давно открыто стоит на платформе создания нелегальной партии с нелегальным аппаратом и с нелегальными методами борьбы. Сапроновскую оппозицию сейчас уже почти ничто не отделяет от меньшевиков.

Складывается довольно оригинальный переплет. Официальный меньшевизм в годы Октябрьской революции и гражданской войны оказался так основательно разбитым и выхолощенным идейно и организационно, так политически себя скомпрометировал в глазах пролетарских масс, что ему не удалось подняться и стать на ноги даже под живительными лучами нэпа и некоторого оживления буржуазных элементов в стране. Нелегальная организация меньшевиков еще кое-как проявлявшая себя в 1921—22 гг., теперь почти совершенно развалилась и почти никакой работы не ведет. Вести рабочих под флагом меньшевизма против советской власти нет никакой возможности.

Буржуазии нужна рабочая партия менее скомпрометированная, с известным революционным прошлым, с известным политическим капиталом, в советском костюме с тем, конечно, чтобы по методам, характеру, содержанию и целям своей работы эта партия ничем не отличалась от меньшевиков боролась с советской властью, пыталась скомпрометировать ее в глазах рабочих, подрывала пролетарскую базу советской власти. Именно сюда ведет путь скатывающейся к сапроновщине троцкистской оппозиции. Само собой разумеется, скатываясь к сапроновщине, троцкизм старается и будет стараться уверять себя и других что его вынуждает к этому «новый поворот партии направо» будет выпускать новые фонтаны и фейерверки псевдо-революционной трескотни. Он напоминает так ярко изображенных в Коммунистическом Манифесте Маркса и Энгельса феодальных аристократов, размахивавших нищенской сумой, чтобы собрать вокруг себя народные массы и заставить их защищать реакцию. Народ, действительно, собирался, но очень быстро замечал на спинах своих мнимых защитников старые феодальные гербы и разбегался с громким непочтительным смехом.

Как суррогат меньшевистской партии, как заместитель полумертвого меньшевизма на арене

борьбы контрреволюции против советской власти, троцкистско-сапроновская оппозиция имеет известные шансы на существование в пределах Советского Союза, ибо нет никаких данных за то, что недовольство мелкобуржуазных элементов, городского мещанства, кое-каких слоев служащих, интеллигенции и т. д. советской властью завтра прекратится и что это недовольство не будет оказывать влияния на отдельные группы рабочих.

Как придаток к социал-демократии, как сотрудник буржуазии и буржуазно-фашистской политической полиции в капиталистических странах с определенной целевой установкой компрометирования Советского Союза и Коминтерна в глазах тех рабочих, которые не верят социал-демократии, троцкистская оппозиция также имеет шансы на существование и будет наверное поддерживаться искусственно, особенно в нынешний момент лихорадочной подготовки войны против Советского Союза.

Но этого мало. Не только для открытых врагов пролетариата, но и для всех уклоняющихся от коммунизма вправо элементов (а такие элементы могут оказаться в том периоде обостренной классовой борьбы, в который мы вступаем) троцкистская оппозиция, до каких бы ничтожных и жалких размеров она ни развалилась, несомненно, окажется желанным союзником. Не даром отколовшаяся несколько месяцев назад от коммунистической партии Западной Украины ренегатская группа Василькова и Турянского, ставши на путь борьбы с Коминтерном, превратившись в фактическую агентуру польского фашизма, немедленно вступила в фактический блок с троцкистской оппозицией и встретила радушный прием на страницах «Фане дес Коммунизмус». Троцкистская оппозиция доказала свою способность блокироваться с кем угодно, хотя бы с чортом и его бабушкой, хотя бы с Истмэном, торгующим завещанием Ленина, хотя бы с Сувариным, высказывавшимся за политику Чан Кай-ши после расстрела шанхайских рабочих, хотя бы с фактическими агентами польского фашизма, лишь бы только навредить ВКП и Коминтерну. Нет никаких сомнений, что и в дальнейшем троцкистская оппозиция будет оставаться притоном для всех ренегатов и предателей коммунизма, хотя отнюдь не исключена возможность, что некоторые из этих элементов не пожелают итти к троцкизму и будут прикрываться антитроцкистской фразой—настолько троцкизм политически себя скомпрометировал.

Во всяком случае как бы ни был разбит и дезорганизован троцкизм он еще существует и ведет свою контрреволюционную работу как в международном масштабе, так и в масштабе СССР, и поэтому постановка вопроса о троцкистской оппозиции на VI конгрессе Коминтерна вовсе не была простой формальностью, выполнением долга международной коммунистической вежливости перед известным этапом истории ВКП, закончившимся на XV с'езде. Нужно не только окончательно похоронить троцкизм, но и вбить в его могилу осиновый кол, «чтоб встать он из гроба не мог». Такая задача стоит перед нашей партией и Коминтерном. Партия и Коминтерн должны принять все меры, чтобы предохранить себя и предохранить рабочие массы от дальнейшей предательской, разлагающей работы троцкистской агентуры международной социал-демократии и международного капитала.

Декларации различных партий Коминтерна, резолюции конгресса по вопросам политики ВКП и борьбы с троцкистской оппозицией показывают всем и каждому, что в своей оценке троцкизма все секции Коминтерна совершенно согласны с ВКП, с резолюциями XV с'езда. На всем громадном конгрессе среди представителей всех стран и материков не нашлось не только сторонников или сочувствующих троцкизму, не нашлось даже мало-мальски примиренчески настроенных по отношению к нему людей. Это вполне понятно: скатившийся к сапроновщине и меньшевизму, злобно клевещущий на СССР и ВКП, дающий своими разговорами о термидоре в СССР, о «национально-ограниченной» политике ВКП прямое оружие в руки международной буржуазии, которая готовит войну против Советского Союза, троцкизм на конгрессе международных пролетарских революционеров ни малейшей симпатии к себе вызвать не мог.

Конгресс сказал свое слово о политике ВКП и о троцкизме. Конгресс одобрил политику ВКП, одобрил решения XV с'езда. Конгресс дал решительный и твердый отпор меньшевистско-троцкистской клевете на партию. Надежде буржуазии на то, что этой клевете удастся посеять хоть какую-нибудь рознь между ВКП и другими секциями Коминтерна, не удалось и не удастся осуществиться. Конечно, потоки троцкистской клеветы будут литься и дальше. Наши заграничные товарищи приложат все усилия, чтобы этой клевете так же мало верили рабочие, как и заявлению Дана на Гамбургском конгрессе II Интернационала о том, что в СССР покровительствуют кулакам и иностранным капиталистам и преследуют рабочих. Нет сомнения, что в СССР троцкизм будет использовывать все наши трудности, слабости и недочеты и даже нашу самокритику, как это делали до сих пор меньшевики. Не преувеличивая сил разбитого врага, но и не забывая о том, что он еще существует, наша партия должна в корне пресечь и парализовать эти контрреволюционные попытки.

Конгресс Коминтерна целиком и полностью солидаризировался с позицией ВКП по отношению к троцкизму. Конгресс одновременно одобрил ту положительную работу социалистического строительства, которую проводила и продолжает проводить наша партия, окруженная кольцом врагов, вопреки всем трудностям. Нет никаких сомнений в том, что какие бы новые трудности партия ни встретила на своем дальнейшем пути, она найдет растущую поддержку международного пролетариата и братских партий, руководящих его борьбой. Нет никаких сомнений в том, что та связь между ВКП и другими партиями Коминтерна, которая так усилилась и окрепла на VI конгрессе и которая нашла себе выражение в резолюциях и декларациях по так называемому русскому вопросу, будет расти и дальше и что эта связь явится одним из самых мощных факторов победы международного коммунизма над международным империализмом.

К. Попов.

К двадцатипятилетию II с'езда.

Борьбу, проводившуюся «меньшинством» против «большинства» на II с'езде и после него, Мартов назвал «восстанием» против «ленинизма». Он бросил эти слова мимоходом в брошюре «Борьба с осадным положением», выпущенной в начале 1904 года и тогда же пожалел, что «восстание» не началось «полугодом раньше», еще до с'езда. И этот термин «восстание» (правда, взятый в кавычки), и это сожаление показывали, как еще в рамках старой «Искры» ленинизм стеснял будущих лидеров меньшевизма, не давая развертываться то там, то здесь проскальзывавшим у них оппортунистическим тенденциям. Если «мягким» искровцам удалось в конце-концов произвести «восстание», а затем и произвести «переворот» в партии, завладев «Искрой», то лишь об'единившись с «болотом» и заматерелыми оппортунистами из прежних «экономистов». Но эта возможность «восстания» против ленинизма и «переворота» была куплена ценой расцвета оппортунистических тенденций самих «мягких» искровцев. Оппортунизм периода «разброда, распада, шатания»—экономизм—не мог уже жить в обстановке развивавшегося массового революционного движения. Он должен был быть подчищен, подновлен. «Мягкие» искровцы выполнили роль его подновителей, и «экономизм» видоизменился в «меньшевизм», с тех пор неизменно противостоявший ленинизму. Сам же ленинизм был не чем иным, как последовательным отстаиванием и развитием программных, тактических и организационных принципов революционного марксизма старой «Искры». «Отстаивание революционной тактики старой «Искры» создало «большевизм»,—говорил Ленин («Социализм и война», т. XIII, стр. 124). Поэтому «восстание» же против ленинизма, приведшее к «видоизменению» экономического оппортунизма в меньшевистский, явилось вместе с тем «восстанием» против староискровства, против революционного марксизма.

Ленинизм вырос из староискровства. В старой, ленинской «Искре» были заложены его основные, исходные идеи. За них боролась старая «Искра» против экономизма. За них боролся Ленин внутри самой редакции «Искры» с оппортунистическими тенденциями будущих лидеров меньшевизма. За них он боролся вместе с «большинством» на II с'езде против бундовцев, акимовцев, против «болота», против «мягких» искровцев. II с'езд, борьба на нем и после него, «восстание» против ленинизма отделили от ленинизма шатких, неустойчивых, «мягких» и сформировали его в особое, самостоятельное политическое течение.

«Восстание,—писал В. И. Ленин по поводу замечания Мартова,—прекрасная вещь, когда восстают передовые элементы против реакционных. Когда революционное крыло восстает против оппортунистического, это хорошо. Когда оппортунистическое крыло восстает против революционного, это дурно» (т. V, изд. 1923 г., стр 476).

«Дурное» дело восстания мягких против ленинизма было вызвано победой на с'езде «революционного крыла», вызвано тем, что этому крылу в конечном счете удалось выполнить задачу, поставленную перед ним периодом

подготовки первой русской революции. В послесловии к извещению об образовании «организационного комитета» по созыву II с'езда, Ленин писал: «Об'единение, восстановление целостности партии—самая насущная, настоятельно требующая немедленного решения задача русских социал-демократов. Эта задача очень трудна, потому что нам нужно не об'единение нескольких кучек революционно настроенных интеллигентов, а об'единение всех руководителей рабочего движения, поднявшего к самостоятельной жизни и борьбе целый широкий класс населения. Нам нужно об'единение на почве строго принципиального единства, к которому должно сознательно и твердо притти все или громадное большинство комитетов, организаций и групп, интеллигентов и рабочих, действующих в различной обстановке, в различных условиях, пришедших иногда самыми различными путями к своим социал-демократическим убеждениям» (т. V, изд. 1928 г., стр. 227).

На II с'езде и было положено начало этому «об'единению на почве строго принципиального единства», тому об'единению, которое потом привело к созданию «железной когорты» ВКП(б) у нас, Коминтерна—в международном революционном движении пролетариата. В первой консолидации накопленных по всей стране за все первое десятилетие борьбы и работы Ленина и его единомышленников сил новой ленинской гвардии—огромное значение II с'езда.

Эта первая консолидация родилась в борьбе с оппортунизмом. Она сложилась на базе идейных приобретений ленинизма за староискровский период, и поэтому, говоря о значении II с'езда, нельзя не говорить об этих приобретениях.

«В чем состояла главная задача с'езда?»—спрашивал Ленин в брошюре «Шаг вперед, два назад» и отвечал: «В создании действительной партии на тех принципиальных организационных началах, которые были выдвинуты и разработаны «Искрой». Что именно в этом направлении с'езд должен был работать, было предрешено трехлетней деятельностью «Искры» и ее признанием со стороны большинства комитетов. Искровская программа и направление должны были стать программой партии, искровские организационные планы должны были получить закрепление в организационном уставе партии» (т. V, изд. 1923 г., стр. 310). Так оно и стало, стало для партии без «восставших» против ленинизма, для партии без мягких и без приверженцев «видоизменившегося» экономизма, для ленинской, большевистской, действительной партии пролетариата.

Старая «Искра» дала программу партии, общая часть которой и теперь является одной из составных частей программы ВКП(б). Она написана Плехановым, но она не была бы «самой ортодоксальной программой из всех программ» тогдашнего II Интернационала, если бы не борьба Ленина внутри редакции «Искры» против тех уступок и уступочек оппортунизму, которые делались Плехановым в его «первом» и втором проектах. Так, Ленин добился того, что из проекта Плеханова устранено было замазывание классового характера пролетарской партии, классового характера социалистической революции, действительной роли в ней пролетариата, как единственного до конца революционного класса, и двойственной природы, шаткости, неустойчивости мелкой буржуазии [1]). Ленин же добился более точной и ясной, вместо расплывчатой, играющей на руку ревизионистам, формулировки судеб мелкого производства при капитализме. Он же добился более острой и тогда исключающей ревизионистские толкования формулировки идеи обнищания масс [2]). Пядь за пядью он преследует каждую уступку ревизионизму, и в ре-

[1]) См. «Ленинский Сборник» II, замечание Ленина на стр. 78—82 и ответ Плеханова на стр. 94—95.

[2]) См. там же, замечания Ленина на стр. 76—77 и стр. 123.

зультате его борьбы искровская программа приобретает такой вид, что может служить опорой для дальнейшей борьбы «действительной» партии пролетариата против извращений марксизма.

Партия приобретает такую программу в годы «приближения великой бури», когда «представители трех основных классов, трех главных политических течений: либерально-буржуазного, мелкобуржуазного, демократического (прикрытого вывесками «социал-демократического» и «социал-революционного» направлений) и пролетарски-революционного, ожесточеннейшей борьбой программных и тактических взглядов предвосхищают и подготовляют грядущую открытую борьбу классов» [1]). Для «мягких» искровцев, которые принимают эту программу вместе с Лениным и ленинцами, она остается действительно только «вывеской социал-демократического направления» и в конце-концов превращается в простую бумажку. А для Ленина и ленинцев она действительно служит основой для подготовки «грядущей открытой борьбы классов» вплоть до победы пролетариата в нашей стране.

На базе революционного марксизма, проникшего собой программу старой «Искры» с ее ленинскими направлениями, выросли и «тактические взгляды» староискровского ленинизма, от которых также отреклись «восставшие», и которые также стали основой подготовки «грядущей открытой борьбы классов». Они входили неотделимой составной частью в систему взглядов искровского направления и вместе с программой определяли собой сущность организационных принципов ленинизма, против которых прежде всего восстали «мягкие». Сами по себе они получили слабое отражение в работе II с'езда. Но и в борьбе против организационных принципов старой «Искры» и в борьбе против ее программы, особенно против аграрной программы, сказалась борьба против тактической линии староискровства. Сказалась потому, что «оппортунизм в программе естественно связан с оппортунизмом в тактике и с оппортунизмом в вопросах организационных» [2]). Староискровская, ленинская идея партии-авангарда, получившая плоть и кровь в ленинском организационном плане, теснейшим образом связана с выпестованной ленинизмом, конкретизированной применительно к условиям крестьянской страны, превращенной в руководящий принцип тактики идеей гегемонии пролетариата. Поэтому отказ от организационного плана Ленина и война против него были равносильны отказу и от идеи партии-авангарда и от идеи гегемонии прелетариата. Этим последним отказом характеризовался экономизм. К нему пришел от войны против организационного плана Ленина и видоизмененный экономизм—меньшевизм. Нет, и не может быть пролетариата—гегемона непролетарских и полупролетарских трудящихся масс—ни в буржуазно-демократической, ни в пролетарской революции без партии-авангарда рабочего класса, и нет партии-авангарда без строжайшего централизма и суровой дисциплины, этих китов староискровского, ленинского организационного плана.

Через идею гегемонии пролетариата ленинский организационный план неразрывно связывался с ленинским же староискровским пониманием взаимоотношений между пролетариатом, либеральной буржуазией и крестьянскими массами в буржуазно-демократической и пролетарской революции и с поставленной Лениным перед пролетариатом и его партией задачей борьбы за эти массы. Уже совершенно сложившаяся в период старой «Искры» ленинская идея союза пролетариата со всем крестьянством в революции против самодержавия и помещиков и союза с деревенской беднотой в революции против буржуазии [3]), борьба за тот и другой союз, за руководство

[1]) Ленин, «Детская болезнь «левизны»...», т. XVII, изд. 1924 г., стр. 120.
[2]) Ленин, «Шаг вперед...», т. V, изд. 1923 г., стр. 468.
[3]) См. отчетливое выражение этой идеи в брошюре «К деревенской бедноте», главы 4-я и 6-я, стр. 331 и 349.

им пролетариата были неосуществимы без партии-авангарда, без партии, способной своим единством, идейной выдержанностью, централизованностью и дисциплиной противостоять буржуазным и мелкобуржуазным влияниям на свои ряды и на ряды всего пролетариата. И с той же последовательностью, с какой ленинизм отстаивал основы своей аграрной программы и тактики по отношению к крестьянству на ряду и вместе со своими организационными принципами, все, кто на с'езде, до и после него «восставал» против организационного плана Ленина, тогда же или впоследствии восставал и против ленинской тактики по отношению к буржуазии и крестьянству и против ленинской аграрной программы, ее принципов. Так было с рабочедельцами и бундовцами, так было со с'ездовским «болотом», так вышло и с «мягкими» искровцами, когда их искровство обратилось в «видоизмененный» экономизм.

В период же старой «Искры» выдвинута была идея всенародного вооруженного восстания, также связанная для ленинизма с партией-авангардом, как и всякая другая тактическая идея Ленина. Эта идея вооруженного восстания, его организационная и техническая подготовка партией-авангардом встретили впоследствии такое же отрицательное отношение со стороны ренегатов староискровства, как и ленинский организационный план.

Без претворения в жизнь тактических идей ленинизма, сложившихся за период старой «Искры» и принятых II с'ездом,—для того времени прежде всего программы-минимум,—без создания партии-авангарда по ленинскому организационному плану немыслимо было проведение староискровской, ленинской тактики. Поэтому обстрел ленинского организационного плана был уже, по самому существу своему, обстрелом всех идейных приобретений ленинизма за период старой «Искры». И поэтому понятно то «бешенство», с которым отвечал на него В. И. Ленин, с которым он защищал основы организационного плана, начиная с формулировки § 1 «Устава». Это была борьба за одно из основных условий свержения царизма, как первого этапа на пути к победе пролетариата над буржуазией.

К 1905 году на основе программных и тактических приобретений ленинизма за староискровское время сложилась ленинская концепция русской буржуазной революции, как революции крестьянской, руководимой пролетариатом и—через революционно-демократическую диктатуру пролетариата—перерастающей в революцию пролетарскую. И в этой концепции, в качестве одного из основных условий ее фактического осуществления, опять стоит централизованная, сплоченная «на почве строго принципиального единства», способная итти не «в хвосте либерально-монархической буржуазии», а «во главе революционного пролетариата и крестьянства» партия-авангард. Борьба за нее ведется Лениным и ленинцами вместе с борьбой за идею революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства так же «бешено», как она велась на II с'езде и на другой же день после него. В годы реакции и нового под'ема та же бешеная борьба идет под флагом борьбы с ликвидаторством меньшевиков и «ликвидаторством наизнанку» отзовистов, соединяясь с борьбой за «трех китов» революционной программы и тактики. Годы империалистической войны превращают ее в столь же бешеную борьбу с социал-шовинизмом II Интернационала за III Интернационал, соединенную с борьбой за превращение войны империалистической в войну гражданскую во всех охваченных войной передовых капиталистических странах и с борьбой все за ту же крестьянскую революцию, переходящую в революцию пролетариата—в России. В этой начатой в период старой «Искры», продолженной на II с'езде и с тех пор не прерывавшейся борьбе за партию действительно складывается эта партия, партия — победительница в последней Октябрьской схватке, когда пролетарская революция против буржуазии сливается с крестьянской революцией против помещиков в один поток, который сносит и помещиков и буржуазию.

Опыт Октября и «опыт победоносной диктатуры пролетариата» в нашей стране после Октября оправдал то «бешенство», с которым проводилась Лениным борьба с «организационным оппортунизмом» ренегатов староискровства в период II с'езда, когда оформлялся ленинизм, «как течение политической мысли и как политическая партия». Этот опыт через Ленина и через его партию передан братским коммунистическим партиям и лег в основу их организационного строения, ибо он «показал наглядно», что «безусловная централизация и строжайшая дисциплина пролетариата является одним из основных условий» и свержения всех и всяческих остатков феодализма, крепостничества, и победы над буржуазией.

Дополненные (в условиях политической свободы для трудящихся при диктатуре пролетариата) развернутой внутрипартийной демократией, превратившись в последовательно-проводимый демократический централизм, «безусловная централизация и строжайшая дисциплина», эти основные моменты ленинского организационного плана, служившие главным предметом борьбы на II с'езде, остаются и до сих пор основными принципами ленинской партии, остаются, несмотря на все попытки сломить их со стороны оппозиционных группировок ВКП(б) после Октября, начиная от «рабочей» оппозиции 1920—21 годов до троцкистской оппозиции 23—24 и 26—27 гг. Эти группировки так же, как «мягкие» искровцы на II с'езде, начинали свои «восстания против ленинизма» с ревизии его организационных принципов, а кончали отказом от его тактических и программных взглядов. Их участь уподобилась участи ренегатов староискровства. Но если обстрел этими ренегатами ленинского организационного плана превращался в обстрел идейных приобретений еще только слагавшегося ленинизма, то обстрел ленинских организационных принципов оппозиционными группировками в ВКП(б) превращался в обстрел учения, уже окрепшего и выросшего в руководящее революционное учение мирового пролетариата, в основное условие роста и победы мировой революции. Если срыв организационного плана Ленина в период II с'езда становился срывом одного из основных условий развертывания борьбы с царским самодержавием и его свержения, то попытки срыва оппозиционерами в ВКП(б) «безусловной централизации и строжайшей дисциплины» превращались уже в попытки срыва завоеванной пролетарской диктатуры и успехов социалистического строительства. Это потому, что после Октября организационные принципы ленинизма сами превратились уже в основное условие этой диктатуры и этого строительства. И наша, теперь миллионная, большевистская, ленинская партия защищает это основное условие с такой же страстностью, энергией и с такой же непобедимой силой, с какой защищал свой организационный план В. И. Ленин со своими тогда еще малочисленными соратниками-ленинцами двадцать пять лет назад при первом организационном оформлении еще только родившегося ленинизма. С организационными принципами Ленина побеждает она, побеждает руководимый ею пролетариат СССР, идет к победам Коминтерн, потому что эти принципы, верность им—гарантия идейного единства, теоретической выдержанности, революционной тактики и правильности действий пролетарской партии.

Г. Зиновьев.

Сколько „марксизмов" существует на свете?

Казалось бы, довольно праздный вопрос! А вот подите же. Один из виднейших представителей «австро - марксистской» (гм! гм!) школы, г. Карл Реннер, утверждает, что в международном рабочем движении ныне борются друг с другом «полдюжины или даже дюжина марксизмов». С самым серьезным видом этот теоретик II Интернационала заявляет, что «большевизм, меньшевизм, австро - марксизм, реформизм, лэйборизм («лэйбор-партизм») являются не чем иным, как систематизацией частичной практики вчерашнего и позавчерашнего дня—при чем ни одна из них (этих «систематизаций»?) не может быть перенесена с одной страны на другую, ни одна не может полностью со вчерашнего дня быть перенесенной на завтрашний» [1]).

С такими откровениями выступает—и это должно было послужить «теоретическим» введением к работам Брюссельского конгресса II Интернационала—Реннер в статье, имеющей «сделать эпоху» (статья озаглавлена: «Что такое марксизм—идеология или наука?»—«Кампф», XXI, 6).

«Наш» Ф. Дан ухитряется об'явить это реннеровское выступление «апологией большевизма»—не больше, не меньше! Дан удостоивает Реннера звания «одного из наиболее блестящих и бесстрашно - последовательных представителей национально- и государственно - мыслящего социализма». Но в то же время он делает ему выговор за то, что (Реннер) «вынужден был, в конце-концов, притти к выводу, что, «в сущности, социализмов столько же, сколько имеется на земле государств и стран», а отсюда — и к апологии большевизма. Ибо различны должны быть не только национальные «социализмы», но и национальные «марксизмы». А большевизм и есть национально - русский «марксизм», естественный и необходимый продукт «особой психологической установки русских и их грандиозной, но совершенно специфической сферы опыта». С этой точки зрения,—печалуется Дан,—социал-демократия, в западно-европейском смысле этого слова, не имеет права на существование в России, как чужеземный, не - национальный цветок» («Соц. Вестн.» № 14).

Пусть успокоится г. Дан! Против права на существование меньшевизма в России аргументы г. Реннера действительно малоубедительны. Октябрьская революция привела куда более внушительные аргументы против меньшевизма...

* * *

Ход «мыслей» в нашумевшей статье Реннера таков.

Психология масс различна не только в разных государствах, но и в разных профессиях. Ремесленник, фабричный рабочий, горняк, конторский служащий, мелкий крестьянин, батрак—всех их несет один социалистический поток. Но у каждого из них своя психология, свои навыки и традиции. Большую роль играет и «идеология, в которой жили эти массы: ка-

[1]) «Кампф», XXI, 6, 251.

толицизм, протестантство и т. д.». Старая идеология участвует в формировании новой идеологии. Еще большую роль играют экономические различия, существующие между государствами, их различная экономическая структура.

Из этого вытекают два вывода. Первый: социализм, как массовое движение, сам течет и изменяется из десятилетия в десятилетие. Второй: в каждой отдельной стране, а тем более в каждой части света социализм имеет свой особый характер. Крупнейшую роль играет «психологическое предрасположение» (vorpsychologie) масс, их психологическая установка. «Католические, протестантские, православные или свободомыслящие массы населения, индусы, японцы и т. д. на все реагируют по-разному; массы населения, стоящие на высокой ступени грамотности, реагируют иначе, чем полуграмотные массы в России и на Востоке; массы, привыкшие к деспотии (Россия) или к сословной монархии (старая Германия), не похожи на массы, выросшие на американской земле, никогда не знавшие режима сословий, не говоря уже о монархии». Отсюда вывод, что единого социализма нет и быть не может. «Если свести воедино все эти факторы, то мы должны научиться понимать, что, в сущности, социализмов имеется столько же, сколько на земле государств и стран» (разрядка автора) [1].

Понимание этой истины должно принести «целительное успокоение» для каждого социалиста. Именно различия, которые существуют между отдельными «социализмами», часто вызывают не только у недруга, но и у друга, представление о распаде и разложении социализма. То же самое относится и к спорам между отдельными социализмами. Кричат об «ошибках, лжеучении, отпадениях, измене», устраивают «суды над еретиками». А на деле никакого распада нет, и мы имеем перед собою только различные социализмы, при чем различия эти обусловлены своим особым опытом, особой психологической установкой.

Все это относится и к марксизму. Марксизмов тоже много. И иначе и быть не может. «Каждая страна имеет свои катехизисы». «Из марксизма, который является и должен являться наукой, делают идеологию. Это не упрек. Это неизбежный процесс массовой психологии».

До войны теория социализма находилась в совершенно ином положении, чем теперь. Правда, и до войны внутри марксизма были «оттенки» (так и сказано!). После ревизионистских выступлений Бернштейна («оттенок»!) появились специфически - «ортодоксальные» антибернштейновские литературные произведения, в частности, произведения Розы Люксембург. Но вокруг Каутского собрался «центр». «Правое» и «левое» толкования Маркса большой роли не играли. «Карл Маркс—это был лозунг единения и собирания сил». Не то теперь. И в этом виноваты прежде всего «русские». «Особая психологическая установка русских и их грандиозная, но совершенно специфическая сфера опыта как бы инкрустировали на особом дереве особый «марксизм». И социалисты, и коммунисты ссылаются теперь на Маркса. Каждая сторона утверждает, что она обладает «настоящим Марксом». Ссылка на Маркса—«к горю моему, как и к горю всякого ученика Маркса» (хорош «ученичок»!)—теперь ничего не об'ясняет, а чаще всего увеличивает путаницу и обостряет раскол. Мало того. Внутри коммунистов борются несколько марксизмов. Но и внутри социализма, который, вообще говоря, «более терпим», мы тоже видим различные направления: «левая, правая и представляемый так называемыми австро-марксистами марксистский центр. А если еще прибавить к марксистскому центру на одной стороне Макса Адлера, а на другой — Рудольфа Гильфердинга, то становится ясно, что

[1]) «Кампф», XXI, 6.

и внутри марксистского центра существуют очень большие, едва примиримые разногласия».

Одним словом, «марксизмов» существует, по крайней мере, столько же, сколько пальцев на руках и ногах у г-на Реннера.

Но мало того. Кроме всех прочих «марксизмов» существует еще «марксизм без Маркса». И этот именно «марксизм» является громадной, решающей силой в мировом рабочем движении. Это — марксизм... Английской Рабочей Партии! «Рабочая Партия Англии, это—воплощение в жизнь марксизма без его учения, это—марксизм без Маркса» [1]). И далее следует несколько страниц панегирика по адресу Английской Лэбор-Парти и специально по адресу ее вождя, Макдональда—«того деятеля, который, по нашим континентальным понятиям, выполнил величайшую задачу: политически конституировал британский рабочий класс, как класс.

Как же это случилось, что в самой могучей капиталистической стране Европы—в Англии—мы имеем перед собой воплощение в жизнь марксизма без его учения, марксизма без Маркса? Да, очень просто! «Иная психологическая установка привела и к совершенно иной политической методе» [2]). («Eine andere politische vorpsychologie hat eben eine ganz andere politische Methode ergeben»). Так, буквально так пишет г. Реннер. Так «по - марксистски» об'ясняет особенности английского рабочего движения «ученик» (???) Маркса, «наиболее блестящий и бесстрашно - последовательный» представитель австро - марксистского «центра».

На макдональдовском «марксизме без Маркса» г. Реннер останавливается особенно подробно, особенно любовно и с особенно «ученым» видом. Он серьезно считает—или делает вид, что считает,—что тут ему удалось сделать ценный теоретический вклад, что он сделал некое «открытие». Реннер так и пишет: «Так как я уже начал в этой моей работе говорить до конца горькую правду, то я должен прибавить еще следующее в высокой степени значительное открытие, которое должно прямо потрясти тех догматиков, кои честны, и крайне озлобить тех из них, кои неспособны ни на какую самокритику» (там же, стр. 249). И далее следует уже приведенное нами «открытие» насчет «марксизма без Маркса».

— Ведь вот пример совершенно поразительный,—расточает свою мудрость дальше наш «австро - марксист». Известно, что в германской социал-демократии до войны учение Маркса было особенно сильно, а в Английской Рабочей Партии оно было и остается особенно слабым. И что же? Германская социал-демократия, «невзирая на Маркса», во время войны раскололась и лишь теперь начинает вновь подыматься и быстро расти. А Английская Рабочая Партия прошла через войну единой и сильной и теперь непрерывно растет и скоро будет править Англией — «и это без Маркса и, по нашим представлениям, без всякой теории!»

«Приведенные факты—уничтожащи для идеологов марксизма»,—заключает Реннер (250).

«Идеологи», «догматики», «сектанты», видите ли, «предаются неслыханной переоценке теории» (252). «Я сильно сомневаюсь, чтобы во всей славной истории германской социал-демократии хотя бы $^{1}/_{1000}$ часть германских рабочих, с.-д. избирателей, когда - либо прочитала и переварила хотя бы самый маленький катехизис марксова учения» (стр. 252).

Идеал Реннера—«практик» Виктор Адлер. Этот «гениальный эмпирик» никогда не позволял над собой властвовать ни прошлому, ни «великим перспективам будущего», он не был во власти «аспектов столетий». Его

[1]) «Кампф», XXI, 6. стр. 249.
[2]) Там же, стр. 250.

главной отличительной чертой было—«не пропустить бы чего-нибудь, что необходимо для ближайшего шага» (254).

«Идеологи—по Реннеру—неизбежно являются плохими тактиками»—потому что они всегда ищут аналогий в историческом прошлом, будущее видят только сквозь призму теоретической «догмы», не понимают всего решающего значения практического опыта. «Полевых священников нельзя назначать полевыми командирами. Погибла та армия, которая это сделала бы» (стр. 255).

«Есть только эмпирический или индуктивный социализм теории, это—Карл Маркс. Есть только эмпирический или индуктивный социализм практики и тактики — образцовым представителем его является Виктор Адлер. А эмпирический социализм практики даже без теоретического понимания себя самого — это политика Английской Рабочей Партии» (254).

Таков идеал Реннера. От Карла Маркса,— которого «ученик» покровительственно похлопывает по плечу — линия ведет прямо к... оппортунисту из оппортунистов Виктору Адлеру, а в наши дни прямехонько к... Рамзэю Макдональду.

Правда, был еще на свете тоже небезызвестный марксист—Ленин. Он проделал «великие эксперименты». Но «никакая наука в мире не могла бы предсказать великого ленинского эксперимента, в том числе и сам экспериментатор» (стр. 252).

В результате: марксизм, конечно, есть некая, весьма почтенная наука. Но только «фанатики», только «секта верующих» может излагать ее именно так, непременно так, как это делал «экспериментатор» Ленин. Об «оттенках» можно мирно поспорить. Но нельзя «бросать спор в массы и делать судьями в споре тех, кому нехватает самых необходимых предпосылок для того, чтобы составить себе какое бы то ни было научное суждение» (255).

Поэтому—«против идеологов!» (250). «Назад к опыту!» «Не дедукция из марксовых учений в пользу большевизма, меньшевизма, реформизма и других измов, а—индукция!»

«Чтобы пояснить дело одним примером: это — настоящий позор для марксистской школы, что еще не сделано ни одного научного опыта тщательно собрать весь материал о конкретных экономических мероприятиях русского хозяйства и сравнить их (советские мероприятия) с мероприятиями по социализации во всех других странах, точно сопоставить результаты и т. д.». Другими словами: это «позор» для «марксизма» реннеровской школы, что «социальный заказ» буржуазии и буржуазной социал-демократии на «научное» обоснование преимуществ капиталистической «социализации» перед «экспериментами» Ленина выполняется так плохо. Но это дело поправимое, г. Реннер! Г-н Гильфердинг, хотя и обременен занятиями в министерстве финансов германской буржуазии, еще найдет досуги для такой «благодарной» работы. Да, наконец, еще держит перо в руках сам Каутский. На основании «индукции» мы хорошо знаем, что все эти «теоретики» охотно выполняют социальные заказы против диктатуры пролетариата.

Итог «глубокой» статьи Реннера: и марксизм «остался» «наукой», и неизвестно, что такое марксизм—«марксизмов» существует, оказывается, не менее дюжины. И «индуктивный метод» торжествует—и лучшим видом марксизма об'явлен «марксизм без Маркса». А главное—за смертью Виктора Адлера наиболее выдающимся воплотителем марксизма на земле оказался... Макдональд. Вполне достойное «теоретическое» введение к работам Брюссельского конгресса II Интернационала! Вариации на эту тему в Брюсселе разработали Бауэр, Вандервельде, Гендерсон и К°.

* * *

Самым «значительным» своим «открытием» г. Реннер считает, как мы видели, открытие «марксизма без Маркса», каковой «марксизм» нашел свое воплощение в Английской Рабочей Партии. В самом деле! Разве не посрамлены этим «открытием» «догматики» и «сектанты»? «История английского рабочего движения с 1900 г. со времени основания Английской Рабочей Партии обогатила нас именно этим открытием» (стр. 249). Разве это не факт, что величайшая из рабочих партий мира «совершенно сознательно отказывается от какой бы то ни было единой идеологии — марксистской, антимарксистской или какой бы то ни было другой» (249). Это ли не чудо? Прямо—обезглавление головы и других частей тела! Полное торжество «индуктивного метода»!

Помилосердствуйте, г. Реннер! Зачем клеветать на Макдональда? Абсолютно неверно, будто они отказываются от какой бы то ни было идеологии. Антимарксистская идеология в очень большом ходу у вождей Английской Рабочей Партии. Либерально-буржуазная идеология есть тоже идеология. И она-то и есть идеология Макдональдов, которые являются не чем иным, как проводниками буржуазного влияния на пролетариат. «Идеология» Английской Рабочей Партии имеет очень прочные корни в капиталистической действительности современной Англии.

«Реальный факт, что организация воспринимает в свои ряды все, абсолютно все, что принадлежит к классу; реальный классовый характер Рабочей Партии, это в глазах Макдональда гораздо важнее, чем классовая идеология» (стр. 249)—не унимается г. Реннер.

«Все, абсолютно все, что принадлежит к классу»? И как божиться-то не лень, г. Реннер! Ведь вам отлично известно, что рабочих-коммунистов Макдональды изгоняют из Рабочей Партии и из профсоюзов, что между Макдональдами и Джиксами есть простое разделение труда: Макдональды и Томасы исключают коммунистов из профсоюзов, а Джойнсоны Хиксы и Болдуины сажают их в тюрьму. Да, да, в тюрьму—по самому испытанному «индуктивному» методу, к которому в потенцированной форме прибегали и Носке и сам господин австро-марксист Реннер (во время своей министерской деятельности)! Вот так «реальное классовое единство»!

«Марксизм без Маркса»! Г-ну Реннеру, видимо, и невдомек, что именно марксизм-то один в состоянии об'яснить,—конечно, подлинный марксизм Маркса, Энгельса, Ленина,—почему же именно в Англии вот уже в течение ряда десятилетий мы имеем «буржуазное рабочее движение», в котором очень сильна либерально-буржуазная «идеология» и поэтому самому пока еще очень слаба «идеология» революционного марксизма.

Неужели г. Реннер так-таки ничего и не слышал о том, как еще с половины XIX века устанавливалась связь между оппортунизмом в английском рабочем движении и промышленной монополией Англии? Об этом когда-то умел писать и Каутский, когда он еще был марксистом.

Еще в письме Энгельса к Марксу от 7 октября 1858 г. говорилось: «Английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, повидимому, довести дело, в конце-концов, до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат рядом с буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, которая эксплоатирует весь мир, это до известной степени правомерно».

Еще 70 лет назад, таким образом, один из творцов научного коммунизма давал ключ к разрешению той «загадки», которую не может,—вернее, не хочет,— разгадать г. Реннер. А ключ этот годится и сейчас.

Пошляк Реннер называет Ленина «экспериментатором» и говорит, что «сам экспериментатор» не мог бы предсказать своей будущей дороги. О том, как Ленин применил учение Маркса к русским условиям, мы еще поговорим. Ну, а как «русский» Ленин отвечал на английскую «загадку», как применял он марксизм к условиям Англии и английского рабочего движения?

Ленин был вернейшим учеником и продолжателем Маркса. Ленинизм развил и обогатил марксизм в целом ряде областей. Только политические невежды или политические шарлатаны могут не знать, как много нового ленинизм сказал, между прочим, именно о проблеме социальных прослоек в самом пролетариате, как источнике раскола рабочего движения на оппортунистическое и революционное направления.

К вопросу о господстве оппортунизма в рабочем движении Англии Ленин обращался много раз. Не знать этих замечательных по своей глубине писаний Ленина стыдно для «ученого» г. Реннера. И, во всяком случае, незнание не есть аргумент. Особенно замечательны работы Ленина, написанные во время мировой войны.

В статье Ленина «Империализм и раскол социализма», написанной в октябре 1916 г., т.-е. за год до победы «эксперимента» Ленина в России, Ленин с исчерпывающей полнотой об'ясняет связь между оппортунизмом и империализмом в четырех крупнейших странах мира: трех главнейших странах Европы (Англия, Франция, Германия) плюс Америка. С особенной тщательностью Ленин прослеживает все теоретические обобщения, все даже отдельные замечания Маркса и Энгельса относительно зарождения оппортунизма в английском рабочем движении и связи этого явления с промышленной монополией Англии. Ленин прослеживает все замечания Маркса и Энгельса, начиная с 1858 г. (письмо Энгельса к Марксу от 7 октября 1858 г.) и кончая 1892 г. (предисловие Энгельса ко 2-му изданию «Положения рабочего класса в Англии»).

Те две тенденции, даже две партии в современном рабочем движении, которые так явно разошлись во всем мире, были «прослежены Энгельсом и Марксом в Англии в течение ряда десятилетий, приблизительно с 1858 г. по 1892 г.»,—писал Ленин. Маркс и Энгельс не дожили до империалистической эпохи. Но особенностью Англии было уже с половины XIX века то, что, по крайней мере, две крупнейшие отличительные черты империализма в ней находились налицо: 1) необ'ятные колонии и 2) монопольная прибыль. И Энгельс с Марксом, анализируя это исключение, совершенно ясно и определенно указывали связь его с победой (временной) оппортунизма в английском рабочем движении.

Когда Каутский в 1914—16 гг. в своем ренегатском усердии пытался и в этом пункте «исправить» Маркса и Энгельса, ссылаясь на то, что промышленная монополия Англии давно-де сломана, давно разрушена и ее нечего и нельзя-де вновь разрушать,— Ленин особенно подробно останавливался на фальши этого аргумента?

«В чем фальшь этого аргумента?

«В том, что, во-первых, обойдена колониальная монополия Англии... Если промышленная монополия Англии разрушена, то колониальная не только осталась, но чрезвычайно обострена, ибо вся земля уже поделена»...

«Во-вторых, почему монополия Англии об'ясняет победу оппортунизма (на время) в Англии? Потому, что монополия дает сверхприбыль, т.-е. избыток прибыли сверх нормальной... Из этой сверхприбыли капиталисты могут выбросить частичку (и даже не малую), чтобы подкупить своих рабочих, создать нечто в роде союза...—союза рабочих данной нации со своими капиталистами против остальных стран» (Н. Ленин, т. XIII, стр. 477).

«В 1848—68 гг. и частью позже монополией пользовалась только Англия; поэтому в ней мог на десятилетия победить оппортунизм... Последняя треть XIX века была переходом к новой империалистической эпохе. Монополией пользуется финансовый капитал не одной, а нескольких, очень немногих, великих держав... Тогда рабочий класс одной страны можно было подкупить, развратить на десятилетия. Теперь это невероятно, пожалуй, даже невозможно, но зато меньшие (чем в Англии в 1848—68 гг.) прослойки «рабочей аристократии» подкупить может и подкупает каждая великая держава. Тогда «буржуазная рабочая партия», по замечательно глубокому выражению Энгельса, могла сложиться только в одной стране... Теперь «буржуазная рабочая партия» неизбежна и типична для всех империалистических стран, но в виду отчаянной борьбы за дележ добычи невероятно, чтобы такая партия могла надолго победить в ряде стран» (там же, стр. 478—479).

Вслед за Марксом и Энгельсом Ленин с несравненным мастерством вскрыл новейшую стадию «рабочего империализма», расцветшего прежде всего в Англии.

Пусть г. Реннер назовет нам другого «иностранного» деятеля рабочего движения, который так тщательно изучал каждый практический шаг рабочего движения Англии и, в частности, Английскую Рабочую Партию, как это делал Ленин.

Ленин был «русский», и, согласно Реннеру, ему полагалось по штату обогащать только русский опыт. Но Ленин задолго до Реннеров отдавал себе ясный отчет в том, какую большую всемирно-историческую роль предстоит сыграть английскому рабочему классу и какое поэтому гигантское значение имеет образование массовой рабочей партии в Англии, даже когда она находится в руках реформистов.

В октябре 1908 г., — т.-е. двадцать лет назад — впервые во II Интернационале поставлен был вопрос о принятии в ряды Интернационала Английской Рабочей Партии. Ленин был тогда членом Международного Социалистического Бюро и стоял на левом крыле его. Как же высказался Ленин по этому вопросу? Он выступил за принятие этой партии, несмотря на ее реформизм,—именно в виду ее массового характера и в виду чрезвычайного своеобразия тогдашнего положения в этой партии Но, именно, Ленин поставил вопрос по-марксистски. Каутский, который тогда еще не порвал с марксизмом, сделал принципиальные поблажки реформизму Английской Рабочей Партии. Виктор Адлер рассуждал, как от'явленный оппортунист. Один Ленин уже тогда проявил так много дальнозоркости в этом — не «русском», а «английском»—вопросе, что ленинцы в праве за одно это гордиться своим учителем. Ленин сказал по этому важному вопросу в 1908 году то, что сказал бы Маркс и Энгельс, если бы они были живы.

Вопрос этот настолько интересен, что мы позволим себе почти полностью привести описание, сделанное Лениным, тому заседанию Международного Соц. Бюро, на котором впервые решался вопрос об Английской Рабочей Партии.

Вот это описание:

«Первый вопрос порядка дня,—о допущении английской «Рабочей Партии» («Labour Party»),—занял все предобеденное заседание. Дело в том, что по уставу Интернационала членами его могут быть, во-первых, социалистические партии, признающие классовую борьбу, и, во-вторых, рабочие организации, стоящие на точке зрения классовой борьбы (т.-е. профессио-

нальные союзы). Образовавшаяся недавно в английской палате общин «Рабочая Партия» не называет себя открыто социалистической и не признает решительно и определенно принципа классовой борьбы. Но, само собою разумеется, что в Интернационал вообще и на Штутгартский Социалистический Конгресс в частности эта «Рабочая Партия» была допущена, ибо по существу дела эта партия есть организация смешанного типа, стоящая между теми двумя типами, которые определены в 1-м и во 2-м пункте устава Интернационала,—представляющая из себя политическое представительство английских трэд-юнионов. Тем не менее, вопрос о допущении этой партии был поднят и поднят ею самой в лице так называемой «Независимой Рабочей Партии», составляющей одну из двух подсекций британской секции Интернационала. Другую подсекцию составляет «С.-Д. Федерация».

«Независимая Рабочая Партия» требовала прямого признания того, что «Рабочая Партия» входит в Интернационал. Делегат ее, Брус Глейзиер, настаивал на громадном значении этого представительства в парламенте сотен тысяч организованных рабочих, все определеннее и определеннее идущих к социализму. О принципах, формулах, катехизисе он отозвался очень пренебрежительно. Каутский отвечал ему, отгораживая себя от этой пренебрежительной оценки принципов и конечной цели социализма, но всецело высказываясь за допущение «Рабочей Партии», как ведущей классовую борьбу на деле. Каутский предложил резолюцию такого содержания:

«Принимая во внимание прежние решения Международных Конгрессов, допускающие все организации, которые стоят на почве пролетарской классовой борьбы и признают политическую борьбу, Международное Бюро об'являет, что английская «Рабочая Партия» допускается на Международные Социалистические Конгрессы, так как она, не признавая прямо пролетарской классовой борьбы, ведет ее, тем не менее, на деле и становится на почву ее самой своей организацией, которая независима от буржуазных партий»...

«Я взял слово, чтобы присоединиться к первой части резолюции Каутского. Невозможно отказать в допущении «Рабочей Партии», т.-е. парламентского представительства трэд-юнионов, раз Конгрессы допустили уже раньше все трэд-юнионы вообще, даже передававшие свое представительство буржуазным парламентариям. Но неправильна,—сказал я,—вторая часть резолюции Каутского, ибо на деле «Рабочая Партия» не является действительно независимой от либералов и не ведет вполне самостоятельной классовой политики. Я предложил поэтому поправку: сказать в конце резолюции, начиная со слова «так как», —

«так как она (Рабочая Партия) представляет собой первый шаг действительно пролетарских организаций Англии к сознательной классовой политике и к социалистической рабочей партии».

«Эта поправка была мной внесена в Бюро. Каутский не принял моей поправки, заявивши в следующей своей речи, что на основании «ожиданий» Международное Бюро не может принимать решений... Отмечу еще, что Виктор Адлер, говоря после меня и до второй речи Каутского, возразил мне таким образом: — цитирую по отчету бельгийского социалистического органа «Le Peuple», дававшего наиболее подробные и точные отчеты о заседаниях, — «предложение Ленина соблазнительно (séduisante, Адлер сказал: verlockend заманчиво), но он не может заставить нас забыть тот факт, что «Рабочая Партия» встала вне буржуазных партий. Не наше дело судить, как она это сделала. Признаем факт прогресса»...

«Интернационал поступил бы безусловно неправильно, если бы не выразил прямо и решительно своего полнейшего сочувствия этому громадному шагу вперед массового рабочего движения в Англии, своего поощрения начавшемуся в колыбели капитализма великому перевороту. Но из этого вовсе не следует, чтобы «Рабочую Партию» можно было теперь уже признать

на деле независимой от буржуазии партией, ведущей классовую борьбу, социалистической и т д.». (Н. Ленин Соб. соч., т. XI, ч. 1, стр. 126, 127, 128, 129, 130).

Повторяем, пусть г. Реннер назовет нам другого марксиста, который в оценке английской Рабочей Партии проявил бы так много внимания, такта к массовому рабочему движению в Англии, даже возглавляемому реформистами, и так много здорового марксовского недоверия к вождям-реформистам, «идеологам» реформизма. «Великий эмпирик» Виктор Адлер, как видит читатель, ничегошеньки не понял в 1908 году в характере английской Рабочей Партии. А великий «экспериментатор» Ленин показал самый реалистический подход к сложной проблеме английской Рабочей Партии.

Ленин никогда не «игнорировал» реформистское рабочее движение в Англии только за то, что оно реформистское. Он изучал его сам и помогал изучать его другим (он, например, еще в 90-х годах перевел на русский язык известную книгу Вэббов о трэд-юнионах). И он умел с такой же глубиной, как ранее Маркс и Энгельс, оценивать английское рабочее движение.

До 1914 года Ленин и его сторонники входили во II Интернационал и считали возможным — на известных условиях — сидеть в нем вместе даже с английской Рабочей Партией. После краха II Интернационала в 1914 году, после перехода английской Рабочей Партии на сторону воинствующего империализма в 1914—1918 гг. об этом, конечно, более не могло быть и речи. Но о своеобразии и массовом характере английской Рабочей Партии Ленин не забывал и сейчас.

В 1920 году—в «Детской болезни «левизны» и в речах на втором конгрессе Коминтерна — Ленин вновь дал нам замечательные по глубине образцы марксистских оценок своеобразия английского рабочего движения.

А вот теперь — в 1928 году — приходит Реннер и делает «открытие», что нынешняя английская Рабочая Партия, возглавляемая Томасами и Макдональдами, есть «марксизм без Маркса», есть воплощение марксизма на земле. Предательство стачки горняков и всеобщей забастовки 1926 г., продолжение грабительской политики в Индии во время премьерства Макдональда в «рабочем» правительстве, поддержка Чемберленов, когда они громят китайскую революцию и готовят войну против СССР, поддержка «мондизма», доброжелательное отношение к черносотенному биллю о профсоюзах—все это тоже «марксизм без Маркса», г. Реннер? Что же тогда называется национал-либеральной «рабочей» политикой, что же называется черным предательством дела пролетариата?

* * *

«Никогда рабочий класс во всем мире не упускал случая для борьбы, раз только эта возможность борьбы представлялась ему—в мастерской ли, на заводе или при создании революционной ситуации во всем государстве. Напротив. Рабочий класс навлек на себя бесчисленные малые поражения и многие большие катастрофы именно потому, что стихийные аппетиты масс всегда идут дальше, чем то, что действительно достижимо» (стр. 251).

В первой из этих фраз г. Реннера содержится грубейшая лесть рабочим, направленная к тому, чтобы замазать предательскую роль с.-д. вождей. Грубо польстив массе в первой фразе, автор тут же во второй фразе изображает массу толпой, которая руководится только слепыми «аппетитами»— и этим автор хочет взвалить на стихийность массы все те действительные беды, поражения и катастрофы, которые навлекают на рабочий класс измены с.-д. вождей.

Неправда, что никогда рабочий класс во всем мире не упускал ситуаций, пригодных для борьбы. Он упустил ее, например, в конце империалистской войны в 1918—1919 гг. в таких передовых и культурных странах, как Германия, Австрия, Франция и т. д. Конечно, в этом приходится видеть не вину, а беду рабочего класса. Пролетариат упустил тогда революционную ситуацию именно потому, что налицо была сильная — слишком сильная!— социал-демократия, ставшая к этому времени буржуазной рабочей партией. Он упустил ее не только потому, что у него не было еще достаточно сильных марксистских, т.-е. большевистских, партий, но именно потому, что его связали по рукам и ногам сильные антимарксистские, т.-е. социал-демократические партии. Не чрезмерные стихийные «аппетиты» масс, а переход на сторону буржуазии рабочей бюрократии и рабочей аристократии навлекли на рабочий класс поражения и катастрофы.

Достаточно напомнить лишь, некоторые факты того времени.

Эберт, уже будучи президентом германской республики, сам рассказал на известном судебном процессе, как он и весь ЦК германской с.-д. партии просаботировали стачки рабочих, входили в стачечные комитеты с одной целью— разложить ряды рабочих, «возглавить, чтобы обезглавить», как с.-д. вожди до последней минуты боролись против революции, против низвержения кайзера и т. п.

Только с.-д. вождям, руководителям «буржуазной рабочей партии», т.-е. агентам буржуазии в среде рабочих, могло удаться так легко деморализовать Советы Рабочих и Солдатских Депутатов в Германии. Только вождям социал-демократии могла удаться такая драгоценная для буржуазии «работа», как проведение с.-д. партией решения на всегерманском с'езде Рабочих и Солдатских Депутатов о своем собственном роспуске. В недавно вышедшей книге майора Фолькмана приведены «тезисы» Людендорфа и Гинденбурга (тогдашнего верховного командования) от 16 ноября 1918 года о необходимости вхождения офицеров в Советы Солдатских Депутатов. «Интеллигентные и благонамеренные элементы Солдатских Советов (т.-е. соц.-дем.) сумели добиться того, что рядовые солдаты вновь вспомнили о военной дисциплине. Советы Солдатских Депутатов, таким образом, часто умели стать той организацией доверия, которая путем идейного воздействия возвращает офицеру силу командования над рядовым». (Майор Эрик Отто Фолькман, «Марксизм и немецкое войско в мировой войне», стр. 317—319 нем. изд.).

Эту неоценимую для буржуазии контрреволюционную работу выполняли с.-д. вожди всюду, где начинали бушевать волны подлинной революции.

То же самое происходило и в Австрии.

Нынешний «левый» вождь II Интернационала, Отто Бауэр (друг г. Реннера), так описывает дни переворота 1918 г. в Австрии:

«В дни переворота типом революционера был «демобилизованный», возвращающийся домой солдат, преисполненный, вследствие ужасных переживаний, дикими (!) страстями, убежденный, что оружием и ручными гранатами он может насильственно опрокинуть все существующее». Но против этого типа революционера выступили, видите ли, другие «типы». «Это были те десятки тысяч доверенных людей с.-д. партии, профсоюзов, членов рабочих и солдатских советов, фабрично-заводских комитетов, которые путем работы, полной величайшего сознания ответственности, направляли пробужденную революцией энергию масс, готовых погубить в своем революционном бешенстве (!!) самую революцию, на плодотворную творческую работу» («Австр. Революция», русск. пер.—89).

Да, «заслуги» этих других «типов»—«доверенных лиц» с.-д. партии, чиновников, верхов буржуазной рабочей партии—неизмеримо велики. Это они спасли «свою» буржуазию от «красногвардейского социализма» (как любили говорить «наши» меньшевики), это они посильно спасали свою европейскую буржуазию от «волны большевизма, прокатившейся по всей Европе» (Бауэр). Только «буржуазная рабочая партия» и могла спасти буржуазную «цивилизацию» от разыгравшегося «безумия стихий».

Послушайте, как описывает положение тот же Отто Бауэр:

«Революция разбила аппарат господствующего милитаризма, подавляющего рабочий класс. Последний стал свободным. Он уже не подчинялся никакой военной силе...

В казармах фактическая власть находилась не в руках офицеров, а солдатских советов. Никакая принудительная военная сила не могла заставить народную армию подчиняться капиталистическому правительству...

Рабочие и солдаты могли каждый день установить пролетарскую диктатуру. Не было силы, которая могла бы им в этом воспрепятствовать... (там же, стр. 178).

Во время дискуссий, которые велись в солдатских советах, происходила борьба между с.-д. и коммунистами. Солдаты надеялись с оружием в руках добиться победы пролетариата...

«Диктатура пролетариата. Вся власть Советам» — только и слышно было на улицах» (там же, стр. 118).

Так кипели рабочие массы. Так рвались они свергнуть власть капиталистов. При таком положении дел поистине на вес золота ценились услуги, оказанные капиталистам «доверенными лицами» социал-демократии, которые одни только сумели «утихомирить» разбушевавшиеся страсти—конечно, не без помощи «офицеров старой армии», не без «маленького» кровопускания рабочим.

Оценивая эту полосу революционного кризиса, Ленин в речи, подводившей итог первому году работы Коминтерна, говорил:

«Если бы Интернационал (имеется в виду II Интернационал) не был в руках предателей, которые спасли буржуазию в критический момент, то много шансов было бы на то, что во многих воюющих странах непосредственно с окончанием войны, а также в некоторых нейтральных странах, где был вооружен народ, революция могла бы произойти быстро, и тогда исход был бы иным».

А небезызвестные вам венские события июля 1927 года, г. Реннер? Массы-то, действительно, не хотели упустить случая свести счеты с подлейшей реакционной буржуазной кликой. Но какова оказалась тут роль австрийской с.-д. партии, возглавляемой «австро-марксистским центром»? Вожди австрийской с.-д. побили все рекорды самого низкого, самого отвратительного предательства. Ведь еще на-днях, в годовщину венских событий, эти забрызганные кровью рабочих «вожди» вместе с Зейпелем оплакивали убитых в июле 1927 года фашистских громил и полицейских с такой елейностью, с такими обильными слезами, что трудно было все это читать без омерзения. Когда смотришь на фотографический снимок, где с.-д. вожди: Реннеры, Зейцы и К°—сняты на похоронах жертв венского восстания вместе с попами, буржуазными парламентариями и полицейскими, то живо вспоминаешь картину похорон контрреволюционных казаков в июльские дни 1917 г. в Питере. Вожди «наших» эсэров, гг. Керенские и К°, тоже в окружении попов, полицейских и белогвардейской сволочи, оплакивали не убитых белой гвардией рабочих, а убитых рабочими белогвардейцев.

В восстании венских рабочих в июле 1927 года был подлинный марксизм массы. Ну, а ваша роль, г-да Реннеры? Это была роль Носке в переводе на «австрийский» язык...

* * *

Чтобы прикрыть эту трижды позорную контрреволюционную роль социал-демократии—только для этого понадобилась вся «новая» теория г. Реннера относительно существования нескольких «марксизмов». Мы все «марксисты»—каждый по-своему! Мы все обобщаем «опыт» своей страны—каждый «марксизм» по-своему! Да здравствует «опыт», да здравствует «практика», да здравствует «гениальный эмпиризм», «индуктивный метод», да здравствует реализм масс! Неужели вы против этого?...

Что рабочий класс каждой страны внесет в международную революцию нечто свое, будет итти к ней своими путями, что драгоценен опыт самих масс—не вам, г. Реннер, учить этому марксистов. Тут вы бьете нам челом нашим же добром.

Марксизм весь стоит на диалектике.

«Вся теория Маркса,—писал Ленин,—есть применение теории развития—в ее наиболее последовательной, полной, продуманной и богатой содержанием форме—к современному капитализму. Естественно, что для Маркса встал вопрос о применении этой теории и к предстоящему краху капитализма и к будущему развитию будущего коммунизма.

На основании каких же данных можно ставить вопрос о будущем развитии будущего коммунизма?

На основании того, что он происходит из капитализма, исторически развивается из капитализма, является результатом действий такой общественной силы, которая рождена капитализмом.

У Маркса нет и тени попытки сочинять утопии, по пустому гадать насчет того, чего знать нельзя. Маркс ставит вопрос о коммунизме, как естествоиспытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении видоизменяется» (Том XIV, ч. 2, стр. 365—366).

Или в другом месте:

«Основную задачу тактики пролетариата Маркс определял в строгом соответствии со всеми посылками своего материалистически-диалектического миросозерцания... На каждой ступени развития, в каждый момент тактика пролетариата должна учитывать.. об'ективно неизбежную диалектику человеческой истории» (В. И. Ленин. «Маркс. Энгельс. Марксизм», изд. Института Ленина, 1925 г., стр. 29—30).

Несколько «марксизмов» это на деле значит—никакого марксизма. Вот что хочет сказать г. Реннер!

«Если под марксизмом понимать эмпирическую науку, а не идеологию, тогда легко понять, что законченной науки о вещах, которых Маркс сам не пережил, сам не видел, вообще существовать не может,—поучает Реннер.—Ведь Маркс умер вот уже 1½ поколения назад... Его теоретические положения ни в коем случае не должны рассматриваться, как каноны для наших действий» (Реннер, там же, стр. 255).

«Теория» нескольких «марксизмов» есть крайне удобное оправдание для теории взаимной амнистии социал-предателей различных стран. Ведь в начале империалистской войны 1914 года и Шейдеман с Эбертом, с одной стороны, и Вандервельде с Реноделем, с другой стороны, защищая капиталистов «своей» страны, одинаково ссылались на «марксизм». А Каутский и весь «марксистский центр» примиряли тех и других ссылкой именно на то, что и те и другие только обобщают опыт своей страны...

Если рабочих заставить «немножко» перерезать друг друга в империалистской войне за «защиту отечества» капиталистов—это ведь тоже можно об'яснить различными «оттенками», различными толкованиями «марксизма». Если помочь империалистам задушить революцию в Китае или об'явить «демократическую войну» против СССР—это ведь тоже можно истолковать, как борьбу за «марксизм», только несколько по-иному понимаемый.

Формула «марксизма без Маркса» есть только перефразировка энгельсовой формулы «буржуазного рабочего движения». Только Энгельс говорил о последнем, бичуя либеральную рабочую политику А Реннер—прикрывая и восхваляя ее. Рабочее движение без марксизма — вот что хочет провозгласить своей теорией «дюжины марксизмов» г. Реннер. Рабочее движение без пролетарской революционности—вот идеал современных «передовых» либеральных рабочих политиков.

И для этого пускается в ход все. Для этого можно в «изящной», легкой, «венской», «остроумной» форме чуточку подшутить даже над самим собой. «Я, конечно, не такой чудак, чтобы в момент, когда сам доказываю, что теперь существует более чем полдюжины марксистских школ, я стал утверждать, что именно моя интерпретация Маркса единственно правильна и спасительна»—пишет Реннер (стр. 250). Какая «тонкая» постановка вопроса! «Нам» не нужно «монополии» правильного понимания марксизма. С «нас» достаточно все осмеять, по всем направлениям посеять скептицизм, все облить ядом раз'едающих сомнений, под видом «науки» преподнести утонченнейшую подделку под марксизм, дать «теоретическую» энциклопедию и «научную» базу для измен. Пока с «нас» достаточно этого идеологического яда. А придет вновь пора стрелять в спину рабочим, разгонять их Советы, выпускать против них фашистские банды—это сумеют отлично сделать наши «практики»...

* * *

Чтобы «откупиться» от марксизма и под этим прикрытием протащить свою национал-либеральную контрабанду, г. Реннер подводит следующий итог:

«Учения русского большевизма представляют собой только индуктивное оправдание русского опыта. как нынешний немецкий марксизм является индукцией германского опыта, а австро-марксизм—специфически австрийского опыта. Но каждое из этих учений ограничено не только географически—каждое из них представляет еще только опыт вчерашнего и позавчерашнего дня» (стр. 253).

Вздор, г. Реннер!

Большевизм отнюдь не представляет собой какой-то «русский социализм», как того хотелось бы г. Реннеру.

Большевизм представляет собою, конечно, также и русский опыт—но не только его. Большевизм есть марксизм современной эпохи. Ленинизм есть марксизм эпохи монополистического капитализма (империализма), империалистических войн и пролетарских революций. Эту формулу официально принял Коминтерн в 1925 году, и она абсолютно верна. Большевизм есть теория и тактика мировой революции.

Если поверить Реннеру, то сам «экспериментатор» Ленин не смог бы предсказать своих «экспериментов» 1917 года! Г-н Реннер, видимо, и не слышал, что уже в 1894 году в одном из первых своих произведений («Что такое друзья народа?») Ленин в основном изложил учение большевизма применительно к условиям России и что с тех пор основная мысль большевизма—гегемония пролетариата в демократической революции в России и перерастание этой революции в социалистическую под диктатурой рабочего класса—красной нитью проходила более 25 лет через все сочинения Ленина. Г-н Реннер, видимо, не слышал и о том, что уже в 1915 году Ленин от имени нашей партии—тогда гонимой и бешено преследуемой царизмом и мировой буржуазией «секты»—отвечал на вопрос, «что бы сделала партия пролетариата, если бы революция поставила ее у власти в теперешней войне», и отвечал именно в духе будущего «эксперимента» 25 октября 1917 года (см. известные ленинские «Несколько тезисов» от 13 октября 1915 года).

На свете существует только один марксизм: Маркса, Энгельса, Ленина.

Следуя Энгельсу («От утопии к науке», «Анти-Дюринг»), Ленин справедливо указывает на то, что марксизм является продолжением и завершением трех главных идейных течений XIX века: 1) классической немецкой философии, 2) классической английской политической экономии и 3) французского социализма.

«Учение Маркса всесильно, потому что оно верно. Оно полно и стройно, давая людям цельное миросозерцание, непримиримое ни с каким суеверием, ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного гнета. Оно есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма» (Н. Ленин, соб. соч., т. XII, ч. 2, стр. 55).

При своем возникновении научный социализм должен был, как и всякая новая теория, использовать идейный багаж, который он застал при своем появлении. Таким материалом и являются указанные три источника марксизма.

В статье «Карл Маркс» Ленин отмечает следующие составные части миросозерцания Маркса: философский материализм, диалектику, материалистическое понимание истории, экономическое учение, научный социализм и тактику классовой борьбы пролетариата,—разумеется, включая сюда учение о диктатуре пролетариата. Марксизм в своем исследовании охватывает как вопросы жизни природы, так и вопросы общественного развития. Но марксизм не только «об'ясняет» мир, но намечает и пути изменения мира.

Маркс и Энгельс подытоживали прежде всего опыт общественных движений во Франции, Англии и Германии. Ленинизм, вырастая из учения Маркса и опыта Запада, боролся в первых рядах против извращений марксизма западно-европейскими социал-демократами (борьба Ленина против оппортунизма вообще и каутскианства в частности), и в то же время ленинизм, пользуясь методом Маркса, смог подытоживать уже и опыт великих революционных движений на Ближнем и Дальнем Востоке и на границах к Востоку— в России, Китае, Индии и т. д.

Без Маркса нет Ленина. Но после того, что сделали с марксизмом вожди II Интернационала, после той «ревизии» марксизма, которую проделали Каутский и К° под флагом Маркса (особенно в борьбе этих ренегатов марксизма против пролетарской диктатуры в России), приходится сказать, что без ленинизма в нынешней обстановке не может быть революционного марксизма.

Ленинизм одержал свою первую непосредственную победу в стране с большинством крестьянского населения (Россия). Но как сама русская революция выросла из всей международной обстановки, так и ленинизм есть продукт всего международного пролетарского движения. Очистив марксовы оценки великих пролетарских движений XIX века (чартизм, Парижская Коммуна) от оппортунистических извращений, прибавив к этому марксистскую оценку опыта растущих новых массовых пролетарских движений Европы, Америки и других частей света, учтя великое значение крестьянских и национально-революционных движений, заявивших о себе с особой силой с начала XX века,—Ленин поднял учение Маркса на новую высоту.

Будущее принадлежит марксизму-ленинизму.

Б. Маркус.

Рабочее время в СССР.

(Ответ международному бюро труда при Лиге Наций).

В связи с манифестом ЦИК СССР и началом проведения 7-часового дня международное бюро труда при «Лиге Наций» сочло необходимым и своевременным предпринять экскурсию в область проблемы рабочего времени в СССР. Экскурсии этой усиленно хотели придать характер об'ективного, нейтрального исследования с научной целью. Для исполнения этой миссии дозарезу необходим был хотя бы напрокат какой-нибудь «профессор», который принял бы на себя роль «маститого» знатока рабочего вопроса в СССР. На всякий спрос находится соответственное предложение. Нашлось и здесь. Правда, лицо какого-нибудь Загорского или Шварца давно слиняло от житейских передряг, поблекло и потерлось от времени, но зато оно оказалось совершенно подходящим под символически желтый цвет обложек всех изданий бюро труда при Лиге Наций. Осталась одна неприятность—имя... Имя, увы, слишком компрометирующе пахнет даже в Европе. Бюро Труда решило перехитрить: оно выпустило автора в свет анонимно, выдав его лицо за свое собственное и приняв тем самым на себя ответственность за высказанные в статье положения и взгляды. Маска, конечно, не скрывает торчащих длинных ушей меньшевика, но самый маскарад и знаменателен и поучителен.

Бюро труда при Лиге Наций, бюро предпринимателей и реформистов, призванное в силу самого своего существования морочить рабочих обещаниями будущих благ «в мировом масштабе», давно уже оскандалилось на практике своей полной бездеятельности в области практического улучшения условий труда. За 10 лет, прошедших со времени подписания Версальского договора, возлагавшиеся на него надежды и иллюзии развеялись, как дым; как мыльный пузырь, лопнули чаяния некоторых наивных людей на то, что от этой овцы, пасущейся на подножном корму на лугах Лиги Наций, можно будет получить хоть какой-нибудь шерсти клок. Находятся, однако, еще по сей день простаки, носящие вату в ушах, воспринимающие жизнь сквозь формулу «все существующее разумно и благо». Они силятся найти оправдание существованию бюро труда и находят его в том, что бюро якобы играет положительную роль, как источник правильной международной информации о положении труда в разных странах. Конечно, такая «простота хуже воровства», но с ней приходится считаться, как с фактом. С ней приходится еще бороться. В расчете именно на таких простачков бюро труда предоставляет страницы своих печатных органов перу некоторых авторов, профессионально занятых систематическим обманом читателя. На примере той статьи, которую нам придется разобрать, качество информации бюро труда видно весьма прозрачно.

Сначала на французском языке в мартовском и апрельском номере «Revue internationale du Travail», позже в майском и июньском номере

«Internat. Rundschau der Arbeit» появилась пространная статья, носящая название «Проблема нормального рабочего времени в Советском Союзе».

Не удержавшись на намеченном спокойно повествовательном тоне, подкрепленном «ученым» арсеналом цитат и ссылок, автор статьи то и дело сбивается на иронически ядовитые кавычки и под конец, касаясь проблемы семичасового рабочего дня, переходит просто на беззастенчивый крик буржуа, призывающего полицию на помощь против красного призрака.

Рядясь в шелуху левых фраз, бюро труда делает вид, что оно недовольно нашей «правизной», допущенными нами «отступлениями» от принципа 8-часового рабочего дня. Оно беспокоится за судьбу наших рабочих и дает им следующий бескорыстный совет:

«Было бы благодарной задачей российской рабочей политики побороть нарушения восьмичасового дня в промышленности, на транспорте и далеко идущие исключения для многочисленных других групп нанявшихся и доставить полную победу принципу 8-часового рабочего дня. Для достижения этой цели необходимо еще как-никак проделать большой обратный путь».

Внезапно, однако, наш «левый» критик делает головокружительную мертвую петлю и, появляясь совсем не с левой стороны, с головой выдает себя. Он вынужден признать, что говорит все это только для того, чтобы «доказать» несвоевременность об'явления перехода на 7-часовой рабочий день. Вот здесь-то и зарыта собака:

«Однако (!) сейчас советское правительство об'явило, что ставит целью своей политики проведение в ближайшие годы семичасового рабочего дня для промышленных рабочих».

Автор спешит с удовлетворением пожать руку троцкистам, он удостоверяет правоту оппозиции ВКП(б), подчеркивавшей на юбилейной сессии ЦИК Союза, что введение 7-часового дня якобы «вызвано мотивами демагогического порядка» «стремлением» перекозырять «оппозицию социально-политическим радикализмом». Впрочем, тут же он добавляет и свою аргументацию. С видом петуха, самодовольно извлекающего из навозной кучи жемчужное зерно, он возвещает миру:

«..На юбилейное обещание влияли, вероятно, частично наивные хозяйственно-политические соображения, а именно стремление повышенного использования технического оборудования производства путем введения широко распространяемых ночных работ (системы 2-х и 3-х смен) также для женщин, а при надобности и для несовершеннолетних».

С той же развязностью автор утверждает далее, что советская власть заметно стремилась подождать еще с проведением семичасового рабочего дня, но идея эта нашла глубокий отклик в стране, что на местах ее восприняли всерьез, поэтому-де ВСНХ был вынужден издать приказ, запрещающий перевод предприятий на 7-часовой рабочий день вне твердого плана и без особого разрешения правительственной комиссии, а ВЦСПС подтвердил эту мысль в информационно-директивном письме. Намекая на то, что этим-де доказано, что в центре бьют отбой, автор многозначительно заканчивает статью утверждением, что «трудно при этих обстоятельствах еще сказать, будет ли об'явленный принцип 7-часового дня иметь где-либо практическое значение» [1]).

Надо отдать справедливость, во имя «доказательства» этих центральных утверждений, автор не пожалел трудов. Он кропотливо подобрал, вер-

[1]) Характерная деталь: в немецком тексте, вышедшем в свет на 2 месяца позже французского, «для стройности» текста выпущено даже упоминание о текстильных фабриках, перешедших уже на 7-часовой день в 1928 году.

нее отобрал, материал об истории законодательного регулирования рабочего времени в России, начиная от царя-гороха до наших дней. Здесь изложено и царское законодательство о рабочем времени и «заслуги» деятелей временного правительства. При этом нам показывают «чудеса в решете»: реакционнейший закон о рабочем времени, устанавливавший 11½-час. день, изданный в 1897 году, закон, ухудшавший фактическое положение рабочих, закон, подвергнутый в свое время уничтожающему огню убийственной критики т. Ленина [1]), оказался столь благодетельным, что позволил отнести царскую Россию к числу «немногих государств в Европе, которые издавна ограничивают законом рабочее время не только женщин и подростков, но и взрослых мужчин».

Столь же «нечаянно» автор сообщает, что среднее рабочее время в промышленности при царизме перед войной «составляло 9,6 часа». Видимо только «неосведомленность» или «стыдливость» не позволила упомянуть, что фактическое среднее рабочее время вместе со сверхурочными составляло к 1913 г.—10 часов [2]). К тому же из 2-х млн. пром. рабочих, подчиненных надзору фабр. инсп, в 1913 г. 10 часов и больше работало 58,9% всех рабочих, в т. ч. 15,5%—больше 11 часов [3]).

Далее автор, что называется, из кожи лезет вон, чтобы доказать, что уже Февральская революция принесла 8-часовой день для **большинства** нанявшихся в промышленности, транспорте и торговле. Пользуясь случаем, он делится с нами новостью, о которой мы до сих пор и не подозревали: оказывается, на ряду с Загорским отцом неизданного меньшевистского закона о 8-час. дне был проф. А. Быков—тот самый, который раньше был фабричным инспектором, а позже, через 3 года после Октября, оказался расстрелянным ленинградской ЧК за контрреволюцию. Истина, стоящая нашего внимания, хотя бы потому, что великолепно иллюстрирует, каким людям вверяли меньшевики заботы о рабочем законодательстве. Однако, и здесь слеза, уроненная по «убиенном» Быкове, затуманила взор «исследователя», он случайно опускает цифровые данные, а они как раз свидетельствуют о том, что не только на транспорте и в торговле, но даже в промышленности, где часть рабочих, не спросся разрешения меньшевиков, успела захватным порядком осуществить 8-часовой день, — даже в промышленности средний рабочий день вместе со сверхурочными составлял в 1917 году все еще 8,92 часа, т.-е. 9 часов без пяти минут [4]).

Совершенно иначе «пишется история» после Октября 1917 года. Употребив красные чернила на период Февральской революции 1917 года, автор пишет дальше какой-то розовой жидкостью, которая становится совершенно бесцветной, когда речь заходит о положительных чертах советского трудового законодательства. Снисходительно одобрив декрет о 8-часовом рабочем дне от 29 октября 1917 года и даже Кодекс Труда 1918 года, наш прокурор делает пару выпадов против редакции КЗоТ 1922 года. При этом особенного внимания его заслужило примечание к ст. 94 КЗоТ, устанавливающее ненормированный рабочий день для ответственных работников (какие же варвары наши ответственные полит-, проф- и совработники: не поблагодарили даже тех, кто о них так заботится!).

[1]) См. Н. Ленин—«Новый фабричный закон», т. I, Собр. Соч. ГИЗ. 1924 г., стр. 301—340.

[2]) См. С. Струмилин—«Заработная плата, производ. труда в русской промышленности в 1913—1922 гг.». Москва, 1923 г., стр. 49. Косвенно подтверждено сборником ЦСУ—«Итоги десятилетия советской власти в цифрах». 1917—1927 гг. (стр. 338), где приведены данные без сверхурочных работ.

[3]) Данные фабричной инспекции,—цитирую по книге Шварц и Зайцев—«Молодежь СССР в цифрах», стр. 21 и 36.

[4]) См. Струмилин—там же.

Далее развертывается огонь по всей линии фронта: ведется подробное изложение отдельных наших законов, направленных якобы «к далеко идущему ослаблению регулирования рабочего времени в СССР». Наша ахиллесова пята, оказывается, находится в следующих четырех направлениях.

1. Мы виновны в том, что применение ненормированного рабочего дня постепенно было распространено значительно шире, чем это указано рамками примечания к ст. 94 КЗоТ (речь идет о ненормированном дне на транспорте, для специалистов, оплачиваемых по индивидуальным договорам).

2. Мы грешны тем, что мысли о продолжительности присутствия на работе («Arbeits bereitschaft») противопоставляется мысль «об эффективном» рабочем дне, которому придается все большее распространение (месячный учет рабочего времени, эффективный рабочий день для ряда работников на транспорте, регулировка работы для домработниц).

3. Понятие о сезонных работах толкуется распространительно, причем для сезонных рабочих установлено якобы «эластично» растягиваемое рабочее время и игнорирование принципа 8-часового дня (на практике, мол, удлинение рабочего дня применяется для сезонных работ, не перечисленных в списках НКТ СССР, не урегулирован рабочий день в крестьянских хозяйствах).

4. Наконец, число допущенных сверхурочных часов повышается применением их для целого ряда отраслей труда, круг коих значительно шире, чем одни лишь сезонные работы.

Эти общие рассуждения автор пытается далее подкрепить цифровым материалом о фактическом рабочем времени. Тут он пользуется изумительно «честным» приемом. Приведя таблицу с данными ЦСУ о рабочем времени, показывающими на ряду с прочими моментами, что в 1926 году средний рабочий день в СССР вместе со сверхурочными работами составлял для промышленных рабочих 7,5 часов, автор делает вид, что этой цифры он не заметил. Все его внимание переносится на подчеркивание данных о сверхурочных работах: при этом для вящшей убедительности данные, относящиеся ко всей промышленности СССР в целом, не подвергаются анализу, а взамен этого тщательно разбираются и подбираются материалы, относящиеся к Украинской ССР, к отдельным производствам и даже к отдельным предприятиям, отмечаемым в газетных заметках, как наиболее злоупотребляющие сверхурочными работами.

Что и говорить, испытанный метод критики! Беда заключается лишь в том, что люди, не порвавшие с обыкновенной логикой, называют его «подменой целого частью». Сшив такими белогвардейскими, виноват, белыми нитками свой обвинительный акт о нарушении 8-часового дня в промышленности, автор считает просто излишним обращаться к каким бы то ни было цифровым материалам о рабочем времени на транспорте и в других отраслях труда. Он просто требует, чтобы ему на слово поверили, что здесь дело обстоит весьма печально, ибо самое законодательство изрешетено отступлениями. Единственный подкрепляющий аргумент заключается при этом в том «солидном» обстоятельстве, что всякое упоминание о борьбе со сверхурочными работами в СССР сопровождается язвительным включением слова «борьба» в кавычки.

Что и говорить, все это было бы и печально и страшно, если бы хоть немного походило на истину, но, как известно, на честном слове, как и на песке, нельзя ни строить выводов, ни укреплять обвинений.

II.

После веселого сопровождения легкого, свободного полета фантазии автора, доказывающего, что в области рабочего времени большевики в переходе на 7-час. день совершают очередное зверство, мы вынуждены просить

читателя соприкоснуться с прозаической землей. Для этого нам придется вооружиться лопатой терпения, разгрести нагроможденный словесный мусор и вбить сваи основных цифровых показателей. Опираясь на твердый фундамент, мы сможем рассмотреть весь вопрос в двух сечениях: 1) в плоскости изучения фактического рабочего времени для отдельных категорий труда в СССР; 2) в плоскости сравнения с фактическим состоянием рабочего времени в других странах.

Для логичности изложения мы считаем необходимым сделать попытку некоторого, хотя бы весьма приблизительного цифрового подсчета того, на какие численные категории распространяются наши отдельные законы о рабочем времени. Лишь после такого «об'емного» определения законодательства мы перейдем к учету фактического рабочего времени.

Такой ход изложения нам необходим только потому, что, с одной стороны, автор статьи подробнейшим образом рассказывает на многих страницах о допущенных нами «отступлениях» от принципа 8-часового рабочего дня, изрешетивших наше законодательство: исходя из того места, которое уделяется этим отступлениям, читатель должен сам сделать неизбежный вывод о том, что они распространяются на огромное число трудящихся. С другой стороны, автор не находит ни места, ни времени рассказать о степени применения сокращенного рабочего времени.

С последнего мы и начнем.

Весьма характерна для «беспристрастного» исследователя такая мелочь, что из десяти страниц текста, излагающего и изолгавшего наше законодательство, автор нашел на задворках, в конце ровно 12 строк для сообщения о сокращенном рабочем дне на подземных, особо тяжелых, опасных и вредных работах, утверждая, что «он применяется в совершенно узких границах для единичных групп рабочих». Нужды нет, что один лишь перечень профессий, в коих установлен сокращенный рабочий день, составляет весьма разнообразный и далеко не короткий многостраничный список, нужды нет, что каждый грамотный человек, имея в руках этот перечень, может справиться с материалами профессиональной переписи и произвести хотя бы грубый ориентировочный подсчет, который покажет, что по закону в восьми основных производствах (горн., металлообр., химич., полиграф., текстильн., обраб. живот. прод., бумажн., доб. минералов) сокращенный рабочий день полагался в 1927 г. 196,9 тысячам рабочих, т.-е. охватывал примерно 9% рабочих этих отраслей промышленности [1]).

Все это «не касается» ученого «исследователя», ибо явно портит стройность всей его статьи.

Весьма неохотно, как бы нечаянно, упомянув вскользь в придаточном предложении о сокращенном рабочем дне для лиц умственного и конторского труда и для несовершеннолетних, автор тотчас же пытается отойти от этих вопросов, как малозначащих. Между тем, если бы мы попытались хотя бы грубо подсчитать, скольких человек касается сокращение рабочего дня, установленное этими законами, то оказалось бы, что одних лишь служащих, имеющих право на 6-час. день, имеется, примерно 1,5—1,8 миллиона человек [2]).

[1]) Исчисления Статотдела НКТ СССР. По отдельным производствам эти данные приведены в брошюре Б. Маркус—«Семичасовой раб. день», изд. «Моск. Раб.», 1927 г., стр. 20.

[2]) Взяты данные ЦСУ о численности гос. служащих по СССР на 1/V—1926 г. без служащих торговли, милиции, угрозыска и не считая двух третей врачебно-санитарного персонала, получается 1,5 млн. («Статист. Справ. СССР 1927 г.», стр. 282—283). Аналогичные грубые подсчеты произведены нами на основании данных Госплана СССР о числе самодеятельных лиц, занятых в народном просвещении, народном здравоохранении (одна треть) и прочих государственных, общественных и частных учреждениях и организациях (не считая служащих на транспорте, в промышленности, строительстве, нарсвязи и т. д.), получается цифра в 1,9 млн. (См. «Контр. цифры нар. хоз. СССР на 1927—1928 г.», стр. 462).

Число одних лишь рабочих подростков от 14 до 17 лет включительно, имеющих право на сокращенный рабочий день, исчисляется на 1/I—27 г. в цензовой промышленности, расположенной в городах, почти в 117 тыс. человек, если к этому прибавить подростков, занятых в мелкой промышленности, в строительстве, на транспорте и в торговле, то мы получим цифру около 180.000 человек [1]).

Всего, таким образом, законодательные нормы о сокращенном рабочем дне распространяются минимум на 2—2,3 млн. человек из общего числа занятых по найму в СССР 10 миллионов (вместе с сельхоз. рабочими).

Этими «пустяками» вынужден пренебречь автор «беспристрастной ученой статьи», ибо весь этот балласт упрямых фактов явно мешал бы ему возноситься на те «командные высоты», с которых ведется обстрел наших позиций снарядами, начиненными ядовитыми газами.

Параллельно с подсчетами числа лиц, имеющих право на сокращенный рабочий день, небезынтересно хотя бы ориентировочно подсчитать, какие численные группы трудящихся лишены у нас блага 8-часового дня, благодаря установлению для них ненормированного рабочего времени.

Обратимся прежде всего к транспорту, так как именно в этой области применение ненормированного рабочего дня декретировано более широко. Более или менее точные подсчеты, произведенные по нашей просьбе аппаратом главного инспектора труда путей сообщения, показывают, что к ненормированному рабочему дню могут быть отнесены 36.760 чел. или 4% работников транспорта (в то же время правом на 6-часовой рабочий день на транспорте пользуются около 81.000 рабочих и служащих и правом на 7-час. раб. день еще 1.870 человек). К слову сказать, так называемый «эффективный» рабочий день, который по закону 1925 г. (теперь отмененному) мог применяться для некоторых профессий на транспорте, охватывает 39.000 человек [2]).

Размер применения ненормированного рабочего дня в промышленности, где, как известно, он может относиться к ответств. руководителям работ и крупным специалистам, несравненно меньше. Мы не располагаем общими цифровыми данными, относящимися ко всем производствам, но характерно, что сравнительно новые, еще неопубликованные материалы, подсчитанные на основе специально предпринятого ЦСУ изучения нормального рабочего времени в марте 1928 г., показывают, что в разных отраслях текстильной промышленности число лиц с неограниченным рабочим временем составляло на практике от сотых долей до 0,1%. Приняв условно для всей промышленности с явным преувеличением цифру в 0,1% всего рабочего состава, мы увидим, что ненормированный рабочий день охватывает примерно группу численностью в 2½ тысячи человек.

Грубо-ориентировочное исчисление о степени возможного применения ненормированного рабочего дня в государственном аппарате, произведенное на основе применения постановления НКТ РСФСР от 20/IV—28 г. («Изв. НКТ» № 25—26), показывает, что здесь оно может относиться к 30—40 тысячам человек или к 3—4% государственных служащих [3]).

---

[1]) См. Зайцев—«Перспективы юношеского труда». «Мол. Гвард.», 1928 г., табл. № 1, стр. 228—229.

[2]) Все вычисления произведены на основании данных о числе рабочих и служащих, опубликованных в «Материале по статистике путей сообщения». Вып. 73. «Жел.-дор. транспорт в 1925—26 опер. году», ч. I, изд. НКПС.

[3]) Если условно отнести к ненормированному дню всех государственных служащих, получающих оклад свыше 175 руб. в месяц, то таковых в 1925 г. насчитывалось 2,8%, или 26.00 чел., при прибавлении к этому числу также лиц, получающих оклад от 150 до 175 руб.,—общее число лиц с ненормированным днем увеличится до 4,5%—42 тыс. (См. «Союз советских и торговых служащих в 1924—25 г.», стр. 2 и 41, изд. ЦК ССТС, 1926 г.).

Если сюда прибавить, что наши законы точно не ограничивают пределы возможного установления, по соглашению сторон, сверхурочных работ для домашних работниц—таковых мы насчитываем около 200 тысяч человек [1]),—то при самых неблагоприятных подсчетах оказывается, что ненормированный рабочий день законом установлен для 250—300 тысяч человек. Цифра эта несравненно меньше, чем число лиц, для которых предусмотрено законом сокращение рабочего дня ниже 8 часов.

Нам известно, что автор статьи пытался указать на то, что одним из послаблений законодательства о труде является допущение установления рабочего времени в крестьянских хозяйствах [2]) в размерах, определяемых соглашением сторон.

Мы вынуждены отвести это указание: «временные правила» от VII—25 года являются не послаблением, не отступлением от прежде действовавших норм, а как раз шагом вперед—до их издания рабочее время батраков, как и трудовые отношения в целом, по древнему обычаю вообще не регулировалось ничем, кроме устного соглашения, а временные правила обязывают к заключению письменных договоров, в коих стороны обязаны оговорить и ограничить длину рабочего дня.

Если учесть, что уже в 1926 г. 46,2% [3]) батраков в крестьянских хоз. было охвачено договорами, подписанными от имени батрака профсоюзом, и что в договорах, подписанных профсоюзом, как правило, оговорен рабочий день продолжительностью в 8—10 часов, то особенно наглядна станет неправота наших критиков [4]).

Мы видим из всего этого, что даже самый поверхностный просмотр конкретных данных говорит, мягко выражаясь, о некотором «конфликте» статьи с действительностью, о том, что по направлению своих «художеств» автор относится отнюдь не к реалистам, а скорей к школе имажинистов.

Разбор материалов о фактическом рабочем времени в СССР в разных отраслях труда докажет это с еще большей наглядностью.

Убедиться в этом можно на основании ряда источников и материалов, которые перекрестно, взаимно друг друга дополняя и контролируя, расходясь в частностях, великолепно сходятся, однако, на характеристике основной степени осуществления принципа восьмичасового дня на практике.

О фактическом рабочем времени в СССР в основном можно судить на основании: 1) данных ЦСУ о фактическом рабочем времени в цензовой промышленности (за последнее время имеются данные ЦСУ и для транспорта); 2) данных специальных анкет и разработок, единовременно освещающих фактический рабочий день по материалам государственных и профорганизаций; 3) данных опроса самих работающих при изучении бюджета времени рабочих и служащих (эти данные охватывают небольшие группы рабочих и относятся к 1922—23 г.—и несколько устарели), при медицинских осмотрах подростков и т. п.; 4) данных инспекции труда о разрешенных сверхурочных работах.

Последний источник, конечно, наиболее слабый по качеству материала, ибо никогда не исключена возможность производства значительной части сверхурочных работ без разрешения инспекции (тем более, что в самом Кодексе указана легальная, законная возможность производства та-

---

[1]) См. «Контр. цифры народ. хозяйства СССР за 1927—28 г.».

[2]) К слову, в законе речь идет о крестьянских хозяйствах с подсобным наемным трудом, т.-е. лишь о середняцких хозяйствах. К кулацким хозяйствам применяются те же законы, что и в совхозах, т.-е. точно ограниченный рабочий день.

[3]) «Материалы к III пленуму ЦК союза с.-х. рабочих СССР», май 1927 г. (литогр. изд.).

[4]) См. «Наемный труд в сельском хозяйстве» под ред. Струмилина. В. Львов—статья «Заработная плата и рабочий день батраков, занятых в крестьянских хозяйствах», стр. 113—120.

ких работ в экстренных случаях, вызванных определенными непредвиденными причинами, не позволяющими своевременно снестись с инспектором)[1]. Этим источником мы поэтому предпочитаем не пользоваться.

Что же говорят эти источники о действительном положении рабочего времени в СССР?

Начнем с промышленных рабочих.

Эти даные (повторяем, они относятся к обычному будничному дню и только к взрослым рабочим) не противоречат постоянно собираемым и публикуемым данным ЦСУ.

Средняя продолжительность фактического рабочего времени промышленных рабочих СССР по данным ЦСУ изменяется в следующих пределах:

Годы	Продолжительность рабочего дня	В том числе сверхурочных работ
1922	7,9	0,29
1923	7,8	0,28
1924	7,8	0,19
1925	7,6	0,18
1926	7,5	0,16
1927 (данные за 9 мес.)	7,46	0,13

Уже сама по себе эта таблица говорит о 7½-часовом рабочем дне, о непрерывном снижении общей продолжительности рабочего времени и, в частности, о значительном падении сверхурочных работ. 7½, а не 8-часовой день получается благодаря учету: 1) сокращения рабочего дня на 2 ч. накануне еженедельных выходных дней и праздников. Это уменьшает среднюю дневную цифру на 0,3 час.; 2) сокращения рабочего дня подростков, в среднем он равен 5,6 часа (данные медосмотра подростков); 3) сокращения рабочего дня на вредных работах. «Отвлечься» от этих моментов, как этого хочется нашим критикам, никак нельзя, ибо эти обстоятельства органически связаны с нашим регулированием рабочего времени.

Падение числа сверхурочных работ можно представить гораздо рельефнее на данных ЦСУ о числе рабочих, работавших сверхурочно, и о среднем числе часов сверхурочной работы в месяц на каждого рабочего, участвовавшего в сверхурочных работах. Оно изменялось следующим образом:

Годы	Процент рабочих, работ. сверхурочно	Среднее число сверхур. час. на 1 раб. сверхур.
1922	20,2	30,2
1923	23,1	26,6
1924	18,8	22,0
1925	17,8	21,5
1926	18,1	19,1
1927 (данные за 9 мес.)	16,7	16,5

Эта таблица говорит сама за себя и в особых комментариях не нуждается. Некоторое сомнение может вызвать лишь обсолютное число часов сверхурочной работы в связи с тем, что общее количество рабочей силы из года в год увеличивается. Приведем поэтому и данные об абсолютном числе часов сверхурочной работы и процентном отношении сверхурочных часов к урочным.

[1]) Кстати, этот момент с должной критической оценкой великолепно иллюстрирован статьей т. Винникова в № 6 «Вопросов Труда» за 1927 г. (стр. 18—24), которую так охотно цитируют наши оппоненты, извлекая из статьи весьма своеобразные «фрагменты».

Годы	Абсолютное число часов сверхурочной работы в тысячах в среднем за месяц[1])	Процент сверхурочных к урочным часам
1923	8.834	3,6
1924	7.671	2,5
1925	8.882	2,4
1926	8.521	2,2
1927 данные (за 9 мес.)	6.709	1,7

Достаточно взглянуть на все приведенные выше таблицы, чтобы с неопровержимостью установить следующие простейшие истины, которые почему-то проглядел автор статьи: 1) средний рабочий день по всей цензовой промышленности в СССР достигает цифры в 7½ часов; 2) количество сверхурочных работ и в абсолютном выражении, и в процентах к урочным часам, и в отношении числа лиц, принимающих участие в сверхурочных работах, и, наконец, в отношении числа сверхурочных часов, приходившихся на одного участника внеурочной работы, непрерывно и определенно снижается. Это доказывает реальность проводимой борьбы со сверхурочными работами[2]).

Если, таким образом, сама по себе динамика рабочего времени промышленных рабочих представляет совершенно ясную картину и если мы на основе этих материалов имеем право утверждать, что по сравнению с довоенным временем рабочий класс СССР уже получил снижение рабочего времени на 25%[3]), то это, конечно, не значит, что дело обстоит столь же благополучно в каждом из производств в отдельности.

Снижение сверхурочных работ происходит почти во всех производствах. Более неблагополучными по применению сверхурочных работ отраслями промышленности являются горная и горнозаводская промышленности, пищевкусовая, писчебумажная, а также отрасли производства физических сил и водоснабжения (электростанции, водопровод и т. п.). Все прочие производства дают показатели более благоприятные, чем средние данные по всей промышленности. Достаточно, однако, перечислить наиболее неблагополучные по сверхурочным работам отрасли промышленности, чтобы сразу же сам по себе напрашивался вывод о причинах применяемых здесь сверхурочных работ. Не трудно заметить, что речь идет в основном о непрерывно действующих производствах. Часть сверхурочных работ вызывается здесь неизбежностью переработки в предпраздничные дни и необходимостью удлинять ночную смену до размеров дневной смены. Частичное применение сверхурочных работ здесь вызывается так наз. «загонными» сменами, когда

[1]) Абсолютное число часов сверхурочной работы исчислено Отделом Статистики Труда Наркомтруда СССР на основании материалов ЦСУ. К слову сказать, автор статьи исчисляет абсолютное число сверхурочных часов за первое полугодие 1926 г. в 52,7 млн. и выражает изумление по поводу указанной в статье т. Винникова в «Вопросах Труда» № 6, за 1927 г. цифры 68 млн. сверхурочных часов. Это дает ему основание усомниться в правильности указываемых ЦСУ цифр о проценте рабочих, работавших сверхурочно. По наведенным нами справкам, ЦСУ вообще не публикует абсолютных цифр сверхурочных часов. Цифра в 68 млн. часов не является цифрой ЦСУ. Ее исчислил т. Винников, при чем ошибка его при исчислении этой цифры заключается в том, что процент работавших сверхурочно, относящийся лишь к рабочим, был им отнесен ко всему количеству работающих (т.-е. рабочих и служащих и младшего обслуживающего персонала в промышленности).

[2]) Намеки нашего критика на наличие сверхурочных работ нелегальных, не улавливаемых статистикой, ничем не доказаны. При любом пристрастии никто не сможет утверждать, во всяком случае, что качество данных ЦСУ хуже данных любой страны.

Но даже если бы это и было так, то наши выводы не колеблются в основном—динамика остается правильной.

[3]) См. «Итоги десятилетия советской власти в цифрах». 1917—1927 гг. Отдел труда, стр. 338.

невыход на работу кого-нибудь из сменщиков заставляет рабочего, работающего в предшествующей смене, оставаться на работе до прихода человека, который мог бы его заменить.

Помимо перечисленных здесь обстоятельств на общее число сверхурочных работ сильно влияют сверхурочные работы ремонтных бригад, вынужденных в экстренных случаях заниматься ремонтом машин и станков во внеурочное время, иной раз в праздничные дни, в силу необходимости предотвращения остановки в работе предприятий.

На ряду со всем сказанным нельзя не отметить того, что приведенные таблицы все же рисуют, что в тех отраслях труда, где сверхурочные работы держатся еще на высоком уровне, мы все же имеем картину их некоторого снижения за последний год.

Мы этим, конечно, ни в малейшей степени не хотим сказать, что все без исключения сверхурочные работы, имеющие место у нас, являются неизбежными. Никто так хорошо не отмечает возможности дальнейшей борьбы со сверхурочными работами, как профсоюзы и государственные органы охраны труда в СССР. Именно этому обстоятельству было посвящено немалое количество конкретных указаний, которые давались Наркомтрудом и которые теперь с таким злорадством цитируются нашими противниками. Однако, вопль, поднятый вокруг этого вопроса, отнюдь не пропорционален той опасности нарушения нормального рабочего дня, которую хотят они узреть из наших цифр.

Из материалов приведенной выше таблицы мы хотели бы особо остановиться на особо высоком количестве сверхурочных работ в горнозаводской и в горной промышленности. Как известно, мы этого не скрываем, а шахтинским делом даже подчеркиваем, в этой области у нас имел место целый ряд нарушений. Однако, то огромное внимание, которое было уделено пролетарским общественным мнением СССР данному вопросу, и те конкретные меры, которые были приняты ВСНХ и Наркомтрудом при участии союза горняков в плоскости изжития этого явления, дают уверенность в том, что к концу 1928 г. имевшие место случаи нарушения шестичасового рабочего дня в шахтах будут окончательно изжиты.

Перехожу к вопросу о рабочем времени на железнодорожном транспорте. Уже в 1924 г. средне-взвешенное рабочее время по всем службам железнодорожного транспорта составляло 7,7 часа. Если учесть, что в 1913 г. соответствующая цифра составляла 9,74 часа, то мы видим, что и здесь Октябрьская революция принесла значительный сдвиг [1]).

Эти данные, взятые из источника, который может вызвать сомнение наших критиков только потому, что они исходят от хозорганов,—целиком подкрепляются дальнейшими материалами, собранными ЦСУ. Так, по неопубликованным до сих пор материалам ЦСУ о средней продолжительности рабочего дня и сверхурочных работ на железнодорожном транспорте в 1926—27 году (материалы относятся к 742.582 рабочим) средняя продолжительность рабочего времени составляла 7,64 часов, в том числе 0,7 сверхурочных часов.

Число работавших сверхурочно составляло при этом 10% и на каждого работавшего сверхурочно приходится 14,8 часов сверхурочных работ в месяц. Надо сказать, что цифры эти весьма близко подходят также и к третьему источнику—к данным ЦК железнодорожников, который подсчитывал сверхурочные работы на железных дорогах выборочным порядком за полугодие октябрь—март в течение трех последних лет под ряд. По соответствующим материалам сверхурочные работы изменялись следующим образом [1]):

	Процент рабочих, работавших сверхурочно	В среднем на 1 работавшего сверхурочно в месяц приходится часов
Октябрь—март 1924/25 г.	14,1	17,4
Октябрь—март 1925/26 г.	21,8	15,0
Октябрь—март 1926/27 г.	12,6	15,8

Если посчитаться с тем, что в условиях нашего железнодорожного транспорта определенная часть сверхурочных работ совершенно неизбежна и поэтому даже допущена в Кодексе Законов о Труде, то мы вынуждены будем признать, что этот процент сверхурочных работ на нашем железнодорожном транспорте хотя и нежелателен, но не является особо «социально-опасным» явлением. Из отчетов инспекции труда видно, что основная масса сверхурочных работ на транспорте вызывается снежными заносами, размывами путей, гололедицами, пропуском весенних вод и ликвидацией последствий крушений. Все эти данные довольно согласованно подтверждают, к огорчению наших критиков, ту мысль, которую без всяких доказательств отрицает бюро труда, а именно, что среднее рабочее время рабочих транспорта не только не превышает 8 часов, но даже определенно ниже этой цифры.

К сожалению, в нашем распоряжении не имеется столь же исчерпывающих данных о фактическом рабочем времени в целом ряде других отраслей труда. Мы вынуждены поэтому сослаться на ряд отдельных обследований и анкет, характеризующих эти моменты. Так, в августе—сентябре 1924 г было произведено анкетное обследование торговых служащих в 31 губернском городе, при этом было использовано 17.000 анонимных анкет, охватывающих 25—30% служащих. Оказывается, что средний рабочий день торговых служащих составлял 8 час. 20 мин. [2]). Все материалы, которыми располагает союз совторгслужащих и Наркомтруд, с неопровержимостью говорят о том, что с тех пор произошло бесспорное изменение в сторону дальнейшего улучшения.

Материалы о фактическом рабочем времени работающих в кустарной промышленности, которые обработаны Наркомтрудом РСФСР на основании произведенного инспекцией труда в начале 1927 г. обследования 641 заведения, главная масса которых относится к кузнечному, слесарному, валяльному производствам [3]), говорят о том, что здесь нормальный 8-часовой рабочий день соблюдается у взрослых рабочих почти в 77%. 9 часов работают 7,6%, 10 часов—5,9%, 11 часов—5,2%. Мы видим, таким образом, что даже в кустарной промышленности, надзор в которой чрезвычайно затруднен, значительная часть которой находится вне промышленных городов и трудно досягаема глазу инспектора, даже здесь принцип 8-часового рабочего дня для взрослых рабочих проводится сравнительно в удовлетворительных размерах.

Мы готовы коснуться даже наиболее деликатной темы, над которой в капиталистических странах обычно не приподымается завеса молчания: мы говорим о рабочем времени в домашнем хозяйстве. На основании произведенного в июле 1927 г. выборочного обследования труда домашних работниц в целом ряде городов можно установить, что даже для этой группы труда, где бытовые условия чрезвычайно затрудняют правильное нормирование ра-

[1]) См. отчет НКПС о работе железнодорожного транспорта к VII с'езду жел. дорог, 1924 г.

[1]) См. «Материал по вопросам охраны труда на железных дорогах СССР», издание ЦК железнодорожников, 1927 г.

[2]) «Статистика Труда» № 3 за 1926 г.

[3]) См. Б. Маркус, «Вопросы труда в кустарной промышленности», «Вопросы Труда» № 5, 1928 г., стр. 23.

бочего времени, даже здесь 39,8% работают 8 часов, 29,2%—работают от 8 до 9 часов и лишь 31% работают больше 10 часов (см. «Вопросы Труда» № 5, 1928 г., стр. 24).

Нам остается коснуться вопроса о продолжительности рабочего дня сельскохозяйственных рабочих. Спора нет, что фактическое рабочее время здесь, как правило, больше 8 часов, особенно в период сельскохозяйственных работ. При всем том, однако, данные ЦСУ говорят о такой картине, которой могут позавидовать сельскохозяйственные рабочие любой капиталистической страны. Это видно из следующей таблицы о продолжительности рабочего дня рабочих совхозов и лесничеств в будни по сезонам в часах по СССР (данные ЦСУ).

	Зимой		Весной		Летом		Осенью	
	Число показ.	Средн. раб. д.	Число показ.	Средн. раб. д.	Число показ.	Средн. раб. д.	Число показ.	Средн. раб. д.
Рабочие сахзаводов без Сахаротреста	4.597	8,3	5.489	8,9	6.361	9,2	5.820	8,7
Совхозы Сахаротреста . .	706	8,3	813	9,1	838	9,2	819	8,5

Мы не располагаем точными данными о фактическом среднем рабочем дне строительных и других сезонных рабочих. Отдельные работы товарищей, изучавших данный вопрос, говорят о наличии здесь определенных достижений на ряду с фактами применения сверхурочных работ. Весьма интересна работа т. Шнеера [1]), написанная под критическим углом зрения на основании личного изучения автором условий труда строителей на крупных постройках. Он перечисляет длинный ряд крупнейших строительств, где благодаря правильной организации труда сверхурочные работы почти не наблюдаются. На ряду с этим автор приводит цифровые иллюстрации большого числа разрешенных и фактически примененных сверхурочных работ на других строительствах, из всех этих цифр видно, что в худшем случае в среднем на рабочего приходится 12—15 сверхурочных часов в месяц. Можно ли из этого делать вывод о фактическом 10—12-часовом дне для строителей даже во время строительного сезона, видно каждому

Лишь для батраков, работающих в крестьянских хозяйствах, да и то только в «страдную пору», т.-е. в период разгара сельскохозяйственных работ, мы наблюдаем фактически 12-часовой день [2]). Но всякий, кто знает условия работ в распыленных крестьянских хозяйствах СССР, мало механизированных, зависящих еще от «дождика», тот поймет, что здесь в ближайшие годы этого явления совершенно избежать не удастся. Если к тому же учесть, что зимой рабочий день батраков составляет обычно 8—9 часов, то мы увидим, что и здесь нашим врагам не удастся нажить политического капитала.

Небезынтересно, пожалуй, отметить, что общее число дней фактической работы у рабочего в промышленности составляет у нас 261,3 в году (данные для 1926 г.), при этом помимо пропусков, не связанных с характером нашего законодательства, мы имеем в последние годы 14 раб. дней, приходящихся на использование ежегодно отпуска, и около 61 дня праздничных и свободных [3]). Эти данные позволяют судить о том, что наше законодательство о времени отдыха, составляющее прямое продолжение законодательства о рабочем времени, немало способствует действительной охране труда рабочего.

[1]) См. Д. Н. Шнеер, «Охрана труда и быт строителей» изд. «Вопр. Труда», 1928 г., стр. 18—24.

[2]) См. Н. Плешков, «Наемный труд в крестьянском хозяйстве СССР», ГИЗ, 1928 г., стр. 100—109.

[3]) См. «Итоги десятилетия сов. власти в цифрах». 1917—1927 гг., стр. 339. Изд. ЦСУ СССР.

Все эти данные с неопровержимой определенностью показывают, что среднее рабочее время промышленных рабочих и рабочих транспорта в СССР ниже 8 часов, рабочее время торговых служащих и целого ряда распыленных отраслей труда, даже плохо охваченных государственным надзором по охране труда, приближается к 8 часам. Таким образом, все выдуманные утверждения наших противников основаны не на фактических данных, а на довольно свободном полете их воображения.

В заключение мы вынуждены остановиться на вопросах осуществления 7-часового дня. Вряд ли необходимо в этой статье опровергать «сомнения» бюро труда по поводу серьезности намерений совласти проводить 7-час. день; ни для кого ведь не секрет, что уже сейчас, летом 1928 года, 26 предприятий, в коих работает около 120.000 человек, уже перешли на 7-часовой день. Уже имеется решение правительственной комиссии, опубликованное во всех газетах, коим установлено, что к концу 1928—29 г. на 7-часовой день перейдет 20% всего числа промышленных рабочих. Уже утвержден и список многих десятков крупнейших государственных предприятий, намеченных к переводу на 7-часовой день в ближайшие месяцы. Предрешен также вопрос о том, что во всей промышленности (за исключением сезонно работающих предприятий), а также в мастерских и депо ж.-д. транспорта перевод всех рабочих на 7-часовой день должен быть завершен к октябрю 1933 года.

Все это говорит само за себя и дойдет до ушей каждого рабочего лучше всей болтовни и вранья бюро труда.

Остается поэтому сказать лишь несколько слов о практике осуществления 7-часового дня и взглянуть, в частности, на вопрос о степени применения ночной работы при 7-часовом дне.

На этот вопрос проливают свет материалы ЦСУ, относящиеся к обследованию рабочего времени в марте 1928 г. В 15 обследованных текстильных (хлопчатобумажных) предприятиях, переведенных на 7-час. день, работало всего 81.156 рабочих, в том числе 73.710 рабочих в основных производственных цехах. Из общего числа рабочих 49.203 женщин и 3.195 подростков.

В ночной работе участвовала лишь половина,—точнее 48,6,%,—всех работающих: 39.409 взрослых, из них 27.050 женщин (55% общего числа женщин) и 834 подростка (26,1%).

Наш оппонент готов торжествующе воскликнуть, что это и есть та оборотная сторона медали, ради которой 7-часовой день и придуман. Однако, мы вынуждены и здесь огорчить его: рано торжествовать—пусть посмотрит раньше, что это за ночные работы. Оказывается, что из общего числа работающих ночью 5,9% работает ½ часа ночью, 26,7%—1 час ночью, 29%—2 часа, 26,2%—3 часа, 5,9%—3½ часа, 1,1%—4 часа, 3,4%—5 часов, 0,8%—6 часов, 0,7%—7 часов, 0,3%—8 часов, при этом в среднем на одного работавшего ночью приходится 2,2 часа ночной работы, а на 1 рабочего этих предприятий—1,03 часа.

Но это—картина средних показателей; ночные работы подростков гораздо «грозней»: 77% из общего числа несовершеннолетних, допущенных к ночным работам, работают ночью 1 час, и 23%—2 часа. В среднем на каждого работавшего ночью подростка приходится 1,23 часа ночной работы, а на каждого подростка этих предприятий вообще—0,32 часа.

Интересно сопоставить это с тем, что на аналогичных 151 обследованных хлопчатобумажных фабриках, работающих при 8-часовом дне с 323.431 рабочим в марте 1928 г., в ночных работах участвовало 32% всех рабочих

и 15,3% подростков; при этом 78,2% этих подростков работают 1 час ночью, и 21,5%—2 часа ночью—ясно из этого, что работа «ночью» в течение часа, т.-е. по существу начало работы не с 6, а с 5 часов утра особенно летом, представляет бытовое явление, ибо время начала работ устанавливается постановлением общих собраний рабочих, исходя из удобств рабочего. Мы встречаемся здесь, таким образом, отнюдь не с злостным нарушением законодательства и не с «системой» сознательного вовлечения подростков в ночную работу.

Необходимо учесть к тому же, что речь здесь идет о марте т.-е. втором месяце осуществления 7-часового дня, когда многое было еще нетвердо установлено. С тех пор профсоюзы и инспекция труда стали проводить ряд организационных мер к изменению распорядка работ подростков.

Итак, семичасовой рабочий день отнюдь не дал тех ухудшений, которые «спят и видят» наши критики. Увы, им положительно не везет.

Для оценки фактического рабочего времени в СССР было бы весьма целесообразно попытаться произвести хотя бы некоторое самое общее сравнение продолжительности рабочего дня у нас и в целом ряде основных капиталистических стран. Это тем более уместно, что некоторые люди, претендующие на международную информацию, в роде автора разбираемой нами статьи или другого не менее «мирового» человека Владимира Войтинского, пытаются на сей счет напустить вредного тумана. Характерно, например, что еще совершенно недавно в «Форвертсе» от 3 мая 1928 г. В. Войтинский, проделывая всяческие упражнения над цифрами зарплаты и безработицы в СССР, между слов вставляет «невинное» замечание о том, что длина рабочего дня в СССР и Германии одинакова. Уже 5 мая он получил достойный отпор от «Роте Фане» по поводу зарплаты и безработицы, но замечание его о рабочем времени осталось без внимания, между тем, даже легкое прикосновение к цифрам (а к ним автор книги «Весь мир в цифрах» должен питать некоторое пристрастие) бьет Войтинского. Так, например, даже по данным официального обследования рабочего времени осенью 1926 г. германским министерством труда в Германии около 53% рабочих работало больше 48 часов в неделю. По материалам германского об'единения профсоюзов средний рабочий день в промышленности равнялся 50,6 час. в неделю, при чем более 48 часов работало 48%, в том числе 12, 3% работало больше 54 часов. Даже наиболее благоприятные показатели октября 1927 г. говорят о том, что 42,7% рабочих продолжают работать больше 48 часов. В то же самое время средняя продолжительность рабочей недели в промышленности СССР в 1926 г. составляла 45 часов вместе со сверхурочными работами, а число участвовавших в сверхурочных работах, т.-е. работавших больше 46 часов (а не 48, как мы видим в Германии), составляло в 1926 г. 18,1%.

Более наглядное представление о среднем числе рабочих часов в неделю в основных отраслях индустрии и транспорта в главнейших странах могут дать следующие две таблицы, составленные нами на основании официальных министерских данных ряда стран (см. табл. на след. стр.). Таблицы эти показывают, что при самом пристрастном сравнении СССР с другими странами (у нас нет никаких оснований думать, что официальные министерские данные любой страны мало прикрашивают фактическое положение вещей), СССР все же остается на первом месте. Лишь материалы Польши—составленные с особым «умением», явно подтасованные на основе включения в общее число рабочих, при вычислении среднего числа рабочих часов в неделю, весьма значительного количества рабочих, работающих неполную неделю,—дают картину более благоприятную, чем в СССР. Но цена этого материала давно всем известна. Любой человек, имевший малейшее соприкосновение с Польшей, знает, что

там средний рабочий день, особенно в горной и металлообрабатывающей промышленности, приближается к 10 часам.

Среднее число рабочих часов в неделю

	СССР 1925/26 [1]	Англия 1924 [2]	САСШ 25—26 [3]	Германия 1925 [4]	Польша [5]
Вся пром. . . .	45	47,1	51	50,7	44,7 [5]
Текстильн. . . .	44,4	47,9	53,3 хл.-б.	51,1	41,2 [5]
Металл.	45	46,7	51,5 маш. стр.	51,6	44,5 [5]
Химия	45	47,4	54,4 стал.-жел.	50,4	50,6 [5]
Транспорт . . .	46	47—49	46—55	54,3	—

Процент лиц, работающих в промышленности более 46—48 часов в неделю

	1925/26 СССР более 46 ч. [6]	1924 Англия 48 ч. и более [7]	1923 САСШ более 48 ч. [8]	1927 г. Герм. более 48 ч. [9]	1926 Италия более 48 ч. [10]	1925 Чехо-Сл. более 48 ч. [11]	1925 Испан. более 48 ч. [12]	1924 Япония более 48 ч. [13]	1924 Канада более 48 ч. [14]
Вся промышл.	18,7	49,5	53,9	42,7	27,6	16,3	2,7	93	66,5
Металл.и машин.	14,8	11,6	67,4	52,3	24,1—38,9	—	—	—	64,8
Текст. Хл.-Бум..	4,6	91,9	68,9	68,2	19,9	—	—	—	60,9
Химия	18,9	—	—	34,7	37,7	—	—	—	64,6
Пищевкус. . .	32,1	53,8	—	—	15,4	—	—	—	—

Так обстоит дело с рабочим временем в капиталистической промышленности по материалам, которые при всем желании нельзя заподозрить в злоупотреблении черными красками. Министерства труда предпочитают в таких случаях в своих данных пользоваться розовыми очками.

---

[1]) «Стат. справочник СССР за 1927 г.», стр. 284.

[2]) „Ministry of Labour Gasette“ за 1926 г. и 1927 г.

[3]) Средне-взвешенное взято по «Американ. ежегод. труда» за 1927 г., данные по отдельным производствам заимствованы из „Handbook of Labour statistiks“ 1927 г.

[4]) Взяты средн. для квалифицированных рабочих („Jahrbuch des ADGB“, Berlin. 1926 г.).

[5]) „Rocznik statystyczny Rzeczypospolitej Polskiy“, 1927 г., стр. 353. На получение среднего итога резко влияет сокращенная рабочая неделя, применявшаяся в I кв. 1926 г. для 29% рабочих, во II кв.—для 22,6%, в III кв.—для 11% и в IV кв.—для 9,5% рабочих. Данным, поэтому, совершенно нельзя доверять, ибо они не отражают фактической длины рабочего дня. Кроме того, в средние данные не включена горная промышленность, где рабочий день достигает 9 и 10 час.

[6]) «Стат. спр. СССР за 1927 г.», стр. 284.

[7]) „Ministry of Labour Gasette“ за 1926—27 гг. Офиц. данные.

[8]) «Америк. ежегод. труда» за 1927 г.; для текст. и жел.-стальн. пром. материалы взяты для 1926 г. по книге «Междунар. профдвиж.», изд. Профинтерна, 1928 г., стр. 398—99.

[9]) „Gewerkschaftszeitung“ № 51, 1927 г., данные профсоюзной анкеты; по данным министерства труда в октябре 1926 г. больше 48 ч. работало 52,9%.

[10]) „Annario statistico italiano“ anno 1927. Данные офиц. После 1926 г. положение резко ухудшается.

[11]) „Entwurf eines Arbeitsschutzgesetzes“, Berlin, s. 116.

[12]) „Informations sociales“ 9/I—28 г.; данные Главн. управл. труда и социальной политики—без сверхурочных работ.

[13]) «Междунар. профдвижение». 1928 г., стр. 408. Данные японского бюро статистики.

[14]) „La gasette du travail“ № 1, 1927 г. Данные промышленной переписи 1924 г.

Надо ли особо говорить, что рабочее время в других отраслях труда (на транспорте, в торговле, в сельском хозяйстве) несравненно хуже, чем в промышленности. Два-три примера помогут кому следует вспомнить об этом: в Германии, например, в сельском хозяйстве закон устанавливает 8-час. день лишь зимой; осенью и весной—10 часов, а летом—11 часов. Во Франции для сельскохозяйственных рабочих установлено 2.900 часов в год, в Швеции—2.680 на полевых работах, 3.450 часов для скотников. В Чехо-Словакии рабочий день сельскохозяйственных рабочих колеблется в разные сезоны от 10 до 14 часов и т. д.

О том, как обстоит дело с законодательством о рабочем дне на транспорте, мы рассказывать не будем,—об этом красноречиво говорят издания Международной федерации транспортников—отнюдь не большевистской.

Мы полагаем, что после всего сказанного, бюро труда не должно обидеться, если рабочие СССР со своей стороны в ответ на полученный совет заняться осуществлением 8-часового дня и повременить с проведением 7-час. дня предложат непрошенным «охранителям» их труда довести рабочее время в своих странах хотя бы до того уровня, который достигнут в СССР.

Ф. Попов.

Система финансирования сельского хозяйства и ее уклоны [1]).

Весенняя посевная кампания привлекла к себе исключительное внимание партийных и советских органов.

В этом году на посевную кампанию были брошены большие средства, лучшие силы партии, советские работники, печать. Несмотря на это, в такой важной области, как финансирование сельского хозяйства, был выявлен ряд существеннейших дефектов далеко не ведомственного свойства. Несмотря на директивы о выдаче пособий семенами в первую очередь бедноте (как кооперированной, так и некооперированной), а потом уже и середнячеству, на местах обнаружилась совершенно обратная картина. Вот несколько примеров.

Пример первый. В с. Владимировка, Криворожского округа, 78 безлошадных, семенной материал из числа безлошадных получили только 25 дворов, остальные семян не получили, зато последние выданы 30 середняцким и 15 зажиточным дворам. При наличии значительного числа безлошадных кредит на приобретение лошадей выдавался тем, кто имеет одну и даже две лошади.

Пример второй. В с. Михайловка, Криворожского округа, 70 безлошадных дворов. Выдано семян 12 безлошадным, 22 однолошадным и 12 двухлошадным, имеющим полный инвентарь и даже молотилки. Получил семена также и кулак, лишенный прав голоса. Кредит на приобретение лошадей выдавался зачастую двухлошадникам за счет большого количества безлошадных.

Пример третий. Братолюбовский сельсовет, Криворожского округа, имеет 175 безлошадных дворов. Получены и розданы семена из такого расчета: безлошадным—25%, однолошадным—35% и двухлошадным—40%, беднота удовлетворена процентов на 30. Кредит из фонда бедноты на приобретение лошадей выдавался имеющим по одной и даже по две лошади.

При об'езде других сел Криворожского округа мы натолкнулись на такую же картину.

Во всех этих случаях было установлено, что ни сельсовет на своих заседаниях, ни беднота на своих собраниях не обсуждали вопроса о выдаче семян, что эту последнюю проводило целиком правление сельскохозяйственного товарищества в присутствии отдельных представителей сельсоветов. А кредит на приобретение лошадей выдавался правлениями кредитных организаций по поданным заявлениям пайщиков вовсе без участия сельсоветов и организаций комнезамов.

[1]) В порядке обсуждения.

Характерно, что повсюду удовлетворение шло по линии кооперации, но социальные особенности членов кооперации во внимание обычно не принимались. На общих собраниях бедноты и середнячества, проведенных нами в указанных селах, беднота подвергла жесточайшей критике порядок и результаты распределения семян и кредитов на приобретение лошадей. Списки розданных семян не утвердили и постановили от зажиточных семена отобрать и передать бедноте.

Представители местных кредитных организаций, председатели сельсоветов и даже секретари 2 партийных ячеек доказывали бедноте и нам, что они правильно распределили семена и кредиты на лошадей, потому что-де беднота не может рационально использовать семена и кредиты. Ход мысли, аргументация у них не сложна: «Зачем выдавать бедняку кредит на лошадь, раз ему нечем кормить, зачем ему выдавать семена, раз у него нет лошади, и зачем ему машинный кредит, когда он не может эти машины использовать, не имея лошади и т. д.; беднота сдает свои земли в аренду, и незачем ей помогать». Даже кулака, лишенного права голоса, которому выданы были семена, представители кредитных организаций, а с ними секретари сельских ком'ячеек горячо защищали, мотивируя тем, что кулак использует семена более рационально. Беднота же—это, мол, лентяи, голодранцы, она не сможет рационально использовать кредит, проест его, пропьет и ничем гарантировать его не может. Вывод: беднота обойдется и без кредита.

Так как во всех обследованных селах картина распределения кредитов одинаково непривлекательна, настроения работников ячеек по финансированию сельского хозяйства направлены к тому, чтобы обойти бедняка кредитами, предназначенными прежде всего для него, и дать их более зажиточному. Вывод напрашивается сам собой: мы имеем дело не с случайным явлением, не с отдельным фактом извращения основных линий в отношении бедн ы, а с какой-то принципиально ложной и в корне неправильной и вредной тенденцией местных органов по финансированию сельского хозяйства. Что это так, убедительно говорят материалы обследования НК РКИ РСФСР. Они обнаружили, что в ряде организаций до сих пор еще не созданы фонды бедноты, наблюдаются случаи массового исключения бедноты из кредитной кооперации за невзнос пая. На местах отсутствуют планы по обслуживанию бедноты. Бедняцкие хозяйства получают ссуды в значительно меньшем размере сравнительно с другими группами заемщиков, например, по Калужской, Псковской, Самарской губ. и Крымской АССР размер ссуд, выдаваемых бедноте, вдвое ниже, чем зажиточным; в Сибири ссуда беднякам отпускалась в размере 44 рублей, а зажиточным—216 рублей. Никаких льгот и преимуществ при кредитовании бедноты за счет общих кредитов не предоставлялось; калужская РКИ приводит даже случай, когда зажиточным предоставлялось больше льгот, чем беднякам. Отмечены случаи, когда фонд бедноты использовался не по прямому назначению. Некоторая часть фонда пошла середнякам и зажиточным. Так по Курской губернии середнякам было выдано 30% бедняцкого фонда, зажиточным—3%; по одному из обследованных т-в Нижегородской губернии 32% фонда бедноты пошло середнякам, а по некоторым районам Башкирской республики 50% всех ссуд было выдано зажиточным. Установлено в ряде губерний (Калужской, Нижегородской), что %% по ссудам брались с бедноты вместо установленных 5—6 до 10 и больше годовых.

В отношении снабжения бедноты средствами производства из тех же материалов обследования Наркомата РКИ РСФСР видно, что бедняцкие хозяйства удовлетворяются сельскохозяйственными машинами в относительно

меньшей степени, чем другие социальные группы села. Данные по Северному Кавказу и Сибири показывают, что зажиточные группы получили около 40% всех уборочных машин и от 20 до 64% сеялок.

Кредиты, отпущенные на посевную кампанию, несмотря на то, что предназначались главным образом для бедноты, использовывались безобразным образом. Из материалов, опубликованных в «Правде» от 5 мая с. г., видно, что в Южном Казакстане из всех посевных кредитов для бедноты выдано всего около 10%. В Чуйском кантоне выяснилось, что кредиты, специально назначенные по джуту, попали целиком в руки байства и манапства. в Зеровшанском, Кокандском, Андижанском округах, а также в Киргизии и Туркмении кредиты на рабочий скот и т. п. получали не только зажиточные, имеющие по нескольку голов рабочего скота, и баи, занятые сельским хозяйством, но и целый ряд лиц, не имеющих никакого отношения к сельскому хозяйству вообще. Ссуда в этих случаях шла не на покупку скота, а на спекуляцию. В Фергане на собраниях бедноты выяснилось, что целые категории пайщиков, из года в год, получая ссуду на покупку скота, использовывают ее в спекулятивных целях. Во Владимирском сельскохозяйственном т-ве, Николаевского округа УССР, дело пошло еще дальше: местным кулакам было выдано до 700 руб. ссуды только для того, чтобы те могли, не вывозя хлеб, внести деньги по самообложению. В этом же селе бедняки по три года не могут получить кредита на инвентарь и рабочий скот. Не редки и такие случаи, когда бедняку выдают 20—30 рублей на корову или лошадь, но так как за эти деньги он не сможет приобрести ни коровы, ни лошади, ему приходится возвращать их неиспользованными с процентами, или нерационально использовывать их.

Все вышеизложенные факты говорят за то, что организации, через которые проводится финансирование сельского хозяйства, обходят и нарушают линию партии в деревне.

В чем корни этого явления? До сих пор еще у нас модно говорить, что кредит нужно выдавать тому, кто наиболее рационально его использует и имущественно его обеспечит.

Спрашивается, кто же наиболее рационально кредит использует и материально обеспечит его сейчас на селе? Ясно, не бедняк. Во всех случаях обследования использования кредитов заемщиками мы, как на иглу, нанизывали отдельные случаи неправильного использования кредитов беднотой, обобщали и раздували их, тем самым косвенно играя на руку зажиточному на селе, в связи с чем кредитная система все время твердо держит курс на «солидного» заемщика.

Современная обстановка в деревне властно требует от нас решить, наконец, вопрос: что до сих пор является основной бедой в деле финансирования сельского хозяйства—будто бы неправильное использование кредитов беднотой, мнимое проедание их, или же попадание кредитов не бедноте, а зажиточным слоям села? Данные, имеющиеся по этим вопросам, говорят нам за то, что первое, это—плоды кулацкой фантазии и спекуляции, второе—реальный и грозный факт, имеющий первостепенное политическое значение.

Некоторый свет на причины отмеченного курса на «солидного» заемщика бросает социальный состав сельскохозяйственных кредитных и универсальных товариществ УССР (по другим республикам дело обстоит еще хуже (!) по данным обследования «С. Господаря»).

	%% отнош. к общ. колич. хозяйств	% социальн. групп в кооперации	% кооперирования соц. групп от общ. кол. хоз. этих групп
1. Бедноты	27,4	15,9	13,3
2. Ниже средних	29,9	27,9	22,9
3. Средних	31,6	37,7	36,2
4. Выше средних	8,7	13,9	48,8
5. Богатых	2,4	4,6	48,8

Как видите, бедняцкая прослойка в кредитных организациях очень тоненькая, наоборот, удельный вес средней, выше средней и богатых групп значительный, если же принять во внимание большую юркость и приспособляемость кулаков, их имущественное обеспечение, играющее, к сожалению, на селе немаловажную роль, то станет совершенно ясным, что влияние бедноты в сельскохозяйственной кооперации и других кредитных организациях сплошь и рядом ничтожно.

Еще худший социальнный состав мы имеем в специальной кооперации. Данные обследования «Сельского Господаря» по Украине об этом говорят следующее (на 1927 г.):

	Свеклович. кооперац.	Животчо-молочная	Машинно-трактор. т-ва
1. Бедняков	6,2%	17,4%	6,6%
2. Ниже средних	19,3 „	20,3 „	28,3 „
3. Средних	52,1 „	36,8 „	51.2 „
4. Выше средних	21,0 „	21,7 „	17,7 „
5. Зажиточных	1,4 „	3,8 „	1,9 „

В некоторых республиках Союза положение еще хуже.

Из этих цифр мы видим, что в специальной кооперации, и особенно в свекловичной и машинно-тракторных товариществах, бедноты каких-нибудь 6%, зато группа выше средних и зажиточных хозяйств угрожающе разбухла, удельный вес их здесь почти неограничен. В то же время не следует забывать, что специальная кооперация кредитуется в первую очередь, получая здесь преимущества даже перед беднотой.

Может ли эта организация, так слабо представленная беднотой, четко выдерживать нашу классовую линию? Конечно, нет. Случайно ли, что кредиты систематически, из года в год в не пропорционально больших размерах попадают к зажиточным? Нет, не случайно. Это вытекает из удельного веса зажиточных групп пайщиков в кредитно-кооперативных об'единениях. Следующая таблица дает наглядное представление об использовании общего кредита и фондов бедноты отдельными социальными группами (на 1/X—26 г. по УССР по отчетным данным Укрсельбанка):

Группы хозяйств по посевной площади	Районы	%%груп. от всех хозяйств	%%груп. в составе заемщик.	Удельный вес получ. кредита	Сред. размер задолжен. на заемщика
I группа:					
а) беспосевные и с посевом до 4 га	Степь	36,8	30,4	24,5	37 р. 00 к.
б) беспосевные и с посевом до 3 га	Левобер.	43,7	26,7	23,3	45 „ 20 „
в) беспосевные и с посевом до 2 га	Правобер.	41,6	42,7	37,3	54 „ 20 „
г) беспосевные и с посевом до 2 га	Полесье	32,8	34,1	29,4	39 „ 80 „
Средняя по I группе	Украина	38,7	33,5	28,6	44 „ 00 „

Группы хозяйств по посевной площади	Районы	%%груп. от всех хозяйств	%%груп. в составе заемщик.	Удельный вес получ. кредита	Сред. размер задолжен. на заемщика
II группа:					
а) с посев. от 4—10 га	Степь	46,3	49,7	49,8	57 р. 80 к.
б) „ „ 3—8	Левобер.	50,8	59,6	59,9	47 „ 40 „
в) „ „ 2—5	Правобер.	53,4	46,4	49,2	65 „ 70 „
г) „ „ 2—6	Полесье	62,0	52,8	53,2	38 „ 10 „
Средняя по Украине	Украина	53,2	52,2	63,1	52 „ 20 „
III группа:					
а) с посев. от 10 га	Степь	16,9	19,9	25,7	74 „ 50 „
б) „ „ 8 „	Левобер.	5,5	13,5	16,8	65 „ 10 „
в) „ „ 5 „	Правобер.	5,0	10,9	13,5	75 „ 70 „
г) „ „ 6 „	Полесье	5,2	13,1	17.4	60 „ 90 „
Средняя по Украине	Украина	8,1	14,3	18,3	69 „ 05 „

Эти данные красноречиво говорят нам о том, что группа бедняцких хозяйств и в составе заемщиков, и в составе всего кредита, прошедшего через кредитную систему, занимает значительно меньшее место по сравнению с удельным весом ее в общей массе хозяйств Украины. Если первая группа, в среднем по Украине имеющая вес около 39% в составе всех хозяйств и 33,5% в составе заемщиков, получила только 28,6% всех кредитов и имеет среднюю задолженность на хозяйство — 44 рубля, то 3-я группа, т.-е. кулацкая верхушка села, имеющая последнее место в составе всех хозяйств Украины (8,1%) и заемщиков (14,3%), получила 18,3% всего кредита, имея задолженность на одно хозяйство 69,05 рублей. Получается, что верхушечная группа села получила кредита на одно хозяйство примерно в 2½ раза больше бедноты (по удельному весу, занимаемому в составе всех хозяйств этими группами) и имеет большую задолженность, чем беднота, на 55%. Из всего этого видно, что классового подхода при использовании сельскохозяйственного кредита не имеется, и в общей системе сельскохозяйственного кредита обслуживание бедноты значительно отстает от других групп.

Партия и советская власть решительно держат линию на ликвидацию остатков кулацкого сектора и на экономическое укрепление бедняцкой части села. В соответствии с этим, кроме создания специальных фондов помощи бедноте, даются директивы всячески поддерживать общими кредитами бедноту, вовлекая ее во всевозможные коллективные об'единения, что же касается зажиточно-кулацкой верхушки села, то в отношении ее всеми государственными мерами, и в особенности налоговыми, вести курс на беспощадную «стрижку». На практике же, как мы видим, низовая сельскохозяйственная кредитная система сплошь и рядом усиливает государственными кредитами того, кого мы стрижем, а бедняка систематически этой помощью обходит. И машинный кредит, и кредит на лошадей, и семенной кредит, направляемый под углом зрения помощи бедноте, попадает очень часто тому, кого советская власть стремится экономически ослабить, а беднота остается без живого и мертвого инвентаря, т.-е. без орудий производства в сельском хозяйстве, в результате чего она

вынуждена зачастую итти в кабалу к кулаку. Следующие данные о безлошадности иллюстрируют это положение:

Хозяйства без рабочего скота в %% ко всем хозяйствам по УССР.

Годы:	Полесье	Правобережье	Левобережье	Степь	УССР
1917	34	60	37	40	45
1920	21	48	32	32	—
1922	20	48	36	36	—
1925	29	59	40	45	46
1926	28	59	39	42	45

%% хозяйств, не имеющих инвентаря

Годы:	Полесье	Правобережье	Левобережье	Степь	УССР
1917	37	54	45	36	45
1921	27	35	25	29	30
1925	30	54	31	42	42
1926	28	51	30	41	40

Данные говорят нам за то, что в последние годы произошло некоторое увеличение групп безлошадных и безынвентарных: если в 1921 г. последних было 30%, то в 1926 г. их стало уже 40%, без рабочего скота в 1920 г. было 38%, в 1926 г. стало 45%. Для того, чтобы было совершенно ясно читателю, кто же отчасти за счет финансирования сельского хозяйства растет на селе, мы приводим следующие данные тоже по УССР:

Хозяйства без рабочего скота и инвентаря в %% к соответствующей посевной группе.

Посевные группы хозяйств:	Без рабоч. скота: 1925 г.	Без рабоч. скота: 1926 г.	Без инвентаря: 1925 г.	Без инвентаря: 1926 г.
1) До 1 га посев	82	76	70	71
От 1—2 „	63	64		
2) От 2—3 га	46	47	30	26
„ 3—4 „	35	34		
„ 4—6 „	28	25		
3) От 6—9 га	19	15	14	10
„ 9—15 „	9	7		
„ 15 и больше . . .	2	1		

Эти цифры говорят нам за то, что более мощные посевные группы в составе безлошадных и безынвентарных падают, а слабые, т.-е. бедняцкие хозяйства неизменно увеличиваются.

Надо принять еще во внимание, что кулак нередко умудряется пролезть и в сельсовет, и, получая в свои руки возможность финансирования сельского хозяйства, проводит свою калуцкую линию искусно, прикрываясь демагогическими фразами о том, что бедняк—лодырь, голодранец и проч.

Ближайшая к кулаку социальная группа неизменно будет поддерживать его политику, особенно если ей перепадет лишний рубль кредита, кое-кто промолчит, а тоненький и робкий фальцет бедняка, представленного в кооперации, растворится в мощном, испытанном басе кулака. В результате семена, предназначенные бедняку, идут зажиточному, бедняцкий фонд на лошадей идет тому, кто уже имеет лошадей, а главный об'ект нашего

внимания — бедняк — сдает свою землю в аренду тому, кто получает кредит на лошадь и семена от государства.

Внешне правления этих универсальных сельскохозяйственных кредитных т-в и специальных кооперативных об'единений выражают мнение и проводят линию, конечно, не меньшинства своей организации, а большинства, особенно, если при этом проводится сверху донизу лозунг по кредитной системе «выдавай кредит тому, кто рационально его использует и представит материальное обеспечение». Нужно сказать, что эта материальная гарантия стала какой-то идеей «фикс»; она перестала быть хозяйственной целесообразностью и превратилась в некую политическую линию.

Всюду, где раздается голос представителей системы наших низовых органов по финансированию сельского хозяйства, вы услышите, что они прежде всего хотят получить материальную гарантию заемщика, что они, видите ли, представители общественной организации, которая только одна имеет право распоряжаться средствами, проходящими через кредитную кооперацию, и всякое вмешательство в это дело советской власти на периферии сразу же разрушит эту организацию и пайщики свои вклады заберут обратно. А денежки-то, оказывается, совсем не пайщиков и не кооперативной организации, а на 98% — государственные. До настоящего времени финансирование сельского хозяйства происходит почти исключительно за счет средств банковской системы, пополняющихся из государственных источников, сумма которых на 1 октября 1927 г. равнялась 426,6 милл. рублей по СССР, и, кроме этого, путем привлечения средств местного бюджета, текущих счетов кооперативных организаций и хозяйственных органов, работающих в области сельского хозяйства, еще 252,2 млн. рублей. Что же касается средств самого крестьянства, то они настолько незначительны, что в деле финансирования сельского хозяйства почти никакого значения не имеют. Это видно хотя бы из того, что остаток ссуд первичной сети с.-х. кредитных т-в на 1-е октября 1927 г. по Союзу равнялся — 255,4 млн. рублей, в то время как займы в обществах с.-х. кредита составляли на то же число 250 млн. рублей. Из этого видно, что вся первичная сеть вложила в ссудную работу только 5 млн. руб. собственных средств в то время, как вся сумма финансирования с.-х. на 1927—28 г. по госбюджету по исчислениям постановления Союзного Совнаркома равняется 717,4 млн. рублей. Как видите, к 5 млн. руб. паевых вкладов государство добавляет не больше не меньше чем 717,4 млн. рублей в год с тем, чтобы проводить реконструкцию, обобществление сельского хозяйства, поднимать имущественное состояние бедноты и выводить ее из нищеты и кулацкой кабалы.

А к концу бюджетного года мы каждый раз разводим руками, пожимаем плечами и охаем и ахаем. «Кредит не попал туда, куда следует, машины и тракторы оказались у кулака; нужно принимать меры, чтобы отобрать тракторы у кулака и передать бедноте», а тракторы-то оказались уже изношенными.

Довольно нескладно получается и с мероприятиями по обобществлению сел. хоз. Кстати, уместно будет сказать, что на 11 году существования советской власти, после громадных затрат средств и сил в этой важной области, определяющей всю судьбу наших социалистических достижений на селе, мы имеем следующие разительные данные по Украине, которая считается в этом отношении на первом месте среди многих других республик

Союза (по данным Наркомзема УССР в процентах от общей сел.-хоз. площади):

Под совхозами	1.010.000	га	2,4%
„ коммунами	64.000	„	0,16%
„ артелями	218.000	„	0,55%
В т-вах по совместной обработке земли	298.000	„	0,74%
В машинно - тракторных товариществах	610.000	„	1,55%
Всего	2.200.000	га	5,4%

Если мы исключим из этих цифр совхозы, занимающие 2,4%, как не могущие итти в счет наших успехов по обобществлению индивидуально-крестьянского хозяйства, выбросим машинно-тракторные товарищества, как в большинстве случаев фиктивные, то мы получим прямо убийственные результаты.

Можно привести еще бесконечное количество убийственных фактов, говорящих о том, что у нас с вопросом направления кредитов непосредственно заемщикам чрезвычайно неблагополучно, но хватит, пожалуй, и приведенных, чтобы сказать, что низовая сеть финансирования сельского хозяйства гнет явно не в ту сторону.

Можем ли мы итти так дальше, можем ли в дальнейшем сотни миллионов советских рублей, предназначенных для финансирования сельского хозяйства, направлять и впредь так, чтобы эти средства попадали в сферу влияния чуждых нам стихийных процессов на селе и способствовали развитию в сельском хозяйстве вредных тенденций? Будут ли деньги итти бедноте, для вызволения ее из нищеты и кулацкой кабалы и вовлечения ее в широкое коллективное строительство, или же они пойдут на укрепление враждебных нам верхушечных, кулацких хозяйств села, — этот вопрос в настоящее время со всей серьезностью стоит перед партией и советской властью, и на него нужно ответить совершенно ясно и недвусмысленно.

Что же, по нашему мнению, нужно сделать, чтобы низовая сеть всех видов кооперации на практике проводила именно то, чего хочет партия и советская власть?

Прежде всего несколько слов о том, как обычно распределяются кредиты на местах заемщикам.

Члены кооперации подают заблаговременно в свое правление заявление, что им нужен кредит на такую-то надобность. По получении денег из центра правление в присутствии контрольного совета рассматривает эти заявления и в зависимости от тех или иных обстоятельств удовлетворяет их. Точно так же подаются заявления коллективных об'единений кооперации и в части получения кредитов по обобществленному сектору сельского хозяйства. При этом нужно принять во внимание, что обычно кредитная низовая организация обслуживает 5—6 сельсоветов и 12—15 населенных пунктов в них.

Кредит как индивидуальным хозяйствам, так и коллективным выдается под углом зрения материальной гарантии, а не исходя из степени нужды и производственных планов коллективных об'единений. Кредитная система «не ищет» желательных с точки зрения государственной политики заемщиков как в индивидуальных хозяйствах, так и в части об'единений. Роль кредитных организаций сводится исключительно к банковско-финансовым операциям без проявления организующего начала по реконструкции сельского хозяйства.

Ни сельсовет в целом, ни беднота в вопросах распределения кредитов никакого участия не принимают, если не считать, что их представители «в качестве гостей» иногда присутствуют на заседаниях правлений.

Сельсовет и беднота на своих собраниях не обсуждают, кому выдавать кредит и как рационально использовать его по обобществлению сельского хозяйства. Низовые органы советской власти и беднота находятся в стороне от этой работы.

Таким образом, создалось такое положение, когда в вопросах финансирования сельского хозяйства кооперация задает тон сельсовету и фактически руководит им, советскими денежками целиком распоряжается низовая кредитная кооперация, а органы советской власти, призванные руководить хозяйственным и социально-культурным строительством на селе, в этом деле, так сказать, с боку-припеку.

В центре, в губерниях, округах, уездах и даже в районах органы советской власти рассматривают и утверждают планы кредитующих организаций. Этим организациям даются указания и направления в работе, и здесь финансовая система идет нога в ногу с советской властью.

Но как только дело доходит до села, т.-е. до того самого места, где решается судьба этих самых денежек не на плане и бумаге, а когда нужно сказать, кому персонально и как использовать эти деньги, органы совvласти куда-то исчезают, их заменяет и подменяет всесильная кооперация, которая и распоряжается кредитом.

Правления кредитных организаций на селе играют решающую роль в использовании средств по финансированию сельского хозяйства. Система контрольных советов пока-что является не более, чем ширмой.

Предложения об «усилении» и качественном улучшении состава правлений, пополнении их партийными, советскими и кооперативными работниками есть паллиатив, к тому же нереальный.

Мы не в состоянии в ближайшие годы так укрепить работниками эти организации и поднять влияние в них бедноты, чтобы радикально изменить практику работы низовой кредитной системы.

Нужны не паллиативы, нужно радикальное изменение организационных методов и форм работы низовой системы финансирования сельского хозяйства, пересмотр ее прав в части руководства системой кредитования со стороны низовых органов власти и организованной бедноты.

Нужно ввести в практику собрания бедноты и сельсоветов, которые всесторонне взвешивали бы и решали, кому, сколько и на какие нужды может быть выдан кредит. Только после подобного решения кредитные товарищества должны выдавать кредиты.

В иных случаях между сельсоветом и правлением кредитной организации будут расхождения, это не страшно — важно, что в дело кредитования будут втянуты широкие крестьянские и особенно бедняцкие слои села. Пусть последнее слово останется даже за правлением кредитных организаций, но зато будет широкий контроль бедноты и советских элементов села над использованием средств по финансированию сельского хозяйства.

Особенное значение это имеет для использования кредитов по обобществлению сельского хозяйства. До сих пор низовая кредитная ячейка, получив деньги на коллективизацию, «ждала», пока где-то родится этот самый коллектив и придет к ней на поклон за кредитами. В результате этого полу-

чалось, что деньги на коллективное строительство лежали в кредитных организациях неиспользованными (особенно это относится к «фонду бедноты»), а коллективы на селе не строились потому, что не было на это у бедноты средств.

Нередко было и так, что коллективное об'единение кредитовалось не по производственному плану, а по имущественному обеспечению, а так как большинство коллективов составлялось из бедноты, то оно получало кредит в таком размере, что он ни в какой мере не способствовал хозяйственному оздоровлению, наоборот, не успев стать на ноги, такой коллектив неминуемо разрушался, зачастую дискредитируя самую идею коллективизации на селе. Такая постановка кредитования обобществленного сектора сельского хозяйства приводила к тому, что часто система финансирования поднимала вопрос о расширении кредитования из фонда бедноты индивидуальных хозяйств, так как они не использовываются по линии коллективизации за отсутствием об'ектов кредитования. Понятно, легче всего раздать деньги отдельным пайщикам и значительно труднее заниматься строительством колхозов, и по этому пути кредитная система зачастую и шла.

Вся работа системы сел.-хоз. кредита до сих пор в конечном счете сводилась к банковско-финансовой работе, «политика» же была где-то в стороне. Эта аполитичность привела в конце концов к явным извращениям нашей линии, отмеченным еще XV с'ездом.

Извращения эти могут быть избегнуты только тогда, когда беднота и сельсоветы в целом будут не случайными представителями, а постоянными и органическими участниками кредитной работы, практически работающими по коллективизации сельского хозяйства.

Когда в сельсовете и на собрании бедноты кредитной организации будет известно, что им назначено по плану кредита на 5 лошадей, несколько плугов, молотилок, сеялок и т. д. для вновь организуемых коллективов, то беднота, участвующая в обсуждении этого вопроса, не имеющая на сегодняшний день ни лошадей, ни машин, пойдет в коллектив, и это органически увяжет кооперативную систему с беднотой и низовыми органами советской власти в этой важнейшей работе.

Нас могут «запугать», что этим мы сорвем рост и самодеятельность сел.-хоз. кредитной кооперации и приостановим вовлечение новых средств от населения в кооперацию, что это будет вмешательством в деятельность общественных организаций, обезличивание их и т. д. Не так, однако, страшен чорт, как его малюют. Кооперация получает почти все средства для кредитования пайщиков от государства, и для советской власти далеко не безразлично, куда пойдут эти средства. Пойдут ли они туда, куда хочет советская власть, или туда, куда хочет кулацкая верхушка села.

При распыленном крестьянском хозяйстве единственным действительно могучим рычагом влияния на сельское хозяйство в нужном нам направлении может служить финансирование сельского хозяйства, и если это орудие мы не сумеем прочно держать в своих руках и оно зачастую будет попадать в руки враждебных нам сил на селе, то от всех наших прекрасных планов по реконструкции сельского хозяйства, по обобществлению его, по оказанию помощи бедноте останутся только рожки да ножки.

Когда будет такое положение, при котором в кооперации своих средств окажется 98%, а государственных только 2%, тогда, может быть, будет уместно и логично ставить вопрос о невмешательстве органов власти в вопросы распределения кредитов.

Бояться того, что вкладчики будут бежать из кооперации, не следует, так как пайщик в нынешних условиях на свой рубль получает около 100 рублей государственных средств.

Некоторые «боятся», что сельсоветы и беднота выдадут тому деньги, кто пропьет их или купит гармошку вместо лошади—лодырям, как это часто мотивирует кулак на селе, когда выступает против выдачи кредитов бедноте. Нам думается, что такие сельсоветы, которые так подходили бы к распределению кредитов, едва ли найдутся.

Для устранения всех извращений партийной и советской линии в вопросах финансирования сельского хозяйства нужно твердо провести следующие принципы и мероприятия:

1) Зажиточно-кулацкой верхушке села из средств по финансированию сельского хозяйства не выдавать ни гроша.

2) Максимум средств направить по линии обобществления сельского хозяйства. Системе финансирования сельского хозяйства не ждать клиентуры, а заняться широкой организационной работой по созданию колхозов. Кредит выдавать по производственному плану, не считаясь с имущественным обеспечением.

3) Кредит, направляемый для индивидуальных хозяйств, выдавать в первую очередь бедноте, создав для нее по общим кредитам льготы и преимущества в получении.

4) Предоставить право сельсоветам руководить работой низовой системы финансирования с тем, чтобы кредиты распределялись пайщиками только по заслушивании доклада кооперации в сельсовете. Приблизить работу кооперации к бедноте, поставить ее под общий контроль бедняцких масс села.

5) Больше уделить внимания вовлечению бедноты в кооперативные ячейки и усилению партийного руководства низовой системой финансирования сельского хозяйства.

Только при такой постановке работы в системе финансирования сельского хозяйства мы получим положительные результаты в смысле правильного использования кредитов и увеличения достижений по обобществлению сельского хозяйства.

А. Жариков.

Машинизация, как метод коллективизации крестьянского хозяйства.

Коллективизация крестьянского хозяйства происходит двояким путем: прямым и косвенным. Прямой путь это—организация отдельных крестьянских хозяйств сразу в коллективные хозяйства (коммуны, артели и товарищества по общественной обработке земли), а косвенный это—путь нарастания сначала отдельных процессов обобществления в крестьянском хозяйстве через сбыт, снабжение и переработку.

Первый путь, прямой, пока не является путем массовой коллективизации. Коллективные хозяйства, несмотря на свой рост, укрепление и значительные достижения в области организации производства и труда, все еще занимают ничтожный удельный вес как в кооперативной системе, так тем более среди моря неорганизованного крестьянского населения. Количество об'единенной земли в с.-х. коллективах пока еще не превышает 1,5% от общей площади земли по республике. А количество об'единяемого ими населения и того меньше. Оно выражается лишь в 1% всего сельского населения республики. Строительство колхозов происходило до сих пор главным образом путем прямой, непосредственной их организации батрацко-бедняцким и бедняцко-середняцким населением деревни.

Этот путь организации отличается большой сложностью. При нем сразу приходится отказываться от всех навыков индивидуального хозяйствования и совершать своего рода революцию. А итти на эту революцию, на эти новшества крестьянин, в особенности середняк, не такой большой охотник. Таким образом, этот путь является таким, по которому нарастание коллективных форм хозяйствования, как видно, пойдет медленно. Само собою разумеется, что темп нарастания будет зависеть от многих причин и, в частности, от одной из основных,—от быстроты развития нашей крупной госпромышленности, от того, насколько быстро она сможет дать сельскому хозяйству соответствующую техническую базу. Но уже теперь можно сказать, что интересы социалистического строительства страны требуют, чтобы процессы коллективизации сельского хозяйства нарастали быстрее, чем это имело место до сих пор. Пока они далеко отстают от роста нашей социалистической индустрии. Между тем центральная фигура деревни—середняк—к социалистической реорганизации своего хозяйства прямым путем относится пока с большой осторожностью.

Он присматривается, думает и выжидает, а приступить к этому непосредственно, в большинстве случаев, не решается. Для него гораздо понятнее и доступнее те пути, которые заставляли бы его отказываться от индивидуального хозяйствования не сразу, а постепенно, когда непосредственные интересы его хозяйства, убеждали бы его в том, что дело коллективизации—дело выгодное. Это и есть пути косвенной коллективизации, пути постепенного врастания в коллективные формы хозяйствования.

Одним из таких путей и является путь коллективизации через машину, при чем этот путь является одним из тех косвенных путей, который в кратчайший срок может дать наибольшие результаты в деле под'ема производительных сил сельского хозяйства в социалистическом направлении.

— Нас агитировала машина,—сказал усатый крестьянин в пиджаке.

— Это как же так?

— Да так. Осенью 1925 года пригласили на молотьбу хлеба трактор со сложной молотилкой. Смотрим, что день, то 100 копен охолостит. Зерно получается чистое, убираем в амбары. Люди от дождей воют, а нам хоть бы что. Посмотрели мы, подумали. Понравилось это нам. Решили организовать свое машинное товарищество. Весной прошлого года товарищество приобрело себе трактор «Ойль-Пуль». Теперь в товариществе обработка земли производится коллективным путем[1]).

Совершенно ясно, что агитация машиной—лучший метод агитации за коллективизацию! Нам кажется, что машина, как средство коллективизации, используется нами в недостаточной степени.

XV с'езд нашей партии обратил внимание партии на машинизацию деревни кооперативным путем и поставил перед нами задачу «вовлечения в кооперацию в течение ближайшего периода всей бедноты и большинства середняков» и задачу перехода от мелкого индивидуального хозяйства к крупному общественному, как практическую задачу дня. Нам предстоит эти директивы реализовать. А дабы их успешно реализовать, необходимо заострить на этом деле внимание нашей партии, земельных работников и кооператоров. В этом деле машина должна сыграть решающую роль. Ведь и до XV с'езда роль машины в деле кооперирования и коллективизации была ясна почти всякому, а особенно земельным работникам и кооператорам! В чем же дело?—скажете вы. Дело в том, что мы практически в этом направлении делаем недопустимо мало. Что мы сделали в этом направлении? Была ли машина в наших руках средством организации и коллективизации крестьянского хозяйства? На наш взгляд, сознательным—почти нет!

Что мы делали? В большинстве своем—просто торговали машинами, а не организовывали через машину и при помощи машины крестьянское население. В это дело должен быть внесен значительный корректив. Машина должна стать в наших руках таким орудием, которое мы сознательно использовывали бы в целях реконструкции крестьянского хозяйства на социалистической основе. На этом деле не грех понести некоторые прямые убытки (кстати, мы их все равно почти несем!), чтобы косвенно получить крупные, я сказал бы, социалистические барыши. Между тем, каково об'ективное положение вещей, что мы имеем?

1. Ежегодно мы внедряем в деревню тысячи тракторов. Так, к осени 1927 года общее число тракторов, работающих в сельском хозяйстве в СССР, уже насчитывалось:

в РСФСР	17222	в Узбек. ССР	1055
„ УССР	7735	„ Туркмен. ССР	150
„ ЗСФСР	957		
„ БССР	84	Итого	27203[2])

[1]) См. журн. «Сельскохозяйственная Кооперация» № 21 за 1927 г., стр. 55.

[2]) См. Н. Богданов—«С.-х. машиностроит. и машиноснабжение советской деревни», стр. 80. ГИЗ. 1928.

Мало, конечно, дать трактор, а надо его дать так, чтобы он делал свое социалистическое дело. В той же работе Н. Богданова мы находим такие данные о распределении тракторов на 1926 год (в процентах):

	РСФСР	УССР
Коммуны	10,4	20,0
С.-х. артели	15,4	—
С.-х. и мелиоративные товарищества и товарищества по общественной обработке земли	18,5	10,2
Машинные (тракторные товарищества)	11,3	36,6
Кредитные товарищества и комитеты крестьянской взаимопомощи	18,3	11,7
Совхозы и государственные организации	14,3	20,0
Единоличники и родственные об'единения	10,8	1,5[1])
Итого	100%	100%

Ненормальное распределение тракторов сразу бросается в глаза. Тракторы у единоличников—это вопиющая аномалия! Правильное использование тракторов также сомнительно и у с.-х. и у кредитных товариществ.

Правда, еще 3/XII—1926 года эта ошибка учтена СТО, постановлением которого тракторы предложено давать только кооперативным организациям и советским хозяйствам и запрещено продавать их единоличникам.

Дальше. Кроме тракторов мы ежегодно внедряем в деревню десятки тысяч других сложных машин, могущих служить средством коллективизации. Так, в 1927 году, кроме более мелких с.-х. машин и орудий, было продано (в тысячах штук):

Плугов.	Сеялок.	Уборочных машин.	Молотилок.	Зерноочистительных машин.
910	47	101	54	133

Всего на сумму 130 миллионов рублей (с мелкими орудиями и машинами).

Около 60% машин и орудий будут такие, которые может покупать и индивидуальное крестьянское хозяйство. Но около 40% машин использовать в индивидуальных хозяйствах явно невыгодно, не говоря уже о тракторах. Заметим мимоходом, что использование тракторов выгодно лишь в крупных обобществленных хозяйствах и совхозах.

2. Мы имеем в деревне массу бедняцких и середняцких хозяйств, в которых применение не только крупных, но часто и мелких машин нерентабельно, т.-е. имеем экономические и социальные предпосылки кооперирования и коллективизации.

3. И, наконец, имеем налицо быстрый стихийный (в большинстве случаев) рост машинных товариществ, организующихся главным образом в целях совместной закупки сложных с.-х. машин, в особенности тракторов, на льготных условиях. Рост машинных товариществ идет интенсивнее роста других производственных кооперативов, хотя также растущих быстро. Вот таблица, не требующая комментариев:

	Машинные т-ва.		Мелиоративн. т-ва.		Семенные т-ва.	
	Абсол.	%	Абсол.	%	Абсол.	%
На 1/X—25 г.	2268	100	3933	100	398	100
На 1/IV—26 г.	4221	186	4634	117	782	196
На 1/X—26 г.	6356	280	4819	122	1113	279
На 1/X—27 г.	10268	453	5255	137	1789	449

[1]) Эту цифру автор считает преуменьшенной и называет цифру в 4—5%.

А как же обстоит дело с использованием столь благоприятных предпосылок в об'ективном положении вещей нами сознательно в целях нарастания, ускорения процессов кооперирования и коллективизации? Как мы умеем толкать к коллективизации те виды кооперации, которые стоят на грани к ней и которые при правильном руководстве ими быстро перерастают в коллективы (сначала в более простые, а затем и в более сложные), а при отсутствии руководства часто превращаются в лжекооперативные организации? Что машинные товарищества стоят на грани, являются переходной формой к коллективам — это общепризнано. Попробуем проследить, как происходит их перерастание в коллективы, не задаваясь целью говорить о других, тоже интересных переходных формах (семеноводные, мелиоративные и т. д.).

На вопрос—а сколько машинных товариществ перешло к коллективным формам хозяйствования?—вам скажут, в соответствующих учреждениях, приблизительно, следующее:

«Нам известно, что в Канском округе (Сибирь), в связи с улучшением организационно-хозяйственного обслуживания машинных товариществ, в течение одного года 18% их перешло на устав товариществ по общественной обработке земли, т.-е. к коллективной форме хозяйствования, что, по данным обследования 1926 года, общественная запашка в машинных товариществах Урала составляет 11%, в товариществах Сибири—19,5% и товариществах Поволжья—31,8% всех посевов и что, наконец, параллельно с этим происходит и обобществление инвентаря в товариществах, и в особенности сложных машин. Так, например, скажут вам, «в Бийском округе, тракторы обобществлены на 100%, сеялки—на 72%, жатки—на 49%, косилки—на 39% и т. д.». Сомнительно, чтобы вы могли получить более полные обобщенные данные. А если и получите, то несущественные детали. Наконец, вам могут сказать, что о товариществах мало сведений потому, что они приблизительно на 90% являются «дикими», т.-е. не входящими в систему с.-х. кооперации, а значит и находятся без организационного и хозяйственного обслуживания и руководства. Вы пробуете искать на столь важный вопрос ответа в литературе. Но и там вы находите лишь некоторые отрывочные сведения и почти те же самые.

Открываете какую-либо сводную работу, скажем, «Кооперация в СССР за 10 лет», изд. Коммунистической Академии. В статье т. Биценко «Колхозы в СССР», стр. 74, по интересующему вас вопросу читаете:

«Переход к коллективному производству пока в машинных товариществах проявляется слабо, даже при наличии трактора» (разрядка моя. *А. Ж.*).

Вы читаете дальше. Тут идет поистине какая-то неразбериха: «Так, по 61 кооперативу (только по 61, заметьте!!! *А. Ж.*) Северного Кавказа обобществлены все работы (разрядка моя. *А. Ж.*) в 4% машинных товариществ (значит, это уже не машинные товарищества, а коллективные хозяйства, товарищ Биценко!), в 32% товариществ по совместной обработке земли и во всех артелях». А это что значит? Ведь в товариществах по общественной обработке земли и в артелях работы должны быть обобществлены по их уставу, в противном случае это будут лжетоварищества и лжеартели.

При чем же тут переход, когда они должны быть обобществлены при начале организации!? Читаем дальше: «Даже общественная запашка производится только в 28% машинных товариществ (это не так-то плохо! *А. Ж.*). Единолично же проводятся все работы (курсив мой. *А. Ж.*) в 68% машинных товариществ и 35% товариществ по общественной обра-

ботке земли». Значит, эти 35% товариществ—не товарищества по общественной обработке земли, коль в них все работы проводятся единоличным порядком, а лжеколхозы и как таковые подлежат ликвидации. Ну, все эти ляпсусы мы оставляем на совести автора и приводим их скорее как «образец изучения» столь важного для нас дела.

Далее, автор отмечает «значительное использование машин на стороне» и совершенно правильно видит в этом использовании эксплоататорские тенденции машинных товариществ, их стремление к эксплоатации при помощи машины окружающего населения.

Вот вам данные одного из основных литературных источников, как показатель того, как обстоит у нас дело с работой в этой области и с изучением результатов ее. А ведь машинные товарищества являются важнейшим видом производственного кооперирования!

Наше обращение к другим литературным источникам в основном не прибавляет нового материала. Но тем не менее нам придется сделать некоторые выписки из наиболее поздних и наиболее важных источников, в целях иллюстрации нашей основной мысли.

Тов. Н. Я. Кузьмин (председатель Колхозцентра) в своей статье к Всероссийскому с'езду колхозов—«Роль колхозов в сельском хозяйстве» [1]) говорит: «Машинные и мелиоративные товарищества переходят к общественной запашке земли членов, сведенной в один участок, и практически превращаются в товарищества по общественной обработке земли. Но работы по закреплению новых позиций в жизни товарищества также (как правило) не ведется, вследствие отсутствия организационно-производственного руководства их работой, и часто бывает, что такая организация, не сумевшая организационно закрепить свое положение, отступает на старые позиции и даже через известный промежуток времени погибает» (разрядка моя. *А. Ж.*).

Приведем еще одну выписку из того же номера журнала, из статьи З. Чухарько и С. Короткова—«Работа машинных товариществ», написанной на основании выборочного обследования Сельскосоюза 71 машинного товарищества истекшим летом. В своих выводах авторы говорят:

«Достигнута значительная степень обобществления с.-х. инвентаря. Наконец, все более и более выясняется роль машинных товариществ, как подготовительной ступени к более высоким степеням коллективных хозяйств. При правильной постановке работы и правильном руководстве машинные товарищества постепенно переходят к более высоким формам производственных об'единений, путем дополнительного кооперирования отдельных сторон крестьянского хозяйства (пашня, труд и т. д.)»... И дальше: «Отмеченные выше недочеты в работе товариществ следует отнести в первую очередь за счет недостаточного внимания со стороны местных организаций и недостаточного организационного руководства работой машинных товариществ со стороны верхних кооперативных звеньев (союзы и находящиеся при них колхозсекции). Даже учет количества машинных товариществ по району в большинстве случаев отсутствует. Инструкторское обслуживание машинных товариществ недостаточно, носит характер случайных заездов» (разрядка моя. *А. Ж.*).

Итак, вот каково об'ективное положение вещей!

---

[1]) См. «С.-Х. Кооперация» № 2, 1928 г., стр. 10.

Выводы из сказанного могут быть коротко формулированы так:

1. Машина является наиболее действительным средством коллективизации. Машинные твârищества, являясь одной из переходных форм к коллективизации, способны (при правильном и достаточном руководстве ими) быстро перерастать в коллективные хозяйства. Мы имеем уже достаточную техническую базу (тракторы, сложные машины), вокруг которой начался быстрый стихийный рост машинных товариществ. Социально-экономические условия (мелкие бедняцко-середняцкие хозяйства и невыгодность и даже невозможность применения в них крупных машин) благоприятствуют этому росту, т.-е. и перерастанию их в коллективные формы. На этот путь бедняк и середняк пошел стихийно, лишь под давлением железной логики экономической целесообразности. И, наконец, на этом пути наиболее полно разрешается вопрос о ликвидации безынвентарности и безлошадности маломощного крестьянства и задача вовлечения в кооперацию всей бедноты и большинства середняков.

2. Все эти благоприятные моменты мы пока не сумели использовать в достаточной мере потому, что не могли дать надлежащего количества и качества организационно-производственной и хозяйственно-технической помощи и построить руководство этими процессами в целях нарастания социалистических элементов в деревне. Организационно-производственная помощь и руководство машинными товариществами находятся в самом зачаточном состоянии.

Тут может возникнуть вопрос—кто в этом виноват? Мы все. Или, точнее, об'ективные трудности нашего социалистического строительства. Или, пожалуй, немножечко и суб'ективные в том смысле, что мы «загляделись на одну определенную форму роста» кооперации, а именно—кооперации обращения товаров, забыв про другие ее формы, и уделили последним мало внимания. Вина наша тут, конечно, сугубо относительная. Для успокоения некоторых кооператоров замечу в двух словах, что мы и сейчас стоим за усиление развития сбыто-снабженческой кооперации, но вместе с тем и за большее усиление развития производственных видов, в особенности машинных, мелиоративных, семеноводческих и животноводческих товариществ, как имеющих более короткий путь к коллективизации.

Каковы же задачи, стоящие перед нами сейчас? Они совершенно четко изложены нашей партией в постановлениях XV с'езда. Директива эта такова: «Усилия пролетарского государства направлены здесь (в области снабжения. *А. Ж.*) в первую очередь к тому...,

3. чтобы сделать машиноснабжение орудием под'ема массы крестьянских хозяйств и их кооперирования, в особенности производственного кооперирования» (пункт 10 о работе в деревне). Было ли машиноснабжение у нас до сих пор таким орудием, о котором говорит резолюция? Мы ответили: сознательным—почти нет.

Эту задачу партия ставит в связи с тем, что «социалистическая индустрия будет вести мелкокрестьянское хозяйство по пути к социализму, переделывая индивидуальные и раздробленные производственные единицы как через процесс обращения, так все больше и через реорганизацию и об'единение самого производства в крупное обобществленное хозяйство на основе новой техники (электрификация и т. д.). Поэтому партия и считает, что «в настоящий период задача об'единения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы должна быть поставлена в качестве основной задачи

(разрядка в резолюции) партии в деревне» (разрядка везде моя, кроме указанного последнего случая. *А. Ж.*).

Выполним ли мы эту нелегкую задачу? Она должна быть выполнена и будет выполнена.

Но для практического осуществления этой директивы нужны кой-какие дополнительные мероприятия со стороны советского и кооперативного аппаратов. Нужно подвинтить, подтянуть кой-какие колесики и винтики этих аппаратов, которые вертятся иногда не слишком так, немножко не в ту сторону, как это требуется для осуществления этой важной задачи. (Заметим в скобках, что сдвиг уже начался, замечается, но мы опасаемся, как бы раскачивание не продлилось слишком долго, в особенности на местах. Скоро ли волна докатится?!).

Какие основные организационные меры мыслимы к осуществлению в целях проведения этих задач?

На наш взгляд, они должны быть примерно такими:

1. Союзам сельскохозяйственной кооперации необходимо сделать крен в направлении организационно-производственного и хозяйственного обслуживания производственных видов низовой сети с.-х. кооперации, в особенности машинных товариществ и коллективных хозяйств, проводя обслуживание последних по линии колхозсекций при союзах. Считать недопустимым сокращение так называемой неторговой деятельности в союзах, в особенности организационно-производственного инструктажа, а, наоборот, произвести рационализацию аппарата за счет сокращения и уплотнения своего торгово-заготовительного аппарата (отнюдь не сокращая оборотов!) и переложения части этой работы на первичную сеть, где это возможно и нужно. (Сокращение организационных аппаратов в союзах, к сожалению, имеет место, как видно, потому, что это—линия наименьшего сопротивления). А за счет освободившихся средств от рационализации и сокращения торгового аппарата усилить организационно-производственный аппарат союзов.

2. По линии земельных органов также необходим определенный крен в сторону усиления организационно-производственного обслуживания низовой сети производственных видов с.-х. кооперации и соответствующая передвижка в аппарате земорганов в этом направлении (т.-е. примерно таким образом: за счет сокращения административных, технических и канцелярских работников усилить кадр специалистов, обслуживающих эти виды кооперации).

3. Первые две меры имеют, конечно, определенные пределы, дальше которых итти нельзя. Но на этом пути еще много можно сделать. Вместе с тем следует определенно сказать, что без материальной помощи (дополнительной) со стороны пролетарского государства желательных сдвигов в этом направлении в короткий срок добиться будет нельзя.

Правильное использование машин неизбежно повлечет за собой целый ряд других агротехнических улучшений, которые повысят урожай, увеличат товарность хозяйства и общий таворооборот страны, т.-е в конечном счете страна будет иметь финансовый плюс. А самое главное—это наш социалистический барыш: закрепление и усиление социалистического сектора деревни.

Считаем возможным, целесообразным и даже необходимым произвести усиление низового аппарата земельных органов (агроучастки, районные земельные органы, уездные земельные управления) и районных союзов с.-х. кооперации (организационно-производственной части), как непосредственно занимающихся этим делом, за счет сокращения центральных, областных и губернских земельных и кооперативных аппаратов, с соответствующей передвижкой вниз и кредитов на усиление этой работы, а также, конечно, и людей (не возражаем против такой операции и с другими центральными учреждениями).

А если мы будет продолжать писать низовым органам только циркуляры об усилении этой работы, не давая им реальной возможности произвести это усиление, от этого возрастет только количество циркуляров, а не колхозов. Поменьше «социалистических» бумаг, побольше социалистического дела.

Препятствия и возражения в роде таких, что у каждого учреждения свой кредит, свой баланс, своя отчетность, мы не считаем непреодолимыми. Можно найти соответствующие формы для разрешение этих «затруднений». Кстати, тут в известной мере разрешается и культурная проблема деревни. Деревня получит новый отряд культурных работников, наличие которых даст новый, дополнительный толчок в деле роста культурного состояния деревни.

А благодаря реальному усилению организационно-производственной помощи организованному крестьянству, несомненно, удастся вовлечь и кой-какие дополнительные средства самого населения. На выгодное дело бедняцко-середняцкое крестьянство понатужится, но даст свои гроши! (Заметим в скобках, что построение соответствующих экономических мероприятий, построение оперативных планов земорганов и кооперативных организаций, кредиты и т. д. — под углом зрения производственного кооперирования мы считаем само собой разумеющимся).

В заключение укажем еще на один плюс, который имеют коллективные хозяйства. Они уже сейчас часто являются опорными пунктами работы партии в деревне, они ими были в эпоху гражданской войны, когда строили свое хозяйство с винтовкой в руках (особенно в Сибири и на Северном Кавказе), сражаясь с бандитско-кулацкими отрядами в районах восстаний, они должны сыграть и, несомненно, сыграют большую роль в грядущих классовых боях с противниками «коммуны», если эти классовые бои нам будут кем-либо навязаны.

Под руководством партии эти опорные пункты в социалистическом строительстве деревни будут укреплены и приумножены.

М. Поллитт.

Борьба английских женщин с войной.

При рассмотрении факторов, от которых зависит успешное развитие нашей борьбы с войной, мы видим, что почти все секции Коминтерна недооценивают подчас довольно сильно ту важную роль, которую играют трудящиеся женщины в этой борьбе.

В этом году британская компартия впервые уделила в своей антивоенной кампании серьезное внимание этому участку своей работы и начала энергичную, систематическую кампанию среди трудящихся женщин.

В одном отношении эта работа очень легка. Трудящиеся женщины питают величайшую ненависть к войне—ненависть, которая больше всех других чувств связывает воедино группы и организации, имеющие друг с другом мало или вовсе ничего общего—ненависть, которая заставляет их прислушиваться к компартии в этом вопросе, в то время как все ее обращения по другим поводам они оставляют без внимания.

Но, с другой стороны, по нашей же вине возникают и серьезные затруднения при проведении подобной антивоенной кампании. Мы настолько игнорировали эту ожесточенную ненависть, не считая нужным ее использовать, что позволили буржуазным, религиозным и пацифистским организациям почти окончательно подчинить трудящихся женщин своему идеологическому контролю. Мы позволили им оторвать женщин от рабочего классового движения, насытить их пацифистскими теориями и окончательно отвлечь их энергию от реальной борьбы с войной.

Консервативная партия имеет в каждой горнорабочей деревушке и промышленном центре свои женские организации,—так называемые весенние лиги, союзы матерей и проч.,—которые стараются опереться на массы трудящихся женщин и ведут среди них вербовочную деятельность, привлекая их к себе обещанием тех или других социальных выгод.

Другой организацией, сильно зависящей от поддержки женских союзов, является союз Лиги Наций. Эта организация, имеющая индивидуальных членов, и ведущая агитацию за вступление в нее различных социальных, религиозных и политических организаций, популяризирует и пропагандирует идею, согласно которой Лига Наций является единственным орудием, при помощи которого возможно установление всеобщего мира. Огромное количество женских кооперативных гильдий и женских секций рабочей партии об'единено с союзом Лиги Наций, регулярно посылающим им литературу и пропагандистов и возглавляемым главным образом видными либеральными политиками и экономистами.

Еще более популярным является среди трудящихся женщин движение против повторения войны, которое возникло в результате кампании, поднятой во время войны сторонниками отказа от военной службы по религиозным убеждениям. Это движение, находящееся главным образом под влиянием так наз. левого крыла независимой рабочей партии, ведет пропаганду за отказ всех рабочих от военной службы в случае войны,

и оно в значительной мере повинно в том, что в рядах рабочих масс создалось неясное представление об этом вопросе. Поддержка, оказываемая как союзу Лиги Наций, так и движению против повторения войны, основывается исключительно на чувстве, а не на логике, понимании и одобрении целей и политики этих организаций.

Эта неопределенная позиция масс об'ясняется двумя тенденциями, глубоко вкоренившимися среди британского рабочего класса, и в особенности женщин.

Во время войны Великобритания была единственной страной, где отказ от военной службы по религиозным убеждениям принял широкие размеры. Это была пораженческая и бесполезная политика отчаяния, но все же можно считать, что это было выступление рабочего класса против войны, при чем женщины играли в этом движении чрезвычайно крупную роль. Последние десять лет это движение начало находить широкую поддержку в рядах рабочего класса, и этот факт, равно как и инстинктивный страх британского рабочего класса перед насилием и неконституционным выступлением, заставляет притти к заключению, что одной из крупнейших пацифистских опасностей, с которыми нашей партии необходимо бороться, является вера в бойкот, как успешное средство для предотвращения войны.

Вот почему чрезвычайно важно, чтобы мы пользовались всяким случаем для того, чтобы убеждать рабочих, и в особенности женщин, оказывающих большое влияние на своих мужей, в бесцельности лозунга бойкота. Мы не должны недооценивать возможность возникновения крупного движения за бойкот в случае об'явления войны. Мы не должны недооценивать опасность, которую будет представлять для нас это движение в случае, если оно выйдет из - под нашего контроля. А это случится, если мы не будем постоянно раз'яснять широким массам, что необходимо, не ограничиваясь одними чувствами, прибегнуть к массовой забастовке. Мы при этом не должны думать, что забастовка сможет приостановить войну, но мы должны ее рассматривать, как агитационное средство для привлечения широких кругов рабочих, не откликнувшихся на наши предостережения.

Возможно, что какая - нибудь сильная и боевая секция профсоюзного движения (как, напр., федерация горняков Южного Уэльса), даст своим членам инструкцию бойкотировать армию. Совершенно очевидно, что наш долг будет заключаться в том, чтобы приложить все усилия к тому, чтобы превратить этот массовый бойкот в исходный пункт для всеобщей забастовки, имея все время в виду восстание, как конечную цель. Необходимо все время подчеркивать, что единственное средство для прекращения войны заключается в свержении буржуазии, что, однако, невозможно при отказе от военной службы. Необходимо вступить в армию для того, чтобы разложить и превратить империалистическую войну в гражданскую.

Вот те об'ективные условия, при которых британская компартия развила свою антивоенную кампанию по определенным линиям, выработанным теперь впервые.

1) Мы должны обращаться не только к сочувствующим лицам, посещающим наши собрания, и членам профсоюзов, кооперативных гильдий и женских секций рабочей партии, как это до сих пор делалось, но и к неорганизованным промышленным рабочим, домашним хозяйкам и даже к женщинам, входящим в организации, враждебные рабочему классу.

В этих целях были организованы во всей стране митинги у ворот фабрик, уличные собрания и делегатские конференции, преследовавшие следующие цели:

а) Устройство национальной антивоенной демонстрации в Лондоне с участием женщин из всех местностей страны.

б) Посылка делегации из 50 трудящихся женщин в Советский Союз. Целью этой делегации является снесение пацифистского барьера, поставленного между многими лево - ориентированными женщинами и нашей партией.

Беспартийные женщины, побывавшие в Советском Союзе в ноябре прошлого года, научились различать между двумя родами «насилия»: между традиционным насилием буржуазии, стремящейся сохранить свое господство, и оборонительными мерами Советского Союза, принимаемыми для защиты революции.

Научившись разбираться в этом различии, многие из этих женщин совершенно изменили свое отношение к вопросу о насилии, и одна из них выступила на конференции женской кооперативной гильдии с пламенной речью против Лиги Наций и за советские предложения разоружения.

Почти все эти беспартийные женщины, участвовавшие в делегации, были пацифистками, членами движения против повторения войны, сторонниками Лиги Наций и проч., хотя в других вопросах они были близки к нашей партии и лойяльно с нею работали.

Наши ораторы старались выступать в профсоюзах, кооперативных гильдиях и в женских секциях рабочей партии, и они получили приглашение принять участие в делегатских конференциях.

Митинги под открытым небом прошли с наибольшим успехом в угольных районах в то время, как в текстильных районах пользовались наибольшим успехом собрания у ворот фабрик. Профсоюзы и женские секции рабочей партии почти неизменно бойкотировали нас, но кооперативные гильдии хотели иметь наших ораторов и принимать участие в наших конференциях.

2) Широкое влияние пацифистских и лже - пацифистских организаций может быть подорвано лишь при систематическом тщательном разоблачении истинных целей этих организаций. Отношение компартии к войне должно быть выражено с величайшей ясностью и определенностью, и наши ораторы ни в каком случае не должны поддаваться искушению и играть на чувствах женщин и их сильнейшей ненависти к войне, не убеждая их при этом в неизбежности новых войн при капитализме. В особенности необходимо ясно об'яснить истинный смысл советских предложений разоружения, указав при этом на сознательное извращение этих предложений пацифистами и реформистами.

Особое внимание было уделено на всех делегатских конференциях Лиге Наций. Приводились все факты, разоблачающие ее, и сторонники ее были вызваны выступить в ее защиту. Тот же метод был применен и к пакту Келлога и письму Понсонби о мире (в этом письме Артур Понсонби, член независимой рабочей партии, бывший товарищ министра иностранных дел в кабинете Макдональда, просил всех врагов войны дать свою подпись в знак того, что они откажутся от какого - либо участия в будущей войне. Была развита энергичная деятельность для получения подписей среди рабочих и членов религиозных и пацифистских обществ). Партия все время подчеркивала, что разоружение и всеобщий мир возможны лишь при разоружении международной буржуазии и захвате власти международным пролетариатом. Таким образом, было в значительной мере подорвано пацифистское влияние в массах.

3) Необходимо прилагать все усилия к расширению круга беспартийных женщин, привлеченных к организации демонстрации и делегации, но при этом ни в коем случае не должно быть замаскировано лицо партии, и она не должна быть отодвинута на задний план.

Каждая делегатская конференция (было организовано всего 20 конференций с участием от 25 до 200 человек в каждой) кончалась избранием комитета единого фронта. В эти комитеты входили представители беспартийных организаций и фабричных рабочих, согласных работать вместе с компартией в антивоенной кампании. Эти комитеты прекрасно работали. Они не только создали целую сеть организаций для сбора денег, необходимых для поездки 50 женщин в Советский Союз и с'езда 1.500 женщин из провинции в Лондон для принятия участие в демонстрации, но, работая в тесном сотрудничестве с коммунистами, они расстались с прежним предубеждением против компартии, и многие из них вступили в ее ряды.

Заключительным аккордом этой кампании явилась гигантская демонстрация в Трафальгарском сквере в Лондоне 29 июля и от'езд 50 делегаток в Советский Союз.

Капиталистическая пресса писала об этой демонстрации, как о крупнейшей демонстрации женщин, какая когда - либо была в Англии. Все ораторы, выступавшие на демонстрации, как партийные, так и беспартийные, считали нужным подчеркнуть, что демонстрация направлена в такой же мере против пацифизма, как и против войны

50 делегаток, большинство которых беспартийные (текстильщицы, упаковщицы, жены горняков, работницы кооперации и т. д.), едут в СССР в качестве послов мира от страны, правительство которой является всегда первым застрельщиком в антисоветских интригах. Они приезжают укрепить узы единства между советскими и британскими трудящимися женщинами и передать привет Красной армии.

Британская компартия вынесла много ценных уроков из этой кампании. Восторженный отклик на наш призыв показал нам ярче, чем когда-либо, что в вопросе о войне мы можем рассчитывать на самую широкую поддержку трудящихся женщин. Этот отклик показал, как велика наша задача, заключающаяся в том, что мы должны окончательно рассеять сильные пацифистские иллюзии, все еще являющиеся тем средостением, которое отделяет массы трудящихся женщин от нашей партии. Энергия и искусство, проявленные при организации всей кампании, ясно показали то огромное значение, которое широкие массы женщин имеют для революционного движения. Вместе с тем был дан должный ответ тем элементам, которые боятся того, чтобы наша партия определенно и открыто выступала с каким бы то ни было обращением к массам.

Само собой разумеется, что мы только затронули эту проблему, и то малое, что мы уже сделали, ясно показало, какую огромную работу нам еще предстоит проделать.

В первую очередь необходимо развить и усилить нашу работу среди работниц в промышленности. В 1914 г. было сравнительно легко мобилизовать женщин для изготовления оружия, военных материалов и проч. Сейчас, когда миллионы женщин индустриализированы, это будет еще легче, в особенности, если мы примем во внимание то огромное количество женщин, которые работают во вновь рационализированных отраслях промышленности — химической промышленности, в промышленности по выделке искусственного шелка и проч. Эти отрасли промышленности можно почти немедленно приспособить для военных целей и изготовления военных материалов. Кроме того, как раз в этих отраслях промышленности рабочим обыкновенно воспрещается быть членами профсоюзов, и там развиты так называемые компанейские союзы.

Этих женщин нам придется во время войны вовлечь в забастовочное движение. Поэтому необходимо уже теперь развить интенсивнейшую работу среди них у ворот фабрик, в профсоюзах, добиваться допущения женщин в фабзавкомы и проч. Устройство делегатских, уличных собраний, интенсивная деятельность в реформистских организациях, работа единым фронтом с коммунистическим пионерским движением против империалистической системы преподавания в школах, создание и развитие женских органи-

заций самообороны на здоровых политических основах, устройство массовых демонстраций — вот та важная работа, которой не следует пренебрегать.

Наша партия, наконец, должна понять, что недостаточно мобилизовать женщин для идеологической борьбы с войной. Они должны быть также подготовлены для принятия активного участия в самой гражданской войне.

Буржуазные партии всех стран готовятся вовлечь женщин в активную борьбу с революционным движением, и если мы не последуем примеру всесоюзной и китайской партий и не признаем женщин мощной революционной силой, мы их толкнем в лагерь контрреволюции.

В британской компартии теперь уже нет больше места мнению, будто работа среди женщин не имеет большого значения, и, приободренные успехом нашей антивоенной кампании 1928 г., мы будем продолжать эту работу с удвоенным энтузиазмом и уверенностью в ее успешном завершении.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

О теоретических проблемах мирового хозяйства.

(*М. СПЕКТАТОР. «Введение в изучение мирового хозяйства».* ГИЗ. 1928, *стр. 314. Ц. 3 р.).*

Проблемы мирового хозяйства привлекают в настоящее время огромный интерес. Об этом свидетельствуют многочисленные работы, появляющиеся у нас. Нужно, однако, отметить, что подавляющее большинство книг о мировом хозяйстве является описательными работами. Между тем, действительное понимание современного мирового хозяйства невозможно без уяснения теоретических проблем мирового хозяйства. В этом отношении работа т. Спектатора восполняет огромный пробел, имеющийся в нашей литературе, и является у нас первым законченным трудом, трактующим вопросы мирового хозяйства в теоретическом аспекте. Исчерпать в рецензии все затронутые т. Спектатором многочисленные проблемы, конечно, невозможно. Мы остановимся главным образом на спорных и неверных, с нашей точки зрения, моментах работы Спектатора. При этом мы подчеркиваем, что работа Спектатора является крупным событием Книга благодаря богатству материала, интересной трактовке проблем, исчерпывающему анализу важнейших вопросов займет безусловно видное место в нашей экономической литературе, посвященной мировому хозяйству. За всем тем, однако, это не освобождает нас от необходимости вскрыть ошибки этой, повторяем, ценной работы.

В первую очередь автор останавливается вполне правильно на определении понятия мирового хозяйства. Известно, что этому вопросу посвящены многочисленные работы буржуазных экономистов, главным образом немецких. Автор не останавливается на критике дефиниции понятия мирового хозяйства, даваемой буржуазными экономистами. Нужно отметить, что у нас как раз последний год этой критике были посвящены две статьи: т. Угарова в «Вестн. Ком. Академии» № 23 и В. Акуленко (Проблема мирового хозяйства) в «Вопросах Экономики» (научноисследовательской кафедры по экономике в Харькове, выпуск 2-й). В марксистской литературе вопрос об определении понятия мирового хозяйства разработан весьма слабо. Лишь т. Бухарин дал четкое определение мирового хозяйства, которое является: «системой производственных отношений и соответствующих ей отношений обмена в мировом масштабе» («Мировое хозяйство и империализм», стр. 14). К этому определению близко подходит Иосиф Иванов в своем небольшом очерке «Мировое хозяйство, как единый производственный организм». («Вестник Соц. Академии», книга 6-я, 1923 г.).

Тов. Спектатор основное внимание уделяет вопросу об историческом месте мирового хозяйства, он неоднократно подчеркивает, что «о мировом хозяйстве можно говорить только в эпоху империализма или монополистического капитализма» (стр. 29 рец. раб.) Свое определение он основывает на том, что только экспорт капитала является «основным фактором, вовлекающим промышленно-отсталые страны в общую сферу мирового хозяйства» (стр. 28). Таким образом, т. Спектатор относится к числу тех исследователей, которые отрицают наличие мирового хозяйства в домонополистический период капитализма. Вопрос об историческом месте мирового хозяйства у нас совершенно не разработан. Между тем, этот вопрос имеет огромный теоретический интерес, и необходимо внести в него определенную

ясность. В буржуазной экономической литературе по этому вопросу имеются совершенно противоположные мнения. Одни считают, что мировое хозяйство существует уже испокон веков. Так, например, проф. Куске в своей работе «Исторические основы мирового хозяйства» (1926 г.) на немецком языке доказывает, что мировое хозяйство существует уже тысячи лет, а в период капитализма лишь подверглось известным модификациям. Другие исследователи вообще отрицают наличие мирового хозяйства. Например, известный германский экономист Карл Диль указывает, что «мировое хозяйство не существует и никогда не будет существовать. Всегда были налицо мировая торговля, мировой транспорт, мировой рынок; в новейшее время они усилились, дело только в степени, это нисколько не позволяет говорить о стадии мирового хозяйства» (цитирую по статье Ф. Капелюш «Обзор иностранной экономической литературы», «Под Знам. Марксизма» № 5, 1927 г.). Несколько своеобразной точки зрения держится Рихард Кальвер, который считает, что мировое хозяйство будет существовать лишь в эпоху социализма! Мы не будем останавливаться на критике всех этих концепций буржуазных экономистов, о которых т. Спектатор вообще совершенно не упоминает. Перейдем непосредственно к ответу на вопрос, когда можно говорить о мировом хозяйстве? Мы считаем, что мировое хозяйство создается в эпоху капитализма (этой точки зрения придерживается и т. Угаров в упомянутой выше статье в «Вестн. Ком. Академии»). Строя свое определение, мы опираемся на Маркса, который неоднократно подчеркивал мировую роль капитализма. Уже говоря о трех главнейших фактах капиталистического производства, Маркс указывает, что третьим фактом, на ряду с концентрацией средств производства и организацией труда, как общественного труда, является «создание мирового рынка» («Капитал», т. III, часть 1, изд. 1907 г., стр. 242). В первом томе «Капитала» Маркс подчеркивал, что «мировая торговля и мировой рынок открывают в XVI столетии историю жизнедеятельности современного капитала» («Капитал», т. I, стр. 116, изд. 1920 г.). Все это, конечно, прекрасно известно т. Спектатору, который в своей работе приводит ряд цитат из Маркса, касающихся мирового рынка. Однако, т. Спектатор считает, что в эпоху домонополистического капитализма речь шла только «о рыночных отношениях, которые существовали и в доисторические времена»...

При этом тов. Спектатор указывает, что мирохозяйственные связи были до эпохи империализма весьма слабые и что от прекращения этих связей хозяйственная структура большинства стран не изменилась бы и, таким образом, связь этих стран с мировым хозяйством не имела существенного значения. Мы считаем, что в данном случае положение т. Спектатора является спорным. Если товарообмен между странами существовал давно, то при капитализме эта связь между отдельными странами ставится по-новому. Сам т. Спектатор цитирует Маркса, который в «Нищете философии» указывает, что в отличие от прежнего периода «крупная промышленность... зависит уже единственно от всемирного рынка, от международного разделения труда». В своей старой работе т. Спектатор также подчеркивал, «что с переходом к фабричной машинной промышленности страны связываются не только в торговом, но и промышленном отношении с мировым рынком» («Мировое хозяйство», 1924 г., стр. 133). Известно, что Маркс считал, что в эпоху промышленного капитализма в сферу капиталистического хозяйства включается весь земной шар. В 1858 году Маркс писал: «Задача буржуазного общества заключается в том, чтобы установить мировой рынок, хотя бы в общих чертах, и установить производство, покоящееся на его основе. А так как земля—шар, то, как мне кажется, с колонизацией Калифорнии и Австралии и с открытием дверей Китая и Японии это дело закончено» (Карл Маркс и Ф. Энгельс, Письма, перевод

Адоратского, ГИЗ, стр. 74, разрядка моя. *М. И.*). В эпоху, исследуемую Марксом, основой мирохозяйственных связей являлась внешняя торговля, поэтому М. и употребляет термин «мировой рынок». Таким образом, и в эпоху домонополистического капитализма можно говорить о мирохозяйственных связях. Конечно, эти связи в дальнейшем все более укрепляются: экспорт капитала создает более глубокие и длительные связи между отдельными частями мирового хозяйства. Но эти связи существовали и до того периода, когда экспорт капитала сделался доминирующим фактором мирового хозяйства. Поэтому мы считаем, что тов. Спектатор не прав, когда пишет, что «не меновые отношения сами по себе характерны для мирового хозяйства, а именно эти финансовые отношения, связанные с экспортом или импортом капитала... Понятие мирового хозяйства—поскольку мы под ним не подразумеваем исключительно рыночные отношения, простого товарообмена, существовавшего еще в доисторические времена—связано с процессом индустриализации аграрных стран, совершающимся посредством импорта капитала» (стр. 29).

Нужно отметить, что тов. Спектатор раньше при определении мирового хозяйства ставил во главу угла лишь внешнеторговые связи. В упомянутой работе «Мировое хозяйство до мировой войны» (Москва, 1924 г.) он писал: «При каких обстоятельствах можно говорить о мировом хозяйстве? Только в том случае, когда внешняя торговля или внешнехозяйственные отношения получили решающее значение для национального хозяйства. Конкретно говоря, когда, например, внешняя торговля втягивает в свою орбиту процентов 30—50 отечественного производства» (стр. 134). Дальше он пишет: «Короче, период мирового хозяйства наступает для данной страны когда она в значительной мере зависит от мирового рынка, с одной стороны, в смысле обеспечения необходимыми средствами пропитания и сырьем, а с другой—в отношении сбыта своих важнейших продуктов...» (стр. 134, разрядка моя. *М. И.*). Правда, в постановке т. Спектатора концепцию вполне правильно критиковал Бронский, указавший в статье «Обзор литературы по мировому хозяйству» («Вестник Социалистической Академии», кн. 3-я, февраль 1923 г.), что невольно напрашивается вопрос: «Почему 30 или 50%, а не 25%» (стр. 292). В этом отношении примечание тов. Спектатора к русскому изданию своей упомянутой старой работы, нисколько ему не помогает.

Если исходить из той теории, что период мирового хозяйства наступает для каждой страны в зависимости от интенсивности ее связи с мировым рынком, то нужно признать, что и в настоящее время нельзя говорить о мировом хозяйстве, как о системе, охватившей все страны. Теперь т. Спектатор на первый план выдвигает экспорт капитала, который, по его мнению, связывает по-настоящему отдельные страны. Не говоря уже о том, что это несколько противоречит его прежней постановке вопроса, где об экспорте капитала как о факторе, образующем мировое хозяйство, ничего не говорится, мы еще раз повторяем, что если стоять на точке зрения, что основным признаком является лишь определение интенсивности связей (в форме ли рыночных отношений или экспорта капитала), то о мировом хозяйстве нельзя было бы говорить и в настоящее время.

Если, таким образом, мы не считаем правильным определение мирового хозяйства тов. Спектатором, то отпадает и определение науки о мировом хозяйстве, данное тов. Спектатором. Тов. Спектатор пишет: «Наука о мировом хозяйстве есть учение о монополистическом капитализме современной формации, однако, ставящее себе конкретную задачу исследования взаимоотношений различных государств на мировом рынке, их политики и борьбы, как и результатов этой борьбы» (стр. 29). В первую очередь, мы считаем, что науки о мировом хозяйстве, как самостоятельной дисциплины, нет. В основу теоретического изучения мирового хозяйства должна быть положена экономическая теория Маркса.

Правда, сам тов. Спектатор пишет: «Мы не строим целой теории монополистического развития капитализма, а, основываясь на теории капиталистического развития Маркса, мы только отмечаем те отклонения, которые внесло новое развитие в характер современного капиталистического производства» (стр. 30, разрядка моя). Однако, указанное замечание относится к теории монополистического капитализма, каковое понятие, как мы уже указали, не совпадает с мировым хозяйством. Ведь, кроме всего, нужно подчеркнуть, что мировое хозяйство и монополистический капитализм совершенно различные логические категории, а тов. Спектатор их отождествляет, когда пишет, что «наука о мировом хозяйстве есть учение о монополистическом капитализме». Монополистический капитализм есть понятие, показывающее экономическую структуру (которая есть только система производственных отношений, входящих в систему хозяйства и определяющих его характер). Понятие же «хозяйство» включает и производственный аппарат общества, состоящий как из вещественных элементов, так и из людей, об'единенных между собой производственными отношениями.

Тов. Спектатор фактически дает учение о монополистическом капитализме, а не науку о мировом хозяйстве. Необходимость же науки о мировом хозяйстве он совершенно не доказывает. Что касается определения науки о мировом хозяйстве, то в этом отношении тов. Спектатор впадает в противоречие, когда стремится разграничить науку о мировом хозяйстве и учение о монополистическом капитализме. В своей первой статье «Понятие мирового хозяйства» («Мировое Хозяйство и Мировая Политика» № 8, 1927 г.) он пишет: «Наука о мировом хозяйстве ставит своей задачей исследование взаимоотношений различных государств на мировом рынке, их политику и борьбу как и результат этой борьбы... Основным об'ектом изучения являются внешнерыночные, междугосударственные отношения. Этим мировое хозяйство и отличается от империализма, изучающего новейшую фазу капитализма, как отношения внутри государства (новые рыночные, производственные и социальные), так и внешние, колониальную и вообще внешнюю политику». Стоит только сравнить подчеркнутые мною слова, как становится ясно, что фактически тов. Спектатор не может провести грань между об'ектом исследования науки о мировом хозяйстве и науки об империализме, поскольку в его определение предмета изучения империализма включаются те же проблемы, которые должны, по его мнению, изучаться наукой о мир. хоз. В своей настоящей работе он несколько смягчил это разделение, однако, и здесь, когда он пишет, что наука о мировом хозяйстве исследует «взаимоотношения различных государств на мировом рынке и т. д.» (стр. 29), то он фактически затрагивает те же проблемы, которые затрагиваются в любом курсе империализма. Достаточно перечислить основные главы работы тов. Спектатора, которые относятся к мировому хозяйству в эпоху монополистического капитализма, и мы увидим, что они почти текстуально совпадают, например, с заглавием разных глав «Империализма» Ленина. В книге т. Спектатора имеются следующие главы: гл. 4-я «Новейшие тенденции развития капитализма», гл. 5-я «Финансовый капитал», гл. 6-я «Монополистический капитализм», гл. 7-я «Борьба за рынок», гл. 8-я «Экспорт капитала», гл. 9-я «Колонии» (характерно, что остальные главы автор посвящает истории торгового капитала, процессу образования рынка в период промышленного капитализма, торговой политике и т. д., т.-е. всем тем проблемам, которые не должны были бы найти свое отражение в работе по мировому хозяйству, если стоять на точке зрения автора, что мировое хозяйство создается только в эпоху монополистического капитализма). Ведь все указанные проблемы относятся к капитализму домонополистической эпохи и, следовательно, ничего общего не должны иметь с проблемами мирового хозяйства. Это является еще одним доказательством спорности определения у т. Спектатора понятия мирового хозяйства. Таким образом, тов. Спектатор не доказал необходимости особой науки о мировом хозяйстве, которая в его концепции вообще совпадает с теорией империализма, которая была впервые дана Лениным. Но если исходить из нашего определения мирового хозяйства (мировое хозяйство — продукт капиталистического развития), то и тогда не нужно создавать особой науки о мировом хозяйстве, так как все теоретические проблемы мирового хозяйства могут быть разрешены и установлены на основе экономического учения Маркса и Ленина. Если два разобранных выше вопроса могут считаться спорными, и во всяком случае подлежащими еще дальнейшему исследованию, то безусловно необходимо отвергнуть даваемое т. Спектатором определение монополистического капитализма. Как характеризует т. Спектатор монополистический капитализм? Он пишет: «К основному источнику прибавочной стоимости прибавляется еще один — эксплоатация крестьянского населения, в особенности в колониальных странах... Этим и отличается новая ступень развития, характеризуемая, как период монополистического капитализма» (стр. 24). Далее, он подчеркивает, что для монополистического капитализма характерно, что теперь «мы имеем страны-об'екты и страны-суб'екты в процессе капиталистического хозяйства» (стр. 26). Тов. Спектатор считает, что его определение совпадает с резолюцией II конгресса Коминтерна, установившего, что «европейский капитализм черпает главным образом свои силы не столько в европейских промышленных странах, сколько в своих колониальных владениях. Сверхприбыль, добываемая в колониях, является одним из главных источников средств современного капитализма» (стр. 26). Это положение, безусловно, верно. Однако, не в этом суть ошибки определения тов. Спектатора. Эксплоатация крестьянства не есть специфическая черта монополистического капитализма и не это отличает монополистический капитализм от торгового и промышленного капитализма. Общеизвестны места из Маркса, указывавшего, что «торговый капитал, когда ему принадлежит преобладающее господство, повсюду представляет собой систему грабежа» («Капитал», т. III, ч. 1, стр. 37). Мы не будем на этом останавливаться (тем более, что сам Спектатор об этом говорит на стр. 40). Известно также, что Маркс указывал на наличие неэквивалентного товарообмена при торговле со странами, находящимися на более низкой ступени развития (см. главу «Внешняя торговля», в III томе). Когда тов. Спектатор теперь возражает против этого и доказывает, что более высокая прибыль, получаемая капиталистами индустриальных стран при обмене с аграрными, является следствием «эксплоатации своих рабочих, а не аграрных стран» (стр. 77), то это утверждение по меньшей мере звучит странно. Ведь Маркс именно подчеркивал, что «передовая страна продает свои товары выше их стоимости» и, следовательно, разница между продажной ценой и стоимостью товара не является результатом обсчета именно колониальных стран. Можно согласиться с тем, что в эпоху монополистического капитализма при отсутствии свободной конкуренции эта эксплоатация через неэквивалентный обмен усиливается, но, безусловно, это не есть явление, которое впервые имеет место лишь при монополистическом капитализме.

Но если вообще исходить из концепции Спектатора, то нужно притти к выводу, что та колоссальная прибыль, та сверхприбыль, которая притекает в руки небольшой группы монополистов, создается путем эксплоатации крестьянства. Получается любопытная теория, что источником сверхприбыли империализма является некапиталистическая среда—«третьи лица». Это уже своеобразный «люксембургизм». А так как прекрасно известно, что капитализм, и особенно монополистический капитализм, чрезвычайно быстро разлагает крестьянское хозяйство в колониях, обезземеливает крестьян, превращает их в пролетариев и заставляет их работать на своих капитали-

стических плантациях и фермах, то выходит, что база получения сверхприбыли монополистического капитализма теперь сужается, что, конечно, в корне противоречит действительности. Ошибка тов. Спектатора при определении монополистического капитализма заключается в том, что он центр тяжести переносит на сверхприбыль, получаемую от эксплоатации путем неэквивалентного обмена крестьянства. Таким образом, из поля зрения выпущено у него присвоение через процесс производства неоплаченного прибавочного труда сельскохозяйственного и промышленного пролетариата и полупролетариев колоний и полуколоний. Это перенесение в колонии капиталистических производственных отношений именно характерно для монополистического капитализма. Ленин писал: «Экономическое различие между колониями и европейскими народами—по крайней мере, большинством последних—состояло прежде в том, что колонии втягивались в обмен товаров, но еще не в капиталистическое производство. Империализм это изменил. Империализм есть, между прочим, вывоз капитала. Капиталистическое производство все более и более ускоренно пересаживается в колонии» (т. XIII, стр. 414. Разрядка моя. *М. И.*). Тов. Спектатор останавливается на работе английского рабочего исследовательского бюро «Империализм в Восточной Африке», а ведь в этой книге и вышедшей новой работе этой серии—«Империализм в Африке»—блестяще подтверждается высказанное нами положение, что колонии становятся все больше и больше источниками получения сверхприбыли. Разве прибыли, получаемые каучуковыми, нефтяными, хлопковыми и т. д. компаниями, не являются следствием присвоения прибывочной стоимости пролетариев колоний? В упомянутой английской работе приводятся интересные примеры, показывающие, что рабочие по добыче олова в Зап. Африке из 8 часов, которые они работают, 6 часов работают на капиталиста и только 2 часа на себя. Следовательно, норма эксплоатации составляет 300%. Не приходится удивляться, что эти английские компании выплачивают дивиденды в размере от 65—80% на акционерный капитал. (Элеонор Беренс—«Империализм в Западной Африке», 1928 г., стран. 56 и след.). Когда на II конгрессе Коминтерна устанавливалось, что в настоящее время «развилось невиданное раньше господство ничтожного числа крупнейших банков, финансовых королей, финансовых магнатов, которые на деле превращали даже самые свободные республики в финансовые монархии, и т. д., и т. д. (Ленин. Речь на II конгрессе, т. VII), то имелось в виду, что в настоящее время, благодаря эксплоатации гигантскими монопольными об'единениями, благодаря экспорту капитала, монополистический капитализм приковал к своей колеснице миллионы колониальных и полуколониальных пролетариев и полупролетариев, и за счет прибавочной стоимости, притекающей со всего мира, живут господствующие классы маленькой группы стран-эксплоататоров. Мы не отрицаем наличие других форм эксплоатации колоний (неэквивалентный товарообмен, экспроприация доходов путем налогового пресса и т. д.). Но не это является определением для монополистического капитализма. Из многочисленных признаков монополистического капитализма в отличие от предыдущего периода у Ленина нигде не фигурирует «открытый» товарищем Спектатором основной источник сверхприбылей монополистического капитализма.

Следующий раздел т. Спектатор посвящает проблеме финансового капитала и монополистических об'единений. Трактовка этих проблем не представляет в теоретическом отношении ничего нового. Зато богатый фактический материал иллюстрирует новейшее развитие монополистического капитализма в главнейших странах. Наиболее важным является в этом разделе теория т. Спектатора о картельной цене и картельной ренте. Тов. Спектатор считает, что его теория является «в настоящий момент общепринятой». Правда, доказательства этой общепризнанности, приводимые тов. Спектатором в пользу этой теории, для нас не весьма убедительны. В качестве доказательств т. Спектатор выдвигает новейшее признание Гильфердинга в журнале «Гезельшафт» и главное, что на этой точке зрения стал... «С'езд представителей Союза германских промышленников в Дрездене в 1926 г.» (стр. 133). С каких пор с'езд промышленников стал авторитетом для подтверждения в установлении правильности той или иной теории для марксистов, это остается на совести тов. Спектатора. Теория т. Спектатора была им в русской литературе подробно обоснована в его работе «Мировое хозяйство до войны» (1924 г.). Сущность этой теории, изложенная в рецензируемой работе в разделе «Картельная рента» (136—145), является почти текстуальной перепечаткой соответственного места упомянутой старой работы т. Спектатора (стр. 75—84 упомянутой работы). Нужно подчеркнуть, что теория монопольных цен—одна из наименее освещенных в марксистской литературе, несмотря на то, что правильное решение этой проблемы имеет огромное теоретическое и практическое значение для понимания экономических явлений современности. Поэтому весьма значительна заслуга т. Спектатора, уделившего большое внимание анализу и трактовке этой проблемы. Однако, его концепцию нельзя считать общепризнанной и бесспорной. В чем сущность теории т. Спектатора? Она явствует из следующего его определения: «Картельная и трестовская цена не является монопольной в том смысле, что она устанавливается совершенно произвольно, и только зависит от размеров сбыта, либо уровня средней нормы прибылей некартелированных отраслей промышленности, как полагал раньше Гильфердинг: она определяется издержками производства, но не при средних, а при наихудших условиях, при чем последние имеют место главным образом у стоящих вне картеля предприятий. Таким образом и создается и в картелированной промышленности диференциальная рента, которую мы можем назвать картельной рентой» (стр. 138). Эта картельная рента «представляет собой вычет из прибыли некартелированной отрасли промышленности, а также из заработной платы» (стр. 44). Основная мысль т. Спектатора сводится к тому, что «основным регулятором цен и при монополистическом капитализме является тот же закон стоимости» (311). Мы вполне согласны с тов. Спектатором, что при определении монополистических цен необходимо исходить из законов стоимости Маркса. Попытки некоторых экономистов даже в самое последнее время исходить при определении монопольных цен исключительно из законов спроса и предложения—совершенно неправильны. Однако, т. Спектатор, строя свою теорию, не учитывает влияния на картельные цены емкости рынка и возможности, например, для капиталистических монополий повышения цен выше цен производства наиболее отсталых предприятий.

Очень обстоятелен раздел, посвященный экспорту капитала. Теоретический анализ этой проблемы дан был тов. Спектатором в предисловии к выпущенной под его редакцией книге Гобсона «Экспорт капитала». В рецензируемой работе тов. Спектатор не развил свои положения, а скорее, наоборот, изложил их более кратко и менее четко. Зато он дал очень богатый и обстоятельный фактический материал. Особенно подробно тов. Спектатор остановился на роли иностранного капитала для империалистических стран. Последний вопрос в многочисленной иностранной литературе как раз наименее освещается, так как авторы немецких и английских работ главным образом интересуются проблемами экспорта капитала с точки зрения экспортирующей страны. В этом отношении материал тов. Спектатора особенно интересен, а для нас имеет и практический интерес в отношении нашей концессионной политики (особенно стр. 225). Теоретические взгляды автора нашли у нас

подробный отклик в рецензиях на работу Гобсона. Мы поэтому ограничились лишь краткими замечаниями в связи с весьма спорной трактовкой т. Спектатором причин экспорта капитала и источников его оплаты странами, импортирующими капитал. Концепция тов. Спектатора четко изложена в упомянутом выше предисловии к книге Гобсона, где он пишет: «Экспорт капитала, если отвлечься от случайных неравномерностей развития народного хозяйства, связан с более медленным расширением основного капитала в сельском хозяйстве, чем рост продукции его» (стр. 14, Гобсон, «Экспорт капитала», Москва, 1928 г. Разрядка моя. *М. И.*). В рецензируемой работе он также подчеркивает ту мысль, что сельское хозяйство является основным источником, поставляющим капитал для экспорта. С другой стороны, для него при решении вопроса о причинах экспорта капитала чрезвычайно важное значение имеет спрос со стороны аграрных стран. Тов. Спектатор считает, что развивающаяся промышленность аграрных стран «пред'являет большой спрос на капитал, извлекая его из сельского хозяйства своей страны и из других стран» (стр. 202, разрядка моя. *М. И.*). Таким образом, экспорт капитала ставится в зависимость от требований возникающей промышленности аграрных стран, а не как это происходит в действительности, именно: экспорт капитала способствует созданию промышленности в аграрных странах. Но если вообще исходить из концепции т. Спектатора, то совершенно непонятно, почему экспорт капитала является специфической категорией монополистического капитализма. Ведь причины, которые, по мнению т. Спектатора, вызывают экспорт капитала, имеют место уже в эпоху промышленного капитализма. Правда, т. Спектатор прибавляет, что «другим моментом, который усиливает экспорт капитала, является образование картелей» (195), и далее посвящает полстранички об'яснению причин усиления экспорта капитала в эпоху империализма. Однако, эта трактовка совершенно не удовлетворительна. Именно, в эпоху монополистического капитализма экспорт капитала впервые развивается во всей широте благодаря тому, что колоссально возросшая прибыль, накопление капитала не может найти рентабельного применения в своей стране в условиях монополий. Источником экспорта капитала является именно прибавочная стоимость, накопляемая монополистическим об'единением. Теория о том, что промышленность развивается за счет капиталов сельского хозяйства своей страны и других стран—есть теория, противоречащая Марксу и в новейшее время выдвигаемая проф. Каценеленбаумом. Вполне правы критики этой теории, подчеркивая, что это есть мелкобуржуазная эклектическая теория индустриального развития, поскольку «Маркс указывает лишь на два основных метода накопления капитала: первоначальное накопление и «превращение прибавочной стоимости в капитал» (см., например, А. Леонтьев «Социалистическое строительство и его критики», Москва, 1928 г., стр. 206—209). Только в той постановке, которая дана нами, становится понятным, почему именно «для новейшего капитализма, с господством монополии, типичен стал вывоз капитала» (Ленин. «Империализм»). Что касается источников оплаты импортированного капитала, то тов. Спектатор считает, что земельная и горная рента является главным источником оплаты иностранного капитала. И здесь тов. Спектатор не подчеркивает значения прибавочной стоимости, образующейся в процессе капиталистического производства, как основного источника оплаты импортированного капитала. Если принять целиком концепцию автора, то получается следующее: он пишет, что так как рента является главным источником для оплаты иностранного капитала, то «в известной мере оплачивает ввезенный капитал заграничный потребитель» (стр. 226). Таким образом, получается, что импортирующая страна получает огромные выгоды от иностранного капитала, а расплачивается за нее заграничный потребитель экспортирующей страны. Спрашивается только, какая же выгода с народнохозяйственной точки зрения экспортировать для этой страны капитал. Все это, конечно, не так. Иностранный капитал оплачивается и рентой, но как мы уже говорили выше, касаясь определения тов. Спектатором монополистического капитализма, экспорт капитала в эпоху монополистического капитализма ведет к насаждению капиталистических отношений в отсталых странах, к выкачиванию оттуда промышленной прибыли, создаваемой пролетариатом.

Наконец, последний большой раздел посвящен проблеме колоний. Этот раздел оставляет, однако, двойственное впечатление. С одной стороны, автор подчеркивает, что «центральной проблемой империализма являются колонии» (стр. 236). С другой, весь этот раздел посвящен доказательству, что колонии не дают особых выгод метрополиям. Касаясь возможности переселения в колонии избыточного населения или возможности создания армии из колониального населения, автор пишет, что то и другое является не реальным. В этом отношении характерен следующий отрывок из работы, касающийся Франции: «Если сосчитать те огромные затраты, которые Франция делает на свои колонии,—пишет т. Спектатор,—то можно с уверенностью сказать, что без этих колоний она могла бы на эти деньги собрать любую наемную армию. Быть может, она была бы в состоянии, смягчив налоговый гнет и ведя социальную политику, даже содействовать более быстрому развитию собственного населения. Потратила же она на Алжир 4 млрд. франков, на завоевание Индо-Китая 6 млрд. франков и на Марокко (до мировой войны) 2 млрд. франков» (стр. 242). В разделе, посвященном колониям как рынкам сбыта, тов. Спектатор подчеркивает, что для Франции и довоенной Германии колонии не играли роли. Автор пишет, что и для Англии «роль колоний в смысле снабжения сырьем падала». Также «падало участие Англии во ввозе колоний». Далее, по вопросу об экспорте капитала он пишет, что процент по колониальным займам весьма низок, и «следовательно, нельзя сказать, что колонии представляют в этом отношении особую приманку» (стр. 255).

Получается, таким образом, довольно «стройная» концепция, имеющая у нас многочисленных сторонников, что, как формулирует это т. Спектатор, «при нормальных отношениях колонии не представляют особенных выгод» (стр. 255). Поэтому после всего того, что говорил т. Спектатор об отрицательном значении колоний, совершенно неубедительным звучит его тезис о причинах погони за колониями. «Монополистический капитализм гонится за сверхприбылью, и он ее находит в колониях, которые, правда, представляют маленький, но зато монополизированный рынок, на котором относительно слабее конкуренция» (стр. 255). Конечно, не так нужно трактовать проблему колоний в эпоху монополистического капитализма. В первую очередь необходимо было остановиться на значении колоний, как источников получения дешевого сырья. Далее, когда т. Спектатор указывает, что роль Англии в импорте колоний все время падает, то он забывает им же приводимое раньше об'яснение Лениным этого факта. Что говорил по этому поводу Ленин? Если сказать, как говорит т. Спектатор, «торговля английских колоний с Англией развивается теперь медленней, чем с другими странами...», то это значит, что «Англию побивает тоже монополия, тоже империализм, только другой страны» (Ленин, том XIII). Поэтому то, о чем готорит т. Спектатор, не значит, что колонии «постепенно высвобождаются из-под влияния метрополий» (стр. 246), а что в борьбе за передел колоний Англия должна уступить эксплоатацию колоний другим более мощным империалистическим государствам.

В отношении же того, что колонии не представляют выгод как рынок приложения ссудных капиталов, тов. Спектатор совершенно неправ. Если официальный процент не высок, то не надо забывать, что при предоставлении займов колониям им ставятся такие условия реализации, что огромная часть

номинальной суммы займа остается в карманах финансирующих организаций и разных посредников. (См., например, упоминавшиеся выше работы английского Рабочего Бюро). Далее эти займы дают возможность получить крупные заказы промышленности метрополии. Поэтому, если такие займы не дают непосредственно крупных прибылей, то они сулят капиталистам-заимодавцам в дальнейшем огромные выгоды. Ведь эти займы даются в большинстве случаев на организацию железных дорог, каналов, портов, электростанций и т. д., и т. д. Словом, эти займы сулят метрополиям возможность в дальнейшем инвестиции уже промышленных капиталов с перспективой получения колоссальных барышей. Мы не сомневаемся, что тов. Спектатору совершенно ясна роль колоний в эпоху империализма. Об этом говорят и отдельные фразы, разбросанные в книге, но увлекшись полемикой с Зомбартом, он дал нечеткую и противоречивую картину значения колоний и этим значительно обесценил трактовку им этой проблемы. Мы не будем касаться остальных разделов книги. Большинство из них не имеет непосредственного отношения к проблеме мирового хозяйства, особенно в определении его т. Спектатором. И в этом отношении мы вполне согласны с тов. Спектатором, что в данной работе можно было «ограничиться только несколькими страницами» по вопросу о процессе образования рынка в период промышленного капитализма. По этому вопросу у нас имеется достаточно большая литература (список которой приводится и тов. Спектатором), и нечего загромождать трактовкой этой проблемы работу. Очень интересен раздел, трактующий проблему внешнего рынка. Мы также согласны с тов. Спектатором в его критике Герценштейна и Дашковского, что критерием при определении внешнего рынка при изучении проблемы мирового хозяйства «являются государственные перегородки» (стр. 53), а не некапиталистические «слои города и деревни» (Герценштейн) или «страны, находящиеся на иной ступени развития производительных сил» (Дашковский).

Мы считаем крупным пробелом работы тов. Спектатора отсутствие в ней анализа проблемы неравномерного развития. Об этом тов. Спектатор говорит буквально лишь в нескольких строках, между тем эта проблема является одной из важнейших при изучении мирового хозяйства, особенно в эпоху монополистического капитализма. Безусловно, этот пробел должен быть восполнен в дальнейших изданиях работы.

Как мы уже указывали вначале, мы далеко не исчерпали содержание богатейшей и интереснейшей работы тов. Спектатора. Мы считаем, что эта работа должна вызвать дискуссию по затронутым им вопросам, в результате которой, мы считаем, будет внесена ясность в ряд теоретических проблем мирового хозяйства. Однако, плодотворность дискуссии будет зависеть от того, будет ли она вестись в тонах полемики, или в спокойной деловой обстановке. К сожалению, у нас многие авторы относятся весьма презрительно к критике, особенно, если она исходит, по терминологии тов. Спектатора, от «молодых ученых» (стр. 61). Мы считаем, что независимо от возраста критиков, если ими вскрываются те или иные ошибки даже заслуженных ученых, то этим только оказывается помощь в деле выковывания правильной марксистской теории. И в этом отношении все, кому дорога марксистская теория, должны оказывать этим попыткам всемерное содействие и быть выше чувства ложного самолюбия.

М. Иоэльсон.

О. ТАНХИЛЕВИЧ. «Маркс и Энгельс о крестьянстве». Стр. 152. Госиздат. 1928 г. Ц. 1 р. 20 к.

Интерес к углубленному изучению вопросов марксизма все более усиливается. В последнее время особенно «повезло» в этом отношении аграрно-крестьянской проблеме. Это далеко не случайно. Сложность и политическая актуальность крестьянского вопроса достаточно выявлены. Между тем, именно в данной области на нашем книжном рынке почти совершенно отсутствуют сколько-нибудь приличные систематизации взглядов на крестьянский вопрос основоположников научного коммунизма. Лишь в этом году мы могли отметить первые опыты, попытки более или менее серьезного подхода к разрешению этой задачи. Брошюра тов. Танхилевич является одной из подобных попыток.

В основу рецензируемой работы автором был положен свой доклад, прочитанный в ленинградском научноисследовательском институте по методологии марксизма. Целью работы является «изложение взглядов самих Маркса и Энгельса». Брошюра охватывает в основном 4 группы вопросов. Изложив эволюцию взглядов Маркса и Энгельса на крестьянство, автор переходит к анализу крестьянства как социально-экономической категории, завершив свою систематизацию анализом аграрной программы и тактики с.-д. и выяснением отношения Маркса и Энгельса к вопросу о строительстве социализма в деревне.

Совершенно справедливо автор замечает, что, когда говорят об эволюции взглядов Маркса и Энгельса послегегелевского периода их формирования, то под ней надо понимать не принципиальное изменение этих взглядов, а лишь дальнейшее их развитие и углубление. Вся первая глава является в основном довольно удачным доказательством последнего тезиса. Автор прослеживает эволюцию их взглядов по 4 этапам: I — ранние работы, где Маркс выступал еще как левый демократ и гегельянец; II — эпоха революции 48 года, когда Маркс и Энгельс были уже коммунистами и материалистами, а в аграрном вопросе выступали с критикой мелкого крестьянского хозяйства; III — эпоха I Интернационала и Парижской Коммуны, с которой связано открытие и обоснование Марксом абсолютной ренты и проблемы национализации земли, и IV — эпоха 90-х гг., когда изменившаяся социально-экономическая обстановка поставила перед Энгельсом вплотную задачу формулировать формы взаимоотношения рабочей партии и крестьянства (стр. 20).

Свое оружие и Маркс, и Энгельс оттачивали на критике мелкобуржуазных и буржуазных взглядов. Автор довольно подробно пытается это проследить, уделяя особое внимание критике Марксом постановки Рикардо в вопросе о земельной ренте и законе убывающего плодородия, а также проблеме национализации земли в эпоху I Интернационала. Правильно указывая на внеисторичность взглядов Рукардо и смыкание его «закона убывающего плодородия» с буржуазной апологетикой, на непонимание Рикардо особенностей развития капитализма в сельском хозяйстве и т. д., автор, однако, на наш взгляд, недостаточно выясняет отличительные особенности в постановке проблемы ренты со стороны Маркса и Рикардо. Так, напр., в качестве вывода из своего анализа она пишет: «Основную ошибку Рикардо — полученную им в наследство от Адама Смита — Маркс видит в непонимании им цены производства и смешении ценности с ценой производства. Это смешение понятий и не позволяло Рикардо признать существование абсолютной ренты» (стр. 15). Это положение совершенно правильное. Однако, следует еще заметить, что Рикардо, полагавший, что в итоге конкуренции цены приравниваются к ценностям — тем самым закрыл себе путь и к пониманию источника *диференциальной* ренты. Кроме того, *коренная* причина неразрешения Рикардо проблемы абсолютной ренты лежит в том, что он не понимал значения для теории ренты проблемы органического строения капитала, стоимости рабочей силы, равно как и специфической роли переменного капитала, как источника самовозрастания стоимости. Рикардо не решил проблемы прибавочной стоимости, как общественного источника прибыли и ренты. Где источник ренты, откуда

и отчего она получается, на это Рикардо не сумел ответить. Поэтому, хотя он и дал механизм образования земельной ренты,—понимая под ней дополнительную прибыль, однако теоретически об'яснить природу земельной ренты он не сумел. Вот почему совершенно естественно, что причину появления земельной ренты Рикардо видит в несоответствии между ростом народонаселения и ростом производительных сил, т.-е. в основу своей теории он кладет закон убывающего плодородия. Между тем, по Марксу, абсолютная рента, возникающая из излишка ценности по сравнению с ценой производства, есть просто часть земледельческой прибавочной стоимости, превращенной в ренту и присваиваемой землевладельцем. При чем, последняя зависит именно от низкого органического строения капитала в земледелии и монополии земельной собственности, мешающей уравнению прибыли в этой отрасли народного хозяйства с другими, имеющими более высокое строение капитала.

В связи с этим надо отметить и не совсем верную трактовку, данную автором при разборе генезиса капиталистической земельной ренты. «Денежная рента,—пишет автор,— есть форма разложения феодальной отработочной и натуральной ренты. При денежной ренте — в противоположность непосредственному принуждению при отработочной и узаконенному государством принуждению при натуральной ренте — общественные отношения становятся договорными (разрядка моя. *А. А.*). Только теперь (?) (т.-е. при денежной ренте? *А. А.*) в прямое договорное отношение землевладелец вступает уже не с непосредственным производителем, землепашцем, а с арендатором» (стр. 77). Приведенная цитата говорит, как нам кажется, о явном смешении автором категории денежной ренты, представляющей, по Марксу, «превращенную форму ренты натурой», с капиталистической рентой. Неверно, что при денежной ренте землевладелец вступает в договорные отношения уже не с непосредственным производителем, а с арендатором. Суть денежной ренты заключается в том, что она является той же рентой натурой, превращенной в деньги в силу развития товарного производства. Между тем, капиталистический характер рента носит, когда на место крестьянина является предприниматель в земледелии, ведущий обработку при помощи наемного труда.

В связи с критикой мелкобуржуазных и буржуазных взглядов на природу земельной ренты Маркс и Энгельс выступали не менее решительно и против мелкобуржуазных взглядов на земельную собственность, на значение национализации земли и т. п. Маркс был первым, который резко выступил против тех, кто видел в акте национализации земли чисто социалистическое мероприятие. Исходя из своего анализа капиталистического хозяйства, он доказал, что институт частной земельной собственности, даже в пределах капитализма, является совершенно излишним, паразитическим наростом, нисколько не связанным нитями органического единства с последним. Для капиталистического способа производства нужно лишь, чтобы земля не была общей собственностью, чтобы она противостояла рабочему классу, как не принадлежащее ему средство производства, а эта цель достигается вполне, если земля становится государственной собственностью. Больше того, национализация земли, будучи связана с уничтожением абсолютной ренты, является глубоко прогрессивным капиталистическим мероприятием, способствующим форсированному развитию буржуазных отношений в деревне и в сельском хозяйстве и общему росту капитализма. Этот факт является лишь крайним, радикальным буржуазным мероприятием. Однако, вся суть вопроса, как показали Маркс и Энгельс, состоит в том, что буржуазия неспособна его провести. Ей нехватает для этого классовой смелости, ибо «нападение на одну форму собственности было бы очень опасно и для другой формы. Кроме того, буржуа сам обзавелся землей» (стр. 56. Цитата Маркса). Вот почему разрешение этого мероприятия ложится на рабочий класс, но «тогда национализация земли из буржуазного мероприятия, каким она является по существу, превращается в мостик, ведущий к социализму» (там же). В этой связи Маркс подчеркивает, что «социальная революция должна начаться с самых основ, т.-е. с земельной собственности» («Письма»).

Мысль о неспособности буржуазии радикально ставить проблемы, разрешение коих вполне мыслимо в рамках капитализма, нашла свое отражение в оценке ими уроков революции 48 года. Несомненно, что Маркс несколько недооценивал в этом случае потенциальные возможности буржуазии и перспективы капиталистического развития, переоценив тогдашние революционные возможности пролетариата,— в этом автор прав, однако, их основной вывод, что буржуазия неспособна была уже тогда к решительному проведению аграрной революции, что буржуазная демократия выказала в революции всю свою социальную беспомощность—оказался абсолютно верным.

Огромное значение и для современности имеет мысль Маркса о тактике пролетариата в буржуазно - демократической революции и об отношении его к буржуазной демократии и ее борьбе (стр. 170—6).

Всем известен крик буржуазных подголосков, в лице современной с.-д., о том, что рабочий класс не должен выступать в общедемократической борьбе против реакции с самостоятельными требованиями, дабы не «отпугнуть» от себя «демократию» и не играть на руку реакции. Весьма кстати приводимое автором составленное Марксом и Энгельсом «обращение к союзу коммунистов» как нельзя лучше разоблачает весь оппортунизм подобной постановки. «Рабочие не должны дать подкупить себя фразами демократов, напр., о том, что это (т.-е. защита своих революционных позиций, сохранение своей полной самостоятельности в программных и тактических вопросах. *А. А.*) раскалывает демократические партии и дает реакции возможность победить. Все эти фразы в конце концов приводят к тому, что пролетариат оказывается обманутым» (стр. 134). «Больше того,— добавляют они,— даже там, где нет никакой надежды на их проведение, рабочие должны выставлять своих собственных кандидатов, чтобы сохранить свою самостоятельность, подсчитать свои силы и публично проверить свои революционные позиции и свою партийную точку зрения» (там же). С другой стороны, пункт «б» и «в» «обращения», где говорится о необходимости пролетариату параллельной организации на ряду с мелкобуржуазными правительствами своих собственных зародышевых органов власти в лице советов, комитетов, клубов и т. п., а также предварительного строительства пролетарской армии, вооружения рабочих и т. д.,—является блестящим подтверждением ленинской тактики в 1917 г. и общей позиции большевизма в революции.

В этой же связи Марксом ставится следующий вопрос: может ли само крестьянство, как таковое, подняться до такой высоты политического сознания, чтобы оказаться способным взять дело улучшения своего положения в собственные руки? И на этот вопрос он — равно как и Энгельс,—отвечал неизменно отрицательно. Они (т.-е. Маркс и Энгельс) дали мастерской анализ двойственной, противоречивой природы крестьянства, показали, почему оно органически неспособно самостоятельно вести победоносную борьбу, вскрыли причины неизбежного колебания его между буржуазией и пролетариатом, сделав вывод, что «логика исторического развития», связанная с предательством буржуазией интересов широких крестьянских масс, с одной стороны, и с огромной социальной диференциацией в крестьянской среде— с другой, будет неизбежно толкать крестьянство, особенно в лице маломощных его слоев, на союз с пролетариатом. Их совместная борьба с капитализмом тем более необходима, что крестьянство представляет собою огромную политическую силу, от которой зависит подчас и конечный исход ре-

волюции вообще и пролетарской революции в частности. Эту мысль Маркс выразил в своем письме к Энгельсу от 16 августа 1856 г., где писал: «Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-нибудь вторым изданием крестьянской войны». Аналогичный вывод делается им и для Франции (см. «18 брюмера» и «Классовая борьба во Франции»). Эта часть разработана автором в общем удачно, однако, переходя к общей характеристике крестьянства, как определенной социально-экономической категории, автор предваряет ее следующим, на наш взгляд, неправильным тезисом. На стр. 86 она пишет: «При анализе какого-либо класса, Маркс тщательно разграничивал (разряд. моя. *А. А.*) его экономическую и политическую физиономию. С этой целью он пользовался даже специальной терминологией, обозначая понятием «класс в себе»—класс как экономическую и «класс для себя»—класс как политическую категорию. Однако, не всякий класс в экономическом смысле может стать классом «для себя». Понятие класса «для себя» у Маркса связано с понятием прогрессирующего класса»... Дальнейший же смысл изложения должен показать, что так как крестьянство не в состоянии политически оформиться и не является исторически-прогрессивным классом, оно так на «вечные» времена и останется классом «в себе». Нам кажется, что Маркс нигде не проводил такого резкого разграничения политики и экономики, как то приписывает ему автор. Приводимая ею цитата, долженствующая будто бы подтвердить данную ею формулировку, дает на самом деле самую обычную трактовку этих понятий. Конституирование класса как класса «для себя», несомненно, предполагает известную степень политической самостоятельности, понимания своих классовых интересов и т. д. Но процесс политического оформления класса представляет собою другую сторону его экономической консолидации. То состояние класса, когда он представляет собою еще класс «в себе», характерно для него в известном смысле и своей экономической неоформленностью, неустойчивостью, относительной экономической слабостью, при чем на данной ступени развития имеются в наличии отдельные слои класса, уже доросшие до осознания своих классовых интересов, подобно тому, как в среде «осознавшего» себя класса имеются в наличии отсталые группировки, еще не доросшие до полного классового сознания. Характеристика класса отмечает лишь господствующий, преобладающий признак. Впрочем, характеристика крестьянства как класса «в себе» ставится нами вообще под сомнение. Несмотря на ее значительную распространенность, она, нам кажется, не имеет никакой познавательной ценности.

Недостаточно четкой, наконец, нам кажется и одна из сторон трактовки автором задач аграрной программы. Говоря о том, что смысл аграрной программы сводится к тому, что она «выставляет ряд практических требований, могущих быть осуществленными еще в рамках капиталистического общества» (стр. 98), автор справедливо отмечает скрывающуюся здесь опасность оппортунистических иллюзий о возможном якобы действительном улучшении положения мелкого крестьянского хозяйства в рамках капитализма. Так же верно, что ударение только на этот момент, при опускании революционной стороны требований, преследующей цель разоблачения буржуазно-землевладельческих классов и организационного завоевания крестьянства—служит водоразделом, отделяющим нас, революционных марксистов, от различного рода ревизионизма. Но правильно отмечая эти стороны, формулируя нашу точку зрения, автор бросается в другую крайность, заявляя: «задача аграрной программы—чисто агитационная: критика и разоблачение аграриев и буржуазных партий в целях привлечения мелкого крестьянства на сторону пролетариата» (101 стр.). Правда, страницей ранее имеется и такое место: «Конечно, аграрная программа может (!) содержать и практические требования, если только они не очень широки, т.-е. если они не противоречат принципам с.-д.». Достаточно сопоставить с этими цитатами следующий тезис Энгельса, приводимый тем же автором, чтобы понять, что акцент здесь сделан не совсем правильный. Энгельс указывает, что «аграрная программа должна показывать мелкому крестьянину, что рабочая партия решительно становится на его сторону», а этого можно добиться не только указанием крестьянству его конечных задач, но руководством его конкретной повседневной борьбой. Именно на конкретных фактах борьбы вокруг актуальнейших вопросов (которые пролетарская партия не только может, но и должна внести в свою аграрную программу борьбы), затрагивающих коренные интересы крестьянства, ей удастся разоблачить эксплоататорские группировки. Ведь господствующие классы никогда не идут добровольно на уступки, хотя бы речь шла о весьма умеренных требованиях. Поэтому центр тяжести тактики партии пролетариата должен заключаться в правильном диалектическом сочетании конкретных требований борьбы с общими целями революции, в подведении крестьянства к последним через насущные интересы его «сегодняшнего» дня. Последнее замечание: неясно, несколько неряшливо пытается автор интерпретировать тезис Маркса, выдвинутый им в качестве урока 1848—49 гг. о том, что пролетариат не должен растворяться в мелкобуржуазных организациях. Идя об руку с последними в борьбе против буржуазии, рабочий класс, говорит Маркс, должен строить свою самостоятельную партию и сохранять все время свое классовое лицо. Попутно Маркс указывает, что в 1848—49 гг. мелкобуржуазная партия в своем составе определялась не только буржуазным населением городов, но и крестьянством и деревенским пролетариатом, «пока он еще не нашел опоры в самостоятельном пролетариате городов» (Маркс). Автор пытается комментировать и обобщить эту мысль следующим образом. «Маркс прекрасно понимал, что рабочие не могут рассчитывать на действительную поддержку до конца со стороны демократов. Рабочим по пути с мелкой буржуазией (т.-е. и с крестьянством, как составной частью мелкой буржуазии. *А. А.*) лишь до момента свержения буржуазии. После захвата власти мелкая буржуазия будет думать лишь о том, как бы воспользоваться плодами победы для себя. Рабочие не должны всерьез рассчитывать на мелкую буржуазию» (стр. 131).

Из этой цитаты совершенно очевидно, что 1) из правильного марксова тезиса автор делает неправильный вывод о том, что после свержения буржуазии пути рабочего класса и мелкой буржуазии, в том числе и крестьянства, решительно расходятся. Между тем, вряд ли и сам автор будет отрицать, что в своих работах через 2 года (1850 г.) Маркс решительно ставит вопрос о втором издании крестьянской войны—для победы пролетарской революции и закрепления ее завоеваний. 2) Из правильного констатирования двойственной природы мелкой буржуазии делается неправильный вывод, что рабочему классу в своей борьбе не следует серьезно и думать о привлечении на свою сторону мелкобуржуазной массы. Нам думается, что подобная интерпретация Маркса неверна. Говоря об основном массиве мелкобуржуазной массы—крестьянстве, надо заметить, что для Маркса и Энгельса даже в середине XIX в. мелкое крестьянство, если бы и выступило на первом этапе по завершению буржуазно-демократической революции против рабочего класса, вслед за этим, в конечном счете, неизбежно пришло бы к поддержке пролетарской революции. Больше того, в лице последнего Маркс видел единственную гарантию конечной победы пролетариата. 3) Автор неправильно отождествляет в этом случае растворение пролетариата в мелкобуржуазных массах—от чего предостерегал Маркс—с необходимостью для пролетариата завоевания на свою сторону масс мелкой буржуазии. Трактовка автора не только неправильно ориентирует читателя, но идет в разрез с взглядами, общепринятыми в партии.

Нельзя согласиться и с тем местом (стр. 120), где автором высказывается мысль, будто бы только Ленин впервые сформулировал идею союза рабочего класса с мелким крестьянством. Сам же автор на протяжении всей своей работы себя решительно опровергает. Вообще, нельзя не отметить, что многие из подобного рода формулировок тем более странны, что в других местах автором довольно правильно и выдержанно ставятся эти же вопросы, хотя и по другим поводам и в иной связи.

У нас нет возможности остановиться еще на некоторых других важных вопросах. В частности, нельзя не отметить, что работа во многом проигрывает от того, что в ней нет достаточно диференцированного анализа поведения различных прослоек крестьянства на отдельных этапах буржуазной и пролетарской революции. Рецензируемая работа хотя и носит несколько академический характер, все же послужит в общем полезным пособием для нашего середняка-партийца, пропагандиста и агитатора. Ряд проблем нашел в ней достаточное освещение и разрешение. Однако, некоторые места работы обязательно требуют своего исправления и уточнения. Обращает на себя внимание недостаточно четкое и ясное местами изложение (см., напр., стр. 77 и др.), наличие трудно понимаемых для среднего читателя слов и т. д. Издана работа в общем удовлетворительно, хотя и не без ошибок.

А. Александров.

От редакции.

Редакция обращается с просьбой ко всем товарищам, присылающим статьи для напечатания в «Большевике», давать весь цифровой материал обязательно в метрических мерах.

РЕДАКЦИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 17—18 30 СЕНТЯБРЯ № 17—18

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 8
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
„ПРАВДА“

Главлит № А—22362 Тираж 75.000
Типография газеты „Правда". Москва, Тверская, 48.

На под'еме.

Обострение классовых противоречий и классовой борьбы во всем мире— ярко бросающийся в глаза факт экономической и политической действительности наших дней. Мы встречаемся с этим фактом и в нашей советской действительности, несмотря на глубокое различие наших условий социалистического строительства и диктатуры пролетариата от условий капиталистических и колониальных стран. С одной стороны, мы имеем совершенно бесспорный и не прекращающийся под'ем активности рабочего класса на базе роста хозяйства; имеем весьма заметный рост активности деревенской бедноты, проявившийся еще на советских перевыборах 1927 г., а в последние месяцы давший себя знать бурным ростом колхозов. С другой стороны, мы имеем несомненный рост активности враждебных советской власти классовых групп.

Не так далеко еще время, когда среди представителей этих групп была довольно популярна ставка на «мирное» перерождение советской власти, на изменение ее политики в интересах буржуазии в пользу буржуазно-капиталистических путей экономического развития. Даже кое-кто из видных европейских дипломатов не был чужд такой ставке. Сейчас от надежд на мирную буржуазную реставрацию в Советском Союзе осталось очень мало, остались, пожалуй, только одни приятные воспоминания. Факты убедительно доказали тем, кто еще недавно об этом мечтал, что развитие экономических отношений в Советском Союзе идет не в сторону расширения капитализма, а в сторону его ограничения. Частник не только не захватил за последние годы никаких новых экономических позиций, но вынужден шаг за шагом отступать под напором госпромышленности, госторговли и кооперации. А развернувшееся после XV с'езда интенсивное строительство социалистических элементов в сельском хозяйстве, энергичное и весьма небезуспешное наступление на деревенского кулака вырывает почву из-под ног у той довольно распространенной у нас еще недавно породы буржуазных идеологов, которая надежды на реставрацию капитализма в Советском Союзе связывала главным образом с «мирным» ростом кулачества, которая, в лице Устрялова, мечтала о том, как

ордена трудового знамени в скором времени начнут украшать «могучие» кулацкие груди.

Вынужденные защищаться от растущего напора рабочего класса, крестьянской бедноты, органов советской власти, капиталистические элементы нашей страны оказывают ожесточенное сопротивление, частично переходя от скрытых форм борьбы с нами к прямым и открытым. Это в порядке вещей. Чем больше бьет по ним политика советской власти, тем энергичнее становится сопротивление. Мы видели воочию еще недавно, как кулак пытался бороться с советской властью путем хлебной забастовки; он и сейчас продолжает эту борьбу путем прямого натравливания середняка и бедняка на советскую власть и ее органы, путем преследования рабкоров, селькоров и т. д. Нэпман в городе пытался и пытается теперь дезорганизовать и сорвать нашу торговую политику. В факте падения производительности труда в некоторых районах и предприятиях отражается не только частичное падение трудовой дисциплины, не только расхлябанность кой-каких профорганов, но и отдельные явления вредительства, саботажа или пассивности со стороны, правда, очень немногих представителей технического персонала, которым не дают спать спокойно лавры героев шахтинского дела. Закрытие мелких промышленных и торговых частных предприятий, которые не в состоянии выдерживать конкуренцию с государственными, сокращение штатов советских учреждений создает кадры безработных, недовольных советской властью и проводимой ею политикой.

Эта политика твердого и энергичного проведения индустриализации, дальнейшего укрепления ведущей роли рабочего класса в хозяйстве страны, интенсивного роста социалистических элементов в сельском хозяйстве при систематическом ограничении капиталистических элементов во всей экономике, в стране, в которой не уничтожены классы, в которой еще преобладает мелкое индивидуальное хозяйство и которая находится в окружении враждебных капиталистических стран,—эта политика, конечно, не может не порождать известных политических трудностей, которые мы преодолеваем и будем преодолевать дальнейшим сплочением рабочего класса, дальнейшим ростом его активности, дальнейшим об'единением вокруг пролетариата широких пролетарских и полупролетарских масс деревни, дальнейшим укреплением союза с середняком. Естественно, что в этой борьбе перевес сил и шансы победы целиком на нашей стороне.

Но враждебные советской власти группы имеют могучего союзника за рубежом. Шахтинское дело наглядно показало, на какую могучую поддержку иностранного капитала опирается работа по срыву нашего социалистического строительства, какие огромные средства не жалеет тратить иностранный капитал на эту работу. Смешно думать, чтобы он ее прекратил теперь, смешно думать, чтобы он отказался от применения гораздо более решительных средств воздействия на советскую власть, если только для этого создастся мало-мальски подходящая обстановка. Растущая экономическая мощь Советского Союза, успешное строительство социализма во всех областях его жизни, улучшение материального положения широких масс в то самое время, когда капитализм повсеместно ухудшает это положение, обострение классовой борьбы во всем мире неизбежно будут толкать международный империализм к продолжению и усилению его борьбы с Советским Союзом, которая в один прекрасный день может вылиться в прямую интервенцию.

Выступление волынского воеводы Юзевского показало, что весьма влиятельные польские военные и политические круги спят и видят во сне новый поход на Киев. Оно вовсе не было случайным, как не была случайной румынская поездка Пилсудского, как не были случайными новые репрессии польского фашизма против рабочего и национально-революционного движения (закрытие белорусского школьного товарищества и т. д.). Подготовка к нападению на Советский Союз в соседних с нами странах продолжается. Она продолжается прежде всего в Польше и Румынии.

Разумеется, от подготовки еще очень большая дистанция до самого нападения, поскольку фашизму приходится тысячу раз подумать, прежде чем решиться на новый поход на Киев, не принесший ему особой славы и в 1920 году. Приходится учесть глубокий кризис западной ориентации германских правящих кругов, обострение своих взаимоотношений с Германией и дальнейший рост в Германии реваншистских настроений в отношении Верхней Силезии и Данцигского коридора, приходится учесть свое собственное, неособенно блестящее, внутреннее положение: жестокий неурожай, перспективы экономических затруднений и роста рабочего движения. Еще менее блестящим можно считать внутреннее положение ближайшего союзника польского фашизма—Румынии, где борьба широких крестьянских масс против буржуазно-помещичьей диктатуры находится почти на грани революционных форм.

Но если даже польский фашизм не решится на военную авантюру, которая очень легко может стоить ему головы, одно бряцание оружием, которое он позволяет себе, ободряемый враждебной политикой против СССР основных империалистических стран (женевская речь Бриана), является новым фактором активизации антисоветских элементов внутри СССР, особенно петлюровских элементов на Украине (где мы в этом году имеем довольно сильный неурожай, тяжело ударивший по крестьянству), остатков меньшевиков в Грузии, дашнаков в Армении,—одним словом, всех тех, кто свои контрреволюционные планы связывает с перспективой военного нападения на Советский Союз и кто получает непосредственную материальную помощь от правительств, подготовляющих это нападение, хотя, разумеется, не приходится переоценивать политического веса и влияния ни петлюровцев, ни грузинских меньшевиков, разбитых идейно, обанкротившихся, давно утративших свое влияние на народные массы.

Правда, наш антисоветский лагерь приобрел за последнее время нового союзника: жалкие остатки троцкистско-сапроновской оппозиции, окончательно скатившиеся к меньшевизму, пытаются политически организоваться, заменивши собой в антисоветском лагере окончательно разложившуюся и сданную историей в архив меньшевистскую партию. Но едва ли это подкрепление много даст нашему антисоветскому лагерю, несмотря на то, что меньшевистские идеи троцкисты преподносят под коммунистическим флагом. Несомненно, что троцкистские эпигоны меньшевизма являются только идеологическими выразителями тех мелкобуржуазных кругов, которые в своей борьбе против советской власти и коммунистической партии фактически примыкают к кулацко-нэпмановскому блоку, будучи в руках этого блока фактическим орудием разложения тех рабоче-крестьянских масс, на которые опирается наша партия и советская власть и к которым непосредственно этот блок не может подойти с откровенной проповедью буржуазной реставрации.

С организующимися за пределами партии остатками троцкистской оппозиции наша партия должна вести такую же борьбу, какую она до сих пор вела с антисоветскими мелкобуржуазными партиями, от которых теперь троцкистская оппозиция ничем не отличается по существу, кроме своей коммунистической фразеологии.

До сих пор мы говорили о прямых формах борьбы буржуазии и мелкой буржуазии против рабочего класса и советской власти, обострившейся за последнее время. Но прямой борьбой дело не ограничивается. Борьба продолжается и в более скрытых формах воздействия враждебных элементов на отдельные нестойкие элементы партии, на советский аппарат. Это воздействие идет прежде всего по линии бытового разложения отдельных групп членов партии, засасывания их окружающей буржузно - мещанской средой, приводящего не только к индивидуальному разложению отдельных единиц, но и к превращению их в орудие чуждых экономических и политических интересов. Все крики троцкистов о том, что буржуазии удалось подчинить себе политику нашей партии, были, разумеется, демагогическим вздором и наглой клеветой. Но отсюда вовсе не следует, что разлагающему влиянию буржуазных элементов не могли и не могут поддаваться отдельные группы членов партии, действительно перерождающиеся, действительно отрывающиеся от классовой базы, действительно скатывающиеся часто к нашим классовым врагам. Хлебозаготовительная кампания начала этого года и целый ряд таких громких дел, как артемовское и смоленское, показали наличность таких элементов не только в нашем советском, кооперативном, но также и в партийном аппаратах. Здесь сплошь и рядом бытовое разложение шло рядом с бюрократическими извращениями, с идейным и психологическим отрывом от масс, с высокомерным и барско-пренебрежительным отношением к их запросам и нуждам, со склонностью заменять политическую связь с массами методами командования, администрирования, зажима.

На ряду с этим мелкобуржуазное влияние на отдельные элементы партии может происходить и в чисто-идеологических формах. Это влияние продолжает, хотя и в слабой форме, оказывать исключенная из партии троцкистская оппозиция. Мы еще и теперь встречаем внутри партии остатки троцкистских настроений, прежде всего выражающиеся в недооценке союза рабочего класса с крестьянством, в первую очередь с его середняцкой частью; в склонности рассматривать эту часть крестьянства, как об'ект чрезвычайных мер и не больше; в склонности идеализировать самые чрезвычайные меры и не мыслить себе иначе, как в виде чрезвычайных мер воздействия партии и советской власти на середняцкую часть деревни.

Рядом с этим мы встречаем иногда откровенно оппортунистические настроения: скептическое отношение в политике наступления на капиталистические элементы; недооценку кулацкой опасности, недооценку роли бедноты, как ближайшей опоры партии. Эти настроения могут мешать партии проводить линию, намеченную XV с'ездом —на под'ем социалистического хозяйства в целом, на усиленное развитие социалистического строительства в деревне, на дальнейшее ограничение капиталистических элементов.

Перед нашей партией во всей широте стоит ряд сложнейших задач: сохранение и обеспечение того темпа индустриализации, который диктуется в нашей стране внутренней и внешней обстановкой; связанное с этим сокращение себестоимости и накладных расходов, повышение производительности труда, увеличение товарных масс, понижение цен; дальнейшее разворачивание колхозного и совхозного строительства в деревне; успешное проведение хлебозаготовительной кампании в нынешних условиях, когда к общим трудностям прибавляется целый ряд специфических (распределение урожая, позднее его созревание и т. д.); укрепление мощи Советского Союза перед лицом растущего напора международного империализма. Разрешение всех этих задач в условиях обострения классовой борьбы между капиталистическими и социалистическими элементами в нашей стране требует дальнейшего под'ема активности пролетарских масс; укрепления связи рабочего класса с пролетарскими и полупролетарскими элементами деревни, укрепления союза с середняком и требует прежде всего укрепления, идейного сплочения самой партии на твердых ленинских позициях.

Партия сумеет обеспечить необходимейшие условия успешного разрешения стоящих перед ней задач, продолжая и развивая беспощадную борьбу со всеми недостатками и извращениями в отношении советского аппарата к массам, со всеми элементами проникновения чуждых классовых влияний в наш аппарат—путем дальнейшего развития самокритики и втягивания в нее масс, путем решительного отпора всем отклонениям (и терпимо благодушному отношению к ним) от линии, намеченной XV с'ездом и единогласно подтвержденной последующими пленумами ЦК.

Обострение классовой борьбы в Советском Союзе связано с обострением ее в международном масштабе в обстановке нового периода капиталистической стабилизации, роста ее противоречий, превращения социал-демократии в прямого союзника буржуазии, роста военной опасности и приближения революционной ситуации.

От нашей партии, которая не только стоит во главе Советского Союза, но и является руководящей партией Коминтерна, требуется максимальное единство и максимальная боевая сплоченность вокруг ЦК на основе его решений и твердого неуклонного проведения этих решений в жизнь.

Ф. Нотович.

Пакт Келлога, империалисты и СССР.

Накануне подписания в Париже пакта Келлога Кентерберийский и Иоркский епископы обратились к своим паствам и к подчиненному им клиру с посланием, в котором, между прочим, было сказано: «Необходимо будет в некоторых церквах использовать воскресенье 26 августа для особых молебствий. Но если возможно будет, то необходимо в понедельник 27 августа отслужить специальные молебны». Лорд Кэшендэн, исполняющий обязанности английского министра иностранных дел и в качестве такового подписавший вместо больного Чемберлена пакт Келлога, ответил благодарственным письмом епископу Кентерберийскому, в котором он дал такую оценку подписанному договору «о запрещении войны». «Подписание договора явится самой внушительной декларацией, которую когда-либо делало человечество в целях сохранения мира. Подписание договора исполнит народы небывалой до сих пор надеждой избавиться от омерзительной гнусности войны». Было ли достаточно оснований у князей английской церкви предписывать церковный трезвон и молебствия, а у лорда Кэшендэна, в противоположность скупому на слова Чемберлену, «растекаться мыслию по древу» в честь не совсем приятного, но по необходимости терпимого пакта Келлога,—это мы увидим ниже, когда займемся его анализом.

Но раньше, чем дать ему должную оценку и определить его место в системе международных договоров и обязательств, нам кажется необходимым немного остановиться на истории происхождения самого пакта Келлога.

I.

В первые месяцы 1927 г. международное положение Франции было поколеблено целым рядом неблагоприятно сложившихся политических событий. Итальянская агрессия начала чувствоваться повсюду. За Италией невидимо стояла Англия, непримиримые противоречия с которой проявились с особой силой на 3-й сессии подготовительной комиссии по ограничению вооружений. Эти противоречия касались главным образом вопросов морского и сухопутного ограничения вооружений. Используя англо-французские противоречия, Германия осторожно, но настойчиво напоминала, что пора очистить оккупированные рейнские области. Франко-германские торговые отношения находились не в лучшем состоянии. Двухлетние торговые переговоры, часто прерывавшиеся и вновь возобновлявшиеся, ни к чему иному, как к шестимесячным соглашениям не приводили. В связи с введением нового таможенного тарифа предстояла таможенная война с Сев.-Амер. Соед. Штатами. Это предвещало ухудшение отношений и с Америкой, которые и до того не отличались особенной теплотой. Вашингтонское правительство было недовольно отказом Пуанкаре ратифицировать американско-французское соглашение Меллон—Беранже о долгах, а американское общественное мнение обвиняло Францию в том, что она ведет империалистическую и милитаристическую политику.

В это время Бриан, воспользовавшись 10-летней годовщиной вступления Америки в войну, обратился 6 апреля через парижского корреспондента американского телеграфного агентства «Ассошиэйтэд Пресс» с посланием к американскому народу, в котором он предлагал обоим народам отказаться от войны на вечные времена.

Государственные люди в Вашингтоне были вначале даже немного смущены неожиданным выступлением Бриана. Они никак не могли понять, о какой войне идет речь. Франция никогда не вела войны с Сев.-Амер. Соед. Штатами и вряд ли возможна между ними война и в будущем. Их далее удивляла и даже раздражала необычная форма обращения Бриана через голову американского правительства к американскому народу. Правительство Соединенных Штатов не подхватило обращенного к нему клича Бриана. Пресса на него также плохо реагировала.

Только 31 мая профессора Колумбийского университета Бутлер и Шотуель высказались в пользу предложения Бриана и даже предложили собравшимся на университетское празднество политическим деятелям выработанный ими проект договора между Америкой и Францией. Названные профессора открыли широкую кампанию в печати, и американское общественное мнение начало с живым интересом следить за тем, как эта кампания постепенно делала большие успехи. Тут-то и правительство Соединенных Штатов поняло, что пренебрегать лозунгом «запрещение войны на вечные времена» накануне президентских выборов не только не умно, но и весьма опасно для исхода этих выборов для республиканского кандидата. При таких условиях начались переговоры между Брианом и американским послом в Париже, а 20 июня Бриан вручил послу проект «вечного договора о дружбе». В этом проекте договора правительства Франции и Соед. Штатов «торжественно об'являли от имени французского народа и народа Соед. Штат. Америки, что они осуждают войну и отказываются от нее, как орудия национальной политики».

Небезынтересно отметить, что первый проект договора, автором которого был Бриан, осуждал безоговорочно всякую войну, как орудие национальной политики. Только 28 декабря последовал ответ Америки на официальное предложение Бриана. Но ответ был не только неожиданным для Франции, он прямо больно бил по ней.

Одобряя проект договора Бриана о вечной дружбе, Келлог в ответной ноте писал, что для дела мира будет гораздо больше сделано, если вместо двустороннего договора «все главные державы мира присоединятся к заявлению, в котором они откажутся от войны, как орудия национальной политики». Такое заявление великих держав могло бы, по мнению американского правительства, в такой степени подействовать на все прочие государства, «что вместо задуманного первоначально соглашения только между Францией и Соединенными Штатами Америки могло бы таким образом быть заключено соглашение и между всеми государствами мира».

Ответ Америки отнял сразу для Франции всякую привлекательность у «антивоенного договора». Вместо помощи со стороны Америки против Англии и Италии, а также для защиты французской системы европейских военных союзов Америка предложила включить в договор и Англию, и Италию, и Германию. Собрались попить чайку вдвоем—и вдруг целая орава неожиданных гостей, да еще притом приглашенных.

Франция охотно отказалась бы от затеянной ею же игры, но Америка богата, и прогневить ее не легко решиться. И вот с этого момента Бриан, имя которого и должен бы носить подписанный в Париже договор, доставляет Келлогу больше всего хлопот.

5 января с. г. французское правительство одобрило мысль Келлога о многостороннем договоре, но... этот договор должен быть раньше подписан между Францией и Америкой и уж в подписанном виде быть предложенным от их имени и другим державам. В этом договоре, продолжает французская нота, «высокие договаривающиеся стороны отказываются от всякой агрессивной войны и заявляют, что для урегулирования всякого рода могущих между ними возникнуть споров, они будут прибегать только к мирным средствам». Короче—любовь вдвоем, но если необходима всеобщность, то Франция не может отказаться от всякой войны вообще, а только от войны агрессивной.

Келлог прикинулся ничего не понимающим и весьма удивленным и ответил 11 января на ноту Бриана нотой, в которой он констатировал: 1) расхождение между желанием американского правительства и желанием французского, когда оно настаивает на подписании сперва двустороннего договора, и 2) что, давая согласие на предложение великим державам присоединиться к франко-американскому договору о запрещении войны, Франция его распространяет только на агрессивные войны. Келлог напомнил Бриану, что его проект от 20 июня прошлого года, по поводу которого он собственно и ведет переговоры, «не содержал подобного условия или ограничения». Напротив, он недвусмысленно предусматривал отказ от всякой войны, как орудия национальной политики.

«Я не знаю причин, которые побудили ваше правительство изменить ваше первоначальное предложение, но я определенно надеюсь, что это изменение не имеет особого значения».

Бриан удовлетворил любопытство Келлога и на вопросы роковые дал 21 января ответы прямые, а именно: 1) великие державы и почти все остальные государства входят в Лигу Наций и связаны друг с другом ее статутом, который на них накладывает известные обязательства; 2) некоторые державы, кроме того, имеют обязательства, вытекающие из локарнских договоров, и 3) обязательства, налагаемые междугосударственными договорами для гарантии нейтралитета [1]. «Все эти соглашения,—продолжает нота Бриана,—налагают на них (государства) обязательства, против которых они не могут действовать, не нарушив их». Наконец, нота напоминает, что прошлогодняя сентябрьская сессия Лиги Наций высказалась против агрессивной войны. Дойдя до этого места Бриан теряет понимание смешного и продолжает: «этим самым создано положение, которое должны принять во внимание и Соед. Штаты, хотя они к нему и непричастны, так же, как и другие государства, которые будут приглашены к переговорам».

Лучшего аргумента против Лиги Наций правительству Соединенных Штатов и самому придумать нельзя было бы. Бриан собственноручно расписался в том, что Лига Наций, Локарно и союзы Франции с ее вассалами не допускают отказа от войны вообще.

С большим сарказмом Келлог ответил 27 февраля на ноту Бриана. «Между односторонней и многосторонней формой договора, предметом которого является неограниченный отказ от войны, как орудия национальной политики, по моему мнению,—пишет Келлог,—разница только в степени, но не по существу. Правительство, которое может заключить подобный двусторонний договор, должно быть также в состоянии принять участие в соответствующем многостороннем договоре, так как едва ли допустимо, чтобы члены Лиги Наций поодиночке были в состоянии что-либо делать, чего они вместе делать не могут.

[1]) Какая скромность! Военные союзы с Польшей, Румынией, Чехо-Словакией и Югославией обозначаются только как союзы для защиты нейтралитета.

Я поэтому надеюсь на то, что ни Франция, ни другие члены Лиги Наций не решат окончательно, что недвусмысленный неограниченный отказ от войны, как орудия национальной политики, задевает особые обязательства, вытекающие из статута Лиги Наций, или же, что он несовместим с общим смыслом и общей целью Лиги Наций».

Чтобы заранее отбить охоту от бесплодных исканий формулы для «нарушителя мира», Келлог продолжает: «если бы, однако, к такому заявлению были присовокуплены определения понятия «нападающий», как и исключения и ограничения этого понятия, которые определяли бы, когда народы в праве вести войну, то значение такого заявления (отказ от войны) было бы сильно ослаблено, и его положительная ценность, как гарантия мира, была бы почти уничтожена».

В таком положении дело продолжалось до конца марта. В апреле переговоры принимают неожиданно другой характер. 31 марта французское правительство перешло в наступление. Оно вручило в Вашингтоне длинную ноту, в которой соглашалось на открытие переговоров о многостороннем договоре, но все свои возражения, уже выяснившиеся в предыдущей переписке, оставило в силе. Слегка полемизируя, оно даже перешло в наступление. «Те же затруднения в отношениях между государствами американского континента заставили правительство Соединенных Штатов присоединиться на 6-й панамериканской конференции в Гаванне к резолюции, которая также запрещает только «агрессивную войну», язвительно напоминает нота Клоделя, переданная в Вашингтоне.

Дав свое согласие на многосторонний договор, французское правительство формулировало и свои требования, которые такой договор должен учесть. А именно:

1) запрещается между участниками договора только «агрессивная война»;

2) остается ненарушимым право вести войны для «самообороны»;

3) договор не затрагивает обязательств, вытекающих «из предыдущих международных обязательств, как пакт о Лиге Наций, локарнские договоры, или гарантийные договоры и договоры о нейтралитете»;

4) «договор только тогда может иметь силу для государства, подписавшего его, если и остальные государства, у которых могут быть серьезные споры с участниками договора, его подпишут»;

5) все государства должны быть освобождены от обязательств по договору, если один из партнеров его нарушит.

Другими словами, если договор должен быть универсальным, то включите в него и тех, которые больше всего награбили, и гарантируйте им награбленное.

13 апреля вашингтонское правительство обратилось, помимо французского, к великобританскому, германскому, итальянскому и японскому правительствам с формальным предложением заключить многосторонний договор об отказе от войны, как орудия национальной политики. При этом обращении была приложена вся переписка между Соед. Штатами и Францией, и проект договора. Следует обратить внимание вот на что: американский проект договора нигде не говорит об отказе от «агрессивной войны», а от войны вообще. Американское правительство прекрасно поняло, что низведение всего великолепно задуманного грандиозного плана к отказу от «агрессивной войны», как того хотела Франция, погубит все дело. Интересы президентских выборов требовали много. Республиканскому правительству нужны успехи во внешней политике, которыми оно могло бы щеголять на выборах.

20 апреля французское правительство разослало тем же пяти великим державам свой контрпроект договора, состоявший из введения и семи

статей. В этом проекте в юридических терминах точно зафиксированы все нам известные французские ограничительные толкования договора. Помимо того, в проекте были и новшества. Первая его статья давала и определение войне, как орудию национальной политики. В ней говорилось, между прочим: «высокие договаривающиеся стороны торжественно осуждают обращение к войне и отказываются от нее, как орудия национальной политики, т.-е. как орудия политики произвольной и независимой, в которой им самим принадлежала бы инициатива».

Статья 4-я ставила точки над и. Ее полное содержание было таково: «Постановления этого договора не суживают ни в какой степени прав и обязанностей, которые вытекают для подписавших договор государств из прежних международных договоров, участниками которых они являются». 6 и 7 статьи устанавливали сложную процедуру присоединения других государств к «антивоенному договору». Они устанавливали нечто в роде перворазрядных и второразрядных участников договора.

На этом, собственно, и кончается длительная процедура переговоров вдвоем. Франция для Америки уже больше не является единственным партнером, и ее роль постепенно стушевывается перед другими участниками, которых американское правительство втянуло в переговоры. Американская и французская точки зрения ни в чем не сблизились, свидетельством чего является содержание французского и американского проекта договора.

Франко-американские разногласия по поводу толкования разных предыдущих и будущих обязательств по договору, как они проявились исключительно в официальной переписке, которую мы только частично использовали, представляют прекрасный образчик непримиримых противоречий между Европой и Америкой, поскольку французскую точку зрения поддерживали многие европейские государства, в том числе и Англия. Американско-французская контроверза, сильно смахивающая своим концом на анекдот, длилась бы еще и по сей день, если бы правительство Кулиджа не спохватилось и не обратилось с тем же предложением ко всем великим державам. Но не прояви Франция такого упорства—Америка еще долго не решилась бы на этот шаг.

II.

В ожидании ответов от правительств на свое предложение Келлог принялся за обезоруживание своего французского противника, что ему, однако, не удалось. 28 апреля он выступил на годичном банкете американской ассоциации международного права с обширной речью, посвященной специально французским оговоркам в связи с обязательствами Франции, вытекающими из статута Лиги Наций, Локарно и союзных договоров. Рассмотрев каждый случай в отдельности он пришел к заключению, что ни Лига Наций, ни Локарно, ни договоры о нейтралитете, как их называет французское правительство, не могут быть препятствием для присоединения к проекту его договора. При этом Келлог совершил даже некоторую нескромность, дав попутно свое толкование 10 статье статута Лиги Наций. «Статут Лиги Наций формально не налагает никакого обязательства начать войну. Если такое обязательство вообще существует, то оно и наступает только тогда, когда оно признано государством по собственному решению». Он далее привел в подтверждение своей интерпретации 10 статьи статута такой факт. На 4-й сессии Лиги Наций была внесена резолюция, которая не сделалась постановлением Лиги Наций только потому, что имела против себя один голос. Эта резолюция, интерпретировавшая злополучную 10 статью, имела такое содержание: «Что касается обязательства

защищать независимость и территориальную целость члена Лиги Наций, то дело конституционных органов каждого отдельного члена Лиги Наций решить, в какой мере он обязан сделать употребление из своих вооруженных сил для того, чтобы выполнить это обязательство». Несколько раньше Келлог заявил, что только-что приведенное толкование 10 статьи считают совершенно правильным Великобритания и многие другие страны.

28 апреля Германия безоговорочно присоединилась к предложению Келлога и выразила полную солидарность с ним в том, что, и по ее мнению, ни статут Лиги Наций, ни локарнские договоры не находятся в противоречии с проектом Келлога. Затем последовало присоединение Италии и Японии.

19 мая Великобритания представила свой ответ. Она, во-первых, присоединилась ко всем французским оговоркам; она, во-вторых, одобрила 4 статью французского проекта; в-третьих: «Статут Лиги Наций и локарнские договоры,—продолжает английская нота,—идут между тем несколько дальше отказа от войны, как орудия национальной политики, в том смысле, что они предусматривают известные санкции против того, кто нарушает свои обязательства. Таким образом, вполне мыслимо, что могло бы возникнуть противоречие между существующими договорами и предложенным пактом, если бы не было полного согласия в том, что обязательства, вытекающие из нового соглашения, теряют свою силу в отношении стороны, которая нарушила свои обещания и предприняла враждебные действия против одной из остальных договорившихся сторон».

Этим Англия только формулировала защиту ее общих с Францией интересов. Что же касается специально великобританских интересов, то для их защиты у Чемберлена оказались хотя и менее определенные, но не менее важные по своему значению оговорки, чем французские. Великобританская нота их следующим образом формулировала: «Изложение первой статьи относительно отказа от войны, как средства национальной политики делает желательным, чтобы я напомнил вашему правительству о том, что есть известные области на земле, благосостояние и целость которых представляют особый и жизненно важный интерес для нашего мира и нашей безопасности. Правительство его величества старалось уже в прошлом создать ясность, что вмешательство в отношении этих областей им терпимо быть не может; защита этих областей против нападения представляет для Британской империи акт «самообороны». Поэтому должна быть полная ясность, что правительство его величества принимает новый договор только в том случае, если по этому вопросу будет полное согласие, что он (договор) в этом отношении не нарушит свободы его деятельности. Правительство Соединенных Штатов имеет сходные интересы, относительно которых оно заявило, что неуважение этих интересов чужим государством будет рассматриваться как недружелюбный акт. Правительство его величества поэтому думает, что высказыванием своего взгляда на вопрос, оно выражает также намерение и мнение Соединенных Штатов».

«Под известными областями» подразумевается, как расшифровал «Дэйли Телеграф»—Египет и подступы к Суэцкому каналу, а «Дэйли Геральд» прибавляет еще Персию и Афганистан. Заслуживает внимания довольно недвусмысленное напоминание о «сходных интересах» Северо-Американских Соединенных Штатов. Не в бровь, а в глаз. Чемберлен выбрал уязвимое место и заранее знал, что Америка согласится с его оговорками, раз она сама отягощена разбойничьей политикой в Никарагуа и в остальной Центральной Америке.

Англия далее требовала, чтобы каждое государство само решало, есть ли в том или ином случае налицо нарушение договора. Не оставлены без внимания также СССР и Китай. Говоря о привлечении всех государств

к пакту, Чемберлен пишет: «Универсальности будет во всяком случае трудно достигнуть, и она даже может сделаться неудобной, так как существуют некоторые государства, правительства которых еще не всеми признаны, и некоторые другие, которые едва ли в состоянии удержать порядок и безопасность в собственной стране».

Англия в заключение заявила, что и все доминионы должны принять участие в подписании договора, как равноправные его члены.

Из французского и английского ответов американскому правительству стало ясно, что без учета высказанных в них оговорок ни Франция, ни Англия не присоединятся к договору. А это значит, что все труды пропадут даром. А предвыборная агитация уже бурлит в стране. И Келлог решился на очень ловкий шаг. Он повел борьбу в двух направлениях. Он дал собственную интерпретацию своему детищу, приближающуюся к французской и английской интерпретациям, но вместе с тем воспротивился внесению каких бы то ни было изменений в основной текст договора. Он согласился только на изменение введения к договору. В борьбе с Францией, добивавшейся изменения статей договора, Келлог формально победил. Таким образом договор получился с виду лучшим, чем он на самом деле, так как при первом конфликте стороны будут настаивать на том, чтобы учитывали не только юридические термины пакта Келлога, но и интерпретацию к нему.

23 июня правительство Соединенных Штатов передало всем великим державам, английским доминионам, Польше, Бельгии и Чехо-Словакии, как подписавшим локарнское соглашение, окончательный проект договора, который без изменения и был подписан в Париже.

III.

Точный текст договора таков: «Президент Германского государства, президент Соединенных Штатов Америки, его величество король Бельгии, президент Французской республики, его величество король Великобритании, Ирландии и заморских британских территорий, император Индии, его величество король Италии, его величество император Японии, президент Польской республики, президент Чехо-Словацкой республики,

глубоко чувствуя лежащий на них торжественный долг оказания содействия благополучию человечества;

будучи убеждены, что наступил момент для откровенного отречения от войны, как орудия национальной политики, для того, чтобы мирные и дружественные отношения, существующие в настоящее время между их народами, были увековечены;

будучи убеждены, что всяких изменений в их взаимных отношениях можно добиваться только мирными средствами, и что они должны осуществляться в установленном порядке и мирным путем, и что всякая нижеподписавшаяся держава, которая впредь будет пытаться проводить свои национальные интересы, прибегая к войне, должна быть лишена преимуществ, вытекающих из настоящего договора;

питая надежду, что воодушевленные их примером, все другие нации мира присоединятся к этим гуманитарным усилиям и, примкнув к настоящему договору с момента вступления его в силу, дадут своим народам возможность также воспользоваться его благодетельными постановлениями, об'единяя таким образом цивилизованные нации мира в общем отречении от войны как орудия их национальной политики, —

постановили заключить договор, и с этой целью назначили в качестве своих полномочных представителей, а именно: . . . . которые, после обмена своими полномочиями, признанными в порядке и в должной форме, согласились относительно нижеследующих статей:

Статья 1. Высокие договаривающиеся стороны торжественно заявляют от имени своих народов, что они осуждают метод обращения к войне для регулирования международных конфликтов и отказываются в своих взаимоотношениях от войны в качестве орудия национальной политики.

Статья 2. Высокие договаривающиеся стороны признают, что урегулирование или разрешение всех разногласий или конфликтов независимо от характера их происхождения, которые могут возникнуть между ними, должны осуществляться только мирными средствами.

Статья 3. Настоящий договор будет ратифицирован высокими договаривающимися сторонами, указанными в вводной части к договору, в соответствии с конституциями этих стран, и он войдет в силу в отношениях между ними, как только все документы о ратификации будут депонированы в Вашингтоне.

Настоящий договор, как только он вступит в силу, как это предусмотрено в предыдущем абзаце, останется открытым так долго, как это потребуется для присоединения к нему других держав мира. Каждый документ, устанавливающий присоединение державы, будет депонирован в Вашингтоне, и договор немедленно после депонирования вступит в силу в отношениях между державой, присоединившейся и другими договаривающимися державами.

Правительство Соединенных Штатов должно будет снабдить каждое правительство, указанное в вводной части к пакту, и каждое правительство, которое присоединится к настоящему договору, заверенными копиями настоящего договора и каждого документа ратификации или присоединения. Правительство Соединенных Штатов должно будет также сообщить телеграфно всем названным правительствам каждый документ о ратификации или присоединении немедленно после депонирования этих документов».

Как всегда с международными актами бывает, и пакт Келлога не означает того, о чем говорит его текст. Нужно принять во внимание не только его высокоторжественные декларативные статьи, но и оговорки и интерпретацию самого Келлога. Какова же эта интерпретация, вызывающая столько законных опасений у одних и надежд,—мы думаем, что несбыточных,—у других?

Передавая проект договора, американское правительство передало вместе с ним и сопроводительную ноту, которая так истолковывала введение к договору: «Измененное введение этим признает принцип, что, если в будущем государство нарушит договор и прибегнет к войне, другие подписавшие договор государства этим самым освобождаются от обязательств, вытекающих из договора по отношению к этому государству. Оно также предусматривает участие всех подписавших локарнские договоры государств и этим об'ясняет, что открытие военных действий, нарушающих локарнские договоры нарушает также и этот договор, и не только остальные партнеры локарнских договоров, но также и другие страны, подписавшие антивоенный пакт, освобождаются от обязательств по отношению к этому государству».

Но оставим на время все оговорки и интерпретации, поскольку они не вошли в текст договора и не запротоколированы в специальных приложениях, имеющих равную с договором силу.

Присмотримся ближе к нему самому и установим, что нового внесет он в международные отношения.

Из текста договора вытекает, что участники его: 1) осуждают войну, как орудие национальной политики; 2) обязываются разрешать все возникшие между ними конфликты исключительно мирным путем. Далее предусматривается, что все государства, подписавшие договор, освобождаются от всяких обязательств, вытекающих из него, по отношению к тому государству, которое прибегнет к войне для достижения своих политических интересов.

Это означает, что договор запрещает н е в о й н у в о о б щ е, а войну, как орудие национальной политики.

Но есть и допустимы войны для «самообороны», войны, вытекающие из ранее заключенных договоров, войны с целью защиты известных интересов и т. д. Как относится пакт Келлога к таким войнам?

Приведенные нами выше французские и английские оговорки и интерпретация самого Келлога дают довольно ясный ответ на поставленный вопрос.

Если мы соберем воедино французские и английские оговорки и сопоставим их с пактом Келлога, то придем к следующему результату. Н а с т у п а т е л ь н а я в о й н а п о с т а в л е н а в н е з а к о н а. Но разрешается вести войны: 1) по поручению Лиги Наций, 2) для защиты локарнских договоров, 3) для выполнения обязательств, взятых на себя Францией, когда она гарантировала территориальную неприкосновенность своим союзникам, 4) для защиты английских интересов в «известных» областях, 5) для защиты доктрины Монроэ. Если до сих пор была известна только одна американская доктрина Монроэ, то пакт Келлога обогатил нас еще целыми двумя: французской и английской.

Что именно так, а не иначе принимают пакт Келлога Франция и Англия, об этом говорят не только комментарии печати этих стран. Об этом заявили в официальных документах от имени своих правительств Бриан и Чемберлен. Давая окончательное согласие на подписание «антивоенного договора», Бриан 5 июля писал Келлогу: «Ничто в новом договоре не наносит где - либо вред праву самообороны. Каждый народ получает в этом отношении право защищать свою страну против нападения или нашествия. Он сам решает, требуют ли обстоятельства открыть военные действия для собственной защиты.

Во-вторых, ни одно постановление нового договора не находится в противоречии с уставом Лиги Наций, как и с постановлениями локарнских договоров или договоров о нейтралитете.

С другой стороны, нарушение постановления нового договора одной из договаривающихся сторон автоматически освобождает остальные договаривающиеся стороны от их обязательств по отношению к нарушителю договора».

Через три дня Чемберлен писал тому же Келлогу по поводу «известных» областей, что «правительство его величества принимает новый договор при предположении, что он не стеснит его свободу действий в этом отношении».

IV.

К пакту Келлога следует подойти еще и с другой точки зрения. А именно: какое влияние он окажет на консолидацию мира и безопасности и на разоружение. Иностранная буржуазная печать этим вопросам уделяет уже в течение месяцев особое внимание. Одни голоса утверждают, что он сулит европейцам мир и благоденствие и несет с собой всю экономическую мощь Америки, так как пакт Келлога означает «возврат Америки в Евро-

пу». Некоторые даже договариваются до того, что ждут от Америки полицейских услуг по отношению к побежденным нациям. А другие, как-раз наоборот, возлагают на Америку надежды, что она разобьет сковывающие эти нации цепи.

Самой яркой представительницей первого течения является известная часть французской печати, а лучше всего выразил надежды и чаяния французских империалистов бывший французский министр и нынешний член французской делегации в Женеве, пацифист типа а'ля Поль Бонкур Жорж Бонне: «В настоящем его виде (после изменения введения и интерпретации самого Келлога) пакт Келлога не является больше договором, предназначенным для замены Лиги Наций; как-раз наоборот, он образует в известной степени добавление к ней и придает ей, надеюсь, новую силу и новую жизнь. Если американские государственные деятели действительно хотят, чтобы пакт Келлога обладал действенностью, то они должны привить всем народам вполне определенное убеждение, что С.-А. Соединенные Штаты приведут все в действие против того государства, которое, будучи связанным с другими государствами посредством пакта Келлога, постаралось бы освободиться от налагаемых им на него обязательств» [1]).

«Само собой понятно,—продолжает французский «пацифист»,—что все арбитражные договоры, подписанные народами, входящими в Лигу Наций, все территориальные договоры, как, например, столь важный договор, как Локарнский, остаются ненарушимыми. Если предусмотренные договорами гарантии окажутся недостаточными, тогда начинает действовать пакт Келлога во всем своем высоком моральном значении. Ибо пакт Келлога обладает прежде всего высоким моральным значением». Увы, санкций нет, а посему приходится утешиться одним моральным значением.

Если господин Бонне, на которого его официальное положение налагает известные обязательства скромности и сдержанности, так определяет значение пакта Келлога для укрепления французской континентальной гегемонии, и при том еще в официозном венгерском органе, то журналисты по профессии уже поистине «стыда не имут».

И часть американского общественного мнения определенно опасается, что «антивоенный пакт» может вовлечь Соединенные Штаты в европейские авантюры. Именно поэтому некоторые органы печати начали кампанию против пакта Келлога и предсказывают ему такую же судьбу в сенате, какая постигла Версальский договор и статут Лиги Наций в 1920 г.

Известный знаток международного права профессор Иельского университета Эдвин Борхард подверг резкой критике пакт Келлога и пришел к заключению, что он «является чрезвычайно опасным для Соединенных Штатов и может их вовлечь в европейские войны, не позволяя им в то же время участвовать в дискуссиях между европейскими странами, предшествующих об'явлению войны».

Влиятельные круги в Германии в противоположность французским ожидают от пакта Келлога всяких благ для своей страны. Расчеты этих кругов покоятся на следующем. Остается бесспорным фактом, что, хотя Локарно и Лига Наций не оправдали всех ожиданий Германии, тем не менее она в свое время посредством Локарно использовала англо-французские противоречия для укрепления своего международного положения. Поэтому, думают они, Германия сумеет теперь посредством пакта Келлога использовать англо-американские противоречия в свою пользу. Самым ярким выразителем этого мнения является Бредт [2]). Определив пакт Келлога как более всеоб'емлющую организацию, чем Лига Наций, так как он вмещает в себя многие другие страны и Соединенные Штаты, он думает, что из пакта Келлога со временем образуется особая международная организация, которая ничего общего с Лигой Наций иметь не будет. А в этой организации руководящая роль будет принадлежать С.-А. Соединенным Штатам». «Для нас, немцев,—пишет он,—такое передвижение центра тяжести может быть только приятным. У нас нет больше с Соединенными Штатами никаких политических противоречий, и мы можем только приветствовать, если к вооруженным до зубов партнерам в Лиге Наций присоединится более могущественный, с которым они должны будут считаться и который сумеет их обуздать, когда они еще раз захотят бросить на весы всю тяжесть их военного могущества. Лига Наций до сих пор чрезвычайно хорошей роли не сыграла, и доверие к ее деятельности еще не сделалось общим достоянием всех народов. Очень возможно, что концерн, подписавший пакт Келлога, приобретет гораздо большее значение, если Соединенные Штаты сумеют взять в свои руки надлежащее руководство».

¹) Der Kellogg—Pakt, «Pester Lloyd». 19/VIII 1928.
²) Der Kellogg—Pakt, Preussische Jahrbücher, август, 1928 г.

Мы, однако, думаем, что все вышеприведенные взгляды не отвечают действительности и они интересны постольку, поскольку они отражают мнения известных кругов разных стран, находящихся в различных положениях и посему возлагающих на пакт Келлога те надежды, которые они хотели бы видеть воплощенными в жизнь. Но вместе с тем, это показывает, что пакт Келлога дает широкое поле для всяких толкований и политических спекуляций.

Конечно, в буржуазной печати можно найти и довольно трезвые оценки пакта, и нам кажется, что они больше отвечают действительности.

Так, например, проф. Женевского университета Раппард дал на-днях следующее истолкование пакту Келлога. «Этот проект, когда подвергают его текст юридическому анализу, с учетом всех оговорок и интерпретаций, которым он дал место, сам по себе почти совершенно ничего не означает. Он оставляет без какой-либо санкции нарушения запрета, которым он предписывает и запрещает только военные операции, агрессивный и национальный характер которых был бы признан теми самыми, которые их начнут. Таким образом, он не запрещает никакой будущей войны, как он и не смог бы запретить мировую войну, все участники которой утверждали касательно себя, что ее природа и происхождение строго оборонительные».

Но не только швейцарский пацифист, даже публицист французского «Тан» на гастролях в немецком пацифистском органе недавно дал очень трезвую оценку договору. Граф Владимир де-Ормессон на-днях, разбирая пакт Келлога, дал ему, по нашему мнению, очень трезвую и, во многих отношениях, правильную оценку. «Мне кажется необходимым,—пишет он,—различать между тем, что приносит пакт Келлога, и тем, чего он не приносит.

Пакт Келлога не приносит с собой присоединения Северо-Американских Соединенных Штатов к политике Женевы или политике Локарно. Другими словами, пакт Келлога не вводит политически С.-А. С. Ш. в европейскую систему. В этом отношении не следует делать никаких иллюзий. С.-А. С. Ш. остаются верными своим традициям независимости. Доктрина Монроэ вовсе ни в чем не нарушена. Впрочем, пакт Келлога ни в чем не изменяет и ни в чем не обогащает гарантий, которые женевский статут или локарнские протоколы уже представили нациям, которые их подписали. Он не покоится на материальных данных.

Мы концентрировали внимание читателя только на самых характерных оценках пакта Келлога, в которых отражаются мнения различных общественных и политических кругов в разных странах. Интересно, что каждая из вышеприведенных оценок, кончается подчеркиванием, что сила

п а к т а н е в ю р и д и ч е с к и х с а н к ц и я х, а в т о й м о р а л ь н о й а т м о с ф е р е, к о т о р у ю о н с о з д а е т.

Какое же содержание вкладывает в творение Келлога сама Америка? Если мы подойдем к данному вопросу с этой стороны, то окажется, что ошибаются буквально все, кроме, может быть, Раппарда и де-Ормессона. И больше всего, пожалуй, окажется прав польский министр иностранных дел Залесский, который проливал такие горькие слезы о том, что пакт Келлога, увы, не содержит никаких санкций и гарантий для... польских великодержавных вожделений. Залесский этого, конечно, не досказал. Говорил же он, как и следует польскому министру, о гарантиях мира.

Как мы уже выше сказали, для Америки пакт Келлога имеет прежде всего значение внутриполитическое. Что же касается возможного внешнеполитического эффекта, т о а м е р и к а н ц ы е м у п р и д а ю т и с к л ю ч и т е л ь н о м о р а л ь н о е з н а ч е н и е. Американский промышленный и банковский капитал считает, что он достаточно могуществен для того, чтобы воспрепятствовать войне, если он этого захочет. И поэтому, для него важно было подвести главные европейские страны под одну крышу, связав их моральными санкциями, нарушить которых они не захотят, зная заранее, что они этим вызовут недовольство Северо-Американских Соединенных Штатов. Но само собой понятно, что роль жандарма Америка в Европе играть не собирается. Об этом говорят не только некоторые влиятельные американские органы печати, об этом вполне определенно заявил Келлог, когда в американском общественном мнении начала проявляться тревога в том смысле, что Америка возьмет на себя обязательства по отношению к запутанным европейским делам. 15 марта Келлог произнес речь перед избранными государственными и общественными деятелями, в которой он, между прочим, сказал по интересующему нас вопросу следующее:

«Так как цель Соединенных Штатов состоит во всяком случае в том, чтобы исключить войну как фактор, поскольку это только возможно, из международных отношений, то я могу с достаточной решительностью заверить, что Соединенные Штаты, как партнер, не присоединятся ни к какому соглашению, которое прямо или косвенно, точно или молчаливо, представляло бы военный союз. Совершенно исключено, чтобы Соединенные Штаты заранее обязались сделать употребление из своих вооруженных сил против другой нации в мире».

V.

Оставим профессорам, буржуазным пацифистам и их подголоскам социал-патриотам судить о том, что собой представляет парижский договор: конструкцию мира или только мирную атмосферу.

У нас есть очень верное средство для точного определения ценности того или иного пацифистского чудодействия, это—установление связи между ним и проблемой мира и разоружения. В какой же зависимости находятся эти важнейшие вопросы нашей эпохи с парижским пактом? Как мы видим, разоружением и не пахнет в договоре, «ставящем войну вне закона». Пакт Келлога никого не обязывает к разоружению, а между тем как мы выше видели, даже Лига Наций—и та в прошлом году в своей резолюции, об'явившей агрессивную войну запрещенной, связала этот вопрос, конечно, только на словах, с проблемой разоружения.

Пакт Келлога мог бы только тогда претендовать на сколько-нибудь серьезное значение, если бы он, об'явив войну международной уголовщиной, в то же время отнял у своих участников материальную возможность совершать это уголовное преступление. Не будем, однако, строги к тому, что в «антивоенном договоре» не содержится обязательств разоружения. Присмотримся к фактам, и они нам помогут установить, действительно ли он создает то взаимное доверие между государствами, которое необходимо для укрепления мира и о котором столь упорно твердили его инициаторы? В сущности, в этом весь вопрос.

Остановимся только на выдающихся фактах.

Перед самым подписанием парижского договора Англия и Франция заключили военноморское соглашение, «цель которого,—по сообщению «Матэн»,—предоставить, с одной стороны, британскому адмиралтейству свободу применять свои доктрины и, с другой стороны, предоставить французской армии свободу регулировать свои вооружения, как ей вздумается. Французские эскадры могут теперь так развиваться, что они будут в состоянии обеспечить связь с Сев. Африкой против любой державы, кроме Великобритании. Для Англии же уменьшаются опасности, которые могут доставить постройки крупных крейсеров и крупных подводных лодок противника. Соглашение одновременно гарантирует охрану морских путей ее обширной империи посредством мелких крейсеров». Из других источников мы знаем, что англо-французское морское соглашение касается: 1) боевых судов выше 10.000 тонн; 2) авионосцев выше 10.000 тонн; 3) крейсеров не выше 10.000 тонн и 4) подводных лодок выше 600 тонн. Как раз тех категорий судов, в которых Соединенные Штаты, в виду отсутствия у них вне материка морских баз, больше всего заинтересованы. Другими словами, Франция получает полную свободу и английскую поддержку в осуществлении континентальной гегемонии, а Великобритания—свободу действий и поддержку Франции для осуществления морской гегемонии. Что англо-французский компромисс направлен против Америки и Италии, а косвенным образом и против Германии и СССР,—этого не только никто не отрицает, но укрепление франко-английской дружбы уже определенным образом отразилось на англо-американских, англо-итальянских и англо-германских отношениях. Англо-французские маневры в Рейнской оккупированной области, совместное англо-французское выступление в Софии, английская демонстрация в албанской столице, все это факты, говорящие о восстановлении англо-французской антанты, с одной стороны, и об охлаждении Англии к Германии и Италии, с другой.

Отказ Келлога поехать в Лондон, якобы из-за отсутствия времени, в то время, когда он пять дней провел у ирландского премьера в Дублине; предложение Америки Египту подписать арбитражный договор и пакт Келлога, хотя Англия сделала оговорки относительно Египта; предложение присоединиться к договору СССР и Китаю вопреки специальной оговорке Англии,—все это говорит в достаточной степени не только о крайнем напряжении и обострении англо-американских отношений, но и о том, что Америка не придает никакого значения всем формулированным оговоркам. И нам теперь становится понятным, почему он противился их воспроизведению в статьях текста [1]). Тогда было бы их труднее игнорировать. Однако, нас в данном случае интересуют не последствия англо-французского компромисса, а только отражение этой сделки с пактом Келлога на проблеме мира и разоружения.

Если бы империалисты действительно думали об укреплении мира, а не о том, как бы пацифистским жестом обмануть общественное мнение

---

[1]) В уже цитированной выше речи Келлог заявил, что введение не является обязывающей частью текста.

своих стран, то им нечего было бы возобновлять военные союзы. Чего ждут от пакта Келлога и как его расценивают главные его участники?

На заданные вопросы во время дебатов в палате общин, чего можно ждать от нового договора, Чемберлен ответил, что не следует на него возлагать больших надежд. «Чем больше ожидания, — сказал меланхолически Чемберлен,—тем сильнее может быть разочарование. Договор может означать очень много, но и очень мало; то, что из него сделать можно, зависит исключительно от Северо-Американских Соединенных Штатов и их общественного мнения». Лорд Кэшендэн даже предостерег в Женеве от преувеличенных надежд в смысле ускорения разоружения через посредство парижского пакта.

Что Америка намерена сделать из пакта Келлога, она ответила устами своего настоящего и будущего президентов. 11 августа Герберт Гувер, кандидат в американские президенты, выступил в Калифорнии с предвыборной речью, в которой он наметил для С.-А. Соединенных Штатов будущую политику «разоружения», которая вытекает из факта существования многостороннего «договора о запрещении войны» и англо-французского сухопутно-морского соглашения. «Америка не хочет,—сказал Гувер,—погрузиться в европейские проблемы и поэтому отклоняет вступление в Лигу Наций. Несмотря на это, она охотно принимает участие в международных вопросах и ревностно была озабочена сокращением вооружений. Однако, лучшая гарантия мира состоит пока в соответствующем приготовлении к оборонительной войне, поэтому военный и торговый флот Америки должны находиться на такой степени могущества и боеспособности, чтобы во всякое время можно было поручиться за национальную безопасность». Передавая речь Гувера, из которой мы взяли эту цитату, корреспондент «Берлинер Тагеблатт» пишет, «что в Америке уже теперь считаются с необходимостью усиления американской судостроительной программы». И это после всех тех морских программ, которые уже утверждены и выполняются.

15 августа Кулидж произнес большую речь на собрании легионеров, в которой он обратился ко всем правительствам с повторным раз'яснением, «что в вопросах национальной обороны Америка не позволит себя оттеснить на задний план».

Из этого следует, что: 1) Америка ни на одну секунду не намерена примириться с англо-французским компромиссом и что 2) англо-американское морское соперничество вступило в еще более острую и опасную фазу.

Через 10 дней, 26 августа, французский военный министр Пенлеве выступил в Треву с обширной речью на тему: «Мир и организация французской обороны». В ней он, между прочим, говорит: «Я убежден, что еще не настало время для полного отказа от вооружений. Всякое преувеличение доверия и благородства кажется мне неуместным и опасным. Поэтому я считал необходимым дать Франции такое вооружение, которое ее защитит от нападения».

Фашистская «Лаворо д'Италия» подписание пакта Келлога отметила следующими примечательными словами: «Сегодняшний день не может быть нашим праздником, и если есть утешение для наших забот, так это то, что этот лицемерный праздник мира окутан черными тучами. Франция, Англия и Америка могут с отвращением говорить о войне, так как они владеют всем. Нам же нехватает воздуха, а горизонт для нас заперт».

31 августа брат и правая рука дуче, Арнольдо Муссолини, выступил перед призванными для отбывания учебного сбора офицерами фашистской милиции со специальной речью против лозунга: «прочь войну». В этой речи он, между прочим, заявил: «Если мы хотим быть честными, то мы должны сказать, что в этом пакте Келлога скрывается прозрачная неискренность, для Италии поэтому, как и до сих пор, лучшая защита состоит в крепкой вооруженной силе, которая должна быть и технически и духовно воспитана, так как час судьбы может настать очень быстро».

В результате анализа «келлогиады», мы приходим к заключению, что и на сей раз, как и раньше, после нового «открытия» гарантий безопасности вооружения увеличиваются, а действительная гарантия мира неизмеримо уменьшается. Это не только наше мнение, оно уже сделалось достоянием даже широкой буржуазно-пацифистской общественности. Накануне сентябрьского пленума Лиги Наций французское отделение международной женской лиги мира и свободы обратилось с письмом к Пуанкаре и Бриану, в котором, между прочим, говорилось: «Французское отделение Лиги убеждено, что соревнование в вооружениях приведет одновременно к разорению всех государств и что, если не будут приняты серьезные меры к немедленному ограничению вооружений, то ничто не сможет помешать новому военному конфликту. Все те, которые честно хотят мира, не могут верить в искренность государств, которые присоединились к пакту Келлога, если их делегаты на ближайшем конгрессе Лиги Наций не выскажутся ясно и четко за созыв в самом ближайшем времени конференции по разоружению. Французское отделение Лиги требует поэтому от французского правительства, чтобы оно дало соответствующие инструкции своим делегатам».

Этот документ интересен как образчик того, что широкие слои мелкой буржуазии и интеллигенции начинают понимать, что все разговоры «о запрещении войны» ничего не стоят, пока не будет приступлено к разоружению.

Такая же точка зрения постепенно пробивает себе дорогу и в Германии. Упоминавшийся нами выше германский писатель Бредт приходит к точно таким же выводам: «Если действительно хотят войну отменить без затей, то для этого есть только одно единственное средство—разоружение!».

Однако, от разоружения-то и открещиваются империалисты всех стран. А вся эта дутая история с торжественным об'явлением войны «вне закона» нужна была руководителям республиканской партии для уловления голосов на президентских выборах, а всем империалистам вместе—для обмана масс и прикрытия своих действительных намерений и подготовки к новой войне. И совершенно прав известный писатель и пацифист Ромен Роллан, который заклеймил империализм, прячущийся под новую ширму, следующими примечательными словами: «Какая насмешка! Эти благородные господа хлопочут об алиби [1]. В то время как каждый вооружается для войны, они хотят сказать, когда война вспыхнет: «Это не я! Это он! Смотрите! Я войну осудил!»...

Известно, что и другой знаменитый француз Шарль Жид, на вопрос, каких последствий следует ожидать от действия пакта Келлога, ответил, что об'явление войны «вне закона» не имеет большого значения, раз две державы могут по праву бомбардировать Александрию или Никарагуа, когда они этого захотят.

VI.

Английский министр внутренних дел и налетчик на «Аркос» в Лондоне, Джойнсон Хикс, недавно в припадке откровенности заявил: «Антивоенный договор без разоружения—не что иное, как пустое мошенничество».

Наша печать своевременно разоблачила истинный характер нового пацифистского обмана и в течение месяцев доказывала советскому общественному мнению, что без разоружения не может быть и мира. Печать наших

[1] Оправдывание отсутствием на месте во время преступления.

братских коммунистических партий за границей не мало потрудилась над тем, чтобы рабочие массы за границей уразумели эту истину.

Советская и коммунистическая печать за границей добились своей цели. Широкая волна рабочих протестов и демонстраций против пакта Келлога достаточное доказательство того, что рабочий класс разглядел обман. На этот счет не может быть и нет двух мнений. Мы выше приводили нарочно оценки пакта Келлога, принадлежащие исключительно буржуазным политикам и ученым. А эти оценки свидетельствуют о том, что парижский договор абсолютно никого не удовлетворил.

И тут сразу возникают два вопроса. Почему же рабочий класс всего мира с таким единодушием оказывал давление на свои правительства, чтобы СССР был без промедления приглашен к присоединению к пакту Келлога, и почему советское правительство с такой быстротой присоединилось к международному акту, выяснению истинного значения которого были посвящены предыдущие страницы?

Инициаторы парижского договора не пригласили Советский Союз к переговорам об «антивоенном договоре», а Англия своей оговоркой добивалась даже закрыть ему доступ к уже готовому договору, хотя всему миру известно, что никакое начинание в области укрепления мира невозможно без участия СССР и что единственное в мире советское правительство с первого дня своего существования работает над тем, чтобы войны стали невозможными.

Для осуществления этой цели оно предлагало на всемирной конференции в Лозанне, на конференции с лимитрофами, на подготовительной комиссии к конференции по разоружению всем буржуазным государствам приступить к немедленному и полному разоружению. Известна судьба всех этих предложений советского правительства. Советский проект о частичном разоружении даже не удосужились рассмотреть на 5-й сессии подготовительной комиссии. Если бы советское правительство было приглашено к выработке проекта договора о запрещении войны, оно бы первым долгом потребовало связать этот вопрос с разоружением. Оно бы далее потребовало расширения круга войн, об'являемых запрещенными. Как раз этого-то и не хотели империалисты, так как «антивоенный пакт», не налагающий ни на кого никаких обязательств и никакой войны не запрещающий, им нужен исключительно для того, чтобы успокоить общественное мнение собственных стран. В этом и кроется причина того, что СССР обошли. Как это ни странно, но наши враги намеревались даже использовать против нас то, что нашей подписи не будет под документом «о запрещении войны». Смотрите, мол, советы сторонятся дела, укрепляющего мир. А пакт Келлога без СССР должен логически сделаться орудием против СССР. То, что пакт Келлога должен был быть направлен против рабоче-крестьянского государства,—это в достаточной степени раз'яснило всему миру интервью т. Чичерина. Когда мировой пролетариат уразумел эту простую, но неизбежную истину, то он заволновался, и правительствам империалистических стран пришлось пригласить и наше правительство присоединиться к пакту Келлога.

Решением советского правительства, таким образом, руководило желание хотя бы до известной степени помешать тому, чтобы пакт Келлога был впоследствии обращен против СССР. Подписывая договор, оно выбило из рук наших врагов уже заготовленные отравленные стрелы против нашего государства и создало возможность удлинения передышки для строительства социализма в нашей стране. Ни в коем случае невозможно строить себе, однако, иллюзий в этом вопросе, думать, что мы значительно ослабили опасность империалистического нападения на СССР.

Само собой понятно, что не только одним этим желанием, несмотря на всю его для нас важность, об'ясняется решение правительства СССР. Есть и другая причина, которая побудила наше правительство присоединиться к пакту — желание разоблачить лицемерие буржуазных правительств. Нота тов. Литвинова об этом говорит открыто и громогласно на весь мир. Советское правительство присоединяется к договору потому,—говорится в ноте,—что он «об'ективно накладывает известные обязательства на державы перед общественным мнением и дает советскому правительству новую возможность поставить перед всеми участниками пакта важнейший для дела мира вопрос,—вопрос о разоружении, разрешение которого является единственной гарантией предотвращения войны». Что означает это заявление советского правительства, это знают по собственному опыту все саботажники разоружения. По поводу приезда советской делегации в Женеву Поль Бонкур заметил, что теперь она «не даст нам почить на лаврах». И он не ошибся. Но не только в Женеве, но даже, будучи в Москве, она не дает «почить на лаврах» миротворцам из Лиги Наций, об этом свидетельствует недавнее письмо председателя советской делегации т. Литвинова к председателю подготовительной комиссии к конференции по ограничению вооружений при Лиге Наций г. Лаудану.

И как раз в данный момент все трудящиеся и искренно добивающиеся разоружения заинтересованы больше чем когда-либо в том, чтобы «не дать почить на лаврах» всем тем, которые тормозят дело разоружения, ибо, как раз уже после подписания пакта Келлога известный журналист Пертинакс телеграфировал из Женевы в «Эхо де Пари», что между Францией и Малой Антантой достигнуто соглашение, согласно которому они будут совместно требовать отсрочки созыва конференции по разоружению до 1930 г.

Присоединение СССР к пакту Келлога, это—гарантия для всех жаждущих мира и спокойного труда, что он будет максимально использован для того, чтобы «не дать почить на лаврах» милитаристам.

Совершенно особого внимания заслуживают советские оговорки к акту присоединения к пакту. И на главных из них следует остановиться. Во-первых, советское правительство не признало французских и английских оговорок, в результате признания которых, как говорится в советской ноте, «не осталось бы, может быть, такого места на земном шаре, в отношении которого пакт мог бы иметь применение». Оно далее расширило тот круг войн, которые, по его мнению, должны быть безусловно запрещены, а именно: 1) войны с целью подавления освободительных движений; 2) военная оккупация чужой территории и чужих портов, и 3) все виды интервенций и блокада.

Безусловно, должно быть также воспрещено государствам рвать дипломатические отношения, так как это мешает урегулированию мирным путем возникающих споров, что в конце-концов ведет к войне.

Все советские оговорки в отличие от оговорок буржуазных правительств имеют расширительный характер. Если те ограничивают случаи, к которым следует применить содержащиеся в пакте Келлога правила для разрешения споров мирным путем, то советские оговорки расширяют рамки самого пакта и бесконечно увеличивают категорию войн, которые должны быть об'явлены международной уголовщиной.

Известный германский международник и пацифист А. Мендельсон Бартольди накануне присоединения СССР к пакту Келлога уподобил английские оговорки темному пятну на белоснежной скатерти. Белоснежная скатерть—пакт Келлога, а пятно имеет чисто английские особенности.

Пацифист и западник Бартольди думает, что Англии должно быть очень неприятно, что ее каждый будет упрекать в том, что она испортила прекрасную вещь. «Однако, трудно дело исправить»,—продолжает он. Правда, он знает одно верное средство, но он боится, что за него его обла-

датель потребует «свободы действий в Азии». Какое же это средство? Это советская соль. Если бы ею посыпать черное место на скатерти, то оно выцветет и станет бледным, отчего и меньше будет выдаваться на белом фоне. Бартольди совершенно прав насчет свойств советской соли выводить английские пятна. Но он ошибся в другом. Советское правительство, верное своему принципу, народами не торгует и за услуги делу мира «свободы действий» в Азии или в другом месте не требует.

Мы вовсе не питаем никаких иллюзий насчет тех «благ», которые пакт Келлога принесет измученным от кошмара войн рабочим и крестьянам. Советское правительство не принимало участия в его выработке и не имело никакого влияния на его составителей, и не его вина, что он не является инструментом мира. Трудная задача советского правительства и мирового пролетариата состоит в том, чтобы даже этот акт лицемерия и обмана использовать в интересах борьбы против войны и в интересах разоблачения буржуазных правительств.

Эта задача может быть выполнена только при всемерной и активной поддержке советской инициативы мировым пролетариатом и всеми общественными кругами, которые заинтересованы в разоружении и уничтожении войны. Эта цель может быть достигнута только в результате свержения империализма и победы рабочего класса...

Я. Никулихин.

О крупном и мелком хозяйстве в земледелии.

Перед СССР во весь рост встала теперь проблема укрупнения сельского хозяйства путем расширения сети колхозов и совхозов. С нею увязывается вопрос об усилении темпа развития сельского хозяйства и повышении его товарности. С нею же связан и вопрос о скорейшем под'еме производительности труда в сельском хозяйстве, как основном условии к изживанию противоречий между городом и деревней. Но в этом деле партии приходится сталкиваться с большими затруднениями. Среди них не малую роль играет агитация кулачества среди бедноты и середняков о невыгодности колхозов, идеологически подкрепляемая рядом буржуазных и мелкобуржуазных экономистов, утверждающих, что в сельском хозяйстве в отличие от промышленности нет сколько-нибудь значительных преимуществ у крупных хозяйств по сравнению с мелкими. В самом мелком хозяйстве они находят ряд таких преимуществ, которые умеряют, а у некоторых экономистов даже перекрывают преимущества крупного хозяйства. Признавая часть преимуществ за крупными хозяйствами в земледелии, они стараются умалить их, свести к незначительным размерам. А. В. Чаянов в недавно вышедшей книге писал:

> «Природа земледельческого производства не только умеряет преимущества крупной формы хозяйства, но даже ставит естественные и весьма узкие пределы его укрупнения, делая его дальнейший рост невыгодным» [1]).
>
> «В земледелии количественное выражение преимуществ крупного хозяйства над хозяйством мелким не очень значительно» [2]).

И А. Чаянов действительно соответственно своей установке намечал такие оптимальные (предельные) размеры с.-х предприятий, которые не могут служить идеальным типом для строящихся совхозов и колхозов.

Экономическое оправдание мелкого хозяйства в земледелии, приглаживание его отрицательных сторон со стороны буржуазных и мелкобуржуазных экономистов происходит по ряду причин. Когда дело идет о капиталистическом обществе, то это вызывается у буржуазных экономистов следующими причинами: 1) капиталистическому земледелию необходимы дешевые рабочие руки, которые оно находит в лице мелких собственников, так как карликовые и малодоходные хозяйства не прокармливают их семей; 2) стремление найти в лице многочисленного класса мелких земельных собственников оплот для защиты буржуазной собственности вообще. Или, по выражению Аеробое, преимущество мелкого хозяйства лежит в производстве

[1]) «Оптимальные размеры с.-х. предприятий». Изд. 1928 г., стр. 9.
[2]) Там же, стр. 7.

«духовно здоровых людей». У мелкобуржуазных экономистов это вытекало прежде из реакционной критики капитализма, а теперь у нас из мелкобуржуазных иллюзий, традиционных предрассудков, идеализации кулацкого хозяйства, недоверия к крупному коллективному хозяйству.

В качестве одной из мер к усилению процессов коллективизации с. х. необходимо преодоление враждебных нам взглядов на эффективность крупного и мелкого хозяйства в земледелии. Необходимо на каждом шагу бедняку и середняку раскрывать выгоды крупного коллективного хозяйства, обосновывая это экономически. В данной статье мы делаем попытку вскрыть основные экономические преимущества крупного хозяйства в земледелии, подвергнув критике позицию наших противников по данному вопросу. Из буржуазных экономистов об'ектом критики мы выбираем преимущественно наиболее видного, современного немецкого писателя по аграрным вопросам Аэробое [1], который по существу сконцентрировал основные доводы в защиту мелкого хозяйства. Других мы будем касаться только вскользь и несколько больше остановимся на А. Чаянове.

Сначала мы рассмотрим основные преимущества крупного хозяйства в земледелии, чтобы за тем остановиться на тех якобы преимуществах мелкого хозяйства, на которые напирают буржуазные экономисты. В заключение подвергнем критике установленные А. Чаяновым оптимальные размеры с.-х. предприятий.

Мы будем останавливаться только на главных преимуществах крупного хозяйства в земледелии.

1. Далеко идущее разделение труда в крупных хозяйствах по сравнению с мелкими и средними предприятиями в сельском хозяйстве. О том, какое значение для под'ема производительности труда имеет максимально-разветвленное разделение труда, говорить не приходится. Это ярко видно на примере промышленности. Сельское хозяйство в этом отношении не представляет исключения. Центр вопроса лежит здесь в другом: в какой мере возможно разделение труда в крупном и мелком хозяйствах. Господствующей формой труда в хозяйствах мелких собственников «является не общественный, а изолированный труд; что, следовательно, при таких обстоятельствах исключается возможность богатства и развития воспроизводства,—его как материальных, так и интеллектуальных условий, а потому и условий рациональной культуры» [2]. В крупном с.-х. предприятии, стоящем на уровне современной техники, труд уже является в полной мере трудом общественным (хотя разделение труда здесь еще не достигло его уровня в индустрии) Разделение труда в нем проходит как по линии внутри производственного процесса каждой отрасли сельского хозяйства (например, агрономы, мотористы, подсобные рабочие в полеводстве), так и по линии разделения труда между отдельными отраслями сельского хозяйства (специальные техники, мастера и рабочие по техническим культурам, свиноводству, птицеводству, молочному скоту, садоводству, огородничеству, в предприятиях по переработке и т. д.). Это разделение труда дополняется наличием специального научно-подготовленного опытного организаторского труда, а последний в рациональной постановке хозяйства играет огромнейшую роль.

Аэробое вынужден признать выгоды такого разделения труда, но в своей книге пытался умалить и его. Он ссылался при этом на то, что разделение труда ограничено величиной и числом машин, что свои кузнецы и шорники в крупных предприятиях дороже обходятся деревенских (стр. 538—539). Дело, конечно, не в кузнецах и шорниках, хотя они тоже имеют свое значение. Их может быть, дороже иногда содержать, но они оправдывают с лихвой издержки тем, что в любой момент при их наличии можно исправить поломку инвентаря, порчу упряжи без того, чтобы терять время на отвозку в соответствующие отдаленные мастерские, особенно в период горячих полевых работ. Притом несколько крупных предприятий могут сообща содержать кузнечные и ремонтные мастерские, чем удешевить работу. Но главное заключается в другом, а именно в том, что более широкое разделение труда возможно здесь в основных производственных процессах сельского хозяйства (полеводстве, скотоводстве и т. д.). С укрупнением предприятия вводимые более крупные и выгодные машины требуют целый штат специально обслуживающих их рабочих. Дальше, как мы указали, разделение труда становится возможным между отдельнными отраслями не только в сфере добычи сырья, но в сфере его переработки на предприятиях с.-х. индустрии, входящих в состав крупных хозяйств. В мелком же хозяйстве разделение труда ничтожно как по числу производственных отраслей, так и по вынужденности для каждого члена семьи разбрасываться на разнообразные с.-х. работы. От этого труд слабо квалифицируется, является малопродуктивным.

2) Большая возможность применения машин и их более полное использование в крупных хозяйствах. Об огромном значении машин в сельском хозяйстве теперь уже почти не спорят. Они удешевляют производство, повышают производительность труда, ускоряют выполнение производственных процессов и повышают качество работы [1]. Именно благодаря только большому применению машин в с. х. С.-А. С. Ш. за последние 75 лет средняя норма обработки земли на 1 рабочего, занятого в сельском хозяйстве, поднялась с 12 акров до 34 акров (а в некоторых районов до 100 акров). Производством продуктов питания и сырья органического происхождения в С.-А. С. Ш. теперь занято всего одна четверть [2]) населения, остальное—в индустрии, торговле и т. д. Только машины во всех странах позволили перейти от трехполья к многополью.

Но зато спор идет о том, где лучше применимы машины, где могут дать наибольшие выгоды.

Аэробое утверждает, что уменьшение размеров машин, их удешевление, изобретение универсального типа машин умаляет преимущество крупных хозяйств в отношении пользования машинами (546). Пользование электрическим током (особенно на кооперативных началах) позволило, мол, мелким и средним предприятиям технически догнать крупные предприятия (стр. 547). Еще Давид на этот счет значительно раньше писал: «Все сельскохозяйственные машины, не исключая и парового плуга... в равной степени доступны как крупному, так и мелкому хозяйству» [3]), при об'единении в товарищества, при организации проката. Другие уверяли, что для преимуществ крупного хозяйства, мол, мало оснований, ибо «область применения механической работы в сельском хозяйстве ограничена, так как здесь узки рамки, допускающие вообще замену ручной работы машиной» [4]).

---

[1]) Aereboe. «Allgemeine Landwirtschaftliche Betriebslehre». Sechste Auflage. Berlin. 1923.

[2]) Маркс—«Капитал», т. III, ч. 2, стр. 350.

[1]) Все машины по обработке почвы повышают качество работы (многолемешные плуги, особенно с тракторной и электрической тягой, дают ровную и глубокую вспашку). Но и часть уборочных машин дает возможность полнее собрать урожай. Так, например, электрическая молотьба повышает выход зерна из соломы на 5% (по данным Берлейза Метьюза). Производство с применением машин обходится много дешевле: к примеру, если десятина ручной косьбы стоит 3 рубля, то самой простой сенокосилкой—1 р. 80 к. (А. Мануилов).

[2]) По данным журнала «Американская торговля и промышленность», IV—28 г., лиц, занятых в с. х. С.-А. С. Ш. оставалось только 23%.

[3]) Цитируем по Суханову—«К вопросу об эволюции с. х.», стр. 58—59.

[4]) А. Мануилов—«К теории с.-х. эволюции», стр 20.

Мы считаем эти утверждения сугубо ошибочными. Размеры мелких хозяйств не дают возможности так широко применять машины, как это допускают размеры крупных. Нормальная нагрузка машин требует обрабатываемой площади (гект.):

	По данным		
	Селезнева [1]),	Н. Лопатина,	Бруцкуса [3])
Сеялки	52	65—85	60 [4])
Сенокосилки . . .	94	76,5 [2])	58
Жатки	44	65	76 [5])
Тракторы.	100	—	—
Конные грабли . .	—	—	90

Даже эти данные, по большинству уже теперь мелких машин, говорят о том, что единоличные мелкие хозяйства не могут рентабельно использовать машины (велика норма амортизации). Там, где они приобретаются и мелкими сел.-хоз. предпритиями, в огромной степени оказываются мертвым капиталом.

Кооперативные товарищества, хотя несколько и поправляют дело, но не снимают преимуществ крупного хозяйства. Они ведь преимущественно об'единяются для покупки и владения машинами, но не об'единяют мелких участков в одно крупное хозяйство, не обобществляют самого сельскохозяйственного производства (за исключением предприятий с.-х. индустрии), раздробленность производства остается, приводит к нерациональному использованию машин. Прежде всего частая перевозка машин, особенно механических двигателей с целым комплексом прицепных орудий и машин, с одного участка на другой, частая раскладка и заправка машин, означает большую потерю времени, ведет к далеко не полному использованию машин и при условии применения их мелкими собственниками на обычных кооперативных началах.

Только в условиях переходной экономики, как СССР, высшая форма кооперативного движения в лице колхозов может вести сельское хозяйство по пути действительного укрупнения!

Следует отметить еще одно важное обстоятельство. В мелком хозяйстве применение машин происходит спорадически. Наибольшая же эффективность машин достигается только при введении системы (целого комплекса) машин, что доступно исключительно крупному хозяйству. Сам Аеробое вынужден косвенно признать это в главе, где он говорит о лучшем ведении с. х. вообще. Он пишет: «благоприятное отношение между состоянием инвентаря само по себе гораздо важнее для успеха, чем отношение между инвентарем и почвой» (193). Такое благоприятное соотношение внутри с.-х. машин и орудий менее всего возможно в мелком хозяйстве, даже кооперированном.

Неверно, что изобретение универсального типа машин умаляет преимущество крупных хозяйств перед мелкими. Как раз наоборот. Послевоенный прогресс в технике с.-х. машиностроения, удешевивший и усовершенствовавший трактор, электроплуг, открывающий эпоху в изобретении комбинированных с.-х. машин, выполняющих в один прием несколько производственных операций (например, жнея-молотилка), сушильные и прочие установки, которые для своего рентабельного использования должны быть крупными и иметь большую нагрузку и т. п.—все это идет как раз по линии пред'явления новых требований на укрупнение хозяйства. Все эти новые машины ведут к наиболее полному использованию применяемой механической энергии, лучшему по качеству выполнению работы и ее удешевлению. Результаты достигаются при этом поразительные. Так, например, пшеница, убираемая комбинированной жнеей-молотилкой, «получается более высокого качества, при чем пропадает не больше 1—2% или от ½ до ¼ того, что пропадает при работе с обыкновенными машинами. Комбинированная машина дает экономию в среднем два бушеля на акр, сберегает много времени, требует для управления ею на 3—4 человека меньше, чем обыкновенная машина и т. д. При работе с этой машиной снятие одного бушеля пшеницы обходится в 4 цента, т.-е. на 19 центов дешевле, чем при работе по старому методу» [1]). Тракторная пахота лучше и обходится дешевле, чем пахота рабочим скотом, но электроплуг перекрывает трактор во всех отношениях. По расчетам англичанина Бараэйза Метьюса стоимость работы на тракторе внутреннего сгорания обходится 8 ш. 6 пенсов в день, а на электрическом 6 шил. (при вспашке 5 акров в день), при чем при пахоте электрическим трактором основной слой почвы не придавливается (меньше вес, ток способствует пропуску влаги в почву, вспашка получается ровная) [2]). Если трактор внутреннего сгорания требует для своего применения минимум обрабатываемой площади от 60 до 100 гектаров (но более полная и рентабельная нагрузка его достигается на площади 150—200 га), то применение электропахоты требует еще больше [3]), а комбинированные жней-молотилки—несколько сот десятин и успешнее применимы в хозяйствах с несколькими тысячами десятин земли. В С. Ш. С. А. все более теперь раздаются голоса, что размер большинства существующих ферм (средний размер 160 акров или около 60 га) не отвечает уровню новой техники.

По мнению одной авторитетной американской комиссии, экономное использование земли в пшеничных районах требует «при современных методах машинного производства фермы, размером более чем 1000 акров». Сельское хозяйство в ближайшее время будет переживать настоящую техническую революцию. И эта революция будет упираться в иррациональность мелкого земледелия. (Недаром под влиянием техники процессы концентрации с. х. усилились в С.-А. С. Ш.). Пользование электрической энергией, которая допускает дробление и передачу из районных и центральных установок даже в мелкие хозяйства, несомненно, может содействовать некоторому под'ему и последних. В ряде стран она уже нашла широкий доступ в с. х. (в Швеции еще к 1926 г. было электрифицировано 40% обрабатываемой площади). Но и здесь крупные хозяйства имеют преимущества. Сам Аеробое вынужден был оговорить, что пользование электроэнергией мелкими хозяйствами имеет место преимущественно при работах на дворе, «чем при применении в полевых орудиях» (547). Крупное хозяйство при машинной «пахоте и молотьбе может значительно экономить в работе» (548). При чем следует учесть огромное значение экономии на концентрированных передачах, на более рациональном использовании энергии для освещения жилых, скотных и хозяйственных построек. Электрический провод требует крупного обобществленного хозяйства, а рациональная эксплоатация электроэнергии требует в конечном счете планового хозяйства.

И, конечно, чудовищно неправы были все те, которые утверждали, что с. х. ставит узкие рамки для применения машин. Прежде считали, что механизация полеводственных процессов доступна главным образом в районах экстенсивного земледелия. Современная механизация и машинизация с. х.

---

[1]) Статья в «Экон. Обозрен.», кн. 3. 1928 г.
[2]) Чаянов—«Оптимальн. размеры с.-х. предприятий». 1928 г., стр. 24.
[3]) Бруцкус—«Экономия с х.». 1923 г.
[4]) Простая рядовая сеялка.
[5]) Самосброска.

[1]) А. Г. Боссе—«Плановое Хозяйство» № 4, 1928 г., стр. 178.
[2]) «Электрификация», № 4. 1927 г.
[3]) Метьюс говорил: «Приобретение электротрактора выгодно лишь для кооперативных об'единений фермеров..., но в Англии фермеры пока настроены против этого. Однако, выгоды перехода на электрическую энергию в конце-концов окажутся достаточно убедительными» («Электрификация» № 4. 1927 г.).

С. Ш. С. А. целиком опровергает этот взгляд [1]). Если раньше опологеты мелкого хозяйства в земледелии, как на якорь спасения, указывали на отсутствие машин по обработке льна, при полевых работах над техническими культурами, в садоводстве, огородничестве и т. п., то теперь машина решительно пробила себе доступ и в эти «заповедные» отрасли. Введение за последние годы специальных тракторов для окучивания, трансплантеров для рассаживания растений, машин для уборки плодов, специальных машин для работ над волокнистыми растениями, широкая механизация производственных процессов в крупных животноводческих хозяйствах—открывают теперь эру механизации и в районах интенсивного сельского хозяйства. Машина продолжает свой победный путь. Большим, сдерживающим препятствием на этом пути является крайняя раздробленность земледелия, наличие огромного массива мелких хозяйств.

3. Более рациональное использование свойств почвы и животных доступно только крупным с.-х. предприятиям, что составляет их существенные преимущества. На под'ем производительности труда в земледелии, на его доходность оказывает влияние не только степень разделения труда, степень применения машин, но оказывает влияние вся в целом рациональная постановка хозяйства. Прежде всего, конечно, огромное значение оказывает правильное использование свойств почвы. Известно, что различные почвы обладают неодинаковой пропускной способностью света, тепла и воды, содержат различное количество далеко неоднородных питательных элементов. При чем отдельные культувируемые человеком растения пред'являют совершенно различные требования на влагу и питательные вещества. Но разностороннее использование питательных веществ почвы достигается при правильном сочетании (севообороте) различных культурных растений. Аеробое прав, когда писал: «Не вопрос—рентабелен ли посев тех или других культур или какие отдельные культуры наиболее рентабельны, но вопрос о наиболее целесообразном отношении культур и наиболее целесообразной смене культур, следовательно, вопрос, какой севооборот даст наиболее благоприятные результаты для всего полеводства,—является решающим для сельского хозяйства». И дальше: «Севооборот есть органическое целое в отношении использования почвы», и «отдельные растения есть нечто совершенно несамостоятельное»[2]). Именно при правильном чередовании растений, при благоприятном их сочетании издержки производства обходятся дешевле, урожай бывает выше, борьба с сорняками проходит легче, почва не истощается, а повышается в плодородии, эффективность вводимых в нее минеральных удобрений выше. Восполнение взятых растениями из почвы питательных веществ или пополнение теми из них, которых недостает для определенных растений, может быть тоже совершенно различным, смотря по тому, какой будет применен севооборот.

Но как правильный севооборот, так и умелое пользование удобрениями, благоприятное сочетание всех мероприятий лучше всего достижимо и больше всего принесет дохода именно в крупных хозяйствах. Во-первых, потому, что мелкие размеры хозяйств ставят узкие границы правильному севообороту (потребности семьи и скота вынуждают к культивированию определенных культур, да и все хозяйство не большое, не на чем рассчитывать, «планировать» севооборота). Во-вторых, потому, что для изучения свойств почвы, для умелого пользования удобрениями и т. д. нужен труд подготовленных агрономов и организаторов, что не под силу мелкому хозяину

[1]) Известный экономист-аграрник Е. Норс в своей недавней статье «О проблемах америк. с. х.» заявил, что «прогресс с. х. поставлен теперь на высоту достижений промышленности».

[2]) Аеробое стр. 216—222.

(участковые агрономы не могут сыграть и десятой доли того, что может достигнуть агроном, работающий внутри самого хозяйства).

Значит, на каждую единицу затраченных средств и примененного труда крупные хозяйства при более правильном использовании почвы и удобрений получают большее количество урожая. Но не только преимущество их в количестве, оно есть также и в качестве. Крупное хозяйство выпускает отборные семена, однородное зерно и картофель, сортировочный лен и т. п. А. Мануилов подтверждает, что «разведение селекционного материала, культура новых сортов растений и пород животных возможны только в крупных хозяйствах, хотя и имеющих незначительную земельную площадь» (3). Все это дополнительно влияет в сторону повышения эффективности крупных хозяйств.

Но в с.-хозяйстве дело не ограничивается одним только полеводством. Имеются другие отрасли: животноводство, птицеводство, огородничество и т. д. Рациональная постановка их опять-таки лучше всего достижима в крупных хозяйствах. Возьмем к примеру продуктивное животноводство, имеющее большое значение, как средство использования огромного количества солнечной энергии, заключенного в отходах от хлебов, отбросах от переработки и т. д., которые иначе бы пропадали. Известно, что разные корма, заключающие в себе неодинаковый состав питательных веществ, действуют по разному на животное. От умелого распределения (сочетания) кормов прежде всего зависит степень продуктивности однородных животных. С другой стороны, качественно неоднородный скот обладает различной способностью переработки в продукцию одинакового по об'ему и сочетанию корма. Лучший по качеству скот в таком случае дает на много больше продукции, использование им кормов часто в два и более раз эффективнее, чем плохим по качеству скотом. По Келльнеру корова, дающая 5 литров молока в день, воспринимает в среднем 75% пищи на поддержание своего организма и 25% идет собственно на образование продукции. Корова же, дающая 20 литров в день, наоборот,—40% корма относит на поддержание и 60% на образование продукции [1]).

На ряду с правильным кормлением и лучшим отбором по качеству скота большое влияние на его продуктивность оказывает правильный уход за скотом, хорошее помещение для его стойлового содержания, своевременная помощь ему в период заболеваний. Для всего этого нужны на ряду со средствами опытные специалисты: животноводы, ветеринары и т. п., что недоступно, конечно, мелкому хозяйству (последнему на помощь в этом деле может притти только об'единение в кооперацию). Мелкое хозяйство, как правило, обладает худшим по качеству скотом, худшими и ограниченными в размерах кормовыми ресурсами. Поэтому на единицу скота и кормов получается не только меньшее количество продукции, но и качеством оно значительно хуже.

Аеробое совершенно неправ, когда он говорит, что мелкие хозяйства превосходят крупные в уходе за скотом тем, что избегают частой смены ухаживающих (546). Все «превосходство» мелкого собственника здесь заключается в более частом бесцельном топтании около своих животных. Никакая заботливость не повлияет на продуктивность животных, если нечем заботиться, мало знаешь, как заботиться, и предмет заботы обладает малой эффективностью в поглощении кормов. В отношении же производства и при-

[1]) Специалист Лейтман определил, что количество масла, от одной голландской коровы из 16, имевшихся в поместье, полученное на 1.000 фунтов живого веса в 300 дней было ровно 82 килогр.; от другой же при совершенно одинаковом корме было уже получено 146 килогр. масла, так что последняя при одинаковых условиях дала в год на 64 килогр. масла больше, или, считая по 2 марки за килогр. на 128 марок больше прибыли в год, чем первая корова (цитируем по Хаккерту—«Индустриализация с. х.», русский пер., 1928 г.).

обретения кормов со стороны мелкий собственник поставлен в худшие условия по сравнению с крупным. В деле же руководства образованием прироста продукции в животных мелкому собственнику нехватает ни опыта, ни знаний. Привлечения труда специалистов повышает рентабельность предприятия, но оно возможно только в крупных предприятиях. Прогрессивные капиталисты в роде Форда это хорошо понимают. Форд пишет: «Содержание скота в небольших скотных дворах влечет за собой чрезвычайно большую потерю времени и труда. При содержании скота в общественных помещениях формеры получили бы гораздо больше, чем при содержании маленьких стад на своем участке. Это положение применимо ко всему живому инвентарю фермы». («Сегодня и Завтра», с. 203). И какую бы другую отрасль мы ни взяли, более рациональная ее постановка, достижение большей производительности труда и доходов возможно именно в крупных хозяйствах.

4. Издержки к единице обрабатываемой площади, к сумме продукции на машины, постройки, транспортный инвентарь, рабочий скот и т. п. в мелком с.-х. предприятии неизмеримо выше, чем в крупном.

В мелких хозяйствах происходит огромная растрата средств, потенциальных ресурсов на излишние постройки, транспорт, инвентарь и рабочий скот, поскольку они используются с далеко не полной нагрузкой и в громадном количестве оказываются излишними. Чем больше мелких хозяйств, тем больше требуется построек, скота, повозок, упряжек, орудий, хотя бы они нужны были всего только на незначительную часть года.

Об излишних расходах на этот счет дает представление следующая табличка, которую мы составили из нескольких таблиц, приведенных по данным статистики Прусского Министерства Финансов перед войной.

Ценность построек и инвентаря на гектар земли в отдельных по размерам хозяйствах составляла к самым крупным хозяйствам свыше 1.000 га, принятым за 100:

	300 га	60 га	12 га	3,5 га	2 га
В Кенигсберге . . .	102	102	104	151	207
„ Данциге.	98	101	118	187	220
„ Потсдаме	99	101	116	195	211
„ Позене	103	104	121	191	233
„ Бадене	101	98	115	205	247

Таким образом, чем ниже размеры хозяйства, тем больше ценность построек и инвентаря, несмотря на то, что они неизмеримо хуже механизированы и машинизированы, далеко не так многосторонне снабжены средствами производства. По переписи 1925 года % хозяйств в Германии, применявших с.-х. машины, к общему числу в каждой группе был следующий: до 2-х га—10,9%, 2—5 га—66,3%, 5—20 га—93,0%, 20—100—98,7%, свыше 100 га—98,8%. При чем паровые плуги применяли по группе 5—20 га—7,2%, группе 20—100 га—81,2%, свыше же 100 га—95%. Механической пахотой пользуются преимущественно самые крупные хозяйства, при чем и состав машин подобран у них наиболее рационально, давая наивысший эффект. Та же картина подтверждается и менее совершенными данными по нашей стране. По данным Н. Макарова, низшие группы крестьянства (до 5 га) имеют затрат на постройки на 1 га в 4 раза больше по сравнению с высшими группами (20 га и выше) [1]. По данным К. А. Вернера и П. Г. Дубровского, погектарная стоимость построек в имениях от 110 до 220 га была 32—35 руб., для больших латифундий 18 руб. (по Тамб. губ.). То же и по орудиям. По данным земских складов Херсонской губ., у посев-

[1]) «Пути сельского хозяйства», № 2. 1926 г., стр. 6.

щиков 0—11 га на 110 га посева было в $2\frac{1}{2}$ раза больше плугов, в $4\frac{1}{2}$ раза больше буккеров, в 7 раз больше веялок, чем у посевщиков свыше 110 га [1]). Значителен перерасход и на транспортный инвентарь (повозки, упряжь) [2]).

Но самый тяжелый перерасход в мелких хозяйствах,—это перерасход на тягловый скот вследствии его недостаточного использования и слабосильности. Так, например, до войны в Вологодском уезде на каждые 110 га посева приходилось лошадей в хозяйствах до 22 га—42,4 шт., а в хозяйствах свыше 650 га—12,5 шт. [3]), т.-е. в мелких хозяйствах лошадей оказалось в 3 с лишним раза больше. По данным английских исследователей рабочий скот, где нет механических двигателей, с'едает 24% пшеницы, 67% овса и 44% сена, производимого на них. У бедняка лошадь с'едает большую часть урожая. Перерасходы мелких хозяйств в сравнении с крупными, однако, этим не ограничиваются. Они идут также, по линии осушения и орошения почвы; установки изгородей, отопления, освещения и т. п., о чем здесь мы не имеем возможности подробно говорить.

Однако Аеробое эту растрату ресурсов мелкими предприятиями в сельском хозяйстве ставит им в добродетель, освящает ее. «Если на один гектар земли в мелком производстве повсюду выпадают гораздо большие вложенные средства на строения, чем в крупном предприятии, то это есть доказательство того, что мелкое производство гораздо больше потребляет строительных материалов и труда, чем крупное производство» (565). То же в отношении орудий, машин, повозок, упряжи. Значит,—говорит Аеробое,—«занятые на заводах, мастерских, их изготовляющих, через мелкое производство больше находят средства питания, чем через крупное производство» (стр. 565). Дальше вывод: «народохозяйственно рассматривая, дают мелкие предприятия на много больше, затем следуют средние предприятия» (стр. 586). Это утверждение Аеробое явно ошибочно. Пред'явление большего спроса на излишние орудия, строительные материалы и т. п. мелкими хозяйствами в земледелии означает нерациональное расходование ресурсов, растрату производительных сил. Большая часть средств здесь обрекается на положение мертвого капитала. Народное хозяйство в целом только выиграло бы, если бы этот перерасход при укрупнении земледелия (при его обобществлении) был направлен на дополнительное приобретение недостающих машин, механических двигателей в сельском хозяйстве, на его электрификацию, на под'ем его техники до уровня системы машин, чем была бы уничтожена одна из главных причин (на ряду с социальными) отсталости земледелия по сравнению с промышленностью. Раздробленность земледелия мешает его индустриальному преобразованию. А только через последнее возможен под'ем производительности труда в сельском хозяйстве до уровня промышленного. В результате мы имели бы не только более высокое оплодотворение индустрии спросом со стороны сельского хозяйства, но одновременно и быстрый под'ем производительных сил в самом сельском хозяйстве. Спрос не только не сократился бы, но вырос и принял бы более рациональное направление.

5. По сбыту с.-х. продуктов, по закупке индустриальных товаров (особенно средств производства), по издержкам переработки с.-х. продуктов по оборотным средствам мелкие предприятия поставлены в значительно худшие условия по сравнению с крупными. Это настолько ясно, что не нуждается в пояснении, в подкреплении цифрами или описании.

[1]) См. данные у Суханова—«К вопросу об эволюции с. х.», стр. 58.
[2]) Смотрите данные в этот счет в статье Селезнева—«Экон. Обозрение» № 3. 1928 г.
[3]) Суханов. «К вопросу об эволюции с. х.», стр. 70.

* * *

Рассмотрев основные, решающие преимущества крупного хозяйства, мы перейдем теперь к разбору тех якобы «преимуществ» мелкого хозяйства, которые видит буржуазная и мелкобуржуазная экономия.

Аеробое видит их в следующем: 1) мелкие хозяйства, мол, полнее используют в работе труд женщин и детей, заинтересовывают семью (стр. 535); 2) лучше приспосабливаются к благоприятному рабочему времени, легче справляются с неблагоприятными природными условиями; 3) «достигают более благоприятного уравнения труда между летней и зимней работой, которое мы встречаем в мелких и средних предприятиях по отношению к крупным» (535); 4) «под конец следует рассмотреть, как значительное преимущество мелких и средних предприятий, что в них гораздо меньше крадут или присваивают себе, чем в крупных предприятиях». Кто не верит, вопрошает он, «спросите исповедника в деревне» (537). Еще прежде Аеробое и ряд других писателей ссылался на трудности контроля в крупных с.-х. предприятиях.

Ссылки на эти преимущества мелкого хозяйства, конечно, не выдерживают критики. Первое из них, которое указал Аеробое, означает не что иное, как чрезмерную эксплоатацию мелким собственником труда женщин и детей своей семьи, надрыв ее здоровья, задержку в развитии молодого поколения. Это показывает то, что производительность труда и доходность хозяйства мелкого собственника настолько низка, что даже для крайне неудовлетворительного сведения концов с концами приходится перегружать тяжелой работой всех членов семьи. Аеробое позабыл при этом отметить три вещи: 1) что и крупные капиталистические предприятия тоже прибегают широко к эксплоатации труда женщин и детей, и главным образом из семей самих мелких собственников, чем снимается сама постановка вопроса о преимуществе, 2) могут существовать крупные предприятия некапиталистического характера (социалистические), где может быть использован труд женщины и детей, но без надрыва сил, здоровья, без задержки их общественного и культурного развития (при машинах, на легких полевых работах, в огородничестве, садоводстве и т. д.), 3) могут быть крупные предприятия (социалистические), работники в которых будут заинтересованы в труде, станут выполнять его не подневольно, а радостно, работая не на капиталистов, а на себя.

Неверно также, что мелкие предприятия будто бы что-либо выигрывают от лучшего приспособления к благоприятному рабочему времени. Не выигрывают они, а только теряют. Крупные предприятия, которые располагают лучшими и в достаточном количестве машинами, механическими двигателями и рабочим скотом, имеют больше возможностей своевременно управиться с необходимыми с.-х. работами, лучше использовать благоприятную погоду, чем это может сделать мелкий собственник, выезжающий главным образом на мускульной силе своей семьи и своего слабого, малочисленного рабочего скота. В случае дождливой погоды крупное предприятие, при современном прогрессе в области исскуственной сушки, застраховано от больших потерь трав и хлебов. Рентабельны же только крупные сушилки. То же самое можно сказать и в отношении исскуственного орошения.

Не имеется у мелких хозяйств и преимуществ в области уравнения труда между зимней и летней работой. Вопрос следует поставить шире, а именно, прежде всего и главнее всего о более равномерной нагрузке рабочей силы и рабочего скота в сельском хозяйстве в течение целого вегетационного периода (от ранней весны до первых морозов), что имеет решающее значение, поскольку это и составляет производственный период в сельском хозяйстве. Известно, что на равномерную нагрузку оказывает огромное влияние чередование с.-х. работ, чередование обработки почвы, посева, ухода и уборки хлебов, технических культур, трав и корнеплодов [1]).

Но чередование пахотных культур и особенно успешное разведение корнеплодов и зеленых кормов связано как раз с требованием правильного севооборота, возможности для которого больше, как мы уже видели, у крупных хозяйств. Утверждения Аеробое о севообороте применительно к крупным хозяйствам, стоят в явном противоречии с тем, что он говорит через 300 страниц о преимуществах мелкого хозяйства.

Но дело не только в одном выборе севооборота. Огромное значение на равномерное распределение рабочей силы оказывает наличие с.-х. машин. Последние, на ряду с соответствующими размерами хозяйств, в значительной степени обусловливают само существование намеченного севооборота. Чем больше хозяйство имеет с.-х. машин, двигателей, тем, значит, скорее оно управится с чередующимися с.-х. работами, тем легче может обойтись без дополнительной рабочей силы в периоды наивысшей концентрации с.-х. работ, которые бывают в смягченной форме и при любом рациональном севообороте. Для мелкого хозяйства, бедного с.-х. машинами, особенно механическими двигателями, эти периоды концентрации с.-х. работ вызывают, во-первых, страшное перенапряжение рабочей силы, во-вторых, они суживают возможности для разносторонних посевов культур, не исключая корнеплодов и зеленого корма. Именно в мелком хозяйстве существуют огромные ножницы в степени напряженности труда между периодом уборки лугов и хлебов и остальными периодами с.-х. работ. В крупном механизированном хозяйстве эти ножницы не велики, и требование на увеличивающиеся производственные работы возмещается введением механических двигателей и наиболее совершенных, быстро работающих уборочных машин (особенно жнеймолотилок).

Аеробое и ряд других писателей все же утверждают, что мелким хозяйствам удается благоприятное уравнение труда между зимней и летней работой. При этом они ссылаются на домашнее ткачество, прядение, зимний ремонт своими силами инвентаря, упряжи, повозок, построек и т. д. Но эти мифические преимущества разлетаются впрах, если мы учтем следующие два обстоятельства. 1) Зимний труд мелкого собственника и его семьи в том виде, как он происходит в условиях мелкого хозяйства, является крайне низким по своей производительности, мало оплачивается и в громадной мере означает колоссальную растрату труда; 2) крупное хозяйство в свободное от полевых работ время имеет возможность занять своих рабочих более производительным трудом в предприятиях по переработке с.-х. продуктов (винокурение, крахмало-паточное производство и т. п.), по дополнительному уходу за скотом в зимний период, приведением в порядок лесов и т. п.

Насчет краж, слабости контроля и руководства в крупных предприятиях в с. х. нет нужды сколько-нибудь пространно останавливаться. Слишком уже невесом данный аргумент. К тому же, развитие техники уничтожает самую почву под этими суждениями. Развитие полевых телефонов, мотоциклов и автомобилей облегчает дело руководства и контроля за производственными операциями в крупных хозяйствах. Наконец, в крупных хозяйствах социалистического типа сами производители заинтересованы в охране общественного имущества и в установлении товарищеской трудовой дисциплины.

---

[1]) 1-е окучивание сахарной свеклы связано с короткой фазой роста. 2-е, 3-е окучивание не так связано, может быть растянуто. При картофеле растягивание времени для окучивания, предоставляет еще большие возможности.

Тем более смешно видеть, когда Аеробое в поисках «преимуществ» ссылается на нетребовательность мелких собственников и «благотворное» действие кнута задолженности. Он пишет: «При нетребовательности играет также важную роль воля и возможность во время нужды суметь по одежде протягивать ножки. Но это, как правило, относится только к мелким и средним предприятиям» (стр. 559).

Задолженность мелких собственников заставляет напрягать все силы (стр. 561). Но это не добродетель, а несчастье мелких собственников. В капиталистическом обществе, на ряду с нерациональностью мелких хозяйств, их давит еще гнет помещика, ростовщика, банковского капитала и синдикатов промышленников (сахарозаводчиков и т. п.).

Борьбе за укрупнение мелких хозяйств, за организацию крупных общественных хозяйств без пауперизации масс там предстоит еще борьба за уничтожение капитализма.

* * *

Буржуазные экономисты, рассуждающие о преимуществах мелкой собственности, отделываются обычно общими рассуждениями, притом, как мы показали, глубоко ошибочными. Они избегают сравнений действительной доходности крупного и мелкого хозяйства в их цифровом выражении: тогда факты били бы им прямо в лицо.

Мы приведем на этот счет ряд данных.

По послевоенным материалам с.-х. институтов Чехо-Словакии мы имеем производительность труда на 1 рабочего в кронах в хозяйстве от 2—5 гект. в 2 раза ниже, чем в хозяйствах 20—100 гект. и почти в 3 раза меньше, чем в хозяйстве свыше 100 гект. в среднем по всем исследованным отраслям с. х. Отсюда следующая закономерность: «с возрастанием размеров хозяйств увеличивается народохозяйственный доход на единицу труда» [1]). Конечно, результат получился бы еще более выразительным, если бы была проведена большая диференциация хозяйств свыше 100 гект., были бы проведены данные о хозяйствах в несколько сот и тысяч гектаров.

По данным английского института экономических изысканий продажи, приходящиеся на каждого человека, занятого в хозяйстве в 50 акров, меньше в 2 раза, чем в хозяйстве свыше 250 акров [2]).

По данным обследования НК РКИ СССР, доходность 1 рабочего дня в мелких бедняцких и середняцких хозяйствах в 2, а в ряде мест даже в 3 и больше раз ниже, чем в хозяйствах зажиточных, капиталистического типа. При чем с увеличением размеров хозяйства доходность рабочего дня все время подымается. (См. данные об этом в сборнике «К вопросу о социалистическом переустройстве деревни», под ред. т. Яковлева, стр. 131).

Но и кулацкие хозяйства есть еще мелкие сами по себе хозяйства. Применение рационализаторских методов, механической силы и машин в них крайне ограничено. Они эффективнее только по сравнению с единоличными карликовыми, бедняцкими и середняцкими хозяйствами. Но, как правило, они уступают намного лучшим колхозам и совхозам в урожайности, в производительности труда. Так, например, на Украине на обработку и посев одной

[1]) Статья проф. В. Бодлика в «Русск. экон. сборнике», т. III и IV, под ред. Прокоповича, на основе материалов, собранных институтом с.-х. счетоводства чешского с.-х. совета и институтом с.-х. экономии чешской высшей технической школы.

[2]) В хозяйстве 50 акров они составляли 168 фунтов, в хозяйстве 150—250 акров—222 ф., в хозяйстве свыше 250 акров—316 фунтов стерлингов. («Пути с.-х.», № 1, 1926 г., стр. 27).

десятины под ячмень требовалось: бедняку—16,7 дня, середняку—12,2, кулаку—11,3, колхозу же только—7,8 дня [1]). Значит, производительность труда в колхозах в 2 с лишним раза выше, чем в бедняцких хозяйствах, и в 1½ раза выше, чем в кулацких.

Для того, чтобы ускорить под'ем производительности труда в сельском хозяйстве СССР, ускорить под'ем с.-х. продукции в стране и на этой основе поднять крестьянство с того низкого уровня, на котором оно стоит сейчас, на этой основе двигаться быстрее и безболезненнее вперед по пути высокого темпа индустриализации страны, необходимо теперь форсировать процессы укрупнения в сельском хозяйстве.

* * *

Из сказанного выше вытекает для нас не только необходимость укрупнять сельское хозяйство, строить массу новых колхозов и совхозов, но и сами-то эти колхозы и совхозы создавать более крупных размеров. Мелкие и средние по размерам хозяйства, как мы убедились из предыдущего изложения, менее рентабельны, чем крупные. Но не так думают некоторые из работающих у нас мелкобуржуазных и буржуазных экономистов. А. В. Чаянов в своей работе «Оптимальные размеры с.-х. предприятий» [2]) пытался, с одной стороны, доказать, что количественные выгоды крупных хозяйств перед мелкими с. х. не так велики и что с увеличением площади хозяйства скоро наступает предел, когда дальнейшее укрупнение становится невыгодным, так как повышается себестоимость. Оптимальные размеры для укрупнения хозяйств Чаянов определил:

В хозяйствах залежной системы		1960—2180 дес.
„ „ экстенсивн. трехполья (без удобр.)	. . .	875— 980 „
„ „ удобряемого „	. . .	545— 655 „
„ „ плодоперемен. системы		218— 273 „

С этой грани дальнейшие укрупнения хозяйства вызывают повышение издержек производства на 1 десятину (см. стр. 65, 70, 73, 79 его книги).

Укрупнение дает еще «весьма значительный количественный эффект только при переходе от карликовых хозяйств к хозяйствам, могущим использовать полностью основной сложный инвентарь» (стр. 8).

Было время, когда народнического толка экономисты в споре с марксистами отрицали преимущества за крупными хозяйствами даже по отношению к парцельным (карликовым) крестьянским хозяйствам. Признание этих преимуществ Чаяновым теперь лишний раз доказывает, насколько правы были в этом споре марксисты. Правда, Чаянов это свое отступление сопровождает разговорами о том, «что качественные свойства мелкого хозяйства покрывают в значительной степени его количественную слабость» (стр. 5). Какие это качественные свойства, Чаянов так и не сказал, но они давно известны и сводятся к перегруженности работой всей семьи и к искусству голодать.

Однако, Чаянов, отступив, не сдал всех своих позиций. Он остался защитником если не карликовых, то мелких и средних хозяйств вообще. Он стремится «проблему о преимуществах крупного и мелкого хозяйства перевести в проблему, направленную на поиски оптимальных размеров хозяйства в земледелии, т.-е. таких размеров, в которых преимущества и недостатки мелкого и крупного хозяйства взаимно бы уравновешивались» (стр. 10).

[1]) Доклад т. Яковлева на Всесоюзном с'езде колхозов.

[2]) Изд. 3-е. 928 г. (переработан. и дополненное).

Это «взаимное уравновешивание» он стремился доказать подобием «об'ективных» ученых расчетов и обоснований. Но как мы покажем дальше этой об'ективности не оказалось у проф. Чаянова. Свои расчеты в основном он выводил из совершенно неверных предпосылок.

Исходная теоретическая предпосылка А. Чаянова гласит: «никакой концентрации в пространстве здесь за исключением процессов первичной переработки с. х. продуктов провести невозможно» (ст. 7. Подчеркнуто нами. *Я. Н.*).

С. х. в своей основе есть «использование человеком солнечной энергии, падающей на поверхность земли. Человек не может солнечные лучи, падающие на 100 дес., собрать на одну» (стр. 7).

Это положение Чаянова глубоко ошибочно. «Концентрация в пространстве существует и для земледелия, и притом не только в сфере переработки, но и в полеводстве. Известно, что на одну и ту же единицу площади может быть приложено различное количество рабочей силы, механической и животной двигательной силы, машин, может быть вложено различное количество удобрений. В зависимости от этого получаемая продукция может разниться в несколько раз. Известно также, что и степень собирания растениями солнечной энергии падающей на единицу площади пока еще крайне незначительна и может сильно возрасти. Она может быть повышена в несколько раз в зависимости прежде всего от числа урожаев в вегетационный период с каждой единицы площади. Можно получить один, а можно и два и больше урожаев, если правильно чередовать посевы и влиять на ускорение созревания и уборку готовых растений [1]). Дальше, в зависимости от качества обработки земли, качества семенного материала, количества питательных элементов, вложенных в землю, изменяется и степень поглощения растениями солнечной энергии в период одного урожая. «Растениями в лучшем случае используется менее 1% всей солнечной энергии. Если найти способ увеличить коэффициент полезного действия растений, то получилась бы сказочная цифра. Так, при полной утилизации солнечной энергии урожай картофеля достигал бы 750 кг. с 1 кв. метра» [2]). Уровень современной с.-х. техники, химии, биологии еще далек от того, чтобы использовать хотя бы значительную часть расточаемой солнцем энергии. Но по мере их развития коэффициен использования ее будет подыматься, он и теперь уже неизмеримо выше в крупных и рационально поставленных с.-х. предприятиях. Концентрация производства в пространстве не только возможна, но даже и существует.

Чаянов же повторяет давно избитый довод всех буржуазных экономистов, что нельзя солнечные лучи со 100 десятин собрать в одну, нельзя человечество прокормить с 1 десятины. Но на это можно возразить тем, что нельзя с одной фабрики одеть население целой страны, с одного завода удовлетворить всю потребность в металле. В вопросе о концентрации нет особых закономерностей для с.-х. в отличие от промышленности. Концентрация промышленности также находит себе известные пределы, также требует размещения на известном пространстве. Отсталый уровень техники земледелия при капитализме, частная собственность на землю и т. д. были причинами слабой концентрации земледелия, а вовсе не в силу каких-то природных свойств земледелия [1]). О размерах хозяйства в земледелии так же, как и в промышленности следует судить главным образом по количеству применяемых средств производства и производимой продукции. Часто «мелкое хозяйство, оставаясь мелким по площади земли, превращается в крупное по размерам производства, по развитию скотоводства, по размерам удобрения, по развитию применения машин и т. п.» (Ленин) [2]), при чем количество земли, говорил Ленин, свидетельствует только косвенно о развитии хозяйства, а стоимость продуктов свидетельствует уже прямо и притом во всех случаях.

[1]) К примеру, на ферме Плэнсборо, в штате Нью-Джерси с одной и той же площади в одно лето снимаются последовательно урожаи ржи, люцерны, бобов; ферма работает точно фабрика, без перерыва. Хозяйство с 242 гектара дает на 12.000 фунт. стерл. продукции. («Электрификация», № 4, 1927 г.).

[2]) В. Куликов—«Пути Индустриализации» № 7—8. 1928 г.

Само собой разумеется, крупное хозяйство нельзя уместить на какой угодно площади. Крупное хозяйство требует и более или менее широкой под собой базы в лице значительных размеров земельной площади. Но было бы ошибкой признак крупности хозяйства сводить только к размерам площади и во всех случаях судить о размерах хозяйства по занимаемому пространству. Мы нарочно подчеркнули прежде всего эту ошибку Чаянова, потому что с нею у него связаны ошибки в тех последующих предпосылках, по которым им велись все цифровые расчеты о выгодности предельного укрупнения с.-х. предприятий.

Так, например, Чаянов в согласии со своим первым положением заявляет: «За исключением усадебных установок, молотильных, маслодельных и других всякого рода построек и других принадлежностей усадьбы, сельский хозяин, увеличивая свое производство, в большинстве случаев должен умножить число предметов, а не увеличивать их размеры» (стр. 8, подчеркнуто нами. *Я. Н.*).

Чаянов признает увеличение мощности усадебных установок, но отрицает их за полевыми орудиями и машинами. Это, конечно, сугубо неверно. Современные комбинированные жнеи-молотилки по своей производительности во много раз превосходят обычные жатвенные машины. Техника механической пахоты все более ориентируется на мощные двигатели, на комбинированные машины по подготовке земли к посеву. Удешевление работы может быть достигнуто не только «при переходе с лошадиной тяги на тягу тракторную» (что вынужден признать и Чаянов), но и при переходе от тракторов малой мощности к тракторам с большой мощностью, особенно переходом к электропахоте. С каждым дальнейшим укрупнением хозяйства, вовсе не необходимо в той же степени умножить число орудий и машин, а вопреки Чаянову, создается возможность ввести более мощные и эффективные машины, и главное с укрупнением хозяйства возможна система машин. Это стало теперь частым явлением в крупных хозяйствах С. Ш. С. А. и Германии. Тем, что Чаянов игнорировал современное развитие техники, ориентировался на старые машины, руководствовался принципом простого умножения с.-х. машин, тем значит скорее наступал у него предел выгод от амортизации. Падение нормы амортизации в хозяйствах удобряемого трехполья, плодосмена у него есть, например, только до 327 га. Дальше погектарная норма амортизации остается одинаковой, как бы ни увеличивались размеры хозяйств. Это—явная нелепость, так как есть ряд машин, реализация которых более рентабельна, а иногда только и возможна в хозяйствах во много раз больших размеров, чем

[1]) Из самих чаяновских расчетов, если учесть затраты, труд человека и животных и т. д., вытекает, что стоимость вложенных средств производства и приложенного труда в хозяйстве плодопеременной системы при оптимальном размере в 273 га составляют 21.225 руб., в то время как при залежной системе в 2.070 га она составляет 14.402 р., т.-е. по сумме средств производства первое хозяйство крупнее второго, что подтверждает закон концентрации.

[2]) Т. IX, стр. 231.

327 га. «Экономист всегда должен смотреть вперед, в сторону прогресса техники, иначе он немедленно оказывается отставшим, ибо кто не хочет смотреть вперед, тот поворачивается к истории задом» (Ленин) [1]. Чаянов смотрит даже не вперед, а в прошлое, он даже не пытается встать на уровень современной техники.

Еще более вопиющая ошибка Чаянова в том, что он, отвлекаясь от современной техники, допустил соответственно и одинаковую производительность труда во всех группах рассматриваемых хозяйств. В зависимости от потери времени на передвижения он повышал издержки на рабочую силу от мелких хозяйств к более крупным. Но он совершенно исключил то, как более высокая техника крупных хозяйств с лихвой компенсировала эти потери. Чем крупнее хозяйство, тем больше, по Чаянову, обходились погектарные издержки на рабочую силу. Так, например, погектарная затрата рабочих дней в чаяновских расчетах для хозяйства в 32 га почти в 2 раза больше, чем в хозяйстве с 7.250 га (12,91 и 23,80 дней).

Подобное отвлечение от роста производительности труда с увеличением предприятия, с увеличением применяемых механических двигателей и более совершенных машин, отвлечение также от факта привлечения в крупные предприятия более квалифицированного труда является крупнейшей ошибкой Чаянова. Все расчеты Чаянова стоят в кричащем противоречии с действительностью, со всем направлением с.-х. техники. В доказательство мы сошлемся на большое хозяйство в 100.000 акров (около 33 тыс. гектаров) «фермерской корпорации Кембелля в Гардине, Монтана» (С. Ш. С. А.), где «вспашка, сеяние, жатва и молотьба производятся в гигантском масштабе машинами. Издержки производства все уменьшаясь дошли в 1925 году до 8 долл. на акр (официально признанной нормой является 16,5 долл. на акр для производительной фермы). Широко применяется комбинированная машина, сократившая рабочее время с 3 час. до ¾ на акр» [2]. Если бы следовать чаяновским расчетам, то погектарная затрата рабочих дней должна была бы здесь, при таком громадном увеличении хозяйства, как раз наоборот, повыситься не менее чем в 3 раза. Одно это может вскрыть всю фальшь чаяновских расчетов.

Четвертой важнейшей предпосылкой, Чаяновым выдвигался вопрос о транспорте. «Вся выгода, получаемая от укрупнения производства, поглощается удорожанием внутрихозяйственного транспорта, и чем интенсивнее хозяйство, тем скорее при укрупнении хозяйства наступает это поглощение» (стр. 10). Но к этим выводам Чаянов пришел, во-первых, потому, что он отвлекся от роста производительности труда, чем смазал выгоды крупного хозяйства, во-вторых, потому, что и в вопросе о транспорте Чаянов также совершенно отвлекся от прогресса техники. Для него существует только тягловый скот, но не существует ни полевых железных дорог, ни автомобилей, ни тракторов. Он ссылается в своих расчетах на нормы Тюнена и Montenon'm'a, относящиеся еще к 1839 году. 90 лет прошло с тех пор, техника далеко шагнула вперед, но Чаянов ничего вокруг себя не видит, кроме лошадей и быков; он совершенно игнорирует происшедшую механизацию пахоты, механизацию транспорта, удешевление того и другого. Так, например, в Америке механический транспорт вдвое сократил транспортные расходы. Если прежде доставка пшеницы обходилась в 30 центов за тонномиллю, то теперь—15, хлопка—прежде 48 цент., теперь—18 ц., кукурузы—раньше—33, теперь—17 ц. [3]) за тонномиллю.

[1]) Том IX, стр. 74.
[2]) А. Боссе—«Плановое Хозяйство», № 4, 1928 г.
[3]) «Американская торг. и пром.», апрель 1928 г.

По подсчетам Крафта, расход на упряжное животное на километр-марок по шоссе выражается 0,42, по мостовой—0, 27, по полевой ж. д.—0,07. Но полевая железная дорога и работа грузовых автомобилей доступна только крупным хозяйствам, так как для своего выгодного использования они требуют крупных средств и большой нагрузки перевозимых тяжестей. Чаянов сознательно прошел мимо всех этих выгод механического транспорта, ибо они целиком на стороне крупного хозяйства. Он сознательно прошел мимо широкого применения теперь мощной и более дешевой механической энергии.

О том, как понижение расходов на труд людей и на тягловую силу животных может раздвинуть рамки оптимума с.-х. предприятий, говорит и сам Чаянов: «Примем, что заработная плата с 1 р. 20 к. понизилась до 1 рубля, а стоимость рабочего дня лошади с 80 к. до 50 к. Это увеличило бы так размеры оптимума [1]):

	При высоких зарплатах он был.	При низких зарплатах стал.
Залежная система	1960—2180 га	2620—3270 га
Удобряемое трехполье. . .	875— 980 „	820—1090 „
Плодопеременная систем. .	218— 273 „	435— 545 „

Но это предположение Чаянова вскрыло всю его предвзятость к крупному хозяйству, ибо оно предположено одинаковым для всех хозяйств. (Дешевой рабочей силой людей и лошадей в чаяновском примере одинаково пользуются и мелкие, и средние предприятия; здесь нет преимуществ у крупного хозяйства). В действительности дело идет совсем по-иному.

Понижаются издержки на труд и двигательную силу преимущественно и больше всего в крупных хозяйствах; при чем не вследствие сокращения оплаты рабочего дня, наоборот, она постепенно поднимается, а исключительно по причине роста производительности труда, механизации обработки земли, механизации работ по нагрузке, разгрузке, механизации перевозки. Если учесть, что крупное предприятие использует вполне эти преимущества, а мелкие только в ничтожной степени, то, несмотря на большую пространственность крупного предприятия, общие издержки его должны быть на много ниже. Так, в упоминаемой нами огромной фермерской корпорации Кэмбелля нет ни одной лошади, все работы механизированы, а издержки производства вдвое ниже средних издержек. Наконец, пространственность не всегда является удорожающим фактором, даже при прежнем уровне техники. Могут быть крупные предприятия, имеющие общее управление и установки, но разбитые на несколько особых единиц (хуторов), когда число выездов из центра хозяйства сокращается до минимума.

Но мы знаем, что техника не стоит, а прогрессирует. Если бы дело обстояло так, как расписывает Чаянов, то как об'яснить тот факт, что в Германии и Америке под влиянием прогресса техники усилились теперь процессы к образованию крупных комбинированных с.-х. предприятий, усилилось возникновение с.-х. акционерных обществ? С точки зрения Чаянова, это—противоестественный факт. Но он просто вытекает из необходимости рентабельно и рационально ставить с.-х. производство. Последнее же достижимо при укрупнении преприятий, что теперь отлично понимают сами передовые организаторы с.-х. предприятий. Понимают и лучшие аграрники за границей. Так, напр., Норс недавно писал, что за последние годы «тенденция к укрупнению ферм и к широкой кооперативной организации рационализировала фермерское хозяйство». («Ам. Тор. и Пр.», VI—28 г.).

Отвлечение Чаянова от прогресса техники, отвлечение от повышенной производительности труда при широкой механизации производства и транс-

[1]) Чаянов, стр. 82.

порта вскрывает всю его механику определения оптимума с.-х. предприятий, всю его необ'ективность, делает эти определения фальшивыми. В корне фальшив и самый подход Чаянова к разрешению проблемы. Он исследовал влияние «трудоинтенсификации» на оптимум с.-х. предприятий, но совершенно обошел анализ «капиталоинтенсификации» (влияние увеличения машин, усадебных установок и т. п.), что действует в сторону увеличения размеров оптимума).

Чаянову и кому-либо другому невозможно отрицать погектарное сокращение издержек на амортизацию построек, сокращение общих расходов с каждым дальнейшим укрупнением хозяйства. Чаянов, как мы видели, неправильно ставит узкие пределы сокращению издержек на амортизацию с.-х. машин. В целом же графа по всем этим показателям показывает в его таблицах понижение издержек по мере укрупнения хозяйства, хотя и недостаточное. Но ведь не в этом лежит центр тяжести издержек с.-х. производства, особенно начиная от средних и поднимаясь все к более крупным предприятиям. Он лежит в расходах на рабочую силу, на скот, механическую энергию. Чаянову потребовалось извратить действительность, чтобы по этим основным графам показать нерентабельность крупного хозяйства.

В %% к общей сумме издержек на десятину [1])

Размеры предприятия (в дес.).	Издержки на амортизацию построек, с.-х. инвентаря и общие расходы.		Подесятин. затраты на работы по обработке, посеву, уборке и перев.	
	Плодоперемен. система.	Удобр. трехполье.	Плодоперемен. система.	Удобр. трехполье.
29	46,5	73,2	53,5	26,8
176	15,1	34,1	84,9	65,9
272	7,6	18,1	92,4	81,9
2940	3,2	7,0	96,8	93,0
6630	2,2	4,5	97,8	95,5

Чем крупнее хозяйство, тем ничтожнее издержки по 1-й графе, тем больше увеличивается их доля по второй. Ясное дело, что при неправильной предпосылке повышения с укрупнением хозяйства суммы абсолютных издержек на рабочую силу и тягловый скот отвлечение от механической силы должно очень скоро ставить довольно узкие границы рентабельности укрупнения с.-х. предприятий, должно выгоды укрупнения в этих узких пределах свести к небольшому количественному выражению. Фокус этот довольно прост, несмотря на ученый туман. Он достигнут фальсификацией той действительности, какая есть. А она ярко и недвусмысленно говорит о большей производительности труда, о большей рентабельности предприятий в наиболее крупных с.-х. предприятиях.

Идеалом Чаянова являются с.-х. предприятия средних размеров верхушки кулацкого типа или среднего кооперативного об'единения. Чаяновские оптимумы исключают экономическую целесообразность коллективизации целых крупных селений и тех крупных государственных совхозов, которые намечены теперь в СССР. Больше того, если следовать чаяновским оптимумам, то надо огромное большинство старых совхозов или раздробить или произвести от них урезки земли местному населению, ибо размеры их площади далеко превышают чаяновские нормы. (Среднее количество гектаров у совхозов по Уралу 4.020; Сибири—10.850, Сев. Кавказу—12.500, а в районах интенсивного земледелия—692 га, что для последних также превышает

[1]) Высчитано нами по абсолютным цифрам Чаянова, взятым в табл. со стр. 79 и 73.

чаяновские нормы для хозяйств с плодопеременной системой). Но жизнь уже показывает, что этого не только не надо делать, но нужно укрупнять совхозы. Тов. Маркевич на основе недавнего опыта украинского совхозоб'единения утверждает, что «возможно из одного центра вполне рентабельно обрабатывать хозяйства (крестьян. *Я. Н.)* площадью в 10 тысяч га и, следовательно, не расселять села с 600—700 дворов». Тем более успешно возможна организация одного крупного хозяйства, разбитого на несколько крупных экономий, имеющих общие предприятия и управление.

Отвергая оптимумы Чаянова, мы не отрицаем существования вообще оптимумов для сельскохозяйственных предприятий. Мы старались только показать, насколько в корне ошибочны вся установка и выводы Чаянова в этом вопросе.

Земельным органам нельзя руководствоваться расчетами Чаянова об оптимуме с.-х. предприятий. Нам нужны совхозы не в 1.960—2.180 при залежной системе, не в 545 га при удобряемом трехполье, как полагает Чаянов, а по 30—40 тысяч гектаров по примеру фермы Кэмбелля. Нам нужны артели, коммуны, товарищества не в 218—273 га как предел укрупнения при плодопеременной системе, а в несколько сот и даже тысяч десятин. Только тогда в них может быть проведена широкая механизация производства, может быть поднята в несколько раз производительность труда, и они окажутся до конца жизненными, крепкими. Только тогда наиболее ярко будут показаны выгоды товарищеского труда; и совершенно прав проф. Лященко, когда писал: «при 20—30 гект. использование трактора и механизация всего хозяйства становятся настолько неполными, что они делаются экономически маловыгодными и непригодными». Опыт показал, что из развалившихся за последние годы колхозов преобладающая часть падает на мелкие об'единения, а выживали из них и наибольшую эффективность показывали наиболее крупные коллективные об'единения [1]). Преобладающий тип мелких колхозов надо превратить в преобладающий тип действительно крупных с.-х. предприятий, перестроенных по индустриальному образцу. Крупные совхозы, к организации которых теперь приступлено, при широкой их механизации и умелой постановке, несомненно, станут рентабельными сел.-хоз. предприятиями.

---

[1]) По Украине средний размер распавшихся артелей был 29 гек., товариществ по общественной обработке земли—46 г., а средний размер существующих—90, тов. по общ. обработке земли—70, коммун—240 гект.

К. Орагвелидзе.

Переходное хозяйство, как предмет теоретического анализа.

I. Необходимо ли определение предмета анализа?

Теоретическое изучение советской экономики значительно продвинулось вперед за последние годы. В нашей научной литературе мы имеем целый ряд интересных оригинальных положений, которые могут и должны войти составной частью в теоретическую систему, дающую научное об'яснение развития советского хозяйства. Тем не менее мы еще не можем сказать, что у нас уже имеется марксистская теория переходной экономики, как вполне сложившаяся система взглядов. Разработка различных проблем находится на различных стадиях. Более того, отдельные вопросы совершенно не затронуты еще марксистской мыслью.

Но если преждевременно говорить о существовании сколько-нибудь цельной теории переходной экономики, то вполне своевременно говорить о необходимости создания такой теории. Вряд ли нужно мотивировать это положение, вряд ли нужно указывать, какое громадное практическое значение имеет для мирового борющегося пролетариата марксистская теория переходного хозяйства [1]).

Теоретический анализ переходной экономики не может быть правильным и исчерпывающим, если не ясно, что нужно анализировать. Предмет анализа должен быть дан с самого начала. Далее, метод анализа не может быть правильным, если не ясно, что нужно подвергнуть анализу при помощи этого орудия научного исследования.

Когда Маркс писал свой «Капитал», предметом его анализа являлось капиталистическое производство, как реально существующее, развивающееся бытие. Этим определенным об'ектом определялся и метод теоретического анализа Маркса.

То же самое следует сказать и о теории переходного хозяйства. Установление предмета анализа должно предшествовать выяснению метода анализа. Абстракции вполне уместны и научно плодотворны только там, где создана ясность в вопросе о том, для чего служат эти абстракции, для чего они предназначены.

Установление предмета анализа для нас имеет не только теоретическое, но и сугубо-практическое значение. Если мы говорим о предмете анализа, то это значит, что этот предмет существует вне нашего мышления, вне нашего созерцания, как реальное бытие; следовательно, это значит, что

[1]) Тов. Ленин говорит: «Революционному пролетариату нужно (и вообще, и теперь сугубо) конкретное определение его задач перехода, постепенных шагов от старого к новому» («Ленинский Сборник», кн. III стр. 494).

мы должны признавать реальное существование исторически определенной ступени хозяйственного развития (переходного хозяйства)—положение ясное и приемлемое для революционных марксистов-коммунистов, но далеко не ясное и не приемлемое для многих, именующих себя марксистами и социалистами.

Тов. Ленин не раз указывал на необходимость научного определения переходного хозяйства, как исторически определенной и необходимой ступени развития коммунистического общества, на практическое значение этого определения. «Когда в своих возражениях против нас наши противники, мелкобуржуазные демократы, меньшевики и эсэры, говорят: вы разбили крупный капитализм, а вместо этого у вас прет изо всех пор самый худший спекулятивный, ростовщический капитализм, то на это мы им отвечаем: если вы воображали, что от крупного капитализма мы можем перейти прямо к коммунизму, то вы не революционеры, а реформисты или утописты»... [1]) (разрядка наша. *К. О.*). В другом месте тов. Ленин писал: «Первое, что установлено вполне точно всей теорией развития, всей наукой вообще и что забывали утописты, что забывают нынешние оппортунисты, боящиеся социальной революции, — это то обстоятельство, что исторически несомненно должна быть особая стадия или особый этап перехода от капитализма к коммунизму» [2]) (разрядка наша. *К. О.*).

Итак, не все называющие себя марксистами и социалистами признают необходимость переходного хозяйства.

Реформисты не признают необходимость переходного периода. Они не хотят понимать и неизбежности диктатуры пролетариата. В чем корни ошибки реформистов? «Основной источник непонимания диктатуры пролетариата «социалистами», это недоведение ими до конца идеи классовой борьбы. Диктатура пролетариата есть продолжение классовой борьбы пролетариата в новых формах. Меньшевики «признают» наличие классов, их борьбу, но они не доводят идею классовой борьбы до конца, останавливаются на полпути. В основе меньшевистской концепции лежит боязнь перед социальной революцией. Меньшевики боятся классовой борьбы, доведения этой борьбы до конца и поэтому выдвигают теорию механического перерастания капитализма в социализм. Для переходного периода, для диктатуры пролетариата, как особой стадии развития, нет места и в этой теории.

По мнению реформистов всякого рода, нет вовсе переходного хозяйства, как реального бытия, следовательно, нет самого предмета анализа. Поэтому понятно, что у них не может быть и методов анализа и самой теории переходной экономики. Для нас же очень важно установить прежде всего предмет анализа, вот почему научное определение переходного хозяйства, как особой стадии развития, имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

Воображать, что можно непосредственно перейти к социализму без промежуточных ступеней, без ожесточенной классовой борьбы—это значит быть не революционером, а реформистом или утопистом.

Революционные марксисты-коммунисты должны, напротив, выдвигать этот вопрос о переходном хозяйстве, давать ему научное определение, сделать его предметом своего анализа. Замазывать этот вопрос,—это значит поступать по-реформистски, это значит сделать науку о переходном хозяйстве невозможной. Революционные марксисты-ленинцы

[1]) Ленин, Речь о субботниках... «Правда», № 245, 1927 г.
[2]) Ленин, «Государство и революция», изд. «Кр. Новь», 1923 г., стр. 104.

не могут не признавать переходного хозяйства, как особой стадии развития. Только в этом случае возможна особая методология этого вопроса и сама теория переходной экономики.

II. Понятие переходного хозяйства.

Что такое переходное хозяйство, как предмет анализа? В чем сущность этого понятия?

Остановиться на этом вопросе необходимо тем более, что не все пишущие о переходном хозяйстве имеют правильное представление о сущности этого хозяйства.

Известно, что Маркс впервые выдвинул положение о неизбежности переходного периода, положение, которое упорно замалчивается и замалчивалось социал-демократами. Он писал: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного переустройства одного в другое. Этому соответствует и в политике переходный период, во время которого не может быть иного государства, кроме революционной диктатуры пролетариата» [1]).

То же самое говорил тов. Ленин во многих своих произведениях. Приведем только одно место. «Теоретически не подлежит сомнению,—писал тов. Ленин,—что между капитализмом и коммунизмом лежит известный переходный период» [2]).

Вот это хозяйство эпохи диктатуры пролетариата, или переходное хозяйство, является предметом нашего анализа. Терминологически не совсем точно говорить о переходном хозяйстве или о переходной экономике, так как слово «переходное» можно понимать и в смысле перехода от феодализма к капитализму и т. д. Здесь нет определенности. Маркс и Ленин очень осторожно подходили к этому вопросу. Они говорили не о переходном хозяйстве, что неопределенно, а о хозяйстве при диктатуре пролетариата. Но здесь мы оставляем в стороне терминологическую сторону дела, подразумевая под переходным хозяйством хозяйство эпохи диктатуры пролетариата. Таким образом, переходное хозяйство служит для нас просто сокращением.

Переход от капитализма к коммунизму не есть кратковременный период или этап развития. Кратковременность переходного периода можно себе представить только теоретически, если мы теоретически допускаем переход от чистого капитализма к чистому социализму. Разумеется, и такая абстрактная постановка вопроса не исключает неизбежности переходного периода и диктатуры пролетариата. Тов. Н. Бухарин правильно замечает, что «вопрос о диктатуре рабочего класса у Маркса ставился, как вопрос о диктатуре рабочего класса вообще, т.-е. о диктатуре, уничтожающей капитализм в его чистом виде» [3]).

Но о таком кратковременном переходном периоде в реальной действительности не может быть и речи. Тов. Ленин писал, что «чистого капитализма, переходящего в чистый социализм, нигде в мире нет и быть не может». Пролетариат свергает не абстрактный капитализм, а капитализм конкретный. Поэтому и переходный период должен быть длительным. «О целом периоде перехода капитализма к социализму учители социализма говорили не зря и подчеркивали не напрасно «долгие муки родов» нового общества, при чем это новое общество опять-таки есть абстракция, которая воплотиться в жизнь не может иначе, как через ряд разнообразных, несовершенных конкретных попыток создать то или иное социалистическое государство» [1]). Рождение нового, коммунистического общества, «муки родов» неизбежно растянутся во времени и составят целую историческую эпоху. Тов. Ленин прямо говорит в своей известной работе против ренегата Каутского: «Переход от капитализма к коммунизму есть целая историческая эпоха» [2]) (Разрядка наша. *К. О.*).

Это правильное теоретическое положение необходимо подчеркивать, ибо его не признают наши противники; но, подчеркивая правильность этого положения о длительности периода переустройства общества на коммунистических началах, необходимо помнить, что речь идет об исторически ограниченном периоде, что переходное хозяйство не будет вечным, а преходящим явлением. Было бы непростительно для революционного марксиста скатиться с правильной диалектической точки зрения на метафизическую точку зрения неподвижности переходной системы хозяйства.

Марксизм обязывает понимать переходное хозяйство, как развивающееся социальное бытие, как хозяйство, находящееся в движении. Принцип развития применим и к переходной экономике. Правильно рассматривать ее—значит рассматривать ее в процессе развития, в процессе становления.

Переходное хозяйство имеет свой исходный и конечный пункты. Его исходным пунктом является капитализм, крах капитализма, экспроприация экспроприаторов, а конечным пунктом — социалистическое общество. Исторические границы переходного хозяйства, поэтому, даны в его исходном и конечном пунктах. Оно представляет собой движение от первого пункта ко второму.

Вопрос об исторических границах переходного хозяйства как-будто с первого взгляда совершенно ясен. Но стоит только немного подумать над ним, и тогда перед нами встанут новые вопросы, которые требуют ясного и более определенного ответа.

Известно, что Маркс делил развитие коммунистического общества на две фазы: на первую и вторую фазы коммунизма. Ленин не раз подчеркивал важность этого деления, называя первую фазу — социализмом, а вторую — коммунизмом. Основной идеей Маркса и Ленина здесь была идея развития. Эти великие ученые представляли себе и коммунистическое хозяйство, и переходное хозяйство не как застывшие системы хозяйства, а как хозяйства развивающиеся.

Но что представляет собою переходное хозяйство? Является ли оно движением непосредственно к высшей фазе коммунизма или движением к низшей, первой фазе коммунизма (или к социализму, по выражению Ленина)? Должны ли мы понимать переходное хозяйство, как первую фазу коммунизма или же оно является ступенью к этой фазе?

Вопрос этот не совсем ясен, и поэтому на нем необходимо остановиться.

Следуя примеру тов. Ленина, назовем первую фазу коммунистического общества социализмом, а вторую фазу—коммунизмом.

Какова связь между переходным хозяйством, социализмом и коммунизмом? Какова научная разница между этими понятиями? Можно ли отождествлять переходное хозяйство с социализмом?

По нашему мнению, следует различать друг от друга как исторически, так и логически не только коммунизм от социализма, но и социализм от переходного хозяйства. Конечно, все эти эпохи примыкают друг к другу, но в целях правильного анализа необходимо их изучать отдельно друг от друга, не забывая и связи между ними.

Понятия коммунизма и социализма не тождественны, как и понятия социализма и переходного хозяйства. Смешение этих понятий привело бы

[1]) Маркс, «Критика готской программы», 1919 г., стр. 32.
[2]) Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 347.
[3]) Н. Бухарин, «Атака», ГИЗ, изд. 1-е, стр. 98.

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XV, стр. 269.
[2]) Ленин, Собр. соч., т. XV, стр. 467.

к ряду неправильных теоретических выводов. Правильное же разграничение этих понятий дало бы нам точное определение предмета, теории переходной экономики.

Послушаем, что говорит по этому вопросу автор «Закона первоначального социалистического накопления» Е. Преображенский. У Маркса,— говорит Преображенский,—мы не находим «сколько-нибудь законченного изложения мысли насчет отличия социализма от коммунизма, но из ряда его формулировок видно, что он различал эти два этапа в развитии общества. Он различал их не только с той точки зрения, что при социализме существуют еще классы, а, следовательно, и государство, но и с точки зрения системы производства и распределения при социализме и коммунизме. Мало этого. Мы находим у него еще и то, что можно было бы назвать переходными мерами от капитализма к социализму, а не к коммунизму»[1] (разрядка наша. *К. О.*).

Из этой цитаты видно, что Преображенский понимает социалистическое общество, как классовое общество. Далее оказывается, что коммунизм отличается от социализма не только системой распределения, но и системой производства.

Читатель имеет полное основание спросить, а где же у Преображенского переходное хозяйство? В приведенной цитате Преображенский говорит о переходных мерах от капитализма к социализму, но не это составляет у него переходное хозяйство. Переходное хозяйство у Преображенского, действительно, имеется, но оно не представляет чего-нибудь отличного от социализма. Понятия социализма и переходного хозяйства, по его мнению, тождественны. Это видно из следующего места его статьи: «Первая фаза коммунистического общества», это—тот самый период, который в другом месте Маркс называет «периодом революционного преобразования» капиталистического общества в коммунистическое, периодом, когда государство не может быть ничем иным, кроме революционной диктатуры пролетариата. Иными словами, «первая фаза», это есть социализм, система общества, когда еще не ликвидировано классовое деление общества, хотя и ликвидированы в основном эксплоататорские классы, когда именно поэтому еще существует государство, когда и на системе распределения еще зияет «родимое пятно» капиталистического строя»[2] (разрядка наша. *К. О.*).

Следовательно, Преображенский устанавливает следующие три положения: 1) социализм тождественен с переходным хозяйством; 2) социализм есть классовое общество и 3) при социализме существует диктатура пролетариата. Такова, по мнению Преображенского, точка зрения Маркса и Ленина на поставленные вопросы.

Для того, чтобы понять сущность предмета теории переходного хозяйства, необходимо дать на все поставленные вопросы правильные марксистские ответы. Необходимо разграничить понятия переходного хозяйства, социализма и коммунизма. Тогда станет ясной и ошибочность положения Преображенского.

Поставим сначала первый вопрос: что такое социализм (первая фаза коммунизма) в отличие от коммунизма (высшая фаза коммунизма)?

Во-первых, при социализме нет никаких классов. Социалистическое общество есть бесклассовое общество. Оно не знает ни класса рабочих, ни класса капиталистов и помещиков, ни класса крестьян. Здесь мы имеем социалистический способ производства, т. е. производство, основанное на принадлежности средств производства всему обществу. Социализм не знает частной собственности на средства производства. Разрыв между трудом и условиями труда, характерный для капитализма, в социализме окончательно уничтожается и восстанавливается их единство на базе высокой производительности труда.

[1]) «Вестник Ком. Академии», № 12, стр. 50.
[2]) «Вестник Ком. Академии», стр. 67.

Во-вторых, еще продолжает существовать буржуазное право. Распределение продуктов по потребностям не осуществляется. Полного равенства между людьми еще нет. Равенство осуществлено в полной мере только по отношению к средствам производства. Отсюда и неравенство по отношению к предметам потребления, которые распределяются не по потребностям, а сообразно затратам труда производителями.

В-третьих, государство отмирает как государство, ибо нет классов и некого подавлять. Оно еще не отмирает совершенно, но оно отмирает, как классовое государство.

Такова точка зрения Маркса и Ленина на социалистическое общество. Достаточно привести несколько мест из Маркса и Ленина, чтобы убедиться в этом. В «Критике готской программы» Маркс дает блестящую и вполне исчерпывающую характеристику социализма или первой фазы коммунизма. «В обществе, основанном на принадлежности средств производства всему обществу, производители не обмениваются своими продуктами. Равным образом и труд, употребленный на производство продуктов, не проявляется в виде ценности, как бы свойственной самим продуктам, так как здесь в противоположность капиталистическому обществу работа отдельного лица является частью коллективного труда не косвенно, а непосредственно... Господствующий здесь принцип, очевидно, тот самый, который регулирует обмен товаром, поскольку обмениваются одинаковые ценности. Содержание и форма изменились потому, что в силу изменившихся условий никто не может давать ничего, кроме своего труда, и что, с другой стороны, только предметы личного потребления могут находиться в собственности отдельного лица. Но что касается до распределения этих предметов между производителями, то господствующий здесь принцип тот же, что и при обмене товарных эквивалентов: определенное количество труда в одной форме обменивается на то же количество труда в другой форме... Равное право является неравным правом за неравный труд. Оно не знает классовых различий, потому что все люди являются только работниками того же порядка, но оно молчаливо признает естественные привилегии неравенства индивидуальных способностей, а, следовательно, и производительных способностей индивидуумов»[1] (разрядка наша. *К. О.*).

В этой цитате Маркс ясно подчеркивает, что в социалистическом обществе частная собственность на средства производства уничтожается. С уничтожением производственных отношений уничтожается также и категория стоимости, а, следовательно, и категория денег, капитала и т. д. Социалистическое общество мыслится Марксом, как натуральное бесклассовое общество.

Точка зрения т. Ленина вполне совпадает с точкой зрения Маркса. «Социализм есть уничтожение классов»[2],—говорит Ленин.—Государство отмирает, поскольку капиталистов уже нет, классов уже нет, подавлять

[1]) Маркс, «Критика готской программы», 1919 г., стр. 15—16.
[2]) Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 351.

поэтому какой бы то ни было класс нельзя. Но государство еще не отмерло совсем, ибо остается охрана «буржуазного права», освещающего фактическое неравенство. Для полного отмирания государства нужен полный коммунизм» [1]).

Было бы утопизмом думать, что можно сразу уничтожить буржуазное право и по отношению к средствам производства, и по отношению к распределению предметов потребления. Сначала уничтожается частная собственность на средства производства, классы и государство, как орудие подавления. Это есть социализм. Впоследствии устраняется неравенство по отношению к распределению предметов потребления, полностью отмирает государство. Это есть коммунизм. Здесь нет утопизма, а правильно показан ход развития, реальное движение.

Не трудно понять, что изложенная здесь точка зрения Маркса и Ленина в корне противоположна взглядам Преображенского. У Преображенского социализм, это—классовое общество, у Маркса и Ленина—бесклассовое; у Преображенского социализм допускает буржуазное право (частную собственность не только на предметы потребления, но и на средства производства), у Маркса и Ленина при социализме остается только частная собственность на предметы потребления. Преображенский считает, что при социализме диктатура пролетариата должна существовать, как орудие классового подчинения, ибо остались классы. Маркс и Ленин, наоборот, считают это невозможным, ибо при социализме нет классов; наконец, Преображенский представляет себе, что при социализме категория стоимости и товарное хозяйство еще должны существовать, ибо остается частная собственность на средства производства и классы. Маркс и Ленин, наоборот, считают, что социалистическое хозяйство есть натуральное хозяйство, что оно не будет вовсе знать категории стоимости, ибо там не будет соответствующих производственных отношений.

Рассмотрим теперь другой вопрос. Можно ли комментировать Маркса таким образом, будто он, говоря о социалистическом хозяйстве, имел в виду переходное хозяйство, будто эти понятия, по мнению Маркса, вполне идентичны?

Вопрос этот можно рассмотреть на конкретном примере советского хозяйства.

Эпоха советского переходного хозяйства открывается крахом капитализма, экспроприацией экспроприаторов. Экспроприация экспроприаторов означает уничтожение класса буржуазии и помещиков, но она не уничтожает классов вообще. Социализм есть уничтожение классов, но пролетарская революция свергает и экспроприирует только класс буржуазии и помещиков. Мелкие производители, крестьяне, ремесленники и т. д. не экспроприируются. Следовательно, остается класс мелких производителей и класс рабочих, как господствующий класс. Экспроприация буржуазии и помещиков является условием социалистического переустройства всего общества. «Эту часть задачи мы выполнили, но это только часть и притом не самая трудная. Чтобы уничтожить классы, надо, во-первых, уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, сделать всех работниками. Этого нельзя сделать сразу. Это—задача несравненно более трудная и, в силу необходимости, длительная» [2]). Задача пролетариата в эпоху его диктатуры заключается в том, чтобы разрешить эту кардинальнейшую и сложнейшую проблему перехода мелкого частного производства на социалистические рельсы, проблему уничтожения классовых различий вообще и превращения всех

[1]) Ленин, «Госуд. и революция», 1923 г., стр. 116.
[2]) Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 351.

членов общества в работников социалистического общества.

Следовательно, уничтожив класс буржуазии и помещиков, пролетариат кладет первые основы социалистического способа производства. Переходный характер экономики заключается в том, что пролетариат должен преобразовать все хозяйство в социалистическое, преодолеть оставшиеся классовые противоречия. Но было бы ошибочно об'являть все хозяйство социалистическим. «Не было еще, кажется, такого человека, который, задаваясь вопросом об экономике России, отрицал переходный характер этой экономики. Ни один коммунист не отрицал, кажется, и того, что выражение «Социалистическая Советская Республика» означает решимость советской власти осуществить переход к социализму, а вовсе не признание данных экономических порядков социалистическими» [1]) (разрядка наша. *К. О.).*

Тов. Ленин далее отмечает, что в нашей экономике имеются пять различных хоз. укладов, в том числе и социализм. Но ошибочно об'являть всю экономику социалистической. От экспроприации помещиков и капиталистов мы получили только возможность строить самые первоначальные формы социализма, но коммунистического еще в этом ничего нет. Если мы возьмем наше настоящее хозяйство, то мы увидим в нем еще очень слабые зачатки социализма и громадное господство старых хозяйственных форм, выражающееся либо в преобладании мелкого хозяйничания, либо в самой дикой, безудержной спекуляции... Если мы поставим вопрос, что представляет собой современный экономический строй Советской России, то мы должны сказать, что он является закладыванием основ социализма в крупном производстве, переработкой старого капиталистического хозяйства при упорнейшем сопротивлении капитализма, проявляющемся в миллионах и миллионах форм» [2]) (разрядка наша. *К. О.).*

Как видим, Ленин в приведенных цитатах дает совершенно ясную и определенную характеристику природы советского хозяйства. Наше хозяйство в целом не есть социалистическое хозяйство, ибо мы здесь имеем только начало строительства самых первоначальных форм социализма, закладывание основ социализма в крупном производстве. С другой стороны, советское хозяйство не есть капиталистическое хозяйство, как это доказывают меньшевики и эсэры, ибо здесь мы имеем экспроприацию капиталистов и помещиков и зарождение нового, социалистического способа производства. Советское хозяйство есть переходное к социализму хозяйство, ибо оно об'единяет в себе черты старого и нового, ибо здесь мы имеем кусочки, частички, элементы капитализма, социализма и других форм хозяйства. В советском хозяйстве мы имеем борьбу за социалистическое переустройство всего общества под руководством пролетариата.

Советское хозяйство об'единяет в себе пять укладов. Мы имеем в единой хозяйственной системе сожительство, сосуществование и вместе с тем борьбу этих пяти укладов. Преобладающим укладом является мелкое крестьянское производство. Ведущим началом является социалистический способ производства.

Но что означает существование этих различных укладов? Это означает существование частной собственности на средства производства (капиталистической, мелкой и т. д.) на ряду с общественной государственной собственностью. Это означает, далее, существование различных классов (крестьян, капиталистов, рабочих). Общество является еще классовым, хотя сде-

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 203.
[2]) Ленин, Речь о субботниках... «Правда» № 245, 1927 г.

лан крупный шаг вперед для уничтожения классов (экспроприация буржуазии и помещиков). Класс капиталистов еще не уничтожен окончательно, ибо на основе мелкого товарного производства развиваются новые элементы капитализма. Борьба между социализмом и капитализмом вовсе не кончена. Она закончится тогда, когда удастся повести за собой мелких производителей и перестроить их хозяйство на началах крупного общественного производства. Только тогда окончательно будут подрезаны корни капитализма и восторжествует социализм [1]).

Государство не устраняется, ибо еще остаются классы. Диктатура пролетариата нужна, ибо еще необходимо подавление класса, подавление меньшинства эксплоататоров большинством эксплоатируемых. Но это уже переходное государство, то-есть не государство в собственном смысле слова. Победа социализма приведет к отмиранию диктатуры пролетариата, как орудия подавления классов, ибо при социализме классов не будет.

Итак, при социализме мы имеем уничтожение частной собственности на средства производства, уничтожение классов и государства, отмирание категорий товарно-капиталистического хозяйства и натурализацию общественных отношений производства.

В переходном хозяйстве мы имеем общественную собственность на средства производства, но на ряду с ней и частную собственность (мелкую и капиталистическую). Класс капиталистов в основном уничтожен, но остался класс мелких производителей, который рождает класс капиталистов. Общество еще не перестало быть классовым. Категории политической экономиии еще продолжают существовать, но они уже подорваны в своей основе.

В социалистическом обществе государство отмирает, как орудие подавления класса эксплоататоров, ибо классы здесь уничтожаются окончательно. В переходном хозяйстве должно существовать государство в форме диктатуры пролетариата, ибо оно необходимо еще для подавления классовых врагов пролетариата. Переходному периоду в экономике соответствует переходный период и в сфере политики. Диктатура пролетариата является переходной государственной формой.

Из всего вышеизложенного вытекает, что между переходным хозяйством и социализмом имеются крупнейшие различия, несмотря на общность некоторых черт. Социалистическое общество не отделено китайской стеной от переходного хозяйства. Оно развивается в недрах переходного хозяйства, но это обстоятельство вовсе не дает нам основания уничтожить вообще понятие переходного хозяйства, понятие социалистического хозяйства и т. д. Такое деление имеет большое познавательное значение.

Понятия социалистического и переходного хозяйства можно понять в связи друг с другом, но не следует забывать и об их отличительных особенностях. Смешение этих понятий, как и их противопоставление, может привести к целому ряду крупнейших ошибок как в области теории, так и в области практики. Смешение, отождествление этих понятий теоретически ошибочно и практически вредно, потому что снимается с порядка дня ряд основных проблем переходного периода, которые должны и могут быть разрешены в переходном периоде. Противопоставление же этих понятий не даст нам возможности понять связь социализма с переходным хозяйством, развитие элементов социализма в переходном хозяйстве.

Следовательно, надо видеть не только отличительные, но и общие черты переходного хозяйства и социализма. Переходное хозяйство не есть социалистическое хозяйство, но только оно может нам дать понимание возникновения социалистического хозяйства, которое не рождается сразу, а зарождается и развивается в недрах переходного хозяйства.

[1]) Тов. Ленин говорит: «Пока мы живем в мелкой крестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма. Это необходимо запомнить. Каждый внимательно наблюдавший за жизнью деревни, в сравнении с жизнью города, знает, что мы корней капитализма не вырвали и фундамент, основу у внутреннего врага не подорвали». (Собр. сочин., т. XVII, стр. 427).

Переходное хозяйство является совершенно своеобразной системой хозяйственных отношений, особой исторически необходимой формой сосуществования и борьбы различных хозяйственных укладов. Ведущим началом, гегемоном в этой системе хозяйства выступает социалистический сектор хозяйства, ставящий своей задачей уничтожение, вытеснение капиталистических элементов и переделку, перестройку мелкого производства на социалистических началах.

Мы сказали, что теория переходного периода должна изучать эту своеобразную систему, проанализировать закономерность хозяйственного развития в эпоху диктатуры пролетариата.

Но перед нами здесь встает следующий вопрос: можно ли вообще говорить о теории переходного хозяйства? Требует ли наш предмет теоретического анализа?

Политическая экономия изучает производственные отношения капитализма, законы его развития, которые выступают как слепо действующие экономические законы. Теоретический анализ здесь необходим, ибо только он может вскрыть под внешней оболочкой ценности действительные отношения людей в производстве.

Дело в корне меняется при социализме. Если исчезает социальное бытие капитализма, то тем самым исчезают и предмет политической экономии и экономические категории, как различные определения этого предмета. Политическая экономия, как теоретическая наука, отмирает. Общественные закономерности становятся осознанными закономерностями, не нуждающимися в теоретическом анализе.

Как же обстоит вопрос с переходным хозяйством? Можно ли говорить здесь об экономических проблемах и категориях? Требуют ли общественные отношения людей в производстве и экономические закономерности теоретического анализа или они ясны без этого анализа?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо дать дальнейшее определение переходного хозяйства, как предмета теоретического анализа. До сих пор мы выясняли понятие переходного хозяйства, подчеркивали его необходимость и указали, что оно должно стать предметом особой теории. Но если переходное хозяйство является натуральным или если оно тождественно с социализмом, то оно не нуждается в теоретическом анализе. Точка зрения Преображенского (тождество понятий переходного и социалистического хозяйства) логически приводит к невозможности теории переходной экономики.

Предметом нашего теоретического анализа является не просто переходное хозяйство, а переходное хозяйство в товарной форме. Переходное хозяйство, как длительный процесс, мы можем мыслить только как товарное хозяйство. К выяснению этого чрезвычайно важного теоретического вопроса мы и перейдем сейчас.

III. Обязательна ли товарная форма для переходного хозяйства?

Проблема товарности переходного хозяйства является актуальнейшей проблемой не только для теории переходной экономики, но и для практики пролетарской революции. Эта проблема будет стоять после победы пролетарской революции почти во всех странах, как основная проблема, ибо это есть проблема хозяйственных взаимоотношений между победившим пролетариатом и оставшимися классами, проблема переустройства всего общества на социалистических началах.

Почему пролетариат должен допустить свободу торговли, производство на рынок, деньги и т. д.? Не лучше ли организовать экономические отношения с крестьянством на началах натурального продуктообмена? Иначе говоря, почему пролетариат должен допустить нэп? Случайно ли допущение товарной формы в условиях переходного периода? На эти вопросы необходимо дать ясный ответ.

В нэпе мы имеем практическое разрешение кардинальнейшей проблемы переходной экономики, проблемы взаимоотношений пролетариата и крестьянства. В нэпе мы имеем, вместе с тем, такое разрешение указанной проблемы, что движение идет вперед, в направлении к социализму, а не назад, как это можно было думать с первого взгляда. В нэпе мы имеем укрепление позиций социализма, его абсолютный и относительный рост, что является залогом социалистического преобразования всего хозяйства. Гениальность Ленина заключается не только в том, что он обогатил марксизм постановкой и разрешением крестьянского и национально-колониального вопроса в эпоху империализма, но и в том, что он поставил и разрешил эти вопросы в эпоху переходной экономики с точки зрения движения к социализму.

Маркс и Энгельс вообще очень мало писали о переходном периоде; у них мы не находим прямого ответа на поставленный вопрос. Но если мы более основательно вдумаемся в то немногое, что нам оставили Маркс и Энгельс, увидим, что по существу решение коренной проблемы переходной экономики мы имеем в учении марксизма. Ленин дал дальнейшее гениальное развитие мыслей Маркса и Энгельса, открыл и указал конкретные формы хозяйственного сожительства пролетариата и крестьянства в эпоху строительства социализма.

Если теоретически допустить возможность перехода от чистого капитализма к чистому социализму, тогда, разумеется, проблема хозяйственных отношений пролетариата и крестьянства, проблема их сожительства, проблема нэпа и т. д., совершенно снимается с порядка дня победившего пролетариата. Но такое допущение было бы бессодержательным допущением и упрощенством.

Пролетарская революция произойдет раньше, чем капитализм достигнет конечного пункта своего развития, полной экспроприации мелких производителей. Мелкие производители остались в эпоху империализма, они останутся еще долго в эпоху диктатуры пролетариата. Было бы наивно думать, что пролетариат должен ждать с революцией до тех пор, пока капитализм не достигнет теоретически мыслимого, но практически невозможного, кульминационного пункта своего развития. Социалистическое преобразование должно начаться раньше, говорит Энгельс. «Нам было бы бесполезно ожидать с этим преобразованием того времени, когда капиталистическое производство повсюду разовьется до своих крайних последствий, когда последний мелкий ремесленник и последний мелкий крестьянин падут жертвами крупного производства» [1]).

Это замечательное положение Энгельса не было понято меньшевиками, как и гениальное положение Маркса о необходимости переходного периода. Его и невозможно понять, если об'являть слова Маркса о переходном периоде и диктатуре пролетариата чистой случайностью, простой обмолвкой, как это делает, напр., Карл Каутский.

На самом деле, случайностью не является ни положение Маркса, ни положение Энгельса. Энгельс развивает лишь дальше положение Маркса о необходимости переходного периода. Более того. У самого Маркса мы находим признание того, что в эпоху диктатуры пролетариата останется класс мелких производителей и крестьян, с которым пролетариат должен установить

[1]) Энгельс, «Крестьянский вопрос во Франции и Германии», 1905 г., стр. 42.

правильные взаимоотношения. «Там,—говорит Маркс,—где крестьянин в своей массе является частным земельным собственником, где он даже образует более или менее значительное меньшинство, как во всех континентальных государствах Зап. Европы, где он не исчез и не заменен в сельском хозяйстве батраками, как, например, в Англии, там будет следующее: либо он станет препятствовать и приведет к крушению всякую рабочую революцию, как это было до сих пор во Франции, или же пролетариат (ибо крестьянин-собственник не принадлежит к пролетариату; даже тогда, когда по своему положению он к нему принадлежит, он не думает, что принадлежит к нему), должен в качестве правительства принимать меры, вследствие которых положение крестьянина непосредственно улучшится и он сам перейдет на сторону революции, меры, заключающие в себе зародыш перехода от частной собственности на землю к собственности коллективной и этот переход облегчающие, так что крестьянин сам до этого дойдет хозяйственным путем; однако, нельзя раздражать (отталкивать) крестьян, провозглашая, например, отмену права наследования или отмену его собственности; последнее возможно только тогда, когда арендатор - капиталист вытесняет крестьянина и настоящий земледелец становится таким же пролетарием, трудящимся за заработную плату, как и городской рабочий, и, следовательно, имеет одни с ним интересы непосредственно, а не только посредственно» [1]) (разрядка наша. *К. О.*).

Здесь Маркс устанавливает три весьма важных положения о переходном периоде. Эти положения сводятся к следующему: во-первых, после победы пролетарской революции мы будем иметь во всех континентальных странах Зап. Европы «более или менее значительное меньшинство» крестьян и других мелких производителей. Капитализм не успевает их уничтожать, как мелких производителей. Следовательно, они не могут не остаться и после социалистической революции. Исключение составляет, говорит Маркс, только Англия, где земледельцы превратились в батраков.

Во-вторых, пролетариат не может и не должен экспроприировать крестьян—мелких собственников. Возможность национализации земельной собственности не могла быть учтена Марксом в то время; но он совершенно правильно подчеркивает невозможность экспроприации средств производства у этих мелких собственников. Нельзя раздражать, нельзя отталкивать крестьян, предупреждает Маркс; экспроприировать можно арендаторов-капиталистов, но не мелких собственников, работающих собственными средствами производства и собственным трудом.

В-третьих, пролетариат должен установить правильные хозяйственные взаимоотношения с крестьянством, он должен принимать такие меры, которые облегчили и дали бы ему возможность перехода от частной к коллективной собственности. Крестьянству должна быть дана возможность подумать о реальных выгодах социализма. «Мы будем делать все возможное,—пишет Энгельс,—чтобы ему было сноснее жить, чтобы облегчить ему переход к товариществу, в случае, если он на это решится; в том же случае, если он еще не будет в состоянии принять это решение, мы постараемся предоставить ему возможно больше времени подумать об этом на своем клочке» [2]). Крестьянин может итти к социализму не путем насилия, а «хозяйственным путем», говорит Маркс.

[1]) «Летописи марксизма», кн. II, стр. 62—63. Заметим, что эта цитата из Маркса опубликована после смерти т. Ленина, и поэтому она не могла быть ему известна.

[2]) Энгельс, «Крестьянский вопрос...», стр. 41.

Как видим, Маркс и Энгельс дали правильную постановку основных хозяйственных проблем переходного периода. Они указали на необходимость правильных взаимоотношений с крестьянством в эпоху диктатуры пролетариата, они подчеркнули необходимость осторожного подхода к крестьянству, которое может похоронить революцию, если с ним не будет найден общий хозяйственный язык, если с ним не будет заключен экономический союз. Маркс и Энгельс рекомендовали «хозяйственный путь» движения, перехода крестьянства к социализму, а не путь насилия. Но они не могли указать и предвидеть конкретные формы этого «хозяйственного пути» к социализму. Это невозможно было в их эпоху. Для этого необходим был опыт пролетарской революции в какой-нибудь стране. Поэтому указанные выше ценнейшие положения Маркса и Энгельса, до опыта строительства социализма в какой-нибудь стране, могли остаться только алгебраической формулой, требующей расшифровки.

Тов. Ленин на основе глубокого проникновения в учение марксизма дал нам разгадку этой алгебраической формулы. Он указал нам на конкретную форму «хозяйственного пути» к социализму, он открыл нам нэп, как конкретный и универсальный путь движения к социализму. Это открытие является величайшим открытием в истории человечества, еще недостаточно оцененным теоретической мыслью мирового пролетариата.

Откуда вытекает необходимость нэпа, необходимость допущения свободной торговли и т. д.?

Нэп, или новая экономическая политика пролетариата, является необходимостью в эпоху диктатуры пролетариата, в эпоху переходного к социализму периода, потому что пролетарская революция уничтожает лишь класс эксплоататоров, она экспроприирует только класс буржуазии и помещиков, но она не уничтожает и не экспроприирует класс мелких производителей, класс крестьянства. Этот класс является более или менее многочисленным в зависимости от уровня капиталистического развития страны, в которой происходит пролетарская революция. Только в Англии этот класс составляет незначительный слой населения. В других же странах он составляет большинство или же значительное меньшинство населения. В частности в Советском Союзе крестьянство составляет преобладающую часть населения.

Опыт русской революции показал, что непосредственный переход к социализму невозможен, что натурализация хозяйственных отношений невозможна до тех пор, пока окончательно не укрепится социализм. «Военный коммунизм» не был правильной хозяйственной политикой пролетариата, он был вынужден войной, нуждой, борьбой против внутренних и внешних врагов и постольку имеет свое историческое оправдание.

Хозяйство переходного периода, как правило, не может быть натуральным [1]). Оно не может быть натуральным, ибо остаются мелкие производители, крестьяне, ибо остаются различные хозяйственные уклады, связь между которыми возможна лишь через рынок. Мы говорим о переходе к социализму. Но что значит слово переход? спрашивает Ленин. «Не означает ли оно, в применении к экономике, что в данном строе есть элементы, частички, кусочки капитализма и социализма. Всякий признает, что да. Но не всякий, признавая это, размышляет о том, какові же именно элементы различных общественно-экономических укладов, имеющиеся налицо в России. А в этом весь гвоздь вопроса. Перечислим эти элементы: 1) патриархальное, т.-е. в значительной степени натуральное крестьянское хозяйство; 2) мелкое товарное производство (сюда относится большинство крестьян из тех, кто продает хлеб); 3) частнохозяйственный капитализм; 4) государственный капитализм; 5) социализм. Россия так велика и так пестра, что все эти различные типы общественно-экономического уклада переплетаются в ней. Своеобразие положения именно в этом. Спрашивается, какие же элементы преобладают. Ясное дело, что в мелкокрестьянской среде преобладает, и не может не преобладать, мелкобуржуазная стихия: большинство, и громадное большинство земледельцев — мелкие товарные производители» [1]) (разрядка наша. *К. О.).*

¹) Это правило допускает и исключения. Переходное хозяйство может быть натуральным, например, при переходе от общинного натурального хозяйства к социалистическому. Возможность такого перехода при определенных исторических условиях, как известно, допускал и Маркс.

Если правильно будет нами понята переходная экономика Советского Союза, как экономика, об'единяющая в себе все эти различные экономические уклады, как единство всех этих укладов, то не трудно будет понять и необходимость нэпа, необходимость связи между этими укладами при помощи и через рынок. Тов. Ленин исходил из этой характеристики советского хозяйства, когда сделал гениальный поворот к новой экономической политике.

Если бы в советском хозяйстве мы имели не пять общественно-экономических укладов, а два уклада—социализм и мелкое товарное хозяйство, то переход к новой экономической политике все равно был бы неизбежен. Основной проблемой при введении нэпа была проблема хозяйственных взаимоотношений, проблема экономической смычки пролетариата с крестьянством, социализма с крестьянским товарным производством. «Основное,—писал тов. Ленин,—чтобы был стимул, побудитель, толчок мелкому земледельцу. Нам нужно строить нашу государственную экономику применительно к экономике середняка, которую мы за три года не могли переделать и еще за десять лет не переделаем» [2]).

Нужно было хозяйственно удовлетворить этого мелкого земледельца, этого середняка, нужно было дать ему возможность руководствоваться своими собственными, внутренне-присущими ему стимулами. Либо пролетариат удовлетворит крестьянство, пойдет на уступки, чтобы приспособить свою экономику и строительство социализма применительно к экономике среднего крестьянства, либо это крестьянство отойдет от руководства пролетариата и похоронит пролетарскую революцию. Так стоял вопрос в 1921 году.

А чем можно было удовлетворить крестьянство? Как возможно было с ним сожительство и движение вперед к социализму?

Тов. Ленин дал на эти вопросы ясные и четкие ответы. «Вникая в этот вопрос,—говорит он,—мы скажем себе сразу: удовлетворить мелкого земледельца, по сути дела, можно двумя вещами: во-первых, нужна известная свобода оборота, свобода для частного мелкого хозяина, а, во-вторых, нужно достать товары и продукты» [3]). Нужно создать для крестьянства такие условия, чтобы оно могло свободно продавать свои продукты и покупать продукты государственной промышленности. Следовательно, нужно допустить свободу оборота, свободу торговли.

Допущение свободной торговли означало допущение легального рынка, легализацию рыночных отношений. Уничтожение рынка, уничтожение разрыва между производством и потреблением, организация непосредственного

¹) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 203.
²) Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 146.
³) Там же, стр. 140.

коммунистического распределения невозможно до тех пор, пока остается класс мелких товаропроизводителей, пока остается частная собственность и частнохозяйственные стимулы. Попытка коммунистического распределения в переходном хозяйстве обречена на неудачу, так как хозяйство еще не организовано на коммунистических началах. Социалистический сектор не может навязать мелкому товарному производству чуждые и непривычные ему формы натурального распределения.

Крестьянин-товаропроизводитель признает только законы рынка. Его хозяйство может развиваться на основе рынка. С ним можно говорить языком стоимости, и он сам готов говорить с кем угодно на этом единственно понятном ему языке. Через товар и при помощи товара он может связаться не только с капитализмом, но и с социализмом. Но он не может говорить с социализмом на языке натурально-хозяйственных отношений до тех пор, пока его основы не укрепятся окончательно. «Крестьянин знает рынок и знает торговлю. Прямого коммунистического распределения мы ввести не могли. Для этого нехватало фабрик и оборудования для них» [1]).

Государственное хозяйство может связаться с мелкими, раздробленными товаропроизводителями через рынок, через торговлю. «Торговля есть единственно возможная экономическая связь между десятками миллионов мелких земледельцев и крупной промышленностью» [2]).

Но задача пролетариата заключается не только в том, чтобы найти форму связи с крестьянством, а в том, чтобы найти такую форму связи, которая обеспечивала бы дальнейшее развитие и окончательное укрепление основ социализма. Нэп не был просто формой связи с крестьянством, а такой формой связи, которая обеспечивает успехи и полную победу социалистического строительства. «Военный коммунизм» был вынужден войной и разорением. Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой. Он был временной мерой. Правильной политикой пролетариата, осуществляющего свою диктатуру в мелкокрестьянской стране, является обмен хлеба на продукты промышленности, необходимые крестьянину» [3]) (разрядка наша. *К. О.*).

Товарообмен государственного хозяйства с крестьянством, вот что является правильной политикой пролетариата. «Социализированная фабрика дает крестьянину свои продукты, а крестьянин за это дает хлеб. Это единственная возможная форма существования социалистического общества, единственная форма социалистического строительства в стране, где мелкий крестьянин составляет большинство или, по крайне мере, очень значительное меньшинство» [4]) (разрядка наша. *К. О.*).

«Военный коммунизм» был временной мерой; строительство социализма при наличии этой системы, навязанной гражданской войной и разорением, было невозможно. Только новая экономическая политика открывает возможность правильных взаимоотношений с крестьянством и успешного завершения социалистического строительства. Вводя нэп, тов. Ленин имел в виду преимущественно Россию, страну, где преобладающим слоем населения является крестьянство. Но нэп оказывается правильной политикой не только

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. II, стр. 55.
[2]) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 413.
[3]) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 214.
[4]) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 331.

для России, где крестьянство составляет большинство, но для всех стран, где оно составляет значительное меньшинство.

Перед нами тут встает вопрос: является ли нэп универсальным путем к социализму или же он пригоден только для стран отсталых в хозяйственном отношении, имеет ли русский опыт местное или же международное значение? Рассмотрим этот вопрос более подробно.

Богатейший опыт русской революции имеет не только местное значение. Из всего предыдущего изложения ясно, что после победы пролетарской революции почти в каждой стране встанет проблема экономических отношений с крестьянством. Нет ни одной страны, где бы крестьянство исчезло окончательно. Англия является страной, наиболее развитой в капиталистическом отношении, но и там существует класс мелких землевладельцев. Этот класс является немногочисленным и играет незначительную роль в экономике страны. Но тем не менее он существует, и после победы социалистической революции в Англии с этим классом придется установить определенные взаимоотношения.

Каковы будут эти взаимоотношения? Нужна ли будет товарная форма связи с этим малочисленным классом земледельцев в Англии? Послужит ли нэп в Англии путем к социализму?

Выше мы привели одно замечательное место из Маркса, где он подчеркивал, что в Англии после социалистической революции создается иное положение, чем в других континентальных странах Европы. Проблема отношений с крестьянством не будет такой острой в Англии, ибо там этот класс почти исчез, тогда как в других странах он составляет большинство или значительное меньшинство населения.

Однако, во всех других странах пролетариату придется разрешить задачу социалистического строительства в условиях крестьянского окружения, задачу установления экономических связей с мелкими земледельцами. «Эта задача принадлежит к числу труднейших задач социалистического строительства, которые встают перед всеми капиталистическими странами, может быть, за исключением одной только Англии. Однако, и по отношению к Англии нельзя забывать, что если в ней особенно малочисленен класс мелких землевладельцев-арендаторов, то в ней зато исключительно высок процент живущих по-мелкобуржуазному среди рабочих и служащих вследствие фактического рабства сотни миллионов людей в колониях, «принадлежащих» Англии» [1]) (разрядка наша. *К. О.*).

С такой точкой зрения выступил тов. Ленин перед III конгрессом Коммунистического Интернационала. Сущность этой точки зрения заключается в том, что русский опыт имеет не только местное, но и международное значение. Новая экономическая политика приложима не только к России, но и ко всем странам, за исключением, может быть, одной только Англии. Перед победившим пролетариатом каждой страны встанут те же задачи, как и в России, и поэтому международный пролетариат должен использовать русский опыт. В этом смысле нэп является универсальным путем к социализму. Во всех странах пролетариат установит с крестьянством связи через рынок, через товарную форму.

Что касается Англии, то тов. Ленин сомневается, может ли эта высокоразвитая промышленная страна обойтись без нэпа. Сомнения эти вполне основательны. Если бы речь шла только о мелких землевладельцах, которые играют незначительную роль в Англии, то еще можно было бы сказать, что Англия может обойтись без нэпа. Но этот вопрос осложняется новым момен-

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 314. См. также стр. 325.

том, который отмечается тов. Лениным. Новое здесь заключается в том, что если в Англии малочисленен класс мелких земледельцев, то в ней зато «исключительно высок процент живущих по-мелкобуржуазному среди рабочих и служащих». Следовательно, здесь речь может итти не только о классе мелких земледельцев, но и о широком слое «обуржуазившихся» (Энгельс) рабочих, фактически переставших быть рабочими. Этот широкий слой рабочих живет по-мелкобуржуазному за счет колониальных рабов, вследствие эксплоатации этих колоний. Эти рабочие являются по существу такими же мелкими буржуа, как и мелкие земледельцы с мелкобуржуазными навыками и психологией. Не следует игнорировать также колониальное крестьянство, с которым придется установить английскому пролетариату товарные отношения. Вот почему сомнения тов. Ленина относительно неприложимости нэпа к Англии имеют серьезные основания. Поэтому он и не дает определенного ответа на этот вопрос.

Что же касается других стран, то тов. Ленин не сомневается в том, что к ним приложима новая экономическая политика. Будет ли составлять крестьянство большинство или значительное меньшинство населения (Россия, Германия, Франция и т. д.), все равно новая экономическая политика будет действительна для этих стран. Таким образом, опыт русской революции был универсализирован. Этим опытом может и должен воспользоваться весь мировой пролетариат.

Социалистическое производство, пока оно окончательно не укрепилось, должно установить с крестьянскими хозяйствами экономические связи через рынок. Товарный характер этих связей является неизбежным. Важность товарного характера связи между государственным и частными хозяйствами у нас не всегда оценивается в должной мере.

Между тем для т. Ленина этот вопрос был важнейшим вопросом экономики переходного периода. Только после правильного анализа вопроса о товарном характере связи между социализмом и мелким товарным производством можно построить правильную теорию переходной экономики.

В 1921 году под руководством т. Ленина коммунистическая партия сделала поворот к новой экономической политике, допустила свободу торговли, сохранив в руках государства командные высоты. «Это кажется странным. Коммунизм и торговля? Что-то очень уже несвязное, несуразное, далекое. Но если поразмыслить экономически, одно от другого не дальше, чем коммунизм от мелкого крестьянского патриархального земледелия» [1].

Новая экономическая политика, свобода торговли, рынок, товарный характер связи различных хозяйственных укладов вовсе не были случайностью, а с железной необходимостью вытекали из всей обстановки развития социализма в сложнейших условиях переходного периода. Если бы капитализм развивался равномерно, если бы мы имели одинаковый уровень развития капитализма в городе и деревне, в промышленности и сельском хозяйстве, то тогда не было бы необходимости в нэпе и переход к натуральному социалистическому хозяйству был бы кратковременным периодом. Но все дело в том, что капитализм не может развиваться равномерно, он не может проникнуть в разные отрасли производства одновременно. Капитализм овладевает этими отраслями постепенно. Он проникает и в сельское хозяйство, но это последнее, вследствие существования частной земельной собственности, чудовищно отстает в своем развитии от промышленности. Старые способы производства не вытесняются окончательно; крестьянское хозяйство продолжает свое существование даже в условиях высокоразвитого капитализма.

Победивший пролетариат застает эти докапиталистические формации такими же, какими они были перед социалистической революцией. Удельный

[1]) Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 412.

вес этих укладов, конечно, неодинаков в различных странах. Но для всех стран мы можем констатировать наличие значительных остатков этих докапиталистических укладов, которые не могли исчезнуть в процессе пролетарской революции и не исчезнут еще долго. Самым значительным среди этих остатков является мелкое товарное хозяйство, которое не может жить без свободной торговли, как рыба без воды.

Капитализм эксплоатировал крестьян; но эту эксплоатацию он производил на базе рыночных законов. Только этот рыночный язык был понятен крестьянскому товаропроизводителю, и на этом языке он говорил с капитализмом, несмотря на эксплоатацию со стороны последнего.

Пролетариат не может относиться к крестьянину так, как к нему относилась буржуазия. Но экономическая связь с ним неизбежна. А эта связь возможна через рынок, при помощи торговли. Следовательно, свобода торговли не является в эпоху диктатуры пролетариата случайной, она так же не случайна, как не случайно существование мелкого товарного производства крестьян.

При посредстве товарной формы, через товарное обращение связываются, находят доступ и проникают друг к другу совершенно различные системы, способы производства. В товарном хозяйстве Советского Союза уживаются четыре различных хозяйственных уклада: социализм, государственный капитализм, частнохозяйственный капитализм и мелкое крестьянское товарное производство. Важнейшими из этих укладов по своему удельному весу являются социализм и крестьянское товарное хозяйство. Социализм, как и крестьянское хозяйство, выступает в товарной форме, производит товары на рынок (для крестьянства). Социализм воспринял товарную форму связи, самоё по себе чуждую ему форму.

Не меняет ли допущение товарной формы связи социалистическим сектором социалистического характера этого сектора?

Для того, чтобы уяснить себе этот вопрос, необходимо обратиться к истории развития хозяйственных форм.

Энгельс в одной из своих прекрасных статей говорит, что «закон ценности господствовал в течение периода в 5—7 тысяч лет» [1]). А Маркс в блестящем «Введении к критике политической экономии» отмечает, что понятие стоимости носит допотопное существование. Смысл этих слов Маркса и Энгельса заключается в том, что товарная форма возникла не вместе с капитализмом, а существовала до него и развивалась без него. В течение 5—7 тысяч лет развивалась категория стоимости, прежде чем она стала универсальной, всепроникающей категорией при капитализме.

В течение этих 5—7 тысяч лет мы имели самые разнообразные системы, способы производства. Мы имели общинное хозяйство, рабское хозяйство, феодальное хозяйство, мелкое крестьянское хозяйство, крепостное хозяйство и, наконец, капиталистическое хозяйство.

Меновой процесс возникает еще между свободными общинами, в которых труд планомерно был организован на коммунистических началах. Часть продуктов общины превращалась в товары, но от этого еще вовсе не уничтожался коммунистический характер производства внутри общины. Она разлагалась постепенно, по мере проникновения меновой торговли внутрь общины, но до тех пор, пока обмен производился на границах общин, они вовсе не теряли своего коммунистического характера производства внутри общины.

Товары могут производиться не только общинами, но и рабскими, феодальными, помещичьими, крестьянскими и капиталистическими хозяйствами. По товару, обмениваемому на рынке, нельзя узнать, кем он про-

[1]) Энгельс, «Закон ценности и норма прибыли» (в сборнике «Капитал», К. Маркса, 1924 г., стр. 295).

изведен—общиной, рабом, крестьянином или же наемными рабочими. «Каков бы ни был способ производства, на основе которого производятся продукты, входящие в обращение как товары,—будет ли это первобытное общинное хозяйство или производство, основанное на рабском труде, или мелкокрестьянское и мелкобуржуазное, или капиталистическое производство,—это нисколько не изменяет их характера как товаров, и в качестве товаров они одинаково должны пройти процесс обмена и сопровождающие его изменения формы» [1]) (разрядка наша. *К. О.).*

В другом месте Маркс развивает ту же мысль. Он говорит, что кругооборот промышленного капитала «перекрещивается с обращением товаров, произведенных разнообразнейшими способами общественного производства, поскольку они представляют товарное производство. Являются ли товары продуктом производства, основанного на рабстве, или продуктом производства крестьян (китайцы, индийские райоты), общественного производства (голландская Ост-Индия), государственного производства (как основанное на крепостной зависимости производство, встречавшееся в ранние эпохи русской истории), или производство полудиких охотничьих народов и т. д.,—все равно: деньгам и товарам, в виде которых проявляется промышленный капитал, они противостоят как товары и деньги и входят в кругооборот этого последнего» [2]).

Следовательно, товарная форма может послужить формою связи между рабовладельцами, феодалами, помещиками, крестьянами и капиталистами. Более того. Через товарную форму могут экономически связаться рабовладелец с капиталистом, капиталист с крестьянином, крестьянин с рабовладельцем и т. д. Иначе говоря, товарная форма служит формой связи не только между однородными, однотипными хозяйствами, но и между разнородными, разнотипными хозяйствами, построенными на основе различных способов производства. Товарная форма служит формой сожительства, сосуществования этих способов, систем производства.

Все приведенные выше случаи нам нужны были для уяснения значения товарной формы в условиях переходной экономики. Товарная форма не является случайностью в наших условиях, как она не была случайностью при зарождении систем хозяйства, основанных на частной собственности. Тут известную аналогию можно провести, если не забывать, что в первобытные времена речь идет о разложении коммунистических общин и возникновении частной собственности, а в условиях переходного периода речь идет о разложении систем хозяйства, основанных на частной собственности, и возникновении социалистического общества.

В коммунистическом обществе не будет вовсе товарной формы. Но она начинает отмирать в условиях переходного периода. Однако, без нее все же обойтись нельзя, поскольку остается мелкая частная собственность, поскольку остается класс мелких земледельцев. Переходное хозяйство есть разложение элементов старого и зарождение элементов будущего в настоящем. Поскольку хозяйство переходного периода составляет единство, постольку различные социальные секторы должны найти форму сожительства, форму сосуществования. Формой связи между этими секторами служит и не может не служить товарная форма.

Социалистический сектор хозяйства должен приспособиться к экономике крестьянства, пока оно еще не исчезло, пока оно продолжает существовать. Если странным является существование крестьянства в эпоху диктатуры пролетариата, то тогда странным является и допущение свободы торговли, допущение товарной формы. Но мы уже показали, что в условиях переходной экономики неизбежно наличие довольно многочисленного класса крестьян и поэтому нет ничего странного в свободе торговли, в новой экономической политике.

[1]) Маркс, «Капитал», т. III, ч. I, стр. 250, ГИЗ, 1927 г.
[2]) Маркс, «Капитал», т. II, стр. 64, ГИЗ, 1927 г.

Устанавливая экономическую связь с капитализмом или же мелким товарным хозяйством через товарную форму, социалистический сектор вовсе не теряет своего социалистического характера. Точно так же не теряет своего характера, своего содержания капитализм и мелкое производство.

Переход к новой экономической политике был обусловлен не затяжкой пролетарской революции на Западе, а совокупностью хозяйственных условий в Советском Союзе. Если бы даже на Западе победила революция, введение нэпа у нас, как и на Западе, было бы неизбежным. Разница состояла бы только в том, что мы, при помощи передовых стран, быстрее завершили бы свое движение к социализму через нэп.

Переходное хозяйство, как правило, неизбежно должно быть товарным хозяйством. Экономическая связь между социальными секторами может осуществляться только через товарную форму. Исключения из этого правила возможны, но они вовсе не меняют нашего основного положения.

Д. Гуревич.

Экономическая работа профсоюзов.

Реконструктивный процесс, в который вступила наша промышленность, все большее развертывание работы по рационализации производства, новое капитальное строительство — пред'являют иные требования не только к работе наших хозяйственных организаций, но и к работе по вовлечению рабочих масс в дело хозяйственного строительства, т.-е. к экономической работе профсоюзов.

С другой стороны, новый этап в строительстве промышленности совпадает с периодом широкого развертывания пролетарской самокритики, который уже с несомненностью выявил громадный рост интереса рабочих масс к вопросам производства, рост их критики и требовательности в первую очередь к этим вопросам. В рабочих массах уже выросло и все продолжает расти стремление к конкретному, действенному участию в разрешении хозяйственных вопросов, стоящих перед промышленностью, перед отдельными предприятиями, к участию в деле технического переустройства предприятий, к настоящему повседневному контролю за работой хозяйственных органов. Надо считать, что в этом отношении не малую роль сыграли уроки «шахтинского дела».

И это немаловажное обстоятельство на ряду с указанным в самом начале (реконструкция производства) обязывает партию уделить особое внимание вопросам экономической работы профессиональных союзов.

В годы гражданской войны и экономической разрухи партия в своих решениях о роли и задачах профсоюзов (IX, X с'езды) выдвигала задачи участия профсоюзов в руководстве хозяйством, в формировании хозяйственных органов на первое место. Эти вопросы и на практике составляли главное в работе профсоюзов. Небезызвестно, что профсоюзы буквально на своих плечах вынесли сохранение нашей промышленности во время разрухи.

За последующие годы, которые характеризуются восстановлением хозяйства, руководящие решения партии о профсоюзах (XI, XIV с'езды и XV конференция) выдвинули более остро вопросы, связанные с работой профсоюзов в области защиты материальных и культурно-бытовых интересов рабочих. Именно этот участок профсоюзной работы представлял собою в последние годы наиболее слабое место. Такое явление—в условиях, когда восстановительный период в промышленности уже заканчивался, когда на предприятия собрались распыленные до этого кадры рабочих, когда страна стала богаче и материальное благополучие рабочих, а на ряду с этим и требовательность их в этом отношении стала все больше возрастать,—прямо приводило к бюрократизации профессиональных союзов, к отрыву их от масс.

XIV с'езд партии в своем постановлении указал: «Перегруженные разнообразной хозяйственной, политической и общественной деятельностью профсоюзы часто не могли справиться со своей работой, проявляя односторонность, порой отодвигая на второй план свою важнейшую и главнейшую задачу—защиту экономических интересов об'единяемых ими масс и всемерную работу по поднятию их материального и духовного уровня» [1]).

XV партконференция, отметив «несомненные успехи профсоюзов во всех областях их работы и изжитие уродливых форм «хозяйственного» уклона» снова указала на то, что важнейшая и главнейшая задача «защиты интересов рабочих, внимания к их мелким насущным бытовым и экономическим нуждам», «справедливым и законным требованиям рабочих перед гос- и хозорганами»—проводится все еще недостаточно.

Необходимо констатировать, что и сейчас, через 2 года после XV партконференции, при наличии несомненных и значительных успехов в этой области работы профсоюзов имеется немало недочетов, сделано еще далеко не все, что необходимо сделать. Об этом напоминает нам и шахтинское дело, вскрывшее ряд вопиющих фактов недопустимо бюрократического отношения к самым элементарным нуждам рабочих в области их бытовых и правовых интересов. Об этом свидетельствуют все еще имеющиеся факты пренебрежения профсоюзов к насущнейшим требованиям рабочих во время конфликтов, неумения профсоюзов выдвинуть соответствующие требования перед хозорганами, притупления профсоюзного угла в «треугольнике» на предприятиях.

Полное проведение решений партии о «защитной» работе профсоюзов продолжает и теперь оставаться основной задачей профсоюзов и потребует еще дополнительных усилий, систематической проверки выполнения, недопущения извращений.

Однако, и другая задача профсоюзов—их участие в хозяйственном строительстве, в руководстве производством, особенно в настоящих условиях — требует к себе не меньшего внимания.

Эта задача профсоюзов выдвигалась не только в связи с восстановительным периодом в промышленности. Она выдвигалась и в решениях XIV с'езда и XV партконференции. В частности решение партии о новых формах массовой экономической работы — о производственных совещаниях — впервые зафиксировано в постановлении XIV с'езда.

Совершенно неправильно было бы считать обе эти задачи профсоюзов («защитная» работа и работа в области хозяйства) противоречащими одна другой. Наиболее ярко свидетельствует о том, что между ними нет противоречия, тот факт, что как одна, так и другая задача непосредственно вытекают из тех требований, которые выдвигают перед профсоюзами сами рабочие массы. XV партконференция, отметившая недостаток профсоюзов в области их «защитной» работы, признала «работу и внимание профсоюзов к хозяйственно-экономическим вопросам и к делу выдвижения своих кандидатов на административно-хозяйственные посты явно недостаточными и слабыми» [2]). Эта работа явно недостаточна и слаба и в настоящее время. Между тем теперь в большей мере, чем во время XIV партконференции, развернулась работа по реконструкции и рационализации промышленности, в большей мере выросла требовательность рабочих масс к хозяйственному руководству, в большей мере обозначилась насущнейшая необходимость участия профсоюзов и рабочих масс в деле руководства промышленностью. Все это требует решительных мер, направленных в сторону усиления экономической работы профсоюзов, а также проверки всех форм и методов ведения этой работы с тем, чтобы найти то новое, что необходимо в этой области выдвинуть в связи с особенностями данного периода времени.

---

[1]) Подчеркнуто мною. *Д. Г.*

[2]) Подчеркнуто мною. *Д. Г.*

Непосредственная самая последняя директива партии об усилении экономработы профсоюзов имеется в резолюции апрельского пленума ЦК 1928 года по вопросу «о шахтинском деле». Эта директива гласит:

«Предложить ВЦСПС обеспечить усиление экономработы во всех профсоюзах, особенно по линии участия профорганизаций в деле капитального строительства, в вопросах рационализации производства, проведения мероприятий по удешевлению себестоимости и руководства работой производственных совещаний. Партийные и хозяйственные органы обязаны оказать такое содействие профсоюзам в этой работе, чтобы на деле осуществить эту директиву».

Эта директива налагает известные обязательства и на профсоюзы, и на хозорганы, и на партийное руководство. Не в меньшей мере эти обязательства налагаются все растущей требовательностью рабочих масс по отношению к хозяйству и хозяйствованию.

Постановка вопроса об усилении экономической работы профсоюзов естественно вызывает вопросы о пределах вмешательства профорганизаций в дело хозяйственного руководства, о пределах ответственности за предприятия, трест, промышленность — хозоргана и профессиональной организации. Ответ на этот вопрос ясен: хозорган несет полную ответственность за врученное ему хозяйство. Полной ответственности должны соответствовать полные права в отношении осуществления хозяйственного руководства и хозяйственных мероприятий. На ряду с этим нужны только несколько иные методы хозяйственной руководящей работы (по сравнению с теми, которые у нас в большинстве случаев имеют место) в том направлении, чтоб она (руководящая хозяйственная работа) обеспечивала действительную возможность вовлекать массы в конкретное участие в хозяйственном строительстве.

Нужен также иной подход (чем у нас нередко бывает также на практике) в отношении ответственности профсоюзов за дело хозяйственного строительства и за его результаты. Можно ли снять ответственность с профсоюзов за шахтинское дело? На этом примере наиболее ясно видно, что нельзя с них (профсоюзов) снять ответственность не только за то, что в Шахтинском районе попирались материальные, бытовые и правовые интересы рабочих, не только за то, что профсоюзы плохо защищали непосредственные интересы этих групп рабочих, но и за то, что было допущено, да еще в течение ряда лет, организованное вредительство контрреволюционных специалистов. За это повинны и отвечают не только хозяйственники, но и профсоюзы.

И следует ли снимать с профсоюзов ответственность за срыв капитального строительства, за плохую работу в области снижения себестоимости и т. д.? И за это известная доля ответственности должна ложиться на профсоюзные организации: эти задачи (рациональное проведение капитального строительства, снижение себестоимости продукции и др.) возлагаются на хозорганы непосредственно, а на профсоюзы—в области всемерного содействия этой работе, участия в ней, контроля за ней. Ответственность профсоюзов за дело хозяйственного строительства (хотя и не непосредственная) не должна быть только декларативной, а поэтому она требует энергичного развертывания той отрасли работы профсоюзов, которая направлена в сторону обеспечения влияния союзов на хозяйственную работу и хозяйственное руководство.

* * *

Состояние экономической работы профсоюзов в настоящее время можно было бы в общих чертах охарактеризовать следующим образом.

Массовая экономическая работа на предприятиях—работа производственных совещаний—развертывается все шире и начинает переходить на более высокую ступень в отношении своего содержания путем охвата более серьезных, крупных вопросов производства. Однако, размах работы производственных совещаний не соответствует росту рабочей инициативы, интереса и требовательности рабочих к вопросам производства, а характер и методы работы производственных совещаний не обеспечивают охвата и разрешения ими тех новых и сложных вопросов, которые выдвигаются в связи с реконструкцией и рационализацией производства. На ряду с этим практическое воздействие производственных совещаний на хозяйственную работу на предприятиях недостаточно.

Вся работа производственных совещаний на предприятиях, весь громадный опыт, который ими накопляется, ни в какой мере не используется в работе, проводимой руководящими профорганами. В результате участие руководящих звеньев профорганизаций в разрешении хозяйственных вопросов носит кабинетный характер, лишено необходимой инициативы, не несет на деле функций действительного контроля и действительного воздействия на работу хозорганов, принимает характер штампования всех хозяйственных планов, мероприятий, решений.

Вовлечение широких рабочих масс в экономическую работу на предприятиях явно недостаточно, а в руководящих профорганах почти отсутствует.

Роль профорганизаций в деле выдвижения хозяйственных кадров чрезвычайно слаба, согласование кандидатур на хозяйственные руководящие посты между проф- и хозорганами носит очень часто формальный характер.

Внимание в профсоюзах к экономработе слабо, эта работа не считается важной, руководство работой на предприятиях со стороны правлений союзов неудовлетворительно, аппарат, ведущий экономработу, слаб и недостаточно авторитетен.

Исходя из такой оценки, попытаемся поставить отдельные конкретные задачи.

* * *

Новый этап в хозяйственном строительстве (реконструкция, рационализация, капитальное строительство) должен внести новое в содержание и качество экономпрофработы. Серьезность и сложность хозяйственных мероприятий, гораздо большие опасности ошибок, просчетов требуют усиления контроля со стороны профсоюзов, постановки профсоюзами всех этих именно серьезных и сложных вопросов, умелой их проработки.

Еще XV партконференция признала очередной задачей производственных совещаний «переход к обсуждению и разработке более крупных вопросов, как-то: улучшение организации труда и производства всего цеха, всего предприятия, треста в целом и т. д., разлагая большие, сложные вопросы на ряд более мелких, частных, детально прорабатывая каждый из них в цеховых производственных совещаниях и в специально создаваемых комиссиях».

Определенно наметившийся переход производственных совещаний к более сложным, серьезным вопросам выражается на практике, в большинстве случаев, в обсуждении общих докладов, а не в детальной проработке отдельных конкретных мероприятий. Кроме того, вопросы реконструкции, рационализации, вопросы нового строительства конкретно еще очень мало разрешаются на производственных совещаниях. Мы имеем примеры, что на ряде крупных предприятий проводившееся там капитальное строительство проходило мимо производственных совещаний.

Нужно обеспечить, чтоб круг вопросов, связанных с проведением реконструкции производства, был вклю-

чен в работу производственных совещаний. Для этого необходимо:

1) проведение хозорганами рационализаторских мероприятий по плану, составление планов рационализации цеха, предприятия, по тресту, предварительное обсуждение этих планов производственными совещаниями и включение важнейших вопросов этих планов в планы работы производственных совещаний;

2) обязательное установление связи производственных совещаний с бюро рационализации, которые в настоящее время организуются хозорганами;

3) включение в работу производственных совещаний вопросов капитального строительства.

Вовлечение рабочих в действительное обсуждение серьезных производственных вопросов, организация инициативы рабочих в постановке таких вопросов перед производственными совещаниями и хозорганами упирается в недостаточный культурный и технический уровень рабочих масс. Нужно развернуть самую энергичную работу за поднятие культурного и технического уровня в первую очередь рабочих кадров. Вечерние рабочие школы по повышению квалификации, производственные кружки на предприятиях и в клубах, распространение популярной литературы по вопросам техники, всемерное содействие росту изобретательства и организация изобретателей на предприятиях, широко поставленная техническая консультация для рабочих — становятся в настоящее время абсолютно необходимыми мерами, без которых не поставить рабочего контроля над производством и не обеспечить участия рабочих масс в обсуждении очередных и главнейших вопросов руководства хозяйством.

Как одно из необходимых условий поднятия на высшую ступень экономпрофработы и всемерного под'ема технического уровня рабочих, в настоящих условиях с особенной остротой встает вопрос о действительном вовлечении в экономическую профработу техников и специалистов. Через ИТС профсоюзы должны привлечь специалистов к проработке хозяйственно-экономических вопросов, которая проводится правлениями союзов. Вовлечение специалистов в экономическую профработу является лучшим способом приближения их к рабочим массам, является лучшим путем создания из них настоящих, преданных делу советских специалистов. Шахтинский процесс содействовал значительному перелому со стороны значительной части специалистов, приближению их к рабочим, к партии. Это дает возможность привлечь к работе в производственных совещаниях действительно лучших, наиболее близких нам лиц из технического персонала, которые примутся за эту работу не формально и смогут оказать громадную помощь в деле практического приспособления экономпрофработы к условиям реконструкции и рационализации производства.

Методы работы производственных совещаний должны быть полностью приспособлены к углубленной проработке серьезных, больших вопросов. Об этом говорится и в приведенной выше части решения XV партконференции. XV партконференция приняла также решение об организации на предприятиях временных контрольных комиссий, которые в течение сравнительно длительного срока на основе детального предварительного изучения всех материалов и использования опыта широких кругов рабочих прорабатывают какой-нибудь один из основных, важнейших на данном предприятии вопросов производства. Метод работы ВКК, которые создаются временно и смогут охватить только отдельные вопросы, должно, в известной мере, применить к повседневной работе производственных совещаний. Вокруг производственных совещаний надо сконцентрировать работу создающихя теперь пока только на отдельных предприятиях специальных организаций рабочих: рационализаторских групп, кружков изобретателей, ударных бригад и т. д. Все эти организации должны стать подсобными органами производственных совещаний, обеспечивающими серьезное изучение вставших перед ними серьезных вопросов.

Однако, на ряду с разрешением серьезных коренных вопросов производства, производственные совещания не должны проходить мимо небольших конкретных вопросов, поднимаемых рабочими в цехах. Наоборот — чутко прислушиваться к каждому предложению, к каждому критическому замечанию рабочих, повседневно наталкивать рабочих на постановку вопросов и внесение предложений в связи с их повседневной работой и суметь всю эту массу рабочих предложений обсудить, оформить, продвинуть через производственные совещания—является не менее важной задачей, чем задача глубокой проработки серьезных вопросов рационализации. По мере роста культурного и технического уровня рабочих, по мере развертывания работы по рационализации производства все эти рабочие предложения будут все больше охватывать как раз те производственные вопросы, которые являются в настоящее время коренными.

Внимательнейшее отношение ко всем предложениям рабочих и охват их работой производственных совещаний является главным орудием для вовлечения широких масс в разрешение хозяйственных вопросов. Экономработа профсоюзов имеет смысл только как массовая работа. Между тем в этом отношении наши достижения далеко не достаточны. Мы охватили в производственных совещаниях от 10 до 20% рабочих. Надо иметь при этом в виду, что эти 10—20%—не активные участники работы, а весь круг рабочих, который посещает совещания, собираемые подчас довольно нерегулярно и редко. Мы имеем несомненный разрыв между требовательностью и инициативой рабочих к вопросам производства и охватом производственными совещаниями этих требований и этой инициативы. В этом — одна из главных причин недостаточного охвата масс экономпрофработой на предприятиях.

Вовлечение масс в работу производственных совещаний особенно недостаточно в отношении новых слоев рабочих и вообще рабочих более низкой квалификации. Та прослойка рабочих, которая вовлекается в производственную работу является прослойкой наиболее старых и наиболее квалифицированных рабочих. Нужно со всей серьезностью представить, что вовлечение в дело строительства нашей промышленности только верхушки рабочих (наиболее старых и квалифицированных рабочих) для нас абсолютно недостаточно. Инертность, пассивность в этих вопросах и в этой работе более отсталых слоев рабочих недопустимы. Необходимо через развертывание экономработы на предприятиях вовлечь в нее все слои рабочих. Для этого производственные совещания должны охватывать в своей работе вопросы, интересующие разные слои рабочих и выдвигаемые разными слоями рабочих. Производственные совещания являются подлинной школой социалистического строительства. В этой школе должны обучаться действительно широкие массы.

Привлечение широких масс рабочих тормозится недостатками постановки работы производственных совещаний в цехах. Наши профессиональные организации очень медленно раскачиваются в отношении предоставления большей самостоятельности своим цеховым организациям. Линия на то, чтобы цеховые организации являлись только подсобными для общезаводских, в настоящее время уже не подходит—она была своевременна в тот период, когда мы только начинали развертывать работу в цехах. Между тем мы имеем в цехах подкомиссии общезаводских производственных комиссий, подчиняющиеся общезаводским комиссиям, не имеющие права выносить окончательные решения, работающие по плану, преподносимому

сверху. Помимо ограничения со стороны высших заводских органов, цеховые производственные совещания наталкиваются на недостаточность прав цеховой администрации. Все это в чрезвычайной мере ослабляет работу производственных совещаний в цехах, ограничивает их инициативу, отрывает их от разрешения всей массы цеховых вопросов, которые волнуют массу, которые массой рабочих выдвигаются. Нужно «раскрепостить» цеховые производственные комиссии и совещания, сделать их комиссиями при цехпрофбюро (а не подкомиссиями общезаводских организаций) и максимально развить их инициативу.

Нужно раз навсегда покончить с подменой производственных совещаний (массовых организаций) производственными комиссиями. Этот вопрос был поставлен III пленумом ВЦСПС еще в марте нынешнего года. Эта ошибочная постановка практической работы имеет чрезвычайно большое значение, так как она на практике извращает основное значение, основную установку работы производственных совещаний. Одно дело—привлечь к содействию в работе хозорганов известные ограниченные группы актива и совсем другое дело—сделать сознательными и действительными участниками хозяйственного строительства, участниками массового контроля над хозяйственным руководством большие рабочие массы. Именно в последнем—основная идея и главный смысл наших производственных совещаний, всей работы профсоюзов в области хозяйства. Первое является извращением основной идеи экономической профработы и ведет к тому, что мы не выполняем задачи превращения рабочих масс в подлинных социалистических строителей, отталкивая их (рабочие массы) в категорию просто «наемных рабочих» (таких не должно быть в социалистической госпромышленности), которым чуждо дело социалистического хозяйства, которые становятся «критиками со стороны».

Вот почему проблема действительного вовлечения масс в экономическую работу является такой важной. Она особенно важна теперь, когда в массах весьма заметно выросло и все растет стремление активно участвовать в строительстве хозяйства.

Производственные совещания нужно поставить в центре широко развернутой, если можно так выразиться, «производственной» общественности. Как ее развернуть эту общественность? Через производственную пропаганду в клубах и красных уголках (как мы часто о ней забываем!), через стенгазеты, через организацию производственных смотров, конкурсов, перекличек, через организацию производственных кружков, рационализаторских групп и т. д. Нужно направить инициативу профсоюзов, организаций комсомола, парт'ячеек к широкому использованию всех этих форм работы, приспособленных к охвату и организации самых разнообразных групп и слоев рабочих. Вокруг производственных совещаний нужно с особым вниманием выращивать кадры производственного актива.

* * *

Недостаточно было бы расшевелить массы только на предприятиях. На основе активности масс, с участием масс должны строить свою экономработу и высшие звенья профсоюзов. Для этого прежде всего должен быть поставлен вопрос о том, чтоб вся экономическая работа районных, окружных, губернских и других об'единений профсоюзов вплоть до центральных комитетов базировалась на той громадной работе, которая ведется на предприятиях, использовала повседневный опыт самых широких рабочих масс. Существует представление, что экономработа на предприятиях, которую называют массовой экономработой, должна представлять собою вполне законченный круг и что экономическая работа высших звеньев профсоюзов, их участие в планировании, в разрешении вопросов работы трестов и т. д., которую не принято называть массовой экономработой, должна являться совершенно отдельной областью работы, не имеющей даже точек соприкосновения с производственными совещаниями на фабриках и заводах.

Такое представление абсолютно неправильно.

Одной из значительных причин разрыва между экономической работой низовых и руководящих органов профсоюзов является коренной недостаток в руководстве со стороны профсоюзов производственными совещаниями. Это руководство вообще слабо. Кроме того, оно идет только по линии организационной. Руководящие профорганы изучают цифровые данные о посещаемости производственных совещаний, цифры о выполняемости предложений, изучают структуру произв. комиссий и совещаний, подсчитывают количество проведенных заседаний, но не изучают работы производственных совещаний по существу содержания этой работы, того, какие именно вопросы и как обсуждаются, какие именно вопросы должны обсуждаться, какие вопросы выдвигают рабочие массы, какие производственные недочеты имеют место на данном конкретном предприятии и как производственное совещание борется с этими недочетами и т. д. Директивы профорганов о работе производственных совещаний (которых имеется не мало) ставят только общие организационные вопросы, но не дают указаний по существу работы, не ставят конкретных вопросов о том, что и как надо обсудить, разрешить на конкретных предприятиях. Почти нет таких случаев, когда бы руководящий профорган помог производственному совещанию добиться проведения в жизнь конкретного постановления этого совещания (несмотря на то, что директора предприятий нередко сваливают на трест вину за невыполнение целого ряда решений производственных совещаний).

Поворот в руководстве профсоюзов работой производственных совещаний—в сторону исправления указанного коренного недостатка—сразу мог бы связать руководящие профорганы с конкретной работой производственных совещаний, обеспечил бы учет всего практического опыта работы производственных совещаний в области хозяйства.

Вооруженные этим практическим опытом, профессиональные руководящие организации смогут гораздо лучше осуществлять свое участие в работе треста, планирующих органов, принимать активное участие в проработке промпланов, планов капитального строительства, контрольных цифр и выдвигать по своей инициативе и по инициативе своих низовых органов конкретные хозяйственные вопросы перед руководящими хозорганами, требовать исправления тех или иных их недочетов.

Участие профорганов в управлении производством, в разрешении хозяйственных вопросов происходит большей частью через многочисленные представительства правлений союзов в различные хозяйственные учреждения. Этих представительств чрезвычайно много, осуществляются они двумя-тремя работниками, ведущими в правлении экономработу, из которых каждый перегружен представительствами. Представители зачастую ходят на хозяйственные совещания для участия в разрешении серьезнейших хозяйственных вопросов, не будучи знакомы с этими вопросами, во всяком случае, без серьезного предварительного изучения вопросов.

Такая система работы явно не удовлетворительна. Такое участие профсоюзов в разработке хозяйственных вопросов — почти фиктивное участие. Нужно: 1) твердо определить круг хозяйственных вопросов, которые профорганы, в порядке осуществления своей обязанности принимать участие в хозяйственном руководстве и планировании, детально изучают, прорабатывают и при разрешении которых принимают активное участие, не останавливаясь пе-

ред сокращением числа этих вопросов за счет оставления действительно основных, важнейших.

Не ограничиваясь участием представителей-профорганов в работе хоз. организаций, 2) практиковать по отношению к ряду хозяйственных вопросов предварительное обсуждение их на правлениях профсоюзов, фиксируя при этом свои замечания, поправки к проектам хозорганов с тем, чтобы представитель профсоюза по ряду вопросов мог при разрешении их хозяйственными организациями отстаивать определенное мнение профессиональной организации.

3) Не останавливаясь перед сокращением числа представительств, повысить качество их работы, добиться, чтобы они были более компетентны, привлекая к участию в представительствах всех руководящих членов правлений.

В целом ряде случаев такие вопросы, как промфинплан, контрольные цифры, план капитального строительства нужно широко обсудить предварительно на производственных совещаниях на предприятиях (в частях, охватывающих данное предприятие) с тем, чтоб обсуждать эти вопросы в руководящем профоргане, имея мнение низовых организаций.

Обеспечение такого участия профсоюзных организаций в разрешении хозяйственных вопросов требует соответствующего приспособления к этому порядку нашей плановой работы. На практике профессиональные работники почти всегда получают материалы по хозяйственным вопросам, в обсуждении которых они участвуют, либо непосредственно на заседаниях в хозорганах, где эти вопросы решаются, либо, в лучшем случае, за день-два до разрешения этих вопросов. Даже одному работнику профсоюза, представителю, нет никакой возможности оценить такие материалы и иметь о них свое мнение, не говоря о каком бы то ни было предварительном обсуждении внутри профорганизации. Это зависит от серьезных недостатков в методах и технике нашей планово-хозяйственной работы. Известно, что у нас планы нередко идут позади практической работы: уже половину года проработали— и тогда только поступает годовой план. Нужно подтвердить требование об упорядочении работы по планированию, выдвинутое апрельским пленумом ЦК [1]), также и вследствие того, что недостатки в этой области затрудняют привлечение широких масс и профорганизаций к участию в руководстве хозяйством, в планировании промышленности.

Участие профсоюзов и рабочих масс в руководстве хозяйством предполагает реальное воздействие их на работу хозяйственных органов. Это воздействие должно осуществляться не администрированием профорганизации в области хозяйственного руководства, не непосредственным вмешательством их в функции хозорганов, а выполнением самими хозорганами целесообразных решений и предложений производственных совещаний, рабочих производственных конференций, руководящих профессиональных органов. В этом отношении на практике дело обстоит далеко не так, как бы нужно было.

Первой причиной недостаточного реального воздействия, влияния профсоюзов на работу хозорганов является неудовлетворительность предложений по хозяйственным вопросам, вносимых профорганизациями.

У нас не мало разговоров идет о плохом выполнении предложений производственных совещаний. Целым рядом обследований за последнее время установлено, что на деле % выполненных предложений бывает значительно ниже того, который дается в официальных отчетах. Хозорганы признают выполненными целый ряд предложений, которые фактически не выполнены. Обследования не раз показывали также, что среди невыполненных предложений имеется большая часть предложений по наиболее серьезным вопросам. Нам думается, что одной из серьезных причин таких явлений надо признать то, что в результате плохой проработки вопросов многие решения производственных совещаний общи, неконкретны, а иногда и прямо невыполнимы. Приходилось не раз встречать предложения примерно со следующими указаниями: «обратить внимание»... «принять меры». Если не сказано, что, как и когда нужно сделать, то такому предложению грош цена. Хозорган может легко сообщить: «внимание обращено»... «меры приняты»... и проверить никак нельзя того, что неконкретно. С другой стороны, в результате плохой проработки вопросов выносятся предложения невыполнимые. Эти недостатки, несомненно, имеются, несмотря на то, что статистика показывает уменьшение количества отвергнутых хозорганами предложений производственных совещаний. Улучшение методов работы производственных совещаний, повышение качества этой работы, о чем сказано выше, сможет ликвидировать эту причину недостаточно реального воздействия производственных совещаний на работу хозорганов.

[1]) Резолюция пленума о «шахтинском деле» п. в, второй абзац. *Д. Г.*

Что касается высших звеньев профорганизаций, то слабость их воздействия на управление хозяйством об'ясняется тем, что практика экономработы в этом звене не обеспечивала инициативы профсоюзов в выдвижении каких бы то ни было новых вопросов перед хозорганами, новых предложений в разрабатываемые хозорганами планы и проекты. Практика экономработы профсоюзных руководящих органов сбивалась нередко на приложение своего штампа, безоговорочного санкционирования всей работы хозорганов.

Мы почти не встречали случаев, чтоб профорганизации сигнализировали бесхозяйственность, крупные просчеты, прорывы на фронте капитального строительства, и еще меньше случаев, когда бы профсоюзы вынудили конкретные предложения, как исправить конкретные недостатки в хозяйственной работе.

На практике при участии в рассмотрении контрольных цифр, промфинпланов профорганизации обращали внимание только на фонды зарплаты, фонды по жилстроительству и т. п. из области выполнения своих «защитных» функций, что необходимо делать, но чем недостаточно ограничиться.

Второй причиной недостаточно реального влияния профсоюзов на хозяйственное руководство является недостаточная настойчивость в проведении своих решений, отсутствие планомерно поставленной проверки, что очень важно, отсутствие помощи руководящих проф. органов низовым организациям в деле воздействия на хозорганы. Районные, окружные правления профсоюзов не помогают производственным совещаниям. Нет даже практики обращаться к высшим профорганам в случаях, когда не удается добиться проведения решений на месте.

Третьей причиной надо считать недостаточную ответственность хозорганов в ряде случаев, особенно в цехах, недостаточные их права, необходимые для проведения мероприятий, в связи с решениями производственных совещаний и профсоюзов.

Нужно сделать одной из функций хозяйственного руководства проверку выполнения решений профорганизаций. СНХ должны контролировать в этом отношении тресты, тресты—предприятия, заводоуправления—цеха.

Ответственность хозорганов за невыполнение решений производственных совещаний, за волокиту при выполнении этих решений недостаточно у нас на практике регламентирована. Нет юридически оформленных мер воздействия на хозяйственных руководителей, пренебрегающих в своей работе решениями, предложениями рабочих.

Надо бы поставить вопрос об издании соответствующего закона. РКИ должна направить также свое внимание в эту сторону. Нечего и говорить о значении в этом отношении нашей печати.

Усиление реальной ответственности хозорганов, обеспечение ее соответствующими юридическими нормами невозможно, конечно, без необходимого разрешения вопроса о правах заводоуправления и цеховой администрации, которые обеспечивали бы этим хозяйственным органам возможность проводить в жизнь целесообразные предложения рабочих. В условиях громадного роста инициативы рабочих мы имеющимися методами хозяйственного управления прямо зажимаем инициативу непосредственных руководителей предприятий, цехов. На ряду с тем, что этот вопрос не разрешен в достаточной мере для всей промышленности, мы имеем в отдельных отраслях прямо уродливую централизацию в этом отношении. Можно указать на железнодорожный транспорт, каменноугольную промышленность. И в отношении этих отраслей вопрос об известной децентрализации управления, о предоставлении необходимой хозяйственной самостоятельности предприятиям поставлен. Нужно более настойчиво, решительно взяться за разрешение этих вопросов. Обстановка настоящего времени, тот этап хозяйственного строительства, который мы теперь переживаем, с достаточной настойчивостью ставит эти вопросы. Возможность развертывания хозяйственной инициативы каждого непосредственного хозяйственника-руководителя, которая сможет и будет питаться напором инициативы широких рабочих масс и их организаций, абсолютно необходима.

Реальное воздействие со стороны рабочих масс на хозяйственное руководство внутри предприятий обеспечено развертыванием работы производственных совещаний. Экономработа профсоюзов, которая, с одной стороны, должна обеспечить руководство работой на предприятиях, с другой стороны, должна держать под контролем работу высших хозяйственных об'единений—трестов и т. д. Влияние на работу трестов не должно итти *только* из профсоюзного руководящего аппарата. Нужны еше другие организационные формы экономработы, охватывающие хозяйственные вопросы трестовского и бо́льшего масштаба. Эти организационные формы должны быть приспособлены к вовлечению широких масс рабочих.

Опыт производственных рабочих конференций в масштабе треста отрасли промышленности имеет в этом отношении громадное значение. Мы видим из года в год расширение применения этого опыта.

Кроме производственных конференций, надо считать целесообразным выдвинуть вопрос о создании *временных рабочих контрольных комиссий при трестах* и соответствующих правлениях профсоюзов. Избирать такие ВКК целесообразно на соответствующих производственных конференциях. Работать они должны под руководством соответствующего профоргана. Эти контрольные комиссии могут брать на себя проработку не одного, а и двух, трех вопросов. Они могут вести свою работу и в течение более длительного срока, чем ВКК на предприятиях. Работу свою они должны строить также на основе привлечения масс и о своей работе должны отчитываться перед массами.

Это предложение о ВКК при трестах тем более вызывается жизнью в связи с тем, что у нас ликвидированы ревизионные комиссии хозорганов, в состав которых включались представители профорганизаций. Эти ревизионные комиссии должны были в известной мере осуществлять контроль (или, во всяком случае, содействовать осуществлению контроля) профсоюзов над хозяйственными организациями. О необходимости использования для этого представительства профсоюзов в ревизионных комиссиях сказано в резолюции XV партконференции. Однако, ревизионные комиссии, неприспособленные по своей структуре и методам работы к вовлечению масс, к действительному, живому контролю, оказались на практике излишними бюрократическими пристройками к хозяйственному управляющему аппарату и были ликвидированы.

* * *

Серьезной и имеющей громадное значение частью экономработы профсоюзов, сильнейшим рычагом влияния рабочих масс и профессиональных организаций на хозяйство и хозяйственное строительство является *участие в выдвижении и подборе хозяйственных кадров из рабочих*.

Эта задача особо подчеркивалась всеми с'ездами и конференциями нашей партии, которые обсуждали вопрос о профсоюзах. Наша партия и рабочий класс имеют немалые достижения в отношении создания многочисленных кадров рабочих-хозяйственников. Тем не менее этот вопрос о кадрах хозяйственников в промышленности и продвижении на руководящую хозяйственную работу все новых и новых рабочих стоит и теперь перед нами во всей остроте. Так же остро стоит вопрос о создании кадров специалистов из рабочих, о правильном подборе специалистов на хозяйственные посты.

Нужно сказать, что за последние годы мы наблюдали весьма незначительные сдвиги в деле выдвижения новых рабочих на руководящую работу в промышленности и известное ослабление роли профессиональных союзов в отношении их участия в подборе хозяйственников.

Между тем, как раз за последний период у нас происходит массовое выдвижение рабочих на низовую непосредственную административно-хозяйственную работу внутри предприятий, в цехах. На каждом заводе, фабрике, имеются десятки вновь выдвинутых из рабочих мастеров, помощников мастеров, браковщиков, десятников и т. д. Нет достаточного внимания к этим низовым выдвиженцам, нет работы среди них по повышению квалификации и нет достаточно твердой установки на продвижение лучших из этих рабочих на действительно руководящую работу в масштабе цеха, предприятия, на руководящие посты в трестах. Эти вопросы необходимо поставить.

Необходимо, чтобы выдвижение рабочих стало первым делом профессиональных организаций и, в частности, производственных совещаний. Об этом не раз говорилось в партийных директивах Между тем производственные совещания вплотную не подошли к выполнению этой задачи. Редко встретить случай, чтобы производственные совещания обсуждали конкретные вопросы о выдвижении, проявляли свою живую инициативу в этом отношении. В этом отражаются и общие недостатки работы производственных совещаний и неправильное партийное руководство. Дело выдвижения нередко целиком и непосредственно захватывают партийные ячейки и проводят его, не давая развернуться инициативе производственных совещаний и профорганизаций. Это—большая ошибка низового партийного руководства, которую необходимо исправить.

Низовые выдвиженцы - хозяйственники на предприятиях, растущий актив производственных совещаний, который квалифицируется на работе, приобретает хозяйственные навыки, хорошее знание производства, находятся вне поля зрения руководящих профорганов. Между тем *руководящие профорганы должны учитывать, учить и квалифицировать резервы рабочих-хозяйственников*.

Мало того, профсоюзы должны для обеспечения своего действительного участия в формировании хозяйственных кадров *изучать наличные кадры хоз. работников*, оценивать их работу, иметь свое обоснованное мнение и вносить *свои* предложения о выдвижении, назначениях и перемещениях хоз. работников. Действительное систематическое участие профорганизаций в руководстве хозяйством обеспечит для них все необходимые возможности практически оценивать работу каждого хозяйственного работника.

Опираясь на учет, изучение хозяйственных кадров, на сплочение вокруг себя рабочих резервов для хоз. работы, профсоюзы должны на деле осуществлять свое право выдвижения хоз. кандидатур, обязательного инициативного участия в согласовании этих кандидатур. Для осуществления этого требуется опять-таки соответствующая твердая линия партийного руководства. Нередко партийные комитеты на практике подавляют инициативу профорганизаций в этом вопросе. Практика последующей после партийного решения записи в протоколах профорганизаций вопросов о назначении тех или других хозяйственных работников является прямым извращением партийной линии и партийных директив по этим вопросам. Предоставление широкой инициативы профсоюзу в деле участия в подборе хоз. кадров, предоставление им действительной возможности защищать перед хозорганами и партийными комитетами своих кандидатов, свои предложения не ослабит ни хозяйственного, ни партийного руководства.

На ряду с участием в выдвижении и подборе хозяйственных работников профорганизации должны считать серьезнейшей своей задачей участие в работе по реорганизации и улучшению управляющего хозяйственного аппарата.

Не меньшее значение, чем подбор людей, имеет система и методы работы, формы организации управляющего аппарата. И эти вопросы должны в достаточной мере обсуждаться в профорганизации. Из самого опыта повседневной практической работы профсоюзов в области экономических вопросов вопросы организации хозяйственного управления должны вытекать непосредственно.

* * *

Поставленные вопросы экономработы не осуществимы без необходимого внимания к *кадрам работников*, ведущих эту работу, к укреплению *экономаппарата профорганизаций*.

Непосредственно на предприятиях, на работе в производственных комиссиях растут эти работники. Нужно с величайшим вниманием относиться к отбору для работы в производственных комиссиях лучших товарищей, рабочих-производственников и отдельных специалистов. Дело дальнейшей квалификации этих низовых работников—серьезное. У нас еще весьма незначительна практика *специальных курсов для работников производственных комиссий*; выше говорилось, что руководство производственными комиссиями недостаточно хорошо поставлено, и потому не содействует квалификации и росту этих работников. Вопрос о специальной литературе для руководящего актива производственных комиссий и совещаний—также немаловажный вопрос.

В высших звеньях профсоюзов экономаппарат является частью тарифно-экономических отделов, которые главное внимание уделяют тарифным делам. По сравнению с общим количеством работников профаппаратов для этой работы уделяется самое незначительное число работников. Работа ведется нередко случайно, без достаточного участия руководящих органов—правлений союзов. Каждый профработник, освоившийся в вопросах хозяйства, обычно срочно выдвигается на хозработу. В связи с этим на экономработе в профсоюзах имеются недостаточно квалифицированные работники. Это понижает качество экономработы профсоюзов Нужно изменить отношение к подбору этой категории работников в профсоюзах и поставить вопрос *о создании самостоятельных экономотделов в профсоюзных аппаратах*. Против этого возражают в виду того, что трудно оторвать экономработу от тарифной работы, что они тесно связаны между собою. Все отрасли работы профсоюзов достаточно тесно связаны между собою и соприкасаются одна с другой. Разделение аппарата на отдельные части, на отделы, вызвано необходимостью широко развернуть ту или иную отрасль работы, систематически ею руководить, готовить работников для этой отрасли работы, изучать ее опыт и т. д. С этой точки зрения организация самостоятельных экономотделов целиком себя оправдывает. Такой опыт проведен ЦК союза железнодорожников (пока только в ЦК) и дал положительные результаты в том отношении, что ЦК ж. д. выдвинул и детально разработал за последнее время ряд крупнейших хозяйственных вопросов, проявил свою инициативу в постановке вопросов и оказал свое конкретное влияние на хозяйственную работу НКПС.

Организация самостоятельных экономотделов поможет подобрать кадры работников из наиболее авторитетных профессионалистов на этот серьезнейший участок профессиональной работы, приблизит вопросы экономработы к профсоюзному руководству.

* * *

В заключение необходимо остановиться на задачах *партийного руководства* в связи с поставленными здесь вопросами. Во-первых, партийные организации должны добиться общего оживления экономработы профсоюзов. Этого требует рост запросов рабочих в этом отношении. На предприятиях должно происходить оживление работы производственных совещаний; где этого не будет, там парт'ячейка покажет свое неумение организовывать рабочую массу. Внимание парторганов экономработе в правлениях профсоюзов было до сих пор абсолютно недостаточным. Парторганизации не знают ни методов организации, ни размаха, ни эффективности этой работы. Надо к этой области работы профсоюзов подойти ближе.

Практическое партийное руководство экономпрофработой должно обеспечить полное приспособление этой работы: 1) к условиям реконструктивного периода в промышленности; 2) охвату этой работой действительно широких масс рабочих и 3) к обеспечению действительного влияния рабочих и профсоюзов на управление хозяйством.

В области партруководства хозяйством и хозяйственными работниками стоят следующие два вопроса.

Партия должна со всей настойчивостью учить хозяйственных работников работать с массами, используя опыт масс. Нужно возлагать *ответственность за качество работы производственных совещаний не только на профорганизацию, но и на хозяйственника*, который обязан участвовать в работе производственного совещания, вносить на его обсуждение определенный круг хозяйственных вопросов, помогать ему работать. *Оценку хозяйственных кадров* партия должна делать *не только с точки зрения деловой хоз. квалификации, но и с точки зрения уменья вести свою работу с привлечением рабочих масс и профсоюзов*.

При обсуждении хозяйственных вопросов парторганизациями абсолютно недостаточно учитывалось мнение профорганизаций. Парткомы и парт'ячейки заслушивают доклады хозорганов и нередко забывают о том, что соответствующие профорганизации должны быть в курсе этих вопросов. Нужно проверять не только работу хозорганов, но и проверять работу профорганизаций в области хозяйства.

При разрешении и обсуждении хоз. вопросов в парторганах, равно и при обсуждении вопросов о подборе хоз. работников нельзя допустить подмены парторганами профорганизаций. Это явление имеет место и в величайшей степени ослабляет экономработу профсоюзов, в то время как нам необходимо ее все больше усиливать.

Партийное руководство должно обеспечить максимальное развертывание инициативы руководимых партией пролетарских организаций. Если партийное руководство этого не добивается, оно—неправильное партийное руководство.

Л. Шацкин.

К вопросу о характере и движущих силах индийской революции[1]).

Нельзя сказать, что Индия уже переживает революцию. Но что дело идет к революции, показывают все последние события в этой стране: массовые демонстрации против комиссии Саймона, длительные и упорные стачки текстильщиков и железнодорожников, столкновения между рабочими и полицией (Мадрас, Кулькутта, Бомбей и т. д.), рост влияния революционных организаций и ряд других симптоматичных фактов. Относительное «спокойствие», наступившее после поражения массовых движений 1919—1922 годов, сменилось новым нарастанием революционного прибоя. «Жемчужина британской короны» может уже в недалеком будущем стать ареной событий, не менее важных, чем великая китайская революция. Хотя никто не может предсказать сроков, необходимо уже сейчас уделить величайшее внимание индийскому участку мирового революционного фронта.

Проблемы индийской революции настолько многочисленны и сложны, что их невозможно охватить в одной статье. Настоящий очерк, как показывает заглавие, ставит проблемы индийской революции лишь в их наиболее общей постановке, не освещая ни «текущего момента», ни тактических выводов, и может дать лишь предварительную наметку по ряду вопросов, которые нуждаются в более длительном и детальном изучении и, главное, в коллективном обсуждении.

I. Развитие капитализма в Индии.

«Англия разрушила все здание индийского социального порядка, и признаков нового строительства пока еще не видно»,—так в 1853 году определял Маркс результаты британского режима в Индии. Разрушив общину, на которой покоилось старое индийское общество, новые хозяева Индии в течение более полутора столетий считали одной из важнейших задач своей политики сохранение аграрного характера страны, недопущение развития туземной крупной промышленности. Индия должна была служить и служила источником сырья и рынком сбыта для текстильной промышленности метрополии. И, однако, несмотря на эту политику британского империализма, а в громадной степени,—как это ни странно звучит,—благодаря этой политике, под покровом английского владычества в Индии развились все основные условия, необходимые для возникновения промышленного капитализма.

Англичане застали в завоеванной стране значительно развитый торговый и ростовщический капитал, а в некоторых частях страны и крупных землевладельцев. Индо-британская торговля, на которой бешено наживались

[1]) Статья написана еще до последнего конгресса Коминтерна, но затрагивает ряд вопросов, которые дискуссировались на конгрессе.

английские купцы, с неизбежностью породила многочисленную туземную агентуру, целый класс индийских торговцев, ставших посредниками между иностранным империализмом и местным населением. Опираясь на мощь своих чужеземных хозяев, пользуясь полной беззащитностью и разорением индийского крестьянства и городской бедноты, они быстро обогащались, сосредоточивая в своих руках громадные капиталы. С другой стороны, просвещенные британцы не только восстановили разрушенную было в первый период завоевания крупную земельную собственность, но распространили ее на большую часть страны, создав обширный класс крупных помещиков. Хищническая эксплоатация земледельческого населения явилась источником обогащения этого класса. И, наконец, на почве тройного грабежа трудящихся масс империалистами, торговцами и помещиками пышно расцвело ростовщичество, являющееся специальной профессией широкого слоя эксплоататоров, либо совмещаемое с торговлей или землевладением. Таковы три основных источника первоначального накопления капитала — этого первого условия возникновения промышленного капитализма.

Вторжение дешевых товаров ланкаширской промышленности привело к упадку широко развитого индийского ремесла, которое не в состоянии успешно сопротивляться конкуренции крупного машинного производства. Это обстоятельство повлекло за собой ряд последствий громадного значения. Вызывая, с одной стороны, возвращение части ремесленного населения городов и деревень к земледельческим занятиям, упадок мелкого промышленного производства означал в то же время полное отделение миллионов мелких производителей от средств производства, т.-е. их превращение в будущих пролетариев. Возвращавшиеся же к земледелию ремесленники усиливали относительное перенаселение деревни, пауперизацию крепостнически угнетаемого крестьянства, которое все более интенсивно выделяло из своих рядов миллионы разоренных, обезземеленных рабочих. Таким образом, эксплоатация крестьянства и конкуренция дешевых товаров породили второе основное условие возникновения промышленного капитализма — колоссальную резервную армию лишенных средств производства людей, единственным выходом для которых стала продажа их рабочей силы.

Упадок ремесла в то же время превращал городского и деревенского потребителя его продуктов в покупателя промышленных товаров. Прогрессировавшая товаризация прежде натурального и полунатурального сельского хозяйства, вовлеченного британским империализмом в мировой сельскохозяйственный товарооборот, и разрушение домашней промышленности крестьянства расширяли область распространения этих товаров. Таким образом возникло третье основное условие развития промышленного капитализма — рынок сбыта товаров капиталистической индустрии, которым сначала воспользовалась почти исключительно промышленность метрополии, но который при известных условиях мог превратиться во внутренний рынок индийской крупной промышленности.

Для широкого развития капиталистической промышленности недостаточно наличие местных рынков, которые не могут обеспечить сбыта продуктов массового производства, каким является крупное капиталистическое производство. Однако, британский империализм в своих экономических и политических интересах создал в Индии национальный рынок, тем самым создавая базу для антибританского национального движения. На двух третях территории Индии, населенных четырьмя пятыми населения—в так называемых британских провинциях, он построил более или менее единообразную и централизованную систему администрации. Туземные князья, «правящие» остальной третью страны, крепко взнузданы индийским правительством и обладают неизмеримо меньшей самостоятельностью, чем сатрапы китайских провинций. Англичане об'единили единой таможенной

системой всю страну, в которой нет внутренних таможенных перегородок, в роде китайского ликина. Несмотря на разнообразие налоговых систем, размеры и методы сбора налогов в британских провинциях регулируются из одного центра на основе общеиндийского бюджета, что, конечно, не исключает широко распространенного вымогательства податных и прочих чиновников. Англо-индийское правительство ввело и регулирует общую почти для всей страны, хотя и отсталую, валютную систему. И что важнее всего, в интересах экспортно-импортной торговли и по стратегическим соображениям оно связало отдельные части страны, равной по своим размерам Европе без России, широкой сетью механического транспорта—морского флота и железных дорог, протяжение которых равно довоенной железнодорожной сети Германии. По этому поводу надо напомнить пророческие слова Маркса: «Коль скоро в систему путей сообщения страны, имеющей уголь и железо, введена машина, то уже невозможно задержать ее развитие. Железнодорожная система в Индии предшествует возникновению современной промышленности».

Уже во второй половине XIX столетия «естественная» тенденция развития производительных сил страны по капиталистическому руслу начала пробивать бреши в той стене, которую воздвиг на пути такого развития британский империализм, опиравшийся на товарную интервенцию, обусловленную системой свободной торговли. Но понадобились еще три обстоятельства всемирно-исторического значения для того, чтобы отдельные ручейки превратились в широкий поток промышленно-капиталистического развития.

Во-первых, Англия, как и другие передовые капиталистические страны, перешла в фазу современного империализма, которая характеризуется не только вывозом готовых товаров, но и *вывозом капитала*.

Хотя львиная доля этого экспорта капитала приходилась (например, в 1922 и 1923 гг.) на правительственные займы, которые в свою очередь тратились главным образом на покрытие непроизводительных расходов, а затем на железные дороги и ирригацию, однако, не один десяток миллионов фунтов стерлингов ввезенного в Индию за последние десятилетия британского капитала был вложен в промышленность.

Таким образом сам британский капитал в противоречии со старыми традициями английской политики в Индии стал развивать в стране крупную промышленность, что уже являлось предпосылкой некоторых новых моментов в британской политике. Даже та часть британского капитала, которая вкладывалась не в промышленность, а в торговлю, железные дороги, ирригацию, транспорт и банки, в конечном счете способствовала созданию условий, необходимых для развития промышленного капитализма.

Если уже до войны оплаченный капитал всех иностранных, т.-е. главным образом британских, акционерных компаний (не только промышленных, но и торговых, страховых и др.) в Индии равнялся 200 миллионов фунтов стерлингов, то в 1920—21 гг. он составлял 500 милл. фунтов стерлингов.

Во-вторых, не меньшее, если не большее, значение для развития промышленного капитализма в Индии имела *мировая война*. Англия лишена была возможности снабжать Индию достаточными массами товаров как потому, что ее собственная промышленность работала на оборону так и потому, что передвижения ее торгового флота были сильно затруднены подводной войной. С другой стороны, потребность в военном снаряжении и неудобства перевозки его из самой Англии на восточные фронты (Месопотамия, Восточная Африка и др.), а также необходимость обеспечения в военном отношении индийского плацдарма Британской империи сыграли немаловажную роль в развитии индийской промышленности.

В-третьих, *политические соображения* толкали Англию в сторону экономических уступок индийской буржуазии, дабы заручиться ее

поддержкой в борьбе против подымавшихся народных масс, разбуженных войной и ее последствиями. События 1919 — 1922 годов показали правильность политического расчета британских империалистов и оказали громадное влияние на их политику.

Британский империализм перешел от свободы торговли и акциза на предметы индийского производства, к ввозным *пошлинам* на готовые фабрикаты и вывозным пошлинам на некоторые виды сырья. Акциз на хлопчатобумажные изделия был отменен. В некоторых производствах (железнодорожные вагоны и др.) были введены покровительственные премии.

В результате всех этих обстоятельств *индийская крупная промышленность во время и после войны сделала громадный скачок вперед*. Доля импорта в потреблении хлопчатобумажных товаров понизилась с 58,5% в 1913—14 г. до 34% в 1926—27 г. Продукция тканей выросла за тот же период в миллионах ярдов с 1.164,8 до 2.258,7, а экспорт тканей в миллионах ярдов увеличился за то же время с 112 до 230. Количество станков в джутовой промышленности выросло с 36.050 в 1913—1914 г. до 41.588 в 1920—21 г. Добыча железной руды поднялась с 492.669 тонн в 1913 г. до 1.445.613 тонн в 1924 г., продукция чугуна с 204.000 тонн в 1913 г. до 900.000 тонн в 1925—26 г., продукция стали с 55.000 тонн в 1912—13 г. до 450.000 тонн в 1925—26 г. Добыча угля повысилась с 16.208.000 тонн в 1913 г. до 22.628.000 тонн в 1919 г. (1926 г. дает сокращение до 19,9 миллионов). Сокращение импорта текстильных машин с 50.437 тонн в 1913 г. до 34.966 тонн в 1925 году при одновременном бурном росте количества ткацких станков и веретен на текстильных фабриках свидетельствует и о некотором развитии машиностроительной промышленности, по поводу которого, однако, точных данных мы не имеем [1]).

Нет сомнения, что *капитализм проникает и в индийское земледелие*, хотя его развитие в области сельского хозяйства натыкается на еще большие препятствия, чем в промышленности, и хотя об этом существует очень мало прямых указаний.

В мировом с.-х. производстве Индия стоит на первом месте по количеству голов скота, на втором—по производству риса и хлопчатника, на третьем (после С. Ш. С. А. и довоенной России)—по производству пшеницы. Экспорт Индии был и, несмотря на повышение удельного веса продуктов промышленности за последние полтора десятка лет, остается преимущественно сельскохозяйственным экспортом. Вывоз риса до войны [2]) составлял 2.440.000 тонн и, сократившись во время войны, поднялся в 1922—23 г. снова до 2.308.000 тонн. Вывоз пшеницы, резко сократившийся во время и особенно после войны, составлял до войны 1.308.000 тонн в год. Сырой джут вывозился до войны в количестве 764.000 тонн, претерпев некоторое сокращение во время и после войны (особенно в период послевоенного бума в индийской промышленности). Вывоз хлопка, составлявший перед войной 430.000 тонн, достиг в 1922—23 г. 600.000 тонн. Соответствующие годы дают для масличных семян 1.453.000 тонн и 1.177.000, для чая—266 милл. фунтов и 288. Для того, чтобы учесть *влияние экспорта на индийское сельское хозяйство*, надо принять во внимание, что годовая сумма всего вывоза из Индии увеличилась с 1885—86 по 1923—24 гг. на 458% [3]). При чем, как следует из вышеприведенных цифр, растет удельный вес экспорта хлопка.

---

[1]) Приведенные здесь цифры о развитии индийской промышленности заимствованы главным образом из статьи Ретбоуна в № 1 журн. «Мировое Хозяйство и Политика», 1928.

[2]) Все цифры довоенного вывоза с.-х. продуктов представляют среднюю цифру годового экспорта за период 1909—1914 годов.

[3]) Цифры индийского экспорта приведены по книге Дингельштедта «Аграрный вопрос в Индии», «Прибой», 1928.

На ряду с ростом внешнего рынка рос и внутренний рынок сельскохозяйственных товаров. Правда, % городского населения увеличивается в Индии крайне медленно (с 9,5% в 1891 г. до 10,2% в 1921 г.), но зато быстрым темпом растут крупные города, которые, конечно, представляют гораздо более широкий и концентрированный рынок для продуктов сельского хозяйства, чем отсталые средние и мелкие города. Рост крупной промышленности означает рост внутреннего спроса на продукты сельского хозяйства, в частности на продукты товарных технических культур.

В то же время давление и рост налогов, арендной платы и задолженности создают в крестьянстве колоссальную потребность в деньгах, заставляющую его увеличивать производство на рынок.

В этих условиях неизбежно развивалось торговое земледелие и на этой почве специализация отдельных районов на производстве отдельных технических культур, что представляет собой такую ступень вовлечения сельского хозяйства в рыночной оборот, которая ставит на очередь изменение способа производства, необходимое для покрытия возрастающего спроса.

Количество крупных предприятий в сельском хозяйстве невелико—подавляющее большинство помещичьих земель сдается в аренду крестьянам, а часть помещичьих хозяйств обрабатывается барщинным трудом. Но все же в Индии распространено капиталистическое плантационное хозяйство, в которое вложены большие английские капиталы. Особо широко развито плантационное производство чая. Количество рабочих на всех плантациях равнялось в 1921 г.—818.000, что составляет громадный % в общем составе индийского пролетариата крупных предприятий.

О капиталистическом расслоении крестьянства свидетельствует ряд признаков, весьма неполных [1]).

Прежде всего, различия в землепользовании. Так, например, в бомбейском президентстве количество владений ниже 5 акров составляло в 1921—22 г. 1.041.245, от 5 до 15 акров—640.232, от 15 до 25 акров—266.378, от 25 до 100 акров—260.559 и свыше 100 акров—37.486, при чем надо отметить, что в бомбейском президентстве помещичье землевладение развито слабо. Землепользование первых двух категорий распространялось на 8.385.000 акров, а все категории выше 15 акров занимают площадь земли в 26.098.000 акров. Средний размер землепользования низших категорий падает, средний же размер землепользования высших разрядов (за исключением наивысшей группы имеющих свыше 500 акров) растет. Типичная (по словам Джевонса) деревня Соединенных Провинций дает такую картину землепользования: менее 5 акров—138 владений, от 5 до 10 акров—24, свыше 10 акров—11. В Пенджабе диференциация землепользования выражается в таких цифрах: 3.000.000 владений имеют в среднем по 7 акров, 300.000—по 18 акров, 100.000—по 35 акров и высшая группа (по 150 акров)—7.200 [2]). По данным, приводимым т. Сейгелем [3]), в том же Пенджабе, где распространено крестьянское землевладение, 17% владельцев участков ниже 1 акра имеют 1% занимаемой площади, от 1 до 5 акров—40,4% владельцев и 11% площади, от 5 до 15 акров—26,2% вл. и 26,6% площ., от 15—50 акров—11,8% влад. и 35,6% площади, выше 50 акров—3,7% влад. и 25,6% площади. Т.-е. 58,3% бедноты владеют 12% земли, 3,7% высшей группы—25,6% земли, а обе высшие категории, вместе составляющие 15,5% владельцев, имеют 61,2% земли. Надо сказать, что во всех этих данных не отделено помещичье землевладение от крестьянского и что вследствие развития внутрикрестьянской аренды фактические размеры крестьянских хозяйств часто не совпадают с размерами землепользования. Однако, эти данные, если откинуть самые высшие разряды владений, все же косвенно отражают некоторые процессы расслоения в крестьянском хозяйстве, особенно в районах, где помещичье землевладение распространено слабо (Бомбей, Пенджаб).

[1]) В этой статье лишь в ничтожной степени могли быть использованы весьма интересные материалы английской комиссии, исследующей в настоящее время положение сельского хозяйства в Индии.

[2]) См. упоминавшуюся уже книгу Дингельштедта.

[3]) Б. Сейгель, «Английские колонизаторы «лицом» к индийской деревне», журн. «На Аграрном Фронте» № 10, 1926 г.

Исследования о доходности различных групп крестьянства имеются лишь по двум деревням бомбейского президентства, подробно обследованных д-ром Манном. Так, по деревне Ятегон 10 семей сводят свой годовой бюджет с плюсом в среднем в 232 рупии, 12 с плюсом в 8 рупий и 125 с дефицитом в 138 рупий. Менее яркая картина расслоения наблюдается в деревне Судагар: 8 семейств—плюс 85 рупий, 28 семейств—плюс 56 рупий, 67 семейств—минус 88 рупий. По Слэтеру бюджеты крестьянской семьи в мадрасской провинции колеблются от 240 до 4 600 рупий. В округе Тинневилли по четырехчленным семьям бюджету браминской семьи в 450 рупий противостоит бюджет семьи поллана (впавшего в рабство кредитору крестьянина) в 117 рупий.

О неравномерности распределения скота и мертвого инвентаря есть лишь немногочисленные сведения по двум вышеприведенным деревням, обследованным Манном. В Ятегоне из 147 семей имеют скот 110, а в Судагаре из 111 только 49. Простым деревянным плугом владеет менее половины хозяйств этих деревень.

Косвенным, но очень существенным показателем расслоения является быстрый рост с.-х кредитной кооперации, участие в которой доступно главным образом зажиточным слоям крестьянства. В 1911—12 г. насчитывалось 8.177 обществ с 403.318 членами, а в 1920—21—43.091 общество с 1.765.925 членами. Сумма выданных ссуд за те же годы—27.051.000 рупий и 149.405.000 рупий. Общая сумма вкладов и акций всех кредитно-кооперативных обществ равнялась в 1920—21 г. 500.000.000 рупий.

Показателем расслоения крестьянства является также распространение внутрикрестьянской аренды такого типа, когда сдатчиками являются в первую очередь крестьяне, превращающиеся в с.-х. или городских пролетариев. О распределении с'емщиков крестьянской земли между разными группами крестьянства данных привести нельзя.

Наконец, индийская статистика насчитывает громадный класс с.-х. рабочих: 18,7 милл. в 1891 г., 41,2 милл. в 1912 г., 37,9 милл. в 1921 г. (сокращение вследствие изменений в способах статистического подсчета, а также голода и эпидемий). Эти 37,9 милл., из которых 21,7 милл. самостоятельных, статистика делит на 31 897.734 «полевых рабочих» и 6.027.183 «батраков на фермах». Тов. Сейгель, который отрицает существование сколько-нибудь значительного слоя с.-х. пролетариата в Индии, причисляет полевых рабочих, как правило, к безземельным пауперам, выброшенным из процесса производства. Однако, и он признает, что «небольшая часть» из них имеет временную работу на 3 месяца в году. Среди шести миллионов «батраков на фермах», очевидно, есть часть пролетариев, хотя значительная часть этих батраков, вероятно, представляет работников, впавших в кабалу. Кроме того, и громадная прослойка крестьян, ведущих свое хозяйство, вынуждена дополнять свой заработок работой по найму, о чем свидетельствуют многочисленные данные. Принимая во внимание, что крупного хозяйства помещики почти нигде не ведут, что плантационные рабочие не входят в число «полевых рабочих», как ошибочно полагает тов. Сейгель, а числятся в особой графе индийской статистики, приходится притти к выводу, что наемный

труд довольно широко распространен в крестьянском хозяйстве. О его применении различными группами крестьянства данных у нас нет, но ясно, что применение наемного труда связано с разницей в доходе, в величине надела и т. д.

Таким образом, расслоение в крестьянстве без сомнения началось. О том, насколько далеко зашел этот процесс, сказать ничего определенного нельзя в виду неполноты и неточности основных показателей расслоения. Но вполне очевидно, что капиталистическое расслоение индийской деревни натыкается на громадные препятствия.

II. Колониальный характер Индии.

Несмотря на наличие национального рынка и развитие крупной промышленности, Индия продолжает оставаться колониальной страной, зависящей во всех важнейших областях своей жизни от иностранного империализма. Правда, новейшее экономическое развитие этой страны создает могущественную базу для ее национального освобождения. Но говорить о процессе деколонизации неверно.

Индия, конечно, изменилась по сравнению с тем, чем она была в период домонополистического капитализма. Однако, она остается вполне колониальной страной эпохи империализма. Иностранное владычество в экономике и политике, беспощадная эксплоатация страны в пользу метрополии все еще являются основным фактором, определяющим жизнь Индии. Этот колониальный характер страны в конечном счете задерживает, несмотря на ввоз иностранного капитала, развитие производительных сил, развитие капитализма.

Командные высоты индийской экономики находятся в руках британского империализма.

Регулирование валюты производится англо-индийским правительством, не желающим допустить в этом деле сколько нибудь значительного участия индийцев, в интересах метрополии и зачастую в ущерб интересам народного хозяйства Индии. Фонд, гарантирующий курс рупии, находится в Лондоне.

Банковская система находится на $^2/_3$, если не больше, в руках англичан. Имперский банк Индии (государственный банк) имел на 31 декабря 1922 г. 56 миллионов рупий основн. капитала, 43 миллиона запасного, 141 милл. правит. и общественных вкладов, 570 миллионов частных вкладов и кассовую наличность в 150 миллионов. 18 британских девизных банков со складочным и запасным капиталом на 31 дек. 1922 г. в 112,2 милл. ф. ст. и вкладами вне Индии в 527,3 милл. ф. ст., имели на то же число в Индии 733,8 милл. рупий вкладов и 161,7 милл. рупий кассовой наличности. На то же число 27 более значительных индийских акционерных банков имели основн. и запасн. капиталов 106 милл. рупий, вкладов на 616,3 милл. и кассовую наличность в 120,3 милл. (мелкие индийские акционерные банки обладают все вместе капиталом всего в 11 милл. рупий [1]). Таким образом, не только больше двух третей вкладов было в руках британских банков (государственного и девизных), но британские акционерные банки представляют гораздо более концентрированный капитал, а их мощная капитальная база за границей совершенно несравнима с финансовой базой туземных банков. Хотя капитал индийских банков и вырос с 1913 г. более чем в три раза, но в такой же приблизительно мере, а в абсолютных цифрах неизмеримо больше вырос капитал британских акционерных банков.

Британский империализм играет доминирующую роль и во внешней торговле Индии. Соединенное королевство во внешнеторговом обороте

[1]) Проф. Б. Нарайн «Народное хозяйство Индии», «Москов. Рабочий», 1925.

Индии до войны имело долю, в среднем равную 40%, во время войны в среднем—42,2% и в 1921—22 г.—39,1%. Выше соответствующие цифры для Британской империи в целом—52,3%, 57,1% и 54,4%. Доля Британской империи в импорте составляла в 1921—22 г. 66,6%, а в экспорте 41% [1]). Само собой понятно, какое могущественное орудие в руках британского империализма представляет его роль во внешней торговле Индии. Тем более, что сама эта торговля в громадной степени сосредоточена в руках англичан. Большая часть импорта ввозится британскими купцами и финансируется британскими банками. В то время, как индийские акционерные банки (и государственный банк) финансируют внутреннюю торговлю, английские банки в Индии финансируют почти весь экспорт этой страны. Чтобы пояснить, о чем идет дело, надо иметь в виду, что внешнеторговый оборот Индии уже до войны равнялся 3,8 миллиардам рупий в год (из них вывоз 2,2 млрд. и ввоз—1,5 млрд.), а в 1921—22 г., когда курс рупии по отношению к фунту стерлингов установился уже на более или менее нормальном уровне, а индекс цен в декабре 1921 г. был равен 193, внешний товарооборот равнялся 5,2 млрд. рупий.

Почти весь морской транспорт, соединяющий как Индию с остальным миром, так и отдельные части этой громадной страны, равной по территории Европе без России, находится в руках англичан. Следовательно, они же регулируют фрахт, имеющий первостепенное значение для торговли. Им же принадлежат индийские железные дороги, которые частью являются казенными предприятиями, а частью находятся во владении компаний с британским капиталом.

О соотношении британского и индийского капитала в промышленности нет исчерпывающих данных. Обычно приводится количество предприятий с индийскими и британскими директорами или владельцами, что лишь весьма косвенно отражает «национальный состав» капитала. Нарайн приводит таблицу такого распределения по некоторым провинциям, при чем неизвестно, входят ли сюда и казенные предприятия. Согласно этой таблице каменноугольные копи в Бенгалии, Бигаре и Ориссе имели по компаниям: 157 компаний—англичан-директоров, 48—индийцев и 38—лиц обеих рас, а из частных лиц англичанам принадлежало 15, а индийцам 299 предприятий. Однако, нет сомнения, что акционерные компании обладают гораздо более мощными капиталами, чем частные лица. По «металлам и машиностроению» (в том числе ж.-д. мастерские) по компаниям соответствующие цифры для Бенгалии и Мадраса таковы: 64, 3 и 4, а для частных лиц 8 и 15. Марганцевые рудники в Центральных Провинциях и Бераре: 19, 2 и 0, а для частных лиц 2 и 19. Прессование джута в Бенгалии: 49,5,1 и 25,108. Джутовые фабрики в Бенгалии: 54,0,6 и 1,1. Чайные плантации в Ассаме и Бенгалии: 743, 150,16 и 91,136. Ж.-д. заводы в Бомбее—17 англ. директоров, ни одного индуса, ни одной смешанной компании, а из предприятий частных лиц—6 английских и 11 индийских. Несмотря на косвенность этих данных, из них можно сделать вывод, что англичане почти монополизировали промышленность по обработке джута, что им принадлежит большая часть машиностроительной промышленности, что то же самое верно по отношению к чайным плантациям, что в каменноугольной промышленности им принадлежит львиная доля наиболее концентрированных и капиталомощных предприятий. Иначе дело обстоит с производством чугуна и стали, 72% продукции которых в Индии приходилось в 1919 г. на индийское предприятие Тата (Рет-

[1]) Там же, стр. 133. Нам важно в этой связи показать, что британский империализм все еще является главным контрагентом Индии в ее внешней торговле. Если же рассматривать внешнюю торговлю Индии с точки зрения развития британской политики в этой стране, то надо прежде всего учитывать, что доля Англии в индийском импорте упала с 64% перед войной до 47,8% в 1926/27 г.

боун) [1]). Три крупнейших компании по обработке железа и стали, зарегистрированных после окончания войны с капиталом в 12 с половиной милл. рупий, зависят от британских фирм в Англии и Индии (Рой—«Будущее индийской политики», изд. «Плановое Хозяйство», 1926 г.).

О бомбейской хлопчатобумажной промышленности, производящей 57,6% всей пряжи и 58,5% всей ткани, Ретбоун приводит следующую таблицу:

	Число предпр.	Число веретен.	Число станк.	Капитал в рублях
Предприятия, управляем. англ. агентами: . . . (9)	27	1.112.114	22.121	98.885.415
Предприятие, управляем. индийск. агентами: . (32)	56	2.360.528	51.580	97.704.595

Таким образом, и в самой «национальной» отрасли промышленности—хлопчатобумажной, британский капитал играет немаловажную роль, и тут он концентрированнее индийского капитала.

Общее соотношение индийского и иностранного (в основном британского) акционерного капитала, занятого в промышленности, торговле, транспорте, страховании, таково: число индийских компаний возросло с 2.744 в 1913—14 г. до 4.708 в 1920—21 г., а их оплаченный капитал с 765,5 милл. рупий до 1.644,6 милл. рупий. За тот же промежуток времени число иностранных компаний, работающих в Индии, поднялось с 579 до 678, а их оплаченный капитал с 200 милл. ф. стер. до 501 милл. ф. стерл. Таким образом, британский капитал не только по абсолютным размерам в несколько раз превышает индийский, но, во-первых, темп его возрастания за указанные годы был быстрее и, во-вторых, он в несколько раз концентрированнее, а следовательно, и могущественнее, чем индийский капитал.

Так же цепко держит британский империализм в своих руках государственную власть. Куцые реформы 1909 и 1919 гг. не изменили того факта, что правительственный аппарат Индии является орудием колониального угнетения. Законодательные советы в центре и в провинции, выборные члены которых избираются 2% населения, имеют совещательные функции. Служилая индийская интеллигенция занимает в чиновничьей иерархии менее важные посты; решающие, командные посты занимают англичане. Командование в англо-индийской армии находится всецело в руках англичан. На 140.981 туземных бойцов в регулярной армии приходится 61.477 англичан. Войска особого назначения (32.700 чел.), предназначенные для подавления восстаний, состоят целиком из англичан [2]). Комплектование туземного состава армии производится с учетом племенных противоречий. Морской флот, крейсирующий у берегов Индии, сплошь английский, так же, как и воздушный флот.

Все эти командные высоты в экономике и политике британский империализм использует для эксплоатации Индии, для колониального грабежа.

Какова ежегодная сумма выкачиваемых англичанами из Индии доходов и прибылей показывает таблица Шаха и Комбата:

	В милл. рупий.	
Расходы в Англии	500	(сюда входят, очевидно, пенсии англ. чиновн., платежи по индийск. долгу в Лондоне и пр.)
Прибыль иностр. капит. в Индии	600	
Фрахты иностр. парох. обществ	416	
Комиссионные банков	150	
Прибыль иностр. купцов в Индии	532	
	2.200	(или 146,5 милл. фун. стерлинг.)

[1]) Впрочем, по некоторым сведениям, в последнее время и эта фирма попала под британский финансовый контроль.

[2]) «Реформа англо-индийской армии», статья В. Левина в журн. «Международная Жизнь» № 11 за 1927 г.

Государственный долг Индии в Лондоне равнялся в 1913/14 г. 177 милл. ф. стерл., а в 1922/23—242 милл. Правда, за время войны долг в Индии рос гораздо быстрее долга в Лондоне и обогнал его, но абсолютное возрастание долга в Лондоне, следовательно, и эксплоатация Индии британским империализмом продолжается.

В конечном счете нажива английского капитала идет за счет трудящихся масс—рабочих, ремесленников и крестьянства. Крестьянство обирается не только прямым земельным налогом, но и все возрастающими акцизами и другими косвенными налогами. Торговля, в которой продажная цена крестьянина далека, как небо от земли, от продажной цены экспортера, является мощным орудием колониального грабежа. Для того, чтобы обеспечить свои сверхприбыли, британский империализм поддерживал и поддерживает целую систему феодально-крепостнических пережитков — в этом основное последствие колониального режима в Индии и его главная опора.

III. Феодально-крепостнические пережитки и индийская деревня.

Наиболее ярким проявлением феодальных пережитков в Индии являются туземные князья, под властью которых находится более трети территории страны и 60—70.000.000 населения. Несмотря на то, что они полностью подчинены англо-индийскому правительству и работают под его контролем, эти туземные царьки пользуются еще целым рядом деспотических прав по отношению к населению их государств, грабеж которого является основой их богатств и общеизвестного расточительства. Большинство раджей, по словам Шейэ, считает, «что государство—их вотчина, что его богатства—их богатства, что его жители—их рабы». Британский империализм не только контролирует этих князей, но и, начиная с половины XIX века, превратил их в своих союзников, в свою опору, в составную часть системы колониального владычества в Индии.

Однако, основным пережитком феодально-крепостнических отношений в Индии является помещичье землевладение, которое имеет в этой стране куда больший удельный вес, чем в дореволюционной царской России.

Настоящее крестьянское землевладение имеет небольшое распространение (главным образом в Пенджабе).

В тех районах британских провинций, где помещиков нет или их мало (бомбейское президентство, часть мадрасской провинции и др.), само англо-индийское правительство выступает в роли крупнейшего помещика. Это относится к его взаимоотношениям с той частью крестьянства, на которую распространяется система «райотвари». Эти «государственные» крестьяне формально не являются собственниками своей земли, они могут, отказавшись от земли, сложить с себя ответственность за платеж земельной подати. Они постольку собственники, поскольку их право владения наследственно, поскольку они могут это право владения, т.-е. фактически землю, продавать или сдавать в аренду. Государство взимает с них земельную подать, самый размер которой показывает, что здесь речь идет не об обычном налоге современной капиталистической страны и не о капиталистической ренте, а о ренте докапиталистического типа. Государство взимает с этого «свободного» крестьянина около 50% его чистого дохода в виде земельной подати. При чем, как пишет Дингельштедт, в то время как обычный уровень подати с помещика в районах, где последний платит раз навсегда установленную подать («постоянное

положение»), держится между 4 (Бигар) и 9 (Бенгалия) аннами[1]) за акр, обложение крестьянской земли редко падает ниже полутора рупий, а часто превышает две рупии. Однако, этим дело не ограничивается. В бомбейском президентстве и в мадрасской провинции, где распространена система «райотвари», кроме этой категории полуарендаторов-полусобственников, существует категория чистых арендаторов, которые уже имеют дело не с государством, а с арендаторами первого ряда. Сейгель пишет, что на 1.731.000 государственных арендаторов и 1.425.000 безземельных крестьян в бомбейской провинции приходится 1.765.000 субарендаторов, составляющих, таким образом, наибольшую группу земледельческого населения. Для мадрасской провинции соответствующие группы таковы: 5.395.000 государственных аренд., 4.603.000 безземельных и 3.253.000 субарендаторов. Какая часть государственных арендаторов превращается в эксплоататоров субарендаторов, живущих за счет труда этих последних, и какая сдает землю в субаренду из нужды,—сказать трудно.

Система райотвари охватывает по территории 48% площади Британской Индии по Рою[2]), 52% по Дингельштедту. Однако, по количеству населения на этой территории, равному 51.000.000 человек, она составляет всего 21%. Остальные 79% населения живут на территории помещичьего землевладения, из которого 39% подвергнуто системе постоянного, а 40% системе «временного положения» (в последнем случае размер земельной подати помещика государству установлен не раз навсегда, а пересматривается через каждые 20—30 лет).

Распределение по площади обложенной земли в Британской Индии таково (Нарайн): 144 милл. акров помещичьей земли обложено податью по системе временного обложения, 97 милл. акров помещичьей земли по системе постоянного обложения, 93¾ милл. акров—по системе райотвари. Таким образом, *помещичья земельная собственность господствует в большей части Британской Индии*, и под ее игом страдает не менее ¾, если не ¾ крестьянства. В туземных государствах также преобладает помещичья собственность (Рой).

Общее количество людей, существующих за счет «земельной ренты» (т.-е. арендной платы), равно по последней переписи около 10.000.000 (сюда входят и семьи). Вероятно, в эту цифру включена и часть крестьян, сдающих свою землю в аренду либо для целей эксплоатации, либо по нужде. Но и помещичий класс в Индии обширен. На ряду с крупными помещиками-заминдарами и тулукдарами существует и широкий слой мелких помещиков-совладельцев крупных поместий, многочисленных посредников между помещиком и арендатором-крестьянином, ростовщиков, превращающихся в землевладельцев и концентрирующих земли разорившихся крестьян, а иногда и помещиков и т. д.

Этот *помещичий класс входит в общую систему колониального грабежа Индии, в систему британского владычества*. Больше того, он в громадной своей части возник в эпоху этого владычества, насажден чужеземными завоевателями. Правда, между землевладельцами и правительством есть отдельные противоречия на почве дележа награбленной с крестьянства добычи. Но они отступают на задний план перед тем «положительным» значением, которое имеет помещичий класс для британского империализма:

1) Заминдары представляют в отношении ¾ сельского населения *фискальный орган правительства*, который выколачивает из крестьянства земельные подати, поступающие в государственную казну прямо от помещика. Хотя роль земельных податей в общей сумме государственных доходов и упала с 1870 до 1910 г. с 39% до 19%, но это падение роли земельной подати в общей сумме налоговых доходов проявляется уж не так резко (43% и 35%). Абсолютная же сумма земельной подати выросла со 173 милл. рупий в 1856—57 г. до 351 милл. рупий в 1920—21 г., при чем ее возрастание продолжалось и во время и после войны. Радикальное потрясение положения помещиков угрожает, таким образом, непосредственным фискальным интересам государства.

[1]) Анна = $^1/_{16}$ рупии.

[2]) Рой, «Новая Индия», 1924.

2) Заминдары представляют *орган внеэкономического принуждения, давление которого является основой торговой сверхприбыли британского капитала*. В этом их главная роль с точки зрения британского империализма. Торговая сверхприбыль составляет и еще будет составлять громадную часть колониальной наживы. Она превышает по меньшей мере в два раза сумму земельной подати. В основе ее лежит разница между продажной ценой крестьянина и продажной ценой экспортера (часть которой попадает, конечно, в руки туземного посредника). Помещичья эксплоатация является мощным орудием, заставляющим крестьянина увеличивать свое производство на рынок и, главное, выступать на нем в максимально-невыгодных условиях.

3) Заминдары, совладельцы, пересдатчики помещичьей земли и т. д. являются, начиная со второй половины XIX века, *политической опорой британской власти* в Индии на ряду с туземными государями. Чем больше росло и растет национально-освободительное движение, тем больше империализм нуждается в поддержке влиятельных слоев туземного общества. Обширный помещичий класс является аванпостом британского владычества в многомиллионном крестьянском море. С другой стороны, помещики не в состоянии были бы удержать свою власть над крестьянством без поддержки англичан, в руках которых находится политическая власть, вооруженная сила и т. д. Англо-индийское правительство неизменно выступало и выступает против крестьянских восстаний на стороне помещиков. А отдельные его попытки ограничить помещичий грабеж, не затрагивая его основ, неизбежно превращались в пустышку.

Взаимоотношения между помещиком и крестьянами основаны на аренде. Подавляющее большинство индийского крестьянства состоит из мелких арендаторов помещичьей земли. Эта аренда не имеет ничего общего с капиталистической арендой. По сути дела это—оброк, который крестьянин платит помещику за право пользования землей. О распределении натуральной и денежной аренды точных сведений нет. Сейгель утверждает, что преобладает натуральная аренда. Однако, по мере роста рыночных отношений в стране и деревне денежная аренда неизбежно вытесняет натуральную, как это было во всех странах со сходными условиями. Данные о размерах арендной платы расходятся между собой. Так, например, Рой считает, что «нормальная» арендная плата равна 35% чистого дохода крестьянина, но всякие поборы землевладельца, грабящего крестьянина по всякому случаю (свадьба, рождение, смерть и т. д.), и вымогательства его агентов доводят этот процент до 75. Сейгель утверждает, что в Бенгалии землевладелец взимает с крестьянина половинную долю урожая, при чем оценка урожая производится агентами помещика. Сверх того взимаются все вышеуказанные поборы. Арендная плата непрерывно растет в том числе и там, где этот рост пытается задержать законодательство, вследствие ужасной земельной тесноты и монополии на землю.

Все возрастает *парцелляция* земли, наделы мельчают, составляя в среднем по британским провинциям 1,49 акра на душу сельского населения и 3,27 акра на работника. Мелкий и мельчайший характер землепользования и нищета задавленного гнетом крестьянства, которое в своей массе

недоедает, питаясь хуже заключенных в индийских тюрьмах, обусловливают крайнюю отсталость техники земледелия и препятствуют ее прогрессу. Это в свою очередь приводит к крайне низкой производительности труда индийского крестьянина. Этому способствует также тенденция к вытеснению постоянной аренды временной, которая более выгодна помещику. Так, например, в Пенджабе количество постоянных арендаторов возросло с 1872/73 до 1902/3 года с 379.000 до 940.000, а временных с 650.000 до 3.077.000. Индийское правительство пытается при помощи провинциального аграрного законодательства задержать этот процесс, увеличить устойчивость крестьянского землепользования. Несмотря на это, количество перепроданных (или переданных) земельных участков по Британской Индии, которое в 1901—1902 году равнялось 544.622 с площадью 4.464.000 акров, в 1909/10 г. составляло уже 1.122.245 с площадью в 5.419.000 акров. Эти цифры демонстрируют процесс экспроприации, обезземеливания индийского крестьянства.

Ярким явлением докапиталистического порядка является также невероятное распространение ростовщичества в индийской деревне, которое обычно совмещается с торговлей, иногда с землевладением, и тоже является одним из важнейших орудий давления на крестьянство, обеспечивающих торговые сверхприбыли британского империализма. В свою очередь ростовщичество обусловлено британским и помещичьим грабежом крестьянства. Насколько велик гнет ростовщика, показывает тот факт, что история индийского крестьянского движения знает восстания, специально направленные против ростовщиков. Проценты, взимаемые ростовщиками, различны по разным районам, но, начинаясь в виде редкого явления с 9—10%, доходят до 100 и выше. Широко распространены ссуды под залог земли, которую все больше прибирают к своим рукам ростовщики. В Пенджабе, который англичане называют «крестьянским раем», где существует в ряде районов крестьянская собственность на землю, задолженность одних только земельных собственников, не считая арендаторов, выросла с 1.610.000 рупий в 1903—1907 годах до 5.410.000 рупий в 1913—1917 гг. Редко можно встретить в индийской деревне крестьянское хозяйство, которое не находилось бы в долгу. В сравнительно благополучном по общим экономическим условиям Фаридпурском округе Бенгалии 45% всех крестьянских семейств имеют долги, а у 47% задолженных семей долг равняется половине валового годового дохода. В других местах дело обстоит гораздо хуже. На почве задолженности в разных округах (Чотанагпур в провинции Бигар и Ориса, отчасти в мадрасской провинции, в округе Гуджарад) возникло рабство, передающееся по наследству. Наследственные должники—камии, падиалы, дублы и др. являются частной собственностью кредитора и иногда даже продаются вместе с землей. Во всяком случае, ростовщичество представляет для индийского крестьянина не меньшее зло, чем помещичья эксплоатация.

К числу феодальных пережитков относятся и касты, отражающие разделение труда, установившееся в феодальную эпоху. Развитие капитализма в Индии все больше разрушает кастовый строй, остатки которого, однако, еще весьма велики и являются значительным препятствием для революционного об'единения трудящихся. Несколько десятков миллионов членов низших, «нечистых» каст все еще не считаются равноправными членами индийского общества. Англичане, действующие по принципу «разделяй и властвуй», под флагом веротерпимости, поддерживают разрушающуюся кастовую систему, освящающую бедственное положение трудящихся.

Не меньшим злом является индо-мусульманская религиозная рознь, всячески разжигаемая англичанами, желающими использовать 70.000.000 мусульман против индусского большинства индийского народа. Для этой цели они подкупают мусульманскую верхушку всякими привилегиями. Каких размеров достигает эта рознь, показывают события 1925—1926 гг., когда на почве индо-мусульманской вражды в ряде провинций происходила резня. Между прочим, нередко в этой реакционной форме проявляется противоположность интересов между помещиками и крестьянами, которые иногда принадлежат к различным религиозным общинам (Бенгалия, Пенджаб).

Таковы основные феодально-крепостнические пережитки, которые препятствуют развитию капитализма в Индии и ее политическому освобождению и каждый из которых так или иначе вплетен в систему колониального угнетения.

IV. О социально-экономическом содержании индийской революции.

Таким образом, все разговоры индийских народников о самобытном развитии Индии, о возврате к чарке (ручная прялка) и общине, которая, превратившись в преимущественно фискальный орган, сохранилась лишь в двух-трех провинциях, опровергнуты жизнью. Капитализм уже овладел промышленностью и проникает в сельское хозяйство. Однако, капиталистическое развитие Индии наталкивается на громадные препятствия, вытекающие из колониального характера страны и связанных с ним феодально-крепостнических пережитков. Развитие производительных сил Индии находится в оковах, освобождение от которых является экономическим содержанием индийской революции. Продукция хлебных злаков, выросшая непосредственно перед войной и во время войны, вернулась к старым цифрам 1906/7—1909/10 годов. В тот период средняя годовая продукция риса составляла 31,2 милл. тонн, в период 1918/19—1921/22 гг. мы видим ту же годовую продукцию—31,2 милл. тонн. Соответствующие цифры для пшеницы: 8,4 милл. тонн и 8,7 милл. тонн (последняя цифра равна средней годовой продукции периода 1902/3—1905/6 гг.), для остальных хлебных злаков—22,2 милл. тонн и 21,1 милл. Под посевом этих растений находится подавляющее большинство обрабатываемой земли. Продукция хлопка и чая растет, но производство джута в течение 16 лет стоит на средней годовой цифре 1,5 милл. тонн (рост промышленности по обработке джута возможен вследствие сокращения его экспорта в сыром виде). Число голов скота в 1921/22 г. было на 2 миллиона ниже, чем в 1914/15 г. (145 и 147,2 милл.). Таким образом, сельское хозяйство в Индии переживает застой.

А так как Индия, несмотря на развитие последних лет, остается по преимуществу аграрной страной, то этот факт имеет решающее значение для развития ее производительных сил. Состояние сельского хозяйства определяет состояние внутреннего рынка для промышленности, которая не может опираться на международный рынок, где она сталкивается с мощными, великолепно организованными конкурентами. А состояние этого внутреннего рынка характеризуется сокращением спроса на товары хлопчатобумажной промышленности. Потребление тканей в стране в миллионах ярдов составляло в 1913/14 г. 5.340,1, а в 1926/27 г. 5.163,5 (рост крупной хлопчатобумажной промышленности происходил за счет вытеснения импорта). «Индустан Таймс» от 30 дек. 1927 г. жалуется, что «до войны в Индии среднее потребление мануфактуры (один из главных предметов потребления) было 18 ярдов на душу населения. Теперь же оно сократилось до 10 ярдов». Насколько узок крестьянский рынок для других отраслей производства, показывает тот факт, что в 1923/24 г. ввезено было из Англии и

Америки тракторов всего на 291.000 рупий, плугов и борон на 134.000 рупий, а весь ввоз сельскохозяйственных машин и орудий не составлял даже 3% всего импорта машин в Индию. Ничтожный спрос сельского хозяйства на предметы производительного потребления неизбежно проявит себя, как весьма жесткая граница для развития промышленного капитализма в Индии. Причины этого положения коренятся в колониально-крепостническом угнетении страны.

Таким образом, свержение империалиста, помещика и ростовщика является ближайшей задачей индийской революции, которая на первых этапах ее развития будет революцией буржуазно-демократической по своему социально-экономическому содержанию. А осью буржуазно-демократического переворота в Индии является аграрная революция, которую невозможно отделить от национально-революционной борьбы за независимость Индии. Индийское крестьянство служит основанием той пирамиды колониального режима, верхушкой которого является британское владычество. Дальнейшее развитие производительных сил Индии упирается в аграрную проблему.

Это начинают все больше сознавать и англичане, которые заинтересованы в расширении внутреннего индийского рынка, как импортеры готовых товаров и как владельцы инвестированных в Индии капиталов. С другой стороны, крестьянские волнения и восстания, отличающиеся громадным упорством и ожесточением, заставляют империалистов уделять усиленное внимание аграрному вопросу. Все прошлые попытки улучшить положение в сельском хозяйстве (меры к увеличению устойчивости крестьянского землепользования, правительственная поддержка кооперации, жалкие ограничения ростовщической деятельности и т. д.) не оказали сколько-нибудь заметного влияния на положение основной массы крестьянства, ибо не затрагивали основных причин этого бедственного положения. Сейчас как-будто часть британской буржуазии начинает чувствовать необходимость более широких аграрных реформ. Теоретически не исключена возможность более смелой, чем до сих пор, попытки реформы в столыпинском стиле, попытки создания обширного класса богатых капиталистических фермеров за счет массовой экспроприации большинства крестьян. Такое компромиссное решение аграрного вопроса означало бы крайне медленный темп его решения и мучительный и длительный процесс вымирания индийского крестьянства. Однако, практическое осуществление даже такой реформы представляется нам маловероятным, ибо 1) значительная доля колониальных прибылей британского империализма связана и еще долгое время будет связана с нынешним земельным строем (не только земельная подать, но и громадная часть торговых прибылей), 2) создание широкого класса богатых фермеров затронуло бы в Индии в гораздо большей мере, чем в России, помещичье землевладение, удельный вес которого в Индии гораздо больше, чем в царской империи; создание широкого класса зажиточных фермеров-собственников в индийских условиях неизбежно и в значительной мере затронуло бы помещичью собственность, распространяющуюся на ¾ обложенной земли; создание же класса фермеров — капиталистических арендаторов — означало бы уничтожение докапиталистической ренты-оброка, т.-е. гигантское уменьшение доходов помещика, и 3) британскому империализму тем более невыгодно пойти на серьезную ссору с единственным своим вполне устойчивым союзником — помещиком, что связанная с такой реформой экспроприация громадного большинства крестьянства вызвала бы со стороны последнего отчаянное сопротивление, во главе которого неизбежно станет выросший за последние годы и численно и политически пролетариат, что грозило бы уже самым основам колониального режима. Эти обстоятельства определяют половинчатость, ублюдочность всех аграрных мероприятий британского империализма, его неспособность радикально решить аграрный вопрос. Вопросы землевладения уже выключены из круга работы королевской комиссии по сельскому хозяйству Индии, которая должна разработать проекты аграрных реформ. Не затрагивая основ помещичьего строя, нельзя решить аграрного вопроса в Индии.

Другой путь разрешения этого вопроса — крестьянская революция — гораздо более «выгоден» с точки зрения развития производительных сил, расчистки препятствий, стоящих на пути этого развития, и с точки зрения самого крестьянства. Такая перспектива — перспектива плебейского решения аграрной проблемы за счет помещиков, империалистов и ростовщиков — наиболее вероятна, и на нее надо ориентироваться передовым пролетариям Индии. Крестьянская война в виде ряда восстаний началась в 1919—21 гг. и не затихала в последние годы, хотя и не приняла еще размеров общенационального восстания. Эта крестьянская война ведется и будет вестись не за отдельные либеральные реформы, а за полную ликвидацию всех пережитков феодализма и крепостничества как индийского, так и британского, за полное уничтожение помещичьего землевладения, в том числе и государственно-помещичьего, за полное уничтожение ростовщической кабалы, за переход всей земли в распоряжение крестьянства.

Крестьянская революция сама по себе—буржуазно-демократическое движение так же, как и борьба за независимость Индии. Однако, дальнейшие перспективы индийской революции надо рассматривать в свете хода и перспектив мировой революции. Экономическое развитие Индии втянуло ее в систему мирового хозяйства. Общность главного врага—британского империализма—превращает буржуазно-демократическую революцию в Индии в составную часть мировой революции. Индийский капитализм начал свой крутой под'ем в эпоху умирания мирового капитализма. Поэтому индийская революция, расчистив пути развития от колониальных и феодальных препятствий, отнюдь на этом не остановится, отнюдь не должна явиться преддверием длительной эпохи развития индийского капитализма.

На II конгрессе Коминтерна тов. Ленин ставил вопрос: «Можем ли мы признать правильным утверждение, что капиталистическая стадия развития народного хозяйства неизбежна для тех отсталых народов, которые теперь освобождаются и в среде которых теперь, после войны, замечается движение по пути прогресса. Мы ответили на этот вопрос отрицательно. Если революционный победоносный пролетариат поведет среди них систематическую пропаганду, а советские правительства придут им на помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами, тогда неправильно предполагать, что капиталистическая стадия развития неизбежна для отсталых народностей Во всех колониях и отсталых странах мы должны не только образовать самостоятельные кадры борцов, партийные организации, не только вести пропаганду за организацию крестьянских советов и стремиться приспособить их к докапиталистическим условиям, но Коммунистический Интернационал должен установить и теоретически обосновать, то положение, что с помощью пролетариата наиболее передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития—к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития» (XVII, стр. 277).

Об'ективно-революционная ситуация в передовых капиталистических странах, наличие и укрепление Советского Союза—таковы основные условия, которые позволяют установить перспективу будущего перерастания буржуазно-демократической революции в Индии в революцию социалистическую. Эта перспек-

тива тем более реальна, что Индия относится к числу передовых колоний, с значительной промышленностью и пролетариатом и что буржуазно-демократическая революция может там победить только под пролетарским руководством. Гегемония пролетариата в буржуазно-демократической революции будет также одним из основных условий ее перерастания в революцию социалистическую.

Темп такого перерастания будет определяться соотношением классовых сил как в самой Индии, так и в мировом масштабе, а в первую очередь и наиболее непосредственно ростом классового сознания и организации индийского пролетариата и полупролетариата. В ходе самой революции появится экономическая и политическая необходимость таких мероприятий, которые, не будучи искусственным «насаждением» социализма, будут переходом к нему.

(Окончание следует).

Дж. Т. Мерфи.

Имперская политика Англии и рационализация английской промышленности.

В течение нескольких месяцев на страницах «Рабочего Ежемесячника» («Labour Monthly») велась очень интересная дискуссия о «проблемах рационализации британской промышленности». Дискуссия была начата тов. Варгой и продолжена тт. Кэмпбеллом, Бернсом, Ратбоном и Доббсом. В дискуссии мало говорилось об отношении этой проблемы к Британской империи, но и это немногое имеет очень большое значение. Я думаю, не будет преувеличением сказать, что только рассматривая проблемы рационализации, как составную часть британской имперской политики, определяющую перспективы Британской империи, мы сможем отдать себе полный отчет в том, что происходит в этой области и правильно оценить перспективы, вытекающие из этой проблемы. Мне кажется еще более важным поставить проблему именно на эту почву в виду дискуссии по колониальному вопросу на нашем VI мировом конгрессе.

В этой дискуссии наиболее горячо обсуждался вопрос о том, содействуют ли метрополии индустриализации колоний—не означает ли развитие финансового капитала поворот от «классической» имперской политики развития колоний, как источников снабжения сырьем и как расширяющихся рынков для метрополий, в сторону перенесения центра тяжести промышленности в целом (включая и тяжелую) из метрополий в колонии. Тт. Беннет и Ротштейн из британской делегации придали этой точке зрения чрезвычайно острые формы. Тов. Ротштейн заявил, что с появлением финансового капитала мы вступили в совершенно новый период, иллюстрируемый «наиболее классически и наиболее ясно на примере Великобритании, период превращения колоний сначала в конкурентов, а затем в источники застоя, вырождения и паразитизма стран-метрополий». Та же мысль господствует и в статье тов. Ратбона в вышеупомянутой дискуссии. В свете таких заявлений вся проблема рационализации в Англии в отношении к Британской империи приобретает характер первоклассной проблемы, за которую надо взяться теперь же. Поэтому я предполагаю в этой статье подытожить дискуссию наших товарищей и затем связать ее с имперской политикой развития.

Тов. Варга выдвинул следующие основные положения:

«Процесс рационализации развивается в британской индустрии». ... Мы думаем, что, несмотря на некоторые трудности, вытекающие из исторического развития британской индустрии... широкая рационализация британской индустрии теоретически возможна, что даже существуют некоторые факторы, более благоприятные для такого процесса, чем имевшиеся в Германии». Варга приводит следующие благоприятные факторы, облегчающие путь широкой рационализации:

1) Более низкая стоимость ссудного капитала, необходимого для реконструкции производства. В то время как германские капиталисты проводили рационализацию при помощи дорогого иностранного ссудного капитала, за

который они должны были платить 10% в год, Англия имеет достаточно своего собственного капитала для этой цели, который предоставляется индустриальному капиталу по низкой цене. 2) Имеется тенденция к снижению стоимости жизни рабочего класса. За последние два года, согласно официальным данным, которые могут быть слегка преувеличены, произошло падение на 15%. 3) Капиталисты надеются, что в союзе с лидерами трэд-юнионов они проведут рационализацию без большого сопротивления со стороны рабочих, которые еще не оправились от поражения 1916 г. Лозунг «мира в промышленности» служит этой именно цели.

С другой стороны, неблагоприятные факторы таковы: «1) Малая величина и техническая отсталость многих предприятий в старых отраслях индустрии... В Англии надо предпринять гораздо более широкую реконструкцию наличного машинного оборудования, чем это было необходимо в Германии, чтобы достигнуть современного мирового уровня производительности. Это значит, что более значительная часть работающих предприятий должна быть прикрыта из-за «моральной изношенности». 2) Слабое развитие монопольных образований требует гораздо больших организационных улучшений, чем это было необходимо в Германии... 3) Утверждают, что главными препятствиями для индустриализации являются рентнерский капитал и финансовый капитал. Своеобразный способ финансирования и особые привилегии ссудного капитала являются якобы препятствиями. Но мы считаем совершенно невозможным, чтобы финансовый капитал воспрепятствовал рационализации. Прибыль, падающая на рентнерский капитал, есть часть прибыли, отрываемая от прибылей промышленного капитала. Едва ли можно присоединиться к мнению, что особые интересы этой разновидности капитала заключаются в разрушении промышленного капитала; это значило бы для нее лишиться источника своих собственных выгод. В то время как банковский капитал и ссудный капитал одержали победу над промышленным капиталом в вопросе дефляции, промышленный капитал победит в вопросе рационализации, которая является жизненным вопросом для индустриального капитала, а индустриальный капитал есть основа финансового капитала». «Таким образом, за исключением каменноугольной и части хлопковой промышленности нет непреодолимых трудностей на пути рационализации британской индустрии».

Тов. Кэмпбелл возразил Варге, что тот «переоценивает значение предпринятых рационализаторских мероприятий и недооценивает трудности рационализации, хотя он, несомненно, прав в отношении возрастающей необходимости рационализации для английских капиталистов».

В подкрепление этого положения Кэмпбелл приводит ряд аргументов и приходит к выводу, что «трудности на пути действительной рационализации английской промышленности до уровня наших главных конкурентов огромны, и хотя было бы ошибкой отрицать возможности рационализации, было бы одинаковой ошибкой переоценивать эти возможности, в особенности возможности рационализации, приводящей к временному периоду под'ема английской промышленности».

Тов. Кэмпбелл приводит следующие доказательства приведенного выше заключения: 1) «Английский капитализм может провести рационализацию только на основе полного признания тяжелых долговых обязательств, висевших, как жернов, на шее британской индустрии в последние годы. 2) Английская промышленность, развившись задолго до промышленности своих конкурентов, переобременена в настоящее время великим множеством небольших и сравнительно мало продуктивных производственных единиц в основных отраслях промышленности». 3) Крайняя специализация в ряде отраслей промышленности. Хлопок—хороший пример этого. 4) Сверхкапитализация в ряде руководящих отраслей промышленности. 5) Относительное большее значение торгового капитала в экономике Англии, в противоположность ее главным конкурентам. 6) Устарелая система землевладения, которая сковывает развитие промышленности в Англии по сравнению с ее конкурентами». 7) Дальнейшей трудностью, с которой столкнется наша переживающая депрессию промышленность, является то обстоятельство, что действительная консолидация и научное оборудование промышленности требуют значительных затрат. Однако, капитализм — производство для прибыли, и вряд ли капиталисты, несмотря на призывы к ним лидеров рабочей партии, вложат свои деньги в переживающие депрессию отрасли промышленности для того, чтобы рационализировать их до такой степени, чтобы они обеспечивали работающим прожиточный минимум».

Тов. Бернс выступает против Варги с категорическим утверждением о том, что «нет никаких оснований ожидать» временного улучшения в течение двух или трех лет, «пока будет проводиться рационализация». Наоборот, всякий действительный шаг в направлении рационализации примет форму прямого или косвенного сокращения продукции, снижения числа занятых рабочих и зарплаты. Все признаки свидетельствуют поэтому о постоянной тенденции к упадку английского производства, тенденции, нарушаемой только острыми кризисами, возникающими частью на почве сопротивления рабочих, частью в связи с противодействиями со стороны колоний и заграницы.

Обоснование этого утверждения тов. Бернс дает в следующих словах: «Английский капитализм не реорганизует в широком масштабе своего производственного аппарата, так как вследствие снижения размера накоплений находящийся в распоряжении капитал незначителен, а также по той причине, что свободный капитал ищет более выгодного приложения за границей или в «новых» отраслях промышленности. Это, однако, ни в какой мере не означает, что английский капитализм «согласится на свою гибель». Командующая сила британского капитализма — банковско-индустриальные группы—будет форсировать рационализацию, но не реконструктивного типа. Цель заключается в обеспечении более высокой прибавочной стоимости, а это может быть достигнуто многими способами, из которых при данных обстоятельствах главными являются следующие: 1) экономия путем организации совместных контор по продаже, установление квот и т. д.; 2) экономия в области зарплаты—более низкая зарплата, удлинение рабочего дня, ускорение производственного процесса, сокращение персонала и пр.; 3) экономия на непроизводительных расходах—сокращение затрат на социальные нужды, переложение налогов на рабочих, или стоимости вооружений на доминионы и т. д.; 4) продажа по ценам, превышающим стоимость, путем образования монополий, а по отношению к другим нациям—при помощи тарифов, имперского предпочтения и т. д...». «Концепция оздоровления торговли в два—три года оказывается, таким образом, совершенно иллюзорной. Каждая из вышеприведенных мер вызовет сжатие хозяйства. Каждая говорит против аргументов Варги. Вместо роста спроса на средства производства и вследствие этого большего спроса на рабочую силу и на продукты потребления, тип рационализации, возможный в английских условиях, предполагает падение спроса на потребительские товары и, следовательно, падение спроса на средства производства».

Затем вступает в дискуссию тов. Ратбон, говоря: «Рационализация невозможна для английского капитализма по причине колониальной эксплоатации, но именно колониальная эксплоатация является для английского капитализма стимулом для поисков новых колоний в целях эксплоатации, и именно эти поиски в современную эру монополизации всех годных земель на земном шаре неизбежно ведут к новой мировой войне».

Это рассуждение соответствует аргументам, приводившимся тов. Ротштейном в дискуссии по колониальному вопросу. Дискуссия освещалась уже в печати и нет надобности в более обширных цитатах.

Надо заметить, что все товарищи согласны, что рационализация началась, но по-разному оценивают ее возможности. Английские товарищи особенно решительно подчеркивают ограниченные возможности рационализации и очень скептически настроены по отношению к «двух- или трехлетнему улучшению положения британской индустрии». Что английский капитализм стоит перед лицом огромных затруднений, это бесспорно. Колоссальное бремя национального долга одно возлагает на страну тяжесть налогов в сумме 350 млн. фунтов стерлингов в год.

Точно так же фактом является и то, что Англия начинает рационализаторский процесс в его основных чертах в совершенно иных обстоятельствах по сравнению с ее главным соперником Германией и Америкой. Ни в одной из этих стран капиталисты не сталкивались со старой системой финансового капитала и с устаревшими методами производства и торговли. Наличие в Англии более дешевого ссудного капитала ни в коей мере не уравновешивает тех преимуществ, какие имеет Германия по сравнению с Англией.

В Германии рационализация облегчалась инфляцией и большими займами в Америке и Англии. К тому же и условия выпуска займов, при наличии сотрудничества государства с уже существовавшими крупными монополиями, были особенно благоприятны для наиболее планомерного проведения рационализации. Нельзя упускать из виду и то, что сопротивление рабочего класса было сломлено как предварительное условие классового сотрудничества, необходимого для действительного проведения капиталистической рационализации.

С другой стороны, в Америке рационализация была не средством оздоровить и спасти от гибели находящуюся в состоянии упадка индустрию, а естественным спутником развивающейся и расширяющейся индустрии.

Наоборот, Англия начинает рационализацию под давлением депрессии в старых отраслях индустрии, колоссального долга, замедленного накопления капитала, усиленной конкуренции, колониальных восстаний, сопротивления рабочего класса—столь огромных трудностей, что, естественно, возникает вопрос о «теоретической возможности широкой рационализации британской промышленности». Однако, в мою задачу входит не ставить вопрос о «теоретической возможности», а разобраться в том, как английские капиталисты приступают к выполнению своей задачи.

Необходимо установить некоторые предварительные условия рационализации английской индустрии. Во-первых, должен иметься в большом количестве свободный капитал, необходимый для реконструкции. Во-вторых, должен существовать рынок сбыта—иначе у капиталистов нет стимула к рационализации, и вместо попыток сделать что-нибудь с промышленностью метрополии, они могут предоставить ее собственной участи и обратить внимание на колониальные страны в целях развития их имперской мощи. Таковы в основном перспективы, рисуемые тт. Ротштейном и Ратбоном. Никто не оспаривает того факта, что Англия теряет почву на мировом рынке. Отсюда первейшая задача английского капитализма, стремящегося выбраться из послевоенного кризиса, заключается в том, чтобы не только изыскать средства для обратного захвата некоторых рынков, но и искать новых рынков.

Отсюда вытекает вопрос, имеющий весьма важное значение: приступил ли английский капитализм к расширению рынков одновременно с первыми попытками рационализации или он взял курс, указанный вышеупомянутыми товарищами?

Однако, прежде чем приступить к этому вопросу, необходимо сделать несколько замечаний о размерах свободного капитала. Согласно одному из последних номеров «Таймса», накопление упало в Англии с 16% национального дохода до 12%. Цифры, относящиеся к экспорту капитала, столь же красноречивы. В 1911 — 13 гг. экспорт капитала составлял в среднем 161,5 млн. фунт. стерл. в год; в 1913 г. он упал до 137,5 млн.; в 1926 г.—до 101,6 млн.; в 1927 г. он опять возрос до 147 млн. за одиннадцать месяцев. Нет сомнения—эти цифры должны вызвать тревогу английского капитализма. Тем не менее, необходимо иметь в виду, что за последний год наблюдался значительный рост экспорта капитала. Мы отдаем себе отчет в возможности того, что значительная часть этого экспортированного капитала не есть подлинное новое накопление, но цифра 1927 г. знаменует собой все же поворотный пункт.

В то же время эти цифры показывают, что английский капитализм ни в коем случае не исчерпал своих ресурсов. Однако, свободные капиталы вовсе не представляют собою единую сумму, сосредоточенную в руках централизованной власти, осуществляющей контроль над промышленностью, которая настойчиво требует рационализации.

Как указывали авторы, свободные капиталы могут быть привлечены прибылями, которые будут извлечены из вложенных сумм. Поэтому в неблагополучные отрасли промышленности капиталы не устремляются, они притекают в процветающие отрасли.

Эти факты приводят к определенным выводам. Если ни государство, ни банки не приступают к решению проблемы переживающих депрессию отраслей индустрии, то рационализация на ее первых ступенях должна принять иные формы, чем те, которые требуют широких капитальных вложений. Она должна принять форму принудительной трестификации через банкротство мелких предприятий, закрытие наиболее отсталых производственных единиц, через развитие картелей или торговых комбинатов, урезывание зарплаты, удлинение рабочего времени, усиление эксплоатации. Первым следствием этого процесса является сужение об'ема производительных сил при одновременной интенсификации их операций, как средство для восстановления накоплений капитала в промышленности, в целях ее развертывания на более рационализированной основе. Таков действительно курс английской угольной промышленности в настоящее время! Соответствующий план был разработан в отчете угольной комиссии в 1925 г. Такова же линия, проводящаяся и в хлопковой, шерстяной, железной и стальной индустрии, в судостроении и машиностроительной промышленности, то - есть в основных отраслях английской индустрии, находящихся в наибольшем расстройстве.

Немедленным следствием этих мер является, конечно, быстрый рост числа безработных, который может быть предотвращен единственно путем значительного расширения рынка. Правда, рационализация в новых отраслях индустрии вылилась не в эти формы, а в форму слияния предприятий, снабжения их наиболее современным оборудованием и применения научной организации производства.

Привлечение капитала в такие отрасли промышленности, как автомобильная, химическая, электропромышленность, производство искусственного шелка не представляет никаких затруднений, и общепризнано, что перечисленные отрасли находятся на уровне конкурентоспособности по отношению к загранице.

Но на эти отрасли нет нужды обращать пристальное внимание. Факты хорошо известны, и дискуссия всегда возвращается к вопросу о положении основных отраслей промышленности. Какие другие меры применяют английские капиталисты, чтобы облегчить путь рационализации этих отраслей? Указанные выше меры нельзя рассматривать, как «широкую рационали-

зацию». Скорее они—предварительные меры для концентрации, сбрасывание мертвого груза путем закрытия устаревших предприятий, реорганизация надстройки и атака на рабочих.

Однако, принимаются и другие мероприятия, являющиеся частью широкого генерального плана правительства Болдуина. Достаточно вкратце ознакомиться с этим планом, чтобы убедиться, что это имперское правительство чрезвычайно озабочено положением промышленности метрополии и ни в коей мере не ведет политики превращения колоний и доминионов в новые центры для основных индустрий английского капитализма.

Необходимо напомнить, что первый послевоенный кризис английского капитализма принудил английских капиталистов, во главе с Ллойд-Джорджем, сделать уступки на всех фронтах: английским рабочим в вопросах зарплаты и рабочего времени, колониальным странам в направлении демократии и некоторых экономических уступок (различные мероприятия в Индии, доклад Монтегю и т. д.). Второй кризис последовал за капиталистическим наступлением 1921 г., которое привело к падению коалиционного правительства и к победе консерваторов. Это означало победу банков, начало капиталистических стабилизационных мероприятий в Англии и об'единение усилий в деле восстановления прежних имперских связей. Появление Болдуина во главе правительства, последовавшее после заключения долгового соглашения с Америкой, также показало, что у буржуазии, руководимой финансовым капиталом, возникли определенные планы. Эти планы, приводимые в хронологическом порядке, таковы:

Во-первых, долговое соглашение с Америкой, за которым последовали соглашения с европейскими странами, заключенные на таких условиях, чтобы платежи последних Англии покрывали английские платежи Америке. Во-вторых, сотрудничество с Америкой в плане Дауэса. В-третьих, имперская конференция, искусно выдвинувшая вперед тарифную политику, с одной стороны, и имперское предпочтение, с другой, как средства укрепления английской промышленности. В-четвертых, возвращение к золотому стандарту. В-пятых, подготовка к рационализации основных отраслей промышленности сначала путем разгрома трэд-юнионов, как органов борьбы рабочего класса, а затем через посредство реорганизации промышленности в соответствии с докладом угольной комиссии. В-шестых, акт о переоценке собственности, освободивший промышленников от налогов на сумму 10.000.000 фунтов в год. В-седьмых, бюджетные предположения на 1927 год, освободившие промышленников путем реорганизации налоговой системы от налогов в сумме 30.000.000 фунтов в год. В-восьмых, кампания «мира в промышленности» под руководством главы химического треста Монда.

Можно было бы перечислить много других фактов, относящихся к этому плану, но вышеприведенные являются наиболее важными. Эти мероприятия были рассчитаны на то, чтобы: а) удешевить промышленную продукцию, б) сломить сопротивление рабочих, в) сообщить толчок концентрации, г) заложить основу для нового капиталистического накопления в основных отраслях индустрии, д) облегчить расширение рынка внутри империи. Ни в одной из этих мер нельзя видеть ничего другого, кроме крайней заботы о промышленности метрополии.

Теперь возникает вопрос: утвердила ли имперская конференция эту внутреннюю политику с соответствующим отношением к вопросам рынка? Основную часть экономической программы конференции 1923 г. составляли вопросы о способах быстрого сообщения, как средстве об'единения империи в единое целое; о способах ускорения транспорта, об имперском предпочтении по отношению к товарам, произведенным в пределах империи, а именно: в отношении ввоза в колонии продуктов фабрично-заводской промышленности Великобритании и соответствующих льгот для ввоза в Англию из колоний фруктов, зерновых хлебов и сырья; планы эмиграции в доминионы—размещения эмигрантов не в индустрии, а в сельском хозяйстве.

Но ни одного слова не было сказано о перенесении тяжелой индустрии в Австралию, Новую Зеландию, Южную Африку, Индию, Египет и т. д. Имперская конференция 1926 г. была продолжением конференции 1923 г. За ней последовала отправка имперской делегации, и одна из наиболее важных речей в этом путешествии была произнесена Артуром Гендерсоном, который обратился к австралийцам с призывом не развивать отраслей индустрии, конкурирующих с Англией, и довольствоваться положением великой аграрной страны, снабжающей Англию предметами питания и промышленным сырьем, в то время как Британия доставляет всю фабричную продукцию.

Конечно, Гендерсон не одинок. Он представлял имперскую политику правительства и британского капитализма в целом. Это ясно из ходячих утверждений лидеров британского империализма. Лорд Мельчет (Монд), например, говорит в «Дейли Телеграф» от 31 июля 1928 г.:

«Я высказываюсь за создание имперской торговой комиссии, носящей совещательный характер и призванной разобрать весь вопрос о пересмотре таможенных тарифов. Комиссия должна обсудить и вынести решение об установлении имперского таможенного барьера таким путем, чтобы наилучшим образом оградить интересы каждой составной части империи. Таково должно быть первое приближение к идеалу имперского экономического союза. Основы новой политики должны заключаться в том, что Британия будет главным участником в фабрично-заводской промышленности, а разные доминионы и другие составные части империи будут главными участниками в производстве продуктов питания и промышленного сырья. По этой рационализированной программе каждая единица будет производить то, к чему она наиболее предрасположена экономически, и империя будет функционировать как наиболее действительное целое, которое когда-либо видел мир».

В том же номере газеты напечатана целая серия заявлений промышленников, требующих повышения тарифов в целях благоприятствования тяжелой индустрии, особенно в отношении железной и стальной промышленности. Тяжесть их жалоб показывает усиление борьбы не за перенесение индустрии в колонии, а за развитие индустрии в метрополии. Положение стало таким обостренным, что всего несколько недель назад консервативная партия, которая обязалась проводить таможенную политику в духе имперского предпочтения, оказалась в положении кризиса из-за огромного давления на правительство в направлении дальнейшего более быстрого продвижения на этом пути. Сторонники покровительственных тарифов говорили:

«В прошлом году Великобритания ввезла на 58.000.000 фунтов стерл. меньше хлопка-сырца и на 12.000.000 фунт стерл. меньше шерсти в сравнении с 1925 г. В довоенное время 70% мирового производства хлопковых изделий было сосредоточено в Британии. Этот процент упал ныне до 50. Очень показательно в этой связи то, что экспорт хлопковых изделий был на 2.881.000.000 метров меньше в 1925 г., чем в 1913 г. В целом экспорт хлопчатобумажных изделий за последний год уменьшился на 31.000.000 фунт. стерлингов по сравнению с 1925 г. Положение шерстяной промышленности обнаруживает такую же картину. Удивительно ли, что цифра безработных столь устойчиво держится на высоком уровне свыше 1.000.000? Теперь мы подошли к вопросу, который волнует умы промышленников: будет ли оказано покровительство основным отраслям индустрии и в особенности стальной? Здесь—картина наибольшей депрессии. В прошлом году Англия ввезла на 200.000 тонн больше, чем вывезла, между тем как до войны баланс в ее пользу составлял приблизительно 2.750.000 тонн. Если сравнить импорт

чугунных болванок и стали в 1927 г. с 1923 г., то мы получим изумительные результаты. В прошлом году импорт чугунных болванок и ферро-сплавов был в семь раз больше, чем в 1923 г.; слитков—в семь раз; полосового и листового железа—в пять раз; проволочных прутьев—в три раза; стальных полос—в четыре раза. В целом железных и стальных изделий ввезено было в три с половиной раза больше, чем в 1923 году».

Правда, требованию установления покровительственных тарифов противостоит требование международной отмены таможенного покровительства на основе принципов Женевской экономической конференции 1926—27 г. Но и те, кто борется за покровительственные тарифы на том основании, что международная отмена их—утопия, и те, кто выступает за их отмену, являются одинаково сторонниками восстановления основных отраслей британской индустрии, а не их перенесения за границу.

Теперь посмотрим, как эта политика проявляется в жизни империи. Я уже цитировал речь Гендерсона, высказавшегося против индустриализации Австралии. Но Британия не довольствуется речами, и Австралия становится ареной борьбы британских банкиров с американскими, расстраивающими английскую политику ограничения займов для австралийской промышленности. В настоящее время новая делегация находится на пути в Австралию из Англии. Ее цель—совместная выработка планов расселения английских эмигрантов и развития плодоводства и хлопководства.

Позиция английского правительства по отношению к индустриализации Южной Африки очень ясно видна из мер, предпринятых в прошлом году. Южно-африканское правительство предполагало учредить большие сталелитейные заводы с капиталом свыше 3.400.000 фунт. стерл. Нажим из Англии заставил правительство отказаться от этого плана.

Еще более иллюстрируется эта политика на примере Индии. За приходом правительства Болдуина к власти в конце 1924 г. немедленно последовали меры, ударившие по самым основам индийской индустрии. Одновременно были приняты меры по расширению индийского рынка для английских изделий. Правительство Болдуина назначило маркиза Линлитгоу, крупного землевладельца из Шотландии (слывущего экспертом в области сельского хозяйства), председателем аграрной комиссии, в состав которой входили полуфеодальный индийский лэндлорд ража Панагал, два представителя интеллигенции, два—от английской бюрократии и индийских ростовщиков. Цель этой комиссии—не обсуждение реальных вопросов землевладения. Это исключено из пределов ее компетенции.

«В обязанности комиссии не входит давать заключения относительно существующей системы землевладения и аренды, а также арендных платежей и расходов на ирригацию».

Эта комиссия имеет целью содействовать экономической реорганизации британского империализма путем рационализации индийского сельского хозяйства. Вместо пользы для крестьянства, она скорее вгонит в нищету большое число крестьян. Это одно направление. Второе выразилось в решительном повороте против индийской индустрии. В 1924 г. при рабочем правительстве индийское законодательное собрание провело «Закон о покровительстве стальной промышленности», дававший сталелитейной индустрии таможенную охрану. Правительство Болдуина отменило покровительственные тарифы для стальной промышленности Индии и сделало попытку установить «имперское покровительство» для английской промышленности. Комитет Бальфура, отчитываясь по вопросу о покровительстве индийской стали, говорит:

«Таможенное покровительство железу и стали имеет жизненное значение для британских промышленников и повредит торговле... Индийское правительство не одобряет крайних мер покровительства... поскольку на него возложена ответственность за охрану интересов широких слоев земледельцев. Весьма вероятно, что после нескольких лет протекционистской агитации представители народа (главным образом, землевладельцы), придут к заключению, что не в их интересах искусственное стимулирование индустрии, стягивающей рабочую силу в крупные города, и что выполнение протекционистских требований промышленности повысило бы стоимость жизни по всей стране».

После всего этого нет ничего удивительного, что закон о «Покровительстве Стальной Промышленности» Индии был отменен в 1927 г. (март), а покровительственные тарифы были установлены для британской индустрии. С тою же целью правительство провело в жизнь «Билль о денежном обращении», подняв курс рупии на 12,5%, что было равносильно предоставлению 12,5%-го преимущества заграничным товарам. Эффект этих мероприятий не замедлил сказаться. Экспорт индийского железа и стали в САСШ упал с 156.000 до 40.000 тонн; в Германию — с 8.000 до 3.000 тонн. Закрылось несколько паровозостроительных компаний, и в течение немногих месяцев индийское правительство разместило ряд заказов в английских фирмах; 47 паровозов на заводах «Вулкан» в Глазго, 26 паровозов на заводах «Армстронг» и т. д. Экспорт марганца упал на 46.000 тонн, вольфрама—на 50%, хрома—на 40%. Кроме того, было заявлено, что правительство рассматривает вопрос о предоставлении заказа на 150.000 тонн цемента «Британским Цементным Компаниям».

Влияние этих тенденций на текстильную промышленность также заслуживает внимания. Текстильная промышленность являет особый пример этих противоречий империалистической политики. Нет спора, что развитие индийской текстильной промышленности оказало вредное влияние на ланкаширскую промышленность. Империалисты решили найти выход из этого положения. За Британией обеспечена монополия в области высокосортных изделий, дающих большую прибыль, и руководящее положение в производстве искусственного шелка. В то время как количественно импорт британских хлопчатобумажных тканей был меньше, стоимость его возросла с 331,25 млн. рупий в 1925 г. до 357 млн. в 1926 г. и до 351 млн. в 1927 г. Между тем при росте продукции индийских грубых изделий прибыли упали. Бомбейские фабриканты дают следующие статистические данные:

Индийская продукция хлопчатобумажных тканей

(в миллионах метров).

1913/14 г.	1.065
1921/22 „	1.610
1924/25 „	1.800
1926/27 „	2.060

Однако, динамика прибылей, наоборот, показывает, что текстильные фабриканты идут по пути к кризису.

Годы.	Прибыль в %
1920	10—46
1921	8,81
1922	3,56
1923	—1,28
1924	—2,42
1925	—1,87
1926	—1,88

Именно критическое положение индийских фабрикантов вызвало к жизни запретные пошлины, направленные против японской конкуренции. В этот же период ввоз искусственного шелка из Англии вырос с 1,3 млн. рупий в 1922—23 г., до 10,125 млн. рупий в 1927 г. И Ланкашир не упустил случая продвинуть вперед импорт своих товаров, подняв его на 5,95 млн. метров в 1926—27 г.

Эти данные могут быть значительно умножены примерами всех других колоний и полуколоний Великобритании, но достаточно и только-что приведенных, чтобы показать главную линию британской имперской политики, состоящую в попечениях о промышленности метрополии и в планах ее реорганизации, при одновременном развертывании рынков в колониях. Конечно, было бы смешно думать, что в этом имперском плане нет противоречивых тенденций и факторов. Но ясно, что основная линия развития имеет своим базисом политику, выявленную в наиболее заостренной форме Мондом, которого мы уже цитировали, и что она опровергает заключение тов. Ротштейна, Ратбона и других, которые утверждают, что колониальная эксплоатация является препятствием на пути к рационализации Англии. Наоборот, факты показывают, что Британия надеется и пытается провести свои рационализаторские планы именно на основе своей имперской политики.

Последний вопрос состоит поэтому в том, каковы же успехи в этом направлении.

Во-первых, упрочилось ли финансовое положение?

Цифры, уже приведенные, показывают рост экспорта капитала. А вот последняя оценка положения банков, данная «Таймсом» и свидетельствующая об удовлетворении буржуазии. 13 июля 1928 г. «Таймс» писал:

«Банковский резерв, который теперь достиг 57.745.802 фунт. стерл., на 1.734.058 ф. ст. больше, чем неделю назад, в то время как его отношение к платежным обязательствам выросло почти на 43%. Надо обратиться к февралю 1915 г., чтобы найти цифру резервов, сравнимую с теперешней, а в то же время золотой запас больше, чем когда бы то ни было. Однако, надо помнить, что сравнение последнего с предвоенными цифрами неправильно, ибо в настоящее время золота нет в обращении, между тем как до 1914 г. большая часть золота, находившегося в стране, была в обращении. Улучшение в положении Английского Банка очень наглядно выявляется из сравнения с цифрами предыдущего года. Резерв не менее чем на 24.500.000 фунт. стерл. больше, а золотой запас больше свыше чем на 23.250.000 ф. ст.... Это значит, что имеются значительные резервы свободного кредита для удовлетворения законных требований торговли и промышленности».

Банковое дело было укреплено также путем дальнейшей концентрации. «В финансовом мире наиболее крупным слиянием после 1919 г. является об'единение «Банка Ливерпуля и Мартина» с «Ланкаширским и Йоркширским Банком» (включая и поглощение Эквитэбль-Банка), что превратит Ливерпульский Банк (ныне Банк Мартина)—в действительности, а не только на словах—в «Шестой Большой».

Теперь обратимся к индустрии. В электротехнической промышленности положение таково: согласно «Британской Индустрии», официальному органу Федерации Британской Промышленности, за август 1927 г., Англии принадлежит в настоящее время первенство в деле экспорта электротехнических изделий. Мощность вывезенных изделий была в 1926/27 г. на 28% больше, чем в 1920 г.

Внутри страны неопределенность хозяйственного положения и жестокая депрессия в торговле вызвали падение на 6% ниже уровня 1920 года. В отношении экспорта рынками служили Индия, Австралия, Новая Зеландия, Южная Африка, Южная Америка и Япония.

Подсчитано, что свыше 60% мировых заказов на производящие электрическую энергию машины, за исключением главных индустриальных стран, и свыше 70% всех заказов на электрические средства тяги, особенно по электрификации железных дорог, падает на британских фабрикантов.

Цифры электрической продукции показывают с 1924 г. во всех областях прирост в пользовании электрической энергией.

Показатели продукции таковы (месячные средние за 1923—26 гг. = = 100).

Годы.	Британия без Лондона и Уэльса.	Каменноуг. железная, стальная, тяж. машиностроение.	Общее машиностр. и автостроение.	Химическая промышленность.	Транспорт.	Текстильная промышленн. (хлопок и шерсть).
1924	114	122	111	132	112	102
1925	121	124	130	151	126	111
1926	111	100	133	162	134	120
1927	146	143	158	210	163	139

Производство автомобилей:

Годы	Количество	Стоимость
1912	22.000	7.316.000 фунт. стерл.
1924	132.000	28.599.000 „ „
1927	200.000	50.000.000 „ „

Экспорт автомобилей:

1912	6.441	2.461.530 „ „
1924	15.566	4.861.060 „ „
1927	36.329	8.834.466 „ „

Общепризнано, что концентрация и рационализация идут быстро вперед в этих отраслях промышленности, равно как и в химической индустрии, о которой Монд говорит следующим образом:

«Мы осуществляем ныне полный контроль над 40 промышленными и торговыми концернами и значительную долю контроля над свыше чем 30 другими компаниями... Мы добились в течение 12 месяцев полного, всестороннего, непосредственного и, мы могли бы сказать ежедневного, контроля над этими компаниями в отношении финансов, оперативной деятельности, труда и общей политики».

Производство искусственного шелка находится в руках компаний «Кэртольдс» и «Бритиш Селанез»; они увеличили продукцию с 11 577.348 килогр. в 1926 г. до 16.550.000 килогр. в 1927 г. и стоят на втором месте в мире. В отношении этой отрасли промышленности нет сомнений, что она сможет итти в области рационализации нога в ногу со своими конкурентами.

Теперь о тяжелой индустрии. Отчет судостроительной промышленности показывает, что средний тоннаж, спущенный на воду, таков: в среднем за 1923—25 г. — 1.057.000 тонн; 1926 г. — 640.000 (всеобщая забастовка); 1927 г.—1.226.000 тонн. Тоннаж в постройке равнялся в 1924 г.—1.297.000 тонн; в 1925 г.—885.000 тонн; в 1926 г.—760.000 тонн; в 1927 г.—1.580.000 тонн. Английская доля в мировой продукции равнялась в 1927 г. 53,6% в сравнении с 52% в 1923—25 г., 28% в 1919—20 г. и 58% в 1913 году. Прогресс рационализации описывается в «Глазго - Геральд» от декабря 1927 г. так:

«Как говорит в другом месте председатель федерации предпринимателей судостроительной промышленности, судостроительные предприятия

Англии реорганизованы. Они мощнее сегодня, чем когда бы то ни было, и могут с успехом справиться с любым количеством работы, какое может принести им 1928 г.... Слишком много говорят о великом техническом прогрессе на континентальных и американских верфях и машиностроительных заводах. Безусловно, многое поражает—издалека—в иностранных методах и приемах. Но британские фирмы менее сложными и менее дорогими приемами, при помощи более простой организации и более непосредственного контроля... — не находись они, как сегодня, в менее выгодных условиях вследствие невыносимых налогов — могут строить дешевле, чем фирмы других стран». Последняя фраза представляет агитацию за налоговую реформу, ныне проводимую правительством Болдуина. Влияние этой реформы будет видно из следующих сравнений:

«На одной из судостроительных верфей Глазго налог на построенное судно равнялся в 1913 г. в среднем 268 фунт. стерл., а в 1926 г.—3.182 ф. ст. Соответствующие цифры составляли на тонну 8,5 пенса и 70,5 пенса. В другом случае налог на судно составлял в 1914 г. в среднем 246 ф. ст., или 6,75 пенсов с тонны, а в 1924 и 1925 гг. те же цифры составляли 1.850 фунт. ст. за судно и 40,6 пенсов с тонны».

Согласно предложениям Болдуина, которые входят в силу в конце 1928 г., эти факторы будут целиком парализованы, и конкурентоспособность британской судостроительной промышленности значительно усилится.

Железная и стальная индустрия.

Эта индустрия стоит в центре внимания и по отношению к ней требуются наиболее решительные меры. Цифры производства чугуна показывают, что в 1925 г. было произведено 6.261.800 тонн, в 1926 г.—2.442.000 тонн, в 1927 г. — 7.304.500 тонн. Стальная продукция изменялась так: 7.386.000 тонн в 1925 г., 3.560.400 тонн в 1926 г. и 9.184.000 тонн в 1927 г. В то же время наблюдался значительный рост импорта, преимущественно из Германии, Бельгии и Франции. В 1925 г. было ввезено 2.720.400 тонн, в 1926 г.—3.740.000 тонн, в 1927 г.—4.406.000 тонн. Эти факты положили начало воплям о введении покровительственных тарифов и о снижении налогов одновременно с проведением в жизнь рационализации. Актуальные нужды рационализации понятны капиталистам, но и здесь, как и в других отраслях тяжелой индустрии, «производительной» рационализации предшествует «ограничительная» рационализация. Меры, принятые в пределах империи и ограничивающие промышленное производство в колониях, были уже упомянуты. Следующая по важности мера — снижение налогов и введение покровительственных тарифов... Значение первой меры явствует из заявления председателя ассоциации производителей литой стали, который доказывал перед комитетом Бальфура, что размер налогов на тонну литой стали составлял в июне 1914 г. 3 шиллинга на тонну, а в июне 1924 г.—21 шиллинг на тонну. При условии полной загрузки доменных печей размер налогов на тонну равнялся в 1924 г. 6—8 пенсам на тонну. Бюджет 1927 г. облегчил индустрии это бремя. Ныне агитация принимает форму требования протекционистских тарифов против ввоза железа и стали. Эти меры рассматриваются, как необходимые предпосылки для того, чтобы дать индустрии возможность провести в жизнь основные меры в области «производительной» рационализации за счет собственных средств.

«Глазго Геральд» выдвигает следующие мероприятия, необходимые для восстановления британской сталелитейной индустрии: (а) «Снижение цен на топливо путем постройки современных коксовых заводов для производства доменного кокса. Это понизит себестоимость стали на 3—4 шиллинга на тонну. (б) Укрупнение доменных печей для более экономного производства чугуна. (в) Горячий способ переработки железа в сталь. (г) Рационализация сталелитейных предприятий. (д). Унификация торговли путем районирования и создания центрального закупочно-запродажного агентства. (е) Понижение транспортных тарифов. (ж) Взимание местных налогов с дохода, а не с оборота.

Угольная промышленность.

Углубление кризиса в угольной промышленности толкнуло углепромышленников еще дальше по пути рационализации. Широкая концентрация имела место во всех угольных районах. В то же время во всех угольных районах были организованы агентства по экспорту угля. Последствием этих мероприятий явилось сокращение добычи, учитывающее положение на мировом угольном рынке. Безработица росла резкими скачками до тех пор, пока правительство не вмешалось путем: 1) субсидий в размере нескольких миллионов фунтов для улучшения экспорта; 2) и попытки переброски безработных, в особенности молодых рабочих, на сельскохозяйственные работы в колонии.

Интересно в этой связи заметить, что впервые по истечении многих лет Британия начала опять вывозить уголь в Австралию. Развитие последних месяцев показывает, что теперь угольная индустрия быстро идет по пути к трестификации. «Рабочий» («Worker») от 20/VII цитирует заявление г-на Ли, секретаря углепромышленников:

«Опасность замены конкуренции отдельных угольных предприятий конкуренцией угольных районов всегда учитывалась, и дальнейшим логическим шагом является координация деятельности отдельных районов с особым учетом интересов экспорта».

«Очевидно,—говорит «Рабочий»,—что организационная сторона рационализации будет продвинута вперед и что в соответствии с технической рационализацией будут приложены огромные усилия в целях стабилизации угольной индустрии, в которой оставлены будут 750.000 рабочих, получающих голодную зарплату».

Хлопчатобумажная и шерстяная промышленность.

Продукция шерстяной промышленности достигла только 75% уровня 1913 г. В момент написания статьи у меня не было материалов для оценки того, как далеко зашла рационализация в этой отрасли индустрии. В хлопчатобумажной промышленности, это хорошо известно, трудности существуют в отношении грубых хлопчатобумажных тканей, производимых из американского хлопка.

В тонких сортах товаров Британия идет впереди других стран. Огромная агитация идет в рядах самих капиталистов за реорганизацию и рационализацию индустрии, но успех в этом направлении незначителен. Повидимому, фабриканты должны попасть в значительно большую зависимость от банкиров, прежде чем будет предпринята коренная реорганизация. А пока весь нажим идет по линии зарплаты и рабочего дня трудящихся, плюс империалистические меры против Индии, о которых мы уже говорили.

Железные дороги и транспорт.

На железных дорогах на ряду с конкуренцией со стороны шоссейного транспорта сильно отзывается депрессия в тяжелой индустрии. Железнодорожные кампании утверждают, что они потерпели тяжелые потери во всех отношениях. Это повело к рационализации в широком масштабе, к закрытию боковых веток, к сокращению штатов на главных линиях (общее число железнодорожников в 1924 г.—700.573, в 1928 г.—677.148). Железнодорожные мастерские тоже были рационализированы.

Для примера: в Крью, где имеются крупнейшие железнодорожные мастерские, раньше существовало семь мастерских для ремонта и постройки паровозов. Теперь имеется только одна, справляющаяся с той же работой. Здесь полностью применяется конвейерная система для массовой продукции. Лишь недавно железнодорожные компании понизили зарплату на 3 млн. фунтов стерлингов в год. Кроме того, им удалось провести через парламент билль, дающий железнодорожным компаниям возможность конкуренции с автомобильными компаниями в области шоссейного транспорта. Последние быстро начали трестифицироваться, и это является, повидимому, вступлением к колоссальному об'единению железнодорожного и шоссейного транспорта.

Заключение.

Что показывают все эти факты?

1) Новый рост капиталистического накопления и поэтому наличие свободного капитала для рационализации. 2) Империалистическую политику подчинения колоний и доминионов нуждам метрополии. 3) Попытки расширить внутриимперский рынок. 4) Рационализацию производственного аппарата в новых отраслях индустрии. 5) Расчистку пути для широкой рационализации в основных (старых) отраслях индустрии путем смягчения налогового обложения и пр. 6) Наступление на зарплату и рабочий день трудящихся. 7) Широкое развертывание борьбы за поддержку рационализации при помощи таможенной политики.

Все эти мероприятия не только не встречают сколько-нибудь значительного сопротивления со стороны тред-юнионов, но, наоборот, они облегчаются открытым сотрудничеством профсоюзной бюрократии и рабочей партии с предпринимателями. Что в среде рабочего класса наблюдается рост воли к сопротивлению, это видно из ответа рабочих масс на призыв движения меньшинства, на конгрессе которого присутствовали более 800 делегатов. Но этого еще недостаточно для того, чтобы оказать действительное сопротивление развертывающимся процессам рационализации. Томас убедил уже железнодорожников согласиться на сокращение зарплаты. Конгресс тред-юнионов, без сомнения, одобрит сотрудничество с Мондом.

Факты, как мне кажется, рисуют перспективу незначительного улучшения в народном хозяйстве Англии, по мере того, как проводятся в жизнь перечисленные выше мероприятия. Поэтому мне кажется, что перспектива беспрерывного распада собственно британской индустрии неправильна. Факты свидетельствуют скорее о том, что этот распад приостановился, что предстоит обострение борьбы против Германии и особенно Америки и усиление международных противоречий, которые подготовляют войну и революцию—войну между империалистическими державами, революцию на колониальном фронте в результате обострения противоречий между требованиями колоний и удушающей империалистической политикой, подавляющей развитие производительных сил в этих странах. Раньше войны между державами может возникнуть другая война—война против Советского Союза, но в этой статье не место судить о том, какая из этих двух войн возникает раньше. Эта статья имела своей целью показать, какими способами британский империализм силится привести свой дом в порядок, чтобы бороться со своими соперниками, и показать, что рационализация не есть что-то обособленное и оторванное от всей проблемы британской империи в целом.

Отакар.

„Комнезависимцы" за работой.

Как известно, «левая оппозиция» внутри Коминтерна существовала недолго. Классовым чутьем революционные марксисты быстро отгадали под ультра-левой фразой правую социал-демократическую сущность и изгнали из своей среды оппортунистов. Так было не только в СССР, но и в Германии, Франции и др.

Очутившись за дверью Коминтерна герои левой фразы кое-где попытались создать свою самостоятельную организацию. И тут — едва они от критики «термидорианцев» перешли к практической деятельности—мгновенно обнаружилось их реакционное меньшевистское лицо.

Та же история повторяется теперь в Чехо-Словакии. Исключенные из КПЧ, ультра-левые созвали 24 июня свою республиканскую конференцию, на которой присутствовало целых 70 делегатов от 1.000 членов... По решению этой конференции была создана «коммунистическая партия Чехо-Словакии» (без «секции Коминтерна», так сказать, «независимые коммунисты»)... При этом, конечно, оппозиционеры, верные троцкистской тактике, всячески отрицали свое организационное отделение от КПЧ, создание второй партии. О, нет, только засилье «аппаратчиков» (это словечко, пущенное у нас троцкистами, в дискуссии 1923 г., прочно привилось у заграничных ультра-левых) заставляет оппозицию об'единиться для совместной защиты интересов партии, но едва надобность пройдет, оппозиционная организация будет немедленно распущена. «Аппаратчики будут кричать, что мы создаем новую партию. Но это не новая партия: мы считаем программу компартии за свою. Это—только организованная борьба против аппаратничества в коммунистической партии» [1]).

Но эта хитроумная тактика не обманула даже реформистов, которые любезно предсказали, что «программа новой партии будет иметь гораздо больший успех среди коммунистических рабочих, нежели наивная программа ортодоксальных революционеров из Политбюро»... [2]).

На какой платформе сколотился этот кружок любителей р-р-революционной словесности?

Ответ на это дают «принципиальные решения», принятые на их конференции.

При беглом чтении первых пунктов этих «решений», опубликованных в органе оппозиции — еженедельнике «Руда Ровность» (№ 18), возникает мысль: из-за чего, собственно, они огород городят. В самом деле, мы находим тут и признание диктатуры пролетариата («в согласии с Марксом и Лениным»), и необходимость всемерной защиты СССР, и единый фронт, и рабочую демократию,—все как у людей... Но очень скоро выясняется, что

[1]) См. «Руда Ровность» № 12.
[2]) См. «Право Лиду» от 3 июля.

перед нами простое злоупотребление словами. Оказывается, что вся демократия у оппозиционеров сводится к «устранению личной диктатуры секретарей и прочих аппаратчиков». А единый фронт в понимании чехословацких последователей Троцкого—не что иное, как «честное сотрудничество» с социал-реформистами во всех рабочих организациях — профессиональных, кооперативных, культурных.

Как мотивируется этот — можно сказать — центральный пункт всей платформы оппозиции? Вождь ее, д-р Эчер, в своем докладе на учредительной конференции сказал дословно: «Все компартии переживают крах. Их лозунги и акции уже не имеют прежней привлекательности в глазах масс. С другой стороны, социал-демократы, которых именуют (!) левым крылом буржуазии, растут, при чем германская с.-д. партия имеет в своем составе 80% рабочих. Мы должны из этого факта сделать соответствующий вывод»... Какой, именно, вывод? Ну, разумеется, такой, который соответствует природе «левого» оппортунизма:

«Социальная революция не стоит сегодня в порядке дня. Отношение к Советской России уже не разделяет нас (от эсдэков), как раньше. Вопрос о демократии также не разделяет нас, поскольку (!) рабочие получают от буржуазии достаточно предупреждений, чтобы не переоценивать демократии. Мы обязаны осуществить единый фронт» [1].

После такого научного — «в согласии с Марксом и Лениным», — обоснования честного сотрудничества с социал-предателями уже не остается сомнений насчет того, как ультра-левые будут бороться за диктатуру пролетариата и защиту СССР. Разрушать в массах иллюзии буржуазной демократии оказывается вообще излишним, «поскольку» этим делом успешно занимается сама буржуазия. Что же касается «Советской России» (?), в отношении к которой «ничто не разделяет» чехо-словацких «независимых коммунистов» от чешских соц.-дем., то достаточно сказать, что в Чехо-Словакии редко какая буржуазная газета доходит в травле СССР до таких гнусностей, какими переполнена именно «социалистическая» печать. В свирепой борьбе против местных коммунистов чешские с.-д. изо дня в день брызжут бешеной слюной на Республику Советов. Вот некоторые перлы из центрального органа чешской социал-демократии «Право Лиду»: «Местные коммунисты—платные агенты русской власти» (№ от 3/VI); «программа Коминтерна—русский советский салат» (6/VI); «интерес американцев к СССР—признак культурной деградации» (30/V)... Систематически перепечатываются из «Руля» сообщения о «зверских насилиях комиссаров над крестьянами», о чудовищной эксплоатации рабочих, об усмирении безработных с помощью войск и т. д., и т. п. Доходит до того, что во время болезни умершего барона Врангеля портрет его печатается в ц. о. с.-д. партии со скорбной припиской: «сомнительно, чтобы он оправился от своей тяжелой болезни»... Такая незаменимая утрата для социал-демократии!..

И от такой «защиты» СССР ничто не разделяет наших троцкистов в чехо-словацком издании. В самом деле, когда местные социалисты «разорялись» по поводу приезда Амануллы («в Зимнем дворце снова монарх»...), ультра-левые не преминули внести и свою «революционную» лепту в общую сокровищницу социалистической провокации. «Руда Ровность» (№ 9) поместила передовую статью упомянутого д-ра Эчера под замечательным заглавием: «Афганский король Аманулла в Москве—творец Красной армии Троцкий в Сибири». Что называется: в огороде бузина, а в Киеве дядька... Основная, глубокая мысль этой статьи заключается в следующем: «Прав был Троцкий, когда говорил, что судьба социалистического (подчеркнуто Эчером) Советского Союза спаяна с судьбой мировой пролетарской революции. Сталинская же теория «социализма в одной стране» неминуемо ведет в об'ятия афганского короля. Но постольку Советский Союз перестает иметь значение государства пролетарской революции». Поистине такая «защита» СССР отличается от социал-демократической одной только оппозиционной терминологией.

[1] «Руда Ровность» № 16, стр. 3.

Но созвучие настроений у ультра-левых и социал-реформистов далеко не ограничивается лишь оценкой визита падишаха, т.-е. характерной для II Интернационала неспособностью понять значение угнетенного Востока в борьбе с империализмом Запада. «Единый фронт» проводится решительно во всех серьезнейших вопросах внутренней и международной политической жизни. И тут чрезвычайно поучительно проследить на близких примерах и документальных данных, как в практических вопросах «левое крыло буржуазии» и «независимые коммунисты» выступают настолько солидарно, что зачастую совершенно не отличишь одних от других. Вот примеры последних 2—3 месяцев:

1) В Праге происходит торжественный конгресс кооператоров по случаю 20-летнего юбилея чешской кооперации. Приглашены представители Германии, Франции, Англии и др. Делегации Центросоюза не давали визы до последней минуты. Реформисты всячески старались «загнать в тень» советскую делегацию: слово для приветствия тов. Любимову было дано к самому концу заседания, о содержании его речи и даже о самом факте его выступления не было ни слова напечатано ни в одной социалистической газете. Местные коммунисты использовали юбилейную манифестацию для целей революционной агитации. Повсюду развевались многочисленные красные флаги с лозунгами: «Реформистские рабочие, будьте на страже, чтобы ваши лидеры вас не обманули», «Да здравствует СССР — защитник кооперативного движения», «Да здравствует КПЧ» и т. д. Социал-демократы—распорядители призвали на помощь полицию, которая арестовала несколько рабочих. На юбилейной выставке один рабочий-кооператор раздобыл знамя с серпом и молотом и закрыл им фашистский флаг Италии. «Социалисты» сорвали революционное знамя, чтобы высвободить эмблему фашизма. Произошла свалка, прекращенная вмешательством полиции, арестовавшей рабочих-антифашистов. Взбешенные успехом компартии, социал-демократы об'явили в «Праве Лиду», что «коммунисты опозорили кооперативную демонстрацию», вследствие чего «необходима такая же чистка кооперативного движения от коммунистических вредителей, какая была произведена в профессиональном и политическом рабочем движении». Вслед за тем 3 коммуниста «вычищаются» из президиума кооперативного совета—и начинается раскол кооперативного движения в Чехо-Словакии.

Какую позицию заняли в этом вопросе ультра-левые «коммунисты»? Они целиком солидаризировались с реформистами. «Руда Ровность» сочла нужным заверить, что виза делегатам Центросоюза была, в конце-концов, выдана благодаря ходатайству соц.-демократов... Что же касается использования манифестации коммунистами, то тут «истинные ленинцы» дошли до такого бесстыдства, что написали следующее: «Кооперативы хотели своей манифестацией показать силу организованных потребителей без различия политических убеждений, а вот одна партия использует собравшиеся массы для целей своей партии, навязывает шествию свою окраску, дабы обыватели видели, как сильна еще коммунистическая партия»...

Ясно, что такая «установочка» морально санкционирует репрессии реформистов против «одной партии», на которую возлагается вина за раскол коопдвижения.

2) В Москве идет пролетарский суд над шахтинскими вредителями. Весь мир раскололся на две части. Буржуазные борзописцы громили тиранию, деспотию, азиатчину. Издевались и соц.-дем.: «сперва ударили по кулаку, теперь взялись за спецов,—все по Троцкому идет»... Только искренние друзья СССР открыто сочувствовали процессу над злостными врагами пролетарской диктатуры.

На какую сторону баррикады стали тут «независимые коммунисты»?

Не осудив ни единым словом героев саботажа, «Руда Ровность» ограничилась напечатанием статьи знакомого нам «вождя», д-ра Эчера, под характерным по своей нейтральности заголовком: «К процессу 53-х»... Кто они, эти 53? Мученики ли большевистского зверства—как утверждает буржуазия? Или подлые агенты мировой контрреволюции—как трактуем их мы? Этот вопрос оказывается совершенно неинтересным для лидера троцкистской оппозиции в Чехо-Словакии. Весь «случай» с 53-мя «неизвестными» дает только повод ученому д-ру Эчеру раз'яснить почтеннейшей публике, что в различных частях СССР существует различное законодательство: одни законы в УССР, другие—в РСФСР. И отсюда—благодарнейшая тема для юридического исследования о правомочности Верховного Суда РСФСР судить за деяния, совершенные в пределах УССР...

Не трудно видеть, что абстрактно-теоретическая позиция «ортодоксальных ленинцев» в таком остром вопросе классовой борьбы — политически равноценна воздержанию от действенной защиты страны пролетарской диктатуры.

3) Правительство запрещает устройство спартакиады.

Коммунисты (без кавычек) пытаются использовать легальные возможности: возбуждают вопрос в парламенте и сенате. Комдепутат Скалак громит «полицейский абсолютизм, господствующий в демократической республике», убедительно доказывает, что спартакиада запрещена в интересах крупной буржуазии, банковских воров, ростовщиков, кулаков и всякого рода эксплоататоров, владеющих в ЧСР государственным аппаратом. «Запрещение спартакиады,—говорил он,—стоит в связи с подготовкой новой империалистической войны. Оно является, так сказать, генеральной репетицией буржуазии, готовящейся вести рабочих на новую бойню. Запрещение спартакиады является только одним из звеньев длинной цепи систематических преследований во всех областях общественной жизни».

КПЧ принимает решение: вместо запрещенного физкультурного праздника, организовать 6 июля «Красный День» для выявления массового протеста против полицейско-демократического абсолютизма.

Тут начинается настоящая свистопляска. Вся печать восстала против «Красного Дня». Особенно усердствуют «социалисты». Эсдэковские «Право Лиду» и «Нова Доба» писали, что «красный день заказан Москвой», что в Чехо-Словакию прибыли агенты Коминтерна с большими суммами денег «для организации путча». А «Ческе Слово» (орган народных социалистов) предупреждало рабочих не выходить на улицу 6 июля, так как коммунисты хотят только подвести их под огонь, а самим спрятаться в кусты... По всем приготовлениям было видно, что правящая буржуазная коалиция, вкупе и влюбе с социал-реформистами, организует кровавую баню революционному пролетариату.

Что делает в этот критический момент «коммунистическая» оппозиция?

Накануне выступления «Руда Ровность» так агитировала массы: «Будьте уверены, аппаратчики пошлют на улицу женщин и детей, а сами спрячутся, ибо аппаратчик—продажный человек, который живет от политической работы, как иной—от концессии на кино»... А после подавления движения, когда буржуазная и реформистская печать захлебывалась от радости, торжествовал и орган д-ра Эчера: «Мы давно говорили, что «революционная» (иронические

кавычки в тексте) деятельность КПЧ совершается в безвоздушном пространстве... Массы повернулись к компартии задом... Ее мобилизация масс—не что иное, как пустая фраза, с помощью, которой вымогается субсидия у Коминтерна» [1]...

Комментировать эту низость уже, кажется, излишне.

4) Демократические власти готовят разгром всех революционных организаций пролетариата. Незадолго до «Красного Дня» комдепутат Штерн опубликовал секретный документ, поступивший в совет министров и содержащий предложения целого ряда репрессий против КПЧ, редакций парторганов, красных профсоюзов, кооперативных, спортивных и др. организаций, примыкающих к компартии [2]).

Правительство, огорошенное разоблачением его фашистских планов, растерянно отнекивается. Цензура конфискует речь депутата Штерна, хотя парламентские речи, по конституции, неприкосновенны. Социал-реформисты ринулись спасать положение. «Право Лиду» муссировало такую счастливую версию: компартия тонет, разлагается, распадается, и потому ищет ореола мученичества, измышляет какие-то планы репрессий и т. п. В научно-марксистском журнале для интеллигенции «Нова Свобода» бывший лидер оппозиции, ныне соц.-демократ Горовский своим растленным пером выводил такие полемические узоры:

«Ленин очень дивился бы на то, что делает депутат Штерн. Партия, которая хочет изменить общественный строй, об'являет войну властям, парламенту, большинству—вдруг взбудоражилась из-за куска бумаги, согласно которой власти хотели бы напасть на коммунистов. Разве п р о ф е с с и о н а л ь н ы е р е в о л ю ц и о н е р ы нуждались бы в доказательстве, что власть их боится?»...

А «Ческе Слово» к этому присовокупило, что руководители КПЧ сами жаждут перейти на нелегальное положение, которое позволяет не отчитываться в расходовании сумм, получаемых из Москвы [3]).

Но эта провокация настолько прозрачна, что даже более умные (или менее глупые) немецкие соц.-дем.—типичные представители австро-марксизма—не решаются полностью поддержать ее. Что делают в такой исключительно опасный момент ультра-левые оппозиционеры?

Они помещают в № 14 «Руда Ровность» двусмысленную статью, в которой, с одной стороны, высказываются против роспуска компартии, а с другой,—уверяют, что «власти знают, что в д а н н ы й м о м е н т (подчеркнуто в тексте) партруководство неспособно даже организовать массового отпора против роспуска»... Вообще же, «трудно решить, правдивый ли документ огласил Штерн или нет. Не исключено, что депутат Штерн был введен в заблуждение»... В № 18 руководители КПЧ уже об'являются «величайшими ликвидаторами компартии в Чехо-Словакии. Они ликвидируют ее быстрее и основательнее, чем власти»...

А в № 20 «Рудой Ровности» перепечатан из фашистского листка целый список (явно полицейского происхождения) миллионных «субвенций», долларами и бриллиантами якобы полученных КПЧ в течение 5 лет из Москвы через п о л п р е д а Мостовенко, Бела-Куна, дипкурьеров и т. д.

Сопоставим эти статьи, и мы получим идеальный единый фронт «независимых коммунистов» с самыми махровыми реформистами, направлен-

[1]) «Руда Ровность» от 12 июля.

[2]) В настоящее время значительная часть этих предложений уже п р о в е д е н а в ж и з н ь.

[3]) Эта «догадка» имеет сугубо провокационный смысл в связи с намерением правительства создать процесс против КПЧ по обвинению в получении средств «о т и н о с т р а н н о г о г о с у д а р с т в а» на антигосударственные цели (по закону это деяние квалифицируется, как г о с у д а р с т в е н н а я и з м е н а).

ный фактически в защиту правительственных репрессий против КПЧ. Вот до какой жизни дошли чехо-словацкие троцкисты!

5) Представители международного революционного пролетариата с'езжаются на VI всемирный конгресс Коминтерна. Подводят итоги, подсчитывают раны, отмечают успехи, вырабатывают стратегию и тактику дальнейшей борьбы, куют победу над классовым врагом. Вождь Коминтерна, тов. Бухарин, в своем докладе конгрессу дает марксистский анализ современной ситуации, расстановки классовых сил и наших задач. В числе последних обрисовывается необходимость заострения борьбы против социал-реформизма, как сильнейшей опоры империализма. В лагере предателей поднимается звериный вой. «Раскольники», «любители междоусобиц», «подстрекатели братоубийственной борьбы внутри пролетариата»—вопит вся «социалистическая» печать. Даже австро-марксистский «Социал-Демократ» обозлился до того, что обругал конгресс «сталинским цирком» за его «ложный фронт»: дескать, вместо борьбы с капитализмом, об'являет войну социализму... Не трудно догадаться после приведенных фактов, чью сторону приняли в этом споре ультра-левые. «Бухарин против Маркса»,—так авторитетно заявил видный ренегат коммунизма Вацлав Кованда в «Рудой Ровности» (№ 20): «Бухарин выбросил снова лозунг—столь же немилосердный, сколь и смешной в данный момент: заострение борьбы компартий против социал-демократов»...

Но почему, собственно, в данный момент этот лозунг смешон—удивится, быть может, читатель? Г-н Кованда—с типичными для оппозиции настроениями пессимизма и пораженчества—«раз'ясняет»:

«Пролетариату хватает уже междоусобных битв. Мы теряем одно достижение за другим, одну позицию за другой. Мы биты во всех странах экономически и политически. Мы идем от поражения к поражению... Коммунистическое движение и русское (?) рабочее государство должны будут всюду считаться с социал-демократией, как с сильной массовой рабочей партией, невзирая на ее ошибки и недостатки... Постоянное провоцирование (!) программно наиболее близкой и наисильнейшей рабочей партии таит в себе опасность, против которой каждый коммунист, которому дорога победа рабочего класса, обязан предостеречь».

Многообещающую мысль о программной близости реформизма и «коммунизма» (в кавычках, конечно) теоретик оппозиции не развивает далее, зато восторженно воспевает практическую деятельность соц.-демократов: «достаточно побыть несколько дней в Австрии или Германии, посмотреть на общественные выступления и плодотворную позитивную работу социал-демократии на благо рабочих, чтобы каждый об'ективный наблюдатель признал эту деятельность заслуживающей всякой похвалы»...

Вывод?

«Обе рабочие и социалистические партии—коммунистическая и социал-демократическая—имеют столько последователей, что об одолении одной партии другой нечего и думать. Остается только путь сближения»...

Наконец, заключительный перл: «Рабочие с трудом поймут лозунг Бухарина. Они не отделаются от мысли: какая перемена произошла с коммунистами! Чай, компартия возникла из марксистского левого крыла социал-демократии, стоявшего на твердой классовой позиции. Бухарин же теперь заменяет лозунг Маркса: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»—лозунгом «Пролетарии всех стран, травите друг друга»...

Такими пошлейшими благоглупостями защищают «истинные ленинцы» свой единый фронт с ренегатами марксизма против Коминтерна. Нужно ли удивляться тому головокружительному успеху, каким пользуется «независимая компартия» среди лицемерных друзей и открытых врагов пролетариата?

«Право Лиду» аттестовала «марксистское» выступление Кованды против Бухарина, как «мужественное слово в нужный момент»... Вполне последовательно ц. о. с.-д. партии рекомендует членам компартии «сделать из искренней, социалистически написанной статьи товарища (!) Кованды единственный вывод: вернуться к социал-демократии, в которой они находились ранее»...

Разумеется, члены КПЧ не проявляют склонности к социал-демократической «репатриации», но что «независимые коммунисты» закончат процесс своей эволюции именно таким способом — за это говорит вся прошлая история оппозиционных группировок в чехо-словацкой компартии. Так было с группами Бубника, Ванека, Скалы, Герлиха, Горовского. Возникая каждый раз перед началом парламентской избирательной кампании, каждая оппозиционная группа, пошумев, покритиковав слева и помутив сознание слабейших членов партии, неизменно кончала организационным слиянием с социал-демократией. Все названные вожди прежних оппозиций к настоящему времени прочно осели в социал-реформистских организациях, где со специфическим злопыхачеством ренегатов ведут устную и печатную травлю КПЧ, ВКП и Коминтерна. Новая оппозиция Эчера, Кованды и К° быстро и неуклонно катится по той же плоскости, чтобы по окончании осенних выборов пополнить собою славные ряды социал-предателей. Таков, повидимому, неумолимый закон социальной природы: начав с ультра-левого уклона, последовательно докатиться до официального меньшевизма. Эту логическую неизбежность сознают и социал-демократы, и более умные буржуа, которые поэтому дружески похлопывают по плечу героев «независимо-коммунистической» фразы. «Последние Новости»—орган Милюкова, которого Ильич считал «умным врагом»—с радостью сообщают, что «коммунистическая оппозиция в Чехо-Словакии имеет уже 30 провинциальных отделений», хвалят ее «мудрое решение о сотрудничестве с другими рабочими партиями», одобряют ее профсоюзную тактику, напоминающую «синдикализм в английском духе» и т. д. Даже менее умная газета—официальная «Чехо-Словенска Република» приветствовала появление «новой коммунистической партии, независимой от Москвы»... Демократы всех мастей и враги нашей Республики Труда легко прощают новой «компартии» ее пустопорожние разговоры о диктатуре пролетариата и защите СССР, ибо видят, что на деле новые «независимцы» идут целиком на поводу у реформизма—этого лучшего защитника буржуазной демократии и бестии империализма. А известно, что деятели реакции—не краснобаи: для них имеет несравненно более реальное значение контрреволюционная практика «независимой компартии», чем ее «революционная» болтология. Отсюда — всяческое сочувствие, признание и моральная поддержка в борьбе против общего врага—КПЧ, секции ленинского Коминтерна.

Такое расширенное «высшее единство», до которого столь быстро доразвился единый фронт коммунистической оппозиции с «другими рабочими партиями», уже принесло свою пользу. Оно помогло широким партийным кругам очень быстро разобраться в социальной сущности ультра-левой оппозиции, как особой разновидности международного оппортунизма. Радужные предсказания «Право Лиду» блестяще опровергнуты. Коммунистические рабочие, наглядевшись на программу «комнезависимцев» в действии, прониклись еще большей преданностью тому циклу ленинских идей, который благомыслящие холопы капитализма третируют, как «наивную программу ортодоксальных революционеров».

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

В. Мотылев.

Прикрытое отступление.

(Об ответной статье тов. Струмилина).

Ответная статья тов. Струмилина [1]) на мои статьи, посвященные рассмотрению проектов пятилетнего плана и связанных с ними ошибок тов. Струмилина, заслуживает, несомненно, внимания. Она интересна прежде всего в том отношении, что тов. Струмилин отказывается в ней от существенной части своих ошибочных взглядов, отступая тем самым по основным вопросам дискуссии в той или иной степени от своих прежних позиций. Однако, это отступление тов. Струмилина усиленно маскируется. Соответствующие заявления делаются им мимоходом и в таких выражениях, с такими оговорками и ограничениями, что читатель, не знакомый с прежними выступлениями тов. Струмилина, может не заметить этого отступления. Кроме того, тов. Струмилин пытается замаскировать свое отступление многочисленными полемическими выпадами.

Я сосредоточу, однако, внимание не на этих полемических выпадах, а на выявлении его отступления и на критике тех ошибочных взглядов, от которых он еще не отказался [2]).

1. О директивах XV с'езда.

В статье в № 10 «Большевика» я приводил ряд цитат из выступлений т. С., свидетельствующих о недооценке им директив XV с'езда. В этой недооценке я усматривал существенное проявление ошибочности позиции т. С. Так как т. С. утверждает теперь, что его формулировки мною существенно искажены и перетолкованы, что ничего подобного он не говорил, то я вынужден прежде всего воспроизвести соответствующую цитату из его выступлений: «Правда, некоторые директивы партии,—заявил т. С. в своем докладе в Комакадемии,—ф о р м а л ь н о только теперь, на XV с'езде, даны нам. Но придется ли нам теперь все переделывать заново потому, что мы их не предусмотрели? Нет, не придется... Может быть, не в такой четкой формулировке, не так прекрасно выраженные, но в основном в с е э т и м о м е н т ы, к о т о р ы е д а ю т с я н а м в д и р е к т и в а х XV с'езда, уже находились, были положены в основу нашей работы, и худо или хорошо у ж е н а ш л и с в о е о т р а ж е н и е в п я т и л е т к е... Почему мы это могли сделать? Само собой ясно, почему. Потому, что в сущности в этих директивах нет ничего такого абсолютно нового и неожиданного, чего бы не было и раньше в целом ряде постановлений предыдущих партийных с'ездов и руководящих центров. Конечно, все это было нам из-

[1]) «Большевик» № 13—14, «К дискуссии о пятилетке Госплана».

[2]) Настоящая статья появляется с опозданием, так как пребывание за границей лишило меня возможности своевременно ознакомиться со статьей т. Струмилина.

вестно. Н о в с е э т о н е б ы л о в д о с т а т о ч н о й с т е п е н и п р о с у м м и р о в а н о» [1]).

На основании этой цитаты я отмечал, что, по мнению т. С., директивы XV с'езда лишь «просуммировали» принципы, которые «уже нашли свое отражение в пятилетке». Такую оценку директив с'езда я считал и продолжаю считать вопиющей их недооценкой. Директивы, как это отмечалось в моей статье, выдвинули по-новому вопрос об учете районных особенностей, об эффективности капитальных вложений, о социалистической рационализации. Эта новизна заключается прежде всего в непосредственной связи соответственной части директив с н е д о с т а т к а м и проектов пятилетки, выявленными на с'езде. Нелепо поэтому утверждать, что моменты, которые даются в директивах с'езда, «у ж е нашли свое отражение в пятилетке». Такое утверждение лишь обнаружило непонимание т. С. тех н о в ы х задач, которые были выдвинуты в директивах с'езда, его нежелание согласиться с той критикой проектов пятилетки, которая имела место на с'езде.

Тов. С. пытается теперь доказать, что он этого и не утверждал: «Тов. Мотылев... игнорирует словечко «абсолютно» и приписывает мне то, чего я не говорил... Я утверждал лишь, что в директивах последнего с'езда «нет ничего такого а б с о л ю т н о нового и неожиданного, чего бы не было и раньше в целом ряде постановлений предыдущих партийных с'ездов и руководящих центров» [2]).

Итак, по новому толкованию т. С., в директивах не было лишь ничего а б с о л ю т н о нового и неожиданного. Однако, что новое нашел в них т. С., хотя бы и не «абсолютно»? Ведь, только то, что они «просуммировали» решения предыдущих партийных с'ездов и руководящих центров; т. С. заявляет ведь, что «моменты, которые даются... в директивах... у ж е нашли свое отражение в пятилетке». Прав ли я был, когда указывал на этом основании на вопиющую недооценку т. С. директив? Ведь так понял т. С. не только я, но и тов. Кржижановский. Возражая по этому вопросу т. С., тов. Кржижановский заявлял: «Я считаю, что XV с'езд д а л г р о м а д н ы й с д в и г и с к а з а л н е т о л ь к о т о, ч т о м ы з н а е м, и н е п р о с т о п р о с у м м и р о в а л т о, ч т о е с т ь. Если бы вы меня спросили, какие самые общие моменты были выдвинуты XV с'ездом, то я бы сказал: тут есть три основных момента: 1) установки методологии планирования, по преимуществу темологической, целевой; 2) новая трактовка методов разрешения деревенских тупиков; 3) определенная ставка на культурную революцию. Эти установки с'езда, конечно, пронизаны мыслями Владимира Ильича. Н о н а д о о т к р о в е н н о п р и з н а т ь, ч т о в м а т е р и а л а х н а ш и х п я т и л е т о к о н и е щ е н е н а ш л и р а з в е р н у т о г о в ы р а ж е н и я» [3]).

Таким образом, тов. Кржижановский также возражал т. С. по поводу его оценки директив и, вопреки утверждениям т. С., заявлял, что директивы еще не нашли своего отражения в проектах пятилетки.

Ответ т. С. свидетельствует об его о т с т у п л е н и и, об его отказе от прежней оценки директив. Но вместо того, чтобы отказаться от этих ошибочных взглядов откровенно, по-большевистски, т. С. пытается замаскировать свое отступление упреками по моему адресу, будто я исказил и перетолковал его формулировки, будто ничего подобного он и не говорил...

[1]) «О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР». Дискуссия в Комакадемии, изд. Комакадемии, стр. 31, разрядка моя.

[2]) «Большевик» № 13—14, стр. 110.

[3]) «О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР», стр. 79, разрядка моя.

2. Соотношение отправного и оптимального вариантов.

Посвящая статью в № 3—4 «Большевика» рассмотрению проблемы темпа в проектах пятилетнего плана, я отмечал, что опубликованные материалы создают возможность лишь «обсуждения основных вопросов пятилетнего плана на основе приводимых ими цифр. Обсуждение должно выяснить, в каких направлениях эти предварительные наметки нуждаются в пересмотре или уточнении при разработке пятилетнего плана. В настоящей статье мы преследуем именно эту задачу» [1]). Таким образом, я стремился выяснить лишь направления, в которых вопросы темпа нуждаются в пересмотре или уточнении. Таких направлений мною намечено было три. Соответственно этому статья распадалась на три раздела: 1) Соотношение между отправным и оптимальным вариантом. 2) Темпы оптимального варианта. 3) Кривая капитальных затрат и их эффективности. Рассмотрим по этим разделам, сумел ли т. С. опровергнуть развитые в них критические замечания.

В первом разделе я подверг критике недостаточную разницу между отправным и оптимальным вариантами пятилетнего плана, опубликованными в «Перспективной ориентировке». В этом проекте оптимальный вариант превышал отправной по росту валового оборота и национального дохода лишь на 7—8%, если сопоставлять прирост по обоим вариантам с исходными цифрами, или на 30%, если сопоставлять абсолютную цифру прироста по оптимальному варианту с абсолютной цифрой по отправному [2]).

Оспаривает ли т. С. правильность моей критики проектов Госплана в этом отношении? Сумел ли он доказать, что мои критические замечания неудачны?

Предоставим ему слово: «Должен сказать в интересах справедливости, что факт, обративший на себя критическое внимание тов. Мотылева, действительно заслуживает всяческого внимания. И в среде составителей пятилетки Госплана возникали серьезные сомнения, не слишком ли мала та разница между двумя проектируемыми вариантами, которая выражается прибавкой народного дохода всего в 7—8%. Весьма вероятно, что в новой проработке нам удастся повысить эту разницу еще на 1—2%. Но, конечно, такие скромные поправки отнюдь не удовлетворили бы тов. Мотылева» [3]).

Таким образом, т. С. вынужден признать правильность моей критики по этому пункту, вынужден отступить от тех взглядов, которые нашли свое отражение в «Перспективной ориентировке», вынужден согласиться, что проект нуждается в пересмотре в этом направлении. Он пытается лишь умалить значение своего отступления ссылками на то, что возможны лишь скромные поправки.

Однако, прежде всего основным в моей статье, как я это оговаривал, было выяснение направлений, в которых проекты нуждаются в переработке. В этом отношении, т.-е. в основном, т. С. с моей критикой согласился.

---

[1]) «Большевик» № 3—4, стр. 7—8.

[2]) Подробное обоснование неправильности такого соотношения между отправным и оптимальным вариантами дано мною в статье в № 3—4 «Большевика», стр. 8—11.

[3]) «Большевик» № 13—14, стр. 113—114, разрядка моя.

3. Темпы оптимального варианта.

Корни недостаточной разницы между вариантами я усматривал в преуменьшении темпов оптимального варианта вследствие недоучета возможного эффекта социалистической рационализации в благоприятных условиях. Социалистическая рационализация, в отличие от капиталистической, заключается не только в технических и организационных улучшениях и усовершенствованиях, но и в реализации многообразных преимуществ переходной системы хозяйства. Так как в условиях реконструктивного периода возможности социалистической рационализации гораздо обширней, чем в условиях восстановительного, то влияние ее на ускорение темпа развития должно проявляться в нарастающей степени. Рассмотрев темпы оптимального варианта, намеченные в проектах, я пришел к выводу, что они явно преуменьшены [1]).

Отрицает ли т. С. возможность повышения темпов оптимального варианта? Оспаривает ли он преуменьшенность темпов этого варианта во всех предыдущих проектах? Предоставим ему слово:

«Тов. Мотылев в успехах этого года хочет видеть «блестящее» подтверждение возможности повышения намечаемых нами темпов развития по оптимальному варианту. И мы отнюдь не оспариваем такой возможности. Она, несомненно, имеется. Но на мой взгляд и опыт 1927—28 г. учит нас тому, что такими возможностями злоупотреблять не рекомендуется» [2]).

Таким образом, т. С. вынужден фактически признать возможность повышения темпов оптимального варианта, т.-е. вынужден снова отступить от тех взглядов, которые нашли свое отражение не только в «Перспективной ориентировке», но и в исправленном проекте с учетом трех смен. Он пытается лишь умалить значение этого отступления указанием на то, что не следует злоупотреблять этими возможностями. Злоупотреблять ими, конечно, не следует. Однако, эта оговорка т. С. не оправдывает его взглядов, нашедших отражение в перспективной ориентировке и в исправленном проекте с учетом 3-х смен. В подтверждение этой оговорки он ссылается на то, что намеченный промфинпланом ВСНХ темп роста продукции промышленности в 1927—28 г. на 23%, судя по опыту первых восьми месяцев, не будет осуществлен, что фактический прирост будет не свыше 20%.

Однако, если бы даже это оказалось так, то и в этом случае опыт 1927—28 г., не подтверждает взглядов т. С., так как даже прирост в 20% превышает не только предположения «Перспективной ориентировки», намечавшей прирост в 13,3%, но и предположения исправленного проекта с учетом трех смен, намечавшего прирост в 17%. В действительности же предварительные данные об итогах 1927—28 г. показывают, что темп роста продукции, намеченный промфинпланом, осуществлен, как это отмечает передовая в «Правде» от 13 сентября, а также тов. Куйбышев в докладе о хозяйственном положении СССР («Правда» от 21 сентября).

Рассмотрим, однако, подробнее утверждения т. С., что к оптимальному варианту возможны лишь скромные поправки, что при новой проработке удастся повысить разницу между вариантами лишь на 1—2%. В этом утверждении проявилось влияние тех ошибочных воззрений, против которых я выступал.

Прежде всего новые проекты контрольных цифр ВСНХ, о которых т. С. умолчал, дают основание предположить, что темпы оптимального ва-

---

[1]) См. «Большевик» № 3—4, стр. 11—14, а также № 10, стр. 80—84.

[2]) «Большевик» № 13—14, стр. 115, разрядка моя.

рианта могут быть повышены гораздо более значительно, чем он это допускает. В то время как «Перспективная ориентировка» намечала в оптимальном варианте рост продукции государственной цензовой промышленности с 1927—28 г. по 1931—32 г. на 93% и государственной планируемой на 103%, а ее исправленный вариант с учетом трех смен — соответственно на на 101,3% и 108%,—директивы по составлению перспективного плана промышленности, утвержденные коллегией ПЭУ ВСНХ 11 апреля, намечают 140% [1]), а проект, представленный позднее ВСНХ в президиум Госплана,— на 122,5% [2]). При этом необходимо учесть, что последний проект составлен до 1932—33 г., т.-е. в нем выпадает 1927—28 г., в котором темп был вследствие ряда условий выше. Кроме того, важно отметить, что при обсуждении этого проекта в президиуме Госплана представитель промышленной секции указал на недостаточную эффективность в нем капитальных вложений, т.-е. на возможность повысить намеченные в нем темпы [3]). И, действительно, намеченные 12 сентября президиумом ВСНХ контрольные цифры на 1928—29 г. оказались выше предположений этого проекта: вместо намеченных в нем 19% президиум ВСНХ утвердил теперь 20,1% [4]). Повышение темпов по сравнению с предыдущими проектами намечено в новых директивах Госплана [5]) по составлению пятилетки и по отношению к сельскому хозяйству.

Тот факт, что новые наметки оптимального варианта значительно повышают его темпы, не только по сравнению с «Перспективной ориентировкой», но и по сравнению с исправленным вариантом с учетом трех смен, опубликованным в № 11 «Планового Хозяйства» за 1927 г., является подтверждением правильности той точки зрения, которую я отстаивал в дискуссии с т. С.

Тов. С. приводит, однако, в защиту своих взглядов несколько аргументов. Рассмотрим их по существу.

Одним из основных недочетов оптимального варианта я считал недоучет возможной эффективности основных фондов и капитальных вложений в целом при благоприятном сочетании условий, являющемся предпосылкой оптимального варианта. Разница между отправным и оптимальным вариантами должна определяться не только добавочными капитальными вложениями, но и большой эффективностью наличных основных фондов и капитальных затрат отправного варианта, так как при благоприятном сочетании условий даже эти фонды и эти затраты должны дать гораздо более значительный эффект. Между тем, в «Перспективной ориентировке» оптимальный вариант превышал отправной по капитальным затратам на 20%, а по росту народного дохода лишь на 30% [6]).

Тов. С. отвечает на наши критические замечания по этому вопросу следующим образом: «Но ведь, если при 20-процентном росте новых вложений проектируется 30-процентный прирост их эффекта в цифре народного дохода, то в этой цифре нашла уже свое отражение и рационализация старых предприятий и многое другое» [7]).

[1]) «Торгово-Промышл. Газета» № 97. Цифра эта относится, очевидно, лишь к промышленности, планируемой ВСНХ.
[2]) «Торгово-Промышл. Газета» № 204. Цифра эта также относится, очевидно, лишь к промышленности, планируемой ВСНХ.
[3]) «Экономич. Жизнь» № 204.
[4]) См. отчет в «Правде» № 214, от 14 сент., стр. 3.
[5]) См. «Торгово-Пром. Газета» № 115.
[6]) Тов. Струмилин, усматривающий ошибку в том, что я сопоставляю вложения в государственный сектор хозяйства с доходом всего народного хозяйства, вынужден, однако, несколькими строками ниже признать, что такое сопоставление в качестве грубой ориентировки допустимо. См. «Большевик» № 13—14, стр. 112.
[7]) «Большевик» № 13—14, стр. 112.

Неубедительность этого ответа т. С. показать не трудно. При благоприятном сочетании условий, являющемся предпосылкой оптимального варианта, темпы развития могут и должны оказаться значительно выше темпов отправного. Разница в 30% прироста народного дохода при увеличении капитальных вложений на 20% не может отражать этой разницы в условиях оптимального и отправного вариантов. Такая разница в приросте народного дохода возможна в условиях оптимального варианта и без добавочных капитальных вложений. Опыт планирования истекших лет подтвердил, что фактические темпы значительно превышали предположения контрольных цифр даже в пределах одного года. Тем более это вероятно в пределах пятилетки, если условия окажутся приближающимися к условиям оптимального варианта, так как в этом случае наличные основные фонды и капитальные вложения отправного варианта должны дать гораздо более значительный эффект. Таким образом, прирост народного дохода на 30% при увеличении капитальных затрат на 20% является явно недостаточным, свидетельствуя о недоучете возможной эффективности наличных основных фондов и капитальных затрат в целом.

Ошибочный подход т. С. к проблеме эффективности капитальных вложений проявляется и в его общих рассуждениях на эту тему.

«Эффективность капитальных вложений,—пишет т. С.,—не такая простая категория, какой ее представляет себе тов. Мотылев. Она проявляется весьма многообразно. Если капитальные затраты только расширяют производственную базу без какой-либо технической ее реконструкции, то весь эффект их сводится к соответствующему увеличению продукции. Но при значительных сдвигах техники новые вложения дают гораздо более сложный эффект. Прежде всего они удешевляют производство, повышая производительность труда и сокращая всякого рода производственные затраты. А затем уже дают и тот или иной прирост физического об'ема продукции... Уже из этого ясно, что одна продукция, взятая сама по себе, не является надеждым мерилом эффективности капитала» [1]).

Несмотря на абстрактную возможность такого положения, такой подход к проблеме эффективности капитальных вложений в применении к пятилетнему плану является ошибочным. Пятилетний план должен быть построен таким образом, чтобы он обеспечивал, если не ликвидацию, то хотя бы существенное ослабление товарного голода. Поэтому противопоставление задачи понижения себестоимости задаче увеличения продукции, несомненно, ошибочно. Возможно, конечно, такое положение, когда эффективность капитальных вложений проявляется не столько в увеличении продукции, сколько в понижении себестоимости или улучшении качества, изменении конструкции производимых предметов. Но это зависит, несомненно, также и от тех целей, которые преследуются при этих вложениях. В капиталистическом предприятии, ограниченном емкостью рынка и условиями конкурентной борьбы, капитальные вложения преследуют весьма часто не столько задачи увеличения продукции, сколько ее удешевления или изменения ее качества, хотя и здесь эта задача, как правило, осуществима лишь при одновременном росте продукции.

В нынешних условиях СССР необходимо стремиться к такому использованию капитальных затрат, которое на ряду с возможным удешевлением продукции давало бы максимальный эффект и в направлении ее увеличения. Противопоставление этих задач в наших условиях совершенно неправильно. Необходимо стремиться к их одновременному разрешению. Поэтому рост продукции в наших условиях, вопреки утверждению т. С., является вполне надежным показателем эффективности капитальных вложе-

[1]) «Большевик» № 13—14, стр. 111.

ний на ряду с понижением себестоимости. Технической экспертизе, к которой усиленно апеллирует т. С., должна быть дана четкая установка в вопросе о задачах, преследуемых капитальными вложениями. Поэтому подход т. С. к проблеме эффективности капитальных вложений, лишенный четкой установки, является не только ошибочным, но и практически вредным. Вопреки утверждению т. С., что «Мотылев отвергает эту техническую экспертизу», я не только ее не отвергаю, но критиковал т. С. именно за недоучет важности качественных планов, и в особенности технико-производственных. Но в противоположность т. С., который теперь под давлением критиков стал неожиданно таким ярым сторонником технической экспертизы, я считаю, что техническая экспертиза должна разрабатывать технико-производственные планы на основе и в пределах такой установки, которая подчеркивает необходимость максимально-возможного увеличения продукции на ряду с максимально-возможным понижением себестоимости.

Тов. С. не ограничивается, однако, разобранными выше аргументами и выдвигает еще один, придавая ему, очевидно, решающую роль.

«...Основной рычаг нашего воздействия—капитальные затраты —обращается почти исключительно на обобществленный сектор. Частный сектор при этих условиях неизбежно отстает от социалистического. И можно сказать даже больше. Чем благоприятней условия для роста социалистического сектора, тем они хуже для частнокапиталистического, сознательно вытесняемого нами в меру нашего роста изо всех его позиций... Мы растем пока как следует только одной своей половинкой, обращенной лицом к социализму. Но зато мы растем не только количественно, но и качественно, повышая с каждым годом удельный вес социалистического сектора в общем балансе. Этот факт социализации тоже не должен быть забытым при оценке эффективности наших плановых установок. Он об'ясняет замедленный рост нашего хозяйства, взятого в целом, в настоящем. Но в то же время он сулит нам ускорение темпов роста по мере обобществления остатков частнохозяйственного сектора в ближайшем будущем» [1]).

Это рассуждение т. С. в основном также ошибочно. Что наличие частного сектора в нашей экономике замедляет темп хозяйственного развития, что окончательная ликвидация этого сектора значительно ускорит этот темп,—очевидно и бесспорно. Но совершенно неверно, что «факт социализации... об'ясняет замедленный рост нашего хозяйства, взятого в целом, в настоящем». Прогрессирующее вытеснение частного сектора, социализация нашего хозяйства, должны, несомненно, ослаблять из года в год замедляющее действие этого сектора, т.-е. ускорять темп развития. Ведь энергичный рост социалистического сектора не только вытесняет частный сектор, не только замедляет и даже вызывает его попятное движение, но и заменяет вытесняемые части этого сектора социалистическим. Таким образом, вопреки утверждению т. С., факт социализации не только не об'ясняет замедленного роста нашего хозяйства, но опровергает его взгляды на неизбежность замедленного роста.

Таким образом, мнение т. С. о возможности лишь скромных поправок к проекту оптимального варианта опровергается новыми наметками контрольных цифр пятилетнего плана и не подтверждается приведенными им аргументами. Отступив по вопросу о темпах оптимального варианта, признав что его темпы должны быть увеличены, т. С. не сумел умалить своими оговорками и аргументами значения этого отступления. Ему придется, несомненно, отступать по этому вопросу и дальше...

[1]) «Большевик» № 13—14, стр. 114.

4. Кривая капитальных затрат и их эффективности.

Третий вопрос, третье направление, в котором я подверг критике проекты пятилетнего плана, также является одним из центральных вопросов пятилетки. В статье в № 3—4 «Большевика» я привел таблицу, показывающую, что кривая капитальных вложений с учетом снижения цен оказалась в третьем проекте Госплана слегка падающей, затухающей, а в третьем проекте ВСНХ—в первые три года затухающей, в остальные два—стабильной. Вместе с тем, другая приведенная мною таблица показывала, что кривая роста продукции носила в обоих проектах затухающий характер. Такое соотношение я считал необоснованным и ненормальным и привел против него ряд аргументов [1]).

Оспаривает ли т. С. правильность нашей критики по этому вопросу? Предоставим ему слово: «Тов. Мотылев а-приори разрешает вопрос в пользу возрастающих темпов даже для первого пятилетия. Я думаю, что этот вопрос так априорно не решается... Может быть, мы и перегнули палку в сторону осторожности. Но это требует еще проверки. Я лично отнюдь не склонен к пессимизму... В старой пятилетке мы запроектировали на 1927—28 год 13% роста, в нынешнем году мы запроектировали уже 17%, а последнее слово ВСНХ, против чего не возражал и Госплан, когда было установлено, что мы можем целый ряд фабрик пустить в три смены, уже намечает 23% роста. При чем тут пришлось признать, что мы недооцениваем как раз эффекта тех новых капитальных затрат, которые сейчас уже вступают в действие... Таким образом, вы видите, что мы отнюдь не застрахованы от просчетов» [2]).

О чем свидетельствует эта цитата? О том, что и в этом вопросе, являющемся одним из центральных, т. С. также отступил. Он вынужден был согласиться с нами, что недооценивал эффекта новых капитальных затрат, что кривую темпов надо проверить. Он вынужден был сам привести факты против пессимистической установки в этом вопросе.

Верно, в ответной статье он придал этому отступлению более скромный характер: «...На протяжении ближайших четырех—пяти лет, как показывает нам конкретный анализ намечаемых затрат и их эффекта, мы в лучшем случае будем иметь рост по прямой или даже легкое затухание кривой роста. Тов. Мотылев и в этом пункте не согласен с нами. Ему хотелось бы, повидимому, вообще изгнать из употребления в нашей плановой практике всякие затухающие кривые» [3]).

Таким образом, и в этой статье т. С. признает возможность развития по прямой линии, т.-е. стабильный прирост, что является значительным шагом вперед по сравнению с теми взглядами, которые нашли свое отражение в «Перспективной ориентировке» и в исправленном варианте с учетом трех смен. Совершенно неверно, однако, утверждение т. С., будто мне хотелось бы «вообще изгнать из употребления в нашей плановой практике всякие затухающие кривые». В своей статье в № 3—4 «Большевика» я писал по этому поводу следующее: «В первые годы пятилетия исчерпание последних резервов восстановительных возможностей может еще сопровождаться снижением темпа прироста продукции, но в последние годы должна выявиться, наоборот, тенденция нарастания темпа прироста под влиянием нарастания преимуществ переходной системы хозяйства и

[1]) См. «Большевик» № 3—4, стр. 14—17.

[2]) «О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР», стр. 110—111, разрядка моя.

[3]) «Большевик» № 13—14, стр. 114.

степени их реализации»[1]). Таким образом, т. С. искажает мои взгляды, утверждая, что я вообще изгоняю всякие затухающие кривые. Я утверждал лишь, что во второй части пятилетия должна выявиться тенденция к нарастанию темпов, что систематически затухающая кривая «Перспективной ориентировки» и ее исправленного варианта с учетом трех смен не выдерживает критики.

Этой же точки зрения я продолжаю придерживаться и сейчас. Последние проекты контрольных цифр ВСНХ подтвердили правильность моей критики затухающего характера кривой темпов предыдущих проектов. В нижеследующей таблице сопоставлены наметки новых контрольных цифр ВСНХ с предыдущими. В таблице приведены как цифры, утвержденные коллегией ПЭУ 21 апреля, так и цифры, внесенные позже ВСНХ в президиум Госплана[2]).

Годы:	Капитальные затраты с учетом снижения цен в (млн. руб.).		Прирост продукции В %% к предыд. году		
	Кон. циф. кол. ПЭУ ВСНХ	Пред. проект. ВСНХ	Кон. циф. кол. ПЭУ ВСНХ	Пред. проект. ВСНХ	Последний проект, представ. ВСНХ в Госплан
1927/28	1.250	1.192	23,1	18,1	—
28/29	1.500	1.400	18,3	16,6	19,0
29/30	1.700	1.488	18,3	17,6	17,3
30/31	1.875	1.501	18,4	13,8	17,3
31/32	2.019	1.506	18,4	12,8	17,5
32/33	2.200	—	18,4	—	1[illegible],4

Таблица показывает, что в новом проекте, утвержденном 21 апреля коллегией ПЭУ, кривая капитальных затрат носила восходящий характер даже в понижающихся ценах и в этом отношении проект исправил недочет предыдущего проекта. В то же время темп роста продукции в 28—29 г. понижается, а затем оказывается стабильным. В проекте, представленном позднее в Госплан, темп роста продукции в первом году пятилетки также снижается, а затем оказывается стабильным и лишь в последнем году снова снижается. Так как материалы нового проекта еще не опубликованы, то мы не можем проверить, насколько это снижение в последнем году пятилетия является обоснованным. Однако, высказанное на заседании президиума Госплана представителем промышленной секции мнение, что этот проект ВСНХ недоучитывает возможный эффект капитальных вложений, дает основание полагать, что это снижение необосновано, так как эффект капитальных вложений должен особенно проявиться к концу пятилетия.

Таким образом, новые проекты подтверждают в основном мою критику затухающего характера темпов в предыдущих проектах. Что же касается намечаемой этими проектами стабильности прироста продукции, то возможность такого роста по прямой нуждается во всесторонней проверке. Мне кажется более вероятным некоторое снижение темпов в первые годы пятилетия, но тенденция к их повышению (хотя бы и медленному) в последние годы пятилетия.

* * *

Итак, по всем о с н о в н ы м вопросам нашей дискуссии т. С. вынужден был о т с т у п и т ь, признать в той или иной степени п р а в и л ь н о с т ь моих критических замечаний. Оговорки, которыми он пытался прикрыть и умалить это отступление, оказываются, при более близком их рассмотрении, не выдерживающими критики.

[1]) «Большевик» № 3—4, стр. 17.
[2]) См. «Торгово-Пром. Газета» № 97 и «Эконом. Жизнь» № 204.

Если, несмотря на это, т. С. пишет в начале своей статьи, что считает мои критические замечания «весьма неудачными», то приходится только пожать плечами. Тов. Струмилин готов замаскировать свое отступление какими угодно способами. И, действительно, он использовал для этой цели богатый ассортимент «приемов». Большая часть его статьи посвящена задачам этой маскировки. Для этой цели критикуются с победным барабанным боем мои «ошибки». С этой целью пускаются в ход многочисленные полемические выпады. Однако, несмотря на все свои усилия, т. С. смог выявить лишь наличие в моих статьях пары частных замечаний, основанных, быть может, на недоразумении. Однако, и в этих недоразумениях, если они имели место, повинна неясность материалов и сводок, публикуемых при ближайшем участии т. С.[1]). Эта неясность лишает меня и сейчас возможности проверить, верны ли возражения т. С. по поводу этих частных замечаний.

На некоторых его упреках и приемах я вынужден остановиться, так как неподготовленного читателя они могли ввести в заблуждение.

Тов. С. упрекает меня несколько раз в априорных заключениях без кропотливого технического анализа, без проверки конкретных фактов, из которых исходят предположения Госплана. Недобросовестность этого упрека станет очевидной, если принять во внимание, что Госплан опубликовал лишь сводные цифры и таблицы, не опубликовав никаких материалов, на основе которых они разработаны. При таком положении проверка технико-производственных данных и конкретных расчетов невозможна. Бросая мне такой упрек, т. С. отрицает фактически возможность обсуждения опубликованных сводных таблиц, между тем как и партийные дерективы и решение Госплана признают такое обсуждение необходимым. В действительности же опубликованные цифры дают полную возможность обсуждения вопросов пятилетнего плана, ибо с о о т н о ш е н и е в е л и ч и н они выявляют. Если не относиться с таким презрением к теоретическому методу анализа, с каким относится к нему т. С., то нельзя отрицать возможности выявления основных недочетов проектов и на основе опубликованных таблиц и сводок.

Лучшим опровержением этого упрека является, однако, тот факт, что мои «априорные» критические замечания вынудили т. С. отступить по всем основным вопросам дискуссии.

Далее. Я констатировал в статьях недостаточное внимание Госплана, и в частности т. С., к проблеме эффективности капитальных вложений. В качестве одного из показателей этого факта я приводил заявление т. С., что он затрудняется определить, велика или мала эффективность капитальных затрат в проектах Госплана. Тов. С. пытается сейчас отвести мою критику замечанием, что «серьезный исследователь очень часто видит трудности именно там, где верхогляду представляется все чрезвычайно ясным и совершенно очевидным». Несмотря на бесспорность этого положения, нетрудно убедиться в его абсолютной непригодности для данного случая. Дело в том, что разработка пятилетнего плана происходит уже несколько лет. В настоящее время Госплан работает уже над четвертым (по иному счету— над пятым) проектом. Проблема эффективности капитальных вложений—

[1]) Эта неясность побудила меня воздержаться от суждений об исправленных вариантах с учетом 3 смен, опубликованных в № 11 «План. Хозяйства». Тов. Струмилин упрекает меня на этом основании в том, что я «не удосужился предварительно с ними ознакомиться». Между тем, в № 10 «Большевика» я указывал, что воздерживался от суждений о них, так как в об'яснительных статьях не выяснен основной вопрос, в каких размерах учтен переход к 3-м сменам. Ведь «Контрольные цифры» ВСНХ запроектировали такие же темпы, как исправленный оптимальный вариант, при учете перехода к 3-м сменам лишь в хлопчатобумажной промышленности.

одна из самых основных проблем пятилетнего плана. Между тем, в опубликованных материалах Госплана этой проблеме не уделено должного внимания. Тов. С., который исписал не мало страниц по вопросам планирования, этой проблеме почти не уделил внимания. Вопрос о методологии измерения эффективности в его выступлениях не освещался, не сделано было попытки сопоставить эффективность капитальных вложений у нас с их эффективностью в капиталистических государствах. Таким образом, в данном случае дело не в серьезности т. С., как он старается это дать понять, а именно в несерьезном его отношении к этой проблеме.

В заключение несколько слов об «ошибке», которой т. С. придает, очевидно, центральное значение в полемике со мной. В своем заключительном слове в Комакадемии т. С. упрекал меня в том, что я арифметически сопоставляю 20% прироста капитальных вложений с 7—8% прироста народного дохода, т.-е. сопоставляю разницу в приросте капитальных вложений за пятилетие по обоим вариантам с разницей в приросте народного дохода, отнесенной ко всему народному доходу и потому арифметически несопоставимой.

В статье в № 10 «Большевика» я об'яснил т. С., что подобного арифметического сопоставления не производил. Однако, несмотря на это, он вторично выдвигает в своей статье этот упрек и уделяет много места победоносной критике этой «ошибки». Допустим, что соответствующее место в первой статье не отличалось достаточной ясностью и давало основания для такого толкования. Но я выяснил ведь в следующей статье, что такое толкование противоречит общему смыслу моих замечаний. Зачем же понадобилось т. С. вторично критиковать эту мнимую «ошибку»? Не потому ли, что, отступив по основным вопросам дискуссии, он вынужден цепляться за этот выигрышный аргумент, чтобы замаскировать победоносным барабанным боем свое отступление?

Вопросы пятилетнего плана продолжают нуждаться во всестороннем и серьезном обсуждении. Я стремился своими критическими замечаниями принести посильную пользу органам, занятым разработкою новых проектов. Деловой характер этих замечаний вынужден был признать в заключительном слове в Комакадемии и т. Струмилин. Из'являя готовность продолжить деловую дискуссию по основным вопросам пятилетнего плана, я выражаю, однако, пожелание, чтобы мой оппонент отказался от полемических приемов, искажающих деловой характер этой дискуссии.

М. У.

За упрочение низового органа диктатуры пролетариата—сельсовета.

В настоящее время в деревне имеется своеобразное двоевластие. С одной стороны, мы имеем низовую ячейку диктатуры пролетариата—сельсовет, с другой стороны—земельное общество, организацию, далеко не пролетарскую.

В то время, как первая—носитель и проводник социалистических начал, вторая—хранитель старых традиций, навыков и проч. Между этими организациями происходит борьба за руководство и направление хозяйственной жизни деревни.

И надо сказать, что до сего времени земельные общества, будучи совершенно самостоятельной организацией, экономически более сильной, чем сельсоветы, в этой борьбе брали верх над последними.

Имея в своем исключительном ведении землю, земобщества в силу этого зачастую подменяли собою сельсоветы, превращая их в свой исполнительный орган и таким образом, по сути дела, становились органами власти на местах.

Правда, за последнее время сельсоветы все более и более начинают превращаться в безраздельные органы власти на селе. Но нам не следует самодовольно останавливаться на этом, говоря себе, что у нас в этом отношении все обстоит благополучно. Наоборот, сейчас, когда вопросы коллективизма являются центральными вопросами, нам нужно выпятить, заострить вопрос о том, как, какими путями и средствами должна быть предоставлена до конца «вся власть советам» в деревне.

Надо помнить, особенно теперь, когда кулачество подняло голову, что «в деревне основную, решающую роль в организации крестьянства для советской власти, для революции, для строительства и победы социализма играют советы» (Молотов).

Дальнейшее развертывание работы сельсоветов, осуществление ими всей власти на селе упирается в земельное общество.

Создание таких взаимоотношений между сельсоветами и земобществами, при которых первые должны быть безраздельными органами власти, есть задача первостепенной важности.

Наметить мероприятия в этом отношении и имеет целью настоящая статья. При этом в силу необходимости придется начать с вопроса о пресловутой общине.

I. Имеем ли мы общину?

Существует мнение, будто бы община народнического периода невредимо дожила до пролетарской революции и что она может сыграть огромную роль в деле перехода крестьян от единоличного хозяйства к хозяйству коллективному.

Итог этому мнению подвел тов. Зданович, выступивший на страницах «Большевика» (см. № 6) по злободневному вопросу, вопросу о взаимоотношениях сельсоветов с земельными обществами.

Послушать Здановича, то, действительно, можно подумать, что община «представляет собою совершенно исключительную по своей прочности организацию».

Ни отмена крепостного права, ни голопный бег России через фазу промышленно-капиталистического развития, ни революции, из которых две были буржуазно-демократическими, а последняя—пролетарская,—ничто, оказывается, не могло уничтожить общины.

Одним словом,

Века проходили, все к счастью стремились,
Все в мире по нескольку раз изменилось,

а община оставалась неизменной.

«Оказывается,—пишет Зданович,—что к моменту Октябрьской революции у нас 50% крестьянских хозяйств по 47 губерниям Европейской России к началу 1917 года осталось в общине» [1]).

Представлять себе дело так, как это делает т. Зданович это значит впадать в оптимизм, впадать в рецидив народничества.

Община—продукт крепостничества и его института круговой поруки [2]).

Община, как «союз по владению надельной землей» с одинаковыми правами и обязанностями между ее членами находит свою живучесть только исключительно при натуральном хозяйстве. От рода и способа производства и обмена каждой экономической формации зависят род и способ распределения продуктов.

В общине по необходимости род и способ производства крайне прост и несложен. Этого требовали разные условия: отсутствие совершенных орудий труда, бедность опыта и знаний, непонятные силы природы. Отсюда вытекает определенный род и способ распределения продуктов. Он также крайне прост и несложен. Все, что производится в общине, за вычетом тех продуктов, которые отбирались на причудливые «нужды» крепостника-помещика, довольно равномерно распределялось между членами общины.

Однако, дальнейшее развитие производительных сил требовало разрушения прежнего рода и способа производства.

В натуральные отношения начали проникать товарно-денежные отношения. Проникновение же денежных отношений в натуральные отношения всегда соединено с медленным или быстрым переворотом в прежнем роде и способе распределения в смысле усиления неравенства между отдельными личностями. А раз появилось неравенство в распределении между членами общины, значит она не могла долее жить. Вот что говорит по этому вопросу Ф. Энгельс: «Община остается возможною только до тех пор, пока ее члены отличаются друг от друга богатством лишь в ничтожной степени. Как только эти различия станут большими, как только некоторые ее члены станут должниками-рабами других, более богатых членов—так община не может более жить» [3]).

До XVIII столетия община недостаточно обнаруживала следы своего разложения. С конца же XVIII столетия стал очень заметен процесс развития товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве. Капиталистические отношения с присущими им противоречиями начали быстро проникать в наше хозяйство и почти целиком господствовали в городской промышленности. Обороты как внутренней, так и, в особенности, внешней торговли непрерывно росли. Происходили изменения в прежнем роде и способе производства, а следовательно, и изменения рода и способа распределения. Последний, соответственно производству, представляет собой не что иное, как механизм неравномерного распределения.

[1]) «Большевик» № 8, стр. 40.

[2]) Подробно о происхождении общины см. книгу М. Н. Покровского «Очерки по истории русской культуры» в отделе «Экономич. строй».

[3]) См. «Письма К. Маркса и Ф. Энгельса». И-во «Московский Рабочий», 1923 г., стр. 341.

Спрашивается теперь, могла ли община при таком положении представлять собой нечто нивелированное? Разумеется, нет.

И чем больше развивались товарно-денежные отношения, тем быстрее происходило разложение общины.

Но было бы ошибкой думать, что община умерла сразу.

Смерть ее наступала постепенно, по мере развития капиталистических отношений. До реформы 1861 года эти отношения развивались слабо. Но со времени этой реформы Россия сделала громадные шаги по пути капиталистического развития. Быстро развивалась промышленность с миллионными оборотами, неудержимо развивался кредит, в сельское хозяйство взамен натуральных отношений пришли капиталистические отношения; миллионы пудов зерна деревня производила не только на внутренний, но и на мировой рынок.

Товарные отношения в корне преобразовали старую деревню, деревню примитивных сел.-хоз. орудий—в деревню со сложными сельскохозяйственными отношениями.

Процесс капиталистического развития, проникший во все отдельные уголки патриархальной деревни, произвел колоссальное разложение общины.

Община расслоилась: значительная часть членов общины обнищала, принуждена было отправляться на заработки, сдавая свои наделы в аренду, приплачивая за них арендатору; другая часть с трудом сводила концы с концами—и только незначительная часть крестьянства превратилась в кулаков-ростовщиков.

Под воздействием «тихотворных влияний капитализма» это разложение настолько было велико, что уже к революции 1905 г. община из «союза по владению надельной землей» превратилась в свою противоположность: она превратилась в арену обогащения одних и пролетаризации других.

Кое-где оставшиеся следы прежней общины были докончены царско-помещичьим государством указом от 9 ноября 1906 г. и законом от 14 июля 1910 года (Столыпинская реформа). Сама же община была преобразована в орган административно-сословного управления, за вывеской которого гнездилась целая система грубого засилья кулаков и помещиков.

Нет нужды подробно останавливаться на общине этого периода. Важно отметить, что, будучи превращена в орган административно-сословного управления, община ведала всеми вопросами касавшимися деревни.

Как разрешались эти вопросы? А вот как: «В значительных обществах,—читаем мы в одном из документов, по которым изучалось крестьянское «самоуправление» в последнее десятилетие до революции,—собирающаяся толпа в 150—300 человек... кричит, спорит, сама не зная о чем, сводя более личные друг с другом счеты, доходящие иногда до драки, и не ведая того, что обсуждается.

Затем, соскучившись ожиданием конца сходки, затягивающейся иногда далеко за полночь, одни дремлют и засыпают тут же на полу, другие расходятся по соседним избам.

Наконец, приговоры составлены обыкновенно под влиянием нескольких лиц, и начинается рукоприкладство. Неграмотные, полусонные, ничего не слыхавшие и не обсуждавшие, поручают грамотному приложить руку и спешат домой при полном неведении, что творили; грамотные, если и узнают, в чем заключалось дело, также подписываются без возражений, ибо если решено —значит ничего не поделаешь, только сильных недругов наживешь».

Совершенно очевидно, что при таком положении вещей на сходе кулачеству не стоило большого труда овладеть им. При помощи магарыча—в виде ведра или больше водки—оно без лишних хлопот проводило через сельский сход все, что ему было нужно.

«Крик, шум и общее непонимание друг друга,—читаем мы в другом документе,—вот общий фон схода; безусловно сохранение существующего порядка, враждебные отношения, даже без обсуждения, ко всему новому, притеснение и угнетение слабых членов и предоставление произвола богатым, а следовательно, и сильным членам—вот деятельность сельских сходов».

Вот, собственно, с чем вошла община в Октябрьскую революцию. Если и можно говорить о сохранившихся остатках прежней общины, то разве только об общей пастьбе скота по озими и пропивке общественных земельных угодий.

Как-то странно становится, что люди, живущие в наше время, не могут понять того, что понял в 1878 году даже «теоретик» народничества Воронцов, писавший, что «община распадается, как добровольный союз, остается «общество» в административном смысле... Все выгоды, когда-то доставляемые общиной, исчезли».

А т. Зданович приходит и вещает миру, что ко времени Октябрьской революции община сохранилась и что в ней живет 50% крестьянского населения.

А как живут, какова организация общины, кто ею руководит, что именно сохранилось от общины былого времени,—обо всем этом Зданович безмолвствует.

Прямо-таки диву даешься: как может человек, прочитавший об общине журнальную статью проф. Першина, приходить к таким вздорным выводам, что современная община—«как нельзя более кстати» в деле перевода крестьян от единоличного хозяйства к хозяйству коллективному?

II. Что представляет собой современная община?

В свое время народники считали, что община «может служить связующим звеном, мостом, через который крестьянство пойдет к социализму». В своей книге «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин обнаружил всю вздорность, всю нелепость народнических рассуждений. Он утверждал, что община, развивая товарное производство, неизбежно придет к полному своему разложению. Так и сбылось.

Но тов. Зданович этому не верит. Напротив, он пытается «доказать», что и теперь община может служить связующим звеном, мостом, через который крестьянство пойдет к коллективизму.

Поистине мертвый хватает живого.

Обратимся, однако, к действительности и посмотрим, быть может, Зданович и прав, когда он «крошит» тех товарищей, которые видят в современной общине не только барьер, затрудняющий об'единение основной массы крестьянства в единственно-возможной форме—кооперативной, но и тормоз в развитии производительности сельского хозяйства.

Отличительной особенностью современного землепользования была и пока продолжает оставаться неорганизованность сельскохозяйственной территории и неприспособленность ее для экономических нужд сельскохозяйственного производства.

Основные и наиболее вредные недостатки это—дальноземелье, внешняя и внутриселенная чересполосность и т. д. Все эти недостатки наслаивались в течение столетней трансформации общины.

«Общине» наших дней больше всего присущи эти недостатки. Частые уравнительные переделы, ежегодные скидки и накидки с каждым годом все больше и больше усиливают чересполосность, доводя в некоторых местах полосы земли на двор размером с «носовой платок».

Вот таблица [1]), которая рисует современное состояние сельскохозяйственной территории в общине:

[1]) «Контрольные цифры Госплана СССР на 1927/28 г.», стр. 115.

Количество полос на двор.	Районы:		%% хозяйств, имеющих дальние полосы:		
				Районы;	
	Юга и Ю.-В.	Севера и С.-В.	Расстояние от места полос до двора	Юга и Ю.-В.	Севера и С.-В.
От 1 до 5 пол.	29,6	1,7	до 1 км	5,3	54,0
„ 6 „ 10 „	49,3	2,0	от 1—3 км	7,4	42,8
„ 11 „ 20 „	16,7	10,5	„ 3—5 „	11,5	1,9
„ 21 „ 40 „	4,1	32,9	„ 5—10 „	38,7	1,2
„ 41 „ 100 „	0,2	45,2	свыше 10 „	37,1	0,1
„ 100 и выше	0,1	7,7	—	—	—

Из этой таблицы видно, что на севере и северо-западе 86% крестьянских дворов, хотя и имеют землю на расстоянии ближе пяти верст от хозяйственного центра, но зато сама земля разбросана от 20 до 100 полос на каждый двор. На юге и юго-востоке мы имеем хотя и меньшее количество полос на двор, но зато земля находится от усадебного центра на расстоянии свыше пяти верст.

Совершенно очевидно, что при таком положении земельной организованности «общины» нельзя говорить об интенсификации и механизации сельского хозяйства.

Следовательно, современная «община» не может отвечать требованиям, пред'явленным к деревне, именно усиления темпа развития сельского хозяйства и увеличения его товарности.

Община, перманентно переделяясь (иначе в общине быть не может), отнимает у крестьянина желание улучшать свое хозяйство. Крестьянин, живущий в общине, думает не о том, как поднять хозяйство, а о том, как бы побольше прирезать земли. А отсюда враждебные отношения среди членов общины, никогда не способствовавшие и не могущие способствовать об'единению крестьян.

Все, что связано с улучшением хозяйства — мелиорация лугов, полевое травосеяние, многопольные севообороты, переход к коллективным формам землепользования,—все это наталкивается на враждебное отношение большинства членов общины.

С другой стороны, каждому, знающему деревню, хорошо известно, что для кулацких групп в общинах ростовщичество и всякого рода эксплоатация возможны гораздо больше, чем где бы то ни было.

Множественность полос, дальноземелье, недостаток сельскохозяйственного инвентаря и рабочего скота,—все это позволяет кулацким группам эксплоатировать бедноту и на нужде ее строить свое благополучие.

Кулацкие хозяйства, живущие в «общинах», располагая крупным сел.-хоз. инвентарем имеют возможность поэтому вовлекать в свой хозяйственный оборот бедняцкие и маломощные хозяйства. Вот почему кулак против разрушения «общины». Он принимает все меры к тому, чтобы противодействовать мероприятиям, направленным к разрушению общины. Вот почему современные «общины» суть не что иное, как кулацкие гнезда.

«Община»—антагонист социалистического развития деревни. По этой линии и оказывает свое влияние кулак. Он окопался здесь. Современная «община» самая глубокая и самая прочная основа, облегчающая развитие деревенского капитализма. Самая глубокая потому, что под воздействием искусственного сохранения общины, несмотря на целый ряд учреждений, стесняющих, парализую-

щих развитие деревенского капитализма, мы видим постоянное образование элементов капиталистического развития внутри ее. Самая прочная потому, что в сельском хозяйстве тяготеют с наибольшей силой традиции прошлого, традиции старины в смысле ведения сельскохозяйственного производства, в силу чего преобразующее действие социалистических элементов в сельском хозяйстве проявляется в общине с наибольшей медленностью и постепенностью.

Таким образом, мы видим, что община не только задерживает хозяйственный и культурный рост бедняцких и середняцких масс, не только создает почву для постоянного роста деревенского капитализма. Против этой формы землепользования, которая связывает развитие сельского хозяйства, ведется усиленная борьба, а директивы партии по составлению союзного закона о землеустройстве и землепользовании прямо-таки обязывают заострить закон против общины, которая отдает еще крепостнической эпохой.

III. Каковы публично-правовые функции общины?

Сложилось прочное мнение, будто современная «община» есть земельное общество, то земельное общество, которое охарактеризовано нашим земельным законодательством и ленинскими статьями о кооперации.

Так, например, Зданович утверждает, что община в основном одно и то же, что и земельное общество.

Такой взгляд безусловно неверен. Земельное общество, в широком смысле слова, означает не что иное, как кооператив, организованный на коллективных началах. Так характеризует земельное общество и наше законодательство. И раз земельное общество—кооператив, значит, само собой разумеется, высшая ступень его внутренней организации.

Кто соприкасается с деревней, тот знает, что общину от такого земельного общества отделяет пропасть.

В то время, как настоящее земобщество представляет собой добровольное «об'единение» крестьян с плановым, разумным ведением сел. хозяйства, общины—принудительное «об'единение» с обязательным трехпольным севооборотом, а следовательно, и с обязательным посевом определенных культур,—словом, организация совершенно не организованная. Да, собственно, община с ее передельным механизмом и не требует никакой организованности. Трехполка ведь не требует особой организованности.

Следовательно, община далеко, очень далеко не одно и то же, что земельное общество. Это—«Федот, да только не тот».

И если Зданович называет общину земельным обществом, но ведь от этого община не станет на самом деле им, как не появятся у сапожной щетки молочные железы, если Зданович назовет ее млекопитающим.

Современная община со стороны ее публично-правовых функций есть обломки дореволюционного сельского общества.

Насколько велики эти обломки, показывает результат обследования работников РКИ.

«В итоге приходится признать, что обычный деревенский «сход» (имеется в виду сход земельного общества. *М. У.)* или «общее собрание» есть повсюду сход земобщества с представительством дворов, а не всех членов земобщества».

«...Это собрание решает и земельные и все прочие вопросы в одном и том же составе участников».

«Освещенный материалами обследования «сход» более всего приближается по типу своему к дореволюционному «сельскому сходу», который, повидимому, невредимо прошел сквозь всю эпоху революций».

«Земельные общества, со сходами которых приходится иметь дело сельсовету, представляют собою прочно сложившиеся организации, ничем, в сущности, не отличающиеся от прежних «сельских обществ».

Зданович рад, что в современной общине остались все функции прежних «сельских обществ» и что орган этих «обществ»—сход—невредимо «прошел сквозь всю эпоху революций». Нет, тов. Зданович, не радоваться нужно, не консервировать сходы земельных обществ (общины), а принимать самые решительные меры к постепенному упразднению их.

Все вопросы, связанные с распоряжением землею и земельно-хозяйственным устройством, находятся в исключительном ведении «земельного общества» и его органа—схода.

В этом отношении «земобщество» является вполне самоуправляющейся земельно-хозяйственной организацией. В качестве этой организации «земельное общество» устанавливает и изменяет порядок пользования различными угодиями в обществе, разрешает ходатайства о зачислении в общество новых безземельных членов и о выходе из общества с землей, постановляет о производстве землеустройства, о переходе на широкие полосы, о разделе земли между частями общества, производит земельные переделы и разверстки и проч., распоряжается угодиями общего пользования и свободными земельными участками,—словом, пользуется всеми правами в области распоряжения землей и земельно-хозяйственного устройства. Все постановления (приговоры) «земобщества» не подлежат утверждению каких-либо органов власти. Постановление «земобщества» вступает в силу одновременно с оформлением его участвовавшими в общем собрании членами.

Простой перечень вопросов, подлежащих исключительному ведению «земобществ», уже показывает, что все основные участки хозяйственной жизни деревни проходят мимо сельсоветов. Что же тут удивительного после этого, что сельсоветы подменяются земельными обществами?

Имея в своем исключительном ведении и распоряжении основной об'ект жизни и деятельности деревни—землю—земельные общества оказались экономически гораздо сильнее, нежели сельсовет.

Так, по всему Союзу ССР в то время, как общая сумма бюджетов сельсоветов «составляет около 16 млн., земельные общества и другие об'единения крестьянства, по обследованию Наркомфина, имеют 80 млн., а по данным РКИ больше 100 млн.». (Из речи Енукидзе на XV парт. с'езде).

Материальное преимущество «земельных обществ» перед сельсоветами, с одной стороны, обширность компетенции земобществ, с другой—убивают работу сельсоветов. И в результате мы имеем, что в некоторых обществах еще до сих пор протоколы сельсовета передают на утверждение земельного общества.

Как пример очень знаменательный можно привести следующее: ботовское земельное общество Буйгородской волости, Волоколамского уезда, Московской губ. на одном из своих сходов ставит и решает вопрос «об утверждении протокола сельского совета от 26 декабря 1927 г.».

Если под боком центра земельное общество поглотило собою сельсовет, то можно себе представить, что делается в отдаленных уголках нашего Союза.

Сходы «земельных обществ», будучи предоставлены самим себе без всякого надзора, руководства и подчинения сельсоветам, служат тем последним орудием в руках кулаков, при помощи которого они оказывают свое сопротивление. Пока партия оживляла деятельность советов, кулачество стремилось окопаться в «земобществах». «Земельное общество» — последнее убежище кулаков. Из этого убежища их надо выбить—и чем скорее, тем лучше.

IV. Практические предложения.

Выше уже было отмечено, что вопросы земельно-хозяйственного устройства деревни находятся в исключительном ведении «земельных обществ». На самом же деле эти вопросы должны находиться в ведении сельсоветов, как основа жизни и деятельности их. До тех пор, пока эти вопросы не будут находиться в безраздельном ведении сельсоветов, последние не могут стать действительными руководителями в деле переустройства деревни на социалистический лад. Поэтому при разрешении вопроса о взаимоотношениях сельсоветов с «земобществами», мы прежде всего, упираемся в вопросы земельно-хозяйственного устройства. Это основной вопрос, разрешив который будет легче разрешить все остальные вопросы, связанные с урегулированием взаимоотношений между этими двумя организациями.

Анализ общины с точки зрения ее приспособленности к экономическим нуждам сельскохозяйственного производства, а равно с точки зрения ее публично-правовых функций с логической неизбежностью приводит нас к следующему:

1) Прежде всего надо ускоренным темпом планово расселить (землеустроить) крупные общины с образованием либо коллективов, если для этого имеются материальные и социальные предпосылки, либо поселков и выселков. При этом надо всячески стараться переводить поселки на широкополье и многополье. Плановое расселение общины лучше других мер парализует всякую возможность кулацкого обогащения, а также и образование капиталистических элементов.

2) Затем в законодательном порядке установить, как принцип, что отныне сельсоветы в вопросах распоряжения землей должны быть руководящими органами над «земельными обществами» не только и не столько в смысле наблюдения и регулирования их работы, сколько в смысле отмены, приостановления постановлений земобщества по всем вопросам, когда сельсовет усмотрит, что данное постановление противоречит законодательству и всей политике в деревне вообще и в отношении бедняцкой части населения в частности.

3) В вопросах о производстве землеустройства, переходе к другим формам землепользования, переделах, скидках и накидках сельсовету должно быть предоставлено решающее слово.

4) Далее, право распоряжения и заведывание усадебными землями и свободными земельными участками должно быть целиком и полностью передано сельсовету, как органу, ведающему благоустройством деревни.

5) Право решения вопроса о приеме в состав общества новых членов у «земобщества» надо из'ять, передав это право сельсовету.

6) Распоряжение излишними, неиспользованными земобществом, земельными участками, владение и распоряжение оброчными статьями, наблюдение за правильностью сдачи земель в аренду, а равно наблюдение за исполнением арендатором условий арендного договора —передать в исключительное ведение сельсоветов.

7) Выморочное имущество, как отобранное от землепользователей в случаях, указанных в законе, так и оставшееся после смерти всех членов двора, должно быть передано кресткомам, а в тех районах, где крестьянских комитетов обществ взаимопомощи нет—сельсовету.

8) Созыв земельного схода, председательствование на нем, охранение порядка и руководство работой его,—совпадает ли территория данного земобщества с территорией сельсовета или не совпадает,—законодательным путем возложить на председателя или члена сельсовета.

9) Все ныне существующие «земельные общества», оставшиеся от прежних «сельских обществ», форсированным темпом перевести на нормальный устав, иначе сельсовету трудно будет руководить работой «земельных обществ».

Предлагаемые мероприятия, которые, конечно, должны быть конкретизированы, поднимут в гораздо большей степени авторитет сельсоветов в глазах крестьянства и усилят их роль в деле переустройства сельского хозяйства. Кроме того, эти мероприятия парализуют возможность «земобществ» подменять собою сельсовет. Важно установить, чтобы сельсоветы были хозяевами в области земельно-хозяйственных вопросов. Остальное приложится само собой, будет подсказано практикой.

Нужно создать материальную базу для сельсоветов, укрепить ее. Предлагаемые мероприятия как-раз и способствуют этому. «При установлении руководящей роли советов в отношении земельных обществ,—говорит т. Молотов,—сельский совет становится на новую материальную базу, и это есть значительное укрепление основы для дальнейшего оживления советов, развертывания их работы в области хозяйственной, культурной и политической жизни деревни» [1]).

Через посредство советов, являющихся единственным органом пролетарской диктатуры в деревне, мы вытесним кулачество, нашедшее себе последнее убежище в «земельных обществах» и поставим на правильный прочный путь развитие сельского хозяйства—путь социалистический.

---

[1]) Речь тов. Молотова. на XIV партс'езде, стенографический отчет, стр. 1086.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

М. Г. ЛЕЙТЕЙЗЕН. «Ницше и финансовый капитал». С предисловием А. В. Луначарского. ГИЗ, 1928 г., стр. 144, цена 1 р. 20 коп.

Работа Лейтейзена ставит своей задачей показать на примере анализа основных идей философии, социологии, политики и этики Ницше идеологию финансово-капиталистической олигархии.

Идея сама по себе интересная и оригинальная. Ведь именно изучение буржуазной и мелкобуржуазной идеологии эпохи финансового капитала составляет уязвимое место нашей литературы, интересующейся преимущественно экономикой.

Рецензируя эту работу, мы не задаемся целью осуждать или защищать мысль автора обосновать уже выдвигавшийся марксистской критикой тезис, что Ницше выражал в своем творчестве идеологию зарождающегося империализма.

Спор на эту тему принадлежит, по сути дела, компетенции философского журнала.

Нас интересует в данном случае нечто другое, именно, как автор брошюры со столь претенциозным заголовком расправляется во славу плохо понятого ленинизма с элементарной политической грамотностью и элементарными приемами марксистской методологии.

Собственно, об этой работе можно было бы и не давать журнальной рецензии: мало ли у нас выпускается брошюр и брошюрок, авторы которых бедны, как церковные мыши, но тем не менее считают почему-то непременным долгом делиться с окружающими своей идейной нищетой и убожеством. Еще Д. И. Писарев в свое время резонно замечал, что «без хлама не обходится ни одна литература и что от хлама не отобьешься никакой критикой, потому что на свете всегда будет очень много людей, совмещающих в себе гениальность шестинедельного ягненка с честолюбием Александра Македонского».

Дело, однако, в том, что рецензируемая работа выделяется из общего хлама не только своей претенциозностью, но прежде всего тем, что она рекомендована в предисловии таким квалифицированным человеком и знатоком литературы, как тов. А. В. Луначарский.

Последний пишет в своем предисловии: «Автор настоящей книги обратился ко мне с просьбой сопроводить ее предисловием. Прочитав труд молодого исследователя, я не могу не выразить ему благодарность за это его предложение. Книга т. Лейтейзена представляет собою, несомненно, выдающееся произведение, за которым, надеюсь, последуют и новые его труды, способные обогатить наш анализ культурных сил и течений современности».

Мы охотно допускаем, что т. Луначарский бегло просмотрел книгу, и потому больше обратил внимание на то, что она написана молодым исследователем, нежели на существо дела.

Это, однако, вряд ли может послужить извинением и достаточным основанием к поощрению того некультурного, некритического, смешного

в своей попытке вознаградить себя литературной мишурой за незнание существа дела стиля «работы», типичным образчиком которого служит рецензируемая брошюра. Начать с того, какие представления имеет автор книги, желающий применять марксистский метод, о том самом финансовом капитале, который задорно аншлагирован на обложке брошюры.

Раскрываем главу с претенциозным заголовком «Amor fati и вечное возвращение».

Читаем: «Определение, данное эпохе Гомера, можно почти целиком перенести на эпоху финансового капитала (!). Или, по крайней мере, на его тенденции (!). Мы здесь видим ряд черт феодальной (!) структуры— единое замкнутое хозяйство (!), отсутствие конкуренции (!), у каждого человека свое определенное место (!), иерархия, наверху группка феодалов, рыцарей (!)—финансовая олигархия, внизу миллионные закрепощенные, порабощенные массы... Но самое главное в этой эпохе, это—ее организованность (!), это то, что она должна (!) быть организованной. Конец темному року, конец власти рынка, конец кризисам, сотрясающим капиталистический мир. Отныне всем руководит только воля господствующей касты (!)» (стр. 125—126).

Какими словами квалифицировать эту благодушную дичь? Эта околесица была бы возмутительна, если бы прежде всего она не была комической: человек, который слышал, может быть, лишь «звон» об империализме, не дожидаясь («пока-то улита едет»), пока он прочтет серьезные работы по теории империализма и критике ультра-империализма, с уверенностью знатока срочно погружает читателя в мир таких идей, которые автор в простоте душевной считает марксистскими, но от которых не поднимутся волосы разве только у плешивого.

Мы были бы несправедливы к автору, если бы ограничились перепечаткой приведенного перла, тогда как у автора чуть ли не целая «система» взглядов на империализм. При этом автор дает понять, что его союзником является не кто иной, как... тов. Бухарин. Это уже достаточно интригующее обстоятельство, чтобы можно было пройти мимо него.

Лейтейзен на стр. 45 приводит цитату из «Мирового хозяйства и империализма» Бухарина (2-е изд., ГИЗ, стр. 157, примечание): «Если бы был уничтожен товарный характер производства (например, при организации всего мирового хозяйства, как одного гигантского государственного треста, невозможность чего мы доказывали в главе об ультра-империализме) (эти последние слова, начиная с запятой, между прочим, Лейтейзеном не цитируются. *В. К.*), то у нас была бы совершенно особая хозяйственная форма. Это был бы уже не капитализм, так как исчезло бы производство товаров, но еще менее это был бы социализм, так как сохранилось бы (и даже углубилось) господство одного класса над другим. Подобная экономическая структура напоминала бы всего более замкнутое рабовладельческое хозяйство при отсутствии рабов».

Приведя эту цитату, Лейтейзен соглашается, что перспективы этого «замкнутого рабовладельческого хозяйства»—«будущее, которого не будет».

Тем не менее, это не помешало ему, как мы видели выше, впоследствии «определение, данное эпохе Гомера», куда, между прочим, автор, в интересах борьбы с исторической грамотностью, поместил средневековых рыцарей, «почти целиком перенести на эпоху финансового капитала». Свобода автора от знакомства с основными произведениями по теории империализма и, в частности, с цитируемой им книгой «Мировое хозяйство и империализм», позволила ему не заметить противоречия в своих утверждениях и легко впасть в обычную для людей, изучающих серьезный вопрос по цитатам, ошибку.

Автор, забыв условность сравнения тов. Бухарина, не вдумавшись как следует в утверждение т. Бухарина о невозможности в действительности экономической структуры единого мирового треста, ориентировался в проблеме «по-своему». Почему, в самом деле, не об'явить, раз допущена возможность «рабовладельческого общества», как итогового результата развития капитализма, всю эпоху финансового капитализма, если уже не ставшей, то, по крайней мере, становящейся «рабовладельческим обществом» или «феодальной структурой»,—это уже дело вкуса, для автора, например, это все равно: все меньше становится рыночной стихии, все меньшую роль играют кризисы, все меньше конкуренции, все меньше неорганизованности, и капитализм, с легкой руки Лейтейзена, принимает все более феодальный вид.

Дело, короче говоря, идет совсем так, как в той бочке из детского арифметического задачника, в которой для проверки математических способностей детей отрывался злосчастный кран и воды, натурально, становилось все меньше и меньше.

Эта ошибка, говорящая о полной неискушенности знанием действительной диалектики капитализма, тем более пригодилась автору, что дала ему возможность без особых хлопот, без всякого труда над выяснением конкретной сложности и своеобразия общественной почвы, породившей философию Ницше, легко об'яснить некоторые стороны его философии, которые давали повод иным критикам считать Ницше идеологом прусского юнкерства, напр.: культ кастовости, восхищение перед рабовладельческими эпохами в истории, апологетика силы и консервативности русского самодержавия и т. д.

Доводы этих критиков могли бы быть отведены на основе конкретного анализа своеобразия германского империализма, но автор предпочел не тратить на это время.

Зачисление «в рабовладельческое хозяйство» в одном случае, в «феодальное» — в другом всей эпохи империализма разрешило все неразрешенные вопросы.

С гениальностью, о которой так хорошо сказал критик 60-х годов, Лейтейзен при помощи острейшего ланцета своей схемы вскрыл в этих взглядах чисто империалистическое существо философии Ницше. Одновременно наш автор с бесстрашием исследователя, идущего на все выводы, вытекающие из его конструкции, сделал закоренелым представителем финансового капитала и Гомера. Мы не сомневаемся, что во имя своей схемы Лейтейзен, если бы еще раз потребовалось его мужество, зачислил в идеологи финансового капитала и царя Хеопса и даже его пирамиду. Впрочем, за последнюю ручаться нельзя.

Весь путь мысли нашего критика служит ярким образчиком неверного мышления, которое, как известно, будучи доведено до конца, приводит к противоречию со своим исходным пунктом.

Если бы Лейтейзен потрудился ознакомиться с действительной диалектикой развития новейшего капитализма, он не утверждал бы такого вздорного с теоретической точки зрения, оппортунистического с точки зрения политики тезиса, что «самое главное в новой эпохе это ее организованность» (стр. 126), он не утверждал бы, споря с тезисом тов. Фриче и Когана, квалифицирующим Ницше, как «пророка индивидуализма», что «основным признаком новейшего капитализма» является «организация хозяйственной жизни человечества (тресты, монополии)» «в противоположность анархии» (стр. 80).

На деле это совсем не так. «Монополия, создающаяся в некоторых отраслях промышленности, усиливает и обостряет хаотичность, свойственную всему капиталистическому производству в целом» (Ленин. «Империализм»).

«Не чистая монополия, а монополия рядом с обменом, рынком, конкуренцией, кризисами,—вот существенная особенность империализма вообще. Именно это соединение противоречивых друг другу «начал»: конкуренции—монополии и существенно для империализма, именно оно и подготовляет крах, т.-е. социалистическую революцию» (XIV, I, стр. 121).

Это—сердцевина всех противоречий империализма, и без этого противоречия нет эпохи империализма, ибо «империализм есть отживающий, но не отживший капитализм, умирающий, но не умерший» (Ленин, там же, стр. 120). Между тем предположение, что империализм «свободен» от анархии производства, конкуренции, кризисов и т. д. означало бы, что империализм свободен от основных черт капитализма, следовательно, означало бы, что империализм не есть капитализм, что капитализм уже «умер», уже «отжил».

Не поняв этого, Лейтейзен не мог разобраться и в том, почему лишь абстрактно мыслима возможность единого мирового государственно-капиталистического треста.

Конечно, отличие империалистической стадии развития капитализма от классической эпохи промышленного капитализма в господстве монополий, в том, что экономически основным для этого империализма является «смена капиталистической свободной конкуренции капиталистическими монополиями» (Ленин).

Было бы недостаточным стоять только на той точке зрения, что монополия и конкуренция, как два полюса единства противоположностей, переходят друг в друга, предполагают друг друга, неразрывно сосуществуют друг с другом. Это было бы бесконечным кружением, напоминало бы какую-то дурацкую дуэль, в которой никто никого не ранит.

Постановка вопроса о взаимообусловленности, о взаимопроникновении монополии и конкуренции может быть диалектической лишь при одновременном признании для эпохи империализма примата (первенства) монополии в данном единстве противоположностей.

Отсюда и вытекает абстрактная возможность единого мирового треста. В нем находит свое абстрактное завершение тенденция централизации и концентрации капитала.

«Можно ли, однако, спорить,—писал Ленин,—против того, что абстрактно мыслима новая фаза капитализма после империализма, именно ультра-империализм? Нет. Абстрактно мыслить подобную фазу можно... Не подлежит сомнению, что развитие идет в направлении к одному единственному тресту, всемирному, поглощающему все без исключения предприятия, и все без исключения государства».

Но одно дело, разумеется, признание абстрактной возможности и другое дело—может ли конкретно империализм достигнуть такой предельной ступени зрелости. Это—небо и земля. Правда, истина абстрактного в конкретном. Нельзя разрывать конкретное и абстрактное. И с этой точки зрения абстрактная возможность ультра-империализма вытекает из той тенденции к монополии, которая имеется вполне реально. Но абстракция эта не охватывает всей конкретной сложности действительной картины развития, являясь лишь ее моментом. Дело в том, что тенденция к одной всемирной монополии прокладывает себе путь через такие все более обостряющиеся противоречия монополии и конкуренции, через такие кризисы, войны и потрясения, проходит в обстановке такого неравномерного развития капитализма, что, только взяв абстрактную линию развития концентрации и централизации капитала, только отвлекшись от классовой борьбы, только представив себе бессуб'ектный экономический процесс — можно утверждать конкретную возможность ультра-империализма.

Уже в самих этих обостряющихся противоречиях, «отнюдь не только экономических, но и политических, национальных и пр., и пр.» (Ленин), выросшие общественные производительные силы требуют освобождения их от оков капиталистических производственных отношений, требуют, как выразился Энгельс, фактического признания общественного характера современных производительных сил и, следовательно, согласования способа производства, присвоения и обмена с общественным характером средств производства.

Этот рост противоречий на базе господства монополий (а не вообще противоречий) и является основой нашего движения к социалистической революции. Было бы смешно думать, что социалистическая революция вырастает, как итог абсолютного загнивания капитализма. С трупом не борются. Революция побеждает живой капитализм.

Надо отдать справедливость Лейтейзену, он не понял глубоко-противоречивого движения тенденции капитализма к единому мировому тресту, не разобрался с категорией абстрактного и конкретного в применении к империализму и поэтому попал в курьезное положение, которое становится тем более курьезным, что он не хочет один пожинать лавры своей критики, но благородно предпочитает разделить «успех» с тов. Бухариным.

Читатель стал свидетелем комической сцены, когда критик Ницше, поручив ему защиту единого мирового треста, для вящшей убедительности переходит сам на точку зрения своего противника. Это для автора оказалось тем легче, что последний, пытаясь из высказываний Ницше получить ультраимпериализм, оперирует больше своими пространными комментариями, нежели подлинным текстом философа.

Верный себе, автор не только в вопросе о сущности империализма, но и в других «идейных сферах», которые он не оставил своим вниманием, продолжает кормить читателя совершенно неудобоваримой пищей, при этом в лошадиных дозах.

На стр. 42 он соглашается с тем, что будто бы тенденции финансового капитала ведут к отпадению уже в пределах капитализма всякой надобности в государстве.

Этот момент передан автором в высокой степени трогательно и умилительно: «Может быть, это будет напоминать строй пчел, где социальное неравенство осуществляется тоже без государства».

Говоря о демократии, молодой исследователь не подозревает, что «демократия вообще»—в классовом обществе—это такая же дичь, как зеленая лошадь или желтый логарифм. На стр. 57 он, с одной стороны, дает такую формулировку: «Демократия сейчас — исторически обусловленная форма господства финансового капитала».

С другой стороны, для вразумления тех, кто может сделать из этого вывод, что пролетарская демократия (тоже ведь демократия) и в СССР есть форма господства финансового капитала, автор замечает: «что Ницше ненавидит демократию, потому что она означает власть народа, власть большинства». Таким образом, мы в тупике: демократия — и форма господства финансового капитала и в то же время «власть народа» (!).

Как же быть с этим противоречием?

Вероятно, так же, как и со всеми другими. Тут есть о чем поговорить.

На стр. 33, характеризуя процесс углубления классовых противоположностей, автор замечает: «Богатые (!) становятся еще богаче, а бедные (!), если не абсолютно, то относительно еще беднее!».

Как осторожно и мило! Если не так, то этак! Не абсолютно, так относительно. Право же, остается изумляться той легкости, с какой при помощи бумаги и чернил рушится казалось бы прочно стоявший тезис марксизма об абсолютном и относительном обнищании рабочего класса и

заменяется тезисом Ницше, с которым автор не спорит, что «рабочие (при капитализме. *В. К.*) будут некогда жить так, как живет теперь буржуазия» (стр. 91).

Совсем любопытны места, излагающие отношение нашей идеологии к идеологии Ницше. Автор пишет: «Центр тяжести... лежит... в коллективе (в нашей идеологии. *В. К.*). Его создать—наша цель и задача. То же и у Ницше. И у него в конечном итоге новая аристократия состоит из личностей, из сверхчеловеков». «И у него»? Что это значит? Значит и у нас «в конечном счете» новое общество состоит из ницшеанских сверхчеловеков?

Так? Или не так? Или и здесь: если не так, то этак! «Все дозволено»,—как сказал Ницше.

На стр. 72 автор пишет:

«Если финансовый капитализм в области экономики создает все необходимые предпосылки и расчищает путь коммунизму, то то же самое в области идеологии проделывает идеолог финансового капитала Ницше. Ницше делает н а ш е д е л о—во многих отношениях делает н а ш е дело. Такова диалектика истории».

Это не диалектика, а сущая нелепица в лучшем случае. Если автор думал сказать, что Ницше, как представитель идеологии финансового капитала, прогрессивней, нежели идеологи старой классической эпохи капитализма, то зачем же писать совсем в духе достопамятного Струве, что Ницше делает наше дело.

Автор высказывается и на боевые темы. Он, например, считает—и эту ошибку заметил т. Луначарский,—что финансовая олигархия сейчас чуть ли не побита, что единственное место, где капитализм идет еще вверх,— это Америка (92).

«Разве какая-нибудь Англия, — грозная Англия, — способна сейчас к большой политике?». Это говорится, когда всюду подчеркивается опасность войны против СССР со стороны капиталистических держав, инспирируемых «какой-нибудь Англией».

Небезынтересен, наконец, комментарий автора к подзаголовку книги Ницше «Так говорил Заратустра»—«Книга для всех и ни для кого».

Автор, разумеется, не может пропустить случай «пролить свет» своим компетентным раз'яснением на этот предмет.

«Если перевести это на несколько более понятный язык, это будет просто значить—книга для немногих».

Веселое примечание! Как тут не вспомнить глубокого человека, раз'яснявшего лет пятьдесят назад слово «нигилист». «Что такое нигилист? Сказать по-простому, так просто глист».

Но довольно с нас Ницше и его горе-критика, хотя афоризмы последнего отнюдь еще и не исчерпаны.

Мы только напомним читателю, что его читательские интересы предполагается не обходить и впредь. Автор предисловия сообщает об этом, по крайней мере, с достаточной определенностью. «Если кому-нибудь придет на ум,—говорится в предисловии,—еще более внимательно пересмотреть все исследование Ницше, посвятив ему значительно большее сочинение, чем предлагаемое сейчас вниманию читателя, то и этому автору, в главном, придется итти все же п о с т о п а м тов. Лейтейзена, и б о п у т ь н а м е ч е н н а ш и м м о л о д ы м а в т о р о м с о в е р ш е н н о п р а в и л ь н о».

Едва ли можно завидовать читателю.

В. К.

Н. Д. КОНДРАТЬЕВ и Д. И. ОПАРИН. «Большие циклы кон'юнктуры». Ранион. 1928 г. Стр. 288. Цена 2 руб. 50 коп.

Профессор Кондратьев уже не в первый раз отдает свою оригинальную концепцию кон'юнктурного процесса на суд научной критики. В рецензируемой книге он в наиболее развернутом и детализированном виде излагает свою точку зрения. Вместе с тем именно здесь впервые сделана попытка дать этой точке зрения принципиальное теоретическое обоснование: в предшествовавших работах автор концепции «больших циклов» ограничивался лишь статистическими иллюстрациями и некоторыми эмпирическими обобщениями. На ряду со статьей профессора Кондратьева, представляющей несколько исправленный доклад, зачитанный им свыше двух лет назад в Ранионе, в книгу включены и те прения, которые выросли из этого доклада. Здесь мы имеем прежде всего обширный контрдоклад Д. И. Опарина и затем речи выступавших оппонентов. Заключительное слово докладчика углубляет и оттеняет некоторые моменты его позиции. Не имея возможности давать подробный разбор идеи «больших циклов» в ограниченных рамках рецензии, мы попытаемся сформулировать лишь основные и принципиальные ошибки новой концепции.

Капиталистическое хозяйство живет закономерным внутренним ритмом. Своеобразной фигурой движения процесса воспроизводства общественного капитала является трехфазный в своей основной структуре экономический цикл. В ходе исторической эволюции капитализма многосторонне изменяется и в количественном и в качественном отношении стиль хозяйственного цикла. Но пока капитализм существует, общественное хозяйство автоматически воспроизводит волнообразный тип колебания его различных элементов. Проф. Кондратьев утверждает, что обычные периодические циклы еще не исчерпывают всех тех повторных типов колебаний хозяйственной жизни, которые внутренне присущи капиталистическому процессу. На ряду с этим типом внутренних колебательных процессов необходимо признать наличие «длительных, очень глубоких и значительных по своему влиянию колебательных процессов в народнохозяйственной динамике». Эти длительные циклы охватывают циклы обычного типа, вернее, последние укладываются в них так, что на каждую под'емную и падающую волну большого цикла приходится несколько сомкнутых фаз большого цикла. Последуем за профессором Кондратьевым и присмотримся к его построениям.

Внешним выражением циклической динамики капиталистического процесса является регулярное волнообразное движение общего уровня товарных цен. Но исследовательская мысль давно уже обратила внимание на тот крайне интересный факт, что, помимо подобных коротких колебаний ценового уровня, существовали еще более крупные и длительные колебания, охватывавшие несколько десятков лет. Эти крупные колебания цен и составляют внутреннюю подоснову всей концепции проф. Кондратьева. К поворотным точкам длительных колебаний общего уровня товарных цен, он приурочивает границы «больших циклов», замыкая свою периодизацию в следующую схему:

1. Повышательная волна первого цикла—с конца восьмидесятых, начала девяностых годов XVIII века до периода 1810—1817 гг.

2. Понижательная волна первого цикла с периода 1810—1817 гг., до периода 1844—1851 гг.

1. Повышательная волна второго цикла с периода 1844—1855 гг. до периода 1870—1875 гг.

2. Понижательная волна второго цикла с периода 1870—1875 гг. до периода 1890—1896 гг.

1. Повышательная волна третьего цикла с периода 1891—1896 гг. до периода 1914—1920 гг.

2. Вероятная понижательная волна третьего цикла с периода 1914—1920 гг.

Основное положение, выдвигаемое проф. Кондратьевым, можно формулировать следующим образом. Продолжительные волны повышения и понижения цен аналогичны по своей структуре обычным колебаниям уровня цен в пределах нормального капиталистического цикла, и подобно тому как фазы последнего сменяют друг друга, так автоматически чередуются через двадцатипятилетие в среднем интервалы кон'юнктурные полосы оживления и застоя капитализма.

Но удалось ли проф. Кондратьеву доказать, что последовательные крупные волны цен отражают ритм материального процесса накопления? Не представляет ли змеевидная кривая вековой динамики цен лишь внешнюю обманчивую видимость цикличности?—таков первый и важнейший критический вопрос при разборе идеи «больших циклов». Внимательное изучение доказательств проф. Кондратьева необходимо приводит к отрицательному ответу на этот вопрос. Это не только наше мнение. Д. И. Опарин производит кропотливую и даже несколько педантичную работу над соответствующим статистическим материалом и приходит к аналогичному выводу. К нему же склоняется и С. Фалькнер в своем выступлении по докладу. В самом деле, длительные волнообразные колебания, границы которых фиксированы вышеприведенной схемой, существуют в сколько-нибудь ясной форме лишь в динамике общего уровня товарных цен и процента по долгосрочным помещениям капитала. Совсем иное приходится сказать об остальных показателях, проанализированных Кондратьевым. По своему характеру они распадаются на две группы: ценностные и натуральные. К ценностным относятся: заработная плата и обороты внешней торговли Англии и Франции, а натуральным—рост добычи угля в Англии и потребление его во Франции, а также производство чугуна и свинца в Англии. И если хотя бы с маленькой дозой скептицизма отнестись к тем результатам, которые получил Кондратьев, то оказывается следующее. Динамика номинальной заработной платы и суммарных оборотов внешней торговли дает видимость параллельных направлению движения уровня цен длительных колебаний до тех пор, пока мы не внесем поправки на индекс цен. Но стоит лишь проследить эти явления в их собственном внутреннем движении, освободив их от ценовой оболочки, то окажется, что они описывают ту или иную кривую, но какого-либо совпадения с границами намеченных Кондратьевым больших циклов абсолютно не имеется. Что же касается динамики натуральных показателей, то и здесь нет опоры для теории больших циклов. Амплитуда колебаний в точках максимума и минимума волн здесь настолько незначительна, что укладывается в рамки простой арифметической ошибки. В этих точках масштаб колебаний вещественных элементов составляет 3—7%, в то время как,—по признанию самого Кондратьева,—амплитуда отклонения для соответствующих элементов в границах обычных циклов больше в 2½ раза. Чтобы понять все уничтожающее для идеи Кондратьева значение этого факта, необходимо иметь в виду, что по его теории под'емные волны больших циклов характеризуются радикальным массовым обновлением и расширением производительных сил. Если это действительно так, то остается совершенно непонятным, почему в эти периоды относительно более чем скромен рост основных натуральных элементов общественного производства.

Повторяем еще раз: проф. Кондратьеву не удалось доказать соответствия между длительными колебаниями цен и изменением темпа роста материальных производитель-

ных сил. Больше того, если мы несколько внимательнее продумаем предлагаемую им периодизацию «больших циклов», то придется сказать, что его схема извращает действительный ход эволюции капитализма. Не имея возможности останавливаться сейчас на более подробном анализе этого положения, приведем лишь два наглядные примера.

Повышательную волну первого большого цикла проф. Кондратьев относит к промежутку времени от конца восьмидесятых годов XVIII века до периода 1810—1817 гг. Он делает это на том основании, что в указанный период происходил заметный под'ем общего уровня цен. У порога второго десятилетия XIX века уровень цен ломается и, на протяжении последующих тридцати лет, обнаруживает понижательную тенденцию. Но динамика материальных производительных сил, происходящая в Англии в оба эти периода, решительно опрокидывает представление о каком-то «первом большом цикле». В самом деле. С точки зрения проф. Кондратьева материальной подкладкой под'емной волны большого цикла служит создание крупных масс долгосрочного основного капитала—фабрик, заводов, портов, каналов, железных дорог и т. д. Но разве темп расширения этих фундаментальных элементов общественных производительных сил в двадцатилетний период, следовавший непосредственно за наполеоновскими войнами, был ниже, чем в предшествовавший период войн с французской революцией и Наполеоном (1796—1815 гг.)? Все крупные и самостоятельные историки английского народного хозяйства: Гобсон, Гиббинс, Леви, Туган-Барановский, Ноуэлс, Клафам и др.—в один голос утверждают, что период после наполеоновских войн характеризуется мощным и ярким ростом туземного капитализма. Механизация текстильной промышленности и развитие железнодорожного транспорта начинается именно в ту эпоху, которую проф. Кондратьев относит к понижательной волне «большого цикла». Наоборот, в ту эпоху, которую он квалифицирует, как «повышательную волну» большого цикла, процесс капиталистической эволюции страны был задержан событиями военно-политического порядка. Повышение цен во вторую эпоху и понижение в первую обусловлено не механизмом кон'юнктурного ритма, а причинами вне-кон'юнктурного характера. Условия военного хозяйства гнали цены вверх, а следовавший за периодом войн радикальный технический прогресс был основной причиной понижательного движения уровня цен, идущего рука об руку с интенсивным развитием материальных производительных сил.

Другой пример. Обратимся ко второму «большому циклу» и возьмем уже не Англию, а Соединенные Штаты. Уровень цен повышается с середины столетия вплоть до 1873 г. и затем понижается почти до начала XX века. Ставим вновь основной вопрос: действительно ли во второй период темп роста производительных сил был ниже, чем в первый период? На этот раз приведем несколько цифр:

Годы	Выплавка чугуна (коэффициент прироста или упадка)	Добыча угля (коэффициент прироста или упадка)	Колич. лош. сил в нар. хоз. (1899 = 100)	Ср. годичн. прирост нар. дохода в %% на душу населения
1850	+ 1,9	+ 4,4	25	— 0,14
1860	+ 1,5	+ 1,6	35	0,22
1870	+ 2,0	+ 2,3	45	3,12
1880	+ 2,3	+ 2,2	74	2,28
1890	+ 2,4	+ 2,2	100	3,30

Данные о чугуне и угле согласно говорят против того взгляда, что в двадцатилетие третьей четверти прошлого века темп роста тяжелой индустрии был выше, чем в двадцатилетие четвертой четверти. С другой стороны,

два такие обобщающие показателя, как количество лошадиных сил в народном хозяйстве и сумма национального дохода в очень выпуклой форме подтверждают только-что сказанное: нормы роста материальных производительных сил дают нечто прямо противоположное тому, что следовало бы ожидать, исходя из разграничения периода 1850—1896 гг. на две большие кон'юнктурные волны. Укажем, наконец, еще на одно существенное обстоятельство. Ведь именно на семидесятые и восьмидесятые годы, рассматриваемые проф. Кондратьевым, как «понижательная волна» большого цикла, приходится в Соед. Штатах создание основного железнодорожного скелета. В период 1850—1875 гг. железнодорожная сеть выросла на 63 тысячи миль, а в период 1875—1896 гг.—на 106,6! «Этот быстрый промышленный прогресс,—пишет Богарт,—дал Соед. Штатам возможность опередить всех своих соперников в отношении об'ема своих производств. С четвертого места в 1860 г. страна достигает к 1894 г. первого положения и с того времени стала главной промышленной страной в мире». Таким образом, реальная динамика производительных сил вновь противоречит сконструированной Кондратьевым идее «больших циклов».

Обратимся теперь к концепции проф. Кондратьева со стороны ее принципиального теоретического обоснования. Если попытка исторической констатации периодически сменяющихся больших кон'юнктурных волн терпит крушение на фактах экономической действительности, то, может быть, проф. Кондратьеву удалось в плане абстрактного анализа доказать имманентность больших циклов для капиталистического процесса?

Предлагаемая проф. Кондратьевым теория больших циклов (он называет ее «первой гипотезой») состоит из двух идей: 1) идеи периодического накопления и истощения свободных ссудных капиталов, и 2) идеи своеобразия кругооборота различных видов общественного основного капитала.

В самых общих чертах содержание и связь этих идей следующие: материальной подкладкой «большого цикла» служит воспроизводство фундаментальных видов основного капитала подобно тому, как материальным стержнем обычных периодических циклов является, по мнению профессора, воспроизводство менее массовидных и более быстро снашивающихся частей основного капитала (машины, орудия и проч.). Механизм, управляющий динамикой большого цикла, то создавая об'ективную возможность воспроизводства крупных масс основного капитала (повышательная волна), то ставя этому процессу предельные границы (понижательная волна), образуется периодической сменой накопления и истощения ссудных капиталов. Мы начнем критику теории проф. Кондратьева именно с этой второй идеи.

В период понижательной волны большого цикла в различных слоях капиталистического общества, — утверждает проф. Кондратьев, — накапливаются многочисленные сбережения. Источники аккумуляции этих сбережений двоякого рода: во-первых, те социальные группы, которые имеют фиксированные доходы и выигрывают на понижении цен, и, во-вторых, сельское хозяйство, покупательная сила продуктов которого падает в этот период относительно сильнее, чем промышленных продуктов, в силу чего промышленность, торговля и банки накопляют за счет сельского хозяйства. Достигнув через 15—20 лет (!) «значительных размеров», накопленный денежный капитал устремляется в производство и расходуется на сооружение крупных производительных сил. Но сумма накопленного фонда постепенно растрачивается на цели инвестиции, спрос на ссудный капитал все в большей мере обгоняет предложение, темп производства основного капитала падает, повышательная волна «большого цикла» автоматически сменяется понижательной.

Не трудно прежде всего вспомнить, что автором этой теории циклов является Туган-Барановский. Перед нами механически перенесенная на «большие волны» кон'юнктуры и дополненная лишь некоторыми деталями известная концепция Туган-Барановского о движущих силах циклического процесса. С легкой руки проф. Кондратьева она празднует сейчас свою вторую молодость. Но внутренняя дефектность ее столь велика, что лишь в состоянии полной теоретической импотенции можно было прибегнуть к подобного рода познавательному оружию. Оставляя за собой право дать в другом месте детальный разбор этой концепции, сформулируем здесь основные критические замечания.

В основе этой идеи лежат две принципиальные ошибки. С одной стороны, непонимание механизма образования ссудных капиталов, с другой,— неправильное представление о взаимоотношении ссудного и производительного капиталов в процессе их движения. Расшифровывая только-что сказанное, можно свести содержание этих ошибок к следующим положениям.

1. Неверно представлена система источников образования ссудных капиталов. Кондратьев видит лишь один источник, вызванный ценовыми сдвигами: процесс распределения различных видов дохода в период депрессии. Такой односторонний взгляд извращает всю перспективу. В основе процесса образования ссудных денежных капиталов лежат различные по своей экономической природе явления — амортизация основного капитала, изменения периода обращения, капитализация прибыли, сбережения зарплаты, кредитная эмиссия банков и т. д., и т. п. Свести весь процесс ссудного капитализирования к моментам перераспределения дохода абсолютно неправильно.

2. Неверно утверждение, что ссудный капитал образуется только в период депрессии. Если неправильно думать, что образование ссудного капитала всегда совпадает с накоплением производительного капитала, то столь же неправильно представлять,—как это делает, вслед за Туган-Барановским, Кондратьев,—будто эти два процесса лишь противоположны друг другу. Кондратьев не доказал, что в период под'ема образование ссудных капиталов происходит быстрее, чем в период депрессии.

3. Неверно положение о зависимости расширения материального производства от наличного предложения ссудного капитала. Это одна из наиболее абсурдных мыслей в построениях Кондратьева. Не кредит определяет границы расширения производства. Наоборот, наличные об'ективные возможности расширения общественного производства (достигнутый уровень развития общественных сил, норма накопления прибавочной стоимости, пропорциональность различных отраслей) определяют рациональные границы самого кредита.

4. Неверна, наконец, мысль о том, что кризисный перелом промышленного цикла обусловлен исчерпанием рынка ссудных капиталов. Ошибочность этой мысли—не только в совершенно необоснованном представлении о ссудном капитале, как лимите производства. Суть дела еще и в том, что вообще ни о каком исчерпании ссудного рынка к концу под'ема не может быть и речи. Стеснение в получении кредита лишь отражает трудности превращения товаров в деньги, но вовсе не выражает израсходования ссудного капитала. Превышение общественного спроса на свободный денежный капитал, как платежное средство, над его предложением есть обратная сторона превышения предложения товарных масс над платежеспособным общественным спросом. Кризис происходит не от недостатка ссудного, а от избытка товарного капитала.

Так обстоит дело с механизмом, движущим «большой цикл». Весь этот механизм — продукт сплошного теоретического недоразумения. Обратимся теперь ко второй идее теории «большого цикла» — своеобразию воспроизводства основного капитала.

Проф. Кондратьев мысленно разграничивает основной капитал на две группы: 1) продукты, воспроизводство которых совершается относительно быстро и не требует особенно крупных затрат капитала, и 2) продукты, характеризующиеся значительными интервалами времени между двумя смежными периодами реконструкции и требующие очень крупных одновременных затрат капитала. К первой группе относятся машины и орудия, ко второй— массовидные постройки, основные железнодорожные линии, каналы, порты и т. п. Вся оригинальность позиции проф. Кондратьева по данному вопросу заключается в том, что он связывает динамику малых циклов с воспроизводством первой группы элементов основного капитала, а динамику больших циклов — с воспроизводством второй группы этих элементов.

«...Если Маркс утверждал, что материальной основой периодически повторяющихся в каждое десятилетие кризисов или редких циклов является материальное изнашивание, смена и расширение основных капитальных благ в виде машин, служащих в среднем в течение десяти лет, то можно полагать, что материальной основой больших циклов является изнашивание, смена и расширение основных капитальных благ, требующих длительного времени для своего производства (стр. 61)».

Принципиальная ошибка проф. Кондратьева по этому вопросу заключается в попытке доказать имманентную неизбежность двуцикличности, исходя из различий в периодах кругооборота составных видов основного капитала. В действительности диапазон сроков службы технического оборудования настолько велик, что устанавливать различные типы циклов, опираясь на диференциацию продолжительности жизненного существования различных групп продуктов, совершенно неверно. Если уже исходить из различий во времени кругооборота элементов основного капитала, то нужно было бы говорить не о двуцикличности, а о многоцикличности. Мы утверждаем, что своеобразие производства и снашивание основного капитала действительно играет существенную роль в динамике цикла. Но Кондратьев не понял сущности связанных с кругооборотом основного капитала экономических процессов в ходе цикла и в перевернутом виде представил истинное положение вещей.

Прежде всего смешно утверждение, будто Маркс связывал динамику обычных циклов лишь с воспроизводством машин и орудий труда. Это прямая и крайне неудачная выдумка проф. Кондратьева. Говоря о роли основного капитала в ходе цикла, Маркс имел в виду весь общественный основной капитал и среднюю продолжительность существования именно этого общественного капитала. Кондратьев не понимает всей той специфичности, которая вносится фактом существования основного капитала в движение капиталистического процесса. Важна не техническая многочисленность периодов кругооборота различных типов основного капитала, а экономическая однозначность действия всеобщего промышленного кризиса на общественное хозяйство. Суть дела вовсе не в различии сроков службы разных групп основного капитала. Ударение надо поставить на том, что всякий очередной кризис, круто ускоряя процесс морального снашивания технических конструкций, дает насильственный толчок переоборудованию, а затем расширению основного капитала, во всех его без исключения составных вещественных частях. Несмотря на то, что основной капитал еще материально жизнеспособен и технически прочен, он становится в большей или меньшей мере морально негодным или экономически нецелесообразным. Многочисленная шкала нормальных сроков службы и сложившихся к моменту кризиса степеней факти-

ческого износа материальных производительных сил принудительно нивелируется сложным действием конкурентного винта, вызывающего процесс всесторонней реконструкции технического скелета общественного хозяйства. Попытка проф. Кондратьева разорвать единый процесс обновления основного капитала и отнести массовое единовременное воспроизводство одной его части (постройки, транспорт, каналы) к одним периодам, а другой (машины и инструменты)—к другим, должна быть решительно отвергнута.

Таким образом, обе линии теоретической аргументации проф. Кондратьева в защиту идеи двуциклической формы движения капиталистического процесса: 1) автоматическое накопление и истощение ссудного капитала, и 2) разорванность воспроизводства элементов основного капитала,—явно несостоятельны.

В заключение нашего краткого разбора концепции «больших циклов» остановимся еще на одном важном моменте.

Внимательный читатель работ Кондратьева, посвященных большим циклам, не может не заметить между прочим одной замечательной особенности. Куда, собственно говоря, исчезла в его построениях эволюция капиталистического хозяйства? Если бы Кондратьев поставил своей целью исследовать, каким образом в различные исторические периоды в одной и той же стране или в один и тот же период в различных странах меняется в количественном и качественном отношениях структура цикла под влиянием общей поступательной динамики капитализма данной страны и отражения на ней хозяйственного развития других стран — это была бы крайне интересная научная задача. Но он делает нечто иное. Он не интересуется влиянием общей динамики на кон'юнктуру, как форму динамики. Он группирует крупные поворотные моменты в историческом развитии мирового хозяйства (промышленный переворот в Англии, прорыв индустриального капитализма на европейский континент, выступление Соед. Штатов, России, Индии, как главных поставщиков аграрных продуктов и т. п.), приурочивает их (подчас совершенно искусственно) хронологически к смене длительных волн цен и рассматривает все эти эволюционные сдвиги и радикальные исторические зарубки, как простые симптомы колебания больших циклов. Н. Суханов в своей критике концепции больших циклов совершенно правильно указал тот путь, по которому должно направиться исследование проблемы. Надо ставить вопрос не о «больших циклах», а о том, «какие темпы развития производительных сил были свойственны отдельным периодам развития капитализма». Крайне интересен ответ Кондратьева на это замечание.

«Но позвольте, ведь смена темпов по вашему же определению и есть смена кон'юнктур? Значит, вы не только отрицаете, а даже сами рекомендуете поставить проблему о смене кон'юнктур по различным периодам, и притом не оговаривая длительности последних. И если ограничиться пока постановкой вопроса и не касаться методов исследования и выводов, то чем же ваша постановка отличается от моей? Ведь я именно и исследую смену темпов развития хозяйственной жизни в прошлом капитализма» [1].

Это маленькое «контрвозражение» оголяет корень ошибок проф. Кондратьева.

В самом деле, ведь спор идет вовсе не о том, одинаков ли в капиталистической стране за каждое десятилетие средний темп расширения производительных сил, выведенный путем сглаживания под'емных и депрессивных темпов приходящегося на это десятилетие обычного торгово-промышленного цикла. Нет никакого сомнения, что эти выглаженные средние десятилетние темпы не однозначны и дают в одни исторические периоды более высокую норму, в другие — менее высокую. Вся суть проблемы в следующем: является ли это изменение средних десятилетних темпов циклическим процессом, в котором длительные повышательные волны автоматически сменяют друг друга в каждой капиталистической стране, или же экономическая сущность наблюдающейся неравномерности развития носит совершенно иной характер? Мы утверждаем следующее: не в том центральная ошибка проф. Кондратьева, что он выставил положение о неодинаковости темпа роста производительных сил капиталистических стран в различные исторические периоды. Ошибка его в том, что он думает, будто эта неодинаковость выражает собой регулярную смену длительных кон'юнктурных фаз. Задавшись целью «исследовать смену темпов развития хозяйственной жизни в прошлом капитализма», он, исходя из обманчивой циклической видимости движения «больших волн цен», произвольно приписал неоднозначности темпа динамики материальных производительных сил механизм кон'юнктурного ритма и,—как это ни покажется странным,— полностью прошел мимо действительно существующей проблемы, разрешение которой надо искать в иной плоскости и связать со специфическим законом неравномерности капиталистического развития. Смутно сознавая, что существует какая-то неравномерность роста капиталистического производства в различные периоды для одной и той же страны и в одинаковые периоды для различных стран, он в насквозь искривленном виде отображает этот факт своей идеей последовательной смены цикловых оборотов полувековой продолжительности. Рассматривая процесс неравномерности развития капитализма по аналогии с процессом чередующихся фаз кон'юнктуры, он превращает крупные ступени неравномерной эволюции капитализма в переломные грани длительных цикловых фаз. Неудивительно, что общая эволюция капитализма растворилась в ритмических изгибах хозяйственного процесса. Исторические периоды склассифицированы, как периодические циклы. В действительности же, структурные мирохозяйственные сдвиги, приходившиеся на разграниченные им интервалы, различным,— подчас противоположным,— образом отражались на росте материальных масс продукции разных стран, и, следовательно, движение капиталистического процесса воспроизводства в соответствующие отрезки времени ни с национальной, ни с мировой точки зрения не обнаруживают типичной для кон'юнктуры смены темпов [1]. Действительно, существующая проблема неравномерности развития капитализма не поставлена. Зато капитализм, как растущая, трансформирующаяся и отмирающая система, исчез: осталась периодическая смена «больших циклов», наподобие вращения махового колеса в безвоздушном пространстве. И, быть может, нигде этот апологетический подход не сказался так сильно, как в оценке современного состояния мирового хозяйства. Проф. Кондратьев квалифицирует переживаемую нами стадию в мировом хозяйстве, как «вероятную (!!) понижательную волну». Но это—пустая фраза, в которой молча постулируется продолжение нормального капиталистического развития. В чем качественная особенность, своеобразие, неповторяемость современного этапа эволюции капитализма? Как в аспекте «больших циклов», понять, например, современное экономическое положение Англии? Если Англия свыше ста лет назад (после наполеоновских войн) также стояла под знаком депрессивной волны «большого цикла», как утверждает Кондратьев, то означает ли это, что общее хозяйственное положение

[1] «Плановое Хозяйство» № 8, стр. 169.

[1] На это последнее обстоятельство указывает Базаров в своей книге «Капиталистические циклы и восстановительный процесс СССР». «Плановое Хозяйство», 1927 г.

страны одинаково в обе эти эпохи? Проф. Кондратьев ответит нам: он знает, что мирохозяйственные позиции Англии глубоко иные сейчас, чем в первой четверти прошлого века. Еще бы! Кто этого не знает? Но ведь исходя из его концепции, надо сделать вывод, что мы имеем не бесповоротный надлом и органический кризис системы английского капитализма, а просто длительную депрессивную волну «большого цикла», которая автоматически сменится мощной очередной под'емной волной.

Несколько слов о прениях по докладу. Если не считать выступлений М. Подтягина и М. Игнатьева, которые пытались защитить не содержание концепции проф. Кондратьева, а его метод обработки статистических рядов, то все остальные выступления были направлены против основных положений автора «больших циклов». Особенное внимание заслуживает, несомненно, очень содержательный контрдоклад Д. И. Опарина. Расходясь с его положительными построениями (причины больших волн цен), мы считаем ценным и вполне убедительным большинство его критических аргументов. Правильны и метки возражения С. А. Фалькнера. Из марксистских выступлений наиболее удачны критические соображения В. Богданова, поставившего спор в плоскость принципиальных расхождений по вопросу о закономерности капиталистического процесса.

А. Герценштейн.

ОПЕЧАТКА:

Автором статьи «Капиталистический и социалистический путь развития крестьянского хозяйства и машинизация», напечатанной в № 15 «Большевика», является не А. Анисимов, как было напечатано, а М. Анисимов. *Ред.*

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 19 15 ОКТЯБРЯ № 19

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 8
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
„ПРАВДА“

Главлит № А—23840 Тираж 75.000
Типография газеты „Правда". Москва, Тверская, 48.

Ко всем членам московской организации ВКП(б).

Дорогие товарищи!

Развитие нашего народного хозяйства идет под знаком под'ема, под знаком роста производительных сил города и деревни, под знаком усиления социалистических элементов хозяйства.

Мы закончили процесс восстановления народного хозяйства. Мы вступили в период его реконструкции, в период непосредственного социалистического преобразования народного хозяйства на базе новой техники. Это преобразование немыслимо без все большего развертывания индустрии, как основы индустриализации страны. Лозунг индустриализации был и остается основным лозунгом социалистического строительства. Ключом же развития индустрии, а в известной мере и сельского хозяйства, является тяжелая промышленность, производство средств производства.

«Мы знаем,—говорит Ленин,—что спасением для России является не только хороший урожай в крестьянском хозяйстве,—этого еще мало,—не только хорошее состояние легкой промышленности, поставляющей крестьянству предметы потребления,—этого тоже еще мало,—нам необходима также *тяжелая* индустрия»...

«*Без спасения тяжелой промышленности*, без ее восстановления *мы не сможем построить никакой промышленности. Без нее же мы вообще погибнем, как самостоятельная страна*».

Но период реконструкции, период преобразования промышленности и сельского хозяйства на базе новой техники имеет в наших условиях свои особые трудности, которые вызывают иногда колебания в некоторых звеньях партии, но которые нужно преодолеть во что бы то ни стало, чтобы добиться успеха.

В отличие от капиталистических стран, мы подымаем нашу индустрию, как тяжелую, так и легкую, без притока средств извне (без займов от капиталистов), на основе своих собственных внутренних ресурсов, на основе совместных усилий рабочего класса и крестьянства нашей страны. Но развивать индустрию при нашей техниче-

ской отсталости таким темпом, чтобы не оказаться в хвосте у капиталистических стран, а догнать их на деле и потом перегнать их экономически, как учил партию Ленин,—невозможно без огромного напряжения сил и средств страны, без величайшей выдержки и железной дисциплины пролетарских рядов. Вставшие на этом пути трудности—напряжение наших материальных средств, явления товарного голода и т. п.—порождают некоторые колебания как отдельных прослоек рабочего класса, так и некоторых звеньев в самой партии. На этой почве вырастают иногда настроения в пользу пересмотра основного курса партии,—настроения снизить темп развития индустрии вообще, тяжелой в особенности. Вместо большевистского преодоления трудностей получается таким образом бегство от них. Эти настроения ведут к потере перспективы социалистического строительства и обнаруживают непонимание того, что снижение темпа развития тяжелой индустрии обозначало бы нагромождение новых еще больших трудностей в ближайшем будущем, существенно ухудшило бы материальный и культурный уровень рабочего класса и обрекло бы страну на тяжелую зависимость от мирового капитала. Отстаивая нынешний темп индустрии, партия исходит, между прочим, из того, что без систематического развертывания индустрии вообще, тяжелой индустрии в особенности, невозможно серьезное улучшение материально-культурного положения рабочего класса.

Но индустриализация страны не исчерпывается развитием одной лишь промышленности, легкой и тяжелой. Она означает вместе с тем развитие сельского хозяйства на новой технической базе, снабжение индивидуальных крестьянских хозяйств новыми орудиями производства, поднятие их урожайности, постепенное об'единение их в общественные, коллективные хозяйства, создание и развитие мощных совхозов.

Если нельзя развивать сельское хозяйство без промышленности, без сельскохозяйственных машин, без тракторов, без минеральных удобрений, то и промышленность не может развиваться в должной мере без усиления темпа развития сельского хозяйства, дающего для промышленности сырье и продовольственные продукты. Между тем, темп развития сельского хозяйства чрезмерно отстает от роста промышленности и с трудом покрывает растущие потребности страны, не обеспечивая достаточной сырьевой, продовольственной и экспортной базы. Это, конечно, не значит, что сельское хозяйство у нас деградирует, падает или натурализуется, ибо сельское хозяйство, в том числе и зерновое хозяйство, растет у нас из года в год, подымая свою урожайность. Но это значит, что нынешний темп роста сельского хозяйства стал для нас совершенно недостаточным.

Поэтому постепенное преобразование сельского хозяйства на базе новой техники и массового производственного кооперирования

крестьянства и усиление таким образом темпа развития сельского хозяйства является боевой задачей советского государства.

Встающие на этом пути огромные трудности естественно вызывают колебания в наименее устойчивых прослойках нашей партии. Эти колебания находят свое выражение в недооценке роли совхозов и колхозов и в стремлении к пересмотру решений XV с'езда партии об усилении наступления на капиталистические элементы деревни. Эти колебания обнаруживают непонимание того, что без преобразования сельского хозяйства на базе новой техники, кооперирования и коллективизма невозможно добиться мощного под'ема производительных сил деревни, освобождения миллионных масс крестьянства от нищеты и обеспечения победы социалистических элементов хозяйства над его капиталистическими элементами.

Эти трудности, связанные с разрешением основных задач реконструктивного периода в области промышленности и сельского хозяйства, усугубляются обострением борьбы империалистических государств против первого в мире пролетарского государства. Это находит свое выражение в новых попытках международной буржуазии помешать всеми мерами социалистическому строительству путем подготовки экономической блокады и нападения на СССР, посредством подкупа командного состава промышленности (шахтинское дело) и так далее.

Все эти затруднения, как и само развертывание социалистического строительства на нынешнем его этапе, приводят к росту активности и борьбы капиталистических элементов страны (нэпман, кулак, буржуазная интеллигенция) против политики пролетарского государства. На теперешнем этапе социалистического строительства, ведущего в конечном счете к уничтожению классов, происходит обострение классовой борьбы, с особенной резкостью проявляющейся в деревне. Партия в своей политике исходит и не может не исходить из учета обострения классовой борьбы в стране, в частности нашедшей свое выражение в серьезной вылазке кулацких элементов против хозяйственного плана пролетарского государства во время прошлогодних хлебозаготовок. Между тем, неизбежное давление мелкобуржуазной стихии, представляющей, несмотря на рост обобществленного сектора, все еще огромную силу в нашей стране, нашло свое отражение в потере отдельными звеньями партийных организаций ясной классовой установки. Еще в своем письме от 13 февраля ЦК вынужден был отметить, что:

«В наших организациях, как в партийных, так и иных, народились в последнее время известные, чуждые партии, элементы, не видящие классов в деревне, не понимающие основ нашей классовой политики и пытающиеся вести работу таким образом, чтобы никого

не обидеть в деревне, жить в мире с кулаком и вообще сохранить популярность среди «всех слоев» деревни».

В условиях обострения классовой борьбы эта недооценка роли классов в нашей стране является особенно опасной, ибо она обезоруживает партию и усыпляет бдительность рабочего класса.

Эта недооценка моментов классовой борьбы представляет собой открыто-оппортунистический уклон, лазейку для буржуазно-демократических тенденций.

Другой уклон, порождаемый неверием в дело строительства социализма и капитулянтством перед трудностями, это—недооценка значения союза рабочего класса со средним крестьянством (троцкизм).

Против обоих уклонов партия вела и ведет решительную борьбу. Как в своем февральском письме о хлебозаготовках, так и на своих апрельском и июльском пленумах ЦК подчеркивает необходимость решительной борьбы на д в а ф р о н т а против обоих уклонов.

«Партия в своей политике должна исходить из решительной борьбы как с теми элементами, которые являются выражением буржуазных тенденций в нашей стране и пытаются обойти решение XV с'езда «развивать дальше наступление на кулачество», так и с теми элементами, которые стремятся придать чрезвычайным и временным мерам характер постоянного или длительного курса и тем поставить под угрозу дело союза рабочих и основных масс крестьянства» (см. резолюции июльского пленума ЦК ВКП(б).

Ибо только на основе укрепления союза рабочих и крестьян, п о д р у к о в о д с т в о м р а б о ч е г о к л а с с а, можно завершить победоносное социалистическое строительство.

Поэтому так же решительно, как боролась партия против троцкизма и будет бороться против его осколков, она должна и будет бороться против открыто-оппортунистического правого уклона, а значит и против примиренческого к нему отношения.

В этой борьбе партии против уклонов от генеральной большевистской линии, в том числе и против правого уклона, московская организация была и остается в первых рядах партии. Она была и остается твердой опорой ЦК в деле защиты и решительного проведения большевистской ленинской линии нашей партии. Она дала сокрушительный отпор троцкистской оппозиции, преодолев идейные шатания отдельных своих прослоек. Как до XV с'езда партии, так и сейчас московская организация во главе с Московским Комитетом стоит целиком и полностью на линии партии, неуклонно борясь против всяких искривлений общепартийной линии. Выросшая политически, воспитанная в большевистских традициях, московская организация проявляла и проявляет величайшую чуткость и требовательность в отношении принципиальной выдержанности партийного руководства, давая решительный отпор всяким попыткам затушевать общепартийную установку.

Правда, отдельные члены МК и руководители некоторых районов проявили за последнее время известную неустойчивость и колебания в деле борьбы с правыми уклонами от ленинской линии, допустив неприемлемое для большевистской партии примиренческое отношение к этим уклонам. Этим обстоятельством и было вызвано недавно недовольство известной части партийного актива московской организации, которое было направлено на исправление подобного рода ошибок. Недовольство это началось после сентябрьского пленума МК и МКК, в резолюции которого не нашли ясного отражения решения VI конгресса Коминтерна и пленума ЦК о борьбе с правыми уклонами и примиренческим отношением к ним.

Однако, ЦК устанавливает, что МК уже принял все необходимые меры для исправления допущенных отдельных ошибок, что нашло свое выражение в письме МК от 2 октября.

ЦК заявляет, что МК в целом и его руководящее ядро проводил и проводит линию партии и безоговорочно осуществляет решения ее органов.

ЦК отметает разговоры о том, что МК противопоставляет себя Центральному Комитету партии, как не соответствующие действительности.

ЦК выражает поэтому твердую уверенность, что борьба московской организации, имевшая место за последнее время, будет немедленно ликвидирована.

ЦК призывает всех членов московской организации обеспечить полное единство большевиков на основе общепартийных решений и соответствующего письма МК о перевыборах бюро ячеек.

ЦК уверен, что перевыборы бюро ячеек и подготовка к партийным конференциям пройдут в спокойной товарищеской обстановке, под знаком широкого развертывания самокритики и мобилизации всей партийной и рабочей массы вокруг основных лозунгов нашей партии.

З а б е з у с л о в н о е с о х р а н е н и е н ы н е ш н е г о т е м п а р а з в и т и я и н д у с т р и и!

З а м а с с о в о е к о о п е р и р о в а н и е и с о ц и а л и с т и ч е с к о е п р е о б р а з о в а н и е д е р е в н и!

З а с о ю з р а б о ч и х и д е р е в е н с к о й б е д н о т ы с о с р е д н и м к р е с т ь я н с т в о м н а о с н о в е о б е с п е ч е н и я р у к о в о д я щ е й р о л и р а б о ч е г о к л а с с а!

З а п о д ' е м м а т е р и а л ь н о г о и к у л ь т у р н о г о у р о в н я р а б о ч е г о к л а с с а и т р у д я щ и х с я м а с с д е р е в н и!

П р о т и в к о л е б а н и й и ш а т а н и й в п о л и т и к е, з а т в е р д о е л е н и н с к о е р у к о в о д с т в о!

З а с п л о ч е н н о с т ь и б о л ь ш е в и с т с к о е е д и н с т в о м о с к о в с к о й о р г а н и з а ц и и!

18 октября 1928 г.

Л. Каганович.

Политические задачи кампании перевыборов в советы[1]).

Выборы в стране советов и в буржуазных странах.

Перевыборы в условиях диктатуры пролетариата—первая ступень и самая широкая форма вовлечения широчайших масс трудящихся в государственное строительство. И не случайно кампания оживления советов, развернувшаяся в 1924—25 г., практически началась в ряде губерний с отмены неправильных выборов в советы и назначением их перевыборов, на основе постановления ЦК. Не случайно потому, что нельзя было говорить об оживлении советов, не поставив резко вопрос об изменении самих методов перевыборов в советы, как первом реальном и ощутительном шаге в деле оживления советов. Назначенные тогда перевыборы вызваны были не только тем, что в ряде мест были допущены отдельные частные ошибки, а и тем главным образом, что ошибки, недостатки и абсентеизм, понизивший тогда в некоторых местах участие избирателей в выборах до 15—20%,—все это было связано с коренными недостатками самой работы советов и с недостатками практического руководства крестьянством.

Поэтому сейчас, говоря об избирательной кампании, мы естественно должны останавливаться на вопросе о работе самих советов.

Вся система и практика выборов не только у нас, но и в буржуазных странах, есть неотделимая часть всей системы данного государства; выборы (и система и практика) должны вести и всегда ведут к укреплению классового господства и аппарата этого классового господства — государственного управления.

Выборы в буржуазной стране целиком соответствуют самой буржуазной системе и целям управления: задаче правящего буржуазного класса—укрепить свое господство, обмануть широкие народные массы и обеспечить «большинство» для той буржуазной клики, которая управляет страной.

Буржуазное государство по своему существу стоит над массой, между управляемыми и управляющими лежит непроходимая пропасть.

Задача буржуазной демократии, а следовательно, и буржуазных выборов заключается в том, чтобы создать фикцию участия масс в государственных делах путем избирательного бюллетеня. Через этот бюллетень граждане данной страны, якобы, принимают участие в разрешении государственных дел этой страны. Но как только прошел день выборов, как только избиратель опускает свой бюллетень в ящик, даже эти его иллюзорные функции кончаются. Избранный депутат совершенно отрывается от избирателей. Оторванный от масс депутат, выбранный в муниципалитет или парламент, стоит над этими гражданами так же, как и весь буржуазно-чиновничий аппарат государственной власти.

Я не говорю уже о подкупах, подлогах и прочих преступлениях, являющихся системой избирательной борьбы буржуазных партий. Здесь можно

[1]) Настоящая статья представляет сокращенную и переработанную стенограмму докладов автора на эту тему в Институте советского строительства, и на Всесоюзном совещании по перевыборам в советы.

было бы привести колоссальнейшее количество исторических примеров, фактов и иллюстраций, но я не буду затруднять ими.

Коренное различие представляет собой советская государственная система. Наше государство и наш аппарат государственного управления основаны на самодеятельности миллионов пролетариев и идущих за пролетариатом крестьян. Наш аппарат государственной власти по самой природе своей сливается во всех своих звеньях с избирателями, с массами. В наших условиях,—здесь я повторяю сказанное вначале,—выборы в советы есть первая и самая широкая форма вовлечения масс в государственное строительство. Их участие в управлении государством начинается именно с выборов в советы. Сама роль и значение советов, как органов государственного управления, определяет и нашу систему выборов, коренным образом отличающуюся от системы выборов буржуазии. Наша избирательная система развивает активность избирателей не только по линии участия в голосовании, но и путем решающего участия в обсуждении деятельности советов и в определении линии этой деятельности на будущее время во всех областях государственного управления и государственного хозяйствования и выдвижении новых пролетарских кадров для управления страной.

Вовлечение масс в работу советов.

Война неизбежно приводила к известному свертыванию советской демократии. Начало нэпа поглотило все наше внимание на восстановление хозяйства, восстановление в нем элементарных связей, на уничтожение голода и ужасающей нищеты, бывшей тогда у нас. Активность масс в начале нэпа была направлена главным образом на то, чтобы самим подкрепиться и оправиться физически.

Только в конце 1924 г. и в начале 1925 г., когда созрели необходимые хозяйственные, политические и культурные предпосылки, партией во всей остроте был поставлен вопрос об оживлении деятельности советов, об изменении практики командования, зажима, навязывания кандидатов при выборах, которая ранее наблюдалась.

Добились ли мы на этом пути известных успехов и достижений?

Безусловно, добились.

Перечислять здесь все наши достижения вряд ли нужно. Кампания оживления советов тогда была развернута нами не только в разрезе практической кампании, но и как кампания политическая, преследующая цели укрепления союза рабочего класса с крестьянством, улучшения форм руководства крестьянством, как кампания, приближающая нас к практическому осуществлению основной идеи Ленина о строительстве нового государства,—идеи постепенного сближения, слияния управляемых с управляющими, — такого слияния, при котором мы имели бы постепенное уменьшение постоянно действующего платного «чиновничьего» аппарата, с усилением государственных общественных функций избирателей, с увеличением участия в государственном управлении рабочих и крестьян, работающих на производстве.

Оживление советов имело и имеет именно эту основную задачу. Вернее, перед нами стояли две связанные между собой основные задачи: политическое укрепление диктатуры пролетариата и руководства пролетариата крестьянством, а с другой стороны, вовлечение широчайших масс в государственное управление.

Мы на этом пути добились известных достижений: создания секций, о которых мы так много писали, участия секций в обсуждении ряда вопросов, упорядочения заседаний советов, большей активности депутатов, увеличения количества избирателей на выборах и уменьшения абсентеизма,—мы имеем безусловно большие и серьезные достижения. Эти достижения являются не

только формальными достижениями, они являются достижениями и по существу. Но было бы непростительно нам, большевикам, никогда не боявшимся того, что враг использует нашу собственную критику (а враг ее уже использует и не только враг открыто классовый, но и ставшие в положение врагов диктатуры пролетариата троцкисты и сапроновцы),—было бы непростительным со всей резкостью не сказать сейчас, что в деле оживления советов, в деле проведения избирательной кампании и самих выборов мы еще не полностью достигли желаемого.

Конечно, причин этому имеется много.

Одной из крупнейших и важнейших причин является наш культурный уровень, который, как говорил Ильич, никакому закону не подчинишь. Имеется и ряд других факторов: недостатки нашей практической работы, зависящие часто от нашей собственной воли, от нашего напряжения в работе и т. п., факторов, мешающих активному, более решительному проведению курса оживления советов и улучшению проводимой кампании перевыборов.

Основным недостатком в работе советов является то, что советы еще не развернули в достаточной степени свою силу, как органов власти, что и оживление деятельности советов и кампания выборов часто понимаются у нас, как обычная кампания Осоавиахима и т. д. Ничего худого в Осоавиахиме нет (я стою за Осоавиахим), но это один тип массовой организации, а советы—государственная власть.

О практической работе советов.

В практической работе советов—с точки зрения участия в ней депутатов, их роли и роли советов в разрешении практических вопросов—мы наблюдаем огромные недостатки. У нас подчас чиновник того или иного наркомата имеет большее значение, чем выборный депутат совета. А ведь совет—это высший орган власти и в селе и в городе; ему подчинен ряд предприятий, он должен наблюдать за всей жизнью: и производственной, и культурной, и административной, и политической. Депутат, как частица этого совета, должен играть в этих функциях совета огромную роль, но он, к сожалению, этой роли еще до сих пор не играет.

Мы должны поднять авторитет избирателя, как источника власти, депутата, как проводника его воли, и совета, как коллективного выразителя воли своих избирателей. И потому при перевыборах советов нам нужно заострить внимание именно на этой стороне дела.

Нам нужно еще заострить вопросы революционной законности. Мы в 1924—25 году подняли жестокую кампанию против нарушений революционной законности. Совещанием по советскому строительству принято даже специальное постановление. Но мы должны неустанно за нее бороться, ибо стоит приостановить эту борьбу хотя бы на день, месяц или два, как некультурность, малограмотность, грубость, пьянство, элементы разложения и воздействия враждебных пролетариату классов (кулака и нэпмана) приводят вновь к возрождению извращений революционной законности. Я мог бы проиллюстрировать вам это на ряде примеров. Имеют место факты, если и не такие яркие, как, скажем, Лудорвайское дело, то все же достаточно серьезные: грубость и произвол в деревне и пр. Мы должны линию революционной законности в эту избирательную кампанию особенно усилить, особенно ее проводить и вести за нее неустанную борьбу.

Недавно ездила под председательством тов. Киселева комиссия в Семипалатинскую губернию и обнаружила ряд безобразнейших явлений. Если в отношении Центральной России, в отношении Украины и ряда других мест мы говорим об оживлении в них деятельности советов, то в отношении ряда

национальных районов надо говорить о создании советов. Это хотя и печальный, но неоспоримый факт. Например, та же комиссия тов. Киселева в Семипалатинске и Казакстане обнаружила ряд безобразнейших явлений и извращений: старые полицейские чиновники работают в советских аппаратах, стоят во главе сельских советов, волостных исполкомов и т. д. (Само собой разумеется, что это не типичное явление для всего Казакстана).

Вывод из этого следующий: то внимание к низовому сельскому аппарату, которое мы уделяли до сего времени, недостаточно, надо уделять ему большее внимание, чем мы уделяем, особенно в последний период.

Наибольшее внимание надо обратить на то, чтобы в практической работе советов была связь с классовой политической линией партии, и это в первую очередь должно найти отражение во время наступающих перевыборов.

Сейчас совет на селе играет большую роль не только фискальную, не только в отношении налогов, но и в хозяйственном отношении: ему, например, постоянно приходится иметь дело с вопросами о том, кому передать в аренду землю и т. д. Часто борьба разгорается между крестпомом (беднотой) и кулаком, а сельсовет становится на сторону кулака. Есть десятки и таких фактов, когда ряд служебных лиц не только сельсоветов, но подчас и райисполкомов, оказывается в тесной связи с кулаками: приезжают на село, заезжают к кулаку, с ним пьянствуют, а после, естественно, делают для него его же дела. Конечно, я не считаю эти явления типичными для всего нашего советского аппарата. Наоборот, я считаю, что нельзя сравнивать нынешнее состояние нашего советского аппарата с тем, что было в 1923—24 году. Но в то же время я полагаю, что мы с вами должны сознательно заострить чутье и внимание всей партии и беспартийных на борьбе с такими явлениями, потому что они приводят к тому, что сто хороших дел смазываются одним плохим делом. Вот почему мы должны здесь, на этом фронте вести неустанную борьбу, работать, не покладая рук и не вешая головы.

Наша задача в том и состоит, чтобы в работе советов и во время избирательной кампании мы заострили все внимание на борьбе с произволом и бюрократизмом—и борьбе не только методами устранения того или иного случайно попавшегося чиновника, а борьбе более широкой, более массовой, путем большего вовлечения масс через советы в государственное строительство, выдвижения большего кадра новых людей, новых работников. А о чем, напр., говорят данные по Вотской области? Оказывается, что там в окрземуправлении сидели бывшие офицеры, заядлые враги советской власти, пролетариата и крестьянства. Спрашивается, почему же не были выдвинуты сюда рабочие и крестьяне? Почему не посадили сюда 100, а по всему Союзу тысячи новых кадровиков, которые у нас, несомненно, уже имеются, уже подросли? Теперь мы можем и должны это сделать.

Я не буду задерживать ваше внимание на оппозиционных глупостях. Оппозиция достаточно наболтала по вопросу об оживлении советов, утверждая, что оживление советов есть такое оживление демократии, которое имеет классово-вредный для нас характер; она твердила о «затоплении нижних этажей» и т. д. Но жизнь совершенно разбила эти оппозиционные утверждения.

В прошлые перевыборы была усилена роль пролетариата и бедноты, усилена активность бедноты и батрачества на перевыборах (хотя по сравнению с беднотой батрачество все же отставало).

Смешно и глупо толкование оппозицией оживления советов, как такого расширения демократии, которое меняет характер нашего государства, ибо кулака мы не пускаем ни в какие этажи—оставляем для него «подвалы»—

никакого «затопления нижних этажей» мы не допустим, с кулаком вели и будем вести борьбу и от этого не отступим, какие бы трудности у нас ни были.

Наш лозунг оживления советов мы противопоставляем кулацкому лозунгу о т. н. «крестьянском союзе». Наше оживление советов есть Ленинский лозунг, им выдвинутый с той целью, чтобы это оживление привело к переделке нашего государственного аппарата и к улучшению пролетарского руководства крестьянством.

Недостатки работы советов и выборы.

Недостатки работы советов наиболее резко сказываются при выборах.

Взять, например, такой коренной и важный вопрос, как отчеты и наказы. Ведь, деловое и деятельное обсуждение избирателями отчетов и составление наказов—это, собственно, вся программа прошлой и будущей деятельности государственной власти. Что же мы наблюдаем в отчетной кампании? Как она у нас проводится? Касаться чисто технически-практических и организационных недостатков не буду.

Мы провели большую работу по оживлению советов и, с точки зрения формальной, выполнили ее не плохо: и секции есть, и в ряде советов, особенно городских, они не плохо работают, но отчетная кампания прошлого года была показателем недостаточности проведенного оживления советов.

Повторяю, оживление советов — это форма приближения аппарата к массам, усиления участия масс в управлении и приближения нашего государства к государству-коммуне; следовательно, при перевыборах нам нужна не форма регистрации процента поданных голосов избирателей—не это одно нам важно, а все существо, и таким существом прежде всего является активное участие избирателей в государственных делах при перевыборах.

Прошлые перевыборы советов показали, что, хотя процент участия избирателей при выборах сильно увеличился, поскольку мы начали практиковать систему повесток, поскольку мы вообще развернули работу по приближению масс к перевыборам, увеличивая количество участников, — все же процент участников при отчетных кампаниях продолжает быть очень маленьким, а в ряде мест этот процент совсем ничтожен. При советской системе избиратель должен не просто притти и проголосовать бюллетенем или рукой, а избиратель должен активно участвовать в обсуждении деятельности советов, органов государственной власти, исправлять их недостатки и недочеты. Ведь не для формы мы приглашаем массы к участию. Мы приглашаем их потому, что советскому государству по самой его природе нужна проверка сотен, тысяч, миллионов людей. Вот этой проверки, проверки по существу, к сожалению, мы, как показал опыт прошлой отчетной кампании, не имели. Возьмите вы и посмотрите, как готовятся у нас к отчетам советов, как у нас их проводят.

Как составляются у нас отчетность и наказы?

В значительной мере или как чисто «агитпроповский» документ, или как узко-практическое собрание предложений «с бора да с сосенки». Нужно, чтобы отчетность и наказы составлялись и прорабатывались, как акты государственного управления страной. Мы не ошибемся, если скажем, что, когда губисполком и горсовет пишут докладную записку, чтобы получить немного денег по смете или дополнительно к смете, когда они пишут докладную записку в Госплан или другой орган,—они пишут ее более тщательно, более обоснованно, чем составляют свой отчет для избирателей. Нельзя сказать, что это всюду и везде, есть места, где к этому делу подходят внимательно, но надо сознательно заострить этот вопрос, чтобы поставить его во всей широте на обсуждение самих советов и избирателей.

Если таково положение в ряде губисполкомов и горсоветов, то можно себе представить, что делается в отчетную кампанию в ряде сельсоветов.

Где же партийные организации, как решающая активно действующая сила, где профсоюзы? Они не обсуждают отчета-наказа по существу, и поэтому он и не становится решающим документом в работе советов.

Ведь совершенно ясно, что партия является основным стержнем всей нашей общественности советской, партийной и т. д. А отчеты советов и исполнительных комитетов, проводятся ли они через открытые собрания ячеек? Конечно, не обязательно, чтобы на собраниях ячеек обсуждалась вся отчетность, ибо она обсуждается на собраниях рабочих, но ячейки, как таковые — участвуют ли они в обсуждении по существу отчетов советов, наказов и в их составлении?

Надо, чтобы вся партийная организация участвовала в обсуждении отчетов и наказов, а не выхолащивала их существо, превращая их в чисто «беспартийное» обсуждение. Уж очень мы ударяемся в слишком «высокую» политику, забывая, что сочетание, например, местного бюджета с общими мероприятиями партии и правительства — это и есть высокая политика, а в ней участие парторганизаций, профсоюзов и широких масс очень слабо. Слишком уж мы сосредоточиваемся только на том, чтобы провести тех или иных кандидатов, а между тем главное не только в том, кого провести, а весь вопрос в том, как провести, как проведенного в совет связать с массами, как научить его работать, активно участвовать в управлении своим государством.

Нам надо на выборах поднимать политический уровень и избирателей и выбранных, поднимая вместе с тем и уровень власти, идущей к избирателям с отчетом. Надо самим советам усилить работу по проведению избирательной кампании, ибо нельзя выбирать советы без самих советов.

Нынешнюю избирательную кампанию мы будем проводить в условиях самокритики, поэтому в отчетах должно заострить ряд практических вопросов нашей работы. Когда мы идем с отчетом к избирателю, мы идем к нему, как к законодателю, как к источнику власти; это не то, что заслушали какой-нибудь общий доклад и этот общий доклад покритиковали. Отчет совета надо так критиковать и так развернуть прения по этому отчету, чтобы были даны практические указания для исправления недочетов и программа на будущее.

А возьмите вы наши наказы!

Надо сказать, что, во-первых, наказы, например, 1927 г. не намного отличаются от наказов 1924—25 г., во-вторых, наказы обычно составляются, либо как агитка, либо узко практически.

Как составляют план? Есть губплан, окрплан, и в горсоветах разрабатываются планы коммунального хозяйства и т. д.; когда составляется план в хозяйстве, то этот план обсуждается со всей тщательностью. А к наказу почему-то установилось совершенно иное, я бы сказал, слишком легкое отношение.

Каким должен быть наказ? Каким должен быть, идущий к избирателю отчет?

Он должен быть таким, чтобы избиратели по существу обсуждали результаты прошлой деятельности, практически выявляли недочеты и намечали план будущей деятельности.

Конечно, это вовсе не означает, что мы должны сводить уровень наказа, уровень выборов до уровня мелких текущих дел типа земских выборов прошлого времени, до уровня только бани или прачечной. Но все искусство большевиков, все искусство партии и политических руководителей должно заключаться в том, чтобы соединить вопросы строительства бани и прачечной с основными вопросами нашей политики, с основной линией нашей партии.

Уметь это соединить — вещь очень трудная. Поэтому над наказами, которые должны быть руководящими в работе совета на год, на два—до будущих выборов—нужно работать более политически, более деловито и основательно, а не мимоходом, либо погрузившись в узко-практические вопросы и забывши большие политические задачи, либо плавая по поверхности общих агитационных фраз. Надо всей нашей партийной организации на отчетных избирательных собраниях участвовать в обсуждении наказов и отчетов по существу. А иначе у нас получается, что член партии иногда думает: «Я на партийном собрании поговорю о контрольных цифрах и проч., а когда будет отчет совета, исполкома, когда будет приниматься наказ, пусть это делают беспартийные». В результате, выпадает самая активная, передовая часть при обсуждении этого вопроса. Вместо того, чтобы партиец был водителем, был авангардом, был инициатором постановки ряда конкретных, практических вопросов, он при обсуждении этих вопросов молчит и тем изолирует себя. Благодаря этому мы на ряде собраний избирателей имеем выхолащивание политического и делового содержания отчетов и наказов и их обсуждения.

Возьмите вопрос о системе выдвижения кандидатов; в этом отношении мы имеем значительное улучшение: у нас увеличилось количество беспартийных, налицо безусловное улучшение советской демократии — нет того произвола, назначенчества, которые были в 1921—22—23 г. Это совершенно бесспорно. Но на будующее время можно и должно здесь внести дальнейшие улучшения. Можно и нужно изменить самый способ выдвижения кандидатов: мы должны выдвигать кандидатов, больше прислушиваясь к мнению беспартийных о них. Мы должны придать этим кандидатам больший удельный вес, чтобы депутат сам по себе имел больший удельный вес в массах.

Подробно останавливаться на вопросе о соотношении коммунистов и беспартийных в советах не буду. Думаю, что здесь в основном мы уже нащупали правильную линию.

После оживления советов белогвардейцы особенно сильно напирали и раздували тот факт, что у нас уменьшился процент коммунистов в советах. Они никак не могут себе уяснить, что партия совершенно сознательно пошла на то, чтобы вовлечь новый беспартийный крестьянский и рабочий актив в советы. Отсюда вовсе не следует, что мы будем доводить эту линию до абсурда, что мы пойдем на дальнейшее уменьшение процента коммунистов. Мне кажется, что процент, которого мы достигли, является правильным соотношением, ниже которого спускаться не следует как по городским, так и по сельским советам, а в ряде советов количество коммунистов и комсомольцев полезно повысить, конечно, при правильном руководстве, без административного давления.

От работы советских органов и партийных организаций будет зависеть, пройдут ли выборы бюрократически, механически, когда работает аппарат и небольшая верхушка, или как массовая политическая кампания, т.-е. так, как нам это нужно. Вот почему мы, говоря об избирательной кампании, еще и еще раз подчеркиваем задачу улучшения работы советов, как массовой организации.

Генеральная проверка и борьба с бюрократизмом.

Перевыборы — генеральная проверка работы советов, работы всего госаппарата и даже руководства партии. Нужно добиться, чтобы эта проверка не ослабила, а усилила наше государство, усилила и популяризовала и линию партии в массах, вскрыла бы все болезни, мешающие успешно строить социализм и улучшать положение масс.

Советы, руководимые нашей большевистской партией, во всех успехах пролетарской борьбы и строительства в нашей стране сыграли решающую роль. Советы оказались наилучшими организующими центрами всех боевых и творческих сил пролетариата, сумевшего через советы и благодаря им легче всего осуществить свой союз с крестьянством. Советы не только разрушили старый аппарат государственного управления, но и сами оказались наилучшей формой нового государственного аппарата, вовлекающей миллионы трудящихся в государственное управление страной. Остатки прошлого, трудности переходного периода — экономические и культурные— и особые трудности периода гражданской войны возродили в значительной мере в этом новом советском государственном аппарате в новой форме одного из вреднейших врагов пролетариата — бюрократизм, громоздкость аппарата, элементы преступно - невнимательного отношения к нуждам масс, факты извращения классовой линии партии, тормозящие дальнейшее успешное вовлечение пролетарских и трудящихся масс в наше социалистическое строительство.

Оживление деятельности советов и полное восстановление советов, как наилучшего, единственного центра вовлечения масс в государственное строительство, и были задачами нашей партии в борьбе с тем злом. Партия и советы на этом пути добились значительных успехов, но они (успехи) еще недостаточны, особенно в сопоставлении с размахом и потребностями нашего социалистического строительства, наталкивающегося в условиях нэпа на бюрократизм, подрывающий наши достижения. И для успешной борьбы с бюрократизмом мы больше, чем когда-либо, должны усилить проведение в жизнь мер, указанных программой нашей партии:

> «Ведя самую решительную борьбу с бюрократизмом, ВКП отстаивает для полного преодоления этого зла следующие меры:
>
> 1) Обязательное привлечение каждого члена совета к выполнению определенной работы по управлению государством.
>
> 2) Последовательную смену этих работ с тем, чтобы они постепенно охватывали все отрасли управления.
>
> 3) Постепенное вовлечение всего трудящегося населения поголовно в работу по управлению государством.
>
> Полное и всестороннее проведение всех этих мер, представляя собой дальнейший шаг по пути, на который вступила Парижская Коммуна, и упрощение функций управления при повышении культурного уровня трудящихся, ведут к уничтожению государственной власти».

Последовательное проведение в жизнь этих пунктов и есть осуществление идей Маркса—Ленина о государстве-коммуне.

Под таким углом зрения мы и должны провести ближайшую избирательную кампанию.

В особенности необходимо подчеркнуть право отзыва депутатов, которое у нас, к сожалению, за последние годы слабо применяется избирателями, а там, где оно применяется, применяется механически. Отзыв депутата есть наиболее яркое выражение пролетарского демократизма нашего государства, ответственности депутатов перед избирателями. Усиление активности избирателей, подтягивание своих депутатов, усиление чувства ответственности депутатов перед своими избирателями,—вот одна из важнейших задач, которая должна быть заострена в нынешнюю перевыборную кампанию.

Перевыборы советов должны дать новые пополнения кадров строителей пролетарского государства из лучших пролетариев, бедноты, батраков, середняков, партийных и беспартийных. А выдвижением новых сотен тысяч новых строителей и руководителей, вовлечением миллионных масс в государ-

ственное и хозяйственное управление,— мы сумеем успешней строить социализм, улучшать государственный аппарат и бороться с кулаком и нэпманом и их союзником — бюрократизмом.

О нашей платформе к перевыборам.

Мы должны на практической деятельности наших советов, проводимой на основе ленинской линии нашей партии, мобилизовать массы, сплотить их еще теснее вокруг нашей партии.

Мы не идем на выборы с крикливыми многообещающими фразами и платформами, чем особенно отличаются выборы в буржуазных странах и чему так ловко уподобились троцкисты. У нас не буржуазная власть, которой бы мы пред'являли оппозиционные требования. У нас интересы масс и интересы государства одни и те же. Поэтому постановка вопроса об избирательной платформе у нас коренным образом отличается от постановки вопроса о платформе в буржуазных странах. Там, во-первых, буржуазия и радикальные социал - оппортунистические партии ловят голоса избирателей, обманывая их и давая широковещательные надувательские обещания. Коммунисты же противопоставляют там классовые требования пролетариата буржуазии и буржуазному государству. Коммунистические платформы — резко оппозиционны существующему режиму, требуют коренного изменения, и ряда таких на данной стадии революционных изменений, которые были бы ощутительны для пролетариата. Но основная задача наших зарубежных компартий при перевыборах заключается, конечно, не в том, чтобы надеяться, что путем такой платформы, путем выборов они смогут изменить существующий буржуазный строй, а в необходимости разоблачить существующий строй капиталистической диктатуры, разрушить иллюзии демократии, еще существующие у рабочих, вызвать у них решимость бороться за диктатуру пролетариата, за свержение буржуазии.

Совершенно иное положение и прямо противоположные задачи у нас.

Государство у нас пролетарское, производственные отношения совсем иные, благосостояние масс наших избирателей зависит от общего роста социалистического хозяйства и укрепления советского государства и т. д., и т. п., и естественно, что пролетариат, как господствующий класс, не может выдвигать таких требований, которые противоречат существующему строю пролетарского государства, ибо политика и все усилия советского государства направлены на улучшение положения рабоче-крестьянских масс.

Поэтому наша избирательная кампания в основном сосредоточена, с одной стороны, вокруг вопроса переделки и улучшения государственного аппарата, вовлечения масс в государственное управление страной, с другой — вокруг вопросов под'ема социалистического хозяйства, в первую очередь индустриализации страны и дальнейшего улучшения на основе этого материальных и культурных условий жизни трудящихся.

Конечно, ассигновав значительные суммы на капитальное строительство при отсутствии какой бы то ни было поддержки извне, мы не можем с такой быстротой, как этого нам хотелось бы, улучшать положение рабочих и крестьян. Поэтому иногда приходится слышать из уст наименее сознательных, отсталых групп крестьян и даже рабочих: «Какая - де нам польза от роста социалистического хозяйства и от индустриализации страны». Мы должны приложить все силы к тому, чтобы на основе фактов и цифр доказать самым отсталым рабочим и крестьянам неправильность таких взглядов с точки зрения интересов пролетариата, с точки зрения укрепления завоеваний Октябрьской революции. Во всяком случае, партия и передовые пролетарии и крестьяне не должны плестись в хвосте таких взглядов, а, наоборот, должны вести за собой эти наиболее отсталые слои.

Несмотря на трудности, которые нам приходится сейчас переживать в области снабжения, в области темпа повышения зарплаты, в области жилищного строительства, в области облегчения положения бедноты и середнячества, мы все же не должны становиться в позу хныкающих и жалующихся на «судьбу», ибо, несмотря на вышеуказанные трудности, мы приходим к рабочим и крестьянам в общем с положительным балансом и в области экономики, и в области положения самих масс.

Взять хотя бы к примеру наш бюджет. Общегосударственный и местный бюджет за последние годы колоссально возросли. Рост же бюджета,— это наиболее яркий показатель роста хозяйства и роста материального благосостояния масс. Весь прирост бюджета за последние годы направлен по двум линиям—по культурной и хозяйственной. Особенно отрадно то, что в структуре бюджета мы уже имеем соответствующие изменения; растет удельный вес бюджета горсоветов, волисполкомов, т. - е. непосредственно местных, низовых органов власти; в составе бюджета заметно уже уменьшение удельного веса административных расходов и повышение удельного веса культурно - бытовых и хозяйственно - производственных расходов; налог все больше и больше превращается в базу местных бюджетов, переводится на местные рельсы и т. д.

Рост же бюджета дает наилучшую базу для оживления деятельности советов для борьбы с нищетой. Мы только должны суметь поставить этот бюджет перед массами в живом виде, вовлечь массы в обсуждение по существу его приходов и расходов, не ограничиваясь общими фразами «вообще» о бюджете. Надо не ограничиваться только об'яснением положительных сторон нашего роста, стремясь показать достижения в лучшем свете, а притти к своему избирателю, к своему родному классу, вскрывая со всей правдивостью все наши недочеты, недостатки и извращения во всех областях нашего строительства: и в больших государственных делах, и в конкретных малых делах, ударяющих по рабочему и крестьянину.

Мы имеем уже положительные итоги в деле проведения в жизнь прошлогоднего манифеста ЦИК, все более расширяется круг применения 7-часового рабочего дня. Несмотря на неурожай в отдельных районах, мы выходим уже сейчас из хлебных затруднений, за этот год гигантски возросла хозяйственная помощь пролетарского государства крестьянству, особенно семенная помощь, освобождено 35% бедняцких хозяйств от налога, все больше расширяется колхозное и кооперативное строительство в деревне, расширяется жилищное строительство для рабочих. Все это надо перед массами показать наглядно и живо в цифрах, фактах.

Конечно, эти успехи нас не могут удовлетворить. Мы отстаем в удовлетворении гигантски выросших потребностей масс, отстаем благодаря нищете, благодаря бедности нашего государства. На выборы можно было бы притти с многообещающей громкой платформой, с лозунгами большего повышения заработной платы, снижения налога и т. д. Но наша большевистская партия не уподобится парламентским партиям буржуазной Европы, развращенным буржуазной демократией, меньшевикам и эсэрам, выступающим с многообещающими платформами, а потом плюющих и на эти платформы и на избирателей. Мы идем к своему избирателю со всеми нашими радостями по случаю достижений и со всеми горестями по случаю недостатков, не смущаясь, не стыдясь, не защищаясь, как виноватые, а смело, твердо по-пролетарски вскрывая наши недостатки.

Мы должны перед рабочим классом и крестьянством развернуть свою положительную программу строительства и улучшения положения масс, намеченных партией и советской властью. Не блуждание в поисках каких-то новых путей, а проверка через многомиллионные массы, намеченных партией и советской властью мероприятий и глубокая разработка, на основе учета

предложений избирателей, мероприятий для успешного продвижения по намеченному пути. А путь этот—наша программа, это прежде всего дальнейшее развертывание индустриализации страны, под'ем и развитие тяжелой индустрии, дальнейшее энергичное осуществление ленинского плана развертывания кооперирования, об'единение бедноты в коллективные хозяйства и организация крупных хлебных фабрик, совхозов. И какие бы трудности перед нами ни стояли—не отступать от этого пути. Трудности же есть и будут.

Особое место должна занять наша работа по поднятию урожайности крестьянского хозяйства. Можно прямо сказать, если мы сумеем на избирательных собраниях направить активность рабочих по линии улучшения производства, рационализации производства и управления промышленностью, если на крестьянских избирательных собраниях мы направим активность на вопросы поднятия урожайности, развертывания агрикультурных мероприятий, на организацию колхозов, артелей по общественной обработке земли, машинных товариществ,—если мы сумеем перед крестьянством поставить во всей остроте перспективу, что десятина, дающая в настоящее время 40—50 пудов, может при правильной постановке хозяйства дать 75—100 и выше пудов, если мы наметим план действий советов в этой области, то я убежден, что избирательная кампания нас укрепит не только политически, но и хозяйственно, укрепит союз пролетариата с крестьянством и совместную работу бедноты и батрачества с середняком, и мы сумеем на этой почве легче всего разбить вдребезги наступление кулака.

Между прочим должен сказать, что в этом отношении особенную помощь должна оказать избирательной кампании кооперация, которая, к сожалению, на предыдущих избирательных кампаниях не была втянута, как активно-действующая сила. Мы должны в эту избирательную кампанию усилить роль и значение кооперации, ее помощь в деле проведения избирательной кампании.

Само собой разумеется, что рядом с этими крупнейшими вопросами на местах перед избирателями мы должны выступать с рядом вопросов, связанных с улучшением быта рабочих и крестьян, как, например: вопросы жилищного строительства (итоги, достижения и недостатки в строительстве, намечение плана будущего строительства, роль советов в этом жилищном строительстве), планы благоустройства городов, сел, строительство дорог, мостов, постановка школы—существующей сети и расширение школьной сети в будущем, вопросы здравоохранения, вопросы охраны труда, от которых, между прочим, советы в последнее время значительно оторвались; вопросы снабжения (постановка дела снабжения таким образом, чтобы устранить очереди), дальнейшая работа по снижению цен, выявление излишеств в государственном аппарате и дальнейшая работа по проведению режима экономии; одним словом, вся сумма практических вопросов рабоче-крестьянского быта, работы государственных, хозяйственных и кооперативных и других организаций должна быть затронута на избирательных собраниях.

Мне поэтому кажется, что отчетную кампанию надо было бы начать уже сейчас, не стремиться ее закончить сразу, а провести перед одними и теми же избирателями целую серию собраний, целую серию докладов с деловым конкретным обсуждением каждого из этих докладов.

Вся эта деловая работа—сугубо-политическая, она должна быть тесным образом увязана с общеполитической классовой пролетарской установкой, которая дается нашей партией.

Каждая цифра, каждый факт, каждый конкретный, практический вопрос, выдвигаемый нами на выборах, должны бить по нашему классовому врагу, должны разбивать всякие сомнения и укреплять в сознании масс уверенность в правильности политики нашей партии.

Классовая борьба и политическое значение кампании.

У нас в стране политических партий нет; у нас не парламентская политическая демократия. У некоторых товарищей может возникнуть вопрос: зачем-де раздувать политическое значение избирательной кампании? Закон есть, особой борьбы не будет, проведем ее спокойно, аппаратным путем.

Такая постановка вопроса—чисто бюрократическая и самая вредная постановка.

Да, у нас политических партий нет, но у нас есть классы. И политические настроения отдельных классов, имеющихся в нашей стране, конечно, будут проявляться во время выборов в том или ином виде, в той или иной форме.

Мы за последние годы имеем и дальнейший рост социалистического хозяйства, количественный и качественный рост пролетариата, но на ряду с этим мы имеем рост диференциации в деревне, рост враждебных нам классов (кулака и нэпмана), противоречия обостряются, а рост пролетариата и социалистического хозяйства не только не ослабляет сопротивления кулака, а озлобляет его, усиливает его наступление, обостряет классовую борьбу. В данный момент, хотели бы мы этого или не хотели,—но мы имеем несомненное обострение классовой борьбы. В городе пролетариату противопоставлены нэпманы, и не только нэпманы, а и часть буржуазной интеллигенции, которая идет вместе с нэпманами, которая во всяком случае будет брюзжать вместе с ними. В деревне мы имеем сельский пролетариат—батрачество, нашу опору на селе—бедноту и нашего союзника—середняка, который, между прочим, отнюдь не свободен от тех или иных колебаний, но мы имеем в ней озлобленного (т.-е. «до чортиков») классового врага—кулака, спекулянта, мироеда, которые жестоко сопротивляются всем нашим мероприятиям.

Мы должны провести избирательную кампанию таким образом, чтобы усилить и укрепить наши политические позиции, должны суметь политически разоблачить те классы и группы, которые будут выступать в той или иной форме против нас; разоблачить кулака и нэпмана (частью, как я сказал, поддерживаемых отдельными кругами интеллигенции), мы должны при перевыборах закрепить и повести всю основную массу среднего крестьянства за пролетариатом, как основной силой, руководящей страной.

Товарищ Сталин в своей книжке «Вопросы и ответы» дал ясный анализ того, в каких формах у нас классовая борьба протекает.

Классовая борьба в пролетарском государстве ведется по линии борьбы между кулаком, с одной стороны, беднотой и батраком—с другой, классовая борьба ведется пролетариатом в лице пролетарского государства с кулаком и нэпманом. Эта борьба идет главным образом по линии борьбы со спекуляцией сельскохозяйственными товарами, по линии цен, по линии налога, так как кулак стремится освободиться от основной тяжести налога, которую мы на него возлагаем, и т. д.

Известные противоречия (хотя не коренные) имеются между пролетариатом и середняком. Конечная цель, основная линия пролетариата — это борьба за некапиталистический путь развития нашей страны и укрепление социалистических форм нашего развития. Возврат к капитализму в нашей стране был бы жестоким ударом по середняку. С этой точки зрения у нас есть прочные основы для союза с середняком. Союз с середняком нерушим, но противоречия текущие имеются.

Пролетариат ведет сейчас решительный курс на индустриализацию страны. Вне индустриализации страны, вне развития производства средств производства, вне развития тяжелой индустрии наша страна не сможет удержаться на путях социалистического строительства, без этого мировой капитализм окажется сильнее нас. Крестьянство (основная его масса) заинтересовано в том же, поскольку оно заинтересовано в некапиталистическом

пути нашего развития, в успехах и победе социализма в нашей стране. Но есть противоречия текущие: ударяет, например, по середняку некоторая тяжесть налога и то, что мы сейчас не можем дать за хлеб цену, соответствующую ценам на промышленные товары, ибо это привело бы к полному подрыву нашей промышленности, а, значит, в конечном счете шло бы против середняка. Но середняк именно в этих вопросах поддается иногда влиянию кулака и проявляет недовольство, больше того, такому влиянию подпадают иногда отдельные товарищи и в рядах нашей партии. Этим настроениям мы должны дать самый решительный отпор. Уступки середняку возможны, иногда нужны, но мы никогда не может итти на такие уступки, которые означали бы коренной подрыв нашей индустрии, промышленности , ибо это было бы на руку иностранному капиталу, на руку внутреннему капиталу, на руку кулаку, ненавидящему советскую власть и весь нынешний строй. На такие уступки мы итти не можем,—значит известные затруднения в отношениях между нами и середняком неизбежны, но эти затруднения разрешимы. Политика нашей партии направлена как раз на то, чтобы основную массу крестьянства—середняка—не оттолкнуть от пролетариата в сторону кулака, всячески пытающегося привлечь его на свою сторону.

Кулаков поддерживает небольшая верхушка середняков, настроение которых неустойчивое. Но если поставить вопрос о всем среднем крестьянстве, об его отношении к партии, то должно сказать, что не только нет размычки, о которой говорили некоторые товарищи, что не только нет разрыва между пролетариатом и основной массой крестьянства, но имеется улучшение настроения середняка за партию, за пролетариат, за советскую власть. Особенно ярким показателем этого является успешный ход наших хлебозаготовок в последний период. Конечно, когда мы вынуждены были прибегнуть к чрезвычайным мерам, когда мы вынуждены были, в интересах пролетарского государства, крепко ударить по кулаку, мы затронули и текущие интересы середняка, но его коренные классовые интересы и связь с пролетариатом оказались гораздо крепче этого его временного колебания.

Колебания у середняка безусловно имеются и сейчас, но эти колебания отнюдь не означают разрыва с пролетариатом. Нельзя поддаваться паническим настроениям и кричать, что эти колебания уже означают разрыв или размычку. «При твердой пролетарской политике» и «колебания данного слоя не могут быть значительны» (Ленин).

На различных этапах нашего развития мы имели и имеем колебания в среднем крестьянстве, но сила союза пролетариата с крестьянством преобладает над силой колебания, она крепче этого колебания середняка.

Мы сейчас имеем трудности и трудности большие. Между прочим, эти трудности связаны с тем, что на ряду с ростом индустрии у нас низкий уровень сельского хозяйства (по отношению к которому мы ставим своей задачей во что бы то ни стало повысить его уровень). Трудности усугубляются и многими нашими благоглупостями, извращениями и ошибками.

Само собой разумеется, что мы не должны сводить все дело только к тому, что лишь об'ективные условия толкают середняка на колебание. Часто на колебание его толкают и наши ошибки и извращения при практическом проведении совершенно правильной политики партии.

Возьмите к примеру в о п р о с о н а л о г е. На будущих выборах он, безусловно, сыграет огромную роль. При абсолютно правильной классовой налоговой политике, при которой 35% бедноты совершенно освобождено от налога, низшая группа середняков, имеющая доходность до 350 руб., имеет стабилизацию обложения, а тяжесть налога падает в первую очередь на кулака и частью на зажиточного середняка,—мы на практике все же имеем ряд извращений. Это, конечно, вызывает недовольство середняков.

На основании этого у некоторых товарищей складывается такое впечатление, что положение у нас настолько тяжелое, что равного ему нет за все годы нэпа; например, в «Известиях» была напечатана статья т. Баранчикова, она начинается с того, что характеризует современное политическое положение именно так, как будто оно достигло таких пределов трудностей, каких мы не имели, начиная с введения нэпа, и даже в 1923—24 г. Это—ни на чем не основанное измышление. Нельзя сравнивать с положением 1924 г.

Конечно, колебания в крестьянстве отражаются на настроениях отдельных групп пролетариата и даже в среде отдельных членов нашей партии, впадающих в такое настроение, которое нельзя назвать иначе, как паникой в оценке политического состояния. Фактическое же положение дела дает нам полное право утверждать, что для такой оценки нет никаких оснований.

Мы не сомневаемся в том, что середняк в основной массе пойдет за нашей партией, за пролетариатом и беднотой, несмотря на жесточайшее сопротивление, которое мы в этих ближайших перевыборах советов будем иметь со стороны кулака, несмотря на то, что кулак развернет отчаянную работу за овладение значительным слоем середняков, стараясь либо повергнуть его в пассивность и неучастие в выборах, либо двинуть его на активное сопротивление в выборах.

Кулак попытается воспользоваться нашими текущими хозяйственными трудностями: нэпман, кулак, их подпевалы будут припирать наших докладчиков ядовитыми вопросами и пр.

Те же влияние проникают и в город, даже в среду отдельных групп рабочих (мы не стыдимся сказать это прямо, ибо знаем (это не раз подчеркивал Ильич), что рабочие не отделены китайской стеной от мелкобуржуазных влияний и потому и в рабочем классе имеются мелкобуржуазные влияния, нельзя льстить рабочим и говорить, что все рабочие свободны от этих влияний).

Повторяю, такие влияния могут быть и в среде рабочих, и здесь могут быть попытки отдельных злостных элементов, связанных с кулацкими верхушками села, использовать перевыборы для того, чтобы подрывать влияние нашей партии. Меньшевики и эсэры разбиты, но их жалкие остатки еще попытаются вылезть из своих подпольных нор.

Мы имеем сейчас безусловно обострение классовой борьбы между батраком и кулаком, между беднотой и кулаком. Это обострение идет по разным линиям, оно принимает различные формы. На ряду с организованной борьбой оно принимает форму убийства из-за угла, оно, наконец, принимает такие дикие формы, как в Вотской области в Лудорвайском деле, где кулаки истязали бедняков.

При выборах проявление классовой борьбы обозначится особенно резко. И несмотря на то, что враги л и ш е н ы и з б и р а т е л ь н ы х п р а в, они свою активность будут проявлять и будут ее усиливать по мере усиления нашего наступления на них. Вот почему от успешного проведения выборов зависит и усиление руководства пролетариата основной массой крестьянства, ибо советы в наших условиях—лучшая форма организации крестьянства и руководства им.

В отношении к кулаку, нэпману, спекулянту мы ни в коем случае не должны смягчать свою линию лишения избирательных прав. Мы должны сохранить тот курс, который взят нами в прошлом году, исправив по отдельным районам те недостатки, которые там обнаружились. Материал по этому вопросу говорит, что в некоторых местах наблюдаются факты, когда настоящий кулак избирательных прав не лишался. В ряде мест лишали избирательных прав формально, механически подходя к применению инструкции, лишали не только кулака, но и трудового крестьянина, который временно, случайно взял няньку, или из-за болезни члена семьи—временного работника; не обошлось при этом и без личных счетов.

Вот почему при нынешних выборах в советы необходим более тщательный подход к лишению избирательных прав, не меняя основной линии,

данной прошлой инструкцией, не давая кулаку возможности взять реванш, пробраться в советы, чего он так усиленно добивается.

Кулак применяет гибкую, активную тактику при выборах: действует угрозой увольнения, увольняет батрака, спаивает бедноту и через своих друзей-подпевал старается проводить свою линию, своих людей в советы.

В борьбе с его тактикой надо заниматься не общими фразами, а конкретно, в каждом отдельном случае фактически бороться с кулаком, бороться не только общими речами, а практическими мерами в отношении каждого злостного проявления кулацкой деятельности.

Наши задачи и лозунги.

Мы должны добиться, чтобы беднота на перевыборах ни в коем случае не была оттеснена, ибо сейчас в ряде сел и волостей, к сожалению, имеем в составе руководящих органов очень мало освобожденных от налога (бедняков и батраков). Мне самому в последние полгода пришлось об'ездить ряд деревень Украины, и там я видел, что в ряде мест позиции бедноты еще слабы. Надо прежде всего усилить организацию бедноты и тем самым усилить позиции бедноты и, особенно, батрачества. Это, конечно, не должно вылиться в форму устранения середняка, отталкивания его от советов, линия наступления на кулака, оттеснения его от руководства должна привести не к ослаблению, а к усилению наших связей с середняком.

Перевыборы должны усилить роль пролетариата. Мы длжны добиться, чтобы члены профсоюзов—рабочие—участвовали здесь не на 60, а почти на 100 процентов. Профсоюзы должны усилить политическую и практическую активность во время перевыборов. Надо провести побольше рабочих от станка в депутаты советов.

Для успеха избирательной кампании нужно развернуть активность всех членов партии, профсоюзов, депутатов самих советов и всех пролетарских, бедняцких общественных организаций, обеспечивая всестороннее руководство партии, усиливая активность и ответственность секций советов и исполкомов по практическому руководству перевыборами, по проведению советов и т. д.

Усиление активности всей партийной массы и передовых пролетариев, разворачивание самокритики будет способствовать уменьшению абсентеизма и увеличению активности избирателей.

Особую активность в текущей кампании надо проявить женщинам и комсомолу. Но эта активность должна быть политической активностью, должна носить характер не механического продвижения молодежи и женщин, а подлинного вовлечения новых кадров в государственное строительство.

Надо помнить, что нынешние перевыборы будут проходить в условиях трудностей при повышении активности масс, при их повышенных требованиях. Поэтому особенно важно эту избирательную кампанию провести с особенной подготовкой и наибольшим под'емом.

Мы должны придать предстоящей кампании массовый политический характер, вовлечь в это дело всю партию, все профсоюзы, всех депутатов советов, весь беспартийный актив рабочих и крестьян, а в деревне организовать бедноту и батрачество. Во всей подготовке и руководстве перевыборами парторганизации должны исходить из того, что на ряду с усилением общего партийного руководства необходимо привести в движение привода всех организаций, в первую очередь самих советов. Нельзя выбирать в советы без самих советов так же, как нельзя оживлять советы сверху, без самих советов и исполкомов. Если мы основательно подготовимся к перевыборам, теперь же сосредоточим все силы, как это умеет делать наша партия, подготовить материалы, правильно поставить вопросы, правильно составить отчеты, наметить наказы, сочетать основную линию нашей партии с теми конкретными, практическими вопросами, которые перед нами стоят, тогда мы справимся с стоящими перед нами задачами.

Мы гигантски выросли, и при мобилизации всех сил партия сумеет провести избирательную кампанию не только так, как в прошлом году (я думаю, что мы не должны даже оставаться на уровне прошлых достижений), но продвинуться вперед, на новую ступень по сравнению с прошлыми выборами.

Мы должны так развернуть свою работу, чтобы тому наступлению, которое мы сейчас развиваем в области социалистической экономики, полностью соответствовало и наступление политическое и организационно-административное. Это и должно стать нашим паролем в предстоящей кампании: перевыборы должны превратиться в мощное наступление на нашего классового врага: кулака, нэпмана, бюрократа и их подпевал,—в позицию не обороны от нападок кулаков и их подпевал как в деревне, так и в городе, а наступления как по общеполитической линии, так и по конкретным пунктам проявления кулацкой активности на селе. Не обороняться от кулака на собраниях надо, а так суметь организовать бедноту, батрачество и пролетариат, чтобы вместо обороны было организовано новое наступление на кулака, чтобы кулак был отодвинут еще дальше, а середняк полностью и целиком был на стороне пролетариата.

Необходимо глубоко и основательно раз'яснить массам и наши достижения и наши недостатки с тем, чтобы обсуждение этих вопросов подняло массу на новую ступень политической зрелости. Укрепить руководство партии массами и выборами не окриками и не командованием при проведении линии партии, а умелым руководством, не допуская кислятины, сохраняя лицо, достойное представителей партии и советской власти.

Нашими лозунгами в перевыборной кампании должны быть: еще большее сплочение масс вокруг задач социалистического строительства, дальнейшее оттеснение капиталистических элементов на основе индустриализации страны, дальнейшего развертывания кооперирования, об'единения бедноты в колхозы, организации совхозов и под'ема урожайности сельского хозяйства.

В области политической—еще большее усиление позиции пролетариата, бедноты и батрачества, укрепление союза с середняком на основе решительной, беспощадной борьбы с кулаками, спекулянтами и нэпманами.

Беспощадная война с бюрократизмом, косностью, невнимательностью и нечуткостью к нуждам пролетарских, бедняцких и середняцких масс. Шире дорогу сотням тысяч передовых рабочих, работниц, крестьян и крестьянок в государственный советский аппарат путем более энергичного проведения оживления советов и осуществления идеи Маркса—Ленина о государстве-коммуне!

Еще большее укрепление руководства большевистской партии массами и их органами—советами рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, ибо только под руководством этой партии советы были и останутся органами пролетарской диктатуры, организаторами великого исторического процесса—строительства социализма.

Важнейшей предпосылкой успешного осуществления вышеуказанных задач и лозунгов партии является максимальное привлечение рабочих и крестьянских масс на выборы и проведение глубокого делового обсуждения отчетов и наказов.

Таковы лозунги и основные задачи, стоящие перед нами на пороге новых выборов органов пролетарской диктатуры.

Международная обстановка, характеризующаяся агрессивным наступлением капитала, ставящая задачу укрепления мощи и обороноспособности Советского Союза, еще теснее сплотит массы вокруг партии.

Мы идем на перевыборы в твердой уверенности, что миллионные массы еще раз докажут свое доверие своей родной и близкой им Ленинской партии.

Г. Смолянский.

Социал-демократия эпохи „паузы“.

(К брюссельскому конгрессу Второго Интернационала).

В августе настоящего года, одновременно с VI конгрессом Коминтерна, заседал конгресс «международной соц.-демократии». Частью, одни и те же вопросы стояли на обоих конгрессах: мировое экономическое положение, опасность войны, колониальный вопрос. И если каждый конгресс есть выражение этапа в развитии рабочего движения, то оба конгресса—VI конгресс Коминтерна и брюссельский конгресс «Социалистического Рабочего Интернационала»—представляют собой действительно два ярко выраженных этапа на двух противоположных полюсах рабочего движения.

Оба конгресса происходили после длительного перерыва и являлись первыми после частичной стабилизации капитализма. Последний V конгресс Коминтерна имел место более четырех лет назад, когда еще только намечались контуры начинавшегося нового фазиса в развитии капитализма—фазиса частичной стабилизации. Со времени последнего марсельского конгресса II Интернационала тоже прошло уже более 3 лет. Если не самый факт частичной стабилизации капитализма, то во всяком случае мощная концентрация капитала, рост трестов, громадный прогресс техники в рамках капиталистической системы,—все это происходило уже после марсельского конгресса. Вот почему «оценка эпохи», проверка «генеральной установки» должны были занять главенствующее место на обоих конгрессах.

VI конгресс Коминтерна оценил нашу эпоху, как третий фазис в развитии мировой революции после войны: от непосредственно-революционного периода—через первый этап частичной стабилизации—к нынешнему положению. II Интернационал тоже прошел через ряд «этапов»: от непосредственного спасения капитализма—через восстановление капиталистического хозяйства—к открытому служению капиталистической стабилизации и рационализации. В этот последний этап происходит сращивание соц.-демократии с трестифицированным государственным аппаратом буржуазии и ее прямой переход в лагерь контрреволюции. Соц.-демократия становится органической частью современного капиталистического государства. «Мы стали столь сильны,—заявляет Вандервельде на конгрессе II Интернационала,—что эта наша сила запрещает нам оставаться долее в оппозиции». «Рабочая партия,—говорит новая программа «партии XX века»,—выступает не в качестве агента того или иного класса, но в качестве политического органа, созданного для выражения нужд и стремлений всех, кто вносит свою долю в общечеловеческий труд».

Вот этот новый этап получил свое выражение на брюссельском конгрессе II Интернационала. Соц.-демократия не выступила там, разумеется, как одна сплошная масса. Как полагается, на конгрессе II Интернационала были и центристы, и левые, и левейшие соц.-демократы: но смысл нового этапа заключается также и в том, что все бледные цвета австро-

марксистской и «левой» социал-демократической оппозиции растворились в сером океане реформистской ограниченности, перемешанной с глубоким пессимизмом центристов.

В порядке дня брюссельского конгресса стояли следующие вопросы: 1) мировое политическое положение и международное рабочее движение; 2) экономическое положение послевоенного периода и экономическое положение рабочего класса; 3) милитаризм и разоружение; 4) колониальная проблема; 5) отчет международной соц.-демократической женской конференции, и 6) организационные вопросы. Но центральной проблемой конгресса, вопросом всех вопросов—были, несомненно, коммунисты. Дикая, совершенно из ряда вон выходящая ненависть к коммунизму и советской республике,—вот что доминировало на этом конгрессе. Если прибавить к этому открытое, не скрываемое презрение империалистических цивилизаторов к цветным народам, непримиримые национально-империалистические противоречия, господствовавшие за занавесом в политической и военной комиссиях во время дебатов, то фон этого сборища «интернациональной социал-демократии» предстанет в законченном виде.

* * *

«Оценка эпохи» соц.-демократии заключается в первую очередь в признании ею полной и окончательной стабилизации капитализма. В этом согласны и правые, и «левые», и «ультра-левые» с.-д. Еще накануне конгресса в целом ряде специальных «теоретических» номеров «Кампфа» [1]), «Классенкампфа» [2]) и других создавался соответствующий эпохе идеологический материал, долженствующий отбить нападение программы Коминтерна. Австро-марксизм и «ультра-левое» крыло соц.-демократии усердно выполняют свое историческое задание, заключающееся в том, чтобы подносить рабочему классу в наиболее удобоваримой для него форме предательства открытых реформистов. Поэтому изобретаются сугубо тонкие блюда в виде «теории паузы», которая должна показать рабочему классу весь «романтизм», следовательно, всю тщетность революционной классовой борьбы коммунистов. «Международное рабочее движение находится в этапе паузы»,—пишет некий Оскар Поллак в передовой статье программного номера «Кампф». В этот период рабочее движение растет не вглубь, а вширь. Создаются своеобразные ножницы между об'емом движения и глубиной его возможных успехов. Создается новое рабочее движение в колониях. Вовлекаются новые отряды рабочего класса в орбиту социальной борьбы. Пролетариат Китая, Индии, Индонезии вырастает впервые, как класс для себя, и наша задача—постепенная организация этих новых отрядов мировой рабочей армии. В поставленном на ноги виде эта формула означает содействие прогрессивному шествию капитализма на Восток и отказ от революционной классовой борьбы на Западе. В откровенной форме это выразил вождь австрийской соц.-демократии Карл Реннер (занимающий ныне правый фланг в австрийской соц.-демократии). В статье в том же номере «Кампф»—«О мировых хозяйственных основах социалистической политики после войны»—он заявляет, захлебываясь от восторга: «Вся поверхность земного шара только ныне капитализируется. Только теперь весь свет становится капиталистическим, а не социалистическим»... И далее: «Рай, а не убежище для бедных должен унаследовать социализм от капитализма. А посему рабочий класс должен всемерно поддерживать капитализм в его попытках возродиться и справиться с кризисом. Рабочий класс должен помочь организовать капитализм как в пределах отдельных

[1]) «Кампф»—центральный орган австро-марксистов.
[2]) «Классенкампф»—орган «ультра-левых» социал-демократов.

предприятий, так и в государственном масштабе; а для этого нужна не классовая борьба, а сотрудничество между профсоюзами и предпринимателями».

Здесь именно зарыта вся собака! Второй Интернационал от спасения капитализма и восстановления капиталистической экономики переходит к «конструктивной» части, к прямому служению капиталистической рационализации и трестифицированному капиталу!

Соц.-демократы любят много писать о мощи своих организаций. Кстати, на конгрессе были представлены партии с числом членов свыше 6½ миллионов, получившие на последних парламентских выборах в общей сумме 25 млн. голосов. Эти партии располагают 19% депутатских мест в тех парламентах, где они имеют представительства. Эти партии имеют в своем распоряжении 354 ежедневных газеты. Правда, организационный отчет Адлера не обходится без курьезов. Так, например, профсоюзное влияние русских меньшевиков исчислено в... 4½ млн. человек, а парламентское влияние русских эсэров—в 20 млн. голосов, полученных ими... в 1917 г. во время выборов в Учредительное собрание. Армянская партия Дашнакцутюн насчитывает, по отчету Центрального Комитета «этой партии», 59.650 членов (!). Китайские соц.-дем., существующие только в Париже в кофейнях больших бульваров, представлены цифрою 3½ тысячи. Но в общем и целом партии II Интернационала, особенно крупные партии, имеют вполне обоснованную возможность блеснуть внушительными статистическими данными. Как некогда талантливые царские генералы, вожди II Интернационала грозят буквально шапками закидать ненавистных им европейских коммунистов. Но какова качественная ценность этого огромного аппарата соц.-демократии, показывают те бесконечные тяжелые кризисы, в которые соц.-демократия влезла именно после своих парламентских побед и после своего торжественного конгресса. «Сам» Абрамович вынужден был в последнем номере «Социалистического Вестника» признать, что броненосная германская соц.-демократия переживает большой кризис. Упомянутый уже выше Поллак с наивным цинизмом в своей передовой в «Кампфе» дает такую перспективу соц.-демократическим рабочим: «Весь Интернационал возлагал большие надежды на исход парламентских выборов. Что произошло от этих ожиданий? Во Франции социалистическая партия, несмотря на классовую измену (!) коммунистов, выросла; но еще более поднялся г-н Пуанкаре. В Германии соц.-демократия одержала большую избирательную победу, но... (слушайте, соц.-демократические рабочие!) через день после победы начались заботы, и результатом успеха, который тянулся через недели упорной борьбы и тысячи затруднений, является правительство, уже одно образование которого уничтожило все иллюзии и всякий энтузиазм... Это не прекращающееся противоречие между суб'ективным ожиданием и об'ективными возможностями успеха, это хроническое разочарование пролетариата в эпохе, в которой каждый малейший прогресс есть событие громадной важности, а каждая крупнейшая, с величайшим трудом добытая победа остается без длительного освободительного влияния—в этом именно заключается психологическая и политическая проблема паузы».

Вот где подлинная теория пессимизма! Адлер, Бауэр и К° перед конгрессом, во время и после конгресса бесконечно много говорили и писали о том, что ликвидация 2½ Интернационала не была капитуляцией перед Носке и Мюллерами, что это было лишь более ясное, чем у коммунистов, осознание начинающейся новой эпохи стабилизации капитализма. Австромарксизм, привыкший время от времени с проституированной целью применять формальную марксистскую методологию, здесь дает классический образец центристского двурушничества, которое на этот раз прикрывает не только трусость перед пролетарской революцией, но и глубочайший пессимизм, видящий рабочий класс лишь разбитым, раздавленным, нерешительным, как он сам.

В законченном виде эту теорию обосновывает политический отчет бюро II Интернационала. «Во время мировой войны,—говорится в этом отчете,—рабочий класс неоднократно переоценивал стабильность капиталистической системы. Когда милитаризм одной страны был разбит, то сначала в побежденных странах это настроение рабочего класса перешло в свою противоположность. Если во время войны капитализм казался незыблемым, то теперь возникло убеждение, что насильственный переворот, который принесла с собой война, также должен означать его последнюю минуту... Но все более становилось ясным, что капитализму удастся спастись из катастрофы мировой войны и что поэтому рабочему классу надо считаться с периодом стабилизации капиталистической системы. Учредительный конгресс Социалистического Рабочего Интернационала в Гамбурге был выражением признания, что все силы рабочего класса, которые проникнуты желанием использовать этот период для восстановления и под'ема, организации и д е е способности (не б о е способности! *Г. С.*) пролетариата, должны быть об'единены. Это признание одновременно означало, что должно вести борьбу против игры с надеждой, что мировая война, несмотря на противоположные тенденции развития, все же еще раз выявится в катастрофе, как с романтической мечтой, которая могла принести и принесла рабочему классу только поражения».

Такова философия «паузы» Фридриха Адлера—автора отчета. Такова «философия истории» всего «об'единенного» лагеря социал-империализма: бей коммунистов! Кто за капиталистическую стабилизацию, кто за капиталистическую рационализацию, кто за «паузу», кто против классовой борьбы и пролетарской революции—бей коммунистов! Как заявил в политической комиссии один чешский делегат: «Если мы не будем вести самой активной борьбы с коммунистами, то существование нашего Социалистического Интернационала теряет всякий смысл». Вся работа брюссельского конгресса происходила именно под знаком этого основного «смысла» международной соц.-демократии.

* * *

Империалистические противоречия в лагере социал-реформизма сказались с особенной силой во внутренней борьбе в политической комиссии. Внешне конгресс проходил под знаком поразительного «единодушия»; на деле же «за закрытой дверью» комиссии происходила поистине трагическая грызня империалистов, представлявшая собой непосредственное продолжение борьбы на женевской конференции миротворцев из Лиги Наций. При этом самым замечательным для данного конгресса и для данного этапа соц.-демократии является тот несомненный факт, что конгресс представлял огромный шаг вперед в процессе перерастания центризма в открытый социал-реформизм и подчинения «левого» крыла социал-демократии открытому социал-империализму. В этом действительно заключается «исторический смысл» брюссельского конгресса соц.-демократического Интернационала.

Грызня внутри социал-империалистического лагеря на этот раз пошла по несколько иным путям, чем это имело место раньше, на предыдущем конгрессе II Интернационала. Марсельский конгресс 1925 г. явил картину немецко-французского единого фронта внутри «Рабочего Социалистического Интернационала». Это был тогда единый фронт двух наиболее реакционных партий II Интернационала против англичан, в частности—против английской независимой рабочей партии, переживавшей тогда период наибольшего под'ема пацифистско-демократической «левизны». Своего наивысшего пункта единый франко-немецкий фронт достиг во время люксембургской межсоциалистиче-

ской конференции в ноябре 1926 г. С марта 1927 г. постепенно немецко-французский блок внутри II Интернационала стал распадаться. Основной причиной расхождения франко-германских соц.-империалистов явилось усиление активности англичан внутри II Интернационала, которые после разгрома рабочего класса в Англии в 1926 г. и последовавшего за этим разгромом нажима на левое крыло в рабочем движении решительнее и активнее выступили против внешней политики французской соц.-демократии и, в частности, против деятельности Поля Бонкура. Это им было тем легче сделать, что английская рабочая партия находится в непримиримой оппозиции к английскому правительству консерваторов и давало еще ту выгоду, что привлекало на сторону англичан симпатии континентальных центристов. Именно Фридрих Адлер явился автором резолюции по поводу разоружения, в которой совершенно точно и ясно оправдываются все существующие военные системы и только делается предупреждение против одной системы, «которая связывает сильное ядро постоянной армии с возможностью быстрого использования больших масс для наступательных действий». Этот острый пункт резолюции направлен единственно против Франции с ее известным военным законом Поля Бонкура, милитаризирующим всю нацию. Международный женский с.-д. комитет поставил—при отчаянном сопротивлении французов—вопрос о мобилизации женщин в случае войны в порядок дня женской соц.-демократической конференции, происходившей одновременно с брюссельским конгрессом. На этой конференции была принята всеми голосами против одних только французов резолюция против мобилизации женщин в случае войны.

Таким образом, мнимая борьба между правым и левым крылом соц.-демократии на брюссельском конгрессе открыто уступила место борьбе между представителями крупных империалистических стран. Застрельщиком в оппозиции выступили англичане. Их наступление развивалось в трех направлениях. Лозунги, брошенные англичанами в политической коммиссии, были: за пакт Келлога, за немедленное освобождение Рейнской провинции и за честное присоединении к предложениям Литвинова о разоружении. Что означали эти три предложения? Уже само перечисление этих вопросов говорит об этом. Требование немедленного очищения Рейнской провинции должно было опять-таки ударить по французскому социал-империализму, а требование одобрить выступление Литвинова рассчитывало на привлечение симпатий европейского центризма. Но все три атаки английских «радикалов» были блестяще отбиты. И не только отбиты, но главноуговаривающий конгресса, Отто Бауэр, привел даже англичан к «присяге», т.-е. заставил их голосовать единодушно, вместе со всем конгрессом, за резолюцию социал-империалистов.

Правда, в некоторые моменты положение руководителей конгресса было чрезвычайно затруднительным. Особенно больших усилий стоило внедрить в головы французских социал-империалистов необходимость принятия хотя кое-какой резолюции об эвакуации Рейнской области, от которой те скандально отказывались. В резолюции, предложенной исполкомом II Интернационала, говорилось: «Интернационал обязан заставить правительства выполнять их обещания относительно обязательного применения третейского суда, всеобщего разоружения народов и полной ликвидации войны, а особенно—освобождения Рейнской провинции и восстановления немецкого управления в Саарском бассейне». В политической комиссии, где происходила дискуссия по этому вопросу, немецкая «левая» соц.-демократка Тони Зендер (жена умершего Роберта Дисмана) внесла предложение о прибавлении слов—«немедленного» и «безусловного» (освобождения Рейнской провинции). Это предложение вызвало резкий ответ известного пуанкариста и друга Поля Бонкура, Грумбаха, который в чрезвычайно раздражительной форме ответил,

что, «конечно, французы за освобождение Рейнской провинции», но, ведь, вопрос гораздо более сложный! Нельзя же ставить в «невыносимое» положение французских социал-империалистов, находящихся под тяжелым обстрелом буржуазных партий и националистической печати Франции! Этот открытый империалистический конфликт был ликвидирован при помощи гроссмейстера маклерского искусства, Отто Бауэра, который «доказал» центрально-европейским соц.-демократам, что нельзя в таком серьезном вопросе «навязывать» постановление Интернационала французской делегации, с чем охотно согласилась и «левая» Тони Зендер. «Левые» соц.-демократы, как известно, любители «свободы духа». Макс Адлер черпает не только от Маркса, но и от Канта. «Свобода личных убеждений», как известно, одно из неот'емлемых и неоценимых качеств культурного европейского соц.-демократа—в противовес азиатскому деспотизму партии большевиков. Сошлись на характерном компромиссе: во-вне—широкий политический жест, а по существу—обычное предательство. Поль Фор от имени французской делегации сделал заявление, что французская делегация остается, как и раньше, на позиции постановлений люксембургской межсоциалистической конференции, согласно которой очищение Рейнской провинции не ставится в зависимость от предварительного разрешения какой бы то ни было другой проблемы. Одновременно же французская делегация считает создание гражданского контроля органов Лиги Наций над всеми государствами, в первую очередь над Германией, действительным средством для того, чтобы принудить французское правительство к скорейшему очищению Рейнской провинции. «В интересах Франции и Германии и мира, чтобы репарационный долг был коммерциализирован, но мы желаем избегнуть, чтобы финансовые затруднения, разрешение которых часто зависит от иностранных капиталистов, явились препятствием к скорейшему очищению Рейнской провинции, которого, не прекращая, требует международный социализм. Социалистические партии всегда признавали, что очищение Рейнланда практически было связано с удовлетворительным разрешением вопросов разоружения и безопасности. Следует надеяться, что оно будет принято без беспокойства и задних мыслей французским общественным мнением, значительная часть которого видит в военной оккупации все еще гарантию безопасности. На место иллюзорной гарантии можно было бы установить действительное «удовлетворение» путем введения международного контроля». Этот ловкий маневр французов был принят германскими социал-демократами, которые сделали вид, что удовлетворились. Интернационализм торжествовал. Единство европейского социализма было обеспечено.

* * *

Еще более резко сказался империалистический характер брюссельского конгресса в вопросе о разоружении. Орган германских «левых» социал-демократов, «Классенкампф», в статье Эрнста Рейнгардта, подводящей итоги брюссельскому конгрессу, вынужден был признать: «дипломатия Лиги Наций имела внушительное слово в подготовительной комиссии, и Интернационал целиком попал в ее фарватер». Пожалуй, это единственный вопрос на конгрессе, который действительно остро волновал аудиторию конгресса, в остальном чрезвычайно инертную и равнодушную ко всему, что на конгрессе происходило. Даже во время речей самых крупных ораторов, даже во время речи Вандервельде зал больше чем наполовину был пустой. Лишь вопрос о разоружении привлекал наибольшее внимание и вызывал наиболее острую дискуссию в рядах социал - империализма. Оно и понятно, ибо с этим вопросом социал-демократические партии, участвующие в буржуазных правительствах, являющиеся органической частью современного буржуазного государства, сталкиваются конкретно в своей

практической жизни. Все другие вопросы, как, например, колониальный, вопрос о рационализации, т.-е. о стачечной борьбе и т. д., принесены были на конгресс как бы извне. Эти вопросы должны были составлять как бы традиционный фон традиционного социалистического конгресса. Здесь же бился пульс подлинной жизни современного правительствующего и не правительствующего социал-империализма.

Это было достойное продолжение женевской комедии о разоружении. Затеяна была эта постановка широко, как импозантная демонстрация «воли» социалистического Интернационала к борьбе против войны. В резолюции говорилось в совершенно ортодоксальном марксистском стиле об общих тенденциях капитализма к войне и о применении даже революционных форм давления в случае отказа какого-нибудь буржуазного правительства от подчинения арбитражу. Говорилось и о демократизации армии, которая должна быть передана парламентам, и об упразднении фашистской милиции. Но как раз именно в этом вопросе с особенной силой сказалось социал-империалистическое нутро современного II Интернационала. На самом конгрессе резолюция была принята с исключительным единодушием. Между тем, за закрытым занавесом комиссии происходила отчаянная империалистическая грызня. Представитель британской независимой рабочей партии требовал приветствия советского правительства за его предложение о разоружении. «Рабочий социалистический Интернационал,—говорилось в этой резолюции,—утверждает, что опыты комиссии Лиги Наций по разоружению и неудача англо-американо-японской морской конференции ясно выявили невозможность добиться разоружения частичными мероприятиями, которые не исключают войну целиком. Он приветствует русское советское правительство за его предложение полного разоружения»... В специальном пункте эта резолюция требует также, на ряду с уклонением от воинской службы, уклонения от работы по военной промышленности. «Настало время,—говорит дальше резолюция,—чтобы социалисты заняли безоговорочную позицию против войны, чтобы они во всем мире вели единую борьбу за полное разоружение, организуя рабочий класс к сопротивлению угрожающей войне—даже при помощи приостановки основных отраслей производства и уклонения от военной службы и поставки амуниции». Резолюция независимых требовала дальше также и отказа в военных кредитах. Рабочая партия поддержала всю пацифистскую часть этих требований, но не выставила пункта об отказе в военных кредитах. В комиссии разыгралась буря в стакане воды. Единым фронтом выступили против этих предложений Ренодель и Брейтшейд, австро-марксист Юлиус Дейч и представители фашистской ППС и чешской соц.-демократии. Почти единодушно это предложение клеймилось, как «безумное» и «безответственное». Ибо нельзя ведь отказать государству в его обороне!—рассуждали умудренные житейским опытом и побелевшие в парламентских боях государственные мужи «Интернационала», переживающего уже третье поколение.

Столь же единодушно было отвергнуто предложение приветствия советского правительства за его проект разоружения и, наконец, отвергнуты все радикальные практические предложения независимцев по борьбе с опасностью войны. Резолюция Исполкома, предусматривающая равную свободу в выборе военной системы и не обязывающая свои партии ни к какому действительно активному действию против войны, была принята единогласно. Центристы сделали свое дело. Они внесли свои радикальные резолюции для того, чтобы тут же единодушно поднять руки за реакционные предложения руководителей Исполкома Интернационала. Это единодушие социал-милитаристов пришлось как раз в то время, когда в Германии соц.-демократические министры ставили вопрос о броненосце, а между Англией и Францией был заключен новый военный союз, возвещающий наступление новых кровавых империалистических авантюр. Поведение центристов и в данном случае показало, что в основном современном международном вопросе, в вопросе о войне, соц.-демократия выступает единым фронтом—от Поля Бонкура и Мюллера до Отто Бауэра и Макса Адлера—на службе у наступающего воинствующего империализма.

* * *

Но своего кульминационного пункта социал-империалистическиий характер брюссельского конгресса достиг в колониальном вопросе. Мы опять-таки прибегнем к свидетельству соц.-демократа, участника конгресса: «Нельзя резолюцию этой комиссии (колониальной),—пишет в упомянутой выше статье Рейнгардт,—читать без известного потрясения, ибо нигде так ясно не видно, как необычайно сильно проникла империалистическая идеология вплоть до голов социалистов». Характерно, что в этом вопросе отступили на задний план не только противоречия между правыми и левыми соц.-демократами, но и империалистические противоречия между крупными партиями. Это был единый фронт животной боязни представителей европейской рабочей аристократии против поднимающегося восстания колониальных рабов. Это были дикая ненависть, злобное презрение презренных цивилизаторов к вдвойне и втройне эксплоатируемым европейским капитализмом и европейской рабочей аристократией рабочим массам цветных народов. Если в комиссии по разоружению можно было говорить еще об известной борьбе каких-то «принципов», то в колониальной комиссии борьба фактически шла между теми, которые открыто защищали европейский колониализм, и теми, которые эту защиту маскировали. Колониальные дебаты, которые должны были явиться торжественной демонстрацией со стороны II Интернационала, главнейшая забота которого сейчас—проникновение на Восток, где, как признает даже «Классенкампф», «крепко на ноги стал большевизм», потерпели еще более жалкое фиаско, чем все остальные дебаты. По существу говоря, никакой колониальной дискуссии не было. С докладом выступил специалист по порке цветнокожих, бывший губернатор острова Ямайки и министр по делам Индии, «рабочий» лорд Оливье. Представители колониальных стран к дебатам допущены не были и, кроме одного мадагаскарского чиновника, проживающего в Париже, произнесшего низкопоклонническую речь перед белыми покровителями, никто больше по колониальному вопросу не выступал. Характерно, что почти вся английская делегация во время обсуждения колониального вопроса отсутствовала. Затеянная внушительная манифестация превратилась в жалкий, позорный фарс.

Но совсем не фарсом выглядит колониальная резолюция брюссельского конгресса. Это действительно потрясающий документ «цивилизаторской» наглости и цинизма. Левая соц.-демократическая «Фолькс-Цейтунг» по поводу позорных тезисов брюссельского конгресса II Интернационала, устанавливающих различную градацию—зрелых, полузрелых и совсем незрелых к самостоятельной национально-государственной жизни—колониальных народов, говорящих об «общественной отсталости» целых народов, сравнивает тезисы конгресса со штутгартскими тезисами 1907 года, считая, что «Брюссель опередил Штутгарт». Это утверждение особенно характерно в устах «левой» соц.-демократической газеты по поводу самой гнусной самой реакционной резолюции, которую когда-либо принимал II Интернационал после войны. Резолюция штутгартского конгресса имела свои недостатки, но она была проникнута духом солидарности международного рабочего движения с угнетенными колониальными народами. В этой резолюции говорилось, что «капиталистическая колониальная политика, соответственно своему внутреннему содержанию, должна вести к порабощению, рабскому труду и

выхолащиванию туземных народов колониальных территорий. Цивилизаторская миссия, на которую ссылается капиталистическое общество, служит прикрытием для завоевательных и эксплоататорских вожделений. Капиталистическая колониальная политика вместо того, чтобы поднимать коллективные силы, уничтожает естественные богатства стран путем порабощения и пауперизации туземцев и жестоких опустошительных войн»... Эта резолюция для «левой» «Лейпцигер Фольксцейтунг» мало прогрессивна. Прогрессом для нее является резолюция колониальной комиссии II Интернационала, которая прямо и непосредственно оправдывает колониальную эксплоатацию.

Скандальная резолюция II Интернационала, вызвавшая бурный протест представителей колоний, покинувших зал конгресса, устанавливает три категории колониальных народов соответственно их «культурному уровню развития». II Интернационал для народов с «неразвитой культурой» заявляет, что для них «немедленное освобождение от государственного господства не будет являться прогрессом в их национальной культуре, но отступлением назад в их прежнее варварство». Поэтому социал-империалисты на конгрессе заявили, что они будут поддерживать освободительное стремление только тех колониальных народов, у которых имеются для этого соответствующие предпосылки. Что значит эта поддержка народов, подготовленных к самостоятельному национально-государственному бытию, видно из резолюции в отношении Индии. Резолюция предусматривает для Индии не независимость, о которой не говорили даже представители независимой рабочей партии Англии, а «самоуправление», т.-е. фактическое сохранение господства империалистической метрополии под «демократической» маской. Когда эта резолюция не удовлетворила присутствующих индусов,—отнюдь не радикальных вообще по своим убеждениям (один из них, Гаман Лаль, бывший председатель профсоюзного конгресса; другой—секретарь союза текстильщиков, Бахале),—«независимцы» внесли свои поправки: слово «самоуправление» заменить «самоопределением». Эта поправка была принята конгрессом, но индусов она, конечно, успокоить не могла. Присутствовавшие в качестве гостей представители Индии требовали изменения резолюции, но, не добившись его, покинули конгресс.

Таков этот колониальный перл современного социал-империализма. Говорят, что это—творчество все того же Отто Бауэра. Как бы то ни было здесь социал-империализм показал свое настоящее лицо. Социал-демократическая «Пепль» сама должна была признать в своем сообщении о заседаниях колониальной комиссии: «Каждый оратор, естественно, говорил с точки зрения своих колоний. Так, например, Кремер (Голландия) не понимает, что можно эмансипировать Яву. Он заявляет: «нужно считаться с фактами»... То же самое Франция по отношению к «своим» колониям. На национальном совете французской социалистической партии, предшествовавшем конгрессу и специально разбиравшем основные вопросы конгресса, проблема французских колоний сводилась к тому, чтобы бороться за предоставление туземцам права представительства во французском парламенте. И, конечно, культурные французские социалисты не могли обойтись без градаций на культурные ступени эксплоатируемых ими колониальных народов. Речь шла о предоставлении избирательных прав только грамотным туземцам, а таковые составляют лишь маленькую аристократическую группу в первую очередь лиц, занимающих известные посты на службе у французских колонизаторов. Нужно сказать, что вообще вопрос о вовлечении в парламентскую жизнь метрополий верхушки колониальных народов будет, очевидно, выдвинут в ближайшее время на первый план социал-империалистами, ибо это будет для них одним из путей, обеспечивающих им, в связи со сращиванием с буржуазным государственным аппаратом метрополии, проникновение в рабочее движение подвластных им колониальных стран по каналам империалистического государственного аппарата.

Но даже это вызывает боязливую оппозицию со стороны наиболее реакционных представителей социал-империализма. На национальном совете французской социалистической партии бывший социалистический депутат Фонтанье мотивировал свое голосование против предоставления избирательных прав туземцам следующим «радикальным» образом: «Социализм не выступает за поглощение колоний метрополией, но только за помощь метрополии развитию и прогрессу колоний, которые позволили бы впоследствии колонии конструировать в самостоятельные нации. Парламентское же представительство связывает колонию с метрополией и явилось бы препятствием к конституированию независимой колониальной нации».

На брюссельском конгрессе затевалось также принятие Гоминдана в ряды «социалистического» Интернационала. На приеме в Интернационал кровавых палачей Чан Кай-ши особенно настаивали близкие им по духу кровавые псы германской соц.-демократии. Но тут на сцену выступил Отто Бауэр, который отвел кандидатуры чанкайшистов, но все же был назначен комитет для переговоров с делегацией Гоминдана. На конгрессе присутствовал также единственный китайский делегат, фиктивный представитель фиктивной китайской соц.-демократии, которая состоит из нескольких парижских студентов и которая нашла в себе все-таки мужество выступить с резким разоблачением чанкайшистских палачей.

После скандала с индусами и ухода даже с галлереи последних представителей колониальных народов конгрессу ничего не оставалось, как завершить «блестящую» колониальную дискуссию выступлением маргаринового негра с Мадагаскара, являющегося на деле французским чиновником и проживающего с давних пор в Париже, который с дрожью в голосе благодарил высокое собрание за то внимание, которое оно уделяет бедным туземным народам—не в пример большевикам, которые требуют какой-то независимости и этим «хотят бросить дикие, некультурные колониальные народы на произвол судьбы».

Круг остался бы незавершенным, если бы социал-империалисты обошли молчанием «русскую проблему». В этом отношении, пожалуй, более, чем в каком-либо другом, во всей полноте разоблачила себя роль центризма, который взял на себя задачу главного удара.

По заявлению самого Отто Бауэра сочиненный им манифест должен представлять собой «ответ» на программу Коминтерна. Англичане хотели ограничиться опубликованием политических тезисов. Но Отто Бауэр настаивал именно на манифесте для того, чтобы в наиболее торжественной форме представить отравленную, подлую клевету, что «большевики всю свою надежду ставят сейчас на новую войну». Этот лозунг станет теперь, несомненно, лейтмотивом в клеветнической работе международной социал-демократии против коммунистов.

«Русская дискуссия» показательна в двух отношениях: с одной стороны, она вскрыла новый этап в наступлении на большевизм, именно: заострение кампании против СССР под маской борьбы с «военным авантюризмом» (на деле—подготовка войны против СССР). С полным правом мог Дан в «Соц. Вестнике» писать потом, что формулировка русской проблемы является «громадным подспорьем в нашей работе». С другой стороны, она полностью вскрыла роль центристов и всяких «левых», позиция которых в этом вопросе была поистине изумительна («всемирно-историческое значение манифеста»,—пишет в заключение своей статьи в «Классенкампф» Рейнгардт).

Замечательно было распределение ролей на конгрессе в этом вопросе. Главные действующие лица будущей интервенции в СССР сидели, словно воды

в рот набрали, предоставляя «работу» центристам. Для открытых социал-империалистов Англии, Франции, Германии противопоставление социал-демократического пацифизма «советскому милитаризму» и «военному авантюризму» большевиков есть простая подготовка к войне. СССР наступает, нужно защищать мир и обороняющееся отечество.

В рядах центристов этот вопрос вызвал было в первый момент мнимый раскол. Против первоначального проекта Бауэра выступили в политической комиссии представители английской независимой рабочей партии. Мослей упрекал Отто Бауэра, что вопрос о большевизме занимает почти половину места во всем манифесте и что о большевизме говорится в три раза больше, чем о фашизме. Эта позиция английских центристов, несомненно, исходит из невозможности для них выступить открыто против советского пролетариата. Это же обстоятельство, повидимому, предопределяет сдержанное молчание представителей рабочей партии (молчание Макдональда на только-что состоявшемся с'езде рабочей партии о возобновлении сношений с СССР!), обходящих этот вопрос и соблюдающих внешнюю корректность по отношению к советскому государству. В гнуснейшей речи, произнесенной Отто Бауэром в ответ в политической комиссии, Бауэр ссылался на то, что он «ближе стоит к большевикам, чем другие товарищи» и поэтому, мол, знает их адские военные замыслы.

«Большевистская» часть в «Манифесте» была сокращена с сохранением, конечно, всей принципиальной части. «Всемирно-исторический» манифест был принят единогласно. Центристы, «левые» и «левейшие» голосовали единодушно. Свою главную миссию — по обделыванию дел открытых социал-империалистов—они выполнили блестяще.

Такова социал-демократия эпохи «паузы». Так выглядит конгресс социал-империалистов в эпоху, насыщенную империалистическими противоречиями и подготовкой нового нападения империалистов на первую пролетарскую республику.

Г. Зиновьев.

Буржуазные рабочие партии в балансе сил империализма.

I.

Одной из важнейших новых черт современности является известное «возрождение» и усиление социал-демократии. 9¼ миллионов голосов, поданных за германскую социал-демократию на выборах, есть факт серьезный.

Было бы крайне вредно как с точки зрения непосредственной работы Коминтерна, так и с точки зрения ближайших интересов нашего государства, скрывать от себя вновь возросшую роль социал-демократии, в частности, преуменьшать значение недавней избирательной победы германской социал-демократии.

Особенно важным становится вопрос о нынешней иностранной политике социал-демократии, ибо это тесно связано с вопросом об опасности новых войн. Надо понять самим и об'яснить массам причины новых побед социал-демократии, надо попытаться предусмотреть вероятные их последствия для всего международного пролетарского движения и, в частности, для нашего государства.

Современная социал-демократия есть буржуазная рабочая партия эпохи войн и пролетарских революций. По своему составу большинство с.-д. партий современности продолжают «внизу» оставаться в основном рабочими партиями — хотя и все больше разбавляются в ряде стран мелкобуржуазными элементами. Но политически с.-д. партии превратились в прямое орудие буржуазии. Буржуазии удалось достигнуть этого важного для нее результата при помощи сложной системы мер, выросшей и давшей особенно большой эффект с расцветом империализма.

Буржуазии удается вести за собой социал-демократию,—а через нее значительные слои рабочих и иногда даже большинство рабочего класса—при помощи: 1) создания до некоторой степени привилегированного положения для верхушки рабочих—рабочей аристократии; 2) прямого подкупа, деморализации, втягивания в свою орбиту (сращение профсоюзной и партийной бюрократии с органами буржуазного государства и предпринимательскими организациями) «руководящих» слоев с.-д. организаций—рабочей бюрократии; 3) использования того давления, которое оказывают на социал-демократию мелкобуржуазные и просто буржуазные элементы, прямо проникающие в с.-д. партию, голосующие за нее и т. п., т.-е. использования «попутчиков».

Все это — на фоне обмана самых широких масс населения вообще методами буржуазной демократии: «свобода печати», «равенство перед законом», «свобода труда» и т. п.

Было время, когда II Интернационал отражал — в основном — силу рабочего класса, растущую борьбу пролетариата против капиталистического

владычества. Теперь, когда громадное большинство с.-д. партий превратилось в «буржуазные рабочие партии», II Интернационал на деле отражает общий баланс сил буржуазии, степень прочности капиталистического господства над рабочим классом, успехи буржуазной политики в рабочей среде, данный этап борьбы капитализма против будущего своего могильщика—пролетариата. Сила современной социал-демократии есть отраженная сила буржуазии.

Только поняв это, мы можем понять и «успехи» нынешних с.-д. партий, можем понять тот факт, что главнейшие с.-д. партии Европы, находившиеся несколько лет назад, казалось, чуть не при последнем издыхании, «выжили» и теперь вновь иногда кажутся даже «могущественными».

Историческая передышка, полученная капитализмом — частичная и временная стабилизация капитализма — неизбежно становится передышкой и для социал-демократии. Раз устояла—пока-что—вся буржуазная система, неизбежно должна была удержаться на поверхности и «буржуазная социал-демократия», составная часть этой системы. За реформистом стоит капиталист. За реформизмом—империализм, со всей его мощью, богатством, властью. Вот откуда «сила» реформизма.

Большинство с.-д. партий уже к началу войны «вызрели» в буржуазную рабочую партию. Когда же всемирная война привела вплотную к революционному кризису, большинство с.-д. партий показали уже себя не просто «буржуазными рабочими партиями», но «буржузными рабочими партиями контрреволюции». Они помогли буржуазии физически разгромить подымавшуюся революцию пролетариата. В дальнейшем, в эпоху частичной стабилизации капитализма, большинство с.-д. партий стали лучшими помощниками капиталистов в деле рационализации хозяйства за счет рабочих, стали срывать борьбу рабочих, превращать профсоюзы в придаток к союзам предпринимателей и т. п. В то же время при каждой новой вспышке пролетарского революционного движения (всеобщая стачка в Англии, восстание в Вене, китайская революция) именно с.-д. партии брали на себя задачу подавления движения и били по голове рабочих раньше, чем движение успевало встать на ноги.

В общем и целом с.-д. партии, начиная с 1914 года, выполняют именно ту задачу, которая в каждый данный момент является очередной злободневной для буржуазии: 1) 1914—1918—«защита отечества» в империалистической войне; 2) 1918—1923—активная борьба с оружием в руках против подымающейся пролетарской революции; 3) 1923—1928—активная помощь восстановлению капиталистического хозяйства за счет рабочих. Ближайшая очередная задача, которую возложит империалистическая буржуазия на с.-д., вероятно, будет заключаться в помощи делу экономического и политического «окружения» СССР. а затем и прямого нападения на него.

II.

Как именно социал-демократия сложилась в буржуазную рабочую партию?

До мировой войны европейская социал-демократия [1]), как целое, была социалистической рабочей партией—лишь отдельные ее отряды и слои были заражены буржуазными взглядами. К моменту войны и в ходе ее (1914—1918 гг.) социал-демократия стала буржуазной рабочей партией.

---

[1]) Английская рабочая партия уже тогда составляла исключение. См. нашу статью «Сколько марксизмов существует на свете», «Большевик» № 16, 1928 г.

Положение это, конечно, не следует понимать слишком упрощенно. Это превращение произошло, конечно, не «вдруг», не за одну ночь. Внутри социал-демократии и до войны жили, складывались и укреплялись элементы буржуазной рабочей партии, уживаясь до поры до времени в одной организации с элементами будущих подлинно-пролетарских партий. К концу 90-х годов прошлого столетия элементы оппортунизма—будущая буржуазная рабочая партия—стали особенно сильно крепнуть внутри старой социал-демократии.

Ленин любил напоминать предсказание Плеханова, сделанное в старой «Искре» в 1902 году (когда Плеханов был еще революционным марксистом), о том, что рабочее движение будет иметь свою Гору и Жиронду, как обнаружила их Великая французская буржуазная революция. Конечно, Гора и Жиронда и в Великой французской революции тоже родились не «вдруг». А с другой стороны, борьба между Горой и Жирондой рабочего движения неизбежно должна стать—и уже стала—более глубокой, более содержательной, более определяющей судьбы человечества, чем борьба Горы и Жиронды в буржуазной революции, ибо само нынешнее историческое действие глубже, содержательнее, более решающе для судеб человечества.

Оглядываясь теперь назад, можно с известным правом сказать, что оппортунизм, как международное направление в рабочем движении, сложился и оформился примерно тогда же, когда сложился и оформился империализм: как раз конец 90-х годов является началом «расцвета» бернштейнианства и оппортунизма вообще во всем мировом рабочем движении. Взаимозависимость и параллелизм развития здесь—вне всякого сомнения.

Это утверждение тоже не следует понимать слишком упрощенно. «Пролетариат есть детище капитализма мирового, а не только европейского и не только империалистского» (Ленин). Оппортунизм имел, разумеется, свои индивидуальные черты, скажем, в Англии и в России, в Германии и в Америке и т. п. Оппортунизм складывался и складывается—по разному в каждой стране, в зависимости от целого ряда обстоятельств. В Англии в силу ряда исключительных обстоятельств—о чем речь ниже—оппортунизм в рабочем движении родился, возмужал и стал «вызревать» в буржуазную рабочую партию на десятилетия раньше, чем в остальной Европе. В России оппортунизм, как «законченное» буржуазное течение в рабочем движении, сложился окончательно, пожалуй, позднее других стран и в особо своеобразных формах, что заложено 1) в громадном запоздании буржуазной революции в России, 2) в быстром перерастании ее в социалистическую, 3) в особой роли крестьянства в русской революции и т. п. В общем, можно сказать, что оппортунизм в мировом рабочем движении складывается с конца 90-х годов прошлого столетия параллельно с тем, как складывается империализм, и превращается в буржуазную рабочую партию к 1914—1917 гг., когда империализм приводит к первой всемирной войне.

Как складывались «буржуазный пролетариат» и буржуазное рабочее движение в Англии — это об'яснили еще Маркс и Энгельс, ставившие, как известно, это явление в связь с промышленной монополией Англии.

Как складывается буржуазная рабочая партия в современной Англии, потерявшей промышленную монополию, но сохранившей монополию колониальную, — это особенно подробно об'яснил Ленин (ср. наши ссылки на Ленина в статье «Сколько марксизмов существует на свете» — «Большевик» № 16). Но Ленин продолжил работу Маркса и Энгельса и в этой области. То, что Маркс с Энгельсом (а после смерти Маркса один Энгельс) прослеживали в отношении старой Англии с 1858 до 1892 г., Ленин с крахом II Интернационала особенно тщательно прослеживает в отношении четырех крупнейших и богатейших и решающих капиталистических стран: Америки, Англии, Германии и Франции.

Ленин, конечно, прекрасно знает, что между империализмом французским и американским или германским и английским существуют черты различия. Лучше, чем кто бы то ни было, Ленин умеет диференцировать, улавливать особое и частное в общем. Но прежде всего ему необходимо установить именно общее: найти генеральную связь между оппортунизмом и империализмом, установить общий закон, по которому империалистическая стадия капитализма сопровождается рождением буржуазных рабочих партий, а первая всемирная империалистская война приводит к выделению из единого доселе рабочего движения двух партий: буржуазной рабочей партии на одном полюсе, коммунистической (или большевистской) рабочей партии—на другом.

«В 1848 — 68 гг. и частью позже монополиею пользовалась только Англия; поэтому в ней мог на десятилетия победить оппортунизм... Последняя треть XIX века была переходом к новой, империалистической эпохе. Монополией пользуется финансовый капитал не одной, а нескольких, очень немногих, великих держав... Тогда рабочий класс одной страны можно было подкупить, развратить на десятилетия. Теперь это невероятно, пожалуй, даже невозможно, но зато меньшие (чем в Англии 1848—68 гг.) прослойки «рабочей аристократии» подкупить может и подкупает каждая великая держава. Тогда «буржуазная рабочая партия», по замечательно глубокому выражению Энгельса, могла сложиться только в одной стране... Теперь «буржуазная рабочая партия» неизбежна и типична для всех империалистических стран, но в виду отчаянной борьбы за дележ добычи, невероятно, чтобы такая партия могла надолго победить в ряде стран». Так пишет В. И.

Итак, в Америке, Англии, Франции и Германии империализм породил буржуазную рабочую партию. Разновидность этого мы имеем, однако, также в таких странах, как Россия, Япония (Ленин).

В итоге:

«Буржуазия уже родила, вскормила, обеспечила себе буржуазные рабочие партии социал-шовинистов во всех странах» (Ленин).

Так обстояло дело во время первой всемирной империалистической войны.

Посмотрим теперь, что произошло в этом отношении по окончании империалистической войны, как сложилось дело в течение десятилетия, протекшего со времени окончания мировой войны, как отразилась на судьбах буржуазных рабочих партий победа пролетарской революции в России.

III.

В надвинувшихся к 1917 году решающих боях официальные верхушки с.-д. все более безоглядно, все более откровенно связывали свою судьбу с контрреволюционной буржуазией и ее вооруженной силой, ее контрреволюционным офицерством и т. д.—против «красного призрака» социалистической революции, который на этот раз и впрямь «бродил» почти по всей Европе. В огне революционных событий страшно быстро «созревали» все эти Носке и Эберты, Либерданы и Церетелли, Реннеры и Бауэры. Лучший пример — «наши» русские меньшевики и с.-р. Русские меньшевики издавна были партией мелкобуржуазного реформизма. Но как быстро в огне революционных событий эти «добродетельные» мещане «дозрели» до прямой контрреволюционной борьбы с оружием в руках против революционных рабочих и солдат!

В марте 1917 г. совершилась «великая», «бескровная» буржуазная революция в России, и наша «революционная демократия» мирно овладела Советами, эксплоатируя «добросовестное оборончество» масс. А уже в июле 1917 г. вожди меньшевиков открыто сотрудничали с кандидатами в русские

Кавеньяки в деле подавления питерских рабочих, революционных матросов Кронштадта и примкнувших к ним революционных полков пулеметчиков. А еще через несколько недель—уже с энтузиазмом защищали и проводили смертную казнь для революционных солдат на фронтах.

Столь же быстро «созревали» Эберты, Носке, Шейдеманы и К° в Германии, как только там началась революция. Автор недавно вышедшей примечательной книги «Марксизм и немецкое войско в мировой войне», майор Фолькман, с откровенностью прямо брутальной заявляет, что от поведения с.-д., с одной стороны, и основных кадров офицерского корпуса, с другой стороны, зависел ход и исход войны для Германии; что хотя «пути социал-демократии, партнерши в великой игре, в которой (игре) решалось будущее Германии, не были столь же прямыми, как пути офицерского корпуса», но это только потому, что «раскол с самого начала вносили сторонники строгого интернационализма и учения Маркса». Тот же майор с похвальной откровенностью формулирует суть дела, когда заявляет: «Радикалы (будущие коммунисты) рвались (в 1918—19 гг.) вперед, добиваясь присоединения к Москве и работая за мировую революцию. Умеренные с.-д. с помощью офицеров старой армии сломили этот натиск» (названная книга, стр. 13—15). Разве не с тою же помощью «офицеров старой армии» вожди социал-демократии убили Карла Либкнехта и Розу Люксембург!

«Форма крушения прусской идеи во второй половине 1918 г. была беспримерной,—жалуется майор.—На арене внешней борьбы Пруссия держалась стойко до самых последних дней войны, отбиваясь от целого мира врагов. А вот внутри страны Пруссия вынуждена была капитулировать перед какими-нибудь несколькими тысячами бунтующей матросни» (стр. 12). Но, как известно, и с этой «бунтующей матросней» Носке с Эбертом расправились опять-таки «с помощью офицеров старой армии». Если с такой же «бунтующей матросней» в октябре 1917 г. не удалось расправиться русским меньшевикам и эсэрами, то это уж не по их вине.

Через несколько лет после окончания войны, когда буржуазии при помощи с.-д. удалось на время отсрочить свою гибель, когда непосредственно-революционная ситуация на время уступила место частичной стабилизации капитализма, вожди с.-д. в полемике против коммунистов всегда выдвигали тот «довод», что коммунисты оказались-де неправы в главном и основном, так как международная революция еще не произошла. «Где же ваша международная революция?»—потирая руки от удовольствия, говорят с ехидством эти люди. Сначала сами помогли буржуазии разбить передовые отряды рабочих в решающих пунктах, а затем вопрошают: «где же ваша международная революция?» Они поступают так же, как самые злостные штрейкбрехеры, которые, прямо продавшись капиталистам, сначала срывают рабочую стачку, а потом пытаются издеваться над пролетариями, оставшимися верными этой стачке: «Но почему же вы не бастуете дальше? Много ли помогла ваша стачка?»

Вернейшие слуги буржуазии, вожди «буржуазных рабочих партий», превратили в 1918 — 1920 гг. эти партии в организации прямой контрреволюции, вступив в тесный союз с Людендорфами и другими Корниловыми. И в то же время эти господа пытаются попрежнему слыть «социалистами» и даже «марксистами».

Не только сами вожди «буржуазных рабочих партий», но и их хозяева из лагеря империалистов понимали—и иногда высказывали это открыто,—что именно для успешного выполнения своей контрреволюционной роли социал-демократы должны сохранять вывеску «социализма», должны на словах сохранять верность «социалистическим идеалам». Один из умнейших органов германских консерваторов еще в разгар мировой войны писал, что «характер рабочей партии с социалистическими идеалами она (социал-демократия)

должна сохранить, ибо в тот момент, когда она откажется от этого, возникнет новая партия, которая восприсмет программу, от которой прежняя партия отреклась, и придаст ей еще более радикальную формулировку» («Прусские ежегодники», 1915, IV, стр. 50—51). В этих словах твердою и умелою рукой начертана вся та программа, которую диктует своей социал-демократии буржуазия, и которую вожди «буржуазной рабочей партии» и стараются проводить по мере сил и разумения.

В моменты, когда волны революционного прибоя вздымались особенно высоко, буржуазии приходилось итти на самую рискованную игру и «изловчаться» всячески. В центральном органе германской социал-демократии («Форвертс» от 24 апреля 1919 г.) была помещена статья Фрейгерра Карла Шенка фон-Швейнсберга, который писал: «Если мы хотим спасти Германию от русской советской системы «вся власть Советам», то нам остается только одно: мы должны сами дать германским рабочим разумную советскую систему—такую систему, при которой Советы были бы второй палатой рядом с Национальным Собранием... Таким образом, нам удалось бы установить известное равновесие сил».

Эту «программу», начертанную наиболее дальновидными представителями буржуазии, как известно, с «ученым видом знатока» защищали немного позже Гильфердинг, Каутский и другие вожди тогдашних «независимых» с.-д., не говоря уже о Шейдеманах. И именно под этим флагом с.-д. вожди на деле саботировали Советы и срывали рабочую революцию.

В той или другой форме, применяясь к конкретной обстановке в данной стране, эту же роль ударных колонн против назревающей революции сыграли в ту пору с.-д. партии в Италии, Чехо-Словакии, на Балканах и даже в такой стране, как Голландия.

Без с.-д. партий буржуазия не могла бы в этой обстановке победить революционное движение рабочих и солдат. Чем сильнее была официальная с.-д., тем легче—при прочих равных условиях — буржуазия справлялась с революционным движением «низших» классов. Через социал-демократию, через «доверенных людей» с.-д. партий, через ее депутатов, профсоюзных чиновников, газетчиков, ораторов, через весь аппарат с.-д. буржуазная контрреволюция проникла в самую сердцевину рабочего движения, разлагала массы посулами, лаской, обещаниями и в то же время запугиваниями, внесением колебаний и раскола в ряды борцов, а в решающий момент и прямыми расстрелами.

С началом мировой войны оппортунизм не мог не превратиться в социал-шовинизм. С началом пролетарской революции оппортунизм не мог не перерасти в прямую контрреволюцию.

Так элементы «буржуазной рабочей партии», до поры до времени гнездившиеся в недрах II Интернационала в полудремлющем состоянии, к началу эпохи пролетарской революции превратились в «буржуазные рабочие партии контрреволюции». И не было у буржуазии орудия против пролетарской революции более «подходящего», более «целесообразного», более соответствовавшего ее потребностям в данную историческую эпоху, как эта контрреволюционная социал-демократия.

IV.

Был момент—особенно в первую победоносную полосу германской революции—когда естественно было думать, что песенка социал-демократии окончательно спета, что рабочий класс разорвет сейчас же путы буржуазии и социал-демократии, что вместе с буржуазией будет разбита вдребезги и «буржуазная рабочая партия». Памятно, что свою работу «Пролетарская революция и ренегат Каутский» Ленин оборвал, когда пришла весть о победе германской революции. 10 ноября 1918 г. Ленин писал: «В ночь с 9 на 10 получены известия из Германии о начавшейся победоносной революции сначала в Киле и др. северных и приморских городах, где власть перешла в руки Советов Рабочих и Солдатских депутатов, затем в Берлине, где власть тоже перешла в руки Совета. Заключение, которое мне осталось написать к брошюре о Каутском и о пролетарской революции, становится излишним».

В статье против Макдональда, «товарищески» уговаривавшего большевиков не рвать с «центром» и не строить своего особого Интернационала (как далеко ушли мы от тех времен!), Ленин 14 июля 1919 г. писал: «Массы пролетариев и полупролетариев—за нас, и переходят к нам не по дням, а по часам. Бернский Интернационал—штаб без армии, который развалится, как карточный домик, если разоблачить его перед массами до конца».

В речи, посвященной первой годовщине Коминтерна, Ленин говорил: «Учитывая положение дел, можно сказать, что II Интернационал убит и массы рабочих в Германии, Англии и Франции переходят на сторону коммунистов». Даже в «Детской болезни «левизны» (весна 1920 года) Ленин говорит о II Интернационале, что он «ныне уже фактически убит» (том XVII, стр. 177).

Весной 1920 года Ленин пишет, что «Второй Интернационал отныне уже фактически убит». А между тем известно, что на выборах в учредительный рейхстаг в 1919 году германская социал-демократия, одна из важнейших партий II Интернационала, получила $11\frac{1}{2}$ миллионов голосов (с.-д. плюс независимые с.-д.), что составляло 37,8% всех поданных голосов. Этого факта не мог не знать Ленин. Как же понять его слова, что Второй Интернационал уже убит? Нет ли тут противоречия?

Ссылаясь на эти и подобные заявления Ленина и всех большевиков, теоретики с.-д. Отто Бауэр, Каутский и К° не раз с апломбом и указывали на то, что-де анализ Ленина не подтвердился, что с.-д. оказалась «непобедимой» и т. п. Конечно, поскольку ход мировой революции оказался более затяжным, поскольку капитализму удалось еще на время «закрепиться», непосредственная гибель с.-д. тоже задержалась. Буржуазия и меньшевики в России, как известно, считали, что они «непобедимы», даже тогда, когда до победы пролетарской революции над ними оставалось всего несколько недель. Судьба русских партий II Интернационала (меньшевиков и с.-р.), так сказать, «в обратном порядке» подтверждает особенно наглядно то, что мы говорили выше о связи между реформизмом и империализмом. Победа рабочего класса СССР над своей буржуазией означала через совсем короткий срок радикальную ликвидацию меньшевиков и эсэров. А если бы в 1917 г. удержалась буржуазная демократия в России,—о, сколь «непобедимыми» считали бы себя меньшевики и эсэры в России!

Да, некоторую отсрочку «буржуазные рабочие партии контрреволюции» получили вместе с их буржуазными хозяевами. Это мы, большевики, должны признать.

И все-таки Ленин был прав, когда еще 1 ноября 1914 г. писал: «II Интернационал умер, побежденный оппортунизмом».

Оппортунизм, реформизм, буржуазная рабочая политика исторически обречены. В этом смысле они мертвы. Но это отнюдь не значит, что реформизм уже сейчас не играет никакой роли в руках буржуазии, что его не смогут использовать империалисты против рабочих. Реформизм исторически мертв. А все-таки он, пока-что, очень и очень годится еще для срыва германской революции в 1918—19 гг., для срыва всеобщей забастовки в Англии в 1926 году, для помощи империалистам в деле удушения китайской революции в 1927 году. «Классическими» образцами контрреволюционной роли реформистов в будущем, вероятно, будут считаться роль германских с.-д. в германской революции 1918—19 гг. и роль Генсовета в

английской всеобщей забастовке 1926 г. Два крупнейших примера—п о к у д а крупнейших!—того, как «социалистические» агенты буржуазии «возглавляют» рабочее движение, чтобы в должный момент о б е з г л а в и т ь его. И все-таки буржуазный «социализм»—или, что то же, реформизм—исторически обречен и мертв как в Германии, так и в Англии.

Европейский рабочий зачастую все еще верит в возможность через социал-демократию м и р н ы м и с р е д с т в а м и добиться улучшения своего положения. Он все еще надеется избегнуть жертв, с которыми связан путь революции. «Передовая» европейская буржуазия и ее спутник—социал-демократия—всеми силами поддерживают эти настроения у рабочих. Но в то же время вся п р а к т и к а буржуазии делает все, чтобы постепенно освободить рабочих от мирных иллюзий. Новый «под'ем» социал-демократии, новый опыт коалиционных и чисто социал-демократических правительств освободит от этих иллюзий новые большие слои рабочих. Например, правительственная деятельность кабинета Германа Мюллера, несомненно, излечит от мирных реформистских иллюзий не одну сотню тысяч немецких рабочих, которые перейдут от с.-д. к коммунистам. Опыт с голосованием с.-д. министров за постройку броненосца говорит об этом достаточно красноречиво.

Что «массы рабочих в Германии, Англии и Франции п е р е х о д я т на сторону коммунистов»—это оказалось верно только к а к т е н д е н ц и я, а еще не как совершившийся факт.

Когда коммунистическая партия Германии, при наличии сильной социал-демократии, в мае 1928 г. получает 3¼ миллиона голосов, это значит, что массы рабочих «переходят» (но еще не в достаточной степени) на сторону коммунистов. Напомним, что в 1912 году (последние выборы перед войной) германская социал-демократия, будучи единственной рабочей партией в стране, получила 4½ миллиона голосов. И это считалось громадным успехом.

Когда весною 1928 г. французские коммунисты получают свыше миллиона голосов (против социалистов, хотя и собравших 1.640.000 голосов, но не по своим чистым спискам, а в ряде округов по «картельным» спискам с буржуазией), это значит, что массы «переходят» к коммунистам, но еще далеко не в достаточной степени.

В Англии мы не имели больших избирательных успехов, и там переход масс к коммунистам особенно труден по причинам, которые в свое время были достаточно раз'яснены Марксом, Энгельсом, Лениным.

Избирательные парламентские успехи вообще не могут считаться сколько-нибудь исчерпывающим критерием, чтобы судить о том, насколько массы переходят к коммунистам, ибо социал-демократия, тысячами нитей связанная с буржуазией, имеет на этой арене бесчисленные преимущества перед коммунистами.

Коммунисты не имеют права чрезмерно обольщаться избирательными успехами и тогда, когда они налицо. В Чехо-Словакии компартия получает на выборах миллион голосов и больше. А когда она недавно призвала рабочих на запрещенную правительством антимилитаристскую демонстрацию, она собрала только несколько тысяч человек. Только в горниле классовых битв, только через действительные классовые бои познается подлинная сила компартий.

Несомненно, что в вопросе о с р о к а х перехода к нам масс от с.-д. партий все мы в первые годы нашей революции были слишком оптимистичны. Это стояло в тесной связи с нашей ошибкой в вопросе о с р о к а х победы пролетарских революций в Европе вообще [1].

[1]) Такие ошибки бывали и у Маркса и Энгельса. В частности, ошибались они и относительно германской с.-д. Маркс и Энгельс достаточно часто и решительно предупреждали против оппортунизма в германской с.-д., тогда еще молодой партии, в которой оппортунизм только еще прокладывал себе дорогу. Энгельс умер на 12 лет позже Маркса. Он видел уже явственный рост оппортунизма в германской с.-д., против которого он предупреждал особенно настойчиво в ряде частных писем к тогдашним вождям германской с.-д. (Бебелю и др.). И, тем не менее, Энгельс умирал (см. документы, собранные в брошюре «Политическое завещание Энгельса»), будучи совершенно уверен, что германская с.-д. все же в основном останется революционной пролетарской партией и выполнит свою историческую миссию.

Ленин писал по другому поводу:

«Капитализм уже много десятилетий тому назад можно было, и с полным правом, об'явить «исторически изжитым», но это нисколько не устраняет необходимости очень долгой и очень упорной борьбы на почве капитализма. «Исторически изжит» парламентаризм в смысле всемирно-историческом, т.-е. эпоха буржуазного парламентаризма кончена, эпоха диктатуры пролетариата началась. Это бесспорно. Но всемирно-исторический масштаб считает десятилетиями. На 10—20 лет раньше или позже, это с точки зрения всемирно-исторического масштаба безразлично, это с точки зрения всемирной истории — мелочь, которую нельзя даже приблизительно учесть» (XVII. 146).

То же можно сказать о реформизме, о социал-демократии. Эпоха реформизма кончена, эпоха коммунизма началась. Эпоха второго Интернационала кончена. Эпоха Коминтерна началась. Но это нисколько не устраняет необходимости долгой и очень упорной борьбы с социал-демократией. Исход этой борьбы—вне всякого сомнения. 10 — 20 лет раньше или позже — это, однако, немаловажный вопрос для рабочего класса, для данного поколения борцов его. Борьба идет именно за то, чтобы максимально сократить остающиеся еще—в историческом масштабе, несомненно, очень уже короткие,—сроки существования буржуазного строя, а вместе с ним и буржуазных рабочих партий.

В таком вопросе, как «10 — 20 лет раньше или позже», громадное, решающее значение имеет именно с у б ' е к т и в н ы й ф а к т о р, роль организованности, роль партии.

В 1917—1920 гг., в годы кризиса, непосредственно связанного с мировой войной и ее окончанием, об'ективные предпосылки для низвержения капитализма в ряде стран созрели вполне. Но, чтобы он упал, нужно было его «уронить». Нужна была максимальная организованность рабочих и революционных солдат. Нужна была сильная большевистская партия в Германии, Англии, Франции и т. д. А ее-то и не было. Мало того. В то же время в этих государствах существовали старые и сильные реформистские профсоюзы и с.-д. партии, целиком перешедшие на сторону буржуазии и использовавшие против революции всю свою многолетнюю организованность, рабочие связи, знание рабочей среды, знание слабых сторон бедного люда, использовавшие вывеску социализма. Организованной большевистской партии, которая могла бы «уронить» падающий капитализм, не оказалось. А организованных с.-д. партий и реформистских профсоюзов, которые со всех ног бросились «поддерживать» и «поднимать» пошатнувшийся капитализм, оказалось более чем достаточно. «Суб'ективный фактор» оказался на стороне буржуазии. И благодаря этому через некоторое время смогло до известной степени перемениться и само об'ективное положение,—вплоть до того времени, как назреют новые изменения в соотношении сил борющихся классов.

Чтобы «уронить» капитализм в послевоенном революционном кризисе 1917—1920 гг., нужны были сильные и серьезные коммунистические партии на Западе. А между тем, как показал ход событий, коммунистические партии на Западе могли в этом кризисе только р о д и т ь с я.

Рождение коммунистических партий на Западе, это, конечно,—результат несравненно более скромный, нежели полная победа над капитализмом,

на которую мы рассчитывали. Но все же это—результат не малый. Вспомним, с каким трудом складывалась большевистская партия в России и какой длинный срок прошел, пока она окончательно сложилась. Новые революционные кризисы в Европе,—а они не за горами,—если мы не будем делать чрезмерных ошибок, застанут уже серьезные коммунистические партии в Европе, переболевшие ряд слабостей, освободившиеся от многих ошибок и готовые к выполнению своей исторической миссии.

За плечами молодых, только еще рождающихся коммунистических партий в Европе, в годы послевоенного кризиса стояла и стоит великая пролетарская революция в России. Эта революция является источником сил, источником вдохновения для всех коммунистических партий мира. Но за плечами с.-д. партий, быстро оправившихся от первого испуга, причиненного им революционными событиями, стоит вся мировая буржуазия, весь империализм, вся сила капитала, его богатства и связей.

Отношение руководящих слоев с.-д. партий к пролетарской революции в России глубоко враждебно — как ни маскируют иногда, по понятным соображениям, свою непримиримую ненависть к русской революции эти руководящие слои. Эти слои отбрасываются все больше направо каждым успехом мирового коммунизма, в частности, каждым крупным успехом СССР. Революция порождает контрреволюцию. Борясь против пролетарской революции, современные чиновники с.-д. партий, профсоюзов и т. п., борются уже прямо за свое дело, за свои интересы. Они прекрасно отдают себе отчет в том, что, если гром пролетарской революции разразится вообще, он разразится и над их головами, что полетят их привилегии; что придет конец теплым местечкам, политическому влиянию, насиженным гнездышкам, спокойной жизни. Они не могут не помнить слова Ленина, что «вожди II Интернационала это — собрание подлых убийц. От суда революционных рабочих им не уйти». Они знают, что такие слова живут уже теперь в сердцах сотен тысяч рабочих, горящих законной ненавистью к тому слою «социалистов», который превратил рабочие партии в буржуазные рабочие партии.

V.

Ленин ожидал более быстрой гибели социал-демократии. Однако, надо имет в виду, что и в годы наибольшего упадка социал-демократии Ленин не уставал указывать на то, что оппортунизм в обстановке империализма имеет под собой пока-что серьезную социальную базу.

В предисловии к французскому изданию своего «Империализма» Ленин пишет 6 июля 1920 г.: «...Вывоз капитала дает доход 8—10 миллиардов франков в год, по довоенным ценам и довоенной буржуазной статистике. Теперь, конечно, много больше.

«Понятно, что из такой гигантской сверхприбыли... можно подкупать рабочих вождей и верхнюю прослойку рабочей аристократии. Ее и подкупают капиталисты «передовых» стран, подкупают тысячами способов, прямых и косвенных, открытых и прикрытых.

«Этот слой обуржуазившихся рабочих или «рабочей аристократии», вполне мещанских по образу жизни, по размерам заработков, по всему своему миросозерцанию, есть главная опора II Интернационала, а в наши дни главная социальная (не военная) опора буржуазии... В гражданской войне пролетариата с буржуазией они неизбежно становятся, в немалом числе, на сторону буржуазии, на сторону «версальцев» против «коммунаров» (том XVII, стр. 248, 249).

На втором всемирном конгрессе Коминтерна Ленин 19 июля 1920 г. говорил:

«Тут мы должны поставить вопрос, чем об'ясняется прочность таких направлений в Европе и почему этот оппортунизм в Западной Европе сильнее, чем у нас. Да потому, что передовые страны создали и создают свою культуру возможностью жить за счет миллиарда угнетенных людей. Потому, что капиталисты этих стран получают много сверх того, что они могли бы получить, как прибыль от грабежа рабочих своей страны.

«До войны считали, что три богатейших страны, Англия, Франция и Германия, от одного только вывоза капитала за границу, не считая других доходов, имеют 8—10 миллиардов франков в год дохода.

«Понятно, что из этой милой суммы можно бросить хотя бы полмиллиарда на подачку рабочим вождям, рабочей аристократии, на всякие виды подкупа. И все дело сводится именно к подкупу. Это делается тысячами разнообразных путей: повышением культуры в наиболее крупных центрах, созданием образовательных учреждений, созданием тысячи местечек для вождей кооперативов, для вождей трэд-юнионов, парламентских вождей. Но это делается везде, где есть современные цивилизованные капиталистические отношения. И эти миллиарды сверхприбыли есть экономическая основа, на которой держится оппортунизм в рабочем движении. Мы имеем в Америке, в Англии, во Франции неизмеримо более сильное упорство оппортунистических вождей, верхушки рабочего класса, аристократии рабочих; они оказывают более сильное сопротивление коммунистическому движению... Болезнь эта затянулась, излечение ее затянулось дольше, чем оптимисты могли надеяться. Оппортунизм наш главный враг. Оппортунизм в верхах рабочего движения это — социализм не пролетарский, а буржуазный. Практически доказано, что деятели внутри рабочего движения, принадлежащие к оппортунистическому направлению — лучшие защитники буржуазии, чем сами буржуа. Без их руководства рабочими буржуазия не смогла бы держаться» (том XVII, стр. 266).

В тезисах «о тактике РКП» (к III конгрессу Коминтерна—12 июля 1921 г.) Ленин говорил о социал-демократии в следующих словах:

«Мелкобуржуазная демократия капиталистических стран, представленная в ее передовой части Вторым Интернационалом и Интернационалом 2½, является в данный момент главной опорой капитализма, поскольку под ее влиянием остается большинство или значительная часть промышленных и торговых рабочих и служащих, которые боятся в случае революции потерять свое сравнительное мещанское благополучие, созданное привилегиями империализма» (том XVIII, ч. 1, стр. 312).

В Германии особенно сильно влияние рабочей бюрократии, разросшейся количественно до очень большой цифры. Официальные данные германской с.-д. называют цифру должностных лиц (депутатов рейхстага и ландтагов, редакторов, платных «вождей» профсоюзов и пр.) свыше 50.000 человек.

Весною 1928 г. органы германской социал-демократии называли следующие цифры:

с.-д. депутатов в рейстаге, ландагах, муниципалитетах и т. д.	41.799 чел.
партийных функционеров	7.000 „
профсоюзных функционеров	7.000 „[1]

В Англии и, в особенности, в Америке более сильное влияние имеет рабочая аристократия. «По отношению к Англии,—писал Ленин в 1921 году,—нельзя забывать, что если в ней особенно малочисленен класс мелких землевладельцев-арендаторов, то в ней зато исключительно высок процент живущих по-мелкобуржуазному среди рабочих и служащих,

[1]) Ср. эти данные с довоенными данными, приведенными нами в брошюре «Корни оборончества», написанной еще в 1915 году и прошедшей через редакцию Ленина. Эта брошюра вошла главой в нашу книгу «Война и кризис социализма».

вследствие фактического рабства сотни миллионов людей в колониях, «принадлежащих» Англии» (том XVII, стр. 314).

Во Франции особенно сильно влияние на социалистическую партию мелкобуржуазных попутчиков. При отсутствии во французской политической традиции больших рабочих организаций, многочисленных профсоюзов, сильных партий — парламентский характер социалистической партии особенно дает себя знать, а роль мелкобуржуазных попутчиков на парламентских выборах особенно велика. Во Франции трудно даже сказать точно, сколько же «чистых» социалистических голосов получает французская социалистическая партия на выборах, ибо на деле она уже в первом туре в ряде департаментов идет рука об руку с буржуазными кандидатами. Настолько «переплелась» уже французская социалистическая партия с «демократическими» слоями буржуазии.

В живой действительности, конечно, рабочая бюрократия, рабочая аристократия, с.-д. попутчики не отделены друг от друга китайской стеной. В разных комбинациях эти три фактора действуют в каждой из крупных с.-д. партий одновременно.

Аппараты с.-д. партий и реформистских профсоюзов чрезвычайно разрослись. Реформистские профсоюзы и с.-д. партии тысячами путей «сращиваются» с государственными аппаратами буржуазии и ее хозяйственными и «культурными» органами. Теперь реформистский чиновник проникает не только в парламент и муниципалитет, но и в полицию, и в школьные советы, и в органы рационализации промышленности, и в комиссии Лиги Наций, и в «Национальные Экономические Советы» (Франция), и в промышленные советы, и страховые органы, и трется около банковских учреждений, продовольственных органов и т. д., и т. п. Там, где до мировой войны была тысяча чиновников «рабочего» движения, теперь будет минимум десять тысяч. И эта орава растет не по дням, а по часам, все больше разлагаясь и все больше озлобляясь на все то, что может им хоть отдаленно напомнить о грядущем «судном дне» — о социалистической революции. Ибо ее «общественное положение» может поколебаться только в результате революции. Именно этот, ныне очень уже многочисленный слой делает политическую погоду в современных европейских с.-д. партиях и реформистских профсоюзах. Он очень силен, ибо 1) за его спиной стоит буржуазия и 2) он действует сейчас на фоне погрома, учиненного над рабочими массами силами буржуазии и с.-д. в последнее десятилетие.

И замечательно, что этот рабочий бюрократ ненавидит СССР, ненавидит коммунизм еще более ожесточенно, чем сама буржуазия. Лакей не только старается перед своим барином. Он больше всего боится за свое собственное дрянненькое существование. Он знает и чувствует, что живительная гроза надвигающейся пролетарской революции не оставит камня на камне от его благополучия. Основная «профессия» с.-д. чиновника и «теоретика» — злопыхательство против СССР. Весь смысл его существования теперь — борьба против пролетарской революции и пролетарских партий. За это его содержит буржуазия. Современный с.-д. вождь и с.-д. чиновник воюют против русской революции, против коммунизма в своей стране и против Коминтерна в целом, не только как винтики буржуазного государства, но и как члены обуржуазившейся рабочей партии, непосредственно конкурирующей с коммунистической партией в борьбе за влияние на рабочих.

VI.

Внешняя политика современных с.-д. партий носит теперь откровенно буржуазный характер. С.-д. вожди уже почти не скрывают того, что их внешняя политика есть внешняя политика «своей» буржуазии. Все кровавые уроки первой мировой империалистской войны как бы пропали даром. Ни один здравомыслящий человек не может теперь сомневаться ни на одну минуту, что в случае новой войны с.-д. вожди вновь выступят откровенными агентами буржуазии—только еще более озлобленными (ибо умудренными опытом) против пролетарской революции.

Вожди империалистов совершенно правы, когда они сравнивают роль с.-д. кадров с кадровым офицерством буржуазных армий. Действительно, без с.-д. кадров, загоняющих рабочих под знамена Людендорфов и Фошей, империалисты так же не могут обойтись, как без комсостава из числа кадрового офицерства. В некоторых отношениях с.-д. кадры для империалистов еще ценнее, чем кадры офицерства, ибо социал-демократия делает общественное мнение в массах, поставляет массовое «сырье» для армии, деморализует и разоружает рабочий класс, который мог бы войну использовать как раз для себя—если бы не социал-демократия.

Виднейший теоретический вождь II Интернационала, Гильфердинг, уже давно заявил в «Ди Гезельшафт», что «старый тезис: капитализм есть война, социализм есть мир, — стал неверен в обеих своих частях». Капитализм уже не означает войну, ибо, видите ли, «конкуренция преодолевается благодаря общности интересов. Державы взаимно гарантируют друг другу их владения». А социализм потому, видите ли, не означает мира, что внешняя политика большевиков пытается использовать национальные противоречия и освободительные стремления для их целей, которые являются своеобразной смесью реалистической русской политики экспансии с мировой революционной романтикой».

Тот же Гильфердинг в секретном заседании комиссии рейхстага уже намечал (незадолго до последних парламентских выборов) «план», сводящийся к тому, что «в интересах рабочего класса» (сокращение безработицы, приобретение нового рынка, завоевание «демократии») именно социалдемократия имеет-де моральное право и должна высказаться за выступление против СССР.

Редактор международного отдела «Форвертса» (Шифф) едет на свидание с Пуанкарэ и после интервью с ним заявляет на весь мир, что Пуанкарэ произвел на него «прекрасное впечатление», что с ним можно договориться, что Пуанкарэ хочет мира и готов итти навстречу Германии, что его обещания «солидны», что германская социал-демократия должна держать курс на сотрудничество с Пуанкарэ.

Тот же «Форвертс» доходит до такой подлости, что пишет: «Пусть нам положение вещей не изображают так, будто Россия представляет собою овечку, которая не способна замутить воду. Русские шпионские и заговорщические методы являются бичом для всего света».

То ли дело внешняя политика гинденбурговской Германии! То ли дело постройка броненосцев для германской буржуазии!

Поль Бонкур, вождь французских социалистов (он же представитель французской республики в Лиге Наций), приглашает Социалистическую Партию Франции к «бескорыстной» поддержке правительства Пуанкарэ, который, спасши франк, «спас отечество». Новая палата депутатов с громадным большинством пуанкаристов выбирает Поля Бонкура председателем комиссии по иностранным делам. Тот же Бонкур играет видную роль в заключении империалистского военного соглашения между Англией и Францией.

Вандервельде одобряет Французскую Социалистическую Партию, призывая ее бросить «предрассудки» и вступить (если позовут) в министерство Пуанкарэ.

В Англии вожди Рабочей Партии и трэд-юнионов расходятся с консерваторами в каких угодно вопросах, только не в вопросе о борьбе против СССР. Придет ли после выборов вновь к власти «чистое» правительство кон-

серваторов, или последуют какие-либо перемены, английские реформисты будут всеми силами помогать империалистам против СССР. Правительство Макдональда громило Индию. Английская Рабочая Партия и Генсовет профсоюзов поддерживали посылку войск в Китай и фактически дали согласие на разрыв с СССР.

В Польше ППС является важнейшим слугой буржуазии, поскольку дело идет о борьбе против СССР.

На недавнем конгрессе II Интернационала в Брюсселе социал-демократы окончательно закрепили политику поддержки Лиги Наций. Целый ряд самых больных вопросов, от которых больше всего зависит война и мир, II Интернационал торжественно «передает на разрешение» Лиги Наций. А уж пакт Келлога, конечно, об'является «священными скрижалями». Социал-демократия поддерживает во всем мире буржуазную армию. Едва ли найдется теперь хоть одна с.-д. партия, которая хотя бы в парламенте голосовала против военного бюджета буржуазии.

Одной рукой поддерживая «свои» правительства в деле создания вооруженных сил и подготовки войны, с.-д. вожди другой рукой щедро сеют пацифистские иллюзии. Несравненным идеалом миролюбия изображаются САСШ. Америка и американский империализм—источник вдохновения всей современной социал-демократии. Американский капитал, сыгравший такую огромную роль в деле восстановления Германии, попутно «посадил в седло» и германскую социал-демократию. (В скобках заметим, что тот же американский капитал, оплодотворив Италию, укрепил в седле и фашизм).

В момент, когда подготовка империалистами войны против СССР обрисовывается с полной ясностью, Брюссельский конгресс в специальном манифесте обвиняет Коминтерн в том, будто принятая им программа есть программа войны, будто в СССР господствует «диктатура войны». Это ли не выполнение «социального заказа» буржуазии? Когда буржуазия готовит войну против пролетарского государства, конечно, ей в высшей степени выгодно кричать, будто войну готовит и войны хочет пролетарское государство. «Доказать» это поручается именно социал-демократии.

Во всех главных пунктах, откуда буржуазия непосредственно угрожает сейчас СССР, — Англия, Польша, Франция, Германия, — социал-демократия является ныне крупнейшей силой. Но больше всего вредить нам в ближайшее время будет германская социал-демократия в силу той перемены, какая произошла в положении Германии, и в силу того, что гегемония во II Интернационале, повидимому, вновь переходит к германской социал-демократии.

VII.

«Буржуазия уже родила, вскормила, обеспечила себе «буржуазные рабочие партии» социал-шовинистов во всех странах»,—писал Ленин в конце 1916 года.

Если перед 1914 годом социал-демократия была еще до известной степени загадкой и для буржуазии и для пролетарских революционеров, то теперь сомнений быть не может. Первым всемирно-историческим испытанием для с.-д. была мировая война. Вторым—русская революция. Третьим—ряд полуреволюций в европейских странах. Четвертым—эпоха частичной стабилизации капитализма. Во всех этих испытаниях социал-демократия все больше складывалась и «закалялась», как агентура контрреволюционной буржуазии.

Роль с.-д., без сомнения, лишь служебная роль. Но в то же время ход классовой борьбы вплотную подвел к тому, что без с.-д. буржуазия удержаться уже не может. «Без опоры внутри пролетариата (через буржуазных агентов Второго и 2½-го Интернационала) буржуазия в Западной Европе и Америке удержать власть не в состоянии» (Ленин).

Ныне социал-демократия верой и правдой обслуживает буржуазию 1) по линии саботирования революционной борьбы рабочего класса; 2) по линии ее попыток разгромить все усиливающееся и разрастающееся национально-освободительное движение в колониальных и полуколониальных странах; 3) по линии подавления малейших элементов революционного движения крестьянства; 4) и главное—по линии подготовки войны против СССР.

Не каждый отряд социал-демократии (напр., с.-д в небольших захолустных странах) есть отряд сознательных помощников империализма. Но взятая в целом нынешняя социал-демократия—мы говорим об ее руководящей части, определяющей политику с.-д. — есть агентура империализма, есть «третья партия» буржуазии. И это—несмотря на то, что многие рабочие с.-д. искренно ненавидят буржуазию и буржуазный строй.

Поскольку капитализм переживает сейчас нечто в роде «бабьего лета», благами этого «сезона» пользуется и социал-демократия. «Отцы» социал-демократии, согревающие свои старые кости в последних лучах закатывающегося капиталистического солнца, разнежились настолько, что им стало казаться, будто дело идет не к осени, не к закату социал-демократии, а к ее весне. Престарелый Каутский во введении к только-что вышедшей двухтомной работе «Материалистическое понимание истории» следующим образом живописует нынешнее политическое положение и ближайшие судьбы с.-д.:

«Возбуждение, созданное мировой войной, начинает успокаиваться. Экономические ненормальности, принесенные войной, начинают вновь уступать место нормальным экономическим отношениям, в которых вновь находят выражение экономические законы. Одновременно постепенно сходит на-нет раскол в среде трудящихся масс. Несмотря на господствующую еще пока реакцию, сила социал-демократии вновь стала расти, и с.-д. опять вступает на путь победоносного развития, которое было прервано на время. Но это развитие не есть простое продолжение того, что было до 1914 года.

«Революция не прошла бесследно. Она создала новый политический базис, на котором классовая борьба пролетариата может вестись более успешно, чем до сих пор. И она пролетаризировала несметные массы мелкой буржуазии, пробудила интерес к политическим и социальным вопросам и внушила сознание своей силы бесчисленным массам прежде индиферентных и робких людей. Как только эти новые массы людей будут в должной мере организованы и просвещены, их вступление в ряды с.-д. сделает последнюю непобедимой и отдаст ей в руки всю политическую власть. Социал-демократия завоюет власть при таких экономических обстоятельствах, которые позволят ей сделать далеко идущие шаги в направлении к освобождению труда» («Матер. понимание истории», стр. XIV).

Вот какие идиллические перспективы:

«Экономические ненормальности», созданные войной, уступят место «нормальным экономическим отношениям». Капитализм, слава всевышнему, вновь окрепнет, и социал-демократия вновь станет «победоносно» расти! На основе «нормальных экономических отношений» она завоюет мелкобуржуазных избирателей, придет «нормальными» путями к власти и сделает далеко идущие шаги «в направлении к освобождению труда».

«Гладко писано в бумаге!»

Беда только в том, что это столь же мало похоже на действительность, как нынешние писания Каутского на революционный марксизм...

«Европа идет к революции не так, как мы пришли к ней, но Европа по существу проделывает то же самое. Каждая страна должна по-своему проделать и уже начала проделывать внутреннюю борьбу и против своих мень-

шевиков, и против своего оппортунизма и эсэрства, которое существует под другим названием и в большей или меньшей степени во всех странах» (Ленин).

Нынешний рост влияния с.-д. через некоторое время неизбежно диалектически перерастет в полную потерю влияния, в полное бессилие с.-д. Не забудем, что в трех главнейших странах Европы — Англия, Германия, Франция — число рабочих составляет 54 миллиона; что, в конце - концов, реформисты охватывают своей организацией лишь меньшинство рабочих; что даже за последние «спокойные» 1 — 2 года «стабилизации» в Европе ощущались такие подземные толчки, как всеобщая стачка в Англии, восстание в Вене, могучие демонстрации по поводу казни Сакко и Ванцетти и т. п.

Коммунизм неизбежно победит в Европе и во всем мире. Одной из важнейших предпосылок ускорения этой победы является правильная оценка социал-демократии. Из всей совокупности обстоятельств вытекает, что социал-демократия есть теперь буржуазная рабочая партия контрреволюции, т.-е. по составу своему партия еще в значительной мере рабочая, но искусно направляемая буржуазией и имеющая главной задачей борьбу против мировой пролетарской революции.

Социал-демократия есть уже теперь партия буржуазная. Кто это забыл, тот неизбежно наделает ошибок (правых). Социал-демократия есть еще и теперь партия в значительной мере по составу рабочая. Кто это забыл, тот неизбежно наделает ошибок (ультра-левых). Чтобы избежать и тех и других ошибок; чтобы суметь стать не на словах только, а на деле единственной рабочей партией во всем мире; чтобы суметь, в частности, по-ленински применить тактику единого фронта снизу,—словом, чтобы суметь проложить большевизму широкую дорогу во всем мире, — нам нужно научиться правильно оценивать современные с.-д. партии, как буржуазные рабочие партии контрреволюции.

Каждый вершок, приближающий нас к победе над с.-д., приближает нас и к окончательной победе над буржуазией.

А. Блюменталь.

Первый опыт массовой контрактации зерновых культур.

Проведенная системой Хлебоцентра в текущем 1928 году весенняя и осенняя контрактации были первым опытом широкой контрактации зерновых культур. До XV с'езда партии мы имели опыт массовой контрактации технических культур, которым противостоит на рынке не распыленный потребитель, а об'единенная государственная промышленность. Сейчас мы имеем опыт массовой контрактации продовольственных культур, где распыленному производителю противостоит на рынке еще недостаточно организованная масса потребителей. Поэтому будет чрезвычайно ценным подвести всесторонние итоги проведенной системой хлебной с.-х. кооперации весенней и осенней контрактации зерновых культур и сделать на основании их надлежащие выводы для новой кампании по контрактации зерновых культур в 1929 году, которую правительство наметило значительно расширить и подготовку к которой необходимо начать немедленно.

Как проводилась весенняя контрактация?

Какие задачи поставила партия перед хлебной с.-х. кооперацией в связи с весенней контрактацией? Эти задачи можно кратко изложить так:

1) Всемерное расширение посевных площадей под продовольственными и техническими зерновыми культурами.

2) Дальнейшее повышение производительности мелкого и среднего крестьянского хозяйства, увеличение его урожайности и товарности.

3) Широкая производственная помощь бедняцким и маломощным середняцкими хозяйствам.

4) Массовое производственное кооперирование единоличных крестьянских хозяйств.

5) Всемерное укрепление зернового хозяйства существующих колхозов и простейших производственных об'единений.

6) Массовый перевод крестьянских хозяйств на рельсы планового производства и сбыта зерна по заказам хлебной с.-х. кооперации.

Система Хлебоцентра провела четыре вида контрактации зерновых культур: 1) контрактация сортовых посевов селекционными семенами госсортфонда в целях создания сплошных массивов односортного, высококачественного товарного зерна, 2) контрактация рядовых крестьянских продовольственных и кормовых культур в целях расширения посевов бедняцких и маломощных середняцких хозяйств в районах недовосстановленной посевной площади, 3) контрактация технических зерновых культур в целях обеспечения промышленности сырьем и 4) контрактация специальных зерно-

вых культур в целях создания высококачественного экспортного товара и развития его вывоза.

Все эти виды контрактации обязывали посевщиков не только к организованной сдаче товарной части урожая с законтрактованной площади, но и к существенной рационализации производства зерна. Договоры о контрактации, как правило, заключались с индивидуальными крестьянскими хозяйствам, организующимися в простейшие производственные об'единения или в коллективные хозяйства. Договоры предусматривали обязательное введение посевщиками агрикультурных улучшений, способствующих под'ему урожайности и товарности крестьянских хозяйств, как-то: своевременная и достаточная вспашка земли, очистка и протравливание семян, своевременный и, по возможности, рядовой посев, полка сорных трав и т. д.

Главными стимулами для заключения договоров о контрактации служили следующие мероприятия системы Хлебоцентра:

1) снабжение посевщиков чистосортными семенами, обеспечивающими высокий и устойчивый уровень урожая (при чистосортной контрактации),

2) гарантия посевщикам надбавки к конвенционной цене за сортность в размере 10—15% (при чистосортной контрактации),

3) выдача посевщикам денежной ссуды под будущий урожай на обработку земли и посев (при контрактации рядовых, технических и специальных культур),

4) усиленная производственная помощь бедняцким и маломощным середняцким хозяйствам (денежный аванс сверх семян при чистосортной контрактации, увеличенная денежная ссуда при остальных видах контрактации).

5) льготное снабжение товариществ посевщиков сложными машинами для организации общественной обработки законтрактованных площадей.

План контрактации и его выполнение.

К весенней контрактации посевов зерновых культур надо было готовиться еще с осени прошлого года, чтобы захватить зяблевую вспашку. Между тем, решение о контрактации было принято правительством только весною 1928 года (9 февраля). Средства на проведение весенней контрактации были отпущены еще позже (начиная с 15 марта). Вся работа проводилась в ударном порядке.

Тем не менее, план контрактации яровых посевов был выполнен системой хлебной с.-х. коперации с громадным превышением. Вместо предположенных полутора миллионов гектаров законтрактовано было в пределах РСФСР 2.284.187 гектаров, что составляет 149,5% плана. Из этого количества на пшеницу падает — 796.056 гектаров или 35%, на подсолнухи—1.024.160 гектаров или 44,8%, на ячмень—103.500 гектаров или 4,5%, на овес—115.784 гектаров или 5%, на кукурузу—132.837 гектаров, или 5,8%, на бобовые—42.150 гектаров или 1,4% и на просо, гречиху—остальное. По отдельным культурам выполнение плана получилось еще большее. Особенно большое превышение плана мы имеем по подсолнуху (на 334%).

Всего весенняя контрактация охватила около миллиона крестьянских хозяйств. На каждое крестьянское хозяйство пришлось в среднем по 2 гектара законтрактованной площади.

Значительное превышение планов весенней контрактации об'ясняется тем, что бедняцко-середняцкое большинство деревни встретило контрактацию зерновых культур очень хорошо. Если бы было больше семян и если бы подготовка к контрактации яровых началась более своевременно, то, несомненно, удалось бы законтрактовать еще больше.

Расширение посевных площадей и массовое агрикультурное воздействие.

Привела ли весенняя контрактация к расширению посевных площадей под яровыми зерновыми культурами? Точных цифр об этом у нас еще нет. Но по общим впечатлениям с мест—безусловно привела. Особенно много сделали в смысле расширения посевов колхозы и зерновые товарищества посевщиков. Многие бедняки удвоили свои посевы. Колхозы местами расширили посевную площадь на 25—30% и больше.

Зерновые товарищества в ряде случаев обработали большие залежи. Можно считать, что в контрактованном весною секторе крестьянского зернового хозяйства мы получили расширение посевных площадей примерно на 10—15%.

Что дала весенняя контрактация в смысле под'ема урожайности крестьянских хозяйств? Насколько она была контрактацией производственной, а не только товарной? Мы уже говорили, что подготовка к ней сильно запоздала, что она проводилась в ударном порядке. К этому надо прибавить, что система хлебной с.-х. кооперации весной 1928 г. только начала создавать свой агрономический аппарат и не была в состоянии обеспечить посевщиков надлежащим агрономическим обслуживанием. Все это не могло, конечно, не умалить производственного содержания весенней контрактации. Тем не менее, влияние весенней контрактации на крестьянское зерновое производство было крупным. Во-первых, контрактация имела своим результатом значительное расширение площади посевов чистосортного зерна—на 686 тысяч гектаров. Около одной трети миллиона крестьянских хозяйств заменили беспородный посевной материал высококачественным и породистым семенным материалом, способным дать повышенный урожай высокоценным зерном. Такое широкое распространение высокосортного семенного материала имеет место впервые в крестьянском зерновом хозяйстве.

Чистосортные семена засевались сплошными массивами. Местами на чистосортные посевы перешли целые волости, почти целый кантон (Немреспублика), целый округ (в Терском округе), где вся площадь под подсолнухом засеяна в этом году чистосортными семенами. В Тульской губернии 40% всей посевной площади под овсом засеяно в этом году чистосортным шатиловским овсом. Произведенное летом органами Наркомзема обследование сортовой чистоты законтрактованных посевов (апробация посевов) дало за небольшим исключением положительные результаты.

Во-вторых, весенняя контрактация вызвала широкую очистку и протравливание семян. Массовая очистка и протравливание семенного материала, увеличение его всхожести является одним из наиболее верных способов повышения урожая и имеет также первостепенное агрикультурное значение.

В-третьих, весенняя контрактация зерновых культур обязывала товарищества посевщиков более тщательно подготовить участки земли к посеву, своевременно и достаточно вспахивать и бороновать землю, произвести посев тоже своевременно, с достаточной густотой, глубиной и равномерностью заделки семян и, во всех возможных случаях, рядовым посевом, надлежащим образом убирать и хранить урожай с законтрактованной площади. Несомненно, что в известной части эти агрикультурные улучшения получили массовое применение.

В-четвертых, законтрактованная весною площадь получила немало машин. Характерно, что 35% всех вновь возникших в связи с весенней контрактацией простейших производственных об'единений—машинные товарищества (2.585). А если взять все вновь возникшие

с весенней контрактацией производственные об'единения, не только простейшие, но и колхозы, которые получили машины в первую очередь, а также охваченные контрактацией ранее существовавшие простейшие производственные об'единения и колхозы,—то окажется, что значительная часть законтрактованной весной площади была обеспечена машинами.

Наконец, большое производственное значение имеет проведенное в связи с контрактацией укрупнения посевных площадей и переход на общественную обработку земли. Весенняя контрактация охватила целиком 902 земельных общества, преимущественно землеустроенных, из которых 142 перешли в полном составе на устав посевного (зернового) товарищества. Это имело место прежде всего при контрактации чистосортных посевов. Охват контрактацией целых земельных обществ и селений приводит к массовому, почти поголовному кооперированию крестьянского населения. При контрактации сортовых посевов товарищества посевщиков обязывались выделять посев чистосортных семян в общий клин. Все вновь образованные в связи с весенней контрактацией коллективные хозяйства и не малая часть посевных (зерновых) товариществ ввели у себя общественную обработку земли.

Мы еще не получили исчерпывающих сведений о том, каков урожай на законтрактованных полях. Но все дает основание полагать, что он будет в среднем выше, чем на незаконтрактованной земле. Особенно значительное превышение урожайности дадут чистосортные посевы.

Производственная помощь бедноте.

Производственная помощь бедняцким и маломощным крестьянским хозяйствам была оказана в процессе проведения весенней контрактации очень большая. При чистосортной контрактации беднота получила семена и, кроме того, денежный кредит на обработку земли (в размере 5 рублей на гектар). При контрактации рядовых посевов или технических культур беднота получила усиленный денежный аванс на обработку земли.

Система Хлебоцентра проводила при контрактации диференциацию авансов в зависимости от мощности хозяйств посевщиков. Как правило, беднота получала вполтора раза больше.

Практика выявила весьма важную роль весенней контрактации в освобождении бедноты от кулацкой зависимости. Получение беднотой семян и значительных денежных ссуд под будущий урожай, об'единение в товарищества, введение в хозяйство агротехнических улучшений,—все это вытесняло кулацкую аренду земли у бедняков, кулацкую семссуду, машинопрокат, денежный кредит, позволяло бедняцким хозяйствам своими силами справиться с яровой страдой и повысить товарность своего хозяйства. Беднота получила возможность освоить землю без помощи кулаков. Контрактация зерновых культур содействовала в очень значительной мере организации бедноты для противодействия кулачеству и помогала ей хозяйственно подняться.

Охват простейших производственных об'единений.

Хлебная с.-х. кооперация широко использовала все виды контрактации для производственного кооперирования индивидуальных крестьянскиих хозяйств. Договоры о контрактации, как общее правило, заключались не с отдельными хозяйствами, а с группами посевщиков, об'единенными в простейшие производственные об'единения. В связи с контрактацией возникло

7.368 простейших производственных об'единений (4.783 уставных зерновых товариществ и 2.585 машинных товариществ) и около 4.100 коллективных хозяйств. Особого внимания заслуживают зерновые товарищества посевщиков. Зерновые товарищества посевщиков, или просто посевные товарищества, это—новый тип простейших производственных об'единений, впервые возникший в связи с весенней контрактацией зерновых культур. Как правило, зерновые товарищества посевщиков выгодно отличаются от всех других простейших производственных об'единений более многочисленным составом членов, более рациональной постановкой зернового хозяйства и большей плановостью производства и сбыта зерна. Всего у зерновых (посевных) товариществ законтрактовано 367.800 гектаров.

Помимо вновь возникших об'единений договоры о контрактации широко охватили также и уже ранее существовавшие простейшие производственные об'единения. По последним данным в пределах РСФСР насчитывается около 32.000 простейших производственных об'единений. А весенней контрактацией охвачено, вместе с вновь организованными об'единениями, около 23—24 тысяч простейших производственных товариществ, т.-е. 73% их общего количества. Всего у разного вида простейших производственных об'единений законтрактовано 1.038.800 гектаров или 45,4% всей законтрактованной площади.

Часть об'единений посевщиков, заключивших договоры о контрактации, благодаря ударному характеру кампании не удалось еще перевести на устав. Контрактация рядовых посевов бедняцких и маломощных хозяйств в районах недовосстановленной посевной площади дала 42% посевщиков, не об'единенных в уставные производственные об'единения. Контрактация подсолнуха дала 41% посевщиков, не об'единенных в уставные производственные об'единения. Наименьший процент договорных об'единений дала контрактация чистосортных посевов — 11%.

Таким образом, контрактация показала себя могучим фактором производственного кооперирования крестьянского зернового хозяйства.

Охват колхозов.

На ряду с массовым охватом индивидуальных хозяйств яровая контрактация зерновых культур широко охватила коллективные хозяйства. У последних законтрактовано 488.816 гектаров или 21,4% всей законтрактованной площади. Контрактация посевов чистосортных семян охватила 5.166 колхозов, контрактация рядовых посевов—5.252 колхоза, контрактация подсолнуха—4.852 колхоза и контрактация ячменя—1.399 колхозов. Всего весенней контрактацией зерновых культур охвачено и вовлечено в ряды хлебной с.-х. кооперации около 10 тысяч колхозов. Из них 4.100 колхозов, вновь образованных в значительной мере в связи с весенней контрактацией. В среднем на каждый колхоз приходится по 25,4 гектара чистосортных посевов, по 27,9 гектара рядовых посевов, по 11,9 гектара масличного подсолнуха, по 6,4 гектара ячменя и т. д.

По сведениям Колхозцентра, яровая посевная площадь колхозов под зерновыми культурами охвачена контрактацией в пределах РСФСР на 52,7%. Посевная площадь под яровыми культурами увеличилась в колхозах на 76,5%. Посевы чистосортных семян составили 21,7% общей площади ярового клина, в то время как у единоличников они составляют всего 5% ярового клина. 90% посевного материала колхозов было отсортировано.

Всего колхозов в пределах РСФСР насчитывается около 21.800. Из них не менее 80% находятся в хлебопроизводящих районах и должны быть причислены к зерновым колхозам, так как зерновое хозяйство в них преобладает. Таким образом, весенняя контрактация зерновых

культур охватила не менее 50% всех колхозов и не менее 57% всех зерновых колхозов в пределах РСФСР.

Охват вновь возникших нынешней весной колхозов немногим отстает от охвата старых колхозов. Из 10 тысяч охваченных весенней контрактацией колхозов 4.100, как уже отмечено выше, новых колхозов. Контрактация показала себя, как могучий фактор роста колхозного движения и его вовлечения в общую систему с.-х. копераций. Охват хлебной с.-х. кооперацией половины всех колхозов является, несомненно, крупнейшим достижением весенней контрактации зерновых культур.

Укрепление союза рабочего класса с бедняцко-середняцкими массами крестьянства.

Какое политическое значение имела весенняя контрактация зерновых культур? Практика показала, что производственная контрактация зерновых культур является одним из самых действительных средств дальнейшего укрепления союза рабочего класса и бедноты с середняцким большинством деревни. Контрактация зерновых культур показала себя, как наилучшая форма широкой производственной помощи бедняцким и маломощным середняцким хозяйствам.

Успешное проведение контрактации в особо ударных условиях говорит о росте доверия к советской власти со стороны бедняцких и середняцких масс. Кулачество всячески пыталось предупредить контрактацию, заблаговременно опутывая бедноту своими сделками. Кулачество выступало против засева той или иной культуры в общем клину (при чистосортных посевах), противодействовало организации новых зерновых товариществ. Но беднота и большинство середняков в общем дали кулачеству дружный отпор.

Главный недочет—запоздание.

Первый опыт массовой контрактации зерновых культур не мог пройти без существенных недочетов. Основной недочет весенней контрактации, источник всех других ее недочетов, это—отсутствие заблаговременной подготовки к ней. Можно законтрактовать будущий урожай накануне самого посева или даже после посева, но это будет в основном товарная, а не производственная контрактация. Контрактация зерновых культур только тогда может быть в полном смысле этого слова производственной контрактацией, когда она охватывает и предпосевную подготовку: снабжение семенами, инвентарем, обработку земли и т. д.

Запоздалое проведение контрактации иногда становится почти вовсе невозможным также и потому, что кулачество своевременно заключает с беднотой и маломощными середняками предпосевные сделки на аренду земли, кредит, машинопрокат и т. д. В практике контрактации отмечены случаи отказа бедноты и маломощных середняков от контрактации по той причине, что кулаки связали их всевозможными сделками за счет будущего урожая.

Отсутствие своевременной подготовки к весенней контрактации зерновых культур, ударный характер ее проведения сказались на участии в ней агрономического персонала. Хлебная с.-х. кооперация начала создавать свой агрономический аппарат только зимой и сколачивала его в самый разгар весенней контрактации. Руководство кампанией по весенней контрактации сплошь и рядом было в руках универсальных союзов с.-х. кооперации. Агрономов на местах было очень мало, агрономов, понимающих значение контрактации, было еще меньше, не было твердой финансовой базы для агроработы хлебной с.-х. кооперации. Агроаппарат Наркомзема и Колхозцентра был недостаточно привлечен к проведению контрактации зерновых культур.

Ударный характер проведения весенней контрактации зерновых культур имел своим последствием также почти полное отсутствие организованной увязки весенней контрактации с плановым машиноснабжением законтрактованных хозяйств. Происшедшая в процессе проведения весенней контрактации довольно широкая стихийная увязка ее с машиноснабжением еще более подчеркивает отсутствие организованной увязки, как недостаток весенней контрактации. Совершенно не был использован в весеннюю контрактацию опыт организации тракторных колонн.

Весьма существенным недочетом весенней контрактации необходимо признать также и отсутствие какой-либо организационной увязки массовой контрактации зерновых культур с мероприятиями Наркомзема в области землеустройства, мелиорации, борьбы с вредителями, снабжения крестьянских хозяйств тяговой силой, скотом и т. д.

Совершенно отсутствовало в весеннюю контрактацию зерновых культур использование в целях расширения контрактации направляемых в деревню общих кредитов.

Значительным недочетом весенней контрактации необходимо признать также все-таки далеко не полный охват зерновых коллективных хозяйств.

Охват контрактацией простейших производственных об'единений тоже нельзя признать достаточным. Огромная часть производственных об'единений охвачена контрактацией только по линии подсолнуха без участия основных зерновых культур.

Существенным недостатком весенней контрактации зерновых культур необходимо признать также слабое организационное обслуживание вновь возникших в связи с контрактацией производственных об'единений. Система Хлебоцентра не могла перенапрягаться весною этого года в самый разгар хлебозаготовок и только летом этого года взяла курс на решительную специализацию системы хлебной с.-х. кооперации. А универсальные низовые с.-х. кооперативы, обремененные самыми разнообразными кредитными, снабженческими и заготовительными функциями, не были в состоянии уделить много внимания вопросам организационного и агрономического обслуживания всех производственных об'единений своего района.

Опыт весенней контрактации зерновых культур наглядно свидетельствует нам о том, что контрактация зерновых культур призвана сыграть крупнейшую роль в классовой борьбе деревни. Между тем, мы не можем сказать, что деревенские общественные организации уделяли достаточно внимания контрактации. Дело это новое и местами даже партийные организации не знали, как его проводить. С собраниями бедноты весенняя контрактация почти не была увязана. Комитеты взаимопомощи почти не принимали в ней организованного участия. Ячейки ВЛКСМ, избы-читальни, учителя тоже сделали очень мало для контрактации. Во всяком случае практического подхода к нуждам законтрактованных хозяйств, вновь возникших товариществ было чрезвычайно мало. Слабая мобилизация деревенской общественности—один из существенных недочетов весенней контрактации зерновых культур.

Наконец, одним из недочетов весенней контрактации зерновых культур нельзя не признать ее краткосрочный, сезонный характер. Опыт весенней контрактации со всей силой поставил в повестку дня вопрос о переходе к долгосрочной контрактации. Трехполка является сильнейшим тормозом развития крестьянского зернового хозяйства. Основным путем к культурному зерновому хозяйству является избрание правильного, рационального севооборота. Землеустройство может дать полный производственный эффект

только при введении правильного, рационального севооборота. Такие задачи, как задача под'ема урожайности крестьянских зерновых хозяйств, не могут быть разрешены в один сезон или год. Социалистическое переустройство зернового хозяйства требует долгосрочных капитальных вложений (машины, скот, мелиорация, здания и т. п.). Разрешение задачи удвоения урожайности зернового хозяйства в течение ближайшего десятилетия, задачи коренного переустройства распыленного, дробного, технически отсталого крестьянского хозяйства и создание крупного кооперативного зернового хозяйства будет в огромной мере облегчено и ускорено с применением долгосрочной контрактации зерновых культур, тесно увязанной с введением улучшенных севооборотов, с проведением рационального землеустройства, с капитальным строительством в зерновом хозяйстве и его долгосрочным кредитованием.

Озимая контрактация.

Озимая контрактация зерновых культур запоздала еще более, чем весенняя. Решение о контрактации озимых посевов зерновых культур было принято правительством только 21 июля. Средства для финансирования контрактации были разассигнованы на места спустя 10 дней. Практически к организации кампании было приступлено только в августе.

Нормальному развитию озимой контрактации помешали также неблагоприятные метеорологические условия. Промежуток времени между уборкой и озимым севом весьма незначителен и в обычных метеорологических условиях. А в этом году благодаря непрерывным дождям, вызвавшим значительное запоздание в созревании урожая и сильно затянувшим уборку, промежуток времени между уборкой и севом в ряде районов еще более сократился. Население находилось почти все это время в поле и его трудно было собрать для обсуждения вопросов контрактации и для заключения договоров.

Все это обусловило недостаточную организационную и хозяйственную подготовку кампании, отсутствие увязки плана контрактации с планом машиноснабжения, крайне слабое использование ее для внедрения агрикультурных улучшений в контрактуемые хозяйства и т. п.

Постановление правительства о контрактации не содержало никаких указаний о цене, по которой будет производиться оплата законтрактованной продукции. Это положение использовало кулачество, распространяя слухи, что законтрактованная продукция будет забираться впоследствии по низким ценам. Преимущества, которые были установлены правительственным декретом для законтрактованных хозяйств (надбавки за партионность и срочность сдачи), имели слишком неопределенный характер и не могли служить достаточным стимулом для перехода к новым формам производства и сбыта. Авансы, выдаваемые посевщикам, были значительно снижены, по сравнению с весенней контрактацией.

Несмотря на указанные затруднения и недочеты кампании, план контрактации, намеченный по РСФСР в количестве 3.600.000 гектаров, выполнен Хлебоцентром, по сведениям на 1 октября, следующим образом:

Наименование культур.	План.	Выполнено.	% выполнения.
Чистосортная пшеница	233.473	277.047	118,9
„ рожь	83.741	73.024	87,3
Итого чистосортных	317.214	350.071	110,3
Рядовая пшеница	1.505.500	1.403.436	93,3
„ рожь	1.625.000	1.374.218	84,7
Рядовой ячмень	42.000	19.693	46,8
Итого рядовых	3.172.500	2.797.347	88,1
Всего	3.489.714	3.147.418	91,9

Озимая контрактация дала громадное увеличение законтрактованной площади по сравнению с яровой контрактацией этого года (на 37%). Совершенно несомненно, что озимая контрактация будет иметь еще более громадное значение, чем яровая. Она охватила около полутора миллионов крестьянских хозяйств. Она охватила новые районы, где раньше контрактация не проводилась. Она застала системы Хлебоцентра и Колхозцентра все-таки более подготовленными. Она, вероятно, охватит количественно больше колхозов и простейших производственных об'единений. Она, вероятно, даст больше в смысле вытеснения кулацкой аренды и производственной «помощи» бедноте. Но сколько-нибудь значительных качественных улучшений по сравнению с яровой контрактацией от озимой контрактации ждать не приходится. Озимая контрактация зерновых культур проводилась в еще более ударном порядке, чем яровая. Не было никакой возможности в достаточной мере увязать озимую контрактацию с проведением агрикультурных улучшений, с машиноснабжением и производственным кооперированием законтрактованных хозяйств. Чрезвычайно запоздавшее созревание и уборка хлеба нового урожая почти не оставили времени для очистки и протравливания семян. Машиноснабжение, как правило, было проведено ранее декрета об озимой контрактации. Далеко не все законтрактованные новые производственные об'единения крестьянских хозяйств удалось перевести на устав.

Однако, даже в таких трудных условиях озимая контрактация сыграет громадную роль. Она была неразрывно связана с организацией широкой производственной помощи бедноте. По всем сведениям с мест, она дала значительное расширение посевов в бедняцких и маломощных середняцких хозяйствах и вытеснение кулацкой аренды.

Озимая контрактация, несомненно, содействовала также введению агрикультурных улучшений в крестьянские зерновые хозяйства. В частности, в связи с контрактацией созданы новые массивы чистосортных озимых посевов на площади 386 тысяч гектаров.

Выводы.

Какие выводы можно сделать из опыта двух первых кампаний по массовой контрактации основных культур сельского хозяйства? Выводы можно и должно сделать совершенно определенные:

1) Несмотря на громадные недостатки в организации и практике проведения ее, контрактация зерновых культур в яровую и озимую посевные кампании вполне оправдала ту оценку контрактации, как «одного из важнейших средств кооперирования самого крестьянского производства», какую ей дал XV с'езд партии. Весенняя контрактация зерновых культур перевела первый миллион крестьянских хозяйств на рельсы планового производства и сбыта зерна. Осенняя контрактация вовлекла в плановое производство и сбыт зерна уже полтора миллиона крестьянских хозяйств. Опыт контрактации зерновых культур наметил новые пути сбыта крестьянского зерна, которые должны в корне изменить современные методы хлебозаготовок и характер

хлебоснабжения страны. Он выявил новые пути массового переустройства распыленных, дробных и технически крайне отсталых крестьянских хозяйств на началах крупного обобществленного зернового производства. Опыт контрактации зерновых культур еще раз подтвердил, что контрактация есть уже практически проверенная форма осуществления ленинского кооперативного плана и является одним из основных каналов проведения в жизнь решения XV с'езда партии о «вовлечении в кооперацию в течение ближайшего периода всей бедноты и большинства середняков».

2) Контрактация зерновых культур наметила новые формы смычки между социалистическим городом и деревней, новые плановые формы тесного экономического союза рабочего класса и деревенской бедноты с центральной фигурой современного земледелия—с середняком.

3) Контрактация зерновых культур является лучшей формой широкой производственной помощи бедноте и проведения в жизнь директивы XV с'езда партии—«усилить борьбу за высвобождение маломощных, безынвентарных крестьянских хозяйств из-под зависимости от кулацких элементов».

4) Контрактация является одной из наиболее действительных форм организованного экономического наступления на кулачество путем вытеснения кулацкой земельной аренды, замены кулацкого машинопроката и кредита; охватывая целые селения, контрактация подчиняет кулацкое зерновое производство и сбыт продукции государственному контролю.

5) Контрактация зерновых культур наметила пути массовой рационализации зернового хозяйства колхозов и простейших производственных об'единений и является мощным рычагом дальнейшего роста колхозов и простейших производственных об'единений крестьянских хозяйств.

6) Контрактация зерновых культур, охватывающая целые селения и районы, а в особенности долголетняя контрактация, создает наиболее благоприятную обстановку для применения методов массового и комплексно-гнездового воздействия на крестьянское хозяйство.

7) Отпуск государственных средств на под'ем крестьянского зернового хозяйства может дать наибольший производственный эффект при условии максимальной увязки его с контрактацией, которая обеспечивает использование этих средств под контролем и по планам государства.

Народнохозяйственное значение контрактации.

XV с'езд партии отметил чрезмерное отставание сельского хозяйства от темпа индустриализации страны и постановил предусмотреть в пятилетнем плане развития народного хозяйства обеспечение растущих потребностей страны в товарном зерне. Июльский пленум ЦК признал, что крайне низкий уровень сельского хозяйства, особенно его зерновой отрасли, «таит в себе опасность разрыва между социалистическим городом и мелкокрестьянской деревней» и что «зерновая проблема является одной из серьезнейших проблем хозяйственной политики». Массовая контрактация зерновых культур имеет решающее значение для разрешения зерновой проблемы.

В текущую хлебозаготовительную кампанию государство получает 0,8—1,0 млн. тонн законтрактованного хлеба. Положительное влияние контрактации сказалось на громадном росте удельного веса с.-х. кооперации. В плановых заготовках страны, удельный вес хлебной с.-х. кооперации обнаружил в эту кампанию бурный рост. Хлебозаготовки с.-х. кооперации увеличились по сравнению с прошлогодней кампанией в $2\frac{1}{2}$ раза. Об этом говорит нижеследующая таблица:

Заготовки за первые кварталы 1927/28 г. и 1928/29 г. по РСФСР (в тоннах).

Заготовители.	1927/28 г. Загот.	1927/28 г. Удельн. вес.	1928/29 г. Загот.	1928/29 г. Удельн. вес.
Союзхлеб	560.639	46,3	557.833	31,9
Центросоюз	320.543	26,4	420.392	24,1
Хлебоцентр	330.871	27,3	769.756	44,0
Всего	1.212.053	100,0	1.747.981	100,0

Этот рост удельного веса с.-х. кооперации об'ясняется специализацией системы и в особенности контрактацией посевов.

В будущую яровую кампанию опыт контрактации нынешнего года должен быть полностью учтен и недостатки ее устранены. Система Хлебоцентра уже приступила к контрактации яровых посевов 1929 года. Яровая контрактация 1929 г. будет первым опытом своевременно подготовленной производственной контрактации зерновых культур. План яровой контрактации намечается на громадной площади в 10 млн. гектаров в пределах СССР (в пределах РСФСР в 7 млн. гектаров). План чистосортных посевов установлен Хлебоцентром около 3 млн. гектаров, в пять раз больше, чем в яровую кампанию нынешнего года. Согласно плану контрактации чистосортных посевов договоры будут заключаться исключительно с целыми земельными обществами, организованными в производственные об'единения, и во всех возможных случаях с целыми группами смежных друг другу земельных обществ. Своевременное проведение контрактации обеспечит возможность непосредственной увязки ее с плановым машиноснабжением и с осуществлением широких мероприятий по расширению посевных площадей и поднятию урожайности крестьянских зерновых хозяйств. В частности, на всей законтрактованной площади чистосортных посевов проводится зяблевая вспашка. Выполнение намеченного плана контрактации зерновых культур обеспечит плановое поступление в распоряжение государства 3,3—5 млн. тонн законтрактованного хлеба, что явится крупным шагом к оздоровления хлебного рынка.

В. Яковлев.

За качество руководящей работы.

Нас не может удовлетворять та практика руководства со стороны партийных комитетов, какую мы сейчас имеем. Как мы ведем руководящую работу аппаратами партийных комитетов?

Беру конкретный пример из работы Хамовнического РК. Мы, в свое время рассмотрев предложения треста Пестроткань, согласились на закрытие красильно-отделочного отдела Москворецкой ф-ки. На это предложение треста о закрытии половины фабрики было получено согласие и губотдела текстилей. Мотивы этого предложения трест выдвинул достаточно веские: «Несоответствие между прядильно-ткацкой и отделочной частью производственного аппарата треста, что удорожает продукцию». Начали разбирать машины, но фабричные организации подняли вопрос на пересмотр, «зашумели» рабочие. Работники РК пошли на фабрику, разобрались, и оказалось, что не учли только-что проведенной рационализации, стоящей свыше 100.000 руб., и того обстоятельства, что суровье можно получить со стороны. Отменили свое прежнее постановление, ф-ка работает до сих пор и хорошо.

Другой случай: за месяц до обследования комиссией МК ф-ки им. Свердлова Хамовнический РК обследовал состояние на ней массовой работы и признал, что массовая работа развертывается удовлетворительно, а спустя еще месяц то же бюро РК по докладу комисси МК признало слабость массовой работы, недостаточное привлечение к ней актива и т. д. Нашей прежней комиссией недостаточно внимательно было изучено состояние, все отрицательные факты не были освещены перед бюро РК. Комиссия состояла из тт., которые постоянно не занимаются массовой работой.

Третий пример: при рассмотрении итогов колдоговорной кампании, мы признали ее результаты удовлетворительными, а на самом деле мы имеем недостатки (хотя общий политический итог и является безусловно удовлетворительным: рост заработной платы, активность масс и т. д.). Некоторые статьи общей части колдоговора можно толковать и так и этак, — даже сами спорящие стороны никак не могут растолковать (ф-ка Ліверс, раздел «Коммунальные услуги»), а рабочим они безусловно непонятны. Такое важнейшее дело, которое поднимает значение колдоговора для рабочих масс, как его популярное изложение, его понятность массам, мы проглядели. Были жалобы, что обсуждение колдоговора широкими рабочими массами проходило вяло, а до причины не дошли. Можно было бы для иллюстрации привести еще факты, свидетельствующие о качестве нашей повседневной руководящей работы, они не специфически хамовнические, они найдутся в каждом партийном комитете.

При заслушании в партийных комитетах докладов о состоянии и работе целой организации, редки, почти совсем отсутствуют оценки работы, как «неудовлетворительной», слабой, тем паче, плохой, хотя такая работа кое-

когда имеет место. Как правило, пишут «работу признать (да еще «в общем и целом») удовлетворительной», после чего начинаем дальше резолюцию, как сказал тов. Коганович на Всесоюзном совещании по партийной информации: «констатируя известные достижения, необходимо отметить рядом с этим определенные недочеты. Попробуйте разобраться, что над чем превалирует — недочеты или достижения. Он (секретарь ячейки) вам и недостатки свои признал, и достижения признал, и об'ективные условия изложил». Происходит это потому, что мы, не изучив, не можем сказать, что главное, определяющее в работе этой организации, в чем именно основной стержневой недостаток или ошибка, устранение которой поднимет и двинет всю работу; вместо этого мы хотим сказать «все», стесняемся дать прямую оценку и выносим расплывчатую резолюцию: нельзя не признать, но нельзя и не отметить и т. д... Это говорит за то, что аппараты парткомитетов работают еще плохо.

Качество работы недостаточно высоко. Дело изучения отдельных отраслей работы, вопросов, изучение опыта у нас не поставлено так, чтобы в результате вырастала директива, которая была бы высоко авторитетна, была бы ведущим началом, на которой можно настаивать до конца и проверять ее проведение.

Как мы работаем в бюро партийных комитетов? Вносят доклад, докладывают, обсуждаем, принимаем на основе прений внесенную резолюцию «за основу», создаем комиссию, которой поручается разработать директиву. Фактически решает не бюро, а комиссия, а бюро обсуждает, подрабатывает, чтобы в комиссии был материал. Нужно от этой практики решительно отказаться, нужно установить следующий порядок: проработка (с привлечением актива, который имеет отношение к решаемому вопросу), изучение, комиссия, а потом бюро парткомитета. Этим путем мы достигаем привлечения партийного актива не только к «проработке», но и к «разработке» партдиректив.

Как неоднократно указывал на это тов. Угланов, нам в партийных комитетах нужно изучать вопросы на основе большей специализации, знать самим обсуждаемый вопрос, подготовлять для решения на основе большего разделения труда. Каждому работнику партаппарата быть специалистом своей отрасли работы, чтобы в результате выработать директиву, ведущую к под'ему работы.

Как ведет работу партаппарат? Беру инструктора РК,—он еще продолжает «работать ногами». Сокращение партаппарата привело к тому, что на каждого инструктора стало ячеек больше. Посещениями ячеек он свою базу физически обслужить не может, а если он это делает, то «работа ногами» усиливается до отказа. Правда, тут помощью служат помощники инструкторов в порядке добровольного инструктажа, но и это пока не облегчает положения. Для того, чтобы держать связь со своими ячейками и обслужить текущую работу, сейчас инструктора РК вызывают больше секретарей и тт. из ячеек к себе в райком и меньше бывают сами в ячейках.

Нужно подчеркнуть, что на обслуживание текущих вопросов уходит больше половины работы всего партаппарата. Прием товарищей в РК больше всего происходит по мелочам и вопросам, которые могут быть решены в ячейках или самими товарищами, которые приходят за разрешением того или иного вопроса. Нельзя быть против обслуживания текущей работы и приемов в РК,—необходимо это делать, это одна из форм связи партаппарата с массой,—но на практике это принимает такие размеры, что идет в ущерб работе по руководству, постановке и разработке основных вопросов. Текущая работа, эти мелочи нас забивают, подавляют работу аппарата по руководству. Усиленная текущая работа партаппарата есть

следствие того, что работники в ячейках боятся решать самостоятельно вопрос, нехватает смелости, но это в свою очередь происходит потому, что мы много решаем з а них, что превращается в опеку.

Мне возразят: такая точка зрения есть непонимание необходимости Держать связь с массами. Наоборот, я хочу найти форму работы партийного комитета, у с и л и в а ю щ у ю связь с массами. То, что мы имеем в интенсивном обслуживании текущей работы, это есть связь с низовым партаппаратом, но мы недостаточно проверяем ту работу в массах, которую он ведет на местах, недостаточно руководим э т о й важнейшей для нас работой. Совершенно правильно сказал тов. Молотов на пленуме МК (сентябрь 1928 г.): «В настоящих условиях связь партии с массами, прежде всего и главным образом, должна выразиться в том, чтобы как можно более широкие слои, именно новые слои рабочих, обязательно широкие слои беспартийных рабочих действительно бы участвовали в социалистическом строительстве, которое мы проводим». Нам надо ставить так руководство партаппарата, чтобы мы на деле умели вовлекать бóльшие массы в дело социалистического строительства, надо думать и работать над э т и м, сделать э т о основой в работе партаппарата, а не обслуживание низовых органов в текущей работе, что необходимо, но не в той форме, когда оно превращается в опеку. Нам нужно добиться лучшего руководства м а с с а м и на предприятиях со стороны ячеек, чтобы росло влияние партии в массах, воспитывать, «подымать их до уровня большой политики, больших вопросов», как указал тов. Угланов, учить пролетарской организованности. Нужно и самим руководящим работникам парткомитетов быть больше на предприятии, больше соприкасаться с рабочей массой, «чтобы руководителя знала масса,—тогда только он будет политическим руководителем» (Угланов). Наладить работу партаппарата, который обеспечивает успешное проведение отмеченных выше задач и будет укреплением связи с массами.

Не опекать по всем вопросам ячейки под видом решения текущих вопросов, не решать все в райкоме за ячейку, а решительно переложить на них самих решение текущих вопросов, не бояться, что на первых порах раз—другой ошибутся и даже испортят, зато научатся. Мы частенько забываем правило, что «на ошибках у ч а т с я». Ячейки должны развить больше самостоятельности в решениях своих вопросов, в каждой парторганизации и каждом члене партии должно быть развито чувство ответственности. Надо разгрузить парткомитеты, решительней переложив часть руководящей работы на фракции, на низшие звенья партаппарата с тем, чтобы в парткомитете сосредоточивались важнейшие дела, определяющие линию работы, чтобы руководство парткомитета было больше ведущим началом. В этом сейчас гвоздь вопроса.

Повысить качество работы—это значит ввести еще большее разделение труда в работе аппарата. Нужно прежде всего с этой целью вести распределение инструкторов орготдела не по базам ячеек (определенное число ячеек за каждым), а по видам работ. Орготдел ведет работу во многих областях: в хозяйственной, массовой, внутрипартийной и т. д., и его инструкторский аппарат сейчас должен быть разделен по основным отраслям работы, именно: один инструктор ведет изучение, суммирует опыт, подготовляет решения в области хозяйственной, другой — внутрипартийной, третий массовой работы, четвертый вузовской и т. д. Партийное просвещение, агитация, работа среди работниц, давно существует, как отрасль работы, имеющая свою часть аппарата, исключительно этим занимающуюся. Такое построение поведет к тому, что основные отрасли работы, будут охвачены большим руководством. Каждый работник аппарата будет иметь свою отрасль работы, на которой он будет постоянно сидеть, изучать, знать ее хорошо.

Связь партийного комитета с ячейками и обслуживание текущей работы должны быть обслужены кадром добровольных инструкторов, которые непосредственно должны быть связаны с одним лишь работником орготдела (зам. зав. орготделом). Кадр добровольных инструкторов установился, распределен он по ячейкам: 2—3 ячейки на каждого. Опыт их работы вполне оправдался. Значит, кадр добровольных инструкторов будет связан с инструктором парткомитета только по той отрасли, в которой он ведет работу. Инструктор парткомитета непосредственно не об'единяет вокруг себя добровольных инструкторов, вокруг инструктора парткомитета должен быть актив, состоящий из работников той отрасли, в которой он ведет работу. Пример: если инструктор ведет изучение массовой работы, то он располагает и опирается на актив массовых организаций—работников фабкомов, производственных совещаний, клуба, добровольных обществ, совета, кооперации. Инструктор по хозяйственным вопросам об'единяет, располагает и использует партийцев-директоров, их помощников, руководителей учреждений. Но этим нельзя ограничиться. По этому принципу должен делиться и актив ячейки (общезаводской, фабричный), будучи привлечен к работе партаппарата по своей отрасли.

Нам сейчас крайне необходимо, чтобы актив как-то специализировался, а не был беспредметным, работая «скопом» по всем отраслям. Это относится не только к кадрам актива в масштабе района, но и к крупным, во всяком случае, ячейкам. Этим путем мы добьемся при обсуждении вопросов более квалифицированной критики и выработки более действительного, авторитетного решения.

Предлагаемое здесь разделение труда в аппарате парткомитета даст возможность вести лучше учет опыта, иметь строгую преемственность в нем. А то у нас один и тот же вопрос изучается в разное время, разными комиссиями, в разном составе. Кончила работу комиссия по определенному поручению, разошлись работники, и добытый ими опыт теряется, и часто раз сделанную работу начинаем сначала. Это не только в области изучения вопросов, проработки их, но и в области проверки проведения директив. Мы иной раз, забывая директивы, выносим вторично аналогичную директиву, повторяемся и т. д. Нужен порядок, гарантирующий строгий и последовательный контроль в проведении директив.

Тот же работник партаппарата, который изучает определенную отрасль работы, ведет учет ее опыта, должен также вести изучение и учет работников, ведущих работу в этой отрасли. Пример: инструктор по хозяйственным вопросам изучает кадры хозяйственных работников; инструктор по массовой работе изучает кадры работников массовой работы, профработников (фабзавком), совета, кооперации. АПО ведет учет и изучает состав работников, ведущих пропагандистскую и агитационную работу, печати, культучреждений; отдел работниц—своих работников и т. д. Этот порядок дает возможность, ведя изучение определенной области, изучать работника на его работе, как он справляется, как выявляются его способности, как он растет. И выдвижение новых работников должно быть поставлено также в порядок и систему. Из того актива, с которым работает тот или иной работник партаппарата, наиболее успевающих он намечает к выдвижению на большую работу. Этим путем мы будем иметь определенный, изученный кадр выдвиженцев.

Нужен ли при такой системе учраспред? Сказать нет не могу, окончательно это должен показать опыт. Полагаю, что учраспред должен быть в качестве функционирующего отдела, занося у себя в материалы характеристику о том или ином работнике, взяв на учет во всю номенклатуру вновь выдвигающегося работника в той или иной области, и в нужное время представить его для выдвижения или назначения. Давно партией установлено,

что крупнейшее значение в партийной работе имели «подбор работников и проверка выполнения». Эти задачи стали основным звеном работы всего партаппарата, это стержневые организационные задачи. В настоящей статье я и ставлю вопрос о способах в работе, осуществляющих и проводящих в жизнь эти директивы партии.

Все, что предложено выше в отношении инструкторов и разделения партаппарата по видам работ, противоречит идее единого инструктажа партаппарата; решение о нем нужно поставить на пересмотр.

Важную роль в деле повышения качества партруководства играет информация. Сейчас это дело приобретает важное значение. Мне нужно немного добавить к тому, что сказал тов. Каганович на всесоюзном совещании по партинформации. В практике работы информ. отделов нужно создать такой актив, через который можно было бы своевременно иметь отражение живых, действительных фактов, выявляющихся в практике работы на местах. События, происходящие на предприятиях, которые приковывают внимание рабочих масс, должны получать своевременное отражение в партийном комитете. Парткомитету своевременно нужно знать, какие запросы у рабочих масс имеются, с тем, чтобы знать какого вида, о чем нужна информация с в е р х у вниз. Этим путем усилится связь рабочих масс с партией. Бывает, что работник партаппарата идет на предприятие и не знает, что больше интересует рабочую массу, о чем больше говорят. Наша информация недостаточно помогает в таких случаях. Бывает и то, что работники, идя на какое-либо предприятие, на собрание, совсем не пользуются информацией, не берут в партаппарате хотя бы те сведения, которыми здесь располагают. Как сделать информацию живой, быстро реагирующей на жизнь, как сделать более гибкой работу информации?

У нас есть по этой отрасли актив и основная его работа та, что он ведет учет настроений на собраниях, больше на партийных. Если даже этот актив бывал регулярно на всех рабочих собраниях и давал оттуда весь живой материал, то и это не решает дела. Нужно иметь информаторов на каждом предприятии не только приходящих, но постоянно живущих, работающих на предприятии из партактива ячейки. Мы иногда от рабкоров имеем более живой и значительный материал. Почему бы из рабкоров не создать такой кадр партинформаторов, который под углом критики давал бы освещение жизни своего предприятия? Нужно поставить на должную высоту дело информации сверху вниз и обратно, чтобы мы с ее помощью могли вести лучше учет работы по вовлечению рабочих масс, именно беспартийных, в дело социалистического строительства. Это есть вместе с тем задача установления бо̀льшей связи партии с широкими рабочими массами.

Нужно внести более определенное понятие в слово «актив». Активист—не только тот, кто всегда выступает и умеет высказаться, а тот кто активен в какой-либо области партийной работы. Надо добиться такой постановки работы, чтобы мы имели рост партактива и его квалификации. Нужно актив парткомитетов сделать продолжением партийного аппарата, чтобы он был неразрывно связан с аппаратом, нес его работу. Сейчас работа расширилась не только чисто внутрипартийная (в связи с ростом парторганизаций), но по руководству и организации масс, по руководству хозяйством и культурной работой, что требует все нового и нового усиления в руководстве. На ряду с этим мы поставили задачу удешевления и сокращения партаппарата, чего мы частью и добились. Решительно становится необходимым еще больше работы партаппарата перекладывать на актив. Мы уже имеем добровольный инструктаж в парткомитетах. Нужно это дело расширять, чтобы ту работу, которую делал партаппарат, в значительных размерах переложить на партактив с тем, чтобы она делалась бесплатно, в порядке добровольного выполнения ряда обязанностей, как выполнение партнагрузки.

Работа партаппарата требует наиболее квалифицированных работников. Тут эта задача правильно решена ЦК по линии улучшения материального положения кадрового состава партаппарата. Нужно провести подбор более квалифицированных работников в самом партаппарате, чем те, которые должны выполнять директивы партаппарата. Пример: инструктор по хозяйственным вопросам должен быть не менее квалифицирован, чем х о р о ш и й директор. Так и по другим отраслям. Это нужно сделать решительно: этого требуют интересы повышенного партруководства.

В самое ближайшее время нужно добиться того, чтобы партруководство стало надлежаще квалифицированным. Самым квалифицированным должен быть партаппарат, четко работающий, умеющий не только быстро реагировать на запросы, на текущую жизнь, но и лучше организовать рабочие массы на дело социалистического строительства, поднимать все новые слои беспартийных рабочих, и новых рабочих в первую голову, воспитывать массы в коммунистическом, большевистском духе, подтягивать массы к уровню больших вопросов, большой политики. Решительней бороться с отсталостью масс, вести руководство хозяйством так, чтобы мы создавали все новые ведущие начала для роста хозяйства, чтобы социалистическое накопление росло все быстрее, чтобы социалистическое хозяйство шагало твердой поступью. Партийный аппарат, его руководство должно еще больше укреплять, сплачивать партийные ряды, воспитывая своих членов в большевистской партийности, решительно бороться и уметь бороться с уклонами от основной большевистской линии, преодолевать трудности умело, решительно, твердо, воспитывать дух воинствующего большевизма. Надо добиться более высокого качества руководства.

Н. Ленцнер.

„Броненосная" кампания и кризис реформизма в Германии.

Немецкая с.-д.—гордость Второго Интернационала, главный оплот капиталистической Германии—переживает кризис. Наличие этого кризиса признается всеми. О нем панически кричат буржуазный пацифист Герлах в своем «Welt am Montag» и лево-соц.-дем. журнал «Der Klassenkampf», о нем пишет и «наш» Абрамович. «Соц.-дем. находится в состоянии кризиса. После раскола в годы войны соц.-дем. не переживала еще такого тяжелого кризиса, как нынешний» (Герлах). «Партия переживает тяжелый кризис. 10 августа 1928 г. (день голосования с.-д. министров за ассигновки на постройку броненосца. *Н. Л.*) является черным днем рабочего движения. Его можно сравнить лишь с 4 августа 1914 г.» (Курт Розенфельд) [1].

Сейчас еще нет полной картины того кризиса, который переживает немецкая соц.-дем., ибо соц.-дем. печать тщательно скрывает резолюции, принимаемые на партийных собраниях, и еще более тщательно замалчивает ту критику (подчас стихийно коммунистического характера), которая раздается на этих собраниях. Но уже то, что проникло на страницы коммунистической печати [2]), отчасти лево-соц.-дем. и буржуазной [3]) позволяет подвести некоторый итог.

Голосование соц.-дем. министров за ассигновки на постройку броненосца вызвало бурю возмущения в массах соц.-дем. партии и ее избирателей. На партийном собрании в Эрфурте соц.-дем. функционер с предприятия образно выразил все возмущение с.-д. рабочих в следующих словах: «Надо было бы посадить этих 4 с.-д. министров на пароход, поехать вслед за ними на броненосец, за постройку которого они голосовали, и разнести в пух и прах этот пароход вместе с министрами» (den Dampfer mit den Ministern in Klumpen schiessen).

Еще не высохли чернила, которыми с.-д. писали избирательные плакаты: «тот, кто против постройки броненосца, тот голосует за список № 1», а с.-д. министры уже плюнули на эту избирательную программу. Соц.-дем. министры еще подлили масла в огонь, согласившись голосовать за ассигновки без всяких прений [4]), согласившись голосовать за ассигновки, хотя знали, что, в случае их голосования против ассигновок, с ними вместе голосовали бы и демократы, т.-е. нынешнее большинство кабинета.

---

[1]) См. его статью «Die Kreuzerkrisis» в № 17 «Der Klassenkampf».

[2]) При чем отчеты в ком. газеты доставляются участниками этих собраний. Реформистская печать в бессильной злобе кричит о коммун. «шпиках»

[3]) Интересно отметить, что демократическая газета «Montag Morgen», отражая настроения перепуганных мелких буржуа, обрушилась на с.-д. за их близорукую политику — «Неужели партийный вождь Герман Мюллер так важен (в правительстве. *Н. Л.*), чтобы из-за этого расплачиваться перспективой превращения компартии в сильнейшую партию, а следовательно, и перспективой роста правого движения, а затем: параграф 48 или революция?».

[4]) «Левых» с.-д. фразеров особенно возмущает тот факт, что вопрос об ассигновках был решен в совете министров в 5... минут. Хоть поспорили бы для виду, тогда легче было бы защищаться, таков, примерно, смысл их критики.

1. Признаки кризиса.

Каковы признаки партийного кризиса?

Этот кризис находит свое выражение:

Во-первых, в том, что все партийные собрания порицают образ действий с.-д. министров, почти все собрания требуют созыва рейхстага и голосования против последующих ассигновок на броненосец «А». Поток протестов партийных собраний так велик, что, например, франкфуртская с.-д. газета обратилась даже с открытым письмом к своим местным корреспондентам, в котором она рекомендует не пересылать ей текстов решений по вопросу о голосовании с.-д. министров за постройку броненосца, чтобы этим-де исключить повторения.

Во-вторых, в том, что целый ряд партийных организаций (не только «левых», но и таких, как Кельн, Дюссельдорф и др., которые были оплотом официальной линии) требуют созыва чрезвычайного партийного с'езда, требуют выхода с.-д. министров из правительства, т.-е. требуют разрыва коалиции.

В-третьих, в том, что целый ряд партийных собраний (в Берлине, Саксонии, Бадене, Тюрингии и др. районах) требуют исключения с.-д. министров из партии, требуют поддержки лозунга плебисцита, как известно, выставленного коммунистами, угрожают приостановкой партийной работы и прекращением уплаты членских взносов в случае, если ЦК партии не изменит своей линии. Такие резолюции были приняты в Хемнице, Плауэне и других городах. Партийное собрание в Плауэне в своей резолюции заявляло: «Местная организация Плауэна вносит предложение партийному правлению, тт. Мюллера, Гильфердинга, Зеверинга и Висселя из-за их вредного для партии поведения, исключить. Если это предложение не будет принято партправлением до ближайшего с'езда, внести его на обсуждение партс'езда».

На Хемницком активе резолюция об исключении из партии соц.-дем. министров была принята всеми голосами против 30.

Другая местная организация Обершлема (Саксония) на своем месячном собрании постановила приостановить уплату членских взносов до тех пор, пока с.-д. министры не выйдут из правительства. В Мюнхене ряд кассиров сложили с себя обязанности, так как почти все члены с.-д. партии, с которых они должны были собирать членские взносы, заявляли: «На броненосец мы взносов не платим».

Такая крупная и старая с.-д. организация, как лейпцигская, в своей резолюции от 23 августа заявляла, например, следующее: «Собрание считает, что одобрение милитаристских вооружений несовместимо с принципами партии и решениями брюссельского конгресса Соц. Интернационала... 4 с.-д. министра не пользуются больше доверием лейпцигской парторганизации, и партийная демократия требует того, чтобы был немедленно созван чрезвычайный с'езд. Далее лейпцигская организация требует от правления партии, чтобы оно со всей силой выступило за плебисцит, запрещающий морские вооружения».

В-четвертых, в том, что налицо многочисленные факты отказа (в знак протеста против «броненосной» политики) с.-д. функционеров и членов партии от участия в вербовочной кампании партии [1]), выхода из партии ее старых членов и особенно выход молодняка из с.-д. союза молодежи, переход бывших и нынешних с.-д. функционеров и членов партии в ряды компартии и комсомола.

---

[1]) Так, напр., 10-й и др. районы Берлина приняли резолюцию, в которой говорится, что «актив отвергает всякую вербовочную работу в октябре, пока не станет ясным, что броненосец не будет построен, а министры, одобрившие постройку броненосца, не будут удалены из партии».

В Берлине, например, 61 исключенных и вышедших из с.-д. партии и с.-д. союза молодежи, активистов подали коллективное заявление о вступлении в КПГ и комсомол. Интересно отметить, что 24 активиста молодежи не смогли поставить свои подписи под заявлением, ибо бюрократия с.-д. союза молодежи об'явила им, что в случае публичного перехода к коммунистам их имена будут сообщены предпринимателям и родителям, от которых эти юные товарищи экономически еще зависимы, и они будут подвергнуты принудительному воспитанию. Такие коллективные переходы налицо в Нюренберге, Ганновере и др. местах.

«Мы не можем защищать партию, нас рабочие шельмуют, как обманщиков»—так говорят с.-д. активисты, еще верные партии. На партсобрании в Грейце (Тюрингия) профсоюзный функционер Фарр, например, заявил: «Как можно теперь итти в массы и вербовать членов партии и абонентов. Тяжелее всего приходится функционерам на предприятии, которые бомбардируются разными вопросами» (иенское «Новое Время», от 7/IX).

Хемницкая с.-д. газета «Народный Голос» вынуждена признать, что «наши партийные товарищи в предприятиях в эти дни (т.-е. дни после голосования с.-д. министров. *Н. Л.*) находились в тяжелом положении. Коммунисты их высмеивают и пытаются оттянуть их от партии. Мы знаем, что многим нашим товарищам было нелегко противопоставить убедительные аргументы аргументам коммунистов».

«Народная Газета» в Плауэне поместила письмо одного функционера, который пишет: «Возмущение масс так велико, что требует не только выхода из правительства, но и исключения министров из партии. Что это, наши вожди ослепли, что ли? Имеют ли они хоть чуточку связи с массами, хоть какое-либо представление о тяжелой нищете забытого ими пролетариата? Имеют ли эти товарищи понятие о том, что значит агитировать за нашу партию при таких условиях? Было бы очень желательно, чтобы наши тт. министры сделали агитационный тур по стране и защищали свои деяния, они увидели бы необыкновенные вещи. Еще никогда возмущение не пускало таких глубоких корней, как ныне».

Факт кризиса доверия масс к с.-д., факт морального, а не только политического кризиса, должен был констатировать и руководитель берлинской организации—Кюнстлер. «Я не знаю сегодня, сможем ли мы быстро все это (кризис доверия. *Н. Л.*) преодолеть. Еще более серьезной, чем политическая сторона событий, является моральная сторона. Как мы будем в будущем выступать перед нашими избирателями и пропагандировать наши требования, если нам в ответ заявляют: мы вам не верим, и в качестве аргумента приводят нашу двойственную политику в вопросе о постройке броненосца. Я могу напомнить, как националистские избиратели отнеслись к обману националистов в связи с возмещением потерпевших от инфляции и какое фиаско потерпели националисты при снятии закона о так наз. «возмещениях за потери от войны». Теперь все это коснется и нас».

Нам стыдно, что мы с.-д.... Мы «потеряли веру в партию»—так говорят другие, поколебленные в своей реформистской вере [1]).

---

[1]) Интересно отметить, что на некоторых с.-д. собраниях рабочие с.-д. противопоставляли с.-д. вождям... Ленина Так, напр., в отчете об уездной конференции в Дрездене, который был опубликован в комм. печати, отмечается, что под гром аплодисментов собрания один молодой функционер заявил, что «нужно брать пример с Ленина, который был не только смелым революционером и великим вождем, но и имел постоянно тесную связь с рабочими массами».

Подыгрываясь под настроение масс, «левые» докладчики, напр., Граф, на лейпцигском собрании также заявляли, что партийные вожди потеряли связь с массами. Граф заявил даже, что ему стыдно, что он социал-демократ.

На собрании ламбрехтской организации (Пфальц) была принята, напр., следующая резолюция: «Местная организация Ламбрехта единодушно заявляет, что голосование за постройку броненосца является актом, наносящим вред партии и должно быть оценено, как предательство по отношению к немецкому пролетариату. Собрание заявляет, что эти вожди не обладают больше доверием местной группы Ламбрехта» (цитирую по «Роте Фане» от 26 августа).

В своем отчете о партийном собрании в Плауэне (Саксония), местная с.-д. газета вынуждена была привести следующую выдержку из речи рабочего Низера: «Четыре министра являются ренегатами, у которых ничего не осталось от социализма. Все губернские организации Саксонии, несмотря на возражение т. Цвейлинга (Цвейлинг—редактор с.-д. газеты в Плауэне, выдает себя за архи-«левого». *Н. Л.*), должны требовать их исключения из партии. Если не будет иначе, нужно перейти к более резким мерам. Никаких больше резолюций, нужно прямо сказать министрам: «идите туда, где вы уже по существу находитесь—к буржуазии».

«Голосование с.-д. министров открыло нам глаза. Оно показало нам, что классово-сознательному рабочему не место в с.-д. партии», так говорят третьи [1]). Наиболее красочно это настроение выразил рабочий Пауль Ригер из Кенигсберга, 24 года состоявший членом соц.-дем. и ныне перешедший в ряды КПГ: «Еще на последних выборах на всех собраниях я выступал в дискуссиях против КПГ за цели с.-д. Тем больше мое возмущение вождями с.-д., которые растоптали мою веру в них. В то время, как мы, низовые функционеры и рабочие на предприятиях, стремились всеми силами бороться с буржуазией, эти люди сидели вместе с буржуазией в правительстве и предавали наши интересы. Постройка броненосца является красочным к тому доказательством. Эта политика коалиции с буржуазией, которую вожди с.-д. сознательно проводят, предавая интересы рабочих, гонит меня из рядов с.-д. Полный возмущения, я обращаюсь к вам, рабочие в с.-д. партии и рабочие на предприятиях: теперь уже стало невозможно заставить с.-д. свернуть с дороги предательства интересов рабочего класса. Нам, пролетариям-активистам, нечего больше в с.-д. партии сказать. Пролетарские товарищи в СПГ! Я призываю вас последовать моему примеру. Оставьте ряды с.-д., оставьте вождей наедине с буржуазией. Наше место больше не там. Мы должны пойти к нашим братьям по классу, которые ведут борьбу в рядах КПГ». (Цитирую по газете «Эхо Востока» от 27 августа).

Эта мощная волна возмущения, протеста, разочарования расходится по всей Германии, захватывает один район за другим. Эта волна захватила не только членов партии, но и с.-д. избирателей, вторых еще больше, чем первых. Письма рабочих, служащих, домашних работниц, мелких рантьеров, голосовавших на выборах за с.-д., а ныне бичующих ее как «броненосную» партию (Panzerkreuzerpartei), успех коммунистической агитации за плебисцит даже в тех предприятиях, где господствуют с.-д., показывают, что налицо не только кризис доверия партийных масс к руководству, но и кризис в отношениях между с.-д. партией и избирателями, стало быть, кризис реформистского влияния в немецком рабочем классе.

---

[1]) «Голосование с.-д. министров за постройку броненосца не единичный случай, а является звеном в цепи отдельных актов, вызванных коалицией»,—пишет Гейнц Зандер, функционер мерзебургского отдела металлистов в своей статье «Мой переход из СПГ в КПГ» (цитирую по галльской «Классовой Борьбе»).

. Панически настроенный Герлах считает, что с.-д. партия потеряет ныне до половины своих избирателей. Сами с.-д. на своих заседаниях констатируют, что в случае выборов они вернутся в рейхстаг лишь с 90 мандатами (т.-е. потеряют 2,5 млн. голосов). Пауль Леви вынужден констатировать, что удар, нанесенный с.-д. голосованием ее министров, свел на - нет многолетнюю вербовочную работу.

2. Причины и значение кризиса.

Кризис немецкого реформизма служит ярким подтверждением правильности того анализа международного положения, борьбы классов, процессов в рабочем движении, который был дан VI конгрессом Коминтерна. Лишь в обстановке обостряющихся классовых противоречий и растущей угрозы войны, полевения масс, голосование с.-д. министров за ассигновки на постройку броненосца могло вызвать такое возмущение масс. Германский империализм возрождается, снижая жизненный уровень рабочего класса. Капиталистическая рационализация выбрасывает на улицу сотни тысяч пролетариев. Остающиеся на предприятиях вынуждены работать с интенсивностью, хищнически расточающей их рабочую силу. С помощью института принудительного арбитража предприниматели повышают рабочий день. Трестированная буржуазия, выкачивая миллиарды прибавочной стоимости, в то же время ведет систематическую кампанию (и проводит в жизнь) за снижение социальных расходов.

Капиталистическая стабилизация, возрождение империалистической политики в Германии вызвали глубокое брожение в массах. Полевение масс, выявившееся уже в конце в 1925 г., в последние годы росло из года в год. Майские выборы (1928 г.) в рейхстаг знаменовали собой крупнейшее поражение буржуазных партий. Около 3½ млн. избирателей потеряли крупные буржуазные партии. Свыше 1 млн. голосов выиграли с.-д. и свыше ½ млн.— компартия, отвоевавшая у реформистов минимум 300 тысяч голосов в основных промышленных центрах страны. Выборы показали, что германский империализм возрождается, имея под собой сужающийся базис своего политического влияния в массах.

Были попытки представить эти выборы, как известную победу буржуазии, ибо-де реформисты одержали крупный успех, получив свыше 9 млн. голосов (в декабре 1924 г.—7,8 млн.). Но уже тогда было указано, что так ставить вопрос нельзя, ибо реформисты имели успех, как партия, развернувшая критику правительства буржуазных партий (Bürgerblockregierung), как партия, выступающая с лозунгами, направленными против вооружений, как партия, выступавшая в послевоенные годы, как пацифистская партия, как партия, выступающая с обещаниями вести в правительстве рабочую классовую политику. Широкие слои рабочих и служащих, разочарованные в политике буржуазных партий, голосовали за с.-д., выражая этим свое элементарное классовое недовольство. Для значительной части с.-д. избирателей смысл их голосования состоял в том, что они голосовали против капитализма и милитаризма, полагая, что реформисты будут вести борьбу против милитаризма и капитализма. Перефразируя слова Ленина, можно сказать, что эти миллионы рабочих (и других слоев трудящихся), голосовавших за реформистов, были «добросовестными» реформистами. И именно потому, что массы были лишь «добросовестными» реформистами, голосование с.-д. министров за ассигновки на постройку броненосца было для них, в известной мере, таким же ударом, каким была апрельская нота Временного Правительства для «добросовестных» оборонцев.

Реформисты, ведя избирательную кампанию под лозунгами борьбы с вооружениями, знали, что они ведут демагогическую агитацию, что предстоящая коалиция может быть создана лишь на основе платформы, включающей и постройку броненосцев. Но «добросовестные» реформисты — миллионы избирателей—принимали всерьез с.-д. заявления. Они понимали под коалицией такое соглашение, которое предполагает значительные уступки со стороны буржуазии, предполагает отказ от империалистических вооружений в Германии.

Голосование с.-д. министров за ассигновку на постройку броненосца, заявления с.-д. лидеров, что им было и ранее известно о неизбежности голосования за постройку броненосца, решение ЦК с.-д. партии, упрекающее с.-д. министров лишь за то, что они не посоветовались с ЦК [1]), и по существу поддерживающее с.-д. министров, открыло глаза «добросовестным» реформистам. С.-д. массы увидели, что коалиционная политика—это политика империалистических вооружений. С.-д. массы увидели, что коалиция лишь служит целям возрождения германского империализма. С.-д. массы увидели, что реформистские министры плетутся в хвосте буржуазных министров, что коалиционное правительство продолжает политику старого буржуазного правительства. Реформисты всячески превозносили коалицию, а ее «достижениями» были, во-первых, провал попыток с.-д. об'явить день принятия веймарской конституции национальным праздником; во-вторых, ассигновки на постройку броненосца. Коалиционная политика с.-д. выступила в глазах масс главным образом как политика с.-д. соучастия в империалистических вооружениях.

Нынешний кризис с.-д. есть поэтому кризис коалиционных иллюзий масс, кризис реформизма, выявлявшего перед массами свое социал-империалистское нутро.

Голосование с.-д. министров за ассигновки на постройку броненосца всколыхнуло широчайшие массы. Оно заставило их еще раз пересмотреть всю политику с.-д., особенно в последние годы. Оно заставило их вспомнить о коммунистической критике реформизма и коалиционизма, подумать о двух стратегиях — стратегии реформистской и стратегии революционной. Реформистские лидеры, подняв — в ответ на кампанию КПГ — кампанию против СССР и ее «милитаризма», лишь помогли известным слоям осознать разницу между политикой соглашения и политикой классовой борьбы и революции. Социал-империалистски настроенные вожди настолько потеряли чутье, что не сообразили, что их кампания против СССР (в момент голосования с.-д. министров за постройку броненосца) является палкой о двух концах, ибо известным слоям с.-д. избирателей и членов партии эта кампания лишь помогает усвоить разницу между пролетарским и буржуазным государством. Голосование с.-д. министров за постройку броненосца произошло в тот момент, когда гамбургский с'езд профсоюзов открыто высказался за экономический мир, т.-е. против отпора экономическому наступлению буржуазии, открыто поддержал систему принудительного арбитража, лишающую рабочий класс свободы стачек, свободы экономической борьбы, открыто провозгласил политику раскола рабочего движения, аннулировав мандаты делегатов берлинских металлистов, приняв ряд драконовских организационных решений против профсоюзной оппозиции.

[1]) При чем и это заявление с.-д. ЦК является насквозь лживым, так как вопрос об ассигновках обсуждался на совещаниях верховных партийных инстанций с.-д. партии и разногласие между с.-д. лидерами имелось лишь по след. вопросу: подготовить ли массы к предстоящему голосованию или, наоборот, поставить их перед фактом? Мюллер и К°, защищавшие вторую точку зрения, имели за собой большинство. Т. н. левые (Кюнстлер и др.) защищали другую линию. Но видя возмущение масс, Кюнстлер не постеснялся выступить на берлинском с.-д. активе и, ударяя себя кулаками в грудь, кричать о плохих порядках в партии, при которых с.-д. министры принимают важнейшие решения, не посоветовавшись с ЦК. Интересно отметить, что Кюнстлер был уличен во лжи на страницах «Роте Фане» с.-д. функционером и в своих последующих статьях в «Форвертсе» он не опроверг тех фактов, которые были приведены в письме с.-д. функционера.

Одной рукой реформисты подписывали ассигновки на постройку броненосца, т.-е. подписывались под политикой империалистических вооружений, а другой рукой они подписывали обязательство поддержать экономическую конкурентную борьбу трестированной буржуазии на мировом рынке, сдерживая напор масс, не допуская развязывания экономических боев. Буржуазная Германия оценила эти верноподданнические заверения профсоюзной бюрократии, заявив с'езду устами... Зеверинга, который выступал на с'езде, на ряду со штреземановцем Куртиуссом, как член правительства, примерно, следующее: так как профбюрократия начинает не плохо справляться с ролью штрейкбрехера экономической борьбы масс, то можно постепенно ликвидировать специальные штрейкбрехерские организации, так называемую техническую помощь.

Голосование с.-д. министров за постройку броненосца выступает таким образом перед массами не как изолированный акт, не как «случайная ошибка», а как составная часть всей политики реформизма, поддерживающего империалистическую Германию.

Именно потому, что с.-д. массы левеют, а реформистская бюрократия правеет, разоблачая себя, как социал-империалистскую агентуру буржуазии, голосование с.-д. министров вызвало кризис реформизма.

Если возрождение германского империализма вызвало революционизирование масс, в том числе и масс, идущих за с.-д., заставляет их искать новые, боевые методы борьбы, то это возрождение немецкого империализма ускорило процесс врастания реформистской бюрократии в систему буржуазного государства.

Государственно-капиталистические тенденции, наиболее ярко проявившиеся как раз в Германии, создают экономическую и социально-политическую основу для этого врастания. Обострение империалистских противоречий, обострение борьбы за рынки заставляет реформистскую бюрократию активнее выступать в роли социал-империалистов во-вне и внутри страны. Чем больше сужается базис политического влияния основных партий немецкого империализма, тем необходимее становится участие реформистской бюрократии в парламентском правительстве буржуазной Германии. Германскому империализму, как наиболее слабому из главных партнеров империалистической игры, необходим максимальный классовый мир в своей стране. Обеспечить этот классовый мир немыслимо без активной помощи реформистской бюрократии. Коалиция является поэтому необходимой частью нынешней политики немецкого империализма. Коалиция является поэтому [1]) характерной чертой нынешнего периода возрождения немецкого империализма.

Коалиция делает с.-д. «формальным» соучастником империалистической политики. Коалиция еще больше сужает маневренные возможности для реформистской бюрократии, ибо она боится распада коалиции, так как коалиция является знаменем реформизма, «гвоздем» его политической идеологии. Войдя в правительство, реформистская бюрократия вынуждена проводить самые непопулярные в массах мероприятия, ибо буржуазия законно считает, что, собственно, только для этого и нужны с.-д. министры в правительстве, ибо буржуазия гарантирует этим свои основные партии от несения полной ответственности за эти империалистские мероприятия.

В этой обстановке возрождения империализма, когда от реформистов требуется активная помощь, когда реформистам предоставлена возможность осуществить то, о чем они возвещали ряд лет, а именно: коалицию, — для

[1]) Ибо коалиция до июня 1928 г. (и после 1923 г.) не имела места только потому, что этого не хотела буржуазия.

них создается своего рода заколдованный круг: сидя в коалиции, потеряешь массы, уйти же из коалиции, это значит расписаться в банкротстве своей политической стратегии. Именно этой перспективой банкротства и аргументировало правое большинство парламентской с.-д. фракции, благословляя с.-д. министров на голосование за постройку броненосца. Эта аргументация произвела убийственное впечатление на «левых» фразеров. «Партия, которая боится новых выборов, никудышная партия»,—панически кричит «левый» фразер Зейдевиц [1]). Сидя в правительстве, мы будем безостановочно терять своих сторонников,—кричат «левые» фразеры. Правы и те и другие. Прав Мюллер и К°, ибо уйти из правительства, это значит, во-первых, вызвать новые выборы, которые продемонстрируют, по заявлению правых, факт потери 40 мандатов (2,4 млн. голосов), это значит, во-вторых,—и это самое главное—расписаться перед массами в банкротстве политической стратегии реформизма. Но правы и «левые»—Зейдевиц, Розенфельд, Леви и К°. Каждый месяц пребывания с.-д. в коалиционном правительстве открывает глаза новым сотням тысяч «добросовестных» реформистов. Коалиционная практика с.-д. усиливает рост влияния партии революции—КПГ. Такова уж «зловредная» диалектика истории.

Реформистская бюрократия твердо идет за Мюллером, Зеверингом и К°. Она отвергла не только идею плебисцита, но даже и такое требование, как отказ от голосования за вторые ассигновки на броненосец. Больше того. Анализируя кризис, вызванный голосованием с.-д. министров, «Форвертс» заявлял, что партия должна выработать программную линию в вопросе о вооружениях, должна создать в своей среде ясность в этом вопросе [2]).

Отказ реформистской бюрократии от идеи плебисцита ярче всего характеризует политику реформизма в период возрождения немецкого империализма, сужение поля для ее маневров.

Почему с.-д. верхушка согласилась,—правда, под давлением масс — в 1926 г. участвовать в плебисците по вопросу о безвозмездной конфискации имуществ бывших владетельных особ и категорически высказалась ныне,— хотя давление масс во втором случае несравненно более сильное,—против плебисцита по вопросу о постройке броненосца? Потому, что в первом случае острие плебисцита было направлено против монархическо-юнкерской Германии, а не против основ буржуазной Германии. В кампании за плебисцит в 1926 г. участвовали даже демократы — партия торгового и банковского капитала, ведущая за собой широкие слои служащих. Естественно, что с.-д. могла нажить политический капитал за счет правых партий, участвуя в плебисците, ибо этот плебисцит не противоречил основным интересам буржуазной Германии. Другое дело плебисцит по вопросу о постройке броненосца. Этот плебисцит своим острием направлен против буржуазной, империалистической Германии. Кампания за этот плебисцит) неизбежно развертывается в кампанию против всех империали-

[1]) См. его статью «Die Shädrgung der Partei» в № 17 «Der Klassenkampf».

[2]) Второй председатель союза «Республиканского флага» (респуб. фронтовики) с.-д. Хентерман выступил в магдебургской с.-д. газете со статьей, в которой он открыто требовал ясности в вопросе о вооружениях: «На вопрос о том, одобряем ли мы вообще ассигновки для постройки военных судов, должен быть дан ясный ответ: да или нет... Ближайшему партс'езду должна быть предложена для обсуждения и решения программа обороны ((Wehrprogramm), — такова задача, которая вытекает из урока с броненосцем «А».

[3]) Необходимо отметить, что плебисциту (Volksentscheid) предшествует предварительный плебисцит (Volksbegehren), задачей которого является сбор подписей в размере 10% общего числа избирателей. Если эти 10% подписей будут собраны, тогда вопрос ставится на решение рейхстага. Если рейхстаг отвергает, тогда происходит плебисцит, имеющий задачу мобилизовать 50% избирателей, т.-е. кампания за плебисцит растягивается на месяца.

стических вооружений, против всей империалистической политики немецкой буржуазии. Но принять участие в такой кампании, это значит отказаться от основ реформизма и социал-империализма. Именно потому, что реформистская бюрократия является социал-империалистской, срослась с буржуазно-империалистской Германией, она с пеной у рта агитирует против плебисцита. Реформистская бюрократия неистовствует. Чего только она не придумывает в своей травле коммунистов, в своей агитации против плебисцита! Тут и крики о вооружении в СССР (а потому и о «двойной бухгалтерии» коммунистов), тут и неожиданные аргументы о смене в последние годы руководящих групп КПГ.

Реформистская бюрократия неистовствует, ибо она превосходно понимает, что лозунг плебисцита, кампания за плебисцит вбивает клин между ней и теми массами, которые она до сих пор вела. Массы хотят бороться с империализмом, они против империалистических вооружений. Они поэтому за плебисцит. Реформистская бюрократия не может не бороться против плебисцита, со скрежетом зубовным видя, как лозунги компартии завоевывают симпатии ее реформистских избирателей. Реформистская бюрократия видит, как массы от нее отходят, и тем не менее она не может изменить своей тактики.

3. Кризис с.-д. и роль левых с.-д.

Одним из характерных явлений нынешнего кризиса с.-д. является саморазоблачение т. н. «левых» с.-д., их полная капитуляция перед официальной линией. В первый момент, в первые дни после голосования с.-д. министров, когда «левые» растерялись, видя возмущение масс, они пытались поплыть по течению. Именно в эти дни (первые две недели после голосования) саксонские с.-д. окружные комитеты вынесли резолюции, требующие поддержки лозунга плебисцита. Именно в эти дни «Лейпцигер Фольксцейтунг»—главный рупор «левых»—в № от 23 августа заявлял: «Предстоящий плебисцит направлен не только против ассигновок для данного броненосца, он направлен против постройки броненосцев и военных судов вообще. Что же может удержать с.-д. партию и ее рабочих от кампании за плебисцит? Только то, что коммунисты выдвинули идею плебисцита первыми?»

Но эта игра в «левизну» продолжалась недолго. «Левые» быстро сообразили, что плебисцитная кампания может вызвать движение, с которым не справится с.-д. Они сообразили, что плебисцитная кампания по вопросу о постройке броненосца, неизбежно превращающаяся в кампанию против вооружений германского империализма, может нанести непоправимый удар и самому реформизму, не могущему вести иной политики, кроме политики социал-империализма. Они увидели, что партийные массы подымают форменный бунт. Они стали бить отбой, во-вторых, под давлением партийной бюрократии, составной частью которой они сами являются. Партийные верхи, несомненно, окрикнули «левых», и этого было достаточно, чтобы мягкотелые «левые», и без того испугавшиеся размаха движения, капитулировали перед «правым» ЦК. Они вначале стали выступать против «крайностей». Резолюции об исключении с.-д. министров, принятые на собраниях актива Хемница, Плауэна и др. городов, принимались, несмотря на выступления «левых» лидеров, и замалчивались «левыми» редакторами с.-д. газет. Потом «левые» стали бить отбой и в вопросе о плебисците. Дрезденский, а за ним лейпцигский и др. комитеты выступили против плебисцитной кампании, которая-де ведется коммунистами исключительно в целях дискредитации с.-д. партии. «Будьте верны партии. Будьте дисциплинированы. Не входите в плебисцитные комитеты. Помните, что участие в кампании возможно лишь как участие всей партии»,—с такими лозунгами выступили теперь «левые», имея определенную цель сорвать намечающийся единый фронт между с.-д. и коммунистическими рабочими.

«Кампания против постройки броненосца должна вестись с.-д. партийной массой самостоятельно. Присоединение к инсценированному коммунистами предварительному плебисциту означало бы удар по с.-д. Поэтому окружной комитет (Bezirksvorstand) отвергает идею создания т. н. местных комитетов для проведения плебисцита»,—заявляет о своем постановлении «левый» дрезденский губком.

Другой «левый» лейпцигский окружной комитет опубликовал след. воззвание: «Устами «Роте Фане» коммунистические деятели открыто заявили, что коммунистический предварительный плебисцит (Volksbegehren) имеет целью разбить с.-д. партию. Таким образом, коммунисты сами раскрыли свои цели. Окружной комитет предостерегает как партийных товарищей, так и остальных рабочих и работниц от того, чтобы они не оказались в хвосте коммунистов. Окружной комитет предостерегает от вступления в коммунистические комитеты по подготовке плебисцита». Даже самый «левый» окружной комитет — комитет Плауэна-Цвикау опубликовал 28 августа воззвание ко всем членам партии, которое гласило: «КПГ вновь пытается создать комитеты единства для проведения плебисцита. На заседаниях самоуправлений вносятся предложения о порицании партии и ее министрам. Окружной комитет потребовал от высших партинстанций как созыва парт-с'езда, так и немедленного согласия на проведение плебисцита. Наши действия будут зависеть от этих решений. Так как руководство в проведении плебисцита может быть лишь централизованным, то мы отвергаем посылку членов нашей партии в местные комитеты единства. Вместе с тем, в самоуправлениях мы не должны голосовать за предложения КПГ, ибо явно или скрыто, но они направлены против нашей партии. Наше принципиальное отношение к поступку 4 с.-д. министров настолько выявлено, что совершенно излишни митинги, которые бы устраивались совместно с коммунистами. Товарищи! Никогда еще не была важна и необходима сплоченность партии, как ныне. Стойте поэтому сплоченно и единодушно за партию, борясь с нападками справа и слева» (цитирую по хемницкому «Кемпферу» от 29 августа).

В своем ответе на обращение губкома КПГ другой саксонский «левый» окружной комитет хемницкий заявлял: «В ближайшие же дни будут обсуждены все возможные мероприятия. Они будут обсуждены в сотрудничестве со всеми имеющими к этому вопросу отношение организациями и коллективами, но никогда в сотрудничестве с коммунистами» (там же от 30 августа).

«Левые» прекрасно понимают, что единый фронт с.-д. и коммунистических рабочих в плебисцитной кампании, проводимой против воли с.-д. партийных инстанций, может легко превратиться в единый фронт против империализма и социал-империализма вообще. Вот почему, стремясь спасти социал-демократическую партию, они идут на саморазоблачение, выступая единым фронтом вместе с «правым» ЦК против плебисцита [1]).

«Левые» с.-д., которые, напр., еще недавно пытались играть роль «друзей» СССР, писали архирадикальные статьи о Красной армии, как армии рабочего класса, писали о праве рабочего государства на вооружения для своей защиты, ныне выступили единым фронтом с «Форвертсом» в деле

[1]) За плебисцит до сих пор агитирует лишь «левый» с.-д. журнал «Дер Классенкампф», 17 № которого озаглавлен: «Буря возмущения против броненосца». Но

травли СССР, в обвинении коммунистов в «двойной бухгалтерии». «Коммунисты,—пишет теперь «Лейпцигер Фольксцейтунг»,—вовсе не являются принципиальными противниками *милитаристских* вооружений. Это видно на примере вооружений в «Советском Союзе».

«Саморазоблачение «левых» отражает, таким образом, степень серьезности того кризиса, который переживает с.-д. партия и реформизм. Саморазоблачение «левых» подтверждает, во-2-х, тезис VI конгресса о происходящем внутреннем сплочении реформизма. Чем больше обостряются классовые противоречия, чем больше обостряется борьба между реформизмом и коммунизмом, тем больше «линяют» «левые». Не раскол между «правыми» и «левыми» крыльями реформистской верхушки, как это предсказывали тт. из правого крыла КПГ [1], а сплочение их,—таков результат развертывающегося кризиса с.-д. И *не раскол в с.-д. партии* по типу тех, которые были в годы империалистической войны, а *откол* рядовых с.-д. рабочих, рядовых активистов — такова совершенно ясная перспектива разложения реформизма, яркие признаки которого выявила плебисцитная кампания.

4. Борьба за с.-д. массы.

Результаты плебисцитной кампании, степень влияния этой кампании на процесс отхода масс в значительной мере будут зависеть от активности компартии, четкости ее политической агитации в массах. Основная задача плебисцитной кампании — ускорить процесс разложения реформизма и оторвать массы от реформизма. Не количество голосов, поданных за плебисцит, является определяющим моментом кампании. Где эти голоса будут, *под какими лозунгами* они будут собраны, таковы определяющие критерии. Главная задача состоит в том, чтобы с.-д. *рабочих* привлечь к участию в плебисците, чтобы единый фронт в этой кампании создался *внизу, на фабриках и заводах*, между с.-д. и коммунистическими рабочими. Главная задача состоит в том, чтобы плебисцитную кампанию проводить под лозунгами борьбы со всеми империалистическими вооружениями, со всей системой империализма, под лозунгами борьбы с опасностью войны, защиты первого пролетарского государства, чтобы плебисцитную кампанию проводить так, чтобы массы поняли связь между политикой капиталистической рационализации и политикой постройки броненосца, политикой империалистических вооружений, чтобы массы вынесли тот урок, что бороться нужно не только против постройки броненосца, но что одновременно нужно об'единиться для отпора по *всему* фронту — фронту экономическому и политическому.

Главная задача состоит в том, чтобы показать массам связь между фактом голосования с.-д. министров за постройку броненосца и всей их социал-империалистской политикой, чтобы показать связь между фактом голосования за постройку броненосца и всей системой коалиционной политики, всей системой реформистской помощи немецкому империализму (признание принудительного арбитража, саботаж экономической борьбы и т. д.). Именно под этим углом зрения борьбы со всей империалистической системой, со всей системой германского капитализма, разоблачения всей политики реформизма как социал-империализма; мобилизации масс для отпора на всех фронтах классовой борьбы; отвоевания у с.-д. честных, сознательных рабочих — именно под этим углом зрения и рассматривает КПГ плебисцитную кампанию.

этот журнал не отражает взглядов «левых» практиков—Липинского, Тони Зендер, Ауфхейзера, Флеснера и др.—руководящих «левыми» губкомами В нем участвуют лишь «левые» литераторы, которые чувствуют себя менее связанными с партбюрократией, которым не нужно отвечать перед массами и ЦК за свои заявления и которые поэтому позволяют себе роскошь кричать о плебисците.

[1]) См., например, дискуссию между Остеном и Вальхером о тенденциях развития «левых» с.-д. в №№ немецкого «Интернационала» за 1926—27 гг.

Партия быстро оценила обстановку, созданную голосованием с.-д. министров, и через 3—4 дня уже бросила в массы лозунг плебисцита, рассматривая эту плебисцитную кампанию не как какую-то самоцель, а как *орудие* мобилизации масс. В дальнейшем партия стала увязывать эту кампанию с кампанией против политики профсоюзной бюрократии (в связи с решениями гамбургского с'езда), стала постепенно развертывать эту кампанию на фабриках и заводах. Конференции фабрично-заводских комитетов в Берлине и Хемнице, созванные по вопросу о плебисците, являются доказательством того, что партия нащупала правильный и верный путь мобилизации масс. Углубляя и расширяя эту кампанию в низах, там, где только и возможен стык интересов с.-д. и коммунистических рабочих—на фабриках и заводах, создавая фабрично-заводские плебисцитные комитеты, увязывая кампанию против всей системы господства империалистической буржуазии, против всей системы предательств реформизма — КПГ, несомненно, углубит и расширит тот кризис с.-д., который вызвало голосование с.-д. министров.

20/IX—28 г.

P. S. Еще нет данных об исходе предварительного плебисцита, но ход голосования в первые дни показывает, что к этому предварительному плебисциту не удалось привлечь такое количество избирателей (4,1 мил.), которое было бы необходимо для устройства второго плебисцита. Не свидетельствует ли этот факт о переоценке нами тех процессов, которые происходят в массах с.-д. рабочих? На этот вопрос должен быть дан безусловно отрицательный ответ.

Исход голосования далеко не отражает тех процессов, которые были порождены голосованием с.-д. министров за постройку броненосца.

Можно отметить 3 группы причин, которые создали известные «ножницы» между настроением масс, вызванным фактом голосования с.-д. министров, и результатами предварительного плебисцита.

Это, *во-первых*, то временное замешательство в рядах КПГ, которое было вызвано решением ЦК по делу Витторфа, решением, принятым в результате фракционной атаки правых и примиренцев. Опубликование решения ЦК дало возможность всей с.-д. и буржуазной печати повести бешеную атаку против компартии и одновременно на известный срок отвлекло внимание партии от плебисцитной кампании. Трудно в цифрах учесть последствия фракционного выпада правых и примиренцев против партии и Коминтерна, но уже тот факт, что этот выпад был сделан *за неделю до начала* предварительного плебисцита и вызвал замешательство в рядах партии как раз в тот момент, когда все силы, все внимание партии должно было быть сосредоточено на агитации за плебисцит, позволяет судить о силе того удара, который был нанесен партии.

Вряд ли самые хитроумные враги могли бы придумать что-либо лучшее для того, чтобы деморализовать ее в эти решающие для плебисцитной кампании дни!

Вторая группа связана с известными организационно-политическими недочетами, выявившимися в ходе кампании. Главная организационная задача состояла в том, чтобы создать единый фронт с с.-д. рабочими *внизу — на фабриках и заводах*, создать фабрично-заводские плебисцитные комитеты, ибо только здесь был возможен стык между с.-д. и коммун. рабочими. К сожалению, партия не бросила все свои силы в этом направлении. Созыв фабрично-заводских конференций в Берлине, Хемнице, Дюссельдорфе был лишь выявлением добавочной, а не основной работы партии, которая

главное свое внимание устремила на агитацию на улицах, в жилищах, на создание плебисцитных комитетов из представителей симпатизирующих партии организаций.

Не систематической, а случайной была также работа по увязке антиброненосной кампании с развертывающимися экономическими боями. Тем самым оставалось в известной мере в стороне одно из лучших средств мобилизации масс.

Третья группа причин, весьма существенная по своему значению, это—саботаж правительственных и муниципальных властей в отношении плебисцита; это—технические трудности, связанные с подписанием. Органы буржуазной власти (в том числе и особенно возглавляемые с.-д.) применяли все средства («забывали» вставлять в списки фамилии избирателей и т. п.), чтобы сорвать голосование. А так как эти средства применялись не только в мелких городах и деревнях, но и в Берлине, то они сыграли свою значительную роль.

Внесение подписей к тому же было сопряжено с техническими трудностями и в целом ряде мест с угрозой экономических репрессий со стороны предпринимателей.

«Броненосная» с.-д. печать облегченно вздыхает по поводу того, что компартии не удалось формально добиться плебисцита. Но это—преждевременное успокоение. Антиброненосная кампания КПГ всколыхнула широчайшие массы. Факт кризиса в реформистских рядах налицо, и этот кризис будет развиваться, ибо коалиционная политика с.-д. будет все ярче разоблачать социал-империалистскую роль с.-д.

Не помогут и маневры Вельсов, заявляющих, что с.-д. готовы в рейхстаге выступить за приостановку постройки броненосца, в рассчете на то, что они со своим предложением останутся в меньшинстве и тем самым «и волки будут сыты и овцы целы». Печать «центра» уже заявила, что «центр» не допустит таких маневров с.-д. в период ее пребывания в коалиции.

Антиброненосная кампания КПГ была началом ее широкого наступления на реформизм. Обострение классовых противоречий (одним из показателей чего являются нынешние экономические конфликты) открывает перед ней широчайшие перспективы.

Оправившись (а что она быстро сплотит свои ряды—порука тому—10-летняя бельшевистская закалка) от временного замешательства, КПГ развернет новое широкое наступление на реформизм, за завоевание большинства рабочего класса Германии.

Н. Л.

16/X—28 г.

М. Брудный.

Некоторые теоретические предпосылки к изучению советского хозяйства.

Центральной проблемой всякой устойчивой и длительно существующей экономической системы является проблема правильного пропорционального распределения труда между различными отраслями народного хозяйства. Если бы могло быть достигнуто постоянное, никогда не нарушаемое пропорциональное распределение всего общественного труда раньше в национальном масштабе, а затем в международном, то капитализм не знал бы кризисов. Безработица сама по себе, хотя бы и миллионов людей, ни в коем случае не выражала бы тогда кризисного состояния всего народного хозяйства, а была бы лишь показателем разрыва между системой организации труда и наличными ресурсами рабочей силы. Такой разрыв можно себе теоретически мыслить и вне связи с нарушенной пропорциональностью распределения труда. Но это — чистая абстракция, иллюстрирующая следующую мысль.

При изучении экономической системы, сравнительно давно возникшей и устойчивой, проблема использования народного труда остается на заднем плане. Исследователь не задается вопросом рационального использования всех трудовых ресурсов общества. Он принимает за аксиому, что для того, чтоб существовать, люди должны производить, а самый важный факт из этой области—«добровольное» согласие десятков миллионов людей итти под ярмо наемного труда—относится к истории хозяйства, а не теоретической экономии в узком смысле этого слова. «Общественно-обусловленное производство индивидов—таков исходный пункт» (Маркс). Задача исследователя понять законы уже приведенного в движение труда, его распределения и распределения продуктов труда.

Принципиально иначе должен быть поставлен вопрос в отношении советской экономической системы. Разумеется, что необходимость пропорционального распределения труда, эта естественная необходимость, выход за пределы которой означал бы голод членов общества — абсолютно остается в силе и для советского хозяйства, и, как вполне правильно считают, только советское хозяйство начинает ее планомерное осуществление.

Но на ряду с этим другая проблема требует нашего исключительного внимания, занимая первое место и подчиняя себе все другие проблемы в системе советской экономики. Это—проблема приведения в движение всех наличных ресурсов рабочей силы. Чтобы быть правильно понятыми, необходимо об'ясниться.

Для того, чтобы существовать, люди должны производить. Но этого мало. Они должны производить в известных пропорциях. Для удовлетворения потребностей членов общества необходимо такое-то количество хлеба, столько-то мануфактуры, машин, электрической энергии и проч., и проч. В буржуазном хозяйстве, где нет и не может быть точного предварительного учета потребностей населения, где размеры производства движутся конкуренцией, относительно пропорциональное распределение труда достигается

стихийными законами. И осознание этих законов политической экономией не уничтожает, разумеется, их стихийного характера. В социалистическом обществе пропорциональное распределение труда будет достигнуто плановой организацией труда.

Что конкретно означает проблема использования рабочей силы?

Имеется миллион «душ». Работоспособного населения—шестьсот тысяч. В переводе на рабочие дни общество может распоряжаться шестью стами тысяч рабочих дней. «Кто не работает, тот да не ест» это — литературная формула. В действительности, кто живет, тот ест. Каждый неиспользованный рабочий день, это — растрата не труда, а продуктов труда. Однако, буржуазная экономия никогда не ставила и не могла правильно поставить проблему использования рабочей силы. Почему? Потому, что стихийные законы движения буржуазного общества распространяются и на использование рабочей силы. Приведение в движение массы труда является априорным для буржуазного хозяйства. Осознание же тех экономических факторов, которые освободили огромные массы людей от средств производства, относится, как это уже было отмечено, к хозяйственной истории. Для капитализма типичен не кризис предложения рабочей силы, а кризис ее сбыта. Тем менее проблема использования рабочей силы могла быть в центре внимания экономистов, исследующих буржуазное хозяйство.

Радикально и принципиально иначе стоит вопрос в отношении советского хозяйства.

Что является главным устремлением, решающей тенденцией советского хозяйства? Это—хозяйство, движущееся к социализму. Это движение не стихийное, не «самотеком», а планомерно организуемое экономической политикой пролетариата.

Два момента выдвигают на первый план изучения советского хозяйства проблему использования рабочей силы:

Во-первых, советское хозяйство возникло и продолжает развиваться за счет гибели и разрушения предшествующей экономической формации. Весь предыдущий строй отношений производства материальных благ не только нарушен, но в огромной степени разрушен и продолжает разрушаться. Тем самым нарушены все предыдущие основы приведения в движение труда народных масс. Мы имеем в виду не стимулы к труду, так как и в нашем хозяйстве нужда еще осталась погонщиком, но нарушение условий труда в широком смысле этого слова.

Во-вторых, советское хозяйство направляется социалистической политикой. «Право на труд» всегда было самым элементарным и вместе с тем самым трагическим требованием рабочих масс. Пролетариат, ставший у власти и организующий новое, социалистическое общество, не может не поставить во главе своей экономической политики обеспечение всех трудом. При этом дело не в справедливости, а в известных всем особенностях социалистического способа производства.

Для упрощения терминологии мы могли бы сказать, что *если центральной проблемой буржуазной экономии является пропорциональное распределение наличного труда, т.-е. труда, уже приведенного в движение, или труда, приводимого в движение стихийным развитием капитализма, то центральной проблемой советской экономии является распределение всего общественного труда, т.-е. превращение всей потенциальной трудовой энергии членов общества в действенную.*

Это—вопрос практики советского хозяйства, конкретной экономической политики, в частности, политики форсированной индустриализации, но

для того, чтобы его всесторонне выяснить, необходимо остановиться на некоторых теоретических пунктах.

Действенный источник всех богатств—труд. Но непосредственно в этой роли труд выступал лишь в тот ранний период человеческой истории, когда средства производства занимали незначительное место в процессе созидания материальных благ. В дальнейшем же наступает контроверза между трудом настоящим и трудом прошлым, заключенным в средствах производства. В настоящее время производить можно только опираясь на труд прошлый, владея средствами производства. Прошлый труд выступает в застывшей овеществленной форме, притом действительно «мертвый хватает живого». В отношениях между прошлым и настоящим трудом все могущество на стороне прошлого труда. И таким образом источник богатств—живой труд—оказывается прикрепленным к колеснице, ведомой стальными конями, заключающими в себе мощь и силу прошлого, застывшего и овеществленного труда. Эти отношения между прошлым и живым трудом,—и в этом *самое главное*,—закрепляются социальным обручем буржуазного способа производства. Средства производства, монополизированные классом капиталистов, становятся в глубочайшие противоречия с трудом настоящим, трудом живым, становятся капиталами.

Что такое капитал?

Известные исторические условия превращают средства производства—этот накопленный человеческий труд—в капитал, но капитал не может быть определен как накопленный труд, средства производства. «Бумагопрядильная машина есть машина для пряжи хлопка. Только определенные отношения делают ее капиталом. Вне этих отношений она будет капиталом столь же мало, как золото само по себе является деньгами и сахар—сахарной ценой. Капитал есть буржуазное производственное отношение... Он есть сумма товаров, меновых ценностей, общественных величин» (Маркс).

Все растущие массы накопленного труда непрерывно капитализируются. Труд текущий, труд живой все больше отступает вглубь производства. Труд застывший, занимающий все больше места в средствах созидания богатства, сам испаряется, принимая волшебную форму капитала—общественных отношений, воспроизводящих себя во все более расширенном масштабе. Постоянный капитал обгоняет переменный—это экономическая формула успехов мертвого труда по сравнению с трудом живым.

Капиталистический способ производства ткет все новые одежды для труда: не труд, а ценность; не труд, а капитал; не труд, а прибыль; не труд, а процент—и так без конца. Взглянешь на старую, новую или новейшую «систему» буржуазной экономии—и в глазах начинается пляска общественных буржуазных покровов труда, а труд... только один из элементов производства. Но можно плюнуть на все учебники буржуазной экономии. Важнее всего, что в реальной действительности в пределах буржуазного способа производства *труд* является творческим источником всех богатств только в конечном счете. Труд, превращенный в наемный труд, труд, оторванный и постоянно отрываемый от накопленного труда, не может быть рычагом производства. Рычаг производства—капитал. Движение буржуазного производства это непосредственно не движение труда, а капитала. Распределение труда принимает форму распределения капиталов. Фетишизм буржуазных экономистов не в том, что они утверждают гегемонию прошлого труда над настоящим, капитала над трудом в процессе созидания материальных благ, а в том, что им невдомек, что лишь определенные, исторически преходящие общественные отношения превращают накопленный труд в капитал и что «плодовит» не капитал-вещь, а труд, приводимый в движение капиталом—общественным отношением. С другой стороны, разоблачение товарного фетишизма и фетишизма капитала не устраняет самого факта—овеществления

труда в ценности и затем на высшей ступени подчинения текущего живого труда труду накопленному и превращенному в капитал. «Позднее научное открытие, что продукты труда, поскольку они суть стоимости, представляют лишь вещественное выражение человеческого труда, затраченного на их производство, составляет эпоху в истории развития человечества, но отнюдь не уничтожает вещественной видимости общественного характера труда» (Маркс).

Процент в конечном счете сводится к известному вычету из прибавочного труда рабочих; однако, уровень процента, скажем, в случае регулирования вексельного курса непосредственно живет самостоятельной и обособленной от процесса труда жизнью.

Резюмируем: проблема воспроизводства буржуазных общественных отношений это не проблема распределения труда, как он конкретно выступает в процессе производства, а проблема цен, процента, перераспределения прибыли и проч. Проблема живого текущего труда—единственного источника всех богатств—сводится в пределах капитализма к узкому вопросу рынка рабочей силы.

Это обусловлено монополией класса капиталистов на средства производства. Эта монополия означает сращивание прошлого накопленного труда с такой социальной формой, в пределах которой труд живой постоянно противостоит труду прошлому. Капитализирование прибавочной стоимости означает постоянное воспроизводство глубочайшего противоречия между трудом прошлым и настоящим. Поэтому, пока речь идет о капитализме, самый пламенный сторонник трудовой теории стоимости не может поставить в центре своего исследования ни проблему использования рабочей силы, ни проблему распределения труда, как он конкретно выступает в производстве.

Как ставится тот же вопрос у нас в СССР?

В условиях СССР уничтожена монополия класса капиталистов на средства производства—главное, решающее основание подмены труда капиталом, противоречия между трудом накопленным и трудом текущим, подчинения второго первому. Является ли сохранение у нас товарно-денежной формы достаточным основанием для оставления в неприкосновенности всех экономических категорий капитализма?

Поставим вопрос яснее. При научном исследовании овеществления труда принято исходить из простого товарного хозяйства. Этот вполне правильный методологический прием не может, однако, сам по себе быть доказательством того, что овеществление труда налицо всюду, где имеется товарно-денежная форма экономических отношений, безотносительно к тому, существует ли монополия класса капиталистов на средства производства или нет. Буржуазная экономическая структура общества является молчаливой предпосылкой при анализе Марксом овеществления труда в «Критике». Но Маркс не давал этим ответ на вопрос, как выглядит овеществление труда при сохранении товарно-денежной формы и уничтожении вместе с тем монополии капиталистов на средства производства и что составляет общественное содержание овеществления труда при движении общества к социализму, хотя бы это экономическое движение совершалось в товарно-денежной форме.

Овеществление труда никогда не понималось Марксом технически. Тем менее мы имеем основания для нашей переходной эпохи трактовать его технически. Со стороны технической «труд—потребление рабочей силы» всегда овеществляется независимо от социальной формы производства. Со стороны технической фраза «овеществление труда» представляет чистейшую тавтологию, так как труд, который не может быть не чем иным, кроме потребления рабочей силы, если он направляем на переработку элементов при-

роды — неизбежно должен овеществляться. Овеществление в этом случае, есть необходимый результат потребления рабочей силы и лишь логически можно отделить одно от другого.

Социальное же содержание овеществления труда заключается в следующем: «труд» в буржуазном хозяйстве остается в своем девственном состоянии лишь до тех пор, пока он не является трудом, т.-е. потреблением рабочей силы. Но как только начался процесс труда, возникают ценности и все дальнейшее движение является движением ценностей, а не трудовых затрат, составляющих на ряду с элементами природы их действительное содержание. Движение ценностей скрывает содержание труда, как он конкретно выступает в производстве, обезличивает его, превращая его лишь в мерило. Для того, чтобы труд дал новое качество, ценность, для этого необходимо абстрагировать от его естественных особенностей, необходимо исходить не от конкретного, а абстрактного труда, т.-е. физиологической траты труда вообще. Своеобразное социальное содержание овеществления труда заключается в том, что здесь подразумевается не овеществление конкретного, а абстрактного труда. Все трудовые затраты принимаются за одинаковые независимо от их конкретной формы в процессе производства, для того, чтобы будучи овеществлены, они могли быть сопоставлены по отношению друг к другу, как качественно однородные и соизмеримые. Абстрактный труд — это первый прыжок в неизвестность, который совершает труд в буржуазном обществе. У самых истоков буржуазного производства, в самом первоначальном процессе труда, труд уже выступает завуалированно. Но здесь это еще является не результатом отрыва средств производства от производителя, а товарного способа производства. Продукты труда производятся не для потребления непосредственно производителем их, а на рынок. Однако, уже здесь следует отметить то, что можно было бы оставить в стороне при изучении буржуазного хозяйства, но что приобретает другой смысл при сравнительном рассматривании буржуазных и советских форм хозяйствования. В ценности овеществлен абстрактный труд не потому, что продукт труда идет на рынок и будет отчужден только через механизм рынка, а потому, что на рынке он будет отчужден только через механизм цен, т.-е. сравнения n-го количества абстрактного труда, заключенного в нем, с n-ым количеством абстрактного труда, заключенного в деньгах. Допустим такую абстракцию. Все продукты труда производятся не для непосредственного их потребления производителем, а для продажи на рынок. Но те пропорции, в которых эти продукты обмениваются друг на друга, устанавливаются не стихийным движением на основе закона ценностей, а скажем, нормируются государством или «рабочим банком» и проч. Спрашивается: в этих условиях, являлась ли бы ценность овеществлением абстрактного труда, т.-е. сохранилась бы ценность в буржуазном значении этого слова? Нет, так как развитое понятие абстрактного труда означает не самый факт отчуждения продуктов труда на рынок, а их отчуждение через механизм цен с достаточной свободой стихийного развития производства, денег и пр. Наша абстракция чисто логического характера. Для нас важно лишь установить следующее: овеществление труда может быть рассмотрено абстрактно само по себе, под углом зрения производства товаров на рынок, но с отвлечением от механизма цен; овеществление труда может быть далее рассмотрено, как основа к всеобщему распространению меновой ценности и, наконец, овеществление труда может быть рассмотрено в своей высшей форме, в форме капитала. Различение этих моментов, имеющее лишь значение логического приема, пока идет речь о капиталистическом хозяйстве, приобретает об'ективно-научное значение, когда мы рассматриваем хозяйство, ликвидирующее капитализм.

Прежде чем перейти к основному интересующему нас вопросу,—модификации экономических категорий в советском хозяйстве под влиянием уничтожения монополии класса капиталистов на средства производства, — мы должны рассмотреть проблему овеществления труда, своеобразного социального содержания овеществления труда в СССР. При этом мы должны еще раз настойчиво подчеркнуть следующее: товарно-денежная форма, исследуемая хотя бы отдельно от развития капиталистических отношений, всегда предполагалась Марксом, как форма экономических отношений движущихся к всеобщему распространению меновой ценности, к развернутому капитализму. Поэтому троякое рассмотрение овеществления труда, которое было указано нами выше могло быть оставлено Марксом в тени. В условиях развития к капитализму научный анализ обязан рассматривать динамику овеществления труда по восходящей линии от простейших форм овеществления—простой формы стоимости—вплоть до ее блистательной денежной формы. В этом анализе степень овеществления труда (как мы его всюду понимаем в социальном смысле—овеществления абстрактного труда) все больше нарастает и в дальнейшем является ступенью к фетишизму капитала, в котором все следы живого текущего труда исчезли. О простейшей форме стоимости, случайном обмене Маркс говорит, что она уже чревата деньгами, т.-е. высшим выражением обезличивания труда. Марксов анализ овеществления труда есть анализ повосходящей линии от потенции абстрактного труда вплоть до денег и капитала.

При изучении советского хозяйства мы, оплодотворяясь марксовой методологией, не можем все же следовать за его анализом. Наша задача прямо противоположная. Если Маркс в случайной встрече двух обмениваемых товаров улавливает музыку рождающихся денег, то мы в блестящем червонце должны проследить поступь социализма. Это не означает, что мы должны исходить из товарно-денежной формы и от нее заключать к простейшим элементам. Мы должны скорее исходить из противоречия товарно-денежной формы и социальной формы процесса труда, чтобы установить ограниченное значение первой. Если бы мы начали в этой связи с исследования товарно-денежной формы, то неизбежно оказались бы в тупике, так как нельзя от сохранившейся формы умозаключать к изменившемуся содержанию. Единственно возможный путь—это абстрагирование от нее и исследование овеществления труда по ступеням. Тут мы опять возвращаемся к указанному нами раньше троякому рассмотрению овеществления труда.

Первое. Овеществление труда, взятое само по себе — здесь имеется в виду производство товаров на рынок, но с отвлечением от механизма цен.

Второе. Овеществление труда, как основа всеобщего распространения меновой ценности и существования денег.

Третье. Овеществление труда в форме капитала.

Последний пункт мы пока оставляем в стороне, так как его подробно рассмотрим в дальнейшем.

При отвлечении от механизма цен нас интересует не отклонение цен от ценности. Такое абстрагирование допускается на первых ступенях анализа капиталистического хозяйства, хотя там с самого начала предполагается всеобщее распространение меновой ценности (анализ денег сюда не относится). Если бы цены, действительно, всегда совпадали со стоимостями, то это, разумеется, не уничтожило бы стоимости, не уничтожило бы абстрактного труда, как своеобразной социальной формы процесса труда. Мы имеем в виду абстрагирование от механизма цен в специфическом смысле. Допуская на первой ступени рассмотрения капитализма совпадение цен со стоимостью, Маркс, однако, всюду предполагает конкуренцию и стихийность. Конкуренция и стихийность капиталистического развития находят свое завершение в механизме цен. Мы ставим вопрос так: какую социальную метаморфозу претерпевает труд при условии производства товаров на рынок, при подчинении хозяйственного развития велениям государства, при отсутствии конкуренции? Мы осознаем всю «необычность» такой постановки вопроса, но в свое оправдание можем лишь призвать изумляющихся товарищей осознать всю «необычность» советского хозяйства. При этом, разумеется, приходится пройти мимо терминологических неясностей. «Рынок без конкуренции»,—это в учебнике не написано; однако, огромная доля всей продукции СССР идет на рынок, но не подчиняется конкуренции, по крайней мере, в обычном смысле.

Не следует поэтому отдавать слишком много дани традициям даже хороших учебников.

Плодотворность нашей постановки вопроса мы обосновываем следующим образом: теория стоимости всюду предполагает всеобщее и господствующее значение абстрактного труда. В той своей части, где она рассматривает формы стоимости и дает не сплошную, а диференцированную постановку проблемы овеществления труда, она все же базируется на постоянном нарастании господствующего значения абстрактного труда. Некритическое применение этого анализа к советскому хозяйству ровным счетом ничего не может дать, так как своеобразие советского хозяйства заключается как раз в том, что, унаследовав развитую товарно-денежную форму, оно начинает новое, «необычное» экономическое развитие, постоянно и во все более расширенном масштабе изменяющее социальное содержание самой этой формы.

Расчленение же трех ступеней овеществления труда разрывет цепь восходящих определений абстрактного труда и дает, таким образом, опорный пункт для понимания своеобразного социального содержания овеществления труда в СССР.

В целях полноты мы должны прибегнуть еще к одному принципу.

Мы раньше говорили, что своеобразие овеществления труда при капитализме не в том только, что продукты труда производятся как товары, а в том, что они реализуются как товары в условиях стихийной конкурентной рыночной борьбы. Здесь сказывается свойственное капитализму противоречие между частным и общественным трудом, противоречие, сводящееся к тому, что на основе частной собственности все продукты производятся как продукты частного труда и лишь путем обмена могут быть реализованы как элементы общественного труда. Мы не можем подробно останавливаться здесь на этом пункте. Но для нас важно отметить в связи с нашей специальной темой, что движущей формой этого противоречия является абстрактный труд, что именно абстрактный труд создает форму движения этого противоречия. Для нас это важно в следующем отношении: развитый абстрактный труд налицо лишь в условиях развитого противоречия между частным и общественным трудом. Там же, где это противоречие сужено и ограничено, там неизбежно сужен и ограничен абстрактный труд[1]).

Понятие развитого абстрактного труда обязательно предполагает наличными если не все условия капиталистического хозяйства, то все условия товарного хозяйства. Но раз даны все условия товарного хозяйства, то необходимо даны не только возможность, но необходимость капиталистического развития. Особенность же товарно-денежной формы в СССР как раз заключается в том, что она базируется не на развитом абстрактном

---

[1]) Еще раз напоминаем читателю, что в полном соответствии с марксовой теорией стоимости мы понимаем абстрактный труд как физиологическую затрату труда в таких общественных условиях, когда отвлечение от конкретных свойств труда является условием реализации товаров в стихийной рыночной борьбе.

труде, а на суженных условиях товарного хозяйства, на значительных ограничениях стихийного развития экономических отношений.

Принципиальное отличие анализа советского хозяйства от анализа Маркса должно будет заключаться в следующем.

Давая в «К критике» анализ возникновения товарно-денежной формы, Маркс исходит первоначально из товарного мира, еще не породившего денег. Из противоречий товара, развивающихся на основе всеобщего распространения меновой ценности, приобретения абстрактным трудом господствующего значения вырастает историческая необходимость денег. У нас же наоборот: мы исходим из готовой денежной формы и хотим «напасть на след» процесса отмирания товара, трансформации социального содержания овеществления труда. Но эта трансформация ни исторически, ни логически не вытекает из этой товарно-денежной формы. Скорее своеобразное содержание овеществления труда в СССР определяет ряд особенностей товарно-денежной формы. Об этом уже говорилось выше. Логический анализ должен следовать за исторической и причинной необходимостью. А эта необходимость зиждется на отмене монополии класса капиталистов на средства производства, на переходе решающих областей хозяйства в руки государства и пр., и пр. Из этой предпосылки следует поэтому исходить.

Общественное регулирование процесса производства, имеющееся в СССР, еще не заменяет механизма цен, но во всяком случае в огромной степени его видоизменяет. Законам товарообмена и цен в СССР мы посвятим специальный очерк. Здесь же мы отметим методологическую сторону вопроса: в той же степени, в какой общественное регулирование процесса производства уже заменяет стихийный, рыночный механизм цен, в той же степени абстрактный труд, как условие движения ценностей, суживает свое значение. Именно конкретный характер труда и в соответствии с этим потребительский характер благ выступает на первый план. Труд сбрасывает социальную оболочку, которую он принимал в товарно-капиталистическом хозяйстве.

В самом деле. Если в соответствии с определенными конкретными потребностями личного и производительного потребления выбрасываются на рынок на миллиарды рублей продукты, реализация которых происходит вне каких бы то ни было стихийных законов, продукты труда, которые a priori являются продуктами общественного труда, то здесь мы имеем исходным пунктом общественной формы производства не абстрактный, а конкретный труд. Труд в его естественной форме, как новая своеобразная субстанция общественной формы производства,—в этом величайшее революционное значение советского хозяйства. Возвращение к конкретному труду, как исходному пункту общественной формы производства на базе современной техники, открывает величайшие, невиданные возможности в области удовлетворения человеческих потребностей. Конкретный труд — подлинный источник богатства, скрытый своей буржуазной социальной формой—абстрактным трудом, загнанный в подполье одного из элементов издержек производства— при общественном регулировании хозяйства воскресает из мертвых[1]).

Мы прекрасно понимаем, что конкретный труд еще далеко не заполнил целиком все элементы советского хозяйства. Не говоря о крестьянском и капиталистическом хозяйстве, даже государственная промышленность

[1]) Мы говорим о конкретном труде, как о субстанции (основе, исходном определяющем пункте) новой социальной формы производства, но не как о содержании этой формы. Ее содержанием может быть не конкретный труд, взятый сам по себе, а известный строй общественных отношений, производственных отношений, сознательно организующих конкретный труд.

вынуждена учитывать ряд моментов, характеризующих буржуазный механизм цен, и в этом случае абстрактный труд, эта буржуазная форма процесса труда и предпосылка стихийного регулирования цен, сохраняет свою силу. В этом смысле можно сказать, что точно так же, как современный капитализм в СССР мало напоминает черты капитализма прошлого, так же и современный социализм в СССР еще не дает законченного образа социализма будущего. Но в этих общих методологических замечаниях для нас важно отметить, что абстрактный труд, как чисто буржуазная форма труда, отступает на поле советского хозяйства, и в поединок с ним вступает конкретный труд, как новая основа общественной формы хозяйства. Их «соотношение сил» можно определить лишь при анализе законов товарообмена в СССР, но уже из сказанного выясняются общие черты нового социального содержания процесса труда в СССР. Эти общие черты сводятся к соревнованию конкретного труда, как основы общественного регулирования хозяйства, с абстрактным трудом, как основой буржуазного механизма цен.

Хозяйственная жизнь человеческого общества не представляет собой, как это думают новейшие экономисты, цепь хозяйственных явлений, связанных круговращением. Может быть и очень привлекательно для людей с ограниченным буржуазным кругозором изображать хозяйственную жизнь наподобие шара, где никому не известны ни начало, ни конец, но это не отвечает об'ективной действительности. В хозяйственной жизни можно различать ряды явлений, связанных между собой не только цепью круговращения, но и отношениями большей и меньшей зависимости.

Так, анализ капиталистического хозяйства продвигается от стоимости к прибавочной стоимости, от последней к капиталу и т. д., от товара к деньгам, от последних к капиталу, прибыли и т. д. Анализ развивается по линии усложнения хозяйственной жизни, нарастает вместе с развертыванием причинных рядов хозяйственных явлений. То, почему исследователь начинает со стоимости, а не с денег или капитала, представляется с точки зрения узкого содержания экономической науки произвольным. Но с более широкой точки зрения, упирающейся в методологию наук об обществе и выходящей за пределы экономии в узком смысле этого слова,— начало анализа со стоимости и дальнейшее последовательное его развитие, как это имеет место в «Капитале», не только не произвольно, но представляется единственно научным. Почему? Потому, что здесь берется предпосылкой то, что может быть доказано лишь в результате всего экономического исследования, именно определенная причинность рядов хозяйственных явлений. В этом и заключается, к слову сказать, смысл известной спорной фразы Маркса, что метод изложения необходимо отличается у него с формальной стороны от метода исследования.

Восхождение к все более развитым экономическим категориям буржуазного строя является вместе с тем непрерывным триумфом абстрактного труда над конкретным; социальная форма буржуазного хозяйства «поглощает» труд и, плохо переваривая его, создает тысячу фикций, которые, однако, достаточно могущественны, чтобы служить рычагом современного гигантского производства.

Установление причинности отдельных рядов явлений еще не раскрывает конкретного содержания экономических законов, но зато освещает основоположную закономерность всего экономического развития.

Восхождение к все более развитым экономическим категориям советского хозяйства гораздо сложнее, чем при капитализме, потому что это восхождение является двусторонним. Развитие причинных рядов здесь знает не одну только основоположную и развивающуюся закономерность, но и вторую закономерность, хотя и не основоположную, а унаследованную и потухающую.

В советском хозяйстве, как и во всяком другом хозяйстве, имеющем под собой широкую экономическую базу, налицо лишь одна закономерность, определяющая решающую тенденцию развития. Но это не исключает существование другой, потухающей закономерности, унаследованной от предыдущего общественного строя и накладывающей свой отпечаток на все, или почти все, экономические категории. Мы имеем в виду товарно-денежную форму. Спрашивается, можно ли говорить о какой бы то ни было закономерности, имея в виду одну только товарно-денежную форму. Но здесь идет речь о форме не в житейском значении этого слова, т.-е. не в значении абстракции от всякого содержания, а о форме, олицетворяющей содержание, чуждое решающим, важнейшим особенностям советского хозяйства. Что товарно-денежная форма, как и вся совокупность общественных отношений, представляемых ею, живет самостоятельной жизнью в порах советского хозяйства, обороняется и наступает, выступает обнаженной и замаскированной—это бесспорный факт. Но товарно-денежная форма не только господствует в частном хозяйстве у нас, целиком соответствуя там системе общественных отношений, но она также играет громадную роль в развитии обобществленного сектора. В чем заключается эта роль? Поставлена ли здесь буржуазная форма труда—товар и деньги—на чисто техническую службу или она дает социальную примесь к своеобразному новому социальному содержанию процесса труда в СССР? Имеем ли мы здесь дело с формой в абсолютной абстракции от ее содержания, или с формой, как олицетворением ее содержания? Это порождает и другой вопрос: индиферентно ли своеобразное социальное содержание процесса труда в СССР к той форме, в которой оно движется, или наоборот, оно определяет известные контуры этой формы?

Всякая социальная форма заключает в себе одновременно и технический момент. Ее задача сцеплять разрозненные общественные отношения, служить техническим средством их единства. Товарно-денежная форма также включает в себя и технические задачи, являясь средством технической связи и учета в области производства и обмена. Однако, для товарно-денежной формы, как и для всякой другой социальной формы, существенны не ее технические функции, а тип социального сотрудничества, который она выражает, тип производственных отношений. Поэтому, когда говорят, что товарно-денежная форма в СССР играет лишь техническую роль, и это противопоставляют ее роли в буржуазном хозяйстве, то поступают неправильно прежде всего методологически. Забывают, что и для буржуазного хозяйства учет и техническая связь имеют громадное значение и что этот учет в пределах экономических отношений поддерживается как раз товарно-денежной формой. Действительная задача экономиста, изучающего советское хозяйство, гораздо глубже: надо показать «выветривание» буржуазного типа производственных отношений, заключенного в товарно-денежной форме в процессе ее «сожительства» с новым социальным содержанием Надо показать динамику потухания товарно-денежной формы, как формы буржуазных общественных отношений, так же, как Маркс показал динамику ее развития.

Здесь не помогает также ссылка на пресловутое простое товарное хозяйство. Последнее является чистой абстракцией. В действительности до сих пор известна была лишь товарно-денежная форма, как форма развития всеобщего господства меновой ценности, как форма развертывания буржуазных общественных отношений. Советское хозяйство показывает новые, «невиданные» виды: применяя товарно-денежную форму к социалистическому типу общественных отношений, оно создает потухающую закономерность этой формы.

Мы отвергаем статическое рассмотрение товарно-денежной формы. Абстракция простого товарного хозяйства теоретически оправдывается лишь при исследовании возникновения товарно-денежной формы. В дальнейшем последнее может быть рассмотрено либо под углом зрения развивающейся закономерности, как это имеет место в любом буржуазном государстве, либо под углом зрения потухающей закономерности, как это имеет место в СССР.

Более подробное рассмотрение вопроса относится к проблеме товарообмена.

Самое важное принципиальное значение имеет установление основоположной закономерности советского хозяйства: высвобождение труда, как фактора, производящего все материальные блага, из социальной оболочки буржуазных общественных отношений: абстрактного труда, капитала и пр. Раскрытие этой закономерности имеет огромное значение именно потому, что в условиях советского хозяйства говорят о капитале, ценах и пр., не отдавая себе ясного отчета в новой социальной форме организации труда. Все развитие советского хозяйства представляется, как развивающаяся закономерность новой социальной формы труда—общественных отношений, организующих конкретный труд,—и потухающая закономерность товарно-денежной формы. Последняя является лишь функцией первой.

Последний вопрос, который здесь нас занимает, это—отношение между трудом и капиталом в свете новой закономерности хозяйственного развития — нарастания общественных отношений, организующих конкретный труд.

Общеизвестно, как Маркс зло высмеивал людей, отождествлявших капитал с накопленным трудом. Это вполне понятно, ибо смешение капитала с накопленным трудом предполагает идиллию гармонического сожительства труда текущего, живого с трудом накопленным, мертвым, воплощенным в средствах производства. Между тем вся действительная история капитала, это—история все растущих глубочайших противоречий труда накопленного и труда живого. Капитал, это—общественное отношение, монополизирующее средства производства и постоянно во все более расширенном масштабе противопоставляющее их рабочей силе. Сам труд расщепляется, распадается на свои составные части: рабочую силу живую и рабочую силу мертвую, застывшую в средствах производства, и абстрактный труд выступает, как специфический способ их соединения, как своеобразная форма труда или потребления рабочей силы. Это составляет новый оттенок в различении между трудом и рабочей силой.

В СССР нет монополии класса капиталистов на средства производства. Это означает, что в СССР нет социальных противоречий между трудом накопленным и трудом живым. Это значит, что материальная «субстанция» капитала поднимает настоящий бунт против своей социальной буржуазной оболочки У нас продолжают говорить: «капитал», «капитальные вложения», «постоянный капитал» и пр. в то время, когда речь идет о совершенно другом типе экономических отношений. Воистину язык не поспевает за революцией. Но это полбеды. Зачастую за ней не поспевает и понимание экономических отношений. При отсутствии монополии класса капиталистов на средства производства центральной проблемой экономики становится организация конкретного труда, использование рабочей силы.

В условиях современной техники применение рабочей силы возможно лишь при наличии развитых и достаточных средств производства. В СССР ресурсы живого труда во много раз превосходят ресурсы накопленного

труда. Таким образом, встает во весь свой рост техническое противоречие между трудом прошлым и текущим, противоречие, разрешение которого составляет главную суть практики советского хозяйства. Но это техническое противоречие, не будучи осложнено социальным фактором — монополией капиталистического класса на средства производства—разрешается совершенно иными способами, иными масштабами и иными темпами. Ведущим началом выступает организация конкретного труда.

Мы ставим вопрос следующим образом.

На различных этажах советской экономики по-разному отражается основная ее закономерность—развитие общественных отношений сотрудничества на базе организации конкретного труда. Только при полном отмирании товарно-денежной формы и скрываемых ею буржуазных производственных отношений скажется весь эффект общественного регулирования производства. Однако, важнейшее практическое значение имеет выяснение того, какого непосредственного практического результата можно достигнуть уже сегодня благодаря ликвидации социального противоречия между трудом накопленным и трудом живым, благодаря тому, что «капитал» выступает в СССР, как общественное отношение взаимного сотрудничества пролетариев, организованных в государство и организующих плановым образом конкретный труд. Здесь имеется в виду не уничтожение только паразитического класса со всеми вытекающими отсюда последствиями, а нечто совсем другое: новая социальная форма организации труда, возможность гармонического сочетания накопленного труда и живого труда, выступление труда собранным, как единого процесса, об'единяющего рабочую силу и средства производства, исходя не из интересов частных собственников средств производства.

Предвосхищая результаты дальнейшего, мы замечаем, что новый способ производства дает хозяйственный эффект, еще далеко нами не использованный. То, что казалось и действительно было утопией в пределах капитализма,—всякие планы массовой организации конкретного труда, не уничтожая монополии капиталистического класса,—эти фантазии лучших людей раннего социализма, приобретают практическую базу после уничтожения монополии капиталистического класса, хотя бы и было еще очень далеко до полной победы социализма. В специальном очерке мы займемся этим вопросом. Но условием для решения практических вопросов, как и отдельных теоретических вопросов советской экономии, является понимание некоторых особенностей нашего хозяйства, понимание, которое мы пытались развить в настоящем очерке.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Пацифистские откровения командора Кенворти.

(О книге М. Кенворти «Накануне грядущих войн. Цивилизация на распутье»).

Одной из составных частей весьма сложной системы идеологической подготовки новой империалистической войны является пацифизм. Пацифистские иллюзии о возможности предотвращения и «отмены» войн в условиях капиталистического общества прекрасно используются воинствующим империализмом для своих, далеко не пацифистских, целей.

Социальным базисом, на котором пышным цветом расцветают всевозможные пацифистские теории, является мелкая буржуазия. А отсюда идет перекачка пацифистских иллюзий в рабочий класс. Послевоенная литература прекрасно отражает новые настроения мелкой буржуазии по вопросу о войне.

Современная буржуазная тактика подготовки войны в известной мере отличается от довоенной. Новая техника войны, новые формы ее стратегии, настроения широчайших масс населения ставят перед руководящими кругами воинствующего империализма в первую очередь, задачу нейтрализации и успокоения этих масс. До войны 1914—18 гг. можно было широко, никого и ничего не стесняясь, пропагандировать милитаризм и необходимость войн. В наше время буржуазия подготавливает новую войну в тиши химических лабораторий и военных штабов, уверяя почтеннейшую публику устами услужливых пацифистов, что достаточно какого-нибудь сверхтрибунала для того, чтобы прекратить войну в самом ее зародыше.

Однако, военная техника еще не дошла до того предела, при котором сражаться будут не люди, а лишь технические средства войны. Еще до сих пор вопрос о вооруженных и хорошо обученных широчайших кадрах населения играет решающую роль в подготовке новой войны.

Несмотря на все свое желание скрыть опасность новой войны, милитаристические агенты империализма вынуждены выносить на улицы и площади ее подготовку. Народные массы не могут не видеть тех грандиозных подготовительных работ к войне, которые ведутся в каждой стране. Рабочие, мелкая буржуазия, интеллигенция видят, как растут военные бюджеты, как выпускаются новые и новые смертоносные орудия, как идет военизация молодежи и т. д., и т. д. Появляется тревога, сомнение, недовольство. Тогда на сцену выпускается пацифистская идеология.

Пацифисты нещадно громят на словах коварных милитаристов. Они не жалеют красок для описания новой войны. И весь этот понос громких фраз и красноречивой патетики кончается каким-нибудь жалким рецептом, импотентным паллиативом в стиле евангельских заповедей. Мы намерены здесь несколько подробнее остановиться на книге члена английской рабочей партии Кенворти «Накануне грядущих войн. Цивилизация на распутье», наделавшей шум в Европе, и иллюстрировать отдельными ее положениями смысл и содержание современного пацифизма.

Война—инстинкт.

Капитан-лейтенант Кенворти, член фракции рабочей партии английского парламента—пламенный пацифист. Но как это часто бывает в буржуазной Европе, пацифизм не мешает ему быть весьма опытным военным спецом со связями в английских и американских военных кругах.

Книга Кенворти вышла сначала на английском языке под названием «Will civilisation crach», а затем была переведена на немецкий язык некоей баронессой Веркман—дамой самых строгих правил, снабдившей книгу своими подстрочными примечаниями. Так, например, когда Кенворти недостаточно почтительно отозвался по поводу умственных способностей австрийского императора Франца-Иосифа, благовоспитанная переводчица соответствующим примечанием одергивает Кенворти.

Книга сопровождается предисловием Уэльса, который, отдавая должное интересному материалу, подобранному в книге, однако, заявляет, что пути борьбы с войной, намеченные Кенворти, его, Уэльса, не удовлетворяют. Цель книги Кенворти дать картину грядущих войн, их движущие силы и меры борьбы с новыми войнами.

Кенворти дает весьма яркую картину готовящейся войны, ее «ужасов», техники разрушения и т. д. Автор в общем довольно подробно рисует противоречия, существующие между отдельными государствами и являющиеся причинами возможных новых войн.

Книга Кенворти особенно интересна в наше время, когда буржуазные и социал-демократические там-тамы создают неистовый шум вокруг пресловутого пакта Келлога—заведомого блефа, имеющего целью якобы «отменить» войну. В пакте Келлога по существу перепеваются рецепты Кенворти. И весь ход торгов и переторжек империалистических держав вокруг пакта Келлога, поправки и «поправочки», внесенные в основной текст, являются не плохим послесловием к книге Кенворти.

В начале своей книги Кенворти предается глубокомысленным философическим размышлениям на тему о том, что такое война.

«Под войной, — пишет Кенворти, — я понимаю применение силы для решения споров между двумя сильными, богатыми, современными и цивилизованными народами, или группами народов» (стр. 18) [1].

Эта дефиниция войны прекрасно отражает подлинную сущность пацифизма во всех его модификациях от религиозно-буржуазного до буржуазно-«социалистического». По Кенворти выходит, что сфера пацифизма должна и может распространяться лишь на богатые и сильные народы. Только на них могут распространяться всякие «запрещения» войн, третейские примирения и т. д. Но какая-нибудь война в Марокко или экспедиция в Китай—это уже не война, а экскурсия просвещенных мореплавателей с педагогическими целями, и препятствовать ей никто не имеет права.

С большим презрением относится Кенворти и к внутригосударственным, сиречь гражданским, войнам.

«Сообщество, группа или класс граждан Англии, Америки, Франции или Германии, — пишет Кенворти, — которые втайне сейчас вооружаются, собирают артиллерию и начинают подготавливать аэропланы для того, чтобы выступить против центрального или союзного правительства, будут рассматриваться остальным миром с величайшим презрением и отвращением» (стр. 22).

Понятно, что аэропланы и артиллерия фигурируют у Кенворти лишь для пущей важности и художественного оформления, ибо ни в одной стране правительство не позволит враждебному классу подготавливать артиллерию и авиацию для собственного свержения. Дело идет о гражданской войне, о подготовке к ней путями несколько отличными от мобилизации авиации и артиллерии. Но любая гражданская война вне зависимости от оружия, которое будет в руках восставшего класса, представляется Кенворти исчадьем ада.

[1]) Страницы приводимых цитат отмечаются по немецкому изданию книги Кенворти.

Вооруженное восстание, по мнению Кенворти, анахронизм. Имеются, конечно, социальные и экономические несправедливости. Но эти вопросы решаются в наше время не оружием.

Война представляется Кенворти имманентной категорией, врожденным инстинктом человеческой природы. Войны происходят потому, что различные авантюристы и политики используют этот инстинкт для своих целей. Отсюда мораль: надо об'явить войну незаконной, запретить ее так, как теперь запретили дуэль,—и тогда все и вся на земном шаре будет пребывать во взаимном расположении друг к другу.

Пацифизм и СССР.

Одним из вернейших реактивов для определения классовой сущности пацифизма любой формации является в наше время отношение к СССР. Ни для кого не секрет, что из всех возможных в ближайшем будущем вариантов военных столкновений, наиболее реальной является возможность вооруженного выступления европейских империалистических держав непосредственно или через своих лимитрофных вассалов против Советского Союза.

Каких же взглядов держатся в этом вопросе пацифисты, в том числе и почтенный мистер Кенворти, выступающий столь ревностным защитником мира? Кенворти вынужден признать, что в современном мировом положении «столкновение двух противоположных экономических теорий можно считать наиболее возможной причиной великой войны будущего. Если условия на земле не изменятся, новая грандиозная война неизбежна» (стр. 31).

Что понимает Кенворти под изменением условий на земле, мы увидим ниже. Но симпатии Кенворти в борьбе двух экономических систем, или, как он скромно выражается, «экономических теорий», довольно явно склоняются в сторону враждебной Советскому Союзу. Об этом можно судить между прочим и по одной цитате, которую приводит Кенворти и с которой он вполне солидаризируется. Эта цитата представляет собой большой интерес и, заранее извиняясь перед читателями за ее размеры, мы все же ее здесь воспроизводим.

Некий полковник Фюллер прочел в королевской морской военной академии в Гринвиче лекцию об условиях новой войны. Между прочим он там заявил следующее:

«С 1914 года изменились не только политические условия, но и социальные перспективы. Грубый созидательный материализм XIX столетия был сокрушен действиями войны, и несознательный, несколько истерический идеализм заменил его. Этот идеализм внешне направлен против войны, ибо человечеству надоела бойня, и в то же время полон пафоса борьбы за новый культ. В 1914 году в Европе были две противостоящие друг другу враждебные группы государств, в то время как не принадлежащие к ним народы являлись лишь наблюдателями их споров. Обе группы благодаря обоюдному страху превратились в соперников; с тех пор этот страх пропал, но вместе с ним и стабильность Европы, ибо с тех пор, как исчезла опасность германской гегемонии, одинаково угрожавшей всем, народы могут сколько им вздумается ворчать друг на друга, точить зубы, кусаться и драться. Боязнь германского флота сплотила воедино Британскую мировую державу, а боязнь германских армий повела к основанию «Антант Кордиал». С прекращением этой опасности значительно изменилось Британское государство, изменились условия и в других странах: все сделалось самолюбивым и материалистичным.

И в то время, как нации, из которых многие стремятся восстановить по-старому потрясенный войной мировой порядок, бесконечно болтают, по-

явился новый противник, враждебность которого направлена не столько против политики какой-нибудь отдельной нации, сколько против всей социальной основы западной цивилизации. Этим врагом является Советская Россия, которая свыше девяти лет ведет не прекращающуюся, не считающуюся ни с чем войну против остальной Европы.

Для того, чтобы понять конечную цель России, надо знать, что русские в этическом отношении являются азиатской народностью. Затем надо установить, что социальные процессы брожения, которые мы проделываем, вызваны не войной, хотя последняя их ускорила и в большой мере усилила; причину этих процессов надо искать в индустриальном перевороте, который нам принесло последнее столетие. Сегодня каждая страна имеет врага внутри своих границ, общественный класс, который против материализма, против правительства большинства. Идеалы этой группы еще очень неясны, но несомненно, что они направлены против идей демократии. Демократическая правительственная форма постоянно подрывается, и мы имеем уже в полдюжине государств диктатуру. Исходным пунктом всех этих беспорядков является Россия».

Мы нарочно подробно привели эти рассуждения солдафона его королевского величества, с которыми по существу, солидаризируется и Кенворти, для того, чтобы показать те основные положения, из которых исходят и пацифисты и империалисты в оценке войны против СССР. Россия является первоисточником всех смут и потрясений, начиная от экономических забастовок и кончая... фашистскими диктатурами Муссолини, Пилсудского, Хорти и т. д.

Но мало сказать, как это откровенно делает Фюллер, что СССР является союзником всех так называемых «внутренних врагов». Надо доказать, что это делается не во имя революции, а во имя империалистических целей новой России, бредущей по проторенным тропинкам внешней политики царизма. На этот предмет Кенворти предается воспоминаниям о своей поездке в СССР на шестом году революции. Кенворти убежден, что в России появится свой Наполеон. Кенворти уверяет, что «офицеры» Красной армии «не интересуются политикой, марксизмом, ленинизмом, большевизмом, социализмом: все эти слова им ничего не говорят. Они говорили лишь о России, о триумфах прошлого и о победоносном будущем. Казаки говорили, что они поскакали бы в Берлин и Париж, и они это сделают в конце-концов» (стр. 36).

Командиры Красной армии и солдаты, которые слепо за ними пойдут, думают лишь об интересах России, национально настроены, казаки готовы хоть завтра скакать в Париж, несмотря на все транспортные трудности — здесь, таким образом, подобран весь ассортимент «развесистых клюкв», которым можно запугать европейского мещанина. А отсюда мораль: если казаки намерены итти на Европу для разрушения всей европейской цивилизации, то не проще ли европейским державам об'единиться для того, чтобы предупредить во-время это нашествие гуннов.

Опасность новой войны со стороны СССР увеличивается, по мнению Кенворти, еще и благодаря тому, что от России отторжен ряд ее областей, как, например, Бессарабия, с потерей которой не соглашается ни один русский к какой бы он партии ни принадлежал.

Но всем этим еще не исчерпывается весь арсенал ужасов, грозящих мирному европейцу со стороны коварных большевиков. Кенворти раздражает себя на ходу. Он рисует ужасный план, как 150 миллионов русских об'единятся с 440 миллионами китайцев и вся эта азиатская орда хлынет на Европу.

Россия, какое бы правительство ни стояло во главе ее, будь то царь, ответственное перед парламентом министерство или советы, будет проводить политику экспансии.

Новое российское империалистическое движение определяется не количеством пехоты. Здесь идет речь о более опасном: о продвижении... идеи. «*Большевистское учение проникает через политические границы России на базары Индии*» (стр. 52), — в ужасе восклицает Кенворти, и этой фразой он разоблачает подлинный смысл всех его гнусных измышлений.

Революционное движение в колониях, поднимающаяся волна национальной революции в колониях английской короны, — вот первоисточник всех треволнений нашего капитана-лейтенанта в пацифистской тоге. Опасения за судьбы индийской жемчужины вдохновляют Кенворти на все его мнимо-пацифистские рассуждения и одновременно разоблачают их подлинный смысл. Член «рабочей» партии Кенворти в трогательном единении с тупоголовыми консерваторами видит источник революционного движения на Востоке в... советской пропаганде.

Правда, временами Кенворти пытается иронизировать над теми, кто склонен приписывать «руке Советской России» любой беспорядок или смуту в колониях. Он вынужден даже признать, что «*в современных мировых условиях неизбежной предпосылкой каждой войны является раскрытие большевистских козней*» (стр. 113). Однако, все эти припадки неожиданных симпатий к СССР совершенно не вяжутся с основной линией книги Кенворти. А эта линия сводится в основном к утверждению, что СССР продолжает в своей внешней политике линию царского империализма, особенно на Востоке.

По мнению Кенворти, продвижение большевизма в Индию является частью империалистической политики СССР. На пути в Индию лежит Афганистан. Эта маленькая храбрая страна, первая поднявшая меч восстания против английского империализма, пытавшегося превратить ее в форпост наступления на советский Туркестан,—является предметом сентиментальных излияний Кенворти.

«*Бедный, отсталый Афганистан*, — скорбит Кенворти, — *жертва современного русского империализма, а Афганистан — ключ к Индии*» (стр. 52).

Мы не будем останавливаться на ряде других благоглупостей о СССР, которые Кенворти пытается представить как перл ученейшего анализа. К ним относятся весьма неудачные исторические экскурсии в глубь французской революции, которые должны оправдать утверждения Кенворти о неизбежности появления в СССР Наполеона, глупейшие рассуждения о религиозных войнах большевизма (религией большевизма является «наступательный социализм») и т. п.

Основную опасность новых войн видит Кенворти в периоде, когда Россия хозяйственно оправится и сможет напасть на своих соседей, особенно на Востоке.

Таким образом, во всех случаях жизни, слаба ли Россия, сильна ли она, она явится и является серьезнейшим препятствием делу мира. Вот принципиальная установка, из которой исходят пацифисты из рабочей партии в «борьбе за мир». И вполне естественно, что за такую обработку мозгов английского обывателя Кенворти может смело рассчитывать на получение нового военного ордена самого короля Георга.

О пользе империализма и вреде национального движения.

Как мы уже указывали выше, Кенворти довольно подробно останавливается на интернациональных противоречиях капитализма. Методология этого анализа у Кенворти несколько своеобразна, но в общем удачна. Он берет отдельные географические пункты и доказывает те условия, которые создают там неизбежность новой войны. Так, например, Кенворти подробно

останавливается на Балканах, этом извечном пороховом погребе Европы. Нельзя, конечно, требовать от Кенворти какого-нибудь глубокого законченного анализа внутрибалканских противоречий, стимулируемых и обостряемых соответствующим давлением империалистических держав. По Кенворти получается, что великие державы, за исключением разве Италии, пытаются умиротворить Балканы.

Единственным средством установления на Балканах «длительного мира» явилось бы, по мнению Кенворти, создание «Соединенных Штатов Балкан». Только это могло бы спасти Балканы от «интриг» Франции и Италии. Смысл этого пожелания более или менее ясен. До сих пор в ряде балканских государств сильно влияние французского империализма. Между ним и английским империализмом ведется борьба за влияние на Балканы. Проект «Балканских Соединенных Штатов», выдвигаемый Кенворти, в значительной мере согласуется с политикой английского империализма на Балканах, который стремится противопоставить так называемой «Малой Антанте» новое англофильское об'единение.

В тесной связи с балканской проблемой Кенворти ставит и турецкую. Кенворти считает, что Англия должна изменить свою политику в Турции. Нужно во что бы то ни стало добиться дружбы Турецкой республики. Нужно вовлечь Турцию в Лигу Наций. Дружба с Турцией поможет укрепить английское влияние на 100 миллионов магометан в Индии. Правда, камнем преткновения для тесной дружбы между Англией и Турцией являются спорные территориальные вопросы, в частности, проблема Моссула. Кенворти предлагает Англии пойти на уступки: вернуть северную часть провинции Моссул Турции, а полузависимый Ирак связать договорными отношениями и с Англией и с Турцией. Естественно, что Кенворти исходит при этом не столько из интересов Турции, сколько из интересов английского империализма и его дальнейшего процветания. «Положение Великобритании усилится в стратегическом и, конечно, моральном отношении» (стр. 199)—уговаривает Кенворти своих империалистических друзей.

Весьма занятны и характерны рассуждения Кенворти о национальном движении в колониях и доминионах Англии. Этому вопросу посвящена специальная глава «О новом национализме и новом империализме». Значительное внимание уделяет Кенворти Индии, которая, по его мнению, явится плацдармом новой войны. Не случайно уже сейчас Англия в предвидении войны с Россией готовит экспедиционную армию в Индии. В Индии растет национальное движение, которое в силу многочисленности населения Индии, его вооружения, а также зловредного влияния России, может принести не мало бедствий Англии. Между Советским Союзом и Англией на Востоке ведется борьба, и Кенворти весьма меланхолически признается, что «история отношения Великобритании к восточным народам показывает одну неудачу за другой... (стр. 73)...—и это,—несмотря на богатство и мощь Британской мировой империи и ее союзников».

Кенворти пытается весьма осторожно подойти к национальному движению в колониях. Кенворти не решается, конечно, откровенно заявить, что во имя интересов английского империализма необходимо подавить национальное движение в колониях. Он пытается проводить более хитрую тактику и для этого, как матадор свой плащ, он начинает бешено развевать свою пацифистскую тогу. Национализм в общем вещь не плохая, считает Кенворти, но современный национализм значительно отличается от национализма эпохи французской революции. Современный национализм «представляет собою болезненное явление демократии, которое в силу развитого сообщения в наши дни становится опасным» (стр. 74). Мы живем в очень нервный век. Кино и джаз-банд так расстроили нервы, что возбужденные массы могут в самый неожиданный момент «прорваться». И с этой точки зрения националистическая пропаганда является опасностью для мира и цивилизации.

«Каждый честный, благоразумный гражданин, который желает мира и работает для него, должен это (приведенное выше рассуждение об опасности национализма. *Дм. Б.*) принять во внимание. Нация вовсе не должна быть гомогенной» (стр. 74).

Как ни изворотлив господин Кенворти, весьма не трудно заметить ослиное копыто империалистического лакея, которое вылезает из-под пацифистского одеяния. Необходимым логическим дополнением к шельмованию национализма, естественно, является восхваление империализма.

«Империализм,—заявляет Кенворти,—это понятие, которое покрывает много несправедливого, но которое включает и много хорошего» (стр. 78). Что же хорошего имеет, по мнению Кенворти, империализм? Доктрина Монроэ, — пишет Кенворти, — является тоже формой империализма. Ее успехи себя оправдали. Доктрина Монроэ, оказывается, спасла Южную и Центральную Америку от хищнических авантюр европейских милитаристических держав. Конечно, при этом Кенворти скромно умалчивает о той роли, которую сыграла вышеупомянутая доктрина для порабощения и эксплоатации северо-американским империализмом государств Латинской Америки.

Большое положительное значение до сегодняшнего времени имеет английский империализм и в Индии. «Британский империализм в Индии,—заявляет Кенворти,—привез много богатства в метрополию и создал обеспеченный культивированный класс, который много сделал для цивилизации и прогресса; он, наконец, способствовал улучшению условий жизни рабочего класса и этим укрепил его политическое положение» (стр. 78—79). Таким образом, Кенворти видит пользу английского империализма в том, что он, нещадно эксплоатируя индийские массы, вывозил богатства в Англию, которыми пользовались «культурные классы», а подачки доставались и рабочей аристократии. Правда, сознается Кенворти, английский империализм не смог обеспечить огромные массы индийского народа, но зато он приспособил интеллигенцию к участию в самоуправлении. Другой заслугой британского империализма в Индии является то, что он действует «как гормоз слишком быстрого продвижения к самоуправлению еще неспособного к этому народа» (стр. 79). К этим рассуждениям и откровеннейшей защите английского империализма нечего прибавить. Они слишком откровенны, чтобы стоило с ними полемизировать.

„Юнион Джек“ и „Старс энд Страйпс“.

Большое внимание уделяет Кенворти противоречиям между Англией и Соединенными Штатами Северной Америки. Кенворти довольно детально рассматривает проблему возможной англо-американской войны и ту роль, которую в этой войне сыграют английские доминионы, в частности, Канада. Войну между «Юнион Джек» (английский национальный флаг) и «Старс энд Страйпс» (американский национальный флаг) Кенворти считает вполне реальной. Одной из возможностей такой войны Кенворти считает выступление европейских держав во главе с Англией против американского кредитора.

Интересна у Кенворти VIII глава, посвященная вопросу о том, как будет протекать война между Соединенными Штатами и Великобританией. Кенворти считает основной проблемой этой войны проблему союзников. Англия должна будет искать себе союзников как в Европе, так и на Востоке. Америка же за любую цену будет вынуждена найти себе европейских союзников, ибо она нуждается в базах для флота.

Кенворти понимает, что на Канаду в случае войны Америки с Англией, последней особенно надеяться не придется. Понятно, что выпадение Канады, где сейчас имеются крупные арсеналы и базы для флота, значительно ослабит маневренные способности английского флота. В связи с этим Кенворти предвидит необходимость укрепления морского арсенала на острове Ямайке в Караибском море.

Мы полагаем, что вряд ли в случае войны Ямайка сумеет стать базой для английского военного флота, ибо остров окружен со всех сторон американскими владениями, и вряд ли Соединенные Штаты захотят оставить английские военные укрепления в такой непосредственной близости от Панамского канала. В такой же мере это относится и к Бермудским островам. Значительно большая роль в деле морских операций английского флота выпадает на Сингапур, в котором сейчас построена прекрасная усовершенствованная база для английского флота.

Большое значение играет вопрос, на чьей стороне выступит Япония. Военные действия английского флота будут в первую очередь направлены на Панамский канал. Если Англия поведет наступление с Востока, а Япония—с Запада, положение Америки будет довольно трудное. Разбив американский флот, заняв зону Панамского канала, англо-японский флот сумеет окончательно блокировать Америку и сорвать ее внешнюю торговлю.

«Страшно подумать об англо-японском союзе против Америки,—пишет Кенворти,—но мы должны об этом думать» (стр. 143). Страшно потому, что это будет означать гибель цивилизации.

Главный удар англо-японских сил будет направлен на Караибское море. А это будет означать полную изоляцию Америки, ее отрыв от внешних рынков.

Кенворти довольно подробно останавливается на роли Канады в англо-американской войне. Идеальным Кенворти считает положение, если Канада об'явит себя нейтральной. Конечно, было бы не плохо,—мечтает Кенворти,—превратить Канаду в плацдарм для высадки англо-японских войск.

Это, конечно, бессмысленное мечтание: первым шагом Америки в случае войны будет оккупация Канады, занятие Ванкувера на западном побережье, Галифакса на восточном и ряда других портов и приморских арсеналов Канады.

Кенворти разбирает и другой вариант англо-американской войны, по нашему мнению, менее вероятный. Кенворти представляет себе возможность войны между Англией и Америкой изолированно от других государств, без определенных союзников.

Кенворти очень подробно останавливается на средствах разрушения и уничтожения людей, которые будут применяться в новой войне. Специальную главу он посвящает «научному ведению войны», в которой он подробно освещает роль авиации, танков, кавалерии и других видов оружия в новой войне.

Эта часть книги Кенворти, где подробно разбирается вопрос об условиях англо-американской войны и о военных средствах, которые будут применяться во время ее, приоткрывает уголок занавеса, скрывающего от посторонних глаз тайны подготавливающейся войны. И в этом отношении книга Кенворти может дать не мало материала, конечно, не для пацифистского словоблудия, а для классовой революционной антивоенной пропаганды.

Рецепты мистера Кенворти.

На протяжении всей своей книги Кенворти рисует ужасы новой войны и реальность ее опасности. Как же бороться с этим? Что противопоставить надвигающемуся смерчу, грозящему снова повергнуть мир в пучину разрушения? На этот вопрос Кенворти пытается дать ответ в последних главах своей книги.

Кенворти с прискорбием должен признать, что на Лигу Наций, как на орудие сохранения мира и предупреждения войны, надежд мало. Он приводит ряд фактов, иллюстрирующих беспомощность Лиги Наций в деле разрешения военных конфликтов.

Лига Наций, считает Кенворти, явилась после войны союзом победителей для закрепления территориального передела мира. Затем Лига Наций превратилась в орудие французской внешней политики — придаток Quai d'Orsay. Вхождение Германии в Лигу Наций еще более ослабило последнюю, превратив ее в орган обсуждения мелких вопросов. Серьезные же вопросы обсуждаются в дни заседаний Лиги Наций за закрытыми дверьми женевских отелей. Заседания Лиги Наций являются лишь ширмой, за которой скрываются манипуляции худших форм тайной дипломатии. Известную часть вины за это Кенворти возлагает на Аустина Чемберлена—дипломата старой формации.

«Его манера,—пишет Кенворти про Чемберлена,—проводить внешнюю политику напоминает одноглазого, который отступая назад, указывает путь толпе слепых. И он ведет нас всех к войне» (стр. 330).

Вывод из всего этого Кенворти делает следующий: покуда война не будет признана незаконным средством разрешения противоречий, Лига Наций не будет в состоянии что-либо предпринять.

Кенворти посвящает отдельную главу критике отдельных пацифистских течений и школ и выдвигает в качестве панацеи свой рецепт, «скромно» рекомендуя его «единственным выходом». Так и называется его последняя глава.

В декабре 1926 года американский сенатор Бора предложил свой проект запрещения войны. Это предложение состояло из трех пунктов:

1. Международное право должно охватить все интернациональные отношения.

2. Необходимо создать интернациональный трибунал, руководящийся международной юрисдикцией и имеющий право и возможность разрешать все возникающие конфликты.

3. Война должна быть об'явлена преступлением и должна рассматриваться во всех случаях и во все времена, как противоречащее международному праву средство разрешения противоречий.

Кенворти солидаризуется с этими предложениями Бора и особенно подчеркивает значение третьего пункта. Он приводит другие варианты запрещения войны, более детализированные, но по существу сводящиеся к предложению Бора. Так, например, американский посол в Англии в частной лекции студентам Гавардского университета предлагал созвать «конференцию представителей тех народов, которые по расе, происхождению, языку и литературе стоят близко друг к другу и которые движимы одинаковыми идеями и чувствами». На этой конференции надо выработать план, по которому война может быть об'явлена только в результате референдума и то лишь через сто лет.

Кенворти живописует идиллическую картину грядущих евангельских времен на грешной земле. Однако, несмотря на все усилия Кенворти идеали-

зировать эту картину, она получается не слишком веселой. Планы Кенворти по существу сводятся к новой, модернизованной форме ультра-империализма.

«Америка, Англия, Голландия и Швейцария имеют совместный контроль над финансами всего мира. Никакая власть на земле, которая нарушит мир, не может рассчитывать на финансовую помощь, если эти государства об'явят ей бойкот. Англия, Америка и Голландия, вместе взятые, владеют большей частью нефтяных запасов мира. Только одна Россия может без них и независимо от них прозводить огромные массы нефти. Англия и Голландия владеют всей продукцией каучука» и т. д., и т. д. А без денег, нефти, каучука, хлопка и т. д. вести войну невозможно.

Это, конечно, очень симпатичная картина, но Кенворти забывает об одной «мелочи»: об устранении глубочайших противоречий между отдельными империалистическими государствами, хотя бы в вопросах сырья. Уже сейчас мы имеем англо-голландскую монополию в области каучука. Но разве это хоть в какой-либо мере устраняет жесточайшее противоречие между Англией и Америкой. В общем балансе движущих сил новой войны каучуковое противоречие играет далеко не маловажную роль. Это же относится и к прочим видам сырья и другим источникам противоречий. Все эти вопросы Кенворти грациозно обходит, считая, что достаточно будет только признать войну незаконным средством, как все противоречия исчезнут, «аки дым», и империалистические львы будут мирно вместе пастись на хлопковых и нефтяных пастбищах.

Кенворти вскользь упоминает о кое-каких «несправедливостях», которые могут помешать установлению мира. В частности, он говорит о послеверсальских ненормальностях в Центральной и Восточной Европе: о Трианонском договоре, польском коридоре, Верхней Силезии, репарациях и т. д. Все эти «мелочи»,—ничтоже сумняшеся, заявляет Кенворти,—будут легко разрешены мирным путем.

Серьезной предпосылкой для установления мира Кенворти считает предоставление Германии каких-нибудь колониальных владений.

«Если действительно хотят,—пишет Кенворти,—перетянуть Германию на сторону западных держав и оторвать ее от восточных сил—другими словами, от СССР—нельзя придумать ничего более целесообразного, как этот жест» (стр. 375).

Почтенный пацифист проболтался и этой фразой разоблачил подлинные движущие силы великого братства народов и запрещения войны, которое он так ревностно проповедует. Невольно выплывает вопрос: если во всем мире будет царить всеобщая благодать и миролюбие, зачем отрывать Германию от кого-то и привлекать к кому-то? Ведь, сам Кенворти указывает, что при тех отношениях, которые сложатся после подписания договора о незаконности войны, не одно государство не сможет поднять меч. Но ларчик просто открывается. Все эти комбинации Кенворти являются по существу своеобразным вариантом политики английского империализма, стремящегося создать антисоветский и антиколониальный блок капиталистических государств. Запрещение войны — бессмысленнейшее само по себе предприятие — должно и может иметь силу, по мнению его авторов, лишь в отношении «цивилизованных» и «родственных по духу» государств.

Характерно, что, когда Кенворти пытается подойти практически к вопросу о снабжении Германии колониями, он оказывается в тупике. Германские колонии поделены и переделены, и ни Англия, ни Южно-Африканский союз, ни Франция не вздумают возвращать захваченные колонии, да и Кенворти на этом не настаивает. В конце-концов он любезно перебирает все колонии и приходит к выводу, что единственным исходом будет, чтобы Франция уступила Германии часть Камеруна, а Англия—часть Танганайки, и этой подачки будет достаточно для того, чтобы вовлечь Германию в тихую семейку западных держав.

Так выглядит панацея нашего пацифиста из рабочей партии. Мы уже указывали выше, что первые итоги переговоров о пакте Келлога являются не плохим послесловием к книге Кенворти. Пакт Келлога является практическим осуществлением тех идей, которые проповедует Кенворти. Но совершенно очевидно, что он не только не является инструментом мира, а, наоборот, осью, вокруг которой разворачиваются новые противоречия, новые комбинации сил, неизбежно ведущие к новым военным конфликтам.

Дм. Бухарцев.

От редакции:

1. Ст. М. Брудного «Некоторые теоретические предпосылки к изучению советского хозяйства» печатается в дискуссионном порядке.

2. В № 17—18 «Большевика» в ст. т. М. У. редакция просит сделать следующие исправления: на странице 131, в стр. 17 сверху напечатано: «отношениями», надо: «машинами»; на той же странице, в строке 25 сверху напечатано «тихотворных», надо: «тлетворных».

В том же номере, в рецензии А. Герценштейна, на стр. 148, в 4 абзаце сверху, занумерованном цифрой 2, последнюю фразу следует читать так: «Кондратьев не доказал, что в период под'ема образование ссудных капиталов не может происходить быстрее, чем в период депрессии». *Ред.*

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 20 31 ОКТЯБРЯ № 20

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 8
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
„ПРАВДА"

Главлит № А—24762 Тираж 75.000.
Типография газеты „Правда". Москва. Тверская, 48.

К итогам пленума МК и МКК.

Обращение ЦК ВКП(б) ко всем членам Московской организации и решения последнего Пленума МК и МКК имеют огромное общепартийное значение. Они означают мобилизацию сил не только Московской организации, но и всей партии на борьбу с правой опасностью и примиренческим отношением к ней. По всем ячейкам Московской организации выносятся решения, полностью одобряющие обращение ЦК ВКП(б), призывающие к дружному и систематическому отпору оппортунистическим шатаниям и колебаниям, проявляющимся в отдельных звеньях партии. Такие же заявления поступают от парторганизаций всего Союза: из Украины, Сибири, Урала, Кавказа и т. д. По всей партии прокатилась волна идеологической встряски, более четкого осознания стоящих перед партией задач, проявления большевистской непримиримости к уклонам от ленинской линии и мобилизации сил на большевистское преодоление выявившихся трудностей.

Последние годы партийной жизни характеризовались обострением борьбы партии против троцкистской идеологии, против антипартийных уклонов новой оппозиции. В этой борьбе партийные массы приобрели основательную закалку против левой фразы троцкизма, прикрывавшей правую оппортунистическую сущность его политической линии. Вся партия в основном поняла, что установка троцкизма есть установка неверия в победу социализма в нашей стране, есть проявление паники перед трудностями, что троцкизм означает политику отчаяния, обусловленную неправильным пониманием взаимоотношений рабочего класса и крестьянства в нашей стране.

«Мы гибнем, нужно порвать порочный круг современного состояния страны, нужно сделать сверхчеловеческий прыжок вступить на путь сверхиндустриализации, не боясь разрыва с крестьянством» и т. п.,—таков мотив троцкистского анализа и предсказаний.

Партия единодушно отвергла эту политику неверия, отчаяния и авантюризма, политику, неизбежно обрекавшую пролетарскую революцию на поражение. Левая фраза была разоблачена, троцкизм голенький был вышвырнут в мусорный ящик истории. И хотя еще и теперь в жизни партии проявляются отдельные элементы троцкизма, но это только осколки разбитого наголову оппозиционного блока, это отголоски, не имеющие будущего.

В течение прошедшего периода (до XV с'езда), оппортунизм выступал главным образом в форме троцкизма, под маской левых фраз. Против него был сосредоточен наш сокрушительный огонь. В настоящее время оппортунизм выступает, как правый уклон в нашей партии, открыто выявляя свою мелкобуржуазную сущность, свои буржуазно-демократические тенденции.

Мы вступили в период реконструкции народного хозяйства всей нашей страны. Это означает:

Во-первых, усиленное развертывание новой технической базы современного крупного производства как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, претворение в жизнь формулы Ленина: «Социализм—это советская власть плюс электрификация».

Во-вторых, усиление руководящей роли промышленности по отношению к сельскому хозяйству, не только обслуживание его потребительских, но именно все более широкое обслуживание его производственных потребностей (в сельскохозяйственных машинах, продуктах химического производства и т. д.).

В-третьих, социалистическую реконструкцию самого сельского хозяйства на базе новой техники через развертывание производственного кооперирования, строительства колхозов и крупного государственного земледелия (совхозы).

В-четвертых, усиление наступления на капиталистические элементы хозяйства и рост их активного противодействия социалистическому наступлению. Если строительство социализма означает в конечном счете изживание классов, то современный этап реконструктивного периода означает неизбежное обострение классовой борьбы в нашей стране, при чем активизация буржуазных элементов получает поддержку в обострении борьбы международного капитала против СССР.

В-пятых, период реконструкции означает одновременно на современном своем этапе заострение трудностей: ярче сказываются узкие места нашего хозяйства (металлургия, строительные материалы, зерновое производство, наличие товарного голода, напряжение бюджета и т. д.).

Наличие этих трудностей в условиях обостренной классовой борьбы, при росте активности и оформлении буржуазной идеологии, усилении противодействующей силы мелкобуржуазной стихии, вызывает ряд колебаний и в отдельных прослойках рабочего класса, а также нашей партии.

Паника перед трудностями приводила троцкистов к политике отчаяния, к сверхиндустриалистскому авантюризму и т. п. Испуг перед трудностями приводит правые элементы нашей партии к бегству перед трудностями, отступлению перед ними. Правые элементы нашей партии, поддавшись влиянию мелкобуржуазной стихии, стремятся тащить партию назад от решений XV с'езда и последних пленумов ЦК.

Они предлагают свернуть темп развития индустрии страны, в особенности тяжелой промышленности, они недооценивают значение обслуживания производственных нужд деревни в деле смычки рабочего класса с крестьянством, напирая на производство предметов широкого потребления (ситец и т. п.), они отодвигают на задний план дело коллективизации деревни, строительство совхозов, они закрывают глаза на происходящий в стране процесс обострения классовой борьбы.

В основе этих тенденций лежит то же самое шарахание в сторону от трудностей, как и у троцкизма. Троцкизм, не веря в возможность победы социализма в нашей стране, предлагал политику, явно обрекающую рабочий класс на поражение. Правый уклон, испугавшись трудностей, предлагает политику, означающую усиление позиций капитализма в ущерб базе социализма, политику, которая облегчает возврат страны к капитализму. Отсюда совершенно понятно все политическое значение, которое партия придает борьбе с правым уклоном и примиренческим отношением к нему, ибо, не поборов примиренческого отношения к уклону, нельзя побороть самый уклон.

Между тем, в партии встречаются товарищи, которые склонны трактовать вопрос о борьбе с правым уклоном, как несерьезный, не стоящий большого внимания. На самом пленуме МК и МКК выступили отдельные, даже руководящие, товарищи, проявляющие скептицизм к той мобилизации сил партии против правого уклона, которую проводит центральный орган партии «Правда».

Что вы все говорите об уклонах, зачем-де заниматься этой политической трескотней, лучше направить все внимание на практическую работу, а не заниматься там какими-то еще правыми уклонами,—таков был смысл некоторых выступлений на пленуме МК.

Никто, конечно, в нашей партии не против максимально деловой установки, но нужно поистине скатиться в болото делячества и потерять всякое революционное чутье, чтобы не учитывать всей политической значимости ясного понимания партийными массами, тем более руководящими органами парторганизаций, основного направления работы партии и пролетарского государства. Это значило бы плыть по волнам, «без руля и без ветрил», это значило бы отрицать необходимость революционной теории, освещающей путь борьбы пролетариата. Такая установка—особенно в теперешний период обострения и усложнения классовой борьбы,—не может не привести к скатыванию в оппортунистическое болото. Такая установка разоружает авангард пролетариата в борьбе с классовым врагом. Пленум МК дал этим настроениям решительный отпор.

Находятся порой и товарищи, которые считают, что заострение борьбы с правой опасностью вызвано исключительно явлениями в Московской организации. Само обращение ЦК ВКП(б), хотя и направленное к членам Московской организации, дает достаточно ясное

отрицание такой установки, такой «московской ограниченности». В этом обращении указывается на неоднократные напоминания ЦК о необходимости борьбы с открыто-оппортунистическими уклонами, например,—на февральское письмо ЦК о хлебозаготовках, на постановления апрельского и июльского пленумов ЦК. Серьезность вопроса заключается именно в том, что вообще в нашей партии не осознана отдельными прослойками вся необходимость борьбы на два фронта: не только против троцкизма, но и против открытого оппортунизма, против правого уклона. Разве в деревенских партийных, а также комсомольских ячейках нет уже элементов, «не видящих классов в деревне», желающих жить в мире с кулаком, не дающих кулацким поползновениям решительного отпора? Разве в фабрично-заводских ячейках нет элементов, стремящихся улизнуть в какую-либо щель от трудностей вместо того, чтобы мобилизовать рабочие массы на их преодоление, нет элементов, которые не дают (или не умеют давать) должного отпора просачивающимся и в рабочую массу отдельным мелкобуржуазным настроениям и колебаниям? Совершенно бесспорно, что такие элементы имеются и в деревенских и в фабрично-заводских ячейках, что нестойкие элементы имеются отнюдь не только (и, быть может, не столько) в Московской организации, но и в ряде других парторганизаций. Разве, например, смоленское, сочинское, артемовское и т. п. дела не показали наличие правой опасности, как подосновы наблюдавшихся в этих организациях нездоровых явлений? Несомненно, что, в этих организациях была потеряна в известной мере классовая чуткость, пролетарская бдительность против враждебного окружения, что сами эти организации поддались разлагающим мелкобуржуазным влияниям.

Поэтому отнюдь не правильно рассматривать борьбу с правой опасностью, как специфическую задачу Москвы, не имеющую о с о б о г о з н а ч е н и я для всей партии.

Уроки Московской организации, последнего пленума МК имеют о б щ е п а р т и й н о е, притом весьма большое значение. И отклик партии на обращение ЦК ВКП(б) показывает, что парторганизации всего Союза делают соответствующие выводы из уроков Москвы в целях исправления и улучшения своей работы.

Если основным политическим итогом последнего пленума МК и МКК является мобилизация Московской организации и всей партии на борьбу против правого уклона и примиренчества с ним, то его организационным итогом является развитие в н у т р и п а р т и й н о й д е м о к р а т и и и с а м о к р и т и к и.

Сентябрьский пленум МК допустил известную политическую ошибку, отдельные руководители районов углубили ее в своей практической работе. И мы видим, как низовой актив партии начинает «крыть» свои руководящие органы и требовать решительного исправления допущенных ошибок. Проводя на деле лозунг самокритики,

осуществляя методы внутрипартийной демократии, партийные массы помогли своевременному исправлению допущенных ошибок. Решения последнего пленума МК и МКК действительно отразили настроения всей партийной массы. Это находит свое отчетливое отражение и в обсуждениях ячейками Московской организации работы своего комитета. Все ячейки без исключения одобряют обращение ЦК ВКП(б) и решения пленума МК, осуждая одновременно проявленную партруководством неясность в принципиальной линии. Такое открытое выявление и обсуждение отдельных ошибок всей организацией, несомненно, в еще большей мере сплотит ее ряды и закалит в борьбе с уклонами от правильной, ленинской партийной линии. Оно поможет изжить грозившую опасность возникновения трещины во взаимоотношениях между руководящими органами и партийной массой. Взятая Московским комитетом правильная линия обеспечит восстановление к нему полностью прочного доверия всей организации.

Абсолютно не верно было бы толковать поэтому об элементах развала в руководстве Московской организации. Московская организация в целом, во главе со своим комитетом, попрежнему остается в первых рядах партии, как твердая опора Ленинского ЦК. И если пленуму МК и МКК и районным организациям понадобилось сделать кой-какие организационные выводы по отношению к отдельным руководящим работникам, заменив их другими, то это не внесло никаких заминок в жизнь организации. Наоборот, организация живет теперь здоровой, интенсивной политической жизнью, ликвидируя в своей среде всякие слухи и политические сплетни.

Бесспорно, что письмо ЦК и последний пленум МК и МКК внесли оздоровление не только в Московскую организацию, но и помогли всей партии мобилизовать силы на преодоление правых уклонов. Пленум призвал к большей бдительности все парторганизации, помог усилению работы партии по сплочению сил всего рабочего класса для большевистского преодоления трудностей, встающих на путях социалистического строительства.

Д. Баевский.

Историк-большевик.

«Не потому появился на Руси марксизм, что Плеханов нашел досуг для прочтения в подлиннике произведений Маркса,—а Плеханов стал их изучать потому, что налицо уже было русское рабочее движение, понять и осмыслить которое, руководить которым, не прочтя Маркса, было нельзя».

Это меткое замечание принадлежит М. Н. Покровскому. Что в основе плехановского марксизма лежала не книга, а революционная практика, потребность в теоретическом вооружении для руководства движением нового революционного класса—пролетариата—это безусловно верно. Но верно ли, что *все* марксисты пришли к марксизму не «от книги». Ведь не мало есть видных «марксистов» и на пушечный выстрел не подходивших ни к революционному движению, ни к пролетариату. Не мало есть «марксистов», пришедших к марксизму «от книги». В России одно время было массовым явлением нарождение марксистов, о которых можно было сказать:

Что ему книга последняя скажет,
То ему на сердце сверху и ляжет.

Это массовое явление, известное под названием легального марксизма, было порождено невиданным размахом революционных выступлений рабочего класса, в котором русская интеллигенция и некоторые слои молодой промышленной буржуазии были готовы видеть таран, способный пробить в стене самодержавия необходимую им отдушину. В конечном счете и здесь марксизм был порожден не, скажем, массовым ввозом в Россию марксистской литературы, а массовым рабочим движением, но это дела не меняет: легальные марксисты были литературными марксистами, черпающими марксизм из книг. Это был *массовый* «книжный» марксизм.

Легальные марксисты оказались весьма ручными марксистами. Они наилучшим образом сумели сочетать свой марксизм с довольно «умеренными» взглядами буржуазного либерализма.

Для М. Н. Покровского подобный симбиоз был невозможен. Он пришел к марксизму путем отталкивания от буржуазного либерализма. Ненависть к либералам и хорошее знание материалистической подоплеки повседневной жизни,—вот что толкало молодого Покровского к марксизму. Накануне 1905 г. он сформировался в революционного демократа и экономического материалиста. Лишь став в начале 1905 г. большевиком, приобщившись к рабочему движению, он стал диалектическим материалистом, марксистом. Таким образом, путь к марксизму М. Н. лежал *через партию, через практику* революционной борьбы, повелительно диктовавшую ему овладеть марксизмом, овладеть, в частности, и для того, чтобы, дав пролетариату научное освещение русской истории, облегчить ему творить историю России. М. Н. не только историк-марксист, это историк-*большевик*.

Пролетарское понимание истории России, творцом которого является М. Н. Покровский, было выношено им в рядах нашей партии. Лишь проделав

вместе с ней две славные боевые кампании—революции 1905 г. и 1917 г.,—тов. Покровский создал окончательно свою концепцию русского исторического процесса.

В своем развитии, как историк-марксист, тов. Покровский, как и многие, шел от экономического материализма к диалектическому материализму. Спустить историю с заоблачных высот на землю, указать крепкую «земную» связь таких «бесплотных» исторических явлений, как идейные течения в разные эпохи, с экономикой того периода удавалось иногда и буржуазным ученым, но найти ведущее противоречие, основное противоречие, которое толкало вперед исторический процесс, им было не дано. Лишь введя момент классовой борьбы и классовых противоречий в об'яснение исторического процесса, вскрыв внутреннюю диалектику его, М. Н. Покровский стал подлинным марксистом в области исторической науки. Уменье под искуснейше сотканными идеологическими нарядами политических программ и идеологий нащупывать классовую сущность их творцов М. Н. Покровский приобрел в результате долголетней работы в рядах партии большевиков, беспощадно разоблачавшей либеральных «спасителей отечества» и мелкобуржуазных революционеров в социалистическом облачении. Ведь не кто иные, как именно большевики, сумели разглядеть приказчика промышленного капитала в П. Б. Струве, еще недавно писавшем манифест для 1 с'езда с.-д. партии.

Приобретенный в дни сражений с кадетами и меньшевиками навык—обнажать подлинное классовое лицо разных «внеклассовых идеологов»—М. Н. блестяще применил в области истории, как только смог снова вернуться к своему мирному «ремеслу». В своих научных работах 1907—10 гг. в «Истории России в XIX веке», изд. бр. Гранат, он, по словам Н. И. Бухарина, запустил «свой» отточенный марксистский клинок в самое сердце легенд о декабристах и показывает их классовое лицо помещиков, боящихся больше всего бунта крепостных.

Буржуазные историки заметили, куда идет, куда поворачивает М. Н. Покровский как историк. «Статья Покровского о Земском соборе, написанная в 1903 году, была встречена критикой, «как крупное в научном отношении произведение, отличающееся широкой постановкой вопроса и самостоятельностью исторических взглядов». Но скоро кадетские историки поняли, с кем они имеют дело. Уже статьи в «Истории» Граната, главным образом касавшиеся декабристов, вызвали ожесточенные нападки. Кизеветтер, возмущаясь «поношением памяти» пионеров русского освободительного движения», писал: «Пусть какой-нибудь декабрист-заговорщик никогда не отрешался от своих классовых предрасположений, все же это не дает основания отождествлять Каховского с гоголевской Коробочкой, сосредоточившей все свои помыслы на том: как бы повыгоднее сбыть птичьи перья, масло и яйца» [1])...

Кадет Кизеветтер отстаивал от большевика Покровского не только либеральную легенду о декабристах, он, яростно нападая на молодого историка, защищал внеклассовую, «чистую» науку.

Для Покровского работы в «Истории» Гранат были лишь отправным пунктом в марксистском исследовании ряда явлений русской истории. В это время он еще не преодолел некоторого «психологизма» в об'яснении исторических явлений. Так, усиление царской власти в конце XVIII века он об'ясняет тем, что, «не отделяя помещика от государства в самом себе, дворянин екатерининской и даже александровской эпохи не умел произвести такого разделения и в своем государе» [2]). Классовые интересы здесь еще М. Н.

---

[1]) «Под Знаменем Марксизма» № 10—11, стр. 206, Н. Л. Рубинштейн «М. Н. Покровский—историк России».

[2]) Цит. по ст. Рубинштейна в ж. «Под Знам. Марксизма» № 10—11 за 1924 г., стр. 193.

подменяет классовой психологией. Вернувшись через несколько лет к этому же вопросу в III томе «Русской истории с древнейших времен» (1910—1912), Покровский замечает: «Полторы тысячи повешенных (Пугачевым. *Д. Б.*) помещиков заставили их уцелевших собратьев позабыть всякие мечтания о «властях средних» [1]), т.-е. дворянин, «свою спасая шкуру» от мужицкого бунта, должен был отказаться от попыток ослабить власть царя. Пережив и продумав великую тяжбу мужика с помещиком за землю в революцию 1905 года, т. Покровский не мог уже пройти мимо такого фактора, как пугачевщина, даже трактуя столь отдаленный, по видимости, от нее вопрос.

Еще более разительный пример эволюции Покровского как историка-марксиста представляет его оценка исторической концепции Чичерина. В 1903 г. он готов был видеть в Чичерине прогрессиста, возлагающего свои надежды на обуздание государственной властью реакционных помещиков, противящихся «освобождению» крестьян. В 1923 г. он пишет о нем, как о либеральном помещике, уповающем на сильную власть, которая поможет его классу «освободить крестьян от земли» и получить таким путем нужный помещикам «труд и капитал». Подойдя к Чичерину как к партийному (в широком смысле слова) человеку, как к боевому публицисту своего класса в 1923 г., М. Н. Покровский ставит Чичерина-прогрессиста 1903 г. с головы на ноги. Эта операция приведения Чичерина к классовому знаменателю требовала серьезного марксистского вооружения. Достаточно указать на то, что не только Плеханов, когда его марксизм был на ущербе, но и Л. Д. Троцкий, в свои лучшие времена, не распознал классовой подоплеки концепции Чичерина и пошел по проторенной им дорожке надклассового самодержавия. На примере «грехопадения» Троцкого видно, как трудно марксисту преодолеть «внеклассовое» наследие буржуазной науки. Лишь соединяя знание предмета с закалкой революционного марксиста-практика, М. Н. смог преодолеть буржуазные концепции русской истории.

Вскрыть подлинный механизм исторического процесса тов. Покровскому помогало то, что ему, как одному из авангарда революционного класса, были видны движущие пружины современности. Отправляясь от современности, М. Н. находил в ней весьма плодотворные гипотезы, новые точки зрения для понимания прошлого.

...«Нас в последнее время пробовали учить,—говорил он студентам,—что мы должны в своих исторических курсах главное внимание уделять современности. В попытках открыть тут что-то новое—не без недоразумения. Ибо никакой марксист, о чем бы он ни говорил и ни писал, хотя бы о каменном веке, не может не отправляться от современности. За это именно мы терпим постоянные нападки от буржуазной профессуры.

Мы не можем уходить от современных впечатлений, и, мало того, мы, нимало не хвалясь, можем утверждать, что этого и не нужно делать и что, только отправляясь от современности, можно оценить прошлое» [2]).

«Современные впечатления», от которых не мог уйти т. Покровский, были впечатления марксиста-практика, «узкого партийца», которому эта партийная «узость» помогала широко и глубоко охватить русский исторический процесс. Покровский, как историк, поражает богатством и своеобразием подходов к одному и тому же вопросу. Это уменье подойти к явлению всегда как-то по-новому—не только свойство живого критического ума М. Н., но и результат его революционной работы.

«Легко об'яснить событие,—пишет он,—совершенно законченное, и начало и конец которого лежат перед нами,—тогда все понятно. Но когда пишешь по середине события, то поневоле движешься вместе с ним. И как при перевале через горы с каждого нового поворота дороги открывается

[1]) Там же.
[2]) М. Н. Покровский, «Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX в.», стр. 5.

новый вид, так и тут—новые, нарастающие подробности события наталкивают на новые точки зрения, которые раньше и в голову не приходили» [1]).

Богатство новых точек зрения М. Н. черпал и черпает из самой кипени жизни. Не в тиши профессорского кабинета, а в сутолоке повседневной революционной работы вынашивает Покровский свои новые исторические работы. Не потому ли в них нет ни тени ученого педантизма, нравоучительных рассуждений и доктринерства? У Покровского нет схоластического схематизма ни в деталях, ни в основной его концепции.

В исторической концепции Покровского, как известно, большое место уделено борьбе торгового и промышленного капитала. Эта борьба является одним из основных моментов истории, вплоть до Февральской революции, т.-е. продолжается и в эпоху финансового капитала, в эпоху империализма. С точки зрения обычной схемы смены фаз общественного развития недопустимо, чтобы в эпоху финансового капитала торговокапиталистические элементы играли значительную роль. Вставший на точку зрения этой обычной схемы Л. Д. Троцкий проглядел одну из основных особенностей революции 1917 г.—соединение борьбы пролетариата против буржуазии с крестьянской войной против помещика. «Мы живем в эпоху империализма,—рассуждал он,—а империализм противопоставляет не буржуазную нацию старому режиму, а пролетариат—буржуазной нации». Исходя из «сплошного» империализма, Троцкий и некоторые «левые» просмотрели огромную роль крестьянских резервов (особенно национально-колониальных) в социалистической революции. Ленин в годы войны в противовес им подчеркивал значение закона неравномерности развития капитализма в эпоху империализма. Несколько позже, в 1918 г., он развил эту же идею применительно к России, в которой он указал на наличие пяти хозяйственных укладов. Историческая схема Покровского тем и ценна, что она показывает пролетариату, вставшему у власти, что в хозяйстве, которое ему досталось в наследство, на ряду с элементами новейшего монополистического капитализма существует полусредневековая глыба в виде огромной массы распыленных крестьянских хозяйств, до революции об'единенных главным образом торговым капиталом (в широком значении этого слова, включая различные остатки крепостнических связей). Октябрьская революция, сочетавшая в себе борьбу пролетариата и крестьянской бедноты с российским империализмом с борьбой крестьянства против главнейшего пережитка феодализма,—помещичьего землевладения,—подтвердила, в основном, схему Покровского. В отличие от великого множества «марксистов», повернувшихся спиной к Октябрьской революции, как несуразной, нелепой, ломающей все установленные схемы и доктринерские расписания движения революций, М. Н. не только принял в ней активнейшее участие как партиец, но и как ученый, как историк России нашел в ней оправдание своих поисков пролетарской концепции русской истории и стимул к дальнейшему развертыванию ее.

...«Красный потоп,—пишет он,—размыл и обнажил такие геологические глубины, которые не снились даже и марксистам: одни испугались этих глубин и полезли на старый берег, от которого, казалось бы, они отчалили давным-давно, другие увидали перед собой материк такой глубины и твердости, что самые «смелые» их обобщения вчерашнего дня показались им детским лепетом.

К этому периоду относится окончательная концепция русского исторического процесса, изложенная мною в месте мало, конечно, подходящем для оригинальных концепций—в учебнике» («Сжатый очерк») [2]).

[1]) М. Покровский, «Русская история в самом сжатом очерке», ч. III, изд. 1928 г., стр. 8.
[2]) «Под Знаменем Марксизма» № 10—11, стр. 211—212.

В дни великой проверки Покровский-марксист показал, что он сумел преодолеть традиционные взгляды II Интернационала и в Октябре в ногу со всей партией большевиков поднял «великий бунт» не только против капитала, но и против закорузлых «марксистских» догм филистеров и доктринеров II Интернационала. М. Н. формировался как историк-марксист, преодолевая не только буржуазные концепции русской историии, но и преодолевая традиционные взгляды II Интернационала. По поводу своих статей, написанных до 1917 г., М. Н. писал:

«Устарелость статей заключается в том, что они в общем и целом стоят на классической позиции II Интернационала. Международным отношениям дается в них освещение не столько с точки зрения реальных экономических интересов различных социальных групп (точка зрения Маркса в его статьях о внешней политике), сколько от идеологии этих групп... Империалистическая война, покончив со II Интернационалом вообще, покончила и с его исторической концепцией» [1]).

Методологический грех, допущенный Покровским в истории России, изд. Гранат, при об'яснении усиления царской власти в конце XVIII в. не был, как мы видим, индивидуальным грехом его. Международные отношения по традиционным взглядам II Интернационала освещались «не столько с точки зрения реальных экономических интересов различных групп..., сколько от идеологии этих групп», классовые интересы подменялись классовой психологией и идеологией.

Допустимо ли было для большевика не уметь различать между марксизмом, скажем, Гильфердинга и марксизмом Ленина? А такой грех был у т. Покровского, и он в нем чистосердечно покаялся, когда, отвечая Слепкову, писал:

...«Вот почему я, пока налицо была только формула Гильфердинга,— когда я писал в 1915 г. свой реферат о «виновниках войны», напечатанный во «Внешней политике» и упоминаемый т. Слепковым,—отрицал империалистский характер войны «по Гильфердингу». И лишь прочтя полтора года спустя (еще в рукописи) брошюру тов. Ленина, стал понимать империалистский смысл войны. Но не понял, что после работы Ленина соответствующую часть работы Гильфердинга, мягко выражаясь, надо было убрать в архив В этом мое горе» [2]).

Не было ли в этом некоего «социал-демократического уклона», не отстал ли в данном случае М Н. от партии? Смело можно сказать, что в данном случае он шел вровень с большинством руководящих кадров партии. Изучение документов местных большевистских организаций периода войны, изучение апрельской конференции 1917 года показывает, что огромный теоретический скачок вперед от традиционных взглядов II Интернационала, сделанный Лениным в годы войны, заставил значительно отстать от него (на короткое время) многих руководящих товарищей. Покровский как марксист вместе с партией преодолевал оппортунистические искажения марксизма идеологами II Интернационала.

Никогда Покровский-историк не выступает в облачении летописца, спокойно повествующего в назидание «потомкам православных» о «минувшей судьбе» России, никогда он не выступает в облачении об'ективного и бесстрастного оракула буржуазной науки. Страстный, боевой, полемический тон,—вот что характерно для всех его работ. Взять хотя бы четырехтомник «Русская история с древнейших времен»,—разве он похож на «солидный» труд профессора истории? Ведь, это наполовину полемическое произведение. Излюбленный эпитет буржуазии для большевиков в 1917—18 гг. «вандал», наверное, не раз присваивался Покровскому почтенными жрецами науки, читавшими этот труд М. Н. Полнейшая непочтительность к «общепризнанным истинам», непочтительное обращение с авторитетами, одним словом, отсутствие какой бы то ни было буржуазной «респектабельности»,—почтенности, уважения к традициям,—вот одна из отличительных черт Покровского-историка. Эта респектабельность, присущая в высокой степени вождям II Интернационала была всегда одной из характерных черт либеральных рабочих политиков. «Самое отвратительное здесь (в Англии),—писал в декабре 1889 г. Энгельс Зорге,—перешедшая рабочим в плоть и кровь буржуазная «почтенность» (respectability)...» Разве не заражен этой респектабельностью и теперь кое-кто из большевиков? Не даром Ленин, говоря о борьбе за перестройку государственного аппарата, указывал на то, как мало смелости бывает подчас у большевиков в деле ломки старого аппарата. Покровский на редкость свободен от преклонения перед традициями прошлого. Не потому ли он и к самому себе относится подчас весьма не почтительно? Можно сказать, что лозунг самокритики проводился М. Н. задолго до того, как он стал боевым лозунгом дня.

¹) «Дипломатия и войны царской России в XIX столетии», изд. «Кр. Новь», 1924 г., стр. 890, 91.

²) «Под Знаменем Марксизма» № 12, 1924 г., стр. 256.

«И меня,—писал в 1924 г. т. Покровский,—конечно, можно убить целой тучей мелких противоречий, которые имеются между тем, что написано, хотя бы в «Русской истории с древнейших времен», и тем, что я говорю и пишу теперь. Если бы я был только профессором—костюм, от которого я долго отбивался, пока Октябрьская революция не надела его на меня насильно,—это, может быть, было бы и действительно для меня убийственно. Но я на своем, хотя и очень скромном, месте тоже участник революции: а она разве не переполнена мелкими противоречиями? Она соткана из них,—но только педант может к ним придираться» [1]).

Об этих «мелких противоречиях» М. Н. не имеет обыкновения умалчивать, как это видно хотя бы из приведенных выше отрывков по поводу его статей о внешней политике. Сами эти противоречия показатель ценнейшего качества Михаила Николаевича—его постоянного движения вперед, отсутствия какой бы то ни было косности. Нет у него той влюбленности в свои схемы, свои мысли, свои обороты, которой так часто грешат пишущие люди. Вместо того, чтобы кое-где подправить уже сделанное раньше, М. Н. часто ломает его и строит нечто новое, по внешности несходное и противоречивое, а по существу являющееся тем же, но взятым с новой точки зрения. Это умение критически отнестись к себе, к своей работе—редкое качество, присущее большевикам, как партии. Тов. Сталин называет самокритику одним из основных свойств метода ленинизма. Это свойство органически присуще тов. Покровскому. И это дает ему большое преимущество перед другими учеными.

В стиле Покровского много живости, много конкретности и простоты. Он умет говорить о самых высоких материях разговорным языком, умеет «простецкими» словами рассказать о сложном явлении, приближая его тем самым к широкой читательской массе. В стиле Покровского-историка сквозит Покровский-публицист и пропагандист. Его «Очерки культуры» и по сей день остаются одним из лучших образцов пропагандистской марксистской литературы. Его «Русская история в самом сжатом очерке» является разительным примером умения сочетать исследовательскую и пропагандистскую работу. Выступить впервые с оформлением своей схемы в массовом учебнике—едва ли на это способен какой-либо профессор! На это может быть способен лишь ученый-большевик, для которого его специальность лишь один из видов партийной работы.

Во время решающих для пролетариата битв т. Покровский забрасывал целиком свое «ремесло» и, засучив рукава, работал всюду, где это нужно

¹) «Под Знаменем Марксизма» № 10—11, стр 212.

было партии. В годы первой революции он работает членом московского военно-технического бюро, помогая, по словам тов. Ярославского, «не только своим глубоким знанием и пониманием опыта восстаний пролетариата и крестьянских масс в других странах, но и очень дельными советами относительно организации боевого дела...» Работая в «литературно-лекторской группе» МК (большевиков) в 1905 г., М. Н. был неутомим, как публицист и как пропагандист. В 1905—1906 гг. он дает по вопросу о вооруженном восстании, о блоках с к.-д. и на другие боевые вопросы ряд статей в большевистских журналах и сборниках: «Текущий момент», «Вопросы дня», «Истина» и др. и в газетах «Борьба» и «Светоч». В 1906 г. он выступает с серией рефератов по вопросам программы и тактики социал-демократии (изданы под названием «Экономический материализм»). В 1906 г. М. Н. выступает по поручению большевиков во время избирательной кампании во 2-ю государственную думу на больших открытых собраниях, где сражается с кадетами. Живую зарисовку М. Н. в эти дни дает в своей статье «Профессор с пикой» Н. И. Бухарин: «1906 и следующие годы,—пишет он,—видят Покровского, как блестящего бойца на думских избирательных турнирах: высокая фигура Ивана Ивановича Скворцова, с его грудным, замечательно приятным басовитым говорком, и рядом с ним наш милейший и ядовитейший Михаил Николаевич,—этакая «большевистская язва»,—появлялись почти повсюду. Как ел поедом Покровский своих кадетских противников! Как веселились сердца нас, тогда молодых еще большевиков, при каждом метком ударе Покровского в таких столпов кадетизма, как Кизеветтер, Новгородцев, Милюков! Это не был нечленораздельный крик или вопль революционного отчаяния: это были продуманные, блестяще аргументированные, изящные и вместе с тем разящие удары. Коротко остриженный, посматривавший слегка подслеповатыми глазами сквозь очки в простой оправе, Михаил Николаевич действовал прямо как «мать святая гильотина» по отношению к своим оппонентам». Когда в числе их были меньшевики, то им доставалось от Покровского. Особенно много пришлось воевать с ними М. Н. в 1907 г. во время выборов на Лондонский партс'езд. В качестве члена МК Покровский участвует на предварительном совещании ЦК в Териоках, затем на партконференции в Гельсингфорсе и на Лондонском с'езде, которым избирается в редакцию Ц. О., куда входит вместе с Лениным, как представитель большевистского центра. В 1917 г. тов. Покровский снова в Москве, снова активно работает в партии. В решающие дни Октябрьского переворота он снова на передовых позициях.

«...Когда раздались,—пишет т. Ломов,—первые залпы, когда М. Н. Покровский увидел тысячи восставших рабочих и озверелую офицерню, он пришел в ревком и волнующе просто и коротко заявил о том, что... во время боя он хочет быть рядовым бойцом, дерущимся плечо к плечу вместе с восставшими рабочими» [1]). М. Н. участвует в октябрьских боях московских рабочих в скромной роли военного корреспондента органа ревкома, находясь все время на «передовых позициях». И здесь М. Н. остается невозмутимым «профессором с пикой».

«В штабе Замоскворецкого района,—пишет Бухарин,—Скворцов, Ольминский, Покровский и я. Мы издаем и редактируем орган Военно-Революционного Комитета, пишем статьи и воззвания в комнатушке, переполненной людьми, где в каждом углу сложены винтовки, под лязг ружейных замков и изрядную суматоху, которая в комнатном масштабе отражает не более не менее как начало мировой революции пролетариата. Михаил Николаевич ведет себя хладнокровнейшим образом, точно ничего вообще не случилось и не случается и не случится: просто мы делаем очередную работу, и притом, пожалуй, самую веселую. И другое: пробираемся в центр, не то на

[1]) Г. Ломов, «В дни бури и натиска», «Пролетарская Революция» № 11 за 1927.

Петровку, не то еще куда-то. Публика жмется около ворот и лазает вдоль стен, как герои кинематографа. Стекла покрыты лучами вокруг дырок, поминутно звучат выстрелы, со звоном летят осколки на тротуары. А Мих. Николаевич заводит какой-то презабавный и преученый разговор насчет траектории, которую описывают снаряды, и не без жара пускается в теоретические военные экскурсы по сему поводу. Я тогда еще подумал: это какой-то математик повстанчества, наш ученый профессор!

Разумеется, Покровский был за восстание, и за самое энергичное его проведение: иначе он не был бы самим собою!» [1]).

Покровский-ученый заслужил почетное для большевика звание «солдата революции». После Октября он по поручению партии ведет в С. Р. Д., в качестве председателя Моссовета, непримиримую войну с меньшевиками. Взбешенный его маневром против меньшевиков Л. Мартов в своей меньшевистской газетке «Вперед» называет его «всеядным профессором», иначе говоря, примазавшимся к большевикам профессором. Это была заведомая клевета, способная скомпрометировать лишь самого Мартова, так как ему и его друзьям было хорошо известно, что Покровский старый большевик, что он не «академик», а активный партиец.

Никогда Покровский не был заурядным университетским профессором из породы марксистообразных. У него есть основательная закалка против того, чтобы когда-либо стать одним из тех профессоров-марксистов, о которых он говорил студентам Зиновьевского Коммунистического университета.

«...Не в том дело, чтобы в старую высшую школу посадить людей, знающих Маркса. Опыт показывает, к сожалению, что люди, великолепно знающие Маркса, попав на кафедру обычного университета, весьма скоро становятся похожими на самых заурядных университетских профессоров. Чтобы не беспокоить никого из товарищей, близких к нам, я приведу вам классический пример—Кунова. Крупный марксист в прошлом, став профессором буржуазного берлинского университета, теперь пишет вещи, от которых не откажется любой буржуазный профессор того же берлинского университета, так что не в этом дело, а в том, чтобы создать обстановку работы совершенно новую. В основе всего лежит дело, в основе всего лежит практика, а не теория» [2]).

И в былые годы и сейчас у М. Н. в основе его работы лежит практика, практика большевика-партийца. Самый круг вопросов, которым занимается Мих. Николаевич, определен прежде всего интересами партии, ради которых он жертвует интересами исторической науки. Вот табличка, иллюстрирующая круг вопросов, затронутых т. Покровским в его литературных выступлениях в 1918—1928 гг.

Работ, посвященных истории всего 84 из 213 учтенных.

Из них:	1) Посвященных истории Окт. революц. и гражданской войны	26
	2) Посвящ. истории революц. движения	38
	3) „ внешней политике	20
	Из них статей посвященных империалист. войне	12
	По историографии и методологии истории всего	25
	из них посвящены: а) полемике с Троцким	4
	б) борьбе с современ. буржуазн. и мелкобуржуазн. течен. в историч. науке	10
	По вопросам ленинизма-марксизма	13
	„ „ просвещения	29
	Против антисоветских партий и антипролетарских идеологических течений	9

Обращает на себя внимание: 1) небольшое место, занимаемое историческими работами; 2) преобладание среди ни посвященных вопросам

[1]) «Правда» № 249, 25/X—28 г.

[2]) М. Н. Покровский, «Борьба классов и русская историческая литература», стр. 6.

революционного движения, истории Октябрьской революции и внешней политики; 3) значительное место занимают работы на боевые темы: разоблачение империалистической войны, история Октября, борьба с троцкизмом, борьба с современными буржуазными течениями в области исторической науки и в области идеологии вообще, разработка вопросов ленинизма, политика партии в области просвещения и т. п. Статей, направленных против буржуазных и мелкобуржуазных течений больше, чем здесь указано, так как и в статьях, не посвященных специально борьбе против антипролетарских течений, уделено много места этой борьбе. Все эти цифры, не претендующие на точность, грубыми штрихами рисуют нам образ М. Н., как ученого-большевика, который «всегда готов» выполнить необходимое для партии в данный момент задание.

Боевой большевистской закалке М. Н. мы обязаны тем, что в литературе по истории России социалистический сектор быстро растет за счет буржуазного, растет не только за счет притока молодых сил, но и за счет привлечения части старой профессуры. В это же время в области так называемой «истории Запада» мы имеем признаки попятного движения старой профессуры и малую активность партийных научных работников.

«Как такая картина получилась? Решаемся ответить,—пишет т. Покровский.—В русской истории есть все же кое-какая организация, есть некоторая центральная группа, которая тянет в одном определенном направлении—все расширяя притом район своего действия. В западной истории у нас отдельных работников-марксистов не меньше (среди старшего поколения—оно, ведь, ведет!), а больше, чем в русской. Но они совершенно не организованы. Они сидят по своим углам, в высшей степени довольны, что Октябрьская революция обеспечила им свободу исследования и высказывания в их узкой специальности. Это было бы нормально, если бы у нас прошла демократическая революция, обеспечивающая «свободу печати» для марксизма (смирного, академического). Но у нас прошла социалистическая революция, идеология рабочего класса стала у нас господствующей идеологией, те, кто эту идеологию представляют, обязаны вести организаторскую работу на своем участке, как весь класс ведет эту работу во всех областях жизни нашей страны» [1]).

В этом отрывке из своей боевой статьи «Новые» течения в русской исторической литературе» перед нами во весь рост встает Михаил Николаевич, как ученый-большевик. Для него органически невозможно «залезть в свой угол», невозможно забыть, что у нас «прошла социалистическая революция» и пролетарских ученых это обязывает к активному участию в борьбе социалистических и капиталистических элементов на своем участке фронта. Этой статьей М. Н. открыл (еще весной 1928 г.) поход против правой опасности среди партийных кадров, работающих в научной области. Против «нейтральности» в деле борьбы с антимарксистскими течениями! Против «академизации» научных работников коммунистов!—вот лозунги, брошенные этой статьей, целиком совпадающие с общей линией партии наступления на капиталистические элементы.

Не случайно, что т. Покровский организовал вокруг себя молодые научные силы партии. Не случайно именно он является творцом Института Красной Профессуры. Ему легко итти в ногу с новым поколением научных работников, с тем поколением, которое пришло к научной работе после боевой партийной работы на фронтах гражданской войны и социалистического строительства. Эти «новые люди» в области науки к марксизму пришли не через книжную премудрость, а через практику боевой партийной

[1]) «Новые» течения в русской исторической литературе», «Историк-Марксист», VII, стр. 17.

работы. Пришедшие в партию в годы революции и гражданской войны, они стали сначала большевиками, а потом уже марксистами. Их путь к марксизму сходен с тем путем, который проделал и Михаил Николаевич. Поэтому он так близок им.

В тов. Покровском особенно ценно органическое слияние ученого и большевика. Новый тип большевика-ученого должен сочетать в себе крепкую большевистскую закалку, готовность в любую минуту стать на то место, которое требуется партии, с преданностью делу науки, с способностью усвоить и преодолеть культурное наследие буржуазии. М. Н. Покровский является образцом для научной смены—и не только для нее, но и для всего партийного молодняка, для всех новых партийных кадров.

Арт. Кактынь.

Преспективы предстоящего хозяйственного года.

Преобладание реконструктивных моментов над восстановительными.

Предстоящий хозяйственный год является уже третьим годом реконструкции, годом, когда в народном хозяйстве реконструктивные процессы полностью возобладали над процессами восстановительными. Это не означает, однако, что никаких восстановительных процессов в нашем хозяйстве уже нет: восстановление продолжается еще в отношении зерновой базы, недовосстановленной до довоенного своего уровня (особенно по пшенице и ячменю), а также рабочего скота; продолжается в черной металлургии, в некоторых отраслях транспорта. Однако, уже за последнюю пару лет ряд отраслей народного хозяйства, в том числе и некоторые из отраслей сельского хозяйства, настолько вышли за пределы довоенных рамок, что не приходится уже говорить о восстановительных процессах в этих отраслях; расширившееся производство в этих отраслях требует их коренной перестройки, подведения под них новой технической базы, создания новых внутренних отношений и новых организационных форм.

Известное представление об этом дает цифра капитальных вложений за истекшие три года в народное хозяйство. С 1925—26 г. по 1927—28 г., не считая крестьянского строительства, в народное хозяйство вложено 16,4 млрд. рублей (считая по ценам 1925—26 года), из которых около 4,5 млрд. — только в промышленность и электростроительство. Из всей суммы вложений на обобществленный сектор приходится 9,2 млрд. рублей. Основные фонды народного хозяйства составляют к концу 1927—28 года 73.730 млн. руб.; из них в промышленности—9.500 млн. рублей, в сельском хозяйстве (без жилых построек)—18.055 млн. рублей; в железнодорожном транспорте—10.269 млн. рублей. Достаточно сравнить цифру произведенных за три года вложений в промышленность с цифрой ее основных фондов, чтобы видеть, что уже больше трети этих фондов за три года обновлено или реконструировано. Но даже если взять фонды всего народного хозяйства и всю сумму капитальных вложений (считая в том числе и крестьянское строительство) за три года, выражающуюся в 19.115 млн. рублей, то и в отношении всей суммы основных фондов народного хозяйства мы констатируем обновление и реконструкцию в пределах примерно четвертой части [1]).

[1]) Соотношения несколько изменятся по своей величине, если вычесть износ старых фондов, перекрываемый новыми вложениями: в фондах мы имеем результат этих процессов к концу года, тогда как вложения характеризуются полной суммой их за данный год без вычета износа. Но это все же существенно картины не изменит. Если судить по состоянию фондов к концу 1927/28 г., в сравнении с их состоянием к началу 1925/26 г., то за эти годы фонды всего народного хозяйства пополнены на 15,7%, фонды же промышленности пополнены на 37,9%.

Таким образом, с несомненностью приходится констатировать возобладание реконструктивных процессов над восстановительными. Если же это так, а в этом сомнения быть не может, то отсюда получается совершенно иное представление о темпах производства и о всем тонусе народнохозяйственной жизни в последние годы и в предстоящий год. Одно дело давать гигантские темпы в восстановительный период, когда в значительной мере происходит заполнение старого каркаса основных фондов оборотными фондами и переход от низких, в некоторых случаях даже нулевых, уровней к более высоким, хотя и абсолютно на первых порах незначительным, уровням. Совершенно же другое дело, когда мы уже вышли за пределы довоенных рамок и не столько вкладываем оборотные средства в дальнейшее производство, сколько средства основные, когда дальнейшее развертывание производства обусловливается многомиллионными вложениями в основные фонды.

Темпы производства.

Исключительное значение поэтому приобретают достигнутые нами в истекшем году темпы роста производства и намечаемые на их фоне темпы роста производства в предстоящем году. Для иллюстрации приведем основную табличку темпов, отвлекаясь от изменения цен и учитывая лишь изменения натуральных величин:

Темпы роста продукции.

В %% предыдущему году [1]).

	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Валовая продукция всей промышленности	113,8	116,5	115,6
„ „ цензовой промышленности . .	114,5	121,6	117,0 [2])
В том числе средства производства	119,3	118,9	119,5
„ „ „ потребления.	111,9	123,1	115,6
Валовая продукция мелкой промышленности . . .	110,0	97,7	106,1
„ „ сельского хозяйства	105,1	98,0	105,2
В том числе продукция растениеводства	105,4	96,1	103,7
„ „ „ животноводства	103,9	99,7	106,6
Валовая выручка от перевозки ж.-д. грузов (работа транспорта)	115,6	107,1	114,7
Постройка зданий и сооружений в целом	125,0	118,6	129,7
Отдельно без крестьянского строительства . . .	142,2	132,1	140,1

Приведенные цифры являются ярким показателем тех гигантских преимуществ, какие в себе таит социалистическая система хозяйства с ее единством управления, с ее плановостью, с ее социалистической рационализацией и экономией, основанными на обобществлении процессов накопления. Какие бы элементы восстановительного процесса ни отражались на этих темпах, все же подобные темпы, особенно в отношении промышленности и строительства, находящихся уже на уровнях, превышающих довоенные, немыслимы без учета тех особенностей, какими отличается социалистическое хозяйство. Подобных темпов капиталистическое хозяйство не знало и не знает.

Табличка темпов даже на протяжении трех лет выявляет с очевидностью опережающие темпы тяжелой индустрии (производства

[1]) По контрольным цифрам Госплана.

[2]) Уже после сдачи статьи в набор опубликована новая цифра в отношении темпа роста продукции цензовой промышленности, планируемой ВСНХ—20,1% (см. обращение ВСНХ и ВЦСПС по поводу колдоговорной кампании). Этой цифре в контрольных цифрах Госплана соответствует 18,8%.

средств производства) по сравнению с легкой индустрией (производством средств потребления) и мелкой промышленностью, производящей также преимущественно средства потребления. Эти позиции тяжелой индустрии мы всячески оберегаем и удерживаем из года в год. Незначительное снижение темпа тяжелой индустрии в 1927—28 году перекрывается новым под'емом его в предстоящем году.

Исключительно высокие темпы мы имеем в области постройки зданий и сооружений, особенно в строительстве промышленности. Это—внешний показатель темпа индустриализации, ибо здесь мы имеем дело как-раз с наиболее ярко выраженным и подчеркнутым производством средств производства в виде фабрик, заводов, дорог, портов, элеваторов, ирригационных сооружений и т. д., т.-е. основных очагов нового расширенного производства на реконструированной технической базе.

Та же табличка показывает некоторое отставание темпов роста транспортного производства от темпов роста промышленного производства. Тем не менее сами по себе темпы прироста транспортной работы настолько велики, что с трудом нам удается подтягивать под них соответствующую технику; темпы эти умеряются отчасти под влиянием более медленных темпов с.-х. производства. В перспективе перед нами стоит, однако, необходимость значительного усиления темпов роста транспортной работы в зависимости от дальнейшего мощного развертывания промышленного производства и роста сельскохозяйственного производства, особенно в его товарной части. Отсюда бесспорный вывод о необходимости вложения в ближайшие годы значительных средств в дело укрепления, реконструкции и широкого развертывания технической базы транспорта, притом не только железнодорожного, но и водного и безрельсового. В противном случае мы станем перед опасностью, что транспорт станет тормозом дальнейшего развития производства и окажет замедляющее воздействие на темпы развертывания промышленности и сельского хозяйства

Темпы промышленного и сельскохозяйственного производства.

Особенно характерна выявляющаяся в приведенной таблице разница между темпами роста промышленности и сельского хозяйства. Такое различие темпов характерно для обобществленного и необобществленного секторов народного хозяйства вообще. Тогда как в обобществленном секторе мы имеем гигантские темпы роста, в необобществленном они значительно ниже, а в 1927—28 году даже по некоторым отраслям сельского хозяйства они приобретают отрицательный знак. Правда, в сельском хозяйстве мы предполагаем перелом темпов к более энергичному под'ему в предстоящем году, что опять-таки достигается благодаря особенностям нашей системы хозяйства и благодаря тем усилиям, какие прилагает советское государство к поднятию зерновой и сырьевой базы. Тем не менее отставание темпов сельского хозяйства от темпов промышленности остается в силе и в этом году.

Приведенные темпы развития производства отражают собой итоги совместного действия двух основных процессов, проводимых рабочим государством в его хозяйственном строительстве: процессов индустриализации (технической реконструкции и рационализации) и процессов обобществления. На них (на темпах) отражается, однако, и влияние стихийных факторов: природы и необобществленного мелкого деревенского хозяйства и кустарного производства, влияющих задерживающим образом на темпы сельскохозяйственного производства, отчасти и на темпы мелкой

промышленности. Деревня все еще представляет собой широкое море индивидуальных хозяйств с островками колхозов и совхозов. Для широкого внедрения в эту область элементов реконструкции и рационализации необходима соответствующая организационная подготовка в виде обобществления мелких крестьянских хозяйств (чем, конечно, не отрицается возможность рационализации производства и в индивидуальных хозяйствах). Эти последние процессы развернулись в деревне широко, о чем свидетельствует хотя бы такой факт, как удвоение числа колхозов в истекшем хозяйственном году и общий рост кооперации, в особенности производственных ее видов. Тем не менее, лишь постепенно, преодолевая гигантские инерцию и косность, удается нам переводить деревню на новые способы производства, на новую техническую базу.

Процессы технической реконструкции и обобществления с.-х. производства задерживаются, кроме стихийных факторов и раздробленности хозяйств, еще и недостаточным развитием тех отраслей, тяжелой промышленности, которые снабжают сельское хозяйство новыми средствами производства, т.-е. основными материальными элементами его технической реконструкции: сельскохозяйственными машинами, тракторами, удобрениями, соответствующим оборудованием по первичной обработке сельскохозяйственных продуктов. Несмотря на громадные темпы роста сельскохозяйственного машиностроения и достижение им в 1927—28 г. уже двойного, против довоенного, уровня, оно все же не в состоянии обслужить полностью деревню, и ежегодно деревня остается недоснабженной двухлемешными плугами, триерами, сеялками и некоторыми другими сложными машинами, в особенности же тракторами и удобрениями. Тракторов и удобрений наша промышленность в состоянии дать деревне пока лишь небольшую долю того, что требовалось бы для нашего сельского хозяйства.

Уже это одно говорит о том, что относительно замедленные, хотя и сами по себе не малые (особенно в 1926/27 году и в предстоящем 1928/29 году) темпы сельскохозяйственного производства обусловливаются не столько недостатком капитальных вложений в сельское хозяйство, особенно со стороны государственного бюджета, сколько недостаточностью той технической базы, которую мы в состоянии подвести под деревню, т.-е. в конечном счете, недостаточной работой нашей тяжелой индустрии, несмотря на быстрые темпы ее роста из года в год.

Основная диспропорция народного хозяйства.

Одно только цифровое сопоставление темпов роста промышленности и сельского хозяйства за три года вскрывает со всей определенностью скрытые в развитии нашего народного хозяйства диспропорции и показывает те материальные барьеры, в которые упирается дальнейшее развитие тех или иных частей народного хозяйства. Было бы величайшей ошибкой и оппортунизмом отрицать или замазывать коренную диспропорцию между развитием промышленности и сельского хозяйства. Она может временами уходить вглубь, прикрываясь внешне гармоничными соотношениями в том или другом году, в зависимости от данного урожая (как, например, в 1926—27 хоз. году), но это отнюдь не означает, что диспропорция эта исчезает, что она нами уже устранена. В истекшем 1927—28 году и в предстоящем 1928—29 году диспропорция эта вновь выпирает в достаточно явственных формах.

Оппортунистической является также и попытка упростить эту диспропорцию, изобразить ее как одностороннее отставание сельского хозяйства от промышленности. XV с'езд партии, подчеркнув, что основные трудности и основные проблемы хозяйственной политики пролетариата лежат «по линии регулирования взаимоотношений между городом и деревней», указал, что «при построении пятилетнего хозяйственного плана нужно исходить из разрешения задач, которые связаны с основными диспропорциями нашего хозяйства». В качестве одной из основных диспропорций с'езд указал на диспропорцию «между промышленностью и сельским хозяйством, которая (диспропорция) далеко не изжита, несмотря на более быстрый, чем рост сельского хозяйства, рост индустрии». В эту формулировку необходимо серьезно вдуматься и в начале нового хозяйственного года вложить в нее конкретное содержание.

Упрощением этой диспропорции явилась бы попытка изобразить ее как одностороннюю диспропорцию, лишь как отставание сельского хозяйства от промышленности, отрицая обратную сторону — отставание промышленности от сельского хозяйства (или наоборот). Это упрощение дается тем легче, что действительно предстоящий год, да и истекший, проходят у нас под знаком недостатка сырья, хлеба и некоторых продуктов питания, т.-е. почти всего ассортимента сельскохозяйственной продукции. Эти факторы становятся ближайшим материальным лимитом для развития промышленности, строительства и самого сельского хозяйства (влияние хлеба на сырье и т. п.). При недороде в таких районах, как Украина, Сев. Кавказ, являющихся вместе с тем главнейшими потребителями сельскохозяйственных машин и тракторов, как-то естественно отходит на второй план недостаток средств производства для деревни, об этом склонны забывать. К тому же темпы роста сельского хозяйства, конечно, значительно ниже темпов роста промышленности и остаются таковыми на протяжении уже нескольких лет, собственно, всего последнего периода. Как будто бесспорно констатируется отставание сельского хозяйства от промышленности в смысле темпов роста его продукции; такое же отставание в последние годы легко констатировать в темпах капитальных вложений, несмотря на то, что общий размер вложений в сельское хозяйство превышает размер вложений в промышленность и электростроительство. Все это—неоспоримые факты.

Можно ли, однако, из этого делать вывод, что промышленность достигла своего апогея, что можно теперь на достигнутом остановиться и устремить все силы преимущественно на сельское хозяйство, поддерживая промышленность на достигнутых уровнях? Будет ли правильной такая политика, логически вытекающая из одностороннего освещения основной диспропорции, имеющей место в нашем хозяйстве?

Бесспорно, что такой вывод будет в корне неправильным и ошибочным. Неоднократно раз'яснялось и подчеркивалось в соответствующих резолюциях, что нельзя сравнивать одни темпы развития, отрываясь от тех уровней, от которых это развитие идет. Может иметь место отставание уровней, несмотря на значительное опережение в темпах развития. Это мы имели на протяжении всего восстановительного периода, когда промышленность стала восстанавливаться и развиваться от нижайшего своего 20% уровня 1920 г., между тем как сельское хозяйство даже в наиболее тяжелый для него 1921—22 г. не спускалось ниже 50% от довоенного своего уровня. Мало, кроме того, брать в качестве отправных

уровней уровни довоенные, нужно взглянуть на абсолютное соотношение самых этих довоенных уровней. Ни для кого не секрет, что страна наша, несмотря на значительный рост в 90—900-х гг. промышленности, и даже тяжелой промышленности, оставалась страной преимущественно аграрной, с преобладающим сел.-хоз. производством. Унаследованная нами от довоенного времени диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством, усилилась весьма значительно в итоге мировой и гражданской войны, и только благодаря гигантским темпам восстановительного периода и первых лет периода реконструкции нам удалось восстановить в 1927—1928 г. между уровнями промышленности и сельского хозяйства в основном довоенные соотношения.

Если проследить отставание от довоенных уровней по отдельным отраслям, то по сельскому хозяйству мы имеем в 1927—1928 г. отставание на 9,9% посевной площади зерновых хлебов, на 5,4%—площади льна, на 9,9% числа лошадей (в том числе на 13,9%—рабочих лошадей), на 10,8% продукции зерновых [1]), на 23,8%—льна-волокна, на 1,9%—сах. свеклы, на 15,4%—продукции яиц [2]); по промышленности: на 23,3% добыча руды железной, на 58,3%—руды марганцевой, на 6,7%—производство чугуна, на 0,8%—прокат, на 30,6%—выплавка меди штыковой, на 10,7% производство лесоматериалов.

Если учесть факт сильнейшего отставания нашего внешнего товарооборота от довоенного и учесть те коренные изменения, которые произошли в его структуре—сокращение импорта готовых промышленных изделий, увеличение импорта сырья и оборудования, т.-е. средств производства, при сократившемся вывозе зерновых продуктов и сельскохозяйственного сырья и значительно возросшем вывозе промышленных товаров, то станет совершенно ясно, что при такой структуре экспорта—импорта одно уже количественное несоответствие между продукцией промышленности и сельского хозяйства, особенно, если взять ту и другую продукцию в ее натуральном выражении, должно вызывать неизбежные диспропорции в хозяйстве.

Ясно, однако, что подобное сопоставление имеет крайне относительный характер, ибо мы тут имеем дело с валовой продукцией, а не товарной и, наконец, как в отношении сельскохозяйственного, так и промышленного производства не учитывается внутренний оборот продуктов каждой из этих отраслей, т.-е. потребление промышленностью и сельским хозяйством соответственно своей же продукции в порядке дальнейшей ее переработки. Диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством, или, вернее, целый клубок диспропорций между ними, раскроется во всей полноте перед нами лишь тогда, когда мы проанализируем то и другое по отдельным, хотя бы основным продуктам производства под углом зрения взаимозависимости отдельных отраслей сельского хозяйства и промышленности. Проведение такого рода анализа явится вместе с тем и обозрением основных материальных лимитов промышленного и сельскохозяйственного производства.

Сельскохозяйственные лимиты промышленности.

Важнейшим материальным лимитом для промышленности становится в последние годы сырье. В этом году давление сырьевого лимита усиливается, благодаря сокращению импорта сырья из-за границы, что определяется в свою очередь лимитами внешней торговли, крайне для нас в этому году тягостными. Но и независимо от импорта сырье оказывает замедляющее воздействие на развитие сахарной промышленности, табачно-махорочной,

[1]) В отношении средней за 1909—1913 гг.

[2]) Речь идет о продукции лета 1928 г., зачисляемой в баланс 1928/29 хоз. года.

кожевенной, шерстяной и хлопчатобумажной, т.-е. ряда важнейших отраслей легкой индустриии. Все перечисленные виды сырья, это—сырье сельскохозяйственного происхождения, при чем некоторые из них, как, например, сахарная свекла по самому своему характеру—сырье исключительно внутреннего производства. В прошлом году мы испытывали значительные трудности в отношении льняного, шерстяного, кожевенного и масличного сырья.

Недостаток сырья для указанных отраслей вызывается, с одной стороны, стихийными природными факторами, определившими низкую урожайность в этом году, с другой стороны, недостаточным развитием соответственных отраслей интенсивного сельскохозяйственного производства. Факторы, зависящие от природы, имеют, однако, относительное значение: при соответствующей обработке почвы, вложении удобрений, отборе семян и обязательном уходе за растениями во время их вегетации влияние природы может быть в сильнейшей степени смягчено. Следовательно, в основном мы имеем дело, несомненно, с недостаточным темпом интенсификации сельского хозяйства, с недостаточным развитием тех его отраслей, которые дают основное растительное и животное сырье, и, что особенно важно, с недостаточной урожайностью сырьевых культур, значительно отстающей даже от довоенных норм.

Другим важнейшим фактором лимитного характера становится в этом году хлеб. Не говоря о хлебе, как о сырье для мукомольной промышленности, следует учесть его, как основной продукт питания для рабочих промышленности и транспорта и других отраслей хозяйства, при недостатке которого может иметь место сокращение производительности труда и соответственное понижение промышленного производства. В таком же положении оказываются в этом году овощи, животное масло, жиры вообще и некоторые другие предметы питания, в которых может оказаться недостаток. Недостаток продовольствия для городского населения (так же, как и для самой деревни, особенно хлеба—для сырьевых районов) проистекает в свою очередь от слабости нашей зерновой базы и недостаточного развития продуктивного животноводства, огородничества, садоводства и других интенсивных отраслей того же сельскохозяйственного производства.

Слабость зерновой базы и особенно недостаток товарного хлеба оказывает влияние на усиление другого лимитного фактора для промышленности—импорта оборудования и сырья из-за границы. Поскольку из экспорта выпадает полностью хлеб и в известной мере сокращается также и экспорт продуктов питания и сырья, постольку соотвественно сокращается импорт, имеющий производственное значение для промышленности, в первую очередь для тяжелой индустрии. В этом отношении особенно неблагоприятный результат получился в прошлом году благодаря выпадению из плана хлебного экспорта и благодаря недостаточности сельскохозяйственного экспорта вообще как в том, так и в этом году.

Промышленные лимиты сельского хозяйства.

Основной из этих лимитов отмечен нами уже выше—это средства производства для сельского хозяйства, в первую очередь тракторы, затем удобрения, сельскохозяйственные машины, особенно сложные и проч. На этих основных моментах следует остановиться несколько подробнее.

Особенное значение для нашего сельского хозяйства имеет снабжение его тяговой силой. Восстановление стада рабочего скота

несколько задержалось по сравнению с восстановлением стада продуктивного скота и до сих пор не достигло довоенного уровня. При этих условиях особое значение приобретает снабжение основных сельскохозяйственных районов, главным образом зерновых, тракторами. Трактор является, помимо того, одним из основных факторов, революционизирующих и реконструирующих сельскохозяйственное производство, создающих вместе с тем предпосылки для его обобществления. Потребности деревни в тракторах с трудом поддаются какому-либо измерению, ибо здесь нельзя исходить только из потребности в тяговой силе, но приходится учесть еще целый ряд местных физико-географических условий, а также и то, что трактор используется в сельском хозяйстве, как двигатель стационарного типа (для освещения, молотьбы и т. д.). Тем не менее с полной определенностью можно сказать, что трактороснабжение сельского хозяйства далеко не соответствует потребности в тракторах. Если мы до сих пор дали деревне всего-на-все 27.450 тракторов мощностью около 300 тыс. лош. сил, а в 1928—29 г. предполагаем дать 9.466 тракторов мощностью около 120 тыс. лош. сил, то все это составляет лишь небольшой процент (1,3%) в отношении всего количества тяговой силы, имеющейся в деревне. Достаточно привести только такую цифру, как число колхозов, и поставить себе правилом снабдить каждый колхоз хотя бы одним трактором, чтобы увидеть, какое острое несоответствие мы имеем между потребностью в тракторах, наличием их в деревне и тем, что мы ей можем дать. Вся наша годовая программа тракторoснабжения исчисляется каким-нибудь десятком тысяч штук, чего совершенно, конечно, недостаточно. В этом деле не поможет нам никакой импорт, ибо страна еще не настолько богата, чтобы, строя мощную промышленность, параллельно ввозить еще и колоссальное количество тракторов. Задача, несомненно, сводится к постройке собственных крупных тракторных заводов. В качестве одного из них становится соответствующий цех Путиловского завода, вырастающий в самостоятельный завод с производительностью, доходящей в близкой перспективе до 10.000 шт. Другим таким заводом должен стать проектируемый Сталинградский тракторный завод. Но и этих заводов будет явно недостаточно для растущего с каждым годом спроса на тракторы. Здесь мы имеем резкое отставание нашего машиностроения от потребностей сельского хозяйства.

Интенсификация сельского хозяйства и техническая его реконструкция возможны лишь при условии соответствующей обработки почвы путем глубокой вспашки, поднятия ранних паров, соответствующего дальнейшего разрыхления поднятых слоев почвы, путем рядовых посевов или посадки растений, путем соответствующего ухода за ними во время роста и более рациональной организации процессов уборки и переработки сельскохозяйственных продуктов. Точно так же для развития продуктивного животноводства требуется соответствующее оборудование. Все это пред'являет гигантские требования к нашему сельскохозяйственному машиностроению. По целому ряду более сложных орудий и машин мы также имеем крупнейший дефицит: таковы плуги, особенно двухлемешные, зерноочистительные машины, сеялки, всевозможные машины по культивации растений, точно так же и более сложные уборочные машины. И здесь отставание сельскохозяйственного машиностроения, несмотря на его 200-процентный уровень в отношении 1913 г., от потребностей сельского хозяйства налицо.

В значительно более остром положении находится дело удобрений. Достаточно привести хотя бы такую цифру (по данным проф. Прянишникова), как количество удобрений, приходящихся на гектар у нас

и в некоторых других странах, в сопоставлении с урожайностью хлебов в тех же странах.

Потребление минеральных удобрений на единицу площади и урожайность в СССР и за границей.

(Среднее за 1922—1926 гг. по проф. Прянишникову).

	Голландия.	Бельгия.	Германия.	Япония.	Франция.	САСШ.	СССР.
Всего удобрений для страны (млн. тонн)	1,3	0,6	8,2	1,2	3,4	5,8	0.5
Урожай (центр. с 1 га)	28,1	25,9	18,4	15,1	14,5	9,3	6,3
Удобрений (на 1 га в пудах)	39,4	20,1	17,9	10,2	5,6	1,8	0.055

Уже из этой таблицы видно, насколько мы в этой области отстали не только от европейских и американских, но и от азиатских стран и *насколько широкие перспективы* поднятия урожайности открывает перед нами разрешение этой проблемы. Хотя внутренние наши потребности далеко не выявлены, но даже по частичным данным выявились уже 50 и 100-проц. разрывы между спросом и предложением соответствующих видов удобрений (напр., по фосф. муке, суперфосфату, калийным солям и др.).

Даже для простой операции известкования наших суглинков (в потребляющей полосе и в нечерноземных северо-восточных районах), при тех грандиозных потребностях, какие исчисляют специалисты, промышленность дает производственные возможности, выражающиеся единицами процентов по отношению к потребностям. Необходима постройка целой сети известковых, фосфоритных мельниц и суперфосфатных заводов для того, чтобы обеспечить сельское хозяйство этими *простейшими* удобрениями. Совершенно в детских пеленках находится у нас еще дело добычи *связанного азота* и перевода его в связанном виде в почву. И здесь перед нами встают не менее грандиозные перспективы.

Важнейшая задача *химизации сельского хозяйства* только еще поставлена, но совершенно еще не разрешена, а между тем уже ясно констатировано, что дальнейшее развитие нашего сельского хозяйства может и должно итти не столько по *экстенсивной* линии, по линии *освоения новых площадей*, сколько по линии *интенсификации*, по *линии введения в почву в первую очередь удобрений и повышения таким путем урожайности*. Целый ряд опытов как лабораторных, так и наших опытных агрономических станций и участков показал, какие широкие возможности открываются в этом отношении перед сельским хозяйством и какие гигантские скачки может дать его продукция при введении в почву удобрений. И здесь приходится констатировать *резкое отставание промышленного производства*, в данном случае *нашей химической промышленности, от потребностей сельского хозяйства*.

Другим важнейшим лимитом, пред'являемым промышленностью по отношению к сельскому хозяйству, является наличие *строительных материалов*, доставляемых деревне, особенно железо сортовое, гвозди, железо кровельное, точно так же известь, цемент, кирпич, для южных районов—строительный лес. Между тем, наличием этих строительных материалов определяется в значительной мере реконструкция сельского хозяйства, в смысле постройки всякого рода служб, складов, жилищ, ирригационных, мелиоративных устройств и т. д. По этой линии точно так же *промышленность отстает от потребностей сельского хозяйства*. И здесь по мере дальнейшего развития и реконструкции сельского хозяйства потребности гигантски возрастут.

Действительный характер диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством.

Достаточно перечислить одни эти факторы, не касаясь предметов широкого потребления для сельского населения, для того, чтобы представить себе, насколько все еще наша промышленность отстает от сельского хозяйства. Упрощением вопроса является поэтому попытка изобразить дело так, что, если промышленность может более или менее полно удовлетворить потребности земледельческого населения в предметах широкого потребления, то никакого отставания промышленности от сельского хозяйства нет, не говоря уже о том, что даже и земледельческое-то население (не считая всего с.-х. населения) *далеко не удовлетворено предметами широкого потребления* и все еще испытывает больший или меньший товарный дефицит. Необходимо признать, что даже при наличии полного удовлетворения земледельческого населения предметами потребления, *промышленность все же будет отставать в сильнейшей степени от потребностей сельского хозяйства по линии снабжения сельского хозяйства средствами производства*.

Тормозящее воздействие на сельское хозяйство, особенно в части развития *товарных отраслей сельского хозяйства и увеличения товарной продукции, оказывает транспорт*, особенно железнодорожный, а также и безрельсовый и водный. Развитие же всех этих видов транспорта в свою очередь *упирается в соответствующие отрасли машиностроения, в черную металлургию, а также и в производство строительных материалов*. В ближайшие несколько пятилетий перед нами встанут грандиознейшие задачи *транспортного строительства*. Вся страна должна быть перекрыта целой сетью железных, шоссейных и других дорог, водных путей, каналов и т. д., должны быть произведены крупные портовые работы и т. д. Все это потребует гигантского напряжения промышленности для производства всех необходимых для этого строительных материалов, а также и производства самих транспортных средств.

Вопрос о диспропорции между сельским хозяйством и промышленностью приходится перенести поэтому из плоскости количественных отставаний продукции промышленности от сельского хозяйства в плоскость анализа конкретных диспропорций между предложением той или иной продукции и спросом на нее. Центр тяжести вопроса, по крайней мере на данной стадии развития, лежит *в удовлетворении спроса на средства производства*. Произведенный нами выше поверхностный анализ достаточен для того, чтобы показать, что здесь имеет место *двухсторонняя диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством* и что она более *заостряется в смысле отставания промышленности от потребностей сельского хозяйства*, чем наоборот. Это тем более становится ясно, если учесть, что основные лимиты промышленности—сырьевой и хлебный, определяются *недостаточным под'емом сельского хозяйства*, что в свою очередь целиком упирается *в проблему снабжения сельского хозяйства тракторами, удобрениями и сложными с.-х. машинами*. Здесь получается *порочный круг, который приходится разрывать по линии промышленности, а не по линии сельского хозяйства*. Отсюда и дальнейший положительный вывод,

который нам приходится делать из приведенных данных — сделать ударение на тяжелую индустрию, на те отрасли промышленности, которые производят средства производства как для самой промышленности, так и особенно для сельского хозяйства, т.-е. на общее и сельскохозяйственное машиностроение, химию, лесопромышленность и лежащую в основе всего машиностроения черную и цветную металлургию.

Выхода по этой линии приходится искать еще и потому, что тяжелая индустрия в общем и целом обладает достаточными источниками сырья — рудами, углем, нефтью, минеральными ископаемыми, газами, лесом и др. Развернутая в достаточной мере тяжелая индустрия даст могучие толчки развитию сельского хозяйства, что усилит приток растительного и животного сырья в промышленность и хлеба в города и даст возможность шире развернуть легкую индустрию и смягчить дефицит товаров широкого потребления. Такова единственно правильная и верная линия хозяйственного строительства. Конечно, ее не следует понимать схематически: необходимо сочетание максимально возможных темпов развития тяжелой индустрии с развитием также и легкой индустрии и сельского хозяйства. Но сочетать их следует так, чтобы ударение было на тяжелой индустрии. Это — стержневой пункт нашей хозяйственной политики.

Проблема капитального строительства.

С вопросом об основной диспропорции нашего хозяйства тесно связан вопрос о размерах капитальных вложений в сельское хозяйство и промышленность и о темпах и размерах капитального строительства вообще. В самом деле, если правильна точка зрения, что промышленность уже в достаточной мере удовлетворяет потребности сельского хозяйства, что она не отстает от этого последнего, то незачем в таком случае форсировать индустриализацию, незачем с таким напряжением, с такими лишениями для народного хозяйства вкладывать все возможные накопления в промышленность, особенно в тяжелую индустрию. Можно тогда соответственно усилить работу легкой индустрии, усилить вложения в сельское хозяйство, увеличить непроизводительное потребление и т. д.

Поскольку этого, однако, на деле нет, поскольку отставание промышленного производства по ряду отраслей от производственных потребностей сельского хозяйства не меньше, а, напротив, больше, чем отставание сельского хозяйства от производственных потребностей промышленности, поскольку между промышленностью и сельским хозяйством имеет место не односторонняя, а двусторонняя диспропорция, постольку не может быть и речи о каком-либо замедлении темпов индустриализации, каком-либо сокращении вложений в промышленность и в тяжелую индустрию в особенности. Напротив, по мере роста накоплений в стране и сосредоточения их в социалистическом секторе необходимо в возрастающей с каждым годом прогрессии вкладывать их в основные фонды промышленности, особенно тяжелой индустрии и транспорта, не забывая, однако, и про сельское хозяйство.

Это и намечено нами как по пятилетке, так и по контрольным цифрам на этот год. Об этом наглядно свидетельствуют следующие цифры:

Капитальные вложения в основные фонды:

Отрасли.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Сельское хозяйство (без жилфонда)	1998,7	2362,5	2422,7	2531,1
Жилстроительство деревни	886,8	900,5	920,8	1012,8
Промышленность (включая жилстроительство)	924,0	1218,7	1666,1	2254,0
Электрификация	72,1	216,1	340,0	366,6
Транспорт и связь	553.2	635,9	935,4	1176,6
Торгово-складское хозяйство	128,8	156,6	202,8	31[illegible],4
Просвещение, здравоохр. и управлен.	119,8	207,7	28[illegible],5	41[illegible],5
Коммунальное хозяйство	160,9	163,1	225,4	253,2
Жилстроительство в городах (без промжилстроит.)	363,0	461,5	589,0	659,7
Всего	5207,3	6322,6	7585,8	8977,4

Если учесть, что за три последних года, с 1925—26 по 1927—28 г., наибольший рост основных фондов мы имеем по электрификации — 209%, по кооперативному сектору сельского хозяйства — 160%, по торгово-складскому хозяйству — 145,8%, и по госпромышленности — 41,7%, то из этой динамики фондов выявляется совершенно четкая и выдержанная линия партии и советского государства, направленная на укрепление промышленной базы народного хозяйства.

Поскольку эту линию не опрокинуть никакими рассуждениями о том, что промышленность в полной мере удовлетворяет нужды сельского хозяйства, постольку пускается в ход другая система рассуждений, сводящаяся в конечном счете к так называемой «реальной индустриализации». Для капитального строительства, как известно, также существует свой материальный лимит, в виде дефицита строительных материалов, особенно резко выраженного по строительному металлу, оконному стеклу (28%), круглому лесу (18%), извести (16%), кирпичу (12%), т.-е. основным строительным материалам, без которых строить невозможно. Голод в стройматериалах мы испытываем уже два года под ряд, и не легче будет с ними и в предстоящем году. Отсюда некоторые наши экономисты делают поспешный вывод о нереальности при таких условиях наших строительных планов и необходимости, следовательно, их пересмотра в сторону уменьшения. Мы должны, по мнению этих экономистов, ориентироваться в нашем строительстве по минимальному фактору — строительным материалам, и в зависимости от их наличия и их производства укладывать индустриализацию страны в соответствующие «реальные» рамки.

Однако, приемлема ли для нас подобная политика? В природе вода, попадая в узкое место, ускоряет свое течение и этим избегает задержки в своем поступательном движении. Такова диалектика природы. Мы, большевики, попадая в «узкие» места, точно так же ищем и находим из них выходы. Наша тактика всегда сводилась к тому, чтобы, проанализировав данное явление, изучив данное затруднение, найти его слабое место, то место, ударив в которое, разорвешь всю цепь трудностей, вытекающих из данной трудности. Не по одним «реальным» факторам должны мы ориентировать свои планы и устремления, а и, наоборот, самые эти «реальные» минимальные факторы должны мы ориентировать по своим целеустремлениям, преодолевая их минимальность не фантазиями, конечно, а совершенно реальным воздействием на соответствующие факторы. Так и в данном случае, в отношении строительных материалов, задача сводится

отнюдь не к тому, чтобы с плана индустриализации сползать на «реальную» почву замедленных темпов, а к тому, чтобы изыскать недостающие нам строительные материалы.

Каким образом мыслимо преодоление дефицита строительных материалов, если даже принять его в тех размерах, в каких его определяют ВСНХ и Госплан (хотя это далеко еще не доказано, и вообще учет не только потребностей, но и наличности в этой области чрезвычайно еще не точен)? Первое обстоятельство, на которое следует обратить внимание, это то, что все строительство, особенно на юге, затягивается и заканчивается только в ноябре—декабре следующего за отчетным хозяйственного года. Таким образом, может быть использована некоторая часть продукции строительных материалов будущего 1929—30 года. Но это, конечно, не разрешает проблемы. Более существенным средством смягчения дефицита строительных материалов и преодоления этого материального барьера должно явиться быстрое и энергичное развертывание соответствующих отраслей производства. Труднее развернуть сравнительно концентрированную крупную цементную промышленность, но как раз здесь дефицит относительно меньше; трудно также, при металлическом голоде, дать достаточный прокат строительных металлов, хотя это отчасти и возможно за счет других видов металлопродукции. Что же, однако, касается таких строительных материалов, как кирпич, известь, песок (гравий), лесные материалы, черепица, шифер, алебастр и др., то при их мелкой, распыленной добыче и производстве, при соответствующем нажиме, вполне мыслимо даже за краткий срок развернуть соответствующие предприятия и дать дополнительное количество этих материалов. Постройка кирпичного завода, известковой печи, организация добычи песка, дополнительные лесозаготовки [1]), могут быть при желании развернуты в сравнительно быстрый срок.

При этом главное затруднение здесь не столько в недостатке средств (на эти отрасли мы ассигнуем достаточно значительное количество средств, особенно в последние годы), сколько в пассивности и безынициативности местных советов, в ведении которых находится большинство этих производств. Нужно поэтому наметить соответствующие организационные подходы к тому, чтобы преодолеть эту пассивность, вытекающую, в известной мере, из монопольного положения местных советов в этих производствах. Нужно широко разрешить самим строящим организациям—стройконторам, трестам и др.—обзаводиться соответствующими предприятиями, которые могут продолжать свою работу и после окончания данных построек, отдавая дальнейшую продукцию на другие постройки. Привлекая к этому заинтересованных в этом деле потребителей, можно получить соответствующий эффект, что мы уже наблюдаем в некоторых крупных строительствах (Днепрострой, Турксиб и др.). В этой области вполне мыслимо и привлечение частного капитала, при условии предоставления ему некоторых льгот, содействующих его притоку в эти отрасли производства. Во всяком случае, его работа здесь для нас гораздо менее опасна и нежелательна, чем, например, в области хлебных и сырьевых заготовок. Нужно по-большевистски взяться за выполнение этой задачи, нужно широко организационно и материально развернуть это дело—и мы еще в предстоящий сезон значительно смягчим дефицит строительных материалов.

[1]) Совершенно справедливо указывает т. Я. Яковлев в своей статье в № 252 «Экон. Жизни» на полную возможность и необходимость использования в условиях таких темпов и такого размаха индустриализации как в СССР, целых лесных массивов, близко расположенных к районам строительства и путям вывоза, отступая от традиционных правил отвода лесосек.

Третье важнейшее средство смягчения этого дефицита, это—рационализация потребления строительных материалов. Мы очень много делаем для рационализации производства вообще, но при этом недостаточно обращаем внимания на рационализацию потребления сырья и материалов, вообще на рационализацию потребления. При недостатке сырья, при недостатке, в частности, строительных материалов, совершенно недопустимой роскошью является возведение для любого завода сплошных стен в шесть и более кирпичей и перекрывание их остро-недостающим кровельным железом; постройка капитальных зданий там, где достаточно иметь легкие навесы, например, для трансформаторных подстанций крупных электростанций и т. п.; окружение каждого нового здания гигантскими лесами, при чем после постройки лесные материалы в большинстве случаев пропадают (особенно непростительной роскошью является это на юге, где лесоматериала недостает); чрезмерное расточительство в отношении применения железных конструкций там, где можно обойтись или бетонными или даже деревянными и др. конструкциями; погоня за внешней роскошью, требующей часто многих недостающих материалов и т. д. и т. п. О всех этих злоупотреблениях со строительными материалами столько говорилось и писалось, что казалось бы излишним вновь и вновь повторять их перечень. Тем не менее, по последним сообщениям и докладам РКИ, еще и в этом сезоне все это расточительство имело место. А ведь малейшая экономия в этой области, отказ от чрезмерных прочностей, попытка заменить железную кровлю, особенно в жилстроительстве, черепичной, шиферной, толем и пр., отказ от излишней роскоши в постройках, замена дорогостоящих лесов переносными вспомогательными конструкциями по типу Америки и Германии,—все это может сразу дать ощутительную экономию в строительных материалах и значительно сократить их дефицит, если не полностью его устранить. Совершенно немыслимым является продолжать еще в этом году возводить постройки с шестидесяти- и восьмидесятилетней прочностью для оборудования, которое износится в 20—30 лет и потребует замены другим, совершенно иной конструкции, иного размещения и т. д. Между тем, даже и такие явления все еще имеют место. Такому безрассудному расточительству строительных материалов должна быть об'явлена беспощадная борьба. Если ВСНХ, РКИ, местные советы, строительные комиссии и союз строительных рабочих, при содействии печати и партийных органов, еще до начала сезона тщательно проработают этот вопрос, учтут все возможности экономии и проследят за тем, чтобы эта экономия действительно соблюдалась и чтобы некоторые безответственные строители не страховали себя от возможных неприятностей, в случае плохого качества стройки, двойными и тройными запасами прочности,—то по этой линии вполне мыслимо разрешение коллизии между об'емом строительства и производством строительных материалов. Тем более это станет возможно, если с одинаковой энергией пойти на расширение и развертывание соответствующих отраслей производства и добычи стройматериалов.

О темпах капитального строительства

Призыв к «реальной индустриализации» обычно сопровождается указанием на то, что мы, дескать, взяли «нереальные», непосильные для себя темпы капитального строительства в первые годы предстоящей пятилетки в (которую входит и рассматриваемый нами год) и снижаем темпы в следующие годы, вследствие чего получается так называемая «потухающая» кривая темпов капитального строительства. Не проще ли заменить эту потухающую кривую кривой восходящей, что означает некоторое снижение темпов

в первые годы пятилетки с тем, чтобы они в большей мере возросли в последующие, при одном и том же об'еме строительства в течение всего пятилетия. Это помогло бы подогнать во-время строительные материалы, обеспечить строительство необходимыми финансовыми средствами, легче освоить заканчивающиеся постройки и дало бы ряд других положительных последствий.

Как будто на первый взгляд такая постановка вопроса кажется заманчивой, не говоря уже о том, что плавно восходящие линии красивее горбатых затухающих линий. Это как будто весьма целесообразно и с чисто деловой точки зрения. Такую постановку, между прочим, рекомендует т. Фрумкин в своей статье в № 40 журнала «Финансы и Народное Хозяйство», что с точки зрения НКФ, как ведомства, отвечающего за реальный бюджет, казалось бы вполне логично. Однако, и эта постановка неправильна и оппортунистична. Достаточно указать на то обстоятельство, что при всех выгодах, какие бы мы ни получали от такого растяжения темпов строительства, мы получаем одну лишь, но решающую невыгоду—это то, что затягивается на несколько лишних лет окончание многих важнейших из начатых построек, затягивается начало и темпы нескольких новых построек, абсолютно нам необходимых (например, Сталинградский тракторный завод, Магнитогорский и Тельбесский металлургические комбинаты и др.) и вместе с тем удлиняются сроки увязки в строительстве миллиардных капиталов, в прежние годы из'ятых на время постройки из быстрого народнохозяйственного оборота и переданных в сильно замедленный строительный оборот. Последнее обстоятельство, между прочим, следовало бы учесть и зам. наркомфина тов. Фрумкину.

Нужно с максимальной осторожностью приступать к новым постройкам, особенно к крупным, учитывая как это указал и XV с'езд ВКП(б), «опасность слишком большой увязки государственных капиталов в крупное строительство, реализирующееся на рынке лишь через ряд лет». Но тот же XV с'езд указал, что «капитальные затраты каждого года должны предусматривать максимальные вложения в сравнительно ограниченное число новых заводов и отобранных для реконструкции действующих предприятий» (разр. моя. *А. К.*).

Можем ли мы поэтому согласиться на какое бы то ни было замедление в окончании начатых построек и в приступе к новым крупнейшим постройкам, совершенно для нас необходимым (в частности, к постройке заводов по использованию энергии Днепровской электростанции, постройке ряда крупнейших заводов по производству минеральных удобрений и дальнейшему расширению металлургической базы нашего хозяйства и т д.)? Ответ может и должен быть совершенно категорически отрицательным. Ведь, весь смысл той напряженной, настойчивой индустриализации, которую проводит наша партия в том-то и заключается, чтобы как можно скорее получить те новые заводы, без которых страна не может существовать, развернуть те отрасли, по линии которых она все еще находится в зависимости от внешнего мира, которые обусловливают развитие машиностроения и дальнейшее развитие легкой индустрии, сельского хозяйства и т. д.

Поэтому в интересах максимального ускорения темпов строительства, даже при тех размерах средств, какие мы можем с максимальным напряжением вкладывать в капитальное строительство, и при тех материальных лимитах, которые обусловливают размеры наших вложений, мы должны добиться значительного ускорения строительства и повышения его эффективности. Этого мы достигнем, если широко применим новейшие методы строительства и пойдем на значительное видоизменение самих наших строительных конструкций, на значительную экономию материалов, о чем мы выше говорили, на решительную рационализацию строительного дела. При наших азиатских методах строительства, унаследованных нами от крепостного периода с его дешевым трудом, возможности для нас в этом отношении громадны, и при малейшем революционном нажиме в эту сторону, мы можем добиться весьма ощутительных результатов. А стоит нам, в среднем, сроки наших построек, измеряющиеся 2—3 годами, сократить хотя бы на полгода, если не на целый год—и мы получим гигантский как материальный, так и финансовый эффект, заключающийся, с одной стороны, в скорейшем введении в процесс производства новых двигателей и машин с большой мощностью и в увеличении таким образом темпов производства и, с другой стороны, в высвобождении из замедленного строительного оборота многомиллионных капиталов, которые дадут нам возможность поддержать высокие темпы строительства и в дальнейшем ослабить то финансовое напряжение, которое создалось в стране в результате того, что мы до одной трети всего народного дохода вкладываем в капитальное строительство. Ускорение строительных процессов устранит, таким образом, те горбы в кривых строительства, которыми нас пугают, и превратит потухающие линии в восходящие.

Вот как стоит вопрос и как он должен по-большевистски решаться. Не может быть и разговора о какой-либо уступке в этом вопросе. Нечего нам бояться горбов в деле капитального строительства, если эти горбы приводят к ускорению индустриализации и к смягчению в дальнейшем финансового напряжения, а также к разрешению тех противоречий и к устранению тех материальных препятствий, которые лежат по пути к индустриализации.

Следует подчеркнуть, что как раз этот год является для нас особенно тяжелым в том смысле, что как раз на этот год приходится максимум незаконченных ранее начатых построек и максимальная увязка соответственно этому капиталов, вложенных в строительство еще в 1925—26, 1926—27 и 1927—28 гг. Об этом может дать представление прилагаемая сжатая табличка, исчисленная по данным ВСНХ (данные 1926—27 г., особенно вступительная цифра этого года, недостаточно уточнены, но от этого картина мало изменится):

Степень законченности капитальных работ в промышленности:

(в милл. черв. руб.).

	1926/27 г.	1927/28 г.	План 1928/29 г.
1. Затраты, произведенные до начала данного года по незаконченным до этого года об'ектам капитальных работ	442,4	650,8	786,6
2. Сумма затрат по производимым в данном году капитальным работам.	1065,9	1310,6	1650,5 [1])
3. Общая стоимость произведенных работ, вступивших в данном году в эксплоатацию	857,5	1174,8	1557,1
4. Сумма произведенных до конца данного года затрат по незаконченным об'ектам капитальных работ, переходящим на следующие годы. . . .	650,8	786,6	880,0

Таблица показывает, что, несмотря на интенсивный рост из года в год капитальных вложений в промышленность и энергичный рост заканчиваемых работ, вступающих в данном году в эксплоатацию, размер сумм, увязанных в незаконченных работах, продолжает возрастать вплоть до этого года, что, помимо всего прочего, об'ясняется медленным освоением заканчиваемых новых средств производства (новых фабрик, заводов, цехов, машин, двигателей).

[1]) Без учета дополнительного удешевления строительства.

Мы в эти годы начали постройку ряда крупнейших заводов, начали вторую серию электростанций, после окончания первой, начали крупнейшие транспортные постройки, как, например, постройку Турксиба и др.,—одним словом, начали гигантскую серию крупнейших новых сооружений. Эти сооружения лишь в небольшой своей части закончены и вышли из постройки в этом году, в большинстве они затягиваются еще на год и больше. Между тем, и в этом году и в прошлом пришлось начать несколько новых построек, которые в свою очередь увеличивают размеры увязываемых в строительстве средств. Но уже в конце этого хоз. года и в след. году выйдет из постройки ряд начатых в 1925/26—1926/27 гг. фабрик и заводов, что значительно облегчит положение. Это тем более говорит за то, что необходимо выдержать взятый нами темп строительства.

Проблема рационализации и снижения себестоимости [1]).

XV с'езд ВКП(б) выдвинул на предстоящий период рационализацию производства и управления в качестве узловой задачи, которая должна сопровождать генеральную установку на индустриализацию страны. Социалистическая рационализаци, в отличие от капиталистической, продполагает неизменное повышение материально-культурного уровня жизни трудящихся.

В условиях социалистического строительства при диктатуре пролетариата основной социально-экономической чертой социалистической рационализации и ее отличием от всякой иной рационализации является то, что она приводит через снижение себестоимости к снижению продажных цен предметов широкого потребления и повышает таким образом реальный заработок рабочего, а также и то, что социалистическая рационализация, повышая производительность труда, дает возможность постепенно сокращать рабочее время, обусловливая тем самым повышение культурного и бытового уровня жизни рабочих.

Рационализация, понижая себестоимость, увеличивает внутрипромышленное накопление (наша промышленность в последние годы подходит уже к 10% прибыли на капитал). Соответствующее использование этих накоплений пролетарским государством, не сокращая отчислений на улучшение быта рабочих и не замедляя постепенного из года в год роста номинальной зарплаты, обеспечивает гигантские темпы капитального строительства и развертывания производительных сил страны как в самой промышленности, так и в сельском хозяйстве, а это вместе с тем вовлекает в производство новые миллионы людей, сокращая тем самым аграрное перенаселение и безработицу.

В контрольных цифрах ВСНХ и Госплана на 1928—29 г. мы находим конкретное отражение этой нашей узловой установки. Контрольные цифры предусматривают 16½-процентный перевод промышленных рабочих на 7-часовой рабочий день. В отношении зарплаты контрольные цифры предусматривают рост в размере от 6 до 7% в зависимости от роста производительности труда на 15 или 17,5% по двум вариантам, ВСНХ и Госплана, и снижения себестоимости соответственно на 6 или 8%. Независимо от того, какой из обоих вариантов будет принят окончательно [2]), приходится констатировать конкретное отражение в контрольных цифрах этого года всех тех линий, по которым социалистическая рационализация приводит к улучшению материального и культурного уровня жизни рабочих.

[1]) Глава эта представляет собой слегка переработанную и сокращенную мою статью, напечатанную в № 247 «Экон. Жизни» от 23 октября с. г. под заглавием «Проблема рационализации в контрольных цифрах на 1928/29 г.». *А. К.*

[2]) Во время печатания статьи вынесено решение о 7-процентном снижении себестоимости промышленной продукции, как минимуме.

Снижение себестоимости на 8% должно дать промышленности те денежные ресурсы изнутри, которых не достать ей во-вне, в бюджете и кредитной системе, для осуществления того об'ема капитального строительства, какой намечен в качестве минимально необходимого на этот год. Еще в этом году на ряду с осуществлением намеченного снижения себестоимости предполагается осуществление намеченного плана строительства, что должно ввести через год в производственный процесс целую серию новых крупных фабрик и заводов-гигантов. В связи с этим мы получаем возможность провести в дальнейшие годы намечаемые пятилеткой темпы роста продукции, в том числе и продукции предметов широкого потребления, и добиться в дальнейшем еще более значительного, чем в этом году, снижения себестоимости, а также и отпускных и розничных цен и соответствующего под'ема реальной зарплаты.

Широкая рационализация в этом году промышленного производства, не давая сразу в этом же году полного своего эффекта в смысле удовлетворения интересов рабочих, приводит зато в перспективе ближайших лет к крупнейшим результатам в смысле индустриализации, поскольку помогает преодолеть исключительные трудности этого года, когда мы имеем относительно наибольшее увязывание средств в начатых крупных промышленных постройках и в то же время имеем еще относительно небольшое количество оконченных уже и освоенных производственно новых крупных предприятий. А индустриализация есть предпосылка дальнейшей рационализации в еще большем масштабе, есть вместе с тем и предпосылка полного проведения 7-часового рабочего дня, есть предпосылка дальнейшего весьма значительного улучшения материального и культурного уровня жизни труда.

Не следует, однако, думать, что осуществление намечаемой контрольными цифрами программы рационализации является легкой задачей. Не нужно забывать, что осуществлять эту задачу придется при старом и лишь частично обновленном и реконструированном оборудовании фабрик и заводов, при старых силовых установках, при изношенном котельном хозяйстве и т. д. Много усилий придется при этом направить по линии организационной, по линии поднятия интенсивности труда, по использованию всех преимуществ 7-часового рабочего дня на тех предприятиях, где он будет проведен, по линии дальнейшего сокращения накладных расходов. Нужно будет в полной мере использовать тот ценнейший опыт рационализаторской работы, который собран и отражен в недавно вышедшей книге ВСНХ о рационализации и подытожен в известной мере последним пленумом ЦКК. Что, однако, несмотря на все предстоящие трудности, у нас есть еще известные внутренние резервы для снижения себестоимости продукции, это косвенно подтверждает тот факт, что в итоге прошлого года, мы, несмотря на неблагоприятные условия — на превышение ростом зарплаты намеченного прошлогодними контрольными цифрами и промфинпланом уровня роста зарплаты (10½% против намеченных 7%) и недовыполнение задания по повышению дневной выработки рабочего (14,5% против 17,3%),—имеем все же снижение себестоимости на намеченные ВСНХ 5% и лишь на 1% отстали от задания СТО.

В ближайшие годы и особенно, повидимому, в предстоящем году, рационализаторской работе будет сильно препятствовать недостаток сырья, в том числе металла, отчасти, возможно, и топлива. Сниженные материальные лимиты по этим линиям затрудняют рационализацию в том смысле, что не дают возможности нагрузить в достаточной мере фабрики и заводы, расширяющие вследствие рационализации свою производственную

мощность, не дают переводить их на вторые и третьи смены, не позволяют набирать новых рабочих, а в некоторых случаях, как, например, этим летом в льняной промышленности, приводят даже к сокращению наличного числа рабочих. Это ставит барьер на пути рационализации, сужает ее размах и интенсивность, ибо совершенно ясно, что для нас неприемлемо сокращение контингента рабочих ни при каких условиях.

В чем выход из этих трудностей? Выход следует искать первым делом по линии тех отраслей, которые совсем не ограничены или в минимальной степени ограничены сырьевыми лимитами. Таковы—вся почти горнодобывающая, ряд отраслей строительной промышленности, вообще силикатной, далее химической, бумажной, лесной и др. В них в ближайшее время следует широко развернуть рационализаторскую работу тем более, что эти отрасли почти не затронуты рационализацией, за исключением разве топливной. С другой стороны, выход должен быть найден по линии рационализации потребления сырья, улучшения его качества (напр., лучшей сортировки руды и известняка для домен) [1], по линии сокращения всякого рода угаров, отбросов, брака, по линии утилизации отбросов сырья, по линии изыскания новых видов сырья (искусственные волокна, например), по линии, наконец, всякого рода смесей, дающих возможность заменить чистое сырье без особого ущерба для качества продукции. Блестящим примером такого приспособления к разного рода смесям, новым видам сырья и т. п. дает нам отрезанная Версальским миром от своих сырьевых баз Германия. Тем больше таких возможностей у нас, при наших недрах, лесах и т. д. Мы слишком недостаточно направляем свои рационализаторские и новаторские усилия по этим линиям, ибо издавна избалованы избытком сырья. Наконец, выход лежит еще и по линии экспорта в больших, чем намечено, размерах избыточных видов сырья, полупродуктов и фабрикатов в обмен на добавочный импорт недостающего нам промсырья, особенно с Востока.

Ясно, конечно, что одними этими мерами не устранить препятствий в рационализаторской работе со стороны недостатка сырья. Ясно, что корень вопроса лежит в широком развертывании своей собственной сырьевой базы, особенно металлической и сельскохозяйственной. Если препятствием рационализации становится сырье, то против него в первую очередь должна быть направлена рационализация: путем снабжения соответствующих отраслей сельского хозяйства машинами, тракторами, семеноочистителями, культиваторами, удобрениями, путем организации лучшей первичной обработки сырья, путем обобществления сырьевых хозяйств и их укрупнения должны мы расширить сырьевую базу нашей промышленности до таких пределов, чтобы сырье перестало быть лимитом для роста производства. Таков большевистский подход к разрешению противоречий нашего строительства.

На ближайший период и особенно на этот год, дефицитный вследствие недорода отдельных видов растительного сырья, указанные выше меры должны найти широкое применение тем более, что они могут быть осуществлены сравнительно быстро и без особенно крупных затрат. Но они требуют широчайшей инициативы, изобретательности, хозяйственности.

Мы должны приложить все усилия, всю нашу инициативу и настойчивость к тому, чтобы нашу социалистическую рационализацию и на ее базе индустриализацию развернуть в этом году в полном об'еме, исходя из намечаемых контрольными цифрами по этой линии заданий.

(Окончание следует).

[1]) См. интересную статью Л. Габриэльянца в «Эк. Ж.» от 18 X с. г.

Л. Гатовский.

К вопросу о политике цен на сельскохозяйственные товары.

Политика сельскохозяйственных заготовительных цен, в частности определение их общего уровня, является одним из центральных вопросов нашей экономики; об этом говорит простое перечисление важнейших моментов, связанных с политикой сел.-хоз. цен, ее обусловливающих.

Это, во-первых, выгодность производства и реализации с.-х. товаров; во-вторых, соотношение спроса и предложения промтоваров, в значительной степени определяемое выручкой от реализации с.-х. товаров; далее, распределение народного дохода между различными классами населения, темп прироста социалистического накопления, темп индустриализации и, наконец, повышение низкой покупательной силы нашего рубля и сближение уровня наших цен с уровнем мировых, особенно по экспортным товарам.

Остановимся подробнее на первом и втором моменте: на показателях производства и сбыта с.-х. товаров и на доходности деревни, в их взаимозависимости с политикой цен. При этом необходимо заранее отметить, что качество нижеприводимого цифрового материала (правда, включающего новые подсчеты ведомств) не позволяет с большой точностью обрисовать состояние сельского хозяйства в текущем году, приходится ограничиться лишь выявлением основных тенденций тем более, что размеры статьи не позволяют провести более детального анализа.

Обратимся к основным показателям производства и сбыта с.-х. товаров: движению посевных площадей, стада, валовой и товарной продукции.

Естественно, что эти показатели дают основной фон для политики цен,—последняя должна быть иной при кризисе сельского хозяйства, иной при под'еме и т. д.

Движение посевных площадей представляется в следующем виде (нами взята разница в % к предшествующему году) [1]):

	1926	1927	1928
Вся площадь	+6,0	+2,4	—0,1
Зерновая	+7,1	+1,9	—2,6
В том числе: яровых	—0,8	+0,7	+6,4
Технических культур	—5,5	+6,3	+18,3
В том числе: хлопок	+10,8	+14,6	+22,2
Сах. свекла (крестьянские посевы)	—15,4	+[illegible]0,7	+24,9
Лен	—0,8	-0,1	+4,1
Маслосемена	+7,9	+3,8	+18,4
Картофель	+3,6	+4,9	+3,0
Прочих	+4,9	+5,8	+1[illegible],6

[1]) Статья написана по данным Госплана.

Эта таблица выявляет благоприятную картину роста посевов незерновых в текущем году. Что касается сокращения общей площади зерновых, то интенсивный рост ярового клина выявляет гибель озимых, как важнейшую причину этого сокращения.

После сокращения посевов технических культур в 1926 г. наступает их интенсивный рост в 1927 г., при чем этот рост продолжается и даже значительно усиливается в текущем 1928 году, между тем как зерновые дают именно в 1926 г. интенсивный рост, ослабляющийся в 1927 г. и сменяющийся сокращением в 1928 г. Поскольку же зерновые посевы составляют 84% всей посевной площади— естественно, что изменение общей посевной площади отражает в основном изменение площади зерновых. Отсюда уже сразу напрашивается вывод, что здесь необходим диференцированный качественный анализ, а не простой арифметический подсчет. Ведь доходность десятины технических культур во много раз выше доходности десятины зернового посева. Ценность продукции, затрата труда—значительно выше. Если сделать поправку на трудоемкость посевов, мы получим рост для 1927 и 1928 гг.

Сказанное нами вовсе не означает, что можно игнорировать факт сокращения посевов зерновых (на этом мы остановимся ниже), но не следует и делать непосредственных выводов о кризисе всего сельского хозяйства из суммарных цифр, не подвергая их более углубленному анализу.

Интенсивный рост посевов наиболее ценных и трудоемких культур факт далеко не маловажный. В 1928 г. мы имеем превышение довоенного уровня по посевной площади технических культур на 58%, по зерновым—недовосстановленность на 10%, а по всей посевной площади на 3%.

Недовосстановленность посевных площадей далеко не единственный производственный показатель зернового хозяйства, зависящий от производителя.

Вложения средств производства, затраты труда, способы и организация производства оказывают, естественно, огромное влияние на уровень зерновой продукции. Факт повышенных сборов хлеба в период от 1925 по 1928 г. зависел не только от метеорологических условий, и совершенно бесспорно, что в сельском хозяйстве СССР происходит процесс технической реконструкции, повышения производительности, устойчивости, роста % доходных, интенсивных, товарных культур. В зерновом хозяйстве мы видим процесс рационализации севооборотов, сдвиги в технике возделывания почвы и т. д. По расчетам т. Вольфа относящимся к степной Украине, благодаря повышению удельного веса озимой пшеницы по сравнению с яровой при отставании посевной площади пшеницы на 11% от довоенного уровня мы имеем при сопоставлении средних урожаев рост ее сбора по сравнению с довоенным уровнем на 5%, а при условиях частичной засухи, превышение сбора составило бы 21%. (Урожайность озимой пшеницы на 38% выше яровой). В общем современный тип полеводства степной Украины обеспечивает урожай в значительной степени более высокий, чем до войны, и засухоустойчивость и производительность оказываются выше, чем даже в довоенных помещичьих хозяйствах. По данным Наркомзема по РСФСР также наблюдается рост % посевов по ранним и улучшенным парам, по зяблевой вспашке и т. д.

Обратимся к анализу факта сокращения на 2½% посевной площади зерновых в 1928 г., вызвавшего, несмотря на значительный рост посевов более ценных культур, стабилизацию всей посевной площади.

Сокращение посевов может иметь своей причиной непосредственно экономические (отсутствие экономических стимулов, например, реагирование на низкие цены) и биологические моменты (например, гибель посевов из-за условий погоды).

В 1928 г., очевидно, действовали оба момента, при чем основную роль сыграла гибель озимых, имевшая место на Украине, Сев. Кавказе, а также в Крыму, Центрально-Черноземной области, потребляющей полосе. Всего погибло около 6 млн. гектаров, при чем главная их масса падает на Украину и Сев. Кавказ; по этим же районам и произошло максимальное сокращение посевов. Выделив эти районы, получим сокращение посевов, примерно, на ½%. Однако, следует помнить, что и здесь имеется влияние гибели озимых. По существу цифра в полпроцента, конечно, не дает основания говорить о снижении. Более точно было бы говорить о стабилизации.

Выделив все районы, затронутые гибелью озимых (Украина, Сев. Кавказ, Центр.-Черноземн., Центр.-Промышл., Сев.-Восточный и Крым), получим для остальных районов рост посевной площади зерновых на 1%, а по выделенным—сокращение на 2½%.

По ряду районов мы имеем прирост посевов: Сибирь, Поволжье, Башкирия и др. Потребляющая полоса, Центр.-Черноземн. обл., Урал дают обратную картину (при чем по Уралу имеется особенно значительный рост посевов незерновых). Всего по СССР мы имеем рост яровых посевов на 6,4%, несмотря на тенденцию к снижению ярового клина, имевшую место в прошлом. По РСФСР налицо прирост ярового клина на 1% даже без пересева озимых.

Падение удельного веса ярового клина наблюдалось и ранее и представляет собой явление, несомненно, прогрессивное (рост интенсификации, засухоустойчивости и т. д.).

Так, в 1927 г. на Украине при общем приросте зерновой площади в 0,7% прирост озимых дал 11,2%; та же тенденция наблюдалась и по Северному Кавказу. Если в 1926 году посевы озимой пшеницы составляли по СССР 31,5% ко всем пшеничным посевам, то в 1927 г. они достигли уже 35,6% (до войны—всего 22,3%). В 1927 г. мы имеем прирост в 3,27 млн. гектаров по озимой пшенице в отношении довоенного уровня, а по яровой—сокращение на 7,63 млн. Это, несомненно, означает прирост урожайности и компенсирует в той или иной степени недовосстановленность посевов. В своей чрезвычайно интересной статье («Правда» №№ 11 и 12, за 1928 г.) т. Вольф, говоря о реконструкции полеводства степной Украины (усиление роли засухоустойчивых культур, особенно озимой пшеницы, удельный вес которой бурно растет за счет яровых культур, менее интенсивных и не имеющих пока перспектив сколько-нибудь значительного повышения урожайности), дословно отмечает следующее: «Степь стала на путь интенсификации своего полеводства и этим самым отрезала путь к экстенсивному расширению». Далее «Не случайно, что в округах, наиболее быстро подвинувшихся по пути реконструкции, мы в 1927 году имеем уже не расширение посевной площади, а ее сокращение, сопровождаемое, однако, ростом зерновой продукции». Тов. Вольф указывает, что рост клина озимой пшеницы означает и дополнительную площадь под паром, что при росте всей обрабатываемой площади может дать уменьшение засеваемой. Таким образом, сокращение ярового клина может и не представлять собой явления отрицательного порядка и может вызываться не только ослаблением экономических стимулов у крестьянства, но и стремлением к укреплению своего хозяйства.

Наконец, следует подчеркнуть, что пересев озимых потребовал от крестьянства колоссального напряжения и отвлечения хозяйственных ресурсов, что не могло не отразиться на результате всего весеннего сева. И все же по районам, пораженным гибелью озимых, мы имели прирост весенних посевов на 14%. Эта цифра говорит достаточно сама за себя. Если подсчитать сумму трудовых затрат крестьянства на посев, учитывая и пересев озимых, то, весьма вероятно, окажется, что крестьянство в этом году приложило больше усилий к восстановлению производства, чем в прошлом,

а это свидетельствует об отсутствии тяжелого кризиса зернового хозяйства. Но, само собою разумеется, современное состояние зернового хозяйства является «узким местом» нашего хозяйства в целом и, в частности, индустриализации, поскольку налицо факт чрезвычайного отставания зернового хозяйства по сравнению с потребностями быстро индустриализирующейся страны. Отсюда та решительная постановка вопроса о развитии зернового сельского хозяйства, которая дана в постановлениях июльского пленума ЦК ВКП(б).

Не следует далее упускать из вида факта все большего исчерпания резервов для расширения посевов. Приближение к грани восстановительного процесса в области посевных площадей под зерно, естественно, замедляет темп прироста.

Районы, где эти резервы еще велики, дают в основном и в этому году прирост, при этом снова подчеркиваем необходимость иметь в виду и ряд реконструктивных процессов в распределении культур, имеющих место и сокращающих посевы зерновых. Конечно, этот последний факт в некоторых случаях при чрезмерном форсировании имеет отрицательные последствия (отставание зерновых), но он во всяком случае свидетельствует не о кризисе всего сельского хозяйства.

В общем можно сделать вывод, что при отсутствии причин метеорологического характера мы имели бы, по всей вероятности, стабильность посевной площади зерновых, но и эта стабильность имеет ряд «смягчающих вину обстоятельств», о которых мы говорили. Следовательно, о явлениях катастрофы, тяжелого кризиса и т. д. в зерновом хозяйстве говорить нет достаточных оснований. Но самый факт даже стабилизации посевов в 1928 г. при резком замедлении их роста в 1927 г. свидетельствует о серьезном отставании зернового хозяйства, вызванном, как известно, в значительной степени относительно низким индексом хлебных цен (резкое снижение цен в 1926—27 г. было далеко не достаточно компенсировано повышением их в 1927—28 г.).

Прежде чем перейти к рассмотрению других показателей состояния сельского хозяйства, остановимся на изменении зерновых посевов по имущественным группам деревни.

Проведенное ЦСУ анкетное обследование выявило тенденцию к росту посевов низших групп и сокращению посевов высших, при чем этот момент усиливается в связи с получением государственной помощи.

Разница в %% к предшествующему году по данным Госплана.

Сев. Кавказ	В среднем	В том числе: Получ. госпомощь	Не получивш.
Без рабоч. скота	+ 8,8	+ 18,3	— 10,1
С 1 голов.	+ 0,9	+ 5,7	— 6,4
„ 2 „	— 8,8	— 6,7	— 10,8
„ 3 „	— 12,2	— 10,6	— 13,3
„ 4—7 „	— 18,6	— 20,9	— 17,0
В среднем	— 8,4	— 4,6	— 12,2
Нижн.-Волжск. район			
Без рабоч. скота	+ 13,7	+ 21,5	+ 5,0
С 1 голов.	+ 6,7	+ 10,2	+ 3,2
„ 2 „	+ 0,7	+ 5,3	— 3,1
„ 3 „	— 3,8	— 1,9	— 5,0
„ 4—7 „	— 7,6	— 10,2	— 6,0
В среднем	+ 1,3	+ 5,1	— 1,8

Другие данные также подтверждают эту тенденцию (напр., по Украине). Между прочим по Сев. Кавказу мы видим сокращение и явно-середняцких посевов, но это об'ясняется значительным общим сокращением посевов по Сев. Кавказу, здесь важен темп сокращения по сравнению с верхушечными слоями.

Как правило, кулацкие группы заметно сократили свои зерновые посевы, переходя к другим источникам дохода, в том числе и спекулятивно-хищническим: к ростовщичеству, торговле и т. д.

Это связано, между прочим, и с недовольством кулака даже повышенными хлебными ценами и с его требованием крайне значительного их повышения. Кулак не удовлетворяется нынешним уровнем цен, который по ряду данных дает возможность середняцко-бедняцким группам развертывать свое хозяйство, особенно при наличии государственной помощи.

Какова динамика скотоводства?

Показывает ли она его регресс?

Последние данные говорят о процессе расширенного воспроизводства, правда, дающем в 1928 г. некоторое замедление темпа.

Весь скот в переводе на крупный показывает в 1926 г. рост на 6,5% к предшествующему году, в 1927 г.—4,9%, в 1928 г.—2,3%.

Более благоприятно положение по лошадям и, очевидно, по мелкому скоту, хуже обстоит дело с крупным рогатым скотом. Приведем соответственные цифры, показывающие прирост стада (в %%):

	в 26 г.	в 27 г.	в 28 г.
по лошадям	+ 8,8	+ 8,1	+ 4,5
„ молодняку (положение лучше)	+ 12,6	+ 8,8	+ 7,9
„ свиньям	— 0,2	+ 7,3	+ 12,4
„ овцам и козам	+ 7,1	+ 6,7	+ 3,2
„ крупному рогатому скоту в целом	+ 5,8	+ 4,6	+ 1,2
в том числе по коровам (темп роста незначителен)	+ 4,7	+ 1,1	+ 1,5
по телятам	+ 4,1	+ 4,9	+ 3,0

По волам мы имеем в 1928 г. несомненное сокращение стада (правда, удельный вес волов незначителен). Это сокращение в известной мере вызвано чрезмерно высокими ценами на мясо.

Обратимся к следующим показателям состояния сельского хозяйства—к движению валовой продукции и товарной массы в неизменных ценах.

Динамика валовой продукции.

(в %% к предшеств. году)

	1926—27	1927—28	1928—29 (предпол.)
Зерновые	+7,2	—6,8	+1,0
Технич. культуры	—15,6	+19,2	+5,5 (8,6[1])
Животнов. продов.	+7,7	+5,6	+4,5
Животнов. сырье	+6,5	+7,7	+4,8

Вся валовая продукция сельского хозяйства возрастает в текущем году в неизменных ценах на 5,5%.

По важнейшим техническим культурам ожидается довольно интенсивный рост продукции (хлопок—19,8%, лен—18,5%, свекла—5%), по картофелю—на 5%.

[1]) По другим данным.

Обратимся к динамике товарной массы в неизменных ценах.

	1926—27 г.	1927—28 г.	1928—29 г. (предпол.)
Вся товарная масса с учетом и внутридеревенск. оборотов	+6,2	+5,6	+7,7
Без внутрикрестьян. оборота			
по с.-х. годам	+3,5	+7,9	+5,9
по хоз. годам	+5,2	+6,5	+6,5

По отдельным отраслям с.х. положение таково:

	1926—27 г.	1927—28 г.	1928—29 г.
Растеньеводство	—2,7	+6,1	+1,5
В том числе технич. культур.	—8,7	+29,3	+8,6(+11,6[1])
Животноводство	+5,9	+12,2	+6,8

% товарности по техническим культурам и животноводству показывает несомненный рост.

Какие выводы следуют из анализа показателей состояния сельского хозяйства, и как они увязываются с политикой с.-х. цен?

Факт значительной напряженности продовольственного и сырьевого баланса общеизвестен, но имеет ли место в сельском хозяйстве деградация, процесс суженного воспроизводства, ухудшения качественных показателей? Лишь симптомы таких процессов могли бы дать основание к постановке вопроса о переломе в политике с.-х. цен в сторону их дальнейшего роста (о влиянии этого перелома на народное хозяйство, особенно в обстановке текущего года, скажем ниже). Данные о посевных площадях, стаде, валовой и товарной продукции, говорят о необоснованности подобных пессимистических утверждений. Сельское хозяйство находится в процессе расширенного воспроизводства, правда, имеющего ряд ослабляющих тенденций (прежде всего, зерно и лен), но ряд данных заставляет предполагать о предстоящем улучшении и на этих участках. По льну улучшение намечается уже в текущем году. В 1928 г. наметился рост посевов льна на 15% (против снижения их в 1926 г. на 28,5% и в 1927 г.—на 3,1%). Цены на лен повышены на 22%. Большое значение приобретает огромный рост контрактаций по льну в текущем году (на 126%), связанных с агротехническими мероприятиями Важнейшей задачей остается снабжение льняных районов хлебом и промтоварами (особенно мануфактурой и растительным маслом). В отношении зерновых культур имеется ряд данных ожидать в 1928 г. значительного роста посевов. В пользу этого говорит под'ем хлебных цен (особенно, если учесть и возросшую долю внеплановых заготовителей и высокий уровень их цен), наличие высокого урожая именно в районах с максимальными резервами посевных площадей (отсюда значительный рост доходности на десятину, влияющий обычно в сторону расширения посевов); рост машиноснабжения деревни на 25%; рост количества тракторов на 32% при 4% в предшествовавшем году; рост контрактаций на 80% (с охватом до ¼ крестьянских хозяйств). Здесь необходима, конечно, особенно напряженная работа.

Сельское хозяйство реагирует на индустриализацию прогрессивными сдвигами, вопреки теориям неонародников о семейно-продовольственном направлении развития крестьянских хозяйств. По РСФСР % технических и интенсивных культур составлял в 1928 г.—16,1% против 10,8% в 1913 г.

Мы имеем превышение довоенного уровня по скоту. Не отрицая особенной важности зерновой отрасли, следует все же помнить, что доля зерновых в валовой продукции сел. хоз. (по ценности) равна ⅓, а в товарной массе около ⅕, т.-е. в 1½ раза менее доли технических культур с маслосеменами и в 1½ раза менее животноводческих продовольственных, и потому рост незерновых отраслей имеет соответствующее значение. В общем рост

[1]) По другим данным.

валовой и товарной продукции сельского хозяйства дает прирост реальной доходности деревни. На ряду с этим имеет место прирост основных фондов деревни (по данным, имеющимся в Госплане—около 6% ежегодного прироста).

Обратимся к с.-х. ценам. Движение их в значительной мере об'ясняет диспропорциональность развития отдельных отраслей сельского хозяйства. Постепенное сжатие «ножниц» между с.-х. и промценами и выравнивание цен отдельных сельскохозяйственных товаров, проводимые в течение последнего периода, должны оказать свое положительное влияние.

Сопоставление заготовительных цен с данными о показателях с.-х. производства и товарности выявляет несомненное влияние первых на последние, а также некоторую «кон'юнктурность» проводившейся политики цен, недостаточно предусматривавшей возможные под ее влиянием сдвиги.

В 1925—26 г. мы имели бурный рост технических культур и затруднения на хлебном рынке—в результате проводится повышение хлебных цен и снижение по ряду технических. На это деревня реагировала ростом производства зерновых и сокращением технических. В ответ на это проводится значительное снижение хлебных цен и мероприятия по под'ему технических культур в том числе и повышение цен, не нашедшее благодаря своему сроку достаточного отражения в годовых индексах цен на сырье.

Результаты этой политики не успели сказаться на товарном выходе хлеба в 1926—27 г. в виду слабого поступления дохода от реализации незерновых (падение продукции технических культур), но уже сказались в замедлении прироста посевов хлеба в 1927 г., в падении товарности хлеба в 1927—28 году в виду возможности для деревни свести платежный баланс более выгодно по линии реализации технических культур, продуктов животноводства и т. д. Наконец, результаты этой политики сказались на состоянии посевов 1928 г. Таким образом, 1927—28 и 1928—29 с.-х. годы проходят под знаком отставанья по хлебу и 1927—28 г.—по льну, при чем 1928—29 год обещает быть в отношении льна переломным.

В отношении льна мы имеет значительное его «оседание» в деревне для внутрикрестьянской обработки. До войны % «оседания» был равен 25, теперь он достигает 50. Основная причина—резкое отставанье доходности льна. Наиболее показательно сравнение цен на лен с ценами на льняные изделия и с ценами на рожь, овес, картофель. Две последних культуры в особенности являются конкурентами льна.

По подсчетам Наркомзема, килограмм льна при переработке его в крестьянском хозяйстве давал вдвое большую доходность, чем при его реализации. Между прочим, такой же разрыв цен между сырьем и продукцией мы имеем и по маслосеменам, что также сильно тормозит рост их товарности, и по молоку и коровьему маслу.

«Крестьянские индексы» Кон'юнктурного Института НКФ по льноводным районам, не давая, конечно, точной фотографии действительных ценностных отношений, все же улавливают их основные тенденции, в том числе и конкурентоспособность льна.

Приведем следующие данные:

Отношение индекса льна, картофеля и овса к индексу всех производимых с.-х. товаров.

Смоленско-Тверской район.

	1927—28		1928			
	I кварт.	II кварт.	1/IV	1/V	1/VI	1/VII
Лен-волокно	075	067	069	066	067	055
Картофель	088	094	099	104	113	092
Овес	096	104	114	124	114	141

Ярославско-Костромской район.

Лен-волокно	071	072	072	059	063	054
Картофель	091	087	093	101	115	098
Овес	104	138	152	146	158	169

В 1927—28 г. индекс льна к довоенной валовой доходности с гектара составлял всего 1,12.

Имеющиеся данные о себестоимости производства льна за прошлые годы показывают его несомненную убыточность, особенно для маломощных хозяйств, до повышения цен на лен текущего года.

Внутри сельского хозяйства имели место разрывы цен, во-первых, между продуктами полеводства и животноводства и, во-вторых, в пределах полеводства между зерновыми и техническими, при чем второй разрыв уже почти изжит, а первый значительно ослаблен.

Индекс цен на животноводческие товары превышал индекс зерновых цен:

в 26—27 г.	на 66%
в 27—28 г.	„ 50%
в 28—29 г.	„ 31%

Индекс цен на технические культуры превышал индекс зерновых:

в 26—27 г.	на 25%
в 27—28 г.	„ 19%
в 28—29 г.	„ 8%

Таким образом, в 1928—29 г. мы имеем значительное выравнивание цен в пределах сельского хозяйства (продукты полеводства и животноводства, зерновые и технические).

Наконец, в пределах группы технических культур мы в результате повышения цен 1928 г. имеем также подтягивание наиболее отставших индексов.

По доходности с единицы посевной площади технические культуры могут быть разбиты на следующие три группы:

1) наиболее низкие по доходности культуры (индекс доходности их был равен индексу доходности зерновых, даже частично уступая последнему) как лен, маслосемена (подсолнух был менее доходен, чем пшеница);

2) культуры, низкие по доходности, но с большим охватом контрактацией, госпомощью и т. д., что стимулировало рост производства (хлопок, свекла) и

3) культуры с относительно высоким индексом доходности—170—180 к довоен. уровню (табак, махорка, пенька).

В 1928 г. было проведено повышение по первой группе технических культур, развитие которых находилось под угрозой благодаря низким ценам.

Имеются серьезные основания полагать, что крайне высокий индекс мяса значительно содействовал чрезмерному забою скота.

Рост товарного животноводства в общем, конечно, положительный факт, но доведенный до крайних пределов, он задерживает развитие других отраслей сельского хозяйства и ставит под угрозу «основной капитал»—стадо рогатого скота. Эта угроза усугубляется значительным отставанием индекса цен на молоко от мясного индекса, что безусловно подтверждается порайонным анализом соотношения этих индексов (Сибирь, Сев.-Восточный район и т. д.).

Еще «Контрольные цифры» Госплана на 1927—28 г. подтверждали необходимость снижения цен на животноводческие с.-х. товары, особенно на мясо: «на мясо следует добиваться снижения цен не менее чем на 12%, допуская в районах обильного предложения скота снижение до 15%» (К. Ц., стр. 261).

Между тем индекс цен мяса остался на прежнем уровне.

Крайне высок индекс цен мелкого кожсырья, достигший по плановым заготовкам в 1927—28 г.—210, против 201 в 1926—27 г., здесь, несомненно, необходимо некоторое снижение цен.

В общем, несмотря на довольно значительное повышение цен на отдельные с.-х. товары, общий заготовительный индекс дает рост, примерно, на 4%, и в общем около 130—140 млн. рублей добавочно поступит в деревню благодаря этому повышению. Между прочим, имевшее место повышение заготовительных хлебных цен повысило расходы в рабочем бюджете всего на ¼ — ½%.

Это повышение цен, естественно, не приводит к изменению генеральной линии в отношении темпа индустриализации, социалистического накопления и т. д. тем более, что снижение промцен в предстоящем году дает значительно меньший эффект, чем в прошлом.

Не видеть необходимости этого повышения цен на с.-х. товары в целях устранения убыточности их производства в середняцких и бедняцких хозяйствах, реализующих 75% хлеба—рассматривать это повышение цен (учитывая его размеры, результаты и т. д.) как отступление перед кулаком, значит, последовательно рассуждая, ставить чрезвычайные меры во главу угла нашей сельскохозяйственной политики, не понимать значения середняцко-бедняцкого хозяйства в нашей экономике, что и характерно для троцкистской установки.

Уступка кулаку имела бы место при наличии такого повышения цен, которое выходило бы за рамки некоторого подтягивания особо отставших цен, препятствующих нормальному развертыванию хозяйств середняцко-бедняцких групп, носило бы спекулятивный характер — именно такое-то повышение цен и нужно кулаку, о чем было сказано выше в связи с динамикой посевов по социальным группам.

Какова в общем динамика рентабельности сельского хозяйства? Имеем ли мы здесь значительное улучшение?

Обратимся для этого к соотношению цен на промышленные и сельскохозяйственные товары, к «ножницам» цен.

Движение общего сельскохозяйственного заготовительного индекса цен таково (данные контрольных цифр Наркомторга):

	1925—26	1926—27	1927—28
По всем заготовителям	148,7	146,9 (— 1,5%)	150,5 (+ 2,5%)
„ плановым заготовит. (веса 1927—28 г.)	140,6	134,8	140,2

Таким образом, уже в 1927—1928 г. произошло заметное повышение с.-х. заготовительного индекса, отражающее сдвиг вверх заготовительных цен плановых заготовителей.

В 1928—1929 г. общий заготовительный индекс достигает 156,0 (+4%), а по плановым заготовителям—148,6.

Навстречу поднимающемуся вверх «нижнему лезвию ножниц» (с.-х. цены), опускалось вниз и верхнее (промышл. цены), что выявляется следующей таблицей:

Индексы озничных цен на промтоварами.

	1925—26	1926—27	1927—28	1928—29
Индекс отпускных цен промышленности	215,7	207,4	198,5	198,5
Госторговля	209,7	205,1	185,4	—
Кооперация	220,0	213,0	192,3	—
Частн. торговля	250,4	252,2	239,7	—
Общеторговый [1])	231,7	226,0	204,1	203,1

[1]) Общеторговый индекс составлен из цен кооперативных и частных с учетом изменения удельного веса частника.

В результате в 1927—1928 г. мы имеем значительное сближение «ножниц» цен между промышленностью и сельским хозяйством.

Наиболее показательным при данных условиях для выявления этих «ножниц» является сопоставление общеторгового розничного индекса цен на промтовары с учетом изменения удельного веса частника с общезаготовительным с.-х. индексом.

Если в 1926—1927 г. «нижнее лезвие ножниц», т.-е. общезаготовительный индекс еще более опустилось (— 1,5%) по сравнению с прошлым, а верхнее—опустилось всего на 2,5%, в результате чего раствор ножниц остается примерно неизменным, то в 1927—1928 г., мы имеем повышение общезаготовительного индекса на 2,5% при снижении общеторгового почти на 10%, в результате раствор ножниц снижается почти на 12% (с 154 до 136).

В 1928—1929 г. процесс сближения ножниц продолжается главным образом за счет повышения общезаготовительного индекса (+ 3,7%), при крайне незначительном снижении, почти стабильности цен на промтовары.

В результате раствор «ножниц» снижается на 4,6% с 136 до 130.

Таким образом, дальнейшее и довольно интенсивное сжатие «ножниц» будет осуществлено. Сжатие ножниц на ряду с ростом с.-х. продукции и товарности дает значительный прирост доходности деревни.

Сжатие раствора «ножниц» на 12% означает, что для получения прежней массы промтоваров деревня может реализовать с.-х. товаров на 12% меньше, либо, пред'явив прежнюю (в натуральном выражении) массу с.-х. товаров, соответственно повысить спрос на промтовары.

Этот момент, особенно в связи с состоянием рынка промтоваров, имеет существеннейшее значение на ряду с показателями состояния сельского хозяйства для уяснения предпосылок политики с.-х. цен.

По приблизительным подсчетам Госплана и Наркомторга, денежная выручка деревни в текущем году значительно возрастает. Поступление доходов извне в деревню (без учета переводов) даст в текущем году прирост около 500 млн. рублей, между тем как налоги, платежи и займы вряд ли превысят цифру прошлого года. Отсюда темп прироста свободных денежных средств деревни превысит этот темп прошлого года, несмотря на значительный рост потребления промтоваров (прирост в 320 млн. руб. по сравнению с приростом в 180 млн. руб. в прошлом году).

Мы видим, какой огромный скачок дает спрос деревни в предстоящем году.

По I кварталу хозяйственного года (октябрь—декабрь), имеющему столь существенное значение, по данным Наркомторга, будет иметь место особенно значительный прирост спроса деревни.

Эти расчеты, не претендуя на большую точность, все же достаточно показательны и свидетельствуют о несомненном росте доходности деревни и, в связи с данными о предложении промтоваров, о дефиците, остающемся и на 1928—29 г. Этот дефицит вряд ли существенно смягчится для деревни, несмотря на рост ее удельного веса в потреблении промтоваров. Так, в текущем году ожидается прирост потребления промтоваров деревней на 7,8%, а городом—на 3,5%, несмотря на значительный прирост свободных денежных средств и в городе, превышающий темп прироста прошлого года.

Из всего вышесказанного напрашивается следующий вывод. Состояние сельского хозяйства, его развертывание в натуральном и денежном выражении не вызывают необходимости в пересмотре общей линии в отношении политики цен в смысле их дальнейшего повышения и курса на «восстановительные цены».

Наоборот, данные о покупательном фонде выявляют опасность подобного мероприятия. В самом деле, к чему привело бы, например, дальнейшее повышение хлебных цен: во-первых, конечно, на этот-то раз к росту

продажных цен на муку, к повышению цен на те технические культуры, индекс доходности которых теперь примерно равен индексу зерновых и даже несколько уступает ему. Это вызовет, конечно, и дальнейший всеобщий рост цен. Но дело не только в этом, а в том, что дальнейший значительный прирост доходности деревни в связи с повышением цен усилит выжидательные тенденции к реализации товаров с отстающим индексом цен (по сравнению с животноводческим индексом, индексы полеводческих товаров все же будут отставать, а удельный вес животноводческих продуктов в товарной массе очень велик; наконец, и животноводческий индекс все же несколько ниже индекса промтоваров).

Ведь повышение с.-х. цен на каком-нибудь одном участке отзывается стихийным путем на ряде других. Нельзя упрощенно представлять себе взаимоотношения плановых заготовителей и крестьянства, как отношения представителей двух синдикатов, договаривающихся, сидя за столом, о тех или иных скидках или накидках на цены.

Всякое повышение доходности деревни приводит к увеличению шансов для нее свести платежный баланс путем реализации наиболее рентабельных товаров. Чем больше свободные денежные остатки деревни, тем меньше при прочих равных условиях реализация (в натуре) с.-х. товаров с более низким индексом цен.

Так, в 1927—1928 г. крестьянство ослабило реализацию хлеба по сравнению с 1926—1927 г. в виду роста доходности от технических культур, хотя цены на хлеб в 1926—27 г. были и ниже, чем в 1927—28 г., но незначительное поступление доходов от незерновых (снижение продукции технических) было недостаточно для сведения платежного баланса, вынудило усиленно реализовать зерновые.

Состояние денежного обращения в настоящее время показывает известную напряженность и диктует, между прочим, и соответствующую политику цен. За последний год мы имели повышательные тенденции в движении индексов цен и непрерывное (правда, незначительное) снижение покупательной силы рубля; товарный голод продолжается в довольно обостренной форме, наконец, мы имеем некоторое ухудшение состава денежной массы (рост удельного веса и значения казначейской валюты), что в связи с вышеотмеченными показателями также имеет значение. Повышение с.-х. цен, естественно, вызовет дальнейшее падение покупательной силы рубля и рост товарного голода, что в свою очередь вызовет дальнейший рост цен по линии частного сектора, и с другой стороны, ослабление значения денег как «всеобщего товара» и резкое ухудшение условий их сбережения.

Наконец, следует особенно подчеркнуть, что в текущем году темп капитальных вложений в промышленность связан с чрезвычайно тяжелой работой по изысканию средств внутри промышленности, с резким снижением себестоимости.

К этому следует добавить, что темп прироста реальной зарплаты (в связи с ростом бюджетного индекса) замедляется. Отсюда ясно, какое значение может иметь добавочное повышение сельскохозяйственных цен в этих условиях. Естественно, что сторонники этого перелома в политике цен, если они одновременно являются противниками инфляции, должны были бы (для сведения концов с концами) выдвинуть программу коренного изменения политики индустриализации и распределения народного дохода, программу, конечно, неприемлемую для партии.

Дальнейший рост доходности деревни, дальнейшее стимулирование с.-х. производства должно итти не путем повышения с.-х. цен (без соответствующего роста предложения промтоваров, это означает инфляцию), а путем сжатия ножниц за счет снижения промцен и по линии таких экономических мероприятий, как контрактация, снабжение средствами производства,

по линии укрупнения хозяйств и концентрации их деятельности путем кооперирования, по линии снижения себестоимости в сельском хозяйстве, роста урожайности, при чем темп снижения себестоимости в виду ряда особых условий может быть очень значительным.

Нельзя далее забывать, что далеко, не одна цена в настоящее время определяет рентабельность хозяйства. Нельзя делать выводы о соответствии или несоответствии цен из прямого сопоставления довоенных соотношений цен с современными, так как произошел ряд существенных изменений (платежный баланс города и деревни, организованная помощь государства, играющая огромную роль, изменение структуры доходности деревни и т. д.). Против повышения с.-х. индекса говорит и сопоставление наших с.-х. цен с мировыми.

В истекшем году мы имели в отношении к 1913 г. по с.-х. товарам на 10% более высокий индекс, чем в важнейших западных странах, а по животноводческим—на 30%. Это обстоятельство не могло не отразиться на рентабельности нашего экспорта.

Таким образом, для изменения принципов политики с.-х. цен, для курса на повышение их до «восстановительного уровня»—хотя бы в приближенной форме—вместо указанного выше пути повышения доходности деревни, нет оснований, последствия же его очевидны.

Беннет.

Уроки 60 конгресса английских трэд-юнионов.

«Господи, благослови всех»,— этой молитвой закончил святой старец Бен Тернер 60-ый конгресс английских трэд-юнионов. А открылся этот конгресс под охраной многочисленных отрядов полиции. «Полицейская стража, запертые ворота и железные решетки,— пишет «Дейли Экспресс» в номере от 4 сентября, — защищали сегодня открытие сессии профсоюзного конгресса в Свонси». И почтенная газета прибавляет: «Никогда до сих пор собрание парламента труда не происходило в такой атмосфере вооруженного лагеря». Весь этот вооруженный лагерь понадобился благочестивым сынам церкви Альфреда Монда, чтобы вдали от грозной толпы безработных впрячь профсоюзное движение в скрипящую телегу рационализации британского империализма. Не даром художник Мейкель изобразил конгресс коленопреклоненным, молящимся на Монда под охраной дубинок полисмэнов (см. «Дейли Уоркер» от 7 сентября).

Религиозная лирика на последнем конгрессе резко отличалась от тех традиционных молебнов, которыми обычно открываются профсоюзные конгрессы. На сей раз ученики Макдональда и Монда вынуждены были отречься даже от фразеологии классовой борьбы. И естественно, что им пришлось попытаться поиграть на совершенно иных струнах. Старый богомольный пацифист Бен Тернер оказался наиболее приспособленным к тому, чтобы прикрыть деятельность профчиновников цитатами из священного писания и непосредственными переговорами с господом богом.

Нас, однако, интересует не религиозная лирика этого конгресса, а те практические дела, которые эта лирика призвана была прикрывать. А дела эти в действительности заслуживают самого серьезного внимания. Задача конгресса заключалась в том, чтобы, выражаясь языком гинденбургского социалистического министра Курциуса, осуществить и оформить «взаимное сближение и соглашение двух великих социальных классов». Англичане это сближение «двух великих классов» называют миром в промышленности. Альфред Монд — король химической промышленности — совершенно справедливо расценивает промышленный мир, как необходимое условие прибыльного использования тех химических снарядов и газов, которые изготовляются на его заводах. Чем ближе момент использования предметов химической продукции на театре военных действий, тем острее потребность в промышленном мире. К тому же промышленный мир является не только звеном в цепи подготовки новых империалистических и контрреволюционных войн, но он представляет собой также органическую часть капиталистической стабилизации, которая в Англии резче, чем где-либо, принимает формы жестокого и систематического наступления на прожиточный минимум пролетариев. Это наступление не может быть обеспечено изменами проф-

бюрократии. Оно также не под силу разрозненным чиновникам, набившим руку на розничных сделках с хозяевами за «круглым столом». Рационализация означает в первую очередь трестификацию, т.-е. об'единение и консолидацию буржуазии, которая для выполнения своих основных задач нуждается в крепко сколоченном общегосударственном аппарате профсоюзной бюрократии.

Еще задолго до конгресса в Свонси генеральный совет услужливо откликнулся на предложение Альфреда Монда. Он вступил с ним не только в переговоры, но вчерне наметил уже тот механизм, при помощи которого можно будет заменить все и всякие забастовки выполнением директив и заданий трестифицированного капитала. Но генеральный совет до конгресса в Свонси действовал, так сказать, на свой страх и риск. Вся предварительная работа, проделанная генеральным советом под диктовку Альфреда Монда, должна была получить свою санкцию на конгрессе для того, чтобы можно было ее продолжать и создать общегосударственный аппарат — примирительные камеры и третейские суды, — который явился бы дополнением к профсоюзному закону против забастовок.

Неслучайно одно газетное агентство следующим образом охарактеризовало проведенное при помощи Джимми Томаса сокращение заработной платы железнодорожников: «Сокращение заработной платы на железных дорогах важно потому, что оно идет в унисон с движением за индустриальный мир. Оно является также провозвестником уравнения заработной платы в других отраслях промышленности». (См. «Уоркерс Лайф» от 31 августа).

Посмотрим теперь, как справился конгресс в Свонси с этим своим центральным заданием. Но для того, чтобы правильно понять и осмыслить решения, принятые на этом конгрессе, нам придется бросить взгляд на историю самого генерального совета в связи с борьбой за консолидацию английских профессиональных союзов.

Всем известно, что в течение сравнительно долгого периода трестификация и создание всяких капиталистических организаций продвигались сравнительно медленно в Англии. На этом поприще старая империя, бывшая мастерская мира, сильно и заметно отставала от своих молодых конкурентов и соперников, в первую очередь от Северо-Американских Соединенных Штатов и Германии. Лишь в начале текущего столетия, когда английский капитализм на своих плечах почувствовал мощь конкуренции молодых капиталистических гигантов, он начинает медленно становиться на новые рельсы. Толчок к развитию трестов и картелей в Англии был дан лишь в пору всемирной войны. До того времени английская буржуазия, развращенная своим монопольным положением на всемирном рынке и опираясь на выгоды этого положения, свысока глядела на усилия своих соперников, направленные к тому, чтобы улучшением техники и усовершенствованием капиталистической организации усилить свои позиции.

Системе капиталистической эксплоатации соответствовали также методы развращения организаций рабочего движения. Капиталистическая агентура была так же распылена и так же раздроблена, как и самый капитал. Английские капиталисты предпочитали «индивидуальную обработку» чиновников автономных профессиональных союзов, всячески препятствуя созданию общегосударственного профсоюзного аппарата. В течение долгого времени они придерживались той же системы и в политической области. Вплоть до 1906 г. английская буржуазия предпочитала политические сделки с местными рабочими организациями, всячески сопротивляясь созданию организованной политической партии рабочего класса. Лишь после того, как рабочая партия стала фактом, буржуазия занялась энергичной работой на предмет подчинения этой новой партии интересам, нуждам капитализма.

В области профсоюзной системы многосторонние договора и непосредственная обработка лидеров отдельных профсоюзов продолжались значительно дольше.

Профсоюзные бюрократы, много труда положившие на распыление английского рабочего движения, пытались изобразить свою верную службу капиталу, как самую высшую форму автономии и свободы. Они утверждали, что автономные профсоюзы, — а их было больше тысячи, — представляют собой великое творение свободолюбивого английского духа, который сопротивляется всякой муштре и всякой дисциплине. Прикрывая красивыми словами распыленность профсоюзного движения, царьки многочисленных профсоюзов заботились главным образом о том, чтобы никто не вмешивался в их методы «защиты» (точнее: предательства) интересов вверенных им пролетариев. О том, как эти маленькие царьки выполняли волю хозяев, вынуждены были поведать миру даже супруги Вебб, которые всю историю профсоюзного движения составили в целях восхваления и прославления английских профсоюзных бюрократов.

Верно, что с давних пор рядом с этими распыленными профсоюзами существовал и так называемый конгресс английских трэд-юнионов, начавший функционировать в 1868 г. Нет никакого сомнения в том, что рождение конгресса явилось непосредственным результатом тяги рабочих масс к единству. Профсоюзные чиновники сумели, однако, приспособить конгресс к своим нуждам и к своим интересам. Формально конгресс являлся об'единяющим центром всего профсоюзного движения. По существу же дела он только прикрывал пресловутую мозаику, занимаясь в лучшем случае только разбором отдельных, особенно склочных конфликтов между различными профсоюзами, «борющимися» за рабочих соседних цехов. Исполнительный орган этого конгресса — парламентский комитет — не имел права вмешиваться во внутренние дела отдельных профсоюзов, и его задача заключалась лишь в том, чтобы обивать министерские пороги по поручению отдельных профсоюзов или целых групп профсоюзов, работающих в одной и той же отрасли промышленности.

Такое положение существовало вплоть до 1919 г. Этот бурный год массовой стачечной борьбы принес с собой некоторые изменения и в организации английских профсоюзов. Должно помнить, что именно 1919 г. является годом лихорадочного роста всего профсоюзного движения в Англии. Вплоть до начала всемирной войны все английские профсоюзы, вместе взятые, насчитывали около 4.000.000 членов. Резкий скачок был сделан уже в 1918 г., но в 1919 г. общее число членов профсоюзов достигает солидной цифры 8.081.000 членов. Число членов продолжало еще расти вплоть до черной пятницы, достигнув рекордной цифры в 8.493.000 членов. Притоку членов в профсоюзы соответствовало более резкое проявление стремления рабочих к созданию боевого профсоюзного центра. Именно в 1919 г. — год максимального развития массовых забастовок — рабочие чувствовали и сознавали, как их руки скованы профсоюзной мозаикой в борьбе против капитала, который в военное время успел заметно продвинуть вперед дело своей консолидации и своего об'единения.

Мощная профсоюзная бюрократия была бессильна против напора пролетарских масс. В 1919 г. специальный профсоюзный с'езд утвердил идею создания генерального совета профсоюзов, который в те месяцы называли также «генеральным штабом» рабочего движения. Бюрократы, однако, тянули. Им очень не хотелось — они еще к этому не были подготовлены — в какой бы то ни было мере передать хотя бы частицу своих полномочий организованному центру. Вместе с тем решение специального с'езда было подтверждено регулярным конгрессом в 1920 г. Бюрократы еще продолжали маневрировать. В результате их маневров генсовет, зачатый в годы

бурной революционной борьбы, узрел свет лишь в конце 1921 года, т.-е. после черной пятницы, когда рабочие начали массами уходить из профсоюзов, и когда депрессия в результате предательства и поражений приняла широчайшие размеры.

Само собой понятно, что рожденный в таких условиях генеральный совет не мог осуществить мечтаний тех рабочих, которые надеялись при помощи генерального штаба рабочего движения преодолеть и превозмочь распыленность и бессилие профсоюзов. В 1922 г. молодой генсовет делает робкую попытку выговорить себе кое-какие права и полномочия. Обнаглевшие к тому времени профсоюзные бюрократы и слышать не хотели о предоставлении каких бы то ни было прав новому органу. Им хотелось, чтобы исполнительный орган конгресса под новым названием продолжал функции старого их парламентского комитета. Лишь в 1924 г., когда рабочие успели несколько оправиться от измены черной пятницы и от капиталистической офенсивы, последовавшей за ней, профсоюзный конгресс вынужден был утвердить некую хартию прав для генерального совета.

Дело происходило в Гулле. Вся английская пресса, восхваляя нынешний конгресс в Свонси, особенно подчеркивает тот факт, что английские профсоюзы окончательно сдали в архив «гулльские фантазии». Но и в Гулле, на том самом конгрессе, во главе которого стояли так называемые левые профсоюзники Персель, Хикс и компания, профсоюзные бюрократы очень сдержанно отнеслись к идее создания полновластного профсоюзного центра.

Чтобы точно понять умонастроения этого конгресса, мы воспроизводим гулльскую «конституцию» полностью. Она гласит:

«а) Дабы дать возможность генеральному совету осуществлять данные ему полномочия, представленные в нем профсоюзы обязаны информировать его о всех недоразумениях, возникающих между союзами и предпринимателями, или между самими союзами, в особенности в тех случаях, когда дело может прямо или косвенно затронуть интересы широких рабочих масс. Генеральный совет может, если найдет нужным, довести все полученные им известия до сведения союзов соответствующих производств, которые косвенно или прямо окажутся затронутыми фактами.

б) Совет должен держаться политики невмешательства в возникшие конфликты (за исключением тех случаев, когда союзы просят о вмешательстве) до того момента, пока существует возможность мирного разрешения недоразумений при посредстве имеющихся при союзах конфликтных органов.

в) Однако, в случае разрыва переговоров или затяжного характера конфликта, угрожающего косвенно или непосредственно вовлечь и другие рабочие организации, об'единяемые конгрессом, в забастовку, или же нанести ущерб существующим условиям зарплаты, рабочего дня и другим условиям труда, совет имеет право взять инициативу в свои руки и созвать совещание из представителей союзов для того, чтобы использовать свое влияние для достижения справедливого соглашения по спорным вопросам. Ознакомившись со всеми материалами по возникшему разногласию, совет может предложить свое обоснованное мнение и заключение на рассмотрение заинтересованных союзов. В случае, если профсоюз или профсоюзы отвергнут помощь или указания совета, последний должным образом докладывает об этом конгрессу.

г) Если заинтересованные профсоюзы примут помощь и указания совета и если, несмотря на все усилия совета привести дело к мирному соглашению, политика предпринимателей заставит об'явить забастовку или локаут, совету надлежит предпринять шаги для организации в интересах профсоюзов всей той моральной и материальной поддержки, какая окажется соответствующей обстоятельствам».

Эта конституция говорит сама за себя. Прибавим только, что даже и эти полномочия были даны генеральному совету лишь после того, как Хикс от имени генерального совета утешил бессменных старичков, что полномочия, даваемые генеральному совету, ни в коем случае не могут повлечь за собой посягательства на профсоюзные кассы и на права их хранителей.

Период, протекший между конгрессом в Гулле и конгрессом в Свонси, был отмечен в первую очередь напряженными усилиями английского капитала найти пути и способы рационализации за счет интересов пролетариев, а, с другой—всеобщей забастовкой, которая является водоразделом в истории английского рабочего движения.

Генеральная забастовка явилась как бы экзаменом для профсоюзной бюрократии, в какой мере она способна выполнять новые задания капитализма в новой обстановке. По инициативе Стенли Болдуина генеральный совет был приглашен к участию в разрешении конфликта в угольной промышленности. Уже тогда лидер консервативного правительства верил и надеялся, что генеральный совет выполнит свою миссию об'единенной агентуры капитала, своим авторитетом помогающей своим хозяевам произвести тонкую, деликатную и крайне трудную операцию. Ведь Болдуин еще за несколько месяцев до всеобщей забастовки предупредил, что понижение заработной платы горняков является только предисловием к сокращению заработной платы всех английских пролетариев без исключения. Естественно, что он придавал огромное значение натиску на горняков, и генсовет был приглашен для того, чтобы он показал, в какой мере он может работать в новой ситуации и новыми методами. Вся буржуазия впоследствии признала, что в день 12 мая генеральный совет полностью выдержал экзамен. Более того, в этот день генеральный совет действовал как полномочный орган профсоюзного движения. Он прекратил забастовку не только помимо воли горняков, но и без ведома исполнительных комитетов всех прочих профсоюзов. Генеральный совет был настолько уверен в своих правах и полномочиях, что он даже не счел нужным отчитываться перед следующим конгрессом профсоюзов, заявив, что за все действия, связанные с всеобщей забастовкой, он ответствен только перед исполкомами отдельных профсоюзов. Исполкомы же генеральный совет собрал для представления отчета о предательстве 12 мая 1926 г.... в январе 1927 года.

Переговоры с Мондом являются следующим этапом в деятельности генерального совета, ставшего на путь организованного предательства в общегосударственном масштабе. В этих условиях конгрессу в Свонси пришлось по существу только констатировать уже совершившийся переворот.

Посмотрим теперь, как этот переворот был совершен.

Основным докладчиком генерального совета был молодой, но удалой секретарь генерального совета Ситрин. Этот бойко «подвизающийся» профсоюзный бюрократ тоже в юности своей был «левым». Он еще сравнительно умело владеет левой фразой. Неудивительно, что он попытался изобразить мир в промышленности не как часть программы военных приготовлений и не как необходимое условие для продолжения атаки на условия труда английских пролетариев, а как мостик, ведущий к установлению рабочего контроля над английской промышленностью. Формальный же вопрос—о пресловутой автономии отдельных профсоюзов—он попытался елико возможно вовсе обойти молчанием. Конгресс был достаточно хорошо подобран, чтобы Ситрин мог себе позволить такого рода аргументацию.

Вместе с тем генсовет натолкнулся на некоторую оппозицию. С возражениями против дальнейших переговоров с Мондом выступили в первую очередь представители союза механиков. Президент этого союза Броунли поспешил, конечно, заверить генеральный совет, что он всей душой за мир в промышленности и за согласие с капиталистами, но настаивал на том, что генеральный совет превысил свои полномочия и что никаких дальнейших шагов не должно быть принято без согласования этого вопроса с исполкомами профсоюзов. Еще энергичнее подчеркивал основную мысль Броунли бывший левый Свейльс. Тот требовал, чтобы конгресс повторил и подтвердил старую политику, что недопустимо «вмешательство в автономию отдельных профсоюзов».

Другой бывший левый Джордж Хикс, который накануне конгресса в Эдинбурге попытался снова облечься в левую тогу, присоединившись к группе «бунтарей», возглавляемой Макстоном и Куком, ловко внес маленький политический аргумент в свою речь против мира в промышленности. Он заявил, что Монд является горячим сторонником фашизма, а посему, мол, необходимо запросить профсоюзы раньше, чем продолжать переговоры о мире в промышленности.

Защитникам генерального совета было сравнительно легко ответить на эти глубоко «принципиальные» возражения. Герберт Смит, эта хитрейшая лиса, который на старости лет решил сбросить всякие маски и соперничать с Томасом в верной службе буржуазии, заявил, что надо дать генеральному совету всякие права и всякие полномочия для того, чтобы он мог сделать доброе дело для рабочих. Характернее и пикантнее речи Смита является бесспорно выступление Томаса. Томас справедливо рассматривался, как непримиримый враг всякого «вмешательства». Он всегда открыто заявлял, что он никогда не переуступит своего монопольного права предавать интересы железнодорожников какому бы то ни было профсоюзному органу. Все знали и понимали, что Томас действительно добровольно на такую уступку не пойдет. Для него переуступка прав и полномочий какому бы то ни было другому органу обозначала бы также переуступку акций железнодорожных компаний, а на такую жертву он, Томас, конечно, не мог согласиться. Но на сей раз он смело выступил против автономии отдельных профсоюзов за права генерального совета, а аргументировал он это свое предложение «общими интересами рабочих». Более того, Томас заявил, что если бы генеральный совет оказался неспособным защищать общие интересы рабочих, то не заслуживал бы того доверия, которым он пользуется. И закончил Томас свою речь указанием на то, что генеральный совет не нарушил основных принципов движения.

Примерно столь же откровенно выступил и собрат Томаса, руководитель транспортников, небезызвестный Бевин, покрывший себя печальной славой в дни всеобщей забастовки в 1926 году. Бевин просто и ясно сказал, что время индивидуальных договоров уходит в область прошлого и сменяется временем общих договоров между «организованным» трудом и организованным капиталом.

Вся дискуссия в целом длилась всего 5 часов. Поправка, направленная против политики мира в промышленности, была провалена 2.920 000 голосов против 768.000 голосов. Политика же генсовета была одобрена 3.075.000 голосов против 566.000 голосов.

Генсовет, таким образом, вышел полным победителем. Надо иметь в виду, что и позиция реформистских лидеров союза механиков ни в какой мере не являлась отражением враждебного отношения к миру в промышленности. Редактор «Сандей Уоркер» (см. «Сандей Уоркер» от 9/IX) совершенно справедливо замечает, что Броунли и Свейльс в данном случае выражали и выражают настроения сэра Элена Смита, вождя предпринимателей машиностроительной промышленности, который не хотел бы, чтобы затея Монда в какой бы то ни было форме и в какой бы то ни было степени нарушила ту идиллию, которую он установил со «своими» профсоюзами.

Мы видим, таким образом, что распыленность английской буржуазии соответствовала профсоюзной мозаике; концентрации и трестификации английского капитала соответствует теперь соответствующая консолидация английских профсоюзов для того, чтобы осуществить общий мир в промышленности и таким образом обеспечить безболезненное проведение капиталистической программы рационализации застойной английской промышленности.

Решения конгресса в Свонси по кардинальнейшему вопросу о мире в промышленности ни для кого не явились неожиданностью. Эти решения были предвидены английской буржуазией, с одной стороны, и движением меньшинства —с другой. На своей августовской конференции движение меньшинства правильно осветило доподлинный смысл мира в промышленности, авансом призывая рабочих к тому, чтобы не подчиняться решениям конгресса в Свонси и продолжать борьбу против попыток генсовета превратить организованное профсоюзное движение в простой винтик буржуазного аппарата закабаления и угнетения пролетариев. Надо вместе с тем признать, что на самой конференции меньшинству не удалось развернуть соответствующей кампании против идеи Монда. Речь, направленная против мира в промышленности, ни в какой мере не отвечала потребностям момента. Суть, конечно, не заключалась в том, чтобы нарушить покой и спокойствие старых чиновников с круглыми животами и многоэтажными подбородками, составлявших 75% всех членов конгресса (см. «Уоркерс Лайф» от 14/IX). Эти продажные и развращенные до мозга костей старички чувствуют себя в настоящий момент достаточно твердо. Их базой является поражение всеобщей забастовки и горняков, их хранителями, кроме господа бога, которого призывал Бен Тернер, является Альфред Монд и консервативное правительство. Но задача меньшинства на этом конгрессе при обсуждении вопроса о мире в промышленности заключалась в том, чтобы через головы толстопузых профчиновников обратиться с пламенным призывом ко всем членам английских профсоюзов, ко всем английским пролетариям бороться против возведения в принцип и в систему политики предательства. Этого на самом конгрессе, к сожалению, меньшинство не сделало. Верно, что после конгресса вся фракция меньшинства обратилась с воззванием к английским рабочим, указывая, что решение, принятое на конгрессе в Свонси, представляет собой «кульминационный пункт той политики, которая была выявлена в поражении всеобщей забастовки через предательство генерального совета, в разрыве отношений с Советским Союзом, в проведении профсоюзного закона» и т. д. Но это воззвание к рабочим бороться против постановления, принятого в Свонси, ни в коем случае не компенсирует того факта, что на самом конгрессе фракция меньшинства не сумела должным образом разоблачить предательскую политику агентов Монда, Элена Смита и Болдуина. Артур Хорнер рассказывает на страницах «Уоркерс Лайф» (от 14/IX), как профсоюзные «демократы» на конгрессе в Свонси зажимали рот представителям революционного меньшинства. Но и эту подлую механику следовало во что бы то ни стало разоблачить на самом конгрессе.

Все прочие вопросы, которые разбирались на этом с'езде, имеют второстепенное значение по сравнению с вопросом о мире в промышленности. Вместе с тем «Таймс» (от 8/IX), подписывая генеральному совету «аттестат зрелости», подчеркивает три момента «хорошего поведения» конгресса. Важнейшим из этих моментов является, конечно, принятие тактики мира в промышленности. Рядом с этим он ставит еще две резолюции: 1) об отношении к революционному меньшинству и 2) об отношении к международ-

ному единству профсоюзного движения. Вряд ли кто усомнится в том, что устами передовицы «Таймса» говорит английская буржуазия. Именно поэтому мы также остановимся на этих двух решениях.

Начнем с вопроса об отношении к движению меньшинства. Борьба против коммунистов и революционных пролетариев в профсоюзах является составной частью кампании в пользу мира в промышленности. Нельзя осуществить программу Монда без решительной борьбы против тех элементов, которые не хотели бы, чтобы профсоюзы стали простым придатком к аппаратам, созданным буржуазией. Уже назавтра после предательства всеобщей забастовки генеральный совет начинает открыто крестовый поход против коммунистов и революционного движения меньшинства. На конгрессе в Борнмуте, когда горняки еще продолжали героическую борьбу (1926 год), генеральный совет об'являет, что движение меньшинства, мол, противоречит принципам английского профсоюзного движения. За этим конгрессом следует ультимативный приказ городским советам профсоюзов порвать с движением меньшинства. Но, само собой понятно, что английским профбюрократам пришлось высказаться по этому вопросу с большей определенностью именно тогда, когда они окончательно и бесповоротно стали на рельсы мира в промышленности. Конгресс в Свонси дал директиву «генеральному штабу» Монда произвести расследование «деятельности и методов раскольнических элементов внутри профдвижения». При обсуждении этой резолюции прозелит Томаса Герберт Смит открыто сформулировал намерения профбюрократов, заявляя, что «движение» (читай: продажная профсоюзная бюрократия) не остановится перед тем, чтобы отсечь всех тех, которые не желают подчиниться принципам конгресса профсоюзов. Томас еще резче сформулировал ту же самую мысль, подчеркнув, что в профсоюзах не может быть места тем, которые дерзают выступать против политики рабочей партии.

Резолюция о мире с капиталом была, таким образом, дополнена резолюцией о войне против революционных пролетариев в английских профсоюзах, при чем главные вожди генсовета совершенно открыто авансом заявили, что они не остановятся перед тем, чтобы расколоть для этой цели профсоюзное движение.

И здесь необходимо признать, что меньшинство не сумело в достаточно резкой форме выявить смысл этой резолюции. Прав был, конечно, тов. Томкинс, когда он заявил, что генеральный совет, а не движение меньшинства выступает в роли организатора раскола. Но этим заявлением в данных условиях и в данной обстановке, конечно, нельзя было ограничиваться.

Перейдем теперь к вопросу о профсоюзном единстве. Поводом к обсуждению этого вопроса явилась резолюция союза металлистов в пользу созыва всемирного конгресса всех профсоюзов, примыкающих как к Амстердаму, так и к Профинтерну, а равно и тех, которые находятся вне Интернационалов. Дискуссия по этому вопросу продолжалась... 25 минут. Хорнеру при этом великодушный председатель предоставил 2 мин. Предложение было провалено большинством 2.877.000 голосов против 439.000 голосов. В эти 25 минут генсоветчики успели наговорить много гнусностей и подлостей как о профсоюзном движении в СССР, так и о движении меньшинства.

Таковы те три резолюции, о которых столь восторженно отзывается «Таймс», а вместе с «Таймсом» и вся буржуазная пресса Англии

Вместе с тем нам представляется, что ликование английской буржуазии является во всяком случае преждевременным. Верно, что буржуазии удалось «осуществить» лозунг рабочих «вся власть генеральному совету» и превратить этот полновластный генеральный совет в рычаг своей капиталистической рационализации. Несомненно, однако, что именно конгресс в Свенси окажет огромное влияние на кристаллизацию революционного

сознания передовых элементов английского профдвижения. Накануне конгресса в Свонси—этот «маленький» факт не следует забывать ни на одну минуту—состоялась конференция движения меньшинства. Невзирая на всю систему преследований, которая практиковалась генеральным советом и исполкомами большинства профсоюзов в течение двух лет против движения меньшинства, на конференцию прибыло 844 делегата, в том числе 48 представителей от местных организаций горняков, 45—от местных организаций союзов транспорта и железных дорог, 65—от союзов металлургической промышленности, 81—от союзов строительных рабочих и т. д. Эта конференция показала живучесть движения меньшинства. Верно, что меньшинство в эти годы бешеного наступления не сумело достаточно быстро и достаточно энергично бороться против профсоюзных предателей. Но конгресс в Свонси громко вопиет о необходимости об'единения и сплочения всех честных пролетариев под знаменем движения меньшинства для непосредственной наступательной борьбы против профсоюзных святош, предающих рабочее движение оптом и в розницу под покровительством капиталистов и консервативного правительства. Этот конгресс именно потому, что на нем профсоюзная бюрократия выступила отчетливо с программой, не оставляющей места для каких бы то ни было сомнений по важнейшим вопросам профсоюзной политики, поможет также и самому меньшинству твердо и решительно стать на путь борьбы против профсоюзной бюрократии.

Среди «писем в редакцию», появившихся в английской прессе после конгресса, особого внимания заслуживает письмо священника Дженкинса на страницах шотландского «Форверда» (от 15/IX). Мистика Бен-Тернера не помешала Дженкинсу понять, что мы вряд ли услышим звон падающих цепей капиталистической эксплоатации раньше, чем рабочее движение не избавится от того руководства, которое ответственно за решения конгресса в Свонси. С этим письмом надо сопоставить речь шефа английских жандармов Джонса Хикса, в которой он сказал, что теперь можно дело борьбы с коммунистической крамолой целиком передать в руки... вождей английских профсоюзов. Выслужились!

В заключение отметим также, что конгресс в Свонси подвел черту всем дискуссиям по вопросу о лозунге «вся власть генеральному совету». После предательства всеобщей забастовки в рядах английских коммунистов, а еще более в рядах революционного движения меньшинства были товарищи, которые полагали, что лозунг «вся власть генеральному совету» сохраняет свою силу, но что нужно только его дополнить и несколько видоизменить. Конгресс в Свонси показал и доказал, что очередной и неотложной задачей революционных рабочих в английском профсоюзном движении является освобождение профсоюзов от продажных бюрократов, которые еще сохраняют в своих руках большинство аппаратов профсоюзного движения. Лишь после того, как эта задача будет выполнена, будет своевременно и уместно поставить вопрос о консолидации и централизации профсоюзного движения в целях создания боевого руководящего органа.

Л. Шацкин.

К вопросу о характере и движущих силах индийской революции.

(Начало ст. см. в № 17—18).

V. Индийская буржуазия.

Британский империализм может в своей борьбе против революции рассчитывать на поддержку индийской буржуазии. Правда, между этой последней и англичанами существуют определенные противоречия, которые революционное движение может и должно использовать в своих интересах. Конкуренция между туземными кликами торговой и промышленной буржуазии и британским торговым и промышленным капиталом безусловно налицо. В этой конкуренции положение индийской стороны менее выгодно не только потому, что ее противник экономически сильнее и лучше организован, но и потому, что он пока обладает всей полнотой политической власти, к которой индийская буржуазия допускается лишь в качестве второстепенного и подчиненного партнера. Однако, эти противоречия, которые надо учитывать, отходят на задний план перед общностью интересов туземной буржуазии и иностранного империализма.

Это абсолютно ясно, поскольку речь идет о богатой торговой буржуазии, являющейся посредницей между британским капиталом и местным населением, самым источником существования которой является участие в колониальном грабеже. Условием возрастания ее богатств является также политический порядок. Всякое революционное движение, не суля ей никакой выгоды, нарушает «тишину и спокойствие», необходимые для «процветания торговли», угрожает твердому режиму, под защитой которого она грабит крестьянство.

Но общность интересов с империализмом преобладает также и у национальной промышленной буржуазии. Положение ее в значительной мере отличается от положения китайской национальной буржуазии перед революцией.

Громадное значение имеет факт, что британский империализм вызвал к жизни тот национальный рынок, за создание которого вела борьбу китайская буржуазия. Партикуляризм отдельных провинций, громадная власть отдельных милитаристов, за спиной которых стояли различные мировые державы, незнакомы Индии. Ни удельный вес, ни самостоятельность туземных князей, правящих в экономически наименее значительных частях страны, не могут итти ни в какое сравнение с децентрализацией и системой милитаристской власти в Китае. В Индии почти нет или есть лишь в минимальных размерах тот «Север», против которого приходилось бы бороться индийской буржуазии, против которого приходилось бы выступать «Югу».

Борьба южной китайской буржуазии велась в свое время против милитаристов и империалистов с целью об'единения Китая, создания национального рынка. В Индии этот момент отсутствует, или по меньшей мере не имеет такого кардинального значения, как в Китае.

Затем индийская буржуазия добилась у иностранного империализма гораздо больших уступок, чем китайская. На ряду с вопросом создания национального рынка не менее важен вопрос о возможности его использования туземной буржуазией, что в свою очередь связано с вопросом о таможенной политике. В результате событий, о которых говорилось в первой главе, туземная буржуазия добилась столь желанных покровительственных пошлин. И хотя эта система протекционизма с ее точки зрения еще несовершенна, хотя она еще отнюдь не устраняет конкуренции иностранного капитала вне и особенно внутри страны, хотя регулирование этой системы находится в руках англичан, однако, некоторые минимальные условия для существования и развития туземной промышленной буржуазии все же налицо. Тем более, что некоторых уступок буржуазия добилась и в области покровительственного премирования некоторых производств так же, как и в деле закупки части материалов для государства и государственных предприятий в Индии (как известно, вопрос о казенных заказах играет первостепенную роль в развитии металлургии, особенно на первых порах ее существования). Все эти экономические уступки британского империализма, вынужденные обстоятельствами, свидетельствовали о его готовности делить добычу с туземной буржуазией, что нашло свое наиболее яркое выражение в соглашении ланкаширских и бомбейских текстильных фабрикантов о разделе хлопчатобумажного индийского рынка. На ряду с экономическими британский империализм сделал ряд, хотя и гораздо менее значительных, политических уступок, которые все же дают возможность индийской буржуазии, если и на подчиненных ролях, принимать некоторое участие в обсуждении важнейших для нее вопросов. Законодательные советы в центре и провинциях стали местом политической торговли между Англией и индийской буржуазией. В лице ряда высших чиновников-индийцев она получила ходатаев по ее делам. Весьма существенно, что этих уступок индийская буржуазия добилась «эволюционным» путем или, вернее, последствия таких грандиозных событий, как мировая война, русская революция, революционные выступления индийских масс и т. д., она воспринимала как результат ее лойяльной оппозиции и дипломатических маневров.

Имея ряд существенных отличий от китайской буржуазии, индийская буржуазия имеет с ней и одинаковые черты, которые, однако, еще более усиливают ее контрреволюционную роль. Речь идет о ее тесной связи с землевладением. С одной стороны, часть городской буржуазии и буржуазной интеллигенции, которую британский империализм до войны оттеснял от промышленной деятельности, вложила значительные капиталы в землю, при чем она занималась не с.-х. производством, а земельной спекуляцией, либо докапиталистической эксплоатацией крестьянства. С другой стороны, молодость индийского промышленного капитала обусловливает тот факт, что он зачастую еще не порвал пуповины, связывающей его с источниками первоначального накопления, в том числе с землевладельцами, часть которых вложила в годы промышленного строительства свои капиталы в индустрию. «И теперь в Индии многочисленны случаи совмещения в одной персоне богатого землевладельца и крупного промышленника» (Рой). Это обстоятельство имеет громадное значение, если верно, что осью индийской революции будет аграрный переворот. Аграрная революция стала в порядке дня индийской истории прежде, чем промышленная буржуазия целиком отдиференцировалась от крупного землевладения. Вместе с тем само землевладение лишь в меньшей своей части представляет прежнее феодальное сословие. Оно само

в большинстве случаев вышло из рядов торговой буржуазии. Поэтому в Индии не играют значительной роли те сословные перегородки, которые были одной из причин революционной роли французской буржуазии перед Великой французской революцией и на первом ее этапе.

Но основным фактором, определяющим отношение туземной промышленной буржуазии к революции, является выступление на историческую сцену ее смертельного врага—индийского пролетариата. Несмотря на свою слабую классовую сознательность и организацию, рабочий класс уже стал наиболее революционным фактором национально-освободительного движения, роль которого все больше возрастает. Он наложил определенный отпечаток на волнения 1919—21 гг. В последующие годы стали множиться признаки его классового пробуждения, стали расти стихийные стачки, направленные не только против британского империализма, но и против кармана туземной буржуазии. А в нынешнем году бомбейский пролетариат впервые выступил и на политической арене национально-революционной борьбы, как самостоятельная, отрицающая буржуазное руководство классовая сила. В 1922 г. коммунизм в Индии впервые, хотя и в очень несовершенной форме, сформулировал свою программу национальной революции. И если индийская буржуазия никогда не восхищалась экспроприацией русских капиталистов, то со времени первого политического выступления индийского коммунизма, призрак большевизма стал ее пугать гораздо больше, чем британский империализм. Вместе с тем индийские капиталисты чувствуют, что удар по частной собственности помещиков в современных индийских и международных условиях явился бы лишь прелюдией к борьбе против собственности фабрикантов и заводчиков. Поэтому крестьянские восстания 1919—21 и последующих годов произвели на буржуазию чрезвычайно глубокое впечатление и толкнули ее еще больше в об'ятия ее английского хозяина. Поставленная между двух огней, вынужденная выбирать между империализмом и массовой революцией—индийская буржуазия в основном уже сделала свой выбор. Она стала опорой империализма, хотя и менее устойчивой, но зато более ценной, чем помещики и компрадоры. Она стала врагом революции.

Что это именно так, доказывает ее политическая история, в особенности история последних лет. Оставляя в стороне такие явно компромиссные партии, не входящие в национальный конгресс, как либералы, респонсивисты и др., даже «левая» партия индийской буржуазии — сваpаджисты,—стала партией блока с империализмом, партией антиреволюционной. Свараджистов нельзя назвать ни последовательными националистами, ни последовательными демократами. Они даже идеал независимости Индии променяли на мечту о правах доминиона в пределах Британской Империи, а когда речь идет не о туманных идеалах, а о реальных политических вопросах, они в виде центрального лозунга выдвигают ответственное министерство, ответственное перед теми куцыми законодательными советами, которые избираются 2% населения. Свою прежнюю тактику обструкции в законодательных советах свараджисты давно уже заменили лойяльным сотрудничеством с англо-индийским правительством и его губернаторами в провинциях. Дело дошло до того, что в 1925 году вожди свараджистов соглашались на известных условиях образовать неответственное министерство в Бенгалии, этом центре националистического движения и их влияния. Не даром официальный ежегодник англо-индийского правительства назвал свараджистов «настоящей конституционной оппозицией».

«Я был более верным другом конституционного прогресса и гораздо более решительным врагом растущей анархии, чем это думает правительство»—заявлял покойный вождь свараджистов Ч. Р. Дасс. Всю философию индийской буржуазии он выразил в следующих словах: «Я спрашиваю этих молодых людей, преданных революционным методам,—неужели они думают, что народ пойдет за ними? Когда жизнь и собственность подвергаются угрозе, то люди, которые страдают от этого или думают, что они могут пострадать, неизбежно отстраняются от подобных способов». Ведь свараджистская программа требует «охраны частной и индивидуальной собственности и поощрения накопления личного богатства». Поэтому Дасс обещал британцам в обмен на некоторые уступки: «мы не будем поощрять ни словом, ни делом, ни жестом революционной пропаганды, и мы приложим все усилия для ликвидации такого движения».

Поэтому тот же Дасс писал об аграрном вопросе: «Я не желаю, чтобы между землевладельцами и арендаторами существовали какие-либо трения. Я публично опровергал идею подобной классовой войны. Нежелательно подымать вопрос об отмене закона о постоянных поселениях, и, по моему, какие бы то ни было шаги в этом отношении можно только предпринять после введения самоуправления, да даже и тогда лишь в порядке взаимного соглашения между землевладельцами и арендаторами». А избирательный манифест свараджистской партии торжественно заявлял по поводу отношения к помещикам, «что те, кто стремится способствовать самоуправлению, не могут и помыслить о таком безумии, как подрыв вековых основ индийского общества путем устранения из своей среды столь важного и влиятельного класса. Совершенно верно, что партия стоит за справедливое отношение к арендатору, но поистине жалкой будет эта справедливость, если она повлечет за собой несправедливость к землевладельцу». Таково истинное лицо «левой» индийской буржуазии.

Но у нее есть и другое, показное лицо для масс, которое нередко вводит в заблуждение. Не надо забывать, что индийская буржуазия прошла теорию и практику английской политической школы и умеет маневрировать. Она делает иногда революционные жесты для того, чтобы 1) оказывать давление на британский империализм, когда ей нужно добиться новых уступок, 2) сохранять буржуазное руководство над мелкобуржуазными демократами и трудящимися массами, при чем эта потребность бывает тем больше, чем сильнее массовые революционные настроения (как только дело начинает становиться серьезным, буржуазия его предает).

Примером таких маневров индийской буржуазии являются ее высказывания в пользу СССР, которые можно встретить в националистических газетах, на национальном конгрессе и т. д. Весь смысл этого маневра разоблачается статьей, помещенной в «Форварде»—центр. органе свараджистской партии и конгресса, в которой говорится: «Весьма сомнительно, чтобы удалось в будущем предотвратить англо-русский конфликт, и в этом кризисе от Индии будет зависеть все существование империи. Английские государственные люди должны подумать о том, будет ли отвечать интересам Индии, если она пожертвует своими людьми и своими экономическими интересами для того, чтобы услужить Англии. Индийские государственные люди должны спросить английских государственных людей, намерены ли они заплатить за индийскую помощь в вопросах международной политики. Самое меньшее, что всякий уважающий себя государственный человек должен требовать, это—отмены унизительного решения последней имперской конференции, на которой Индия занимала низшее положение по сравнению со всеми так называемыми белыми доминионами, и немедленного дарования Индии полного статута доминиона. Уверены ли индийские государственные люди в возможности обеспечения этой уступки—если они достаточно единодушны для того, чтобы выдвинуть энергичное требование—при деятельном участии в мировой политике?». Нет сомнения, что свараджисты поддержат британских консерваторов против СССР и за меньшее, чем права доминиона. Характерна

откровенная наглость, с которой свараджисты сами разоблачают «торговый» характер своих симпатий к СССР.

Другой классический пример левого маневра буржуазии касается организации рабочих и крестьян. Свараджисты торжественно выступили в роли защитников трудящихся, взяли на себя инициативу создания рабочих и крестьянских организаций, в том числе и профсоюзов. Смысл этой истории был с такой же откровенной наглостью разоблачен Дассом в его речи на Гайском конгрессе: «Если конгресс не выполнит своего долга, мы окажемся перед фактом возникновения организации в стране, созданной рабочими и крестьянами, оторванной от нас и от дела свараджа, которая неизбежно внесет в атмосферу мирной революции классовую борьбу и войну обособленных интересов. Если целью конгресса является избежать этой позорной перспективы, то мы должны взять рабочий класс и крестьянство в свои руки, организовать их...» Возглавить, чтобы обезглавить—таков смысл этого левого маневра.

Нет сомнения, что и нынешний бойкот индийской буржуазией комиссии Саймона об'ясняется вышеуказанными двумя причинами: 1) давление на Англию, 2) сохранение буржуазного руководства движением, возглавление движения, чтобы обезглавить его, как только оно широко разовьется и начнет переходить в подлинную революцию.

Таким образом, противоречия между туземной буржуазией и британским империализмом имеют подчиненное значение.

Все же рабочий класс не может их игнорировать, ибо 1) эти противоречия в известные моменты дезорганизуют единый фронт его врагов и 2) оппозиция буржуазии при соответствующих условиях в стране может послужить поводом к проявлению широкого движения народных масс, причины которого таятся, конечно, не в конституционной оппозиции, а в колониальном и крепостническом угнетении этих масс, в глубоких революционных процессах, происходящих в этих массах. Поэтому противоречия между туземной и иностранной буржуазией необходимо учитывать и использовывать. Как использовывать? Если поведение буржуазной оппозиции вызывает широкое народное движение, рабочий класс должен участвовать в этом движении, однако, не как хвост буржуазии, не под знаменем единого фронта с буржуазией, а как самостоятельная классовая сила, выступающая со своими самостоятельными лозунгами, противопоставляющая себя буржуазному руководству, резко его критикующая, пытающаяся вырвать массы из-под его влияния и установить свою гегемонию в движении.

VI. Мелкая буржуазия.

При определении роли мелкой буржуазии в индийской революции не надо забывать, что она является «силой колебания» не только в пролетарском, но и в буржуазно-демократическом перевороте, если этот переворот принимает характер подлинной народной революции, если он совершается против воли буржуазии, и грозит сравнительно в недалеком будущем перерасти в социалистический. Этому учит нас опыт китайской революции. Отход китайской буржуазии от революции в апреле—июле 1927 года вызвал резкий поворот вправо среди весьма значительной части мелкой буржуазии, в том числе среди шанхайских лавочников и студентов, что не исключает возможности нового поворота части этих элементов влево.

Никак нельзя ставить на одну доску крестьянство и городскую мелкую буржуазию в отношении их революционности. Хотя и крестьянство не свободно от колебаний, однако, его классовое положение в демократической революции настолько ясно, свержение помещика и ростовщика является

столь необходимой с точки зрения существования крестьянства задачей, что оно в целом становится чрезвычайно важной и серьезной двужущей силой революции. С городской мелкой буржуазией дело обстоит сложнее. Она является промежуточным слоем между буржуазией и пролетариатом, колеблется между ними, и поведение буржуазии, мало влияющее на изменение отношения крестьянина-арендатора к помещику, оказывает значительное влияние среди других факторов на настроения и поведение различных прослоек мелкой буржуазии.

Ремесленно-торговая буржуазия представляет в Индии широкий слой. Из более чем тридцати миллионов городских жителей, среди которых пролетариат составляет меньшинство, на ремесленников и мелких торговцев ремесленного типа приходится, несомненно, очень большая часть. Часть ремесленников превращается в домашних рабочих капиталистической мануфактуры, другие эксплоатируются скупщиками. Работая и на экспорт и в тех отраслях производства, которые испытывают острую конкуренцию иностранных товаров, они имеют весьма основательные причины ненавидеть британский империализм. Торговцы ремесленного типа (т.-е. не богатые купцы, не торговцы-ростовщики, а торговцы, покрывающие доходом лишь свои потребности), связывают свое существование с благосостоянием своих потребителей из трудящихся слоев населения, на котором колониальный режим отзывается самым плачевным образом. Вот почему широкие массы ремесленно-торговой мелкой буржуазии могут быть союзником пролетариата в антибританской революции.

Надо, однако, отличать мелких хозяйчиков, эксплоатирующих наемный труд, либо превратившихся в мелких скупщиков и ростовщиков, от той массы ремесленников и торговцев, которые своими доходами покрывают лишь свои потребности, от городской бедноты, разоряемой и угнетаемой иностранным империализмом и крупным капиталом. В то время как богатая верхушка больше тяготеет к буржуазии, городская беднота может стать прочным союзником рабочего класса. Это не значит, что рабочий класс не должен бороться за усиление своего влияния даже на эту мелкобуржуазную верхушку, пытаясь ее хотя бы нейтрализовать. Однако, надо заранее предвидеть ее неизбежные колебания, надо основное внимание обратить на завоевание бедноты, пробуждая в ней сознание отличия и противоположности ее интересов интересам зажиточной верхушки.

Точно так же неоднородна и индийская интеллигенция, играющая в политической жизни страны, особенно в национальном движении, громадную роль. По переписи 1921 г. 2.644.000 человек, не считая полиции, жило за счет административной службы (из них англичан всего несколько десятков тысяч), за счет работы по народному образованию—805.000, за счет медицины и адвокатуры—996.000, литературы, искусства и т. д. — 762.000.

Высшее туземное чиновничество уже давно целиком перешло на сторону англичан. Оно правее индийской буржуазии. Однако, нет сомнения, что и значительная часть среднего и мелкого туземного чиновничества «подкуплена» и развращена колониальным режимом. Значительная часть служилой интеллигенции, работающей в деревне, получающей ничтожное жалованье, кормится за счет крестьянства, включилась в систему заминдарско-ростовщической эксплоатации сельского населения. До сих пор помещики и ростовщики с помощью такого рода местных чиновников успешно обходили все законы, ограничивавшие их деятельность. Находящиеся на откупу у господствующих классов деревни слои интеллигенции будут проявлять значительные колебания.

За буржуазией пойдет богатая верхушка свободных профессий.

Нельзя далее забывать, что часть городской интеллигенции вышла из громадного слоя мелких помещиков и пересдатчиков помещичьей земли. Об этом сообщает не только Рой [1]). Английский чиновник Брэфтон, тщательно исследующий спрос на рабочую силу и его удовлетворение в основных промышленных центрах Индии, пишет по поводу Бенгалии: «В связи с системой арендования земли, которая сейчас в силе, большая часть землевладельцев сдала на постоянный откуп свое право на собственность. Арендаторы в свою очередь, передали свои права за определенную сумму, так что в настоящее время между фактическим владельцем земли и помещиком, платящим налог государству, образовалась длинная цепь промежуточных арендаторов. Вначале арендаторы получали приличный доход со своей земли, но цены постепенно повышались, и число претендентов на доходы также увеличились. Поэтому часть дохода, приходящаяся на долю отдельного претендента, во многих случаях весьма невелика. Эти люди должны были вследствие этого искать других заработков. К сожалению, образование, полученное этими слоями населения, почти исключительно гуманитарное, так что они подходят только для конторской работы в правительственных и торговых учреждениях или же для ученых профессий» [2]). Некоторые из них идут уже по словам Брэфтона, в машинисты и механики. Однако, нет сомнения, что большая часть этих людей входит в состав городской интеллигенции [3]). Существование таких интеллигентов отчасти, а существование их родных, близких и т. д. целиком зависит от «земельной ренты» или попросту арендной платы, которая сдирается с крестьян. Вряд ли большинство таких интеллигентов, которые не прочь поговорить о национальном освобождении, будут горячими и последовательными сторонниками экспроприации помещичьего землевладения, уничтожения арендной платы. Эти обстоятельства надо учитывать при определении нашего отношения к интеллигенции.

Нет сомнения, что, кроме такого рода элементов, существуют и значительные слои безработной и бедствующей интеллигенции, не связанной с землевладением и представляющей поэтому более благоприятную почву для подлинно-революционного движения.

Индийская интеллигенция чувствует очень остро гнет иностранного империализма. Препятствия, которые колониальный режим ставит развитию производительных сил, порождают относительное перепроизводство интеллигенции, широкую интеллигентскую безработицу. Неравноправное положение индийца, преимущества англичан, которые захватили решающие посты администрации, весь офицерский корпус в армии и т. д., вызывают естественное возмущение интеллигенции. Политическое угнетение, преследования революционных организаций, печати и т. д. возбуждают в ней стремление к политической свободе, которая дала бы ей возможность развернуть все свои силы. Режим невежества, который поддерживает британское владычество, точно так же суживает поле ее деятельности. Школьный режим революционизирует учащихся. Поэтому неудивительно, что интеллигенция до сих пор поставляла большую часть участников националистического движения.

---

[1]) См. «Будущее индийской политики».

[2]) Брэфтон, «Положение рабочих в индийской промышленности», изд. «Прибой», 1925.

[3]) Секретарь Крестьянского Союза Молодых Людей Индии К. Т. Пауль в своих показаниях правительственной с.-х. комиссии в Мадрасе заявил, между прочим следующее: «Молодежь средних классов в большинстве случаев имеет земельную собственность, обрабатываемую крестьянами - арендаторами. У этой молодежи установившаяся психология «отсутствующего помещика».

Эта мелкобуржуазная интеллигенция составляет левое крыло свараджа, а также кадры нескольких новых мелкобуржуазных легальных партий, пока немногочисленных, образующих вместе с левыми свараджистами левое крыло национального конгресса. Из этой же среды рекрутируются участники и сторонники нелегальных террористических партий и групп, существующих уже давно.

Характерной чертой мелкобуржуазных политических течений и партий является пренебрежение крестьянским вопросом. Они выдвигают революционный лозунг независимости Индии в противоположность соглашательству свараджистского большинства. Часть из них, в частности, террористы, готовы с оружием в руках драться за эту независимость. Однако, величайшая неясность, а зачастую индиферентность к аграрному вопросу характеризует мелкобуржуазных политиков. Несомненно, что диференциация как в среде широких масс интеллигенции, так и среди ее политических представителей пойдет по линии отношения к крестьянству. Аграрная революция— вот тот оселок, на котором будет испытываться каждая интеллигентская партия и группа. Нет сомнения, что значительная часть мелкобуржуазных националистов пойдет по стопам Ван-Тин-вея, бросится в об'ятия буржуазии, когда будет поставлена перед фактом крестьянского восстания.

Индийская революция имеет уже опыт по части предательства мелкобуржуазных националистов, из которого надо извлечь все уроки. Речь идет о банкротстве гандизма. Суть этого банкротства не только в непригодности идеи непротивления злу, но и в политическом банкротстве мелкобуржуазного руководства, столкнувшегося с крестьянским восстанием. Идея «ненасилия» послужила идеологическим покровом для перехода на сторону империализма и буржуазии. Все марксисты, писавшие об Индии, сходятся на том, что в годы бурного волнения масс после войны крупная буржуазия отошла от национального конгресса, руководство которым перешло к Ганди и его мелкобуржуазной интеллигентской группе. В 1921 г. Ганди был облечен диктаторскими полномочиями для проведения массового гражданского неповиновения (отказ от исполнения законов, уплаты податей и т. д.). Этот призыв встретил отклик во всей стране. Но достаточно было начаться в двух местах—Чаура и Барейли,—вооруженным столкновениям крестьян с полицией, как движение было сорвано испугавшимся руководством. Мы приводим здесь (по Датту) резолюцию комитета конгресса, которая явилась величайшим предательством революции:

«п. 1. Исполнительный Комитет сожалеет о бесчеловечном поведении толпы в Чаури-Чауре, которая зверски убила полицейских и бессмысленно сожгла полицейский пост;

п. 2. в виду того, что насильственные выступления происходят всякий раз, когда об'является массовое гражданское неповиновение, что свидетельствует о недостаточной подготовленности страны к ненасилию, Исполнительный Комитет конгресса постановляет о прекращении массового гражданского неповиновения и предлагает местным комитетам конгресса советовать земледельцам уплачивать земельные подати и все другие государственные налоги и прекратить всякую другую деятельность наступательного характера;

п. 3. приостановка массового гражданского неповиновения будет продолжаться до тех пор, пока атмосфера станет достаточно ненасильственной для того, чтобы обеспечить невозможность повторения таких жестокостей, которые имели место в городе Горакпуре, или такого хулиганства, которое имело место в Бомбее и Мадрасе 17 ноября и 13 января (столкновение между рабочими, крестьянами и полицией.—*Примеч. Датта);*

п. 4. все демонстрации волонтеров и открытые митинги для выражения недоверия властям должны быть прекращены;

п. 5. Исполнительный Комитет предлагает работникам и организациям конгресса уведомить крестьян, что воздержание от уплаты земельной ренты заминдарам противоречит решениям конгресса и вредит насущным интересам страны;

п. 6. Исполнительный Комитет заверяет заминдаров, что движение конгресса отнюдь не намеревалось посягать на их законные права, и Комитет желает, чтобы даже в тех случаях, когда крестьяне имеют претензии, удовлетворение достигалось взаимным соглашением и арбитражем».

Эта резолюция представляет величайший исторический пример шатаний мелкой буржуазии, ее прямого предательства перед угрозой революции рабочих и крестьян. Интересно, что тогдашнее руководство конгресса в национальном вопросе стояло на весьма революционной позиции антисотрудничества. Оно споткнулось на крестьянском вопросе. И эта его измена, несомненно, связана с теми сторонами положения мелкобуржуазной интеллигенции, о которых говорилось выше.

Насколько осторожно надо относиться к левым мелкобуржуазным группам, показывает судьба отколовшихся от свараджистов в Бенгалии «Лиги Активистов» и «Лиги Молодежи», которые споткнулись на индо-мусульманской розни и, приняв участие в кровавых событиях в Калькутте в 1926 г., очутились в хвосте индусской буржуазии.

Рабочий класс должен вести борьбу за массы интеллигенции, особенно ее низших слоев, особенно безработной интеллигенции, выставляя требования, защищающие ея интересы, и беря в свои руки знамя национально-освободительной борьбы, выпавшее из рук буржуазии и тех мелкобуржуазных националистов, которые тяготеют к буржуазии. При этом, однако, надо помнить про разнородность интеллигенции и различие интересов ее различных прослоек, про неизбежность ее диференциации прежде всего по линии аграрного вопроса, про неизбежность шатаний, колебаний, а во многих случаях и прямого предательства даже со стороны той ее части, которая стоит на платформе независимости Индии[1]). Законное недоверие к мелкобуржуазным националистам предохранит трудящиеся массы от лишних разочарований. Не уступками мелкобуржуазным предрассудкам и шатаниям, а только их резкой критикой и самостоятельной решительной революционной борьбой трудящихся масс против империалиста, помещика и ростовщика, можно толкать вперед индийскую интеллигенцию.

VII. Крестьянство.

О положении крестьянства все существенное было сказано в главах I и III. Это его положение и роль аграрного вопроса в индийской революции

[1]) Неверно утверждение, будто индийская мелкобуржуазная интеллигенция дальше пойдет с революцией, чем китайская, ибо в Китае якобы главный удар был направлен против туземных господствующих классов, а в Индии против иностранного империализма. Это неверно потому, что 1) и в Китае главный удар на первом этапе революции (о нем идет здесь речь) был также направлен против империализма, 2) индийская буржуазия, в отличие от китайской, не будет играть революционной роли на каком бы то ни было этапе революции, что окажет влияние и на поведение интеллигенции, и 3) Индия пережила 1919—22 годы, напугавшие часть интеллигенции, вызвавшие банкротство мелкобуржуазного руководства.

делает крестьянство массовой движущей силой этой революции, хотя и не ее гегемоном, которым может быть только пролетариат. Соединение борьбы в городе с крестьянской войной в деревне— таково основное условие победы революции в Индии.

Пока речь идет о буржуазно-демократическом перевороте, все крестьянство пойдет с революцией, ибо противоречие между всем крестьянством, с одной стороны, и помещиком и ростовщиком, с другой, сейчас преобладает над внутренними противоречиями в крестьянстве, как бы ни оценивать глубину и размеры этих последних противоречий.

Против решительной аграрной революции может выступить лишь та группа крестьянства, которая сама эксплоатирует при посредстве сдачи земли в аренду других крестьян. Но эта группа сравнительно незначительна и решающего значения иметь не может. Зажиточному крестьянину-хозяину для развития его хозяйства надо устранить помещика и ростовщика, получить землю.

Однако, в дальнейшем ходе революции расслоение крестьянства неизбежно проявится, что уже будет служить признаком выхода революции за ее буржуазно-демократические рамки. Партия пролетариата, которая не может ограничиться буржуазно-демократическими задачами, которая обязана на начальных стадиях революции готовить ее переход на высшую ступень, должна уже сейчас приступить к особой организации сельскохозяйственного пролетариата. Это тем более необходимо, что прослойка промышленного пролетариата в Индии весьма тонка и классовая мобилизация пролетариата деревни может его значительно усилить. С.-х. рабочие призваны быть одним из важнейших каналов, по которым пролетарское руководство в буржуазно-демократической революции будет проникать в деревню. В то же время необходимо уже сейчас пробуждать в деревенской полупролетарской бедноте сознание ее особых классовых интересов.

Начавшийся в крестьянстве процесс создания крестьянских организаций (союзов, обществ и т. д.), необходимо всячески поддерживать. Вопрос о создании крестьянских советов, несомненно, встанет, как только аграрная революция охватит страну, но это уже относится к вопросу о власти, о демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, которого мы в этой статье не касаемся. Опыт Китая показал, что как предварительная стадия организации крестьянства—крестьянские союзы могут сыграть величайшую революционную роль, если с них совлечь внешние реакционные покровы, если их очистить от чуждых крестьянской борьбе элементов. Блок рабочего класса с крестьянством может быть осуществлен в форме блока с крестьянскими союзами, если они действительно охватят широкие революционные массы и станут подлинными вожаками аграрного восстания.

Неверно было бы пытаться осуществить этот блок через идущую в народ интеллигенцию. Конечно, можно для работы в деревне использовать и отдельных преданных революции интеллигентов. Однако, основные пути рабоче-крестьянской смычки—это руководство крестьянским движением изнутри через пролетарские и полупролетарские элементы деревни и прямой союз рабочих организаций с крестьянскими союзами без всяких интеллигентских посредников.

VIII. Пролетариат.

В предприятиях, насчитывающих свыше 20 рабочих, было занято в 1921 году 2.608.000 человек. Из них. 818.000 рабочих плантаций, 760.000 текстильщиков, 260.000 горняков, 165.000 металлистов, 102.000 химиков и т. д.; квалифицированных рабочих 701.000, неквалифицированных 1.794.000. По сравнению с 1911 г. число рабочих увеличилось на 25%, при чем

плантационные и горнорабочие мало увеличились в своем числе, число текстильщиков выросло на 35%, химиков на 100% и металлистов на 130%. К этим 2,6 млн. пролетариев надо прибавить около 800.000 рабочих транспорта—железнодорожников, докеров и т. д. Таким образом, прослойка современного пролетариата в Индии, насчитывающая около 3½ млн. человек, очень тонка в стране, населенной 320.000.000 жителей. Количество наемных рабочих в мелкой промышленности не поддается учету, ибо статистика не отделяет их от мелких хозяйчиков. Однако, нет сомнения, что число их значительно и в городе и в деревне. Эти наемные рабочие мелкой промышленности так же, как и с.-х. рабочие, представляют слои наиболее близкие индустриальному пролетариату, его надежнейших, вернейших союзников.

Характерна для индийского пролетариата его громадная текучесть. Значительная часть рабочих приходит в город на фабрику для того, чтобы поднакопить деньги для поправления своего деревенского хозяйства. Текучесть об'ясняется также отвратительными условиями труда и быта индийского рабочего, в особенности жилищными условиями. Это явление сильно распространено в текстильной промышленности. Во многих угольных районах рабочие работают на шахтах по 12—15 дней в месяц, отдавая остальное время сельскому хозяйству. Нередки также случаи от'езда рабочих в деревню на время полевых работ. На ряду с фабриками и промышленными центрами, в которых преобладает «переменная» рабочая сила, есть и предприятия и целые промышленные центры, в которых уже сформировались постоянные кадры пролетариата. Однако, текучесть его в значительной части является так же, как и неграмотность, одним из основных препятствий в деле выработки пролетарского классового сознания, ибо она усиливает крестьянские настроения, которые и так сильны, ибо подавляющее большинство индийских рабочих вышло из деревни. С другой стороны, происхождение пролетариев и их текучесть создают громадные возможности пролетарского воздействия на деревню, облегчают создание рабоче-крестьянского союза в революции.

В то же время индийский пролетариат отличается высокой степенью концентрации. На основании материалов индийских переписей Дингельштедт вычислил, что в 1921 г. из 2,6 млн. рабочих в предприятиях с количеством рабочих от 20 до 50 работало 157.821 человек (6%), в предприятиях с количеством рабочих от 50 до 400—592.412 человек (22,7%), а остальные 1.860.806 чел. или 71,3% были заняты в предприятиях с количеством свыше 400 рабочих. В Соед. Штатах Сев. Америки в том же году в первого рода предприятиях было занято 12,7% всех рабочих, в предприятиях с числом рабочих от 50 до 500—51%, а в предприятиях с числом рабочих выше 500 лишь 36,3%. В Индии в 1921 г. было 18 хлопчатобумажных фабрик с количеством рабочих свыше 3.000, 46 таких же джутовых фабрик, а 9 джутовых предприятий имело свыше 8.000 рабочих. Железнодорожные заводы и доки насчитывали 22 предприятия с количеством рабочих свыше 3.000, а в области металлургии у Тата работало 26.000 рабочих, в «Bengal Iron Works»—9.000 и т. д. Эта высокая концентрация индийского пролетариата облегчает задачу его классового сплочения, в отличие от текучести.

Рабочий класс Индии кровно заинтересован в буржуазно-демократической революции, хотя он и не может ею удовлетвориться. Свержение империалистического господства означает устранение наиболее мощного, наилучше организованного врага рабочего класса. Свержение помещика развяжет классовую борьбу в деревне и позволит мобилизовать сельских рабочих и бедноту на борьбу за пролетарскую власть. Политическая свобода даст возможность развернуть, организовать и воспитать громадные массы пролетариата, который в ходе

народной революции будет обучаться и закаляться для будущих боев за социализм. Наконец, в процессе демократически-революционной борьбы рабочий класс добьется ряда завоеваний, которые, не уничтожая наемного рабства, все же значительно улучшат ужасающее экономическое положение пролетарских масс.

Борьба за улучшение экономического положения рабочих является составной частью индийской революции. Продолжительный рабочий день; жалкая заработная плата, несравнимая с европейским уровнем; вопиющие к небу жилищные условия, которые привели к тому, что детская смертность в Бомбее превышает 50%; громадные штрафы и задержка выплаты заработной платы; громадная власть и злоупотребления обширных кадров надзирателей; система найма рабочей силы через подрядчиков, надувающих и обирающих рабочих; колоссальное и все растущее распространение детского труда (от 9 и моложе до 15 лет), который, например, в мадрасской провинции составляет 21% всей рабочей силы; вынужденное жилищными условиями и отсутствием яслей пребывание в мастерских, применяющих женский труд, крошечных детей и младенцев, нередко гибнущих под ударами машин; задолженность многих рабочих ростовщикам и т. д., и т. д.—таково в коротких чертах положение поднявшегося на историческую арену молодого индийского пролетариата. Неудивительно, что на этой почве уже в течение многих лет так часто вспыхивают стачки. Неудивительно, что эти стачки, несмотря на слабость пролетарских организаций и предательство профсоюзных вождей, отличаются поразительным упорством и героизмом рабочих. В стихийной стачечной борьбе происходит первая самостоятельная проба сил индийского пролетариата.

Вполне понятно, что в таких условиях не может быть прочной базы для длительного господства реформизма в рабочем движении, хотя цеховая отсталость вчерашних ремесленников и предрассудки вчерашних крестьян могут временно облегчать его работу. Реформизм в индийское рабочее движение привнесен извне— из рядов буржуазного и мелкобуржуазного националистического движения, с одной стороны, и из английской рабочей партии и трэд-юнионов, с другой. Реформисты обоих толков трогательно об'единились в стремлении замкнуть борьбу рабочего класса в рамки экономизма. Добивайся экономических улучшений путем соглашения с предпринимателями, а в политику не суйся, предоставь ее националистам,—так говорят они индийскому пролетариату. Что этот номер не проходит, доказывают попытки буржуазных вождей профсоюзов вкупе с импортированными фабианцами отвести стремление рабочих масс к политической борьбе в трэд-юнионистское русло рабочей партии английского типа. А тот факт, что из этой рабочей партии, несмотря на многочисленные постановления, тоже ничего не выходит, доказывает, что политическая борьба рабочего класса пойдет, а отчасти уже пошла по революционному руслу. Реформистский нарост в рабочем движении не имеет глубоких корней в той исторической полосе, в которую вступает Индия. Но было бы неверно на этом основании недооценивать реформистской опасности, преуменьшать значение борьбы против нее. Лишь вскрыв этот нарыв, рабочий класс может выполнить ту роль, для которой его предназначила история — роль гегемона революции.

Лишь пролетариат может быть гегемоном победоносной, подлинно народной демократической революции. Организованности империализма и буржуазии он противопоставляет свою пролетарскую организацию. В отличие от всех видов мелкой буржуазии он лишен выбросить средств производства и, следовательно, свободен от предрассудков мелкого собственника. В противоположность

раздробленности и разобщенности ремесленников и крестьян пролетариат сконцентрирован крупными массами в громадных городах и предприятиях. Он сравнительно быстро освобождается от кастовых и религиозных предрассудков. Ничто не связывает его с отживающим режимом колониального и крепостнического угнетения. Призванный освободить человечество от всякого неравенства и эксплоатации, пролетариат является самым последовательным революционным классом и в революции буржуазно-демократической.

Основным недостатком, который препятствует рабочему классу Индии завоевать свою гегемонию в революции, является слабость его классовой сознательности, сплоченности и организации. Он еще в большей своей части находится под влиянием буржуазных и мелкобуржуазных националистов. Им удалось захватить профсоюзы, которые еще очень слабы не только потому, что они охватывают всего около 200.000 рабочих и служащих, разрознены и децентрализованы, но и потому, что они оторваны от борьбы пролетариата, не имеют рабочего актива, страдают отсутствием интенсивной внутренней жизни. Не только в профсоюзах, но и в политических настроениях неорганизованного пролетариата влияние буржуазных и мелкобуржуазных течений и предрассудков еще велико.

Центральной задачей коммунизма в Индии является в настоящее время освобождение пролетариата от буржуазного и мелкобуржуазного влияния и руководства и его оформление в самостоятельную во всех отношениях классовую силу. Ряд стачек и в особенности последняя бомбейская рабочая демонстрация показывают, что этот процесс начался. От того, насколько быстро и успешно он будет развиваться, в значительной мере зависят судьбы индийской революции. Рабочий класс прежде всего нуждается в самостоятельной коммунистической партии, которая сейчас зарождается. Без такой партии, без сознательного и крепко сплоченного авангарда, руководящего классом, пролетариат неизбежно будет плестись в хвосте либеральной буржуазии и мелкобуржуазной демократии. Эта коммунистическая партия, которая впитает в свои ряды наиболее преданных революции, целиком перешедших на точку зрения пролетариата интеллигентов и передовые элементы наиболее близких пролетариату слоев крестьянства, должна быть преимущественно пролетарской по своему составу и целиком пролетарской по своей идеологии и политике. Коммунистическая партия нуждается не только в самостоятельной организации, но и в самостоятельной иделогии, в марксистско-ленинской теории, по-пролетарски ставящей все вопросы индийской революции. Такая идеология может выработаться лишь в беспощадной борьбе против шатаний национализма, против народнического утопизма и против экономизма. Рабочий класс и его партия нуждаются в самостоятельной политике, отличной во всех существенных вопросах от политики буржуазного национализма, свободной от половинчатости мелкой буржуазии. Наконец, пролетариат должен вырвать свои профсоюзные организации из рук буржуазных агентов, превратить их в подлинные массовые организации, борющиеся под руководством коммунистической партии.

Освобождение пролетариата от буржуазного и мелкобуржуазного влияния, его политическое и организационное классовое оформление отнюдь не означают замыкания рабочего класса в свою скорлупу, его устранения от участия в национально-революционной борьбе. Наоборот. Само выполнение этой задачи классового оформления возможно лишь в процессе самостоятельного, исключительно активного участия рабочего класса в каждом массовом движении против империализма. В политике рабочего класса вопросы национального освобождения Индии неизбежно играют исключительно

важную роль. Больше того, только рабочий класс может быть единственным, истинным и до конца последовательным представителем борющейся за свое освобождение угнетенной нации.

Под знаменем национальной революции, аграрного восстания он подымет на борьбу громадные глыбы крестьянства и трудящихся масс мелкой буржуазии. Индийскому пролетариату нужна полная самостоятельность для того, чтобы повести за собой всех трудящихся и эксплоатируемых, чтобы с их помощью свергнуть империалиста, помещика и ростовщика. Она нужна ему и для того, чтобы, не ограничиваясь демократическими задачами, подготовить свою борьбу за конечную цель пролетариата—коммунизм.

Я. Бумбер.

Дальнейшие вехи колхозного строительства.

1. Итоги нового строительства 1928 г.

«В настоящий период задача об'единения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы должна быть поставлена в качестве основной задачи партии в деревне»—указывается в постановлении XV с'езда партии. Необходимые для дальнейшего хозяйственного наступления предпосылки,—констатирует с'езд партии,—в процессе социалистического строительства последних лет созданы: в руках рабочего государства сосредоточены гораздо большие, чем раньше, материально-хозяйственные ресурсы, а «в политической области усилился отход середняка от кулачества, укрепился союз рабочего класса с середняцкими массами крестьянства».

Учитывая наблюдавшееся в некоторых случаях при проведении коллективизации административное переусердствование, с'езд партии одновременно сугубо подчеркивает необходимость соблюдения принципа добровольности: «Категорически указывая на то, что этот переход может происходить только при согласии на это со стороны трудящихся крестьян, партия признает неотложным широко развернуть пропаганду необходимости и выгодности для крестьянства постепенного перехода к крупному общественному сельскому хозяйству и всемерное поощрение на практике имеющихся уже и заметно растущих элементов крупного коллективного хозяйства в деревне».

Мы имеем уже первые итоги по реализации этой директивы. Они свидетельствуют, что зов партии был услышан и подхвачен массами трудящегося крестьянства. Имеющиеся предварительные данные о положении колхозного движения в результате строительства текущего года показывают, что XV с'езд партии войдет в историю социалистического сельского хозяйства в качестве важнейшей вехи на грани совершенно новой полосы в нем.

Развертывание колхозного строительства в текущем году происходило совершенно невиданным для предыдущего периода новой экономической политики темпом: опрокинуты все соответствующие динамические коэффициенты предыдущих лет.

Вот основные цифровые данные, характеризующие мощный рост колхозного движения в текущем году (см. табл. стр. 73).

Итак, строительство текущего года привело к удвоению численности колхозов. Особенно бурный рост наблюдается по некоторым республикам и районам. Так, по Дагестану процент прироста составляет 353,7%, по Бурято-Монголии—286,9%, Северному Кавказу—179,5%, Уральской области—199,3%, Сибири—175,5%, ЦЧО—114,5%, по РСФСР в целом—122% и т. д.

В результате строительства текущего года общее количество колхозов выросло до 32.506 единиц, составляя по отдельным республикам: РСФСР—20.903, УССР—9.807, БССР—611, ЗСФСР—418, Узб. ССР—702, Туркм. ССР—65.

Динамика колхозов по СССР [1]).

Годы / показатели	Количество колхозов	В них крестьянских хозяйств (в тыс.)	Посевная площадь (в тыс. гект.)	Лошади (в тыс.)	Крупного рогатого скота (в тыс.)
1926 г.	15.055	216,1	975,7	121,6	135,9
1927 „	15.671	244,2	887.1	125,3	139,0
1928 „	32.506	405,6 [1])	1.770,0	176,2	222,9
Темпы прироста (в %% к предыдущему году).					
1927 г.	104,1	113,0	90,9	103,0	102.2
1928 „	207,0	166,4	199,5	140,8	160,0

Это по сети. Как из вышеприведенной таблицы видно, наиболее высок темп роста именно по сети. Прирост других основных показателей, как-то: числа вовлеченных хозяйств, размеров посевной площади, численности лошадей и крупного рогатого скота, несколько меньше, хотя в абсолютном выражении рост и этих элементов весьма значителен.

После тяжелого кризиса, пережитого колхозами в первые годы нэпа, темп их роста, начиная с 1925 года, несколько превышает средний для всего сельского хозяйства темп. В связи с этим незначительно повышается и удельный вес коллективного хозяйства в сельском хозяйстве, взятом в целом. В результате исключительно бурного роста 1928 года степень охвата коллективами посевной площади выражается по РСФСР в 1,5% (против 1% в предыдущем году), а по некоторым районам поднимается до 3,5% (Северный Кавказ), 4,5% (Крым) и т. д.

Итак, колхозное движение приняло в текущем году резко выраженный характер массового движения. Темп внедрения коллективной формы сельского хозяйства в экономику деревни стал совершенно другим, чем до XV с'езда партии.

2. Качественный уровень новых колхозов.

Изучая величайшие достижения колхозного движения в текущем году, нельзя, конечно, удовлетвориться одними только общими количественными показателями. Не менее важны качественные сдвиги, особенно по линии социально-классового состава и материально-технического уровня колхозов.

Начнем с первого. Все данные (сообщения с мест Колхозцентру РСФСР, обследование НК РКИ и предварительные итоги сплошной переписи ЦСУ СССР) показывают, что основную массу членов вновь организованных колхозов составляет беднота.

По данным семи гнезд РСФСР, разработанным ЦСУ, в колхозах, образовавшихся до 1928 года, соотношение между различными группами коллективизированного крестьянства примерно такое же, как соотношение групп внутри деревни. Колхозы же, организованные в 1928 г., дают четкий сдвиг

[1]) По данным ЦСУ СССР и Госплана СССР. Данные за 1928 г.—по предварительной разработке материалов сплошной переписи колхозов, произведенной ЦСУ СССР в текущем году. Данные о численности коллективизированных крестьянских хозяйств и посевной площади за 1928 г. для Казакстана, Киргизской АССР, ЗСФСР и Узб. ССР—из материалов Колхозцентра РСФСР и Совета Колхозов. Численность лошадей и крупного скота за 1928 г.—по данным Госплана СССР.

в сторону увеличения удельного веса бедняцких и маломощных середняцких слоев.

Вот соответствующие данные относительно товариществ по общественной обработке земли при группировке хозяйств по стоимости средств производства (в %%):

Группы по стоимости средств производства.	В колхозах, организованных до 1/I—28 г.	В колхозах, организованных в 1928 г.	Распределение крестьянских хозяйств по данным динамики 1927 г.
Без средств производства	7,7	7,6	2,8
Стоимостью до 200 руб.	28,3	41,4	22,1
От 200— 400 руб.	22,4	25,2	27,9
„ 400— 800 „	24,8	17,7	31,9
„ 800—1600 „	14,8	6,8	12,7
Свыше 1600 „	2,0	1,3	2,6
Итого	100,0	100,0	100,0

Так как удельный вес товариществ по общественной обработке земли среди новых колхозов наибольший, то приведенные данные наиболее показательны. Что касается высших форм—коммун и артелей, то в них, как общее правило, удельный вес бедноты еще выше.

По данным Колхозцентра РСФСР социальный состав новых колхозов характеризуется следующими числами (по 3.039 новым колхозам, об'единяющим 45.352 хозяйства).

Без лошадей	С одной лошадью	С двумя лошадьми	С тремя лошадьми	С 4 и более
32,8%	52,3%	12,4%	2,0%	0,5%
Без коров	**С одной коровой**	**С двумя коровами**	**С тремя коровами**	**С 4 и более**
18,1%	55,0%	22,8%	3,4%	0,7%

Основную массу членов вновь образованных коллективных хозяйств по РСФСР составляют, следовательно, безлошадные и однолошадные (85,1%) и бескоровные и однокоровные (73,1%).

По 53 новым колхозам в четырех обследованных НК РКИ округах Украины социальный состав оказался следующий:

Округа	Бедняки	Середняки	Зажиточные	Итого
Кременчугский	61,6	38,4	—	100
АМССР	65,8	32,8	1,4	100
Луганский	78,5	21,5	—	100
Херсонский	92,3	7,7	—	100

Все эти данные свидетельствуют, что во вновь организованных колхозах социальный состав более бедняцкий, чем в старых, что колхозное строительство этого года характеризует особо четко выдержанная социально-классовая линия.

XV с'езд партии дал директиву о форсировании колхозного строительства в развитие своей общей директивы об усилении наступления на кулака и ограничении развития капитализма в деревне. Имеющиеся данные о новом колхозном строительстве текущего года показывают, что оно в полной мере может быть отнесено в актив наступления на капиталистические элементы деревни. Это же подчеркивают многочисленные сообщения с мест, расценивающие мощную волну коллективизации текущего года, как один из важнейших факторов в борьбе за изоляцию кулака.

С качественным уровнем новых колхозов в разрезе материально-технической обеспеченности их и основных производственных показателей дело обстоит хуже.

Совершенно очевидно, что только-что образовавшиеся коллективные хозяйства не могли в первый год своего существования значительно повысить производительность труда, товарность хозяйства и т. д. Сорганизовавшись преимущественно из бедноты, они не могли сразу стать в сколько-нибудь нормальное положение и по степени материально-технической вооруженности.

Всякая идеализация колхозного движения и замазывание его существенных недостатков в этом отношении было бы вреднее любой кулацкой клеветы. Находящееся в начале мощного массового развертывания и требующее еще колоссального дальнейшего напряжения сил колхозное строительство должно теперь всячески выявлять свои недостатки, сосредоточивая на этой стороне особое, гораздо большее, чем до сего времени, внимание.

Что мы имеем теперь?

Если основные показатели, приведенные выше в таблице по общей динамике колхозов, пересчитать на 1 колхоз, то получается следующая картина:

Годы / показатели	На 1 колхоз приходится:			
	Крестьянских хозяйств	Посевной площади (в га)	Лошадей	Крупного рогатого скота
1926 г.	14,0	64,1	8,0	9,0
1927 „	15,5	59,0	8,0	8,9
1928 „	12,4	54,3	5,4	6,9

Итак, несмотря на директиву партийного с'езда об укрупнении колхозов, подробно обоснованную и развитую в постановлениях колхозных с'ездов,—средний размер колхоза в результате строительства текущего года понизился. Колхозы, организованные до 1928 г., по имеющимся данным, правда, несколько укрупнились. Их размер по числу вовлеченных крестьянских хозяйств составлял на 1 июня 1928 г. (по отношению к составу на 1 июня 1927 г.): в коммунах—130%, в артелях—119,5% и в товариществах по общественной обработке земли—127,9%. Но вследствие того, что средний размер колхозов, образовавшихся в текущем году, значительно ниже, массовое их влитие в колхозную сеть сильно разбавило ее. В общем итоге не только не получилось никакого укрупнения, наоборот, средний размер колхоза снизился. Особенно мелки новые товарищества по общественной обработке земли, имеющие в среднем на одно об'единение лишь 27,5 га посева, т.-е. фактически не превышающие размеров крупного индивидуального

хозяйства. А большинство новых колхозов состоит, как выше отмечалось, именно из товариществ по общественной обработке земли.

Как видно из вышеприведенной таблицы, так же обстоит со средним размером приходящегося на 1 колхоз живого инвентаря. При расчете на 1 колхоз наблюдается абсолютное снижение.

Стоит сопоставить данные об обеспеченности средствами производства вновь организованных и старых колхозов, чтобы убедиться, что причиной снижения уровня материально-технической вооруженности является именно «призыв» 1928 г. Так, стоимость сельскохозяйственного инвентаря, приходящегося в среднем на 1 колхоз (в черв. рублях), составляла: в коммунах, организованных до 1928 г.—5.082, в организованных в 1928 г.—1.307, в артелях соответственно: 1.863 и 568, в товариществах соответственно: 2.013 и 926.

Еще больше разница по обеспеченности тракторами. Если из числа коммун, организованных до 1928 г., 79,2% имеют тракторы, то коммуны, организованные в 1928 г., обеспечены ими лишь на 23,3%. Из числа артелей имеют тракторы соответственно: 38,2% и 5,0%; из числа товариществ: 42,8% и 10,9%.

Настолько низкая обеспеченность тракторами сказывается, конечно, крайне отрицательно на дееспособности колхозов, особенно в районах зернового направления. Если, например, на Кубани из 1.026 новых колхозов имеют тракторы лишь 19 (согласно данным обследования НК РКИ), то говорить о хозяйственной устойчивости колоссального в этом районе прироста текущего года, конечно, не приходится.

Группировка колхозов по стоимости обобществленных средств производства, произведенная ЦСУ на основании предварительной разработки данных последней переписи, свидетельствует точно так же о низком уровне материально-технической вооруженности новых колхозов.

63,4% коммун, организованных в 1928 г., имеют обобществленного инвентаря стоимостью не свыше 7.000 руб., в то время как по старым коммунам к этой группе относится лишь 10,4%. Среди артелей, организованных в текущем году, 65,9% обеспечены обобществленным инвентарем на сумму не свыше 3.000 руб. против 41,8%, относящихся к этой группе по старым артелям. 15,2% новых артелей вовсе не имеют обобществленных средств производства. Из числа товариществ по общественной обработке земли, организованных в 1928 г., к группе обеспеченных обобществленным инвентарем на сумму не свыше 3.000 руб. принадлежит 91,2%, в то время как в старых товариществах к этой группе относится лишь 63,9%. 26% новых товариществ по общественной обработке земли не имеют никаких обобществленных средств производства. В составе старых товариществ к этой группе относится лишь 9,4%.

Все эти данные говорят довольно красноречиво и о причинах общего снижения степени обеспеченности колхозов мертвым и живым инвентарем. То, что является определенным преимуществом с социально-классовой точки зрения в колхозном строительстве текущего года, именно охват производственной кооперацией главным образом и прежде всего бедноты, неизбежно послужило причиной некоторого снижения общего уровня материально-технической вооруженности колхозов. В этом же направлении действовало преимущественное развитие простейшей колхозной формы—товариществ по общественной обработке земли, в которых процент обобществления средств производства наиболее низок. С точки зрения развития социалистического сектора сельского хозяйства такое положение в качестве временной, переходной стадии роста не может вызвать особых опасений. В случае же сколько-нибудь затяжного характера его совершенно неизбежен массовый развал вновь организованных об'единений и тяжелая

дискредитация идеи коллективизации в целом. Прозябание колхозов в положении мелких, хозяйственно хилых единиц не представляет никакого интереса ни с точки зрения развития производительных сил, ни с точки зрения социалистической реконструкции сельского хозяйства.

3. Дальнейшие вехи. За рационализацию коллективного сельского хозяйства.

Выше был обрисован качественный облик новых колхозов, исходя из старых как критерия. Этим, однако, нельзя ограничиться. Поднятие вновь организованных колхозов до уровня старых далеко еще не разрешение задачи. За весьма незначительными исключениями и старые колхозы не являются рационально поставленными крупными сел.-хоз. предприятиями. Проблема повышения качества весьма актуальна по отношению ко всему коллективному сельскому хозяйству. Коллективному сельскому хозяйству присущи еще весьма многие крупнейшие недочеты, что совершенно понятно, если учесть, как мало уделялось ему внимания до исторических директив XV с'езда партии.

Суммируя и систематизируя недостатки коллективного сельского хозяйства, не трудно заметить, что все они увязываются воедино в один основной узел — отсутствие рациональной постановки в ведении хозяйства. Сплошь да рядом это вызвано недостаточным материально-техническим вооружением колхозов, неземлеустроенностью их и т. д. Но и там, где эти моменты отсутствуют, производительность труда в колхозах, как правило, не соответствует уровню рационально поставленного крупного сел.-хоз. предприятия.

Дальнейшие вехи колхозного строительства должны поэтому быть расставлены прежде всего по линии рационализации. Надо, наконец, четко осознать, что колхозы порвут окончательно и бесповоротно со своим неприглядным положением недалекого прошлого и станут мощным действенным началом социалистического преобразования деревни лишь в том случае, если примут облик рационально поставленных крупных сельскохозяйственных предприятий.

Настоящее положение в этом отношении характеризуется достаточно ярко тем обстоятельством, что при разговоре о рационализации производства подразумевается без всяких комментариев рационализация производства в промышленности. Кто, когда учитывал и изучал динамику эффективности производства в колхозах? От случая к случаю демонстрировались эпизодические данные, случайные заметки об урожайности в колхозах,—вот и все.

Пора с этим решительно порвать. Рационализацию производства в социалистическом секторе сельского хозяйства необходимо неотлагательно вывести из задворок случайных общих разговоров на авансцену конкретного систематического учета, анализа, плана и руководства. Если мелкое и мельчайшее крестьянское хозяйство не поддается до коллективизации сколько-нибудь серьезной рационализации, ибо без предварительной переделки его социальной формы невозможны сколько-нибудь глубокие улучшения производственного аппарата, то рост социалистического сектора сельского хозяйства, показательность и убедительность его примера зависят всецело от того, как скоро будет развернута серьезная, глубокая рационализация производства в нем.

Рационализация производства в колхозах — неотложная боевая задача сегодняшнего дня. Ее уже нельзя откладывать. Берега недалекого прошлого, когда темпы развертывания колхозного строительства проектировались,

примерно равными темпам развития индивидуального сельского хозяйства, теперь, в период строительства под знаком директив XV с'езда партии, следует считать окончательно и навсегда оставленными. Но отсюда необходимо делать все соответствующие выводы—и прежде всего по линии рационализации производства. Об этом следует трубить, неустанно напоминать, пока не будет достигнут столь же решительный сдвиг как по развертыванию новой сети в текущем году. Темпы развертывания сети уже отвечают директивам XV с'езда партии, качественные же показатели остались порядка дос'ездовских. В игнорировании проблемы рационализации производства в колхозах, в отсутствии должного напряжения в деле ее организации сказывается наиболее вредная разновидность недоучета значения колхозов: обойдется, мол, попрежнему, чего особенно беспокоиться. Недостаточное напряжение в организации рационализации производства в колхозах — наиболее опасное практическое оформление правого уклона в вопросе о колхозах, ибо на данном этапе дальнейший ход колхозного строительства определится прежде всего тем, как скоро и насколько мы сумеем повысить его качество.

К колхозном движении поражает колоссальный процент выходов из коллективов. Согласно предварительным данным разработки семи гнезд (по материалам сплошной переписи ЦСУ СССР) процент выбывших семей и одиночек за период с 1 июня 1927 г. по 1 июня 1928 г. составлял к общему числу их на 1 июня 1927 г. в коммунах 20,6%, в артелях—22,5%, в товариществах по общественной обработке земли—24,2%. В некоторых районах процент катастрофически высок. Так, по данным «Кооперативной Жизни» (№ 238 от 12 октября с. г.), на Сев. Кавказе выбывшие составляют целых 80% старого состава. Если бы не эти массовые выходы, коллективное сельское хозяйство имело бы теперь совершенно иной, гораздо больший удельный вес.

Правда, в таком неизведанном добровольном массовом опыте, как колхозное движение, совершенно неизбежна некоторая неустойчивость. Но теперешние размеры процесса деколлективизации значительно превышают этот нормальный отсев. Пора покончить с превращением колхозов в постоялый двор, куда заезжают за временными льготами, чтобы затем вновь вернуться в более спокойное и привычное индивидуальное существование. Радикальное средство для этого только одно — рационализация коллективного хозяйства.

Коллективному хозяйству приходится прокладывать себе дорогу через многочисленные рытвины прошлого: тут и старый быт и традиции индивидуального хозяйствования. Что может коллектив противопоставить этим многочисленным рогаткам и неувязкам, если не более высокую эффективность производства? Массовые выходы из колхозов, не прекратившиеся и в текущем году, сигнализируют необходимость сосредоточения гораздо большего, чем до сего времени, внимания на проблеме рационализации коллективного хозяйства. Неустойчивость колхозов, деколлективизация обрекает на бесплодность и оказанную материальную помощь (льготы по сельхозналогу, кредиту, машиноснабжению и т. д.).

Острая актуальность проблемы рационализации производства в колхозах обусловливается также теперешним удельным весом колхозов среди об'ектов финансирования и кредитования. До недалекого прошлого оказываемая колхозам материально-финансовая помощь была весьма ничтожна. И теперь она недостаточна по сравнению с потребностью средств на гигантское дело социальной реконструкции деревни. Все же идущая на коллективизацию народнохозяйственная помощь теперь значительно больше. А это увеличивает и ответственность за рациональное использование возросших народнохозяйственных ресурсов.

Чтобы успешно провести рационализацию производства размер материально-финансовой помощи должен быть, конечно, всемерно увеличен, ибо во многих коллективах без значительного пополнения инвентаря рационализация производства неосуществима. Но одновременно необходимо поднять и эффективность использования этой помощи.

Оказываемая колхозам материально-техническая и финансовая помощь идет преимущественно по линии долгосрочного кредита. Наше народное хозяйство не так богато, чтобы предоставить им бессрочный кредит. Лишь бывший помещичий инвентарь и постройки, доставшиеся части колхозов, зачислены в бессрочный кредит. Колхозы должны, следовательно, свести концы с концами так, чтобы соблюсти кредитную дисциплину, одновременно не нарушая у себя и нормального хода расширенного воспроизводства. Совершенно очевидно, что положительное сочетание этих двух моментов возможно лишь при рациональной постановке хозяйства.

Как показывают сообщения с мест, уже теперь мы имеем группу колхозов, изнывающих «под тяжелым бременем» льготного кредита. Часть сроков погашения подвергается перманентному продлению. Тем самым завязываются народнохозяйственные ресурсы и исключается их новое использование.

Дело, конечно, не в том, чтобы об'явить соответствующую новую кампанию. Опыт рационализации производства в промышленности в достаточной степени выявил бесплодность кампанейского подхода к этому делу. Необходима систематическая, изо дня в день углубляемая продолжительная работа, работа, в которой теснейшим образом переплетается широкое массовое соревнование с систематическим учетом, изучением, отбором и распространением достижений, детальным анализом и выявлением типичных недостатков.

Рационализация производства колхозов требует совершенно особого организационного подхода. В колхозах, как организациях совершенно добровольных и самоуправляющихся, неприменимы методы администрирования. Рычаги воздействия и руководства должны быть совершенно иные. Возможность ее успешного проведения зависит больше чем где-либо от вовлечения поголовно всей массы в широкое, напряженное соревнование и производственную самокритику, от умения вызвать и организовать это соревнование, своевременно учесть, изучить ее результаты и приобщить всю колхозную первичку к ним. Это, конечно, не исключает умелого воздействия по линии кредитной политики. Чувство общественной ответственности колхозников за дело рационализации следует развивать и укреплять всеми мерами.

Решительный сдвиг по линии производительности труда в колхозах является заветной мечтой передовой, наиболее сознательной части колхозных масс. Необходимо их почин всемерно организовать и расширить. Без организационной и материальной помощи и заботливого руководства эта труднейшая задача не может быть реализована достаточно эффективно.

4. Укрупнение колхозов.

В настоящей статье мы, конечно, не имеем возможности сколько-нибудь исчерпывающе обрисовать конкретные задачи по рационализации коллективного сельского хозяйства. В скорейшую проработку и всестороннее выявление их необходимо вовлечь широчайшие круги колхозного актива. Здесь же в порядке постановки вопроса отметим лишь самые основные, совершенно неотложные для ближайшего же будущего задачи этого порядка.

Начнем с элементарнейшего из элементарных рационализаторских требований—с проблемы укрупнения колхозов. Сколько уже говорилось и писалось о нем! И широчайшие массы самих колхозников вполне осознали актуальность задачи укрупнения колхозов. Все колхозные с'езды текущего года подчеркивали неотложность укрупнения. Как будто совершенно излишне поднимать еще раз об этом разговор. Однако, как показывают вышеприведенные цифры, в результате строительства текущего года получилось не укрупнение, а дальнейшее измельчание колхозов. Практически с задачей укрупнения мы все еще не справились. Одно понимание преимуществ крупного сельского хозяйства не произвело перелома. Уменья практически добиться укрупнения не оказалось.

Проблема укрупнения колхозов действительно не так проста, как с первого взгляда кажется. Подобрать сразу при организации нового колхоза в границах селения многочисленную группу, соответствующую по численности оптимальным размерам коллектива, редко когда сразу возможно. К тому же в огромном большинстве случаев процесс коллективизации совершается самотеком, без достаточного руководства. Точно так же и слияние уже возникших мелких коллективов, т.-е. огромного большинства наших теперешних колхозов,—как правило, крайне затруднительно. Мешают отличия и в отношении организации хозяйства, и в отношении степени обобществления и системы распределения, оплаты труда, управления и т. д. Наконец, друг возле друга расположенных колхозов—ничтожное меньшинство. В лучшем случае соседство измеряется пределами одного селения. В таком случае слияние все же сопряжено с ликвидацией межколхозной чересполосицы, т.-е. новым землеустройством. Новое землеустройство же, особенно там, где оно только-что закончено, не так-то легко осуществить.

Как же быть в таких условиях с совершенно неотложной задачей массового укрупнения колхозов? Не останется ли укрупнение и впредь лишь благим пожеланием? Совершенно очевидно, что вышеуказанные препятствия окажут и впредь в том или другом сочетании свое действие.

Прежде всего опять-таки следует сугубо подчеркнуть, что укрупнение колхозов, не может быть проведено в порядке административного нажима. Поползновения к этому имели в текущем году кое-где место, но их следует осудить. Ведь, допускаем мы,—и даже всячески стимулируем, руководствуясь кооперативным планом Ленина,—возникновение и рост еще более примитивных форм кооперирования, чем мелкие колхозы. Укрупнение колхозов, правда, основное условие их дальнейшего роста. Оно ни в коем случае, не может быть впредь предоставлено вольной игре стихии. Но не плоским административным нажимом добиться реализации укрупнения.

Если непосредственное массовое слияние мелких колхозов невозможно, следует, очевидно, выявить массовую организационную форму их постепенного слияния. Кстати, прообраз такой формы перерастания мелких колхозов в крупные уже выдвинут практикой колхозного строительства последних лет. Мы имеем в виду кустовые и групповые об'единения.

Пока еще эти новые формы укрупнения получили небольшое распространение. Не вполне ясен также вопрос о месте их в колхозной организации. *Но по всем данным явствует, что именно в них мы имеем искомый путь к массовому укрупнению колхозов.* Поэтому уточнением лица и значения кустовых и групповых об'единений следует неотложно заняться.

Начнем с небольшой аналогии. В основу организации новых зерновых совхозов положен принцип двухчленности: экономии—совхоз. Разбивка на несколько дробных единиц — экономий — позволяет каждому совхозу сочетать выгоды значительного сокращения внутрихозяйственного транспорта с преимуществами общего использования индустриально-технических установок и общего управления. Такой тип организации наиболее рационален для сельскохозяйственного предприятия зернового направления.

Переходя к колхозам, следует прежде всего констатировать, что многообразие форм и типов этих добровольных и самоуправляющихся организаций не позволяет им перестроиться прямолинейно непосредственно в оптимальное сельскохозяйственное предприятие типа новых зерновых совхозов. История с укрупнением достаточно убедительно показывает, насколько хлопотливо и сложно это дело. Но совершенно бесспорно, что колхозное строительство следует ориентировать именно в этом направлении.

Как должно применительно к этой задаче уточняться место кустовых и групповых об'единений в колхозной системе? В настоящее время кустовые об'единения охватывают преимущественно территорию селения, групповые—территорию административной единицы (района, волости). Такой территориальный размах следует признать в общем вполне соответствующим задачам постепенного построения оптимальных размеров колхозного предприятия. В настоящее время кустовые и групповые об'единения, особенно последние, являются надстройкой над колхозной низовкой, обслуживающей некоторые общие потребности ее, но без изменения ее внутренней организации. С этого, очевидно, целесообразно начинать. Но ориентация все же должна быть иная. *Если мы хотим построить действительно рациональные крупные колхозные предприятия, то кустование следует ориентировать на окончательное сращивание первоначально лишь частично об'единяемых коллективов.* Если употреблять аналогию с зерновыми совхозами, куст должен превратиться в колхозную экономию, группа—в единое мощное сельскохозяйственное предприятие.

Завершение построения такой организации, конечно, не дело ближайшего будущего. На первое время неизбежно сохранение существования отдельных колхозов в качестве самостоятельных организаций. *Но в качестве подготовляющих слияние организаций кустовые и групповые об'единения следует признать за то звено, за которое следует немедленно ухватиться, чтобы вытянуть всю цепь укрупнения колхозов.* Об'единяя на первых порах самостоятельные колхозы вокруг общего использования кустовой агрономии и счетного инструктажа, групповой тракторной колонны, ремонтных мастерских, предприятий по переработке с.-х. сырья, автотранспорта, группового инструктажа по строительству и машиноиспользованию, составлению технических смет и производственных планов, — следует тут же ориентировать работу на подготовку слияния и перехода к общим органам управления.

Опять-таки необходимо подчеркнуть, что подготовка к слиянию и нарастание значения кустового центра должны итти рука об руку с осознанием колхозными массами необходимости этих мер. *Элементы бюрократической опеки сверху, игнорирование или недостаточное развертывание инициативы входящих в куст колхозных масс в направлении роста куста и группы к полному слиянию—наиболее ошибочный подход к этой величайшей важности проблеме колхозного движения на данной стадии.*

Мы здесь исходили из аналогии с новыми зерновыми колхозами. Они пригодны для ориентации в районах зернового направления. Что же касается других сельскохозяйственных районов, то по ним не имеется и приблизительных моделей районного оптимума сельскохозяйственного предприятия. Это необходимо здесь сугубо подчеркнуть. Отсутствие четкой перспективы—

одна из причин недостаточного напряжения в деле укрупнения колхозов. Нельзя дольше откладывать в долгий ящик проработку этого вопроса. Без районных оптимумов крупного коллективного сельскохозяйственного предприятия невозможно четкое уточнение лица кустовых и групповых об'единений в разных районах. Кустование и организацию групповых об'единений нельзя строить повсеместно по одному шаблону. Оно должно быть теснейшим образом увязано с районным оптимумом сельскохозяйственного предприятия. Поскольку массовое распространение практики кустовых и групповых об'единений является ударной задачей ближайшего будущего, не может быть дольше отсрочена и эта подготовительная к нему работа.

Эта, казалось бы, чисто технического характера проблема имеет сугубо принципиальное значение. Ее разрешение можно передать только действительным друзьям социалистической реконструкции советской деревни. Если за определение районных оптимумов колхозного крупного с.-х. предприятия возьмутся неонародники, столь охотно подвизающиеся по вопросам экономики сельского хозяйства, то, очевидно, окажется, что никакого укрупнения вообще не требуется. Тем более пора взяться за настоящее, практическое ее разрешение.

(Продолжение следует).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

ГОРДЕЕВ, Г. С., проф.—«Обезземеливание американского фермера». Изд. «Новый Агроном». Москва. 1928 г. Стр. 241. С 10 картограммами в тексте. Цена 2 руб. 90 коп.

В предлагаемой читателям книге т. Г. С. Гордеев ставит задачей «проследить судьбу американского фермера». Я попытался с особенным вниманием заполнить тот пробел,—пишет Г. С. Гордеев,—на который указывал еще Ленин. Он писал, что «зависимость фермеров от финансового капитала могла бы,—и должна бы—была обратить на себя внимание исследователей. Но эта сторона вопроса, несмотря на ее громадную важность, осталась в тени». (Ленин, том IX, стр. 264).[1]). Бесспорно, что в книге, изучающей процессы диференциации в сельском хозяйстве в свете зависимости фермеров от финансового капитала, нуждается аграрная марксистская литература. Появление такой работы надо приветствовать. И совершенно правильно методически поступает автор, стремясь исследовать названные проблемы на примере С.-А. С. Ш.—«...Соединенные Штаты не имеют равного себе соперника ни по быстроте развития капитализма в конце XIX и начале XX века, ни по достигнутой уже им наибольшей высоте его развития, ни по громадности площади, на которой применяется по последнему слову науки оборудованная техника... Эта страна—во многих отношениях образец и идеал нашей буржуазной цивилизации»[2]). В качестве об'екта изучения Америка перед другими странами представляет также и то преимущество, что «в Соед. Штатах каждые десять лет производится перепись населения (цензы)... Получается такой точный и богатый материал, какого нет ни в одной стране»[3]). А так как мелкобуржуазные ревизионистские, народнические и неонароднические теории вызрели преимущественно на фоне мелкого крестьянского земледелия и все их доводы против теории концентрации покоятся исключительно на материалах Запада—России, то отсюда совершенно ясно, каким орудием являются американские цензы в руках марксиста, и не менее ясно также, почему Ленин в схватке с ревизионистами (Давид, Суханов и др.) и народниками впервые использовал американские цензы[4]). Тем не менее,

---

[1]) См. рецинзируемую книгу, стр. 5.

[2]) Ленин, том IX, стр. 197.

[3]) Ibidem, стр. 198.

[4]) Крестьянское мелкобуржуазное производство—и в странах с ярко-выраженными товарно-капиталистическими отношениями (Германия, Дания и др.), и в странах с преобладанием полунатуральных элементов (Россия, Польша, Румыния и т. д.)—в балансе народного хозяйства сохранило свою реальную значимость. Это обстоятельство дало повод мелкобуржуазной ревизионистской науке и ее разновидности сделать два принципиальных вывода:

1) Сельское хозяйство избежало операцию, испытанную кустарно-ремесленной промышленностью и мануфактурой.

2) Капитализм в отношении сельского хозяйства не выполнил предначертанной ему Марксом исторической миссии... И, таким образом, марксова теория концентрации, так блестяще оправдавшаяся в промышленности, потерпела фиаско в сельском хозяйстве, осталась непригодной для этой сферы.

Н. Суханов, однако, пошел дальше других. Он взял на себя смелость доказать несуществующее, т.-е. то, что, несмотря на глубоко захваченное капиталом сельское хозяйство С.-А. С. Ш., во-первых, подавляющее число ферм в Соед. Штатах принадлежит к трудовым и что, во-вторых, шансы трудового хозяйства на Севере вследствие разлагающегося земледельческого капитализма—крупных фермр—вырастают с каждым годом. Говоря иначе, идет неуклонный процесс вытеснения капиталистического производства в сельском хозяйстве «трудовым»... Ленин с полным основанием выводы Гиммера—Суханова называл «издевательством над истиной», и Владимир Ильич убедительнейшим образом доказал несостоятельность принципиальных соображений Гиммера. Гордеев целиком подтвердил сделанные 14 лет назад выводы Ленина.

книги, специально посвященной исследованию динамики социальных антагонизмов в сельском хозяйстве на примере высокоразвитой капиталистической страны и под углом зрения влияний на эволюцию сельского хозяйства финансового капитала,—у нас нет. Вот этот пробел и стремится заполнить Г. С. Гордеев.

II.

С внешней стороны книга Гордеева распадается на три части. В 1-й (5 глав) рассматриваются проблемы концентрации в с. х. и диференциации фермеров, при чем первая интересная глава затрагивает «распределение» земельных ресурсов и угодий между различными социально-классовыми группами и прослойками. Попутно вскрывается «демократическая» аграрная политика федерального правительства в истории раздач и распродажи земли. Две последние главы касаются динамики цен на землю и состава фермеров. Во II части из 7 глав 5 посвящены исследованию арендных отношений. В этих двух частях собственно и заключается основа рецензируемой работы, т.-е. здесь дано все то, что соприкасается с анализом расслоения фермеров. В III части 1 глава—«Послевоенный сельскохозяйственный кризис»—служит дополнением к изложенному в двух первых частях работы. Остальное под общим заголовком «Приложение» намечает экономические с.-х. районы в Соединенных Штатах. Эта незаконченная работа по районированию на первый взгляд может показаться самостоятельной и мало связанной с основной работой. Однако, при более внимательном рассмотрении совершенно очевидно, что намеченные Гордеевым экономические районы тесно примыкают к основным главам книги, вполне согласуются с курсом всей работы. В конце книги изображены в цифрах: 1) история сельского хозяйства в Соединенных Штатах (с 1850 по 1925 г.), 2) оценка задолженности фермеров в 1920 г. по штатам и районам и 3) банкротство фермеров за 1910—27 гг. по штатам и районам Северо-Американских Соединенных Штатов. Такова внешняя характеристика книги проф. Г. С. Гордеева.

III.

Центральное место в книге, как сказано, занимает анализ социально-экономических связей в сельском хозяйстве или анализ тех «внешних» и «внутренних» факторов, которые формируют природу фермерского хозяйства, воздействуют на структуру производственных отношений в земледелии С.-А. С. Ш. В плоскости такой постановки следует остановить внимание читателя на некоторых вопросах, проанализированных автором и, на наш взгляд, представляющих существенный интерес. Прежде всего следует обратить внимание на историю раздела, распределения и захвата земель в Соед. Штатах в прошлом, отчасти определившую в дальнейшем направление развития социальных отношений в сельском хозяйстве. Эволюция сельского хозяйства в С.-А. С. Ш. отличается во многом от эволюции его на Западе и в России, и в первую очередь форсированным темпом капитализации сельского хозяйства. Настойчивые попытки англичан перенести социально-экономические «условия своей страны на континент Америки» (22) натолкнулись на решительное сопротивление американцев. Революция и отделение Америки от Англии—последний освободительный удар по Англии, когда экономическая и политическая инициатива целиком перешла в руки федерального правительства.

Бурный процесс проникновения капитала в сельское хозяйство ускорил в нем развитие товарных отношений, что повлекло за собой небывалую спекуляцию землей. Спекуляция же способствовала процветанию крупной земельной собственности, концентрации земли в руках с.-х. буржуазии. «Выработался почти неизвестный в Европе тип фермера. Особенность фермера

заключается в величине его хозяйства, в его подвижности, в его спекулятивных склонностях» (22). «800 фермерам был задан вопрос: если бы вы полагали, что вы могли бы в городе заработать больше денег, чем в деревне, сколько бы из вас продали фермы?—За немногими исключениями, все ответили, что они продали бы свои фермы» (цитирую по Гордееву). И ничего удивительного нет в том, что «земля превратилась в обычный товар» (23), т.-е. как средство спекуляции и наживы, в одном случае, и как средство отделения производителя от средств производства,—в другом. С точки зрения анализа концентрации и разорения фермеров чрезвычайно важно подчеркнуть это обстоятельство, т.-е. то, что горячка спекуляции землей—явление не последних 3-х десятилетий,—момент наивысшего расцвета промышленного и с.-х. капитала. Спекуляция землей и тенденция буржуазии отхватить лучшие участки уходят глубоко корнями в историю, а начало «собирательной» земельной вакханалии относится к XVII столетию. В это время европейцы волнами вливались на континент Америки, захватывали силой у краснокожих освоенные ими плодородные земли. По словам Гордеева, буржуазный историк вынужден признать ненаказуемость варварства цивилизованных европейцев,—«жестокая борьба между белыми и индейцами,—пишет историк,—вызвала вражду и предубеждение, которое затемняло значение краснокожих. Дружба белых людей с краснокожими была, обычно, гибельна для последних... и никогда индейцам не были оплачены и не могут быть оплачены (!) земли, которыми они совершенно бесспорно владели 300 лет тому назад» [1]). Позднее (в XX в.) федеральное правительство пыталось, однако, почти безрезультатно, воспрепятствовать спекуляции, нормировать произвол целых компаний, скупающих и даже огораживающих землю [2]). Но, поскольку правительство от времени до времени прибегало к продаже крупных участков, постольку оно само способствовало спекуляции. «На протяжении всей истории Соединенных Штатов,—говорит Гордеев,—земля захватывалась капиталистами под различными предлогами. Организовывались специальные компании для скупки земли, возникали железнодорожные компании специально для того, чтобы получить миллионы акров плодороднейших земель... Так как демократия Соед. Штатов была демократией капитала, то капиталисты изобретали всякие прикрытия для беззастенчивого грабежа общественных земель» (14). Распродажа, незаконный захват и раздача общественных земель не противоречили интересам капитала. Наоборот, такая государственная политика вытекала из господства капитала; она (политика) способствовала быстрому накоплению крупных состояний, подготовляла почву для массовой пролетарской армии, столь нужной промышленному капиталу. Таким образом, история развития земельной собственности и государственной политики С.-А. С. Ш.,—на что Г. С. Гордеев обратил значительно больше внимания, чем мы имеем в литературе до сих пор,—проливает свой яркий свет на эволюцию и характер концентрации, помогает ближе осознать «судьбу американского фермера».

Разумеется, что суть вопроса заключается не только и не столько в выяснении своеобразия эволюции социальных отношений в отличие от других стран, и даже не столько в том, какой отпечаток наложила «история прошлого» на последующие классовые взаимоотношения в С.-А. С. Ш.

---

[1]) Цитирую по Гордееву, стр. 8.

[2]) В качестве частичной меры пресечения спекуляции правительство издало в 1841 г. закон на предмет облегченной покупки земли переселенцами. Затем закон о «гомстэдах», по которому на каждого переселенца выделено было по 160 акр. за небольшую плату. Но и закон о гомстэдах, непосредственно облегчающий положение мелкого фермера, использован был в большей мере капиталистами. «Под гомстэды было отведено всего лишь 248 млн. акров, в то время, как подлежало заселению 1.308 млн. акров» (12).

Такой анализ устанавливает лишь общие черты развития общественных отношений в сельском хозяйстве, дает общие предпосылки к исследованию явлений и фактов в конкретных условиях.

Именно так и ставит вопрос Г. С. Гордеев. Давая в первых главах книги оценку правительственной политики, как классовой политики, характеризуя распродажу и раздачу земель, как «демократию» внедряющегося в сельское хозяйство капитала, которому в земледелии нужен не меньший простор, чем в индустрии,—автор таким путем подходит к исследованию вопроса «обезземеливания американского фермера».

Продемонстрируем цифры, решительным образом опрокидывающие выводы мелкобуржуазных экономистов о том, что «трудовое» хозяйство якобы вытесняет крупное производство и что концентрация капитала в сельском хозяйстве идет в Соед. Штатах на убыль.

Процентное распределение арендованной земли по количеству акров во владении[1]).

	Меньше 100 акр.	Меньше 200 акр.	200 акр. и больше.	500 акр. и больше.	1000 акр. и больше.	2500 акр. и больше.	Всего.
Число землевладельцев:							
1900 г.	44,0	77,7	22,2	2,9	0,6	0,08	100
1920 г.	24,9	63,2	36,7	6,9	1,4	0,17	100
Число арендованных ферм:							
1900 г.	38,2	62,2	30,8	8,1	3,1	0,87	100
1920 г.	20,9	53,5	46,4	14,9	5,1	1,61	100
Площадь под арендованными фермами:							
1900 г.	14,9	76,3	53,6	18,0	7,8	2,9	100
1920 г.	7,1	33,3	66,6	28,8	9,5	2,8	100
Ценность арендованных ферм:							
1900 г.	18,6	51,4	48,5	14,0	—	1,5	100
1920 г.	7,6	36,6	63,3	21,9	7,6	2,3	100

Группировка по ценности ферм[2]).

	Меньше 5000 долл.	5000—9999	10000 и больше.	25000 и больше.	75000 и больше.	250000 и больше.
Группировка землевладельцев, владеющих аренд. фермами, по ценности	24,5	17,2	58,3	31,4	7,3	0,6
Ценность всех арендованных ферм, принадлежащих собственникам в размере	2,2	7,5	93,3	77,1	37,6	8,9

Из первой таблицы для Северных Штатов совершенно очевидно резкое сокращение арендаторов ферм меньше 100 акров и сильное увеличение фермеров, имеющих 200 и свыше акров. Но группировка по посевной площади все-таки скрадывает элементы концентрации и расслоенности фермеров. Этот процесс представлен значительно резче и ярче во 2-й таблице, группируемой по ценности ферм всех САСШ. Здесь на 24,5% арендованных

[1]) См. стр. 39.
[2]) Ibidem, стр. 41.

ферм до 5.000 долларов приходится 2,2% ценности от всей ценности ферм. В то время, как владения по ценности 25.000 и больше долларов численностью 31,4% сосредоточивают в своих руках 77,1% ценности. Иначе говоря, отношение владельцев арендованных ферм ценностью *меньше 5.000 долларов к владельцам арендованных ферм ценностью 25.000 и свыше долларов будет примерно* $^4/_{51}$ *суммарная ценность же в том и другом случае составит отношение* $^1/_{35}$. Не менее ярко подчеркивается концентрация на примере 2 последних групп численностью—7,9%; ценность владений у них превышает ценность первой группы (численностью 24,5%) в 18 раз. При этом надо отметить тот знаменательный факт, что темп концентрации в сельском хозяйстве в последнее десятилетие возрастает в высших группах: «...число владельцев с 5-ю и свыше фермами увеличилось на 3%» (42).

С другой стороны, размер кредитных отношений и задолженность фермеров—прекрасный показатель зависимости фермера от финансового капитала. В С.-А. С. Ш. в интенсификации сельского хозяйства кредит сыграл огромную роль. Фермер, втянутый в капиталистические отношения, как и промышленный предприниматель, нуждается в кредите. Кредит выручает фермера. Но если крупный фермер-буржуа использует кредит в целях усиления и совершенствования с.-х. предприятий, то мелкий фермер, связавший свою судьбу с финансовым капиталом, обычно несет все тяжести долговых обязательств: высокий % кредита ложится тяжелым бременем на его хозяйство, а напряженность бюджета кредитом отнюдь не ослабляется. В период же неустойчивых кон'юнктур и кризиса благодаря кредиту и задолженности происходят массовые банкротства, в первую очередь банкротства падают, конечно, на мелких фермеров.

Нижеследующие таблицы особенно ярко изображают картину задолженности [1]) и банкротства фермеров:

Годы:	Число залож. ферм в тысячах.	%% залож. ферм ко всем собств.	Темп роста заложенных ферм.	Темп роста только собственных [2]).
1890	874	27,8	100	100
1900	1093	30,0	123	115
1910	1312	33,2	150	125
1920	1461	37,2	162	125
1925	1395	36,1	159	128

Годы.	Число банкротств.	Годы.	Число банкротств [3]).
1910	676	1922	5996
1914	1249	1923	7608
1918	1207	1924	7833
1919	997	1925	7833
1920	1363	1926	7772
1921	3236		

[1]) «По оценке Департамента Земледелия, вся задолженность фермеров на 1920 г. равнялась 8,556 миллиардов... Секретарь земледелия Золлес оценивал в 1924 г. долг в 10 млрд. долл. Для 1927 г. Уоррен оценивает задолженность в 12—15 миллиардов долларов». Но этот долг «падает только на кредит под залог... Остается совсем неизвестная сумма краткосрочного кредита, получаемого фермерами от торговцев, банкиров, из магазинов с.-х. машин, удобрений и т. д. без залога» (47—48).
[2]) См. стр. 52.
[3]) См. стр. 195.

Займы шли на выкуп и покупку земли, на производственные расходы и текущие хозяйственные нужды. Умалить значения кредитов в интенсификации сельского хозяйства нельзя. Но как бы ни было велико значение с.-х. кредита в рационализации сельского хозяйства, надо со всей категоричностью подчеркнуть то, что для мелкого фермера, частично и для крупного, в период напряженных кон'юнктур и с.-х. кризисов «кредит превращается в свою противоположность. Он непрерывно увеличивает долг фермера и число заложенных ферм, обостряет классовые противоречия между отдельными группами фермеров, а равно и фермерами в целом и финансовым капиталом. Одним словом, кредит усиливает расслоение фермеров и концентрацию капитала в сельском хозяйстве. В самом деле, несмотря на смягчение с.-х. кризиса, вернее полоса кризиса (1920—1925 гг.) почти миновала, банкротства фермеров неуклонно возрастают, достигнув в последние годы колоссальных размеров.

Буржуазные экономисты, благословлявшие аренду—им казалось, что аренда не естественное следствие буржуазного способа производства, а явление, присущее особой интеллектуальной эволюции фермера [1])—вскоре убедились в непригодности своих теорий и в необходимости изыскания мер и средств в борьбе с увеличивающимся числом арендаторов. Исходным пунктом в этом предприятии должны были послужить с.-х. кредит и регулирование арендных договоров. Другими словами, в лице банковского капитала буржуазное правительство обрело «покровителя» фермеров, участь которых при содействии кредита должна быть облегчена: кредитуясь фермер получает материальную базу для перехода из контингента арендаторов к контингенту собственников. Замена краткосрочного арендного договора долгосрочным—второй совершенно радикальный путь в оздоровлении арендных отношений. Т.-е. вместо устранения аренды буржуазное правительство Соедин. Штатов создало наиболее благоприятные условия для развития аренды. Поэтому, как и следовало ожидать, «буржуазные проекты оздоровления» аренды привели к прямо противоположным результатам. «Деятельность банков с.-х. кредита не уменьшила числа арендаторов и не облегчила им превращения в собственников. Наоборот, повышение земельных цен все больше заставляет арендаторов при покупке земли прибегать к кредиту» (50)... Законодательные «гарантии не имеют ничего общего с устранением аренды, они скорее ее поощряют» (178). Однако, эксплоатация фермера не исчерпывается зависимостью его от финансового капитала и землевладельца. К ним надо присоединить промышленный и торгово-посреднический капитал. «Элеваторные компании,—пишет Г. С. Гордеев,—расценивали качество привозного хлеба сознательно ниже, чем он был на самом деле. В результате этой операции элеваторные компании много зарабатывали за счет фермеров, так, например, вместо купленных 99 тысяч бушелей пшеницы 1-го сорта отправлено было 198 тысяч буш., а вместо 141 тыс. бушелей 2-го сорта—467 тыс. буш.» (181). «Еще более грабительской может считаться практика продажи фруктов. По свидетельству национального союза фермеров, ящик яблок продавался потребителю за 5 долл., а фермер получал за него только 1 долл., 18 центов, из которых одна упаковка обходилась фермеру 40 центов... оказывается, что из доллара за фрукты садовод получил 3 цента, биржа 12, транспорт 21 и посредник 35» (182) [1]).

[1]) Буржуазные ученые в течение длительного времени об'ясняли аренду или «личными качествами» фермера, неумевшего продвинуться в ряды собственников, или «теорией лестницы» (Спильман и др.)... «С.-х. аренда рассматривается, как метод приобретения земли» (Грей). Прежде, чем доверить землевладельцу ферму, его учат на практике хозяйству. Аренда, таким образом, «оказывается ступенью или школой, через которую проходит фермер, превращающийся потом в собственника» (170). Наивные теории имели успех у буржуазного общества до того времени, пока оно убедилось в том, что прогрессивный, возрастающий арендатор—явление чрезвычайно нежелательное. При краткосрочности же арендного договора, это явление вдвойне нежелательно ни для государства, ни для фермера.

«Промышленность, банки, железные дороги и торговля» (183) в тесном контакте и единым фронтом выступают против разрозненного фермера, обирают фермера, высасывают из него соки. «По расчетам сенатора Брукхорта одни только фермеры потеряли в период инфляции и дефляции (послевоенный кризис. *А. С.*) около 32 миллиардов (!), т.-е. на 8 миллиард. больше, чем стоила вся война» (184).

Так «хорошо» живется в первую голову, конечно, мелкому фермеру в стране цветущего капитализма, именно в той стране, на которую обращены вожделенные взоры прочих буржуазных стран. Америка—страна господствующего мирового капитала, служит образцом всему буржуазному миру не только гигантским развитием промышленности, небывалым темпом роста добывающей и обрабатывающей индустрии, но и грандиозным размахом капитализации сельского хозяйства. Полоса «великих аграрных реформ» [2]), вызванных революцией 1918—19 гг. на Западе (Румыния, Польша, Чехо-Словакия, Финляндия, Латвия и т. д.) воспроизводит более или менее удачно знаменитую реформу Столыпина. Многие из них, если верить некоторым буржуазным экономистам, не мечтают, а самым серьезным образом надеются пересадить к себе выгодное американское сельское хозяйство, хотят успокоить этим крестьянина. Что ж, все может быть. Может быть и так, что Румыния, Польша и др. реализуют подобные иллюзии. Пока же известно, что, жадным взором глядя на Америку (именно только—глядя), многие из буржуазных стран раздражают «условные рефлексы» и глотают обратно вызванную таким опытом слюну. Эксперименты совсем не завидные! Но незавидно обстоит дело и там, куда в смиренной позе воздеваются руки с мольбой к доллару. В самом деле, что следует из предыдущего анализа? Следует то, что наряду с растущей концентрацией и укрупнением форм с.-х. производства, усиливается зависимость фермера от банковского и промышленно-посреднического капитала. Классовый антагонизм среди фермеров благодаря воздействию на них финансового капитала увеличивается и усложняется. Весь этот сложный комплекс классовых противоречий рушится на голову фермерства, раздирает его на части,—происходит процесс массового разорения фермеров.

Г. С. Гордеев исследовал, в каких «муках» рождается «прогресс» сельского хозяйства в самой богатейшей индустриальной стране, каких огромных жертв стоит фермеру интенсификация сельского хозяйства, какой дорогой ценой покупает он рационализацию земледелия. Но отсюда вытекает и другая, в высшей степени поучительная мораль.

[1]) Вот что пишет Бук о 70-х гг. (стр. 14, «The Grange Movement»): «То, что железнодорожная проблема подошла наиболее вплотную к фермеру, об'ясняется высотой тарифов. Ставки ж.-д. тарифов были вообще высоки. Когда фермер Айовы сжигал кукурузу, как топливо, так как она была дешевле угля, ибо она стоила 15 центов бушель в то время, как на востоке кукуруза продавалась по 1 доллару за бушель, — то он чувствовал в этом что-то неправильное (!), и, естественно, обвинял жел. дороги в лихоимстве».

[2]) Известный буржуазный экономист Запада, проф. Зеринг, квалифицировал аграрную реформу Румынии, как «великую реформу», мало в чем уступающую революционной реформе в России. Среди буржуазных ученых такое мнение имеет не мало сторонников. Основной же смысл подобного умозаключения состоит в том, что без особых «потрясений» и «катастроф» можно приблизиться по масштабу и характеру отнюдь не к меньшим результатам, чем в СССР. Этот путь тем более оправдывается, если потом не за горами шансы на предмет введения фермерского типа хозяйства—идеал буржуазии.

Вместе с тем, дорогостоящий прогресс в сельском хозяйстве САСШ не в состоянии максимально резвернуться. Он встречает на своем пути величайшие препоны в виде высокого банковского %, грабительских ж.-д. тарифов, бешеного роста ренты. Здесь, несмотря на большие завоевания природы в сельском хозяйстве, он наталкивается на одно из тех существенных противоречий, на которое в свое время указывал Маркс. Он писал: «Один из великих результатов капиталистического способа производства заключается в том, что он превращает земледелие из чисто эмпирических и механических наследуемых методов наименее развитой части общества в сознательное применение агрономии... Но в то же время земельная собственность—одна из величайших помех рациональному землевладению, потому что фермер избегает всяких улучшений, которые целиком не возвратятся до истечения срока аренды» (Маркс, т. III, ч. 2, стр. 157, 160). Прогноз Маркса остается правильным и вполне приложимым и к Америке — стране демократического капитализма в сельском хозяйстве, где, за исключением рабовладельческого юга, землевладение с самого начала закреплялось на буржуазных началах. Проблемы «устойчивого арендного договора», цен на землю, кредитования фермера и т. п., встают во всей своей остроте перед буржуазным правительством. Насущность этих проблем не может быть преуменьшена, поскольку они доставляют беспокойство и хлопоты не только пролетаризирующемуся фермеру, но и непосредственно правительству, стоящему на страже интересов буржуазии, на страже постоянного «прогресса» национального хозяйства, в частности сельского хозяйства. Прогресс сельского хозяйства в буржуазных условиях исключается, во всяком случае замедляется, поскольку целые армии и притом арендаторов мелких с каждым годом увеличиваются; все они лишены гарантии в прочности положения на арендованной земле. Одни из них не желают, другие просто не могут (потому что не имеют) вкладывать капиталы в землю. С.-х. кредит, при помощи которого буржуазное правительство надеялось вытащить из нужды арендатора и укрепить экономическое положение фермера, как видно, имеет два конца. В руках крупного фермера кредит — мощное орудие технической реконструкции хозяйства. В руках мелкого фермера все выгоды с.-х. кредита, в большинстве случаев, сводятся к перекрытию хозяйственных нужд. Но зато в период напряжения кон'юнктур, с.-х. кризиса, приходит жестокий час расплаты для дебитора,—сотни тысяч фермеров вылетают в трубу. Железнодорожные тарифы, элеваторные компании, торгово-посреднические компании, прочие неустранимые условия буржуазных отношений ложатся тяжелым бременем на плечи фермера, отнюдь не содействуют прогрессу сельского хозяйства в САСШ.

Все эти факты и явления, вскрытые Гордеевым в своей работе, столь же характерны для буржуазного способа производства, сколь и поучительны. Мы видим, что в могущественной и «благодатной» стране доллара, в стране, щедро наделяющий, правда, за хороший %, золотом Европу, фермер задыхается под игом капитала и землевладельца; фермер обречен на массовую пролетаризацию. С другой стороны, дело не только в том, что перенасыщенное капиталом сельское хозяйство в ходе эволюции испытывает постоянные встречные толчки и затормаживается в своем развитии, но и в том, что под'ем вверх или так называемый прогресс сельского хозяйства, не имеет безграничной перспективы, а постоянно наталкивается на непреодолимые препятствия, находится в тисках углубляющихся противоречий капиталистического общества. В этом основная мораль, которую следует вывести из книги Гордеева.

Подводя итог несколько затянувшейся рецензии, нельзя обойти молчанием напрашивающегося вопроса—кстати, с него и начата рецензия,—на основании каких же данных люди и по сей день утверждают с давних пор, что в Соед. Штатах, как в Зап. Европе и России, происходит неизбежный процесс вытеснения крупных форм производства мелкими, буржуазного производства—«трудовым»? Те из буржуазных и мелкобуржуазных экономистов, которые сознательно игнорируют или извращают марксизм, понятны: о них и речь молчит. Не менее понятны также те из них, кои для моды или по «иным» соображениям заигрывают с марксизмом. Иначе обстоит дело с теми «добросовестными» ревизионистами, которые, «дополняя» или «углубляя» Маркса (Маслов, Суханов и др.), во многих случаях в оценке эволюции сельского хозяйства мало чем отличаются от апологетов буржуазного порядка.

Трагедия «добросовестных» ревизионистов заключается в том, что они вслед за буржуазными и мелкобуржуазными экономистами не проводят правильного расчленения между однородным процессом капитализации сельского хозяйства и разнородными формами проявления этого процесса [1]).

Итак, если поставить вопрос в плоскость исторической борьбы между буржуазной и мелкобуржуазной идеологией по вопросу о диференциации и концентрации, с одной стороны, и марксистской—с другой; если принять во внимание, что такая борьба не закончилась, скорее резко обострилась, равно как в условиях диктатуры пролетариата борьба с буржуазными и мелкобуржуазными взглядами далеко не потеряла своего значения, скорее становится наиболее актуальной; если при случае вспомнить «эру великих аграрных реформ» (Румыния, Польша, Финляндия и т. д.), претендующих на «социальную справедливость», на самом же деле ориентирующихся на усиленное развитие кулацкого хозяйства, беря за образец САСШ,—если представить все это, то станет ясно, какой интерес приобретает книга Г. С. Гордеева, изучающая классовые антагонизмы в сельском хозяйстве на примере высокоразвитой капиталистической страны, т.-е. той страны, где капиталистические отношения в сельском хозяйстве во многих штатах проявляются в чистом виде—путь, на который рано или поздно, с тем или иным отличием должны встать, если будут здравствовать, прочие буржуазные страны. Помимо того, что Гордеев вскрыл динамику соотношений классовых сил в сельском хозяйстве, в своей книге автор вслед за Лениным показал полную сочетаемость социального анализа с производственным—проблема, которую буржуазная экономия не ставила.

Жаль только то, что в связи с трактовкой понятий об об'еме хозяйства и проч. автор не усилил методологию теории концентрации в сельском

[1]) Буржуазные и мелкобуржуазные экономисты и не в меньшей степени ревизионисты в обосновании «своеобразия» законов эволюции сельского хозяйства ссылаются на многообразие и разносторонность типов сел. хозяйства. И все они без исключения, равно и не признающие «особенности» сельского хозяйства, за внешней разнородностью форм просматривают единый и однородный процесс подчинения сельского хозяйства капиталу. Отсюда вместо того, чтобы разнородный по форме процесс с.-х. производства методологически свести к уяснению однородности тенденции капитала, вместо того, чтобы подойти к охвату содержания явления по признакам социально-классовым,—«буржуазные и мелкобуржуазные теоретики, увлеченные «многосторонностью» и «сложностью» форм сельского хозяйства, классифицируют эти формы по техническим показателям. Сваленные таким образом в одну кучу, социально-экономические типы хозяйства измеряются одинаковыми критериями, при чем экономические критерии и технические показатели здесь не претерпевают изменения в зависимости от изменения производственных форм, благодаря чему, на ряду с недопустимым толкованием под одной рубрикой различных социально-экономических классовых форм, создается ложное представление об об'еме хозяйства. Так, хозяйства с малой площадью считаются мелкими, «трудовыми», предавая забвению процесс концентрации капитала на единицу земельной площади, когда хозяйство с небольшой площадью получает не меньший доход, чем с большей площадью. Например, «молочная ферма в 211 акр., зерновая—330 акр. и куроводная—12 акр., получили соответственно валовой доход: 7.733 долл., 6.551 долл. и 5.356 долл.». (См. Гордеев, стр. 25).

хозяйстве. Вслед за этим надо бы избегать истолкования с.-х. производства в виде оптимального соотношения средств производства и труда в сельскохозяйственном предприятии, так как ревнители мелкого хозяйства, не желая признать превосходства за крупным, когда это бывает им доказано, ссылаются на «оптимальный» размер хозяйства, как технически наиболее совершенный тип; в то же время под рубрикой оптимального соотношения факторов производства совсем не разграничивают понятий между трудом, землей и капиталом. Ни в том, ни в другом Гордеева нельзя обвинить. Термин «оптимальный» имеет здесь частное назначение, между ним и анализом экономических категорий нет органической связи. Тем легче его из'ять из словесного обихода. Напрасно также Г. С. Гордеев не выделил в конце книги обобщающую главу: главу не просто резюмирующую,—хотя при обилии фактического и эмпирического материала и при множественности проблем, затронутых автором, когда каждая глава становится, как бы самостоятельной работой, сделать резюме совсем было бы не плохо,—а включающую в себя принципиальные выводы, спаянные единой идеей, проходящей через всю работу.

Эти замечания ни в какой мере не умаляют содержания книги; они имеют отношение больше к внешней чеканке изложения и меньше к внутренней стороне работы.

Книга Гордеева, к слову сказать, являющаяся «отчетом» о командировке в Соединенные Штаты, представляет собою ценный вклад в марксистскую аграрную литературу.

А. Сивогривов.

ПАРКЕР ТОМАС МУН.—«Империализм и мировая политика». ГИЗ. 1928 г. Перевод Вольского. Предисловие Е. Пашуканиса. Стр. 430, цена 4 р. 50 к.

Работа американского профессора Муна представляет собой типичный образчик мелкобуржуазной критики империализма. Подобно известному социал-пацифисту, автору «Империализма» Гобсону, Мун дает яркое описание империалистической политики, но весьма беспомощен в своих теоретических построениях и еще более в выводах и предложениях. Все, что он может сказать после того, как дал блестящую картину гнуснейшей эксплоатации колоний, это выразить надежду, что человечество, наконец, поймет «неприглядные факты своекорыстного империализма и на его месте, может быть, удастся воздвигнуть здание, в котором национальный интерес будет умещаться рядом с гуманным интернационализмом» (стр. 426).

Единственная ценность книги—в ее огромном фактическом материале. Правда, Мун рассматривает проблему империализма почти исключительно в разрезе колониальной экспансии «великих держав» и их взаимной борьбы за колонии и полуколонии.

Структура империализма, борьба интересов в Европе — остались фактически вне рассмотрения автора. Таким образом, работа по существу является историей колониальной политики в эпоху империализма. Нужно отметить, что ряд проблем, затронутых автором был уже сравнительно полно освещен в нашей марксистской литературе. Достаточно отметить работы покойного Павловича («Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего», «Борьба за Азию и Африку» и др.), Ф. Ротштейна «Захват и закабаление Египта», далее Роза Люксембург в «Накоплении капитала» посвятила блестящие страницы описанию завоевания Алжира и Египта и т. д.

У Муна, однако, с одной стороны, все факты об'единены и сведены в одной работе и доведены до самого последнего времени, с другой, Мун останавливается и на событиях, мало известных у нас. Так, он приводит очень интересные факты о борьбе за острова Тихого океана, о завоевании Индо-Китая, Бирмы, взаимоотношения с Сиамом и т. д. Безусловно, работа Муна принесет огромную пользу нашему читателю. У нас очень хорошо разбираются в теории империализма, но не всегда знакомы с конкретными фактами. В этой книге читатель найдет исчерпывающую картину колониальной экспансии, эксплоатации колоний и борьбы за колонии за последние 50—60 лет.

Теории империализма автор посвящает всего несколько страниц. Как мы уже говорили, теория Муна отличается полным убожеством и эклектизмом. Хотя автор и указывает, что в основе империализма лежат экономические интересы, экономики империализма он не понимает. Он считает, что в империализме заинтересовано лишь меньшинство капиталистов, в первую очередь владельцы хлопчатобумажных и металлургических фабрик и заводов. Правда, он в дальнейшем должен признать, что в империализме заинтересованы еще импортеры сырья, банкиры, судовладельцы и, наконец, фабриканты оружия и военного снаряжения. Фактически, таким образом, даже исходя из муновской концепции, в империализме «заинтересованы» крупнейшие группы буржуазии. Но для Муна вообще не понятна сама сущность империализма, поскольку он считает, что империализм есть всего-навсе только «политический контроль». Проблемы монополий, финансового капитала, экспорта капитала совершенно не фигурируют у автора в теоретическом обосновании империализма. Непонимание автором проблемы империализма наиболее ярко видно из того, что на ряду с экономическими причинами он считает, что империалистическая политика современных государств ведется под влиянием «миссионеров, командующего состава армии и флота, дипломатов, колониальных чиновников, исследователей-авантюристов и т. д.» (стр. 25—27).

Таким образом, основной тезис автора сводится к тому, что империализм является не неизбежной стадией развития капитализма, а политикой, в которой заинтересована лишь небольшая часть буржуазии. Но, если государства ведут империалистическую политику лишь под влиянием «ничтожного меньшинства предпринимателей», то каким образом последним удается подчинить своей воле весь государственный механизм страны? Здесь, об'яснения Муна типичны для мелкобуржуазного исследователя. Он считает, что «большинство населения подчиняется империалистически настроенному меньшинству благодаря теориям и идеям, распространяемым пропагандистами империализма» (стр. 27).

Перечень этих идей поистине великолепен! Это не более не менее, как в первую очередь «страх, являющийся основным фактором империалистической мировой политики» (стр. 28). По мнению автора, население современных государств все время живет под страхом, что на него могут напасть. Под влиянием этого страха, население готово поддержать всякое военное выступление для завоевания колоний, чтобы обеспечить себя сырьем на время войны, для овладения морскими базами, угольными станциями, нефтяными источниками и т. д., и т. д. Не менее «существенны» все остальные аргументы, которые мы только перечислим: это «идеи избыточного населения, вытекающие из инстинкта самосохранения, идеи экономического национализма и национального престижа, воздействующие на стадные инстинкты толпы, и своего рода наступательный альтруизм (взять на себя цивилизацию населения колоний. *М. И.),* удовлетворяющий нашему врожденному чувству гордости» (стр. 28). Не приходится указывать, что все эти аргументы действительно фигурируют на страницах буржуазной бульварной прессы и этими аргументами «Дейли Мейль» и т. п. газеты об'ясняли и об'ясняют необходимость интервенции в Китае, завоевания Марокко, выступления в Никарагуа и т. д. Действительно эти «идеи», кое-где и действуют на мелкого

буржуа, но придавать им «научное значение», видеть в них основную причину возможности проведения империалистической политики, для этого нужно быть типичнейшим социал-пацифистом, скользящим лишь по поверхности явлений. Мы не будем останавливаться на полемике с теоретическими упражнениями автора. Они не заслуживают никакого внимания. Необходимо обратиться к фактической стороне работы тем более, что здесь, излагая отдельные эпизоды из истории империалистической колониальной политики, автор гораздо правильнее определяет причины тех или иных явлений. Описательная часть работы построена очень удачно. Автор не придерживается хронологического порядка, а рассматривает проблемы в географическом разрезе. Беря один за другим, области колониальной экспансии, он рассматривает их историю со средины XIX века до последнего времени. Получается, таким образом, законченный очерк в отношении каждого отдельного об'екта империализма.

Автор начинает свое изложение с Африки. В первую очередь он дает историю «свободного государства Конго».

Известно, что Конго после завоевания было отдано во владение бельгийского короля Леопольда, провозгласившего себя в 1885 году сувереном этого «свободного» государства. Хозяйничание Леопольда по своей невиданной жестокости обратило на себя внимание и вызвало резкую критику даже со стороны международной буржуазии. Методы эксплоатации этой колонии, которую бельгийский король должен был в «интересах международного альтруизма цивилизовать», являются, однако, типичными для всякой империалистической колониальной политики. Здесь и государственная монополия на сбор каучука и слоновой кости, здесь и введение налогов, чтобы заставить местное население работать на плантациях, здесь и применение принудительного труда и т. д. Словом, все знакомые атрибуты империалистической практики в колониях. Если же эти методы вызвали такое возмущение во всем мире, то это потому, что «жадничавший» Леопольд перешел всякие границы эксплоатации, принятые в колониях, и свою «цивилизаторскую» миссию проводил недостаточно тонко. Достаточно отметить, что за время короткого хозяйничания Конго дало Леопольду 20 миллионов долларов чистой прибыли. В настоящее время Конго является одной из богатейших колоний. Здесь открыты колоссальнейшие залежи меди, производится добыча алмазов, и, наконец, Конго представляет крупную сырьевую базу для химической промышленности. Не даром нынешний король Бельгии Альберт в 1924 году заявил, что «главные надежды Бельгии связаны с развитием Конго» (стр. 44). Характерна борьба, которая ведется между крупнейшим английским мыловаренным трестом «Левер» и бельгийскими фирмами в Конго. Леверу удалось добиться в Конго концессии на монопольное право на сбор и обработку пальмовых орехов, и, конечно, это не по вкусу бельгийским фирмам. Характерно, что Мун, излагая эту борьбу, должен признаться, что «всякий империализм стремится к монополии» (стр. 45).

Затем, автор подробно останавливается на истории колониальных завоеваний Западной Африки и Восточной Африки. История Западной Африки блестяще была описана недавно в работе Э. Бернс «Империализм в Западной Африке». Описания колониальной политики в Нигерии, на Золотом Берегу, Сиерре-Рионе и Гамбии являются блестящей иллюстрацией ленинской теории империализма. В упомянутой работе Бернса дана яркая картина английской эксплоатации этих колоний. Здесь мы находим и эксплоатацию населения путем неэквивалентного обмена, и бесчеловечную эксплоатацию рабочих на плантациях и рудниках английских компаний, скупку монополистическими организациями по баснословно дешевым ценам сырья у туземного крестьянства и т. п. Мун, однако, останавливается главным образом на политической истории колоний. При этом он опирается почти исключительно на работы

английских исследователей. Не приходится поэтому удивляться, что он восхваляет английские методы эксплоатации этих колоний и считает, что они стоят гораздо выше «леопольдовской системы». Без всяких комментариев и скорее даже одобрительно он цитирует слова английского колониального деятеля, полные цинизма, о том, что, «когда африканский туземец получает стимул к работе, он работает так, что иногда приходится только удивляться» (стр. 64). Мун забывает только добавить, что этот «стимул» создается у туземца благодаря колоссальным налогам, низкой заработной плате и т. п. методам утонченной эксплоатации, применяемым более опытными, чем бельгийцы, английскими колонизаторами.

В отношении Британской Восточной Африки, состоящей из трех старых английских колоний и одной бывшей германской колонии Танганайка, Мун также ограничивается больше изложением истории завоевания этих колоний и взаимоотношений между Англией и Германией. О действительном положении Британской Восточной Африки гораздо лучше, чем по работе Муна, можно судить по книге английского Рабочего Исследовательского Бюро «Империализм в Восточной Африке». Известно, что в Восточной Африке англичане прибегли к экспроприации земли у туземного населения без всякой компенсации. Этот факт должен признать и Мун, который пишет, что маленькая горсточка европейцев владеет 10.000 кв. миль, в то время, как 2.000.000 африканцев имеют в своем распоряжении только 5.000 кв. миль, Мун также должен подчеркнуть, что англичане ввели высокий душевой налог на туземцев для того, чтобы заставить последних отрабатывать его на английских плантациях. Но за всем тем Мун значительно смягчает действительные факты. Далее Мун недостаточно подчеркивает огромное значение, которое приобретают в настоящее время колонии Восточной Африки для Великобритании. В силу климатических условий в Восточной Африке возможна широкая иммиграция белого населения. Благодаря плодородию почвы Восточная Африка имеет огромную будущность в отношении снабжения метрополии хлопком, кофе и т. д. Кроме того, Восточная Африка является своего рода мостом, соединяющим южно-африканские владения Англии с Египтом. С приобретением германской колонии в Восточной Африке осуществлена идея Сесиля Родса о создании сплошного английского владения от Каира до Капштадта. В настоящее время в Англии серьезно заняты вопросом об образовании нового доминиона Восточной Африки, чтобы таким образом окончательно закрепить за собой богатейшую бывшую германскую колонию Танганайка, на которую в настоящее время Англия имеет лишь мандат Лиги Наций. Мун, между прочим, приводит интересный факт, характеризующий методы империалистической политики. Между германской довоенной колонией в Восточной Африке и южно-африканскими владениями Англии находится португальская колония Мозамбик. Великобритания и Германия делали неоднократно попытки приобрести у Португалии эти владения. «Когда же,—пишет автор,—Португалия не выразила никакого желания продавать свою колонию, Англия и Германия в 1913 году заключили договор о разделе Мозамбика без согласия Португалии. Мировая война разразилась как раз во-время, чтобы предупредить окончательное подписание этого Маккиавелиевского трактата» (стр. 74). Таким образом, бесцеремонность империалистов одинаково распространяется как на колонии, так и на самостоятельные суверенные государства, каковым считает себя Португалия. Справедливость требует отметить, что Англия, освободившись от своего невольного союзника, сама подчинила себе португальскую колонию, правда, сохранив ее формально за Португалией.

Затем автор переходит к изложению истории завоевания Судана. Этот раздел имеет сугубый интерес, ибо в Судане разыгрался эпилог многовекового колониального соперничества между Англией и Францией. Судан имеет

огромное политическое значение. Тот, кто владеет Суданом, господствует и над Египтом, так как в Судане можно отрезать Египет от снабжения водами Нила. На Судан и Египет в конце 80-х годов метили одновременно и Франция и Англия. Для Франции завоевание этих областей означало бы возможность создания грандиозной колониальной империи, включавшей бы в себя всю Северную Африку. Для Англии Египет был необходим в целях контроля над Суэцом. Кроме того, Египет является связывающим звеном между Великобританией и Индией. Без укрепления в Египте британский империализм не может быть спокоен за Индию. Мун посвящает блестящие страницы описанию движения двух экспедиций в Судан: одной французской под командой Маршана, двигавшейся из французского Конго на северо-восток в Судан, другой—английской под командой Китченера, продвигавшейся на юг из Египта (стр. 87). Встреча враждебных колонн произошла в знаменитой отныне нильской деревушке Фашода осенью 1898 г. Дело чуть ли не дошло до военного конфликта, но Франция, в конце-концов, уступила. Это была громадная победа английского империализма. Англия решила, однако, не использовывать до конца свою победу над Францией. Она ограничилась лишь укреплением за собой Египта и Судана, но зато предоставила Франции право захватить другие участки в северной Африке. Для Муна, однако, недостаточно ясны причины уступчивости Англии. Он считает, что, «так как Франция пошла на унижение и капитулировала без всяких условий, Сольсбери согласился обсудить конкурирующие английские и французские притязания в Судане» (стр. 89). Причины уступчивости Англии лежали гораздо глубже. Для Англии французский империализм уже не представлял серьезной опасности. Между тем, на мировой арене появлялся новый грозный враг — Германия. Идя навстречу Франции, Англия тем самым стремилась приобрести нового союзника для неизбежной борьбы с могущественным соперником — германским империализмом. Именно с этого времени начинается сближение между Англией и Францией, вылившееся через несколько лет в англо - французское «сердечное соглашение».

Автор затем останавливается на английской политике в Судане. После завоевания Судан формально стал «кондоминиумом», т.-е. находится под общим управлением Египта и Великобритании. Фактически же, и это должен признать и автор, даже после того, как Египет получил в 1922 г. «независимость», «Суданом продолжают управлять британские чиновники так, как они управляли им в течение четверти столетия» (стр. 91). Английскую политику в Судане Мун трактует абсолютно ложно. С одной стороны, он почему - то считает, что в Судане «британский империализм проявил себя с своей наилучшей стороны», между тем как известно, что нигде цинизм и жестокость английского управления не давали себя так знать, как в Судане и Египте. С другой, автор недооценивает экономическое значение Судана для Великобритании, особенно важность Судана для разведения хлопка, благодаря которому англичане хотят в некоторой степени освободиться от зависимости от Соед. Штатов.

Следующий раздел Мун посвящает империалистической политике в остальных частях Африки. Автор останавливается на южно-африканской проблеме, на завоевании Алжира, Туниса, Марокко, Египта и Ливии. Давая очень интересный фактический материал, автор и здесь не может отказаться от своего двойственного отношения к колониальной политике империалистических государств. Местами он подвергает острой критике методы завоевания колоний. Так, говоря о завоевании Египта, автор ядовито замечает: «Высадка армии на иностранной территории обычно не считается общепринятой законной процедурой, но британские государственные люди, привыкшие прикрывать свои действия почтенной мантией законности, изображали захват Египта, как поступок вызванный требованиями справедливости, права и бескорыстия». (Стр. 138. Разрядка моя. *М. И.*). Эта характеристика британского империализма является чрезвычайно меткой. Далее, говоря о притязаниях Италии на Триполитанию, автор пишет, что итальянцы обосновывали свое право отвоевания этой провинции у Турции, «главным образом потому, что древний Рим владел некогда северной Африкой!» (Стр. 131). Но на ряду с этим автор считает, что «под французским протекторатом в Тунисе, несомненно, был восстановлен порядок и благосостояние населения значительно поднялось» (стран. 115) или что «захват Марокко неизбежно вытекал из психологии империализма». (Стр. 116).

После того как автор дал исчерпывающую картину завоевания Африки, он переходит к анализу империалистической политики в Азии. В первую очередь Мун останавливается на ближневосточной проблеме. Он довольно подробно анализирует вопрос о борьбе за Багдадскую железную дорогу. Но и здесь, в об'яснении этой борьбы, он часто прибегает к весьма поверхностным аргументам. Так, экспансию Германии в Малую Азию, начавшуюся примерно в конце 80-х годов, т.-е. с переходом к монополистической фазе, автор об'ясняет тем, что, вступивши на престол в 1888 году, Вильгельм II «был горячим сторонником империалистического символа веры и старался приобрести для Германии возможно больше территории». (Стран. 147). Между тем, Германия, поздно вступившая на путь колониальных захватов, видела в концессии на Багдадскую железную дорогу путь для подчинения себе Малой Азии и Месопотамии вплоть до Персидского залива. Англия никогда не могла бы допустить, чтобы между Индией и Египтом вклинился мощный германский империализм. Не даром многие исследователи считают, что «среди факторов, приведших к войне между Германией и Англией, Багдадской железной дороге, несомненно, принадлежит первенствующее место». (Г. Зиновьев «Война и кризис социализма». Соч. т. VIII, стр. 317). Некоторая двойственность политики Англии в отношении этой германской концессии, двойственность, которая непонятна Муну, об'ясняется тем, что Англия также боялась проникновения в Малую Азию России и видела в укреплении Германии в Турции противовес захватнической политике России. Поскольку, однако, Германия являлась более опасным врагом, Англия в конце-концов, несмотря на то, что почти накануне войны был достигнут компромисс относительно Багдадской железной дороги, вступила на путь вооруженного конфликта с Германией. Для Муна совершенно непонятно, что центральной проблемой войны явилось соревнование между Англией и Германией. Он скорее считает, что интересы английских, французских и германских капиталистов в Малой Азии могли бы быть согласованы, но Россия никогда бы не согласилась с таким положением и «не почувствовала себя удовлетворенной до тех пор, пока не получила бы Константинополя»! (Стран. 158).

Следующая проблема в Азии, которую рассматривает автор, это англо-русское соперничество на Среднем Востоке. Автор дает историю продвижения России в Средней Азии, историю политики Англии и России в Персии и Афганистане и подробно останавливается на знаменитом соглашении 1907 года, ликвидировавшем все спорные тогда вопросы между Россией и Англией. Это чрезвычайно важное соглашение положило начало тройственному согласию. Автор, однако, и здесь не проявляет понимания истинных причин состоявшегося соглашения. Он об'ясняет это и тем, что в России после учреждения Думы наступил либеральный режим, и английские либералы, стоявшие тогда у власти, не чувствовали уже к России старой ненависти, и тем, что назначенный русский министр иностранных дел Извольский «был твердо убежден, что Россия жизненно заинтересована в союзе с Англией», и т. п. аргументами. Между тем, как общеизвестно, причины, побудившие

Англию пойти на соглашение с Россией, были гораздо более серьезного свойства. Разбитая и ослабленная благодаря японской войне Россия надолго уже не могла явиться опасным соперником Англии на Среднем Востоке и не представляла собой уже угрозы для индийских владений Англии. В то же время Англия, верная своей традиционной политике, искала нового союзника для полного окружения своего опаснейшего врага—Германии... И так же, как девять лет ранее после поражения Франции при Фашиде, Англия отказалась от окончательного унижения Франции с целью привлечь ее на свою сторону, так и теперь, после ослабления России, Англия решила пойти ей на уступки и уладить долголетние споры в Средней Азии. Пойти на соглашение Англия могла тем легче, что все эти уступки делались за счет третьих государств: Персии и Афганистана, которые отныне фактически теряли свою самостоятельность.

Описания империалистической политики в Южной Азии, под которой автор понимает Индию и Индо-Китай, относятся к наиболее интересным в работе Муна. Он дает очерк английской политики в Индии, при чем здесь он подчеркивает в первую очередь экономические интересы Англии. Любопытны данные, приводимые автором относительно государственного аппарата Индии. В 1913 году из 2.501 наиболее крупных административных постов в Индии только 10% занимали индусы. Таким образом, фактически вся администрация находилась в руках английских чиновников. Нужно при этом отметить, что это давало и крупный доход английской бюрократии. Из вышеуказанных постов са́мый низший оплачивался 7.000 ф. ст. в год.

Дав довольно яркую картину эксплоатации Индии, Мун все же воздерживается от каких-либо выводов. Он ограничивается лишь указанием, «что индийская проблема далеко не проста» (стран. 208). И тут же солидаризуется с мнением реакционного крыла английской буржуазии, что возможно, что в случае получения Индией самостоятельности, ее «экономическое положение ухудшится, страна распадется на отдельные части, начнется гражданская война, кровопролитие» (стран. 208) и «прочие ужасы», которыми пугают английские твердолобые сторонников самоопределения Индии. Автор понимает напряженное положение Индии, он сам считает, что «только разумные уступки смогут предотвратить революцию», но сделать из этого вывод о необходимости самостоятельности Индии он не решается.

Очень много интересного содержат разделы, посвященные завоеванию французами Индо-Китая, англичанами Бирмы и борьбе за получение контроля над независимым королевством Сиамом. Методы колониальной политики Франции в Индо-Китае соответствуют обычным приемам империализма. При этом французские империалисты в первую очередь подчеркивали свою «цивилизаторскую миссию» по отношению к туземцам. Характерны, однако, цифры, приводимые автором относительно постановки дела народного образования в этих колониях. В то время как в независимом Сиаме на каждую тысячу населения 60 детей посещают школу, во французских колониях Индо-Китая соответствующие цифры составляют: для Кохинхины—20, для Аннамы—7 и для Камбоджы—5. Эти цифры говорят сами за себя.

Главы, посвященные Дальнему Востоку, содержат общеизвестные факты и не дают ничего нового по сравнению с имеющейся уже у нас обширной литературой. Проблемы японского империализма Мун трактует в своем обычном духе. Он считает, что «реальными причинами японского империализма является главным образом жажда наживы со стороны японских капиталистов, агрессивных милитаристских групп и патриотизм простого народа». (Стран. 265). И как всегда, автор выражает надежду, что в Японии, в конце-концов, восторжествуют либеральные партии и что вместо агрессивного военного империализма выступит на сцену «более мирно настроенный экономический империализм». Пока же автор должен констатировать жесточайшую эксплоатацию японским империализмом Кореи и других колоний.

Богатейший фактический материал читатель найдет в главе об островах Тихого океана. Проблема Тихого океана является в настоящее время одной из важнейших проблем империализма. Центр тяжести мирового хозяйства все более переносится к Тихому океану. Здесь же завязывается узел будущих конфликтов и военных столкновений. Мун дает описание малоизвестных событий, связанных с завоеванием островов Тихого океана и борьбы между великими державами за стратегические и экономические опорные пункты Тихого океана.

Отсюда автор вплотную подходит к проблеме империализма Соединенных Штатов. Если в отношении европейского империализма автор придерживался довольно ярко выраженных критических взглядов, правда, местами смягчая свою критику и отказываясь от каких-либо слишком резких выводов, то в отношении Соединенных Штатов Мун абсолютно теряет свою «об'ективность». Уже в начале своей работы он подчеркивает, что «Америка еще до сих пор не усвоила европейский империализм». (Стран. 20). Спохватившись, однако, что удивленный читатель может спросить: а интервенция в Мексике, Никарагуа, в Кубе и т. д. и т. д.?—автор скромно замечает, что эти «империалистические авантюры совершались вашингтонскими чиновниками и нью-йоркскими дельцами, но Америка все еще не усвоила себе политики открытого, вдохновенного и агрессивного империализма, мечтающего о захвате колониальных владений во всем мире». (Стран. 21). Это определение американского империализма уже с самого начала заставляет с недоверием относиться к изложению захватнической политики Соединенных Штатов. И действительно, Мун, говоря об империалистической политике Соединенных Штатов в Тихом океане и в Латинской Америке, всюду старается затушевать факты и не останавливается даже перед тем, чтобы извратить изложение действительных событий. Методы американской экспансии, однако, настолько ярки, что даже в передаче их автором можно себе составить стройную и законченную картину системы американского империализма. Мы остановимся лишь на нескольких примерах хозяйничания американского империализма, чтобы показать неверную трактовку Муном этих проблем. Политику Америки в отношении Филиппин автор считает «чрезвычайно либеральной». По мнению Муна, «отличительной особенностью американского режима было то, что филиппинцы чрезвычайно быстро получили сперва частичное, а затем более широкое самоуправление». (Стран. 289). Между тем, политика Соединенных Штатов по отношению к Филиппинам является характернейшим образчиком методов империалистического управления. Известно, что после американо-испанской войны, в результате которой Испания должна была отказаться от Филиппин, Соединенные Штаты обещали Филиппинам полную самостоятельность. Это обещание правительство Соединенных Штатов клятвенно подтверждало при каждом удобном случае. Наконец, «великий демократ» Вильсон выступил на выборах 1912 года с платформой немедленного об'явления независимости Филиппинских островов, как скоро возможным станет организация там «устойчивого правительства». Вопрос заключался только в том, что называть устойчивым правительством, и так как «определять» должны были Соединенные Штаты, то они, конечно, не торопились. Когда же в 1924 году жители Филиппин напомнили недавно избранному президенту Кулиджу, что пора реализовать неоднократно дававшееся обещание, Кулидж разразился грозным ответом. Мун приводит интересную выдержку из этого ответа, в котором американский президент подчеркивал, что «один уже тот факт, что делегаты пред'являют подобное ходатайство, показывает неподготовленность филиппинцев к независимости». (Стран 291). Однако, полный текст

этого обращения Кулиджа дает еще более яркую характеристику буржуазного лицемерия. Мы процитируем из «Нью-Йорк Таймс» (6-го марта 1924 г.) некоторые места из этого замечательного документа. «Президент считал, что, хотя филиппинский народ сделал чудесные успехи за последнюю четверть века, филиппинцы не настолько богаты и опытны, чтобы взять на себя тяжелое бремя, которое легло бы на них при политической независимости. Их мировое положение таково, что без американского протектората у них появилось бы искушение поддерживать многочисленные и дорого стоящие дипломатические представительства и ненужные сухопутные и морские силы... Если же придет время, когда станет ясным, что независимость была бы полезна для народа Филиппин, и если к тому времени филиппинский народ пожелает получить полную независимость, то не приходится сомневаться, что американское правительство и народ с радостью на это согласятся».

Конечно, за нежеланием предоставить самостоятельность Филиппинам стоят реальные экономические интересы американского финансового капитала, успевшего захватить в свои руки основные нити народного хозяйства Филиппин. Мун это должен признать, но делает он это в весьма своеобразной форме. «Нельзя отрицать,—пишет он,—что за сохранение американского режима говорят известные экономические соображения». (Стран. 241). Что это «экономические соображения» лишь американских трестов и банков, об этом автор скромно умалчивает. Верный своей природе, он считает, что «экономические соображения не смогут на долгое время придушить ту о г р о м н у ю в е р у в самоопределение, которая уже переделала карту Европы, а теперь приводит в движение и нации Востока». (Разрядка моя. *М. И.* Стр. 292). Комментарии, как говорят, излишни!

Мы не будем останавливаться на трактовке Муна политики Соединенных Штатов в Центральной и Южной Америке. Излагая довольно подробно историю завоеваний, интервенций, карательных экспедиций Соединенных Штатов в Кубе, Порто-Рико, Никарагуа, в Гаити, Сан-Доминго, Мексике и т. д., автор, как мы уже говорили, старается затушевывать факты неприкрытой империалистической политики Соединенных Штатов. В этом отношении история империализма Соединенных Штатов гораздо правильнее изложена в работе Скотта Ниринга и Иосифа Фримана —«Дипломатия доллара», вышедшей на русском языке несколько лет назад.

Борьбе за Южную Америку автор посвящает всего несколько страниц, несмотря на то, что она имеет огромное значение в отношении развития англо-американского соперничества. Автор должен признать широкую экспансию Соединенных Штатов в Южной Америке и постепенное подчинение ими формально самостоятельных южно-американских государств. Мун все же считает вполне возможным в будущем создание равноправного панамериканского союза. Для этого нужен только такой «пустяк», чтобы «общественное мнение Соединенных Штатов освободилось от захватнического духа, отказалось от политики палки и дипломатии доллара и стало обходиться с латино-американскими нациями не как с протеже, а как с союзниками». (Стран. 346). В полном противоречии с приведенными ранее примерами огромной экономической заинтересованности Соединенных Штатов автор считает, что основным препятствием для создания равноправного союза американских государств «служат не материальные интересы, а психологический фактор—национальная гордость, являющаяся матерью империализма». (Стран. 346).

В последнем разделе своей работы автор останавливается на Лиге Наций и ее мандатах. Мун дает подробное описание мандатной системы распределения мандатов между государствами, характеристику отдельных категорий мандатов и т. д. Этот раздел весьма полезен для понимания послевоенных методов империалистического господства над колониями и полуколониями.

Автор не может скрыть от читателя, что фактически различные системы мандатов прикрывают под разнообразными юридическими формами прямое господство Англии, Франции и других держав над колониями и областями, принадлежавшими до войны Германии и Турции. Несмотря на перечисленные самим автором все «прелести» режима мандатной системы, он все же считает, что мандатная система Лиги Наций стоит гораздо выше «старого империализма» и что благодаря этой системе удастся «все более и более подчинять империализм воздействию гуманных принципов и международного общественного мнения». (Стран. 393).

Наконец, автор переходит к выводам. Он приводит несколько таблиц, показывающих распределение современных колониальных владений между главными государствами. На основе этих данных он приходит к заключению, что «современные колониальные империи далеко не соответствуют рангу, мощи, престижу и индустриальным потребностям их обладателей» (стр. 398). Но сделать отсюда единственно правильный вывод о неизбежности новых войн за новый передел мира он, конечно, не в состоянии. Правда, Мун не относится к числу тех, которые подобно современной социал-демократии, считают, что в настоящее время наступила эра пацифизма и новые империалистические войны невозможны. Взгляды Муна в этом отношении гораздо правильнее и честнее. В своем предисловии он прямо пишет, что «вопреки ходячему представлению история империализма еще далеко не закончена и после раздела между союзниками германских колоний. Кульминационный пункт его еще не достигнут и окончательная развязка еще не ясна. И м п е р и а л и с т и ч е с к о е с о п е р н и ч е с т в о н и к о г д а н е п р о я в л я л о с ь с т о л ь р е з к о, к а к п о с л е в е л и к о й в о й н ы. В настоящее время мы вступаем в период напряженного международного экономического соперничества, когда проблема империализма еще более обостряется...». Но подобно всякому социал-пацифисту, он все же ставит вопрос: «выгоден ли империализм?» И, конечно, отвечает, что империализм невыгоден, что нации могут обойтись без него. Однако, тот фактический материал, которым оперирует в своем заключении автор, говорит против него. Останавливаясь на проблеме колоний, как рынков сбыта, он должен указать, что в настоящее время колониальный товарооборот составляет от 25—30% международной торговли. Эти данные отнюдь не преувеличены. По новейшим подсчетам (см. интересную заметку Л. Гай «Роль колоний в мировой торговле» в № 8—9 ж. «Мировое хозяйство и мировая политика», за 1928 г.), процент торговли колоний и полуколоний к оборотам всей мировой торговли составлял в 1913 г. 21,3, а в 1926 г. 28,6, достигнув внушительной цифры в 18 миллиардов долларов. Мун также должен подчеркнуть, что метрополии стремятся монополизировать торговлю колоний в своих руках и что в большинстве случаев им это удается. Так, Соед. Штаты, имевшие в 1900 г. 8% филиппинского импорта, в 1923 г. имели 57,5%. Франция поставляет 63% алжирского импорта, 65% тунисского и 78% мадагаскарского. На Бельгию падает 56% импорта колонии Конго и т. п. Но на ряду с этим автор приводит данные, которые как будто бы противоречат положению о преимуществах метрополии в колониях. Так, он указывает, что Канада покупает у Великобритании только 18% своего импорта, а у Соед. Штатов—57%, и т. п. Для автора просто непонятно, что в данном случае «Англию побивает тоже монополия, тоже империализм, только другой страны» (Ленин. «Империализм»). Далее, в отношении значения колоний, как источников получения сырья и рынков приложения капитала, Мун также должен признать их большое значение для метрополии. Но все же у автора есть в запасе аргумент, который, по его мнению, должен быть решающим для отказа от колониальной политики. Он считает, что все возможные выгоды от владения колониями не покрываются

теми расходами, которые приходится нести стране для завоевания колоний, для покрытия дефицита по их управлению, для поддержания войск и т. д. Но несколькими страницами далее он приводит сам характерный довод против своей концепции. «Издержки империализма,—пишет Мун,—падают на всех вообще налогоплательщиков, между тем как прибыль от колониальных рынков достается тем корпорациям, фирмам и отдельным лицам, которые ведут дело с колониями» (стр. 405). Здесь весьма метко формулирована сущность империалистической политики. Все тяготы колониальных авантюр, милитаризма и маринизма финансовый капитал перекладывает на плечи широких масс, сам же использовывает монопольную прибыль от грабежа колоний и полуколоний.

И после всего Мун все же не теряет надежды, что правящие классы, в конце-концов, поймут всю ненужность империалистической политики, и без всяких революций наступит на земле царствие мира и гармонии.

Этим можно было бы ограничить разбор капитальной работы Муна. Необходимо лишь остановиться на отношении Муна к Советскому Союзу. Мелкобуржуазная психология автора находит свое проявление и в трактовке им международной политики СССР. С одной стороны, он должен признать, что политика советов направлена к освобождению колоний и полуколоний «от позорного ярма европейского империализма» и что политика Советского Союза уже вызвала «среди азиатских народов рост самосознания, стремление к самоопределению и протест против европейского империализма» (стр. 187). С другой стороны, однако, он считает советскую политику своеобразной формой «красного империализма» и утверждает, например, что в отношении Монголии «Россия обнаружила даже большую агрессивность, чем цари». В этом отношении Мун находится полностью на поводу у империалистической буржуазии, которая всегда ставит знак равенства между империалистической царской политикой и пролетарской интернациональной политикой Советского Союза. Но такова судьба всех мелкобуржуазных социал-реформистов: быть на деле слепым орудием в руках империализма.

М. Иоэльсон.

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ НА 1929 ГОД

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

„ПРОЖЕКТОР“

Под редакцией: **Н. БУХАРИНА и Л. ШМИДТА.**

„ПРОЖЕКТОР“ лучший иллюстрированный еженедельник в СССР.

„ПРОЖЕКТОР“ самый большой журнал по об'ему. В каждом номере не менее 32 стр. самого большого формата.

„ПРОЖЕКТОР“ помещает на своих страницах рассказы, повести, очерки и стихи лучших советских и иностранных писателей, поэтов и журналистов.

„ПРОЖЕКТОРОМ“ обращено особое внимание на ясное воспроизведение фотографических снимков, которыми иллюстрируется значительная часть текста.

„ПРОЖЕКТОР“ следит за событиями недели и освещает их в статьях, очерках, снимках и рисунках.

„ПРОЖЕКТОР“ в каждом номере печатает не менее шести рисунков лучших советских художников и карикатуристов

„ПРОЖЕКТОРОМ“ в течение 1928 года издан ряд **специальных** номеров. Готовится к печати ряд новых специальных номеров, посвященных боевым вопросам советской общественности.

„ПРОЖЕКТОР“ уделяет много внимания советскому искусству.

„ПРОЖЕКТОР“ дает отдел „Страница Классиков“.

С 1-го НОЯБРЯ ЦЕНА СНИЖЕНА до 25 коп. за отдельный номер.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1929 год:
на 1 мес. — **1** руб., на 3 мес. — **3** руб., на 6 мес. — **6** руб., на 12 мес. — **12** руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: в Главной конторе Издательства „ПРАВДА“ и „БЕДНОТА“ (Москва, 9, Тверская, 48), в провинциальных отделениях „ПРАВДЫ“, почтовых конторах и письмоносцами.

Главлит № А—24808 Изд. „Правды“. Тираж 32.000 экз.

Типография газ. „Правда“, Москва, Тверская, 48. Заказ № 1628.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 21—22 30 НОЯБРЯ № 21—22

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 8

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

Главлит № А—26460 Тираж 75.000.
Типография газеты „Правда". Москва, Тверская, 48.

К итогам пленума ЦК ВКП(б).

Только-что закончившийся пленум ЦК вынес решения по основным вопросам политики партии, стоящим перед ней на нынешнем этапе социалистического строительства.

Уже в ближайшие месяцы после XV с'езда наша страна вступила в полосу некоторых экономических затруднений. К товарному и сырьевому голоду, дававшему себя знать в течение всех последних лет, прибавился недостаток сельскохозяйственных продуктов, который заставил нас не только прекратить экспорт этих продуктов за границу, но и поставил на время под непосредственную угрозу продовольственное снабжение городов и армии, чем вынудил партию принять чрезвычайные меры к предотвращению этой угрозы

Основа явлений товарного голода заключается в недостаточном уровне развития промышленности в стране, в ограниченности наших возможностей в деле капитальных вложений для строительства новых фабрик и заводов и расширения старых. Затруднения по линии снабжения страны сельскохозяйственными продуктами, в свою очередь, явились следствием медленного роста сельского хозяйства при постоянном увеличении внутридеревенского потребления и дальнейшем раздроблении и измельчании крестьянских хозяйств.

В свое время троцкистская оппозиция предлагала ликвидировать товарный голод путем выкачки средств из крестьянского хозяйства в таких размерах, чтобы их хватило для осуществления сверхиндустриализаторских и явно утопических проектов оппозиции, хотя бы ценою разрыва союза между рабочим классом и основной середняцкой массой крестьянства. Партия отвергла эту гибельную, авантюристическую и по сути вещей ликвидаторскую тактику. Но решительно отвергая путь, предлагавшийся троцкистской оппозицией, партия должна была наметить свой путь выхода из экономических затруднений как по линии промышленности, так и по линии сельского хозяйства. Вслед за апрельским и июльским пленумами ЦК ВКП, только-что закончившийся ноябрьский пленум во всей широте поставил вопрос об этом пути.

Пленум совершенно не мог, разрешая этот вопрос, пройти мимо ясно оформившихся внутри партии тенденций, которые искали выхода

из переживаемых страной затруднений на пути открытых уступок капиталистическим элементам нашего хозяйства, в частности, кулачеству. Эти тенденции не новы в нашей партии. Они коренятся в общих условиях нашей экономики, имея своим источником влияние буржуазной и мелкобуржуазной идеологии на отдельные прослойки партии, естественно усиливающееся в моменты обострения хозяйственных затруднений.

Можно вспомнить хотя бы о заявлениях, раздававшихся на XII с'езде партии через несколько лет после введения нэпа, о том, что наша страна не выйдет из разрухи без помощи иностранного капитала, и требовавших признания царских долгов, последующих предложений, направленных к отмене монополии внешней торговли; можно вспомнить отрицание кулацкой опасности и разговоры о расширении нэпа в период XIV конференции. После XV с'езда, в момент наступивших хлебозаготовительных затруднений и обострившейся борьбы с кулаком, правооппортунистические настроения в партийных рядах выступили особенно ясно в деревенских организациях. Февральское письмо ЦК ВКП к местным партийным организациям, резолюция апрельского и июльского пленумов вынуждены были говорить об элементах, не видящих классов в деревне и не желающих ссориться с кулаком, о носителях буржуазных тенденций внутри партии, понимавших наступление на кулака, как отказ от нэпа и т. д. На местах во многих случаях дело доходило до того, что отдельные сельские коммунисты оказывали прямое противодействие хлебозаготовкам и возглавляли оппозицию кулацких элементов мероприятиям партии. И нужно было исключать таких коммунистов из партии, чтобы обеспечить успех хлебозаготовок в тех или других районах. Впрочем, было бы прямо удивительно, чтобы в условиях нынешних трудностей, в окружении стабилизировавшегося (хотя бы относительно) капитализма и мелкобуржуазной стихии, постоянно рождающей капитализм внутри страны, в отдельных прослойках партии, в особенности в тех из них, которые подвергаются прямому воздействию чуждых и враждебных элементов, не проявилось ликвидаторских и капитулянтских настроений и чтобы эти настроения не нашли себе более или менее оформленного выражения.

Типичными для таких настроений являются сейчас такие конкретные экономические требования—сократить темп индустриализации, дать больше свободы капиталистическим элементам, не налегая особенно на строительство совхозов и колхозов. В нынешней международной и внутренней обстановке проведение в жизнь этих двух требований, конечно, ничего бы больше не означало, кроме обострения товарного голода и увеличения запасов хлеба в руках кулацких элементов, которые нам их, разумеется, не дали бы, а использовали для борьбы с нами. На ряду с этим ноябрьский пленум отметил как характерные черты правого уклона, бюрократическое невнимание к нуждам масс, смазывание задач борьбы с бюрократизмом, благодушное забвение военной опасности,—естественно, что и эти черты правого уклона могут лишь размагничивать партию в ее борьбе за социализм.

Нанесши ряд решающих поражений полуменьшевистской идеологии троцкизма, партия дала твердый и решительный отпор правому уклону и примиренческому отношению к этому уклону.

Резолюции ноябрьского пленума о контрольных цифрах и росте партии в этом смысле подводят итог целому периоду в жизни нашей партии, когда огромная часть ее организаций: низовых ячеек, районных собраний и конференций, губернских и областных комитетов и комитетов национальных компартий—сказала свое твердое и решительное слово о правых уклонах и о борьбе с ними.

Решительно ударив по правому уклону и по примиренческому отношению к нему, партия наметила свой большевистски-ленинский путь ликвидации хозяйственных затруднений не через свертывание социалистического строительства и спуск на тормозах, а путем решительного и твердого проведения дальнейшей социалистической перестройки нашей экономики и в частности сельского хозяйства.

За истекший год наша крупная промышленность увеличила свою продукцию на 22%, добившись темпа, неслыханного ни для одной капиталистической страны. Пленум признал необходимым сохранение достигнутого темпа и на предстоящие годы (что не исключает усиления этого темпа в меру возможностей), обратив особенное внимание на металлургию, машиностроение, химическую и строительную промышленность. Констатировав чрезвычайное отставание темпа развития сельского хозяйства по сравнению с требованиями, пред'являемыми ему быстро растущей промышленностью, благодаря чему остается в наличности угроза снабжению растущего рабочего класса и городского населения; создаются лимиты для целого ряда отраслей промышленности (хлопок, шерсть, кожа, лен и т. д.) и ограничивается экспорт, что в свою очередь ведет к сокращению импорта в страну орудий производства, пленум указал на опасность разрыва между промышленностью и сельским хозяйством, как на главную опасность для дела индустриализации страны в настоящий момент, и решительно поставил перед всей партией вопрос об ускорении темпа развития сельского хозяйства, особенно в его зерновой части, как боевую задачу партии. Вопрос о сельском хозяйстве (и о зерне, в частности) пленум признал **центральным** среди тех хозяйственных вопросов, которые встали перед партией в связи с переживаемыми страной трудностями. Ликвидация средневековой отсталости сельского хозяйства, связанной с его раздробленностью, низкой урожайностью и низкой культурностью, возможна только через самую решительную ломку унаследованных от старины методов обработки земли, через поднятие урожайности, через производственное кооперирование крестьянских хозяйств, коллективизацию, строительство мощных совхозов, через массовое снабжение сельского хозяйства машинами и удобрениями. Партия достигла известных успехов в этом отношении

и в области машиноснабжения, и в области кооперирования и коллективизации. Уже в этом году на Сев. Кавказе колхозы дали около 10% товарной сельскохозяйственной продукции. Как явствует из материалов обследования РКИ, мы имеем полную возможность в течение ближайших 5 лет повысить урожайность земли в пределах нынешней посевной площади на 30% путем самых простейших мероприятий, доступных индивидуальным бедняцким и середняцким хозяйствам. Пленум совершенно справедливо отметил, что местные партийные организации далеко не исчерпали всех средств поднятия индивидуального крестьянского хозяйства, до сих пор дающего нам основную массу хлебной сельскохозяйственной продукции. Пленум наметил целый ряд мер стимулирования дальнейшего под'ема индивидуального крестьянского хозяйства путем улучшения товароснабжения деревни, путем решительной борьбы с нарушениями революционной законности, с извращениями нашей партийной линии по отношению к середняку в области налоговой практики, помимо общих мероприятий поднятия урожайности. Задачу всемерного стимулирования хозяйственного интереса бедняцких и середняцких масс крестьянства пленум выдвинул, как одну из центральных наших задач в настоящее время. Но пленум отдавал себе совершенно ясный отчет в том, что для нашего отсталого сельского хозяйства при быстром росте населения, при наличии явлений измельчания и обестоваривания крестьянских хозяйств, явлений пауперизации в среде крестьянской массы нет решающего выхода к дальнейшему под'ему, если только мы одновременно с поднятием индивидуального крестьянского хозяйства не будем проводить решительных мер по его социалистической реконструкции. Радикальный выход для бедняцких и середняцких хозяйств заключается в производственном кооперировании и коллективизации. Только этими путями мы в состоянии всерьез и основательно выводить основную массу крестьянства из тисков средневековой отсталости и нищеты к новой, социалистической технике, к огромному увеличению сельскохозяйственной продукции, мощному поступательному движению вперед, которое могло бы обеспечить нашу быстро растущую социалистическую промышленность.

Не путь экономических уступок капиталистическим элементам, не путь свертывания социалистического строительства, а путь дальнейшего наступления на кулака, дальнейшего его ограничения, путь дальнейшей индустриализации страны, роста рабочего класса, энергичной реорганизации сельского хозяйства на социалистических началах—таков большевистско-ленинский путь, намеченный единогласно ноябрьским пленумом ЦК.

На этом пути перед партией лежат большие трудности. Обеспечение утвержденного пленумом темпа индустриализации страны на предстоящий год требует понижения себестоимости промышленной продукции не менее чем на 7%, а стало быть соответствующего поднятия производительности труда; требует сокращения строительного

индекса на 15%; требует, таким образом, огромного напряжения сил и огромного под'ема творческой энергии всего рабочего класса. То же приходится сказать по поводу введения 7-часового рабочего дня в многочисленных предприятиях целого ряда отраслей промышленности, о чем пленум также вынес свое решение. Выполнение намеченного плана хлебозаготовок пред'являет громадные требования ко всему советскому аппарату и местным партийным организациям. Между тем, невыполнение этого плана неизбежно ударит по промышленности и подорвет ее работу. Обеспечение дальнейшей индустриализации требует огромного роста сельскохозяйственной продукции в ближайшие годы. А такой рост немыслим без глубоких, серьезных, далеко идущих мероприятий в области реконструкции сельского хозяйства уже сегодня, которые требуют огромной активности нашей сельской партийной организации, умения мобилизовать вокруг этих вопросов миллионные батрацкие, бедняцкие и середняцкие массы.

Трудности нашего хозяйственного положения, неизбежно связанные с намеченным нами темпом индустриализации, вытекают не только из нашего внутреннего положения, но и из нашего международного положения, из растущей угрозы империалистического нападения на Советскую Страну. Эти трудности могут быть преодолены только при максимальном развертывании активности и самодеятельности партийных и беспартийных пролетарских и трудящихся масс и при максимальном улучшении работы госаппарата и массовых организаций, в особенности профсоюзов.

Кампания самокритики, особо энергично проводившаяся партией после XV с'езда, воочию показала, какая масса болячек, язв и гнойников еще имеется в нашем аппарате. Мы имеем там в большом количестве явно антисоветские, контрреволюционные, абсолютно чуждые рабочему классу и социалистическому строительству элементы и рядом с этим элементы, обюрократившиеся, оторвавшиеся от масс и разложившиеся. Среди последних насчитывается не мало коммунистов.

Особенное внимание должно привлечь к себе состояние сельской партийной организации. Мы видим там ничтожный процент сельскохозяйственных рабочих и коллективистов. Социалистический сектор нашего сельского хозяйства, и без того чрезвычайно слабый, еще слабее представлен в нашей партийной организации. И одновременно с этим у нас есть весьма значительное количество коммунистов, использующих принадлежность к партии для превращения своего индивидуального хозяйства в типичное кулацкое и эксплоататорское, использующих партийный билет для защиты интересов кулачества и для противодействия антикулацким мероприятиям советской власти.

Вот почему совершенно очевидно, что проведение в жизнь намеченных партией мер по развертыванию социалистического строительства, по коренной реконструкции сельского хозяйства на социалистических началах предполагает укрепление нашей партийной

организации, особенно в деревне, улучшение ее социального состава за счет рабочих и батраков в первую голову и беспощадной чистки партийной организации от разложившихся и примазавшихся элементов, а также дальнейшего и самого энергичного развертывания борьбы с бюрократизмом, втягивания в эту борьбу масс, радикального улучшения нашего госаппарата и поднятия работы профсоюзов.

Пленум подчеркнул особое значение для переживаемого страной и партией момента борьбы с правой опасностью внутри партии и с примиренческим отношением к ней. Эта борьба за последние два месяца всколыхнула основные партийные организации. Партия живо реагировала на правую опасность, показавши, насколько велика в широких партийных массах революционно-классовая чуткость.

В чем заключается правый уклон от ленинской партийной линии в настоящее время? Он заключается, как мы уже отмечали в начале статьи, в тенденции к ослаблению темпа индустриализации, в недооценке обострения классовой борьбы, в частности, борьбы с кулаком, в недооценке значения строительства совхозов и колхозов, в невнимании к нуждам масс, в недооценке борьбы с бюрократизмом и военной опасности. Не трудно видеть, что в таком виде правый уклон логически и политически ведет к отказу от лининизма, к сдаче позиций пролетарской диктатуры международной буржуазии и ее союзникам внутри страны, и не трудно также видеть, насколько опасным и вредным является внутри партии примиренческое отношение к правому уклону.

Означает ли сосредоточение основного внимания партии на борьбе с правой опасностью прекращение борьбы с троцкистским уклоном внутри партии? Имеет ли троцкистский какие-либо преимущества по сравнению с правым уклоном? Не имеет никаких. Авантюристская политика троцкизма ведет к взрыву пролетарской диктатуры и реставрации капитализма. Троцкизм за пределами партии выродился в решительную антисоветскую организацию меньшевистского типа. И если партия выдвигает в настоящее время борьбу с правым уклоном на первое место по сравнению с борьбой против троцкистского уклона (внутри партии), то не потому, что троцкистский уклон лучше правого, а потому, что «левая» идеология троцкизма, прикрывающая его оппортунистическую сущность, уже в значительной степени разоблачена перед партийными массами в течение последних лет. Тем не менее пленум ясно сказал, что в партии имеются элементы троцкистских настроений и борьба с ними должна неуклонно продолжаться. Необходимо решительно бороться внутри партии против антисередняцких и сверхиндустриалистских «левых» загибов, против трактовки большевистской политики борьбы на два фронта, как политики «центристской» (подобное толкование, распространяемое троцкистами, частично проникает и в среду партии). Ни малейших идеологических уступок троцкистскому уклону внутри партии, ни малейшего примиренчества к нему партия не допускает и не собирается допускать. Но

особенно важное значение в настоящее время приобретает борьба с открыто - право - оппортунистическим уклоном.

Пленум наметил перед партией ясные перспективы ближайших этапов социалистического строительства. Не назад от XV с'езда к XIV, а вперед к дальнейшему росту социализма, к дальнейшему укреплению пролетарской диктатуры, к дальнейшему укреплению партии на ленинских позициях, к дальнейшему наступлению на капиталистические элементы, к дальнейшей беспощадной борьбе со всякими уклонами от пролетарской ленинской линии как в сторону троцкизма, так и в сторону открытого оппортунизма и примиренческого отношения к нему.

Такова основная политическая установка, данная ноябрьским пленумом ЦК.

Совершенно несомненно, что единодушно принятые решения пленума встретят такую же единодушную поддержку во всей партии и что, сплотившись вокруг этих решений, партия сделает новый и значительный шаг вперед к построению социализма в нашей стране и к победе революции в международном масштабе.

Арт. Кактынь.

Перспективы предстоящего хозяйственного года[1]).

Тяжелая и легкая индустрия.

Баланс промышленных товаров был сведен в истекшем году и сводится в текущем с большим напряжением в отношении удовлетворения как физического, так и ценностного об'ема потребностей. Как мы уже отмечали, главные разрывы мы имеем в этом году по линии металла (особенно чугуна), строительных материалов (главным образом, строительного металла, кровельного железа, стекла, цемента и кирпича); недопроизводство мы имеем также по некоторым группам промышленных товаров широкого потребления, к каковым приходится отнести в первую очередь, шерстяные ткани, подсолнечное масло, чай, сахар.

Если взять душевые нормы потребления основных промтоваров в отношении довоенного времени (1913 г.), то в общем и целом мы уже превзошли довоенные нормы, за исключением чугуна, по которому мы имеем всего 84,1% от довоенной продукции на душу; по топливу в этом году мы доходим до 132,2%; по хлопчатобумажной пряже до 121,1%; по шерстяным тканям—101,5%; по сахарному песку—102,5%; по соли—111,3%; по кирпичу—103,9%; по галошам—135,0%; при чем по основным товарам, в том числе и по чугуну, за исключением только льняных тканей, душевая норма возросла по сравнению с предыдущим годом, что говорит о том, что прирост промышленной продукции превышает прирост населения.

Основными материальными лимитами, в которые упирается рост продукции, в первую очередь легкой индустрии, являются лимиты сырьевые, об'ясняемые слабой урожайностью и сбором в этом году сахарной свеклы, табака, махорки, недостаточным импортом хлопка и некоторых других товаров. Если же взглянуть на посевные площади указанных культур, то, за исключением льна, все они в этом году росли весьма интенсивно (хлопок на 22,2%, сахарная свекла—15,9%, маслосемена—18,4%, лен—4,1% прочие—10,3%). Если валовая продукция, однако, по этим культурам растет значительно меньше (более значительный рост сбора дает лишь хлопок и льняное волокно), то это об'ясняется низкой урожайностью, что, в свою очередь, находит свое об'яснение в недостаточной обработке почвы, главным образом в недостаточном внесении в нее удобрений, в слабом уходе за растениями во время их вегетации. Об этом говорилось выше, в разделе о промышленных лимитах сельского хозяйства: все это происходит не от недостатка рабочей силы в деревне, а от недостатка необходимых средств производства.

[1]) Окончание. Нач. ст. см. в № 20 «Большевика».

В отношении строительных материалов и металла материальным лимитом являются средства производства соответствующих отраслей промышленности: особенно резко это выражается в отношении чугуна, где настоящая продукция доменных печей явно недостаточна для удовлетворения потребности мартеновских и прокатных цехов в чугуне, еще более недостаточна для снабжения металлическим сырьем машиностроения и других отраслей металлообрабатывающей промышленности. То же, в основном, наблюдается и в отношении цветных металлов. Как мы видели, именно по металлической группе и сказывается главный дефицит строительных материалов. Из других строительных материалов относительно более дефицитными являются—цемент, кирпич и лес, при чем недостаток леса в этом году несколько смягчается. Дефицит в этих отраслях может быть устранен при энергичном нажиме, притом легче, чем в отношении металла. Таким образом, по группе средств производства главное напряжение мы будем иметь по металлической группе. Недостатком металла об'ясняется, между прочим, продолжающийся все еще дефицит (несмотря на максимальные темпы роста сельмашстроения) в отношении некоторых видов сельскохозяйственных машин, особенно сложных, в частности, в отношении тракторов. Сугубо дефицитной является, конечно, продукция нашей химической промышленности, дефицит которой наиболее остро ощущается внешне по линии удобрений, внутри же промышленности—концентрируется в области кислотного производства, чем и об'ясняется отставание роста продукции удобрений и других химикалей.

Из сказанного приходится сделать в первую очередь тот вывод, что наибольшую остроту дефицита и наибольшее напряжение мы видим как раз в отношении продукции не легкой, а тяжелой индустрии (металлы, удобрения), при чем в то время как в легкой индустрии дефицит происходит преимущественно от недостатка сырья и вызван в известной мере стихийными колебаниями урожайности и вообще низкой урожайностью, что, в свою очередь, происходит от недостатка снабжения деревни средствами производства, т.-е. опять-таки продукцией тяжелой индустрии,—в отношении тяжелой индустрии дефицит вызван преимущественно слабостью и неразвитостью технической базы, что особенно сказывается в отставании основных производств металлической и химической отраслей (чугун, кислоты).

Это обстоятельство должно ориентировать наши усилия по линии преодоления узких мест в первую очередь тяжелой индустрии, с другой стороны, по линии производства сырья, особенно растительного, в деревне, что связано с усиленным производственным снабжением деревни, т.-е. опять-таки с дальнейшим усилением развертывания соответствующих отраслей тяжелой индустрии. Вывод о необходимости переброски капиталовложений из тяжелой индустрии в легкую был бы поэтому явно опрометчивым и привел бы только к еще большему напряжению товарных ресурсов промышленности, к еще большему разрыву между спросом и предложением, особенно со стороны сельского хозяйства. Конечно, не приходится отрицать возможности известного отставания развития технической базы легкой индустрии от роста производства, особенно при переводе на непрерывное производство ряда отраслей (с введением 3-х смен по текстилю и др.): усиленная работа машин и двигателей приводит к ускорению физического износа существующего оборудования, не говоря о его моральном износе Из этого следует, что на ряду с тяжелой необходимы некоторые вложения и в легкую индустрию, особенно в ее силовые установки (в этом году мы вкладываем в нее около 400 млн., что отнюдь не является маленькой величиной).

В перспективе дело, однако, сводится к тому, чтобы максимально укрепить, развернуть и обеспечить металлом двига-

теле- и машиностроение для легкой промышленности. При наличии развернутых отраслей текстильного, например, машиностроения и при наличии в стране достаточного количества металла нам нечего будет бояться недостаточности технической базы для текстильной промышленности даже при максимальной подаче из деревни сырья, ибо соответствующим производством машин и двигателей, при введении двух и трех смен на действующих предприятиях и постройке ряда новых текстильных фабрик, мы сумеем быстро привести в соответствие с сырьем и потребностями страны техническую базу текстильной промышленности.

Центр тяжести, следовательно, лежит в тяжелой индустрии. О ней мы и должны заботиться больше всего.

Товарный баланс средств потребления.

Если выделить из промышленной продукции группу предметов широкого потребления (т.-е. взять главным образом продукцию легкой индустрии) и выделить из нее товарную часть, охватывающую, в среднем, примерно 80% валовой продукции, присоединить к этой массе промтоваров широкого потребления еще и соответствующие сел.-хоз. продукты, идущие на удовлетворение массового спроса в средствах питания (хлеб, овощи, мясо, жиры), и свести все это в общий баланс спроса и предложения, разделенный на две основные части—город и деревня,—то станет ясно, что по городскому спросу наибольшее в этом году напряжение мы имеем по линии продовольственных продуктов, особенно хлеба и овощей, а по сельскому спросу—по линии промышленных товаров (текстиль, сахар, чай, масло растительное и животное и некоторые др.), в потребляющих районах—еще и по хлебу.

Если напряженность городского спроса и отчасти деревенского спроса потребляющих районов в отношении хлеба и продуктов питания вызывается недопроизводством соответствующих продуктов сельского хозяйства, в частности, зерновых хлебов, при чем по статистическим данным мы имеем даже абсолютное сокращение продукции против предыдущего года по ржи и сокращение посевных площадей по ржи и пшенице,—то в отношении промышленных товаров мы имеем не столько физический голод на них, сколько несоответствие между платежеспособным спросом деревни и города, вместе взятых, и предложением промтоваров на широком массовом рынке. Это явление находит себе двоякое об'яснение: с одной стороны, сильно возрастает в этом году покупательный спрос, особенно со стороны деревни как вследствие больших заработков крестьянства от строительных и других промыслов, значительно превосходящих прошлогодние, так и вследствие повышения цен на хлеб (в среднем по Союзу на 16% с учетом передвижки основной массы заготовок на восток, где цены снижены менее, чем на Украине, Сев. Кавказе, на Волге и в ЦЧО,—на 13%), а также на некоторые виды сырья (лен, подсолнух), при стабильности цен на промтовары. С другой стороны, значительно возрастает в этом году, как и в предыдущем году, внутреннее потребление промтоваров в самой промышленности, что стоит в связи с ростом обобществленного сектора вообще и видоизменением методов распределения, а также—в связи с ростом технического спроса на некоторые промтовары (ткани, сукно, сахар, растительные масла и др.).

Таким образом, рост той части промпродукции, которая выходит на широкий рынок, заметно отстает не только от роста валовой продукции, но и от роста покупательного спроса города и деревни на промтовары, выражающегося в этом году в размере от 9 до 10%. При росте валовой про-

дукции предметов широкого потребления примерно на 17% валовая продукция по основным 18-ти товарам возрастает лишь на 8%, а продукция, идущая на широкий рынок, лишь процентов на 5. Напряженность эта усугубляется еще и тем, что промышленность не может дать достаточного количества с.-х. машин, тракторов, туков и других средств производства, на которые деревня заявляет неограниченный спрос, предложением каковых могла бы быть покрыта значительная часть деревенского спроса.

Однако, поскольку мы вошли в новый год с некоторыми остатками предметов широкого потребления от прошлого года, накопленными нами к осени, максимальная острота товарного дефицита скажется не этой осенью и зимой, а, по всей видимости, будущим летом и осенью, в начале хлебозаготовительной кампании 1929—30 г. Мы имеем, следовательно, некоторый резерв времени, в течение которого мы можем и должны принять ряд мер для сбалансирования спроса и предложения на промтовары. Из этих мер на первый план выдвигается, естественно, максимальное расширение производства средств производства для деревни (особенно удобрений и тракторов), максимальное развертывание отраслей, дающих строительные материалы, которые в значительной своей части должны итти также по линии всяческого содействия кустарно-ремесленной промышленности и мелкой промышленности вообще, могущим дать из местного сырья добавочные контингенты товаров широкого потребления, которые могут помочь сбалансировать спрос и предложение на эти товары.

Известное смягчение дефицита промтоваров широкого потребления возможно еще и по линии усиленного производства таких предметов, которых раньше мы вовсе не производили, на которые спрос, однако, сильно возрастает из года в год. Такими предметами являются: радиоаппаратура, фотокиноаппаратура, пластинки, пленки, бумага и проч.; велосипеды, лыжи и другие предметы спорта, целый ряд предметов, идущих на удовлетворение культурных потребностей населения. Развертывание соответствующих отраслей производства отнюдь не представляет собою каких-либо особенных трудностей и может дать даже из незначительных количеств сырья значительную выброску товаров на рынок, что, в свою очередь, должно смягчить товарный дефицит. На эти производства следует обратить поэтому внимание.

Неизбежность товарного дефицита в период напряженной индустриализации подчеркивалась неоднократно, подчеркивает это и XV с'езд партии. Если сравнить нынешние и довоенные нормы потребления, то мы голода в товарах, за редкими исключениями, уже не имеем: однако, бурно возрастающий спрос населения как сельского, так и городского, в основном удовлетворяемый бурно же растущей промышленностью, все же опережает последнюю, особенно по линии сельского потребления. Опережение это неизбежно в течение длительного периода, пока прочной базой нашего народного хозяйства не станет тяжелая индустрия, пока широко не развернутся основные отрасли сельского хозяйства, поставляющие хлеб и сырье.

Совершенно ясно, с другой стороны, что как бы нам ни трудно было, мы не пойдем на смягчение товарного дефицита путем повышения цен на промтовары, путем ухудшения таким образом материального положения широких трудящихся масс и разрыва с крестьянством, к чему привела бы политика троцкистов в случае ее проведения в жизнь.

Напротив, наша социальная политика попрежнему остается единственно возможной и соответствующей нашим целям—политикой, направленной к максимальному улучшению материального положения рабочих и крестьян, к укреплению смычки между рабочим классом и крестьянством, к росту реаль-

ного заработка, что неизбежно будет и в дальнейшем расширять потребности рабочей массы, но вместе с тем и поднимать производительность труда. Промышленность приобретает, таким образом, постоянно толкающий ее вперед стимул в виде неизменно растущего массового спроса и в то же время находит в себе самой средства разрешения этой постоянно воспроизводимой коллизии путем неизменно же растущего предложения своей продукции.

Следует тут же подчеркнуть, что как раз в этом пункте наиболее ярко сказывается отличие ленинской политики индустриализации, проводимой нашей партией, от сверхидустриализма Троцкого и троцкистов, проповедывавших развертывание промышленности за счет высоких прибылей, получаемых от повышения отпускных цен, т.-е. за счет рабочих и крестьян как потребителей промтоваров; поскольку рабочему это повышение цен на промтовары возмещалось в представлении троцкистов повышением зарплаты, вся тяжесть повышенных цен переносилась на плечи крестьянства, на сельское хозяйство, из которого этим путем перекачивались бы средства в промышленность (не на шутку ведь «теоретик» сверхидустриализма, Преображенский, договорился до колонизации деревни в интересах промышленности). Индустриализация получилась бы в таком случае ценою размычки города с деревней, рабочего класса с крестьянством. Ленинская политика партии состоит, напротив, в подведении под индустриализацию прочной базы смычки города с деревней, рабочего с крестьянином. Нашей задачей в данный же момент особенно является подтягивание посредством реконструкции и обобществления и отсталого сельского хозяйства к быстро растущей крупной промышленности. Индустриализируя страну, развивая в первую очередь тяжелую индустрию, давая через нее средства производства в сельское хозяйство, мы тем самым поднимаем и упрочиваем зерновую и сырьевую базу промышленности, подводим под индустриализацию прочный фундамент, обеспечивающий дальнейшее ускорение ее развития.

Уместно в связи с этим припомнить следующие места из доклада Ленина, сделанного на XI с'езде партии 27 марта 1922 г.:

«Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но за то так, что действительно будет двигаться масса с нами. Тогда ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем. Это, по-моему, первый, основной политический урок новой экономической политики».

Вряд ли есть необходимость об'яснять и доказывать полную применимость этого урока и в данный момент, на восьмом году нэпа, при разрешении вопроса о темпах индустриализации и о пропорциях между промышленностью и сельским хозяйством.

Продовольственный баланс.

Трудности сбалансирования спроса и предложения в отношении продовольствия вызваны помимо основной причины—отставания зерновой базы,—еще и особенностями урожая этого года. Главные прорывы мы имеем по части продовольственных зерновых культур, собственно, по ржи; по ней мы в этом году имеем уменьшение сбыта против предыдущего года, несмотря на то, что общий баланс зерновых в этом году выше, чем в предыдущем году. К тому же по некоторым зерновым культурам (по пшенице, а также по некоторым сырьевым культурам: по маслосеменам, конопле, свекле, табаку и махорке и некоторым продуктам животноводства (по кор. маслу и кожсырью)—валовые сборы и выхода растут в весьма слабых темпах, отстающих не только от роста соответствующих отраслей промышленности, но и всей с.-х. продукции в целом. Еще слабее растут товарные выхода зерна, сырья и с.-х. продуктов, что приводит, при напряженности соответствующих экспортных статей, к тому, что рост внутреннего потребления по большинству этих статей лишь не на много обгоняет рост населения, т.-е. дает незначительный прирост душевых норм, а по хлебу и маслу коровьему дает даже некоторое, хотя и незначительное, их снижение.

Трудности продовольственного баланса вызываются еще тем, что мы в этот год вступили с пониженными против прошлого года переходящими запасами, что явилось следствием общего недовыполнения плана хлебозаготовок в прошлом году, особенно же в весенние и летние месяцы (апрель, май, июнь). Нам пришлось в целях пополнения запасов прибегнуть даже к импорту хлеба в размере 250.000 тонн. Другая величайшая трудность хлебного баланса заключается в крайне неблагоприятном географическом расположении нынешнего урожая: высокий урожай мы имеем в северо-восточных районах—в Сибири, Казакстане, на Волге, частично на Урале, где и должны получиться наибольшие товарные излишки хлеба и где развернуты соответствующим образом заготовки. При слабости транспортной сети в этих районах, при некоторой относительной слабости также и заготовительной сети, необорудованности ссыпных пунктов, недостаточности элеваторов, сушилок и т. д. заготовить в этих районах значительную массу хлеба и вывезти ее отсюда в ближайшие сроки, во всяком случае, до весеннего половодья,—задача исключительной трудности.

Однако, и трудности продовольственного баланса все же преодолимы. Коренное разрешение вопроса лежит конечно, в подготовке яровой посевной кампании. Мы еще не знаем результатов озимой кампании, но, поскольку семена были завезены в соответствующие районы, главным образом на Украину, в срок, поскольку были даны машины, удобрения и были открыты необходимые кредиты, а также проведена в значительных размерах контрактация на зерновые, можно полагать, что озимая посевная площадь дала некоторое расширение даже в недородных районах (Украина, Сев. Кавказ, Крым и ЦЧО); повышение этим летом уровня хлебных цен на 16% не могло не создать стимула к расширению площади посевов также и в урожайных районах. Намеченный Госпланом 7-процентный рост посевных площадей в будущем году представляет собою задачу тяжелую и ответственную, но все же разрешимую. К этому прибавляется еще задача 3-процентного повышения урожайности в предстоящем году. То и другое в сумме должно дать 10-процентный рост продукции зерновых хлебов.

Задача эта должна решаться по трем основным линиям: по линии обобществления сельского хозяйства—энергичное развертывание новых совхозов, улучшение старых, развертывание сети колхозов; по линии производственного снабжения деревни машинами и удобрениями, а также тяговой силой (тракторами); по линии контрактации, в плановом порядке охватывающей мелкие индивидуальные хозяйства, заинтересовывающей их в организации посевов, дающей им соответствующую денежную и материальную помощь еще во время посевной кампании. Совершенно естественно, что свое воздействие на расшире-

ние посевных площадей окажут также и повышенные хлебные цены.

Разрешение этих труднейших и сложнейших задач потребует колоссального напряжения сил как центрального, так и местного аппаратов и мобилизации всех сил советской общественности, партии, союза батраков, кооперации и сельскохозяйственного кредита. Опыт прошлогодней яровой кампании показал, что наиболее слабыми местами нашей работы в деревне являются недочеты и извращения, имеющие место в системе сельскохозяйственного кредита, то же—в снабжении деревни машинами и семенами и пассивность отдельных частей низового советского и партийного аппарата, склонных к соглашению с кулаком вместо борьбы с ним. Перевыборная кампания в советы должна расшевелить этот аппарат, оживить его, поставить его вплотную перед теми гигантскими задачами, которые стоят сейчас перед нами в деревне. Своевременная подготовка к распределению машин, удобрений, семян, проведение широкой рационализации системы с.-х. кредита, соответствующая классовая установка и зарядка низового аппарата, при энергичном нажиме партии, должны обеспечить проведение предстоящей посевной кампании. В этом—ключ к коренному разрешению продовольственной проблемы.

Поскольку, однако, все эти основные мероприятия отразятся на продовольственном балансе 1929—30 года, из трудностей баланса предстоящего 1928—29 года приходится выходить рядом паллиативных мер, могущих ослабить недостаток продовольственных продуктов—хлеба, овощей и жиров. По части хлеба главный нажим должен быть произведен по линии вывоза хлеба с востока и организации его быстрого перемола, а также по линии усиления выходов муки из зерна и примеси к пшенице ржи ячменя и кукурузы, а также усиленная выработка круп; по линии овощей должно быть путем соответствующего регулирования цен увеличено продовольственное потребление картофеля за счет технического; то же в известной мере по жировым—замена продовольственных жиров техническими жирами и маслами, а также усиление питания населения мясом, что в этом году представляется осуществимым. Все эти мероприятия при энергичном их проведении могут обеспечить нам уровень питания не ниже прошлогоднего, а по некоторым предметам даже выше, считая по душевым нормам, что должно быть признано в конечном счете более или менее удовлетворительным разрешением задачи в текущем неурожайном в отношении продовольственных хлебов году.

Можно констатировать уже теперь, что хлебозаготовки в первые четыре месяца хлебозаготовительной кампании, при отмене всяких чрезвычайных мер, дали нам свыше одной трети (до двух пятых) выполнения годового хлебозаготовительного плана, несмотря на то, что первые два месяца кампании (июль, август) вследствие позднего созревания хлебов дали весьма ничтожные заготовки. Однако, этот успех не исключает больших трудностей в предстоящие месяцы. Ход хлебозаготовок будет находиться в зависимости от того, как уйдут посевы под снег, еще более от того, как они из-под него выйдут. В зависимости от этого сильнейшим образом может колебаться и товарный баланс хлеба, особенно в части накопления невидимых запасов в самой деревне. При благоприятных условиях весной не исключена даже возможность повышения хлебозаготовительного плана и полное перекрытие дефицита продовольственных хлебов. Но возможно и обратное. Вот почему мы должны уже теперь готовиться к худшему и, исходя из этого, строить планы заготовок и использования хлеба и прочих продовольственных продуктов, страхуя себя принятием всех и всяческих мер на случай наибольшего обострения продовольственного баланса.

Проблема экспорта и импорта.

Рассматривая материальные лимиты народного хозяйства, мы не можем пройти мимо экспорта—импорта, являющегося одним из наиболее жестких лимитов, крайне стесняющих хозяйственное маневрирование.

Поскольку из экспортного плана в этом году выпадает почти полностью хлебный экспорт и в известной мере сокращается экспорт сырьевой, т.-е. таким образом относительно сокращается сельскохозяйственный экспорт, постольку мы вынуждены соответственно расширять промышленный экспорт, что и наблюдается в структуре экспорта как 1927—28, так и предстоящего 1928—29 года. Если еще в 1925—26 и 1926—27 г.г. мы имели соотношение между сельскохозяйственным и промышленным экспортом как 60—65 к 40—35, то в последующие годы соотношение определяется уже как 45—50 к 55—50.

Если учесть, что такое изменение структуры экспорта происходит при его продолжающемся росте, то отсюда уже с ясностью вытекают те трудности, какие создаются в связи с этим для внутреннего потребительского рынка по линии сокращения предложения некоторых промышленных товаров (например, сахара, мануфактуры).

Структура импорта в основном остается прежней, однако, размер импорта растет в последние годы совершенно недостаточно, создавая жесткие лимиты в отношении ввоза оборудования и сырья для промышленности, а также тракторов, триеров и удобрений для сельского хозяйства.

Трудности последних лет в этом отношении вытекают отчасти из крупных платежей по уже ранее реализованным нами германским кредитам. Поскольку, однако, часть ранее закупленного оборудования не вполне еще нами использована и, в ряде случаев, его использование задерживается вследствие отставания постройки соответствующих зданий, можно его введение в производство в этом году причислить с некоторой натяжкой к производственному импорту этого года, что несколько выравнивает соотношение между отдельными годами. Тем не менее импортный лимит остается крайне напряженным и в этом году, создавая ряд трудностей для народного хозяйства.

Так как для нас совершенно безусловным является сохранение активного баланса внешней торговли, то выходом из этого затруднения может быть только дальнейшее максимальное форсирование экспорта, при чем органически эта задача должна разрешаться по линии восстановления сельскохозяйственного экспорта, что, в свою очередь, зависит от развития и укрепления зерновой и сырьевой базы народного хозяйства. Поскольку в этом году одним из моментов для роста продукции легкой индустрии является сырье, в том числе и импортное, выход из этого затруднения должен изыскиваться между прочим по линии дополнительного расширения экспорта, что должно соответственно расширить импорт сырья.

Расширение экспорта мыслимо при этом не только в количественном, но и в качественном отношении, что должно повысить выручку от экспорта. Соответственная работа необходима и в отношении импорта, в сторону уменьшения затрат. Мы настолько еще отстали в отношении качественных показателей внешней торговли, что многого и многого можем еще добиться путем рационализации соответствующих процессов. Необходимо также ускорить оборот капиталов, вложенных во внешнюю торговлю, что также дает заметный финансовый эффект.

Внешняя торговля все еще остается наиболее отсталой от довоенного отраслью народного хозяйства. Как, однако, ни противоречивы друг другу социалистическая и капитали-

стическая системы хозяйства, какие бы препятствия, в виде кредитных блокад и т. п., ни ставились на пути развития нашего внешнеторгового оборота, мы должны все же настойчиво пробивать кольца блокад и глубже внедряться в мировое хозяйство, существенной составной частью которого является, несомненно, СССР.

Ясно, однако, что расширение и укрепление наших связей с внешним миром должно исходить из непоколебимости принципа монополии внешней торговли, достижения большей независимости СССР от внешнего мира и укрепления через импорт социалистической базы СССР, на что указал в своей резолюции XV с'езд ВКП(б).

Народный доход и бюджете.

Уже в первых разделах нами было подчеркнуто продолжающееся стремительное развертывание реконструктивных процессов в народном хозяйстве, что связано с длительными вложениями в капитальное строительство и неизбежно вызывает напряжение как материальных, так и финансовых ресурсов народного хозяйства. О неизбежности этого напряжения и вызываемых им трудностях говорил еще XV с'езд ВКП(б) в своей резолюции. Трудности эти усугубляются, кроме того, и недостатками нашего капитального строительства, особенно длительностью его сроков. Поскольку мы стоим в этом году перед окончанием целого ряда начатых в 1925—26 и 1926—27 годах крупных строительств, которые после их введения в действие дадут нам значительный прирост продукции, но пока в этом году требуют гигантского напряжения сил для их своевременного окончания,—этот год в смысле сбалансирования всех планов хозяйства получается особенно трудным. Это видно, между прочим, из того, насколько удельный вес расходов на финансирование народного хозяйства возрастает из года в год в государственном бюджете: расход на народное хозяйство составляет в 1925—26 г.—18,2%, в 1926—27 г.—23,5%, в 1927—28 г.—28,8%, в 1928—29 г.—34,4%; в составе этих расходов удельный вес промышленности возрастает за четыре года с 4,9% до 12,2%; удельный вес транспорта с 4,2% до 9,3%.

Промышленность получает в этом году из гос. бюджета 810 млн. рублей (не считая военной и золото-плат.), на электростроительство отпускается 184 млн. руб. Все финансирование промышленности вместе с банковским кредитом достигает 2.531 млн. Транспорт получает дотаций 357 млн. руб. Сельскому хозяйству из госбюджета отпускается 317,0 млн. р (против 192,9 млн. руб. в истекшем году—рост на 64,3%), в том числе—на производственное финансирование—298,5 млн. руб. Если прибавить сюда еще и сельскохозяйственный кредит (согласно проекту Госплана, еще не утвержденному), то общая сумма производственного финансирования государством сельского хозяйства выражается в этом году в 651,1 млн. руб. против 487,8 млн. руб. в истекшем хозяйственном году (рост на 33,3%). Из них по обобществленному сектору (совхозы, зернотрест, колхозы, кооперация, машинные т-ва и пр. гос. организации и меропр. общ. значения) проходит 353,4 млн. руб, индивидуальным хозяйствам предоставляется 192,5 млн. руб., не считая контрактации. Вместе с контрактацией (краткосрочной) и местным бюджетом сельское хозяйство должно получить в этом году 1.129 млн. руб. против 780 млн. руб. в прошлом году, т.-е. на 45% больше.

Все это вызывает значительный рост бюджета, как по абсолютной величине, так и относительной, по сравнению с ростом народного дохода.

Для выявления относительного роста бюджета по сравнению с ростом народного дохода приведем следующую табличку из контрольных цифр Госплана (исправленную в соответствии с решениями правительства):

	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Народный доход по реальному методу.	В червонных рубл. каждого года.			
1. Сводный бюджет—доходы	22.515	23.578	25.872	28.448
2. Госбюджет—доходы	5.018	6.592	7.894	9.119
3. Налоги по свод. бюджету . . .	4.215	5.626	6.710	7.695
	2.148	2.999	3.387	4.085
В %% к народному доходу:				
1. Сводный бюджет—доходы	22,3	28,0	30,5	32,0
2. Госбюджет—доходы	18,7	23,9	25,9	27,0
3. Налоги по свод. бюджету	9,5	12,7	13,1	14,4

Таблица показывает, что рост бюджета обгоняет рост народного дохода и приводит к все большему перераспределению через бюджет народного дохода. Это в общем и целом, несомненно, положительное явление, поскольку этим путем обобществляется значительная часть народного дохода и он, по крайней мере, в этой своей части, переводится таким образом преимущественно в накопление. Если считать, что одновременно идет процесс накопления также и в деревне, влагающей значительные, притом возрастающие из года в год (за исключением прошлого года), средства в строительство, то из этого станет ясно, что в стране за последние годы накопление растет быстрее потребления, что опять-таки явление положительное. Достаточно указать в подтверждение этого на то, что из прироста в этом году народного дохода на 2.576 млн. р. около 76% уходит на увеличение финансирования народного хозяйства, т.-е. преимущественно переводится в накопление.

Такое распределение народного дохода сугубо характерно для периода индустриализации; страна производит энергичное накопление, что и выражается в индустриализации. Происходит же этот процесс, и это особенно важно, на фоне плавно нарастающего из года в год темпа увеличения народного дохода, почти втрое превышающего соответствующие темпы довоенной России и капиталистических стран. Рост народного дохода в 1926—27 году составляет 5,1%, в 1927—28 г.—9,4% и должен составить в 1928—29 г.—10,0%. В составе народного дохода обобществленный сектор возрастает с 38,8% в 1924—25 г. до 52,4 в 1928—29 г., при чем особенно растет доля цензовой промышленности в народном доходе (с 14,3% в 1924—25 г. до 21,1% в 1928—29 г.) Все эти показатели говорят о вполне здоровом и, главное, чрезвычайно быстром и энергичном росте народного дохода, чем и обеспечивается относительный рост из года в год накопления в стране, притом накопления преимущественно в обобществленном секторе, поскольку народный доход на большую половину получается уже из этого сектора и поскольку нашими финансовыми мероприятиями (через налоги, кредит, займы, страхование и т. д.) мы переводим часть накоплений необобществленного сектора в обобществленный.

Положительной чертой распределения народного дохода является то, что доля лиц наемного труда во всем доходе страны продолжает из года в год возрастать, составляя в 1925—26 г. 28,1% от всего дохода, в 1926—27 г.—30,9%, в 1927—28 г.—

32,1%, в 1928—29 году—32,1%. Еще сильнее возрастает доля всего пролетариата; растет также и доля обобществленного сектора в распределении дохода. Все приведенные данные говорят о том, что *под нашим хозяйством, в частности процессами реконструкции и индустриализации, имеется прочная и здоровая финансовая база.* О том же косвенно говорит и возрастающая из года в год реализация государственных займов, особенно в городской части населения. Предварительные итоги реализации 2-го займа индустриализации (даже при поправках на сброску облигаций займов) являются *лучшим показателем воли населения к индустриализации и к накоплению вообще.*

Все эти факторы должны обеспечить тот рост бюджета, какой вызывается в этом году растущими потребностями промышленности, транспорта и сельского хозяйства в капитальных вложениях, а также культурно-просветительными нуждами. Государственный бюджет дает в этом году вновь крупный прирост на 15,5% (против 18,4% в истекшем году), при чем, если не считать оборотных статей НКПС и НКПиТ и переходящих остатков с прошлых лет, то рост бюджета выражается в цифре 16,6% (против 22,2% в прошлом году). Почти такой же рост дает сводный бюджет. Тем не менее, даже несмотря на этот рост, все же получается крайняя напряженность расходной части бюджета, и требования промышленности, транспорта, сельского хозяйства, обороны и культурно-просветительного сектора не могут быть полностью удовлетворены.

Кредит, растущий в этом году в относительно меньшем размере,—по вкладам и текущим счетам всего на 6,7% (против 11,2% в прошлом году), а по учетно-ссудным операциям на 12,8% (против 19,6% в прошлом году), при росте денежной массы в общем на 15,3%, не сможет, особенно в своей долгосрочной части, возместить недоданного перечисленным отраслям народного хозяйства по бюджету. Рассчитывать, однако, на больший рост бюджета не приходится, так как и взятый нами темп, превышающий темп роста народного дохода и выделяющий все большую его долю на накопление, является *предельным.* Приходится поэтому балансировать бюджет с частичной урезкой потребностей основных отраслей по бюджету, но с расчетом на то, что они *возместят себе эту урезку в порядке внутреннего накопления в самих этих отраслях, что возможно при энергичной рационализации производственных процессов и снижении себестоимости.* Это возмещение пойдет, конечно, за счет народного дохода и вызовет соответствующий рост накопления за счет потребления. В этом *особенная трудность этого года: нам приходится строить финансовый план в расчете на внутренние процессы накопления в самом хозяйстве, не организуя его (накопления) через бюджет и не планируя его точно наперед.* Особенно трудной эта задача будет, естественно, в сельском хозяйстве, где процессы рационализации дают свой эффект не так быстро. Затрудняет этот процесс еще и то обстоятельство, что уровни цен в этом году, благодаря повышению хлебных и некоторых сырьевых цен, дают *частичное перераспределение доходов в пользу сельского хозяйства,* ибо в то же время промышленные цены остаются на прежнем уровне, даже предполагается небольшое снижение отпускных цен промышленности.

Поскольку, однако, как мы выше видели, несмотря на это перераспределение, доля промышленности и всего обобществленного сектора в народном доходе возрастает, постольку и эта трудность нами может и должна быть преодолена.

Задача разрешима по линии *энергичной коллективизации деревни, по линии усиления в сельском хозяйстве роли производственной кооперации, по линии поднятия производительности труда и рационализации промышленности, по линии дальнейшей рационализации всех народнохозяйственных процессов.*

Политика цен в предстоящем году.

Наша политика цен преследует две основные цели: *улучшить материальное положение рабочих и крестьян,* что должно достигаться систематическим снижением общего уровня цен; *сжать «ножницы» между промышленностью и сельским хозяйством, между городом и деревней* путем сближения уровней цен на промышленные и сельскохозяйственные товары. К этим двум основным задачам тесно примыкает задача *сжатия оптово-розничных «ножниц»,* снижения нормы торговых издержек, что должно дать возможность не только довести до потребителя *все* снижение оптовых цен, но и добавить к снижению оптовых цен еще и снижение своих расходов или, по другому, *добиться намечаемого снижения розничных цен при относительно меньшем понижении оптовых цен, что должно повысить внутреннее накопление в промышленности и сельском хозяйстве.*

Эти задачи нами систематически осуществлялись уже в течение ряда лет. Нами достигнуты ощутительные результаты: за последние годы уровень цен снижается (если не считать индекса цен на с.-х. товары, особенно в этом году, и индекса коммунальных услуг, значительно возрастающего и поднимающего тем самым общий индекс статистики труда) при одновременном *развитии внутреннего товарооборота и его обобществления,* что сделало кооперацию и госторговлю хозяевами рынка и в значительной мере соподчинило им частника. Тем не менее в моменты острого бестоварья спекулятивный частный капитал все еще выходит на поверхность и поднимает соответствующие индексы при снижении или стабильности, в основном, индексов государственной и кооперативной торговли. Общий результат нашей политики цен виден из следующей таблички:

Движение индексов цен по годам.

	По ценам соответствующего года.				В процентах к предыдущему году:		
	1925—26	26—27	27—28	28—29	26—27	27—28	28—29
Оптовый индекс ЦСУ. .	1.856	1.755	1.714	1.755	94,6	97,7	102,4
а) Отдельно с.-х. товаров.	1.713	1.566	1.565	1.660	91,4	99,9	106,1
б) Отдельно пром. товаров	2.009	1.967	1.877	1.856	97,9	95,4	99,0
Индекс строительства. .	2.690	2.570	2.460	2.265	95,5	95,7	92,0
Бюджетный индекс ЦБСТ.	2.027	2.032	2.058	2.116	100,2	101,3	102,8
а) Отдельно с.-х. товаров.	2.070	2.089	2.175	2.175	100,9	104,1	100,0
б) Отдельно пром. товаров	2.366	2.262	2.175	2.175	95,7	96,2	100,0
в) Отдельно ком. услуг .	1.212	1.444	1.547	1.670	119,1	107,1	108,0

Как видно из приведенной таблицы, указанная выше *политика цен проводилась нами планомерно и без всякого колебания по отношению к промышленным товарам, в отношении которых мы имеем совершенно реальные результаты как по оптовому индексу, так и рознич-*

ному индексу и отдельно по индексу строительства. Другое дело получается в отношении сельскохозяйственных товаров. Если по оптовому индексу цен ЦСУ мы здесь имеем вплоть до последнего года, снижение, хотя и небольшое, то по бюджетному индексу по этой группе мы имеем из года в год рост, хотя и не особенно заметный; в истек. году оптовый индекс цен по сельскохозяйственным товарам возрос вследствие проведенного нами летом (с июля) повышения цен на зерновые культуры. При таких условиях нелегкой задачей представляется удержать розничный с.-х. индекс, хотя бы на уровне прошлого года, что, однако, намечено контрольными цифрами Госплана и что осуществимо лишь путем решительного сокращения накладных и торговых расходов, производимых по пути движения сельскохозяйственных товаров—хлеба и сырья—от производителя к потребителю.

В результате такого движения розничных индексов цен на сельскохозяйственные товары, а также вследствие неизбежного роста за последние годы стоимости коммунальных услуг мы имели, несмотря на систематическое снижение цен на промышленные товары, небольшой рост (на 1 — 2%) в течение последних лет бюджетного индекса ЦБСТ. Бюджетный индекс ЦБСТ дает более заметный рост (почти на 3%) в последнем году, в течение которого он, если сравнивать конец года с началом, поднялся на 10 баллов (с 199,2 до 209,2).

Что касается «ножниц», то, как по линии движения цен на промышленные товары, так и по линии движения цен на сельскохозяйственные товары, «ножницы» неизменно сжимались в течение ряда последних лет и дошли почти до нулевого состояния, что особенно заметно по розничным ценам на те и другие товары. Некоторый раствор «ножниц» мы имеем еще по оптовым ценам, но и эти «ножницы» крайне незначительны. Таким образом, задача сжатия «ножниц» в основном и целом нами разрешена, хотя и на высоком все еще общем уровне цен.

Изменение в этом году индексов сельскохозяйственных цен в сторону повышения задерживает, естественно, также и дальнейшее снижение индексов промышленных цен, что тем более становится понятным, если учесть дефицитность ряда промтоваров на широком рынке. Резкое снижение сбытовых цен на промышленные товары, при условии роста их на сельскохозяйственные, вызвало бы не только обратные «ножницы» между сельскохозяйственными и промышленными товарами, но и значительно усилило бы дефицитность последних и создало бы почву для роста спекуляции частника. Вследствие этого нам приходится в этом году ограничиться лишь небольшим (на 1%) снижением оптовых цен на промтовары и стабилизировать на прошлогоднем уровне розничные промышленные цены. Нужно подчеркнуть, что и оптовые цены снижаются преимущественно за счет строительных материалов.

Это, однако, ни в какой мере не означает, что мы уже вступаем в длительную фазу стабилизации цен. Общий уровень цен все еще слишком высок и в два с лишним раза превышает довоенный уровень цен, что заставляет нас продолжать линию дальнейшего неуклонного снижения цен как по промышленным, так и сельскохозяйственным товарам, что в ближайшее время должно проводиться в значительной мере за счет дальнейшего энергичного сжатия оптово-розничных «ножниц». Как ни велики в этой части наши достижения за последние годы, как ни сократились наши торговые издержки даже по сравнению с капиталистическими странами, мы все еще имеем здесь широкие возможности экономии, за счет которой возможно дальнейшее снижение уровня розничных цен. При монопольном или почти монопольном положении

на основных рынках ряда наших синдикатов и кооперации эта задача вполне осуществима в порядке интенсивной рационализаторской работы в отношении оптово-торговых, транспортных, складских и распылительных операций, с привлечением к этому делу широких потребительских масс. Эта задача отнюдь не снимается с порядка дня, как это кажется Наркомторгу, наоборот, она в данный момент должна быть развернута со всей энергией и особенно в отношении сельскохозяйственных товаров, в первую очередь хлеба, во вторую очередь прочих продуктов питания (мяса, масла, яиц и др.), а также и сырья.

О возможностях дальнейшей экономии по этой линии отчетливо говорит настоящая табличка.

Издержки обращения по всем секторам из КЦ Наркомторга.

	Сумма наложения, чистая накидка.	В %% к тов. массе.	В %% к предшест. году.
25/26	4832	34,1	—
26/27	4729	29,8	97,9
27/28	4869	26,7	102,9
28/29	5271	25,8	108,2

Естественно, что в дальнейшем, возможно, еще в конце этого года, при условии нового хорошего урожая, при условии достаточного снабжения промышленности сырьем и выброски, таким образом, значительно большего количества предметов потребления на рынок, мы сможем пойти на дальнейшее снижение уровня также и оптовых цен, в первую очередь, конечно, промышленных, но в известной мере и сельскохозяйственных, удерживая соотношение между теми и другими на уровне максимально сжатых «ножниц», что даст новую предпосылку для дальнейшего снижения также и розничных цен и повышения реального заработка и покупательной способности рубля. В качестве боевой задачи на предстоящий год должна быть нами поставлена задача достижения обязательного перелома в движении бюджетного индекса ЦБСТ, приостановки его роста и создания условий для его снижения.

Процессы обобществления.

Проблема обобществления хозяйства приобретает особое значение в предстоящем году в отношении сельского хозяйства. Число лиц наемного труда в частном хозяйстве определяется в этом году в размере 20,8% от всего числа занятых в хозяйстве лиц (против 21,2% в предыдущем году). При чем внутри этого числа количество лиц, занятых в хозяйстве в торговле, спускается до 10,9% (против 12,0% в предыдущем году); в промышленности в целом оно устанавливается на прошлогоднем уровне—9,3%, отдельно в цензовой—на уровне 1,3%; лишь в мелкой промышленности оно сохраняется еще на уровне 69,3% и в сельском хозяйстве—на уровне 68,0%.

Несмотря на продолжающееся сокращение удельного веса частного сектора, он в отношении валовой продукции народного хозяйства, благодаря тому, что в сельском хозяйстве его удельный вес все еще держится на уровне 97,0%, а в мелкой промышленности на уровне 60,5%, обладает все еще большею частью совокупной продукции народного хозяйства—52,6% (против 55,2% в 1927—28 г., 59,8% в 1926—27 г. и 64,0% в 1925—26 г.). В валовой продукции промышленности удельный вес частного сектора спускается с 12,7% до 10,2%, в том числе в цензовой промышленности с 1,7% до 1,6%.

Из основных фондов к концу года частный сектор, считая в том числе и все крестьянское хозяйство, владеет 46,1% (против 47,6% в предыдущем году), т.-е. меньше чем половиною, хотя опять-таки процент этот весьма значителен в сельском хозяйстве (97,4% против 98,0% в предыдущем году). Заметно падает также доля частного сектора в капитальных вложениях (до 40,0% против 45,4% в предыдущем году).

Приведенная статистика не дает, однако, ясного представления о действительной роли частного капитала в нашем народном хозяйстве, ибо к разряду частного статистикой относится вся масса крестьянских хозяйств, в том числе и натуральные и простые товарные хозяйства. Более ясная картина получится, если мы обратимся к товарной массе: удельный вес частного сектора в ней устанавливается в этом году на уровне 25,1% (против 28,9% в 1927—28 году, 32,7% в 1926—27 г. и 36,7% в 1925—26 г.). Отдельно в сельском хозяйстве—91,3% (против 93,6% в предыдущем году), в мелкой промышленности—60,5% (против 67,5% в предыдущем году), при 12,2% во всей промышленности (против 14,5% в предыдущем году). Из этих цифр мы можем установить, что во владении частного сектора остается все еще четвертая часть всей товарной массы страны, а из сельскохозяйственной массы еще более 9/10. Однако, роль частного сектора сразу же падает, как только мы переходим в сферу обращения, где эта товарная масса из рук частного производителя попадает уже непосредственно в руки государственно-кооперативного или частного заготовителя. (Тут уже выступает на сцену частный капитал). Во всем торгово-посредническом обороте доля частного сектора падает в этом году до 6,8% (против 9,3% в 1927—28 г., 17,0% в 1926—27 г. и 24,3% в 1925—26 г.), при чем в оптовом секторе за ним остается только 0,9% (против 1,3% в предыдущем году), а в розничном 19,5% (против 23,4% в 1927/28 г., 35,3% в 1926/27 г. и 43,8% в 1925/26 г.).

Все приведенные данные говорят о том, что в деле обобществления мы достигли значительных результатов. Но тем не менее перед нами остаются еще гигантские задачи, особенно значительные в сельском хозяйстве и отчасти в мелкой промышленности. Рост удельного веса обобществленного сектора в сельском хозяйстве хотя и значителен в этом году, все же измеряется в абсолютном значении очень еще незначительными величинами. Мелкое товарное хозяйство в деревне—вот та экономическая почва, из которой растет капитализм (кулак и частный торговец в деревне, промышленник и торговец в городе). Отсюда явствует, что нам необходимо приложить все усилия к выполнению поставленной перед нами XV с'ездом партии и последним пленумом ЦК задачи максимального развертывания сети колхозов, развития и накопления производственных форм сельского хозяйства и промысловой кооперации и широкого строительства на неиспользованных землях новых мощных сельскохозяйственных фабрик-совхозов.

Но, так как задачи эти осуществимы лишь при значительных капитальных вложениях в соответствующие отрасли и, что особенно важно, лишь при условии снабжения соответствующих обобществленных хозяйств двигательной силой, машинами и удобрениями, то осуществление этой задачи, как мы уже видели в начале статьи, упирается неизбежно в развитие соответствующих отраслей нашей металлической и химической промышленности, т.-е. основных отраслей тяжелой индустрии. Мы должны, конечно, попрежнему усиленно организовать кооперативный сбыт сельскохозяйственной продукции через с.-х. кооперацию, переходя развернутым фронтом к методу контрактации с.-х. продуктов, должны приложить все усилия к производственному

кооперированию кустаря и сельского хозяина и к усилению в этом деле именно производственных моментов—агропомощи, инструктажа, землеустройства, семеноводства, введения в хозяйство новых методов работы и новых организационных форм, сосредоточивая на проведении именно этих мероприятий, т. е. значительные вложения, какие мы направляем в сельское хозяйство через бюджет и сельскохозяйственный кредит из обобществленного сектора, и мобилизуя вокруг них крестьянские накопления, привлекая их в качестве паев и вкладов в кооперацию и кредитные товарищества.

Все эти задачи приобретают особое значение, особый размах именно в предстоящем году. Тем не менее еще раз следует подчеркнуть, что их успешное решение, их реальный и быстрый эффект зависят в первую очередь от того, насколько мы сможем соответствующую агропропаганду, внедрение новых организационных и технических методов ведения хозяйства сопроводить внедрением в обобществляемое и в индивидуальное сельское хозяйство техники и средств производства. К их производству в соответствующих отраслях тяжелой индустрии и к их наиболее организованному и рациональному распределению мы должны приложить максимальные усилия. Разрешение этих задач становится в этом году в буквальном смысле слова предпосылкой для разрешения всей проблемы поднятия зерновой и сырьевой базы народного хозяйства и вместе с тем для практического разрешения проблемы социализации деревни.

Устремление наших основных усилий по этим линиям отнюдь не снимает с нас обязанности содействия и помощи индивидуальному бедняцкому и маломощному середняцкому хозяйству как по линии кредита, так и государственного и местного бюджета и фондов самообложения; как по линии семенного снабжения, так и машинного и всякого прочего.

Осуществление материальной и финансовой помощи сельскому хозяйству, упирая на коллективизацию сельского хозяйства, должно вместе с тем исходить из необходимости «всемерного стимулирования хозяйственного интереса основных масс крестьянства» (т.-е. бедняков и середняков), как «одной из центральных наших задач» (см. резолюцию последнего, ноябрьского пленума ЦК ВКП(б)). Способствование «под'ему индивидуальных середняцких и бедняцких хозяйств» через «производственную смычку с деревней»[1] (машины, тракторы, удобрения) является в ближайшей перспективе одним из основных рычагов в увеличении зерновой и сырьевой продукции, поскольку индивидуальные хозяйства дают свыше 90% всей сельскохозяйственной продукции. Но через ту же производственную смычку, содействуя под'ему индивидуальных хозяйств, должны мы, меняя техническую базу деревни, приводить ее к укрупнению хозяйства и коллективизации.

Выводы.

Анализ перспектив предстоящего хоз. года, произведенный нами в порядке рассмотрения основных показателей народного хозяйства, приводит, в общем и целом, к несомненно положительным итогам.

По основным линиям социалистического строительства, в особенности по линии промышленного, электро- и транспортного строитель-

[1]) Разрядка моя. *А. К.*

ства, мы в 1928—29 году энергично двигаемся вперед, закрепляя и расширяя достижения предыдущих лет. Накапливаемые в хозяйственном организме внутренние ресурсы, а также создаваемые путем индустриализации новые средства производства, создают предпосылки для дальнейшего под'ема производственных темпов не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве.

Отставание развития производительных сил деревни и, в особенности, отставание зерновых и сырьевых отраслей сельского хозяйства, создавшее ряд тягчайших лимитов для дальнейшего хозяйственного строительства, должно быть в этом году, благодаря принятым решительным мерам, усиленным вложениям и мобилизации всех общественных и партийных сил на это дело, сменено на решительный поворот сельского хозяйства к росту и развитию на базе обновленной техники и коллективной организации. Поворот этот должен быть достигнут путем «всемерного стимулирования хозяйственного интереса основных масс крестьянства», путем содействия под'ему индивидуальных бедняцких и середняцких хозяйств, путем производственной смычки с деревней социалистической промышленности.

В области товарного и денежного обращения, несмотря на напряжение, создающееся в последние годы в сфере обращения и потребления, мы видим, однако, дальнейший рост, свидетельствующий о здоровом общем развитии всего народнохозяйственного организма, несмотря на крупные затруднения и частичные кризисные явления, имеющие место в нашем хозяйстве.

Напряжение в сфере обращения и потребления, усугубляющееся по линии экспорта-импорта, продовольственного, сырьевого и промтоварного балансов, а также кредита и денежного обращения, создает, несомненно, ряд крупных трудностей как для хозяйственного планирования, так и текущего маневрирования, особенно при отсутствии или недостаточности резервов, накопление которых в этом году подвигается вперед весьма слабо.

Трудности эти, однако, неизбежны при интенсивном развертывании процессов индустриализации и реконструкции хозяйства. Трудности эти преодолимы при должной концентрации на них общественного и партийного внимания и мобилизации всех сил рабочего класса и партии на их преодоление.

Трудности эти были бы опасны лишь в том случае, если бы в основных процессах воспроизводства наблюдались существенные отрицательные моменты. Поскольку, однако, весь процесс воспроизводства в целом идет по широко развертывающейся спирали, хотя и задерживаясь в части зерновой продукции и металлургии, постольку встречающиеся на нашем пути трудности являются, с одной стороны, отражением унаследованных от прежнего диспропорций народного хозяйства, далеко еще нами не изжитых, и, с другой стороны, последствием частичных нарушений при быстром поступательном движении соотношений между отдельными элементами хозяйства (зерно, металл), что, однако, устранимо соответствующим организованным воздействием на отстающие отрасли, подтягиванием их к ушедшим в своем развитии вперед отраслям хозяйства.

Стесняющие и затрудняющие наше развитие материальные и финансовые лимиты должны быть сбалансированы в основном за счет максимального напряжения сил по линии повышения качества хозяйственной работы, по линии социалистической рационализации и экономии. Эти моменты встают перед нами во весь рост.

Повышение качества работы, являясь следствием индустриализации, реконструкции и рационализации, должно вместе с тем обеспечить дальнейшее интенсивное развитие этих процессов, что, в свою очередь, будет создавать новые предпосылки для дальнейшего повышения качественных моментов в народном хозяйстве. В частности, необходимо обратить возрастающее внимание на организацию, методы и технику планирования, регулирования и текущего хозяйственного маневрирования. Рост обобществленного сектора, укрепление социалистических позиций во всем народном хозяйстве, овладевание основными рычагами экономического воздействия на необобществленный сектор хозяйства, создание некоторых резервов,—все это усиливает элементы плановости в народном хозяйстве.

Мы в этом году достигаем известного облегчения трудностей и некоторых материальных и финансовых плюсов тем, что вся основная работа по планированию народного хозяйства, т.-е. по принятию контрольных цифр, утверждению бюджета, хлебозаготовительного, экспортно-импортного, сырьевого и других планов, а также планов сельскохозяйственного кредита и снабжения и проведения яровой посевной кампании, заканчивается нами в основном уже к середине ноября, а в целом—к 1 января, тогда как в прошлые годы нам удавалось заканчивать эту работу в основном не ранее 1 февраля, а в целом не ранее 1 марта. Выигрыш 2—3 месяцев в отношении дачи оперативных директив по линии производства, строительства, заготовок, экспорта-импорта, бюджета, кредита и т. д. устраняет многие из тех ошибок и дефектов, которые создавали перебои в хозяйственной работе и стоили нам в последующем многих и многих лишних миллионов.

Усилению плановости в народном хозяйстве СССР содействует еще и завершаемое в скором времени экономическое районирование РСФСР, чем, в сущности, завершается в основном районирование всего СССР. Создание ряда областей, непосредственно связанных с центром РСФСР, уже в этом году значительно облегчило хозруководство.

Основной вопрос, на который должны дать ответ контрольные цифры предстоящего хозяйственного года, это вопрос о том, продолжаем ли мы итти вперед к социализму, усиливаются ли позиции социалистического сектора по сравнению с капиталистическим, кто кого обгоняет в росте и развитии.

На эти вопросы контрольные цифры дают совершенно точный и несомненный ответ: предстоящий год поднимает нас на ряд дальнейших ступеней к социализму; социалистический сектор продолжает крепнуть и развиваться за счет частного и капиталистического, оттесняет последний на второй план, несомненно, обгоняет его в темпе своего развития. Но именно это обстоятельство, укрепляя наши позиции и облегчая борьбу с нарождающимися в стране капиталистическими элементами, в то же время активизирует эти элементы к борьбе с нами, чем и об'ясняется то обострение классовой борьбы в стране, какое мы наблюдаем за последние годы. Это прибавляет лишние политические трудности к тем хозяйственным трудностям, какие мы имеем, но в то же время активизирует пролетарские и крестьянские массы, четко и выпукло определяет классовые отношения и выделяет те мишени, по которым должен быть направлен наш классовый огонь.

Предстоящий год пойдет под знаком усиливающейся борьбы за социализм. Цель этой борьбы полностью оправдывает все трудности, какие в этой борьбе придется нам превозмочь.

Я. Бумбер.

Дальнейшие вехи колхозного строительства.

(Продолжение) [1].

5. Специализация и микрорайонирование колхозов.

Выявление и реализация наиболее выгодного для колхозов места в системе народнохозяйственного разделения труда, специализация и развитие товарности их в этом направлении — второй узловой момент в деле рационализации коллективного сельского хозяйства.

В связи с переходом от натурального потребительского хозяйства времен военного коммунизма к товарному колхозы пережили в первые годы новой экономической политики тяжелейший кризис, усугубленный местами полным невниманием партийных и советских органов к тяжелому переходному состоянию колхозов. На крутом повороте к нэпу упало в результате этого с колхозной повозки немало слабо увязанной поклажи. Укрепление и консолидация выживших коллективов могло происходить и происходило на новой базе, на базе товаризации их хозяйства. При наличии товарной формы народнохозяйственных связей лишь товаризация хозяйства приобщает к выгодам народнохозяйственного разделения труда.

Но товарность товарности рознь как по проценту охвата валовой продукции хозяйства, так и по степени лежащей в основе ее специализации производства. Теперешнее положение колхозов характеризуется тем, что товарность в них значительно (вдвое и больше) выше, чем в индивидуальных крестьянских хозяйствах. Но это большое относительное преимущество колхозов по сравнению с индивидуальными крестьянскими хозяйствами имеет место лишь потому, что в преобладающей бедняцко-середняцкой массе крестьянских хозяйств товарность исключительно низка. И товарная продукция колхозов представляет нередко товарные излишки натурального в своих основах хозяйства. В других случаях в колхозах установилось, правда, рассчитанное на сбыт специальное товарное производство, но оно пребывает в большинстве случаев на начальных стадиях, развивается эпизодически, по-кустарному, без достаточного напряжения, перспектив и эффекта.

Рационализаторское значение специализации как будто усвоено передовыми колхозами. На последних колхозных с'ездах неоднократно говорилось о необходимости ее. О д н а к о, м а с с о в о г о с д в и г а в э т о м н а п р а в л е н и и, с д в и г а, о х в а т ы в а ю щ е г о б о л ь ш и н с т в о к о л х о з о в, — п о к а е щ е н е з а м е т н о.

Рационализаторское значение специализации производства тем больше, что именно через нее раскрывается весь эффект и значение укрупнения. Владимир Ильич весьма настойчиво подчеркивает в своей классической работе по сельскому хозяйству С.-А. Соед. Штатов, что основным критерием

[1] См. „Большевик" № 20.

для отнесения того или другого хозяйства к крупному производству следует считать не размер его землепользования или пашни, а величину продукции и капитала. На равновеликих земельных участках могут существовать и существуют совершенно разнородные по размерам и степени укрупненности хозяйства. Весьма крупное капиталистическое сельскохозяйственное предприятие, специализированное в направлении высокой интенсификации, может быть и не очень крупным по размерам землепользования, как и, наоборот, не всегда раскинутое на порядочной территории отсталое, слабое хозяйство является крупным. Но укрупнение с.-х. предприятий через затрату большего капитала на одной и той же земельной площади предполагает определенное строение капитала, сообразованное с направлением специализации.

Это же относится к нашему социалистическому сельскому хозяйству. Степень укрупненности его предприятий измеряется не только и не столько размерами землепользования, сколько величиною средств производства и продукции. Оптимальные размеры и структура их же, как и величина землепользования, определяется прежде всего тем, в каком направлении данное с.-х предприятие специализировано. Н е л ь з я, п о э т о м у, з а н я т ь с я у к р у п н е н и е м к о л х о з о в, н е и м е я ч е т к о й о р и е н т и р о в к и в о т н о ш е н и и и х с п е ц и а л и з а ц и и: и м е н н о с п е ц и а л и з а ц и я о б у с л о в л и в а е т л и ц о и в н у т р е н н ю ю с т р у к т у р у у к р у п н е н и я в д а н н ы х к о н к р е т н ы х у с л о в и я х. Одно из основных преимуществ укрупненного с.-х. предприятия в том и состоит, что оно позволяет поставить м а с с о в о е с п е ц и а л и з и р о в а н н о е п р о и з в о д с т в о. Н о, ч т о б ы м а с с о в о е п р о и з в о д т в о б ы л о н а и б о л е е р е н т а б е л ь н о, с а м о у к р у п н е н и е д о л ж н о б ы т ь р а с с ч и т а н о н а о п р е д е л е н н о е н а п р а в л е н и е с п е ц и а л и з а ц и и.

Выработка стандартов укрупнения на основе специализации, хотя бы черновых, одна из неотложнейших задач на данной стадии колхозного строительства. Конечно, окончательное их уточнение и отшлифование окажется возможным лишь на опыте дальнейшей практики колхозного строительства. Слишком уже разнородны капиталистическое и социалистическое крупное сельское хозяйство, чтобы опыт и образцы первого могли послужить достаточным материалом для выработки образцов второго. Специализация совхозов же еще слаба. Однако, для выработки черновых рабочих моделей основных, типичных разновидностей специализированного коллективного сельского хозяйства наличного опыта достаточно. Необходимо лишь раскачаться и теперь же взяться за эту совершенно назревшую работу. Чем скорее можно будет пустить в оборот практической проверки и усовершенствования такие черновые рабочие модели укрупнения и специализации колхозов, тем лучше будет для колхозного строительства.

Работа в этом направлении должна быть поставлена неотложно. Без нее не двинуть широким фронтом дела качественного роста колхозов. Тем более, что первые шаги в поисках прототипов крупного специализированного социалистического сельского хозяйства особенно трудны. Строители его мало подготовлены к своей сложнейшей задаче; над ними довлеет еще вековая традиция ненаучного дедовского и прадедовского способа ведения хозяйства. С другой стороны, сама научная постановка специализации сельского хозяйства весьма сложна и своеобразна. В передовой специализированной крупной промышленности немыслимо периодическое систематическое чередование производства разных предметов в одном и том же помещении, на одних и тех же станках — это было бы первейшим признаком отсталости, слабости специализации. Наоборот, в специализированном сельском хозяйстве обязательно, в целях восстановления структуры почвы, практикование периодического систематического чередования культур, т.-е. севооборота. Однако, как показывает опыт передового капиталистиче-

ского сельского хозяйства, это обстоятельство не исключает глубокой специализации сельского хозяйства, особенно по сравнению с обычным универсализмом низкотоварного крестьянского хозяйства.

Одновременно с разработкой стандартов оптимальных крупных колхозов всякого типа специальных направлений необходимо поставить работу и по выявлению географии их размещения. Эта задача точно так же совершенно неотложна, если хотим всерьез заняться повышением качественного уровня колхозного строительства. Дело, конечно, не в обычном районировании. В этом смысле общее лицо сельского хозяйства районов нам известно. Для конкретного колхозного строительства этого недостаточно. Мы имеем здесь в виду микрорайонирование колхозов, т.-е. выделение по совокупности природных и социально-экономических условий более узких районов с однородным комплексом конкретных условий, отвечающих определенному стандарту колхозного предприятия. Только на основе микрорайонирования, направленного к всестороннему выявлению специфических условий данной местности для строительства определеных крупных специализированных колхозов, возможно создание научно обоснованной четкой перспективы в колхозном строительстве.

Если мы сумеем это в кратчайший срок проделать, т.-е. организованные в колхозы массы получат четкую конкретную перспективу и приуроченные к конкретным условиям микрорайонов рабочие модели укрупнения и специализации, то при одновременной материальной и организационной помощи дело строительства специализированных крупных колхозов действительно перестанет быть предметом благих нудных общих разговоров и перейдет на почву конкретных расчетов и обмена опытом. Конечно, при одном дополнительном условии, именно, что проработка этих проблем не будет укрыта за стенами соответствующих учреждений, что в обсуждение основных качественных установок специализации и микрорайонирования будут вовлечены самые широкие круги деревенского партийного и советского, особенно же колхозного актива.

Задача колхозного микрорайонирования и выработки соответствующих ему черновых стандартов специальных колхозов разных направлений актуальна и в другом отношении.

Коллективизация является одной из функций нашей социалистической крупной промышленности. Без технического вооружения, идущего от социалистической крупной промышленности, коллективизация немыслима. Однако, для каждого направления с.-х. специализации необходимо свое специфическое вооружение. Каждый колхозный микрорайон нуждается в своем специфическом комплексе технического вооружения. Если во многих районах сюда относятся прежде всего тракторы, то комлект прицепных орудий и машин к ним порайонно весьма разнообразен, в других районах и сам трактор отходит на второе место перед индустрией первичной переработки, опять-таки крайне разнообразной в районном разрезе, наконец, в-третьих, значительно вырастает значение усовершенствованных хозяйственных построек и т. д., и т. д.

Проблема технического вооружения колхозов стоит в каждом районе по особому. Поэтому и для того, чтобы иметь определенную конкретную заявку для промышленности на производство технического вооружения социалистическим отрядам сельского хозяйства необходимо выявление всей номенклатуры их потребностей, всего порайонного количественного и качественного своеобразия их.

Приходится констатировать, что пока-что более или менее выявлен стандарт технического вооружения лишь для районов зернового направления (трактор и набор соответствующих прицепных орудий и машин к нему). Что же касается с.-х. индустрии первичной переработки, играющей колоссальную роль в техническом вооружении передового капиталистического сельского хозяйства, то она у нас пока-что определенного места в деле коллективизации не заняла и основные, наиболее эффективные с точки зрения стимулирования коллективизации разновидности ее не выявлены.

Неудивительно поэтому, что районы интенсивного сельского хозяйства в темпе коллективизации значительно отстают. Ведь, помимо всего остального, не установлены и не подвергнуты сколько-нибудь широкой массовой проверке комплексы их технического вооружения, кстати сказать, весьма многоликого в порайонном разрезе.

Можно ли сказать, что в деле использования индустрии первичной переработки в целях коллективизации лимитом являются только возможности крупной промышленности? Никак нельзя, ибо до сего времени, даже не было достаточного напряжения и определенности в пред'явлении крупной промышленности заявок в этом направлении. Внимание, уделявшееся постановке колхозной индустрии не может итти и ни в какое сравнение, например, с напряжением по линии тракторизации. Задача колхозного микрорайонирования выявить все многообразие скрытых здесь возможностей, сдвинуть, наконец, использование с.-х. индустрии в деле коллективизации с мертвой точки вялого кустарничества. Излишне, думается, указывать, что отрицательный опыт старых, унаследованных от прошлого, крайне отсталых кустарного типа колхозных индустриальных предприятий, конечно, ни в какой мере не показателен для выявления действительного значения с.-х. индустрии переработки в деле коллективизации. Попытка оценить ее значение на этом опыте равносильна тому, как если бы кто-нибудь по опыту работы самых несовершенных, притом изношенных и частично поломанных тракторов взялся судить об эффективности тракторизации. Еще только предстоит выработать и поставить основные виды колхозной индустрии первичной переработки. Только по рационально поставленным предприятиям с.-х. индустрии переработки можно судить о действительном значении этого рода технического вооружения в деле социалистической реконструкции деревни.

Раскрытие социально-реконструктивного эффекта и значения той или другой разновидности технического вооружения зависит в значительной мере от умения экономически рационально его организовать. К примеру сказать, трактор,—он теперь вполне заслуженно в центре внимания строителей колхозов. Вполне заслуженно, особенно в районах зернового направления, потому что налицо уже первые поразительные свидетельства социально-реконструктивной роли трактора. А давно ли установилась такая репутация за трактором? Давно ли он перестал быть предметом насмешек, шуток вследствие неумелого и нерентабельного использования? Совсем недавно, именно после изумительного опыта совхоза им. Шевченко, на Украине. В текущем году пример пионеров-шевченковцев, как видно из нижеследующих данных, получил уже распространение во всех районах основного зернового направления (см. табл. на след. стран.).

Предрассудки крестьянина — мелкого производителя — общеизвестны. А вот пионеры тракторных колонн доказали, как шатки порою эти вековые предрассудки перед умело организованным социалистическим натиском, какую социально-реконструктивную силу способен развивать трактор в уме-

(По состоянию на 1 октября 1928 г.):

Наименование районов.	Количество.		Количество всей земли в гектарах.	Об'единено.			Количество хозяйств.	Примечание.
	Колонн.	Тракторов.		Целых зем. общ.	Селений.	Хуторов.		
Сев. Кавказ	3	52	8.625	2	4	—	750	Данные по двум колоннам.
ЦЧО.	4	38	24.825	32	17	—	3.603	
Крым	2	42	5.338	—	11	—	неизв.	
Нижне-Волжск. район	4	87	14.024	2	2	6	947	
Средне-Волжск. район	1	33	6.700	—	13 с.-х. артел.	—	453	

лых руках талантливых организаторов. Под руководством совхоза им. Шевченко в течение всего-на-все двух лет десятки селений (именно селений, а не дворов) буквально ураганным вихрем снесли свои дедовские и прадедовские межи, соединяя полосы в одно коллективное поле и пашню, образовывая целыми селами товарищества по совместной обработке земли. Успех совхоза им. Шевченко, построенный на принципах полной добровольности, поражает своей массовой монументальностью.

В текущем году инициаторы тракторных колонн положили начало еще более интересной форме организации использования трактора в целях коллективизации — «машинно-тракторной кооперативной станции». В июне 1928 г. основана первая из них. Теперь она имеет 70 тракторов, к весне их количество предположено довести до 120. На 15 октября станцией заключено с зем. обществами договоров на обработку площади в 16.500 га, к весне предположено довести площадь обслуживания до 22—27 тыс. га сплошным массивом. Станция обслуживает на основе договора, заключенного на 6 лет, все производственные процессы, включая молотьбу, возку и т. д., и т. д., крестьяне поставляют лишь живую рабочую силу на основе особой инструкции. Все межи сносятся. Урожай распределяется пропорционально земельным наделам. Товарная продукция с обрабатываемой тракторами площади в размерах для пшеницы и ржи не менее 30% валового сбора, кукурузы и овса—40%, технических культур—80% должна быть реализована через кредитные товарищества, организовавшие станцию. Станция организована тремя с.-х. кредитными товариществами и окружным сельсоюзом. Оплата за каждый вид работы исчисляется по особой таксе, составляя примерно 25% урожая. Организация труда такова, как в товариществах по общественной обработке земли. В настоящее время оформляется переход всех этих об'единяемых станцией сел на основу устава товариществ по общественной обработке земли.

Весьма характерна и четка социально-классовая установка работы «машинно-тракторной кооперативной станции» шевченковцев. Земля кулачества выделена согласно договору в конце полей севооборота и не обслуживается станцией. Кулачье, таким образом, подвержено полной изоляции, даже территориальной; против него стоит организационно-оформленный единый бедняцко-середняцкий фронт. Беднота пользуется кредитной обработкой в размере полной стоимости, середняки—частично.

Опыт выявления социально-реконструктивного значения трактора, проверенный работниками совхоза им. Шевченко, исключительно поучителен. Что мы имеем равноценного этой монументальной работе в районах интенсивного сельского хозяйства на основе другого основного вида колхозного

технического вооружения,—на основе с.-х. индустрии первичной переработки? Приходится констатировать, что ничего не имеем. Может быть, такие возможности здесь вообще исключены? Конечно, нет. Положение лишь, примерно, такое же, как три—четыре года назад с тракторами.

Возьмем для иллюстрации первый попавшийся пример—состояние колхозного строительства в льноводческих районах. Оно здесь характеризуется наименьшими относительными темпами роста. С другой стороны, и эта весьма важная отрасль нашего сельского хозяйства влачит в последнее время жалкое существование. В истекшем 1927—28 году наш экспорт льна составлял лишь 10% довоенного. Одновременно годовой план снабжения промышленности был покрыт лишь в размере 65%.

Что же, наше льноводное хозяйство так и обречено на безнадежное хирение? Колхозное строительство в льноводных районах не имеет под собой почвы? Конечно, не так.

Индивидуальное крестьянское льноводство действительно зашло в тупик. Примитивность, отсталость его, плюс крайняя истощенность почвы совершенно вывели его из строя. При старом традиционном способе производства, характерном для крестьянского единоличного хозяйства, не поднять льноводное хозяйство на ноги. Зато на основе достижений передовой техники (льняные сеялки, уборочная льнотеребильная машина, культурно-оборудованная мочильная яма, усовершенствованная индустрия первичной переработки, химические удобрения и т. д.)—это вполне разрешимая задача. Лен — необходимейшее промышленное сырье и ценнейший предмет экспорта. Мы не можем допустить продолжительного застоя в его производстве. Пока что, однако, мы не имеем даже сколько-нибудь ярких единичных показательных опытов в этом направлении. Вот где, казалось бы, открыты самые широкие возможности для выявления социально-реконструктивной роли индустрии переработки и химизации.

Хозяйственных участков с невыявленными или недостаточно выявленными и слабо использованными материально-техническими рычагами коллективизации весьма много повсеместно. Бывает и так, что далеко не все элементы технической реконструкции используются одновременно в целях социальной переделки с. х. Возьмем, например, водное хозяйство. На ирригацию мы расходуем громаднейшие средства, но если спросить, каков социально-реконструктивный эффект наших огромных вложений в ирригацию, приходится ответить, что он почти отсутствует. Сколько образовано водохозяйственных колхозов? Только в самое последнее время намечено изучение возможности использования высоко централизованного водного хозяйства в целях коллективизации.

Идет Днепровское строительство. Оно включает в себя и мелиорацию, и ирригацию громадных пространств Нижнего Приднепровья. Вполне своевременно идет горячая дискуссия по выявлению наиболее эффективных способов промышленного потребления энергии будущей Днепровской электроцентрали. Но что-то не слышно о такой же конкретной разработке проблемы коллективизации с. х. на основе комплекса средств технического вооружения, получаемых сельским хозяйством этого широкого района. Не получится ли так, что и этот гигант социалистической реконструкции юга не даст максимально возможной реконструктивной зарядки сельскому хозяйству? Очень возможно, если актуальнейшие проблемы колхозного строительства не станут, наконец, предметом своевременной плановой разработки.

Или возьмем, например, еще одну иллюстрацию из другой области. Посмотрите на территорию, прилегающую непосредственно к свалочным пустырям наших больших городов и промышленных центров. Она занята под многочисленные овощные хозяйства. В кольце овощных хозяйств, опоясывающих города и промышленные центры, не только много вывозного городского на-

воза и сора, но и относительно высок процент местного социально-классового кулацкого мусора. Окружающий города пояс высокоинтенсивных овощных хозяйств—одна из наиболее питательных почв кулацкого накопления. Уже вследствие этого хозяйственная организация бедноты и середняков этих пригородных овощных районов в колхозы имела бы огромное значение. Кроме того, колхозная концентрация мелких овощных участков позволила бы значительно поднять и улучшить овощное хозяйство, содействовала бы охвату городской рабочей потребительской кооперацией этого очень важного с точки зрения рабочего потребителя рынка.

По данным Церабсекции, в настоящее время, несмотря на неоднократные соответствующие директивы, в том числе директивы XV с'езда партии об охвате кооперацией овощного рынка, удельный вес рабочей кооперации в снабжении потребителя овощами в среднем ниже 15%. Причины разные, в том числе и отсутствие крупных контрагентов производителей с рационально поставленным производством. Образование мощных овощных колхозов коренным образом изменило бы положение кооперации на овощном рынке; к тому же они были бы одними из наиболее доходных предприятий в системе производственной кооперации.

Можно было бы перечень иллюстраций по микрорайонированию и выявлению основных специальных направлений колхозов бесконечно продлить, но и сказанного вполне достаточно, чтобы уяснить все значение и богатое содержание этой совершенно назревшей работы. В процессе микрорайонирования каждый уголок Союза должен выявить свое лицо в колхозном строительстве, наиболее благоприятный в данных конкретных условиях тип колхоза, наилучший набор его технического вооружения, как и, наоборот, способ извлечения максимального социально-реконструктивного эффекта из всех наших технико-реконструктивных начинаний. Общие рассуждения о недостатке средств совершенно неосновательны в данном случае. Сначала надлежит выявить с возможной обстоятельностью, точностью и полнотой характер и размер необходимой со стороны промышленности для дела коллективизации помощи, потом лишь можно будет вполне обоснованно и точно говорить о действительных лимитах ее. В противном случае получается то, что выше отмечено о водном хозяйстве, т.-е. неиспользование для коллективизации даже ценных наличных технико-реконструктивных начинаний, явно напрашивающихся на извлечение их социально-реконструктивной зарядки.

(Продолжение следует).

К. Попов.

Об исторических условиях перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую.

(Статья первая.)

I. Программа Коминтерна об основных типах революции.

Программа Коминтерна, принятая его VI конгрессом, делит страны современного капиталистического мира по «условиям и путям» перехода к пролетарской диктатуре на такие основные типы [1]):

1) «Страны высокого капитализма (Соединенные Штаты, Германия, Англия и т. д.) с могущественными производительными силами, централизованным в высокой степени производством, с относительно малым значением мелкого хозяйства, с давно уже сложившимся буржуазно-демократическим политическим строем. В этих странах в области политической основным требованием программы является прямой переход к диктатуре пролетариата»...

2) «Страны со средним уровнем развития капитализма (Испания, Португалия, Польша, Венгрия, балканские страны и т. д.) с имеющимися налицо значительными остатками полуфеодальных отношений в сельском хозяйстве, с известным минимумом материальных предпосылок, необходимым для победоносного социалистического строительства, с еще незавершенным буржуазно-демократическим преобразованием. В одних из этих стран возможен процесс более или менее быстрого перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую»; в других — типы пролетарских революций, но с большим об'емом задач буржуазно-демократического характера»...

3) «Колониальные и полуколониальные страны (Китай, Индия и т. д.) и страны зависимые (Аргентина, Бразилия и проч.) с известными зачатками, а иногда и значительным развитием индустрии, недостаточным, однако, в большинстве случаев для самостоятельного социалистического строительства страны, с преобладанием феодально-средневековых отношений или отношений азиатского способа производства как в экономике страны, так и в ее политической надстройке, наконец, с сосредоточением в руках иностранных империалистических групп важнейших промышленных, торговых, банковских предприятий, основных средств производства, земельных латифундий и плантаций и т. д.. Переход к диктатуре пролетариата возможен здесь по правилу лишь через ряд подготовительных ступеней, лишь в результате целого периода

[1]) Цитируем по изданию ГИЗ 1928 г., стр. 77—80. Разрядка наша.

перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, а успешное социалистическое строительство, в большинстве случаев—лишь при условии прямой поддержки со стороны стран пролетарской диктатуры».

4) Еще более отсталые страны (например, некоторые части Африки), где «почти нет или вовсе нет наемных рабочих, где большинство населения живет в условиях племенного быта и где сохранились еще остатки первобытно-родовых форм, где почти отсутствует национальная буржуазия и где иностранный империализм играет в первую очередь роль военного оккупанта. ...Национальное восстание и его победа могут открыть здесь дорогу развитию к социализму, без прохождения стадии капитализма, если будет на деле оказана могущественная помощь странами пролетарской диктатуры»....

С точки зрения того вопроса, который стоит в заголовке нашей статьи, нас могут, очевидно, интересовать лишь первые три из намеченных программой Коминтерна типов стран. Страны четвертого типа могут миновать капиталистическую стадию развития, и там не приходится говорить о буржуазно-демократической революции и ее «перерастании» ни в прошлом, ни в будущем. Из стран же первых трех типов одни рано или поздно, но уже прошли через этап буржуазных революций, то более или менее завершенных, то более или менее куцых, ограниченных в своих «демократических преобразованиях», и эти революции не связаны с пролетарской революцией непрерывным революционным процессом. Другим еще предстоит пройти через этап буржуазно-демократической революции, и в них эти революции, в современных условиях, как правило, являются более или менее непосредственным преддверием пролетарской, перерастают в нее.

К первой категории стран, очевидно, относится первый основной тип стран по программе Коминтерна («страны высокого капитализма»). Но к ней же следует отнести и одну из групп второго «основного типа» по той же программе,—ту группу стран «со средним уровнем развития капитализма», в которых еще не завершены буржуазно-демократические преобразования, но завершаться они будут не на особом этапе буржуазно-демократической революции, а непосредственно самой пролетарской революцией, в качестве ее побочной задачи. Различие от стран «высокого капитализма» здесь огромно, необходимость покончить со значительными остатками полуфеодальных отношений наложит особую печать на пролетарскую революцию в этой группе стран, но того революционного процесса, который известен под именем «перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую», здесь не было и не будет так же, как в странах «высокого капитализма».

Ко второй категории стран относится третий основной тип стран по программе Коминтерна—колониальные и полуколониальные страны типа Китая и Индии и «зависимые страны» типа Бразилии и Аргентины. И к этой же категории относится в свою очередь другая группа стран второго основного типа по коминтерновской программе, та группа, в которой тоже возможен процесс «перерастания», но процесс более быстрый, чем в странах «колониальных и полуколониальных» и «зависимых», не достигших еще «среднего уровня развития капитализма». Разница и здесь опять-таки значительная, ибо значительно различие в уровне развития капитализма и в степени сохранения докапиталистических отношений, но по существу взаимоотношение между буржуазно-демократической и пролетарской революцией там и тут одно и то же: в обоих случаях мы имеем «перерастание», хотя и с различной степенью преодолеваемых трудностей и с различным темпом непрерывного революционного процесса.

Таким образом, программа КИ, говоря об «основных типах пролетарских революций», этим самым говорит и об основных типах революций

буржуазно-демократических, различая среди них революции перерастающие и не перерастающие в пролетарскую. Это различие основано в конечном счете на старом ленинском различении буржуазно-демократических революций на революции «обычного» и необычного типа, ибо буржуазно-демократической революцией необычного типа была для него именно революция, имеющая тенденции перерасти в революцию пролетарскую.

На чем основано это различие? Какие исторические условия создают эти революции необычного типа, не похожие на буржуазные революции старого Запада Европы, создают возможность их «перерастания»?

Само собой разумеется, что программа Коминтерна, говоря о перерастании буржуазно-демократических революций в революции пролетарские, возможность такого перерастания в странах определенных типов обусловливает наличностью развернутых противоречий современной империалистической эпохи. Эта эпоха создает все необходимые условия для перерастания. И то обстоятельство, что единственный до сих пор случай фактически осуществившегося перерастания буржуазной революции в революцию пролетарскую, произошел в нашей стране именно в условиях империалистической эпохи, и притом в условиях величайшего обострения ее противоречий в результате империалистической войны,—служит подтверждением несомненности такого положения. Однако, также несомненно, что такой ответ на поставленный вопрос был чрезвычайно общим, и потому не исчерпывающим. Программа Коминтерна, конечно, не удовлетворяется им. Она, как это видно уже из приведенных нами выдержек, с большой конкретностью обрисовывает специфические особенности тех типов стран, в которых империалистическая эпоха ведет к перерастанию буржуазно-демократической революции в пролетарскую. И мы увидим ниже, что эта обрисовка совершенно соответствует тем историческим условиям, в которых по марксо-ленинскому учению мыслимо «перерастание».

Но, с другой стороны, положение, что развернутые противоречия империалистической эпохи являются основным условием «перерастания», как-будто впадает в противоречие с тем фактом, что Маркс и Энгельс говорили о возможности «перерастания», о возможности «непрерывной революции» в Германии в условиях середины девятнадцатого столетия, т.-е. в условиях совсем не империалистической эпохи, а Ленин говорил о «непрерывной революции» в России в условиях 1905—1907 гг., т.-е. в условиях, когда империализм не развернул еще всей совокупности своих противоречий и особенностей, и они еще не были вскрыты марксистским анализом самого Ленина.

Выходит так, что если для нас в настоящее время перерастание буржуазно-демократической революции в революцию пролетарскую не мыслится иначе, как в связи с историческими условиями империализма, то для Маркса—Энгельса середины XIX века и для Ленина периода первой русской революции оно мыслилось и вне этих условий.

Очевидно, вопрос требует более детального рассмотрения, чем простая ссылка на условия империализма. Очевидно, также, что вопрос требует некоторого анализа того, что говорилось Марксом — Энгельсом и Лениным о «непрерывной революции» в указанные выше периоды.

II. Маркс—Энгельс в 1850 г. и Ленин в 1905 г. о „непрерывной революции“.

Когда Ленин в 1905 г. писал, что «от революции демократической мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции», когда он выбрасывал лозунг «мы стоим за непрерывную революцию» (т. VI, изд. 1922, стр. 449), то для него русская буржуазно-демократическая революция имела следующие особенности:

1) Это революция, от которой буржуазия отходит уже на первых ее стадиях, в которой буржуазия не может и не будет играть роль движущей, а тем более возглавляющей революцию силы: это—революция без революционного участия буржуазии, неустойчивость, трусость, половинчатость, антиреволюционность которой должна быть «парализована» другими, действительно революционными силами,—пролетариатом и крестьянством.

Это революция, в которой руководящая роль «парализуемой» буржуазии заменяется руководящей ролью пролетариата.

2) Это революция, оселком которой является аграрно-крестьянский вопрос; это буржуазная революция, низвергающая до конца феодально-крепостнические отношения, но революция не капиталистов, а крестьян против помещиков, крестьянская революция, в которой все крестьянство, как единая сила, выступает против помещиков и против помещичьего самодержавия, под руководством пролетариата.

3) Это революция, действительная победа которой выливается в революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, имеющую свое «прошлое» и свое «будущее». Прошлое—в борьбе против «самодержавия, крепостничества, монархических привилегий» в союзе со всем крестьянством; будущее—в борьбе «против частной собственности, борьбе наемного рабочего с хозяином, борьбе за социализм» [1]) в союзе с деревенской беднотой при нейтрализации среднего крестьянства и мелкой буржуазии вообще. «Прошлое» в завершении задач уничтожения до конца всех остатков феодально-крепостнических отношений, «будущее» в «непрерывной революции», приводящей к уничтожению капиталистических отношений—к диктатуре пролетариата.

Коротко говоря, это — крестьянская революция, руководимая пролетариатом и перерастающая (имеющая тенденцию перерасти) в революцию социалистическую.

К этим трем чертам буржуазно-демократической революции в России («крестьянская», «руководимая пролетариатом», способная «перерасти» в пролетарскую) для В. И. Ленина периода 1905—1907 годов неизменно прибавляется и четвертая, без которой не мыслится им и самая возможность ее перерастания в революцию социалистическую: буржуазно-демократическая революция в России совершается в такой международной обстановке, когда в Европе условия для социализма достигли «зрелости вообще». Именно поэтому полная победа демократической революции в России «дает нам возможность поднять Европу, а европейский социалистический пролетариат, сбросив с себя иго буржуазии, в свою очередь поможет нам совершить социалистический переворот» [2]).

Сравним эту ленинскую концепцию буржуазно-демократической революции в России 1905—1907 гг. с марксо-энгельсовской концепцией германской буржуазно-демократической революции, как она дана в «Обращении ЦК к союзу коммунистов Марта 1850 г.

Концепция германской революции в «Обращении» сводится к таким моментам:

1) Германская буржуазия и в частности буржуазия либеральная уже в 1848—1849 годах показала свою неспособность играть действительно революционную роль и следовательно возглавлять буржуазно-демократическую революцию для ее завершения: она предала революцию, «вступив в союз с устраненной в марте (1848 г. *К. П.)* феодальной партией», «уступив господство снова этой феодальной абсолютистской партии» [3]). Этим самым

[1]) Том VI, изд. 1922 г., стр. 395.

[2]) Там же, стр. 357. Сравни т. VI того же издания, стр. 129 и «Ленинский Сборник» V, стр. 452 (тезис 6-й конспекта статьи «Этапы, направление и перспективы революции»).

[3]) «Историч. работы Маркса и Энгельса», изд. ГИЗ, стр. 498.

она, как и русская буржуазия, выпала со счета классовых сил Германии, способных вести сколько-нибудь решительную борьбу с феодализмом.

2) В той «новой революции», которая по «Обращению» неизбежно должна последовать в ответ на «феодальную контрреволюцию», роль революционных сил могут сыграть лишь городская мелкая буржуазия, крестьянство и пролетариат, при чем городская мелкая буржуазия, крестьянство и «деревенский пролетариат, пока он еще не нашел опоры в самостоятельном пролетариате городов» [1]), будут возглавляться мелкобуржуазной демократической партией, которая должна будет в новой революции сыграть ту же самую «предательскую роль», какую в 1848 году играли либеральные буржуа.

3) «Пролетариат городов» с его рабочей партией, являясь союзником мелкой буржуазии и крестьянства и не отказываясь от временных соглашений с мелкобуржуазными демократами в борьбе против феодальной контрреволюции, в то же время должны выступить «возможно более организованно, возможно более солидарно и возможно более самостоятельно», чтобы не попасть на буксир не только либеральной буржуазии, как это «было в 1848 году», но и мелкобуржуазных демократов.

Пролетариат и его партия должны поставить и преследовать в предстоящей революции свои особые, самостоятельные классовые задачи. «В то время как «демократические мелкие буржуа хотят... наиболее быстро закончить революцию», стремясь лишь «к такому изменению общественных порядков, которое сделало бы для них по возможности более сносным и удобным существующее общество», интересы и задачи пролетариата и его партии будут заключаться в том, чтобы «сделать революцию непрерывной, до тех пор пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоюет государственной власти» для социалистических преобразований и пока социалистический переворот не охватит «всех господствующих стран мира» [2]).

4) «Непрерывная революция», по пути которой пойдет пролетариат Германии, должна будет пройти через этап мелкобуржуазной демократической власти, в которой пролетариат не участвует, направляя свое «недоверие» и борьбу уже не против победоносной реакционной партии», а «против своих собственных союзников, против той партии, которая хочет использовать общую победу исключительно для себя», т.-е. против мелкобуржуазных демократов [3]). В этой борьбе «демократы» будут «об'единяться с крестьянами», стремясь «создать мелкобуржуазный крестьянский класс», рабочие же городов «должны об'единяться с сельским пролетариатом». Вместе с сельским пролетариатом, отвоевав его из-под влияния мелкобуржуазных демократов, они и придут через непрерывную революцию к завоеванию власти.

5) Путь пролетариата к власти будет «продолжительным путем революционного развития», но он будет «сильно ускорен» тем, что «первый акт этой революционной драмы совпадает с прямой победой» рабочего класса Франции [4]).

В этой концепции Маркса и Энгельса мы так же, как в концепции Ленина для России 1905—1907 гг. видим «непрерывную революцию», но по ее пути пролетариат идет внутри страны как-будто совершенно одиноким, в надежде только на помощь социалистической революции на Западе, в данном случае—во Франции. Однако, достаточно вспомнить, чем был «сельский пролетариат» Германии, с которым по «Обращению» должны об'единиться

[1]) Там же, стр. 500.

[2]) Там же, стр. 501.

[3]) Там же, стр. 503.

[4]) Там же, стр. 507.

рабочие городов, чтобы сказать, что союзником городского пролетариата в «Обращении» выступает не только и даже не столько сельский пролетариат в собственном смысле этого слова, сколько сельский рабочий с наделом, т.-е. деревенская беднота Германии того времени. В этом отношении различие между концепцией революции и стратегическим планом Ленина 1905—1907 гг. для России и Маркса—Энгельса 1850 г. для Германии только видимое. Точно так же можно говорить о том, что только видимым является и другое различие: в то время как у Ленина середняк в процессе непрерывной революции нейтрализуется, у Маркса и Энгельса «крестьянство» вообще (за исключением сельских полупролетариев), фигурирует об'единяющимся с мелкой буржуазией города против пролетариата. Надо думать, что эта позиция «крестьянства» для середняка (мелкого крестьянина по терминологии Энгельса) является лишь временной, непосредственно после завершения буржуазно-демократической революции. Надо иметь в виду общий взгляд Маркса и Энгельса того времени, что без крестьянского «хора» пролетарская революция «во всех крестьянских странах» обречена на гибель. Надо, кроме того, исходить из предположения, что работа пролетариата и его партии, стремящаяся «компрометировать» мелкобуржуазных демократов в глазах народных масс, и «предательская роль» самих этих демократов по отношению к «народу» должны в конечном счете сорвать их «об'единение» с мелким крестьянином. Поэтому можно сказать, что и по Марксу—Энгельсу «непрерывная революция должна, если не перевести этого крестьянина на сторону пролетариата, то нейтрализовать его. Гораздо важнее этих скорее видимых, чем действительных различий в концепциях Маркса—Энгельса и Ленина [1]) другие различия уже совершенно неоспоримые.

В концепции и стратегическом плане «непрерывной революции» в «Обращении» Маркса и Энгельса так же, как у Ленина 1905—1907 гг. отпадает не только руководящая, но и вообще революционная роль либеральной буржуазии в завершении буржуазно-демократической революции. Но не становится гегемоном буржуазно-демократической революции и пролетариат. Он борется рядом с городской мелкой буржуазией и крестьянством, выступая их союзником в борьбе против феодализма. Мало того, он является наиболее решительным, стойким и последовательным борцом в демократической революции. Но он не возглавляет мелкой буржуазии и крестьянства в этой революции. Гегемоном (по отношению к деревенской бедноте) он выступает уже в процессе перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. В соответствии с этим у Маркса—Энгельса нет ленинской «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства». У них есть, как и у Ленина, «прошлое» и «будущее» буржуазно-демократической революции: «прошлое»—в уничтожении феодально-крепостнических отношений в союзе со всем крестьянством и «будущее»—в борьбе за уничтожение капиталистических отношений в союзе с деревенской беднотой. Но это «прошлое» и «будущее» не связано с революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства. В свое время Плеханов корил Ленина отсутствием в «Обращении» Маркса—Энгельса этого лозунга и на этом основании обвинял Ленина в антимарксистской точке зрения на участие рабочей партии в революционном правительстве. Ленин тогда же (в 1905 г.) дал по этому поводу суровую и исчерпывающую отповедь Плеханову. Он отметил словами Маркса и Энгельса из «Обращения» следующий итог тому положению с партией мелкобуржуазной демократии и с рабочей партией, которое сложилось в Германии к 1850 году: ...«в то время как демократическая партия, партия мелкой буржуазии, все более организовывалась в Германии, рабочая партия потеряла свою единственную прочную опору, сохранилась в организованном виде самое большее в отдельных местностях для местных целей и в силу этого попала в общем всецело под господство и под руководство мелкобуржуазных демократов». (Подчеркнуто у Ленина). Сославшись на этот итог, Ленин говорит: «После двух лет открытой революции, после победы народного восстания в Берлине, после созыва революционного парламента, после того, как часть страны находилась в открытом восстании и власть переходила в руки революционных правительств, Маркс констатирует поражение революционного народа и, в отношении партийной организованности, выигрыш мелкобуржуазной демократии, проигрыш рабочей партии. Разве это не указывает яснее ясного на такую политическую ситуацию, когда вопроса об участии рабочей партии в правительстве не к чему было и ставить? После 2-х лет революционной эпохи, когда Маркс в течение девяти месяцев издавал открыто самую революционную газету рабочей партии, приходится констатировать полную дезорганизацию этой партии, полное отсутствие сколько-нибудь резко выраженной пролетарской струи в общем течении... полное подпадение пролетариата не только под господство, но и под руководство буржуазии! Очевидно, что экономические отношения были еще крайне неразвиты, крупная промышленность почти отсутствовала, никакого самостоятельного рабочего движения в сколько-нибудь серьезных размерах не было, мелкая буржуазия господствовала безраздельно. Понятно, что при таких условиях писателю, разбирающему конкретную ситуацию, нельзя было даже допускать мысли о возможности участия рабочей партии во временном правительстве»—пишет Ленин. (Т. VI, изд. 1922, стр. 212—213). Понятно, что при таких условиях не могло быть и речи о «революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства. Какая может быть диктатура пролетариата и крестьянства, если пролетариат только-что в революционные годы оказался подпавшим «под руководство буржуазии», если еще нет самостоятельно организованной рабочей партии, если в силу этого пролетариат еще не может выступать гегемоном, вождем остальных трудящихся масс в завершении буржуазно-демократической революции. Ему нужно еще самому освободиться от руководства буржуазии и мелкобуржуазных демократов. Ему нужно еще самому сложить свою самостоятельную рабочую партию. А это он сможет сделать только в процессе дальнейшей революционной борьбы». «Понятно поэтому, что Маркс,—говорит В. И.,—должен был вдалбливать (извините за выражение) членам союза коммунистов такие истины, которые нам теперь кажутся азбучными». Сущность этих истин сводится к одной основной: «мы должны организоваться самостоятельно, непременно, безусловно, во что бы то ни стало самостоятельно,—иначе и при грядущей победе усилившей свою организацию и могучей мелкобуржуазной партии мы тоже будем в хвосте» (там же, стр. 213). Только при этом условии, только в том случае, если германские рабочие «будут выяснять себе свои классовые интересы», если они займут «свою самостоятельную классовую позицию и ни на одно мгновение не дадут лицемерным фразам демократических мелких буржуа сбить себя с позиции самостоятельной организации партии пролетариата» [2]), они смогут завершение буржуазно-демократической революции превратить в «непрерывную революцию», а в ее результате власть «демократических мелких буржуа» сменить своей властью. Они не смогут еще встать во главе всех трудящихся

[1]) На этих «видимых различиях» мне приходилось уже подробнее останавливаться в своей брошюре «Маркс и Энгельс о крестьянстве в пролетарской революции» (ГИЗ, 1928 г., стр. 43—52).

[2]) «Обращение ЦК к союзу».—«Историч. работы Маркса и Энгельса», ГИЗ, стр. 507.

масс в завершении буржуазно-демократической революции, они не успеют еще для этого достаточно сложиться в самостоятельную политическую силу, прежде чем одержанная при их участии, и даже главным образом их силой, победа над феодальной контрреволюцией поставит у власти мелкую буржуазию [1]). Но они смогут уже использовать эту победу для того, чтобы двинуть революцию дальше и в огне революционной борьбы против своих вчерашних союзников—мелкобуржуазных демократов—сложиться в силу, способную притти к собственной победе при помощи социалистической революции во Франции. Такова основная мысль «Обращения».

Отличие от ленинской концепции буржуазно-демократической революции в России 1905—1907 гг. тут несомненно, но оно целиком вытекает из отличия исторических условий Германии середины XIX века и России начала XX века. В России уже было самостоятельное рабочее движение в неизмеримо более серьезных размерах, чем в Германии середины XIX века. В России уже была гораздо более организованная, росшая и крепшая самостоятельная рабочая партия, уже—в лице ее большевистского крыла—противопоставлявшая себя либеральной буржуазии и отмежевавшаяся от мелкобуржуазной демократии. В России пролетариат уже показал себя на деле, как революционная сила, идущая во главе революционного движения и увлекающая за собой крестьянство, в то время как в Германии в революционные 1848—1849 годы он оказался еще в хвосте буржуазии. Поэтому для России лозунг гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции и лозунг революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства были действительными лозунгами, вытекавшими из конкретной политической ситуации 1905 года, а для Германии 1850 года они еще не могли быть поставлены.

При этих серьезных различиях между ленинской 1905—1907 гг. и марксо-энгельсовской 1850 года концепциями «непрерывной революции», между ними имеется безусловное сходство, безусловное родство, как в значительной части тех существенных моментов, которые определяют собой, почему с точки зрения Маркса—Энгельса германская революция середины XIX века, а с точки зрения Ленина русская революция начала XX века была способна в результате «продолжительного пути революционного развития» перерасти в революцию пролетарскую.

Обе они отрицают и руководящую и вообще революционную роль капиталистической буржуазии в завершении буржуазно-демократической революции. Обе они (но ленинская в гораздо большей мере, чем марксо-энгельсовская) подчеркивают значение для этого завершения крестьянства в целом, как класса, противостоящего феодально-крепостническим отношениям в деревне. В обеих них руководящая сила буржуазно-демократической революции (у Маркса—Энгельса городская мелкая буржуазия и ее партия—партия мелкобуржуазных демократов, у Ленина—пролетариат и его партия) ведет за собой это крестьянство в целом. В обеих пролетариат является союзником мелкой буржуазии и всего крестьянства в борьбе против феодализма, но союзником со своими самостоятельными классовыми целями, со своей самостоятельной задачей превратить революцию в непрерывную для завоевания своей диктатуры в союзе с полупролетариями деревни. Наконец, в обеих них этому завоеванию предшествует социалистическая революция на Западе.

(Продолжение следует).

---

[1]) Мелкобуржуазные демократы по «Обращению», возьмут власть в свои руки, хотя победа будет «общей» и хотя она будет «добыта главным образом рабочими благодаря их мужеству, решительности и готовности к самопожертвованию». («Обращение ЦК к союзу».—«Историч. работы М. и Э.», ГИЗ, стр. 502).

Беннет.

Борьба против оппортунизма и примиренчества в германской коммунистической партии.

«В Центральном Комитете коммунистической партии Германии произошла серьезная перегруппировка сил на основе пережитого политического кризиса. Выкристаллизовалась правая (т. Брандлер), получившая, однако, ничтожное меньшинство в ЦК (два голоса из двадцати семи)». Эти строки мы заимствовали из введения к резолюции ИККИ от 19 января 1924 года. И в том же введении сказано, что «ИККИ стал на ту точку зрения, что в настоящий момент необходимо полное сплочение центрального ядра с левой против оппортунистических ошибок правой (разрядка моя). Из сказанного явствует, что брандлеровская разновидность оппортунизма имеет уже сравнительно долгую историю и что нынешний этап характеризуется лишь вступлением оппортунистической группы в рядах германской компартии на новый путь, на путь раскола партии и создания новой откровенно-оппортунистической партии. «Главное для нас, твердят теперь брандлеристы, не партия, а революция». (Цитируем по статье т. Ульбрихта в «Правде» от 22 ноября с. г.).

Автор этого откровенно-ликвидаторского заявления вряд ли отдавал себе отчет в том, что брандлеризм выкристаллизовался в обстановке революционной борьбы 1923 г. и был проверен Коммунистическим Интернационалом на революционной практике. Приговор ИККИ сформулирован в упомянутой выше резолюции от 19 января 1924 г. следующим образом: «Если, несмотря на революционную ситуацию и на все старания Коммунистического Интернационала и коммунистической партии Германии, дело не дошло ни до решительного революционного боя, ни до массовой политической борьбы, то причиной тому была совокупность всех ошибок и недочетов, отчасти выразившихся и в оппортунистических уклонах» (разрядка моя). К характеру ошибок, а равно и к природе оппортунистических уклонов, выявившихся в конце 1923 г., мы еще вернемся. Здесь мы только отметим, что о расколе партии во имя «революции» твердят громче всех непосредственные виновники поражения революции при наличии революционной ситуации.

Приведенной справки вполне достаточно, чтобы умозаключить, что поход брандлеристов менее всего связан с нашумевшим делом Витторфа. Брандлеризм оформился как отчетливое оппортунистическое течение за годы до того, как Витторф присвоил и растратил партийные деньги. Оживление же брандлеризма и его новая тактическая установка обусловлены не действиями тех или иных членов партии, а теми грандиозными сдвигами, которые произошли в германской экономике за истекшие пять лет.

Октябрьское поражение (1923 г.) стало исходным пунктом стабилизации капиталистических отношений в Германии. Успешная ликвидация революционного кризиса подняла кредитспособность Германии и создала необходимые предпосылки для ее дауэсизации. Американское золото в сочетании с потом германских пролетариев дало возможность германскому капитализму быстро окрепнуть и расправить свои крылья. В последнее время очень часто пишут о той роли, какую сыграл приток иностранного капитала в деле восстановления германского капитализма. Забывают прибавить, что, опираясь на свою бескровную октябрьскую победу, германская буржуазия смогла, благодаря активной помощи реформистов, навязать германским пролетариям удлиненный рабочий день и сокращенную заработную плату. Еще по сей день огромный процент немецких пролетариев, особенно в металлургии и в текстильной промышленности, бессилен добиться возврата к 8-часовому рабочему дню.

Относительная стабилизация германского капитализма, невзирая на то, что она осуществлялась на спине рабочего класса, имела своим последствием укрепление и усиление реформизма. Для буржуазии октябрь (1923 г.) был бескровной победой, ставшей началом ее быстрого роста; для рабочего класса октябрь был поражением в результате отступления без боя, заметно дезорганизовавшим его ряды. Естественно, что октябрь повлек за собою тяжелый кризис для германской компартии и стал исходной точкой восстановления рядов социал-демократии, пришедших в заметное расстройство в течение 1923 г., когда пролетарские массы так отчетливо проявляли тягу к коммунизму. Дальнейшие успехи капиталистической стабилизации вновь создали благоприятную почву для реформизма, сила которого представляет собою отражение силы капитализма.

Верно, что германской компартии удалось сравнительно легко изжить послеоктябрьский кризис. Было бы, однако, роковой ошибкой не видеть всех результатов октябрьского поражения и не учитывать той силы, какую германская социал-демократия ныне представляет. Возросшей силой реформизма обусловлено оживление оппортунистической группировки в рядах компартии. Нет ничего удивительного в том, что именно в Германии—в стране максимальных успехов послевоенной капиталистической стабилизации—оппортунистические элементы внутри компартии выступают сплоченными рядами, переходя в открытое наступление против Коминтерна за полную ревизию ленинской линии революционной борьбы. «То, чего требует Гаузен и чего требуем мы—это радикальная реформа партии, а также всего Коминтерна, реформа с ног до головы» (из письма Тальгеймера, Вальхера, Фрейлиха и др. от 18 октября, адресованного Исполкому Коминтерна).

Истоки брандлеризма.

Чтобы правильно понять сущность брандлеризма, мы должны обратиться к существу ошибок 1923 года. Для этого мы можем ограничиться тем анализом, который сделан был Коминтерном по горячим следам в январе 1924 года. Решающую ошибку партруководства в 1923 г., которое возглавлялось Брандлером, Коминтерн усматривал в непонимании роли социал-демократии вообще, левых социал-демократических вождей в особенности. «Недооценка сил контрреволюции в особенности выразилась в том, что партия недостаточно учла роль социал-демократии, как тормозящей силы в пролетариате» (резолюция ИККИ от 19 января 1924 г.).

Свое доподлинно-оппортунистическое понимание и восприятие социал-демократии Брандлер с особой яркостью выявил в своем докладе президиуму Коминтерна 11 января 1924 г. «В Саксонии,—заявил Брандлер,—нам тоже удалось взять под свое руководство не только беспартийную рабочую массу, но и организованную социал-демократическую, и случилось это благодаря проводимой нами в Саксонии политике, помешавшей коалиции социал-демократов с буржуазией и приведшей к тому, что под давлением социал-демократической рабочей массы даже правые, оппортунистически настроенные вожди отвергли правительственную коалицию с буржуазией и, опять-таки под давлением социал-демократической и беспартийной рабочей массы, из'явили готовность сотрудничать с коммунистами».

Здесь что ни слово—то перл. Брандлер так упоен сотрудничеством с социал-демократией, что он даже не замечает, что в результате этого «сотрудничества» «проводимая нами в Саксонии политика» привела к позорнейшему краху. Упомянутая выше резолюция ИККИ от 19 января называет саксонский опыт «нереволюционным парламентским сотрудничеством с «левыми» социал-демократами». Та же резолюция, отмечая подлое поведение главарей социал-демократии в подавлении гамбургского восстания, заключает: «Поведение их (главарей соц.-дем. в Гамбурге) в данном случае есть лишь оборотная сторона медали, лицевую сторону которой украшает поведение Цейгнера и его «левых» в Саксонии». А Брандлер в восторге от сотрудничества с Цейгнером! Верно, в результате сотрудничества получилось поражение. Но это Брандлера мало смущает. «При той совокупности условий,—заявляет Брандлер,—которая была налицо на этот раз и в период мартовского выступления в 1921 г., я повторяю, сложись обстоятельства еще раз таким же образом, я опять стал бы проводить ту же политическую линию и ту же тактику» (доклад на заседании президиума 11 января 1924 г.). Мы, таким образом, получили от Брандлера торжественное обещание и впредь стремиться к «нереволюционному парламентскому сотрудничеству с «левыми» социал-демократами». Забегая вперед, скажем, что он своему слову остался верен и теперь пытается превратить свое слово в дело, правда, в иной обстановке и иными средствами.

Но вернемся к «саксонскому эпизоду». В своей директиве от 1 октября 1923 г. ИККИ предлагал германской компартии вступить в коалиционное правительство с соц.-демократами в целях вооружения 50—60 тысяч рабочих. Цель была четко сформулирована: вооружение рабочих. Брандлер же превратил коалицию с соц.-демократами в парламентское соглашение, повлекшее за собою политическое разоружение пролетариата. На «левых» социал-демократов он смотрел, как на союзников и даже после октября, он не понял той предательской роли, какую «левые» социал-демократы сыграли в организации победы буржуазии.

Брандлер возглавлял германскую компартию в 1923 г., т.-е. через три с лишним года после того, как второй конгресс Коминтерна принял тезисы Ленина об основных задачах Коминтерна, которые Ленин дополнительно раз'яснил в ответе Серрати и Нобсу (см. «Фальшивые речи о свободе», т. XVII, стр. 368 и дальше). В этом замечательном ответе Ленин писал: «Имея в своих рядах реформистов, меньшевиков, нельзя победить в пролетарской революции, нельзя отстоять ее. Это очевидно принципиально. Это подтверждено наглядно опытом и России, и Венгрии. Это соображение решающее». Но Брандлер после венгерского опыта и вопреки точному смыслу урока саксонского опыта клялся остаться верным саксонской тактике.

Программа брандлеризма.

Октябрьское поражение имело своим последствием перегруппировку сил в рядах германской компартии, и брандлеристы были удалены от руководства. От своих ошибок брандлеристы, однако, не отрекались. Оставаясь в рядах партии, они спокойно и, очевидно, уверенно ждали, что история в конечном счете их оправдает и что они еще смогут вернуться к руководству

партией. Через три года после того, как Коминтерн осудил брандлеризм, как правый оппортунизм, брандлеристы выступают с программой действия, которую они противопоставляют общей линии германской компартии и Коммунистического Интернационала. Программу свою они сформулировали в виде платформы, которую Вальхер и Мельхер представили Эссенскому партейтагу (март 1927 г.).

Раньше, чем перейти к сущности этой программы, необходимо бросить взгляд на ту обстановку, которая создалась в Германии накануне эссенского с'езда. В январе 1924 г.—об этом убедительно свидетельствуют протоколы германской комиссии ИККИ—Брандлер понимал неизбежность и необходимость крутого сдвига влево. Мыслимо, конечно, что и тогда Брандлер надеялся на провал левого руководства, который задним числом оправдает его политику в 1923 году. Но в январе 1924 г. результаты октябрьского поражения еще не вполне обозначились. Многие допускали, что после короткой передышки—в три-четыре месяца—рабочий класс сможет еще раз вступить в бой. Эти предположения не оправдались. Началась длительная полоса капиталистического наступления. И брандлеристы начинают выступать тверже и увереннее по мере того, как Германия ускоряет свой бег по пути капиталистической стабилизации.

Внутрипартийное положение также казалось брандлеристам в высокой степени благоприятным. Позорный провал руководства Рут Фишер они расценивали, как крах л е в о г о к у р с а. Они естественно рассматривали себя, как законных претендентов на руководство, и в качестве таковых они и представили свою программу Эссенскому с'езду.

В чем же заключается программа брандлеристов? В платформе, представленной Вальхером и Мельхером Эссенскому с'езду мы читаем:

«Об'единяющим лозунгом в текущей борьбе с монополистической политикой трестов должен быть лозунг рабочего контроля над производством... Лозунгу хозяйственной демократии коммунисты противопоставляют лозунг рабочего контроля над производством. Борьба с политикой трестов под лозунгом контроля над производством подводит прочную основу под союз всех трудящихся, возглавляемых пролетариатом, под союз пролетариата, крестьянства и средних городских слоев, особенно крупное значение имеет лозунг контроля над производством для сельских рабочих и мелких крестьян».

Чтобы не оставить никаких сомнений о характере этого «об'единяющего лозунга», авторы новой платформы поясняют:

«При нынешней неострой революционной ситуации главная задача производственного контроля—планомерный и организованный подбор материала, разоблачающего политику цен, проводимую монополиями, отдельными трестами и крупными банками».

Нет надобности доказывать, что под этой их революционной платформой, заключающейся в изучении цен, подпишутся и ученики школы Томаса и Жуо. Сторонники же хозяйственной демократии в Германии имеют полное право сказать, что на сей раз их программа преподнесена под соусом «рабочего контроля». Вместе с тем у защитников лозунга «рабочего контроля» хватило наглости изобразить этот лозунг, как доподлинно революционный, как лозунг, равносильный лозунгу диктатуры пролетариата. Брандлер, выступивший со статьями в защиту платформы своих друзей, в январе текущего года писал:

«Р а б о ч и й к о н т р о л ь н а д п р о и з в о д с т в о м е с т ь н е ч т о и н о е, к а к о т с т р а н е н и е к а п и т а л и с т о в и л и и х у п о л н о м о ч е н н ы х о т д е л а у п р а в л е н и я п р е д п р и я т и е м, в з я т и е д е л а у п р а в л е н и я п р о и з в о д с т в о м и р е г у л и р о в а н и я т о в а р о о б м е н а в с в о е в е д е н и е о р г а н а м и т р у д я щ и х с я». («Комм. Интерн.» от 6 января 1928 года).

И дальше тот же Брандлер поясняет:

«Установление контроля над производством равносильно революционному вмешательству в капиталистическое хозяйство — первому шагу по пути экспроприации экспроприаторов, иными словами—в борьбе за власть. Таким образом, борьба за контроль над производством есть высокая ступень политической борьбы».

Сравните эти разглагольствования об экспроприации экспроприаторов с раз'яснением, что производственный контроль заключается в планомерном и организованном подборе материалов—и вы получите: 1) отчетливую реформистскую программу; 2) безответственную игру революционной фразой, и 3) фактический отказ от диктатуры пролетариата.

Впрочем, производственный контроль, по мысли Брандлера, должен заменить не только диктатуру пролетариата, но и все формы классовой борьбы:

«Без установления рабочего контроля,—пишет Брандлер,—без проникновения в коммерческие тайники этого концентрированного капитала и без яростной борьбы с каждым отдельным случаем надувательства, всякая борьба за заработную плату и за рабочее время, всякая деятельность профсоюзов, направленная к снабжению трудящихся дешевыми предметами массового потребления, всякая забота о жилище, всякая социально-политическая деятельность есть сизифова работа». (Там же).

Итак, пресловутый производственный контроль превращается в альфу и омегу классовой борьбы.

Брандлеристы прекрасно понимали, что для внедрения в партию всеоб'емлющего лозунга о рабочем контроле необходимо добиться радикального пересмотра отношения как к социал-демократии, так и к Амстердаму.

Программа, принятая единогласно VI конгрессом Коммунистического Интернационала, точно и твердо устанавливает место социал-демократии вообще, левой социал-демократии—в особенности. Программа подчеркивает, что левая социал-демократия является опаснейшей фракцией социал-демократической партии. Иной взгляд на левую социал-демократию развивают брандлеристы. Для них левая социал-демократия является тем мостиком, через который коммунистическое движение должно быть направлено в лоно откровенного реформизма. «Невозможно,—пишет Вальхер,—долго об'яснять-ся в любви левым социал-демократическим рабочим и в то же время изображать всех вкупе левых вождей как наихудших и опаснейших врагов» (см. «Интернационал» № 7, стр. 210). И дальше тот же Вальхер прибавляет: «Есть левые вожди, которые, правда, постоянно идут на трусливые уступки правым и отстаивают официальную политику германской социалистической партии, но, тем не менее, считают себя хорошими классовыми бойцами и искренно убеждены, что полевение германской социалистической партии возможно и что им удастся снова сделать социалистическую партию классовой и боевой партией пролетариата». А Брандлер доводит мысль Вальхера до логического конца (см. «Коммунистический Интернационал», № 52, стр. 44): «В и н ы е м о м е н т ы ц е н т р и с т с к а я и д е о л о г и я м о ж е т б ы т ь д л я р а б о ч и х э т а п о м п о п у т и о т р е ф о р м и з м а к к о м м у н и з м у».

Брандлеристы, конечно, не ограничились только платонической защитой центристской идеологии и левой социал-демократии. Отстраненные от руководства коммунистической партией, они сохранили некоторые позиции

в профсоюзном движении. Эти свои позиции они используют для того, чтобы бороться... не против Амстердама, а против Профинтерна и ошибочной политики Коминтерна. Они настаивали на том, что «если считать нужным прибегать к таким фразам, что амстердамцы—союзники капитала и штрейкбрехеры,—то мы не можем двигаться дальше». (Из речи Поллера). Но зато они успешно двигались «дальше», сопротивляясь организации стачечных комитетов во время забастовок и признавая, что «профсоюзы поступили правильно, высказавшись за рационализацию».

Проповедь производственного контроля взамен диктатуры пролетариата сопровождалась, таким образом, защитой левой социал-демократии и Амстердама и непосредственной помощью амстердамцам в деле капиталистической рационализации.

Общее наступление брандлеристов.

В течение сравнительно долгого времени брандлеристы ограничивались отдельными вылазками против партии и Коминтерна. Уже IX пленум Коминтерна вызвал серьезную тревогу в среде германских оппортунистов. Верно, что пленум не занимался специально германским вопросом. Но все решения пленума были заострены против реформизма и против пережитков реформизма в рядах компартии (резолюции о тактике французской и английской компартии). Сторонники «гибкой» тактики в отношении Амстердама почувствовали себя особенно ущемленными резолюцией пленума о профсоюзах, резолюцией, выявляющей штрейкбрехерскую роль героев Амстердама. Еще большую тревогу в среде брандлеристов вызвал последовавший за IX пленумом IV конгресс Профинтерна. За этим конгрессом следуют первые попытки открытого бунта со стороны брандлеристов. Последней каплей, переполнившей чашу терпения немецких оппортунистов, является VI конгресс Коммунистического Интернационала, об'явивший беспощадную войну правым уклонам вообще, брандлеризму в особенности. Политическая резолюция VI конгресса, принятая единогласно 29 августа с. г., определенно говорит о правых уклонах в Германии: «Лозунг производственного контроля в данный момент, оппозиция решениям IV конгресса Профинтерна, соглашательское отношение к левой социал-демократии и т. д.».

Памятуя, что наступление—лучшее средство обороны (в Саксонии, когда речь шла о борьбе за пролетарскую диктатуру, Брандлер это золотое правило забыл), брандлеристы об'единились в поход против германской компартии и Коминтерна. Фракционная деятельность брандлеристов развивается с молниеносной быстротой. Лишь 18 октября брандлеристы выдвинули требование реформы Коминтерна «с ног до головы», а теперь эта группа уже сложилась в фракцию, которая рвет партийную дисциплину, подготовляя новую центристскую партию, как мост от коммунизма к реформизму. Более того, в прессе уже идет перекличка брандлеристов с «левыми» ренегатами из Ленинбунда, с одной стороны, и с «левыми» социал-демократами из «Лейпцигер Фольксцейтунг»—с другой. «Лейпцигер Фольксцейтунг» от 2 ноября вполне солидаризируется с Фрейлихом и Бехтером в борьбе против... коррупции в германской компартии, Урбанс откровенно заявил 22 октября, что его цель «завоевать партию», а посему он и его соратники должны стремиться к сотрудничеству с брандлеристами. Таким образом, в перекличке нащупывается возможность «тройственного союза» против германской компартии и Коминтерна.

Брандлеристы, конечно, тщательнейшим образом скрывают свою политическую платформу. Они прекрасно понимают, что в обстановке напряженной классовой борьбы, когда социал-демократы—правые и «левые»—изо дня в день изобличают себя, как агентов капитализма, неразумно выступать с проповедью терпимости к амстердамцам и с предложением блока с левыми

социал-демократами, которые только тем и занимаются, что прикрывают лживыми фразами своих правых партнеров. Брандлеристы предпочитают поэтому облечься в мантию защитников морали партии, и они выступают не против политики компартии, а против «нравов», якобы в ней царящих.

День 18 октября следует считать днем открытого об'явления войны Коминтерну брандлеристами. В этот день Гельм и Гаузен, с одной стороны, Тальгеймер, Вальхер и др.,—с другой, выступили с «грозными» обвинениями против руководства германской компартии и против линии Коминтерна. «Те директивы,—писали Гельм и Гаузен,—партийного руководства, которые ведут к гибели партии, не могут претендовать на то, чтобы их осуществляли». Тальгеймер и К°, выступившие с требованием «реформы с головы до ног», об'явили, что, «поскольку решения VI конгресса имеют это содержание («утверждение руководства партии в лице Тельмана и его друзей»), мы отклоняем их, как в корне неправильные и катастрофические для развития партии».

Со дня 18 октября много воды утекло: брандлеровская фракция уже обзавелась фракционной газетой (в Офенбахе) и бюллетенем (в Бреславле). Уже состоялась конференция—очевидно, учредительная—всех брандлеровцев из всей Германии, которая, кстати сказать, показала всю слабость этих строителей новой партии (всего в ней участвовало 52 человека). Короче говоря, «реформа», возвещенная 18 октября, уже облеклась в форму откровенно-раскольнических действий, невзирая на то, что «сам» Брандлер призывает своих друзей воздержаться от «неосторожных раскольнических мероприятий».

Вместе с тем, документы 18 октября заслуживают того, чтобы на них несколько подробнее остановиться.

При чтении этих документов в глаза прежде всего бросается желание их авторов оглушить и ошеломить читателя. Гаузен и Гельм начинают свое послание «убийственным» заявлением, что «коммунистическая партия Германии находится в настоящее время на краю гибели». За этим заявлением следует сообщение, что партия в антиброненосной кампании потерпела «потрясающее поражение». Опасаясь, очевидно, что и этих оглушительных изречений недостаточно, чтобы поколебать авторитет партии, авторы украшают свое заявление указанием на «снова и снова вскрывающиеся нарывы, вызываемые коррупцией», и площадной руганью по адресу «обанкротившейся партийной бюрократии» (читай: ЦК партии). Но все эти «сильные слова» представляют собою только орнамент для простой, но ясной социал-демократической мысли, заимствованной непосредственно со страниц «Форвертс'а». Эта мысль выражена следующими словами: «Новый курс..., утвержденный VI всемирным конгрессом, означает прекращение тактики единого фронта в профсоюзах и в других массовых организациях, будет благоприятствовать раскольнической политике реформистов». Все «язвы», «нарывы» и «поражения» понадобились только для того, чтобы взвалить на Коминтерн ответственность за подлую политику главарей реформистских союзов. К сказанному прибавим, что в своей первой программной речи на фракционном собрании в Хемнице Брандлер призывал в экономической борьбе строго и неуклонно придерживаться профсоюзных рамок. Компартии надо раскалывать, а линию реформистских профбюрократов надо свято блюсти—таков символ веры Брандлера и его соратников!

Перейдем теперь к более пространному заявлению Тальгеймера и К°. Оно изобилует не менее «страшными» словами, чем письмо Гаузена—Гельма. В постановлении президиума ИККИ от 6 октября по делу Витторфа они усматривают «серьезное нарушение интересов КПГ, Коминтерна и русской революции». Далее следуют упражнения на те же темы: «коррупция», «гниющие язвы», «катастрофический исход броненосной кампании» и т. д., и т. д.

Но и Тальгеймер нечаянно для себя выявил в этом письме не только свое мещанское тупоумие, но и свое оппортунистическое отношение к социал-демократии. По мнению Тальгеймера, главная причина «катастрофического исхода броненосной кампании» заключается в том, что «в виде центрального лозунга кампании наш ЦК выдвинул лозунг: против социал-демократии». Видать, что ЦК германской компартии удовлетворил бы целиком и полностью Тальгеймера, если бы он главным лозунгом броненосной кампании выдвинул лозунг борьбы против Коминтерна. Ведь, друзья Тальгеймера так и поступили: в разгар кампании против броненосной кампании они начали поход против Тельмана, против руководства КПГ и против ИККИ.

Ныне брандлеристы выступают резче и отчетливее—иначе быть не могло. Раскольническая фракционная борьба имеет свою логику. «Саксонский эпизод» был началом. Всеоб'емлющий лозунг рабочего контроля был программным обоснованием тактики, стремящейся приспособить коммунизм к реформизму. Заключительным аккордом этой оппортунистической линии является общее наступление против программы и тактики Коминтерна под знаком борьбы за центристскую партию. «Саксонский эпизод» мог бы остаться только эпизодом, если бы брандлеристы имели мужество осознать и признать свои оппортунистические ошибки. Но этого не случилось. Уклон вырос в течение, группа превратилась во фракцию, отдельные вылазки против линии Коминтерна—в общее наступление, и брандлеристы ныне катятся в болото откровенного реформизма под дружеские аплодисменты старых друзей—«левых» саксонских социал-демократов.

Антиброненосная кампания.

В борьбе против КПГ и Коминтерна брандлеристы по сей день цепляются за дело Витторфа, с одной стороны, за антиброненосную кампанию—с другой. Нас, конечно, значительно больше интересует изучение хода и исхода антиброненосной кампании. Вместе с тем, мы обязаны предварительно остановиться на анализе дела Витторфа, хотя бы потому, что первая часть дискуссии в рядах германской коммунистической партии—от 6 октября до 3 ноября—была тесно связана и переплетена с злополучным гамбургским делом.

Дело Витторфа дало брандлеристам первую и легкую победу в рядах германской коммунистической партии. В союзе с примиренцами, о роли которых речь будет впереди, брандлеристы сумели навязать центральному комитету германской компартии постановление от 26 сентября. 27 сентября, когда «Роте Фане» опубликовала постановление германского ЦК, содержащее осуждение тов. Тельмана, правые чувствовали себя именинниками. В осуждении Тельмана они усмотрели исходную точку перегруппировки сил в руководстве германской кампартии и начало ликвидации отчетливого курса, принятого VI конгрессом Коммунистического Интернационала.

Через несколько дней брандлеристы уже испытали первое разочарование: 25 членов центрального комитета, т.-е. подавляющее большинство его, признали постановление ЦК ошибочным. За этим сообщением последовала резолюция ИККИ, которая привела в ярость не только правых, но и примиренцев. Все надежды, которые правые и примиренцы возлагали на свою победу от 26 сентября, сразу рухнули. И естественно, что правые, а вместе с ними и примиренцы попытались опереться на ошибочное постановление от 26 сентября в борьбе против резолюции президиума ИККИ от 6 октября. В чем заключается основной смысл резолюции президиума ИККИ от 6 октября? Президиум ИККИ в первую очередь признал, что «ЦК КПГ поступил правильно в том отношении, что со всей строгостью действовал в деле Витторфа о растрате партийных денег, исключив Витторфа за это преступление из партии». Президиум далее признал, что «товарищ Тельман... совершил серьезную ошибку тем, что, узнав о расстрате Витторфа, не довел о ней немедленно до сведения центрального комитета». Вместе с тем, президиум констатировал, что ЦК КПГ «совершил опаснейшую для партии ошибку», опубликовав резолюцию с осуждением тов. Тельмана в крайне трудной для партии обстановке во время кампании против броненосной социал-демократии. Эту грубую ошибку ЦК президиум осудил. Но осуждением не ограничился. Он выявил и разоблачил доподлинный смысл постановления ЦК и заклеймил истинных виновников этой ошибки, которые «вознамерились использовать дело Витторфа в фракционно-групповых интересах против тов. Тельмана, как одного из виднейших представителей линии VI конгресса, пытаясь добиться изменения руководства партии и тем самым сорвать проведение в КПГ принятого VI конгрессом КИ политического курса».

Резолюция президиума ИККИ от 6 октября одним ударом вскрыла всю подлость маневров правых, попытавшихся, прикрывшись тогой лицемерного благочестия, начать политическую кампанию против Коммунистического Интернационала. Вполне естественно, что эта резолюция не пришлась по вкусу ни правым, ни примиренцам, активно помогавшим правым в проведении маневра 26 сентября.

Это постановление превратило легкую победу правых в блоке с примиренцами в исходную точку решительной борьбы против правой опасности и против примиренческого отношения к правым уклонам, которая (борьба) уже в первые три недели дала сокрушительные результаты для брандлеристов. Только в Нижней Силезии, Тюрингии, Франкфурте и Вюртемберге правым удалось мобилизовать вокруг себя руководящие элементы местных организаций. Но не надо забывать, что в данном случае речь идет как раз о тех округах, в которых правые получили руководящие посты после Эссенского с'езда. Если же мы бросим взгляд на всю остальную Германию, то мы увидим, что все усилия правых направить свои отравленные стрелы против руководства германской компартии, в связи с делом Витторфа, кончились полнейшим крахом. Этот крах получил свое окончательное выражение на партконференции 3—4 ноября: на этой партконференции решение ИККИ было одобрено 221 голосом против 4 (против голосовали правые из Лейпцига и Тюрингии), при чем 19 человек из примиренческой группы голосовали за резолюцию с оговорками.

Мы поэтому могли бы считать инцидент Витторфа совершенно законченным. И брандлеристы начинают чувствовать и сознавать, что трудно индивидуальное преступление отдельного члена партии изобразить, как симптом развала и разложения. Ни Коммунистический Интернационал в целом, ни коммунистические партии в различных странах не обладают такими патентованными средствами, которые сделали бы невозможным проникновение в партию от'явленных негодяев или слабовольных людей, способных поддаться развращающему влиянию буржуазной среды. Задача коммунистических партий заключается лишь в том, чтобы напряженно следить за своими членами и безжалостно выгонять из коммунистической среды тех, кто недостоин звания коммуниста. Центральный комитет исключил Витторфа из партии, иными словами, применил к нему высшую меру партийного наказания. Исключение утверждено Коммунистическим Интернационалом. Этим дело Витторфа раз и навсегда исчерпано.

Но брандлеристы пытаются нажить капитал на ошибке тов. Тельмана. У тов. Тельмана хватило пролетарского мужества признать свою ошибку и осудить ее более резким образом, чем это сделали центральный комитет германской коммунистической партии и президиум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. Характернее всего то, что об ошибке тов. Тельмана, которую он с революционной прямотой честно при-

знал, громко вопиют те, которые в течение пяти лет не могли набраться духа признать роковые для дела революции ошибки, совершенные ими в 1923 г. Эти грозные прокуроры—Тальгеймер, Вальхер, Бетхер и другие, очевидно, полагают, что прозевать революционную ситуацию и заменить вооружение рабочих парламентским соглашением с социал-демократией является маловажной ошибкой в сравнении с той ошибкой, которую совершил тов. Тельман! В этом их отношении к своим собственным ошибкам, с одной стороны, и к ошибке, допущенной тов. Тельманом—с другой, сказывается вся оппортунистическая установка и мещанская узколобость правой фракции.

Перейдем теперь к антиброненосной кампании. Тальгеймер и К° утверждают в цитированном выше письме от 18 октября, что «поражение броненосной кампании тем серьезнее, что это—первое крупное выступление не только КПГ, но и всего Коминтерна против империалистических военных приготовлений». В этой оценке значения антиброненосной кампании мы видим чудовищное преувеличение роли и места антиброненосной кампании в борьбе против империализма, при чем это преувеличение отмечено явно оппортунистическим и реформистским отношением к борьбе против империализма вообще. Очевидно, что Тальгеймер и его сподвижники потому считают антиброненосную кампанию первым крупным выступлением всего Коминтерна, что они вообще признают только те кампании, которые так или иначе связаны с выборами, с голосованием в рамках буржуазной демократии. Героическую борьбу китайского пролетариата Тальгеймер, очевидно, не может признать серьезной кампанией против империализма. В Китае никто не голосовал, никто не подписывал петиций, да и вообще никакой демократической конституции в Китае не было. Тальгеймер также вряд ли признает особенно важной ту работу, которую ведут коммунистические партии в войсках. Демонстрации резервистов и матросов во Франции, на которые Французская Республика отвечает каторжными приговорами, Тальгеймер, вероятно, рассматривает, как простое озорство. Ясно, что мы отнюдь не можем согласиться с мыслью Тальгеймера, будто антиброненосная кампания является первым крупным выступлением Коминтерна против империализма. Но это отнюдь не может и не должно помешать нам самым серьезным образом относиться к этой кампании и постараться постичь ее урок.

Броненосец А, который строится броненосной социал-демократией, является материальным воплощением «новой» установки германской буржуазии, открыто подготовляющейся к тому, чтобы с оружием в руках участвовать в новом переделе земного шара. К тому же этот броненосец является как бы дополнением—и крайне существенным дополнением—к общей западной ориентации германской буржуазии, по существу направленной и заостренной против первого социалистического государства. В этих условиях и в этой обстановке коммунистическая партия Германии была призвана развить максимальную энергию, чтобы нанести сокрушительный удар той социал-демократии, которая буквально в одни и те же часы подписывала резолюции о международной солидарности в качестве секции II Интернационала и закладывала броненосец А в качестве соучастницы гинденбургского коалиционного правительства.

Справилась ли германская коммунистическая партия с этой задачей? Было бы жесточайшей ошибкой считать результаты антиброненосной кампании в какой бы то ни было мере удовлетворительными. Германская коммунистическая партия имела все основания рассчитывать на более успешную и на более эффективную мобилизацию пролетарских масс против броненосца и против броненосной социал-демократии. Отнюдь не разделяя катастрофических воплей брандлеристов, мы все же должны самым спокойным и самым

трезвым образом проанализировать причины неуспеха кампании, которая, казалось, была начата в общем и целом в благоприятной обстановке.

В первую очередь необходимо отметить, что антиброненосная кампания была недостаточно подготовлена в организационно-политическом отношении. Германская коммунистическая партия должна была учесть, что именно в этой кампании она будет иметь против себя коалицию всей буржуазной Германии, включая как германскую социал-демократию, так и реформистское руководство профессиональных союзов. Броненосец А является символом веры как буржуазии, так и социал-демократии. Всенародная борьба против броненосца вряд ли была по плечу германской коммунистической партии. Ясно, что задача германской коммунистической партии заключалась в том, чтобы сосредоточить борьбу в промышленных районах, в крупных и крупнейших фабрично-заводских предприятиях. В борьбе против броненосца германская коммунистическая партия могла опереться только на активные элементы рабочего класса, в том числе и на честных пролетариев, остающихся в рядах социал-демократической партии. Всякая попытка расширения кампании и превращения ее во всенародную кампанию, охватывающую и сельские местности и мелкую буржуазию, должна была неминуемо иметь своим последствием распыление сил коммунистической партии и ослабление эффекта кампании.

Вторым важным моментом, сыгравшим отрицательную роль в развитии кампании, является наличие в рядах коммунистической партии отчетливо-оппортунистической группировки. Подобно тому, как германской коммунистической партии трудно овладевать экономическими боями, когда ее собственные члены, в качестве активных работников профсоюзов, сопротивляются созданию стачечных комитетов и об'единению неорганизованных рабочих, так еще в большей степени германской коммунистической партии трудно бороться против социал-империализма, проникающего в ряды рабочего класса, при наличии в составе коммунистической партии элементов, определенно тяготеющих к так называемой левой социал-демократии.

В отношении броненосной кампании брандлеристы сумели не только ослабить идеологическую мощь компартии, но внести непосредственные элементы дезорганизации в антиброненосную кампанию. Тщательное изучение работы коммунистической партии в промежуток между 26 сентября и последним днем подачи голосов против броненосца показывает, что правым в союзе с примиренцами удалось отодвинуть антиброненосную кампанию на задний план и поставить во главу угла кражу, совершенную Витторфом. Все внимание партии было заострено на внутрипартийном положении, на угрозе со стороны брандлеристов начать ликвидаторско-раскольническую работу в тот самый момент, когда вся обстановка требовала максимального сплочения всех сил коммунистической партии.

Брандлеристы, хихикающие ныне по поводу неудовлетворительных результатов антиброненосной кампании, поразительно напоминают социал-демократов, которые всеми силами защищают капиталистические устои, злорадно утверждая, что коммунистический прогноз о быстром развязывании мировой социальной революции оказывается неверным.

Одновременно необходимо признать, что весь ход и исход антиброненосной кампании показывает силу реформизма, активно и успешно защищающего и отстаивающего империалистические и милитаристские вожделения германской буржуазии в среде рабочего класса. Борьба против социал-реформизма требует—таков важнейший урок антиброненосной кампании—ленинского сплочения германской коммунистической партии и в первую очередь ликвидации той правой фракции, которая нанесла жестокий удар кампании против броненосной социал-демократии своим фракционным походом против партии.

К сказанному прибавим, что тактика социал-демократии после окончания антиброненосной кампании показывает, что результаты кампании отнюдь не следует считать катастрофическими. Германская социал-демократия вынуждена была выступить в парламенте против броненосца и таким образом снова продемонстрировать пред лицом германского пролетариата свое циничное двурушничество.

Брандлеристы и примиренцы.

Нынешняя обстановка все более обостряющейся классовой борьбы властно требует от германской коммунистической партии максимального сплочения ее рядов на основе директив VI конгресса Коммунистического Интернационала в целях успешной и плодотворной борьбы против коалиции социал-демократии и буржуазии. Все более определяющаяся антисоветская и империалистическая ориентация германской буржуазии получает свое выражение в непосредственных приготовлениях к совместным действиям Германии с прочими империалистическими державами. Одновременно германская буржуазия стремится разрешить противоречия, неизбежно вырастающие на почве капиталистической стабилизации, попытками дополнить капиталистическую рационализацию, означающую жесточайшее усиление темпа работ и неслыханное расходование живой рабочей силы, ухудшением и без того жалкого прожиточного уровня пролетарских масс. Локауты, ставшие обычным явлением в Германии, являются тем орудием, при помощи которого германский капитал пытается удешевить изделия своего производства и повысить нормы своей прибыли за счет ухудшения положения рабочего класса.

В этих условиях германская коммунистическая партия призвана самым срочным и самым безотлагательным образом организовать активную боевую защиту интересов рабочего класса, которая должна стать исходной точкой развернутой наступательной борьбы против коалиции буржуазии и социал-демократии. Выполнение этой задачи непосредственно и неразрывно связано с активной и решительной борьбой против оппортунистических элементов в рядах самой коммунистической партии. Ликвидация брандлеристского гнезда оппортунизма становится насущной и безотлагательной задачей германской коммунистической партии.

В борьбе против брандлеристов особую опасность представляет теперь примиренческое отношение к правым. Примиренцы, которые на словах согласны бороться с правыми и выполнять директивы VI конгресса Коминтерна, на деле прикрывают оппортунистов и, выступая открыто против партруководства, фактически помогают ликвидаторско-раскольнической деятельности брандлеровской фракции.

Примиренческая группа в германской компартии возглавляется товарищами Эвертом и Геррардом. В заявлении, посланном ими членам и кандидатам ЦК от 18 октября, они пишут: «Между нами и правыми не было и не будет никакого блока». В своем заявлении от 4 ноября они называют «фракционной ложью» указание на их блок с правыми. Но Ленин учил нас в политической борьбе не верить на слово, а сверять слова с делами. Если мы обратимся к действиям группы Эверта и Геррарда, то мы увидим, что эта группа, хотя она и клянется в верности резолюциям VI конгресса, на деле помогает брандлеристам срывать генеральную линию VI конгресса.

Как ведут правые борьбу против германской коммунистической партии? Мы уже отмечали, что они по возможности умалчивают о производственном контроле, о центристской идеологии, о качествах левых социал-демократов и амстердамцев. Их ядовитое жало заострено против так называемой коррупции, против внутрипартийного режима и т. д. Выступления группы Эверта по существу идут в *том же направлении*. В заявлении от 17 октября, подписанном Эвертом, Эберлейном, Дитрихом, Куртом и Геррардом, эта группа об'ясняет тенденцию брандлеристов к ликвидации германской компартии не относительной стабилизацией германского капитализма, не силой реформистов в стране, а... «возмущением членов партии поведением тов. Тельмана и большинства ЦК». Это «марксистское» об'яснение раскольнической политики правых группа Эверта дополняет повторением на все лады основных жупелов брандлеристов о бюрократическом партийном режиме, «об узкой группе лиц, опирающейся на искусственно достигаемый механическими мероприятиями «авторитет» (под механическими мероприятиями, очевидно, разумеется решение эссенского партейтага и VI конгресса Коминтерна).

Такие *параллельные* выступления против руководства германской компартии и против Коммунистического Интернационала об'ективно означают укрепление позиции оппортунистов в их развернутой борьбе против компартии. Отдельные выступления примиренцев совместно с большинством против правых не могут умалить значения того факта, что примиренцы атакуют партруководство, когда вся обстановка требует сплоченной борьбы против правой опасности.

Борьба в Германии вступила в решительную фазу. Острая грань отделяет ленинскую линию Коминтерна от реформистско-ликвидаторской линии, защищаемой и *осуществляемой* на практике правой фракцией. Каждый член германской компартии должен теперь выбирать: либо он идет с Коминтерном и с подавляющим большинством германской коммунистической партии в беспощадной борьбе против всех форм и проявлений оппортунизма в рядах компартии, либо же он в открытой или в скрытой форме помогает раскольнической деятельности брандлеристов. Середины нет и быть не может.

Конференция германской коммунистической партии от 3 и 4 ноября наметила отчетливую программу действия, имеющую своей целью полное и всестороннее осуществление на практике резолюций VI конгресса Коминтерна. Мы уже отметили, что эта программа была принята подавляющим большинством. Иными словами, конференция показала наличие твердого и непреклонного желания германской коммунистической партии, преодолевая все препятствия, выполнить свои задачи, как организатора и руководителя классовой борьбы германского пролетариата и как одного из лучших отрядов пролетарской армии. Решения этой конференции являются последним предостережением примиренцам. Конференция авторитетно заявила, что группа Эверта и Геррарда отмежевывается от правых только на словах, участвуя на деле в поддержке все более усиливающейся дезорганизаторской деятельности правых раскольников. Примиренцам надо выбирать: либо вместе со всей партией бить правых, либо быть битыми вместе с правыми.

Е. Варга.

Обострение империалистических противоречий и репарационный вопрос.

А. Новый этап в репарационной промблеме.

Переговоры об эвакуации оккупированных частей Рейнской области привели к официальному признанию необходимости пересмотра репарационного вопроса. Шесть [1]) держав, заинтересованных в первую очередь в репарационном вопросе, признали «необходимость полного и окончательного урегулирования репарационной проблемы» [2]) и избрание для этой цели «комиссии финансовых экспертов, назначенных шестью правительствами».

Важность этого заявления заключается в том, что этим самым все заинтересованные державы, в том числе и Франция, признают, что репарационный вопрос еще не урегулирован окончательно. Как известно, французские государственные деятели придерживались до сих пор формально-юридической точки зрения, согласно которой репарационная комиссия (лондонский ультиматум 1921 г.) окончательно установила общую сумму долга Германии в размере 132 миллиардов [3]). План Дауэса установил, по их мнению, лишь порядок и размеры первых взносов, но общей суммы не изменил. Согласно этой точке зрения, эта сумма может быть изменена лишь по единогласному решению репарационной комиссии, хотя для всех было ясно, что не приходится и думать о фактическом ежегодном получении 5% с общей суммы, равной 132 миллиардам марок, т.-е. 66 миллиардам золотых марок. Это было косвенным образом признано, когда вся эта сумма была разделена на 50 миллиардов, на которые должны насчитываться проценты, и 82 миллиарда, на которые «пока» проценты не насчитываются. Но формально-юридически это обязательство Германии остается в силе до сих пор.

Что заставило державы Антанты и в первую очередь Францию признать необходимость окончательного урегулирования репарационной проблемы?

Причина заключается не в остром кризисе плана Дауэса, а в обострении империалистических противоречий. Избрание новой комиссии экспертов вовсе не вызвано желанием действительно разрешить репарационную проблему. Но, связав эту проблему с вопросом о межсоюзных долгах, комиссия призвана разоблачить Соед. Штаты, как препятствие к разрешению репарационного вопроса, и таким образом испортить добрые отношения между Америкой и Германией и создать единый фронт всех империалистических

---

[1]) Эти державы: Англия, Франция, Италия, Бельгия, Япония и Германия.

[2]) «The necessity for a complet and definit settlement of the reparation problem»... (коммюнике 6 держав от 14 сентября).

[3]) Формально проценты со всей суммы, поскольку они не покрываются в духе плана Дауэса платежами Германии, периодически приписываются бухгалтером репарационной комиссии к сумме долга, в результате чего эта сумма, несмотря на колоссальные платежи, растет из года в год. (См.: Зеринг: «Германия под планом Дауэса», Берлин, 1928 г., стр. 37).

государств - должников против Соед. Штатов. Короче говоря, репарационный вопрос должен стать одним из составных элементов двух крупных противоречий, а именно: между Соед. Штатами и Англией и между капиталистическим миром и Советским Союзом.

Б. Нет никакого острого кризиса плана Дауэса.

Признание необходимости окончательного урегулирования репарационной проблемы не является следствием острого кризиса плана Дауэса. Нет острого кризиса, и благодаря механизму плана Дауэса он и не мог бы наступить раньше, чем через 3—5 лет.

Кризис мог бы наступить, 1) если бы оказалось невозможным получить внутри страны сумму, необходимую для уплаты годичного взноса; 2) если бы оказался невозможным перевод сумм, полученных для уплаты репараций (проблема трансферта).

Мы уже при самом появлении плана Дауэса указывали на то, что Германия, без сомнения, сможет внутри страны собрать суммы, необходимые для предусмотренных репарационных взносов, но что перевод этих сумм натолкнется на крупнейшие препятствия и должен с течением времени привести к кризису. Что предусмотренные планом Дауэса суммы можно собрать внутри страны, показывает не только опыт, но и соображения, основывающиеся на числовых данных.

Вагеман, директор кон'юнктурного института, определяет общую сумму «ценностей», произведенных Германией в 1925 г., в 53 миллиарда марок [1]). Сюда входят «услуги» на 6 миллиардов, представляющих собой особый доход, который следует вычесть из этой суммы. Сюда же относится и часть накладных расходов капиталистического производства. Мы, таким образом, можем считать, что общая ценность продукции Германии (v + m) равнялась в 1925 г. 45 миллиардам марок, а в настоящем году приблизительно 50 миллиардам марок, если мы примем во внимание увеличение количества безработных, интенсификацию труда и т. д. Таким образом, полные годичные взносы по репарациям представляют собой не больше 5% годичной продукции Германии. Реальное накопление оценивалось до войны ежегодно в 8 млрд. марок [2]), а в настоящее время в 7—9 млрд. Таким образом, полные взносы по репарациям представляют собой около 25—30% ежегодного накопления.

Репарационные взносы, будь то налоги на транспорт, налоги на промышленность, проценты по ж.-д. обязательствам и т. д., представляют собой часть продукции, забираемой государством у частных лиц и предприятий. При сравнении общей массы налогов и пошлин оказывается, что часть продукции, забираемая государством в Германии, относительно не на много больше, чем в Англии или Франции. Государственный бюджет этих стран равняется на 1928—1929 г. в круглых цифрах:

В Англии 756 млн. фунт		15	миллиардов марок.
Во Франции (бюджет)	45 миллардов франк.		
„ (амортизац. касса)	7 миллардов франк.		
	52 „ „	8,5	„ „
В Германии (с пошлиной с ж. д.) около		12	„ „

Германия, число жителей которой в полтора раза превышает население Англии или Франции, находится между обеими странами в отношении размера своего бюджета. Таким образом, Германия и в налоговом отношении без сомнения, в состоянии нести репарационное бремя.

---

[1]) Учение о кон'юнктуре. Берлин, 1928 г., стр. 32.

[2]) Там же, стр. 27.

Наконец, что касается классового значения репарационного бремени, то не подлежит сомнению, что оно ложится в первую очередь на пролетариат. Пока, однако, оказалось, что и рабочие справляются с этим бременем. Реальная зарплата германских квалифицированных рабочих немного ниже (на 5—10%), а неквалифицированных немного выше довоенной реальной зарплаты. Это значит, что рабочие нисколько не воспользовались повышением продуктивности труда по сравнению с довоенным временем, которое вызвано рационализацией. Несмотря на это, реальная зарплата германских рабочих является наиболее высокой в Европе, за исключением английских и скандинавских рабочих [1]). Именно поэтому репарационное бремя не вызвало особого обострения классовой борьбы (как это ожидалось особенно в наших кругах): после страшных лишений военного и инфляционного периода возвращение к довоенному уровню жизни явилось весьма значительным улучшением для германского пролетариата, подействовавшим смягчающим образом на взаимоотношение классов.

Однако, мы должны сделать важную оговорку по поводу всего того, что мы говорили о способности Германии нести репарационное бремя во внутренне-экономическом и классовом отношении. Рост ежегодной продукции, наступивший во время действия плана Дауэса и снизивший относительную долю репарационных платежей в общих расходах с 10 до 5%, приближение реального накопления почти к довоенному уровню, все это стало возможным благодаря широкому притоку иностранного капитала. Без этой иностранной помощи, которая сделала возможной не только трансферт (перевод) репараций, но и восстановление германского хозяйства, глубоко расшатанного в 1923 г., Германии было бы гораздо труднее нести бремя репараций, классовая борьба значительно быстрее обострилась бы, вся репарационная проблема была бы значительно более трудной и гораздо скорее привела бы к острому кризису, чем теперь. Перевод репарационных платежей также не привел к кризису плана Дауэса и в ближайшие годы и не приведет. План Дауэса и лондонское соглашение [2]), как известно, разрешают в случае, если перевод репараций (трансферт) невозможен в виду сопряженной с этим опасности для устойчивости германской валюты предоставить германской буржуазии через посредство Рейхсбанка собранные в стране деньги до 2 млрд. марок в виде краткосрочных кредитов. Если будет собрано еще 3 млрд., то эти деньги можно вложить в германские ценные бумаги. Только, когда сумма, которую нельзя перевести, превысит 5 млрд. марок, т.-е. два полных годичных репарационных взноса, вклады должны быть временно приостановлены, пока не станет возможным трансферт.

---

[1]) Сравнительные, хотя и весьма примитивные, данные «Международного бюро труда» дают следующую картину за апрель 1928 г.: принимая реальную зарплату лондонского квалифицированного рабочего в апреле 1928 г. за 100, мы имеем следующую таблицу:

Дублин	Копенгаген	Стокгольм	Амстердам	Берлин	Париж	Мадрид
110	107	86	85	65	56	54
Брюссель	**Прага**	**Вена**				
53	51	—				

Во всех остальных европейских столицах—меньше 50. Мы подчеркиваем: основа для сравнения весьма примитивна (приняты во внимание только жизненные припасы и квартирная плата), но все же она дает приблизительное представление («Международный обзор труда» за июль 1928 г., стр. 125).

[2]) Один из немногих пунктов, измененных лондонским соглашением в заключении Дауэса, гласит: «Трансфертный комитет лишь тогда может, согласно п. 6-му заключения, отпустить денежные суммы в марках для покупок (которые иностранцы делают в Германии), если и как только собранные фонды превысят ту сумму, которую эмиссионный банк намерен принять, как краткосрочный вклад» (постановление 4-е, последний абзац лондонского соглашения). Этим самым разрешается германской буржуазии временно пользоваться суммами, которые невозможно переводить в качестве репарационных платежей.

Но, как известно, к концу четвертого года действия плана Дауэса в Рейхсбанке не имеется никаких непереведенных репарационных сумм. Далее, можно с уверенностью предположить, что и в ближайшие годы можно будет трансферировать часть полных ежегодных платежей (в виде поставок натурой). Не раньше, чем через три года, а скорей всего лишь по истечении пяти лет может накопиться непереводимая сумма в 5 миллиардов, являющаяся предельной согласно плану Дауэса, и только тогда наступит острый кризис этого плана.

Мы видим, таким образом, что не непосредственные экономические мотивы, стоящие в связи с «кризисом плана Дауэса», заставили Францию признать необходимость разрешения репарационного вопроса, т.-е. пересмотра плана Дауэса, а империалистические соображения более «высокого» порядка. Но прежде, чем перейти к этому вопросу, мы снова коснемся трансфертной проблемы.

В. Существует ли вообще трансфертная промблема?

«Опыт и только опыт может показать, какие суммы можно в действительности переводить в иностранной валюте». (Заключение Дауэса, стр. 32 франкфуртск. издания).

Заключение Дауэса основывается на том соображении, что только опыт может показать, можно ли будет переводить репарационные платежи и в каких размерах. Имеющийся опыт показывает, что до сих пор платежи переводились без затруднений.

Этот факт дал повод некоторым американским и английским экономистам совершенно отрицать существование трансфертной проблемы. Важнейшим представителем этого течения является бывший главный бухгалтер репарационной комиссии П. Од [1]). Политический смысл кампании, проводимой Одом, заключается в том, чтобы доказать, что Америка вполне в состоянии получить от союзников все свои долги. Это—кампания против какого-либо нового снижения или аннулирования межсоюзных долгов. Его основная идея заключается в следующем:

До войны Англия получала по своим основным требованиям ежегодный доход в 200 млн. фунт. стерлингов из других стран и при этом никто не слыхал о какой-либо трансфертной проблеме. Англия даже и в настоящее время прилагает все старания к тому, чтобы восстановить это положение путем вывоза своего капитала за границу. Почему же должна существовать трансфертная проблема для Соед. Штатов?

На это мы хотели бы возразить следующим образом:

Англия является густо населенной промышленной страной, нуждающейся в огромных количествах иностранных с'естных припасов, текстильного сырья, кож, дерева, металлов и т. д., и она поэтому разрешает беспошлинный ввоз этих товаров. Соед. Штаты же являются до настоящего времени аграрно-промышленной страной, вполне обеспеченной (за немногими исключениями) с'естными припасами и сырьем. Соед. Штаты могут принимать платежи из-за границы исключительно в виде золота, предметов роскоши и пр. И, действительно, платежный баланс Соед. Штатов показывает, что доходы, получаемые из помещенных за границей капиталов—поскольку они вновь там не инвестируются—расходуются главным образом за границей американскими туристами. Пока происходит рост благосостояния и расходов американской буржуазии на предметы роскоши, увеселительные поездки и пр., Соед. Штаты действительно смогут тратить доход с капиталов, вложенных за границей, на покупку предметов искусства, драгоценных камней и пр

---

[1]) См. прежние его статьи в «Анналисте»; его книгу «План Дауэса и новая экономика», 1927 г., и, наконец, его недавно появившуюся брошюру: «Мифологическая трансфертная проблема».

Но если даже предположить, что Соед. Штаты имеют возможность получить платежи по межсоюзным долгам и что трансфертные затруднения получателя, таким образом, преодолимы, то это еще далеко не доказывает, что и Германия в состоянии переводить репарационные суммы. Здесь нужно в первую очередь подчеркнуть то обстоятельство, что, если трансферт до сих пор удавался, то это абсолютно не является доказательством того, что он будет возможен и в будущем. До сих пор вообще не происходило никакого трансферта, а только «мнимый трансферт», как я это называю, если для уплаты репараций пользуются не собственной продукцией и заключают для этого заграничные займы.

Так оно, как известно, до сих пор и было. Не считая репарационного займа, Германия в первые четыре года (от 1 сент. 1924 г. до 31 августа 1928 г.), собрала внутри страны 4.670 млн. марок, которые она отдала своим кредиторам за исключением незначительного остатка в 160 млн. Но, это она смогла сделать только благодаря заключению заграничных займов, превышающих почти вдвое эту сумму. В сентябрьском отчете Дисконтного общества сказано по этому поводу следующее:

> «С другой стороны, Германия в это же время заключила долгосрочные заграничные займы на 5.800 млн. марок. За вычетом 500 млн., употребленных на погашение, амортизацию и пр., остается 5.300 млн. Таким образом, германские платежи, произведенные в первые четыре года во исполнение плана Дауэса, были в общем на 600 млн. марок меньше суммы германских заграничных займов. К этим 600 млн. марок нужно, кроме того, прибавить суммы, которые иностранные державы предоставили Германии в виде краткосрочных кредитов для ее банков, торговли и промышленности. При этом сумма краткосрочных кредитов не на много меньше долгосрочных кредитов.
>
> Если общую сумму этих кредитов считать всего лишь в 3,5—4 млрд. марок, в виду того, что и Германия предоставила другим странам краткосрочные торговые кредиты, то окажется, что общая сумма иностранного капитала, вложенного в Германии, равняется 8.800—9.300 млн. марок, в то время, как репарационные платежи Германии равняются 4.700 млн. марок. Германия, таким образом, получила за границей приблизительно вдвое больше денег, чем она сама отдала в виде репараций».

Ясно, что настоящий трансферт может быть произведен только из избытка платежного баланса, и лишь в том случае, если этот избыток реальный, а не «одолженный», как это было до сих пор. Так как «невидимый экспорт» Германии, заключающийся в доходах, получаемых от капиталов, вложенных за границей, от судоходства, от международных банков и агентур, не превышает нескольких сот миллионов в год, то Германия может платить лишь избытком своего товарного экспорта, другими словами, ее торговый баланс должен быть активен на несколько миллиардов. В действительности же, однако, торговый баланс Германии является, как и в довоенное время, чрезвычайно пассивным. Приводим таблицу этой пассивности [1]) с самого начала действия плана Дауэса:

	Чистый товарооборот
1924 г. 4-й квартал	1102
1925 г. „ „	2563
1926 г. „ „	189
1927 г. „ „	3887
1928 г. 1-е полугодие	1667
Июль—Август	326
	9734

[1]) По исправленным данным государственного статистического бюро. Они не содержат репарационных поставок натурой. Данные из «Vierteljahrhefte zur Konjunkturforschung» и «Wirtschaft und Statistik».

В среднем, это представляет в год (недостают данные за сентябрь) дефицит в 2.500 млн. марок.

Какова должна была бы быть германская внешняя торговля для того, чтобы Германия действительно могла покрыть репарационные платежи? Экспорт должен был бы дойти до следующих размеров:

2500	млн.	для сбалансирования дефицита
2500	„ „	репараций
500 – 785	„ „	для уплаты процентов по заграничным кредитам [1])
5500 – 5785		

Отсюда следует ежегодно снимать около 600 млн. поставок натурой, на каковую сумму дефицит фактически уменьшается. Остаются, таким образом, 5.000—5.285 млн. марок.

Германия может увеличить свой товарный экспорт, лишь увеличив количество вывозимых промышленных товаров. Кроме угля, калия и азота (добываемого из воздуха) Германия не имеет никаких товаров, имеющих серьезное значение для экспорта и не содержащих в себе импортируемое из-за границы сырье. Трудно сказать, сколько процентов стоимости вывозимых готовых товаров следует отнести за счет стоимости заключающихся в них заграничных сырых и вспомогательных материалов. Если мы оценим, как это делает Вагеман, общую стоимость всей германской продукции за исключением строительной промышленности, которая не экспортируется и очень мало пользуется заграничными материалами, в 22 млрд., то на ряду с этим импортируется сырья и полуфабрикатов на 5—6 млрд., представляющих собой около 20% вышеупомянутой суммы. Если мы допустим, что в экспортируемых промышленных товарах содержится такая же доля импортируемой товарной ценности, как во всей промышленной продукции, то для увеличения экспорта на 5 млрд. потребуется дополнительный импорт иностранных сырых материалов на сумму не меньше 1 млрд. марок. Для того, чтобы покрыть экспортом этот импорт, необходимо будет увеличить экспорт еще на 1 млрд. Таким образом, мы приходим к результату, согласно которому Германия должна вывозить по меньшей мере на 6 млрд. больше, и почти исключительно в виде готовых товаров для того, чтобы возможен был настоящий, подлинный трансферт в 2½ млрд. в счет контрибуции Дауэса!

Возможно ли это?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, мы сделаем грубое вычисление.

В прилагаемой ниже таблице мы показываем вывоз готовых товаров важнейших капиталистических стран в 1927 г. Из более важных промышленных экспортных стран здесь отсутствует лишь Италия, где статистика внешней торговли не проводит различия между сырьем и готовыми товарами [2]).

Мировая торговля готовыми фабрикатами в 1927 г.	Ввоз (в миллионах в соответ. валюте)	Вывоз (в миллионах в соответ. валюте)	Вывоз в млн. фунт. стерлингов
Англия (фунты)	297	—	564
Соедин. Штаты (долл.)	878	1981	408
Германия (марки)	2467	7550	309
Франция (франки)	5784	31043	255
Бельгия (франки)	6595	15311	88
Чехо-Словакия (кроны)	4908	13246	57
Япония (иены)	290	831	81
Голландия (гульдены)	964	694	81
			1903
Минус импорт Германии			123
			1880

[1]) Зеринг считает на сентябрь 1928 г. 500 млн. (стр. 89). С другой стороны, известный американский профессор Давид Фрайдей считает на сентябрь 785 млн. («Франкфуртер Цейтунг» от 5 окт. 1928 г.).

[2]) Данные из Account relating to the Trade and Commerce H. M. St. O. 1928.

Таблица показывает, что общая способность поглощения мировым рынком промышленных готовых товаров вышеуказанных стран равняется приблизительно 38 млрд. марок. Вывоз готовых товаров из Италии, Польши и других более мелких стран не превышает при максимальной оценке 6 млрд. марок, и таким образом общая сумма вывоза всех этих стран за исключением Германии равняется приблизительно 44 млрд. марок. Таким образом, способность мирового рынка поглощать германские промышленные товары должна подняться на 15% или же германская промышленность должна вытеснить с мирового рынка своих конкурентов на $^1/_6$ их торгового оборота для того, чтобы сбыть на мировом рынке лишние германские промышленные товары на 6 млрд. марок.

Раздаются, однако, голоса, доказывающие, что необходимость платить по репарациям автоматически приводит к соответствующему увеличению экспорта. Порядок мыслей здесь таков [1]).

Собирание сумм, необходимых для репарационных платежей, внутри страны приводит к тому, что покупательная способность внутреннего рынка уменьшается на эту же самую сумму. Это создает соответствующий избыток товаров, поступающих на мировые рынки. Получение репараций странами Антанты увеличивает их покупательную способность в той мере, в какой это необходимо для поглощения лишних товаров, выброшенных на мировой рынок. Поэтому нет никакой проблемы трансферта. Покровительственные пошлины также не могут воспрепятствовать трансферту, так как они могут привести лишь к тому, что Германия будет покупать меньше товаров за границей. На практике Германия не только способна нести тяготы плана Дауэса, но и платить проценты, в том числе и амортизационные за все 132 млрд.

Здесь мы видим, как общий тезис учения о гармонии, согласно которому производство товара создает одновременно с этим и покупателя для него, применяется к специальной проблеме репараций. Но эта проблема является гораздо более сложной. Ожидаемое уменьшение покупательной способности Германии означает уменьшение сбыта не всех товаров, а в первую очередь товаров, от которых легче всего отказаться, как например, платье, мебель, обувь и т. д. Но уменьшение внутреннего сбыта означает уменьшение конкурентной способности страны на мировом рынке, так как при теперешней системе конкуренции монопольных организаций обеспеченная прибыль, получаемая на монополизированном внутреннем рынке, является основой конкурентной способности данной страны на мировом рынке. Для восстановления конкурентной способности на мировом рынке при уменьшенном внутреннем сбыте пришлось бы еще больше снизить издержки производства внутри страны и зарплату, что опять-таки привело бы к сокращению поглощательной способности внутреннего рынка и т. д., пока обострение классовой борьбы не создало бы вновь острую революционную ситуацию и таким образом уничтожило бы социальную цель плана Дауэса. В конце-концов, проблема трансферта, как и всякая экономическая проблема, является проблемой классовой борьбы не только для Германии, но и для стран, получающих репарации. Вообще говоря Франции выгодно получать репарации. Но для французских промышленных капиталистов вовсе не выгодно, если масса германских промышленных товаров, искусственно удешевленных благодаря обязательному трансферту, наводняет французский внутренний рынок, несмотря на покровительственные пошлины. В классовом обществе не заботятся об общем интересе.

---

[1]) См. Р. Лонг: «Репарационная мифология». 1928. Рецензия во «Франкфуртер Цейтунг» от 17 июля 1928 г.

Суммируя все вышеизложенное, мы должны сказать, что проблема трансферта имеется, но она пока не является острой, так как в ближайшие годы Германия еще имеет возможность продолжать свой «мнимый трансферт» путем заключения иностранных займов. Согласие держав Антанты и в особенности Франции начать переговоры о пересмотре репарационной проблемы вызвано не кризисом плана Дауэса и не острыми затруднениями трансферта, а изменением империалистических противоречий и переменами во взаимном соотношении сил, завершившимися в последние годы. Для того, чтобы это понять, мы должны вкратце охарактеризовать развитие империалистических противоречий в послевоенное время. Во избежание повторений мы эти противоречия механически разделим, хотя в действительности они, конечно, теснейшим образом связаны друг с другом.

Г. Англо-французское противоречие.

Хотя Франция и Англия были союзниками в войне против Германии и хотя теперь между ними вновь заключено нечто в роде Антанты, тем не менее англо-французское противоречие было и остается одной из главных осей мировой политики, одним из важнейших факторов репарационного вопроса. Союз и противоречие отнюдь не исключают друг друга, напротив, даже часто обусловливают друг друга.

В результате войны Франция получила господство над европейским континентом. Одновременно с этим развитие военной техники с ее дальнобойными пушками, аэропланами и подводными лодками лишило английские острова каких бы то ни было стратегических преимуществ по отношению к Франции. Опасность в экономической области заключалась в том, что Франция путем давления на Германию сможет захватить контроль над всей западно-европейской тяжелой промышленностью и вытеснить английскую тяжелую промышленность с мирового рынка. Политика Англии заключалась поэтому в том, чтобы создавать на европейском континенте затруднения для Франции и в особенности использовать Германию в своей борьбе с Францией. Но всякий раз, когда положение до известной степени обострялось, военное превосходство Франции заставляло Англию переходить на ее сторону и оставлять Германию на произвол судьбы. Напомним о важнейших этапах в этой политике

Включение пенсии в репарационные платежи.

Согласно 14 пунктам Вильсона, служившим основой перемирия, Германия должна была возместить лишь издержки по восстановлению оккупированных ею областей и ущерб, нанесенный гражданскому населению. После того, как Англия получила возмещение за свои потопленные суда, «тонну, за тонну», так как Германия отдала ей свой торговый флот, требования Англии должны были быть самыми минимальными. Она получила бы в лучшем случае несколько процентов репараций и таким образом играла бы второстепенную роль в репарационном вопросе. Репарационный вопрос превратился бы, таким образом, в германско-французский вопрос. В виду этого Англия добилась включения пенсий в репарационную сумму, в результате чего номинальная общая сумма 30—40 млрд. поднялась до 132. Доля Англии в репарациях поднялась благодаря этому до 22%, она стала одной из стран, наиболее заинтересованных в репарационной проблеме, и тем самым она получила возможность саботировать германско-французское соглашение. (Материально это приводит к тому, что Франция получит меньше, чем если бы пенсии не были включены, так как платежеспособность Германии ограничена).

Саботаж попыток разрешения репарационного вопроса.

Пуанкаре пытался в первой половине 1922 г. разрешить мирным путем репарационный вопрос. Он предложил Англии отказаться от своих репарационных требований, равно как и от требований об уплате ей союзниками своих долгов и тем самым заставить Соед. Штаты поступить точно таким же образом. Он заявил, что Франция проводила бы в этом случае по отношению к Германии политику, которая дала бы ей возможность заключить международный заем [1]). Англия ответила на это нотой Бальфура от 1 августа 1922 г., в которой она заявила, что хочет получить от своих союзников и Германии столько, сколько она должна будет заплатить Соед. Штатам. Так как Германия намеревалась просить в то время о предоставлении ей моратория для внесения ее и без того уменьшенных платежей и так как из всех должников Англии Франция казалась единственно платежеспособной, то нота Бальфура представляла собой перенесение долговых обязательств Англии по отношению к Америке на Францию без предоставления последней гарантий за поступление репарационных платежей от Германии. Нота Бальфура разбила все планы Пуанкаре. Точно так же не привели ни к чему и переговоры, которые велись в конце 1922 г. в Лондоне. Таким образом, все было готово для оккупации Рура.

Во время рурской оккупации Англия поддерживала сопротивление Германии сначала тайно, а позже и открыто. Официальные заявления Англии говорили о том, что Англия недовольна политикой Франции, но остается с ней в союзе. Английское правительство готовилось к своей роли посредника между боровшимися друг с другом и постепенно слабевшими Францией и Германией [2]). Одновременно с этим Англия усиливала сопротивление Германии своими угольными поставками, кредитами, уговорами.

Когда казалось, что вооруженная Франция разгромит безоружную Германию или захватит в свои руки контроль над ее тяжелой промышленностью, Англия начала почти грозить войной Франции.

Близко стоящий к английскому правительству «Обсервер» писал 1 июля 1923 года:

> «Во Франции еще не понимают, что чаша терпения английского правительства в этом вопросе уже почти переполнена. Когда на прошлой неделе лорд Крю был у Пуанкаре, он потребовал от него безотлагательного ответа, оставив при этом обычную вежливость».

Газета дальше заявляет, что английское правительство решило ответить на предложение Германии и начать с ней переговоры. В статье говорится:

> «Если Франция откажется принять участие в этих переговорах, то британскому правительству не останется ничего другого, как действовать независимо от нее. Легко понять последствия подобного решения, но метод бесконечного терпения, который до сих пор применяли, принес, повидимому, больше зла, чем добра. Английское правительство решило не позже чем через неделю привести к концу свой спор с Францией».

---

[1]) Как известно, конференция банкиров, в которой принимал участие Морган, заявила несколькими месяцами раньше, что она не может предоставить Германии заем, пока не будет урегулирован репарационный вопрос.

[2]) «По всей видимости, уже близко то время,—писал «Таймс» 24 марта 1923 г. во время рурской оккупации,—когда наступит черед для Англии принять свою долю участия в разрешении рурской проблемы. Англия, таким образом, подготовила почву для разрешения вопроса, которое лучше всего отвечало бы ее собственным интересам».

На эту атаку ответил назавтра официальный орган французского правительства «Тан» следующим образом:

> «После угроз, с которыми германская пресса выступала против Франции при кризисах в Танжере, Агадире и Сераево, мы не помним, чтобы иностранная газета, выдающая себя выразительницей официального мнения, позволила себе говорить в таком тоне с французским правительством».

На угрозу «Обсервера», заключающуюся в том, что Англия выступит самостоятельно и что возможен созыв международной конференции без участия Франции, «Тан» ответил:

> «Если «Обсервер» думает этим запугать Францию, то мы ему немедленно заявляем, что он ошибается. Тот, кто расшатывает здание общей победы, тот в первую очередь расшатывает устои английской мировой империи».

3 июля 1923 г. «Тан» совершенно правильно заявил:

> «Англия была бы недовольна, если бы Германия уступила под давлением одной лишь Франции, но точно так же она была бы недовольна, если бы франко-германская рурская борьба закончилась франко-германским соглашением в репарационном вопросе».

После этих резких угроз и после того, как Англия обеспечила себе поддержку Соед. Штатов в целях удаления Франции из Рурской области, 20 сентября было опубликовано к вящшему удивлению всего мира, и в особенности Германии, официальное сообщение о переговорах Пуанкаре с Бальфуром. Согласно этому сообщению, «ни в одном вопросе нет такого расхождения... которое мешало бы сотрудничеству обеих стран».

План Дауэса представляет собой попытку примирить при помощи компромисса противоречивые интересы французской, английской и американской буржуазии. С момента принятия плана Дауэса Англия старалась при помощи различных дипломатических маневров задерживать рост военных вооружений Франции. Локарнский пакт должен был лишить Францию повода ссылаться на необходимость вооружения в виду опасности, грозящей ей со стороны Германии. На всевозможных комиссиях безопасности и разоружения Англия пыталась сдерживать рост вооружения Франции. Все эти попытки оказались безрезультатными, и военная мощь Франции непрерывно росла. Теперь, как и в сентябре 1923 г., вновь наступил резкий поворот в англо-французских взаимоотношениях. Чемберлен заявил в июле в парламенте о заключении между Англией и Францией компромисса в вопросе о вооружении, и французская пресса пишет о возобновлении «сердечного соглашения». (Entente cordiale).

Смысл этого поворота таков: Англия лишена свободы передвижения на мировой политической арене, она не может ничего предпринять ни по отношению к Соед. Штатам, ни по отношению к Советскому Союзу, пока она не будет уверена по меньшей мере в благожелательном нейтралитете Франции. Англия не может нигде в мире вести войну, если ее тыл не обеспечен. Вот почему Англия откладывает пока разрешение своих противоречий с Францией, как она это сделала в начале мировой войны с царской Россией, и выдвигает на первый план создание совместно с Францией единого фронта против Америки в вопросе о военных долгах, единого фронта против Советского Союза и восстающих колоний. По отношению к Германии это означает конец локарнской политики и явное заключение единого фронта с Францией против Германии. Наиболее яркой иллюстрацией этого поворота является демонстративные совместные маневры английских и французских оккупационных войск на германской территории.

Д. Англо-германское противоречие.

Основной целью английской буржуазии в мировой войне был разгром растущего германского империализма, который, продвигаясь вдоль железнодорожной линии Берлин—Багдад между Россией и северо-африканско-южно-азиатской империей Англии, угрожал Индии и обгонял Англию в области промышленности. Этим об'ясняется противоречивая позиция Англии по отношению к Германии, которую мы наблюдаем во всем репарационном вопросе и которую мы отчасти охарактеризовали в связи с англо-французским противоречием. Промышленная буржуазия Англии требовала сильного обременения германской промышленности в целях подрыва ее конкурентной способности на будущее время. С другой стороны, высокие репарационные платежи обусловливают необходимость расширения товарного экспорта, т.-е. усиления конкуренции. Банковская и торговая буржуазия настаивала на быстром восстановлении Германии для того, чтобы можно было с нею начать торговать. Само получение репарационных платежей не представляет большого значения для английской буржуазии.

После наступления стабилизации начало постепенно все больше выступать на первый план противоречие между Англией и Германией, как ее конкурентом на мировом рынке. В то время, как восстановление германского хозяйства идет поразительно быстро вперед, английское хозяйство страдает от хронического кризиса. Англия хотела спасти Германию и себя от перехода германской тяжелой промышленности в руки Франции и об'единения угольной и железоделательной промышленности обеих стран под французской гегемонией. Германия, однако, восстановила свою железоделательную промышленность в последние четыре года независимо от Франции и играет теперь руководящую роль в международном стальном картеле. Она национализировала свою продукцию и снизила стоимость производства. Германская промышленность обгоняет английскую промышленность уже с 1900 г., и этот процесс продолжается и теперь, несмотря на поражение Германии, инфляцию и репарационное бремя.

Одновременно с этим происходит внешне-политическое сближение между Германией и главным противником Англии среди империалистических держав—Соед. Штатами. Англии удалось лишь втянуть Германию в Лигу Наций, но не удалось или, по крайней мере, еще не удалось вовлечь ее в антисоветский фронт. Хотя Германия разоружена и находится под иностранным контролем, тем не менее она является потенциально-крупной военной силой благодаря своей мощной промышленности. В виду всего этого Англия уже не может больше продолжать свою политику по отношению к Франции и Германии, которая заключалась в том, что она отыгрывалась на одной стране в своей борьбе с другой. Она пытается теперь в связи с пересмотром репарационного вопроса использовать Германию в своей борьбе с Америкой и вовлечь ее в единый фронт европейских государств-должников против Америки и европейских капиталистических стран против Советского Союза.

Е. Англо-американское противоречие.

Противоречие между Британской мировой империей и Соед. Штатами направляет в настоящее время ход всей империалистической мировой политики. Это бесспорно, но не легко указать, в чем состоит конкретное содержание этого противоречия. Здесь не идет спор об определенных территориях, как, например, до войны, когда Англия и Россия боролись друг с другом за господствующее влияние в Константинополе, Персии и Средней Азии, а Англия и Германия боролись друг с другом за гегемонию на Ближнем Востоке. Здесь мы имеем всеоб'емлющее противоречие, и англо-американское противоречие сводится к вопросу о том, какая из этих стран должна стать господствующей империалистической державой мира.

Пацифистские фразы, которые служат маской для американского империализма, не позволяют Соединенным Штатам открыто поднять вопрос о переделе мира, как это делает Италия или Германия. Вместо этого выдвигается вопрос об «открытых дверях», т.-е. требование об экономическом обесценении всех колониальных монопольных областей путем допущения туда американского капитала на равных правах с другими нациями [1].

В случае, если бы этот принцип был повсеместно проведен, политическое господство в колониях превратилось бы в пустую фикцию и превосходство американского капитала сказалось бы полностью, как это, например, наблюдается в Канаде.

Главным препятствием на пути к осуществлению этой политики является Англия, представляющая собой крупнейшую в мире колониальную державу. Основа силы Англии заключается в ее превосходстве на море, в ее мощном флоте и системе морских опорных пунктов, рассеянных по всему миру. Соед. Штаты не раз непосредственно чувствовали это морское превосходство Англии во время мировой войны. Не было и речи о «свободе морей» для американских судов, и они должны были подчиняться английскому контролю. Для того, чтобы очистить путь для установления господства своего капитала, Соед. Штатам необходимо в первую очередь сломить это превосходство Англии и иметь более сильный флот. Только в этом случае можно было бы мирным или военным путем заставить Англию поделиться с Америкой своим господствующим положением в колониях, где живет треть населения всего мира.

Морское превосходство Англии и господство на морях имеет конкретное значение лишь во время войны. В мирное время моря открыты для судов любой страны (за исключением советских судов, находящихся вне «цивилизации»). Вопрос о свободе морей является военной проблемой. Одно поднятие этого вопроса уже означает подготовку к следующей войне!

Первый этап борьбы за флот закончился вашингтонским соглашением. Соед. Штаты бросили на чашу весов свое богатство. Они заявили англичанам в замаскированной пацифистской форме следующее: одно из двух: или вы соглашаетесь с тем, чтобы общий тоннаж ваших военных судов не превышал наш, или же мы начнем наперебой вооружаться, что для вас немыслимо в финансовом отношении. Англия вынуждена была покориться. Она рассталась с традиционным принципом, согласно которому ее флот должен быть равен по силе флотам двух других великих держав, и согласилась в этом вопросе сравняться с Америкой.

Англия вынуждена была покориться, так как ей нужна была американская помощь для стабилизации валюты, для урегулирования репарационного вопроса и в качестве опоры против Франции. Она не могла соперничать открыто с Америкой в постройке крупных судов, из которых каждое стоит несколько сот миллионов.

Англия могла покориться, так как обязательство иметь не больше броненосцев, чем Америка, нисколько не сломило ее морского превосходства. Новейшее развитие военной техники ставит вообще под сомнение ценность дредноутов. Зато в более мелких типах судов, постройка которых не ограничена, Англия сохранила свое превосходство и, повидимому, твердо намерена его пока защищать. Доказательством этого является безрезультатность женевской конференции по морскому разоружению, в которой при-

[1]) Откровеннее всего было выдвинуто и проведено это требование в отношении мандатных областей (участие американского капитала в эксплоатации нефтяных районов в Ираке).

нимали участие три крупнейшие морские державы (Соед. Штаты, Англия и Япония), а также англо-французское морское соглашение, от которого, правда, обе стороны формально отказались.

Как известно, конфликт заключается в следующем: предусмотренное вашингтонским соглашением ограничение постройки броненосцев должно было быть распространено и на крейсера. Америка требовала ограничения постройки всякого рода крейсеров. Англия же—только крейсеров свыше 8 тыс. тонн и с пушками, калибр которых превышает 6 дюймов. Стратегический смысл конфликта заключается в следующем: Америка, не имеющая флотских баз вне своих вод (за исключением Гавайских островов), нуждается в крейсерах с большим радиусом действия и вооружением, которое дало бы им превосходство над «вспомогательными крейсерами», т.-е. торговыми судами (которые в случае войны снабжаются пушками).

Англия со своей великолепно развитой сетью флотских баз нуждается во многих мелких и дешевых военных судах для того, чтобы в случае войны господствовать над всем торговым судоходством. Она может всегда выбрать в своем огромном торговом флоте лучшие суда, вооружить их и превратить во вспомогательные крейсера. Необходимые подготовительные работы производятся на этих судах уже в мирное время. Этот факт, равно как и наличие обученных кадров моряков, является тем козырем Англии, который Америка не может выбить из ее рук одной только форсированной постройкой военных судов. Это дает Англии пока возможность приостановить по отношению к Соед. Штатам свое отступление в области морских вооружений.

Читателю известны все последние события в этой области. Англо-французское военное соглашение было явной провокацией по отношению к Соед. Штатам. Предусмотренное этим соглашением организационное сотрудничество английского и французского флота (как это было и непосредственно перед мировой войной) сводит на-нет установленное вашингтонским соглашением равенство Англии и Соед. Штатов в области постройки броненосцев. Ограничение постройки лишь тех крейсеров, которые снабжены пушками большего калибра, чем 6 дюймов, означает, что Англия продолжает придерживаться той точки зрения, которую она защищала в Женеве, и что Франция также стоит на этой точке зрения, враждебной Соед. Штатам [1]).

Как открыто считаются с возможностью войны между Соед. Штатами и Англией, видно из опубликованного в Америке печатью Херста секретного циркулярного письма французского статссекретаря в министерстве иностранных дел Бертело к французским послам в Вашингтоне, Токио и Риме:

> «Главная причина (неудачи женевской конференции по морскому разоружению) заключалась в том, что размер пушек, которых британское адмиралтейство добивалось для мелких крейсеров, был тот самый, который разрешен в вашингтонском соглашении для торговых судов, превращенных во вспомогательные крейсера. Отсюда следует, что, если бы Соед. Штаты даже имели такое же количество мелких крейсеров, как Англия, то суда этого типа могли бы значительно усилить британский флот, как только начались бы военные действия, так как Великобритания имеет в своем торговом флоте большое количество вспомогательных крейсеров, между тем как Соед. Штаты их не имеют» [1]).

[1]) Англия должна была заплатить дорогой ценой за привлечение Франции на свою сторону: она принуждена была предоставить Франции неограниченное право постройки подводных лодок с тоннажем свыше 600 тонн, которые в первую очередь необходимы для войны с Англией. Она принуждена была согласиться с тем, чтобы обученные в военном отношении запасные резервы не считались при переговорах о разоружении частью французской армии! Мы имеем, таким образом, полный отказ Англии от своей прежней точки зрения.

Либеральная печать и большинство консервативных органов Англии резко осудили англо-французское соглашение, как капитуляцию перед милитаризмом Франции, как предательство по отношению к локарнской политике мира и как бесцельную провокацию по отношению к Соединенным Штатам. Ллойд-Джордж называет это соглашение «пагубнейшим событием» в истории внешней политики Англии со времени войны. Соед. Штаты отвергли в резкой ноте обращенное к ним предложение также присоединиться к этому соглашению, в виду чего, согласно официальному толкованию это соглашение не вступило в силу и между Англией и Францией [2]). Противоречие между Соед. Штатами и Англией остается и является более острым, чем когда-либо [3]). Не подлежит сомнению, что «большая судостроительная программа», проведение которой было весной отложено, будет внесена для обсуждения в американский сенат в ближайшую его сессию.

По сравнению с основным конфликтом, заключающимся в требовании применить к Америке принцип «открытой двери» в английской империи, который подорвал бы английскую колониальную мощь, бледнеют все прочие конфликты, как например, борьба Америки с английской монополией сырья, соперничество между фунт. стерлингов и долларом, являющимся мировой валютой и т. д., о которых так много пишется в печати. Борьба идет за господство над всем капиталистическим миром! Само собой разумеется, что это обострение не должно непременно привести непосредственно к войне между этими обеими мировыми державами. По всей вероятности, их отношения временно еще улучшатся, и, может быть, они придут к новому соглашению о сокращении морских вооружений. Английская буржуазия слишком многим рискует в данном случае, и она будет стараться, чтобы решительная борьба наступила по возможности позже.

Обострение отношений между Соед. Штатами, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой, значительно затруднит урегулирование репарационного вопроса в смысле снижения репарационных платежей Германии. Англия, Франция и Италия всегда стремились к аннулированию американских долговых требований по отношению к ним, считая это предпосылкой для снижения их репарационных требований по отношению к Германии. Эти притязания правительство Соед. Штатов из года в год постоянно отвергало с упорной последовательностью [4]). Соед. Штаты значительно снижали долг некоторых стран, как например, Италии, при его консолидации, но крепко держались за свои права кредитора. Правда, и теперь раздаются в Америке некоторые голоса за аннулирование долгов, но официальная политика Соед. Штатов, без сомнения, не откажется от своей непреклонной позиции в во-

[1]) Цитировано из «Таймс» от 22 сентября.

[2]) Полный текст соглашения до сих пор официально не опубликован. Представитель прессы Херста в Париже, доставший это письмо Бертело, выслан из Франции, несмотря на интервенцию правительства Соед. Штатов.

[3]) Мы не думаем, что во французско-английском соглашении имеет место «ошибка» английской дипломатии и что по протесту Соед. Штатов она действительно аннулировала соглашение. Она, без сомнения, предвидела протест, но у нее не было другого средства добиться свободы действия на мировой политической арене, кроме заключения соглашения с Францией.

[4]) Уже в своей ответной ноте Англии (1923 г.), в которой Соед. Штаты сообщают о своем согласии принять участие в обсуждении репарационной проблемы (план Дауэса), они ставят условием переговоров требование не касаться вопроса о межсоюзных долгах: «Платежеспособность Германии,—говорится в ноте,—совершенно не зависит от какого-либо долга нам со стороны кого-либо из союзников. Этот долг не уменьшает платежеспособность Германии, а его аннулирование не увеличило бы ее». Соед. Штаты до сих пор неуклонно придерживаются этой точки зрения.

просе межсоюзных долгов после того, как Франция и Англия заключили морское соглашение и Франция отказывается ратифицировать заключенное ею с Америкой соглашение о консолидации ее долга. Это—главное затруднение, на которое в ближайшее время натолкнутся начинающиеся новые переговоры о репарациях.

Ж. Франко-германское противоречие.

Разгром Германии в мировой войне, конечно, не устранил франко-германского противоречия. Победители не нашли успокоения в своей победе. Если Германия и была побеждена, то германский народ все же численностью вдвое превосходит французский. Еще хуже то, что немцы размножаются быстро, а французы медленно. Мысль о том, что рано или поздно придется вновь воевать, не дает покоя французским патриотам. Этот страх нашел свое выражение в знаменитых словах Клемансо: «на свете живет лишних 20 млн. германцев».

Политика французской буржуазии сводилась главным образом к тому, чтобы помешать политическому об'единению германского народа. В связи с этим запрещено присоединение Австрии к Германии, оторвана от Германии Верхняя Силезия и т. д. Но все это казалось французским шовинистам недостаточным. Их план заключался в 1922—23 г. в том, чтобы совершенно разбить Германию на части, навсегда занять Лево-Рейнскую область, отделить от Германии правое побережье Рейна и Рурскую область, превратив их в «самостоятельное» буферное государство, и отделить Южную Германию от Пруссии. Короче говоря, восстановить то политическое положение, которое было до 1870 г. перед об'единением Германии. Оккупация Рура преследовала главным образом эту цель. Во-вторых, Франция старалась взвалить на Германию, по возможности, более крупные репарации. (Мы уже указывали, что это стремление, выразившееся во включении пенсии в репарации, в конце концов, повредило интересам Франции). Поэтому Пуанкаре так решительно (следуя в этом всецело Ллойд-Джорджу) выступил против определения платежной способности Германии в период инфляции и энергично отклонил предложенный Бальфуром в конце 1922 г. план быстрой ликвидации репарационных долгов. Он тогда заявил:

> «Английская программа является совершенно иллюзорной. Еще резче обнаруживается ее опасный характер, если мы присмотримся к тем облегчениям, которые она предоставляет Германии для того, чтобы она весьма быстро смогла освободиться от долга, который ей и без того легко уплатить.
>
> В настоящее время Германия не имеет никаких внешних долгов. Вследствие падения марки она пропорционально уменьшила свои внутренние долги, так что они равны всего лишь нескольким миллионам золотых марок и будут равны нулю в случае дальнейшего падения германской валюты. Если у Германии тогда останется единственный долг, т.-е. обязательство платить репарации, и если этот долг будет снижен приблизительно до 20 миллиардов, благодаря предусмотренной британским планом системе дисконтирования, т.-е. будет равен сумме, которая может быть амортизирована в течение 15 лет, и будет меньше трети французских государственных долгов, то Германия была бы через несколько лет единственной страной в Европе, не обремененной внешними долгами; с ее увеличивающимся населением и нетронутой промышленностью, которая не переставала бы извлекать выгоды из этого исключительного положения, с ее нетронутыми природными богатствами в форме угля, леса и калия, она превратилась бы в хозяина Европы (le maître de l'Europe), в то время как Франция, население которой вдвое меньше населения Германии, принуждена была бы все время нести колоссальное бремя по восстановлению разрушенных областей.
>
> Германская гегемония над Европой, которую война должна была уничтожить, была бы, таким образом, восстановлена и консолидирована союзниками».

Здесь прекрасно выражено мнение решающей части французской буржуазии.

В-третьих, французская политика стремилась закрепить за французской тяжелой промышленностью германские угольные области [1]). Об'единение французской руды с германским углем под французским контролем, должно было не только ослабить Германию, но и обеспечить французской тяжелой промышленности превосходство над английской [2]).

В-четвертых, Франция стремилась к тому, чтобы оккупация германских областей затянулась, по возможности, на более продолжительное время.

Давление Англии и Америки помешало французской политике добиться этих целей. Америка хотела создать условия, гарантирующие неприкосновенность капиталов, которые она предполагала инвестировать в Германии, а Англия не хотела позволить Франции установить свою гегемонию над континентальной Европой. План Дауэса является попыткой примирить все эти противоречивые интересы. Из всех целей французской антигерманской политики осуществилась лишь оккупация, предусмотренная Версальским договором.

После вступления в действие плана Дауэса франко-германские отношения изменились во многом. Германское хозяйство окрепло благодаря американской помощи. Германская железоделательная промышленность была вновь восстановлена, несмотря на потерю лотарингской руды, и, несмотря на территориальные потери, размер германской продукции поднялся до довоенного уровня. Об'единение западно-европейской железоделательной промышленности действительно состоялось, но не под французской гегемонией, а в виде международного картеля. Вместо недостатка в угле, поставившего французскую тяжелую промышленность в зависимость от рурского угля, вспыхнул международный угольный кризис. Тесное об'единение германского капитала с французским состоялось не только в тяжелой промышленности, но и в химической, а в последнее время и на денежном рынке. Одновременно с этим Франция нашла пути и средства для того, чтобы широко использовать германские репарации в виде натуральных поставок в общественных работах и строительстве своего производственного аппарата. В соответствии с этим изменились политические отношения и методы. Германию заманили в Лигу Наций. В Локарнском пакте ее заставили обещать никогда не пытаться изменить свою западную границу вооруженной силой. Ей обещали очистить Рейнскую область еще до срока, предусмотренного мирным договором (знаменитый «дух Туари и Локарно»), но это обещание до сих пор не выполнено. Фактически Германию постепенно шаг за шагом вовлекали в «западную ориентацию», не дав ей в обмен ничего конкретного до сих пор!

Но за это время окрепло и французское народное хозяйство. Франция смогла стабилизовать свою валюту, не прибегая к новым американским займам, и это обстоятельство значительно укрепило позицию Франции по отношению к Соед. Штатам и позволило в экономическом отношении саботировать ратификацию франко-германского соглашения о долгах. Избыток капиталов также позволяет Франции, по урегулировании репарационного

---

[1]) Напомним о том, что в первые пять послевоенных лет в Европе ощущался сильный недостаток в угле и вопрос о снабжении углем был серьезной проблемой для тяжелой промышленности.

[2]) См. соответствующие номера «Usine» и «Bulletin Quotidien», органов французской тяжелой промышленности.

вопроса, сделать Германию независимой от американского денежного рынка. Это важно для попытки создания всеоб'емлющего антиамериканского и антисоветского европейского блока. Вместо непосредственного грубого подчинения Германии под властью Франции выступают на сцену более тонкие и сложные методы.

3. Попытка „европейского“ разрешения репарационного вопроса.

Те условия, при которых новая комиссия экспертов приступает теперь к расследованию репарационной проблемы с целью «полного и окончательного» ее урегулирования, значительно отличаются от условий, царивших в то время, когда работала комиссия Дауэса.

Тогда Германия была окончательно ослаблена в экономическом и социальном отношении вследствие рурской оккупации и инфляции. Она только недавно вышла из остро-революционной ситуации и находилась под серьезной угрозой пролетарской революции. Иностранные займы должны были ее сначала в экономическом отношении оздоровить для того, чтобы она получила способность вносить репарационные платежи. С другой стороны, находясь под покровительством всех капиталистических стран, она должна была в интересах капиталистического строя быть защищена от повторения остро-революционной ситуации. Кроме того, она пользовалась особым покровительством обеих англо-саксонских держав, защищавших ее от стремлений Франции ее разделить. Германия была тогда страной, восстановления которой на капиталистической основе желали, но вместе с тем и боялись, как будущей конкурентки.

В результате мы имеем план Дауэса, который должен защитить германскую буржуазию от пролетарской революции [1]) путем недопущения новой инфляции, предоставления займа в целях стабилизации валюты и путем предоставления Германии так называемой трансфертной защиты (в целях сохранения устойчивости германской валюты); план Дауэса, который защищает германскую территорию от дальнейших нападений Франции, создает условия, обеспечивающие неприкосновенность американского капитала, инвестируемого в Германии, но одновременно с этим настолько обременяет германскую промышленность, германские ж. д. и бюджет, что финансовые выгоды, полученные государством от инфляции, сводятся на-нет и налоговое бремя в Германии устанавливается на одном уровне с налогами, взимаемыми в победивших странах. План Дауэса, наконец, не рассеивает иллюзий французов насчет размеров репараций, так как он не установил ни общей суммы долга, ни числа ежегодных платежей и, введя «индекс благосостояния», он позволяет надеяться на повышение платежей Германии.

---

[1]) В программной речи, произнесенной 2 августа 1924 г., премьер Болдуин сказал:

«Имеются еще другие противники плана Дауэса. Имеются еще другие противники предоставления займа Германии. Есть противники оживления германской торговли и промышленности. На этих противников еще не указали, хотя они имеют большое значение. Кто же эти противники? Противниками плана Дауэса являются коммунисты. Два дня назад я читал длинное сообщение в газетах о коммунистическом собрании. Собрание выдвинуло целый ряд возражений против выполнения плана Дауэса, о котором было сказано, что он превратит Германию в государство рабов. А почему английские коммунисты против этого? Потому что они получают свои приказы из Москвы. А почему Москва против этого? Потому что Москва еще не отказалась от своего идеала. Москва знает, что успокоенная и довольная Германия закроет путь для всех коммунистических стремлений. Москва знает, что нечего бояться Германии в ее теперешнем состоянии. Господа! Западная Европа сохранила свою цивилизацию, и наш долг сделать все для того, чтобы ее защитить. Барьер западно-европейской цивилизации (т.-е. Германия) должен быть сделан крепким и солидным для того, чтобы дать отпор всем революционным наступлениям, могущим притти с Востока, и для достижения этой цели нет лучшего и вернейшего средства, чем выполнение плана Дауэса».

План Дауэса выполнил свою задачу. Он защитил до сих пор Германию от новой остро-революционной ситуации и инфляции, создал возможность притока иностранного капитала в Германию и позволил последней внести союзникам крупные репарационные платежи. Нужно признать, что план Дауэса разрешил, как и ожидали, поставленную перед ним ограниченную задачу.

К чему же в таком случае нужен его пересмотр?

Если Германия настаивает на урегулировании вопроса, то это естественно. Германская буржуазия хотела бы, чтобы репарационный вопрос был окончательно разрешен для того, чтобы она могла свободно работать над ликвидацией этого, по возможности, облегченного долгового бремени. Если Америка выступает за пересмотр [1]), то и это понятно. Ее капиталы, инвестированные в Германии, будут гораздо более обеспечены, если репарационный вопрос будет окончательно урегулирован; чем легче будет репарационное бремя, тем выгодней для Америки вывозить свой капитал в Германию.

Что, однако, заставило Англию и Францию начать новую дискуссию по поводу репарационного вопроса? Известно, ведь, что год назад Англия ответила ледяным молчанием на предложение Паркера Гильберта окончательно урегулировать вопрос о репарационных платежах.

Эта перемена является результатом обострения англо-американского противоречия.

Несмотря на все скрещивающиеся тенденции и всевозможные колебания, ясно, что среди капиталистических держав готовится образование новых блоков С одной стороны, Англия со своими колониями, Франция с Малой Антантой и Япония—англо-французский блок. С другой стороны,— Соед. Штаты со своими колониями и полуколониями и более или менее тесно примыкающие к ним Германия и Китай. (Италия и некоторые мелкие европейские государства еще не заняли определенной позиции).

Согласие Англии и Франции на пересмотр репараций об'ясняется следующим образом:

1) желанием удержать Германию от американской ориентации и привлечь ее к общему европейскому фронту против Америки и Советского Союза;

2) Франция знает, что вся система репараций и межсоюзных долгов рушится в ближайшую мировую войну, которая, по всей видимости, уже не особенно далека. Она поэтому стремится немедленно получить от Германии больше, чем она получила бы при нормальном действии плана Дауэса, так как возможности трансферта не вполне выяснены, и, наконец, она боится, что агент по репарациям пожелает создать в сотрудничестве с германским правительством препятствия для трансферта;

3) связав репарационный вопрос с вопросом межсоюзных долгов, Англия и Франция хотят, в случае безрезультатности переговоров, взвалить ответственность на Америку и таким образом испортить отношения между Соед. Штатами и Германией. Весьма возможно, что Англия и Франция вообще не думают всерьез о пересмотре плана Дауэса и хотят иметь лишь предлог для продолжения оккупации второй зоны, надеясь вместе с тем восстановить Германию против Америки.

Каковы намерения обеих сторон?

---

[1]) Год назад агент по репарациям, американец Паркер Гильберт, впервые открыто заявил в своем ежегодном отчете о необходимости окончательного урегулирования репарационного вопроса и в особенности о необходимости отмены пункта о трансферте, так как он освобождает германское правительство от ответственности за его финансовую политику.

Желания германской буржуазии можно формулировать следующим образом [1]):

Окончательное установление репарационной суммы или размера ежегодных платежей и продолжительности их уплаты.

Отмена индекса благосостояния.

Снижение установленного в плане Дауэса ежегодного платежа в 2½ миллиарда.

Полный или частичный мораториум для ближайших лет.

Никакого частичного разрешения или частичной мобилизации какой-либо суммы.

Моральным обоснованием этих требований является в первую очередь утверждение германской буржуазии, что фактические издержки Франции по восстановлению разрушенных областей — за вычетом несправедливо насчитанных пенсий — равны 86 миллиард. бумажных франков (при чем, как доказал Кейнс, людям со связями давали гораздо больше того ущерба, который они понесли, так как думали, что это идет за счет Германии). По курсу того времени это равнялось бы, по расчетам Ода, 31 миллиарду зол. марок, а по теперешнему курсу франка—14 миллиард. золотых марок. К этой сумме остается еще прибавить возмещение Бельгии за весь нанесенный ей фактический ущерб.

Германцы, по всей вероятности, будут утверждать, что план Дауэса установил, хотя и косвенным образом, 37-летний срок для внесения ежегодных платежей. Это мнение основывается на том факте, что план Дауэса предусматривает ежегодную 1%-ную амортизацию железнодорожных и промышленных облигаций, благодаря которой долг, действительно, покрывается в 37 лет. С юридической точки зрения, это мнение кажется нам спорным, но это в сущности совершенно не важно. Не моральная и не юридическая точка зрения решат результат переговоров, а исключительно те материальные аргументы, которые обе стороны смогут бросить на чашу весов.

Что может Германия предложить?

а) Отказ от пункта о трансферте, т.-е. принятие на себя обязательства во что бы то ни стало заботиться о переводе репараций;

б) немедленную мобилизацию, частичную или полную, железнодорожных и промышленных облигаций; это было бы особенно важно для Франции, которая в случае, если соглашение о долгах не будет ратифицировано, должна в будущем году уплатить Соед. Штатам 400 млн. долларов за оставленное в стране военное имущество;

в) свое политическое присоединение к англо-франко-японскому блоку.

Мы полагаем, что последний момент является наиболее важным. Если Германия в значительной мере и обезоружена, то все же благодаря своей мощной промышленности, своим кадрам рейхсвера и своему центральному положению в Европе, она имеет огромное стратегическое значение как в отношении Советского Союза, так и в случае англо-американской войны [2]).

[1]) См., напр., серию статей, напечатанных в начале октября 1928 г. в «Берзен-Курьер».

[2]) Трудно себе пока представить поле битвы между Соед. Штатами и Англией. Англия вряд ли сможет с успехом напасть на территорию Соед. Штатов, даже если она разобьет американский флот. Трудно себе представить, чтобы можно было прислать из Европы подкрепления для десанта. С другой стороны, и Америка вряд ли могла бы непосредственно напасть на Англию, если бы она даже разбила английский флот. Ей нужен был бы в данном случае союзник в Европе, который имел бы выход к Немецкому морю. В этом заключается стратегическое значение Германии в англо-американской войне. Хотя эта война будет, без сомнения, вестись и в колониях, она вряд ли будет там решена: может быть, в пользу Америки, но ни в каком случае не в пользу Англии!

Что могут Англия и Франция предложить Германии в репарационном вопросе?

Насколько можно судить по газетным сообщениям, минимальное требование по отношению к Германии заключается в уплате всех тех ежегодных взносов, которые союзники должны платить Америке, а равно и процентов за те суммы, которые Франция и Бельгия фактически издержали на цели восстановления своих разрушенных областей.

Чему равняется эта сумма?

Состояние межсоюзных долгов таково (в миллионах долларов):

	Консолидированные долги.	Сумма предусмотренных платежей на 62 г.	Теперешняя ценность платежей исходя из $4^1/_2$%	Процент первоначального долга.	Максимальный ежегодный платеж.
Англия	4 600	11 106	3.793	82%	187
Франция	4 025	6.848	2.008	50%	125
Италия	2.042	2.408	538	26%	81
Бельгия	418	728	226	54%	13
Вместе с меньшими государствами.	11.522	22.144	6.890	60%	418

Если мы не будем считать долгов некоторых более мелких государств, ничего общего не имеющих с репарациями, то теперешняя ценность всех межсоюзных долгов превышает 29 миллиардов марок. Сюда следует прибавить действительные издержки Франции и Англии по восстановлению нанесенного им ущерба, по расчетам Ода, 26 миллиардов золотых марок для Франции и 5—10 миллиардов для Бельгии. В общем свыше 50 миллиардов золотых марок, т.-е. по существу столько, сколько и в плане Дауэса, скорее даже больше, чем меньше.

Или же прибавим к общей сумме ежегодных платежей Англии, Франции, Бельгии и Италии Америке, равной 1.700 млн. зол. марок, «священное требование» Франции, заключающееся в обязательстве Германии взять на себя оплату процентов по займам, заключенным в целях восстановления разрушенных областей. Здесь идет дело о 86 миллиардах бумажных франков, что при теперешнем курсе франка (6,08 франка равняются одной золотой марке) равно 14 миллиардам марок. Считая 5% плюс 1% амортизации, мы получаем годовой платеж в 840 млн. марок, всего 2.546 млн. золотых марок, т.-е. немного больше, чем предусмотрено планом Дауэса.

Мы видим, таким образом, что Англия и Франция могут предложить очень немного Германии за ее отказ от пункта о трансферте; даже, если Франция согласится пожертвовать половиной своего требования о возмещении ее расходов по восстановлению страны, то мы имели бы вместо 2.500 млн. — 2.120 млн. Так как совершенно очевидно, что в виду обострения англо-американских отношений можно еще меньше рассчитывать на то, что Соед. Штаты согласятся пойти на новые уступки в отношении межсоюзных долгов, то из этого следует, что способность маневрирования у союзников весьма ограничена. Единственным получателем репараций все-таки остаются Соед. Штаты, как бы Черчилль ни был прав в своем моральном негодовании, когда он 24 марта 1926 года заявил:

«Мне кажется, что в конце-концов создастся совершенно чрезвычайное положение и 60% германских репараций, выжатых из разрушенных и разбитых войною стран Европы, потекут по всем этим извилистым каналам непрерывным потоком через океан в богатую, цветущую республику».

Что могут союзники предложить Германии в политическом отношении?

1) Эвакуацию Рейнской области. Грубая речь, в которой Бриан резко отклонил в Женеве мнение Мюллера о том, что Германия завоевала «право» на досрочную эвакуацию, призвана, повидимому, поднять цену этой уступки при новых репарационных переговорах. Он хотел дать Германии понять, что Соед. Штаты, хотя и сильны, но далеки и что Франция все еще может поднести нож к горлу Германии.

2) Присоединение Австрии к Германии.

3) Возвращение Данцигского коридора и, возможно, частей Верхней Силезии. Эта последняя возможность особенно важна для Советского Союза. Трудно себе представить войну с Советским Союзом без, хотя бы благожелательного, нейтралитета Германии. Этот нейтралитет может быть куплен исключительно за счет Польши, которая должна будет получить компенсацию в виде завоевания Белоруссии и Украины. Старая мечта Пилсудского о «федеративной» великой Польше играет, без сомнения, крупную роль в плане Англии и Франции.

С другой стороны, ясно, что французская буржуазия, справедливо опасающаяся будущей войны-реванша, должна относиться с величайшим опасением к присоединению Австрии к Германии и к возвращению последней коридора. Здесь интересы Англии и Франции резко расходятся. Англии не приходится непосредственно опасаться Германии, и она хотела бы поднять все и всех против Советского Союза. Франция же не имеет никаких особых конфликтов с Советским Союзом, и она имеет достаточно оснований бояться Германии.

Мы видим, таким образом, что начинающиеся теперь переговоры отнюдь не являются переговорами об одном лишь размере сумм, которые Германия должна платить. Дело идет о разрешении европейского вопроса, об об'единении европейских держав в одном блоке, направленном против СССР и Соед. Штатов. Сомнительно, удастся ли западным державам окончательно вовлечь Германию в западную ориентацию, сомнительно, склонна ли будет Германия отказаться от своей относительно свободной позиции между западными державами, Соединенными Штатами и Советским Союзом. Так или иначе здесь дело идет о высшей степени важных вопросах, и революционный пролетариат всех стран должен отнестись с величайшим вниманием к предстоящим переговорам [1]), хотя мы полагаем, что в ближайшее время они не приведут к позитивному результату и план Дауэса еще будет оставаться в действии без изменений в течение некоторого времени.

---

[1]) Если английские консерваторы потерпят поражение на предстоящих выборах, то, возможно, наступит вновь короткий период пацифизма, но это ничего не изменит в общей линии политики английской буржуазии.

П. Шубин.

Экспорт капитала и колониальная монополия [1]).

Колониальный вопрос был одним из центральных на VI конгрессе. Ему был посвящен специальный пункт повестки дня—«О революционном движении в колониях» (с двумя основными докладами, с несколькими содокладами по отдельным странам, с обширной дискуссией). При обсуждении других пунктов повестки (по программе, по общему политическому докладу, по борьбе с войной) был попутно поставлен и резрешен ряд принципиальных тактических и организационных вопросов о работе в колониях, полуколониях и зависимых странах. Такая концентрация внимания, разумеется, не случайна. Можно сказать, что не без известного нажима событий колониальный вопрос завоевал себе, наконец, более или менее соответствующее его значению место во внимании секций империалистических стран.

Первая волна национально-революционного движения, созревшая в обстановке империалистической войны и развязанная влиянием и примером Октябрьской революции, была повсюду потоплена империалистической буржуазией в крови и почти повсюду предана туземной буржуазией. Не разрешив своих основных задач, национальная революция в одних странах была отброшена назад, к довоенным формам империалистической кабалы, в других — пошла по кемалистскому пути, по пути соглашения туземной буржуазии с империализмом за спиной трудящихся масс и за их счет. Мы накануне, или, вернее, уже в начале нового тура колониальных восстаний и войн, при новом распределении классовых сил, при учете обоими противниками (империализмом и туземной реакцией, с одной стороны, рабочими и крестьянами, с другой) опыта предшествующей борьбы. Китайская революция в нынешней стадии знаменует уже начало этого нового тура; характер подымающейся волны в Индии дает основание ожидать дальнейшего расширения этого тура в ближайшем же будущем.

Революционное движение в колониях повелительно требует ответа на ряд практических вопросов обостряющейся борьбы. Вместе с тем выдвигается задача просмотреть на основании данных послевоенного периода основные положения, характеризующие империалистический гнет в колониях. Ниже мы останавливаемся только на одной стороне этого вопроса: на соотношении между экспортом капитала в колонии и сохранением и даже усилением их политической и экономической зависимости от империализма.

Отрыв политики империализма от его экономики.

То, что теория деколонизации «в чистом виде» об'ективно стирает различие между метрополией и колонией и смягчает непримиримость между угнетающими и угнетенными странами, вряд ли нужно здесь доказывать. Но повинны ли в этой роковой ошибке также и те, кто говорят о «поли-

---

[1]) Статья была доставлена в редакцию сейчас же после окончания VI конгресса Коминтерна и печатается с опозданием по техническим причинам.

тике империализма, направленной на индустриализацию колоний»? Как известно, некоторые товарищи отвечают на этот вопрос отрицательно и при этом ссылаются на документы, где термин «индустриализация» по отношению к развитию колоний употребляется в таком контексте и в таком смысле, что он не вызывает и не должен вызывать сомнений. Спор, разумеется, идет не о словах. Формула «политика индустриализации»—сама по себе плохая формула и влечет за собою путаницу и неясность. Но дело даже не в ней, а в том уже безусловно ошибочном содержании, которое вкладывали в нее некоторые товарищи.

> «Ленин в своей книге об «Империализме» именно указывал на значение в эру финансового капитала размещения капитала в колониях в погоне за более высокой прибылью. Это влечет за собой процесс индустриализации колоний и их превращение в серьезных конкурентов и в конечном счете в источники застоя и распада промышленности метрополии, классическим примером чего служит Великобритания...» (Ротштейн).

> «Я должен сказать, что если некоторые коммунисты употребляли этот термин (деколонизации), то исключительно с целью подчеркнуть индустриализацию Индии, и я также готов лучше говорить о деколонизации, чем описывать Индию, как деревню Британской Империи» (Беннет) [1].

Будем считать, что слова тов. Беннета о «готовности лучше говорить о деколонизации» это только ораторский прием, долженствующий подчеркнуть всю глубину протеста, вызванного «описанием Индии, как деревни Британской Империи». Но уже никак нельзя считать ораторским приемом указание на то, что политика империализма может превратить колонии в хозяйственные единицы, настолько независимые от метрополии, чтобы в порядке «серьезной конкуренции» (даже не потому, что государство-рантье определяет соответствующее «разделение труда» между собой и колонией) подорвать промышленность метрополии. Но успех такой конкуренции—не в одной какой-нибудь области, а во всем хозяйстве колонии,—повел бы действительно к экономической деколонизации, т.-е. к освобождению от экономического гнета империализма, притом в максимально возможном масштабе для зависимых стран вообще, не говоря уже об Индии, находящейся в состоянии полного колониального рабства. С этой точки зрения вполне понятно признание, что товарищи, говорящие о деколонизации, готовы подменить ее «исключительной индустриализацией», ибо в таком понимании, как у тов. Ротштейна, индустриализация и есть деколонизация.

Чтобы на этот счет уже не могло быть никаких сомнений, тов. Беннет в статье, помещенной в «Коммунистическом Интернационале», уже после принятия конгрессом тезисов, заявляет, что «экспорт капитала в корне видоизменяет взаимоотношения между метрополиями и колониями». Но «корень» взаимоотношения между метрополиями и колониями состоит в колониальной монополии и порабощении. Если экспорт капитала меняет эти взаимоотношения, да еще в корне, у него, действительно, нет другого выхода, как «деколонизировать». Если бы это утверждение было верно, то экспорт английского капитала «деколонизировал» бы не только Индию, куда он просачивается сейчас по общему признанию, с большими перебоями, а Судан, Уганду и другие тропические колонии, куда он устремляется широким (жадным на еще не захваченные источники сырья!) потоком; если бы оно было верно, то экспорт капитала Соединенных Штатов уже должен был бы деколонизировать Кубу (потому что из 5 миллиардов долларов, помещенных Вашингтоном во всей Центральной и Южной Америке,

[1]) «Правда» № от 25/VIII.

полтора миллиарда, т.-е. около $1/3$ приходится на Кубу с населением в 4 миллиона); если бы оно было верно, то, наконец, заранее обеспечена автоматическая деколонизация и Никарагуа, потому что, завоевав ее и превратив в колонию, американский империализм бросит туда в ближайшие же годы громадные капиталы для осуществления давно уже лелеемых планов о постройке нового (несравненно более мощного, чем Панамский) канала, между Атлантическим и Тихим океанами. Делая такую «вселенскую смазь» всему колониальному могуществу империалистов, тов. Беннет ссылается... на т. Ленина, цитируя слова, что при империализме «капиталистическое производство все более и более ускоренно пересаживается в колонии». Но, если бы тов. Беннет дочитал приводимую им цитату до конца (т. XIX, стр. 196), он бы легко убедился, что, по Ленину, финансовый капитал не «изменяет в корне взаимоотношения между метрополией и колонией», превращая их в отношения «серьезной конкуренции» и «деколонизации», а, наоборот, укрепляет, углубляет и расширяет эти «взаимоотношения» колониального подчинения и порабощения как в области политики, так и в области экономики. Ибо сейчас же вслед за указанием на «пересаживание», Ленин пишет:

> «Вырвать их (колонии. *П. Ш.)* из зависимости от европейского финансового капитала нельзя. С военной точки зрения, как и с точки зрения экспансии (расширения), отделение колоний осуществимо, по общему правилу, лишь социализмом, а при капитализме—или в виде исключения, или ценой ряда революций и восстаний как в колонии, так и в метрополии».

Тов. Ленин, как известно, приводил эти соображения («Итоги дискуссии о самоопределении») против точки зрения польских товарищей, выставлявших лозунг «прочь из колоний», но считавших неосуществимым требование борьбы «за самоопределение наций» для Европы. Ленину важно было раз'яснить, что «требование немедленного освобождения колоний так же «неосуществимо» (т.-е. неосуществимо без ряда революций и непрочно без социализма) при капитализме, как и самоопределение наций вообще». Стало быть указывая, что экспорт капитала втягивает колонии в капиталистическое производство, он хочет об'яснить, почему в результате этого зависимость колоний от финансового капитала усиливается, почему задача освобождения колоний не менее трудна, требует не менее высоких форм массовой революционной борьбы, чем самоопределение наций вообще. Мы увидим ниже, что это не единственный случай, когда тов. Беннет, ссылаясь на цитаты, делает из них выводы, не совпадающие, а иногда и противоположные тому, что действительно писал Ленин.

Если бы т. Беннет распространил свое внимание и на следующую (197) страницу, то он увидел бы, почему вообще нельзя ставить знака тождества между различными формами и условиями проникновения экспортированного капитала, в частности (и в особенности) нельзя не учитывать специфичности этих форм и условий в колониях.

> «В Европе у зависимых наций есть и свой (курс. под.) капитал и легкая возможность на разнообразнейших условиях добыть его. В колониях своего капитала нет или почти нет, добывать его иначе как на условиях политического подчинения (разр. моя), в обстановке финансового капитала колония не может».

Перед нами, таким образом, указание на различие между экономической аннексией, к которой в конечном счете приводит экспортированный капитал во всех случаях, и тем специфическим результатом политического подчинения, т.-е. усиления политической аннексии, который он неизбежно имеет в колониях и может иметь в тех странах, ко-

торые развиваются по пути превращения в колонии. Но прежде, чем подробнее остановиться на этом вопросе, следует рассмотреть (именно в «корне»!) основную теоретическую ошибку «индустриализоторов», результатом которой является и недооценка значения сырьевой проблемы в общей системе финансовой эксплоатации, и смешение форм политической и экономической аннексии, и, наконец, упорное нежелание продумать категорическое указание т. Ленина, что «самой важной, основной идеей тезисов (написанных им по колониальному вопросу) является различие между угнетенными и угнетающими народами».

Но,—говорят тов. «индустриализаторы»,—мы совершенно не утверждаем, что индустриализация ослабляет политическую зависимость колоний от метрополии, мы не стираем различия между колониями и метрополиями. И так как упреки в «стирании различия» они понимают в том смысле, что имеются в виду исключительно политические различия, то их контраргументация идет в свою очередь по этому одному направлению. Основная линия их защиты сводится, таким образом, к следующему: мы говорим только об экономической стороне и экономических последствиях процесса индустриализации в колониях, политическая же кабала колоний и по нашему мнению сохраняет свою силу. Или другими словами: колонии превращаются в серьезных одерживающих победу конкурентов империалистических стран только в области экономики; в области же политики они остаются попрежнему об'ектами гнета, уничтожение которого возможно лишь в результате революций, восстаний и т. д. Эта аргументация имеет свою хорошую сторону в двух отношениях: 1) она свидетельствует о суб'ективной революционности наших «индустриализаторов» и в этом их принципиальное отличие от «деколонизаторов»-оппортунистов (отличие, которое в свою очередь ни в коем случае нельзя ни смазывать, ни преуменьшать!); 2) в то же время приводит она нас прямо к основному источнику ошибки этой теории. Она состоит в отрыве политики империализма от его экономики в отрыве монополии в политике от монополии в экономике. Этот «отрыв» дело не новое: как известно, он лежит в основе всех теорий ультра-империализма (прежде всего у Каутского, но не только у него...).

> «Империализм есть стремление к аннексиям—вот к чему сводится политическая (везде разрядка подлинника) часть определения Каутского. Она верна, но крайне не полна, ибо политически империализм есть вообще стремление к насилию и реакции. Нас занимает здесь, однако, экономическая сторона дела, которую внес в свое определение Каутский». (Ленин, т. XIII, стр. 307).

В результате каутскианского определения империализма «выходило, что монополии в экономике совместимы с не монополистическим, не насильственным, не захватным образом действий в политике». У наших «деколонизаторов» выходит формально обратное, но по существу то же самое: у них монополия в политике оказывается совместимой с не монополистическим, не насильственным, не захватным образом действий в экономике, ибо только в этом случае политическая монополия могла бы не препятствовать экономической деколонизации. И здесь и там—и в старой аргументации и в новой—один и тот же отрыв, который не может не привести к затушевыванию наиболее глубоких противоречий империализма.

Вряд ли надо еще напоминать, что в подчеркивании различия между угнетенными и угнетающими народами Ленин видел вородаздел, отделяющий наши позиции от позиций буржуазии и социал-соглашателей в колониальном вопросе. Но в этом предостережении т. Ленина особенно поучительно то

ударение, которое он делает в своей аргументации на учете именно экономических фактов.

> «... Что является самой важной, основной идеей наших тезисов? Различие между угнетенными и угнетающими народами. Мы подчеркиваем это различие—в противоположность II Интернационалу и буржуазной демократии. Для пролетариата и Коммунистического Интернационала особенно важно в эпоху империализма констатировать конкретные экономические факты (разр. моя) и при решении всех колониальных и национальных вопросов исходить не из абстрактных положений, а из явлений конкретной действительности» (т. XIX, стр. 242).

Учитывал ли т. Ленин, подчеркивая, что конкретные экономические факты лежат в основе различия между угнетенными и угнетающими странами, такой исключительной важности экономический факт, как развитие капитализма, как пересаживание капиталистического производства в колонии? Достаточно только поставить этот вопрос, чтобы ответ был ясен сам собой. Не только после войны, когда нарастающий темп развития капитализма в колониях стал видим и для невооруженного глаза, но во время войны в ряде работ т. Ленин не только отмечает, но и описывает этот процесс указывает основную тенденцию его развития. Мало того. Как будто предвидя, не только какая категория экономических фактов может ввести в заблуждение, с какой колонией в первую очередь может быть связана ошибочная оценка этих фактов, Ленин в речи на II конгрессе говорит об Индии именно в этой связи. Возвращаясь снова к вопросу о «различии», он говорит:

> «Эта идея различия, разделения народов на угнетающих и угнетенных проходит через все тезисы, не только через первые, появившиеся с моей подписью и напечатанные ранее, но и через тезисы тов. Роя. Последние написаны главным образом с точки зрения положения Индии и других крупных народностей, угнетаемых Англией» (там же, стр. 243).

Но, может быть, II конгресс не был достаточно осведомлен о темпе развития капитализма в Индии, и потому Ленин мог ошибочно предполагать, что «различие», основанное на экономических фактах, сохраняет свою силу и по отношению к ней? Может быть, поэтому он не говорил ни о «деколонизации», ни о политике империализма индустриализировать колонии? Такое предположение было бы безусловно неверно. Правда, документальное изучение работ важнейшей комиссии II конгресса по колониальному вопросу (по свидетельству Ленина, «в комиссии велись довольно оживленные дебаты»...) не представляется пока возможным, так как до сих пор протоколы этой комиссии не возвращены в архив ИККИ. Но из краткой речи т. Роя на пленуме конгресса видно, что если он в своей информации развития капитализма в Индии в чем-либо погрешил, то во всяком случае не в сторону его преуменьшения.

> «Индустрия в Британской Индии в последние годы,—говорил т. Рой,—развивалась в очень быстром темпе, о чем здесь в Европе не имеют никакого представления. Представление о быстроте развития капиталистической системы в Британской Индии можно получить, если принять во внимание, что в то время, когда индустриальный пролетариат в Британской Индии увеличился на 15%, капитал, который вложен в британскую индустрию, увеличился на 2000%» [1]).

[1]) Стенографический отчет II конгр., стр. 143, нем. изд.

Итак, Ленин в речи по колониальному вопросу: 1) с исключительной настойчивостью подчеркивал момент различия между угнетенными и угнетающими народами; 2) указывал, что в основе этого различия лежат экономические факты и 3) что это основанное на экономике «различие» сохраняет полную силу и в отношении Индии с ее очень быстрым развитием промышленности.

Эти указания не могли предупредить того, чтобы через 8 лет некоторые товарищи как раз в момент заторможения развития капиталистического производства в Индии не поскользнулись «на эфтом самом месте». Но эти указания предупредили возможные вредные последствия ошибки, и она единогласно была ликвидирована VI конгрессом еще в теоретической стадии.

Не политика, а карикатура индустриализации.

Обосновывая деколонизацию т. Р. П. Дэт привел в свое время [1]) цитату из «Писем об Индии» Маркса («Железнодорожная система... поистине станет в Индии предвестницей современной индустрии»). Эта же цитата фигурирует сейчас и в аргументации «индустриализаторов». Но о чем говорит эта цитата? Об об'ективной тенденции развития капитализма в колониях. И хотя эта тенденция никем не оспаривается, но лишний раз напомнить слова Маркса, разумеется, не мешает. Беда, однако, в том, что от бесспорного положения, некоторые товарищи пытались перескочить на рельсы деколонизации, на утверждения т. Дэта, что «нынешнее промышленное развитие (Индии) составляет краеугольный камень политики британского правительства» (стр. 30) или что «руководящий орган британского империализма с циничным спокойствием предусматривает развитие Индии вплоть до ее превращения в доминион и считает, что это превращение ничуть не нарушит действительного империалистического контроля Британии над Индией,—контроля, который является капиталистическим» (стр. 45). Но ведь неверно все это: неверно то, что говорится о «краеугольном камне»; неверно то, что говорится о «доминионе», особенно же неверно то, что говорится о «капиталистическом контроле»; капиталистический контроль Англия может иметь (и имеет) над «независимой» Финляндией, Эстонией, Португалией, Польшей и т. д.; контроль же над Индией это особая, исключительная, монопольная форма капиталистического контроля, — контроль колониальный.

Каким же образом получается, что от бесспорно верной формулы Маркса т. Дэт и другие приходят к безусловно неверному выводу? Это получается, во-первых, потому, что они не замечают алгебраического характера марксовой формулы развития производительных сил в колониях, не хотят заметить этого, хотя Маркс подчеркивает этот алгебраический характер («во всяком случае мы с уверенностью можем ожидать в более или менее отдаленном будущем возрождения этой великой и интересной страны (Индии)»). Между тем, на VI конгрессе стоял не общий, для всех нас давно решенный, вопрос об об'ективном росте противоречий между развитием производительных сил в колониях и мертвящей оболочкой колониального гнета и о неизбежности разрешения этих противоречий крушением империализма. Конгресс должен был дать практическую директиву по вопросу о том, как, в какой форме об'единить сотни миллионов угнетенного человечества, уже втянутых в мировую историю, уже приведенных в революционное брожение против империализма, в один поток с революционной борьбой пролетариата. А для того, чтобы ответить на этот вопрос, надо дать конкретную оценку экономических фактов в колониях и полуколониях, надо в алгебраическую формулу Маркса подставить коэффициенты, соответствующие этим конкретным данным для нынешнего периода и для определенных стран.

[1]) «Вопросы индийской революции», стр. 17 и след. русского перевода.

Вносил ли Маркс в свою алгебраическую формулу в качестве коэффициента момент колониального гнета, при том в такой форме, что им учитывается и характер этого гнета и степень его? Безусловно, да. «Письма об Индии», если брать оттуда не отдельные цитаты, оторванные от общего смысла, а все их содержание, имеют целью показать, не только то, что английская промышленная олигархия, осуществляя грабеж Индии, вынуждена в то же время развивать производительные силы порабощенной колонии и «осуществлять прогресс, таща индивидуумы и народы сквозь грязь и кровь, сквозь бедствия и лишения», но и то, какие специфические уродливые карикатурные формы неизбежно принимает этот процесс в колониях, — формы, исключающие возможность развития самостоятельного хозяйственного организма в стране при сохранении политической аннексии ее.

С этой точки зрения в высшей степени поучительны те страницы «Капитала», где Маркс описывает процесс: 1) проникновения торгового капитала в колонии и полуколонии и 2) того противодействия, которое докапиталистические способы производства оказывают этому проникновению. При характеристике того влияния, которое оказывает степень и характер зависимости страны на формы проникновения торгового капитала и вызываемого им процесса разрушения докапиталистических отношений (в частности, общин), Маркс намечает три различных типа.

«Препятствия, которые ставят разлагающему влиянию торговли внутренняя устойчивость и строй докапиталистических национальных способов производства, поразительно обнаруживаются в сношениях англичан с Индией и Китаем... В Индии англичане, как властители и повелители земельной ренты немедленно применили свою непосредственную политическую и экономическую власть для того, чтобы разрушить эти маленькие экономические общины... Но даже здесь это дело разложения удается им лишь очень медленно. Еще меньше оно удается им в Китае, где непосредственная политическая власть не приходит на помощь. В противоположность английской русская торговля напротив оставляет незатронутой экономическую основу азиатского производства». (Маркс, т. III, стр. 318).

Чтобы получить картину процесса в его дальнейшем развитии, следует процитировать сделанное тут же Энгельсом примечание к абзацу о влиянии русской торговли (относящееся к 90 годам):

> «Это так же начинает изменяться с тех пор, как Россия делает судорожное усилие, чтобы развить собственное капиталистическое производство, рассчитанное исключительно на внутренний и на пограничный азиатский рынок».

Итак, торговый капитал повсюду влияет более или менее разлагающим образом на общину, всюду встречает сопротивление со стороны этих докапиталистических форм производства. Но вопрос о том, в каком темпе совершается это влияние, в каком темпе преодолевается устойчивость докапиталистических отношений, зависит от того, приходит ли на помощь торговому капиталу: 1) только экономическая власть, или 2) экономическая плюс непосредственно политическая власть, или 3) наоборот, борьба между торговлей и сопротивляющейся общиной ведется на более или менее равных началах Третий случай, представленный русской торговлей 60-х гг. имеет преходящий характер, так как «судорожные

усилия по развитию собственного капиталистического производства» начинают вооружать Россию экономической властью по отношению к пограничным азиатским рынкам. Эта экономическая власть в развернутом виде осуществляется Англией в Китае, стране, которая в тот период, когда Маркс писал III том, хотя была уже связана неравноправными договорами (начиная с Нанкинского трактата 1842 года в результате поражения в опиумной войне), но политически оставалась еще не подчиненной капиталистическим хищникам. Наконец, Индия, в которой экономические процессы направлялись Англией, опирающейся не только на экономическую, но и на непосредственно политическую власть, т.-е. на колониальную монополию. Здесь проникновение торгового капитала с большой быстротой преодолевало сопротивление национальных способов производства.

Но, если для торгового капитала следует различать три формы проникновения его: 1) в колонии, 2) полуколонии и 3) зависимые страны, то в еще большей степени следует сказать это о финансовом капитале, особенностью которого является господство монополистических союзов и форма деятельности которого, стало быть, в значительной степени зависит от характера, содержания и пределов этих монополий.

До сих пор мы цитировали то, что Маркс говорил о разрушительной работе английского капитала в Индии. Какой же характер носит его «созидательная» работа, т.-е. «закладывание материального фундамента западного общественного строя в Азии»? В «Письмах» говорится, что эта «созидательная работа англичан едва видна сквозь груды развалин... тем не менее она началась». В III томе Маркс в сжатой, но чрезвычайно содержательной форме характеризует основную черту созидательной работы капитализма именно в колонии.

> «Если история какого-нибудь народа и представляет ряд неудачных и действительно нелепых (на практике позорных) экономических экспериментов, так это хозяйничанье англичан в Индии. В Бенгалии они создали карикатуру английского крупного землевладения; в юго-восточной Индии карикатуру парцеллярной собственности; на северо-западе они превратили, поскольку это зависело от них, индийскую экономическую общину из общинного землевладения в карикатуру ее самой» (примечание на стр. 318).

Эпоха промышленного капитализма сменилась эпохой империализма. Английская буржуазия идет в Индию экономически вооруженная не только дешевизной своих товаров, но и всей мощью финансового капитала, подчиняющего себе всю экономику страны. Но задачи «созидательной работы» английской олигархии в Индии остались неразрешенными, и те новые методы их разрешения, которые применяются сейчас, сохраняют и не могут не сохранить свой старый карикатурный характер, свою «нелепость». Слово «карикатура» взято Марксом не случайно. Это не литературный образ, а экономическая характеристика. Оно выражает ту уродливость развития, которая является неибежным следствием колониального контроля, верховный принцип которого сохранение монополии. Все предпринятое и предпринимаемое английским империализмом в колониях с точки зрения действительного развития производительных сил остается карикатурным экспериментом. Та же мысль выражена в ленинских словах о «пересаживании капиталистического производства» в колонии: не развитие, а пересаживание—этим уже указывается зависимость от того, кто пересаживает, подчиненность той стране, откуда пересаживается и т. д.

Конечно, давление производительных сил на оболочку колониальной монополии в Индии сейчас, при развитии капитализма, несравненно сильнее, чем раньше, но из этого следует только то, что нажим завоевателя изменяясь в форме, становится все более настойчивым и глубоким, следовательно, и карикатурность хозяйничанья империалистов становится еще более уродливой, все более исключающей возможность независимого развития хозяйства страны при сохранении оков политического колониального гнета.

Само собою разумеется, что сказанное Марксом о хозяйничанье англичан в Индии относится к хозяйничанью колонизаторов вообще. Когда писался III том, колониальная монополия принадлежала Англии. Теперь перед нами колониальная система империализма в мировом масштабе.

Наконец, последний довод «индустриализаторов»: при финансовом капитализме колонизаторы заинтересованы в развитии производительных сил, а следовательно, в индустриализации колоний, ибо в противном случае сужение внутреннего рынка сокращает возможность извлечения в порядке колониальной эксплоатации прибавочного продукта. Но товарищи, выставляющие это возражение, не видят того, что в этом заключается основное противоречие всякого колониального грабежа, который, с одной стороны, стрижет свою жертву, с другой —заинтересован в том, чтобы она снова обрастала шерстью. Не только при финансовом, но и при промышленном капитале колониальная политика наталкивается на то же противоречие. Маркс формулирует его в «Письмах» следующим образом:

> «Но чем больше росла зависимость английской промышленности от индусского рынка, тем больше английские промышленники чувствовали необходимость создания новых производительных сил в Индии взамен той туземной промышленности, которую они разорили. Нельзя беспрерывно наводнять страну своими изделиями, если не давать ей возможности в свою очередь поставлять вам какие-нибудь свои продукты» [1]).

Империализм воспроизводит это противоречие на более широкой основе. Разумеется, при прочих равных условиях, Англия заинтересована в том, чтобы выжимать сверхприбыль из цветущей, полнокровной, индустриализированной Индии, по той простой причине, что эта сверхприбыль была бы тогда в свою очередь богаче и больше. Но в том-то и дело, что «прочие условия» не могут быть равны. Английский империализм, не переставая быть империализмом, не может допустить, чтобы такая колония, как Индия, с такими колоссальными естественными ресурсами, при наличии накопления капитала внутри страны, при избытке дешевых рабочих рук, при существовании национального рынка превратилась в «серьезного конкурента» промышленности метрополии. «Лучше раздетая, голодная, побившая мировой рекорд смертности Индия, но моя» — это есть то основное, что определяет политику английского империализма в Индии.

Растущие противоречия колониальной политики империализм не может разрешить иначе (особенно в развитых колониях), как в порядке грубейшей карикатуры, т.-е. искусственно загоняя напор производительных сил либо в те области, которые менее опасны с точки зрения сохранения колониальной монополии, либо в тупик. Надо ли говорить о том, что единственный путь к разрешению этих противоречий—политическое и экономическое изгнание империализма, победа революции и развитие ее по социалистическому пути.

Индустриализация или захват источников сырья?

Вторая ошибка, производная от основной (отрыва политики империализма от его экономики) заключается в недооценке и даже в полном игнорировании значения сырьевой проблемы в общей системе империализма.

[1]) «Летопись Марксизма», т. III, 1927 г., стр. 50.

«Говорить о превращении колоний в источники дешевого продовольствия и сырья для капиталистических стран верно только по отношению к первым стадиям капитализма и совершенно неправильно в эру империализма, экспорта капитала и индустриализации некоторых стран, служивших ранее источниками сырья» (Ротштейн) [1]).

И для обоснования этой ошибки снова ссылка... на Ленина, в первую очередь на брошюру об империализме. Совершенное верно, тов. Ленин говорит [2]), что «даже капиталистическая колониальная политика прежних стадий капитализма существенно отличается от колониальной политики финансового капитала». Но в чем заключается это существенное отличие? По Ротштейну, в том, что при прежних стадиях колонии были источниками продовольствия и сырья для капиталистических стран и что при империализме они перестают быть ими. По Ленину, как-раз наоборот: особенность новейшего капитализма заключается не в том, что сырье будто бы отходит на задний план, а в том, что захват его становится центральной задачей колонизаторов.

«Основной особенностью новейшего капитализма является господство монополистических союзов крупнейших предпринимателей. Такая монополия всего прочнее, когда захватываются в руки все (разр. подлинника) источники сырых материалов, и мы видели с каким рвением международные союзы капиталистов направляют свои усилия на то, чтобы вырвать у противника всякую возможность конкуренции, чтобы скупить, например, железорудные земли или нефтяные источники и т. п.» [3]).

«К многочисленным «старым» мотивам колониальной политики финансовый капитал прибавил борьбу за источники сырья (разр. моя), за вывоз капитала, за «сферы влияния», т.-е. сферы выгодных сделок, концессий, монополистической прибыли, наконец, за хозяйственную территорию вообще». Иллюстрируя конкретными фактами эти положения, Ленин напоминает, что английские капиталисты всячески стараются развить производство хлопка в своей колонии—Египте; русские в своей колонии—Туркестане, «потому, что таким путем они легче могут побить своих иностранных конкурентов, легче могут притти к монополизации источников сырья». Если английские товарищи, цитирующие «Империализм», не заметили здесь значения борьбы за сырье в колониальной политике империализма, они действительно слона не заметили.

Но, может быть, то что было вредно для 1916 года, когда Ленин писал свой «Империализм», неверно сейчас хотя бы потому, что «промышленное развитие Индии составляет краеугольный камень политики британского правительства»? Пределы журнальной статьи не позволяют проследить, какое место борьба за сырье занимает во всех обостряющихся сейчас конфликтах между империалистами, в готовящейся войне за передел колоний и за подчинение пока еще свободных стран колониальной аннексии. Напомним только главнейшие факты.

Нефть. Надо ли доказывать, что в конфликтах между северо-американским и английским империализмом в Центральной и Южной Америке, в Передней Азии и т. д. борьба за захват нефтеносных земель играет важнейшую роль, что даже борьба за рынки сбыта нефти в данный момент имеет в большинстве случаев подчиненное значение, так как стремление вытеснить

[1]) «Правда» № 197.
[2]) Том XIII, стр. 300.
[3]) Там же.

противника из определенного рынка является прямым результатом стремления расширить сырьевую базу в этом районе. Бешеная погоня за нефтяными источниками не прекращается и не прекратится, несмотря на то, что в тот или иной момент обнаруживается перепроизводство нефти. Известно, что Рояль Детч обнаружил «принципиальную стойкость» в борьбе со Стандарт Ойль по «моральному» вопросу о советской нефти лишь до тех пор, пока английский синдикат мог еще надеяться сохранить свои сырьевые базы в Венецуэле и Боливии, и что победа американских монополистов в захвате мексиканских и средне-американских нефтеносных земель заставила англичан капитулировать и в вопросе о сбыте американской нефти в Индию. Но это «перемирие», разумеется, только подготовка к новой нефтяной войне.

Каучук. Борьбу против этой бывшей монополии Англии американский империализм вел не только финансовыми средствами (организовав могущественнейший закупочный синдикат для подрыва цен на мировом каучуковом рынке), но и путем непосредственного политического нажима на английское правительство. Уступчивость, обнаруженная правительством Болдуина в отмене «схемы Стевенсона», была вызвана не только тем, что американская контр-атака сделала невозможным для владельцев английских каучуковых плантаций извлекать попрежнему колоссальную сверхприбыль благодаря этому закону, но и потому, что американские адмиралы стали посылать через океан недвусмысленные угрозы по адресу Англии, а постройка морского и воздушного флота показала, что официальное дезавуирование этих угроз не имеет серьезного значения. Во имя каучука американский империализм проектирует сейчас, опираясь на колониальную монополию, произвести резкую ломку земельных отношений на Филиппинах, так как этого требует мобилизация лучших участков под крупные плантации. Сотни ученых исследователей, рассылаемых институтом Эдиссона—Форда по всему земному шару для отыскания каучуконосных растений, являются вместе с тем и военными разведчиками американского империализма для установления, какие тропические территории выгоднее для захвата с точки зрения разведения каучука и куда, следовательно, надо в первую очередь направить политический (и военный) нажим.

Хлопок. Северная Америка, имея больше половины производства хлопка (из 25 млн. кип среднего мирового производства—15 приходится на долю Соед. Штатов), предпринимает сложнейшие маневры экономического и политического характера, чтобы подорвать английскую хлопковую базу в Судане и Египте и чтобы в этих целях наложить руку на Абиссинию. В свою очередь центр колониальных усилий английского империализма в тропической Африке направлен на разведение хлопка в колониях и освобождение от зависимости от американской монополии. Борьба за превращение Абиссинии в колонию, за сохранение колониальной зависимости Египта, за передел существующих колоний определяется в значительной степени борьбой за хлопок.

Железорудные, меднорудные и другие земли. Начиная с 1925 г. наступление Соед. Штатов с целью захвата важнейших источников всех категорий металлического сырья принимает особенно решительную форму. Развитие добычи цинка, свинца и прежде всего, меди в Соед. Штатах и в находящихся от них в зависимости американских странах дает возможность Нью-Йорку переходить и к экспорту металлов, но одновременно с борьбой за рынки сбыта, обгоняя ее, идет захват сырья. Международный медный картель распоряжается в настоящее время 92% мировой продукции меди и в этом картеле Америка владеет 80%. Английские промышленники пытались было побудить правительство выступить против медной диктатуры Соединенных Штатов, но правительство не отважилось на это, советуя английскому об'единению выйти из медного картеля и ограничить

борьбу экономическими средствами. Недавно, после годичной борьбы английское об'единение вынуждено было капитулировать и вернуться обратно в лоно картеля, потому что Соединенные Штаты успели захватить важнейшие источники меди.

Мы не можем останавливаться здесь на той борьбе, которая ведется между империалистами и в порядке колониального захвата территорий, и в порядке скупки предприятий в зависимых и независимых странах с целью либо усилить свои сырьевые монополии, либо ослабить монополию противника. В некоторых отраслях борьба эта ведется с переменным успехом (цинк), в других (напр., алюминий, имеющий, как известно, громадное значение для военной промышленности) победа Соединенных Штатов уже определилась. Еще более важно, что империализм ведет борьбу не только за уже обнаруженные источники сырья, но и за их потенциальные силы, которые могут быть вызваны к жизни новой техникой и оплодотворением капитала. С этой точки зрения чрезвычайно интересна борьба за Манчжурию, острота которой иногда недооценивается. Недавно даже промелькнула своеобразная теория (продержавшаяся, правда, не долго), пытавшаяся «обосновать» выжидательное отношение Соединенных Штатов к японской оккупации «переплетением» американо-японских интересов в Манчжурии. Говорилось, что Соед. Штаты могут примириться с этой оккупацией по тем, мол, деловым соображениям, что при своем финансовом превосходстве они могут эксплоатировать Манчжурию через Японию. Эта теория, уже опровергнута жизнью, в основе неверна 1) потому, что она неправильно оценивает значение «переплетения» интересов при империализме (переплетение не только не исключает борьбы, но иногда заостряет ее, приводя к бою «на близком расстоянии») и 2) в ещё большей мере потому, что она недооценивает основного стремления империализма к захвату всяких хозяйственных территорий, как возможных источников сырья. Тот факт, что американский империализм все больше отказывается от политики «открытых дверей» и стремится к прямым и непосредственным территориальным захватам, лишь подтверждает значение сырьевой проблемы в системе империализма. С точки зрения американского империализма Манчжурия (плюс Амурская область: немецкая печать отмечает, что американцы замахиваются и на советскую территорию!), имеющая поверхность в 26 тысяч квадр. миль, является сейчас последним большим резервным участком с редким населением, с незатронутыми еще естественными богатствами, пригодным для разведения пшеницы в крупнейшем масштабе. Захватив Манчжурию Соединенные Штаты добиваются хлебной монополии на мировом рынке, не говоря уже о том, что они делают решительный шаг по пути превращения Тихого океана в свое внутреннее море.

Но, может быть, существуют какие-нибудь особые причины, вследствие которых Англия именно теперь, в результате «индустриализации» колоний перестает играть роль города по отношению к заморским сырьевым и продовольственным базам? Подсчет той массы сырья и продовольствия, которая доставляется в Англию, произведен «Экономистом» в конце 1927 г. Вот его суммарные итоги:

> «Может ли Кулидж серьезно сравнивать потребность Америки в импорте резины с тем фактом, что мы должны ввозить 80% пшеницы, 50% мяса, половину железной руды, больше 80% шерсти, весь хлопок, медь, каучук, шелк, табак и почти всю нефть, строительный лес, древесную массу, цинк, сахар. Без заморского импорта мы не имеем средств для поддержания жизни «нашего населения».

Фраза о «поддержании жизни» это, разумеется, крокодиловы слезы. Выкачка продовольствия и сырья проводится английским империализмом не в целях «поддержания жизни», а в целях получения сверхприбыли за счет

жизни населения колоний. Но вывод, который делает из этого подсчета «Экономист», совершенно правилен с точки зрения империализма. Противоречие между Англией в качестве потребителя и колониями в качестве поставщиков продовольствия и сырья либеральный журнал предлагает разрешить не в порядке индустриализации колоний, а в порядке сохранения и укрепления колониальной монополии. Не деколонизация, а господство на морях, сильнейший в сравнении со всеми соперниками флот является тем обручем, который, по мнению «Экономиста», может сдержать рассыхающуюся кадку Великобританской империи.

> «Не только открытые уже источники сырья имеют значение для финансового капитала, но и возможные источники, ибо техника с невероятной быстротой развивается в наши дни и земли, непригодные сегодня, могут быть сделаны завтра пригодными, если будут найдены новые приемы (а для этого крупный банк может снарядить особую экспедицию инженеров, агрономов (экспедиция Эдиссона Форда! *П. Ш.*) и проч.), если будут произведены большие затраты капитала. То же относится к разведкам относительно минеральных богатств, к новым способам обработки и утилизации тех или иных сырых материалов и проч. и т. п. Отсюда неизбежное стремление финансового капитала к расширению хозяйственных территорий и даже территорий вообще (разр. везде моя). Финансовый капитал вообще стремится захватить как можно больше земель каких бы то ни было, где бы то ни было, как бы то ни было, учитывая возможные источники сырья, боясь отстать в бешеной борьбе за последние куски неподеленного мира и за переделы кусков уже разделенного» [1]).

Вот как характеризует Ленин колониальную политику финансового капитала в отличие от прежних стадий капитализма. Тов. Ротштейн, как мы видели, говорит обратное. Эти две точки зрения непримиримы.

Аннексия политическая и аннексия экономическая.

Недооценка сырьевой проблемы приводит к третьей ошибке наших деколонизаторов: к неспособности конкретно поставить вопрос о вывозе капитала в страны различной степени и характера зависимости, в особенности в колонии. Вывоз капитала к источникам сырья является одной из основ империализма (Сталин). Но не видя источников сырья в колониях, «деколонизаторы» тем самым не могут видеть и того, какие своеобразные формы находит там приложение капитала. Они не видят и того, что, если капитал вообще строит в колониях железнодорожную сеть, в первую очередь чтобы приблизить источники сырья, то финансовый капитал присоединяет к этому основному способу извлечения сырья еще первоначальную обработку его в целях облегчения доставки в метрополию. Разумеется, капитал ищет сырье везде, добивается его всеми средствами, обеспечивает себе контроль и в независимых странах скупкой акций, банковскими связями и т. д. (в последнее время скупка американцами рудников цинка в Бельгии). Но главными поставщиками сырья, главной базой сырьевых монополий являются колонии. «Чем выше развитие капитализма, чем сильнее чувствуется недостаток сырья, чем острее конкуренция и погоня за источниками сырья во всем мире, тем отчаяннее борьба за приобретение колоний».

Но суживая функции экспортируемого капитала (исключая от его функций важнейшую: захват сырьевых монополий), теоретики империалисти-

[1]) Том XIII, стр. 301.

ческой индустриализации одновременно суживают и сферу вывоза капитала. Тов. Беннет пишет:

«Империализм есть, между прочим, вывоз капитала» (Ленин, том XIX, стр. 196) в колонии и полуколонии».

Можно различно ссылаться на Ленина: можно цитировать его, можно излагать его мысль, можно, наконец (хотя, разумеется, такой метод требует особой осторожности и особой тщательности), смешивать в одну фразу и цитату и свое добавление. Тов. Беннет прибегает к третьему способу. Это еще было бы с полбеды. Вся беда заключается в том, что он, прибавив к словам Ленина свои слова: «колонии и полуколонии», тем самым «исправляет», т.-е. ограничивает и урезывает основную мысль Ленина. Империализм есть, между прочим, вывоз капитала, бесспорно, но не только в колонии и полуколонии, даже не только в зависимые, но и в политически независимые страны (Германия). Экономическая аннексия вполне «осуществима» без политической и постоянно встречается. Забывая об этом тов. Беннет относит все, что Ленин писал об экспорте капитала вообще, к экспорту капитала в колонии.

Экспорт капитала при империализме происходит в обстановке, когда раздел мира: 1) экономический (международными картелями) начался, а 2) территориальный (раздел всей территории земли крупнейшими странами—колонии)—закончился. Во всех случаях финансовый капитал: 1) оказывает влияние на развитие капитализма, чрезвычайно ускоряя его, и 2) несет стремление к господству, а не к свободе, и «реакцию по всей линии при всяких политических порядках». Но делает он это при разных политических порядках не одними и теми же методами и не в одной и той же форме. Финансовый капитал способен подчинять себе и в действительности подчиняет даже государства, пользующиеся полнейшей политической независимостью. Ленин неоднократно подчеркивал это в спорах против товарищей, не понимавших различия между экономической и политической аннексией:

«Крупный финансовый капитал одной страны всегда может скупить конкретов чужой политически независимой страны и всегда это делает. Экономически это вполне осуществимо. Экономическая аннексия вполне осуществима без политической и постоянно встречается. В литературе об империализме вы встречаете на каждом шагу такие, например, указания, что Аргентина есть на деле «торговая колония» Англии, что Португалия есть на деле, «вассал Англии и т. п. Это верно: экономическая зависимость от английских банков, задолженность Англии, скупка Англией местных ж. д., рудников, земель и проч.—все это делает названные страны «аннексией» Англии в экономическом (разрядка моя) смысле без нарушения политической (разрядка моя) независимости этих стран» [1].

Полуколонии являются лишь одной из форм этих формально самостоятельных, на деле же опутанных и опутываемых сетями финансовой и дипломатической зависимости стран. Туда же относятся и государства с гораздо большей степенью политической независимости. Как известно, тов. Ленин, иллюстрируя эту мысль, в виде предположения указывал на такую возможную роль для Польши. Он писал:

«Никакой политической мерой нельзя запретить экономики. Никакой политической формой Польши, будет ли она частичкой царской России или Германии, или автономной областью, или независимым политическим государством, нельзя ни запретить, ни отменить ее зависимости от финансового капитала империалистических держав, скупки акций ее предприятий этим капиталом» [1]).

[1]) Ленин, том XIII, стр. 355.

Ход событий осуществил то, что Ленин высказывал, как одну из возможностей. Независимое политически государство Польша остается в зависимости от финансового капитала империалистических держав. Почти вся континентальная Европа, вследствие экспорта американского капитала, оказывается в той или иной степени и форме в зависимости от финансового капитала Соединенных Штатов.

Экспортируемый в политически независимые страны капитал с целью либо создания, либо развития экономической аннексии стремится повлечь за собой и аннексию политическую, но это удается ему не во всех случаях. Экспорт капитала прокладывает дорогу политическому завоевателю, но не может заменить всех его функций. В последний момент финансовый капитал должен послать в качестве своего сильнейшего аргумента соответствующий десант или оккупационную армию и разрешить задачу политической аннексии до конца. Иное дело полные колонии. Они являются результатом уже состоявшегося территориального захвата империалистическими странами. «Владение колоний одно (разрядка моя) дает полную гарантию успеха монополии против всех (разр. моя) случайностей борьбы с соперником—вплоть до такой случайности, когда противник пожелал бы защищаться законом о государственной монополии». При политической аннексии, которая само собой предполагает и полную экономическую аннексию, колонизатор является хозяином порабощенной страны прежде всего в отношении к ней, но также и по отношению ко всем соперникам, которые хотели бы нарушить его экономическую власть, но оказались бы недостаточно сильными, или еще недостаточно сильными, чтобы в порядке военного передела захватить политическую аннексию для себя. Этим определяется и та, по выражению Маркса, непосредственно политическая власть, которую колонизатор немедленно может пустить в ход, чтобы методами внеэкономического насилия воздействовать на экономику колоний. Этим определяется и своеобразная роль экспортируемого капитала в полных колониях, не во всем совпадающая с его ролью даже в полуколониях, не говоря уже о политически независимых странах.

Тов. Беннет пишет: «Каждая метрополия вынуждена учитывать наличие соперников, которые могут в любую минуту «помочь» колонии или полуколонии даже вопреки воле непосредственного хозяина этой колонии» [2]). При этом делается соответствующая ссылка на стр. 286 тома XIII Ленина. Но на этой странице читатель может найти только то, что Ленин говорит об экспорте капитала в зависимые страны или полуколонии в отличие от колоний. О помощи вопреки воле непосредственного хозяина колонии здесь не только нет ни слова, но из всего изложения ясно видно, почему эта «помощь» в форме экспорта капитала именно в колонии чрезвычайно затруднена, а иногда и невозможна. Тов. Ленин цитирует здесь статью журнала «Банк» (относящуюся к 1913 г.), где говорится о том, что целый ряд чужестранных государств выступает перед денежными рынками с требованиями на заем и что денежные рынки, несмотря на то, что находятся не в очень блестящем положении, вынуждены удовлетворять эти требования под влиянием конкуренции: «Ни один из денежных рынков не решается отказать в займе из боязни, что сосед предупредит его, согласится на заем, а вместе с тем обеспечит себе известную услугу за услугу». Но какие это «чужестранные государства», которые могут угрожать, что в случае отказа они обратятся от одного де-

[1]) Там же, стр. 359.
[2]) «Комм. Интерн.», стр. 45.

нежного рынка к другому? Они перечислены в цитате: «От Испании до Балкан, от России до Аргентины, Бразилии и Китая», т.-е. указывается на страны, либо политически независимые, либо отчасти независимые, и на полуколонию. Случайно ли здесь не поставлена Индия, Египет, Индонезия или Марокко? Разумеется, нет. Боязни, что сосед «предупредит и согласится на заем», такой боязни у хозяина колонии нет, ибо он, хозяин, опираясь на непосредственно политическую власть, решает сам все вопросы, связанные с займом колонии. Условием займа,—говорит Ленин,—ставится расходование части его на покупку продуктов кредитующей страны, особенно на предметы вооружения, на суда и т. д... В силу займа финансовый капитал получает крепкие связи с буржуазией полуколонии или независимой страны, с руководящими кругами всей ее экономической и политической жизни. Но в колонии хозяин обеспечен этими возможностями и этими связями в большей степени, чем ему может дать любой заем, взятый сам по себе. У колонии нет свободы выбора, нет, следовательно, и возможности в порядке привлечения иностранного капитала использовать борьбу между империализмами в интересах ослабления своей зависимости от метрополии. Эта возможность может возникнуть, но лишь в процессе борьбы против колониального гнета и лишь в мере успешности этой борьбы, а не в результате политики индустриализации со стороны метрополии.

Конечно, между колониями и полуколониями, с одной стороны, между полуколониями и зависимыми странами—с другой, наконец, между зависимыми и странами, пользующимися полнейшей политической независимостью, нет никакой стены. «Финансовый капитал и соответствующая ему международная политика, которая сводится к борьбе великих держав за экономический и политический раздел мира, создают целый ряд переходных форм государственной зависимости». Поэтому нет и резкого и абсолютного разграничения между формами господства, которые приносит финансовый капитал, проникая в те или иные типы стран. Одно остается, однако, решающим: в зависимые (и отчасти в независимые) страны финансовый капитал идет в целях экономической аннексии или усиления ее; в полуколонии—в целях превращения экономической аннексии в аннексию политическую (для чего в качестве судебного исполнителя необходимо привлечь армию и флот); в колонии лишь на условиях и в форме, обеспечивающей сохранение политической аннексии.

«Мы не поймем жизни ни одной колонии, в частности мы не поймем последнего периода быстрого роста капитализма в Индии, если хотя на минуту забудем наличие конкуренции (подчеркнуто в подлиннике) ряда империалистических держав»,—говорит тов. Беннет. [1]).—Правильнее было бы сказать обратное: мы не поймем жизни колоний, если при исследовании конкретного вопроса, при выработке конкретной тактики будем беззаботно смешивать колонии с полуколониями и зависимыми странами, если то, что Ленин писал о влиянии конкуренции империалистов в полуколониях и зависимых странах, в целях их полного порабощения, мы будем переносить на колонии для обоснования теории деколонизации в том или ином виде. Действительно, какую «конкуренцию империалистов» имеет в виду тов. Беннет, ссылаясь на Ленина?

Оказывается, ту конкуренцию нескольких империализмов, о которой говорится на стр. 308 тома XIII. Но ведь яснее ясного, что здесь идет речь о конкуренции нескольких империализмов, которая ведет, однако, не к деколонизации, а к «колонизации», к распространению, к расширению колониальных владений империализма, к превращению независимых стран в колонии!

[1]) Беннет, «Комм. Интерн.», стр. 45.

В самом деле, в какой связи тов. Ленин указывает, что Каутский не видит конкуренции нескольких империализмов и преобладание финансиста над торговцем? В связи с новыми захватническими стремлениями империализма, в связи со стремлением финансового капитала к расширению колониальных монополий, в связи с возникновением новых колоний.

> «Для империализма характерно как раз стремление к аннектированию не только (везде разрядка подлинн.) аграрных областей, а даже самых промышленных (германские аппетиты насчет Бельгии, французский—насчет Лотарингии), ибо, во-первых, законченный раздел земли вынуждает при переделе протягивать руки ко всяким землям. Во-вторых, для империализма существенно соревнование нескольких крупных держав в стремлении к гегемонии, т.-е. к захвату земель не столько для себя, сколько для ослабления противника и подрыва его гегемонии (Германии Бельгия особенно важна, как опорный пункт против Англии; Англии—Багдад, как опорный пункт против Германии и т. д.)».

Итак, конкуренция между империалистами действует в сторону усиления агрессивности колониальной политики. Тот факт, что при империализме финансист преобладает над торговцем, дает возможность экономически аннексировать еще независимые страны,—именно этого не хотел видеть Каутский и не видят те, кто экспорт капитала уделяет только колониям и полуколониям. Борьба за этот дальнейший, еще недоконченный экономический раздел мира ведется «мирными» средствами экспорта капитала. В этой стадии конкуренция между империалистами приводит, между прочим, к их соревнованию в экспорте капитала для усиления своих позиций в данной стране. Но финансовый капитал не удовлетворяется и не может удовлетвориться только экономической аннексией; он ищет возможности, чтобы протянуть руку политической аннексии, в частности захватить как можно больше земель. На этой стадии конкуренция нескольких империализмов заставляет каждого из них стремиться к полной монополии, как единственной гарантии против всех случайностей борьбы с соперником. Во всех случаях конкуренция империалистов действует, как фактор, заостряющий империалистическую политику финансового капитала и его колониальный нажим. Эта конкуренция на основе империализма может получить свое разрешение либо в порядке территориального раздела страны между конкурирующими группами, т.-е. превращения ее из полуколонии в несколько полных колоний разных империалистов (план раздела Китая), либо в порядке уступки господствующему в данной стране империализму со стороны его конкурентов (например, Панама, Никарагуа и т. д.) и, наконец, в порядке войны между конкурентами за овладение колонией. Но раз колониальная монополия установлена, то перемена ее, т.-е. передел колониальных владений совершается уже не в порядке экономической конкуренции между империалистами, а в порядке военной борьбы. Само собой разумеется, что революция разрешает все эти случаи «конкуренции» по-своему: в целях использования (а также разжигания) антагонизмов в империалистическом лагере. Конвульсивный, уродливый, мучительный процесс развития капитализма в Индии нельзя понять, «если мы хоть на минуту забудем», что при колониальной монополии, гарантирующей экономически против всех случайностей борьбы с соперником, даже с Соед. Штатами, Англия является полным хозяином страны. Только этим можно об'яснить, что американский капитал, всячески стремящийся хотя бы к экономической аннексии Индии, просачивается туда сравнительно слабо, потому что широкий поток его задерживается на пороге английской монополии. Вот почему Англия может позволить себе в течение трех лет, а если

ей понадобится, то и дольше, почти не экспортировать капитала в Индию, проделывать эксперименты над ее валютой и т. д., и т. п., не опасаясь конкуренции со стороны Соединенных Штатов. Больше того. В самый разгар каучуковой войны громадный капитал С. Штатов, сконцентрированный в закупочном синдикате, оказался способен в сравнительно слабой степени прорваться непосредственно в Индонезию, плантации которой являются предметом тайных и явных вожделений автомобильных королей Америки, только потому, что на пути мощного американского капитала стояла хилая и жалкая, но все же колониальная монополия Голландии. Правда, американский капитал проникает в Индонезию. Да, но в какой форме и в какой степени? Лишь в той форме и по мере того, как он проникает в Голландию вообще, т.-е. в форме скупки акций голландских предприятий, влияния на голландские банки и т. д. Способствовала ли такая борьба между империалистами деколонизации Индонезии? Ни в какой степени. Эта конкуренция может привести к тому, что при военном переделе колоний американский империализм постарается захватить Индонезию, но не в целях деколонизации, а в целях превращения в свою колонию. Еще раз: антагонизм между империалистами может быть использован колонией лишь в процессе революционной борьбы.

Переоценивать то влияние, которое может оказать на английскую политику индустриализации такой факт, как конкуренция японских и американских товаров (не капиталов, а товаров) значит действительно забывать ту особенность империализма, на которую еще ссылается т. Беннет, т.-е. преобладание финансиста над торговцем. Проникновение японских хлопчатобумажных тканей на индийский рынок не отнимает у английской монополии возможности принять те или иные противодействующие меры. Эти меры имели один характер в период войны, т.-е. когда непосредственная политическая власть Англии в Индии ослабела; они имеют другой характер сейчас (пошлина на хлопчатобумажные ткани, направленная специально против Японии), когда эта власть снова окрепла; они могут, наконец, снова измениться во время новой войны или непосредственного приближения ее. Но во всех этих случаях политика английского империализма будет направлена на сохранение своей политической и экономической монополии. Ни английская политика индустриализации, ни американская конкуренция, ни сочетание того и другого не ведут к уничтожению экономической зависимости, подчиненности, порабощения Индии.

Значит ли вышесказанное, что стена колониальных границ оказывается абсолютно непроницаемой для ввоза товаров конкурирующего с метрополией империализма? Значит ли это, что совершенно исключается возможность того, чтобы более сильный империализм развивал с чужой колонией внешнюю торговлю даже за счет метрополии, либо слабеющей в данный момент, либо вообще ослабевшей? Конечно, не значит. История колониальной борьбы империалистов знает такие примеры, но она также знает, что никогда такая конкуренция товарами сама по себе при империализме не приводила и не могла привести к переделу колоний, не говоря уже о том, что она не могла привести к уничтожению или даже ослаблению ни политической, ни экономической аннексии старого «законного» колониевладельца.

Как известно, не кто иной, как Каутский для доказательства «возможности реформистского изменения основ империализма» (а колониальные монополии являются одной из этих основ) ссылался на то, что вывоз и ввоз Англии из Египта за 1872—1892 гг. рос слабее, чем общий вывоз и ввоз Англии. Отсюда Каутский делал вывод, что «нет никаких оснований полагать, что без военного занятия Египта торговля с ним выросла бы меньше, под влиянием простого веса экономических факторов». Другими словами, ссылаясь на проникновение американских и германских товаров в Египет, Каутский пытался реставрировать «либеральную» точку зрения (которая, как мы видели выше, если и могла иметь какое-нибудь значение, то лишь в период наибольшего процветания свободной конкуренции) о допустимости деколонизации с точки зрения интересов метрополии. Ленин подчеркивал, что «это рассуждение Каутского, на сотни ладов перепеваемое его российскими оруженосцами, составляет основу его критики империализма» и считал нужным подробнее на нем остановиться.

Каким образом может получиться, что товар конкурирующего империализма оказывается способным перескочить через стену колониальных границ или протекционных пошлин? Потому, что чужой империализм, благодаря своему финансовому, экономическому и техническому превосходству может до такой степени понизить свои цены на внешнем рынке, чтобы в тот или иной период, в той или иной отрасли торговли потеснить метрополию, нащупав какой-нибудь слабый пункт, охраняющий ее колониальную метрополию.

> «Если Германия быстрее развивает свою торговлю с английскими колониями, чем Англия, это доказывает лишь, что германский империализм свежее, сильнее, организованнее, выше английского... Перевес немецкого империализма над английским сильнее, чем стена колониальных границ или протекционных пошлин; делать отсюда «довод» за свободную торговлю и «мирную демократию» есть забвение основных черт и свойств империализма, замена марксизма мещанским реформизмом» [1]).

Какие отсюда следуют выводы?

Во-первых, что наиболее свежий, сильный империализм все же не может завоевать колониальный рынок экспортом товаров, что, перескакивая колониальную стену, он не может пробить брешь в колониальной монополии иначе как в порядке передела колоний, т.-е. «доказав» свою свежесть и силу в открытой войне.

Во-вторых, что конкурирующий империализм в свою очередь держит курс не на свободную конкуренцию, а на свою монополию, т.-е. не на экономическую самостоятельность колоний, а на завоевание их в своих интересах (этому положению посвящена в цитированной главе вся дальнейшая аргументация Ленина против Каутского).

И, в-третьих, что проникновение товаров конкурирующего империализма «при таких условиях» ни в какой мере не влечет за собой «политику индустриализации колоний» со стороны хозяина. Наоборот, опыт показал, что малейшая брешь в экономической монополии вызывает со стороны хозяина особое напряжение всех средств внеэкономического нажима, от которого он не отказывается и не откажется до последнего своего издыхания. Пример Египта, которым козырял Каутский, является показательным именно в этом отношении. Действительно, чем ответила Англия на то, что германские товары оказались способными обойти ее колониальную монополию в Египте? Войной. Чем ответила Англия на рост германского влияния в Египте накануне войны, рост, об'ясняемый не столько экспортом товаров, сколько тем, что Египет продолжал, хотя и номинально, считаться частью Оттоманской империи, выступившей во время войны на стороне средне-европейской коалиции? Политикой индустриализации, или политического соглашения? Известно, что наоборот, Англия об'явила Египет формально под своим протекторатом, низложила старого, не совсем надежного, хедива, об'явила султаном своего ставленника, назначила верховного комиссара, превратила Египет в одну из своих главнейших военных баз. В нашу задачу не

[1]) Том XIII, стр. 326.

входит рассмотрение развития колониального порабощения Египта после войны, в частности, той политики использования «чужих» иностранных купцов в целях усиления нажима на египетское правительство, которое до сих пор не без успеха проводит английский империализм. Во всяком случае, несомненно одно: совету Каутского деколонизировать Египет не следует не только консервативное правительство, но и не последовало правительство Макдональда. Импорт германских и американских товаров не явился также той «конкуренцией империалистов», которая в какой бы то ни было мере могла повлечь за собой индустриализацию Египта.

Верно ли, что немногие империалистические страны (в которых капиталы «перезрели» и где капиталу недостает поприщ «прибыльного» помещения) поставлены в необходимость экспортировать капитал, в частности, в отсталые страны? Безусловно верно. Но следует ли из этого, что Англия вынуждена вывозить капитал именно сейчас (или в ближайшем будущем), именно в Индию и признать «неизбежность ее индустриализации»? Безусловно, нет. Разве у английского капитала нет другого выбора, как итти в Индию? Свобода империалистического хозяина по отношению к колониям проявляется, в частности, в его свободе и при экспорте капитала. И, действительно, английский капитал устремляется в зависимые страны (в Южную Америку прежде всего), а также в полуколонии, потому что этим путем он отстаивает или расширяет оспариваемые у него экономические позиции, потому что иногда у него нет других возможностей иначе развивать вывоз своих товаров. Английский капитал идет затем в африканские тропические колонии, потому что здесь у него еще осталась наиболее выгодная и прибыльная задача захвата земель и использования сырьевых источников. Но какая чистая или нечистая сила должна его гнать непременно в Индию, хотя бы с риском создать себе «серьезных конкурентов». Ссылаются на Ленина и не замечают, что он писал: «В отсталых странах прибыль обычно выше, ибо капиталы малы, цена земли сравнительно невысока, зарплата низка, сырьевые материалы дешевы». Заметили ли товарищи-«индустриализаторы», что среди перечисленных условий в Индии нет уже, по крайней мере, одного из самых существенных—цена земли «здесь не только сравнительно невысока», но превосходит цену на лучшие участки пахотной земли в Европе? Империализм это заметил и учел. Высокая цена на землю в данном случае отражает одновременно и то, что завоеватель уже наложил свою руку на земельную территорию и на сырьевые источники, и то, что внутренний рынок уже наталкивается в своем развитии на пауперизацию крестьянства.

Затем и с точки зрения своей общей экономической политики основная проблема, которую вынуждена ставить перед собой английская буржуазия, заключается не в расширении, а в сокращении заграничных инвестиций. Было бы, разумеется, наивно придавать преувеличенное значение планам английской буржуазии (см., в частности, программу либеральной партии) добиться за счет сокращения экспорта капитала столь быстрого роста внутренних инвестиций, чтобы рационализацией поднять конкурентоспособность основных отраслей промышленности самой метрополии, и прежде всего потому, что в настоящий период все более обостряющейся войны за рынки сбыта вывоз товара без предоставления долгосрочных и краткосрочных кредитов, без связей, расширяемых при помощи этих кредитов, становится все менее возможным [1]).

[1]) Соединенные Штаты, имевшие в 1912 году только 24% всего экспорта в Латинскую Америку (в то время, как Англия, Германия, Франция имели 49%), имеют сейчас 38%, при понижении экспорта Франции, Германии и Англии до 32%. Такая резкая перемена в соотношении сил между европейской и американской торговлей об'ясняется в первую очередь ростом экспорта северо-американского капитала за счет европейского.

Урезать в такой угрожающей обстановке, при такой действительной конкуренции экспорт капитала, например, в Латинскую Америку, Англия без большого риска для своих позиций на международном рынке не может. Но она может маневрировать в отношении колоний. Здесь она сохраняет полную свободу и может выбирать, куда, как и сколько вывозить.

Тов. Беннет призывает «не уклоняться от фактов..., понять их, дабы вскрыть их революционное нутро». Но только проходя мимо основных фактов можно именно в настоящих условиях утверждать, будто острая нужда в вывозе капитала вынуждает Англию индустриализировать Индию с риском потерять ее в порядке излишней щедрости. Что же касается «революционного нутра», то на нем придется еще, хотя бы вкратце, остановиться.

Революционное нутро „теории деколонизации“.

В задачу настоящей статьи не входит, как указывалось, рассмотрение спорных вопросов тактического характера по колониальному вопросу. Мы коснемся их лишь в той мере, в какой они фигурировали в аргументации «деколонизаторов».

Доказывать, что развитие капитализма в колониях не может не привести к обострению кризиса всей империалистической системы незачем. Тот факт, что процесс этого развития идет спазматически, конвульсивно, карикатурно, при сохранении докапиталистических форм гнета в деревне, при специфически колониальных хищнических формах эксплоатации рабочих, усиливает его значение, как революционного фактора. Всякая недооценка с этой точки зрения развития капитализма в колониях заслуживает решительного отпора.

Но верно ли утверждение, что неизбежное предательство оппозиционной буржуазии в колониях определяется тем, совершается деколонизация или нет деколонизации? Или, что отход буржуазии на известной стадии окончательно в контрреволюционный лагерь об'ясняется тем, что империализм удовлетворяет ее национальные требования? «Все три требования националистической буржуазии: индустриализация страны, фискальная автономия и таможенное покровительство—были удовлетворены вследствие того, что британский капитал старался преодолеть послевоенный кризис путем перестройки базы империи»,—писал тов. Рой, характеризуя политику деколонизации [1]). Конечно, нет. Туземная буржуазия предает и предаст даже в том случае, когда ни одно из этих требований не удовлетворено. Ее переход в контрреволюционный лагерь совершается не под влиянием действительных более или менее серьезных уступок империализму, а прежде всего в силу развития революционного движения трудящихся и по мере самостоятельного классового выступления рабочих и крестьян. Индийская буржуазия предала и обезглавила движение в 1922 году не вследствие уступок буржуазии («конституционная реформа—диархия была «дарована» в 1917 г., а следующие таможенные реформы явились наградой за уже совершенные предательства), а под влиянием первых признаков аграрной революции, испугавшей на смерть буржуазию, связанную и переплетенную с феодальным землевладением. То же самое мы видели в Китае. Предательство Чан Кай-ши подготовлялось и было осуществлено не в результате уступок мирового империализма (нельзя считать «уступкой» подкуп того или иного генерала), а под влиянием развернувшейся аграрной революции. Товарищи видят основной источник предательства буржуазии в индустриализации колоний, удовлетворяющей ее требованиям (почему, собственно,—ведь, и при индустриализации

[1]) «Индия в будущем», русский перевод, 1926 г.

не только командные высоты, но все мало-мальски важные или выгодные хозяйственные пункты остаются в руках империалистической буржуазии?) опять-таки ссылаются на Ленина и опять-таки по недоразумению. Что сказал Ленин в докладе на II конгрессе?

«Между буржуазией эксплоатирующих и колониальных стран произошло известное сближение, так что очень часто,—пожалуй, даже в большинстве случаев,—буржуазия угнетенных стран, хотя она и поддерживает национальное движение, в то же время в согласии с империалистической буржуазией, т.-е. вместе с ней, борется против всего революционного движения и революционных классов».

Ясно, на какой именно почве совершается сближение между империалистической и туземной буржуазией. На почве удовлетворения национальных требований последней? Нет, туземная буржуазия продолжает поддерживать национальные движения. На какой же? На той, что она «в согласии с империалистической буржуазией борется против всех революционных движений и революционных классов».

Под'ем революционной волны решает вопрос о том «часе», когда национальная буржуазия становится открыто на путь контрреволюции. В обстановке такого назревающего, а после китайского опыта и обнаруживающегося под'ема империализму незачем экспортировать капитал, чтобы получить на свою сторону национальный реформизм: ему достаточно экспортировать Перселя и даже Саймона.

«Революционное нутро» теории деколонизации (индустриализации то ж) может свестись к предположению, что до того момента, пока туземная буржуазия не получит более или менее действительного удовлетворения всех требований ее, предательство либо исключается, либо непрочно, а в тех случаях, когда сделанные империализмом уступки берутся обратно, она может пережить «вторую молодость» своих революционных стремлений. Опыт национально-революционной борьбы показывает, что это не так.

Гораздо более серьезное значение, с точки зрения изменения классовых сил в колонии, имеет появление и нарастание пролетариата при развитии капитализма. Но и в этом отношении было бы неправильно представлять дело так, будто теория индустриализации, декретирующая беспрерывно нарастающее развитие промышленности, а следовательно, и рост пролетариата, имеет основание претендовать на особую «революционность». В действительности, роль и значение пролетариата в колониях (и полуколониях) определяется не только его численностью, но и теми специальными условиями колониального гнета, которые облегчают ему завоевание гегемонии в борьбе масс против чуженационального ига. Если бы теория деколонизации была верна, это означало бы смягчение специфически колониальных форм эксплоатации. Между тем, возможность для слабого и слабейшего пролетариата в колониях руководить борьбой крестьянства и городской бедноты облегчается в значительной степени наличием колониального гнета. В написанных для III конгресса тезисах «о тактике РКП» Ленин дает сжатое определение, учитывающее оба эти момента:

«Британская Индия стоит во главе этих стран (колоний и полуколоний), и в ней революция тем быстрее нарастает, чем значительнее становится в ней, с одной стороны, индустриальный и железнодорожный пролетариат, а с другой стороны, чем более зверским становится террор англичан, прибегающих все чаще к массовым убийствам (Амрицар), к публичным поркам и т. д.» [1].

[1]) Том XVIII, ч. 1, стр. 313.

Амрицар упомянут здесь не случайно: как известно, это центр крестьянского движения сикхов. Быстрое развитие индийской революции, таким образом, определяется двумя связанными между собой факторами: ростом пролетариата, с одной стороны, ростом колониального гнета—с другой.

Но и при сочетании этих двух факторов задача национально-революционной борьбы, задача прорыва империалистического фронта в колониях, представляет, как показал опыт, величайшую трудность и требует тяжелых жертв и не только в колониях, где господствующий империализм является хозяином положения, но и в полуколониях, где, несмотря на конкуренцию империалистов, революция рабочих и крестьян в решительный момент наталкивается на единый фронт и империалистов и туземной реакции. Разбить этот блок, нанести поражение империализму в колонии, деколонизировать порабощенные народы возможно только ценой ряда революционных восстаний как в колонии, так и в метрополии.

Об этом следует помнить прежде всего.

А. Ф.

Основные вопросы колдоговорной кампании.

1. Задачи и характер кампании.

Работа по перезаключению коллективных договоров, начиная с 1925—26 г., когда она стала проводиться, как массовая кампания, с каждым годом привлекает к себе все большее внимание организаций и печати и проводится при все возрастающем участии рабочих масс. Однако, самый характер и содержание колдоговорной кампании вызывают до сих пор серьезный и существенный ее недостаток. Почти повсеместно к перезаключению колдоговоров подходят исключительно с точки зрения разрешения вопросов регулирования условий труда рабочих. Обычно задачи кампании видят в том, что при обсуждении колдоговора рабочие и профсоюз пред'являют «требования», хозяйственники «отбиваются», идут переговоры, конфликтование, кончающиеся сговором или примирением в каком-нибудь примирительном третейском или конфликтном органе. Такой односторонний, унаследованный еще с годов восстановительного периода, подход к кампании перезаключения колдоговоров является ныне явно недостаточным и неправильным. Ярким образчиком такого ошибочного подхода к колдоговорной кампании явилось в нынешнем году письмо ЦК ВЛКСМ, полное «требований» и почти не касавшееся производственных задач. Хорошо, что еще до посылки на места это письмо своевременно было исправлено.

При начавшейся реконструкции нашей промышленности на основе капитального строительства и рационализации производства, когда номинальный и реальный уровень зарплаты рабочих превысил довоенные размеры, нельзя серьезно и основательно разрешить вопрос о регулировании условий труда рабочих, если тесно не связывать его с более широким вопросом об организации труда на производстве и вопросом о производственных условиях.

Вот почему во время колдоговорной кампании, на ряду с обсуждением вопросов труда рабочих (зарплата, охрана труда, бытовые условия, правовые нормы и др.), следует со всей силой выдвигать и основные вопросы производства перед рабочими массами, сосредоточивая их внимание на задачах поднятия производительности труда, повышения дисциплины, улучшения технического нормирования труда, сокращения накладных расходов, снижения себестоимости, улучшения качества продукции и др. В связи с этим стоит вопрос о привлечении к самому активному участию в проведении кампании всех работников хозяйственного аппарата на производстве. Хозяйственники и административно-технические работники должны смотреть на колдоговорную

кампанию, как на своего рода «смотр» производства. Во время нее, они должны стремиться выявить, совместно с рабочей массой, все слабые места на производстве, мешающие нормальному ходу и всемерному улучшению работы, находить средства для их исправления и обязаны быстро принимать все необходимые меры для проведения в жизнь деловых предложений рабочих об устранении производственных непорядков.

Таким образом, колдоговорная кампания, разрешая вопрос об улучшении условий труда и быта рабочих, должна одновременно приковать внимание масс к одному из решающих указаний Ленина, что «производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя» и «капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создаст новую, гораздо более высокую производительность труда». На «это... очень трудное и очень долгое» (Ленин) дело должна звать рабочих колдоговорная кампания.

Эту задачу особенно настоятельно следует выпятить в текущую кампанию, в связи с проникновением под влиянием трудностей и противоречий нашего строительства мелкобуржуазных настроений и колебаний в отсталые слои рабочих и даже в отдельные прослойки нашей партии (пытающиеся оживиться троцкистские осколки, особо поднявшие голову за последнее время, правые и примиренческие элементы). В противовес этим шатаниям, чрезмерным требованиям, цеховщине, рвачеству со стороны отдельных рабочих следует противопоставить непоколебимую решимость и организованную волю широких рабочих масс—максимально быстрым и напряженным темпом проводить индустриализацию страны, следует также мобилизовать и направить усилия масс на преодоление трудностей, неизбежно встающих на пути социалистического строительства.

Только таким путем можно будет добиться, чтобы для всех рабочих стала очевидна необходимость сочетать свои личные запросы с интересами производства и всего народного хозяйства.

Текущая колдоговорная кампания по практическим своим задачам менее сложна и трудна, чем прошлогодняя: отделен массовый пересмотр норм выработки и сдельных расценок, меньше об'ем работы по проведению тарифной реформы, в малых размерах будет пересмотр правовой и бытовой частей колдоговора. Тем не менее, в связи с общими трудностями нашего строительства и современными кон'юнктурными особенностями, политическое значение кампании настолько велико, что она требует к себе пристального и исключительного внимания со стороны партийных, профессиональных и хозяйственных организаций, особенно промышленных районов. Необходимо при этом исходить из того, что «хозяйственный» план на 1928—29 год, намеченный контрольными цифрами, является посильным, но крайне напряженным (ноябрьский пленум ЦК ВКП(б). Поэтому, основная задача—во время колдоговорной кампании усилиями всех организаций и рабочих масс обеспечить максимум возможных условий для наилучшего выполнения хозяйственного плана, намеченного на 1928—29 г.

2. Практика перезаключения колдоговоров.

Несмотря на то, что колдоговорная кампания является на производстве первостепенной важности политической кампанией, партийные, профессиональные и хозяйственные организации еще не научились так руководить ее проведением, чтобы она не только преследовала экономические задачи, но и давала положительный политический эффект. Опыт прошлых кампаний дает в этом отношении, несмотря на это, противоположные результаты, в прошлом же году мы имели вдвое больше, чем в предыдущую кампанию, трений и обострений. Основную причину этого «темного

пятна» колдоговорной кампании нельзя не искать в значительных недочетах работы наших организаций. Это тем более очевидно, что колдоговорная кампания проходит у нас в последние годы в условиях успешного и быстрого хозяйственного роста и при связанном с последним неуклонном улучшении уровня жизни рабочих. При этом неопровержимом факте разве не вопиющим и совершенно ненормальным явлением следует считать положение, при котором кампания перезаключения колдоговоров дает во многих местах не улучшение, а некоторое ухудшение настроений рабочих.

Вот почему необходимо добиться от всех организаций радикального улучшения их работы по подготовке и проведению кампании. Она должна быть так поставлена, чтобы в ходе и результате перезаключения колдоговоров рабочие массы теснее сплачивались вокруг профсоюзов, ближе становились к производству и чтобы одновременно повышалось сознательное отношение рабочих к задачам социалистического строительства. В этом именно направлении следует изменить всю практику проведения колдоговорной кампании.

В последний год партийное руководство колдоговорной кампанией, в связи с основными ее трудностями, несколько улучшилось. Однако, надо открыто констатировать, что партийные организации несвоевременно и еще недостаточно серьезно вникают в существо принципиальных вопросов колдоговоров. Партийные комитеты еще плохо выполняют директиву о практической помощи проведению кампании на тех предприятиях, где она по тем или иным причинам осложняется. Только в исключительных случаях они это делают, когда эти осложнения прорываются наружу. Нередко партийные ячейки, вместо правильного партийного руководства ходом кампании, огульно становятся на сторону проф. или хоз. органа. Бывают даже такие отдельные случаи (завод им. Вл. Ильича и др.), когда ячейка под напором цеховых настроений выступает и против предложений хозорганов и против предложений профорганов. В трудном положении находятся коммунисты и комсомольцы во время колдоговорной кампании, так как их очень слабо информируют о вопросах колдоговора и также слабо инструктируют, как вести раз'яснительную работу в массах. Особенно резко это сказалось в предыдущую кампанию, когда коммунисты плохо разбирались в вопросах технико-нормировочной работы и тарифной реформы и зачастую не могли поэтому отвечать на вопросы рабочих. Мало того, не редким явлением была пассивность со стороны ряда коммунистов и комсомольцев во время кампании, а некоторые из них заражались даже хвостистскими настроениями, были участниками, иногда и инициаторами дезорганизаторских поступков.

Следует отметить, что, как правило, коммунисты «октябрьского призыва» во время колдоговорной кампании дисциплинированно проводили в массах парт. решения, а в ряде мест (Москва, Ленинград и др.) вели себя выдержаннее, чем некоторые более старые партийцы.

Участие комсомольских ячеек в колдоговорной кампании было, как правило, весьма слабо.

При таких крупных недостатках партруководства колдоговорной кампанией и при сложности ее, связанной как с ошибками в практике ее проведения, так и с невозможностью удовлетворить все предложения рабочих, совершенно естественными являются попытки всяких притивосоветских элементов нажить «капиталец» на этой кампании. И, действительно, в прошлом году в ряде мест троцкистские, меньшевистские и всякие другие антикоммунистические элементы усиленно пытались «подзуживать» массы. ЦК меньшевиков из «прекрасного» берлинского далека соизволил даже разразиться особым воззванием по поводу колдоговорной кампании с требованием «демократии», «независимости» профсоюзов и т. п. социал-демократических «прелестей». «Социалистический Вестник» тоже не прошел мимо кампании, расписав, как «обманули» рабочих. По первым сведениям видать, что и в нынешнем году отдельные троцкисты также пытаются кое-где «разжечь страсти» насчет большего повышения зарплаты и др. Но эти попытки отпетых политических банкротов не имели и не имеют и, надо надеяться, не будут иметь хоть сколько-нибудь значительного влияния на массы и потому проваливаются.

Господа меньшевики и меньшевиствующие, за долгие годы ничего не забывшие и ничему не научившиеся, на колдоговорной кампании получают лишний раз наглядный урок, что рабочий класс нашей страны безраздельно отдает свое доверие большевистской партии не в зависимости от той или иной хорошо или плохо проведенной работы, а на основании опыта трех революций и опыта одиннадцатилетнего строительства социализма.

В работе по защите непосредственных интересов рабочих профсоюзы, начиная с 1922 года, когда партия под руководством Ленина четко определила «роль и задачи профсоюзов в условиях новой экономической политики», достигли немаловажных результатов. Тарифная работа и колдоговорная кампания стали на деле одной из важнейших отраслей профсоюзной работы. Однако, научившись бороться «с неизбежным ведомственным интересом и преувеличением ведомственного усердия» (XI с'езд партии) со стороны хозорганов, профсоюзы почти не научились еще должным образом бороться с «бюрократическим невниманием к нуждам масс» (июльский пленум ЦК партии) в особенности с невниманием к так называемым «мелочам». В этом сказывается некоторый бюрократический подход к работе со стороны самих профсоюзов. Это проявляется и в том, что кампания по перезаключению колдоговоров проводится почти повсеместно только силами узкого круга профессиональных экономработников. А разве нельзя и нецелесообразно привлечь членов выборных профорганов и профактив к участию в проработке отдельных вопросов колдоговора, к раз'яснению его в массах?

Крупным недостатком в работе профорганов при проведении кампании явилось также то, что в центре готовились к ней в течение ряда месяцев, а местам предоставляли лишь две-три недели, а в некоторых случаях (Владимир, Н. Тагил, Рязань и др.) только несколько дней для проработки и обсуждения колдоговоров. Понятно, что при таких условиях низовые профработники не успевали разбираться во всех сложных вопросах колдоговоров и не могли давать рабочим удовлетворительные об'яснения по ним.

Проводя в общем и целом правильную линию, профсоюзы в некоторых случаях при назревании конфликтов не умеют должным образом итти против неправильного течения, не принимают всех необходимых мер для его предупреждения и преодоления, упускают инициативу из рук и «пасуют». В таких случаях рабочие, помимо и через голову своей профорганизации, пред'являют требования, шлют заявления, ходоков. Такие ненормальные случаи свидетельствуют прежде всего о слабости профработы, как и работы других организаций. Вот почему необходимо восстановить применение следующего решения XI с'езда партии: «Одним из важнейших и безошибочных мерил правильности и успешности работы профсоюза является учет того, в какой мере он успешно предупреждает массовые конфликты на государственных предприятиях путем предусмотрительной политики, направленной к действительному и всестороннему ограждению интересов рабочей массы и своевременному устранению поводов к конфликтам».

Одним из самых слабых мест в работе хозорганов является совершенно недостаточное и неудовлетворительное участие их в колдоговорной кампании. Это об'ясняется указанным выше в корне неправильным взглядом на эту кампанию, как на дело исключительно профсоюзов. Хозяйственники, на которых ложились особые трудности в проведении кампании, как правило, в должной мере не уясняли задач кампании, не были подготовлены к их разрешению. На предприятиях они частенько стремятся «стоять в сторонке»

при обсуждении в массах колдоговора. Нередко они отмалчиваются на собраниях. Так, например, на заводской конференции «Кр. Треугольника» представитель треста молчал и только по требованию массы взял слово, но ничего по существу колдоговора не сказал; на цеховых собраниях Балтийского завода администрация не выступала. На некоторых предприятиях (Московская фабрика им. Звонкова, Иртовищенская фабрика в Ив.-Вознесенске, фабр. «Шервот» в Моск.-Нарвском районе и др.), хозяйственники даже не являлись на собрания для участия в обсуждении колдоговора. Красочный случай приводит отчет ЦК союза металлистов об Уральском заводе «Нырва», где работники заводоуправления, отказываясь участвовать в обсуждении рабочими колдоговора, прямо заявили: «ходить на собрания—не наше дело». Административно-технические работники, в частности завцехами и мастера, как правило, не участвуют в колдоговорной кампании. Такая пассивность хозработников, помимо большого вреда для самого производства, наносит не малый урон и работе профсоюзов, вынуждая их иногда терять свое лицо и выступать единственным представителем хозяйственной точки зрения. Против этого большого зла следует повести решительную борьбу. Директора на предприятих обязаны собирать специальные технические совещания для проработки вопросов колдоговора и для инструктирования техперсонала об их участии в проведении кампании. Хозяйственники должны хорошо понять, что только тогда они смогут с успехом пред'являть свои требования к рабочим, когда они сами будут внимательно и чутко относиться к предложениям последних и все выполнимые предложения на деле проводить в жизнь. Необходимо, чтобы все хозяйственные работники также осознали всю важность их активного участия в массовом обсуждении колдоговора с точки зрения интересов производства и привлечения к нему внимания рабочих. В связи с этим стоит вопрос о предварительном ознакомлении перед колдоговорной кампанией рабочих с итогами и перспективами работы производства. Опыт производственных конференций в Москве (на 130 конференциях присутствовало около 15 тыс. делегатов, представлявших 650 тысяч рабочих), в Туле, Сормове, Владимире, Грозном, Днепропетровске (вопросы конференции предварительно прорабатывались на 43 цеховых собраниях, на которых присутствовало около 4½ тысяч рабочих и было внесено 498 практических предложений) и др., на которых обсуждались доклады хозяйственников об итогах работы за предыдущий год и о произв. программе нового года, показывает, что это подготовляло рабочих к более сознательному подходу к перезаключению колдоговора. Вот почему этот опыт надо распространить повсеместно, всячески улучшая практику его проведения.

Во время колдоговорной кампании рабочие массы проявляют большую активность и с повышенным интересом относятся к вопросам колдоговора, затрагивающим их непосредственные интересы. Приходится отметить, что, к сожалению, из-за плохой раз'яснительной работы этот положительный интерес рабочих удовлетворялся недостаточно. Количественные показатели говорят о все возрастающем вовлечении рабочих масс в колдоговорную кампанию. Посещаемость общих, делегатских и цеховых собраний выражалась в 1927 г. и 1928 г. так: в Московск. губ.—46 и 61%, у московских металлистов—47 и 68%, у ярославских текстильщиков—43 и 56%, у украинских металлистов—60 и 87%, у Ив.-Вознесенских текстильщиков—на цеховых и сменных собраниях—22 и 31%, на делегатских собраниях—54 и 65%, на конференциях—68 и 73%, в 1928 г. по предприятиям Среднего Урала—61%, Днепропетровска—60%, Ленинграда—70%, Баку—80% и т. д.

Но в некоторых местах имели место факты слабого вовлечения рабочих в колдоговорную кампанию. На отдельных предприятиях Сталина, Тулы, Нижнего посещаемость рабочими собраний выразилась только в 25—30%, на предприятиях Владимирского губтекстильтреста—26%, на цеховых собраниях Кр. Треугольника—28%.

На ряде же предприятий (Нижне-Выксунский з-д, Парострой в Ив.-Вознесенске, Богомолстрой на Урале, Харьковская кондитерская ф-ка и другие) профорганы подробно обсуждали колдоговоры на ФЗМК и делегатских собраниях, на рабочие же собрания выносили их лишь для общего ознакомления с ними рабочих и их утверждения, что вызывало недовольство в массе.

Одни количественные показатели, однако, недостаточны: решающее значение имеют качественные результаты вовлечения масс в кампанию.

Порядок же обсуждения колдоговоров на рабочих собраниях следует признать неудовлетворительным.

В виду крайней спешности проработки колдоговоров во многих местах рабочие не успевали как следует их обсуждать и иногда («Пролетарка», Ив.-Вознесенская мануфактура и др.) требовали даже повторного их обсуждения.

У рабочих вызывала также недовольство неясность некоторых пунктов колдоговоров, чрезмерные ссылки в них на статьи законоположений о труде. Крайне ненормально такое положение, что предварительно до обсуждения колдоговора рабочих не знакомят с вносимыми в них изменениями и они не могут должным образом их продумать. Вредит обсуждению также то, что в ряде мест читают и ставят на обсуждение все пункты колдоговора, независимо от того, вносятся ли к ним изменения или нет. Важнейшее значение имеет также следующее обстоятельство. Рабочие вносят большое количество предложений,—профсоюзные работники, и особенно хозяйственники, недостаточно внимательно относятся к этим предложениям, не всегда выясняют, выполнимы ли они, и крайне редко выступают против неосуществимых предложений, добиваясь их отклонения. Поэтому обычно случается так, что почти все вносимые на рабочих собраниях предложения принимаются, а в колдоговоры включается лишь незначительная часть их. Так, напр., в Моск.-Нарвском районе Ленинграда в одном предприятии из принятых при обсуждении колдоговора на рабочем собрании 157 предложений, в колдоговор было внесено лишь два. Для устранения подобных случаев надо обязать профорганизации, на ряду с отстаиванием выполнимых предложений рабочих, открыто выступать против непосильных для промышленности требований. От хозяйственников следует требовать, чтобы они заранее имели свои предложения по колдоговору, выступали с ними перед рабочими, обосновывая их убедительными данными, также раз'ясняя невыполнимые предложения. На хозяйственников надо возложить ответственность за включение в колдоговор предложений рабочих, принятых с их согласия.

Серьезного внимания заслуживают также вопросы о порядке переговоров хоз. и проф. органов, конфликтовании и сроках кампании. Как правило, срок переговоров в последнюю кампанию был короче прежнего. Но тем не менее, в ряде мест он был еще довольно продолжителен. Так, напр., нижнетагильские металлисты вели переговоры о колдоговоре с Уралметом в течение пяти недель в г. Свердловске. Отрицательно влияет на рабочих установившийся ненормальный порядок, заключающийся в том, что их плохо информируют о ходе переговоров и не ставят на их обсуждение изменений, вносимых в колдоговор в ходе переговоров. Имели место даже такие случаи (Тула), что представители профсоюза уехали в центр на переговоры до обсуждения колдоговора на рабочем собрании.

Конфликтования между проф. и хоз. органами на почве заключения колдоговоров в прошедшую кампанию было меньше, чем в прошлом году. Так, например, в Москве их было меньше на 15%, в Нижнем Новгороде—на 84% и т. п.

Положительное воздействие в этом направлении оказали совместные директивы, данные на места ВЦСПС и ВСНХ, в частности, директива о непре-

менном сокращении конфликтования. В этом отношении очень показательны имевшие место случаи, когда хозяйственники и профессионалисты первоначально конфликтовали, но, получив отказ в разборе их конфликтов, быстро сговаривались. В Н.-Новгороде, например, из 800 конфликтов 600 были разрешены по соглашению сторон и только 200 по решению супер-арбитра.

Было не мало случаев конфликтования из-за маловажных разногласий (Ярославль, Н. Тагил, Свердловск и др.). В некоторых местах (Владимир, Николаев и др.) отмечен даже рост конфликтования и очень длительный разбор конфликтов.

Совершенно ненормально, что перезаключение колдоговоров неимоверно растягивается.

Колдоговорная кампания в 1927 — 28 г. в связи с об'единением ее с пересмотром норм выработки и проведением тарифной реформы значительно затянулась: в промышленности, начавшись в ноябре, она закончилась в марте—апреле, а на транспорте она продолжалась почти полгода (с января—февраля до июля). В связи с этим в Н.-Новгороде в губком было даже внесено губпрофсоветом предложение «постановить перезаключать колдоговор не весь год, а раз в год».

Опыт колдоговорных кампаний показывает, что в результате их затягивания рабочие держатся продолжительное время в напряженном состоянии, что отражается отрицательным образом на производстве, не говоря уже о том, что на долгое время нарушается нормальный ход работы всех организаций на производстве. Вот почему строгое соблюдение установленных сроков колдоговорной кампании (ноябрь, декабрь) так, чтобы к 1 января кампания повсеместно кончалась и немедленно вслед за этим новые колдоговоры были широко распространены на предприятиях, является настоятельной и безусловной необходимостью. В этом отношении серьезного внимания требует к себе вопрос о своевременности и тщательности подготовки всех организаций к перезаключению колдоговоров и о снабжении во-время предприятий директивами и необходимыми материалами. Необходимо также установить за правило, что недопустимо совмещение колдоговорной кампании с какой бы то ни было другой кампанией на производстве.

Установился порядок, что колдоговор заключается не дольше чем на год. За последнее же время ряд хозяйственных и профессиональных органов ставят вопрос о необходимости перейти к двухлетнему сроку действия колдоговора, заменяя ежегодное перезаключение его масовой проверкой выполнения. В нынешнем году это допустимо лишь для некоторых предприятий, где, на основании данных контрольных цифр, в колдоговоре не предстоит никаких существенных изменений. В дальнейшем же, по мере развертывания реконструкции промышленности и перехода ее к работе по пятилетнему, а впоследствии и генеральному плану, неминуемо встанет вопрос о широком распространении применения более длительного срока действия колдоговоров с тем, что ежегодно смогут допускаться изменения локальных договоров дополнительно к генеральным или же заключаться дополнительные местные соглашения. Необходимыми условиями для возможности это осуществить должны быть систематизация законов о труде и уточнение формулировок пунктов колдоговоров.

Колдоговорная кампания, как в фокусе, отражает все недостатки работы организаций на производстве. Особенно резко они сказались в предыдущую кампанию в связи с трудностями проведения колдоговорной кампании. Необходимо добиться, чтобы кампания перезаключения колдоговоров явилась одним из важнейших факторов воспитания масс, укрепления работы организаций и улучшения производства. Вот почему принятие решительных мер для устранения в текущую кампанию отмеченных недочетов является обязанностью всех хозяйственных, профессиональных и партийных организаций.

3. Техническое нормирование труда.

Сколько бы мы ни говорили о воспитательной работе среди рабочих в целях поднятия производительности труда и трудовой дисциплины и как ни важна эта работа, она не может не дать крайне ограниченных, а то и незначительных результатов, если не решить коренной вопрос о правильной постановке организации труда на производстве. Важнейшей же составной частью этого вопроса является техническое нормирование труда. Это совершенно новая область работы, появившаяся у нас на производстве лишь «милостью» революции. При старом режиме мастер был полным хозяином в цеху. Он же и нормировал труд и расценивал его. Делал он это «по опыту», «на глазок». Широкое поле было тут произволу, личному усмотрению, что не противоречило основной задаче капиталистической эксплоатации рабочих. Сломав все капиталистические порядки на наших фабриках и заводах, революция уничтожила и этот «допотопный» метод нормирования труда. Установленное у нас техническое нормирование труда предполагает систематическое научное изучение всего процесса производства, состояния и изменений всех его элементов и установление норм выработки для рабочих в точном соответствии с производственными возможностями. Созданные несколько лет назад органы технического нормирования при хозорганах — ОЭТ (отделы экономики труда) и ТНБ (технико-нормировочное бюро) еще крайне слабо и несовершенно выполняют свою работу. Основные причины этого следующие: 1) хозорганы недостаточно руководят этой работой, 2) отсутствуют необходимые материалы и пособия по техническому нормированию, 3) плохо поставлено инструктирование, 4) мало разработаны и неумело применяются методы нормирования (хронометраж, фотография рабочего дня, паспортизация оборудования, лабораторное изучение отдельных рабочих операций), 5) количественно и качественно слаб состав работников, 6) значение технического нормирования явно недооценивается проф. и парт. организациями, 7) нет необходимой поддержки рабочих масс.

Остановимся на этих вопросах.

На многих предприятиях сами хозяйственные руководители «скептически» относятся к работе ОЭТ и ТНБ, мало ею интересуются, слабо ей помогают. В связи с этим остро также стоит вопрос о взаимоотношениях ОЭТ и ТНБ с техническим персоналом на производстве. Здесь еще много ненормального. Технический персонал тоже стоит в стороне от работы по техническому нормированию, мало помогает этой работе. Некоторые специалисты и мастера даже «косятся» на ТНБ, несочувственно к нему относятся, злорадствуют над его ошибками и не прочь бы вернуть себе утерянные старые права. На этой почве кое-где в цехах складывается даже нездоровый союз между такого рода администраторами и отдельными старыми рабочими, не осознавшими еще всей важности технико-нормировочной работы. При такой недостаточной поддержке со стороны хозаппарата предприятия технико-нормировочные органы особо нуждаются в систематическом инструктаже со стороны вышестоящих хозорганов. Накопившийся уже опыт можно распространить повсеместно через литературу, пособия, живой обмен опытом и т. д. Все это делается в совершенно недостаточной, прямо-таки ничтожной степени. Нечего поэтому удивляться, что работа молодых и неопытных ОЭТ и ТНБ поставлена плохо. Часто проводят хронометраж неумело и вхолостую, без изучения оборудования. Старый произвольный подход с «допуском», «прикидкой», с постоянными торгами и спорами все еще распространен. На ленинградском заводе «Светоч» имела даже место сдача работы по методу «аукциона», т.-е. тому, кто соглашается на более низкий расценок. Совершенно понятно, что при такой постановке технического нормирования, нормы выработки не пересматриваются по 2 и 3 года, в просмотре их допускается не

мало ошибок и случайностей. Это не может не подрывать авторитета всего технического нормирования, невзирая на первостепенную его важность. Исключительное значение имеет тот факт, что и количественно и качественно состав работников ОЭТ и ТНБ крайне недостаточен.

Совершенно недопустимым является имевшее место проведение режима экономии за счет сокращения аппаратов ОЭТ и ТНБ. Такой неразумный подход во многих случаях совсем низвел на-нет технико-нормировочную работу. С особой настоятельностью поэтому следует выдвинуть вопрос о пополнении состава работников ОЭТ и ТНБ. Это—верный путь к доподлинному режиму экономии. Качественно нормировочные работники мало удовлетворительны. Аппарат ОЭТ и ТНБ имеет крайне мало специалистов, квалифицированных рабочих, коммунистов, которые бы знали данное производство и имели бы знания и опыт по техническому нормированию. Наоборот, этот аппарат в сильной степени засорен слабыми и неопытными работниками, чуждыми элементами и даже вредителями. Последние не только не умеют с должным тактом по отношению к рабочим проводить свою работу, но в отдельных случаях злонамеренно допускают неправильности, чтобы навредить рабочим и расстроить нормальный ход их работы. В последнюю колдоговорную кампанию в некоторых местах (Ленинград, Сормово) снимали такого рода работников. Чистка аппарата технического нормирования является актуальной задачей так же, как и всемерное его укрепление. Невзирая на исключительную трудность работы по нормированию, материальные условия ее хуже, чем на производстве. Трудность этой работы особенно усугубляется тем, что она не получает необходимой поддержки со стороны партийных, профессиональных организаций и рабочих масс. ТНБ зовут—«тяни нашего брата», нормировщика считают «врагом рабочих». При таких условиях понятно бегство работников с этой работы и нежелание даже коммунистов итти на нее. Для устранения указанных недочетов необходимы длительные и самые энергичные мероприятия. Напрасно «Труд» иронически передает заявление представителя ОЭТ ВСНХ на пленуме ВЦСПС о том, что пока-что нельзя должным образом нормировать труд. Это—печальный, но неоспоримый факт. Необходимо хорошо осознать, что без активной помощи партийных и профессиональных организаций его не устранить. Прежде всего нужно выдвинуть значительное количество работников на это дело, особое внимание надо уделить подготовке новых и переподготовке старых работников. За несколько лет ВСНХ пропустил через 2—3½-мес. курсы по подготовке около 50 нормировщиков и рационализаторов, такая же подготовка ведется и на местах (Ленинград, Харьков, Ростов-на-Дону, Нижний). Однако, эта подготовка далеко не соответствует потребностям промышленности в нормировочных работниках. Вот почему хоз. и проф. органы должны принять более широкие и более систематические, чем до сих пор, мероприятия по разрешению этого самого больного вопроса технико-нормировочной работы.

Слабости и недостатки работы ОЭТ и ТНБ особенно резко выявились в прошлогоднюю колдоговорную кампанию, когда на них в связи с массовым пересмотром норм выработки и сдельных расценок, была возложена чрезвычайно ответственная и тяжелая, местами непосильная работа. По этому поводу ВСНХ РСФСР констатирует следующее: «Тресты не имели отчетливых и ясных предложений по изменению договорных условий, были слабо подготовлены к пересмотру нормы выработки и не использовали договорную кампанию в должной мере для обеспечения выполнения в части труда заданий промфинпланов». На Украине было констатировано, что «большинство трестов и отдельных профорганизаций не подготовилось должным образом к практическому проведению в жизнь перезаключенных колдоговоров и особенно в части подготовки к проведению пересмотра норм выработки и сдельных расценок». 15 февраля правление «Гомзы» пишет заводоуправлениям: «Заявляет ряд заводов, что, несмотря на все усилия и мобилизацию большинства заводского аппарата на работу по проведению колдоговорной кампании, заключающейся в данное время в пересмотре норм и расценок, все же нет уверенности в своевременном окончании этих работ в срок»... По этому же вопросу в Сормове отмечалось «отсутствие четкой постановки со стороны заводоуправления, к тому же не имевшего соответствующих указаний со стороны правления Гомзы, недостаточная подготовленность цеховой администрации и отсутствие у отдельных нормировщиков необходимой гибкости и чуткости»... Полная беспорядочность в постановке тарифно-нормировочной работы ярко видна из следующего описания, как трест «Мельстрой» «помогал» своему нижегородскому заводу им. Воробьева проводить колдоговор в жизнь:

«1) 31/X трест дает директиву поднять нормы на 18% (без обоснований), 2) 3/XI сообщается, что БЭТ в тресте неработоспособен, 3) 15/XI просит трест сообщить о возможности определить размер повышения норм выработки, 4) 26/XI трест предлагает выехать в БЭТ для согласования и тут же 26/XI дает отдельные конкретные предложения для проведения в жизнь пересмотра норм».

Эти факты отнюдь не исключительны: они имели повсеместное распространение. Поэтому, хотя пересмотр норм выработки и сдельных расценок коснулся на многих предприятиях тысяч и десятков тысяч (на Кр. Путиловце около миллиона) номенклатур и дал значительную экономию средств, которые были использованы на подтягивание зарплаты, проведение тарифной реформы и снижение себестоимости,—тем не менее трудности и промахи массового пересмотра норм выработки привели парт., проф. и хоз. органы к отказу от повторения подобных опытов. Да и с точки зрения правильной хозяйственной политики «кампанейский» пересмотр норм выработки нецелесообразен. Ведь, он должен проводиться в соответствии с техническими и организационными усовершенствованиями на производстве, повышающими производительность труда, и вскоре вслед за ними. Нужен при этом индивидуализированный подход к каждой норме, к каждому расценку. А это можно осуществить только в процессе систематической работы, переходя от цеха к цеху, от одного работника к другому. При этом нормы выработки должны закрепляться на длительный срок (не менее 1 года) так, чтобы рабочий мог работать в спокойных условиях. Досрочный пересмотр их возможен лишь при проведении рационализаторских мероприятий, повышающих производительность труда. Понятно, что при таком порядке пересмотра норм выработки и сдельных расценок, он может проводиться в течение всего года и даже во время колдоговорной кампании на тех работах, где в это время обнаруживаются соответствующие производственные изменения, влияющие на рост производительности труда. Только при таких условиях невозможно положение, когда нормирование превращается в нервирование. Нормы должны устанавливаться максимально технически возможные, ибо только такой метод работы может способствовать максимально возможному темпу рационализации производства и индустриализации. Особо резко стоит вопрос об устаревших, давно не пересматривавшихся и потому неправильных нормах, особенно в легкой промышленности, а также о сплошном запоздании с пересмотром норм. Разрешение этих задач зависит главным образом от укрепления аппарата ТНБ. Понятное дело, надо бороться с противодействием пересмотру норм, имеющим место со стороны некоторых рабочих и отдельных профорганов, также со случаями отказа при таком противодействии со стороны отдельных хозяйственников от необходимого пересмотра норм. Но основной успех нормирования зависит от планомерности и четкости работы ТНБ.

Положительный опыт технико-нормировочной работы пока-что встречается в виде исключения. Так, например, на Коломенском заводе ТНБ про-

извело паспортизацию всего оборудования, через существующую при нем секцию по обследованию использования оборудования и рабсилы провело большую исследовательскую работу и составило почти для всех профессий нормали, по которым будет значительно легче установить правильную норму выработки. Эта работа позволила повысить производительность существующего оборудования на 15%, производительность сдельщиков на 20—30% и нормы выработки на 25—30%. Опыт Коломенского завода учитывается и ЦТНБ Гомзы.

Правильно и хорошо поставленная работа по техническому нормированию, помимо непосредственных своих результатов отражает, как в зеркале, также все недостатки на производстве и указывает, как их исправить. В этом отношении работа по техническому нормированию является не только важнейшим орудием наилучшей и правильной организации труда, но и одним из основных и важнейших факторов рационализации производства! Это весьма большое значение технико-нормировочной работы должно быть осознано партийными и профессиональными организациями. Они обязаны приблизить к этой работе рабочие массы, добиваясь от них активной ее поддержки (рабочий актив при ТНБ, совещания при ТНБ, группы рабочих, образцовые группы рабочих и т. п.).

(Продолжение следует).

К. Трошин.

О мобилизации крестьянских свободных средств[1]).

Июльский пленум ЦК нашей партии отметил, что одним из условий, повлиявших на хлебозаготовительные затруднения в истекшем хозяйственном году, было «нарушение рыночного равновесия и обострение этого нарушения благодаря более быстрому росту платежеспособного спроса со стороны крестьян в сравнении с предложением промтоваров, вызванное повышением доходности деревни, в особенности ее зажиточных и кулацких слоев». (Из резол. пленума). Повышение доходности сельского хозяйства, как показывают «Контрольные цифры» на 1927—28 г., происходит в значительной мере за счет неземледельческих занятий; так, например, в истекшем хозяйственном году эти доходы составляли 2.400 млн. руб. или 41% по отношению к доходу от реализации (вне деревни) сельскохозяйственной продукции. Эта цифра как по абсолютной, так и относительной своей величине представляется значительной. Дальнейший рост промышленности и связанное с этим ростом городское строительство, а также рост промыслового производства, связанного с сельским хозяйством, создают перспективу к несомненному повышению доходности крестьянских хозяйств за счет заработка в этих областях производства. А на ряду с этим будут, разумеется, увеличиваться и доходы за счет роста товарности в самом сельском хозяйстве.

Таким образом, на ряду с ростом предложения товаров промышленности будет увеличиваться, вероятно, не в меньшей степени и платежеспособный спрос со стороны крестьянского населения. В итоге мы, вероятно, будем иметь продолжение напряжения в рыночных отношениях промышленности с сельским хозяйством, если не сумеем изыскать возможностей, смягчающих это напряжение.

В качестве одной из мер, могущих разрядить это напряжение и вместе с тем обеспечить приток новых дополнительных средств в общий оборот страны, мы предлагаем разрешить проблему мобилизации крестьянских свободных средств в наши кредитные учреждения. Необходимо указать, что достигнутые результаты в области мобилизации крестьянских средств в форме вкладов совершенно ничтожны и что это—одна из главных причин, создающих обострение в рыночных отношениях промышленности с сельским хозяйством.

Чтобы видеть, насколько незначительны размеры вкладов, имеющихся в настоящее время, достаточно привести следующие цифры. По данным Центросельбанка на 1-е апреля 1928 г. в низовой сети с.-х. и кредитных товариществ имелось всего 32,4 млн. руб., из коих единоличные крестьян-

[1]) В порядке постановки вопроса.

ские вклады составляли 9,6 млн. руб., а по госсберкассам на то же число— около 13,0 млн. руб. Весь остаток на указанное число крестьянских единоличных вкладов выражается в сумме 22,6 млн. руб., тогда как на 1 января 1914 г. крестьянские единоличные вклады на территории нынешних границ СССР составляли в сельскохозяйственных и кредитных кооперативах около 350 [1]) млн. руб. и в государственных сберегательных кассах около 450 [2]) млн. руб., а всего около 775 млн. руб.

Из сопоставления этой суммы вкладов с размерами вкладов, имеющихся в настоящее время, мы не намерены делать прямого вывода на основе простой арифметической разницы. Мы знаем, что такой размер вкладов, который имел место в довоенное время, обусловливался тем, что тогда среди крестьянского населения имелся значительный слой кулацкой верхушки деревни, который и являлся обладателем значительной части этих вкладов. Остальная же доля вкладов, несомненно, принадлежала середняцкой части населения и прежде всего его верхнему слою.

В настоящее же время мы не имеем такого слоя кулацкой верхушки деревни, каким он был до революции. Эта группа в результате Октябрьской революции и последующих мероприятий советской власти претерпела значительное количественное и качественное изменение. Хозяйственно-экономическая значимость передвинулась в сторону середняка, середняк вырос за счет уменьшения бедноты и кулаков. Качественно изменились также и бедняцкие хозяйства путем получения значительной доли дополнительной земли и отчасти инвентаря. Бедняк теперь является совершенно не таким, каким он был до революции. Он тоже, при условии самостоятельной обработки своей земли, имеет возможность производить продукцию не только для своего собственного потребления, но и на продажу, тогда как раньше он этой возможности не имел из-за отсутствия у него достаточного количества земли. Как изменилась хозяйственная роль отдельных слоев деревни, показывают следующие цифры ЦСУ:

До революции	Валовая продукции хлеба млн. тонн	в %%	Товар. хлеб (вне дерев. сбыт) млн. тонн	в %%	%% товарности
1. Помещики	9,75	12,0	4,60	21,6	47,0
2. Кулаки	31,25	38,0	10,[illegible]5	50,0	34,0
3. Середн и бедн . .	41,00	50,0	6,05	28,4	14,7
Итого . . .	82,00	100	21,3	100	26
В 1926—1927 г.					
1. Совхозы.	1,30	1,7	0,60	6,0	47,2
2. Кулаки	10,1	13,0	2,06	20,0	20,0
3. Середн. и бедн . . .	66,5	85,3	7,[illegible]4	74,0	11,2
Итого . . .	77,8	100	10,3	100	13,3

Эта таблица показывает, что основными производителями как валового сбора, так и товарного хлеба являются середняки и беднота. Она же вместе с тем показывает об'ективную противоречивость, действующую в настоящее время на размеры вкладных операций. В чем выражается эта противоречивость? Она выражается в том, что, с одной стороны, сам факт снижения хозяйственной роли кулака и усиления за его счет (и за счет помещиков) середняка и бедноты, об'ективно содействует в наших условиях максимальной мобилизации свободных средств, поскольку бедняки и середняки идут с нами; но, с другой стороны, то положение, что в деревне произошла большая хозяйственная нивелировка, получилось, во-первых, большое снижение размеров накоплений в руках кулацкой верхушки деревни, а во-вторых, невозможность добровольного привлечения этих накоплений в нашу кредитную систему, поскольку кулак находится в оппозиции к советской власти.

[1]) Цифра взята из соответствующих отчетов учреждений мелкого кредита. Эта же цифра приводится М. И. Фридманом. См. его книгу «Государственное хозяйство и денежное обращение в России», стр. 6.

[2]) Из «Приложения к отчету государственных сберегательных касс по сберегательным операциям за 1915 г.».

Понижение размеров крестьянских накоплений и трудность их мобилизации обусловливается еще и тем обстоятельством, что у нас со времени Октябрьской революции произошло большое дробление крестьянских хозяйств, число которых увеличилось с 16 млн. до 24—25 млн. дворов. Это положение указывает, во-первых, на большое понижение рентабельности мельчающих производителей, а во-вторых, на возрастающую распыленность имеющихся временных или даже более или менее постоянных накапливающихся свободных крестьянских средств.

Следовательно, в итоге мы имеем в настоящее время, во-первых, некоторое снижение в общей массе сельскохозяйственной товарной продукции (по хлебу в особенности) в сравнении с довоенным временем, во-вторых, большую распыленность этой продукции среди мелких отдельных хозяйств, и, в-третьих, пониженную об'ективную возможность мобилизации крестьянских свободных средств, благодаря хозяйственному саботажу со стороны кулацких элементов.

Однако, понижение возможности мобилизации крестьянских средств, в силу указанных причин, не настолько велико, чтобы снизить цифру вкладов (в сравнении с довоенным временем) до таких ничтожных размеров, как 22,6 [1]) млн. руб. Оправдание такого снижения мы должны искать в других причинах. Эти причины заключаются в следующем: 1) в недостаточно крепкой хозяйственной связи крестьянского населения с низовыми сельскохозяйственными и кредитными товариществами, 2) в финансовой слабости значительной части сельскохозяйственных и кредитных товариществ, благодаря чему они не пользуются достаточным доверием среди крестьянских масс; 3) в том, что крестьянин не отвык еще ожидать повышения цен к весне на хлеб, в силу чего он всегда выжидает с продажей части хлеба до весны (а в прошлом хоз. году он тем более должен был поступить так, поскольку имелось большое расхождение цен между хлебом и сырьевыми продуктами) и 5) в понижении, в сравнении с довоенным временем, покупательной силы нашего рубля. Российский крестьянин от века не знал такого явления, чтобы рубль так потерял свое значение, как это было во время войны и революции. Это явление у него, естественно, вызвало глубокое недоверие к авторитету рубля; недоверие, которое психологически отчасти, к сожалению, еще сохранилось до настоящего времени.

Благодаря этим причинам крестьянин продает свои товарные излишки по мере потребности в промтоварах и других надобностях, воздерживаясь от накопления денежных запасов.

Размеры и время реализации крестьянином своих товарных излишков определяются: 1) степенью удовлетворения его текущих потребностей в промтоварах; 2) размерами и временем поступления этих товаров на рынок; 3) сроками и размерами платежа с.-х. налога; 4) размерами и временем других расходов бытового порядка; 5) видами на урожай следующего года. Следовательно, весь гвоздь вопроса заключается в том, что крестьянство

[1]) Кроме указанной цифры, мы должны принять во внимание государственный выигрышный заем восстановления крестьянского хозяйства, размещенный в истекшем хозяйственном году в сумме 135 млн. руб. Мы, однако, этот заем, как и всякие подобные займы, не можем ставить в сравнение с вкладами, поскольку они (займы) носят спорадический характер. Необходимо отметить вместе с тем, что сам факт размещения этого займа вполне подтверждает наличие у крестьян средств, могущих быть привлеченными в кредитную систему в форме вкладов.

продает свою продукцию лишь в меру удовлетворения в конечном счете его потребностей в промтоварах со стороны промышленности, и в том, что продажу этой части товарных излишков совершает постепенно в течение всего хозяйственного года.

Если бы крестьяне продавали излишки своей продукции немедленно по приведении их в товарный вид и притом в большем размере (в денежном выражении), чем потребность в деньгах на указанные выше надобности, то это означало бы, что они не прочь держать свои ценности в денежной форме и что эти ценности можно аккумулировать в кредитных учреждениях в виде вкладов в значительно больших размерах, чем мы имеем теперь. Но эти пожелания отпадают в силу указанных выше причин.

Поэтому, чтобы мобилизовать крестьянские средства в форме вкладов, мы должны *устранить* эти причины и *изменить* самую *форму* вкладов. Мы можем и должны, пользуясь организационно-хозяйственными особенностями нашей страны, организовать это дело таким образом, чтобы крестьянин был абсолютно заинтересован в этих операциях, чтобы вклады поступали к нам, как говорят, самотеком. Для этого мы должны избрать такую форму вкладов и выработать такие условия их приема, чтобы все экономические расчеты крестьянина, препятствующие ему нести свои свободные средства теперь (в виде денег), оказались на его стороне и *сохранили* ему *надежды* на получение тех выгод, которые он ожидает при сбыте своей продукции, как результат экономической ситуации. Короче, мы предлагаем, не устраняя формы денежных вкладов, допустить прием их в *натуральной* форме. Почему в натуральной форме? Потому что именно в этой форме, а не в форме денег крестьянин держит свои ценности, временно свободные от вложения их в свое хозяйство или обращения их на предметы личного потребления.

При наших организационно-хозяйственных условиях мы в вопросе мобилизации крестьянских свободных средств не можем быть связаны с одной лишь денежной формой, в этих условиях мы можем ее легко изменить; нам незачем усложнять оборот тем, что мы обмениваем у крестьянина деньги на его товарную продукцию, а затем стремимся мобилизовать эти деньги для использования их в обороте. Мы можем поступать тут непосредственнее—брать эти товарные излишки прямо натурою в виде вклада. Приемочный, сбытовой и расчетный (при возвращении вкладов клиентуре) аппарат у нас имеется в виде сельскохозяйственной кооперации и системы с.-х. кредита, которые, кстати сказать, нуждаются в большей дополнительной нагрузке.

Теперь, каковы же условия приема натуральных вкладов? Эти условия в основном должны заключаться в следующем [1]):

Крестьяне вносят вклад в виде натуральной сельскохозяйственной продукции (товарные излишки) в те сельскохозяйственные и кредитные товарищества, которые состоят в сети системы с.-х. кредита [2]). Товарищества, принявшие натуральные вклады, должны записывать их на особые текущие счета вкладчиков в натуральной форме. При этом записывается подробно: наименование продукта, количество его, сорт и время сдачи. Подобная же запись должна делаться и в личных книжках вкладчиков.

---

[1]) Условий приема и ряда других вопросов мы здесь касаемся лишь в общих чертах, а некоторых вопросов, связанных с этой проблемой, совсем не затрагиваем. Поэтому товарищей, интересующихся этими вопросами, мы отсылаем к нашей работе «Система натуральных вкладов». (Издание «Московский Рабочий»).

[2]) Мы говорим здесь лишь о с.-х. и кр. товариществах и не касаемся роли всей системы с.-х. кредита и системы с.-х. кооперации по недостатку места. На самом деле эта операция должна быть, как государственная, проводима Центросельбанком. Подробно по этому вопросу см. в указанной выше нашей работе.

Право возвращения вкладов сдатчикам должно быть предоставлено в любое время, но уже *не натурой*, а *исключительно деньгами* [1]).

Учреждение, принявшее вклады, имеет право тут же распорядиться ими по своему усмотрению и продать их в любое время и за любую цену. Право вкладчика должно заключаться в том, что он может после сдачи продукции избрать средне-рыночную существовавшую цену ближайшего рынка и заявить ее товариществу для пересчета его продукции в денежном исчислении.

Вкладная продукция должна пересчитываться в денежное исчисление по средне-рыночным заготовительным ценам ближайшего рынка, взятым за любой недельный период в пределах времени с 1 июля по 1 июня (ориентировочно) следующего года. Этот недельный период (который должен лежать между днем сдачи продукции и днем заявки о пересчете вклада в деньги) должен быть указан в любое время (в пределах периода с 1 июля по 1 июня) самим вкладчиком в виде простого заявления в свое с.-х. кредитное товарищество.

Для этого губторготделы или окрторготделы фиксируют средненедельные цены определенных сортов с.-х. продукции, существующие по отдельным районным рынкам губернии, округа [2]). Цены эти должны суммироваться за недельный период, и из них выводиться средние цены дня, которые должны опубликовываться в местных газетах или в отдельных бюллетенях торготделов.

К фиксированию цен могут привлекаться волисполкомы, представители местной кооперации, уполномоченные Хлебопродукта, кресткомы и представители ближайшего сельсовета. Цены могут фиксироваться по приемочным ордерам государственных и кооперативных заготовителей. Необходимо, конечно, следить, чтобы цены фиксировались строго справедливо.

Совершенно ясно при этом, что вкладчик может потребовать возвращения ему вклада лишь после того, как будет реализован его счет в денежном исчислении; а последнее, как видно, зависит от него самого. Вполне также ясно и то, что он может и не получать своего вклада, оставив его пока в кассе товарищества. Проценты в последнем случае должны начисляться в том же порядке со дня фактической сдачи вклада.

Но если же вклады затребовываются раньше месячного срока со дня фактического их вложения, то проценты на них начисляться не должны. Словом, условия с процентами должны сохраниться те же, что и при денежной форме вкладов.

Указанные в основном условия приема натуральных вкладов должны заинтересовать крестьянина целиком, так как он абсолютно ничего не теряет. Наоборот, он вполне будет *рассчитывать* выиграть от этой операции. Сдав свою продукцию, он имеет возможность получить за нее любую средне-недельную цену в течение целого заготовительного периода хозяйственного года, точнее за такой период, длина которого определяется им самим, так как время сдачи вклада и время заявки о реализации натурального счета в денежное исчисление зависит от самого вкладчика. Он может *рассчитывать* при этом получить такую цену, которую ему никогда не

---

[1]) Предлагая возвращение вкладов исключительно деньгами, мы исходим из того положения, что крестьяне будут сдавать во вклад лишь товарные излишки своей продукции и поэтому в возврате вкладов натурою нуждаться не будут. Но для того, чтобы предоставить крестьянину больше гарантий на случай необходимости получения вклада натурою, мы можем пойти и на эту меру. Этот вопрос чисто-практического порядка, и легко может быть решен в любую сторону.

[2]) В каждой губернии, округе имеются давно сложившиеся районные рынки, где имеются государственные и кооперативные заготовительные пункты. В этих местах обычно имеются и советские учреждения. Исполкомы, милиция и др. Вот эти-то рынки мы и имеем в виду.

удалось бы уловить при продаже своей продукции на рынке, да плюс еще к этому проценты, начисляемые по вкладу. Отсюда, разумеется, ни в коем случае не следует то, что крестьянин может получить любую цену за свою продукцию; точно так же необязательно и повышение цен вообще на продукцию к концу хозяйственного года. Наоборот, благодаря осуществлению этого натурального займа государство получит еще большую возможность удерживать установленные цены на продукцию с.-х. производства в течение всего хозяйственного года. Мы поэтому, указывая на расчеты со стороны крестьян в получении за их продукцию высоких цен, имеем это в виду лишь как тенденцию, которая у них имеется и которую мы включаем в наши условия для того, чтобы в наибольшей степени стимулировать сдачу натуральных вкладов. Если эта тенденция не будет оправдываться реально, благодаря устойчивости цен, то это, по нашему мнению, не помешает, однако, привлечению натуральных вкладов, ибо сами предлагаемые условия экономически должны побуждать производителя к сдаче вкладов. Представим себе, что благодаря устойчивости цен на с.-х. продукцию, расчеты нашего вкладчика на получение повышенной цены не оправдались; в этом случае он в виде выгоды получит одни лишь проценты. Размер выгоды, как видим, довольно скромный, но все же это выгода; но тот крестьянин, который не захочет почему-либо сдать нам своего вклада, лишится получения и этой хотя бы скромной выгоды. Таким образом, даже на плохой конец этой операции последняя дает пользу вкладчику.

Это все то, что касается экономической заинтересованности, но помимо этого мы можем и должны рассчитывать на момент психологического порядка, именно на то, что бедняцко-середняцкая масса в своем большинстве пойдет нам в этом деле навстречу, если мы сможем к ней правильно подойти.

Примеры этого мы имели в истории отношений к нашим мероприятиям со стороны этой массы не раз. Мы уверены, что в этой форме и на тех условиях, которые мы предлагаем, нам удастся полностью разрешить проблему вкладов и укрепить еще больше хозяйственную связь промышленности с сельским хозяйством. При наличии широкой агитации, необходимой на первое время, нам удастся вызвать активную сдачу вкладов, доходящую до соревнования между собою со стороны крестьян. Мы должны призвать нашу крестьянскую бедняцко-середняцкую массу к активной помощи нашей строительной работе под лозунгом: активен тот крестьянин, который путем сдачи свободных средств помогает укреплению своего собственного и общенародного хозяйства.

То, что на указанных условиях крестьянин повезет вклады в натуральной форме, доказывается не только приведенными выше соображениями, но это вполне подтверждается и тем опытом, который имел место в капиталистическом прошлом России. Так как этот опыт имеет ближайшее отношение к данному вопросу, то мы считаем нужным сказать о нем несколько слов. В дореволюционное время на юге России производилась заготовка хлеба французским хлеботорговцем Дрейфусом и другими. Способ этой заготовки назывался ими «ссыпкой на цену» и заключался в следующем: крестьянин привозил свой хлеб к погрузочному транспортному пункту и ссыпал его в амбар агента Дрейфуса. Последний выдавал крестьянину квитанцию в приеме зерна, в которой указывалось, что такое-то количество зерна, скажем, пшеницы, принято до такого-то числа, ну, хотя бы до 1 декабря. С этой квитанцией крестьянин мог явиться к агенту Дрейфуса в любой день до указанного срока и получить расчет за сданный хлеб по цене дня его явки. Если крестьянин просрочивал с получением расчета, то ему уплачивалось по цене дня, указанного в квитанции, т.-е. в нашем примере по цене 1 декабря.

Для крестьянина тут был единственный интерес, а именно тот, что он получал цену за свой хлеб не в день его предложения, а спустя некоторое время. Но зато сдав свой хлеб, он тем самым предоставлял возможность Дрейфусу понижать цены путем выбрасывания этого же хлеба на местный рынок. Уровень цен на крестьянский хлеб определялся уже самим Дрейфусом и другими заготовителями, поскольку они оказывались одновременно и на стороне спроса и на стороне предложения, являясь обладателем крупных партий хлеба, против разрозненных производителей, выступающих на рынке. Правда, уровень мировых цен позволял им допускать повышение цен, и они это иногда делали, но это было как исключение, практикуемое ради того, чтобы сохранить видимость крестьянской заинтересованности.

Не вкладывая в дело больших собственных капиталов, Дрейфус (и другие) сосредоточивал в своих руках огромное количество хлеба с самого начала заготовительного сезона и диктовал цены на мировом рынке.

Какой отсюда вывод? Во-первых, тот, что несмотря на всю ничтожность нереальной, видимой лишь заинтересованности, крестьяне все же хлеб сдавали и притом в огромном количестве, а, во-вторых, тот, что, несмотря на то, что Дрейфус производил заготовку лишь в части внутрироссийского рынка и притом в обстановке капиталистической стихии (конкуренции), он все же мог не только вести операции без убытков (благодаря конкуренции), но и наживать огромные капиталы, занимая место в первых рядах хлебных королей на мировом рынке. Эти операции показывают вместе с тем образец того, в какой степени и каким способом капитал на известной ступени своего развития может подчинить себе мелких разрозненных товаропроизводителей. Здесь мы видим не что иное, как осуществление умело организованного монополистического влияния крупного капитала в области сельского крестьянского хозяйства, и самую неприкрытую эксплоатацию последнего этим капиталом.

Мы не ставим перед собою таких задач, как эксплоатацию крестьянских хозяйств путем привлечения их свободных средств в общий хозяйственный оборот страны. Но мы приводим этот опыт капиталистического прошлого для того, чтобы показать технико-экономическую сущность его,— сущность, которую нужно в наших условиях радикально изменить, переделать и использовать в системе нашего социалистического хозяйства.

Ради полноты мы должны отметить еще, что в качестве меры влияния на крестьян Дрейфус практиковал «одалживание» им денежной ссуды в небольших размерах, преимущественно «под новину», когда нужда в деньгах большая. Эта мера, разумеется, значительно повышала его шансы на получение хлеба от крестьян. Тут имеется нечто похожее на контрактацию, но разве можно эту «контрактацию»,— с позволения сказать,— сравнить по размерам и по существу с тем, что нами делается в этом направлении в настоящее время. Ведь, если исходить хотя бы только из простой экономической заинтересованности для крестьянина, отбрасывая пока социально-классовый момент этого дела, и то мы имеем перед собою совершенную противоположность между тем, что делали Дрейфусы и что делаем мы теперь для крестьян в области поднятия их хозяйства.

Контрактация, проводимая нами в настоящее время, не только способствует налаживанию планового производственного процесса в сельском хозяйстве, смыкая его с потребностями промышленности, но в значительной степени способствует развитию сельского хозяйства, повышая товарность в нем. Благодаря контрактации мы значительно повышаем связь промышленности с сельским хозяйством и увеличиваем шансы на осуществление займа крестьянских накоплений в форме натуральных вкладов.

Задача Дрейфуса заключалась в том, чтобы получать от крестьян их средства и благодаря этим же средствам выжимать у них как можно

больше. И он это делал не безуспешно. Наша задача совершенно противоположна задачам Дрейфуса, она заключается в том, чтобы, во-первых, взять у крестьян свободные средства в виде товарных излишков и направить их на расширение кредитования того же сельского хозяйства и сельскохозяйственного машиностроения; и, во-вторых, не снижать цены на с.-х. продукцию, как это делал Дрейфус, а держать справедливые цены относительно к товарам фабрично-заводского производства, учитывая при этом задачи индустриализации страны.

Это положение, в дополнение к индивидуальной заинтересованности крестьян в этих операциях, целиком обусловливает общий интерес бедняцко-середняцкого крестьянства. И всякие разговоры насчет того, что крестьяне сочувственно не отзовутся к выдвигаемой нами операции, мы считаем совершенно неосновательными. Те товарищи, которые высказывают подобные опасения, скатываются с экономической точки зрения в область психологизма. Точно так же мы считаем неосновательными опасения некоторых товарищей насчет возможности убытков для государства от этой операции. По этому вопросу мы не намерены приводить здесь необходимых доказательств и отсылаем интересующихся этой стороной вопроса к названной выше нашей работе.

Здесь же нам остается коснуться еще одного вопроса, а именно: в связи с тем, что мы выдвигаем новое положение с массовым привлечением свободных средств в кредитную систему в форме натуральных вкладов, перед нами встает вопрос о том, не повлияет ли это отрицательно в какой-либо степени на наше денежное обращение, не проявится ли от этой операции тенденция к сокращению денежного обращения и, следовательно, уменьшению спроса на деньги потребностями товарно рыночного оборота? Если да, тогда мы вынуждены будем произвести из'ятие из обращения части денежных знаков, равной величине привлеченных натуральных средств, представленных в денежном выражении; в противном же случае должно произойти соответствующее падение покупательной силы нашего рубля и все последствия, связанные с этим падением. Следовательно, при этих условиях такая операция оказалась бы для нас явно невыгодной и от нее следовало бы отказаться.

Откуда такая постановка вопроса? Она вытекает прежде всего из теоретических основ политэкономии.

Всякому, кто хоть сколько - нибудь знаком с политэкономией, должно быть совершенно ясно, что размеры денежной массы, находящейся в обращении, определяются суммой цен всех товаров, имеющихся в данное время, минус сумма цен товаров, купленных в кредит, плюс сумма платежей по наступившим обязательствам, минус сумма, подлежащая взаимному погашению кредитных расчетов, и все это деленное на число оборотов, проделанных за данное время. Отсюда всякое увеличение товарных кредитных займов ведет к уменьшению спроса на денежную массу со стороны товарно-рыночного обращения. А на конкретном примере, применительно к предлагаемой нами операции, дело представляется на первый взгляд так: вы приглашаете крестьян сдавать свою продукцию в кредит, следовательно, без уплаты против нее наличных денег, тем самым вы заставляете этих крестьян игнорировать наш рубль. Отсюда рисуются все последствия, о которых сказано выше.

Так представляют себе дело некоторые товарищи и так оно может показаться многим. Мы поэтому заранее должны сказать, что подобное представление на самом деле является неверным и вот почему. Прежде всего зададим себе самый главный, самый основной вопрос: сократится ли, при указанной натурально - вкладной операции, потребность со стороны крестьян в деньгах? И второй, менее важный, но также существенный вопрос: изменится ли эта потребность (в деньгах) во времени? На оба эти вопроса мы отвечаем отрицательно. Ибо от того, что крестьянин будет сдавать нам в кредит свои товарные ценности, его потребности в промтоварах и необходимость в производстве других расходов не уменьшится. Чтобы производить покупку товаров и другие расходы нужно иметь деньги, и от этой необходимости натуральные вклады ни в какой степени избавить не могут. Что же касается времени потребности в этих деньгах, то тут тоже ничего измениться не может, ибо как в том случае, когда крестьянин продает свою продукцию за наличные деньги, так и в том случае, когда он ее будет сдавать в кредит, его потребности в деньгах определяются одними и теми же причинами, а именно временем уплаты с.-х. налога, расходами бытового порядка, текущими потребностями в товарах промышленности и, наконец, степенью способности удовлетворения этих потребностей (во времени) со стороны промышленности. Вся разница здесь, по отношению к обычной покупке крестьянской продукции, заключается лишь в том, что эта продукция поступает в распоряжение государства раньше, чем за нее придется производить расплату деньгами, в виде возвращения вкладов; поэтому от того, что крестьянская продукция будет поступать в руки государства, в виде натуральных вкладов, потребность со стороны крестьян в деньгах как во времени, так и в размерах измениться не может. Следовательно, предполагаемая нами система натуральных вкладов не только не нарушит денежного обращения в сторону понижения покупательной силы нашего рубля, но, наоборот, будет способствовать повышению его курса.

Благодаря проведению этой операции, несомненно, должен образоваться стабильный остаток привлеченных средств, который будет направлен по производственному назначению, в результате чего будет увеличено производство новых ценностей, а следовательно, будет больше заполнена емкость рынка товарами. Увеличение же количества ценностей на рынке неизбежно поведет к увеличению суммы денежных знаков, требуемых для оборота или по меньшей мере к укреплению рубля.

Наша задача в области экономики в основном заключается в том, чтобы, опираясь на монополистически-плановый характер все возрастающего социалистического хозяйства, стремиться к максимальному развитию производительных сил. Это стремление практически должно выражаться между прочим в том, чтобы, с одной стороны, использовать в этом направлении частных производителей, а, с другой, переводить этих производителей на новые формы социалистического производства путем обобществления мелких самостоятельных производителей. Но использовывать частных производителей мы можем и должны не только путем простых рыночных взаимоотношений (с госпромышленностью), но и путем мобилизации их свободных средств в распоряжение социалистического хозяйства. С этой точки зрения можно сказать, что эта натуральная вкладная операция должна явиться шагом вперед. Она даст возможность сосредоточить всю товарную продукцию сельского хозяйства в руках кооперации и госторговли, сократить денежные средства, находящиеся в обороте по заготовкам сел.-хоз. продукции, расширить кредитование промышленности и сельского хозяйства, наладить и усилить экспорт, добиться более устойчивого отношения цен между продуктами с.-х. производства и товарами фабрично-заводского производства, улучшить равновесие в хозяйственно-экономических отношениях между промышленностью и сельским хозяйством, а

также добиться осуществления наиболее полного планового руководства по линии развития сельского хозяйства в особенности.

По сути дела мы будем иметь более организованный внутренний заем, одинаково выгодный как для самого крестьянства, так и для всего народного хозяйства в целом. А это имеет большое значение, чтобы легче бороться с хозяйственными затруднениями.

P. S. Считаем нужным отметить здесь, что, несмотря на всю остроту проблемы мобилизации крестьянских свободных средств и на то, что этот вопрос нами ставится в печати (в изложенной выше форме) уже в четвертый раз, начиная с половины 1926 г., мы тем не менее до сих пор не имеем отзывов на эту постановку вопроса, со стороны прежде всего соответствующих учреждений, коих близко касается эта проблема. Поэтому приходится сказать: «Ну, и не везет же проблеме вкладов!».

К. Т.

Вернер Гирш.

К пятидесятилетию со дня издания закона против социалистов в Германии.

1. Исторические факты.

21 октября 1928 г. исполнилось полвека после того дня, когда германский рейхстаг принял исключительный закон Бисмарка против социал-демократии, вошедший под именем «закона о социалистах» в историю международного пролетариата и открывший новый этап героической борьбы в германском рабочем движении. Закон против социалистов не был первой попыткой Бисмарка задушить молодое развивавшееся рабочее движение методами жестокого угнетения. Две предшествовавшие попытки этого рода окончились неудачей. Тремя годами раньше, от 22 до 24 мая 1875 года, в Готе происходили заседания конгресса об'единения обоих направлений германской социал-демократии — эйзенахского и лассальянского. Уже осенью этого года Бисмарк пытался внести обходным путем в уголовный кодекс новый 130-й параграф, который по своему содержанию представлял бы собою исключительный закон, направленный против социал-демократии. Рейхстаг, однако, отклонил это предложение. В последующие три года продолжался непрерывный рост социалистического движения, которое казалось «железному канцлеру» все более опасным и усиливало его желание прибегнуть к энергичнейшим мерам защиты. Весной 1878 года случилось, наконец, то, что нужно было Бисмарку, а именно покушения Геделя и Нобилинга. 11 мая 1878 года Гедель, опустившийся дегенерат, сифилитик, по всей вероятности, полуидиот и, во всяком случае, человек, стоящий в умственном отношении на низкой ступени развития, произвел при проезде императора Вильгельма I несколько выстрелов из револьвера, ни в кого, однако, не попав и никого не ранив. Впоследствии он утверждал, что хотел лишить себя жизни на глазах у императора. Узнав об этом событии, Бисмарк немедленно отдал телеграфное распоряжение министерству об издании «исключительного закона против социал-демократии». Но и на этот раз он не получил большинства в рейхстаге. Католическая партия центра не намерена была проглотить пилюлю в форме исключительного закона, так как она еще помнила о жестоких мероприятиях правительства в годы «Культуркампфа» (борьбы с духовенством) и опасалась, что новый закон может вовлечь за собою подобные же ограничения и против католицизма. Буржуазный либерализм, который нередко чувствовал на собственной шкуре удары кнута юнкеров - полуфеодалов, также не был особенно доволен применяемыми Бисмарком методами насилия, как он ни был склонен по своей классовой натуре пойти заодно с абсолютизмом против пролетариата. Все подобные препятствия со стороны буржуазии не означали, конечно, серьезного сопротивления. Буржуазия скорее напоминала полупокоренную девушку, которая только из чувства приличия, считает еще нужным жеманиться. Юнкеру Бисмарку стоило только перейти в немного более бурное

наступление, чтобы буржуазия бросилась с лицемерным вздохом в его об'ятия. Предлог для этой новой атаки и для более грубого тона дал Бисмарку Нобилинг, который последовал по стопам Геделя, совершив более серьезное покушение на императора—этого «картечного принца» 1848 г. Доктор Нобилинг произвел 2 июня 1878 г. выстрел в Вильгельма I и ранил его. Несколькими днями позже Бисмарк распустил при содействии Бундесрата (союзного совета) германский рейхстаг и устроил в обстановке дикой погромной травли социал-демократии новые выборы, которые справедливо назвали «террористическими». Бисмарк распустил рейхстаг и организовал эти выборы, несмотря на то, что после покушения Нобилинга буржуазия и без того окончательно присмирела, трубила везде о свое готовности исправить свою «ошибку», заключавшуюся в ее выступлении против закона, предложенного Бисмарком после выстрелов Гедела, и согласна была с изданием исключительного закона против социал-демократии. Но Бисмарк хотел довести дело до конца. Он организовал погромную травлю социализма, распространив в ночь после покушения Нобилинга, при посредстве официального телеграфного агентства Вольфа, «официальное» телеграфное сообщение, согласно которому Нобилинг будто бы признался, что он является «поклонником социал-демократических тенденций» и «часто посещал социалистические собрания». Это сообщение было сознательно придуманным подлогом. Нобилинг в то время еще не пришел в сознание, так как после покушения он сам себя ранил и, кроме того, в него было сделано несколько выстрелов со стороны. В действительности Нобилинг так же, как и Гедель, ничего общего не имел с социал-демократическим движением. «Отношения» обоих «покушавшихся» к движению заключались разве лишь в том, что они оба были членами антисемитской «христианско - социальной партии» придворного проповедника Штекера, ставшего впоследствии политическим советником Вильгельма II. Как Гедель, так Нобилинг боролись с социалистическим движением, при чем Гедель растратил деньги газеты «Лейпцигер Арбейтерблатт» и выступал в буржуазных газетах с клеветническими измышлениями против упомянутого движения, а Нобилинг выступал против него на одном рабочем собрании с политическими нападками. Но лживый погромный лозунг Бисмарка о том, будто социал-демократия является виновницей покушений, был охотно подхвачен испуганными немецкими мещанами, и все начали преследовать социал-демократов, получивших кличку «королевских убийц». «Террористические» выборы дали Бисмарку покорный парламент, который беспрекословно одобрил его исключительный закон. Этот закон был несколько раз продлен, при чем буржуазный либерализм играл все более жалкую и лживую роль. На основании закона против социалистов были запрещены 1.300 периодических и непериодических изданий, были распущены и запрещены 332 рабочие организации и были вынесены приговоры, заключавшиеся в лишении свободы в общей сложности на 1.000 лет. Особым орудием бисмарковского закона о социалистах было об'явление так называемого «малого осадного положения» в отдельных городах и районах, откуда можно было, таким образом, высылать все «нежелательные» элементы. В течение 12 лет было выслано таким способом около 900 чел.

Этот закон, отмененный 12 лет спустя, в 1890 году, и способствовавший тем самым падению своего творца — «железного канцлера», показал полную несостоятельность методов Бисмарка. Чисто внешним образом можно доказать уже одними цифрами неудачу закона против социалистов. В то время как при издании этого закона социал-демократия имела на выборах 437.158 голосов, при отмене закона она получила 1.427.298 голосов. При издании закона она имела свыше 42 политических газет, а в 1890 г.— свыше 60. Профсоюзы имели до издания закона 14 своих газет и 50 тыс. членов, а в 1890 г.—41 профсоюзную газету и 200 тыс. членов. Этот результат великого наступления Бисмарка на молодое рабочее движение показывает лишь, насколько был прав Фридрих Энгельс, когда он уже 12 марта 1881 г. указывал на то, что «Бисмарк и компания продолжают оставаться такими же ослами, канальями и бессильными жалкими простофилями по отношению к историческим движениям, как и до покушения».

Германский рабочий класс вынужден был в течение 12 лет сохранять и развивать свою организацию в условиях строжайшей нелегальности, пока закон против социалистов не был отменен [1]). В Германии не было легальной социал-демократической печати. Все попытки издавать газеты, под новыми заголовками, или под старыми, приспособленными к постановлениям закона, т.-е. бесцветными, почти нейтральными в политическом отношении и, во всяком случае, лишенными какого бы то ни было революционного духа, кончались неудачей. Вначале запрещались газеты даже и в этой форме, а впоследствии рабочие массы отказывались мириться с такой скудной литературной пищей.

В тяжелой работе, полной самопожертвования, пролетариат создал нелегальную организацию для издания за границей революционного органа «Социал-демократ», выходившего вначале в Цюрихе, а затем в Лондоне (так называемая «Красная полевая почта»). Распространение этой газеты, вопреки всем полицейским преследованиям и козням, явилось началом к созданию запрещенной организации. Дальнейшей формой, в которой происходила эта работа по созданию своей организации, явились денежные сборы в пользу тех революционеров, которые попали в крайнюю нужду и были разорены в результате ссылки и разлуки с семьей. 12 лет этой борьбы между растущим пролетарским движением, с одной стороны, и реакционной бюрократией полуфеодального абсолютистского государства и буржуазией — с другой, доказали, что методы Бисмарка не в состоянии задержать рост пролетариата. Таким образом, закон против социалистов должен был быть отменен.

2. Развитие социал-демократии при законе против социалистов.

Почему Бисмарк и вся его система потерпели такое жалкое поражение в борьбе с пролетарским движением? Издавая свой закон, Бисмарк не поступал как будто опрометчиво и основывался на опыте, собранном абсолютизмом и юнкерами в период после 1848 года во время освободительной борьбы германской буржуазии. Тогда удалось путем применения методов реакционного насилия окончательно разбить и деморализовать буржуазное освободительное движение, и этим об'ясняется, что юнкер Бисмарк решился применить эти же методы и по отношению к пролетарскому движению.

Но в этом-то и заключалась вся его ошибка. Успех абсолютизма по отношению к буржуазии об'яснялся совершенно определенными историческими условиями, связанными с исторически развившейся идеологией германского мещанства. Весь ход развития Германии, начиная с 30-летней войны, породил во всех классах и в особенности среди мелкой буржуазии то типичное мещанство и филистерство, которое уже в самом начале лишало всякое движение буржуазных классов какого бы то ни было величия, размаха и последовательности. Бесхарактерность этих классов должна была под жестокими ударами феодальной реакции привести к деморализации и капитуляции,

[1]) Ленин неоднократно проводил параллели между положением немецкой с.-д. в эпоху исключительного закона и русской с.-д. в эпоху реакции, последовавшей за революцией 1905 г., когда русским большевикам приходилось отстаивать нелегальную организацию партии от попыток ликвидаторов-«легалистов» эту организацию разрушить.

не говоря уже о двойственном классовом положении германской буржуазии, которая при каждом шаге, предпринимаемом ею в 1848 году против абсолютизма, оглядывалась на пугавший ее призрак первого самостоятельного движения молодого пролетариата и уже по этому одному готова была, полная ужаса, искать защиты под сенью и... ударами абсолютизма.

Но все эти предпосылки, имевшие значение для германского мещанства, совершенно не распространялись на молодой рабочий класс Германии. Пролетариат развился в совершенно других, более современных условиях, чем другие классы. Его идеология определялась с самого начала центральным фактором, т.-е. давлением капитала. В этом классе исконное германское зло — филистерство с его бесхарактерностью, верноподданничеством и лакейским духом—не могло играть такой роли, как среди буржуазии. Его движение и борьба могли быть исполнены той решимостью и величием, которые были необходимы для того, чтобы оказать должное сопротивление насильственным действиям Бисмарка, с его прокурорами, полицейскими и прочими приспешниками. Германский пролетариат действительно проявил это величие и героизм, преодолел все искушения и не дал себя отравить ядом мещанского филистерства, который заставил бы его в конце концов деморализоваться и капитулировать перед господствующей силой.

Эти искушения были многочисленны и опасны. Ибо, когда закон против социалистов вступил в силу, Бисмарк, наступая, имел перед собою далеко еще неокрепшую революционную классовую партию германского пролетариата, которая была бы закалена в марксистском духе. Напротив, молодая партия, образовавшаяся несколько лет назад в результате слияния эйзенахской и лассальянской фракций, была в организационном отношении слаба и имела еще весьма непрочную основу среди пролетарских масс. Она опиралась на такие округа, в которых ядро движения представляло собою не развитый промышленный пролетариат, а слои, стоящие на постепенно исчезавшей низшей ступени производства, как, например, ручные ткачи Саксонии, которые должны были уступить место паровому ткацкому станку и поддерживали свою жизнь исключительно благодаря посторонним занятиям, как огородничество, кустарная фабрикация игрушек и проч. Благодаря своему ужасному положению они были скорее восприимчивы для социалистических идей, но вместе с тем они представляли собою ненадежную основу для социалистической партии. Промышленный пролетариат крупных городов, т.-е. тот класс, который по своему экономическому положению призван быть ядром революционного движения, еще не шел в достаточной мере за партией.

В этом заключалась организационная слабость социал-демократии. При издании закона против социалистов она отличалась также и своей идеологической неопределенностью. В партии сохранялись вульгарнейшие пережитки идеалистической философии права Лассаля, и не было и речи о марксистском мышлении и какой-либо прочно сложившейся идеологии. Даже те элементы в рабочем движении, которые в предшествовавшую фракционную борьбу стояли, благодаря своим личным связям, ближе к творцам научного социализма, а именно эйзенаховцы, возглавляемые Бебелем и Вильгельмом Либкнехтом, начинали только по-настоящему закаляться и пропитываться духом марксизма. Готская программа об'единения, с ее утопическими и иллюзионистскими элементами и с абсолютно нереволюционным отношением к понятию государства, была наилучшим отражением этой идеологической незрелости. На эту партию начал Бисмарк в 1878 г. свое наступление.

Можно было почти с уверенностью ожидать, что первым результатом действия исключительного закона явится полное замешательство молодой партии, как в организационном, так и в политическом отношении. До самого дня издания закона ни руководство партии, ни ее члены совершенно не подозревали о том, что грозит партии. Воспитанная в духе лассальянской философии права, партия, внезапно оказавшаяся под ударом исключительного закона, была настолько полна преклонения перед «законностью», что в первый момент рассчитывала спокойно бороться на основе нового закона за его же отмену. Жестокая действительность, однако, рассеяла эти идиллические мечты. Однако, прошло больше года, пока партия, наконец, поняла, что ее борьба должна вестись с применением всех «незаконных» методов нелегальной организации и агитации, и пока она нашла правильный путь революционной массовой работы, между сектантством анархистских мелкобуржуазных элементов, носившихся с заговорами, и парламентским кретинизмом правого крыла партийного руководства, поклонявшегося идее законности.

Первое действие закона оказалось катастрофическим для руководящих слоев партии. Разгром социал-демократических газет, типографий и проч., высылки из городов, где было об'явлено малое осадное положение—все это сразу разорило тысячи людей, которым пролетарское движение дало сравнительно обеспеченную социальную основу. К этому следует прибавить, что эти должностные лица, как Фридрих Энгельс правильно заявил, редко попадали в ссылке в революционную обстановку и в большинстве случаев принуждены были селиться в маленьких городах среди сельского населения. Здесь они всецело находились под давлением мелкобуржуазного мещанства, которое от них сторонилось. Совершенно очевидно, что подобная обстановка должна была подействовать деморализующим образом на людей, не отличавшихся достаточно стойким характером. Террор исключительного закона вызвал, таким образом, в руководящих слоях партии пробуждение мелкобуржуазных тенденций. Эти шаткие элементы старались главным образом о том, чтобы по возможности скорее освободиться от невыносимых лишений, связанных с применением к ним исключительного закона. Они полагали, что этого можно будет скорее всего добиться, если партия и ее политика откажутся от каких бы то ни было революционных стремлений, будут по возможности более покорны и безвредны и этим самым тронут власть и заставят ее смягчиться. Если бы эти течения, которые вначале господствовали в партии, окончательно решили ее судьбу, то это без сомнения привело бы к полной ликвидации пролетарского движения Германии под кнутом Бисмарка

Но диалектический процесс развития германского рабочего движения пошел при законе против социалистов в противоположном направлении. Благодаря наступлению абсолютизма с его реакционной бюрократией и буржуазией на пролетариат, все мелкобуржуазные слабые стороны пролетарского движения вначале, правда, выросли в настоящую оргию жалкого паникерства и мягкотелой готовности к капитуляции. Но так как в пролетариате не было исторической основы для того филистерства, которое присуще другим классам Германии, начиная с 30-летней войны, то как раз это вырождение движения мобилизовало все здоровые пролетарские силы, которые, борясь с этим вырождением, спасли партию от распада и, преодолев паникерство, подняли партию на высшую ступень, как в отношении ее идеологической зрелости, так и в отношении революционного укрепления.

Первым вопросом, в связи с которым кристаллизировался этот спор направлений партии, был вопрос об издании социалистического органа за границей. Паникеры среди руководства, которым вначале подчинялись лучшие элементы, как Бебель и Вильгельм Либкнехт, горячо выступали против этого плана, так как, по их мнению, это был первый шаг к применению незаконных методов, за которым автоматически должны последовать и другие. Создание этого иностранного органа, который был бы в Германии запрещен, вызвало бы необходимость его контрабандного и тайного рас-

пространения в стране, а за этим, естественно, последовал бы и второй шаг, а именно создание нелегальной организации для распространения газеты в Германии. Эти споры велись от 21 октября 1878 г. до конца 1879 г., когда сопротивление наконец было сломлено и в Цюрихе смогли приступить к изданию газеты «Социал-Демократ». Окончательный толчок к этому дал тот факт, что два руководящих товарища, Иоганн Мост, подпавший впоследствии под влияние идей анархизма, и Карл Гирш, были высланы и в ссылке начали издавать социалистические органы, которые успешно распространялись в Германии. В то время как «Фрейхейт», издававшаяся Мостом в Лондоне, уже по истечении короткого времени оставила пути социализма в пользу мелкобуржуазного мнимого радикализма, Гирш старался поддерживать в своей «Лятерн», издававшейся в Брюсселе, связь с партией и оказывать на нее влияние в революционном духе. Лишь тот факт, что эти органы завоевывали популярность среди членов партии, в то время как сама партия не имела над этими газетами никакого контроля, заставил партийное руководство уступить и приступить к изданию собственного органа.

Однако, вначале «Социал-Демократ» далеко не был настоящим революционным социалистическим органом, и прошло больше года с начала его основания, т.-е. с конца сентября 1879 г., пока, в связи с общим внутренним развитием партии, редакция «Социал-Демократа» не поднялась на высоту, отвечающую важности поставленной перед ней задачи. К причудливым явлениям, характеризующим развитие некоторых представителей рабочего движения, относится тот замечательный факт, что Эдуард Бернштейн, ставший впоследствии творцом реформизма, боролся в качестве редактора «Социал-Демократа» с начала 1881 г. с мелкобуржуазными мещанскими элементами правого крыла за революционные принципы научного социализма, в духе пролетарского крыла германской партии, в первых рядах.

В деятельности Бернштейна, которую он развивал во все время действия закона против социалистов, вряд ли можно уже найти начатки его позднейших ревизионистских воззрений. Скорее можно было обнаружить у молодого Карла Каутского, принадлежавшего тогда также к левому пролетарскому крылу германского рабочего движения, определенную склонность лишать ясное марксистское разрешение различных партийных проблем его остроты и определенности, хотя его точка зрения была тогда все же достаточно революционной для того, чтобы теперешний одряхлевший старец Каутский имел основание вспоминать об этом, как об ужасном кошмаре. К подлинным партийным вождям в Германии принадлежал Бебель, который раньше всех оправился от всеобщего замешательства, охватившего партию после издания закона против социалистов, и начал борьбу с мещанскими элементами и их паникерством. Вильгельм Либкнехт занимал гораздо более нерешительную позицию. В противоположном лагере стояли представители правого крыла и, в первую очередь, депутаты: Гейзер, Блос и др.

Если партии удалось в те годы сравнительно быстро выбраться из болота мещанства и филистерства, если она заняла по отношению к закону о социалистах революционную, боевую точку зрения, которая одна только открывала путь для победы над ним, то это в значительной мере об'ясняется следующим обстоятельством: пролетарские массы, сопротивляясь превращению партии в буржуазную, ясно видели свою цель, благодаря постоянным советам, которые им давали основоположники научного социализма, бывшие вместе с тем единственной инстанцией, которая могла в тот исторический период заменить пролетариату теперешний генеральный штаб мировой революции—Коминтерн. Маркс и, в первую очередь, Энгельс были теми людьми, которые помогали германскому пролетариату в его тяжелом и сложном процессе самоосознания, помогали его вождям на каждом этапе

своим советом, анализом и критикой. Соответствующие документы, а именно письма Энгельса Эдуарду Бернштейну, скрывали от рабочей общественности до 1924 г. Только в 1924 г. издал их т. Рязанов в русском переводе, а год спустя их издал на немецком языке Эдуард Бернштейн, снабдив их сладеньким предисловием.

Отношение Маркса и Энгельса к событиям, происходившим в рядах германской социал-демократии, основывалось на исторической перспективе, согласно которой положение в Европе следовало тогда рассматривать, как канун нового революционного развития. Энгельс считался с подобным поворотом в Германии, который, по всей видимости, должен был получить толчок извне, и в этом отношении он надеялся на русскую революцию. Хотя развитие событий и не шло таким быстрым темпом к революции, тем не менее Энгельс попрежнему верил в революционные перспективы германского рабочего движения и с тем большей настойчивостью подчеркивал необходимость подготовить партию к предстоящим революционным задачам, т.-е. очистить ее от яда филистерства, бесхарактерности и капитулянтства.

В первые годы действия закона против социалистов Маркс и Энгельс отказывались от какого-либо общения с партией в виду господствовавшего в ней полного замешательства и мелкобуржуазной политики ее руководства, совершенно недопустимой с точки зрения революционного социализма. В декабре 1880 года состоялась поездка Бебеля и Бернштейна в Лондон к обоим учителям, которую сам Бебель справедливо назвал в своей биографии «путем в Каноссу». Но и после этого Маркс и Энгельс воздерживались некоторое время от сотрудничества под своими именами в «Социал-Демократе», так как они хотели раньше проверить, будут ли в самой Германии выполнены сделанные им обещания о революционном повороте партии. Маркс и Энгельс просили регулярно присылать им стенограммы парламентских речей социал-демократических депутатов для их изучения и оценки. Энгельс совершенно открыто заявляет, что их поведение об'яснялось тогда желанием сохранить свой престиж и авторитет, которым они пользовались в международном рабочем движении и который имел большое значение для всего движения, и они не хотели, чтобы их доброе имя было скомпрометировано ошибками так называемых «плакс» в рядах германской социал-демократии.

Благодаря здоровому классовому инстинкту пролетарских масс партии, в последней все же началось развитие в духе революционного просветления. Уже на первом с'езде партии, состоявшемся после издания закона о социалистах, в 1880 году, во дворце Виден в Швейцарии, вышло наружу глубокое недовольство части членов партии слабохарактерной политикой руководства, находившей часто свое отражение в поведении парламентской фракции. Берлинская организация партии выступила на с'езде с вотумом недоверия по отношению к социал-демократическим депутатам. Хотя этот вотум был отклонен, тем не менее он ярко отразил недовольство масс жалкой политикой партии. Позитивное влияние, которое это сопротивление оказало на политику партии, видно хотя бы из того, что на виденском с'езде решено было вычеркнуть из готской программы партии слово «законных»: раньше в программе говорилось, что партия старается добиться своих социалистических целей лишь при помощи «законных» средств.

Само собой разумеется, что, несмотря на рост радикализации партии, попрежнему оставалась диспропорция между здоровым классовым инстинктом революционных рабочих и тенденциями определенных руководящих кругов. Фридрих Энгельс постоянно указывал Бернштейну в своих письмах на это противоречие, постоянно предупреждал об опасности, которая грозила всей партии со стороны элементов правого крыла. Эта опасность еще более увеличилась после выборов в 1884 г.—вторых парламентских выборов при

законе против социалистов—когда партия получила огромное распространение в таких областях, где для классовой революционной идеологии не было такой основы, какая имелась в традиционных пролетарских округах. В виду этого Энгельс немедленно высказал в письме Бернштейну свое опасение по поводу того, что правые элементы в руководстве смогут теперь временно создать среди масс некоторую основу для своих тенденций, бывших до сих пор их личными убеждениями. Энгельс заявляет, что поэтому тем более необходимо эти новые массы воспитать в пролетарско-революционной идеологии, так как в противном случае начнут играть руководящую роль вышеупомянутые отрицательные элементы.

Одновременно с процессом идеологического прояснения, происходившим в пролетариате и его партии под ударами исключительного закона и в борьбе с мещанскими тенденциями, развернувшимися благодаря этому закону, пролетарское движение начало под давлением самих же методов Бисмарка еще решительней пробивать себе путь в организационном отношении. Не только на выборах 1884 года с их огромным ростом партии, но уже в 1881 году на первых парламентских выборах, происходивших после издания исключительного закона, обнаружилось, что партия выросла и что она пошла вперед в решающем пункте. Партия в первый раз завоевала настоящие промышленные центры и крупные города на ряду с районами, где царит особенная нужда, как, например Хемниц и Эрцгебирге, на которые социал-демократия главным образом опиралась и до закона о социалистах. Берлин, Гамбург, Бреславль, Лейпциг, Дрезден, Майнц, Оффенбах, Бармен, Эльберфельд, Золинген, Нюрнберг, Франкфурт-на-Майне стали новыми источниками силы для партии на ряду с полусельскими саксонскими округами.

Таким образом только теперь движение превратилось во всеоб'емлющее национальное движение всего рабочего класса и завоевало себе пролетарскую основу среди тех слоев рабочего класса, которые находились в наиболее передовом экономическом положении и, благодаря своему положению в производственном процессе на крупных промышленных предприятиях, были призваны давать кадры бойцов в армию, ведущую пролетарскую классовую борьбу.

Таким образом, совершенно ясно видно, что действие закона против социалистов явилось полной противоположностью тому, чего ожидали Бисмарк, абсолютизм и буржуазия. Вместо того, чтобы раздавить молодое рабочее движение, закон против социалистов напротив стал как раз тем рычагом, при помощи которого социал-демократическая партия завоевала себе в организационном отношении настоящую классовую основу и впитала в себя в идеологическом отношении революционные принципы научного социализма.

3. Проблема раскола рабочего движения.

Мы уже выше указывали на то, с какой беспощадной резкостью творцы научного социализма, Маркс и Энгельс, критиковали те процессы гниения, которые происходили при законе против социалистов в рядах германской социал-демократии благодаря ее правому крылу. Так, например, Маркс писал уже немедленно после издания закона против социалистов о германской социал-демократической парламентской фракции следующее:

«Они уже настолько заражены парламентским идиотизмом, что считают себя выше критики и обрушиваются на нее, как будто это crime de lèse majesté (оскорбление величества)».

Фридрих Энгельс постоянно выражал свое величайшее презрение к этим элементам, так, например, он писал 25 января 1882 года:

«Я никогда не скрывал, что, по моему мнению, массы в Германии гораздо лучше господ вождей, в особенности с тех пор, как партия стала благодаря печати и агитации дойной коровой, снабжавшей их маслом. А тут еще Бисмарк и буржуазия вдруг зарезали эту корову. Вся их надежда обратилась на отмену закона против социалистов... Как ни естественно, однако, появление подобного направления, прикрывающего отсутствие понимания и силы сопротивления «об'ективными» сверхумными соображениями, с ним нужно решительно бороться. И в этом отношении сами рабочие массы являются наилучшей точкой опоры».

В другом письме от 13 сентября 1882 года он пишет:

«Я уже и сам часто говорил себе то, что и вы (Бернштейн) говорите о слабости различных людей в Германии, указывая на это в виде оправдания. Это, однако, все же остается старым пороком немцев, не отличающихся силой характера и способностью сопротивляться и чувствующих потребность выступать не перед рабочим, а перед филистером в роли заслуживающего уважения честного малого, который далеко не является таким опасным людоедом, каким его считают. Это все люди, которые считают, что им нужно иметь немножко образования для того, чтобы рабочий был освобожден с их помощью, но не освободил себя собственными силами. Они считают, что освобождение рабочего класса возможно лишь через посредство образованного мещанина. Еще бы, разве этого смогут добиться собственными силами бедные, необразованные, беспомощные рабочие!».

В письме от 1 марта 1883 года он пишет:

«Если образованные люди, и в особенности пришельцы из буржуазных кругов, не стоят всецело на пролетарской точке зрения, то они являются прямой опасностью... Лишь с тех пор, как в Германии появился современный пролетариат, развился класс, который почти не затронут этой германской наследственной язвой (мелкобуржуазная, мещанская и филистерская психология. *В. Г.)* и который показал в борьбе свои свободные взгляды, энергию, юмор и упорство. И разве мы не должны бороться со всякой попыткой искусственно привить этому единственному в Германии здоровому классу старый наследственный яд филистерской ограниченности и тряпичности? Но под первым впечатлением покушений и издания закона против социалистов вожди настолько испугались, что этот страх показал, что они сами слишком долго жили среди филистеров и находились под давлением филистерских воззрений. Партия должна была тогда, если не стать, то, по крайней мере, казаться филистерской. Эта точка зрения теперь к счастью преодолена, но филистерские элементы, вступившие в партию перед изданием закона и которых много среди учившихся, но не сдавших свои экзамены студентов, все еще находятся в партии, и за ними нужно строго наблюдать».

Как видно, Фридрих Энгельс прекрасно понял и остро анализировал те опасности, которые грозили молодому рабочему движению от мелкобуржуазных мещанских элементов правого крыла, стремившихся его обуржуазить. Какую тактику он предлагал для борьбы с этой опасностью? Этот вопрос должен нас теперь, пятьдесят лет спустя после издания закона о социалистах, особенно интересовать после того, как та самая социал-демократическая партия, которая вышла победительницей в своей геройской борьбе с исключительным законом Бисмарка, смогла к 4 августа 1914 года окончательно погрязнуть в болоте социал-империализма и теперешней коалиционной и броненосной политики. Чем об'ясняется подобное развитие? По какому пути должна была итти германская социал-демократическая партия, боровшаяся с законом против социалистов, для того, чтобы избежать этого опускания в буржуазное болото? Был ли такой путь? И указали ли на него, по крайней мере, Маркс и Энгельс? На эти вопросы нужно дать ответ.

Энгельс писал Бернштейну следующее уже 12 июня 1883 года, т.-е. еще перед выборами 1884 года, которые значительно усилили влияние правых элементов социал-демократической парламентской фракции, оказавшихся

в большинстве и получивших некоторую основу в массах благодаря расширению партии во вновь завоеванных районах:

«Я уже давно писал Бебелю, что в конце концов придется порвать с мягкотелыми элементами правого крыла, но, по моему мнению, не в наших интересах порывать с ними, пока мы вновь не получим возможность непосредственно сноситься с массами, т.-е. до тех пор, пока не будет отменен закон против социалистов. Если они нас к этому принудят, то следует заботиться о том, чтобы они, а не мы нарушили партийную дисциплину, и тогда наш успех будет обеспечен».

В 1884 году, он пишет еще яснее:

«С тех пор, как господа плаксы сплотились в настоящую партию и представляют собою большинство во фракции, с тех пор, как они сознают свою силу, созданную благодаря закону против социалистов, и этой силой пользуются, я считаю нашей сугубой обязанностью держаться до последней крайности на всех командных позициях, которые мы занимаем, в особенности в редакции «Социал-Демократа», так как эта позиция является наиболее важной. Эти люди живут законом против социалистов. Если бы завтра была об'явлена свобода дискуссий, то я был бы за немедленное выступление, и они были бы тотчас же ликвидированы. Пока, однако, нет еще свободы дискуссий и они господствуют над всей печатью, выходящей в Германии, и пока их число (в качестве большинства «вождей») дает им возможность заниматься склоками, интригами и клеветой, используя это в своих интересах, мы, я думаю, должны избегать в первую очередь всего того, что могло бы дать повод обвинить нас в желании вызвать разрыв. Теперь следует больше, чем когда-либо, придерживаться этого общего правила внутрипартийной борьбы. Разрыв должен быть так организован, чтобы мы продолжали руководить старой партией, а они выступили или были бы выкинуты... Если мы можем избежать разрыва, то, по моему мнению, следует с ними еще подождать, пока в Германии произойдет перемена, которая дала бы нам большую свободу действия... Итак: 1) По возможности откладывать разрыв; 2) если он станет неизбежным, постараться, чтобы он произошел по их инициативе; 3) тем временем все подготовить; 4) ничего не делать без Бебеля и, если возможно, без Либкнехта, который вновь совсем исправляется (может быть, даже слишком), когда видит, что дело становится неизбежным и 5) держать командную позицию в «Социал-Демократе» против всего и всех, не сдаваясь до конца. Вот мое мнение».

Таким образом, совершенно ясно, что Энгельс и Маркс, советы которых всегда совпадали, ставили с абсолютной остротой проблему борьбы с мелкобуржуазными элементами вплоть до разрыва, т.-е. вплоть до их ухода из партии, который они считали необходимостью и предпосылкой для ее сохранения. Спорным был для них лишь вопрос о том, как долго можно будет откладывать этот раскол и разрыв, так как только после отмены закона против социалистов революционные элементы в рядах партии получили бы возможность поднять свободную дискуссию и установить свободное общение с массами и тогда можно было бы наиболее безболезненным для партии образом удалить из нее чуждые в классовом отношении мелкобуржуазные мещанские элементы.

Мы теперь знаем, что германская социал-демократия не следовала этому учению основоположника социализма Фридриха Энгельса, справедливость которого тогда всецело признавали и Каутский и Бебель. Мы знаем также, что благодаря тому, что советы Фридриха Энгельса не были приняты во внимание и в партии остались мелкобуржуазные элементы, весь пролетарский героизм, который был проявлен германской социал-демократией во время действия закона против социалистов, в последующие десятилетия постепенно рассеялся под влиянием реформистского яда. К этой опасности,

которая имелась во времена Энгельса и заключалась в том, что филистерские, мещанские воззрения мелкой буржуазии отражались на рабочем движении, придавая ему буржуазный характер, прибавилась в последующем историческом развитии с под'емом германского империализма в конце XIX века и начале XX новая опасность. Эта опасность заключалась в реформистской деморализации определенных слоев рабочей аристократии, которая возникла на экономической основе благодаря тому участию, которое она до некоторой степени принимала в сверхбарышах, получаемых империалистической буржуазией в колониях и монопольных предприятиях. Бебель и Каутский, воплощавшие собой при законе против социалистов революционно-пролетарское крыло движения, дали себя впоследствии отогнать в русло центризма с его шаткой компромиссной политикой, открывавшей путь ревизионизму, в то время как вновь выросшее левое крыло с Розой Люксембург, Францем Мерингом, Кларой Цеткин и др. было недостаточно сильно и частью недостаточно решительно для того, чтобы по собственной инициативе вызвать раскол. Так свершилась судьба германской социал-демократии. С высот пролетарской классовой борьбы с законом против социалистов, с высоты героизма своей борьбы с Бисмарком—«канцлером крови и железа», который в этой борьбе в конце концов пал, она опустилась в болото социал-патриотизма и социал-империализма.

Теперешний пролетариат, вспоминающий о том учении, которое Фридрих Энгельс оставил германскому рабочему движению во время действия закона против социалистов, имеет теперь еще один урок, а именно: путь большевистской партии, являющейся единственной партией II Интернационала, которая уже в довоенный период осуществила учение Энгельса под руководством Ленина. Очистив свои ряды от мелкобуржуазных меньшевистских элементов—так, как это Энгельс считал необходимым для германской социал - демократии — большевистская партия завоевала важнейшее условие для выполнения своих задач в качестве революционного авангарда русского пролетариата.

Заветы основоположников социализма вместе с принципами ленинизма и опытом русской революции воплощаются теперь для пролетариата всех стран в Коминтерне и его секциях. Празднование годовщины геройской борьбы молодого германского рабочего движения с законом Бисмарка против социалистов является поэтому долгом и преимущественным правом одних лишь коммунистов. Только они защищают завет тех бойцов, только они чтут это героическое прошлое, продолжая и в настоящее время вести пролетарскую освободительную борьбу под знаменем марксизма-ленинизма!

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

После стабилизации.

(Е. Варга. «Экономика капитализма в период заката после стабилизации». ГИЗ. 1928. Стр. 133. Цена 1 р. 30 к.).

Много воды утекло с тех пор, как впервые Коммунистический Интернационал дал свою теоретическую оценку послевоенному хаосу капиталистического мирового хозяйства. За эти годы многое изменилось. Капитализм сумел выбраться из трясины, в которую он был повергнут во время непосредственно - революционной ситуации, сумел нашить заплаты на зиявшие дыры мирохозяйственного зипуна и даже кое - где его подновить. Но все эти новые явления количественного и качественного порядка, фигурировавшие на отдельных этапах развития послевоенного капитализма, как «оздоровление», «стабилизация», «рационализация» и т. п. не аннулировали основной принципиальной оценки Коминтерна послевоенного кризиса мирового хозяйства, как кризиса sui generis — органического кризиса всей капиталистической системы, «всеобщего кризиса капитализма». (Маркс).

Последний конгресс Коминтерна подтвердил в своих резолюциях эту оценку, сделав из нее соответствующие политические и тактические выводы. Эта же принципиальная установка проходит красной нитью через книгу тов. Е. Варги «Экономика капитализма в период заката, после стабилизации». Эта книга не является кон'юнктурным обзором, обычно выпускаемым т. Варгой, а ставит перед собой задачу серьезного анализа ряда проблем мирового капитализма в период его стабилизации. Ряд теоретических положений этой книги по существу лег в основу обсуждения на VI конгрессе Коминтерна международного положения. Но естественно, что на конгрессе аспект анализа отдельных проблем, выдвинутых тов. Варгой, носил более практический характер, приуроченный к задачам стратегии отдельных отрядов мирового коммунизма.

С этой точки зрения книга тов. Варги, посвященная теоретическим проблемам, заслуживает того, чтобы ею серьезно заинтересовались широкие массы наших партийных функционеров, изучающих работу последнего конгресса Коминтерна.

Книга ценна тем, что в ней уделяется внимание наиболее злободневным проблемам мирового хозяйства. В книге, как оговаривается сам автор в предисловии, отсутствует анализ ряда теоретических проблем, которые характерны для всего послевоенного капитализма, но которые на данный исторический отрезок времени не отличаются какими-либо особенными чертами.

Первые две главы книги посвящаются анализу стабилизации капитализма и неустойчивости капиталистической системы.

Тов. Варга предостерегает от переоценки достижений капитализма в стабилизационный период. Темп роста послевоенного капитализма не достиг еще довоенного. Противоречия капитализма все больше обостряются.

Переходя к анализу специфичности послевоенного кризиса, тов. Варга сводит его лишь к существованию СССР. Верно, что существование СССР— новой, экономически-прогрессивной формации в системе мирового хозяй-

ства —является крупнейшим элементом, придающим специфичность послевоенному кризису. Но этим отличие послевоенного кризиса капиталистической системы от «нормальных» капиталистических кризисов не ограничивается. Тов. Варга в своих предыдущих работах приводил ряд других показателей. Часть из них сохранила свою силу и в современный период. Наконец, и на последнем конгрессе Коминтерна проводился ряд показателей, специфичных для послевоенного кризиса, как, например, структурные изменения во всей мировой экономической системе, своеобразные трудности в проблеме рынков и т. д.

В свете всех этих положений, несколько странно и непонятно звучат некоторые формулировки тов. Варги. В частности, анализируя экономическую стабилизацию капитализма, тов. Варга пишет:

«Особенно характерный для послевоенного времени распад капиталистического мира на области избыточного и недостаточного производства был постепенно преодолен, при чем богатые страны «помогали» бедным путем вывоза капитала». (Стр. 10).

Мы нарочно сверили текст русского издания с немецким и нашли полную идентичность перевода. Несомненно, что тут налицо неясная постановка вопроса.

Во-первых, распад капиталистического мира на «области избыточного и недостаточного производства», если оставить терминологию тов. Варги, является результатом неравномерного развития капитализма и, следовательно, процессом характерным не только для послевоенного времени. Во-вторых, вряд ли этот «распад» был преодолен в эпоху стабилизации капитализма даже при помощи экспорта капитала из «богатых» (?!) стран.

После анализа общего положения мирового капитализма в послестабилизационный период тов. Варга переходит к отдельным проблемам. Комплекс рассматриваемых им проблем более или менее полон, но далеко не всем проблемам тов. Варга уделяет необходимое внимание. Ряд весьма существенных вопросов тов. Варга разбирает недостаточно глубоко и серьезно. На одной из таких проблем мы намерены остановиться несколько подробнее.

Одной из наиболее интересных проблем, затронутых тов. Варгой в его последней книге, является проблема «Органической безработицы». На основании ряда данных, касающихся Сев. - Американских Соединенных Штатов и Англии, тов Варга доказывает, что в «послевоенное время, со времени стабилизации капитализма наступило абсолютное (разрядка наша. *Дм. Б.*), сокращение числа рабочих, занятых производительным капиталом». (Стр. 23).

На конгрессе Коминтерна об этом же говорил в своем докладе т. Бухарин, приводя как пример С.-А. С. Ш. Тов. Бухарин говорил: «Там впервые в мировой истории, в истории рабочего движения,—говоря словами Маркса,—«V» (переменный капитал—ценность рабочей силы), уменьшается не только по сравнению с «С» (постоянный капитал—ценность средств производства), но и абсолютно. Количество промышленных рабочих уменьшается. Это впервые в крупном масштабе происходит в мировой истории и в истории рабочего движения».

Как известно, Маркс анализируя всеобщий закон капиталистического накопления («Капитал» т. I), констатировал тенденцию относительного увеличения промышленно-резервной армии и относительного же уменьшения спроса на труд, определяемого переменной частью капитала.

«С возрастанием капитала,—пишет Маркс в I т. «Капитала»—увеличивается и его переменная, составная часть или включаемая в его состав рабочая сила, но увеличивается она в постоянно убывающей пропорции... Ускоряющееся в растущей прогрессии накопление всего капитала стано-

вится условием того, чтобы можно было поглотить определенное добавочное число рабочих и даже того, чтобы, несмотря на постоянные метаморфозы старого капитала, уже функционирующие рабочие сохранили работу».

Об этой тенденции абсолютного роста, хотя и относительно уменьшения переменного капитала упоминает Маркс и в других местах «Капитала», в частности при анализе ренты.

Тов. Варга, правда, несколько робко, но все же ставит вопрос о необходимости оценки новых явлений абсолютного уменьшения рабочей силы, характерных, по его мнению, лишь для периода стабилизации. Само же явление абсолютного сокращения числа рабочих, тов. Варга об'ясняет повышением производительности труда, не вдаваясь в более детальный анализ.

Нам представляется, что проблема, намеченная тов. Варгой, настолько серьезна, логические выводы из нее в области стратегии и тактики Коминтерна настолько важны, что ни в коем случае нельзя ограничиться спокойной констатацией происходящих явлений, не пытаясь их разобрать поглубже, поставив все точки над «и».

Еще Маркс ставил вопрос о политических следствиях возможного уменьшения абсолютного числа рабочих. «Если бы развитие производительных сил,—писал Маркс в III т. «Капитала,—уменьшало абсолютное число рабочих, т.-е. в действительности давало бы возможность всей нации совершать все свое производство в более короткое время, то это вызвало бы революцию, потому что большинство населения оказалось бы вышедшим в тираж».

Для той фазы развития капитализма, о которой писал Маркс, на основании показателей которой он строил свой анализ абстрактного капитализма такая опасность капиталистическому обществу, по всей видимости, не угрожала. Это была эпоха пышного расцвета промышленного капитализма, период мощного роста производительных сил, невиданных доселе размеров применения механических двигателей. Это были те дни бурной юности капитализма, о которых Маркс писал: «Развитие производительности труда—это историческая задача оправдания капитала».

Капиталисты усиленно вводят машины как «средство производства прибавочной стоимости» (Маркс), выбрасывая на улицу огромные массы ставших лишними рабочих. Появление машины, ее победоносное продвижение в промышленности «освобождает» значительные группы и категории рабочих от их средств существования.

Начало XIX века было «периодом рационализации» капиталистического производства, заключавшейся в массовом переходе промышленности к машинному производству. Эта своеобразная «рационализация», выбрасывая на первых порах массу рабочих из тех или иных отраслей промышленности, однако, вводила часть их снова в сферу производства в другие отрасли его.

Введение новых машин означало увеличение количества выпускаемой продукции при непропорциональном, замедленном росте рабочей силы. Увеличение продукции пред'являло рынку повышенное требование на целый ряд сырьевых товаров и полуфабрикатов.

«С расширением машинного производства в одной отрасли промышленности,—писал Маркс—увеличивается производство прежде всего в тех других отраслях, которые доставляют первой ее средства производства». Значительная часть выброшенных из «рационализированных» отраслей промышленности пролетариев, часть подрастающей рабочей силы и избыточного населения деревни могли применять свой труд в других отраслях промышленности. Большое значение в деле поглощения избыточной рабочей силы и рассасывания растущей резервной армии труда имел в период промышленного капитализма рост производства средств производства.

Рационализация этого периода развития капитализма носила, так сказать, «экстенсивный» характер: вводили совершенно новые машины, строились новые предприятия и т. д. Эта «экстенсивность» рационализации периода промышленного капитализма обеспечивала процесс абсолютного роста переменного капитала. Конечно, этот абсолютный рост количества рабочей силы промышленности не следует понимать так, что вся выбрасываемая, благодаря введению новых машин, на улицу рабочая сила на 100% находит применение своему труду. Маркс энергично боролся с так называемой теорией «компенсаций», которую проповедывали буржуазные экономисты. Эти экономисты, как, например, Сениор, утверждали, что введение новых машин, вытесняющее рабочих, освобождает соответствующие капиталы, которые дают применение труду выброшенных рабочих. Маркс указывал на то, что имеется ряд причин, препятствующих занятию в производстве всех «освобожденных рабочих». Только часть рабочих имела возможность найти себе работу. Эти теоретические положения Маркса подтверждались статистическими данными относительного уменьшения в промышленности доли переменного капитала. Эта тенденция характеризовала период промышленного капитализма.

С того времени многое изменилось. Капитализм перешел в свою «новейшую» фазу—монополистического капитализма. Он приобрел целый ряд новых, характерных исключительно для этой фазы развития, показателей. Развились процессы неизвестные в эпоху промышленного капитализма. Однако, в анализах эпохи монополистического капитализма и в определении своеобразных черт, отличающих эту эпоху от предыдущих ступеней развития капитализма в марксистской экономической науке не упоминалось об абсолютном уменьшении рабочей силы,—процесс, о котором впервые пишет в своей книге тов. Варга и о котором упоминается в резолюциях последнего конгресса Коминтерна. Лишь в последний отрезок развития послевоенного капитализма в так называемую вторую фазу капиталистической стабилизации, ряд эмпирических данных дал возможность поставить эту проблему.

Чрезвычайно важно выяснить вопрос о том, являются ли эти глубочайшие изменения в развитии капитализма процессом, связанным с известными кон'юнктурными или даже кризисными явлениями случайного, временного порядка или, по мере развития монополистического капитализма, на ряду с известными уже его основными показателями, как монополистический паразитизм, загнивание стран-рантье и т. д.,—выделяется новая качественная категория тоже специфичная для этой эпохи?

Тов. Варга в своей книге пытается об'яснить причину «органической безработицы» законами капитализма вообще.

«Наличие хронической массовой безработицы,—пишет тов. Варга (стр. 20),—в послевоенное время составляет общеизвестный факт. Мы склонны были видеть в ней лишь последствие глубоких нарушений равновесия мирового хозяйства—индустриализации заокеанских стран, об'единения (повидимому опечатка—«обеднения». *Дм. Б.)* Европы, аграрного кризиса. Все эти моменты являются, конечно, частичными причинами безработицы. Но тщательное изучение новейшего развития последней показывает, что причина хронической массовой безработицы коренится в первую очередь не в этих нарушениях, а пред-

ставляет собой неизбежный результат обострения внутренних противоречий капитализма».

Эти внутренние противоречия капитализма, указывает тов. Варга, сводятся к тому, что, хотя общая сумма прибыли равна общей сумме прибавочной стоимости, каждое отдельное предприятие стремится к сокращению количества эксплоатируемых рабочих, заменяя их машинами, а это снижает общую сумму прибавочной стоимости.

Эти противоречия существовали и при промышленном капитализме, однако, тогда не происходило абсолютного сокращения числа рабочих. У нас нет никаких оснований ревизовать Маркса в отношении его законов, установленных для чистого капитализма. Варга же считает абсолютное сокращение рабочих тенденцией капитализма вообще, проявляющейся лишь с большей силой в наше время, когда «освобождение» рабочих машинами не компенсируется более расширением производства» (стр. 23).

В 7-й книжке «Планового Хозяйства» с критикой Варги в статье «К проблеме безработицы в капиталистических странах» выступает т. Спектатор. Тов. Спектатор полемизирует с Варгой по поводу его утверждения, что «число занятых в промышленности должно при «чистом» капитализме падать» (стр. 198). Рядом цитат из Маркса и статистических данных Спектатор доказывает, что при быстром темпе накопления абсолютно растет число занятых рабочих. Сокращение же числа занятых после войны, в основном, по мнению Спектатора, «является результатом слабого развития промышленности, относительно замедленного темпа расширенного воспроизводства и почти полного застоя в процессе расширенного воспроизводства основного капитала. Если бы последний имел место, число занятых, как это было до войны, увеличилось бы». (Стр. 200).

Таким образом, причины органической безработицы тов. Спектатор видит лишь в явлениях послевоенного кризиса мирового хозяйства. Тов. Варга же подчеркивает, что это явление «не стоит в связи с кон'юнктурным циклом» (стр. 23).

Мы тоже считаем, что процесс абсолютного уменьшения рабочей силы не кон'юнктурное явление, и корни его заложены глубже, но и нельзя согласиться с тов. Варгой в его тенденции возведения генеалогического древа этого процесса к истокам капитализма вообще. Во всяком случае тов. Варга не делает даже попыток теоретически и статистически оправдать эту концепцию.

Нам представляется, что процесс абсолютного уменьшения рабочей силы является категорией, непосредственно вытекающей из монополистического загнивания промышленности в эпоху финансового капитализма и проявляющейся конкретно в период относительной стабилизации послевоенного капитализма.

Ленин, анализируя процесс загнивания капитализма, сводил его к трем основным показателям. В первую голову Ленин обращал внимание на «глубокие экономические основы империализма»—монополии. Монополия создает экономическую возможность искусственной задержки технического прогресса и этим самым зарождает тенденцию к застою и загниванию. Следующим показателем загнивания является выделение стран-рантье,—государств паразитически загнивающего капитализма. И, наконец, серьезным моментом, характеризующим империализм, является «уменьшение эмиграции из империалистических стран и увеличение эмиграции (прихода рабочих и переселения) в эти страны из более отсталых стран, с более низкой заработной платой».

Наиболее характерным из всех этих показателей является монополистическое загнивание, кладущее свой отпечаток на характер роста производительных сил во всю эпоху монополистического капитализма и проявляющееся в несколько модифицированном виде в наше время.

Ленин усиленно предостерегал от фаталистического понимания монопольного загнивания. Не следует понимать монополистическое загнивание, как полный застой техники и методов труда, как катастрофическое падение кривой производительных сил. Ленин подчеркивал, что речь идет об «экономической возможности» торможения технического прогресса, о тенденциях загнивания, которые, однако, развиваются неравномерно во времени и пространстве.

На каждом отдельном этапе развития монополистического капитализма эта тенденция монополистического загнивания принимает свои своеобразные формы и размеры. При этом характерно отметить, что тенденция загнивания далеко не всегда соответствует хронологически и пропорционально кризисным явлениям народного хозяйства той или иной страны.

Во вторую фазу стабилизации капитализма тенденция монополистического загнивания получает свое отображение в характере динамики капиталистической промышленности, особенно в капиталистической рационализации.

В наши дни маневрирование капиталистического корабля в фарватере послевоенного кризиса происходит под флагом капиталистической рационализации. Капиталистическая рационализация должна спасти капиталистический корабль и вывести его, по мнению буржуазии и социал-демократов, в свободные воды нового, невиданного доселе хозяйственного под'ема.

Кое-кто пытается проводить формальные аналогии между капиталистической рационализацией наших дней и периодом введения машин начала XIX века. Эти поверхностные наблюдатели не видят за формальными аналогиями глубины явлений. Рационализация XIX века происходила в условиях молодого, восходящего капитализма, в то время как рационализация современная происходит в условиях капитализма загнивающего. А отсюда и разница между экономико-социальным содержанием рационализации XIX и XX вв. Мы уже выше назвали рационализацию XIX века экстенсивной. В отличие от нее приходится характеризовать современную рационализацию, как интенсивную.

В то время как рационализация XIX века происходила за счет расширенного воспроизводства основного капитала, рационализация нашего времени строится иными путями. Центр тяжести современной капиталистической рационализации переносится на сильнейшую интенсификацию труда. Этой задаче подчинены все отдельные элементы рационализации, проводимой в промышленности. Конвейер, ускорение производственных процессов, механизация внутризаводского транспорта, цепная связь производственных процессов, контроль над производством, специализация труда, нормализация и стандартизация — все эти характерные черты своевременной капиталистической рационализации означают увеличение производительности труда отдельных рабочих [1]).

Процессы централизации и концентрации капитала, тоже составляющие одного из китов современной рационализации, равным образом носят характер скорее интенсивный, чем экстенсивный. Происходит кон-

[1]) О технических сдвигах и рационализации производства в С.-А. С. Ш. имеется интересная статья тов. М. Рубинштейна в журнале «Мировое Хозяйство и Мировая Политика» № 8—9, за 1927 г.

сервирование предприятий, скупка «диких» предприятий для их ликвидации и т. д.

Таким образом, та временная, относительная и т. д. стабилизация капитализма, о которой мы говорим и пишем и о которой мы судим подчас лишь по эффективным цифрам продукции, происходит главным образом не за счет расширенного воспроизводства основного капитала так, как это было в период промышленного капитализма, а поднятия производительности труда отдельного рабочего.

Конечно, было бы нелепо отрицать, что на тех или иных участках мирового капиталистического хозяйства, в тех или иных отраслях промышленности, особенно в так называемых новых отраслях, происходит расширенное воспроизводство основного капитала. Но дело не в этом, а в основной тенденции, характеризующей наш период. При этом следует иметь в виду, что «новые» отрасли промышленности характеризуются высокой производительностью и малым количеством рабочих. На годичном общем собрании акционеров Вестминстерского Банка Юз Теннан указал, что в так называемых «новых» отраслях промышленности—электротехнической, автомобильной, химической, производстве искусственного шелка, занято всего 700 тыс. рабочих из 12 млн., обслуживающих промышленное хозяйство Англии (цитируем по ст. тов. Сейлора в «Экономической Жизни»).

В цитированной уже выше статье в «Плановом Хозяйстве» т. Спектатор приводит весьма интересные данные о темпах роста производительных сил. Он пишет: «Применение механической силы увеличилось за 10 лет перед войной (1904—1914 гг.) с 13,5 до 22,4 млн. лошадиных сил, или на 66%, а за годы 1919—1925 с 29,3 до 35,8 млн. лошадиных сил, или всего на 22%». Эти цифры наглядно показывают весьма существенное замедление темпа расширения основного капитала в капиталистической промышленности. Если обратиться к данным, характеризующим положение в отдельных странах, к таким показательным данным, как, например, по германской промышленности, мы наткнемся на новое подтверждение вышеуказанного положения.

Тов. Спектатор приводит в своей статье ряд данных, характеризующих роль технических улучшений в германской рационализации.

По материалам германского союза машиностроительных заводов видно, что продукция и сбыт машин в Германии составляли:

Годы.	Продукция.	Сбыт на внут. рынке (в млн. марок).	Экспорт.
1913	2.800	2.050	750
1924	2.200	1.630	570
1925	2.900	2.140	670
1926	2.500	1.660	840
1927	3.400	2.440	960

Цены на машины в 1926 г. превышали довоенный уровень на 44—45%. Этим самым сбыт на внутреннем рынке составлял 1.100 млн. марок, или 53% довоенных. В 1927 году, когда положение значительно улучшилось, сумма вновь введенных машин фактически составляла 84% довоенных.

Таким образом, современная капиталистическая рационализация, происходя в эпоху монополистического загнивания капитализма, не опирается на относительно мощное расширенное воспроизводство основного капитала и не создает возможности роста числа рабочих, занятых в промышленности.

Тенденция к застою и техническому загниванию, характерная для монополистического капитализма (ни в коей мере не опровергаемая теми или иными техническими достижениями современного капитализма), является определяющим моментом процесса абсолютного уменьшения рабочей силы.

В период экстенсивной рационализации начала XIX века мы имели, как указывалось уже выше, увеличение производства в ряде смежных с рационализируемой отраслей, в частности, в области сырья. Увеличению производства в этих отраслях соответствовало и увеличение рабочих рук. Что же мы имеем в наше время? Процесс механизации захватил и сырьевые области. Достаточно обратиться к характерным процессам рационализации, происходящим сейчас в угольной промышленности, где механическая погрузка угля, применение конвейеров, изменение методов организации производства и труда в шахтах превращают последние в своеобразные фабрики, чтобы убедиться в том, что ни о каком росте рабочих там не приходится думать.

Крупную роль в современной рационализации играет химическая промышленность, стремящаяся заменить органическое сырье неорганическим — синтетическим. И как раз химическая промышленность славится тем, что в ней основную роль играют инженеры, химики, техники, лаборанты и весьма незначительное место в общем процессе производства играют неквалифицированные, вспомогательные рабочие. Как раз на опыте химической промышленности Альфред Монд и Гильфердинг строят свои теории о возможности ликвидации социальных противоречий в современной промышленности и о мирном развитии капитализма. Наконец, рост рабочей силы, участвующей в процессе производства, можно было бы себе мыслить при условии значительного расширения продукции, а следовательно, и при наличии условий реализации этой расширенной продукции. Другими словами, рост рабочих в производстве мог бы в тех или иных размерах происходить, если бы у монополистического капитализма более или менее благополучно обстояло дело с проблемой рынков.

Энгельс в своей статье «Английский десятичасовой билль» писал:

«Современная крупная промышленность может существовать только при условии постоянного расширения, постоянного завоевания новых рынков. К этому принуждает ее бесконечная легкость самого массового производства, беспрестанное дальнейшее развитие и создание машин и обусловленное этим беспрерывное вытеснение капиталов и рабочей силы».

Монополистический капитализм как раз характеризуется невозможностью «постоянного расширения» своих рынков. Особенно наглядно эти рыночные затруднения вырисовываются в период послевоенного кризиса мирового хозяйства.

Политика интернационального картелирования ставит себе целью установление норм продукции в отдельных странах по тем или иным отраслям промышленности, пытаясь смягчить проблему рынков искусственным сокращением выпускаемой на мировой рынок продукции. Если в период рационализации XIX века капитализм разрешал проблему уменьшения нормы прибыли, являвшегося разультатом органического роста капитала, соответствующим расширением сбыта, то в наше время значительного сокращения емкости мирового рынка возможность реализации прибыли капитализм видит в соответствующем сокращении производства. Этого процесса не может компенсировать и так называемая новая промышленность, на которую возлагают надежды капиталисты метрополии, пытаясь при помощи ее преодолеть трудности проблемы рынков сбыта.

Рационализация эпохи монополистического капитализма, снижая заработную плату и уменьшая количество занятых рабочих рук, уменьшает платежеспособную емкость и внутреннего рынка.

Таким образом, получается диалектический «танец» — рационализация проводится для разрешения проблемы сбыта и в то же время она является причиной нового обострения сбыта на внутреннем рынке.

Мы элиминируем здесь вопрос о недогрузке производственного аппарата, который тоже играет в эпоху монополистического капитализма свою роль в вопросе абсолютного уменьшения рабочей силы.

Мы предвидим здесь одно возражение: процесс абсолютного уменьшения рабочей силы может быть и характерен для отдельных стран, но ведь проблема-то в целом определяется положением в мировом хозяйстве? А в мировом хозяйстве, как известно, благодаря индустриализации колоний и экспорту капитала число рабочих рук увеличилось? Такая постановка вопроса будет неправильной. Верно то, что мы сейчас должны мыслить мирохозяйственными масштабами, но нельзя забывать о том, что мирохозяйственный организм является единством весьма противоречивым. Неравномерное развитие капитализма делает систему мирового хозяйства весьма своеобразной. Нельзя арифметически складывать количество рабочих, занятых в промышленности в Индии и Англии, и оперировать их арифметической суммой. Это будет метафизика, а не диалектика.

Вполне естественно, что говоря о процессе абсолютного уменьшения рабочей силы мы имеем в виду не страны строящегося социализма, не страны восходящего капитализма, а страны империализма, загнивающего капитализма.

В Индии мы не имеем еще процессов монополистического загнивания, а следовательно, и такого уменьшения рабочей силы. Этот процесс разворачивается в странах «новейшего» капитализма. Экспорт капитала, создание стран-рантье усложняет, как известно, процесс загнивания, отражаясь соответствующим образом и на уменьшении рабочей силы метрополии. Рационализация английской промышленности, протекающая в условиях превращения Англии в страну-рантье, характеризуется стабилизованной резервной армией труда и абсолютным уменьшением рабочей силы, занятой в производстве.

Таким образом, абсолютное уменьшение рабочей силы проявляется и становится реальным процессом. Процесс этот протекает неравномерно и таит в себе огромные революционные возможности. Не рассасывающаяся резервная армия труда на фоне затруднения и даже полного исключения возможности эмиграции — свинцовый груз на ногах современного капиталистического общества. Эта проблема серьезно заботит буржуазию, она пытается найти способы смягчения растущих трудностей. Она пытается создать искусственные условия для эмиграции, как например, Англия в Канаду и Австралию. Однако, этими паллиативами буржуазия не в силах приостановить развития процесса, корни которого заложены в природе монополистической фазы капитализма и который резко выявляется на данном этапе послевоенного капитализма.

Подготавливаемая буржуазией война, на ряду с целым рядом других обстоятельств, вызывается и намерением «оперативным» путем разрешить проблему рабочей силы в эпоху загнивающего монополистического капитализма

Проблема абсолютного уменьшения рабочей силы весьма неизученная и новая, и поэтому анализ этого явления должен поневоле носить дедуктивный характер. Данные, которые приводит в своей книге тов. Варга, отдельные данные, проскальзывающие на страницах печати не могут еще служить вполне надежным и достаточным материалом для постулирования тех или иных законов. Этот статистический материал может служить скорее сигналом, стимулом для абстрактно-логических гипотез. И главное здесь надо весьма осторожно оперировать с «цифирью». Цифры, характеризующие уменьшение рабочей силы по отдельным отраслям промышленности (а таких данных много по различным странам), недостаточно показательны. Решающее значение здесь играет исчерпывающий охват всей промышленности той или иной страны. Но если даже взять под строжайшее сомнение все цифровые данные, это не исключает возможности гипотетических построений, имеющих далеко не академический интерес. Ведь и ленинский анализ монополистического загнивания носил в значительной степени дедуктивный характер. Заслуга тов. Варги заключается, несомненно, в том, что он первый сигнализировал этот новый характерный для монополистического капитализма процесс.

Из отдельных вопросов, поставленных в работе тов. Варги, мы считаем необходимым еще остановиться на несколько нечетком анализе тов. Варгой проблемы экспорта капитала. Тов. Варга пишет:

«В вывозе капитала следует различать два момента: вывоз капитала с целью экспорта товаров и вывоз в собственном смысле этого слова.

Вывоз капитала с целью экспорта товаров происходит в форме долгосрочных кредитов, при чем экспортированные товары переходят в распоряжение покупателя. Такова, например, продажа иностранным государствам военного снаряжения в сочетании с долгосрочным кредитом.

Вывоз капитала в собственном смысле этого слова: капитал, не находящий внутри страны достаточно выгодного помещения вследствие недостаточного сбыта и низкой нормы прибыли, вывозится за границу, при чем распоряжение им остается в руках экспортеров капитала (например, постройка и эксплоатация железных дорог за границей)». (Стр. 56).

Нам представляется, что определения т. Варги не дают четкого понимания разницы, существующей между экспортом капитала и экспортом товаров. Критерий кредитов не играет в этом вопросе такой роли, какую ему приуготавливает тов. Варга.

Тов. Варгу вводит в заблуждение то обстоятельство, что экспорт капиталов часто происходит в товарной форме. Но ведь критерием экспорта капиталов является не его форма, а назначение. Экспорт капитала это— вывоз стоимости для создания прибавочной стоимости. Между тем, при экспорте товаров мы имеем дело с реализацией стоимости, в том числе и прибавочной стоимости, уже созданной в экспортирующей стране. Если же экспортированные товары переходят в распоряжение покупателя, то какая бы форма оплаты этих товаров ни имела место, на какой бы срок ни предоставлялся кредит покупателю, все равно эта операция будет носить характер экспорта товаров, а не экспорта капитала. Срок кредитования и форма оплаты не играют здесь решающей роли [1]).

Мы останавливаемся на этой неточности т. Варги еще и потому, что она может оправдать совершенно неправильные теории экспорта капитала, которые у нас находят место даже на страницах серьезных научных журналов. Наглядным примером этого может служить рецензия на книгу Гобсона «Экспорт капитала», помещенная С. Выгодским в «Под Знаменем Марксизма» № 7—8.

Для С. Выгодского «экспорт капитала становится формой экспорта товара» (стр. 270). С. Выгодский видит в экспорте капитала лишь один из способов реализации продукции за границей. Это, конечно, совершенно неправильная установка. Верно, что экспорт капитала стимулирует сбыт товаров, но из этого вовсе не следует превращение экспорта капитала в форму экспорта товаров.

Другим дефектом книги тов. Варги является недостаточное внимание, уделяемое им такой важной проблеме, как сырье. Говоря о колониях тов. Варга подчеркивает их значение для сбыта товаров и вывоза капитала.

«Лучшее средство обеспечить себе соответствующую долю сбыта товаров и вывоза капитала на мировом рынке это—приобретение колонии. Этим об'ясняется стремление капитилистических держав еще в период

[1]) Подробнее об этом—в «Большевике» № 15 в нашей рецензии на книгу Гобсона «Экспорт капитала».

свободных конкуренций к завоеванию возможно более обширных колоний». (Стр. 57).

Нам представляется оценка тов. Варгой движущих сил колониальной политики эпохи империализма явно недостаточной. Тов. Варга опускает здесь и почти ничего не говорит в других главах книги об одной наиболее существенной движущей силе колониальной политики — борьбе за рынки сырья.

«Основной особенностью новейшего капитализма, — писал Ленин в «Империализме»,—является господство монополистических союзов крупнейших предпринимателей. Такие монополии всего прочнее, когда захватываются в одни руки все источники сырых материалов».

И в другом месте т. Ленин со всей четкостью ставит вопрос, что «владение колонией одно дает полную гарантию успеха монополии против всех случайностей борьбы с соперником—вплоть до такой случайности, когда противник пожелал бы защищаться законом о государственной монополии. Чем выше развитие капитализма, чем сильнее чувствуется недостаток сырья, тем острее конкуренция за источники сырья во всем мире, тем отчаяннее борьба за приобретение колоний».

Таким образом, борьба за монопольное обладание сырьевыми источниками является одной из важнейших движущих сил колониальной экспансии капитализма в империалистическую фазу его развития. Ошибкой т. Варги является недооценка этого положения.

Вообще круг вопросов, связанных с колониальной проблемой, не нашел в книге тов. Варги достаточно полного и четкого анализа. Это относится и к вопросам индустриализации или «дезиндустриализации» колоний, к вопросам о переделе мира и т. д. Нечеткость имеется у т. Варги и в постановке вопроса о монопольной прибыли (стр. 64) и путях ее реализации.

Но за всем этим, как мы уже указывали выше, книга тов. Варги может служить хорошим пособием для изучения современных проблем мирового хозяйства, особенно в связи с проработкой итогов последнего конгресса Коминтерна.

Дм. Бухарцев.

АУТСАЙДЕР. (Outsider). **«Пакт Келлога». Госиздат. М.—Л. 1928 г. Стр. 71. Тираж 3.000 экз.**

П. ЛАПИНСКИЙ. «Пакт Келлога и пакт против Келлога». Госиздат. М.—Л. 1928 г. Стр. 140. Тираж 3.000 экз.

Шаг за шагом описывает брошюра Аутсайдера ход переговоров, которые привели империалистические державы к подписанию пакта Келлога. За посланием последовал проект, за проектом — оговорки, за оговорками — контрпроект, пока, наконец, не родился «на свет божий» знаменательный пакт.

Коротко и просто изложена вся дипломатическая возня, предшествовавшая подписанию пакта и происходившая в промежуток времени от 6 апреля 1928 г. (дата посылки Брианом Келлогу первой ноты) до 27 августа 1928 г. (дата подписания пакта).

Наибольший интерес вызывает у читателя часть брошюры, трактующая о юридическом и политическом значении всех тех оговорок, которые были сделаны некоторыми участниками пакта (в первую очередь Англией и Францией) до его подписания.

В текст пакта эти оговорки не вошли, тем не менее анализ их приводит к поучительным выводам. Основной и самый важный вывод заключается в том, что за оговорками некоторых держав не трудно разглядеть империалистический кулак, защищающий «кровные интересы» своего собственного капитала.

Однако, есть в брошюре формулировки, которые идут в разрез с фактами действительности. Две причины, по мнению автора, побудили Соединенные Штаты добиваться заключения договора об отказе от войны. Во-первых, «для утверждения своей гегемонии американский капитал в данный период времени (подчеркнуто автором) не нуждается в военной силе». Во-вторых,—«пакт Келлога представляет собой первую попытку Соединенных Штатов создать организацию, параллельную Лиге Наций, организацию, которая стала бы на место Лиги Наций» и, разумеется, под главенством Соединенных Штатов.

Нельзя возражать против второй побудительной причины, ибо по опыту Лиги Наций Соединенные Штаты убедились, какие она дает преимущества ее двум верховодам—Англии и Франции. Однако, мнение автора о том, что Америка «в данный период времени не нуждается в военной силе», диаметрально расходится и с фактами и с заявлениями государственных деятелей Соединенных Штатов. Морской минист Бильбур, например, заявляет, что «так как Соединенные Штаты являются самым крупным импортером мира, то они нуждаются в сильном военном флоте» (подчеркнуто мною. *Б. Ж.*). Его коллега по военному министерству Дэвис, вторит ему, выступая на политическом собрании: «Подписание договора Келлога ни коим образом не отразится на американских вооружениях». Достопочтенный мистер Дэвис вряд ли возразил бы, если бы мы прибавили к его словам «в данный период времени», ибо было бы по меньшей мере странно говорить о вооружениях 1940-х годов.

Сам автор на стр. 65-й говорит о том, что «Кулидж намерен всемерно форсировать через конгресс новую гигантскую судостроительную программу». (Речь идет о постройке 15 быстроходных крейсеров).

И это называется не нуждаться в военной силе или, по мнению автора, на той же 65-й стр., строить крейсера для того лишь, чтобы «произвести впечатление на Англию».

Недурная «моральная» теория вооружений.

Именно в данный период времени Соединенные Штаты ведут колоссальную работу по вооружению [1]). Тезисы VI конгресса Коминтерна говорят о «массовой милитаризации в Америке», о том, что «соперничество на море между Америкой и Англией ведет к новым вооружениям» и т. д., и т. п.

Вот какова действительная картина вещей. Как видит читатель, она несколько иная, чем рисуется автору брошюры.

Другое дело видеть в келлоговском маневре Соединенных Штатов международный пацифистский жест, необходимый как раз для данного периода времени, когда ведется интенсивная работа по вооружению, с целью прикрыть эту работу. Не в меньшей степени можно усмотреть в пакте и своеобразный маневр, вызванный соображениями внутренней политики (избирательная кампания).

В несколько ином плане составлена брошюра Лапинского. В ряде статей, печатавшихся в свое время в «Правде» и уже знакомых читателю, автор выявляет все те взаимосвязи, взаимозависимости и взаимовлияния, которые вытекают из пакта Келлога, с одной стороны, и пакта против Келлога, под которым автор разумеет англо-французское соглашение,—с другой стороны.

Умело и обильно используя международную прессу, автор разоблачает действительные мысли и планы тех, кто приложил руку к пакту и соглаше-

---

[1]) Достаточно будет одного знакомства с достижениями военной техники, которые демонстрировались в октябре 1927 г. на Эбердинском полигоне в Америке. В одном только 1927 г. было ассигновано 27 млн. долларов для пополнения запаса огнеприпасов и оружия.

нию. На фоне игры империалистических сил рельефно выделены два могучих соперника—Англия и Соединенные Штаты. Несколько механически привязаны пять последних статей, посвященных франко-германским взаимоотношениям в связи с вопросом о долгах и досрочной эвакуации Ренании и не имеющих прямого отношения ни к пакту Келлога, ни к англо-французскому соглашению.

То, что выгодно отличает брошюру Лапинского от брошюры Аутсайдера, это—более четкие формулировки и значения самого пакта и роли его главнейших участников.

В основном же она является дополнением к брошюре Аутсайдера, расшифровывающим, так сказать, изнанку всего дела с пактом и соглашением.

Обе брошюры будут с большим интересом прочитаны.

Б. Жуков.

В. И. ФРОЛОВ. «Экономика нефтяного хозяйства». С пред. проф. Губкина. Издание Совета нефтяной промышленности. 1928 г., стр. 392, тираж 2.130.

Экономика нефтяного хозяйства России десятилетиями находилась в теоретическом загоне. Благодаря пренебрежительному отношению к ней буржуазных экономистов и скептицизму инженерского состава, теория нефтяного хозяйства, как удачно замечает Вышнетравский [1]), поистине оставалась до революции «темным делом». Темные пятна этого пренебрежительного отношения к экономике весьма ярко проявились в нашумевшем в свое время, в 1907 г., инстерированном кризисе бакинских нефтеносных земель, в хищническом расхищении российскими грюндерами змелель Апшеронского полуострова, в анархическом строительстве наливного флота и нефтеперегонных заводов и т. д.

Не везет в разработке, правда, еще не совсем конституированных основ «экономики нефтяного хозяйства» и в настоящий период. Ее исходные теоретические начала хотя и завоевали свое право на жизнь в кругу общей теории советского хозяйства, но эта область экономических знаний еще далека от марксистской научной разработки, марксистского влияния и марксистского руководства. Исследование категорий, проработка отдельных проблем здесь ведется архибуржуазной плеядой экономистов, а не нашими силами.

Блестящим примером отмеченного положения служит рецензируемая нами работа, которую можно назвать экстрактом того, что написано за последние годы по этому, весьма актуальнейшему, вопросу тяжелой индустрии.

Автор «Экономики нефтяного хозяйства» в форме расширенных лекций, читанных им ранее в Горной Академии, пытается теоретически осветить для молодых инженеров следующие положения экономики: 1) Значение и отличительные свойства нефтяной промышленности. 2) «Капитал». 3) Рента в нефтяной промышленности. 4) Труд в нефтяной промышленности. 5) Цены нефти и нефтяных продуктов, себестоимость, прибыль. 6) Транспорт в нефтяной промышленности. 7) Экспорт нефтепродуктов. 8) Нефтяная промышленность и торговля за время войны и революции, и проч.

Теоретическое и методологическое освещение этих категорий Фролов производит настолько развязно, настолько махрово-буржуазно, что перед его научным маразмом даже бледнеют исследования таких прожженных эпигонов капитализма, как Сея, Бастиа и Таранеа. Так, автор, отвергая историзм

---

[1]) Смотри его интересную работу «Нефтяное хозяйство России за последние 10 лет».

и социальную форму экономических категорий, диалектическую трансформацию последних, важность изучения регулятора хозяйства переходного периода, считает, что задачей «экономики» является научить молодых инженеров владеть «истиной», хотя «истина, как всегда,—говорит Фролов,—находится где-то посредине и установить ее чрезвычайно трудно» (стр. 3).

Одной из таких «научно-выясненных истин» экономики нефтяного хозяйства, которую в качестве теоретического открытия нужно утвердить в современной теории и которой молодые инженеры и студенты должны проникнуться в своей практической работе, являются нижеследующие открытия автора:

1) При социалистическом строе «прибавочная стоимость будет существовать и прогресс человечества будет возможен до тех пор и лишь постольку, поскольку будет создаваться прибавочная ценность» (стр. 15).

2) На ряду с этим при социалистическом строе труд «будет вознаграждаться, т.-е. как бы это вознаграждение ни назвать, в сущности, будет заработная плата» (стр. 15).

3) «Капитал», это,—по определению политической экономии,—«кристаллизованный» труд, э т о — о р у д и я п р о и з в о д с т в а, с о з д а н н ы е п р о ш л ы м ч е л о в е ч е с к и м т р у д о м. Без этих орудий производство итти не может ни при каком строе, следовательно, капитал будет существовать при социалистическом строе» (стр. 15).

4) «Тот излишек дохода, который получается не вследствие разницы в труде и в орудиях производства, а исключительно вследствие разницы в природных условиях, и который в политической экономии называется диференциальной рентой, будет иметь место и в социалистическом строе» (стр. 16).

Ту же теоретическую истину автор «экономики» распространяет и на категорию советской ренты. Рента интепретируется им, как категория вечная, вытекающая из естественных условий почвы. Практическое выявление ее у нас происходит в виде долевого отчисления Наркомфину хозорганами. При этом подобно тому, как в рамках буржуазного общества происходит борьба между землевладельцами и промышленной буржуазией за долю ренты, так же должна быть аналогична борьба между Наркомфином и нефтяными трестами за долевые отчисления, ибо функции землевладельцев в переходный период взяло на себя государство, а функцию промышленной буржуазии—наши тресты.

Вообще, говорит Фролов, «в нашем строе какой-нибудь металлотрест, текстильный трест, нефтетрест и крестьянин со своими изделиями (последний с хлебом) на рынке встречаются как частные собственники» (стр. 138), ибо «по сущности идеи хозяйственного расчета отдельные промышленные предприятия и их об'единения, принадлежащие государству, должны рассматриваться, как частные предприятия, с той лишь разницей, что их хозяйство подвергается жесткому регулированию государственных учреждений» (стр. 138).

В книге имеются десятки еще таких же «перлов», таких же открытых «истин» буржуазного экономиста. Особенно богаты ими 3 и 4 главы книги (рента и капитал), трактующие преимущественно методологические вопросы экономии в свете вульгарных экономистов.

Разумеется, буржуазная методологическая и теоретическая установка ставит на голову и тот большой статистический материал, который приводит автор в своей работе.

Словом, «Э. Н. Х.» в области статистической является мало полезной работой, а в области теоретической и методологической крайне вредной. Рекомендовать данную работу, как пособие, как ключ к пониманию советского нефтяного хозяйства, ни в коем разе нельзя ни учащимся, ни практическим работникам горной и нефтяной промышленности. Она им пользы не сослу-

жит. Приходится только пожалеть, что на эту антимарксистскую работу, притом работу, которая, вне всякого сомнения, явится идейным рупором наших врагов, советом нефтяной промышленности выброшены большие деньги. Цена отдельной книжки 3 р. 50 к.

Вместе с тем приходится удивляться и тому печальному факту, как такой стопроцентной буржуазной пошлятине содействуют в распространении по периферии СССР нефтяники-марксисты, напр., редактор «Азербайджанского нефтяного хозяйства» тов. Блинов, который рекомендует читателям журнала «Экономику Нефтяного Хозяйства», как пособие, которое «дает много интересного и полезного материала не только для студентов, будущих работников нефтяной промышленности, но и для настоящих ее работников, уже искушенных опытом, со сложившимися взглядами на нефтяное хозяйство в советских условиях». («Азер. Нефт. Хоз.» № 6—7, стр. 132).

Пора покончить с такого рода буржуазным идейным «реставраторством».

Пора экономику нефтяного хозяйства освободить от тлетворного влияния вульгарных экономистов и передать в выдержанные марксистские руки.

Шур—гин.

Всем областкомам, губкомам, окружкомам, укомам, райкомам и ячейкам ВКП(б).

Уважаемые товарищи!

5 лет существования боевого руководящего партийного органа—двухнедельного журнала «Большевик»—сделало его неот'емлемым теоретическим оружием в руках каждого большевика, желающего быть сознательным строителем и бойцом политического, хозяйственного и культурного фронтов.

Освещая важнейшие теоретические и практические вопросы текущей политики и экономики под углом зрения ленинизма и борясь со всякими уклонами и ликвидаторством, «Большевик» является боевым выразителем коллективной мысли ленинской партии.

Постоянно держа своих читателей в курсе основных вопросов политики и экономики текущего дня, политики и практики ВКП(б), теории и практики марксизма-ленинизма, международного рабочего движения и мировой экономики, «Большевик» тем самым предназначается для самых широких слоев партийного актива.

Однако, несмотря на это, далеко не каждый активист читает «Большевик», не в каждой еще парт'ячейке прорабатываются важнейшие материалы, помещаемые на страницах журнала. Поэтому редакция просит поставить перед членами партии Вашей организации вопрос о необходимости продвижения «Большевика» в широкие слои партактива и дать директиву, чтобы, по крайней мере, каждое бюро ячейки выписывало журнал.

Редакция журнала «Большевик».

О „ПРОЖЕКТОРЕ“

За шесть лет своего существования «ПРОЖЕКТОР» ни разу не выступал с широковещательными декларациями и обещаниями. Вместо этого редакцией и издательством велась ежедневная, настойчивая, непрерывная работа по улучшению качества журнала. В настоящее время «ПРОЖЕКТОР» единогласно признается лучшим журналом в СССР.

В 1929 году «ПРОЖЕКТОР» значительно усилит все без исключения отделы журнала, проведет ряд серьезных улучшений в своей и без того высокой технике. В виду растущего тиража журнал будет печататься на новейшем типе германской ротационной машины «Хох-Друк». Качество краски и бумаги будут улучшены.

Формат журнала и количество страниц, несмотря на уже проведенное удешевление (вместо 30 к.—25 к.), останутся те же.

В отношении содержания «ПРОЖЕКТОР» ставит перед собой следующие задачи. Прежде всего привлечение новых сил во все отделы. Редакция обеспечила сотрудничество лучших писателей и поэтов. Придавая значение сложной международной обстановке, редакция «ПРОЖЕКТОРА» увеличила количество корреспондентов во всех значительных пунктах Западной Европы, Америки и Азии. Все актуальные политические, общественные и бытовые вопросы найдут в «ПРОЖЕКТОРЕ» немедленное освещение—литературно-публицистическое, художественное и иллюстрированное.

«ПРОЖЕКТОР» готовится к проведению ряда кампаний в литературной, общественной и культурной жизни. «ПРОЖЕКТОРОМ» будет культивироваться новый тип короткого сюжетного рассказа, актуального стихотворения. В отделе очерков попрежнему будет уделяться много внимания художественно-фактическому освещению разнообразных областей нашего строительства, жизни и быта провинций и центров.

Больше страниц будет отведено научным очеркам. Литературная критика, история и мемуары займут попрежнему видное место в журнале.

Впервые «ПРОЖЕКТОРОМ» введен отдел «Страница классиков». В нем будут печататься лучшие главы и страницы из сокровищницы мировой литературы. Произведениям классиков будут предпосланы небольшие характеристики.

В 1929 г. будет значительно улучшен и расширен отдел сатиры и юмора, в который тоже привлечен ряд новых художников и карикатуристов.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА 1929 ГОД:

на 1 м.—1 р.; на 3 м.—3 р.; на 6 м.—6 р.; на 12 м.—12 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: в главной конторе издательства «Правда» и «Беднота» (Москва, 9, Тверская, 48) и во всех провинциальных отделениях и представительствах «Правды».

Для ознакомления номер „ПРОЖЕКТОРА“ высылается за одну десятикопеечную марку.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 23—24 31 ДЕКАБРЯ № 23—24

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 8
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
„ПРАВДА“

Главлит № А—26493 Тираж 75.000.

Типография газеты „Правда", Москва, Тверская, 48.

Ход хлебозаготовительной кампании.

Вопрос о хлебозаготовках является важнейшей хозяйственной проблемой Советской Страны, и его разрешение тесно связано с задачей под'ема и реконструкции сельского хозяйства на высшей технической и социальной основе. Поскольку мы делаем лишь первые шаги в разрешении этой задачи, проблема хлеба не перестает быть острейшим вопросом нашей хозяйственной политики.

В связи с прошлогодними хлебными затруднениями партия поставила хлебную проблему во всей ее полноте, выяснив как причины затруднений, так и методы их разрешения.

Июльский, а затем ноябрьский пленумы Центрального Комитета ясно указали на две группы причин, из которых первая обнимает собой причины длительного порядка, создавшие базу для хлебных затруднений, и вторая — причины временного, кон'юнктурного свойства. Последнего рода причины хлебных затруднений связаны с политикой хозяйственного руководства, с организационно-экономическими методами регулирования хлебозаготовок и текущей кон'юнктурой. К ним относятся недостатки заготовительного аппарата, срыв хлебных цен частником и кулаком при конкуренции между заготовителями, недоснабжение промтоварами деревни, несоответствие между ценами на различные сельскохозяйственные культуры, недообложение сельскохозяйственным налогом верхушечных слоев деревни, недостатки советского и партийного аппаратов в деревне в ряде мест, не сумевших оказать достаточный отпор кулаку, при росте его активности и т. д., и т. п.

Причины длительного порядка создали основу хлебозаготовительного кризиса прошлого года и определяют напряженность в области выполнения плана хлебных заготовок и организации бесперебойного снабжения населения в текущем году. Эти причины будут еще чувствоваться в течение ближайших двух - трех лет. Эти причины выражаются в чрезмерном отставании зернового хозяйства от темпа роста потребностей страны. Это отставание определяется как недовосстановленностью посевных площадей (90% довоенного), так

и низкой—буквально нищенской—урожайностью. Отставание зернового хозяйства происходит на фоне продолжающегося измельчания крестьянских хозяйств, что ведет к уменьшению товарности зерновой продукции этих хозяйств. В то же время мы не успели вместо крупных помещичьих и кулацких хозяйств построить *крупные хозяйства социалистического типа—колхозы и совхозы*. Эту задачу можно разрешить лишь на протяжении ближайших лет. На ряду с этим еще в малой степени использованы возможности поднятия индивидуальных крестьянских хозяйств как в смысле повышения их урожайности, так и расширения посевных площадей.

Вот почему задача поднятия производительности сельского хозяйства (путем усиления снабжения сельского хозяйства машинами, удобрениями, чистосортными семенами, очистки семян триерами, протравки семян, внедрения новой агротехники и пр.) нами выдвигается, как одна из важнейших задач нашей хозяйственной политики. Растущая индустрия нашей страны, в особенности рост производства средств производства, в первую очередь машин, с каждым годом дает в наше распоряжение все большие материальные ресурсы для разрешения этой задачи. Значение индустрии, как ведущего начала во всем народном хозяйстве, с каждым годом должно все больше и больше увеличиваться, но индустрия может расти лишь на определенной сельскохозяйственной базе, снабжающей промышленность сырьем и хлебом и открывающей для нее рынки сбыта продукции.

Вот почему, решительно борясь со всякими попытками снижения темпа индустриализации страны, надо добиваться возможного дальнейшего ускорения этого темпа, и в то же время необходимо обратить сугубое внимание на поднятие сельского хозяйства и в первую очередь его зерновой отрасли, действуя по трем руслам:

1) всемерно помогать поднятию бедняцких и середняцких индивидуальных хозяйств, систематически вовлекая их в кооперативное русло; в этом отношении громадное значение имеет практика контрактации зерновых культур, которую нужно всемерно расширять и улучшать;

2) об'единять мелкие крестьянские хозяйства в крупные коллективные об'единения, в это основное русло коренной технической реконструкции всего сельского хозяйства на социалистических началах и поднятия его производительности;

3) построить в установленные партией сроки новые крупные зерновые совхозы в расчете получить от них в конце пятилетия не менее 1,64 млн. тонн товарного хлеба; улучшать и укреплять старые совхозы, которые по размерам своих земельных фондов в состоянии повысить свою хлебную продукцию до 1,23—1,64 млн. тонн хлеба; добиться постепенного нарастания выхода товарной продукции из этих социалистических экономий и довести к концу пятилетия эту цифру до 2,9—3,3 млн. тонн.

Все эти задачи разрешимы лишь на протяжении нескольких лет при условии, что партия будет неослабно следить за решением зерновой проблемы.

Теперь же нам приходится исходить из существующей базы зернового хозяйства.

Если считать всю площадь, засеянную крестьянами осенью и весной истекшего года, то эта посевная площадь выше прошлогодней на 1,5—2 млн. гектаров. Однако, благодаря гибели озимых посевов на юге Украины и Сев. Кавказе, продуктивных посевов, т.-е. таких, которые дали урожай, оказалось на 2,5 млн. гектаров (2,6%) меньше прошлогодних.

Несмотря на это, при тех благоприятных видах на урожай, которые мы имели к 1 июля 1928 года, еще до уборки, эксперты ожидали валовой сбор в текущем хозяйственном году больший, чем в прошлом году, примерно на 8,2 млн. тонн. Однако, к весеннему стихийному бедствию (гибель озимых) в июле присоединилось другое стихийное бедствие в этих же районах—засуха, охватившая юг Украины и Сев. Кавказ за одну-две недели до уборки урожая.

Новая хлебозаготовительная кампания 1928—29 года началась в особо сложной и особо трудной обстановке. Затруднения, перешедшие от прошлого года, неизбежно наложили свой отпечаток на начало новой кампании. С другой стороны, особенности урожая, его география и покультурный состав создали новые трудности, особенно на первом этапе кампании. К этому присоединилось еще запоздание вызревания хлебов на 10—15 дней против нормального и полоса усиленных дождей, прошедших к моменту уборки хлеба как на Украине, так и на Волге и на Сев. Кавказе, что также ослабило заготовки в первые месяцы кампании.

Если бы в распоряжении государства были значительные хлебные запасы, то изменение в сроках вызревания и уборки хлебов, изменение покультурного состава и географии хлебозаготовок не представляло бы ничего серьезного и не создало бы особых затруднений. Но в конкретной обстановке текущего года все эти неблагоприятные условия ухудшили положение со снабжением хлебом и затруднили выполнение плана семеноснабжения.

Благодаря хлебозаготовительным затруднениям прошлого года мы вышли навстречу новому урожаю с дезорганизованным рынком заготовок, с крайне недостаточными переходящими запасами хлеба, с расстроенным рынком снабжения. Громадный разрыв между частными и конвенционными хлебными ценами явился в первый период кампании естественным результатом этих условий. Эти трудности усугубились тем, что мы должны были в начале же кампании решить труднейшую задачу семенной помощи крестьянству юга Украины и РСФСР, пострадавшему от гибели озимых посевов.

Мы вступили в новую кампанию, имея перед собой важнейшую задачу—немедленно прекратить практику чрезвычайных мер. Но для

перехода от практики чрезвычайных мер к нормальным методам заготовок требовалось время, и на этом переходе было неизбежно падение заготовок. Это отразилось на заготовках в июле, оказавшихся самыми минимальными за последние четыре года и составлявших менее трети июльских заготовок прошлого года.

Своеобразие урожая текущего года отразилось на хлебозаготовительной кампании в полной мере. Мы уже указывали выше на неблагоприятный покультурный состав урожая. Несмотря на то, что валовой сбор зерновых хлебов, по данным ЦСУ СССР, превысил прошлогодний по крестьянским хозяйствам на 0,77 млн. тонн, основных продовольственных культур—ржи и пшеницы—оказалось на 3,48 млн. тонн меньше, чем в прошлом году. При этом рожь дала уменьшение почти на 4,7 млн. тонн, и, несмотря на повышенный, по сравнению с прошлым годом, урожай пшеницы, итоговый баланс продовольственных культур оказался напряженным.

Значительный недород ржи и общий неблагоприятный баланс продовольственных культур вызвал необходимость проведения мер максимальной экономии в расходовании зерна и хлеба. Вместо 75-процентного помола пшеницы был введен 80 и 90-процентный, т.-е. из 100 кг пшеницы мельницы вырабатывают вместо 75 кг соответственно 80 и 90 кг пшеничной муки.

Такова первая неблагоприятная особенность урожая текущего года, которая сказалась на ходе хлебозаготовительной кампании.

Но еще большие трудности представило географическое распределение урожая. Пониженный урожай в южных районах Союза (Украина, Крым и частично Сев. Кавказ) и превосходный урожай на Востоке определили резкое перемещение центра тяжести хлебозаготовительной кампании с юга на восток. Этот факт определил ряд существенных трудностей.

Хлебозаготовки на юге развертываются обычно уже в августе. Уже к концу этого месяца центральные районы Союза и рабочие центры могут рассчитывать на хлеб нового урожая. Иначе обстоит дело с отдаленными восточными районами. Более поздний сбор урожая в этих районах дает возможность, обычно, развернуть в полной мере хлебозаготовки лишь в октябре и даже в ноябре. С другой стороны, отдаленность этих районов, слабая железнодорожная сеть, трудности отгрузки и вывоза из глубинных пунктов в центральные районы, наконец, недостаточная мукомольная промышленность в этих районах,— все это определило те сверхкомплектные трудности, которые приходится преодолевать в текущем году.

Партия поставила задачу перед всем партийным, советским и заготовительным аппаратом развернуть заготовки на Востоке возможно раньше и возможно шире. Ничтожные запасы к началу хлебозаготовительного года требовали безусловного разрешения этой задачи. Невыполнение грозило большими

осложнениями и перебоями в ходе снабжения решающих рабочих центров. Итоги первой половины хлебозаготовительной кампании показывают, что задача, поставленная партией, разрешена удовлетворительно.

Первую половину новой хлебозаготовительной кампании с точки зрения динамики заготовок можно разбить на три части. Первая — начало заготовок (июль—август); вторая (сентябрь—октябрь)—развертывание заготовок до большей высоты; третья (ноябрь—декабрь)—некоторое падение заготовок и развертывание их на пониженном, по сравнению с октябрем, уровне.

До вступления в хлебозаготовительную кампанию Востока и Поволжья хлебозаготовки шли на чрезвычайно пониженном, в сравнении с прошлым годом, уровне:

Заготовлено в тыс. тонн.

	1927/28 г.	1928/29 г.	%%-ная разница заготовок.
Июль	279	90	— 67,8
Август	999	529	— 46,5
	1.268	619	

Таким образом, в течение июля и августа, т.-е. тех месяцев, когда заготовки могли развертываться исключительно на юге, мы имели, по сравнению с прошлым годом, недозаготовку в размере 649 тыс. тонн. В сентябре заготовки начали развертываться в Поволжье, и сентябрь дает уже 1,47 млн. тонн против 1,35 млн. тонн в прошлом году по всему Союзу. Итог первого квартала закончился с недозаготовкой по отношению к 1927—28 году в 20,4%. Широкое развертывание заготовок в Поволжье и на Востоке дало возможность в октябре эту недозаготовку покрыть и перекрыть.

Заготовлено в млн. тонн.

	1927/28 г.	1928/29 г.
1-й квартал (июль, август, сентябрь)	2,63	2,09
Октябрь	1,05	1,78
	3,68	3,87

В ноябре мы имеем большее, чем сезонное, снижение заготовок (распутица). Всего за истекшие 5 месяцев по Союзу заготовлено 4,86 млн. тонн зерновых хлебов. В прошлом году за это же время было заготовлено 4,36 млн. тонн. Заготовки текущей кампании превысили на 1 декабря прошлогодние заготовки на 0,5 млн. тонн. Этот удовлетворительный количественный итог существенно снижается при более детальном покультурном его рассмотрении. Неблагоприятные особенности урожая текущего года не могли не сказаться на качестве собранных хлебов. Несмотря на то, что заготовлено на 0,5 млн. тонн больше, чем в прошлом году за это же время, в массе заготовленного

хлеба ржи и пшеницы оказалось меньше, чем в прошлом году на 0,32 млн. тонн: на 1 декабря заготовлено 3,28 млн. тонн ржи и пшеницы, а в прошлом году—3,6 млн. т. Таково отражение на ходе хлебозаготовок первой особенности урожая текущего года.

Еще более существенно проанализировать итоги заготовок по отдельным районам. Перемещение центра тяжести заготовок с юга на восток, подчеркнутое нами выше, достаточно выпукло видно из следующей таблички (в %%):

Группы районов.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Южная (Украина, Сев. Кавказ и Крым) . . .	59,6	61,6	27,7
Центральная (Ср. Волга, Н. Волга и ЦЧО) .	20,7	19,2	30,3
Восточная (Сибирь, Казакстан, Урал, Татреспублика и Башреспублика)	16,2	16,6	38,8
При этом отдельно по Украине	35,3	48,0	14,9

Близкие и доступные южные районы, дававшие обычно в первый период хлебозаготовительной кампании свыше ⅔ общесоюзных заготовок, в текущем году дали только 27,7%. При этом Украина, давшая в прошлом году свыше половины всего заготовленного на 1 декабря хлеба, теперь заготовила около 15%. С другой стороны, далекие восточные районы, игравшие в прошлом году в заготовках первой половины кампании ничтожную роль (16,6%), в текущем году выносят на себе основную тяжесть хлебозаготовительной кампании и дали до 38,8% всего заготовленного по Союзу хлеба. Украина, давшая в прошлом году на 1 декабря 2 с лишним млн. тонн зерновых хлебов, в текущем году дала только 0,72 млн. тонн, а Сибирь дала 0,79 млн. тонн против 0,29 млн. тонн в прошлом году. Общий итог хлебозаготовок за 5 месяцев показывает, что широко развернутая на Востоке заготовительная кампания дала возможность перекрыть дефицит, обусловленный пониженным урожаем в южных районах Союза. Однако, выявившиеся тенденции в заготовках за ноябрь и декабрь говорят о том, что основные трудности впереди.

Ряд экономических факторов, игравших значительную роль в первом периоде хлебозаготовок, теперь отпал. Крестьянство внесло основную массу сельскохозяйственного налога, сдана большая часть закупленного на корню и законтрактованного хлеба, наконец, беднота и отчасти середняки успели основную массу своего избыточного хлеба продать государству. Во второй период хлебозаготовительной кампании заготовки будут охватывать преимущественно середняцкие и зажиточные слои деревни. При этом денег в деревне за счет разнообразных не хлебных заготовок и не сельскохозяйственных заработков сейчас значительно больше, чем в первый период хлебозаготовок. Все эти трудности нужно видеть вполне отчетливо.

Успешный ход заготовок за предыдущие месяцы в ряде районов усыпил бдительность наших организаций, активность заготовителей и общественная поддержка оказались недостаточными. Лишь с конца ноября места взялись активнее за хлебные заготовки.

Как же развертывается динамика хлебозаготовок и какие перспективы намечаются для 2-го периода хлебозаготовительной кампании?

	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь
	в тысячах тонн				
1928/29 г.	90	529	1.470	1.781	986
1927/28 г.	279	990	1.355	1.048	679
1926/27 г.	242	771	1.435	1.600	1.610

Общая заготовка по всем зерновым хлебам протекала в сентябре и октябре на повышенном уровне как против 1927—28 года, так и против 1926—27 г.

Несмотря на снижение темпа заготовок в ноябре, месячный их итог превышает заготовки прошлого года. Но надо иметь в виду, что в прошлом году в ноябре мы уже вступили в заготовительный кризис. Именно поэтому нельзя считать ноябрьский итог заготовок удовлетворительным, и необходимо более тщательно проанализировать динамику заготовок в ноябре.

Заготовлено зерновых хлебов в тыс. тонн:

	1927/28 г.	1928/29 г.	Разница заготовок 1927/28 г. к 1928/29 г. в %%.
1-я пятидневка ноября . . .	115	213	+85
2-я „ „ . . .	97	167	+82
3-я „ „ . . .	114	180	+58
4-я „ „ . . .	114	156	+37
5-я „ „ . . .	100	124	+24
6-я „ „ . . .	121	147	+21
1-я „ декабря . . .	109	148	+36
2-я „ „ . . .	125	170	+36
3-я „ „ . . .	114	187	+64

Таким образом, наиболее низкой точкой явилась пятая пятидневка ноября. С этого времени мы отмечаем начало нового, но небольшого, под'ема. В прошлом году падение заготовок в ноябре обозначало вступление в полосу хлебозаготовительного кризиса. Изучение же характера падения в ноябре по отдельным районам в текущем году показывает определенно, что говорить о хлебозаготовительном кризисе сейчас не приходится. Однако, эта общая оценка не покрывает положения, обозначившегося во всех районах. В то время, как на Востоке ноябрьский перелом в сторону повышения уже в самое ближайшее время намечает удовлетворительный ход заготовок, в других районах, особенно на юге, дело обстоит значительно хуже. Падение заготовок здесь связано не только с резко пониженным урожаем, но и со значительным ростом роли частников и мешечников. Наличие ряда недородных районов определило усиленный внутрирайонный частный хлебооборот, весьма часто принимающий спекулятивный характер. В результате мы имеем на Украине значительный разрыв между заготовительными и базарными ценами, что представляет угрозу заготовкам. В центральных районах Союза также наметились некоторые неблагоприятные тенденции, вызванные опять-таки наличием недородных районов и повышенным спросом из потребляющей

полосы Союза. Недобор ржи, на который мы указывали выше, в значительной мере падает именно на потребляющую полосу, где валовой сбор ржи по сравнению с прошлым годом снизился почти на 1,07 млн. тонн. Давление этих районов особенно сильно ощущается в Центрально-Черноземной области и в Поволжье. Несмотря на то, что в сентябре и октябре заготовки в Поволжье развернулись вполне успешно, ноябрьское снижение обнаруживает некоторые тревожные черты. Достаточно указать, что в ноябре в Поволжье заготовлено лишь немногим больше, чем по недородной Украине (150 тыс. тонн и 126 тыс. тонн).

Одновременно с этим падением заготовок в Поволжье отмечается некоторое увеличение разрыва цен, как результат роста мешечничества и частного хлебооборота. Таковы те многообразные условия, которые сложились к началу второго периода хлебозаготовительной кампании. Благоприятнее всего складывается обстановка в восточных районах. При наличии значительных хлебных товарных ресурсов мы здесь имеем наиболее выгодную рыночную кон'юнктуру, так как разрыв цен здесь минимальный. Это обстоятельство создает об'ективные условия для удовлетворительного развертывания хлебозаготовок на Востоке.

Перспективы хлебозаготовок в Поволжье сложатся удовлетворительно, если нам удастся достаточно быстро преодолеть спекулятивную волну мешечничества и выдержать политику цен. Наконец, обстановка на юге наиболее неблагоприятная и требует ряда маневренных мероприятий для улучшения положения с хлебом.

Удовлетворительное проведение второго периода хлебозаготовительной кампании требует широчайшей раскачки всего партийного, советского и заготовительного аппарата. Если в течение первой полосы хлебозаготовок значительная часть хлеба шла самотеком, то сейчас необходимо в деревне развернуть напряженную раз'яснительную и организационную работу. Все общественные организации села должны быть вовлечены в это дело. Несомненно, что партия натолкнется на попытки сопротивления кулацких слоев деревни. Углубившаяся классовая борьба усилит стремление кулацкой верхушки деревни создать трудности хлебозаготовительной кампании.

В деревне должна быть развернута широкая кампания общественной борьбы со спекулянтами. Крестьянский актив и прежде всего беднота должны взять на себя борьбу с этим злом, срывающим наши хлебозаготовки в ряде районов.

Борьба с мешечничеством должна сопровождаться настойчивой раз'яснительной кампанией о необходимости полной сдачи законтрактованного и купленного на корню хлеба. В ряде районов, где существует резкий разрыв между конвенционными и базарными ценами, контрактационные договоры в значительной мере не выполняются не только индивидуальными крестьянскими хозяйствами, но и колхозами и даже совхозами. Это имело место, в частности, на Украине и в Крыму, куда нахлынула масса крестьян из недородных районов для закупки семенного и продовольственного зерна.

Заготовительные организации должны добиться безусловного выполнения договоров во всех тех случаях, когда крестьянское хозяйство имеет возможность сдать хлеб, но оттягивает сдачу в связи с соблазном высоких рыночных цен. В особенности необходимо укрепить хозяйственную дисциплину в системе колхозов.

Важнейшим залогом успеха кампании является закрепление нашей политики хлебных цен. Хотя в основных производящих районах этот разрыв значительно уменьшился, однако, опасность срыва нашей политики цен значительна. Вот почему сохранение достигнутого уровня цен на протяжении всей кампании и борьба со всеми попытками ее срыва являются важнейшей задачей новой кампании и важнейшим условием ее успешного окончания.

Основным рычагом в руках государства для усиления хлебозаготовок во второй период кампании являются, несомненно, промтовары. Само собой разумеется, необходимо настойчивое завершение текущих налоговых мероприятий, взыскание сельскохозяйственного налога, страховых платежей и развертывание самообложения. Но основным рычагом остается маневрирование промышленными товарами. Для основных заготовляющих районов и прежде всего для Востока необходимо обеспечить максимальное количество промышленных товаров путем соответствующего перераспределения между заготовляющими и незаготовляющими районами. При этом кооперативные организации хлебозаготовительных районов должны в полной мере усвоить, что государство идет на снижение снабжения промышленными товарами городов для лучшего обеспечения хлебозаготовительных районов, и что это делается во имя форсирования хлебозаготовок. Каждый сельский кооператив должен понять и раз'яснить крестьянству, что преимущественное снабжение села промышленными товарами требует соответствующего повышения хлебозаготовок. Кооперативная и советская общественность должны обеспечить продажу кооперированным крестьянством своего хлеба государству. Кооператив, который при наличии хлебных ресурсов в районе не может обеспечить поднятия хлебозаготовок, не должен рассчитывать на преимущественное получение товаров.

Таковы те мероприятия и рычаги, которые необходимо развернуть во второй половине хлебозаготовительной кампании. Необходимо взять под внимательнейшее наблюдение всей нашей печати ход и развертывание хлебозаготовок. Необходимо обеспечить немедленную ликвидацию отдельных возможных извращений работы заготовительного аппарата в самый момент их зарождения. Заготовительный план текущего года составлен в расчете на его безусловное и полное осуществление. Только при этих условиях создается основная гарантия для нормального и бесперебойного развертывания нашего социалистического строительства. Перестраивая наше сельское хозяйство на новых социальных и технических основах, мы подготовляем развернутую

широко базу для дальнейшего роста нашего строительства. Несомненно, что ближайшие год—два будут наиболее напряженным и узким участком на этом пути. Развертывание колхозного и совхозного строительства, под'ем урожайности индивидуальных бедняцко-середняцких хозяйств уже через пару лет обеспечат нам необходимые зерновые ресурсы для решения хлебной проблемы. До этого момента трудности неизбежны. Преодоление этих трудностей требует гибкого маневрирования, величайшей дисциплины, активности и выдержки. Партия наметила выход из переживаемых затруднений не на пути развертывания кулацкого сектора деревни, а по линии под'ема бедняцко-середняцкой массы хозяйств и их перестройки на высшей социальной и технической базе. Этот путь ликвидирует основу наших хлебозаготовительных трудностей и создаст не только широкую, но и прочную базу для нашего социалистического строительства.

Ем. Ярославский.

У последней черты.

(Антипартийные группы после XV с'езда) [1].

Год прошел со времени постановления XV с'езда партии, который признал несовместимыми с принадлежностью к партии взгляды троцкистов и сапроновцев и постановил исключить из партии сторонников троцкистской и сапроновской платформ. Если год назад были еще сомневающиеся в дальнейшей судьбе троцкистского течения, как социал-демократического, меньшевистского, то за год сами троцкисты сделали все, что они могли сделать, для того, чтобы об'яснить и доказать правильность решений XV с'езда, и прежде всего они это доказали многим своим вчерашним сторонникам.

Партийная печать, к сожалению, не уделяла в течение этого года сколько-нибудь значительного внимания антипартийным группам, сложившимся в борьбе с ВКП(б), внутри нашей партии и вне ее. Если не ошибаемся, кроме статьи в «Коммунистическом Интернационале» (№ 6—7) по поводу «двух документов», статьи в «Правде» об этом же и затем статьи в «Большевике» (№ 3—4), партийная печать ни разу сколько-нибудь серьезно не останавливалась на том, что делается в этих группах и группировках, какие процессы, изменения происходят в идеологии этих групп, не следила за тем, «куда растут» эти группы. Год подпольной работы этих групп дал, однако, богатейший материал, заслуживающий того, чтобы его осветить. Многочисленные документы вождей и «вождей», больших и малых, троцкистов, сапроновцев и мясниковцев подпольно распространялись достаточно широко по стране, и особенно в странах капиталистических, где под крылышком буржуазных правительств и буржуазных издательств, эти документы находят большой спрос и применение. Часть этих документов адресована в качестве директивных писем к сторонникам этих антипартийных групп, часть VI конгрессу Коммунистического Интернационала, часть является директивными же документами для врагов Коминтерна и ВКП(б) в «международном масштабе».

Задача настоящей и последующих статей — осветить эти материалы, показать их социально-классовое лицо и дать им надлежащую оценку с точки зрения борьбы нашей партии и Коммунистического Интернационала за социализм.

* * *

Накануне XIV с'езда троцкисты подготовлялись к выступлению на с'езде с изложением своей платформы. Должен был, судя по многочисленным документам, накопившимся за это время, выступить Троцкий, при чем его выступление должно было быть направлено особенно остро против тов. Зи-

[1] Мы намерены дать ряд статей в «Большевике», характеризующих антипартийные группы в целях информации и ознакомления членов партии с этими группами. Настоящая статья является как бы введением. *Е. Я.*

новьева, как председателя Коминтерна, и вообще против тогдашней группировки Зиновьева и Каменева.

Однако, когда накануне XIV с'езда выяснилось, что Зиновьев и Каменев выступают против Центрального Комитета, организуют оппозицию, Троцкий не только не выступил против них, но определенно ориентировался на блок с ними. Теперь этот блок Троцкий делает попытку изобразить не как верхушечный блок, не с Зиновьевым и Каменевым, а как блок снизу, своего рода «единый фронт» против партии, против ее большинства. Еще в апреле распространялся троцкистский документ, который делал попытку это об'яснить. В этом документе мы читаем:

«Тебя, друг, интересует вопрос о том, каким это образом могли об'единиться с Зиновьевым и Каменевым те самые, кого в 1923—25 гг. больше всего травили, на кого больше всех прочих клеветали именно Зиновьев и Каменев. Твои сомнения были бы основательны, если бы речь шла о сделке политиканствующих лидеров. Но ведь блок оппозиции 1923—25 гг. представлял собою нечто совершенно отличное от закулисной комбинации вождей. Блок создался на основе общих политических взглядов, и на основе более или менее одинаковой оценки положения и ближайших задач нашей революции. Оппозиция 23 года проявила бы совершенно необ'яснимую близорукость, откажись она от совместной борьбы с лучшими ленинградскими пролетариями, именно с последними в первую очередь, а не с Каменевым и Зиновьевым. К слову сказать, огромное большинство этих рабочих за Каменевым и Зиновьевым не последовало в их капитулянтском падении».

Мы однако, знаем, что дело обстояло как раз наоборот, что блок заключался именно как беспринципная «комбинация» верхушек, так же, как складывался в свое время троцкистский августовский блок ликвидаторов и других антипартийных меньшевистских групп против большевиков. Да и расстраивался этот блок вовсе не низами, а теми же верхушечными комбинациями вождей и подвождей (правда, не без давления этих «низов»). Мы впоследствии остановимся на этом более подробно и приведем многочисленные свидетельства того, что именно так дело и обстояло.

В мае Троцкий сам писал в одном из документов (от 25 мая 1928 года) о том, как решались вопросы в этом блоке:

«7 ноября вечером, после демонстрации, мы по телефону вызвали Зиновьева в Москву, чтобы поставить вопрос о тактическом свертывании. Зиновьев ответил письмом с оказией. В приложении к письму было описание событий 7 ноября в Ленинграде, а в письме Зиновьева говорилось: «Описание фотографически точное. Все сведения говорят о том, что все это безобразие принесет нашему делу большую пользу. Беспокоимся, что было у вас. «Смычки» идут у нас очень хорошие. Перелом большой в нашу пользу. Ехать отсюда пока не собираемся...». Мы повторили требование о немедленном выезде Зиновьева в Москву. Что было по приезде, то-есть спустя 24 часа, достаточно хорошо известно».

Смешно доказывать теперь, что какое-то «общественное мнение» тех, кто принадлежал к оппозиции решало вопрос о том, какие заявления подавать. Кое-какое давление этих «низов», конечно, было, однако, верхушка, сколачивавшая блок, считалась меньше всего с этими требованиями. Ведь у главного «вождя» была тактика «дальнего прицела»,—какое дело этому дышащему аристократической самовлюбленностью человеку до того, что думают «массы», хотя бы и троцкистские!

Факт неопровержимый, что п о с л е XV с'езда огромное большинство тех, кто шел за Каменевым и Зиновьевым, так называемая «ленинградская оппозиция», последовало за ленинградской группой и вернулось в партию. Правда, были еще кое-какие колебания у так называемых «безвожденцев», которые считали, что Зиновьев и Каменев сделали ошибку, написавши свое письмо в «Правду» и снявши свои подписи с платформы «83»; но впоследствии и эти товарищи должны были убедиться, что нельзя одновременно

заявлять о своем согласии с партией и в то же время поддерживать платформу троцкистов. Одно из двух—либо вы поддерживаете платформу троцкистов, осужденную партией, ее с'ездом,—тогда вам партия не может поверить, что вы считаете правильной ее линию; либо вы признали, действительно, свою ошибку и целиком поддерживаете партию и тем самым снимаете свои подписи с троцкистских документов. Этого утешения,—что огромное большинство ленинградских рабочих, бывших в «ленинградской оппозиции», осталось троцкистами,—э т о г о у т е ш е н и я т р о ц к и с т а м н е д а н о. Почти все товарищи, которые в период перед XIV с'ездом и между XIV и XV с'ездами примкнули к «ленинградской оппозиции», в настоящее время вернулись в партию и отказались от поддержки троцкистов, в том числе и рабочие, и даже п р е ж д е в с е г о р а б о ч и е. И вообще, пора все-таки признать, что далеко не худшая часть троцкистской оппозиции, в прежние годы связанная с партией, о т о ш л а от троцкистов и о т х о д и т. Напомним такие документы, как обращение Евдокимова, Зиновьева и Троцкого от 29 июня 1927 года к Центральному Комитету всероссийского союза рабочих металлистов. На VII пленуме ЦК союза металлистов была вынесена, по докладу тов. Лепсе, резолюция по текущему моменту, в которой говорилось: что «оппозиция ведет гибельную пропаганду своей пораженческой идеологии». По этому поводу вожди оппозиции писали, что эти слова могут показаться чудовищными, потому что

«на важнейших дипломатических постах, то-есть, на непосредственной охране интересов рабочего государства от капиталистических врагов стоят в настоящее время почти сплошь оппозиционеры. В Берлине тов. Крестинский, в Париже т. Раковский, Пятаков, Преображенский, Владимир Косиор (к слову сказать, ни Преображенский, ни Владимир Косиор никогда «важнейших дипломатических постов» не занимали. *Е. Я.*), в Риме Каменев, Глебов-Авилов, в Праге Антонов-Овсеенко, Канатчиков... в Мексике Коллонтай, в Аргентине Краевский и т. д. Все перечисленные товарищи принадлежат к оппозиции и большинство из них уже успело присоединиться к так называемому письму «83».

Однако, прошло несколько месяцев,—и этот аргумент утратил всякую силу. Партия исправила свою ошибку, которая заключалась в том, что на некоторые дипломатические посты действительно назначались оппозиционеры. Опыт показал, что это связано с известными опасностями, что кое-кто из этих товарищей действительно использовал свое пребывание за границей для того, чтобы организовать связи подпольных оппозиционных групп СССР с антипартийными и антикоминтерновскими элементами за границей. Но как-раз те товарищи, которые такой роли не играли или не хотели играть, порвали с оппозицией. Сколько горьких и неприличных слов наговорила после этого оппозиция о таких товарищах, как Крестинский, Пятаков, Каменев, Глебов-Авилов, Антонов-Овсеенко, Канатчиков, Коллонтай и другие, которые порвали с оппозицией, открыто заявили о своем несогласии с ней и которых она недавно еще выдвигала н а п е р в о е м е с т о. Отход от оппозиции лучших элементов идет не только снизу, но и сверху. Отходят не только лучшие рабочие, какие временно примкнули к этой оппозиции, временно сбились с дороги, но отходят и те, кто выдвигался в качестве видных оппозиционеров, в качестве имен, которыми можно было аргументировать перед Западной Европой.

Но разве не приобретает оппозиция новых сторонников? Конечно, приобретает. В нашей мелкобуржуазной стране и открытые меньшевики приобретают себе каждый день новых сторонников из среды мелкой буржуазии. Вот вам исключенный из партии троцкист Евсеев, М. Ф., бывший помпрокурора города Ульяновска,—он сразу обнаруживает свое социальное лицо. Он пишет: «Живу в деревне, хозяйничаю на мельнице, отец предался артели по аренде мельницы. Мельница размалывает $3\frac{1}{2}$ тысячи в сутки... Заме-

тили ли мой от'езд из Воронежа?—спрашивает он.—Наверное только в ресторанах».

Вот другой исключенный из партии пишет о том, что он собирается уехать за границу. «Чорт с ним совсем. Раз не оценивают, раз я здесь не нужен теперь, так все равно, пустят ли там мне пулю в лоб мои заклятые враги, или здесь я после всех своих похождений буду издыхать систематически с голоду». Вот этакие упадочные, негодные люди,—разве их мало в оппозиции? *Чужие люди!*

Вот, например, одна из распространительниц троцкистских листовок по Москве, Булгакова, молодая поповна, которая была в 1925 году арестована ОГПУ за связь с антисоветскими группами. Она заявляет, что с 1927 г. она стала разделять взгляды оппозиции и поэтому и не вступала в ВКП(б). Конечно, большой вопрос, приняла ли бы ВКП(б) в 1927 г. эту поповну, но *таких* новых сторонников троцкистская оппозиция действительно приобретает каждый день. Жалкое утешение для тех, кто думает, что к ним идут пролетарские элементы! Вот эта самая Булгакова попала в 1927 г. прессовщицей на концессионную фабрику Гаммер,—такие выходцы из разоряющейся буржуазной и мелкобуржуазной среды: дети торговцев, попов, дети кулаков—и составляют основные кадры теперешней троцкистской подпольной партии, иногда в качестве «рабочих». Но ведь это те же самые кадры, из которых вербуют и меньшевики своих сторонников!

* * *

Представляет ли собой, однако, троцкистская оппозиция что-либо единое? В настоящее время, по истечении года, когда от нее отделилась ленинградская группа,—казалось бы, это отделение должно было содействовать «монолитности» троцкистской оппозиции, когда от нее отошли сапроновские элементы, с одной стороны, а с другой, группа «ленинградской оппозиции». Этого нет! Троцкистская оппозиция раздираема противоречиями. Напрасно взывает один из организаторов подпольной фракции на Северном Кавказе: «Довольно развалов. Довольно разложения. Довольно теорий, отметающихся жизнью, как ненужный хлам. Наша сила в сближении. Наша сила в сплочении. Наша сила только в крепкой организации. Наша сила только в монолитности и единстве взглядов. Наша сила только в железной дисциплине».... *и т. д. и т. д.*

Вся эта декламация свидетельствует о полной безнадежности попыток создать сколько-нибудь «монолитную» троцкистскую группу, ибо троцкизм есть отражение мелкой буржуазии, которая вся полна противоречий, вся полна внутренних дрожаний, качаний и колебаний. Вот почему испуганный мелкий буржуа сейчас кричит: «Долой распад». Вот почему он призывает к «единению души и тела», ибо у мелкого буржуа основой его существа является дуализм. «Наша гибель в *развале*, — декламирует этот организатор подпольной троцкистской фракции.—Наша гибель в *расхлябанности и безделиничанье*. Наша гибель в *недоверии друг к другу*». («Долой распад»,—документ за подписью: Северо-кавказское краевое бюро большевиков-ленинцев-оппозиционеров»).

Перед нами настоящий «стон души» мелкого буржуа; в созданной им против ВКП(б) организации—он сам это признает—*развал, разложение, теории, отметающиеся жизнью, как ненужный хлам, распад, гибель, расхлябанность, безделиничанье, недоверие друг к другу*. И этакие горе-общественные деятели желают исправить нашу партию! И этим людям должна довериться партия! Жалкая претензия!

Об этой «монолитности» сообщает один из оппозиционеров: в группе, состоящей из 11 человек, *шесть течений*. Не слишком ли много течений даже для такой «монолитной» группы, как группа троцкистов? Но мы можем опереться на свидетельства очень видных троцкистов о том, какой развал идейный царит в этой оппозиции. «У меня,—пишет один из вождей троцкистов,—к этим оппозиционным истерикам и истеричкам растет глубокое отвращение. *Они все больше и больше ведут себя, как секта, выключенная из исторического процесса.* Говорить с твердокаменно настроенными оппозиционерами для меня страшная скука и тоска... Мое расхождение с большинством (пока это с большинством оппозиции) растет с каждым днем... Радек бьет тревогу против начинающегося среди оппозиции поворота в сторону децистов. В качестве примера он ссылается на письмо Дингельштедта, Виктора Эльцина и сравнивает их с последним замечанием Владимира Михайловича (ВКП — мертвый труп и т. д.)... Радек считает, что отказ от поддержки левеющего центра (что не исключает и критики его одновременно с этим) в *конечном счете приводит к проблеме новой революции*. Все это правильно. Я делаю отсюда вывод, что если... оппозиция будет сидеть на теперешней межеумочной позиции, то *это неизбежно кончится расколом ее на группы. 1. Одна идет к партии; 2. другая идет на позиции децистов; 3. третья группа будет влачить теперешнее межеумочное состояние*».

В октябре 1928 года Смилга советует Троцкому: «Лучше всего было бы, если бы вы сами вправили мозги некоторым товарищам, например, Дингельштедту. Равным образом вам следовало бы выступить и против ультра-левой фразы в нашей среде».

Увы, совет безнадежный, повидимому, ибо оператор, который в троцкистской оппозиции занимается вправлением мозгов, основательно сам нуждается в этом.

В том же документе Смилги, распространяемом троцкистами, дается такая характеристика положения:

«На решения июльского пленума группа (децистов. *Е. Я.*) реагировала рядом документов, смысл которых сводится к тому, что ВКП— труп, что ЦК ведет определенно контрреволюционную политику. Одновременно с этим некоторые лидеры этой группы обижались на тов. Троцкого за его, якобы, «капитулянтство» и другие смертные грехи. Все это говорит о том, что группа «15» попрежнему играет с термидором, приурочивая его совершение к пленумам ЦК (в скобках добавим от себя, что этим же грехом страдают и троцкисты, по поводу каждого пленума выдумывая новые теории «сползания» и проч. *Е. Я.*). Обострение атаки децистов против нас об'ясняется отходом некоторой части децистов-рабочих к нам и *«левыми» шатаниями в наших собственных рядах*. После тех формулировок, которые они дают после июльского пленума, разногласия между этой группой и нами усилились. *Необходима решительная борьба с децистскими настроениями в наших собственных рядах. Необходима идейная борьба за влияние на тех рабочих, которые пока идут за децистами*».

Как бы чувствуя, как низко скатились эти люди, Смилга охорашивается: «Ленинская оппозиция ни в каком случае не является рупором недовольства рабочих масс вообще,—декламирует он. — Она не имеет ничего общего ни с меньшевистскими, ни с анархо-синдикалистскими взглядами и настроениями (Еще бы! *Е. Я.*). Равным образом, она не имеет ничего общего с теми настроениями, которые свойственны люмпенпролетариату и не прошедшим школы классовой дисциплины выходцам из деревни. Малейшая уступка этим отсталым и враждебным советской власти элементам в рабочем

классе была бы величайшим преступлением против всего славного в большевистской партии,—партии пролетарского авангарда и против всего прошлого оппозиции».

Однако, эти декламации никого уже не могут разуверить в том, что именно рупором этих слоев в значительной степени является оппозиция Зато эти декламации свидетельствуют о довольно глубоком распаде, о довольно глубоких идейных шатаниях внутри оппозиции. И если Е. Преображенский считает, что «генеральная линия оппозиции (если не возобладает решительно и некон'юнктурно правый курс) должна итти на сближение с партией (я против фракционной работы, если фракция защищает неверную политическую линию)»,—то до некоторой степени его антиподы из склоняющихся к децистам (Виктор Эльцин, Нечаев и другие) заявляют, что с советским правительством «у нас не остается ничего общего».

Об этом же развале, свидетельствующем о сближении троцкистов с сапроновцами и другими антипартийными группами, бьет тревогу Радек в распространяемом широко письме: «Бабка за дедку, дедка за репку» («Ответ тт. Эльцину, Нечаеву и Белобородову» от 15 октября 1928 г.).

«Я обратил внимание,—пишет Карл Радек,—нескольких товарищей на письмо В. Эльцина от 19 мая, в котором он заявляет: «*Что касается термидора, то я считаю, что он совершился*». Я указал на это письмо, как на симптом *сползания* некоторых наших молодых товарищей с позиции нашей платформы *на платформу* «15». Но Эльцин не один. Ему вторит Нечаев, заявляя в письме от 8 августа, что «с таким правительством у нас не остается ничего общего и с ним у нас только борьба»... Но эти два письма не исчерпывают *множащегося количества беспокоящих симптомов*. Достаточно указать на письмо Белбея, который сообщает следующее: «Имею ряд писем..., требующих блока с Д. Ц., *так как никакой разницы эти товарищи не видят между нашим течением и децистами*...». «Я получил письмо от тов. Белобородова,—пишет Радек,—от 9 сентября, который, имея в руках письмо Нечаева с вышецитированным заявлением, совершенно «не замечает» этого заявления и берет под защиту наших внутренних децистов»... (К. Радек. «Дедка за бабку, бабка за репку»).

Мы в другом месте коснемся той оценки сапроновских взглядов, какие мы находим в цитированном письме и в других документах троцкистов более подробно [1]). Но мы не можем не привести здесь совершенно определенных указаний Радека своим единомышленникам на проявляемое ими *двурушничество* [2]), которое, впрочем, мы обнаруживаем уже *не в первый раз* у этих людей.

«Вы, любезнейшие друзья,—пишет Радек,—подписали заявление конгрессу, платформу и все остальные документы, в которых вы обещали поддержать советское правительство, правительство нашего класса, и даже

---

[1]) По поводу ученых рассуждений о Великой французской революции и о термидоре бывшего красного профессора В. Эльцина Радек пишет: «После того, как тов. Эльцин показал миру раны на своей груди, заработанные в борьбе с термидором, он показывает потрясенному человечеству мозоли, которые себе насидел при штудировании французской революции».

[2]) Впрочем, мы не особенно придираемся к словам, так как из об'яснений самого Троцкого знаем теперь цену тем документам, которые он подписывает перед лицом партии. В письме к Урбансу (март 1928 г.) по поводу тезисов последнего для Ленинбунда Троцкий об'ясняет цену этих заявлений: «Что касается ваших многочисленных и резких критических замечаний о наших «заявлениях» (16 октября 1926 г., 8 августа 1927 г.) и на XV с'езде, то вы обнаруживаете непонимание одной простой вещи, что *все эти заявления* не были нашими пропагандистскими документами, а *были публично отданными приказами о временном отступлении*». Так и будем знать на будущее. Но тон-то какой приказный у этого «демократа»—прямо полководец—да и только!

готовы защищать это правительство с оружием в руках. Что же эти заявления остаются в силе? Если да, то уберите заявление тов. Нечаева, что с этим правительством возможна только борьба и проч. Ибо тогда это утверждение есть *безмозглая фраза*, которая может только сбивать с пути рабочих... Что же это такое? Если тов. Нечаев остается при своем мнении, что у нас с советским правительством может быть только борьба, то надо ему сказать: тогда кончите, пожалуйста, с недопустимым положением, при котором одной рукой вы подписываете заявления о поддержке совправительства, а другой, что «с ним у нас ничего общего нет». Иначе получается *политическое лицемерие*, недопустимое в наших рядах».

Радек вспоминает при этом слова Ленина: «По отношению к идейно-политическим направлениям надо сказать, что лицемерие есть то прикрытие, за которое хватаются группы, внутренно неоднородные, составленные из разношерстных, случайно сошедшихся элементов, чувствующих себя слабыми для открытого прямого наступления». (Ленин. Собр. соч., т. XI, ч. 1, стр. 320).

Если люди, подобные Радеку, сегодня приходят к выводам, что их друзья двурушничают, лицемерят и что это «лицемерие есть то прикрытие, за которое хватаются группы, внутренно неоднородные, составленные из разношерстных, случайно сошедшихся элементов, чувствующих себя слабыми для открытого прямого наступления»; если и другие видные троцкисты начинают сознавать, что троцкизм не может удержаться даже на той позиции, на какой он стоял вслед за XV с'ездом, что он неизбежно должен сползать дальше по социал-демократическому уклону, на который он встал,—то, может быть, у этой *последней черты*, у грани, когда одни открыто переходят к борьбе с советским правительством и с компартией, а другие их сторонники уже *перешагнули* эту черту, они найдут мужество сделать надлежащие выводы. Мы не сомневаемся в том, что среди тех товарищей, которые годами были связаны с партией и которые до сих пор,—в силу ли личных привязанностей и в силу личных связей с вождями оппозиции, в силу ли озлобления или других каких причин, не сумели отделаться от сотрудничества с такого рода людьми,—что эти люди найдут путь к партии в момент еще большего обострения их сторонников с партией.

* * *

В настоящее время мы подробно не останавливаемся на характеристике того хаоса мнений, который существует и у сапроновцев. Этот хаос мнений ничуть не меньше, чем у троцкистов, хотя политическое значение сапроновцев, конечно, неизмеримо ничтожнее, несмотря на все желание сапроновцев казаться страшно революционными. Мы, пожалуй, даже присоединились бы к оценке этой группы, сделанной Смилгой, который пишет по адресу сапроновцев 16/X: «*визжат*». Вот именно *визжат*. Но мы должны справедливости ради все же сделать замечание, что этого «визга» не мало и в произведениях самого почтенного автора этого определения,—у Смилги.

Среди части троцкистов, несмотря на разногласия с этой группой, совершенно определенно намечается сближение, которое тревожит, как мы видели, часть самих троцкистов. Троцкий уверен, что ему удастся победить сапроновцев. Он возмущается, что теоретики децизма совершенно не понимают связи нашей внутренней борьбы с международной, что они «не имеют никакой линии в международных вопросах и идут на случайные, чисто авантюристские блоки с людьми, полностью порвавшими с марксизмом, как Корш и К°» (документ от 21 октября 1928 г., распространяемый троцкистами перед ноябрьским пленумом).

Не нам опровергать это мнение Троцкого по адресу децистов, что сапроновцы вступают в авантюристские блоки с людьми, полностью порвав-

2*

шими с марксизмом. Только зачем Троцкому и другим кивать на Корша? Чем кумушек, Коршев, считать трудиться, не лучше ль на себя и на Истмэна оборотиться? Макс Истмэн, о котором в свое время Троцкий, когда был в партии, вынужден был очень нелестно отозваться на страницах «Большевика», в настоящее время выступает как представитель Троцкого в Америке, и под его руководством буржуазное издательство Harcourt, Brace and Co издает клеветнические произведения Троцкого, направленные против ВКП(б) и Коминтерна, и книга Троцкого красуется среди таких книг издательства, как биография королевы Виктории, жизнеописание Иисуса Христа и жизнеописания квакеров [1]). А единомышленники Троцкого сотрудничают в Америке с господином Лорэ, которого сами же троцкисты характеризуют, как человека, совершенно чуждого марксизму, и который вчера еще, вместе с несколькими хозяевами булочных и колбасных предприятий, издавал орган, в котором на ряду с социал-демократическими и ультра-коршистскими статьями помещались статьи некоего бывшего красного профессора, красы и гордости пропагандистского актива троцкистов.

Беспринципность была отличительной чертой и осталась отличительной чертой людей, посредством разных «комбинаций» сколачивающих хотя бы и кратковременные блоки со всеми, кто борется против нашей большевистской партии. Конечно, мы боролись и будем бороться против децистов так же, как боролись раньше, и если троцкисты сейчас вынуждены бороться с шатаниями «налево» в их собственной среде,—в сторону децистов, то нас меньше всего тревожит это сползание троцкистов к сапроновцам. Это—неизбежное сползание точно так же, как неизбежно дальнейшее сползание самих сапроновцев в лагерь открытых классовых врагов пролетариата, хотя бы и под вывеской самой архилевой, архипролетарской. Во всяком случае, мы не подходим с такой точки зрения к децистам, как подходят их вчерашние и завтрашние друзья по антисоветскому подполью. Так, в произведениях Троцкого мы читаем такого рода характеристику сапроновцев: «Как ни досадно тратить время на второстепенные вопросы, тем не менее надо децистами заняться в смысле раз'яснения кружкового паразитического характера их политики и заложенного в ней авантюризма. Так как «вожди» ДЦ, которых мы до поры до времени предоставляли самим себе (и правильно делали), доболтались до чертиков, то они дали нам в руки серьезное оружие против них. Лучшие элементы мы у них отвоюем при помощи их же собственных документов, особенно писем В. Смирнова... Рабочих мы у них отобьем смелой и решительной политикой в основных вопросах, с одной стороны, раз'яснительной кампанией, с другой». (21 октября 1928 г. цитированный выше документ).

Но когда мы присмотримся к тому, какими путями троцкисты пытаются отбить «смелой и решительной политикой в основных вопросах» у децистов сторонников, то мы должны сказать, что троцкисты сами целиком сползают на платформу «15» и мясниковцев, что по ряду вопросов тактики они уже сближаются с открытыми классовыми врагами. В особенности мы обращаем внимание на выдвинутые в последних документах троцкистских вождей тактические лозунги: 1. Тайное голосование. 2. Организация стачек. 3. Подготовка своих кадров к возможности новой гражданской войны. Это надо видеть совершенно отчетливо, потому что это даже не последняя черта, а переход за эту последнюю черту. Тайное голосование выдвинуто, конечно, не троцкистами, оно было выдвинуто еще в период Кронштадта белогвардейцами, эсэрами и меньшевиками. На протяжении нескольких лет ведется атака на партию, на профсоюзы, на советы, именно по этому вопросу. В 1928 году к лозунгу белогвардейцев, меньшевиков и эсэров присоединился Троцкий. Чья это победа? Пусть троцкисты приписывают ее себе; но всем ясно, что троцкисты присоединились по этому вопросу к белогвардейцам, меньшевикам и эсэрам, и присоединились они отчасти потому, что этого требует их более «левое» крыло, примыкающее к сапроновцам. Они сделали уступку той группе, которая наиболее приблизилась к последней черте, которая эту черту переходит.

[1]) The Real Situation in Russia by Leon Trotsky. Translated by Max Eastman Harcourt, Brace and Company. Книга эта издана буржуазными издательствами и в Германии и во Франции.

Тайного голосования требует и мясниковская группа. Аргументы у всех у них, начиная от белогвардейцев и кончая троцкистами, очень близко совпадают. Правда, у Троцкого и у белогвардейцев есть и различие. Троцкий готов потребовать в Западной Европе, в капиталистических странах отмены тайного голосования и мотивирует это довольно «оригинально». Это-де для того, чтобы воспитать там у рабочих мужество отстаивать перед лицом классового врага свои взгляды; ну, а в советском государстве, конечно, нужно наоборот. Для людей, которые считают, что у нас уже совершился термидор, или, что у нас «керенщина наизнанку», ничего другого не остается, как перекинуться за последнюю черту. Удивительно ли при этом, что троцкисты, имеющие такую многообразную гамму оттенков, приобретают симпатии не только редакции «Социалистического Вестника», не только среди американской буржуазии, не только среди социал-демократов, использующих всякие подпольные листовки троцкистов, но и среди мелкобуржуазных элементов в нашей стране?!

Советская страна с огромными трудностями выходит на широкую дорогу социалистического строительства, перестройки и переделки всей нашей промышленности и сельского хозяйства на рельсах социализма. Троцкисты ничего лучшего не находят в этот момент, как выступить с агитацией за стачки, и при этом еще делают лицемерный вид, что они, видите ли, испытывают все средства как - нибудь решить вопрос без гражданской войны, делают вид, что они хотят «испробовать до конца путь реформ», что они действуют на основании решений ВКП(б).

А если не путь реформ, то что же тогда? Так могут говорить только люди, которые подготовляют свои «кадры» к гражданской войне. Только слепой этого не видит. А с такими людьми мы разговариваем, как с контрреволюционерами, и не можем иначе разговаривать, ибо тот, кто готовит в стране советов гражданскую войну против советского правительства, является ничем не прикрытым контрреволюционером.

Запутавшись сами в непримиримых противоречиях своей антипартийной и антисоветской политики, эти люди кивают на децистов, на сапроновцев: дескать, они, децисты, пасуют перед стихийностью, а мы, троцкисты, нет. «Но итти навстречу массе не значит пасовать перед стихийностью, куда тянут децисты, которые либо свернут себе шею на политике авантюризма, что с полбеды, либо помогут невзначай и врагам свернуть шею революции, что много хуже». (Троцкий, документ от 21 октября 1928 г.).

А мы видим, что и троцкисты, и сапроновцы, и мясниковцы идут теперь по одной дороге, что вся их политика есть политика авантюризма, на которой они «свернут себе шею».

* * *

С особенной ненавистью к партии оппозиция пытается использовать язвы и болячки нашей советской общественности, которые мы сами беспощадно и безбоязненно вскрывали. Такие люди, как Сосновский, особенно злорадно смакуют на манер заграничных белогвардейских газет всякое сообщение о каком-нибудь новом факте в роде «смоленщины». Составляется даже новая теория, являющаяся перепевом анархистских теорий о вреде власти,

которую защищает такой «теоретик», как Раковский,—о неизбежности развращения части рабочего класса в период пролетарской диктатуры. Раковский думает, что даже, если бы у нас не было других классов, кроме пролетариата, а кругом СССР были бы социалистические государства, то и тогда был бы «профессиональный риск власти». При этом бывшие «сановники», недавно еще пользовавшиеся решительно всем, чем они могли пользоваться, занимая руководящие посты, скатываются до самой неприличной демагогии по поводу привилегий, которыми-де пользуются ответственные работники. И это пишут Сосновские, которые, когда они были допущены на время к власти, использовали свою власть самым бесчестным образом. Мы никогда не прибегали к методам личного дезавуирования деятелей оппозиции, но нельзя молчать, когда такие люди, как Сосновский, становятся учителями коммунистической этики.

Сосновского мы ценили в партии, как талантливого журналиста; перо его не раз было полезно партии. Но вместе с тем это перо не раз изменяло партии и не раз Центральная Контрольная Комиссия должна была обсуждать некоммунистические поступки Льва Сосновского. Особенно заслуживает внимания история с Лежавой - Мюратом и Резинотрестом.

Лежава-Мюрат — бывший сотрудник охранного отделения на Урале. Сосновский знал это, и, однако, он неоднократно добивался принятия его в партию. А когда этот Лежава - Мюрат, человек очень энергичный, пристроился к резиновой промышленности, Сосновский, зная о его прошлом, рекомендовал ему своего брата, Михаила Сосновского, спекулянта, в качестве «честного коммерсанта» и просил его устроить «около треста», «по торговой части», как «абсолютно надежного человека». Михаил Сосновский устроился по этой рекомендации у Лежавы - Мюрата в начале июля 1922 года, а уже 21 августа 1922 года у этого Михаила Сосновского в Резинотресте сальдо по личному счету за забранный товар составило 3 миллиона рублей, без всякого обеспечения. Через короткое время Сосновский уже входит в Западно-Сибирское товарищество к Федотову, а последнему, также не без пользования именем Льва Сосновского, устраивается кредит. Затем этот Сосновский (торговец) организует товарищество «Резина», кредит его уже достигает 7½ миллионов, в средине 1923 года до 100.000 рублей золотом, и доводит свой капитал до нескольких сот тысяч рублей золотом. Сосновскому становится уже тесно в пределах СССР, он экспортирует товар за границу и так как валюта притекала не в карман Советского государства, а в карманы Михаила Сосновского, то можете себе представить, какова была щепетильность Льва Сосновского в таких делах.

А кто такой этот Михаил Сосновский? 10 лет он был владельцем типографии и хлебным спекулянтом в Троицке, затем издавал буржуазную газету «Степь». Во время Февральской революции М. Сосновскому удалось ликвидировать в архивах жандармского полковника листы своего дела, которое могло его скомпрометировать. Ему даже удалось пролезть в партию, но потом, когда об этом узнали товарищи, знавшие его, он был исключен. Он вслед за этим перешел к народным социалистам, а при захвате Дутовскими отрядами Троицка М. Сосновский вернул себе типографию и газету. Был председателем городской управы при белых, травил в своей газете большевиков «немецкими шпионами». И вот этого-то человека Лев Сосновский, один из вождей троцкистской оппозиции, устраивает, как «честного коммерсанта» в Резинотрест, дает ему жиреть и пухнуть за счет советской казны, прокладывает ему по-братски дорогу, помогает его родственникам и проч.

Мы с омерзением говорим об этом именно потому, что Лев Сосновский пытается и до сих пор играть еще роль человека, исправляющего партию. Не такими руками исправлять коммунистическую партию Ленина. И мы не стали бы об этом факте говорить сегодня, если бы некоторые оппозиционеры-троцкисты, безусловно честные политически и лично люди, не выдвигали положения, что они могут спасти партию от смоленщины. В партии-де смоленские и сочинские дела, а вот они, оппозиционеры, состоят из отборнейших, чистейших людей. Надо раз навсегда прекратить эти разговоры.

Мы делились по политической линии; нас разделили вопросы классовой борьбы, а не этики. Мы знаем, что в среде нашей партии есть люди и чуждые по идеологии, примазавшиеся, обюрократившиеся и разложившиеся. Именно поэтому мы чистим нашу партию от таких людей. Именно потому мы так беспощадны в критике таких людей. Мы не гарантированы от того, что на протяжении нашего долгого пути, на протяжении трудных этапов нашей борьбы, не оторвутся от нас единицы.

Но мы знаем, что у людей, которые строят свою организацию в подполье, против партии, найдется не мало членов этой организации, которые не выдержали бы и десятой доли того огня самокритики, какой обрушен был на голову смоленских, сочинских и других работников. Мы ими не занимаемся потому, что они отрезанный от партии ломоть, и потому, что путь такого шельмования—не наше оружие.

* * *

Период реконструкции советского хозяйства сопровождается большими трудностями, большим финансовым, бюджетным напряжением. Целый ряд потребностей рабочего класса удовлетворяется совершенно недостаточно. Мы скружены враждебными нам капиталистическими государствами. Но единственная сила, которая противостоит капиталистическому миру, это сила организованного Комунистическим Интернационалом пролетариата вне СССР, и внутри единственного в мире социалистического государства. Никакие злорадные хихиканья и никакие угрозы не помешают нам строить социализм в нашей стране под руководством этой партии.

Мы не можем пройти мимо распространяемых троцкистами, сапроновцами, мясниковцами и другими подобными же меньшевистскими и эсэровскими или анархо-синдикалистскими или белогвардейскими листовками, брошюрами слухов и слушков. Слухи и слушки являются также одним из средств борьбы в этих группах. Иногда пускается в ход самая остро отравленная, клеветническая выдумка, при чем выдумка эта идет из «достоверных источников», иногда «от собственного корреспондента», откуда - нибудь из Алма-Аты. Эти слухи и слушки распространяются не только членами подпольных групп, их родней и близкими,—вся мелкобуржуазная свора торговцев, мещан, антисоветски настроенных служащих злорадно подхватывает эти слухи и слушки и делает их орудием борьбы против партии и государства пролетарской диктатуры. Использовываются всякие трудности, какие мы переживаем. Если мы не можем сегодня поднять заработную плату так, как нам хотелось бы, то мы должны знать, что это будет использовано и троцкистами и сапроновцами, и мясниковцами так же, как меньшевиками. Этому мы должны дать самый решительный отпор. Мы должны мобилизовать общественное мнение партии и комсомола на борьбу со сторонниками этих групп, где бы они ни выступали. Мы должны активизировать наших партийцев и комсомольцев на борьбе с этими антипартийными группами и настроениями. Мы должны зорко следить за тем, чтобы наши собственные ошибки не давали почвы для выступления этих людей. Мы должны бороться решительно с правыми шатаниями в нашей партии, со всяким примиренчеством с ним, потому что эти правые шатания и примиренческое отношение к ним плодят сторонников антипартийных групп, дают им питательную почву.

Мы знаем, что кое-кто из наших противников попытается сделать веселое лицо: ага,—дескать,—раз о нас говорят, значит мы заставили о себе

говорить, значит мы имеем успех. Да, вы имеете успех,—такой же успех, какой имеют меньшевики и эсэры. Вы у них, у меньшевиков и эсэров, оспариваете сторонников. Вы имеете успех постольку, поскольку вы действуете их методами, поскольку вы становитесь на почву их тактики, их программы. Вы имеете успех, поскольку вы подрываете доверие к ВКП(б) и советской власти, поскольку вы дезорганизуете социалистическое строительство советского государства. Незавидный успех! Это успех, который будет отталкивать от оппозиции, ближе к партии лучшие элементы, которые все еще имеются в ней.

И в этом смысле можно только приветствовать четкую постановку вопросов в некоторых документах оппозиции: чем более будет она ясна, тем основательнее мы разоблачим всякую фальшь в этих документах; чем полнее мы покажем истинное лицо подпольных групп, действующих под флагом оппозиции, тем яснее станет для примыкающих к этой оппозиции, что они стоят у последней черты.

Н. Березин.

Задачи промышленности в 1928—29 г.

Основные данные контрольных цифр на 1928—29 хозяйственный год опубликованы. Они ставят перед промышленностью задачу сделать новое мощное продвижение вперед. Валовая продукция планируемой ВСНХ промышленности должна возрасти на 21% (с 10.824 миллионов руб. в 1926—27 хозяйственном году до 13.192 миллионов в ценах 1926—27 г.), при чем увеличение продукции группы А (промышленность, производящая средства производства) предположено в 24,3%, а группы Б (производство средств потребления)—18,1%. К вложению в основные фонды промышленности намечено 1.650 миллионов рублей.

Но наш план—это не только статистический учет, лишь бесстрастно фиксирующий стихийно совершающиеся в народном хозяйстве процессы, каким хотели бы его видеть противники нашей линии на индустриализацию (противники социалистического строительства, в роде проф. Кондратьева и его школы). План—это сознательное воздействие пролетарской диктатуры на экономику страны. В нем отражается наша целевая установка, и дается основная директива в области хозяйственной политики. За составлением плана должна следовать борьба за его выполнение, за осуществление в жизни плановых предположений.

Контрольные цифры текущего года имеют особое значение. Обострение хозяйственных затруднений за последнее время привело к усилению атаки со стороны представителей неокапиталистической идеологии взятого курса на индустриализацию страны. Так, напр., ближайший сподвижник проф. Кондратьева, А. Вайнштейн, писал в 11—12 номере Бюллетеня покойного кон'юнктурного Института при Наркомфине:

«Таким образом, невыполнение плана хлебозаготовок явилось в конечном счете результатом той коллизии..., т.-е. диспропорции меж желаемыми темпами накопления в обобществленном секторе и ростом благосостояния города, которые оказались при данном размере национального дохода и при слабом успехе в области рационализации несовместимыми друг с другом. Принятый темп капитального строительства оказывается при этих условиях недостаточно согласованным с другими элементами народного хозяйства, и в этом лежит основная причина наших хозяйственных затруднений». («Экон. Бюллетень Кон'юнкт. Института» № 11—12, 1927 г., стр. 14).

И отсюда вывод: «Устранение хозяйственных затруднений должно итти по пути восстановления нарушенного равновесия, т.-е. приведения капитального строительства и производства средств производства в соответствие с реальным накоплением в стране». По Вайнштейну следует, что конечная, основная причина затруднений—темп индустриализации и выхода из трудностей—пересмотр этого темпа в сторону сокращения.

Хозяйственные затруднения породили колебания относительно посильности взятого темпа индустриализации и в некоторой части нашей партии.

Контрольные цифры текущего года дают прямой ответ как нашим противникам, так и колеблющимся. Они говорят о том, что больные места нашей хозяйственной жизни мы будем лечить не свертыванием темпа индустриализации, что неизбежно потребовало бы расширения ввоза готовых изделий из-за границы и увеличило бы нашу как политическую, так и экономическую зависимость от мирового хозяйства, а дальнейшим развертыванием нашей промышленности, в особенности тяжелой индустрии, являющейся основой социалистического строительства. Развитие промышленности, в особенности в части производства средств производства, позволит ускорить и развитие производительных сил в сельском хозяйстве, остро недостаточный темп развития которого является в настоящее время угрозой самой индустриализации. Вне же развития нашей промышленности дальнейшее поступательное движение сельского хозяйства возможно только на основе иных взаимоотношений с мировым хозяйством, но это не выход из положения, а капитуляция.

Мы уже говорили, что план, это—директива, за воплощение которой в жизнь должна вестись упорная работа всех партийных и советских организаций. Выполнение плана хозяйственного развития народного хозяйства в нынешнем году требует напряжения всех наших сил. Государственный бюджет текущего хозяйственного года сводится с большим напряжением. При росте народного дохода на 10% бюджет страны растет почти на 20%. Сама программа финансирования промышленности построена на условии, что в текущем году будет достигнуто снижение себестоимости промышленной продукции на 7%. Все это говорит за то, что намеченный план требует максимальной мобилизации внутрихозяйственных резервов и повышения качественных показателей хозяйственной деятельности. Отмечая ряд достижений, последний пленум Центрального Комитета партии вынужден был заявить, что он «подчеркивает абсолютную недостаточность качественных достижений в работе промышленности» (резолюция пленума по докладу тов. Рыкова). Вопросы качества: повышение эффективности капитальных вложений, снижение себестоимости, удешевление строительства—встают в настоящий момент особо остро. Огромное напряжение хозяйственных ресурсов требует увеличения внутрипромышленного накопления. Но повышение этого накопления не может итти за счет ухудшения или задержки роста материального положения рабочего класса, как это рекомендует Вайнштейн, говорящий о коллизии меж «желательным накоплением в обобществленном секторе и ростом благосостояния городского населения», а за счет увеличения эффективности хозяйственной деятельности. Рассмотрению отдельных частей этой задачи посвящена наша статья.

Но прежде нам хотелось бы отметить, что вопросы качества работы не могут быть противопоставлены количественному расширению обобществленного сектора, в том числе и количественному росту промышленности. Мы не можем согласиться с тов. Гринько, заканчивающим свою статью «О контрольных цифрах на 1928/29 г.» следующим положением: «Нужно, однако, как и в контрольных цифрах 1927/28 г., только еще с большей решительностью, в связи с усложнившимися задачами хозяйственного строительства подчеркнуть, что центр тяжести всех вопросов соотношения социальных секторов и классовых сил в хозяйственном строительстве на предстоящий год лежит не в экстенсивном расширении границ обобществленного сектора, а в энергичном повышении его внутренней организованности и народнохозяйственной эффективности его работы» («Плановое Хозяйство» № 9, стр. 32). Применительно к промышленности это означало бы перенесение центра тяжести на лучшее использование наличной технической базы и на замедление темпа расширения промышленности. Подобная постановка чревата большими осложнениями в будущем. Она ставит под угрозу дальнейшее развитие промышленности. Не говоря о необходимости окончить уже начатое капитальное

строительство, мы должны немедленно приступить к строительству ряда новых заводов, иначе в недалеком будущем мы столкнемся с рядом узких мест, воспроизведенных в расширенном масштабе по сравнению с теперешними. Например, уже сейчас необходимо начать строительство новых металлургических заводов, или же металлический голод не только не будет смягчен, но в самом недалеком будущем будет чувствоваться особо остро. Вопросы качества работы должны не противопоставляться количественному расширению, а рассматриваться как средство выполнения намеченной программы расширения промышленности в текущем году и обеспечения более быстрых темпов в будущем.

Вопросы капитальных вложений.

Повысить эффективность капитальных затрат и снизить себестоимость строительства—так формулируется задача улучшения качества работы в этой области. Неоднократно уже отмечалось, что мы излишне увязываем средства в строительство, строя сразу большое количество об'ектов, строя долго, в силу чего затрачиваемые средства лежат бездеятельно. В 20 номере «Большевика» тов. Кактынь приводил данные, которые свидетельствуют о некотором улучшении в текущем году. Хотя абсолютный остаток незаконченных работ и в нынешнем году возрастает, но его отношение к общей сумме капитальных работ данного года падает с 60,8% до 53%. Но это еще не свидетельствует о решительном переломе. В настоящее время еще возможно пересмотреть некоторые ассигнования на строительство и капитальный ремонт и перераспределить их таким образом, чтобы достигнуть увеличения продукции уже в нынешнем году.

В области удешевления строительства мы также не можем считать достигнутые результаты достаточными. Намеченное в среднем 15%-ное удешевление строительства не выполнено. По предварительным подсчетам, удешевление составит лишь 7—8%, меж тем как каждый процент удешевления означает свыше полутора десятков миллионов рублей экономии. По сообщению «Экон. Жизни», по жилстроительству Югостали удалось добиться удешевления всего на 5%. По монтажно-строительному управлению Южного Машиностроительного треста—на 8,9%. Необходимо вспомнить, что наш строительный индекс высок не только по сравнению с заграничным, но и значительно превышает общепромышленный индекс. Вот данные, свидетельствующие об этом:

	1924-25 г.	1925-26 г.	1926-27 г.
Общ. промышл. индекс. .	1,92	2,01	1,99
Строительн. индекс. . . .	2,26	2,6	2,65

В текущем хозяйственном году вновь поставлена задача добиться удешевления строительства на 15%, нужно принять все меры, чтобы эта директива была выполнена. Для этого нужно не только добиться снижения себестоимости строительных материалов, но и упорядочить само строительство. Неоднократные обследования РКИ констатировали много подчас весьма крупных недочетов в строительстве, нередко проект утверждался или изменялся после того, как к постройке уже было приступлено. Данные с мест по сие время свидетельствуют, что с рассмотрением проектов еще очень неблагополучно. Так, по Украине сообщают (см. «Эконом. Жизнь» № 270), что ВСНХ должен был за 1927/28 г. рассмотреть 99 проектов, а рассмотрено всего 42. На новый хозяйственный год надо рассмотреть 86 проектов, а поступило только 32 и рассмотрены из них 16. Ведь опоздание в утверждении проекта или приводит затем к спешке, удорожающей строительство, или же попрежнему начнут строить, не имея утвержденного плана, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Одновременно нужно, наконец, достигнуть

более тщательной, более ответственной проработки проектов. Ведь новые и переоборудованные предприятия на довольно длительное время будут определять лицо нашей промышленности. Известные издержки на учебу в столь крупном, небывалом для нашей страны масштабе работы были неизбежны, но теперь мы уже можем потребовать полного изживания этих детских болезней нашего капитального строительства. Равным образом необходимо усилить борьбу с превышением смет на строительство.

Эти задачи по упорядочению и удешевлению капитальных работ могут быть решены только при ближайшем участии самих рабочих масс. Одним контролем сверху решительных результатов не добьешься, нужен контроль снизу. Временные контрольные комиссии и производственные совещания должны вплотную подойти к вопросам строительства и переоборудованию предприятия, регулярно проверяя исполнение директив высших правительственных органов в этой области.

Снижение себестоимости.

«Снижение себестоимости является центральной проблемой промышленности, и решению этой проблемы должны быть подчинены все остальные задачи»,—говорит XV с'езд партии. Только по линии снижения себестоимости лежит возможность дальнейшего понижения цен на промтовары, а уровень цен, это—вопросы смычки рабочего класса и крестьянства, это—вопросы нашего взаимоотношения с мировым рынком. Себестоимость продукции отражает также качественные достижения в работе промышленности: эффективность капитального строительства, результаты рационализаторских работ измеряются количеством продукции, с одной стороны, и с другой—ее себестоимостью. В то же время снижение себестоимости является главным средством увеличения внутрипромышленного накопления. В перспективном плане перед нами стоит задача добиться такого понижения себестоимости промышленной продукции, которое обеспечивало бы еще более быстрый рост развития промышленности, а также позволило бы уничтожить расхождение промышленного и с.-х. индекса цен. За истекший хозяйственный год впервые за последнее время себестоимость промышленной продукции обнаружила значительное понижение. Вот как изменялась себестоимость:

1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
— 13,3%	+ 1,4%	— 1,8%	— 5,1%

Снижение себестоимости в 1924/25 г. в значительной степени было обеспечено урезыванием необычайно вздутых накладных расходов, с одной стороны, и кампанией по поднятию производительности труда, в то время резко отставшей от заработной платы,—с другой. Затем, вместе с расширением промышленности и втягиванием в производство более устарелых и несовершенных производственных единиц, себестоимость вновь обнаружила тенденцию к повышению. Соотношение меж ростом заработной платы и производительностью труда было неблагоприятным, но это отнюдь не означало излишнего, чрезмерного увеличения заработной платы, ибо в реальном выражении она росла медленнее, чем производительность труда, но означало, что, расширяя производство количественно, мы внесли мало улучшений в общую организацию производственного процесса и недостаточно использовали наличную техническую базу. Лишь в конце 1926/27 г. обнаружился перелом: себестоимость начала понижаться. Успех был закреплен в следующем 1927/28 хозяйственном году. Но все же почти на одну шестую правительственная директива о снижении себестоимости на 6% не была выполнена, а это по планируемой ВСНХ промышленности означало потерю около 100 миллионов рублей. В текущем хозяйственном году снижение себестоимости, как минимум, должно быть произведено на 7%, ибо на этом построен весь финансовый план промышленности. Невыполнение этой директивы грозит срывом всего плана ее развития. Выполнимо ли и за счет чего возможно такое снижение себестоимости? Опыт прошлого года говорит, что это задание не является преувеличенным. Некоторые отрасли промышленности уже в прошлом году превысили данное им задание. Например, марганцево-рудная, вместо предполагавшихся 8,7% снижения, дала 9,1%. Черная металлургия вместо 5,8% — 7,2% и цветная — вместо 5,8%—6,1%. В то же время каменноугольная промышленность, вместо намеченного по плану снижения 3,5%, понизила себестоимость лишь на 1½%, а железорудная—на 0,1%, вместо требуемых 4,4%.

Калькуляции себестоимости продукции показывают, что достигнутые успехи в деле ее снижения далеко не всегда закрепляются. Коэффициенты расхода сырья и вспомогательных материалов, количество брака и переделок обнаруживают большое непостоянство, отчасти это об'ясняется неполадками с оборудованием, но в значительно большей степени недостатками руководства производственным процессом. Меж тем, простое закрепление раз достигнутого оптимума знаменовало бы крупный успех.

За счет чего же должно быть произведено дальнейшее снижение себестоимости? Основным средством, решающим проблему себестоимости, дающим возможность выровнять цены на наши промтовары с ценами мирового рынка, является техническая реконструкция промышленности. Новые крупные капитальные вложения и являются в первую очередь предпосылкой для снижения себестоимости в текущем году. Но в то же время нельзя всю проблему себестоимости сводить только к реконструкции предприятий. Еще сравнительно долгое время ныне существующие предприятия будут играть значительную роль в экономике нашей страны, и задачи лучшего их использования не могут быть отодвинуты на задний план. Стране приходится преодолевать хозяйственные затруднения гигантским напряжением всех сил, и от промышленности требуется мобилизация всех внутрихозяйственных ресурсов. И поэтому,—как говорит в своей резолюции «Об итогах рационализации промышленности» пленум ЦКК,—«особое внимание в настоящий период должно быть обращено на лучшее использование имеющихся в наличии ресурсов, путем более совершенной организации работ на имеющемся оборудовании, лучшего использования рабочей силы и ускорения оборота капитала в производстве». Здесь у нас имеются очень большие резервы. Использование их не требует порою вложения значительных средств, а требует главным образом упорядочения самого ведения и организации производственного процесса. Обследования заводов дают тому много примеров. Отмечается по ряду заводов, в том числе и по металлургическим, что простои оборудования нередко происходят из-за несогласованности в работе цехов. Правда, правильному использованию оборудования мешает также наличие довольно многочисленных узких мест в самом производстве, и здесь необходимо добиться того, чтобы при вкладывании средств в предприятие, особое внимание было направлено к устранению существующих в производстве диспропорций. Меж тем, нередко при капитальном ремонте предприятия узкие места остаются, а иногда и воспроизводятся. Так, на заводе им. Петровского Югостали, в силу несоответствия мощности вновь построенной мартеновской печи мощности ее разливного крана, печь работает с недогрузкой в 25%. Недостаточность уборочных средств констатируется по многим металлургическим заводам. Особо надлежит отметить слабость внутризаводского транспорта и его плохую организацию, в силу чего внутризаводская транспортировка обходится очень дорого и требует большого количества времени. На некоторых заводах перевозка из цеха в цех требует иногда несколько дней, меж тем вопросам внутризаводского транспорта не всегда уделяется должное внимание.

Недостаточность и изношенность теплосилового оборудования наших фабрик и заводов известна. Но на большинстве предприятий рационализация его проводится в крайне незначительной степени. Возьмем самое простое: отсутствует правильный учет в расходовании топлива и энергии, нет измерительных приборов, без чего наладить этот учет и рационализировать энергетическое хозяйство невозможно. На одном из крупнейших заводов отмечен факт, свидетельствующий о том, насколько неблагополучно в этой области. По бухгалтерской записи пара оказалась выработанным больше, чем израсходовано воды. Нерегулярность снабжения топливом то сводит запасы его к рискованному минимуму, то заставляет завозить его на базисный склад, что значительно (иногда на 20—30%) удорожает стоимость топлива. Меж тем, удельный вес энергетической слагаемой (включая все относящееся к теплосиловым процессам) себестоимости продукции по ряду производств очень велик: по доменным цехам он равняется приблизительно 50%, в кирпичной промышленности расходы на топливо составляют до 20% себестоимости. И большее внимание к вопросам теплосилового хозяйства может дать значительный эффект, не только в деле улучшения топливного баланса страны, но и динамики себестоимости продукции.

Борьба за снижение себестоимости требует совместных усилий различных отраслей промышленности, различных предприятий, в особенности это относится к вопросам сырья. Лучшее использование сырья имеет колоссальное значение для снижения себестоимости. Например, наше доменное производство страдает от плохого качества руды, благодаря чему уменьшается число плавок в доменных печах. Разрешение задачи лежит в улучшении сортировки руды, что нужно делать не на заводе по ее прибытии, а на месте добычи. Крупнейшие специалисты металлургии утверждают, что правильная сортировка руды позволит значительно увеличить производительность доменных печей, увеличить выплавку столь остро дефицитного в настоящее время чугуна и тем самым снизить его себестоимость. Здесь работники железорудной промышленности должны притти на помощь металлургам.

Борьба за снижение себестоимости, это—борьба со всеми имеющимися в промышленности потерями. Насколько велики подчас эти потери, свидетельствуют данные по текстильной промышленности. В своем содокладе о рационализации промышленности на пленуме ЦКК тов. Каганович отмечал, что поддающиеся учету потери на нерациональном использовании оборудования, сырья и фабрикатов на одной из лучших фабрик—«Пролетарской Мануфактуре» в Твери, достигают 2.901 тыс. руб. А если этот подсчет распространить на прочие предприятия текстильной промышленности, то получится цифра порядка сотни миллионов рублей. Борьба с потерями требует в первую очередь организации изучения всех моментов производства, меж тем аналитическое изучение технического и организационного состояния производства у нас развито крайне слабо, и нередко мы разрабатываем планы улучшения, не изучив как следует существующие недостатки. Сеть фабрично-заводских лабораторий тоже только еще разворачивается, при чем нередко должного внимания им со стороны как хозяйственников, так и местных общественных организаций не уделяется. А в борьбе за себестоимость и качество продукции заводские лаборатории могут сыграть крупную роль.

Новое строительство и переоборудование предприятий, мероприятия в области лучшего использования сырья, оборудования и рабочей силы, лучшей организации производственного процесса на ряду с борьбой за повышение трудовой дисциплины должны обеспечить намеченный рост производительности труда на 16%, при увеличении заработной платы на 7 с лишним процентов. Это соотношение роста производительности труда и зарплаты должно быть обеспечено, иначе ставится под угрозу выполнение самой директивы о снижении себестоимости.

Задача увеличения продукции сверх намеченного плана.

На данном этапе нашего хозяйственного развития явления товарного голода неизбежны. Они являются следствием недостаточного развития промышленности, но индустриализация страны, являясь единственным средством изживания товарного голода, на известном отрезке времени сама действует в сторону его обострения. Создается добавочный спрос на средства производства и средства потребления, ибо строятся новые заводы, продукция которых выступит на рынке лишь позднее. Но, как говорит резолюция последнего пленума ЦК, относительное недопроизводство готовых товаров... не может и не должно переходить определенных границ, ибо подрыв делу индустриализации может угрожать и с этой стороны. О т с ю д а к у р с н а с м я г ч е н и е, а з а т е м н а п р е о д о л е н и е т о в а р н о г о г о л о д а. Как же может быть смягчен товарный голод в текущем году? Тов. Гринько в цитированной уже нами статье выход из положения видит в пересмотре роста потребления, в обобществленном хозяйстве. Он пишет: «В балансе спроса и предложения промышленных товаров на 1928/29 год особое внимание привлекает из года в год растущая статья потребления организованным рынком, куда входит промышленное потребление, потребление транспорта, жилищного строительства, коммунального хозяйства, непроизводительных наркоматов и т. п. При росте предложения на широкий рынок на 4½—5%, организованное потребление растет на 22%. Это громадное несоответствие между темпами роста потребления государственного хозяйства и широкого рынка должно привлечь к себе внимание. В составе этого организованного потребления промышленных товаров темпы роста его отдельных элементов должны быть тщательно проанализированы в общей связи с задачами снабжения населения промышленными товарами» («Плановое Хозяйство» № 9, стр. 27).

Подобная постановка вопроса есть не что иное, как предложение пересмотра темпа индустриализации. Быстрый рост потребления в обобществленном секторе есть результат развертывания капитальных работ, развертывания промышленности, электрификации и транспорта. Уменьшить это потребление—это значит сократить программу развертывания промышленности и изменить соотношение в развитии отраслей А и Б. Мы должны пойти по иному пути, должны потребовать от промышленности, чтобы она, в пределах намеченного плана финансирования, за счет мобилизации внутрипромышленных резервов и ускорения срока капитальных работ, с превышением выполнила производственные программы. Таким путем можно значительно смягчить дефицит металла и стройматериалов.

Уже в настоящее время президиум ВСНХ установил возможность увеличения выплавки чугуна с 3.803.000 тонн до 4.073.000, или на 7,1%. Это увеличение производится за счет ускорения ремонта доменных печей и отсрочки ремонта других. Мы уже говорили, что можно добавочно увеличить производительность работающих печей за счет упорядочения снабжения рудой и правильной ее сортировки. По стройматериалам предположено против первоначальной наметки увеличить производство на 5,3%, в том числе добавочно произвести 120 — 130 миллионов штук кирпича, изыскав средства для этого увеличения путем перепланировки намеченных ассигнований. Лесная промышленность предполагает увеличить на 6,4% свою продукцию.

Но особое значение имеет увеличение продукции, идущей на широкий рынок. Если некоторые отрасли, производящие предметы личного потребления, в своем развитии ограничены сырьевыми ресурсами, то в области средств производства, потребляемых в крестьянском хозяйстве, у нас есть богатые возможности. Намеченная программа известкования крестьянских полей находится под угрозой срыва из-за недостатка перемолотой извести. Меж тем, не так уж трудно увеличить производство

извести и обеспечить ее размол. О возможности увеличения производства с.-х. машин и орудий уже неоднократно писалось, и в настоящее время программа с.-х. машиностроения увеличивается со 188 миллионов рублей до 299 или на 11%. Все эти данные говорят о том, что мы можем потребовать от промышленности не менее чем 100-миллионного увеличения выпуска продукции, идущего на деревенский рынок, и таким путем, а не путем, предлагаемым тов. Гринько, увеличить товарный фонд, с которым мы идем в деревню. Для этого необходимо только мобилизовать все силы вокруг задач увеличения продукции, выявить наличные возможности, пересмотреть намеченный план капитальных работ там, где это возможно, а также шире применять потребление суррогатов. Например, кожевенная промышленность может дать рынку добавочных 8 миллионов пар обуви, но нехватает подметки, а добавочный импорт крупных кож вряд ли возможен. Меж тем, производство резиновой подметки вполне возможно и в довольно значительных размерах, и требует сравнительно небольших ассигнований.

Вопросы кадров специалистов в промышленности.

Размах капитального строительства, необходимость возможно шире развернуть рационализаторскую работу, борьба за снижение себестоимости, совершенно неизбежно выдвигают на первый план вопросы подготовки и использования инженерно-технических сил. Июльский пленум ЦК партии указал на необходимость в течение ближайшего пятилетия вдвое увеличить отношение числа инженеров и техников к числу рабочих и наметил мероприятия по улучшению их подготовки. Одновременно необходимо поставить задачу наиболее рационального использования наличных технических кадров. Меж тем мы наблюдаем такую картину: при чрезвычайно малой насыщенности предприятий, в особенности цехов, специалистами, когда в основном руководство производственным процессом лежит на мастере-практике,—налицо значительная безработица среди инженеров и техников. Это главным образом молодежь, не устроившаяся на работу по отбытии стажа, или даже не проходившая стажировки. Основная причина того, что молодежь производством не осваивается, что ее использовать не умеют, есть отсталость, консервативность самой системы руководства и наблюдения за производственным процессом. Функции контроля, изучения производства у нас развиты крайне слабо. Инструктирующего персонала в цехах нет. Потому молодые специалисты и не находят места в производстве, что работа идет в значительной мере по старинке. Здесь нужен решительный сдвиг. Мы должны не только учиться западно-европейской и американской технике, но и организации самого технического руководства производственным процессом. Нужно одновременно принять меры к немедленному распределению на производстве безработных молодых специалистов, чтобы не было такого положения, когда при колоссальной нужде в специалистах, при явно недостаточном техническом руководстве в производстве мы не используем те кадры, которые у нас уже имеются и на обучение коих потрачены значительные средства. Неверно будет утверждение, что все безработные, это—или не хотящие ехать в провинцию, или непригодные к работе. Ознакомление с безработными специалистами, зарегистрированными на московской бирже труда показало, что многие из них успешно провели стажировку и довольно значительная часть в результате предпринятого распределения уехала в провинцию.

Вовлечение молодых специалистов в производство особо остро ставится в текущем году в связи с мероприятиями по отмене стажерства. Эта мера должна способствовать оседанию молодежи в производстве и лучшему ее использованию, но для этого необходимо точно учесть потребность предприятий в специалистах, и не с точки зрения ныне имеющихся штатных мест, а обеспечения должного руководства производственным процессом, иначе

отмена стажерства лишь ухудшит положение. Нужно стремиться к тому, чтобы молодые специалисты попадали непосредственно в цеха, ибо только там они могут быстро приобрести производственный опыт. Для обеспечения должного технического руководства производственным процессом необходимо также максимально разгрузить руководящий технический персонал от выполнения всякой прочей работы, непосредственно с основной задачей не связанной. У нас же в большинстве случаев инженер, даже находящийся в цеху, вынужден тратить львиную долю своего бюджета времени на составление отчетности, разработку плановых предположений, а иногда вести и просто канцелярскую работу, в силу чего фактическим техническим руководителем производства и оказывается мастер-практик. Необходимо возможно более полно разграничить функции технического руководства и технического планирования, чтобы руководящий производством персонал мог все свое время отдавать своей прямой задаче.

И, наконец, пора всерьез заняться об'единением той части специалистов, которая сочувствует делу строительства социализма и отдает ему все свои силы. Создавшаяся в прошлом году Всесоюзная ассоциация работников науки и техники, содействия строительству социализма (ВАРНИТСО), до сих пор не превратилась еще в широкую организацию. Заводское инженерство в нее не вовлечено. Меж тем она могла бы проделать большую работу по сплочению всех преданных революции специалистов, активно противопоставить их вредителям-шахтинцам и оказать большое политическое влияние на просто честных специалистов.

О задачах партийных и профсоюзных организаций на предприятии.

Обязательства промышленности перед страной в текущем хозяйственном году особо велики. Увеличение продукции сверх намеченного плана, удешевление на 15% и рационализация капитальных работ, широкое развертывание борьбы с потерями в промышленности и, как результат этих мероприятий, снижение себестоимости на 7%—решение всех этих директив потребует напряжения всех сил промышленности. Главным препятствием к выполнению директив высших правительственных органов у нас обычно являются бюрократические извращения нашего административного и хозяйственного аппарата. На ряду с вредителями-шахтинцами в нашем аппарате немало лиц, не понимающих задач социалистического строительства, просто чиновников, губящих бюрократизмом и волокитой живое дело. Поэтому контроль за выполнением директив сейчас имеет особо важное значение. Но он даст должный результат только в том случае, если в него будет втянута сама рабочая масса. Здесь открывается широкое поле деятельности для местных партийных и профессиональных организаций. Партийные ячейки, производственные совещания, временные контрольные комиссии должны вплотную заняться вопросами, поставленными перед промышленностью в текущем году.

Выполнение производственной программы, снижение себестоимости продукции, состояние работ по рационализации предприятия должны быть в центре внимания фабрично-заводских партийных организаций. Этим вопросам ячейка должна уделять не меньше внимания, чем вопросам партийного просвещения. И нам кажется своевременным поставить сейчас вопрос о некотором перераспределении нашего пропагандистского актива. Значительные группы партийного студенчества (из технических главным образом вузов, а отчасти и экономических) можно было бы направить вместо пропагандистской работы на помощь заводским ячейкам по вопросам хозяйственным, а также в помощь производственным совещаниям, которые в текущем году обязаны в своей работе сделать громадный шаг вперед.

Временные контрольные комиссии после постановления июльского пленума ЦК организуются сейчас на всех предприятиях. Содержанием их работы и должна стать прежде всего проверка выполнения на местах директив высших партийных и правительственных органов в области хозяйственного строительства. Но не только обязанности контроля должны лежать на заводских общественных организациях. Борьба с потерями в промышленности, устранение неполадок во взаимоотношениях и в работе цехов будут успешны только в случае, если рабочая масса примет в них самое активное участие. Но нужно обеспечить проведение в жизнь предложений рабочих (конечно, тех из них, которые полезны для предприятия и выполнимы), ибо до сего времени большинство этих предложений остается только на бумаге. Недостаток средств может быть основанием для непроведения предложений рабочих только в течение одного года, но уже в следующем году заводоуправления в своих промфинпланах должны предусмотреть средства на проведение в жизнь этих предложений. Нужно прямо сказать, что нередко консервация предложений рабочих есть проявление сопротивления чуждой нам части аппарата.

Развернутое социалистическое наступление по всей линии, в том числе и на участке промышленности, усиливает, активизирует сопротивление противника. Поэтому вопросы выдвиженчества нам необходимо вновь поставить со всей решительностью. Тем самым перед ячейками и завкомами стоит задача тщательного подбора выдвиженцев, высшие же профессиональные и партийные органы должны принять меры, обеспечивающие им помощь и соответствующую подготовку.

М. Калманович.

Строительство новых крупных зерновых совхозов.

XV партийный с'езд, июльский и ноябрьский пленумы Центрального Комитета нашей партии дали совершенно четкую и ясную политическую линию в области социалистического переустройства деревни. Вся партия в целом дала решительный отпор всяким тенденциям, направленным к срыву курса нашей партии на усиление роли совхозов в социалистическом секторе деревни. Нет никакой надобности вновь аргументировать и повторять все сказанное по этому вопросу нашей партией.

От резолюций и постановлений по вопросу о строительстве новых совхозов партия решительно перешла к осуществлению этой громадной задачи, отразив в контрольных цифрах конкретный производственный и финансовый план по укреплению старых совхозов и по строительству новых совхозов.

В нашу задачу входит осветить те практические мероприятия, которые уже сделаны, и план намечаемых мероприятий по строительству новых крупных зерновых совхозов.

* * *

Июльский пленум ЦК в своих решениях дал две директивы в качестве основных задач, поставленных перед новыми совхозами.

Первая задача—чтобы через 4—5 лет иметь в совхозах «годовое производство товарного хлеба в размере 1.640.000 тонн».

Вторая задача: «Новые совхозы должны строиться по такому плану и с таким расчетом, чтобы в будущем могли превратиться в индустриальные центры переработки сельскохозяйственных продуктов окружающего крестьянского населения и стать мощными рычагами обобществления крестьянского земледелия (пример украинского совхоза имени Шевченко)».

Третья задача была дана в постановлении ноябрьского пленума ЦК по контрольным цифрам: создание, в числе прочих мер, «все большего культурно-агрономического воздействия совхозов на индивидуальные бедняцкие и середняцкие хозяйства».

В какой очередности все эти 3 поставленные перед новыми совхозами задачи могут быть ими выполнены? Так как строительство новых совхозов начнется на совершенно новых свободных землях, то отсюда совершенно ясно вытекает необходимость с самого начала организации новых совхозов в первую очередь обратить все внимание и направить все силы на достижение максимального производства товарного хлеба. Без решения этой основной задачи никак нельзя переходить к обобществлению крестьянского земледелия через совхозы. А потому партии и советской власти как в центре, так и на местах необходимо направлять все ресурсы, материальные и организационные, на охват свободных земель, организацию новых

совхозов, снабжение их тракторами и машинами и проведение капитального строительства.

Лишь в меру того, как совхозы сумеют полностью своими производственными ресурсами охватить все земли, могущие дать продукцию, можно и должно будет во всю ширь развернуть работу по содействию задаче обобществления крестьянского земледелия и культурно-агрономического обслуживания бедняцких и середняцких хозяйств.

Что сделано во исполнение постановлений июльского пленума ЦК «об организации в продолжение 4—5 лет в РСФСР и на Украине новых крупных совхозов»?

1) До настоящего времени выявлена возможность получения Зернотрестом новых земель в различных районах СССР в количестве 5.300.000 га. Эти данные потребуют в дальнейшем уточнения и изучения путем обследований, так как опыт этого года уже показал, что в ряде районов земли отводятся не в соответствии с постановлением июльского пленума ЦК, в котором сказано: «Необходимо со всей тщательностью произвести отбор земельных участков для организации новых зерновых совхозов, намечая эти участки в наиболее соответствующих—с точки зрения климатических, почвенных и экономических условий—районах, чтобы обеспечить при минимуме риска наибольшую рентабельность этих предприятий».

На практике при землеустройстве имеются случаи, когда земли отводятся непригодные и не соответствующие указанной директиве. Примеры этому мы имеем по Сибири и Нижне-Волжскому краю, где землеустройство проводилось в начале недостаточно продуманно. В Сибири было забраковано 112 тыс. га земли в Барабинском районе, совершенно непригодных для зернового хозяйства. В Нижне-Волжском крае землеустройство совхозов проходило в районах, наименее благоприятных по климатическим и почвенным условиям, в то время как в начале организации совхозов безусловно необходимо обеспечить минимум риска. Совхоз Натальинский и некоторые другие совхозы Нижне-Волжского края должны быть еще проверены, и, во всяком случае, их участки не могут быть в первый же год охвачены целиком, ибо земли не дают уверенности в получении хотя бы средних урожаев. Исходя из этого при дальнейшем землеустройстве и отводе земель местные партийные и советские организации должны сугубо внимательно отнестись к этому вопросу, требуя от органов Наркомзема предоставления для Зернотреста в первую очередь лучших земель.

2) Из отведенных земель в настоящее время уже землеустроено свыше полутора миллионов га. На Украине сейчас проводится обследование, но, по предварительным данным, земли будут находиться в наиболее засушливой полосе. Нижне-Волжский край, дав некоторое количество земель (примерно половину) в лучших районах, сделал ошибку, отведя остальные земли в худших районах (Новоузенский и Пугачевский уезды). Казакстан в значительной степени благодаря об'ективным условиям: дальность расстояний, отсутствие достаточного количества землеустроительных партий, необследованность громадных свободных пространств земель,—не смог до настоящего времени полностью выявить в натуре отводимые земли, за исключением двух больших массивов, из коих один массив, Кустанайский, находится под большим вопросом. Почвенные обследования, произведенные Почвенным институтом, дают неблагоприятную картину, и в ближайшее время вопрос о Кустанайском массиве должен быть решен экспертной комиссией.

3) На отводимых в натуре землях первоначально намечалась организация 50 совхозов. В дальнейшем, в результате изучения всех массивов, выявилась возможность сведения некоторых из них, вместо оптимальной площади в 30—50 тыс. га, в гораздо большие массивы. Так, например, при ст. «Целина», на Сев. Кавказе, где предполагалось организовать 3 совхоза,

решено организовать только один совхоз «Гигант» на 150 тыс. га земли; в Средне-Волжской области соединяются два массива: Самарский и Марьевский. Вследствие изложенного в настоящее время решено организовать в 1929 г. 43 совхоза с заданием на вспашку в 703,6 тыс. га посева и 138 тыс. га борки, при чем в число этих 43 совхозов входят 10 уже существующих совхозов, которые в этом году выполнили полностью данное им задание на вспашку и на посев. Выполнено свыше 153 тыс. га вспашки, из коих посеяно озимых 16 тыс. га.

По районам задание распределяется следующим образом:

Наименование районов.	Количество совхозов.	Вспашка.
Северный Кавказ	2	144.000 га
Крым	2	20.000 „
Нижне-Волжский Край	8	107.000 „
Средне-Волжская область	10	166.000 „
Сибирь	6	76.000 „
Башкирия	2	30 000 „
Казакстан	7	90.000 „
Украина	3	35.000 „
Уральск обл.	2	3[illegible] „
Немреспублика	1	5.600 „
Итого	43	703.600 га

В настоящее время совхозы уже разбиты на участки в зависимости от конфигурации и размера охвата земель в 1929 г., и приступлено к разработке производственных программ и финансовых планов по каждому отдельному совхозу.

4) Для обеспечения совхозов необходимыми тракторами, машинами и проч. инвентарем в настоящее время все заказы по импорту уже даны, и первый пароход с грузом прибывает в начале января. Принимаются все меры к тому, чтобы все прибывающее оборудование было доставлено в совхозы к началу весенних работ. Со стороны Наркомторга и его органов за границей Зернотресту оказывается максимальное содействие и весьма внимательное отношение, и мы уверены, что при неослаблении этого темпа содействия новым совхозам своевременная доставка из-за границы всего оборудования будет обеспечена.

На внутреннем рынке потребности Зернотреста удовлетворяются нашими отечественными заводами, но трудностей в этом деле имеется крайне много. Загруженность заводов, крайняя дефицитность в ряде материалов и т. п. пока еще не дают полной уверенности в том, что мы будем иметь к началу работ необходимое оборудование и инвентарь. Так, например, вагончики для жилья рабочих едва ли будут доставлены к началу весны, а между тем это было бы крайне необходимо. ГОМЗЫ принимает меры к тому, чтобы заказ был выполнен до начала весенних работ. Украинский трест с.-х. машиностроения оказывает большое содействие в своевременном снабжении совхозов тракторными прицепными тележками. Со стороны ВТС оказано значительное содействие в предоставлении нам брезентов для пошивки двойных утепленных палаток по типу санитарных палаток военного ведомства, и палатки эти будут своевременно доставлены на места.

Что же касается семян для посева яровых, то Зернотрестом заключен договор с Наркомземом, и мы надеемся, что количество и качество их будут точно соответствовать договору, а отгрузка будет совершена, также согласно договору, в декабре и январе.

Обеспечение рабочих продовольствием зависит не только от совхозов, которые безусловно обязаны предоставлять все необходимое продовольствие для питания рабочих, но и от кооперации, которой уже в 1929 г. должно

быть организовано снабжение всеми предметами первой необходимости и продовольствием рабочих совхозов. Нами заключается генеральный договор с Центросоюзом, но он может остаться на бумаге, если местные кооперативные организации при содействии партии и профорганизаций не поставят этой задачи в центр своего внимания.

В отношении оказания медицинской помощи рабочим совхозов нами заключено соглашение с Наркомздравом, по которому мы предоставляем в каждом совхозе для медпункта двойную санитарную палатку, а Наркомздрав обеспечивает его врачем, фельдшером и всеми необходимыми медикаментами. Местные органы Наркомздрава должны будут проявить максимальную инициативу и энергию для осуществления этой задачи.

Одним словом, хотя трудности на нашем пути и имеются в силу малого количества времени для подготовительных работ, но мы уверены, что содействие местных партийных и советских организаций, в районах которых работают для нас заводы, и то внимательное отношение, которое имеется со стороны центральных хозяйственных организаций—обеспечат нам начало весенних работ в наиболее нормальных условиях.

5) Для создания нормальных условий работы совхозов в 1930 г. намечено значительное строительство в совхозах. Основные принципы строительства в новых совхозах заключаются в следующем: не строить без плана, проекта и сметы; строить из дешевого местного материала; строить удобные и соответствующие санитарно-гигиеническим требованиям постройки: проводить строительство в совхозах через производителей работ, которые, в свою очередь, должны быть руководимы начальниками районных строительств. Намечено провести следующее строительство в 1929 г. на центральных усадьбах совхозов: необходимые жилые помещения для постоянных рабочих и служащих, кои будут оставлены в совхозах на зиму 1929—30 г.: механические мастерские, склады снабжения, баки для горючего, гаражи для тракторов, сараи для с.-х. машин, столовые и бани-прачечные.

Такое строительство должно создать полную возможность своевременного и правильного ремонта тракторов и машин, содержания их в должном порядке, а для рабочих—условия, при которых от них можно требовать максимальной производительности труда.

В ближайшее время работы по строительству развертываются главным образом по части заготовки местных материалов. Местные комитеты содействия новым зерновым совхозам должны будут оказать нам полное содействие в подыскании этих материалов и в организации всего строительства.

6) Весь намечаемый нами план и программа развертывания новых совхозов, при обязательном нормальном снабжении совхозов всем необходимым и при намечаемом плане строительства—будут выполнены лишь при условии, если кадры работников совхозов будут соответствовать своему назначению. Центральный Комитет нашей партии еще в октябре дал нам свыше 90 товарищей для подготовки их на должности директоров и их заместителей по финансово-хозяйственной части. Эти товарищи в настоящее время проходят курсы при Тимирязевской академии и к 1 февраля 1929 г. закончат свою подготовку. Все они имеют в прошлом большой хозяйственный или профессиональный стаж, и мы уверены, что со стороны областных партийных организаций мы встретим полную поддержку в назначении их директорами и заместителями.

Заместители директоров по производственной части—специалисты-агрономы—подобраны в настоящее время через местные комиссии, в которых принимали участие профессиональные организации, местные партийные организации и представители Зернотреста. Эта группа проверена как с общественной, так и с политической стороны.

Инженеры-механизаторы, инструктора-механики в большей своей части будут комплектоваться из оканчивающих вузы, ибо в нашей стране опытных механизаторов сельского хозяйства совсем не имеется. Зав. участками подобраны главным образом из практиков, среди которых имеется некоторое количество лиц с высшим агрономическим образованием. Шоферы, которые требуются нам в количестве свыше 700 чел., забронированы из выпусков существующих школ шоферов.

Трактористы будут готовиться по районам на специальных курсах, программу которых мы уже дали и смету утвердили. На курсы будут подбираться в первую очередь исключительно батраки, преимущественно члены профсоюзов, и лишь при недостатке батраков будут даны места крестьянской бедноте. Классовая линия в подборе работников должна быть до конца выдержана, лозунг по подбору кадров новых совхозов должен быть: «ни одного зажиточного и кулака не допустить даже на порог совхоза»,—и тут местные партийные и профессиональные организации, а также наши уполномоченные должны проявить самое внимательное отношение к тому, чтобы не допустить извращений.

Не надо забывать то обстоятельство, что партийный и беспартийный состав работников совхозов вначале будет недостаточно ориентирован в местных условиях. Построить же правильное хозяйство можно лишь с учетом всех местных условий и особенностей. Быстрая ориентировка в местных условиях и особенностях может быть достигнута со стороны административного и технического персонала совхозов лишь при условии исключительного внимания и заботы со стороны партийных и советских организаций. В самом начале неизбежны некоторые ошибки в работе персонала и рабочих, которые начнут строить совершенно новое дело, по которому в прошлом нет накопленного большого опыта и не имеется в настоящее время соответствующего широкого опыта за границей. Поэтому в особенности необходимо, чтобы на ряду с бдительным контролем и строгим отношением к хозяйственной работе директоров и всего административно-технического персонала совхозов было крайне внимательное и бережное отношение со стороны местных партийных и советских организаций к этим работникам.

Трудную задачу организации новых совхозов мы обязаны и должны выполнить при максимальном содействии и участии не только партийных и советских органов, но и всей массы рабочих, которые будут работать в наших совхозах. Профсоюзы должны организовать производственные совещания, а наши хозяйственники должны оказывать им максимальное содействие и помощь. Через производственные совещания, через контрольные комиссии рабочие совхозов, осознавая ту великую роль, которую должны будут сыграть совхозы в реконструкции сельского хозяйства, будут изо дня в день укреплять свое производство.

Рабочий класс и его партия ВКП(б) не один раз уже доказывали всему миру своими достижениями, что социалистическое строительство в нашей стране растет из года в год. Новые совхозы, это—новый рычаг обобществления крестьянского земледелия, это новый социалистический оазис в деревне. Весь мир будет видеть в ближайшие же годы, как будут расти и крепнуть эти оазисы победы социализма над капиталистическим миром.

И. Сталин.

О правой опасности в германской компартии.

(Речь на заседании Президиума ИККИ 19 декабря 1928 г.).

Товарищи! В виду того, что тов. Молотов уже изложил здесь точку зрения делегации ВКП, мне придется сказать лишь несколько слов. Я думаю коснуться трех вопросов, вскрывшихся в процессе прений, да и то слегка. Эти вопросы: проблема капиталистической стабилизации, проблема классовых боев пролетариата в связи с расшатывающейся стабилизацией и проблема германской компартии.

Я должен с сожалением констатировать, что по всем этим трем вопросам тов. Эмбер-Дро и тов. Серра, — оба они попали в болото трусливого оппортунизма. Правда, тов. Эмбер-Дро высказался пока-что лишь по вопросам формальным. Но я имею в виду его принципиальную речь на заседании Политсекретариата ИККИ, где обсуждался вопрос о правых и примиренцах в германской компартии. Я думаю, что эта именно речь и является идеологической основой той позиции, которую заняло на этом заседании меньшинство Президиума ИККИ. Я думаю поэтому, что нельзя обойти молчанием принципиальную речь тов. Эмбер-Дро на заседании Политсекретариата ИККИ. Я говорил, что тт. Эмбер-Дро и Серра попали в болото трусливого оппортунизма. Что это значит? Это значит, что, кроме оппортунизма открытого, существует еще оппортунизм прикрытый, боящийся показать свое настоящее лицо. Это именно и есть оппортунизм примиренчества в отношении правого уклона. Примиренчество есть трусливый оппортунизм. Я должен, повторяю, с сожалением констатировать, что оба наши товарища попали в болото трусливого оппортунизма.

Позвольте продемонстрировать это на нескольких фактах.

1. Проблема капиталистической стабилизации.

Коминтерн исходит из того, что нынешняя капиталистическая стабилизация есть стабилизация временная, непрочная, шаткая, гнилая, которая будет все более расшатываться в ходе дальнейшего развития капиталистического кризиса. Это нисколько не противоречит тому общеизвестному факту, что капиталистическая техника и рационализация растут. Более того, именно на базе этого роста развертывается внутренняя гнилость и несостоятельность стабилизации. А что сказал нам тов. Эмбер-Дро в своей речи на Политсекретариате ИККИ? Он начисто отрицает там шаткость и непрочность стабилизации. Он прямо заявляет в своей речи, что «VI Всемирный Конгресс фактически осудил общую расплывчатую формулировку— гнилой, шаткой и т. д. стабилизации». Он прямо заявляет, что в известном

тезисе VI конгресса о третьем периоде нет ни слова о шаткости стабилизации. Можно ли считать правильным это утверждение тов. Эмбер-Дро? Нет, нельзя. Нельзя, так как VI конгресс Коминтерна утверждает нечто прямо противоположное тому, о чем толкует в своей речи тов. Эмбер-Дро. VI конгресс Коминтерна в абзаце о третьем периоде прямо говорит, что

> «Этот период (т.-е. третий период. *И. С.*) неизбежно ведет через дальнейшее развитие противоречий капиталистической стабилизации к дальнейшему расшатыванию капиталистической стабилизации и к резкому обострению общего кризиса капитализма».

Вы слышите — «дальнейшее расшатывание стабилизации»... Что это значит? Это значит, что стабилизация уже теперь шатка и непрочна, что она в условиях третьего периода будет дальше расшатываться. А тов. Эмбер-Дро позволяет себе издеваться над всеми теми, в том числе и над германской компартией, которые заявляют о шаткости и гнилости стабилизации, которые заявляют о том, что нынешняя борьба рабочего класса подтачивает и разлагает капиталистическую стабилизацию. Над кем издевается т. Эмбер-Дро? Ясно, что над решениями VI конгресса.

Выходит, что тов. Эмбер-Дро под видом защиты решения VI конгресса Коминтерна ревизует на деле эти решения, скатываясь таким образом к оппортунистическому пониманию стабилизации.

Так обстоит дело с формальной стороной вопроса. Перейдем теперь к разбору вопроса по существу. Если нельзя назвать нынешнюю стабилизацию ни шаткой, ни гнилой, ни непрочной, то какова же она в конце-концов? Остается одно — признать ее прочной и во всяком случае крепнущей стабилизацией. Но если мы имеем дело с крепнущей стабилизацией капитализма, то к чему сводится тогда так называемый обостряющийся и углубляющийся кризис мирового капитализма? Не ясно ли, что для углубления капиталистического кризиса не остается здесь места? Не ясно ли, что тов. Эмбер-Дро запутался в своих же собственных противоречиях?

Далее. Ленин говорил, что развитие капитализма в условиях империализма представляет двусторонний процесс: рост капитализма в некоторых странах, с одной стороны, загнивание капитализма в других странах, с другой стороны. Правилен ли этот тезис Ленина? И, если он правилен, не ясно ли, что капиталистическая стабилизация не может не быть гнилой?

Наконец, несколько слов о ряде всем известных фактов. Мы имеем такие факты, как отчаянные схватки империалистических групп за рынки сбыта товаров, за рынки вывоза капитала. Мы имеем такие факты, как бешеный рост вооружения в капиталистических странах, складывание новых военных союзов и явная подготовка к новым империалистским войнам. Мы имеем такие факты, как обострение противоречий между двумя гигантами империализма, между Америкой и Англией, старающимися вовлечь в свою орбиту все другие государства. Мы имеем, наконец, такие факты, как существование Советского Союза, рост и преуспевание Советского Союза во всех областях строительства, и в области экономической, и в области культурно-политической, Советского Союза, одно существование которого, не говоря уже об его росте, расшатывает и разлагает самые основы мирового капитализма. Как могут марксисты, ленинцы, коммунисты утверждать после всего этого, что капиталистическая стабилизация не есть шаткая и гнилая, что она не расшатывается самим ходом вещей с каждым годом, с каждым днем?

Догадывается ли тов. Эмбер-Дро, а вслед за ним и тов. Серра, в какое болото они попадают?

С этой ошибкой связаны остальные ошибки тт. Эмбер-Дро и Серра.

2. Проблема классовых боев пролетариата.

Так же ошибочна позиция тов. Эмбер-Дро в вопросе о классовых боях пролетариата в капиталистических странах, об их характере, об их значении. Из речи тов. Эмбер-Дро на заседании Политсекретариата вытекает, что борьба рабочего класса, его стихийные схватки с капиталистами имеют в основном лишь оборонительный характер, что руководство коммунистических партий этой борьбой должно протекать лишь в рамках существующих реформистских профсоюзов. Правильно это? Нет, неправильно. Утверждать это—значит тащиться в хвосте за событиями. Тов. Эмбер-Дро забывает, что борьба рабочего класса происходит теперь на базе расшатывающейся стабилизации, что бои рабочего класса носят нередко характер встречных боев, контрнаступления и прямого наступления на капиталистов. Тов. Эмбер-Дро не видит ничего нового в боях рабочего класса за последний период. Он не видит таких фактов, как всеобщая лодзинская забастовка, экономические забастовки за улучшение условий труда во Франции, Чехо-Словакии, Германии, могучая мобилизация пролетарских сил в Германии в боях против локаута металлистов и т. д., и т. п.

О чем говорят эти и подобные им факты, о чем они сигнализируют? О том, что в недрах капиталистических стран нарастают предпосылки нового революционного под'ема рабочего движения. Это и есть то новое, чего не видят, не замечают тт. Эмбер-Дро и Серра и чего вообще никогда не заметят товарищи, привыкшие смотреть не вперед, а назад. А что значит смотреть назад, а не вперед? Это значит тащиться в хвосте за событиями, не видеть нового в событиях и быть застигнутым врасплох. Это значит отказаться от руководящей роли коммунистических партий в рабочем движении. На этом именно и срезалось руководство германской компартии во время революции 1923 года. Поэтому, кто не хочет повторять ошибок 1923 года, тот должен будить мысль коммунистов и звать их вперед, тот должен готовить массы к надвигающимся боям, тот должен принять все меры к тому, чтобы коммунистические партии не оказались в хвосте событий и рабочий класс не был застигнут врасплох.

Крайне странно, что тт. Эмбер-Дро и Серра забывают об этом.

В период рурских боев германские коммунисты констатировали факт о том, что неорганизованные рабочие оказались революционнее организованных в профсоюзы. Тов. Эмбер-Дро возмущен этим и утверждает, что этого не могло быть. Странное дело! Почему не могло быть? В Руре имеется около миллиона рабочих. Из них организовано в профсоюзы около двухсот тысяч. Профсоюзами руководят бюрократы-реформисты, связанные всеми нитями с классом капиталистов. Что же тут удивительного, если неорганизованные рабочие оказались революционнее организованных? Да разве могло быть иначе? Я мог бы рассказать вам из истории революционного движения в России факты, более «удивительные». У нас нередко бывало, что массы оказывались революционнее своих (некоторых) коммунистических вождей. Это хорошо известно всем русским большевикам. Из этого именно и исходил Ленин, когда он говорил, что нужно не только учить массы, но и учиться у масс. Надо удивляться не этим фактам, а тому, что тов. Эмбер-Дро не понимает этих простых вещей из области революционной практики большевиков.

То же самое надо сказать о тов. Серра. Он не одобряет того, что германские коммунисты в борьбе за организацию локаутированных металлистов вышли из рамок существующих профсоюзов и расшатали эти рамки. Он видит в этом нарушение постановлений IV конгресса Профинтерна. Он уверяет, что Профинтерн указал коммунистам работать только внутри профсоюзов. Это чепуха, товарищи. Ничего подобного Профинтерн не указывал (*Лозовский:* «Правильно»). Говорить так — это значит обречь компартию на роль пассивного зрителя классовых боев пролетариата. Говорить так — это значит похоронить идею руководящей роли компартии в рабочем движении. Заслуга германских коммунистов в том именно и состоит, что они не дали себя запугать болтовней о «профсоюзных рамках» и перешагнули через эти рамки, организуя борьбу неорганизованных против воли профбюрократов. Заслуга германских коммунистов в том именно и состоит, что они искали и нащупали новые формы борьбы и организации неорганизованных рабочих. Возможно, что они наделали при этом ряд несущественных ошибок. Но новое дело никогда не обходится без ошибок. Из того, что мы должны вести работу в реформистских профсоюзах, если только эти профсоюзы являются массовыми организациями,—из этого вовсе не следует, что мы должны ограничивать свою массовую работу работой в реформистских профсоюзах, что мы должны стать рабами норм и требований этих союзов. Если реформистское руководство срастается с капитализмом (см. резолюции VI конгресса КИ и IV конгресса Профинтерна), а рабочий класс ведет борьбу против капитализма, то можно ли утверждать, что борьба рабочего класса, руководимого компартией, может обойтись без известной ломки существующих реформистских рамок профсоюзов? Ясно, что нельзя утверждать этого, не впадая в оппортунизм. Поэтому вполне представима такая обстановка, при которой может оказаться необходимым создание параллельных массовых об'единений рабочего класса, вопреки воле продавшихся капиталистам профсоюзных бонз. Мы имеем уже такую обстановку в Америке. Вполне возможно, что к этому же пойдет дело и в Германии.

3. Проблема германской компартии.

Быть или не быть германской компартии, организованной и сплоченной, с внутренней железной дисциплиной,—так стоит вопрос, товарищи. Речь идет не только о правых или примиренцах, а о самом существовании германской компартии. Существует германская компартия. Но на ряду и внутри германской компартии существуют две силы, которые разлагают партию изнутри и создают угрозу ее существованию. Это, во-первых, фракция правых, которая организует внутри компартии новую антиленинскую партию со своим центром, со своими органами печати и ломает изо дня в день ее дисциплину. Это, во-вторых, группа примиренцев, которая усиливает своими колебаниями фракцию правых. Я не буду доказывать, что фракция правых рвет с ленинизмом и ведет отчаянную борьбу против Коминтерна. Это давно уже доказано. Я не буду также доказывать, что группа примиренцев нарушает известное постановление VI конгресса о систематической борьбе с примиренчеством. Это тоже давно доказано. Речь идет теперь о том, что нельзя дальше терпеть подобное положение в германской компартии. Речь идет о том, что терпеть дальше такие «порядки», когда правые отравляют атмосферу социал-демократическим идейным хламом и ломают систематически элементарные основы партийной дисциплины, а примиренцы льют воду на мельницу правых,—это значит итти против Коминтерна и нарушать элементарные требования ленинизма. Создалось такое положение (если не худшее), какое имело место в ВКП в последнюю фазу борьбы с троцкизмом, когда партия и Коминтерн оказались вынужденными изгнать вон троцкистов из своих рядов. Это видят теперь все. Этого не видят, или делают вид, что не видят, тт. Эмбер-Дро и Серра. Тем хуже для них. Это значит, что они, эти товарищи, готовы поддерживать и правых и примиренцев, хотя бы ценой полного разложения германской компартии.

Выступая против исключения правых, тт. Эмбер-Дро и Серра ссылаются на известное постановление VI конгресса о том, что правые уклоны должны преодолеваться в порядке идеологической борьбы. Это совершенно верно. Но эти товарищи забывают, что постановления VI конгресса вовсе не ограничивают борьбу коммунистических партий против правой опасности мерами идеологического порядка. Ничего подобного! Говоря о мерах идеологической борьбы с уклонами от ленинской линии, VI конгресс Коминтерна в своей резолюции по докладу тов. Бухарина заявляет вместе с тем, что

> «это не только не исключает, но предполагает всемерное укрепление железной внутрипартийной дисциплины, безусловное подчинение меньшинства большинству, безусловное подчинение нижестоящих органов, а равно и других партийных организаций (фракции в парламенте, фракции в профсоюзах, пресса и т. д.) руководящим партийным центрам».

Крайне странно, что тт. Эмбер-Дро и Серра забывают об этом тезисе резолюции VI конгресса Коминтерна. Крайне странно, что все примиренцы, и те, которые считают себя примиренцами, и те, которые отнекиваются от этого звания, систематически забывают в своих ссылках на резолюцию VI конгресса об этом важном тезисе Коммунистического Интернационала.

Как быть, если вместо всемерного укрепления железной внутрипартийной дисциплины мы имеем в германской компартии вопиющие факты самого бесцеремонного нарушения всякой дисциплины как со стороны правых, так и, отчасти, со стороны некоторых примиренцев? Можно ли терпеть дальше такое положение?

Как быть, если вместо безусловного подчинения нижестоящих органов, фракций в профсоюзах и некоторых органов партийной печати руководящему партийному центру мы имеем в германской компартии вопиющие факты самого грубого нарушения этого требования VI конгресса Коминтерна со стороны правых и отчасти некоторых примиренцев? Можно ли терпеть дальше такое положение?

Вам известны условия приема в Коминтерн, утвержденные на II конгресе. Я говорю о 21 условии. В первом пункте этих условий сказано, что «периодическая и непериодическая печать и все партийные издательства должны быть всецело подчинены Центральному Комитету партии, независимо от того, является ли в данный момент партия в целом легальной или нелегальной». Вы знаете, что правая фракция имеет в своем распоряжении два печатных органа. Вы знаете, что эти печатные органы не хотят и слышать о каком бы то ни было подчинении Центральному Комитету германской компартии. Спрашивается, можно ли терпеть дальше такое безобразие?

В 12-м пункте 21 условия говорится о том, что партия должна быть «организована наиболее централистическим образом», что в ней должна «господствовать железная дисциплина, граничащая с дисциплиной военной». Вы знаете, что правые в германской компартии не хотят признавать ни железной, ни какой бы то ни было другой дисциплины, кроме своей собственной, фракционной дисциплины. Спрашивается, можно ли терпеть дальше это безобразие?

Или, может быть, вы скажете, что условия, утвержденные на II конгрессе Коминтерна, не обязательны для правых?

Тт. Эмбер-Дро и Серра кричат здесь о мнимых нарушителях решений Коммунистического Интернационала. Теперь мы имеем в лице правых настоящих (а не мнимых) нарушителей самых основ Коммунистического Интернационала. Почему же они молчат? Не потому ли, что под видом словесной защиты решений Коминтерна они хотят протащить защиту правых и ревизию этих решений?

Особенно интересно заявление т. Серра. Он божится и клянется, что он против правых, против примиренцев и т. д. Но какой же он делает из этого вывод? Вы думаете о борьбе с правыми и примиренцами? Ничуть не бывало! Из этого он делает крайне странный вывод о том, что надо, по его мнению, реорганизовать существующее политбюро ЦК германской компартии. Вы только подумайте: политбюро ЦК КПГ ведет решительную борьбу с правой опасностью и с колебаниями примиренцев; тов. Серра стоит за борьбу с правыми и примиренцами; поэтому тов. Серра предлагает не трогать правых и примиренцев, ослабить борьбу с правыми и примиренцами и изменить состав политбюро ЦК КПГ в духе примиренчества. Это называется «вывод»! Да простит мне т. Серра, если я скажу здесь без обиняков, что его позиция в данном вопросе напоминает мне позицию провинциальных адвокатов, пытающихся представить белое черным, а черное белым. Это и называется у нас адвокатской защитой оппортунистических элементов.

Тов. Серра предлагает реорганизовать политбюро ЦК КПГ, т.-е. вывести кого-либо оттуда и ввести других, заменить их другими. Почему не говорит т. Серра прямо и открыто—кем заменить. (Серра: «Теми, кого хотел VI конгресс Коминтерна»). Но VI конгресс вовсе не предлагал реабилитацию примиренцев. Наоборот, он обязывает нас вести систематическую борьбу с примиренчеством. И именно потому, что этого обязательства не выполнили примиренцы, именно поэтому мы имеем после VI конгресса известное решение Президиума ИККИ от 6 октября 1928 г. о правых и примиренцах. Тов. Серра думает взять на себя роль единственного истолкователя решения VI конгресса. Такую претензию тов. Серра ни в коем случае нельзя считать обоснованной. Истолкователем решений VI конгресса является Исполком Коминтерна и его Президиум. Я вижу, что т. Серра не согласен с решением Президиума ИККИ от 6 октября, хотя он не заявлял об этом прямо. Тем хуже для него.

А вывод какой? Вывод один: позиция тт. Эмбер-Дро и Серра в вопросе о германской компартии есть позиция трусливой, адвокатской защиты правых против КПГ и Коминтерна.

4. Правые в КПГ и в ВКП.

Я узнал сегодня из речей некоторых ораторов, что некоторые германские примиренцы ссылаются в свое оправдание на мою речь на ноябрьском пленуме ЦК ВКП в вопросе о методах борьбы с правыми элементами. Как известно, я утверждал в своей речи (она опубликована), что на данной стадии развития борьбы с правой опасностью внутри ВКП основным методом борьбы является борьба идеологическая, что не исключает применения организационных выводов в отдельных случаях. Я обосновывал этот тезис тем, что правые в ВКП еще не скристаллизовались, не представляют группировки или фракции и не дали еще ни одного случая нарушения или невыполнения решений ЦК ВКП. Я утверждал в своей речи, что если правые перейдут на позицию фракционной борьбы и станут нарушать решения ЦК ВКП, с ними будет поступлено так же, как поступили с троцкистами в 1927 г. Кажется, ясно. Не глупо ли после этого ссылаться на мою речь, как на аргумент в пользу правых в Германии, где правые уже перешли на фракционные методы борьбы и систематически нарушают решения ЦК КПГ, или как на аргумент в пользу примиренцев в Германии, где они не порвали еще и видимо не хотят порвать с фракцией правых? Я думаю,

что ничего глупее этой ссылки нельзя себе представить. Только люди, порвавшие с диалектикой, не могут понять всей той глубины разницы, какая существует между положением правых в ВКП и положением их в КПГ.

В самом деле. Правые в ВКП не представляют еще фракции, и они, бесспорно, лойяльно выполняют решения ЦК ВКП. Правые в Германии, наоборот, уже имеют фракцию с фракционным центром во главе и систематически топчут ногами решения ЦК КПГ. Не ясно ли, что методы борьбы с правыми в данный момент не могут быть одинаковыми в этих двух партиях?

Далее. У нас в СССР не имеется социал-демократии, как организованной и серьезной силы, могущей питать и стимулировать правую опасность в ВКП. В Германии, наоборот, возле компартии существует более сильная и довольно крепко организованная социал-демократическая партия, питающая правый уклон в германской компартии и превращающая его об'ективно в свою агентуру. Не ясно ли, что только слепые могут не замечать всей разницы ситуации в СССР и в Германии?

Наконец, еще одно обстоятельство. Наша партия выросла и окрепла в жесточайших боях с меньшевиками, при чем бои эти имели в продолжение нескольких лет форму прямой гражданской войны с ними. Не забудьте, что мы, большевики, свергали в Октябре меньшевиков и эсэров, как левое крыло контрреволюционной империалистской буржуазии. Этим, между прочим, и об'ясняется, что нигде, ни в одной компартии в мире традиции против открытого оппортунизма не сильны в такой степени, как в ВКП. Достаточно вспомнить о московской организации, особенно о Московском Комитете, где имели место известные примиренческие колебания, достаточно вспомнить о том, как партийные рабочие в Москве в каких-нибудь два месяца одним ударом выправили линию Московского Комитета, — достаточно вспомнить все это, чтобы понять, до чего сильны в нашей партии традиции против открытого оппортунизма. Можно ли то же самое сказать о германской компартии? Вы наверное согласитесь со мной, что, к сожалению, нельзя этого сказать. Более того, мы не можем отрицать, что компартия в Германии далеко еще не освободилась от социал-демократических традиций, питающих правую опасность в КПГ.

Вот вам условия в Германии и условия в СССР, говорящие о том, что различие условий диктует различие методов борьбы с правой опасностью в ВКП и КПГ.

Только люди, лишенные элементарного чутья марксиста, не могут понять этой простой вещи.

В комиссии ноябрьского пленума ЦК ВКП по выработке резолюции было предложение со стороны одной группы товарищей распространить основные положения резолюции и на другие секции Коминтерна, в том числе и на германскую секцию. Мы отвергли это предложение, заявив, что условия борьбы с правой опасностью в КПГ кардинально отличаются от условий борьбы в ВКП.

5. О проектах закрытого и открытого письма.

Два слова насчет проектов резолюций, внесенных комиссиями ИККИ. Тов. Серра считает, что проекты эти носят характер провинциальных резолюций. Почему, спрашивается? Потому, оказывается, что в проекте открытого письма нет анализа политической обстановки, порождающей правую опасность. Это смешно, товарищи. Такой анализ имеется у нас в решениях VI конгресса. Нужно ли его повторять? Я думаю, что не следует повторять. Собственно говоря, мы могли бы ограничиться короткой резолюцией о правых, которые систематически нарушают решения VI конгресса и подлежат поэтому исключению, и о примиренцах, которые не ведут борьбы против

правых и потому заслуживают того, чтобы сделали им серьезнейшее предупреждение. Если мы, однако, не ограничились короткой резолюцией, то это для того, чтобы раз'яснить рабочим сущность правого уклона, показать им настоящее лицо Брандлеров и Тальгеймеров, показать им, что они представляли собой в прошлом и что представляют теперь, показать, как долго щадили их Коминтерн и ВКП, надеясь исправить их, показать, как долго терпели их в своей среде коммунисты и почему нельзя терпеть дальше существования таких людей в составе Коминтерна. Вот почему проект резолюции получился более пространный, чем этого можно было ожидать с первого взгляда.

Тов. Молотов уже говорил здесь, что делегация ВКП присоединяется к этим проектам резолюции целиком и полностью. Я могу лишь повторить заявление тов. Молотова.

Шао-Цы-Кан.

Опыт кантонского восстания.

1. Год, чреватый событиями.

11 декабря пролетариат всего мира праздновал годовщину самого славного и великого события в революционной истории Востока — кантонского восстания. Несмотря на свое кратковременное существование, кантонское восстание имеет всемирно-историческое значение. «Оно вошло в сознание трудящихся, как образец величайшего героизма китайских рабочих»,—так говорит воззвание к рабочим и трудящимся Китая VI конгресса Коминтерна. Оно всколыхнуло пролетариат империалистических стран, оно всколыхнуло в еще большей степени революционные массы Востока. Кантонское восстание является вехой в освободительной борьбе трудящихся масс всего мира. Поэтому иметь ясное представление об этом восстании и тщательно изучить его есть насущная задача каждого сознательного пролетария, иначе нельзя понять ни прошлые революционные битвы Китая, ни современное положение и дальнейшие пути развития китайской революции.

Прежде всего мы остановимся на общем экономическом и политическом положении в Китае перед кантонским восстанием.

Слова «год чреват событиями» звучали особенно часто в 1927 году в Китае. Китайские угнетающие классы и «сверхправительство» Китая—международный империализм,—часто любили употреблять эту фразу, при чем говорили ее печальным и возмущенным тоном. А что это означает? Это означает, что 1927 год чреват забастовками, демонстрациями, борьбой и восстаниями рабочих и крестьян, «беспокоящими» их мирное господство и интересы. Несмотря на то, что эта борьба всегда кончалась тяжелыми поражениями трудящихся масс, буржуазно-милитаристическая реакция в 1927 году никак не могла стабилизовать свое экономическое и политическое положение. Основная характерная черта положения 1927 года заключается в теснейшем переплетении острого экономического кризиса с военным и политическим кризисами.

Китайское крестьянство находится под гнетом помещиков, буржуазии и империалистов. Его положение чрезвычайно тяжело, во всяком случае, не лучше, чем положение крестьян Франции перед 1789 г. и крестьян России до их освобождения от крепостного права в 1861 г. Сельское хозяйство 1927 года в Китае характеризуется относительно «хорошим» урожаем, хотя с оговоркой, что в провинции Чжили и Шаньдун и некоторых районах других провинций имели место явления массового голода (по недавним сведениям английской газеты «Таймс», количество голодающих в 1927 году дошло до 9 миллионов). В результате «хорошего» урожая усилилась эксплоатация крестьян. Помещики повысили подать; землевладельцы и ростовщики требовали уплаты старой задолженности; скупщики

понизили цены на сельскохозяйственные продукты; а милитаристы вдвойне и втройне увеличили налоги и реквизировали не только жизненные припасы и рабочий скот, но и рабочую силу крестьянства. Крестьяне жаловались, что «хороший» урожай разоряет их хозяйство так же, как и самый плохой. Естественно, они не могли долго терпеть такое положение, и их единственным выходом стала вооруженная борьба. Этим об'ясняется необыкновенный рост крестьянских восстаний в 1927 году, этим об'ясняется, почему джентри и помещики, все как один жаловались на то, что «мир стал совсем иным, что трудно найти даже одного добродетельного в деревне. Сейчас нет ни одного «внушающего доверие», даже 60-летний крестьянин замахивается большим ножом, чтобы убить другого».

По статье «Хроника крестьянских восстаний в Китае» [1]) и некоторым китайским материалам можно составить следующую (приблизительную, по точности) таблицу о количестве крестьянских восстаний в разных провинциях Китая с мая по декабрь 1927 года:

Месяцы.	Гуандун.	Шаньдун.	Цжили.	Хубей.	Цзянсу.	Хунань.	Хэнань.	Фуцзян.	Анхой.	Гуанси.	Всего восст. в месяц.
Май	2	—	—	—	—	1	1	—	—	—	4
Июнь	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	3
Июль	2	1	1	—	—	—	—	—	—	—	4
Август	2	—	1	—	1	1	—	—	—	—	5
Сентябрь	1	—	—	1	—	—	—	1	—	—	3
Октябрь	1	—	—	—	1	—	1	—	1	1	5
Ноябрь	1	4	2	1	2	1	—	—	—	—	11
Декабрь	2	1	1	2	—	—	—	—	—	—	6
Всего восстан. по провинц.	12	7	6	4	4	3	2	1	1	1	Всего восст. за май—дек. 41

В таблице бросаются в глаза две характерные черты: во-первых, крестьянские восстания сильно разрослись именно накануне кантонского восстания: с мая по октябрь в среднем только 4 крестьянских восстания по всему Китаю, а в ноябре, накануне кантонского восстания это число увеличилось до 11 восстаний. Во-вторых, именно в провинции Гуандун, где вспыхнуло великое кантонское восстание, количество крестьянских восстаний занимало первое место, превышая все другие провинции. Эти две характерные черты роста крестьянских восстаний в 1927 году в Китае имели огромное значение при оценке общей ситуации Китая накануне кантонского восстания.

Все основные отрасли китайской промышленности и торговли переживали тяжелый кризис в 1927 г., и реакционная пекинская газета «Чэньбао» в январе сего года сама писала, что «почти для всех отраслей торговли и промышленности 1927 год являлся одним из наихудших годов. Многие промышленные и торговые предприятия совершенно прекратили свою деятельность, многие сократили производство или временно прекратили свою деятельность...»

Хлопчатобумажная промышленность Китая, как известно, во время империалистической войны 1914—1919 гг. упорно разрасталась. Но такой

[1]) Статья напечатана в номере 11—12 «Материалов по китайскому вопросу» (изд. научн. института Китая) и составлена, как указал автор, по китайским газетам, нелегальному органу ККП—«Большевик» и по сообщениям китайских товарищей, очевидцев и участников восстаний.

расцвет продолжался недолго. С 1924 г. она уже начала падать, и к 1927 г. она очутилась в тяжелом положении, по словам буржуазных газет, «вследствие того влияния, которое оказывало на ее деятельность рабочее движение, недостаток сырья и, наконец, затруднения в сбыте фабрикатов». В таком же плохом положении находилась и шелковая промышленность. В 1927 г. стачечное движение на шелковых фабриках было еще сильнее, чем на хлопчатобумажных. В августе, сентябре и ноябре в одном Шанхае 17 шелковых фабрик прекратили работу, и экспорт китайского шелка в Америку в 1927 г. был на 15.000.000 долларов меньше, чем в 1926 г. Если следить хотя бы только по китайским газетам, такая же картина бросается в глаза и по другим отраслям промышленности.

Отчет Брэта [1]), коммерческого атташе английского посольства в Пекине и председателя комиссии для изучения перспектив английской торговли в долине Ян-Цзы, назначенного британским правительством, дает нам такую картину состояния торговли и финансов:

«Во всех важнейших открытых портах в долине Ян-Цзы торговля находится в состоянии депрессии...

В Нанкине вообще нет торговли. В Уху (в провинции Анхой) торговля очень ограниченная. То же самое в Цзю-Цзяне (в провинции Цзянси), где финансовые и валютные затруднения и тяжелое обложение мешают торговле. Банкноты Центрального банка потеряли 55% своей стоимости, но власти заставляют купцов принимать их по номинальному курсу. В Ханькоу неопределенность политического положения, невероятно высокие налоги и валютные затруднения свели торговлю почти на-нет. В Чанше валютное положение еще хуже, чем в Ханькоу. Бумажные деньги быстро обесцениваются. В Чанше у купцов имеется 2 миллиона кулей риса, но купцы не хотят продавать рис за бумажные деньги. В Ичане (в провинции Хубей) никакой торговли нет. В Чун-Цзине (в провинции Сы-Чуан) положение немножко улучшилось. Но судоходство все еще связано с большим риском в виду того, что Ян-Сен (милитарист) настаивает на своем праве реквизировать любой пароход для военных перевозок. Положительным моментом для Чун-Цзина является то, что там не выпущены новые бумажные деньги. Единственным положительным в долине Ян-Цзы с точки зрения торговли является хороший урожай. Но реализация урожая чрезвычайно затрудняется недостатком серебряной монеты, валютными и финансовыми затруднениями, дезорганизацией прежнего торгового оборота, дезорганизацией заготовительного аппарата иностранных фирм, налогами, вмешательством военных властей в торговлю».

При таком экономическом положении, естественно, сильно ухудшилось положение трудящихся масс. В этом заключается основная причина роста рабочего движения и обострение классовой борьбы. В одном Шанхае с июня по ноябрь всего было 73 стачки [2]).

Месяцы.	Количество новых стачек.	Число стачечников.	Количество потерянных дней.
Июнь	6	11.356	—
Июль	4	11.629	—
Август	8	9.039	46.168
Сентябрь	16	17.227	187.329
Октябрь	26	26.737	421.201
Ноябрь	13	14.270	—

[1]) Он опубликован в конце ноября 1927 г. в английской прессе, выходящей в Китае.

[2]) Официальные данные муниципальной полиции иностранного сетлмента в Шанхае.

Классовая борьба обострилась до крайности. Лучшим доказательством этого явились апрельский и июльский перевороты (Чан Кай-ши в Шанхае и Ван Цзин-вея—в Ухане). Одной из основных причин предательства национальной буржуазии явилось именно развертывающееся массовое движение рабочего класса и крестьянства. Пугаясь развития массового движения и его революционно-классовых требований, национальная буржуазия без оглядки перешла в лагерь контрреволюции. Но зато революция перешла на высшую ступень: блок буржуазии, мелкой буржуазии, крестьянства и пролетариата развился и превратился в блок пролетариата, крестьянства и городской бедноты при все возрастающей руководящей роли пролетариата. И, несмотря на дикое неистовство реакции, революция не умерла. Наоборот, период после предательства буржуазии характеризуется р о с т о м революционного движения рабочих и крестьянских масс. Этот рост ярко проявился в событиях на протяжении второй половины 1927 г. в волнах стачек в Шанхае, Ханькоу и Кантоне, в крестьянских восстаниях в Хунани, Хубее, Гуандуне, Цзянсу, Хэнани, Чжили, Шандуне, Цзянси, в августовском наньчанском восстании и в захвате войсками Ие-Тина и Хо-Луна Сватоу.

Таково было общее экономическое и политическое положение в Китае перед кантонским восстанием. Оно ясно указывает на общий хозяйственно-политический кризис, на неспособность буржуазии разрешить его и на бурный рост рабоче-крестьянского движения. Иными словами, накануне кантонского восстания мы имели в Китае в общем н е п о с р е д с т в е н н о- р е в о л ю ц и о н н у ю с и т у а ц и ю.

2. Положение в Гуандуне перед восстанием.

Сейчас мы переходим к не менее крупному вопросу, к вопросу о положении Гуандунской провинции перед восстанием.

Ли Ти-сен не хотел уступить Чан Кай-ши, он лишь спустя три дня после переворота Чан Кай-ши, 15 апреля, совершил свой контрреволюционный переворот в Кантоне. После этого предательства национальная буржуазия в Гуандуне в лице Ли Ти-сена сразу заключила соглашение со всеми реакционными силами. Она сблокировалась с кантонскими помещиками, с империалистами, с «бумажными тиграми»—смертельными врагами Сун Ят-сена. Но она не только не могла подавить движение трудящихся масс, но и не добилась стабилизации и единства в своих рядах.

Когда революционная армия Хо-Луна и Ие-Тина захватила Сватоу, одновременно так называемая «армия второго направления», во главе с Чжан Фа-гуем и Хуан Цзи-сяном, вступила в Кантон. И сразу же проявились притязания этой армии на захват гуандунской власти: Чжан Фа-гуй и Хуан Цзи-сян послали своих агентов в аппарат правительства, вызвали Ван Цзин-вея в Кантон, использовав его, как наилучшее орудие обмана масс, и использовав такие профсоюзы, как «гуандунский всеобщий профсоюз», «профсоюз механиков», «об'единение революционных рабочих в Кантоне», для того, чтобы расширить свое влияние. Видя интриги Чжан Фа-гуя и Хуан Цзи-сяна, Ли Ти-сен принял соответствующие меры против них. Враждебность и противоречия между двумя кликами милитаристов, между гуандунской (во главе с Чжан Фа-гуем) и гуансийской (во главе с Ли Ти-сеном) обострялись с каждым днем. Наконец, скрытая вражда превратилась в открытый бой. Чжан Фа-гуй и Хуан Цзи-сян 1 ноября совершили переворот в Кантоне. После этого переворота на всей территории Гуандуна происходила бесконечная борьба от Сватоу до Кантона, от Цзянсиня до Северной реки. Армии милитаристов передвигались, готовясь к еще более решительным схваткам между собой. Стало быть силы милитаристов и политически

и экономически в этой борьбе сильно ослабились. Таково было положение в лагере противников революции накануне восстания.

Кантонские рабочие понесли многочисленные жертвы после переворота Ли Ти-сена и в начавшейся за ним реакции. За этот период было убито свыше 4 тысяч рабочих, более тысячи находилось в тюрьмах. Одновременно предприниматели атаковали рабочих, отнимая все их прежние завоевания. Компартия и массовая революционная организация кантонского пролетариата — делегатское об'единение кантонских рабочих—подвергались жестокому преследованию реакции. Но кантонские рабочие, имевшие крепкие революционные традиции, не останавливаясь ни перед чем, беспрерывно выступали против реакции. 22 апреля вспыхнула первая крупная политическая стачка рабочих, организованная делегатским об'единением кантонских рабочих и окончившаяся массовыми арестами. Одновременно кантонские рабочие организовали «Союз самоспасения» с целью самообороны профсоюзов, противодействия преследованиям и убийства штрейкбрехеров. 19 июня по случаю годовщины Кантон-Гонконгской стачки и 23 июня рабочие организовали многочисленные демонстрации. 14 октября началась крупная забастовка моряков, рабочие других отраслей поддержали их устройством массовой демонстрации. Участники демонстрации насчитывали свыше 40.000 человек. Красное знамя делегатского об'единения кантонских рабочих снова появилось на улицах Кантона. Когда демонстрация прошла через «мирную южную улицу», члены реорганизованного комитета моряков пытались бежать, боясь разгрома и атаки демонстрантов. Окружив их, масса начала их убивать. В результате было убито 3 члена реорганизованного комитета. Демонстранты снова выровняли свои ряды и всюду громко кричали лозунги: «Долой Ли Ти-сена», «Долой членов реорганизованного комитета профсоюзов», «Контроль профсоюзов самими рабочими» и против реорганизации профсоюзов. Одновременно моряки, вернувшись в здание профсоюза, начали вести свою работу. В 4 часа дня полиция арестовала некоторых из служащих профсоюза. «Эта демонстрация имела огромное влияние. Она пробудила энтузиазм всех рабочих Кантона» [1]).

10 октября по случаю годовщины китайской республики рабочие устроили демонстрацию. 1 ноября «около трех тысяч спичечников и рабочих трех железных дорог и тысячи рабочих других отраслей окружили здание Ван Цзин-вея, находящееся в так называемых Восточных горах, требуя восстановления работы. Ван Цзин-вей отказался договариваться с ними по тем мотивам, что ответственность несет только правительство. Масса была возмущена, громко кричала: «Долой Ван Цзин-вея, Чжан Фагуя и Ли Ти-сена», «Долой Гоминдан», «Долой национальное правительство», «Да здравствует коммунистическая партия». Тогда Ван Цзин-вей вызвал муниципальную полицию. Муниципальная полиция отправила бронеавтомобиль и свыше двухсот жандармов и арестовала больше 60 человек, в том числе и секретаря исполкома делегатского об'единения кантонских рабочих, тов. Чжон Вен-ион. После этого случая рабочие еще более ясно поняли лицемерие Чжан Фа-гуя и Ван Цзин-вея. Борьба наша еще более обострилась» [2]).

7 ноября «рабочая масса устроила собрание в «мирном театре» в честь годовщины Октябрьской революции. В 10 часов пришли на собрание свыше 400 рабочих, муниципальная полиция также отправила туда 80 жандармов следить за порядком. Но к 11 часам число присутствовавших на собрании уже дошло до 1.000 человек. По всему залу развешены

[1]), [2]) Отчет делегатск. об'единения кантонских рабочих.

красные знамена с написанными на них лозунгами. Ораторы сменяли один другого, беспрерывно кричали лозунги, распространялись бесчисленные листовки. Видя опасное настроение масс, реакционные жандармы вызвали из муниципальной полиции еще 300 жандармов. Жандармы выгнали рабочих из зала собрания и арестовали присутствовавшего там консула СССР и двух атташе. Хотя собрание не было закончено, но ясно одно, что оно вызвало энтузиазм рабочих масс» [1]).

17 ноября, как мы уже указывали, совершили переворот Чжан Фа-гуй и Хуан Цзин-сян в Кантоне. Новая власть еще более жестоко относилась к рабочему движению. Они после завоевания власти сразу же обрушились на рабочих Кантон-Гонконгской стачки (10 октября 1926 г. стачечный комитет Кантон-Гонконгской забастовки отменил гонконгскую блокаду, но все же больше 30.000 стачечников осталось в Кантоне и после этой отмены). Их выгнали из общежитий, закрыли их общественные столовые, арестовали много революционных рабочих, открыли огонь по безоружным массам демонстрантов, приказали жандармам, полиции и так называемым членам реорганизованных профсоюзов захватить профсоюзы, специально выпустили прокламацию об уничтожении коммунистов и т. д. Такая политика, конечно, вызвала сильное возмущение в рабочих массах. «Они в процессе роспуска стачечников два раза выступили против этого наглого акта реакции. Первый раз выступили в То Чао-ше (название местечка), в нем участвовали бесчисленные массы рабочих. Оратор сменял оратора. Тон их речей был необыкновенно резким, требовали восстановления делегатского об'единения кантонских рабочих и помощи правительства стачечникам Кантон-Гонконгской забастовки. После окончания собрания они устроили мощную демонстрацию. Произошел конфликт с полицией, в результате которого было убито 3 человека и арестовано свыше 20 человек демонстрантов. Во второй раз, рабочие устроили собрание в «Первом парке», где участвовало 1.300 человек. Это собрание было распущено полицией еще до его открытия. После этого движения рабочие не стали апатичными. Наша гвардия и «Союз спасения» превратились в Красную гвардию. Число их с 2 тысяч возросло до 4 тысяч человек» [2]).

«К началу декабря недовольство масс было так сильно, что моряки об'явили забастовку, рабочие автотранспорта стали саботировать, почтовые служащие постановили бастовать. Передовые рабочие вооружались, готовя различные бомбы. Требование восстания было широко распространено в пролетариате» [3]).

В отношении крестьянства мы указали, что по количеству крестьянских восстаний Гуандун занимал первое место из всех провинций. Мы имели 12 крестьянских восстаний с мая по декабрь 1927 г. Самым успешным из этих восстаний являлось Хай-Луфынское (в конце октября). В начале этого восстания в нем принимали участие остатки войск Ие-Тина и Хо-Луна, реорганизовавшиеся в дивизию крестьянской революционной армии. Хай-Луфынское восстание с самого начала приняло серьезный характер. Революция размахнулась чрезвычайно широко и глубоко, затрагивая вопросы аграрной революции. Эта борьба была очень организованной. Здесь в первый раз была организована власть рабоче-крестьянских и солдатских масс. В каждой деревне, в каждой волости и уезде была организована советская власть. На территории советской власти была проведена конфискация помещичьей земли,

[1]) Отчет делегатского об'единения кантонских рабочих.
[2]) Там же.
[3]) Тезисы политбюро ЦК ККП «О значении и уроках Кантонского восстания», от 3/I—1928 года.

были публично сожжены документы о собственности на землю, а также арендные и долговые обязательства. Сельские советы об'явили, что земля принадлежит всему обществу и должна быть дана крестьянству в пользование. Было конфисковано все находящееся в ломбардах имущество и возвращено беднякам - владельцам, была произведена конфискация имущества джентри, тухао и прочих контрреволюционеров. Это имущество было обращено советским правительством на поддержку бедноты и на общественные нужды, часть роздана революционной армии. Было казнено много контрреволюционеров, помещиков, джентри и тухао, дома их были сожжены.

Под влиянием хай - луфынских событий происходили многочисленные крестьянские восстания в близлежащих районах. Рабоче - крестьянская армия вместе с вновь восставшими районами выступала против помещиков этих районов, одерживала победы и тем самым расширяла территориальный базис революции. Уездные советы Хай-Луфын, Тиесу, Цзидина, Сянгуая и затем Иульма организовались из представителей крестьянства, ремесленников и кули. Первый с'езд советов был созван в Хай-Луфынском округе 9 ноября. На нем присутствовали 300 делегатов, 100.000 гостей. С'езд выбрал правительство восставших районов. В средине ноября восставший район включал в себя 500.000 дворов. Организованная рабоче-крестьянская армия состояла из добровольцев, делегированных деревнями. Система наемной армии уничтожена, была введена военная повинность для каждой деревни, общественной организации и т. д. по определенной разверстке. Оружие рабоче - крестьянской армии было захвачено у противника. Председателем хай - луфынского советского правительства был избран Пын-Пай (член ЦК ККП). Советским правительством он был послан к кантонским рабочим для связи и с просьбой о поддержке. Было опубликовано воззвание советского правительства к рабочим массам Кантона. Хай-луфынское крестьянство дало 20.000 долларов из конфискованного имущества буржуазии на покупку оружия для восстания.

Солдатские массы жили в очень тяжелых условиях. Они были недовольны роскошной жизнью своего начальства. На следующий день после переворота Чжан Фа-гуя реакция созвала митинг (фактически военный смотр) в честь своей победы. И вот на митинге появились революционные листовки и большое количество рабочих с красным знаменем и лозунгами: «Долой Гоминдан», «Да здравствует советский Кантон», «Да здравствует рабочая, крестьянская и солдатская власть», «Да здравствует братство солдат и рабочих» и т. д. Солдатская масса сочувственно отнеслась к рабочим. Особенные симпатии проявил учебный полк кантонского гарнизона, очень резко выявивший свое враждебное отношение к реакционному Гоминдану. Этот полк являлся лучшей частью армии Чжан Фа-гуя. В начале декабря на рабочих митингах представители этого полка, его рот и батальонов выражали свою готовность бороться под руководством компартии.

Даже часть городской мелкой буржуазии стала выражать свое недовольство существующим милитаристическим господством. Это недовольство об'яснялось экономическим кризисом, финансовыми затруднениями и тем, что обнаружился обман Гоминдана, не проведшего в жизнь ничего из своей программы.

Например, когда реакция об'явила, что надо установить новые налоги: налоги на гербовый сбор, налоги на предметы роскоши и налог на коммерческие документы ценностью больше чем на один рубль,—все торговцы Кантона протестовали и устроили уличную петицию перед зданием правительства. Рабочие помогли торговцам и также протестовали против новых налогов. Но в результате обмана их большими торговыми магазинами, их движение было подавлено правительством, которое угрожало им даже пулеметами.

Такова была общая картина состояния различных общественных сил в Гуандуне накануне кантонского восстания. Мы видим, как остро шла классовая борьба. Завоевав власть, Ван Цзин-вей и Чжан Фа-гуй прекрасно поняли наличие сильного недовольства трудящихся масс их господством. Поэтому они сразу же развернули свое наглое наступление, грозя отнять и те ничтожные крохи, которые с громадными жертвами и напряжением были раньше добыты трудящимися массами. Тогда коммунистической партии, авангарду революционного пролетариата, пришлось выбирать: отступить ли без боя перед этим наглым наступлением или руководить массами в решительном наступлении и пойти на вооруженное восстание? Партия выбрала путь решительного наступления на врагов. Тем более, что партия считала, что можно иметь известные шансы на успех восстания [1]), ибо тогда, несомненно, были налицо предпосылки восстания: 1) господствующие классы дезорганизованы; 2) массы находились в состоянии революционного брожения, они были готовы на выступления и жертвы; 3) промежуточные слои колебались в сторону пролетариата.

Итак, партия в лице гаундунского губкома решила вести массы на вооруженное восстание против контрреволюции. Мы сейчас рассмотрим, в чем выражалось это руководство губкома партии и его подготовка к восстанию.

3. Подготовка к восстанию.

В китайской компартии были допущены тяжелые оппортунистические ошибки по всем основным вопросам революции. Но партия сумела еще на своем августовском чрезвычайном пленуме ЦК открыто признать эти ошибки. И с тех пор она неуклонно шла и идет по пути большевизации своей организации. Особенно работа гуандунской партийной организации имела большие успехи. «Авторитет гуандунской партийной организации рос с каждым днем. Несмотря на нелегальное положение, в котором партийная организация находилась, рост доверия масс к ней увеличивался. Гуандунская партийная организация становилась организатором и руководителем революционного народа против реакционного господства Гоминдана» [2]).

О связи гуандунской партийной организации с массами в этих же тезисах политбюро ККП мы читаем:

«Несмотря на белый террор, делегатское об'единение кантонских рабочих (исключительно под влиянием и руководством коммунистов) сумело периодически собирать нелегальные делегатские собрания, а кантонская партийная организация еще в большей степени сумела периодически собирать собрания и энергично проводить работу. Связь с массами и их организационный охват были довольно значительны. Партия и профсоюзы являлись действительно руководящими организациями». Вот как ЦК партии оценил работу гаундунской партийной организации. Тов. Страхов совершенно прав, когда говорит, что «накануне кантонского восстания наилучшей организацией партии надо считать гуандунскую организацию» [3]).

Что же делала эта организация в смысле подготовки к вооруженному восстанию.

---

[1]) Полный успех восстания никто не может гарантировать заранее перед любым восстанием. Можно начинать восстание тогда, когда есть известные шансы на успех. В этом отношении мы считаем совершенно правильной резолюцию VIII пленума ИККИ, которая говорит, что «начинать восстание можно только тогда, когда есть известный шанс на успех». *Автор*

[2]) Тезисы политбюро ККП о «значении и уроках кантонского восстания».

[3]) Страхов: «Китайская революция и ККП».

1. Борьба с иллюзиями «левых» гоминдановцев. В то время борьба с иллюзиями «левых» гоминдановцев была одной из центральных задач. Без этой борьбы и не мечтали бы о низвержении реакции. Эта задача блестяще выполнялась гуандунской партийной организацией. Она не только сама порвала с ними окончательно (Чжан Фа-гуй хотел разговаривать с партийной организацией, но партийная организация категорически отказалась; это большой шаг вперед, ибо наши товарищи в наньчанском восстании еще не сумели так выступить), но и посредством пропаганды и практической борьбы (например, уличная петиция безработных рабочих трех железных дорог перед зданием Ван Цзин-вея, организованная коммунистами) раз'яснила массам, что «левые» гоминдановцы ничем не отличаются от правых и других контрреволюционеров.

2. Мобилизация масс. Одной из заслуг гуандунской партийной организации являлось то, что она сумела связать повседневную борьбу рабочего класса с нашей общей целью, с целью низвержения власти реакции. Она сумела вовлечь массы красных профсоюзов исключительно под свое руководство. Но надо отметить, что эта мобилизация масс, особенно накануне восстания, была еще совсем недостаточна. В этом заключалась одна из причин поражения гуандунского восстания (ниже мы остановимся на этом). Но некоторые товарищи, например, новый гуандунский губком партии, после поражения восстания считали, будто бы партийная организация совсем не вела работу мобилизации масс накануне восстания. С этим мы категорически несогласны. На самом деле партийная организация принимала ряд мер в деле мобилизации масс. По словам самих руководителей этого восстания, партия принимала следующие меры:

1) Через партийные организации партия за неделю до восстания созывала 2 раза пленум секретарей ячеек гуандунской организации. В первый раз обсуждали вопрос о всеобщей стачке. Большинство из присутствовавших (30 товарищей) высказалось за то, что можно добиться всеобщей забастовки. Второй раз обсуждали вопрос о программе восстания и о методах мобилизации масс к вооруженному восстанию. В отдельных ячейках партия также созывала собрания. На них обсуждались вопросы о методах стачек, восстаний и расширения красной гвардии. 2) Через профсоюзы, делегатское об'единение кантонских рабочих на той же неделе было созвано 2 делегатских собрания. Первое также обсуждало вопросы всеобщей стачки. Большинство из присутствовавших (40 делегатов) высказалось за возможность проведения всеобщей стачки. Второе выбрало 9 членов кантонского совета от их организаций. 3) Красная гвардия несколько раз созывала собрания ротных командиров (она организована по ротам), на них ставились политические доклады и широко обсуждались все текущие вопросы.

3. Организация кантонского совета. При курсе на низвержение власти реакции огромное значение имела организация советов. Знамя Гоминдана перестало быть революционным, и лишь под знаменем советов можно было мобилизовывать широкие массы трудящихся вокруг новой власти, лишь советская власть есть власть, могущая защищать интересы трудящихся масс. Но вследствие тяжелой репрессии реакции кантонский совет был организован только непосредственно перед вспышкой восстания. Состав исполкома совета был выбран из 9 членов делегатского об'единения кантонских рабочих и 3 представителей из крестьянского союза расположенных близ Кантона деревень (только один из них практически участвовал в работе) и трех представителей от солдат. Кроме этих представителей, в исполком совета входил официальный представитель партии. В исполкоме совета было 2/3 рабочих. **Окончательное решение о восстании было принято на заседании исполкома, также и его**

стратегический план. Поэтому партия могла сразу мобилизовать солдатско-рабоче-крестьянские массы и начать восстание.

4. Работа среди солдат. Работа среди солдат имела один крупнейший недостаток, именно: она лишь ограничивалась армией, находящейся в Кантоне, и почти совершенно не затрагивала части, находящиеся вне Кантона. Но во всех армиях Кантона имелось партийное ядро. В частности, учебный полк кантонского гарнизона целиком находился под влиянием партии. Он играл колоссальную роль в восстании. Состав 12 батальонов этого полка в большинстве состоял из студенчества, окончившего военные курсы. Все они, кроме высшего комсостава, были за советскую революцию. Кроме того, большинство солдат кантонского гарнизона, часть артиллерийского батальона и студентов военной школы Вампу также сочувствовали лозунгам кантонского совета. За неделю до восстания происходили совещания военных делегатов (было свыше 200 человек, среди них были рядовые беспартийные солдаты), на которых единогласно постановили бороться до смерти за рабоче-крестьянскую революцию. Лозунги для солдат, выдвинутые партийной организацией, особенно лозунг «Земля крестьянам и солдатам» были встречены с энтузиазмом.

5. Связь с крестьянами. Были организованы подпольные курсы для крестьян. Была налажена систематическая связь с хай-луфынским правительством и партийной организацией, которой систематически давались директивы. Партийная организация уделяла большое внимание крестьянскому движению близ Кантона, у линии Гуанцзийской железной дороги и Тунхайского и Пангайского уездов. Был развернут лозунг аграрной революции, и через подпольные организации освещали перед кантонскими массами ход крестьянского движения.

6. Разработка революционных лозунгов. 26 ноября гуандунский комитет партии опубликовал воззвание, призывая массы к восстанию, выдвинув следующие лозунги:

1. «Освободить всех политических заключенных». 2. «Рабочие и крестьяне, вооружайтесь». 3. «Абсолютная свобода союзов, собраний, слова для масс трудящихся». 4. «Возвратить все здания профсоюзам». 5. «Смерть всем штрейкбрехерам и членам реорганизованных комитетов в профсоюзах». 6. «Возвратить права стачечникам кантон-гонконгской забастовки». 7. «Выдать нормальный заработок безработным». 8. «Увеличить зарплату всем рабочим». 9. «Контроль рабочих над производством». 10. «Конфисковать дома буржуев и передать их трудящимся». 11. «Конфисковать имущество крупных капиталистов для спасения и поддержки крестьян». 12. «Всю землю крестьянам». 13. «Смерть всем тухао, джентри, помещикам». 14. «Улучшить жизнь солдат». 15. «Увеличить жалование солдат до 20 долларов». 16. «Организовать революционные солдатские комитеты против милитаристов». 17. «Контроль солдатских комитетов над военными расходами». 18. «Долой Гоминдан»ч 19. «Долой Чжан Фа-гуя, Хуан Цзин-сяна, Ли Ти-сена и Хуан Чао-ион». 20. «Смерть всем палачам белого террора». 21. «Да здравствует смычка рабочих, крестьян и солдат». 22. «Да здравствует власть советов рабочих, крестьян и солдат». 23. «Долой империалистов». 24 «Да здравствует смычка масс Китая с Советским Союзом». 25. «Пролетарии всех стран, соединяйтесь».

Кроме этих общих лозунгов, партия еще выдвинула следующие лозунги, как самые основные:

«Рис рабочим»; «Земля крестьянам»; «Долой войны милитаристов»; «Вся власть советам»; «Вся власть рабочим, крестьянам и солдатам». Эти лозунги выявили четкую программу восстания трудящимся массам.

7. Военно-техническая подготовка. В резолюции гуандунского комитета партии от 26 ноября мы читаем:

«Организовать военно-революционный комитет, как главный и руководящий орган. Для военно-технического руководства организовать штаб». Были выработаны конкретные меры военной подготовки, четкий стратегический план восстания. Все партийцы мобилизовались. Была создана 20.000 красная гвардия, являющаяся самой надежной и дисциплинированной частью. Красная гвардия была разбита по ротам в 120 человек. Кроме того, были созданы две ударные роты из самых надежных товарищей (одна рота состояла из дружинников, кантон-гонконгского стачечного комитета, другая из моряков и рикш). Были мобилизованы и транспортные средства и рабочие к ним. Заготовлены железные прутья, бомбы, холодное оружие, кинжалы, штыки и т. д. для вооружения Красной гвардии и рабочих масс. В Красной гвардии было много беспартийных рабочих. Была организована связь и разведка во всех официальных учреждениях. Совещания партии, профсоюзов и представителей революционных солдат происходили ежедневно, на них обсуждался подробный план восстания.

8. Выбор срока для начала восстания. Кантонское восстание вспыхнуло 11 декабря. Много товарищей (Пеппер, Рейберт и друг.) считали, что тогда еще не созрели условия для восстания, были недостаточными наши суб'ективные силы и что таким образом кантонскому восстанию было «суждено» поражение. Однако, партийная организация сама боролась с несвоевременным восстанием, что видно из неоднократно цитированных нами тезисов политбюро ККП, где читаем:

«19 октября реакционное правительство Ван Цзин-вея приняло самые энергичные меры для подавления растущих рабочих волнений, начались массовые аресты, были распущены дружинники кантонского стачечного комитета и закрыт союз моряков. В это время среди рабочих наметилась тенденция к открытому восстанию, но авторитет партии был настолько велик, что ей удалось предотвратить преждевременное восстание масс».

Вместе с тем, все развитие классовых противоречий с неизбежностью толкало к вооруженному, решающему бою между реакционным правительством и трудящимися массами. В обстановке, сложившейся в Гуандуне, восстание назревало неизбежно. После завоевания власти Ван Цзин-веем и Чжан Фа-гуем реакция сильно атаковала трудящиеся массы, пытаясь отнять их ничтожные завоевания. Были получены достоверные сведения о том, что Ван Цзин-вей 9 декабря из Шанхая послал телеграмму в Кантон, в ней приказал Чжан Фа-гую разоружить учебный полк и выгнать консула СССР из Кантона [1]). Это сообщение стало известным гуандунской партийной организации только утром 10 декабря. Поэтому партийная организация решила перенести восстание с первоначально установленного 15 декабря на 3 часа 11 декабря. Ибо момент был настолько напряженным, что дальше ждать было нельзя. Если бы восстание оттянули хотя бы еще на несколько дней, то неизбежно революционные солдаты Кантона были бы разоружены реакционными частями, в Кантоне начался бы жестокий фашистский террор, во всех частях Гуандуна начались бы массовые казни для подавления крестьянских восстаний, и реакционные войска из района Западной реки овладели бы Кантоном. Наконец, революционное настроение масс и недовольство их властью Ван Цзин-вея и Чжан Фа-гуя было настолько сильно, что, если бы восстания не было 11 декабря и реакция начала бы репрессии, то массы неизбежно, по собственному почину, неорганизованно и в разных местах начали бы восстание, что было бы прямо на руку реакции.

Компартия есть авангард пролетариата, ее основная задача заключается именно в том, чтобы руководить и организовывать трудящихся к борьбе против реакции и создать свою власть. Партия не может быть нейтральной или бросить руководство борьбой масс, раз борьба эта стала неизбежной или уже началась. Исходя из этого, мы считаем совершенно правильным, что партия назначила 11 декабря днем восстания.

Партийная организация договорилась с профсоюзом печатников о срочном печатании воззвания нового советского правительства. За один день было отпечатано 7.000.000 экземпляров. Одновременно партийная организация спешила организовывать красную гвардию, устанавливать связь с крестьянами расположенных близ Кантона деревень, усиливать агитацию среди солдат и т. д.

Наконец, наступил исторический день...

4. Белый Кантон стал красным.

Ровно в 3½ часа ночи 11 декабря (время, намеченное Революционным Военным Комитетом) началось восстание. Рабочие и солдаты выступили одновременно. Происходило собрание учебного полка, на котором присутствовали делегаты от компартии, кантонского совета и красной гвардии. После речей председателя революционного военного комитета советского правительства в Кантоне, члена ЦК ККП т. Чжан Та-лея и ряда других товарищей массы провозгласили свержение гоминдановского правительства и, расстреляв на месте собрания 15 реакционных командиров, подняли под громкие крики: «восстание!» красное знамя с серпом и молотом. Солдатские массы по приказу революционного военного комитета выступили для захвата стратегических пунктов города и для разоружения полиции и реакционной армии. Одновременно рабочая красная гвардия и ударный батальон выступили для захвата муниципальной полиции и других военно-политических центров контрреволюции. В это время рабочие транспорта перебросили все автобусы и другие средства транспорта для удовлетворения нужд революционных сил. Рабочая гвардия и солдатские массы сумели к 3 часам 45 мин. (по отчету делегатского об'единения кантонских рабочих) захватить муниципальную полицию. После этого рабочие захватили много оружия и гарнизонные казармы. В руках восставших оказалось много винтовок, пулеметов, броне-автомобилей и т. д.

В 5 часов утра была официально об'явлена советская власть.

В то же время были созданы главный штаб красной армии, штаб главнокомандующего красной гвардией, штаб делегатского об'единения кантонских рабочих и штаб компартии. В 6 часов почти все важнейшие пункты Кантона были захвачены восставшими, реакция была разбита. К 7 часам количество рабочих, участвовавших в восстании, достигло 20.000 человек. Часть красногвардейцев была отправлена для конфискации продовольствия, часть—для распространения прокламаций и агитационных листовок. Почта, телеграф, радио, правительственные учреждения, здание губкома Гоминдана были также захвачены. Было освобождено свыше 2.000 политических заключенных—это были коммунисты, члены красных профсоюзов, действительно левые гоминдановцы и студенты школы ВАМПУ. Они сейчас же добровольно вступили в красную армию. Учебный полк быстро разоружил два реакционных полка, захватил две трети артиллерии Фжан Фа-гуя и свыше 1.000 винтовок с большим количеством патронов. Одновременно не-

[1]) Об этом указано в тезисах политбюро ККП, в отчете делегатского об'единения кантонских рабочих и в отчете главнокомандующего войсками советской власти в Кантоне, тов. Ие-Тина.—*Автор*.

сколько сот крестьян захватило станцию Гуаншеской ж. д. Но вследствие препятствий со стороны военных кораблей противника они не смогли установить связь с нашей революционной армией»[1]). Крестьянские восстания начались в нескольких деревнях вокруг Кантона.

«В 12 часов дня было созвано массовое собрание советов в «Первом парке». Но в виду того, что в этот день большинство массы пошло в атаку на врагов, собрание было малочисленно»[2]).

К вечеру 11 декабря весь Кантон находился в руках восставших, кроме Па-Чи-Хуей-Ку (там находился штаб IV армии противника), Нин-Цон-Ча (там находился штаб 24 дивизии противника) и Куен-Ин-Сен, находившихся в руках реакционеров.

На следующий день, в 12 часов в «Парке Си-гуа» было вторично созвано массовое собрание рабочих, крестьян и солдат. На собрании присутствовало 1.000 человек, на нем об'явили программу новой власти и сообщили о ходе восстания. Тов. Чжан Та-лей (зампредсовнаркома, нарком воен. и мор. дел) должен был участвовать в этом собрании, но по пути к «Парку Си-гуа» на улице Уэ-Э его автомобиль натолкнулся на солдат противника и Чжан Та-лей был убит ими в автомобиле. Это было большим ударом для кантонского восстания, в лице Чжан Та-лея кантонское восстание потеряло ценнейшего руководителя.

Революционные солдаты с большим трудом, только при помощи пушечного обстрела захватили район Нин-Цон-Ча и Куен-Ин-Сен. В этом бою погибло около 300 врагов и несколько десятков наших борцов. Но все же не удалось захватить Па-Чи-Хуей-Ку. «Хуан Цзи-сян на корабле «Сун Ятсен» руководил боем против революционных армий новой власти. Реакционные солдаты стойко защищали Па-Чи-Хуей-Ку, где находился штаб IV армии и центральный банк. Наша армия после многих неудачных попыток захватить банк была вынуждена его сжечь, в результате чего мы не смогли воспользоваться колоссальными суммами денег, находящимися в банке»[3]).

«Вечером враги напали из Сио-По-Мен и снова сильно атаковали силами двух полков Куен-Ин-Сен. Учебный полк был вынужден отступить оттуда. В течение этих двух дней было убито и ранено свыше 300 героических борцов этого полка. К тому же времени армия Ли Фу-лина, находящаяся в Хонане, захватила станцию Гуаншеской ж. д. Вблизи Цан Ди (название набережной улицы Кантона) наша армия также была сильно бомбардирована, а в южной части Кантона начался большой пожар. Создалось очень плохое положение»[4]).

«К рассвету следующего дня враги еще более сильно атаковали революционную армию, число их увеличилось до 2.000 человек. Наша армия решила отступать. Но все же часть красной гвардии удержала за собой важные пункты Кантона и потому, хотя враги атаковали несколько раз нашу армию, но безрезультатно»[5]). В 12 часов 13 декабря наш главный штаб—муниципальная полиция—был захвачен армией врагов, и весь Кантон снова перешел в руки белогвардейцев.

Так кончилось великое кантонское восстание. Это восстание длилось всего 57 часов. Но к изложенным сухим фактам о ходе восстания надо прибавить и подчеркнуть, что новое советское правительство на протяжении существования своей власти энергично развило свою революционную деятельность. В самом составе нового правительства имелся ряд виднейших

[1]) Отчет главнокомандующего войсками советской власти Кантона, тов. Ие Тина.
[2]) Тезисы политбюро ККП.
[3]) Отчет делегатского об'единения кантонских рабочих.
[4]) Отчет Ие-Тина.
[5]) Отчет делегатского об'единения кантонских рабочих.

руководителей рабоче-крестьянского движения Китая; председатель совнаркома Су Чао-жен, вождь кантон-гонконгской стачки, член политбюро ККП. Заместитель председателя совнаркома тов. Чжан Та-лей, член ЦК ККП, секретарь гуандунского комитета партии и бывший секретарь комсомола Китая. Нарком земледелия тов. Пын Пай, председатель хай-луфынского советского правительства, и т. д.

После своей победы Совнарком тотчас же выпустил воззвание к рабочей, крестьянской и солдатской массе Китая и к пролетариату всего мира. Одновременно революционный военный комитет создал революционную красную армию из рабочей гвардии, восставших солдат Гоминдана, освобожденных политзаключенных и добровольцев из рабочих и крестьян. Красная армия имела в своем составе свыше 50% рабочих и крестьян. Командирами рот и батальонов были в большинстве случаев рядовые рабочие. Наемная система армии была уничтожена. Вместо нее была введена добровольная. Снабжение солдат продовольствием и обмундированием стало коллективным. На протяжении существования советской власти все солдаты, вплоть до высших командиров красной армии, не получали жалованья, получая только продукты потребления, конфискованные революционным военным комитетом у буржуазии. В армии тотчас по ее организации была введена действительно революционная пролетарская дисциплина. В каждой части армии не прекращалась устная и письменная агитация, и каждый знал, за что он борется. Даже в разоруженных частях гоминдановской армии велась такая же работа, благодаря чему несколько рот из них вступили в красную армию, сражались до конца, и не имелось случаев предательства с их стороны.

Для того, чтобы подавить сопротивление реакционеров-минтуаней, штрейкбрехеров, шпионов, советское правительство создало комиссию по борьбе с контрреволюцией. Рабочие принимали активное участие в арестах реакционных генералов, полицейских, шпионов и т. д.

Тотчас же после начала восстания революционные солдаты сбросили гоминдановские значки, заменив их красными галстуками и др. Трудящиеся массы всюду срывали гоминдановские эмблемы, ставшие эмблемами террора, и заменяли их красными знаменами с серпом и молотом.

Советское правительство опубликовало директивы о сокращении и роспуске всех гоминдановских организаций, аресте всех их вождей, конфискации их имущества, об'явило их вне закона, издало приказ о смертной казни для гоминдановских чиновников. Одновременно советское правительство издало декрет о действительной демократии для рабочей, крестьянской и солдатской массы.

Советское правительство приняло ряд директив, касающихся экономическо-политических требований трудящихся масс.

По отношению к рабочему классу правительство приняло директивы о введении 8-часового рабочего дня, о восстановлении и расширении прав стачечников кантон-гонконгской забастовки, о выдаче пособий безработным в размере жалования, получаемого работающими, об увеличении зарплаты и т. д.

По отношению к крестьянству правительство приняло директивы о национализации всех земель, о полной передаче их в пользование крестьян, о сожжении всех документов об аренде, займах, обязательствах и об уничтожении границ между частновладельческими землями и о создании советских органов власти в каждом районе, в каждой деревне.

Одновременно советское правительство известило все районы Кантона и всего Китая о том, что кантонский совет всеми силами будет защищать победы хай-луфынского восстания, и призывало все крестьянство взять пример с него, начать восстание, организовать советское правительство и рабоче-крестьянскую красную армию.

По отношению к солдатам было об'явлено, что, как и крестьяне, они имеют право пользоваться национализованной землей, и они призывались организовать солдатские комитеты во всех частях армии.

По отношению к городской бедноте были опубликованы директивы о конфискации зданий и имущества капиталистов в пользу ее, а равно об освобождении ее от ряда налогов и долговых обязательств, об отмене квартирной платы для нее и о муниципализации всех домов. Было конфисковано все находящееся в ломбарде имущество и роздано его прежним владельцам.

Не только рабочие, крестьяне и солдаты, но даже большая часть городской мелкой буржуазии, ознакомившись с декретом, выражали сочувствие советскому правительству и открыто выступали в его защиту. «В момент жестокой борьбы красных с белыми рабочие горячо участвовали в ней, но они не совсем умели строить баррикады, и пожарные давали свой обоз для постройки баррикад. Десятки тысяч жителей Кантона надели красные значки и помогали в разного рода работах советской власти. Никто из жителей не выступил в защиту белых» [1]).

На протяжении 57 часов существования советской власти в Кантоне было очевидно, что белый Кантон действительно стал красным.

5. Уроки восстания.

После поражения кантонского восстания, победившая реакция начала неслыханно жестокую расправу с революционными массами. Сама реакционная власть об'явила, что в течение трех дней после подавления восстания было казнено 5.700 кантонских рабочих. Особенно много в этих репрессиях погибло молодых пролетариев и работниц. Надо подчеркнуть необыкновенную активность, храбрость пролетарской молодежи и работниц как в самом восстании, так и после его поражения. «Много молодых пролетариев и работниц участвовало в вооруженной борьбе, а работу по снабжению вели исключительно работницы. Они вели большую работу по связи и наблюдению за передвижением оружия и продовольствия и по политической пропаганде и, наконец, в качестве санитарок и сестер милосердия» [2]). О жестокости расправы реакции можно знать даже из реакционных и буржуазных источников:

«Много коммунисток, завернутых в хлопок и облитых керосином, сожжено... Все стриженые женщины принимаются за «красных» и тотчас же расстреливаются...» [3]).

Были расстреляны реакционерами также вице-консул и несколько сотрудников консульства СССР в Кантоне. Для того, чтобы оправдать этот расстрел, империалистические газеты распространяли слух о том, что эти сотрудники были организаторами восстания, что в консульстве хранилось оружие и т. д., а между тем эти сотрудники не только не принимали участия в восстании, но и не имели возможности сноситься с кантонским советским правительством, так как они находились еще в районе, отрезанном реакционными армиями от центра восстания. Сотрудники консульства СССР умерли под красным знаменем вместе с тысячами трудящихся Кантона.

Китайские трудящиеся никогда не забудут героев кантонского восстания. Но просто помнить их еще недостаточно, нам надо тщательно изучить кантонское восстание. Мы переходим к рассмотрению причин поражения

[1]) Тезисы политбюро ККП.
[2]) Тезисы политбюро ККП.
[3]) Из газеты «Та-Гон-Бао» от 17 декабря 1927 года.

этого восстания. Начнем с причин об'ективных, не зависевших от руководства восстанием.

1. Консолидация сил милитаристов. Слова Маркса: «сила революции сплачивает силу контреволюции», еще раз оправдались в кантонском восстании: после вспышки восстания силы всех милитаристов в Кантоне немедленно об'единились для борьбы с восстанием, ибо в советской власти они почувствовали общего всем смертельного врага.

2. Активная помощь империалистов белой гоминдановской армии. Империалисты во многом оказывали помощь кантонским милитаристам. Они мобилизовали флот против красного Кантона. «Японские корабли в Чан-ди боролись против революционной армии. Поэтому нельзя было ликвидировать находящиеся там реакционные части, на борьбу с которыми были затрачены целые сутки. Это мешало бороться всеми силами на других участках. Большой пожар части Кантона был вызван бомбардировкой японских кораблей» [1]).

На английских военных и торговых кораблях многие милитаристы, капиталисты уезжали в Гонконг и там свободно концентрировали свои реакционные силы. Судно английского флота «Мореон» и американское судно «Сакраменто» также посылали свои десанты в Кантон. Китайские реакционные корабли все находились и выступали под прикрытием английского, американского, японского и французского флота и двинули много реакционных сил на бомбардировку Кантона. Английские матросы окружили китайских революционных моряков и арестовали их. Английский торговый флот открыто перебрасывал белую армию, которая под флагом великобританского империализма выступала против красной армии Кантона. Кантонское восстание убедило нас еще больше в том, что империализм—враг всех трудящихся масс колоний и что трудящиеся массы в колониях в борьбе за свою независимость, должны в первую очередь решительно выступать против империализма.

3. Превосходство военных сил противника над силами восстания. Военные силы милитаристов в несколько раз превышали силы революционной армии. Конечно, и при таком условии революционеры могут победить контрреволюцию. Но все же это играет некоторую роль. Милитаристы сумели после вспышки восстания тотчас же мобилизовать свыше 3 дивизий и наступили с севера, запада и юга на Кантон. Флот с самого начала бомбардировал город. Под прикрытием флота контрреволюционные войска, в том числе и минтуана, переправились через реку.

4. Затруднительность организационного охвата и мобилизации масс. а) Рабочие массы Кантона не имели единства. Не только среди промышленных рабочих был организован «профсоюз механиков», помимо красного профсоюза, но и среди рабочих мастерских и служащих магазинов образовалась т. н. «федерация революционных рабочих левого крыла», помимо гуандунского всеобщего профсоюза и красного профсоюза. Поэтому только около 60 профсоюзов непосредственно находилось под руководством революционного об'единения кантонских рабочих. Хотя у трех желтых профсоюзов не имелось особенно много членов, но все же формально при профсоюзе механиков было 40 — 50 профсоюзов, при гуандунском всеобщем профсоюзе было больше 100 (большинство этих профсоюзов были профсоюзы мастеров), а при федерации революционных рабочих левого крыла было 60—70 профсоюзов, кроме того еще было 40—50 самостоятельных профсоюзов, самый крупный из них был профсоюз винных магазинов. По крайней мере реакционеры могли пользоваться именами этих профсоюзов для того, чтобы препятствовать участию этих

[1]) Отчет Ие Тина.

рабочих в революционном движении, тем самым была ослаблена сила мобилизации масс делегатского об'единения кантонских рабочих.

б) Кантонское рабочее движение с 1925 по 1927 г. все время проходило под руководством стачечников кантон-гонконгской забастовки. В самом Кантоне не особенно много промышленных рабочих, так что кантонское рабочее движение за это время почти исключительно находилось под руководством этих стачечников. Особенно при политической борьбе стачечники являлись авангардом рабочего класса Кантона. Эти стачечники в течение 2 лет не только научились методам всякой борьбы, но и много из них участвовало в работах рабочих пикетов. После роспуска их реакцией Ван Цзинвея около ⅓ стачечников вернулось в деревню, получив пособие от правительства; остались в Кантоне только 10.000 стачечников, из них еще 5.000 стачечников получили патент на мелкую торговлю и 4.000 безработных. Поэтому роспуск стачечников явился большим ударом для мобилизации масс.

в) Большинство организаций кантонских революционных рабочих имело цеховой характер. Немногие организации промышленных рабочих в большинстве находились при профсоюзе механиков. Преобладающее большинство профсоюзов, примыкающих к делегатскому об'единению кантонских рабочих, были цеховыми организациями рабочих мастерских и служащих магазинов. Массы каждого профсоюза были разбросаны по всему Кантону, поэтому их, кроме служащих некоторых универсальных магазинов, было очень трудно собрать вместе. Если нужно было созвать митинг или устроить демонстрацию, то об этом профсоюз имел возможность сообщить только близрасположенным и не мог оповестить находящихся на далеком расстоянии от него и т. д.

г) Большинство активных вождей рабочих при делегатском об'единении кантонских рабочих вступило в красную гвардию. Делегатское об'единение кантонских рабочих не было легальной организацией. Много делегатов, участвовавших в его работе, было беспартийными, они очень энергично боролись за революционное дело. Красная гвардия состояла наполовину из партийцев и наполовину из рабочих делегатского об'единения кантонских рабочих. Следовательно, очень много активных элементов этого профсоюза, в частности, его вождей, сами участвовали в организации красной гвардии. После вспышки восстания им надо было еще более активно руководить боями на баррикадах. Благодаря этому много вождей рабочих не могло участвовать в работе активной мобилизации масс.

5. Отсутствие военного опыта у рабочих и крестьян. На первый взгляд это как-будто относится к вине партийных организаций, к суб'ективным причинам поражения восстания, на самом деле не совсем так. Китай отличается от Европы и Америки тем, что китайские рабочие и крестьяне не проходят всеобщую воинскую повинность, благодаря которой европейцы и американцы умеют пользоваться оружием. Китай не принимал непосредственного участия в мировой войне 1914—1918 годов, в которой каждый, оставшийся в живых европеец превращался в высококвалифицированного солдата. Наемная система армии широко распространена в Китае. Умение пользоваться оружием принадлежит еще крайнему меньшинству народа. Многие рабочие в момент восстания впервые учились владеть винтовкой. За отсутствием военных специалистов не была использована часть пулеметов. Из 25 захваченных пушек были использованы лишь 4—5. Было захвачено в плен 2.000 солдат противника, но за неимением кадров не сумели их реорганизовать и использовать для красной армии. Наконец, у рабочих не было опыта уличной борьбы. Они не знали, как строить баррикады

6. Отсутствие связи между новой властью и внешним миром. В кантонском восстании реакция имела одно большое преимущество над революционными силами. Именно, что она сумела связаться с Гонконгом, а через него с международным империализмом. Революционная же власть, наоборот, не только не могла связаться с пролетариатом других стран, но и была отрезана от трудящихся масс самого Китая. Правда, одновременно с кантонским восстанием произошли забастовка трамвайщиков в Шанхае, аграрная революция в Хунане, захват станции железной дороги в Чанше и т. д., но трудящиеся массы остального Китая не оказали достаточно решительной помощи кантонскому восстанию.

Это есть основные об'ективные причины поражения кантонского восстания. Упускать из виду эти факторы поражения кантонского восстания никоим образом нельзя. Но для революционеров особенно важно раскрыть все свои ошибки и недостатки в этом восстании. Большой опасностью является недооценка своих ошибок.

К сожалению, не все мы понимаем это. Некоторые товарищи, например, тов. Ломинадзе и Нейман, заявляли, что причины поражения кантонского восстания «лежат не в политической, а в военно-технической слабости китайского рабочего класса» [1]).

Это неверно. На наш взгляд причины поражения кантонского восстания лежат не только в военно-технической слабости трудящихся масс, но и в политических ошибках руководителей восстания. Остановимся на суб'ективных причинах поражения кантонского восстания:

1) Слабость мобилизации масс и неправильный подход к рабочим желтых профсоюзов. Мы указали выше, что партия приняла некоторые энергичные меры в деле мобилизации масс. Но надо подчеркнуть, что эта мобилизация масс была слишком слаба. Главнейшая причина поражения восстания заключается именно в том, как говорил Ленин о восстании 1905 года в России, что «восстание зашло недостаточно далеко, что сознание его необходимости было недостаточно широко распространено и твердо усвоено в революционных классах». Активных участников в кантонском восстании насчитывалось всего лишь приблизительно 26.800 человек (20.000 рабочих, 2.000 солдат, 2.000 крестьян, 800 полит. заключенных, 2.000 партийцев и комсомольцев). Между тем одних рабочих, организованных в красных профсоюзах накануне восстания, насчитывалось около 200.000 человек. До восстания не было крупных политических забастовок рабочих, при помощи которых мы смогли бы привлечь широкие массы на сторону революции. Мы имели такие факты: рабочие речных пароходств работали для белой армии, рабочие Кантон-Ханькоуской ж. д. пересылали телеграммы и перевозили армии противника.

Одной из причин слабости мобилизации масс был неправильный подход к рабочим желтых профсоюзов. Партия не вела работы среди рабочих, например, желтого «профсоюза механиков», считая рабочих-механиков за профбюрократов. Товарищи не поняли разницы между верхушкой этого профсоюза, настоящими профбюрократами, послушным орудием реакции, и рядовыми рабочими-механиками, обманутыми своими вождями; они не знали, что механики выступали против красных профсоюзов и коммунистов только потому, что мы не вели среди них пропаганды и революционного воспитания; также они забыли, что эти механики в 1920 году посылали своих представителей на конгресс угнетенных народов Востока, состоявшийся в Баку. Благодаря такому неправильному подходу к ним, мы

[1]) Ломинадзе, «Историческое значение кантонского восстания», № 57 «Комм. Интерн.». 1927 г.

имели такие последствия, что «вооруженные рабочие профсоюза механиков вместе с полицией обстреливали революционную армию..., а электромеханики во время существования советской власти в Кантоне потушили все электрические лампы в Кантоне с целью препятствовать действиям красной армии» [1]).

Даже после своего успеха реакция использовывала тысячи вооруженных рабочих профсоюза механиков для расправы с кантонским пролетариатом. Роль профсоюза механиков в кантонском восстании дает нам большой урок в том смысле, что в дальнейшем мы должны всеми силами бороться за завоевание низовых масс желтых профсоюзов на нашу сторону. Это есть одна из центральных задач киткомпартии в настоящее время.

2) Отсутствие крепкой связи с крестьянством. Конечно нельзя упрекать партию в том, что она совсем не вела работы среди крестьян. Но бесспорным является тот факт, что при существовании советской власти, восставший пролетариат почти очутился в тупике, «он не получил крестьянского хора, без которого его соло превращается в лебединую песнь» (Маркс). Хотя во время восстания несколько тысяч крестьян и участвовало в рядах красной армии и боролось за власть советов, но тем не менее во время кантонского восстания партия не могла тотчас же мобилизовать сотни тысяч крестьян, живущих вблизи Кантона, и поднять грандиозное крестьянское восстание. Это об'ясняется отсутствием крепкой связи с деревней.

3) Слабость работы по разложению армии противника. В армии наступающего извне на Кантон противника было очень мало колебаний, переход солдат на сторону революции был исключением. Эта армия решительно боролась против красного Кантона. Из этого видно, что мы были не на высоте в борьбе за разложение армии противника.

4) Неумение решительно наступать на врагов. «Главное правило искусства восстания есть отчаянно-смелое, бесповоротно решительное наступление» (Ленин). Этого как раз не умела практически применять новая советская власть в Кантоне. После захвата Кантона нужно было бы немедленно решительно наступать на врагов за пределы города, как - то: на Хо Нань, Вампу, Жилон—для того, чтобы окончательно уничтожить силы врагов и соединиться с крестьянскими отрядами, находящимися в районе Хай-Луфына (для того, чтобы установить связь между Кантоном и Хай-Луфыном, надо пройти через Жилон). Особенно нужно было решительно наступать на Хо Нань—этот «китайский Версаль», центр военных сил врагов. Благодаря отсутствию и неумению такого решительного наступления на врагов, враги сумели на 2-ой день восстания концентрировать свои силы в Хо Нане и под прикрытием военных кораблей напасть на революционную армию, и таким образом восстание потерпело поражение.

5) Слабость борьбы с империализмом. Хотя Кантон все время был одним из центров борьбы с империализмом и хотя во многочисленных лозунгах, выброшенных нашей парт. организацией и имелся лозунг «Долой империалистов», все же неоспоримым является тот факт, что накануне восстания и в самом восстании эта борьба с империализмом была слабой. Новая власть почти не вела антиимпериалистическую пропаганду среди масс и не приняла мер против империализма даже тогда, когда империализм активно выступил против новой власти. Среди декретов советского правительства мы не видим, например, декрета о национализации крупных предприятий, принадлежащих империалистам. Между тем это есть одна из главнейших задач китайской революции в текущем периоде.

---

[1]) Отчет Ие Тина.

6) Излишнее великодушие пролетариата. Одна из причин поражения Парижской Коммуны в 1871 г. заключалась именно в излишнем великодушии пролетариата. Тогда нужно было беспощадно истребить своих врагов, но парижские коммунары не приняли необходимых мер против них. Эта же ошибка была повторена в кантонском восстании. Хотя советская власть организовала специальную комиссию по борьбе с контрреволюцией, но эта борьба была недостаточной. Например, слишком поздно захватили так называемые «Восточные горы», являющиеся районом кантонской буржуазии, где находились вожди гоминдана и милитаристы. В результате этого не смогли арестовать этих реакционеров. По некоторым данным, на протяжении существования советской власти нами было убито 210 реакционеров. А между тем, как мы указывали, по словам самой реакции, в течение трех дней после подавления восстания было казнено 5.700 рабочих.

7) Слабость военно-технической подготовки к восстанию. Почти все знают эту причину поражения кантонского восстания. Мы сейчас лишь добавим некоторые примеры, показывающие слабость этой подготовки. В отчете Ие Тина мы читаем:

«Была одна рота жандармов при губернаторском учреждении, которая состояла исключительно из коммунистов. Но благодаря тому, что партия не успела заранее сообщить ей о восстании, она была разоружена революционным учебным полком». В другом месте тов. Ие Тин писал: «Работа по разрушению связи реакционеров была очень скверная. Даже полевой военный телефон в Кантоне не был уничтожен, благодаря чему штаб IV армии противника к вечеру 11 декабря еще мог созвониться с своей армией, находящейся в Куен Ин Сене. А морякам вследствие репрессий военных кораблей империалистов также не удалось забастовать. Связь между Кантоном и Гонконгом все время не была прервана».

8) Слабость работы парторганизации и комсомола. Мы указывали, что парторганизация в своей работе имела большие успехи, но это еще не значит, что у нее не было недостатков. Недостатки, несомненно, были и даже очень большие. В частности, они были и в работе комсомола. Как известно, китайский комсомол впервые решительно выступил против оппортунистического руководства партии. Но сам комсомол пережил ряд кризисов, как авангардизм, путчизм и ликвидаторство. Накануне кантонского восстания Гуандунская комсомольская организация в целом попала в плен ликвидаторства. Мелкобуржуазные элементы сидели в руководящем аппарате комсомола. Активное участие молодежи в восстании проходило мимо руководства комсомола. Такое положение комсомола ослабило также мобилизацию масс.

9) Неиспользование денег, хранящихся в банке. Новая, советская власть в Кантоне повторила еще одну ошибку Парижской Коммуны. Именно: она не воспользовалась колоссальными суммами денег, хранящимися в Центральном Банке Кантона (около нескольких миллионов долларов). Если бы она взяла эти деньги и воспользовалась ими для закупки продовольствия, пропаганды и других необходимых мероприятий, то принесла бы большую пользу укреплению новой власти.

6. Заключение.

В связи с кантонским восстанием очень остро возник вопрос о характере китайской революции. Группа товарищей пришла к выводу, что китайская революция уже не носит буржуазно-демократического характера.

Они считали, что началась или начинается непосредственно социалистическая революция. Это, конечно, неверно. Однако, ясно, что буржуазно-демократическая революция XX столетия не только может, но и неизбежно на известном этапе направляется против буржуазии. Именно в кантонском восстании стояла (и сейчас в Китае стоит) задача создания диктатуры рабочих и крестьян, а не диктатуры пролетариата. Нельзя смешивать вопрос о движущих силах революции с вопросом характера революции. Самое главное в определении характера революции есть ее об'ективное экономическое и политическое содержание. Как в кантонском восстании стояли, так и сейчас в Китае стоят задачи аграрной революции и национальной борьбы против империализма. Эти задачи еще не есть задачи социалистические, а национально-демократическое. Хотя в настоящее время национальная буржуазия Китая сблокировалась с империалистами и феодальными силами и взяла власть, но она не разрешила и не может разрешить эти центральные задачи: аграрный переворот и национальная борьба против империализма. И с точки зрения экономики, и с точки зрения национальной борьбы против империализма, и с точки зрения классовой природы власти, никоим образом нельзя утверждать, что кантонское восстание означает завершение этапа буржуазно-демократической революции в Китае, что революция в Китае уже переросла в социалистическую.

Кантонское восстание, несмотря на единую атаку международного империализма и реакционных сил Китая и несмотря на тяжелые ошибки и недостатки наших парторганизаций, все же имеет огромное всемирно-историческое значение. Советская власть возникла впервые в крупном китайском городе и впервые во всей колониальной Азии. Кантонская советская власть на деле показала каждому трудящемуся Китая, что только под знаменами советов и под руководством пролетариата можно добиться своей победы. Кантонское восстание, несомненно, также служит стимулом к дальнейшему революционному движению трудящихся всего мира. Кантонское восстание показало, что трудящиеся массы колоний и полуколоний не только сумели свергнуть старую власть господствующих классов, но и собственными силами создали новую власть.

В кантонском восстании не только рабочие, крестьяне и солдаты, но и часть городской мелкой буржуазии активно выступили за защиту советской власти. Гоминдан окончательно обанкротился перед широкими революционными массами трудящихся. Они на практике, в кровавых боях поняли, что компартия есть единственный вождь и руководитель, могущий защищать их интересы и вести их к победе.

Неверна та оценка, которая считает, что кантонское восстание есть сигнал и начало нового под'ема китайской революции [1]). На самом деле, после кантонского восстания мы не имели и не имеем под'ема революции и непосредственно-революционной ситуации в Китае. VI конгресс Коминтерна и VI с'езд ККП правильно подошли к этому вопросу, считая, что непосредственно-революционную ситуацию в Китае мы сейчас не имеем и что мы сейчас только готовимся к новому под'ему китайской революции. Наши главные задачи в данный период состоят в закреплении и большевизации своей партии и комсомола, в беспощадном разоблачении гоминдановского империалистического режима в Китае, в организации и завоевании

[1]) См. тезисы политбюро ЦК ККП от 3/1—1928 г. и статью Ломинадзе—«Историческое значение кантонского восстания», № 57 «Комм. Интерн.». 1927 г.

широчайших масс трудящихся на свою сторону путем руководства повседневной борьбой их, отвоевание низовых масс от желтых профсоюзов и гоминдановских крестьянских союзов, усиление работы среди солдат, вовлечение лучших и выдержанных трудящихся в комсомол и партию и т. д.

Пусть международный империализм и буржуазно-милитаристическая реакция в Китае пока радуются своей победе, но не в очень далеком будущем, при благоприятных условиях, китайские трудящиеся массы снова поднимут новое грандиозное вооруженное восстание, перед которым слабыми окажутся силы врагов революции и из которого с полной победой возродится Великая Китайская Революция.

К. Попов.

Об исторических условиях перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую.

(*Статья вторая*) [1]).

III. Буржуазная революция без революционной буржуазии.

В предисловии 1870 г. к «Крестьянской войне в Германии» Фридрих Энгельс говорит:

«Своеобразная особенность буржуазии, по сравнению со всеми остальными, господствовавшими ранее классами состоит в том, что в ее развитии имеется поворотный пункт, после которого всякое дальнейшее увеличение средств ее могущества и в первую очередь ее капиталов приводит лишь к тому, что она становится все более и более неспособной к политическому господству. «За спиной крупной буржуазии стоит пролетариат». В той же мере, в которой буржуазия развивает свою промышленность, торговлю и средства снабжения, в той же мере она порождает пролетариат. И в определенный момент, который наступает всюду, не всегда одновременно и не обязательно на одинаковой ступени развития, она начинает замечать, что ее спутник — пролетариат — начинает перерастать ее. С этого момента она теряет способность к исключительному политическому господству; она ищет вокруг себя союзников, с которыми, смотря по обстоятельствам, она или делит свое господство, или уступает его им совершенно». («Библиотека марксиста», Институт Маркса и Энгельса, выпуск 3-й, стр. 17—18).

Это—чрезвычайно важное в теоретическом отношении положение. Оно важно именно для понимания хаарктера и движущих сил буржуазно-демократических революций на различных стадиях развития капитализма. В самом деле, если «поворотный пункт», о котором говорит Энгельс, наступает в такой момент, когда еще не пройден этап буржуазно-демократической революции, то буржуазия уже неспособна будет ни возглавлять этой революции, ни быть ее движущей силой. Если еще в преддверии буржуазно-демократической революции, она «начнет» замечать, что ее спутник—пролетариат—начинает перерастать ее, она будет заинтересована уже не столько в свержении феодального или полуфеодального режима, сколько в союзе с силами этого режима против пролетариата. При этом вовсе не обязательно, чтобы начал перерастать или перерос ее пролетариат собственной страны. Разумеется, если произошло уже это, буржуазия будет тем решительнее сторониться от революции, тем усерднее искать союза с феодалами. Так было у нас, в России, уже во время первой революции. И это В. И. Ленин предвидел еще в первой половине *девяностых годов*, когда в книге «Что такое друзья народа», он писал, что капитал «*у нас в России особенно склонен жертвовать своим демократизмом, вступать в союз с реакционерами для того, чтобы придавить рабочих, чтобы сильнее затормозить появление рабочего движения*» (т. I, третье издание, стр. 192). Но вот «в Германии этот поворотный пункт,—говорит Энгельс,—наступил уже в 1848 г. И испугалась тогда немецкая буржуазия... не столько немецкого, сколько французского пролетариата. Парижская июньская бойня 1848 г. показала ей, что ее ожидает; немецкий пролетариат находился в состоянии достаточно сильного возбуждения, чтобы доказать ей, что в Германии также имеются семена, которые могут дать такую же жатву» [1]). Поэтому германская буржуазия с такой же поспешностью бросается в об'ятия феодальной реакции, как русская буржуазия в первой революции. И это несмотря на то, что германский пролетариат 1848—1849 гг. далеко еще не достиг той степени организованности и сознательности, какой достиг русский пролетариат 1905 г.

[1]) См. «Большевик», № 21—22.

Какие выводы общего характера можно сделать из приведенного положения Энгельса и подтверждающих его исторических справок?

Буржуазно-демократическая революция обозначает, что созрели и обострились до того, что требуют своего революционного разрешения, противоречия между умирающими феодально-крепостническими отношениями и созревающим, растущим буржуазным строем. Естественным носителем интересов этого растущего буржуазного строя является буржуазия. Но если наряду с созревшими противоречиями между буржуазными и феодально-крепостническими отношениями в самом буржуазном обществе развились уже его собственные противоречия до такой степени, что вылились уже в классовую борьбу между пролетариатом и буржуазией, буржуазия теряет свою революционность по отношению к феодально-крепостническому режиму. И чем глубже и резче становится этот второй ряд противоречий, тем антиреволюционнее становится буржуазия, тем быстрее перебрасывается она в лагерь контрреволюции, если даже на первых порах противоречие ее интересов с интересами феодально-крепостнического режима толкает ее к революционным шагам. Это первый вывод.

Второй вывод. К тем же результатам приводит и такая международная обстановка буржуазно-демократической революции, при которой развившиеся и обострившиеся противоречия внутри капиталистического общества в окружающих странах привели хотя бы к первым схваткам между буржуазией и пролетариатом в борьбе за власть (таково значение июньского восстания пролетариата во Франции в 1848 г. для германской буржуазной революции), а тем более, если эти страны достигли для пролетарской революции, «для социализма зрелости вообще». Это второй вывод.

Условия, соответствующие обоим этим выводам, были налицо в гораздо большей степени для России начала XX века, чем для Германии середины XIX века, но в той или иной степени они были и там и здесь. В обеих странах они повели к одному и тому же—к отходу буржуазии от буржуазно-демократической революции.

Для России периода первой революции эти условия В. И. Ленин характеризовал такими словами:

...«Демократический переворот, буржуазный по своей общественно-экономической сущности, не может не выражать нужды всего буржуазного общества. Но само это общество, ныне кажущееся единым и цельным в борьбе против самодержавия, расколото бесповоротно пропастью между трудом и капиталом. Народ, восставший против самодержавия, не единый народ. Собственники и наемные рабочие, незначительное число («верхние десять тысяч») богачей—и десятки миллионов неимущих и трудящихся, это поистине «две нации», как сказал один дальновидный англичанин еще в первой половине XIX века. Борьба между пролетариатом и буржуазией стоит

[1]) Цитир. выше предисловие к «Крестьянской войне», та же страница.

на очереди дня во всей Европе. Эта борьба давно перекинулась уже и в Россию. В современной России не две борющиеся силы заполняют содержание революции, а две различных и разнородных социальных войны: одна в недрах современного самодержавно-крепостнического строя, другая в недрах будущего, уже рождающегося на наших глазах буржуазно-демократического строя. Одна—общенародная борьба за свободу (за свободу буржуазного общества), «за демократию, т.-е. за самодержавие народа, другая—классовая борьба пролетариата с буржуазией за социалистическое устройство общества» [1]).

В наличии этих двух рядов взаимно переплетающихся противоречий и двух одновременно развертывающихся «социальных войн» лежит основная причина измены буржуазии буржуазно-демократической революции, этого первого и притом действительно осуществившегося момента, характеризующего одинаково концепцию «непрерывной революции» и у Ленина 1905 г. и у Маркса—Энгельса 1850 г. Энгельс в предисловии к «Борьбе классов во Франции», написанном уже в 1895 г., давая об'яснения своим и Маркса ожиданиям социалистической революции во Франции и перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую в Германии, говорит, что когда разразилась февральская революция во Франции, они—Маркс и Энгельс—склонны были рассматривать ее лишь с точки зрения «прежнего исторического опыта», т.-е. с точки зрения буржуазных революций 1789 и 1830 годов. «А когда—продолжает он,—парижское восстание нашло себе отклик в победоносных восстаниях Вены, Милана, Берлина; когда вся Европа, вплоть до русской границы, была вовлечена в движение, когда затем в июне произошла в Париже первая большая битва за господство между пролетариатом и буржуазией; когда самая победа буржуазного класса настолько поколебала положение буржуазии во всех странах, что она снова бросилась в об'ятия только-что свергнутой монархическо-феодальной реакции,—тогда, принимая во внимание обстоятельства того времени, для нас не могло оставаться места сомнениям на тот счет, что началась великая решительная борьба, которая составит один длинный и богатый переменами революционный период, но которая завершится лишь окончательной победой пролетариата».

В этом же направлении Маркс характеризовал события 1848 года следующими словами: «Так называемые революции 1848 г. были лишь мелькими эпизодами, ничтожными щелями и расщелинами в твердой коре буржуазного общества. Но они обнаружили под ней бездну. Под внешне незыблемой поверхностью открылся необ'ятный океан, которому достаточно притти в движение, чтобы разметать вдребезги целые горы. Шумно и сумбурно возвестили события этого года эмансипацию пролетариата, эту тайну XIX столетия и его революций» (Речь на юбилее рабочей газеты. Сборник «К. Маркс—мыслитель, человек и революционер». Изд. «Моск. Раб.», 1923 г. Стр. 64).

Таким образом, и для Маркса—Энгельса 1850 г. налицо были те же «две социальных войны» на почве двух рядов общественных противоречий, какие были налицо для Ленина 1905 г. для России. Это наличие вело за собой по Марксу—Энгельсу и Ленину отход буржуазии от буржуазно-демократической революции. Оно же превращало, по Ленину, эту революцию в крестьянскую и делало ее гегемоном пролетариат. Почему это так?

IV. Пролетариат—гегемон буржуазной революции.

Если капиталистическая буржуазия—при известных точно определенных Марксом — Энгельсом и Лениным условиях — уходит от буржуазно-демократической революции, то какой же класс может явиться вместо нее носителем буржуазного характера этой революции?

[1]) Том VI, изд. 1922 г., стр. 487 (статья «Социализм и крестьянство»).

Очевидно, тот класс, основой существования которого так же, как у капиталистической буржуазии, является частная собственность на средства производства, но притом такой класс, интересы которого на данной ступени развития товарного хозяйства и капиталистических отношений пришли в гораздо более непримиримое противоречие с феодально - крепостническими отношениями, чем у капиталистической буржуазии. Таким классом, прямо противостоящим классу, носителю интересов феодально-крепостнического порядка, является крестьянство. Несмотря на свое расслоение уже на ранних ступенях развития капитализма, оно, как целое, как единый класс [1]), противостоит помещику и помещичьему государству.

Но быть классом, вступающим в непримиримые отношения со старым режимом, еще не значит быть способным возглавить буржуазно-демократическую революцию. Опыт всех крестьянских движений еще до революции 1848 г., не говоря уже об опыте, накопившемся к 1905 году, показал, что крестьянство, способное быть крупнейшей революционной силой, в то же время для действительной реализации этой силы, для победы своей крестьянской революции над помещиком нуждается в вожде в лице другого класса. В буржуазных революциях «обычного» типа таким вождем крестьянства выступает капиталистическая буржуазия. В революциях другого, необычного типа, в которых эта буржуазия более или менее быстро уходит в лагерь феодальной реакции, буржуазию в качестве вождя крестьянства опять-таки должен заменить какой-то другой класс, такой класс, который тоже противостоит феодальному строю, но в большей мере, чем крестьянство, способен к организованному политическому действию. Наиболее близкой к крестьянству по своим мелкособственническим интересам социальной группой является городская мелкая буржуазия. И если она достаточно сильна в данной стране, если она благодаря предательству революции со стороны капиталистической буржуазии, политически диференцировавшись от нее, сложила свою партию—партию мелкобуржуазной демократии,—она пытается встать во главе крестьянства. И ей это удастся, если капиталистические отношения еще развиты слабо, если не сложился еще в самостоятельную классовую силу, не развил самостоятельного пролетарского движения рабочий класс. По мере же усиления пролетариата, по мере роста его политической сознательности и организованности, по мере роста пролетарского движения, с одной стороны, и по мере обнаружения перед крестьянскими массами шаткости, половинчатости, предательства, со стороны городской мелкой буржуазии и мелкобуржуазных партий, в какие бы одежды они ни рядились, гегемония по отношению к крестьянству от городской мелкой буржуазии неизбежно должна переходить к пролетариату, как классу единственно способному довести буржуазно-демократическую революцию до полного уничтожения феодально - крепостнических отношений и, стало быть, до полного освобождения крестьянства от помещичьего гнета...

Положение, когда городская мелкая буржуазия и партия буржуазных демократов были сильны, а пролетариат и рабочая партия были еще слабы, было налицо, как мы видели, в Германии 1848—1850 гг. Отсюда в конвенции Маркса—Энгельса 1850 года роль гегемона по отношению к крестьянству в завершении буржуазно-демократической революции принадлежит городской мелкой буржуазии. Иное положение, мы знаем, было в России 1905 г. Несмотря на существование мелкобуржуазной партии эсэров, стремившейся от лица городской мелкой буржуазии взять под свое руководство крестьян-

[1]) См. об этом у Энгельса главу I—«Революции и контрреволюции в Германии». («Историч. работы Маркса и Энгельса», ГИЗ, стр. 243), у Ленина—хотя бы статьи «Рабочая партия и крестьянство» (т. IX, стр. 265) и «Агр. программа русской с.-д.» (т. IX, стр. 275).

ство, русское революционное движение уже к 1905 г. с достаточной ясностью проявило тенденцию поставить крестьянство в борьбе с помещиком под руководство пролетариата. Отсюда по концепции Ленина гегемония в буржуазно-демократической революции принадлежит пролетариату.

Что обозначает эта разница с точки зрения наличия тех двух рядов общественных противоречий, и тех двух «социальных» войн, о которых говорилось выше?

Она—эта разница, обозначает, что между Германией 1850 г. и Россией 1905 г. было уже значительное различие в соотношении между этими двумя рядами противоречий, в соотношении между обеими «социальными войнами». В России 1905 г. противоречия капиталистического общества и социальная война между пролетариатом и буржуазией заняли уже гораздо более видное место, чем в Германии 1850 г. Удельный вес капиталистических противоречий в социально-экономической и политической жизни России 1905 г. был больше, чем в жизни Германии 1850 г. И это повышение их удельного веса отразилось на взаимоотношениях пролетариата, городской мелкой буржуазии и крестьянства в буржуазно-демократической революции. Оно отодвигало на задний план городскую мелкую буржуазию и выдвигало на первое место пролетариат. Оно отбрасывало от руководства буржуазно-демократической революцией не только капиталистическую буржуазию, но и городскую мелкую буржуазию, не только либеральных буржуа, но и мелкобуржуазных демократов и этим самым придавало революции отчетливый характер крестьянской революции, руководимой пролетариатом. Это становилось ясным уже с начала 1905 г., и поэтому «большевики с самого начала революции, весной и летом 1905 г.», выделили «понятие крестьянской революции, как одного из видов буржуазной революции» и определили «ее победу»: «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства». (Ленин, IX, стр. 539).

Передвижка во взаимоотношениях городской мелкой буржуазии, крестьянства и пролетариата в сторону пролетарского руководства крестьянством в буржуазно-демократической революции совершается в силу большой развитости капиталистических отношений под феодально-монархической оболочкой. И это не только потому, что разгорается в широких размерах социальная война между городским пролетариатом и буржуазией, но и потому, что капиталистические отношения, тенденции капиталистического развития гораздо больше проникают в деревню, там, в самой деревне, переплетаясь с отношениями феодальными. В самой деревне России 1905 г. удельный вес капиталистических отношений и капиталистических тенденций развиты неизмеримо выше, чем в Германии 1850 г. Это обстоятельство имело огромное значение, ибо оно сильнее связывало деревню с городом, крестьянство с пролетариатом, крестьянское движение с пролетарским, связь же эту оно устанавливало через растущий пролетариат и полупролетариат деревни. Пролетарии и полупролетарии деревни, уже ко второй половине 90-х годов отхватывавшие по исчислениям В. И. Ленина до 50% крестьянских дворов, постоянно переливались из деревни в город и обратно. В городе они втягивались в пролетарское движение, в городе они подвергались непосредственному его влиянию; его революционному воспитанию, и это влияние, это воспитание переносили в деревню на крестьянство; недаром крестьянство уже в движении 1901—02 гг. отразило пролетарские, забастовочные методы борьбы против помещика. Этого тоже еще недоставало Германии 1850 года для того, чтобы связать в ней городской пролетариат с крестьянскими массами, подчинить их его руководству в борьбе с феодально-крепостническим строем. Такая связь с крестьянством через пролетариев и полупролетариев деревни там была лишь в зародышевом состоянии, еще только едва намечалась. Это обстоятельство на ряду с отсутствием сложившейся самостоятельной классовой политической организации пролетариата было вторым обстоятельством, которое затрудняло гегемонию пролетариата и, наоборот, содействовало сохранению гегемонии городской мелкой буржуазии по отношению к крестьянству, а тем самым делало невозможным завоевание революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Но возможность связи городского пролетариата с пролетариями и полупролетариями деревни все же намечалась и в Германии 1850 г. А это в свою очередь создавало, в глазах Маркса и Энгельса, для пролетариата возможность опереться на деревню после завершения буржуазно-демократической революции для борьбы и против буржуазии и против мелкобуржуазной демократии, для «непрерывной революции». Такая возможность, несомненно, обусловливалась тем, что вместе с завершением буржуазно-демократической революции падала феодально-монархическая оболочка, прикрывавшая капиталистические отношения в глазах деревни, и тот «продолжительный путь революционного развития», который ожидался Марксом—Энгельсом для Германии, должен был стать для германской деревни путем страданий от капиталистического гнета. А известно, как на основе опыта французского крестьянина смотрели Маркс и Энгельс на результаты этого, очищенного от остатков феодализма капиталистического гнета по отношению к деревне: он, ставя интересы мелкого, а тем более мельчайшего полупролетарского крестьянства в противоречие с интересами буржуазии, должен был толкать это крестьянство к его «естественному союзнику и вождю»—«городскому пролетариату, призванному низвергнуть буржуазный строй» [1]). Без этого допущения Маркс и Энгельс не могли бы допустить мысли о близости пролетарских революций на континенте Европы. А ведь с точки зрения Маркса—Энгельса 1850 год, как мы уже видели по приведенной выше цитате из предисловия Энгельса к «Борьбе классов во Франции», Европа с 48 года вступила в эпоху пролетарских революций. Маркс в III главе «Борьбы классов во Франции», написанной в ту же первую треть 1850 года, что и «Обращение ЦК к союзу», писал о французском пролетариате:

> ...«пролетариат все решительнее группируется вокруг революционного социализма, вокруг коммунизма, для которого сама буржуазия изобрела имя Бланки. Этот социализм, есть провозглашение непрерывной революции, классовая диктатура революции, классовая диктатура пролетариата как необходимый переходный пункт к уничтожению классовых различий вообще» [2]).

V. Крестьянство в непрерывной революции.

В четвертой главе той же работы (глава, эта была написана несколькими месяцами позже предыдущих глав), Маркс и Энгельс в свое ожидание нового революционного под'ема и «непрерывной революции» в Европе вносят поправку. Они говорят, что «новая революция возможна только в сопровождении нового кризиса», но тут же добавляют, что «наступление ее так же неизбежно, как и наступление кризиса». И попрежнему они ждут нового взрыва революции на континенте (в Германии и Франции). Хотя «причина кризисов заложена в Англии», однако, говорят они, «естественно, что насильственные вспышки происходят раньше в конечностях буржуазного

[1]) См. об этом у Маркса в «Борьбе классов во Франции 1848—50 гг.» (изд. «Кр. Новь» 1923 г., стр. 105—116 или в изд. ГИЗ, Маркс и Энгельс, Историч. работы, стр. 100—109) и в «18 брюмера» (вып. VII «Библиотеки марксиста», стр. 98—105).

[2]) Курсив у Маркса. («Борьба классов во Франции»,—см. Маркс и Энгельс, Историч. работы, ГИЗ, стр. 109).

организма, чем в его сердце, так как здесь (т.-е. в «сердце», в Англии. *К. П.*), урегулирование скорее возможно, чем там» [1]). В этих же «конечностях буржуазного организма» пролетариат не составлял тогда даже значительного меньшинства населения. В них преобладало крестьянство. Поэтому естественно, что, ставя вопрос о возможности прорыва капиталистической цепи в этих странах (сперва во Франции, потом в Германии), Маркс и Энгельс должны были исследовать вопрос о возможности союза пролетариата с мелким и мельчайшим крестьянством. И в этом отношении характерно, что с точки зрения Маркса и Энгельса самая возможность союза мелкого и мельчайшего крестьянства с пролетариатом обусловливается предварительным оголением буржуазного строя, капиталистической эксплоатации деревни от феодально-крепостнической оболочки. По отношению к Франции это ясно само собой. По отношению же к Германии мы уже обращали внимание читателя на то обстоятельство, что в «Обращении» говорится об «об'единении городских рабочих с сельским пролетариатом» (т.-е., как мы знаем, не только с чистым пролетариатом, но и с полупролетариями деревни) против буржуазного строя лишь по отношению к тому периоду, когда уже свергнута феодальная реакция, когда у власти стоят мелкобуржуазные демократы.

Предварительное уничтожение до конца остатков феодально-крепостнических отношений,—вот по Марксу и Энгельсу условие присоединения не только мелкого крестьянства, но и пролетариев и полупролетариев деревни к «непрерывной революции» против капиталистических отношений. Нужно не превышение удельного веса капиталистических отношений над феодально-крепостническими, а исключительное господство капиталистических отношений, чтобы оторвать сельский пролетариат и пролетариат деревни от мелкой буржуазии и присоединить его к классовой борьбе городского пролетариата против буржуазного строя, а без этого невозможна и «непрерывная революция».

Именно эту сторону вопроса о союзе пролетариата с деревенской беднотой подчеркивал В. И. Ленин и задолго до 1905 г., когда говорил о задачах пролетариата в борьбе с самодержавием, и в 1905 г., когда говорил о буржуазно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства и о непрерывной революции.

Еще в 1894 году, в III выпуске своей первой крупной работы «Что такое друзья народа», В. И. Ленин, констатируя, что в России нет «никаких других общественно - экономических отношений, кроме буржуазных и отживающих крепостнических», указывал, что остатки «средневековых, полукрепостнических» отношений и учреждений опутывают собой капиталистическую эксплоатацию трудящегося за пределами фабрики и завода и мешают этому «трудящемуся и его идеологу видеть сущность тех порядков, которые давят на трудящегося, видеть, где и как возможен выход из них» (т. I, изд. 3-е, 1927 г., стр. 199). Эти остатки, говорил В. И.—«гнетущим ярмом лежат на пролетариате и на народе вообще, задерживая рост политической мысли во всех сословиях и классах», и поэтому «нельзя не настаивать на громадной важности для рабочих борьбы против всяких крепостнических учреждений. И мотивируя это «нельзя не настаивать», он писал:

«рабочие должны знать, что без ниспровержения этих столпов реакции им не будет никакой возможности вести успешную борьбу с буржуазией, так как при существовании их русскому сельскому пролетариату, поддержка которого — необходимое условие для победы рабочего класса, никогда не выйти из положения забитого, загнанного люда, способного только на тупое отчаяние, а не на разумный и стойкий протест и борьбу» [2]).

Необходимость об'единения сил городского пролетариата с сельским пролетариатом, как условие победы рабочего класса над буржуазией в нашей крестьянской стране,—вот что подчеркивал В. И. Ленин еще в 1894 году, мотивируя настоятельную необходимость борьбы с остатками крепостничества. А что тогда разумел В. И. Ленин под сельским пролетариатом, это мы хорошо знаем из «Развития капитализма». Этим именем, как мы уже упоминали, он называет «класс наемных рабочих с наделом» и поясняет: «Сюда входит неимущее крестьянство, в том числе и совершенно безземельное, но типичнейшим представителем русского сельского пролетариата является батрак, поденщик, чернорабочий, строительный или иной рабочий с наделом». Интересы присоединения этой пролетарской и полупролетарской части деревни, сельских пролетариев и деревенской бедноты к городскому пролетариату для успешной борьбы с буржуазией, для обеспечения окончательной победы пролетариата требуют предварительного уничтожения остатков крепостничества. Так говорил Ленин в 1894 году.

В период старой «Искры», когда еще недостаточно точные формулировки книги «Что такое друзья народа» выливаются у Ленина в его брошюре «К деревенской бедноте» в отчетливые лозунги союза пролетариата со всем крестьянством против самодержавия и помещиков для их свержения, и союза с деревенской беднотой против буржуазии—для борьбы за социализм,—Ленин в статье «Рабочая партия и крестьянство» констатировал следующие явления в русской деревне:

1) На деревне лежит двойной гнет: «к помещичьему гнету, сохраненному благодаря великодушию создавших и осуществлявших реформу чиновников, прибавился еще гнет капитала. Власть денег, придавившая даже, например, французского крестьянина, освобожденного от помещичьей власти не жалкой половинчатой реформой, а могучей народной революцией,—эта власть денег всей своей тяжестью обрушилась на нашего полукрепостного мужика». Одним из последствий этой «власти денег» явилось расслоение деревни. 2) Помещичий гнет лежит на всем крестьянстве в целом; гнет капитала обрушивается на мелкое (среднее) и мельчайшее (полупролетарское) крестьянство и сельских пролетариев. 3) Вместе с двойным гнетом в деревне налицо и двойной ряд социально-экономических и классовых противоречий: «в современной русской деревне совмещаются, — говорит В. И. Ленин — двоякого рода классовые противоположности: во-первых, между сельскими рабочими и сельскими предпринимателями, во-вторых, между всем крестьянством и всем помещичьим классом». Соотношение между этими двумя противоположностями такое: «Первая противоположность развивается и растет, вторая постепенно ослабевает. Первая вся еще в будущем, вторая—в значительной мере в прошлом». Но, в то время как первая и вытекающее из нее движение сельских рабочих «общенационального значения»... никак не может получить ни теперь, ни в ближайшем будущем», вторая и вытекающий из нее вопрос о сметении остатков крепостничества о вытравлении из всех порядков русского государства духа сословной неравноправности и принижения десятков миллионов «простонародья»—этот, вопрос уже сейчас имеет общенациональное значение». (Том. IV, 3-е изд., 1927 г., стр. 101—103).

Что это значит с точки зрения соотношения между двумя рядами классовых противоположностей в деревне? Это значит, что удельный вес противоположностей капиталистического порядка еще значительно ниже, чем

[1]) Там же, стр. 117. Характерное заключение, показывающее, что Маркс и Энгельс считали наиболее возможным первоначальный разрыв капиталистической цепи в менее развитых, а не в наиболее развитой капиталистической стране.

[2]) Том I, изд. 3-е, 1926 г., стр. 191—192. Разрядка моя.

тот же вес противоположностей порядка крепостнического. «Наш крестьянин страдает... не только и даже не столько от гнета капитала, сколько от гнета помещиков и от остатков крепостничества»,—говорит Ленин в статье «Раб. партия и крестьянство» (т. IX, изд. 1925 г., стр. 265). «Остатки старого крепостного порядка страшно еще велики в нашей деревне»—отмечает он в другой статье («Аграрная программа р. с.-д.», т. IX, стр. 275). Эти остатки экономически расслоенное капитализмом крестьянство политически противопоставляют помещику, как единый класс, и с этим классом связывают сельский пролетариат. «Наши сельские рабочие еще слишком крепко связаны с крестьянством над ним слишком еще тяготеют общекрестьянские бедствия»,—говорит В. И. (т. IX, стр. 266), разумея под этими бедствиями бедствия именно крепостнического порядка. Если так обстоит дело с сельскими рабочими, то тем менее может политически диференцироваться от остального крестьянства деревенская беднота. То, что говорил Ленин в 1894 г. о роли свержения остатков крепостничества о присоединении к городскому пролетариату сельского пролетариата, разумея под ним как сельских рабочих, так и деревенскую бедноту, остается в силе и в 1901—1902 гг... Остается это в силе и в 1905 году. И тогда остатки старого крепостного порядка продолжают оставаться и страшно еще великими в нашей деревне». И тогда еще «об'ективная логика исторического развития» ставит перед деревенскими пролетариями «задачи совсем не социалистического, а демократического переворота» [1]), т.-е. задачи свержения остатков крепостничества, а не свержения капиталистического строя. Между прочим, поэтому тогда В. И., так энергично возражал против авантюристского лозунга Парвуса—Троцкого: «без царя, а правительство рабочее». Для него, как и в 1894 году, сколько-нибудь прочная победа пролетариата в России мыслима только при условии присоединения к рабочему классу «массы полупролетариев, полухозяйчиков, т.-е. массы мелкобуржуазной городской и сельской бедноты». А эту бедноту пролетариат может,—в силу данного соотношения между противоречиями крепостнического и капиталистического порядка—увлечь пока, «в настоящую минуту» лишь на борьбу за свержение помещиков и помещичьего самодержавия. Масса сельской бедноты может уже своей близостью к пролетариату обеспечить ему политическую гегемонию в деревне в буржуазно-демократической революции, но она не может еще стать его опорой в деревне для социалистического переворота. Но так как под полукрепостнической оболочкой в деревне уже сложились, правда, еще не вполне развитые капиталистические противоречия, разрыв этой оболочки, полное уничтожение остатков крепостничества под ударами революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, даст гигантский толчок росту и обострению этих противоречий в деревне, развяжет в ней классовую борьбу против буржуазии, а эта борьба обеспечит то присоединение к пролетариату «массы полупролетариев деревни», при котором станет возможной прочная диктатура пролетариата. И, разумеется, эта возможность становится тем большей, чем выше удельный вес капиталистических противоречий еще до победы над остатками крепостничества, чем больше они еще под полукрепостнической оболочкой подготовляют полупролетарские и пролетарские массы деревни к борьбе против капитала.

В России 1917 г. эта возможность была неизмеримо большей, чем в России 1905 г. Но и для России 1917 г. сохранило свою верность то положение, что окончательное отделение деревенской бедноты от деревенской буржуазии, окончательное присоединение ее массы к пролетариату в борьбе за социалистический переворот возможно только после окончательного уни-

[1]) Том VI, изд. 1922 г., стр. 133 (ст. «С.-д. и врем. революц. правительство»).

чтожения остатков крепостничества в деревне. Только после «полного крушения монархии и помещичьего землевладения», только «через год после пролетарской революции в столицах наступила под ее влиянием и при ее помощи пролетарская революция в деревенских захолустьях». Только «завершив буржуазно-демократическую революцию вместе со всем крестьянством, пролетариат перешел окончательно к революции социалистической, когда ему удалось расколоть деревню, присоединить к себе ее пролетариев и полупролетариев, об'единить их против кулаков и буржуазии, в том числе крестьянской буржуазии». Это констатировалось Лениным осенью 1918 года, когда он в своей брошюре «Пролетарская революция и ренегат Каутский», анализировал ход пролетарской революции в России [1]).

Тогда же Ленин писал [2]), что «пытаться поставить искусственную китайскую стену» между буржуазно-демократической и пролетарской революциями, «отделить их друг от друга чем-либо иным, кроме степени подготовки пролетариата и степени об'единения его с деревенской беднотой, есть величайшее извращение марксизма, опошление его, замена либерализмом». Ленин подчеркнул этими словами все огромнейшее значение присоединения деревенской бедноты для перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую с такой же силой, с какой делал это еще в 1905 г., выступая против авантюристских лозунгов Парвуса—Троцкого. Но условия 1905 г., в смысле удельного веса капиталистических противоречий в деревне и в смысле предшествующей выучки полупролетариев деревни гнетом капитала, были неизмеримо менее благоприятны для союза деревенской бедноты с пролетариатом против буржуазии. Уже поэтому процесс перерастания буржуазной революции в пролетарскую не только в городе, но и в деревне, занявший в 1917—1918 годах с момента свержения самодержавия всего лишь около полутора лет, не мог быть столь быстрым для периода первой русской революции. И тогда, в 1905 году, Ленин отводил для этого процесса ряд лет, даже десятилетия с момента свержения царизма и установления революционно-демократической диктатуры пролетариата [3]).

Так обстояло по концепции Ленина дело с деревенской беднотой, с ее присоединением к пролетариату в «непрерывной революции».

Рядом с огромной массой деревенской бедноты в едином, перед лицом полукрепостника-помещика, крестьянстве стояли тоже достаточно значительные (до 30% крестьянских дворов) массы крестьян-середняков. Ленин отнюдь не рассчитывал в 1905 г., что в процессе перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую и в самой пролетарской революции они составят крестьянский «хор» социальной войны пролетариата против буржуазии. Мало того, он ждал, что этот середняк вместе с кулаком на первых порах после завершения буржуазно-демократической революции образует хор для контрреволюции, которую будет организовывать против этой диктатуры буржуазия. Об этом расхождении пролетариата с мелкобуржуазным крестьянством на другой день после уничтожения остатков крепостничества он не раз говорил в своих статьях 1905 г., ту же мысль он подчеркнул в своем наброске тезисов ненаписанной статьи «Этапы, направление и перспективы революции» (см. тезис пятый, стр. 452, пятого «Ленинского Сборника»). Но в то же время, в том же 1905 г., как это хорошо известно каждому из нас, Ленину уже рисовалась перспектива нейтрализации середняка в результате процесса перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую. Большевистская аграрная программа в первой русской революции, с ее национализацией земли, в случае ее осуще-

[1]) Том XV, стр. 512.
[2]) Там же, стр. 508—509.
[3]) См. ту же, вышецитированную статью «С.-д. и врем. револ. правительство», гл. III (т. VI, изд. 1922 г., стр. 129).

ствления должна была передачей земли в руки рабоче-крестьянской революционной власти поставить судьбы земли в зависимость от сохранения середняком союза с пролетариатом и деревенской беднотой против контрреволюционного наступления буржуазии в союзе с помещиком. И если борьба против контрреволюции, по мысли Ленина, должна была в конечном счете развернуться в борьбу за социалистический переворот (см. тезис шестой той же ненаписанной статьи «Этапы, направление и перспективы революции»), то зависимость судеб земли от исхода этой борьбы должна была в свою очередь парализовать вражду среднего крестьянства к социалистическим стремлениям пролетариата, нейтрализовать это крестьянство. Но для этого нужно было одно предварительное условие: нужно было, чтобы капитализм, к свержению которого идет пролетариат, своим гнетом над деревней помог этой нейтрализации. Совершенно ясно, что, если этот гнет уже имеется налицо еще до свержения царизма и помещиков, его влияние на возможность нейтрализации середняка после уничтожения остатков крепостничества будет тем сильнее, чем более развит этот гнет, чем глубже капиталистические противоречия, в том числе противоречие между мелким хозяйчиком и капиталистом, мелкой и крупной буржуазией проникли в деревню уже под полукрепостнической оболочкой. Имелось ли это противоречие к 1905 г.? Разумеется, да. Выше мы уже видели, как констатировал В. И. Ленин в 1901 г., наличие «власти денег», «гнета капитала» в деревне. Незачем перечислять здесь вилы и разновидности этого гнета, ложившиеся своей тяжестью не только на пролетариев и полупролетариев деревни, но и на середняка. От капиталистического гнета «мелкое крестьянство,—говорил тогда Ленин,—может избавиться, только примыкая к рабочему движению, помогая ему в его борьбе за социалистический строй, за превращение земли, как и других средств производства (фабрик, заводов, машин и пр.) в общественную собственность» [1]), и если этой «помощи» этого «мелкого крестьянина (а типичный мелкий крестьянин это—как раз с е р е д н я к) пролетариату в его борьбе за социалистический строй» В. И. Ленин все-таки не ждал, то это по двум причинам: 1) потому, что «буржуазная эволюция сельскохозяйственных отношений находилась у нас в то время еще только в начале» [2]), и, стало быть, для деревни оставалось в силе положение, высказанное Лениным еще в 1894 г., что у нас еще слабо развит был «антагонизм мелкой и крупной буржуазии» [3]) и 2) потому, что этот слабо развитый антагонизм был для глаз середняка прикрыт еще более плотной пеленой остатков крепостничества, чем для глаз деревенского бедняка. Падение этой пелены в результате до конца завершенной буржуазно-демократической революции для периода 1905 г. само по себе не дало бы еще середняку быстро ощутить противоречие между его интересами мелкого хозяина и интересами крупной буржуазии, капиталистическим строем и отречься от мелкособственнической вражды к социалистическим стремлениям пролетариата. Ведь именно ради мелкособственнических, мелкохозяйских интересов этот середняк шел на борьбу с помещиком. И нужен был длительный период дальнейшего развития буржуазных отношений в деревне, длительный период капиталистического гнета, не прикрытого остатками крепостничества, наконец, длительный период «революционных испытаний» в борьбе с буржуазной контрреволюцией и революционного влияния пролетариата на деревню, чтобы середняк в своей массе стал, если не сочувствующим, то нейтральным по отношению к социалистическому перевороту. Это было второй причиной того обстоятельства, что для Ленина

[1]) Том IX, изд. 1925 г., стр. 265.
[2]) Том IX, стр. 280.
[3]) Том I, изд. 1926 г., стр. 189 («Что такое друзья народа»).

перерастание буржуазно-демократической революции в пролетарскую в период 1905—1906 гг. рисовалось процессом, растянутым на много лет. Иные, чем 1905 года, условия 1917 года дали возможность не только нейтрализовать середняка не в ряд лет, а всего лишь в ряд месяцев, но и уже через год после октября 1917 г., в конце 1918 г. (ноябрь) поставить вопрос о с о ю з е с середняком [1]). То, что относилось по ленинской концепции непрерывной революции 1905 г. к вопросу о п р и с о е д и н е н и и деревенской бедноты, относилось также и к н е й т р а л и з а ц и и середняка.

VI. Внешние условия „перерастания" и его гарантия.

Таковы внутренние условия перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую по концепциям Маркса—Энгельса 1850 г. и Ленина 1905 г. Выше мы отмечали, что для этого перерастания по тем же концепциям необходимы и определенные внешние, международные условия. Они сводятся к возможности социалистической революции в более развитых капиталистических странах. По Марксу—Энгельсу пролетарская революция во Франции должна была ускорить процесс «непрерывной революции» в Германии. По Ленину социалистический переворот в Западной Европе должен был дать такой же эффект для России. «Европейские рабочие покажут нам, как это делается, и тогда мы вместе с ними делаем социалистический переворот» [2]).

Это значит, что и Маркс—Энгельс в 1850 году и Ленин в 1905 году считали, что противоречия капиталистического строя в странах, более развитых, чем Германия 1850 г. и Россия 1905 г., достаточно созрели и обострились для их революционного разрешения. Марксовая «Борьба классов во Франции» и особенно «18 брюмера» посвящены, по существу говоря, доказательству этого для Франции. При этом из уже цитированного нами места из «Борьбы классов» видно, что революционный взрыв, который ожидался Марксом и Энгельсом во Франции, должен был явиться выражением кризиса капиталистического строя не только во Франции, самой по себе, но и по всей капиталистической Европе и в наиболее развитой капиталистической стране—Англии—в том числе. Маркс и Энгельс считали лишь, что на континенте Европы революционные взрывы должны последовать раньше. Классовая война, вспыхнув в одной из конечностей буржуазного организма—во Франции—не разрешит еще «задачи рабочего». «Она,—говорит Маркс,—разрешается не во Франции, но во Франции возвещается. Она нигде не разрешима в пределах национальных границ; классовая война внутри французского общества превращается в мировую войну, в которой нации выступают друг против друга. Решение начинается лишь с того момента, когда мировая война поставит пролетариат во главу народа, господствующего над мировым рынком, т.-е. Англии [3]). Таким образом, завершение буржуазно-демократической революции в Германии, которое по «Обращению» Маркса должно совпасть с победой рабочего класса во Франции, превращается вместе с этой победой в один из актов мировой социальной войны, которая и приведет в конечном счете к разрешению задач пролетариата его победой уже не только в конечностях буржуазного организма, но и в его сердце—в Англии. Это будет мировая пролетарская революция, и она «не будет кратковре-

[1]) См. статью Ленина «Ценные признания П. Сорокина», т. XV, стр. 564, на которую ссылался тов. Сталин в своей недавней статье «Ленин о союзе с середняком».
[2]) «Лен. Сборник» V, стр. 452 «Этапы, направление и перспективы революции», тезис 6-ой.
[3]) «Борьба классов во Франции», см. Маркс и Энгельс, Историч. работы, ГИЗ, стр. 98.

менной революцией». В этих-то условиях развития мировой пролетарской революции германская буржуазно-демократическая революция перерастает в революцию социалистическую.

Сравните со всем этим следующее место из Ленина. Революционный социал-демократ,—говорит он в статье «Социал-демократия и временное революционное правительство»,—«будет мечтать,—он обязан мечтать, если он не безнадежный филистер,—о том, что после гигантского опыта Европы, после невиданного размаха энергии рабочего класса в России, нам удастся разжечь, как никогда, светильники революционного света перед темной и забитой массой, нам удастся благодаря тому, что мы стоим на плечах целого ряда революционных поколений Европы, осуществить с невиданной еще полнотой все демократические преобразования, всю нашу программу-минимум; нам удастся добиться того, чтобы русская революция была не движением нескольких месяцев, а движением многих лет, чтобы она привела не к одним только мелким уступкам со стороны властей предержащих, а к полному ниспровержению этих властей. А если это удастся,—тогда... тогда революционный пожар зажжет Европу; истомившийся в буржуазной реакции европейский рабочий поднимется в свою очередь и покажет нам, «как это делается», тогда революционный под'ем Европы окажет обратное действие на Россию и из эпохи нескольких революционных лет сделает эпоху нескольких революционных десятилетий» [1]). Читатель знает, что эта «эпоха нескольких революционных десятилетий для Ленина — эпоха пролетарских революций, эпоха, на протяжении которой и русский пролетариат, вместе с пролетариатом Запада делает социалистический переворот». Следовательно, и русская буржуазно-демократическая революция по Ленину 1905 г., как германская по Марксу—Энгельсу 1850 г., превращается в непрерывную, перерастает в пролетарскую в обстановке и при помощи пролетарской революции в других странах.

Возникает вопрос: вот эта обстановка и помощь мировой пролетарской революции является ли с точки зрения концепций Маркса—Энгельса 1850 г. и Ленина 1905 г. абсолютно необходимым условием перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую?

И больше того, не является ли абсолютно необходимым условием этого перерастания предварительная победа пролетариата в одной или нескольких более развитых капиталистических странах?

Маркс и Энгельс в «Обращении» даже не ставят этих вопросов. Для них совершенно несомненно, что уже «первый акт» революционной драмы в Германии совпадает с победой пролетариата во Франции и, следовательно, помощь этого победившего пролетариата Франции германским рабочим обеспечена. Для них в 1850 году также несомненно и то, что ближайший экономический кризис повлечет за собой те «насильственные вспышки в конечностях буржуазного организма», которым суждено вырасти в мировую пролетарскую революцию.

В. И. Ленин, тоже считая, что превращение нашей буржуазно-демократической революции в пролетарскую исторически совпадает с пролетарской революцией на Западе и будет совершаться при ее помощи, в то же время совершенно определенно разрешал оба поставленные выше нами вопроса.

Как известно, на об'единительном с'езде между Лениным и Плехановым возникла полемика о «гарантии от реставрации». При том понимании характера и перспектив русской буржуазно-демократической революции, которого держался В. И. Ленин, вопрос о гарантиях прочной победы этой революции является вместе с тем вопросом о гарантиях ее перерастания в революцию социалистическую. Поэтому полемика между Лениным и Плехановым на

[1]) Т. VI, изд. 1922 г., стр. 129.

Об'единительном с'езде, и последующие выступления Ленина по вопросу о гарантиях имеют к нашей теме непосредственное отношение.

Так как для В. И. победа буржуазно-демократической революции в России мыслилась не как победа буржуазии, а как победа пролетариата и крестьянства, а русская буржуазия мыслилась не иначе, как монархической, то и возможная реставрация «представлялась ему реставрацией буржуазно-монархического характера (типа «реставрации Наполеоном империи или реставрации Бурбонов после Великой французской буржуазной революции», т.-е. реставрацией «на почве капиталистических отношений производства») [1]). И вот на вопрос о гарантии от этой реставрации Ленин отвечал на Об'единительном с'езде так:

«Если говорить о настоящей, вполне действительной экономической гарантии от реставрации, т.-е. такой гарантии, которая бы создавала экономические условия, исключающие реставрацию, то тогда придется сказать: единственная гарантия от реставрации—социалистический переворот на Западе; никакой другой гаратии в настоящем и полном смысле этого слова быть не может».

Развивая и мотивируя это положение, Ленин продолжает:

«Я формулировал бы это положение в таких словах: русская революция может своими собственными силами победить, но она ни в коем случае не может своими собственными руками удержать и закрепить своих завоеваний. Она не может достигнуть этого, если на Западе не будет социалистического переворота; без этого условия реставрация неизбежна и при муниципализации, и при национализации, и при разделе, ибо мелкий хозяйчик при всех и всяческих формах владения и собственности будет опорой реставрации. После полной победы демократической революции мелкий хозяйчик неизбежно повернет против пролетариата и тем скорее, чем скорее будут сброшены все общие враги пролетариата и хозяйчика, как-то: капиталисты, помещики, финансовая буржуазия и т. п. У нашей демократической республики нет никакого резерва, кроме социалистического пролетариата на Западе» [2]).

Это категорическое заявление об отсутствии какой-либо иной полной, абсолютной гарантии от реставрации, кроме социалистической революции на Западе, и иного «резерва», кроме социалистического пролетариата на Западе, В. И. Ленин повторяет затем в своем печатном докладе об Об'единительном с'езде (т. IX, стр. 411—413) и в своей работе «Аграрная программа с.-д. в русской революции 1905—1907 гг.» (т. IX, стр. 518—519). При этом как на самом Об'единительном с'езде, так и в докладе о нем, он подчеркивает, что создание этой гарантии вполне возможно, вполне мыслимо, ибо «Россия XX века, совершающая буржуазную революцию, окружена странами, в которых социалистический пролетариат стоит во всеоружии накануне последней схватки с буржуазией», и чем решительнее будет победа буржуазно-демократической революции в Россси, тем вероятнее «ряд таких политических потрясений в Европе, которые будут сильнейшим толчком к социалистической революции» [3]).

Однако, в докладе об Об'единительном с'езде Ленин значительно подробнее, чем на самом с'езде, развивает свою мысль, что без социалистического переворота на Западе «реставрация на основе мелкого товарного

[1]) Том IX, стр. 410, «Агр. вопрос на «Стокгольмском с'езде».
[2]) Том IX, стр. 399. Заключит. слово по аграрному вопросу на IV Об'единительном с'езде. Разрядка наша.
[3]) Том IX, стр. 339 и 412.

производства, мелкой крестьянской собственности в капиталистическом обществе не только возможна в России, но даже неизбежна»[1]).

И, развивая, он дает этой мысли два таких пояснения. Первое: «мелкий производитель,—говорит В. И.,—колеблется между трудом и капиталом. Вместе с рабочим классом он борется против крепостничества и полицейского самодержавия. Но в то же время он тяготеет к укреплению своей собственнической позиции в буржуазном обществе, и поэтому, если условия развития этого общества складываются сколько-нибудь благоприятно (например, промышленное процветание, расширение внутреннего рынка вследствие аграрного переворота и т. п.), то мелкий товаропроизводитель неизбежно поворачивает против пролетария, борющегося за социализм». Второе: удержать за собой победы она (русская буржуазно-демократическая революция. *К. П.)* не может, ибо в стране с громадным развитием мелкого хозяйства мелкие товаропроизводители (крестьяне в том числе) неизбежно повернут против пролетария, когда он от свободы пойдет к социализму[2]). Из этих двух пояснений, взятых вместе с мыслью о социалистическом перевороте на Западе, как гарантии от реставрации, следует, что, если бы русский пролетариат, без наличия революционного пожара в Европе, и, наборот, при наличии благоприятных условий для развития буржуазного общества в России, вступил на путь непрерывной революции, пошел от революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства к пролетарской диктатуре («от свободы к социализму»), то результатом было бы его поражение и буржуазно-монархическая реставрация. Но, ведь, если завершение буржуазно-демократической революции в России подразумевает возможность ее перерастания в революцию социалистическую, то эта возможность связывается с началом конца «буржуазной реакции в Европе», с началом конца «мирного» капиталистического развития в ней, а стало быть и тех мирных «благоприятных условий» развития буржуазного общества в России, которые вооружают мелкого товаропроизводителя против пролетариата. При таких условиях «неизбежный» поворот мелкого хозяйчика в деревне против пролетария, борющегося за социализм, не может стать сколько-нибудь прочным и длительным.

Из этого следует, что, хотя по концепции Ленина 1905 г. социалистический переворот в России, в результате перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую по времени совпадает или даже следует за социалистическим переворотом на Западе и совершается при его помощи, однако, теоретически для В. И. Ленина это необязательно. Для перерастания русской буржуазной революции в пролетарскую теоретически достаточно уже революционной ситуации в Европе, кладущей начало концу «благоприятных условий развития буржуазного общества». Социалистический же переворот в Европе является безусловной, абсолютной гарантией перерастания революции в России, но не его абсолютно-необходимым условием.

Надо помнить, что, говоря о полной, абсолютной гарантии от реставрации, Ленин в своих перечисленных выше выступлениях говорил и о гарантии «относительной и условной».

«Если же,—говорил он в заключительном слове по аграрному вопросу на Об'единительном с'езде,—поставить вопрос о гарантии от реставрации на иную почву, т.-е. если говорить об относительной и условной гарантии, то тогда придется сказать следующее: условной и относительной гарантией является только то, чтобы революция была осуществлена возможно более решительно, чтобы она была поведена непосредственно революционным классом, при наименьшем участии посредников, соглашателей и всяких примирителей, чтобы эта революция была действительно доведена до конца». Почему? Потому, что действительно доведенная до конца буржуазно-демократическая, крестьянская, но руководимая пролетариатом революция—самым решительным образом, «по-плебейски» «расправится с чиновниками и помещиками», с «остатками крепостничества и полицейскими порядками», оголит этим до конца капиталистические отношения и до конца расчистит путь для классовой борьбы с буржазией в городе и в деревне. В области аграрных отношений, доведенная до конца крестьянская революция будет означать национализацию земли. А «национализация земли при демократической республике,—говорит Ленин,—создает безусловно самое широкое поприще для классовой борьбы—самое широкое, какое только возможно и какое только мыслимо вообще при существовании капитализма». Сама национализация земли обозначает предварительное установление революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, эта же диктатура обеспечивает, закрепляет гегемонию пролетариата в широко развертывающейся классовой борьбе. А мы знаем уже, к чему ведет эта широко развертывающаяся борьба под гегемонией пролетариата: она ведет за собой присоединение к пролетариату деревенской бедноты и нейтрализацию мелкого товаропроизводителя в борьбе за социализм, т.-е. основные внутренние условия как прочности завоеваний буржуазно-демократической революции, так и перехода пролетариата «от свободы к социализму», перерастания крестьянской революции в пролетарскую.

Так доведение до конца «по-плебейски» крестьянской революции под руководством пролетариата создает, с одной стороны, наиболее благоприятные условия для того, чтобы «зажечь Европу», т.-е. наиболее содействует созданию безусловной гарантии перерастания этой революции в социалистическую, а с другой стороны, ведет к созданию наиболее благоприятных внутренних условий, т.-е. наиболее содействует созданию гарантии условной, относительной для того же перерастания. Обе эти гарантии пополняют друг друга. Ни об одной из них ни на минуту не забывает В. И. Ленин. И когда он в свое время бил по Троцкому, по троцкистской теории «перманентной» революции, то его удары обрушивались прежде всего на игнорирование Троцким внутренней гарантии перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую, на игнорирование внутренних условий перехода пролетариата на путь непрерывной революции. Правильное понимание взаимоотношения между этой внутренней—«относительной, условной»—гарантией и гарантией абсолютной—внешней, международной—было также чуждо «историческому» троцкизму, как оно чуждо и троцкизму современному, когда им трактуется вопрос о возможности построения социализма в нашей стране. В этом последнем вопросе наша партия вслед за Лениным так же, как в вопросе о непрерывной революции, видит в победе пролетарской революции в важнейших капиталистических странах абсолютную гарантию, а во внутренних силах нашей страны относительную гарантию построения социализма в ней. И партия без Ленина в этом вопросе также била по игнорированию Троцким этой внутренней, относительной гарантии, как бил по нему Ленин в вопросе о непрерывной революции.

Под углом зрения этих двух—безусловной и условной, абсолютной и относительной—гарантий надо рассматривать и тезис 6-й ненаписанной Лениным статьи «Этапы, направление и перспективы революции», где он говорит, что борьба «за сохранение демократических завоеваний ради социалистического переворота» была бы почти безнадежна для одного российского пролетариата, и его поражение было бы так же неизбежно, как поражение немецкой революционной партии 1849—50 гг. или как

[1]) Том IX, стр. 412.
[2]) Там же.

поражение французского пролетариата в 1871 г., если бы на помощь российскому пролетариату не пришел европейский «социалистический пролетариат» со своим социалистическим переворотом в Европе.

Борьба была бы «почти безнадежна» без социалистического переворота в Европе—это значит, что без него нет абсолютной гарантии победы пролетариата в России на последнем, социалистическом этапе непрерывной революции, но это не значит еще, что нет гарантии условной, относительной во внутренних силах страны, в правильных взаимоотношениях между пролетариатом, деревенской беднотой и середняком.

М. Лифшиц.

Пашня или посев?

Речь идет о том, как для целей обложения сельхозналогом исчислять доходы крестьянства от полеводства: по всей площади пашни в хозяйстве или только по фактически засеваемой площади—по посеву?

Вопрос этот не новый, в течение ряда лет он был предметом широкого обсуждения, особенно в кругу налоговых работников. Вопрос этот сугубо-политический, и именно в такой плоскости он всегда и ставился.

Правда, за последние два года споры по этому вопросу стихли. Уже не вызывало сомнения, что углубление принципа подоходности в системе обложения деревни, правильное разрешение наших задач по отношению к различным социальным группам деревни требуют исчисления облагаемого дохода крестьянства от полеводства по фактическому посеву, а не по площади всей пашни. И поэтому в прошлом году при обсуждении новой системы сельхозналога спор шел уже не о правильности того или иного принципа, а о том, как быстро надо совершить переход к обложению по посеву на всей территории Советского Союза. По соображениям практическим решено было переход этот совершить постепенно, а чтобы упростить завершение этого процесса, решение вопроса было передано исключительно местам. В таком смысле и средактирована соответствующая статья закона:

«Доход от полеводства исчисляется по количеству фактически засеянной земли в хозяйстве (по посеву) или по количеству всей имеющейся в хозяйстве пахотной земли (по пашне). Советы Народных Комиссаров Союзных Республик или по их поручению Советы Народных Комиссаров автономных республик, краевые, областные, губернские и окружные исполнительные комитеты устанавливают, в зависимости от местных условий, в каких местностях доход от полеводства исчисляется по посеву и в каких по пашне».

Вопрос этот теперь опять поднят и поставлен в порядок дня. Госплан в своих контрольных цифрах народного хозяйства на 1928—29 год намечает ряд мероприятий, которые должны обеспечить расширение площади зерновых посевов в предстоящем году. В частности Госплан считает, что: «в целях поощрения расширения посевов было бы целесообразно в тех районах, где применяется обложение сельскохозяйственным налогом по посеву, перейти к практикующемуся в других частях Союза обложению по пашне». (Разрядка подлинника. *М. Л.*). Примерно такую же мысль высказал т. Ларин на последнем пленуме бюджетной комиссии ЦИК Союза при обсуждении сметы по финансированию сельского хозяйства.

Таким образом, как одно из средств, стимулирующих расширение посевов, выдвигается переход к исчислению облагаемого дохода полеводства по пашне.

В чем сущность вопроса?

Чтобы читателю яснее было, о чем идет спор, мы несколько подробнее изложим сущность вопроса.

В громадной части Советского Союза вся пашня поделена по душам. В силу разных причин крестьянское хозяйство засевает не всю числящуюся за ним пахотную землю, а только часть, при чем процент засева, то-есть процент использования пашни под посев весьма различен по различным районам и социальным группам.

Доход крестьянского хозяйства от полеводства для обложения сельхозналогом исчисляется по так называемым нормам доходности. Т.-е. губисполкомы устанавливают нормы доходности десятины пашни или десятины посева для каждой волости, в крайнем случае села, но не отдельного двора. Облагаемым доходом от полеводства отдельного крестьянского двора является сумма от умножения всего количества десятин пашни в хозяйстве на установленную для всего села норму доходности одной десятины.

При установлении норм доходности десятины пашни законодатель, Наркомфин, местные исполкомы исходят из так называемого условно-чистого дохода десятины пашни. На основе статистических данных за ряд лет о среднем % засева пашни, урожае, нормах высева, соотношении культур в поле, ценах и проч. выводится средняя норма доходности десятины пашни по отдельным территориальным единицам, начиная от Союзной Республики и кончая отдельным селом. Такой метод установления норм доходности существует все годы в тех районах, где исчисление дохода полеводства производится по пашне.

В ряде районов Советского Союза, по чисто техническим причинам, о чем ниже будет сказано подробнее, обложение по пашне никогда не производилось. Это районы с большими земельными просторами, где земля в значительной своей части является не освоенной. Поэтому там само понятие «пашня» является в известной мере условным. В этих районах доходность крестьянского хозяйства от полеводства исчислялась по посеву. Нормы доходности устанавливались по тому же принципу, как для пашни, но для десятины фактически засеянной земли.

Если бы все крестьянские хозяйства села засевали (использовали) одинаковый % пашни, то вопрос о методах исчисления облагаемого дохода от полеводства не имел бы никакого принципиального значения. В самом деле, предположим, что все село ведет правильный трехпольный севооборот, иначе говоря все хозяйства в селе засевают ровно ⅔ своей пашни. Норма доходности десятины пашни для данного села исчислена (и установлена), скажем, в 40 рублей. Так как все хозяйства засевают ровно ⅔ своей пашни, то тяжесть обложения, при одинаковой для всего села норме доходности, будет одинаковой. Но на самом деле не все крестьянские хозяйства в этом селе засевают ровно ⅔ своей пашни, и поэтому, облагая их всех из нормы доходности в 40 рублей с десятины, получаем такую картину: все крестьянские хозяйства, которые засевают больше чем ⅔ своей пашни, получают понижение обложения, так как доходность десятины их пашни выше установленной для села средней нормы доходности. Те же крестьянские хозяйства, которые засевают меньше ⅔ своей пашни, налог платят также, исходя из дохода в 40 рублей с десятины, а фактически имеют меньший доход, т.-е. они получают повышение тяжести обложения.

Если же доходность от полеводства исчислять по фактически засеваемой земле, тогда картина изменится: хозяйство будет платить налог с доходов от полеводства в полном соответствии с фактическими размерами посева, т.-е. с действительным размером дохода от этого источника.

Как используется пашня в различных крестьянских хозяйствах?

Для решения вопроса о том, как же правильнее определять доходность полеводства—по пашне или посеву, требуется ответить на следующий вопрос: как пашня используется в разных хозяйствах—в одинаковом проценте или в разном, а если в разном, то как процент этот колеблется по различным группам крестьянских хозяйств? Из сказанного выше совершенно очевидно, что обложение по пашне является более выгодным для тех крестьянских хозяйств, которые используют более полно свою землю, и менее выгодно для тех, которые засевают меньший % своей земли.

Материалы сплошного учета посева почти во всех крестьянских хозяйствах за ряд лет показывают, во-первых, пестроту в проценте засева по различным группам и, во-вторых, закономерный рост использования пашни под посев с ростом группы по мощности (по доходности).

Нам не хотелось бы загромождать статью большим количеством таблиц, но некоторые мы все же вынуждены привести.

% засева пашни по данным налоговых сводок 1927—28 г. по группам:

Группы по размерам облагаемого дохода на хозяйство	Воронежская губ.	Самарская губ.	Степная часть Крымской АССР	АССР Немцев Поволжья	Зауралье (Ирбитский, Ишимский, Курганский, Троицкий, Тюменск., Челябинский и Шадринский округа)
I. До 100 руб. . . .	42,92	16,27	10,34	21,37	15,97
II. Св. 100 до 150 р.	52,35	28,28	18,42	45,82	30,06
III. " 150 " 200 "	57,44	34,36	22,48	43,46	38,36
IV. " 200 " 250 "	60,50	41,30	27,65	51,88	45,30
V. " 250 " 300 "	62,61	43,31	30,57	[illegible]5,99	50,19
VI. " 300 " 400 "	63,84	48,39	35,43	61,34	53,42
VII. " 400 " 500 "	66,06	51,57	43,11	67,86	56,83
VIII. " 500 " 600 "	66,72	54,54	48,63	68,73	57,[illegible]1
IX. " 600 " 700 "	68,28	52,47	53,37	74,63	60,20
X. " 700 " 800 "	68,17	60,36	58,41	79,87	60,95
XI. " 800 " 900 "	67,99	57,42	6[illegible],18	80,34	61,00
XII. " 900 " 1000 "	69,76	64,99	63,63	80,49	61,40
XIII. " 1000 р.	70,31	64,45	79,59	82,07	64,87
Итого . . .	60,01	39,20	47,48	58,65	47,88

В этой таблице приводится ряд районов, где процент засева пашни разгруппирован по группам крестьянских хозяйств в зависимости от размера облагаемого дохода на хозяйство.

Мы видим неуклонный рост использования пашни от низших групп к высшим. Хотя рост этот неодинаков в различных губерниях, тенденция совершенно очевидная: чем хозяйство богаче, тем большую часть своей земли оно использует под посев.

Кому выгодно обложение по пашне?

По данным этой таблицы легко проверить, каковы были бы последствия от обложения вместо пашни по посеву. В самом деле, возьмем для примера Самарскую губ. Средний % засева пашни по губернии составляет 39,20%. Если бы доходность от полеводства в этой губернии исчислялась по пашне, то норму доходности десятины пашни надо было бы установить исходя из этого среднего % засева. В результате и получилось бы, что крестьянские хозяйства Самарской губ., которые засевают не 39%, а меньше, скажем 16,27% (группа с доходом до 100 руб. на хозяйство) или 34% (хозяйства

с доходом свыше 150 до 200 руб.) своей пашни—маломощные хозяйства платили бы налога больше, чем они платят при обложении по посеву. И наоборот, более мощные крестьянские хозяйства, которые засевают 40, 60, 70 и даже больше % своей пашни платили бы меньше налога, чем они платят при обложении по посеву.

Сделанные расчеты показывают, что переход от обложения по посеву к обложению по пашне для хозяйств с доходом до 100 рублей увеличивает облагаемый доход в полтора и даже (в ряде районов) в два раза и более, а для богатых хозяйств сокращает в два и три раза эту облагаемую сумму дохода.

Но, может быть, не повсюду наблюдаются большие колебания в % использования пашни по группам хозяйств? Да, не повсюду. Об'ективности ради и для того, чтобы легче было ориентироваться в этом вопросе, приведем такие губернии. Вот, скажем, губернии Центрально-Черноземной области—Курская, Орловская, Тамбовская [1]).

% засева пашни по данным налоговых сводок 1927—28 г. по группам

Группы по размерам облагаемого дохода на хозяйство	Губернии		
	Курская	Орловская	Тамбовская
I. До 100 руб.	64,22	64,92	62,51
II. Св. 100 до 150 руб.	66,18	65,40	61,53
III. „ 150 „ 200 „	65,63	66,21	62,71
IV. „ 200 „ 250 „	66,57	65,87	63,19
V. „ 250 „ 300 „	65,33	65,66	63,43
VI. „ 300 „ 400 „	65,70	65,96	63,39
VII. „ 400 „ 500 „	64,92	65,60	63,43
VIII. „ 500 „ 600 „	65,12	65,46	63,48
IX. „ 600 „ 700 „	68,67	65,08	61,10
X. „ 700 „ 800 „	67,21	66,79	61,76
XI. „ 800 „ 900 „	66,33	69,00	65,55
XII. „ 900 „ 1.000 „	64,01	66,83	63,79
XIII. Свыше 1.000 руб.	65,06	63,60	67,85
Итого по всем группам	65,72	65,71	62,74

Мы видим ничтожное колебание в % засева пашни по группам (по размерам дохода). Оно и понятно: в районах малоземелья будет меньше колебаний и более высокий % засева.

Однако и эта как будто благополучная картина, показывающая почти одинаковый % использования пашни в ряде районов, в группах по размеру облагаемого дохода,—совершенно меняется при разгруппировке крестьянских хозяйств по % засева внутри доходной группы. Оказывается, что внутри каждой доходной группы имеется значительная диференциация по проценту засева пашни, доходящая до колебаний между 40% и 80% у средних групп крестьянства [2]).

Все сказанное до сих пор, на наш взгляд, с бесспорностью доказывает следующее основное положение: классовый характер нашей политики в деревне, незыблемость принципа обложения деревни по подоходно-прогрессивной системе требует исчисления облагаемого дохода от полеводства только по посеву.

[1]) Все данные в границах до районирования.

[2]) Таковы данные материалов, полученных только месяц назад, при обследовании по поручению ЦК результатов проведения сельхозналога на местах, в частности, по селу Чикаревка, Жердевского района, Борисоглебского округа ЦЧО.

Будет ли обложение по пашне содействовать расширению посевов?

Собственно говоря, это положение, повидимому, никем не оспаривается. Но в защиту перехода к обложению по пашне теперь выдвигается другой довод—довод, так сказать, производственный—расширение посевной площади. В частности Госплан, как это видно из приведенной в начале статьи цитаты, надеется, что обложение по пашне будет стимулировать расширение посевной площади. Таким образом, вопрос теперь переносится в иную плоскость.

Когда мы облагаем по посеву, мы учитываем всю посевную площадь, множим ее на установленную норму доходности для десятины посева и получаем подлежащий обложению сельхозналогом доход крестьянского двора от полеводства. При переходе же к обложению по пашне, крестьянин, по мнению сторонников этого перехода, будет рассуждать примерно так: «норма доходности десятины пашни установлена в 30 р., при среднем использовании пашни (засеве), скажем, 65%. Это значит, что доход с каждой десятины пашни считают у меня 30 рублей и в том случае, когда я засеваю только 40%, и в том случае, когда я засеваю 65% (2/3) и 80% своей пашни. Раз так, то мне выгоднее засевать, использовать наибольшую часть своей пашни, 80% вместо 40% или 65%. Налог с меня будут брать все равно со всей десятины пашни».

Чтобы проверить, в какой степени основательно такое предположение, необходимо ответить на следующие 3 основных вопроса: во-первых, препятствуют ли сельхозналог вообще расширению посевной площади, во-вторых, можно ли говорить, что именно обложение по посеву задерживает этот рост, и, в-третьих, в чем причины недосева в различных группах хозяйств.

Чтобы ответить на первый вопрос и тем самым отчасти на остальные, необходимо было бы знать, сколько налога приходится на десятину пашни или посева. При нашей системе прогрессивного обложения совокупного дохода хозяйства невозможно точно сказать, какая часть налога приходится на тот или иной источник дохода. Все же мы приведем несколько вариантов возможных размеров налога на десятину пашни. Это позволит несколько ориентироваться в этом вопросе.

Норма доходности десятины пашни в 1927—28 г. в среднем по РСФСР фактически применялась в 33,5 руб. [1]). Средний процент из'ятия сельхозналогом всего облагаемого дохода в среднем по РСФСР составлял 6,3. Относя этот процент из'ятия к доходности десятины пашни, получим, что сельхозналог с этой десятины в среднем по РСФСР составил в 1927—28 г. 2 р. 11 к.

Можно ли исходить из этой средней суммы налога с десятины? Нет, потому что этот процент будет резко колебаться по отдельным районам. Поэтому мы дадим пределы этих колебаний: дадим средний размер налога с десятины пашни в губернии РСФСР с самой низкой нормой доходности пашни и процентом из'ятия налога, и в губернии с высокой нормой доходности десятины пашни и процентом из'ятия:

	Норма доходности десятины пашни (в рублях)	Средний % из'ятия всего облаг. дохода в губернии	Сумма налога на десятину пашни (в рублях)
Чувашская АССР	22,5	2,5	0,56
Московская губ.	55,0	6,8	3,74

[1]) В 1928—29 г. эта средняя норма несколько ниже 33,5 руб. Точных данных за 1928—29 г. еще нет.

Но и эти размеры налога с десятины пашни, являясь средними для губернии, тоже могут быть оспариваемы, поскольку они для отдельных хозяйств, несомненно, дают значительные колебания.

Чтобы приблизительно дать возможные размеры этих колебаний, возьмем, скажем, бывш. Орловскую губ., у которой использование пашни под посев дает в среднем 65,7% (по налоговым данным 1927—28 г.). Норма доходности десятины пашни в 1928—29 г. для этой губернии установлена в 27 рублей. Возьмем несколько хозяйств с разной мощностью и посмотрим, какой налог с десятины пашни уплачивает каждое из этих хозяйств. В данном примере мы можем уже воспользоваться таблицей ставок налога 1928—29 г.

Облагаемый доход на хозяйство из 5 едоков	% из'ятия налогом этого дохода	Норма доходности десятины пашни в рублях	Налог на десятину пашни в рублях
150	1,83	27	0,49
400	9,94	27	2,68
600	15,16	27	4,17

Хозяйства по размерам дохода нами взяты соответствующие, примерно, маломощному, середняцкому и более мощному [1]). Каждое хозяйство уплачивает разный налог, исходя из среднего процента из'ятия для каждого из них. Из всех приведенных примеров мы замечаем, что средний размер налога с десятины пашни во всяком случае не может препятствовать расширению посевной площади. Но мы предвидим возражения против исчисления размеров налога с десятины пашни по, так сказать, средним данным. Возражение основательное. Поэтому мы дадим несколько вариантов размера налога с десятины пашни, исходя из особенностей нашей прогрессии обложения.

Прогрессия действующего сельхозналога чрезвычайно крута: самая высокая ставка ее составляет 30 коп. с рубля (30% из'ятия) при доходе свыше 700 р. на хозяйство из пяти едоков. Самый налог исчисляется по так называемой скользящей шкале. Это значит, что высшей ставкой налога облагается не весь доход, а только остаток его сверх определенного предела.

Следовательно, если в хозяйстве, скажем, имеется 800 р. облагаемого дохода, то часть этого дохода—первые 25 рублей облагаются из 4% из'ятия, следующие 75 руб. облагаются из 7% из'ятия и т. д., и, наконец, остаток дохода свыше 700 рублей (в хозяйстве из 5 едоков) облагается из 30% из'ятия. То-есть в нашем примере (хозяйство с доходом в 800 рублей) по 30 коп. налога с каждого рубля дохода будет взыскано только со 100 рублей.

Поэтому нельзя сказать, что та или иная сумма налога приходится именно на десятину земли, да еще на вновь засеваемую, а не на какой-нибудь другой источник дохода, скажем, на корову или лошадь, или на ту десятину земли, которая всегда засевалась. В самом деле, если считать, что доход от земли в хозяйстве, имеющем 700 руб. облагаемого дохода, относится к той части этих 700 рублей, которая облагается по более низким ставкам, то это даст один расчет размеров налога с десятины пашни, если же считать, что доход от земли попадает на ту часть дохода, которая облагается по более высоким ставкам, то это даст уже совсем другой расчет размеров налога. Тем не менее мы все же приведем расчеты размеров налога на десятину пашни, исходя из того, что в данном хозяйстве она облагалась

[1]) По групповой сводке 1927—28 г. по группам по размеру облагаемого дохода на хозяйство, в Орловской губернии хозяйств с доходом до 150 р. на хозяйство имеется, примерно, 32%, с доходом свыше 150 до 400 р.—62% с доходом свыше 400 до 600 р.—5% и хозяйств свыше 600 р. имеется, примерно, только 1%.

бы по разным ставкам. Возьмем для этого хозяйство (из 5 едоков), имеющее, скажем, 800 рублей облагаемого дохода. При норме доходности десятины пашни в 30 рублей, налог с этой десятины пашни составит от 1 р. 20 к. до 9 рублей.

Таким образом, если даже рассчитывать, что доход именно от вновь засеваемой десятины пашни будет облагаться по самой высокой ставке (30 коп. с каждого рубля дохода), то тогда налог с этой десятины достигнет 9 рублей.

Мы умышленно привели большое количество расчетов возможных сумм налога, приходящихся на пашню, для большей об'ективности и для того, чтобы доказать, что налог с десятины пашни, если не прибегать к фантастическим расчетам, для громаднейшего большинства крестьянских хозяйств составляет примерно 2, 3, 4 рубля. Для того, чтобы уяснить себе условность расчета, доводящего сумму налога с десятины пашни до 9 рублей, достаточно сказать, что вообще крестьянских хозяйств в Советском Союзе, имеющих облагаемого дохода выше 700 р. (т.-е. суммы, когда налог исчисляется по высшему проценту из'ятия) имеется не более 2%.

Все расчеты приводились, исходя из обложения пашни. Ну, а какова будет тяжесть обложения десятины посева? Ведь защитники обложения по пашне и выдвигают то соображение, что именно обложение по посеву препятствует расширению посевной площади. Приводить столько же и такие же подробные расчеты по посеву и не позволяет место и нужды нет: совершенно очевидно, что результаты получатся, примерно, те же. Для этого достаточно принять во внимание, что норма доходности десятины посева в среднем по части РСФСР, облагаемой по посеву, составляет, примерно, 38 р. По отдельным губерниям норма эта колеблется от 70 р. по Карельской АССР, до 18 руб. по Астраханской губ. и Калмыцкой области. В частности, по отдельным областям и губерниям нормы доходности десятины посева установлены следующие (в руб.):

	Норма доходности дес. посева		Норма доходности дес. посева
Северо-Кавказский край	39	Башкирская АССР	36
Сибирский край	37	Сталинградская губ.	23
Уральская область	43	Саратовская губ.	37
Самарская губ.	35	Крымская АССР	39
Вологодская губ.	56	Оренбургская губ.	30
Воронежская губ.	44	Татарская АССР	36
Казакская АССР	36	Тверская губ.	59

Мы привели почти все районы, где обложение производится по посеву. Из сопоставления норм доходности по этим районам с нормами доходности десятины пашни, приведенными в наших примерах исчисления налога с десятины пашни, легко уяснить себе размеры налога с десятины посева. И если отбросить намеренно преувеличенный возможный размер налога с десятины посева в самых богатых хозяйствах (примерно, 2% хозяйств), то в среднем налог с десятины посева составит 3—4—5—6 р. Можно ли полагать, что крестьянин, имея все возможности расширять свой посев, все же не будет расширять посева из-за этих пусть 6-ти рублей налога с десятины посева, дающей дохода 40 рублей? Конечно, нет.

Можно утверждать, что наш сельскохозяйственный налог в громаднейшем большинстве случаев не препятствует дальнейшему развитию тех или иных отраслей сельского хозяйства, в частности, зернового хозяйства. При этом предупреждаю—мы никогда не считаем наш сельскохозяйственный налог легким. Мало того, мы считаем, что в нашем сельскохозяйственном на-

логе **тяжелее всего обложено полеводство, зерновое хозяйство.** Мы директивы партии, и в частности апрельского пленума, о перераспределении налога в сторону понижения тяжести его для зернового хозяйства выполнили в чрезвычайно ничтожной степени (об этом собираемся сказать в особой статье). Тем не менее мы полагаем, что из всего сказанного выше совершенно отчетливо вытекает, что нынешний сельхозналог все же **не может** препятствовать дальнейшему расширению посевов, хотя его прогрессивность вносит известный момент ограничения в отношении развития посевной площади у наиболее богатых хозяйств.

Не может препятствовать,—ну, а содействовать он может? Нам кажется, что такая постановка вопроса чрезвычайно условна.

Возможность у налоговой системы *содействовать* развитию сельского хозяйства ограничивается разрешением задачи не препятствовать. Конечно, если мы совсем не будем брать налога с полеводства, то это будет в гораздо большей степени содействовать расширению посевных площадей, чем когда мы налог берем, даже льготный, но это уже такая упрощенная, вульгаризованная установка, что на ней и останавливаться не следует. Если же мы установим такой налог с полеводства, когда крестьянину, в первую очередь мелкому и среднему, не будет *выгодно* засевать, это будет означать, что налог препятствует развитию данной отрасли. А в данном случае мы и утверждаем, что наш налог в громаднейшем большинстве случаев не препятствует. Раз так, то причину недостаточно интенсивного расширения посевных площадей надо искать в другом.

Кто и по какой причине недосевает?

Где же причина, *во-первых*, недосева, и, *во-вторых*, пестроты его, при несомненном факте большего недосева в *маломощных* хозяйствах? Именно последнее обстоятельство, т.-е. то, что наибольшой недосев имеется в маломощном хозяйстве, дает между прочим ответ на вопрос, является ли налог препятствием к расширению посева.

Именно маломощному хозяйству, имеющему доход до 200 р. в год, (таких хозяйств по союзу примерно 50%), а следовательно, уплачивающему с десятины пашни или посева *во много раз меньше налога, чем богатое хозяйство, в силу этого более выгодно расширять посев.* Мы же замечаем, что в районах, облагаемых по *пашне*, более высокий % недосева имеется в маломощных хозяйствах. Между тем, они с налоговой точки зрения имеют все условия, относительно стимулирующие расширение посевов. Расширяя свои посевы, они не платят больше налога, поскольку доход исчисляется по пашне. Они платят ничтожный налог даже и в том случае, если бы обложение производилось по посеву, потому что при нашем прогрессивном налоге им приходится платить мало в виду общего низкого их дохода.

И, наоборот, мы замечаем более высокий % засева в мощном хозяйстве не только в районах, облагаемых по пашне, но и в районах облагаемых по посеву, где хозяйствам приходится платить налог с каждого гектара вновь засеваемой земли, что тяжело, поскольку при прогрессивном налоге этот гектар попадает под наиболее высокие ставки.

Из сказанного вытекает, что % засева пашни, да и вообще размеры посевных площадей зависят главным образом от общей экономической структуры хозяйства, *от обеспеченности этого хозяйства средствами производства*. Крестьянское хозяйство в 99 случаях из 100 недосевает только потому, что у него для этого нехватает живого и мертвого инвентаря, нехватает посевного материала, нехватает рабочей силы и проч. Ясно, что обложение по пашне вместо обложения по посеву не разрешило бы вопроса об инвентаре, посевном материале и т. д., но, вместе с тем, усилило бы тяжесть налога для маломощных.

Более мощное крестьянское хозяйство использует наиболее высоко свою пашню потому, что оно отлично учитывает всю экономическую целесообразность расширения посевной площади, и налог этому помехой не служит. Если же и более мощные хозяйства во многих случаях не расширяют посевов, имея к этому все экономические предпосылки и возможности, то это лежит в других причинах.

Мы приведем один факт, могущий дать ответ на поставленный вопрос. В нынешнем году в среднем по Сев. Кавказу мы имели сокращение посевной площади, *при росте посевной площади в низших группах.* Эти данные приведены в статье тов. Гатовского (№ 20 «Большевика»).

Изменение посевной площади в %% к предшествующему году по данным Госплана:

	В среднем
Без рабочего скота	+ 8,8
С 1 голов.	+ 0,9
„ 2 голов.	— 8,8
„ 3 „	— 12,2
„ 4—7 голов.	— 18,6
В среднем	— 8,4

Имеющиеся налоговые материалы показывают, что при общем сокращении площади посева на Северном Кавказе, по статистическим данным на 5—6% (а по налоговым—1,2%), посев на надельной земле даже несколько расширился, правда, на ничтожный процент (+0,8%). *Главное же сокращение идет за счет отказа от арендованной земли, площадь посева на которой в среднем по краю сократилась на 11%.*

Что это означает? Это означает, что, поскольку сельхозналог нынешнего года, построенный в соответствии с директивами XV с'езда, проводил наиболее четко выраженную классовую линию по отношению к верхушке деревни,--применялись процентные надбавки к доходу от сельского хозяйства мощных дворов (примерно 10% хозяйств), индивидуальное обложение, при котором одним из признаков для отнесения хозяйства к обложению в индивидуальном порядке было широкое использование аренды с применением постоянной наемной рабочей силы—*зажиточное, богатое, кулацкое хозяйство во многих случаях решило, что ему не выгодно пользоваться арендой, при которой оно неизбежно вынуждено прибегать к найму батрака.* То-есть общая социальная обстановка в деревне делает для него невыгодным расширение посевов за счет арендованной земли, учитывая при этом, что приходится кроме тяжелого налога платить еще арендную плату.

Таким образом, мы утверждаем, что наша налоговая система не препятствует расширению посевной площади громаднейшего большинства крестьянских хозяйств, что ни в какой степени не препятствует расширению посевов обложение по посеву, что недозасевают в большей степени хозяйства либо маломощные, у которых не хватает средств производства, либо, в некоторых случаях, мощные, кулацкие хозяйства *в результате совокупного действия всех наших мероприятий, в том числе и налоговых, по борьбе с кулаком, и что с точки зрения нашей классовой политики недопустимо обложение по пашне.*

Можно ли повсюду облагать по посеву?

Для того, чтобы хоть отчасти исчерпать нашу тему, следует коснуться еще двух важнейших моментов.

Сторонники обложения по пашне все годы выдвигали тот довод, что учесть площадь посева очень трудно, а потому при обложении по посеву неизбежна большая утайка посевной площади. Подробно критиковать этот довод теперь, после того, как имеются результаты практического проведения обложения полеводства по посеву по громаднейшей части Союза—нет нужды. Уже теперь в районах, облагаемых по посеву, площадь посева, учитываемая налоговыми органами, выше посевной площади, учитываемой статистическими органами, если, конечно, не считать той экспертной поправки, которую затем статорганы вносят.

Результаты налогового учета показывают, что в тех районах, где перешли к обложению по посеву, посевные площади учитываются лучше, чем там, где обложение производится по пашне. Оно и понятно. В районах, облагаемых по пашне, налоговый аппарат, местный низовой советский аппарат с точки зрения фиска и местного бюджета вовсе не заинтересован в правильном учете посевов и потому не уделяет достаточного внимания делу учета посевной площади в этих районах. Наоборот, в районах, облагаемых по посеву, где более полный учет посевной площади определяет сумму налога, результаты обложения, определяет классовую политику в деревне, там мы имеем лучшие результаты учета посевных площадей.

Мы не касаемся здесь технических трудностей (и даже невозможности по целому ряду районов) перехода от учета посева, как об'екта обложения, к учету пашни. Районы, например, с залежной и целинной, а также и с «поливной» системой полеводства фактически исключают точный учет пашни. Данные показывают систематический из года в год рост района, облагаемого по посеву. При этом важно подчеркнуть, что переход к обложению по посеву вместо пашни происходит без какого бы то ни было законодательного принуждения, а исключительно в порядке инициативы местных органов, которым, как мы уже сказали, предоставлено право решать вопрос о форме обложения—по пашне или по посеву. Характерно то, что за все годы еще не было ни одного случая, когда бы места перешли от обложения по посеву к обложению по пашне.

В настоящее время по посеву облагается часть Советского Союза, охватывающая, примерно, 53% крестьянских хозяйств, 57% всей посевной площади Союза, 62% всего количества голов крупного скота, 52% всего облагаемого дохода и 55% всего налога, т.-е. по посеву облагается большая часть Союза, чем по пашне.

Нам приходилось и приходится за последние годы все время добиваться дальнейшего расширения районов обложения по посеву. Констатируя успехи этой борьбы, мы все же, к сожалению, должны отметить, что они незначительны. По нашему убеждению, переход к обложению по посеву должен быть гораздо быстрее, гораздо интенсивнее, чем это делается до сих пор. Только по соображениям осторожности (с нашей точки зрения преувеличенной) установлен действующий теперь порядок, при котором решение вопроса о методе обложения полеводства по пашне или посеву предоставлено всецело компетенции мест. Но и при этом порядке классовое чутье местных организаций, необходимость разрешать задачи партии в деревне со всей отчетливостью подсказывают, по какому пути надо пойти.

Одни идут по этому пути быстро и решительно, другие медленно. Мы же считаем, что на обложение по посеву надо переходить решительнее, быстрее.

К. Гей.

Современное профдвижение и наша тактика.

В сентябре в Гамбурге (Германия) и в Сванси (Англия) состоялись с'езды реформистских союзов, созванные как бы нарочно для того, чтобы продемонстрировать правильность решений только-что закончившегося VI конгресса Коминтерна. Гвоздем обоих с'ездов был вопрос о сотрудничестве с предпринимателями и государством.

В Гамбурге эта идея, прикрытая для приличия фиговым листком постепенного приближения к социализму, несколько уступала в ясности и последовательности тому прямолинейному практицизму, с которым англичане подошли к разрешению вопроса на своем с'езде. В этом сказалась, конечно, большая напряженность классовой борьбы в современной Германии. Вынырнувший из недр редакции «Франкфуртер Цейтунг» коллега Нафтали, докладчик по вопросу о хозяйственной демократии, был об'явлен наместником Маркса на земле. Сама хозяйственная демократия,—таков был основной тезис этого заместителя Маркса,—есть путь к социализму. По пути же к социализму можно итти лишь постепенно», эта оговорка, конечно, не была позабыта.

Лозунг хозяйственной демократии выдвигался реформистами, как общий лозунг, призванный будить и поддерживать в рабочем классе иллюзии о возможности совместной работы с классом капиталистов. Этот лозунг разогревается сейчас ссылками на Маркса и на социализм, очевидно, для того, чтобы подготовить кое-какие практические шаги более тесного сотрудничества с капиталистами. Несколько яснее говорил об этом в своем приветствии с'езду министр народного хозяйства Курциус. «Местом этой совместной работы (капиталистов и реформистов),—говорил министр,—будет государственный экономический совет». Временный экономический совет существует уже 9 лет; в недалеком будущем германский рейхстаг должен принять новый закон о постоянном государственном экономическом совете, задачей которого будет осуществлять хозяйственную демократию, выражаясь проще: устанавливать общую линию предпринимателей и союзных верхушек в вопросах рационализации, ухудшения жизненного уровня рабочего класса и т. д., и т. п. Этот постоянный совет должен, как говорил г. министр, разрешить вопрос и о построении хозяйственной демократии на низовых ступенях. Путь к социализму коллеги Нафтали ведет, таким образом, в министерские канцелярии.

Тот же процесс и почти в тех же формах происходит и в Англии. В результате переговоров с крупнейшим химическим королем Мельчетом—Мондом в Англии предстоит создание национального промышленного совета, в который должны будут войти по равному числу представителей Генсовета, с одной стороны, и федерации британских промышленников и национальной конфедерации организаций предпринимателей,—с другой стороны. Этот нац. промышленн. совет, правда, не будет являться частью государственного аппарата, как это имеет место в Германии. Тем не менее, этот совет призван

выполнять не только те функции, которые в Германии возлагаются на экономический совет, но частично и те, которые выполняются там институтом государственных арбитражных инстанций. Так, национальный промышленный совет создает сеть об'единенных бюро по улаживанию недоразумений «в соответствии с согласованной резолюцией о предупреждении конфликтов». Конгресс в Сванси подавляющим большинством голосов (3.075.000 против 566.000) одобрил все эти махинации Генсовета.

Таковы важнейшие итоги обоих профс'ездов, немецкого и английского, таковы центральные проблемы, над разрешением которых работают реформистские вожди. Надо ли искать лучшую иллюстрацию к решениям VI конгресса о дальнейшем сращивании реформистской верхушки с капиталистами и государством?

Но этим не исчерпываются труды обоих с'ездов. Логически неизбежным последствием этого сращивания и открытого перехода реформистов к активному строительству капитализма, является усиление репрессий против коммунистов в профдвижении. И оба с'езда приложили к этому свою руку. В Гамбурге просто лишили ряд коммунистов делегатских мандатов, а затем выгнали из зала заседаний конгресса представителей коммунистической прессы, и заодно уж и корреспондента «Труда», органа ВЦСПС. В Сванси приняли резолюцию, гласящую: «С'езд... поручает Генсовету произвести расследование деятельности и методов разрушительных элементов внутри профессионального движения, обнаруживаются ли эти элементы внутри союзов или в самом Генсовете, и представить примыкающим организациям доклад с предложением определенных мероприятий». Не подлежит никакому сомнению, что широко практикуемая в Германии система исключений и репрессий против коммунистов (аннулирование выборов, запрещение занимать ответственные посты и т. д., и т. п.), найдет теперь более широкое применение в Англии. Своеобразные формы этих репрессий намечены уже решением конгресса в Сванси, запретившего профсоветам выбирать членов движения меньшинства на их конференции.

Следует отметить также, что ни один из этих с'ездов крупнейших реформистских союзов не ставил в повестку дня и не обсуждал наиболее актуальных вопросов экономической борьбы рабочего класса. Гамбургский конгресс отказался обсуждать вопросы о борьбе за повышение заработной платы и за сокращение рабочего дня. Спрашивается, что же, кроме сотрудничества с буржуазией и травли коммунистов, интересовало делегатов обоих с'ездов? Гамбургских «коллег», повидимому, ничто не интересовало. В зале заседаний стоял непрерывный шум, от которого потерял голос и не мог кончить своего доклада даже сам Лейпарт. Английские их товарищи обнаружили более широкие интересы вплоть до вопросов... пьянства и картежной игры. «Слишком много времени и слишком много денег растрачивается на карточную игру и пьянство... В нашей стране нужен проповедник в роде отца Матфея, не пустомеля или какой-нибудь мягкотелый Джонсон, но живой человек с огнем и энтузиазмом, способный проповедывать евангелие воздержания среди всех нас, в особенности же среди более состоятельных классов, где пьянство особенно распространено», — таков был заключительный аккорд программной вступительной речи председателя Генсовета Бен-Тернера.

Процесс превращения реформистских союзов в органы делового сотрудничества и промышленного мира закончен. Реформистские вожди, насквозь коррумпированные, собираются только для того, чтобы найти подходящую форму служения капитализму. Им нечего сказать по вопросам борьбы рабочего класса. Пустая бессодержательность их с'ездов обнажает невероятную тупость и лицемерие. И все-таки до сего времени они продолжают возглавлять профессиональные союзы с многомиллионной членской массой. Возникающие

отсюда противоречия находят свое выражение в напряженной борьбе, ведущейся внутри и вне союзов, через все этапы которой красной нитью проходит рост революционных элементов.

* * *

Решающей проблемой для революционного профдвижения является проблема руководства экономической борьбой. Именно здесь проверяет рабочий класс вождей и руководителей профдвижения и только на этом поприще могут коммунистические партии нанести сокрушающий удар позициям реформистов в профдвижении. Обострение классовой борьбы сказывается в первую очередь в том, что кривая экономических конфликтов идет вверх. Так в Германии, по данным официальной статистики, число рабочих, участвовавших в стачках и подвергшихся локаутам, составляло в 1926 г. 96.509, в 1927 г. — 401.298, по другим данным—452.000; цифры 1928 г. покажут безусловное превышение по сравнению с 1927 г., если принять во внимание, что только один локаут металлистов Прирейнской области выбросил в настоящее время на улицу около 230.000 рабочих. В Англии число стачечников за 8 месяцев (102.000) почти достигло числа стачечников за весь 1927 год (117.000). В Америке 6 месяцев 1928 г. дают соответствующую цифру— 239.000 против 349.000 за весь 1927 год. Таковы же тенденции развития экономической борьбы и во Франции. Наконец, 1928 г. показывает и большее обострение самого хода стачечной борьбы. Всеобщие стачки в Греции (июнь) и в Лодзи (октябрь) возникают непосредственно из движения табачников и текстильщиков и приобретают крупнейшее политическое значение. Таким образом, об'ективная обстановка складывается благоприятно для того, чтобы в процессе все обостряющейся классовой борьбы провести резкую разграничительную линию между революционной и реформистской тактикой.

Тактика реформистов в экономической борьбе своей задачей «ставит такое ведение этой борьбы, которое гарантировало бы класс капиталистов от всех и всяческих потрясений» (программа К. И.). Эту общую линию реформисты проводят, однако, в различных конфликтах по-разному, применяясь к обстановке, соразмеряя степень своего влияния и силу назревшего в рабочих массах недовольства. Путая на своих с'ездах Маркса и Нафтали, лепеча несусветную чепуху про отца Матфея, реформисты в области стачечной борьбы оказываются способными маневрировать, используя многолетние навыки своих функционеров. Там, где они в силах это сделать, они душат борьбу в самом зародыше, срывая движение и выдавая рабочих головой капиталистам. Одним из ярких примеров такой, с позволения сказать, стачечной стратегии является конфликт в тяжелой промышленности Рейнско-Вестфальской области в конце прошлого года. Металлургическая промышленность этой области является, как известно, решающим звеном германской промышленности. Остановка доменных печей этого района грозила сорвать с великим трудом налаженное процветание немецкой промышленности, во всяком случае не дала бы капиталистам возможности использовать высокую кон'юнктуру в текущем 1928 г. для выколачивания гигантских сверхприбылей. Между тем с 1 января 1928 г. министром труда было обещано введение 8-часового рабочего дня на металлургических предприятиях области. Предприниматели, решившие 8-часового дня не проводить, об'явили о закрытии предприятий с 1 января. Рабочие были готовы к борьбе. Настроение рабочих, по единодушному свидетельству целого ряда товарищей от фабзавкомщиков до руководящих лиц включительно, выражалось словами: «бастовать будем, но под руководством союза». В этой обстановке играть в радикализм представлялось для реформистов опасным. 18 декабря конференция уполномоченных союза металлистов большинством 75 против 16 голосов постановила принять арбитражное решение, означавшее фактический отказ от проведения 8-часо-

вого рабочего дня под видом введения его в рассрочку. Таков один из вариантов реформистской тактики.

Чаще, однако, особенно в движениях, не угрожающих потрясением всей промышленной ситуации, реформисты действуют иначе. Они, пользуясь формулировками программы К. И., бывают вынуждены «симулировать защиту классовых интересов пролетариата в его экономической борьбе только для того, чтобы, завоевывая на этом доверие части рабочего класса, тем постыднее предавать его длительные интересы, в особенности во время решающих классовых битв». Но и при этой симуляции реформисты, возглавляя стачку, ведут ее вяло, нерешительно, поощряют менее стойкие, колеблющиеся слои и, наконец, берут измором не капиталистов, а бастующих рабочих, обеспечивая им поражение за поражением. Эти поражения скрашиваются жалкими подачками в 2—5 пфеннигов, отстающими от роста дороговизны и не приостанавливающими падения реальной заработной платы.

В особенности ярко сказываются последствия этой тактики в Германии. Экономические конфликты последнего времени все яснее обнаруживают наступательную тенденцию со стороны рабочих. Немецкие промышленники, однако, хорошо усвоили, что лучшим способом защиты является нападение. Они переходят в контр-атаку по всей линии; столкновение приобретает характер встречного боя. И тут-то рабочие получают наглядный урок, к чему ведет реформистское раздробление сил и как их классовый противник осуществляет на деле принципы крепкой организации и об'единения боев. Мы не знаем многого о деятельности предпринимательских организаций, но мы знаем, например, что железные бароны Германии создали специальный фонд путем отчисления по 5 марок на каждого занятого рабочего. Этот фонд предназначается для поддержки в случае стачек только тех предприятий, которые не входят в стальной трест. В настоящее время этот фонд насчитывает уже около 50.000.000 марок. Предприятия, входящие в стальной трест, получают в случае стачки или локаута поддержку из средств треста. Опираясь на свои организации, предприниматели проводят активную, хорошо рассчитанную и не останавливающуюся перед средствами политику. Они не боятся хозяйственных потрясений и приступают к «улаживанию недоразумений» с рабочими только тогда, когда могут настоять на своих требованиях. Стачечная стратегия немецких капиталистов наглядно разоблачает реформистское пораженчество в экономической борьбе. Реформисты хотят проводить маленькую и безобидную симуляцию — капиталисты выбрасывают на улицу сотни и десятки тысяч рабочих. Во время конфликта в саксонской металлопромышленности реформистский союз первоначально об'явил стачку 9.000 рабочих, забастовало 13.000, и затем число бастующих возросло до 98.000. В ответ на это предприниматели пригрозили локаутом 200.000 человек. Стачка текстильщиков в Мюнхен-Гладбах началась по инициативе союза и должна была охватить 5—6.000 рабочих. Предприниматели ответили локаутом 36.000 чел.

В сентябре в Германии союз об'явил стачку 7.500 портных в 45 предприятиях. Предприниматели локаутировали 40.000, заставив прекратить работу в отдельных предприятиях даже против воли хозяев. При активной борьбе реформистов против об'единенных выступлений больших масс рабочих, против массовых кампаний поддержки стачечников успех их стачечного руководства исключен. Все стратегически выгодные позиции находятся в руках предпринимателей.

Эта тактика реформизма в экономической борьбе не случайна. Это только составная часть роли социал-демократии, как основной опоры империализма в рабочем классе. Идеологически эта тактика полностью вытекает из социал-демократической концепции хозяйственной демократии и поддержки рационализации. И, конечно, революционная, коммунистическая тактика должна быть с начала до конца построена на других основаниях. Принципиально иное, отличное от социал-демократического, отношение к вопросам промышленного мира, хозяйственной демократии и рационализации составляет необходимую предпосылку для выработки правильной коммунистической тактики обеспечивающей руководящую роль революционных элементов. Как далеко, однако, идут колебания, например, в германской коммунистической партии и насколько близки оказываются некоторые носители правого уклона к социал-демократической идеологии, может свидетельствовать хотя бы такая схема, защищавшаяся еще летом нынешнего года: реформисты-де мыслят себе хозяйственную демократию только сверху. При такой их позиции нам следует выдвинуть вопрос о хозяйственной демократии снизу, на предприятиях. Мы поступаем неправильно, отрицая хозяйственную демократию в целом. Другим примером подобного же перехода на реформистские позиции может служить дискуссия в коммунистической фракции одного из профсоюзных с'ездов, имевшая место летом нынешнего года. Фракция первоначально отклонила проект резолюции, в котором утверждалось, что капиталистическая рационализация принесла выгоды одним предпринимателям. В защиту своей позиции товарищи об'яснили, что профсоюзы, по их мнению, были правы, когда они высказались за рационализацию. Германия-де, ввозя сырье и вывозя фабрикаты, может только посредством рационализации дать работу для населения.

Основная задача коммунистических партий заключается в настоящее время в том, чтобы завоевать руководящую роль в экономической борьбе рабочего класса. Эта задача теснейшим образом связана с задачей разоблачения реформистского руководства, но одной роли разоблачителей и критиков недостаточно. Надо на практике, на собственном опыте рабочих масс показать разницу между реформистским и коммунистическим руководством. Тут-то и возникает ряд трудностей, над преодолением которых работают европейские партии. Для того, чтобы руководить борьбой, надо подготовить соответствующие условия. В прошлогоднем конфликте в Рейнско-Вестфальской области, о котором мы уже упоминали, коммунистическая партия суб'ективно была готова взять на себя руководство предстоящей борьбой. Но, во-первых, она была очень слаба на крупных предприятиях области. Крупнейшие заводы, насчитывающие по десятку тысяч рабочих, имели малочисленные ячейки (20—30 человек), к тому же недостаточно авторитетные. Во-вторых, эти слабые силы не были планомерно двинуты в дело подготовки рабочей массы. Партия упустила первые этапы движения. Все это создало обстановку, в которой отсутствовал необходимый контакт с рабочей массой, обеспечивающий восприятие наших лозунгов и предохраняющий партию от хвостизма и от забегания вперед. С другой стороны, в последних крупных стачках нынешнего года всюду, где коммунисты пришли к действительному руководству борьбой, они имели известный опорный пункт, более или менее крепкую организацию, связанную с рабочей массой. На севере Франции в стачке текстильщиков роль такого опорного пункта сыграл Аллюэн. В гамбургской стачке портовых рабочих мы опирались также на достаточно крепкое ядро, подготовленное предыдущей работой.

Упорная работа на предприятиях, не брезгующая повседневными мелочами рабочей жизни, и своевременная мобилизация всех сил партии с самого возникновения движения — таковы первые уроки стачечной борьбы. Не следует при этом думать, что момент активного выступления мы должны откладывать до тех пор, пока накопим значительные силы. Ход и развитие борьбы не предоставляет нам этих возможностей. Если создаются условия для возникновения движения, если накапливается в рабочей массе горючий материал, партия должна выступать активно, помня, что в процессе борьбы она будет черпать новые силы. Пассивность в экономической борьбе нераз-

рывно связана с надеждами на реформистов, на союзные инстанции, со всей идеологией, так характерно формулированной Иоганном Эффелем, заявившим: «Мы должны пока просто мириться с поражением рабочего класса, вызванным неправильной стратегией реформистских профлидеров, пока профсоюзы еще не завоеваны нами даже идеологически». Мы не найдем слишком много товарищей, которые согласятся сейчас поставить свою подпись под этим или аналогичными заявлениями. Но мы найдем очень и очень много случаев, где наши товарищи обнаруживали неподготовленность, растерянность, упускали важнейшие моменты движения, опаздывали и плелись в хвосте. И это неизменно приводило к упадку нашего влияния и надолго затрудняло работу в данном районе. Пассивность в экономической борьбе — это практика, надежды на идеологическое завоевание реформистских вождей — это теория. И то и другое дало свое наиболее законченное выражение в той тактике, которая задачи наши в экономической борьбе определяла лозунгом: «принуждайте бюрократов»! Решительное осуждение этой тактики — одна из заслуг IV конгресса Профинтерна. Отстутствие необходимой подготовительной работы находит свое выражение не только в пассивности. Иногда оно проявляется в диаметрально противоположных формах, когда партийная организация от бездействия переходит к прыжку в неизвестность, об'являя стачку, подчас всеобщую, призывая рабочих к самым решительным действиям и когда этим призывам следуют всего лишь несколько десятков, пара сотен рабочих. Примеры такого руководства мы встречаем еще в 1927 году во Франции и в Германии. Иногда же оба типа ошибок соединяются в одном движении, примером чему служит опять-таки прошлогодний конфликт в Рейнско-Вестфальской области.

С самых первых шагов движения должна быть взята ясная и решительная линия в отношении реформистского руководства. Дело в том, что именно на первых шагах движения реформисты любят щегольнуть радикальной фразой, встать в позу защитников интересов рабочих. Только позже явятся они с решением арбитражного суда на руках, чтобы об'яснять, что мы-де хотели бороться и сделали для борьбы все, что могли, но теперь призываем к благоразумию. С другой стороны, в процессе выработки экономических требований, что обычно совпадает с первыми этапами движения — требования, выставляемые реформистами, являются, как правило, более скромными, чем защищаемые нами, но эта разница часто бывает несущественна, а иногда этой разницы не бывает и вовсе. В крупнейшем конфликте в Рейнско-Вестфальской области, разыгрывающемся в настоящее время, наше требование повышения зарплаты на 15 пф. в час до решения арбитражного суда выставлялось и в реформистских требованиях. Характерен случай, когда реформисты похитили подготовленные нашими организациями требования и поторопились предложить их рабочим, чтобы сохранить инициативу в своих руках. Таким образом, задача заключается не в том, чтобы перещеголять реформистов особенным радикализмом экономических требований — задача заключается в том, чтобы выработать реально осуществимые требования, взяв в свои руки инициативу их пред'явления и отгораживаясь с первых шагов от фальшиво-радикальных выступлений, вести неустанное разоблачение реформистов на почве последовательной з а щ и т ы требований. Наибольшее, пожалуй, количество ошибок в практической работе наших товарищей-профессионалистов было сделано именно на этих первых этапах движения, когда радикальные реформистские речи будили и в наших рядах иллюзии о возможности совместной деятельности с реформистами.

Экономической борьбой нельзя руководить без организации, охватывающей большие массы рабочих. Смешно думать, что привыкший к организации германский рабочий последует разрозненным, единичным призывам и вступит в борьбу с прекрасно организованным трестовским капиталом, не

будучи уверен в том, что соседние предприятия поддержат его. Но профессиональные союзы—организации, созданные для этой борьбы, находятся в большинстве в руках реформистов и для этой цели, следовательно, явно не годятся. В этих условиях особенное значение приобретает лозунг создания с т а ч е ч н ы х к о м и т е т о в. Эту форму организации следует подготовлять с первых шагов движения, обязательно создавая стачечные комитеты, как широкие организации, охватывающие и организованных и неорганизованных рабочих. Стачечный комитет, составленный таким образом, будет меньше зависеть от официальных союзных инстанций и легче сможет противопоставить им свою линию. Опыт нью-бедфордской стачки текстильщиков (Америка), создавших аналогичную организацию, дает пример подобного отстранения союза от руководства стачкой. Призыву союза прекратить забастовку последовало только 3.000 рабочих. Остальные 25.000 продолжали бастовать под руководством стачечного комитета. Мы не знаем еще состава стачечного комитета, руководившего лодзинской стачкой. Но те сведения, которые мы имеем, совершенно ясно рисуют картину борьбы стачечного комитета с пепеэсовским союзом за руководство.

Лодзинская стачка дает нам не только образец организации, стремящейся вырвать руководство из рук союза. Эта стачка дает также прекрасный ответ на спорные вопросы о соотношении экономической и политической борьбы. Концепция правого крыла в германской КП сводится, например, к тому, что только выставление политических требований превращает экономическую борьбу в политическую. Поэтому необходимо выдвинуть лозунг рабочего контроля. Об этом говорил на IV конгрессе Профинтерна т. Брандлер: «Такая борьба (т.-е. политическая. *К. Г.)* превращается в конфликт с буржуазной государственной властью, она уже не может ограничиваться экономическими целями, но должна ставить себе более широкие политические цели, т.-е. она становится политической борьбой. Борьба за рабочий контроль над производством неразрывно связана с революционной борьбой на низвержение государственной власти». Рецепт, таким образом, прост: надо выдвинуть знаменитый лозунг рабочего контроля—и превращение экономической борьбы в политическую обеспечено. Вся обширная дискуссия о лозунге рабочего контроля, решения 2-х конгрессов (Профинтерна и Коминтерна), определенно указывающие, что в современной обстановке лозунг этот может только будить реформистские в конечном счете иллюзии о возможности осуществления контроля над капиталистами в буржуазной германской республике, что своевременным и отвечающим наших целям этот лозунг станет только в момент непосредственно революционной ситуации,—все эти бесспорные истины недоступны пониманию правых. Рабочий контроль представляется им панацеей от всех бед и недочетов нашей борьбы за руководство рабочим классом. К счастью, однако, этот лозунг не выдвигался германской партией ни в одном движении последнего времени. Гораздо интереснее и поучительнее поэтому судьба лозунга национализации крупной промышленности, лозунга, казалось бы, еще более радикального, чем рабочий контроль. Требование национализации было неожиданно выдвинуто реформистами в том конфликте в Рейнско-Вестфальской области в конце 1927 г., на который мы уже неоднократно ссылались. Классическое предательство и срыв движения не случайно сочетались с требованием национализации: не давая конкретного ответа на устремления рабочих, маскируя отказ реформистов от борьбы, этот лозунг ставил в порядок дня такое требование, которое не было опасно для буржуазии. Для борьбы за его осуществление не было необходимых предпосылок. Этот маневр реформистов вызвал замешательство и в рядах коммунистической партии. Лозунг национализации, но безвозмездной; лозунг национализации, но как пропагандистский лозунг; лозунг национализации вместе с лозунгом борьбы за рабоче-крестьянское правительство;

наконец, разоблачение смысла реформистского маневра, раз'яснение того, что центральной точкой приложения сил может и должна быть в настоящее время борьба против правительства буржуазного блока—таковы различные (и неполные) варианты ответов, выдвинутых в противовес реформистскому маневру.

Прекрасный исчерпывающий ответ на эти тактические проблемы дает опыт лодзинского движения и отчасти греческой всеобщей стачки. «Каждая сколько бы то ни было крупная экономическая стачка сталкивает рабочих с трестированными капиталистическими гигантами, сросшимися с государственной властью империалистов. Каждая такая стачка приобретает поэтому политический, т.-е. общеклассовый характер», гласит постановление VI конгресса Коминтерна. Правильность этого положения засвидетельствована всеми крупными движениями последнего времени. В Лодзи, например, борьба текстильщиков, выдвинувших официально исключительно экономические требования, именно потому и получила активную поддержку остальных отрядов рабочего класса, вплоть до самых отсталых, что общеклассовый характер борьбы был ясен для всех. При обострении борьбы, большем ее размахе и вмешательстве всех сил государства стачка не могла не выдвинуть и чисто политических требований. Правда, руководящие стачкой органы не декларировали никакой политической платформы, но в массе стачечников находили широкий отклик и пользовались почти безраздельным признанием лозунги компартии. Эти лозунги были: 1) Долой фашистскую диктатуру Пилсудского, 2) Долой предательство реформистов, 3) против войны с СССР, 4) За рабоче-крестьянское правительство. По тому же типу развивалось движение в Греции: экономическая борьба крупнейшего отряда пролетариата (табачников), поддержанная остальными отрядами рабочего класса, перерастает в борьбу против правительства. Не лозунги рабочего контроля и национализации мобилизуют рабочий класс и подымают экономическую борьбу на высоту напряженной политической борьбы. Выступление крупного отряда рабочего класса, мобилизация вокруг этой борьбы всех или почти всех рабочих других отраслей промышленности непосредственно переходит в борьбу против правительства, в атаку накоротке на узловую позицию противника—государственную власть. Эта схема развития событий в основных чертах, несомненно, повторится и в ближайших крупных столкновениях. Соответственно этому основная задача коммунистических партий заключается в подготовке крупных экономических движений, в расширении фронта борьбы и привлечении других, в первую очередь связанных с движением, отраслей промышленности, наконец, в раз'яснении политического смысла борьбы и популяризации таких политических лозунгов, которые выдвигают на первое место борьбу против правительства, социал-демократии и опасности войны. Таким образом, лозунг расширения фронта борьбы является необходимым звеном коммунистической стачечной стратегии. Однако, к сожалению, он проводится в жизнь неумело и непрактично. Пишутся статьи. Статьи варьируют эту мысль на разные лады. Но очень редки, почти единичны случаи, чтобы какой-либо из крупных компартий удалось провести широкую и успешную кампанию солидарности бастующим даже в своей стране, не говоря уже о солидарности интернациональной. Маленькое, казалось бы, практическое дело организации сборов для поддержки бастующих поставлено из рук вон плохо. Между тем, эти сборы могли бы сыграть громадную роль, создавая ту атмосферу сочувствия и поддержки стачечников, при которой гораздо легче осуществить лозунг расширения фронта борьбы.

Встречаются и прямые отступления об общей тактической линии. Например, ошибкой берлинского движения металлистов (в Берлине в союзе металлистов компартия пользуется преобладающим влиянием в членской массе) было именно то, что движение разбилось на ряд последовательных

разрозненных выступлений отдельных профессий (токарей, формовщиков, инструментальщиков), рассеяв активность и недовольство рабочих.

Сказанное, конечно, представляет собою общую схему. Каждый экономический конфликт настолько своеобразен, что требует самого внимательного учета всех конкретных обстоятельств и всех особенностей положения. Вычитать из статей и книжек, что надо делать в той или другой ситуации, невозможно, хотя этим мы грешим очень и очень часто.

Есть, однако, все основания думать, что ход развертывающейся на наших глазах экономической борьбы многому научит сторонников Профинтерна. Наиболее замечательным в последних конфликтах труда с капиталом было то обстоятельство, что коммунисты уже выступали в качестве руководящей силы. Так было в стачке текстильщиков на севере Франции, в стачке гамбургских портовых рабочих, в лодзинской стачке и др. хотя и не всюду лозунги и директивы партии пользовались безраздельным влиянием на рабочую массу, борьба с реформистами за руководство стачкой шла зачастую с переменным успехом, но всюду мы выступали, как сила, которая не только хочет руководить, но и может эту задачу выполнить. И всюду нам удавалось вырвать из-под влияния реформистов известные слои рабочих, которые примыкали к нам в процессе борьбы. Это т о н о в о е, что принесли движения осени 1928 г. К сожалению, мы еще не в состоянии детально проработать опыт этих движений, которые безусловно выдвинут ряд новых проблем.

Даже в беглом очерке, опуская ряд других вопросов, непосредственно относящихся к тактике экономической борьбы, нельзя пройти мимо государственного арбитража. Этот институт, введенный почти во всех европейских странах, получил особенное развитие в Германии. Здесь он сделался настоящим бичом экономической борьбы. Насколько широко практикуется государственный арбитраж, можно судить хотя бы по тем неполным данным, которые приводят реформистские источники. Так в текстильной промышленности Германии в 1927 г. был 371 случай движения, в целом обнимавшего 3.027.207 рабочих [1]). Из этого числа для 2.239.465 рабочих (74%) конфликты служили предметом разбирательства в государственных арбитражных инстанциях, из них для 1.007.384 рабочих арбитражные решения были об'явлены обязательными. В швейной промышленности конфликты охватывали 347.279 участников; для 230.753 они были закончены при участии государственного арбитража. Тов. Ф. Геккерт в № 37 «Коммунистического Интернационала» считает, что для 80% рабочих основных отраслей производства (горной, металлической, текстильной, химической, строительной, деревообделочной и бумажной) заработная плата в 1927 году была определена в порядке арбитража. Государственный арбитраж не только связывает борьбу рабочих, не только запрещает эту борьбу (обязательные решения!), но и открывает новые возможности для маневрирования реформистов. Последние всюду и везде проводят принцип безусловного подчинения арбитражу, но в то же время не прочь представить дело таким образом, что они «вынуждены» подчиниться. Столь широкое вмешательство государства в экономическую борьбу не могло не вызвать соответствующей реакции в рабочей массе. Это сказалось даже на Гамбургском с'езде профсоюзов, где господа реформисты призадумались над все растущей волной недовольства, грозящей сломить и сорвать арбитражный институт. Пытаясь спасти идею сотрудничества классов, с'езд вынужден был рекомендовать более широкую практику третейского (не государственного) арбитража. Мы с своей точки зрения можем быть довольны этим решением, как симптомом того запутанного положения, в котором все глубже завязают реформисты.

[1]) Здесь учтены не только стачки и локауты, но и другие случаи конфликтов по поводу условий труда.

Выдвинутое в свое время Брандлером и поддержанное некоторыми примиренческими товарищами положение об «использовании» арбитража, конечно, ни в какой степени не может определять нашего отношения к этому институту. Как можем мы использовать арбитраж, который достаточно уже используется против рабочего класса, против нас? Мы используем, правда, некоторые учреждения буржуазной государственности, напр., парламенты. Но используем мы их, как средство мобилизации масс при выборах, как трибуну для популяризации наших лозунгов в промежутках между выборами. Никаких подобных возможностей арбитражные суды и комиссии нам не предоставляют. С другой стороны, была бы неправильна и голая формула саботажа и бойкота арбитражных инстанций. Активная мобилизация рабочих масс для борьбы против системы государственного арбитража, разоблачение и дискредитация этого института и, пожалуй, самое главное—организация стачек вопреки и против арбитражных решений, сколько бы ни об'являл их обязательными социал-демократический господин министр труда—таково должно быть наше отношение к арбитражу.

* * *

Последствия стабилизации капитализма сказались отчасти в том, что упадок численного состава реформистских организаций приостановился. Это относится к Амстердамскому Интернационалу в целом, но особенно ясно проявляется эта тенденция в Германии, где реформистские союзы в течение 1927 года увеличили свой членский состав почти на полмиллиона (482.000). Особенно заметен быстрый рост союза металлистов (20,8% прироста в течение года). Эти факты свидетельствуют, конечно, о дальнейшем оживлении рабочего движения и под'еме активности рабочих, что на первых этапах приводит к некоторому кажущемуся росту сил реформистов. Чрезвычайно интересно проследить, как отражается на внутренней жизни профорганизаций переживаемый нами период под'ема рабочего движения, какое новое соотношение сил создает этот под'ем. Первое, что бросается при этом в глаза—это большая инерция профсоюзной жизни, ее так сказать отставание. Те явления, которые наметились уже совершенно ясно в общеполитической жизни страны, находят свое выражение в жизни профорганизаций значительно позже. Парламентские выборы во Франции и в особенности в Германии свидетельствовали о большом сдвиге в рабочем классе в сторону коммунизма. Кампания против постройки нового броненосца в Германии, к сожалению, недостаточно нами использованная, все-таки показала совершенно ясно отрыв новых слоев рабочих из-под влияния реформистов. В профессиональном движении эти тенденции проявляются впервые лишь осенью нынешнего года в процессе последних стачек и локаутов. Еще летом 1928 года при выборах на с'езд Германского союза металлистов относительный прирост голосов у социал-демократов был больше, чем у коммунистов. Еще до последнего времени мы не могли констатировать определенной тенденции к росту ни французских, ни чехо-словацких революционных союзов. В этом сказываются не только общие условия работы в профорганизациях, конечно, до известной степени об'ясняющие более медленный темп развития наших успехов в профдвижении. Сказывается также и далеко недостаточное внимание, уделяемое профработе европейскими компартиями и отсутствие необходимой системы и планомерности в этой работе. В числе прочих причин, обусловливающих слабость наших позиций в профдвижении капиталистических стран, это обстоятельство играет не последнюю роль. Даже у очень выдержанных, казалось бы, товарищей наша слабость вызывает иногда сомнения в возможности завоевания нами профсоюзных организаций: к чему-де завоевывать союзы, если придет революция и решит все проблемы профдвижения, свергнув вместе с буржуазией и реформизм? Громадное значение приобретают поэтому работы IV конгресса Профинтерна и в особенности VI конгресса Коминтерна, со всей выпуклостью подчеркнувшие важность и первоочередность профработы. Программа Коммунистического Интернационала, выдвигая задачу «овладения профсоюзами, этими действительно массовыми организациями рабочего класса, связанными с повседневной его борьбой», свидетельствует о том, что основная установка нашей работы в профсоюзах не изменяется. Эта общая установка теснейшим образом связана с задачей привлечения на свою сторону большинства рабочего класса, с необходимостью повседневной, преданной и терпеливой работы внутри профсоюзов. В рамках этой общей установки мы обостряем свою борьбу против реформизма социал-демократии.

В области профсоюзной работы обострение борьбы с реформизмом сказывается не только в усилении исключений и репрессий против отдельных коммунистов. Оно приводит к тому, что реформисты пытаются расколоть движение, изолировав те организации, в которых мы уже пользуемся преобладающим влиянием. История Базельской организации, Шотландского союза горняков и раскол профдвижения в Греции служат наглядным тому подтверждением. В Швейцарии реформисты под формальным предлогом исключили из общешвейцарского профоб'единения Базельский картель (Совет профсоюзов). Действительной причиной исключения был тот факт, что в Базеле из 15.000 организованных рабочих только от 3—5.000 находятся под влиянием реформистов. Подавляющее большинство организованных рабочих Базеля идет под руководством компартии. Это стало особенно опасным для профсоюзных бонз в связи с перспективой общего полевения рабочих масс. Реформисты не остановились перед созданием в Базеле нового картеля, к которому примкнули лишь незначительные и маловлиятельные реформистские союзы. Этот новый картель получил, конечно, такой устав, который фактически обеспечивает сохранение руководства в руках реформистов при любом составе входящих союзов.

Еще более откровенно действовали реформисты в Шотландии. Выборы в крупнейших организациях союза горняков—Файфе и Ланаркшире, обеспечили переход руководства общешотландской федерации горняков в руки сторонников движения меньшинства. Реформистские лидеры попросту не созывают общешотландскую конференцию, игнорируя голосование горняков и продолжая выполнять те функции, на которые они никаких полномочий не имеют.

В Греции в мае 1928 года состоялся с'езд профсоюзов. На этот с'езд не было допущено 129 представителей, главным образом крупнейшего в Греции профсоюза табачников, находящегося в руках левых элементов. На самом с'езде реформисты имели 277 голосов против 149. И это после неслыханной по грубости фальсификации громадного числа реформистских мандатов, представляющих сплошь и рядом организации, никогда не существовавшие и буквально купившие за счет предпринимателей право присутствовать на с'езде. Не подлежит никакому сомнению, что подавляющее большинство профессионально-организованных рабочих Греции выбрало на с'езд представителей левого крыла. На 3 день с'езда левое крыло было исключено «как беспорядочный элемент», который «не перестает чинить препятствия нормальному ходу работ с'езда». Реформисты, или точнее социал-фашисты, как зовут их в Греции, побоялись дать политическое обоснование своему раскольническому шагу.

Эти события, разыгравшиеся в конце 1927 г. и начале 1928 года, показывают, что реформисты, раз решив итти на раскол, проводят все свои раскольнические операции очень решительно, не останавливаясь ни перед чем. Особенно характерно полное пренебрежение к голосованиям широких союзных масс. Потеряв влияние в данном районе или союзе, реформисты все свои

усилия направляют на удержание в своих руках союзных инстанций; если же это невозможно, то создают новые организации, как бы незначительны они ни были.

Наиболее благоприятные позиции для ответа на реформистский раскол находились в руках левого крыла в Греции. То влияние, которым пользуется левое крыло в рабочих массах, значительно сильнее влияния реформистов. Исключение революционных элементов со с'езда союзов поэтому не угрожает нам изоляцией от рабочего класса. Эта перспектива угрожает скорее социал-фашистским верхушкам, не имеющим в своих руках крупных организаций. Исключенное со с'езда левое крыло вместе с недопущенными на с'езд делегатами табачников и других союзов собралось немедленно на конференции, которая создала временный руководящий центр исключенных союзов. Создание постоянного, правильно функционирующего об'единения союзов, стоящих на платформе классовой борьбы, представляет собою ближайшую задачу дня, которую греческое профдвижение выполнит безусловно успешно. Тем самым греческое движение, подобно движению других балканских стран, будет развиваться по типу стран с расколотым движением.

Значительно сложнее была задача революционных элементов в Швейцарии и в Англии. И Базель и шотландские горняки представляют собой отдельные, правда, крупные организации, где влияние коммунистической партии значительно сильнее, чем в остальных районах страны. Это, так сказать, передовые позиции, которые реформисты пытаются обойти и отрезать от остальной массы профессионально организованных рабочих. Но и в этих случаях тактика пассивности и капитулянтства не привела бы ни к чему, кроме дезорганизации наших рядов, потери нашего влияния. Правильность этого утверждения может, к сожалению, засвидетельствовать опыт шотландского союза горняков. Вялая и недостаточно активная позиция наших товарищей, до сего времени не перешедших в решительную контратаку против реформистских бюрократов, окопавшихся в правлении Шотландской Федерации, затянула разрешение конфликта. Недостаточное раз'яснение наших общих задач позволило известным, менее сознательным, слоям рабочих рассматривать всю борьбу, как склоку вождей. Все это уже сказалось в упадке членских взносов, в некотором понижении общей активности рабочих. Поправить создавшееся положение может только переход к более решительным действиям, ставящим своей целью сломить саботаж правления, упорно не сдающего своих постов.

Удачнее сопротивлялись реформистским раскольникам базельские товарищи. Требование реформистов о роспуске старого картеля не было выполнено. Попытка разрушить старый картель, предписав отдельным союзным организациям выйти из его состава, не удалась. В первом туре борьбы реформисты, таким образом, потерпели поражение—им не удалось ни разрушить нашей организации, ни исключить базельские союзы. Не последнюю роль сыграла здесь твердость и решительность в защите занятых нами позиций и активная борьба против раскольнической тактики реформистов путем апелляции ко всем рабочим Швейцарии. В дальнейших перипетиях этой не закончившейся еще борьбы решающее значение также будет иметь мобилизация рабочих масс для борьбы против раскола.

Все эти события показывают, что привлечение на свою сторону большинства рабочего класса и даже большинства профессионально - организованных рабочих, являясь основной задачей нашей работы в профсоюзах, не исчерпывает еще полностью проблемы овладения профсоюзами. Остается еще задача организационного оформления нашего влияния, которая не может быть решена без систематической подготовительной работы. При любой из попыток профсоюзных верхушек расколоть движение наши позиции и наша борьба против раскола оказываются тем успешнее, чем большее количество

местных союзных организаций или даже целых союзов (табачники в Греции) находится в руках революционных элементов. Переход низовых организаций под влияние революционного крыла проходит, конечно, тоже не безболезненно. Но здесь на фабрике и заводе реформистам будет труднее удерживать свои позиции таким простым саботажем принятых решений, как это имело место в Шотландии. Бешеное сопротивление реформистов возрастает в прогрессивной пропорции по мере того, как борьба эта сосредоточивается вокруг более важных и значительных центров профдвижения. Неизбежное на дальнейших этапах обострение классовой борьбы сулит реформистам перспективу изменить соотношение сил, конечно, не в их пользу. Отсюда усиление их раскольнической деятельности в профсоюзах.

Наиболее опасным для Коммунистического Интернационала и для дальнейшего развития профработы компартий являются в настоящее время правые и примиренческие тенденции. Взгляд Иоганна Эффеля, признающего возможность идейного завоевания реформистской бюрократии, означает надежду привлечь на свою сторону заведомых агентов буржуазии. Практически эта позиция стирает всякую разницу между коммунизмом и реформизмом, означает переход на позиции «левого» реформиста, фрондирующего против слишком откровенных своих правых коллег, но надеющегося их переубедить и на них повлиять. Отсюда тянется целая гамма переходов вплоть до тех товарищей, которые имеют «только одно» замечание к решениям IV конгресса Профинтерна: нельзя-де так резко обзывать амстердамцев штрейкбрехерами и орудием капиталистов—рабочие не поймут этого, мы ослабим только свое влияние. Не в первый раз при этом ссылаются на мнимое непонимание рабочих те товарищи, которые сами не понимают эволюции реформистов и не понимают своей задачи эту эволюцию раз'яснить и показать на практических примерах штрейкбрехерскую роль амстердамцев и их служение капитализму. В вопросах борьбы с реформистским раскольничеством все эти различные по степени концентрации устремления ведут к тому, что реформистские мероприятия не встречают должного энергичного отпора, главное же не сопровождаются совершенно необходимой борьбой за привлечение рабочих масс к активным выступлениям против исключений, расколов и т. д., и т. п. Обращение к рабочей массе—это единственное реальное оружие в наших руках для борьбы с реформистами против раскола. Не использовать это оружие значит быть разбитыми.

Было бы противоположной крайностью итти с легким сердцем навстречу раскольническим мероприятиям реформистов. Выступая всегда и всюду за единство рабочего класса, мы, естественно, не можем под этим единством понимать единство с реформистскими бюрократами. Но реальный учет наших сил и состояния работы в крупнейших капиталистических странах диктует нам необходимость давать решительный отпор раскольническим попыткам реформистов, изыскивая все возможности продолжать работу в существующих союзах вопреки преследованиям, травле и исключениям. Эта тактика, конечно, будет, видоизменяться в зависимости от соотношения сил в каждой отдельной стране, от конкретной ситуации и т. д.

Задачи нашей работы внутри существующих, главным образом реформистских, союзов теснейшим образом связаны с проблемой организации неорганизованных. Реформистские союзы в Германии, как мы видим, вступили в полосу роста своего членского состава. Но в Англии и в особенности в Америке мы имеем обратный процесс. Наиболее ярко сказывается упадок американских союзов. Даже официальная статистика союзов, дающая заведомо преувеличенные данные о членском составе, со всей ясностью рисует упадок в особенности тех союзов, которые были до сих пор наиболее массовыми, по американским, конечно, понятиям, организациями. Последним крупнейшим фактом такого рода был крах известного Льюисовского союза гор-

няков, который в результате кризиса, связанного главным образом со стачкой в Пенсильвании-Огайо, потерял половину своего членского состава. Американские союзы окончательно выродились в кастовые союзы рабочей аристократии, которые никогда, повидимому, не поставят перед собой задачи собрать в своих рядах крупные массы рабочих. Продажность и делячество лидеров этих союзов общеизвестны. Громадному по численности пролетариату Америки грозит перспектива остаться неорганизованным или попасть в руки таких организаторов как S. W. W., если за дело организации неорганизованных не возьмется молодая коммунистическая партия Америки. Почин этому делу положен осенью нынешнего года организацией нового союза горняков, создавшегося в результате продолжительной, кончившейся поражением стачки в Пенсильвании-Огайо, и образованием нового союза текстильщиков, который сложился в результате деятельности стачечных комитетов во время Нью-Бедфордской стачки текстильщиков. Рано еще говорить об успешности этих первых попыток. Оба союза едва только закончили свои учредительные с'езды. Оба они привлекли к участию в этих с'ездах по несколько десятков тысяч рабочих. Слишком много зависит еще от того, в какой мере организаторы союзов окажутся в состоянии справиться с задачей вовлечения широких масс рабочих и их об'единения в крепкую организацию. Несомненно, однако, что вся об'ективная обстановка как нельзя более благоприятствует осуществлению этой задачи и что коммунистическая партия Америки имеет все возможности занять твердую боевую позицию в рабочем движении. Назревает необходимость обратиться к созданию нового союза и среди моряков Англии. Первый организатор английских моряков Хавелок Вильсон, сохранивший в своих руках почти монополию представительства их интересов, повел свою организацию по пути американизма. Его тесная связь с капиталистами, его штрейкбрехерская роль во всех движениях, в особенности памятная нам по генеральной стачке 1926 года, все это заставило даже конгресс трэд-юнионов в Сванси исключить союз Хав. Вильсона из числа примыкающих к Генсовету. За дело организации моряков берется теперь Бевиновский союз транспортников и чернорабочих, которому Вильсон согласен передать свою организацию. Можно ли сомневаться в том, что секция моряков при союзе Бевина во всех своих существенных чертах будет продолжать славные традиции Вильсоновского союза?

Революционная работа в профсоюзах развивается, преодолевая на своем пути большие трудности. Сплоченным фронтом выступают против революционных элементов и правительства, и капиталисты, и социал-демократия, каждый разыгрывая свою особую роль, облегчая друг другу взаимное маневрирование. Но главные трудности лежат не здесь. Даже в самых тяжелых, невероятных условиях работы, напр., в фашистской Италии, Польше, под господством белого террора в Китае, находят революционные элементы свою дорогу к рабочей массе. Главные трудности заложены в том, чтобы при всех условиях и с учетом всего своеобразия положения в каждой стране в отдельности, через все этапы растущего под'ема рабочего движения суметь вести рабочую массу, ставить ей конкретные цели революционной борьбы, сплачивать в крепкие организации. Решающие корни влияния реформизма и социал-демократии на рабочий класс заложены именно в профдвижении. Без этих позиций социал-демократия, может быть, численно и большая, останется только мещанской партией солидных господ и стареющих дам. Ненужная капиталистам, враждебная рабочим, она перестанет играть роль крупной силы в системе империализма. И величайшим препятствием для усиленной борьбы с социал-демократией являются те правые и примиренческие течения, которые в основе своей все еще рассматривают социал-демократию, как одну из партий рабочего класса.

Вполне понятно, что эти течения находят наибольший отклик среди тех коммунистов, которые работают в профдвижении. Именно им приходится чаще иметь дело не с авангардом, а с массой рабочего класса, сталкиваясь с предрассудками, отсталостью, предубеждением отдельных слоев рабочих. Но никогда еще не считалось коммунистической добродетелью превращать предрассудки отсталых слоев рабочих в коммунистические якобы убеждения. Политически вся позиция правых означает капитуляцию перед опаснейшим врагом—социал-демократией, а позиция примиренцев, как правило, эту капитуляцию прикрывает. С особенной ясностью бросаются в глаза эти тенденции в тех случаях, где мы сталкиваемся с левым крылом социал-демократии, где труднее вскрыть корни обмана, где чаще и сильнее возникают в рабочей массе и у части партийных товарищей иллюзии о возможности совместной работы с этими господами. Ведь, если от'явленных амстердамцев нельзя назвать штрейкбрехерами, как характеризовать тогда какого-нибудь левого радикального крикуна из социал-демократии?

Выборы на с'езд немецкого союза металлистов летом нынешнего года принесли нам наибольшие успехи в тех районах и округах, где социал-демократы выступали наиболее откровенно и грубо. Наиболее скромными были наши успехи в тех районах, где мы, как, напр., в Саксонии, боролись против левых социал-демократов. Мы не гарантированы, однако, ни против возможного усиления и роста влияния их левого крыла. Подготовить компартии к специфическим особенностям борьбы против штрейкбрехеров, щеголяющих радикальными фразами, одна из важнейших задач партийного руководства.

Революционное профдвижение вступает сейчас в новую фазу своего развития. Об'ективная обстановка толкает рабочие массы в нашу сторону, ускоряет разоблачение и подрыв влияния реформистов. От преодоления внутренних слабостей и недочетов движения зависит теперь, в какой степени сумеем мы использовать благоприятную обстановку.

Ев. Космин.

Украинские планы польского фашизма.

Украинский вопрос и подготовка к войне против СССР.

Империалистическая Польша, нетерпеливо подталкиваемая и всемерно поощряемая своими английскими наставниками и покровителями, деятельно готовит силы для нападения на Советский Союз. Поспешность, с какой Польша проводит ряд мероприятий по развитию своей военной промышленности, необычайная активность генерального штаба польской армии в деле установления идейной и технической связи с армиями прибалтийских государств и Румынии, популяризация Пилсудского в этих странах, как будущего вождя их об'единенных армий, участившиеся, наконец, поездки по столицам соседних с нами государств представителей французского генерального штаба—свидетельствуют о наступлении, очевидно, каких-то сроков.

В системе мероприятий по подготовке Польши к войне против СССР, вопросы внутренней ее политики, обеспечения тыла, играют первостепенное значение. Вообще говоря, всякая война польского империализма против СССР, исходя именно из соображений ее внутреннего положения, определяемого наличием обостреннейших социально-классовых и национальных противоречий в Польше, является, в конце-концов, не чем иным, как авантюрой. Это не значит, конечно, что голос разума заставит одуматься руководящие круги польской политики и натолкнет их на путь действительно мирного сожительства с Сов. Союзом. Не входя в обсуждение всей суммы вопросов внутренней политики польского правительства, связанных с подготовкой к войне, имеем целью осветить лишь планы и намерения его в украинском вопросе. Украинская проблема в Польше явится одним из важнейших факторов, определяющих социально-политическую обстановку в подготовляемой войне против Советского Союза. Из государств, включающих в расчеты своих антисоветских комбинаций и планов вопрос об Украине, Польша занимает особое положение. Именно, Польша является основным центром, инициатором и выполнителем целого ряда провокационных выступлений и выпадов против Советской Украины. Причины такого внимания Речи Посполитой к украинскому вопросу кроются прежде всего в национальном составе, населения польского государства. Семь миллионов обезземеленного и национально угнетенного трудящегося украинского люда, стихийно стремящегося к воссоединению со своим социалистическим отечеством, не выкинешь из общего баланса сил, призванных решать борьбу между трудом и капиталом на одном из ее важнейших участков.

Программа пилсудчиков.

Украинскому вопросу в самой Польше придается настолько большое значение, что по этой линии идет размежевание руководящих политических кругов Польши на два лагеря—лагерь пилсудчиков - федералистов, во главе с Пилсудским, и лагерь национал-демократический, об'единяющий все другие националистические реакционные элементы Польши.

Лагерь Пилсудского поставил себе целью воскрешение в том или другом виде старого государства Ягеллонов. По теории пилсудчиков, получившей название «федерализма», Польша только в том случае сохранит свою независимость, если одно из государств, между которыми она находится,—Россия или Германия—подвергнется постоянному процессу разложения. Надежды на разложение Германии, по мнению пилсудчиков, более чем сомнительны, ибо она представляет слишком мощный хозяйственный и национальный организм. Политика Польши в германском вопросе, поэтому, должна быть направлена к созданию франко-польско-германского соглашения, которое даст Польше возможность более активного и широкого участия в международной политике и развяжет Польше руки на востоке. Другое дело Россия.

Врагом Польши, польских традиций, системы государственности и культуры является, по мнению пилсудчиков, не сосед на западе, а сосед на востоке. Большевизм, по их представлению, смотрит на Польшу, как на барьер, поэтому первый удар его будет направлен на нее. Польша, являющаяся, по признанию самих пилсудчиков, в восточном вопросе связующим звеном интересов Англии и Франции, должна будет, таким образом, об'ективно-неизбежно превратиться в форпост этих государств. Проблема большевизма настолько обширна, что требует использования всех реальных факторов, могущих быть полезными Польше в осуществлении ее планов. Кроме того, революция в России, по теории пилсудчиков, вызвала в населяющих ее народах сепаратизм в небывалых еще размерах. Этот сепаратизм нужно использовать, пока еще не поздно, в интересах Польши. Пользуясь революционным хаосом, нужно заставить Россию отказаться от всех прав на земли, принадлежавшие Польше до первого раздела, при чем с помощью Польши на этих землях должны быть образованы «независимые государства», связанные унией или теснейшим союзом с Польшей. Особенно в этом отношении имеет значение «независимая Украина». Естественным врагом будущей «независимой Украины»—утверждают пилсудчики—будет всегда Россия, для которой обладание Украиной—вопрос жизни и смерти. Независимая Украина поэтому принуждена будет искать естественной опоры в Польше. Пилсудский и его лагерь, иначе говоря, выдвигают идею создания ряда буферных государств, осуществление которой отбросит советские республики к границам прежнего московского княжества. (Федералисты имеют в виду и Грузию и вообще народы Кавказа). Соответственно этой основной цели определяется и программа пилсудчиков в отношении нынешнего украинского населения Польши.

Учитывая, что национальные меньшинства составляют до 40% населения польского государства, тяготеющего в основной своей массе к Советскому Союзу, пилсудчики прямо заявляют, что с этим фактом необходимо постоянно считаться. Польское правительство, по их мнению, должно стремиться создать себе прочную опору среди наиболее «лойяльных» слоев, организаций и институтов украинского народа, исторически сложившихся на окраинах государства. В первую очередь таким «лойяльным» институтом будет православная церковь на Украине и Белоруссии, спокойное «соглашение» с которой может, мол, дать значительно больше польской государственности, чем различные уступки украинским и белорусским политикам. Теперешний же курс, взятый министерством исповеданий на Крессах, по мнению пилсудчиков, не отвечает симпатиям населения и является политической ошибкой. Министерство исповеданий не должно содействовать насильственной украинизации и белоруссизации церкви, ибо последняя проводится не по желанию белоруссов и украинцев, а лишь в целях политической игры с украинскими и белорусскими политиками. Для народных же масс более важным-де является сохранение обрядовых навыков в вопросах религии, чем формальная последовательность.

Министерство исповеданий должно поэтому сохранить полный «нейтралитет» во всех церковных вопросах, предоставив лишь католическому духовенству «содействовать» тому или иному течению на Украине или Белоруссии.

Далее, по мнению пилсудчиков, польское правительство должно проводить «благосклонно-нейтральное» отношение к росту белорусского и украинского национального сознания и культуры. Польская администрация на местах, по их мнению, должна допускать «лойяльных» белоруссов и украинцев к государственной службе без тех затруднений, какие ставятся сейчас.

На ряду с этим должны быть приняты всевозможные меры к улучшению администрации на Крессах. В вопросах экономических польское правительство должно главное свое внимание сосредочить «на восстановлении и укреплении среднего и мелкого крестьянского хозяйства». (Читай кулацкого. *Е. К.*). При помощи парцелляционной политики в аграрном вопросе правительство Пилсудского стремится «успокоить» восточные окраины, создать в среде крестьянства слой сельских «пилсудчиков», поддерживающих польский фашизм в его военных авантюрах против СССР.

Пилсудчики считают, что только при последовательном и строгом выполнении указанных мер будет возможна широкая и добросовестная «ассимиляция» украинского и белорусского населения. Без этого же на восточных Крессах государства положение никогда не будет «прочным и уверенным».

Раз'яснению этого курса политики польского правительства посвящены многочисленные статьи в польской прессе. Из них отметим характерную статью в «Пшеглонде Волынскем» от 16 ноября 1928 года под заголовком «Еще раз о том же». Статья показательна тем, что она написана с целью поправить и замазать провокационные выступления Волынского воеводы Юзефского и представить официальную точку зрения польской администрации на окраинах. Статья обращается ко всем тем, кто возражает против необходимости активизировать разрешение украинского вопроса в соответствии с интересами польской государственности. Исходя из весьма остроумной предпосылки, что «украинцев не удастся ни утопить в реке Стрий, ни полонизировать их в массе» автор считает, что интересы Польши требуют, «чтобы волынские земли, которые населяют преимущественно украинцы, остались неот'емлемой частью Речи Посполитой, независимо от тех исторических перемен, которые произойдут у восточного соседа. Концепция о неизбежности образования независимой Украины, абсолютно верная и неизбежная, прекрасно мирится с государственной ассимиляцией украинского народа, живущего в пределах Речи Посполитой... Формулируем наши мысли. Украина будет. Волынь в ее нынешних границах останется основной частью Польши. Украинцы, живущие на нашей территории, могут стать преданными Польше гражданами... Мы не являемся детьми и прекрасно знаем, что эта линия встречает препятствия как с польской (имеется в виду точка зрения национал-демократов, требующая национальной ассимиляции украинцев. *Е. К.*), так и украинской стороны, но просим указать другой путь».

Программа национал-демократов.

Правые польские партии настроены против федералистической программмы Пилсудского. Они считают, что экспансия Польши на восток, стремление в той или иной форме захватить Украину будет постоянно служить источником войны. Кроме того, она способствует развязыванию национальной и классовой борьбы в Польше, чего последняя должна бояться больше всего.

Основное стремление Польши должно быть направлено к захвату Балтийского побережья. Реализация такого плана в Прибалтике приведет к быстрой индустриализации Польши, к развитию городов, вообще «к прогрессу западной цивилизации»,—так гласила программа национал-демократии, обоснованная ее идеологом Ст. Грабским.

Иначе говоря, политика национал-демократии шла по линии ослабления Германии. Для выполнения этого плана национал-демократия выдвигала определенную программу и по национальному вопросу. Польша должна быть не государством национальностей (с буферами или без буферов), а национальным государством.

Целью польской политики по взглядам национал-демократии является прежде всего обеспечение целости польского государства, тесное об'единение территорий, населенных национальными меньшинствами с национальной польской территорией. Это полное об'единение может быть достигнуто путем расширения на восток польского земледелия, промышленности и торговли, польского языка и цивилизации, вместе с государственной и культурной ассимиляцией находящегося там украинского и белорусского населения. Национальную политику на Крессах (восточные области), нужно вести так, чтобы через 10 лет в Польше не было ни украинского, ни белорусского вопросов. Польская экспансия на польско-украинские земли является актом не политическим, а социологическим, и это движение польского населения на восток создается самой жизнью. Его необходимо урегулировать таким образом, чтобы оно не шло в разрез с польской ассимиляционной политикой.

Соответственно взглядам и политике национал-демократов складывались и взаимоотношения между польской государственностью и украинским движением до майского переворота. В Восточной Галиции, где наибольшей организованностью и политическим влиянием обладали украинские национал-трудовики, проповедывалась полная непримиримость в отношении Польши. Выборы в сейм в 1922 году прошли при полном бойкоте украинцев. Ни одна украинская партия Восточной Галиции в выборах участия не приняла. Исключение составляла только группа «хлиборобов», организованная польской дефензивой. После 1923 года, когда вопрос о принадлежности Восточной Галиции был разрешен Советом Послов, и после известной стабилизации польского государства в среде украинских мелкобуржуазных партий начали развиваться соглашательские течения. Лидеры украинских партий попрежнему провозглашали непримиримые лозунги, но по существу не прочь были пойти с польским правительством на целый ряд компромиссов. Политика Станислава Грабского не давала, однако, никакой платформы для подобного рода компромиссов, и все лучшие соглашательские чувства мелкобуржуазных украинских партий остались неиспользованными. Однако, в сейме их представители вели чрезвычайно оппортунистическую политику, идущую в разрез с интересами широких трудовых украинских масс. Ведя по существу соглашательский курс, украинские мелкобуржуазные партии под защитой лозунга «опираться на собственные силы» проводили в своей прессе и в своих политических выступлениях достаточно резкую борьбу против советофильских настроений украинского крестьянства.

Положение после майского переворота.

После майского переворота Пилсудского в официальной польской политике в украинском вопросе произошел ряд важных изменений. Широкие внешнеполитические планы Пилсудского, поддерживаемые и извне, требовали примирения или, во всяком случае, сближения Польши с украинской буржуазией и создания новой политики, в противовес опасным харьковским «экспериментам», под которыми имелась и имеется в виду вся политика советской власти в национальном вопросе и вытекающие из нее практические мероприятия по ее действительному осуществлению.

Учитывая улучшение международных позиций Польши и примирительные настроения украинской буржуазии, связанные с частичной стабилизацией, Пилсудский нашел, что наступило время для проведения ряда «реформ» и действительно пошел на некоторые уступки украинцам. Прежде всего сказалось это в области школьной политики. Частные украинские гимназии в Луцке, Ровно и Кременце получили государственные права, а затем был издан циркуляр об обязательном изучении украинского языка и в польских школах в Восточной Галиции. Украинский язык был введен также и в польских гимназиях Волыни. В общем мероприятия польского правительства на Крессах свелись к следующему:

а) Сейчас нигде в официальных правительственных учреждениях в бумагах не употребляется слово «русин», а только «украинец».

б) Вывески во всех народных школах на северо-западных украинских землях пишутся на двух языках—польском и украинском.

в) В польских гимназиях на украинских землях преподавание украинского языка проводится самым решительным образом, несмотря на протесты во многих местах со стороны осадников. Преподавателями являются по большей части украинские эмигранты (Модест Левицкий и др.).

г) Во многих уездных сеймиках много должностей предоставлено украинцам, правда, по выбору старосты, отвечающего за политическую благонадежность выдвигаемых кандидатур.

д) Украинская эмиграция и ее верхушка привлекаются к работе в правительственных учреждениях, им предоставляют часто даже очень видные посты. Это украинское чиновничество начинает агитировать среди украинской интеллигенции за примирение с польской государственностью, доказывая, что в Польше еще можно жить и во всяком случае лучше, чем под большевиками.

е) Просвиты более легко начали получать разрешения на спектакли, собрания и лекции, чего раньше никогда не было. Мелкие придирки к ним прекратились, а в ряде уездов старосты ежемесячно даже ассигнуют по паре десятков злотых на каждую из сельских просвит в уезде.

ж) Православное духовенство было до последних лет самым непримиримым противником польских властей: от них отняли землю и гражданство. Сейчас в отношении духовенства политика польского правительства резко изменилась. Им без шума тихо отдают землю и принимают в польское гражданство. Духовенство утихло, примирилось с польскими властями, а во многих местах пошло к нему на службу.

з) На должность сельских учителей начали за последнее время назначать петлюровцев и давать им польское гражданство. Благодарные, изголодавшиеся за прошлые годы эмигранты из кожи лезут вон, чтобы оправдать доверие.

Особое внимание за последнее время польское правительство и его администрация на местах уделяют вопросам экономического развития на украинских землях. Так, например, некоторым украинским кооперативным банкам по директиве правительства начали выдаваться субсидии и кредит. Размеры этой помощи, конечно, ничтожны, они не превышают нескольких сот злотых на первичное кооперативное об'единение. Но политическое значение этого факта значительно превосходит его экономический эффект. Дело в том, что условием получения субсидии или кредита польское правительство ставит политическую благонадежность данного кооперативного банка, домогающегося помощи. Подтверждением ее могут быть свидетельства о благонадежности, выдаваемые старостатами и воеводствами. Естественно, что большинство украинских банков, руководимых так называемыми угодовцами из народно-демократического об'единения, наперебой стараются доказать свою лойяльность к польскому правительству. Учитывая же, что кооперативы на ряду с просвитами являются единственными хозяйственными, культурными, а часто и политическими центрами украинского крестьянства, принимающими активное участие в проведении всех важнейших политических кампаний (выборы в сейм), не трудно уяснить, какие громадные политические выгоды польское правительство надеется извлечь из своих нищенских подачек.

Другим примером того, как под прикрытием мнимой экономической помощи польское правительство стремится накопить политический капитал среди украинского населения, является организованная им в октябре 1923 г. волынская хозяйственная выставка. Выставка эта, по словам вице-воеводы Дзевалтовского, должна была «демонстрировать прочную стабилизацию не только хозяйственной, но и общественно-политической жизни восточных окраин Польши, которые еще недавно были плацдармом военных действий.

Интересную иллюстрацию способов, при помощи которых польская администрация на украинских землях пытается вызвать к себе симпатии украинского населения, дает описание в воеводском органе на Волыни «Пшеглонд Волынски» в № 33 за сентябрь экскурсии сельской молодежи в Варшаву и Познань, организованной польскими учреждениями образования на Волыни. Уже самый национальный состав участников экскурсии, организация ее и руководство раскрывают политическую цель этого акта. Из 43 участников украинцы составляли 34 человека, поляки—8, евреи—1. Во время путешествия украинцам разрешено было «даже» петь свои национальные песни (очевидно, в польской республике национальная песня является таким доказательством свободы, что о нем находят нужным с подчеркиванием писать в правительственной прессе). Описывая далее посещение польских театров в Варшаве, ознакомление экскурсантов с учреждениями познанской польской кулацко-помещичьей колонизационной организации на восточных окраинах «Кулко Рельниче, автор статьи выбалтывает политический смысл экскурсии: «Хлебороб хлеборобу всегда был бы братом, если бы между ними не становился кто-то третий, кто везде сеет семя ненависти».

Польские фашисты на положении „партизан".

На ряду с политикой заигрывания польское правительство пытается обеспечить свои позиции на украинских землях и более реальными мерами. Мероприятия по насаждению на Крессах осадничества (польское казачество), проводятся с неослабной энергией. Деятельную помощь в этом смысле польскому правительству оказывают помещики, владеющие крупными латифундиями на окраинах. Так, например, волынские землевладельцы составили фонд в 1 миллион злотых, который передали в распоряжение штаба организации легионеров, ведающего вербовкой, отбором и посылкой осадников. Такой же фонд создается и помещиками белорусских земель. Несмотря, однако, на все меры поощрения, на материальную помощь, привилегии, высокое звание истинного польского патриота, желающих продать себя польским помещикам приходится искать днем с огнем. Об этом совершенно недвусмысленно заявляют сами руководители «союза легионеров», являющегося, как известно, организацией, проводящей практически осадничество. По их словам, «организация не располагает людьми, согласными итти в осадники». Не более блестяще обстоит дело и с вербовкой на окраинах в союз легионеров и организацию «стржелец», эту опору польского фашизма. Так, последние данные о состоянии организации по отдельным воеводствам, показывают, что союз легионеров и организация «стржелец» охватывают по полесскому воеводству около 0,5% всего населения Полесья, при наличии среди него 24,3% поль-

ской национальности, по Волынскому — 0,62% при 16,8%, по Подольскому — 0,8% при 45%. Главным и основным препятствием для более успешного расширения кадров польского фашизма является отношение к соответствующим организациям самого населения. В этом смысле национальный момент не играет решающей роли. Размежевание идет, несомненно, по классовой линии. Так, беря ряд воеводств с преобладающим польским населением, видим, что в познанском воеводстве соответствующие цифры таковы: легионеров (по отношению ко всему населению)—0,20% при 89,5% польского населения, в лодзинском—легионеров и стрельцов—около 1% при 83,2%, в люблинском—около 2% при 85,4% и т. д. Классовая борьба (Лодзь, Люблин), неразрешенная аграрная проблема (Познань), национальное и классовое угнетение (восточные воеводства) весьма выпукло проглядывают из этих сухих, увы, печальных для польского фашизма цифр. Необычайно яркую картину действительного отношения населения окраин к политике польского правительства рисует заявление одного из помещиков, сделанное на последнем с'езде полсудчиков: «Польские землевладельцы на Крессах не могут открыто придерживаться осадничей политики. За скрытую поддержку помещики расплачиваются поджогами, уничтожением посевов, травлей скота. Польские помещики на Крессах чувствуют себя теперь хуже, чем раньше. Их положение напоминает 1921 год, когда никто не был уверен, что проснется утром в своей кровати... Надо создавать самооборону и кадром этой самообороны должны быть легионеры...». Необходимо, по его мнению, «воздействовать на легионеров из Великой Польши в том смысле, чтобы они охотнее брали земли из осадничего фонда». Такие же вопли о помощи слышим от всех представителей восточных воеводств Польши. На Волыни, например, «мы (легионеры. *Е. К.*) чувствуем себя, как партизаны в тылу у противника. Прилив осадников несколько укрепил нас, но зато озлобил против нас сельское население».

Ту же картину по существу, но другими словами, рисует и польская пресса. В июльском № 1928 г. «Земи Влынской» автор статьи «Нельзя совершать ошибку сотрудничества» бьет тревогу по поводу того, что «просвиты», по его соображениям, являются настоящими большевистскими очагами, работающими на большевистские деньги, и уже не ограничиваются Волынью, а вторгаются в стены «нашей столицы» с пением «Ще не вмерла Украіна». Автор дает весьма характерную картину состояния украинского села. Последнее, по его мнению, «кипит и протестует при одной мысли о мирном сожительстве и сотрудничестве с польской государственностью», хотя,—говорит автор,—«необходимо отметить, что часть украинских граждан, особенно старшего поколения, лойяльна по отношению к Польше и не ведет антигосударственной политики, не давая себя тем самым использовать враждебной агитации».

Нельзя пожаловаться на то, что польские помещики и фашисты недостаточно красочно описывают нежные чувства, питаемые к ним украинским и белорусским крестьянством. Недвусмысленно характеризуют они и собственное свое самочувствие. Для полного колорита недостает лишь движимого зоологической ненавистью вопля русского монархиста и помещика Шульгина: «пулеметов сюда, пулеметов!»

Несмотря, таким образом, на политику заигрывания с националистически настроенной мелкобуржуазной украинской интеллигенцией и беспощадно проводимую политику угнетения широких трудовых масс украинского населения, действительные настроения последнего не сулят ничего утешительного для господствующих классов польского государства. Львовские события лишь слабая иллюстрация проявления этих настроений.

Украинский вопрос на международной арене.

Принципиально украинскому движению, как таковому, правда, в различной степени «симпатизируют» все государства мира. «Симпатии» эти выражают понимание прежде всего того несомненного обстоятельства, что образование независимого и, во всяком случае, враждебного Советскому Союзу украинского государства составляет необходимую предпосылку для политической и экономической стабилизации Европы. Во-вторых, что образование «независимого» украинского государства мыслимо лишь в результате войны на Востоке Европы между Польшей и СССР, финалом которой будет поражение последнего. Государством, наиболее заинтересованным в образовании «независимой» Украины, является Польша, которая имеет наибольшие связи с украинским национальным движением и для которой осуществление идей этого движения является прежде всего прямым интересом собственной безопасности и успеха экономического развития. С международной точки зрения это означает сужение базы большевизма, осуществление первого этапа подрыва его экономической и политической базы и подготовки ликвидации советского строя вообще. Интересы Польши, следовательно, совпадают с интересами Франции, Чехо-Словакии и Румынии, отсюда создается и поддержка со стороны этих стран украинскому движению, которая усиливается тем, что образование «независимого» украинского государства понимается в Лондоне, как положительный фактор для всей вообще политики Великобритании в отношении СССР.

Международное «признание» украинского вопроса нашло свое выражение в факте утверждения генеральным секретариатом Лиги Наций бывшего петлюровского министра Шульгина официальным представителем украинцев в комиссариате по делам эмигрантов б. России. Этот акт Лиги Наций имеет чисто политический характер. Он означает, что Лига Наций взяла на себя задачу покровительства и поддержки украинского белогвардейского движения. Характерно, что приглашение Шульгина произошло по настояниям Англии и Польши.

В последнее время польская политика стремится расширить круг государств, непосредственно заинтересованных украинским вопросом. К их числу относится прежде всего Италия. Летняя поездка 1928 г. в Рим Залесского дала повод газете «Курьер Лудзки» (одна из наиболее старых польских газет) в одном из своих майских номеров неосторожно выболтать намерения Польши и цель предстоящей поездки. Говоря о сближении Италии с Польшей, газета детализирует экономическую роль Черного моря и прямо указывает Италии пути к ее экономической экспансии. Она говорит: «Ведь эти побережья составляют прекрасный доступ к Украине с ее сельскохозяйственными и ископаемыми богатствами. Ведь через эти побережья ведет кратчайший путь к богатствам Кавказа и к закавказским и прикаспийским нефтяным источникам. Если бы Италия добилась выгодных условий для своего экономического проникновения на эти громадные, и весьма богатые территории, то она на долгое время разрешила бы свою проблему перенаселения и промышленной сверхпродукции. Балканско-средиземноморский блок очищает и сокращает Италии путь к этим восточным и северным берегам Черного моря в случае, если какой-нибудь новый, многими долгожданный русский переворот создаст достаточно благоприятные условия».

Как видим, Польша не стесняется в оплате и щедрой рукой раздает богатства Советского Союза всем, соглашающимся участвовать в ее предприятии.

Обособленное положение в украинском вопросе занимает Германия. Обособленность эта определяется не различием отношения к украинскому

вопросу, как таковому (создание независимой и враждебной СССР Украины), а противоречиями в смысле ее использования для целей собственной политики, вытекающими из общих противоречий Германии—Польши, созданными Версальским договором. Одно дело—Украина под «протекторатом» Польши, обеспечивающая ее восточные границы, другое дело—Украина Скоропадского, под покровительством германского империализма.

Особым вниманием Германии пользуются украинские партии в Галиции. Большинство правых украинских партий Галиции связано с Берлином. Украинское движение в Галиции Германия поддерживает с той целью, чтобы в затруднительный для Польши момент потребовать от нее тех или иных уступок, грозя в противном случае нажимом в Галиции.

Позиция украинских политических партий.

УНДО. До сего времени главной слабостью украинского национального движения была его разрозненность. Она лишала украинское движение возможности завоевать то положение за границей, которое является непременным условием для успеха движения, поскольку этот последний зависит от поддержки иностранных держав. Правда, для этого об'единения и централизации сделано еще весьма мало, но, во всяком случае, оно наметилось и обнаруживается. Руководящей группой при этом является группа Левицкого (УНДО), которая имеет за собой наибольшую поддержку наиболее активной в украинском вопросе иностранной державы—Польши. Левицкий пытается придать украинскому движению реальные формы, поэтому уже теперь все оппозиционные ему течения в украинском движении признали, что, во всяком случае, в интересах украинского дела, как такового, мешать работе Левицкого не следует. Это первый шаг на пути дальнейшего соединения разрозненных украинских буржуазных групп и партий. Принимая во внимание, что реальная сила и денежные средства имеются фактически исключительно у этой группы уже по одному тому, что именно она является орудием польской политики, нужно притти к выводу, что рано или поздно все украинские соглашательские партии движения в той или иной степени об'единятся с группой Левицкого и будут действовать по ее директивам.

Однако, группе Левицкого приходится преодолевать большие препятствия, прежде всего внутри своей собственной партии (УНДО). Для того, чтобы характер этих препятствий был ясен, необходимо коротко остановиться на истории возникновения УНДО и течениях, существующих в нем.

УНДО сейчас самая сильная украинская соглашательская партия в Польше. На ее стороне украинская интеллигенция, духовенство, она имеет старые традиции, старые организации. Она захватила просвиты, кооперативы, целый ряд научных учреждений. Но ее вес и значение ограничиваются только Галицией. На Волыни, Холмщине и Полесье УНДО не имеет никакого влияния. Наилучшим показателем влияния УНДО являются муниципальные выборы летом 1927 года: на этих выборах УНДО в Галиции получило 52% всех украинских мандатов.

УНДО организовалось путем об'единения 3-х разрозненных групп трудовой партии летом 1925 г. Инициаторы его хотели создать сильную партию, могущую выступать от имени украинского населения в Польше, партию, с которой считалось бы польское правительство, будет ли борьба или соглашение с ним. Свою политику лидеры УНДО с самого начала строили на необходимости соглашения с польским правительством. Вместе с тем, на этот путь их толкали прежде всего классовые чувства. Лидеры УНДО были напуганы, с одной стороны, ростом революционных повстанческих настроений на Волыни среди украинского крестьянства, а, с другой стороны, украинская интеллигенция изголодалась и затосковала по старым австрийским отношениям и порядкам. Правительство эндеков с УНДО не хотело разговаривать, и последнее было к нему в крайней оппозиции с легким налетом советофильства. Последнее об'ясняется тем, что, во-первых, крестьянские массы Галиции были крайне советофильски настроены, а, во-вторых, тем, что ЦК УНДО считал, что в УССР происходит процесс перерождения: форма остается советской, а содержание будет уэнеровское, и в расчете на это не вели кампанию против советов.

В 1926 году положение резко изменилось. Приход к власти Пилсудского с его «федералистическими» планами окрылил ундовцев. К концу 1926 г. они начинают разуверяться в возможности перерождения УССР, и УНДО начинает менять ориентацию.

В декабре 1926 г. на с'езде УНДО выносятся резолюции против УССР, а советофильская группа Петрушевича на с'езде изолируется и всячески третируется. Правда, с'езд дал отпор и попыткам В. Бачинского повести УНДО на поклон в Варшаву. На это ЦК УНДО не мог открыто итти из-за настроения масс, да и пилсудчики на первых порах не торопились заигрывать с УНДО.

Весь 1927 г. проходит под знаком борьбы внутри самого УНДО двух групп: «угодовой»—стариков-хозяйственников—и «молодых»—твердых националистов. Твердой устойчивости в ЦК нет. «Молодые» националисты против соглашения с польским правительством, но они же и наиболее реальные противники УССР. Они связаны с Коновальцем, с Германией и получают оттуда деньги. Они опираются на союз украинских офицеров и фашистские студенческие организации. Они считают, что УНДО ведет невыдержанную линию, что старики мешают, и они были бы рады, если бы последние вышли из УНДО и сорганизовали свою отдельную партию, тогда УНДО осталось бы выдержанной, непримиримой националистической украинской партией.

«Старики» засели в хозяйственных организациях, в кооперации, банках, в научных учреждениях. Это все старые австрийские политики, они хотят реальной работы, а она возможна только при соглашении с поляками. Они за это соглашение, но боятся громко и решительно об этом сказать. Боятся настроения села и боятся «молодых» в ЦК.

Выборы в сейм шли под знаком пробы сил и предстоящей реальной работы. Выборы для УНДО прошли в общем удачно, они получили только на 3—4 мандата меньше, чем сами предполагали. Их голоса в сейме имеют большой вес, так как в сейме нет устойчивого большинства. Все прочие украинские партии в сейме слабо представлены, и между ними идет постоянная борьба. На этом фоне 24 голоса УНДО в сейме и 11 в сенате приобретают особое значение.

Белоэмигранты. Более сильное противодействие своим стремлениям монополизировать представительство интересов украинского народа в Польше встречает группа Левицкого в белоэмигрантских украинских колониях стран Зап. Европы и Америки. Ей ставят в вину самовольный захват руководства украинским движением после смерти Петлюры. Если Петлюра был диктатором, то это оправдывалось тем, что он был членом Директории, созданной в 1918 г. во время восстания против гетмана. Левицкий же к Директории не принадлежал и при наличии за границей других членов Директории является узурпатором полномочий Петлюры. Особенно большое недовольство среди украинцев вызывает полонофильская политика Левицкого. Известный украинский политик С. Шелухин обратился к своим соплеменникам с воззванием-протестом против деятельности Левицкого. (Шелухин — быв. глава украинской делегации, заключавшей в 1918 г. мир с РСФСР от имени гетманской державы). Шелухин резко нападает на Левицкого за союз по-

следнего с Польшей, называя этот союз предательством украинских интересов. Так как в последнее время среди украинцев усиливаются тенденции в пользу соглашения с русскими белоэмигрантами, полонофильство Левицкого теперь особенно непопулярно. Деятели самых различных политических группировок в украинской среде (от гетманцев до приверженцев директории) находят, что настало время договориться с русскими белоэмигрантскими кругами и определить русско-украинские отношения в виду близящегося падения советской власти. В том же смысле высказываются и эмигранты-галичане, хотя они находят, что договариваться надо, собственно, не с эмигрантами, а с большевиками. По их мнению союз с Польшей будет для Украины гибельным. Если при помощи Польши и Румынии и удастся создать «независимую, самостоятельную» Украину в пределах нынешней УССР, то это будет означать прежде всего, что нужно навсегда отказаться от мысли об'единиться с украинцами, населяющими западную часть украинских земель, т.-е. потерять территорию в 150 т. кв. км с 10 миллионами населения, не говоря уже о Бессарабии.

Более прочно положение Левицкого в Румынии. Здесь ему удалось об'единить украинцев под главенством проф. Мациевича, играющего роль официального представителя украинских интересов перед румынским правительством. Недавно в Румынии состоялся украинский эмигрантский конгресс, который избрал особый комитет, постановил обложить всех украинцев особым налогом и произвести регистрацию их. Те украинцы, которые не пожелают зарегистрироваться, или уплачивать налог, или не подчинятся распоряжениям комитета, будут занесены в особые списки, которые представляются румынскому правительству на предмет высылки незарегистрированных, как нежелательных иностранцев.

Два лица УНДО. Как всякая мелкобуржуазная партия (а УНДО именно является таковой), УНДО не способно вести самостоятельную ясную и последовательную политику. В кулуарах ундовцы ведут переговоры с пилсудчиками, с правительственными чиновниками и находят общий язык, а когда они выходят на сеймовую трибуну, они говорят своим избирателям, значительно левее настроенным, антипольские речи, и все предварительные кулуарные переговоры с пилсудчиками идут на смарку. В кулуарах сейма УНДО ведет переговоры во время прений по бюджету с Дашинским, согласовывает с ним речь Д. Левицкого, а во время голосования бюджета в целом ряде случаев члены УНДО голосуют с коммунистами против всего сейма.

Двойственность ундовской политики весьма резко выявилась в выступлении Левицкого в сейме (май 1928 г.) и последовавших за ним событиях.

В целом выступление Левицкого в сейме надо признать сигналом к оформлению «федералистских» идей Пилсудского и постановкой вопроса о создании «независимого» украинского государства. Этот вопрос приобретает сейчас крупнейшее политическое значение. Эта идея, с которой носится Пилсудский и которая, несомненно, поддерживается Англией и Францией, оформляет сейчас политическую цель войны Польши с СССР.

Речь Д. Левицкого была пробой сотрудничества с пилсудчиками. Но и здесь сказалось два лица УНДО. Д. Левицкий сделал целый ряд выпадов против СССР, но ему пришлось для избирателей сделать целый ряд выпадов против польского правительства. Эта вторая часть речи была конфискована цензурой, и это сильно задело УНДО. Поляки были сначала довольны выступлением Д. Левицкого, но когда, под влиянием нападок советской прессы, «Новый Час» (орган УНДО) начал всячески смазывать первую часть речи Левицкого, заявляя, что УНДО против интервенции, и переносить центр тяжести на вторую часть его речи и когда, вдобавок, на основании речи Левицкого, немецкая националистическая пресса подняла вопрос о ревизии польских границ, то пилсудчики совсем по иному оценили эту речь.

Таким образом, в политике УНДО по отношению к Польше можно отметить две борющихся между собой ориентации—полонофильскую и германофильскую.

Вопрос о войне и позиция лидеров УНДО. Другое лицо являет собой ундовская политика в отношении к Сов. Союзу. В целом она может быть характеризована в настоящий период, как антисоветская. Это особенно заметно проявляется в последнее время, когда польская политика усиливает свои антисоветские акции и свою подготовку к войне против СССР. В связи с этим в руководстве УНДО все чаще обсуждаются вопросы отношения его к войне Польши и СССР.

«Молодые» в УНДО считают, что пора всему миру сказать, что УНДО стоит на стороне цивилизованной Европы в ее борьбе с большевистским варварством. Но итти против СССР, и в частности УССР, вместе с польскими легионами УНДО не может. Не может потому, что настроение крестьянских масс антипольское и советофильское, потому, что основные кадры украинского национального движения выросли и воспитались на активной и постоянной антипольской работе и переориентировку на 180° не всегда возможно сделать. В надвигающихся событиях на востоке УНДО (как говорят его лидеры на заседаниях ЦК УНДО) не должно быть об'ектом, а должно быть суб'ектом. Отсюда проекты организации украинских «легионов», украинской «армии».

«Планы» Левицкого исходят из двух возможностей: если между Польшей и СССР вспыхнет война, то создание «независимой» Украины явится результатом этой войны. Поэтому нужно, с одной стороны, содействовать тому, чтобы эта война возникла, а с другой—нужно быть настолько организованными, чтобы предоставить в распоряжение польского ген. штаба значительные чисто украинские «военные формирования», которые сражались бы совместно с польскими войсками и которые при первых успехах послужат кадром для развертывания украинской армии. Отсюда политика Левицкого в сторону создания тайных соглашений с Польшей, по которым «будущая» Украина явится союзницей Польши, и в сторону формирования украинских «легионов» при помощи и содействии польских властей.

Если же война между Польшей и СССР в ближайшее время невозможна в силу хотя бы общего международного положения и тех тенденций, которые доминируют над этим положением, то нужно подготовить восстание на самой Украине, которое своевременно получило бы помощь из-за границы и достигло бы таких размеров, которые дали бы возможность Польше открыто поддержать это восстание, не опасаясь войны из-за этого с Москвой. Для осуществления этого необходима пересылка руководителей из-за границы на Украину и поставка оружия антисоветским организациям на Сов. Украине. Все это должно сопровождаться сильной пропагандой и прежде всего в украинских частях Красной армии.

Предсказания времени этого выступления должны исходить из учета трех факторов: во-первых, это произойдет еще при Пилсудском, во-вторых, наиболее благоприятным моментом является наличие консервативного правительства в Англии и кабинета Пуанкаре во Франции и, наконец, чем больше напряженность в отношениях между Москвой и западно-европейскими державами и чем большие убытки терпит европейское хозяйство от русской экономической политики. Слабость украинской военной организации не имеет значения, ибо украинцы лишь флаг выступления Польши, а не осуществляющая это выступление сила. Польше, по мнению Левицкого, нужен выход к Черному морю, но это не значит, что Польша хочет расширить свои границы. Польше нужна союзная ей «Украинская республика», настолько связанная

с Польшей, что можно говорить о прямой «федерации» между этими странами.

Но ЦК УНДО знает настроение своих масс, и посему даже «Новый Час» постоянно пишет, что УНДО всегда боролось и будет бороться против интервенции на Советскую Украину, хотя там нет украинского правительства и народ придавлен коммунистической диктатурой. Против интервенции говорят на митингах ундовские послы, но своей повседневной критикой порядков в УССР, своими постоянными нападками на советское правительство, своей клеветой об УССР, ундовская пресса об'ективно подготовляет интервенцию, во всяком случае облегчает ее.

Открытые предатели (УНС). То, что ундовские политики и их пресса стараются скрыть от масс, дабы окончательно не разоблачить своей фашистской контрреволюционной сущности, откровенно и бесцеремонно разбалтывает целиком продавший себя польскому империализму украинский народный союз. По сути дела никакой разницы в программе УНДО и УНС нет. И та и другая партия стремятся к свержению советской власти на Украине и мечтают о восстановлении «УНР». Разница между ними в тактике, при чем своим угодовским флангом УНДО сливается с УНС и по этим вопросам. УНС являет собой чистейший продукт первых попыток польской правящей политики создать массовую украинскую партию, целиком поддерживающую польское правительство. Основные кадры его составляют деятели петлюровщины. Партия находится на содержании польского правительства. Ее пресса («Украинськя Нива») субсидируется союзом легионеров.

В № 62 за 1928 г. «Украинськя Нива» открыла дискуссию на тему «Как жить». Дискуссия эта, несмотря на то, что проводилась в петлюровско-пилсудчиковском органе, представляет большой интерес, ибо она раскрывает действительные чаяния и планы не только откровенных предателей украинского народа, но и более широких слоев украинской мелкобуржуазной интеллигенции, не осмеливающейся пока, из-за боязни потерять остатки своего влияния на массы украинского трудового крестьянства, прямо и открыто перейти в тот же лагерь.

Автор статьи—Волошиновский, депутат сейма от Волыни, пилсудчик. Он поставил открыто и прямо вопрос о том, что «не пора ли как-то договориться между собой полякам и украинцам, перестать ссориться, учитывая, что враг у них в лице Советского Союза общий». На статью откликнулась значительная часть учительства петлюровского и угодовского толка, агрономов, попов и т. д. Наибольший интерес представляет, однако, первая статья самой редакции «Украинськой Нивы». Автор ее исходит из того положения, что «самостоятельность Украины не может быть закреплена без добрососедских отношений с Польшей», ибо «меч московского «хижака» будет висеть над ней». Последнее обстоятельство заставляет автора отстаивать необходимость «союза» между Польшей, Украиной и Белоруссией. Как предпосылку его, автор пропагандирует установление «дружных отношений между обоими народами Польши» «в рамках соответствующих положений польской конституции». Инициативу в этом деле должна на себя, естественно, взять Польша. «Представители ее предложат, как сильнейшая сторона, ту программу-минимум, которая даст возможность другой стороне честно и лояльно выполнить ее в интересах государства». Собственно, как видит читатель, речь идет не о том, чтобы договориться, как равные стороны. Смелость петлюровских деятелей не идет так далеко. Они откровенно заявляют, что «всякое решение польского правительства по украинскому вопросу» будет принято ими к сведению и неуклонному руководству.

Желая убедить польское правительство в том, что «украинский народ действительно лойялен по отношению к Польше», автор ссылается дальше на рост влияния украинской демократии, благодаря которому, мол, «падает влияние» «демагогов» (читай — компартии), «исчезло повстанчество, нет открытых отказов от взноса налогов или от «присяги» украинских призывников нести верно и честно службу в польской армии. Больше того, «не один украинец пал смертью рыцаря» в мае 1926 г. под стенами Бельведера «во славу маршала Пилсудского». И вот «лучшие чувства и даже жертвы украинского народа оплачиваются лишь тем, что украинец чувствует себя гражданином второго разряда».

О чем же христараднничают предатели? Они просят удовлетворить лишь минимальные культурно-просветительные, кооперативные, церковные потребности и использовать их услуги в административной области. Справедливость этих требований должны признать польские политики, хотя бы потому, что «рядом с Польшей существует СССР». Когда они будут осуществлены, «тогда увидим, что и национальный праздник 3 мая будет понятным для польских граждан украинской национальности. Тогда делегацию к президенту Польши отправит не староста, а само украинское население, которое передаст достойнейшему золотые колосья волынского «Жита».

Изложенное содержание передовицы «Украинськой Нивы» характеризует роль петлюровцев в осуществлении стремлений польского правительства использовать украинскую проблему для укрепления своей польской государственности. Семи миллионам украинского населения безработные министры и сановники мифической «УНР» отказывают в праве на самостоятельное существование, независимое от польского государства, рассматривая их, как инонациональных «польских граждан».

Радикалы. Надежды, какие питала некоторая часть мелкобуржуазного украинского населения Польши, главным образом в лице интеллигенции, на переворот Пилсудского не оправдались. Действительность принесла полное разочарование. К тому же деятельная подготовка польского фашизма к войне против СССР, откровенные планы польского фашизма расширить территорию Польши за счет Советской Украины и тем самым поработить новые миллионы украинского народа, довольно быстро рассеяли ореол Пилсудского, как поборника «украинской независимости», который всемерно поддерживала украинская буржуазия. Все сказанное не замедлило сказаться на общем полевении украинских мелкобуржуазных масс. Последнее отразилось прежде всего на состоянии украинской социалистической радикальной партии. Партия радикалов, выросшая на дрожжах старо-австрийского либерализма, является одной из старых партий украинского населения Галиции. Перед последними выборами в польский сейм радикалы переживали довольно острый кризис, сущность которого сводилась к образованию в их среде левой группы, влияние которой постепенно усиливалось в силу общего полевения примыкающих и сочувствующих радикалам масс. Выборы в сейм принесли радикалам крупную победу. Если раньше партия имела влияние преимущественно в Галиции (Станиславов, Львов), то в последнее время оно распространилось и на Волынь, где из восьми своих мандатов партия получила целых три (Власовский, Жук, Когут). В сейме партия существует, как самостоятельная фракция, составляя клуб украинского социалистического радикального парламентского представительства. Учитывая настроение масс, партия занимает в сейме резко-оппозиционное положение. Характерно в этом отношении последнее выступление в сейме лидера партии—председателя сеймового клуба Бачинского Льва—в связи с обсуждением польского бюджета. Разоблачая УНДО, добивающееся от правительства мелких уступок в роде школ и украинского университета во Львове, Бачинский заявляет: «Для нас университетом являются польские тюрьмы... Казенные университеты воспи-

тывают только украинских чиновников, которые будут притеснять собственный народ». Бачинский далее разоблачает двойственную политику польского правительства, пытающегося под флагом защиты интересов украинского народа подавить всякое стремление его осуществить свои национальные и культурные права на деле. В основном в национальной политике радикалы придерживаются позиции революционного национализма.

До последнего времени партия опиралась преимущественно на свои крестьянские организации. Успех партии на выборах среди некоторой части рабочих мелких промышленных предприятий в Станиславском и Львовском воеводствах окрылил ее руководителей. В настоящее время партия пытается закрепить и расширить свои связи в среде украинских рабочих. В этом ей помогают некоторые группы пепэсовцев-пилсудчиков, пытающихся склонить радикалов на свою сторону. ППС уговорила радикалов к поездке в Брюссель на конгресс II Интернационала. При содействии Недзялковского польское правительство выдало радикалам льготные паспорта на выезд за границу. Первым шагом к укреплению своего влияния среди украинских рабочих является издание радикалами своей новой газеты «Роботнича Справа». 5 ноября с. г. вышел первый номер этой газеты. Газета будет выходить два раза в месяц. Передовая первого номера рекомендует газету, как орган «независимого украинского социалистического движения», как орган, который будет обслуживать украинского рабочего. В том же первом номере новой газеты помещена статья, определяющая ближайшие задачи партии в рабочем движении. Автор статьи, указывая, что партия социалистов-радикалов, добившись значительных успехов среди крестьянства, организовав «об'единение крестьянских союзов», не расширила до сих пор в такой же мере своего влияния среди украинских рабочих. С этой «старой традицией» радикальной партии, обращавшей главное внимание на крестьянство, необходимо покончить. Партия должна теперь добиться самостоятельности и профессионального движения украинских городских рабочих. «Должен быть организован «Союз украинских профессиональных союзов» со своими отделами в промышленных центрах, городах и местечках, где работают украинские рабочие». Необходимость самостоятельного об'единения украинских рабочих автор об'ясняет угнетением национального самосознания, какое испытывают украинские рабочие в польских профсоюзах, которые «не дают возможности удовлетворить наши культурные потребности, которые противопоставляют рабочих-поляков против нас». Судя по первому номеру газеты, можно констатировать, что руководители ее далеки от правильного понимания классовых интересов украинских рабочих. Об'ясняя необходимость об'единения последних исключительно национальными соображениями, газета становится на тот же путь, по которому идут пепэсовцы, пытающиеся доводами конкуренции посеять национальную рознь между рабочими Польши. Такая платформа газеты еще больше затруднит отстаивание интересов украинских и польских рабочих перед лицом их общего врага—польского капитализма.

Украинская партия Праци. Партия образована недавно. Первый с'езд ее состоялся в мае 1927 г. Ядро партии составляет группа Е. Петрушевича, состоявшая одно время, как самостоятельная, автономная фракция, в УНДО. Первое серьезное расхождение между группой Петрушевича и ЦК УНДО произошло в конце весны 1926 г. после убийства Петлюры. ЦК УНДО, как известно, взял курс на примирение с петлюровцами, которым раньше не мог простить договора 1920 г. между Петлюрой и поляками. Сторонники Петрушевича не только остались на враждебных позициях по отношению к петлюровцам, но, боясь сближения УНДО с петлюровцами, начали последних атаковать. Однако, из этого ничего не вышло. В декабре 1926 г. на с'езде УНДО группа Петрушевича имела всего 7 голосов из 217 (все 7 из Львова).

На этом с'езде УНДО впервые были вынесены враждебные резолюции по отношению к УССР.

УПП имеет влияние преимущественно во Львове, Перемышле и некоторых уездных городах Галиции. Органом партии являются газеты «Рада» и «Праца», выходящие во Львове. Последняя выходит 2 раза в неделю, а также двухнедельник «Украинский Прапор». «Рада» проводит последовательную революционную линию.

Некоторые организации партии ведут полулегальное существование В сейме партия имеет своего представителя (Захидный), не входящего ни в один из сеймовых клубов.

Сельроб. Политика кнута и пряника, проводимая польским фашизмом в украинском вопросе, полный переход на сторону польского фашизма украинской буржуазии отрицательно повлияли на сплочение и организацию трудовых масс украинского населения Польши. Это отразилось прежде всего на состоянии такой партии, как Сельроб (Украинское крестьянско-рабочее социалистическое об'единение).

Образованная в октябре 1926 г. путем об'единения «Сельсоюза» с «Народной Волей», новая партия могла сыграть весьма крупную роль в борьбе трудящихся масс Западной Украины против польского фашизма. Сельроб был единственной партией, которая имела большой вес на всех украинских землях Польши, главным образом среди крестьянства. Газета партии «Воля Народа» (теперь «Сельроб») являлась и является за последние годы самой популярной, самой распространенной украинской газетой в Польше.

Сильным орудием борьбы против польского фашизма делало партию преобладание в об'единенном центральном комитете более революционных и более выдержанных, чем сельсоюзовцы, воленародовцев.

Однако, новая партия под влиянием политики заигрывания польского правительства с украинским национализмом вскоре начала терять свою жизнеспособность. В ее руководстве начали оформляться два течения: одно в лице преимущественно б. сельсоюзников склонялось к той мысли, что переворот Пилсудского создал известный минимум возможностей отстаивания интересов украинских масс в рамках легальной оппозиции к польскому правительству, что поэтому необходимо попытаться притти к соглашению с польской государственностью. Другое—в лице б. воленародовцев—отстаивало необходимость решительной борьбы с польским фашизмом, отвергая путь соглашения. Борьба на этой почве за влияние в центральном комитете привела к тому, что на местах организации не были об'единены в сплоченные крепкие группы. Результатом ее был откол революционной части Сельроба, образовавшей в 1927 г. Сельроб-левицу.

Раздроблению сил революционно настроенных масс украинского движения в Польше в очень большой мере способствовали и явно оппортунистические правые ошибки б. руководящей верхушки КПЗУ в лице группы Васильков — Турянский. Сельроб, как мелкобуржуазная партия, не могла, конечно, вести самостоятельную политику. Вопрос о том, какую ориентацию, какую политику поддержат об'единяемые им и поддерживающие его слои бедняцкого, малоземельного и середняцкого украинского крестьянства, зависит в конце концов от политической и тактической линии КПЗУ. Между тем, влиянию мелкобуржуазного национализма подверглось само руководство КПЗУ в лице указанной группы, превратившейся в конце концов в орудие польского фашизма. Корни оппортунизма группы Васильков—Турянский составляла неизжитая ею теория «безбуржуазности» украинской нации и украинского движения в Польше, принесенная из мелкобуржуазного националистического лагеря, к которому она принадлежала в 1918—20 гг. В тактике эта теория вела к единому национальному фронту и отрицанию классовой борьбы внутри украинской нации. Оправдание и подтверждение

правильности подобной теории и тактики группа Василькова и К° видела в мнимой революционности всех украинских партий по отношению к национальной политике польского правительства до майского переворота. Процесс изживания ее под руководством КИ и КПП, хотя и имел место, но происходил весьма медленно. Переворот Пилсудского, стабилизация польского капитализма, полный, в силу последней, переход украинской буржуазии на сторону польского фашизма, отказ ее от всякой борьбы за национальное самоопределение привели к полной реставрации националистической идеологии васильковской группы. Этому отказу от правильной большевистской линии способствовали выступления Шумского и Хвыльового на Сов. Украине, проповедывавших, как известно, неприкрытый украинский национализм и так называемую теорию «западничества» в вопросах хозяйственного и культурного развития Сов. Украины. Тогдашний ЦК КПП не повел своевременную и решительную борьбу с нарастанием оппортунизма внутри КПЗУ, что, несомненно, осложнило последующую ликвидацию влияния группы Василькова.

Оппортунистическая политика руководящей верхушки КПЗУ укрепила позиции УНДО в ее клеветнической кампании против советской власти на Украине, консолидировала колеблющиеся элементы б. сельсоюзовцев в Сельробе, ослабила и дезорганизовала его революционные элементы.

В настоящее время КПЗУ оправилась уже от удара, нанесенного ей изменой группы Василькова, пытавшегося превратить партию в орудие польского фашизма наподобие всех буржуазных украинских партий. КПЗУ сейчас твердо и решительно стоит на позициях Коминтерна. Ее влияние заметно расширяется как среди рабочих, так и бедняцких и середняцких слоев крестьянства, особенно в Восточной Галиции, где батрачество и беднота преобладают. Общий под'ем революционно-классового движения во всей Польше, усиление на этой почве репрессий польского фашизма против беспокойных восточных окраин, говорят за то, что, неуклонно проводя ленинскую политику, КПЗУ сумеет стать единственной партией западно-украинского пролетариата и деревенской бедноты, ведущей за собой широкие массы обезземеленного украинского крестьянства [1]).

* * *

Подведем краткие итоги. Все усилия польского фашизма направлены на разрешение вопросов подготовки к войне против СССР. Война эта рассматривается польской политикой, как единственное средство достижения великодержавных империалистических целей, долженствующее превратить Польшу в «самое сильное государство на востоке Европы», равное по своему удельному весу в мировой политике влиянию б. царской России. Враждебность всего империалистического мира к СССР, стремление потушить этот очаг мировой революции учитывается польской политикой, как исключительный в истории благоприятный фактор. Но на пути достижения своих целей польская государственность должна доказать общественному мнению капиталистических держав прежде всего свою способность разрешить сложнейшую национальную проблему. В этом польская политика видит одну из своих главных и важнейших задач. Разрешить ее она пытается путем мелких уступок украинской буржуазии и националистическим настроениям части украинской интеллигенции, привлечения на свою сторону ее крупнейших партий, прямого подкупа ее верхушки, с одновременным подавлением

[1]) Более подробно о положении и задачах КПЗУ см. статьи в журнале «Коммунистический Интернационал». №№ 38, 39, 43 за 1927 г., № 31—32 за август 1928 г.

всякого проявления недовольства со стороны широких трудовых масс. Излишне доказывать, что в силу своей классовой природы правительство польской буржуазии не может быть последовательным в соглашательской части своей доктрины до конца, добиться перехода на свою сторону широких масс украинского населения и разрешить тем самым сложнейшую национальную проблему весьма устарелыми методами.

В эпоху социальной революции, когда на штурм твердынь империализма под знаком борьбы за национальное освобождение поднимаются наиболее отсталые массы человечества, разрешить эту задачу иначе, чем разрешает ее программа коммунизма, иначе, чем национальная политика советской власти,— затея абсолютно безнадежная, обреченная историей на полнейший провал. Игнорировать эту предпосылку значит стать на путь сплошной авантюры. Именно по этому пути идет политика польского фашизма. В своем империалистическом ослеплении она не замечает, не видит грозных предостережений, подаваемых ей миллионами украинских и белорусских крестьян. Она не слышит их грозного «memento». Поистине, больше всего глух и нем тот, кто не хочет слышать и видеть. Тем не менее нельзя закрывать глаза на то обстоятельство, что в условиях террора против революционно - классового движения польский фашизм может добиться поддержки своих целей со стороны украинской буржуазии, известной, довольно широкой части мелкобуржуазной украинской интеллигенции, стоящей во главе ряда крупнейших политических и культурно - экономических организаций украинского населения, тормозя тем самым развертывание сил борющихся масс, дезорганизуя их революционный фронт, нанося предательские удары с тыла.

Будучи твердо уверенными в неизбежности крушения хитроумных замыслов польского фашизма, мы должны усилить нашу бдительность.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Кооперативные шатания.

(Н. И. Попов. «Теория кооперации». 1928 г. Изд. Центросоюза).

Под маркой заочных кооперативных курсов Центросоюза в издании 1928 г. вышла «Теория кооперации» Н. И. Попова.

Книга была, очевидно, предназначена сначала главным образом для слушателей курсов. Но издательство усиленно рекомендует книгу и для других категорий потребителей. При недостатке кооперативных учебников книга не плохо расходится, и этим следует об'яснить выход ее вторым изданием (приблизительно в середине текущего года).

Содержание этой книги, однако, таково, что вряд ли можно примириться с фактом ее широкого распространения да еще в качестве учебника. Теоретическая установка автора абсолютно неправильна и грешит ошибками и заблуждениями.

О характере ошибок можно судить по одной из основных глав (если не центральной), трактующей вопрос о «месте кооперации в системе народного хозяйства СССР» (стр. 229—234).

Н. И. Попов исходит из той основной мысли, что кооперацию (речь идет не о колхозах) нельзя отнести не только к натуральному, но и мелкому товарному хозяйству. Он настолько уверен в непогрешимости своей идеи, что безапелляционно начинает ею указанную главу:

«Какое же место занимает кооперация среди тех пяти типов хозяйственных предприятий, о которых мы говорили выше? К натуральному и мелкому товарному хозяйству кооперацию вообще отнести нельзя, мы это уже знаем». (Разрядка моя. *М. К.*).

Затем следует ответ:

«Следовательно, в целом кооперация СССР должна быть отнесена либо к формам государственного капитализма, либо к предприятиям социалистического типа», а за ответом—попытка теоретического обоснования.

Сущность об'яснений сводится к тому, что до нэпа или до развития нэпа мы имели в кооперации вид госкапитализма, а примерно с 1928 г.—социалистическое предприятие. По мнению автора, в истории советской экономики уже пройдены фазы развития от капитализма к социализму:

«Таким образом мы в праве сказать, что кооперация в наших советских условиях переходит от типа госкапиталистических предприятий к типу социалистических в зависимости, во-первых, от роли государственного хозяйства в общем хозяйстве страны, во-вторых, от роли и участия государственного хозяйства в оборотах кооперации и, в-третьих, от степени кооперирования населения и проведения здоровых начал в самом кооперативном хозяйстве».

«Теперь должно быть понятно,—продолжает далее автор,—почему Ленин в 1921 году относил кооперацию мелких товаропроизводителей к видам госкапитализма, а в 1923 г. утверждает, что кооперативные предприятия, при известных условиях, не отличаются от предприятий социалистических».

Принимая свою мысль за мысль Ленина, тов. Попов идет дальше по «столбовой дороге» истории и приходит к выводу, что текущий период, т. е., очевидно, 1927—28 г., окончательно утверждает социалистическую суть кооперации.

«И теперь с еще большим правом, чем в 1923 году, мы вслед за Лениным можем утверждать, что всякое кооперативное предприятие, представляющее «действительную организацию действительных масс», имеющее установку на поголовное кооперирование трудящегося населения своего района, тесно связанное в своей хозяйственной работе с государственным хозяйством и проводящее основные принципы экономической политики пролетариата,—такое кооперативное предприятие есть предприятие социалистическое» (разрядка моя. *М. К.*).

Излишняя торопливость редко приводит к добру. Спеша доказать стопроцентную социалистичность всей нынешней кооперации, автор проглядел или не понял самого существенного в суждениях Ленина о кооперации в условиях нэпа. При большем внимании тов. Попов мог бы найти у Ленина прежде всего ответ на свои сомнения насчет того, к какому укладу кооперация имеет наибольшее отношение:

«Кооперация мелких товаропроизводителей (о ней, а не о рабочей кооперации идет здесь речь, как о преобладающем, о типичном в мелкокрестьянской стране) неизбежно порождает мелкобуржуазные, капиталистические отношения, содействует их развитию, выдвигает на первый план капиталистиков, им дает наибольшую выгоду» (разрядка моя. *М. К.*).

Ленин совершенно ясно говорит о преобладании в нашей стране, о наибольшей типичности для наших условий кооперации мелких товаропроизводителей. К капитализму он ее не относит, утверждая лишь, что она «неизбежно порождает мелкобуржуазные, капиталистические отношения». В толковании Ленина все как нельзя более понятно: кооперация, возникающая в среде мелких товаропроизводителей, отражает экономику мелкого товарного хозяйства и процессы, в нем происходящие. Но одно дело быть почвой, социальной средой для порождения мелкобуржуазных и капиталистических отношений, что как раз и характерно для мелкого товарного хозяйства, и другое дело—капитализм, как сложившийся иной тип хозяйства. Одно дело—эволюция от мелкого товарного хозяйства к капитализму (или к социализму, в зависимости от того или иного экономического и политического строя) и другое дело—эволюция от капитализма.

У Попова государственный капитализм развивается к социализму, в то время как у Ленина эволюцию к социализму совершает мелкое товарное хозяйство, при чем совершает эту эволюцию, минуя стадию капитализма и выделяя капиталистические элементы лишь в той мере, в какой оно еще сохраняется как среда, порождающая «капиталистиков».

Тов. Попов не понял смысла трактовки Лениным идеи государственного капитализма, не понял условности этого термина в условиях пролетарской диктатуры, как не понял и того, в каком «сочетании с госкапитализмом» (по выражению тов. Сталина Ленин брал в свое время кооперацию.

В брошюре о продналоге на протяжении небольшого количества строк Ленин говорит о кооперации, как о «менее отчетливо очерченном, более запутанном» виде госкапитализма, затем, вслед за этим суждением, говорит о «кооперативном» капитализме, ставя его в кавычки, и через несколько строк самым ясным образом, не оставляющим никакой почвы для сомнений и кривотолков, раз'ясняет, в каком смысле берется им сравнение:

«Кооперативный капитализм похож на государственный в том отношении, что облегчает учет, контроль, надзор, договорные отношения (разрядка моя. *М. К.)* между государством (советским в данном случае) и капитализмом».

Итак, сходство заключалось в тот период только в том, что за кооперацией, как и за концессией, пролетарскому государству легче уследить, ее легче проверить. Но на ряду с этими элементами сходства имеется коренное отличие — «организация миллионов населения» под руководством пролетариата.

«Политика концессий, в случае успеха, даст нам небольшое число образцовых,— по сравнению с нашими,— крупных предприятий, стоящих на уровне современного передового капитализма, через несколько десятков лет эти предприятия перейдут к нам. Политика кооперативная, в случае успеха, даст нам под'ем мелкого хозяйства и облегчение его перехода, в неопределенный срок, к крупному производству на началах добровольного об'единения» (все цитаты из брошюры «О продналоге», собр. соч., т. XVIII, ч. 1).

Не поняв Ленина, извратив его учение, Попов не нашел ничего лучшего, как сослаться на... Сталина. Попов приводит следующую цитату, не замечая, что она его кладет навзничь:

«Кооперация есть разновидность государственного капитализма, говорит оппозиция, ссылаясь при этом на «Продналог» Ленина, в виду чего она не верит в возможность использования кооперации, как основной зацепки для социалистического развития. Оппозиция и здесь допускает грубейшую ошибку. Такая трактовка кооперации была достаточна и удовлетворительна в 1921 г., когда был написан «Продналог», когда у нас не было развитой социалистической промышленности, когда Ленин мыслил госкапитализм как возможную основную форму нашего хозяйствования, а кооперацию рассматривал в сочетании (разрядка моя. *М. К.)* с госкапитализмом. Но эта трактовка теперь уже недостаточна и превзойдена историей, ибо с тех пор времена изменились, социалистическая промышленность у нас развилась, госкапитализм не привился в той степени, в какой это было желательно, а кооперация, охватывающая теперь более десятка миллионов членов, стала смыкаться с социалистической индустрией». (Сталин «Вопросы ленинизма». Изд. 1926 г. Стр. 64).

Что же должен был найти Попов у Сталина? Во-первых, признание грубейшей политической ошибкой уподобления теперешней кооперации госкапитализму. Во-вторых, раз'яснение, что госкапитализм у нас не привился и, в-третьих, что кооперация только «стала смыкаться с социалистической индустрией», вопреки утверждению Попова, что кооперация уже стала полностью социалистической.

Мимо внимания Попова прошло одно из самых значительных мест в статье Ленина о кооперации, а именно: определение тех условий которые делают кооперацию социалистической:

«При нашем существующем строе предприятия кооперативные отличаются от предприятий частнокапиталистических, как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т.-е. рабочему классу» (разрядка моя. *М. К.*).

Представляет ли себе Попов, как велик еще путь, отделяющий нашу кооперацию от того момента, когда средства производства будут целиком принадлежать «государству, т.-е. рабочему классу»? Представляет ли он себе всю сложность эволюции через ряд этапов обобществления к уничтожению противоположности между преобладающими формами сельского хозяйства и промышленностью?

Судя по приведенным цитатам, не представляет. Вот условия, которые, по его мнению, делают кооперативное предприятие социалистическим (см. приведенную ранее цитату):

1) установка на поголовное кооперирование;

2) связь в хозяйственной работе с государственным хозяйством;

3) проведение основных принципов экономической политики пролетариата.

Не подлежит сомнению, что много кооперативов и этим условиям не удовлетворяет. Но все же, если провести конкурс на звание социалистического кооператива на основе выставленных Поповым условий, то не одну тысячу можно было бы прямехонько отнести к социализму, хотя, если судить по Ленину, для этого еще нет об'ективных условий в виде принадлежности средств производства рабочему государству.

По теории Попова, весьма легко жить в условиях социализма. Возьми «установку», живи дружно с государством, выполняй законы и «основы»,— и почетное звание «социализм» уже само собою придалось.

В другом определении, также нами цитированном, в котором даются условия перехода «от типа госкапиталистических предприятий к типу социалистических», устанавливается и некоторая экономическая подоплека перехода, а именно:

«зависимость, во-первых, от роли государственного хозяйства в общем хозяйстве страны, во-вторых, от роли и участия государственного хозяйства в оборотах кооперации и, в-третьих, от степени кооперирования населения и проведения здоровых начал в самом кооперативном хозяйстве».

Как будто большая часть условий уже налицо. Государственное хозяйство уже играет доминирующую роль; участие государства в оборотах кооперации кредитом и товарами также вполне достаточное; степень кооперирования понятие относительное; здоровые же начала понятие сугубо относительное.

Так что же, достигнут уже «кооперативный социализм» или еще нет его?

У Попова выходит, что достигнут. Может быть, еще осталось кое-что доделать в смысле повышения процента охвата населения или усиления «здоровых начал», но основное уже есть: не только фундамент, но и значительная часть постройки.

К такому выводу тов. Попов мог притти, только совершенно игнорируя борьбу классов и содержание этой борьбы в наших условиях. В главе о «влиянии рабочего государства на социальную природу кооперации» он не только ничего не говорит о росте капиталистических элементов, но, наоборот, представляет дело так, что

«самый состав кооперируемого населения вступает в кооперацию уже не в качестве тех или иных социально - классовых групп, какими их создало капиталистическое общество, а с теми новыми чертами и видоизменениями, которые обусловлены диктатурой пролетариата, национализацией земли и промышленности и экономической политикой советской власти».

Кооперация, как в этом нас хочет уверить автор, получает уже и в населении готовый социальный фабрикат, качество коего обусловлено первоначальным актом завоевания власти рабочим классом. Теория «самотека», выражение идеи, что нам уже все дано, что при капитализме так, а у нас уже все (а не только ряд крупнейших условий, связанных с фактом господства пролетариата) наоборот,—эта теория представляет Попова в полной своей обнаженности, как продукт игнорирования классов и классовой борьбы.

Правда, в книге есть и глава, специально трактующая классовую проблему, но именно эта глава всего больше подтверждает наш вывод об ошибочной позиции автора. Глава носит претенциозное название «Кооперация—метод борьбы с расслоением». Уже в самом названии заложен порок. Ставить в качестве самостоятельной проблемы борьбу с расслоением все равно, что ставить, например, в условиях капитализма самостоятельную задачу борьбы с конкуренцией. Расслоение выражает факт существования в деревне «мелкобуржуазных, капиталистических отношений». Устранение капиталистических отношений требует, конечно, суровой борьбы. Но бороться нужно за изменение производственных условий и отношений, ставя все остальное в зависимость от этого. У Попова же именно в этой главе нет ни слова о задачах обобществления крестьянского производства, и тема борьбы с расслоением выделена в отдельную главу, как самостоятельная задача.

Выпуская через несколько месяцев после XV с'езда теоретическую работу, посвященную вопросам, имеющим сугубо политическое значение, автор сохранил неправильную трактовку. В указанной главе он ставит перед кооперацией в качестве центральной задачи борьбу с расслоением, понимая под ней снижение темпа кулацкого накопления. Приведя ряд фактов из деятельности сельской кооперации он заключает:

«Темп кулацкого накопления, таким образом, резко снижается».

Окрыленный такими возможностями, Попов указывает, что «и при достигнутом уже уровне государственного хозяйства, расслоение крестьянства может встретить весьма твердый отпор со стороны кооперации». Что же касается дальнейшего, то там он предвидит «возможность полностью парализовать процесс расслоения».

В этой главе, повторяем, нет и намека на коллективизацию крестьянского хозяйства, на обобществление сельского хозяйства, как на основное средство, ведущее к уничтожению классов. Вся уверенность Попова покоится на том, что «процесс расслоения крестьянства в нашей советской стране в значительной мере сглаживается (разрядка моя. *М. К.*) особенности ее политического и экономического строя и общим направлением экономической политики государства».

За словами о «твердом отпоре» скрывается худосочная надежда на «сглаживание» классовых противоречий и снижение темпа кулацкого накопления.

Пожалуй, не вывезет этакая «кривая» к социализму...

В основных теоретических главах обойден вопрос о коллективизации крестьянского хозяйства. Как мы видели из приведенных цитат, основные определения роли советской кооперации взяты в книге только применительно к товарообороту, да к тому же и здесь неправильно. Вопросы коллективизации рассмотрены изолированно, в одной главе, вне всякой связи с боевыми проблемами отставания темпа развития сельского хозяйства, изживания других хозяйственных диспропорций переходного периода. В главе, посвященной обобществлению (3 страницы из трехсот), нарисована идиллическая картина прохождения всей массой крестьянства трех кооперативных этапов на пути к социализму, а пролетарское государство представлено в роли доброго дяденьки, не нарадующегося на дружескую работу единой крестьянской семьи.

Вот и весь комплекс идей, которые мы назвали бы в отдельности наивными, если бы в них не было известной цельной установки. Несмотря на путаницу во вводной теоретической части (также весьма характерную), в основном, в представлении о судьбах советской экономики тов. Попов верен своим установкам.

Вред ложных идей, несомненно, выявляется при соприкосновении с молодыми умами, которые по книге учатся работать. Еще больший вред может воспоследовать потом, когда идеи своеобразного советского фатализма и отхода от классовой борьбы станут так или иначе претворяться в жизнь.

До сих пор мы боролись преимущественно с идеями, выражавшими более или менее открыто неверие в строительство социализма. В кооперативной среде сторонников таких идей было мало, ими могли быть лица чуждые движению. Непосредственный активный работник кооперации отметал с презрением сомнения в социалистическом значении своей работы. Конечно, это нисколько не умаляет опасности троцкистских идей, в частности в кооперации.

Но гораздо легче политически нестойким элементам из среды кооператоров скатиться в другую сторону, к другой идее, позволяющей отдохнуть от треволнений классовой борьбы на приятном сознании предопределенности путей развития и достигнутой социалистической стопроцентности.

Идея троцкистов предстала в конце-концов перед сознанием кооператоров, как противосоветская. Если партия обвинялась троцкистами в термидоре, то кооперацию нужно было отнести, по меньшей мере, к ноябрю—декабрю 1794 г. Для меньшевиков это было бы, как нельзя более кстати, так как к этому времени относится возвращение в Конвент жирондистов, но для советских кооператоров, тем более для коммунистов, работающих в кооперации, обвинение в термидорианстве было худшим видом оскорбления.

Концепция же, предлагаемая Поповым, может кое-кого смутить и из вполне советски-настроенных кооператоров, так как она покрыта густой вуалью признания всех советских добродетелей, взятых в таком количестве, что зритель может чувствовать себя перенесенным без борьбы и хлопот на десятки лет вперед.

Тов. Попов не одинок в своих воззрениях. Он взят нами только «на выдержку». Не только у отдельных авторов, но и в официальных документах кооперации мы можем найти выражение тех же идей с незначительными оттенками.

Подобные отклонения от партийной линии, взятые в целом, представляют подлинную правую опасность. Они отражают процессы химического выделения из кооперации мелкобуржуазной идеологии. «Химический закон», о котором говорил Ленин в марте 1926 г., продолжает свое действие и в новых условиях, но совершенно естественно, что на двенадцатом году революции, в усложненной обстановке действие закона несколько видоизменяется. Вместо проповеди открыто враждебных теорий можно чаще услышать только их отдаленные отзвуки, наметку тенденций, иногда под покровом самых революционных терминов и категорий.

Бывает так, что выразитель мелкобуржуазных настроений не сознает подлинного существа своих взглядов и содержащихся в них тенденций, как говорящий прозой не всегда считает себя прозаиком. В кооперации весьма опасны такого рода бессознательные «прозаики», выражающие тенденции, которые при их развитии могут лишь облегчить «работу» защитникам капиталистической реставрации.

М. Кантор.

ПЕТР МИЛЮКОВ. «История ВКП(б)». Изд. «Московский Рабочий». Серия «В помощь рабочему-активисту», под ред. П. Мостовенко. Стр. 236.

На двенадцатом году революции, когда имеется богатейший опубликованный материал по истории революционного движения партии, когда мы имеем такой большой и значительный рост партийных масс и трудящихся в стране, когда партия пережила ряд серьезнейших дискуссий, поставивших перед ней ряд теоретических проблем первостепенной важности в области теории марксизма и ленинизма,—посмотрите как после всего этого пишутся у нас «боевые задания»—книжки по истории ВКП(б) для широких масс, для рабочего актива. И это не где-нибудь в глухой провинции, а в Москве, да еще через столь известное «солидное» издательство, как «Московский Рабочий».

Плохой пересказ хорошо известных, давно ставших банальными истин, без всякого привлечения нового, свежего, интересного материала, без всякой увязки или разбора тех или иных этапов истории партии под знаком современности, без всякого соблюдения исторической перспективы, без того, чтобы преподнесть читателю «стиль», так сказать, «колорит эпохи». Партия и Коминтерн выдвинули, например, ряд боевых лозунгов в связи с генеральной линией: единый фронт, большевизация, борьба с уклонами под определенным углом зрения. Коминтерн принял недавно программу, первую в мире марксистски-разработанную программу пролетарского движения в мировом масштабе. Во всей этой работе в первую голову использован богатейший опыт ВКП. Например, вопрос о перерастании революции буржуазной в революцию социалистическую, аграрно-крестьянская проблема и пр. Спрашивается: находит ли все это отражение, увязываются ли под знаком всего этого наши популярные книжки по истории ВКП(б)? К сожалению, сплошь и рядом этого нет. Нет этого и в книжке Петра Милюкова.

Возьмите вопрос об истории программы. Сколько в ней сказано у тов. Милюкова? На стран. 44 примечаньице в 2½ строчки, буквально! Вот оно: «Программа партии была составлена Плехановым и Лениным и опубликована в № 21 «Искры», в июне 1902 г.». Спрашивается: как, когда, при каких обстоятельствах писалась и принималась программа, были ли разногласия у составителей ее, имел ли вообще какое-нибудь значение спор вокруг программы для последующих разногласий в партии? Об этом, очевидно, массовик-рабочий должен узнавать... у ветра в поле. Но «справку», подобную той, какую приводит Милюков, можно получить ужс, пожалуй, в любом справочном киоске МКХ! Стоит ли для этакого типа «истории» тратить бумагу, это ли называется «популяризацией», «помощью»—и еще там как хотите—для актива?

Возьмите другие вопросы, например, ряд меньшевистских рецидивов, осужденных в партии на XIV с'езде по поводу предложения оппозиции о регулировании социального состава (аксельродовщина, рабоче-с'ездовство и пр., аналогии со стокгольмским с'ездом по поводу правоты большинства и меньшинства),—находит ли себе должное исторически выдержанное и хоть сколько-нибудь научное освещение в этих популярных работах? Конечно, нет, либо преподносится *так примитивно, что только сбивает с толку*. Вообще примитивизм,—ужасающий примитивизм,—вот отличительная черта этих «трудов».

Пример первый: Милюков об'ясняет рабочему активу, почему меньшевики не хотели принимать на стокгольмском с'езде резолюции по текущему моменту:

> «Пользуясь своим перевесом на с'езде, меньшевики отклонили какое бы то ни было решение по текущему моменту: принять оценку его по-большевистски не было охоты; дать же свою оценку и открыто признать свой отказ от революции — неловко перед массами. Поэтому меньшевики так и оставили партию на распутье: понимай, дескать, переживаемое, как знаешь!»

Другой пример. Милюков хочет об'яснить своему читателю не только сущность, но и развитие разногласий с меньшевиками после II с'езда, и все сводится к склокам и дрязгам. Не правда ли, это «в помощь» партактиву, желающему проследить историческое развитие организационных принципов большевизма?

Вот это об'яснение:

> «Пока-что меньшевики сделали лишь первый уклон в оппортунизм, высказавшись и навязав партии вредное условие широкого вступления в ее ряды. Это была ошибка, но, при желании, легко исправимая.
>
> После с'езда меньшевики, однако, и не подумали работать на основе его решений. Они отказались от сотрудничества в «Искре» (Мартов еще на с'езде заявил, что он не хочет работать редактором). Бойкотируя «Искру», они стали готовиться к полному расколу в партии. Для оправдания такого «шага» они заговорили о том, что большевики создают в партии режим беспрекословных исполнений того, что скажут сверху.
>
> Одним словом, меньшевики создали в партии то, что называется склокой и дрязгами».

Пример третий. Милюков об'ясняет роль Аксельрода, как творца организационных принципов меньшевизма. Вот это об'яснение, которое мы предпочитаем дать без всяких комментариев:

> «Меньшевик Аксельрод пустился в философские рассуждения о том, какая у нас партия. И пришел к выводу, что партии у нас нет, а есть так что-то—«ни рыба, ни мясо». Так буквально и писал Аксельрод. А все, дескать, потому, что одолевши «экономистов», партия будто бы остановилась в своем росте и увлеклась вредными, по его мнению, идеями о дисциплине, централизме и тому подобными, как он говорил, «банальностями», т.-е. обыденными, мелкими, не стоящими внимания делами» (стр. 53).

Как уже отмечалось, в книжке крайне слабо и плохо освещено предшествовавшее социал-демократии революционное движение, хотя бы народничество,—к чему это, дескать, для актива? В беседе второй есть замечаньице на стр. 19:

> «Бесправие и нищета масс превращали Россию в огромную тюрьму, в которой задыхались не только труженики сохи и молота. Задыхались все, кому так или иначе приходилось испытывать на себе тяжесть царского самодержавия.
>
> Неудивительно поэтому, что из интеллигентных слоев населения и передовых рабочих очень давно появляются люди, думающие о революции, жаждущие ее и ищущие путей к ней.
>
> В течение полувека,— говорит В. И. Ленин,— примерно, с 40-х до 90-х годов прошлого века, передовая мысль жадно искала революционной теории».

Но дано все это в разделе, который называется «Поисками революционной теории», и выходит, следовательно, что задыхались все только потому, что не знали науки о революции, только «искали» пути к революционной теории. Но тогда что же представляла собой *практика*,—

героическая борьба эпохи 60-х и 70-х гг.? И почему не могли так долго найти революционной теории, не было ли так-таки до марксизма какой-нибудь *другой* теории?

На стр. 28 отмечается следующее по поводу народничества:

«Но зачислять народников просто в разряд реакционеров будет неправильно. Их предложения, конечно, несбыточные, но с точки зрения интересов мелкой собственности вполне понятные, все же выражали стремление мелкой буржуазии (в первую очередь — крестьянской) к более демократическому строю.

Народники, таким образом, выявляли двойственную природу мелкой буржуазии: она всегда цепляется за старинку и в тоже время жаждет обновления политического строя, выгодного для себя» (разрядка автора).

И в другом месте, на стр. 21:

«Народники уверяли, что в России капитализм не разовьется, что, следовательно, у нас не будет и большого рабочего движения. Этим они отвлекали передовых рабочих от задач организации сил пролетариата».

Не говоря уж о том, что давать *только это* даже о народниках-эпигонах явно недостаточно, нельзя же, однако, забывать самого главного, что, ведь, «народники» народникам рознь. А где же отличие революционного «крестьянского» социализма отчасти Герцена, а в особенности Чернышевского, от эпигонов,—за что мы устраиваем юбилейные торжества в память Чернышевского? Спрашивается: что же поймет из всей этой стряпни читатель, который поверит обложке «в помощь активисту» и захочет поставить пред собой вопрос, почему партии в 1926 г. троцкистами было брошено обвинение в народничестве? Ведь в книжке *ни одного слова* нет о проблеме некапиталистической эволюции России, как эту проблему в свое время ставили революционеры 60-х и 70-х гг. и вслед за ними эпигоны 80-х и 90-х гг.

Совсем, совсем слабо очерчено рабочее движение 80-х гг. Можно сказать, что это движение явно принижено, поскольку не отмечена роль и значение таких стачек, как морозовская. То же, в общем, и для эпохи 90-х гг. Так же примитивно дано об'яснение рабочего с'езда. Совершенно не подчеркнуто различие (см. стр. 114) между принципиальным и практическим подходом в оценке идеи рабочего с'езда. Просто сказано: «V с'езд партии резко осудил эту идею». А между тем мы знаем, что после Октябрьской революции большевикам приходилось проводить ой - ой сколько «рабочих с'ездов». Спрашивается: в чем же разница?

Так же примитивно показана роль 9 января, как начала революции:

«И вот рабочие массы Питера устремились 9 января в мирном шествии к царскому дворцу. Слепая вера в царя - батюшку гнала их с воплями о своих страданиях, с просьбами защиты против эксплоататоров и всевластия чиновников.

Царь и его палачи двинули войска и расстреляли и изуродовали много рабочих, женщин и детей».

Не точно, будто массы шли «с воплями». Этому вовсе не соответствует дух знаменитого обращения.

Далее, поскольку Милюков не отмечает центра тяжести разногласий до революции пятого года, ему трудно показать и дальнейшее историческое развитие их в 1905 году. У него, *совершенно не подчеркнут буржуазно-крестьянский характер революции 1905 года*, а тем самым и аграрный вопрос, как гвоздь в революции; в связи с этим *не даны два пути развития буржуазной революции*, знаменитые ленинские «американский» и «прусский» пути. Таким образом, не показано историческое развитие большевизма в одном из *важнейших* его моментов! Автор поэтому, разбирая теорию перманентной революции, ограничивается простым утверждением о том, что главная ошибка в теории Троцкого есть «недооценка крестьянства».

В отношении 1917 г. совершенно отсутствует анализ особенностей большевистской тактики единого фронта до июля, нет популярного изложения основных идей Ленина, выраженных в статьях «К лозунгам», «О компромиссах» после июля, ничего не дано об особенностях тактики партии в период корниловщины, ни слова о тактике и организации восстания, о партии после Октября, об учредительном собрании, об основных фронтах гражданской войны, об особенностях эпохи военного коммунизма, нет хотя бы кратко о большевизме в международном движении, начиная с 17-го года. Это по поводу такого важного момента, как эпоха Октября.

Вся книжка разбита на 11 бесед, начиная с эпохи «Р. С.-Д. Р. П.» и до нэпа. Правда, последние несколько страничек посвящены нэпу и партии во времена нэпа. Но они уж настолько общи (в этом отношении у т. Милюкова совсем «по триаде», «конечный итог» совпадает «с исходом») и «популярны», что не дают даже того минимума, какой имеется в остальных беседах. Эпоха нэпа смазана так же, как эпоха народничества. В книжке вы не найдете никаких, даже самых коротеньких методических указателей, или хотя бы вопросников. Никаких био-библиографических справок. А ведь в популярной работе такого типа, чем больше различных (толково и к делу, конечно, составленных!) указателей, тем лучше. В среднем на каждую беседу отводится 15—20 страниц. Разбивка произведена так, что определенному этапу в развитии партийной истории как бы предшествует социально-политический очерк, но соблюдается это, однако, не всюду и слишком обще и недостаточно.

Мы далеко не исчерпали всех «перлов» в работе тов. Милюкова, но и этого достаточно,—«примитивизм», «вульгарщина» и прочие прелести, столь характерные для нашей популярщины, более чем достаточно показаны. Спрашивается, кому же нужна подобная стряпня (может быть, еще допустимая 10 лет назад) *сейчас*, в 1928 г.? Какая же в таком случае получается «популяризация»? В свое время В. И. Ленин боролся с меньшевиками против популярного органа для рабочих, потому что боялся, что там будут «популярные идеи», т.-е. примитивизм, а не настоящая популяризация боевых вопросов марксизма. К сожалению, у нас еще сохранился, очевидно, кое - где взгляд, по которому популяризация идей понимается как «популярные идеи».

Не случайно М. Н. Покровский говорил в речи на юбилее, что сейчас разработка вопросов по истории может быть только *коллективной*. Это замечание глубоко верно для работы по популяризации идей. Пусть организация — внешняя — такой работы будет дороже, и все же она будет окупаться и тем самым будет много дешевле. Пусть это будет одно, два названия, а не так, как теперь, когда рынок тучами по количеству заполняется. Но такая коллективная работа сумеет, действительно, завоевать читателя, станет действительно серьезным вкладом в дело культурной революции.

Николай Эльвов.

Три голоса о марксизме.

I.

Буржуазный мир не забывает о теории Маркса. Он не любит о ней говорить, старается не делать ей рекламы своей ненавистью, но нет - нет да проговорится, обнаружит свое страстное желание уничтожить или обезвредить теоретическое оружие пролетарской революции.

Восьмидесятилетие Коммунистического Манифеста не осталось незамеченным буржуазной печатью. Мы остановим свое внимание на материале, который дает октябрьская книжка американского журнала «Current History». Нельзя сказать, что этот материал имеет какую-нибудь серьезную научную ценность. Защищая свое классовое бытие, буржуазия вынуждена все дальше уходить от научного исследования общественных отношений. Ход ее мыслей все больше идет по линии голых утверждений, слепой односторонности и диких извращений действительности, доходящих до курьеза. Тем не менее (если не тем более), знакомство с современной идейной самозащитой буржуазии безусловно необходимо. Несерьезность ее может только доставить нам лишнее удовольствие.

Указанный выше журнал не выступает с каким - нибудь единым взглядом. Он дает место статьям трех авторов, указывая в редакционном примечании на различие их точек зрения, и «хорошую подготовку для трактовки предмета, имеющего чрезвычайное значение в настоящее время».

Первой идет статья профессора политэкономии Гарвардского университета Карвера. Этот автор, что называется, берет «быка за рога». Теория Маркса представляется ему глубоко ошибочной. Он отдает должное таланту Маркса, его неопровержимой логике, но не может согласиться с *исходным* пунктом позиции Маркса. Очень интересно, *в чем* видит Карвер этот исходный пункт. Не в материалистическом понимании истории, например. Наоборот. По мнению почтенного профессора политэкономии, материалистическое понимание истории (в его рассуждениях оно фигурирует под хорошо известным нам псевдонимом «экономического» понимания) вовсе не является неразрывно связанным с социалистическим мировоззрением. «Индивидуализм» с неменьшим правом, чем социализм, может находить в «экономическом понимании» истории свое оправдание. Красноречивый пример: Бокль и Спенсер. Все зависит от того, как мы оцениваем сущность *капитала*. Признание капитала «продуктивным» «приводит неизбежно к индивидуализму». И, наоборот, признание капитала «непродуктивным» с такой же неизбежностью приводит к социализму.

Таким образом, становится ясным, что важнейшим, исходным пунктом для Карвера является именно оценка капитала. В признании «непродуктивности» капитала он видит главную ошибку Маркса, повлекшую за собой все остальные ошибки социализма.

Как видим, буржуа в облике профессора политической экономии ставит вопросы прямо. Он находит, что Маркс считает капитал «только средством эксплоатации и насилия и ни в коем случае не средством производства и услуги». Вполне понятно, что буржуа искренно возмущен. С убийственной иронией указывает он на то, что если следовать за Марксом, то придется капитал уподобить разбойнику с большой дороги, который только отнимает и ничего не дает. И Карвер считает своей обязанностью показать, что капитал ничего не отнимает, а дает так много, так много.

Вот его рассуждения. Возьмем к примеру мистера Форда. Он создал себе большие богатства, которые продолжают расти с значительной быстротой. Некоторые чудаки делают из этого вывод, что Форд в конечном счете сосредоточит все национальное богатство в своих руках и ничего не оставит другим. Это неверно. Форд берет себе, но дает и другим. Рост богатства Форда сопровождается ростом богатства его рабочих. Марксов закон концентрации капитализма неверен.

К сожалению, ученый политэконом излагает свои мысли в полубеллетристической форме. Поэтому он ограничивается одними утверждениями, не давая конкретного анализа. Тем более ценно, что он в своей апологии капитализма иногда проговаривается. Рисуя благодетельные последствия развития капитализма на Вест-Индских островах, он добавляет, что достигнутому благоденствию может угрожать наплыв эмигрантов и «половая невоздержность». Если ограничить иммиграцию и держать количество населения в известных границах, то улучшению экономического положения не будет конца.

Это профессорское «*если*» прямо замечательно. После красочного гимна капиталистическому процветанию и *всеобщим* благам, которые оно с собой несет, такой резкий, такой прямой поворот к откровенному мальтузианству. Подробная критика карверовской апологии капитализма, однако, не входит в задачи статьи. Идеи Карвера говорят сами за себя, и достаточно их показать, чтобы доставить удовольствие нашему читателю.

Карверовский грубый прием с «продуктивностью» капитала, конечно, имеет своей целью смазывание вопроса об эксплоатации. Это тем более ясно, что Карвер прямо полемизирует с марксовой теорией прибавочной стоимости. Аргументация его в этом вопросе не менее характерна для умственного уровня американской буржуазии, чем все, что показано выше. По Марксу,—говорит один из столпов американской буржуазной науки,— прибавочная стоимость является единственным источником обогащения. Между тем «популярный актер, призовой борец, писатель или кто - нибудь другой, удовлетворяющий народную потребность, становится богатым, не владея ни землей, ни капиталом. Некоторое предприятие, в котором мало рабочих, процветает; некоторое другое, в котором рабочих чрезвычайно много, приходит к обеднению». Обогащение, следовательно, не связано с эксплоатацией рабочей силы пролетариата.

Неправда ли, замечательную оригинальность и силу ума обнаруживает здесь принципиальный защитник капитализма? Трудно, впрочем, решить, насколько это самодовольное тупоумие является естественным. Не исключена возможность, что мы имеем дело с сознательным лицемерием. Выводы остаются неутешительными для идейного вооружения буржуазии в обоих случаях.

Карвер делает и некоторые «уступки» марксизму. Он готов согласиться, что капитализм имеет известные теневые стороны. Но справедливость немедленно восстанавливается тем, что признания таковых теневых сторон Карвер требует и в отношении рабочих. «Капиталисты иногда обманывают и мошенничают. Но так делают и рабочие. В этом отношении между ними нет большой разницы». (Тут ум буржуазии, действительно, поднимается до редкой теоретической высоты). Но это не все. Мы находим еще более поразительный зигзаг мысли». Имея в виду указания социалистов на то, что призводителем всех благ является пролетариат и что, с другой стороны, капитализм является виновником уродливых сторон жизни, Карвер строит следующее «опровержение». «Если труд производит всю водку, а капитал ничего, то пусть труд, а не капитал, несет ответственность за все зло или добро, которое дает водка. Если капитал преимущественно порицают за вред, приносимый водкой, то ему должно быть воздано по заслугам и за добро, если водка таковое приносит». Очевидно, таковы требования буржуазной справедливости. Нам остается только удивляться глубине мыслей ученого противника марксизма.

Выводы Карвера вполне определенны и точны. Капитал хорошая, «продуктивная» вещь. Отдельные его недостатки чисто случайны. Ведь «всякую силу—умственную, физическую или финансовую—можно использовать в худую сторону». Слава богу, существует государство. Оно будет бороться со всяким злом, от кого бы оно ни исходило. Маркс, конечно, целиком неправ. Если бы Маркс исходил из признания «продуктивности» капитализма, он пришел бы к иным выводам, чем те, которые проповедываются социалистами.

Профессор Карвер выступает, как прямой апологет капитализма. В его лице буржуазия имеет не вполне ловкого, но безусловно преданного и упрямого защитника.

II.

Второй автор, известный профессор лондонского университета Ласки, дает совершенно другой тип критики марксизма. Здесь мы не найдем уже грубой прямоты Карвера. Ее замещают ловкость, осторожность и изворотливость. Карвер дает своей статье следующий подзаголовок: «Основное заблуждение марксизма». А Ласки: «Достоинства и недостатки марксистской философии». Установка обоих авторов видна вполне отчетливо уже из этих формулировок.

В противоположность Карверу, Ласки придает большое значение философским основам марксизма. Более или менее грамотно передает он общую марксистскую картину общественного развития, которое через борьбу классов и диктатуру пролетариата приводит человечество к бесклассовому обществу. «Было бы просто сумасшествием отрицать большую степень истинности, которую этот анализ содержит»,—заключает Ласки.

Более того, значительную «степень истинности» Ласки готов признать и за марксовой критикой буржуазной демократии. История Англии, Франции и Германии, по его мнению, доказывает нереальность чистой демократии вследствие «большого неравенства в собственности». Ласки даже правильно уточняет, что это за неравенство. «Нельзя отрицать, что в обществе имеется реальное разделение интересов между собственниками средств производства и теми, кто ничего не имеет для продажи, кроме собственного труда». В соответствии с этим Ласки признает основательность того, что рабочие видят в капитализме новую форму рабства. Он в и д и т противоречия капитализма и в связи с обрисовкой их заключает: «Коротко говоря, капитализм и мир исключают друг друга».

Но все имеет свой предел. Признание «достоинств» марксизма со стороны Ласки вполне подходит под этот закон. После хороших фраз начинается всемирно-известное «н о»... Марксистская философия хороша, но «оставляет слишком мало места значению неэкономических факторов». (Старая, ставшая исключительно пошлой песенка). Нужно поставить на должное место религию, расу, национальность. Иначе, как об'яснить, например, тот факт, что, несмотря на классовый принцип, английский пролетариат чувствует себя более связанным со своей буржуазией, чем с американскими братьями по классу. Здесь Ласки явным образом состязается с Карвером в лицемерной сверхнаивности.

Основная поправка, которую Ласки считает необходимым внести в марксизм, может быть передана очень коротко: н е н а д о р е в о л ю ц и и. Насилие не может привести к хорошему. Это искренний классовый вопль, естественно рвущийся из груди респектабельного профессора. Хорошая буржуазная голова может понять кое - что из марксизма, может согласиться с наиболее общими его положениями, но когда дело подходит к неизбежной развязке, к революции (без которой марксизм не есть марксизм) классовый инстинкт берет верх. Надо как - нибудь отвертеться от смертельного (для буржуазии и ее идейных слуг) вывода.

Профессор Ласки начинает расписывать трудности революции. Для победы революции необходимо стечение многих благоприятных обстоятельств: требуется наличие революционно - сознательного класса, наличие коммунистической партии, могущей использовать положение, и, наконец, наличие умелых вождей, как это было в России в 1917 г. Требуется также наличие всеобщего кризиса, развала армии и т. п. Такое положение вряд ли может создаться. Если оно и возможно, то только вследствие неудачной войны. И к тому же власть легче взять, чем удержать. Да и удержанная власть может выродиться в беспочвенную диктатуру кучки.

Словом, почтенный профессор, обнаруживший вначале некоторую ясность мысли, попросту начинает мямлить. Конечно, правильно, что революция представляет значительные трудности, но Ласки не в силах доказать, что она не является необходимой и возможной. Он пытается придать некоторую теоретическую силу своим рассуждениям принципиальной постановкой вопроса о насилии. Он отказывается понять, как это г а р м о н и ч н о е, о р г а н и з о в а н н о е бесклассовое общество может быть создано через к о н ф л и к т, через к р о в ь, через н е н а в и с т ь. (Недиалектику это, действительно, трудно понять). В этом пункте он решительно считает Маркса и Ленина неправыми. Но с высокотеоретической платформы Ласки очень скоро скатывается к плоским запутанным рассуждениям, с которых он начал свое доказательство невозможности революции. «Насилие неразумно»; лучше свобода, чем диктатура; благодаря необычайной силе современных разрушительных средств, вооруженная борьба может привести к разрушению цивилизации; оправдывая насилие, мы оправдываем фашизм не меньше, чем коммунизм; Маркс считал мирный переход к социализму возможным; опыт России говорит, что там «одна форма тирании сменилась другой» и т. д., и т. п.

Заниматься опровержением этих «доводов» против революции безусловно не имеет смысла. Отметим только, что в этой части своей статьи Ласки забывает, что он говорил раньше. Признавал же он, что «демократия» фиктивна, что противоречие интересов между собственниками средств производства и продавцами рабочей силы является определяющей чертой современного общества. Отсюда совсем не трудно дойти до понимания того, что такой важный классовый конфликт может найти свое разрешение только будучи доведен до конца. Если профессор Ласки не дошел до этого понимания, то это свидетельствует лишь о приоритете классового интереса над законами логики.

Свои надежды на будущее Ласки связывает с приходом к власти рабочих правительств. Он не может не признать, что под руководством этих правительств переход к бесклассовому обществу будет длительной и трудной задачей. Но ведь и в пролетарской России переход к коммунизму длится что-то очень долго,—защищает себя Ласки.

Хотя буржуазная наука любит заявлять, что она основывается на фактах, но судя по параллели, которую дает Ласки, этого нельзя сказать. «Рабочее правительство» Макдональда существовало, как факт. Не сравнивая н а д е л е этого (позорного) факта с таким фактом, как СССР, нельзя бросать фразы о продолжительности и трудности переходного периода. Ласки этого сравнения не делает. Причина ясна: серьезное сравнение советской страны с макдональдовским раем не может помочь проведению идеи о мирном врастании в социализм под эгидой «рабочих» королевских правительств.

Вполне открыто Ласки разоблачает себя при обнаружении того, к кому он, собственно говоря, обращается. А об этом он яснее ясного говорит в последних абзацах своей статьи. Правители не должны игнорировать теории

Маркса,—такова его основная мысль. «Будущее общество в сильнейшей степени зависит от готовности тех, кто сейчас контролирует орудия производства, сделать большие уступки пролетариату». Почему это необходимо? Потому, что марксисты настойчивы и воинственны, как солдаты Кромвеля. Нужно практически им доказать, что путь реформ вполне оправдывает себя. «Мы не должны говорить Марксу, что итти по пути насилия ошибочно с точки зрения разума. Наша задача состоит скорее в том, чтобы доказать на деле возможность овладения крепостью другими, более легкими путями».

Особенности ласковского метода защиты буржуазии и отличие его от карверовского вполне очевидны. Ласки не берет капитализма под прямую защиту. Он признает формально неизбежность его падения. С тем большей настойчивостью борется он против самого существенного, самого важного—против революции, надеясь убедить и буржуазию и пролетариат в возможности пути взаимных уступок.

III.

Третьим автором является хорошо известный в истории американского социализма Морис Хилкуитт. Его постановка вопроса близка к той, которую дает Ласки. Но Хилкуитт менее ловок, более груб и, если хотите, более нагл по отношению к марксизму, чем профессионал-профессор. «Сущность марксизма—эволюционизм», таково заглавие статьи Хилкуитта. Это восклицание очень красноречиво. Оно дает ключ к хилкуиттовским идеям.

Если Ласки считает признание необходимости революции существеннейшей частью марксизма и доказывает неправоту Маркса в этом вопросе, то Хилкуитт становится в другую позу. По его мнению, сам марксизм отказывается от насилия. Идея необходимости революции,—говорит Хилкуитт,—была порождена специфическими условиями эпохи 1848 г. Но с тех пор условия коренным образом переменились. Изменилась и марксистская теория. Сейчас «марксизм имеет эволюционную сущность, и марксистская программа предусматривает победу социалистического движения через поддержку его большинством народа».

Аргументация, которую Хилкуитт употребляет для доказательства «эволюционного характера» марксизма, довольно курьезна. Идет она по следующей линии. Известное положение о насилии, как «повивальной бабке» нового общества выражало «фаталистическое убеждение» о сопротивлении господствующего класса. Развитие «народного государства» опровергло это убеждение, и Маркс признал преимущества мирной демократии. Но самое забавное впереди: «вера в неизбежность насильственной революции,—говорит Хилкуитт,—особенно потрясена событиями последних десяти лет. Большевистские революции в России и Венгрии были совершены без кровопролития. Политические революции, которые преобразовали германскую и австро-венгерскую монархию в республики, управляемые социалистами, точно так же были совершенно мирными. В Великобритании, Швеции, Дании, Норвегии и Финляндии социалистические партии были в разное время допущены к образованию правительств в своих странах без насильственной или какой-нибудь иной оппозиции со стороны буржуазии, даже раньше, чем эти партии получили большинство на выборах в парламент».

Тут мы, действительно, вступаем в область курьезов. Смешать воедино «социалистические» правительства Англии и др. стран с пролетарской диктатурой в России, аргументировать против насилия мирным характером российской революции—на это не всякий способен! Для этого нужно особое состояние умственных способностей. Хилкуитт вполне ровня Карверу, который, как мы видели, бесспорно побивает рекорд глупости.

Из того, что Хилкуитт считает пролетарскую революцию в России мирной, не следует, однако, что он к ней относится положительно. Наоборот, Хилкуитт категорически заявляет: западная социал-демократия отказывается принять большевистскую революцию, как рабочую революцию, и советское правительство, как социалистическое правительство, в марксистском смысле этих слов. Для социалистической революции нужны: высокое развитие капитализма, осуществление господства буржуазии, наличие развитого пролетариата, высшая степень сознательности классовой борьбы. В России не было ни одного из этих условий. «Столкновения между предпринимательским классом и рабочими были спорадическими и малозначительными».

Уровень исторических познаний Хилкуитта, как мы видим, вовсе не соответствует представлению о культурности обитателей капиталистического рая. Характеристика борьбы между пролетариатом и буржуазией в России, как «спорадической и малозначительной» не поддается никакой квалификации.

То, что следует дальше, не может послужить основанием для более лестного мнения о лидере американских социалистов. «Социалистический режим в крестьянской стране немыслим». Суть советской конституции—«автократическое правление партии». Социализма в стране нет. Национализация земли существует только на бумаге. Рабочий контроль уничтожен. Нэп является не чем иным, как «подчинением режиму частного капитализма». (В клевете на СССР Хилкуитт, однако, не оригинален и не одинок. Некоторые люди, стоявшие гораздо ближе к марксизму, чем Хилкуитт, дошли до таких же утверждений).

Достойным увенчанием хилкуиттовских откровений служит его указание на изменение социальной базы социалистического движения. Старое марксистское предсказание о превращении мелких производителей в пролетариев не оправдалось,—говорит Хилкуитт. Мелкие производители сохранились в большом количестве. На ряду с ними создался новый «средний класс» из служащих. Пролетариат не составляет большинства нации. «Это обстоятельство заставило социалистическое движение повсюду, где оно достигло политической зрелости, искать поддержку в непролетарских рядах среди средних классов и главным образом среди земледельческого населения. Стремление к этой необходимой политической поддержке привело в свою очередь к существенному расширению социалистической программы».

За последнюю откровенность можно только поблагодарить. Наше указание на непролетарский характер современной социал-демократии вполне подтверждается одним из ее лидеров.

IV.

Что же дают нам приведенные выше три голоса о марксизме? К каким выводам могут они нас привести?

Все три статьи достаточно ясно обнаруживают всю ненаучность и даже просто несерьезность буржуазных (в данном случае англо-американских, бьющих рекорд по несерьезности) рассуждений об основных проблемах общественного развития, волнующих в настоящее время все человечество. «Остроумие» Карвера вполне показывает умственный уровень самодовольного, ограниченного американского мещанина. И Ласки, и Хилкуитт недалеко уходят от него, особенно последний. Об'ективная истинность революционного марксизма настолько ясна в нашу эпоху, что борьба с ним может вестись только на крайне шаткой идейной позиции, которая в буквальном смысле слова несерьезна. Само собой разумеется, что наше указание на несерьезность буржуазной критики марксизма имеет в виду ее чисто идейную сторону, а не степень ее действительного влияния и действитель-

ного отрицательного значения для революции. В последнем смысле она очень серьезна. Классовый интерес и специфические условия капиталистического процветания могут заставить поверить в какую угодно чепуху.

Что еще обнаруживается из этих статей, и что особенно важно—это тот факт, что чем «ближе» человек к социализму, чем больше хочет он выставить себя защитником рабочих интересов, тем опаснее он для действительно пролетарской революционной политики. Карвер прямо защищает капитализм. Убедить более или менее сознательного рабочего ему трудно. Ласки признает неизбежность гибели капитализма, но он категорически против революции. Ему легче подойти к рабочему, хотя прямое указание на неправильность марксизма продолжает служить значительным препятствием на пути к рабочему сердцу. Хилкуитт уничтожает это препятствие. Свое не менее решительное отвращение к революции он выдает за настоящий «современный» марксизм. Ему уже легче с этим втереться в доверие к рабочему.

Вместе с тем, нужно отметить, что Хилкуитт стоит на гораздо более низком теоретическом уровне, чем Ласки. И в отношении к Советскому Союзу он тоже занимает более гнусную позицию, чем лондонский профессор. Это показывает, что современный «социализм» выполняет свою контрреволюционную миссию вполне серьезно и с большим рвением. Контрреволюционный пыл, предвкушение власти ослепляют вождей социализма и помрачают их теоретический разум.

А из истории известно, что такое ослепление предшествует гибели.

Н. Медведев.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ,

напечатанных в „Большевике" в 1928 году.

ЛЕНИН И ЛЕНИНИЗМ.

ВНУТРИПАРТИЙНЫЕ ВОПРОСЫ.

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ДЕРЕВНЕ.

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО.

ВОПРОСЫ ТРУДА И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ.

КООПЕРАЦИЯ.

МЕЖДУНАРОДНОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ (КОМИНТЕРН И ПРОФИНТЕРН).

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И МЕНЬШЕВИЗМ.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА.

КУЛЬТУРНЫЕ.

ИСТОРИЯ.

РАЗНОЕ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ «БОЛЬШЕВИКА».
